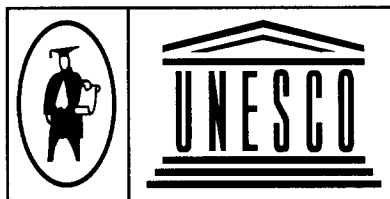

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Том I
Доисторические времена
и начала цивилизации

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
З.Я. Де Лаата

ПРИ УЧАСТИИ
А.Х. Дани
Х.Л. Лоренсо
Р.Б. Нуну

УДК 930.9 (03)
ББК 63.3(0)я2
И 90

Авторы несут ответственность за выбор и представление фактов, содержащихся в этой книге, и за выраженные в ней мнения, которые могут не совпадать с мнением ЮНЕСКО.

Принятые обозначения и представление материала во всей публикации не означают отражения мнения какой-либо части ЮНЕСКО относительно законного статуса стран, территорий, городов, областей, а также их властей и границ.

Международная комиссия по истории научного и культурного развития человечества несет интеллектуальную и научную ответственность за подготовку этого издания.

Согласно контракту № J. 2000-035 между ЮНЕСКО и Издательским Домом МАГИСТР-ПРЕСС на совместное издание **Истории человечества** ЮНЕСКО предоставляет исключительные права соиздателю на продажу книги на территории Российской Федерации и дает право распространять ее на русскоговорящих территориях. Ни книга целиком, ни отдельные ее части не могут быть перепечатаны или воспроизведены электронными, механическими или какими-либо другими средствами, известными в настоящее время или изобретенными впоследствии, включая фотокопирование и запись, или в любой системе хранения и поиска информации, без письменного разрешения Издательского Дома МАГИСТР-ПРЕСС.

Замысел издания на русском языке:

Министр иностранных дел России **И.С. Иванов**,
Генеральный директор ЮНЕСКО **К. Мацуура**,
Постоянный представитель России в ЮНЕСКО **В.А. Каламанов**,
Генеральный директор Издательского Дома МАГИСТР-ПРЕСС **В.Н. Харькин**,
Директор Издательства ЮНЕСКО **М. Танака**

Рецензент: **С.Л. Тихвинский**, доктор исторических наук,
профессор, действительный член Российской академии наук

Под общей редакцией **А.Н. Сахарова**, доктора исторических наук,
профессора, члена-корреспондента Российской академии наук

Ответственный редактор **Э.А. Манушин**, доктор технических наук,
профессор, действительный член Российской академии образования

Русскоязычная версия издается при участии Института российской истории Российской академии наук

Том I. Доисторические времена и начала цивилизации

Редактор: Э.А. Манушин
Переводчики: Б.Б. Павлов, А.А. Тарасевич
Художественное оформление: Л.Е. Головин
Верстка: Д.Д. Лихтаров, И.М. Сорокина, Н.В. Морогина
Корректоры: Н.В. Назарова, Е.А. Павлова, А.С. Барбашина
Служба реализации: А.А. Романченко

Подписано в печать 08.01.2003 г. Формат 60x90/8. Печать офсетная
Усл. печ. л. 93,5. Тираж 10 000 экз. (1 завод 5 000 экз.) Заказ № 5969

Адрес Издательства: 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 7/15, офис 16

Для писем и заказов: 115419, а/я 14

Тел./факс: +7 (095) 290-0689

E-mail: m.press@comail.ru

Интернет: <http://www.magister-unesco.ru>

Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5

ISBN 5-89317-155-1

9 785893 171556 >

ISBN 92-3-102810-3 (UNESCO)

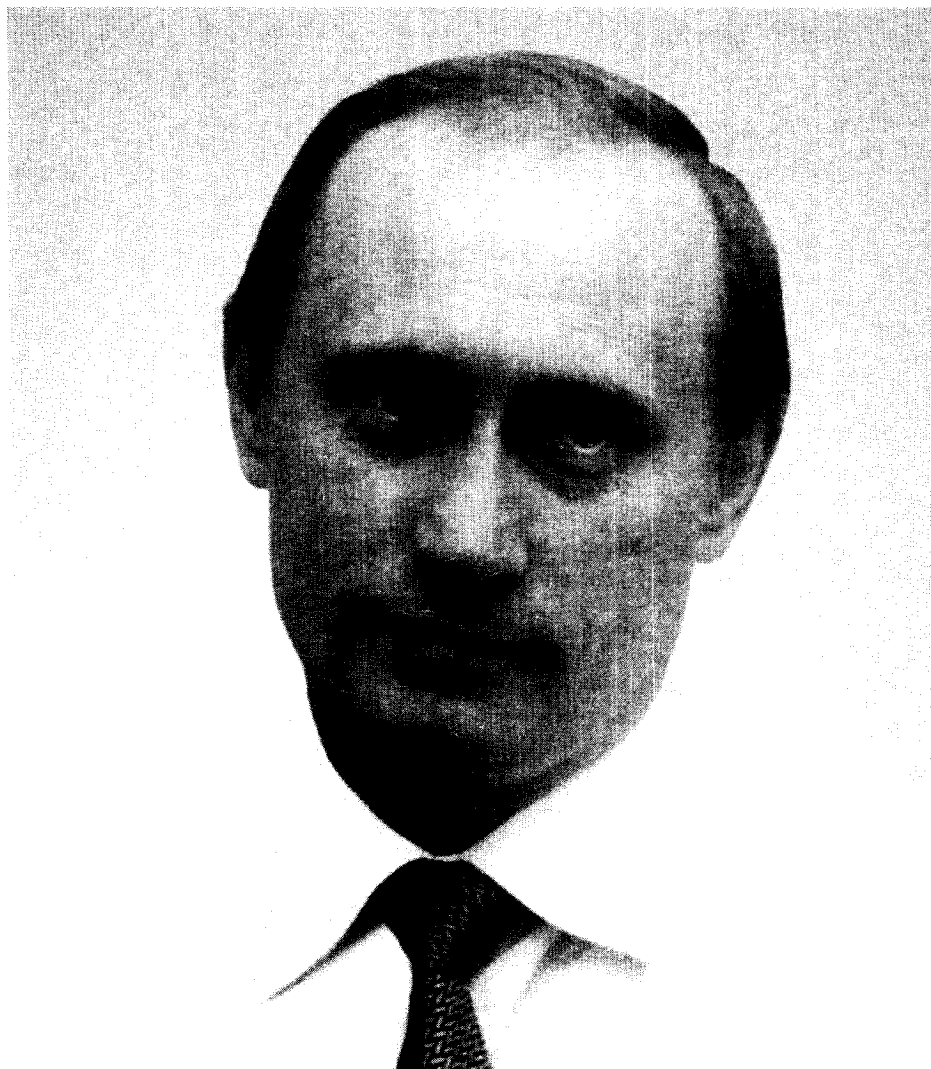
ISBN 5-89317-154-3

ISBN 5-89317-155-1 (Т. I)

© ЮНЕСКО, 2003

© ООО «Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС», 2003

Авторам, издателям и читателям
русскоязычной версии энциклопедии
«История человечества», издаваемой ЮНЕСКО

Сердечно поздравляю вас и всех, кто интересуется историей, с важным событием в мировой культурной и научной жизни — выходом в свет русскоязычной версии «Истории человечества», издаваемой по инициативе ЮНЕСКО. Этот масштабный проект — яркий пример плодотворного международного сотрудничества в гуманитарной сфере.

Собранные на страницах энциклопедии факты и материалы убедительно свидетельствуют о неразрывной связи духовного и исторического наследия народов мира и, конечно же, об уникальном вкладе России в сокровищницу цивилизации.

Признателен авторам и издателям за глубокий и кропотливый труд. Желаю вам новых творческих успехов и всего самого доброго.

A handwritten signature in cursive script, likely belonging to the author or publisher mentioned in the text. The signature is written in dark ink on a light background.

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Дорогие читатели!

Благодаря поддержке отечественных и международных организаций, и в первую очередь ЮНЕСКО, появилась возможность довести предлагаемый выдающийся труд до русскоязычных читателей России и всего мира.

Читателю представляется результат огромной работы, которую трудно с чем-либо сопоставить. По сути это коллективная концентрированная память человечества и каждой из его частей. Задача по созданию такого памятника настолько грандиозна, что пока в полном объеме не завершена: Международная комиссия ЮНЕСКО продолжает работу над 6-м и 7-м томами «Истории», а Институт российской истории Российской академии наук – над дополнительным 8-м томом, посвященным истории России.

«МАГИСТР-ПРЕСС» воспринял работу по подготовке к изданию столь масштабного историко-литературного труда как весьма престижную. В ходе подготовки к выпуску энциклопедии, в частности ее первого тома, решалось много важных проблем, касающихся перевода и редактирования, терминологии, оформления и др.

К проблемам, связанным с содержанием, относятся, прежде всего, неидентичность подходов разных авторов к оценке доисторических (и исторических) событий, явлений и т.д.; зачастую некоторое смещение акцентов при оценке важности тех или иных событий; повторы, которые при принятой структуре книги неизбежны; отчасти – разная терминология и т.п. Во всех этих отношениях нами был принят единственный целесообразный, с нашей точки зрения, принцип – как можно ближе придерживаться английского оригинала книги. По сравнению с ним были сделаны три важные, на наш взгляд, изменения.

Во-первых, включено специально написанное для русскоязычного издания предисловие Генерального директора ЮНЕСКО Коитиро Мацуура, в котором дана краткая философская оценка издаваемого труда.

Во-вторых, по нашему предложению и с согласия ЮНЕСКО включено предисловие научного редактора тома директора Института российской истории Российской академии наук, члена-корреспондента РАН А.Н. Сахарова (кроме того, являющегося редактором и одним из авторов 8-го тома).

В-третьих, также с согласия ЮНЕСКО включено предисловие «Доисторический период в действии. Современное состояние исследований» Ж.-П. Моэна, главного хранителя Национального достояния, директора Центра исследований и реставрации музеев Франции, редактора французского издания «Истории человечества».

Это предисловие является ценным для русского издания, поскольку в нем дана новая информация об эволюции знаний в такой молодой области, как история доисторического периода, появившаяся после выхода английского оригинала и до появления французской версии в 2000 году.

В нашей работе над этим томом, как и над другими, большие трудности встретились при переводе на русский язык многих фамилий и имен, которые редко встречаются в литературе; географических названий, отсутствующих в русских официальных и достаточно полных географических атласах; археологических культур, имеющих названия по археологическим стоянкам, местонахождениям и т.п. В этих случаях в тексте помимо русского в скобках давались написания фамилий и имен на английском языке, взятые из оригинала; географические карты оставлены на языке оригинала; названия культур переведены как можно ближе к оригиналу и т.д. Для проверки правильности фамилий, названий и терминов использовался широкий список словарных, справочных и географических изданий, в частности, электронная версия «Большой энциклопедии Кирилла и Мефодия», «The Concise Oxford Dictionary», «Хроника человечества», «Атлас мира», «Библиотека Всемирной литературы» и др. Весьма ценными были консультации с Отделом переводов ЮНЕСКО.

Мы понимали, что многие термины и понятия (например, морфология, палинология, экотон, трасология, трансгрессия и т.д.) желательно было пояснить, но в то же время осознавали, насколько увеличился бы и без того немалый объем книги; кроме того, этому препятствовали условия контракта с ЮНЕСКО. Тем не менее в некоторых исключительных случаях редакторские пояснения были даны, но в целом для выяснения значений подобных терминов мы отсылаем читателя к известным справочным изданиям.

При работе над книгой мы со всей ответственностью осознавали, что результат нашей работы может представлять интерес для науки и образования России, способствовать сохранению общего научно-образовательного пространства стран СНГ, повышению роли и расширению применения русского языка во всем мире. Мы уверены, что в этом по существу энциклопедическом издании каждый читатель – от школьника до академика, интересующийся судьбами всех людей, когда-либо населявших нашу Землю, желающий узнать больше об общепланетарных корнях всего человечества, найдет для себя много интересного и полезного.

История человечества

- Том I *Доисторические времена и начала цивилизации*
ISBN 92-3-102810-3 (UNESCO)
ISBN 5-89317-155-1
- Том II *III тысячелетие до н.э. – VII век до н.э.*
ISBN 92-3-102811-1 (UNESCO)
ISBN 5-89317-156-X
- Том III *VII век до н.э. – VII век н.э.*
ISBN 92-3-102812-x (UNESCO)
ISBN 5-89317-157-8
- Том IV *VII–XVI века*
ISBN 92-3-102813-8 (UNESCO)
ISBN 5-89317-158-6
- Том V *XVI–XVIII века*
ISBN 92-3-102814-6 (UNESCO)
ISBN 5-89317-159-4
- Том VI *XIX век*
ISBN 92-3-102815-4 (UNESCO)
ISBN 5-89317-160-8
- Том VII *XX век*
ISBN 92-3-102816-2 (UNESCO)
ISBN 5-89317-161-6
- Том VIII *Россия*
ISBN 5-89317-184-5 (Рус.)
ISBN 5-89317-187-X (Англ.)

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОЯЗЫЧНОМУ ИЗДАНИЮ «ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

Коитиро Мацуура,
Генеральный директор
ЮНЕСКО

Мне доставляет огромное удовольствие представить публике превосходное русское издание «Истории человечества» и горячо приветствовать партнерскую работу ЮНЕСКО и Издательского Дома МАГИСТР-ПРЕСС, благодаря которой мы знакомим широкий круг новых читателей с этим выдающимся трудом.

Сегодня, когда мировое сообщество вновь охвачено беспокойством, чувством опасности, поскольку оказалось перед лицом очевидных и грубых вызовов, не может быть публикации более своевременной, чем эта. Глубокая мысль, зафиксированная еще пять десятилетий назад в Уставе ЮНЕСКО: «Поскольку войны рождаются в умах людей, то именно в умах людей должна быть создана система защиты мира», – вновь обретает актуальность.

Ответить на эти вызовы путем развития подлинно межкультурного диалога и есть та конкретная цель, которая обусловила появление «Истории человечества». Точно так же как едина Земля, един и человеческий род при всем его разнообразии. Этот труд – плод объединенных усилий более 450 специалистов всего мира – представляет собой всеобщую историю человеческого духа во всем многообразии путей развития, точек зрения и культурных предпочтений. В этой книге читатель найдет панораму становления мировых культур, широкое видение научного и культурного развития, включающего многие формы человеческого творчества, приведшего не только к особенностям различных культур, но и к аналогиям между ними, к их конвергенции.

Как определил Альберт Эйнштейн, у человечества нет иного выбора, кроме как «быть единым или не быть вообще». Идти вперед можно, только возводя мосты взаимопонимания между народами и укрепляя тем самым непреходящую убежденность в том, что именно в единстве заключено многообразие человечества. Сегодня этому видению всемирного сообщества брошен насильственный вызов. Именно поэтому наша Организация испытывает глубокое удовлетворение в связи с тем, что издаваемый жизненно важный источник, являющийся одновременно свидетельством общего прошлого человечества и проявлением веры в его общее будущее, становится более доступным широкой публике.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ЕДИНА. ОТНОСИТЕЛЬНО

А.Н. Сахаров,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

Слова, вынесенные в заголовке Предисловия, являют, на мой взгляд, ту незамысловатую, но одновременно невероятно трудную для разума истину, которой буквально пронизана семитомная «История человечества», выпущенная по решению ЮНЕСКО вторым изданием на исходе XX века и сегодня, уже в начале XXI века, публикуемая в России.

Действительно, эта истина незамысловата, потому что она лежит как бы на поверхности человеческой истории, изучаемая самим единым научным сообществом. Именно поэтому создатели «Истории человечества» впервые в мировой историографии попытались представить развитие Человеческого рода в соответствии с самим естественным ходом исторического процесса, обнимающего всю планету, все ее материки, все регионы, все страны и народы, прошлые и настоящие; потому что, по мнению 450 авторов этого монументального труда, представляющих десятки стран и все без исключения геокультурные регионы, вся история Человечества – это единая линия развития.

Все более крепнущее в научном мире понимание единства истории Человечества основано не только на анализе прошлых и современных мировых общественных тенденций, отличающихся интеграционными процессами, на нашем сегодняшнем прозрении многих объединяющих Человечество общественных явлений, но и на новом уровне знаний, полученных наукой на исходе XX в., новых методологических и конкретно-исторических подходах, не известных ранее археологических и антропологических данных, уводящих в глубь тысячелетий, объединяющих неожиданными находками, параллелями, прямыми связями и взаимовлияниями разные народы и обширнейшие регионы.

Этому пониманию способствовали и новые технологии, на которые оказался так богат XX в. и которые помогают проникнуть в тайны человеческого бытия, а также ставшая очевидной хрупкость этого мира в связи с уже потрясшими землю как грандиозными стихийными, так и рукотворными бедствиями и катастрофами, вроде взрыва на Чернобыльской АЭС, которые повлияли на жизнь буквально всего Человечества. Это единство было подчеркнуто нависшей над землей, особенно во второй половине XX в., угрозой атомной войны и ее возможными неисчислимыми потерями для всего Человеческого рода, и, вероятно, прекращением его истории.

Сегодня единство Человечества, его общая судьба, взаимосвязь истории всех людей земли еще раз подчеркнута воздушной атакой террористов на Нью-Йорк, их захватом в центре Москвы музыкального театра, други-

ми атаками мировых фанатиков-экстремистов, повлекшими колоссальные жертвы, и, возможно, самую страшную из них – осознание всей незащищенности нашей планеты и ее обитателей, несмотря на горы накопленного оружия, всю иллюзорность нашего благополучия и стабильности, к которой упорно год за годом, столетие за столетием, тысячелетие за тысячелетием с разными успехами и разными результатами шло человечество через тернии своего трудного и долгого пути.

И все же, как показывает «История человечества», постижение единства, глобальности развития человеческого рода – задача невероятно сложная, а само единство весьма относительно по многим параметрам, в том числе из-за природного разобщения, межкультурного, междивизиационного, межрасового, межнационального, социального отчуждения, тем более что Человечество находится в пути, и какая часть этого пути пройдена, а какую еще предстоит пройти – постигнуть очень трудно, как трудно ответить на вопросы, связанные с возможным влиянием цивилизационных достижений, нынешних и будущих, на ближнюю и дальнюю историю Человечества.

Прекрасно осознавая эти трудности, преодолевая или оговаривая индивидуальные подходы и гипотезы, авторы, тем не менее, попытались показать историю Человечества в совокупности как объединяющих, так и разрывающих ее тенденций, выявить адекватность понимания истории, ее естественной, сложной и противоречивой сути.

Думается, что одним из важных достижений «Истории» является объективное, научно обоснованное, покоящееся на огромном количестве как прежних, так и новых систематизированных данных понимание эволюции Человеческого рода от выделения предков человека из мира приматов примерно 60 млн. лет назад, затем этап за этапом превращения этой части животного мира в современного человека. Эта эволюция охватывала все континенты, проходила близкие превращения, хотя и в разное время, под влиянием аналогичных условий существования, выявила колоссальную способность человека к адаптации в окружающем мире, его неразрывную связь с постоянно меняющейся экологической средой. Авторы, возможно, впервые в историографии в столь обобщенном виде показывают, как в различные периоды, в далеко отстоящих друг от друга регионах экологическая среда, изменение климата воздействовали на развитие человеческого общества в сходном направлении, что само по себе уже говорит об общности и подтвержденности единым законам бытия Человеческого рода.

Мне представляется, что издание «Истории человечества» несколько приглушило эгоцентризм поколения, живущего на рубеже XX–XXI вв., и показало, что все мы, люди этого времени, лишь ничтожная часть единой, идущей из глубины тысячелетий мировой истории. Действительно, лишь 5% этой истории, открытой 2,5–2 млн. лет тому назад появлением Человеческого рода, приходится на то время (с 5 тыс. лет до н.э.), которое считается историческим, т.е. обеспеченным письменными источниками, а 95,5% – на время, когда простиралась так называемая предыстория человечества, полная своих великих общественных свершений, духовных прозрений, технологических революций, массовых миграций, демографических взрывов. На долю же XX века приходится совсем ничтожная часть этой истории.

Мир постоянно менял человека, человек, меняясь с тысячелетиями сам, изменял существующий мир. Но вряд ли кто рискнет сегодня, особенно после выхода в свет этого издания, утверждать, что поколения, живущие в XX в., свободны, несмотря на кажущееся могущество нынешнего человеческого разума, от тех же планетарных явлений и законов развития, с которыми столкнулись наши далекие предки, к которым они, как это показывает мировая история, успешно адаптировались и которые продолжают оказывать неодолимое влияние и на сегодняшнюю человеческую жизнь. Просто для того чтобы увидеть и понять хотя бы некоторые из этих процессов, вникнуть в сущность перемен, происходящих с человеком и с человеческим обществом, прикоснуться к происходящим с ними коренным сдвигам, меняющим ход истории, необходимо, как показывает «История человечества», охват истории от 25–30 до 50–60 поколений. И это как минимум, и это в период уже письменной истории. Что же говорить о временах «доисторических». Погружение в хронологические глубины бытия отнюдь не меняет общих закономерностей развития Человечества.

Ключом к пониманию единства и особенностей развития различных групп людей на нашей планете, разнообразных регионов земли является, по моему мнению, использование трехуровневого цивилизационного подхода. Первый уровень охватывает основные признаки человеческой цивилизации, свойственные Человечеству в целом на различных этапах его развития. Второй относится к цивилизационным региональным особенностям, третий – к характеристике отдельных стран и народов. Все они взаимосвязаны, все проистекают из общемировых цивилизационных параметров и покоятся на них.

К общемировым цивилизационным ценностям относятся прежде всего такие общие категории, как становление самого человека, его духовное и физическое совершенствование (например появление речи), развитие его разума. Именно первичность мысли, ее приоритет над экономическими, социальными и другими общественными категориями стала основой всего хода человеческой истории и определила как цивилизационные черты первого уровня, так и двух последующих. Человеческий разум создал цивилизацию как постоянно развивающуюся систему человеческих ценностей, куда входят основные технико-экономические показатели, социальные отношения, религия, искусство, культура, духовное развитие, образ жизни, система власти и общества, право, международные связи, военная организация, демографические процессы, взаимодействие человека с окружающей средой, миграции и т.д. И все это в постоянном развитии, становлении от глубин древности до наших дней.

Определяющими в этом цивилизационном развитии выступают такие действия людей, которые по мере освоения их значительными группами и на значительной части планеты круто меняют жизнь людей, давая начало новым виткам человеческой истории, перемене в обра-

зе жизни. К таким явлениям относятся овладение огнем, переход к производящему хозяйству, великие изобретения неолитической революции (гончарный круг, колесо, лодка и парус, лук и стрелы, рыболовный крючок и сети, зарождение прядения шерсти и ткачества и многое другое). А позднее – освоение плавки металла, период «городской революции», появление письменности, складывание универсальных религий, зарождение научных знаний, дальнейшее развитие человечества и становление частной собственности и великих и драматических последствий внедрения в жизнь людей этого общественного института.

«История человечества» неумолимо включает все новые и новые цивилизационные параметры первого уровня, определяющие жизнь населения планеты: освоение конной тяги, что кардинально меняет систему передвижения и военную организацию, создание системы дорог, начало использования пороха и появление огнестрельного оружия, что резко повлияло на «взаимоотношения» как человека с животным миром, так и между самими людьми. Сюда же можно включить великие географические открытия, эпоху Возрождения, а затем эпоху Реформации, великие изобретения человеческой мысли XIX–XX вв. буквально во всех областях знаний, вновь изменившие мир и давшие новое направление мировой цивилизации. Социальными новациями стали выкристаллизовавшиеся за столетия и определившиеся к середине XX в. основные права и свободы человека, главные параметры гражданского общества.

Все эти новации охватили и охватывают всю планету. Благодаря высокому уровню трансляции человеческого опыта и знаний из более развитых регионов в менее развитые (скажем, металлургия зародилась в Западной Азии и оттуда распространилась на огромные пространства Старого Света), мобильности людей, миграционным и демографическим процессам, совершенствованию средств сообщения и связи эти важнейшие для изменения образа жизни людей новации становились неотъемлемым достоянием либо всего человечества, либо значительной его части.

Авторы «Истории человечества» отмечают, что все эти цивилизационные параметры (назовем их параметрами первого уровня) стали таковыми, поскольку они стали определяющими в наиболее продвинутых частях мира, стали диктовать цивилизационное развитие в основных регионах планеты, сосредоточились в так называемых ключевых культурных регионах, влияющих на мировую периферию. Концепция «ключевых регионов» и «периферии» и, добавим мы, наличие между ними так называемых буферных зон дает панорамную, постоянно меняющуюся картину цивилизационного развития мира, поскольку некоторые «ключевые регионы» по многим причинам, в том числе освоения «периферией» еще более новых цивилизационных параметров или, скажем, демографического взрыва, мощных колониционных процессов или продвижения там новаций социального характера, обгоняют в своем развитии старые центры и сами превращаются в новые «ключевые центры», образная собственная периферией.

В этой связи и встает вопрос о втором и третьем уровнях цивилизационного развития Человечества. В силу особых исторических причин отдельные регионы развивались вне магистральных цивилизационных путей, но имели свои специфические достижения, ставшие основой для их развития. Как показано в «Истории человечества», таковыми стали регионы Центральной и Южной Америки, Австралии, восточная часть Европы. Да и основная часть Европы – ее центральные и западные районы – до определенного времени оставались вне общих мировых достижений, которыми были отмечены продвинутые с V тысячелетия до н.э. регионы

Северной Африки, Восточного Средиземноморья, Западной Азии, Индии, Китая, где зарождались мощные цивилизационные потоки, полководьем одолевшие позднее значительные части планеты.

Но существовали еще более замкнутые районы, отдаленные на тот или иной период от основных культурных центров и связанные с развитием отдельных народов или групп народов. Это был третий цивилизационный уровень. К таковым можно было бы отнести районы Сибири, Океании, части Юго-Восточной Азии и некоторые другие.

Однако все они – любой регион, любой народ – не выпадали из общей истории Человечества. Они привносили и привносят в эту историю свой, пусть не универсальный, как ведущие регионы, но оригинальный и неповторимый опыт. Универсальная история и история отдельных регионов и народов тесно взаимосвязаны и подвержены взаимовлияниям. Каждый народ вносит свой неповторимый вклад в историю Человечества, что становится особенно очевидным по мере нарастания с каждым тысячелетием и столетием интеграционных мировых процессов. Каждый народ, удобряя почву цивилизации своим разумом, знаниями, опытом, своим трудом, наконец, своими жизнями, создает общий мировой цивилизационный фон, на котором развивается и совершенствуется весь Человеческий род.

Исходя из этих посылов, авторы «Истории человечества» и построили свой труд. В основу его периодизации положен тематически-хронологический принцип и асинхронный подход. Это означает, что вся история Человечества делится на периоды, которые определяются основными цивилизационными критериями, о которых шла речь выше и которые прокладывали, так сказать, «столбовую дорожку» Человеческого рода. Но вместе с тем совершенно очевидно, что понятия «неолитическая революция», «античность», «средневековье», «новое время» «современность», характеризующие набор этих основных критериев, вовсе не совпадают ни по времени, ни по сущности их основных цивилизационных качеств с развитием других регионов и народов, чье вовлечение в общий исторический поток по ряду причин либо замедлялось, либо было неполным. Не случайно сегодня в науке оспаривается вопрос об адекватном хронологическом соотношении понятий «средневековье» и «новое время» одновременно в истории стран Западной Европы и России. Столь же очевидна бессмысленность приложения понятия «античность» к регионам, скажем, Юго-Восточной Азии или Южной Африки, не говоря уже об Австралии и Новом Свете. И все же в рамках общей истории Человечества создается Всемирная, но не универсальная история, в условиях которой происходит развитие основных ведущих культур, обогащающихся свойствами иных культур, что и дает общее понимание их прошлой истории в ее целом. Основные же критерии периодизации выступают как важные ориентиры, как векторы всего развития Человечества от низших к высшим формам его существования.

В этой же связи отступает на второй план традиционный европоцентристский подход к мировой и региональным историям, когда такие явления, как Великая французская революция 1789–1793 гг. или начало первой мировой войны (1914 г.) неизменно становились определяющими гранями мировой истории, как впрочем и обращение Римской империи в христианство в качестве конца античности и начала средневековья, что прошло совершенно незамеченным для огромного азиатского региона, или важная для мусульманского мира дата Хиджры (исхода пророка Мухаммеда из Мекки в Медину), определившая начало мусульманского летоисчисления, но совершенно незамеченная остальным, немусульманским миром.

«История человечества», построенная по асинхронному, тематически-хронологическому принципу, учитывающая основные стадии эволюции Человечества, его материального и духовного развития, заключена в 7 томов. I т. посвящен «предыстории» Человечества и охватывает период от глубин древности до 3 тыс. до н.э.; II т. – от III тысячелетия до VII в. до н.э.; III т. – с VII в. до н.э. до VII в. н.э.; IV т. – с VII в. н.э. до XVI в.; V т. – с XVI в. до XVIII в.; VI т. – охватывает период XIX в. и VII т. посвящен истории Человечества в XX в.

Важнейшим вопросом всего издания «Истории человечества» является характеристика сущности тех эволюционных перемен, которые положены авторами в основу серии. Ответ на него прост и ясен: квинтэссенцией всей истории Человеческого рода, как видно из анализа, предпринятого авторами, является качество жизни, совершенствование образа жизни людей, прогресс человеческой личности в рамках как индивидуальных, так и коллективистских усилий, прогресс, базирующийся на вечных человеческих цивилизационных ценностях, основными из которых являются права и свободы людей, частная собственность. Люди испокон веков стремились к благоденствию, удобствам, комфорту, к твердому и надежному жизнеобеспечению, и в этом смысле история Человечества также является единой и неделимой, хотя не существует измерений, на которых можно было бы построить понимание этого благоденствия и, если угодно, счастья в те или иные периоды истории. Но общая тенденция ясна. Правда, путь к этому прогрессу длителен и противоречив, откаты на этом пути глубоки и порой необратимы, но Человечество в целом и в отдельных своих частях, даже в малых ячейках, упорно, день за днем, год за годом, век за веком продвигалось и продвигается по пути к материальному и духовному совершенствованию своей жизни, улучшению ее качества.

И все же история Человечества продолжается и наступивший XXI в., как и предшествующие периоды истории, дает ему на этом пути новые рычаги, новые возможности, новые надежды.

* * *

I том «Истории Человечества», на мой взгляд, блестяще демонстрирует основные посылы составителей и авторов всего издания. Именно 2,5–2 млн. лет назад зародились те основные линии истории Человечества, которые в течение всей его «предыстории», до V–III тысячелетия до н.э. прошли через основные материальные и духовные приобретения людей, через начало обработки руды (2,3 млн. лет назад), их изготовления (1,9 млн. лет назад), выпрямление человеческой походки и превращение Человека в Человека прямоходящего (1,8 млн. лет назад), через освоение огня (400 тыс. лет назад), появление представлений о загробном мире, зарождение искусства, развитие человеческой речи, наконец, возникновение письменности, складывание религиозных культов и начал государственности. На страницах этого же тома мы видим вхождение Человечества в неолит с его великими, поистине революционными изобретениями и преобразованием всей человеческой жизни. Но именно на этом пути обозначились неравномерности развития населения Земли в соответствии с природными условиями, наличием материальных ресурсов, демографическими тенденциями, стали складываться ведущие культурные центры и цивилизационная периферия, выявились те линии изоляционализма, отчуждения и крепнущего противоборства внутри Человеческого рода, которые принесли ему неисчислимые беды. Однако именно этот самый длительный и, возможно, самый важный период в истории Человеческого рода и положил начало той модели его развития, которую с переменным успехом осваивают и ныне живущие поколения.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	III	8	Индонезия в период <i>Homo habilis</i> (человек умелый) и <i>Homo erectus</i> (человек прямоходящий)	107
Предисловие к русскоязычному изданию «Истории человечества» <i>Коттиро Мацуура</i>	VII		<i>Герт-Ян Бартстра</i>	
Предисловие <i>А.Н. Сахаров</i>	VIII		Б Неандертальцы и их современники	
Список рисунков	XII	9	Физическая антропология <i>неандертальцев</i> и их современников: общий обзор	118
Список карт	XVI		<i>Бернар Вандермерш</i>	
Список иллюстраций	XVIII	10	Археология: общий обзор	125
Список таблиц	XXI		<i>Карел Валох</i>	
Авторы	XXII	11	Африка в период <i>Homo sapiens neanderthalensis</i> (человек разумный неандертальский) и его современники	135
Список сокращений	XXV		<i>Фред Уэндорф, Анджела Э. Клоуз, Ромуальд Шильд</i>	
Введение <i>Зигфрид Ян Де Лаат</i>	1	12	Европа (за исключением бывшего СССР) в период <i>Homo sapiens neanderthalensis</i> (человек разумный неандертальский) и его современники	157
Предисловие к первому тому <i>Жан-Пьер Мозн</i>	18		<i>Карел Валох</i>	
Часть I		13	Средний палеолит на территории бывшего СССР	166
От антропогенеза до начала производства пищи			<i>В.П. Алексеев</i>	
А Антропогенез и период <i>Homo habilis</i> (человек умелый) и <i>Homo erectus</i> (человек прямоходящий)		14	Западная Азия в эпоху среднего палеолита	174
1 Антропогенез: общий обзор	38		<i>Артур Дж. Елинек</i>	
<i>Ив Котпан и Дени Жера</i>		15	Южная Азия в период <i>Homo sapiens neanderthalensis</i> (человек разумный неандертальский) и его современники (средний палеолит)	184
2 Период <i>Homo habilis</i> (человек умелый) и <i>Homo erectus</i> (человек прямоходящий): общий обзор	43		<i>Рамчандра В. Джоши</i>	
<i>Ив Котпан и Дени Жера</i>		16	Китай в период <i>Homo sapiens neanderthalensis</i> (человек разумный неандертальский) и его современники	187
3 Африка в период раннего палеолита и первых поселений	52		<i>Ву Рукан и Цзя Ланпо</i>	
<i>Жан Шавайон</i>		17	Индонезия в период <i>Homo sapiens neanderthalensis</i> (человек разумный неандертальский) и его современники	189
4 Археология раннего и среднего плейстоцена в Европе	61		<i>Герт-Ян Бартстра</i>	
<i>Паола Вилла</i>		В Период человека разумного современного вида до начала производства пищи (производящего хозяйства)		
5 Западная Азия в период <i>Homo habilis</i> (человек умелый) и <i>Homo erectus</i> (человек прямоходящий)	80	18	Период человека разумного современного вида до начала производства пищи (производящего хозяйства): общий обзор (за исключением искусства)	198
<i>Фрэнсис Ауэрс</i>			<i>Богуслав Клима</i>	
6 Южная Азия в период <i>Homo habilis</i> (человек умелый) и <i>Homo erectus</i> (человек прямоходящий)	96			
<i>Рамчандра В. Джоши</i>				
7 Китай в период <i>Homo habilis</i> (человек умелый) и <i>Homo erectus</i> (человек прямоходящий)	104			
<i>Ву Рукан и Цзя Ланпо</i>				

19	Начала искусства: общий обзор <i>Ханс-Георг Банди</i>	208	37	Окульгурирование растений: общий обзор <i>Джек Р. Хэрлэн</i>	404
20	Африка от появления человека разумного современного вида до начала производства пищи (производящего хозяйства) <i>Дж. Десмонд Кларк</i>	214	38	Одомашнивание животных от начала производства пищи до 5000 лет назад: общий обзор <i>Шандор Бёкёни</i>	416
21	Европа в период верхнего палеолита и мезолита <i>Марсель Отт</i>	231	39	Поздняя предыстория Египта <i>Лех Кишизаняк</i>	425
22	Верхний палеолит на территории бывшего СССР <i>В.П. Алексеев</i>	249	40	Африка (кроме Египта) от начала производства пищи до 5000 лет назад <i>Дэвид У. Филлипсон</i>	438
23	Искусство палеолита и мезолита в Европе <i>Ханс-Георг Банди</i>	258	41	Западная Азия в период неолита и халколита (около 12000–5000 лет назад) <i>Джеймс Мелларт</i>	451
24	Западная Азия в конце среднего палеолита до начала производства пищи <i>Офер Бар-Йосеф</i>	265	42	Доисторический период Аравийского полуострова <i>Абдулла Хасан Масри, Ахмад Хасан Дани</i>	468
25	Южная Азия в период <i>Homo sapiens sapiens</i> (человек разумный современного вида) до начала производства пищи (верхний палеолит и мезолит) <i>Рамчандра В. Джоши</i>	280	43	Южная Азия в период неолита до начала бронзового века <i>Ахмад Хасан Дани</i>	473
26	Китай в период <i>Homo sapiens sapiens</i> (человек разумный современного вида) до начала производства пищи <i>Цзя Ланто и Ву Рукач</i>	283	44	Центральная и Северная Азия в период неолита <i>А.П. Деревянко</i>	484
27	Юго-Восточная Азия и Япония в период <i>Homo sapiens sapiens</i> (человек разумный современного вида) до начала производства пищи <i>Карл Л. Хуттерер</i>	286	45	Юго-Восточная Азия и Корея от начала производства пищи до первых государств <i>Вильгельм Г. Сольхейм II</i>	496
28	Австралия и Новая Гвинея в период <i>Homo sapiens sapiens</i> (человек разумный современного вида) до примерно 5 тыс. лет назад <i>Джозефина М. Флуд</i>	300	46	Китай в эпоху неолита <i>Ань Чжиминь</i>	511
29	Появление человека в Америке <i>Хосе Л. Лоренсо</i>	315	47	Европа в эпоху неолита <i>Зигфрид Ян Де Лаат</i>	520
30	Предыстория Северной Америки <i>Алан Л. Брайан</i>	322	48	Регион Эгейского моря в эпоху неолита <i>Христос Думас</i>	531
31	Мексика и Центральная Америка от первых обитателей до начала производства пищи <i>Хосе Л. Лоренсо</i>	335	49	Культуры Западного Средиземноморья в эпоху неолита <i>Жан Гилэн</i>	541
32	Центральная Америка, Карибский бассейн, северная часть Южной Америки и Амазония: образ жизни древнейших охотников <i>Марио Саноха Обедьенте</i>	343	50	Балканский полуостров и Юго-Восточная Европа в эпоху неолита <i>Милутин Гарашанин</i>	558
33	Регион Южной Америки вне Андских Кордильер (Бразилия, Парагвай, Уругвай и Аргентина) в доисторическую эпоху (31–5 тыс. лет назад) <i>Освальдо Р. Эредиа</i>	354	51	Центральная Европа в эпоху неолита <i>Йенс Люнинг</i>	571
34	Экваториальные и тропические Анды от первых обитателей до начала производства пищи <i>Луис Г. Лумбрерас-Сальседо</i>	369	52	Европейская часть бывшего СССР в эпоху неолита и халколита <i>Н.Я. Мерперт</i>	588
35	Западная часть Южной Америки (юг Перу, Боливия, северо-запад Аргентины, Чили) в каменный век <i>Лаутаро Нуньес Атенсио</i>	375	53	Атлантические регионы Европы в эпоху неолита <i>Пьер-Ролан Жио</i>	600
Часть II			54	Становление неолита на Северо-Европейской низменности <i>Лили Кэлас</i>	620
От начала производства пищи до первых государств			55	Мегалитические памятники Европы <i>Лили Кэлас</i>	630
36	От начала производства пищи до первых государств: общий обзор <i>Зигфрид Ян Де Лаат</i>	394	56	Горное дело в Европе в период неолита и халколита <i>Роберт Шеферд</i>	650
			57	Мексика и Центральная Америка: начало производства пищи <i>Хосе Л. Лоренсо</i>	662
			58	Центральная Америка, Карибский бассейн, северная часть Южной Америки и Амазония: начало производства пищи <i>Марио Саноха Обедьенте</i>	665
			59	Экваториальные и тропические Анды от начала производства пищи до 5000 лет до наст. в. <i>Луис Г. Лумбрерас-Сальседо</i>	669
			Послесловие <i>Зигфрид Ян Де Лаат</i>		674

СПИСОК РИСУНКОВ

- а Фотография отпечатков следов человека эпохи палеолита из грота Альден (департамент Эро)
- б Живописное панно с изображением лошадей, носорогов и одного бизона из пещеры Шовэ в Валлон-Пон-д'Арк (департамент Ардеш); 28 тыс. лет до н.э.
- в План пещеры Коске в бухте Кассис (департамент Буш-дю-Рон)
- г Зарисовка выгравированного изображения лошади с наложением негативного изображения шести рук из пещеры Коске в бухте Кассис (Буш-дю-Рон)
- д Графическая зарисовка южной зоны потолка Зала волн в большой пещере Арси-сюр-Кюр (департамент Ионн)
- е Зарисовка профилей животных, выбитых на скале № 1 в Канада-Ду-Инферну (долина р. Коа, Португалия)
- ж Зарисовка двух камней из базальтовой гальки с изображениями пиктограмм, найденных в Джерф-эль-Ах-маре (Сирия)
- з Эскиз расколотого менгира (с реконструкцией по высоте), ям для установки 18 гигантских камней и могильного холма «Стол торговцев» из Локмариакера (департамент Морбиан)
- 1 Каменные орудия из поселения Изерния (Италия), Амброны (Испания) и Пеш-де-л'Азе II (Франция)
- 2 Орудия из известняка из Амброны (Испания) и Терра-Амата (Франция)
- 3 Артефакты раннего ашельского периода из Ситт-Мархо (Сирия) и Убейдии (Израиль)
- 4 Артефакты позднего ашельского периода: 1–2 – Нахр-Эль-Кабир (Сирия); 3–4 – Бирех (Иордания)
- 5 Артефакты, относящиеся к заключительному ашельскому периоду местонахождения Нахр-Эль-Кабир (Сирия)
- 6 Производства переходного периода: Эль-Ком (Сирия)
- 7 Артефакты эпохи нижнего палеолита (Индия)
- 8 Артефакты из пещере Чжоукоудянь (Китай)
- 9 Рогатина из тисового дерева из Лерингена (Германия)
- 10 Пеш-де-Лазе (Франция): гравюра на ребре быка
- 11 Молодова I (Бассейн Днестра): линии, выгравированные на лопатке мамонта, обнаруженного во втором мустьерском слое
- 12 Бир-Сахара (поселение 13) (Египет). Предметы мустьерской культуры
- 13 Поселение 1017 (Нубия). Изделия хормузской культуры
- 14 Класис-Ривер-Маус (Южная Африка): каменные наконечники эпохи позднего среднего каменного века
- 15 План каменного строения эпохи СКВ, раскопанного в Оранжия I (Южная Африка)
- 16 Изделия эпохи среднего каменного века (поселение Eth-72-1, Эфиопия)
- 17 Двусторонние орудия из слоновой кости из Реде (Германия)
- 18 Пластинчатые сколы и леваллуазские наконечники из Кёнигзауэ (Германия)
- 19 Артефакты протошарантской (протокинской) культуры из г. Бечов (Чешская Республика), уровень 6
- 20 Орудия шарантской культуры типа Ла-Ферраси (Ла-Ферраси, Франция)
- 21 Артефакты микокской культуры Центральной Европы (Германия)
- 22 Мустьерские артефакты из пещеры Киик-Коба, Крым
- 23 Мустьерские артефакты из Сухой Мечетки, бассейн р. Волги
- 24 Мустьерская культура бассейна р. Днестр (стоянка Молодова I). План жилища и каменные орудия
- 25 Реконструкция жилища на стоянке Молодова I, бассейн р. Днестр
- 26 Рисунок животного на кости из мустьерского слоя стоянки Пронятин на Украине
- 27 Типичная мустьерская культура Закавказья
- 28 Изделия из пластин мугарской (амудской) традиции, найденные в пещере Табун (Израиль)
- 29 Мустьерская культура Леванта (инструменты, сколы и нуклеусы Леваллуа) из пещеры Табун (Израиль)
- 30 Мустьерская культура Загроса (леваллуазские орудия и сколы) из пещеры Бизитун (Иран)
- 31 Артефакты среднего палеолита из Дара-и-Кур (Афганистан)
- 32 Артефакты из Сюцзяо (Китай)
- 33 Изображение пещерного медведя (длина 48 см) в пещере Комбарель, департамент Дордонь (Франция); мадленская культура
- 34 Настенные резные изображения в пещере Трех братьев, Арьез (Франция)
- 35 «Венера» из Виллендорфа в Австрии и «Венера» из Костёнок (Российская Федерация)
- 36 Топографическое расположение изображений в пещерах
- 37 Артефакты производств верхнего палеолита в Северной Африке
- 38 Предметы искусства позднего капсийского периода из местонахождения Эль-Мекта, Тунис
- 39 Артефакты культур региона Сахары

- 40 Изделия эпохи мезолита из поселения «древнего Хартума» (Хартум, Судан)
- 41 Артефакты культур верхнего палеолита в Эфиопии и Восточной Африке
- 42 Способы крепления орудий на рукоятках в период верхнего палеолита
- 43 Раннее шатльперронское каменное производство (Франция)
- 44 Наконечники листовидной формы из Северной Европы
- 45 Находка из захоронения на Сунгирьской стоянке во Владимирской области (Российская Федерация)
- 46 Артефакты солотрейской культуры из кости
- 47 Солотрейские наконечники из камня
- 48 Каменные и костяные артефакты мадленской культуры
- 49 Цикл миграций северного оленя и охотников гамбургской группы по северной равнине; орудия северных групп
- 50 Артефакты азилийской культуры
- 51 Каменные орудия тьонжерийской культуры (культуры «перочинных ножей») (Бельгия, поселение Меер IV)
- 52 Особенности аренсбургской культуры (Германия)
- 53 Геометрически сформированные наконечники стрел и боковые острия на древках стрел, закрепляемые с помощью смолы на сосновом древке, относящиеся к раннему (полярному периоду) мезолиту
- 54 Костяные и роговые наконечники северного мезолита
- 55 Изделия скандинавского мезолита из кости и дерева
- 56 Предметы искусства мезолита в Северной Европе: фигурка животного из янтаря, покрытая насечками; топор из мягкого камня с тонкими резными изображениями
- 57 Реконструкция жилища на стоянке Межиричи
- 58 Стилизованные изображения женских фигур со стоянки Мезин
- 59 Каменные артефакты свидерской мезолитической культуры
- 60 Две фигурки из бивня мамонта – мамонт, лошадь из пещеры Фогельхерд (земля Баден-Вюртемберг, Германия); ориньякская культура
- 61 Планка из оленьего рога для усиления броска с изображением прыгающей лошади из укрытия Монтастрию, Брюникель (департамент Тарн-и-Гаронна, Франция); мадленская культура
- 62 Резное изображение северного оленя на пастбище на «железе начальника» из оленьего рога из пещеры Кеслерлох близ г. Тайнген (кантон Шаффхаузен, Швейцария); мадленская культура
- 63 Сильно стилизованное изображение женщины на пластине сланца со стоянки Гённерсдорф (близ Коблинце и Нойвида, Германия); мадленская культура
- 64 Стилизованные фигуры, выгравированные на кости, из стоянки Маглемозе (о. Зеландия, Дания); культура маглемозе
- 65 Рисунок охоты на оленей, нарисованный черным из укрытия Мас-д'ан-Хосеп (Валторга, Испания); испанское левантийское мезолитическое искусство
- 66 Сцена битвы, нарисованная черным из укрытия Лес-Догуэс (Газулла, Испания); испанское левантийское мезолитическое искусство
- 67 Артефакты ориньякской культуры Леванта из пещеры Хайоним (Израиль)
- 68 Артефакты культуры Кебара, геометрической культуры Кебара и мушабийской культуры; культура Кебара
- 69 Артефакты из кости, относящиеся к натуфийской культуре
- 70 Предметы натуфийского искусства из Западной Азии
- 71 Артефакты среднего и верхнего палеолита, найденные при раскопках в пещере Сангао (Пакистан)
- 72 Артефакты из Шиюй, провинция Шэньси (Китай)
- 73 Артефакты из Индонезии и с о. Борнео
- 74 Хоабиньские обработанные гольши (Вьетнам)
- 75 Артефакты из Улу-Леанга, о. Сулавеси (Индонезия)
- 76 Двусторонне обработанные наконечники метательных снарядов с о. Ява (Индонезия)
- 77 Каменные орудия японского палеолита, фаза I
- 78 Каменные инструменты японского палеолита, фаза II
- 79 Некоторые костяные артефакты культуры Дзёмон
- 80 Керамические фигурки периода Дзёмон (Япония)
- 81 Топоры плейстоцена с полированным краем с п-ва Арнемленд (Северная территория, Австралия)
- 82 Сопоставление черепных профилей Кау-Свамп V с современными недеформированными и искусственно деформированными профилями
- 83 Охотник, ранящий эму копьем
- 84 Фигура мужчины, нарисованная в динамичном стиле, местонахождение Колонджорук 2, Диф-Аддер-Грик, п-ов Арнемленд
- 85 Наконечники, относящиеся к древним североамериканским культурам: слева – наконечник культуры кло-виса из штата Аризона; справа – наконечник культуры фолсома из Колорадо
- 86 Наконечник с квадратным основанием из пещеры Хендпринт, штат Невада (США)
- 87 Бифас из производства хобо, местонахождение Эль-Альгиго, Венесуэла
- 88 Рубила из производства хобо из штата Фалькон, Венесуэла
- 89 Остроконечники с зубцами и ланцевидные наконечники-бифасы производства хобо, Венесуэла
- 90 Артефакты культуры производства хобо, Венесуэла: А – пластиночный бифас; В – скребок из односторонне обработанной пластины; С – дисковидное скребло с односторонней обработкой; D – скребок с двусторонней поперечной обработкой
- 91 Каменные артефакты фазы виниту (Бразилия)
- 92 Каменные артефакты культуры умбу (Бразилия): метательные наконечники, проколки, небольшие скребки с черешками, малые наконечники-бифасы листовидной формы
- 93 Типичные концевые артефакты культуры хумайта (Бразилия)
- 94 Древнейшие каменные артефакты – скребки различных типов – из пещеры Эль-Сейбо, Патагония (Аргентина)
- 95 Каменные артефакты (наконечники, нож, скребки) культуры лос-тольдос, Патагония (Аргентина)
- 96 Каменные артефакты (нож и скребки) культуры капедренсес, Патагония (Аргентина)
- 97 Артефакты, типичные для популяций охотников плейстоцена и голоцена западного региона Южной Америки
- 98 Каменные пластинки с блестящими лезвиями для срезания злаков. Восстановление одного из самых древних египетских ножей для жатвы (около 12500 лет назад)
- 99 Сельскохозяйственные предметы эпохи неолита: жатвенный нож и корзина из оазиса Файюм (Египет) (около 6500 лет до наст. в.)
- 100 Артефакты, найденные в погребальном убранстве бадарийской культуры в Египте (около 6500–6000 лет до наст. в.)
- 101 Артефакты, найденные в погребальном убранстве амратской культуры в Египте (около 6000–5500 лет до наст. в.)
- 102 Белые рисунки на гончарных сосудах амратской культуры
- 103 Артефакты, найденные в погребальном убранстве герзейской культуры (Средний и Верхний Египет, около 5500–5100 лет до наст. в.)

- 104 Изображения ритуальных танцев на погребальном керамическом сосуде герзейской культуры
- 105 Два жирафа и страус на привязи. Наскальный рисунок из Джебель-Увейнат (Ливия)
- 106 Иерихон (докерамический период неолита А): А – башня (план на уровне земли); В – круглые дома (план на уровне земли)
- 107 Круглый дом – план и реконструкция – со стоянки Мурейбет III (Сирия)
- 108 Квадратное (в плане) строение («Дом 12») со стоянки Букрас (Сирия)
- 109 План построек 2-го и 3-го уровней из восточной части раскопок в Чайёну Тепеси (Турция)
- 110 План района в поселении Телль-Абада
- 111 План раскопанной части поселения Хабуба-Кебира
- 112 Реконструкция дома в секторе F (фаза 3) в поселении Тель-Йава
- 113 План уровня IV В в комплексе Эанна культуры Урук, местонахождение Варка (Ирак)
- 114 Пять керамических сосудов типа Убейт, Саудовская Аравия
- 115 Типичные неолитические остатки (Монголия)
- 116 Типичные неолитические остатки (Западная Сибирь)
- 117 Типичные неолитические остатки (Тува)
- 118 Изображения медведя и лося в искусстве неолитических племен Западной Сибири
- 119 Артефакты с территории у оз. Байкал
- 120 Изделия из Прибайкалья
- 121 Новопетровская неолитическая культура
- 122 Кондонская культура
- 123 Наскальные изображения из Сакачи-Аляя
- 124 Основные типы каменных изделий хоабиньской культуры
- 125 Костяные орудия из Сампанга (Ява, Индонезия)
- 126 Микролиты из Улу-Леанг (Индонезия)
- 127 Графические изображения: рыба, ящерица (о. Аргунни, Индонезия)
- 128 Три керамические вазы из местонахождения Тонгсамдонг (Республика Корея)
- 129 Маска, выполненная из раковины морского гребешка, из местонахождения Тонгсамдонг (Республика Корея)
- 130 Каменные изделия пейлиганской культуры (Китай)
- 131 Гончарные изделия ранних неолитических культур Северного Китая
- 132 Расписные гончарные изделия культуры яншао (Китай)
- 133 Гончарные изделия культуры синьлонгва (Китай)
- 134 Лопатообразный инструмент из кости для земляных работ культуры хемуду (Китай)
- 135 Гончарная посуда, артефакты из кости и камня культуры хемуду (Китай)
- 136 Образцы керамических стилей культурной общности Фиорано, седьмое тысячелетие до наст. в. (Северная Италия)
- 137 Стили гончарных изделий из поселения Лагоцца-ди-Беснате (Варесе, Северная Италия), шестое тысячелетие до наст. в.
- 138 Стили гончарных изделий культуры Кортайо, шестое тысячелетие до наст. в.
- 139 Стили гончарных изделий культуры Эгольцвилль (Швейцария), седьмое тысячелетие до наст. в.
- 140 Керамические изделия шестого тысячелетия до наст. в. со стоянки Шассе
- 141 Стили гончарных изделий культуры Сепулькрос-де-Фоса (Каталония, Испания) шестого тысячелетия до наст. в.
- 142 Стили гончарных изделий из местонахождения Ферьер (Восточный Лангедок, Франция)
- 143 Резные и нарисованные на кости идолы из Альмизарака, культура лос-милларес (Испания)
- 144 Каменные идолы периода халколита
- 145 Типичные изделия культуры ремеделло (Северная Италия)
- 146 План энеолитического поселения протогородского типа в Полянице (Болгария)
- 147 Некоторые основные типы керамики неолитических культур в Центральной Европе
- 148 Развитие типов жилищ в Центральной Европе (в Германии) в эпоху неолита
- 149 Развитие земляных сооружений в Центральной Европе в период неолита
- 150 Сравнительная таблица глиняных сосудов неолитических культур Северного Причерноморья
- 151 Типы неолитических глиняных сосудов (из бывшего СССР)
- 152 План каменной пирамиды в Плудальмезо (департамент Финистер, Франция)
- 153 План пирамиды Ла-Огетт в Фонтеней-ле-Мармион (департамент Кальвадос, Франция) и детальный план захоронения с положением скелетов
- 154 Планы развитых захоронений с камерами и проходами конца среднего неолита (Франция)
- 155 Большая стена с изображениями из Локмариакера (Франция)
- 156 Планы мегалитических могил позднего неолита (Франция)
- 157 Подземные могилы на р. Марне (Франция)
- 158 Проходы в деревне Шан-Дюран в Ниэль-сюр-Отиз (департамент Вандея, Франция) – насыпное сооружение позднего неолита (теоретическая реконструкция)
- 159 План насыпной стоянки Уиндмилл-Хилл в Уинтерборн-Монктоне (Уилтшир, Великобритания)
- 160 Длинный курган Фасселс-Лодж в Кларендон Парк (Уилтшир, Великобритания)
- 161 План дворовой пирамиды в Дирпарке (графство Слайго, Ирландия)
- 162 Дома, построенные из небольших каменных плит на Оркнейских островах (Соединенное Королевство)
- 163 Ньюгрэндж – большая мегалитическая пирамида в долине р. Бойн (графство Мит, Ирландия)
- 164 Культовые памятники типа хендж в Южной Англии
- 165 План и реконструкция дома, относящегося к культуре воронковидных кубков (Флётгельн-Эйхельген, Германия)
- 166 Типы мегалитических захоронений с камерами (дольменов) в Европе
- 167 Типы мегалитических могил с проходом в Европе
- 168 Типы мегалитических галерейных могил в Европе
- 169 Восстановленное мегалитическое захоронение (Скандинавия) с вазами-приношениями перед входом
- 170 Способы извлечения кремня в доисторическую эпоху
- 171 Схема кремневых разработок в Сиссбери (Великобритания)

СПИСОК КАРТ

- a Основные местонахождения, в которых были обнаружены *Australopithecus africanus*
- 1 Карта межтропической Африки периода позднего миоцена и межтропической Африки
- 2 Африка – основные археологические местонахождения и поселения гоминидов плиоцена и нижнего плейстоцена
- 3 Расположение местонахождений периода раннего плейстоцена и начала периода среднего плейстоцена в Европе
- 4 Расположение основных местонахождений периода среднего плейстоцена в Европе
- 5 Западная Азия, местонахождения раннего, среднего нижнего и позднего нижнего палеолита
- 6 Западная Азия в переходный период от нижнего палеолита к среднему палеолиту
- 7 Долина р. Соан и расположение палеолитических местонахождений в Пакистане
- 8 Расположение основных палеолитических местонахождений в Индии
- 9 Карта центральной и восточной частей о. Ява (Индонезия)
- 10 Расселение неандертальцев
- 12 Расположение мустьерских поселений на территории бывшего СССР, в которых были обнаружены остатки древних людей
- 13 Основные регионы и местонахождения в Африке, указанные в тексте
- 14 Распределение основных культур начала европейского верхнего палеолита в период между 38 и 32 тыс. лет назад
- 15 Распространение двух основных культур Европы (ориньякской и граветтской) между 32 и 22 тыс. лет назад
- 16 Европа в максимально холодную стадию ледниковой эпохи (примерно между 22 и 17 тыс. лет назад, когда населенная территория сократилась до южных зон)
- 17 Европа во время позднего палеолита (примерно между 17 и 12 тыс. лет назад)
- 18 Распределение трех основных групп культур по главным регионам Европы в конце ледникового периода (промежуточная стадия Аллерод)
- 19 Культуры европейского мезолита: 1 – маглемозе (в Северной Европе)
- 20 Распространение основных групп верхнепалеолитических памятников на территории Восточно-Европейской равнины и в Крыму
- 21 Расположение основных стоянок верхнего палеолита в Западной Азии
- 22 Протяженность перешейков позднего плейстоцена в Юго-Восточной Азии и места археологических раскопок, упомянутые в тексте
- 23 Перешейки между континентом и Японскими островами в период позднего плейстоцена и перечисленные в тексте археологические местонахождения
- 24 Карта Австралии, Тасмании и Новой Гвинеи с обозначением археологических местонахождений плейстоцена
- 25 Берингия при раннем плейстоцене и в стадию Вудфорда
- 26 Границы ледников на северо-западе Северной Америки в эпоху максимального распространения стадии Вудфорда
- 27 Древнейшие археологические стоянки Американского континента
- 28 Мексика и Центральная Америка в эпоху археолита
- 29 Мексика и Центральная Америка в период нижнего кайзолита
- 30 Мексика и Центральная Америка в период верхнего кайзолита
- 31 Центральная Америка, север Южной Америки и Амазония: А – распределение производств пластиночных бифасов; В – недифференцированные производства
- 32 Археологические культуры и местонахождения, упоминающиеся в тексте (Северо-Восточная, Центральная и Южная Бразилия, Парагвай, Уругвай, Аргентина)
- 33 Основные археологические стоянки охотников-собирателей региона Анд между 16 и 10 тыс. лет тому назад
- 34 Расположение основных археологических местонахождений на юге центральной, в южной и крайней южной зонах Анд, в зоне архипелага Чонос и Патагонии
- 35 Стоянки Юго-Западной Азии и Юго-Восточной Европы, в которых найдены остатки культивированных растений, датируемые возрастом 8000 лет назад и ранее
- 36 Самые древние неолитические стоянки в Юго-Восточной Азии и южной части Тихого океана
- 37 Самые древние неолитические стоянки в Америке
- 38 Территории распространения волка
- 39 Территории распространения безоарового (бородатого) козла и дикого барана
- 40 Территории распространения дикого кабана и зубра

41 Самые древние местонахождения домашних животных в Юго-Западной Азии 42 Направления распространения животноводства, основанного на разведении коз и овец на юге Европы в эпоху раннего неолита 41 Самые древние местонахождения домашних животных в Юго-Западной Азии 43 Основные неолитические и додинастические стоянки в Египте 44 Зоны распространения диких прототипов растений, выращиваемых в Африке 45 Местонахождения в Сахаре, Западной и Восточной Африке, характерные древним производительным хозяйством 46 Основные местонахождения в Западной Азии от 11000/10500 до 10250 лет назад 47 Основные местонахождения в Западной Азии от 10500 до 8250 лет до наст. в. 48 Основные местонахождения в Западной Азии в течение восьмого тысячелетия до наст. в. 49 Основные местонахождения в Западной Азии от 7250 или 7000 до 6000 лет до наст. в. 50 Основные местонахождения в Западной Азии в течение шестого тысячелетия до наст. в. 51 Расположение основных доисторических поселений на территории Аравийского полуострова 52 Расположение неолитических стоянок в Южной Азии 53 Распределение наиболее важных неолитических стоянок в Центральной и Северной Азии	54 Островная часть Юго-Восточной Азии, Меланезия и Микронезия с размещением географических названий, указанных в тексте 55 Западное Средиземноморье в период неолита (8500–8000 лет тому назад) 56 Неолит в Западном Средиземноморье 7800–7500 лет тому назад 57 Неолит в Западном Средиземноморье около 7000 лет назад 58 Неолит в Западном Средиземноморье 6000–5500 лет назад 59 Неолит в Западном Средиземноморье в период 5000–4500 лет тому назад 60 Местонахождения поселений и культур мезолита, раннего и среднего неолита на Балканах 61 Поздний неолит и энеолит на Балканах 62 Распространение культуры лепточной керамики 63 Три основные культуры среднего неолита с центрами на Рейне, Эльбе и Среднем Дунае 64 Самые значительные культуры позднего неолита в Центральной, Западной и Северной Европе 66 Распределение мегалитических захоронений в Европе 65 Окультуривание Северо-Европейской низменности в эпоху неолита 67 Мегалитические могилы-галереи в Европе 68 Мегалитические памятники в Европе 69 Распределение основных шахт для добычи кремня в Европе 70 Мексика и Центральная Америка в протонеолите

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- 1 Окаменелый отпечаток скелета ореопитека (*Oreopithecus*) на буром угле, Баччинелло, провинция Гроссетто, Италия
- 2 Скелет австралопитека афаренсиса (*Australopithecus afarensis*) («Люси»), около 3 млн. лет назад; обнаружен в 1974 г. в Хадаре, в Афарской низине, Эфиопия
- 3 Череп австралопитека бойсен (*Australopithecus boisei*), или робустуса (*Australopithecus robustus*); череп австралопитека африканского (*Australopithecus africanus*), или грацильного (*gracilis*)
- 4 Простейшие орудия труда человека прямоходящего (*Homo erectus*)
- 5 Мелка-Кунтуре. Местонахождение развитой олдувайской культуры Гомборе I (1,6 млн. лет назад)
- 6 Мелка-Кунтуре. Местонахождение развитой олдувайской культуры Гарба IV (1,4 млн. лет назад)
- 7 Мелка-Кунтуре. Местонахождение развитой ашельской культуры Гарба I (около 500 тыс. лет назад). Топорик и бифасы
- 8 Мелка-Кунтуре. Местонахождение развитой олдувайской культуры Гарба I. Топорик
- 9 Мелка-Кунтуре. Местонахождение ранней ашельской культуры Гарба XII. Видны контуры строения (построенное укрытие?)
- 10 Кастель ди Гидо, Италия. Костяное двустороннее орудие (бифас)
- 11 Частично реконструированный череп человека пекинского, или синантропа (*Sinanthropus, Homo erectus*)
- 12 Черепная крышка (вид сбоку) от черепа человека прямоходящего, найденная в районе Хэсянь провинции Аньхой, Китай, 1980 г.
- 13 Черепная крышка яванского питекантропа (*Homo erectus javensis*), обнаруженная Э. Дюбуа у деревни Тринил, на Яве, Индонезия, 1891 г.
- 14 Черепная коробка неандертальца, Германия, – впервые обнаруженные в 1856 г. остатки неандертальского человека
- 15 Череп неандертальца из Ла-Шапель-о-Сен, Франция
- 16 Череп из Монте-Чирчео, Италия
- 17 Череп неандертальца из пещеры Амуд, Израиль
- 18 Череп из Тешик-Таша, Узбекистан, принадлежавший мальчику-неандертальцу в возрасте примерно 9 лет
- 19 Череп из пещеры Араго, Тотавель, Франция, древностью более 300 тыс. лет
- 20 Затылочная часть черепа из Сванскомба, Великобритания
- 21 Череп из Сен-Сезар, Франция, – последний череп неандертальца из известных на сегодняшний день
- 22 Череп одного из первых современных людей (*Homo sapiens*), найденный в уезде Дали, провинция Шэньси, Китай, в 1978 г.
- 23 Череп одного из первых людей современного физического типа (*Homo sapiens*). Найден в селении Маба, уезд Шаогуан, провинция Гуандун, Китай, 1958 г.
- 24 Крышка черепа № 6 из Нгандонга, Ява, Индонезия
- 25 Череп из Кафзеха 9, Израиль
- 26 Череп из Кабве, стоянка Брокен-Хилл древностью, возможно, более 130 тыс. лет
- 27 Череп № 1 формации Кибиш из долины р. Омо, Эфиопия («череп Омо-1»)
- 28 Череп из пещеры Бордер, провинция Натал, Южная Африка
- 29 Плотное скопление костей газелей на месте забоя в местонахождении 14 в Бир-Тарфави
- 30 Череп человека современного вида (*Homo sapiens sapiens*) из Кро-Маньона, Франция
- 31 Резное изображение лошади на гальке (длина 12 см), пещера Коломбьер, департамент Эн, Франция; мадленская культура
- 32 Резная фигурка бизона из оленьего рога (длина 10,2 см), пещера Ла-Мадлен, департамент Дордонь, Франция; мадленская культура
- 33 Гравированное на кости изображение кузнечика (длина 3 см) из пещеры «Три брата», департамент Арьеж, Франция; мадленская культура
- 34 Рисунки лошадей и зубров в пещере Ласко, департамент Дордонь, Франция
- 35 Головка «Венеры» из кости мамонта (длина 3,65 см) из пещеры Папы, Брассемпуи, департамент Ланды, Франция, относящаяся к граветтийской культуре
- 36 Фрагмент «жезла начальника», украшенный головой бизона, из пещеры Истуриц, Нижние Пиренеи, Франция, относится к мадленской культуре
- 37 Резное изображение группы танцующих (?) фигур из пещеры Аддаура, Палермо, Сицилия, Италия; эпиграветтийская культура
- 38 Наскальные фигуры в Каповой пещере, Южный Урал, Российская Федерация
- 39 Женская статуэтка со стоянки Мальга, Сибирь, Российская Федерация
- 40 Украшенный фрагмент кости (длина 11 см) из пещеры Бланшар-де-Рош, департамент Дордонь, Франция; ориньякская культура

- 41 Большая плита с резным изображением животного из пещеры Ренн, Белькер, департамент Дордонь, Франция; ориньякская культура
- 42 Резное изображение бизона (длина 60 см) в пещере Грез, департамент Дордонь, Франция; граветтская культура
- 43 Фрагмент «железа начальника» из оленьего рога с изображением двух мамонтов, стоящих напротив друг друга
- 44 Резное изображение зайца (длина 23 см) из пещеры Габийо, департамент Дордонь, Франция; мадленская культура
- 45 Рисунок быка (длина 3 м), выполненный черной краской поверх более ранних рисунков, в пещере Ласко, департамент Дордонь, Франция; мадленская культура
- 46 Большая жилая постройка в Эйнане, Маллаа
- 47 Захоронение женщины со щенком в Эйнане, Маллаа
- 48 Артефакты верхнего палеолита из Ренигунта (Южная Индия) – резцы и ретушированные пластины
- 49 Каменный топор с сужением, Папуа – Новая Гвинея; минимальный возраст – 37 тыс. лет
- 50 Грацильный череп с оз. Мунго, Новый Южный Уэльс, в сравнении с черепом Кау-Свамп I
- 51 Ожерелье из погребения у оз. Нитчи, штат Новый Южный Уэльс, Австралия
- 52 Костяные бусины, датируемые 15 тыс. лет назад, обнаруженные в пещере Дэвилз-Лейр, штат Западная Австралия
- 53 Знаки, выцарапанные на стене в пещере Кооналда, штат Южная Австралия
- 54 Доисторические выдолбленные изображения следов эму, птицы и кенгуру в Мутвинге, на западе штата Новый Южный Уэльс
- 55 Бумеранг, датируемый 10 тыс. лет назад, найден в результате раскопок в Уайри-Свамп, штат Южная Австралия
- 56 Артефакты периода археолита
- 57 Артефакты нижнего кайзолита
- 58 Наконечники позднего кайзолита
- 59 Наскальные рисунки, изображающие сцены охоты времен неолита, из Западной пустыни, Египет; стиль «первые охотники»
- 60 Наскальные изображения домашних животных, неолит, Джебель-Увейнат, Ливия; стиль «увейнатские скотоводы»
- 61 Неолитическая антропоморфная фигурка из Меримде, Египет
- 62 Наскальное изображение с «ритуальной лодкой»; герзейская культура, Египет
- 63 Погребальный инвентарь из Миншат-Абу-Омара, восточная часть дельты Нила, Египет
- 64 Изображения фигур людей и животных на барельефе из Джуббы, Саудовская Аравия, – типичное неолитическое наскальное искусство
- 65 Изображение фигуры человека с длинными волосами и кинжалом из Бир-Хима, Саудовская Аравия; поздний халколит или ранний бронзовый век
- 66 Полихромная ваза из Мехргарха, Пакистан
- 67 Антропоморфные статуэтки из Мехргарха, Пакистан
- 68 Обломки двух погребальных урн с изображением человеческих лиц (финальный неолит); вознесенская культура, нижнее течение р. Амур, Российская Федерация
- 69 Глиняная модель жилища человека времен среднего неолита из Краннона, Фессалия, Греция
- 70 Раннеолитическое одноцветное керамическое изделие из Коринфа, Греция
- 71 Раннеолитическое керамическое изделие из Сескло, Фессалия, Греция, с так называемой ранней росписью
- 72 Среднеолитическая чашка, расписанная в «сплошном стиле» из Тзани-Магула, Фессалия, Греция
- 73 Позднеолитическое полихромное керамическое изделие из Димини, Фессалия, Греция
- 74 Позднеолитический сосуд с линейно-ленточным орнаментом из Димини, Фессалия, Греция
- 75 Раннеолитическая мраморная статуэтка из Кносса, о. Крит, Греция
- 76 Фигура согнувшегося человека, вырезанная на плоской гальке, Карамурлал-Магула, Фессалия, Греция
- 77 Раннеолитическая женская статуэтка из мрамора из Спарты, Греция
- 78 Среднеолитическая глиняная фигурка сидящей женщины из района г. Фарсала, Фессалия, Греция
- 79 Черепки гончарных изделий, относящихся к «сердцевидной» керамической традиции, из Монтсеррата, Каталония, Испания
- 80 Ваза из Серра-д'Альто с ручкой в форме стилизованной головы быка из Сегге-Понти, Матера, Италия
- 81 Гробница с проходом (коридором) Ламалу в Руэ, департамент Эро, Франция
- 82 Камерная гробница Са-Ковеччада с входом в виде двери и прямоугольной камерой, Сардиния, Италия
- 83 Храмы Тарксиен: общий вид архитектурного комплекса, Мальта
- 84 Стены и барбакан (навесная башня) комплекса Лос-Милларес, Санта-Фе-де-Мондухар, Испания
- 85 «Статуя-менгир» (высота 122 см) из Россейрона, департамент Гар, Франция
- 86 Резное изображение головы из речной гальки (известна под названием «Данубий»), Лепенски-Вир, Сербия
- 87 Ваза в форме тюльпана из Азмазукской Могилы, область Стара-Загора, Болгария; культура Караново I
- 88 Ваза, украшенная цветочным рисунком из Анзабегово
- 89 Ваза в форме животного из Мулдавы, район г. Пловдива, Болгария
- 90 Модель дома из Породина
- 91 Статуэтка, известная под названием «Видовчанка», Винча, Сербия
- 92 Антропоморфные фигурки культуры Хаманджия: статуэтки мужчины («Мыслитель») и женщины, Хаманджия, Румыния
- 93 Ваза со спиральным меандром из Бутмира, Босния
- 94 Сосуд, расписанный графитом, из Азмазукской Могилы, область Стара-Загора, Болгария; культура Марица
- 95 Ваза культуры Кукутени-А, Кукутени, Румыния
- 96 Зооморфные золотые подвески из Варенского некрополя, Варна, Болгария
- 97 Костяной идол из Касциоареле, Румыния
- 98 Алтарь из Трупешти, Румыния
- 99 Ваза в форме птицы из Вучедола, Хорватия
- 100 Фигурка лося, культура сперрингс, Карелия, Российская Федерация
- 101 Ложка в виде гуся, культура сперрингс, Карелия, Российская Федерация
- 102 Петроглифы позднеолитической карельской культуры, Российская Федерация
- 103 Петроглифы позднеолитической карельской культуры, Российская Федерация
- 104 Мегалитическая пирамида из камней (средний неолит) в Бугон-Фо, департамент Дё-Севр, Франция
- 105 Захоронение крестообразной формы с проходом в Фальдуэ, о. Джерси, Великобритания
- 106 Менгир в Шам-Долан, Доль-де-Бретань, Иль-э-Виллен, Франция
- 107 Камень с орнаментом из мегалитической угловой могилы позднего неолита из Люффан-ан-Крак, департамент Морбиан, Франция

- 108 Аллеи менгиров в Менеке, комплекс мегалитов Карнак, департамент Морбиан, Франция
- 109 Мегалитическое захоронение крестообразной в плане формы типа Котсуолдс-Северн, сооруженное под длинным курганом в Уэйландс-Смити, графство Беркшир, Великобритания
- 110 Поздненеолитическое поселение Скара-Брэ, на о. Мейнленд Оркнейского архипелага, Великобритания
- 111 Стоунхендж, Уилтшир, Великобритания, вид с воздуха
- 112 Горшок культуры Эртебёлле-Эллербек
- 113 Типичное для раннего неолита захоронение в Эсбьерге, Дания
- 114 Кремневый топор с узким обухом и рукояткой
- 115 Ваза культуры воронковидных кубков из Асмаса, округ Сёвде, Фэрс-Хэрад, Швеция
- 116 Гончарные изделия баальбергской группы культур воронковидных кубков, Дёлауэр Хайде, Германия
- 117 Гончарное изделие среднего неолита баальбергской группы культур воронковидных кубков, Дёлауэр Хайде, Германия
- 118 Керамическое изделие и боевой топор вальтерниенбургской группы культуры воронковидных кубков, Германия
- 119 Гончарное изделие зальцмондской группы культур воронковидных кубков, Рёссен, Крайс-Мерсебург, Германия
- 120 Ваза с янтарными бусами, найденная в торфянике Сортекэр-Рингкёбинг, Дания
- 121 Гончарные изделия среднего неолита из Хёйбьерга, Дания
- 122 Одиночная могила в Цайэнс, провинция Дрент, Нидерланды; культура воронковидных кубков
- 123 Ваза с изображением глаза или солнца из Свинё, Дания
- 124 Ритуальные плоскодонные гончарные изделия и глиняные ковши из погребения в Туструпе, п-ов Ютландия, Дания
- 125 Камерная гробница Анта-Гранде-да-Коменда-да-Игрежа, Монтемор-о-Ново, Эвора, Португалия
- 126 Многоугольный дольмен, Хага, округ Стала, о. Оруст, Швеция
- 127 Прямоугольные и круговые курганы в Нашендорфе, Эверсторфер-Форст, земля Мекленбург-Передняя Померания, Германия
- 128 Восстановленная могила с проходом из Хьюльбьерга, Дания
- 129 Могила с проходом из Мейлс, г. Варде, п-ов Ютландия, Дания
- 130 Камера в могиле с проходом, Барсебэк, Швеция
- 131 Внутренняя часть могилы с проходом, Фрейлев, о. Лолланн, Дания
- 132 Погребальная камера с нишами, Карслхёген, Лёдеруп, Скания, Швеция
- 133 Ньюгрэндж, Ирландия. Вид на внутреннюю часть камеры
- 134 Камень у входа в Ньюгрэндж, Ирландия
- 135 Бассейн в восточной погребальной камере в Ноуте, Ирландия
- 136 Бордюрный камень из Доута, Ирландия
- 137 Основание «морга» («культового дома») в Туструпе, Ютландия, Дания
- 138 Вход в шахту в Граймс-Грэйвс, Норфолк, Великобритания
- 139 Основание шахты № 1, от которого расходятся штреки, в Граймс-Грэйвс, Норфолк, Великобритания
- 140 Часть оленьего рога, использованная для крепления свода штрека, Граймс-Грэйвс, Норфолк, Великобритания

СПИСОК ТАБЛИЦ

- 1 Абсолютная датировка некоторых местонахождений периода раннего и среднего плейстоцена в Европе
- 2 Изотопные кривые кислорода, наблюдаемые в пробах дна Тихого океана Y28-238, и палеомагнитная хронология
- 3 Западная Азия. Хронологическая таблица
- 4 Расчет расхождения форм на базе девяти замеров черепа для сравнения двух неандертальцев из Западной Азии и двух европейских неандертальцев с серией измерений образца из Тафоральга (Марокко)
- 5 Расхождение форм на основе девяти метрических признаков
- 6 Эволюция стиля в искусстве верхнего палеолита в Европе
- 7 Хронологическое расположение основных археологических культур верхнего палеолита в Западной Европе
- 8 Последовательность геологических горизонтов верхнего плейстоцена и палеолитических культур в Японии
- 9 Изменение уровня моря в северном регионе Австралии за последние 140 тыс. лет по материалам исследований на п-ве Хуон (Папуа – Новая Гвинея)
- 10 Хронологическое положение важнейших археологических стоянок древнейших общин охотников-собирателей
- 11 Хронологическое положение важнейших археологических стоянок западной части Южной Америки (юг Перу, Боливия, северо-запад Аргентины, Чили)
- 12 Стоянки Западной Азии, в которых найдены растительные остатки, датируемые возрастом до 8000 лет тому назад и ранее
- 13 Основные стоянки тропической Америки, в которых найдены растительные остатки, датируемые до 4000 лет до наст. в. и ранее
- 14 Распределение по возрасту и полу ископаемых остатков животных, найденных в Анзабегово – стоянке эпохи древнего и среднего неолита на территории бывшей Югославии
- 15 Распределение видов в фауне раннего неолита в Южной Европе. Греция
- 16 Хронологическая таблица периода донеолита и неолита в Западной Азии
- 17 Первые обитатели Аравии и их культуры в геологическом контексте
- 18 Хронология наиболее важных культур неолита в Центральной Европе

АВТОРЫ

Алексеев, Валерий Павлович (Российская Федерация), специалист в области физической антропологии, этнологии и доисторической археологии. Директор Института археологии Российской академии наук

Ань Чжиминь (Китай), специалист в области археологии эпохи неолита на территории Китая. Руководитель I секции (эпоха неолита) и заместитель директора Института археологии Китайской академии общественных наук

Ауэрс, Фрэнсис, Общество Иисуса (Франция), ум. в 1987 г.; специалист в области археологии палеолита в Западной Азии

Банди, Ханс-Георг (Швейцария), специалист в области искусства и археологии эпохи палеолита. Куратор и заместитель директора Исторического музея города Берна. Генеральный секретарь Швейцарско-Лихтенштейнского фонда поддержки археологических исследований за рубежом (Schweizerisch-Lichtensteinische Stiftung für archäologische Forschungen im Ausland)

Бар-Йосеф, Офер (Израиль), специалист в области археологии Ближнего Востока эпохи палеолита и неолита. Профессор отделения антропологии музея Пибоди Гарвардского университета, Кембридж, Массачусетс

Бартстра, Герт-Ян (Нидерланды), специалист по плейстоцену и археологии эпохи палеолита в Юго-Восточной Азии. Профессор Института биологии и археологии Гронингенского университета

Бёкёни, Шандор (Венгрия), специалист в области палеозоологии. Директор Венгерского Национального музея

Брайан, Алан Л. (Канада), специалист в области первобытной истории Америки. Профессор университета г. Альберта

Валох, Карел (Чешская Республика), специалист по позднему палеолиту Центральной Европы. Куратор Института антропологии Моравского музея в Брно. Член Чешской академии наук

Вандермерш, Бернар (Франция), специалист в области археологии и физической антропологии среднего палеолита. Ассистент-исследователь Национального центра научных исследований (CNRS). Старший ассистент университета Париж VI. Профессор университета Бордо I. Заведующий учебной частью Французской школы высших исследований (École Française des Hautes Études)

Вилла, Паола (Италия), специалист в области археологии раннего палеолита. Ассистент-исследователь и преподаватель университета штата Калифорния в Беркли. Приглашенный преподаватель университетов штатов Колорадо и Калифорнии в Санта-Крус, Сан-Диего и Вайоминге. Ассоциированный исследователь университета штата Колорадо в Баулдере

Ву Рукан (ранее известный как Ву Джу-Кан) (Китай), специалист в области палеоантропологии Китая. Профессор-исследователь института палеонтологии позвоночных и палеоантропологии в Academia Sinica в Пекине. Член Китайской академии наук (Academia Sinica)

Гарашанин, Милутин (бывшая Югославия), специалист в области первобытной истории Балкан (неолит и бронзовый век). Ведущий исследователь Археологического института в Белграде. Профессор археологии Белградского университета. Член Сербской академии наук и искусств и Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины

Гилэн, Жан (Франция), специалист по неолиту Средиземноморья. Руководитель исследовательской группы Национального центра научных исследований (CNRS). Руководитель группы по изучению эпохи перехода к неолиту и ранних аграрных обществ в Школе высших исследований по общественным наукам (École des Hautes Études en Sciences Sociales). Генеральный инспектор по археологии

Дани, Ахмад Хасан (Пакистан), специалист в области антропологии. Профессор Исламабадского университета. Директор Центра изучения цивилизаций Центральной Азии. Член ряда национальных и международных академических обществ

Ученые звания, степени и должности, которые занимали (или занимают) авторы этого тома, приведены в переводе с английского издания «История человечества», том I, 1994 (*прим. ред.*)

Де Лаат, Зигфрид Ян (Бельгия), специалист в области истории Древнего Рима, археологии и первобытной истории Европы. Редактор первого тома «Истории человечества» (1994). Член Королевской академии наук, литературы и изящных искусств Бельгии

Деревянко, Анатолий Пантелеевич (Российская Федерация), специалист в области первобытной истории Сибири. Академик Российской академии наук

Джоши, Рамчандра В. (Индия), специалист в области естественнонаучных проблем археологии и доисторической археологии прибрежных областей Индии. Профессор археологии Деканского колледжа, Институт последиplomной подготовки и научных исследований

Думас, Христос (Греция), специалист в области археологии Эгейского мира. Смотритель древних памятников в различных регионах Греции. Директор отделения древностей Министерства культуры. Профессор Афинского университета

Елинек, Артур Дж. (США), специалист в области доисторической археологии Западной Азии. Профессор университета штата Аризона в Тусоне

Жера, Дени (Франция), специалист в области палеонтологии позвоночных и человека. Исследователь Национального центра научных исследований (CNRS). Профессор Лаборатории палеонтологии позвоночных и палеонтологии человека, Университет им. Пьера и Марии Кюри

Жио, Пьер-Ролан (Франция), специалист в области геологии, археологии и антропологии Бретани. Профессор университета г. Рен, заведующий лабораторией антропологии, первобытной истории, ранней истории и четвертичного периода регионального природного парка Арморик

Кларк, Джон Десмонд (Великобритания), специалист в области первобытной истории Африки, Западной Азии и Индии. Профессор Калифорнийского университета в Беркли. Член Британской академии и Американской академии искусств и наук

Клима, Богуслав (Чешская Республика), специалист по позднему палеолиту Центральной Европы. Директор Археологического института Чешской академии наук в Брно

Клоуз, Анджела Э. (Великобритания), специалист по первобытной истории Северной Африки и европейскому палеолиту. Приглашенный адъюнкт-профессор антропологии Южного методистского университета в Далласе, Техас

Коппан, Ив (Франция), специалист в области палеоантропологии и первобытной истории (преимущественно Африки). Профессор Коллеж де Франс (кафедра палеоантропологии и первобытной истории). Член Французской академии наук (Institut de France)

Кшизняк, Лех (Польша), специалист в области египтологии (преимущественно доисторической). Директор археологического музея в Познани

Кэлас, Лили (Швеция), специалист по европейскому неолиту, мегалитам и наскальному искусству послеледникового периода. Приглашенный профессор университетов Гётеборга, Осло и университета штата Калифорния в Лос-Анджелесе. Член Гётеборгского королевского общества искусств и наук (Göteborgs Kungl. Vetenskaps och Vitterhets Samhälle)

Лоренсо, Хосе Луис (Мексика), специалист в области первобытной истории Центральной Америки. Руководитель отделения истории первобытного общества, отделения доколумбовых памятников, отделения школы реставрации и музееведения Национального института антропологии и истории (Instituto Nacional de Antropología e Historia). Руководитель Латиноамериканского национального центра по сохранению и реставрации культурного достояния (ЮНЕСКО). Председатель археологического совета Национального института антропологии и истории (INAH)

Лумбрерас-Сальседо, Луис Гильермо (Перу), специалист в области археологии доколумбовых цивилизаций региона Анд. Профессор Высшего национального университета Сан-Маркоса в Лиме (Universidad Nacional Mayor de San Marcos)

Люнинг, Йенс (Германия), специалист по неолиту Центральной Европы. Профессор университета во Франкфурте-на-Майне

Масри, Абдулла Хасан (Саудовская Аравия), специалист в области археологии. Помощник заместителя министра музеев и древностей Саудовской Аравии. Главный редактор журнала по археологии Саудовской Аравии «Атлал»

Мелларт, Джеймс (Великобритания), специалист в области археологии Западной Азии (преимущественно Анатолии). Профессор Института археологии Лондонского университета. Член Британской академии

Мерперт, Николай Яковлевич (Российская Федерация), специалист по неолиту и бронзовому веку европейской части бывшего СССР. Профессор, руководитель сектора неолита и бронзового века Института археологии Российской академии наук

Нуну, Ричард Б. (Гана), специалист в области археологии Экваториальной и Южной Африки. Бывший директор Национального музея и собрания памятников Ганы в Аккре

Нуньес Атенсио, Лаутаро (Чили), специалист в области доисторической археологии южной части Южной Америки. Профессор и соучредитель Института археологических исследований Северного университета в Атакаме. Член Чилийской академии социальных наук

Отт, Марсель (Бельгия), специалист по позднему палеолиту Европы. Профессор Льежского университета

Санюха Обедьенте, Марио (Венесуэла), специалист в области археологии и антропологии северной части Южной Америки. Исследователь-стипендиат Смитсоновского института Национального музея Соединенных Штатов в Вашингтоне, округ Колумбия. Член Национальной академии истории Венесуэлы

Сольхейм, Вильгельм Г. II (США), специалист в области первобытной истории Юго-Восточной Азии. Директор Центра Юго-Восточной Азии Гавайского университета в Маноа, Гонолулу

Уэндорф, Фред (США), специалист в области первобытной истории Африки. Профессор отделения антропологии Южного методистского университета в Далласе

Филлипсон, Дэвид У. (Великобритания), специалист в области археологии Восточной и Южной Африки. Куратор археологического и антропологического музея Кембриджского университета

Флуд, Джозефина М. (Австралия), специалист в области культурного наследия австралийских аборигенов. Руководитель отдела консервации Австралийской комиссии по культурному наследию в Канберре

Хутгерер, Карл Леопольд (Австрия), специалист в области археологии и антропологии Гавайских островов, Филиппин и Австралии. Преподаватель колледжа Брин-Мор, Гавайского университета, университета Сан-Карлос (Себу-Сити). Директор музея им. Бёрка университета штата Вашингтон, Сиэтл

Хэрлэн, Джек Р. (США), специалист в области археоботаники. Профессор в отставке

Цзя Ланпо (ранее известный как Ча Л.П.) (Китай), специалист в области палеоантропологии. Профессор университета Шэньси и университета Сямэнь. Профессор института палеонтологии позвоночных и палеоантропологии в Academia Sinica в Пекине. Член Китайской академии наук (Academia Sinica)

Шавайон, Жан Франсуа Анри (Франция), специалист в области геологии и первобытной истории (преимущественно Греции, Сахары, Эфиопии и Республики Джибути). Директор Лаборатории восточноафриканских исследований Национального центра научных исследований (CNRS)

Шеферд, Роберт (Великобритания), специалист в области горного дела доисторического и римского времени. Горный инженер

Шильд, Ромуальд (Польша), специалист в области археологии Северной и Восточной Африки. Директор Института истории материальной культуры Польской академии наук

Эредиа, Освальдо Раймундо (Аргентина), ум. в 1989 г.; специалист в области археологии Южной Америки

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

в. – век
вв. – века
г. – год, город
гг. – годы
гл. – глава
град. – градус
илл. – иллюстрация
кв. – квадратный
кг – килограмм
км – километр
куб. – кубический
м – метр
мин. – минута
млн. – миллион
наст. в. – настоящее время
н.э. – наша эра

о. – остров
оз. – озеро
п-ов – полуостров
р. – река
рис. – рисунок
с. – страница
сек. – секунда
см. – смотри
см – сантиметр
т – тонна
табл. – таблица
т.д. – так далее
т.е. – то есть
т.п. – тому подобное
тыс. – тысяч
ч. – час

ВВЕДЕНИЕ

Зигфрид Ян Де Лаат

В 1979 г., когда стали вырисовываться планы нового издания «Истории человечества», профессор Пауло Е. де Берредо Карнейро, председатель Международной комиссии, которому было поручено осуществление этого труда, обратился ко мне с просьбой выполнить критический анализ первого издания по всем проблемам доисторического периода. Он был направлен членам Комиссии (De Laet, 1979). Затем меня пригласили присутствовать в качестве наблюдателя на первом заседании Комиссии (сентябрь 1980). Следует отметить, что члены Комиссии, основываясь на отчетах 60 консультантов, пришли к выводу, что пересмотр первого издания в той мере, как он был первоначально предусмотрен, трудноосуществим. Было принято решение об издании полностью нового тома.

Комиссия тогда поручила мне создать рабочую группу, которая определила бы в готовящемся издании то место, которое следует отвести народностям до возникновения письменности. Эта группа в составе Педро Карраско (Мексика), Ахмада Х. Дани (Пакистан), покойного Шейха Анга Диопа (Сенегал), Иоахима Херрманна (Германия), Хосе Л. Лоренсо (Мексика), Ричарда Б. Нуну (Гана), Вильгельма Г. Сольхейма II (США) и покойного Ся Ная (Китай) собиралась дважды, 29–30 апреля 1981 г. и 16–18 ноября 1981 г., занималась методологическими проблемами, связанными с исследованием периодов, предшествовавших возникновению письменности.

Бюро Комиссии, собравшееся в Оксфорде 25–26 сентября 1981 г., уточнило периодизацию труда и наметило хронологические рамки разных томов нового издания. Наше второе заседание было посвящено составлению более детального плана тома I и списка специалистов, которые могли бы при необходимости написать одну или несколько глав этого тома. Список был составлен на основе двух критериев: наибольшая география авторов, но особенно – их компетенция. В январе 1983 г. план и список были переданы сначала в бюро, а затем в Комиссию и утверждены. Меня назначили главным редактором тома I, а в помощь придали трех соредакторов: А.Х. Дани (по Азии), Ричарда Б. Нуну (по Африке) и Х.Л. Лоренсо (по Америке). С этого времени редакционная комиссия собиралась неоднократно. Связались с потенциальными авторами (отказов было очень мало), я попросил их составить подробную схему глав, которые они согласились написать с учетом некоторых указаний комиссии, касающихся главных тем, на которых следовало бы сделать акцент. Благодаря этим схемам я смог составить довольно подробный «макет» тома I и передать его для внесения возможных поправок и критических замечаний на заседании в сентябре 1984 г. Авторы – вместе с членами редакционной комиссии и ра-

бочей группы их было 53 и принадлежали они к 31 нации – попросили представить первый вариант их текстов к концу 1985 г. Затем тексты были переданы членам комиссии, авторам тома I и, наконец, подготовительному комитету, состоявшему из членов редакционной комиссии, Лили Кэлас (Швеция), Иоахима Херрманна (Германия) и Луиса Г. Лумбрераса-Сальседо (Перу). Комитет собирался с 12 по 23 января и с 9 по 20 марта 1987 г. Правки и критические замечания затем были переданы авторам для окончательного редактирования их текстов. Следует подчеркнуть, что не оказывалось никакого давления, чтобы заставить авторов внести существенные изменения в написанные ими главы. Там, где наблюдались большие расхождения, в конце главы члены Комиссии вставляли краткие пояснительные заметки по этому вопросу.

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Продолжительность периода, предшествовавшего появлению письменности

Первый том нового издания «Истории человечества» охватывает период от появления в семье гоминидов первого существа, которое можно поместить в разряд *Ното*, до изобретения письменности и возникновения первых государств примерно 5 тыс. лет тому назад. Этот «доисторический» период длился от 2 до 3 млн. лет. Мало людей могут ясно представить себе эту продолжительность – настолько она громадна. Два сравнения помогут читателю представить себе ее:

1. Если мы представим себе эти 2,5 млн. лет, прошедших с появления *человека умелого* до сегодняшнего дня в виде одной прямой линии в 5000 м, то каждому году в ней отводилось бы по 2 мм. В этом случае период, предшествовавший возникновению письменности, составил бы 4990 м, а весь комплекс так называемых «исторических» периодов (от которых у нас остались письменные источники) составил бы последние 10 м; начало новой (христианской) эры было бы размещено за 4 м от конечной точки, а открытие Америки Колумбом находилось бы в 1 м от этой конечной точки.

2. Можно также сравнить общую длительность существования человечества с сутками (24 часа): *человек умелый* появляется в 0 ч. 1 мин., а каждый век соответствовал бы 3,465 сек. Изобретение письменности и становление первых государств происходило бы за 3 мин. до полуночи, а открытие Америки произошло бы за 17 сек. до конца суток.

**«Доисторический период»:
термин ошибочный, но укоренившийся**

Этот огромный период, предшествовавший появлению письменности, в обиходе называется «доисторическим». Однако, несмотря на его распространённость во всех языках, этот термин ошибочный. Если понимать его буквально, то он отбрасывает примерно 99,8% всего времени существования человечества и отводит лишь 0,2% этого времени «собственно истории» (истории, основанной на письменных источниках). Кроме того, он негативно воспринимается народами, которые лишь недавно обрели письменность и которые с полным правом воспринимают свое прошлое таким же «историческим», как и народы, у которых письменность появилась очень давно.

Действительно, в этот «доисторический» период мы присутствуем при рождении, детстве и юности человечества. Он ведёт нас от антропогенеза к изобретению письменности, к возникновению первых городов и первых государств. Он «видел» зарождение «классового общества», которое в течение тысячелетий характеризует период «собственно истории». Он «видел» медленное развитие основных характерных особенностей человеческой цивилизации, без знания которых большинство главных черт современных культур было бы непонятным.

Термин «доисторический период» был введен в XIX в. первоначально для того, чтобы обозначить период, в течение которого человек был современником исчезнувших видов животных, период, свидетельства о котором были найдены геологами и палеонтологами в очень древних геологических слоях, указывающих на то, что человек появился намного раньше тех шести тысяч лет, которые ему отводили ранее на базе библейской хронологии (см. ниже). Прилагательное «допотопный» (до потопа) применялось для обозначения того же периода, но быстро было отброшено. А термин «доисторический», напротив, быстро распространился на все периоды до появления письменности и включил в себя остатки всех предшествующих эпох. Исследования далеких эпох долгое время являлись предметом изысканий со стороны «ангикваров» (см. ниже), часто в чисто историческом плане. Даже историки очень поздно начали интересоваться этими периодами, письменными источниками о которых они не располагали. В течение долгого времени специалисты по доисторическому периоду и историки взаимно игнорировали друг друга. Однако сегодня времена изменились, и, начиная с периода между двумя мировыми войнами, контакты специалистов участились вследствие развития обоих научных направлений. С одной стороны, изучение периодов до появления письменности достигло большого прогресса, а с другой стороны, история постепенно, но в значительной степени, расширила свою сферу. Люсьен Февр (*Févre*, 1953, p. 428), один из основателей журнала «Анналы», считал, что история в самом общем смысле «интересуется всем, что, принадлежав человеку, зависит от человека, выражает человека, означает его присутствие, его деятельность, вкусы и способы быть человеком». Те же цели преследовались лучшими представителями доисторической науки в течение многих лет. Это сближение, очевидно, облегчило процесс интеграции так называемых доисторических эпох в комплекс истории человечества (*De Laet*, 1978, p. 228; 1985, p. 139).

Термин «доисторический», таким образом, абсолютно ошибочный. Можно было бы подумать о замене его термином «протоисторический» (самая первая история), если бы этот термин уже не вошел в обиход для обозначения в истории одного народа или одного региона того периода, когда этот народ еще не знал письменности, но соседние более развитые народы, пользующиеся письменностью,

говорили в своих письменах о еще неграмотных соседях (например, кельтские племена, о которых сообщали греческие и латинские историки). «Протоисторическими» называют иногда народы, которые уже были знакомы с письменностью, но язык которых еще не был расшифрован (например, этруски).

Как бы то ни было, термины «доисторический» и «протоисторический», какими бы неадекватными они ни были, так укоренились в большинстве языков, что практически они стали незаменимыми. Было бы иллюзией в настоящее время стремиться заменить их другими словами.

**Диахроническое развитие культур
и проблемы периодизации доисторической
эпохи**

Здесь нужно сделать предварительное замечание. Настоящий том охватывает не все периоды до возникновения письменности, а только период, когда все народы без исключения оставались еще на этой стадии. Около пяти тысячелетий назад первые системы письменности были изобретены в Египте и Месопотамии, но другие регионы земного шара еще долго оставались на доисторической стадии. Так, Китай познал письменность на тысячу лет позже Египта. На Крите первые письменные документы появились лишь к концу второго тысячелетия до н.э. В Западной Европе история начинает опираться на письменные источники немногим ранее начала той же эры, тогда как в Восточной и Северной Европе они появились еще через тысячу лет. Наконец, во многих районах Африки, Азии, Америки и Океании письменные источники появились не ранее начала периода колонизации. Поэтому еще часто в следующих томах настоящего издания речь будет идти о народах, не имеющих письменности.

Это несинхронное развитие различных культурных эпох ставит важные проблемы синхронизации. Нужно ли принять диахроническую периодизацию, основанную на различных культурных эпохах, или следует отдать предпочтение чисто хронологической периодизации? На своем заседании в Оксфорде в 1981 г. бюро Международной комиссии после серьезного изучения проблемы согласилось со вторым вариантом. Конечные даты, выбранные для каждого тома, отмечены самыми важными событиями в истории больших частей света; однако очень часто те же самые события проходят незамеченными в других регионах. Итак, в «региональных» главах (о которых речь пойдет ниже) в качестве конечной даты тома нужна была региональная дата, имевшая значение для немногих современников, и это надо было делать с большой гибкостью. Таким образом, главы, касающиеся Европы эпохи неолита, заканчиваются датой, которая на два или три века расходится с общей конечной датой. Даже внутри одного тома приходилось справляться с проблемами периодизации, которые нельзя было игнорировать. Разделение доисторического периода на три «века», по К. Ю. Томсену (см. ниже), которому по традиции следовали в Европе (нижний, средний и верхний палеолит, мезолит или эпилеполит, ранний, средний и поздний неолит, халколит или энеолит, иначе называемый медным веком, ранний, средний и поздний бронзовый век, первый железный век или халлштатская эпоха, второй железный век или латенская эпоха), представляет собой не только хронологические периоды, но и этапы технологического развития, а также социально-экономические эпохи. Такое подразделение неприменимо для многих регионов либо потому, что там такие эпохи отсутствуют, либо потому, что их некоторые основные черты очень различаются, либо пото-

му, что их хронологический ряд совсем другой. Типичный пример: в Японии керамическая посуда (появление которой, впрочем, рассматривается как одна из характерных черт неолита) начала изготавливаться раньше, чем в других местах, примерно 12,5 тыс. лет назад, т.е. в эпоху расцвета верхнего палеолита, а сельское хозяйство, наоборот, возникло там с большим опозданием, примерно 2,5 тыс. лет назад, почти одновременно с металлургией, как бронзовой, так и железной. Согласно европейской периодизации, неолит, бронзовый век и железный век там начались почти одновременно!

Следовательно, было неизбежно установление другой периодизации для разных регионов, таких как Африка южной Сахары или Америка. Значит, было необходимо разработать для первого тома достойную или, по меньшей мере, приемлемую периодизацию для всего земного шара. Было предложено разделить том на две большие части, исходя из времени начала производства пищи – события, которое, несомненно, является одной из главных культурных граней в развитии человечества.

Первая часть, которая соответствует периоду антропогенеза и традиционного «палеолита», включает более 99% общей длительности истории человечества. В свою очередь, ее необходимо было разделить на периоды. Показалось более предпочтительным присоединиться к классификации, принятой в палеонтологии человека, и в качестве больших этапов взять возникновение различных видов и подвидов предков человека, сменяющих друг друга с течением времени, нежели основывать эту разбивку на периоды, исходя из чисто археологических критериев, зачастую спорных. После вводной статьи об антропогенезе были предусмотрены три больших подраздела, в которых речь шла бы о периодах существования *человека умелого* и *человека прямоходящего* (*Homo erectus*), а также о *человеке разумном неандертальском* и о его современниках, и, наконец, о *человеке разумном мыслящем* до начала производства пищи.

Здесь следует упомянуть о том, что в целях представления всех периодов истории по более или менее схожей схеме комиссия решила, что каждый крупный подраздел будет содержать одну или несколько «тематических» глав (в которых будут выделены общие характеристики рассматриваемого периода и основной акцент будет сделан на крупных научных и культурных темах, выбранных комиссией) и серию «региональных» глав (в них рассматриваемый период будет изучен в региональном плане и акцент будет сделан на характеристиках различных культур, присущих этому региону). Региональные главы будут отражать аналитические исследования, тогда как тематические главы, «обзоры» будут представлять исчерпывающее изложение результатов аналитических исследований.

Вторая часть тома поведет читателя от начала производства пищи до рождения первых государств или, если угодно, от «неолитической революции» до «урбанистической революции». Эти два выражения, предложенные в недавнем прошлом великим австралийским (по происхождению) специалистом по доисторическому периоду Гордоном В. Чайлдом, вошли в обиход, хотя, если трактовать их буквально, они являются довольно спорными (гл. 36). В этой второй части снова встретятся главы, содержащие «обзоры», а также многочисленные «региональные главы». Сразу следует подчеркнуть, что начало периода производства пищи не везде происходило в одно время, а в некоторых регионах начало этого периода относится к значительно более позднему времени, чем конечная дата, завершающая настоящий том. Поэтому во второй части книги речь не пойдет о тех регионах, которые к этому времени еще не достигли стадии производства пищи, о них будет лишь упомянуто со ссылкой на первую часть.

АРХИВЫ ИЗ ЗЕМЛИ

Возможно, неподготовленный читатель задаст себе вопрос, как можно писать об истории этих отдаленных эпох, не располагая письменными источниками. К счастью, мы располагаем другой категорией сохранившихся документов, которые принято называть архивами из земли и которые постепенно удалось расшифровать. Эти архивы состоят из всевозможных следов, оставленных человеком на земле: с одной стороны, его костные остатки, с другой – продукты его жизнедеятельности. Первые свидетельства изучает палеонтология (термин, которым часто заменяют понятие палеоантропологии), а вторые – археология доисторического периода. Эти две дисциплины образуют как бы две чаши весов, которые «действительно несут два источника нашей информации, кость и камень, тело и разум, биологию и культуру» (Coppens, 1984, p. 9).

Однако архивы из земли значительно богаче, так как в них содержится большое количество данных о природной среде, о среде, которая окружала доисторического человека; кроме того, они содержат данные, которые позволяют установить как относительную, так и абсолютную хронологию доисторического периода.

НАЧАЛО И РАЗВИТИЕ НАУК О ДОИСТОРИЧЕСКОМ ПЕРИОДЕ

В развитии науки о доисторическом периоде можно различить некоторые фазы.

1. Фаза формирования, которую можно разделить на два периода:
 - А. От начала до 1859 г.
 - Б. С 1859 до 1918 г.
2. Переходная фаза (1918–1945 гг.).
3. Современная фаза (с 1945 гг.).

Фаза формирования

От начала до 1859 г.

Для того чтобы понять современные тенденции в исследованиях доисторического периода, необходимо напомнить, что они явились результатом столкновения и/или прогрессивного слияния ряда прежних концепций, часто очень отличающихся друг от друга.

Вначале необходимо сказать несколько слов о «классической археологии», которая оказала большое влияние на археологию доисторического периода. Классическая археология родилась в Европе в эпоху Ренессанса и гуманизма. Она в основном посвящена изучению остатков памятников и произведений искусства греческой и римской античности, к которым позднее добавились памятники и произведения искусства древнего Египта и древней Западной (Передней) Азии. Эта концепция, которая превращает классическую археологию почти в синоним истории искусств античности, была широко распространена еще в XIX в. и в первой половине XX в. Даже сегодня, несмотря на то, что эти две дисциплины четко различаются как своими целями, так и методами, среди широкой публики существует некоторая путаница в отношении к ним. Классическая археология, ограничившаяся вначале исследованием остатков памятников и произведений искусства, пережила новый подъем в XVIII в., когда начались раскопки Геркуланума (1709) и Помпей (1748). Имена Анн Клод де Келюс во Франции и Иоганна Иоахима Винкельмана в Германии связаны с этой эпохой. В те времена отмечено также начало активной археологии – исследований материальных остатков цивилизаций прошлого с помощью раскопок. Другая важная дата – 1798 г., год похода Наполеона

в Египет. Будущий император отправился в поход с командой ученых, отчет которых в десяти томах положил подлинное начало египтологии. Этот возросший интерес к древностям фараонов породил ряд диких раскопок по заказу нескольких крупных европейских музеев. Хедив (титул правителей Египта в 1867–1914 гг. – *Прим. ред.*) положил конец этим злоупотреблениям, создав в 1885 г. службу древностей и жестко регламентируя раскопки. В Месопотамии археология сделала первые шаги в то же время, что и в Египте; здесь также достойны сожаления факты постыдных разграблений, которые при отсутствии соответствующего законодательства продолжались еще дольше, чем в Египте.

Один из самых глубоких корней изучения доисторического периода нужно искать в деятельности *антикваров* (это слово вначале было синонимом слова *археолог*). Традиции антиквариата столь же древние, как и традиции классической археологии, с которой он был тесно связан. Антиквары были особенно активны в европейских странах, где остатки классической античности были редкими; так же как их коллеги по классической античности, они вначале занимались описанием и изучением древних памятников в своих регионах. Многие из этих памятников – мегалитические захоронения, алтари, укрепления и т.д. – относились к доисторическому периоду. С ними часто связывали легенды (мегалитические захоронения «построены дьяволом или колоссами»), или их появление приписывали природным явлениям (отполированные кремневые топоры считались «каменными молниями», появившимися в результате ударов молнии о землю). Благодаря антикварам эти остатки начали приписывать галлам, «бриттам», германцам, готам и другим народам, жившим в регионе до римской эпохи, имена которых были известны античным историкам. Среди этих антикваров назовем в Великобритании Джона Леланда (*John Leland*) и Уильяма Кемдена (*William Camden*) в XVI в., Джона Обри (*John Aubrey*) в XVII в. и Уильяма Стакли (*William Stukeley*) в XVIII в.; во Франции – Бернара Монфокона (*Bernard de Montfaucon*), Анн Клод де Келюс и Теофила Корре де ля Тур д'Овернь (*Theophile Corret de la Tour d'Auvergne*) в XVIII в. Но только в Скандинавии антиквары под защитой и при поддержке королевских домов Швеции и Дании оказывали решающее влияние на прогресс исследований доисторического периода. Густав II Адольф Шведский (который правил в 1611–1632 гг.) учредил пост *Antiquarius regni* (королевский антиквар. – *Прим. пер.*) (сегодня *Riksantikvar*), в обязанности которого входило составление перечня и обеспечение защиты археологических памятников страны. Также в Швеции при Карле XI в 1662 г. в университете Уппсалы был учрежден пост *Professor antiquitatum* (профессора антиквариата) (отметим, что лишь в 1818 г. была создана вторая кафедра «национальной» археологии при Лейденском университете в Нидерландах). Четыре года спустя, в 1666 г., правительство Швеции издало первый закон о защите археологических памятников и поселений. В Дании следует назвать Оле Ворма (*Ole Worm*) (1558–1654), который составил перечень археологических памятников своей страны, написал историю Дании, в которой он попытался совместить письменные источники и археологические данные, и собрал большую археологическую коллекцию, которая позже вошла в королевские коллекции, а в 1844 г. попала в Музей северных древностей Копенгагена. Дания по примеру Швеции в 1684 г. учредила пост государственного антиквара. По примеру все той же Швеции царь Петр I (1672–1725) в 1718 г. издал указ, обязывающий каждого, кто отыщет древности, передать их в археологическую службу, созданную для этих целей.

К середине XVIII в. в Дании были начаты первые раскопки, которые можно назвать научными: это раскопки мегалитического захоронения в Ягерприсе, начатые в 1744 г. Эриком Понттопиданом (*Erik Ponttopidan*) и будущим королем кронпринцем Фредериком V. Этим раскопкам пред-

шествовали лишь раскопки в 1685 г. другого мегалитического захоронения – Кошерель во Франции. И, наконец, большое датское достижение – создание в Копенгагене Музея северных древностей под влиянием Расмуса Ньерупа (*Rasmus Nyerup*). Решение о строительстве этого музея было принято в 1807 г.; он был открыт в 1819 г. Для презентации коллекций директор нового музея Кристиан Ю. Томсен разработал знаменитую хронологическую систему «трех веков»: он утверждал, что орудия и оружие вначале делались из камня, потом из бронзы и, наконец, из железа («Каменный век», «Бронзовый век», «Железный век»). Сходная теория была уже выдвинута в I в. до н.э. римским поэтом и философом Лукрецием, но на совершенно умозрительной основе, тогда как Томсен предложил свою систему на базе точных наблюдений. В течение XIX в. во многих других странах были созданы музеи по типу копенгагенского музея.

Влияние антикваров усилилось благодаря созданию почти повсеместно в Европе научных обществ, которые занимались археологией, но не только ею. Большинство из них были основаны в XVII в.: Академия деи Линсеи (*Accademia dei Lincei*) (Рим, 1603), Королевское общество (*Royal Society*) (Лондон, 1663), Академия надписей и словесности (*Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*) (Париж, 1663). Первым обществом, которое занялось исключительно археологией, было Лондонское общество антикваров (*Society of Antiquaries of London*), созданное в 1718 г. и получившее Королевскую хартию (*Royal Charter*) в 1751 г.

Лучшие из антикваров быстро избавились от пустого любительства и во многом содействовали развитию научных методов как в технике раскопок, так и в датировке и трактовке следов прошлого. Они сыграли значительную роль в создании крупных музеев, в разработке законодательной базы для раскопок и для защиты памятников и поселений, а также в организации преподавания университетского курса национальной археологии наряду с преподаванием классической археологии.

Другой, не менее важный, чем предыдущий, корень современных исследований доисторического периода – работы геологов и палеонтологов, особенно в конце XVIII в. заинтересовавшихся свидетельствами деятельности человека, артефактами и ископаемыми остатками, которые они находили во время раскопок на некоторых геологических уровнях. Уже в 1797 г. Джон Фрир (*John Frere*) нашел в Хокснри (графство Суффолк, Великобритания), несколько предметов (которые позднее были признаны как ашельские двусторонне оббитые орудия) в нетронутом слое гравия толщиной более 2,7 м вместе с костями животных исчезнувших видов. Он сделал вывод, что человек был современником исчезнувших видов животных и его появление на Земле восходит к более раннему периоду, чем те шесть тысячелетий, которые ему обычно отводили на основе библейской хронологии. К этому же периоду относятся похожие находки, сделанные в Германии, Австрии, Франции, Бельгии. Все, кто их нашли, пришли к тем же выводам, что и Фрир. Против этих выводов возражали не только те, кто придерживался библейской хронологии, но и многие геологи и палеонтологи, которые находились под влиянием Жоржа Кювье во Франции и Уильяма Бакленда в Великобритании. Кювье отбросил трансформизм Жана Батиста Ламарка, создал свою теорию «катастрофизма» («теорию катастроф») и отказывался от идеи существования ископаемого человека. Должно было пройти много лет, прежде чем открытия, о которых шла речь, приобрели должную оценку. В течение второй четверти XIX в. специалист по доисторическим временам Жак Буше де Кривекёр де Перт (*Jacques Boucher de Crèvecœur de Perthes*) предпринял поиски в каменоломнях и гравии террас р. Соммы во Франции. Он нашел множество артефактов, относящихся к нижнему палеолиту, и снова они лежали вместе с костями ископаемых животных. Его публикации восприни-

мались ученым миром со скептицизмом до тех пор, пока два известных члена Королевского лондонского общества – Джозеф Приствич (*Joseph Prestwich*) и Джон Эванс (*John Evans*) не оценили их высоко в выступлении, сделанном перед этим обществом в 1859 г.

Четыре года спустя геолог Чарльз Лайель опубликовал свою книгу «*The Geological Evidence for the Antiquity of Man*» («Геологическое свидетельство древности человека») и окончательно заставил поверить в справедливость теории Буше де Перта и его предшественников, касающейся глубокой древности происхождения человека. И, наконец, пришло время для такого поворота в исследованиях. Действительно, в 1857 г. в Германии, в долине Неандерталь был найден череп и различные кости ископаемого человека, который дал свое имя неандертальцам. Эта находка вызвала бурные дискуссии среди палеонтологов, но в конце концов с ее помощью было доказано существование внутри вида *Homo* ископаемого подвида *человека разумного неандертальского* (*Homo sapiens neanderthalensis*), совершенно отличного от сегодняшнего *Sapiens sapiens*. 1859 г. стал не только годом триумфа Буше де Перта, но также годом публикации известного труда Чарльза Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора». Четыре года спустя Томас Хаксли распространил теорию Дарвина на эволюцию человека. Следовательно, можно считать, что начиная с 1859 г. изучение доисторического периода и, особенно, самых древних периодов получило право на существование в ряду научных исследований.

Также благодаря влиянию геологов были проведены стратиграфические раскопки, и было признано их значение для установления относительной хронологии. Так, к середине XIX в. Йенс А. Ворсае (*Jens A. Worsaae*) совместно с геологами организовал подобные раскопки в Дании, чтобы проверить достоверность системы «трех веков» Томсена. Так началось сотрудничество между археологами и специалистами в области естественных наук, сотрудничество, ставшее настолько повседневым, что его можно рассматривать как одну из основных характеристик современной науки о доисторическом периоде.

Для того чтобы понять современные исследования доисторического периода, необходимо учитывать существование связей между археологией и антропологией. Термин «*антропология*» довольно двусмысленный, его следует уточнить.

По-французски, когда это слово употребляется отдельно, оно обозначает предмет, который изучает анатомические и биологические признаки различных групп людей и их эволюцию. Когда этот предмет изучает доисторических людей, тогда «*антропология*» (часто называемая палеонтологией человека или палеоантропологией) тесно связана с доисторическим периодом, как мы уже часто указывали. В англоговорящих странах, и особенно в Соединенных Штатах, термин *anthropology* (мы намеренно используем английскую орфографию) соответствует тому, что по-французски означает термин «*культурная и социальная антропология*» или «*этнология*»: она изучает группы людей, которые в современную эпоху (с XVIII по XX в.) не знают письменности, которые очень невелики, используют относительно простую технологию, а их культурные и социальные структуры специалисты пытаются проанализировать путем исследований на месте (*Freedman*, 1978). В Соединенных Штатах антропологи этого направления очень рано включили в поле своего зрения исследования доисторического периода. Причины этого – исторического порядка. Открытие Нового Света в 1492 г. установило контакты европейцев с народами, жившими еще на доисторической стадии: некоторые не умели обращаться с металлом и пользовались каменными орудиями и оружием. А в это же самое время в Европе были уже найдены каменные предметы, но никто не знал, были ли они продуктом деятельности человека. Благодаря знакомству с американскими артефактами некоторые ученые, как Микеле Меркати

(*Michele Mercati*), с конца XVI в. могли правильно объяснить европейские находки и отнести их к древним народам, уровень цивилизации которых должен быть сравним с уровнем цивилизации «дикарей» Америки. Одной из проблем, поднятых существованием американских индейцев, была проблема их происхождения. В выдвинутых гипотезах их делали потомками египтян, финикийцев, ханаанцев, «исчезнувших племен» израилевых, уцелевших жителей с утонувшей Атлантиды. Этим предполагаемым предкам приписывают впечатляющие памятники периода, предшествовавшего открытию Америки, и среди них гигантские могильники Среднего Запада. Однако наименьшие фантазеры среди антикваров полагали, что строители этих курганов были всего лишь предками современного автохтонного населения. Томас Джефферсон (который стал третьим президентом Соединенных Штатов) предпринял раскопки одного из этих курганов в 1784 г. Если он и не смог доказать достоверность своих предположений, то сами раскопки по использованной технике и точности стратиграфических наблюдений на целый век опередили все исследования на местности, проведенные до того времени. Джефферсон первый выявил возможности дендрохронологии.

Связь между древними и современными народами Америки, которую постепенно удалось установить, совершенно естественным путем привела американских антропологов к тому, чтобы объединить изучение доисторических народов и в первую очередь народов Нового Света, со всем комплексом *anthropology*. Согласно мнению этой научной школы – *Current Anthropology*, антропология должна соединить воедино не только культурную и социальную антропологию, но и биологическую антропологию, науку о доисторическом периоде, археологию, лингвистику, фольклор, этнологию (и этот перечень не ограничен). Отметим, что очень скоро антропологи стали квалифицировать изучаемые группы людей как «первобытные», не отдавая себе отчета в том, насколько это определение имело пренебрежительное значение и означало оттенок снисходительности, который мог быть плохо воспринят теми людьми, к которым он относился. В настоящее время этот термин заброшен. Антропологию можно сравнить с социологией, а антропологи часто называют себя социологами обществ, не имеющих письменности. Цели, преследуемые антропологией, совершенно отличны от целей наук о доисторическом периоде, поставленных в настоящем издании; и все же, очевидно, между двумя этими дисциплинами существуют связи, к которым мы вернемся.

С 1859 до 1918 г.

Как указано выше, время с 1859 по 1863 г. было решающим этапом в исследованиях доисторического периода. Рассмотрим более кратко вторую часть периода формирования, который простирается до начала первой мировой войны.

В качестве уже достигнутого большого прогресса напомним отказ от библейской хронологии, кающейся древности человека, и почти общее согласие с системой «трех веков». С 1865 по 1875 г. было предложено несколько других систем периодизации, основанных на социально-экономических моделях, которые имели большее воздействие на антропологов, чем на специалистов по доисторическому периоду. Самым важным был труд Свена Нильсона (*Sven Nilsson*) (1865), теоретические выкладки которого учили Эдуард Тайлор из Великобритании и Льюис Г. Морган (1877) из США. Последний выделял семь фаз («этнических периодов») развития цивилизации:

1. Ранняя дикость – от антропогенеза до открытия огня.
2. Средняя дикость – от открытия огня до изобретения лука и стрел.

3. Поздняя дикость – от изобретения лука и стрел до изобретения глиняной посуды.
4. Раннее варварство – от изобретения глиняной посуды до приручения животных.
5. Среднее варварство – от приручения животных до изготовления железных орудий.
6. Позднее варварство – от находки железа до изобретения фонетического алфавита.
7. Цивилизация – начиная с изобретения алфавита и письменности.

Эта схема Льюиса Генри Моргана оказала значительное влияние на Фридриха Энгельса и в течение длительного времени служила базой марксистских концепций об эволюции общества в доисторическую эпоху. Эволюция по Дарвину была распространена на область культуры, а уже в XIX в. начались ученые споры между эволюционизмом и диффузионизмом, которые продолжают до наших дней. И, наконец, начиная с 1886 г., появилась необходимость в создании организации, целью которой было бы развитие международного сотрудничества. В Невшателе, в Швейцарии, состоялся Международный палеонтологический конгресс, а в следующем году был основан Международный конгресс по доисторической антропологии и археологии, предшественник современного Международного союза доисторических и протоисторических наук (*De Laet*, 1971). Многочисленные раскопки, предпринятые в этот период, с технической точки зрения оставляли желать лучшего. Однако следует упомянуть о некоторых первопроходцах, раскопки которых достойны восхищения. Имена Томаса Джефферсона и Иенса А. Ворсае уже упоминались; к ним можно добавить имена Джузеппе Фиорелли (Помпеи), Эрнста Куртиса (*Ernst Curtius*) (Олимпия), Уильяма М. Флиндерса Петри (*William M. Flinders Petri*) (Египет), Огастеса Г. Питт-Риверса (Великобритания) и *Reichslimeskommission* (систематические раскопки на укрепленной границе Римской империи в Верхней Германии и в Рейнской области). Все эти раскопки выявили важность стратиграфии для относительной хронологии и периодизации раскопанных поселений. Все сильнее чувствовалась необходимость располагать абсолютной хронологией. Томас Джефферсон уже предчувствовал возможности дендрохронологии; первое успешное применение этого метода было предпринято в 1901 г. А.Э. Дугласом для того, чтобы произвести датировку поселения доколумбовского периода Пуэбло-Бонито в Аризоне. В том же году А. Пенк и Э. Брикнер, выделив четыре ледниковые эпохи в период плейстоцена, создали геологическую основу для относительной хронологии палеолита. В Швеции Герард де Геер (*Gerard de Geer*) разработал абсолютную хронологию по двенадцати последним тысячелетиям в Северной Европе, основываясь на анализе илистых глин. В течение зимы 1853–1854 гг. Фердинанд Келлер открыл первые приозерные деревни в Швеции; он призвал к сотрудничеству специалистов различных отраслей естественных наук, придавая, таким образом, большое значение изучению природного окружения. И, наконец, открытия в Испании и во Франции искусства настенной живописи и остатков блестящих доисторических цивилизаций как в Европе, так и в Азии и Америке оказали громадное воздействие на интерес широкой публики к доисторической науке.

Переходная фаза (период между двумя мировыми войнами)

Во время этой переходной фазы доисторическая археология еще страдала рядом «детских болезней», таких как неупорядоченный эмпиризм, отсутствие строгого соблюдения процессов исследования и анализа, субъективизм методов трактовки фактов. Кроме того, доистори-

ческая археология вынуждена была сталкиваться с вызовом расистских теорий школы Г. Коссинны, которая претендовала на создание псевдонаучной базы немецкого фашизма.

К счастью, эта фаза представляет много положительных сторон. Археологические исследования не ограничиваются как прежде Европой, Египтом, Западной Азией и несколькими регионами Америки (США, Мексика, Перу), но постепенно расширились на другие регионы земного шара: археология стала всемирной. Археологические изыскания расширились с помощью аэрофото съемки. Техника раскопок совершенствовалась благодаря новым трехмерным методам, развитым несколькими ведущими археологами, такими как Мортимер Уилер (*Mortimer Wheeler*) в Великобритании и Альберт Э. ван Гиффен (*Albert E. van Giffen*) в Нидерландах. В то время как на фазе формирования, прежде всего искали изделия, артефакты, на этой переходной фазе пришли к мысли, что почва может дать более значительную археологическую документацию (различные структуры, следы обесцвечивания в почве, происходящего в результате гниения остатков органических веществ и т.д.). Для того чтобы выделить или записать эти данные, было необходимо создать очень тонкие технологии, подчас столь же деликатные, как хирургические операции. Определение обстоятельств, при которых археологические остатки попали в грунт, – контекстные данные (признаки, свидетельства), – стало одной из задач исследований на местности. И, наконец, значительно возросла важность подхода с точки зрения географии, окружающей среды и экологии в деле трактовки данных археологии. Изменились и цели доисторической археологии. Теперь специалисты не занимались лишь поисками артефактов, глиняной посуды, произведений искусства, но проявили больший интерес к Человеку, который оставил следы своего пребывания на земле, к его образу жизни, к его экономической и социальной организации, к его верованиям. По этому поводу приведем три фразы Мортимера Уилера (*Wheeler*, 1954, pp. V, 2): «...археолог теперь не откапывает *вещи*, он откапывает *людей*. В простом и самом прямом смысле археология является наукой, которая должна «сжиться с человечеством»... – Мертвая археология – это пыль, которую надо сдувать в первую очередь».

Современная фаза (с конца второй мировой войны)

Современная доисторическая археология вкратце может быть охарактеризована следующими чертами.

1. Возрастающее значение естественных наук, которые дали новые средства для абсолютной датировки, в частности для датировки удаленных периодов истории человечества, и дали возможность отодвинуть на два – два с половиной миллиона лет начало этой истории. Другие естественные науки дают все более точную информацию об окружающей среде, в которой жили люди прошлого, а также о ее эволюции.

2. Растущий интерес к эпистемологии (теории познания), к теории и методологии археологии. Частично этот интерес вызван возросшим влиянием антропологии в англоговорящем мире и «новой археологии» за пределами США.

3. Интенсификация доисторических исследований не только в Европе, США, Китае, но и в других регионах мира, в частности, в молодых развивающихся странах после второй мировой войны. Археологией там в настоящее время занимаются местные ученые, и она тесно связана с проводимыми этими странами исследованиями своего национального прошлого, культурного лица, своей «подлинности».

4. Параллельно с расширением географии исследований усилились международные контакты: трудно подсчитать количество проводимых конгрессов, коллоквиумов и симпозиумов, посвященных доисторическому периоду. Стали лучше известны и обсуждены за пределами своих ареалов различные идеологические, философские и методологические тенденции в интерпретации археологических данных.

ОБЗОР ОСНОВНЫХ НАУК О ДОИСТОРИЧЕСКОМ ПЕРИОДЕ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН

Археология

Часто путают «предысторию» с «археологией». Напомним, однако, что доисторический период является тем периодом в истории человечества, по которому недостает письменных источников, в то время как археология является методом исследования: она изучает прошлое, основываясь на исследованиях остатков материальной культуры, оставленных людьми прошлого. Археология является главной, но не единственной дисциплиной, которая может рассказать о доисторическом периоде; кроме того, археология не ограничивается доисторическим периодом и может нам повеждать обо всех периодах прошлого, даже о самых недавних. Например, «промышленная археология» занимается в основном изучением материальных остатков XIX в. Здесь мы ограничимся археологией доисторического периода. Мы предлагаем кратко просмолетреть различные фазы археологической работы и показать, к каким поддерживающим дисциплинам приходится обращаться при изучении каждой их этих фаз.

Археологический поиск

Сегодня никто не довольствуется лишь тем, что находит и раскапывает остатки, которые видимы на поверхности или были случайно выявлены в ходе сельскохозяйственных работ, общественных работ или эрозии. В действительности был разработан ряд методов активного поиска, благодаря которым можно локализовать полностью сокрытые или невидимые глазу местонахождения. Необходимость в таких методах вытекает *inter alia* из опасности разрушения, которому подвергаются поселения в обширных регионах в результате индустриализации, строительства новых путей сообщения, плотин электростанций и т.д., и из желания по возможности спасти эти остатки нашего культурного достояния. Среди основных методов активного поиска назовем следующие.

1. Аэрофотосъемка, часто в сочетании с фотограмметрией. Она позволяет выявить, с одной стороны, малейшие изменения уровней, практически невидимые невооруженным глазом, которые часто являются следами осевших фундаментов или засыпанных рвов, и, с другой стороны, различия в окраске почвы или в развитии растительной среды, которые часто вызываются скрытыми археологическими остатками. Электронная обработка этих фотографий может сделать их более контрастными и более четкими. Заметим, что аэрофотосъемка как средство археологических поисков дает результаты только на открытой местности и не может быть использована в лесистых районах. Не исключено, что в ближайшем будущем снимки, сделанные со спутников (дистанционное обнаружение), смогут также использоваться в археологии.

2. Для обнаружения обломков или затопленных поселений стали развиваться подводные поиски. Кроме сверхлегкого снаряжения для ныряльщиков сегодня используют самую совершенную аппаратуру (подводные телекамеры, батискафы и т.д.).

3. Магнитное обнаружение металлических предметов, печей, очагов, засыпанных рвов и шахт, фундаментов, захоронений и т.д. с помощью таких аппаратов, как протонные и цезиевые магнитометры, градиентометры и др.

4. Обнаружение электрических аномалий почвы, вызванных наличием фундаментов (которые уменьшают электропроводимость) или засыпанных рвов (которые увеличивают эту проводимость) с помощью потенциометров, позволяющих измерять сопротивление почвы.

5. Поиски с помощью акустических и сейсмических методов аппаратами, регистрирующими вибрации, вызванные отражением, преломлением или резонансом вследствие сотрясения почвы или излучения пучка волн различной частоты.

6. Химический анализ грунтов, в частности содержания в земле фосфата и углекислого калия, позволяет определить местоположение грунтов с большим антропогенным воздействием (бывшие поселения).

Раскопки

Прошли те времена, когда раскопки ограничивались выкапыванием памятника из земли или поисками произведенных искусства или предметов для показа. Сегодняшний археолог занимается воссозданием всех аспектов прошлого в той степени, в какой ему позволяют материальные остатки; он ищет, как вел себя и как реагировал доисторический человек на окружающую природу, каковы были основы его хозяйствования, его социальная организация и его личное поведение. Задачей искателей было собрать в почве максимум данных, которые позволили бы достичь поставленных целей. Речь идет о том, чтобы найти не только все предметы до мельчайшего осколка, но и отметить любые следы, такие как обесцвечивание грунта, вызванное предметами и портящимися органическими структурами, от которых остался лишь «призрак».

Так как одно и то же поселение в течение долгого времени заселялось неоднократно, нужно точно определить, к какому археологическому уровню принадлежат каждые остатки, какие артефакты и какие структуры должны быть взаимно увязаны. Остатки различных периодов чаще всего находятся в своих слоях, но очень часто уровни пересекаются и перепутываются, и тогда нужно прибегать к сложной технике, чтобы распутать этот клубок. К этому добавим взятие различных образцов для их датировки радиоуглеродным методом, для проведения палинологических или химических анализов и т.д. Каждая раскопка означает более или менее частичное разрушение раскапываемого поселения, ибо для того чтобы достичь нижних уровней, нужно снять верхние уровни, стараясь при этом сохранить найденные предметы в своем контексте. Становится абсолютно необходимым тщательно регистрировать (очевидно, учитывая практические возможности и обстоятельства) – с помощью письменных заметок, точного составления в заданном масштабе чертежей и разрезов, фотографирования и там, где это возможно, взятия отпечатков следов (например, на латексе), снятия типичных профилей с помощью целлюлозной пленки, нанесения координат и т.д. – трехмерные изображения любых остатков, любого предмета, малейшего их следа и их связи с различными археологическими и геологическими уровнями.

Теоретически раскопки и их регистрация должны выполняться с такой точностью, чтобы было возможно идеально восстановить залегание таким, каким оно было до раскопок. «Этнографические» раскопки, разработанные французским историком Андре Леруа-Гураном, являются типичным примером того, чего можно достичь с помощью современной техники. Современные раскопки требуют от археолога ряда практических знаний в области

естественных и точных наук и умения пользоваться современными специальными инструментами и выполнять сложные вычисления. Иногда необходимо применять геометрию, тригонометрию и т.д.

К сожалению, не все современные раскопки отвечают критериям высокого качества, однако можно отметить сокращение числа устаревших и диких раскопок. Большинство исследований на местности можно разделить на три большие категории.

1. Спасательные раскопки, которые проводят для того, чтобы спасти залегания, находящиеся под угрозой. В некоторых странах существует закон, по которому любой участок земли, на котором предполагается построить завод или дорогу, сначала обследуется археологами. Они располагают как временем, так и необходимыми субсидиями для возможных раскопок территории в том случае, если там окажутся археологические остатки. В исключительных случаях спасательные раскопки производились при международном сотрудничестве под эгидой ЮНЕСКО: например, в Верхнем Египте и в Нубии во время строительства новой Асуанской плотины.

2. Раскопки для выявления количества памятников в стране, увеличения количества и привлекательности туристических комплексов и внесения вклада в общую экономику страны. Эта экономическая цель не обязательно наносит вред научной ценности исследований, которые показывают властям, что археология может быть рентабельной для увеличения национального дохода.

3. Третья категория, самая важная в научном плане, охватывает «тематические раскопки», проводимые в тщательно отобранных местах для сбора новых данных, которые могут сделать вклад в решение крупных проблем культурного и исторического значения. Эти раскопки обычно широкомасштабные: например, жилое поселение или целый участок раскапываются полностью. Подобные раскопки почти всегда многоцелевые и часто носят международный характер (как раскопки в Южной и Восточной Африке для решения проблемы антропогенеза и раскопки в Западной Азии для выяснения происхождения животноводства и сельского хозяйства).

Описание и классификация археологического материала

С конца второй мировой войны были отмечены коренные методологические изменения в области описательного анализа и классификации археологического материала. До того периода эта сфера характеризовалась полным отсутствием дисциплины, даже полной анархией, как в том, что касалось типологии артефактов, так и в определении таксономических комплексов: названия давались артефактам по причине простого внешнего сходства с орудиями ремесленников XIX в., существовали неточности в применении терминов, была слабо развита типологическая дифференциация, использовались термины, которые могли иметь множество различных значений. В течение вот уже сорока лет отмечается живая реакция против подобного состояния вещей. Мы видим, как прикладываются усилия для систематизации и классификации, которые выражаются в применении очень строгих таксономических правил, часто очень близких к тем, что наблюдаются в биологии, палеоантропологии и в других естественных науках. Точно и объективно определяются элементы, которые управляют составлением типологии, формы и измерения артефактов (с помощью графиков, диаграмм, гистограмм, шкал и т.п.). Таким образом определяют сырье, использованное для изготовления артефактов, его происхождение (методами петрографии, спектрального анализа, активационного анализа и т.д.) цвет (колориметрия) и т.д. Прилагались очень большие усилия для стан-

дартизации терминологии. И, наконец, для классификации археологических остатков все чаще обращаются к квантификации – разработке различных систем качественной или размерной статистики или типологических таблиц для определения таксономических единиц и их подразделов (культура, промышленность и т.д.). Наконец, для типологии и классификации материала, особенно когда этот материал имеется в изобилии, становится обычным использование компьютеров и составление банка данных. Эти новые методы, в которых часто применяют коды и сложные символы, требуют знаний математики, статистики и информатики, которыми большинство археологов не владеют. Значит, они должны тесно сотрудничать с математиками и особенно с разработчиками компьютерных программ.

Эта настоящая методологическая революция имеет и свои отрицательные стороны, которые трудно отрицать. Усилия по унификации номенклатуры, по составлению новых типологий и новых таксономических методов делаются разрозненно и подчас приводят к еще большей, чем раньше, путанице и даже к настоящим баталиям между разными школами.

Проблемы реставрации и сохранности. Лабораторные методы

Недостаточно в ходе раскопок освободить остатки прошлого, нужно, по мере возможности, сохранить их, так как они составляют культурное достояние человечества. Эти остатки очень часто портятся под воздействием как времени, так и покрывающей их земли, а после их освобождения из-под земли они подвергаются воздействиям атмосферы, биологических, физических и химических веществ. За последние десятилетия достигнут громадный прогресс в их сохранении. В этой области следует делать четкое различие между остатками памятников архитектуры и искусства, сохраняемых на местах, и экспонатами, находящимися в музеях.

К счастью, в том, что касается памятников, уже прошла эпоха впечатляющей, но мало относящейся к научной, реставрации по методу Виолле-ле-Дюка. Основными проблемами, с одной стороны, являются укрепление и сохранение руин памятников, с другой стороны, защита древних памятников и произведений искусства от воздействия времени. Растущее загрязнение атмосферы в сильно развитых промышленных зонах составляет серьезную угрозу для большого количества памятников доисторического периода, античных и средневековых памятников, например, афинского Парфенона и развалин памятников Древнего Рима. В других местах развалины, долгое время находившиеся в земле, а сегодня открытые и сохраняющиеся на открытом воздухе, подвергаются воздействию других разрушительных элементов: руинам в Мохенджо-Даро в Пакистане, которые в течение тысячелетий были защищены землей, сегодня угрожают подъем подземных вод, коррозия из-за солей, содержащихся в этих водах, и паводки Инда. Что касается настенных изображений в пещере Ласко, во Франции, открытых в 1940 г., то приток публики сразу после разрешения доступа в нее нарушил хрупкое климатическое и биологическое равновесие пещеры и вызвал развитие колонии водорослей, которую с трудом удалось устранить. Кроме того, существует проблема, вызванная необходимостью перемещать некоторые крупные памятники, когда их сохранение *in situ* становится невозможным. Поражительным примером тому является знаменитый храм Абу Симбел, место нахождения которого должно было быть затоплено во время строительства Асуанской плотины.

Что касается предметов, найденных во время раскопок, то работа по сохранению некоторых из них, например

предметов органического происхождения, начинается прямо на месте. Другие предметы из металла, стекла, керамики и т.д. также необходимо подвергнуть специальной обработке для их сохранения и реставрации. Специализированные лаборатории при больших музеях или образующие автономные научные подразделения, разработали сверхсовершенные методы для достижения этих целей.

Добавим, что в области реставрации и сохранения памятников существует международная солидарность, которая проявляется в таких организациях, как ICOM (Международный совет музеев), ICOMOS (Международный совет музеев и поселений) и ICCROM (Международный центр исследований по сохранению и реставрации культурных ценностей) в Риме, некоторые из них сотрудничают с ЮНЕСКО. Напомним, что ЮНЕСКО организовала несколько кампаний по сохранению ряда изумительных памятников и поселений (Парфенон, руины Ангкора и Мохенджо-Даро, храмы Абу Симбел и Филы). Эти кампании полностью удалась благодаря международной научной и финансовой солидарности.

Археологи и сотрудники лабораторий также сотрудничают в определении происхождения найденных во время раскопок артефактов, рассматривая их не только как законченный продукт, но и изучая происхождение сырья, из которого они были изготовлены. Такое изучение может указать на торговые связи, пути сообщения, распространение технических знаний. В этих исследованиях большую роль играют некоторые естественные науки (химия, микрохимия, спектроскопия, спектрометрия, петрография и т.д.).

Несмотря на то что знание о точном назначении различных видов зданий и артефактов (орудия, оружие и т.д.) входит в классификацию археологического материала, оно занимает особое положение, потому что при определении функционального назначения артефактов все чаще прибегают к лабораторным анализам (химия, петрография, металлография, исследования в рентгеновских лучах и т.д.), а также к практическим экспериментам с помощью создания копий, воспроизведения ремесленных установок и с помощью сравнительных данных, предоставленных этнографией или традиционным ремесленным оборудованием, которое существовало до промышленной революции XIX в. (однако необходимо соблюдать большую осторожность в применении таких сравнений). До недавнего прошлого в этой сфере не наблюдалось прогресса: если, к примеру, была очень хорошо известна технология изготовления кремневых артефактов, то об их реальном назначении почти ничего не было известно. И только лишь с 1964 г. российский археолог С.А. Семенов начал проводить трасологические исследования кремневого производства, которые были широко развернуты благодаря исследованиям под микроскопом следов применения, оставленных на кремневых орудиях, стало возможным определить, какое сырье (дерево, кость, шкуры, мясо и т.д.) обрабатывалось с помощью этих артефактов, и таким образом узнать об их назначении.

Очевидно, что развитие археометрии (то есть комплекса всех лабораторных методов, применяемых в археологии) находится лишь в начальной стадии, и в будущем от нее можно многого ожидать.

Антропология

Биологическая антропология

Уже поднимался вопрос о биологической антропологии и о ее тесных связях с археологией доисторического периода; здесь мы лишь вкратце коснемся этого вопроса. Напомним, что задачей палеоантропологии является изучение ископаемых остатков человека самых отдаленных эпох и воспроизведение этапов антропогенеза.

Она обращается не только к палеонтологии и сравнительной анатомии, но и к молекулярной биологии и даже к этологии крупных человекообразных обезьян (горилла, шимпанзе, орангутан). Биологическая антропология должна решить еще ряд вопросов, касающихся отдаленных эпох. Так, каждый раз, когда археолог раскапывает некрополь, ему следует немедленно обратиться за содействием к антропологу, который предоставит многочисленные демографические данные (возраст, пол и рост умерших, соотношение мужчин и женщин и разных возрастных категорий, их чаяния и т.д.). Исследование костных остатков позволяет обнаружить следы переломов и ранений, следы опухолей и костных поражений, вызванных некоторыми заболеваниями, поражавшими людей прошлого (рахитизм, кариес зубов, цинга, проказа, трипаномоз и т.д.). Не забудем о следах первой медицинской практики, почти всегда связанной с практикой магии: сращение сломанных костей, трепанация черепа в эпоху неолита, проводившиеся *in vivo* каменными инструментами на пациентах, которые при этом иногда выживали. Как для археологии, так и для антропологии *палеонатология* стала значительной прикладной наукой (Wells, 1964; Janssens, 1970). Добавим, что изучение обугленных костных остатков может дать сведения того же порядка, что и необуглившиеся остатки.

Генетика пытается выявить биологическое родство современных расовых групп и то, как они разошлись в доисторический период. Основываясь на исследованиях изменений молекул ДНК (дезоксирибонуклеиновые кислоты, присутствующие в ядрах клеток и являющиеся носителями генетической информации), *биогеиз* создал достаточно революционные теории эволюции филогенетического древа гоминидов и первых людей (гл. 1 и 2). Сроднившись с генетикой, *историческая гематология*, исследуя кровь и некоторые особенности или аномалии ее состава, в отдельных случаях может помочь истории. Вот один пример: в 1955 г. в красных кровяных тельцах одного племени из Венесуэлы (диего) обнаружили оригинальную группу крови. Сейчас известно, что эта «группа диего» встречается в крови многочисленных племен американских индейцев, а также в крови народов Восточной Азии: исследование крови подтверждает долгий путь, пройденный за последние периоды плейстоцена группами людей азиатского происхождения, которые заселили Америку (J. Bernard, 1983).

Культурная и социальная антропология. Этнология

Выше уже упоминалось, что американские ученые включают историю доисторического периода в антропологию как один из ее разделов. В их понимании антропология является прежде всего сравнительной социальной наукой с номографическими тенденциями, т. е. она ищет закономерности и законы, управляющие поведением человека в обществе. Напротив, история доисторического периода, как она задумана в настоящем труде, является исторической дисциплиной. Однако история, как и множество других гуманитарных наук, имеет не номографический, а идеографический характер. Согласно американским концепциям, только номографические науки имеют право называться науками, в то время как гуманитарные науки не являются науками (поскольку в противовес естественным наукам они не управляются законами), а являются *humanities* или *humanistic studies*. Старая концепция однолинейного эволюционизма человеческой цивилизации к прогрессу представляла собой некий номографический аспект. От этой теории давно отказались в Европе, но ее придерживаются некоторые адепты антропологии: типичный пример приведен в учебнике археологии Уайли и Филлипса (Willey; Phillips,

1958). В нем авторы защищают тезис, согласно которому археология и доисторическая наука должны окончательно отвернуться от целей и методов истории (история была создана очень односторонней и узконаправленной: интерес был сфокусирован на регистрации фактов прошлого – устаревшее определение, с которым согласятся немногие историки) и начать трактовать доисторические цивилизации так же, как этнографы изучают цивилизации народов нашей эпохи, не имеющих письменности. Согласно этому, историкам необходимо произвести классификацию таких цивилизаций вне пространства и времени (очень часто из-под их пера выходят слова *timeless* и *spaceless*), сделать это надо с учетом уровня их культурного, экономического и социального развития, и все так же вне хронологического и географического контекста выявить причины, которые привели к этой стадии развития. Необходимо также рассмотреть, нет ли среди этих комплексных причин повторяющихся, чтобы в конце концов путем изучения повторов вывести законы, которые определяли бы похожие социальные и экономические ситуации в различные эпохи и в удаленных друг от друга странах. Исключая время и пространство из своих исследований, Уайли и Филлипс заняли неисторическую позицию, и их подход был чисто социологическим. Отметим, что, к счастью, не все антропологи разделяют эту антиисторическую позицию. Прочитав одного наиболее известного среди них, Клода Леви-Строса (*Lévi-Strauss*, 1967, p. 23), который не желал, чтобы антропология была лишена своего исторического измерения: «Пренебрежение историческим измерением под предлогом недостаточности средств для его оценки приводит к тому, что приходится довольствоваться только разреженной социологией, где все явления оторваны от своей основы».

Несмотря на эти диспуты, социальная и культурная антропология и этнография оказали неоспоримое воздействие на интерпретацию доисторических культур, в особенности представили некоторые модели их интерпретации. Можно найти большое количество трудов общего типа, например, исследований периодов каменного века, в которых целые главы посвящены «палеолитам» и «неолитам». Однако в этой сфере необходимо быть очень осторожным.

Экологические науки

Сегодня никакие качественные раскопки не могут позволить нам игнорировать систематический сбор большого количества всевозможных данных, которые могли бы внести ясность об окружающей природной среде, о биотопе, в котором жили люди, остатки которых были найдены в результате раскопок. Эта окружающая среда оказала огромное влияние на повседневную жизнь людей прошлого, как охотников эпохи палеолита, так и крестьян средних веков. Мы уже говорили, что исследования окружающей среды начались очень рано, с середины XIX в., и с тех пор интерес к ним лишь возрастает. Сегодня многие археологи, придерживающиеся тенденций «новой археологии», полагают, что они первые открыли важное значение окружающей среды, и верят в некий экологический детерминизм. Значит, нужно забыть, что среди живых существ человек обладает наибольшей способностью адаптироваться к самым различным биотопам; его поведение ни в коей мере не определяется окружающей средой, которой он пользуется для своего блага в меру возможности. Кроме того, с начала производства пищи ему постепенно удалось изменить эту окружающую среду, чтобы приспособить ее к своим needs.

Сама окружающая среда в основном определялась двумя факторами: составом почвы и климатом; климат, в свою

очередь, определил фауну и флору (первоначальные источники существования доисторического человека). Многие отрасли науки занимаются изучением окружающей среды и ее эволюцией. Перечислим основные из них.

Геологические науки

К этим наукам отнесем геологию третичного периода, плейстоцена и голоцена, включая колонковое бурение морского дна, изучение ледников и морен, геологию рек, отложения в гротах, исследования отложений диатомовых водорослей и грунтоведение. К этому добавим геоморфологию, орогенез, тектонику и, в общем плане, палеогеографию и палеоклиматологию.

С 1901 г., даты исследований ледниковых периодов, проведенных А. Пенком и Э. Брикнером, значительно возросло значение вклада геологии (совместно с такими дисциплинами, как палеоботаника и ядерная физика) в лучшее понимание палеоклимата. Так, изучение морен Скандинавии, Сибири и Аляски, их продвижения и возврата дали возможность уточнить чередование ледниковых периодов и промежутков между ними, их стадии, промежуточные стадии, изменения, вибрации и т.д. Сорок лет тому назад был достигнут большой прогресс, когда установили, что морская вода содержит два различных устойчивых изотопа кислорода O-16 и O-18, содержание которых изменяется из года в год в зависимости от температуры воды: чем выше температура, тем больше в воде O-18 по отношению к O-16. Даже незначительные изменения температуры приводят к изменению содержания двух изотопов, которое можно определить. Первое практическое применение этого метода было осуществлено двадцать лет назад, когда с помощью колонкового бурения была предпринята попытка глубокого зондирования слоя льда толщиной 1,4 тыс. м, покрывающего Гренландию. Тогда смогли определить годовые слои снега, превратившегося в лед за последние 8,3 тыс. лет; это позволило определить малейшие изменения климата в северном полушарии за этот долгий период. По отношению к более отдаленным периодам, когда годовые слои были неразличимы, пришлось прибегнуть к сложным и менее достоверным расчетам. Однако позже было замечено, что карбонат кальция, из которого состоят раковины фораминифер, очень толстым слоем покрывающие морское дно, дает такие же колебания в содержании двух изотопов кислорода. Благодаря колонковому бурению морского дна, которое позволяет проникать на большие глубины, относящиеся к очень отдаленным периодам, удалось установить длительность более теплых и более холодных периодов, а также определить изменения полярности; стало возможным увязать эти различные периоды с данными геологии Земли. Продолжительность каждой из этих стадий могла быть установлена и датирована с достаточной степенью вероятности при помощи методов датирования, основанных на радиоактивности (радиоактивный углерод, протактиний-торий); к этому мы еще вернемся.

Орогенез (совокупность интенсивных восходящих вертикальных тектонических движений, складчатости и разрывов. – *Прим. ред.*), тектоника и палеогеография также предоставляют важные сведения о доисторическом периоде. Напомним в качестве примера ту роль, которую Ив Коппан (*Coppens*, 1983) отводит в антропогенезе разрушению рифтовой системы Восточной Африки. Наступление и отступление ледников Аляски то преграждали, то давали человеку проход в Америку в период последнего оледенения (гл. 29). Подъем уровня морей в результате таяния толстого ледяного покрова в конце плейстоцена и начале голоцена, сопровождавшийся значительными изостатическими движениями, значительно изменил окружающую среду человека (например, разрыв су-

хопутного моста между британскими островами и континентом, рождение Северного моря и Балтики, изменение побережья).

Палеоботаника

Эта наука изучает растительный мир прошедших времен и его эволюцию. Она основывается, с одной стороны, на палинологии (изучает ископаемую пыльцу и споры растений), с другой стороны, на изучении растительных макроостатков (чаще всего собираемых во время раскопок методом флотации). Что касается палеоэтноботаники, то она изучает воздействие окружающей растительной среды на поведение доисторического человека и, наоборот, влияние человека на растительный мир. Особый аспект этих исследований посвящен культивированию растений (гл. 37).

Среди этих методов самым распространенным является палинология. При стечении благоприятных обстоятельств там, где слишком кислые почвы не разрушили зрелую пыльцу, она дает возможность восстановить окружающую растительную среду даже поселений эпохи палеолита. Поначалу ее применяли к исследованию более поздних поселений, поселений эпохи голоцена. В основном на данных палинологии было выполнено разделение голоцена на несколько климатических зон (предполярная, полярная, атлантическая, субполярная, субатлантическая). Таким образом, палинология может применяться в качестве метода относительной датировки, особенно в тех странах, в которых, как в Дании, Нидерландах, Великобритании и Франции, проведено множество спорово-пыльцевых анализов для установления эволюции растительного окружения в определенном регионе с достаточной точностью.

Другая наука, также основывающаяся на изучении растительных остатков – дендрохронология, служит прежде всего методом датировки, но может и предоставлять данные о климате, поскольку толщина каждого годичного кольца древесины зависит от температуры и степени влажности в течение того года, во время которого оно образовалось.

Палеозоология

Палеозоология и палеонтология животных в самом широком значении знакомят нас с фауной определенного региона в заданную эпоху, а также с эволюцией этой фауны. Специальный раздел этих наук занимается проблемой одомашнивания (доместикации) животных (гл. 38). Палеозоология дает ценные сведения об образе жизни охотников, скотоводов, рыбаков и об их режиме питания.

Очень часто видовой состав фаун является типичным для определенного региона, для того или иного периода и, значит, может быть использован в качестве средства датировки. Кроме того, палеонтологическая изменчивость некоторых видов животных может помочь в составлении относительной хронологии: так, изменчивость дикой свиньи в Восточной Африке в значительной мере содействовала относительной датировке некоторых уровней, в которых также были найдены ископаемые остатки гоминидов.

Мелкие животные, такие как некоторые грызуны, насекомые, моллюски, также могут дать археологам ценные данные. Малакология (раздел зоологии, изучающий моллюсков, одни из которых живут лишь на открытом пространстве, другие – в лесу, одни любят сухой климат, другие – влажный климат) может помочь определить климат эпохи, в течение которой сформировался уровень, в котором были найдены раковины моллюсков.

Методы датировки

Мы уже подчеркивали необходимость того, чтобы специалисты по доисторическому периоду располагали системой датировки. Долгое время они должны были довольствоваться относительной хронологией (которая определяет порядок, в котором чередовались различные культуры, следы которых были найдены, но не может установить хронометрическую дату, то есть дату, выраженную в цифрах). С конца второй мировой войны, в основном благодаря развитию лабораторных методов, была составлена целая серия методов все более надежной хронометрической датировки, которая действительно произвела революцию в абсолютной хронологии доисторических эпох.

Относительная хронология

Благодаря большой строгости и объективности в составлении типологии и классификации археологического материала (см. выше) был усовершенствован метод типологической эволюции для относительной хронологии. Прогресс в технике раскопок и использование стратиграфического метода позволили в отдельных случаях создавать «микростратиграфию». Метод «закрытых находок» и выявление синхронизмов нашли свое применение, одновременно более широкое и более определенное.

Среди методов, теоретически известных до войны и получивших уже практическое применение, приведем пример относительной датировки костных остатков из одного поселения, сделанной на основании содержания в них фтора, азота и урана (метод, который позволил определить известную подделку из Пилыгдауна, Великобритания). Относительная датировка артефактов из Обсидиана из того же поселения возможна путем изучения и измерения слоев гидратации.

Необходимо также упомянуть о некоторых попытках относительной датировки, основанных на статистической оценке археологических остатков. Наконец, многие из наук об окружающей среде, о которых говорилось выше, таких как геология ледников и морского дна, палинология, и которые дали возможность расположить один геологический слой или один археологический уровень внутри определенной климатической зоны, в то же время дают возможность выполнять относительную датировку.

Хронометрическая хронология

Мы предпочитаем называть этот подраздел «хронометрической хронологией» взамен «абсолютной хронологии» потому, что большинство методов, о которых пойдет речь, дают нам данные в цифрах, но чаще всего с некоторой приблизительностью или с некоторым допуском на ошибку; лишь очень редко удается получить достоверные даты, выраженные в календарных годах. Однако с учетом громадной протяженности доисторических эпох допуск в несколько веков, особенно для самых древних периодов, является вполне приемлемым.

Среди давно созданных методов хронометрической датировки приведем пример анализа илистых глин Де Гера, который полностью не отвергнут, но области его применения с географической точки зрения очень ограничены и все считают, что он мало достоверен. Что касается теории М. Миланковича (*Milankovitch*, 1930), который, выявив кривую изменений интенсивности солнечной радиации, увязал ее с кривой очередности ледниковых и промежуточных периодов и считал, что сможет сделать абсолютную датировку по этой кривой, то, похоже, ее почти полностью забыли, по крайней мере, археологи.

Здесь мы ограничимся только методами, наиболее используемыми сегодня.

Дендрохронология. Выше уже говорилось о возникновении и первых практических применениях этого метода датировки, основанного на подсчете годичных колец древесины и изменении толщины этих колец под воздействием тепла и влажности того года, когда произошло формирование этого кольца. Следует отметить, что некоторые породы деревьев очень чувствительны к переменам климата, другие – менее чувствительны или вовсе нечувствительны к ним. Кроме того, данные, собранные в одном конкретном регионе, не могут быть автоматически применены к другим регионам с отличающимся микроклиматом. Однако дендрохронология применяется все чаще, так как теперь она дает возможность датировать образцы из дерева возрастом до восьми тысячелетий.

Значение дендрохронологии значительно возросло с тех пор, когда заметили, что она с достоверностью может использоваться для контроля за точностью других методов датировки, и прежде всего датировки с помощью радиоактивного углерода.

Датировка с помощью метода радиоактивного углерода (^{14}C). Когда в 1949 г. американский физик У.Ф. Либби представил первые результаты своего метода абсолютной датировки путем применения «углерода четырнадцать» (^{14}C), он вызвал подлинную революцию в археологии. Встреченный с энтузиазмом большей частью археологов и напрасно отвергнутый другими, этот метод, несомненно, создал для доисторической археологии солидную хронологическую базу при условии ее корректной интерпретации, даже если дендрохронология показала, что она требует внесения корректировок и отбора.

Существует несколько изотопов углерода (C), из которых ^{12}C является устойчивым, а ^{14}C радиоактивным, который постепенно распадается и становится азотом-14. Радиоактивный углерод образуется в верхних слоях атмосферы под воздействием космических лучей. Все живые организмы (растения, животные, люди) содержат в твердой пропорции ^{12}C и ^{14}C . Последний с течением времени распадается естественным путем, но его концентрация в живом организме остается постоянной, ибо он снова попадает в организм путем обмена с внешней средой. Этот обмен прекращается после смерти, и с этого момента содержание радиоактивного углерода уменьшается в более или менее постоянном темпе: спустя 5,73 тыс. лет (вначале полагали, что продолжительность составляла 5,568 тыс. лет) половина ^{14}C еще остается в организме (5,73 тыс. лет называют «половиной жизни» (период полураспада); еще через 5,73 тыс. лет в организме остается лишь одна четверть ^{14}C и т.д. Существует возможность с помощью достаточно сложных лабораторных методов определить пропорции между ^{14}C и ^{12}C , еще присутствующих в образце (древесного угля, кости, древесины, других органических веществ), и определить время смерти организма, из которого взят образец. Все лаборатории указывают даты «BP» (*before present* – до настоящего времени): по соглашению между лабораториями началом отсчета был принят 1950 г. (следовательно, 1949 г. будет соответствовать датировке «BP 1»). Для того чтобы получить дату по обычному летоисчислению, следует вычесть 1950 от даты, проставленной в лаборатории. Все большее число археологов в своих публикациях указывают даты по радиоактивному углероду в «BP». Однако, чтобы избежать нудных расчетов, которые дадут непосвященному читателю иллюзию того, что полученные таким путем даты являются настоящими датами, исчисляемыми в календарных годах, а также чтобы учесть неуверенность в точности дат по радиоактивному углероду (см. ниже), все даты, приведенные в настоящем томе, должны рассматриваться как приближительные, и они выражаются такими перифразами, как «примерно 5 тыс. лет тому назад», и даны округленно.

С начала применения метода возникало множество недоразумений между физиками и многими археологами. Так, физики приводят даты с допусками на ошибку (или, скорее, стандартным отклонением), обозначая их греческой буквой сигма (σ); многие археологи полагают, что реальная дата находится в пределах этого допуска. Они считают, что дата $4,55 \pm 200$ тыс. лет до настоящего времени приходится на реальную дату между 2,8 и 2,4 тыс. лет до начала новой эры. Но археологи забывают, что только в 68% случаев это действительно так. Другие археологи подчас забывают, что датировки, сделанные в лабораториях, указывают на тот момент, когда радиоактивный углерод перестал поступать в организм, из которого в последний момент взят исследуемый образец (то есть в момент смерти этого организма). Однако мог пройти достаточно большой промежуток времени между этим моментом и тем моментом, когда органическое вещество поступило в организм человека. А археологи хотели бы, чтобы была произведена датировка именно этого момента. Очень часто не знают, что датировки по радиоактивному углероду могут быть искажены по ряду других причин: образцы взяты в плохих условиях или плохо сохранены, заражены и т.д. В действительности сама по себе датировка по радиоактивному углероду не достоверна: для того чтобы иметь достаточную степень уверенности в датировке поселения, необходимо иметь сведения о культурной эпохе и о завершающей фазе культурной эпохи, иметь статистически достаточное количество дат, ряд сходящихся дат.

Оказался ошибочным постулат метода, касающийся постоянной интенсивности космических лучей. В реальности существует множество вариантов концентрации радиоактивного углерода в атмосфере. Когда начали сравнивать результаты, полученные методом радиоактивного углерода, с результатами по методу дендрохронологии, отметили, что две кривые датировок постепенно расходятся и к 8,25 тыс. BP (конечная дата, полученная дендрохронологией) эта разница достигает примерно одного тысячелетия. Даты, полученные с помощью радиоактивного углерода, были значительно меньшими. Тогда увеличили расчетный период полураспада радиоактивного углерода (5,73 вместо 5,568 тыс. лет), однако это вызвало путаницу, поскольку тысячи дат были уже опубликованы на основании периода полураспада в 5,568 тыс. лет. Тогда было разработано множество сортировочных таблиц дат, полученных по методу радиоактивного углерода (период полураспада 5568 лет), и дат, полученных согласно дендрохронологии. Самые поздние сортировочные таблицы (опубликованные в журнале *Radiocarbon*, № 24, 2, 1982 и № 28, 2, 1986) содержат лишь незначительные различия. Само собой разумеется, что даты, определенные по методу радиоактивного углерода, всегда содержат стандартные отклонения σ , и что существует лишь два шанса из трех, что реальная дата будет находиться в пределах стандартного отклонения.

Отметим, что, несмотря на несовершенство, метод радиоактивного углерода достаточно точный (за исключением случаев установления «тонкой хронологии») для периода последних 40 тыс. лет; в теории его можно применять для последних 80 тыс. лет. Но в этом случае датировка будет менее точной, так как пропорциональное содержание C^{14} в образце станет слишком незначительным.

Укажем, что новая технология – AMS (*Accelerator Mass Spectrography*) – ускорительная масс-спектрометрия, основанная на измерении концентрации C^{14} , а не его распада, еще находится в стадии эксперимента. Она обеспечит двойное преимущество, требуя более мелкие образцы, содержащие только 10 мг углерода, и исследуя очень далекое прошлое.

Датировка по калию-аргону (K-Ar). Этот метод также основан на радиоактивности. Вулканические горные породы, произошедшие из вулканической магмы, во время

своего охлаждения содержат радиоактивный изотоп калия (K^{40}). Он на 89,52% распадается на изотоп кальция (Ca^{40}) и на 10,48% – на изотоп аргона (Ar^{40}).

Возраст горной породы можно установить, определив содержащиеся в ней пропорции калия и аргона. Период полураспада K^{40} составляет 1,25·10⁹ лет, т. е. 1,25 млрд. лет. Этот метод дает возможность производить датировку периода существования Земли в 5 млрд. лет (его нижний предел, однако, составляет 100 тыс. лет). В археологии этот метод позволил произвести датировку в Восточной Африке уровней ископаемых гоминидов, стратиграфически расположенных между двумя слоями вулканического происхождения.

Палеомагнетизм. Полярность магнитного поля Земли немного изменяется из года в год (отсюда происходит различие между географическим полюсом и магнитным полюсом). Однако в ходе истории Земли несколько раз случалось, что эта полярность полностью изменялась – направление магнитного поля Земли изменялось на обратное (через интервалы времени от 50 тыс. лет до 50 млн. лет. – *Прим. ред.*). Известно о четырех значительных инверсиях (инверсии Брюнеса (*Brunhes*), Матюямы (*Matuyama*), Гаусса и Гилберта) в течение последних 5 млн. лет, не считая менее значительные инверсии. И вулканические горные породы, и ферромагнитные частицы в морских осадочных породах сохраняют, как и окаменелости, направление намагниченности, приобретенное в эпоху формирования этих пород и отложений. Исследование морского дна путем колонкового бурения позволило установить стратиграфическое положение этих инверсий полярности, и эти различные фазы были датированы согласно методам, основанным на радиоактивности. Так как эти инверсии были одинаковыми на всем земном шаре, то путем увязки уже датированных уровней смогли уточнить возраст вулканических уровней или отложений, относящихся к одной магнитной фазе. Заметим, что во время этих магнитных инверсий Земля на время теряет свою магнитную защиту от космических лучей, что могло бы оказать воздействие на климат, флору и фауну.

Тепловая люминесценция (ТЛ). Этот метод прежде всего применяется для датировки предметов из терракоты.

В почве содержится большое количество природных радиоактивных изотопов (особенно урана, тория, калия и рубидия), которые облучают некоторые минералы, например, кварц, вызывая перемещение электронов, которые регулярно накапливаются в «ловушках» (т. е. в изъянах их кристаллических структур). Когда минералы нагреваются до температуры 320 °C или выше, аккумулированная энергия выделяется в форме светящегося излучения. После охлаждения минералы вновь аккумулируют эту радиацию. Таким образом, в момент обжига глиняные изделия выделяют содержащуюся в них энергию, аккумулированную в кварце, но как только изделия охлаждаются, кварц возобновляет аккумулирование радиации. При разогреве черепков глиняной посуды вновь выделяется энергия, испускающая светящееся излучение. Интенсивность излучения зависит от количества содержащейся и выделяемой энергии. В ходе сложных лабораторных опытов можно измерить это излучение, а также период, прошедший со времени первого обжига глиняной посуды, поскольку известен темп аккумуляции энергии.

Вполне возможно, что тепловая люминесценция (применимая также к другим материалам, например, к кремнию, подвергнутому воздействию огня) в будущем станет одним из самых достоверных методов датировки доисторических культур, уже знакомых с изготовлением глиняной посуды.

Другие методы датировки. Существует еще множество других методов, на которых из-за недостатка места мы не можем здесь остановиться. В основном они имеют ограниченное поле применения для археологии, где они мало достоверны, или же находятся на стадии эксперимента.

Среди методов, основанных на радиоактивном распаде, приведем метод урана-гелия (U-He), метод урана-тория (U-Th), метод урана-протактиния (U-Pa), метод протактиния-тория (Pa-Th) (который был применен для датировки стратифицированных уровней морского дна), метод рубидия-стронция (Rb-Sr) (которым пользуются для датировки самых древних горных пород и который применялся также для датировки образцов, доставленных с Луны), изучение дисбаланса семейства урана и, наконец, датировка путем исследования следов расщепления (метод, применяемый для датировки минералов, содержащих изотоп урана U-238, – циркона, титанита, монацита, апатита или фрагментов вулканического стекла – обсидиана, пемзы). Проводятся опыты прямой датировки методом неразрушающей гамма-спектрометрии. Хотя метод образования рацемических соединений аминокислот для датировки ископаемых костных остатков находится еще на стадии опытов, уже сейчас он кажется слишком тонким и ненадежным для практического применения. И наконец, упомянем метод резонанса электронного «спина», находящийся на стадии разработки.

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В АРХЕОЛОГИИ ДОИСТОРИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Уже поднимался вопрос о классификации археологического материала. Здесь следует вернуться к этой проблеме в части, касающейся *таксономических категорий* этого материала.

В течение указанной выше фазы формирования под влиянием геологической стратификации и эволюционистских теорий в естественных науках верили в однолинейно прогрессирующую эволюцию человеческой цивилизации. Тогда основывались на руководящих ископаемых, окаменелостях для того, чтобы отнести археологические остатки к той или иной стадии этой эволюции. Растущее количество археологического материала доисторического периода и его географическая дифференциация на точных и многочисленных примерах очень рано продемонстрировали ошибочный характер этого направления. Тогда по примеру Г. Шлимана, Р. Пампили (*R. Pumpelly*) и др., приступили к группировке археологических остатков по принципу *культур* (термин, применяемый практически на всех языках; однако во французском языке долгое время предпочитали термин *цивилизация*, который теперь обычно заменяется термином *культура*). Понятие *культура* заимствовано из этнографии, в которой делается различие между «материальной культурой», «моральной культурой» и «интеллектуальной культурой». Используя методы географического и статистического распределения, этнологи вывели понятие ареала культуры (по-немецки *Kulturkreis*). С начала XX в. в Германию стали проникать этнографические концепции культуры, ареала культуры и культурного уровня в археологии. Затем Г. Коссинна и его школа придали этнографическим и археологическим концепциям этническое, лингвистическое и даже расовое содержание. В Великобритании Гордон В. Чайлд, который оказал огромное влияние на развитие доисторической науки всей Европы и за ее пределами, примерно с 1925 г. и до своей смерти в 1957 г. подхватил эти концепции, отбросив ложные толкования Г. Коссинны.

В 1929 г. (в книге *The Danube in Prehistory*, p. V) Чайлд давал следующее определение культуры: «Мы находим некоторые типы остатков – горшки, инструменты, украшения, похоронные принадлежности, части домов, постоянно встречающиеся вместе. Такой комплекс систематически объединенных черт, особенностей мы можем назвать “культурной группой” или просто “культурой”. Мы предполагаем, что такой комплекс является материальным выражением того понятия, которое сегодня соответствует

термину «народ»). Мы предпочли бы заменить термин «народ», который в повседневной лексике имеет слишком точное значение и который мы не хотели бы переносить на самые удаленные доисторические эпохи, более общим термином «человеческое сообщество». С учетом этой оговорки такое определение Чайлда (культура – это комплекс артефактов – орудий, оружия, украшений – и структур – жилищ, захоронений и т.д., – которые часто встречаются, тесно связаны друг с другом и ассоциируются с определенным образом жизни – план жилищ, погребальные ритуалы, социальная и экономическая организация – в определенную эпоху в определенном регионе) и сегодня воспринимается повсеместно как базовая таксономическая единица. Однако прогресс в исследованиях побудил расширить это определение, чтобы подчеркнуть другие грани доисторических культур. С одной стороны, настаивают на весьма консервативном характере доисторических сообществ, где царили традиционные представления и идеи предков, которые предписывали нормы, которым нужно следовать при изготовлении артефактов, орнаментов, при строительстве домов, при исполнении ритуалов, сопровождающих каждое значительное событие (рождение, смерть и т.д.) в жизни сообщества. С другой стороны, отмечено, что каждая культура отражает адаптацию сообщества к окружающей природной среде. Подобная культура была бы археологическим выражением одной группы людей, обладающей своей собственной экономической системой, своими социальными структурами, своими религиозными элементами и своей динамикой. Отметим, что здесь речь идет об идеальном теоретическом представлении, но на практике критерии, применяемые для определения культуры, очень часто являются субъективными и сомнительными. Они изменяются в зависимости от научной школы, идеологии и примененных методов. Так, несмотря на свой определенный характер, «руководящее ископаемое» очень часто играет роль, не соответствующую его реальному значению. Различные культуры могут встречаться в одном регионе, но в разные эпохи, либо в одной эпохе, но в различных ареалах расселения, а иногда и одновременно в одном регионе.

Концепция культуры сегодня составляет базу, с которой связаны проблемы интерпретации. Иногда довольно просто дать определение различных культур. Это особенно подходит к периодам и регионам, в которых сообщества людей, более или менее стабильные, более или менее оседлые и относительно немногочисленные, жили отдельно друг от друга и имели между собой лишь спорадические контакты. Напротив, по другим периодам, например, по палеолиту, до недавнего времени располагали относительно немногими видами артефактов (в основном изделиями из камня и кости), типологическая эволюция которых, кроме того, была чрезвычайно медленной. Таким образом, одни и те же изделия находили на очень обширной территории. Эти археологические остатки подразделяли не на культуры, а на сборы делившиеся по нисходящей линии на *промышленные комплексы, производства, археологические фазы и горизонты*. Прогресс в раскопках, достигнутый за последние годы, открыл другие археологические категории: структуры жилищ, захоронения, произведения пластических искусств и т.д. Поэтому сегодня вполне оправданно говорить об этих категориях как о культуре. Переход от концепции производства к концепции культуры ставит много вопросов (Otte, 1985). С другой стороны, сложнее определить черты культуры у менее оседлых народов, у которых существуют более частые контакты между различными группами людей и где отдельные индивидуумы легко переходят из одного сообщества в другое: здесь сталкиваешься с культурными объединениями, в которых переход из одной группы в другую осуществляется постепенно и где практически невозможно провести четкие границы культуры. Наконец, что касается остатков

более развитых сообществ людей (например, скифы, кельты и т.д.), то наличие торговых связей с другими народами, глубоких социальных различий, взаимозависимости между различными племенами нарушают однородность археологических документов, полученных об этих сообществах, и делают проблематичным разделение их археологических культур. Это также подчеркивает иллюзорный характер расистских, лингвистических, этнических или политических толкований отдельных культур, которые нам иногда предлагают (De Laet, 1957, pp. 93–105).

Но оставим проблему интерпретации археологических источников и рассмотрим, каков может быть позитивный вклад этих источников. В этой области, очевидно, необходимо учитывать идеологические концепции специалистов по доисторическому периоду, которые применяют эти источники, и направления и школы, к которым они принадлежат. Эти отличающиеся концепции не подтверждаются исследованиями на месте, однако они влияют на интерпретацию археологических данных. Обсуждение различных школ и тенденций не входит в рамки настоящего введения; очевидно, что авторы, которые участвовали в создании настоящего труда, принадлежат к разным направлениям, и само собой разумеется, что они сохранили полную свободу в интерпретации и на них никогда не оказывалось ни малейшего давления.

Однако нам необходимо сказать несколько слов по поводу «новой» археологии по причине того влияния, которое она оказывает на многих молодых археологов, и по причине ее противостояния «исторической» интерпретации доисторических культур. В этом она продолжает тенденцию американской антропологии (о которой уже шла речь), из которой она, впрочем, и вышла. Она была создана К.С. Чангом (Chang, 1967), С.Р. и Л.Р. Бинфордом (Binford, & Binford, 1968) и распространена в Европе Д.Л. Кларком (Clark, 1968). В действительности эта «новая» археология не была такой уж и новой, а ее основные характеристики присутствовали уже во многих предшествующих работах. Однако приверженцы нового направления претендуют на то, чтобы поставить под сомнение все достижения археологии, предшествующие Бинфордам. Совершенно очевидно, что в новой археологии существуют положительные элементы. Типичным является тот интерес, который «новые» археологи проявляют к эпистемологии, к теории и методологии археологии. Каждый год публикуются новые работы в этой области, которую можно классифицировать как «теоретическая археология» (Klein, 1977; 1980). Авторы этих работ крайне редко имеют практический опыт на раскопках, и их теории, разработанные вдали от повседневной археологической реальности, не выдерживают, когда им пытаются дать практическое применение. Первая цель «новой» археологии – дать объяснение культурным процессам, эволюционным переменам в культуре. Последний термин взят в своем этнографическом значении, и помимо материальной культуры он охватывает моральную и интеллектуальную культуру. Следовательно, археология должна расширить свою сферу и изучать эти нематериальные аспекты. Для этого она должна прибегнуть к этнографическим парадигмам и экстраполировать данные этнографии. Выше мы выразили свое недоверие по отношению к далеко идущим этнографическим сравнениям. По мнению «новых» археологов, существует возможность достичь первой цели; кроме всего прочего объяснение культурных процессов может привести к открытию законов культурной динамики и даже законов, управляющих всем комплексом поведения человека.

Для достижения этих целей приверженцы «новой» археологии сурово критикуют прежние методы классификации археологического материала, и они создали новую таксономию и типологию, которые должны помочь разработать числовую классификацию археологических

данных и их компьютерную обработку. Второй этап состоит в разработке моделей, для того чтобы попытаться найти решение поставленных проблем и строго проконтролировать рабочую гипотезу. Использование моделей в археологии не является чем-то новым. Концепция модели, заимствованная у социологии, прежде всего указывает на исходные постулаты, которые определяют логическое рассуждение археолога. Когда культурные изменения в одном заданном регионе объясняют следствием миграций, или когда предлагают этническую интерпретацию археологической культуры, то применяют заданные модели. В более узком значении модель является механизмом, который может быть выражен математической или псевдоматематической формулой и который служит поддержкой истинного значения археологических исследований. Такие модели (которые также применяются в культурной антропологии) являются в большей степени эвристическими схемами, рабочими гипотезами, чем настоящими теориями. Единственно важной новацией «новой» археологии является то, что использование в ней моделей более систематизировано, чем раньше. Применение моделей не избавляет от опасностей. Некоторые так очарованы созданной ими моделью, что вместо проверки, не противоречит ли модель археологическим данным, они без колебаний «подтасовывают» эти данные, чтобы любой ценой втиснуть их в рамки модели. С другой стороны, когда модель подтверждает гипотезу, которая заложена в ее основу, то ошибочно делать заключение, что эта гипотеза является бесспорно правильной: действительно, не исключено, что другая гипотеза, основанная на том же материале, может оказаться правильной. Однако чем более многочисленны исходные данные, тем больше количество «переменных», встроенных в модель, тем больше шансов, что результат может быть принят как правильный.

Нам остается перечислить крупные секторы, которые могут быть прояснены с помощью данных археологии. Из них мы можем выделить пять.

Первый сектор включает все остатки, касающиеся производства, средств производства и экономики: орудия; свидетельства о земледелии и скотоводстве; следы зданий (жилища, фермы, мастерские); следы шахт, карьеров, мостов, дорог, дамб; свидетельства, относящиеся к товарообмену или торговле с соседними или удаленными сообществами.

Вторая группа включает многочисленные остатки, которые относятся к повседневным потребностям, таким как пища, одежда, хозяйственные товары и т.д.

Третья категория включает предметы, которые отвечают стремлению удовлетворить как материальные, так и духовные и/или эстетические потребности: находят, например, предметы, которые должны выполнять определенную функцию и при этом быть украшенными (детали одежды, пояса, серги, расписная керамика и т.д.). Существуют также предметы, которые можно рассматривать в качестве символов престижа или власти (парадные топоры, предметы из сырья, привезенного издалека, или из ценного сырья). Значение декорированных предметов состоит в том, что эти украшения чаще всего являются традиционными и таким образом играют определенную роль в отнесении этих остатков к определенной культуре.

Четвертая группа включает в себя все материальные остатки, которые отражают духовные и/или религиозные концепции: похоронные обычаи и структуры, изображения и символы, относящиеся к культуре, культовые места и т.д.

Наконец, пятая группа касается социальной организации (сектор доисторического периода, на который сегодня делают все больший акцент). Социальные структуры являются прямым выражением производства и средств производства (см. выше – первая группа); часто они находят свое отражение в остатках, перечисленных в третьей и четвертой группах. Остается много других остатков, ко-

торые поясняют социальные структуры (различие в размерах жилищ и в богатстве их убранства; различие в богатстве похоронных сооружений и даже в некрополях; остатки крупных сооружений, например, укреплений, ирригационных и дренажных систем, которые могли строиться только под руководством «шефа», и т.д.).

Очевидно, что эти остатки надо «расшифровать», и здесь часто «вмешивается» субъективная идеология археолога, который занимается этой расшифровкой.

Последний вопрос касается точного происхождения доисторической культуры. Мы видели, что следует отбросить любую расовую интерпретацию, что этническая интерпретация не соответствует ничему конкретно (так как по доисторическому периоду никто не сможет сказать, какое точное значение нужно придавать концепции этноса) и, наконец, культура, возможно, может соответствовать лингвистическому ареалу, однако мы знаем множество примеров того, что подобного не происходило; то же самое касается политической интерпретации.

Лично мы хотели бы предложить следующее определение: доисторическая культура сформировалась из комплекса остатков человеческого сообщества (мы намеренно используем здесь очень расплывчатый термин), имевшего общие технологические, экономические, социальные, религиозные и эстетические традиции; очень часто подобная культура отражает оптимальную адаптацию этого сообщества к окружающей природной среде. Многие из этих культур существовали в течение многих веков, и благодаря прогрессу в методах раскопок и в датировке их можно изучать методом диахронии и проследить за их внутренней эволюцией; их также можно сравнить с культурами одной эпохи, у которых существует другой ареал распространения. Если когда-то в основном пытались дать статистическое описание содержания этих культур, то сегодня перешли к динамической стадии, на которой интерес перемещается в сторону поиска причин и условий эволюции этих культур; проявляется интерес не только к особой природе культур, но и особенно к проблеме познания того, почему и как эти культуры достигли тех черт, которые формируют их индивидуальность, а также почему их черты отличаются от черт современных и соседних культур.

БИБЛИОГРАФИЯ

В данной библиографии приведены только основные труды, опубликованные начиная с 1960 г., за исключением нескольких более ранних работ, имеющих фундаментальное значение, или тех работ, которые представляют важные этапы в истории археологии доисторического периода.

- ADAM, J. P. 1975. *L'Archéologie devant l'imposture*. Paris.
 ATKINSON, R. J. C. 1946. *Field Archaeology*. London.
 BARISANO, E.; BARTHOLOME, E.; BARCOLONGO, B. 1984. *Télé-détection et archéologie*. Paris, CNRS.
 BARKER, P. 1977. *The Techniques of Archaeological Excavations*. London.
 BERNAL, I. 1980. *A History of Mexican Archaeology*. London.
 BERNARD, J. 1983. *Le Sang et l'histoire*. Paris.
 BIBBY, G. 1957. *The Testimony of the Spade*. New York.
 BINFORD, L. R. 1962. *Archaeology as Anthropology*. *Am. Antiq.*, Vol. 28.
 — 1972. *An Archaeological Perspective*. New York/London.
 — 1983. *In Pursuit of the Past: Decoding the Archaeological Record*. London.
 BINFORD, S. R.; BINFORD, L. R. (eds) 1968. *New Perspectives in Archaeology*. Chicago.
 BORILLO, M. (ed.) 1978. *Archéologie et calcul*. Paris, CNRS.
 BORILLO, M.; GARDIN, J.-C. 1974. *Les Banques de données archéologiques*. Paris, CNRS.

- BORILLO, M.; GUENOCHE, A.; VEGA, W. F. DE LA. 1977. *Raisonnement et méthodes mathématiques en archéologie*. Paris, CNRS.
- BRAIDWOOD, R. J. 1984. *Prehistoric Men*. Chicago.
- БРОМЛЕЙ Ю.В., ПЕРСИК А.И., ТОКАРЕВ С.А. 1972. Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М.
- BROTHWELL, D. 1962. *Digging Up Bones*. London.
- BROTHWELL, D.; HIGGS, E. S. (eds) 1970. *Science in Archaeology: A Survey of Progress and Research*. 2nd edn. London.
- BUSHNELL, G. H. S. 1965. *Ancient Arts of America*. London.
- CERAM, C. W. 1971. *The First American: A Study of North American Archaeology*. New York.
- CHAMPION, T. et al. 1984. *Prehistoric Europe*. London.
- CHANG, K. C. 1967. *Rethinking Archaeology*. New York.
- (ed.) 1968. *Settlement Archaeology*. Palo Alto.
- CHAPLIN, R. E. 1971. *The Study of Animal Bones from Archaeological Sites*. London.
- CHILDE, V. G. 1929. *The Danube in Prehistory*. Oxford.
- 1942. *What Happened in History*. Harmondsworth.
- 1957. *The Dawn of European Civilization*. 5th edn. London.
- 1958. *The Prehistory of European Society*. Harmondsworth.
- CLARK, J. D. 1970. *The Prehistory of Africa*. London.
- 1983. *From the Earliest Times to c.500 BC*. In: CLARKE, J. D. (ed.) *The Cambridge History of Africa*. Cambridge. Vol. 1.
- CLARK, J. G. D. 1952. *Prehistoric Europe: The Economic Basis*. London.
- 1957. *Archaeology and Society: Reconstructing the Prehistoric Past*. 2nd edn. London.
- 1977. *World Prehistory in New Perspective*. 3rd edn. Cambridge.
- CLARKE, D. L. 1968. *Analytical Archaeology*. London. (2nd edn 1978.)
- (ed.) 1972. *Models in Archaeology*. London.
- COLES, J. 1972. *Field Archaeology in Britain*. London.
- 1979. *Experimental Archaeology*. London.
- COLES, J. M.; HIGGS, E. S. 1969. *The Archaeology of Early Man*. London.
- COLES, J. M.; SIMPSON, D. A. (ed.) 1968. *Studies in Ancient Europe: Essays Presented to Stuart Piggott*. Leicester.
- COPPENS, Y. 1983. *Le Singe, l'Afrique et l'homme*. Paris.
- 1984. *Paléanthropologie et préhistoire: leçon inaugurée*. Paris, Collège de France.
- CORNWELL, I. W. 1958. *Soils for the Archaeologist*. London.
- DANIEL, G. E. 1975. *A Hundred and Fifty Years of Archaeology*. London.
- 1981. *A Short History of Archaeology*. London.
- (ed.) 1981. *Towards a History of Archaeology*. London.
- DANIEL, G. E.; CHIPPINDALE, C. (eds) 1989. *The Pastmasters. Eleven Modern Pioneers of Archaeology*. London.
- DANIEL, G. E.; RENFREW, C. 1988. *The Idea of Prehistory*. 2nd edn. Edinburgh.
- DECHELETTE, J. 1908-14. *Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine*. Paris. 4 vols.
- DEETZ, J. (ed.) 1971. *Man's Imprint from the Past: Readings in the Methods of Archaeology*. Boston.
- DE LAET, S. J. 1957. *Archaeology and its Problems*. London.
- 1963. Review of J. Hawkes and L. Woolley, *Prehistory and the Beginnings of Civilization*. *Antiquity*, Vol. 36, No. 148, pp. 322-7.
- 1971. Un Siècle de collaboration dans le domaine des sciences préhistoriques et protohistoriques: du Congrès de Neuchâtel (août 1866) au Congrès de Prague (août 1966). In: CONGRÈS INTERNATIONAL DES SCIENCES PRÉHISTORIQUES ET PROTOHISTORIQUES, 7. Prague, 1966. Actes (Prague), Vol. 2, pp. 1423-39.
- 1978. *Archaeology and Prehistory*. In: HAVET, J. (ed.) *Main Trends of Research in the Social and Human Sciences*. Paris, UNESCO. Vol. 1. Part 2, pp. 177-226.
- 1979. Rapport à la commission internationale pour une histoire du développement scientifique et culturel de l'humanité sur les parties concernant la préhistoire dans la première édition de cet ouvrage. Paris, UNESCO. (Mimeo.)
- 1985. *Archéologie et histoire*. In: CONGRÈS INTERNATIONAL DES SCIENCES HISTORIQUES, 16. Stuttgart, 25 août-1 sept. 1985. Rapports, Vol. I: Grands thèmes - méthodologie. Stuttgart, pp. 149-79.
- DENNELL, R. 1983. *European Economic Prehistory*. London.
- DIMBLEBY, G. W. 1967. *Plants and Archaeology*. London.
- DORAN, J. E.; HODSON, F. R. 1975. *Mathematics and Computers in Archaeology*. Edinburgh.
- ECKSTEIN, D.; BAILLIE, M. G. L.; EFFER, H. 1984. *Dendrochronological Dating*. Strasburg, European Science Foundation. (Handb. Archaeol., 2.)
- ELIADE, M. 1976. *Histoire des croyances et des idées religieuses: I - De l'âge de la pierre aux mystères d'Eleusis*. Paris.
- EVANS, J. G. 1978. *An Introduction to Environmental Archaeology*. London.
- FAGAN, B. M. 1974. *Men of the Earth: An Introduction to World Prehistory*. Boston.
- 1978. *Quest for the Past: Great Discoveries in Archaeology*. Reading, Mass.
- 1985. *The Adventure of Archaeology*. Washington, DC.
- FÈBVRE, L. 1953. *Combats pour l'histoire*. Paris.
- FILIP, J. 1966-9. *Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas-Manuel encyclopédique de préhistoire et de protohistoire européennes*. Prague. 2 vols.
- FREEDMAN, M. 1978. *Social and Cultural Anthropology*. In: HAVET, J. (ed.), *Main Trends of Research in the Social and Human Sciences*. Paris, UNESCO. Vol. 1, Part 2, pp. 2-176.
- GARDIN, J. C. (ed.) 1969. *Archéologie et calculateurs: problèmes sémiologiques et mathématiques*. Paris, CNRS.
- 1979. *Une Archéologie théorique*. Paris.
- GEER, R. DE. 1912. *A Geochronology of the Last 12,000 Years*. In: CONGRÈS GÉOLOGIQUE INTERNATIONAL, Stockholm. Acta. pp. 24-253.
- GREIG, J. 1989. *Archaeobotany*. Strasburg, European Science Foundation. (Handb. Archaeol., 4.)
- HAWKES, C. F. C. 1954. *Archaeological Theory and Method: Some Suggestions from the Old World*. *Am. Anthropol.*, Vol. 56, No. 2, pp. 155-68.
- HAWKES, J.; WOOLLEY, L. 1963. *Prehistory and the Beginnings of Civilization*. In: UNESCO. *History of Mankind*. Paris. Vol. 1.
- HEIZER, R. F.; GRAHAM, J. A. 1967. *A Guide to Field Methods in Archaeology: Approaches to the Anthropology of the Dead*. Palo Alto.
- HEIZER, R. F.; SHERBURNE, F. C. (eds) 1960. *The Application of Quantitative Methods in Archaeology*. New York.
- HERRMANN, J. (ed.) 1977. *Archäologie als Geschichtswissenschaft: Studien und Untersuchungen*. Berlin.
- HERRMANN, J.; SELNOW, I. (eds) 1982. *Produktivkräfte und Gesellschaftsformationen in vorkapitalistischer Zeit*. Berlin.
- HIGGS, E. S. (ed.) 1972. *Papers in Economic Prehistory*. Cambridge.
- (ed.) 1975. *Palaeoeconomy*. Cambridge.
- HODGES, H. 1976. *Technology in the Ancient World*. London.
- HODSON, F. R.; KENDALL, D. G.; TAUTU, P. (eds) 1971. *Mathematics in the Archaeological and Historical Sciences*. Edinburgh.
- HOLE, F.; HEIZER, R. F. 1965. *An Introduction to Prehistoric Archaeology*. New York.
- HROUDA, B. (ed.) 1978. *Methoden der Archäologie: Eine Einführung in ihre naturwissenschaftlichen Techniken*. Munich.
- JAMES, E. O. 1957. *Prehistoric Religion: A Study in Prehistoric Archaeology*. New York.
- JANKUHN, H.; WENSKUS, R. (eds) 1979. *Geschichtswissenschaft und Archäologie: Untersuchungen zur Siedlungs-, Wirtschafts- und Kirchengeschichte*. Sigmaringen.
- JANSENS, P. A. 1970. *Palaeopathology: Diseases and Injuries of Prehistoric Man*. London.
- JAZDZEWSKI, K. 1984. *Urgeschichte Mitteleuropas*. Wrocław-Warsaw.
- JENNINGS, J. D.; NORBECK, E. (eds) 1984. *Prehistoric Man in the New World*. Chicago.
- KLEIN, L. S. 1977. *Panorama of Theoretical Archaeology*. *Curr. Anthropol.*, Vol. 18, No. 1, pp. 1-42.
- KLINDT-JENSEN, O. 1975. *A History of Scandinavian Archaeology*. London.
- KOSSINNA, G. 1912. *Die deutsche Vorgeschichte: Eine hervorragende nationale Wissenschaft*. Leipzig.
- LEROI-GOURHAN, A. 1943-5. *Évolution et technique*. Paris. 2 vols.
- 1964-5. *Le Geste et la parole*. Paris. 2 vols.
- 1965. *Préhistoire de l'art occidental*. Paris.
- 1966. *Les Religions de la préhistoire*. Paris.
- LÉVI-STRAUSS, C. 1963. *Structural Anthropology*. New York.
- 1967. *The Scope of Anthropology*. London.

- LÜNING, J. 1972. Zum Kulturbegriff im Neolithikum. *Prähist. Z.*, Vol. 47, pp. 145–73.
- MCBURNEY, C. B. M. 1960. *The Stone Age of Northern Africa*. Cambridge.
- MEGGERS, B. J. (ed.) 1968. *Anthropological Archaeology in the Americas*. Washington.
- MILANKOVITCH, M. 1930. *Mathematische Klimalehre und astronomische Theorie der Klimaschwankungen*. *Handbuch der Klimatologie*. I (A). Berlin.
- MOBERG, C. A. 1976. *Introduction à l'archéologie*. Paris.
- MOOK, W. G.; WATERBOLK, H. T. 1985. *Radiocarbon Dating*. Strasbourg, European Science Foundation. (*Handb. Archaeol.*, 3.)
- MORGAN, L. H. 1877. *Ancient Society*. Chicago.
- MÜLLER-KARPE, H. 1966–75. *Handbuch der Vorgeschichte*. Munich. 9 vols.
- Natural Science in Archaeology in Denmark, Finland, Iceland, Norway and Sweden*. 1978. Copenhagen.
- NILSSON, S. 1888. *The Primitive Inhabitants of Scandinavia*. London. (Orig. Swedish edn pub. 1865.)
- OAKLEY, K. P. 1961. *Man, the Tool-Maker*. 5th edn. London.
- OTTE, M. (ed.) 1985. *La Signification culturelle des industries lithiques*. Liège. (*Actes du Colloque de Liège du 3 au 7 Oct. 1984*.)
- PENNIMAN, T. K. 1952. *A Hundred Years of Anthropology*. 2nd edn. London.
- PHILLIPS, P. 1980. *The Prehistory of Europe*. London.
- PIGGOTT, S. 1965. *Ancient Europe*. Edinburgh.
- PLENDERLEITH, H. L. 1956. *The Conservation of Antiquities and Works of Art*. Oxford.
- PYDDOKE, E. (ed.) 1963. *The Scientist and Archaeology*. London.
- RENFREW, C. (ed.) 1973. *The Explanation of Culture Change: Models in Prehistory*. London.
- 1973. *Before Civilization*. London.
- 1979. *Problems in European Prehistory*. Edinburgh.
- RENFREW, J. M. 1973. *Palaeobotany: The Prehistoric Food Plants of the Near East and Europe*. London.
- SABLOFF, J. A.; LAMBERG-KARLOWSKY, C. C. 1978. *Ancient Civilization and Trade*. Albuquerque. (Proceedings of the Research Seminar in Archaeology and Related Subjects.)
- SAHLINS, M. D. 1972. *Stone Age Economics*. London.
- SCOLLAR, I. 1970. *Einführung in neue Methoden der archäologischen Prospektion*. Düsseldorf.
- SEMENOV, S. A. 1964. *Prehistoric Technology*. London/New York.
- SIEVEKING, G. DE G.; LONGWORTH, I. H.; WILDON, K. E. (eds) 1976. *Problems in Economic and Social Archaeology*. London.
- SINGER, C.; HOLMYARD, E. J.; HALL, A. R. (eds) 1954. *A History of Technology*. Oxford. 5 vols.
- STJERNQVIST, B. 1967. *Models of Commercial Diffusion in Prehistoric Times*. Lund.
- TITE, M. S. 1973. *Methods of Physical Examination in Archaeology*. London.
- TRIGGER, B. C. 1968. *Beyond History: The Methods of Prehistory*. New York.
- VERHAEGHE, F. 1979. *Archaeology, Natural Science and Technology: The European Situation*. Strasbourg, European Science Foundation. 3 vols.
- WAGNER, G. A.; AITKEN, M. J.; MEJDAHL, V. 1983. *Thermoluminescence Dating*. Strasbourg, European Science Foundation. (*Handb. Archaeol.*, 1.)
- WATSON, P. J.; LE BLANC, S. A.; REDMAN, C. L. (eds) 1971. *Explanation in Archaeology: An Explicitly Scientific Approach*. New York.
- WELLS, C. 1964. *Bones, Bodies and Disease*. London.
- WHEELER, M. 1954. *Archaeology from the Earth*. Oxford.
- WHITEHOUSE, D.; WHITEHOUSE, R. 1975. *Archaeological Atlas of the World*. London.
- WILLEY, G. S. 1966–71. *An Introduction to American Archaeology*. Englewood Cliffs. 2 vols.
- WILLEY, G. S.; PHILLIPS, P. 1958. *Methods and Theory in American Archaeology*. Chicago.
- WILLEY, G. R.; SABLOFF, J. A. 1980. *A History of American Archaeology*. 2nd edn. London.
- WILSON, D. 1975. *Science and Archaeology*. Harmondsworth.
- WOOLLEY, L. 1937. *Digging up the Past*. Harmondsworth.
- ZIVANIVIC, S. 1982. *Ancient Diseases*. London.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ТОМУ

Доисторический период в действии.
Современное состояние исследований (1988–2000)

Жан-Пьер Моэн,
главный хранитель Национального достояния,
директор Центра исследований и реставрации
музеев Франции

Являясь вместе с А.Х. Дани соредактором II тома *«Истории человечества»*, посвященного доисторическому периоду, учеником Франсуа и Денизы Борд в Бордо и участником необыкновенных раскопок эпохи палеолита в Комб-Греспаль (Дордонь), государственным доктором исторических наук доисторического периода и работая в Париже под руководством Андрэ Леруа-Гурана, я часто встречался с Зигфридом Яном Де Лаатом для подготовки двух первых томов этого нового объединенного издания, всецело поддержанного ЮНЕСКО. Поэтому, относясь с уважением к таким именам, я согласился представить французский вариант первого тома этого гигантского труда, уже изданного на английском языке в издательстве Рутледж в 1994 г. В действительности рукопись этого коллективного труда была готова к середине 1988 г., т.е. двенадцать лет тому назад. Моя миссия преследует двойную цель: подчеркнуть завидную настойчивость ЮНЕСКО и президентов Международной комиссии Шарля Моразе и Жоржа-Анри Дюмона и почтить память Зигфрида Яна Де Лаата. Итак, взявшись за написание предисловия к французскому изданию, я принимаю эстафету от того, кто был убежден, что углубленные и всеохватывающие размышления над этой новой дисциплиной – историей доисторического периода – были для ее становления как науки необходимы. Введение и послесловие Зигфрида Яна Де Лаата, которые определяют вклад этого тома в науку, являются в связи с этим весьма значительными. Они демонстрируют один из принципов концепции новой *«Истории человечества»*, выпущенной ЮНЕСКО, который одновременно учитывает общие и тематические понятия и, в равной мере, оригинальные и региональные характеристики. Таким образом, вырисовывается проект в духе ЮНЕСКО, который отдает должное всемирной истории и в то же время – культурным особенностям каждого региона. Остановившись на открытиях за последние двенадцать лет, я хотел бы поставить вопрос об эволюции знаний в такой молодой области, как история доисторического периода, и показать, что «доисторический период в действии» зависит как от случайных находок, так и от интеллектуального опыта археологов, антропологов, филологов, физиков, химиков, научных работников всей Земли,

которые в той или иной степени вносят свой вклад в видение наших истоков. Это скромное дополнение к тексту, который образует единое целое и который был обсужден коллективно, не ставит под сомнение целостность первоначального тома на английском языке, в котором были представлены первые гоминиды, затем первые люди при их появлении на Земле. С учетом новостей науки за последние двенадцать лет это дополнение свидетельствует о том, что живые изыскания прогрессируют иногда медленно, иногда скачками: они описывают то, как любознательность в науке приводит к поискам и делает открытия, для того чтобы попытаться овладеть некоторыми фрагментами знаний об условиях нашего существования на Земле и, может быть, найти какие-либо ключи к нашему происхождению. Этот итог не является полным, но благодаря значительным примерам он демонстрирует все более тесную связь между случайностью находок во время поисков и кропотливой работой в лабораториях, которые обеспечивают научный прогресс во всех областях знаний, касающихся науки о Земле, науки о материалах, информатики, гуманитарных наук. В дело пущено всё: от компьютера, помогающего в классификации, до электронного микроскопа с зондом, позволяющим определять трасологические характеристики применявшихся орудий, все технические средства направлены на получение знаний. И это подчас вызывает оживленные споры. Например, генетики занялись проблемой происхождения человеческого рода путем исследования ДНК и предлагают более ранние даты отделения гоминидов от остальных приматов, чем те 4,5 млн. лет, которые были получены ранее другими способами. Увеличение числа физико-химических датировок является также благотворным фактором для изучения пещер с наскальной живописью или мегалитов. Информационные модели для выявления социально-экономических систем доисторических обществ побуждают к экспериментам, но не дают такой возможности. В частности, трудно выявить такой параметр, как демография. Несмотря на эти сомнения, через двенадцать лет после составления английского варианта этой рукописи должны быть определены дополнительные знания о некоторых аспектах доисторического периода.

Антропогенез: рождение человечества

Со времени открытий Э. Дюбуа на Яве и исследований Тейяра де Шардена в Китае или Марселена Буль во Франции, со времени открытий семейства Лики в Африке, которые обновили учение об антропогенезе, увеличилось количество полевых исследований, усложнилась концепция эволюции гоминидов. Полностью оправдано то значительное место, которое отводится палеонтологии в новом издании 1 тома «Истории человечества». Прошедшие двенадцать лет подтверждают тот факт, что не хватает большого количества основополагающей информации для составления четкой схемы медленной эволюции наших предков. В то же время, несмотря на трудности, возникающие у специалистов по поводу соответствия данных морфологии и биогеогеографии, проблемы антропогенеза все чаще включаются в ряд первостепенных вопросов человечества XXI в. Итак, в «Истории человечества» первым признанным событием является само существование этого человечества, предполагающее поиски критериев его развития, которые по мере прогресса в этой области могут не соответствовать ожидаемым. Хожение на двух ногах не имеет прямого отношения ни к объему мозга, ни к языковой речи или технике, и еще меньше к режиму питания! Совершенно не является парадоксом признание того, что человечество, всемирную историю которого мы предприняли описать, избегает любой попытки определить перспективу природы нашего вида.

Каковы предварительные условия? А Африка?

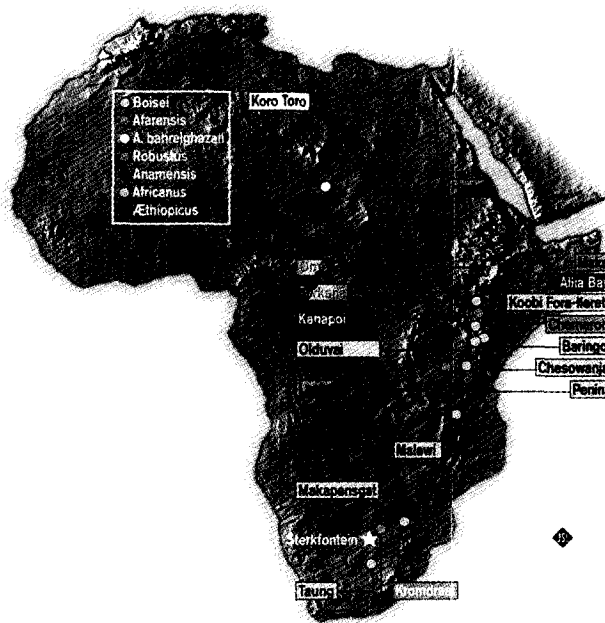
Разделение между предками человека и предками шимпанзе произошло по хронологическим оценкам, сделанным на основании сравнительных исследований генетики и биохимии, в период между 10 и 4,5 млн. лет назад. Неизвестен их общий предок, остатков которого при настоящем состоянии исследований так не хватает в Африке. Возможно, поиски должны быть расширены во времени и в географическом пространстве, за пределами части рифтовой системы и Восточной и Юго-Восточной Африки. Л. де Бони (*Louis de Bonis*) из университета в г. Пуатье сообщил о своем открытии в Греции уранопитека, который 9 млн. лет назад жил бок о бок с дриопитеком, большой древесной обезьяной, близкой к шимпанзе и африканской горилле. Кем был уранопитек? Может быть, предком гоминида, жившего как австралопитеки в среде лесистой саванны. А если уранопитек был «двоюродным братом или предком австралопитеков, которые заселили Африку 6 млн. лет назад»?

Широкое распространение австралопитеков в Африке подтвердило бы гипотезу о далеких корнях, связывающих Африку и соседние регионы, что ставило бы под сомнение, что колыбелью человечества является только рифтовая долина. Находка в 1995 г. «Абеля» – *Australopithecus babregbazali* в Коро-Торо, Чад, в археологических слоях, датированных 3,5 млн. лет, могла бы подтвердить эту точку зрения и дать новый материал для исследований нашего происхождения.

Что нового у австралопитеков?

Множество важных открытий в области палеонтологии было сделано за последние двенадцать лет, что позволило составить следующую хронологическую последовательность в отношении австралопитеков (карта а):

- *Australopithecus ramidus*, ставший *Ardipithecus ramidus*, был найден в 1994 г. в Арамисе, в долине р. Авап, Эфиопия, его возраст – 4,4 млн. лет.

Карта а. Основные местонахождения, в которых были обнаружены *Australopithecus africanus*

- *Australopithecus africanus*, найденный на раскопках, проводившихся в 1995 г. в Канапуа, Кения, был назван *Australopithecus anamensis*, его возраст, определенный по покрывавшему его слою вулканического пепла, оценен в 4,1 млн. лет.
- *Australopithecus anamensis*, близкий к предыдущему, найден в Аллиа-Бэй, на восточном берегу озера Туркана, был покрыт слоями вулканического пепла, его возраст 3,9 млн. лет.
- *Australopithecus babregbazali* по прозвищу «Абель» был найден в 1995 г. значительно западнее, в Коро-Торо, Чад, в слое архаической фауны, возраст его 3,5 млн. лет.
- *Australopithecus afarensis*. Многие ископаемые остатки принадлежат к этому виду, сконцентрированному в Восточной Африке. Самым знаменитым ископаемым является скелет «Люси», идентифицированный в 1974 г. Его возраст – 3,2 млн. лет.
- *Australopithecus africanus* из местности у г. Стеркфонтейн на севере Южной Африки был найден в 1995 г. и дополнен в 1997 и 1998 гг. Он является наиболее сохранившимся из всех известных скелетов, его особенность – кости ног и ступней двуногого существа. Этому ископаемому 3 млн. лет.
- *Australopithecus aethiopicus* из долины р. Омо представляет собой миниатюрный (грацильный) тип, его возраст 2,8 млн. лет.
- *Australopithecus garhi*, найденный в 1997 г. в Бури, Эфиопия, его возраст – 2,5 млн. лет. Он первым пользовался каменными орудиями и ел мясо.
- *Australopithecus boisei*, найденный в Консо, в знаменитом ущелье Олдувай, называемый также зинжантроп, близок к *Australopithecus robustus* из Кромдраай в Южной Африке. Он датируется 2–1,5 млн. лет.

Этот список показывает, что привлекательным регионом для современных поисков первых гоминидов является Эфиопия, а также Танзания, а в более общем плане – Восточная Африка; вместе с тем впервые франко-чадская группа под руководством М. Бруне из университета Пуатье (журнал *Nature*, 16/11/95), найдя «Абеля», доказала, что австралопитеков можно найти и дальше к Западу за

пределами Восточно-Африканской рифтовой системы и зоны саванны. Они адаптировались к различным типам окружающей среды уже 3,5 млн. лет назад. Это представление соответствует теории И. Коппана.

Другое важное заключение из недавних исследований о первых гоминидах касается хождения на двух ногах. Следы ног из Лаэтоли в Танзании (рис. а), датированные 3,75 млн. лет, являются первым бесспорным свидетельством прямохождения: там можно распознать следы трех гоминидов – двух взрослых и одного юного индивидуума, – вдавленные в спрессованный вулканический пепел. И. Делуазон, специалист по двигательной системе гоминидов, из Национального центра научных исследований (CNRS) в Париже, по этим следам смогла воссоздать всю ногу, которую она сравнила с достаточно полным комплектом костей ископаемого из Стеркфонтейна, исследуемого в это время. Пятка была узкой и выпуклой; пальцы длинные и согнутые в конце (по крайней мере два крайних), подобные пальцам руки с отставленным большим пальцем, готовым к хватательным движениям. Вес тела идущего переносился на внешний край ступни, и походка была качающейся, как у шимпанзе. Однако нет ни малейшего сомнения в том, что он шел на двух ногах, так как гоминид передвигался без помощи рук. Эти выводы должны отделить «двуногую» походку, которая, по мнению И. Делуазон, появилась у первых приматов 15 млн. лет назад, от других признаков превращения в человека, таких как членораздельная речь и развитие мозга, а также от изготовления орудий. Древняя «двуногая» походка, во всяком случае, не явилась результатом приспособления к особым климатическим условиям, которые повлекли за собой как образование саванны, так и возникновение Восточно-Африканской рифтовой системы.

В этих новых условиях предок человека необязательно являлся «древесным двуногим» (понятие, эквивалентное понятию «человек-обезьяна» в XIX в.). С появлением новых гипотез можно думать, что гоминид развивался, приняв образ жизни живших тогда обезьян, и не знал древесного образа жизни живших тогда обезьян. В этом смысле «человек не произошел от обезьяны», он произошел от одного общего четырехногого предка.

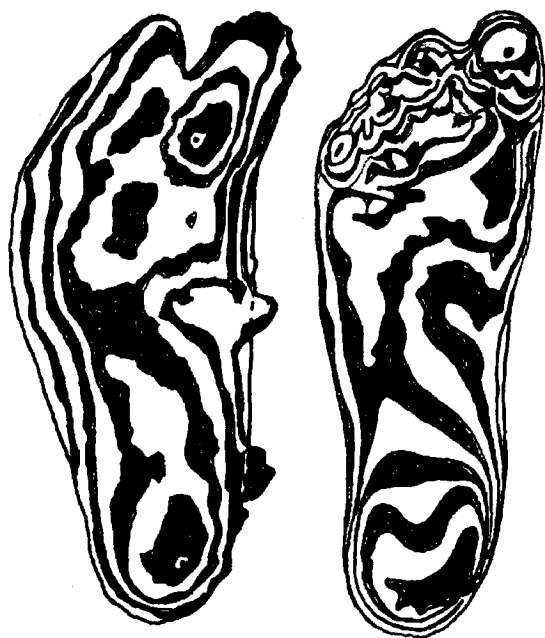

Рис. а. Фотография отпечатков следов человека эпохи палеолита из грота Альден (департамент Эро) (музей античной фотографии в Сэн-Жермен-ан-Лэ)

Проблема древнейших орудий

Вопрос о древнейших орудиях остается актуальным и далеким от того, чтобы можно было уточнить существующее понятие «*Homo faber*», связанное с определением современного человека, который способен не только использовать сырьевые или первоначально обработанные материалы, но также благодаря своему развитому мозгу создавать операционные системы, т.е. технические средства для производства готовых орудий. До последних лет казалось, что эта гипотеза сможет примирить историю эволюции ископаемого человека и эволюционную историю промышленности каменного века.

Недавняя находка в Кении ряда великолепно и разнообразно обработанных камней, часть которых получена из одного «ядра» (*nucleus* – нуклеус, каменный желвак, расколотый на несколько частей), свидетельствует о существовании «гранитной мастерской» возраста 2,3 млн. лет и доказывает, что уровень интеллектуальной сложности технологического процесса (а не только инстинктивное использование случайных предметов, попавшихся под руку) был полностью достигнут значительно раньше появления *Homo habilis* человека умелого, т.е. к периоду 1,9 млн. лет назад. Констатация этого факта ставит под сомнение существовавшую до тех пор гипотезу, что появление орудий сделало человека человеком, так как найденные в Кении орудия доказывают существование длительной традиции, выходящей за пределы эпохи человека умелого. Некоторые австралопитеки, которых считают более близкими к обезьянам, чем человек умелый, возможный предок человека, занимались гранением камней, что также подтверждается наличием каменных орудий в некоторых слоях местонахождений Када-Гона и Када-Хадар неподалеку от долины р. Аваш в Эфиопии. Их возраст датируется 2,6–2,4 млн. лет до н.э., и их находят с остатками австралопитеков *garhi* в районе Бури в Эфиопии. Так как количество этих находок увеличивается, то, возможно, изготовление орудий не является одной из специфических особенностей представителей человеческого рода, как и прямохождение.

Если эта гипотеза подтвердится, подтвердится и уменьшение различий между критериями животных и критериями «человека». Ив Коппан (*Y. Coppens*) кратко излагает состояние познаний в этой области и допускает, что различие между человеком и шимпанзе «скорее количественного порядка, чем качественного», однако это совсем не мешает полагать, что уровни сложности операционных систем связаны с развитием головного мозга, объем которого все больше увеличивался. Существует также и обратная связь. Мозг развивался по мере интенсификации применения орудий.

Какое место отводится «Люси» и *Homo habilis* в перспективе появления *Homo erectus*?

Большое морфологическое разнообразие, которое все больше проявляется в обширном (однородном) семействе австралопитеков, ставит проблему соответствия в вопросе отличия миниатюрной (грацильной) разновидности австралопитека *afarencis*, к которому относят «Люси». Она наиболее известна среди них, найдена в 1974 г., датируется 3,2 млн. лет, она – возможный предок человека умелого, существование которого известно в период между 1,9 и 1,6 млн. лет тому назад.

В период между 1960 и 1963 гг. на том же стратиграфическом уровне в ущелье Олдувай Л. Лики провел различие между остатками массивного австралопитека зинджантропа, мозг которого имел объем 450 куб. см, и остатками гоминида, объем мозга которого составлял от 600 до 700 куб. см. Различие было таким, что Л. Лики, а за

ним и другие специалисты, и среди них И. Коппан и Д.К. Йохансон (*D.C. Johanson*), настояли на том, что гоминид быстрее превратился в *человека умелого*.

В действительности же, видимо, проблема *человека умелого* за последние годы далеко не прояснилась, и к ней можно будет вернуться после получения дополнительной и менее фрагментарной информации о морфологии. «Люси» слишком быстро была причислена к прямым предкам современного человека. Когда в 1984 г. Б. Сеню (*B. Senut*) из Парижского музея естественной истории заявила, что, судя по морфологии костей руки, «Люси» вела древесный образ жизни, несмотря на свою «двуногую» походку, то вызвала оживленные дискуссии. Однако И. Коппан (1998), возобновив исследования специалистов из своей группы, на основании изучения колена «Люси» показал, что эта маленькая женщина имела косолапую нетвердую походку и двигалась, балансируя руками.

Первые предки *человека умелого*, отнесенные к периоду между 4 и 3,5 млн. лет назад, представлены, например, в Канапуа, у озера Туркана в Кении лишь фрагментами. В этой же стране те же самые предки *человека умелого*, найденные в районе Алиа-Бей, являются современниками других австралопитеков. И снова, чтобы стало понятным положение *человека умелого* по отношению к другим гоминидам, важным местом раскопок становится ущелье Олдувай в Танзании, где в местонахождении Бед I (участок I) остатки *человека умелого* находят вместе с остатками австралопитека зинджантропа на уровнях, датируемых периодом между 2,2 и 1,7 млн. лет назад. В местонахождении Бед II (1,7–1,2 млн. лет) остатки *человека умелого* соседствуют с остатками австралопитеков *boisei*, а в верхних слоях – с древним *Homo erectus* (*человеком прямоходящим*), часто называемым *Homo ergaster*. Была широко распространена обработка гальки, называемой олдувайской, и в конце производственного цикла появились первые орудия овальной формы, оббитые с двух сторон. На этом же участке нашли самое древнее жилое строение, представляющее собой выложенный камнями круг, который должен был закреплять и удерживать ветви деревьев или шкуры, натянутые на шести.

Эти уровни участка Бед II в ущелье Олдувай ставят проблему связи между *человеком умелым* и австралопитеками, а в конце этого периода и с *Homo erectus*, называемым также *Homo ergaster*. В ущелье Олдувай *человек умелый* встречается независимо от двух других типов.

Прекрасное будущее *Homo erectus* и появление огня

К 1,8 млн. лет назад и, возможно, еще раньше (2 млн. лет), когда массивные австралопитеки сосуществовали с *человеком умелым*, появляются первые представители *Homo erectus* (*человека прямоходящего*), или *Homo ergaster*. Их находят по всей Африке, и, похоже, они заняли другие межтропические и умеренные регионы Евразии; это питекантропы с Явы, синантропы из Китая, человек из Хатноры в Индии, человек из Дмассиси в Грузии (2 черепа найдены в 1999 г.), а затем европейские донеандертальцы. Очень ранняя дата – 1,7 млн. лет, которой определяется возраст двух представителей *Homo ergaster* миниатюрного африканского типа, найденных в Грузии, позволяют определить начальную фазу распространения *Homo erectus* в Европе.

По мнению Г. де Ламли (*Henry de Lumley*), характерными чертами *Homo erectus* являются удлинённый череп с низким лбом и ярко выраженными надглазничными валиками, объем которого измеряется от 800 до 1200 куб. см, нижняя челюсть с выдвинутым подбородком и достаточно высокий рост, который часто превышал 1,5 м. *Homo erectus* ассоциируется с тремя великими открытиями: пер-

вым, датируемым 1,2 млн. лет назад, связанным с началом изготовления каменных орудий, симметрично оббитых и получивших название «двусторонних» (иногда их называют «бифась»); вторым, датируемым периодом около 400 тыс. лет назад, – эпохой появления огня, и третьим, датируемым периодом позднее 300 тыс. лет назад, когда появилась тщательно отработанная технология подготовки ядра (нуклеуса) для получения сколов нужной формы, названная леваллуазской техникой раскалывания. Многочисленные недавние находки ископаемых остатков *Homo erectus* (Нанкин в Китае в 1993 и 1994 гг., Сангиран на Яве, Атапуэрка-Гран-Долина в Испании, Чепрано в Италии, Тотавель во Франции, и этот ряд пополняется из года в год) поднимают проблему нашего представления об их эволюции, культуре и поведении.

Наиболее впечатляющим аспектом является покорение огня. Проведенные в 1996 и 1997 гг. исследования отложенных в пещере Чжоукоудзянь под Пекином и, в частности, обугленных костных фрагментов, не позволяют дать ответ на вопрос о точном времени покорения огня. Раскопки, проведенные с 1985 по 1995 г. в Менез-Дрегане, около Одьерна в Бретани, выявили многочисленные следы огня (древесный уголь) и очагов, самый старый из которых датируется возрастом 465 тыс. лет и является наиболее известным и приспособленным к обработке гальки.

Причисленные к европейским *Homo erectus* многочисленные остатки (по крайней мере, два индивидуума), найденные в горах Сьерра д'Атапуэрка под Бургосом, на севере Испании, в пещере Сима-де-Лос-Хэсос, относятся к 780 тыс. лет назад. Они занимались обработкой гальки. Остатки *Homo erectus* из Сима-де-Лос-Хэсос и остатки *человека разумного* неандертальца относятся к разным типам. Характерные черты европейских *Homo erectus* обнаружены у остатков 25 индивидуумов, найденных в Тотавеле (Восточные Пиренеи), они датируются временем около 400 тыс. лет назад и получили название «донеандертальцев», что поднимает вопрос об их связи с неандертальцами.

Находка 14 октября 1996 г. на базе большого фрагмента ашельской культуры на местонахождении Надаоний-Айн-Аскар под г. Эль-Ком в Центральной Сирии теменной кости с архаичными чертами одного *Homo erectus*, возраст которого датируется периодом около 500 тыс. лет, становится очень важной, если понять, что африканские *Homo erectus* расселялись из районов Ближнего Востока в Азию, с одной стороны, и в Европу, с другой стороны. Являются ли они прародителями европейских донеандертальцев? В Африке представители *человека разумного* вышли из тех же *Homo erectus* около 400 тыс. лет назад – по мнению генетиков и около 200 тыс. лет назад – на основании найденных остатков; затем они направились на завоевание пяти континентов. Насколько *человек разумный* отличался от своих европейских двоюродных братьев-неандертальцев до момента исчезновения последних?

Революция человека: *Homo sapiens sapiens* и *Homo sapiens neandertalensis*

«*The Human Revolution*» («Человеческая революция») – это название коллективного труда, изданного в 1989 г. издательством *P. Mellars* и *C. Stringer*. В нем поставлен волнующий вопрос о связи между двумя типами *Homo sapiens*, которые сосуществовали, возможно, в течение более 100 тыс. лет, до тех пор пока самый древний из них не исчез 34 тыс. лет тому назад во Франции (череп из Сен-Сезер, департамент Приморская Шаранта), а позднее – на Пиренейском п-ве. Биологическое сосуществование двух типов возможно, однако некоторые полагают, что они были взаимноплодотворяющими, другие полагают, что нет, и это мнение больше подходит к понятию вида. Их морфология

достаточно широко и детально разработана, что дает возможность отличить один тип *человека разумного* от другого. В той же пещере Сима-де-Лос-Хэсос под Бургосом, в Испании, где нашли остатки *Homo erectus*, был недавно найден уникальный комплекс из 33 гоминидов-неандертальцев, датируемый возрастом 300 тыс. лет. Эти гоминиды составляют великолепный ряд, позволяющий оценить общие критерии и эволюцию данной популяции. Остается вопрос о цели захоронения этих неандертальцев. Сомнение в понимание связи между неандертальцами и первыми кроманьонцами, а затем и в исчезновения неандертальцев, вносит похожий характер культурных традиций, которые одновременно существовали у обоих типов не только в среднем палеолите (наличие захоронений, изготовление украшений и различных каменных изделий, использование порошка охры, устройство жилищ одного типа), но и в начале верхнего палеолита (с добавлением еще более развитого производства изделий из камня и кости, появлением знаков и рисунков искусства палеолита). Может быть, наша информация неполная? То обстоятельство, что не удается провести различия между культурными традициями *Homo sapiens sapiens** и *Homo sapiens*-неандерталец, является, вероятно, следствием того, что в нашем распоряжении имеется слишком малое количество остатков? Если у обоих типов существовали похожие культурные традиции, то можно допустить, что они явились результатом социальных традиций, а не результатом возможного биологического превосходства, которое по неясным причинам, утвердилось в нашем представлении. Найденный в Португалии в декабре 1998 г. скелет ребенка в возрасте 4-х лет, отнесенный к 24,5 тыс. лет назад, подтверждает сложность этой проблемы. Нашедшие его Ж. Зильхао (*Zaao Zilbao*) и Э. Тринкаус (*Erik Trinkaus*) твердо уверены в смешанном характере антропологических признаков неандертальцев и кроманьонцев, что указывает на смешение обоих типов; однако такой факт был отмечен в очень поздний период верхнего палеолита – 3 тыс. лет спустя после исчезновения настоящих неандертальцев!

Смерть и украшения

Появились многочисленные исследования и труды о сложных культурных традициях и, в частности, о способах захоронения (*Defleur*, 1993; *Moben*, 1995) и видах украшений (*Taborn*, 1993). Обе эти традиции касаются отношения к телу человека, и в течение более 60 тыс. лет они были общими и у первых представителей *человека разумного*, и у последних из неандертальцев (*человек разумный неандертальский*). Впоследствии первые развили обе эти традиции. Похоронный ритуал касался заботы об умершем, а украшения предназначались для живого тела. 42 захоронения современного человека и неандертальцев различных типов, обнаруженные в 16 местонахождениях, пещерах и скальных укрытиях, служивших жилищами в период между 100 и 35 тыс. лет тому назад, представляют собой самые первые захоронения человечества. Более половины известных захоронений сосредоточены в четырех местонахождениях: Шанидар в Ираке, Кафзех в Израиле и Схул в Палестине, Ла Ферраси во Франции (департамент Дордонь). Сразу после смерти видна коллективная подготовка к обряду погребения. Извлечение костей из тела умершего и в частности черепа, и, наоборот, приношение погребальных даров составляют части ритуала погребения, что может констатировать археолог, хотя и не может дать им должного объяснения. В период верхнего палеолита некоторых индивиду-

умов, мужчин и женщин, хоронили в определенных позах, что заставляло исследователей выдвигать идеи о мифах; к таким погребениям относятся захоронения двух детей в Сунгире (Россия) и в Гримальди (Италия), захоронения трех взрослых людей в Барма-Гранде (Италия) и в Долни-Вестонице (Моравия).

Внимание к украшению тела также проявляется в конце среднего палеолита, 40 тыс. лет тому назад. Украшения эпохи палеолита в виде жемчужин, подвесок или накладок, реже браслетов, найдены в захоронениях в Сунгире, на Мальте, в Гримальди и других местах. Большое количество таких украшений, найденных на жилых уровнях в местонахождениях, указывает на то, что живые люди тоже их носили. И. Таборэн (*Y. Taborn*) разделяет украшения на характерные для мужчин или для женщин: украшения «женского» типа в виде раковин *cypraea* и «мужского» типа в виде раковин *cyclote neritea*, правда, иногда эти признаки едва различимы. Как и погребальные ритуалы, обычаи носить украшения поддерживали своеобразный «диалог» индивидуума с группой: «Действительно, при определенных условиях необходимо согласиться с тем, что символика является одной из форм языка. Этот несоциальный переход от грубого физического вида к сфере воображения через посредство функциональных знаковых предметов является исключительной особенностью человека» (*Y. Taborn, 'Sacco et Sauvet'*, 1998, p. 150).

Речь с двойной артикуляцией и абстрактная коммуникация

Следует дополнить предшествующий этнографический и психологический подходы, упомянув о ведущихся дискуссиях относительно способности к речи (*Tattersall*, 1999). Механическое объяснение членораздельной речи, ставшей возможной благодаря морфологии гортани, звучит неубедительно, и Луи де Бонис (*Louis de Bonis*) делает остроумное заключение: «А попугаи говорят, не имея гортани». После напрасных физиологических исследований размеров языкового канала, который дает возможность двигательно-нерву языка пройти через затылочную кость, после тщательных исследований сложных коммуникативных систем некоторых животных типа китов или птиц, которые освоили местные диалекты, выяснилось, что оригинальность человеческой речи состоит в сочетании «двойной артикуляции»: звуковой (сочетание гласных и согласных звуков) и смысловой (соответствии с правилами грамматики, которые определяют смысл слова по его месту во фразе. Ян Таттерсаль из Нью-Йоркского музея естественной истории полагает, что соединение этих двух автономных новшеств создает «квантовый скачок по отношению ко всем другим коммуникативным системам, которые наблюдаются в живом мире». Оно придает человеку «абстрактную и ассоциативную способности» и «возможность рассуждать о символах» (*Tattersall*, 1999, p. 85–86).

Откуда берется способность к человеческой речи? Обследование новорожденных, которые способны выучить любой существующий язык, исходя из потребности в выражении чувств и в общении, заставляет некоторых специалистов (*Pinker*, 1999) считать, что человеческая речь является инстинктом, врожденная способность к которому заложена в наших генах. Возможно, существовали степени развития этого инстинкта в ходе эволюции гоминидов, и все, кажется, пришли к согласию, что важное различие между *человеком разумным* неандертальцем и *человеком разумным* (*Homo sapiens sapiens*) состоит в этой неравно распределенной способности. Более медленная речь с рудиментарными фразами могла бы поставить неандертальцев в невыгодное положение.

Когда речь с двойной артикуляцией стала действительно необходимой? Видимо, палеонтологи, специалисты по

* Согласно «Хронике человечества» Боф Харенберга («Большая энциклопедия»), *Homo sapiens sapiens* – люди, заселившие Европу от 40 до 35 тыс. лет назад. Они были высокого роста (1,7–1,8 м), стройные, крепкого телосложения. – *Прим. ред.*

доисторическому периоду и психологи согласны с тем, что существует тесная связь между способностью к абстрактному мышлению, рассуждениями о символах и следами символических ритуалов, такими как погребение, использование украшений, и в дальнейшем – появлением «искусства» изготовления мебели и наскальной живописи.

Культурное наследие людей палеолита

Если период верхнего палеолита в Европе связан с художественными проявлениями способностей к живописи, гравировке и скульптуре, приписываемых существу близкого нам типа – кроманьонцу вида *Homo sapiens sapiens*, то начало культурного наследия в целом восходит к периоду, предшествующему появлению нашего биологического вида, когда не только изготовлялись орудия, но – и это более смелое предположение – уже появилось само «искусство». Для М. Лорбланше (*Lorblanchet, 1999*) эстетическое восприятие является свойством человека, которое не может быть присущим только человеку верхнего палеолита. Он приводит примеры изображения «вульвы» из Ла Ферраси (Дордонь, Франция), датированного временем 40 тыс. лет тому назад, т.е. временем последних неандертальцев, а также вулканического камня из Берехат-Рам в Израиле, подобранного 250 тыс. лет тому назад древним человеком в качестве женской статуэтки и немного обработанного, а также упоминает небольшой камень, похожий на изображение обеспокоенного темного лица, который был обнаружен в южноафриканском местонахождении 3 млн. лет тому назад! Предположение М. Лорбланше очень смелое, так как четких доказательств не существует. Однако ряд других аргументов доказывает, что эта проблема заслуживает обсуждения. Перемещение раковины или горного хрусталя с мест их происхождения служит подтверждением того факта, что со времен австралопитеков эти материалы служили основой производства ценностей и общении. Ж.-М. Ле Тенсоре (*J.-M. Le Tensorer*) восхищается качеством обработки и, особенно, симметрией двусторонне оббитых ашельских изделий, которые он нашел в Нададоний-Айн-Аскар в Сирии в археологических слоях, датированных 600–200 тыс. лет тому назад. Самыми «красивыми» двусторонне оббитыми артефактами являются изделия из древних археологических слоев возрастом 500 тыс. лет, в которых были найдены остатки архаического питекантропа. Очевиден подход к выбору материала для их изготовления в зависимости от требуемых технических качеств и цвета: были выбраны яшма и обсидиан. 300 тыс. лет тому назад поздние питекантропы применяли толченую охру, возможно, для росписи тела. Охра была обнаружена также в одном из захоронений в Кафзехе (Израиль) древностью 100 тыс. лет. Поиски «прекрасного» соответствуют целям жизни группы людей, находящихся в гармонии со своим окружением, движимых духовностью. Такие поиски сопровождали с самого начала процесс становления человека, и этот процесс привел к развитию воображения, при этом соответствующие доли современного мозга позволяли абстрагировать представления. Среди крупнейших художественных находок последних лет некоторые содержат информацию большой важности.

Невероятные расписанные пещеры Шовэ (Ардеш) и Коске (Буш-дю-Рон)

Термин «невероятный» не слишком сильный, так как вначале специалисты не были уверены в подлинности и возрасте росписей и гравюр этих двух пещер.

Пещера Шовэ, названная в честь его открывателя Жан-Мари-Шовэ, была открыта лишь в 1994 г. В ней были найдены 300 нарисованных фигур, объединенных в панно и сохранившихся в прекрасном состоянии (рис. б).

Панно с изображением лошадей, львов, быков стали классическим искусством эпохи палеолита. Наложение голов одна поверх другой создавало впечатление движущегося стада. Изображения других животных – медведей, мамонтов или носорогов в схватке – не имеют аналогов. В этой пещере есть также гравюры. Другой замечательной особенностью являются многочисленные следы пребывания человека в пещере, в частности, большое количество медвежьих костей на полу и среди них череп, лежащий на каменной глыбе и дающий ясное представление о культе этого животного. В ходе первых обследований этой пещеры были обнаружены следы голых ног ребенка. Информация, полученная в результате изучения пещеры Шовэ, изменила и уточнила наши представления о пещерах с росписью. Древний возраст росписей пещер на юго-западе Франции и на севере Испании соответствует возрасту изделий ориньякской культуры из Южной Германии, в частности из Фогельхерда. Именно в пещере Шовэ, а не в пещерах более позднего периода на юго-западе Европы найден узнаваемый набор изображений реальных и фантастических животных. Продуманная композиция панно и отработанная техника рисования красных и черных фигур с применением растушевки не соответствуют эволюционной схеме, разработанной А. Леруа-Тураном, в соответствии с которой должна иметься архаическая стадия, которая нашла подтверждение в Дордони, но не в Ардеше. Среди изображенных сцен не замечены противостояния бизона с лошастью и мужского и женского начал. Техника изображения тела бизона с расположенными рядом красными отпечатками ладоней руки человека является совершенно оригинальной и показывает, насколько человек углубился в создание образа животного, который, по сути, является проекцией его собственного воображения. Исследования в пещере Шовэ начались сравнительно недавно, и нет сомнений в том,

Рис. б. Живописное панно с изображением лошадей, носорогов и одного бизона из пещеры Шовэ в Валлон-Пон-д'Арк (департамент Ардеш); 28 тыс. лет до н.э. (рисунок Э. Тоселло)

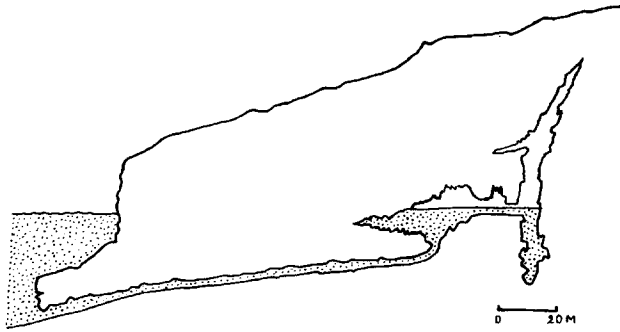

Рис. в. План пещеры Коске в бухте Кассис (департамент Буш-дю-Рон) (по Clotte & Courtin, 1992)

что они готовят нам много сюрпризов. После того как в 1985 г. было определено местонахождение пещеры (рис. в) с росписью под Марселем, в бухте Кассис, на глубине 37 м под уровнем моря, сообщение в начале 1990-х гг. об его открытии многие восприняли как шутку. Однако было необходимо согласиться с тем, что вход в эту пещеру во время последнего ледникового периода находился на поверхности, так как перед потеплением на планете уровень моря был на 100 м ниже, чем современный уровень. Датировки, произведенные радиоуглеродным методом, показали, что были два периода, в которые доисторические художники работали в пещере. Первая серия исследований темных отпечатков рук дала возраст 27 110 лет (+ или - 3%) до настоящего времени. Во второй серии исследовались изображения лошади и бизона, древность которых была определена в 18 000 лет (рис. з).

Высокохудожественные рисунки фигур красного или черного цвета или их резные изображения изображают таких классических животных, как лошади, бизоны, каменные бараны, олени, а также знаки в виде зубьев или зигзагов. К этому добавляются рисованные изображения представителей местной фауны – медуз, тюленей и пингвинов. Есть выгравированное изображение человека, падающего навзничь, пронзенного копьем, а также рисунок раненого или мертвого человека, найденный в Куньяке (Лот) или в Ляско (Дордонь). Неожиданной была находка подобного комплекса в районе, где доисторическое искусство было представлено весьма слабо (пещера Бом-Латрон), до открытия пещеры Шовэ. Пещера Коске описана в монографии (Clottes & Courtin, 1994); к сожалению, основание пещеры покрыто морем, и нет надежды, что можно будет получить археологические сведения о пребывании человека в этом месте.

Рис. з. Зарисовка выгравированного изображения лошади с наложением негативного изображения шести рук из пещеры Коске в бухте Кассис (Буш-дю-Рон) (по Clotte & Courtin, 1992)

Расшифровка наскальной живописи в Арси-сюр-Кюр (Ионн)

Начиная с 1990 г., в большой пещере Арси-сюр-Кюр (Ионн), которую стали посещать с недавних пор из-за сталагмитовых образований, под слоем непрозрачного известкового шпата (кальцита) на его стенах, который надо было оббить, стали обнаруживать рисунки и резные изображения, относящиеся к доисторическому периоду. Они располагались на 250-метровой галерее в полной темноте. На потолке Зала волн были обнаружены следы тщательной очистки поверхности, на которую были нанесены изящные резные изображения, покрытые остатками краски, сначала, возможно, красной, затем – черной. Красные рисунки видны на стенах и образуют композиции: панно из изображений рук, носорогов, красный фриз и т.д. В целом насчитывается 150 единиц графических рисунков, а около 60 изображений животных, опознанных с 1991 г. главным образом в Зале волн, распределяются поровну на изображения мамонтов и изображения медведей, носорогов, животных из семейства кошачьих, птиц, оленевых, бизона и лошади (рис. д).

К изображениям животных добавляются негативные рисунки семи кистей рук с полным набором пальцев и одной кисти с неполным их числом, один позитивный рисунок руки, две женские фигуры и две вульвы натуральной формы, окрашенные охрой. Имеются также разнообразные знаки, прямые линии, кривые, вытянутые или наложенные друг на друга пятна, шипы, трапециевидный знак с двумя боковыми ответвлениями. Под сталагмитовым полом найдены остатки следов частого посещения пещеры доисторическими людьми в виде двух очагов для освещения, на фрагменте сталагмитового пола – две примитивные лампы и многочисленные следы деятельности художников. Угольные остатки сначала были датированы возрастом между 33 и 29 тыс. лет; в результате радиоуглеродного анализа время их появления было определено в 28–24 тыс. лет тому назад. Эти времена соответствуют несколь-

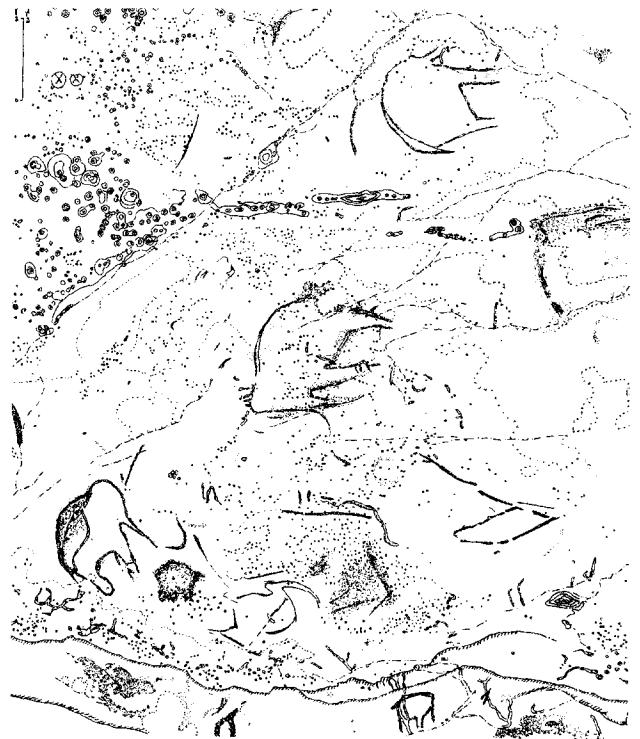

Рис. д. Графическая зарисовка южной зоны потолка Зала волн в большой пещере Арси-сюр-Кюр (департамент Ионн) (по Baffier & Girard, 1998)

ким периодам проживания в пещере (*Baffier & Girard, 1998*), что подтверждено результатами исследования красителей и составов красок и применения некоторых уникальных техник рисования при общем едином стиле (*Menu & Walter, 1996*).

Краски пещер доисторического периода

Вклад в науку, полученный в результате лабораторных исследований за последнее время, принес технические аргументы подчас решающего характера, позволяющие узнать, как были сделаны рисунки или резные изображения, в какое время, какими красителями и с помощью каких других ингредиентов, но особенно – для того чтобы в результате сравнения определить, какие рисунки сделаны одним и тем же красителем, или, напротив, какие другие вещества исключались из использования. Аббат Брей (*Breuil*) уже выявил применение многочисленных видов охры, марганца и древесного угля из пещеры Ляско (Дордонь), анализы которых были выполнены К. Куро (*Couraud, 1979*) при консультации А. Ламин-Амперера (*Laming-Emperaire*). Подобные исследования были начаты с изучения красителей из Альгамыры (Кантабрия) и из Арси-сюр-Кюр (Ионн). Не оставляет никакого сомнения тот факт, что, применяя, в частности, красители из Альгамыры, художники стремились получить жидкое и стойкое красящее вещество; действительно, тонко растертые черные и красные пигменты соединялись со слюдой, кварцем и с редким воскоподобным веществом – амброй (*Cabrera Garrido, 1978*). Кроме того, недавние исследования, выполненные, в частности, М. Меню (*M. Menu*) и Ф. Вальтером (*Ph. Walter*), специалистами исследовательской лаборатории музеев Франции, позволили получить заключения о структуре изображений. Так, негативные изображения рук из Гаргаса (35 микроскопических проб) и Тибирана (6 проб) в Верхних Пиренеях были выполнены из красок различных составов, включающих оксид железа и гематит, перемешанных с кристаллами кварца или глиной, или из окиси марганца двух типов с добавлением или без добавления бария или мелко растертого древесного угля. Это разнообразие составов соответствует предположению о существовании различных этапов подготовки к рисованию и, возможно, о нанесении разных красок в разные периоды, которые теперь необходимо уточнить и, вероятно, разделить на группы.

Другим прекрасным примером является анализ рисунков из пещеры Нио (Арьеж), которые показали Андре Леруа-Гурану очень однородными, по крайней мере по стилю. Три известных состава, включающих красные и черные красители, с добавкой, возможно, только калиево-натриевого полевого шпата или того же минерала, смешанного с черной слюдой или тальком, позволяют различить по меньшей мере две фазы нанесения рисунка, тогда как ранее предполагалась только одна. Датировки, произведенные на основании образцов самих рисунков, подтвердили эту новую версию. Вместе с тем полученные результаты привели к новому восприятию этих рисунков, исполнение которых было довольно точным и коллективным, как и любая другая техническая деятельность. Восхищаясь изобразительным и стилистическим качеством рисунков, специалист по доисторическому периоду совместно с физиком и химиком может изучать различные области искусства на реальной научной основе.

Пещеры, населенные духами

Два аспекта интересовали М. Гренена (*Groenen, 1997*) и М. Лорбланше (*Lorblanchet, 1999*) в пещерах с росписями: с одной стороны, признаки живописных или пласти-

ческих изображений, содержащихся в глубоких пещерах, для идентификации живых форм, выходящих при этом из полумрака, и, с другой стороны, выявление реакций древних посетителей пещер при осмотре изображений реальных и фантастических животных в покое и движении. В обоих случаях выводы сделаны на основании очень тщательного и многократного обследования стен. Первой реакцией доисторических людей должно было быть стремление обнаружить существа, которые появлялись из неровных стен или из мрака воображаемых прорезей в стенах. Это должно было привлекать внимание посетителей, которые становились активными, и приводило к появлению фантастических животных при свете их масляных ламп. Так, сталагмитовая складка в Фон-де-Гом (Дордонь) становится задними ногами нарисованной скачущей лошади, а профили голов лошадей в яблоках из Ле-Пеш-Мерль (Лот) вырезаны прямо в камне и выделяются из темноты гота.

В Марсуласе (Верхняя Гаронна) было отмечено, что 42 % изображений животных были выполнены на неровных частях скалы. В Альгамыре (Кантабрия) бизоны сворачивались по краям крутых выступов потолка. В Лабастиде (Верхние Пиренеи) бугристые участки напоминают бизонов; поверхности известкового шпата, канавы, трещины, чашечки желудей становились спинами или шеями лошадей и бизонов, их глазами или ноздрями. Весь объем галерей, таким образом, оживает: олень из Габийу (Дордонь) убегает в черный потайной ход, раненый стрелой бизон из Нио (Арьеж) лежит на полу, корова из Ляско (Дордонь) перепрыгивает через препятствие, а лошадь падает навзничь. Мир реальных и фантастических животных в расписанных пещерах создает иллюзию жизни. М. Гренен (1997) считает, что изображение этой естественности иногда связано со специальными действиями, верой в то, что можно ранить животное, изображенное так, как, например, выгравированный бизон из Нио со следами от трех ударов метательных орудий на боках, соответствующих трем тут же выгравированным стрелам, или, например, уничтожить часть рисунков, таких как некоторые руки из пещеры Коске (Буш-дю-Рон), и даже некоторые части пещеры, как о том свидетельствует нагромождение разбитых отложений в пещере Лас-Кименеас (Кантабрия). Если рассматривать двойное значение изображения – как символ самого животного и его дух, в столкновении с разрушающим действием или с жертвоприношением, то интерпретация рисунка означает вмешательство человека, но не только и не столько как охотника с его отношением к убитому животному, как это часто допускалось; иерархия животных в контексте структуры изображения, по мнению А. Леруа-Гурана, более всего соответствует общему представлению о живом мире. Недавние тщательные исследования техники исполнения, частоты посещений, всех особых следов деятельности, таких как использование кремневых пластин или осколков костей, или же зубов животных в расселинах в Тю-д'Одобер, Портель и Бедейак (все – в департаменте Арьеж), предоставили солидные аргументы, убеждающие в том, что «эстетическая» функция «палеолитического искусства пещер» служила лишь предлогом для проявления ритуальных обычаев, которые касались не только охоты, но, более вероятно, отношения небольшой группы людей с окружающим их торжествующим животным миром, который одновременно и близок к человеку, и тревожит его своими сверхъестественными проявлениями. Эти отношения могли в некоторых случаях вдохновить на создание мифологических рассказов, также как предположительно могли навеять вид колодца в пещере Ляско или двойной проход в Зале быков той же пещеры.

Кажется, что этот огромный воссозданный мир вращается вокруг одного главного животного, которым может быть мамонт из Руфиньяка (Дордонь), бизон из Альгамыры

(Кантабрия), лошадь на центральном панно в Пеш-Мерле (Ло). В пещере Шовэ (Ардеш) кости медведя, который даже не являлся самым распространенным животным в росписях стен карстовой системы, присутствуют среди всех костных остатков, разбросанных по полу; в частности, многочисленные черепа были взяты и перемещены человеком; один из этих черепов помещен в середине зала на большом камне. Животное считалось не возможной добычей, а скорее пещерным «царем». Поиски в пещере Шовэ начались сравнительно недавно, и новые сведения о последовательных системах иконографии, о технике рисунка и живописи, а также об их ритуальном значении должны нам дать лучшее представление об этом типе священной пещеры, величественной и гармоничной, которая во многих отношениях остается непостижимым явлением. Некоторые авторы (*Clottes & Lewis Williams*, 1996) прибегли к сравнению с современными знахарями и шаманами, для того чтобы объяснить двойственный характер отношений между животным миром и миром человека, каким он проявляется в настенной живописи. Это сравнение остается удобным образным выражением, чтобы запечатлеть волшебный облик некоторых проявлений; однако оно недостаточно для того, чтобы дать представление о священном замысле пещер с росписями.

Изучение скульптурного фриза мадленского периода из Англь-сюр-Ланглен (департамент Вьенна)

После 50-летних исследований было опубликовано изображение скульптурного фриза из Англь-сюр-Ланглен (*Iakovleva & Pincon*, 1997). В это время Сюзанн де Сен-Матюрэн (*Suzanne de Saint-Mathurin*) и Дороти Гарро (*Dorothy Garrod*) начали вести раскопки в пещере Рок-о-Сорсье в Англь-сюр-Ланглен; постепенно был расчищен большой скульптурный фриз длиной 12,6 м со следами охры. Первая фаза иконографического построения соответствовала резным изображениям нижнего ряда. Частично эти изображения были удалены древними скульпторами во время последующих работ, когда они создавали обнаженные женские тела анфас, без головы, рук, ног, и бизонов, тела которых явно переплетались. Был изображен бизон вместе с лошадью и представителем семейства кошачьих. Во время реставрации фриза эти каменные тела были наложены на существовавшие скульптуры. Изображения животных получились особенно удачными: самцы каменных баранов либо двигаются, выстроившись в одном направлении, либо сражаются друг с другом. Молодые прыгают. Животное полно жизни, поворачивая голову назад, открывая пасть, раздувая ноздри, прислушиваясь. Композиции людей более статичны и абстрактны: в изображениях женщины выделяются груди, живот и бедра почти в натуральную величину. В Англь-сюр-Ланглене не найдено ни одного изображения женской головы, тогда как изображение мужчин представлено двумя профилями лиц, из которых одно с бородой; они вырезаны в виде барельефов, детали выгравированы, у одного персонажа волосы на голове и борода окрашены в черный цвет, а кожа окрашена охрой.

Фриз, спрятанный под толщей археологических слоев, датированных возрастом 14 тыс. лет, т.е. относящихся к среднему периоду мадленской культуры, вероятно, влиял на частоту посещения этого поселения, признанного священным. (Мадленская культура в археологии – культура позднего палеолита (около 15–8 тыс. лет до н.э.) в Европе, названа по пещере Ла-Мадлен во Франции. – *Прим. ред.*) Многочисленные кольца, вырезанные из камня, возможно, позволяли прятать и, может быть, защищать скульптуры. Было выдвинуто предположение об их использовании при церемониях. В недавней публикации показана оригинальная форма скального укрытия, сделанного в эпоху

мадленской культуры, уже известной по фризу с лошадьми из Кап-Блан (Дордонь) и из Ла-Шер в Кальвэне (Шаранта).

Открытые скалы эпохи палеолита с резными изображениями из Фош-Коа (Португалия)

В 1981 г. на прибрежных скалах вдоль р. Дору в Мазонку были найдены резные изображения эпохи палеолита. Они привлекли внимание неизвестной до сих пор формой ландшафта с наскальной живописью на открытом воздухе. С 1992 по 1994 г. в Португалии были найдены, занесены в регистры и реставрированы тысячи таких изображений, сосредоточенных в основном в ряде мест долины р. Коа и в соседних долинах, которые должны были быть затоплены при строительстве плотины (рис. е).

В 1995 г. в результате поисков в тех же долинах были открыты местонахождения граветтинского, солютрейского и мадленского периодов, связанные, несомненно, с наличием скал с резными и выбитыми изображениями. Были раскопаны два значительных поселения: одно в Сальто-дуболь, где были сделаны мостовые из гальки и где были найдены тысячи артефактов из оббитого кварца, кварцита, горного хрусталя и кремня, а другое – в Ольга-Гранде с руинами жилищ солютрейского периода, датированных возрастом 18 тыс. лет. (Солютрейская культура – культура позднего палеолита (около 18–15 тыс. лет до н.э.) на территории Франции и Северной Испании, названа по стоянке Солютре во Франции, в департаменте Сона и Луара. – *Прим. ред.*) Хронологические оценки сопоставимы со стилем сотен рисунков животных. На рисунках изображены парнокопытные, быки, козлы, бараны и оленевых, стилисти-

Рис. е. Зарисовка профилей животных, выбитых на скале № 1 в Канада-Ду-Инферну (долина р. Коа, Португалия) (по *Martinho Batista & Varela Gomes*, в *Oliveira Jorge*, 1995)

ческие детали которых напоминают детали изображений из пещер с росписью в Пиренеях и в Кантабрии, а также дощечки с резными изображениями из Парпалло. Так, в них можно узнать многие графические условности: животные изображены в профиль с повернутой иногда головой, с витыми рогами, с недорисованными конечностями; линия земли отсутствует, и нет растительности. Изображения, возможно, бизона, олея мегасероса (размах его рогов достигал 3 м) и носорога, найденные в Сьегра-Верде, поселения по соседству с Фош-Коа, подтверждают возраст этих рисунков, отнесенных к палеолиту.

Впервые местонахождения на открытом воздухе эпохи палеолита в Европе имеют такой размах и такое богатство, которые соперничают с расписанными пещерами. Это означает, что охотники эпохи палеолита не ограничивали свои художественные способности – пластические и графические – только для росписи закрытого и тайного мира пещер. Они умели освещать громадные просторы своей охотничьей территории. Эти открытия позволили приблизить европейское искусство эпохи палеолита к искусству наскальных резных и выбитых изображений Австралии и, несомненно, Америки.

Другие очаги древнейшего доисторического искусства в Австралии, Южной Африке и в Америке

Если великое «искусство» наскальной живописи доисторического периода было открыто в Европе 100 лет назад, когда был обнаружен расписанный грот в Альгамбре, и если почти в целый век полагали, что только этот континент обладал привилегией на это старое наследие, то всё более многочисленные примеры укрепляют нас в мысли о том, что одни и те же человеческие группы, рассеявшиеся по всему свету, создали центры наскальной живописи, чтобы записать мифические послания для общения с духами и для передачи будущим поколениям.

Прекрасный пример этих древнейших очагов доисторического искусства дан Австралией. Г. Шалупка (*G. Chaloupka*, 1993–1997) подвел итог новых исследований в этой области.

Древняя история Австралии начинается между 50 и 40 тыс. лет тому назад, когда первые представители архаического человека разумного устроили захоронения в районе оз. Мунго на юге континента. Чтобы быть более точным, местонахождение на восточном берегу Новой Гвинеи, возраст которого 40 тыс. лет, соответствует поселению, датируемому временем 42 тыс. лет назад на северном побережье австралийского континента, недалеко от Сиднея, до него можно было добраться на легких суденышках. В первых исследованиях была отмечена очевидная забота о цвете, а самыми востребованными красителями являлись, например, красный железняк, а также красная и желтая охра, приготовленная как краситель, однако следов ее применения в наскальной живописи не обнаружено.

Первый распространенный стиль наскальной живописи получил название Паранамити по названию большого открытого поселения с 10 тыс. резных изображений, расположенного в 350 км к северу от Аделаиды, города на южном побережье континента. Техника рисунка – мелкоточечная линия, выбитая в глубокой канавке и отполированная, для того чтобы создать впечатление рисунка. Рисунки на две трети представляют собой изображения следов животных, чтобы напоминать о настоящих следах. Можно узнать несколько изображений кенгуру, кенгуру-валлаби, страуса эму и несколько человеческих фигур. Круги, полусферы и длинные прямые линии дополняют иконографическое разнообразие стиля Паранамити, распространенного по всей восточной части Австралии и в Тасмании.

На севере Австралии, на территории п-ова Арнемленд, живописные работы встречаются в укрытиях, куда часто приходили люди более 20 тыс. лет тому назад. Там можно узнать цветные следы рук и таких предметов, как скрученные палки, крупные растения, вертикальные лианы, и некоторых животных.

Второй стиль австралийского доисторического искусства включает в себя, по мнению Г. Шалупки (*G. Chaloupka*, 1993–1997), комплекс крупных натуралистических фигур животных и людей, которые можно встретить на п-ове Арнемленд. Точно так же обстоит дело с красными рисунками, изображающими макроподов – лабиринтовых рыб, в Инагурдурвиле. Преобладающим на изображениях животных может быть большой питон в Маджурнаи, или крокодил в Дангуррунге, или некоторые редкие животные, такие как представитель вида тапира, исчезнувшего 18 тыс. лет тому назад, с детенышем в Вонгевонгене, или ехидна из Голбона, род которой угас 15 тыс. лет тому назад.

Стиль динамично изображенных фигур, вид которых напоминает фигуры Маунтфорда (по имени их открывателя), которые представляют собой охотников в Гаррксане и танцовщиц в Иньялаке, характеризуется наличием большого количества человеческих фигур, изображенных в гибких впечатляющих позах.

Третий важный стиль, так называемый «сложный изобразительный», соответствует периоду «эстуария» между 8 и 1,5 тыс. лет до н.э., когда уровень моря поднялся из-за потепления климата, повлекшую за собой таяние полярных льдов и усилившуюся изоляцию австралийского континента, отрезанного от Новой Гвинеи. Большие центры, характеризующиеся распространением этого стиля, находятся в районе Дампьер (Квинслэнд), а также на севере, на п-ове Арнемленд и на востоке в районе Сиднея. Гигантские рыбы перемешиваются с людьми. Техники резных изображений и рисунка применяются совместно: в Гунбилн-муррунге найдены рисунки на воске. В Веллингтон-Рэндже можно видеть животных с помощью радиоскопии.

Отныне невозможно игнорировать доисторическое искусство Австралии, оно совершенно по-новому поставило вопрос о способности человека выражать свои мифы и ритуалы в пластической и графической форме.

По-видимому, в Восточной и Южной Африке традиции наскальной живописи тоже очень древние. В укрытии Аполлон-11 на юге Намибии оказалось много предметов доисторического искусства: каменные пластинки со следами рисунков животных и другие фрагменты прикладного искусства находились на геологических уровнях, предшествующих 12 тыс. лет тому назад, и даже был назван возраст одного слоя, содержавшего красители, – 27 тыс. лет. В другом поселении Вондерверк на севере Капской провинции найдены несколько плиток с резными рисунками, возраст которых 10 тыс. лет. Два тысячелетия спустя раскрашенная галька была положена в захоронения в Голдстриме на юге Капской провинции. В том же регионе в местонахождениях Бомплаас и Клазис-Ривер-Маус было найдено множество камней с изображениями животных и геометрическими знаками, возраст которых в контексте с произведением микролитов определяется между 6,4 и 2 тыс. лет до н.э. Изыскания должны продолжаться и привести к открытию других мест расположения настенной живописи доисторической эпохи.

В Америке также присутствуют следы искусства эпохи палеолита, количество которых постепенно увеличивается. Костные остатки древнего человека (*Homo sapiens sapiens*) были обнаружены в скальной пещере Лапа-Вермелья в штате Минас-Жерайс (Бразилия), однако это местонахождение не имеет точной датировки. Дата первого поселения в одной из пещер с росписями на севере Бразилии, в Тока-ду-Бокерайо-да-Педра-Фурада (штат Пианауи), – 40 тыс. лет – остается гипотетической, однако точно можно сказать, что постоянное поселение располагалось здесь

20–12 тыс. лет назад. Эта датировка соответствует тем культурным традициям, признаки которых находят в Бразилии и Чили. Возможно, что пещеры Патагонии Каньядон-де-лас-Пинтурас, Куэва-де-лас-Манос-Пинтадас, Рио-де-лас-Пинтурас, украшенные негативными изображениями тысяч рук и геометрическими мотивами, такими как спирали, были устроены древними охотниками. В Нижней Южной Калифорнии резные изображения вульв и фаллосов из Мулехе в Ла-Сьерра-де-Сан-Борхита и в Орегоне, геометрические мотивы Масама-Эш являются свидетельствами присутствия доисторических охотников из Нового Света. Поселение Масама-Эш было населено людьми в течение 6,7 тыс. лет.

Оригинальность палеолитического культурного наследия

Культурное наследие человечества эпохи палеолита проявляется, по мнению психологов – сторонников Фрейдизма (*Saccho, Sawet*, 1998), как «рана Нарцисса» в том, что касается вопроса «иллюзии происхождения». Известно, что в XIX в. трудно было заставить поверить, что биологически человек сливается с природой, что мастер кремневых орудий способен проводить похоронные ритуалы, а затем рисовать животных, которые передают сильные, но непонятные эстетические и духовные послания. Общее представление об эволюции жизни по Чарльзу Дарвину было многократно проверено, и это представление было применено к ряду рассматриваемых ситуаций. Основная оригинальность культурного наследия человечества состоит в том, чтобы влиться в концепцию эволюции, которая сегодня повсеместно принята, в частности, крупными религиями, и в первую очередь христианством, которое использовало знания таких аббатов, как аббат Брей, таких теологов, как Тейяр де Шарден, и членов действующей комиссии, которая регулярно собирается в Ватикане для подведения итогов последних работ палеонтологов, специалистов по доисторическому периоду и верующих. Происхождение человечества стало настоящей научной проблемой.

В 1999 г. реакция на это сторонников креационизма (религиозного учения о сотворении Богом мира из ничего. – *Прим. ред.*) из Канзаса, которые противопоставляют науку и духовность и запрещают изучение последних выводов о палеонтологическом происхождении человеческого рода, явилась психологической патологией, непонятной с точки зрения правопорядка великой страны. Стефен Джей Гаулд (*Stephen Jay Gould*, 1999) восстает против такого интеллектуального и этического ущемления, приводящего к мистике, которую никакой здравый аргумент не может оправдать.

Другой открытый спор начал Я. Таттерсалем (*Ian Tattersall*, 1999). Суть его состоит в том, чтобы узнать, не является ли целью культурного наследия человечества эпохи палеолита, отличающегося большой новизной, стремление прервать естественную эволюцию вида *Homo sapiens sapiens*, которая была навязана другим видам и несет отныне груз его биологической и культурной эволюции. Тот факт, что человек является единственным разумным существом, населившим Землю, и то, что его демография достигла такого уровня, при котором ни одна группа не может остаться изолированной и, таким образом, не может вносить вклад в обогащение генетического достояния путем локальной оригинальности генетической цепочки или путем модификации этой цепочки, вызванной естественным отбором, приводит к тому, что человечество биологически близко к склерозу, если только оно не заселит звездные пространства или же не завоеует иные пространства, чем планета Земля. Рассуждая другим образом, Тейяр де Шарден пришел к заключению, что эволюция человека

закончится с достижением конечной цели (омега). Эта конечная цель является духовной и интеллектуальной, так как вызывает собственную «рефлексию» человека, который осознает свою человеческую сущность.

Однако человечество, которое несет груз биологической ответственности таким рискованным способом, одновременно само изобретает ядерное оружие, загрязняет природу и разрушает условия своего выживания. Я. Таттерсалем напоминает о хрупкости равновесия естественных параметров, которые обеспечивают жизнь на Земле. Весь комплекс действий человека, который по стратегическим замыслам или по нечаянности ставит человечество вне законов природы, является для автора фундаментальным изменением, превращающим естественное человечество в искусственное и, следовательно, означает конец эволюции по Дарвину, если предположить, что человечество воплощает самый развитый уровень этой эволюции живого организма и что эволюция имеет линейный характер, но это далеко не очевидно.

Такая позиция не ослабляет предмет культурного наследия человечества эпохи палеолита. Остальные исследователи не устают подчеркивать, что мозг художника из пещеры Ляско такой же, как и у создателя космического корабля Аполлон-11, который совершил посадку на Луне. И тот и другой не могли действовать в одиночку без тесного взаимодействия со своим общественным окружением. Развитие исследований в области техники, отношений групп людей с постоянно изменяющейся экологической средой (в тех пропорциях, которые иногда превосходят беспокоящие нас сегодня изменения, например, изменения климата), исследований в области воспринимаемых средств коммуникации (иконография, следы ритуальных действий и др.) вызывают антропологическую рефлексию о «сути человека». Эти исследования, которые впервые касаются человечества в реальном времени и являются всеобъемлющими с момента его появления в эпоху палеолита, с научной точки зрения касаются нашего человеческого вида в различных исторических реалиях, состоящих из оценок, поражений, приспособления, побед, перемен. Тысячелетия эпохи палеолита должны научить нас многому о нашем будущем, которое невозможно считать установившимся.

Появление производящего общества: от деревень к первым империям

Начало письменности

Если считать, что «знаки» из пещер с росписью эпохи палеолита являются эквивалентом графики, а не настоящей письменностью, то можно констатировать, что самые древние памятники письменности датируются возрастом 11 тыс. лет. На пяти базальтовых камнях с графикой, найденных в 1996 г. Б. Жаммоном (*B. Jammons*) и Д. Стардером (*D. Stordeur*) в Джерф-эль-Ахмаре в Сирии, обнаружены следы полировки и пиктограмм в виде зигзагов, стрел и двух фигур – четвероногого животного и хищной птицы (рис. ж). Похоже, что это начало «письменности» не имело продолжения.

Та же судьба постигла таблички из Тартарии (Румыния), которые входили в археологический набор, относящийся к периоду халколита, на уровне Караново VI, датируемого V тысячелетием: пиктограммы (коза и колос зерна) и геометрические знаки, возможно, выражают систему письменности, которая исчезла вместе с этим динамичным периодом, к которому также относятся богатые захоронения в Варне (Болгария).

Напротив, в течение IV тысячелетия найденные два центра новаций в области письменности свидетельствуют о том, что один и тот же феномен беспокоит два раз-

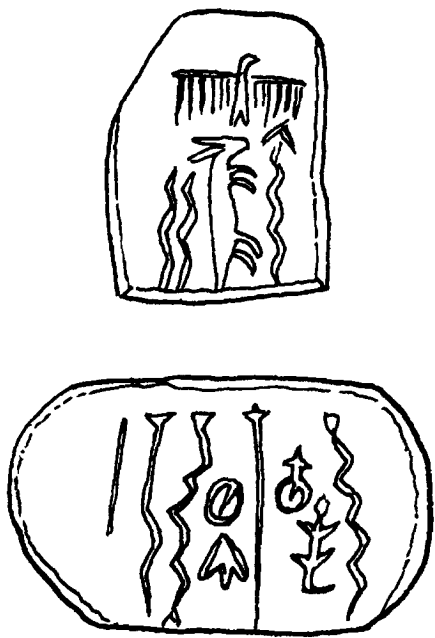

Рис. ж. Зарисовка двух камней из базальтовой гальки с изображениями пиктограмм, найденных в Джерф-эль-Ахмаре (Сирия) (по Jammons & Stordeur, 1997)

ных сообщества: в Пакистане в поселении Хараппа по заявлению, сделанному в 1999 г. Р. Мидоу (*Richard Meadow*) из Гарвардского университета в Бостоне, черепок с шестью выгравированными символами возраста 5,5 тыс. лет (или 3, 5 тыс. лет до н.э.) мог быть предвестником еще не расшифрованной письменности, отпечатком этой цивилизации. В 1998 г. сообщили о шести самых древних египетских пиктограммах возраста 5,3 тыс. лет (или 3,3 тыс. лет до н.э.), в которых упоминается о царских иероглифах Абидоса и обо всей системе египетской письменности. Затем следуют месопотамские пиктограммы.

Полученная недавно информация о возникновении письменности подтверждает существование очень развитых обществ в больших городах (Хараппа), больших населенных пунктах (болгарских) или нарождающихся царствах (Египет). Из результатов исследований можно сделать другой вывод: письменность возникает в различных центрах, иногда (Сирия и Румыния) в пробной фазе.

Рождение ближневосточных божеств

В 1994 г. Ж. Ковэн (*Jacques Cauvin*) сделал краткий обзор двух десятилетий исследований, проведенных на Ближнем Востоке, касающийся появления нового мира, мира производителей, который так характерен для нашего современного общества. Он выделил символическую концепцию неолитической революции, которая привела к появлению божеств первобытного сельского хозяйства. Первые опыты обращения людей с природной средой привели к изменению характеристик растений и животных — к культивированию растений и одомашниванию, приручению животных. Появление полуседлых, а затем и оседлых деревень можно интерпретировать как результат возникновения иерархии и появления небольшой группы людей в сообществе, которые заставляют признать себя и «приручают» всё сообщество.

Ведется исследование периода от 12 до 6,3 тыс. лет до н.э., в течение которого общества охотников эпохи палеолита постепенно становились обществами крестьян-земледельцев и животноводов, охваченных техническими и

идеологическими переменами. Принятые теперь «выверенные» даты обеспечивают солидную основу для размышлений о феномене неолита и переходе от эпохи собирателей даров природы к эпохе преобразования этой природы во благо развития человечества все более и более «искусственного».

Ж. Ковэн не ставит под сомнение определение неолита, данное Гордоном Чайлдом и ставшее классическим, согласно которому этот новый период характеризуется производством средств существования. Автор опровергает гипотезу об экономической причинности как ответе на давление биологического, демографического и экологического порядков и предлагает взамен анализ культурных изменений, «революции символов», которая предшествовала установлению нового неолитического порядка.

Это изменение менталитета в начале возникновения неолитической религии произошло до появления сельского хозяйства во время «хиамского» периода (по названию палестинского поселения Эль-Хиам, заселенного между 10 и 9,5 тыс. лет до н.э.), характерного своей натуфийской культурой (культура эпохи мезолита, 10–8 тыс. лет до н.э.), но являющегося переходным к новому культурному горизонту в Леванте, — докерамическому неолитическому горизонту А. Революция символов материализовалась в специфическом изобразительном искусстве. Тогда как натуфийское искусство было, в основном, анималистским, изображающим газелей и оленевых, хиамское искусство характеризовалось изображениями исключительно женских схематических фигурок из известняка, которые находили в долине р. Иордан (Салибия, Джильгаль), на горе Кармель (Нааль-Орен), на побережье Мертвого моря (Эль-Хиам) и вплоть до долины Евфрата в Сирии (Мюрейбет). Найденные в этом последнем поселении восемь женских фигурок из камня или терракоты, принадлежащие к следующему периоду (9,5–9 тыс. лет до н.э.), подтверждают важность изменений в символическом единственном изменении в этом скоплении состояло в добавлении изображения хищной птицы. Особый культ зубра и быка проявляется в ритуалах закапывания их черепов в глиняных скамьях жилищ, а рогов — в стенах этих жилищ. Начиная с 9,5 тыс. лет до н.э. темы женщины и быка появляются в фигурках и ритуалах: это те же фигурки, которые входят в изобразительный религиозный ряд в Чатал-Гююке в центре Анатолии (VII тысячелетие). В период между 10 и 9,5 тыс. лет до н.э. появились новые обычаи, связанные с двумя символами, которые лишь несколько веков спустя стали символами сельского плодородия и силы домашнего быка. Первичность символической мысли над экономической и социальной эволюцией, которая содержится в них, ставит человека в центр динамики человеческих обществ.

Исследования Ж. Ковэна являются прекрасным примером интеграции психических и культурных данных в понимании такого важного феномена, как переход к неолиту.

Первые поселения в долине реки Инд

Среди многочисленных очагов археологических исследований в мире поселение Мергар в Пакистане дает большой объем новой информации об аспектах цивилизации, память о которых полностью исчезла.

Неолитическое поселение в Мергаре с 1974 г. исследуется Ж.-Ф. Жарием (*Jarrige*, 1988) и его группой. Научные исследования остатков человека и его окружения позволяют лучше понять первые «некерамические» занятия в долине Болана с конца VIII до начала VII тысячелетия до н.э. Охота остается важным источником пищи, однако сбор дикого ячменя, который постепенно культивировался, а также начало приручения крупного рогатого скота

являются достаточными признаками возможной неолитизации жизни в Белуджистане, похожей на образ жизни обитателей Иранского нагорья или предгорий Загроса. Поселение Мергар расположено в западной части той территории, которая позднее станет центром великой индской (хараппской) цивилизации с ее крупным городом Мохенджо-Даро. Некоторые особые черты, которые заставляют предполагать, что это поселение развивалось относительно автономно, появились с самых ранних времен. К ним относятся прямоугольные дома из четырех или шести комнат, или же дома-землянки, относящиеся к 6 тысячелетию до н.э., которые использовались в течение всего неолита и халколита. Многочисленные неолитические захоронения в виде траншей окружены стенками из сырых кирпичей. Приношения обильные: сосуды из необожженной глины, из камня, плетеные сосуды, обмазанные глиной, изделия из кости, оббитого кремня, шлифованного камня, головные повязки, браслеты, пояса, кольца для шиколоток. Полудрагоценное сырье – раковины с побережья, расположенного в 400 км, бирюза и лазурит – свидетельствуют о появлении определенной системы ценностей и установлении контактов с дальними территориями.

Как и на Ближнем Востоке, неолитические статуэтки являются женскими, но они изготовлены из обожженной глины, окрашены в красный цвет. С начала VI тысячелетия эти статуэтки составили изобразительный ряд, который просуществовал до возникновения индской цивилизации. Одна из статуэток IV тысячелетия с закинутой назад головой, украшенная колье, с коническими грудями, с крупными бедрами и ногами-дудочками, является прототипом халколитических артефактов конца IV тысячелетия.

Среди старейших фигурок животных можно узнать зебу (горбатого быка) из VI тысячелетия. Следом за этим идентифицировали птицу, барана, собаку.

Специально были исследованы серые бисерины эпохи халколита, у которых, к удивлению, не было блеска полудрагоценных камней эпохи неолита. Анализ, произведенный в исследовательской лаборатории музеев Франции, показал, что повреждение поверхности привело к исчезновению блеска глазури из стеатита (жировика), использование которого в IV тысячелетии было не только смелостью, но и новаторством, связанным с развитием медеплавильного производства, остатки которого также опознаны. С начала медного века (халколита) ремесленники являются творческой созидательной силой, которая проявлялась в более поздних обществах, но являлась характерной для индской цивилизации в течение III тысячелетия.

Таким образом, начиная с древних периодов неолита и халколита появляются символы сельского плодородия и силы домашнего животного, на которые обратил внимание Ж. Шовэн (1994), а также символы существования городской и ремесленной жизни. Культурные новшества, коллективные землянки, глазурь из стеатита, письменность свидетельствуют об относительной независимости эволюции, которая привела к возникновению индской цивилизации – одного из главных достижений античности, о котором мы почти ничего не знаем; в частности, нам неизвестны ее правовые и политические основы.

Греческие золотые сокровища

В 1998 г. Афинский национальный музей представил коллекцию золотых сокровищ из 53 украшений, найденных в предыдущем году и относящихся к периоду между 4,5 и 3,3 тыс. лет до н.э.; большой разброс в датах вызван отсутствием точной привязки находки к археологическому контексту. Различные виды золотых сокровищ являются однородными и подтверждают подлинность находки. Это – три бусины в виде бочонка и плоское кольцо, шесть

круглых накладок, половина из которых по окружности имеет пунктирный рисунок, прямоугольная накладка с четырьмя отверстиями, две ромбовидные накладки и одна овальная, кулон в форме оленьих рогов, другой с двойным плоским кольцом и 32 круглые подвески, самая большая из которых имеет размер 15 см, а остальные от 4 до 5 см. Они напоминают схематичный женский тип украшений, который распространился на Балканах от некрополя в Варне (Болгария), датированного второй половиной V тысячелетия, до Венгрии и Греции.

Новые золотые предметы, среди которых много изображений идолов и изготовление которых относится к концу неолита или к началу халколита, показывают, насколько близко континентальная Греция и регион Эгейского моря были связаны с балканским миром, который расширился благодаря развитию металлургии и производству золотых изделий, более оригинальных, чем подобные изделия в Анатолии. Княжеские могильники Варны с десятками и даже сотнями золотых украшений представляют собой, в некотором смысле, тот же феномен, что и тезаврация (накопление золота в качестве сокровища. – *Прим. ред.*) греческих сокровищ. В эту эпоху окончания эллинистического неолита в поселении Димини было возведено несколько концентрических стен (напоминающих городские) с защищенными воротами, а в центре поселения было оставлено почти круглое пространство с одним из первых известных мегаронов (мегарон – от греч. *megaron*, букв. «большой зал» – прямоугольный зал с очагом и входным портиком. – *Прим. ред.*), использовавшимся как храм или жилище аристократа, с двумя колоннами по фасаду. В контекст этой культуры входят статуэтки из камня и терракоты, по большей части женские, а также кулоны-идолы из золота.

Детальный анализ следов золотых сокровищ мог бы, безусловно, уточнить, относится ли драгоценный металл, найденный в Греции, к группе изделий из Варны или, в более широком плане, к балканской группе, и не означает ли относительное единство форм украшений и выбранного сырья ту же динамику, что и уже изученная на примерах поселений Караново VI, Ситагрои и Димини.

Гигантские мегалиты из Морбиана, или Завоевание пространства

Ведущиеся вокруг Морбианского залива (Морбиан – департамент на северо-западе Франции, на п-ве Бретань – *прим. ред.*) раскопки за последнее десятилетие принесли дополнительную информацию об объеме знаний первых творцов монументальной архитектуры. Насыпной могильный курган Пти-Мон в Арзоне (*Lecornec*, 1994) был построен в четыре этапа. На первом этапе была сделана земляная насыпь длиной 50 м, покрывающая центральную котлован, возможно, могильный, датированный 4580–4440 лет до н.э. Этот насыпной земляной холм покрыт холмом I из камней, выложенных в форме прямоугольника. Большая стела в виде плиты была поставлена в восточной части памятника и возвышалась над ним на 6 м. Эта плита, разбитая в 1,5 м от основания, была сбита, а нижняя часть осталась вертикальной. Данное сооружение послужило основанием для возведения четырехугольной мегалитической комнаты с коридором, которую дополнила насыпь из камней (или холм II) которая опиралась на длинную сторону холма I. Весь комплекс был засыпан широким холмом III пятиугольной в плане формы, в сторону которого длиной 50 м встроены две другие прямоугольные комнаты с коридором, ориентированным на северо-восток. Сооружение монумента было закончено к 4 тыс. лет до н.э., но найденная глиняная посуда свидетельствует о том, что ритуальные действия проводились в нем и вокруг него до конца третьего тысячелетия. Некоторые фрагменты плит с клас-

сическими пунктирными рисунками, такими как «идол с растрепанными волосами» или топор и посох, или еще более редкими рисунками сдвоенных ног или розетки и двух больших фрагментов скульптурных «рогов», напоминающих изображение быка, обнаруженное в Гавринисе, указывают на изобразительный ряд мегалитических верований. Завершение исследований комплекса Пти-Мон ясно показывает преемственность развивающейся разнообразной архитектурной традиции второй половины V тысячелетия до н.э., которая широко применялась в течение двух последующих тысячелетий, подтверждая этим всю важность мегалитического феномена, который был главным проявлением эпохи неолита в Западной Европе. Однако самым впечатляющим и самым новаторским архитектурным сооружением последних лет был памятник Гран-Менир – разбитый менгир – из Локмариакера (департамент Морбиан, Франция), в 5 км к западу от предыдущего поселения, раскопки которого велись под руководством Ж. Лельгуаша (*J. L'Helgouach*) и С. Кассена (*S. Cassen*) (*L'Helgouach*, 1994).

Если предположить, что однажды большой 20-метровый монолит, ныне лежащий на земле в разбитом состоянии, будет поднят, то нет никаких сомнений в том, что будут начаты раскопки котлована, который был вырыт для установки этого гигантского камня (рис. 3).

Восемнадцать других котлованов, выстроенных в ряд, были также расчищены, и показался впечатляющий алтарь в виде ряда громадных каменных силуэтов, ориентированных с юго-запада на северо-восток. А 14-метровая плита, восстановленная из трех найденных фрагментов и служившая перекрытием комнаты дольменов, составляла часть этого ансамбля. Возможно, назначение антропоморфной стелы, стоящей у стены комнаты, называемой «Столом торговцев» параллельно линии больших менгиров, можно увязать с этими камнями. Большое количество пунктирных знаков также характерно для этих камней, по которым можно узнать изображения идола, топора и быка. Каждый из камней был идентифицирован. Этот обширный ансамбль датируется периодом около 4 тыс. лет до н.э. и является современным некоторым длинным могильным холмам в регионе, но он старше дольменов, в которые были встроены фрагменты этих стел. Здесь мы находим архитектурную преемственность с комплексом Пти-Мон. Восприятие поселения Локмариакер было обновлено по форме и по хронологии.

Открытие этого «алтаря» из ряда огромных камней вновь привлекло внимание к знаменитым «рядам», находящимся по соседству в Карнаке (Морбиан). Критический анализ особенностей пяти крупных ансамблей (Керзеро, Ле-Менэ, Кермарио, Керлескан и Пти-Менэ), которые простираются на многие километры, выполнялся в рамках реализуемой программы сохранения и оценки памятников. Собрание рисунков Ж.-К. Гольвена (*Jean-Claude Golvin*) помогает понять эти обширные ансамбли. Выясняется, что прямые ряды поставленных камней, ориентированные приблизительно на юго-запад, с западной оконечности дополняются прямоугольной или овальной оградой из стоящих камней. Такое расположение могло бы соответствовать обширным неолитическим храмам с их двойным предназначением – для проведения процессов и выполнения обрядов, адаптированным к местности и по отношению к Солнцу (*Bailloud, Boujot, Cassen, Le Roux*, 1995; *Moben*, 1998). Эти алтари созданы примерно к 4 тыс. лет до н.э. – в ту же эпоху, что и алтарь с гигантскими идолами в Локмариакере. В сфере изучения мегалитов, которые были известны в общих чертах, появились новые перспективы.

Если отойти от типологических изысканий и рассматривать эти огромные архитектурные ансамбли в топографическом плане, который не очень изменился с эпохи неолита, т.е. если абстрагироваться от растительного покро-

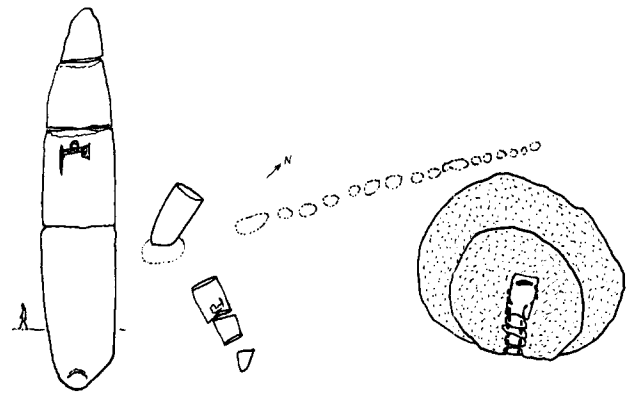

Рис. 3. Эскиз расколотого менгира (с реконструкцией по высоте), ям для установки 18 гигантских камней и могильного холма «Стол торговцев» из Локмариакера (департамент Морбиан) (по *L'Helgouach*, 1994)

ва, восстановленного лишь приблизительно, то восприятие мегалитов из Морбиана должно учитывать их пространственные, земные размеры, как это предложил Ж.-К. Гольвен, а также их небесные размеры, но не так, как пытался сделать А. Том (*A. Thom*), а с учетом результатов недавних раскопок, которые внесли уточнения в хронологию и в их назначение. Тогда мегалиты предстают как результат законченной архитектурной мысли, концептуальные, созидательные, интеграционные принципы которой, преданные вечности, соответствуют тем принципам, которые движут современной архитектурой (*Moben*, 1998).

Пищевые остатки и связующие материалы неолита

Последний пример недавних исследований касается молекулярной структуры органических аморфных материалов археологического происхождения. М. Режер (*M. Réger*) из научно-исследовательской лаборатории музеев Франции пытается в этом направлении охарактеризовать и понять технику получения связующих материалов неолита: различных смол и дегтя. Исследование археологических органических материалов является очень тяжелой задачей с аналитической точки зрения, так как речь идет о материалах, сохранившихся в незначительном количестве, переработанных человеком и, естественно, испортившихся от долгого пребывания в земле. Кроме того, эти материалы все еще состоят из сложных молекулярных соединений и часто сильно полимеризованы. Выявление химических составляющих, сохранившихся в архитектурном контексте, вызывает необходимость проведения лабораторных исследований по ускоренному старению, для того чтобы понять механизмы повреждения, которые преобразовали изучаемые исходные материалы с течением времени.

Растворимая фракция аморфного органического вещества анализируется после экстракции и разделения. Идентификация с применением биомаркеров (триперпены, стерины (стеролы), жирные кислоты) во фракциях дала возможность на приозерном поселении Шалэн (департамент Юра) определить материалы, которые использовали доисторические люди: различные виды растительного дегтя не только из берез, но и из кипарисов и из хвойных, получаемых с юга, а также горную смолу – асфальт. Одно и то же вещество, но разного качества применялось для различных целей: для крепления кремневой арматуры на копьях и серпах, склеивания черепков разбитой

глиняной посуды, а также, вероятно, для заделывания щелей в пирогах и деревянных сосудах. Деготь со средиземноморского побережья служил предметом обмена как достаточно ценное сырье.

Исследования остатков доисторической пищи, проведенные в сотрудничестве с геохимической лабораторией Бристольского университета (1997–1998), выполнялись путем изучения назначения неолитических сосудов, полученных в основном из поселения Шалэн, при анализе органических следов в них. Кроме протеинов, были обнаружены животные жиры, молочные продукты и пчелиный воск. Анализ нерастворимой фракции, сделанный после проведения щелочного гидролиза, позволил выявить комплекс оксидных жирных кислот (двухосновных и гидрооксидных), что дало возможность лучше понять механизмы повреждения липидов в археологических контекстах, а также методы хранения мяса в жире, молочных продуктов в сывороточном ферменте или в меду.

Применение методов аналитической химии к изучению археологических образцов открывает оригинальный путь исследования связующих материалов и остатков пищи неолитических людей. Исследование микрообразцов и использование экспериментальных возможностей органической химии делает реальным проведение новых исследований, которые, безусловно, будут развиваться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вклад науки в развитие мировой и национальной предыстории

В течение одного века наука о доисторических периодах расширила до масштабов всей планеты границы истории благодаря методам изысканий, раскопок, датировок, лабораторных исследований. Этот аспект очень хорошо рассмотрен в тексте данного тома, редактором которого являлся Зигфрид Ян Де Лаат. Чтобы завершить рассмотрение тех новых исследований, которые были выполнены за последние двенадцать лет, следует еще раз подчеркнуть важность тесной связи наук о материи, о Земле и о человеке с развитием мирового доисторического периода, о котором два века назад ничего не знали и для изучения которого в течение одного века были определены особые методологические принципы (*Renfrew & Bahn*, 1998).

На основании некоторых примеров, как нам представляется значительных, мы хотели показать прогресс в изучении доисторического периода за последние двенадцать лет. Правильность принципов, которых придерживались при редактировании текста в 1988 г., была подтверждена недавними работами и новыми гипотезами, упомянутыми в этом предисловии и сформулированными на основании данных, собранных в начальном тексте. Они показывают жизненность новой дисциплины – науки о доисторическом периоде, которая с жадностью должна питаться информацией, полученной во время последних открытий, для того чтобы заполнить бреши во всемирной истории, границы которой отодвигаются на несколько миллионов лет вглубь.

Пусть это касается методов датирования, которые дают хронологические, физико-химические или дендрохронологические узловые точки, необходимые для исследования толщ времени; пусть это касается выявления материалов и их функциональных характеристик, которые дают сведения о появлении разнообразных видов деятельности человека; пусть это касается экспериментальных подходов к тестированию заключений о результатах наблюдений, сделанных на базе разрозненной информации; пусть это касается проникновения в мир познаний народностей прошлого; пусть это касается интерпретации изолированных фактов, которые жаждет син-

тезировать оправданное нетерпение, – в любом случае обнаружилось и произошло двойное обращение – к науке и к истории (*Renfrew & Bahn*, 1998).

В этом заключении невозможно обойти молчанием последний наиболее актуальный аспект, касающийся связи между руинами доисторического периода и людьми. Как сохранять археологические руины, для того чтобы они могли свидетельствовать о существовании древних обществ и об их занятиях? Важность этой проблемы определяется осмыслением того, что доисторическое достояние является живой составляющей нашего присутствия в мире. Эта позиция означает, что любая интерпретация прошлого и в еще большей степени – доисторического периода, реальности столь же неожиданной, сколь и стимулирующей из-за актуальности ее исследований, – может быть осмыслена лишь после отступления назад для критического прочтения археологических источников. Что значит доисторический период для нашего современного мира? – Этот вопрос, подразумевающий наличие специалиста по доисторическому периоду и интересующейся им публики, стал методологически необходимым. Публикация материалов, т.е. отчетов об открытиях и их интерпретациях; сохранение и реставрация развалин на месте древних поселений (создание музеев поселений); принятие жестких мер для сохранения пещер с росписями (таких как Ляско, Шовэ, а скоро и Алтамира, о которых уже выпущены или готовятся издания); опыт их реконструкции (диорамы Нью-Йоркского музея естественной истории или музея Тотавель); научно-документальные фильмы (реальные или виртуальные) становятся необходимыми посредниками в диалоге современного человечества со своим самым отдаленным прошлым, которое понемногу открывается и от которого ожидают каких-либо данных о тайне нашего происхождения. Исследования доисторического периода, включенные с опозданием в историю наук, более тесно, чем любые другие исследования, связаны с общественным сознанием и с позицией властей, которые составляют законы, для того чтобы древние развалины стали национальным достоянием.

Библиография

- BAFFIER D., GIRARD M. 1998, Les Cavernes d'Arcy-sur-Cure, La Maison des roches, coll. Terres Préhistoriques. Paris.
- BAILLOUD G., BOUJOT C., CASSEN S., LE ROUX C.-T. 1995, Carnac : Les premières architectures de pierre, Caisse MH, CNRS. Paris.
- CAUVIN J. 1994, Naissance des divinités, Naissance de l'agriculture, CNRS. Paris.
- CHALOUPIKA G. 1993 (1997), Journey in Time, The world's longest continuing art tradition, the 50 000 year story of the Australian aboriginal rock art of Arnhem land, Reed, Kew. Victoria.
- CHAUVET J.-M., BRUNEL DESCHAMPS E., HILLAIRE C. 1995, La Grotte Chauvet à Vallon-Pont-d'Arc, Le Seuil. Paris.
- CHAVAILLON J. 1996, L'Âge d'or de l'humanité, Chroniques du paléolithique, Odile Jacob. Paris.
- CLOTTE J., COURTIN J. 1992, La Grotte Cosquer, Le Seuil. Paris.
- CLOTTE J., LEWIS-WILLIAMS D. 1996, Les Chamanes de la préhistoire, Le Seuil. Paris.
- COPPENS Y. 1998, Le Genou de Lucy, Odile Jacob. Paris.
- DELPORTE H. 1993, L'Image des animaux dans l'art préhistorique, Picard. Paris.
- DEFLEUR A. 1993, Les Sépultures moustériennes, CNRS. Paris.
- GOULD S.J. 1999, cité dans L'Événement, 26 août/1er Septembre 1999.
- GROENEN M. 1997, La préhistoire au quotidien, Jérôme Millon. Paris.
- GUILLAINE J. 1994, La Mer partagée. La Méditerranée avant l'écriture, 7000–2000 avant J.-C., Hachette. Paris.
- IAKOVLEVA L., PINCON G. 1997, La frise sculptée du roc aux sorciers à l'Angles-sur-l'Anglin, CTHS. Paris.
- JARRIGE J.-F. (dir. publ.) 1988, Les Cités oubliées de l'Indus. Archéologie du Pakistan, AFAA. Paris.

- KOZLOWSKI J.-K. 1992, L'Art de la préhistoire en Europe orientate, CNRS. Paris.
- LECORNEC J. 1994, Le Petit Mont, Arzon, Morbihan, Documents Archéologiques de l'Ouest. Rennes.
- LHELGOUACH J. 1994, Locmariaquer, éd. J.-P. Gisserot. Paris.
- LORBLANCHET M. 1999, La Naissance de l'art, genèse de l'art préhistorique, Errance. Paris.
- MELLARS P., STRINGER C. (dir. publ.) 1989, The Human Revolution, Edinburgh University Press, Edimbourg.
- MENU M., WALTER PH. 1996, Les rythmes de l'art préhistorique, in Techné, 3. Paris, p. 11–23.
- MOHEN J.-P. (dir. publ.) 1989, Les Temps de la préhistoire, 2 vol., Société Préhistorique Française, Archéologia. Paris, Dijon.
- MOHEN J.-P. 1995, Les Rites de l'au-delà, Odile Jacob. Paris.
- MOHEN J.-P. 1998, Les Mégalithes, Pierres de mémoire, Découvertes Gallimard, 353. Paris.
- MOHEN J.-P., ABORIN Y. 1998, Les Sociétés de la préhistoire, H.U., Hachette Supérieur. Paris.
- ОТТЕ М. (dir. publ.) 1988, L'Homme de Neandertal, 8 vol., ERAUL Liège.
- PINKER S. 1999, L'instinct du langage, Odile Jacob. Paris.
- RENFREW C., BAHN P. 1991 (1998), Archaeology, Theories, Methods and Practice, Thames and Hudson. Londres.
- SACCO F., SAUVET G. (dir. publ.) 1998, Le Propre de l'homme, Psychanalyse et préhistoire, Delachaux et Niestlé. Lausanne.
- TABORIN Y. 1993, La parure en coquillage au paléolithique, XXIX suppl. Gallia Préhistorique, CNRS. Paris.
- TABORIN Y. 1993, Environnements et habitats magdaléniens dans le centre du Bassin parisien, DAF. Paris.
- TATTERSALL I. 1999, L'Émergence de l'homme, essai sur l'évolution et l'unité humaine, Gallimard. Paris.
- VIALOU D. 1991, La préhistoire, L'Univers des Formes, Gallimard. Paris.

Часть I

ОТ АНТРОПОГЕНЕЗА ДО НАЧАЛА ПРОИЗВОДСТВА ПИЩИ

А. Антропогенез и период
Homo habilis (человек умелый)
и *Homo erectus* (человек прямоходящий)

СОДЕРЖАНИЕ

1	Антропогенез: общий обзор <i>Ив Коппан и Дени Жера</i>	38	6	Южная Азия в период <i>Ното habilis (человек умелый)</i> и <i>Ното erectus (человек прямоходящий)</i>	96
2	Период <i>Ното habilis (человек умелый)</i> и <i>Ното erectus (человек прямоходящий)</i> : общий обзор <i>Ив Коппан и Дени Жера</i>	43	7	Китай в период <i>Ното habilis (человек умелый)</i> и <i>Ното erectus (человек прямоходящий)</i>	104
3	Африка в период раннего палеолита и первых поселений <i>Жан Шавайон</i>	52	8	Индонезия в период <i>Ното habilis (человек умелый)</i> и <i>Ното erectus (человек прямоходящий)</i>	107
4	Археология раннего и среднего плейстоцена в Европе <i>Паола Вилла</i>	61		<i>Герт-Ян Бартстра</i>	
5	Западная Азия в период <i>Ното habilis (человек умелый)</i> и <i>Ното erectus (человек прямоходящий)</i> <i>Фрэнсис Ауэрс</i>	80			

АНТРОПОГЕНЕЗ: общий обзор

Из Коттан и Дени Жера

БОЛЬШИЕ ГРУППЫ ПРИМАТОВ

Оторвавшись от ветви крупных африканских обезьян только несколько миллионов лет тому назад, человеческая ветвь имеет короткую геологическую историю. В течение более 60 млн. лет судьба людей была перемешана с судьбой других приматов, которые берут свои корни, как и большинство больших групп млекопитающих, из вторичного периода, эры рептилий.

К концу мелового периода, 70 млн. лет тому назад, динозавры и их родственники, которые еще царствовали над континентами и океанами, занимали большую часть экологических ниш, за исключением тех, которые сегодня заполнены мелкими животными, грызунами и насекомоядными. Первые млекопитающие, произошедшие в триасовом периоде (190 млн. лет тому назад) от древней линии рептилий, пытаются занять, и не без успеха, эту «нишу».

Среди этих еще нечетко различаемых землеройковых (похожих на современных тупайев, мелких насекомоядных животных) в Северной Америке только по одному зубу был опознан самый древний из приматов, *Purgatorius ceratops*. Это опознание было нелегким, так как большинство из приматов по строению зубов остались очень консервативными, и опознать их собственные черты, естественно, тем сложнее, чем дальше приходится углубляться в прошлое.

«Кризис», произошедший на грани мелового и третичного периодов 65 млн. лет тому назад и ставший пагубным для динозавров и многих других рептилий, оказался благоприятным для приматов и многих других млекопитающих. С начала палеоцена *Purgatorius* представлен большим количеством остатков, которые показывают, что только у одного этого примата имелся полный набор зубов: 3 резца, 1 клык, 4 малых и 3 больших коренных зуба на одной половине челюсти, т.е. всего 44 зуба.

Purgatorius был предшественником целого ряда плезиадипидов (*pleiadapiformes*), названных по имени *Plesiadapis* из местонахождения Сернэ около Реймса во Франции. Костные признаки, которые характеризуют приматов, теперь видны: прежде всего речь идет о строении слуховой зоны (в которой твердая часть состоит из одной височной кости) и особенностях артериального кровообращения в этой области. Строение зубов приматов показывает наличие большого разнообразия их пищевых режимов, свидетельствующих о том, что начиная с раннего третичного периода они претерпели эволюционную диверсификацию, давшую приматам возможность пользоваться всеми ресурсами древесной среды, которую последующие приматы покидали очень редко.

В конце палеоцена, 55 млн. лет тому назад, плезиадипиды уступили дорогу адапидам (по имени скульптуры *Adapis* из гипса на Монмартре, которая была найдена и названа так в 1821 г. великим французским палеонтологом Кювье). Как и их предшественники, они не известны за пределами Лавразии, обширного гипотетического материка Северного полушария, включавшего североамериканскую и евроазиатскую части (за исключением п-ва Индостан), отделявшегося от материка Южного полушария (Гондваны) океаном Тетис, остатком которого является Средиземное море. У адапидов была глазная впадина, закрытая сзади костной поперечиной, и отставленный большой палец – большое преимущество при лазании по деревьям. Они исчезли в конце эоцена, дав жизнь малагашейским лемурам и семейству лориевых в Африке и Южной Азии, история которых (и, в частности, дата их появления в Африке) почти совсем неизвестна. Еще несколько лет тому назад все эти первобытные приматы были собраны вместе с долгопятом (маленьким животным с расширенными подушечками на концах пальцев и с громадными глазами, живущим на островах Малайского архипелага) в одну группу полуобезьян (*prosimii*), в противовес обезьянам (*simii*), которые были более развитыми. В действительности у всех этих полуобезьян общими являются лишь примитивные черты, которые недоста точны для классификации, отражающей филогенез (например, термин «беспозвоночные» означает всего лишь «без позвонков», но не устанавливает близкого родства между ответвлениями). Напротив, группа, составленная из долгопята, ископаемых остатков, близких к эоцену (омомииды), и обезьян (включая человека), может определяться многочисленными значительно развитыми чертами и составить, без сомнения, естественную группу, включая всех потомков от одного общего предка. Большинство отличительных черт этой группы, которую называют *Haplorhini*, связаны с редукцией обоняния в пользу зрения, в основном по причине перехода к дневной жизни. Мордочка лемура удлинненная с оголенным кончиком, похожа на мордочку собаки. У группы *Haplorhini* оголенный кончик носа исчезает, а мордочка, где находятся крупные осязательные железы, значительно уменьшается, также как и соответствующая им часть мозга (обонятельная луковица). Напротив, глазные впадины, теперь полностью закрытые сзади, располагаются в лобной части, расширяя стереоскопическое поле видения; на сетчатке появилась впадина в центре зрительного поля, где зрение лучше. Наконец, мозг проходит новый этап, увеличиваясь в объеме и становясь более сложным, что характерно для приматов и служит явным признаком интенсификации их общественной жизни.

Человекообразные (обезьяны и человек) не слишком отличаются от тарзиемorfных (мнения о родственных связях этих групп разделились). Самой правдоподобной является гипотеза об отходе первой группы от второй и последующее расселение на юге, поскольку первые обезьяны почти одновременно появились в Африке и Южной Америке примерно 35 млн. лет тому назад.

Вопреки надеждам аргентинского палеонтолога Амегино (*Ameghino*), который в ископаемой обезьяне из Патагонии видел предка человека, не остается никакого сомнения в том, что обезьяны из Южной Америки или обезьяны широконосые (*Platyrrhina*), не имеют никакого отношения к истории человека. Они сохранили первобытные черты в слуховой зоне и в строении зубов, сохранив три малых коренных зуба на половине челюсти, однако у них появился цепкий, хватательный хвост, которого не было у обезьян Старого Света. Ведутся серьезные диспуты о проблеме их происхождения. Одни считают, что эти обезьяны происходят непосредственно от оомиидов Северной Америки, другие (в первом ряду которых находится французский палеонтолог Р. Оффстеттер (*R. Hoffstetter*), который описал *Branisella* – самую древнюю из известных широконосых обезьян) полагают, что они происходят от африканских обезьян. Обе гипотезы предусматривают пересечения животными широкого морского пространства, потому что работы по восстановлению палеогеографии недвусмысленно указывают на то, что в ту эпоху Южная Америка была островом. Однако известно, что великие межтропические реки иногда выносили в открытое море множество переплетенных деревьев, которые могли предоставить количество пищи, достаточное для пропитания небольшого стада обезьян (или грызунов, у которых имелись те же проблемы) во время их 10-дневного пересечения водного пространства. Восстановление морских потоков указывает на то, что пересечение океана с востока на запад (менее продолжительное, чем в наши дни, поскольку Африка и Южная Америка не так далеко отошли друг от друга) было более простым, чем с севера на юг, однако этот вопрос нельзя считать решенным.

УЗКОНОСЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ И ПРИМАТЫ ГОМИНИДЫ

Если вернуться в Старый Свет, где будет происходить вся дальнейшая история нашей ветви, то внимание должен привлечь важный бассейн – оазис Эль-Файюм в Египте. С начала века в этой местности было найдено большое количество ископаемых, давших ценные сведения о древних представителях различных групп млекопитающих, особенно о хоботных и их родственных подотрядах и приматах. На основании данных, полученных с уровня, возраст которого составлял примерно 30 млн. лет, немецкий палеонтолог Макс Шлоссер (*Max Schlosser*) к 1920 г., используя зубы и фрагменты нижних челюстей с сохранившимися тремя малыми коренными зубами на половине челюсти, описал два вида, *Parapithecus* и *Apidium*, которые, возможно, еще не слишком отделились от предка, общего для широконосых обезьян Нового Света и узконосых обезьян Старого Света, несмотря на некоторые особенности, отдаляющие их от нашей ветви. На более раннем уровне была найдена уникальная нижняя челюсть типа *Oligopithecus*, названная так Э. Саймонсом (*E. Simons*), который вел раскопки местонахождений в Египте с 1961 г. В первый раз за историю приматов формула зубов оказалась похожа на нашу, а также на формулу зубов обезьян Старого Света: первый малый коренной зуб (P2, поскольку P1 исчез с появлением плезиадапидов) исчез и оставались только два малых коренных зуба (P3 и P4) на половину челюсти. Однако со-

всем не очевидно, что существует возможность поместить *Oligopithecus* в основание ветви, ведущей к последующим узконосым обезьянам.

Всех обезьян, которых мы далее рассмотрим, когда-либо причисляли к предшественникам человека, а о некоторых из них споры еще не закончены. Причины такого разнообразия мнений различны. Первая зависит от эмоциональных факторов, которые побуждают искателя, который нашел или изучил ископаемое, сделать из него недостающее звено и отказаться от того, чтобы отнести его к боковой ветви, убедительно подтверждая, таким образом, тот факт, что «ученому доступны человеческие чувства». Вторая причина разногласий является результатом порой неполного характера материала: какой-то вид мог бы быть приближен к человеку по строению зубов, а затем отвергнут после изучения его скелета. Наконец, последние причины зависят от самой эволюции, которая не носит ни постоянного, ни направленного, ни направляемого характера. В действительности сложность филогенетического «древа» значительно больше, чем его представляет классическое изображение настоящего дерева: следует представить ветвистый от корневой куст, где каждая веточка это один вид. Каждая группа определяется присущими виду прародителя эволюционными свойствами, которые, за исключением обратной эволюции, сохраняются у потомков. Явления параллельной эволюции в различных ветвях и обратной мутации (возврат к состоянию, близкому к первобытному виду) происходят так часто, что бывает очень трудно определить направление эволюции свойств и размотать этот клубок, что мы и увидим.

Были описаны многие виды первобытных узконосых обезьян из Файюма, однако с учетом внутривидовой изменчивости и полового диморфизма речь, возможно, идет лишь об одном виде *Propithecus*. По крайней мере, у самцов клыки сильно развиты, ряды зубов лишь слегка расходятся сзади, а пара «верхний резец – третий нижний малый коренной зуб» выполняет режущую функцию и самозатачивается, как пожницы. У самок, напротив, клыки менее развиты, P3 меньше отличается от P4, он ниже, и его форма менее «резцовая». Хорошо известный череп *Propithecus zeuxis* имеет более округлую форму, чем у адапидов, его мордочка меньше. Однако, если это семейство своим общим морфологическим видом достаточно походит на будущих узконосых обезьян, в нем очень трудно узнать черты, которые появятся, в частности, у цепкохвостых обезьян Старого Света или у собакоподобных обезьян (бабуины, макаки, мартишкообразные обезьяны, тонкотелые обезьяны, семпопитеки и др., отличающиеся своими задними коренными зубами, расположенными парами), либо у крупных бесхвостых обезьян (гиббон, орангутан, горилла, шимпанзе, человек). Подобные проблемы будут ставиться еще не раз, но гораздо полезней пытаться разрешить их, чем собирать все неточные отличительные свойства в едином комплексе, не имеющем эволюционного значения.

Первая обезьяна *Pliopithecus*, которая покинула Африку в пользу слияния Африка-Евразия, была найдена Э. Ларте (*Edouard Lartet*) в 1837 г. в почвах миоцена (примерно 17 млн. лет тому назад) в Сансане в департаменте Жер (Франция). Хотя эта находка и более поздняя, она ничем не отличается от своей предшественницы из Файюма, а некоторые палеонтологи даже объединяют их в одно семейство. Речь идет лишь о кратковременном вторжении, не имевшем будущего, в регион к северу от Тетиса, ибо в течение первой половины эпохи миоцена основная история человечества и близких ему групп, похоже, развивалась в Африке.

Однако исторически первые ископаемые человекообразные обезьяны-дриопитеки были открыты не в Аф-

рике, а во французских Пиренеях Э. Ларте в 1856 г. Располагая в основном лишь нижней челюстью и фрагментом плечевой кости, долгое время дриопитека представляли предком больших обезьян, которых когда-то относили к семейству понгидов, пока не оказалось, что история этих приматов не сводится лишь к дихотомическому делению на больших обезьян и человека. Только в 1948 г. Мэри Лики, которой палеоантропология обязана множеством других открытий, нашла в Кении хорошо сохранившийся лицевой отдел африканского аналога дриопитека, названного Проконсулом, потому что знаменитого шимпанзе из лондонского зоопарка звали Консулом. С тех пор к списку ископаемых остатков раннего миоцена в Восточной Африке добавилось множество других названий представителей, основные из них – *Dendropithecus*, *Rangwapithecus*, *Limnopithecus*. Кажется, что приматы гоминиды, которые сегодня представлены лишь несколькими видами (гиббон, орангутан, шимпанзе и горилла), в миоцене (в период между 20 и 10 млн. лет назад) были широко представлены, подобно сегодняшним мелким цепкохвостым обезьянам (собакоподобным обезьянам). Существовало до десяти современных видов в одном регионе (в Кении), составлявших значительную часть животной биомассы. Их рост, режим питания, среда обитания, возможно, покрывали весь спектр жизнедеятельности, занимаемый сегодня их сородичами – собакоподобными обезьянами.

Прежде чем перейти к собственно гоминидам, нужно кратко упомянуть о двух «эволюционных тупиках», которые некогда были предметом ожесточенных споров между специалистами: об ореопитеке и гигантопитеке. Возраст ореопитека, многочисленные остатки которого, найденные в угольных шахтах Тосканы (илл. 1), были описаны швейцарским палеонтологом Хюрцелером (*Hurzeler*), составляет приблизительно 8 млн. лет. У него имеется множество удивительно сходных черт с человеком, однако сегодня большинство исследователей видят в этом лишь совпадения. Его резцы подняты вверх, а не наклонены, как у больших обезьян, клыки слабо развиты, первый нижний малый коренной зуб похож на второй, лицевой отдел меньше выдавался вперед, мозг относительно развит, таз расширен, а не удлиннен, как у всех обезьян. Но некоторые характеристики зубной формулы показывают, что ореопитек в действительности очень далек от нас: строение его зубов, с одной стороны, напоминает строение зубов одного из парапитеков Файюма – *Apidium* наличием центрального нароста на коренных зубах, а с другой – собакоподобных обезьян по причине сходства верхних и нижних зубов. Можно подумать, что именно его древесный образ жизни, схожий с образом жизни гиббона, от которого он унаследовал очень длинные передние конечности, вызвал изменения пропорций его черепа и таза. Однако ясно, что эти изменения происходили независимо от изменений, наблюдаемых у человека.

Удивительным является также гигантопитек, как своим внешним видом, так и обстоятельствами его открытия. Действительно, в 1935 г. голландский палеонтолог Г. фон Кёнигсвальд (*G.H.R. von Koenigswald*) среди продаваемых аптекарями Гонконга зубов ископаемых млекопитающих, которые применялись в измельченном виде (считалось, что они излечивают различные заболевания), обнаружил три зуба гигантского примата. Оказалось, что они найдены в горах Китая, где сохранилась фауна раннего плейстоцена (примерно 1 млн. лет тому назад), но, несмотря на упорные поиски Кёнигсвальда, нужно было ждать до 1956 г., пока китайский крестьянин не нашел целую челюсть, за которой последовала находка еще двух челюстей. Череп и скелет остались, однако, неизвестными. Сохранившиеся остатки показали, что гигантопитек несомненно является самым

крупным из когда-либо существовавших приматов, намного превосходящим самых крупных горилл, с весом, превышающим 300 кг. И хотя сегодня никто не разделяет мнения австрийского антрополога Ф. Вайденайха (*F. Weidenreich*) (о котором мы еще поговорим), показавшего в своей работе «Apes, Giants and Men», что видит в гигантопитеке представителя ветви человека, изучение его зубов представляет больший интерес по сравнению с изучением зубов некоторых гоминидов. Они действительно отличаются своей дробящей частью, которая обычно ограничена задними коренными зубами и первым передним коренным зубом и которая у него доходит до очень мелких клыков, подобных резцам, которые не должны были играть значительную роль в захвате пищи. Эта диспропорция между дробящими и передними зубами близко напоминает, как мы это увидим, диспропорцию у мощных австралопитеков. Она является адаптацией к питанию на базе твердых растительных компонентов (корни, зерна и т.п.), и лучшим примером этого на сегодня служит бабуин гелада с высоких плато Эфиопии, одна из наиболее приспособленных к наземному образу жизни обезьян, имеющая уменьшенные резцы и клыки. Гигантопитеку, как и бабуину, требовалось много часов для своего насыщения. Гигантопитеки перемещались большими группами, чтобы отпугивать хищников. Несмотря на свой большой рост, одинокий гигантопитек без естественных средств защиты, без оружия и орудий (насколько мы знаем) являлся легкой добычей для многочисленных плотоядных, и это, вероятно, стало причиной того, что его остатки были найдены в пещерах.

ГОМИНИДЫ

Только в конце XIX в. английские геологи в осадочных породах эпохи миоцена на южном склоне Гималаев (горная группа Сивалик) нашли первого ископаемого примата в этом регионе. Затем в первые годы XX в. последовали другие находки. В 1931 г. американский палеонтолог Льюис сравнил с человеческой челюстью челюсть другого существа, которого он назвал рамапитек, однако его труд вышел из небытия лишь после открытий, сделанных в Кении Луисом Лики, супругом Мэри Лики и, как и она, предводителем палеоантропологии в Восточной Африке. В 1960 г. Лики открыл в местонахождении Форт Тернан, имеющем возраст 14 млн. лет, несколько фрагментов челюстей существа, которое он назвал кенияпитеком и отнес к предкам человека. Он даже утверждал, что тот был способен применять базальтовые камни, естественная режущая кромка которых могла, например, служить для разбивания костей. Это открытие было принято научными кругами с величайшим скептицизмом, но, во всяком случае, его заслугой было то, что возродился интерес к приматам конца периода миоцена. С тех пор было сделано множество других открытий в Кении, в Сивалике (Индия и Пакистан), а также в Китае, Турции, Греции, Центральной Европе. Еще несколько лет тому назад в этом комплексе различали две группы – рамапитеков и сивапитеков, первые из которых казались более близкими к предкам человека, чем вторые. Однако различия у представителей этих двух групп, которых часто находили в одних регионах или же в одних местонахождениях, иногда бывают очень слабыми. По нижней челюсти (наименее редкой диагностической особенностью) рамапитека узнают по следующим признакам: небольшому размеру, более низким и относительно широким деснам, более поднятому району соединения челюстей, более развитому клыку и менее высокому и более широкому зубу Р3. И только находка в Греции в 1973 г. в залежах периода миоцена (возраст примерно 10 млн. лет) представителя того же комплекса, названно-

го уранопитеком, должна была показать, как уже подозревали некоторые исследователи, что рамапитек в действительности был самкой сивапитека: развитый половой диморфизм многочисленных челюстей уранопитека имеет те же устойчивые признаки, которые отличают «рамапитека от сивапитека. Положение этого комплекса рамапитеки–сивапитеки–уранопитеки» (и близкие к ним формы) на филогенетическом древе гоминидов может быть прояснено только в свете последних открытий биологии, изложенных ниже.

Когда-то юго-восточного орангутана, гориллу и шимпанзе тропических лесов Африки соединяли в одно семейство понгидовых, или человекообразных обезьян. Это семейство было характерно своей адаптацией к древесной жизни, своей мощной жевательной системой с расширенными передними зубами и многими признаками, более примитивными по сравнению с теми же признаками у человека (малый объем головного мозга, невыпрямленное тело, большой палец ноги отставлен и т.д.). Тем не менее, в течение 20 лет биологи пытались составить филогенетическое древо гоминидов, основывающееся не только на анатомии, но и на хромосомах и белках; он значительно отличается от классического филогенетического древа.

Что касается хромосом, то можно выделить чередование светлых и темных полос разной ширины, достаточно характерное, чтобы заметить сегмент рукава, даже если он претерпел инверсию, транслокацию на другую хромосому. Таким образом, можно реконструировать историю событий, которые происходили в кариотипе многих близких видов, то есть создать филогенетическое древо этих видов.

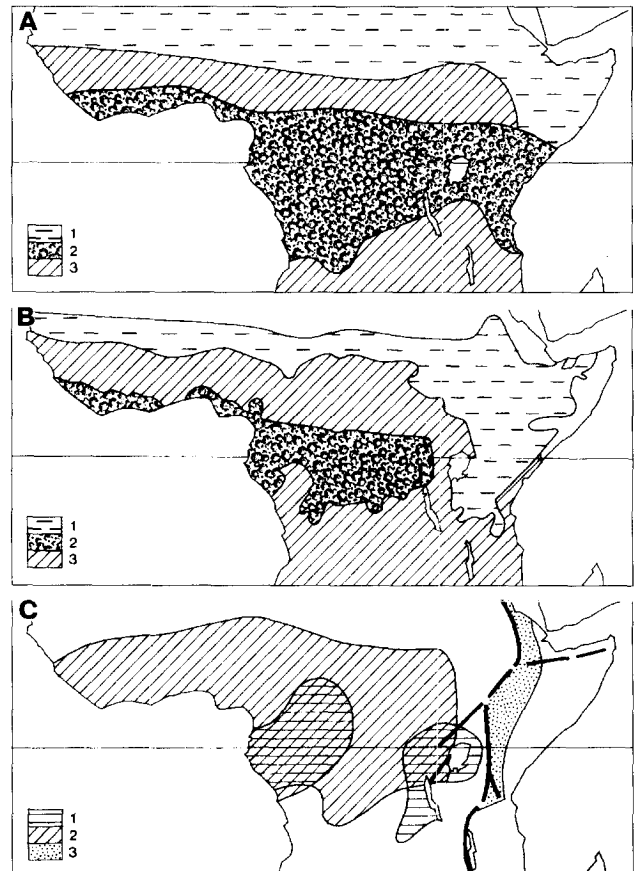
Используя иммунологические технологии на базе белков, можно оценить расстояние между видами, даже если они достаточно удалены, при условии наличия очень распространенного белка (например, гемоглобина). Можно также прямо сравнить программы составляющих их аминокислот и определить порядок их замены, каждая из которых соответствует мутации, позволяющей переходить с одного гемоглобина на другой. Последний метод самый утомительный, поскольку необходимо определить многочисленные программы сложных белков. Однако он позволяет не только оценить сходство, но и установить порядок дихотомического деления.

Все эти последние исследования недвусмысленно показывают, что из комплекса «большие обезьяны–человек» первым выделился орангутан, следовательно, большие африканские обезьяны являются более близкими родственниками человека, чем орангутан. И до относительно недавнего времени (возможно, только 5 млн. лет тому назад) история человека переплеталась с историей шимпанзе и гориллы, которые, как думали раньше, совершенно не представляют собой вида, радикально отличающегося в своей эволюции от эволюции человека. Сегодня их можно включить в подсемейство гоминидовых. Термин понгидовые имеет видообразовательное значение только при условии его применения лишь к орангутану (*Pongo*, род орангутанов, из подсемейства понгидовых). Каким образом можно поместить сивапитеков и близкие им формы в дихотомию «гоминидовые–понгидовые»?

Большинство авторов, вероятно, продолжали бы считать их гоминидовыми, если бы одновременно в Турции и Пакистане не были найдены более полные остатки, включая лицевые отделы черепов. Ко всеобщему удивлению оказалось, что внешность сивапитека более походит на внешность орангутана, чем на внешность больших африканских обезьян или человека (вогнутый профиль, отсутствие надбровных дуг, близко поставленные глазные впадины и т.д.). Однако это не предполагает, что все приматы гоминиды конца миоцена были понгидовыми, но если дело обстояло именно так, то ветвь гоминидовых от кени-

апитека (возраст 14 млн. лет) до первых австралопитеков, 10 млн. лет спустя, представлена лишь небольшим количеством фрагментов ископаемых остатков. Как объяснить такую редкость?

Самые правдоподобные объяснения носят экологический или географический характер. Расселение приматов гоминидов из группы сивапитеков, похоже, связано с распространением открытых пространств типа лесистых саванн, которые постепенно заняли большую часть Евразии в конце миоцена. Строение зубов этих обезьян свидетельствует об их адаптации к потреблению грубой растительности, корней, зерен или злаков, а не листьев или фруктов: зубная эмаль толстая, а появление задних коренных зубов происходило с опозданием. Этот тип среды более благоприятен для сохранения ископаемых остатков, чем лесистая местность, и почва лесов, за редким исключением, слишком кислая, чтобы в ней могли сохраняться кости. Нет ничего удивительного в том, что не находят остатков предков человека и больших африканских обезьян, которые жили в лесной среде. Кроме того, поскольку шимпанзе, гориллы и все гоминидовые старше 1,5 млн. лет имеют исключительно африканское происхождение, можно полагать, что эта ветвь после разделения с понгидовыми (орангутан и сивапитек) является чисто африканской. На этом континенте залежи возраста от 5 до 10 млн. лет более редкие и более бедные, чем залежи того же периода в Евразии: только одна эта разница может объяснить кажущееся преобладание понгидовых над гоминидовыми.

Карта 1. (А) Карта межтропической Африки периода позднего миоцена: 1 – луга; 2 – лес; 3 – саванна; (В) Карта межтропической Африки, которая показывает отступление лесов от восточной стороны рифтовой системы: 1 – луга; 2 – лес; 3 – саванна; (С) Зоны расселения понгидовых (гориллы и шимпанзе) и гоминидовых (австралопитеки и первые люди): 1 – гориллы; 2 – шимпанзе; 3 – австралопитеки и первые люди (по И. Котману)

Как мы видели, это последнее подсемейство к периоду, который биология и палеонтология определяют в 5–6 млн. лет, в свою очередь подразделяется на ветвь больших африканских обезьян или панидовых (название произошло от *Pan troglodytes*, шимпанзе) и на ветвь гоминидовых, включающую только два вида: австралопитеков («обезьяна южная») и собственно человека – *Homo*. Здесь мы встречаемся с той же проблемой, как и в предыдущем случае с дихотомией: если история гоминидовых относительно хорошо известна, то ни одно ископаемое не подтвердило историю панидовых. Как предлагал Ив Коппан, здесь можно обратиться к «эколого-географическому» объяснению: группа первобытных гоминидовых, которая расселилась на достаточно большом пространстве Восточной Африки, была разделена большим провалом рифтовой долины, громадным разрывом, идущим с севера на юг, который простирается от Красного моря до Танзании и отделяет Восточную Африку, где преобладают открытые пространства, от Центральной и Западной Африки с более влажным климатом и большим количеством лесов (карта 1). Восточные гоминидовые адаптировались, как и сивапитеки, к открытому пространству (как мы увидим, адаптация их зубов также схожа): это были протоавстралопитеки. Напротив, западные гоминидовые выбрали в качестве мест проживания межтропические леса, где они живут и сегодня. К сожалению, местонахождения там малочисленны, и возможность найти там обезьян очень мала.

При поддержке этой «подменяющей» гипотезы (образование новых видов путем деления территории) можно отметить, что даже в самых лесистых местах Восточной Африки до настоящего времени не найдено ни одного ископаемого остатка шимпанзе или гориллы, тогда как остатков протоавстралопитеков там достаточно много.

Множество проблем этой далекой истории человека остаются нерешенными, и если мы не сочли необходимым их детализировать в большей степени, то это лишь потому, что большинство применяемых моделей мало удовлетворительны; в большей степени, чем постоянно подвергающиеся сомнениям гипотезы, нам нужны ископаемые остатки, еще раз ископаемые остатки, всегда – ископаемые остатки.

БИБЛИОГРАФИЯ

CIOCHON, R. L.; CORRUCINI, R.S. (eds) 1983. *New Interpretations of Ape and Human Ancestry*. New York.
 CLARKE, R. 1980. *Naissance de l'homme*. Paris.
 COLLINS, D. 1978. *The Human Evolution: From Ape to Artist*. Oxford.

COPPENS, Y. 1983. *Le Singe, l'Afrique et l'homme*. Paris.
 — 1984. *Hominoïdes, hominidés et hommes*. *Vie Sci., C. R. Acad. Sci. (Paris), Sér. Gén.*, Vol. 1, No. 5, pp. 459–86.
 COPPENS, Y. et al. (eds) 1976. *Earliest Man and Environments in the Lake Rudolf Basin*. Chicago.
 DELSON, E. (ed.) 1985. *Ancestors: The Hard Evidence*. New York.
 DORST, J. (ed.) 1985. *Histoire des êtres vivants*. Paris.
 GERAADS, D. 1982. *Paléobiogéographie de l'Afrique du Nord depuis le Miocène terminal d'après les grands mammifères*. *Géobios (Lyons), Mém. spéc.*, 6, pp. 473–81.
 — 1984. Découverte d'un Hominidé fossile dans le Pléistocène de la République de Djibouti. *C. R. Acad. Sci. (Paris)*, Vol. 299, No. 15, pp. 1097–1100. (In collaboration with L. de Bonis, G. Guérin, A. Haga, J.-J. Jaeger and S. Sen.)
 — 1985a. La faune des gisements de Melka-Kunturé (Ethiopic). *L'Environnement des Hominidés au Plio-Pléistocène*. Paris, Fondation Singer-Polignac. Vol. 12, pp. 165–74.
 — 1985b. Contribution des vertébrés à l'histoire de la Téthys et des continents péritéthysiens. *Bull. Soc. Géol. Fr. (Paris), Sér. 8*, Vol. 1, No. 5, pp. 781–6. (In collaboration with L. de Bonis et al.)
 — 1987. The Pleistocene Hominid Site of Ternifine, Algeria: New Results. *Quat. Res.*, Vol. 15, pp. 380–6. (In collaboration with J. J. Hublin et al.)
 GOWLETT, J. A. J. 1985. *L'Invention de la civilisation*. Paris.
 JOHANSON, D. C.; EDEY, M. A. 1982. *Lucy: The Beginnings of Mankind*. London.
 KORTLANDT, A. 1972. *New Perspectives on Ape and Human Evolution*. Amsterdam.
 LEAKEY, R. E. 1981. *La Naissance de l'homme*. Paris.
 LEAKEY, R. E.; LEWIN, R. 1977. *Origins: What New Discoveries Reveal about the Emergence of our Species and its Possible Future*. London. (French trans. 1985. *Les Origines de l'homme*. Paris.)
 LE GROS CLARK, W. E. 1955. *The Fossil Evidence for Human Evolution*. Chicago.
 LUCKETT, W. P.; SZALAY, F. S. (eds) 1975. *Phylogeny of the Primates: A Multidisciplinary Approach*. New York.
 MARLIAC, M.; MARLIAC, A. 1979. *La Préhistoire*. Paris.
 MUSÉE DE L'HOMME. 1976. *Origine de l'homme*. Paris.
 — 1981. *Les Premiers Habitants de l'Europe: 1.500.000–100.000 ans*. Paris.
 NOTEN, F. VAN (ed.) 1981. *De evolutie van de mens: de speurtocht naar ontbrekende schakels [The Evolution of Men: The Search for the Missing Link]*. Maastricht.
 SMITH, F. H.; SPENCER, F. (eds) 1984. *The Origins of Modern Humans*. New York.
 SUSANNE, C. 1984. *Sur les traces des premiers hommes*. Brussels.
 SZALAY, F. S.; DELSON, E. 1979. *Evolutionary History of the Primates*. New York.
 WOOD, B.; MARTIN, L.; ANDREWS, P. (eds) 1986. *Major Topics in Primate and Human Evolution*. Cambridge.

ПЕРИОД *HOMO HABILIS*
(ЧЕЛОВЕК УМЕЛЫЙ)
И *HOMO ERECTUS*
(ЧЕЛОВЕК ПРЯМОХОДЯЩИЙ):

общий обзор

Ив Коппан и Дени Жера

В течение всей второй половины миоцена, между 14 и 5 млн. лет тому назад, наша история отмечена лишь редкими неполными ископаемыми остатками, причем все они были найдены в Кении. Сначала это была половина челюсти с холмов Самбуру (8,5 млн. лет), затем зуб из Лукейно (6 млн. лет) и половина челюсти из Лотагана (5,5 млн. лет). Входят ли эти несколько ископаемых остатков в общую ветвь «большие обезьяны–человек», или же эта ветвь уже разделилась? Решить трудно, но именно с предполагаемой даты этого разделения претенденты на то, чтобы быть нашими предками, начинают показываться все смелее. В период между 4 и 2 млн. лет назад все они африканского происхождения и принадлежат в широком смысле к австралопитекам, названным так со времени находки первого из них на южной оконечности континента. Два млн. лет назад появляется собственно человек вида *Homo*, и некоторые из них сразу пришли на землю своих предков, чтобы быстро расселиться по всему Старому Свету. Америка и Австралия будут заселены гораздо позже, несколько десятков тысяч лет тому назад.

Кажется, что со времен первых узконосых обезьян из тропических лесов Файюма в Египте, которые, возможно, были уже гоминидами, история человечества почти полностью разворачивалась в Африке, но, как мы увидим, всего несколько десятилетий тому назад ученые осознали эту исключительную роль «черного континента».

АВСТРАЛОПИТЕКИ

Французский геолог М. Тайеб (*Maurice Taieb*), который готовил диссертацию о долине Аваш в Эфиопии, в 1971 г. открыл местонахождение Хадар в тектонической впадине Афар. В полупустынной сегодня зоне за пределами прибрежных лесов эрозия развеивает пески, разрывает песчаники и глину плиоцена озерного и речного происхождения, пересекаемые базальтовыми потоками и слоями пепла, когда-то отложенными под водой. Ископаемые остатки всех видов животных, содержащиеся в осадочных породах, постепенно выходят на поверхность и некоторое время там и остаются, прежде чем будут разрушены эро-

зией и суровыми климатическими условиями. Это позволило М. Тайебу найти тысячи окаменелостей, разбросанных на десятках квадратных километров, и среди них – остатки гиппопотамов, хоботовых, антилоп, жирафов, носорогов, парнокопытных, крокодилов, составлявших основу «биомассы». Начиная с 1972 г. международной группой под руководством М. Тайеба, Д. Джоансона (*D.C. Johanson*) и И. Коппана были сделаны первые находки гоминидовых. Сначала было найдено колено, затем челюсти, потом на участке 162 – скелет, названный «Люси» по песне Битлз, и это стало сенсацией для международного научного сообщества и для широкой публики. «Люси» (илл. 2) является самым старым известным скелетом гоминида, потому что его возраст составляет около 3 млн. лет, но, тем не менее, он очень хорошо сохранился, почти на 40%: большинство костей сохранилось как слева, так и справа. Морфология таза, отличающегося от таза самцов, как и у нашего вида, говорит о том, что это самка.

Другие многочисленные остатки человека, в основном более древние, чем «Люси», были найдены в Хадаре (укажем, в частности, «семью» с участка 333), что делает этот регион одним из самых богатых в мире по количеству ископаемых остатков гоминидов.

В то время как в Афаре открытия следовали одни за другими, иные находки в 1,5 тыс. км южнее подтверждали и дополняли их. В поселении Лаэтоли, на севере Танзании, Мэри Лики (о которой уже упоминалось в связи с *Проконсулам*, в гл. 1) открыла фауну более древнюю, чем фауна Хадара, и среду обитания более открытую, и там был обнаружен очень похожий гоминид. В 1976 г. на поверхности слоя пепла, быстро застывшего после отложения во влажной среде, М. Лики обнаружила отпечатки следов животных и среди них – следы двух двуногих существ разного роста, которые, возможно, передвигались вместе. Помимо волнующего свидетельства о нескольких секундах жизни наших далеких предков эти следы неопровержимо констатируют тот факт, что «двуногая» походка появилась 3,8 млн. лет тому назад. Эта составляющая процесса формирования человека (так как обезьяна превращалась в человека поэтапно) предшествовала во времени другим

составляющим, которые охотно считались более благородными: изготовление орудий и развитие головного мозга.

В этот период строение зубов было общим и походило, например, на строение зубов уранопитека, возраст которого составляет 10 млн. лет. Именно отсутствие развитых (эволюционных) устойчивых признаков, присущих более поздним австралопитекам, поначалу навело на мысль о наличии в Афаре вида *Homo*. Зубные дуги не параллельные, в форме U, как у больших обезьян, мало отличаются друг от друга; резцы широкие, загнутые вперед, верхние зубы отделены от клыков увеличенными промежутками (диастемами), а нижние клыки все еще сильно развиты. Череп изучен неполностью, однако объем его относительно небольшой (порядка 400 куб. см), надбровные дуги отсутствуют, лицевой отдел характеризуется с выдающимися челюстями; все это указывает на более развитое состояние вида по сравнению с первобытным обликом гоминида. Комплекс основных устойчивых черт в соединении с прямой походкой означает, что первоочередной этап процесса формирования человека уже завершился. Нет ни одной кости скелета, которая не была бы в большей или меньшей степени затронута перестройкой всего индивидуума. Двойной свод подошвы усиливает силу сцепления ноги, основного двигательного органа. Большой палец ноги больше не отставлен в сторону и размещается параллельно другим пальцам (как он уже пытался встать у восточной гориллы, наземной обезьяны); теперь он несет основную тяжесть тела. Задние конечности значительно удлиняются, однако у «Люси» руки достаточно длинные по отношению к ногам. Бедренная кость, вертикально расположенная у обезьян, у «Люси» по косой спускается вниз и внутрь таким образом, что голова оказывается на одной вертикальной линии с берцовой костью: вес тела передается по прямой, при этом избегается неустойчивое положение, которое заставляет шимпанзе в цирке качаться с ноги на ногу. Эта переориентация, вызванная расширением таза, является самым значительным изменением в скелете: узкий и удлиненный у обезьян, здесь скелет расширяется в форме чаши, несет внутренние органы, предоставляет лучшую поверхность для крепления ягодичных разгибателей мышц ноги и во время родов дает проход объемной голове ребенка. Позвоночник приобретает двойной изгиб с впадинами на поясничном и шейном уровнях, которые служат для того чтобы разместить основные суставы головы, туловища и нижних конечностей в одной вертикальной плоскости (изучение суставных поверхностей позвонков «Люси» показывает, что у нее уже появился этот двойной изгиб). Череп тоже претерпел глубокие изменения, но не всегда легко определить, какая доля приходится на каждую составляющую процесса формирования человека. Изменение положения затылочного отверстия, которое разместилось под основанием черепа, связано с выпрямлением туловища, но не непосредственно с «двуногой» походкой, поскольку подобное положение наблюдается и у долгопята, который висит вертикально на стволах деревьев; очевидно, что это отчасти связано с увеличением объема полушарий головного мозга. Наконец, передние конечности освободились от своей двигательной функции, шея и плечевой пояс стали легче и руки смогли выполнять исключительно хватательную функцию. Руки были одновременно сильными и ловкими, между прочим, благодаря сильно развитому большому пальцу, который мог отставляться от всех пальцев, как, впрочем, и каждый из этих пальцев. Это коренное улучшение работы руки безусловно необходимо при изготовлении инструментов и в дальнейшем этот орган совершенствовался в процессе использования, при этом искусственность рук, вероятно, не переставала совершенствоваться.

В Хадаре были найдены почти целые руки гоминидов; на них отсутствовали суставные бугры, которые помогают большим обезьянам ходить, опираясь на тыльную поверхность вторых (средних) согнутых фаланг. Но поскольку передние конечности «Люси» еще длинные, а ее колени все

еще могли совершать слабые вращательные движения, то было сделано предположение, что в случае необходимости она могла еще прятаться на деревьях. Тем не менее отметим, что даже шимпанзе, лучше приспособленное к древесной жизни, в случае опасности прячется на земле.

Действительно, кажется, что в ряду факторов процесса формирования человека «двуногая» походка следует за адаптацией к открытой среде (следовательно, за питанием на базе грубой растительной пищи), но предшествует процессу изготовления орудий и значительному увеличению объема головного мозга. И в течение долгого времени это заставляло считать, что рамапитеки и сивапитеки были нашими предками, что они, как и первые австралопитеки, прошли первую стадию; эмаль зубов была толстой, развитие их скуловых зубов и клыков явилось адаптацией к той же открытой среде, но, возможно, они оставались четвероногими. Какой фактор заставил протоавстралопитеков перейти к «двуногой» походке? Среди множества выдвинутых гипотез ни одна не способна в одиночку ответить на этот вопрос, но и здесь совершенствование в процессе действий должно было быстро укрепить начавшуюся тенденцию выпрямления туловища. Освобождение рук для переноски пищи необходимо только во время охоты, что мало вероятно для гоминидов, у которых отсутствовало как природное, так и искусственное оружие. Напротив, существовала необходимость в переносе молодняка: малыши, которые не могли передвигаться самостоятельно до тех пор, пока не наберут значительного веса, не могли достаточно крепко цепляться за редкую шерсть матери. Другая модная теория объясняла феномен «двуногой» походки тем, что она придавала гоминидам-охотникам больше сил для ходьбы и для бега: их выживание обуславливалось их способностью преследовать дичь в течение часов и даже дней.

Но наиболее страстно обсуждавшейся проблемой, касающейся первобытных австралопитеков, была проблема их родственных связей с потомками. Американцы Д. Джоансон и Т. Уайт и француз И. Коппан отнесли образцы, найденные в Афаре и Лаэтоли, к одному виду, *Australopithecus afarensis*, но это объединение не было принято всеми. Поселение Лаэтоли старше поселения Хадара, а различие в эволюции двух ветвей очевидно. Однако для некоторых исследователей это такое же различие, какое отделяет *Australopithecus afarensis* из Хадара от более ранней формы из Южной Африки, и не следует их различать: *Australopithecus afarensis* является лишь подвигом *Australopithecus africanus*. А для И. Коппана, напротив, *Australopithecus afarensis* в одно и то же время обладает более примитивными устойчивыми признаками, чем последующие австралопитеки, поэтому он и называет его «доавстралопитеком», и собственными развитыми признаками (аутопоморфными), которые отделяют его от прямых предков (это прекрасно иллюстрирует трудности с поисками тех форм его предков, в которых отсутствовали бы особые признаки, относящие их на боковую ветвь). Для других исследователей *Australopithecus afarensis* является предком исключительного австралопитеков. Вид *Homo* к этому времени уже отделился, но не был еще открыт, если только он не был включен в материал, ошибочно собранный под названием *Australopithecus afarensis*! Детальное анатомическое исследование некоторых элементов скелета наводит на мысль о совместном существовании двух видов, один из которых более «современный». Однако не следует забывать, что любые различия во мнениях основываются на деталях: в общем, все специалисты сходятся во мнении, что *Australopithecus afarensis* является близким по форме к другим африканским австралопитекам — и грацильным, и крепким.

Если африканские австралопитеки хронологически следуют за *Australopithecus afarensis*, то исторически они известны очень давно, поскольку еще в 1924 г. Р.Б. Юнг (*R.B. Young*), геолог из университета в Витватерсранде, заметил на столе

инженера, работавшего на шахтах в Таунге, Южная Африка, странное пресс-папье, в котором анатом Р. Дарт (*Raymond Dart*) опознал череп молодого примата неизвестного вида, которого он назвал *Australopithecus africanus*. Дарт полагал найти в этом виде переходное звено между человеком и обезьяной, хотя и считал, что он ближе к нам, чем к обезьянам. Конечно, не в первый раз находили ископаемые остатки человека, но по сравнению с остатками, найденными в Таунге, черепа неандертальца или даже питекантропа кажутся более близкими к нашему черепу, поэтому череп Дарта был встречен с большим скептицизмом. Это «недостающее звено» очень напоминало обезьян, на излюбленном континенте которых оно прожизвало. И только лишь с 1936 г. после открытия Р. Броомом (*R. Broom*) на другом местонахождении в Южной Африке, Стеркфонтейне, черепа того существа, которое сегодня рассматривается как взрослый вид *Australopithecus africanus* (названного в то время плезиантропом), начали думать о том, что наши корни нужно искать именно в Африке. В 1938 г. тот же Р. Броом в другой пещере Южной Африки, в Кромдрай, нашел второй тип австралопитека, названного *Paranthropus robustus*. В период 1950-х гг. находки следовали одна за другой, и еще в наши дни австралопитеков случайно находят в Южной Африке, там, где сохранились многочисленные остатки фауны. Но те разбитые кости животных, среди которых Р. Дарт полагал открыть свидетельств человеческой деятельности, которую он назвал «остеодонтокератикой», возможно, были лишь остатками еды хищников.

Неудобством южноафриканских пещер является то, что возраст их можно определить только относительно при помощи сокрытой в них фауны. Поэтому открытие зинджантропа, сделанное Мэри Лики в 1959 г. в поселении Олдувай в Танзании, произвело эффект разорвавшейся бомбы. Сам зинджантроп с хорошо сохранившимся черепом не очень отличается от массивного южноафриканского вида, однако Лики определила его возраст в 1 млн. 750 тыс. лет – возраст, значительно превосходящий все то, что могли себе представить самые смелые умы. При датировке по базальту в отложениях в долине Олдувай началось применение радиометрических методов с использованием калия/аргона. После этого открытия центр интересов палеоантропологов переместился в Восточную Африку. В течение последующих лет Луис и Мэри Лики превратили Олдувай в образцовую модель для исследований, в которой многочисленные специалисты из различных отраслей науки согласовывали свои усилия, для того чтобы отобразить не только анатомию ископаемых людей, но также их развитие во времени, их образ жизни, их географическую, животную и растительную среду.

Немного спустя К. Арамбур (*Camille Arambourg*), профессор Национального музея естественной истории, палеонтолог и пионер французской палеоантропологии в Восточной Африке, совместно с И. Коппаном возглавил международную группу для исследований р. Омо в Эфиопии (к северу от бассейна оз. Туркана), где он много лет назад уже находил окаменелости. После смерти Арамбура в 1969 г. И. Коппан один возглавил руководство с французской стороны, и каждый год большая группа направлялась в долину Омо до тех пор, пока политические трудности не закрыли въезд в Эфиопию. В это время в нескольких вулканических и осадочных пластах, самым важным из которых являлось местонахождение Шунгура, были найдены десятки тысяч ископаемых животных и сотни костных остатков человека, принадлежащих к массивной разновидности австралопитека. Долина р. Омо является несравненным эталоном для проверки первых глав истории человека, с учетом того факта, что в ней сокрыта хорошо выверенная долгая хронологическая череда событий (от 3 до 0,8 млн. лет до н.э.).

Близкий по возрасту пласт отложений разрабатывался группой Ричарда Лики в Кении, на западном берегу озера Туркана, т.е. лишь в нескольких десятках километров от Омо. Именно в этом регионе найдены самые полные образцы

первобытных африканских гоминидов, массивных австралопитеков, *человека умелого* и *человека прямоходящего*.

В нескольких других восточно-африканских местонахождениях были обнаружены остатки австралопитеков, и хотя ни одно из этих местонахождений не сравнится с теми, которые мы только что перечислили, все же следует упомянуть оз. Натрон в Танзании – по соседству с долиной Олдувай, где была найдена прекрасно сохранившаяся нижняя челюсть массивного австралопитека, и Мелка-Кунгуре в Эфиопии, где нашли нижнюю челюсть ребенка.

В настоящее время не известен ни один австралопитек за пределами Восточной и Южной Африки, однако следует признать, что залежи Центральной Африки и Магриба, где, возможно, находятся его остатки, не были изучены с такой же интенсивностью.

Хронологическая ниша этих австралопитеков не определена с очень большой точностью, но большинству образцов около 2 млн. лет. Некоторые из них более старые, но их не всегда легко отличить от *Australopithecus afarensis*; другие моложе, и даже подумывали, что черепу из Таунга только 0,8 млн. лет; однако, как мы уже говорили, датировка южноафриканских поселений – очень тонкое дело; в Восточной Африке *Australopithecus robustus* исчез к периоду 1,2 млн. лет (оз. Натрон, местонахождение Гарба IV в Мелка-Кунгуре).

Некоторые исследователи долгое время полагали, что грацильный (миниатюрный) австралопитек (*Australopithecus africanus*) был лишь самкой массивного вида (которого называют *Australopithecus robustus* и *Australopithecus crassidens* в Южной Африке, *Australopithecus boisei* в Восточной Африке), однако самец и самка не были расселены в одной географической зоне (*Australopithecus africanus* редко или вовсе не встречается в Восточной Африке) и у них разные хронологические ниши (*Australopithecus africanus* исчез к периоду 2 млн. лет, значительно раньше, чем массивный вид). Кроме того, самка массивного вида известна по половине хорошо сохранившегося черепа, найденного в восточной части озера Туркана (KNM-ER 732), и нет сомнений, что она отличается от *Australopithecus africanus*, несмотря на некоторые схожие черты. Сегодня существование двух отдельных типов принято всеми специалистами (илл. 3).

Основные устойчивые признаки этих австралопитеков можно распределить на три категории: их первобытные признаки, которые их отдают от обезьян; признаки, приближающие их к *Homo*; их собственные признаки. К первой категории прежде всего нужно отнести малый объем мозга, который достигал около 500 куб. см и был сходен с объемом мозга крупных обезьян, тогда как у современного человека объем мозга составляет 1,4 тыс. куб. см. Но если соотносить эту величину с весом тела, мозг австралопитеков был немногим больше по объему, чем мозг шимпанзе. Малый объем мозга свидетельствует о том, что его череп, вместо того чтобы быть шарообразным, как у человека, был еще слабо выпуклым: лба не было, лобная кость была горизонтальной (у массивного вида) или едва приподнятой (у грацильного вида). Если посмотреть сзади, то максимальная ширина черепа находится у его основания, теменные кости сходятся вверх (так называемый череп «шатром»), тогда как у нашего вида боковые стенки черепа параллельны и даже немного расходятся вверх, где находится наибольшая ширина черепа (так называемая форма «домика»). Сохраняется первобытный прогнатизм (челюсти выдвинуты вперед по отношению к верхней части черепа), сопровождаемый отсутствием подбородка, выступом носа и наличием сильно развитого надглазничного костного валика – признаком, присутствующих всем гоминидам за исключением ранних людей, и функции которых не ясны (защита глазных впадин? укрепление строения лица?).

Присутствует множество фундаментальных сходных черт с чертами настоящих людей (вид *Homo*). Как мы видели, «Люси» было присуще прямохождение, хотя его механизм, насколько, отличается, как на это указывает, например, длинная и сжатая шейка бедра.

Череп сегодня хорошо изучен благодаря наличию множества образцов. По сравнению с крупными обезьянами основное отличие заключается в относительных пропорциях лицевого и мозгового отделов черепа. Мордочка уменьшается и размещается не впереди, а под черепной коробкой, которая распространяется всеоружд вокруг одного центра, расположенного рядом с гипофизом (турецкое седло). Впереди лобная часть нависает над глазами. В задней части развитие ассоциативных долей коры полушарий порождает «затылочный рычаг», который отодвигает зону ввода затылочных мышц под основание черепа. Вместе с тем это перемещение неотделимо от прямохождения, под влиянием которого большое затылочное отверстие, через которое проходит спинной мозг, переместилось вперед. Прямохождение и развитие головного мозга привели к полной перестройке строения черепа, который впоследствии претерпел лишь незначительные изменения.

Наконец, в первый ряд основных устойчивых свойств австралопитеков ставится адаптация к режиму питания на базе твердой растительной пищи, которая нам напоминает гигантопитека и группу сивапитеков. Это отличие, четко видно у грацильного вида, еще более выражено у массивного вида. Резцы и клыки менее развиты в пользу передних и задних коренных зубов, которые настолько развиты, что зинджантроп был прозван «щелкунчиком». Мощь жевательной системы подтверждается массивностью челюстей (иногда сравнимых с челюстями первых гигантопитеков!) и, особенно, необычайным развитием височных мышц. У самца массивного вида эти мышцы настолько развиты, что они вызвали образование стреловидного гребешка в центре черепа по линии соединения правых и левых мышц. В передней и нижней части мышечная масса раздвинула скуловые дуги и выдвинула скулы вперед, придав лицу характерный вогнутый профиль. Грацильный вид был менее специфичен, но, тем не менее, маловероятно, что он промышлял охотой, как это иногда предполагали.

Какое представление мы можем иметь об этих австралопитеках, основываясь на костных остатках, которые могут быть лишь косвенными свидетельствами? Об их росте мнения согласуются в пределах от 1,30 м до 1,50 м, но их вес, по мнению разных авторов, составляет минимум 30 кг для грацильного вида и максимум 100 кг для массивного вида. Об их внешнем виде мы почти ничего не знаем: шерстный покров, цвет кожи в отложениях не сохраняются, и можно лишь делать более или менее правдоподобные предположения. Можно попытаться реконструировать живого австралопитека, переходя от мышечной массы на его скелете к внутренним органам, затем к коже, но при этом настолько увеличивается риск произвольной интерпретации, что конечный вариант, в зависимости от желания художника, может походить как на шимпанзе, так и на палеоантропа!

Проблема изготовления орудий у австралопитеков решена не полностью. В долине реки Омо Ж. Шавайон (*J. Chavaillon*) нашел маленькие осколки кварцита возрастом 3 млн. лет, т.е. они были получены прежде, чем появился *Australopithecus boisei* (в 1986 г. в западной части озера Туркана был найден прекрасно сохранившийся череп самого древнего представителя вида). Некоторые специалисты, например Р. Лики, полагали, что первые изделия сделаны руками представителя *Homo*, которого пока не открыли. Как мы увидим дальше, это достаточно разумное предположение. Позднее, в период около 2 млн. лет тому назад, производство орудий будет шире; базовым орудием становится базальтовая галька, с которой оббивается часть материала, для того чтобы сделать заострение на конце и извилистую режущую кромку на ней (рубило или обработанная галька). Это производство было выявлено в долине Олдувай, и поэтому его называют олдувайским; доподлинно

не известно, кто был его автором, однако существовавший в ту эпоху вид *Homo* является лучшим кандидатом, чем австралопитеки.

С австралопитеками не связывают наличие организованной «зоны заселения», которую находят позже, их более охотно представляют существами, которые небольшими группами вели бродячий образ жизни, достаточно похожий, например, на жизнь бабуинов; большая часть дня у них была занята поисками пищи.

Экологические взаимоотношения между видами еще более покрыты мраком. Грацильный вид и массивные виды очень редко сосуществуют вместе, кажется, что они стремятся взаимно исключать друг друга. Это может означать как большое сходство экологических ниш (один вид охотится за другим), так и настолько большое различие между ними, что один вид не встречается в одной среде (значит, в одном отложении) с другим видом. Ввиду анатомического сходства первая гипотеза кажется более вероятной.

Основная проблема, которая часто возникает из-за редкого сосуществования *Homo* и *Australopithecus boisei* в Восточной Африке, касается взаимоотношений между двумя этими видами. Многие авторы предполагают во втором виде просто дичь для настоящих людей, охотников и действительных создателей олдувайской культуры. До недавнего времени эта точка зрения была спорной, поскольку выявилось, что уже 3 млн. лет тому назад предки австралопитеков изготавливали орудия, и необходимо было согласиться с тем, что эта способность была утеряна зинджантропом и его собратьями. Эта гипотеза маловероятна, если учитывать тот фактор, что данная способность давала громадное преимущество в естественном отборе. Как мы увидим, теперь это предположение сглажено недавней находкой массивного черепа древностью 2,5 млн. лет в западной части оз. Туркана.

Но, несмотря на интерес, все эти вопросы не вызвали таких дебатов, различных мнений десятков специалистов со всего света, какие были вызваны филогенетическими отношениями первобытных гоминидов. Обилие литературы по этому вопросу, страсти, которые он вызывает, не облегчают задачу того, кто пытается составить разумное мнение. Мы попытаемся вкратце это сделать, не забывая о том, что какое-либо новое открытие может поставить под сомнение всю схему эволюции.

Сначала напомним, что история развивалась в виде смен дихотомий, а не как период роста цветной капусты, похожей на облако. При каждом эволюционном событии (видообразовании) по крайней мере одна из ветвей приобретала новые основные устойчивые свойства, которые дают возможность определить одну монофилогенетическую группу. Например, «гоминидовая» ветвь дихотомии между панидовыми (крупными африканскими обезьянами) и гоминидами характеризуется прямохождением, редукцией комплекса клык/РЗ, некоторым увеличением объема головного мозга и т.д. Внутри этой группы комплекс австралопитеков грацильной и массивной форм и *Homo* только в строении черепа и строении зубов имеет более 50 основных устойчивых свойств, более развитых, чем у *Australopithecus afarensis*! Можно было бы допустить, что некоторые свойства возникли у *Australopithecus* и *Homo* путем параллельной эволюции, но, конечно, не в столь большом числе, как 50, и нет сомнений, что весь комплекс этих свойств составляет единую природную группу, к которой *Australopithecus afarensis* не принадлежит. Так как у этого вида есть несколько основных устойчивых свойств, то вывод, согласно которому *Australopithecus afarensis*, с одной стороны, и прочие гоминиды, с другой стороны, образуют два ответвления одной дихотомии (т.е. считают, что это две родственные группы), является неизбежным. Эта гипотеза была выдвинута И. Коппаном в 1980 г. привела к тому, что он объеди-

нил *Australopithecus afarensis* с тем видом, который он назвал доавстралопитеки.

Если теперь мы обратимся к группе из собственно австралопитека и *Homo*, то признаем наличие именно в жевательной системе австралопитеков ярко выраженных развитых черт адаптации. Однако здесь трудно быть уверенным в том, что тенденция кувеличению количества жевательных зубов за счет резцов и клыков не характеризует с самого начала всю эту группу, включая предков *Homo*. Иначе говоря, неизвестно, образуют ли собственно австралопитеки и *Homo* две группы, разделенные с самого начала, или *Homo* происходит от одного еще не оформившегося вида грациального австралопитека. Похоже, что костные остатки говорят против первой гипотезы, поскольку при сегодняшнем уровне наших знаний появление австралопитека предшествует появлению *Homo* (тогда как, вероятно, обе родственные группы должны были появиться в одно время). Недавняя находка черепа *Australopithecus boisei* возраста 2,5 млн. лет заставляет отодвинуть дальше во времени разветвление двух типов австралопитеков (массивного и грациального) и отодвинуть еще дальше (по меньшей мере, до 3 млн. лет) предыдущую дихотомию, которая могла отделить либо австралопитеков от *Homo*, либо массивных австралопитеков (которых называли *Paranthropus*) от группы австралопитеков грациальный и *Homo* (в этом случае мы должны допустить, что черты австралопитека подверглись изменениям в *Homo*). По этому вопросу согласие еще не достигнуто, однако находка черепа KNM-WT 17000 в любом случае дает нам возможность ограничить изготовление и применение орудий немассивным типом, не прибегая к предположению о потере этой способности у *Australopithecus boisei*.

ЧЕЛОВЕК УМЕЛЫЙ (HOMO HABILIS)

Начиная с 1960 г. (лишь год спустя после удивительного открытия зинджантропа) Луис Лики нашел в Олдувае остатки нескольких черепов, челюсти и почти целую ногу, принадлежавшую гоминиду, отличному от австралопитеков, которому он со своими коллегами П. Тобиасом (*P. Tobias*) и Ж. Напье (*J. Napier*) в 1964 г. дали имя *Homo habilis* (человек умелый). Нет необходимости уточнять, что если объявление о возрасте зинджантропа вызвало некоторый скептицизм, то сообщение о существовании в ту же эпоху настоящего человека вызвало ожесточенные споры, которые длились около 20 лет. И только за несколько последних лет человек умелый был признан всем научным сообществом после ряда находок на востоке и юге Африки.

Сначала в Олдувае был найден череп ОН 24 в хорошем состоянии, также датированный возрастом около 2 млн. лет. Затем в Эфиопии в долине р. Омо и в Мелка-Кунтуре были найдены несколько фрагментов, которые могли соответствовать немного более раннему человеку умелому. Но самые выдающиеся находки были сделаны в Восточной Африке у восточного берега оз. Туркана, которое «дало» нам, как мы это уже видели, австралопитеков, и которое «даст» нам, как мы это увидим, человека прямоходящего. Самым знаменитым образцом является череп, прозаически названный KNM-ER 1470. Он почти целый, хотя и без зубов и реконструирован из многочисленных фрагментов. Сначала его возраст определили в 2,6 млн. лет, поскольку его нашли на уровне, расположенном под слоем туфа, датировка которого была произведена радиометрическими методами (калий/аргон). Однако палеонтологи считали, что находке меньше лет, основываясь при этом на степени развития фауны млекопитающих по сравнению с таким же показателем, полученным в отложениях, расположенных по соседству с долиной реки Омо. Были проведены новые абсолютные датировки, и делалось это до

тех пор, пока они не были признаны палеонтологами: принятый сегодня возраст черепа 1470 немногим менее 2 млн. лет. Другой череп с восточного побережья оз. Туркана, KNM-ER 1813, был найден над слоем туфа KBS, следовательно, он немного моложе. Человек умелый также существовал в Южной Африке в эту эпоху: череп STW 53 из месторождения в Стеркфонтейне очень похож на череп ОН 24 из долины Олдувай.

Каковы же основные устойчивые свойства, которые позволяют узнать в этом человеке умелом настолько близкий нам тип, что его можно включить в наш вид? Прежде всего, объем его мозга больше, чем у австралопитеков, даже у самых крупных из них: у черепа KNM-ER 1470 его объем достигает примерно 775 куб. см, т.е. немного больше половины объема мозга у нашего вида. Однако этот объем приходится на вес тела, не превышающий 40 кг. По сравнению с австралопитеками более расширен лицевой отдел черепной коробки, лоб более поднят. Но жевательная система менее развита; больше не существует стреловидного гребешка, скуловые дуги расходятся меньше, скулы менее выдвинуты вперед, нижняя челюсть менее массивная; менее выражена диспропорция между перемалывающими зубами (передние и задние коренные зубы) и передними зубами. Человек умелый не довольствовался исключительно растительной пищей и должен был иногда украшать свой рацион животной добычей или падалью.

Однако следует признать, что если в Восточной Африке легко выявить вид человек умелый, так как самым распространенным гоминидом был очень характерный *Australopithecus boisei*, то в Южной Африке его отличие от *Australopithecus africanus*, от которого он, возможно, произошел, значительно тоньше. Человек умелый имеет близкие к нему пропорции черепа, такие же надбровные дуги, лицо с выступающими челюстями, череп более широкий у основания, чем в пристеночной части. Возможно, что оба типа должны были походить друг на друга внешним видом.

Их основное различие носит культурный характер: с человеком умелым человечество достигло новой ступени развития, которая определила всю последующую историю. Свидетельства об этой культурной революции мы получаем в основном из Восточной Африки. Орудия из осколков, рубящие инструменты (рубила) являются теми предметами, которые чаще всего сохранялись, но не оставляют никакого сомнения тот факт, что кость и дерево выполняли важную, если не основную, роль. Их сохранение, увы, более проблематично, и в их случае труднее, чем в случае с камнем, утверждать, была ли налажена их обработка или же производилась осознанная обработка.

Однако каменные, костяные или деревянные орудия являются лишь частью культуры первых людей, даже если она была самой осязаемой и проще всего измеряемой частью. Многочисленные восточноафриканские поселения Эфиопии, Кении и Танзании явили нам волнующую и поучительную картину повседневной жизни их обитателей, даже если в ней не хватает четкости. Самыми известными являются поселения DK I в долине Олдувай и Гомборе I в Мелка-Кунтуре. Это жилые зоны, расположенные вдоль берега реки, где представители человека умелого жили постоянно. Круг, выложенный из больших камней в Олдувае, приподнятая площадка в Мелка-Кунтуре наводят на мысль о начале обустройства территории; это были начальные шаги перед сооружением ограждения вокруг жилища, которое мы встретим у человека прямоходящего. Почва в этих местах усыпана крупными осколками, брошенными орудиями, разбитыми костями. Видимо, на эти стоянки приносилась лишь некоторая часть трофеев, добытых на охоте, или часть падали, отобранной у грифов. Крупные животные разделявались на том месте, где их забивали (такие места-скотобойни также известны);

гиппопотамы, антилопы, зебры, жирафы составляли обычную добычу. Можно только переоценивать долю животной пищи в рационе человека, так как остатки растительной пищи сохранялись значительно хуже.

Интенсивная семейная и общественная жизнь и сложные взаимоотношения внутри группы привели к мысли о том, что использовался более разработанный язык, чем язык обезьян, даже если он был далек от уровня сложности нашего языка. Анатомическое изучение производства звуков и их контроля головным мозгом может дать ответ на вопрос, владел ли человек *умелый* членораздельной речью.

С внутренней стороны черепной коробки на кости видны следы головного мозга в форме следов кровеносных сосудов и выпуклостей (сглаженных присутствием мозговой оболочки), соответствующих мозговым извилинам. В определенной мере можно даже определить по внутрочерепной морфологии уровень развития различных долей мозга, зная, что у современного человека они соответствуют определенным функциям. В прошлом веке в третьей лобной восходящей извилине мозга французский анатом и антрополог Поль Брока выделил двигательный центр речи, называемый с тех пор центром Брока, повреждение которого вызывало афазию (расстройство речи), отсюда ученый сделал вывод, что этот центр играет главенствующую роль в членораздельной речи. Центр Брока был найден на внутрочерепном муляже черепа KNM-ER 1470; было предположение, что человек *умелый* обладал интеллектуальной способностью к определенной форме сложной речи.

Производство фонем и их быстрое соединение для образования слов подразумевает наличие возможности модулировать и координировать – благодаря мягкому нёбу, языку, губам – производимые звуки посредством голосовых связок. У современного человека нёбо глубокое, язык подвижный, гортань низкая; все это предоставляет достаточное пространство для свободных и сложных движений в полости рта. У обезьян нёбо неглубокое, язык менее подвижный, так как подбородок выдвинут вперед, гортань высокая, а некоторые наросты в основании черепа вследствие этого расположены в различном направлении. Эти костные признаки присутствуют у человека *умелого* и, по-видимому, указывают на то, что у него, как и у обезьян, была недостаточно большая полость рта, чтобы произносить членораздельные звуки.

На вопрос о разговорной речи анатомия дает двусмысленный ответ. Похоже, что мозг опережал в своем развитии орган, которым он управлял, при условии, конечно, что функция центра Брока в это время была такая же, как и сегодня.

ЧЕЛОВЕК ПРЯМОХОДЯЩИЙ (*HOMO ERECTUS*)

Если хронологически человек *прямоходящий* следует за человеком *умелым*, то исторически он значительно более древний, поскольку открыт в конце XIX в. Было найдено уже несколько неандертальцев, но это прошло незаметно или, хуже того, их приняли за идиотов... или за казаков! Мир натуралистов увлеченно спорил о теории эволюции, и поиски «недостающего звена» стояли на повестке дня. Проникшийся этими современными эволюционными теориями, нидерландский антрополог Эжен Дюбуа в 1890 г. отправился в Ост-Индию (название территории Индии и некоторых других стран Южной и Юго-Восточной Азии. – *Прим. ред.*) с твердым намерением найти там человека-обезьяну, предсказанную теорией. На Суматре он услышал о находках, сделанных на соседнем о. Ява, отправился туда и на берегу р. Соло нашел челюсть и верхнюю часть черепа с развитыми надбровными дугами, низким и покатым лбом и массив-

ной затылочной костью (илл. 3). Немного спустя почти в том же месте он отрыл бедро в отличном состоянии (несмотря на сильный экзостоз – разрастания на поверхности кости, вызванные разрывом мышц). *Pithecanthropus erectus*, «человеко-обезьяна прямоходящий», появился в 1891 г. и тотчас же вызвал ожесточенную критику. Большинство «ученых» того времени видели в нем лишь разновидность гигантского гиббона, который тем более не заслуживал их интереса, что происходил из экзотической страны. Действительно, в это время и до открытия австралопитека Тонга в 1924 г. все известные костные остатки человека были найдены в Западной Европе: в Неандертале, пещере Кро-Маньон или Пильгдауне. Этот последний человек, «открытый» в 1912 г. и признанный фальшивым в 1953 г., показывает то, что ожидали антропологи в начале века: появление особей с человеческим мозгом, но с зубами обезьян. Автор подделки (неизвестный до сих пор) действительно подложил к осадочным породам и к настоящим ископаемым фрагмент раннего *Homo sapiens* и челюсть шимпанзе со спиленными зубами. В этих условиях открытие Дюбуа, давшее противоположное сочетание основных устойчивых свойств, естественно, воспринималось с трудом. Поиски на Яве были возобновлены только в 1930 г. под руководством палеоантрополога Г.Х.Р. фон Кёнигсвальда, затем их проводили индонезийские геологи. На сегодняшний день на этом острове найдено множество костных остатков человека. Хотя в разговорной речи они по-прежнему называются питекантропами, но в научных кругах название *Pithecanthropus* более не применяется, так как отличия от *Homo* имеют не общий, а лишь специфический характер. На Яве было сделано описание нескольких видов человека; раньше им присваивали различную хронологическую протяженность, поскольку полагали, что самые древние из них (ребенок-питекантроп из селения Моджокерто в восточной части Явы) имели возраст около 1,9 млн. лет и, следовательно, были современниками человека *умелого*. Однако недавно абсолютные датировки и датировки, основанные на развитии фауны, вновь стали предметом обсуждения. По-видимому, что все эти находки имели возраст максимум от 700 тыс. до 800 тыс. лет: совместное существование нескольких типов человека кажется маловероятным, и речь идет только об одном виде с большими модификациями. Животное окружение питекантропов Явы отличалось от их окружения на континенте. Представители животного мира, как и человек, мог ли пешком посуху добраться до Явы благодаря понижению уровня моря, вызванного оледенением. Это понижение, как полагают, на 50–100 м, близко соответствует глубине проливов, отделяющих Яву от континента. Фауна напоминает о теплом, влажном климате с преобладанием тропических лесов. И не стоит удивляться тому, что каменные орудия были необработанными по сравнению с теми, что мы видели в Европе и в Африке. Дерево, лианы, древесные волокна, бамбук были основным материалом для изготовления укрытий, ловушек, оружия, орудий и т.д., но от этих изделий, конечно, ничего не сохранилось.

В Китае первые зубы человека *прямоходящего*, известного под именем синантропа, можно было купить, как и зубы гигантопитека, как и «зубы дракона», у аптекарей Гонконга. Начиная с 1921 г. организовывались регулярные раскопки в пещере Чжоукоудянь под Пекином, где были найдены эти зубы. Первый зуб был найден в 1927 г., потом были найдены мозговые отделы черепа, несколько фрагментов лицевого отдела черепа, зубов и задних костей черепа. Все эти находки были основательно изучены, зарисованы и отлиты в формы австрийским антропологом Ф. Вайденаурихом (*F. Weidenreich*), однако все они исчезли в 1941 г. во время второй мировой войны.

Ф. Вайденайх и Г.Х.Р. фон Кёнигсвальд быстро поняли, что очень много общего объединяет ископаемые остатки с Явы и из Китая, несмотря на большую разницу в возрасте (поселению Чжоукоудянь, которое трудно датировать, возможно, около 500 тыс. лет). Эта географическая протяженность одной ступени эволюции человека, которого называют *архантропом*, вскоре была подтверждена другими находками в Южной Африке (это был *телантроп* из Сварткранса), в Алжире (*атлантроп* из Тернифина, найденный Арамбуром и Хоффштеттером в 1954–1956 гг.) и в Европе, где *человек прямоходящий* не был очень типичным.

Некоторое время спустя период существования *человека прямоходящего* начало отодвигаться в глубь веков. Другие ископаемые остатки из Китая (из Янму, Ланьяня) оказались более древними, чем ископаемые остатки из пещеры Чжоукоудянь, однако все рекорды в этой области чаще всего побивались в Восточной Африке. В 1969 г. Л. Лики нашел в долине Олдувай мозговой отдел черепа *человека прямоходящего*, названный ОН 9, в слое более раннем, чем те, в которых были найдены *человек умелый* и *зинджантроп*, однако возраст этих слоев превышал 1 млн. лет. В 1975 г. почти целый череп, KNM-ER 3733, был извлечен из слоя туфа возраста 1,5 млн. лет (в Окоте, Кооби Форэ): несомненно, он более развит, если судить по объему мозга, чем у *человека умелого* (в той же серии отложений). Однако эта преемственность в то же время показывает, что родство этих двух видов совершенно не вызывает сомнения и что их размежевание носит несколько произвольный характер. Наконец, совсем недавно в сериях отложений к западу от оз. Туркана был найден скелет подростка KNM-WT 15000, возраст которого тоже превышал 1,5 млн. лет. В промежутке в других поселениях на востоке и севере Африки были найдены новые более ранние образцы *человека прямоходящего*. В качестве примера можно привести Бодо и Мелка-Кунтуре в Эфиопии и другие поселения на побережье Марокко, главное из которых находится в Сале (рядом с Работом).

В Европе возраст самых древних остатков человека (нижние челюсти Мауэра в Германии, Монморэна во Франции) не превышает 500 тыс. лет, однако на местонахождении Шилак в Центральном массиве К. Пот (*C. Guth*) нашел обработанную гальку, свидетельствующую о присутствии человека во Франции как минимум 1,5 млн. лет тому назад. Следовательно, *человек прямоходящий* является первым представителем линии человека, который покинул африканский континент, бывшей ареной всей истории его развития за 30 млн. лет.

Анатомические особенности архантропа по большей части унаследованы у *человека умелого*. Лицевая часть еще очень объемная, без подбородка, но с более явно выступающим носом; массивная надбровная дуга отделяет лицо от покатога лба. Объем мозга меняется и иногда едва превышает объем мозга *человека умелого*, но у отдельных синантропов он достигает 1,1 тыс. куб. см, т.е. он близок к самым малым объемам мозга сегодняшних дней (объем мозга Анатоля Франса не превышал этой цифры). Тем не менее форма черепной коробки еще архаичная, самая широкая часть расположена внизу, за слуховыми отверстиями. И хотя зубы еще крупные, их пропорции такие же, как у нас, а череп KNM-ER 3733 возраста 1,5 млн. лет имеет уже последний задний коренной зуб меньше, чем второй. Уменьшившиеся жевательные мышцы больше не выдвигают скулы вперед, а между ними и носовой полостью образовалась впадина.

Самыми отличительными свойствами черепа *человека прямоходящего* являются его массивность и тенденция к возникновению дополнительных костных структур. У некоторых образцов африканских (черепа из Бодо в Эфиопии и из Брокен-Хилл в Замбии) и индонезийских (пите-

кантроп VIII) черепов лицевая часть объемная и массивная, надбровная дуга очень широкая – больше, чем у любого другого гоминида. Над местом ввода затылочных мышц образовалась теменная дуга, а слуховые отверстия сзади увеличились, что подчеркивало форму черепа в виде «палатки». В то же время стенки черепа стали значительно толще, их толщина превысила 1 см. Нам неизвестно назначение или по крайней мере причина такой тяжести черепа, какого не было даже у самых массивных австралопитеков. Это немного напоминает те эндокринные нарушения, которые мы наблюдаем сегодня, но трудно объясняется патологией основных устойчивых свойств одного вида, распространенного по всему Старому Свету в течение более 1 млн. лет.

Эта массивность видна и в остальном скелете, с морфологической точки зрения мало отличающемся от нашего, что, впрочем, показывает неуверенность в действительной подлинности бедра, найденного Дюбуа: если природа мозгового отдела черепа питекантропа не вызывает сомнения, то некоторые исследователи полагают, что бедро принадлежит *человеку умелому*. Долгое время полагали, что *человек прямоходящий* был небольшого роста, но скелет KNM-WT 15000 после его реконструкции представил индивидуума ростом 1,68 м, рост которого не прекращался!

Обычно считается, что культура эпохи *человека прямоходящего* соответствует ашельской культуре; эта тождественность является почти справедливой, даже если некоторым она кажется слишком упрощенной. В частности, кажется, что первый *человек прямоходящий* еще принадлежал к олдувайской цивилизации: переход к ашельской культуре (илл. 4), отмеченной разнообразием орудий, изменением образа жизни, структурированием жилья, возможно, применением огня, кажется, происходил после образования видов *человек умелый* – *человек прямоходящий*. Представители ашельской культуры еще широко применяли оббитую гальку олдувайского типа (илл. 4), однако характеризуется появлением нового, двусторонне оббитого орудия, которое просуществовало до очень недавнего времени. Это крупное орудие (в среднем порядка 20 см), изготавливаемое из гальки, кремня или из осколков, имеет плоскую, а чаще всего овальную, яйцевидную или миндалевидную форму. Двусторонние орудия были чрезвычайно распространены в Африке, но меньше распространены в Восточной Азии, куда, как очень долго полагали, они вообще не проникали. Топорик представляет собой вариант двустороннего орудия, но с прямой режущей кромкой; за пределами Африки он встречается редко. Другим замечательным орудием была бола, изготавливаемая путем оббивки многогранного шара. Прекрасно выполненная бола, как те, которые Ж. Шавайон откопал в Мелка-Кунтуре, имела сферическую форму, и только лишь с помощью штангенциркуля можно обнаружить разницу между двумя диаметрами, равную 1 или 2 мм! Однако природа орудий, найденных в каком-либо доисторическом местонахождении зависит не только от культурных традиций того, кто их обработал, но также в большой степени от их применения, а также от используемых для их изготовления материалов. Характеристики этих материалов (например, обсидиана, базальта, кремня, кварцита, известняка) оказывают большое воздействие на полученный результат. Понятие «ашельская культура» объединяет различные виды производства, среди которых трудно установить классификацию и между которыми трудно установить связь.

У представителей этой культуры появляются первые признаки сооружения убежищ, наружных укрытий от хищников или непогоды. В то же время жилище просторнее начинает подразделяться на четкие зоны, в которых без труда можно узнать гранильную мастерскую или

иногда очаг. Освоение огня означает начало ашельского периода; это было выявлено на поселении Эскаль во Франции, возраст которого составлял примерно 1 млн. лет, и, возможно, на поселении Чесования в Кении, датированном 1,4 млн. лет. Возможно, было бы ошибкой полагать, что огонь произвел революцию в повседневной жизни первых представителей *человека прямоходящего* в Африке, которые не выплавляли металлов, не обжигали керамику, не обжаривали пищу, по крайней мере систематически, не нуждались в обогреве. И только лишь в более поздней части ашельского периода применение огня распространилось настолько, что можно было предположить его главенствующую роль, безусловно связанную с суровым климатом, который в то время установился в Евразии.

Если переход от *человека умелого* к *человеку прямоходящему* не вызывает вопросов у палеоантропологов, то эволюция *человека прямоходящего* и переход к *человеку умелому* является предметом современных серьезных разногласий.

Как мы увидим, трудно провести границу между *человеком прямоходящим* и *человеком умелым*, и тогда возникает вопрос, является ли последовательной эволюция от первого *человека умелого* до нас самих при наличии произвольных границ между видами, или, напротив, каждый переход действительно соответствует быстрой эволюции. Сам *человек прямоходящий* оставался без изменений в течение 1 млн. лет. Каждая гипотеза соответствует одной из конкурирующих теорий о темпах эволюции: теории филогенетической градации (позапанной эволюции) и теории пунктирного баланса (быстрой эволюции, за которой следовали периоды застоя). Для того чтобы принять решение о том, какую модель применить, необходимо располагать количественными данными об одном основном устойчивом свойстве, а показатель объема черепа и есть такое свойство. Объем мозга со временем изменялся внутри вида *человек прямоходящий*, что должно было подтвердить идею о поэтапной эволюции, однако количество погрешностей измеримой величины и геологический возраст окаменелостей таковы, что легче доказать обратное (слабую эволюцию или ее отсутствие в период 1,5–0,5 млн. лет назад). Во всяком случае ясно, что эволюция одного основного устойчивого свойства не говорит об эволюции всего организма. Действительности не представляется возможным рассматривать *человека прямоходящего* в качестве однородной единицы (панмиксия) в определенный период, однако уже давно была обнаружена более или менее продолжительная, более или менее персонифицированная региональная преемственность этого вида.

Первой и, без сомнения, наиболее точно установленной региональной ветвью, ведущей от *человека прямоходящего* к *человеку умелому*, была европейская ветвь. Однако известно, что она не дошла до нас, так как закончилась в эволюционном тупике человека из долины Неандерталя, исчезнувшем приблизительно 30 тыс. лет тому назад. Еще несколько лет назад предполагали, что рядом с этими пренеандертальцами существовали представители другой ветви, которая принадлежала нашим предкам. Но, как показал Ж.-Ж. Юблен (*J.-J. Hublin*), существование этой «ветви» основывалось только на очень фрагментарных костных остатках (как на хорошо известной мозговой части черепа из Фонтешевада) или на более сохранившихся образцах, таких как череп Штайнхайма или затылочная часть черепа из Сванскомба, у которых так называемые основные устойчивые свойства *sapiens* были лишь первобытными свойствами, еще не ставшими «неандертальскими» свойствами. Основными сохранившимися фрагментами этих первых европейцев являются: нижняя челюсть из Мауэра под Гейдельбергом, найденная в 1907 г. в карьере с гравием (это самый древний

европеец); нижняя челюсть из Монморэна в Верхней Гаронне (самая древняя находка во Франции); человек из Тотавеля в Восточных Пиренеях (Франция), представленный черепом, несколькими нижними челюстями и некоторыми костями скелета; человек из пещеры Петралона в Греции, найденный спелеологами, который лежал на сталагмитовом возвышении; остатки из Сванскомба в Великобритании и Штайнхайма в Германии, о которых уже упоминалось; остатки из Биаша в Па-Де-Кале, Франция, недавно найденные в ходе работ по расширению металлургического завода, а также другие многочисленные фрагменты теменных и лобных костей и нижние челюсти. Все эти образцы в разной степени обладают чертами неандертальцев, но трудности в датировке всех этих местонахождений препятствуют детальному анализу условий эволюции этой ветви.

На Яве в уровнях, содержащих так называемую фауну Нгандонга, более позднюю, чем фауна эпохи питекантропов, были открыты несколько мозговых отделов черепов, сходных с черепом *человека прямоходящего*, который ранее проживал в той же местности. Однако эти черепа имели больший внутрочерепной объем, который приближался к объему черепа современного человека. Эти люди из Нгандонга по своей морфологии являются почти совершенным промежуточным звеном между питекантропами и современными людьми этой части света: человеком из Виджака на Яве и из Коу-Свампа в Австралии, древность которых около 20 тыс. лет. Несмотря на относительно небольшую древность, эти люди действительно сохранили остатки надглазного валика, покатый лоб, массивные кости. Такие же черты встречаются у современных аборигенов Австралии, а в общих чертах у всех народов Океании.

Подобный же феномен проявился в Китае. От синантропа из Чжоукоудяня до современных «монголоидных» народов Чжоукоудяня, учитывая людей из верхней пещеры, мы обнаруживаем некоторые черты морфологии (резцы в форме «лопаты», выступающие скулы), которые наводят на мысль о филогенетической преемственности в Восточной Азии.

В Восточной и Южной Африке известны поздние представители *человека прямоходящего* (древность которых от 100 до 200 тыс. лет); их эволюция следовала за развитием объема мозгового отдела черепа, стремившегося расширяться в пристеночной части. Отсюда достаточно большой объем внутрочерепного пространства. Напротив, лицевой отдел, когда он известен (Бодо в Эфиопии, Брокен-Хилл в Замбии), своей массивностью и надглазным валиком напоминает черты огромного архантропа. В долине р. Омо, в уровнях сопоставимых веков (следовательно, в значительно более поздних уровнях, чем те, в которых были найдены австралопитеки) были найдены мозговые отделы черепов, из которых один гораздо более «*sapiens*», чем другие. В этом нет ничего удивительного, поскольку речь идет о популяции, находящейся в полном разгаре эволюции, когда не все индивидуальные одновременно приобретают развитые черты. Однако в этой части Африки еще не были выявлены устойчивые морфологические черты, показывающие преемственность эволюции в регионе.

В Северо-Западной Африке часто выдвигалась идея локальной эволюции эндемической ветви от атлантропов из Тернифина до современных людей иберо-мавританского региона, которая проходила через многочисленные остатки на марокканском побережье (Сале, карьер Тома, Сиди Абдеррхаман и Рабат). Возможно, эту идею не следует отвергать. Она основывается на большом размере человеческих зубов в этом регионе, но также на признаках, по правде говоря, малоубедительных – некоторой биогеографической изоляции этого региона в эпоху среднего плейстоцена.

Как человек прямоходящий превратился в человека умелого? Можно ли предположить, что в трех или четырех регионах Старого Света существовали группы (подвиды?) человека прямоходящего, которые эволюционировали к ступени *sapiens* путем увеличения объема мозга и «миниатюризации» черепа?

Иначе говоря, берут ли большие группы людей, которые можно выявить по некоторым биологическим критериям (это австралоидная, монголоидная, негроидная и кавказоидная расы), свои корни от человека прямоходящего или же, наоборот, если эти группы являются биологической реальностью, не идет ли речь лишь об их более поздней разновидности на базе человека умелого с ярко выраженными устойчивыми свойствами?

Истина, вероятно, находится посередине. Однородность современного человечества совершенно не сочетается с теорией полицентрической эволюции, однако признаки локальной эволюции слишком многочисленны, чтобы их игнорировать. Возможно, что потоки ген между популяциями не полностью прерваны, поскольку роль генома региональных групп должна изменяться в зависимости от интенсивности обменов между соседними группами.

БИБЛИОГРАФИЯ

См. библиографию к гл. 1.

АФРИКА

в период раннего палеолита и первых поселений

Жан Шавайон

Изобретение первых орудий является вехой в физической эволюции и психологическом развитии гоминидов. Техника изготовления и назначение изготовленных предметов тесно связаны с деятельностью, развернутой в палеолитических лагерях, а также с первыми социальными и культурными проявлениями. Самые древние фрагменты скелетов, связываемых с видом *Homo*, имеют возраст более 3 млн. лет, даже если их открытие пока не связано с обработанными орудиями. Самые древние свидетельства того, что мы располагаем обработанными орудиями, были найдены в Эфиопии: в Хадаре¹, в долине р. Авап, а также в Шунгуре, в нижнем течении р. Омо². Можно полагать, ничего при этом не утверждая, что разумное и даже всеобщее применение каменных и костяных орудий появляется только на определенной стадии физического, социального и психологического развития гоминидов, будь то представители видов *Homo* или австралопитеки.

Палеонтология – это отрасль науки, которая помогает нам понять историю человека как физического существа: в соответствии с анатомическими свойствами остатков костей, зубов палеонтолог с большей или меньшей степенью точности может определить хронологическое место гоминида, фрагменты скелета которого он изучил. А специалист по доисторическому периоду вносит другое измерение в общие исследования: поиски, открытие, затем изучение поселений нижнего палеолита с их каменными орудиями, остатков фауны, а часто и обустройства внутренних помещений дают нам возможность представить общественную жизнь этих первых существ, с которыми мы связаны длинной цепью технологического и культурного прогресса.

Каменные орудия являются неоспоримыми свидетельствами присутствия человеческих существ, столь же убедительными, как и фрагмент черепа гоминида. Как правило, они сохраняются в хорошем состоянии, в лучшем, чем остатки скелета человека, чем кости и зубы животных, чем благоустройство территории поселения, которое могло быть безвозвратно потеряно из-за подъема уровня воды, вызванного разливом реки. Каменные орудия могут находиться не на месте их изготовления, но если они не разбиты и не испорчены, то могут сохранять большой интерес к себе благодаря знакам, оставленным на них при изготовлении и многочисленных использованиях. Орудия также являются недвусмысленным свидетельством присутствия человека, по крайней мере, когда речь идет об обработанных орудиях из кости или камня, так как никакое другое животное, включая обезьян, не способно изготовить режущий инструмент или обтесать двустороннее орудие и, особенно, передать технологические этапы его изготовления своим потомкам.

ПЕРВЫЕ ОРУДИЯ

Что означает слово «орудие»? – «Изготовленный человеком предмет, которым пользуются для ручного труда». Археологи и специалисты по доисторическому периоду могут лишь согласиться с этим лексикографическим определением. Однако следует подчеркнуть слова «изготовленный человеком», которые делают четкое различие между необработанным орудием, таким как галька на берегу, кусок древесины, которые могут использовать и человек, и обезьяна, от обработанного орудия, сделанного с конкретной целью, с помощью которого можно скрести, резать или разбивать. Прилагательное «изготовленный» придает орудию социальную значимость и все более требовательную и захватывающую роль в жизни человека – до такой степени, что сейчас можно задать вопрос, а не меняются ли местами роли, способны ли мы еще управлять орудиями, и будет ли так всегда?

Однако с начала палеолита некоторые природные, необработанные предметы, которые находят на местах проживания вместе с костными остатками и действительно изготовленными орудиями, применялись в их исходном виде. Эти предметы получили названия орудий или оружия в зависимости от целей их применения. Социальный контекст связан с техническим действием.

Индивидуализм был правилом у шимпанзе, несмотря на присутствие некоторых элементов общинной жизни. Каждый вечер шимпанзе занимает разное укрытие на ночь, спорит из-за него с другими; работа, которую он выполняет, состоит в колке орехов – операции личной, выполняемой скорее самками, которые в большей степени питаются орехами, тогда как самцы живут за счет добытой пищи. Интересна технология колки орехов: например, в Габоне³ шимпанзе собирает дожину орехов *Cola edulis*, кладет их на пень или каменную глыбу, служащую навальной, расположенной на земле. Обезьяна помещает орех в похожее на чашечку углубление, образовавшееся во время предыдущих операций. Находящийся в чашечке орех разбивается дробильным орудием, играющим роль деревянного или каменного молотка.

Первые изготовленные орудия были связаны с местом проживания: временное жилище на р. Омо, базовые лагеря групп в долине Олдувай¹ в Танзании и в Мелка-Кунгуре² в Эфиопии. Обработанные каменные орудия чаще всего ассоциируются со структурой жилищ и указывают на совместную деятельность. В этих базовых лагерях, древность которых 1,8–1,6 млн. лет, были найдены различные орудия: рубила (раннепалеолитическое каменное орудие

миндалевидной формы. – Прим. ред.) и режущие инструменты из гальки, обработанной так, чтобы получилась режущая кромка. Иногда эти предметы имеют двойное назначение: ядрища (нуклеусы) или каменные глыбы поставляют сколы, однако после этой операции они сами становятся режущими орудиями. Находят также предметы, которыми скребли корни, шкуры или дробили кости или зерна. Существуют необработанные сколы, которые служили хорошими ножами для перерезывания сухожилий, резки мяса. Наконец, найдено множество природных валунов, на которых видны следы ударов: это своего рода наковальни, некоторые из них сохранили следы выемок. В этих поселениях находят орудия, которые напоминают те, которыми пользуются современные шимпанзе. Возможно, что применение олдувайских валунов с выемками было таким же, как и у шимпанзе, поскольку сбор плодов был одним из важнейших видов деятельности. Речь идет, вероятно, о дробильном орудии, которое было удобно держать в руке и которое часто использовалось как одностороннее.

Однако наиболее важным представляется то, что между *Kenyanthropus*, найденным Луисом Лики в Форт-Тернане (*Andrews & Walker*, 1976) в Кении, каменные орудия которого похожи на те, которые находят в природных укрытиях современных шимпанзе, и настоящим временем, существует разрыв в 14 млн. лет!

Сегодняшний шимпанзе использует валуны, впадины или выбоины в которых служили для того, чтобы поместить орех, который он хотел разбить с помощью другого камня. Говоря техническим языком, это животное применяет самые эффективные движения и самое эффективное орудие; однако люди олдувайской культуры из Гомборе I (1,7 млн. лет тому назад)⁶ и люди из долины р. Омо 123 из Шунгуры (2 млн. лет тому назад) уже тогда продельвали ту же операцию: те же движения, те же орудия. Но если камень с впадиной в форме чаши периода олдувайской культуры предназначался для той же цели, технически это было самым простым и банальным орудием по сравнению со скребками, ручными рубилами или топорами и орудиями из сколов, применяемыми этими людьми. Таким образом, одно и то же орудие, одно и то же движение не занимают одинаковое место в технологической иерархии современной обезьяны и гоминида, жившего 2 млн. лет тому назад: для обезьяны это самое сложное действие, а для гоминида, напротив, оно самое простое.

С самых отдаленных времен, идет ли речь о Хадаре (2,6 млн. лет тому назад) или же о долине Омо-Шунгура (2,3–2 млн. лет тому назад)⁷, уже изготавливались обработанные орудия, о чем свидетельствуют сколы, отходы, полученные при обтесывании рубил или топоров или же служащие в качестве ножей. Это наводит нас на мысль, что уже 2,6 млн. лет назад технологии были относительно развиты. Можно предположить, что эти предметы не являлись первыми сделанными орудиями. Однако, возможно, что теория, согласно которой рубило, полученное путем одного скальвания, было самым древним орудием, которое со временем стало более сложным с технической точки зрения благодаря поочередному двустороннему обтесыванию, не соответствует действительности!

Итак, связь между технически усовершенствованными орудиями и явно необработанными предметами, найденными в таких поселениях, как Олдувай (пласт I) и Мелка-Кунтуре (Гомборе IB), показывает, как трудно установить технологическую иерархию. Отдельные двусторонние орудия, или же скорее предметы, которые на них похожи и которые называются «прототипами двусторонних орудий», появились в отдаленные времена. Конечно, некоторые предметы относятся к определенным эпохам и культурам, например, рубила и режу-

щие инструменты представляют олдувайскую культуру⁸, двусторонние каменные ручные рубила – ашельскую культуру, орудия из сколов – мезолит (средний каменный век)⁹, изготовление миниатюрных изделий, включающих геометрические микролиты, – неолит (каменный век)¹⁰.

Увеличение типов орудий породило расширение операций, необходимых для их изготовления и их применения. Мозг все лучше командовал послушной рукой, которая выполняла все более точные движения, часто связанные с усложняющимися технологическими последовательностями. Рука является посредником между мозгом и предметом, которым становится либо обработанное орудие, либо камень, ветка или добыча. Рука заменяет зубы животного-хищника. Несмотря на неоспоримую ловкость движений, которой обладает шимпанзе, пытающаяся поймать термитов с помощью соломинки, команды, отдаваемые мозгом, и растущая сложность его строения в эпоху палеолита являются двигателем «технологического прогресса человека». Эта эволюция стала возможной благодаря прямохождению, освободившему передние конечности. Возможность взять предмет, перенести его на большое расстояние, его применение в зависимости от формы и существующих потребностей были главным завоеванием. Очень скоро человеку пришлось пользоваться двумя руками одновременно: шла ли речь о таком симметричном движении, как перенос тяжелого камня, добычи, или о дополнительных движениях, например, об изготовлении орудия, для чего приходилось одной рукой держать исходное сырье, а другой – ударять галькой-молотом, которую называли дробильным орудием. Для того чтобы применить уже готовое орудие, необходимо было одной рукой держать ветку или кость, которую хотели разбить, шкуру, которую хотели скоблить, а другой – держать резак или орудие, которое называется скребком. Возникла координация движений не синхронных, а дополнительных.

Техническое оборудование состоит из материалов, которые человек принес, использовал или обработал. В этой связи необходимо рассматривать простую гальку или валуны, которые часто находят на местах поселений эпохи нижнего палеолита в Африке, даже если на них отсутствуют какие-либо следы ударов или обработки. Из-за того, что эти камни, которые человек перенес либо для сооружения укрытий, либо в качестве сырья для изготовления орудий или ручных рубил, были перемещены сознательно, они в некоторой степени стали археологическими объектами. Среди прочих такие случаи наблюдаются на местонахождениях в долине Олдувай, в Мелка-Кунтуре, в отложениях Карари¹¹.

Применялись, хотя и без обработки, рубила. Это были каменные булыжники или галька со следами ударов, если речь шла о ручных рубилах, большие глыбы или наковальни, лежащие на земле, или же камни с более или менее глубокими и широкими углублениями в форме чаши, образовавшимися в результате постоянного использования лишь одной стороны камня, служащего молотком и средством для удержания ореха, который нужно было расколоть.

Эту категорию можно также добавить многочисленную гальку, по большей части разбитую во время ее использования в качестве молота. Она часто разбивалась от ударов, поскольку с петрографической точки зрения была низкого качества. Некоторая галька, поверхности которой были более или менее ровными и параллельными, могла служить опорой для поддержки разбиваемого объекта. Часто вследствие отдачи при нанесении удара во время операции разбивалась галька-опора. Все эти разбитые камни находятся в большом количестве и перемешаны с орудиями в поселениях доашельского периода (от 2 до 1,4 млн. лет тому назад).

Раскалывание – это действие по отделению одного или нескольких фрагментов или сколов от одного каменного желвака, называемого нуклеусом. В период палеолита усовершенствовалась технология, применяемая для получения сколов и пластин. Типы нуклеусов изменялись от самого простого – однополярного нуклеуса, от которого отбивали лишь один скол или два связанных скола до самого сложного – нуклеуса Леваллуа, который после достаточно сложной подготовки предоставлял возможность отбить один скол или одну пластину заданного размера и формы.

Иногда путают первые нуклеусы с орудиями из гальки. Сначала нуклеусы (каменные желваки) использовались в естественном виде или затем превращались в орудия: это относится к некоторым рубилам или резакам, а также к некоторым предметам, имеющим форму многогранника, таким как «граненые шары».

Находят сколы разных размеров. Самые первые сколы, которые отделяли от желвака, сохраняли на себе часть естественной поверхности, которую называют корой – «яблочной кожурой». Они составляют большую часть сколов, найденных в самых древних слоях земли. Однако этот архаизм зачастую исправляется путем их увязывания и с более отделанными предметами. Необходимо также осознавать, что применение одного из этих сколов, не имеющих предварительной обработки и сохраняющих следы коры, может подтвердить гипотезу о существовании технологического и культурного архаизма. Но подобная точка зрения очень часто оказывается ошибочной, поскольку хороший нож ценится по своему лезвию, углу его заточки; подправка, обработка ретушью подчас является всего лишь заточкой, то есть приведением зазубренного орудия в рабочее состояние. Однако ретушь часто является преднамеренным изменением режущей кромки: нож тогда становится скребком или предметом с несколькими насечками или зазубринами. В ашельский период обилие предметов, сделанных из сколов, разнообразие их размеров, типов и их функций распространяется и на такие характерные для этой цивилизации предметы, как двусторонние орудия и топорик. Топорик по-прежнему изготавливался из сколов, а кромка скола была более или менее отделана. Что касается двусторонних орудий, то их часто изготавливали из больших сколов, и это становилось общей тенденцией в заключительный период ашельской культуры, например, в северо-западной Сахаре¹² или на высокогорных плато Восточной Африки.

ОРУДИЯ ОЛДУВАЙСКОГО ИЛИ ДОАШЕЛЬСКОГО ПЕРИОДА

Орудия олдувайского или доашельского периода (илл. 4) обычно очень разнообразны, но самым характерным изделием, бесспорно, является рубило (чоппер), режущая кромка которого получена путем отбивания сколов с одной из поверхностей гальки, имеющей плоскую или овальную форму, т.е. простого булыжника. Режущая кромка может быть на одном из краев, одном из боков или на части окружности гальки. Одним из наиболее часто применяемых методов исследования таких инструментов, является метод, предложенный Х.Л. Мовиусом (*H.L. Movius*), который отдавал приоритет применявшейся технологии независимо от формы режущей кромки. Если предмет изготавливался путем отделения одного, двух или нескольких сколов с одной поверхности гальки, то это – рубило (чоппер); если сколы делались с двух сторон, то это – резак. В своей классификации обработанных галек П. Биберсон (*P. Biberson*, 1967) поддержал такое подразделение, но отдал предпочтение терминам галька с «однонаправленным сколом» (рубило)

или орудия с «двунаправленным сколом». Подход Мэри Лики (1971) и Ж. и Н. Шавайон (1981) более функциональный: они рассматривают такие характеристики, как односторонний или двусторонний предмет, в качестве второстепенных. Приоритет отдается форме режущей кромки и, особенно, ее положению на краю исходной гальки. Исходя из этого, применяется лишь термин «рубил» («чоппер») независимо от того, является ли орудие односторонним или двусторонним. Существуют, например, боковые рубила, которые Ж. Коллина (*Collinat*, 1975) называет «поперечными», остроконечники, чоперы-ножницы, режущая кромка которых пересекает гальку по толщине, рубила с режущей кромкой по окружности. Последние, иногда называемые англоговорящими специалистами по доисторическому периоду «дисковыми», были предшественниками двустороннего орудия. Если учесть величину угла режущей кромки, то у олдувайских инструментов этот угол – от 80 до 100 град., тогда как у ашельских рубил угол обычно равняется 70–80 град. Режущая кромка может быть прямой или изогнутой. Таким же образом предмет в основной проекции может иметь выпуклую, вогнутую, прямую или иную режущую кромку.

Начиная с олдувайского периода рубила, от которых получались сколы, прежде чем стать орудиями, представляли собой нуклеусы. Однако в олдувайский, а еще чаще в ашельский период выбор исходного материала, а также формы и размеров будущего рубила занимал прежде всего человека, который искал камень или гальку. Мысль о том, какой тип орудия человек хотел изготовить, рождалась при рассмотрении гальки или камней, их размеров и граней, которые можно было использовать. Рубило в местах олдувайских поселений было орудием на все случаи жизни: им отрезали, давили, ломали, рыли. Но различие форм режущей кромки и большая изменчивость размеров и массы наводят на мысль, что эти орудия непременно предназначались для разных видов деятельности.

Еще более характерными орудиями, чем рубило, были, возможно, скребки из гальки и строгальный нож. Обилие этих хорошо обработанных орудий находят в олдувайских поселениях и в развитых олдувайских поселениях Мелка-Кунтуре, на других местонахождениях, где они иногда заносятся в категорию многогранников. Эти предметы, часто имеющие большие размеры и массы, характерны плоской или вогнутой поверхностью естественного или искусственного происхождения, на базе которой путем перпендикулярного отделения нескольких небольших связанных между собой или находящихся друг на друга сколов получали чистые и массивные края, угол которых приближается к 90 град. Термины «скребок» и «строгальный нож» несут в себе определенную функцию, которая совершенно не походит на функцию метательных камней, рубил или резаков. Скорее всего, скребки предназначались для очистки веток от коры, очистки корней, а с олдувайского периода, возможно, для скобления шкур. Эти орудия, технически более совершенные, а функционально более специализированные, чем рубила, позволяют нам лучше понять деятельность первых гоминидов. Последствием всеобщего применения в ашельских поселениях скребков, изготовленных из гальки, явилось уменьшение количества тяжелых и громоздких изделий, за исключением некоторых строгальных ножей, которые могли иметь до трех пересекающихся рабочих поверхностей (двойные и тройные ножи).

Если рубила и строгальные ножи являются типичными для этой культуры, то не следует забывать о других предметах, изготовленных из гальки, типа орудий с насечками, с зазубринами, или об орудиях с несильными гранями – многогранниках, которые выглядели как шары или параллелепипеды, или имевших режущую

кромку, более предназначенную для того, чтобы давить, ломать, чем для того, чтобы резать. Нельзя недооценивать орудия, изготовленные из гальки. Действительно, необработанный скол безо всякой предварительной отделки мог, например, служить ножом. В Гомборе I, одлудвайском поселении в Мелка-Кунтуре (1,7 млн. лет), нашли несколько небольших поперечных скребков. Но начиная с позднего периода одлудвайской культуры, на том же местонахождении в Гарба IV (1,4 млн. лет) (илл. 6) встречается множество скребков различного назначения, изготовленных из сколов. Появляются первые настоящие двусторонние орудия, первый топорик, и человечество уже находилось на пороге технологического и культурного преобразования.

В Магрибе также существовало производство орудий из гальки. Это изделия из Сахары, из долины р. Гир и Саура и с гор Угарта, с плато Сале в Марокко, а позднее это были орудия из отложений в местонахождении Сиди-Абдеррахман (*Biberson*, 1961) под Касабланкой или отложений из местонахождения Айн-Ханеш (*Arambourg*, 1949; *Sabouni*, 1985) в Алжире.

Галечные культуры также встречаются в Анголе и в Южной Африке. В пещерах Стеркфонтейна, Сварткранса и Макапанстада Р. Дарт открыл следы культуры, в которой в качестве орудий использовались лишь кости, зубы и рога¹³.

ОРУДИЯ АШЕЛЬСКОГО ПЕРИОДА

Ашельский период представлен многочисленными типами орудий, среди которых самыми характерными являются каменные двусторонние орудия, топорники и болы. Хорошо известное в месторождениях эпохи палеолита двустороннее орудие «бифас» было описано под разными названиями после его открытия в долине р. Соимы во Франции. Название этого изделия происходит от его поочередной обработки с двух сторон для получения режущей кромки, независимо от того, была ли это частичная или полная обработка. Рабочей частью этого орудия может быть острое, но чаще всего обая края делались с режущей кромкой путем многочисленных тонких доводок (ретуши). Двусторонние орудия, встречающиеся на местонахождениях раннего палеолита в Африке, делались обычно из куска камня или гальки. Техника их изготовления была унаследована от технологии изготовления двусторонних рубил с периферийной режущей кромкой. Двусторонние орудия отличаются от рубил осевой симметрией. Начиная со среднего ашельского периода в Африке, заготовкой для двустороннего орудия мог служить также крупный скол, и эта тенденция превалировала и в поздний ашельский период. Известны массивные, грубо обработанные двусторонние орудия, часто заостренные (так называемые копьевидные двусторонние орудия). Они характерны для раннего ашельского периода, а также для развитого ашельского периода на морском побережье Северной Африки, на речных берегах Южной Африки или на высохших руслах сахарских уэдов (то же, что вади – сухие долины в пустынях Аравии и Северной Африки; заполняются водой после сильных ливней. – *Прим. ред.*). Плоские двусторонние орудия обычно делались из сколов и имели сердцевидную, овальную или эллиптическую форму. Двусторонние орудия, выполненные из сколов, в большей степени представляют культуры среднего и позднего ашельского периода в Кении, Эфиопии и Танзании или же заключительный ашельский период в Джибути, в Египте или в северо-западной Сахаре. В зависимости от формы, размеров и объема двустороннее орудие могло использоваться в качестве ножа или скребка. Независимо от того, держалось ли двусторон-

нее изделие непосредственно в руке или имело рукоятку (что подразумевало наличие его осевой симметрии), оно могло служить как орудием, так и оружием.

Топорик является типичным изделием ашельского периода в Африке, хотя его находили и в Испании, и во Франции, и в Индии. Это – крупный скол, у которого на одном краю имеется прямая режущая кромка без следов ретуши, иногда выпуклой формы или тупоугольной, получаемой сразу после его отделения от нуклеуса. Топорик – это хрупкое изделие, что объясняет тот факт, что его режущая кромка всегда имеет зазубрины или выбоины. Его нельзя заточить, не изменив первоначальный вид, поэтому срок его службы был коротким. Нельзя себе представить, чтобы подобное орудие использовалось при обрубании ветвей, однако оно могло служить в качестве орудия мясника или для разделывания туш убитых животных и даже для очистки ветвей от коры. Топорик – это то орудие, которое претерпело небольшие изменения в своей эволюции. Оно становилось более изящным, более совершенным, но сохраняло одинаковые технические параметры с одлудвайского периода до позднего и заключительного ашельского периода (от 1,4 до 0,2 млн. лет тому назад). В конце этого периода в северо-западной части Сахары топорик, так называемый «*Tachengbit*», изготавливался путем ряда достаточно сложных операций, однако ареал распространения этого изделия с географической точки зрения был очень ограниченным. На другом местонахождении, в поселении Гарба I в Мелка-Кунтуре (илл. 7 и 8), боковые стороны топорика были обработаны так, чтобы получить острые, прямые и достаточно прочные края, которые служили бы эффективными и крупными скребками, что давало возможность повторно использовать эти изделия, начальный период использования которых был очень коротким.

Третьим изделием, характерным для ашельского периода в Африке, было орудие, которое – правильно или нет – называли болой. Оно преобразовалось из многогранника, имеющего более или менее сферическую форму, из граненого шара, который при нанесении точечных ударов по поверхности и отбивании выступов превратился в шар почти совершенной формы. Эти изделия были названы болами в память о шарах, привязанных к концам веревки, которыми в конной охоте обвивали ноги животных в пампасах Аргентины. Однако они отличаются от аргентинских бол как по размеру, так и по массе, что приближает их к шарам, которыми играли в Провансе (*rétaque*), а также неизвестно, действительно ли их привязывали к концу ремешка из шкуры или из коры дерева. Не отбрасывая их возможного применения в качестве метательных камней при охоте на антилоп и лошадей, следует считать их присутствие в поселениях не случайным: болы должны были применяться в повседневной домашней жизни в качестве, может быть, дробильных орудий, рубил. Часто встречающиеся в поселениях среднего и позднего ашельского периода в Восточной Африке каменные болы были недавно найдены среди орудий в поселении, где разделывали туши *Elephas recki*, в Республике Джибути (поселение Борогали под городом Ас-Эйла).

Двусторонние орудия, топорники, болы, конечно, характерны для ашельского периода, но в этот культурный период было также значительно развито производство орудий из сколов небольших размеров. Начиная со среднего ашельского периода (0,9 млн. лет тому назад, Мелка-Кунтуре), разнообразие типов, прекрасное техническое качество небольших предметов из сколов, по большей части из обсидиана, найденных при раскопках поселений Гарба XII (илл. 9) и Гомборе II, вызывают восхищение и наводят на мысль о том, что если бы эти же орудия были найдены на поверхности земли, они оказались

бы моложе и их древность оценивалась бы в 50–100 тыс. лет вместо 1 млн. лет! Это были шаберы, зубила, многочисленные скребки, небольшие сверла, ножи и множество изделий с насечками и зазубринами. Существенно, что эти орудия находились вместе с двусторонними орудиями, топориками и несколькими остатками скелета *человека прямоходящего*.

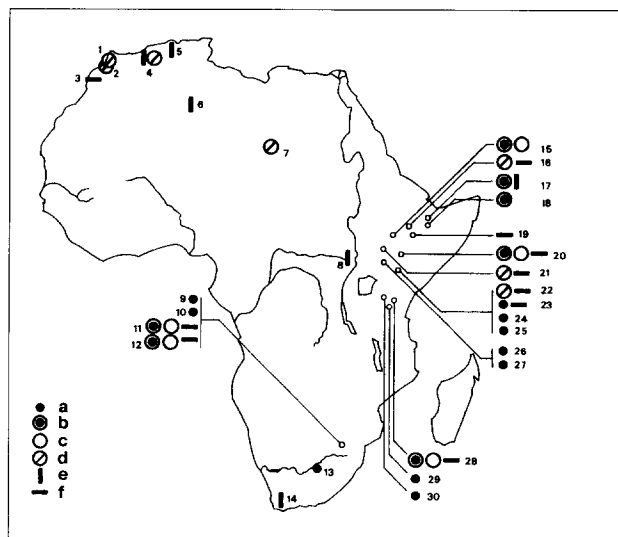
Необходимо было дожидаться эпохи мезолита (среднего каменного века), т.е. периода примерно 180 тыс. лет назад, чтобы согласно информации, полученной от Ф. Вендорфа (*Fred Wendorf*) и его группы с раскопок местонахождения на оз. Зивэй, расположенного к югу от Мелка-Кунтуре в Эфиопии, общий характер применения этих орудий из сколов навел на мысль о существовании какого-то подобия стандартизации.

Таким образом, мы увидели, что хотя некоторые орудия – рубила, двусторонние орудия и топорик – временами преобладали, все же орудия из сколов продолжали производиться. Возможно, первым орудием была простая галька, а в результате использования ее как молотка был отделен скол. Можно выдвинуть гипотезу, согласно которой первые мастера заметили и использовали эти фрагменты, края которых были острыми и режущими. Задолго до того, как стали получать эти сколы путем откалывания от каменных желваков – нуклеусов, люди просто использовали отходы, полученные в результате применения гальки в качестве рубил и дробильных орудий. Возможно, первым ножом был случайно отлетевший скол.

В Шунгуре 2 млн. лет тому назад небольшие сколы кварца, найденные в местонахождениях Омо 84, Омо 123 и других, вероятно, были отходами производства рубил, таких, как рубило из местонахождения Омо 71, которое было найдено не в самом поселении, поскольку, вероятно, предназначалось для охоты. Некоторые из этих фрагментов также являются сколами, которые намеренно были отделены от нуклеуса. Были обнаружены соответствующие им нуклеусы; их малые размеры свидетельствовали о том, что они служили расходными материалами, и что максимально использовалась небольшая кварцевая галька, сырье очень редкое. На некоторых сколах видны следы износа, которые могут свидетельствовать об их применении. Исключительно редко находят сколы, которым отделка ретушью придала вид шабера, изделий с насечками, ножей. Эти орудия были таких небольших размеров (1–4 см), что они могли быть орудиями для резки мяса (хотя ни одного костного фрагмента не было найдено рядом с этими орудиями) или орудиями для очистки корней и для снятия коры с ветвей деревьев. Находки ископаемых остатков австралопитеков вблизи поселений и их вегетарианский образ жизни побуждают рассматривать эти небольшие сколы как продукт деятельности гоминидов, принадлежавших к виду австралопитеков (*Chavaillon*, 1982, р. 76; *Coppens*, 1983, р. 92). Омо 123 был пристанищем охотников и кочевников; это был одновременно временный лагерь, граничная мастерская, место работы и отдыха. Специализация жилых поселений произойдет лишь несколько сотен тысячелетий спустя. Мы находимся лишь на заре организованных обществ.

РАСПОЛОЖЕНИЕ ОСНОВНЫХ МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ (карта 2)

Поселения эпохи нижнего палеолита, доашельского и ашельского периодов, всегда располагались рядом с источниками воды: родником, артезианским колодезем, рекой или озером. Это было основным условием как в Сахаре, так и на высокогорных плато Восточной Африки.

Карта 2. Африка – основные археологические местонахождения и поселения гоминидов плиоцена и нижнего плейстоцена: а – австралопитек; б – австралопитек + человек умелый; с – человек умелый; d – человек прямоходящий; e – отложение; f – отложение + поселение; 1 – Сале; 2 – Рабат; 3 – Сиди-Абдеррхаман; 4 – Тернифин; 5 – Айн-Ханеш; 6 – уэд Гир/уэд Саура; 7 – Яйо; 8 – Кагера; 9 – Макапанстад; 10 – Кромдрай; 11 – Стеркфонтейн; 12 – Сварткранс; 13 – Таун; 14 – Стелленбос; 15 – Омо; 16 – Мелка-Кунтуре; 17 – Хадар/Афар; 18 – среднее течение р. Аваши/Бодо; 19 – Гадеб; 20 – Кооби-Фора; 21 – западный берег оз. Туркана; 22 – Каптюэрэн; 23 – Чесованжа; 24 – Шемерон; 25 – Лукейно; 26 – Канапу; 27 – Лотагам; 28 – Олдувай; 29 – Лаэтоли; 30 – Натрон

Это были поселения под открытым небом, лагеря на берегах рек, морей или древних террасах. Редко встречались поселения в укрытиях или пещерах, такие как поселения в Стеркфонтейне, Сварткрансе и Макапанстаде в Южной Африке. Последний тип поселений будет встречаться чаще в эпоху среднего палеолита. Выбор места расположения лагеря был так же важен, как и место расположения фермы или деревни; нам он указывает на озабоченность людей и на учет ими разных факторов. Конечно, в эпоху палеолита это были не те же самые критерии, которые действовали в эпоху мезолита или в эпоху неолита. В некоторых месторождениях Восточной Африки, как в Олдувайской долине, так и в Мелка-Кунтуре, можно выявить эволюцию в выборе места для лагеря. В Европе изменения климата оказали глубокое воздействие на этот выбор: лагерь все еще располагался у реки или у источника, однако он зачастую размещался под скальным укрытием или в глубокой пещере, защищавшей от холода и диких животных. В Африке климат изменялся от сухого до влажного. Поселения под открытым небом представляли опасность из-за присутствия хищных животных, однако люди должны были также опасаться подъемов уровня рек во время сезонных разливов. Эти разливы, к счастью археологов, иногда помогали сохранять земли поселений эпохи палеолита; ил и тина, которые покрывали поселение, закрепили в исходной позиции предметы из поселения и кухонные отходы так же надежно, как это часто делает рухнувший свод пещеры.

Первые доашельские поселения полностью зависели от природной среды: источника воды, скопления камней или слоя речной гальки, места охоты или рыбной ловли. Близость воды была необходима, по меньшей мере для долгосрочных лагерей. Действительно, поселения, в которых разделяли крупных животных, бегемота или слона, часто были привязаны к воде, болоту или реке, но они могли также располагаться в том месте, где преследуемое живот-

ное оборвало свой последний бег, например, на плато или в саванне. А это место, иногда расположенное далеко от базового лагеря, становилось временным лагерем, стоянкой охотников, в которой можно было провести несколько дней; этот лагерь, определяемый перемещениями животного, не застраивался. И, напротив, базовый лагерь, долговременное поселение (на несколько месяцев и даже несколько лет) выбирались исходя из наилучших условий, тогда как временный лагерь был навязан охотникам агонизирующим животным.

Основной лагерь, семейный или групповой, располагался вблизи реки, на берегу реки или моря. Вода была нужна животным, которые ходили на водопой, а сырье, камни и галька были необходимы для изготовления орудий и оружия. Что касается строений, вероятно, защитного характера, то они рассматриваются ниже. Такие поселения могли располагаться на морском берегу, как отложения Обок в Джибути и Сиди-Абдеррхаман в Марокко; на берегах рек как в долинах уэдов Гир и Саура в Алжире, долине Стелленбос в Южной Африке, долине Нила в Судане и Египте, долине Банги, долине Конго; на берегу озера, как Олдувай Горж в Танзании, оз. Туркана (Кооби-Фора) в Кении, оз. Лангано в Эфиопии, высохших озер Ас-Эйла в Джибути и Тиодайн в Сахаре.

Не вдаваясь в описание стратиграфии основных местонахождений, необходимо учесть их африканские особенности периода раннего палеолита. Археологические уровни и найденные поселения часто простираются на несколько километров. Например, в долине Олдувай можно наблюдать зоны расселения вдоль современных ущелий, т.е. на 50 км от верховьев реки до ее низовьев. Толщина геологических слоев, в которых на разной высоте можно найти археологические уровни, может достигать 90 м. В Мелка-Кунтуре местонахождение простирается на 60 км вдоль обоих берегов р. Аваш. Если видимая толщина наносных отложений редко превышает 30 м, то толщина различных геологических отложений, находящихся одно на другом, — отложений, которые обычно образовывались вслед за опустошительным периодом, вызванным речной эрозией, могла достигать 50 м. Наконец, в долине р. Омо, как и в районе Хадара и Бодо (Clark et al., 1984), эфиопские отложения имеют очень большую толщину и распространяются на большой площади. Конечно, площади поселений, привязанных к морским побережьям, источникам воды и даже к речным или озерным террасам, существенно меньше, однако и они занимают по несколько тысяч квадратных метров.

Когда толщина геологических отложений достигает 20, 30 м или более, то, очевидно, археологические слои не следуют друг за другом, а, напротив, разделены между собой так называемыми «стерильными» геологическими уровнями, т.е. уровнями, не содержащими остатков фауны или каменных артефактов. Эти геологические уровни имеют большое значение, поскольку являются лучшими метками. Приведем пример отложений вулканического пепла (вулканического туфа). Они представляют интерес, поскольку соответствуют крайне короткому периоду времени — моменту извержения в одном конкретном месте. Их петрографический состав легко поддается датировке, но они также являются прекрасными посредниками между двумя комплексами отложений; как пример приведем долину р. Омо в ее нижнем течении, оз. Туркана, ущелье Олдувай, Мелка-Кунтуре и т.д. То же самое относится и к дюнам на побережье Средиземного моря и Атлантики, а также к ископаемым дюнам, которые часто заполняют высохшие русла сахарских уэдов. Те и другие являются хорошими указателями уровней, поскольку обладают ярко выраженными и зачастую присущими только одному слою или образованию петрографическими особенностями; например: на месте два образца вулканических туфа походят друг на друга, однако после проведения лабораторных иссле-

дований специалисты констатируют, что их петрографический состав различен. Вместе с тем слои песка и речного гравия, озерной глины (на бывших берегах реки или озера) не дают подобных преимуществ, хотя и являются теми слоями, которые в своей массе чаще всего содержат зоны расселения.

Какими были скалистое основание или почва, на которой гоминиды разбивали свой лагерь? Они могли иметь разный петрографический состав. В Олдувае, Мелка-Кунтуре и других местах было отмечено, что олдувайские люди, те, которые предшествовали изготовителям двусторонних орудий, предпочитали жить на берегах озер и рек, где земли были глинистыми или слабо песчаными и, вероятно, более или менее были покрыты травами, в зависимости от климатических условий. Напротив, ашельцы селились на песчаных участках мелких речек с прерывавшимся течением. Поселения устраивались вдали от основной водной магистрали и, вероятно, на небольшом возвышении, для того чтобы обезопаситься от сезонных разливов рек. Таковы поселения в Олоргесаилие (Isaac, 1977) в Кении, Мелка-Кунтуре (Гарба I, III, XII) и Гадебе (Clark & Kurashina, 1976) в Эфиопии. Аналогичная топографическая ситуация наблюдается в алжирской Сахаре. В горах Угарта ашельцы предпочитали устраивать свои лагеря и мастерские по обработке камней в высохших каменных руслах маленьких уэдов, зависящих от узда Саура. Они были укрыты от высоких разливов реки и, кроме того, располагали сырьем, которое было необходимо для изготовления орудий.

Действительно, это различие в выборе между берегами рек, поросшими травой, и песчаными берегами часто отмечалось специалистами по доисторическому периоду и было характерным для некоторых регионов Африки. Кроме предпочтения того или иного вида почвы — глинистых берегов или песчаных побережий, — этот выбор одновременно указывает на перемены в традициях, в способе организации поселений, в поведении их жителей. В этом и многих других отношениях наблюдается различие образов жизни олдувайцев и ашельцев. Ашельцы освободились от некоторых прежних ограничений. Олдувайцы были привязаны к галечному берегу и к реке. Ашельцам также было необходимо располагаться вблизи источника воды, но главный лагерь мог быть не привязан к источнику сырья. Именно это наблюдается в Гарба I и в Мелка-Кунтуре, где особенно многочисленные двусторонние орудия и топоры изготавливались за пределами поселений (древностью 300–400 тыс. лет). Ранее, в средний ашельский период, в Гомборе II (850 тыс. лет) люди использовали гальку с берега, на котором они проживали, но с этого периода крупные двусторонние орудия и топоры, может быть, в меньшем количестве, чем в поселении Гарба, стали изготавливаться за пределами поселения.

Каждое поселение не походило на другое. Необходимо делать различие между поселением в пещере и поселением под открытым небом, и необходимо также знать, где было открыто и изучено отложение специалистом по доисторическому периоду — под уровнем земли или на ее поверхности. Открытые местонахождения, подобные сахарским, предметы из которых располагались на поверхности земли, также представляют интерес, но информация, которую они несут, ограничена: костные остатки не сохранились, а расположенные на поверхности земли предметы за многие тысячи лет претерпели множество приключений, прежде чем были найдены специалистом, или, увы, они были расхищены коллекционерами кремневых орудий. Поселения, открытые под уровнем земли, более достоверны, однако следует делать различие между теми поселениями, которые не подверглись изменениям и остались в том состоянии, в каком их покинули люди, и поселениями, которые так или иначе были перемещены.

Самым частым явлением были наводнения. Медленное покрытие жилья грязевым слоем реки или озера может принести пользу (такова судьба поселения Гомборе I в Мелка-Кунтуре). Если такое погребение было лишь временным и если почва поселения подвергалась поперечному воздействию наводнений и понижения уровня воды, то археологические образцы подвергались химическому разложению, трению и эрозии, вызванным воздействием песка и воды, и т.д. В редких случаях поселение могло подвергнуться землетрясениям, вызванным тектоническими перемещениями (местонахождение на р. Омо в Эфиопии), или разломам из-за опускания и подъема части земной коры (местонахождение Олорге-саили в Кении). Наконец, предметы могут быть вырваны из земли и унесены течением воды и заново поставлены, перемешаны с галькой, песком и глиной (отложения в горах Угарта в Сахаре) или же они могли быть перемещены артезианскими водами (местонахождение в Тернифин, Алжир).

Специалист по доисторическому периоду должен быть способен уточнить, идет ли речь об особом месте деятельности или же о базовом лагере, основном лагере, стационарном и долгосрочном, который может предоставить множество разнообразной информации (костные остатки, орудия, структурирование земли, убежища и т.д.). Совместное проживание в течение продолжительного времени, ежегодное возвращение на то же место значительно обогатили местонахождение и одновременно сделали более сложным и неоднозначным его «прочтение». Смена видов деятельности вызвала смешение орудий и остатков прошлой и новой почвы поселения, например, наложение места, в котором гранили камни, на то место, где прежде разделяли животных.

Часто более интересными являются кратковременное использование места, например, поселения, в котором разделяли туши животных. Эта работа занимала не более 15 дней, если животное было крупным. Самое древнее известное поселение, в котором разделяли тушу слона (1,8 млн. лет тому назад), – это поселение FLK N6 в пласте I в Олдувае. Другие примеры – поселения Кооби-Фора, Олорге-саили (Кения), Гомборе II (Эфиопия), где разделяли гиппопотамов, а также поселение Барогали неподалеку от Ас-Эйла в Республике Джибути, где были найдены остатки *Elephas recki* вместе с каменными орудиями (рубила, болы, сколы).

Можно увязать с этими лагерями, интенсивно заселяемыми на короткое время, кратковременные (на один или два дня) привалы охотников и кочевников. Примером могут служить поселения Омо 71 и Омо 57 в Эфиопии. Наконец, нужно отметить гранильные мастерские, где большое количество сколов и обломков перемешаны с битой галькой, рубилами, нуклеусами и каменными желваками. В древние, доашельские периоды эти разнообразные виды деятельности осуществлялись в основном поселениях. В ашельский период в зависимости от местности увеличивается количество поселений с определенной специализацией: поселение по разделке туш животных, гранильные мастерские и т.д.

Пытаться понять организацию одного жилого уровня означает пытаться определить образ жизни гоминидов, которые жили на берегах р. Аваш, оз. Олдувай или на взморьях Марокко. Не все местонахождения позволяют воссоздать прошлое, несмотря на то что в Африке было найдено множество свидетельств самых древних культур. Однако эти данные отражают лишь некоторые аспекты жизни в обществе: охоту и разделывание туш животных, устройство укрытий, границ поселения, хранение огня.

Одним из доминирующих видов деятельности человека в эпоху палеолита было добывание пищи, иначе говоря – охота и собирательство. Сбор растительной пищи был

постоянным занятием: шел поиск корней, зерен, фруктов. Однако мы не имеем никаких конкретных свидетельств об этой деятельности, за исключением каменных молотков для раскалывания орехов, дробильных инструментов для разделения растительных структур, орудий с насечками и шаберов для снятия коры. Но эти каменные орудия должны были использоваться и для других целей.

Если целью охоты было поймать и убить животное, то сбор падали, оспариваемой или нет в борьбе с другими животными, происходил очень часто, особенно у древних народов. Когда животное было слишком крупным, его туши разделяли и потребляли на месте, откуда и пошли эти поселения мясников, в которых разделяли в основном бегемотов и слонов, как добытых на охоте, так и подобранных на земле в виде падали. Часто мужчины приносили в базовый лагерь части туш животных, и среди них антилоп, лошадей, слонов, гиппопотамов. Среди добычи встречались также грызуны и птицы. В местонахождениях-лагерях находят остатки различных животных – от самых больших до самых маленьких. Некоторые отложения, такие как Олдувай и Мелка-Кунтуре, содержат множество подобных остатков. Более загадочным является присутствие там несъедобных анатомических деталей. В поселении Гарба IV в Мелка-Кунтуре (илл. 6) нашли более 120 рогов антилоп. Очевидно, люди специально принесли множество рогов, но с какой целью? Может быть, они применялись при строительстве укрытия.

Таким же образом клыки гиппопотама, часто заостренные, могли использоваться в качестве кирки. Переломы костей животных сначала были незначительными, но со временем их число увеличилось и появились многочисленные костные осколки. Длинные кости не были разбиты полностью, но были расколоты вдоль, чтобы извлечь костный мозг. Это наблюдалось в местонахождении Гарба IV, относящемся к развитому олдувайскому периоду. Разделку туш производили путем многочисленных сколов с острыми кромками, независимо от того, производилась их отделка или нет. Отделка режущей кромки превращала другие сколы в скребки, шаберы, зубила, орудия с насечками. Все эти изделия использовались для разных целей, и, в частности, для скобления костей и шкур.

Нелегко обозначить границы поселения. Для того чтобы их обнаружить, необходимо найти остатки строения или определить действительный край зоны расселения. На некоторых раскопках можно было наблюдать внешние границы. В Мелка-Кунтуре (Гомборе I) эта граница кажется расплывчатой, ее видно по разбросанности артефактов, по тому, что постепенно они встречаются все реже, их становится все меньше. Это состояние напоминает нам то, что мы сегодня наблюдаем вокруг жилищ в некоторых деревнях саванны, что приводит нас к заключению, что вокруг поселений не было ограждений или барьеров.

В пределах границ положение значительно отличается от этого постепенного уменьшения. Здесь имеются места, более или менее лишенные костных остатков и артефактов, размером от 1 до 8 кв. м, обычно овальной формы, но иногда круглые. Вокруг этих пустых площадок бывают слои гальки, похожие на настил, а иногда лежит настоящий валик, полученный, возможно, в результате обрушения строительных структур (Олдувай). Это свидетельствует об искусственных границах: препятствие, шалаш, убежище, ограда. Найденная галька была принесена для укрепления строений, например, каменного основания олдувайской хижины, или же для закрепления веток, которые поддерживали строение, такое как укрытие ашельского периода в Мелка-Кунтуре. Каменный валик мог получиться после сооружения укрытия из ненужных камней и орудий (*Barbetti et al.*, 1980; *Clark et al.*, 1984).

Большие пространства могли соответствовать хижинам или укрытиям, а крыша в Африке не была необходима. Напротив, странными кажутся небольшие площадки размером от 1 до 2 кв. м. Этот тип строений часто связан с присутствием крупных камней и является характерным для олдувайских поселений.

В Европе, особенно в холодное время, укрытие и огонь дополняли друг друга. Огонь давал тепло, а также защищал от нередко враждебного окружения. Совсем другим образом обстояли дела в умеренном и жарком климате Африки. Поначалу огонь служил для того, чтобы отпугивать хищных животных и защищать группу людей. Впоследствии он дал множество преимуществ: дал возможность обжигать древесину, раскалывать скальные породы, готовить пищу и, в частности, растительную пищу, и т.д.

Самые древние следы, оставленные огнем, встречаются в Африке – в Кении и Эфиопии. Два поселения, Чесованжа и Бодо, подходят друг к другу. Первому из них 1,4 млн. лет. Там были найдены плитки из обожженной глины, но не было найдено ни пепла, ни камней из очага. Конечно, плитки могли появиться в результате большого лесного пожара, пожара случайного, часто случающегося в этих краях. Специалисты по доисторическому периоду, которые изучали эти местонахождения, полагают, что медленно горевший ствол дерева мог привести к выгоранию поверхности небольшой площади. Если согласиться с таким вариантом, то в покорении огня существовало два этапа: сначала был так называемый «поддерживаемый огонь», т.е. «пойманный» во время лесного пожара, который затем заботливо «подпитывали», поддерживали; огонь был приручен, но не получен человеком. Этот этап длился очень долго – до создания настоящих очагов. И только тогда человек стал располагать огнем там, где хотел и когда хотел.

Свидетельства, которыми мы сегодня располагаем, указывают на то, что жители Евразии первыми стали пользоваться очагами. И еще необходимо иметь в виду не только то, что климат в Африке более мягкий, менее холодный, но и то, что остатки поселений под открытым небом в течение тысячелетий подвергались воздействию неблагоприятных погодных условий (например, в Сахаре), либо затопивались при разливах рек. Ясно, что при таких условиях пепел вряд ли сохранится. Редкие находки костных остатков и обожженных камней, а также наличие особых углублений, вырытых в земле, которые с большой осторожностью можно увязать с древними очагами (поселение заключительного ашельского периода Гарба III), побуждает нас признать, что первые убедительные свидетельства о действительном покорении огня относятся к периоду 500 тыс. лет тому назад.

К концу ашельского периода человек покорил весь древнейший мир. Уже обладая некоторыми техническими и хозяйственными знаниями, он был готов адаптироваться к особым природным условиям, в которых он находился. Это явилось отправным пунктом для внезапного возникновения культуры в различных регионах Евразии и Африки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хадар является крупным палеонтологическим местонахождением в Эфиопии, расположенным в районе впадины Афар, в низине Аваш, между Аддис-Абебой и Джибути. Оно было открыто М. Тайсбом и исследовано международной группой, руководимой М. Тайсбом и И. Коппаном, Д. Йохансоном и Дж. Кальбом. Помимо позвоночных представителей фауны возраста от 2 до 4 млн. лет, там были найдены остатки гоминидов, принадлежащих к видам *Homo* и *Australopithecus afarensis* («Люси»). Здесь было найдено мало каменных изделий: одни датируются периодом 2,6 млн. лет (Roche & Tierulin, 1977; J. Harris, 1978), остальные относятся к ашельскому периоду.

² Местонахождения в долине р. Омо находятся в Эфиопии, на границе с Кенией и Суданом. Они занимают площади размерами в несколько километров в ширину и 100 км в длину. Они были открыты экспедицией Ле Бурга де Бозаса (*Bourg de Bozas*) в 1901 г., а исследованы К. Арамбуром (*C. Arambourg*) в 1933 г. и в период с 1967 по 1976 г. международной группой под руководством К. Арамбура, И. Коппана и К. Хауэлла. Там можно увидеть 100 м осадочных, озерных и вулканических отложений (древностью от 4 до 1 млн. лет). Были найдены различные представители позвоночной фауны, более 400 фрагментов скелетов гоминидов (антропитеков и *Homo*) и несколько доисторических стоянок.

³ Этологи Ч. и Х. Бош (*Boesch, C.; Boesch, H.*, 1983), изучили поведение шимпанзе в тропических лесах Габона и, в частности, использование ими необработанных орудий для колки орехов.

⁴ Олдувай – большое местонахождение на севере Танзании. Древнее оз. Олдувай сохранило в своих наносных образованиях остатки фауны и каменных изделий в своем первоначальном положении. Самые древние зоны расселения датируются возрастом 1,8 млн. лет. Луис и Мэри Лики нашли там остатки гоминидов, среди которых были остатки *человека умелого* и зинджантропа, а также многочисленные орудия доашельского и ашельского периодов, места разделывания туш слонов и, наконец, место расположения одного укрытия, которое сегодня рассматривается как самое древнее построенное жилище (каменный круг).

⁵ В 50 км от Аддис-Абебы, на берегах р. Аваш, местонахождение Мелка-Кунтуре представляет собой прекрасную последовательность археологических уровней, самые древние из которых датируются периодом 1,7 млн. лет. Под патронажем Министерства культуры Аддис-Абебы Ж. Шавайон и его группа произвели раскопки зон расселения доашельского и ашельского периодов. Там были найдены остатки фауны и гоминидов, множество орудий и местонахождение хижины, или укрытия, и зон разделывания туш животных (илл. 5–9).

⁶ Гомборе I является одним из поселений в Мелка-Кунтуре (прим. 5), оно богато орудиями доашельского (олдувайского) периода. Там были зарегистрированы 12 тыс. артефактов, а также остатки фауны и гоминидов: жидкость из тела *человека прямоходящего*. В этом поселении была одна пустая укладочка, которую Ж. Шавайон и др. приписывали построенному укрытию.

⁷ Местонахождения в долине р. Омо, в Шунгуре, содержали множество фрагментов и сколов, по большей части из кварца, которые были открыты Ж. Шавайоном (Омо 57, 71, 84 и 123) и В. Мерриком (*V. Merrick*) (FtJi1 и FtJi2). Очень маленькие нуклеусы и сколы, из которых лишь часть была использована и обработана, являются остатками одной стоянки или гранитной мастерской гоминидов, поселившихся в древней долине р. Омо. Только поселение Омо 71, раскопанное Ж. Шавайоном, представляло собой жилище на берегу озера (*Chavillon*, 1976; *Merrick & Merrick*, 1976).

⁸ Олдувайский период предшествовал ашельскому периоду. В олдувайский период изготавливались орудия из гальки (рублики, резки, многогранники) и из сколов. Зоны расселения находятся в Южной и Восточной Африке. Этим же именем названо местонахождение в ущелье Олдувай в Танзании (прим. 4): уровни I (Олдувай) и II (развитый Олдувай А, В, С) (1971).

⁹ Под названием «средний каменный век (мезолит)» объединены многочисленные культуры, которые соответствуют эпохе среднего палеолита и началу эпохи верхнего палеолита в Европе. Многочисленны орудия из сколов; наблюдается уменьшение размеров орудий, унаследованных от ашельского периода, например двусторонних орудий.

¹⁰ Новый каменный век (неолит) соответствует концу верхнего палеолита, эпилепсолита Магриба и началу неолита. Орудия становятся более миниатюрными, изготавливаются из сколов, пластин и пластинок с геометрическими микролитами, иногда из керамики.

¹¹ В Кооби-Фора, к востоку от оз. Туркана, в Кении, группа Ричарда Лики сделала описание последовательности слоев, разделенных по двум формированиям, разделенным слоем вулканического туфа, названной KBS. Верхнее формирование, называемое Карари, объединяет 14 местонахождений, давших 15 тыс. артефактов, принадлежащих развитому олдувайскому периоду. Оно датируется временем от 1,4 до 1,3 млн. лет тому назад (*Harris & Isaac*, 1976; *Harris*, 1978).

¹² Развитый и заключительный ашельские периоды в северо-западной части Сахары известны по многочисленным местонахождениям в долине Саура и в горах Угарта (Аншаль, Табельбала).

¹³ Нужно отметить, что термин «остеодонтокератическое» производство, предложенный Р. Дартом, уже не принимается большинством археологов, которые видят в нем лишь остатки трапез хищных животных (см. *Y. Coppens and D. Geraads*, Chapter 2). – *Примечание редактора английского издания.*

БИБЛИОГРАФИЯ

- ALIMEN, H. 1955. Préhistoire de l'Afrique. Paris.
- ALIMEN, H.; ZUATE Y ZUBER, J. (ed.) 1979. L'Évolution de l'acheuléen au Sahara nord-occidental. Paris, CNRS.
- ANDREWS, P.; WALKER, A. 1976. The Primate and Other Fauna from Fort Ternan, Kenya. In: ISAAC, G. L.; MCCOWN, E. (eds), *Human Origins: Louis Leakey and the East African Evidence*. Menlo Park, Calif, pp. 279–304.
- ARAMBOURG, C. 1949. Sur la présence dans le Villafranchien d'Algérie de vestiges éventuels d'industrie humaine. *C. R. Acad. Sci. (Paris)*, Vol. 229, pp. 66–7.
- BALOUT, L. 1955. Préhistoire de l'Afrique du Nord: Essai de chronologie. Paris.
- BARBETTI, M. et al. 1980. Palaeomagnetism and the Search for Very Ancient Fire Places in Africa. *Anthropologie (Brno)*, Vol. 18, No. 2/3, pp. 299–304.
- BIBERSON, P. 1961. Le Paléolithique inférieur du Maroc atlantique. Rabat. (Publ. Serv. Antiq. Maroc, 17.)
- 1967. Fiches typologiques africaines – Zème cahier, fiches 33–64: Galets aménagés du Maghreb et du Sahara. Paris, Muséum d'Histoire Naturelle de Paris.
- BOESCH, C.; BOESCH, H. 1983. Optimization of Nut-cracking with Natural Hammers by Wild Chimpanzees. *Behaviour (Leiden)*, pp. 265–86.
- CHAVAILLON, J. 1976. Evidence for the Technical Practices of Early Pleistocene Hominids. In: COPPENS, Y. et al. (eds), *Earliest Man and Environments in the Lake Rudolf Basin*. Chicago, pp. 565–73.
- 1982. L'Outil et les débuts de la grande aventure humaine. *Archeologia (Paris)*, No. 60, pp. 70–86.
- CHAVAILLON, J.; CHAVAILLON, N. 1981. Galets aménagés et nucleus du Paléolithique inférieur. *Préhistoire africaine. Mélanges offerts au Doyen Lionel Balout (Paris)*, No. 6, pp. 283–92.
- CHAVAILLON, J. et al. 1979. From Oldowan to the Middle Stone Age at Melka-Kunturé (Ethiopia): Understanding Cultural Changes. *Quaternaria (Rome)*, Vol. 21, pp. 87–114.
- CHAVAILLON, J. et al. 1985. Découverte d'un site de dépeçage à Elephas recki en République de Djibouti. *Ń. R. Acad. Sci. (Paris)*, Vol. 23, p. 12.
- CLARK, J. D. 1982. From the Earliest Times to c.500 BC. In: CLARK, J. D. (ed.), *The Cambridge History of Africa*. Cambridge. Vol. 1.
- CLARK, J. D. et al. 1984. Palaeoanthropological Discoveries in the Middle Awash Valley, Ethiopia. *Nature (London)*, Vol. 307, pp. 423–8.
- CLARK, J. D.; KURASHINA, H. 1976. New Plio-Pleistocene Archaeological Occurrences from the Plain of Gadeb, Upper Webi Shebele Basin, Ethiopia, and a Statistical Comparison of the Gadeb Sites with Other Early Stone Age Assemblages. In: CONGRÉS UISSP, 9, Nice, 1976. Colloque V, pp. 158–216.
- COLLINAT, G. 1975. Les Industries archaïques sur galets des terrasses quaternaires de la plaine du Roussillon (France). Marseille. (Trav. Lab. Paléontol. Hum. Préhist, Cent. St Charles, 1.)
- CONGRÉS PANAFRICAIN DE PRÉHISTOIRE ET D'ÉTUDE DU QUATERNAIRE. Actes.
- COPPENS, Y. 1983. Le Singe, l'Afrique et l'homme. Paris.
- HARRIS, J. W. K. 1978. The Karari Industry: Its Place in East African Prehistory. Berkeley.
- HARRIS, J. W. K.; ISAAC, G. L. 1976. The Karari Industry: Early Pleistocene Archaeological Evidence from the Terrain East of Lake Turkana, Kenya. *Nature (London)*, Vol. 262, pp. 102–7.
- HOURS, F. 1982. Les Civilisations du Paléolithique. Paris. (Que saisje, 2057.)
- ISAAC, G. L. 1977. Olorgesailie: Archaeological Studies of a Middle Pleistocene Lake Basin in Kenya. Chicago.
- LEAKEY, M. D. 1971. Olduvai Gorge: Excavation in Bed I and Bed II – 1960–1963. Cambridge.
- MERRICK, H. V.; MERRICK, J. P. S. 1976. Archaeological Occurrences of Earlier Pleistocene Age, from the Shungura Formation. In: COPPENS, Y. et al. (eds), *Earliest Man and Environments in the Lake Rudolf Basin*. Chicago, pp. 574–84.
- PERLES, C. 1977. Préhistoire du feu. Paris.
- PIPERNO, M.; BULGARELLI-PIPERNO, G. M. 1974–5. First Approach to Ecological and Cultural Significance of the Early Palaeolithic Occupation Site of Garba IV at Melka-Kunturé (Ethiopia). *Quaternaria (Rome)*, Vol. 18, pp. 347–82.
- Préhistoire africaine. Mélanges offerts au Doyen Lionel Balout. 1981. Paris.
- ROCHE H.; TIERCELIN, J. J. 1977. Découverte d'une industrie lithique ancienne *in situ* dans la formation d'Hadar, Afar central, Ethiopie. *C. R. Acad. Sci. (Paris)*, Vol. 284, pp. 1871–4.
- SAHNOUNI, M. 1985. Reconnaissance d'une chaîne opératoire expliquant l'obtention des formes polyédriques et subsphériques dans l'industrie sur galets du gisement villafranchien de l'Ain Hanech, Sétif, Algérie orientale. *C. R. Acad. Sci. (Paris)*, Vol. 301, pp. 355–8.
- VAUFREY, R. 1955. Préhistoire de l'Afrique. Vol. 1: Le Maghreb. Paris.
- 1969. Préhistoire de l'Afrique. Vol. 2: Au nord et à l'est de la grande forêt. Paris.

АРХЕОЛОГИЯ

раннего и среднего плейстоцена* в Европе

Паола Вилла

В этой главе рассматриваются ранние фазы поселения человека в Европе. Они занимают промежуток времени, который начинается примерно 1 млн. лет тому назад, когда впервые появились свидетельства присутствия человека в Европе, до конца периода среднего плейстоцена, т.е. примерно до 125 тыс. лет тому назад.

Современные знания об этом очень длительном периоде основаны на трех основных источниках информации:

- 1 – костных остатках древних людей;
- 2 – используемых ими орудиях, остатках их поселений и отходах их пищи;
- 3 – палеоэкологических данных, т.е., данных, относящихся к фауне и флоре того времени, климату и среде, к которым должны были адаптироваться доисторические люди.

Изучение ископаемых остатков первых европейцев было предметом гл. 2. Здесь мы будем говорить об археологии раннего и среднего плейстоцена, то есть о материальной продукции и материальных остатках деятельности первых людей и о среде, в которой они жили.

Промежуток времени и географический ареал, которые охватывает данный обзор, очень обширны; по своему значению это исследование требует включить в него многочисленные археологические факты, изложенные на различных языках. Если в различных регионах Северной Европы в период раннего и среднего плейстоцена поселения встречаются редко или полностью отсутствуют, то долгая традиция проведения археологических исследований в Центральной и Западной Европе дала массу подробной информации об отдельных регионах или конкретных поселениях. Не имея возможности отдать здесь должное всем региональным или местным исследованиям, мы сосредоточим внимание на вопросах общего порядка, которые направляют и определяют археологические исследования этого периода времени.

История эпохи плейстоцена в Европе стремится в более или менее доходчивой форме дать ответы на следующие вопросы.

1. С какого времени человек проживает в Европе?
2. Во всех ли природных зонах находят поселения?
3. Что мы знаем о средствах существования и образе жизни первых людей?
4. Для чего были необходимы каменные орудия? Для каких целей их применяли?
5. Каковы были технологические способности доисторических людей? Изменилась ли эта технология или фор-

мы артефактов во времени и в пространстве? Другими словами, была ли материальная культура подвержена изменениям? В какой мере были устойчивыми и дифференцированными древние культурные системы?

В том состоянии, в котором находятся исследования, на эти вопросы мы можем ответить лишь гипотезами. Действительно, при оценке свидетельств не следует забывать, что доисторический период выстраивается путем накопления детальных наблюдений, которые не всегда имеют явный смысл. Поэтому сначала мы дадим обзор тех свидетельств, которыми располагаем для идентификации и воссоздания образа жизни в доисторический период, и представим способ их использования для подготовки нашей трактовки.

Археологические исследования удаленных эпох проводятся, по меньшей мере, двумя способами. В первую очередь важно определить то, что среди археологических данных является неоспоримым доказательством присутствия человека, и сформулировать критерии, которые позволяют с уверенностью идентифицировать остатки его деятельности. Во вторую очередь нужно определить возраст этих остатков и погрешность, которую мы можем допустить при этом определении.

ПРИРОДА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СВИДЕТЕЛЬСТВ

Свидетельствами присутствия человека и его деятельности, которые разыскивают археологи, могут служить следующие материалы:

- каменные или костяные орудия;
- костные остатки животных со следами их разделывания, такими как разрезы, оставленные каменными орудиями при изъятии костного мозга, т.е. те костные остатки, которые можно рассматривать как пищевые отходы;
- очаги или другие элементы благоустройства, которые свидетельствуют о наличии сооружения.

Точная и достоверная идентификация этих остатков не всегда так проста, как это кажется. Легко опознать обработанные предметы и элементы благоустройства, имеющие правильные или повторяющиеся формы, которые хорошо сохранились. Трудности начинаются тогда, когда остатки находятся в плохом состоянии, а фактических подтверждений мало, как это часто бывает с ранними

* Плейстоцен (от греч. *pleistos* – наибольший и *kainos* – новый), нижний отдел, соответствующий наиболее длительной эпохе четвертичного периода. Характеризуется общим похолоданием климата Земли и периодическим возникновением в средних широтах обширных материковых оледенений. – *Прим. ред.*

периодами человечества. Действительно, различные причины могут давать сходные либо частично совпадающие результаты. Например, следы ударов на камнях, которые раскололись естественным образом в потоке воды, при обвале или под воздействием заморозков, могут напоминать удар рубила по незаконченному орудью. Кости животных несут практически одинаковые следы ударов и переломов, напояются ли они человеком или хищниками; абразивный износ, вызванный утрамбовкой или воздействием отложений, может придать костям полировку или нанести полоски, которые легко спутать с полировкой, вызванной временем, или с полосками от разделяния туши. Нора грызунов может быть похожей на отверстие под столб для фундамента хижины; лесные пожары оставляют комки красной и обожженной земли и следы угольной пыли, которые могут напоминать об очаге (Brain, 1981; Binford, 1981; Isaac, 1984, p. 36).

Оценка значения доисторических поселений может поставить вопрос об их соответствующей идентификации и интерпретации. Поселение является базовой единицей археологического исследования. Речь может идти об одиночных находках, о находке нескольких отдельных предметов или же, напротив, о находке многочисленных орудий, костных остатков и элементов благоустройства внутри одной ограниченной зоны. Первый случай является очень типичным, но он не поведает нам слишком многого, лишь только то, что тот или иной артефакт присутствует в том или ином регионе. Если находка не может быть датирована с достоверностью – как это часто бывает с предметами, найденными на поверхности земли, – то подобной информацией обычно не пользуются. Поселения второго типа обычно располагаются в нескольких пластах, и их необходимо раскапывать. В определенных условиях они предоставляют исковые доказательства того, что касается выбора места поселения, жизнедеятельности, эксплуатации местных ресурсов, и различные характеристики фауны и флоры той эпохи.

Каждое поселение эпохи палеолита, расположенное в нескольких пластах, состоит из археологических остатков, разбросанных в геологических отложениях, образованных природными факторами. Интерпретация данных, полученных в результате раскопок, основывается на различии между воздействием от деятельности доисторических людей, воздействием от геоморфологических механизмов и воздействием от животных, которые изменили либо состав поселения, либо его местоположение после его формирования или после того, как оно ушло под землю. Геологические процессы и биологические факторы могут создавать, разрушать или преобразовать поселение. Так может возникнуть местонахождение в виде разрозненного скопления, состоящего из костных остатков и нескольких камней, которые постепенно накопились на поверхности приозерного берега или заливной долины за период их медленного отложения. Есть также много шансов, что найденные артефакты из камня, разбросанные в старом русле реки, в действительности попали туда с противоположного берега, из одного или нескольких мест, где гоминиды гранили камни. Впрочем, и хищные звери и птицы могли складывать кости в тех же местах, которые, возможно, также притягивали первых людей. Идентификация и оценка таких поселений с точки зрения поведения гоминидов зависит от нашей способности: а) делать отличие между отходами пицци и естественными отложениями; б) воссоздавать местную палеотопографию и местную физическую среду; в) определять время эффективного использования поселения.

В археологии техника и методы сбора данных и их анализа находятся в большой зависимости от других дисциплин, в особенности – от экологических наук. С начала

1960-х гг. реконструкция палеоэкологических условий, способы датировки и техника получения данных достигли замечательного прогресса благодаря методам, разработанным другими дисциплинами. Этот технический прогресс привел археологов к необходимости пересмотреть протоколы их исследований, т.е. процедур, согласно которым они выдвигают аргументы и интерпретируют деятельность людей прошлого. Их требования к достоверности данных и к возможности проверить объяснения становятся все большими. Заботясь о том, чтобы избежать двусмысленностей, они занялись улучшением техники наблюдений и уточнением знаний о сложных процессах формирования и сохранения местонахождений. В результате мы можем сегодня лучше отличать вмешательство человека от воздействия других факторов, которые могут модифицировать кость, благодаря, например, применению оптического или электронного сканирующего микроскопа, или благодаря изучению опытных данных о влиянии поведения человека и животного, полученных после приведения опытов и наблюдений в контексте окружающей среды и этнографии (Shipman, 1981; Binford, 1981; Haynes, 1983). Экспериментальные этнографо-археологические исследования позволяют выяснить взаимодействие геологических процессов и деятельности человека в поселениях в сравнении с современными аналогичными ситуациями (Gifford & Behrensmeier, 1977; Villa & Courtin, 1983; Schick, 1984). К сожалению, применение этой техники и этих методов к европейским местонахождениям не так распространено, как бы того хотелось.

По сравнению с Африкой, где несколько местонахождений хорошо известны, изучены и проанализированы, в Европе существует множество мест, которые известны лишь частично или поверхностно. Здесь соединено множество факторов, для того чтобы дать объяснение этому состоянию вещей, достойному сожаления: самым важным из этих факторов, возможно, являются подходы, которые применялись при исследованиях доисторического периода в Европе.

Относительная хронология и типология каменных орудий с самого начала вызывали глубокую озабоченность доисторической археологии. Основные данные зоологии и ботаники были объединены лишь для того, чтобы облегчить датировку, а не для того, чтобы создать картину ресурсов окружающей среды. Геологические исследования и литология (наука об осадочных породах и современных осадках, их вещественном составе, строении, закономерностях и условиях образования и изменения. – Прим. ред.) были нацелены на то, чтобы поместить какое-либо событие в палеоклиматический цикл, основываясь на климатических признаках, представленных естественными отложениями. Составные элементы, такие как протяженность поселения, местная палеотопография, источники сырья, процессы накопления и рассеивания предметов, уровни отложений или плотность заселения, т.е. данные, которые позволяют объяснять манеры поведения, оставались без внимания или были предоставлены неточно и поверхностно, что мешало тому, чтобы подвергнуть их независимому анализу. Большинство данных было, таким образом, собрано в ходе работ, преследовавших цели и выполнявшихся согласно процедурам, совершенно отличным от тех, которые применяются сегодня.

Когда хотели интерпретировать данные понятиями социального поведения, часто выбирали простое объяснение или самое привычное объяснение, не учитывая ни внешних факторов (т.е. природных катаклизмов в поселении), ни различий в поведении современного человека и первых гоминидов, которые были внесены эволюцией.

Позиция археологов часто состояла в том, чтобы объяснить прошлое, основываясь на настоящем, и находить похожие черты между образом жизни первых людей и образом жизни современных охотников-собираателей.

Анализ каменных орудий был нацелен на определение этнических групп, на выявление культурных наследий и региональных традиций, что привело к тому, что каменный век был описан как один из периодов истории. В обоих случаях на ранний и средний плейстоцен была перенесена модель поведения и социальной организации, которая была характерна для более поздних эпох. В обоих случаях новые появившиеся свидетельства вступали в противоречие с установившимся представлением о социальном и культурном поведении наших далеких предков.

В заключение отметим два пункта, по которым исследования образа жизни и деятельности первых людей могут вызвать дискуссию: 1) человеческое происхождение некоторых орудий или жилых конструкций могло быть принято на веру из-за предоставления неточных и недостаточных доказательств; 2) возможно, что путем наложения привычной модели поведения на неоднозначные сведения о поведении, вероятно, сильно отличающемся от нашего, последнее было признано как поведение человека.

Наше мнение состоит в том, что необходимо критически подходить к материалам. Мы не можем согласиться с тем, что необходимо принимать за произведение человеческих рук изделия из камня или из кости настолько мало обработанные, что вызывает законное сомнение тот факт, что они сделаны человеком. Воссоздание поведения человека должно основываться на опубликованных данных, которые позволили бы провести достойную дискуссию с другими возможными объяснениями. Руководители раскопок обязаны предоставлять убедительные документы.

МЕТОДЫ ДАТИРОВКИ (табл. 1 и 2)

За последние 30 лет были усовершенствованы методы абсолютной датировки, применимые к раннему и среднему плейстоцену. Самым достоверным является метод калия-аргона (K-Ar), который дает возможность производить датировку вулканических горизонтов (пепла или лавы) в последовательности напластований, включающих археологические отложения. Этот метод широко применялся для датировки отложений периода плиоцена-плейстоцена в Восточной Африке. Однако в настоящее время лишь два европейских поселения были непосредственно датированы при помощи этого метода: Изерния и Фонтана Рануччио, оба находятся в центральной Италии (табл. 1). Ограниченное количество местонахождений, датированных этим методом, объясняется тем, что в Европе имеются лишь три зоны интенсивной вулканической деятельности, относящиеся к эпохе плейстоцена: Италия, Центральный французский массив и средний бассейн Рейна (Германия). В двух последних регионах очень редко встречаются археологические остатки, а метод калия-аргона служил для датировки массивов скоплений фауны эпохи плиоцена-плейстоцена (Центральный массив) и террасовых отложений (Рейн).

Палеомагнитная хронология основывается на последовательном чередовании нормальной и обратной полярности магнитного поля Земли (табл. 2). Инверсии геомагнитного поля произошли несколько раз в ходе геологической истории земного шара. Их можно определить путем измерения полярности пород лавы, датированных методом калия-аргона. Как и вулканические породы, отложения могут приобретать намагниченность, соответствующую полярности магнитного поля Земли на момент их отложения. Последовательность отложений может быть перенесена на палеомагнитную хронологию и на местонахождения, располагающиеся с некоторыми хронологическими интервалами. Но чтобы эта взаимосвязь оказалась действенной, необходимо сделать несколько замеров большого цикла отложений. Кроме того, известные нам

интервалы инверсии геомагнитного поля длились продолжительное время. В Европе, где древность большинства поселений относится к периоду нормальной полярности Брунеса ($0,7 \pm 0,05$ млн. лет назад и в настоящее время), польза от применения палеомагнетизма ограничена. Однако небольшое количество поселений датируются переходным периодом между фазами Матуяма – Брунеса, или являются еще более древними. Например, местонахождение Солейяк в Центральном массиве хранит в себе цикл из четырех слоев с различной полярностью: археологический слой соответствует явлению Джарамилло (табл. 1). Граница между фазами Матуяма – Брунеса также была скрыта в цикле, обнаруженном в Странска-Скала (недалеко от Брно, Чешская Республика), – местонахождении в виде пещеры и склона, на котором выявили архаичную фауну и несколько каменных изделий, происхождение которых вызывает сомнение (Kukla, 1975; Svoboda, 1984).

Очевидно, что в период Брунеса происходили короткие эпизоды инверсии полярности (длительность в десяток тыс. лет). Один из них соответствует явлению Блейка (Blake), датируемому периодом между 117 тыс. и 104 тыс. лет тому назад. Продолжаются исследования этих магнитных отклонений, они дадут возможность узнать, соответствуют ли они глобальному изменению геомагнитного поля или же это лишь местные аномалии (Kukla & Nakagawa, 1977). Такие хронологические отметки были бы чрезвычайно полезны для хронологии среднего плейстоцена.

Шкала магнитной полярности имеет важное применение в сочетании с палеоклиматическими записями глубоководных морских отложений, основанными на изменениях соотношения изотопов кислорода. Инверсии магнитного поля в морских отложениях, наблюдаемые в глубоких пробах океанического грунта, служат для датировки изменений в соотношении изотопов кислорода. Таким образом, можно датировать периоды распространения и таяния льдов (т.е. холодных и теплых климатических фаз), которые происходили в течение плейстоцена (табл. 2).

Другие методы датировки, такие как метод урана-тория (U-Th), применяемый к известковому туфу и костям; метод термолюминесценции, применяемый к обугленному кремнию; метод электронного парамагнитного резонанса (ЭПР) и метод рацемизации аминокислот, применяемые к костям, зубам и раковинам, являются важными по двум причинам: а) они позволяют проводить непосредственную датировку различных археологических материалов; б) они перекрывают временной интервал, который значительно превышает верхнюю границу датировок при помощи углерода-14 и позволяют проводить датировку значительно более древних предметов. Однако эти методы не всегда дают точные результаты; устанавливаемые ими даты должны рассматриваться как приближительные, которые требуется проверить при помощи многочисленных датировок одинаковых стратиграфических последовательностей.

КЛИМАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И КОРРЕЛЯЦИЯ (табл. 2)

Недостаточное количество радиометрических датировок периода раннего и среднего плейстоцена приводит к тому, что возраст большинства археологических местонахождений все еще определяется по классической хроностратиграфической шкале плейстоцена, разработанной в XIX в. геологами-специалистами по четвертичному периоду.

Для периодов, предшествовавших четвертичному периоду, палеонтология позволяет проводить стратиграфическую корреляцию и предоставляет данные по относительной датировке циклов местных скальных пород на

Таблица 1. Абсолютная датировка некоторых местонахождений периода раннего и среднего плейстоцена в Европе

Местонахождение	Метод датировки	Годы (до настоящего времени)	Примечание
Солейяк (Франция)	Палеомагнитный	Явление Джарамилло 900–970 тыс.	Датирует археологический уровень вместе с фауной и артефактами
Изерния (Италия)	K-Ar	736 тыс. ± 40 тыс.	Датирует верхний археологический слой. Подтвержден двумя K-Ar датами покрывающих слоев
Фонтана-Рануччио (Италия)	K-Ar	458 тыс. ± 5700	Датирует слой вместе с фауной и двусторонними орудиями
Сванскомб (Великобритания)	U-Th	326 тыс. + 99 тыс. – 54 тыс.	Датирует костные остатки среднего периода с двусторонними орудиями
Клэктон (Великобритания)	U-Th	245 тыс. + 35 тыс. – 25 тыс.	
Терра-Амата (Франция)	Термолюми- несцентный	214 тыс. 244 тыс.	Датирует обугленный кремь на уровне P2 (берег) Датирует обугленный кремь на уровне M4g (под уровнем берега) В лаборатории возраст определен как 230 тыс.+40 тыс.
Бильдингслебен (Германия)	U-Th	228 тыс. + 17 тыс. – 12 тыс.	
Понтньюид (Великобритания)	U-Th	180 тыс. ± 20 тыс.	Датирует производство ашельского периода
Ла-Шэз (Франция)	Термолюминесцентный U-Th	200 тыс. ± 25 тыс.	Датирует обугленный кремь и зубы человека
		151 тыс. ± 15 тыс.	Датирует туфовое основание слоя II и скрытые в слое или непосредственно под ним остатки гоминидов родственных неандертальцам
		245 тыс. + 42 тыс. – 28 тыс.	
Биаш-Сен-Ваас (Франция)	Термолюми- несцентный	175 тыс. ± 13 тыс.	Датирует слой туфа 53. Орудия и остатки гоминидов – промежуточного звена между человеком <i>прямоходящим</i> и неандертальцами – над слоем Датируется обугленный кремь из слоя с черепом гоминида

Источники: по *Denmel*, 1983, с изменениями. Данные взяты из *Ailken et al.*, 1984; *Blackwell et al.*, 1983; *Biddittu et al.*, 1979; *Coltorti et al.*, 1982; *Green et al.*, 198; *Hammon et al.*, 1980; *Szabo & Collins*, 1985; *Sopertendenza Arch. del Molise*, 1983; *Thouveny & Bonifay*, 1984; *Villa*, 1983, p. 55

базе характерных окаменелостей. Однако этот подход (называемый биостратиграфическим) теряет точность, когда его применяют к периодам, слишком коротким для значительной органической эволюции. По отношению к истории Земли четвертичный период, очевидно, слишком короткий, тогда как период эволюции многих видов слишком длителен для того, чтобы сделать что-либо кроме общей оценки возраста скоплений фауны. Кроме того, не во всех местах одного обширного региона непременно происходило синхронное изменение фауны, поскольку препятствия географического порядка и изменения климата усложняли выравнивание процесса эволюции. Напротив, изменение климата в эпоху плейстоцена происходило значительно быстрее, чем процесс эволюции фауны и флоры. Исходя из всех этих причин, специалисты по геологии четвертичного периода опираются на следы многочисленных оледенений, произошедших за весь период, для того чтобы установить палеоклиматическую последовательность на основании отложений, попеременно ледниковых и межледниковых, выявленных в регионах, подвергшихся оледенению.

Классический альпийский цикл, который включает в себя четыре оледенения и три межледниковых периода, был представлен в 1909 г. Пенком (*Penk*) и Брюкнером (*Brückner*). Он был разработан на основе идентификации и стратиграфической корреляции водно-ледниковых покровов, оставленных при отступлении четырех последовательных оледенений вдоль некоторых притоков Дуная, в Южной Германии, по северным границам альпийского ледника. Эта схема была быстро перенесена на другие регионы континента, и аналогичные циклы были разработаны для Северной Европы (Северная Германия и Нидерланды) и Великобритании на основании различных показателей колебаний климата прошлого, таких как концевые морены, палинологические диаграммы, отложения, оставленные морскими трансгрессиями (наступлениями моря на сушу в результате опускания последней, поднятия океанического дна или увеличения объема воды в океаничес-

ком бассейне, например, после стаивания покровных ледников. – *Прим. ред.*). Дальнейшие исследования дали возможность выделить более короткие интервалы потепления (называемые межстадиальными) во время основного оледенения, что позволяет подразделить каждый период оледенения на две ледниковые подстадии или больше.

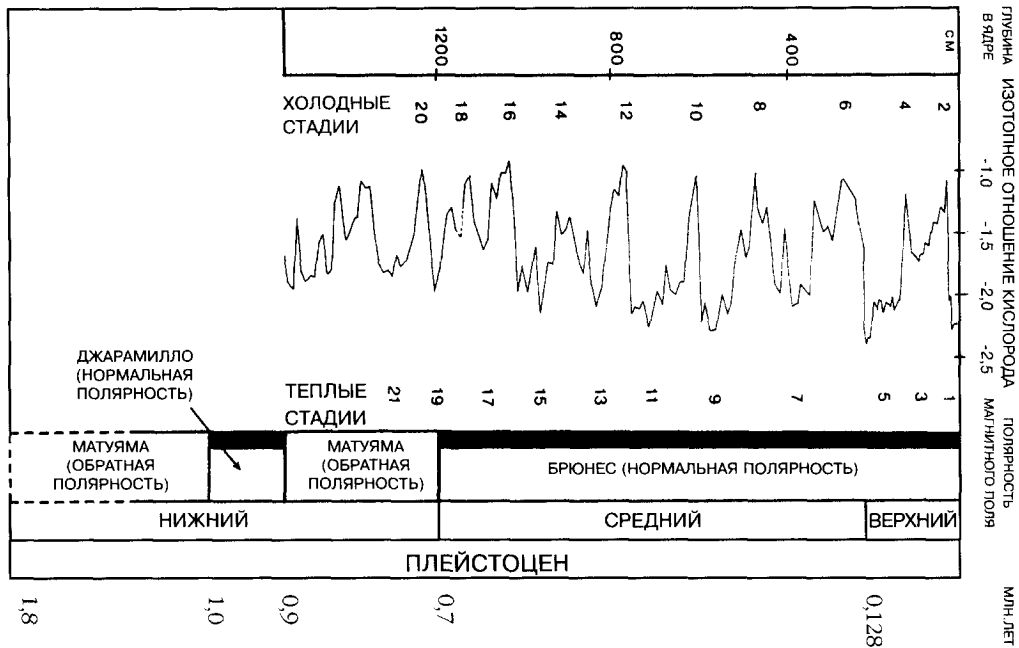
Альпийские ледники эпохи плейстоцена были значительно меньше огромных внутриматериковых льдов Скандинавии. Их разделяли большие расстояния даже в период развития обширных материковых льдов, поэтому корреляция периодов оледенения в Альпах и в северо-западной Европе всегда оставалась неточной. Это не мешало тому, чтобы альпийский цикл быстро превратился в общую схему, применимую ко всей Земле (*Nilsson*, 1983). Корреляция между местонахождениями и между регионами была установлена путем увязывания местных последовательностей слоев с признаками их теплого и холодного климата в стандартной справочной временной шкале, в основном с альпийским циклом или циклом Северо-Западной Европы.

Слабые места этой классической схемы подчеркивались с 1960-х гг., и стало необходимым значительно изменить традиционную хронологию четвертичного периода.

Корреляция отложений четвертичного периода представляет две трудности: 1) отложения свидетельствуют о последовательности периодически повторяющихся климатических событий (ледниковые и межледниковые); 2) отдельное межледниковое (или ледниковое) отложение часто представляет собой скопление окаменелостей, похожее на более древнее местонахождение или, напротив, на более позднее местонахождение.

Поскольку климатические изменения носят циклический характер, ледниковые и межледниковые стадии могут быть идентифицированы лишь с помощью подсчета слоев сверху вниз большими непрерывными циклами, возвращаясь в прошлое из настоящего. Однако редко можно встретить на континентах продолжительные последова-

Таблица 2. Изотопные кривые кислорода, наблюдаемые в пробах дна Тихого океана Y28-238, и палеомагнитная хронология. Период Олдувай, имеющий нормальную полярность, датируемый от 1,89 до 1,67 млн. лет, не отражен в таблице. Нижняя часть горизонтальной хронологической шкалы между 1,0 и 1,8 млн. лет не пропорциональна по времени с верхней частью шкалы. Большинство авторов считают началом плейстоцена период между 1,8 и 1,6 млн. лет тому назад

тельности; на территориях, непосредственно затронутых оледенением, часто выявляются неполные последовательности, поскольку более позднее продвижение льдов имело тенденцию разрушать или нарушать предшествующие отложения. Итак, в общем, земные циклы являются усеченными и прерывистыми. Однако отчет, начиная с верхнего слоя, не терпит прерывания. Когда сопоставляют две последовательности, то достаточно опустить хотя бы один период оледенения или один межледниковый период в одном из них, чтобы нарушить их синхронность.

Очень продолжительные палеоклиматические циклы, подобные тем, что установили Шеклтон и Опдайк (*Shackleton & Opdyke, 1976*) на основании исследования глубоководных проб океанического дна, а также лессовые циклы, исследованные в Австрии, Чешской Республике, Словакии и датированные методом палеомагнетизма, указывают на то, что было по меньшей мере 17 ледниковых/межледниковых циклов за последние 1,6 млн. лет, т.е. значительно больше, чем это предусмотрено в классической таблице; восемь из этих оледенений относятся к периоду Брунеса (табл. 2) (*Kukla, 1975; Fink & Kukla, 1977; Shackleton, 1975; Shackleton & Opdyke, 1976*). Пробы океанического дна указывают также на то, что оледенения в Северном полушарии начались уже в эпоху плиоцена. Размах и скорость образования льдов претерпели главные изменения примерно 0,8 млн. лет назад. Эти циклы среднего и позднего плейстоцена, возможно, являются причиной перемещений слоя материковых льдов, о чем свидетельствуют наземные отложения. В результате в последовательностях региона Альп и Северо-Западной Европы сохранились лишь неполные сведения о последней части четвертичного периода.

Проведенные исследования дали возможность выделить следующие основные результаты.

1. Пробы морского дна дают климатостратиграфическую шкалу, применимую ко всему земному шару, и служат базой хронологии эпохи плейстоцена.

2. Корреляция земных циклов с океанической изотопной кривой должна быть установлена на базе радиомет-

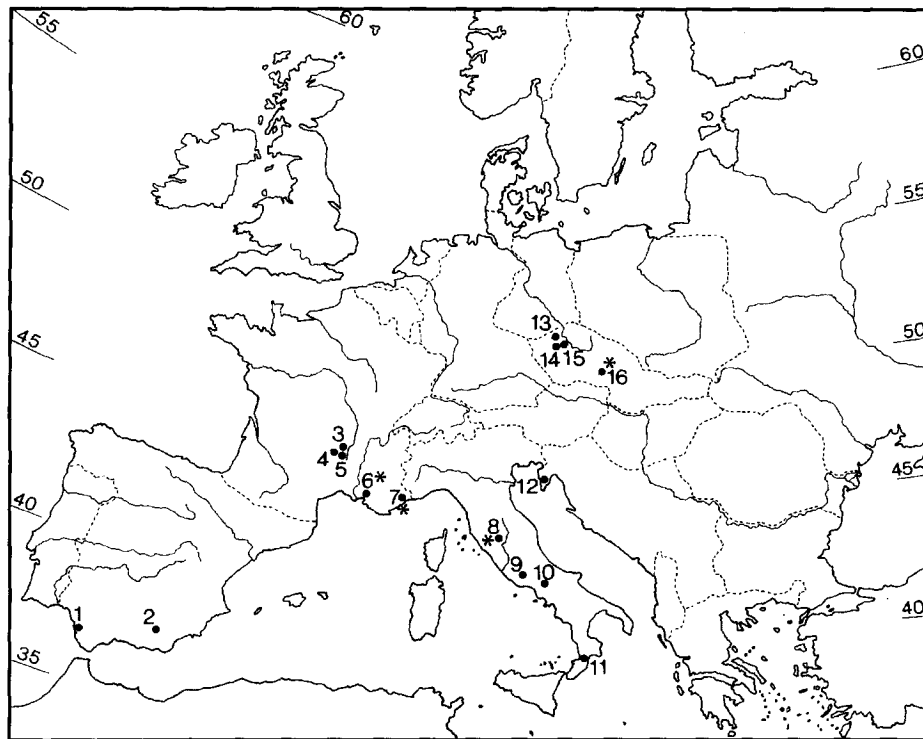
рических датировок или на базе точных хронологических горизонтов (например, магнитных зон).

3. Корреляция между земными циклами и океанической кривой достоверна лишь для периода позднего плейстоцена (вюрмское и вислинское оледенения); хронология предшествующих оледенений (рисское или заальское, и др.) остается расплывчатой.

4. Старые хронологические рамки не должны использоваться для межрегиональных корреляций. Использование одного и того же наименования для обозначения климатических явлений, идентифицированных в разных регионах, может привести к ошибкам в корреляции при отсутствии стратиграфических отметок или абсолютных датировок, следовательно, этого надо избегать.

5. Плейстоцен был периодом практически постоянных климатических изменений. Форма изотопной кривой в виде «зубов пилы» показывает, что таяние ледников было более быстрым явлением, чем распространение ледникового покрытия Земли. Несколько колебаний следуют друг за другом внутри основных фаз в 100 тыс. лет; казалось, что существовали лишь очень короткие фазы стабильности климата, которые редко длились более 10 тыс. лет. Многочисленные климатические изменения были относительно внезапными; в некоторых регионах среднегодовые температуры изменялись на 5–10 °C (*Roberts, 1984; Flohn, 1979; Liu Zechun, 1985; Ruddiman & McIntyre, 1982*).

В заключение отметим, что наши познания в стратиграфии и климатологии плейстоцена были коренным образом изменены в результате применения кислородного изотопного анализа, радиометрического метода и палеомагнитной стратиграфией. Но мы только начали трудную работу по соединению океанической сферы с традиционными земными циклами, и то, что мы знаем о хронологии периода среднего плейстоцена, далеко от того, чтобы удовлетворить нас. Для нас остаются неизвестными большие отрезки прошлого во всех регионах мира, и корреляция между местонахождениями разных регионов

Карта 3. Расположение местонахождений периода раннего плейстоцена и начала периода среднего плейстоцена в Европе. За исключением поселения Изерния, которое не вызывает сомнений, возраст или значение многих местонахождений являются противоречивыми (см. текст). Пещеры и карсты обозначены звездочкой (*); 1 – Эль-Акуладеро; 2 – Кулар-де-База; 3 – Солейяк; 4 – Шильяк; 5 – Сензель; 6 – Эскаль*; 7 – Валлюнэ*; 8 – Монте-Пелья*; 9 – Арче и Фонтана-Лири; 10 – Изерния; 11 – Каселла-ди-Маида; 12 – Сандалья*; 13 – Бечов; 14 – Прага-Сухдол; 15 – Пржеле-тице; 16 – Странска-Скала*

представляет большие трудности, чтобы создать глобальную схему того, что происходило в тот или иной период.

САМЫЕ ДРЕВНИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ (карта 3, табл. 1)

В течение длительного времени европейские археологи интересуются вопросом о древности человеческого присутствия в Европе. В последние годы поиски остатков самых древних людей нашего континента были вновь возобновлены, после того как был осознан факт крайне большого возраста человеческой культуры и после сопоставления археологических данных Европы и Африки. Действительно, обработка камней в Восточной Африке, рассматриваемая археологами как самое яркое и непосредственное свидетельство образа жизни человека, достоверно датируется возрастом 2 млн. лет и может восходить к 2,5 или 2,7 млн. лет. А археологическая история Европы значительно моложе, ей насчитывается около 1 млн. лет.

Существует ряд предположений, что она возникла значительно раньше. Недавние раскопки в Шильяк III (*Chilbac III*), в Центральном массиве во Франции, дали несколько изделий из базальта, из метаморфических (образовавшихся в результате изменения (метаморфизма) осадочных или магматических горных пород. – *Прим. ред.*) скальных пород и кварца. Было сделано предположение, что они являются орудиями (*Guth & Chavaillon*, 1985). По мнению Гута, фауна этого местонахождения аналогична фауне Шильяк II (*Chilbac II*), соседнего местонахождения, богатого с точки зрения палеонтологии, датируемого возрастом 1,9 млн. лет на основании отвердевшего потока базальтовой лавы (которой нет в Шильяк III).

Каменные изделия были найдены в нескольких слоях песчаного гравия (В3, G и K), которые чередовались с

глинисто-песчаными слоями. Некоторые изделия, а также найденные в гравии остатки представителей фауны несут на себе следы абразивного износа; что касается слоев глины, то в них нашли только хорошо сохранившиеся остатки фауны. За исключением слоя В3, который располагается горизонтально и прерывисто лежит на нижних слоях, большинство слоев имеют большой наклон (до 45 град.), и, похоже, состоят из солифлюкционных пород. (Солифлюкция – медленное передвижение почв и рыхлых грунтов под влиянием попеременного протаивания/промерзания и силы тяжести. – *Прим. ред.*) Согласно новому толкованию (*Texier*, 1985), слои, состоящие из мелких фракций (глины и вулканического пепла), первоначально отложились на дне озера, а затем подверглись вымыванию, перемещению под воздействием силы тяжести, перемешиванию с коллювиальными породами, а затем вновь отложились. Если стратиграфическое объяснение является правильным, то каменные изделия необязательно являются современниками представителей фауны, найденных в слоях гравия и глины. О поселении Шильяк III говорили, что оно является самым древним свидетельством деятельности человека в Европе, однако необходимо проверить возраст артефактов и то, что они были сделаны человеком. В настоящее время следует признать, что нам не хватает достоверных доказательств.

Многие другие открытия, сделанные в Южной и Центральной Европе, можно датировать периодом раннего плейстоцена или началом периода среднего плейстоцена. В основном, это находки двух категорий.

1. Очень примитивные артефакты, найденные в небольшом количестве в пещере или под открытым небом. Местонахождения датируются по остаткам фауны или по их стратиграфическому расположению. Можно, например, назвать пещеры или карстовые углубления Валлонэ и Эскаль во Франции, Сандалья I в Хорватии и Монте-Пелья в Италии (*de Lumley*, 1976; *Bonifay et al.*, 1976; *Matez*, 1976;

Piperno, 1972). Под открытым небом были сделаны отдельные находки на верхних террасах плоскогорья Месета в Испании и в слоях отложений в бассейне Рейна, которые связаны палеомагнетическими явлениями (*Santoja* 1983/1984; *Santoja & Perez-Gonzalez* 1984; *Bosinski*, 1986).

2. Множество артефактов, выполненных в хорошей манере. Нет сомнений в том, что они сделаны рукой человека. Однако не найдено ни одного представителя фауны, относящегося к ним, а поселения датируются согласно одному из двух следующих методов: а) путем корреляции местного стратиграфического цикла и классической климатостратиграфической хронологии эпохи плейстоцена, в основном альпийского цикла; б) путем субъективной оценки примитивного или архаичного вида орудий. В качестве примера можно привести местонахождения Эль-Акуладеро (Испания), Каселла-ди-Маида, Арче и Фонтана-Лири (Италия), террасы Русийона (Франция) и некоторые другие открытые местонахождения в Южной и Центральной Европе, которых слишком много, чтобы перечислить здесь (*Bordes & Thibault*, 1973; *Gambassini & Ronchitelli*, 1982; *Villa*, 1983, p. 13).

Возраст местонахождений второго типа остается сомнительным. Как мы видели, альпийский цикл последовательностей хронологически является «плавающим», и его нельзя использовать в межрегиональных корреляциях. Собрать под одним названием (например, Пюнц, Пюнц-Миндель и т.п.) различные местонахождения – значит создать видимость порядка среди них, в обилии которых разум имеет тенденцию теряться, но в действительности это лишь маскирует наше незнание хронологии.

Датировка на основе типологии или стиля является действенным методом, если его применять к предметам, изготовленным в мастерских или в школах, где искусство ремесленника следует установленной традиции (например, греческие вазы, бронзовые этрусские зеркала и т.д.), но она будет слишком неточной для каменных орудий, изготовленных методом несложной техники, которая предопределялась характеристиками сырья. Так, в местонахождении Терра-Амата в Ницце, на юге Франции, находят множество простых орудий архаичного вида, тогда как само поселение относится ко второй половине периода среднего плейстоцена. Для столь отдаленных эпох датировка путем типологии может вызвать погрешности в несколько сотен тысяч лет, особенно если датированные таким способом изделия являются лишь частичными образцами орудий эпохи.

Возраст местонахождений первого типа был установлен более тщательно, однако и он достаточно неопределенный: Валлонэ и Монте-Пелья могут располагаться по ту или по эту сторону от границы между фазами Матуяма/Брунес. Фауну Сандалья датировали возрастом 1,5 млн. лет (*Valoch*, 1976), но последние данные призывают к осторожности и наводят на мысль о более поздней дате (*Malez*, 1976). Во всех этих местонахождениях содержится мало остатков от присутствия человека. В Монте-Пелья нашли пять изделий, в Сандалья – два (где также был найден, очевидно, зуб человека) и в Валлонэ – одиннадцать (или, возможно, больше); находки в Испании и Германии не более значительны. Часто делают вид, что остатки фауны являются отходами пищи гоминидов, но доказательства не приводят. Такие признаки, как бороздки при разделывании туш, сделанные каменными орудиями, или как кости, разбитые при извлечении костного мозга, могут указывать на деятельность человека, однако на сегодняшний день такая аргументация недостаточна. Полагают, что первые люди жили в пещерах и приносили туда свои орудия, но это должно быть доказано. Хорошо известно, что камни и кости могут скапливаться в пещерах и трещинах в результате действий хищников, под собственным весом и в результате эро-

зии склонов. Эти природные явления часто образовывали многочисленные местонахождения, которые содержали только палеонтологические остатки (см., например, *Kurten & Anderson*, 1980, pp. 10–36). Неосторожно и ненаучно приписывать человеку образование каких-либо остатков или род деятельности, открытые археологами, если сначала нельзя отделить естественные причины. Поэтому мы ставим под сомнение некоторые другие гипотезы, такие как гипотеза о костях, разбитых человеком в Сензеле (датированных возрастом 1,6–1,3 млн. лет; *Thouveny & Bonifay*; 1984), об огне, разведенном человеком в пещере Эскаль (*Bonifay et al.*, 1976).

Солейяк (Франция), возраст которого определен методом палеомагнетизма примерно в 0,9 млн. лет, в настоящее время является самым древним из всех известных в Европе старых местонахождений с артефактами. Количество изделий, найденных на сегодняшний день (речь идет об изделиях из кремня и базальта), очень незначительное. Еще не известно, на месте ли остался археологический слой или порода была перемещена, поскольку некоторые изделия имеют размягченные края, что указывает на воздействие воды. Опубликованные сообщения о стене длиной 20 м, которую якобы построил человек из базальтовых глыб, слишком натянуты и должны быть рассмотрены в качестве материалов, требующих подтверждения (*Bonifay et al.*, 1976; *Thouveny & Bonifay*, 1984).

По сравнению с предыдущими местонахождениями Изерния, открытое в 1978 г., представляет собой идеальное сочетание составляющих элементов: 1) оно датировано достоверным образом (табл. 1 и 2) оно дало тысячи каменных артефактов (рис. 1) и богато не перемещенное скопление представителей фауны, т.е. находящееся в первородной среде отложения; 3) оно было раскопано очень тщательным образом на достаточно значительной площади (на настоящее время более 200 кв. м).

Это археологическое местонахождение было открыто в болотистой местности по соседству с водным потоком. Первый археологический горизонт отложился на поверхности, образовавшейся над выступающим слоем известкового туфа; он был покрыт слоем ила от наводнений, на котором был открыт второй горизонт. Невозможно измерить то время, которое прошло между двумя этими эпизодами, однако оно могло быть очень коротким, порядка нескольких сезонов, и даже одного. Сбоку илистые отложения скошены, а два археологических горизонта переплетаются на одной древней поверхности известкового туфа. Уход местонахождения под землю последовал сразу же после его заселения, и это объясняется быстрым отложением осадков селевого потока, состоящего из вулканических пород, извергнутых соседним вулканом, и речных наносных образований. Древность вулканических пород, определенная методом калия-аргона, составляет примерно 730 тыс. лет. Поток, который покрыл археологические остатки, возможно, немного передвинул некоторые предметы по отношению к их начальному положению (несколько больших костей указывают направление), но отсутствие износа на выступах и наличие на небольшом расстоянии друг от друга сочтанных фрагментов костей заставляет думать о том, что после отложения они не были передвинуты, а если и были, то на незначительное расстояние. По мнению участников раскопок, вода также не играла никакой роли в скоплении костей и орудий.

Верхний археологический горизонт представляет собой впечатляющее скопление артефактов и отдельных костей животных, принадлежавших в своем большинстве крупным млекопитающим (бизоном, носорогам и слонам – в порядке частоты), и несколько менее многочисленных остатков гиппопотамов и копытных животных среднего размера. Единственным хищным животным, представленным здесь, является медведь, хотя его особой

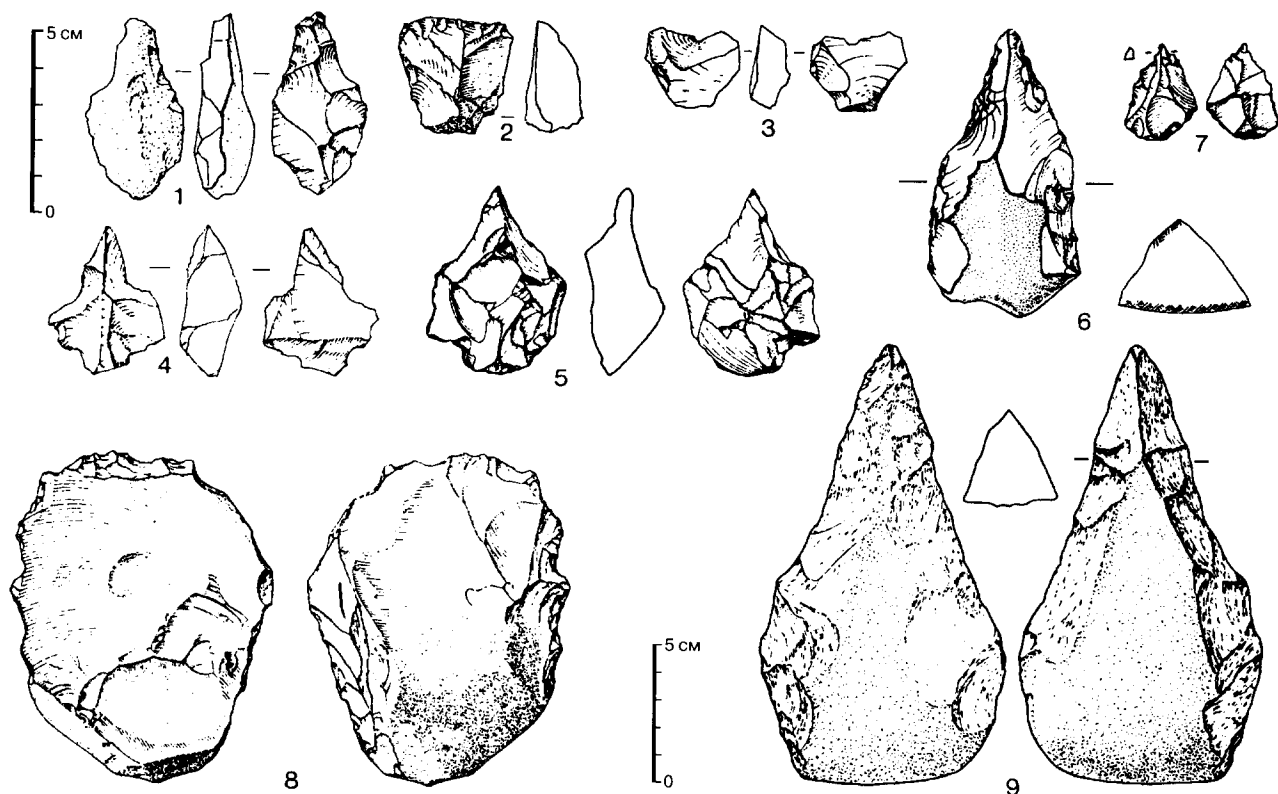

Рис. 1. Каменные орудия из поселения Изерния (Италия) (1–4), Амброны (Испания) (5–7) и Пеш-де-л'Азе II (Франция) (8); 1 – зубчатый скребок, кремний; 2 – секущий скребок, кремний; 3 – инструмент для меток, кремний; 4 – проколка, кремний; 5–7 – проколки, кварцит; 8 – топор из скола, кремний; 9 – бифас, кварцит (по Peretto, Howell, Bordes, Thibaut)

было меньше, чем представителей крупных копытных животных (Coltori et al., 1982; различные авторы в *Soprintendenza Archeologica del Molise*, 1983).

Известно, что естественная смерть и нападения хищников могут определить скопление костей животных вблизи водоемов. Зато наличие каменных орудий, изготовленных из имеющихся материалов, является очевидным доказательством того, что гоминиды посещали заливные долины и берега Изернии. Обычно из этого делают вывод, что человек является основной «причиной» скопления костей крупных и средних млекопитающих. Этот вывод сделали авторы первых отчетов, посвященных Изернии, которые считали это место жилым поселением, периодически заселяемым группами людей, живших охотой на крупных и на средних млекопитающих. Костные остатки – если исключить некоторых мелких млекопитающих и остатки птиц и рыб – отражают охотничью деятельность человека: животные, убитые вблизи поселения, были перенесены туда и съедены (*Soprintendenza Archeologica del Molise*, 1983, pp. 77–102).

Очевидно, что здесь идет речь лишь о предварительной гипотезе. Однако учитывая тот интерес, который она представляет для реконструкции первобытных моделей существования, она заслуживает внимательного изучения, прежде чем быть окончательно принятой и включенной в доисторический период в Европе. Поэтому, предвосхищая раздел, посвященный моделям существования, мы поговорим здесь о человеке-охотнике.

Как отметили Брейн (C.K. Brain), Бинфорд (L.R. Binford) и другие, то, в чем можно упрекнуть гипотезу о человеке-охотнике, это игнорирование различных элементов и механизмов, которые могли вмешаться в процесс скопления и переламывания костей, и то, что она отталкивалась от предвзятой идеи о важности охоты в процессе эволюции человека.

Фундаментальная теория археологии утверждает, что охота и сбор плодов были естественным образом жизни человечества до возникновения сельского хозяйства. Как и лагеря современных охотников-собирателей, археологические поселения состоят из скопления артефактов и костей животных. Исходя из этой аналогии, кажется правдоподобным и неизбежным сделать заключение о том, что эти скопления являются остатками лагерей, в которых первые охотники жили группами, образованными согласно сложным социальным отношениям и делившимися общие продукты питания и выполнявшими общие задачи. Прямым свидетельством образа жизни и питания охотника служит наличие костных остатков, за исключением остатков видов, непригодных к употреблению, видов, которые трудно поймать, или тех видов, которые дают слишком мало пищи при поимке.

Действительно, если рассматривать поселения в некотором отношении как пространства или скопления костных остатков и каменных изделий, то все археологические поселения похожи друг на друга, датируются ли они 2 млн. лет или же заключительным периодом плейстоцена (Isaac, 1975, p. 886). Итак, похоже, что охота, которая разделяет гоминида и нечеловекообразных приматов, восходит к самой заре человечества. Модель охоты предпочиталась многими авторами и явно или неявно вошла во все исследования европейских поселений периодов раннего и среднего плейстоцена, в которых одновременно находили обработанные камни и кости (Bouchud, 1976; de Lumley, 1969a,b; Mourer-Chauviré & Renault-Mislovsky, 1980; Kretzoi & Vertes, 1965; Freeman, 1965; Lioubin & Barychnikov, 1984). Более строгие анализы современных процессов накопления, деформации и разрушения костей предоставили решающие данные по всему комплексу тафономных процессов, которые могли бы объяснить образование археологических местона-

хождений. (Тафономия – раздел палеонтологии, изучающий закономерности процессов естественного захоронения организмов и образования ископаемых остатков этих организмов. – *Прим. ред.*) Многие авторы (в частности, Binford, 1981, 1984; Brain, 1981; Bunn, 1982; Potts, 1986; Sbjipman, 1983) показали, что накопление остатков фауны в поселении могло быть результатом сложного ряда событий, которые разворачивались в течение многих лет, предшествовавших быстрому погружению поселения под землю.

Систематическое занятие охотой является лишь одним из возможных объяснений скопления костей и обработанных камней. Палеонтологи отметили естественные накопления остатков фауны в отложениях аллювиальных долин, похожих на отложения в Изернии. Речь может идти об остатках двух или трех видов животных, многие из которых погибли на месте и постепенно «перемешивались» с другими погибшими животными; кости были растащены, переломаны и облоданы хищниками.

Необходимо предусмотреть возможность того, что местонахождение Изернии было образовано в результате действия нескольких факторов и геологических и биологических процессов, включая, может быть, скопление остовов животных, умерших естественной смертью и погибших от руки человека. Наличие переломанных костей, из которых извлекали мозг, подтверждает гипотезу о том, что человек разделял туши убитых животных (*Soprintendenza Archeologica del Molise*, p. 99, fig. 8); однако это не доказывает, что занимались охотой. Костные остатки Изернии могут быть остатками скелетов животных, умерших естественной смертью, и могут являться результатом намеренной охоты за животными. Можно задать вопрос, располагали ли первые люди достаточной техникой или арсеналом орудий (копьями с каменными наконечниками, огнем для загона дичи), которые дали бы им возможность убивать крупных млекопитающих. Нужно отметить, что в Изернии еще не обнаружены древесного угля. Существуют дрова, а это означает, что уголь тоже бы сохранился, если бы он существовал (*M. Cremaschi*, личное сообщение). До настоящего времени не было обнаружено наконечников метательных орудий в поселениях, возраст которых старше периода позднего плейстоцена.

Правда, на немецком местонахождении Леринген, датируемом последним межледниковым периодом, было найдено деревянное копье, просто заостренное, торчащее в боку слона. Вокруг валялось несколько сколов, которые, возможно, применялись для разделывания туши (*Oakley et al.*, 1977). Казалось, что простым деревянным копьем могли убивать таких крупных животных и с такой твердой и толстой шкурой; возможно, животное увязло в болоте и на него была устроена засада. Очевидно, что кремневые орудия из Изернии могли служить наконечниками для деревянных копий. Однако это всего лишь предположение, которое должно быть проверено, прежде чем оно будет принято. Нельзя забыть о том, что 600 тыс. лет отделяют Леринген от Изернии; кроме того, наличие в Изернии множества животных различных видов указывает на более сложную ситуацию, чем в Лерингене.

Часто говорили, что систематическая охота на крупных млекопитающих возникла в Европе в период среднего плейстоцена и что она совпала с появлением *человека прямоходящего*. В действительности ни одно из известных на сегодняшний день европейских поселений не предоставило веских доказательств существования охоты на крупную дичь до заключительного периода среднего плейстоцена. Поселение Изерния дает возможность подвергнуть испытанию гипотезу о регуляции охоты и дать оценку эффективности недавно разработанных методов, для того чтобы прояснить разнообразные причины, которые сыграли свою роль в процессе на-

копления костей в очень древних поселениях. Весьма тщательная технология раскопок предоставила очень подробные данные о пространственном распределении изделий, о характеристиках отложений и о микротопографии. Большинство артефактов изготовлено из кремня, единственного на сегодня материала, по которому трасология предоставила значительные результаты. По сравнению с африканскими поселениями, такими как Олдувай, скопления фауны представляют меньшее таксономическое (таксономия – наука о классификации сложных объектов действительности. – *Прим. ред.*) разнообразие и свидетельствуют о преобладании одного вида (бизон). Этот любопытный факт мог быть вызван охотой, но, одновременно, он соответствует гипотезе о естественной катастрофе как об одном из факторов образования местонахождения.

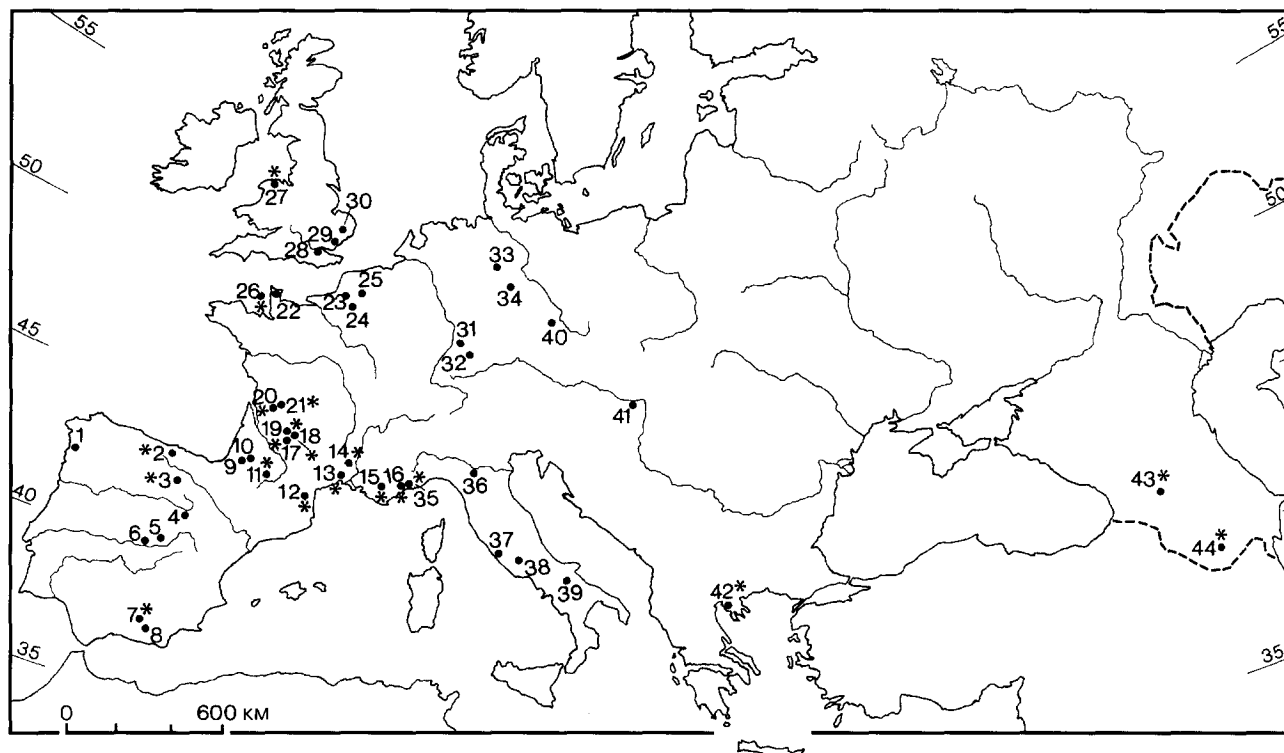
Итак, углубленный анализ различных тафономных процессов, которые могли произойти в Изернии, является предварительным требованием к любому объяснению поведения гоминидов. Мы сможем дать ход тезису об охоте лишь путем доказательства непригодности других возможных гипотез. Нет сомнений, что если группа, которая работает в Изернии, учтет требования тафономии, то мы будем располагать решающими данными для того, чтобы понять деятельность первых жителей Европы, направленную на их выживание.

ЗАСЕЛЕНИЕ ЕВРОПЫ ЧЕЛОВЕКОМ (карты 3, 4)

Темпы и пути миграции

Самые древние следы присутствия человека в Европе датируются временем примерно 1 млн. лет тому назад и соответствуют периоду *человека прямоходящего*, который появился в Африке почти 1,6 млн. лет назад (*Delson*, 1985). В Европе имеется достаточно большое количество окаменелостей, относящихся к последним периодам среднего плейстоцена – после 500 тыс. лет тому назад, но мы не располагаем человеческими остатками предшествующих периодов, и, таким образом, ископаемые остатки ничего не привносят в споры о времени и условиях поселения человека в Европе. Единственным значительным фактом является отсутствие каких-либо остатков более древнего гоминида или гоминида такого же древнего, как и первый африканский *человек прямоходящий*. Позднее возникновение самых древних местонахождений (см. выше) и отсутствие человеческой ветви с независимой эволюцией, которая предшествовала бы *человеку прямоходящему*, четко указывают на то, что появление человека в Европе явилось результатом перемещения вида в области умеренного климата из тропических стран, т.е. из Африки или из Азии.

Миграционные перемещения и рассеивание на обширных территориях характерны для истории эволюции. В частности, в истории земных млекопитающих отмечены короткие периоды их распространения с одного континента на другой. Значительное обновление фауны произошло в Европе в конце периода раннего плейстоцена. В эту эпоху некоторые морозоустойчивые виды (северный олень, мускусный бык, или овцебык, шерстистый носорог) иммигрировали в Европу, возможно, из Центральной Азии. Появились лошадь и другая разновидность носорога (*Dicerorhinus mercki* – носорог Мерки). У полорогих произошли иные изменения с появлением крупных особей настоящих быков (*Bos*) и бизонов (*Bison*), у семейства микромлекопитающих, у оленевых и у настоящих хищных – с появлением волка (*Canis lupus*), льва (*Panthera leo*), леопарда (*Panthera pardus*) и пятнистой гиены (*Crocuta crocuta*). Согласно Тернеру, некоторые хищники, возможно, пришли из Африки

Карта 4. Расположение основных местонахождений периода среднего плейстоцена в Европе. Пещеры или карсты указаны звездочкой (*): 1 – Будино; 2 – Куэва-дель-Кастильо*; 3 – Атапуэрка*; 4 – Торральба и Амброня; 5 – Аридос; 6 – Пинедо; 7 – Куэва-Хора*; 8 – Солана-дель-Самборино; 9 – Буэбен; 10 – Нангэ; 11 – Монморэн*; 12 – Араго*; 13 – Лионель-Вьель*; 14 – Орньяк*; 15 – Бом-Бон*; 16 – Терра-Амата и Лазарэ*; 17 – Комб-Грсналь*; 18 – Пеш-де-Лазэ II*; 19 – Ла-Микок*; 20 – Ла-Шэз*; 21 – Фонтешевад*; 22 – Пор-Пиньо; 23 – Аббевиль; 24 – Кашьи и Сент-Ашель; 25 – Биаш-Сеп-Ваас; 26 – Ла-Котт-де-Сен-Брелад*; 27 – Понтьюид*; 28 – Сванскомб; 29 – Клэктоп-он-Си; 30 – Хокси; 31 – Мауэр; 32 – Штайнхайм; 33 – Зальцгиттер-Лебенштетт; 34 – Бильдингслебен; 35 – Гротта-дель-Принчипе*; 36 – Пьярло-Каве*; 37 – Торре-ин-Пьетра, Кастиль-ди-Гидо & Малагротта; 38 – Фонтана Рануччио; 39 – Венюза; 40 – Бечов; 41 – Вертепсёлэш; 42 – Петралона*; 43 – Кудиро I & II*; 44 – Азых*

(Azzaroli, 1983; Turner, 1984). Результатом этих изменений фауны явилось образование комплекса мегафауны, который без больших изменений просуществовал до конца плейстоцена.

По-видимому, миграция человека из Африки в Евразию, где климат был более умеренным, являлась частью великого переселения, которое включает в себя распространение некоторых видов крупных африканских хищников на север. Согласно мнению Аццароли (Azzaroli), это изменение фауны увязывается, по меньшей мере частично, с климатическим явлением, опознанным в пробах океанического дна как изотопная кислородная стадия 22 и датированная 0,8 млн. лет тому назад. Этот отрезок времени с холодным климатом отмечает интенсификацию ледниковых/межледниковых циклов и начало ледниковой эпохи на Земле. Понижение уровня моря, вызванное развитием ледового покрова, вызвало образование перешейков между континентами и благоприятствовало миграции представителей фауны на большие расстояния. Тем не менее дата колонизации Европы первыми гоминидами и путь ее следования остаются неясными.

Проникновение в Европу могло идти двумя путями: 1) из Африки через Гибралтарский пролив; 2) из Азии через Дарданеллы или Босфор. Оба маршрута обеспечивали относительно легкий переход, особенно в периоды отступления вод во время оледенения. Понижение уровня моря на 120 или 130 м, которое максимально соответствует последнему оледенению, осушило проливы Дарданеллы и Босфор; напротив, через Гибралтарский пролив (сегодня его минимальная ширина равняется 11 км) нужно было бы преодолеть морское пространство шириной 8 км (если можно экстраполировать на эпоху плейстоцена современную глубину морского дна; Van Andel & Shackleton, 1982; Shackleton et al., 1984).

Известны местонахождения в Магрибе (Айн-Ханеш, Сиди-Абдеррахман, Тернифин), которые относятся к периоду раннего плейстоцена и к началу среднего плейстоцена, но ни одно испанское поселение не может быть с очевидностью отнесено к периоду раннего плейстоцена. Существуют тесные связи между фауной эпох плейстоцена в Северной Африке и в Европе, но нет ни одного доказательства существования прямого обмена между ними через Гибралтар (Jaeger, 1975). Неизвестно ни одно поселение в Турции, относящееся к периоду среднего плейстоцена, хотя на берегах Босфора найдены двусторонние орудия (Singer & Wymer, 1978). Известен лишь один ископаемый остаток периода среднего плейстоцена в северной Греции (череп гоминида из Петралоны, на полуострове Халкидики). Можно считать, что те свидетельства, которыми мы располагаем, не позволяют предпочесть ни один из этих маршрутов.

Два других пути обычно рассматриваются в качестве малопримлемых: 1) через Сицилийский (Тунисский) пролив из Туниса на Сицилию; 2) сухопутным путем из Азии через Украину, вдоль северного побережья Черного моря.

Маршрут, пролегающий через Тунисский пролив от мыса Бон к югу от Марсальи, потребовал бы пересечь 60 км глубоких вод пролива, прежде чем достичь отмели у африканского берега, которая поднялась бы из моря, если бы его уровень опустился на 120 м. По пути попало бы множество островов, однако этот маршрут очень сложный, который потребовал бы наличия хорошо подготовленной группы людей на устойчивой лодке или на хорошем плоту. Сейчас общее расстояние составляет 140 км (согласно документации US Defense Mapping Agency, 1971). Следы присутствия человека периода среднего плейстоцена или даже более древние, которые находят в Южной Сицилии (Bianchini, 1976; Soprintendenza Speciale del Museo Pigorini,

1984, p. 126), являются сомнительными и не дают возможности подкрепить гипотезу о сицилийском пути. Заселение Сицилии, самое раннее подтверждение о котором относится к периоду позднего палеолита, явилось результатом переселения, начатого в континентальной Италии и пересекшего Мессинский пролив, ширина которого составляет всего 3 км.

При сегодняшней глубине морского дна Мессинский пролив превратился бы в перешеек при опускании уровня моря на 90 м (*Shackleton et al.*, 1984). Однако в период среднего плейстоцена морское дно должно было быть более глубоким: действительно, побережье Калабрии с периода позднего плейстоцена поднялось примерно на 100 м (*Ascenzi & Segre*, 1971). Несмотря ни на что, пересечение трехкилометровой переправы не является чем-то ужасным, но отсутствие поселений человека на Сицилии достаточно удивительно.

На Сардинии и на Корсике не находят никаких следов человека до эпохи голоцена (*contra Sondaar et al.*, 1984). Понижение уровня воды на 120 м позволило бы перейти посуху с итальянского побережья на остров Каприя в Тосканском архипелаге; от него до Корсики остается пересечь морской пролив шириной 15 км. Мели позволили бы наземным путем перейти на Сардинию. Если отсутствие археологических поселений эпохи плейстоцена на этих островах соответствует реальным фактам, а не пробелам в наших знаниях, то можно сказать, что у гоминидов периода среднего плейстоцена были ограниченные мореплавательные способности или же у них было очень мало причин передвигаться морским путем (вероятно, отсутствие демографического давления). Похоже, что миграция континентальной фауны на Сардинию, возможно, по временному перешейку, происходила не позднее, чем на грани периода раннего и среднего плейстоцена (*Azzaroli*, 1981). В эту эпоху гоминиды могли находиться в Италии лишь в единичных случаях. Заселение Великобритании не потребовало наличия мореплавательных средств, понижение уровня моря на 50 м могло в действительности связать британские острова с континентом (*Scott*, fig. 9.1).

Возможностью наличия наземного пути из Азии в Европу по Северу обычно пренебрегают, поскольку современные познания приводят к мысли о том, что первые люди не могли выживать в холодные и длинные зимы. Поселения периода среднего плейстоцена располагались на южных склонах Большого Кавказа (пещеры Кударо I и Тсона в Южной Осетии) и далее к югу в Азербайджане (пещера Азых). На Украине были найдены лишь поселения периода позднего плейстоцена (*Liubin & Baryshnikov*, 1984; *Dolukhanov*, 1982; см. также *Davis et al.*, 1980).

Некоторые чешские поселения, датируемые временем между ранним и средним плейстоценом, могли бы указать на древнее перемещение людей к северным широтам, если бы можно было подтвердить происхождение артефактов от руки человека (в Пржлетице и Странска-Скала) или их древнее происхождение (в Бечов и Прага-Сухдол). Найденный в Пржлетице фрагмент коренного зуба, который, как полагал Фейфар (*Fejfar*, 1969, 1976), принадлежит человеку, Влцек (*Vlcek*, 1978) был отнесен к медведю. В действительности, утверждение о том, что в этих местах человек живет с незапамятных времен, является сомнительным (*Svoboda*, 1984). В Англии самые древние местонахождения относятся к периоду 500–150 тыс. лет (*Roe*, 1981, p. 301). Найденная в Маузере, в Германии (недалеко от Гейдельберга) нижняя челюсть гоминиды могла быть очень древней, т.е. относиться к началу периода среднего плейстоцена; к сожалению, мы не располагаем абсолютной датировкой этого местонахождения (*Brunnacker*, 1975; *Cook et al.*, 1982).

Для того чтобы подвести итог наших знаний о способе проникновения человека в Европу, необходимо принять во внимание три следующие суждения.

1. Все древние местонахождения, имеющие точную датировку, расположены в Южной Европе, но они редко встречаются после инверсии полярности Матуяма/Брунеса.

2. Ни одно из самых древних местонахождений Южной Европы не предоставило неопровержимых доказательств об использовании огня, включая такие местонахождения, как Валлонэ, Изерния или Араго (древность последней пещеры составляет 450 тыс. лет; *Lumly et al.*, 1984), где не были обнаружены обугленные кости или обгорелые камни или хотя бы древесный уголь. Применение огня отмечено лишь в местонахождениях более позднего периода среднего плейстоцена, таких как, например, Вертешцелеш в Венгрии (два скопления обугленных костей), Бильцингслебен в Германии (обугленный кремний) и следы древесного угля), Терра-Амата во Франции (два или три скопления древесного угля и обугленного кремния) и Понтньоид в Уэльсе (обугленный кремнь). Возраст всех этих местонахождений менее 500 тыс. лет, возраст Понтньоид значительно меньше; древность Вертешцелеш и Бильцингслебен 350 тыс. лет (а возможно, и более).

3. В течение периода среднего плейстоцена человек расселялся на северо-западе и в Центральной и Северной Европе только в периоды умеренного климата. В Центральной Европе, на севере Франции и в Англии редко встречаются поселения, датируемые периодами оледенения (*Svoboda*, 1984; *Roe*, 1981, p. 279; *Scott*, 1984; *Tuffreau et al.*, 1982b; *Valoch*, 1984).

На основании имеющихся в настоящее время данных можно сделать следующие выводы.

1. Расселение человека в Европе было очень медленным процессом, начавшимся около 1 млн. лет назад, т.е. спустя 500 тыс. лет после появления человека прямоходящего в Центральной Африке. Около полумиллиона лет плотность населения в Европе была очень низкой.

2. Кроме других обстоятельств расселение человека зависело от климата: некоторые ареалы то заселялись, то покидались в зависимости от изменения климата. Процессы адаптации к околледниковой окружающей среде, к тундре или холодной степи, где царствовали мамонты и северные олени, возможно, проявились в последний период среднего плейстоцена (например местонахождения Зальцгиттер-Лебенштедт и Рейндаден в Северной Германии и Ла-Кот-де-Сен-Брелад на островах Ла-Манша, в которых жили люди во время рисского оледенения; *Bosinski*, 1982; *Scott*, 1980). Однако поселение Биаш-Сен-Ваас на севере Франции, датируемое также окончанием среднего плейстоцена, в холодный период было покинуто (*Tuffreau et al.*, 1982a).

3. Можно считать, хотя и не вполне уверенно, что применение огня сыграло свою роль на первых этапах расселения человека в Южной Европе. Отсутствие огня, возможно, замедлило это продвижение, но это лишь предположение. Напротив, применение огня отмечается в местонахождениях Центральной и Западной Европы, датируемых средними фазами периода среднего плейстоцена. Это показывает, что огонь сыграл главную роль в перемещениях человека в холодные регионы к северу от Средиземного моря.

Северная граница распространения человека в Европе почти совпадает с южным пределом последнего оледенения, т.е. с 54 град. северной широты в Англии и с 52 град. северной широты в Уэльсе, в Восточной Германии и в Польше. Имеются местонахождения на побережье Северного моря в Германии и в Чешской Республике, расположенные к югу от 51 параллели. Очевидно, что такое расположение явилось результатом разрушения или перемещения отложений во время наступления материковых льдов Скандинавии. Однако Роз убедительно доказывает, что картина распределения

местонахождений в Англии не имеет явных разрывов, а показывает лишь постепенное их уменьшение, а это наводит на мысль о том, что даже в теплые периоды человек редко покидал юг и восток Англии. Местонахождение Понтньюид к северу от 53 параллели, в Уэльсе, указывает на спорадическое проникновение человека за пределы южной границы льдов. Заселение Ирландии, долин Северной Европы к востоку от Одера и Скандинавии произошло после последнего оледенения в конце вюрмского периода и в эпоху голоцена (карта 4).

Обычно полагают, что основным препятствием для расселения гоминидов были сезонные изменения климата, ярко выраженные в зоне умеренного климата, которые вызвали сокращение периода роста и уменьшение запасов растительной пищи, а также различия в структуре и распределении животных ресурсов в сравнении с ресурсами африканских саванн. Однако мы не знаем точно, с какими экологическими проблемами столкнулись первые гоминиды, поскольку мы не располагаем ни одним детальным исследованием различий в фауне и флоре того или иного региона в прошлом. Нам не хватает информации о плотности и распределении видов животных и растений, которые могли служить пищей человеку, об их сезонных разновидностях, об орудиях или затратах сил, которые были нужны для их использования, о количественном и качественном составе групп людей. Изучение этих направлений только лишь началось, и понадобятся годы, прежде чем мы получим четкое представление о процессах адаптации человека к окружающей среде Европы, выходящей за пределы тропиков. Задача эта тем более сложная, что не хватает свидетельств, а многочисленные группы растений и животных эпохи плейстоцена, по всей вероятности, не имеют современных аналогов.

Расположение местонахождений, возможные структуры мест обитания и охота на крупную дичь

Местонахождения второй половины периода средне-го плейстоцена (т.е. после 0,5 млн. лет тому назад) менее многочисленны (карта 4), однако мы располагаем далеко не всеми сведениями по этому вопросу: пробелы в хронологии составляют основной источник неуверенности. Наиболее часто местонахождения располагались рядом с источниками воды (на берегах озера или в долине реки), реже в пещерах. Логично думать, что близость воды и возможность укрытия служили определяющими мотивами в выборе места поселения, однако напомним, что речь также идет о местах, благоприятных для сохранения археологических остатков.

Простейшие очаги были найдены во многих поселениях, например, в Терра-Амата, Порт-Пиньо и Люнель-Вьель во Франции и в Вертешсёлэш в Венгрии. В других поселениях – Сванскомб, Хоксн (Англия) и Торральба (Испания) – были найдены обугленные глыбы и куски угля, однако неясно, идет ли речь об остатках очага, сделанного руками человека, или, скорее, об остатках естественного возгорания растительности? С достоверностью это нельзя установить. Нашли лишь микрочастицы угля в Аридоце I (под Мадридом, в Испании; *Santonja et al.*, 1980, p. 72) на месте разделывания туш слонов. И, наконец, на многих других местонахождениях не нашли никаких следов присутствия огня. Исчезновение угля и пепла в результате вымывания частично объясняет редкость их остатков. Возможно также, что огонь применялся реже, чем в более поздние периоды, а многочисленные местонахождения, открытые нами, являлись не лагерями, где спали или готовили пищу, а всего лишь местами деятельности человека (возможно, так было в Аридоце). Напри-

тив, следы огня чаще встречаются в конце среднего плейстоцена: в Лазарэ, Пеш-де-Лазз II, Орньяке и Биаш-Сен-Ваас (Франция), Ла-Кот-де-Сен-Брелад (острова Ла-Манша) и Понтньюид (Уэльс). Совершенно естественно обнаружение скопления угля и очагов в поселениях периода позднего вюрмского оледенения.

Имеется мало материальных свидетельств о возможных структурах жилищ, таких как хижина или палатка. Недостаточность и неопределенность данных, которые могут интерпретироваться по-разному, привели к тому, что некоторые археологи решили заменить серьезный научный подход различными предположениями. Например, существование хижин, которые стремились обнаружить в местонахождении Терра-Амата, – это всего лишь упрощенное, но соблазнительное предположение, построенное на недостаточных данных.

Поселение Терра-Амата расположено в г. Ницца (юго-восток Франции) на высоте 26 м над уровнем моря. В период своего заселения в доисторическую эпоху оно находилось на побережье, у дельты реки. В нем нашли следы овальных хижин длиной от 7 до 12 м, построенных из кольев и ветвей и окруженных кольцами каменных глыб. В каждом из 21 раскопанных уровней находилось по одной хижине. В каждой из хижин обнаружили определенные участки для обработки исходных материалов и для приготовления пищи. Согласно реконструкции, предложенной археологами, хижина и очаги неоднократно восстанавливались на одном и том же месте, и это приводит к мысли о том, что одна и та же группа людей год из года возвращалась на это место. Лагеря соответствовали 21 короткому привалу в весенний период (*de Lumley*, 1967, 1969, 1975, 1976b).

Стабильность в организации внутреннего пространства и планирование, которое предполагало регулярное возвращение на те же места всегда в одно и то же время года, считаются нормальными у современных охотников-собирателей. Отсюда делается вывод, что современные модели поведения уже наблюдались в период среднего плейстоцена несколько сотен тысяч лет тому назад.

К сожалению, свидетельства о местонахождениях, которыми располагают сегодня, являются сомнительными. Следы от предполагаемых несущих столбов были обнаружены в нескольких уровнях, но всегда в слишком малых количествах (от двух до четырех в каждом уровне) для того, чтобы из этого сделать вывод об общем плане жилища. Никаких следов от столбов не было найдено на более низких уровнях. Был опубликован всего лишь один план организации внутреннего пространства (*de Lumley*, 1975, fig. 6). Кроме того, исследование фрагментов прилегающих друг к другу камней показало некоторые вертикальные смещения частей, не позволяющих правильно истолковать связи между соседними раскопанными уровнями и излишнее разделение отложений на слои, которые не были стратиграфически изолированными. Ясно, что опубликованное стратиграфическое толкование поселения, имеющего 21 жилую зону, поднимает серьезные и очевидные проблемы. Прежде чем утверждать, что люди жили в хорошо построенных жилищах с очагом и зонами конкретной деятельности, необходимо провести углубленный анализ распространения артефактов, каменных глыб (желваков) и других структур. До получения лучших свидетельств все заключения о продолжительности проживания, времени года или числе последовательных заселений следует рассматривать как предположительные (*Villa*, 1976, 1982, 1983). В равной степени является сомнительной интерпретация наличия нескольких кусочков охры, которая вызвала предположения о чувстве эстетики у первобытного человека (*Edwards & Clinnck*, 1980), в то время как не было доказано, переносили ли люди эти красители или уже пользо-

вались ими. Все эти интерпретации кажутся нам очень спорными.

Костные остатки, которые находят в археологических поселениях, являются остатками очень разных видов. Так, обычно полагают, что люди периода среднего плейстоцена были разносторонними охотниками, которые занимались добычей различных видов животных и благодаря простой и гибкой технологии могли ловить любых животных – от самых маленьких до самых больших. Как мы уже видели на примере Изернии, образ жизни «охотника», безусловно, был и остается принятым многими археологами. Последние исследования по тафономии фауны пещер Араго, Торральба и Амбронна (*Moigne, 1983; Shpman & Rose, 1983*) тяготеют к тому, чтобы отказаться от общепринятой идеи, согласно которой люди периода среднего плейстоцена являлись активными охотниками за крупной дичью (слоны в Торральба, носороги, бизоны и лошади в Араго): похоже, что собирание падали играло более важную роль, чем об этом думали раньше (см. также *Santolaja et al., 1980*, pp. 323–325).

Однако в местонахождении Ла-Кот-де-Сэн-Брелад, датируемом конечным периодом среднего плейстоцена (*Scott, 1980*), имеются очень интересные признаки, которые подтверждают использование естественных ловушек для того, чтобы в них загонять и убивать крупных животных. Костные остатки и орудия были найдены в ложине, под скалистым выступом, образующим естественную западню. Два уровня (уровни 3 и 6) содержат впечатляющее скопление костей, являющихся остатками многих мамонтов и носорогов (по меньшей мере, девять мамонтов и два носорога в слое 3; восемь мамонтов и три носорога в слое 6). Кости носят следы порезов, свидетельствующих о разделывании туш и о разделывании мяса (*Binford, 1981*, p. 287).

Можно сделать предположение, что охота достигла значительного развития к концу среднего плейстоцена и что в эту эпоху были развиты более эффективные методы добычи. Отмечается также увеличение количества поселений, орудий и появление более совершенной техники обработки камней. Из этого можно сделать вывод о значительном ускорении эволюции культурных систем.

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ (рис. 1 и 2)

Терминология, функции и технические характеристики

Каменные орудия, найденные в поселениях периода раннего и среднего плейстоцена, относятся к двум большим категориям: а) сколы (отщепы), т.е. изделия, отколотые от каменной глыбы (желвака) или от базальтовой гальки; б) нуклеусы, т.е. камни, от которых отбили сколы (*Isaac, 1984*).

Самые легкие изделия, т.е. сколы, могли служить для тех работ, где требовалась режущая кромка: один или несколько краев обрабатывались, чтобы получить прочную режущую кромку, сделать желаемый профиль или облегчить его удержание в руке. Многочисленные маленькие сколы с хрупкими режущими кромками, возможно, никогда не использовались и являются лишь отходами производства.

Согласно традиционной классификации, только обработанные (ретушированные) изделия и сколы (такие, как сколы Леваллуа) считаются орудиями, так как только они явно предназначены для использования. Однако изучение микроизноса кромок показало, что простые неретушированные сколы использовались с разными целями, в частности, для резки мяса. Подобные

работы производились с помощью ретушированных или неретушированных орудий, а орудиям с утолщенной и ретушированной режущей кромкой отдавалось предпочтение при скоблении древесины или шкур (*Keely, 1977*).

Основными видами орудий, изготовленных из сколов, были скребки, орудия с зазубринами и толстые наконечники (шилья, остроконечники и т.п.). Специалисты по доисторическому периоду применяют эти термины, но прекрасно знают, что называемые так изделия не обязательно выполняют соответствующую функцию и, наоборот, необработанные сколы могут служить орудиями.

Вторая категория, нуклеусы, представляет собой большое разнообразие форм; традиционная классификация помещает некоторые из них в разряд орудий (например, изделия из гальки: кастеты, рубила, шаберы, многогранники), а в остальных (каменные желваки) видит лишь заготовки для получения сколов. И здесь результаты анализа микроизноса не всегда соответствуют принятой классификации. Исследование 22 кремневых рубил, найденных в Клектоне (Англия), показало, что 20-ю из них никогда не пользовались, они использовались лишь как заготовки для получения сколов. Экспериментальное гранение камней показало, что многообразие форм рубил явилось случайным результатом производства сколов, а не было плодом намеренных усилий, как это полагали ранее (*Toth, 1985*). Два рубила, на которых видны следы износа, служили теслами для работы по дереву (*Keely, 1977*). Все эти изделия служили в равной мере для переламывания костей с целью извлечения костного мозга.

В течение почти всего этого периода, от самых древних местонахождений до конечного периода среднего плейстоцена, орудия оставались относительно неизменными, и отмечается мало новшеств в морфологии орудий или в технологических процессах (за исключением появления технологии Леваллуа, описанной ниже). Отбивание сколов производилось с помощью твердого камня или на лежащем камне, служащем наковальней. Скалывание было не очень развито: процесс гранения простой, поверхностный, с минимумом движений, при этом мастер извлекал максимум преимуществ из природной формы заготовки. Редко производилась обработка изделий путем отбивания больших и тонких сколов с помощью мягкого дробила. Среди различных видов орудий мало тщательно обработанных и типичных форм; морфология изделий очень разнообразная. Нет никаких свидетельств того, что существовали рукоятки орудий.

Разнообразие используемого сырья очень большое (например, в Араго; *Wilson, 1986*), обычно заготовки для каменных работ выбирались в непосредственной близости от поселения. Однако некоторые виды сырья были предпочтительней других, и их доставляли на большое расстояние, иногда за 80 км от места их нахождения (*Tavoso, 1978*). Транспортировка на большие расстояния была отмечена в африканских производствах (*Clark, 1975*, p. 628). Выбор материалов очевиден: базальтовые породы (например, кремь, кварц, кремниевый известняк), которые дают твердую и острую режущую кромку, выбираются предпочтительно для мелких орудий, тогда как крупные и тяжелые орудия могли изготавливаться из более мягких пород (известняк, рис. 2) или же из пород, дающих возможность сделать прочную, но грубую и менее правильную грань (кварцит). Этот отбор уже проявился в Изернии и наблюдается в большинстве производств периода среднего плейстоцена (например, Араго, Терра-Аматта; *Villa, 1983; Lebel, 1986*). В действительности он появился в начале обработки камня в олдувайском производстве (*Leak, 1971*).

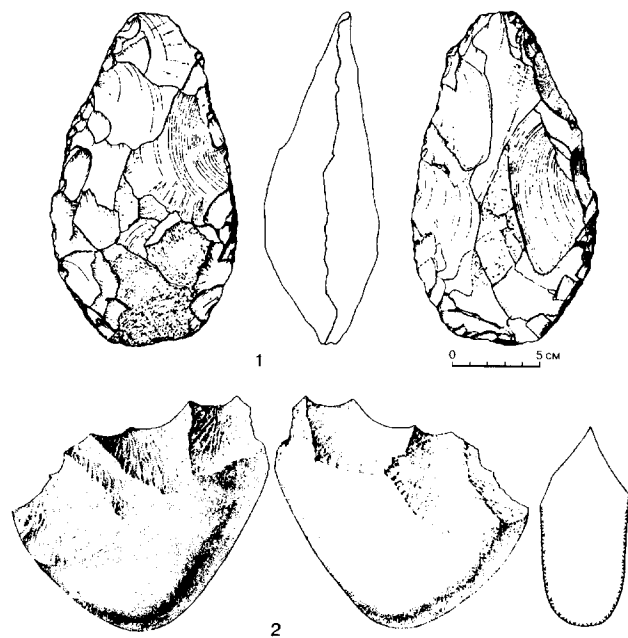

Рис. 2. Орудия из известняка: 1 – двустороннее орудие из известняка из Амброны (Испания); 2 – рубило из известняка из Терра-Амата (Франция) (по Howell & de Lumley)

Во время поздней фазы среднего плейстоцена производство каменных орудий стало более отточенным, оно характеризуется широким применением мягкого дробила, которое позволяло делать тонкие сколы правильной формы. Гранение стало более отточенным, а скалывание точно направленным, о чем свидетельствуют стабильность форм и правильная отделка. В эту эпоху гранильщики часто применяли леваллуазскую технику раскалывания, которая основывается на том, что нуклеус помещали в специальную форму, чтобы изготовить сколы определенной формы, которые требовали бы незначительных изменений или совсем не требовали бы изменений перед их применением. Впервые следы применения леваллуазского метода были обнаружены в скоплениях каменных изделий моложе 0,5 млн. лет, но повсеместно он стал применяться лишь к концу среднего плейстоцена (Tuffreau, 1982, 1986).

Последние исследования показали, что производства позднего периода среднего плейстоцена очень близки к производствам мустьерского периода позднего плейстоцена. (Мустьерская культура – позднейшая культура раннего палеолита в Европе, Южной Азии, Африке; название по пещере Ле-Мустьер во Франции. – Прим. ред.) Данная технологическая и типологическая преемственность подобна преемственности, которую можно наблюдать у народов этих двух периодов. Появление первых ископаемых неандерталоидов, или, точнее, древних людей, имеющих некоторые характерные черты классических неандертальцев эпохи последнего оледенения, приходится на поздний период среднего плейстоцена (например, в Биаш-Сен-Ваас или в Ла-Шэз; Tuffreau, 1979; Stringer et al.; 1984; Stringer, 1985).

Переход от очень древних видов производств к производствам позднего периода среднего плейстоцена менее резкий и драматичный, чем резкий переход от мустьерского периода к периоду верхнего палеолита, произошедший в эпоху последнего оледенения. Конечно, можно выделить различия между производствами ранней фазы и поздней фазы среднего плейстоцена и создать две группы в составе, с одной стороны, Изернии, Эль-Акуладеро, Пинедо, Араго, Вертешсёлэш, Амброны, Кляктона-он-Си и Терра-Амата, и, с другой стороны, Биаш-Сен-Ваас, Ла-Шэз, Комб-Греналь или Лазарэ. Можно действительно выявить

различия между двумя группами по тщательности обработки и стандартизации орудий, по частоте появления видов орудий и по уровню сложности технологии обработки. Однако существуют и очевидные связи: двусторонние орудия обнаружены у обеих групп, леваллуазская техника скалывания берет свое начало в ранней фазе среднего плейстоцена, а основные типы орудий из сколов встречаются в обоих типах производств. Можно задать себе вопрос, не имеем ли мы дело с постоянной медленной и поэтапной эволюцией в обработке орудий и в совершенствовании техники обработки, или же мы имеем дело с более быстрыми изменениями, связанными с ускорением культурных процессов. К сожалению, плотность известных местонахождений мала, а их хронология по большей части слишком неопределенная, для того чтобы остановиться на одной или другой гипотезе. Мы даже не знаем, проявлялись ли эти изменения одновременно в нескольких регионах (Bosinski, 1982, pp. 323–329).

Двусторонние орудия

Среди первобытных каменных орудий внимание специалистов по доисторическому периоду более всего привлекли двусторонние орудия (бифазы) (рис. 1 и 2). Впервые их обнаружили в Африке в скоплениях, датируемых периодом от 1,5 до 1 млн. лет тому назад, в Олдувае, Кооби-Фора и Мелка-Кунгуре. Многочисленные поселения периода среднего плейстоцена в Европе содержали двусторонние орудия, но других не было найдено (то же явление отмечено и в Африке). Часто отсутствие этих орудий воспринималось как доказательство того, что речь шла о разных народах.

Иногда можно привести другие объяснения: либо размеры имевшихся каменных заготовок были слишком малыми, либо серия предметов, найденных на поселении, является только частичными образцами каменных орудий, принадлежащих некоей группе. Можно также упомянуть о различных видах деятельности. Однако эту гипотезу трудно доказать напрямую, поскольку двусторонние орудия и другие тяжелые орудия часто изготавливались из тех материалов (кварцит, базальт, известняк), на которых не оставалось следов износа (рис. 2). Некоторые двусторонние орудия из кремня, которые были проанализированы Кили (Keeley), служили для разделывания туш животных, но большое разнообразие их форм приводит к мысли, что они выполняли и другие функции (в Хоксне двустороннее орудие использовалось в качестве клина для колки дров). Тот факт, что скопления каменных более или менее совпадающих по времени двусторонних орудий содержат очень разное количество их видов (иногда сотни, а иногда несколько или один вид), указывает на то, что они не являются стабильной культурной особенностью, а это делает гипотезу о разносторонней деятельности еще более правдоподобной (Villa, 1983). Если двусторонние орудия редко встречаются или совсем не встречаются в Восточной Азии (Watanabe, 1985), то в Европе не существует никакой значительной схемы географического распространения этих орудий, поскольку их находят во всех зонах расселения людей в период среднего плейстоцена от Испании до Чешской Республики и от Южной Италии до Англии. Столь широкое распространение указывает на то, что двусторонние орудия занимали важное место среди других орудий и что речь идет об орудиях, которые выполняли общие функции или были многоцелевыми. Значит, это был тип орудий, который мог быть легко заимствован различными группами во всех обширных регионах земного шара. Это был такой широко распространенный технический элемент более поздних времен, как, например, плуг, лук и стрела, столовая вилка, гончарные изделия или леваллуазская техника раскалывания.

Во многих из самых древних местонахождений в Европе не было найдено двусторонних орудий, а были найдены исключительно рубила и орудия из сколов (например, в Изернии и Эль-Акуладеро; *Querol & Santoja, 1983*). В соответствии с этим, часто считали, что европейский континент вначале был заселен группами людей, которые не изготавливали двусторонних орудий, за ними последовала другая волна иммигрантов, которые пользовались двусторонними орудиями. Обе традиции жили бок о бок.

Это создает любопытную проблему, потому что 1) двусторонние орудия появились в Африке за 0,5 млн. лет до появления самого древнего датированного местонахождения в Европе и 2) установлено в основном, что присутствие человека в Европе явилось в конце концов результатом миграции из Африки либо непосредственно через Гибралтарский пролив, либо наземным путем через Западную (Переднюю) Азию. В Западной Азии двусторонние орудия были найдены в Убейдиде, местонахождении, возраст которого превышает 0,7 млн. лет (*Bar Yosef, 1984*). Если согласиться с мыслью о том, что обычай изготовления двусторонних орудий возник в Европе с опозданием, то хронологический пробел между Европой, с одной стороны, и Африкой и Западной Азией, с другой стороны, кажется необъяснимым. Делалась попытка представить себе, что двусторонние орудия действительно входили в технический арсенал первых обитателей Европы, однако образцов самых древних местонахождений явно недостаточно (поскольку не все виды деятельности отмечены в разных местонахождениях). Точный ответ на этот вопрос можно будет дать лишь тогда, когда мы будем располагать большим количеством точно датированных поселений и когда мы лучше поймем назначение двусторонних орудий.

Различия в археологических наборах и культуры среднего плейстоцена

При интерпретации каменных артефактов в европейской археологии долгое время доминировала так называемая культурно-историческая школа. Первоочередной заботой этой школы была идентификация различных культур и относительная хронология ветвей этих культур. Типы каменных орудий и их наборы рассматривались как культурные указатели, которые могут использоваться при идентификации культурных групп. Сходство типов орудий обусловлено тем, что их изготовители относятся к одной культуре; наоборот, различия между типами орудий являются признаками разных культур. Итак, культуры (или точнее производственные традиции) являются таксономическими единицами в археологии. Стратиграфия (или абсолютная датировка) и анализ подобия и различий служат установлению исторической последовательности различных культурных традиций и различных народов в разных странах.

В соответствии с этой точкой зрения, в периоды раннего и среднего плейстоцена уже существовали различающиеся культуры. В этих первых культурах мы видим предшественников более сложных культурных традиций, возникших в период позднего плейстоцена. Некоторые виды каменного производства, воспринимаемые в качестве отдельных культурных единиц, получили разные наименования: ашельское, клэктонское, эвенозийское (*Evenosian*), таякское (*Tayacian*) или тобашское (*Taubachion*). Ашельское производство определяется наличием двусторонних орудий, клэктонское характеризуется наличием рубил и сколов с широкой пятой, тобашское – орудиями меньших размеров и отсутствием двусторонних орудий. Эти виды производства обладали широкой географией своего распространения и представ-

ляли длительные традиции, существовавшие в течение сотен тысяч лет. Так, согласно мнению некоторых специалистов по доисторическому периоду, виды производства, принадлежавшие к тобашскому виду (называемые также тотавельскими или будианскими), встречаются не только в Центральной и Восточной Европе (Вертешсэлэш в Венгрии, Бильцингслебен и другие поселения в Германии и Чешской Республике), но и в Южной Франции (Араго, Люнель-Вьель, Альден) и даже в Италии (Изерния). Впервые культурная тобашская традиция возникла в начале периода среднего плейстоцена (Изерния), она существовала в период позднего рисского оледенения (Баум-Бонн) и вплоть до последнего межледникового периода (Тата, Кульна и др.; *Bordes, 1968; Collins, 1969; de Lumley, 1975, 1976, 1979; Svoboda, 1984; Valoch, 1984*).

Сравнения и классификация по подобию являются общим подходом во всех естественных науках (например, в палеонтологии). Вид и широта подобию дают первичные данные, необходимые любой исторической дисциплине. Концептуальная схема археологии должна опираться на подобные данные. Однако возражения против культурно-исторической школы возникают из-за ее прикладных методов, которые часто характеризуются излишним догматизмом. Согласно исключительно типологическому подходу к изучению изделий из камня, их целью было лишь определение этнических групп и временных циклов. Особенности различных наборов рассматривались только как признаки традиционных норм и как существование культурных традиций; многие другие данные игнорировались (*Villa, 1978, 1981, 1983*).

Сегодня признано, что каменные орудия периодов раннего и среднего плейстоцена (за исключением производств конечной стадии этой эпохи) изготавливались по простой и удобной технологии; их морфология определялась не только техническими традициями, но и характеристиками сырья, условиями и сроком их применения.

Современные исследования обращены на различные функциональные и технологические аспекты орудий: анализ износа из-за их применения, чтобы представить себе виды практической деятельности в местах проживания; выявление источников сырья и расстановки при его доставке; исследование условий применения орудия; экспериментальное воспроизводство методов изготовления и применения орудий; исследование технических возможностей изготовителей и достижение некоторых пределов технического мастерства (*Keeley, 1977; Villa, 1978, 1981, 1983; Toth, 1982, 1985*). Ясно, что детальное исследование орудий может дать ценные сведения о назначении местонахождения, о роде занятий, связанных с выживанием, и об эволюции познавательных способностей и технического мастерства. Современные исследования также показали, что многообразие каменных наборов связано со многими причинами, и что культурные нормы являются лишь одним из факторов, влияющих на состав набора. Помимо уже упомянутых факторов, таких как виды деятельности и характеристики сырья (пригодность к обработке, морфология и размеры каменного желвака), необходимо учитывать интенсивность применения и модернизацию, которые приводили к уменьшению размеров орудия и увеличению количества обработанных режущих кромок. Интересно отметить, что микролитические орудия, найденные в тобашских комплексах, характеризуются большим разнообразием и большим количеством обработанных режущих кромок (*Valoch, 1984, p. 204*).

Традиционные интерпретации древних скоплений орудий основывались на предположении, что древние сообщества не отличались коренным образом от современных сообществ охотников-собирателей и что существовала региональная специализация. Несомненно,

имеются важные различия в формах скоплений орудий, но не отмечено явной географической изменчивости, по крайней мере, в пределах Европы. Многие специалисты по доисторическому периоду отметили, что удаленные друг от друга наборы орудий могут иметь множество общих черт, тогда как даже в одном регионе более или менее одноименные наборы достаточно отличаются друг от друга. Эта ситуация, при которой подобие между обширными регионами сопровождается различиями между наборами в одном регионе, может быть объяснена тем, что она является материальным выражением, отражением поведения небольших групп людей, обладавших примитивными, повсеместно применяемыми орудиями, использовавшими имевшиеся разнообразные пищевые ресурсы и материалы, вместо того чтобы регулярно и последовательно отбирать лишь некоторые виды ресурсов и лучше адаптироваться к разным условиям обитания (Clark, 1975). Поскольку демографическая плотность была достаточно низкой, то вполне резонно предположить, что существовали изолированные группы, которые обладали определенным кустарным производством, т.е. четкими техническими привычками, особенности которых зависели от выбора сырья, от существующей технологии обработки камней и изготовления орудий. Это многообразие добавляется к другим факторам, таким как качество имевшихся материалов и виды деятельности, и сочетается с комплексом ограниченных технических способностей и ограниченного количества видов орудий, который присущ всем группам.

Как указывалось ранее, наборы орудий поздней стадии среднего плейстоцена указывают на развитие их разнообразных форм, которые были более совершенными и более типизированными. В этом можно видеть начало хозяйственной и технологической специализации, которая характерна для более поздних обществ. Эта мысль не принимается другими авторами, которые подчеркивают, что производства мустьерского периода еще не характеризовались четкой региональной дифференциацией, быстрыми нововведениями и тесными связями между технологией и средой обитания периода верхнего палеолита (Jelinek, 1977, p. 28; 1982, p. 1375; Bosinski & Jelinek, in Ronen, 1982; Trinkaus, 1986).

АРТЕФАКТЫ ИЗ ДЕРЕВА И КОСТИ

Сохранилось очень мало деревянных артефактов этого периода времени. Наиболее изученным и самым древним из обнаруженных деревянных орудий является сломанный наконечник дротика, найденный в 1911 г. в местечке Клэктон-он-Си, в Англии, в местонахождении, датируемом хокснийским межледниковым периодом и находящимся в местности, давшей ему наименование клэктонского. Это длинный, суживающийся к концу предмет с частью прочного древка; массивность древка свидетельствует о том, что это именно дротик, а не метательное оружие. Микроскопический анализ показал, что наконечник был заострен с помощью каменного инструмента, имеющего режущую кромку, который оставил характерный ряд бороздок. Известно применение огня для обработки дерева, но в этом случае следов обжига не видно (Oakley et al., 1977).

Исследование под микроскопом следов износа на кремневых орудиях из Клэктон-он-Си, Хоксна и Сванскомба указывают на то, что сколы (многие из которых не были отделаны) и рубила служили для различных операций при обработке дерева: скобления, распиловки, рубки, колки с помощью клина (Keeley, 1977). Использование каменных инструментов для изготовления предметов из дерева (например, копий, рогатин, палок для вскапывания, сосудов) началось очень давно: Кили

и Тот (Keeley & Toth, 1981) среди изделий олдувайской культуры в Кооби-Фора (1,5 млн. лет) обнаружили три инструмента, с помощью которых ошкуривали и пилили дерево.

Интересной чертой древнего производств было применение костей для изготовления инструментов из их сколов, подобных каменным изделиям. В эпоху позднего палеолита олени рога, кость и слоновая кость обрабатывались по специально разработанным технологиям (выскабливание бороздок, распиловка, сверление, полировка) для получения метательного оружия, гарпунов, наконечников для дротиков, украшений. Но в самые давние эпохи использовали только расщепление ударами. Так как хорошо обработанные предметы встречаются крайне редко, то совсем не просто определить настоящие орудия из кости (Clark, 1977). Трудно отделить переломы костей, вызванные извлечением человеком костного мозга, их разрушение хищниками, от намеренного расщепления для изготовления орудий (Brain, 1981; Binford, 1981; Freeman, 1983). Однако совсем недавно в итальянских местонахождениях были обнаружены настоящие двусторонние изделия из кости; это местонахождения Каstell-ди-Гидо (илл. 10) (Radmili, 1984, 1985), Фонтана-Рануччио и Малагротта. Правильная форма этих двусторонних орудий, полученная благодаря нескольким тщательным направленным отщепам, является неоспоримым доказательством их целенаправленного изготовления и подтверждает то, что всегда утверждали специалисты по доисторическому периоду: древние люди умели разбивать кости на сколы для изготовления костяных орудий, которые походили на скребки, шилья и двусторонние орудия, обычно изготавливавшие из кремня или других скальных пород. Однако большинство «орудий» из кости или из слоновой кости, найденных в древних поселениях, обработаны слабо, и поэтому их слишком сложно идентифицировать. Критериями, с помощью которых их было бы проще различить, являются следы их обработки, оставленные каменными орудиями, и оставленные при их применении. Выявление этих признаков связано с проведением опытов и с исследованиями под микроскопом. Несмотря на то, что орудия из кости или из слоновой кости были обнаружены во многих местах (например, Амброн, Бильцингслебен, Зальцгиттер-Лебенштетт; Howell & Freeman, 1983), ясно, что камень оставался предпочтительным материалом. Кость является превосходным материалом для остроконечных орудий или орудий в виде ножиц, но для того чтобы резать или скоблить, камень остается лучшим материалом. Поэтому часто полагают, что кость выбиралась, чтобы скоблить или рубить только потому, что она оказывалась единственным подручным материалом (Clark, 1977).

Костяные изделия, измененные при их использовании или путем простейшей обработки, были обнаружены в Олдувае (Leaky, 1971), а недавно и в Стеркфонтейне и Сварткрансе. В этих последних поселениях в ходе недавних раскопок было обнаружено 25–30 костяных наконечников. Анализы под микроскопом и проведенные опыты указывают на то, что эти изделия представляют собой палки для вскапывания, что отодвигает начало костяных орудий к 1,5 млн. лет тому назад (Brain, 1985).

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Я благодарю Антонио М. Радмилли за предоставленные фотографии из Каstell-ди-Гидо. Я выражаю признательность З. Ян. Де Лаату за постоянные ободрения и Йоахиму Херрманну за очень ценные критические замечания. Я лично несу ответственность за те ошибки, которые могли остаться в моем тексте.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ANDEL, T. H. VAN; SHACKLETON, J. C. 1982. Late Palaeolithic and Mesolithic Coastlines of Greece and the Aegean. *J. Field Archaeol.*, Vol. 9, pp. 445–54.
- ASCENZI, A.; SEGREGRE, A. G. 1971. A New Neanderthal Child Mandible from an Upper Pleistocene Site in Southern Italy. *Nature (London)*, Vol. 233, pp. 280–3.
- AZZAROLI, A. 1981. Cainozoic Mammals and the Biogeography of the Island of Sardinia, Western Mediterranean. *Palaeogeogr. Palaeoclimatol. Palaeoecol.* (Amsterdam), Vol. 36, pp. 107–11.
- 1983. Quaternary Mammals and the 'End-Villafranchian' Dispersal Event: A Turning Point in the History of Eurasia. *Palaeogeogr. Palaeoclimatol. Palaeoecol.* (Amsterdam), Vol. 44, pp. 117–39.
- BAR-YOSEF, O. 1984. Near East. In: BAR-YOSEF, O. et al. (eds), *Neue Forschungen zur Altsteinzeit*. Munich, Vol. 4, pp. 233–98.
- BIANCHINI, G. 1973. Gli hacheraux nella Sicilia sud occidentale. [Cleavers in Southwest Sicily]. In: RIUNIONE SCIENTIFICA DELL'ISTITUTO ITALIANO DI PREISTORIA E PROTOSTORIA, 15, Florence. *Atti*, pp. 11–25.
- BIDDITTI, I. et al. 1979. Anagni, a K-Ar Dated Lower und Middle Pleistocene Site, Central Italy – Preliminary Report. *Quaternaria (Rome)*, Vol. 21, pp. 53–71.
- BINFORD, L. R. 1972. Contemporary Model Building: Paradigms and the Current State of Palaeolithic Research. In: CLARKE, D. L. (ed.), *Models in Archaeology*. London, pp. 109–66.
- 1981. Bones: Ancient Men and Modern Myths. New York.
- 1982. Comments to Randall White's Paper. *Curr. Anthropol.*, Vol. 23, pp. 177–81.
- 1983. *In Pursuit of the Past*. New York.
- 1984. Faunal Remains from Klasiyev River Mouth. New York.
- BLACKWELL, B.; SCHWARZ, H. P.; DEBENATH, A. 1983. Absolute Dating of Hominids and Palaeolithic Artifacts of the Cave of La Chaise-de-Vouthon (Charente), France. *J. Archaeol. Sci.*, Vol. 10, pp. 493–513.
- BONIFAY, E. et al. 1976a. Soleihac (Blanzac, Haute Loire), nouveau site préhistorique du début du Pléistocène moyen. *Bull. Soc. Préhist. Fr., Etud. Trav.*, Vol. 73, pp. 293–304.
- 1976b. Grotte de l'Escal. In: LUMLEY, H. DE (ed.), *Livret-guide de l'excursion C₂, Provence et Languedoc méditerranéen*. Nice, pp. 50–6. (IXth UISPP Congress, Nice.)
- BORDES, F. 1968. *The Old Stone Age*. London.
- BORDES, F.; THIBAULT, C. 1973. Thoughts on the Initial Adaptation of Hominids to European Glacial Climates. *Quat. Res.*, Vol. 8, pp. 115–27.
- BOSINSKI, G. 1982. The Transition Lower/Middle Palaeolithic in Northwestern Germany. In: RONEN, A. (ed.), *The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man*. Oxford, pp. 165–73. (BAR Int. Ser., 151.)
- 1986. Chronostratigraphie du Paléolithique inférieur et moyen en Rhénanie. *Bull. Assoc. Fr. Etude Quat.*, Vol. 26, Suppl., pp. 15–34.
- BOUCHUD, J. 1976. La Chasse. In: LUMLEY, H. DE (ed.), *La Préhistoire française*. Paris, CNRS, Vol. 1, Part I, pp. 688–96.
- BRAIN, C. K. 1981. *The Hunters or the Hunted?* Chicago.
- 1985. Cultural and Taphonomic Comparisons of Hominids from Swartkrans and Sterkfontein. In: DELSON, E. (ed.), *Ancestors: The Hard Evidence*. New York, pp. 72–5.
- BRUNNACKER, K. 1975. The Mid-Pleistocene of the Rhine Basin. In: BUTZER, K. W.; ISAAC, G. L. (eds), *After the Australopithecines*. The Hague, pp. 198–324.
- BUNN, H. 1982. *Meat Eating and Human Evolution*. Berkeley. (Ph.D. Dissertation, University of California.)
- CLARK, J. D. 1975. A Comparison of Late Acheulian Industries of Africa and the Middle East. In: BUTZER, K. W.; ISAAC, G. L. (eds), *After the Australopithecines*. The Hague, pp. 605–60.
- 1977. Bone Tools of the Earlier Pleistocene. *Eretz-Isr. (Jerusalem)*, Vol. 13, pp. 23–27.
- COLLINS, D. M. 1969. Culture Traditions and Environment of Early Man. *Curr. Anthropol.*, Vol. 10, pp. 267–316.
- COLTORTI, M. et al. 1982. Reversed Magnetic Polarity at an Early Lower Palaeolithic Site in Central Italy. *Nature (London)*, Vol. 300, pp. 173–6.
- COOK, J. et al. 1982. A Review of the Chronology of the European Middle Pleistocene Record. *Yearb. Phys. Anthropol.*, Vol. 25, pp. 19–66.
- DAVIS, R. S.; RANOV, R. A.; DODONOV, A. E. 1980. Early Man in Soviet Central Asia. *Sci. Am.*, Vol. 243, pp. 130–7.
- DELSON, E. 1985. Palaeobiology and Age of African *Homo erectus*. *Nature (London)*, Vol. 316, pp. 762–3.
- DENNELL, R. 1983. *European Economic Prehistory*. London.
- DOLUKHANOV, P. M. 1982. Upper Pleistocene and Holocene Cultures of the Russian Plain and Caucasus: Ecology, Economy and Settlement. *Advances in World Archaeology*, Vol. 1, pp. 323–58.
- EDWARDS, S. W.; CLINNICK, R. W. 1980. Keeping the Lower Palaeolithic in Perspective. *Man (London)*, Vol. 15, pp. 381–2.
- FEJFAR, O. 1969. Human Remains from the Early Pleistocene in Czechoslovakia. *Curr. Anthropol.*, Vol. 10, pp. 170–3.
- 1976. Recent Research at Prezletice. *Curr. Anthropol.*, Vol. 17, pp. 343 ff.
- FINK, J.; KUKLA, G. J. 1977. Pleistocene Climates in Central Europe: At Least 17 Interglacials After the Olduvai Event. *Quat. Res.*, Vol. 7, pp. 363–71.
- FLOHN, H. 1979. On Time-Scales and Causes of Abrupt Palaeoclimatic Events. *Quat. Res.*, Vol. 12, No. 1, pp. 135–49.
- FREEMAN, L. G. 1975. Acheulian Sites and Stratigraphy in Iberia and the Maghreb. In: BUTZER, K. W.; ISAAC, G. L. (eds), *After the Australopithecines*. The Hague, pp. 661–774.
- 1983. More on the Mousterian: Flaked Bone from Cueva Morin. *Curr. Anthropol.*, Vol. 24, pp. 366–76.
- GAMBASSINI, P.; RONCHITELLI, A. 1982. L'industria arcaica su ciottolo di Casella di Maida [Early Pebble Tools from Casella di Maida]. *Riv. Sci. Preistor. (Florence)*, Vol. 37, Nos. 1–2, pp. 3–30.
- GENESTE, J. M. 1985. Analyse lithique d'industries moustériennes du Périgord: une approche technologique du comportement des groupes humains du Paléolithique moyen. Bordeaux. (Doct. thesis, Université de Bordeaux I.)
- GIFFORD, D. P. 1984. Ethnographic Analogues for Interpreting Modified Bones: The View from East Africa. In: INTERNATIONAL BONE MODIFICATION CONFERENCE, Proceedings. Carson City, Nev.
- GIFFORD, D. P.; BEHRENSMEYER, A. K. 1977. Observed Formation and Burial of a Recent Human Occupation Site in Kenya. *Quat. Res.*, Vol. 8, pp. 245–66.
- GREEN, H. S. et al. 1981. Pontnewydd Cave in Wales: A New Middle Pleistocene Hominid Site. *Nature (London)*, Vol. 294, pp. 707–13.
- GUTH, C.; CHAVAILLON, J. 1985. Découverte en 1984 de nouveaux outils paléolithiques à Chilhac III (Haute-Loire). *Bull. Soc. Préhist. Fr.*, Vol. 82, No. 2, pp. 56–64.
- HARMON, R. S.; GLAZEK, J.; NOWAK, K. 1980. ²³²Th/²³⁴U Dating of Travertine from the Bilzingsleben Archaeological Site. *Nature (London)*, Vol. 284, pp. 132–5.
- HAYNES, G. 1983. Frequencies of Spiral and Green Bone Fractures on Ungulate Limb Bones in Modern Surface Assemblages. *Am. Antiq.*, Vol. 48, pp. 102–14.
- HOWELL, F. C.; FREEMAN, L. G. 1983. Ivory Points from the Earlier Acheulian of the Spanish Meseta. In: *Homage to Prof. Martín Almagro Basch*. Madrid, Ministerio de Cultura, pp. 41–62.
- ISAAC, G. L. 1975. Sorting out the Muddle in the Middle. In: BUTZER, K. W.; ISAAC, G. L. (eds), *After the Australopithecines*. The Hague, pp. 875–88.
- 1984. The Archaeology of Human Origins: Studies of the Lower Pleistocene in East Africa 1971–1981. In: WENDORE, F.; CLOSE, A. (eds), *Advances in World Archaeology*, Vol. 3, pp. 1–87.
- JAEGER, J. J. 1975. The Mammalian Faunas and Hominid Fossils of the Middle Pleistocene of the Maghreb. In: BUTZER, K. W.; ISAAC, G. L. (eds), *After the Australopithecines*. The Hague, pp. 399–418.
- JELINEK, A. J. 1977. The Lower Palaeolithic: Current Evidence and Interpretations. *Annu. Rev. Anthropol.*, Vol. 6, pp. 11–32.
- 1982. The Tabun Cave and Palaeolithic Man in the Levant. *Science (Washington)*, Vol. 216, pp. 1369–75.
- KEELEY, L. H. 1977. *Experimental Determination of Stone Tool Uses*. Chicago.
- KEELEY, L. H.; TOTH, N. 1981. Microwear Polishes on Early Stone Tools from Koobi Fora, Kenya. *Nature (London)*, Vol. 293, pp. 464–5.
- KRETZOI, M.; VÉRTES, L. 1965. Upper Biharian (Intermindel) Pebble-Industry Occupation Site in Western Hungary. *Curr. Anthropol.*, Vol. 6, pp. 74–87.

- KUKLA, G. J. 1975. Loess Stratigraphy of Central Europe. In: BUTZER, K. W.; ISAAC, G. L. (eds), *After the Australopithecines*. The Hague, pp. 99–188.
- KUKLA, G. J.; NAKAGAWA, H. 1977. Late-Cenozoic Magneto-stratigraphy. *Quat. Res.*, Vol. 3, pp. 283–93.
- KURTEN, B.; ANDERSON, E. 1980. *Pleistocene Mammals of North America*. New York.
- LEAKEY, M. D. 1971. *Olduvai Gorge: Excavations in Beds I and II, 1960–1963*. Cambridge.
- LEBEL, S. 1984. *La Caune de l'Arago: étude des assemblages lithique d'une grotte du Pleistocène Moyen*. Paris. (Thesis for 3rd cycle, Université de Paris.)
- LIUBIN, V. P.; BARYCHNIKOV, G. F. 1984. L'Activité de chasse des plus anciens habitants du Caucase. *Anthropologie (Paris)*, Vol. 88, pp. 221–9.
- LIU ZECHUN. 1985. Sequence of Sediments at Locality I in Zhoukoudian and Correlation with Loess Stratigraphy in Northern China and with the Chronology of Deep-Sea Cores. *Quat. Res.*, Vol. 23, pp. 139–53.
- LUMLEY, H. DE. 1967. Découverte d'habitats de l'Acheuléen ancien dans des dépôts mindéliens sur le site de Terra Amata (Nice, Alpes-Maritimes). *C. R. Acad. Sci. (Paris)*, Ser. D, Vol. 264, pp. 801–4.
- 1969a. A Palaeolithic Camp at Nice. *Sci. Am.*, Vol. 220, pp. 42–50.
- (ed.) 1969b. Une cabane acheuléenne dans la grotte du Lazaret. Paris. (*Mém. Soc. Préhist. Fr.*, 7.)
- 1975. Cultural Evolution in France in its Palaeoecological Setting during the Middle Pleistocene. In: BUTZER, K. W.; ISAAC, G. L. (eds), *After the Australopithecines*. The Hague, pp. 745–808.
- 1976a. Les Civilisations du Paléolithique inférieur en Provence. In: LUMLEY, H. DE (ed.), *La Préhistoire française*. Paris, CNRS. Vol. 1, Part 2, pp. 819–51.
- 1976b. Les Premières Industries humaines en Provence. In: LUMLEY, H. DE (ed.), *La Préhistoire française*. Paris, CNRS. Vol. 1, Part 2, pp. 756–65.
- LUMLEY, H. DE et al. 1979. Les Industries lithiques de l'homme de Tautavel. *Doss. Archéol.*, Vol. 36, pp. 60–9.
- LUMLEY, H. DE et al. 1984. Stratigraphie du remplissage Pleistocène moyen de la Caune de l'Arago: étude de huit carottages effectués de 1981 à 1983. *Anthropologie (Paris)*, Vol. 88, pp. 5–18.
- MALEZ, M. 1976. Excavation of the Villafranchian Site Sandalja I near Pula (Yugoslavia). In: VALOCH, K. (ed.), *Les Premières Industries de l'Europe*. Nice, pp. 104–23. (IXth UISPP Congress, Nice. Colloque VIII.)
- MOIGNE, A.-M. 1983. *Taphonomie des faunes quaternaires de la Caune de l'Arago, Tautavel*. Paris. (Thesis for 2nd cycle, Université de Paris 6.)
- MOURER-CHAUVIRÉ, C.; RENAULT-MISKOVSKY, J. 1980. Le Paléoenvironnement des chasseurs de Terra Amata (Nice) au Pleistocène moyen: La Flore et la faune de grands mammifères. *Geobios (Lyons)*, Vol. 13, pp. 279–87.
- NILSSON, T. 1983. *The Pleistocene*. Boston.
- OAKLEY, K. P. et al. 1977. A Reappraisal of the Clacton Spearpoint. *Proc. Prehist. Soc.*, Vol. 43, pp. 13–30.
- PIPERNO, M. 1972. The Monte Peglia Lithic Industry. *Quaternaria (Rome)*, Vol. 16, pp. 53–65.
- POTTS, R. 1986. Temporal Span of Bone Accumulations at Olduvai Gorge and Implications for Early Hominid Foraging Behavior. *Palaeobiology (Jacksonville, NY)*, Vol. 12, pp. 25–31.
- QUEROI, M. A.; SANTOJA, M. 1983. El yacimiento de cantos trabajados de el Aculadero. Madrid.
- RADMILLI, A. M. 1984. Quinta campagna di scavo nella stazione del Palaeolitico Inferiore a Castel di Guido presso Roma. *Atti Soc. Tosana Sci. Nat., Pisa Mem.*, Vol. 91, pp. 369–75.
- 1985. Scavi nel giacimento del Palaeolitico Inferiore di Castel di Guido presso Roma. In: SOPRINTENDENZA ARCHAEOLOGICA DI ROMA. *Preistoria e Protostoria nel territorio di Roma*. Rome, pp. 75–85.
- ROBERTS, N. 1984. Pleistocene Environments in Time and Space. In: FOLEY, R. (ed.), *Hominid Evolution and Community Ecology*. New York, pp. 25–53.
- ROE, D. A. 1981. *The Lower and Middle Palaeolithic Periods in Britain*. London.
- RONEN, A. (ed.) 1982. *The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man*. Oxford. (BAR Int. Ser., 151.)
- RUDDIMAN, W. R.; MCINTYRE, A. 1982. Severity and Speed of Northern Hemisphere Glaciation Pulses: The Limiting Case? *Bull. Geol. Soc. Am. (Rochester, NY)*, Vol. 93, pp. 1273–9.
- SANTOJA, M. 1982/4. Situación actual de la investigación del Palaeolitico inferior en la cuenca media del Duero. Portugalía (Lisbon), Vol. 4/5, pp. 27–35.
- SANTOJA, M.; LOPES MARTINEZ, N.; PEREZ-GONZALEZ, A. 1980. *Ocupaciones achelenses en el Valle del Jarama*. Madrid.
- SANTOJA, M.; PEREZ-GONZALEZ, A. 1984. *Las industrias Palaeolíticas de la Maya I en su ambito regional*. Madrid.
- SCHICK, K. D. 1984. *Processes of Palaeolithic Site Formation*. Berkeley. (Ph.D. dissertation, University of California.)
- SCOTT, K. 1980. Two Hunting Episodes of Middle Palaeolithic Age at La Cotte de Saint-Brelade, Jersey (Channel Islands). *World Archaeol.*, Vol. 12, pp. 137–52.
- 1984. Hunter-Gatherers and Large Mammals in Glacial Britain. In: FOLEY, R. (ed.), *Hominid Evolution and Community Ecology*. New York, pp. 219–36.
- SHACKLETON, J. V.; ANDEL, T. H. VAN; RUNNELS, C. N. 1984. Coastal Palaeogeography of the Central and Western Mediterranean during the Last 125,000 years and its Archaeological Implications. *J. Field Archaeol.*, Vol. 11, pp. 307–14.
- SHACKLETON, N. J. 1975. The Stratigraphic Record of Deep-Sea Cores and its Implications for the Assessment of Glacials, Interglacials, Stadials and Interstadials in the Mid-Pleistocene. In: BUTZER, K. W.; ISAAC, G. L. (eds), *After the Australopithecines*. The Hague, pp. 1–24.
- SHACKLETON, N. J.; OPDYKE, N. D. 1976. Oxygen-Isotope and Palaeomagnetic Stratigraphy of Pacific Core V28–239: Late Pliocene to Latest Pleistocene. *Mem. Geol. Soc. Am.*, Vol. 145, pp. 449–64.
- SHIPMAN, P. 1981. Applications of Scanning Electron Microscopy to Taphonomic Problems. In: CANTWELL, A. M.; GRIFFIN, J. B.; ROTHSCHILD, N. (eds), *The Research Potential of Anthropological Museum Collections*. New York, pp. 357–85. (*Ann. NY Acad. Sci.*, 376.)
- 1983. Early Hominid Lifestyle: Hunting and Gathering or Foraging and Scavenging? In: GLUTTON-BROCK, J.; GRIGSON, C. (eds), *Animals and Archaeology: Hunters and their Prey*. Oxford, pp. 51–62. (BAR Int. Ser.)
- SHIPMAN, P.; ROSE, J. 1983. Evidence of Butchery and Hominid Activities at Torralba and Ambrona: An Evaluation using Microscopic Techniques. *J. Archaeol. Sci.*, Vol. 10, pp. 465–74.
- SINGER, R.; WYMER, J. J. 1978. A Hand-Axe from Northwest Iran: The Question of Human Movement between Africa and Asia in the Lower Palaeolithic Period. In: FREEMAN, L. G. (ed.), *Views of the Past*. The Hague, pp. 13–28.
- SONDAAR, P. Y. et al. 1984. First Report of a Palaeolithic Culture in Sardinia. In: WALDREN, W. L. et al. (eds), *Early Settlements in the Western Mediterranean Islands and the Peripheral Areas*. Oxford, pp. 29–47. (BAR Int. Ser.)
- SOPRINTENDENZA ARCHEOLOGICA DEL MOLISE. 1983. *Isernia la Pineta*. Bologna.
- SOPRINTENDENZA SPECIALE DEL MUSEO PIGORINI. 1984. *I primi abitanti d'Europa*. Rome.
- STRINGER, C. B. 1985. Middle Pleistocene Hominid Variability and the Origin of Late Pleistocene Humans. In: DELSON, E. (ed.), *Ancestors: The Hard Evidence*. New York, pp. 289–95.
- STRINGER, C. B.; HUBLIN, J. J.; VANDERMEERSCH, B. 1984. The Origin of Anatomically Modern Humans in Western Europe. In: SMITH, F. H.; SPENCER, F. (eds), *The Origin of Modern Humans: A World Survey of the Fossil Evidence*. New York, pp. 51–135.
- SVOBODA, J. 1984. Cadre chronologique et tendances évolutives du Paléolithique tchécoslovaque: essai de synthèse. *Anthropologie (Paris)*, Vol. 88, pp. 169–72.
- SZABO, B. J.; COLLINS, D. 1975. Ages of Fossil Bones from British Interglacial Sites. *Nature (London)*, Vol. 254, pp. 680–1.
- TAVOSO, A. 1978. *Le Paléolithique inférieur et moyen du Haut Languedoc*. Marseille. (Doct. thesis, Université de Provence.)
- TEXIER, P. J. 1985. Chilhac III: un gisement paléontologique villafranchien soliflué? *Bull. Soc. Préhist. Fr.*, Vol. 82, pp. 68–70.

- THOUVENY, N.; BONIFAY, E. 1984. New Chronological Data on European Plio–Pleistocene Faunas and Hominid Occupation Sites. *Nature* (London), Vol. 308, pp. 355–8.
- TOTH, N. P. 1982. The Stone Technology of Early Hominids at Koobi Fora: An Experimental Approach. Berkeley. (Ph.D. dissertation, University of California.)
- 1985. The Oldowan Reassessed: A Close Look at Early Stone Artifacts. *J. Archaeol. Sci.*, Vol. 12, pp. 101–20.
- TRINKAUS, E. 1986. The Neanderthals and Modern Human Origins. *Ann. Rev. Anthropol.*, Vol. 15, pp. 193–218.
- TUFFREAU, A. 1979. Les Débuts du Paléolithique moyen dans la France septentrionale. *Bull. Soc. Préhist. Fr.*, Vol. 76, pp. 140–2.
- 1982. The Transition Lower/Middle Palaeolithic in Northern France. In: RONEN, A. (ed.), *The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man*. Oxford, pp. 137–49. (BAR Int. Ser.)
- TUFFREAU, A. et al. 1982a. Stratigraphie et environnement de la séquence archaéologique de Biache–Saint–Vaast (Pas–de–Calais). *Bull. Assoc. Fr. Étude Quat.* (Paris), Vol. 19, pp. 57–61.
- 1982b. Stratigraphie et environnement des industries acheuléennes de la moyenne terrasse du bassin de la Somme (région d’Amiens). *Bull. Assoc. Fr. Étude Quat.* (Paris), Vol. 19, pp. 73–82.
- 1986. Les Niveaux acheuléens de la moyenne terrasse du bassin de la Somme à Cagny–l’Epinette (Somme). *Anthropologie* (Paris), Vol. 90, pp. 9–27.
- TURNER, A. 1984. Hominids and Fellow Travellers: Human Migration into High Latitudes as Part of a Large Mammal Community. In: FOLEY, R. (ed.), *Hominid Evolution and Community Ecology*. New York, pp. 193–218.
- US DEFENSE MAPPING AGENCY. 1971. *Mediterranean Sea, Bathymetric Map*. Washington, DC.
- VALOCH, K. 1976. Aperçu des premières industries en Europe. In: VALOCH, K. (ed.), *Les Premières Industries de l’Europe*. Nice, pp. 178–83. (IXth Congress, Nice. Colloque VIII.)
- 1984. Le Taubachien, sa géochronologie, paléoécologie et paléoéthnologie. *Anthropologie* (Paris), Vol. 88, pp. 193–208.
- VILLA, P. 1976. Sols et niveaux d’habitat du paléolithique inférieur en Europe et au Proche Orient. *Quaternaria* (Rome), Vol. 19, pp. 107–34.
- 1978. The Stone Artifact Assemblage from Terra Amata: A Contribution to the Comparative Study of Acheulian Industries in South–Western Europe. (Ph.D. dissertation, University of California, Berkeley.)
- 1981. Matières premières et provinces culturelles dans l’Acheuléen français. *Quaternaria* (Rome), Vol. 23, pp. 19–35.
- 1982. Conjoinable Pieces and Site Formation Processes. *Am. Antiq.*, Vol. 47, pp. 276–90.
- 1983. Terra Amata and the Middle Pleistocene Archaeological Record of Southern France. Berkeley/Los Angeles.
- VILLA, P.; COURTIN, J. 1983. The Interpretation of Stratified Sites: A View from Underground. *J. Archaeol. Sci.*, Vol. 10, pp. 267–81.
- VLCEK, E. 1978. Diagnosis of a Fragment of the «Hominid» Molar from Přezletice, Czechoslovakia. *Curr. Anthropol.*, Vol. 19, pp. 145–6.
- WATANABE, H. 1985. The Chopper–Chopping Tool Complex of Eastern Asia: An Ethnoarchaeological–Ecological Reexamination. *J. Anthropol. Archaeol.* (New York), Vol. 4, pp. 1–18.
- WILSON, L. 1986. Archéopétrographie des industries du Paléolithique inférieur de la Caume de l’Arago (Tautavel, France): identification et provenance des roches. Paris. (Thesis for 3rd cycle, Université de Paris 6.)

ЗАПАДНАЯ АЗИЯ

в период *Homo habilis* (человек умелый)
и *Homo erectus* (человек прямоходящий)

Фрэнсис Ауэрс

Тогда как в Африке нам известны орудия, датированные возрастом более 2 млн. лет, и то, что практически постоянные вулканические процессы, происходящие в ней, дают нам материалы для точной хронологии, и то, что длительные археологические циклы предоставляют относительно детальную эволюцию орудий, то с первого взгляда Западная Азия (Передняя Азия) кажется значительно беднее в этих отношениях.

Западная Азия включает в себя такие современные государства, как Иран, Ирак, Турция, Сирия, Ливан и Израиль, а также страны Аравийского полуострова.

Она представляет собой некоторое количество больших, четко выраженных географических регионов. За средиземноморским побережьем и его прибрежными возвышенностями простирается африканская рифтовая система, продолжающаяся заливом Акабал, Мертвым морем, долиной р. Иордан, хребтом Ливан, долиной Бекаа в Ливане, реками Оронт (Эль-Аси) и Карасу в турецком хребте Тавра. Обрамленная с Востока и с Запада возвышающимися краями, эта сложная тектоническая система является барьером, который преграждает путь климатическому воздействию с запада и, отчасти, отвечает за образование пустынь на востоке. С другой стороны, она открывает проход, который облегчал заселение Леванта. Напротив, хребты Тавра и Загроса служили трудно преодолимым препятствием в начальной стадии доисторического периода. Находящиеся позади них Анатолийское плоскогорье и Иранское нагорье не были населены в интересующую нас эпоху. Интенсивные аллювиальные (наносные) отложения в долинах Евфрата и Тигра покрыли всю территорию к югу от Багдада, и мы не можем ничего узнать о том, что произошло в нижней Месопотамии в периоды раннего и среднего плейстоцена. Однако существуют признаки присутствия людей в средней части этих долин, расположенных от подножия гор до устьев этих двух рек в верхней Месопотамии.

В Западной Азии интересующий нас период истории, который заканчивается с появлением *человека разумного неандертальца* примерно 100 тыс. лет тому назад, предоставил мало данных, полученных методом радиометрического датирования, и ископаемые остатки лишь одного человека. Следовательно, виды доисторических производств можно расположить лишь в относительном хронологическом порядке. Эти данные в основном опираются на последовательное чередование климатических явлений, изученных методами стратиграфии и геоморфологии (Perrot, 1968; Gilead, 1969; Hours et al., 1973; Tomsky, 1982).

СТРАТИГРАФИЧЕСКАЯ ШКАЛА (табл. 3)

Основу хроно-стратиграфических данных составляют уровни моря, которые были определены П. Санлавилем (P. Sanlaville, 1977) на побережье Ливана. Там имеется множество старых береговых линий, которые свидетельствуют о многочисленных изменениях уровня моря, однако они объединены в один цикл, состоящий из пяти больших формирований, включая современное побережье. Соответствующие отложения были пронумерованы Qm 0, Qm I, Qm II, Qm III и Qm IV (что означает четвертичный морской период 0, I, II, III и IV) и получили местные наименования (Sanlaville, 1981). Qm 0 относится к формированию эпохи голоцена и в этой работе нас не интересует.

Qm I очень важен, поскольку служит отправной точкой всего цикла. Межледниковый период, свидетелем которого он является, оставил многочисленные отложения на песчаном побережье, одно из которых содержит большое количество характерных раковин моллюсков *Strombus bubonius* (Lmk), разновидности брюхоногих, проживающих сегодня в теплых водах у побережья Сенегала. Эти раковины методом уран-торий дали возможность рассчитать одну из редчайших дат, которой мы располагаем в отношении эпох нижнего и среднего левантского палеолита. Их датировали примерно возрастом 90 тыс. лет (Stearns & Thurber, 1965; A. Leroi-Gourhan, 1980).

Qm I является местным проявлением тирренского межледникового периода, который представлен здесь четырьмя пульсациями, произошедшими в течение двух основных фаз: анфейской (*Enfehan*) и наамийской (*Naamian*). Более древняя, анфейская фаза соответствует периоду 7 кислородно-изотопной хронологии (Opdyke & Shacleton, 1976), периоду, датированному 250–200 тыс. лет тому назад. Анфейская фаза отделена от наамийской периодом 6 (200–130 тыс. лет), который соответствует эпохе оледенения. Наамийская фаза со своими раковинами *Strombus* отмечает начало периода 5, достаточно сложного, с умеренно жарким климатом. Начало среднего палеолита совпадает с серединой периода 5. В этой схеме нужно предположить наличие длительного периода континентальных отложений для формирования Qf II, что представляется достаточно сложным.

Регрессия морей, прерываемая периодами потепления, свидетельствует о первой части предпоследнего оледенения (период 8–12); ей предшествовала важная

Таблица 3. Западная Азия. Хронологическая таблица (океанические фазы, геологические образования, археологические местонахождения и виды производств)

Голоцен	Океанические фазы			Формация	Местонахождения	Производство		
	1000A	Кривая	№					
Верхний	10		1			Неолитическое		
	25		2	Qf I	Джраимакийе	Ксар-Акил-Аль-Вад	Верхне-палеолитическое	
	75		3	Qf I	Еш-Шир b	Табун B Табун C Табун D Наахмех	Средне-палеолитические	Леваллуазское и мустьерское
	90		4		Еш-Шир a			
	115		5	Qm I	Наамиан	Хуммал (Ia) Адлун	Переходное	Производство пластин Заключительное ябрудское Ашельское
	130		6			Хуммал (Ib) Ябруд Зутиех		
	195		7	Qf II	Енфехан	Мааян-Барук Гхармаши (Ib)	Нижне-палеолитические	Позднее ашельское
	250		8					
	280		9	Qm II	Айн-Абу-Джамаа	Айн-Абу-Джамаа Рудо Джрайбият Берех		Позднее ашельское
	310		10					
	350		11					
	390		12	Qf III	Латамне	Джбаиль II	Прибрежная полоса Кхеллалех Вади-Аабет Рас-Бейрут (Ia)	Раннее палеолитическое (среднее ашельское)
	450		13			Джбаиль I		
590	14	Qf III	Латамне	Арбаин	Берзин			
650	15			Мирамил				
750	16			Шариа			Джубб-Джаннин	
850	17							
Средний	850		18	Qm III	Закрун III Закрун II Закрун I	Бурж-Киннарит Шайх Мухаммад Джабал-Идрисс	Нижнее палеолитическое (раннее ашельское)	
	900		19					
	950		20					
	1000		21					
Ранний	1000		22	Qf IV	Ситт-Мархо	Ситт-Мархо Хааттаб		
	1050		23					
	1100		24					
	1150		25					
	1200		26					
	1250		27					
	1300		28					
	1350		29					
	1400		30					
	1450		31					

трансгрессия (Qm II), которую называют джбаильской, по современному названию «баиль» (от древнего названия Вавилона – *Byblos*). Джбаильская фаза представляет собой два трансгрессивных прилива (периоды 13 и 15, согласно Опдайку и Шекеллину), разделенных одной регрессией с небольшой ледниковой пульсацией (период 14).

Более значительная регрессия отделяет джбаильские береговые линии от других более древних уровней моря. Она соответствует ледниковому циклу (периоды с 22 по 16), оставившему речные отложения, в которых можно определить инверсию геомагнитного поля Матуяма-Брунес, произошедшую примерно 730 тыс. лет тому назад.

Самая древняя береговая полоса, на которой были найдены доисторические предметы, находится на побережье Ливана в Закруне. По-видимому, это побережье подверглось трем пульсациям наступающего моря (периоды с 23 по 25).

В течение периодов регрессии морей, вызванных последствиями всемирных процессов оледенения, во время которых вода, находясь в твердом состоянии, не питала океаны, в Западной Азии повсеместно наблюдался влажный климат, который давал рекам достаточно воды, чтобы сдвинуть значительные массы отложений. Эти отложения откладывались террасами, которые легко обнаружить либо вдоль нескольких малых прибрежных речек (например, Нахр-Эль-Кабир на севере Сирии), либо вдоль таких крупных рек, как Оронт и Евфрат в его среднем течении. Не пересыхающие внутренние реки, например, Эз-Зарка в Иордании, хранят память об изменениях климата. Как и морской, континентальный четвертичный период был комплексным, оставившим различные формации, которые были сгруппированы в четырех основных фазах (*Besançon*, 1981).

Фаза Qf I соответствует последнему плювиально-ледниковому периоду, и ее подразделения хорошо видны на р. Нахр-Эль-Кабир в Эш-шире и в Джраймакие (Сирия). Эта фаза очень хорошо видна на р. Эз-Зарка в Иордании в окрестностях Хирбет-эс-Самра, где отложения содержат остатки эпохи среднего и позднего палеолита. Фаза Qf I не входит в круг вопросов, рассматриваемых в данной главе. Следы второй фазы (Qf II) видны вдоль всех левантских рек (Эз-Зарка – в Иордании, Абу-Али – в Ливане, Нахр-Эль-Кабир – в Сирии), а также вдоль Евфрата и Оронта. Поскольку следы этой фазы превосходно сохранились вдоль Евфрата, ее назвали по местности, где эти следы наиболее видны – Айн-Абу-Джамаа. Она содержит отложения, наиболее развитые из которых относятся к позднему ашельскому периоду.

Формация Qf III исключительно важна и занимает значительный временной интервал. Вдоль таких основных рек, как Евфрат, или даже к югу от центральной впадины у хребта Ливан и р. Иордан, она была полностью вытеснена формацией Qf II. Однако в северной части Леванта, на р. Нахр-Эль-Кабир и Оронт, она выстояла против эрозии, о чем свидетельствуют толстые слои террас, которые хранят отложения среднего ашельского периода, одним из которых является уровень заселения Латамне. Мы назвали эту зону «формацией Латамне», она объединяет различные формации и соответствует периодам с 22 по 16, согласно изотопной хронологии по кислороду (*Opdyke & Shackleton*, 1976).

Следы старых континентальных отложений (Qf IV) встречаются крайне редко. В одном месте в северной части р. Нахр-Эль-Кабир в местонахождении Ситт-Мархо они хорошо узнаваемы, и поэтому для их обозначения было выбрано название этого места. Стратиграфические и геоморфологические данные указывают на то, что эти отложения предшествовали инверсии полярности геомагнитного поля Матуяма/Брунес, а согласно датировкам остатков ашельского периода, содержавшихся в них, они относятся к раннему ашельскому периоду.

В качестве исключения, в одном из пунктов побережья Сирии, в устье р. Нахр-Эль-Кабир вблизи г. Латакия, морские и континентальные отложения лежат вперемешку, что дает возможность выделить надежный цикл (табл. 3), который послужит нам основанием для изучения нижнего палеолита в Леванте.

РАННИЙ НИЖНИЙ ПАЛЕОЛИТ (карта 5, рис. 3)

Доисторический период Западной Азии нужно начинать именно с раннего нижнего палеолита, поскольку ничего не известно из того, что можно было бы отнести к архаичному палеолиту, доашельскому, который соответствовал бы присутствию *человека умелого*. Возможно, нашли (*Ariai & Thibault*, 1975–1977; *Hours & Sanlaville*, 1972) или полагают, что нашли (*Stekelis*, 1966; *Stekelis et al.*, 1969) признаки производства каменных предметов без двусторонних орудий, которые более или менее осознанно были увязаны с древними африканскими производствами рубил. В действительности, свидетельства, датированные методами геологии, относят их происхождение к концу периода раннего плейстоцена, к эпохе, в которую *человек прямоходящий* и ашельцы уже в течение длительного времени проживали в Африке и когда архаичный палеолит уже закончился.

Самым важным древним местонахождением по количеству уровней и артефактов является местонахождение Убейдия (*Goren*, 1981, где приведена полная библиография), находящееся к югу от Тивериадского озера. В нем определены четыре формации, поочередно болотистые и речные, названные *Li, Fi, Lu, Fu*, которые объединены в два цикла. Каждая из формаций состоит из нескольких слоев. Весь комплекс предшествовал инверсии полярности геомагнитного поля Матуяма/Брунес. Он старше, чем «Базальт из Ярмука», датированный возрастом 650 тыс. лет, но намного моложе, чем «Покрывной базальт», датированный 2 млн. лет. Это очень сложное местонахождение, потому что слои сползали во время особо активных неотектонических процессов, и различные зондирования трудно увязываются между собой. Вполне вероятно, что на протяжении длительного времени эта площадь периодически заселялась. Последовательность из четырех осадочных формаций, испытавших серьезные изменения климата, не могла образоваться в короткое время. Фауна, изученная в целом, а не по слоям (*Bar-Yosef & Tchernov*, 1972; новые анализы фауны Убейдии были проведены в 1986), свидетельствует о том же.

Первые археологи, исследовавшие это местонахождение, дали конкретную классификацию найденных предметов. Они полагали, что могут выделить доашельскую фазу – израильский вариант культуры олдувай II (IVO II), за которой следует первобытная ашельская фаза, названная аббевильской – израильским вариантом аббевильской культуры (IVA) (*Stekelis*, 1966). В настоящее время археологи предпочитают подчеркивать однородность различных скоплений, найденных в многочисленных слоях, и относить их к единой традиции (*Goren*, 1981). В комплекс орудий входят двусторонние орудия, трехгранные и четырехгранные орудия, рубила, массивные струги и крупные скребки, многогранники и сферические орудия, а также легкие инструменты из сколов (рис. 3). Сходство этой типологии с африканскими аналогами достаточно очевидно, и теперь скопления, найденные в Убейдии, отнесены к раннему ашельскому периоду, который вписывается в олдувайскую культуру. Степень сохранности изделий и налет на поверхности позволяют сделать предположение, что некоторые уровни представляют собой настоящие жилые зоны. Люди, по-видимому, обитали на берегах древнего озера Убейдия, разыскивая сырье – базальт, кремль или известняк, – необходимое для избирательного

изготовления некоторых типов орудий (все сферические орудия выполнены из известняка). Среди других занятий они практиковали охоту на крупную дичь. Все это вписывается в рамки того, что нам известно о поведении *человека прямоходящего*, и, во всяком случае, соответствует предложенной датировке 1 млн. лет. По своему стратиграфическому положению и возрасту, по наличию зон обитания, по обилию и разнообразию орудий комплекс Убейдия является уникальным во всей Западной Азии.

В целом имеется очень мало местонахождений, относящихся к ашельскому периоду. Одним из наиболее интересных поселений, но не сравнимых по важности с поселением в долине р. Иордан, является поселение Ситт-Мархо, находящееся на побережье Сирии в устье реки Нахр-Эль-Кабир недалеко от Латакии (Copeland & Hours, 1979). Там на террасе реки, находящейся на высоте 110 м над современным руслом, было найдено разбросанное скопление предметов (90 артефактов, из них 17 орудий, и среди них 3 двусторонних орудия, 2 топорика и 7 рубил). Геохронологическое положение формации, старшей по возрасту, чем формация Латамне периода среднего плейстоцена, относит ее к периоду, который, возможно, соответствует периоду Убейдии. Несмотря на скудность, этот комплекс явно относится к ашельскому периоду и, значит, к ранней его фазе.

Вдоль реки Оронт, в таком же геоморфологическом расположении в нескольких местонахождениях – Мехард, Хаттаб, Эль-Фарш – были найдены сколы и рубила, которые относятся к тому же раннему этапу нижнего палеолита (Besançon et al., 1978). Там не было обнаружено двусторонних орудий, а разбросанность местонахождений и малое количество артефактов не позволяют сделать какие-либо выводы.

За регрессией моря, которая вызвала отложение террасы в Ситт-Мархо, последовала Закрунская трансгрессия (табл. 3), фазы которой в нескольких местах привели к

скоплению предметов, которые с учетом их местоположения можно было отнести к раннему периоду нижнего палеолита, но периоду более позднему, чем период поселения Убейдия и Ситт-Мархо. В устье р. Нахр-Эль-Кабир, в местонахождениях Шейх-Мухаммад, Фидио и Джабаль-Идрисс (Copeland & Hours, 1979) найдены артефакты раннего ашельского периода, включающие менее ланцетовидные и несколько более крупные двусторонние орудия, по форме все еще толстые, но постепенно превращающиеся в овальные или миндалевидные; такие формы послужили началом традиции, которая продлилась до окончания нижнего палеолита.

Если скопления на р. Нахр-Эль-Кабир, безусловно, относятся к ашельскому периоду, то очень трудно охарактеризовать 17 артефактов, найденных в Ливане, немного южнее Сайды, в Бурдж-Киннарите (Hours & Sanlaville, 1972). Это скопление было расположено на современном берегу и поэтому связано с той же закрунской трансгрессией (с последней фазой этой трансгрессии – Закрун III). Большая наковальня, два нуклеуса и два рубила прекрасно сохранились. Они покрыты незначительным налетом, имеют притупленные, но не завернувшиеся края. Возможно, это произошло потому, что они быстро попали в форму из мелкого песка, которая очень скоро затвердела. Там также не было найдено двусторонних орудий.

С известной долей осторожности можно, однако, вывести следующие заключения относительно этого древнего периода в истории Леванта.

1. Это лишь первые известные нам проявления человеческого присутствия в этом регионе. Геоморфологические исследования, основанные на идентификации циклов морских и континентальных отложений и на датировке базальтовых лав, а также палеомагнитные измерения позволяют утверждать, что возраст этого присутствия человека превышает 730 тыс. лет. С другой стороны, типология скоплений, особенно скоплений в Убейдии, не дает основания превышать возраст в 1,3 млн. лет.

2. Данные, на которые можно опираться, являются очень разрозненными и разбросанными в пространстве. Если наши расчеты верны, то мы смогли изучить 6,5 тыс. артефактов в Убейдии, 220 – в местонахождениях у р. Нахр-Эль-Кабир, около 30 – вдоль среднего течения р. Оронт и 17 – на побережье Ливана. Большинство этих скоплений содержат двусторонние орудия, а в некоторых их нет. Существует возможность того, что ранний ашельский период не представлял единственную культуру, которая в ту эпоху существовала в Леванте, однако было бы слишком смело утверждать это, и поэтому разумнее не высказываться по поводу значения различий между фациями. Ситуация недостаточно ясная даже в Африке, где соотношение между ранним ашельским периодом и развитым олдувайским периодом, если последний существует, не было объяснено в достаточной степени, несмотря на то, что имеющегося материала значительно больше и он распределяется среди значительно более однородных местонахождений. Что касается Леванта, то можно лишь задавать вопросы.

3. До настоящего времени следы раннего нижнего палеолита в Леванте были найдены лишь при раскопках на побережье Средиземного моря или вдоль рек, идущих по линии Рифтовой системы, р. Иордан, р. Оронт, но затем мощная эрозия со стороны Евфрата стерла все остатки той эпохи. Можно было бы предположить, что эта эпоха соответствует времени выхода из Африки *человека прямоходящего* – первых людей, имевших большой объем головного мозга и способных адаптироваться к новым климатическим условиям, людей, которые отправились на завоевание Старого Света, осторожно передвигаясь вдоль естественных путей сообщения и сохраняя контакт с благоприятным окружением в виде постоянно орошаемых долин.

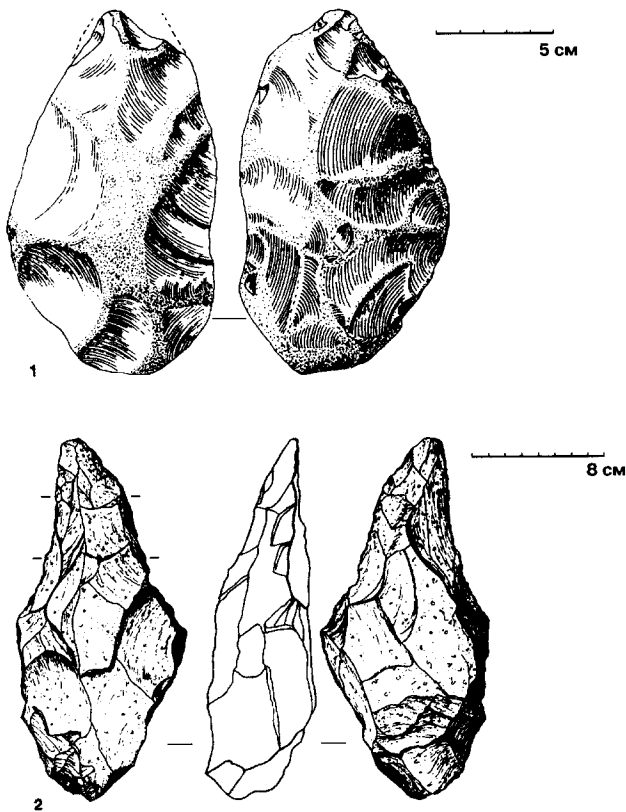
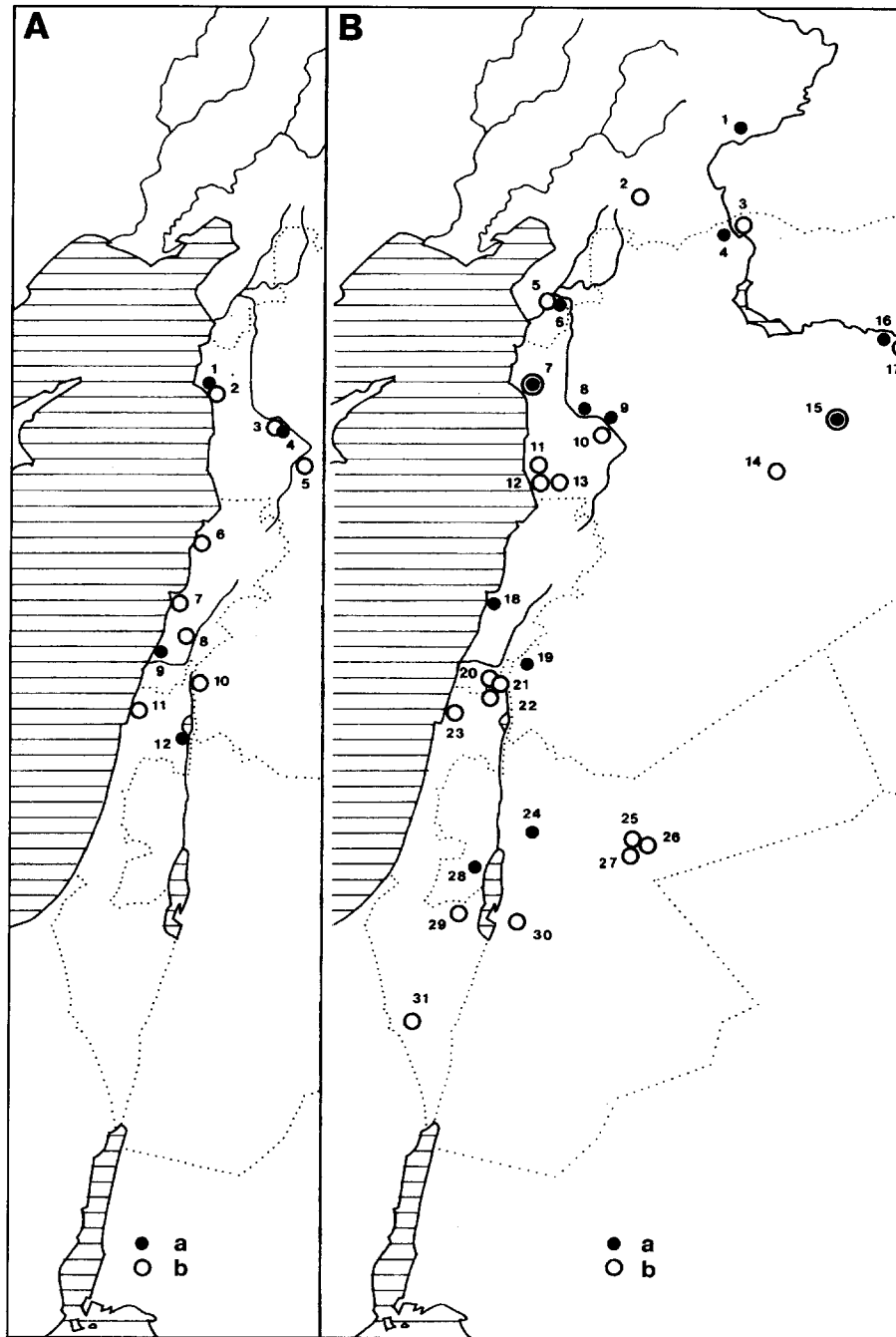

Рис. 3. Артефакты раннего ашельского периода: 1 – из Ситт-Мархо (Сирия); 2 – из Убейдии (Израиль)

Карта 5. А – Западная Азия, местонахождения раннего и среднего нижнего палеолита: а – ранний ашельский период; б – средний ашельский период; 1 – Ситт-Мархо; 2 – Хеллалех; 3 – Латамне; 4 – Хагтаб; 5 – Растан; 6 – Вади-Аабет; 7 – Рас-Бейрут; 8 – Джубб-Джаннин; 9 – Бурж-Киннарит; 10 – Джир-банат-Йакуб; 11 – Эврон; 12 – Убейдия.

В – Западная Азия, местонахождения позднего нижнего палеолита: а – поздний ашельский период; б – поздний развитый ашельский период; 1 – Сехремуд; 2 – Дулук; 3 – Теллик; 4 – Саджур; 5 – Алтынозу; 6 – Алтындерех; 7 – Рудо; 8 – Аачарнех; 9 – Джрайбия; 10 – Гхармаш-Иб; 11 – Ард Хамед; 12 – Мукая-Эль-Хами; 13 – Яхмур; 14 – Дуара; 15 – Эль-Ком; 16 – Айн-Абу-Джамаа; 17 – Абу-Чахри; 18 – Рас-Бейрут; 19 – Биркет-Рам; 20 – Мадаввара; 21 – Маайан-Барух; 22 – Наал-Дишон; 23 – Эврон; 24 – Бирех; 25 – Рагтама; 26 – Увейнид; 27 – Харанех; 28 – Умм-Катафа; 29 – Ятир; 30 – Фьяджс; 31 – Рамад-Матред

СРЕДНИЙ ПЕРИОД НИЖНЕГО ПАЛЕОЛИТА (карта 5)

Некоторые критерии позволяют выделить ту фазу нижнего палеолита, которую мы называем средней. В геологическом отношении она соответствует первой половине периода среднего плейстоцена, который начинается с инверсии полярности геомагнитного поля Матюяма/Брунес. Это отражено в рельефе морских и континентальных формаций, образовавшихся в течение тре-

тьего от конца периода дождей (Qf III – формация Латамне) и последующей трансгрессии (Qm II – джбаильские формации). Все скопления, находящиеся в этих формациях, должны поэтому быть отнесены к среднему периоду нижнего палеолита. С точки зрения типологии и по сравнению с предыдущей фазой эти скопления характеризуются более значительной долей двусторонних орудий, меньшим количеством рубил и более развитой технологией раскалывания, которая привела к появлению леваллуазской техники, хотя и очень примитивной.

Попадались хорошо геологически датированные отложения этого времени, которые содержали в себе относительно крупные скопления, но без двусторонних орудий. Это предполагает возможность существования производства, отличающегося от ашельского, и поэтому мы говорим только о среднем периоде нижнего палеолита, который, очевидно, включает и средний ашельский период.

Левантская рифтовая система

Десмонд Кларк первый упомянул о среднем ашельском периоде в Леванте в связи с местонахождением Латамне (Clark, 1966). На расстоянии в 40 км вдоль р. Оронт, от того места, где дорога Дамаск–Алеппо пересекает реку неподалеку от современного г. Растан, расположенного между городами Хомс и Хама, и до того места, где р. Оронт делает резкий изгиб на запад, выходя на долину Габ, мощные террасы обрамляют реку. По своему геоморфологическому расположению они относятся к периоду среднего плейстоцена, а остатки найденной в них фауны подтверждают этот факт (Hooijer, 1961; Van Liere & Hooijer, 1961). Большинство подобных формаций в остальной части Западной Азии в основном были разрушены, но здесь они сохранились в прекрасном состоянии, что и объясняет, почему название «формация Латамне» служит эталоном в полосе от Евфрата до северного течения р. Иордан.

Крупные работы по строительству современной сети дорог потребовали открытия новых карьеров, а эрозия, которая непрерывно разрушает скалы на берегах р. Оронт, приводит к появлению других разрезов. В целом в среднем течении р. Оронт 16 отложений, геологические характеристики которых явно соответствуют формации Латамне, дали 855 артефактов и среди них 183 орудия, примерно одна треть из которых – двусторонние орудия и кирки. Кроме того, в 1961 г. В. ван Лире (W. van Liere) открыл сохранившуюся на вершине террасы когда-то обитаемую площадку, которая была раскопана в 1964 и 1965 гг. (Clark, 1966); в ней было найдено 2825 артефактов и среди них 394 орудия. Как и в Убейдии, в целом эта формация несомненно охватывает длительный промежуток времени, во всяком случае, достаточный для того, чтобы дать возможность развитому мастодонту превратиться в древнего слона. Типология всех скоплений Латамне достаточно однородная, и состояние их сохранности чрезвычайно похоже. Края изделий, по общему признанию, были притуплены, но ни на одном изделии не загнуты. Поверхностный слой имеет однородный темно-коричневый цвет, местами с небольшими блестящими пятнами.

Обитаемая зона Латамне имеет структуру обычную, для подобного слоя среднего ашельского периода, такого же, как в Африке. На побережье из илистой глины была вынесена крупная галька и каменные желваки, которые, возможно, служили опорами для легкого укрытия. Орудия разбросаны, а их распределение указывает на некоторое разделение труда. К сожалению, фауна на этом уровне не сохранилась. Та фауна, которая сохранилась в толще формации (слоны, парнокопытные, жираф, верблюд), наводит на мысль об охоте на крупных млекопитающих, которые появлялись на лесистой галерее вдоль берегов р. Оронт, или на тех, которые пересекали степь, чтобы напиться из реки.

В начале 1960-х гг. В. ван Лире, отметив разнообразие «представителей», которые составляют формацию Латамне, и обнаружив в Растане скопление, которое позже было признано значительным скоплением без двусторонних орудий (153 артефакта, 28 орудий), выд-

винул предположение о возможности существования доашельской фазы (van Liere & Hooijer, 1961/2). После завершения работ, проведенных П. Санлавилем (P. Sanlaville) (Besançon et al., 1978), в настоящее время считается, что формация Латамне, включая поселение Растан, образует единое целое, и ее древность не превышает время среднего плейстоцена. Тем не менее скопление в Растане указывает на возможность существования народа, жившего в том же окружении, что и ашельцы из Латамне, но жившего по-другому и не имевшего среди своих орудий двусторонних. Значение Растана остается неопределенным и по-своему ставит классический вопрос: различие в наборе орудий отражает культурные различия или эти разные орудия служат для выполнения различных работ?

Если использовать терминологию Десмонда Кларка, то средний ашельский период с фациями Латамне встречается южнее в Ливане, также в Левантской рифтовой системе: у хребта Ливана, в центре долины Бекаа в Джубб-Джаннине (Besançon et al., 1982). Найденное там скопление находится не на своем месте, оно образовалось в результате разрушения старых конгломератов. Оно очень насыщено, и, возможно, представляет собой перемешанные остатки большого и многократно заселявшегося жилища. В опубликованных материалах были описаны 1,7 тыс. артефактов, из них 978 орудий. Примерно треть находок предстоит еще изучать, но эти находки далеко не полные. Это значит, что опубликованные пропорции не полностью отражают действительное состояние – как и в случаях со многими ашельскими местонахождениями, кроме жилой зоны в Латамне, нам следует довольствоваться лишь качественным восприятием типологии и немногими количественными показателями. Это относится почти ко всем ашельским отложениям в любой части мира. Со своими двусторонними орудиями копьевидной формы, трехгранными, многогранными, сферическими орудиями и рубилами скопление в Джубб-Джаннине похоже на скопления в Латамне, однако количество трехгранных и многогранных орудий, скорее всего, свидетельствует о более ранней фазе, чем жилая зона в Латамне. Тем не менее сохранность артефактов и состояние поверхностей, возможно, вызванное воздействием одинаковой по влажности среды, на обоих месторождениях абсолютно идентичны. От среднего течения р. Оронт до долины Бекаа, от Латамне до Джубб-Джаннина мы можем встретить одинаковые фации среднего ашельского периода.

Еще одно отложение было обнаружено далее к югу в сирийско-палестинской рифтовой системе. Речь идет о скоплении на берегу р. Иордан, недалеко от моста, называемого «Мост дочерей Иакова». Видимо, только первая публикация о нем (Stekelis, 1960) была основана на непосредственном изучении материала. Другие публикации (Perrot, 1968; Gilead, 1969) в основном используют выводы, сделанные в первой публикации. Скопление не очень значительное (менее 100 артефактов), оно похоже на выборочное скопление (77 орудий). Геологические и геоморфологические исследования предполагают, что слои, содержащие предметы, должны быть отнесены к среднему плейстоцену, а скопление в целом, вероятно, объединяющее несколько фаз, отнести к среднему ашельскому периоду. Местонахождение имеет особые характерные черты: большую долю топориков и использование только базальта в качестве исходного сырья. По всей вероятности, «Мост дочерей Иакова» (Jisr banat Ya'qub или Gesber benot Ya'agov, соответственно на арабском языке и на иврите) принадлежит не той традиции, что Латамне и Джубб-Джаннин, но, однако, это место по-своему свидетельствует о заселении Рифта в эпоху среднего плейстоцена.

Побережье Средиземного моря

Геоморфология континента представляет специалисту по доисторическому периоду лишь прерывистую череду событий, поскольку она фиксирует только периоды, во время которых отложились речные террасы. Но мы уже видели, что переплетение морских и речных отложений в устье Нахр-Эль-Кабир дает возможность наблюдать более детальную последовательность нижнего периода среднего палеолита, который полностью представлен ашельским периодом (*Copeland & Hours, 1979*). В террасе Берзин, аналоге формации Латамне, были найдены столь объемные находки, что для перевозки пришлось использовать одного осла; они включали 248 артефактов, из них 70 орудий, среди которых 48 двусторонние с двумя кирками. Двусторонние орудия в своем большинстве имеют яйцевидную (51%) или миндалевидную (26%) форму. Обе кирки имеют неправильную форму, и не похожи на кирки из поселений на р. Оронт. Фации Берзина резко отличаются от фаций Латамне и Джубб-Джаннина.

То же впечатление остается от скоплений, которые находятся на уровне, расположенном непосредственно под более поздними ископаемыми остатками, относящимися к периоду джабильской трансгрессии и которые находятся у деревни Кельлале. В трех различных местах найдено 480 артефактов, из них 172 орудия, среди которых 106 двусторонних орудий и 4 кирки. И здесь большинство двусторонних орудий имеют яйцевидную (38%) и миндалевидную (28%) форму.

Линии побережья, относящиеся к джабильской трансгрессии, в двух местах побережья Ливана оставили следы ашельского периода: в русле Вади-Аабет, у города Батрун (*Fleisch et al., 1969*) и на склонах известнякового массива Рас-Бейрут к югу от Бейрута (*Fleisch, 1956, 1962*). Оба скопления умеренные по своим размерам, но наличие двусторонних орудий миндалевидной и яйцеобразной форм и отсутствие кирок указывают на ту же тенденцию, что и скопления на реке Нахр-Эль-Кабир.

На Рас-Бейруте найдено еще одно скопление – более обильное и менее загадочное. В конце джабильской трансгрессии море оставило после себя галечное побережье в виде прибрежной ленты (*Fleisch, 1956, 1962*). Среди гальки находят скругленные камни, покрытые тем же налетом белого цвета, что и галька на этой полосе. Нет двусторонних орудий, но встречаются рубила. Сколы более массивные, вытянутые, с гладкой нижней частью. Было найдено около 2 тыс. сколов, и такое большое их количество заставило предположить существование производства, датируемого средним периодом нижнего палеолита, которое не относится к ашельской культуре.

Далее к югу вдоль побережья, местонахождение Эврон, находящееся между Тиром и Хайфой, расположено на старой прибрежной полосе; это место кажется современным вышеупомянутому, однако трудно установить стратиграфическую корреляцию между северным и центральным Левантом. В одном карьере, расположенном в песчанике, был обнаружен древний слой с остатками ашельского периода. По последней оценке (*Ronen & Amiel, 1974; Ronen & Prausnitz, 1979*) его отнесли к среднему ашельскому периоду, и он явно относится к формации Латамне. По описаниям невозможно узнать, относится ли Эврон к фации Латамне или к фации Берзина.

Наконец, впервые были обнаружены следы проникновения человека во внутреннюю часть страны (*Hours, 1981b*). На берегах Евфрата в Сирии, в местечке Шнии, расположенном у впадения в Евфрат р. Белих, или в других местах, таких как Эль-Ком в сирийской пустыне Пальмира и в Даукаре на берегах р. Зарка в Иордании, эрозия оставила участки разрушенных террас. Их геоморфологическое положение соответствует тому, что они являются современными формации Латамне. Они содержат в себе редкие ско-

лы, которые могут быть причислены к среднему периоду нижнего палеолита. Их сохранность и имеющиеся на них налеты не противоречат такой возможности. Поскольку найдено небольшое количество предметов, отсутствие двусторонних орудий не имеет значения.

Картина, которая создается при этом беглом обзоре среднего периода нижнего палеолита в Западной Азии, требует некоторых комментариев. Сначала следует отметить, что наше описание касается лишь скоплений, найденных в местонахождениях, геоморфологическое положение которых должным образом установлено. Вероятно, раскопок было мало, а тех из них, которые позволяют производить палеонтологические исследования, и того меньше; можно упомянуть лишь о раскопках, проводившихся Д. Кларком в Латамне. Следовательно, мы можем предоставить только относительную хронологию, отправной точкой которой является инверсия геомагнитной полярности Матуяма/Брунес, – установлена для этого региона косвенным и довольно ненадежным образом.

В целом, новым аспектом, характеризующим средний период нижнего палеолита, является его слабое проявление к востоку от сирийско-палестинского Рифта. Кажется также, что представители *человека прямоходящего* редко рисковали отходить далеко от хорошо известных и безопасных частей побережья и Центральной впадины. Действительно, в течение 350 тыс. лет, пока длились регрессии Латамне и джабильская трансгрессия (что соответствует фазам с 22 по 13, согласно Опдайку и Шеклтоу), климат мог неоднократно и значительно измениться, и при этом иордано-сирийские степи стали более благоприятными для жизни, чем в наши дни, и для того, чтобы допустить передвижение небольшими группами. Однако даже если скопления являются более многочисленными и более обильными, чем в эпоху раннего нижнего палеолита, и даже если мы находим более часто посещаемые центры, такие как излучина р. Оронт у Латамне, Рас-Бейрут или устье реки Нахр-Эль-Кабир на побережье, то население Западной Азии в рассматриваемый период все еще далеко не плотное.

В эту фазу эпохи среднего нижнего палеолита отмечается техническое развитие (*Hours, 1981b*). Техника раскальвания стала более совершенной, а рубила – инструменты, предназначенные скорее для дробления, чем для резания, понемногу уступают место двусторонним орудиям, более тонким и лучше приспособленным к подобной работе. Увеличивается количество и расширяется ассортимент небольших орудий. В Латамне – единственном местонахождении, план которого нам известен, явно видна организация территории, но отсутствие остатков животного мира не дает возможности точно ее объяснить; тем не менее она свидетельствует о некотором разделении труда.

Различие в типах производств, существовавших на побережье и в Центральной впадине, наводит на мысль, что оба они развивались независимо друг от друга, возможно, образуя две культурные общности, в одной из которых использовались трехгранные и многогранные кирки, а в другой – более короткие двусторонние орудия яйцевидной или миндалевидной формы. Здесь мы, вероятно, имеем дело с первым проявлением возможного существования автономных культурных групп в регионе.

Остается проблема выявления их образа жизни в связи с наличием относительно богатых скоплений без двусторонних орудий: Растан на р. Оронт и прибрежная полоса в Рас-Бейруте. Со статистической точки зрения, отсутствие в обоих случаях двусторонних орудий кажется значительным, а в отношении Рас-Бейрута его подобие Клектонскому местонахождению в Англии наводит на некоторые дополнительные размышления, но не более того.

ЭПОХА ПОЗДНЕГО НИЖНЕГО ПАЛЕОЛИТА (карта 5, рис. 4)

В течение позднего ашельского периода ситуация в Западной Азии изменилась. Мы определяем этот период по хронологическим критериям, материальными выражениями которых являются изменения в ландшафте из-за изменения климата (формации Qf II). В частности, на Евфрате и на Нахр-Эль-Кабире, вокруг таких больших оазисов, как Пальмира и Эль-Ком, или вдоль внутренних сухих долин, как Эз-Зарка, встречаются террасы, относящиеся к предпоследнему дождливому периоду, содержащие различные предметы. Хронологически они могут относиться только к эпохе позднего нижнего палеолита, а в большинстве – к ашельскому периоду, поскольку скопления, не содержащие двусторонних орудий, являются исключением. В отличие от жилой зоны в Латамне, в Западной Азии не известны сохранившиеся зоны обитания, которые относились бы к этой фазе нижнего палеолита. Однако имеется такое множество отложений, что даже невозможно пытаться их перечислить.

Ограничиваясь лишь упоминанием местонахождений, имеющих определенное геологическое положение, можно пренебречь теми скоплениями, которые должны были быть здесь рассмотрены, поскольку существует, как мы это увидим дальше, значительное количество более развитых скоплений ашельского периода, находящихся на поверхности, которые могли бы принадлежать к той же фазе, что и скопления в речных формациях. Для большей верности, а также по соображениям типологии, кажется более предпочтительным различать два этапа: скопления, найденные на местах в речных террасах предпоследнего речного периода (Qf II), следует отнести к «позднему ашельскому периоду» (табл. 3, карта 5), а скопления, найденные на поверхности – к «развитому позднему ашельскому периоду», естественно, при условии, что типология позволяет делать это различие.

Поздний ашельский период

Эта фаза впервые была описана в ходе геоморфологических исследований р. Нахр-Эль-Кабир (Copeland & Hours, 1979; Hours, 1975; Tomsky, 1982; Hours, 1981b; Mubesen, 1985). Под речной формацией в Берзин (Qf II) и ее прибрежными отложениями в Келале (Qm II) располагаются другие весьма характерные речные террасы (Qf II), около деревни Рудо, а также ниже по течению, например, в Суяте или на южном берегу р. Дар-Эль-Айани (Sanlaville, 1979). Эта формация в сумме дала около 600 артефактов, из них 170 орудий. Доля двусторонних орудий значительная – 70% от всех орудий. В своем большинстве они имеют яйцевидную и миндалевидную формы; сократилось число орудий копьевидной формы, а кирки фактически исчезли. На долю рубил приходится всего 10%, в то время как увеличилось количество легких орудий (15%). Типология двусторонних орудий и их размеры указывают на их эволюцию, произошедшую со времен формации Берзин, однако, если их геоморфологическое положение указывает на поздний ашельский период, то их формы еще относительно неразвиты.

На р. Оронте сложилась еще более сложная для оценки ситуация, поскольку формации не располагаются террасами, как на р. Нахр-Эль-Кабир, а перемежаются. Типологические характеристики скоплений среднего ашельского периода и позднего ашельского периода там очень похожи, и неудивительно, что первые исследователи (Modderman, 1964; Van Liere, 1966) не смогли четко выделить эту фазу. Ее следы обнаруживают вверх по течению от Латамне в местонахождении Джрайбият, где в трех разных местах были найдены 350 артефактов, из них 150 ору-

дий, и у Аашарне, где внутри формации, вскрытой каналом, были найдены 450 артефактов и 80 орудий. Там можно отметить те же тенденции в типологии, которые преобладают и на Нахр-Эль-Кабире; кроме того, относительное положение террас и то, как они перемежаются, способствовало образованию смесей, а доля кирок в Аашарне соответствует доле для среднего ашельского периода. Возможно, что террасы Джрайбият частично изменили формы террас Латамне, поглотив содержащийся в них материал.

Практически такая же ситуация сложилась и на Евфрате (Besançon & Sanlaville, 1981). Предпоследний период дождей начался с фазы эрозии, в которую произошло буквальное опустошение долины, при этом остались лишь фрагменты древних формаций. Затем произошло аккумулятивное отложение толстых отложений, современных отложениям Джрайбият на р. Оронте, которые видны на десятках километров в районе г. Ракка, в особенности вокруг Абу-Джамаа. В двадцати поселениях было найдено около 1500 артефактов, из них 112 орудий, среди которых 69 двусторонних орудий. Удивляет доля кайл, которая в некоторых местах достигает 30%. Очевидно отличие этого места от Рудо на Нахр-Эль-Кабире; его можно объяснить лишь тем, что Евфрат изменил древние формации, когда образовывались новые формации в Абу-Джамаа, включив в эту новую формацию артефакты, содержащиеся в прежних формациях. И, вероятно, так случилось со скоплением, которое было недавно открыто в террасе, расположенной на Евфрате немного ниже по течению вблизи сирийско-иракской границы; это скопление отмечает один из самых дальних пунктов продвижения ашельцев на восток.

Те же условия преобладают вдоль течения р. Саджур (Besançon & Sanlaville, 1985), небольшого западного

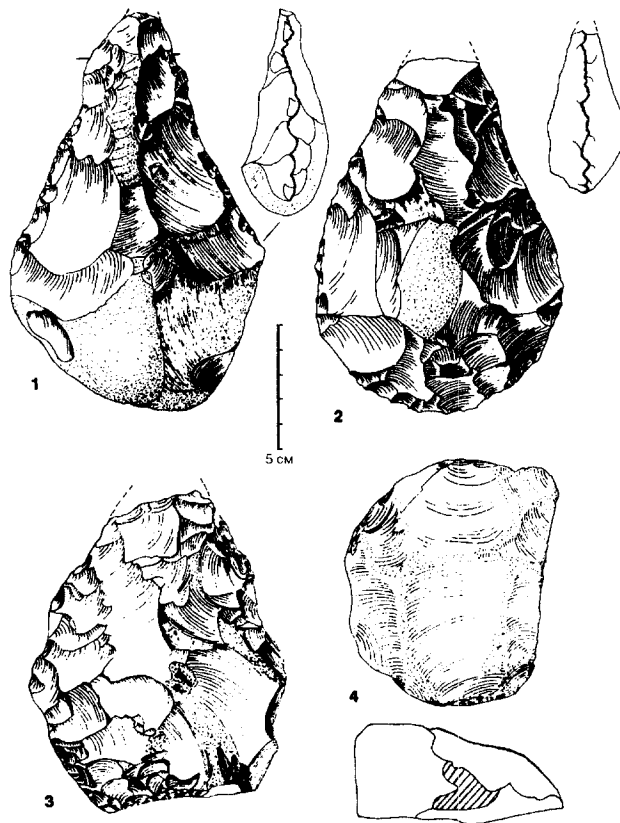

Рис. 4. Артефакты позднего ашельского периода: 1–2 – Нахр-Эль-Кабир (Сирия); 3–4 – Бирех (Иордания)

притока Евфрата, к югу от турецкой границы. Там имеются террасы, датируемые также концом периода среднего плейстоцена. Их содержание небогатое, но они дали 777 артефактов, из них 109 орудий. Доля трехгранных каил сопоставима с содержанием каил в отложениях вдоль среднего течения Евфрата, и для объяснения этого положения можно применить ту же гипотезу.

Вероятно, подобное положение сложилось и на некоторых турецких отложениях, особенно на местонахождении Алгындере, расположенном на берегах ручья, который питает озеро Амур около г. Антакья (древняя Антиохия) (*Senyurek*, 1961). Такое же положение наблюдается в Барда-Балка около Шемшемаля в районе г. Киркук в Ираке (*Braidwood & Howe*, 1960), в котором скопление было извлечено из речной террасы. Производство в Барда-Балка напоминает производство в Рудо; здесь не обнаружены трехгранные кирки. Кроме того, в его окрестностях было обнаружено несколько подобных местонахождений, названия их неизвестны. Здесь был центр поздней ашельской культуры, который наглядно отражает стремление народов того времени перемещаться на восток.

На ливанском побережье важные данные получены все в том же Рас-Бейруте (*Fleisch*, 1962), где во многих местах были обнаружены ашельские скопления с двусторонними орудиями более или менее миндалевидной формы, для изготовления которых уже применялась леваллуазская технология. Эти скопления не очень крупные, но хорошо расположенные с геологической точки зрения. В течение регрессии моря, вызванной предпоследним ледниковым периодом, скалистая основа Рас-Бейрута была эродирована, и этот период длился достаточно долго, чтобы в слое известняка смогли образоваться вымоины и заполниться глиной. Во время проведения работ по сооружению канала там было найдено несколько скоплений: Рас-Бейрут III и IV (*Copeland & Wescombe*, 1965), современных с другими скоплениями, содержащимися в различных формациях Qf II.

В южном Леванте многие местонахождения могли располагаться в таких же условиях (*Goren*, 1981). Детали их скудные, а мнения о них различны, но верхний уровень отложения, находящегося у «Моста дочерей Якова» на р. Иордан, если оно действительно имеет два уровня, и поселение Рухама-Свами в пустыне Негев должны быть приняты во внимание. Два отложения на Голанских высотах – Джуббата и Биркет-Рам представляют особый интерес (*Goren-Inbar*, 1985). Отложение Биркет-Рам располагается в слое глины между двумя слоями базальтовой лавы, которые датируются соответственно 230 тыс. лет и 800 тыс. лет. Древность скопления Биркет-Рам определяется приблизительно в 300 тыс. лет, что соответствует фазе 9 шкалы Опдайка и Шеклтона и относит нас к середине предпоследнего водно-ледникового комплекса. Это скопление явно относится к позднему ашельскому периоду и включает большое количество мелких орудий, отражающих знакомство изготовителей с леваллуазской технологией. Джуббата – местонахождение под открытым небом, недалеко от Биркет-Рам, и оба скопления содержат одинаковые типы орудий. Это оправдывает включение Джуббаты в комплекс Биркет-Рам.

Еще южнее, в Иордании, на берегах р. Эз-Зарка в остатках террас, находящихся около деревни Бирех, было найдено небольшое скопление, которое по его геоморфологии можно отнести к тому же периоду (рис. 4; *Besançon et al.*, 1984; *Besançon & Hours*, 1985). Это – еще одно свидетельство проникновения позднего ашельского периода вглубь региона.

Поздний ашельский период, который мы только что описали, является важным этапом в развитии нижнего палеолита в Леванте. Прежде всего, он относительно хорошо датирован: за исключением Джуббата, все указанные местонахождения с геологической точки зрения располо-

жены на местах в речных формациях Qf II. Все скопления поэтому образовались в течение предпоследнего водно-ледникового комплекса и, вероятней всего, в течение первой его половины. Если принять хронологию, основанную на изменениях соотношения изотопов кислорода в отложениях на морском дне, то поздний ашельский период в Западной Азии мог длиться с 450 тыс. лет до 250 тыс. лет тому назад, с фазы 12 до фазы 8 шкалы Опдайка и Шеклтона. Это соответствует современным выводам об Африке и Европе.

Поздний ашельский период характеризуется подлинным техническим прогрессом: двусторонние орудия становятся менее массивными, лучше обработанными, легкие орудия становятся разнообразнее и многочисленнее и утверждается леваллуазская техника отбивки. В некоторых регионах продолжали существовать типы орудий, которые использовались в среднем ашельском периоде, однако это, вероятно, объясняется возвратом к старым моделям. С другой стороны, в некоторых скоплениях, которые здесь не были упомянуты, поскольку их немного и они содержат мало предметов, не было обнаружено двусторонних орудий. Это не означает подтверждение той точки зрения, что этот период надо относить к традиции, отличной от ашельской культуры и аналогичной таясской цивилизации в Западной Европе.

Наконец, впервые можно констатировать довольно постоянное присутствие человека к востоку от левантийского Рифта. Окрестности Барда-Балка в Ираке, среднее течение Евфрата в Сирии, р. Эз-Зарка в Иордании указывают на действительное проникновение ашельцев. Речь больше не идет о нескольких случайно брошенных орудиях, и даже не о наличии редких и отдельных поселений. Мы предчувствуем, что эти регионы неоднократно заселялись значительными группами людей. Тем не менее линии проникновения остаются неизменными: побережье, Рифт и постоянно текущие реки.

Развитый поздний ашельский период (карта 5)

Другая сторона позднего ашельского периода представлена в Западной Азии иным образом. В типологическом отношении производства кажутся более развитыми: почти все двусторонние орудия обработаны и отделаны молотком из мягкого материала для получения прямой режущей кромки и обработанного основания, часто со скосом. Мелкие орудия стали стандартизованными, и отныне для их определения можно пользоваться списками типов, составленными для эпохи среднего палеолита. В этом смысле можно говорить о развитом позднем ашельском периоде (*Mubesen*, 1985). Кроме того, скопления обычно находятся на поверхности, в отличие от предшествующих менее развитых скоплений, которые мы относим к позднему ашельскому периоду и которые, по всей вероятности, с геологической точки зрения всегда расположены в слоях. Конечно, открытые отложения подвержены последующему загрязнению, и поэтому следует с осторожностью рассматривать, в частности, наличие в это время метода откальвания Леваллуа. С другой стороны, их расположение дает возможность предположить, что они образовались после формирования террас фазы Qf II, в течение относительно маловлажного промежуточного периода, который может хорошо соответствовать периоду 7 по шкале Опдайка и Шеклтона. И, наконец, традиции развитого позднего ашельского периода были широко распространены по всей Западной Азии, а местонахождения, связанные с ним, иногда очень изобильные.

Присутствие культуры этого периода обнаружили вблизи сирийско-турецкой границы, в районе Антакьи и Газантепа, в таких местонахождениях, как Картал и Дю-

люк (*Kökten*, 1947). В настоящее время мы располагаем только краткими сведениями об этих местах, однако имеется значительное количество артефактов. Далее к востоку скопления были обнаружены вплоть до окрестностей г. Мосул (*Inizan*, 1985) на левом берегу р. Тигр, на севере Ирака.

В среднем течении р. Евфрат все местонахождения располагаются на поверхности террас различных периодов, но не в долине или внутри формаций предпоследнего периода дождей. Они располагаются либо на очень древних формациях, как в Теллике на левом берегу, рядом с турецкой границей, либо в устьях небольших притоков, как в долине Абу-Шахри, где отложения не подверглись разрушительному воздействию, произведенному разливом Евфрата в начале эпохи дождей.

В зоне р. Нахр-Эль-Кабир, на Средиземноморском побережье, на севере Сирии, существуют следы развитого ашельского периода в поверхностных отложениях в районе Джабаль-Идрисс. Однако в Джбариуне, Рудо и Суайте также имеются подобные скопления, найденные в формациях, относящихся к последней эпохе дождей (*Copeland & Hours*, 1979). Нельзя исключать возможности перемешивания слоев, однако скопления этого периода отличаются от скоплений позднего ашельского периода как по качеству орудий, так и по их содержанию: в целом было найдено 395 артефактов, из них 67 орудий, среди которых 31 двустороннее орудие. Эти двусторонние орудия имеют в основном мидалевидную и яйцевидную формы. Среди больших орудий преобладают скребки. Представляет интерес новое положение этих скоплений после того, как их включили в длинную последовательность ашельских находок на р. Нахр-Эль-Кабир. Они являются свидетелями временных стоянок (поскольку найдено очень мало артефактов) после образования террасы в Рудо (так как эти предметы находятся не внутри террасы) и перед образованием отложений в Эш-Шире (которые датируются последней эпохой дождей и содержат остатки эпохи среднего палеолита).

К востоку от Пальмиры, на обратной стороне крутого склона, где была вырыта пещера Дуара, найдено скопление с тонко обработанными двусторонними орудиями яйцевидной формы, свидетельствующее о проникновении развитого позднего ашельского периода вглубь сирийской пустыни (*Akazawa*, 1979). Это открытое отложение, не связанное с геоморфологией, невозможно датировать, однако типология орудий достаточно выразительна.

Долина в среднем течении р. Оронт более значительная. Расположенные на поверхности земли многочисленные стоянки, включающие такие, которые трудно пояснить, позволили обнаружить следы позднего, несомненно, развитого ашельского периода как на излучине р. Оронт в окрестностях Латамне, так и немного выше по течению к югу от сухого русла Гармаши (*Mubesen*, 1985). Случайно сохранилось отложение, геоморфологическое положение которого можно определить. В этом месте левый берег р. Оронт обрамляется мощными формациями, датируемыми периодом среднего плейстоцена, которые, в частности, заключают в себе зону поселения Латамне (Qf III). В нескольких местах отложились формации, относящиеся к последующему периоду дождей (Qf II), и они объединены в Джрайбияте. В сухом русле Гармаши ни одного отложения фазы Qf II не сохранилось, река смела их при продолжавшихся изменениях русла. Однако удалось выяснить, что формация Латамне была стерта так же, как и мергелевый нижний слой, на котором она покоилась. Ашельцы устроились на этом плоском образовании, и их жилище скрылось под красным колювильным отложением, которое содержит остатки эпохи среднего палеолита. Поиски и раскопки длились здесь в течение многих лет.

Несколько зондирований, проведенных по классическому методу взятия проб (по случайно стратифицированным пробам), дали возможность прежде всего уточнить площадь поселения и выявить две точки, в которых скопление артефактов было более интенсивным, чем в других местах. В целом было очищено 270 кв. м поверхности. Найдено 2129 артефактов, из них 399 орудий, среди которых 140 двусторонних орудий, 38 рубил и 61 скребок. В типологическом отношении необходимо отметить уменьшение количества тяжелых орудий, составляющих только 7% от общего количества артефактов, в то время как доля легких орудий достигла 48%, а остальная часть приходится на долю двусторонних орудий и рубил.

Самым важным является то, что все полученные результаты можно было нанести на план и изучить их пространственное положение (*Mubesen*, 1985). Местонахождение прекрасно вписывается в контекст того, что нам известно об ашельском периоде. В нем собрано несколько крупных камней из разных мест. Можно отметить большое скопление камней, что свидетельствует о наличии зоны их раскалывания и, вероятно, двух зон отделки сколов. К сожалению, здесь, как и в Латамне, не сохранились остатки фауны. Вместе с этим последним поселением Гармаши является одним из двух отложений в Западной Азии, которое содержит частичную информацию об ашельцах, в этом случае – о поздних ашельцах. Можно легко представить группу из примерно пятнадцати индивидуумов, расположившихся на берегу р. Оронт, протекавшей под ними, по уровень которой был значительно выше, чем теперь, и наблюдавших за многообещающей долиной. Гармаши является наиболее полным и лучше всего сохранившимся местонахождением той эпохи, но и в его окрестностях можно было обнаружить следы пяти или шести других стоянок – люди, несомненно, очень часто посещали район р. Оронт в последнюю часть предпоследнего водно-ледникового комплекса.

Другим благоприятным местом для выхода на сирийское побережье являлся проход в районе у г. Хомс, расположенного между г. Тартус и ливано-сирийской границей (*Mubesen*, 1985). Там вдоль двух больших рек – Нахр-Эль-Абраш и южной части реки Нахр-Эль-Кабир, образовавших прибрежную долину, приютились подюжны поселения. Некоторые из них, такие как Калаат-Яхмур, давно известны, другие – Ард-Хамед, Мукаа-Эль-Хами и Дждейдех, открыты недавно. Того, что мы знаем, явно недостаточно. Можно, однако, предположить, что эти очень индивидуальные местонахождения представляют собой древние стоянки, несомненно разрушенные, но все еще распознаваемые.

Обильные находки, разбросанные в южной части долины Бекаа в Ливане (*Besançon & Hours*, 1971), относятся к той же эпохе. Расположение этого местонахождения очень интересное: оно находится также на выходе из стратегического прохода. Речь идет о горном проходе Камед-Эль-Лоз, который соединяет долину Бекаа с верхней частью долины р. Иордан. Как упоминалось выше, эрозия достаточно проявилась в этом месте, и скопления были перемещены таким образом, что невозможно определить их точное состояние на прежнем месте.

Верхняя Галилея, напротив, предлагает нам прекрасно сохранившийся и структурированный культурный комплекс, который позволяет нам изучать способ заселения региона в ту эпоху, рассматривая пункты прохода, природу почв, места добычи сырья и распределение водных ресурсов. Речь идет о холмистом регионе, с достаточной влажностью, который и в наше время был бы покрыт лесами, если бы не разрушительная деятельность человека. Ясно, что заселение долин ливанской части Верхней Галилеи, вокруг Айн-Ибла, на местности, сложенной из известняка, где быстро стекает дождевая вода (*Botier-Lapierre*, 1909; *Fleisch*, 1951, 1954; *Copeland & Wescombe*, 1965),

было довольно мимолетным и осуществлялось малыми группами кочевников. Там встречаются лишь редкие скопления: Мудаввара, Тибнин. Южнее, в долине Наал-Дишон (*Ronen et al.*, 1974), базальт лучше удерживает дождевую воду, и более плотное заселение «говорит» об оседлом образе жизни. Исключительно обильное отложение в Мааян-Барух (*Stekelis & Gilead*, 1966) могло бы играть роль центра довольно обширной зоны – тысячи сосредоточенных там двусторонних орудий похожи лишь на свои аналоги, найденные в крупных, современных им, африканских поселениях, таких как Каламбо-Фоллз, Олорге-санлие или Гарба I в Мелка-Кунгуре.

Еще далее к югу не было обнаружено таких крупных культурных комплексов, которые можно было бы легко распознать. Но имеется множество мест, которые свидетельствуют о наличии следов позднего ашельского периода: долина Рефаим-Бекаа около Иерусалима (*Arensburg & Bar-Yosef*, 1962, 1967), верхний слой террас вдоль р. Эз-Зарка в Иордании, от Хирбет-эс-Самра (также на базальте) до высот Бире (*Besançon et al.*, 1984; *Besançon & Hours*, 1985), и берега рек в пустыне, по которым текут к оазису Азрак скудные осадки, выпавшие в пустыне: это – сухие русла Харане, Раттама и Увейнид (*Rollefson*, 1984). Возможно, что высоты Фджадже и окрестности Керака (*Rollefson*, 1981) могли бы быть подвергнуты пространственным исследованиям, похожим на те, которые проводились в Наал-Дишоне, поскольку там должен находиться чрезвычайно обширный материал, рассеянный на большой территории.

Находящееся на побережье открытое месторождение Эврон-Зенат могло располагаться на том же горизонте (*Prausnitz*, 1969; *Gilead & Ronen*, 1977). Во всяком случае, похоже, что южный Левант был менее заселенным или менее посещаемым. Одним из известных здесь местонахождений является поселение Киссуфим, находящееся недалеко от побережья, его стратиграфическое положение еще следует уточнить.

ОКОНЧАНИЕ АШЕЛЬСКОГО ПЕРИОДА

Уже первые проявления человеческого присутствия, несмотря на существование производств, не изготавливавших двусторонних орудий, свидетельствуют о том, что в доисторический период Западной Азии в ней в основном преобладала ашельская культура. Мы отметили эволюцию этого периода, и, хотя производство в Мааян-Барух или в Хирбет-эс-Самра не похоже на производство в Ситт-Мархо или в Убейдие, эти изменения были постепенными и достаточно плавными. Поэтому многие авторы делали различия между ранним средним ашельским периодом и поздним средним ашельским периодом (*Hours*, 1975; *Tomsky*, 1982), в то время как другие авторы квалифицировали средним ашельским периодом то, что мы называем поздним ашельским периодом (*Rollefson*, 1984). Однако влажным периодом, соответствующим окончанию предпоследнего ледникового периода, открывается сложная фаза многочисленных изменений, которые привели к эпохе среднего палеолита (*Hours*, 1979). Говоря терминами теории эволюции, можно сказать, что фаза нарушенного равновесия последовала за долгим статичным периодом.

Вместе с традициями ашельского периода, которые были продолжены в период, часто называемый завершающим ашельским периодом, мы видим появление новых фаций, сохраняющих характерные двусторонние орудия, но, наряду с этим, добавляют новые формы, отличающиеся от форм классического ашельского периода. Это было производство мелких двусторонних изделий, обнаруженное на севере Сирии, или производство толстых скребков в центральном Леванте, или же это были удивительные но-

вые производства пластин, которые предшествовали эпохе собственно среднего палеолита. Все это произошло за относительно короткий период и в плохо выявленной последовательности. Впрочем, вероятно, речь идет о частичном совпадающих во времени производствах. Три серии датировок относят один из этих эпизодов ко времени 150 тыс. лет тому назад.

Заключительный ашельский период (рис. 5)

В центральном Леванте, от Джабруда (Ябруда) и Эль-Кома в Сирии до Азрака в Иордании и от Табуна до Умм-Катафа в Израиле, в результате раскопок у источников (Эль-Ком: Надавех I; Азрак: Лайон-Спринг и С-Спринг), либо в пещерах (Ябруд I, уровень 23; Табун F и Умм-Катафа D2 и E) были найдены скопления, безусловно относящиеся к ашельскому периоду, которые стратиграфия поместила в слишком позднюю часть цикла, а результаты изучения осадконакопления – во влажный период (рис. 5). Раскопки в пещерах очень важны, поскольку они помогли выявить знаменитые последовательности (*Newville*, 1931, 1934; *Garrod & Bate*, 1937; *Rust*, 1951), однако они производились более 50 лет назад и никогда не возобновлялись на этих уровнях и не контролировались. Кроме того, их материал был изучен лишь в общих чертах.

Местонахождение в пещере Табун принесло изделия, относящиеся к развитому ашельскому периоду с производством тонких, овальных и даже круглых двусторонних орудий, которые были полностью выполнены методом плоской ретуши. Местонахождение Умм-Катафа уподоблено местонахождениям Табун F, а Ябруд стал известен лишь по

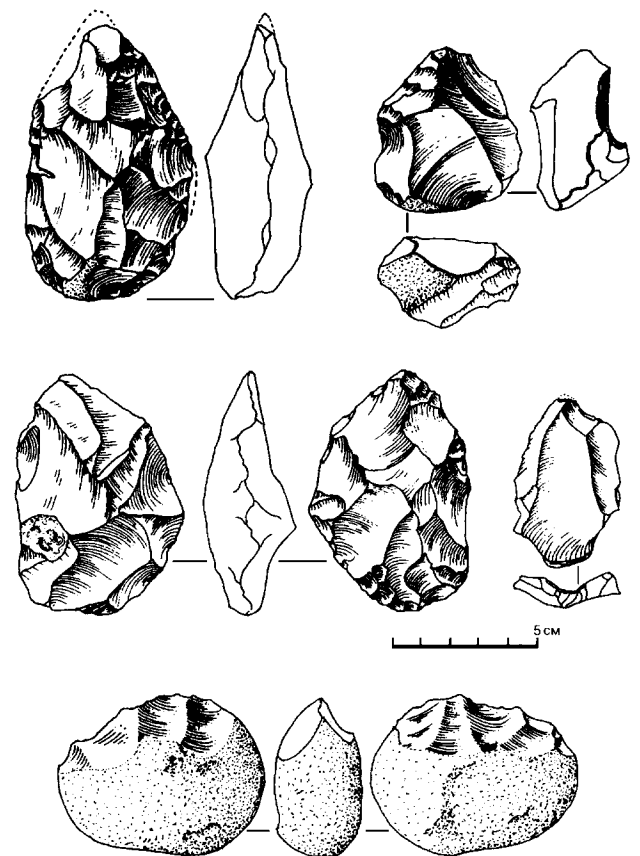

Рис. 5. Артефакты, относящиеся к заключительному ашельскому периоду местонахождения Нахр-Эль-Кабир (Сирия)

нескольким рисункам и описаниям Ф. Бордеса (*F. Bordes*). Зато еще не опубликованные источники из Азрака кажутся многообещающими. Л. Хардинг (*L. Harding*) живописно представил свою находку в 1957 г. скопления, некогда отложившегося на берегах древнего источника, который сегодня покрыт отложениями толщиной более 1 м, несмотря на то, что источник еще действует: при его очистке рабочие, стоя по пояс в воде, чистили дно источника, вынимая корзины, которые были наполнены двусторонними орудиями. Недавно были возобновлены работы, начатые в рамках исследований по программе ирригации, и из двух или трех источников в целом были получены тысячи предметов и сотни двусторонних орудий яйцевидной и миндалевидной форм. Они не очень тонкие, но тщательно обработаны: с обеих сторон сняты большие плоские сколы, а края выровнены путем небольшой дополнительной отделки. Налет в основном имеет темный цвет – черный, коричневый или прекрасный темно-зеленый. Несколько блестящих изделий и скребки из Ябруда свидетельствуют о том, что необходимо провести дальнейший стратиграфический анализ. Все, что нам известно, указывает на то, что в этот очень развитый ашельский период был доступ к большому объему гравия, образовавшемуся в результате обвала в то время, когда дно впадины Азрак находилось ниже, чем в наши дни.

Производные ашельской культуры (карта 6, рис. 6)

Скопления, найденные в центральном Леванте – в Ябруде, Дуаре, Эль-Коме, Табуне, Умм-Катафе, Азраке, имеют, несомненно, более развитый характер, однако они полностью сохраняют традиции ашельского периода. Зато в других поселениях появляются новшества, намечающие путь к будущим новым производствам. Другими словами, начался процесс, который достигнет кульминации в эпоху среднего палеолита. Первое проявление этого перехода было, по-видимому, ограничено северным Левантом, оно выражено отдельными штрихами в разных местах: в Нахр-Эль-Кабире, в районе рек Оронт, Евфрат, в Эль-Коме. Этому периоду было дано несколько наименований.

Самукийский период (*Copeland & Hours, 1979*) впервые был выделен в связи со скоплением, открытым на старой линии побережья эпохи плейстоцена в местечке Мшаирфет-эс-Самук. Сырье представлено в виде гальки небольшого размера, и это проявляется в размерах изделий. Встречаются небольшие утолщенные двусторонние орудия овальной формы размером менее 7 см, небольшие рубила, а наличие сколов и пластин свидетельствует о применении леваллуазской техники откалывания. Эти изделия прекрасно сохранились; на них виден желто-зеленый налет. Те же фацции были найдены в шести других местах, самыми значительными из которых являются ископаемое отложение в Фидио и террасы фазы Qf II вдоль р. Нахр-Эль-Араб, что дает точку отсчета для датировок. Эти миниатюрные двусторонние орудия вместе с небольшими рубилами и большим количеством сколов, полученных по леваллуазской технологии, относятся к ашельской традиции в обычном нашем понимании.

Нечто похожее происходило в среднем течении р. Оронт. Там скопления находились на поверхности у обнажений известняка, служивших источниками сырья – кремня. И там небольшие двусторонние орудия составляют важную часть всего набора орудий. Рядом с ними найдены небольшие изделия более или менее листовидной формы, а также леваллуазские пластинки. В основном артефакты довольно испорчены, а серый налет на них часто шероховатый. Количество изделий иногда настолько значительно, что позволяет делать ценные статистические заключе-

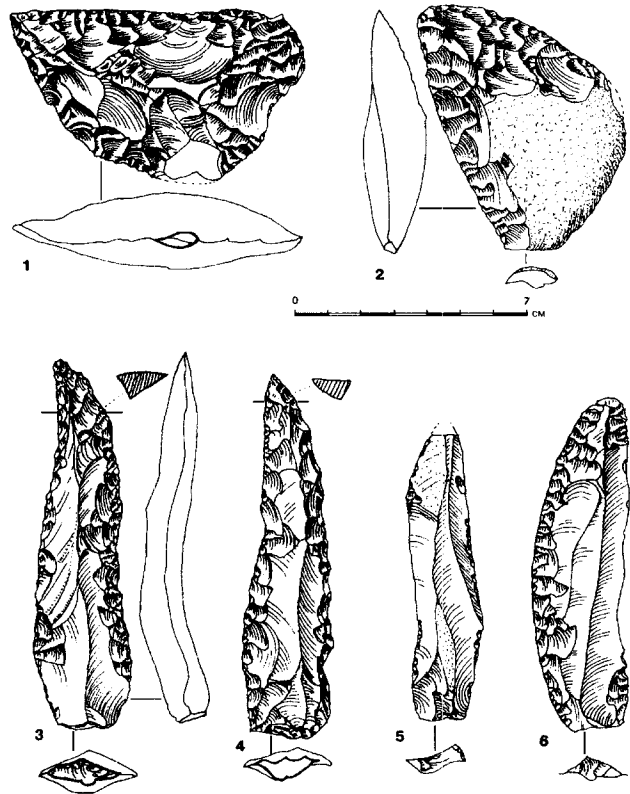
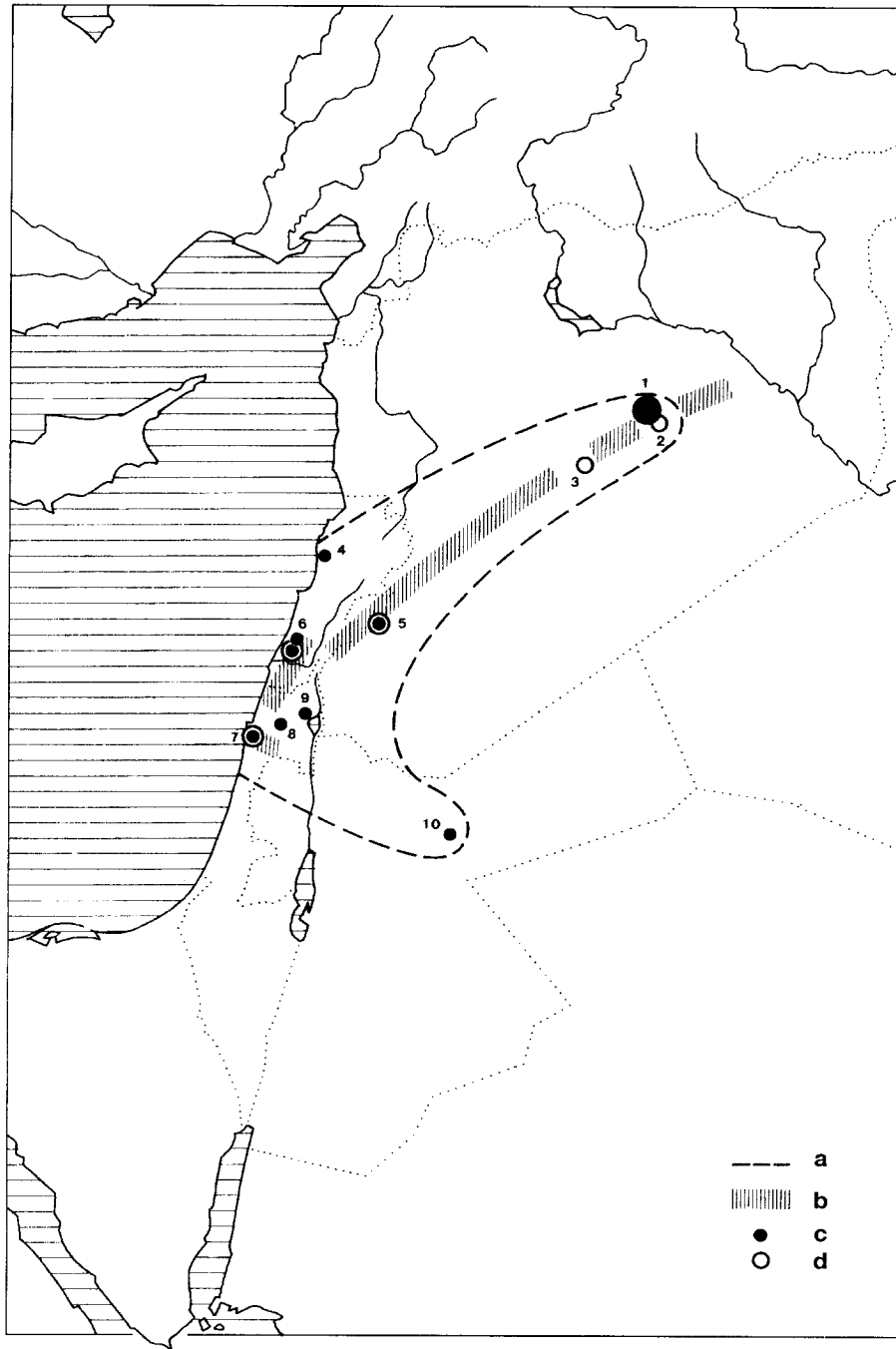

Рис. 6. Производства переходного периода: Эль-Ком (Сирия): 1–3 – ябрудская культура; 3–6 – хуммалейская культура

ния. Два самые значительные метонахождения выявлены в окрестностях Латамне, в Тау-Семаане и Тулул-Дефаи. Замена небольших двусторонних изделий на миниатюрные рубила самукийского периода оправдывала появление нового названия (*Besançon et al., 1978*), и эти фацции получили названия дефайских. В среднем течении Евфрата, у впадения в него притока Белих, недалеко от г. Ракка, небольшие двусторонние орудия соседствовали с очень тонкими леваллуазскими пластинками и небольшими рубилами из кварца (*Besançon et al., 1980*).

Бассейн Эль-Кома в двух местах содержал аналогичные скопления (*Hours, 1981*). По краям ископаемого источника в Надауйе I двусторонние небольшие орудия были расположены на верхних уровнях местонахождения, которое внизу содержало предметы классического ашельского периода. Неподалеку от этого места на берегу сухого русла р. Кдейр были найдены небольшие двусторонние орудия вместе с двусторонними изделиями. Двусторонние орудия имеют яйцевидную или миндалевидную форму, однако здесь не встречаются леваллуазские пластинки, что отличает производства Эль-Кома от самукийских производств на р. Нахр-Эль-Кабир и дефайского производства на р. Оронт. В отличие от этого уровень 12 в укрытии 1 в Ябруде напоминает оба эти периода: в нем были обнаружены следы производства небольших двусторонних орудий, а Ф. Бордес присвоил этому уровню индекс Леваллуа, равный 15 (*Rust, 1951; Bordes, 1955*).

Хотя фацции с миниатюрными двусторонними орудиями обнаружены в основном в северном Ливане, однако они находятся не только там, поскольку на уровне D I в Умм-Катафа найдены аналогичные изделия. Р. Невиль (*R. Newville, 1931*) отмечает присутствие там «крохотных» двусторонних орудий и некоторых инструментов, напоминающих маленькие двусторонние изделия.

Карта 6. Западная Азия в переходный период от нижнего палеолита к среднему палеолиту: а – территория ябрудской культуры; б – пальмирский горный кряж; с – местонахождения следов ябрудской культуры; d – производства пластин; 1 – Эль-Ком (9 местонахождений); 2 – Хуммал; 3 – Дуара; 4 – Маслух; 5 – Ябруд; 6 – Адлун; 7 – Табун; 8 – Айн-Муса; 9 – Зуттийе; 10 – Азрак (источник)

Нелегко точно датировать эти производства, вышедшие из апельского периода, поскольку в основном они располагаются на открытых стоянках. Однако их типология указывает на более поздний возраст, а те местонахождения, которые содержат слои (Умм-Катафа, Ябруд, Надауйе), подтверждают, что они представляют вершину апельского ряда; кроме того, Ябруд показывает, что собственно средний палеолит идет почти сразу после него. Итак, мы попадаем в переходный период, который происходит почти в одно время с ябрудским периодом.

Ябрудский период (карта 6, рис. 6)

В конце нижнего палеолита в Западной Азии ябрудский период приобретает особую важность. Вначале он

был отнесен к чисто левантской традиции, затем стал предметом долгих и жарких дискуссий в отношении происхождения и хронологического положения. Теперь это производство отмечено десятком датировок, а ябрудский период от этого стал более интересным. И, наконец, это единственная традиция в рассматриваемый нами период, связанная с ископаемыми остатками человека, сохранившимися во вполне определенном стратиграфическом положении.

Ябрудский период был определен А. Рустом в результате раскопок в 1930–1933 гг. ряда скальных укрытий в скалах у сухого русла Скифта недалеко от городка Джабруд (Ябруд) в центральной Сирии (Rust, 1951). Период характеризуется почти полным отсутствием пластин и наличием скребков, обтесанных в основном в поперечном направлении или под некоторым углом продольной оси, сделанных

из угловатых сколов с гладким ударным основанием (рис. 6). Они отделялись чешуйчатой ретушью, которая напоминает отделку изделий Мустьерского периода в фашия Ла-Кина средней ашельской эпохи во Франции. В ходе своих раскопок Руст выделил уровни, содержащие или не содержащие двусторонние орудия. Он не был уверен, что это различие имеет реальное значение. Результаты раскопок в Ябруде были опубликованы лишь в 1951 г. Только тогда стало известно о существовании ябрудского периода, что повлекло за собой пересмотр части материала, найденного в Палестине – в Табуне и в Зуттийе.

С тех пор следы ябрудской культуры были обнаружены в 17 поселениях, разбросанных по всему центральному Леванту, 9 из которых были расположены в одном оазисе Эль-Ком (*Copeland & Hours, 1983*). Непохоже, чтобы они были связаны с особой природной зоной: Табун (Израиль), Адлун и Маслух (Ливан) являются прибрежными пещерами; Зуттийе, Айн-Муса (Израиль) и Ябруд (Сирия) располагаются на холмах, которые образуют южную часть Плодородного полумесяца; Азрак (Иордания) и Эль-Ком со своими девятью месторождениями (Сирия) представляют собой оазисы в сухой степи, на границе с пустыней. Производство располагались в пещерах и в укрытиях (6 мест) или под открытым небом неподалеку от источников воды (11 мест). В нескольких отложениях были найдены остатки фауны, чаще всего крупных животных, но попадались также и травоядные средних размеров. В зависимости от окружающей среды это были животные от гиппопотама, слона или носорога до лошади и верблюда, или от дикого кабана до козла, лани или косули. В засушливых районах встречались газель. По-видимому, существовала коллективная охота без особой специализации, полностью приспособленная к местным условиям.

Ископаемые остатки человека, найденные в Мугарет-Эль-Зуттийе (*Gisis & Bar-Yosef, 1974*), свидетельствуют о том, что ябрудский человек относился к развитому виду человека прямоходящего, которого некоторые называли «пред-человеком» (*pre-sapiens*). Имеющиеся датировки, произведенные различными методами (изотопным и термолуминесцентным) в Зуттийе и Эль-Коме, указывают на то, что он жил приблизительно 150 тыс. лет назад (*Schwarcz et al., 1979, 1980; Hennig & Hours, 1982*). Это соответствует седиментологическим наблюдениям и опосит нас, с учетом заключительного ашельского периода у источников в Азраке, к влажному периоду, который достаточно хорошо согласуется с фазой 6 шкалы Опдайка и Шеклтона.

Производство пластин

В некоторых ябрудских местонахождениях обнаружены следы производства пластин. Связь между двумя комплексами не ясна, поскольку изделия изменяются от отложения к отложению. Однако до настоящего времени не было найдено отдельных производств пластин.

И снова А. Руст впервые указал на включения в общий комплекс тонких пластин, который соответствовал окончанию ашельского периода. Эти скопления пластин он отнес к «предориньякской» культуре (*Rust, 1951*). Данное название следует считать неудачным, поскольку оно предполагало существование связи с эпохой позднего (верхнего) палеолита на основании некоторых неизвестных и неоткрытых продолжений от «предориньякского» периода к ориньякскому периоду на протяжении десятков тысяч лет. Кроме того, к 1940 г. усилия по уточнению типологии еще не дали результатов и к «ориньякскому» периоду относили все, что напоминало эпоху позднего (верхнего) палеолита. Среди изделий времен предориньякского периода в Ябруде помимо пластин были

резцы и терки, но, тем не менее, от ориньякского периода его отделяет вся толща среднего палеолита. Однако еще совсем недавно (*Bakdach, 1982*), несмотря на проблемы стратиграфии, его считали первым проявлением эпохи верхнего палеолита.

Проведенная Рустом идентификация оригинального производства пластин, которое предшествовало появлению эпохи среднего палеолита и принадлежало к комплексу, отметившему окончание эпохи нижнего палеолита, привела Д. Гэррод (*D. Garrod*) к пересмотру своего восприятия слоя Е в Табуне (*Garrod, 1956*) и к поискам подобных скоплений в других местах. Это послужило основой проведенных ею раскопок в Адлуне (*Roe, 1983*) на побережье Ливана, где она описала ябрудское производство и изготовление пластин, в стратиграфическом отношении аналогично предориньякскому периоду, но с несколько иной типологией. Этому периоду было дано новое название – «амудский» (*Garrod & Kirkbride, 1961; Garrod, 1970*).

Дальнейшие работы в оазисе Эль-Ком дали возможность обнаружить в шахте Хуммал в слое над слоем ябрудской культуры и под слоем среднего палеолита существование производства того же типа, но, тем не менее, оригинального; следы его с тех пор были обнаружены около других источников воды: крупные пластины с гладкими торцами, заостренные путем чешуйчатой ретуши. Согласно типологическим вариантам, их можно назвать по-разному: двойной боковой скребок, мустьерский наконечник или наконечник типа Сан-Ремо (*Copeland, 1985*). Этот характерный для оазиса Эль-Ком тип скопления был назван хуммальским (*Hours, 1982*). Помимо этого, изделия покрыты налетом и блестят из-за воздействия воды источника (независимо от процесса), который придал им несравненный внешний вид.

В четырех отдельных местах: гора Кармель, пещеры Адлуна, Ябруд и источники Эль-Кома, существуют скопления, характеризующиеся производством пластин, и располагающиеся в эквивалентном стратиграфическом положении, что объединяет их с эпохой нижнего и среднего палеолита (карта 6). А. Елинек (*A. Jelinek*), который возобновил раскопки в Табуне, полагает, что ябрудский период и производство пластин относятся к традиции «вади Мугара» (*Jelinek, 1981*), что можно оценить как удивительный подход. Расчеты соотношений ширины к толщине, проведенные по этому поводу, не очень убедительны.

Как бы то ни было, эти скопления ставят проблему не только в связи с их необычной типологией. Они состоят из орудий, предназначенных для гонимой работы и требующих меньших усилий, чем ашельские двусторонние орудия или ябрудские скребки. Может быть, географическое расположение различных комплексов поможет решить эту проблему. Ябрудский период получил распространение в центральной части Леванта, как на побережье, так и в глубине континента, а это свидетельствует о способности проживать в очень разнообразных природных зонах и использовать весьма разнообразный животный мир. Немногочисленные производства пластин распространялись от горы Кармель на побережье Средиземного моря до оазиса Эль-Ком в сирийской степи, следуя через Ябруд по линии высот, которые иногда называют Становым хребтом Пальмиры. Если бы не разрушительная деятельность человека, то и сегодня еще эти холмы были бы покрыты лесами из дубов и фиговидных деревьев, которые являются биотопом, в котором произрастали бы дикие травянистые растения. Возможно, что производства пластин – предориньякское, амудское, хуммальское – являются свидетельствами адаптации человека к пищевым ресурсам подобного рода путем развития инструментов, способных резать не очень твердые материалы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплекс, завершающий нижний палеолит (заключительный ашельский период, продолжения ашельского периода, ябрудский период, производство пластин), в Западной Азии уступает место комплексам из изделий, получаемых путем леваллуазской техники раскалывания, появление которых произошло примерно 90 тыс. лет тому назад (Stearns & Thurber, 1965; A. Leroi-Gourhan, 1980; Hennig & Hours, 1982) и которые означают канун эпохи среднего палеолита. К ним надо отнести человека из Неандертала.

В Западной Азии, как было показано, ступени развития человека, соответствующие присутствию *человека прямоходящего*, не могут быть определены теми методами абсолютной датировки, которые применимы для Африки. Тем не менее геоморфологическое окружение хорошо изучено и предоставляет детальную относительную хронологию, основанную на объективных критериях. Это дает возможность констатировать, что в течение всего ашельского периода – раннего, среднего и позднего – типология изделий развивалась медленными темпами, а образ жизни человека не претерпел значительных изменений. Необходимо дождаться окончания ашельского периода, чтобы присутствовать при глубоких и скорых переменах.

В этом обзоре Западной Азии в эпоху *человека прямоходящего* речь шла только о Леванте: Ливане, Сирии, Иордании и Израиле. Практически ничего не известно о том, какой археологический материал, датируемый этим периодом, мог быть найден в Турции, Ираке, Иране и на Аравийском полуострове. Более тщательные исследования и более солидные публикации могли бы вскоре дать представление о развитии ашельских традиций в этих регионах, но сегодня мы ничего об этом не знаем. Читатель, вероятно, заметил, что в зоне Леванта производства размещались неравномерно, и что его заселение также происходило неравномерно. Помимо всеобщего передвижения, которое, начиная с позднего ашельского периода, привело к заселению внутренней части континента, южный Левант был менее населен, чем его центральная и северная части.

Относительно запоздалое появление ашельского периода в Западной Азии в виде уже сформировавшегося производства, без признаков поисков и ошибок в самом начале, наводит на мысль, что культура этого периода была привнесена извне и что Западная Азия служила мостом между Африкой и Евразией во время заселения Старого Света. Учитывая ее положение на перекрестке трех континентов, такое заключение не кажется удивительным. Однако роль не ограничивалась ролью посредника. Ашельский период там приобрел особые местные грани развития, которые особенно явно проявились на конечном этапе в развитый поздний ашельский период и в связи со всеми производствами периода перехода к среднему палеолиту.

Не будучи колыбелью ашельского периода, начиная с этих древних времен Западная Азия играла важную роль в эволюции человечества.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AKAZAWA, T. 1979. Flint Factory Sites in Palmyra Basin. In: HANI-HARA, K.; AKAZAWA, T. (eds), Palaeolithic Site of Douara Cave and Palaeogeography of Palmyra Basin in Syria. Tokyo, pp. 159–200. (Univ. Mus., Univ. Tokyo Bull., 16.)
- ARENSBURG, B.; BAR-YOSEF, O. 1963. Emeq Rephaim (fouilles de 1962). Mi-Tekufat ha-Even (Jerusalem), Vol. 4/5, pp. 1–16.
- 1967. Yacimiento Paleolítico en el valle de Refaim, Jerusalem, Israel. Ampurias (Barcelona), Vol. 29, pp. 117–33.
- ARIAI, A.; THIBAULT, C. 1975–7. Nouvelles Précisions à propos de l'outillage paléolithique ancien sur galets du Khorassan (Iran). Paléorient, Vol. 3, pp. 101–8.
- BAKDACH, J. 1982. Das Jungpaläolithikum von Jabrud in Syrien. Cologne. (Doct. dissertation, Universität Köln.)
- BAR-YOSEF, O.; TCHERNOV, E. 1972. On the Palaeo-ecological History of the Site of Ubeidiya. Jerusalem, Israel Academy of Sciences and Humanities.
- BESANÇON, J. 1981. Chronologie du Pléistocène au Levant. Synthèse. In: CAUVIN, J.; SANLAVILLE, P. (eds), Préhistoire du Levant. Paris, CNRS, pp. 145–53.
- BESANÇON, J.; COPELAND, L.; HOURS, F. 1982. L'Acheuléen moyen de Joubb Jannine (Liban). Paléorient, Vol. 8, pp. 11–36.
- BESANÇON, J.; HOURS, F. 1971. Préhistoire et géomorphologie: les Formes du relief et les dépôts quaternaires de la région de Joubb Jannine (Beqaa méridionale, Liban) II. Hannon (Beirut), Vol. 6, pp. 29–135.
- 1985. Prehistory and Geomorphology in Northern Jordan, a Preliminary Outline. Studies in the History and Archaeology of Jordan, Vol. 2, pp. 56–66.
- BESANÇON, J.; SANLAVILLE, P. 1981. Aperçu géomorphologique sur la vallée de l'Euphrate syrien. Paléorient, Vol. 7, pp. 5–18.
- 1985. Le Milieu géographique. In: SANLAVILLE, P. (ed.), Holocene Settlement in North Syria. Oxford, pp. 7–40. (BAR Int. Ser., 238.)
- BESANÇON, J. et al. 1978. The Palaeolithic Sequence in Quaternary Formations of the Orontes River Valley, Northern Syria: A Preliminary Report. Bull. Inst. Archaeol. (London), Vol. 15, pp. 149–70.
- 1980. Géomorphologie et préhistoire de la vallée moyenne de l'Euphrate: essai de chronologie du Pléistocène et du Paléolithique de Syrie. C. R. Acad. Sci. (Paris), Ser. D, Vol. 290, pp. 162–70.
- 1984. The Lower and Middle Palaeolithic in the Upper Zarqa/ Khirbet Samra Area of Northern Jordan, 1982–1983 Survey Results. Annu. Dep. Antiq. Jordan, Vol. 28, pp. 91–142.
- BORDES, F. 1955. Le Paléolithique inférieur et moyen de Jabrud (Syrie), et la question du Pré-Aurignacien. Anthropologie (Paris), Vol. 59, pp. 486–507.
- BOVIER-LAPIERRE, P. 1909. Stations paléolithiques du Balad Bechara. Mélanges Fac. Orient. (Beirut), Vol. 4, pp. 207ff.
- BRAIDWOOD, R.; HOWE, B. 1960. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan. Chicago, Oriental Institute of the University of Chicago.
- CAUVIN, J.; SANLAVILLE, P. (eds) 1981. Préhistoire du Levant. Paris, CNRS.
- CLARK, J. D. 1966. The Middle Acheulian Occupation Site at Latamné. Ann. Archéol. Arab. Syr. (Damas), Vol. 16, pp. 31–74.
- COPELAND, L. 1985. The Pointed Tools of Hummal la (El Kowm, Syria). Cah. Euphrate (Paris), Vol. 4, pp. 177–89.
- COPELAND, L.; HOURS, F. 1979. Le Paléolithique du Nahr el Kebir. pp. 21–38.
- 1983. Le Yabroudien d'El Kowm (Syrie) et sa place dans le Paléolithique du Levant. Paléorient, Vol. 9, pp. 21–38.
- COPELAND, L.; WESCOMBE, P. J. 1965. Inventory of Stone Age Sites in Lebanon I. Mélanges Univ. St-Joseph, Vol. 41, pp. 34–175.
- 1966. Inventory of Stone Age Sites in Lebanon II. Mélanges Univ. St-Joseph, Vol. 42, pp. 1–174.
- FLEISCH, H. 1951. Préhistoire au Liban en 1950. Bull. Soc. Préhist. Fr., Vol. 48, pp. 26 ff.
- 1954. Nouvelles Stations préhistoriques au Liban. Bull. Soc. Préhist. Fr., Vol. 51, pp. 564 ff.
- 1956. Dépôts préhistoriques de la côte libanaise et leur place dans la chronologie basée sur le Quaternaire marin. Quaternaria (Rome), Vol. 3, pp. 101–32.
- 1962. La Côte libanaise au Pléistocène ancien et moderne. Quaternaria (Rome), Vol. 6, pp. 497–524.
- FLEISCH, H.; REMIRO, J.; SANLAVILLE, P. 1969. Gisements préhistoriques découverts dans la région de Batroun. Mélanges Univ. St-Joseph, Vol. 45, pp. 1–28.
- GARROD, D. A. E. 1956. Acheuléen-Jabroudien et 'Pré-Aurignacien' de la grotte de Taboun (Mont Carmel): étude stratigraphique et chronologique. Quaternaria (Rome), Vol. 3, pp. 39–59.
- 1970. Pre-Aurignacian and Amudian. A Comparative Study of the Earliest Blade Industries of the Near East. Fundamenta (Festschrift Rust), Vol. 42, No. 1, pp. 224–9.
- GARROD, D. A. E.; BATE, D. M. A. 1937. The Stone Age of Mount Carmel I: Excavations at the Wady al Maghara. Oxford.

- GARROD, D. A. E.; KIRKBRIDE, D. 1961. Excavations of Abri Zumoffen, a Palaeolithic Rock Shelter near Adlun, South Lebanon, 1958. *Bull. Mus. Beyrouth*, Vol. 16, pp. 7–46.
- GILEAD, D. 1969. Early Palaeolithic Cultures in Israel and the Near East. Jerusalem. (Ph.D. dissertation, University of Jerusalem.)
- GILEAD, D.; RONEN, A. 1977. Acheulian Industries from Evron on the Western Galilee Coastal Plain. *Eretz-Isr. (Jerusalem)*, Vol. 13, pp. 56–86.
- GISIS, I.; BAR-YOSEF, O. 1974. New Excavations in Zuttiyeh Cave, Wadi Amud, Israel. *Paléorient*, Vol. 2, pp. 175–80.
- GOREN, N. 1981. The Lithic Assemblages of the Site of Ubeidiya, Jordan Valley. Jerusalem. (Ph.D. dissertation.)
- GOREN-INBAR, N. 1985. The Lithic Assemblage of the Bereket Ram Acheulean Site, Golan Heights. *Paléorient*, Vol. 11, pp. 7–28.
- HANIHARA, K.; AKAZAWA, T. (eds) 1979. Palaeolithic Site of Douara Cave and Palaeogeography of Pamyra Basin in Syria. Tokyo. (Univ. Mus., Univ. Tokyo Bull., 16.)
- HENNING, G. J.; HOURS, F. 1982. Dates pour le passage entre l'Acheuléen et le Paléolithique moyen à El Kowm (Syrie). *Paléorient*, Vol. 8, pp. 81–4.
- HOOIJER, D. 1961–2. Middle Pleistocene Mammals from Latamne, Orontes Valley. *Ann. Archeol. Arab. Syr.*, Vol. 11/12, pp. 117–32.
- HOURS, F. 1975. The Lower Palaeolithic of Lebanon and Syria. In: WENDORF, F.; MARKS, A. (eds), *Problems in Prehistory: North Africa and Levant*. Dallas, pp. 249–71.
- 1979. La Fin de l'Acheuléen en Syrie du nord, note préliminaire. *Paléorient*, Vol. 5, pp. 9–16.
- 1981a. Le Paléolithique d'El Kowm, rapport préliminaire. *Paléorient*, Vol. 7, No. 1, pp. 33–55.
- 1981b. Le Paléolithique inférieur de la Syrie et du Liban, le point de la question en 1980. In: CAUVIN, J.; SANLAVILLE, P. (eds), *Préhistoire du Levant*. Paris, CNRS, pp. 165–83.
- 1982. Une nouvelle industrie en Syrie entre l'Acheuléen supérieur et le Levallois-Moustérien. *Archéologie du Levant (Recueil Roger Saidah)*, pp. 33–46.
- HOURS, F.; COPELAND, L.; AURENCHE, O. 1973. Les Industries paléolithiques du Proche-Orient, essai de corrélation. *Anthropol. (Paris)*, Vol. 77, pp. 229–80.
- HOURS, F.; SANLAVILLE, P. 1972. Découverte de silex taillés dans une plage située à +95 m à Borj Qinnarit (Liban). *C. R. Acad. Sci. (Paris)*, Ser. D, Vol. 275, pp. 2219–21.
- INIZAN, M. L. 1985. Des Indices acheuléens sur le bord du Tigre dans le nord de l'Iraq. *Paléorient*, Vol. 11, No. 1, pp. 101–2.
- JELINEK, A. 1981. The Middle Palaeolithic in the Southern Levant, from the Perspective of Tabun Cave. In: CAUVIN, J.; SANLAVILLE, P. (eds), *Préhistoire du Levant*. Paris, CNRS, pp. 265–85.
- KÖKTEN, K. 1947. 1946 yılı Tarih-öncesi arastirmalari, Antalya, Diarbahir, Urfa, Gaziantep cevreleri [The Exploration Campaign of 1946 in the Regions of Anatolia, Diarbahir, Urfa and Gaziantep]. *Bulleten, Soc. turq. hist. (Ankara)*, Vol. 11, No. 43, pp. 431–72.
- LEROI-GOURHAN, ARLETTE. 1980. Les Analyses polliniques au Moyen-Orient. *Paléorient*, Vol. 6, pp. 79–91.
- LIERE, W. J. VAN. 1966. The Pleistocene and Stone Age of the Orontes River (Syria). *Ann. Archéol. Arab. Syr. (Damascus)*, Vol. 16, No. 2, pp. 7–30.
- LIERE, W. J. VAN; HOOIJER, D. 1961–2. A Palaeo-Orontes Level with Archidiskodon Meridionalis (Nesti) at Hama. *Ann. Archéol. Arab. Syr. (Damascus)*, Vol. 11/12, pp. 165–73.
- MODDERMAN, P. 1964. On a Survey of Palaeolithic Sites near Hama. *Ann. Archéol. Arab. Syr. (Damascus)*, Vol. 14, pp. 51–66.
- MUHESEN, S. 1985. L'Acheuléen évolué de Syrie. Oxford. (BAR Int. Ser., 248.)
- NEUVILLE, R. 1931. L'Acheuléen supérieur de la grotte d'Oumm Qatafa. *Anthropologie (Paris)*, Vol. 41, pp. 13–51, 249–63.
- 1934. Le Préhistorique de Palestine. *Rev. Biblique (Paris)*, Vol. 43, pp. 237–59.
- OPDYKE, N. D.; SHACKLETON, N. J. 1976. Oxygen Isotope and Palaeomagnetic Stratigraphy of Pacific Core V 28–239, Late Pliocene to Latest Pleistocene. *Geol. Soc. Am. Mem.*, Vol. 145, pp. 449–64.
- PERROT, J. 1968. La Préhistoire palestinienne. *Dictionnaire de la Bible. Paris*. Vol. 8 (Suppl.), cols. 286–446.
- PRAUSNITZ, M. W. 1969. The Sequence of Early to Middle Palaeolithic Flint Industries along the Galilean Littoral. *Isr. Exploration J. (Jerusalem)*, Vol. 19, pp. 129–36.
- ROE, D. A. (ed.) 1983. Adlun in the Stone Age: The Excavations of D. A. E. Garrod in the Lebanon, 1958–1963. Oxford. (BAR Int. Ser., 159.)
- ROLLEFSON, G. O. 1981. The Late Acheulean Site at Fjaje, Wadi el-Bustan, Southern Jordan. *Paléorient*, Vol. 7, No. 1, pp. 5–21.
- 1984. A Middle Acheulian Surface Site from Wadi Uweinid, Eastern Jordan. *Paléorient*, Vol. 10, No. 1, pp. 127–34.
- RONEN, A. et al. 1974. Notes on the Pleistocene Geology and Prehistory of the Central Dishon Valley, Upper Galilee, Israel. *Quartär*, Vol. 25, pp. 13–23.
- RONEN, A.; AMIEL, A. 1974. The Evron Quarry: A Contribution to the Quaternary Stratigraphy of the Coastal Plain of Israel. *Paléorient*, Vol. 2, pp. 167–73.
- RONEN, A.; PRAUSNITZ, M. W. 1979. Excavations at a Palaeolithic Hunters' site in the Evron Quarry. *Qadmoniot*, Vol. 12, pp. 51–3. (In Hebrew.)
- RUST, A. 1951. Die Höhlenfunde von Jabrud (Syrien). Neumünster.
- SANLAVILLE, P. 1977. Étude géomorphologique de la région littorale du Liban. Beirut. 2 vols.
- 1979. Étude géomorphologique de la basse vallée du Nahr el Kebir. In: SANLAVILLE, P. (ed.), *Quaternaire et préhistoire du Nahr el Kebir septentrional*. Lyons, pp. 7–28.
- (ed.) 1979. *Quaternaire et préhistoire du Nahr el Kebir septentrional*. Lyons.
- 1981. Stratigraphie et chronologique du Quaternaire marin du Levant. In: CAUVIN, J.; SANLAVILLE, P. (eds), *Préhistoire du Levant*. Paris, CNRS, pp. 21–31.
- (ed.) 1985. *Holocene Settlement in North Syria*. Oxford. (BAR Int. Ser., 238.)
- SCHWARCZ, H. et al. 1979. Uranium Series Dating of Travertine from Archaeological Sites, Nahal Zin, Israel. *Nature (London)*, Vol. 277, pp. 558–60.
- SCHWARCZ, H.; GOLDBERG, P.; BLACKWELL, B. 1980. Uranium Series Dating of Archaeological Sites in Israel. *J. Earth Sci. (Leeds)*, Vol. 29, pp. 157–65.
- SENYUREK, M. 1961. The Upper Acheulean Industry of Altindere. *Bulleten, Soc. turq. hist. (Ankara)*, Vol. 25, pp. 149–98.
- STEARNS, C. E.; THURBER, D. L. 1965. Th²³²/U²³⁴ Dates of the Late Pleistocene Marine Fossils from Mediterranean and Moroccan Littorals. *Quaternaria (Rome)*, Vol. 7, pp. 29–42.
- STEKELIS, M. 1960. The Palaeolithic Deposits of Jisr Banat Yakub. *Bull. Res. Council. Isr.*, Vol. 9, G, pp. 61–87.
- 1966. Archaeological Excavations at Ubeidiya, 1960–1963. Jerusalem.
- STEKELIS, M.; BAR-YOSEF, O.; SCHICK, T. 1969. Archaeological Excavations at Ubeidiya, 1964–1966. Jerusalem, Israel Academy of Sciences and Humanities.
- STEKELIS, M.; GILEAD, D. 1966. Ma'ayan Baruch, a Lower Palaeolithic Site in Upper Galilee. Mi-Tekufat ha-Even (Jerusalem), Vol. 8, pp. 1–23.
- TOMSKY, J. 1982. Das Altpaläolithikum im Vorderen Orient. Wiesbaden.
- WENDORF, F.; MARKS, A. (eds) 1975. *Problems in Prehistory: North Africa and the Levant*. Dallas.
- YALÇINKAYA, I. 1981. Le Paléolithique inférieur de Turquie. In: CAUVIN, J.; SANLAVILLE, P. (eds), *Préhistoire du Levant*. Paris, CNRS, pp. 207–18.

ЮЖНАЯ АЗИЯ

в период *Homo habilis* (человек умелый) и *Homo erectus* (человек прямоходящий)

Рамчандра В. Джоши

Южная Азия, включающая восточную часть Ирана, Афганистан, Пакистан, Индию, Непал, Бутан, Мьянму (бывшую Бирму) и Шри-Ланка, составляет географическое объединение, ограниченное на западе приблизительно Евро-Африканским регионом и Ираном, на севере – Центральной Азией (южная часть бывшего СССР и Тибет) и на востоке – Индонезией. Это объединение простирается примерно с 38 град. северной широты до 5 град. южной широты и располагается между 60 град. и 100 град. восточной долготы. Каждый из составляющих ее регионов имеет особые физико-географические характеристики с различными ландшафтами. Несмотря на разницу в климате в этих регионах, Южная Азия в общем принадлежит к тропической и субтропической зонам. На индийском субконтиненте преобладает в основном муссонный климат, а господствующая на севере региона природная растительность засушливого или полусушливого типа на юге уступает место степям, а местами и субтропическим лесам.

При попытке проследить культурную эволюцию Южной Азии в каменный век необходимо иметь в виду некоторые ограничения. До недавнего времени ни в одной из частей Южной Азии не было найдено ни одного ископаемого остатка доисторического человека эпохи плейстоцена. Однако в конце 1982 г. в Хатноре, в средней части долины р. Нармада (штат Мадхья Прадеш, Индия) был обнаружен почти полностью сохранившийся череп *человека прямоходящего*. Стратиграфический анализ и остатки фауны – позвоночных животных, найденные неподалеку, среди которых *Stegodon ganesa* и архаичная форма *Elephas hysudricus*, позволяют датировать местонахождение окончанием периода среднего плейстоцена. Вероятно, этот ископаемый череп можно увязать с производством эпохи нижнего палеолита, характеризующимся наличием двусторонних орудий и многочисленных топоришков (Lumley & Sonakia, 1985; Lumley & Sonakia, 1985). В этой находке нет ничего удивительного, поскольку *человек прямоходящий* за все время своей долгой миграции из Африки по направлению к Китаю и Индонезии должен был пересечь Индийский субконтинент. Другие биологические данные об эпохе нижнего палеолита в Южной Азии ограничиваются несколькими редкими скоплениями ископаемых остатков фауны той поры. Ни в одном местонахождении той эпохи не сохранились растительные остатки. Для того чтобы иметь полное представление об образе жизни сообществ эпохи палеолита, необходимо располагать данными, полученными в резуль-

тате раскопок первичных местонахождений культур палеолита, но информация, которой мы располагаем, очень незначительна, чтобы оказать какую-либо помощь.

Характерные каменные артефакты различных стадий палеолитических культур на сегодня остаются основным материалом для всесторонних исследований культурного развития древних обитателей Южной Азии. Палеонтологические исследования и исследования окружающей среды, недавно проведенные в этом регионе и, в частности, в Индии, в Пакистане, а позднее и в Афганистане, дали значительный объем новой информации, который дополняет результаты проведенных работ по типологии эпохи палеолита.

Наличие культуры нижнего палеолита (*человек прямоходящий*), относящейся к Южной Азии, было обнаружено лишь в Пакистане, в Индии и в Мьянме. К настоящему времени не обнаружено никаких следов этой эпохи в Бутане, Бангладеш и Шри-Ланке, а открытия, сделанные в Афганистане, еще не подтверждены. Артефакты, обнаруженные в Индии и Пакистане, имеют близкое подобие, но материалы из Мьянмы немного отличаются от них. Похоже, что две культурные традиции сосуществовали в Индии и в Пакистане в эпоху нижнего палеолита: а) соанийский тип, в котором преобладали изделия из гальки и б) производства двусторонних орудий (ашельская). На сегодняшний день мы не располагаем никакими стратиграфическими данными, которые указывали бы на то, что орудия из гальки (набор рубил и резак) представляют самые древние каменные культуры. В Мьянме орудия эпохи нижнего палеолита сделаны из ископаемой древесины и, несмотря на отдельные типологические характеристики, появившиеся в результате использования этого материала, они в основном относятся к традициям рубил и резак. Производства орудий из гальки широко встречаются в горных районах, тогда как на полуострове Индостан эти производства являются частью ашельской культуры и неотделимы от нее. Двусторонние орудия немного похожи на двусторонние орудия из Африки или из Европы, тогда как производства орудий из гальки развивались параллельно с производствами в Центральной Азии (и, возможно, в Китае). При отсутствии любых физических остатков человека трудно решить, принадлежат ли эти две культурные традиции палеолитических культур двум разным группам людей. Южная Азия могла служить своего рода коридором для миграций древних людей между Востоком и Западом.

Для того чтобы получить лучшее представление о материалах эпохи нижнего палеолита в контексте окружающей их среды, следует рассмотреть различные проявления этой культуры в каждом субрегионе.

АФГАНИСТАН

Возможное распространение культур палеолита в Афганистане остается не вполне понятным. Для того чтобы его изучить, необходимо принять во внимание результаты исследований, проведенных специалистами по доисторическому периоду в прилегающих регионах Юго-Западной, Центральной и Южной Азии.

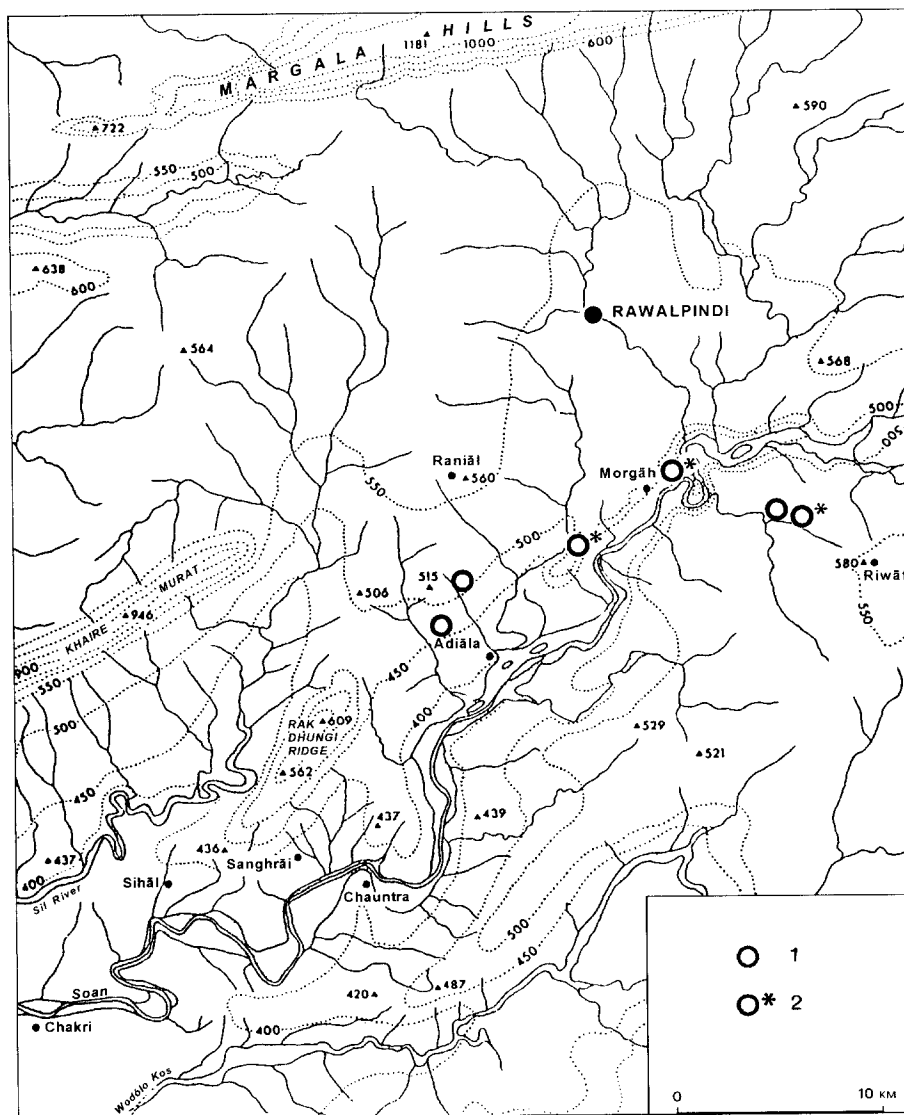
Исследования палеолита в Афганистане начались полвека назад с первых находок, сделанных в 1951 г. К.С. Куном (*Carleton S. Coon*) в Кара-Камаре (*Allchin & Hammond*, 1978). Затем в 1959 г. Л.Б. Дюпре (*Louis B. Dupree*) открыл несколько местонахождений эпохи палеолита на севере страны и позднее провел раскопки некоторых из них, в частности, скального укрытия в Дара-и-кур в Бадахшане и местонахождений по соседству с г. Аккуарук. Недавно эта изыскательская работа обогатилась благодаря вкладу Дюпре, который провел раскопки к югу от Гиндукуша и в 1974 г. на берегах старинных озер обнаружил орудия эпохи

среднего палеолита и даже, возможно, нижнего палеолита. Эти открытия были проанализированы Дэвисом (*Davis*) в главе под названием «Палеолит» в его труде, изданном под редакцией Олчина (*F.R. Allchin*) и Хэммонда (*N. Hammond*) (1978).

В самом Афганистане еще не было найдено ископаемых остатков, которые с уверенностью можно было бы отнести к эпохе нижнего палеолита, однако в соседних с ним районах Таджикистана в отложениях лесса были обнаружены производства рубил и резак, похожих на орудия соангской культуры в Пакистане.

ПАКИСТАН (карта 7)

Несмотря на наличие более ранних находок отдельных остатков эпохи палеолита на территории Пакистана, необходимо учитывать, что систематическое изучение палеонтологической окружающей среды и каменных культур Четвертичного периода в Индии и Пакистане началось с работ де Терра (*de Terra*) и его группы. Составление последовательностей отложений в верхнем Сивалике (Сивалик – южная, наиболее низкая ступень Гималаев в Индии и Непале. – *Прим. ред.*), последующих слоев и террас на р. Соан, а также анализ каменных орудий, найденных де Терра

Карта 7. Долина р. Соан и расположение палеолитических местонахождений в Пакистане: 1 – местонахождения, ранее упомянутые де Терра и Патерсоном (1939); 2 – новые местонахождения, открытые после 1939 г. (по *Rendell*, 1981, с согласия Cambridge University Press)

и Патерсоном (1939), заложили основу изучения каменного века в Индии и Пакистане. Что касается Индии, то далее в разделе, посвященном этой стране, мы увидим, какая новая информация появилась за последнее время.

Плато Потвар, благодаря своему географическому положению между Западной Азией и Индийским субконтинентом, приобретает особое значение для изучения эпохи палеолита в Пакистане. Оно ограничено с запада р. Инд, с востока реками Джела и Пунч, с севера предгорьями хребта Пир-Панджал и на юге горной грядой Солт. Плато содержит хорошо сохранившиеся геостратиграфические свидетельства сиваликских формаций, начиная с эпохи миоцена, а его ландшафты периода позднего плейстоцена дают возможность изучить историю верхнего палеолита.

Без систематических раскопок нам не хватает данных о присутствии здесь далеких предков человека в эпоху плиоцена и в период раннего плейстоцена. Похоже, что каменные изделия, найденные в этом регионе и представляющие производства рубил и резаков, совместно с производством сколов датируются периодом среднего плейстоцена.

Для того чтобы установить климатический и археологический цикл Четвертичного периода, де Терра и Патерсон (1939) вновь прибегли к его делению на четыре больших ледниковых периода, признанному в то время в Европе, и попытались применить это деление к Пакистану в районе Потвара. Примечательно, что Портер (Porter, 1970) смог выявить только три большие ледниковые фазы применительно к территории Сват. Однако это противоречит исследованиям океанических отложений, которые демонстрируют существование более 17 значительных оледенений в течение 1,7 млн. лет.

В своем обзоре последовательностей плейстоцена в долине р. Соан Рэнделл (Rendell, 1981) показал, что последовательность альпийских оледенений Четвертичного периода нельзя применить к району Потвара. Рэнделл отметил также, что местонахождения эпохи палеолита в средней части долины р. Соан скорее ассоциируются с конгломератами Сивалика, чем с конгломератами эрратических скальных пород, которые де Терра относит к периоду второго оледенения или к террасам, образовавшимся после него.

Изменная подобным образом относительная хронология Сивалика и отложений средней части долины р. Соан должна выглядеть следующим образом: русла Пинджора (формация на р. Соан возраста приблизительно 2,5 млн. лет), за которыми следуют конгломераты Верхнего Сивалика (1,9 млн. лет), которые подвергались вспучиваниям, образованию складок и эрозии; затем на эти уровни накладывается комплекс конгломератов Лея (образование насыпи в долине) и отложения лесса; наконец, следует период эрозии и деформации (около 40 тыс. лет назад), а за ним – новое отложение лесса.

Патерсон и Драммонд (1962) разделили весь материал из района р. Соан на три типологические группы: орудия из гальки, нуклеусы и сколы. Артефакты из гальки были в свою очередь разделены на три категории:

- а) изделия с плоским основанием – галька, расщепленная, а затем обработанная с одной стороны;
- б) галька плоская не расщепленная, обработанная с одной стороны;
- в) галька в виде ядрищ – не расщепленная и обработанная с двух сторон.

Кроме того, эти авторы разделили артефакты эпохи палеолита на три группы по признакам их эволюции:

1. Соанийская группа периода среднего плейстоцена, включающая в себя а) досоанийский период, б) ранний соанийский период и в) средний соанийский период; к ней относятся типичные орудия – в основном крупные сколы кварцита, к которым в разных пропорциях присоедине-

ны инструменты из обработанной гальки, некоторые из них достаточно тяжелые.

2. Соанийская группа периода позднего плейстоцена, подразделяемая на поздний соанийский период А и поздний соанийский период В; состав орудий практически такой же, как и в группе 1, но в нем появились более мелкие изделия.

3. Соанийская группа периода окончания плейстоцена, которая также характеризуется наличием инструментов из обработанной гальки и некоторых тяжелых круглых орудий, относящихся к производству двусторонних орудий, которые находят в долине р. Соан недалеко от Равалпинди, Чаунтры и в долине Инда около Аттока. Однако связь между последовательными террасами р. Соан и палеолитическими артефактами, найденными над ними, пока точно не установлена.

Деннел (Dennell, 1981) сделал попытку оценить физические формы людей, живших на плато Потвар в плиоцене и в плейстоцене, и исследовать сопутствующий им культурный материал. Как и в других регионах Южной Азии, в Пакистане не было обнаружено никаких ископаемых остатков первых гоминидов. Другой отличительной чертой палеолита в районе Потвара служит производство сколов, которое неизменно обнаруживается во всех местонахождениях. Дальнейшие исследования этого производства будут необходимы для того, чтобы определить его место во всем комплексе азиатских традиций производства орудий из сколов. Самым последним достижением, которым мы обязаны Рэнделлу и Деннелу (1985), является датировка орудий эпохи нижнего палеолита, найденных на севере Пакистана. Во время поисков, проводившихся в 1983 г., эти авторы обнаружили в слоях верхнего Сивалика три двусторонних орудия ашельского типа, которые палеомагнитным анализом и изучением следов расщепления были датированы периодом между 700 тыс. и 400 тыс. лет тому назад.

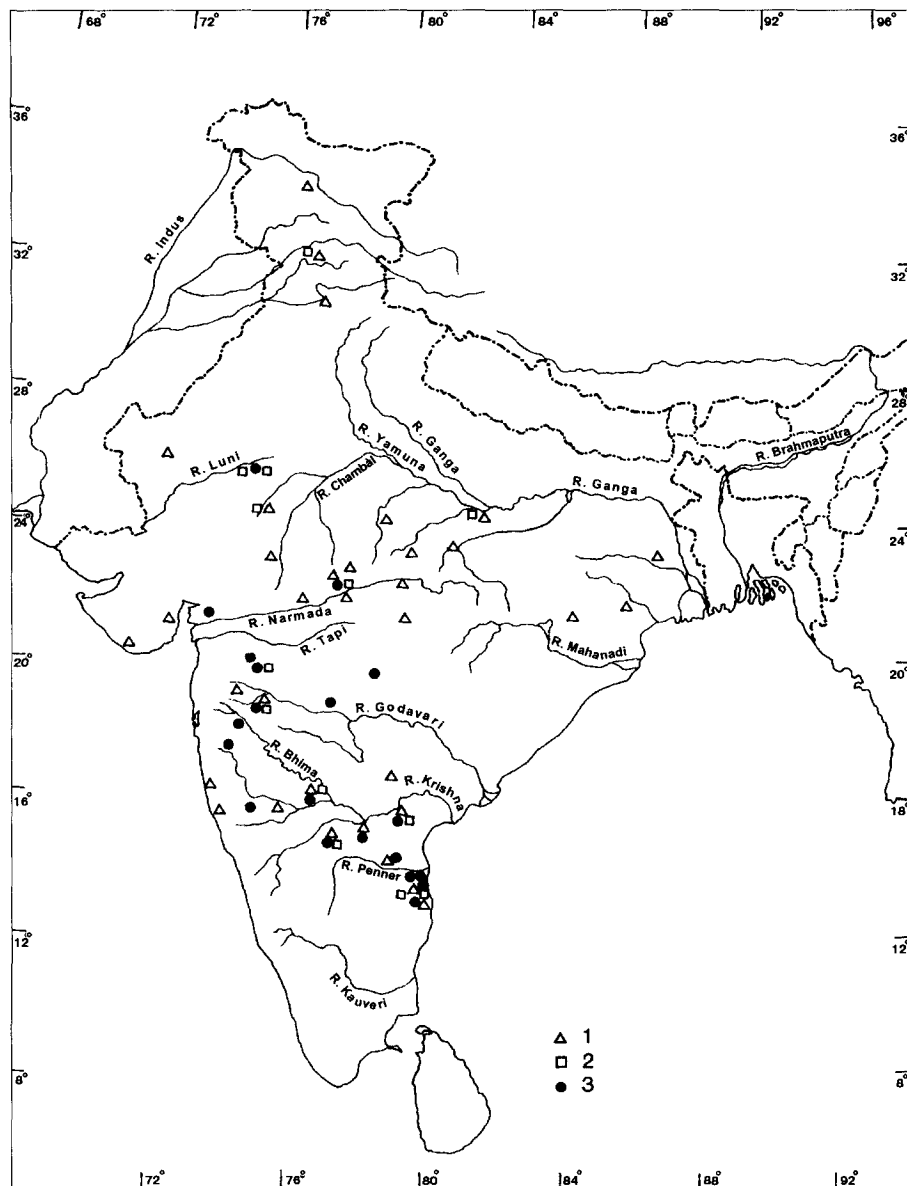
Б. Олчин (Allchin, 1981) также отметил наличие двусторонних орудий с обработанными краями ашельского типа в скоплении из гравия. Однако не было найдено ни одного двустороннего орудия, которое было бы связано с последовательностью конгломератов Лея.

ИНДИЯ (карта 8)

Места, в которых обнаруживают орудия эпохи нижнего палеолита (рис. 7), располагаются во всех районах Индии и в различных географических зонах. Их можно встретить на отрогах Гималаев, где климат наполовину умеренный, в пустынной или в полусаушливой местности, как в Раджастане и в Саураштре, в лесах и на холмах восточной Индии, на морском побережье, на речных террасах плато полуострова, у естественных выступов скал, в скальных укрытиях и в обломочных гравийных образованиях латерита. Вероятно, доисторические люди адаптировались ко всем видам почв и к различным региональным вариациям климата в Индии, где доминирует муссон.

Изучение каменного века в Индии методами геоморфологии было начато де Терра и Патерсоном, которые систематически исследовали долину р. Соан в районе Потвара (сегодня находится на пакистанской территории), а также долину Кашмира.

В ходе этих работ де Терра и Патерсон кратко обследовали местонахождения каменного века, расположенные на р. Нармада в центре Индии и на реке Корталаяр под Мадрасом на юге Индии. Для того чтобы объяснить происхождение террас и отложений гравия в районах, далеко отстоящих от ледников Четвертичного периода и от зоны подножия Гималаев, где были обнаружены каменные орудия, они прибегли к тому же циклу из четырех периодов, ледниковых и межледниковых, который они заранее

Карта 8. Расположение основных палеолитических местонахождений в Индии: 1 – нижний палеолит; 2 – средний палеолит; 3 – верхний палеолит (по Paddyaya)

составили, увязав горизонт конгломерата из обломочных глыб на р. Нармада с горизонтом удаленного плато Потвар. Именно на базе этого цикла геоморфологических событий, приходящихся на период оледенения, Лал (Lal, 1956) провел корреляцию производств, основанных на применении гальки и находящихся в долине Кангры, в штате Гимачал Прадеш, и на верхних террасах на р. Банганга, расположенных в этом же регионе. Артефакты каменного века, найденные Санкалия (Sankalia, 1974) недалеко от Палгома в долине Кашмира, вновь «подняли вопрос» о периодах оледенения в Четвертичном периоде в этой долине. Все эти попытки со стороны специалистов по доисторическому периоду были направлены на то, чтобы понять древнюю окружающую среду и хронологию культур эпохи палеолита по примеру того, как это уже было сделано для других частей света, опираясь на оледенения в Альпах в Четвертичный период в западных странах и на периоды дождей в таких регионах, как Африка, которые избежали образования ледников.

Последние геоморфологические исследования, проведенные в Кашмире в долине реки Лиддар (Joshi et al., 1974), показали, что в этом регионе не существует никаких признаков, подтверждающих существование цикла из четырех

оледенений альпийского типа, и что напластования каменных глыб, обвалы, конусы вулканических выбросов и, местами, слои глины и песка образовались в результате воздействия воды, усиленного действием сильных муссонных дождей, большим уклоном долин и тектонической деятельностью в ту эпоху. В долине р. Сват, в Пакистане, Портер (1970) обнаружил три ледника, зарождавшихся на высоте примерно 4 тыс. м или выше и остановившихся примерно на высоте 2 тыс. м. Следовательно, существует связь в истории оледенений Четвертичного периода в этих двух соседних регионах.

Лал (1956) провел наблюдение за пятью высокими террасами на р. Банганга (долина Кангра) – притоке р. Беас, в штате Химачал-Прадеш, расположенными соответственно на высоте 183, 125, 50, 30 и 10 м над современным руслом реки. Сравнивая их с идентичными террасами, которые можно наблюдать на р. Соан, он нашел доказательство существования периодов оледенения. Однако более поздние исследования (Joshi et al., 1973, 1979) показали, что террасы образовались на отложениях водно-ледниковых и аллювиальных конусов, состоящих из обломочных каменных глыб, гальки, песка и глины и не имеющих ничего общего с ледниковой последовательностью Четвертичного периода.

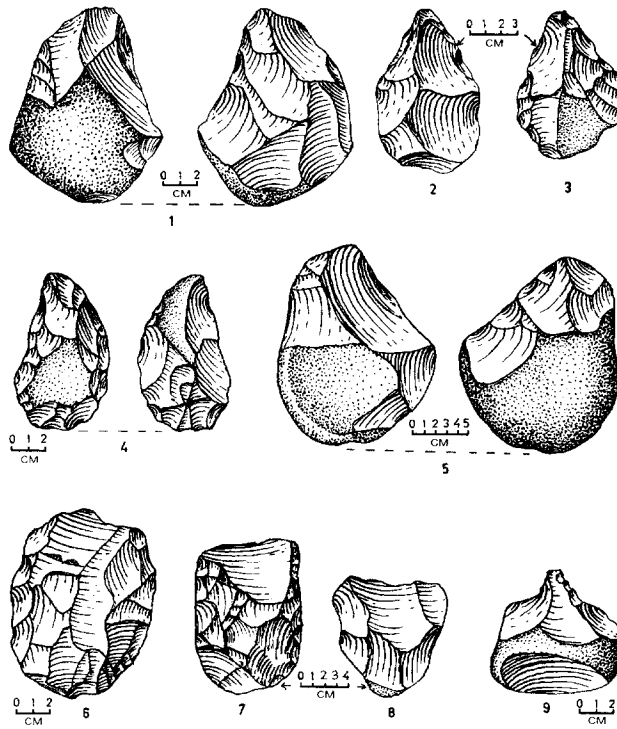

Рис. 7. Артефакты эпохи нижнего палеолита (Индия): 1,5 – рубила; 2,3,4,6 – двусторонние орудия; 7,8 – тонорики; 9 – бурав

Интересно отметить, что артефакты эпохи палеолита, имеющиеся в этом регионе, находятся над террасами, а не в отложениях, из которых они образованы. Таким образом, сами террасы представляют небольшую ценность для хронологии культур эпох нижнего палеолита.

Корреляция ледниковых и межледниковых фаз горной системы Гималаев, с одной стороны, и периодов дождей и промежутков между ними в их отрогах, с другой стороны, поднимает проблемы крайней сложности. Не зная даже количества оледенений за Четвертичный период в Гималаях, сложно из этого делать выводы для изучения доисторического периода в истории Индии в отношении древней окружающей среды и хронологии.

По-видимому, периоды похолодания в плейстоцене совпадали в Индии, стране муссонов, с периодами относительной засухи, а не с фазами дождей, как в некоторых регионах Африки и Европы (Joshi, 1970).

Иначе ставятся эти проблемы на полуострове Индостан. В этом регионе артефакты каменного века находятся в отложениях, расположенных на участках реки, или в аллювиальных отложениях, вызванных наводнениями, внутри скальных укрытий, расположенных на большой высоте и вдали от современного русла рек, внутри золотых отложений и т.д.

На высотах плато Декан отложения Четвертичного периода чаще всего речные и встречаются на участках рек. Последние геолого-археологические исследования нескольких великих водных систем полуострова Индостан внесли значительную ясность в понимание поведения рек, рядом с которыми доисторические люди разбивали свои стоянки или устраивали поселения. По-видимому, в период между окончанием среднего плейстоцена и временем в 50 тыс. лет произошла интенсивная речная эрозия, возможно, под влиянием тектонических сдвигов и небольшого увеличения количества осадков, вызванного изменением климата. Однако в течение Четвертичного периода коренной перемены климата не произошло, и у доисторических людей не возникало трудностей с адаптацией к

незначительным изменениям их окружения, каким мы его видим сегодня в этом регионе, где господствует муссонный климат (Rajaguru & Kale, 1985).

В прибрежных районах Индии также были найдены следы культур эпохи нижнего палеолита. Приморские районы Сорангтри и Гуджарата, расположенные недалеко от некоторых зон, чувствительных к переменам климата, таких как Раджастан, оказались очень полезными для понимания перемен в окружающей среде и изменений уровня моря в Четвертичном периоде. Наличие морских отложений дало возможность идентифицировать две трансгрессии моря: одну, произошедшую в начале последней фазы периода среднего плейстоцена приблизительно 170 тыс. лет тому назад, и другую – примерно 30 тыс. лет назад. Трансгрессии Четвертичного периода также наблюдались вдоль всего западного и восточного побережья. На этой основе была установлена последовательность ашельского периода эпохи нижнего палеолита.

Значительная часть северо-западной Индии, занимаемая пустыней Тар, обладает засушливым или полузасушливым климатом. Местонахождения ашельского периода эпохи нижнего палеолита встречаются и в этих районах, где они соседствуют с песчаными дюнами.

Ископаемые остатки фауны периода раннего плейстоцена были обнаружены в Кашмире на дне оз. Карева, а также в руслах Пиндзора (Верхний Сивалик), однако до настоящего времени в этой геологической среде не было обнаружено никаких орудий каменного века. Самые многочисленные поселения эпохи палеолита встречаются на полуострове Индостан, а в некоторых из них, находящихся, в частности, в долинах рек Нармада, Годавари, Кришна и других, были найдены многочисленные остатки фауны, попавшие в речные отложения, которые после проведения датировок были отнесены к периоду между средним плейстоценом и началом позднего плейстоцена (Badam, 1979). Среди них чаще всего встречаются остатки таких видов, как *Sus namadicus*, *Elephas hysudricus*, *Equus namadicus*, *Bos namadicus*, *Stegodon insignisganesa*, *Cervus* и др. Эта фауна является характерной для саванны с травяным покровом, перемежающейся болотистой местностью. В связи с этим следует отметить, что артефакты эпохи нижнего палеолита были обнаружены на тех же территориях, где были найдены остатки животных, однако до настоящего времени их не находили вместе в тех же уровнях у нетронутых первичных местонахождений.

Остается решить вопрос, который важен для понимания эволюции в Индии ископаемых позвоночных. Это вопрос о разграничении между плистоценом и плейстоценом в формациях Сивалика на северо-западе страны.

Несмотря на прогресс, достигнутый в течение двух последних десятилетий, еще не было возможности составить полную стратиграфию пылицы Четвертичного периода в Индии (Miltre et al., 1985). В формациях периода среднего плейстоцена, к которым относятся отдельные первичные культуры каменного века, еще не было найдено никаких следов пылицы. Палинологические данные по периоду позднего плейстоцена были собраны для периода приблизительно между 130 тыс. и 10 тыс. лет тому назад, однако они не оказали существенной помощи в изучении культур нижнего палеолита.

Физические остатки древних гоминидов редко встречаются в Южной Азии. По-видимому, ископаемые остатки рамапитека, найденные в районе Сивалика, которые ранее были отнесены к гоминидам, сегодня должны быть отнесены к предку orangутана. Мозговой отдел черепа *человека прямоходящего namadiensis*, недавно найденный в долине р. Нармада в центральной Индии, важен для изучения морфологической эволюции народов индийского субконтинента. Как упоминалось ранее, эта окаменелость представляет собой единственные физические остатки *человека прямоходящего* (производителя самых древних

артефактов эпохи палеолита), найденные до настоящего времени в Южной Азии. Она была отнесена к позднему ашельскому периоду.

Обширный комплекс местонахождений ашельского периода под открытым небом был раскопан Паддайей (*Paddayya*, 1982) в долине Хунsgi в штате Карнатака. Эти местонахождения связаны с одним типом занятий или с одной стоянкой. Интересной характерной чертой их производств было использование известняка в качестве основного сырья, и хотя некоторые скопления напоминают отдельными чертами развитый ашельский период, они в основном относятся к традициям раннего ашельского периода. Некоторые социальные признаки, указывающие на продолжительность и даже повторяемость рода занятий, наводят на мысль, что кочевой образ жизни народов каменного века сохранял местный или ограниченный характер и прежде всего зависел от наличия некоторых сезонных источников пищи и воды (*Paddayya*, 1984).

Невозможно с уверенностью определить образ существования групп людей в эпоху нижнего палеолита. Ни одно из раскопанных поселений не содержало остатков животных или пыльцы, связанных с каменными орудиями. Фауна речных долин содержит большое количество остатков полорогих жвачных животных. Также, как и в культурах эпохи нижнего палеолита в Африке и в Европе, традициями этой культуры были охота и собирательство.

Технология эпохи нижнего палеолита в Индии не отличается от технологии, которую экспериментальным путем воссоздали в Европе и в Африке. В типологии идентичных находок преобладают разновидности двусторонних орудий, рубил, скребков, острокопечников и т.д. Если рубила изготавливали из нуклеусов, гальки, фрагментов скальных пород или же из крупных сколов, то другие изделия получали из сколов или крупных пластин в зависимости от местных сырьевых ресурсов (и поэтому от местных геологических условий). Наиболее часто используемыми скальными породами были кварциты, песчаники, базальт (траппы Декана), кремнистый известняк (сланец), рудный кварц, известняк и, в редких случаях, даже метаморфические скальные породы и гранит. Орудия получались более или менее грубые или изящные, в зависимости от структуры используемого материала.

Соанийская культура была в свое время связана с комплексом производств рубил и резаков в Юго-Восточной Азии (*Movius*, 1948). Производства, использующие гальку, сравнимые с соанийской культурой в Пакистане, были обнаружены в штате Химачал-Прадеш на верхних террасах долин рек Беас-Банганга (Кангра), Сирса, Марканда и других.

Две точки зрения сталкиваются в вопросе о месте соанийской культуры и ее аналогов в штате Химачал-Прадеш, который географически принадлежит субгималайскому региону. Для одних соанийское производство исключительно на базе гальки является культурой или традицией, значительно отличающейся от культур эпохи нижнего палеолита в остальной части Индии, где находят двусторонние орудия и топорники. Согласно этим авторам, соанийские орудия свидетельствуют об адаптации к горной среде, в то время как комплекс орудий, в котором преобладают двусторонние орудия и топорники ашельского периода, характерен для среды типа речных долин, плато и равнин (*Mobopatra*, 1985). Другие полагают, что производства рубил из гальки (соанийского типа) и производства топорников и двусторонних орудий являются неотъемлемой частью одного и того же культурного комплекса эпохи нижнего палеолита, характеризующегося изготовлением двусторонних орудий и, соответственно, отбрасывают гипотезу о наличии двойственной культурной традиции во время этой фазы палеолита.

В такой большой стране, как Индия, где географическое многообразие сочетается с разнообразием каменных материалов, неизбежно приходится констатировать, что в каждом поселении состав орудий является различным. Культура эпохи нижнего палеолита в Индии носит характер исключительно ашельского периода. На сегодня никакие твердо установленные стратиграфические данные не подтверждают существование подслоя, предшествующего производству двусторонних орудий (доашельский период), который состоял бы только из производств на основе гальки, как это было в олдувайской культуре в Африке. На сегодня все попытки провести стратиграфическую идентификацию подразделов внутри ашельского периода остались безрезультатными. Для этой цели недавно были предприняты раскопки первичных местонахождений в районе скального укрытия в Бхимбетка, в Хунsgi в долине р. Кришна, а также в Атирампакке и Вадамадураи под Мадрасом. Другие раскопки ведутся в долине р. Нармада. В какой-то момент показалось, что наличие топориков в некоторых скоплениях эпохи нижнего палеолита свидетельствует о наличии лесистой местности и влажного климата. Однако исследование всех известных местонахождений, которые были раскопаны или разведаны, показало, что это совсем не так. Преобладание топориков над двусторонними орудиями скорее соответствует более развитой стадии ашельского периода (*Joshi*, 1970). Некоторые скопления каменных орудий содержат большую долю пластин и лезвий, что также свидетельствует об их принадлежности к развитому ашельскому периоду.

МЬЯНМА

Первые систематические исследования доисторического периода были проведены в этой стране в 1937–1938 годах в долине реки Иравади в Верхней Мьянме; при этом была выявлена новая культура эпохи раннего палеолита (аниатийская), относящаяся к среднему плейстоцену (*Movius*, 1944). Типологические анализы показывают, что чжоукоудяньская (Китай), патджитанская (Южная Ява) и соанийская (Пакистан) культуры являются родственными и образуют новый культурный комплекс нижнего палеолита.

Предметы, относящиеся к палеолиту, были найдены в долине р. Иравади в ряду речных террас, которые, видимо, образовались в периоды дождей и промежуточные периоды плейстоцена, возможно, такими же, которые были установлены де Терра и Патерсоном в Пакистане на плато Потвар.

Аниатийская культура (нижний палеолит) не содержит двусторонних орудий, а орудия, принадлежащие к этой культуре, встречаются в основном в Верхней Мьянме в сухой части долины Иравади. Не представляется возможным провести точную датировку этих орудий. Типологические данные позволили выделить три фазы этой культуры. Основным сырьем служила ископаемая древесина, а ее расплывление трудно контролировать, так что большинство изделий имеют плоский и «окончательный» вид, похожий на струги или ножи. Некоторые другие орудия изготовлены из кремнистого туфа или из кварцита.

Аниатийская культура характеризуется производством тесел, рубил, резаков, нуклеусов и орудий из сколов. Ранняя ее фаза характерна производством орудий более грубых форм; поздний период аниатийской культуры имел более развитый характер, однако типология орудий оставалась той же.

Аниатийская культура является одной из составных частей инструментального комплекса рубил и резаков Южной и Восточной Азии. Наличие элементов сколов требует проведения новых исследований, чтобы оценить

их значение по отношению к традициям производств на базе сколов в Южной и Восточной Азии.

По словам Мовиуса (*Movius*, 1948, p. 44), «самое важное и единственное заключение, которое можно вывести из знакомства с новыми археологическими материалами, найденными в Южной и Восточной Азии, состоит в том, что этот регион никоим образом нельзя рассматривать в качестве «развитого» в плане культуры, поскольку археологические и палеоэтнографические материалы ясно показывают, что комплекс Южной и Восточной Азии отставал в культурном отношении, начиная с периода нижнего палеолита. Следовательно, кажется мало правдоподобным, что этот обширный регион мог сыграть важную движущую роль на первых стадиях эволюции человека».

Никакой новый информационный материал не дает возможности составить генезис культуры эпохи палеолита в Мьянме. Известные орудия найдены на поверхности земли, а поскольку до настоящего времени в этой стране не проводились раскопки ни одного из первичных местонахождений, то не представляется возможным составить впечатление об образе жизни древних обитателей Мьянмы.

ШРИ-ЛАНКА

Согласно Саразину (*Sarasin*), в Шри-Ланке не обнаружено никаких признаков культуры нижнего палеолита. Отсутствие ашельского периода, который, напротив, широко представлен на индийском побережье недалеко от Мадраса, можно объяснить тем, что в ту эпоху жители острова не были связаны с материком.

Согласно радиометрическим датировкам, фрагменты ископаемых позвоночных и каменные артефакты, которые были найдены в гравийных породах Ратанпура, содержащих драгоценные камни, принадлежат к двум различным периодам: часть из них – к периоду позднего плейстоцена, а другие – к началу голоцена. Согласно палеонтологическим данным, фауна Ратанпура, которую можно сравнить с фауной полуострова Индостан, может быть датирована периодом между 125 и 80 тыс. лет тому назад (*Deraniyagala*, 1985).

БИБЛИОГРАФИЯ

- ALLCHIN, B. 1973. Blade and Burin Industries of West Pakistan and Western India. *South Asian Archaeology*. New Jersey, pp. 39–50. (Reprinted 1981.)
- 1981a. The Palaeolithic of the Potwar Plateau, Panjab, Pakistan: A Fresh Approach. *Paléorient*, Vol. 7, No. 1, pp. 123–33.
- (ed.) 1981b. *South Asian Archaeology: International Conference Proceedings*. Cambridge.
- ALLCHIN, B.; ALLCHIN, F. R. 1968. *The Birth of Indian Civilization in India and Pakistan before 500 BC*. Baltimore.
- 1982. *The Rise of Civilization in India and Pakistan*. Cambridge.
- ALLCHIN, B.; GOUDIE, A.; HEDGE, K. 1978. *The Prehistory and Palaeogeography of the Great Indian Desert*. London.
- ALLCHIN, F. R.; CHAKRABARTI, D. K. A Source-book of Indian Archaeology. New Delhi. Vol. 1.
- ALLCHIN, F. R.; HAMMOND, N. (eds) 1978. *The Archaeology of Afghanistan*. London.
- BADAM, G. L. 1979. *Pleistocene Fauna of India with Special Reference to Siwaliks*. Poona.
- BADAM, G. L.; GANJOO, R. K.; RAJAGURU, S. N. 1986. Evaluation of Fossil Hominid – the Maker of Late Acheulian Tools at Hatnora, Madhya Pradesh, India. *Curr. Sci. (Bangalore)*, Vol. 55, No. 3, pp. 143–5.
- BANERJEE, N. R. 1969. Discovery of Remains of Prehistoric Man in Nepal. *Am. Nepal (Kathmandu)*, No. 6.
- BOWLBY, S. R. 1978. The Geographical Background. In: ALLCHIN, F. R.; HAMMOND, N. (eds), *The Archaeology of Afghanistan*. London, pp. 9–36.
- CORVINUS, G. 1985. Prehistoric Discoveries in the Foothills of the Himalayas in Nepal. *Anc. Nepal (Kathmandu)*, Nos. 86–8, pp. 7–12.
- DANI, A. H. 1964. Sanghao Cave Excavations. *Anc. Pak. (Peshawar)*, Vol. 1, pp. 1–50.
- DAVIS, R. S. 1978. The Palaeolithic. In: ALLCHIN, F. R.; HAMMOND, N. (eds), *The Archaeology of Afghanistan*. London, pp. 37–70.
- DENNEL, R. W. 1981. The Importance of the Potwar Plateau, Pakistan, to Studies of Early Man. In: ALLCHIN, B. (ed.), *South Asian Archaeology: International Conference Proceedings*. Cambridge, pp. 10–19.
- DENNEL, R. W.; RENDELL, H.; HAILWOOD, E. 1988. Early Tool-making in Asia: Two-Million-Year Artefacts in Pakistan. *Antiq.*, Vol. 62, No. 234, pp. 98–106.
- DEO, S. B.; PADDAYYA, K. (eds) 1985. *Recent Advances in Indian Archaeology*. Poona.
- DERANIYAGALA, S. U. 1980. Prehistoric Research in Sri Lanka, 1885–1980. In: P. E. P. Deraniyagala Commemoration Volume, pp. 152–207.
- 1985. The Prehistory of Sri Lanka: An Outline. In: SOUTH ASIAN ARCHAEOLOGICAL CONGRESS, Proceedings. New Delhi.
- DE TERRA, H.; PATERSON, T. T. 1939. *Studies on the Ice Age in India and Associated Human Cultures*. Washington, Carnegie Institute. (Publications, 499.)
- DIXIT, K. N. (ed.) 1985. *Archaeological Perspectives of India since Independence*. New Delhi.
- GUPTA, S. P. 1979. *Archaeology of Soviet Central Asia and the Indian Borderlands*. Delhi. Vol. 1.
- GUZDER, S. 1980. *Quaternary Environment and Stone Age Cultures of the Konkan, Coastal Maharashtra, India*. Poona.
- IKAWA-SMITH, F. (ed.) 1978. *Early Palaeolithic in South and East Asia*. The Hague/Paris.
- JACOBSON, J. 1979. Recent Development in South Asian Prehistory and Protohistory. *Annu. Rev. Anthropol.*, Vol. 8, pp. 467–502.
- 1986. *Studies in the Archaeology of India and Pakistan*. Oxford / New Delhi.
- JOSHI, R. V. 1961. Stone Age Industries of the Damoh Area. *Anc. India*, Vol. 17, pp. 5–36.
- 1966a. Middle Stone Age in India. In: CONGRESSO INTERNAZIONALE DI SCIENZE PREISTORICHE E PROTOSTORICHE, 6. Atti, pp. 276–80.
- 1966b. Prehistoric Exploration in Kathmandu Valley, Nepal. *Anc. India*, Vol. 22, pp. 75–82.
- 1970. The Characteristics of the Pleistocene Climatic Events in Indian Sub-Continent: A Land of Monsoon Climate. *Indian Antiq.*, Vol. 4, Nos. 1–4, pp. 53–63.
- 1973. Significance of Cleavers in Indian Acheulian Industries. *Archaeo-civilization*, No. 7/8, pp. 39–46.
- 1978. Stone Age Cultures of Central India (A Report on the Excavations of Rockshelters at Adamgarh, Central India). Poona.
- JOSHI, R. V. et al. 1974. Quaternary Glaciation and Palaeolithic Sites in the Liddar Valley (Jammu–Kashmir). *World Archaeol.*, Vol. 5, pp. 369–79.
- LAL, B. B. 1956. Palaeoliths from the Beas and Banganga Valleys, Punjab. *Anc. India*, Vol. 12, pp. 58–92.
- LUMLEY, H. DE; SONAKIA, A. 1985. Contexte stratigraphique et archéologique de l'homme de la Narmada, Hathnora, Madhya Pradesh, Inde. *Anthropologie (Paris)*, Vol. 89, pp. 3–12.
- LUMLEY, M. A.; SONAKIA, A. 1985. Première Découverte d'un *Homo erectus* sur le continent indien à Hathnora, dans la vallée moyenne de la Narmada. *Anthropologie (Paris)*, Vol. 89, pp. 13–61.
- MARATHE, A. R. 1981. *Geoarchaeology of the Hiran Valley, Saurashtra, India*. Poona.
- MISRA, V. N. 1978. The Acheulian Industry of Rock Shelter III F-23 at Bhimbetka, Central India. *Indo-Pac. Prehist. Assoc. Bull.*, Vol. 1, pp. 130–71.
- 1987. Evolution of the Landscape and Human Adaptation in the Thar Desert. (Presidential Address to Archaeological Section, Indian Science Congress.)
- MISRA, V. N.; MATE, M. S. (eds) 1965. *Indian Prehistory: 1964*. Poona.
- MITTRE, V. et al. 1985. Pollen Stratigraphy of India. In: DIXIT, K. N. (ed.), *Archaeological Perspectives of India since Independence*. New Delhi, pp. 115–22.
- MOHOPATRA, G. C. 1985. The Lower Palaeolithic in India. In: DIXIT, K. N. (ed.), *Archaeological Perspectives of India since Independence*. New Delhi, pp. 1–8.

- MOVIUS, H. L. 1944. Early Man and Pleistocene Stratigraphy in Southern and Eastern Asia. Pap. Peabody Mus. Am. Archaeol. Ethnol, Vol. 19, pp. 1–125.
- 1948. The Lower Palaeolithic Cultures of Southern and Eastern Asia. Trans. Am. Philos. Soc. (Philadelphia, Pa.), NS, Vol. 38, Part 4, pp. 364–76.
- MURTY, M. L. K. 1985. Upper Palaeolithic Culture in India. In: DIXIT, K. N. (ed.), *Archaeological Perspectives of India since Independence*. New Delhi, pp. 16–25.
- OHRI, V. C. (ed.) 1979. *Prehistory of Himachal Pradesh, Some Latest Findings*. Simla, State Museum.
- PADDAYYA, K. 1982. Acheulian Culture the Hunsgi Valley (Peninsular India): A Settlement System Perspective. Poona.
- 1984. India. In: BAR-YOSEF, O. et al. (eds), *Neue Forschungen zur Altsteinzeit*. Munich, pp. 345–403.
- PATERSON, T. T.; DRUMMOND, H. J. H. 1962. Soan: The Palaeolithic of Pakistan. Karachi, Dept. of Archaeology, Gov. of Pakistan.
- PORTER, S. C. 1970. Quaternary Glacial Record in Swat Kohistan, West Pakistan. Bull. Geol. Soc. Am. (Rochester, NY), Vol. 81, pp. 1421–46.
- RAJAGURU, S. N. 1973. Late Pleistocene Climatic Changes in Western India. In: AGRAWAL, D. P.; GHOSH, A. (eds) *Radiocarbon and Indian Archaeology*. Bombay, pp. 80–7.
- RAJAGURU, S. N. et al. 1980. The Terminal Pleistocene Microlithic Industry of Inamgaon, Maharashtra. Bull. Deccan Coll. Res. Inst. (Poona), Vol. 40, pp. 150–9.
- RAJAGURU, S. N.; KALE, V. S. 1985. Changes in the Fluvial Regime of Western Maharashtra Upland Rivers during Late Quaternary. J. Geol. Soc. India, Vol. 26, No. 1, pp. 16–27.
- RENDELL, H. 1981. The Pleistocene Sequence in the Soan Valley, Northern Pakistan. In: ALLCHIN, B. (ed.), *South Asian Archaeology: International Conference Proceedings*. Cambridge, p. 7.
- RENDELL, H.; DENNELL, R. W. 1985. Dated Lower Palaeolithic Artefacts from Northern Pakistan. Curr. Anthropol, Vol. 26, No. 3, p. 39.
- SALIM, M. 1986. *The Middle Stone Age Cultures of Northern Pakistan*. Islamabad.
- SANKALIA, H. D. 1974. *Prehistory and Protohistory of India and Pakistan*. Poona.
- SAXENA, M. N. 1982. The Himalayan Uplift, Antecedent Drainage and the Elusive Fossil-Man in the North-Western India. Recent Res. Geol, Vol. 8, pp. 139–52.
- SCHWARTZBERG, J. E. (ed.) 1978. *A Historical Atlas of South Asia*. Chicago/London.
- THAPAR, B. K. 1985. *Recent Archaeological Discoveries in India*. Paris/Tokyo, UNESCO/Centre for East Asian Cultural Studies.

КИТАЙ

в период *Homo habilis* (человек умелый)
и *Homo erectus* (человек прямоходящий)

Ву Ружан и Цзя Ланно

До настоящего времени на территории Китая не обнаружено никаких следов *человека умелого*.

Китай стал знаменитым для палеоантропологов всего мира после того, как был найден мозговой отдел черепа «Пекинского человека», или *синантропа*, – разновидности *человека прямоходящего*. Эти ископаемые остатки были найдены в 1929 г. Пей Вэнчжонгом (*Pei Wenzhong*) в пещере Чжоукоудянь недалеко от Пекина на севере Китая. Систематические раскопки проводились в этом поселении, начиная с 1927 г., но были прерваны войной на 12 лет. Они дали богатый урожай разнообразных находок, из них – пять относительно целых мозговых отделов черепов (четыре принадлежат взрослым, один – подростку), около 150 зубов и многочисленные фрагменты длинных костей синантропа, а также большое количество каменных орудий; но самым важным открытием было доказательство владения огнем. Работы были возобновлены в 1949 г. и дали возможность обнаружить еще один мозговой отдел черепа синантропа (илл. 11), каменные орудия и ископаемые остатки животных.

С 1977 по 1980 г. местонахождение было обследовано с точки зрения разных научных дисциплин. Тринадцать последовательных слоев отложений были датированы различными методами, в частности, путем исследования следов расщепления, с помощью изотопов урана/тория, палеомагнетизма и термолюминесценции. Согласно результатам этих анализов, верхние слои восходят к периоду 230 тыс. лет назад, уровень 10 относится к периоду 460 тыс. лет назад, а самый нижний слой – 700 тыс. лет назад. Затем были изучены образование и развитие пещеры, распределение геологических слоев и палеоклиматические условия в период проживания здесь этих древних людей (*Wu et al.*, 1985).

У синантропа верхняя часть черепа утолщена и приплюснута. Лоб покатый. Самая широкая часть черепа расположена вблизи наружного слухового канала. Глазницы хорошо развиты; в задней части черепа – большое поперечное затылочное отверстие. Отмечается наличие сагиттального гребня в верхней части черепа. Нижняя челюсть массивная, зубы крупные, а зона прикуса задних коренных зубов представляет собой сложные складки. Кости конечностей похожи на кости современного человека, но их стенки толще, а мозговой канал уже, чем у современного человека. Объем мозга в пяти найденных до настоящего времени черепах (без учета черепа подростка) составляет от 1015 до 1225 куб. см, т.е. в среднем 1088 куб. см. Половой диморфизм ярко выражен: мужские особи массивнее женских.

Отличительные черты синантропа определяют в нем *человека прямоходящего* не только для Китая, но и для всей Азии (илл. 11).

Более 100 тыс. каменных артефактов были найдены в пещере Чжоукоудянь, служа доказательством того, что он умел применять различные технологии обработки для получения сколов из разных материалов. Самыми многочисленными были сколы из рудного кварца, полученные путем двухполюсного отбивания. Каменные изделия относятся к нескольким типам, среди них разнообразные рубила, скребки, зубила, остроконечники и буравы (рис. 8). Результаты детального изучения этих предметов были опубликованы Пей и Чжангом (*Pei & Zhang*, 1985). Выводы авторов состояли в том, что каменные орудия синантропа имели общую тенденцию к постепенному переходу к более мелким и более отточенным формам, начиная с самого нижнего уровня 11 и до самого верхнего уровня. Доля рубил и резаков уменьшалась, а остроконечников (особенно самых малых) увеличивалась, также становилось больше шильев и резцов, тогда как техника откалывания первых слоев простыми ударами постепенно уступает место более сложной ретуши и подготовке плоскости нанесения ударов. В целом, по-видимому, культура синантропа является переходной от самой древней культуры Донггугуо (*Donggutuo*) к более поздней культуре Кзюйдзяо (*Xujia Yao*).

Анализы пыльцы, проведенные в районе Чжоукоудянь, наводят на мысль, что «пекинский человек» жил в межледниковый период в климате, мало отличающемся от современного климата в северном Китае (*Kong et al.*, 1985). Растительность состояла из лиственных лесов умеренной полосы, степей на равнинах и в долинах и хвойных лесов в горных местностях.

Отложения в пещере Чжоукоудянь содержат некоторое количество обугленных семян китайского ильма, которые, несомненно, относятся к остаткам пищи. Анализ пыльцы, взятой из отложений, выявил существование других растений, таких как грецкий орех, лесной орех, сосна, вяз и вьющаяся роза. И можно предположить, что фрукты и зерна этих видов растительности также входили в рацион питания синантропа.

«Человек из Пекина», по всей вероятности, был охотником, способным конкурировать с хищными животными. Обилие костных остатков млекопитающих разных размеров, найденных в пещере, доказывает, что синантроп охо-

тился не только на мелкую дичь, но был способен убивать и самых крупных животных. Находка окаменелых остатков по меньшей мере 3000 оленевых, принадлежащих к двум видам – олень *Megaceros pachyosteus* и олень сика (*Pseudaxys grayi*), – указывает на то, что эти животные были излюбленным видом для охоты. Следовательно, существуют явные причины полагать, что синантропы жили группами в то время, когда они начали охотиться на оленей. Кроме того, наличие в той же пещере тысяч ископаемых костных остатков различных видов дичи указывает на то, что первобытные охотники, вероятно, предпочитали приносить в пещеру убитую дичь, чтобы разделить ее с остальными обитателями пещеры. Можно предположить, что занятие охотой привело группы синантропов к разделению труда между полами или, по крайней мере, способствовало этому. Возможно, уже в ту эпоху существовало противопоставление между охотой (мужским занятием) и собирательством (женским занятием), которое часто наблюдается в обществах охотников-собирателей в наши дни. Более того, непрерывный прогресс в технологии обработки камня на протяжении более 200 тыс. лет, возможно, свидетельствует о наличии в пещере Чжоукоудянь примитивной формы обучения. Так же, как и современным наукам и современным технологиям, методы, применяемые при изготовлении орудий, старшие должны были обучать младших и передавать их из поколения в поколение (Wu & Lin, 1983).

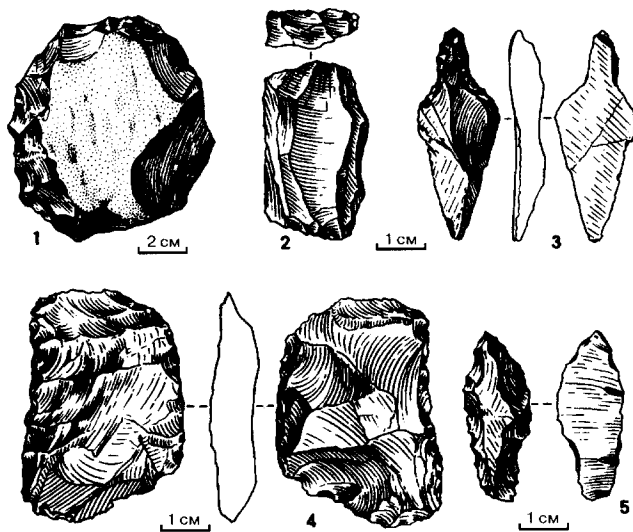

Рис. 8. Артефакты из пещеры Чжоукоудянь (Китай): 1 – дисковое рубило; 2 – двухконечный нуклеус; 3 – шилья; 4 – скребок; 5 – остроконечник

Среди других крупных местонахождений, в которых содержались остатки *человека прямоходящего*, одно было найдено в районе Янму (провинция Юньнань), два – в районе Лантян (провинция Шэньси), четвертое – в районе Нанчжао (провинция Хэнань), а многие другие – в районах Юнсянь и Юнси (провинция Хубэй).

Экземпляр *человека прямоходящего*, найденный в Янму, представлен лишь двумя зубами (верхние средние резцы). Его возраст противоречив. Датировки методом палеомагнетизма относят его ко времени 1,7 млн. лет назад (Li et al., 1976) или 1,63–1,64 млн. лет назад (Cheng et al., 1977). Однако позднее Лю и Динг (Liu & Ding, 1983) произвели новую оценку возраста человека из Янму и сообщили, что, возможно, он не превышает 700 тыс. лет и даже составляет от 500 до 600 тыс. лет. Поуп (Pope, 1984) также полагает, что его возраст менее 1 млн. лет.

Человек прямоходящий из Лантяна известен по ископаемой нижней челюсти, найденной в Чензяо, в районе

Лантян (провинция Шэньси), и по черепу, найденному в том же районе в Гоньванлине. Череп из Лантяна имеет большой размер и обладает ярко выраженными глазницами, более вытянутыми в стороны, чем у синантропа. Стенки черепа весьма толстые. Объем головного мозга не превышал приблизительно 780 куб. см. Таким образом, череп человека из Лантяна более примитивный, чем череп человека из пещеры Чжоукоудянь.

В Лантяне было раскопано небольшое количество каменных изделий. Образцами для этой культуры являются толстые и тяжелые остроконечники, что, вероятно, свидетельствует о его связи с культурой Сиуду (*Xiboudu*).

В 1980 г. в районе Хэсянь (провинция Аньхой), на юго-востоке Китая, был найден новый, относительно целый череп *человека прямоходящего*. Если судить по его морфологическим особенностям, то, видимо, этот образец принадлежит к тому же типу, что и недавно обнаруженный *человек прямоходящий* из пещеры Чжоукоудянь на севере Китая (илл. 12).

В других поселениях были найдены только отдельные зубы *человека прямоходящего*. Многочисленные местонахождения этого периода содержат только каменные орудия, но ни одного ископаемого остатка *человека прямоходящего*. Самые значительные остатки находятся в Сиуду и Сяочанглине (Xiaochangliang), в Донгтутоу и Кэхэ, а также в Гуаниньдонге.

Местонахождение Сиуду было обнаружено в районе Руиченг (провинция Шэньси). Артефакты включали нуклеусы, сколы, рубила, резак и тяжелые треугольные остроконечники. По остаткам животных можно предположить о существовании более прохладного и немного более сухого климата, чем в наше время. Предварительные датировки методом палеомагнетизма относят местонахождение приблизительно к 1,8 млн. лет (Jia, 1985).

Местонахождение Сяочанглинь было обнаружено в озерных отложениях формации Нихеван, в районе Янган (провинция Хэбэй). Среди артефактов небольшого размера находятся нуклеусы, сколы и различные виды скребков и рубил небольших размеров. Найденные с артефактами зубы гиппариона (род вымерших млекопитающих семейства лошадиных. – Прим. ред.) доказывают, что эти орудия более древние, чем орудия синантропа.

Местонахождение Донгтутоу, недалеко от Сяочаньяна, представляет особый интерес. Оно было обнаружено в слое серо-зеленого ила в нижней части формации Нихеван. Каменные артефакты включали нуклеусы, сколы и каменные инструменты, все небольшого размера, изготовленные из пирокластических скальных пород, кремнистого известняка и агатов. Примечательно, что применявшаяся для ретуши остроконечников и скребков технология идентична технологии синантропа. Датировка методом палеомагнетизма определяет древность местонахождения в 1 млн. лет.

Культура Кэхэ представлена каменными артефактами переходного типа от культуры Сиуду к культуре Дингоун (*Dingouin*).

Местонахождение Гуаниньдонг расположено в районе Цяньси (провинция Гуйчжоу). Орудия в основном изготавливались из сколов, полученных путем прямого отбивания, за исключением небольшого количества изготавливаемых путем раскалывания на наковальне. Идентифицировано четыре типа орудий: рубила, скребки, остроконечники и резцы. Чаще всего орудия обработаны с одной стороны в той манере, которая полностью напоминает технологию, применявшуюся в Северном Китае (Li & Wen, 1978). Большинство из них имеет относительно тупые кромки, угол которых обычно превышает 80 град., и они, соответственно, могли появиться параллельно с поздней фазой культуры «человека из Пекина» (Jia et al., 1982).

Культура Гуаниньдонг свидетельствует о появлении в Южном Китае новой традиции, имеющей некоторые сходства с теми традициями, которые в эту эпоху существовали

в Северном Китае, но по многим аспектам отличались от нее. При современном состоянии исследований кажется, что ее местные характеристики и сложность многочисленных культурных наслоений здесь более ярко выражены, чем в культурах Северного Китая. В многочисленных местонахождениях на юге Китая техника ретуши проще, чем в Северном Китае, а технологии производства в некоторых местонахождениях более поздних периодов иногда даже менее развиты, чем в ранние периоды.

Все эти открытия показывают, что *человек прямоходящий* населял обширные районы Китая, и весьма вероятно, что в будущем мы обнаружим новые ископаемые остатки этого вида и материалы, связанные с ним.

Основательные доказательства, предоставленные многочисленными остатками *человека прямоходящего*, найденными в Китае, дают возможность воссоздать картину эволюции человека в этой стране. Интересно отметить, что китайский тип *человека прямоходящего* обладает некоторыми оригинальными морфологическими чертами. Так, все без исключения верхние резцы людей во всех поселениях имеют совковую форму, в частности, в Чжоукоудяне, Янму, Юнсяне и Хэсяне. Этот тип резцов особенно часто встречается у монголоидов. Четкая лобная ориентация костей скелета на лице синантропа и врожденное отсутствие третьих задних коренных зубов на нижней челюсти у вида из Лантяня являются другими характерными признаками, которые рассматриваются как черты, близкие монголоидному типу. Итак, можно сказать, что китайские гоминиды прошли непрерывный путь эволюции в самом Китае и что они приобрели некоторые монголоидные черты, начиная со стадии *человек прямоходящий*.

БИБЛИОГРАФИЯ

- CHENG, G. L.; LI, S. L.; LIN, J. L. 1977. Discussion on the Age of *Homo erectus yuanmouensis* and the Event of Early Matuyama. *Sci. Geol. Sin.*, No. 1, pp. 34–43.
- JIA LANPO. 1985. China's Earliest Palaeolithic Assemblages. In: WU RUKANG; OLSEN, J. W. (eds), *Palaeoanthropology and Palaeolithic Archaeology in the People's Republic of China*. Orlando. Vol. 8, pp. 135–45.
- JIA LANPO; WEI QI; CHEN CHUN. 1982. (Lower Palaeolithic in China). *Kokogaku Zasshi (Archaeol. J.)*, Vol. 206, pp. 36–41.
- KONG ZHAOCHEN et al. 1985. [Vegetational and Climatic Changes since Palaeogene at Zhoukoudian and its Adjacent Regions.] In: WU RUKANG et al. [Multi-disciplinary Study of the Peking Man Site at Zhoukoudian.] Beijing, pp. 119–54.
- LI P. et al. 1976. Preliminary Study of the Age of Yuanmou Man by Palaeomagnetic Technique. *Sci. Sin.*, No. 6, pp. 579–91.
- LI YANXINA; WEN BENHENG. 1978. [The Discovery and Significance of the Guanyindon Palaeolithic Culture, Qianxi, Guizhou.] In: CHINESE ACADEMY OF SCIENCES. Institute of Vertebrate Palaeontology and Palaeoanthropology. *Collected Papers of Palaeoanthropology*. Beijing, Science Press, pp. 77–93.
- LIU T. S.; DING M. L. 1983. Discussion of the Age of 'Yuanmou Man'. *Acta Anthropol. Sin.*, Vol. 2, No. 1, pp. 40–8.
- PEI WENZHONG; ZHANG SENSUO. 1985. A Study on the Lithic Artifacts of *Sinanthropus*. *Palacontol. Sin.*, NS D, No. 168.
- POPE, G. G.; CRONIN, J. E. 1984. The Asian Hominidae. *J. Hum. Evol.*, Vol. 13, No. 5, pp. 377–96.
- WU RUKANG et al. 1985. [Multi-disciplinary Study of the Peking Man Site at Zhoukoudian.] Beijing.
- WU RUKANG; LIN SHENGLONG. 1983. Peking Man. *Sci. Am.*, Vol. 248, No. 6, pp. 78–86.

ИНДОНЕЗИЯ

в период *Homo habilis* (человек умелый)
и *Homo erectus* (человек прямоходящий)

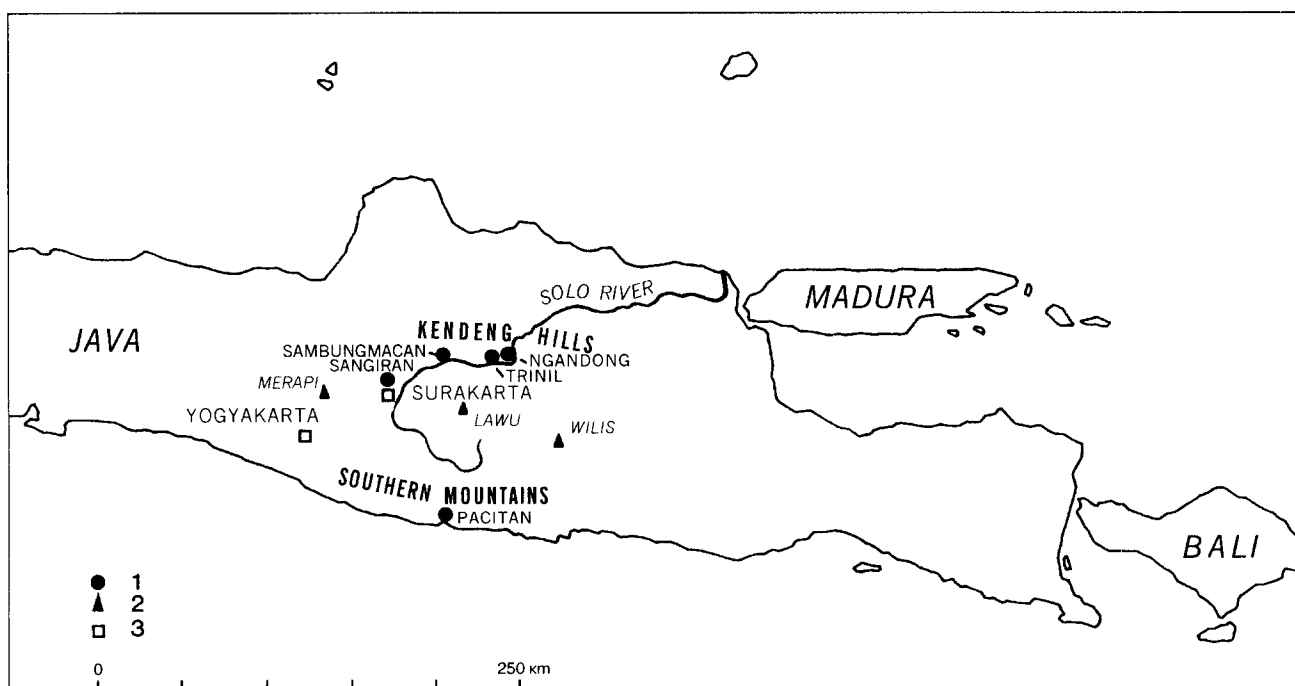
Герт-Ян Бартстра

Можно предположить, что прежде чем обойти весь Древний Мир, *человек прямоходящий* начал свою эволюцию в покрытых травами долинах Восточной Африки в эпоху позднего плейстоцена и в период раннего плейстоцена, примерно 1,5 млн. лет тому назад. Лишь после долгих скитаний он достиг Индонезии. На этой территории, и особенно в центральной части о. Ява, он нашел наиболее благоприятную окружающую среду, где прожил сотни тысяч лет, отрезанный водным пространством с востока и с юга и негостеприимными влажными тропическими лесами с запада и с севера (карта 9).

В отношении населения Индонезии, или, в географическом смысле, островов Юго-Восточной Азии, в эпоху *человека умелого* и *человека прямоходящего* можно предположить, что мы имеем дело лишь с одним видом – *человек прямоходящий*, таким видом, как он представлен на Централь-

ной Яве. Этот район действительно является единственным, где были обнаружены ископаемые остатки гоминидов. Расположение этих окаменелостей дает нам возможность сделать предположение, что *человек прямоходящий* никогда не жил на других островах, например, на Суматре, Борнео и Сулавеси (Целебес).

Поиски следов *человека прямоходящего* тесно связаны с геологическими и геоморфологическими исследованиями, а Центральная Ява не является легким полигоном для этого. Ее современный ландшафт носит следы вмешательства человека: повсюду располагаются города и деревни, дороги и поля. Кроме того, многочисленные вулканы покрыли почву слоем пепла. Нелегко обнаружить отложения периода плейстоцена, в которых можно надеяться найти остатки эпохи *человека прямоходящего*. Действительно, они обнаруживаются, в частности, на тех участках, которые

Карта 9. Карта центральной и восточной частей о. Ява (Индонезия): 1 – местонахождения, указанные в тексте; 2 – расположение некоторых вулканов; 3 – современные города

глубоко размыты реками. Тем не менее Центральная Ява является важным регионом для поиска остатков наших предков хотя бы потому, что эти поиски начались именно там.

ЭЖЕН ДЮБУА И ПИТЕКАНТРОП

В 1900 г. на Всемирной выставке в Париже внимание посетителей в одном из павильонов особенно привлекла статуя, которая представляла собой «недостающее звено» в эволюции человека – промежуточное создание между человекообразной обезьяной и человеком, мозговой отдел черепа и бедро которого только что были извлечены из земли на далеком острове Ява. Тот человек, который открыл эти окаменелости, – нидерландский антрополог Эжен Дюбуа, опираясь на размеры черепа и бедра, провел кропотливую работу по реконструкции гоминида, которому они принадлежали. Небольшой объем черепа и толщина надбровных дуг указывали на то, что речь шла о крайне примитивном предке человека, однако форма бедра свидетельствовала о том, что этот гоминид уже ходил в вертикальном положении.

Открытие Дюбуа стало легендарным. Медицинское образование дало ему возможность быть в курсе многочисленных споров вокруг теорий Дарвина об эволюции во второй половине XIX в. Действительно ли человек вышел из царства животных? Можно ли связать его с обезьяной непрерывной линией родства? Эти вопросы оставались абстрактными при отсутствии ископаемых остатков. В то время был известен лишь один ископаемый гоминид – Человек из Неандерталя, обитатель пещер ледникового периода, но даже по его поводу у специалистов не было единой точки зрения. Те, кто верили в существование древних предков человека, видели, тем не менее, что человек из Неандерталя не являлся недостающим звеном, поскольку его морфология, безусловно, была очень развитой.

Решив обнаружить настоящий ископаемый вид, который был бы переходным звеном между обезьяной и человеком, Дюбуа отправился в тот регион, который казался ему перспективным – в Индонезию. Прибыв туда в 1887 г., он начал безрезультатные раскопки пещер на Суматре. Затем, обнаружив на Яве отложения, богатые ископаемыми остатками, он начал систематические раскопки на берегах р. Соло около деревни Тринил в центре Явы.

В 1891 г. из множественных остатков, принадлежавших исчезнувшему позвоночному, был извлечен сильно поврежденный мозговой фрагмент черепа (илл. 13). Год спустя в 15 м от него была найдена бедренная кость, которая сохранилась лучше. Убедившись в том, что оба эти ископаемых остатка принадлежат одному виду гоминидов, Дюбуа назвал его *Pithecanthropus erectus*, т.е. человек-обезьяна прямоходящий (*Dubois*, 1894).

Название «питекантроп» вышло из употребления, хотя еще по инерции применяется некоторыми исследователями (в частности, работающими на Яве). Сегодня в международной научной литературе окаменелости из Тринила относят к виду *человек прямоходящий erectus*. Поэтому старый «питекантроп» ныне рассматривается как представитель вида *человек прямоходящий*, который был широко распространен во всем Древнем Мире.

СТРАТИГРАФИЯ ТРИНИЛА

Дюбуа первоначально отнес к периоду плейстоцена ископаемые остатки из богатого костными остатками местонахождения Тринил. Позднее, изменив свою точку зрения, он стал говорить о речном туфе, относящемся к плиоцену (*Dubois*, 1908). Этот поворот основывался на данных палеонтологии (более внимательное изучение доисторической фауны дало Дюбуа многочисленные детали, которые показали ему более древними), а также на геологи-

ческих аргументах: никто в то время не верил, что на Яве существовали складчатые или перевернутые слои отложений, относящиеся к периоду плейстоцена.

Стратиграфические детали Тринила впервые были глубоко изучены членами экспедиции Селенка, которые с 1906 по 1908 г. предприняли поиски в надежде обнаружить другие остатки *человека прямоходящего*. Эта надежда не оправдалась, но результатом их поисков было значительное углубление имевшихся знаний о геологии этого региона (*Elbert*, 1908; *Carthaus*, 1911; *Dozy*, 1911). Десятки лет спустя, после того как была составлена подробная геологическая карта Явы, которая дала информацию о других районах, последовательность Тринила была включена в общее геологическое описание центральных и восточных районов Явы (*Duyffes*, 1936). Вскоре эта общая картина была принята исследователями, которые занимались доисторическим человеком на Яве (*Von Koenigswald*, 1939), затем она вошла в учебники палеоантропологии. Однако сегодня следует признать, что в этом вопросе была проявлена большая поспешность и что ошибочные концепции относительно геологии центральной и восточной частей Явы (ошибочные, потому что основывались на наблюдениях, еще не многочисленных и слишком разрозненных) сильно укоренились в научной литературе – до такой степени, что сегодня их трудно оттуда изъять. Самые последние исследования, проводимые на богатых ископаемыми участках Явы, свидетельствуют о возврате к более осторожному подходу, который состоит в том, что делаются привязки исключительно к местной стратиграфии, но при этом не делается выводов общего характера. Берега р. Соло под Тринилом, где были найдены остатки *человека прямоходящего*, прекрасно подходят для подобных ограниченных геологических изысканий, потому что там находится стратиграфическая последовательность от плиоцена к голоцену.

Самые глубокие видимые слои отложений Тринила состоят из известняка и мергеля (смеси известняка и глины), и это показывает, что данная часть Явы была еще покрыта морем в эпоху плиоцена. Действительно, с геологической точки зрения Ява является чрезвычайно молодым островом. Находящиеся в верхней части морской формации линзы песчаного мергеля, которые содержат многочисленные моллюсков, свидетельствуют о постепенной регрессии моря. Вероятно, эти осадочные породы отложились в спокойных лагунах.

Морская формация Тринила покрыта слоем грязи вулканического происхождения (из потухшего на сегодняшний день вулкана Вилис). Этот слой может служить руководящим горизонтом. Его действительно легко различить на местности благодаря примечательному составу (остатки вулканической гальки различных размеров, гладкой и угловатой, булыжников и даже валунов в массе песчаного туфа). Отложение подобных вулканических валунов является свидетельством произошедшей катастрофы, поскольку в течение нескольких часов они могут образовать слой толщиной в несколько метров. В случае с вулканом Вилис катастрофа произошла в течение периода раннего плейстоцена, более миллиона лет тому назад.

Слой туфа, которые покрывают слой вулканической грязи в районе Тринила, образовались в течение значительно более длительного периода. Речь идет о речных отложениях, которые, в частности, характеризуются округлой формой своих компонентов (песчинки, галька) и перекрестной стратиграфией (в виде «шевронов»). Именно в речных отложениях в Триниле были найдены остатки *человека прямоходящего*. Однако эти отложения нельзя считать единым образованием. На самом деле имеются две четко различаемые речные формации: нижняя формация, часто в литературе называемая основанием или стратами Кабу, относится к периоду среднего плейстоцена; верхняя речная формация, относящаяся к позднему плейстоцену и голоцену, непосредственно связана с нынешней р. Соло.

РЕЧНЫЕ ТЕРРАСЫ

Реки откладывают осадочные породы (в виде наносных образований в фарватере или отложений после наводнений), но в конце концов вода их вновь уносит. Обычно возникает некоторое равновесие, и только в том случае, когда это равновесие нарушается, осадочные породы из песка и гравия могут бесконечно долго оставаться в определенном месте и, таким образом, образовывать «ископаемые» (остаточные) отложения. Подобное нарушение равновесия может произойти, когда вследствие вспучивания земной коры (тектонической деятельности) река прокладывает новое русло. Оно также может произойти в результате изменений уровня моря (эвстатических колебаний уровня Мирового океана). Оба эти действия произошли на Яве в течение периода плейстоцена (Ollier, 1985), и на берегах р. Соло находят многочисленные отложения «ископаемых» песка и гравия. В холмистом районе (таком, как Кенденг, который возвышается над долиной р. Соло) эти отложения иногда образуют террасы на склонах; наносные образования самой высокой террасы являются наиболее древними, поскольку они отложились первыми.

Геологи часто интересовались террасами долины р. Соло (Ter Haar, 1934; De Terra, 1943; Sartono, 1976). Действительно, по мере того как становится возможным четко определить систему образования русел этих террас, становится легче установить относительный возраст обнаруженных там ископаемых остатков гоминидов и доисторических артефактов. Первые люди перемещались вдоль русел рек, там они находили необходимую им воду, дичь, которой они питались, и гальку, которую они обрабатывали для изготовления орудий. Таким образом, остатки доисторического периода следует искать предпочтительно на «ископаемых» песках и в гравийных скоплениях, которые лежат на склонах долин в виде речных террас.

Труднее интерпретировать древние речные отложения в центральной части Явы, так как они располагаются не в районах холмов, а на равнинах, по которым также течет р. Соло, где речная эрозия в основном продольная, а не вертикальная. За краями холмистой местности встречается другая система террас: «ископаемые» речные отложения в этом районе образуют «верхние террасы», поскольку они располагаются на большой высоте на склонах холмов, на равнине же более поздние осадочные породы образуют «нижние террасы». Эти террасы с берегов Соло были обнаружены геологами ранее (Lehmann, 1936; Van Bemmelen, 1949), но ни в одном из мест они не были детально изучены. Важно понять, что система террас изменяется, быть может, лишь в излучине р. Соло недалеко от Тринила, поскольку эта излучина расположена в переходной зоне между холмами Кенденга и равниной Центральной Явы. В этом случае песок и гравий периода среднего плейстоцена (нижняя речная формация, страты Кабу, отложенные реками, которые предшествовали р. Соло) были бы покрыты осадочными породами периода позднего плейстоцена и голоцена (верхняя речная формация, аллювиальная терраса). Иначе говоря, «верхняя терраса» была бы покрыта «нижней террасой».

ИСКОПАЕМЫЕ ОСТАТКИ ТРИНИЛА

Наличие пересечений террас в окрестностях Тринила могло бы повлиять на интерпретацию остатков вида *человек прямоходящий*, найденных в этом месте. Дюбуа был убежден, что мозговой отдел черепа и бедренная кость принадлежали одному виду гоминидов, несмотря на то, что обе эти окаменелости были найдены в 15 м друг от друга. (Вопрос о том, принадлежали ли они одному индивидууму, был решен позднее, когда в том же поселении были обнаружены другие бедренные кости человека среди ископаемых остатков животных.)

Что касается этих бедренных костей, то неоднократно делались предположения, что они могли принадлежать двум гоминидам. Знаменитый палеонтолог Кёнигсвальд (*G.H.R. von Koenigswald*), который посвятил свою жизнь исследованиям остатков первых обитателей Явы, в 1933 г., например, утверждал, что впервые найденная бедренная кость из Тринила была слишком длинной, чтобы принадлежать тому же скелету, к которому был отнесен архаичный череп, мозговой отдел которого обнаружили (*von Koenigswald, 1933*). Другие придерживались мнения, что эта бедренная кость по всем параметрам настолько походила на бедренную кость *человека разумного*, что не могла принадлежать *человеку прямоходящему* (Day & Molleson, 1973).

Тем временем химики исследовали с помощью анализа фтора окаменелости Тринила. Кости, которые лежат в земле, действительно впитывают фтор, содержащийся в подземных водах. Следовательно, по содержанию фтора можно определить относительную связь между разными костями, т.е. выяснить, были ли кости в контакте с подземными водами одинаковое время. Так как в мозговом отделе черепа и в первой бедренной кости из Тринила содержалось одинаковое количество фтора, то специалисты сделали вывод, что древность обеих окаменелостей одинакова (*Bergman & Karsten, 1952*). Однако метод фтора, примененный в других поселениях, расположенных на берегах р. Соло, дал странные результаты. Кости, найденные в Нгандонге в верхней речной формации, содержат приблизительно такое же количество фтора, что и кости, содержащиеся в нижней формации Тринила (*Day & Molleson, 1973*). Поскольку подобный результат противоречит данным стратиграфии, то необходимо провести новые исследования; впрочем, некоторые из них уже проводятся (*Day, 1984; Matsuyama, 1984*).

К сожалению, более не представляется возможным находить интересные образцы в местонахождении, раскопанном Дюбуа в окрестностях Тринила, так как группы искателей, которые последовательно исследовали это поселение, в конце концов истощили отложения, содержавшие окаменелости. Однако еще можно произвести геологический разрез берега реки в этом месте; тогда можно заметить, что остатки аллювиальной террасы (верхняя речная формация) остались на месте. Та излучина, которую р. Соло имеет в этом месте, явно образовалась в период обновления рельефа, следовательно, можно предположить, что наносные образования речной террасы имели более толстый слой до того времени, когда Дюбуа предпринял свои раскопки. Если новые лабораторные анализы покажут, что первая бедренная кость и мозговой отдел черепа из Тринила относятся к различным гоминидам, то этому можно найти стратиграфическое объяснение.

Отсюда следует вывод, что находка мозгового фрагмента черепа древнего гоминида в Триниле является неоспоримым фактом. В этой связи обнаружение другого поселения на Центральной Яве становится еще более важным для палеонтологов.

САНГИРАН

Местонахождение Сангиран примерно в 60 км к западу от Тринила сегодня является самым богатым поселением в Юго-Восточной Азии по ископаемым остаткам гоминидов. За находкой в 1937 г. черепа *человека прямоходящего* (*von Koenigswald, 1938*) последовали другие столь же интересные находки. К настоящему времени это местонахождение дало остатки более 40 гоминидов, некоторые из них относятся к виду *человек прямоходящий* (ранее называвшемуся «питекантропом»), другие принадлежат к загадочному типу *Megantropus palaeojavanicus* (специалисты еще не разрешили вопрос, идет ли речь о варианте вида *человек прямоходящий*) (*Day, 1984*). В Сангиране не обнаружено ископаемых бедренных костей гоминидов.

Это местонахождение уникально с геологической точки зрения: осадочные породы плиоцена и плейстоцена подземным толчком были вытолкнуты вверх и сейчас выступают напоказ результаты эрозии. Поэтому изыскатели часто ссылаются на «купол» Сангирана. Находки остатков гоминидов побудили геологов приступить к многочисленным детальным поискам и, соответственно, к сравнениям с местонахождением Тринил (*Van Bemmelen, 1949*). Однако, как отмечалось, могут быть возражения относительно подобных сравнений.

Поток вулканической грязи от вулкана Вилис у Тринила, который покрыл морские отложения, образовал буквально барьер между вулканической зоной Центральной Явы и в ту эпоху еще молодыми холмами Кенденга. Район к западу от этого барьера оказался отрезанным от моря на востоке (Западная Ява уже находилась над поверхностью моря: появление острова происходило в направлении с запада на восток). В течение периода раннего плейстоцена в районе Сангирана сформировался обширный бассейн пресной воды; именно в этом бассейне образовалась черная глина, из которой состоят самые характерные отложения «купола». Поскольку поток вулканической грязи из Тринила в научных трудах называется Пуканган (ранее писали «Путджанган»), было бы достаточно неосторожным применить то же название (как это часто делается) для черной глины из Сангирана. Действительно, не говоря даже о совершенно различных условиях, при которых образовались обе формации, вулканическая грязь из Тринила более древнего происхождения, чем глина из Сангирана.

Для общего обозначения речных отложений, которые покрывают черную глину Сангирана, и нижней речной формации Тринила было бы оправданным использовать название Кабу. Песок и гравий, которые образуют слои Кабу, в обоих поселениях в действительности являются остатками антиклиналей, возникших на Центральной Яве в период среднего плейстоцена (холмы Кенденга и Южные горы). Таким образом, они принадлежат к одной тектонической формации. Страты Кабу дали наибольшую часть остатков гоминидов, обнаруженных на Центральной Яве.

В Сангиране, как и в Триниле, наибольшие проблемы вызывает интерпретация верхней части геологического разреза. В Сангиране эту часть обычно называют «пластами Нотопуро» (граница, которая отделяет их от нижележащих пластов Кабу, очень неточная), однако это название слишком общее. На Центральной Яве название Нотопуро должно присваиваться только тем отложениям, которые связаны с первыми проявлениями деятельности вулкана Лаву. Этот вулкан, который поднимается к западу от вулкана Вилис, стал активным значительно позднее того времени, когда вулкан Вилис потух, следовательно, на земле легко отличить следы его извержений от следов извержений вулкана Вилис. Однако в Сангиране уровни, которым часто присваивают название Нотопуро, в действительности являются речными отложениями, которые можно объяснить работой современных рек (*Bartsra, 1985*).

ХРОНОЛОГИЯ ПОЗВОНОЧНЫХ

Проблема датировки ископаемых остатков постоянно стоит на повестке дня со времени нахождения первых остатков гоминидов на Центральной Яве. До определенного момента палеонтологи при датировке могли использовать моллюсков, однако в применении этого метода к более поздним периодам существует определенная опасность, поэтому в начале поисков первых обитателей Явы Кёнигсвальду пришлось прибегнуть к изучению ископаемых позвоночных (*von Koenigswald, 1934*).

В качестве отправной базы для него была большая коллекция ископаемых позвоночных, собранная Дюбуа, затем

экспедицией Селенка в Триниле. Эти ископаемые остатки Кёнигсвальд отнес к среднему плейстоцену и назвал их фауной Тринила. Ископаемые позвоночные были также найдены ниже по течению Соло недалеко от деревни Нгандонг, но в отложениях, которые с геологической точки зрения следует рассматривать как более молодые, чем находки в Триниле (они принадлежат к верхней речной формации, в то время как находки Тринила относятся к нижней формации). Это второе скопление остатков ископаемой фауны, найденное на берегах Соло, Кёнигсвальд отнес к периоду позднего плейстоцена и назвал фауной Нгандонга. Позднее в Восточной Яве были обнаружены ископаемые позвоночные (*Cosijn, 1932a, 1932b*), которые показались Кёнигсвальду еще более древними, чем ископаемые позвоночные из Тринила и Нгандонга: эти ископаемые позвоночные, названные фауной Жетис (сначала Джетис), были отнесены к периоду раннего плейстоцена. Наконец, открытие других ископаемых остатков в ряде местностей, расположенных на границе между центральной и западной Явой, дало возможность Кёнигсвальду дополнить свою классификацию: по его мнению, фауны Сисанде (ранее Тжи-Санде), Сиджуланг (ранее Тжи-Джеланг) и Калиглага относятся к эпохе плиоцена (*von Koenigswald, 1935*).

Схема, предложенная Кёнигсвальдом, вызвала ряд критических выступлений. Хоойер (*Hooijer*), например, утверждал, что при определении различных скоплений ископаемой фауны Кёнигсвальд придавал слишком большое значение архаичным элементам, не учитывая в достаточной степени распространение новых видов. Согласно Хоойеру, невозможно, чтобы фауна была бы более древней, чем ее самые молодые компоненты. Однако Хоойер никогда не опротестовывал хронологического порядка, предложенного Кёнигсвальдом (Сисанде, Сиджуланг, Калиглага, Жетис, Тринил и Нгандонг), поскольку ему казалось, что этот порядок был тесно связан с результатами стратиграфических наблюдений (*Hooijer, 1952, 1956, 1957*).

Порядок классификации скоплений ископаемой фауны был поставлен под вопрос в самых последних критических выступлениях по поводу схемы Кёнигсвальда. В частности, в отношении фауны Жетиса критики продолжают утверждать, что точно не известно, в каких отложениях были найдены ископаемые остатки, и считают, что рассуждения исследователей, работающих на местности, находятся в порочном круге (*de Vos et al., 1982; Sondaar, 1984*). Была предложена новая схема, в которой фауна Тринила представлена как самая древняя фауна плейстоцена; эта схема не учитывает фауну Жетиса, однако включает в себя то, что называют фауной Кедунгбрубуса. В свою очередь, эта новая схема стала объектом критики в части, касающейся стратиграфических аргументов (*Bartsra, 1983; Santono, 1983*), идентификации ископаемых остатков (*Hooijer, 1983; Hooijer & Kurtén, 1984*) и выводов (*Groves, 1985; Heaney, 1985*). Однако большинство специалистов согласны с тем, что следует по крайней мере пересмотреть классическую последовательность позвоночных (*Brachet & Shutler, 1983, 1984; Shutler & Brachet, 1985*).

РАДИОМЕТРИЧЕСКАЯ ХРОНОЛОГИЯ

Метод датировки осадочных пород, основанный на анализе ископаемых остатков, имеет ограниченные возможности и может приводить к ошибкам. Очевидно, например, что в Триниле, Сангиране и в других местах даты очень часто устанавливались на основе изучения перемещенных ископаемых остатков, которые в действительности принадлежат более древним отложениям, чем те, в которых они были обнаружены. Методом датировки по ископаемым остаткам в конечном итоге никогда нельзя определить абсолютную дату, самое большее, что он может дать, – помочь определить лишь относительный возраст отложения в сравнении с другим. Поэтому возникает воп-

рос: не могут ли технические средства, разработанные и усовершенствованные в течение последних десятилетий, которые в лабораторных условиях позволяют определить радиометрический возраст, помочь установить справочные хронологические рамки, внутри которых можно будет с уверенностью расположить найденные на центральной Яве ископаемые остатки гоминидов?

Одним из наиболее известных методов радиометрической датировки является анализ по калию-аргону (K–Ar), содержащимся в вулканических осадках. Впервые он был применен в 1960-х гг. к образцам с острова Ява, и только тогда появилась возможность представить себе те абсолютные времена, к которым следовало привязать такие скопления ископаемых остатков фауны, как скопления из Нгандонга, Тринила и Жетиса (*Zähringer*, 1963; *Zähringer & Gentner*, 1963; *von Koenigswald*, 1968; *Stross*, 1971). С тех пор с этим методом было получено большое количество данных, однако из-за различных возрастов образцов, обнаруженных в казалось бы одних и тех же отложениях, эти анализы скорее затемнили, чем прояснили общее представление, сложившееся об эпохе плиоцена и периоде плейстоцена на о. Ява (*Orchiston & Siesser*, 1982; *Hutterer*, 1983; *Sartono*, 1985). Помимо чисто технических проблем, которые могли возникнуть при анализе яванских образцов, трудности, в частности, были связаны с перемещением элементов, подлежащих датировке, т.е. с теми же проблемами, с которыми столкнулись при датировке окаменелостей. Так, датировка слоев Кабу по методу «калий-аргон» основывалась на анализе их вулканических составляющих. Однако еще не было доказано, что вулканическая активность на Центральной Яве в эпоху формирования этих слоев была значительной (в период среднего плейстоцена, между угасанием вулкана Вилис и началом активности вулкана Лаву). Если окажется, что вулканическая активность в ту эпоху не была значительной и что слои Кабу являются лишь тектонической формацией, состоящей из продуктов эрозии яванских антиклиналей (по меньшей мере некоторые из этих антиклиналей – Южные горы – действительно содержат большое количество вулканических материалов неогенового периода), то необходимо с большой осторожностью интерпретировать результаты анализов по калию-аргону, содержащихся в этих речных отложениях, которые относятся к периоду среднего плейстоцена.

В исследованиях палеомагнетизма яванских горных пород, проводившихся с начала 1980-х гг., был достигнут большой прогресс (*Yokoyama et al.*, 1980; *Sémab et al.*, 1981–1982; *Sémab*, 1982). Анализ на основе палеомагнетизма сам по себе не может являться средством абсолютной датировки, однако существует возможность составить гипотетическую хронологию для заданного района путем сравнения местной палеомагнитной серии с сериями других регионов, а также с результатами других методов датировки. На Центральной Яве, как и везде, необходимо увязывать границы между различными периодами плейстоцена с палеомагнитными границами. Сейчас мы знаем, что пресловутая «граница ПП» (плиоцен – плейстоцен), которая в течение многих лет была предметом спора между палеонтологами, располагается в начале олдувайского события, произошедшего 1,8 млн. лет назад, которое служит вторичной вехой в шкале геомагнитных инверсий. С другой стороны, граница между ранним плейстоценом и средним плейстоценом соответствует началу нормальной эпохи Брунеса (0,69 млн. лет назад), а граница между средним плейстоценом и поздним плейстоценом соответствует началу периода инверсии по Блэйку (0,125 млн. лет назад).

Изучение палеомагнитических образцов с центральной Явы показало, что слои Кабу в Сангиране (и, соответственно, нижняя речная формация Тринила) в своей основной массе относятся к нормальной эпохе Брунеса

(*Sémab*, 1984). Это означает, что древность большинства ископаемых остатков вида *человек прямоходящий*, найденных на Яве, составляет менее 700 тыс. лет. Другие исследования привели к тому же заключению (*Matsu'ura*, 1982; *Pope*, 1984). Что касается ископаемых остатков гоминидов, предположительно находившихся в более древних слоях (из месторождения черной глины в Сангиране), то в большинстве случаев оказалось, что их происхождение нельзя точно определить.

ДВУСТОРОННИЕ ОРУДИЯ ИЗ ПАСИТАНА

Вопрос о каменных изделиях, применявшихся яванским *человеком прямоходящим*, привлек внимание специалистов в 1935 г., когда на южном побережье острова, недалеко от небольшого городка Паситан (ранее Патжитан), были обнаружены двусторонние орудия (*von Koenigswald*, 1936). В то время такие изделия рассматривались как настоящий символ древнего каменного века, или палеолита, и соответственно двусторонние яванские орудия были отнесены ко времени *человека прямоходящего*. К этому типологическому подходу добавился другой – палеонтологический: в расщелинах известковых холмов недалеко от Паситана были найдены ископаемые остатки позвоночных, являвшихся, по всей очевидности, современниками фауны Тринила, датированной периодом среднего плейстоцена (*von Koenigswald*, 1939).

Позднее Мовиус тщательно изучил артефакты из Паситана. Он отметил, что подлинные двусторонние орудия составляют лишь незначительную часть орудий Паситана, и что, по-видимому, они были изготовлены по технологии, совершенно отличающейся от технологии производства двусторонних орудий, которая применялась в западной части Древнего Мира. Согласно Мовиусу, самыми характерными орудиями из нуклеусов в скоплении Паситана являются режущие инструменты, оббитые с одной или двух сторон; он увязал это скопление с известным дальневосточным комплексом из подобных предметов и резак, оставаясь при этом убежденным в том, что орудия из Паситана являются делом рук *человека прямоходящего* (*Movius*, 1948).

Постепенно становилось все очевиднее, что каменные артефакты примитивного или архаичного вида не обязательно были древними орудиями, а скорее являлись выражением определенного вида деятельности (охотничьи местонахождения в отличие от постоянно обитаемых) или определенной социальной функции (функционализм в противовес эволюционизму). Никогда не следует датировать орудия доисторического периода на основе типологических аргументов; интерпретация скоплений каменных орудий, называемых примитивными, требует, в частности, самой большой осторожности, особенно в отношении Юго-Восточной Азии (*Hutterer*, 1976, 1977). В действительности оказывается, что с чисто технологической точки зрения скопление из Паситана вовсе не является примитивным, а состоит из большого количества довольно сложных орудий, изготовленных из нуклеусов и сколов (*van Heekeren*, 1955; *Soejono*, 1961; *Mulvaney*, 1970).

Кроме того, палеонтологический аргумент, на котором основана датировка этого скопления, не представляет ценности: ископаемые отложения ни в коем случае не могут быть ассоциированы с теми отложениями, в которых были найдены орудия, следовательно, эти ископаемые остатки никоим образом не могут быть использованы для датировки изделий Паситана. Давно известно, что эти изделия сохранились в осадочных породах на террасах, находящихся на берегу небольшой реки (*Teilhard de Chardin*, 1938). До настоящего времени не представлялось возможным провести датировку этих осадочных пород радиометрическими методами, поскольку они не содержат составных

элементов, которые можно было бы анализировать, однако геоморфологический анализ окружающего ландшафта позволяет сделать предположение, что эти террасные отложения образовались в течение последних фаз плейстоцена (Bartstra, 1984). Следовательно, двусторонние орудия и орудия других видов из Паситана были изготовлены значительно позднее того времени, когда *человек прямоходящий* исчез с Явы.

ОРУДИЯ ЧЕЛОВЕКА ПРЯМОХОДЯЩЕГО

Каковы были орудия у *человека прямоходящего*, если орудия из Паситана появились после него? Этот вопрос непосредственно связан с той проблемой, которая возникает в процессе воссоздания среды, окружавшей первых гоминидов на Яве. Действительно, ясно, что в определенной степени скопления инструментов отражают те возможности, которые существуют в окружающей среде. (При этом невозможно учесть социальные и культурные факторы в начале доисторического периода, поскольку при современном состоянии наших познаний их воссоздание походило бы на «научную фантастику».) Что касается палеонтологического окружения *человека прямоходящего*, то некоторые авторы полагают, что этот вид приспособился к открытым лесистым территориям, другие полагают, что он уже адаптировался к влажным тропическим лесам (Hutterer, 1985; Pope, 1984, 1985). В любом случае можно предположить, что у Человека с Явы было много различных каменных орудий, однако если он проживал во влажных тропических лесах (этнография некоторых современных народов в этом отношении может быть поучительной), то в равной степени возможно, что большое количество этих орудий было изготовлено из недолговечных материалов, например, из древесины (имеется гипотеза о существовании деревянных орудий). В этом случае эти орудия исчезли бы, не оставив и следа, и сегодня могло бы создаться впечатление, что яванский *человек прямоходящий* почти не имел орудий.

Несмотря на аргументы Поупа, открытия, которые были сделаны до настоящего времени, не дали доказательств того, что *человек прямоходящий* адаптировался к условиям проживания во влажных тропических лесах. Никаких следов *человека прямоходящего* никогда не было обнаружено в таких районах, как острова Борнео, Суматра и западная Ява, в которых в плейстоцене, возможно, росли такие же густые леса, как и сегодня. В том, что касается Борнео и Суматры (которые плохо поддаются исследованию на местности из-за высокой плотности лесов), то можно утверждать, что недостаточность сведений объясняется малым масштабом раскопок, проведенных до сих пор. Однако этот аргумент не подходит для Западной Явы. На Центральной Яве также росли влажные тропические леса, в которых *человек прямоходящий*, вероятно, появился по теперь затопленной морем речной системе между Борнео, Суматрой и Явой. Однако эти леса произрастали лишь в отдельных районах и в течение только части плейстоцена. Как бы то ни было, те виды животных, которые представлены в различных скоплениях ископаемой фауны, часто являются видами, которые жили в открытых прореженных лесах; это относится, например, к многочисленным видам антилоп и оленей (*Axis hydekkeri* и *Duboisia santeng*), а также к *Bubalus palaeokerabau*, размах рогов которых достигал иногда 1,5 м (Hooijer, 1958).

Представленная картина соответствует той эволюции яванских каменных орудий в эпоху палеолита, которая была выявлена в результате открытий, сделанных в последние годы. Как уже было показано, орудия из Паситана не могут быть связаны с *человеком прямоходящим*; нет никаких свидетельств того, что крупные предметы из нуклеусов из районов Южной Явы могли бы быть отнесены к пе-

риоду, предшествовавшему последним фазам плейстоцена (т.е. ранее 50 тыс. лет назад). С другой стороны, возможно, что эти орудия из Паситана могли бы быть отнесены к более древним представителям вида *человек разумный* в Индонезии, которые действительно закрепились во влажных тропических лесах. Крупные изделия из нуклеусов были также найдены в районах очень густых влажных лесов на Суматре и на юго-востоке Борнео (Калимантан). Они, очевидно, связаны с геологически более поздними речными отложениями. Подобные орудия из нуклеусов были также найдены по другую сторону от глубоких водных преград к востоку от Явы, например, на островах Сумба и в Хальмахера.

Подлинными орудиями труда *человека прямоходящего* на Яве, вероятно, являются предметы небольших размеров, случайно найденные на высоких террасах в осадочных породах на р. Соло древностью 100–50 тыс. лет, которые поэтому могли бы быть отнесены к поздним группам *человека прямоходящего*. Те же типы небольших нуклеусов и сколов были обнаружены в осадочных породах позднего плейстоцена в Сангиране, в местности, которая дала самый богатый набор ископаемых костей гоминидов на Центральной Яве. До настоящего времени подобные артефакты еще не были обнаружены в отложениях, которые с уверенностью можно было датировать периодом среднего плейстоцена, т.е. периодом до 125 тыс. лет назад. Однако вполне вероятно, что вскоре такие открытия будут сделаны.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BARTSTRA, G.-J. 1983. The Vertebrate-Bearing Deposits of Kedungbrudus and Trinil, Java. Indonesia. Geol. Mijnb. (Dordrecht), Vol. 62, pp. 329–36.
- 1984. Dating the Pacitanian: Some Thoughts. CFS, Cour. Forsch. inst. Senckenb. (Frankfurt/Main), Vol. 69, pp. 253–8.
- 1985. Sangiran, the Stone Implements of Ngebung, and the Palaeolithic of Java. Mod. Quat. Res. SEAsia, Vol. 9, pp. 99–113.
- BEMMELEN, R. W. VAN. 1949. The Geology of Indonesia (Gen. geol. IA). The Hague.
- BERGMAN, R. A. M.; KARTSTEN, P. 1952. The Fluorine Content of *Pithecanthropus* and of other Specimens from the Trinil Fauna. Proc. K. Ned. Akad. Wet. (Amsterdam), Vol. 55, pp. 150–2.
- BRACHES, F.; SHUTLER, R., JR. 1983. Early Vertebrates and the Theory of the Emergence of Java. SEAsian Stud. Newsl, Vol. 13, pp. 1–2.
- 1984. Early Vertebrates and the Theory of the Emergence of Java. SEAsian Stud. Newsl, Vol. 16, pp. 1–2.
- CARTHAUS, E. 1911. Zur Geologie von Java, insbesondere des Ausgrabungsgebietes. In: SELENKA, M. L.; BLANCKENHORN, M. (eds), Die Pithecanthropus-Schichten auf Java. Leipzig, pp. 1–33.
- COSIJN, J. 1932a. Voorloopige mededeeling omtrent het voorkomen van fossiele beenderen in het heuvelterrein ten Noorden van Djétis en Pèrning (Midden-Java) [Provisional Communication about the Existence of Fossil Bones in the Hilly Grounds North of Djétis and Pèrning (Middle Java)]. Verh. Geol. Mijnbouwkd. Genoot., Geol. Ser., Vol. 19, pp. 113–9.
- 1932b. Tweede mededeeling over het voorkomen van fossiele beenderen in het heuvelterrein ten Noorden van Djétis en Pèrning (Java) [Second communication concerning the Existence of Fossil Bones in the Hilly Grounds North of Djétis and Pèrning (Middle Java)]. Verh. Geol. Mijnbouwkd. Genoot., Geol. Ser., Vol. 9, pp. 135–48.
- DAY, M. H. 1984. Guide to Fossil Man. 3rd rev. edn. London.
- 1984. The Postcranial Remains of *Homo erectus* from Africa, Asia and possibly Europe. CFS, Cour. Forsch. inst. Senckenb. (Frankfurt/Main), Vol. 69, pp. 113–21.
- DAY, M. H.; MOLLESON, T. I. 1973. The Trinil Femora. In: DAY, M. H. (ed.), Human Evolution. London, pp. 127–54.
- DOZY, C. M. 1911. Bemerkungen zur Stratigraphie der Sedimente in der Triniler Gegend. In: SELENKA, M. L.; BLANCKENHORN, M. (eds), Die Pithecanthropus-Schichten auf Java. Leipzig, pp. 34–6.

- DUBOIS, E. 1894. *Pithecanthropus erectus*: eine menschenähnliche Übergangsform aus Java. Batavia.
- 1908. Das geologische Alter der Kendeng-oder Trinil-fauna. Tijdschr. K. Ned. Aardrijkskd. Gen. (Amsterdam), Vol. 25, pp. 1235–70.
- DUYFJES J. 1936. Zur Geologie und Stratigraphie des Kendenggebietes zwischen Trinil und Soerabaja (Java). De Ing. Ned.-Indië, Mijnb.; Geol., de Mijningenieur, Vol. 3, No. 4, pp. 136–49.
- ELBERT, J. 1908. Über das Alter der Kending-Schichten mit *Pithecanthropus erectus* Dubois. Neues Jahrb. Mineral. Geol. Paläontol. (Stuttgart), Vol. 25, pp. 648–62.
- GROVES, C. P. 1985. Plio-Pleistocene Mammals in Island Southeast Asia. Mod. Quat. Res. SEAsia, Vol. 9, pp. 43–54.
- HAAR, C. TER. 1934. Homo-Soloënsis. De Ing. in Ned.-Indië, Mijnb. Geol., de Mijningenieur, Vol. 1, No. 4, pp. 51–7.
- HEANEY, L. R. 1985. Zoogeographic Evidence for Middle and Late Pleistocene Landbridges to the Philippine Islands. Mod. Quat. Res. SEAsia, Vol. 9, pp. 137–43.
- HEEKEREN, H. R. VAN. 1955. New Investigations on the Lower Palaeolithic Patjitan Culture in Java. Berita Dinas Purbakala, Vol. 1, pp. 1–12.
- HOOIJER, D. A. 1952. Fossil Mammals and the Plio-Pleistocene Boundary in Java. Proc. K. Ned. Akad. Wet. (Amsterdam), Vol. 55, pp. 436–43.
- 1956. The Lower Boundary of the Pleistocene in Java and the Age of *Pithecanthropus*. Quaternaria (Rome), Vol. 3, pp. 5–10.
- 1957. The Correlation of Fossil Mammalian Faunas and the Plio-Pleistocene Boundary in Java. Proc. K. Ned. Akad. Wet. (Amsterdam), Vol. 60, pp. 1–10.
- 1958. Fossil Bovidae from the Malay Archipelago and the Punjab. Zool. Verhand. (Leiden), Vol. 38, pp. 1–112.
- 1983. Remarks upon the Dubois Collection of Fossil Mammals from Trinil and Kedungbrubus in Java. Geol. Mijnb. (Dordrecht), Vol. 62, pp. 337–8.
- HOOIJER, D. A.; KURTÉN, B. 1984. Trinil and Kedungbrubus: The *Pithecanthropus*-bearing Fossil Faunas of Java and their Relative Age. Ann. Zool. Fennici, Vol. 21, pp. 135–41.
- HUTTERER, K. L. 1976. An Evolutionary Approach to the Southeast Asian Cultural Sequence. Curr. Anthropol, Vol. 17, pp. 1–23.
- 1977. Reinterpreting the Southeast Asian Palaeolithic. In: ALLEN, J.; GOLSON, J.; JONES, R. (eds), Sunda and Sahul, Prehistoric Studies in Southeast Asia, Melanesia and Australia. London/New York. pp. 31–77.
- 1983. Absolute Dates for the Hominid-bearing Deposits in Java: An Overview. Asian Perspect., Vol. 2.
- 1985. The Pleistocene Archaeology of Southeast Asia in Regional Context. Mod. Quat. Res. SEAsia, Vol. 9, pp. 1–23.
- KOENIGSWALD, G. H. R. VON. 1933. Ein neuer Urmensch aus dem Diluvium Javas. Cent. b. Mineral. Geol. Paläontol., Vol. 1, pp. 29–42.
- 1934. Zur Stratigraphie des javanischen Pleistocän. De Ing. in Ned. Indië, Mijnb. Geol., de mijningenieur, Vol. 1, No. 11, pp. 185–200.
- 1935. Die fossilen Säugetierfaunen Javas. Ptoc K, Ned. Akad. Wet. (Amsterdam), Vol. 38, pp. 188–98.
- 1936. Early Palaeolithic Stone Implements from Java. Bull. Raffles Mus., Singapore, Vol. 1, pp. 52–60.
- 1938. Ein neuer *Pithecanthropus*-Schädel. Proc. K. Ned. Akad. Wet. (Amsterdam), Vol. 41, pp. 185–92.
- 1939. Das Pleistocän Javas. Quatär (Berlin), Vol. 2, pp. 28–53.
- 1968. Das absolute Alter des *Pithecanthropus erectus* Dubois. In: KURTH, G. (ed.), Evolution und Hominization. Stuttgart. pp. 195–203.
- LEHMANN, H. 1936. Morphologische Studien auf Java. Geogr. Abh. (Leipzig), Vol. 3, No. 9, pp. 1–114.
- MATSU'URA, S. 1982. A Chronological Framing for the Sangiran Hominids. Bull. Nat. Sc. Mus. (Tokyo), Ser. D, Vol. 8, pp. 1–53.
- 1984. The Debatable Contemporaneity of the Trinil Femora with *Pithecanthropus* Skull 1, Reconsidered through Chemical Analyses. Tokyo. (Communication at the 38th Joint Meeting of the Anthropol. Soc. Nippon and Jap. Soc. Ethnol.)
- MOVIUS, H. L. 1948. The Lower Palaeolithic Cultures of Southern and Eastern Asia. Trans. Am. Phil. Soc. (Philadelphia, Pa.), Vol. 38, pp. 329–420.
- MULVANEY, D. J. 1970. The Patjitanian Industry: Some Observations. Mankind, Vol. 7, pp. 184–7.
- OLLIER, C. D. 1985. The Geological Background to Prehistory in Island Southeast Asia. Mod. Quat. Res. SEAsia, Vol. 2, pp. 1–21.
- ORCHISTON, D. W.; SIESSER, W. G. 1982. Chronostratigraphy of the Plio-Pleistocene Fossil Hominids of Java. Mod. Quat. Res. SEAsia, Vol. 7, pp. 131–49.
- POPE, G. G. 1984. The Antiquity and Palaeoenvironment of the Asian Hominidae. In: ORR-WHYTE, R. (ed.), The Evolution of the East Asian Environment. Hong Kong. Vol. 2, pp. 822–47.
- 1985. Taxonomy, Dating and Palaeoenvironment: The Palaeoecology of the Early Far Eastern Hominids. Mod. Quat. Res. SEAsia, Vol. 9, pp. 65–80.
- SARTONO, S. 1976. Genesis of the Solo Terraces. Mod. Quat. Res. SEAsia, Vol. 2, pp. 1–21.
- 1983. Re-evaluation on Vertebrate Stratigraphy of Java: A Rectification. Bul. Jurusan Geologi, Vol. 12, pp. 7–8.
- 1985. Datings of Pleistocene Man of Java. Mod. Quat. Res. SEAsia, Vol. 9, pp. 115–25.
- SÉMAH, F. 1982. Pliocene and Pleistocene Geomagnetic Reversals Recorded in the Gemolong and Sangiran Domes (Central Java). Mod. Quat. Res. SEAsia, Vol. 7, pp. 151–64.
- 1984. The Sangiran Dome in the Javanese Plio-Pleistocene Chronology. CFS, Cour. Forschinst. Senckenb. (Frankfurt/Main), Vol. 69, pp. 245–52.
- SÉMAH, F. et al. 1981/2. L'Âge et l'environnement des *Homo erectus* de Java: nouveaux résultats paléomagnétiques et palynologiques. Anthropologie (Paris), Vol. 85/6, pp. 509–16.
- SHUTLER, R., J.R.; BRANCHES, F. 1985. Problems in Paradise: The Pleistocene of Java Revisited. Mod. Quat. Res. SE Asia, Vol. 9, pp. 87–97.
- SOEJONO, R. P. 1961. Kebudajaan Patjitan. Publikasi Mipi, Vol. 2, pp. 234–41.
- SONDAAR, P. Y. 1984. Faunal Evolution and the Mammalian Biostratigraphy of Java. CFS, Cour. Forschinst. Senckenb. (Frankfurt/Main), Vol. 69, pp. 219–35.
- STROSS, F. H. 1971. Applications of the Physical Sciences to Archaeology. Science (Washington), Vol. 171, pp. 831 ff.
- TEILHARD DE CHARDIN, P. 1938. Deuxième notes sur la paléontologie humaine en Asie méridionale. Anthropologie (Paris), Vol. 48, pp. 452–6.
- TERRA, H. DE. 1943. Pleistocene Geology and Early Man in Java. Trans. Am. Phil. Soc. (Philadelphia, Pa.), NS, Vol. 32, pp. 437–64.
- VOS, J. DE et al. 1982. The Fauna from Trinil, Type Locality of *Homo erectus*: A Reinterpretation. Geol. Mijnb. (Dordrecht), Vol. 61, pp. 207–11.
- YOKOYAMA, T. et al. 1980. Preliminary Report on Palaeomagnetism of the Plio-Pleistocene Series in Sangiran and Trinil Areas, Central Java, Indonesia. Physical Geol. Indon. Island Arcs, Kyoto, pp. 88–96.
- ZÄHRINGER, J. 1963. K-Ar Measurements of Tektites. In: SYMPOSIUM OF RADIOACTIVE DATING, Proceedings. Vienna, pp. 289–305.
- ZÄHRINGER, J.; CENTNER, W. 1963. Radiogenic and Atmospheric Argon Content of Tektites. Nature (London), Vol. 199, pp. 583 ff.

Б. Неандертальцы и их современники

СОДЕРЖАНИЕ

9	Физическая антропология <i>неандертальцев</i> и их современников: общий обзор <i>Бернар Вандермерш</i>	118	15	Южная Азия в период <i>Homo sapiens neanderthalensis</i> (человек разумный неандертальский) и его современники (средний палеолит) <i>Рамчандра В. Джоши</i>	184
10	Археология: общий обзор <i>Карел Валох</i>	125	16	Китай в период <i>Homo sapiens neanderthalensis</i> (человек разумный неандертальский) и его современники (средний палеолит) <i>Ву Рукан и Цзя Ланпо</i>	187
11	Африка в период <i>Homo sapiens neanderthalensis</i> (человек разумный неандертальский) и его современники <i>Фред Уэндорф, Анджела Э. Клоуз, Ромуальд Шильд</i>	135	17	Индонезия в период <i>Homo sapiens neanderthalensis</i> (человек разумный неандертальский) и его современники (средний палеолит) <i>Герт-Ян Бартстра</i>	189
12	Европа (за исключением бывшего СССР) в период <i>Homo sapiens neanderthalensis</i> (человек разумный неандертальский) и его современники <i>Карел Валох</i>	157			
13	Средний палеолит на территории бывшего СССР <i>В.П. Алексеев</i>	166			
14	Западная Азия в эпоху среднего палеолита <i>Артур Дж. Елинек</i>	174			

ФИЗИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ НЕАНДЕРТАЛЬЦЕВ И ИХ СОВРЕМЕННОКОВ: общий обзор

Бернар Вандермерш

Несомненно, что неандертальцы¹ составляют наиболее изученную популяцию ископаемых людей среди всех тех, которые предшествовали современному человеку, что объясняется тремя причинами:

- 1) это были первые обнаруженные ископаемые остатки человека, отличного от нас;
- 2) они известны нам сегодня по остаткам нескольких сотен индивидуумов, найденных в большом количестве мест;
- 3) они послужили основой для многочисленных публикаций и все еще являются объектом интенсивных исследований.

Для того чтобы понять их значение и роль, которую они сыграли в развитии наших представлений об эволюции человека, необходимо сделать краткий исторический обзор. Содержание концепции существования неандертальца действительно претерпело многочисленные изменения со времени первой находки в 1856 г. в долине Неандерталь близ Дюссельдорфа (Германия) представителя этой группы. Костные остатки – мозговой отдел черепа и элементы скелета ниже черепа – были обнаружены на разработке известняка. Они были собраны Йоханом Карлом Фультротом (*Johann Carl Fuhlrott*), профессором из Эльберфельда, который предположил их древнее происхождение, а точнее – то, что они являются современниками мамонта.

Это открытие вызвало бурную полемику; действительно, вначале считалось, что эти костные остатки принадлежали более позднему индивидууму, отличительные черты которого могли объясняться патологией. И только лишь с 1860-х гг., благодаря, в частности, английскому натуралисту Томасу Г. Хаксли (Гексли), постепенно утверждалась мысль, что речь шла об исчезнувшей человеческой популяции, которая отличалась от нашей. В 1864 г. У. Кинг (*W. King*) включил в классификацию вид *Homo neanderthalensis*. В 1886 г. два черепа того же типа были обнаружены близ поселения Спи (Бельгия), а вместе с ними – обработанные каменные изделия и ископаемые остатки частично исчезнувшей фауны. После этих открытий невозможно было больше отрицать существование неандертальцев.

В конце XIX – начале XX в. увеличилось число находок ископаемых людей, особенно в Европе. Поэтому Старый свет занял исключительное место в изучении эволюции человека, а человек из Неандерталья стал самым важным звеном в работах исследователей.

Начиная с 1920 г., в Западной Азии (местонахождения Мугарет-эль-Зуттиех), в Восточной Африке (Брокен-Хилл),

в Азии (на р. Соло) были обнаружены окаменелости (с морфологической точки зрения более или менее близкие к неандертальцам Европы), которые укрепили мысль о том, что общие черты этой ископаемой группы, более или менее множественные и отчетливые, встречаются во всем Старом Свете. Термин *палеоантропы*, введенный Э. Смитом (*Eliot Smith*) в 1916 г., позволил сгруппировать все эти данные, пренебрегая различиями. Появившись после яванского вида *человек прямоходящий*, эти окаменелости обозначили еще один этап эволюции человека. Так появилось понятие об эволюционной фазе, согласно которой человечество развивалось в целом, переходя через последовательные уровни, каждый из которых характеризовался особым костным строением и характерными чертами. При таком подходе неандертальцы относились к одной из этих фаз.

В 1933 г. открытие следов древних людей из Палестины нарушило эту эволюционную схему. Некоторые из них были либо приближены к современному человеку, либо рассматривались как среднее звено между неандертальцами и современными людьми. В обоих случаях приходилось признавать одновременность проживания обеих популяций в эпоху среднего палеолита, по крайней мере, в некоторых регионах, что противоречило понятию фазы. Кроме того, вероятное сходство между двумя популяциями предполагало, что имеем дело не с двумя разными видами, а с двумя подвидами: *человек разумный sapiens* и *человек разумный неандерталец*.

Примерно с 1950 г. концепции подвергались дальнейшим изменениям. Понимание значения основных устойчивых черт и усилия по сравнительному исследованию ископаемых остатков дали возможность лучше изучить проблему неандертальцев, показав их собственные устойчивые черты, те, которые они унаследовали от более древних форм, и те, которые они делили с видом *человек разумный sapiens*.

Теперь неандертальцы видятся как группы людей, имевших многочисленные общие морфологические черты, обладавших одинаковым строением костей, живших в Европе и в Западной Азии в первую часть периода позднего плейстоцена.

НЕАНДЕРТАЛЬЦЫ (карта 10)

Известны многие сотни индивидуумов, но чаще всего по весьма отрывочным материалам. Насчитывается десяток черепов и, благодаря найденным погребениям, имеется

несколько целых скелетов. Морфологическая эволюция этой группы закончилась в начале вюрмского оледенения, поэтому классические ископаемые остатки относятся к первой половине периода последнего оледенения.

Заселение Европы

Европейские неандертальцы были относительно небольшого роста (в среднем примерно 1,65 м) и имели очень крепкую костную структуру.

Самыми специфическими, ярко выраженными чертами обладал череп. Лицевой и мозговой отделы черепа были очень вытянутыми и широкими, однако высота черепа оставалась небольшой. Затылочная часть вытянута назад и менее опущена, чем у современного человека.

Объем мозга был от 1250 до 1680 куб. см, а в среднем составлял 1450 куб. см, что сравнимо со средним объемом мозга современного человека. Сбоку был виден развитый надглазный валик. Лоб покатый, черепной свод низкий. Затылочная часть сильно изогнута, а затылок имеет «шиньообразную» форму. Если посмотреть сверху, то видно, что надглазный валик далеко выступает с каждой стороны лобной части мозгового отдела черепа; максимальная ширина – между стенками черепа, как у современного человека, но в его задней части, а скуловые дуги также выступают по отношению к мозговому отделу черепа. При виде сзади череп имеет скорее овальную форму и располагается по горизонтальной оси. Затылочная часть имеет костный валик, особенностью его является то, что в середине он разделяется на две части небольшой впадиной.

Не останавливаясь на всех деталях анатомических особенностей черепа, отметим, что его кости, особенно височная, имеют множество особенностей.

Лицо неандертальцев также очень своеобразное. Подглазная часть имеет сплюснутую форму, но не имеет впадин – собачьей ямки, – которые наблюдаются у современного человека. Кроме того, кости скул у неандертальцев не изогнуты, как у современного человека, а сплюснуты и скошены назад; скулы фактически отсутствуют. Этот набор признаков придает лицу неандертальца вид, который до-

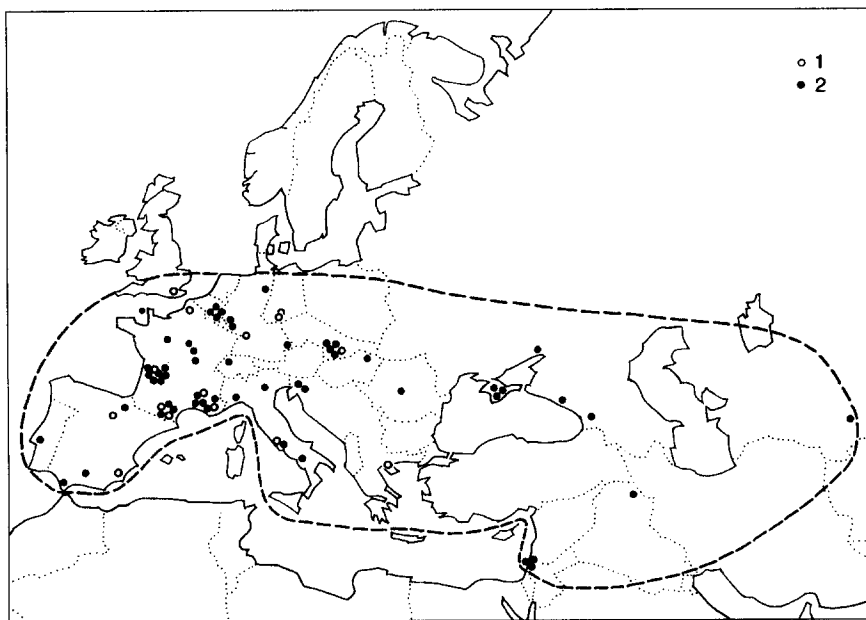
вольно обидно характеризовали, как «морду». Добавим, что на очень крупной нижней челюсти отсутствовал подбородок, а строение ее зубов было более крепким, чем на нашей нижней челюсти.

Скелет ниже черепа не отличается от современного скелета по своему строению, но также имеет много особенностей. К наиболее значительным относятся следующие. У современного человека на боковой стороне лопатки чаще всего имеется гребень, разделяющий два желобка – спинной и брюшной. У неандертальцев этот гребень смещен в сторону брюшного желобка таким образом, что спинной желобок становится больше, а брюшной – уменьшен или отсутствует. Согласно Хауэлу (Howell, 1978), это следует увязать с большим развитием одной из групп мышц руки, и в результате обеспечивался лучший контроль над отдельными перемещениями, в частности, над бросательным движением.

Кости предплечья сильно изогнуты, что определяет большое межкостное пространство, которое, возможно, связано с наличием крупных мышц. Бугристость лучевой кости немного удалена от головки этой кости, чем у современного человека, и это придает больше силы бицепсу.

Одним из характерных устойчивых признаков таза является изгиб нижней передней тазовой кости и выдвинутое вперед тело тазовой кости. Но особенно это видно на удлинненной и утонченной верхней ветви лобковой кости. Тринкаус (Trinkaus, 1976) выдвинул гипотезу о том, что эта особенность, делающая ниже отверстие более широким, имеет целью облегчить прохождение ребенка при родах. У новорожденного неандертальца голова была больше, чем у современного новорожденного, возможно, по причине более продолжительной беременности. Однако у нас слишком мало данных о биологии этих народов и о морфологии новорожденных, чтобы подкрепить эту гипотезу: редкие найденные скелеты сохранились не полностью, они раздавлены и деформированы.

Самой характерной из всех костей нижних конечностей является бедренная кость. Ее головка закруглена, а сама она у современного человека несколько сплюснута в поперечном направлении и не имеет выступа на задней стороне. Добавим к этому, что спереди она сильно выгнута, а ее концы очень массивные.

Карта 10. Расселение неандертальцев. Они заняли Центральную и Южную Европу, часть Западной Азии и распространились на территории за Каспийским морем: 1 – места обнаружения неандертальцев; 2 – основные места расселения «классических» неандертальцев в первых стадиях (Вюрм I и II) периода последнего оледенения

Что касается других частей скелета, то их признаки, взятые по отдельности, ничем не отличаются от современной разновидности, однако их сочетание у неандертальцев отличается от сочетания у современного человека.

Изменчивость признаков у неандертальцев Европы

Эти общие признаки, более или менее выраженные, встречаются у всех европейских неандертальцев. Индивидуальные различия остаются незначительными, и у каждого скелета находят набор признаков, присущих данной группе. Количество известных находок свидетельствует о большой однородности этой популяции по всей Европе. Это очень редкий и, может быть, уникальный случай, когда один народ остается неизменным с морфологической точки зрения на таком пространстве и в течение столь долгого периода времени, тем более что плотность населения была незначительной и что в этом географическом пространстве существуют трудно преодолимые барьеры, по меньшей мере, в холодное время года. Кажется, что имелись все условия, чтобы привести к изолированному существованию столь малые группы людей, т.е. для того чтобы возникли различия между этими группами. Поскольку таких различий не наблюдается, можно допустить, что генетический обмен между популяциями неандертальцев в Европе был достаточно интенсивным, чтобы компенсировать эти тенденции к разнообразию.

Однако только что сформулированные замечания следует воспринимать с осторожностью. Действительно, изменчивость внутри одной популяции может измеряться лишь с помощью статистических методов, применяемых к достаточно крупным объектам. Мы же, несмотря на большое количество представленных индивидуумов, располагаем малым объемом сведений о каждом признаке: только пятью черепами, имеющими одновременно мозговой и лицевой отделы. Сделав такую оговорку, можно, однако, констатировать, что новые находки изменяют лишь в малой степени или вовсе не изменяют уже известные отклонения признаков, и что эти отклонения почти во всех случаях более узкие, чем у современных народов, живущих на широких географических пространствах. Например, средний рост восьми неандертальцев, причисляемых к мужскому полу, составляет 1,65 м и колеблется от 1,60 до 1,71 м. Эти неандертальцы найдены во Франции, Испании, Бельгии, Германии и бывшем СССР (Heim, 1983).

Такие небольшие различия в росте и в морфологии являются одной из отличительных особенностей неандертальцев.

Распределение неандертальцев по Европе

Чаще всего европейских неандертальцев находили вместе с каменными изделиями, относящимися к культуре мустьерского периода. Некоторые изделия, археологическую среду которых мы не знаем, в большинстве случаев относят к очень древним и случайным находкам, и, вероятно, орудия, которые должны были существовать, не привлекли внимание искателей. Это относится, например, к скелету из долины Неандерталь и к черепу из Гибралтара. Если производство известно, то можно констатировать, что проценты содержания ископаемых остатков человека, относящихся к каждой фации мустьерского периода, весьма отличаются друг от друга. Так, в юго-западной Франции основная часть скелетных остатков происходит из мустьерских уровней шарантского типа, особенно в наиболее важных местонахождениях: Ла-Кина, Ла-Шапель-о-Сен (илл. 13), Ла-Феррасси, Ле-Речурду, Марьяк и т.д. За этим следует типичный мустьерский период, к которому, возможно, следует отнести подростка из пещеры Ле-Мустье и ребенка из Рок-де-Марсаль. Что касается мустьерского периода производства зазубренных орудий и мустьерского периода с ашельскими традициями, то они дали очень мало кост-

ных остатков человека. К первому из этих периодов, вероятно, следует отнести остатки ребенка из Шатоннеф-сюр-Шарант, а ко второму, но с большой долей неуверенности, – череп ребенка из Пеш-де-Лазе. Неравенство в антропологическом представлении различных технологических фаций мустьерской культуры следует, несомненно, увязать с относительно обильным количеством этих фаций; на юго-западе Франции шарантская культура встречается значительно чаще, чем другие виды производств.

Хронологическое распределение также неравномерное. Почти все окаменелости относятся к вюрмскому периоду II; те из них, которые можно отнести к началу периода последнего оледенения, встречаются очень редко. Следует, однако, упомянуть скелет из Регурду (департамент Дордонь, Франция) и то, что часть многочисленных окаменелостей из Крапины (Словения) также соответствует этому периоду. Такое нарушение равновесия в хронологическом распределении ископаемых остатков европейских неандертальцев вызвано, в основном, тем, что отложения вюрмского периода I сохранились хуже, чем отложения вюрмского периода II.

Ископаемые остатки неандертальцев найдены в южной и средней зонах Европы. Неандертальцы мало или совсем не посещали ее северные регионы. К странам, где обитали неандертальцы, относятся Германия, Бельгия, Испания, Франция, Венгрия, Италия, Португалия, о. Джерси (территория Великобритании), Швейцария, Чешская Республика, бывший СССР, бывшая Югославия. На этом обширном пространстве можно выделить зоны с наибольшей плотностью заселения: юго-запад Франции, Моравия, Крым и т.д. Самая большая концентрация находок, несомненно, приходится на юго-запад Франции (департаменты Шаранта и Дордонь). Это карстовые районы, в которых находится очень много пещер и скальных укрытий и которые благоприятствовали сохранению человеческих остатков. Их географическое распределение поэтому не является показателем первоначального распределения неандертальского населения. Однако в некоторых районах количество обнаруженных индивидуумов, связанное с насыщенностью мустьерских слоев, должно отражать большую плотность заселения, которая объясняется благоприятными экологическими и климатическими условиями.

В заключение добавим, что отдельные местонахождения сыграли очень важную роль в изучении неандертальцев либо потому, что в них были найдены почти целые скелеты (Ла-Феррасси, Ла-Шапель-о-Сен и Ла-Кина во Франции) или черепа (Монте-Чирчео, Италия, илл. 16), либо потому, что в них было найдено большое количество особей (Ла-Кина, Крапина в Словении).

Неандертальцы в Западной и Центральной Азии

Неандертальцы были обнаружены также в Западной и в Центральной Азии, где они были тесно связаны с распространением мустьерской традиции. Их присутствие отмечено в Израиле (пещера Табун, Амуд (илл. 17), Кебара), в Ираке (пещера Шанидар) и в Узбекистане (грот Тешик-Таш) (илл. 18), где найдены ископаемые остатки по меньшей мере 17 индивидуумов, шесть из которых представлены важными частями скелета.

Хотя неандертальцы из Западной Азии и их европейские сородичи имеют общую морфологию, первые отличаются целым рядом признаков. У них свод черепа более поднят, его высота соответствует высоте черепа современных людей. Затылочная часть имеет более ровную округлость, менее вытянута, а затылочный валик выступает меньше. Височная часть приближается к височной части современного человека, и если неандертальские черты лица еще видны, то они стали более мягкими по сравнению с общей морфологией населения Европы. Их рост стал значительно выше.

Анализ расхождений, позволяющих сравнить неандертальцев из Европы и из Западной Азии с типичным населением современного вида, показывает, что неандертальцы из Западной Азии занимают промежуточную позицию, более близкую к европейским неандертальцам, чем к современным людям.

Таблица 4. Расчет расхождения форм на базе девяти замеров черепа для сравнения двух неандертальцев из Западной Азии и двух европейских неандертальцев с серией измерений образца из Тафоральга (Марокко), взятого в качестве примера современной морфологии

Тафоральг	0,0
Амуд I	4,2009
Шанидар I	4,7730
Ла-Ферраси I	6,1014
Ла-Шапель-о-Сен	7,3899

Ископаемые остатки из Западной Азии также имеют большую однородность: черепа из Амуда и Шанидара, хотя и были найдены на расстоянии около 1 тыс. км друг от друга, имеют много общих черт. Можно предположить, что в этом регионе проживало население столь же однородное, как и население Европы, и о восточных неандертальцах можно говорить как о биологической общности.

Остается все же объяснить образование этих популяций, а история неандертальской линии, которая дала два ответвления – европейское и западноазиатское, позволяет нам сформулировать гипотезу.

Происхождение неандертальцев – донеандертальцы

Как было показано, можно составить перечень специфических признаков неандертальцев. Эти признаки определяют морфологическую, а возможно и биомеханическую и физиологическую специфику, которая характеризует оригинальность данной ископаемой группы. Мы попытались дать определение этой группы на основании окаменелостей последнего периода оледенения, на которых она и закончилась. Однако это не произошло неожиданно, а явилось завершением длительной эволюции, веки которой отмечают неандертальскую линию.

Признаки этой линии не встречаются, по определению, ни у более древних видов, ни у современных, ни у последующих линий. Для того чтобы воссоздать эту линию, необходимо убедиться, что рассматриваемые признаки не имеются у других групп, и обнаружить самые древние ископаемые остатки, у которых они имеются. Чем дальше ученые уходят вглубь веков, тем больше появляется трудностей, поскольку морфология неандертальцев формировалась постепенно: возникновение признаков шло поэтапно, а вначале они были слабо выражены. Кроме того, в определенную эпоху какой-либо признак мог появиться в одной группе, но не проявиться в другой. Если к этому добавить, что часто окаменелости сохранялись не полностью, то можно было, например, обнаружить затылочную часть черепа без малейших признаков черепа неандертальца, однако исчезнувшая лицевая часть черепа могла принадлежать ему. И в таком случае невозможно составить правильное мнение.

Отдельная линия при своем возникновении, когда она начинает обретать индивидуальные черты, имеет разветвленную структуру: каждое из ответвлений соответствует одной подгруппе, связи которой с внешним миром менее интенсивны, чем связи внутри нее. Она обладает относительной автономией своего развития. И лишь постепенно эти разрозненные признаки перемешиваются между со-

ставляющими частями всего комплекса, и вся группа становится однородной.

Изучение ископаемых остатков довьюрмского периода показывает, что все особи, имевшие неандертальские признаки, до настоящего времени были обнаружены в Европе. За пределами этого континента не обнаружена ни одна окаменелость, о которой можно было бы с уверенностью сказать, что она принадлежит донеандертальцу.

В какой момент появляются первые признаки морфологии неандертальцев? Это трудно утверждать, но в любом случае это произошло до 300 тыс. лет тому назад. Череп из Тотавеля (департамент Восточные Пиренеи, Франция) (илл. 19), который является самым древним, обладает развитой подглазной зоной, в которой видны черты видов вюрмского периода. Череп из Штайнхайма (Германия), возраст которого неясен, но, возможно, он столь же древний, имеет выступы на затылочной части, которые напоминают черты классических неандертальцев. Зато его подглазная зона вогнута и напоминает подглазную зону синантропа. Благодаря двум этим окаменелостям мы получили пример «мозаичной» эволюции: признаки появляются в разрозненном временном порядке и в зависимости от рассматриваемой группы.

Лицевой отдел черепа из Петралоны (Греция), возраст которого, к сожалению, неизвестен, также обладает признаками неандертальского типа. То же самое относится и к затылочной части черепа из Сванскомба (Великобритания) (илл. 20).

Однако эти ископаемые остатки, которые относятся к самым древним находкам, обнаруженным в Европе, сохранили многочисленные архаичные признаки, еще очень близкие к корням, от которых они оторвались. И этими корнями могут быть только архаичные представители вида *человек разумный*. Действительно, если неандертальцы образовывали подвид, то процесс его образования, который выделил их индивидуальные признаки, мог воздействовать лишь на часть самого вида, а не на другой вид. Если основу их ветви составляли представители вида *человек прямоходящий*, то в таком случае их следовало называть *человек прямоходящий неандерталец*.

В Европе нам точно не известны архаичные виды *человека разумного*, однако возможно, что затылочная часть черепа со стоянки Вертешелеш (около Будапешта, Венгрия) является свидетельством этого.

Первый этап, отмеченный появлением неандертальских признаков, закончился приблизительно в начале рисского оледенения (рисса). Иногда трудно идентифицировать относящиеся к нему окаменелости. Этот этап соответствует периоду морфологической нестабильности, отмеченному большим разнообразием форм.

Следующий этап длится от периода среднего рисса до начала вюрмского оледенения. Он соответствует окончательному становлению признаков и общего строения. Все ископаемые остатки уже полностью являются неандертальскими. Этот период начинается с находки затылочной части черепа в Биаш-Сен-Вааст (Франция), которая устанавливает связь между морфологией первых представителей ветви, таких как остатки из Сванскомба (илл. 20), и классическими неандертальцами. За этой находкой последовали находки многочисленных изделий конца периода рисского оледенения в пещере Сюар в Ла-Шез (департамент Шарант, Франция), затылочной части черепа из Зальгиттерлешенштета (Германия). К межледниковому периоду между риссом и вюрмом можно отнести череп, найденный в Эрингсдорфе (Германия), черепа из Саккопасторе (Италия) и многочисленные кости из пещеры Бужуа-Делонэ в Ла-Шез и из пещеры Крапине (Словения). С середины периода рисского оледенения обнаруживается относительно большое количество свидетельств, которые невозможно перечислить здесь полностью.

Итак, историю неандертальцев можно разделить на три периода. Первый период можно отнести ко времени 400–250 тыс. лет тому назад, он соответствует появлению признаков этой линии; второй период длится вплоть до 100 тыс. лет назад, и в течение этого периода признаки группируются и показывают общее строение неандертальцев. Третий период – это период общей стабильности, он закончился примерно 35 тыс. лет тому назад с исчезновением этой линии.

Вероятно, к концу второго периода неандертальцы, которые занимали уже всю Европу, расселились вплоть до Западной Азии. С. Кондеми (*Condemi*, 1985) показал, что западноазиатские неандертальцы более походили на неандертальцев между периодами рисс и вюрм в Европе, чем на неандертальцев периода вюрмского оледенения.

Исчезновение неандертальцев

Долгое время считалось, что неандертальцы исчезли вместе с мустьерской культурой в период последнего оледенения. В Европе, как и в Западной Азии, на смену им пришли люди современного типа (*человек разумный sapiens*). Это исчезновение произошло внезапно, и многие антропологи полагали, что неандертальцы не принесли ничего в развитие современного человечества. Необходимо тщательно пересмотреть эту схему, которая представляла неандертальцев в качестве маргинальной ветви в эволюции человечества.

Находки, сделанные в Западной Азии, выявили одновременность проживания неандертальцев и современных людей в этом регионе в эпоху среднего палеолита (*Vandermeersch*, 1981b), и уже давно говорят о возможности смещения этих двух видов (*Dobzhansky*, 1944; *Thoma*, 1962). Более поздняя находка черепа неандертальца (илл. 21) в Сен-Сезаре (департамент Приморская Шаранта, Франция), в слое Шательперрон, показала, что в Европе, по крайней мере в западной части, отдельные группы неандертальцев пережили окончание мустьерского периода (*Léveque & Vandermeersch*, 1980). Они были современниками первых европейских представителей ориньякской культуры (*человек разумный sapiens*) и, хотя нет доказательств, вероятно, между ними существовали контакты – дружеские или враждебные, но мы этого не знаем.

Не известны также причины (или причина) исчезновения неандертальцев. Ни одна из гипотез, выдвинутых до настоящего времени, не является удовлетворительной. Единственное, что можно сделать, это констатировать следующее:

1) в Западной Азии они исчезли в конце мустьерского периода после долгого «совместного проживания» с видом *человек разумный sapiens*;

2) в Западной Европе они исчезли несколько позднее появления первых представителей ориньякского вида *человек разумный sapiens*.

Очевидно лишь то, что их исчезновение не было таким неожиданным, как считалось еще совсем недавно. Оно было результатом процесса, который длился несколько тысячелетий. Возможно, что отдельные группы были поглощены народами современного типа. Другими словами, их нельзя полностью исключить из числа наших предков; возможно, что они в малой степени участвовали в создании генетического пула современного человечества.

Неандертальцы представляют большой интерес для антропологов по историческим причинам, их количеству и особенностям, однако в свою эпоху они составляли лишь часть населения Древнего Мира. В Азии, Западной Азии и Африке проживали совершенно различные народы, которые, в общем, по своей морфологии были значительно ближе к современному человеку.

СОВРЕМЕННОКИ НЕАНДЕРТАЛЬЦЕВ

Азия

Как свидетельствует череп ребенка, найденный в гроте Тешик-Таш в Узбекистане (илл. 18), неандертальцы достигли Центральной Азии, но там и остановились. Сама Азия была заселена другими народами. Мы их знаем очень плохо, поскольку располагаем слишком малым количеством ископаемых остатков, чтобы проанализировать эволюцию человека в этом необъятном регионе. Одним из самых важных ископаемых остатков является череп, найденный в уезде Дали (Шэньси, Китай) в 1978 г. (илл. 22). Хотя его возраст точно не определен, данные палеонтологии и стратиграфии позволяют предположить, что ему порядка 200 тыс. лет. В эту эпоху в Европе морфология неандертальцев почти полностью сложилась. Череп из Дали абсолютно не соответствует ей. Он небольшого размера и напоминает архаичные формы вида *Homo*, называемого *человек прямоходящий*, однако этот череп более короткий, его свод немного выше, затылочная часть более закруглена, лицевой отдел имеет меньший размер, и скулы менее выступают. Ву Синь-Чжи (*Wu Xin-Zhi*, 1981) отнес его к виду *человек разумный*, но в качестве переходной формы от морфологии *erectus*, такой, как ее демонстрируют остатки синантропа из пещеры Чжоукоудянь, к морфологии *sapiens*. Следовательно, речь идет о региональной эволюции к *человеку разумному*.

Фрагмент черепа (илл. 23), найденный в Маба (провинция Гуандун, Китай) в 1958 г., служит значительной вехой этой эволюции к виду современного человека. Ему около 100 тыс. лет, и он мог бы быть современником типичных неандертальцев. Однако он отличается от них по профилю свода черепа, расположению костей носа, формой глазниц. И, тем не менее, этот череп еще сохранял архаичные черты – развитый надглазничный валик, узкую переднюю часть мозгового отдела черепа, что отделяет его от морфологии современного человека, и, если его предполагаемый возраст подтвердится, мы получим доказательство того, что этот тип морфологии возник в континентальной Азии позднее.

Возможно, что крышки черепа (илл. 24), найденные в Юго-Восточной Азии на р. Соло (Нгандонг, Ява), возраст которых, к сожалению, неизвестен, являются современниками одного из этапов эволюции неандертальской ветви. У них еще сохранилось много признаков яванского вида *человек прямоходящий*, однако в 1943 г. Вайденрайх (*Weidenreich*) привлек внимание к возможности филогенетической связи между населением Нгандонга и современными австралийцами. Позднее Ларнак и Макинтош (*Larnach & Macintosh*, 1974) сравнили 18 признаков ископаемых остатков из Нгандонга с признаками ряда представителей австралийцев, европейцев и азиатов. Из 12 признаков, присутствующих у современных представителей, 9 чаще всего встречаются у австралийцев. Период времени, отделяющий ископаемые формы от современных людей, слишком продолжительный, а возможная связь, объединяющая их, все еще требует подтверждения. Вполне вероятно, что в Юго-Восточной Азии происходила независимая эволюция к виду современного человека.

Параллельно с эволюцией неандертальской ветви в Европе, в Азии происходили две разнородности эволюции, ведущей к современному типу (*Wollpoff, Wu & Thorne*, 1984): одна – в Китае, в ряду Чжоукоудянь–Дали–Маба–монголонды, другая – в Юго-Восточной Азии, в ряду «питекантропы»–Нгандонг–протоавстралоиды.

Западная Азия

Неандертальцы достигли Западной Азии, вероятно, перед началом последнего оледенения или в самом его начале. Там они встретили коренное население, судя по найденному древнему черепу из Галилеи (Израиль). Долгое время

считалось, что этот череп принадлежал индивидууму, являвшемуся в большей или меньшей степени современным европейским неандертальцем периода вюрмского оледенения и по морфологии очень близкого им (*Turville-Petre, 1927; Keith, 1927*). Однако более поздние работы Гизиса и Бар-Йосефа (*Gisis & Bar-Yosef, 1974*) показали, что он более древний. Кроме того, если он и имеет некоторые сходные с неандертальцами архаичные признаки, такие как развитый надглазый валик, то у него отсутствуют другие свойственные им признаки (*Vandermeersch, 1981b*). Выпрямленный лоб и морфология лицевого отдела черепа дают возможность в прямом смысле отнести его к виду *человек разумный sapiens*.

Уровни пещер Кафзех и Схул (Израиль), относящиеся к мустьерскому периоду, дали ископаемые остатки более 20 индивидуумов, некоторые из них представлены полностью сохранившимися черепами. Большинство из них имеют вполне современную морфологию, что дает возможность без колебаний отнести их к виду *человек разумный sapiens*: высокий свод черепа, выпрямленный лоб, закругленная затылочная часть, уменьшенные, а иногда утонченные верхние части скелета, уменьшенный лицевой отдел, выступающий подбородок и т.д. У некоторых индивидуумов сохранились «остаточные» архаичные признаки в затылочной, височной или лобной зонах. Однако эти признаки встречаются очень редко и распределяются среди разных особей.

Сравнительный анализ этих окаменелостей (табл. 5) и особенно окаменелостей из Кафзеха (илл. 25), выявил множество сходных черт с человеком из грота Кро-Маньон (*Vandermeersch, 1981a*). Особенно удивляет прямоугольная и удлиненная форма глазных впадин, орбита которых наклонена вниз и наружу. Их можно считать восточной ветвью европейских кроманьонцев, откуда происходит данное им имя – протокроманьонцы (*Howell, 1957*).

Таблица 5. Расхождение форм на основе девяти метрических признаков, доказывающих близость ископаемых остатков из Схула и Кафзеха к остаткам кроманьонцев и их отдаленность от признаков неандертальцев

Кроманьонцы	Тафоралыг	0
Протокроманьонцы	Кафзех 9	0,9481
	Схул V	1,0066
Кроманьонцы	Пржедмости III	1,3575
Протокроманьонцы	Кафзех 6	1,5120
	Схул IV	2,5503
Неандертальцы	Шанидар I	4,7730
	Ла-Шапель-о-Сен	7,3899

Возможно, протокроманьонцы произошли из этих мест и являлись ответвлением от народа, представленного черепом из Галилеи, хотя у нас нет в этом уверенности. Но каково бы ни было их происхождение, в Западной Азии в эпоху среднего палеолита и одновременно с неандертальцами жил народ, который являлся предшественником протокроманьонцев начала эпохи позднего (ориньякского) палеолита в Европе. Можно предположить, что неандертальцы составили основу протокроманьонцев. В таком случае в самом конце эпохи среднего палеолита и в самом начале эпохи позднего палеолита происходило переселение народов с востока на запад, к северной части побережья Средиземного моря.

Северная Африка

Положение в Северной Африке значительно более ясное. Череп из Салé (Марокко) датируется возрастом 200 тыс. лет (*Jaeger, 1981*) и обычно относится к виду *человек прямоходящий*. В эту эпоху неандертальская линия прочно утвердилась в Европе.

Относящиеся к более позднему периоду черепа из Джебель-Ирхуда (Марокко) были обнаружены вместе с предметами мустьерского периода, и можно предположить, что они являются современниками классических неандертальцев из Европы. Однако они отличаются от европейских неандертальцев и не обладают специфическими признаками этой группы. Им присущи некоторые архаичные черты в сочетании с многочисленными современными признаками: морфологией лица, подбородка, изгиба затылочной зоны и т.д. Для Юблена и Тийе (*Hublin & Tillie, 1981*) это – *человек разумный sapiens*.

Более поздние ископаемые остатки из Темара и Дар-эс-Солтана (Марокко) относятся ко времени 28–22 тыс. лет тому назад и, согласно Ферембаху (*Ferembach, 1976*), они путем местной эволюции могли стать ответвлением мустьерских популяций типа Джебель-Ирхуд. Таким образом, в Северной Африке происходила эволюция человека, совершенно не зависящая от эволюции европейской неандертальской линии, и она шла от поздних представителей вида *человек прямоходящий* (Салé) к людям позднего палеолита (Дар-эс-Солтан), проходя через древних представителей вида *человек разумный sapiens* из Джебель-Ирхуда.

Восточная Африка

За последние годы увеличилось количество находок, которые коренным образом изменили наши представления о древнем населении этого региона. К сожалению, все находки имеют неопределенный возраст.

Череп со стоянки Брокен-Хилл (Замбия) (илл. 26), найденный в 1921 г., долгое время относился к неандертальской линии. Изучение сопровождающих его археологических и палеонтологических свидетельств, возобновленное в свете последних открытий, показало, что эта окаменелость, вероятно, является более древней, чем полагали: возможно, ей больше 130 тыс. лет (*Rightmire, 1984*). Ее морфология имеет многочисленные архаичные признаки – толщина свода черепа, массивность верхних костей, максимальная ширина основания черепа и т.д., которые позволяют отнести ее к виду *человек прямоходящий*. Однако у нее достаточно большой объем мозга, примерно 1280 куб. см, затылочная часть более закруглена, чем у неандертальцев, основание черепа имеет современную форму. Многие авторы полагают, что в действительности речь идет об очень архаичном представителе вида *человек разумный*, еще далеко ушедшем от корня *erectus*, из которого он вышел. С тех пор были найдены многие другие остатки представителей архаичного вида *человек разумный*, например, древний череп со стоянки Нгалоба (Танзания), который подтверждает это мнение.

В формации Кибиш, в долине р. Омо (Эфиопия) были найдены два черепа, возраст которых мог быть 100 тыс. лет. Их объем составлял 1450 куб. см. Череп № 1 (илл. 27) выглядел очень современно, в то время как череп № 2 обладал признаками вида *erectus*, в частности, в затылочной зоне. Несмотря на эти различия, они трактуются одинаково и могли бы соответствовать африканскому подвиду *человек разумный*.

Ископаемые остатки из Восточной Африки предполагают местную эволюцию, возможно, запоздалую, от морфологии вида *erectus* к морфологии типа *sapiens*. Эта трансформация могла произойти быстро, и, если подтвердится возраст объектов из Омо, череп № 1 можно будет считать одним из первых черепов современного типа.

Южная Африка

Проблемы с хронологией возникают в отношении ископаемых остатков, относящихся к концу среднего плейстоцена и началу позднего плейстоцена в этом регионе.

Черепная крышка из Флорисбада, случайно обнаруженная в 1932 г., датируется возрастом более 40 тыс. лет, однако ее точный возраст неизвестен. Череп имеет множество архаичных признаков (толщина стенок, сильный надглазничный выступ), которые приближают его к черепу из Брокен-Хилл. Однако отсутствие выступов, форма скулы, ширина лба являются признаками современного черепа. Хауэлл (*Howell*, 1978) присоединил этот череп к черепам из Омо, относящимся к подвиду *человек разумный*.

Другие ископаемые остатки из Южной Африки, найденные на стоянках Бордер-Кейв в провинции Натал, и Класис-Ривер-Маус недалеко от мыса Доброй Надежды, имеют вполне современные черты, древность их предположительно более 60 тыс. лет. Следовательно, при условии проведения точных датировок можно предположить, что современная морфология в этом регионе в основных чертах сформировалась очень давно.

В Африке южнее Сахары обнаружены остатки вида *человек прямоходящий*, существовавшего позднее того периода, когда в Европе сформировалась неандертальская линия. Впоследствии представители этого вида прошли путь быстрой эволюции, а хронологические указатели, которыми мы располагаем, свидетельствуют о древнем возрасте современной морфологии в этих регионах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из этого краткого представления неандертальской ветви и ископаемых остатков, которые были ее современниками в других регионах, можно сделать несколько выводов.

1. Несомненно, неандертальцы были наиболее известной человеческой ветвью в период, соответствующий окончанию среднего плейстоцена и началу позднего плейстоцена как по количеству найденных окаменелостей, так и по накопленным нами хронологическим данным, даже если эти данные еще далеко не достаточны.

2. Эволюция неандертальцев выразилась в виде специализации, которая настолько глубоко изменила первоначальное население, что самые поздние окаменелости этой линии с морфологической точки зрения более удалены от современного человека, чем ее первые представители.

3. В других регионах Древнего Мира современные формы появились до исчезновения неандертальцев: более 50 тыс. лет назад в Западной Азии, возможно, более 100 тыс. лет назад в Африке южнее Сахары.

4. Заселение Европы в эпоху позднего палеолита в основном явилось результатом миграций, вероятно, вызвавших исчезновение линии неандертальцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Как отметила П. Вилла (см. главу 4), переход от периода *человек прямоходящий* к периоду первых *sapiens* (будь то неандертальцы из Европы и Западной Азии или другие *sapiens* из других регионов) четко очерчен как с точки зрения археологии, так и с точки зрения антропологии или геологии. Многие археологи объединяют с эпохой нижнего палеолита весь комплекс ашельской культуры, включая комплекс производств, которые относятся к заключительному ашельскому периоду. Другие, напротив, полагают, что именно изобретение технологии расщепления камней по методу Леваллуа отметило начало эпохи среднего палеолита. Антропологи испытывают трудности, когда пытаются определить, принадлежит ли ископаемый череп к развитому виду *человек прямоходящий* или уже относится к неандертальцу. И, наконец, с геологической точки зрения многие специалисты относят переход между двумя периодами ко второй половине среднего плейстоце-

на или к началу предпоследнего периода оледенения, а другие – переносят эту границу к середине или даже к концу периода оледенения. Все – археологи, антропологи, геологи всех направлений выдвигают веские доводы в защиту собственных теорий. Очевидно, что настоящий труд не является местом для обсуждения этих различных точек зрения. Каждый автор мог свободно выразить собственное мнение, и читатель, без сомнения, отметит некоторые противоречия и повторы в главах, повествующих об окончании периода *человек прямоходящий* и о начале периода первых *pre-sapiens*.

БИБЛИОГРАФИЯ

- CONDEMI, S. 1985. Les Hommes fossiles de Saccopastore (Italic) et leurs relations phylogénétiques. Bordeaux. (Thesis, Université de Bordeaux I.)
- DOBZHANSKY, J. 1944. On Species and Races of Living and Fossil Man. Am. J. Anthropol. (Boston), Vol. 2, pp. 251–6.
- FEREMBACH, D. 1976. Les Restes humains de la grotte de Dar-es-Soltane 2 (Maroc) campagne 1975. Bull. Mém. Soc. Anthropol. (Paris), Ser. 13, Vol. 3, pp. 183–93.
- GISIS, I.; BAR-YOSEF, O. 1974. New Excavations in Zuttiyeh Cave. Paléorient, Vol. 2, pp. 175–80.
- HEIM, J.-L. 1983. Les Variations du squelette post-crânien des hommes de Neandertal suivant le sexe. Anthropologie (Paris), Vol. 87, No. 1, pp. 5–26.
- HOWELL, F. C. 1957. The Evolutionary Significance of Variation Varieties of 'Neanderthal' Man. Quart. Rev. Biol. (Baltimore), Vol. 32, No. 4, pp. 330–47.
- 1978. Hominidae. In: MAGLIO, V. J.; COOKE, H. B. S. (eds), Evolution of African Mammals. Cambridge, Mass. pp. 154–248.
- HUBLIN, J.-J.; TILLIER, A.-M. 1981. The Mousterian Juvenile Mandible from Irhoud (Morocco): A Phylogenetic Interpretation. In: STRINGER, C. B.; TAYLOR, E.; FRANCIS, L. (eds), Aspects of Human Evolution. London, pp. 167–85.
- JAEGER, J.-J. 1981. Les Hommes fossiles du Pléistocène moyen du Maghreb dans leur cadre géologique, chronologique, et paléocéologique. In: SIGMON, B. A.; CYBULSKI, J. S. (eds), Homo erectus: Papers in Honor of Davidson Black. Toronto, pp. 158–87.
- KEITH, A. 1927. A Report on the Galilee Skull. London, British School of Archaeology in Jerusalem.
- LARNACH, S. L.; MACINTOSH, N. W. G. 1974. A Comparative Study of Solo and Australian Aboriginal Crania. In: ELKIN, A. P.; MACINTOSH, N. W. G. (eds), Grafton Elliot Smith: The Man and his Work. Sydney, pp. 95–102.
- LÈVÊQUE, F.; VANDERMEERSCH, B. 1980. Découverte de restes humains dans un niveau castelperronien à Saint-Césaire (Charente-Maritime). C. R. Acad. Sci. (Paris), Ser. D, Vol. 291, pp. 187–9.
- RIGHTMIRE, G. P. 1984. *Homo sapiens* in Sub-Saharan Africa. In: SMITH, F. H.; SPENCER, F. (eds), The Origins of Modern Man. New York, pp. 295–325.
- THOMA, A. 1962. Le Déploiement évolutif de l'*Homo sapiens*. Anthropol. Hung. (Budapest), Vol. 5, No. 1/2.
- TRINKAUS, E. 1976. The Morphology of the European and Southwest Asian Neanderthal Pubic Bones. Am. J. Phys. Anthropol. (New York), Vol. 44, pp. 95–104.
- TURVILLE-PETRE, F. A. J. 1927. Researches in Prehistoric Galilee (1925–1926). London, British School of Archaeology in Jerusalem.
- VANDERMEERSCH, B. 1981a. Les Hommes fossiles de Qafzeh (Israël). Paris, CNRS.
- 1981b. Les Premiers *Homo sapiens* au Proche-Orient. In: FEREMBACH, D. (ed.), Les Processus de l'hominisation. Paris, pp. 97–100. (Colloques Internationaux du CNRS, 599.)
- WOLPOFF, M. H.; WU, X.; THORNE, A. L. 1984. Modern *Homo sapiens* Origins: A General Theory of Hominid Evolution Involving the Fossil Evidence from East Asia. In: SMITH, F. M.; SPENCER, F. (eds), The Origins of Modern Humans. New York, pp. 411–83.
- WU XIN ZHI. 1981. A Well Preserved Cranium of an Archaic Type of Early *Homo sapiens* from Dali, China. Sci. Sin. (Beijing), Vol. 24, No. 4, pp. 530–41.

АРХЕОЛОГИЯ:

общий обзор

Карел Валох

ЭКОЛОГИЯ

Популяции палеоантропов (людей периода палеолита) заселяли почти весь Древний Мир в течение 150–200 тыс. лет. В это время произошли многочисленные климатические изменения, которые отразились на поведении человека. С точки зрения геохронологии этот период соответствует периоду предпоследнего оледенения (называемому также рисским, заальским, волстонским, днепровским, московским), последнему межледниковому периоду (РК III, Riss/Würm, Eem, Ipswichien, Mikulino) и первой половине периода последнего оледенения (вюрмское, вайхзельское, дэвенское, валдайское оледенение). Сами отрезки времени с очень холодным климатом не были постоянно суровыми и чередовались с периодами более теплого климата. Более того, период предпоследнего оледенения включает в себя период интенсивного потепления (РК IV, Treene, Kdrlisch, Odincovo). В течение первой половины периода последнего оледенения были три или четыре промежутка с более теплым климатом; после последнего из них, самого интенсивного, наступила следующая стадия с очень холодным климатом.

Во время периодов оледенения высокогорные ледники расширялись и спускались на более низкие высоты. Кроме того, толщина скандинавского ледника увеличилась на несколько сотен метров, и он покрыл большую часть Европы к востоку от Рейна. В период заальского оледенения ледник достиг Магдебурга (Германия), истоков Одера в Моравии (Чешская Республика) и района Москвы. Во время вайхзельского оледенения ледник достиг Берлина и Северной Польши. Это расширение площади ледников отмечено также и в Северной Азии. Зато в промежутках с более теплым климатом ледники отступали на Север и оставались только на вершинах гор.

Вследствие изменяющихся экологических условий в Центральной и Восточной Европе расселение людей ограничивалось южной частью Западной Европы и южными районами Северной Азии. В средиземноморской части Европы и в других субтропических и тропических районах изменения климата проявлялись в чередовании влажных (дождливых) и засушливых (междождевых) периодов.

Территория, занимаемая палеоантропами, была значительно больше, чем территория, занимаемая видом *человек прямоходящий*. В тропической зоне, помимо саванны и степи, они жили в диких лесах и в долинах полноводных и пересыхающих рек. На высокогорье они проживали в пещерах Альп и Кавказа, занимая территорию вплоть до высоты 2 тыс. м, а также на высокогорных плато Памира. На

севере Урала люди почти достигли Арктического пояса. Расширение занимаемых территорий происходило в благоприятные периоды: в периоды дождей – для заселения засушливых регионов, в периоды оледенения – для заселения островов (понижение уровня морей), в периоды с умеренным климатом – для заселения гор (отступление ледников). Таким образом, люди проявили свои большие способности адаптироваться к самым различным природным условиям.

Впервые люди поселились в зонах с умеренным климатом в Европе и в Северной Азии. Придя из средиземноморской и субтропической зоны в период первого оледенения (Mindel, Elster, Anglien, Ока), *человек прямоходящий* проник туда лишь в промежутки с умеренным климатом межледниковых периодов.

Во время периодов оледенения окружающая среда представляла собой степи и тундру с вечной мерзлотой. Климатические изменения отражались на растительности и на фауне. Леса межледниковых периодов сменились поросшей травой, степью, лесостепью и даже арктической тундрой. Теплолюбивая фауна (слоны, носороги, оленевые, полорогие и различные хищники) чередовалась со степной фауной (лошади, различные грызуны) и с арктической фауной (особенно мамонты, шерстистые носороги, северные олени, россомахи и т. д.).

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

В доисторическое время период палеоантропов приходился на эпоху среднего палеолита, который можно подразделить на три фазы:

- 1 – ранняя фаза периода предпоследнего оледенения (от 250/200 до 120 тыс. лет тому назад);
- 2 – средняя фаза последнего межледникового периода (от 120 до 100 тыс. лет тому назад);
- 3 – поздняя фаза первой половины периода последнего оледенения (от 100 до 40 тыс. лет тому назад).

Материальная культура эпохи среднего палеолита отличается от материальной культуры нижнего палеолита большим разнообразием и региональными разновидностями. В эту эпоху начинается формирование первых культурных традиций, основанных на типах орудий, которые в своем большинстве были уже общеупотребительными. В эпоху среднего палеолита наблюдается эволюция внутри различных культурных групп. Эти сведения основываются

исключительно на каменных орудиях, которые составляют подавляющее большинство всех археологических материалов. Самой характерной чертой эпохи среднего палеолита является преобладание орудий из сколов вместо двусторонних орудий и орудий из обработанной гальки, которые доминировали в эпоху нижнего палеолита. Но даже по этому вопросу на трех континентах существуют большие региональные различия.

Одним из технических признаков, отличающих производство эпохи среднего палеолита от предшествующих, является преобладание технологии Леваллуа, т.е. изготовление сколов из подготовленных нуклеусов. Термин «отбивание по методу Леваллуа» происходит от названия коммуны Леваллуа-Перре (департамент О-де-Сен) под Парижем, где впервые были обнаружены сколы подобного типа. Эта технология была распространена в Европе, в Африке и в некоторых регионах Азии. Она требовала большого количества сырья хорошего качества. Искусство состояло в том, что путем специальной подготовки нуклеуса можно было определить форму скола. Прежде чем изготовить подобный предмет, необходимо было отбить несколько дюжин сколов, которые чаще всего в качестве орудий не применялись.

Нуклеус Леваллуа имеет форму диска или овальную форму, чаще всего приплюснутую. Его верхняя плоскость образуется путем ударов по направлению к центру и в общих чертах напоминает спину черепахи и ее панцирь. Нижняя плоскость иногда заранее подготавливается. На конце нуклеуса находится ударная плоскость, которая обычно подготавливалась с помощью небольших граней. У плоских сколов Леваллуа, имеющих овальную или удлиненную форму, чаще всего был граненый торец, и на их верхней плоскости виднелись следы ударов по направлению к центру. Наконечник Леваллуа, имеющий форму треугольника и на своей верхней плоскости выступы в виде перевернутой буквы Y, является особым типом оружия. Он требует специальной подготовки нуклеуса (Bordes, 1950a, pp. 21–22). На поздней стадии эпохи среднего палеолита дискообразные и овальные нуклеусы были заменены призматическими нуклеусами, которые давали возможность отбивать пластины и узкие наконечники.

В Европе и на других континентах наряду с технологией Леваллуа находят следы так называемой мустьерской технологии (по названию пещеры Ле-Мустье в департаменте Дордонь, Франция). Нуклеусы также имеют дискообразную или сферическую форму и оббиваются с двух или нескольких сторон. Их менее тщательная подготовка не давала возможности предопределить форму скола. Иногда с помощью ручного рубила или каменной наковальни сколы получали из неподготовленных каменных желваков, и тогда у них получался гладкий или корковый торец.

В зависимости от регионов существует большое разнообразие в комплексах орудий, в производствах, которые дают возможность установить археологические культуры. Производства Европы и восточного Средиземноморья характеризуются самым большим разнообразием типов орудий. К этим производствам можно присоединить очень близкие им производства Центральной Азии, в то время как культуры Магриба, Восточной Африки и особенно Африки к югу от Сахары, полуострова Индостан, Восточной и Юго-Восточной Азии имели свою специфику развития.

В Европе в течение всей эпохи среднего палеолита существовали две технологические традиции. Первая, произошедшая от нижнего палеолита в Африке, использовала двустороннее оббивание. Глыба исходного материала (в течение более поздних фаз это были массивные сколы) обрабатывалась с двух сторон до получения требуемой формы: копьевидной, овальной, треугольной, яйцевидной, сердцевидной. У самых древних двусторонних орудий режущая кромка была извилистой. Затем она стала прямой и

заточенной. На ранней стадии часть орудия, служащая для его удержания в руке, была массивной и необработанной. Позднее ее продольный профиль приобрел правильную форму линзы. По своей прекрасной отделке и симметричной форме двусторонние орудия являются одними из лучших каменных орудий эпохи палеолита. Топорик представляет собой особый тип двустороннего орудия, дальний незаостренный край которого образует более или менее острую продольную режущую кромку (Bordes, 1961). Если двусторонние орудия и являются характерными и отличительными орудиями эпохи, то они представляют лишь небольшую часть из общего количества орудий. Все еще преобладают орудия из сколов. Ашельское и микокское производства принадлежат к этой традиции.

Ко второй технологической традиции относятся только орудия из сколов, из которых основными были различные скребки, наконечники, орудия с насечками и с зубринами. «Скребок» называют скол, одна или несколько граней которого сильно обработаны. По месту нанесения отделки и по форме различают различные типы орудий: скребок простой, двойной, вогнутый, выпуклый, сходящийся, поперечный. Наконечники имеют треугольную и почти треугольную форму, иногда ромбовидную с заостренными концами, полученными в результате значительной отделки. Насечки на краях получаются путем множественной отделки. Их глубина и ширина различны. Иногда они очень маленькие. На одной или на нескольких смежных гранях орудий с зубринами имеется серия прилегающих или почти прилегающих насечек (Bordes, 1961). Существовавшие в Европе, в восточном Средиземноморье, на Кавказе и в Центральной Азии производства, следовавшие этой технологической традиции, можно объединить в комплекс мустьерской культуры. Метод Леваллуа появился в ашельской культуре и в некоторых производствах комплекса мустьерской культуры.

По-видимому, типологический состав орудий изменялся в зависимости от традиций народов. Это могло бы означать, что группы орудий соответствовали этническим группам, которые их изготовили. Согласно этой интерпретации можно было предложить классификацию культурных групп эпохи палеолита на основе типологических и технических категорий орудий.

В начале 50-х гг. для эпохи среднего палеолита был составлен перечень из 63 типов орудий с точными техническими и морфологическими определениями, а также разработан статистический метод, позволяющий цифровым и графическим способом отобразить данные, полученные для проведения классификации орудий каждого комплекса и для сравнения полученных результатов. Это дало возможность создать схему культурных фаций мустьерского комплекса и комплекса двусторонних орудий, а также определить их технические и типологические характеристики (Bordes, 1950a,b, 1953a,b, 1954, 1961). Типовые списки и статистический метод, составленные на основании французских производств, постепенно стали применяться во всей Европе, в Леванте и в Центральной Азии и, несомненно, внесли свой вклад в углубленное познание эпохи среднего палеолита.

Против такой культурологической интерпретации различий в производствах каменных орудий были высказаны мнения, согласно которым любые орудия создавались для определенных целей. Следовательно, орудия, предназначенные для жилищ, обязательно отличались от орудий, предназначенных для производственных мастерских, или от орудий, предназначенных для временных стоянок охотников (Binford & Binford, 1966). Однако многочисленные находки археологов свидетельствуют о том, что решающую роль в типологическом и техническом составе производства каменных орудий играют культурные традиции (Bordes & Sonneville-Bordes, 1970; Mellars, 1970; Oliva, 1983). Мастерские, расположенные рядом с месторождениями

сырьевых ресурсов, в которых обычно имеется большое количество нуклеусов и неотделанных полуфабрикатов, но редко можно встретить готовые орудия, представляют особый случай.

В Африке ашельская культура, которая характеризовалась производством полностью обработанных двусторонних орудий, развивалась в течение начальной и средней стадии эпохи среднего палеолита. На последней стадии на севере континента (район Средиземноморья, включая Сахару, Эфиопию и Сомали) и в районе южнее Сахары наблюдался совершенно иной путь развития.

В тот период в Северной Африке возникло производство орудий из сколов по технологии Леваллуа (ашельско-леваллуазское) с небольшим вкраплением двусторонних орудий. Существовавшее в Магрибе производство орудий из сколов (атьерская культура), совершенно отличное от технологии Леваллуа, характеризовалось наличием многочисленных орудий на ножке (в частности, наконечники, имеющие шейку). Атьерская культура продолжалась почти без изменений за пределами эпохи среднего палеолита до периода 20 тыс. лет тому назад и пришла на смену ранней и средней стадии верхнего палеолита в Европе. Она встречается в отдельных случаях к западу от долины Нила, в Египте и в Судане. В Эфиопии и в Сомали леваллуазская культура без двусторонних орудий очень близка к ашельско-леваллуазской культуре (Clark, 1972). В долине Нила традиционная технология Леваллуа продержалась вплоть до производств эпохи верхнего палеолита (хормузийского, халфийского, от 22 до 17 тыс. лет тому назад) и самого позднего палеолита (себийская, от 15 до 11 тыс. лет тому назад) (Wendorf, 1968). В Эфиопии и Южной Африке эта техническая традиция производства двусторонних орудий (Stillbay, Pietersburg) дожила до эпохи верхнего палеолита (от 40 до 20 тыс. лет тому назад) (Wendorf & Schild, 1974).

В Африке к югу от Сахары период ашельской культуры продлился очень долго; к нему относятся двусторонние орудия, топорики, многочисленные архаичные орудия из сколов и обработанной гальки (колуны и резаки). На рубеже 60 тыс. лет тому назад в саванне и в девственных тропических лесах из ашельской культуры возникла новая культура, сангонская. Кроме двусторонних орудий и топориков, к ней относятся топоры, и в ней не применялся метод Леваллуа. В лесах Центральной и Западной Африки в эпоху верхнего палеолита сангонская культура развивалась в направлении тех производств (читолийского, лупембийского), в которых двусторонние орудия понемногу заменялись листовидными наконечниками и в которых производилось все больше и больше топоров (Clark, 1970).

На обширном Азиатском континенте эволюция эпохи среднего палеолита еще более разнообразная. В Западной Азии на ранней стадии среднего палеолита самая значительная ашельская культура представлена двумя направлениями: одно, распространенное на побережье, включает в себя большое количество элементов Леваллуа (нуклеусы, сколы, наконечники), другое, распространенное в глубине континента, включает в себя небольшое количество элементов Леваллуа. На средней стадии ашельская культура распространяется в Египте и в Анатолии.

Примерно 150 тыс. лет тому назад в Леванте возникло первое (ябрудийское) производство, в котором не производились двусторонние орудия и не применялся метод Леваллуа. Искривленные поперечные скребки с отделкой типичны для этого производства. Позднее производство сколов по методу Леваллуа (леваллуазско-мустьерское) без изготовления двусторонних орудий распространилось по всей Западной Азии. Кроме того, в пещерах горной гряды Загроса (северный Ирак) обнаружены отложения с содержанием небольшого количества элементов Леваллуа, которые напоминают мустьерскую культуру в Европе.

На Севере ашельская культура распространилась вплоть до пещер Большого Кавказа, и на поздней стадии

ее заменил комплекс мустьерской культуры. Он состоял по меньшей мере из трех фаций, различных по своей топологии: типичной мустьерской, шарангтийской, мустьерской с производством зубчатых орудий. Иногда даже появлялись двусторонние наконечники с отделкой (*Ljubin*, 1984). Многочисленные типологические фации можно также наблюдать в комплексах мустьерской культуры в Центральной Азии и в Казахстане, где встретились влияния культур Западной Азии и полуострова Индостан (обработанная галька соанийского типа) (*Ранов и Несмеянов*, 1973).

С начала эпохи нижнего палеолита ашельская культура распространилась в Индии и, как и в Африке, продолжалась в течение почти всей эпохи среднего палеолита. И лишь немногим более 40 тыс. лет тому назад в Индии появились производства орудий из сколов, которые смутно напоминали производства периода мустьерской культуры в Европе. Параллельно со сколами применялись небольшие двусторонние орудия, топорики и колуны (*Sankalia*, 1974). В обширных регионах – на севере Пакистана и Индии, на юге Ирака, в Мьянме (бывшей Бирме) – в течение эпохи среднего палеолита почти без изменений существуют производства орудий из обработанной гальки, возникшие в эпоху нижнего палеолита и производящие колуны, резаки и топорики.

На Яве предметы сангиранской культуры, вероятно, изготовленные руками человека из Нгандонга, соответствуют производствам эпохи среднего палеолита (*Sartono*, 1980). В Китае можно отнести к эпохе среднего палеолита производство орудий из сколов, которые, очевидно, связаны с местной эпохой нижнего палеолита. К ним относятся скребки с хорошей отделкой, дискообразные нуклеусы, колуны, а иногда даже двусторонние наконечники с отделкой. Многие из этих производств были обнаружены с привязкой к человеку (*Atlas*, 1980).

Первые следы людей на японском о. Хонсю, обнаруженные в ходе многочисленных раскопок к северу от Токио, восходят к периоду 120 тыс. лет назад. Рядом со скребками и наконечниками вначале появляется обработанная галька, затем двусторонние орудия или двусторонние наконечники. Эти производства непрерывно эволюционируют вплоть до эпохи верхнего палеолита (*Ikawa-Smith*, 1978).

Если рассматривать общую эволюцию эпохи среднего палеолита, то можно выделить несколько фундаментальных направлений, связанных, вероятно, с различным окружением. Первое направление представлено азиатскими производствами орудий из обработанной гальки (соанийское, аниатийское, тампанийское, ладиджинское и т.д.), которые в ряде мест просуществовали без изменений с эпохи нижнего палеолита до последующих эпох (например, хоабиньская культура просуществовала в Таиланде до начала эпохи неолита)¹. Такая ситуация объясняется отчасти результатом адаптации к тропической окружающей среде. Древние традиции изготовления орудий из обработанной гальки встречаются в эпоху среднего палеолита в Южной Сибири, в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, где они оказали влияние на эпоху верхнего палеолита (Монголия). В других регионах – в Китае, на Яве – производства орудий из гальки постепенно эволюционируют в производства орудий из сколов.

Второй комплекс состоит из производств двусторонних орудий периода ашельской культуры и ее производных: эпоха среднего палеолита в Африке, Индии, Центральной Азии, частях Западной Европы и на Кавказе. В тропических лесах к югу от Сахары двусторонние орудия и топорики ашельского периода эволюционируют в топоры и наконечники, которые еще встречаются в конце периода плейстоцена. В обоих случаях речь идет лишь о расширении типологической базы эпохи нижнего палеолита, поскольку новые виды появлялись редко.

Производства орудий из сколов по методу Леваллуа составляют третье направление. В Европе, в районе восточного Средиземноморья, на Кавказе и в Центральной Азии возникают новые культурные группы, имеющие мало общего с эпохой нижнего палеолита, который предшествовал их появлению.

Они характеризуются большим разнообразием типов орудий и созданием фаций, распространяющихся по определенным районам.

В конце эпохи среднего палеолита и в течение переходного периода к эпохе верхнего палеолита (эпоха *человека разумного*) в регионах происходили большие перемены. Некоторые из них, сохранявшие признаки эпохи среднего палеолита (метод оббивания Леваллуа) или даже эпохи нижнего палеолита (обработанная галька), уже упоминались.

В других, напротив, появляются технические и типологические признаки эпохи верхнего палеолита, что очень интересно. Их немного, и они сконцентрированы в Европе, в районе восточного Средиземноморья и в Южной Африке.

В начале поздней стадии эпохи среднего палеолита, возможно, 80 тыс. лет назад или более того, появились производства, которые с технической и типологической точки зрения относятся к эпохе верхнего палеолита, но которые, несомненно, датируются эпохой среднего палеолита. До настоящего времени следы этих производств были обнаружены в трех местонахождениях, в достаточной степени удаленных друг от друга, они различаются между собой отдельными типами орудий. Это преориньякская культура (укрытие I в Ябруде, Сирия), амудийская культура (укрытие Зумоффен в Ливане) и преориньякская культура в Ливийской Арабской Джамахирии (пещера Хауа-Фтэх на Киренаике) (Rust, 1950; Copeland, 1975; McBurney, 1967). Недавно в Северной Европе были обнаружены мустьерские производства ламинарной фации, которые по своей типологии и технологии похожи на производства эпохи верхнего палеолита. Отдельная находка в Ховизонс Поорте (в Южной Африке) производства, по внешнему виду относящегося к эпохе верхнего палеолита, датируется той же эпохой (Clark, 1982). К сожалению, ни в одном из этих месторождений не было выявлено ископаемых остатков человека. Следовательно, мы не знаем, к какому типу людей можно отнести этих предшественников эпохи верхнего палеолита, и остается неизвестной их судьба на завершающей стадии эпохи среднего палеолита.

В некоторых случаях можно наблюдать прогрессирующий переход от производства эпохи среднего палеолита к производству эпохи верхнего палеолита, а иногда и сохранение традиций эпохи среднего палеолита в новой культурной среде. В настоящее время подобные явления известны лишь в Европе и в Леванте.

На юго-западе Франции, возможно, существует прямая генетическая связь между фацией мустьерского периода с ашельскими традициями (МТА В) и шательперронской культурой (перигор I) (Bordes, 1958). Однако очень необычной явилась находка в шательперронском слое в Сен-Сезере скелета типичного неандертальца (илл. 15) (Lévêque & Vandermeersch, 1981). В Центральной Европе микокская культура (по названию раннепалеолитической стоянки Ла-Микок, департамент Дордонь, Франция) была самой значительной культурой поздней стадии эпохи среднего палеолита. В ней не применялась технология Леваллуа и к ней относится множество небольших двусторонних орудий. На ее завершающей стадии производились листовидные наконечники, которые прошли путь развития от двусторонних орудий. Из того, что известно сегодня, можно сделать предположение, что селетская культура начала эпохи верхнего палеолита в восточной части Центральной Европы возникла в результате соприкосновения неандертальцев периода микокской культуры и современных

sapiens периода ориньякской культуры. Действительно, наряду с элементами микокской культуры (листовидные наконечники, скребки) селетская культура содержит элементы ориньякской культуры. В этом регионе листовидные наконечники просуществовали до средней фазы эпохи верхнего палеолита (Павловский период) и дали возможность сделать предположение, что селетская культура является одним из корней павловской культуры.

В Леванте прогрессирующий переход от леваллуазско-мустьерской культуры к эпохе верхнего палеолита можно наблюдать в двух типологических фациях, которые немного отличаются одна от другой, но в обеих применялся метод Леваллуа. Эта технология была продолжена в производствах орудий в эпоху верхнего палеолита. Речь идет об укрытии Ксар-Акил в Ливане и об открытом поселении Бокер-Таштит в пустыне Негев в Израиле. В укрытии Ксар-Акил в производственной зоне была найдена челюстная кость неандертальского типа, а датировка по методу радиоактивного углерода относит поселение Бокер-Таштит к периоду между 45 и 43 тыс. лет назад (Copeland, 1975; Marks & Kaufman, 1983). Интересно отметить, что в Брно-Богунице (Чешская Республика) было обнаружено производство, которое по своим типологическим и техническим признакам похоже на производство Бокер-Таштит и которое также датируется периодом между 43 и 40 тыс. лет назад (Valoch, 1976). Однако в то время как производство Бокер-Таштит плавно вписывается в леваллуазско-мустьерскую культуру, сами леваллуазские производства редко встречаются в Центральной Европе в течение эпохи среднего палеолита.

Основываясь на датировке поселений Европы и Леванта, которые составляют большинство, можно констатировать, что эпоха среднего палеолита не заканчивается повсюду одновременно. Датировки, проведенные во Франции и в Испании с помощью радиоактивного углерода, определяют возраст типичной мустьерской культуры в 35 тыс. лет, в то время как самые древние производства эпохи верхнего палеолита датируются возрастом менее 35 тыс. лет. В Центральной Европе и в Леванте переход между двумя периодами приходится на период 40 тыс. лет. На юго-востоке и в центре Европы ориньякская культура, первая культура с технологией именно эпохи верхнего палеолита, появилась более 40 тыс. лет назад; пещера Башо-Киро в Болгарии – около 43 тыс. лет назад (Kozlowski et al., 1982), пещера Исталлоско в Венгрии – около 44 тыс. лет назад (Gábori-Csánk, 1970), открытое поселение Ведровице II в Чешской Республике по своему стратиграфическому положению относится к тому же периоду (Valoch et al., 1985). Производства эпохи среднего палеолита, которые дали жизнь ориньякской культуре, еще недостаточно изучены.

Этот краткий обзор эволюции эпохи среднего палеолита основан лишь на производстве каменных орудий, по которым имеются значительные свидетельства. Без сомнения, это не единственные составляющие материальной культуры палеоантропов. Однако орудия из кости и оленьих рогов встречаются очень редко и являются не очень типичными. Дубины из оленьих рогов появляются в нескольких местах в разные периоды. Сколы от костей или от ребер (Лебенштетт, Германия) часто заострены, толстые сколы отделяются так же, как и каменные орудия. В основном речь идет об орудиях из обработанной кости, которые применялись лишь изредка. В эпоху среднего палеолита типы орудий еще не выделялись. Так называемые орудия из кости, найденные в альпийских пещерах Швейцарии, Германии и Австрии, данные о которых опубликованы недавно, рассматриваются сегодня как результат механического процесса, который происходил в пещерах, населенных медведями. В любом случае они никаким образом не были делом человеческих рук (Feustel, 1969).

Возможно, существовало множество оружия и орудий из дерева, но они практически не сохранились. Следует предположить, что для сбора пищи, для выкапывания луковиц, корней или для охоты на мелких животных применялись палки с заостренными концами. Для переноски собранной пищи были нужны мешки или сосуды из кожи, может быть, даже из коры. Древесина оказалась очень удобным природным сырьем, поскольку она требовала лишь незначительной обработки. Так, в производстве ашельского типа в Каламбо-Фоллс в Зимбабве была обнаружена деревянная дубина. Во Флорисбаде (Южная Африка) среди каменных орудий эпохи среднего каменного века и ископаемых остатков человека была обнаружена деревянная палка, вероятно, служившая метательным оружием. Лучшим образцом деревянного копья служит рогатина из тиса длиной 2,5 м, конец которой был обожжен. Это оружие (рис. 9) было обнаружено в Лерингене (Германия) вместе с ископаемыми остатками *elephas antiquus* и несколькими сколами по методу Леваллуа. С таким копьем можно было охотиться на толстокожего животного, если предположить, что охотник достаточно близко подходил к нему, чтобы вонзить оружие в живот.

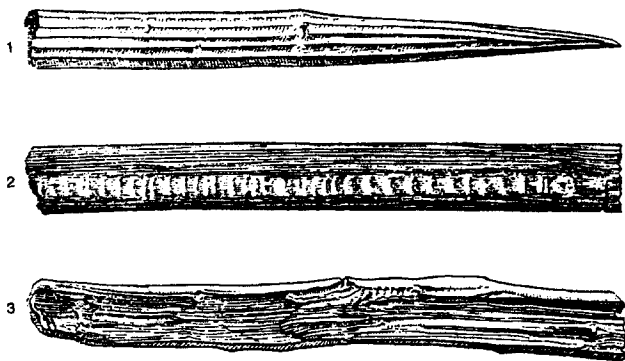

Рис. 9. Рогатина из тисового дерева из Лерингена (Германия) (по Jacob-Friesen, в работе Bosinski, 1985)

ОБРАЗ ЖИЗНИ

Как и человек *прямоходящий*, палеоантропы жили за счет охоты и сбора плодов. Коллективная охота и, возможно, имевшаяся у них деревянное оружие (копья и дротики) позволяли им преследовать стада крупных травоядных и толстокожих животных. В то время добыча мяса была регулярной. Сбор съедобных растений и ловля мелких животных составляли основную часть добываемой пищи. В эпоху самого большого распространения пещерных медведей, в первую половину вюрмского оледенения, неандертальцы, и особенно те из них, которые проживали в пещерах Альп и Кавказа, охотились даже на этих опасных всеядных животных. На поздней стадии наблюдалась некоторая специализация охоты на различных травоядных животных, что, по-видимому, было связано с особенностями окружающей среды. В пещере Кулна (Моравия) было обнаружено много ископаемых остатков северных оленей и мамонтов; в пещере Бокштайн (Германия) – лошадей; в открытом поселении Эрд, недалеко от Будапешта (Венгрия) – пещерных медведей; в пещере Ортюс (юг Франции) – коз; в пещере Шанидар (Ирак) – диких баранов; в Центральной Азии, в пещерах Тешик-Таш (Узбекистан) – козлов и баранов (*capra siberica*), в Аман-Кутане – азиатских муфлонов (*ovis orientalis*), в Оби Рахмате – козлов, баранов и оленей, в открытом поселении Кутурбулак (Казахстан) – лошадей и слонов. В ту эпоху отмечены первые свидетельства о рыбной ловле на реках, о ловле черепахах и об

использовании морских продуктов. Из 26 тыс. ископаемых остатков, найденных в пещере Кударо, на Большом Кавказе, 75% – это остатки семги. В Огзи-Кичике (Казахстан) из 15 тыс. окаменелостей 13,6 тыс. относятся к степным черепахам. В пещере Класис-Ривер-Маус (Южная Африка) найдено большое количество морских раковин, костных остатков пингвинов и дельфинов. Та же самая картина открывается в пещере Хауа-Фтеах (Киренаика). В течение межледникового периода в Центральной Европе в основном охотились на слонов и на носорогов (Эрингсдорф, Таубах, Германия), а также на лошадей, полорогих и оленевых (пещера Кулна).

Охота на крупных животных была коллективной. Животное, часто молодое, вероятно, отбивалось от стада, и его забивали (мамонт из пещеры Кулна). Использовали благоприятные для охоты неровные участки местности: водопой, ущелья, узкие входы в долины. Нет доказательств того, что в эту эпоху устраивали или вырывали западни. Деревянные рогатины (рис. 9) были эффективным оружием для охоты на близком расстоянии на крупных животных. Дротики использовались скорее для охоты на быстроногих животных, живущих в стаде. В обоих случаях их наконечники либо подвергались обжигу, либо на дротики надевали каменные наконечники.

Добыча, а в случае необходимости распределение каменного сырья для изготовления орудий являлись ключевым элементом хозяйствования в эпоху палеолита. В период среднего палеолита стоянки чаще всего разбивались вблизи от источников сырья, поэтому в конкретном производстве применялась почти исключительно единственная категория материалов. Однако более детальные исследования, относящиеся к Моравии и к Южной Германии, показали, что наряду с преобладающим местным сырьевым материалом повсюду можно найти небольшое количество орудий или даже отдельные предметы, изготовленные из скальных пород, принесенных издалека (до 100 км). Подобные предметы можно рассматривать в качестве «образцов» различных скальных пород, поскольку, учитывая их ничтожное количество, их польза практически равна нулю, даже если речь идет о скальных породах очень высокого качества. Проблема состоит в том, чтобы узнать, где их добыли: были ли эти изделия случайно найдены во время долгой охоты, или же речь шла о подарках или об обмене изделиями во время встреч с другими группами?

Типичный случай: в производствах таубахской культуры использовались самые различные скальные породы или же различные формы кремнезема, найденные в моренах в виде гальки или окатышей. Там же встречаются образцы скальных пород, добытых на расстоянии 60 км (пещера Кулна).

По сравнению с эпохой человека *прямоходящего* значительно увеличилось количество стоянок, относящихся к эпохе среднего палеолита. Пещеры, в которых ранее проживал человек *прямоходящий*, вновь обживались палеоантропами. Поскольку условия сохранности остатков жизнедеятельности в пещерах лучше, чем в открытых поселениях, именно в пещерах обнаруживают почти все ископаемые остатки человека. Даже если многие стоянки в течение тысячелетий были разрушены в результате природных воздействий, сегодня нам известно большое количество стоянок на обширных территориях, где нет пещер. Эти открытые стоянки дают нам самые важные свидетельства о жизни людей в эпоху палеолита. Действительно, в пещерах и в скальных укрытиях люди были защищены естественной кровлей, в то время как на открытых стоянках они были вынуждены ее возводить.

Строительство укрытий наблюдается со времен вида человек *прямоходящий*, и можно предположить, что это одна из древнейших форм адаптации человека к окружающей среде. Чаще всего жилища имели круглую или овальную форму, напоминали палатки, их остов был из дерева,

и они покрывались шкурами. Внутри обычно находился очаг. По всей видимости, такие жилища появлялись повсюду, где климатические условия не позволяли жить под открытым небом; в тропиках сооружали только ветроломы. Однако археологи могли идентифицировать эти строения только в том случае, если на земле оставались их следы. Чаще всего это были камни или кости животных, которые располагались по периметру хижины и, таким образом, обозначали ее план.

Стоянка, обнаруженная в Молодове I, на берегу Днестра, возраст которой превышает 44 тыс. лет, является единственной стоянкой, на которой представлены несколько типов строения жилищ (см. гл. 12). На площади около 1,2 тыс. кв. м расположены одиннадцать небольших скоплений окаменелостей круглой и овальной формы с очагами и многочисленными предметами, которые считаются кратковременными жилищами. Более значительное строение из костей мамонта (площадь: 10x7 кв. м), насчитывающее несколько очагов, являлось долговременным жилищем – Ярангой (*Chernysb*, 1982). Жилище площадью 13 кв. м, утопленное в землю, окруженное камнями, с расположенным внутри очагом, которое было обнаружено в Бечове (Богемия), относится к ранней стадии эпохи среднего палеолита и является одной из наиболее сохранившихся структур жилища данной эпохи (*Fridrich*, 1982).

Так же как и в открытых поселениях, в многочисленных пещерах были обнаружены конструкции, указывающие на то, что их внутреннее пространство было разделено и лишь в некоторых зонах проживали люди. В пещере Лазаре (Ницца, Франция) имеется ниша площадью 11x3,5 кв. м, окруженная каменной стенкой, на которую опирается деревянная конструкция с навесом. Сама ниша была разделена перегородкой на две неравные части с двумя отдельными входами. В большей части располагались два очага, рядом с которыми находилась подстилка. Меньшая размером подстилка находилась в другой части, рядом с каменной стенкой. Обе подстилки были сделаны из водорослей и покрыты шкурами; действительно, на этом месте были обнаружены небольшие морские раковины и кости нижних фрагментов конечностей пушных животных (рысь, волк, лиса, пантера). Примерный возраст этого наиболее сохранившегося пещерного жилища составляет 130 тыс. лет (*de Lumbley*, 1969).

Очень часто на стоянках палеоантропов обнаруживаются очаги, из чего можно предположить, что они умели зажигать огонь. Об этом свидетельствуют куски пирита, найденные в некоторых пещерах. Очаги были различной формы, чаще всего они были примитивными, располагались прямо на земле и не были четко очерчены. Однако существует достаточно много очагов, которые хотя бы частично были обрамлены камнями (Ориньяк III на юге Франции). Другие очаги были выложены камнями, и процесс горения происходил на настиле из каменных пластин (Пешде-Лазе, юго-запад Франции). Очень редко встречаются очаги, защищенные стенками из сухих камней (пещера Ригаб, юг Франции) (*Perlès*, 1977; *Wymer*, 1982).

Археологические открытия позволяют также прояснить некоторые аспекты социальной жизни. С развитием охоты в эпоху вида *человек прямоходящий*, вероятно, произошло первое разделение труда по половому принципу. Охота, которая требовала больших физических усилий, стала уделом мужчин, а женщины специализировались на сборе плодов и ухаживали за детьми. Это общество, в котором мужчины занимались охотой, а женщины собирали пищу, было обществом палеоантропов. Согласно этнологическим сравнениям, можно предположить, что группа от 25 до 30 человек являлась самой устойчивой социальной единицей и минимальным сообществом, которое было способно добыть достаточное количество пищи, чтобы прокормить всех своих членов. Это не исключало возможности объединения нескольких групп для временно-

го пользования некоторыми источниками пищи (например, при переходах стад животных) или, напротив, возможности разделения первичной группы.

Сохранившиеся структуры жилищ в своем большинстве были способны укрыть лишь ограниченное число людей. В хижине, находящейся в пещере Лазаре (площадью 35 кв. м), вокруг двух очагов могли удобно разместиться примерно 10 человек. Такая же обстановка была в хижинах подобного размера в Молодове I. Маленькая хижина в Бечове площадью примерно 15 кв. м могла укрыть супружескую пару и близких родственников. В эпохи среднего и верхнего палеолита стоянки, вероятно, состояли из нескольких хижин. В некоторых пещерах жили в течение десятков тысячелетий, но не постоянно, а в зависимости от сезонного или циклического ритма, связанного с родом занятий: охотой, сбором плодов, добычей сырья и т. д.

В эпоху среднего палеолита региональные группы развивались независимо одна от другой, в соответствии со своими культурными традициями, идентифицированными с помощью типологии и технологии найденных предметов. Эта эволюция дает возможность сделать предположение о наличии различных групп населения, каждая из которых занимала определенную территорию, и которые стояли у истоков определенных культур. При подобной гипотезе эволюции мы видим возникновение различий как в материальной, так и в духовной сфере. Это могло бы объяснить большое разнообразие производств каменных орудий в эпоху среднего палеолита.

Взаимоотношения между членами одной группы были, возможно, проникнуты большой заботой друг о друге, а их привязанность проявлялась в связи с ранениями. Действительно, некоторые ископаемые остатки неандертальцев носят следы ранений, иногда совершенно вылеченных (например, скелеты I и II из Шанидара, скелет неандертальца) (*Trinkaus*, 1983). Это говорит о том, что другие члены группы должны были заботиться о раненом во время его выздоровления и даже до самой смерти, если у него оставалось увечье, которое мешало ему, например, охотиться или передвигаться. Видимо, у неандертальцев было развито чувство общественного сознания и солидарности.

О форме общественной организации местных групп палеоантропов можно делать лишь гипотетические суждения. Если предположить, что современные люди (*человек разумный sapiens*) жили в семейном обществе, то начало такой организации необходимо отнести к предшествующей эпохе. Возможно, что на поздней стадии эпохи среднего палеолита уже существовали зародыши или первичные формы семейного общества, которые понемногу сформировались на предшествующих стадиях.

ПРОЯВЛЕНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Погребения являются самыми важными археологическими свидетельствами духовной жизни доисторических людей. Однако люди не всегда должным образом обращались с умершими, чтобы их ископаемые остатки могли сохраниться до наших дней. Находят только кости покойных, которые были немедленно погребены и поэтому не стали добычей хищников или не исчезли из-за природных явлений.

Обычай захоронения умерших впервые возник у неандертальцев в период поздней стадии эпохи среднего палеолита от 100 до 40 тыс. лет до н. э. Если находили более древние ископаемые остатки человека, то это всегда были фрагменты скелетов в естественных отложениях, случайно уцелевшие от разложения.

Каким образом палеоантропы обращались со своими умершими в течение ранней и средней стадии эпохи среднего палеолита? Об этом нам ничего не известно.

Возможно, они были к ним безразличны и оставляли их на съедение животным и воздействие природных явлений. Возможно также, что первыми проявлениями уважения к умершим было то, что их клали в особо важных местах, не защищая их, однако, от разрушительных явлений. Очевидно, что впервые в истории человечества погребения появились только на поздней стадии эпохи среднего палеолита.

В Европе, в Африке и в Азии известно примерно 50 индивидуумов, захороненных в 20 месторождениях (Harrold, 1980; Wymer, 1982). Если учесть продолжительность периода (примерно 50 тыс. лет) и протяженность пространства (весь Старый Свет), тогда можно себе представить их исключительный характер. Кроме того, скелеты редко сохранялись целиком. Захоронением считается находка нескольких костных остатков одного индивидуума в одном месте, напомним, что без немедленного погребения их сохранность была бы невозможной. Вопрос, почему только некоторые лица были захоронены с проявлениями уважения к ним, остается без ответа. Предполагают, что это были люди с высоким общественным положением, которым была отдана такая честь. Но около одной трети лиц (18) были детьми, а пять или семь были женщинами. Среди детей были зародыши, новорожденные (Ла-Ферраси, юго-запад Франции) и малолетний ребенок (менее 2 лет, Староселье в Крыму). Может быть, захоронения детей выражали любовь и чувства их родителей? Если так, то можно сделать заключение, что связь, объединяющие отца и мать в неандертальской семье, были крепкими. Все эти рассуждения являются умозрительными и могут лишь свидетельствовать о нашем незнании этого вопроса. Это в равной мере относится к последующему периоду, периоду вида *человек разумный sapiens*. Подводя итоги, можно сделать вывод, что в общем умершие не были предметом особых забот (их тела обнаруживаются полностью разложившимися). И только в исключительных случаях находились отдельные черепа, нижние челюсти или даже фрагменты длинных костей.

Несмотря на то, что захоронения неандертальцев встречаются редко, можно все же выявить различные похоронные ритуалы. Умерших клали в естественные (Ла-Ферраси) или вырытые на глубину до 40 см углубления (ребенок в пещере Ле-Мустье, в Ла-Шапель-о-Сен, Ла-Ферраси, Рок-де-Марсаль, Схул, Кик-Коба, Бордер-Кейв). Над захоронением сооружали могильный холм (Ла-Ферраси, Каиб-Греналь) или его засыпали камнями (Регурду, Ла-Ферраси). В отдельных случаях умерших клали прямо на пол жилища (Табун, Кавзех, Амуд, Староселье) (Wymer, 1982).

Организация «кладбища» в Ла-Ферраси требует особого внимания. Мужчина (№ 1) и женщина (№ 2) лежали в ямах в западной части большого укрытия. К востоку от этих двух захоронений в двух углублениях лежали один ребенок возраста 10 лет (№ 3) и доношенный плод или новорожденный (№ 4) вместе с новорожденным от 12 до 15 дней (№ 4 bis). Немного дальше можно различить комплекс из девяти могильных холмиков, сгруппированных по три. Под холмиком, расположенным прямо у скальной перегородки, плод примерно 7 месяцев (№ 5) был захоронен в углублении. Три прекрасных орудия лежали на его теле. А еще ближе к скальной перегородке недавно были обнаружены костные остатки другого ребенка возраста 23 месяцев (№ 8). В восточной части убежища пять углублений были заполнены исключительно отложениями мустьерского периода, но в шестой яме лежал ребенок примерно трех лет (№ 6). На его теле – три великолепных кремневых орудия: один наконечник и два скребка. Яма была частично закрыта треугольной плитой из известняка, на внутренней стороне которой было изображено соцветие, окруженное маленькими соцветиями, собранными по два или по четыре (Bergounioux, 1958; Heim, 1984).

Похоже, что этот комплекс является захоронением одной семьи: родителей и их детей. Однако подлинные взаимоотношения между усопшими никогда не откроются. «Кладбище» Ла-Ферраси принадлежит к завершающей стадии эпохи среднего палеолита, и, возможно, его возраст составляет менее 40 тыс. лет.

Расположение усопших, когда это можно определить, бывает разным. Чаще всего тела были согнуты (14 случаев), а, например, женщина из Ла-Ферраси была привязана. Меньше было обнаружено слегка согнутых окаменелостей (4 случая) и только в одном случае покойный был захоронен в вытянутом положении. В нескольких случаях удалось идентифицировать предметы, находящиеся рядом с покойным: каменные орудия (7 случаев), другие приношения – необработанные изделия, принесенные в качестве даров (8 случаев) (Harrold, 1980). В пещере Тешик-Таш в Узбекистане тело мальчика от 8 до 9 лет лежало в центре круга, сделанного из пяти пар рогов горных козлов (Окладников, 1949). Можно предположить, что в захоронении № 4 в пещере Шанидар был проведен необычный ритуал похорон. Действительно, там была обнаружена пыльца цветов, которые не росли рядом с пещерой, и полагают, что могила была покрыта цветами, принесенными из отдаленных районов. Возможно, это было первое захоронение с приношением цветов (Solecki, 1971).

Учитывая разнообразие похоронных ритуалов и их широкое распространение, можно сделать предположение, что речь не идет о зарождении этих традиций, которые, следовательно, восходят к более древней эпохе: к средней или даже к ранней стадии эпохи среднего палеолита.

Совершенно исключительную находку черепа, который был преднамеренно положен в пещеру Куаттари в Монте-Чирчео в центральной Италии, следует увязать с похоронными ритуалами. По стечению обстоятельств в этой пещере, начиная с периода юрмского оледенения, не происходило отложений остаточных пород, а ее пол покрывался водой лишь периодически. На полу лежал череп неандертальца, обрамленный каменной короной. Искусственно увеличенное затылочное отверстие было обращено вверх. По всей вероятности, это отверстие было расширено для того, чтобы извлечь мозг, что могло указывать на существование каннибализма (ритуального?). Рядом были обнаружены три группы костных остатков быка и оленя (Blanc, 1942, 1958):

Находка в пещере Араго в Тотавеле (юг Франции) (илл. 14), вероятно, умышленно разрезанного лицевого черепа неандертальца наводит на мысль об интересном умении обращаться с человеческим черепом. Авторы задаются вопросом, не пользовались ли этим лицевым черепом в качестве маски для лица (Lumley & Lumley, 1979), что делает череп из Тотавеля единственным свидетельством ритуальных культов на ранней стадии эпохи среднего палеолита. С телами покойных обращались по-разному, как об этом свидетельствуют насечки на костях неандертальцев в укрытии Крапина (Словения) (Ulrich, 1978).

Можно даже наблюдать, как рождение поверья в «культ нижних челюстей» (Bergounioux, 1958), опирающееся на частые находки отдельных нижних челюстей неандертальцев, нижних челюстей современных людей, и даже вида *человек прямоходящий*. Сравнительные исследования показали, что различные части скелетов (зубы, нижние челюсти, верхние челюсти и длинные кости) волков, гиен, умерших естественной смертью в пещерах (раскопки в Арси-сюр-Кюр), современных лис, умерших в своих норах, а также европейских неандертальцев представлены пропорционально. Полученные результаты настолько близки, что следует сделать вывод о наличии большого количества сохранившихся нижних челюстей человека как результате естественного разложения, когда умершие не были специально погребены (Leroi-Gourhan, 1964a).

Было также сделано предположение о существовании у неандертальцев «культу медведя». Во многих альпийских пещерах (особенно в Драхенлохе в Швейцарии) у подножия стен и между камнями были обнаружены черепа и длинные кости медведей. Их расположение создавало впечатление о создании специального склада костей и о сооружении своеобразного «каменного ларца» (Bächler, 1940). И хотя нет фотографий этих ларцов, а только зарисовки, гипотеза о существовании «культу медведя» была принята всеми, а вскоре было объявлено об идентичных находках в пещерах Германии, Венгрии, Франции, Югославии, а в последнее время и в пещерах Кавказа. Самые последние «захоронения медведей» были обнаружены в пещере Регурду (юго-запад Франции), в которой «ларец» был покрыт каменной плитой весом примерно 850 кг! Все пещеры, где были найдены эти черепа и скопления костей, служили для медведей берлогами. Поэтому появились критические высказывания, согласно которым естественные процессы, происходившие внутри пещер, могли происходить при вмешательстве человека (Koby, 1953; Leroi-Gourhan, 1964a,b). Скопление черепов вдоль стен и между камнями явилось результатом перемещения ископаемых остатков другими медведями, которые продолжали ходить по берлоге. Нагромождение обломков горных пород и закрытие этих скоплений вызваны падениями камней, происходящими в результате медленного, но постоянного разрушения свода пещер и их стен. Эти критические высказывания были подтверждены детальным изучением рисунков Бахлера, которые продемонстрировали их слабое соответствие оригиналам, и тем фактом, что в остальных пещерах, даже в пещере Регурду, все можно объяснить действием природных явлений (Jéquier, 1975). Этот факт не был опровергнут находками, сделанными в пещерах Кавказа. Так называемый «культ медведя» у неандертальцев, возможно, является лишь мифом, который возник в результате романтического истолкования абсолютно естественных явлений, происходивших в берлогах медведей.

Целая серия других явлений связана с религиозными чувствами или, по меньшей мере, со способностью к эстетическому восприятию. Поиски прекрасного, несомненно, проявляются в изготовлении отдельных каменных орудий: симметричные двусторонние орудия, скребки и наконечники, с тщательной отделкой и правильными симметричными формами лишь в малой степени увеличивают значимость их как орудий. Сбор красящих веществ, начиная с эпохи нижнего палеолита, также свидетельствует об этом эстетическом чувстве. Следы существования этого чувства на ранней стадии эпохи среднего палеолита находят в Бечове I, а на более поздних стадиях – во многих других местах. Красители, вероятно, использовались для раскраски тела и для раскраски предметов из дерева, кости и кожи. На последней стадии среднего палеолита красители использовались для траурных церемоний (Wreschner, 1976; Marsback, 1981).

Начиная с эпохи нижнего палеолита и в более поздние времена также наблюдается использование редких скальных пород или привлекательных раскрасок для изготовления орудий. Иногда удавалось доказать, что в жилища приносили «ненужные» предметы: например, две окаменелости мустьерского периода были обнаружены в Арсиюр-Кюр. Все это свидетельствует о природной любознательности человека, его стремлении к экспериментам и о пристальном наблюдении за природой.

Впервые ношение подвесок (просверленных костей или зубов), простых украшений или амулетов наблюдается на поздней стадии эпохи среднего палеолита (укрытие Ла-Кина, пещера Пеш-де-Лазе II, Франция). Небольшие соцветия, выгравированные на камне, который закрывает захоронение № 6 в Ла-Феррасси, возможно, имели символическое значение.

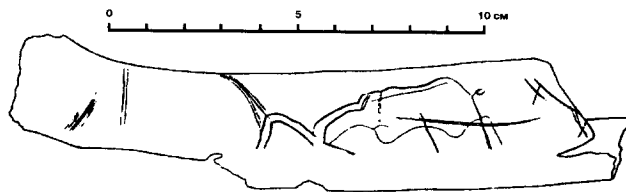

Рис. 10. Пеш-де-Лазе (Франция): гравюра на ребре быка (по Bordes, в работе Marsback, 1977)

С эпохой среднего палеолита, особенно с его поздней стадией, связано рождение искусства, которое в эпоху верхнего палеолита существовало уже в виде развитых и разнообразных форм. Известно, что в эпоху нижнего палеолита на кости наносились симметричные ряды зарубок (Странска Скала, кроманьонский период; Бильвингслебен, межледниковый гольштейнский период). В эпоху среднего палеолита на костях появляются желобки, которые не являлись результатом раздвигания туш животных или нарезки мяса и сухожилий (пещера Башо-иро и пещера Кулна, открытое поселение Молодова I). Впервые на оболочке каменных орудий виднеются бороздки (укрытие Талиенте, пещера Истуриц). Ребро быка с выгравированной кривой линией, найденное в пещере Пеш-де-Лазе II (рис. 10), считается первым проявлением декоративного искусства (Bordes, 1971; Marsback, 1977). В Бечове (Богемия) в конструкции жилища, относящегося к умеренной фазе периода рисского оледенения (примерно 200 тыс. лет назад), был найден кусок обработанного кварцита, который считается произведением изобразительного искусства, сделанным руками человека (Fridrich, 1982). В Тата (северо-запад Венгрии) была обнаружена окаменелость (*Nummulites perforatus*) палеогенового периода, на круглой поверхности которой был вырезан крест правильной формы и лежала полированная пластина, сделанная из коренного зуба мамонта со следами красной краски (можно сравнить с австралийскими churingas) (Vértes, 1964; Marsback, 1977).

Среди наслоений линий и соцветий, вырезанных на лопатке мамонта, найденного в Молодове I (рис. 11), А.П. Черныш различает животного с рогами и даже женский символ. Слой, в котором находится конструкция жилища, датируется периодом 44 тыс. лет назад (Черныш, 1982).

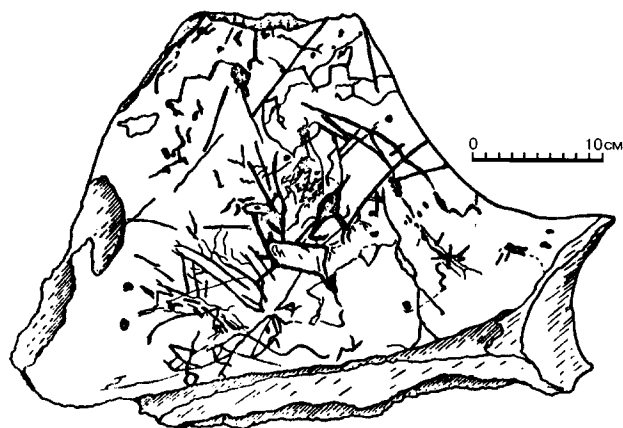

Рис. 11. Молодова I (Бассейн Днестра): линии, выгравированные на лопатке мамонта, обнаруженной во втором мустьерском слое (по Чернышу, 1982)

В заключение можно предположить, что палеоантропы уже обладали некоторым чувством символики и что рисунки, нанесенные на кости или на камни, помимо эстетического значения могли иметь целью общение или условную письменность. Однако эти проявления далеки от собственно искусства. Изобразительное искусство Бечова и гравюра из Молодовы являются единичными примерами, и их интерпретация не безусловна. Пока еще не было возможности с точностью продемонстрировать зарождающиеся искусства в эпоху среднего палеолита, и следует признать, что искусство появляется вместе с современными людьми в эпоху верхнего палеолита¹.

Культура европейских неандертальцев и пренеандертальцев достаточно разнообразна и относительно развита. На поздней стадии у неандертальцев наблюдается проведение церемоний захоронения с наблюдением различных культов, объектом которых был сам человек. Это дает возможность сделать предположение, что у них было высоко развито чувство символики и, вероятно, способность к общению при помощи условного письма. Все это – строительство жилищ, коллективная охота и наличие социальных структур – наводит на мысль о существовании устного общения при помощи обширного словаря абстрактных понятий, вытекающего из их способности к символическому мышлению.

Одной из самых интересных проблем эволюции человека и его культуры является переход от палеоантропов к современным людям (*человек разумный sapiens*) и от эпохи среднего палеолита к эпохе верхнего палеолита. Оказывается, что популяция палеоантропов с точки зрения морфологии была довольно дифференцированной, причем в гораздо большей степени, чем это можно было предположить по редким окаменелостям, известным на сегодняшний день. Еще не известны родоначальники большинства производств эпохи среднего палеолита. Несомненно, существовали местные группы, некоторые из них развивались непрерывно до следующей стадии, а другие стагнировали и постепенно исчезали. Кроме того, происходило смешение между членами разных групп.

То же самое происходило и с археологическими культурами. Для одних культур эпохи верхнего палеолита (ксар-акильской, бокер-таштитской, селетской, шательперронской) их появление в эпоху среднего палеолита доказано, для других (богуницкой, ориньякской, уллуцийской) – происхождение можно предположить или оно неизвестно.

В остальных регионах Древнего Мира (Африка южнее Сахары, Юго-Восточная Азия, Китай) не существовало производств эпохи верхнего палеолита, сравнимых с производствами Европы, и их древние производства сохранились без больших изменений. В Северной Азии развились производства, близкие к производствам Европы, однако они сохранили производство множества архаичных орудий. На полуострове Индостан и в Японии возникли специфические производства, отличающиеся от производств Европы большим количеством технических и типологических признаков. Окружающая среда, несомненно, была решающим фактором эволюции и модификации орудий и всей материальной культуры в этих регионах. Совершенно очевидно, что полиморфная популяция палеоантропов породила разнообразную и полиморфную популяцию *человек разумный sapiens*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Теорию, согласно которой производства Азии, использовавшие обработанную гальку, сохранились в некоторых местах без изменений с эпохи нижнего палеолита до его последующей эпохи, следует пересмотреть с точки зрения интенсивных исследований, проведенных британской группой в районе р. Соан, в свете

открытия А.Х. Дани производства мустьерского типа в пещере Сангао и идентификации производств эпохи верхнего палеолита, произведенной Б. Олчином (*B. Alchin*). – *Прим. редактора А.Х. Дани*.

² Обстоятельства находки черепа в Монте Чирчео и выдвинутые гипотезы (преднамеренное расширение *foramen magnum*; каннибализм) были общепризнаны, однако недавно они подверглись сомнению. – *Прим. глав. ред.*

³ Мнение по этому вопросу, отличное от высказанного здесь, изложено в гл. 13 (В.П. Алексеев). – *Прим. глав. ред.*

БИБЛИОГРАФИЯ

- ЛЮБИН В.П. 1984. Ранний палеолит кавказа. В: БОРИСКОВСКИЙ П.И. (ред.) Палеолит СССР. М., с. 35–93.
- ОКЛАДНИКОВ А.П. 1949. Исследования мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таз, южный Узбекистан. В: НЕСТУРХ М.Ф. (ред.) Тешик-Таш, палеолитический человек. М., с. 7–85.
- РАНОВ В.А., НЕСМЕЯНОВ С.А. 1973. Палеолит и стратиграфия антропогена Средне Азии. Душанбе.
- Atlas of Primitive Man in China. 1980. Beijing.
- BÄCHLER, E. 1940. Das alpine Paläolithikum der Schweiz im Wildkirchli, Drachenloch und Wildenmannsloch. Basle.
- BERGOUNIOUX, F. M. 1958. Spiritualité de l'homme de Néanderthal. In: KOENIGSWALD, G. H. R. VON (ed.), Hundert Jahre Neanderthaler 1856–1956. Cologne/Graz. pp. 151–66.
- BINFORD, L.; BINFORD, S. 1966. A Preliminary Analysis of Functional Variability in the Mousterian of Levallois Fazies. Am. Anthropol. (Washington, DC), Vol. 68, No. 2, pp. 238–95.
- BLANC, A. C. 1942. I Paleantropi di Saccopastore e del Circeo. Quartär, Vol. 4, pp. 1–37.
- 1958. Torre in Pietra, Saccopastore: On the Position of the Mousterian in the Pleistocene Sequence of the Rome Area. In: KOENIGSWALD, G. H. R. VON (ed.), Hundert Jahre Neanderthaler 1856–1956. Cologne/Graz. pp. 167–74.
- BORDES, F. 1950a. Principes d'une méthode d'étude des techniques de débitage et de la typologie du Paléolithique ancien et moyen. Anthropologie (Paris), Vol. 54, pp. 19–34.
- 1950b. L'Évolution buissonnante des industries en Europa occidentale: considération théorique sur le Paléolithique ancien et moyen. Anthropologie (Paris), Vol. 54, pp. 393–420.
- 1953a. Levalloisien et Moustérien. Bull. Soc. Préhist. Fr., Vol. 50, pp. 226–34.
- 1953b. Essai de classification des industries moustériennes. Bull. Soc. Préhist. Fr., Vol. 50, pp. 457–66.
- 1954. Les Limons quartenaires du bassin de la Seine. Paris. (Inst. Paléontol. Hum. Mém. 26.)
- 1958. Le Passage du Paléolithique moyen au Paléolithique supérieur. In: KOENIGSWALD, G. H. R. VON (ed.), Hundert Jahre Neanderthaler 1856–1956. Cologne/Graz. pp. 175–81.
- 1961. Typologie du Paléolithique ancien et moyen I/II. 1st edn. Bordeaux, Université de Bordeaux. (Mem., 1.) 3rd edn 1979. Paris, CNRS.
- 1971. Informations archéologiques: circonscription d'Aquitaine. Gallia, Préhist. (Paris), Vol. 13, pp. 458–511.
- BORDES, F.; SONNEVILLE-BORDES, D. DE. 1970. The Significance of Variability in Palaeolithic Assemblages. World Archaeol., Vol. 2, No. 1, pp. 61–73.
- BOSINSKI, G. 1985. Der Neanderthaler und seine Zeit. Cologne.
- CHERNYSH, A. P. 1982. Molodova I: Unique Mousterian Settlement on the Middle Dniester Region. Moscow.
- CLARK, J. D. 1970. The Prehistory of Africa. London.
- 1972. The Prehistoric Cultures of the Horn of Africa. 2nd edn. New York.
- 1982. The Transition from Lower to Middle Palaeolithic in the African Continent. In: RONEN, A. (ed.), The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man. Oxford. pp. 235–55. (BAR. Int. Ser., 151)
- COPELAND, I. 1975. The Middle and Upper Palaeolithic of Lebanon and Syria. In: WENDORF, F.; MARKS, A. E. (eds). Problems in Prehistory: North Africa and the Levant. Dallas, pp. 317–50.

- FEUSTEL, R. 1969. Zur Problematik der 'Protolithischen Knochenkultur' und der 'Osteodontokeratic Culture'. Alt-Thüring (Weimar), Vol. 10, pp. 7–67.
- FRIDRICH, J. 1982. Middle Palaeolithic Settlement of Bohemia. Prague.
- GABORI-CSANK, V. 1970. Dates of the Hungarian Palaeolithikum. Acta Archaeol. Acad. Sci. Hung. (Budapest), Vol. 22, pp. 3–11.
- HARROLD, F. B. 1980. A Comparative Analysis of Eurasian Palaeolithic Burials. World Archaeol., Vol. 2, No. 2, pp. 195–211.
- HEIM, J.-L. 1984. Les Squelettes moustériens de la Ferrassie. In: DELPORTE, H. (ed.), Le Grand Abri de la Ferrassie. Paris, Institut de Paléontologie Humaine. pp. 249–71. (Étud. Quat., 7.)
- IKAWA-SMITH, F. 1978. The History of Early Palaeolithic Research in Japan. In: IKAWA-SMITH, F. (ed.), Early Palaeolithic in Southeast Asia. The Hague. pp. 247–56.
- JEQUIER, J.-P. 1975. Le Moustérien alpin. Yverdon. (Eburudunum, 2.)
- KOBY, F. E. 1953. Modifications que les ours des cavernes ont fait subir à leur habitat. In: CONGRÈS INTERNATIONAL DE SPÉLÉOLOGIE, 1. Actes, Vol. 4, Sect. 4, pp. 15–26.
- KOZŁOWSKI, J. K. et al. 1982. Upper Palaeolithic Assemblages. In: KOZŁOWSKI, J. K. (ed.), Excavation in the Bacho-Kiro Cave (Bulgaria), Final Report. Warsaw, pp. 119–67.
- LEROI-GOURHAN, A. 1964a. Le Geste et la parole. Paris.
- 1964b. Les Religions de la préhistoire. Paris.
- LÉVÊQUE, F.; VANDERMEERSCH, B. 1981. Le Néanderthalien de Saint-Césaire. Recherche (Paris), Vol. 12, No. 119, pp. 242–4.
- LUMLEY, H. DE. 1969. Une cabane acheuléenne dans la grotte du Lazaret/ Nice. Paris. (Mém. Soc. Préhist. Fr., 7.)
- LUMLEY, H. DE; LUMLEY, M. A. DE. 1979. L'Homme de Tautavel. Doss. Archéol. (Dijon), Vol. 36.
- MCBURNEY, C. B. M. 1967. The Haua Fteah (Cyrenaica) and the Stone Age of the Southeast Mediterranean. Cambridge.
- MARKS, A. E.; KAUFMAN, D. 1983. Boker Tachtit: The Artifacts. In: MARKS, A. E. (ed.), Prehistory and Palaeoenvironments in the Central Negev, Israel. Dallas. Vol. 3, Part 3, pp. 69–125.
- MARSHACK, A. 1977. The Meander as a System: The Analysis and Recognition of Iconographic Units in Upper Palaeolithic Compositions. In: UCKO, P. J. (ed.), Form in Indigenous Art. Canberra, Australian Institute of Aboriginal Studies, pp. 268–317.
- 1981. Palaeolithic Ochre and the Early Uses of Color and Symbols. Curr. Anthropol., Vol. 22, pp. 188–91.
- MELLARS, P. 1970. Some Comments on the Notion of Functional Variability in Stone-tool Assemblages. World Archaeol., Vol. 2, No. 1, pp. 74–89.
- OLIVA, M. 1983. Kulturtraditionen, Besiedlung, Stabilität und Umwelteinfluss im älteren und mittleren Paläolithikum. Ethnogr.-Archäol. Z. (Berlin), Vol. 24, pp. 551–7.
- PERLES, C. 1977. Préhistoire du feu. Paris.
- RUST, A. 1950. Die Höhlenfunde von Jabrud (Syrien). Neumünster.
- SANKALIA, H. D. 1974. The Prehistory and Protohistory of India and Pakistan. Poona.
- SARTONO, S. 1980. *Homo erectus ngandongensis*: The Possible Maker of the 'Sangiran flakes'. Anthropologie (Brno), Vol. 18, Nos. 2–3, pp. 121–31.
- SOLECKI, R. S. 1971. Shanidar: The First Flower People. New York.
- TRINKAUS, E. 1983. The Shanidar Neanderthals. New York/London.
- ULLRICH, H. 1978. Kannibalismus und Leichenzertückelung beim Neanderthaler. In: MALEZ, M. (ed.), Krapinski pracovjek i evolucija hominida. Zagreb, pp. 293–318.
- VALOCH, K. 1976. Die altsteinzeitliche Fundstelle in Brno-Bohunice. Prague. (Stud. Archeol. úst. CSAV Brno, 4.)
- VALOCH, K. et al. 1985. Das Frühaurignacien von Vedrovice II und Kuparovice I in Südmähren. Anthropozoikum (Prague), Vol. 16, pp. 107–203.
- VERTES, L. (ed.) 1964. Tata: eine mittelpaläolithische Travertin-Siedlung in Ungarn. Budapest. (Archaeol. Hung., NS, Vol. 43.)
- WENDORF, F. (ed.) 1968. The Prehistory of Nubia I/II. Dallas.
- WENDORF, F.; SCHILD, R. 1974. A Middle Stone Age Sequence from the Central Rift Valley, Ethiopia. Warsaw.
- WRESCHNER, E. E. 1976. The Red Hunters: Further Thoughts on the Evolution of Speech. Curr. Anthropol., Vol. 17, pp. 717–19.
- WYMER, J. 1982. The Palaeolithic Age. London.

АФРИКА

в период *Homo sapiens neanderthalensis* (человек разумный неандертальский) и его современники

Фред Уэндорф, Анджела Э. Клоуз, Ромуальд Шильд

В то время как мы располагаем большим объемом информации обо всей Африке, относящейся к самым поздним стадиям доисторического периода, наши знания о предшествующих эпохах значительно более фрагментарны и ограничиваются лишь отдельными регионами континента. Это положение, которое скорее похоже на историческую случайность, чем на доисторическую реальность, тем не менее, оказывает глубокое воздействие на наш подход к этому вопросу. Что касается периода, в течение которого неандерталец заселял и Европу и Западную Азию, то наши сведения получены исключительно из трех больших регионов: Северной Африки (включая Сахару); части континента, расположенного примерно к югу от 10-й параллели, и Восточной Африки. Настоящая глава разделена на три большие части, каждая из которых посвящена одному из трех регионов. Среди этих выделенных регионов отмечаются различия как по качеству, так и по количеству имеющейся информации, различия, которые по большей части отражают тенденции современных археологических исследований. Вместо следования логике географии и последовательного изучения севера, востока и юга Африки мы решили вначале рассмотреть Северную Африку и Южную Африку, чтобы иметь возможность опираться на самые полные данные, которые имеются об этих двух регионах, и параллельно изучать третий регион, менее известный. Регионы, о которых мы меньше знаем, – Центральная и Западная Африка – вкратце упоминаются в разделе, посвященном Южной Африке.

СЕВЕРНАЯ АФРИКА

В Северной Африке эпоха неандертальского человека почти в точности соответствует периоду, который археологи называют эпохой среднего палеолита. Поселения, относящиеся к этому периоду, были замечены в комплексе долины Нила и на побережьях Средиземного моря и Атлантического океана (карта 11А). Предметы эпохи среднего палеолита также были обнаружены на берегах Красного моря, однако они не были изучены и описаны в систематическом порядке.

Исследования эпохи среднего палеолита неизбежно разворачивались неравномерно в этом обширном регионе по причине, с одной стороны, из-за различий в специ-

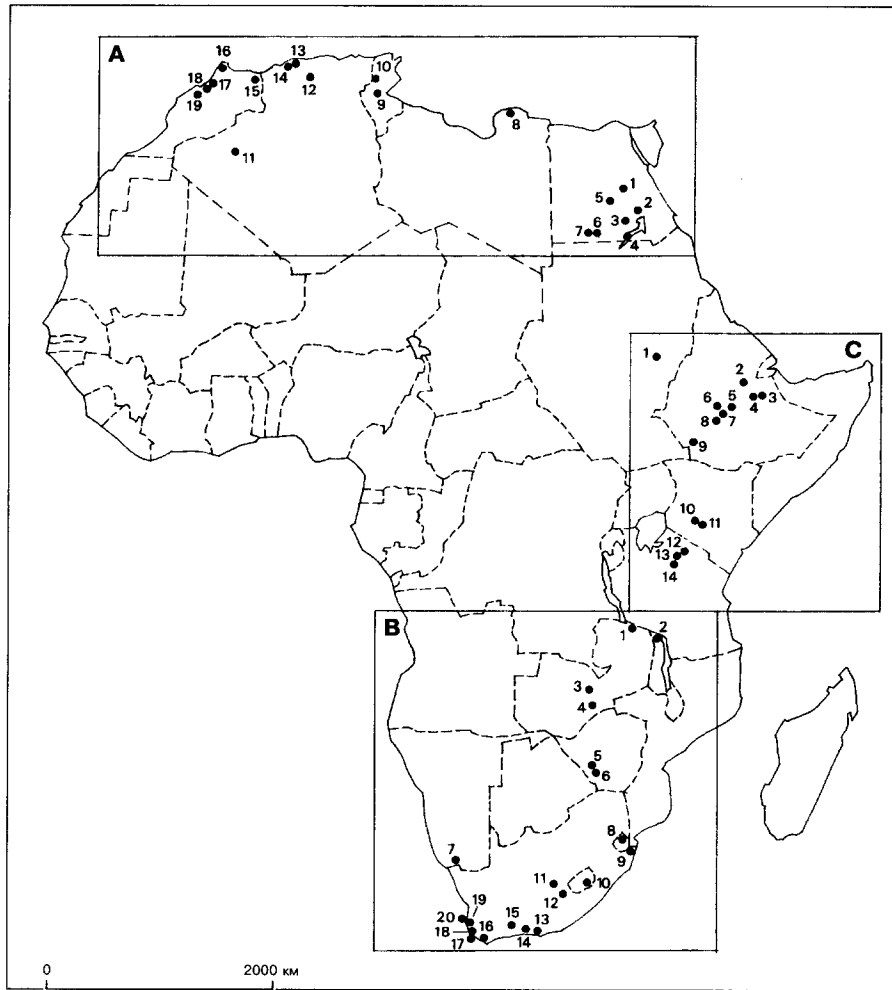
ализации современных археологов, а с другой стороны, вследствие самого происхождения существующих доисторических материалов. Так, если первые исследования в основном были посвящены циклам пещер на северо-западе, во франкоговорящей Африке, то самые последние работы были посвящены открытым поселениям в пустыне. Конечно, существуют некоторые исключения, но в общем происхождение и качество собранных материалов значительно различаются в зависимости от региона.

Типы гоминидов

Многие ископаемые остатки гоминидов, найденные в Северной Африке, принадлежат к эпохе нижнего или среднего палеолита. Похоже, что их следует разделить на две группы: самая ранняя и самая примитивная группа включает в себя остатки, найденные в Рабате, Сиди-Абдеррахмане, Сале и Темара в Марокко (Saban, 1975; Arambourg & Biberson, 1956; Jaeger, 1975; Valois & Roche, 1958) и в Тернифине в Алжире (Arambourg, 1955). В начале многие из этих ископаемых остатков были отнесены к виду *человек прямоходящий*, однако сегодня таксономисты склонны относить их к начальным стадиям эволюции архаичного вида *человек разумный* (Stringer et al., 1979; Trinkaus, 1982). В привязке к культурологическому материалу (как было сделано в Сиди-Абдеррахмане, Темара и Тернифин) этот материал всегда относят к ашельскому типу.

Вторая группа, относительно более поздняя и, очевидно, более развитая в плане морфологии, включает в себя остатки скелетов людей, обнаруженных в Хауа-Фтеахе на Киренаике (Tobias в издании McBurney, 1967), а также в Мугарет-эль-Алия и Джебель-Ирхуде в Марокко (Ennouchi, 1962). Все эти гоминиды, предметы производства которых относились к эпохе среднего палеолита, в своем большинстве традиционно идентифицировались как неандертальцы. Сегодня эта классификация неприемлема (Trinkaus, 1982): очевидно, что с точки зрения морфологии они отличаются от неандертальцев Европы и Западной Азии, даже если они и были современниками и занимали равнозначное место в шкале эволюции.

Ископаемые остатки обеих этих групп чрезвычайно фрагментарны, и непохоже, чтобы хотя бы один из них был найден в захоронении. Единственными достаточно целыми образцами являются черепа, обнаруженные в Сале

Карта 11. Африка в период среднего каменного века. Основные поселения, указанные в тексте:

А. Северная Африка: 1 – Назлет-Кхатер; 2 – Вади Куббания; 3 – Оазис Дунгул; 4 – Поселение 440, поселение 1017; 5 – Оазис Кхарга; 6 – Бир-Тарфави; 7 – Бассейн Бир-Сахара; 8 – Хауа-Фтеах; 9 – Эль-Геттар; 10 – Айн-Метершем; 11 – Вади Саура; 12 – Ретаймия; 13 – Каруба; 14 – Тернифин; 15 – Тафоральт; 16 – Мугарет-эль-Алия; 17 – Дар-эс-Солтан, Рабат, пещера контрабандистов; 18 – Сиди-Абдеррахман, Темара, Сале; 19 – Джебель-Ирхуд.

В. Южная Африка: 1 – Водопад Каламбо; 2 – Мванганда; 3 – Брокен-Хилл (Кабве); 4 – Леопардс-Хилл; 5 – Банбата, Помонгве; 6 – Чангула; 7 – Аполло 11; 8 – Лайон-Каверн; 9 – Бордер-Кейв; 10 – Сехонгхонг; 11 – Оранджия; 12 – Зеекоэгат 27; 13 – Класис-Ривер-Маус; 14 – Нельсон-Бэй-Кэйв; 15 – Боомплаас; 16 – Ди-Кельдерс; 17 – Скильдергат; 18 – Дуннфонтейн 2; 19 – Эландсфонтейн; 20 – Хоздэс-Пунт, Си-Харвест.

С. Восточная Африка: 1 – Синга; 2 – Бодо; 3 – Порк-Эпик; 4 – Афдем; 5 – Коне; 6 – Мелка-Кунтуре; 7 – Кулкулетти; 8 – Гадемотта; 9 – Нижняя долина реки Омо; 10 – Гэмблс-Кейвз; 11 – Ущелье Малава-Горж; 12 – Апис-Рок; 13 – Ущелье Олдувай; 14 – Лаэтоли

и Джебель-Ирхуде, однако тот значительный период времени, который их разделяет, не дает возможности определить, представляют ли они различные стадии эволюции одного вида. Однако у нас есть достаточно весомые причины полагать, как мы это увидим позднее, что в Северной Африке в плане культуры существовала преемственность между эпохами нижнего палеолита и среднего палеолита, и она, по всей вероятности, отражала преемственность в народонаселении.

Проблемы классификации

Традиционно в Северной Африке различают две великие культуры эпохи среднего палеолита: мустьерскую и атьерскую. Третья фацция, хормузская, наблюдается лишь в части долины Нила между первым и вторым порогами.

Атьерская культура является особым производством Северной Африки. Ее основным отличием от мустьерской культуры Юго-Западной Азии и Европы (так же, впрочем, как и от мустьерской культуры Африки) является наличие двусторонних листовидных изделий и изделий на ножке

(или изделий с пятой), даже если такие орудия редко встречаются в некоторых месторождениях атьерского периода (например, поселение BT-14 в Бир-Тарфави; *Wendorf & Schild*, 1980, pp. 49–80). Согласно некоторым авторам, в атьерской культуре чаще прибегали к технологии Леваллуа, чем в мустьерской культуре, от которой она отличается отбиванием более удлиненных фрагментов (*Tixier*, 1967, p. 795). Однако, по меньшей мере в некоторых «леваллуазско-мустьерских» комплексах оазиса Кхарга и долины Нила (*Caton-Thompson*, 1946b, 1952), встречается большое количество орудий типа Леваллуа, и мы не располагаем достаточно подробной информацией о комплексе эпохи среднего палеолита в Африке, чтобы проверить гипотезу о существовании различия в технике отбивания. Как и другие фации этого периода, атьерская культура в основном была производством сколов, характеризующимся более или менее значительным применением метода Леваллуа и орудиями, среди которых преобладали различные виды скребков и зубчатых изделий, к которым необходимо добавить такие довольно редкие изделия, характерные для эпохи верхнего палеолита, как зубила и скребки, с заостренной частью на кромке пластин.

Традиционная классификация эпохи среднего палеолита в Северной Африке здесь будет значительно изменена: мы полагаем, что весь регион, расположенный к западу от оазисов Египта, относится к одной фации – атьерской, и что собственно мустьерская фация встречается лишь в долине Нила и в оазисах Египта. Эта точка зрения основывается на том факте, что так называемые «мустьерские» поселения редко встречаются в Магрибе, и их распределение не выявило никакой преемственности с мустьерским периодом, признаки которого обнаружены далее на востоке, в долине Нила. Тиксье (1967) удалось выявить в Магрибе только восемь поселений, которые, по его словам, можно было отнести к мустьерскому производству. Они расположены в Тунисе, на севере Алжира и на севере Марокко, и во многих из них, таких как Эль-Геттар (*Gruet*, 1954) и Айн-Метершем (*Dalloni*, 1955, p. 427) в Тунисе, в их глубинных слоях было найдено небольшое количество изделий, характерных для атьерской культуры. В Хауа-Фтеахе на горизонтах, относящихся к эпохе среднего палеолита, которые были квалифицированы как горизонты леваллуазско-мустьерского периода, были обнаружены изделия на ножках или листовидные изделия. Поэтому мы предпочитаем рассматривать месторождения на Западе Африки, которые были отнесены к мустьерскому периоду, как месторождения атьерского периода, содержащие незначительное количество изделий на ножках или листовидных изделий. По нашему мнению, мустьерский период последовательно представлен только в восточной части Северной Африки, в которой многочисленные поселения не содержат никаких следов этих характерных признаков.

Увязывая весь комплекс эпохи среднего палеолита в Северной Африке с единственным производством – тьерским, мы избегаем соблазна сделать предположение о существовании двух обширных сознательных социальных групп – атьерской и мустьерской, что почти совсем не соответствует действительности. Представляется гораздо более правдоподобным, что изменения, наблюдаемые в повторяемости изделий на ножках или листовидных изделий, отражают распределение обязанностей или занятий, которые еще не до конца поняты.

Хронология

Точно не известно, как в Северной Африке происходил переход от эпохи нижнего палеолита к эпохе среднего палеолита. Так же, как и на остальной части континента, здесь поздний и заключительный ашельские периоды характеризуются наличием относительно небольших и тонко обработанных двусторонних орудий, а также все большей повторяемостью изделий Леваллуа и изделий из сколов, которые часто было трудно отличить от подобных изделий эпохи среднего палеолита. Эта схожесть орудий из сколов, найденных в месторождениях позднего ашельского периода, с орудиями эпохи среднего палеолита – некоторые изделия на ножке иногда были типичны для этого последнего периода (как изделия из Кап-Шателье в Марокко; *Biberson*, 1961, p. 367) – в известной степени подтверждает гипотезу о преемственности между ашельским периодом и эпохой среднего палеолита. С точки зрения типологии, единственным подлинным различием между двумя эпохами было отсутствие во второй из них двусторонних орудий.

Знаменательно, однако, что сохранилось мало остатков от промежуточного производства между эпохами нижнего и среднего палеолита. На основной части Северной Африки поздние месторождения заключительного ашельского периода отделены от самого начала эпохи среднего палеолита длительным засушливым периодом, о чем свидетельствуют уровни воды и следы ветровой эрозии и

миграции дюн. Размах топографических потрясений, произошедших в период засухи, был таким, что жилища конца эпохи нижнего палеолита крайне редко располагаются непосредственно под жилищами эпохи среднего палеолита.

Однако подобный стратиграфический цикл наблюдался в Хауа-Фтеахе (*McBurney*, 1967), где самый глубокий слой доориньякского периода располагался непосредственно на глубине нескольких метров под жилой зоной эпохи среднего палеолита. Этот период, характеризующийся методом отбивания, благодаря которому производился больший процент пластин, и наличием среди орудий с отделкой большого количества зубил и нескольких скребков на конце пластин, похож на доориньякский период Западной Азии, называемый сегодня амудийским, и рассматривается в качестве фации позднего ашельского периода (*Jelínek*, 1982). От доориньякской культуры Хауа-Фтеаха к нам дошел лишь один небольшой образец, найденный во время маломасштабных раскопок. Тем не менее, в нем отмечено наличие нескольких двусторонне обработанных орудий и сколов, полученных при изготовлении таких орудий (*McBurney*, 1967, pp. 76–90), и это наводит на мысль, что там могла идти речь о какой-либо фации или особом функциональном варианте ашельской культуры. При помощи замеров изотопов кислорода и анализа осадочных пород, а также путем экстраполяции длительных серий датировок, произведенных в самых поздних слоях поселения методом радиоактивного углерода, возраст доориньякской культуры Хауа-Фтеаха был установлен между 70 тыс. и 80 тыс. лет назад. В то время, когда эти оценки были опубликованы, они казались приемлемыми (полагали, что в Каламбо-Фоллс окончание ашельского периода соответствует 60 тыс. лет назад), однако проведенные в последнее время датировки других африканских поселений свидетельствуют о гораздо более древнем возрасте, если предположить, что протоориньякская культура была фацией эпохи нижнего палеолита (см. далее).

Стратиграфическое положение начала эпохи среднего палеолита в Северной Африке окончательно не установлено и не датировано. Биберсон (1961) для атлантического побережья Марокко предложил комплексную хронологию, в которой самое начало эпохи среднего палеолита соответствует отложениям ульжинской трансгрессии последнего межледникового периода. Датировка этих отложений по методу тория/урана относит их к периоду между 75 и 90 тыс. лет, в то время как предыдущая трансгрессия – харунийская, относящаяся к позднему ашельскому периоду, происходила в период между 125 и 145 тыс. лет назад (*Biberson*, 1970). Как мы увидим позднее, эти оценки также сильно отличаются от датировок, полученных по начальному периоду среднего каменного века в Восточной и Южной Африке.

Атьерский период, к которому относится большая часть инвентаря этого периода, обнаруженного в Северной Африке, располагается в конце эпохи среднего палеолита по трем причинам. Во-первых, вероятно, что существовала прямая связь между двусторонне обработанными орудиями атьерского периода и подобными орудиями солутрейского периода в Испании в эпоху верхнего палеолита, благодаря которой обе культуры с точки зрения хронологии должны были быть очень близки одна к другой (*Caton-Thompson*, 1946a; *Howe*, 1967, pp. 170–178). Во-вторых, у некоторых изделий было выявлено сходство с окончательными метательными орудиями на ножке, которые были обнаружены в поселениях Сахары периода каменного века и которые, следовательно, могли быть далекими прототипами этих орудий (*Antoine*, 1950; *Balout*, 1955). И, наконец, во многих циклах пещер Магриба, относящихся к атьерскому периоду, слои расположены непосредственно под комплексами периода позднего плейстоцена, состоящими из пластин с опущенными краями, характерными

для иберийско-мавританской культуры, фации, самый древний известный на сегодня возраст которой не превышает 14 тыс. лет.

Эта относительно запоздалая хронология была подкреплена несколькими абсолютными датировками, полученными методом радиоактивного углерода, который отнес атьерскую культуру в Хауа-Фтеахе к периоду 47 тыс. лет назад (*McBurney*, 1967), а в пещере Контрабандистов – к 12 тыс. лет назад (*Délibrias et al.*, 1982), а также стремлением некоторых авторов рассматривать нижние границы относительных датировок в качестве абсолютных датировок (*Camps*, 1974, p. 35). Однако многочисленные абсолютные датировки были получены на основании анализа сомнительных образцов, таких как карбонаты или раковины; так, в Тафоральте (Марокко) абсолютные датировки, относящие атьерскую культуру к примерно периоду 20 тыс. лет назад, объясняются тем, что было невозможно отчистить раковины улиток, по которым проводилась датировка (*Délibrias et al.*, 1982). Та же самая проблема возникла в бассейне реки Бир-Сахара и в Бир-Тарфави на западе Египта (*Wendorf & Schild*, 1980, pp. 29–35). Кроме того, некоторые абсолютные датировки были получены в сомнительной археологической среде, как, например, в пещере Контрабандистов, где, как известно, колодцы были вырыты на уровнях атьерского периода иберийско-мавританскими жителями пещеры (*Roche*, 1976).

Наименее спорные датировки атьерского периода, полученные методом углерода-14, были относительными, как это было в случае с Дар-эс-Солтаном в Марокко (*Rublmann*, 1951) и с Вади Саура в Алжире (*Chavaillon*, 1964), или очень древними, как в случае с Хауа-Фтеахом. Похоже, что в основном атьерская культура была слишком древней для того, чтобы ее возраст можно было измерять при помощи анализа углерода-14, и это подтверждается тем, что производство в различных местах Алжира связано с фазами последнего межледникового периода (*Alimen*, 1957, pp. 42–44; *Roubet*, 1969). Таким образом, атьерская культура появилась в Северной Африке до завершения последнего межледникового периода и была самой древней культурой эпохи среднего палеолита, которая была установлена в этой части континента. Находка наконечника на ножке атьерского периода в среде, относящейся к позднему ашельскому периоду, указывает на то, что это был предмет местного производства, и сама среда, вероятно, предшествовала последнему межледниковому периоду. К настоящему времени у нас нет прямых подтверждений этой хронологии, однако она могла бы совпадать с теми признаками, которые указывают на то, что «средний каменный век» развился в Восточной и Южной Африке до окончания периода среднего плейстоцена (см. далее).

Датировка окончания атьерского периода также не является точной. В Хауа-Фтеахе эта фация уступила место производству эпохи верхнего палеолита примерно за 40 тыс. лет назад (*McBurney*, 1967), и мы располагаем по меньшей мере пятью абсолютными датировками, осуществленными по методу радиоактивного углерода в месторождениях атьерского периода, сверх той датировки, которая была указана выше и которая относит уровень XXXIII в Хауа-Фтеахе к периоду примерно 47 тыс. лет назад. Вторая датировка, проведенная в Хауа-Фтеахе (уровень XXVIII), отнесла его окончание к периоду примерно 43 тыс. лет назад; в Тафоральте две датировки отнесли верхний уровень атьерского периода ко времени между 32 и 34 тыс. лет назад (*Roche*, 1970–1971), а две другие датировки, проведенные в Айн-Мааруфе (Марокко), определили время окончания атьерского периода примерно 32 тыс. лет назад (*Cboubert et al.*, p. 435; *Hébrard*, 1970). Возможно, что в некоторых местах атьерская культура просуществовала до 30 тыс. лет назад. Ничто не дает нам возможности утверждать, что она продлилась за пределами этой даты, и это оставляет неожиданный пробел в наших знаниях о до-

историческом периоде в Африке и, в частности, на северо-западе континента, где производство по изготовлению пластин с опущенными краями конца периода плейстоцена (иберийско-мавританское), которое последовало за атьерской культурой, возникло лишь накануне периода 20 тыс. лет назад (*Close*, 1980, 1984).

Не представилось возможности установить хронологическую связь между атьерской и мустьерской культурами, несмотря на наслоения, вызванные распределением этих двух фаций между первым и вторым порогами Нила и оазисами Египта. Однако на востоке Сахары некоторые признаки наводят на мысль о том, что в отдельных местах мустьерская культура могла предшествовать атьерской культуре (*Wendorf & Schild*, 1980). Так, в долине Бир-Сахара несколько жилых зон мустьерского периода являются современниками одного из самых древних ископаемых озер, в то время как атьерская культура, обнаруженная в соседней впадине Бир-Тарфави, связана с единственным озером, которое, как полагают, соответствует самому позднему из озер первого бассейна. Кроме того, в самом позднем поселении Бир-Сахара (BS-1) был найден единственный наконечник, изготовленный по методу Леваллуа, у которого имела одна грубо обработанная ножка. И в соответствии с принятой нами типологией это изделие должно быть отнесено к атьерской культуре. Тот факт, что в восточной Сахаре мустьерская культура предшествовала атьерской культуре, совершенно не означает, что она также предшествовала атьерской фазе последнего межледникового периода в Магрибе. Можно сказать, что производства Бир-Сахара и Бир-Тарфави являются слишком древними для того, чтобы их датировать методом радиоактивного углерода.

За исчезновением озера, которое в Бир-Тарфави ассоциировалось с атьерской культурой, последовал долгий период исключительной засухи, в течение которого водный слой опустился по меньшей мере до такого же низкого уровня, какой существует сегодня, и все источники иссыкли. Первые следы какого-либо присутствия человека или животного в этом регионе после окончания атьерского периода датируются началом голоцена, т.е. примерно 10 тыс. лет тому назад.

В долине Нила не обнаружено никаких прямых стратиграфических доказательств существования связи между мустьерской культурой и поселениями, относящимися к атьерской культуре. Месторождение мустьерского периода *in situ* было обнаружено в устье Вади Куббания, в небольшой бухте поблизости от Асуана, в отложениях нильского ила (*Wendorf, Schild, Close*, 1986). Это жилище долины Нила было датировано методом тепловой люминесценции возрастом 89 тыс. лет \pm 18 тыс. лет (Gd-TL33) на основании образца, взятого с уровня, расположенного немного выше поселения мустьерского периода. Это поселение рассматривается как позднее месторождение, поскольку следы более раннего мустьерского периода встречаются в гравии долины, который стратиграфически располагается гораздо ниже этих первых слоев нильского ила. Не ясна связь между отложениями ила эпохи среднего палеолита в Вади Куббания и отложениями Дебейра-Джер в Вади Хальфа в Судане, о которых речь пойдет немного ниже. Самым простым объяснением было бы то, что они соответствуют одной фазе наносных образований, и в таком случае хормузская культура, возможно, следовала за мустьерской культурой, однако возраст мустьерского производства остается неясным по отношению к атьерской культуре в долине Нила.

В начале хормузское производство в долине Нила (*Marks*, 1968b) было отнесено к окончанию эпохи палеолита в связи с наличием зубил и на основании двух датировок, проведенных при помощи углерода-14, которые оказались ошибочными. Сегодня мы располагаем новыми датировками, полученными методом радиоактивного

углерода, а некоторые образцы, использованные в первый раз, были подвергнуты новым анализам. Все современные датировки хормузской культуры не имеют точных границ (Wendorf, Schild & Haar, 1979).

Не установлена прочная стратиграфическая связь между хормузскими поселениями и атьерскими поселениями долины Нила, однако, вероятно, что поселение 440, отнесенное к атьерскому периоду в Нубии, предшествовало появлению хормузских жилищ в этом же регионе. Два стратифицированных скопления, возможно, относящихся к эпохе среднего палеолита, были обнаружены в поселении 440 в песчаной эоловой линзе, находящейся между двумя слоями нильского ила. Вполне вероятно, что они соответствуют нижним слоям так называемой формации Дебейра-Джер, самые поздние слои которой содержат хормузские месторождения как на месте поселения 1017, так и в других местах, близких к Вади Хальфа. Два скопления в поселении 440 содержали одно двустороннее листовидное изделие, а их общая типологическая структура похожа на структуру атьерской культуры в Бир-Тарфави (см. далее).

По причине этой стратиграфической связи и с учетом того, что хормузская культура встречается только в долине Нила, речь могла идти о жилище периода исключительной засухи, который последовал за окончанием атьерского периода в восточной части Сахары (Wendorf & Schild, 1980).

Мы не располагаем никакой абсолютной датировкой по методу радиоактивного углерода в отношении поселений в долине Нила. Многочисленные датировки, которые относятся к периоду между 35 и 30 тыс. лет назад производства по изготовлению пластин эпохи верхнего палеолита в Назлет-Кхтере, в Египте (Varmeersch et al., 1982, 1984), могут, однако, помочь нам установить предел для окончания эпохи среднего палеолита.

Атьерская культура

В Северной Африке насчитывается множество поселений атьерского периода. Разбросанные поселения были обнаружены на севере Нигера, в Мали и в Мавритании, во всей Сахаре и на атлантическом и средиземноморском побережье Марокко, Алжира и Туниса, и далее на востоке до Бир-Тарфави, и в оазисах Кхарга и Дунгул (Caton-Thompson, 1946a; Tixier, 1967; Tillet, 1983). Поселения атьерского периода или поселения, отнесенные к этому вопросу, были также обнаружены в долине Нила между районом, расположенным непосредственно на север от Асуана (Singleton & Close, 1978), и третьим порогом (см. ссылки, указанные в издании Wendorf & Schild, 1976), и, возможно, еще дальше к югу до Хартума (Arkel, 1949; Carlson, 1967).

Инвентарь атьерского периода в различных поселениях Северной Африки весьма разнообразен, и ему некоторые авторы приписывают хронологическое или географическое значение (Antoine, 1950; Rublmann, 1952; Balout, 1955; Dalloni, 1955; Tixier, 1967). В некоторых местностях, таких как Дар-эс-Солтан (Rublmann, 1951), Мугарет-эль-Алия (Howe, 1967) и Тафоральт (Roche, 1969) в Марокко, Каруба (Roubet, 1969) в Алжире и Сиди-Мансур в Тунисе (Alimen, 1957, p. 41), некоторые месторождения атьерского периода были обнаружены в напластованиях. К сожалению, в них не содержится никаких следов связного развития в плане типологии или технологии. Так, в Тафоральте количество изделий на ножке, двусторонних листовидных орудий и скребков на кромке пластин то увеличивается, то уменьшается по мере того, как идет восхождение к истокам атьерского цикла. В Дар-эс-Солтане частота находок скребков увеличивается в более поздних горизонтах, где также отмечается небольшое увеличение количества изделий на ножке; в Мугарет-эль-Алия индекс количества скребков остается постоянным, однако наблюдается

поразительный рост доли двусторонне обработанных листовидных изделий в атьерском периоде верхних слоев (Fering, 1975, p. 116). Отметим также, что одним из доводов, согласно которым пришли к заключению о существовании «мустьерской» культуры на северо-западе Африки, послужил тот факт, что во многих поселениях, и в частности в Сиди-Мансуре и в Тафоральте, скопления, обнаруженные в самых глубоких слоях эпохи среднего палеолита, не содержали изделий на ножке или листовидных изделий, в то время как эти изделия были обнаружены в вышележащих слоях. Однако нет доказательств, что хотя бы одно из этих скоплений предшествовало появлению изделий на ножке или листовидных изделий, отнесенных к беспокойным фазам последнего межледникового периода. Согласно Балу (Balout, 1955, p. 311), большинство изделий, входящих в эти скопления, были выбиты из кварцита, и они гораздо тяжелее и менее обработаны, чем изделия более поздней атьерской культуры, которые изготовлены из кремнезема. Это мастерство, растущее с течением времени, по всей вероятности, объясняется выбором сырья лучшего качества. В высшей степени вероятно то, что атьерская культура претерпела определенную эволюцию на северо-западе Африки, и особенно в том случае, если это производство просуществовало до периода 30 тыс. лет назад. Однако до тех пор, пока мы не будем располагать более точными датировками или другими средствами сопоставления, или же более подробными экологическими данными, будет трудно выделить отличительные черты, вызванные эволюцией во времени, от различий, связанных с изменениями в роде занятий или с переменной сырьем.

В египетской части Сахары атьерская культура также очень разнообразна. Две таксономические категории, не включенные в типологию Борда (Bordes, 1961; см. главу 10), были выявлены и определены в Бир-Тарфави (Wendorf & Schild, 1980). В большинстве поселений этого региона, относящихся к атьерскому периоду, наблюдается очень высокий индекс зубчатых изделий, поэтому они были отнесены к зубчатой стадии атьерского периода. Однако месторождение, в основном состоящее из скребков и наконечников мустьерской культуры, было названо типичным месторождением атьерского периода. Все поселения в Бир-Тарфави бедны как двусторонне обработанными орудиями, так и изделиями на ножке. Только в одном поселении, где были обнаружены особые орудия, идентифицированные в качестве орудий атьерского типа, разделанные скелеты носорогов, буйволов и верблюдов периода плейстоцена были объединены с каменными орудиями, в основном состоящими из различного типа орудий с зазубринами.

Атьерская культура района родников Кхарга отличается от атьерской культуры Бир-Тарфави. Скопления Кхарги богаты изделиями леваллузской техники расщепления, среди которых встречается множество наконечников с отделкой, а некоторые характерные образцы имеют утонченную пятю. Среди них доминируют изделия на ножке и двусторонние листовидные изделия.

Во многих месторождениях эпохи среднего палеолита, открытых в долине Нила между вторым порогом на севере Судана и третьим порогом, находящимся южнее, обнаружены многочисленные изделия Леваллуа, двусторонние листовидные орудия и несколько изделий на ножке (Guichard & Guichard, 1965; Chmielevsky, 1968). Эти комплексы были так же близки к среднему каменному веку в Восточной Африке, как и к атьерскому периоду. Похоже, что эти поселения служили граничными мастерскими, в которых применялся кварцевый песчаник, поскольку в них были обнаружены листовидные изделия, которые, совершенно очевидно, были незаконченными или поломались в процессе изготовления. Образцы изделий очень изящны, имеют удлиненную форму и тонко обработаны, они ничем не отличаются от типичных двусторонних листо-

видных изделий атьерской культуры. Ни в одном из этих поселений не обнаружено ископаемых остатков животных, и не было возможности сделать их привязку к циклу отложений осадочных пород на Ниле.

Два стратифицированных скопления, отнесенных к атьерской культуре, которые были найдены на поселении 440 на высоте второго порога, поблизости от Вади Хальфа, могли образоваться на месте этих гранитных мастерских. Эти скопления изготовлены из кварцита или из скальных пород докембрийского периода и характеризуются слабым индексом изделий типа Леваллуа и значительным содержанием зубчатых изделий. В этом смысле они идентичны атьерской культуре в Бир-Тарфави.

Учитывая, что датировки атьерских поселений, относятся к периоду, начинающемуся по крайней мере с последнего межледникового периода и, возможно, до столь позднего периода – 30 тыс. лет назад, то можно было бы констатировать некоторую эволюцию в производстве орудий. Однако этого не было сделано. Можно было бы ожидать, что удастся увидеть некоторые модификации орудий от региона к региону. Возможно, одну из этих модификаций следует видеть в том, что, например, остроконечники на ножке или наконечники с зубринами (марокканские наконечники) чаще встречаются на северо-западе Африки, в то время как атьерская культура северо-восточной Африки характеризуется большей долей изделий с зубринами. Однако в целом атьерская культура восточной окраины континента абсолютно схожа с атьерской культурой его западной окраины.

Мустьерская культура

В том значении, как мы ее здесь понимаем, о мустьерской культуре в Северной Африке можно говорить только в отношении одной зоны, ограниченной на юге вторым порогом Нила, а на западе – впадиной Бир-Сахара. Многочисленные поселения эпохи среднего палеолита, в которых находят множество изделий типа Леваллуа, но в которых отсутствуют изделия на ножке и двусторонне обработанные листовидные изделия, были обнаружены в долине Нила, на севере Судана и в Египте (*Sanford & Arkell, 1939; Caton-Thompson, 1946b; Marks, 1968a; Hester & Hoebler, 1969; Vermeersch et al., 1982*) и далее на востоке в оазисе Кхарга и во впадине Бир-Сахара (*Caton-Thompson, 1952; Wendorf & Schild, 1980; Schild & Wendorf, 1981*). Эти месторождения были описаны то как леваллуазские, то как мустьерские.

В большинстве поселений мустьерского периода в долине Нила были найдены лишь несколько отдельных изделий, обнаруженных в отложениях речного ила или в скоплениях того же типа, находившихся в речном гравии. Единственная известная нам сохранившаяся жилая зона находится в устье Вади Куббания, вблизи Асуана; там был обнаружен комплекс каменных предметов, по большей части из кварца, среди которых было несколько нуклеусов и сколов типа Леваллуа, скребки и зубчатые изделия, покрытые нильским илом в маленькой бухте (*Wendorf, Schild, Close, 1986*).

В районе Вади Хальфа, в Судане, поселения мустьерского периода были обнаружены на вершинах небольших холмов или на склонах скалистых образований, иногда они были покрыты красной почвой неизвестной эпохи. Были выявлены две фации – мустьерская, с производством зубчатых изделий, и мустьерская нубийская, двух типов: А – без производства двусторонне обработанных орудий и Б – с производством таких орудий (*Marks, 1968a*). Это разделение было оспорено (*Wendorf & Schild, 1980, p. 251*), поскольку оба известных поселения, принадлежащих к типу Б, находятся на поверхности и двусторонние орудия, которые невозможно отличить от изделий позднего атьерского периода, могли быть привнесены в местонахождение

извне. В поселениях мустьерского нубийского периода индекс Леваллуа имеет переменную величину, и в этих поселениях находят большое количество скребков, орудия эпохи верхнего палеолита и небольшое количество зубчатых изделий.

Серия поселений во впадине Бир-Сахара, небольшом дефляционном углублении неправильной формы, которое превратилось в обширную равнину из спрессованных эоловых песчаных отложений, предшествующая позднему ашельскому периоду, следы которого встречаются на его поверхности, служит основным источником информации о мустьерской культуре в Северной Африке (*Schild & Wendorf, 1981*). В регионе существуют и другие дефляционные впадины, самой важной из которых является впадина Бир-Тарфави, расположенная в 11 км на восток от Бир-Сахара. В бассейне Бир-Сахара цикл эпохи среднего палеолита начинается с одной дюны, содержащей изделия, которые подверглись сильной ветровой эрозии и которые принадлежат к этой эпохе. Они попали в эту дюну до окончания периода миграции дюн. Затем следуют несколько слоев озерных и прибрежных отложений, в которых было обнаружено четыре последовательных уровня местонахождений мустьерского периода. Находка в глубине впадины многочисленных ископаемых остатков грифов, обнаруженных во время последней дефляции, и отсутствие дренажной сети по ее периметру дают достаточно оснований предположить, что озера скорее питались водой из источников, чем из атмосферных осадков.

На четырех горизонтах мустьерского периода бассейна Бир-Сахара не было выявлено никаких следов последовательной эволюции во времени. Все скопления, за исключением одного (см. далее), можно отнести к мустьерскому периоду изготовления зубчатых изделий. Действительно, они характеризуются ярко выраженным преобладанием зубчатых изделий, малой или средней частотностью появления скребков и наличием незначительного количества орудий эпохи верхнего палеолита, к которым прибавились несколько пластин (рис. 12).

В этих скоплениях нет ни ручных орудий, ни двусторонне обработанных орудий. Изделия по технологии Леваллуа занимают в них более или менее важное место: в самом раннем из поселений этой группы (BS-11) обнаружено небольшое количество изделий, изготовленных по этой технологии, тогда как в немного более позднем поселении BS-13 обнаружено ее сильное влияние. Эти модификации в большей степени объясняются положением каждого местонахождения в цикле обработки сырья, чем воздействием каких-либо культурных факторов (см. далее). Несмотря на то, что самое позднее поселение в бассейне (BS-1) рассматривалось в качестве поселения атьерского периода из-за наличия нетипичного изделия на ножке, здесь мы его рассмотрим в рамках собственно мустьерской культуры. Сколы, полученные при отбивании, и изделия, обнаруженные в поселении, отличаются своими небольшими размерами, даже если орудия позднего периода атьерской культуры в Бир-Тарфави можно сравнить с орудиями мустьерской культуры, обнаруженными на нижних уровнях. Кроме того, типологический уровень поселения BS-1 значительно выше, чем у более ранних месторождений мустьерского периода.

Различные жилища в Бир-Сахара эпохи среднего палеолита явно свидетельствуют о существовании сложного производства каменных орудий. В поселении BS-11 (разрозненном поселении небольшой плотности) расположенном недалеко от источника воды, было обнаружено большое количество отщепов, полученных в результате придания исходной формы нуклеусам и сколам, которые образовались в ходе подготовки нуклеусов по методу Леваллуа, но там не было обнаружено орудий Леваллуа (сколы, пластины, наконечники или нуклеусы). Мы полагаем, что речь идет о стоянке, на которой были уменьшены раз-

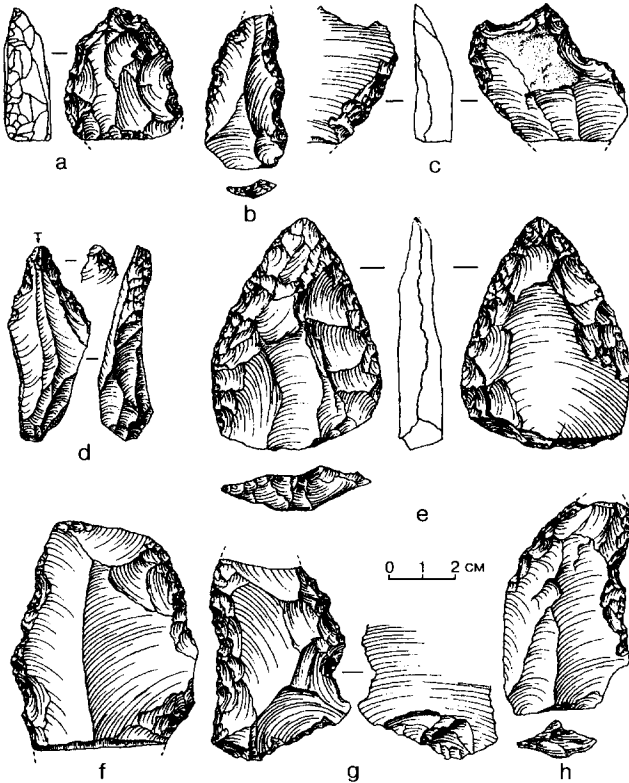

Рис. 12. Бир-Сахара (поселение 13) (Египет). Предметы мустьерской культуры: а, h – боковые скребки; b, f, g – зубчатые изделия; c – загнутый наконечник; d – шило; e – мустьерский наконечник (по Wendorf & Schild, 1980)

меры некоторых нуклеусов Леваллуа, и они были подготовлены для дальнейшего перемещения.

Напротив, в поселении BS-13 – другом разрозненном месторождении, находящемся недалеко от берега реки, было обнаружено небольшое количество сколов, полученных в результате первичной или последующей обработки нуклеусов, и большее количество законченных изделий Леваллуа и орудий с отделкой. Похоже, что эти изделия были доставлены в поселение в готовом виде, а затем, после их применения, оставлены на месте.

В самом позднем поселении этого комплекса, жилище атьерского типа BS-1, находилось небольшое количество сколов, полученных в результате раскалывания камней; много сколов, полученных от подготовительных работ по методу Леваллуа; очень мало нуклеусов типа Леваллуа, но большое количество сколов Леваллуа. Здесь происходила подготовка нуклеусов, уменьшенных в другом месте (самые близкие выходы пород кварцитового песчаника располагаются примерно в 25 км на восток), часть из которых высекалась на месте, а оставшиеся нуклеусы направлялись в другие места.

Крайне трудно в убедительной манере сравнить поселения мустьерского периода в Бир-Сахара с поселением леваллуазского периода в Кхарга из-за ограниченного количества образцов, относящихся ко второй фации. Среди них очень редко встречаются орудия с отделкой, в основном попадают скребки, сколы и наконечники Леваллуа. Помимо леваллуазской и атьерской культуры Кэтон-Томпсон (1952) идентифицировала два других производства среди родников, долин и грязевых впадин Кхарга и ее окрестностей. Речь идет о леваллуазско-кхаргийской и кхаргийской культурах, которые, по ее словам, существовали в промежутке между леваллуазской и атьерской культурами. Они обладают примерными чертами мустьерской культуры и отличаются от нее лишь небольшим размером изде-

лий и наличием следов возможной отделки по прямой, по косой линиям и с небольшими зубринами. Этот тип скопленный был также обнаружен в районе Дунгула, в 200 км к юго-востоку от Кхарга (Hester & Hoebler, 1969), но он неизвестен в других местах. Макберни (McBurney, 1960, pp. 155–158) сделал предположение, что эти «орудия» были подставками, обработанными в результате естественных процессов.

Хормузская культура

Третья фация эпохи среднего палеолита в Северной Африке, хормузская культура, встречается во многих поселениях в долине Нила на уровне второго порога, на севере Судана. Характерные каменные орудия из этих поселений почти исключительно состоят из сколов, часто выбитых по методу Леваллуа из кварцитового песчаника или из кремнистого нильского известняка – двух скальных пород, имеющих в регионе. Среди предметов с отделкой было отмечено преобладание зубил и скребков (Marks, 1968b) (рис. 13).

Несмотря на то, что поселения хормузского периода были обнаружены в слоях наносного ила Дебейра-Джер, с точки зрения стратиграфии трудно воссоздать эволюцию этого производства из-за значительных сезонных изменений уровня Нила. Мало известно об объемах и структуре хормузских производств. Тем не менее, кажется, что речь шла о жилищах, располагавшихся рядом с источниками воды, большинство из которых заселялись неоднократно.

Образ жизни

Те сведения, которыми мы располагаем об образе жизни населения Северной Африки в эпоху среднего палео-

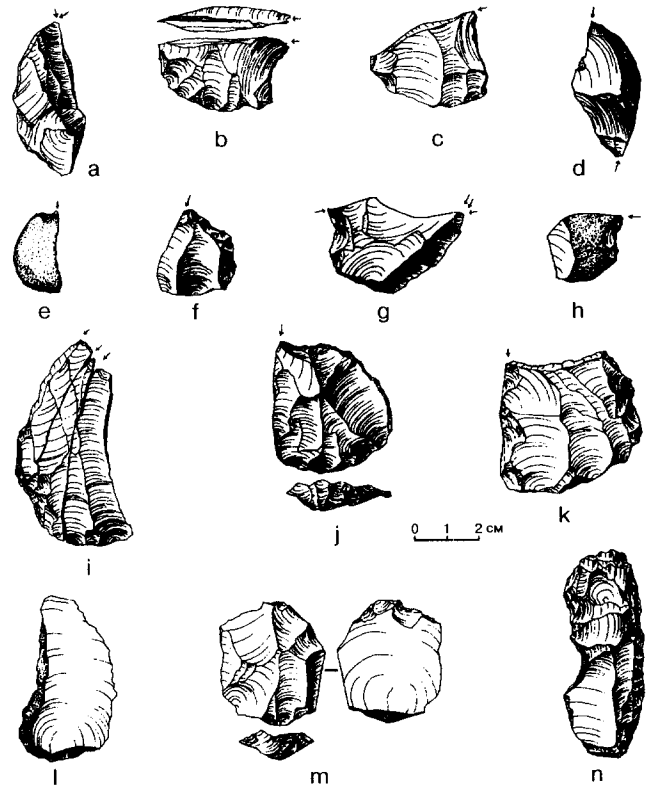

Рис. 13. Поселение 1017 (Нубия). Изделия хормузской культуры: а–к – зубила; l – нож с естественным обухом; m – скол Леваллуа; n – зубец (по Marks, 1968b)

лита, получены почти исключительно из поселений атьерского типа. Мы слишком мало знаем из этой области в отношении мустьерской и хормузской культур. Мастерские атьерской культуры располагались в пещерах вдоль побережья Средиземного моря, в песчаных дюнах, нависающих над побережьем, на берегах бывших рек, вблизи родников, подверженных дефляции, или в осадочных породах ископаемых озер. В Сахаре, как и следовало ожидать, поселения атьерского периода всегда ассоциировались с остатками располагавшегося поблизости источника воды и с геологическими вехами, свидетельствующими о том, что уровень влажности здесь когда-то был значительно выше, чем сегодня. Некоторые имеющиеся палинологические данные говорят о том, что когда-то в Магрибе было значительно больше деревьев, в частности, кедров и кипарисов (*Van Campo & Coque, 1960*). Ни в одном из поселений атьерского периода не было найдено остатков растительной пищи, жерновов или других следов приготовления растительной пищи. Мы абсолютно ничего не знаем и можем только предполагать, чем питались в то время.

Обилие ископаемых остатков животных в сочетании с некоторыми местонахождениями атьерского периода предполагает наличие богатой окружающей среды, в частности, на северо-западе Африки, где в поселениях, относящихся к культуре этого периода, было обнаружено 37 различных видов животных, и среди них слон, носорог, лошадь и осел или зебра, гиппопотам, свинья, бородавочник, дикий бык, буйвол, шесть разновидностей газелей, гиена, гигантский верблюд и дикий баран. Учитывая исключительно скудную информацию о повторяемости этих видов животных в различных поселениях, мы не в состоянии определить, пользовались ли отдельные виды животных особым предпочтением со стороны той или иной группы атьерской культуры. Однако Даллони (*Dalloni, 1955, p. 422*) отмечает, что фауна, обнаруженная в Регайма в Алжире, в основном состояла из лошадей и диких животных. Ни в одной из публикаций не упоминается о повторяемости находок или о состоянии элементов скелета, представляющего каждый вид. Следовательно, было бы преждевременно судить о важности, которую могла бы иметь в Северной Африке охота или разделывание падаль, как это уже было сделано в отношении Африки Южного полушария (см. далее).

Фауна, относящаяся к атьерскому периоду, в восточной Сахаре беднее, чем в Магрибе, однако в нее входят белый носорог, буйвол, гигантский верблюд, осел, лань, газель и антилопа среднего размера, которую не смогли идентифицировать. Ничто не позволяет сделать вывод о существовании специализации в охоте на какой-либо один вид. Эта фауна предполагает наличие богатой природной среды, например, саванны более влажного типа, чем сегодня на подступах коз. Чад, и значительно более влажного, чем когда-либо была восточная Сахара в период голоцена. Мы предполагаем (не имея возможности предоставить доказательства), что эти крупные животные служили добычей. Тот факт, что группы орудий атьерской культуры находились вместе с этими ископаемыми остатками, доказывает, что туши животных были разделаны. Поскольку уносились кости с самыми мясистыми частями туш, то в разделочных поселениях сохранились в основном черепа и кости нижних частей конечностей (*Gautier, 1980, p. 324*); следовательно, люди сами убивали этих животных, не удовлетворяясь разделыванием падаль. Однако эта гипотеза нуждается в подтверждении.

Что касается Киренаики, то имеется большой соблазн сделать предположение о том, что продуктами моря систематически пользовались в Хауа-Фтеахе сначала группы, принадлежащие к протоориньякской культуре, затем представители атьерской культуры. Макберни (*McBurney, 1967, p. 54*) действительно обнаружил громадное количество раковин съедобных морских моллюсков на уровнях этого

поселения, относящихся к эпохе среднего палеолита. Раковин оказалось так много, что моллюски должны были занимать важное место в рационе питания этих групп людей. Ни одной находки подобного типа не было сделано в других районах Северной Африки, однако известно, что такая форма использования подобных морских ресурсов, или даже более масштабная форма, развивалась в эту или немного более раннюю эпоху в Южной Африке (см. далее).

Поселения атьерского периода в долине Нила предоставили более ограниченную информацию, однако фауна, отнесенная к поселению 440 в Нубии, представляет особый интерес. На самом глубоком уровне была обнаружена фауна, в которой среди нескольких ослов, гиппопотамов и газелей преобладал дикий бык. Если исключить один фрагмент лопатки, то все костные остатки быков, поддающиеся идентификации, представляли собой части черепа (в частности, зубы) или нижние части конечностей (*Gautier, 1968, table 2*). Эти костные остатки не были изучены с целью узнать, обглоданы ли они самими охотниками, однако их распределение согласуется с гипотезой, согласно которой группы представителей атьерской культуры, проживающие в долине Нила, разделявали туши быков, убитых другими охотниками. Среди фауны вышележащего уровня доминировала нильская рыба-кот. Это один из первых известных примеров интенсивной рыбной ловли в пресной воде, который можно добавить к другим свидетельствам о добыче морских продуктов на Киренаике (и в южной части Африки). Нам неизвестны методы, применявшиеся при ловле этой рыбы, но рыбная ловля не требовала слишком большой изобретательности или сложного снаряжения.

Некоторые свидетельства, которыми мы располагаем, об образе жизни групп, принадлежащих к хормузской культуре, получены из того же региона, где в соседних поселениях, относящихся к этому производству, были найдены остатки животных, которые также почти полностью состояли из окаменелостей диких быков. Тем не менее в этих месторождениях, в которых содержалось значительное количество костей (длинные кости, кости таза и ребра), редко встречались зубы и нижние кости конечностей (*Gautier, 1968, table 2*). Это наводит на мысль о том, что группы людей начали регулярную охоту на диких быков до завершения эпохи среднего палеолита. На основании сравнимых показателей Бинфорд (*Binford, 1984*) сделал предположение, что жители южной части Африки стали более агрессивными в поисках мяса, начиная со среднего каменного века.

В том, что касается мустьерской культуры, наши знания еще более ограничены. Поселения мустьерского периода в долине Нила не содержали остатков животных, а в оазисе Кхарга был найден лишь один зуб лошади (*Caton-Thompson, 1952*). Костные остатки животных, обнаруженные в поселениях мустьерского периода в Бир-Сахара, в своем большинстве похожи на окаменелости атьерского периода, но их количество значительно больше. Большинство из них принадлежит белым носорогам, а некоторые – гигантским верблюдам или буйволам; дикий осел, бородавочник и антилопа попадают очень редко (*Gautier, 1980*). Эти относительно редкие находки костных остатков животных в поселениях мустьерского периода объясняются, может быть, тем, что они не были поселениями, в которых разделяли туши животных.

Другие виды культурной деятельности

Нет доказательств того, что в Северной Африке в эпоху среднего палеолита существовали хижины или другие конструкции жилищ. Нет сомнений в том, что огонь был известен и им управляли – многочисленные находки в пе-

щерах показывают наличие толстых слоев пепла, однако сооружение очагов было крайне редким.

Некоторые признаки наводят на мысль, что либо группы людей эпохи среднего палеолита перемещались на большие расстояния, либо существовали обширные контакты между различными группами. Почти все изделия мустьерской и атьерской культур Бир-Сахара выбивались из кварцитового песчаника, который выходил на поверхность в 25 км от поселения, однако лишь небольшое количество изделий эпохи были изготовлены из кремния, самое близкое местонахождение которого находилось в 200 км на восток. Это могло бы означать, что сырье являлось предметом обмена, или что группы людей совершали большие переходы. К сожалению, ничто не дает нам возможности склониться к тому или иному варианту.

Следы иной, не хозяйственной, деятельности крайне редко встречаются в Северной Африке в эпоху среднего палеолита. Фрагмент костяной флейты был обнаружен на уровне протоориньякской культуры в Хауа-Фтеахе (McBurney, 1967, p. 90), и непонятно, почему следующие поколения жителей этого региона не были способны изготавливать подобные изделия, и для объяснений не хватает прямых доказательств. Если обнаруживают охру в поселениях атьерского периода и порошок красного железняка во всех поселениях хормузского периода, то далее все сводится к гипотезам об их возможном применении, как это уже было в других регионах Африки (см. далее). Видимое отсутствие красителей в месторождениях мустьерского периода отчасти вызвано тем, что поселения, относящиеся к этой культуре, не стратифицированы в глубину. Возможно, охру специально использовали для окраски двух орудий из их общего числа, обнаруженного в Эль-Геттаре (Тунис) (Gruet, 1954, p. 32). Неизвестно значение этого действия, которое не является общепринятым, однако оно представляет определенный интерес для Магриба, где орудия с отделкой часто окрашивались группами людей более поздних периодов эпохи эципалеолита (мезолита – среднего каменного века).

И тем не менее Эль-Геттар предоставил наилучшее свидетельство, которым мы располагаем, о символах, применявшихся людьми в эпоху среднего палеолита в Северной Африке, в виде странного нагромождения каменных ядер (Gruet, 1954, pp. 67–77). В поселении на месте источника было обнаружено 7 м отложений эпохи среднего палеолита; груда камней была найдена у основания стратиграфического цикла, возникшего на плоской поверхности, на берегу источника. Имея форму конуса диаметром у основания 1,3 м и высотой примерно 70 см, она состояла из 60 ядер различного размера; почти все они сделаны из известняка; самые крупные ядра (диаметром 18 см), неправильной формы, находились у основания, а самые маленькие (диаметром 5,4 см) – абсолютно сферической формы – находились у вершины. Внутри этого конуса находились костные остатки и каменные сколы (примерно 2 тыс. штук и среди них один типичный наконечник с ножкой). Похоже, что кости и орудия были просто собраны на месте (они не отличаются от всего комплекса орудий, найденных в других пунктах раскопок), однако люди позаботились, чтобы самые совершенные изделия оказались на вершине. В основании внутренней части конуса находились две тонкие пластинки из известняка, найденного за пределами ближайших окрестностей.

Методологический подход и та логичность в построении, о которых свидетельствует это нагромождение, наводят на мысль о том, что оно сооружалось за один раз, а не постепенно. Тот факт, что оно было засыпано землей нетронутым, показывает, что речь не шла об удобном способе хранения каменных ядер. Археолог, который сделал это открытие, видит в этом дань памяти *genius loci*, т.е. духу источника. До настоящего времени не было высказано ни одного удовлетворительного практического объяснения.

Таким образом, мы вынуждены, в свою очередь, сделать заключение, что это нагромождение должно иметь символическое значение.

ЮЖНАЯ АФРИКА

Вторым регионом Африканского континента, о котором мы располагаем достаточно хорошей документацией относительно эпохи человека из Неандертала, является южная часть Африки, в частности, зона, расположенная к югу от 10-й параллели, которая включает в себя, частично или полностью, современные территории Малави, Замбии, Республики Конго, Анголы, Мозамбика, Зимбабве, Ботсваны, Намибии, Южно-Африканской Республики, Лесото и Свазиленда. К сожалению, до настоящего времени изыскания проводились неравномерно, и получилось так, что территории Анголы, Ботсваны и Мозамбика остаются мало исследованными, а основная имеющаяся информация получена из Зимбабве и в большей части из Южно-Африканской Республики (карта 11).

В этом регионе эпоха неандертальцев почти в точности соответствует той эпохе, которую принято называть «средний каменный век». Отдельные авторы (Bishop & Clark, 1967, pp. 896–897) пытались отказаться от использования этого названия, культурологический смысл которого не оправдан, однако ввиду удобства оно широко употребляется в родовом значении, так что и мы принесем себя в жертву этой условности. Оно не предполагает существования никакого социального образования между различными месторождениями, которые отнесены к нему.

Типы гоминидов

К югу от Сахары не было обнаружено никаких ископаемых остатков неандертальцев в прямом значении этого слова. Похоже, что поздний ашельский период, который предшествовал среднему каменному веку, должен быть отдан архаичному представителю вида *человек разумный*, которого иногда рассматривают в качестве отдельной ветви, называемой *человек разумный родезийский*. Похоже, что этот вид, отмеченный в Замбии (Брокен-Хилл или Кавбе) и в Южно-Африканской Республике (в различных поселениях, среди которых поселение Эландсфонтейн в Капской провинции датировано с наибольшей точностью), появился в конце периода среднего плейстоцена (Rightmire, 1984, pp. 160–162). Трудно установить, идет ли речь о прямом предке современной ветви гоминидов (*человек разумный sapiens*), однако очевидно, что этот вид уже существовал в Южной Африке до наступления среднего каменного века.

Очень малое количество ископаемых остатков гоминидов можно с уверенностью или с большой степенью вероятности отнести к среднему каменному веку, тем более что речь идет только об их фрагментах. Среди самых древних окаменелостей, относящихся к этому периоду, самые интересные были обнаружены в Класис-Ривер-Маус, на побережье Капской провинции, и в Бордер-Кейв, на границе со Свазилендом. Большинство ископаемых остатков гоминидов, найденных в Класис-Ривер-Маус, находилось внутри самого глубокого слоя цикла, относящегося к среднему каменному веку. Эти остатки очень фрагментарны и свидетельствуют об относительной массивности представителей вида, однако некоторые из них, по меньшей мере включая самых древних, рассматриваются как подлинные образцы современного вида *человек разумный sapiens* (Singer & Wymer, 1982, pp. 139–149). Возраст этих последних окаменелостей составляет, вероятно, более 100 тыс. лет (см. далее). В Бордер-Кейв были найдены остатки по крайней мере четырех индивидуумов (одним из которых

был захороненный ребенок), которые относятся, возможно, к среднему каменному веку, однако уверенности в этом нет (Klein, 1983). С морфологической точки зрения они отличаются от современного вида лишь некоторой массивностью (Rightmire, 1984, pp. 164–165). Если датировки определены правильно, то самые древние из них жили приблизительно 115 тыс. лет тому назад.

Похоже, что обе группы окаменелостей являлись современниками европейских неандертальцев; они входят в состав самых древних остатков современного вида человека, известных в мире. Это не означает, что вид *человек разумный sapiens* непременно произошел из района Африки южнее Сахары, однако если это и не так, то он незамедлительно распространился в этом регионе. Помимо этого, были обнаружены схожие признаки между окаменелостями, относящимися к данному периоду, и народностями (хоями и санами), проживающими сегодня в Южной Африке (Rightmire, 1979, 1984). Это дало возможность предположить, что названные этнические общности могли быть их далекими потомками.

Хронологические рамки

Длительное время полагали, что в Африке южнее Сахары ашельский период продлился очень долго, и что средний каменный век был «современником» эпохи верхнего палеолита в Европе (Clark, 1970, pp. 247, 252), однако сегодня кажется возможным, что ранний каменный век (включая ашельский период) в основном закончился к 200 тыс. году до н. э. Дата 174 ± 20 тыс. лет, полученная методом анализа изотопов урана в Рооидаме (недалеко от Кимберли в Южно-Африканской Республике), предоставила ценную информацию о предельной границе этого периода (Szabo & Butzer, 1979).

Анализ геоморфологии и седиментогенеза в Бордер Кейв показал, что продолжительный цикл среднего каменного века в этом поселении начался в конце периода среднего плейстоцена, т.е. в начале периода предпоследнего оледенения. Согласно абсолютной датировке, начало цикла относится к периоду примерно 195 тыс. лет назад (Butzer et al., 1978). В открытом поселении Дуинфонтейн 1 (Капская провинция) были обнаружены достаточно однородные орудия среднего каменного века (Klein, 1976) вместе с архаичной фауной; этот комплекс появился раньше прибрежных дюн последнего межледникового периода (Butzer et al., 1978, p. 135) и мог бы датироваться той же эпохой, что и Бордер Кейв. Следовательно, по крайней мере в некоторых частях Южной Африки эпоха «средний каменный век» могла быть отнесена к периоду 200 тыс. лет назад. Эта дата является очень древней, но приемлемой, если сравнить ее с датами, которые были получены по месторождениям той же эпохи, открытым в Эфиопии, и если принять во внимание наличие характерного производства в период среднего плейстоцена в Лаэтоли, в Танзании (Day et al., 1980). Очень достоверные датировки, проведенные в пещерах на южном побережье Капской провинции, где стратиграфические циклы состоят из многочисленных уровней, отнесли средний каменный век к началу периода позднего плейстоцена; так, в Класис-Ривер-Маус самые древние горизонты, относящиеся к этому производству, расположены над регрессивными отложениями или в середине этих отложений (± 7 м), относящихся к самой ранней фазе последнего межледникового периода, а анализы методом замеров изотопов кислорода определяют начало цикла возрастом 125–130 тыс. лет (Shackleton, 1982).

Окончание эпохи среднего каменного века не могло быть достоверно установлено, однако, возможно, она не закончилась одновременно во всей Южной Африке (как, впрочем, и ее возникновение). Первые микролитические орудия, относящиеся к позднему каменному веку (поздний

плейстоцен), были обнаружены в Бордер-Кейв; они датируются возрастом примерно 38 тыс. лет (Butzer et al., 1978). Возраст других месторождений (ряд из которых не был описан), не принадлежащих к эпохе среднего каменного века, старше 20 тыс. лет. Они располагаются во многих поселениях Южной Африки (Deacon, 1984): в Сехонгхонге в Лесото (Carter & Vogel, 1974), в пещере Леопардс-Хилл в Замбии (Miller, 1971) и, возможно, в некоторых поселениях Чангула в Зимбабве (Cooke, 1971), хотя в последнем случае к ним могли примешаться изделия, относящиеся к другим периодам (Volman, 1984, p. 210). В стратиграфических циклах пещер часто возникает значительный пробел (иногда составляющий десятки тысяч лет) в заселении региона между эпохами среднего и позднего каменных веков, который проявляется в то же время и в такой же манере, как и в Северной Африке. Микролитические орудия получают широкое распространение в Южной Африке, начиная с периода 20 тыс. лет до н. э.: в Нахикуфьен в Замбии (Miller, 1971), в поселениях Чангула в Зимбабве и в производстве Робберга дальше на юг.

Закат производств типа среднего каменного века в Южной Африке начался немного позднее периода 40 тыс. лет назад. Однако сроки значительно изменяются в зависимости от регионов: поселения Чангула в Зимбабве сохраняют характерные черты эпохи среднего каменного века до 12 тыс. лет назад, и хотя кажется, что эта культура исчезла в районе 30 тыс. лет назад на юге Капской провинции, она просуществовала еще в течение нескольких тысячелетий в Намибии (Wendt, 1976) и в Лесото (Carter & Vogel, 1974).

Каменные орудия

По определению эпоха среднего каменного века характеризуется наличием таких каменных орудий, как зубчатые орудия, скребки и наконечники из сколов или из пластин. В действительности единственным главным отличием, которое с определенной регулярностью можно наблюдать между самыми поздними скоплениями эпохи раннего каменного века и самыми ранними скоплениями эпохи среднего каменного века, является отсутствие в них грубых режущих орудий типа двусторонне обработанных и ручных орудий, а также топоришков. Орудия из сколов были известны уже в производстве ашельского периода, а изделия из сколов начала эпохи среднего каменного века в лучшем случае имели лишь небольшие усовершенствования по сравнению с изделиями предшествующего периода. Если методы изготовления к концу эпохи среднего каменного века были усовершенствованы и «стандартизированы», то в начале этого периода они не представляли никаких коренных новшеств по сравнению с производствами предшествовавших периодов (Volman, 1984).

Эпоха среднего каменного века в Южной Африке обладает некоторыми модификациями во времени и в пространстве. Она, несомненно, характеризуется большим разнообразием, чем эпоха раннего каменного века (Klein, 1983; Volman, 1984), и это, возможно, соответствует более развитой специализации, однако трудно определить четкие модели изменчивости. Из-за того, что до настоящего времени раскопки были сконцентрированы в определенных зонах, трудно выделить основные региональные тенденции и невозможно определить хронологию эволюции в менее исследованных регионах. Помимо этого, количество исследованных месторождений эпохи среднего каменного века незначительно, некоторые из них, в частности самые ранние, содержат лишь незначительный процент типичных орудий с отделкой, что делает их идентификацию случайной и неточной.

Тем не менее некоторые хронологические тенденции явно проявляются на крайнем Юге региона, где было рас-

копано относительно большое количество поселений эпохи среднего каменного века, в частности пещер, в которых месторождение располагалось на нескольких уровнях. Самыми известными поселениями, относящимися к последней категории, являются пещеры и скальные укрытия в Класис-Ривер-Маус на берегу Цицикама (Singer & Wymer, 1982), в которых располагается длинный цикл эпохи среднего каменного века, с начала последнего межледникового периода. Названные поселения не содержат горизонтов, относящихся к самому началу этой эпохи, о котором мы располагаем малым количеством данных. Описанные скопления состояли из сколов небольшого размера, часто довольно широких, среди которых имелся незначительный процент орудий с отделкой – в основном зубчатые орудия и несколько скребков. В них не было ни одного наконечника с отделкой (Volman, 1984).

В ранний период эпохи среднего каменного века в Класис-Ривер-Маус (СКВ I и СКВ II, по определению Зингера и Ваймера, 1982) в качестве сырья использовали кварцитовую гальку местного происхождения. Этот период характеризовался крупными удлинненными сколами или пластинами из сколов (называемых так, поскольку их длина по меньшей мере вдвое превышала их ширину, и они имели одинаковые пропорции с пластинами, однако отсекались методом прямого удара), получаемыми путем отсечения с одной ударной плоскости или с двух ударных плоскостей, расположенных с противоположных сторон. Со временем размер этих сколов значительно уменьшился. Орудия с отделкой получили большее распространение и стали более разнообразными, чем в скоплениях периода среднего плейстоцена, и состояли из зубчатых орудий (число которых со временем уменьшается), наконечников с отделкой (постепенно заменяемых простыми пластинами из заостренных сколов), скребков, использованных сколов и нескольких зубил, редко встречающихся, но типичных. Немного увеличивается пропорция орудий, высекаемых из сырья, привозимого издалека. Однако это увеличение незначительно. Некоторые, редко встречающиеся изделия на ножке, найденные в этих поселениях (Singer & Wymer, 1982, fig. 5.10, pp. 19–20) и в других местах (Volman, 1984, fig. 9, p. 6), наводят на мысль об изготовлении составных орудий. Похоже, что менее богатые, самые поздние слои этой эпохи в Класис-Ривер-Маус (уровни СКВ III и СКВ IV, описанные Зингером и Ваймером, 1982) подтверждают тенденции, уже отмеченные в самой ранней части цикла. Применение каменного сырья неместного происхождения становится относительно более частым, состав орудий обогатился за счет сколов с опущенными краями и небольших плоских наконечников, но за исключением этих отличий, состав орудий с отделкой совершенно не изменился (рис. 14). Разные авторы считают, что окончание цикла среднего каменного века в Класис-Ривер-Маус происходило в районе 65 тыс. лет назад или до 30 тыс. лет назад (Shackleton, 1982).

Самой замечательной чертой этого поселения является включение в этот однородный цикл совершенно особого производства из Ховисонс-Поорта, которое разместилось между ранними и поздними горизонтами эпохи среднего каменного века, то есть между СКВ II и СКВ III, определенными Зингером и Ваймером (1982). Местный кварцит по большей части заменяется мелкозернистыми скальными породами, такими как силькреты, твердые сланцы, кварц и халцедон, которые, вероятно, привозились из относительно удаленных районов. Из этих материалов изготавливали сколы и пластины из сколов маленьких или иногда микролитических размеров. Среди относительно большого количества орудий с отделкой, которые характерны для этого производства, самыми типичными и оригинальными являются изделия с обухом: полумесяцы, трапеции, треугольники и наконечники с опущенными краями. В скоплениях были также найдены чешуйчатые изде-

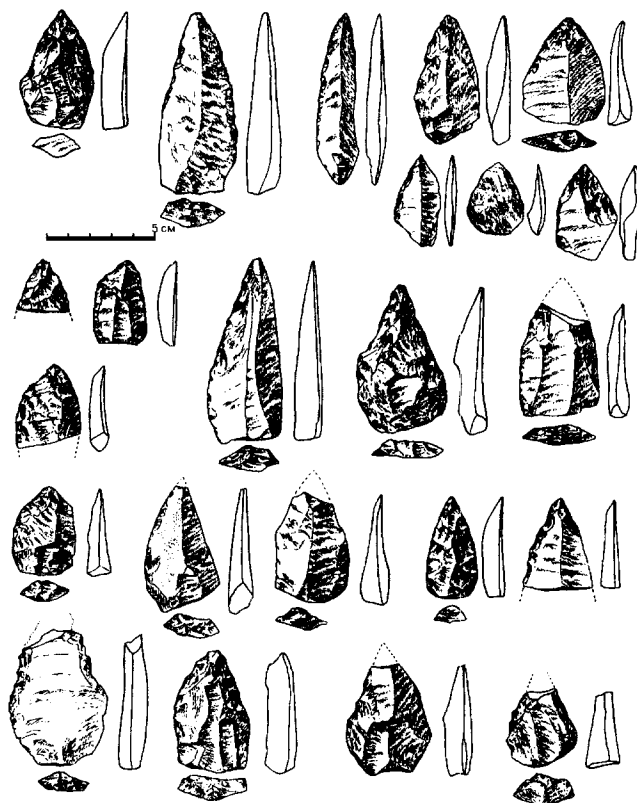

Рис. 14. Класис-Ривер-Маус (Южная Африка): каменные наконечники эпохи позднего среднего каменного века (по Singer & Wymer, 1982)

лия с отделкой (неизвестные на горизонтах СКВ в Класис-Ривер-Маус), скребки, на крае пластины с закругленной головкой, сжатые пластины и зубила, но практически не было зубчатых изделий (Singer & Wymer, 1982, pp. 87–106). Рассуждая об этих изделиях в основном по аналогии с подобными изделиями с обухом эпохи позднего каменного века, многие исследователи сделали предположение, что полумесяцы и треугольники из Ховисонс-Поорта крепились к рукояткам с помощью мастики (Klein, 1977, p. 120; Singer & Wymer, 1982, p. 112; Volman, 1984, p. 207). Данная гипотеза, пока не получившая никакого прямого подтверждения, продолжает интриговать, поскольку предполагает, что эта технология гораздо более древняя, чем полагали до настоящего времени. На уровнях Ховисонс-Поорта в Класис-Ривер-Маус был также найден костяной наконечник, обработанный и отполированный. Известны другие примеры изделий эпохи среднего каменного века, изготовленных из органических материалов (таких как клыки представителей семейства свиней, которые были найдены в Бордер-Кейв), однако во всем мире существует лишь очень небольшое количество этих изделий, и образец из Класис-Ривер-Маус является особым из них (Singer & Wymer, 1982, fig. 8.1).

Включение производства типа Ховисонс-Поорт в цикл Класис-Ривер-Маус не является единственным феноменом. Обнаружены вкрапления в этот цикл среди уровней эпохи среднего каменного века или под ними на уровне других поселений, в частности в Бордер-Кейв, Моссель-Бей, Боомплаас, Скильдергат, в пещере Монтагу, пещерах Нельсон-Бей и Аполло 11. Однако датировать этот цикл относительно трудно, поскольку основные оценки, которыми мы располагаем, были произведены в Бордер-Кейв и Класис-Ривер-Маус. Бутцер (Butzer, 1978; Butzer et al., 1978) определяет возраст производства Ховисонс-Поорта в этих двух поселениях примерно от 80 до 95 тыс. лет, в то время

как Шеклтон (*Shackleton*, 1982) датирует это производство в Класис-Ривер-Маус возрастом примерно от 30 до 50 тыс. лет. Первую из этих датировок все рассматривают как самую достоверную (*Singer & Wymer*, 1982; *Volman*, 1984), однако она подразумевает существование в Южной Африке полумикролитического производства пластин с обухом, которое там возникло более чем за 40 тыс. лет до того, как появилось в остальных частях света.

Значение этого эпизода еще более неясное. Его внезапное вторжение в однородные циклы эпохи среднего каменного века и его признаки, коренным образом отличающиеся от признаков более ранних и более поздних горизонтов, можно было бы объяснить миграцией населения. Эту гипотезу можно будет проверить лишь тогда, когда мы будем детально знать размещение этого производства во времени и в пространстве. Согласно другой, когда-то модной теории подобные перемены в производстве по изготовлению каменных орудий можно было бы объяснить как реакцию на глубокие экологические потрясения, однако это трудно применить к производству Ховисонс-Поорта до тех пор, пока оно не будет достоверно датировано и связано с определенными изменениями в окружающей среде. В любом случае, каким бы ни было значение производства Ховисонс-Поорта, крайне любопытно, что после его исчезновения технологии, заброшенные в течение определенного отрезка времени, были возобновлены практически в том же виде.

Дальше на север эпоха среднего каменного века менее известна и там она приняла другие формы. Поселения, расположенные в Южной Африке к северу от Оранжевой реки и в Зимбабве, были отнесены к комплексу Бамбата (*Bambata*, *Sampson*, 1974); они отличаются от поселений юга большей долей наконечников с отделкой, скребков, шаберов на краю пластины и изделий из панцирей с отделкой. В некоторых из этих поселений были обнаружены жернова, которые, предположительно, в основном применялись для измельчения охры, что не исключает их использования для дробления зерна. Местное население юго-западной Америки часто использовало жернова такого же типа для дробления как растений, так и красящих веществ.

Хронология комплекса Бамбата является сомнительной. Ничто не указывает на то, что он появился в период среднего плейстоцена, однако если сделать ссылку на производства эпохи среднего каменного века, обнаруженные на севере и далее к югу, то вполне возможно, что его возникновение относится к началу периода позднего плейстоцена. Самые достоверные датировки, полученные по методу радиоактивного углерода, являются относительными (*Sampson*, 1974, pp. 206–208). Это производство исчезло 20 тыс. лет тому назад, может быть, даже и раньше, однако имеющиеся данные имеют двойственный характер. В самом этом периоде, протяженность которого плохо определена, не произошло никакой заметной эволюции. Согласно некоторым авторам, в цикле пещеры Бамбата, в Зимбабве, можно обнаружить постепенное усовершенствование орудий с течением времени (*Volman*, 1984, p. 210), но это мнение следует учитывать с осторожностью, имея в виду произвольный подбор образцов (отобранных предварительно, а затем розданных) и тенденцию археологов настойчиво отстаивать наличие подобных феноменов. В циклах соседних поселений Помонгве и Чангуле не обнаружено никаких характерных следов эволюции во времени (*Sampson*, 1974).

В экваториальной Африке, к северу от реки Замбези, эпоха среднего каменного века представлена, хотя и частично, небольшой малоизвестной фацией, называемой лупембийской. Поселения, относящиеся к этому производству, были обнаружены в Анголе, Республике Конго, Замбии, Малави, Уганде и, возможно, в Танзании и на западе Кении. К этой фации можно приблизить эпоху средне-

го каменного века в Западной Африке, к югу от Сахары, которая остается малоизвестной. Расположение поселений лупембийского периода ограничивается более влажными районами экваториальной Африки, даже если труды (спорные) приписывают к этому производству открытия, сделанные на территориях, простирающихся до Трансваали. Мванганда на севере Малави является единственным известным поселением, которое могло бы быть нетронутым поселением лупембийского периода (*Clark & Haynes*, 1970). Если это поселение является местным явлением, то его принадлежность к лупембийской культуре неочевидна, а та информация, которую от него можно получить, ограничена вследствие его специфического характера (поселение, в котором разделявали туши слонов). Все остальные месторождения лупембийского периода в лучшем случае были исследованы только в геологическом, а не в их археологическом контексте, и известны только по композитным или выборочным скоплениям, если речь не идет об отдельных находках на поверхности (*Sampson*, 1974, pp. 221–230). Возраст лупембийской культуры практически не известен. Поселение Мванганда датируется окончанием периода среднего плейстоцена или началом периода позднего плейстоцена. Если предположить, что это поселение относится к лупембийскому периоду, то оно вписывается почти в ту же эпоху, что и другие модификации эпохи среднего каменного века. Большинство датировок, полученных для этой фации методом радиоактивного углерода, предшествуют периоду 30 тыс. лет назад, и это подтверждает тот факт, что лупембийская культура принадлежит к тем же хронологическим рамкам, что и другие производства эпохи среднего каменного века (*Clark*, 1974, pp. 78–79).

Недостаток скоплений лупембийского периода не дает возможности дать полное описание этой фации. Однако очевидно, что он отличается от эпохи среднего каменного века, отмеченной в других регионах Африки, наличием массивных мотыг и топоров из нуклеусов, конусных скребков, скребков из нуклеусов, двусторонних орудий и крупных двусторонних листовидных наконечников, великолепно отделанных. Тот факт, что эти орудия были найдены в зоне тропических лесов, привел некоторых авторов к мысли, что они использовались для обработки древесины, и что, следовательно, это производство служило примером приспособления к окружающей среде. До тех пор, пока местонахождение, с археологической точки зрения *in situ*, не будут обнаружены, все это останется лишь простой гипотезой, однако искушение видеть в этих орудиях ответ на появление лесов в период позднего плейстоцена остается сильным.

Образ жизни

По всей вероятности, съедобные растения занимали важное, а может быть, и основное место в рационе питания групп людей в эпоху среднего каменного века в Южной Африке. Как почти всегда в отношении других удаленных эпох (и даже очень часто в отношении более поздних периодов), у нас нет никаких прямых доказательств этого. Возможно, что жернова, обнаруженные в отдельных поселениях эпох среднего каменного века, свидетельствуют об этом, однако остатки растительной пищи давно исчезли.

Все, что мы знаем об образе существования популяций эпохи среднего каменного века в Южной Африке, основано исключительно на изучении костных остатков животных, найденных на местах археологических поселений. В многочисленных поселениях открытого типа кости были разрушены в результате воздействий природных процессов (упоминавшееся выше поселение Мванганда, где разделявали туши животных, является заметным

исключением), а в отдельных пещерах, вырытых в скальных, но не известняковых породах они вообще не сохранились. И все-таки за последние годы были предприняты и опубликованы детальные исследования значительных скоплений и длительных циклов окаменелостей животных, найденных во многих пунктах Южной Африки, в результате наши знания об этом периоде сегодня несравнимо богаче, чем они были еще в 1970 г. (см. различные работы Кляйна в издании *Klein*, 1984). Данные, полученные из Класис-Ривер-Маус, имеют эпохальное значение, однако большое количество их было собрано в других пещерах, таких как Ди-Кельдерс (Капская провинция) и пещера Бордер-Кейв, и даже в некоторых открытых поселениях, таких как Си-арвест и Хозьес-Пунт в западной части Капской провинции.

Из всех элементов, которыми мы в настоящее время располагаем, об эпохе среднего каменного века в Южной Африке, самыми интересными, вероятно, являются остатки, свидетельствующие о систематическом использовании морских ресурсов в ту эпоху, когда это не практиковалось ни в одном из районов мира. Первые из этих остатков восходят к началу последнего межледникового периода в Класис-Ривер-Маус, а затем их находят вплоть до начала периода последнего оледенения в том же и в других поселениях вдоль побережья Капской провинции (*Klein*, 1974, 1979). Речь идет об остатках рыб, раковин, пингвинов, морских птиц, тюленей, дельфинов и даже китов. Это применение морских ресурсов составляло важный элемент хозяйствования во многих поселениях эпохи среднего каменного века, расположенных рядом с побережьем, но в основном оно было лишь расширением зоны охоты и традиционного сбора плодов на районы, расположенные неподалеку от берега моря и на взморье.

Среди продуктов моря, традиционно добываемых в эпоху среднего каменного века, фигурируют моллюски, тюлени и пингвины. Моллюсков, вероятно, собирали во время отлива в приливной зоне или неподалеку от побережья. Собранные раковины в основном были более крупными, чем в эпоху позднего каменного века, и это могло указывать на то, что такой род занятий в эпоху среднего каменного века был менее интенсивным и, следовательно, давал местным видам время достичь зрелости (*Klein*, 1979). Во всем цикле эпохи среднего каменного века, в Класис-Ривер-Маус и в других поселениях содержатся многочисленные ископаемые остатки пушных пингвинов южных морских львов: эти животные явно занимали важное место в рационе питания людей той эпохи. Была высказана мысль, что в Класис-Ривер-Маус в период похолодания климата, который произошел вслед за начальной стадией эпохи среднего каменного века, их также ценили за мех (*Singer & Wymer*, 1982, p. 208). В других частях света одежды должны были применяться уже давно, чтобы иметь возможность заселять северные районы во время периодов оледенения, поэтому не удивительно, что они были известны в Южной Африке во время последнего межледникового периода; однако это всего лишь гипотеза. Тюленей, вероятно, разделявали тогда, когда их мертвые тела выбрасывало на берег; природная неуклюжесть делала их относительно легкой и мало опасной добычей, за которой можно было охотиться при помощи простых дубин или копий. Та частота, с которой обнаруживают их остатки, говорит о том, что на них охотились довольно активно. Пингвинов, предположительно, собирали на берегу после их смерти, или на них охотились с помощью примитивной техники, учитывая их неспособность к полетам. Первая гипотеза представляется наиболее вероятной, когда мы сегодня знаем, что пингвины размножаются на островах (*Avery & Siegfried*, 1980).

Остатки морских животных, на которых можно было охотиться только при помощи усовершенствованных орудий, редко встречаются в циклах эпохи среднего камен-

ного века. Морские птицы, рыбы, дельфины и киты встречаются очень редко, поэтому вполне вероятно, что обнаруженные остатки являлись их скелетами, случайно выброшенными на берег. Нет никаких прямых или косвенных доказательств того, что людям эпохи среднего каменного века было известно искусство строительства плавательных средств и, тем более, изготовления самых скромных рыболовецких снастей – крючков, острог с двумя наконечниками или грузил для сетей. Использование морских ресурсов было больше чем открытие совершенно нового экологического ареала – оно представляло собой распространение на морское побережье охоты и сбора плодов, которые уже практиковались в глубине континента. Получилось так, что этот род занятий в эпоху среднего каменного века приобрел широкий и продолжительный характер, что означало его очень четкое отличие от эпохи раннего каменного века, во время которой продукты моря почти совсем не добывались. Остатки, обнаруженные в уровнях протоориньякской культуры и в уровнях эпохи среднего палеолита в Хауа-Фтеахе в Ливии (*McBurney*, 1967), показывают то, что морские моллюски собирались на другом конце Африканского континента по меньшей мере в течение последнего межледникового периода, и это подтверждает тот факт, что в эту эпоху началось использование морских ресурсов. Этот род занятий в полной мере развился в большинстве районов мира после последнего оледенения. Достойно сожаления, что древние прибрежные поселения, которые дали нам возможность отразить различные этапы этой эволюции, были затоплены морем в начале периода голоцена.

Самыми многочисленными наземными млекопитающими, обнаруженными в местонахождениях эпохи среднего каменного века, являются быки. Частота, с которой представлен каждый вид, анатомические особенности животных и кривые смертности различных видов стали предметом значительного количества предположений, направленных на то, чтобы выяснить способы, при помощи которых группы людей эпохи среднего каменного века добывали мясо (*Binford*, 1984; *Klein*, 1974, 1975, 1982).

После изучения ископаемых остатков животных Кляйн пришел к заключению, что люди эпохи среднего каменного века были менее подготовленными и смелыми охотниками, чем люди эпохи позднего каменного века. Обычно они избегали охотиться на очень крупных (толстокожих) животных или на очень опасных животных (крупных представителей семейства кошачьих), а охотились на мелких быков. Они не охотились на представителей семейства свиней, которые могли быть очень агрессивными, но мирных животных – крупных быков, лосей – часто выбирали в качестве добычи, в то время как на агрессивных капских буйволов и гигантских буйволов (сегодня вид исчезнувший, но когда-то бывший бойцовским) охотились лишь тогда, когда те были очень молодыми или только что родились. Не исключено, что некоторые животные (в частности, те, которые принадлежали к крупным видам) разделялись после того, как они были брошены другими охотниками.

Частично основываясь на тех же окаменелостях (окаменелости эпохи среднего каменного века в Класис-Ривер-Маус), Бинфорд (*Binford*, 1984) высказал еще большие сомнения, чем Кляйн, относительно сноровки охотников эпохи среднего каменного века. Как и Кляйн, он полагает, что эти группы людей охотились или, по меньшей мере, убивали небольших быков и молодых буйволов. Кляйн заметил, что крупные и взрослые быки были представлены меньшим набором костных остатков, чем молодые особи. Он объясняет этот феномен трудностью перетаскивать убитых животных, которые, следовательно, разделялись на месте, лишь отдельные части туш переносились на место стоянки. Бинфорд отметил, что, несмотря на то, что отдельные части туш содержат спинной мозг и нежное мясо

(в основном черепа и нижние части конечностей), они относятся к наименее мясным частям, и что те кости крупных взрослых особей быков, на которых содержалось наибольшее количества мяса, – в основном кости верхних частей конечностей, – в Класис-Ривер-Маус обычно отсутствовали. Из этого он сделал вывод, что группы людей эпохи среднего каменного века не охотились на крупных быков, а разделяли туши, брошенные другими охотниками или даже грифами, так что самые вкусные части туш были уже съедены. Обилие подобных костных остатков в Класис-Ривер-Маус объясняется наличием водопоя, у которого люди могли забирать днем трупы животных, убитых прошедшей ночью.

Оба, Кляйн и Бинфорд, убедительно оспаривают традиционное мнение, согласно которому человек эпохи палеолита был опасным охотником. Сегодня общепринято, что падаль являлась значительным источником в снабжении продовольствием гоминидов периода раннего плейстоцена (Binford, 1981; Isaac, 1984). Эта практика также наблюдается в более поздние эпохи в некоторых обществах охотников, и нет ничего удивительного в том, что она существовала в период позднего плейстоцена. Кляйн полагает, что люди эпохи среднего каменного века были жалкими охотниками по сравнению с охотниками эпохи позднего каменного века. Для Бинфорда охота, по крайней мере в ту эпоху, была только формой сбора пищи: люди эпохи среднего каменного века убивали мелких животных тогда, когда представлялся случай, и не «охотились» в активной форме. «Ничто из орудий, собранных в Класис-Ривер-Маус, не наводит на мысль об охотничьей деятельности с использованием специального снаряжения или даже с применением охотничьей тактики» (Binford, 1984, p. 200). Наличие в поселениях эпохи среднего каменного века наконечников на ножке или уменьшенных у основания наводит, однако, на мысль о применении копий, которые были ценным элементом базового снаряжения охотника. Но в ту эпоху практика организованной охоты была четко засвидетельствована в других районах мира после открытия поселений, где разделялись туши слонов в Торральба и в Амбронне (Испания), а также оленей и лошадей в местонахождениях мустьерского периода в Европе.

Благоустройство и типология поселений

Поскольку вода была самым необходимым элементом жизни человека, не следует удивляться, что расположение большинства поселений эпохи среднего каменного века, обнаруженных в Южной Африке, выбиралось в зависимости от наличия источника воды. Эти поселения располагались вблизи источников, рек или озер. Многие из них располагались под открытым небом и в большинстве своем заселялись только на короткое время, однако другие поселения, в частности пещеры, которые предоставляли специальное укрытие, заселялись многократно в течение десятков тысяч лет. От большинства этих поселений остались только скопления каменных орудий и ископаемых остатков животных, если местные условия позволяли сохранить их. Часто обнаруживаются характерные и неоспоримые следы очагов, и это свидетельствует не только о том, что огонь в эту эпоху был известен (как это уже было полмиллиона лет назад в пещере Чжоукоудянь в Китае), но еще и о том, что он был совершенно приручен. Другие остатки сооружений или следов благоустройства встречаются редко, и их очень легко увидеть в поселениях открытого типа.

Следы того, что могло бы быть постройкой, были обнаружены в поселении Зеэкоэгат 27, поселении открытого типа в долине р. Оранжевой. Они представлены в виде разбросанных каменных блоков, среди которых находились орудия, на круглой площади, примерно 11 м в диаметре. Согласно Сэмпсону (Sampson, 1968, p. 63), речь мог-

ла идти о фундаменте колючего ограждения (ветролом) или, что более вероятно, о месте крепления, которое позволяло натягивать шкуры животных для устройства низкой палатки. Второй вариант объясняет лучше, чем первый, скопление орудий внутри блоков. Группа из семи строгий небольших размеров была обнаружена в том же регионе в долине р. Оранжевой (рис. 15) (Sampson, 1968, pp. 24–27; 1974, p. 169). Пять из них состояли из небольших полукруглых загонов (диаметр не превышал 1,5 м), сделанных из гальки и защищающих с подветренной стороны небольшие углубления, вырытые в земле. Возможно, это были укрытия на ночь, поскольку в них редко обнаруживают орудия. Два других представляли собой более значительные каменные ограждения (примерно 4 м в длину), внутри которых располагались группы людей и кучи орудий: они могли служить основанием для ветроломов, использовавшихся в течение дня.

Кроме поселений, заселявшихся на короткое время, как Оранжея I, хорошо сохранившиеся и разнообразные поселения эпохи среднего каменного века часто рассматриваются как карьеры, поселения по разделыванию туш животных или базовые стоянки. Многочисленные карьеры в районе р. Оранжевой (Sampson, 1968) обозначены большими скоплениями орудий, находящимися вблизи от выходов пород твердых сланцев и часто далеко от источников воды. В поселениях по разделыванию туш животных содержатся раздробленные остатки одного животного (Мванганда; Clark & Haynes, 1970) или небольшого количества животных (Дуинфонтейн 2; Klein, 1976) вместе с каменными предметами, обычно немногочисленными. Совершенно необязательно, что животные были убиты теми, кто их разделывал. Термины «базовый лагерь» или «жилая база» очень часто применяются к поселениям, которые сохраняют черты длительного проживания, в частности, к пещерам, которые, как об этом свидетельствуют многочис-

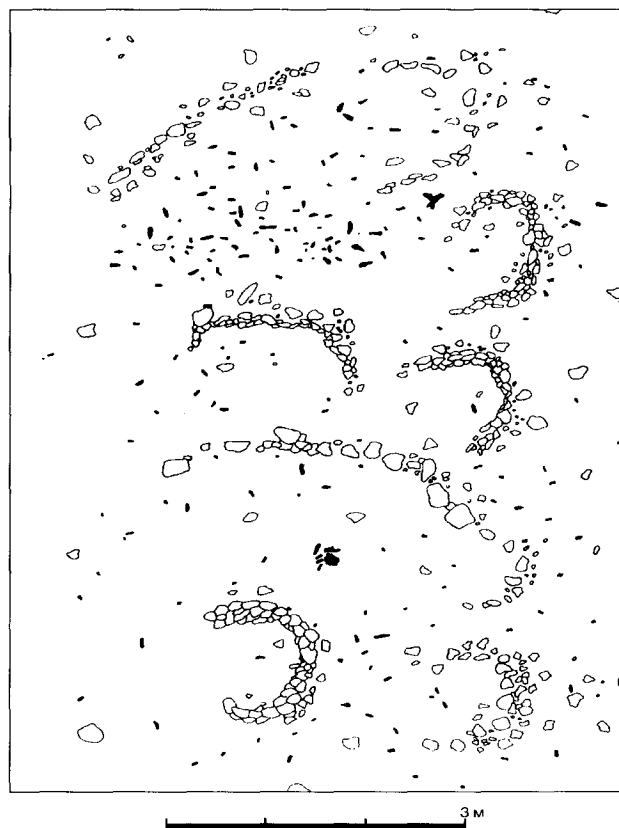

Рис. 15. План каменного строения эпохи СКВ, раскопанного в Оранжея I (Южная Африка) (по Sampson, 1974)

ленные находящиеся в них горизонты, заселялись в течение длительного периода времени (*Singer & Wymer, 1982; Klein, 1977*). Это название означает, что поселения использовались группой людей в качестве постоянного места, где они спали, где они принимали пищу, где самые слабые (молодые, больные или старики) находили убежище и где проходила основная общественная жизнь (*Binford, 1984, p. 189*). Из выражения «central place foraging» (сбор еды из центрального пункта) вытекают близкие по смыслу выводы, самым важным и самым очевидным из которых, с точки зрения археологии, является, вероятно, тот факт, что пища приносилась в поселение отдельными членами и делилась между остальной частью сообщества.

На основании изучения остатков фауны, обнаруженной в Класис-Ривер-Маус, Бинфорд (1984) полагает, что по отношению к группам людей эпохи среднего каменного века в Южной Африке нельзя быть уверенным в том, что происходило деление или складирование пищи. Он считает, что срезанные с туш крупных животных (быков) отдельные куски приносились в лагерь только для осуществления некоторых операций (замачивание, отбивание, скобление и т. д.) и что они не могли дать достаточного количества мяса для того, чтобы разделить его между большим количеством людей. Бинфорд высказывает мысль, что внутри групп людей эпохи среднего каменного века в Класис-Ривер-Маус не было настоящей солидарности, поскольку лучшие куски мелких быков (верхняя часть задних конечностей) редко приносились в лагерь и, следовательно, должны были съедаться на месте. На это можно ответить, что в тех сообществах, в которых сегодня живут охотой и сбором плодов, охотники на месте потребляют часть добычи, а остаток приносят в базовый лагерь, где ее делят с другими членами группы. Остается объяснить, почему остальные части туш мелких быков приносились в Класис-Ривер-Маус, а не съедались без предварительного приготовления на месте охоты, как верхние части задних конечностей. Кроме того, в отсутствие подтверждений тому, что значительное количество мяса приносилось одновременно, Бинфорд видит еще одно доказательство того, что у охотников не было никакого намерения делить свою добычу с большой группой лиц. Однако сообщество не обязательно было многочисленным, и Бинфорд считает, что охотники эпохи среднего каменного века в любом случае не могли охотиться на крупных животных. На основании этого мы полагаем, что гипотеза о снабжении продовольствием сообщества со стороны группы охотников вполне правдоподобна, когда речь идет о гоминидах последнего межледникового периода. И эту гипотезу нельзя исключать.

С другой стороны, Бинфорд полагает, что понятие базового лагеря или центрального пункта сбора пищи остается бессмысленным до тех пор, пока люди не способны изменять свое окружение, строя укрытия и укрощая огонь (*Binford, 1984, pp. 261–264*). Итак, мы видим, что оба эти условия были выполнены в Южной Африке в эпоху среднего каменного века и аргументация Бинфорда, направленная одновременно на оспаривание факта существования в эту эпоху базовых лагерей и того, что охотники снабжали их пищей, в известной степени потеряла свою силу.

Другие виды культурной деятельности

В поселениях эпохи среднего каменного века крайне редко встречаются следы иных видов деятельности, кроме чисто хозяйственной. Не вызывает сомнения тот факт, что должны были существовать некоторые формы общественной организации, а также некоторые формы религиозных верований, однако известно, что археология начала доисторического периода бедна свидетельствами подобного рода.

Находка в Бордер-Кейв того, что могло бы быть захоронением ребенка в эпоху среднего каменного века, на сегодня является лучшим свидетельством существования системы верований. Это захоронение можно было бы связать с перфорированной раковинной, добытой на побережье, и, как следствие, одновременно признать существование обычая помещать поминальные предметы в захоронения и перевозить отдельные предметы на большие расстояния. К сожалению, происхождение захоронения и раковины достоверно не установлены, как этого бы хотелось; подобная практика была обнаружена у северных неандертальцев, так что такие открытия в Южной Африке удивляют лишь тем, что они встречаются редко.

Остатки, свидетельствующие об обрядовой деятельности или о деятельности, не имеющей практического значения, которые чаще всего встречаются в поселениях эпохи среднего каменного века, представляют собой фрагменты красителей, охры или гематита, часто размельченные или отполированные, и даже перфорированные, как в случаях с находками палочек охры в Класис-Ривер-Маус (*Singer & Wymer, 1982, p. 117*). В поселениях эпохи среднего каменного века не обнаружено никаких следов наскальной живописи, несмотря на особенно тщательные исследования, проводившиеся в Класис-Ривер-Маус в одной закрытой пещере (1C), скалистые стенки которой хорошо бы подошли для этого вида деятельности (*Singer & Wymer, 1982, p. 25*). В многочисленных поселениях содержатся, однако, красящие вещества, которые следовало бы наносить на хрупкие поверхности, возможно, на лицо или на тело обитателей поселения. Пещера Аполло 11 в Намибии является в этом отношении исключением: в ней нашли семь фрагментов раскрашенных каменных плит, которые находились на верхнем уровне цикла эпохи среднего каменного века и возраст которых почти очевидно датируется между 27,5 и 25 тыс. лет до н. э. (*Wendt, 1976*). На этих рисунках представлены, в частности, животные, которых невозможно идентифицировать и которые, вероятно, состоят из элементов, заимствованных у многих видов. Они не свидетельствуют о большом техническом мастерстве, однако это самые древние датированные остатки художественной деятельности, которые были обнаружены на Африканском континенте, и они появились не намного позднее первых произведений искусства эпохи верхнего палеолита в Европе.

Открытие в пещере Льва в Свазиленде шахты по добыче гематита эпохи среднего каменного века (*Beaumont, 1973*) свидетельствует о значении, которое эти красящие вещества имели для некоторых групп людей той эпохи. Минерал добывался у основания откоса гематита, находящегося на вершине Пика Льва, а в нижних слоях отложенных, покрывающих дно шахты, было найдено множество изделий, среди которых были и орудия для добычи со следами минерала. Повреждения, нанесенные этому месторождению горняками последующих эпох, помешали произвести его датировку методом радиоактивного углерода, однако нет никаких причин полагать, что оно моложе других поселений эпохи среднего каменного века в Южной Африке. Пещера Льва, возможно, является самой древней шахтой, известной на сегодняшний день.

ВОСТОЧНАЯ АФРИКА

Восточная Африка является третьим регионом, о котором мы располагаем значительным количеством информации, касающейся эпохи человека из Неандертала и его современников. Под Восточной Африкой мы подразумеваем часть континента, которая сегодня включает юг Судана, Эфиопию, Сомали, Кению, Руанду, Бурунди и Танзанию (карта 11C). Исследуемым периодом вновь является эпоха среднего каменного века. К сожалению, наша доку-

ментация ни по качеству, ни по количеству не сравнима с той, которой мы располагаем по Северной и по Южной Африке. В первые годы существования современной археологии были проведены некоторые исследования этого периода, однако работы, предпринятые в последнее время в данном регионе, в основном были направлены на более ранние эпохи доисторического периода человечества, оставляя в стороне поселения рассматриваемой эпохи среднего каменного века. Кроме того, объем достоверной информации об этом периоде значительно варьируется от одного места к другому. Большая часть региона была предметом определенных исследований, но на сегодня нашим основным источником информации остается Эфиопия.

Типы гоминидов

Архаичный вид *человек разумный sapiens*, обнаруженный в Бодо, в Эфиопии, датируется началом периода среднего плейстоцена. Мы обязаны ему созданием по меньшей мере части производств конца эпохи раннего палеолита в Восточной Африке (Conroy et al., 1978). То же самое, вероятно, относится и к представителям архаичного вида *человек разумный* с берегов оз. Эязи в Танзании, даже если отнесенные к ним изделия были сравнены с орудиями эпохи среднего каменного века (Leakey et al., 1972, p. 334). Как бы то ни было, *человек разумный* проживал в Восточной Африке, как и в Южной Африке (см. выше), до начала эпохи среднего каменного века.

Три или, может быть, четыре окаменелости человека, найденные в Восточной Африке, датируются эпохой среднего каменного века, все они принадлежат представителям вида *человек разумный*. Только череп Синга не мог быть точно идентифицирован из-за тех трудностей, которые представляла его датировка. В слоях Нгалооба-Бедз в Лаэтоли, Танзания, был обнаружен относительно целый череп одного позднего представителя архаичного вида *человек разумный*, соотнесенного с тем, которого нашли в Джебель-Ирхуде, в Марокко (Day et al., 1980). По оценкам возраст черепа датируется примерно 120 ± 30 тыс. лет, а изделия эпохи среднего каменного века были найдены поблизости, но, однако, не были к нему непосредственно привязаны. Две другие окаменелости были обнаружены внутри формации Кибиш, в долине реки Омо (юго-запад Эфиопии). Они датируются той же геологической эпохой, то есть согласно оценкам, возрастом примерно 130 тыс. лет (Butzer et al., 1969), и присоединены к изделиям эпохи среднего каменного века, хотя и нетипичным. Одна из них, Омо-Кибиш 2, является представителем более или менее архаичного вида *человек разумный*, тогда как другая, Омо-Кибиш 1 (илл. 28), имеет все морфологические признаки современного вида *человек разумный sapiens*.

Три из этих окаменелостей принадлежат к той же стадии эволюции, что и европейские неандертальцы, современниками которых они являлись, но явно отличаются от них в плане морфологии (Trinkaus, 1982). Четвертая, Омо-Кибиш 2, похожа на очень древнего представителя современного типа человека. Эта находка не единственная, хотя и удивительная: столь же древние представители вида *человек разумный* были обнаружены в Южной Африке (см. выше).

Хронологические рамки

Согласно анализам изотопов урана, возраст самых поздних фаз ашельского периода эпохи раннего палеолита, который в Восточной Африке предшествовал эпохе среднего каменного века, в Исимиле (Танзания) составляет примерно 260 тыс. лет (Howell et al., 1972). В поселении на берегу оз. Баринго на севере Кении такой же древний

слой покрывает слои вулканического туфа, для которых методом калия-аргона была получена серия дат; самой поздней датой, находящейся на вершине цикла, были 230 тыс. лет (Bishop, 1972, table 1; Leakey et al., 1969). Эти даты согласуются с оценками, которые относят окончание ашельского периода в Южной Африке к периоду примерно 200 тыс. лет назад.

Цикл, который дал возможность датировать начало эпохи среднего каменного века в Восточной Африке, расположен в поселении на берегу оз. Зивэй, в центральной части Рифтовой долины, в Эфиопии (Wendorf & Schild, 1974). Были исследованы две местности – Кулкулетти и Гадемотта, находящиеся на расстоянии приблизительно 2 км друг от друга. Они расположены на склонах хребта, образовавшегося вследствие провала вершины вулкана и появления котлообразной впадины – кальдеры. Хребет сегодня возвышается над западным берегом оз. Зивэй и имеет высоту около 320 м. В этом районе, в частности в Кулкулетти, наблюдаются выходы обсидиана. В Кулкулетти и в Гадемотте находят отложения осадочных пород того же происхождения: в основном в результате скопления вулканического пепла. Изучение этих осадочных пород выявило многочисленные факты эрозии и формирования грунтов, а также нескольких тонких слоев нетронутого вулканического пепла. Линзы пепла и грунт представляют собой самое надежное средство для того, чтобы произвести корреляцию циклов в каждой местности. Некоторые слои грунта могут соответствовать промежуточным фазам, в течение которых склоны хребта укреплялись благодаря растительности, другие, более сложные слои, свидетельствуют об относительно засушливых периодах. Отдельные признаки указывают на то, что недолговечные водосмы были на склонах хребта вблизи от поселений, по крайней мере в течение части периода проживания в них людей. Прибрежные пески, расположенные непосредственно под одним из поселений (Eth-72-1), образуют слой, расположенный по меньшей мере в 150 м над современным уровнем озера, и это наводит на мысль о том, что в свое время хребет был высоким мысом, расположенным посреди широкого озера. В Гадемотте археологический материал обнаружен в 10-метровом верхнем слое цикла толщиной 30 м, относящегося к периоду плейстоцена. Тот факт, что осадочные породы четвертичного периода медленно скапливались на склонах хребта, а также наличие большого количества различных слоев грунта сложного состава свидетельствуют о том, что этот цикл представляет значительный отрезок времени.

Самым древним свидетельством заселения зоны Гадемотты является слой культурных отложений, содержащий в основании толстого слоя коричневатого грунта множество небольших двусторонних тонко обработанных орудий, по своему внешнему виду напоминающих орудия завершающей стадии ашельского периода. Первое жилище эпохи среднего каменного века, поселение Eth-72-8В, расположено на этом слое. Оно отделено от следующего поселения, Eth-72-7В, слоем коллювия – хрупкого коричневатого грунта и основы из сцементированного вулканического пепла. Само это новое жилище было покрыто двумя другими стратами коллювия, разделенными тонким слоем сцементированного пепла и другим слоем хрупкого коричневатого грунта, у основания которого расположен третий горизонт эпохи среднего каменного века, Eth-72-6. Коричневый грунт был разрушен эрозией и покрыт слоем сцементированного и стратифицированного пепла, а сверху он был покрыт коркой карбоната кальция. Сверху расположен новый слой коллювия, за ним следует слой вертикальной породы, который в некоторых местах раздавил изделия последнего месторождения эпохи среднего каменного века в этом секторе – Eth-72-5. Отложения, заполнившие соседний фарватер, которые невозможно было с точностью привязать к этому циклу, но которые, ве-

роятно, датируются тем же периодом, что и самый древний горизонт среднего каменного века, содержали только ископаемые остатки животных, обнаруженных в поселении. Туда входят остатки зебры, гиппопотама и двух больших антилоп, по всей вероятности, антилопы гну и коровой антилопы (бубала).

После сравнения грунтов и слоев пепла цикл соседнего поселения Кулкулетти был отнесен к верхней части цикла Гадемотты. Горизонт Eth-72-1 (рис. 16) считается старше, чем горизонт Eth-72-7, а горизонт Eth-72-9 был, вероятно, заселен позднее, чем горизонт Eth-72-6.

Три датировки были произведены по методу калия-аргона на базе кристаллов санидина из этого сектора. Самая ранняя датировка, которая впервые упоминается здесь, относится к образцу, взятому из слоя сцементированного пепла, расположенного выше месторождения Eth-72-8B в Гадемотте: она определила возраст образца в 235 ± 5 тыс. лет. Возраст второго образца, взятого из слоя пепла, расположенного под горизонтом Eth-72-1 в Кулкулетти, составил 181 ± 6 тыс. лет. Вначале полагали, что этот пепел является современником пепла из Гадемотты, но затем был установлен возраст пепла из Гадемотты – 235 тыс. лет (Wendorf & Schild, 1974). Таким образом, эту гипотезу следовало отклонить, учитывая расхождение между двумя датами. Третий образец был получен из слоя пепла, расположенного между горизонтами Eth-72-1 и Eth-72-9 в Кулкулетти, и сопоставлен с пеплом, покрывающим горизонт Eth-72-6 в Гадемотте: его возраст составил 149 ± 12 тыс. лет.

И хотя эти датировки относят начало эпохи среднего каменного века к периоду, предшествовавшему предполагаемым датам доориньякского периода в Северной Афри-

ке, т.е. от 100 до 150 тыс. лет (см. выше), они совпадают со стратиграфическими и почвоведческими показаниями, которые указывают на то, что циклы в Гадемотте и Кулкулетти соответствуют длительным периодам времени. Кристаллы санидина были изучены в лаборатории, которая должна была произвести датировку этого превосходного материала с помощью применяемых методов анализа, и ничто не дало возможности предположить, что они получились в результате второго отложения. Кроме того, эти даты подтверждаются другим методом датировки при помощи калия-аргона, который определил возраст поселения эпохи среднего каменного века в ущелье Малава, в Кении (Evernden & Curtis, 1965, p. 358), равным 240 тыс. лет, а также геоморфологическими оценками, произведенными в различных поселениях Южной Африки (см. выше). Кажется маловероятным, что эпоха среднего палеолита (или эпоха среднего каменного века) возникла в Северной Африке на 100 тыс. лет позднее, чем в Восточной и Южной Африке, однако эта проблема может быть решена только тогда, когда мы будем располагать дополнительными датировками.

Еще сложнее определить окончание эпохи среднего каменного века в Восточной Африке, чем в Северной или в Южной Африке. Лики (Leakey et al., 1972) сделал предположение, что нетипичная эпоха среднего каменного века в слоях Ндугу-Бедз, в ущелье Олдувай, датируется приблизительно возрастом 50 тыс. лет. Однако другие датировки, например, полученные путем измерения гидратации обсициана в пещере Порк-Эпик, в Эфиопии, которые определили ее возраст от 61 до 78 тыс. лет (Clark et al., 1984), должны рассматриваться в качестве минимальных. К сожалению, время возникновения эпохи позднего каменного века также мало известно. Существовавшее в поселении GvJm 76 в Лукения-Хилл, в Кении, производство миниатюрных каменных пластин для орудий сегодня датируется возрастом по меньшей мере 21 тыс. лет; оно закрыло собой отложения значительной толщины, содержащие орудия, которые не были описаны, но не относились к эпохе среднего каменного века (Miller, 1979). Эти выводы подтверждают открытия, которые были сделаны южнее (см. выше); вполне вероятно, что однажды окажется, что эпоха среднего каменного века продлилась в Восточной Африке примерно до периода 30 тыс. лет до н. э.

Каменные орудия

Эпоха среднего каменного века в Восточной Африке была эпохой производства орудий из сколов и пластин. Левалуазская техника, которая развилась в течение последних стадий ашельского периода, повсеместно применялась в различных регионах, таких как Африканский рог (Clark, 1954) и Уганда (O'Brien, 1939), но относительно реже на юге. Очень часто встречалось мало типичных орудий с отделкой, а многочисленные скопления состояли из сколов без отделки и, в частности, из сколов типа Левалуа. Тем не менее, когда попадались орудия с отделкой, это были различные типы односторонних или двусторонних наконечников с отделкой, обычно треугольной или листовидной формы, наконечники, которые отделялись только с одной стороны и приближались к классическим мустьерским наконечникам. Отмечается также наличие определенного разнообразия форм менее типичных скребков, которые очень напоминают наконечники, небольшого количества сколов с опущенными краями и нетипичных зубил, к которым добавляются несколько орудий с насечками и с зазубринами (эти последние изделия особенно часто встречаются в Конге, на крайнем юго-западе Афарской тектонической впадины, где они составляют более половины всего комплекса орудий с отделкой) (Clark et al., 1984).

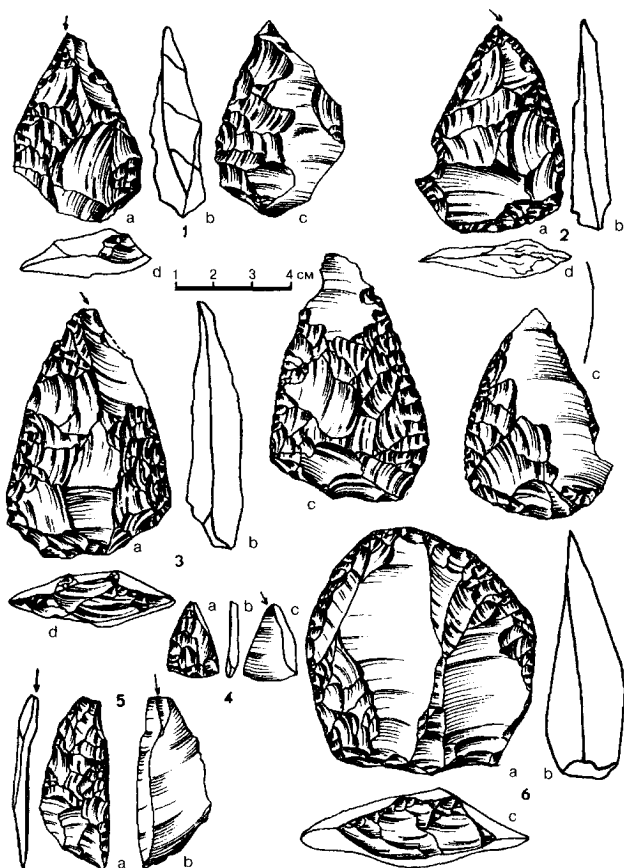

Рис. 16. Изделия эпохи среднего каменного века (поселение Eth-72-1, Эфиопия): 1–3 – двусторонние наконечники; 4–5 – сколы от повторного затачивания; 6 – скребок на краю пластины (по Wendorf & Schild, 1974)

Примерно такие же скопления были обнаружены во всей восточной части континента и вплоть до Уганды на западе, где они смешались с лупембийской культурой; они были объединены в одну группу под названием «стилбей». Однако различные местонахождения, отнесенные к этой фации, не имеют ничего общего, за исключением применения техники нанесения плоской отделки (*Antborny, 1972*), а это название не отвечает никаким культурным или археологическим реалиям.

В Восточной Африке, как и в Северной и в Южной Африке, основным постоянным отличием между поздним ашельским периодом и эпохой среднего каменного века является отсутствие изготовления крупных режущих орудий типа двусторонних орудий. Завершающая стадия ашельского периода в Гарба III, в Мелка-Кунтуре, характеризуется применением техники Леваллуа, незначительным количеством крупных двусторонних орудий и большим количеством орудий из сколов, и среди них типичных односторонних или двусторонних наконечников эпохи среднего каменного века (*Chavaillon et al., 1979*). Так же как и орудия на ножке периода ашельской культуры в Кап-Шателье, эти орудия могли служить доказательством того, что эпоха среднего каменного века возникла в недрах местного ашельского периода. К сожалению, похоже, что в Мелка-Кунтуре не существует ни одного жилого поселения этой эпохи, и месторождения, относящиеся к этому производству, встречаются крайне редко (*Hours, 1976*).

Единственным циклом эпохи среднего каменного века в Восточной Африке, который был описан во время недавних раскопок, и слои которого были отмечены и выделены должным образом, является цикл в поселениях на берегу оз. Зивэй (*Wendorf & Schild, 1974*). Скопления каменных орудий в этих поселениях имеют в основном одинаковые характеристики: индекс орудий, изготовленных по методу Леваллуа, колеблется от малого к среднему, а орудия главным образом состоят из скребков, мустьерских наконечников, мустьерского типа с чешуйчатой отделкой и двусторонних наконечников. Частотность основных типов значительно изменяется от одного уровня к другому: сначала количество скребков увеличивается, затем их становится все меньше. Количество скребков (помимо конвергентных) изменяется в обратной пропорции по отношению к индексу мустьерских наконечников, конвергентных скребков и двусторонних наконечников. Тем не менее, если исследовать следы использования и износа или повторной заточки орудий (была возможность обнаружить тонкие пластинки, прекрасно подходящие к орудиям, на которых они были закреплены) и учесть полное отсутствие переломов, вызванных ударами, или другие показатели использования наконечников в качестве метательных или прокалывающих орудий, окажется, что все эти изделия служили режущими орудиями. Это означает, что изменения, наблюдаемые в частотности изготовления различных категорий орудий, не соответствуют переходу к новым видам деятельности или функциональным изменениям согласно тем пояснениям, которые давались в отношении других поселений и которые, скорее всего, являются абсолютно немотивированной эволюцией предпочтений в культурной сфере. Эта гипотеза, которая, похоже, подтверждается циклом оз. Зивэй, достойна того, чтобы ее проверили на примере других поселений эпохи среднего каменного века и эпохи среднего палеолита.

Другие изменения, отмеченные в составе орудий, в большинстве своем относятся к типам орудий незначительной важности, которые, за исключением многочисленных орудий стреловидной формы с основанием, обнаруженных в поселении Eth-72-5, встречаются редко или появляются в цикле эпизодически, или же были обнаружены только в одном поселении. Подобные изменения, однако, могли быть функциональными.

Единственное значительное изменение, которое можно отметить в цикле оз. Зивэй, состоит в определенном техническом прогрессе. Ближе к середине цикла в поселении Eth-72-6 появляются нуклеусы для откалывания пластинок, изготовление которых типично для эпохи позднего палеолита, и пластины, откалываемые с помощью мягких рубил. Впоследствии продолжалось применение этих технологий. Орудия типа орудий эпохи позднего палеолита редко встречаются в составе цикла, за исключением цикла поселения Eth-72-5, самого позднего, где они достаточно распространены. В этом поселении также отмечается постепенное уменьшение размеров орудий, но, поскольку речь шла о последнем горизонте цикла, не представилось возможности определить, означало ли это изменение начало нового направления в местном производстве или оно носило совершенно изолированный характер.

Цикл периода среднего каменного века в пещере Порк-Эпик, в центрально-восточной части Эфиопии, явно представляет собой более короткий период времени, чем цикл оз. Зивэй. Археологи, которые производили раскопки, относят его к началу периода последнего оледенения (*Clark et al., 1984*), но единственные даты, которыми мы располагаем, являются минимальными, и поэтому у нас не хватает точных вех. Многие зоны проживания людей эпохи среднего каменного века были обнаружены под сталактитами, и в них не найдено никаких следов развития производства. Следовательно, скопления были описаны так, будто разговор шел о едином комплексе; большинство изделий с отделкой были односторонними или двусторонними наконечниками, к которым добавлялись различные скребки. Многочисленные скопления кремней, которые потрескались в результате воздействия огня, были обнаружены в пещере; создавалось впечатление, будто камень подвергался термической обработке, прежде чем высекать из него изделия. Обычно существование подобной технологии проявлялось лишь в производствах более поздних периодов доисторической эпохи, и, по всей вероятности, обитатели пещеры Порк-Эпик ею не владели.

Другие циклы эпохи среднего каменного века в Восточной Африке, описанные во время проведения более ранних раскопок, в своем большинстве нуждались в подтверждении. Отметим, однако, цикл из пещер Гамбл в Кении (*Leakey, 1931, pp. 90–171*), в котором под скоплением эпохи среднего каменного века было открыто местонахождение изделий с обухом в форме полумесяца. К сожалению, это месторождение оказалось очень бедным, и изделия с обухом рассматривались в сочетании с каменными пластинами и глиняной посудой. Цикл был явно потревожен и не привлек бы нашего внимания, если бы в поселении Апис-Рок в Танзании не было также обнаружено местонахождение изделий с обухом и скребков, которое было расположено под «стилбейским» горизонтом эпохи среднего каменного века (*Leakey, 1936, p. 62*). Самое большее, о чем свидетельствуют эти поселения, – то, что в некоторых регионах Восточной Африки произошло событие, сравнимое с включением производства Ховизонс-Поорт в эпоху среднего каменного века в Южной Африке, и это вполне возможно.

Образ жизни

Об образе жизни популяций эпохи среднего каменного века практически ничего не известно. Во время ранних раскопок не были обнаружены ископаемые остатки животных, а те остатки, которые были найдены в поселениях на берегу оз. Зивэй, встречались очень редко. В поселении Порк-Эпик было обнаружено значительное количество окаменелостей, однако почти все, которые на сегодняшний день изучены, настолько фрагментарны и покрыты солями, что невозможно их идентифицировать.

Встречались остатки мелких быков, свиней и зебр (Clark et al., 1984). Археологи, производившие раскопки этого поселения, расположение которого на вершине холма делает доступ к нему затруднительным, полагают, что жители установили контроль над тропинками, и что в нем проживали группы охотников. Эта гипотеза подкрепляется наличием очень большой доли (15%) наконечников, основание которых было уменьшено для надевания на них рукоятки. Ископаемые остатки животных на настоящий момент не дают возможности проверить эту гипотезу, однако, по крайней мере, можно опознать зубы, хотя и разбитые; среди этих костных остатков очень редко встречаются фрагменты черепа (Clark et al., 1984, p. 63). Тот факт, что обитатели пещеры не приносили с собой головы убитой добычи, действительно мог быть знаком того, что они занимались активной охотой и не довольствовались сбором падали. Это могло бы также подтвердить датировку, которая относит этот цикл к концу эпохи среднего каменного века.

Типология поселений

Как показало исследование, поселение Порк-Эпик, вероятно, являлось охотничьей стоянкой. Другая единственно ценная информация, которой мы располагаем, была получена из поселений, расположенных в районе оз. Зивэй, которые предоставили очень интересные свидетельства о деятельности их обитателей, об использовании стоянок и применении каменного сырья (Wendorf & Schild, 1974). Все эти стоянки рассматриваются как жилые поселения: в них действительно обнаружено относительно большое количество законченных орудий, многие из которых использовались в течение длительного времени и часто, а иногда и многократно затачивались. Эти поселения в разной степени служили местом производственной деятельности.

В одном из поселений в Гадемотте (Eth-72-8B) было небольшое искусственное углубление круглой формы, которое, как полагают, служило полом хижины. На этой поверхности было невозможно определить зоны проведения отдельных видов работ, несмотря на наличие двух груд камней. находка этого пола и значительная доля законченных орудий, которые там находились, указывают на то, что это было жилое поселение, а большое количество изделий говорит о том, что это поселение заселялось вновь и вновь на протяжении длительного периода времени. Несмотря на близость выходов на поверхность пород обсидиана в Кулкулетти, похоже, что производственная деятельность в этом поселении была ограничена, если судить по относительно небольшому количеству сколов при раскалывании, сколов, полученных при подготовке нуклеусов по методу Леваллуа или сколов Леваллуа. Помимо этого, сколы, отделенные при подготовке нуклеусов Леваллуа, были значительно тоньше, чем в других поселениях, и это, похоже, указывает на то, что в поселении Eth-72-8B заготовительные работы с камнем были второстепенными, а проводились исключительно отделочные операции.

Во всех последних поселениях цикла Гадемотта сколы, полученные в результате подготовки нуклеусов Леваллуа, встречались немного чаще, а в одном из них (Eth-72-6) было найдено несколько небольших скоплений отходов от обработки камня. Полагают, что эти поселения были жилыми зонами, в которых основные виды занятий приходились на повседневную жизнь, но где также обрабатывали часть местного обсидиана. Тот факт, что в поселении Eth-72-7B не было обнаружено ни одного нуклеуса, наводит на мысль, что обрабатываемые здесь орудия предназначались для использования в других местах.

Похуже, что производственная деятельность занимала большое место на обеих стоянках (Eth-72-1 и Eth-72-9) в Кулкулетти. В обоих поселениях сборы, находящиеся на

одном горизонте, содержали большое количество отходов от раскалывания, среди которых большая доля приходилась на сколы при самом раскалывании и на сколы, полученные при подготовке нуклеусов по методу Леваллуа. Кроме того, в других местах обоих поселений было обнаружено относительно большое количество законченных орудий. Эти зоны посещались группами людей, приходившими, чтобы пополнить запасы сырья и подготовить многочисленные нуклеусы Леваллуа, которые затем уносились в другие места. Вместе с тем эти люди продолжали выполнять и свои повседневные домашние дела, и те обязанности, которые были необходимы для их существования. Здесь не было групп, занимающихся определенным видом деятельности, а было однородное сообщество, состоящее из различных элементов. Эта форма общественной организации в корне отличается от формы распределения работ между различными специализированными группами людей, о чем свидетельствуют находки в Африке и в Европе, относящиеся к более поздним стадиям доисторического периода.

Другие виды культурной деятельности

Благодаря находкам, сделанным в поселении Порк-Эпик, выявились два других аспекта поведения людей в эпоху среднего каменного века. Первый относится к эксплуатации сырьевых ресурсов: в своем большинстве каменные орудия высекались из местных кремней, однако некоторое количество (6%) изготавливалось из обсидиана хорошего качества, который доставлялся издалека. Происхождение этого обсидиана точно не известно, однако было сделано предположение, что его могли доставлять из района Афдема на юге пустыни Афар, в 100 км на запад (Clark et al., 1984). Если эти данные верны, то это может служить доказательством того, что, как и в Северной и Южной Африке, группы людей эпохи среднего каменного века перемещались на большие расстояния в поисках материалов лучшего качества, или доказательством того, что существовала широкая сеть социальных контактов.

В Порк-Эпик также было найдено большое количество красящих веществ, которые были «разбросаны» во всех уровнях эпохи среднего каменного века. Эти материалы были разных сортов – красная и желтая охра, гематит и красный железняк; на большинстве из них были обнаружены следы трения или бороздки (Clark et al., 1984). В своем большинстве они подверглись тепловой обработке, возможно, с целью получения различных цветовых оттенков, как это предположили археологи, обнаружившие их. Но это всего лишь гипотеза, поскольку на большинстве каменной и костных остатков также имелись отложения. Можно предположить, что люди эпохи среднего каменного века, по желанию окрашивали некоторые детали (к сожалению, природу их мы не знаем). Исследователями было сделано интересное открытие: аммонит в ту эпоху был полностью и естественно заменен красящим веществом (было бы интересно узнать, поразил ли он воображение гоминидов, которые его обнаружили?).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В эпоху, когда вид *человек разумный неандерталец* населял Европу и Западную Азию, Африка была населена совершенно различными группами вида *человек разумный sapiens*, ни одна из которых не имела морфологических признаков неандертальцев. В своем большинстве они находились на той же стадии развития, что и северные люди из Неандертала, однако некоторые ископаемые остатки самого начала периода верхнего плейстоцена, обнаруженные в Южной и Восточной Африке, были описаны как

остатки, принадлежащие человеку современного типа. К сожалению, эти окаменелости встречаются редко и во фрагментарном состоянии, так что трудно с достоверностью установить их родство с современным человеком. Однако было сделано предположение, что вид *человек разумный* появился прежде в конце периода среднего плейстоцена в восточной и южной частях Африки, потом он распространился по всему континенту и затем достиг Европы и Азии (Bräuer, 1984). Остается доказать эту гипотезу.

К какой бы стадии эволюции ни принадлежали группы людей, проживавшие в эту эпоху в Африке, некоторые признаки указывают на то, что их поведение не совсем соответствовало поведению современного человека. Орудия, в каждом районе по-разному, были более разнообразными, чем в предшествующие периоды, однако иногда кажется, что технологии обработки камня не прогрессировали, а даже находились в застое в течение всего исследуемого периода. На протяжении определенного периода, который, по крайней мере в отдельных частях Африки, длился около 200 тыс. лет, не отмечено ни малейших следов эволюции. Этот застой контрастирует с теми достижениями, которые были достигнуты в течение последних 30–40 тыс. лет. Кроме того, некоторые признаки наводят на мысль, что люди того времени не были настоящими охотниками, а стали ими лишь к концу периода, и что падала для них важным источником питания. Похоже, что достаточно фундаментальные различия с современным человеком существовали и в плане общественной и территориальной организации, однако и эти вопросы не были подтверждены.

Несмотря на отсутствие доказательств, мы можем считать достоверным тот факт, что африканцы-современники человека из Неандерталья жили в определенных общественных системах, а наличие почти во всех поселениях фрагментов красящих веществ могло указывать на то, что они прибегали к культовым обрядам. Более конкретное доказательство нам представлено в виде загадочного скопления каменных ядер, воздвигнутого на берегах одного источника в Тунисе. Искусство появилось в Африке почти так же рано, как и в других районах мира. Возможно, однажды мы узнаем, что Африка была колыбелью человечества.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ALIMEN, H. 1957. The Prehistory of Africa. London.
- ANTHONY, B. 1972. The Stillbay Question. In: HUGOT, H. J. (ed.), VIe Congrès Panafricain de Préhistoire, Dakar 1967. Chambéry, pp. 80–2.
- ANTOINE, M. 1950. Notes de préhistoire marocaine XIX: L'Atérien du Maroc atlantique, sa place dans la chronologie nord-africaine. Bull. Soc. Préhist. Maroc (Rabat), pp. 5–47.
- ARAMBOURG, C. 1955. A Recent Discovery in Human Palaeontology: *Atlanthropus* of Ternifme (Algeria). Am. J. Phys. Anthropol. (New York), Vol. 13, pp. 191–201.
- ARAMBOURG, C.; BIBERSON, P. 1956. The Fossil Human Remains from the Palaeolithic Site of Sidi Abderrahman (Morocco). Am. J. Phys. Anthropol. (New York), Vol. 14, pp. 467–90.
- ARKELL, A. J. 1949. Old Stone Age in the Angle-Egyptian Sudan. Khartoum.
- AVERY, G.; SIEGFRIED, W. R. 1980. Food Gatherers along South Africa's Seashore. Oceans, Vol. 4, pp. 32–7.
- BALOUT, L. 1955. Préhistoire de l'Afrique du Nord: essai de chronologie. Paris.
- BEAUMONT, P. B. 1973. The Ancient Pigment Mines of Southern Africa. S. Afr. J. Sci. (Cape Town), Vol. 69, pp. 140–6.
- BIBERSON, P. 1961. Le Paléolithique inférieur du Maroc Atlantique. Rabat. (Publ. Serv. Antiq. Maroc, 17.)
- 1970. Index Cards on the Marine and Continental Cycles of the Moroccan Quaternary. Quaternaria (Rome), Vol. 13, pp. 1–76.
- BINFORD, L. R. 1981. Bones: Ancient Men and Modern Myths. New York/London.
- 1984. Faunal Remains from Klasies River Mouth. Orlando.
- BISHOP, W. W. 1972. Stratigraphic Succession 'Versus' Calibration in East Africa. In: BISHOP, W. W.; MILLER, J. A. (eds). Calibration of Hominid Evolution. Edinburgh, pp. 219–46.
- BISHOP, W. W.; CLARK, J. D. (eds) 1967. Background to Evolution in Africa. Chicago.
- BORDES, F. 1961. Typologie du Paléolithique ancien et moyen. Bordeaux. 2 vols. (3rd edn 1979. Paris.)
- BRÄUER, G. 1984. The 'Afro-European sapiens-hypothesis', and Hominid Evolution in East Asia during the Late Middle and Upper Pleistocene. CFS, Cour. Forsch. inst. Senckenb. (Frankfurt/Main), Vol. 69, pp. 145–65.
- BUTZER, K. W. 1978. Sediment Stratigraphy of Middle Stone Age Sequence at Klasies River Mouth. S. Afr. Archaeol. Bull. (Claremont), Vol. 33, pp. 141–51.
- BUTZER, K. W.; BEAUMONT, P.; VOGEL, J. C. 1978. Lithostratigraphy of Border Cave, KwaZulu, South Africa: A Middle Stone Age Sequence Beginning c.195,000 BP. J. Archaeol. Sci., Vol. 5, pp. 317–41.
- BUTZER, K. W.; BROWN, F. H.; THURBER, D. L. 1969. Horizontal Sediments of the Lower Omo Valley: The Kibish Formation. Quaternaria (Rome), Vol. 11, pp. 15–30.
- CAMPO, M. VAN; COQUE, R. 1960. Palynologie et géomorphologie dans le Sud Tunisien. Pollen et Spores (Paris), Vol. 2, pp. 275–84.
- CAMPS, G. 1974. Les Civilisations préhistoriques de l'Afrique du Nord et du Sahara. Paris.
- CARLSON, R. L. 1967. Excavations at Khor Abu Anga and at Sites in Nubia. Curr. Anthropol., Vol. 8, p. 352.
- CARTER, P. L.; VOGEL, J. C. 1974. The Dating of Industrial Assemblages from Stratified Sites in Eastern Lesotho. Man (London), Vol. 9, pp. 557–70.
- CATON-THOMPSON, G. 1946a. The Aterian Industry: Its Place and Significance in the Palaeolithic World. London.
- 1946b. The Levalloisian Industries of Egypt. Proc. Prehist. Soc., Vol. 12, pp. 57–120.
- 1952. Kharga Oasis in Prehistory. London.
- CHAVAILLON, J. 1964. Étude stratigraphique des formations quaternaires du Sahara Nord-Occidental (Colomb-Béchar à Réggnane). Paris, CNRS.
- CHAVAILLON, J. et al. 1979. From the Oldowan to the Middle Stone Age at Melka Kunturé (Ethiopia): Understanding Cultural Changes. Quaternaria (Rome), Vol. 21, pp. 87–114.
- CHMIELEWSKI, W. 1968. Early and Middle Palaeolithic Sites Near Arkin, Sudan. In: WENDORE, F. (ed.). The Prehistory of Nubia. Dallas, pp. 110–47.
- CHOUBERT, G.; FAURE-MURET, A.; MAARLEVELD, G. C. 1967. Nouvelles Dates isotopiques du Quaternaire marocain et leur signification. C. R. Acad. Sci. Paris, Vol. 264, pp. 434–7.
- CLARK, J. D. 1954. The Prehistoric Cultures of the Horn of Africa. Cambridge.
- 1969. Kalambo Falls Prehistoric Site I. Cambridge.
- 1970. The Prehistory of Africa. London.
- 1974. Kalambo Falls Prehistoric Site II. Cambridge.
- CLARK, J. D.; HAYNES, C. V. 1970. An Elephant Butchery Site at Mwanganda's Village, Karonga, Malawi, and its Relevance for Palaeolithic Archaeology. World Archaeol., Vol. 1, pp. 390–411.
- CLARK, J. D. et al. 1984. A Middle Stone Age Occupation Site at Pore Epic cave, Dire Dawa (East-Central Ethiopia). Afr. Archaeol. Rev. (Cambridge), Vol. 2, pp. 37–71.
- CLOSE, A. E. 1980. Current Research and Recent Radiocarbon Dates from Northern Africa. J. Afr. Hist. (London/New York), Vol. 21, pp. 145–67.
- 1984. Current Research and Recent Radiocarbon Dates from Northern Africa. II. J. Afr. Hist. (London/New York), Vol. 25, pp. 1–24.
- CONROY, G. C. et al. 1978. Newly Discovered Fossil Hominid Skull from the Afar Depression, Ethiopia. Nature (London), Vol. 275, pp. 67–70.
- COOKE, C. K. 1971. Excavations at Zombepata Cave, Sipililo District, Mashonaland, Rhodesia. S. Afr. Archaeol. Bull. (Claremont), Vol. 26, pp. 104–26.
- DALLONI, M. 1955. La Station moustérienne de Retaimia près d'Inkermann (Algérie). In: BALOUT, L. (ed.), Actes du Congrès Panafricain de Préhistoire, IIe session, Alger, 1952. Paris, pp. 419–27.

- DAY, M. H.; LEAKEY, M. D.; MAGORI, C. 1980. A New Hominid Fossil Skull (L.H. 18) from the Ngaloba Beds, Laetoli, Northern Tanzania. *Nature* (London), Vol. 284, pp. 55–6.
- DEACON, J. 1984. Later Stone Age People and their Descendants in Southern Africa. In: KLEIN, R. G. (ed.), *Southern African Prehistory and Palaeoenvironments*. Rotterdam, pp. 221–328.
- DELIBRIAS, G.; GUILLIER, M. T.; LABEYRIE, J. 1982. Gif Natural Radiocarbon Measurements, IX. *Radiocarbon* (New Haven), Vol. 24, pp. 291–343.
- ENNOUCHI, E. 1962. Un crâne d'homme ancien au Jebel Irhoud (Maroc). *C. R. Acad. Sci. Paris*, Vol. 254, pp. 4330–2.
- EVERNDEN, J. F.; CURTIS, G. H. 1965. The Potassium-Argon Dating of Late Cenozoic Rocks in East Africa and Italy. *Curr. Anthropol.*, Vol. 6, pp. 343–64.
- FERRING, C. R. 1975. The Aterian in North African Prehistory. In: WENDORF, F.; MARKS, A. E. (eds). *Problems in Prehistory: North Africa and the Levant*. Dallas, pp. 113–26.
- GAUTIER, A. 1968. Mammalian Remains of the Northern Sudan and Southern Egypt. In: WENDORF, F. (ed.), *The Prehistory of Nubia*. Dallas, pp. 80–99.
- 1980. Contributions to the Archaeozoology of Egypt. In: WENDORF, F.; SCHILD, R. (eds). *Prehistory of the Eastern Sahara*. New York, pp. 317–44.
- GRUET, M. 1954. Le Gisement moustérien d'El-Guettar. *Karthago* (Paris), Vol. 5, pp. 1–79.
- GUICHARD, J.; GUICHARD, G. 1965. The Early and Middle Palaeolithic of Nubia: A Preliminary Report. In: WENDORF, F. (ed.), *Contributions to the Prehistory of Nubia*. Dallas, pp. 57–166.
- HÉBRARD, L. 1970. Fichier des âges absolus du Quaternaire d'Afrique au nord de l'Equateur. *Assoc. Sénégal. Étude Quat. Quest Afr.* (Dakar), Vol. 26, pp. 39–56.
- HESTER, J. J.; HOEBLER, P. M. 1969. Prehistoric Settlement Patterns in the Libyan Desert. *Salt Lake City*.
- HOURS, F. 1976. Le Middle Stone Age de Melka Kunturé. In: ABEBE, B.; CHAVAILLON, J.; SUTTON, J. E. G. (eds), *Actes du VII Congrès Panafricain de Préhistoire et de l'Étude du Quaternaire*. Addis Ababa, pp. 99–104.
- HOWE, B. 1967. The Palaeolithic of Tangier, Morocco: Excavations at Cape Ashakar, 1939–1947. *Cambridge, Mass.*
- HOWELL, F. C. et al. 1972. Uranium-Series Dating of Bone from the Isimila Prehistoric Site. *Nature* (London), Vol. 237, pp. 51–2.
- ISAAC, G. L. 1984. The Archaeology of Human Origins: Studies of the Lower Pleistocene in East Africa 1971–1981. In: WENDORF, F.; CLOSE, A. E. (eds). *Advances in World Archaeology*. Orlando, Vol. 3, pp. 1–87.
- JAEGER, J. J. 1975. The Mammalian Faunas and Hominid Fossils of the Middle Pleistocene of the Maghreb. In: BUTZER, K. W.; ISAAC, G. L. (eds). *After the Australopithecines*. The Hague, pp. 399–418.
- JELINEK, A. J. 1982. The Tabun Cave and Palaeolithic Man in the Levant. *Science* (Washington), Vol. 216, pp. 1369–75.
- KLEIN, R. G. 1974. Environment and Subsistence of Prehistoric Man in the Southern Cape Province, South Africa. *World Archaeol.*, Vol. 5, pp. 249–84.
- 1975. Middle Stone Age Man-Animal Relationships in Southern Africa: Evidence from Die Kelders and Klasies River Mouth. *Science* (Washington), Vol. 190, pp. 265–7.
- 1976. A Preliminary Report on the 'Middle Stone Age' Open-Air Site of Duinefontein 2 (Melkbosstrand, South-Western Cape Province, South Africa). *S. Afr. Archaeol. Bull.* (Claremont), Vol. 31, pp. 12–20.
- 1977. The Ecology of Early Man in Southern Africa. *Science* (Washington), Vol. 197, pp. 115–26.
- 1979. Stone Age Exploitation of Animals in Southern Africa. *Am. Sci.* (New Haven), Vol. 67, pp. 151–60.
- 1982. Age (Mortality) Profiles as a Means of Distinguishing Hunted Species from Scavenged Ones in Stone Age Archaeological Sites. *Palaeobiol.* (Jacksonville), Vol. 8, pp. 151–8.
- 1983. The Stone Age Prehistory of Southern Africa. *Annu. Rev. Anthropol.*, Vol. 12, pp. 25–48.
- (ed.) 1984. *Southern African Prehistory and Palaeoenvironments*. Rotterdam.
- LEAKEY, L. S. B. 1931. *The Stone Age Cultures of Kenya Colony*. Cambridge.
- 1936. *Stone Age Africa*. Oxford.
- LEAKEY, M. D. et al. 1969. An Acheulian Industry and Hominid Mandible, Lake Baringo, Kenya. *Proc. Prehist. Soc.* (Cambridge), Vol. 35, pp. 48–76.
- 1972. Stratigraphy, Archaeology and Age of the Ndutu and Naisiusiu Beds, Olduvai Gorge, Tanzania. *World Archaeol.*, Vol. 3, pp. 328–41.
- MCBURNEY, C. B. M. 1960. *The Stone Age of Northern Africa*. Harmondsworth.
- 1967. *The Haua Fteah (Cyrenaica) and the Stone Age of the Southeast Mediterranean*. Cambridge.
- MARKS, A. E. 1968a. The Mousterian Industries of Nubia. In: WENDORF, F. (ed.), *The Prehistory of Nubia*. Dallas, pp. 194–314.
- 1968b. The Khormusan: An Upper Pleistocene Industry in Sudanese Nubia. In: WENDORF, F. (ed.), *The Prehistory of Nubia*. Dallas, pp. 315–91.
- MILLER, S. F. 1971. The Age of the Nachikufan Industries in Zambia. *S. Afr. Archaeol. Bull.* (Claremont), Vol. 26, pp. 143–6.
- 1979. Lukenya Hill, GvJm 46, Excavation Report. *Nyame Akuma* (Calgary), Vol. 14, pp. 31–4.
- O'BRIEN, T. P. 1939. *The Prehistory of Uganda Protectorate*. Cambridge.
- RIGHTMIRE, G. P. 1979. Implications of Border Cave Skeletal Remains for Later Pleistocene Human Evolution. *Curr. Anthropol.*, Vol. 20, pp. 23–35.
- 1984. The Fossil Evidence for Hominid Evolution in Southern Africa. In: KLEIN, R. G. (ed.) *Southern African Prehistory and Palaeoenvironments*. Rotterdam, pp. 147–68.
- ROCHE, J. 1969. Les Industries paléolithiques de la grotte de Taforalt (Maroc oriental): méthodes d'études; evolution technique et typologique. *Quaternaria* (Rome), Vol. 11, pp. 89–100.
- 1970–1. La Grotte de Taforalt (Maroc oriental). *Bull. Soc. Hist. Nat. Maroc* (Rabat), Vol. 3, pp. 7–14.
- 1976. Cadre chronologique de l'Épipaléolithique marocain. In: *Congrès UISPP, 9. NICE. Colloque II*, pp. 153–67.
- ROUBET, F. E. 1969. Le Niveau atérien dans la stratigraphie côtière à l'Ouest d'Alger. In: ZINDEREN BAKKER, E. M.; COETZEE, J. A. (eds), *Palaeoecology of Africa*. Rotterdam, Vol. 4, pp. 124–9.
- RUHLMANN, A. 1951. La Grotte préhistorique de Dar es-Soltan. Paris.
- 1952. The Moroccan Aterian and its Sub-divisions. In: LEAKEY, L. S. B.; COLE, S. (eds). *Proceedings of the Pan-African Congress on Prehistory, 1947*. New York, pp. 210–22.
- SABAN, R. 1975. Les Restes humains de Rabat (Kébibat). *Ann. Paléontol.* (Vertébr.) (Paris), Vol. 61, pp. 153–207.
- SAMPSON, C. G. 1968. The Middle Stone Age Industries of the Orange River Scheme area. *Mem. Natl. Mus.* (Bloemfontein), Vol. 4, pp. 1–111.
- 1974. *The Stone Age Archaeology of Southern Africa*. New York.
- SANDFORD, K. S.; ARKELL, W. J. 1939. *Palaeolithic Man and the Nile Valley in Lower Egypt*. Chicago.
- SCHILD, R.; WENDORF, F. 1981. *The Prehistory of an Egyptian Oasis*. Wrocław.
- SHACKLETON, N. J. 1982. Stratigraphy and Chronology of the KRM Deposits: Oxygen Isotope Evidence. In: SINGER, R.; WYMER, J. (eds), *The Middle Stone Age at Klasies River Mouth in South Africa*. Chicago, pp. 194–9.
- SINGER, R.; WYMER, J. (eds) 1982. *The Middle Stone Age at Klasies River Mouth in South Africa*. Chicago.
- SINGLETON, W. L.; CLOSE, A. E. 1978. Report of Site E-78-11. In: WENDORF, F.; SCHILD, R.; CLOSE, A. E. (eds), *Loaves and Fishes: The Prehistory of Wadi Kubbania*. Dallas, pp. 229–37.
- STRINGER, C. B.; HOWELL, F. C.; MELENTIS, J. K. 1979. The Significance of the Fossil Hominid Skull from Petralona, Greece. *J. Archaeol. Sci.* (London/New York), Vol. 6, pp. 235–53.
- SZABO, B. J.; BUTZER, K. W. 1979. Uranium-Series Dating of Lacustrine Limestones from Pan Deposits with a Final Acheulian Assemblage at Rooiadam, Kimberley District, South Africa. *Quat. Res.* (New York), Vol. 11, pp. 257–60.
- TILLET, T. 1983. Le Paléolithique du Bassin Tchadien Septentrional (Niger-Tchad). Paris.
- TIXIER, J. 1967. Précédés d'analyse et questions de terminologie concernant l'étude des ensembles industriels du Paléolithique récent et de l'Épipaléolithique dans l'Afrique du Nord-Ouest. In: BISHOP, W. W.; CLARK, J. D. (eds), *Background to Evolution in Africa*. Chicago, pp. 771–820.

- TRINKAUS, E. 1982. Evolutionary Continuity among Archaic *Homo sapiens*. In: RONEN, A. (ed.). The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man. Oxford, pp. 301–14. (BAR Int. Ser., 5)
- VALLOIS, H. V.; ROCHE, J. 1958. La Mandibule acheuléenne de Témara, Maroc. C. R. Acad. Sciences Paris, Ser. D, Vol. 246, pp 3113–16.
- VERMEERSCH, P. M. et al. 1982. Blade Technology in the Egyptian Nile Valley: Some New Evidence. Science (Washington), Vol. 216, pp. 626–8.
- 1984. 33,000 Year Old Chert Mining Site and Related *Homo* in the Egyptian Nile Valley. Nature (London), Vol. 309, pp. 342–4.
- VOLMAN, T. P. 1984. Early Prehistory of Southern Africa. In: KLEIN, R. G. (ed.). Southern African Prehistory and Palaeoenvironments. Rotterdam, pp. 169–220.
- WENDORE, F.; SCHILD, R. 1974. A Middle Stone Age Sequence from the Central Rift Valley, Ethiopia. Wrocław.
- 1976. The Middle Palaeolithic of Northeastern Africa: New Data and Concepts. In: CONGRÈS UISPP, 9, NICE. Colloque III. pp. 8–34.
- 1980. Prehistory of the Eastern Sahara. New York.
- WENDORE, F.; SCHILD, R.; CLOSE, A. E. (eds) 1986. The Prehistory Wadi Kubbaniya Human Skeleton. Vol. 1: The Wadi Kubbaniya Skeleton: A Late Palaeolithic Burial from Southern Egypt. Dallas.
- WENDORE, F.; SCHILD, R.; HAAS, H. 1979. A New Radiocarbon Chronology for Prehistoric Sites in Nubia. J. Field Archaeol., Vol. 6, pp. 219–23.
- WENDT, W. E. 1976. 'Art mobilier' from the Apollo 11 Cave, South West Africa: Africa's Oldest Dated Works of Art. S. Afr. Archaeol. Bull. (Claremont), Vol. 31, pp. 5–11.

ЕВРОПА (ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ БЫВШЕГО СССР) в период *Homo sapiens neanderthalensis* (человек разумный неандертальский) и его современники

Карел Валох

В культурной схеме древнего каменного века, созданной французским археологом Ж. Мортилье (*Mortillet*) к 1870 г., мустьерский период уже рассматривался в качестве средней стадии палеолита в Европе (*Mortillet & Mortillet*, 1900). Название этой культуры происходит от названия пещеры Ле-Мустье, большого местонахождения на правом берегу р. Везер (департамент Дордонь, Франция). Еще недавно принималась эта концепция, в соответствии с которой эпоха среднего палеолита была короткой, длившейся около 40 тыс. лет, а мустьерская культура была типичной культурой человека из Неандертала.

Начало среднего палеолита совершенно не означает разрыва в цепи эволюции культуры, а скорее определяет условную границу, установленную на основе наших современных познаний. Тем не менее производства раннего палеолита, датируемые предшествующим межледниковьем (называемым миндельско-рисским, голыштейнским, хокснийским или личвинским периодами), значительно менее дифференцированы и не обладают многими чертами, которые появились у производств периода рисского оледенения.

Начиная с комплексов раннего палеолита, в начале предпоследнего оледенения начинают формироваться различные культурные традиции среднего палеолита. Если эта эволюция в небольшой степени была, возможно, вызвана экологическими изменениями в начале периода оледенения, то подъем материальной культуры в основном был вызван повышением физических и умственных способностей человека в то время, когда популяция вида *человек прямоходящий* превращалась в вид *человек разумный*.

ЭКОЛОГИЯ

Популяция первых представителей *Sapiens* начала расселяться по Европе приблизительно начиная с периода предпоследнего оледенения, когда скандинавский ледник постепенно покрыл большую часть Германии и Польши, а горные ледники спустились в долины. Именно в эту эпоху люди впервые рискнули осесть в околледниковой зоне в климатических условиях, на которые оказывал воздей-

ствие близко расположенный фронт ледников. Фауна околледниковой зоны была северного типа и представлена мамонтами, шерстистыми носорогами, оленями и другими видами, которые сегодня либо исчезли, либо живут в холодных степях или в арктических районах. Растительность была очень скудной, степного или тундрового типа.

Предпоследнее оледенение, которое длилось около 100 тыс. лет, прерывалось одним или двумя явно более теплыми периодами, во время которых ледники отступали немного на север и в высокогорные районы. В эти периоды, длительность которых не уточнена, южноевропейские виды животных вернулись в северную зону, которая вновь покрылась лесами.

Средняя фаза среднего палеолита занимает период последнего межледниковья, когда климатические и растительные условия в Европе были сравнимы с сегодняшними условиями, но средняя температура была, однако, немного выше. Фауна была представлена видами животных, живущих в жарких лесах и степях; к ним относились, например, лесной слон, степной носорог, стада быков, оленей и лошадей.

Поздняя стадия соответствует первой половине периода последнего оледенения. При переходе к межледниковью и ледниковому периоду климат постепенно становился более суровым вследствие нового наступления ледников в Скандинавии и в высокогорных районах. Северная фауна возвратилась в зону умеренного климата Западной и Центральной Европы, а ее растительность вновь адаптировалась к условиям околледниковой зоны. Однако в эту эпоху холодный климат не достиг своего апогея: самая холодная фаза периода последнего оледенения наступила только во второй его половине, в эпоху, когда Европа уже была населена людьми современного типа (*человек разумный sapiens*).

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА

В эпоху среднего палеолита камень служил сырьем для изготовления большинства предметов. Поскольку их изготовление было относительно простым, а значение имело

только количество, а не качество сырья (эксперименты, проведенные многими современными специалистами по доисторическому периоду, свидетельствуют об этом), то практически на каждой стоянке обнаруживаются сотни и даже тысячи орудий. Поскольку камень почти не разрушается, то каменные орудия находят и на разрушенных стоянках, их можно даже собирать на поверхности земли.

Основными орудиями на протяжении всего среднего палеолита были боковые скребки и ретушированные сколы разной формы. Трасологические исследования микроизноса показывают, что эти инструменты чаще всего служили ножами, и иногда крепились к рукояткам из дерева, кости или из оленьих рогов. Рядом со скребками появляются многочисленные остроконечники, края которых были тщательно обработаны и отделаны. Они, несомненно, крепились к деревянным палкам и являлись важным охотничьим оружием. В ряде мест производилось большое количество предметов, на грани которых наносились насечки или целые серии насечек в виде зубьев пилы. Точное назначение этих насечек и этих зазубрин еще не известно. От предшествующей эпохи раннего палеолита остались двусторонние орудия, которые в новую эпоху подвергались отделке, стали тоньше и приобрели овальную или сердцевидную форму. Наряду с этими основными типами орудий производства, эпоха среднего палеолита представлена и другими формами орудий, которые имеются в небольшом количестве, а некоторые из них (скребки, резцы, буры) превосходят орудия эпохи позднего палеолита.

Артефакты, изготовленные из органического материала, весьма хрупкие и сохраняются только в очень благоприятных условиях. Орудия из кости и оленьих рогов эпохи среднего палеолита встречаются крайне редко, чтобы произвести идентификацию их форм. В отдельных случаях следы износа дали возможность определить назначение орудий. Предметы из слоновой кости были обнаружены отдельно и в небольшом количестве (рис. 17), часто они даже не упоминаются в публикациях. Все чаще в различных культурах появляются орудия из рогов оленя и северного оленя. Иногда их принимают за дубины; некоторые из них могли служить рукоятками каменных орудий. Толстые сколы костей иногда обрабатывались и отделялись отдельно и в небольшом количестве (рис. 17), часто созданы стандартные типы; края, обработанные таким образом, напоминают края скребков. Иногда ребра животных имеют один закругленный или заостренный край. Иногда край или кромка скола из кости были отполированы. Единственными орудиями из кости, которые в большом количестве присутствуют в некоторых культурах, являются ретушеры для отделки краев каменных орудий методом дробления или сжатия. Орудия из кости периода кинской культуры (от стоянки Ла-Кина) были детально изучены (Martin, 1907–1910). На костях часто видны сле-

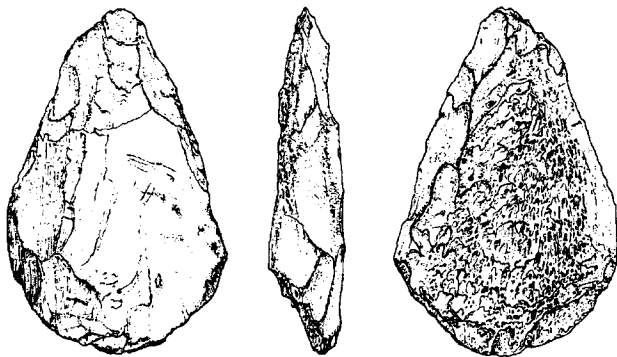

Рис. 17. Двусторонние орудия из слоновой кости из Редде (Германия) (по Trottau, 1983)

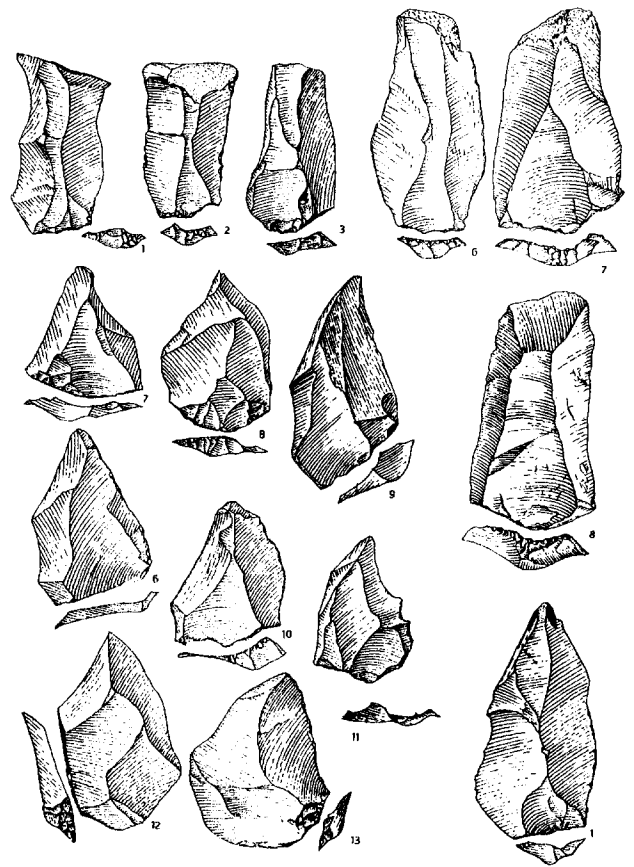

Рис. 18. Пластинчатые сколы и леваллуазские наконечники из Кёнигзауэ (Германия) (по Mania & Toepfer, 1973)

ды от порезов во время разделывания туш животных. Они также использовались для разрезания шкур и жил. Следовательно, на костных остатках заметны следы разных видов деятельности (Martin, 1907–1910; Binford, 1981).

Оружие и орудия из дерева, безусловно, играли важную роль в охоте и сборе пищи, однако доказательства их существования встречаются очень редко. Копье из Лерингена (Германия) (рис. 9) уже упоминалось (гл. 10); фрагмент заостренной палки длиной 29 см был найден в Кёнигзауэ (Германия) (Mania & Toepfer, 1973); у г. Крапина (Словения) был найден небольшой кол с обгорелым концом, который, вероятно, служил для перемешивания дров (Oakley, 1958).

Многие каменные орудия должны были крепиться на рукоятке. Поразительное свидетельство получено из Кёнигзауэ. Там были найдены два небольших куска смолы, которые служили для крепления, на одном из них заметны отпечатки четырех выемок от плоской ретуши двустороннего орудия. Смола, вероятно, крепилась к костяной или деревянной рукоятке (Mania & Toepfer, 1973).

Каменные орудия представляют собой преобладающий, а часто и единственный вид археологического материала той эпохи. Поэтому на имеющейся базе была разработана система культур: основываясь на многочисленных технологических и морфологических критериях, были не только установлены различия между комплексами, найденными на разных стоянках, но и произведено разграничение между сходными группами производств (рис. 18–21). Эти типологические и технологические комплексы рассматриваются как археологические культуры; их названия происходят от названий наиболее важных местонахождений. Различные культурные традиции, определенные на основании типологических и технических признаков, раз-

вивались параллельно, в основном независимо и от экологических условий, и от видов деятельности. По-видимому, производства каменных орудий, элементы материальной культуры, отмеченные традициями, отражают этнические различия их создателей¹.

В эпоху среднего палеолита в Европе отмечается большая дифференциация производств и существование большого количества культурных традиций, групп и фаций. В начале 1950-х гг. на основании типологических и технических критериев, полученных статистическим методом, впервые были определены и четко разграничены производства мустьерского типа. Под техническими критериями подразумевается наличие или отсутствие технологии скалывания Леваллуа, огранки пяты скола и, наконец, тип обработки. Типологическими критериями служат доли (в процентах) найденных боковых скребков, зазубренных орудий и орудий других типов (*Bordes, 1950a, 1950b, 1953b, 1954*). Хронологические связи между различными типами производств были получены дедуктивным методом на основании стратиграфических данных, и была создана модель для иллюстрации «кустовой» эволюции мустьерского комплекса первой половины вюрмского оледенения.

Дифференциация материальных остатков началась примерно 200 тыс. лет назад с появлением весьма неоднородной группы первых представителей вида *Homo-sapiens* (донеандертальцы, до-*sapiens*) (см. гл. 9). Это, вероятно, можно увязать с тем, что люди начали изготавливать орудия различной формы, предназначенные для различных видов занятий, которые постепенно были стандартизованы и стали неотъемлемой частью культурных традиций различных групп. Очень важным технологическим новшеством, сопровождавшим начальный период эпохи среднего палеолита, было изобретение леваллуазской техники раскалывания (см. гл. 10), которая давала возможность получать серию сколов предусмотренной формы из нуклеусов с подготовленной плоскостью для их раскалывания.

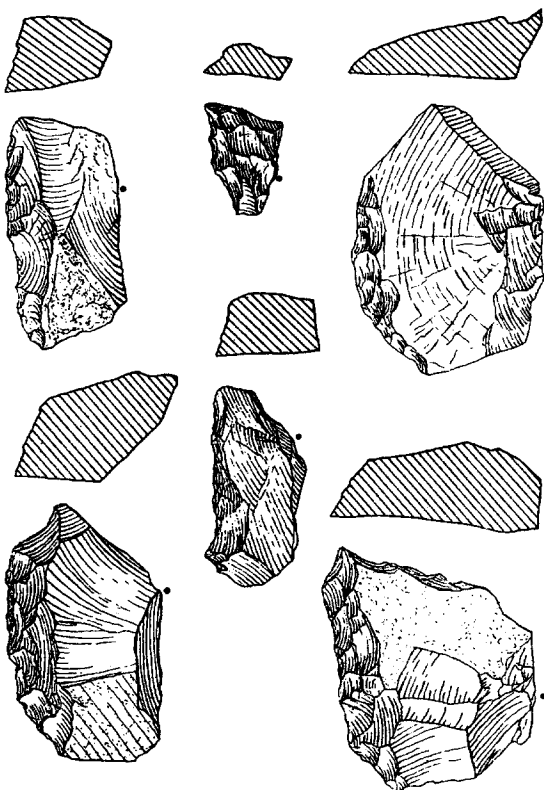

Рис. 19. Артефакты протошарангтийской (протокинской) культуры из г. Бечов (Чешская Республика), уровень 6 (по *Fridrich, 1982*)

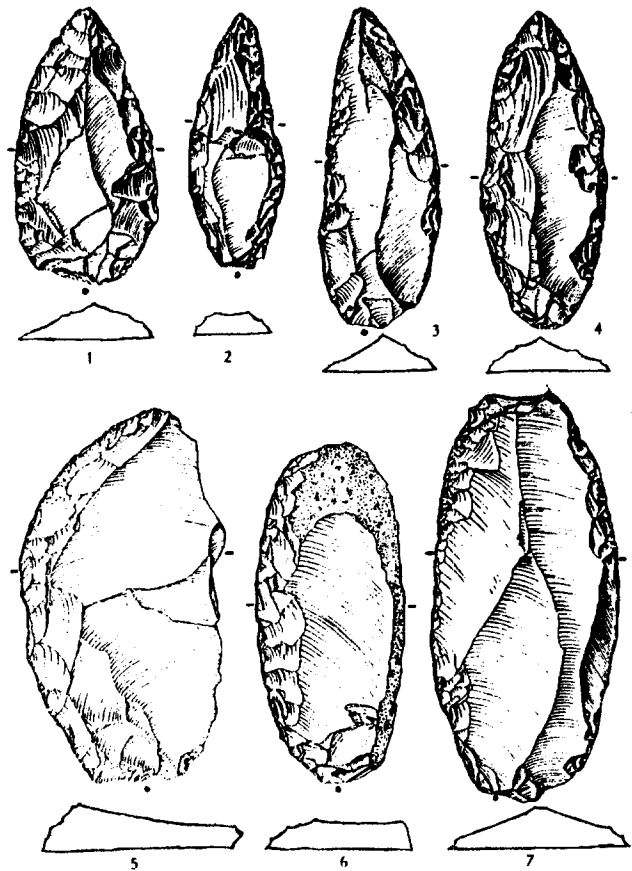

Рис. 20. Орудия шарангтийской культуры типа Ла-Ферраси (Ла-Ферраси, Франция): 1–4 – остроконечники; 5–6 – боковые скребки; 7 – двусторонний боковой скребок (по *Bosinski, 1985*)

Из этих сколов легко можно было изготовить скребки и остроконечники с помощью обработки.

На начальной стадии среднего палеолита двусторонние орудия остаются очень важными видами орудий, особенно в Западной Европе и в Италии. Это весьма типично для ашельской культуры, которая не проникла дальше западной части Центральной Европы (Богемия). Дальше на востоке и на юго-востоке двусторонние орудия появляются лишь эпизодически в рамках разных культур. В ашельской культуре двусторонним орудиям часто сопутствуют орудия из сколов, полученных по технологии Леваллуа.

Наряду с этим разнородным комплексом производств двусторонних орудий другой, также разнородный, комплекс производств без двусторонних орудий распространен по всей Европе. Из них особенно широко распространена в средиземноморской части Франции и в Лигурии (Италия) таясийская культура. Она примечательна своими орудиями небольших размеров, обычно откалывавшихся от гальки различных скальных пород.

Ашельская и таясийская культуры являются продолжением эволюции эпохи раннего палеолита: таясийская культура напоминает производства каменного инвентаря в гольштейнский межледниковый период. В окрестностях Рима обнаружено производство несколько другого типа – «протопонтийское» (или домустьерское) – производство орудий, которые также откалывались от не крупной гальки.

Именно на этой ранней стадии эпохи среднего палеолита лежит начало «кустовой» дифференциации мустьерского комплекса и различие между теми культурами, которые использовали технологию Леваллуа для производства сколов, и теми, которые не прибегали к этому методу. Так образовались производства со специфическим типологическим

составом инвентаря. Количество известных местонахождений этой эпохи еще невелико, однако они разбросаны почти по всей Европе – от Южной Англии до Балкан и до Центральной Европы, проходя через Западную и Южную Европу, где их было относительно много. Однако их значительно больше, чем местонахождений вида *человек прямоходящий* заключительной стадии раннего палеолита. Из этого можно сделать вывод, что популяция первых представителей *человека разумного* (в широком смысле этого слова) была более многочисленной и более распространенной, чем предшествующая популяция вида *человек прямоходящий*. Вместе с тем следует подчеркнуть, что количество сохранившихся скоплений не прямо пропорционально плотности населения определенной эпохи, поскольку следует учитывать тот факт, что чем древнее определенное поселение, тем больше уничтожено его следов под воздействием природных факторов.

Эволюция, начавшаяся во время предпоследнего оледенения, продолжалась в течение последнего межледникового (примерно 130–100 тыс. лет назад). Ашельский комплекс с двусторонними орудиями вошел в свою последнюю фазу, территория его распространения увеличилась лишь немного на равнинах Северной Европы. Однако к концу межледникового традиция производства двусторонних орудий были возобновлены в Центральной Европе в виде новой микокской культуры (рис. 21), которая достигла полного развития только на поздней стадии эпохи среднего палеолита.

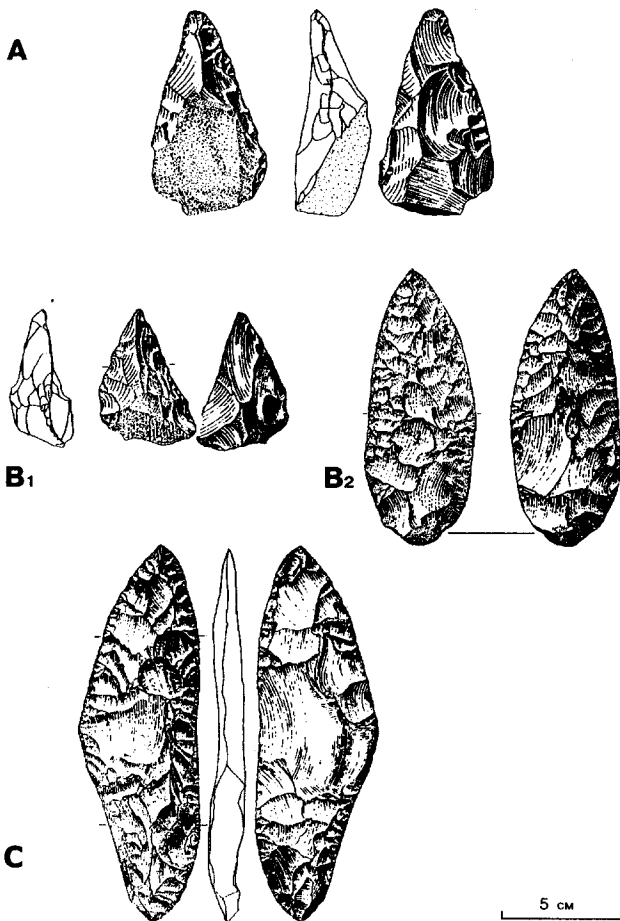

Рис. 21. Артефакты микокской культуры Центральной Европы (Германия): А – двустороннее орудие микокской культуры, Бокштайшимиде; В₁ – небольшое двустороннее орудие, Кёнигзауэ; В₂ – листовидное двустороннее орудие, Кёнигзауэ; С – двустороннее орудие-нож, Кёнигзауэ (по Wetzels & Bosinski, 1969; Mania & Toepfer, 1973)

Именно в Западной Европе мы видим развитие различных групп мустьерского комплекса, не производящих двусторонние орудия, применяющих или не применяющих технологию Леваллуа; эти группы появились на предшествующей стадии. Мягкий климат межледникового впервые дал возможность прожить или периодически посещать отдельные высокогорные альпийские пещеры (такие, как пещеры Рополуст в Австрии и Драхенлох в Швейцарии), которые в период предшествующего оледенения были покрыты снегом и льдом. В период последнего межледникового в Центральной Европе существовал комплекс микролитических производств, изготавливавших предметы, высеченные из мелкой гальки без использования метода Леваллуа (таубахская культура). По своей типологии этот комплекс очень близок к тасийской культуре предшествующего периода, однако неизвестно, являются ли представители этих групп генетически родственными. С экологической точки зрения интересно отметить, что за исключением одного поселения (пещера Кулна в Моравии) все местонахождения периода таубахской культуры располагаются в непосредственной близости от залежей минералов. В настоящее время, они покрыты слоями, иногда очень толстыми, травертина – известкового туфа, образовавшимися из осадка известковых вод. В известковом туфе сохранились не только каменные орудия, но также костные остатки, раковины моллюсков и многочисленные растительные остатки, и таким образом до нас была донесена ценная информация о природной среде, в которой жили обитатели этих поселений. Однако следует отметить, что мы располагаем меньшим количеством данных об этой стадии среднего палеолита, чем о предшествующей стадии. Это вызвано тем фактом, что в теплом и влажном климате межледникового процессы разложения и эрозия затронули поселения открытого типа так же сильно, как и неглубокие пещеры, и разрушили в них археологические остатки. Кроме того, период межледникового не благоприятствовал отложению в жилых пещерах осадочных пород, которые могли бы сохранить остатки следов человеческого присутствия.

Мы располагаем большей информацией о завершающей фазе среднего палеолита, поскольку значительное количество стоянок этого периода сохранилось практически во всех регионах Европы. На этой стадии наблюдается полное развитие «кустовой» эволюции производств каменных орудий, эволюции, которая была выявлена благодаря статистическим показателям, установленным для районов Перигора, Парижского бассейна и средиземноморского района Франции (Bordes, 1950b, 1953b, 1954; Bordes & Bourgon, 1951, Bourgon, 1957; de Lumley, 1969, 1971). Похоже, что популяция неандертальцев была более значительной, а Европа была заселена плотнее, чем в предыдущих фазах. На основании типологических и технических критериев весь мустьерский комплекс был разделен по типам изделий. Увязав распределение и количественное представительство этих различных типов орудий, Борд (Bordes, 1957, 1961) предложил выделить четыре основные группы производств, которые подразделяются на подгруппы и фации.

С точки зрения дальнейшей эволюции, самой важной группой является мустьерская культура с традициями ашельской культуры, в ней еще изготавливаются двусторонние орудия, и она связана с предшествующими фазами ашельской культуры. Она была распространена в Западной Европе, включая Англию, но отсутствовала и в Центральной, и в Юго-Восточной Европе. Возможно, что одна из ее фаций дала жизнь шатльперронской культуре – самому древнему производству позднего палеолита в Западной Европе, с которой еще были связаны неандертальцы (как на это указывает скелет человека из Сен-Сезара, см. гл. 9).

Типичная мустьерская культура с большим количеством скребков и наконечников также распространилась

по Западной Европе; эпизодически она появляется и в других регионах.

Две остающиеся группы – мустьерская культура орудий с зазубринами и шарангтийская культура распространились по всей Европе, включая бывший СССР, однако их наибольшее типологическое разнообразие можно наблюдать лишь в Западной Европе. Первая группа определяется по большой доле орудий и зазубринами и с насечками, вторая – по наличию скребков с тонкой обработкой, особенно выпуклых и поперечных. Шарангтийская культура делится на две подгруппы – кинскую фацию (фацию Ла-Кина), в которой не применялась технология Леваллуа, и фацию Ла-Ферраси, где использовалась эта технология (рис. 20).

Среди других мустьерских групп следует упомянуть «мустьерскую фацию пластин», известную лишь по немногим местонахождениям в Европе; своей техникой изготовления узких пластин она предвосхищает появление следующей стадии позднего палеолита.

В Центральной и Восточной Европе самой значительной культурой начала периода вюрмского оледенения является микокская культура (рис. 21), корни которой находятся в конце периода последнего межледникового. Она проявляется в многочисленных стоянках Германии, на Балканах, вплоть до Украины, часто присутствует в Крыму, ее следы были даже обнаружены под Волгоградом. Как и мустьерская культура с ашельскими традициями, микокская культура характерна двусторонними орудиями различных форм, а также другими специфическими предметами, такими, как ножи с двусторонней плоской ретушью и листовидные остроконечники (которые в действительности являются небольшими тонкими двусторонними орудиями, тщательно обработанными и отделанными; они использовались не только как ножи, но и как наконечники для копий; их значение в качестве эффективного оружия в культурах эпохи позднего палеолита все время возрастало).

В первую половину периода последнего оледенения произошло быстрое развитие мустьерской культуры, но оно было лишь апогеем длительного процесса, который начался во время периода предпоследнего оледенения, параллельно с развитием человека из Неандертала. В течение всего этого длительного периода некоторые культуры проявили необычайную живучесть (например, производство двусторонних орудий), а другие исчезли либо уже во время эпохи среднего палеолита, не оставив и следа (например, таубахская культура), либо к концу этой эпохи, не сделав вклада в становление последующих культур человека современного типа в эпоху позднего палеолита.

Причины возникновения и существования такого количества разнообразных культур и фаций, созданных неандертальцами, и сегодня еще не ясны. Очевидно, что в течение среднего палеолита в одних и тех же регионах одновременно существовали различные типы производств. Это справедливо не только по отношению к юго-западу Франции, где Борд впервые выявил этот факт, но также и по отношению ко всей Европе.

Для объяснения этого феномена было выдвинуто три гипотезы. Согласно Мелларсу (*Mellars, 1969*), группы, различающиеся по технологии и типологии, представляли различные фазы эволюции одной культуры. Эта теория опирается на несколько значительных местонахождений в Юго-Западной Европе, где была обнаружена стратиграфическая последовательность, идентичная различным фациям мустьерской культуры. Однако в других местонахождениях была обнаружена другая последовательность, что не поддерживает провозглашенную эволюцию.

Отправной точкой второй теории служит констатация того факта, что неандертальцы располагали достаточным количеством различных изделий и поэтому каждый тип орудия был предназначен для одного определенного вида деятельности. Весь ряд орудий одного данного мес-

тонахождения должен отражать наличие определенных видов деятельности в поселении на данный момент (*Binford & Binford, 1966; Freeman, 1966*). Однако трасологические исследования следов износа на артефактах и экспериментирование с каменными орудиями указывают на то, что форма орудия напрямую не зависит от его функции, что один и тот же тип орудия может служить для различных видов деятельности и что, наоборот, один и тот же вид деятельности можно осуществлять с помощью различных орудий. Следовательно, весьма сомнительно, чтобы типологические и технические характеристики одного данного комплекса предметов зависели только от его конкретного назначения. Кроме того, кажется неоспоримым, что все виды деятельности, необходимые для повседневной жизни группы людей – охотников, женщин, детей, – должны были происходить на всех стоянках, даже если группа жила на них в течение коротких промежуточных времени. В эпоху среднего палеолита редко встречались поселения, в которых был развит только один вид деятельности (например, каменотесные мастерские по изготовлению каменных предметов или сезонные стоянки охотников).

Третья гипотеза (в действительности самая ранняя, но затем измененная под влиянием двух других) предполагает, что технология производства каменных орудий, их функции и типология являются составной частью культурных традиций отдельных человеческих сообществ. Это означало бы, что группы людей с разными традициями могли проживать бок о бок на относительно малой территории и что эти традиции передавались из поколения в поколение, медленно изменяясь в течение всего длительного периода среднего палеолита. Та же теория культурных традиций могла бы в равной степени объяснить связь между различными периодами палеолита, особенно – переход от эпохи среднего палеолита к эпохе позднего палеолита. Однако множество вопросов остаются не проясненными, например, как и почему некоторые культуры распространились по всей Европе, а другие остались только внутри отдельных территорий.

ОБЩИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Эволюция эпохи среднего палеолита в Европе следовала двум техническим и типологическим тенденциям. Технические различия состояли в том, применялась или нет технология Леваллуа для подготовки и раскалывания нуклеусов. Следовательно, существует тип техники раскалывания из камня, в котором использовался метод Леваллуа, и другой тип производств, в которых леваллуазская техника применялась редко или совсем не применялась. С типологической точки зрения различают производства, изготавливавшие и не изготавливавшие двусторонние орудия. Первый тип производства состоит из комплекса ашельской культуры и его производных, включая микокскую культуру в Центральной Европе и подобные производства в Восточной Европе (юг Украины, Крым, Волгоград). Тип производства, не изготавливавшего двусторонние орудия, состоит из нескольких групп и фаций, определенных согласно типологическим и техническим критериям. В начале эпохи среднего палеолита в раннюю стадию рисского оледенения возникло множество производств.

Различные группы и фации сосуществовали, особенно в поздней фазе, в сравнительно небольших территориях, и не следует удивляться тому влиянию и культурному распространению некоторых типов орудий (двусторонние орудия, листовидные остроконечники), от которых произошли их новые местные разновидности. Этот феномен особенно просматривается в Западной Европе, где население было более плотным.

К середине периода вюрмского оледенения, примерно 40–35 тыс. лет назад, производства эпохи позднего палеолита появились по всей Европе, а вид *человек разумный неандерталец* уступил место современному человеку – *человеку разумному sapiens*. В эпохе среднего палеолита находят мало убедительных следов эволюции его производств к производствам пластин эпохи позднего палеолита. Мустьерские производства пластинчатого типа из Рейндалена (Германия), Секлена (Франция), Роккура (Бельгия) возникли очень давно: между ними и началом эпохи позднего палеолита прошло несколько десятков тысячелетий. Однако во Франции имелись другие производства того же направления. Речь идет о мустьерской технике изготовления пластин из Фонмора и о мустьерской технике леваллуазского типа из уккрытия Мара (слои 3–2), поскольку оба эти производства имели в своем составе многие типы орудий эпохи позднего палеолита. Мустьерская культура типа В с ашельскими традициями (производство ножей с обухом) рассматривалась в качестве предшественника шательперронской культуры, самого древнего производства эпохи позднего палеолита в Западной Европе, хотя она возникла на 35 тыс. лет позднее (Bordes, 1958, 1972). В настоящее время появляются сомнения в преемственности этих двух культур, несмотря на то, что скелет типичного неандертальца был обнаружен в поселении шательперронского типа в Сен-Сезаре (Франция) (Lévêque & Vandermeersch, 1981). В Центральной Европе поздняя микокская культура наряду с ориньякской культурой создала новую культуру с листовидными остроконечниками – селетскую (названа по пещере Селета в Венгрии. – Прим. ред.). В Центральной Европе и на юго-востоке Европы начало позднего палеолита определяется временем более 40 тыс. лет назад (Valoch, 1984b).

РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДРЕВНИХ ЛЮДЕЙ

Разработка методов охоты и ее специализация уже упоминались (см. гл. 10). Однако находки мест для охоты встречаются еще крайне редко. В Лерингене (Германия) охота на *Elephas antiquus* велась в болотистой местности, где он застрял в тине. Там он был убит ударом деревянного дротика, который застрял между ребер и частично сохранился. В непосредственной близости от этого места были найдены 15 леваллуазских сколов, вероятно, использовавшихся в качестве ножей для разделывания шкуры и мяса убитого животного. Леринген является типичным «местом убийства» с западной, орудием убийства и необходимыми инструментами, которые, вероятно, были изготовлены на месте.

Свидетельств неутилитарного поведения древних и их «духовности» немного, но они настолько убедительны, что не остаются сомнений в физической зрелости этих людей. Неандертальцы использовали минеральные красители: двуокись марганца, красную и желтую охру (в Пеш-де-Лазе, Ла-Феррасси, Л'Эрмитаж, Ла-Кина – четырех поселениях во Франции). Куски красящих веществ часто обрабатывались скребками или заострялись. В Кульне, внутри в слое 7с, была обнаружена небольшая пластина красного цвета, которая была соскоблена с одной стороны, а в слое 7а – кусок светло-серого известняка, который также был соскоблен.

Следы резьбы по камню, найденные в Пеш-де-Лазе (рис. 10) и в Тата (Венгрия), достаточно известны (см. гл. 10). Плоская черная галька с двумя вырезанными параллельными линиями найдена в Эрде (Венгрия). На костях из Ла-Кина, наряду со следами многочисленных порезов видны резные линии, которые иногда образуют группы параллельных вырезов, а иногда, похоже, и простые фигурки (Кулна, слой 7с).

Все известные резные образцы, датируемые эпохой среднего палеолита, состоят из линий, которые в редких случаях образуют абстрактные фигуры. Хотя, вероятно, они и сыграли определенную роль в развитии духовной жизни неандертальцев, их нельзя рассматривать как начало художественной творческой деятельности. По мнению отдельных авторов, существовали изобразительные мотивы в резном изображении животного в Молодове I на Днестре (рис. 11) и в антропоморфных скульптурах в Бечове в Богемии (см. гл. 10), однако они полностью изолированы и даже не подтверждены. Намеренный характер резного изображения, обнаруженного на побережье в районе Пеш-де-Лазе, по мнению некоторых специалистов, также весьма сомнителен.

Одним из самых важных показателей уровня духовной и социальной жизни неандертальцев являются захоронения, которые появляются в конце среднего палеолита (см. гл. 10). Они явно свидетельствуют о существовании достаточно развитых обрядов и церемоний, корни которых восходят, вероятно, к предшествующим стадиям эволюции. Однако количество обнаруженных захоронений не связано с реальным количеством жителей данной стоянки. Это означает, что умершие люди предавались земле только в исключительных случаях, и поэтому их костные остатки сохранились до наших дней. Констатация этого факта относится не только к неандертальцам: подобная картина также отмечена у современного человека эпохи позднего палеолита, т. е. захоронения встречаются также очень редко. Правда, их больше, чем у неандертальцев, однако, учитывая значительный прирост населения по всей Европе, они составляют лишь незначительную долю от реального количества населения. В обоих случаях объяснение этого факта следует искать в духовной сфере, в существовавших обычаях и церемониях, которые определяли процедуры обращения с умершими людьми.

Все эти новые данные позволяют сделать предположение о наличии у неандертальцев более развитого уровня физического развития, чем это полагали раньше. Существование траурных церемоний свидетельствует как о наличии определенных социальных связей внутри каждой группы людей, так и об общем предостережении о смерти. Впервые люди представили себе ограниченность своего существования, что предполагает наличие значительных способностей к абстрактному мышлению, к его голосовому выражению и способности сообщить об этом другим людям.

Однако следует критически оценивать предполагаемые доказательства существования культа медведя и других культов, часто упоминаемых в литературе. Отказ от них будет способствовать более объективному представлению о неандертальцах, которые жили более 40 тыс. лет тому назад и которые уже тогда достигли значительного уровня интеллектуального развития.

Организация стоянок позволяет лучше воссоздать их образ жизни. Тем не менее очень редко удается обнаружить столь подготовленное внутреннее пространство, как в пещере Лазаре (Ницца, Франция) (см. гл. 10). Чаще всего в пещерах обнаруживают лишь такие следы стоянок охотников, как очаги, кости животных и некоторые орудия. Реже удается обнаружить стоянку с наличием жилой зоны, в которой кроме очага имеется искусственное сооружение из камней или скопление костей животных. Жилая зона в Кон-де-Л'Араге в Тотавеле (Франция) покрыта разбросанными камнями и костями животных, среди которых были найдены каменные орудия и человеческий череп. В поселении Ла-Котте-Сен-Брелад (о. Джерси) были найдены два скопления костей мамонтов и носорогов, в большинстве своем принадлежавших молодым животным. К поздней фазе относятся стоянки в пещерах Рейндир и Йена в Арси-

сюр-Кюр и в пещере Ортюс. В Комб-Греналь (Франция) было обнаружено отверстие, оставленное заостренным колышком длиной 27 см, который, вероятно, был частью опоры хижины. Хижины предположительно строились внутри пещер Ла-Веррери в Комб-Капель и в Бомде-Пейзар (Франция), где они были окружены полосой из крупных камней (*de Lumley & Boone, 1976a, 1976b; Scott, 1980*).

Из поселений открытого типа была раскопана часть жилой зоны с остатками костей в Ариендорфе и более обширные жилые зоны в Биаш-Сен-Ваас (Франция) и в Казаль-де-Пацци (Италия) – все в отложениях рисского периода (*Bosinski, 1985; Tuffreau, 1978b; Anzidei, 1984*). Что касается более поздней фазы, то известны различные жилые строения, которые были обнаружены во многих местонахождениях, расположенных в центре и на юго-востоке Европы. В Эрде (Венгрия) было обнаружено несколько жилых зон: на уровнях *b* и *c* найдены скопления костных остатков, а в центре – очаг; на уровне *d* – очаг с кусками обожженного кальцита. В Рипичени-Извор (Румыния) на уровне III мустьерского периода были обнаружены три скопления: скопление из 30 бивней мамонта, 36 коренных зубов, других костных остатков и крупных камней (960х430 см); крупные куски кремня и инструменты, собранные в небольшом углублении размерами 310х250 см; яма глубиной 60 см и диаметром 75 см с фрагментами костей мамонта, которая была расположена в центре скопления кусков пород и орудий на площади 360х250 кв. см. На нижележащем уровне I был обнаружен очаг с разбросанными кусками древесного угля и обожженными или необожженными костями. В Ремета-Сомос II (Румыния) был обнаружен участок площадью 130х100 кв. см и глубиной 50 см, в которой находились 102 скола и 3 нуклеуса; в 2,5 м от этого места располагался слегка углубленный очаг (*Gábori-Csánk, 1968; Paunescu, 1965; Bitiri, 1972*). И хотя эти наблюдения несут фрагментарный характер, они дают возможность сделать заключение, что люди эпохи среднего палеолита строили как временные стоянки (например, стоянки охотников), так и постоянные стоянки с палатками и хижинами.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Эта этническая интерпретация культур, основанная исключительно на признаках производств каменных орудий, далека от того, чтобы ее приняли повсеместно (см. гл. 4. – *Прим. ред.*).

БИБЛИОГРАФИЯ

- ГЛАДИЛИН В.Н. 1982. Стратиграфия палеолита Закарпатья. In: INQUA CONGRESS, 11. М., Тезисы докладов III, с. 96–97.
- ПРАСЛОВ Н.Д. 1984. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма. В: Борисовский П.И. (ред.). Палеолит СССР, М., с. 94–134.
- ANZIDEI, A. P. 1984. Casal de Pazzi, Lazio. In: SOPRINTENDENZA SPECIALE DEL MUSEO PIGORINI. I Primi abitanti d'Europa. Rome. pp. 202–7.
- ARCA, M. et al. 1984. Sa Pedrosa-Pantallinu, Sardegna. In: SOPRINTENDENZA SPECIALE DEL MUSEO PIGORINI. I Primi abitanti d'Europa. Rome. pp. 190–3.
- BASLER, D. (ed.) 1975. Crvena Stijena. Niksic.
- 1979. Nalazista Palaeolitickog i mezolitickog doba u Bosni i Hercegovini [Findings of the Palaeolithic and the Mesolithic Period in Bosnia-Herzegovina]. In: BASLER, D. (ed.), Praistorija jugoslavenskih zemalja: I – Palaeolit i mezolit. Sarajevo. pp. 313–55.
- BAUMANN, W.; MANIA, D. 1983. Die paläolithischen Neufunde von Markkleeberg bei Leipzig. Berlin.
- BIDDITTU, I.; SEGRE, A. G.; PIPERNO, M. 1984. Torre in Pietra, Lazio. In: SOPRINTENDENZA SPECIALE DEL MUSEO PIGORINI. I Primi abitanti d'Europa. Rome. pp. 168–73.
- BINFORD, L. R. 1981. Bones: Ancient Men and Modern Myths. New York/London.
- BINFORD, L. R.; BINFORD, S. R. 1966. A Preliminary Analysis of Functional Variability in the Mousterian of Levallois Facies. Am. Anthropol. (Washington), Vol. 68, No. 2, Part 1, pp. 508–12.
- BITIRI, M. 1967. Paläolithische Blattspitzen in Rumänien. Quartär (Bonn), Vol. 18, pp. 139–55.
- 1972. Palaeoliticul in Tara Oaşului. Bucureşti.
- BLANC, A. C. 1942. I Paleantropi di Saccopastore e del Circeo. Quartär (Bonn), Vol. 4, pp. 1–37.
- BORDES, F. 1950a. Principes d'une méthode d'étude des techniques de débitage et de la typologie du Paléolithique ancien et moyen. Anthropologie (Paris), Vol. 54, pp. 19–34.
- 1950b. L'Évolution buissonnante des industries en Europe occidentale: considération théorique sur le Paléolithique ancien et moyen. Anthropologie (Paris), Vol. 54, pp. 393–420.
- 1953a. Levalloisien et Moustérien. Bull. Soc. Préhist. Fr., Vol. 50, pp. 226–34.
- 1953b. Essai de classification des industries moustériennes. Bull. Soc. Préhist. Fr., Vol. 50, pp. 457–66.
- 1954. Les Limons quaternaires du bassin de la Seine. Paris.
- 1957. La Classification du Moustérien: état actuel. In: LEXIQUE Stratigraphique International (Paris). Vol. 1, fasc. 4b, pp. 73–7.
- 1958. Le Passage du Paléolithique moyen au Paléolithique supérieur. In: KOENIGSWALD, G. H. R. VON (ed.), Hundert Jahre Neanderthaler 1856–1956. Cologne/Graz. pp. 175–81.
- 1961. Mousterian Cultures in France. Science (Washington), Vol. 134, N 3482, pp. 803–10.
- 1972. A Tale of Two Caves. New York.
- BORDES, F.; BOURGON, M. 1951. Le Complexe Moustérien: Moustériens, Levalloisien et Tayacien. Anthropologie (Paris), Vol. 55, pp. 1–23.
- BOSINSKI, G. 1967. Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa. Cologne/Graz.
- 1970. Bemerkungen zu der Grabung D. Peyronys in La Micoque. In: SCHWABEDISSEN, H. (ed.), Frühe Menschheit und Umwelt. Cologne/Graz. Vol. 1, pp. 52–6.
- 1984. Chronostratigraphie du Paléolithique inférieur et moyen en Rhénanie. In: CONGRÈS PRÉHISTORIQUE DE FRANCE, 22, Lille. Colloque. 12 pp.
- 1985. Der Neanderthaler und seine Zeit. Cologne.
- BOSINSKI, G.; BRUNNACKER, K.; TURNER, E. 1983. Ein Siedlungsbefund des frühen Mittelpaläolithikums von Ariendorf, Kr. Neuwied. Archäol. Korresp., Vol. 13, pp. 157–69.
- BOURGON, M. 1957. Les Industries moustériennes et pré-moustériennes en Périgord. Paris.
- BRODAR, M.; OSOLE, F. 1979. Nalazišta Palaeolitkog i mezolitkog doba u Sloveniji [Findings of the Palaeolithic and Mesolithic Period in Slovenia]. In: BASLEK, D. (ed.), Praistorija jugoslavenskih zemalja, Vol. 1: Palaeolit i mezolit. Sarajevo. pp. 135–94.
- BRUNNACKER, K. et al. 1983. Radiometrische Untersuchungen zur Datierung mitteleuropäischer Travertinvorkommen. Ethnogr.-Archäol. Z. (Berlin), Vol. 24, No. 2, pp. 217–66.
- CAHEN, D. 1984. Paléolithique inférieur et moyen en Belgique. In: CAHEN, D.; HAESAERTS, P. (eds), Peuples chasseurs de la Belgique préhistorique dans leur cadre naturel. Brussels, pp. 133–55.
- CALLOW, O. 1984. The Saalian Industries of La Cotte de Saint Brelade, Jersey. In: CONGRÈS PRÉHISTORIQUE DE FRANCE, 22, Lille. Colloque. 34 pp.
- CHAVAILLON, J.; CHAVAILLON, S.; HOURS, F. 1967. Industries Paléolithiques de l'Élide: I – Région d'Amélias. Bull. Corresp. Hell. (Paris), Vol. 91, pp. 151–99.
- 1969. Industries paléolithiques de l'Élide: II – Région du Kastron. Bull. Corresp. Hell. (Paris), Vol. 93, pp. 97–149.
- CHMIELEWSKI, W. 1975. Palaeolit środkowy i górny [Middle and Upper Palaeolithic]. In: CHMIELEWSKI, W.; HENSEL, W. (eds), Praistoria ziem Polskich: T.I. Palaeolit i mezolit. Wrocław/Warsaw. pp. 9–158.
- CLARK, J. D. 1982. The Transition from Lower to Middle Palaeolithic in the African Continent. In: RONEN, A. (ed.), The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man. Oxford, pp. 235–55. (BAR Int. Ser., 151.)
- COMBIER, J. 1967. Le Paléolithique de l'Ardèche. Bordeaux.

- DAKARIS, S. I.; HIGGS, E. S.; HEY, R. W. 1964. The Climate, Environment and Industries of Stone Age Greece: Part I. Proc. Prehist. Soc., Vol. 30, pp. 199–244.
- DEBENATH, A. 1976. Les Civilisations du Paléolithique inférieur en Charente. In: LUMLEY, H. de (ed.). La Préhistoire française. Paris, CNRS. T. 1, Vol. 2, pp. 929–35.
- DESBROSSE, R.; KOZLOWSKI, J. K.; ZUATE Y ZUBER, J. 1976. Prondniks de France et d'Europe Centrale. Anthropologie (Paris), Vol. 80, pp. 431–48.
- FARIZY, C.; TUFFREAU, A. 1984. Industries et cultures du Paléolithique moyen récent dans la moitié nord de la France. In: CONGRÈS PRÉHISTORIQUE DE FRANCE, 22, Lille. Colloque. 12 pp.
- FEUSTEL, R. 1983. Zur zeitlichen und kulturellen Stellung des Palaolithikums von Weimar-Ehringsdorf. Alt-Thüring. (Weimar), Vol. 19, pp. 16–42.
- FREEMAN, L. G. 1966. The Nature of Mousterian Facies in Cantabrian Spain. Am. Anthropol. (Washington), Vol. 68, pp. 230–7 (special issue).
- FREUND, G. 1968. Mikrolithen aus dem Mittelpaläolithikum der Sesselfelsgrötte im unteren Altmühlal. Ldkr. Kelheim. Quartär (Bonn), Vol. 19, pp. 133–54.
- 1975. Zum Stand der Ausgrabungen in der Sesselfelsgrötte im unteren Altmühlal. In: AUSGRABUNGEN IN DEUTSCHLAND. 2nd edn. Mainz, pp. 25–41. (Monogr. Röm.-Germ. Zent. mus. Forsch. inst. Vor-Frühgesch. 1.)
- 1978. Zum Paläolithikum aus der Höhlenruine von Hunas in der nördl. Fränkischen Alb. Archäol. Korresp., Vol. 8, pp. 259–63.
- FRIDRICH, J. 1980. Bečov IV, District of Most: An Acheulian Site in Bohemia. In: JELINEK, J. (ed.), *Homo erectus* and his Time. Brno, Moravské Museum, Vol. 1, pp. 291–8. (Anthropologie (Brno), Vol. 18, pp. 2–3.)
- 1982. Middle Palaeolithic Settlement of Bohemia. Prague.
- GÁBORI, M. 1976. Les Civilisations du Paléolithique moyen entre les Alpes et l'Oural. Budapest.
- GÁBORI-CSÁNK, v. 1968. La Station du Paléolithique moyen d'Erd, Hongrie. Budapest.
- GHOSH, A. K. 1982. Pebble-Core and Flake Elements: Process of Transmutation and the Factors Thereof – a Case Study of the Transition from Lower to Middle Palaeolithic in India. In: RONEN A. (ed.), The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man. Oxford, pp. 265–82. (BAR Int. Ser., 151.)
- GIOT, P.-R.; MONNIER, J.-L. 1976. Les Civilisations du Paléolithique inférieur en Armorique. In: LUMLEY, H. DE (ed.). La Préhistoire française. Paris, CNRS. T. 1, Vol. 2, pp. 944–6.
- GONZALES ECHEGARAY, J. et al. 1971. Cueva Morin: Excavaciones 1966–1968. Santander.
- 1980. El yacimiento de la cueva de 'El Pendo'. Madrid.
- GUICHARD, G. 1976. Les Civilisations du Paléolithique inférieur en Périgord. In: LUMLEY, H. DE (ed.), La Préhistoire française. Paris, CNRS, T. 1, Vol. 2, pp. 909–28.
- GÜNTHER, K. 1964. Die altsteinzeitlichen Funde der Balver Höhle. Münster.
- HAESAERTS, P.; CIRAKOVA, s. 1979. Le Paléolithique moyen à pointes foliacées de Mousseliévo (Bulgarie). In: KOZLOWSKI, J. K. (ed.), Middle and Early Upper Palaeolithic in the Balkans. Cracow, pp. 65–76.
- HIGGS, E. S. 1968. The Stone Industries of Greece. In: BORDES, F. (ed.), La Préhistoire: problèmes et tendances. Paris, CNRS, pp. 223–35.
- HIGGS, E. S.; VITA-FINZI, C. 1966. The Climate, Environment and Industries of Stone Age Greece, Part II. Proc. Prehist. Soc., Vol. 32, pp. 1–19.
- HOLM, J. 1984. Recent Acheulean Discoveries in Denmark. In: CONGRÈS PRÉHISTORIQUE DE FRANCE, 22, Lille. Colloque. 12 pp.
- IVANOVA, S. 1979. Cultural Differentiation in the Middle Palaeolithic on the Balkan Peninsula. In: KOZLOWSKI, J. K. (ed.), Middle and Early Upper Palaeolithic in the Balkans. Cracow, pp. 13–33.
- JACOB-FRIESEN, K. H. 1949. Die Altsteinzeitfunde aus dem Leinetal bei Hannover. Hildesheim.
- JEQUIER, J.-P. 1975. Le Moustérien alpin. Yverdon.
- LAVILLE, H.; RIGAUD, J.-P.; SACKETT, J. 1980. Rock Shelters of the Perigord. New York.
- LEONARDI, P.; BROGLIO, A. 1962. Le Paléolithique de la Vénétie. Ferrara.
- IBROI-GOURHAN, A.; SOMME, J.; TUFFREAU, A. 1978. Weichselien et Paléolithique moyen de Seclin (Melantois, nord de la France). Bull. Assoc. Fr. Étud. Quat. (Paris), Vol. 15, pp. 69–80.
- LÉVÉQUE, F.; VANDERMEERSCH, B. 1981. Le Néanderthalien de Saint-Césaire. Recherche (Paris), Vol. 12, No. 119, pp. 242–4.
- LUMLEY, H. DE. 1969. Le Paléolithique inférieur et moyen du midi Méditerranéen dans son cadre géologique. Paris. Vol. 1.
- 1971. Le Paléolithique inférieur et moyen du midi Méditerranéen dans son cadre géologique. Paris. Vol. 2.
- 1976a. Les Civilisations du Paléolithique inférieur en Provence. In: LUMLEY, H. DE (ed.). La Préhistoire française. Paris, CNRS. T. 1, Vol. 2, pp. 819–51.
- 1976b. Les Civilisations du Paléolithique inférieur en Languedoc méditerranéen et en Roussillon. In: LUMLEY, H. DE (ed.), La Préhistoire française. Paris, CNRS. T. i, Vol. 2, pp. 852–71.
- LUMLEY, H. DE; BOONE, Y. 1976a. Les Structures d'habitat au Paléolithique inférieur. In: LUMLEY, H. DE (ed.). La Préhistoire française. Paris, CNRS. T. 1 Vol. 1, pp. 625–43.
- 1976b. Les Structures d'habitat au Paléolithique moyen. In: LUMLEY, H. DE (ed.), La Préhistoire française. Paris, CNRS. T. 1, Vol. 1, pp. 644–55.
- LUTTROP, A.; BOSINSKI, G. 1971. Der altsteinzeitliche Fundplatz Reutersruh bei Ziegenhain in Hessen. Cologne/Vienna.
- MALEZ, M. 1970. The Palaeolithic Culture of Krapina in the Light of New Research. In: MALEZ, M. (ed.), Krapina 1899–1969. Zagreb, pp. 57–129.
- 1979. Nalazista Palaeolithskog i mezolithskog doba u Hrvatskoj [Findings of the Palaeolithic and Mesolithic Period in Croatia]. In: BASLER, D. (ed.), Praistorija jugoslavenskih zemalja. Sarajevo. Vol. 1, pp. 227–95.
- MANIA, D.; TOEPFER, V. 1973. Königsau: Gliederung, Ökologie und mittelpaläolithische Funde der letzten Eiszeit. Berlin.
- MARTIN, H. 1907–10. Recherche sur l'évolution du Moustérien dans le gisement de la Quina (Charente): industrie osseuse. Paris. Vol. 1.
- MELLARS, P. A. 1969. The Chronology of Mousterian Industries in the Perigord Region. Proc. Prehist. Soc., Vol. 35, pp. 134–71.
- MONNIER, J.-L. 1984. Chronostratigraphie et facies culturels du Paléolithique inférieur et moyen en Bretagne: comparaison avec les régions loessiques. In: CONGRÈS PRÉHISTORIQUE DE FRANCE, 22, Lille. Colloque. 24 pp.
- MORTILLET, G. DE; MORTILLET, A. DE. 1900. Le Préhistorique: origine et antiquité de l'homme. Paris.
- OAKLEY, P. 1958. Use of Fire by Neanderthal Man and his Precursors. In: KOENIGSWALD, G. H. R. VON (ed.), Hundert Jahre Neanderthaler 1856–1956. Cologne/Graz, pp. 267–9.
- OBERMAIER, H. 1925. El hombre fósil. Madrid.
- PAUNESCU, A. 1965. Sur la succession des habitats Paléolithiques et postpaléolithiques de Ripiceni-Izvor. Dacia, Vol. 9, pp. 5–31.
- PIPERNO, M.; SEGRE, A. G. 1984. Saccopastore, Lazio. In: SOPRINTENDENZA SPECIALE DEL MUSEO PIGORINI. I Primi abitanti d'Europa. Rome, pp. 207–9.
- RADMILLI, A. M. 1977. Storia dell'Abruzzo dalle origini all'età del bronzo. Pisa.
- 1984. Madonna del Fredo, Abruzzo. In: SOPRINTENDENZA SPECIALE DEL MUSEO PIGORINI. I Primi abitanti d'Europa. Rome, pp. 129–41.
- ROE, D. A. 1981. The Lower and Middle Palaeolithic Periods in Britain. London.
- RONEN, A. (ed.) 1982. The Transition from the Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man. Oxford. (BAR Int. Ser., 151.)
- SCHWABEDISSEN, H. 1970. Zur Verbreitung der Faustkeile in Mitteleuropa. In: SCHWABEDISSEN, H. (ed.), Frühe Menschheit und Umwelt. Cologne/Graz. Vol. 1, pp. 90–7.
- SCOTT, K. 1980. Two Hunting Episodes of Middle Palaeolithic Age at La Cotte de Saint Brelade, Jersey (Channel Islands). World Archaeol., Vol. 12, No. 2, pp. 137–52.
- TASCHINI, M. 1967. Il 'Protopotentino' rissiano di Sedia del Diavolo e di Monte delle Gioie (Roma). Quaternaria (Rome), Vol. 9, pp. 301–19.
- THIBAUT, c. 1976. Les Civilisations du Paléolithique inférieur dans le sud-ouest (Pays Basque, Landes, Gironde). In: LUMLEY, H. DE (ed.), La Préhistoire française. Paris, CNRS. T. 1, Vol. 2, pp. 905–8.

- THIEME, H. 1978. Rheindahlen (Mönchengladbach). In: VEIL, S. (ed.), *Alt- und mittelsteinzeitliche Fundplätze des Rheinlandes*. Cologne, pp. 56–69.
- TOEPFER, V. 1958. Steingeräte und Palökologie der mittelpaläolithischen Fundstelle Rabutz bei Halle (Saale). *Jahresschr. mitteldt. Vorgesch.* (Berlin), Vol. 41/2, pp. 140–77.
- 1981. Das Acheuléen auf dem Boden der DDR. In: JELINEK, J. (ed.), *Homo erectus and his Time*. Brno. Vol. 2, pp. 55–77. (*Anthropologie* (Brno), Vol. 19, No. 1.)
- TROMNAU, G. 1983. Ein Mammutknochen-Faustkeil aus Rhede, Kr. Borken (Westfalen). *Archäol. Korresp.b.*, Vol. 13, No. 3, pp. 287–9.
- TUFFREAU, A. 1976. Les Civilisations du Paléolithique inférieur dans la région parisienne et en Normandie. In: LUMLEY, H. DE (ed.), *La Préhistoire française*. Paris, CNRS. T. 1, Vol. 2, pp. 947–55.
- 1978a. Le Paléolithique dans le nord de la France (Nord-Pas-de-Calais). *Bull. Assoc. Fr. Étud. Quat.* (Paris), Vol. 15, pp. 15–25.
- 1978b. Les Fouilles du gisement Paléolithique de Biache-Saint-Vaast (Pas-de-Calais): années 1976 et 1977 – premiers résultats. *Bull. Assoc. Fr. Étud. Quat.* (Paris), Vol. 15, pp. 46–55.
- 1979. Recherches récents sur le Paléolithique inférieur et moyen de la France septentrionale. *Bull. Soc. R. Beige Anthropol. Préhist.* (Brussels), Vol. 90, pp. 161–77.
- 1981. L'Acheuléen dans la France septentrionale. *Anthropologie* (Brno), Vol. 19, No. 2, pp. 171–83.
- ULRIX-CLOSSET, M. 1975. Le Paléolithique moyen dans le bassin mosan en Belgique. Wetteren.
- VALOCH, K. 1967. Le Paléolithique moyen en Tchécoslovaquie. *Anthropologie* (Paris), Vol. 17, pp. 135–43.
- 1968a. Evolution of the Palaeolithic in Central and Eastern Europe. *Curr. Anthropol.*, Vol. 9, No. 5, pp. 351–91.
- 1968b. Gisement du Pléistocène supérieur à Mamaia sur la côte de la Mer Noire. In: BORDES, F. (ed.), *La Préhistoire: problèmes et tendances*. Paris, CNRS. pp. 465–72.
- 1970. Early Middle Palaeolithic (Stratum 14) in the Kulna Cave near Sloup in the Moravian Karst. *World Archaeol.*, Vol. 2, pp. 28–38.
- 1984a. Le Taubachien, sa géochronologie, paléoécologie et paléoethnologie. *Anthropologie* (Paris), Vol. 88, pp. 193–208.
- 1984b. Transition du Paléolithique moyen au Paléolithique supérieur dans l'Europe centrale et orientale. In: FORTA, J. (ed.), *Scripta praehistorica Francisco Jorda oblata*. Salamanca, pp. 439–67.
- VERTES, L. (ed.) 1964. *Tata: erne mittelpaläolithische Travertin-Siedlung in Ungarn*. Budapest.
- VILLEVERDE BONILLA, V. 1984. La Cova Negra de Xàtiva y el Musteriense de la región central del Mediterráneo español. Valencia.
- WETZEL, R.; BOSINSKI, G. 1969. *Die Bocksteinschmiede im Lonetal (Markung Rammingen, Kreis Ulm) VII*. Stuttgart.

СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО СССР

В. П. Алексеев

Мустьерские памятники, относящиеся к рисс-вюрмскому межледниковью, единичны и располагаются в пределах бывшего СССР на Восточно-Европейской (Русской) равнине. Это местонахождение Хотылево на Десне (*Заверняев, 1978*) и местонахождение Сухая Мечетка на Волге (*Замятин, 1961*). В обоих случаях речь идет о достаточно ясном стратиграфическом залегании в отложениях рисс-вюрмского межледниковья и фауне, свидетельствующей о климатическом потеплении. Все остальные мустьерские памятники, будь то пещерные стоянки или открытые местонахождения, а число их к настоящему времени превысило 600, относятся к началу вюрмской эпохи. На территории Восточно-Европейской равнины фауна отличалась холодным и суровым климатом, похолодание в сравнении с современной эпохой фиксируется в Крыму и на Кавказе, но оно мало коснулось Средней Азии и южных районов Сибири, где и сосредоточены мустьерские находки.

Сведения об ископаемых людях из мустьерских местонахождений пока фрагментарны и почти целиком относятся к Крыму, Кавказу и Средней Азии; еще не описаны костные остатки людей мустьерского возраста с огромной территории Сибири. В литературе появилось сообщение о том, что коренной зуб из четвертого мустьерского горизонта стоянки Рожок I в Приазовье (*Праслов, 1968*) принадлежит человеку современного типа, но это единственная находка на всей Восточно-Европейской равнине. Географическое распространение этих палеоантропологических находок очень неравномерно (карта 12), сохранность их очень разная: наряду с остатками, допускающими достаточно детальную морфологическую характеристику и таксономическую диагностику, обнаружены и единичные фрагменты, которые мало прибавляют к нашим знаниям о территориальных вариациях в морфологическом типе мустьерского человека.

Прогрессивные особенности строения упомянутого зуба со стоянки Рожок I не следует особенно переоценивать: в диагностическом отношении отличия верхнепалеолитических и позднемустерских форм в узорах коронки зубов не очень отчетливы, и по одному зубу трудно сказать что-либо достаточно определенное.

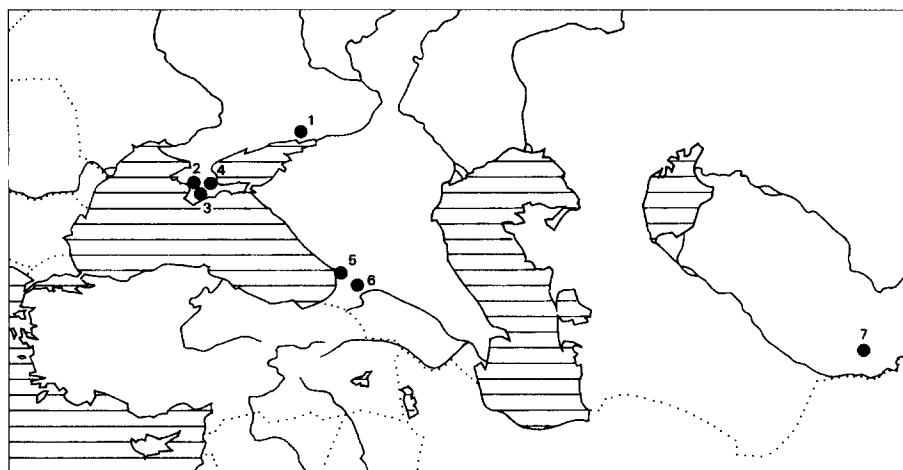
Несравненно более богатую информацию доставляют нам палеоантропологические находки в Крыму. Они обнаружены при раскопках грота Киик-Коба в 1924 г. Г.А. Бонч-Осмоловским (1940) и при раскопках топографически близких одна к другой стоянок Заскальная V и Заскальная VI Ю.Г. Колосовым (1978) в 1970-х годах. Скелет кисти и стопы взрослой формы описаны в двух монографиях Г.А. Бонч-Осмоловского (1941, 1954), фрагментарный скелет младенца 6–8 месяцев – Э. Влчеком (*E. Vlcek, 1976*).

Рентгенологическое исследование показало, что взрослый скелет принадлежал женщине примерно 35 лет (*Рохлин, 1965*). Любопытно отметить, что даже у младенца первого года жизни выражены неандерталоидные особенности.

Помимо массивности скелета наиболее характерной особенностью женщины из Киик-Кобы является своеобразная форма сустава первой пястной кости, от которой зависит отведение большого пальца и противопоставление его всем остальным. Г.А. Бонч-Осмоловский обратил внимание на обстоятельство, что некоторые, менее резкие отклонения от седловидной формы, свойственной современному человеку, фиксируются и в скелете кисти французских неандертальцев, и аргументировал гипотезу, в соответствии с которой неандерталец вообще обладал ограниченно противопоставлявшимся большим пальцем. Дальнейшие исследования показали, что противопоставление большого пальца зависит не только от формы сустава, но и от развития соответствующей мускулатуры, которая могла компенсировать недостаточно совершенное строение сустава первой пястной кости (*Семенов, 1950*). Этот же автор после изучения каменного инвентаря из грота Киик-Коба высказал достаточно аргументированную мысль о праворукости киик-кобинского неандертальца.

Что касается массивности скелета киик-кобинского неандертальца, по которой он сходен с другими неандертальскими формами Европы, то она получила объяснение как адаптивная особенность, связанная с перестройкой локомоции в ходе антропогенеза (*Алексеев, 1960*). Поперечные размеры кисти и стопы связаны высокой морфофизиологической корреляцией. При усвершенствовании прямохождения ширина стопы среди других признаков должна была иметь адаптивное значение. В силу существующей прямой морфофизиологической корреляции ширина кисти, не имевшая такого адаптивного значения, также увеличилась, что и привело у неандертальцев к созданию мощной, очень широкой кисти, не характерной для более ранних гоминидов.

На стоянках Заскальная V и VI обнаружены остатки нескольких индивидуумов, но, к сожалению, они принадлежат неполовозрелым субъектам и представлены в основном костями кисти. Это обстоятельство очень затрудняет таксономическую диагностику, так как возрастная динамика размеров костей кисти плохо изучена даже у современного человека, тем менее она известна у неандертальца. Все же с некоторыми оговорками можно утверждать, что люди, жившие на стоянках Заскальная V и VI, были близки по своим морфологическим особенностям киик-кобинскому человеку (*Якимов, Харитонов, 1979; Данилова, 1983*).

Карта 12. Расположение мустьерских поселений на территории бывшего СССР, в которых были обнаружены остатки древних людей: 1 – Рожок I; 2 – Киик-Коба; 3 – Староселье; 4 – Заскальная V и VI; 5 – Ахштыр; 6 – Сакажия; 7 – Тепик-Таш

Исключительно интересная палеоантропологическая находка была сделана в 1953 г. А.А. Формозовым (1958) в пещере Староселье. Скелет обнаруженного младенца, к сожалению, описан не полностью, в литературе фигурирует лишь описание черепа (Рогинский, 1954) ребенка, возраст которого определен примерно в 1,5 года. Американские палеоантропологи из Филадельфийского университета, работавшие с оригиналом, считают это возрастное определение заниженным и полагают, что в действительности старосельский младенец имел возраст 2–4 года, но, к сожалению, аргументация в пользу завышения возраста старосельской находки пока не опубликована. Автор первичного описания определил находку как типичного представителя современного человека с некоторыми примитивными признаками, отметив в то же время сходство его черепа с детским черепом из известной пещеры Схул. Не столько сам диагноз, сколько исключительное значение нахождения черепа современного типа в мустьерском слое привлекло пристальное внимание западноевропейских и российских исследователей, которые с разных морфогенетических позиций и под разным таксономическим углом зрения высказались по поводу таксономического положения старосельского черепа в системе гоминидов.

Первоначальный диагноз Я.Я. Рогинского был поддержан Я.П. Якимовым, М.М. Герасимовым, Х. Ульрихом, Ф. Кларком Хауэллом, В.В. Бунаком, А. Тома, К. Куном, Ф. Урысоном и С.И. Успенским (обзор литературы приведен в работе Алексева (1976)). Этому традиционному мнению могут быть противопоставлены лишь два диагноза одинаково выдающихся авторитетов в палеоантропологии человека – Х. Гросса (H. Gross, 1956) и Г.Ф. Дебеца (1956). Х. Гросс полагал, что в случае старосельской находки мы имеем дело с костными остатками неандертальского человека, Г.Ф. Дебец, наоборот, считал, что на черепе старосельского младенца нет никаких примитивных признаков и что старосельский человек должен быть без всяких оговорок отнесен к современному типу.

Дополнительный материал для суждения о таксономическом диагнозе старосельской находки доставляет прием пересчета детских размеров во взрослые с помощью шкалы увеличения размеров от младенческого возраста до взрослого у современного человека (Алексеев, 1981). В соответствии с этой процедурой «взрослые» размеры черепа из Староселья оказываются чрезвычайно малыми, а соотношение их типично современным. В верхнепалеолитической серии он занимает крайнее место даже среди женских черепов, из чего можно сделать вывод, что он принадлежал женщине. Но и это не может полностью объяснить его малые размеры. Гипертрофия в области лобного

и затылочного отделов черепа наводит на мысль о проявлении какой-то мозговой патологии, возможно, гидроцефалии. Если принять возраст черепа в 2–4 года, как предлагают американские специалисты, а они опираются на необычный порядок прорезывания зубов, то «взрослые» размеры станут еще меньше, и предположение о патологии приобретет тогда дополнительную поддержку.

Находка полностью черепа, явно принадлежавшего человеку современного вида, в мустьерском слое важна в связи с проблемой происхождения последнего. А.А. Формозов показал сходство производства в Киик-Кобе и Староселье в одном важном признаке – наличии в обоих случаях значительного числа двусторонне обработанных орудий. Таким образом, стоянка в Староселье может быть поставлена в непосредственную связь с более ранней стоянкой в гроте Киик-Коба. Весьма вероятной представляется поэтому и генетическая преемственность поколений между людьми, оставившими оба памятника. А такая генетическая преемственность в свою очередь свидетельствует о том, что Крым был частью территории, на которой развивался человек разумный.

Кавказские палеоантропологические находки менее выразительны, чем крымские. Они происходят из пещеры Сакажия и Ахштырской пещеры. В первом случае речь идет о фрагменте верхней челюсти и изолированном коренном зубе (Нуорадзе и др., 1978), во втором – об изолированном коренном зубе (Векшлова, Зубов, 1972). В обоих случаях материал мало пригоден для определенной диагностики. Диагностируя находки в Сакажии, грузинские антропологи наряду с типичными неандерталоидными признаками пытались показать наличие у них признаков человека современного вида, в частности, истолковывали относительную узость грушевидного отверстия как черту сходства с палестинскими формами. Между тем палестинские неандертальцы из Схул и Кафзех в большинстве своем как раз широконосы (Vandermeersch, 1981). Поэтому вернее будет считать, что фрагменты из Сакажии оставлены неандертальцем, и не приписывать ему современных черт.

Изолированный коренной зуб из Ахштырской пещеры обнаруживает сочетание архаических и современных морфологических черт с преобладанием последних. В общем его принадлежность человеку современного типа вероятна. При всей условности этого диагноза он важен в том отношении, что позволяет включить и Кавказ в зону развития человека современного типа, где уже в эпоху мустьерской культуры появлялись люди с его признаками.

В целях полноты изложения следует упомянуть обнаружение фрагментов черепа на стоянке Ереван I (Асланян и др., 1979), но стратиграфическая позиция находки крайне

неясна, а кости имеют столь современный облик, что есть все основания отнести эту находку к числу сомнительных.

Переходя к территории Средней Азии, мы должны назвать скелет неполовозрелой формы, найденный А.П. Окладниковым в 1938 г. в гроте Тешик-Таш. Череп был описан Г.Ф. Дебцом (1940), длинные кости и другие фрагменты скелета – Н.А. Синельниковым и М.А. Гремяцким (1949). Рентгенологическое изучение скелета позволило определить его возраст приблизительно в 9 лет (Рохлин, 1949). Естественно, таксономическая оценка неполовозрелого субъекта – дело несравненно более трудное, чем изучение скелета, принадлежавшего взрослой особи. Это и породило дискуссию, не исчерпанную до настоящего времени. Первоначальный диагноз Г.Ф. Дебца сводился к тому, что тешик-ташский мальчик (а пол находки был определен как мужской) принадлежал к тому же классическому типу европейских неандертальцев, что и французские находки Шанель-о-Сен и Феррасси I. М.А. Гремяцкий (1949), повторно и более подробно описавший череп, занял нейтральную позицию в оценке таксономического положения находки, не поддержав первоначальный диагноз Г.Ф. Дебца, но и не возражая определенно против него.

А между тем в промежутке между 1940 и 1949 гг. появилась статья Ф. Вайденайха (Weidenreich, 1945) и полемический ответ на нее Г.Ф. Дебца (1947). Ф. Вайденайх с большим сомнением отнесся к возможности сопоставлять череп из Тешик-Таша с французскими классическими неандертальцами, отметил ряд прогрессивных особенностей в его морфологии и склонился к идее его схождения с более продвинутой в эволюционном отношении формой в рамках неандертальской группы, формами типа Эрингсдорф (Германия). Г.Ф. Дебц последовательно разработал морфологическую аргументацию Ф. Вайденайха и не согласился с ней, продолжая отстаивать свою первоначальную позицию. Однако изучение внутренней поверхности черепа тешик-ташского человека также выявило в нем много прогрессивных признаков (Бутак, 1951). Выполненная М.М. Герасимовым (1955, 1964) реконструкция внешнего облика мальчика из Тешик-Таша, опиравшаяся на самостоятельные морфологические изыскания, стала дальнейшим аргументом в пользу взгляда на него как на прогрессивную форму. Поэтому подавляющее большинство исследователей рассматривали тешик-ташского человека как представителя не классического, а прогрессивного типа в составе неандертальской группы (см. обзор литературы в работе Алексеева, 1973). Нельзя не отметить, что и Г.Ф. Дебц (1956) затем присоединился к этой точке зрения.

Дальнейшая работа над уточнением таксономического положения этой находки была проведена с использованием той же процедуры получения «взрослых» размеров на основе шкалы их изменений от младенческого до взрослого состояния у современного человека (Алексеев, 1981). Она полностью подтвердила существование значительных отличий от классических неандертальцев Франции и известное сходство с прогрессивными формами типа Схул. «Взрослые» размеры тешик-ташского человека оказались минимальными по сравнению со всеми другими неандертальцами, кроме черепа из Штайнхайма, что позволило сделать вывод о том, что это была женщина. А. Тома (A. Thoma, 1964) аргументировал принадлежность тешик-ташской формы к эволюционной ветви, ведущей к современным монголоидам, но при этом опирался лишь на форму и сагиттальный контур черепной коробки, что не является специфичным для монголоидов. Поэтому его точка зрения не получила распространения. В то же время по структурным особенностям лицевого отдела черепа, которые действительно специфичны в расовом отношении, – по ширине носа и тенденции к некоторому прогнатизму тешик-ташский череп сходен с черепом Схул V. В дополнение к связывающим их прогрессивным особенностям это сходство позволяет высказать мысль, что территория южных районов Средней Азии

входила в обширный восточно-средиземноморский очаг развития человека современного типа, который, учитывая приведенные выше данные о морфологии крымских и кавказских находок, включает в себя также Кавказ и южные районы европейской части бывшего СССР.

Перечисленные местонахождения исчерпывают список костных остатков человека мустьерского времени, обнаруженных на территории бывшего Советского Союза. Как уже было сказано в начале этого раздела, число мустьерских памятников с культурными остатками в несколько десятков раз больше, и все же этого недостаточно, чтобы наше знание мустьерской эпохи на территории бывшего СССР можно было считать полным. Огромным пробелом в наших знаниях остается неравномерная изученность памятников разных областей. Подавляющее большинство мустьерских местонахождений сосредоточено в Крыму и на Кавказе, между тем огромные области в пределах Восточно-Европейской равнины, Средней Азии и Сибири остаются до сих пор «белыми пятнами», и их нельзя исключить за счет того, что в их географических границах не проживали мустьерские люди: палеогеографические данные говорят о том, что они были вполне пригодны для заселения и проживания.

Другая трудность в интерпретации мустьерской культуры на территории бывшего СССР состоит в том, что существует принципиальная непреодолимость, несмотря на обилие памятников, ряда моментов, осложняющих их стратиграфическую характеристику. Отдельные группы их отстоят одна от другой на огромные расстояния, равнинные стоянки геологически залегают совершенно в иных условиях по сравнению с пещерными, любые попытки синхронизации, несмотря на большое число исследований по четвертичной геологии, палеогеографии четвертичного периода и археологической тафономии, остаются в высшей степени условными. Поэтому выявление групп разновременных памятников возможно лишь в пределах ограниченных территорий и выявленные кос-где динамические тенденции в изменении технологии каменного инвентаря носят узко локальный характер.

Сводный обзор всех мустьерских памятников европейской части СССР осуществил недавно Н.Д. Праслов (1984). Он справедливо выделяет стоянки полуострова Крым в качестве ведущих для этой территории, так как они в подавляющей массе представляют собою долговременные стоянки с большим культурным слоем и могли быть исходными для многих групп местонахождений на Восточно-Европейской равнине, которая заселялась не только с запада, но и с юга. Все имеющиеся к настоящему времени наблюдения особенностей весьма разрозненных и фрагментарных памятников ашельской эпохи в Восточной Европе свидетельствуют о том, что преобладал южный путь ее заселения. Поэтому в только что упомянутой сводке территориальные группы памятников охарактеризованы в первую очередь в сравнении с крымскими. Предложенная схема территориальной дифференциации, конечно, далека от окончательного варианта, так как в ней отсутствуют многие районы, но она все же приводит в известный порядок наблюдаемые территориальные вариации в технике раскалывания камня и формах каменного инвентаря.

В схеме выделены шесть групп: крымская (Н.Д. Праслов называет ее белогорской зоной по имени г. Белогорска, около которого обнаружены в предгорьях очень богатые местонахождения), поволжская, приазовская, дестинская и две приднестровские. Прежде чем перейти к их характеристике, нужно отметить, что поселения открытого типа преобладают, и исключения составляют лишь крымские стоянки, представляющие собой, за исключением упомянутой выше открытой стоянки Заскальная, пещерные местонахождения. В пределах Восточно-Европейской равнины наиболее северные памятники мустьерской эпохи доходят до 52 град. северной широты. Среди них не только места поселений, более или менее долговременных, но и мастерские, выде-

ляющиеся значительным преобладанием предметов первичного расщепления, то есть сколов и нуклеусов.

Наиболее богатыми и выразительными памятниками Крыма являются стоянки Заскальная V и Заскальная VI (Колосов, 1977, 1979), упоминавшиеся выше, пещера Чокурча (Эрист, 1934), Волчий грот (Бабер, 1939), Киик-Коба (Бонч-Осмоловский, 1940) и Староселье (Формозов, 1958), также рассмотренные в связи с находками костных остатков человека мустьерского времени. Пещерная стоянка Шайтан-Коба, также давшая многочисленный набор каменных орудий, рассматривалась открывшим ее Г.А. Бонч-Осмоловским (1934) как уникальная, но современная оценка, опирающаяся на более полный материал, позволяет и этот памятник объединить в одну группу с другими. Во всяком случае, Н.Д. Праслов находит для этого веские типологические основания.

Крымские памятники объединяются двумя типологическими чертами инвентаря, одна из которых представлена практически повсеместно, а другая встречается на всех стоянках, кроме Шайтан-Кобы. Первая из этих черт – значительное число двусторонне обработанных орудий (рис. 22). Для доказательства приведем процент их наличия по отношению к общему числу орудий. На стоянках Заскальная V и Заскальная VI двусторонне обработанные формы достигают 40%, в Чокурче – 24%, в Киик-Кобе – 14%, в Староселье – 12%. Есть двусторонние орудия и в Шайтан-Кобе и Волчьем гроте, хотя их доля не подсчитана. Перечисленные памятники и хронологически, и типологически неодновременны, инвентарь Киик-Кобы, например, производит гораздо более архаическое впечатление, чем производство Староселья. Но А.А. Формозов проинтересно отметил непосредственную связь и преемственность обеих стоянок, опираясь именно на наличие двусторонне обработанных форм и некоторые второстепенные детали морфологии орудий. Установление этой преемственности имеет особое значение в данном случае, так как в обоих гротах обнаружены, как мы знаем, костные остатки ископаемых людей разного пола, возраста и анатомически непоставимые между собой. Археологический материал вос-

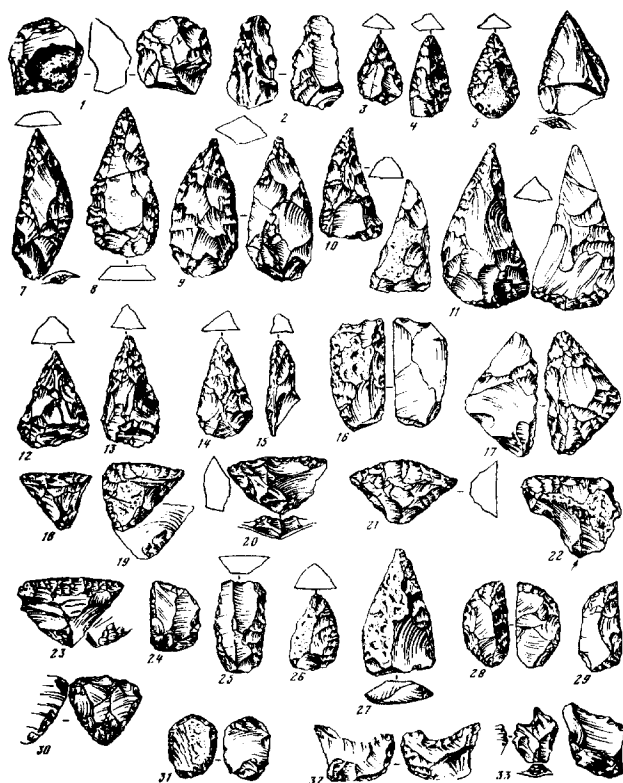

Рис. 22. Мустьерские артефакты из пещеры Киик-Коба, Крым

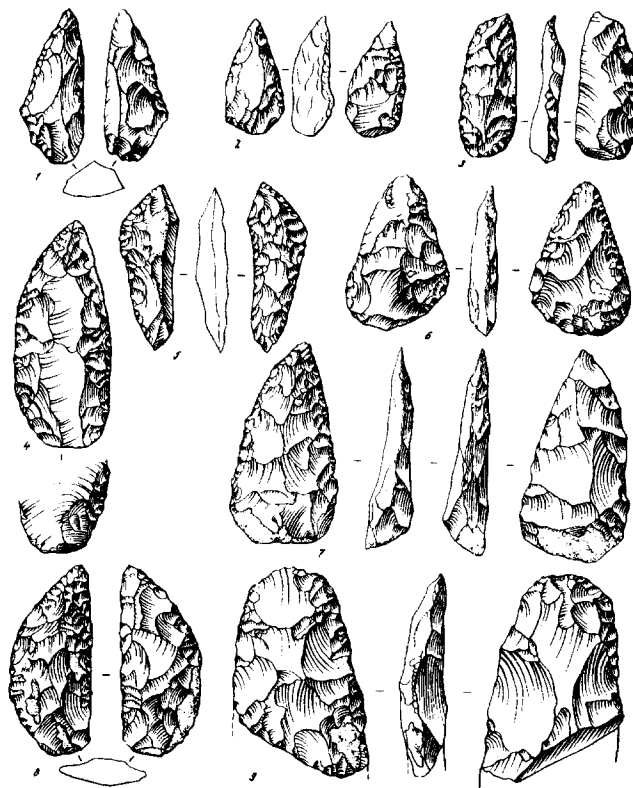

Рис. 23. Мустьерские артефакты из Сухой Мечетки, бассейн р. Волги

полняет недостатки палеоантропологической информации и позволяет постулировать генетическую связь между архаичной и прогрессивной формами ископаемых людей.

Вторая черта, характерная для морфологии инвентаря крымских стоянок, – малое число нуклеусов. Исключение составляет лишь Шайтан-Коба. Рядом с гротами мустьерского производства были выходы хорошего слоистого кремня, не требовавшего специального раскалывания, что и объясняет редкое присутствие нуклеусов в инвентаре. Поблизости от Шайтан-Кобы таких выходов плитчатого кремня нет, и поэтому жители этого грота предварительно раскалывали кремневые желваки, чтобы получить заготовки для вторичной обработки. Значительное число нуклеусов, естественно, выделяет эту стоянку среди всех остальных.

Поволжская группа представлена упомянутой в начале раздела стоянкой Сухая Мечетка. Она расположена на правом берегу Волги в границах города Волгограда и исследовалась С.Н. Замятинным (1961) в 1952 и 1954 гг. Площадь раскопа составила 650 кв. м, но сам исследователь считал, что в действительности поселение было вдвое больше. Раскопанная часть стоянки имеет определенную топографию – видны следы кострищ, наблюдаются очаги концентрации орудий. Всего в пределах раскопанной части стоянки было собрано около 1000 предметов, но лишь 5% из них составляют орудия. Среди них, как и в Крыму, двусторонние формы представлены в значительном количестве (они образуют около 10% всех орудий), но есть и местное своеобразие: много треугольных и угловатых скребков, обработанных ретушью лишь с одной стороны (рис. 23). Это своеобразие, размеры и богатство памятника, его обособленное географическое положение (это самый восточный из крупных памятников на территории Восточной Европы) и обуславливают необходимость выделения его в особую группу.

В приазовскую группу, помимо упомянутой выше стоянки Рожок I, «давней», как мы помним, изолированный челювеческий зуб (Праслов, 1968), входит еще ряд стоянок, разли-

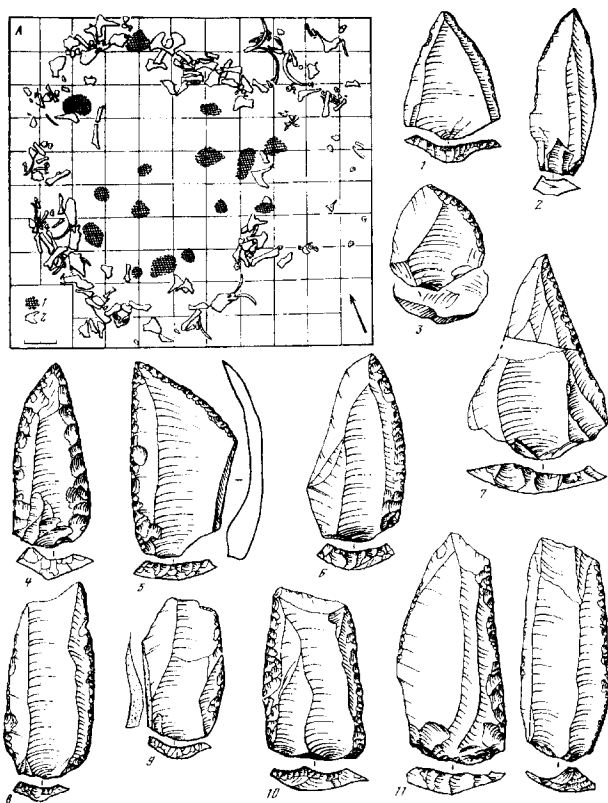

Рис. 24. Мустьерская культура бассейна р. Днестр (стоянка Молодова I). План жилища и каменные орудия: 1 – очаги; 2 – кости мамонта

чающихся в некоторых деталях каменного инвентаря, но в целом образующих какое-то типологическое, а может быть, и генетическое целое. Стоянка Рожок I занимает среди них ключевое положение, потому что она многослойна и дала богатый инвентарь, мало различающийся по слоям, что свидетельствует о не очень длительном периоде ее обживания. Оригинальной особенностью инвентаря этой стоянки, придающей известное своеобразие всей данной группе памятников, является наличие на фоне типичного мустьерского производства со скребками и остроконечниками каких-то форм типологически более позднего, даже верхнепалеолитического облика. Н.Д. Праслов выделяет в эти типы концевые скребки и проколки с четко оформленным наконечником. При всей отмеченной выше неопределенности морфологического диагноза на основании единичного коренного зуба, его современный облик совпадает с технологической тенденцией к появлению прогрессивных форм в производстве этой локальной группы мустьерских памятников.

Деснинская группа так же, как и поволжская, образована одним памятником – упомянутым в начале раздела местонахождением Хотылево (Заверняев, 1978). Эта группа вместе с поволжской, как уже говорилось, относится, судя по стратиграфии стоянок, к концу ресс-вюрмского периода межледниковья, то есть древнее других групп. Хотылево не имеет четко выраженного культурного слоя и представляет собой мастерскую, давнюю несколько десятков тысяч поделок, среди которых орудия составляют меньше 1%. Результаты первичной обработки представлены асимметричными нуклеусами, среди которых много предметов с одним крупным сколом, образовавшимся при снятии отщепла. Это – леваллузская традиция, среди орудий – бифасы, листовидные наконечники и ножи более или менее обычной формы. Пожалуй, наиболее своеобразны черепковые орудия, отдаленно напоминающие фолсомские наконечники из палеолитических памятников Северной Америки, как бы типологические прототипы таких наконечников. Н.Д. Прас-

лов (1984) справедливо полагает, что хотылевский комплекс не имеет аналогий среди других памятников Восточной Европы и что аналогии ему можно увидеть в некоторых памятниках западных районов Украины и восточной части Германии. Если это наблюдение подтвердится, то можно будет сделать вывод, что в конце ресс-вюрмского межледниковья какая-то группа мустьерских людей продвинулась из Центральной Европы на восток, в бассейн Десны.

В отличие от всех предыдущих случаев обе днестровские группы не контрастируют локально, а противопоставляются друг другу лишь по типологии каменного инвентаря. Первую из этих групп составляют памятники у села Молодова, из которых наиболее крупными и богатыми по инвентарю являются многослойные стоянки Молодова I и Молодова V (Черныш, 1965). В инвентаре господствует леваллузская техника расщепления, двусторонне обработанные формы не встречены вовсе (рис. 24). Орудия в основном изготовлены при использовании пластин, среди скребков преобладают боковые формы. Весь этот комплекс получил в литературе наименование молодовской мустьерской культуры (Праслов, 1968; Анисюткин, 1971).

Находящиеся по соседству памятники другой приднестровской группы менее богаты, и хотя среди них есть многослойные стоянки, но в целом культурные слои выражены плохо, характеризуются не только менее богатым инвентарем, но и почти полным отсутствием остатков фауны (Анисюткин, 1971; Кетрафу, 1973). Для этой группы также характерны двусторонне обработанные формы орудий, а также большое число зазубренных (зубчато-выемчатых) орудий. На этом основании Н.К. Анисюткин выделил данный комплекс в особую мустьерскую культуру, которую назвал по наиболее значительной стоянке (Стинка) стинковским. Н.Д. Праслов (1984) высказывает сомнение в правомерности этого выделения, но так или иначе это особая группа памятников, не обнаруживавшая аналогий в группах, которые были описаны выше, и, главное, имеющая значительные отличия от предыдущей молодовской группы.

Заканчивая обзор территориальной дифференциации мустьерских стоянок Восточно-Европейской равнины и Крыма, следует отметить, что они дают уникальную информацию в двух отношениях. На стоянках Молодова I и V были открыты остатки наземных жилищ (Черныш, 1965). Лучшее сохранились следы жилища на стоянке Молодова I, раскопанного А.П. Чернышом в 1958–1959 гг. (рис. 25). Основными конструктивными элементами жилища были кости мамонта: были использованы черепа, лопатки, кости таза, длинные кости конечностей, бивни и нижние челюсти. Его площадь – 10х7 кв. м. На площади жилища зафиксированы 15 очагов и скопления орудий. Важность этого открытия состоит не только в том, что оно свидетельствует о

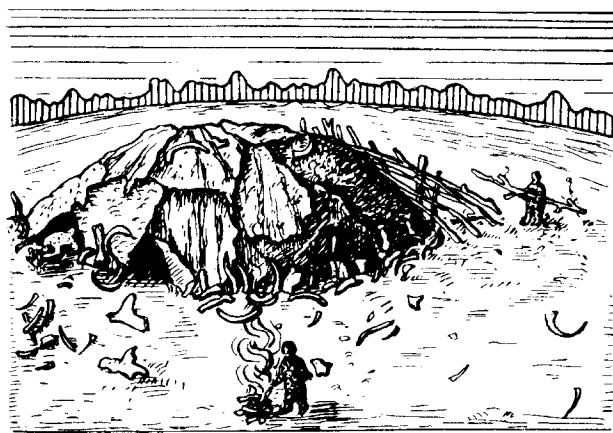

Рис. 25. Реконструкция жилища на стоянке Молодова I, бассейн р. Днестр (по Чернышу)

Рис. 26. Рисунок животного на кости из мустьерского слоя стоянки Пронятин на Украине

строительных возможностях неандертальского человека, заметно расширяя наши представления об его технических достижениях и уровне психического развития, но и в том, что размеры жилища и большое число очагов показывают, что неандертальцы жили группами в несколько десятков человек, состоявшими из нескольких семей.

Другая уникальная находка происходит из мустьерского слоя стоянки Пронятин на Украине (Сытник, 1983). Это обломок кости, на одной стороне которого вырезана фигура какого-то животного (рис. 26). Значение этого очень схематичного рисунка трудно переоценить – он показывает, что символическое мышление и артистические способности у неандертальца уже были развиты до такой степени, что он был в состоянии в изобразительной форме выразить образы окружавшего его внешнего мира. Исключительно разнообразные резные рисунки верхнего палеолита получают в этой находке как бы исток, из которого они развились. Предыстория изобразительного творчества древнейшего человечества отодвигается этой находкой в домустьерское время.

Переходя к территории Кавказа, следует начать с того, что геологическая специфика горной страны выразилась в возможности использовать помимо кремня лавовые породы (базальт и обсидиан). В дополнение к исключительному разнообразию мустьерского производства это еще один фактор, затрудняющий сопоставление отдельных далеко расположенных одна от другой стоянок с целью выявления их типологического сходства и генетического родства. Сами по себе мустьерские местонахождения распадаются на памятники двух типов: открытые местонахождения в ряде северных районов Северного Кавказа и на черноморском побережье, многие из которых не имеют культурного слоя и представлены сборами на поверхности, и стоянки в гротах и глубоких пещерах. Стоянки последнего типа дали большой объем остатков фауны, изучение которых позволяет реконструировать климатический режим в мустьерское время и представить себе виды крупных млекопитающих, на которых охотились мустьерские люди. В отличие от предшествующей ашельской эпохи, когда главным объектом охоты был пещерный медведь, мустьерцы перешли к охоте на копытных – благородного оленя, горного козла, лося, лошадь, дикого осла. Охота на этих животных при существовавших орудиях их убой требовала огромной сноровки и знания их привычек и поведения. Вероятно широкое распространение загонной охоты. Кроме этих основных объектов охоты в пещерах обнаружены горная ищейка и красный волк – индикаторы холодного климата (Верещин, 1959).

Полная сводка данных о мустьерских памятниках Кавказа составлена В.П. Любиным (1977, 1984). Эта сводка, опирающаяся как на ревизию всей огромной литературы о предмете, так и на большие оригинальные материалы, представляет собою к настоящему времени полный итог накопленной информации. Выделение локальных вариантов мустьерской культуры на Кавказе затруднено типологическим разнообразием инвентаря и чересполосным распространением однородных типов орудий. Все же, по-видимому, с достаточной объективностью может быть выделена губская археологическая культура в западных районах Северного Кавказа, названная так по Губскому местонахождению (Аутлев, 1964, 1973). Памятники этой культуры отличаются несколько достаточно ярких особенностями инвентаря: призматическая, леваллуазская и радиальная техника первичного расщепления, малые размеры орудий, обращающее на себя внимание богатство разновидностей скребел и скребков. Однако столь типичные комплексы, охватывающие к тому же группу стоянок, не выражены в других районах Кавказа столь отчетливо, и выделение генетически единых локальных вариантов в других областях сопряжено с большими трудностями и потребует еще больших исследовательских усилий.

В.П. Любин, видимо, поэтому отказался от выделения археологических культур и предпочел писать о линиях развития, которые, строго говоря, следовало бы лучше называть технологическими традициями. Они объединяют не только соседние, но и сравнительно далеко расположенные один от другого памятники и все же выражают какие-то общие навыки, лежащие в основе технологии и в ряде случаев восходящие к общим прототипам, взаимные культурные влияния, какую-то общность исторической судьбы и т.д. В.П. Любин выделяет три технологические традиции – типично мустьерскую, традицию зубчатого мустья и шарантскую. Две первые представлены десятками памятников как на Северном Кавказе, так и в Закавказье (рис. 27), они достаточно типичны и не заслуживают особой характеристи-

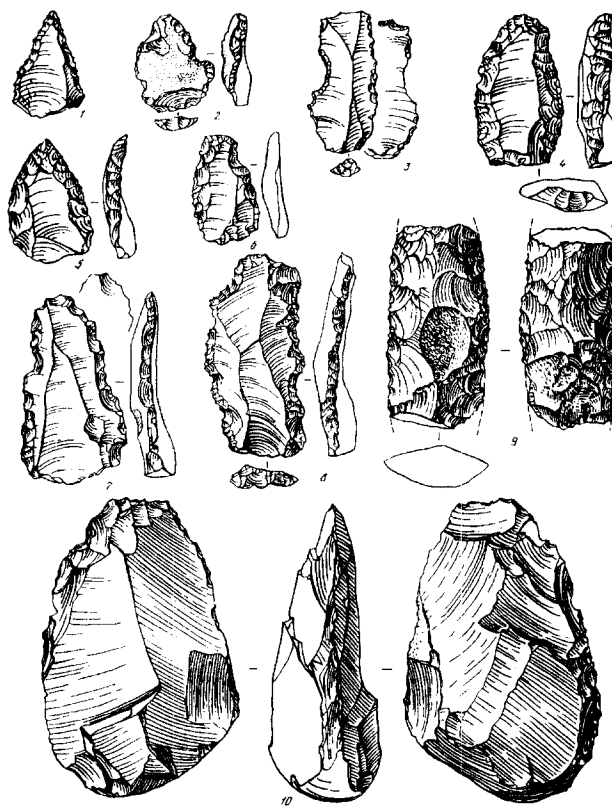

Рис. 27. Типичная мустьерская культура Закавказья (по Любину)

ки, напоминая соответствующие памятники Западной Европы. Технологическая традиция, которую В.П. Любин называет шарантской, представлена лишь одним местонахождением – стоянкой Цопи в центральных районах Грузии (Григолия, 1963). Эта традиция выражается в очень коротких и широких сколах при первичном расщеплении камня, а также в большом количестве боковых скребел типа Киша.

В ряде пещерных стоянок Кавказа найдены черепи пещерного медведя в таком положении по отношению к другим находкам, что трудно исключить предположение об их неслучайной топографии (список стоянок приведен в работе Любина (1984). Многие исследователи рассматривают эти наблюдения как доказательства наличия культа медведя в верованиях мустьерских людей Кавказа. В.П. Любин более осторожно оценивает эти сообщения, требующие, по его мнению вполне справедливому мнению, дальнейшего обоснования и проверки, но в целом их никак нельзя игнорировать, особенно, принимая во внимание известные швейцарские пещеры со скоплениями также черепов пещерного медведя. В свете этих западноевропейских аналогий культ медведя на Кавказе в мустьерское время кажется вероятным.

В Средней Азии мы сталкиваемся с памятниками обоих типов – открытыми стоянками и стоянками в пещерах; на юге Сибири – только с пещерными стоянками (Абрамова, 1984). Правда, на территории Тувы открыты местонахождения мустьерского типа в двух пунктах, но весь кремневый материал собран на поверхности и, следовательно, не стратифицирован. Нужно отметить, что остатки фауны из среднеазиатских стоянок дают возможность дифференцировать их по объектам добываемых видов животных: на равнине – лошади, куланы, тур, слон (видовой диагноз неясен), в горах – горный козел, бурый медведь, благородный олень. В остатках из Усть-Канской пещеры на Алтае (Руденко, 1960) горный козел заменен горным бараном.

Оставаясь в рамках только местонахождений с определенно выраженным культурным слоем и фауной, можно выделить в мустье Средней Азии, следуя В.А. Ранову (Ранов, Несмеянов, 1973), четыре группы памятников, каждая со своей технологической традицией: леваллуазскую, леваллуа-мустьерскую, типично мустьерскую и мустье-соанскую. Расположены они чересполосно, и ни одна из них не образует сплошного ареала. Наиболее знаменитым из всех среднеазиатских памятников является упомянутый выше грот Тешик-Таш с мустьерским погребением, известный западноевропейским читателям по публикациям Х. Мовиуса (Mouïus, H., 1953) и Ф. Борда (Bordes, F., 1955). Этот грот дал, как известно, более или менее типичный мустьерский инвентарь. Вообще три первые из перечисленных технологических традиций не нуждаются в каком-либо специальном описании, так как они соответствуют типичным памятникам Западной Европы и Западной Азии. Что касается мустье-соанской традиции, то она представлена несколькими стоянками, обнаруженными, по-видимому, в переложешном состоянии (Ранов, 1965; Ранов, Несмеянов, 1973). Основным отличием стоянок этой группы является наличие наряду с мустьерским инвентарем большого числа галечных орудий.

Вокруг скелета тешик-ташского ребенка лежали, как известно, четыре пары рогов горного козла. А.П. Окладников (1940, 1949) писал в связи с этим о зачатках солнечного культа, но для этого вряд ли есть сколько-нибудь серьезные основания. В то же время несомненно, что это погребение носит искусственный характер и свидетельствует о каких-то специальных обычаях, связанных с захоронением умерших.

Осталось сказать несколько слов о мустьерских памятниках Сибири. Помимо Усть-Канской пещеры нужно упомянуть еще грот Двухглазка в Хакасии (Абрамова, 1981) и мустьерские находки на высоких террасах реки Ангары

(Медведев, 1975). Находки на Ангаре не образуют культурного слоя, Усть-Канская стоянка (Анисюткин, Астахов, 1970) и стоянка Двухглазка обнаруживают леваллуазскую технологическую традицию в обработке камня. Но все это, безусловно, лишь самая общая и предварительная характеристика мустьерской эпохи в Сибири. Под руководством А.П. Деревянко продолжают исследования нескольких пещер на Алтае с многослойной стратиграфией – Страшная, Денисовская, Сибирячиха, а также открытые стоянки на реке Селимдже – левом притоке Амура. Они дали огромный материал мустьерского времени – первичные заготовки, орудия, фауну, но материал этот пока остается неопубликованным.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АБРАМОВА С.А. 1981. Мустьерский грот Двухглазка в Хакасии. – *Краткие сообщения Института археологии*. – М. Т. 165. С. 73–82.
- 1984. Ранний палеолит азиатской части СССР. – В кн.: П.И. Борисовский (ред.). *Палеолит СССР*. – М. С. 135–160.
- АЛЕКСЕЕВ В.П. 1960. Некоторые вопросы развития кисти в процессе антропогенеза. – В кн.: М.Г. Левин (ред.). *Антропологический сборник II*. – М. С. 100–114.
- 1973. Положение тешик-ташской находки в системе гоминид. – В кн.: Г.В. Лебединская, М.Г. Рабинович (ред.). *Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии*. – М. С. 100–114.
- 1976. Position of the Staroselye Find in the Hominid System. *J. Hum. Evol.* (London), Vol. 5, pp. 413–421.
- АНИСЮТКИН Н.К., АСТАХОВ С.Н. 1970. К вопросу о древнейших памятниках Алтая. – В кн.: В.Е. Ларичев (ред.). *Сибирь и ее соседия в древности*. – Новосибирск.
- 1971. Мустье Пруто-Днестровского междуречья. – М.
- АСЛАНЯН А.Т. и др. 1979. Открытие черепа древнего человека в Ереване. – *Вопросы антропологии*. – М. Т. 60. С. 38–51.
- АУТЛЕВ П.У. 1964. Губская палеолитическая стоянка. – *Советская археология*. – М. № 4. С. 172–176.
- 1973. Мустьерская стоянка в губском навесе I. – В кн.: *Кавказ и Восточная Европа в древности*. – М. С. 19–25.
- БАДЕР О.Н. 1939. Крупнейшая мустьерская стоянка у Волчьего грота в Крыму. – *Вестник древнейшей истории*. – М. Т. I. С. 258–263.
- БОНЧ-ОСМОЛОВСКИЙ Г.А. 1940. Грот Киик-Коба. – М.–Л.
- 1941. Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба. – М.–Л.
- 1954. Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба. – М.–Л.
- БУНАК В.В. 1951. Муляж мозговой полости палеолитического джети-ского черепа из грота Тешик-Таш, Узбекистан. – *Сб. Музея антропологии и этнографии*. – М.–Л. Т. 23. С. 417–479.
- ВЕКИЛОВА Е.А., ЗУБОВ А.А. 1972. Антропологические остатки из мустьерских слоев Ахштырской пещеры. – *Краткие сообщения Института археологии*. – М., № 131. С. 61–64.
- ВЕРЕЩАГИН Н.К. 1959. Млекопитающие Кавказа: история формирования фауны. – М.–Л.
- ГЕРАСИМОВ М.М. 1955. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). – М.
- 1964. Люди каменного века. – М.
- ГРЕМЯЦКИЙ М.А. 1949. Череп ребенка неандертальца из грота Тешик-Таш, Южный Узбекистан. – В кн.: М.Ф. Нестурх (ред.). *Тешик-Таш: палеолитический человек*. – М. С. 137–182.
- ГРИГОЛИЯ Г.К. 1963. Палеолит Квемо-Картли (погребальная пещера Цопи I). – Тбилиси.
- ДАНИЛОВА Е.И. 1983. Антропологическая характеристика костных остатков неандертальских детей из III культурного слоя мустьерской стоянки Заскальная VI (Крым). – *Вопросы антропологии*. – М. Т. 71. С. 72–87.
- ДЕБЕЦ Г.Ф. 1940. Об антропологических особенностях человеческого скелета из пещеры Тешик-Таш. – *Труды Узбекского филиала академии наук СССР* (Ташкент). Сер. I. Т. I. С. 46–68.

- 1947. О положении палеолитического ребенка из пещеры Тешик-Таш в системе ископаемых форм человека. — М.
- 1956. Современное состояние палеоантропологических исследований в СССР. — *Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме Института истории материальной культуры в 1955 году*. — Л. С. 22–23.
- ЗАВЕРНЯЕВ Ф.М. 1978. Хотьлевское палеолитическое местонахождение. — Л.
- ЗАМЯТНИН С.Н. 1961. Сталинградская палеолитическая стоянка. — Краткие сообщения Института археологии. — М. Т. 82. С. 5–36.
- КЕТРАРУ Н.А. 1973. Памятники эпохи палеолита и мезолита: археологическая карта Молдавской ССР. — Кишинев.
- КОЛОСОВ Ю.Г. 1977. Белая Балка. — Симферополь.
- 1979. Аккайские мустьерские стоянки и некоторые итоги их исследования. — В кн.: *Исследования по палеолиту в Крыму*. — Киев. С. 132–154.
- КОЛОСОВ Ю.Г. и др. 1978. — Стоянки Заскальня V и Заскальня VI. — *Археологическая палеогеография*. — М. Т. 84. С. 37–42.
- ЛЮБИН В.П. 1977. Мустьерские культуры Кавказа. — М.
- 1984. Ранний палеолит Кавказа. — В кн.: П.И. Борисковский (ред.). *Палеолит СССР*. — М. С. 45–93.
- МЕДВЕДЕВ Г.И. 1975. Местонахождения раннего палеолита в южном Приангарье. — В кн.: *Древняя история народов юга Восточной Сибири*. — Иркутск.
- НИОРАДЗЕ М.Г. и др. 1978. — Пещера Сакажиа. — *Археологическая палеогеография*. — М. Т. 84. С. 26–29.
- ОКЛАДНИКОВ А.П. 1940. Исследование палеолитической стоянки Тешик-Таш. — *Труды Узбекского филиала Академии наук СССР*. — Ташкент. Т. 1. С. 3–45.
- 1949. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш. — В кн.: М.Ф. Нестурх (ред.), *Тешик-Таш: палеолитический человек*. — М. С. 7–85.
- ПРАСЛОВ Н.Д. 1968. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. — Л.
- 1984. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма. — В кн.: П.И. Борисковский (ред.). *Палеолит СССР*. — М. С. 94–134.
- РАНОВ Д.А. 1965. Каменный век Таджикистана. — Душанбе.
- РАНОВ Д.А., НЕСМЕЯНОВ С.А. 1973. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. — Душанбе.
- РОГИНСКИЙ Ю.Ю. 1954. Морфологические особенности черепа ребенка из позднемустьерского слоя пещеры Староселье. — *Советская этнография*. — Л. Т. 1. С. 27–39.
- РОХЛИН Д.Г. 1949. Некоторые данные рентгенологического исследования детского скелета из грота Тешик-Таш, Южный Узбекистан. — В кн.: М.Ф. Нестурх (ред.). *Тешик-Таш: палеолитический человек*. — М. С. 109–121.
- 1965. Болезни древних людей (кости людей различных эпох — нормальные и патологические изменения). — М.—Л.
- РУДЕНКО С.И. 1960. Усть-Канская пещерная палеолитическая стоянка. — *Палеолит и неолит*. — М.—Л. Т. 4. С. 104–125.
- СЕМЕНОВ С.А. 1950. О противопоставлении большого пальца руки неандертальца. — *Краткие сообщения Института этнографии*. — М. Т. II. С. 76–78.
- СИНЕЛЬНИКОВ Н.А., ГРЕМЯЦКИЙ М.А. 1949. Кости скелета ребенка-неандертальца из грота Тешик-Таш, Южный Узбекистан. — В кн.: М.Ф. Нестурх (ред.). *Тешик-Таш: палеолитический человек*. — М. С. 123–135.
- СЫТНИК А.С. 1983. Гравированный рисунок на кости с мустьерской стоянки под Тернополем. — В кн.: Р.С. Василевский (ред.). *Пластика и рисунки древних культур*. — Новосибирск. С. 39–46.
- ФОРМОЗОВ А.А. 1958. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. — М.
- ЧЕРНЫШ А.П. 1965. Ранний и средний палеолит Приднестровья. — М.
- ЭРНСТ Х.А. 1934. Четвертичная стоянка в пещере у деревни Чокурча в Крыму. — *Труды II Международной конференции Ассоциации по изучению Четвертичного периода Европы*. — Л. Т. 5. С. 184–206.
- ЯКИМОВ Я.П., ХАРИТОНОВ В.М. 1979. К проблеме крымских неандертальцев. — В кн.: *Исследования по палеолиту в Крыму*. — Киев. С. 191–201.

ЗАПАДНАЯ АЗИЯ

в эпоху среднего палеолита

Артур Дж. Елинек

ЗНАЧЕНИЕ ЭПОХИ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА В РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Специалисты по доисторическому периоду традиционно пользуются термином «средний палеолит» для обозначения фрагментов культур, оставленных небольшими группами охотников-собирателей в начале периода позднего плейстоцена до появления примерно 35 тыс. тому назад разнообразных орудий и более сложных культурных признаков, присущих современному виду *человек разумный sapiens*. В течение всей эпохи среднего палеолита свидетельства о культурной деятельности главным образом ограничиваются основной и побочной продукцией, полученной при изготовлении высекаемых каменных орудий. В Европе и Западной Азии эти орудия связаны с костными остатками вида *человек разумный неандертальский*.

Производства эпохи среднего палеолита характеризуются изготовлением большого количества орудий, полученных методом обработки и отделки обычных сколов или сколов по технологии Леваллуа при подготовке нуклеусов методом расщепления кремневого желвака для получения двусторонне обработанного нуклеуса, от которого затем отбивают сколы определенной формы. Наличие в некоторых производствах эпохи среднего палеолита орудий, высеченных по этой технологии, наряду с двусторонне обработанными орудиями – ископаемыми признаками эпохи раннего палеолита на Западе, привело к предположению о существовании в западной части Древнего Мира преемственности между технологией эпохи раннего палеолита и технологией эпохи среднего палеолита. Действительно, чем больше мы узнаем о культурах эпохи раннего палеолита конца периода среднего плейстоцена, тем больше мы встречаем там черты, которые традиционно рассматриваются в качестве признаков эпохи среднего палеолита, и тем труднее только в зависимости от одних производств произвести четкое разграничение между эпохой раннего палеолита и эпохой среднего палеолита начала периода позднего плейстоцена. Следовательно, резонно увидеть в эпохе среднего палеолита конечную стадию длительной эволюции, которую претерпели культуры эпохи раннего палеолита в течение периода среднего плейстоцена.

Однако эта преемственность не должна скрывать оригинальности характерных культур эпохи среднего палеолита по отношению к культурам предшествовавшего периода. Некоторые повторные формы объединений по определенным типам орудий четко выражены в эпоху сред-

него палеолита. И хотя их культурное значение остается спорным, в частности в случае с производствами Западной Европы, эти формы объединений свидетельствуют о большей степени специализации и, вероятно, о более сложном интеллектуальном развитии, чем в эпоху более ранних культур. Помимо описания производств каменных орудий мы получили сведения об интеллектуальном развитии, выраженном в виде погребения умерших, которое многократно наблюдается в конце эпохи среднего палеолита, в то время как эта практика совершенно нехарактерна для эпохи раннего палеолита.

Следовательно, историческое значение эпохи среднего палеолита состоит в основном в значении места, занимаемого между продолжительной и монотонной эволюцией эпохи раннего палеолита, которая длилась в течение многих сотен тысяч лет, с одной стороны, и, с другой стороны, быстрыми преобразованиями и значительными новшествами, которыми отмечены культуры эпохи позднего палеолита. В исследовании, посвященном этой стадии культурной истории человечества, мы стремимся в основном узнать, каково значение отличительных черт производств каменных орудий и других археологических остатков и как они связаны с появлением современного вида *человек разумный*.

По историческим причинам наши познания об эпохе среднего палеолита в основном базируются на археологических исследованиях, проведенных в Западной Европе и в Западной Азии. Настоящая глава посвящена второму из этих регионов.

ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

Свидетельства о культурах людей эпохи среднего палеолита в Западной Азии, которыми мы располагаем, получены в основном из двух регионов: с одной стороны, из Леванта, с восточной окраины Средиземного моря, с другой стороны, с отрогов горного хребта и из района самых низких гор Загроса на западе Ирана и на севере Ирака. В наши дни окружающая среда в этих двух регионах очень отличается, и есть все основания полагать, что и в прежние времена дело обстояло так же. Это различие происходит оттого, что Левант расположен ближе к морю, тогда как Загрос располагается в зоне с более континентальным климатом и на большей высоте.

Данные, которыми мы располагаем сегодня, указывают на то, что в то время, когда люди эпохи среднего палеолита проживали в Западной Азии (125–40 тыс. лет

назад), условия окружающей среды неоднократно претерпевали значительные изменения и что, возможно, они никогда не были такими же, как сегодня. В общем в течение периодов, когда континентальное оледенение было наиболее сильным, температура окружающей среды была значительно ниже, чем сегодня. Возможно, что в течение этих периодов похолодания биотопы, соответствующие разнице высот, располагались на меньшей высоте, чем сегодня. Во время периодов оледенения, когда огромные массы воды оставались связанными ледниками, уровень моря на побережье Средиземного моря опускался (и соответственно расширялись прибрежные равнины). Эти периоды чередования наступления и отступления ледников были воссозданы полностью благодаря изучению осадочных пород морского дна, которые дали возможность представить весь комплекс больших климатических перемен, а также попутно лучше интерпретировать данные об окружающей среде различных поселений и о культуре их обитателей. Тем не менее, поскольку эти данные в основном касаются температурных изменений и поскольку атмосферные осадки и режим преобладающих ветров изменялся от одного региона к другому в неизвестных нам пропорциях в течение периода позднего плейстоцена, то также трудно детально воссоздать окружающую среду каждого поселения на основании этих общих данных.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ЛЕВАНТЕ

Производства каменных орудий эпохи среднего палеолита в Леванте могут быть отнесены к двум основным периодам. Во время первого с переменной частотой встречаются двусторонне обработанные орудия и орудия из сколов больших размеров, в частности скребки с режущими краями, очевидно, неоднократно затачиваемыми. Орудия этого периода появились вслед за орудиями позднего ашельского периода. В нескольких местонахождениях, соответствующих второй части этого первого периода, были обнаружены изделия нескольких производств, в которых преобладали пластины (длинные сколы призматической формы с параллельными краями и вытянутые сколы) и которые в общем были характерны для значительно более поздних культур эпохи позднего палеолита. Весь этот первый период эпохи среднего палеолита, очевидно, совпадает с первыми стадиями последнего оледенения (изотопные стадии кислорода от 5d до 5a), примерно датированным периодом от 110 до 80 тыс. лет назад, однако он начался немного раньше.

Второй период характеризуется интенсивным применением леваллуазской техники расщепления, которая в предшествующий период встречается редко, и почти полным отсутствием двусторонних орудий и крупных скребков. В нем можно выделить две, а может быть, и три фазы. Та фаза, которую стратиграфия выявила как самую раннюю, отмечена в основном наличием остроконечников Леваллуа удлиненной формы и довольно большим количеством пластин призматической формы с параллельными краями, изготовленных по той же технологии. В производствах второй фазы в основном получались сколы типа Леваллуа, широкие и тонкие, овальной формы, но производилось мало остроконечников или пластин. В третьей фазе наблюдается большее равновесие между изготовлением широких сколов и остроконечников, которые были относительно короткими. Стратиграфический анализ и радиоуглеродное исследование указывают на то, что второй период эпохи среднего палеолита соответствует изотопным стадиям 3 и 4, датированным периодом между 80 и 40 тыс. лет назад; однако каждая из этих фаз встречается не во всех регионах Леванта, а их продолжительность меняется в зависимости от региона.

Важно иметь в виду тот факт, что большая часть данных, касающихся хронологических циклов и культурной деятельности неандертальцев в Западной Азии, получена в результате раскопок, проведенных в глубоких слоях стратифицированных отложений, которые были обнаружены при входе в пещеры и в скальных укрытиях. Археологи явно отдают предпочтение этой категории поселений, поскольку знают, что в таких естественных укрытиях археологический материал защищен от воздействия эрозии. Подобное сосредоточение исследований в этих поселениях в недавнем прошлом привело к тому, что неандертальцы и другие популяции эпохи палеолита были отнесены к категории «пещерных людей». В действительности, вероятно, люди эпохи палеолита посещали эти пещеры и укрытия лишь временами, а поделки эпохи палеолита, присутствующие на каждом геологическом уровне в данных поселениях, представляют собой лишь смесь изделий, оставленных скорее при многочисленных, но кратковременных посещениях, чем во время длительного проживания в этих местах. Ценность таких поселений состоит в том, что в них содержится значительный археологический материал, собиравшийся на протяжении тысячелетий в находящих друг на друга стратиграфических уровнях, состоящих из геологических осадочных пород, включающих и культурные поделки. Интерпретация данного стратиграфического чередования дает возможность археологам и геологам воссоздать хронологический цикл производств, сохраняющихся на различных уровнях. Другими словами, эта категория поселений полезна для археологии потому, что она представляет собой длительные хронологические циклы, а не потому, что была выбрана предпочтительно как место проживания доисторических популяций людей. Название «пещерные люди» ввели археологи, которые отдают предпочтение раскопкам в таких поселениях. Только относительно недавно были обнаружены поселения открытого типа, относящиеся к эпохе среднего палеолита. Поскольку люди проживали в них в течение одного отдельно взятого периода, они дают возможность лучше понять различные виды деятельности, которыми занимались их обитатели. Полагаясь на поведение недавних охотников-собирателей, можно предположить, что, вероятно, эти поселения открытого типа были излюбленными местами проживания популяций эпохи палеолита. Читателям следует учитывать тот факт, что до настоящего времени не проведено никаких исследований зон обитания начала среднего палеолита и лишь одно частичное исследование подобной зоны обитания открытого типа, относящейся к завершающей стадии среднего палеолита.

РАННИЙ ПЕРИОД СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ЛЕВАНТЕ

Основная часть данных о раннем периоде среднего палеолита получена в результате раскопок, проведенных в нескольких пещерах и скальных укрытиях Ливана, Сирии и Израиля, хотя отдельные поселения открытого типа были обнаружены на северо-востоке Сирии. Двумя самыми важными местонахождениями являются пещера Табун, расположенная на западном склоне горы Кармель, неподалеку от Хайфы, в Израиле, и скальное укрытие Ябруд I на восточном склоне хребта Антиливан (Джебель-эш-Шарки) примерно в 60 км к северу от Дамаска, в Сирии. На нижних уровнях этих двух поселений были обнаружены однородные продолжительные циклы производств начала среднего палеолита, а на верхних уровнях – производства конца среднего палеолита.

В 1930-е гг. в ходе серии замечательных раскопок в поселении Ябруд I А. Руст (*Rust*, 1950) изучил некоторое

количество стратиграфических уровней в нижней части цикла. В них находили то обилие массивных тупых скребков, то множество двусторонних орудий, то смесь еще двух категорий поделок. Производство каменных орудий, характеризующееся изготовлением массивных скребков, он назвал «ябрудской культурой», используя традиционное название «ашельская культура» по отношению к производству двусторонних орудий, а производство, совмещающее изготовление обеих категорий изделий, – «ашельско-ябрудской культурой». Примерно в то же время, когда Руст вел раскопки в поселении Ябруд I, Д. Гэррод работала в пещере Табун (Garrod & Bate, 1937); в ней она обнаружила уровень «ашельско-ябрудской культуры», содержащий двусторонне обработанные орудия и массивные скребки. Под этим уровнем она обнаружила слой, содержащий производство двусторонних орудий, типичное для позднего ашельского периода.

В обоих местонахождениях в верхней части отложения первого периода среднего палеолита Руст и Гэррод обнаружили массовые скопления тонких сколов призматической формы с параллельными краями (пластины), некоторые из них были отделаны для последующего использования в качестве орудий различного типа (рис. 28). В Табуне были найдены в основном ножи с затылочной частью, а в поселении Ябруд I преобладали «резцы». Эти сколы и орудия удивительным образом походили на изделия производств значительно более поздних периодов – начала позднего палеолита в Европе и Западной Азии, производств, которые всегда ассоциировались с видом *человек разумный*, с человеком современного вида. Сходство этих орудий с орудиями ориньякской культуры в Европе побудило Руста квалифицировать производство поселения Ябруд I как «доориньякскую культуру». Это название применяется и сегодня, несмотря на то что уже доказано, что не существует никакой преемственности между поселением Ябруд I и производствами начала эпохи позднего палеолита в Европе и Западной Азии. Гэррод использовала тот же термин «доориньякская культура» для обозначения производств

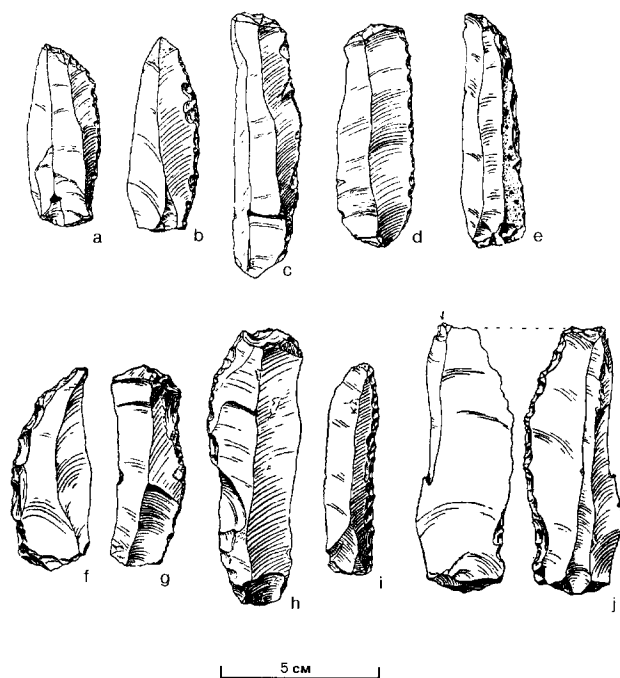

Рис. 28. Изделия из пластин мугарской (амудской) традиции, найденные в пещере Табун (Израиль): в слое Eb: a, b, d–i – типичные и нетипичные ножи с затылочной частью (стрелка указывает направление удара для получения осколка-резца); c – концевой скребок; j – резец из пластины призматической пластины (по Garrod & Bate, 1937)

пластин в Табуне, однако позднее она отдала предпочтение термину «амудская культура», названию, происходящему от названия «Вади-Амуд» (Ливан), где в ходе довольно примитивных раскопок, предпринятых Ф. Тюрвиль-Петр в 1925–1926 гг. в пещере Зуттийе (долина р. Иордан), в похожей среде были найдены орудия, идентичные орудиям из Табуна, и среди них были двусторонне обработанные орудия и массивные скребки (Turville-Petre, 1927). Решением Гэррод использовать этот новый термин, чтобы выделить производство ножей с затылочной частью, было принято в тот момент, когда она обнаружила третье местонахождение с подобным производством – укрытие Зумоффен вблизи Адлуна в южном Ливане (Garrod & Kirkbride, 1961). Здесь орудия амудской традиции были обнаружены в древних прибрежных отложениях, раскинувшихся перед укрытием; над ними располагались изделия типичной ябрудской культуры (Copeland, 1983).

Проблема связи между амудской культурой Гэррод и доориньякской культурой Руста привлекла внимание археологов. Окружающая среда поселения Ябруд I, расположенного на восточном более засушливом склоне гор, прилегающих к Средиземному морю, очень отличается от окружающей среды поселений Табун и Адлун, находящихся на прибрежной равнине, и поселения Зуттийе, расположенного во влажной долине р. Иордан. Вероятно, значение количественных различий типов орудий, производившихся из пластин, следует отнести к иной системе использования ресурсов. Производство доориньякской культуры в поселении Ябруд I ориентировалось в основном на резцы. Здесь так же, как и в поселении Зумоффен, практически отсутствуют массивные скребки в сочетании с производством пластин, хотя имеется множество свидетельств наличия двусторонних орудий (сломанные наконечники и любопытная группа сколов, полученных в результате отщипывания краев двусторонних орудий). Несмотря на разницу в относительной важности типов орудий между амудской и доориньякской культурами, техника изготовления пластин в обоих производствах практически идентичная. Констатация этого факта, а также их похожее расположение в культурной и хронологической последовательности наводит на мысль, что оба производства могли быть двумя аспектами одного явления, которое на большом пространстве, но в течение относительно короткого периода времени характеризовалось как производство тонких сколов призматической формы.

Более поздние раскопки, произведенные Елинеком в поселении Табун, предоставили новые данные о связях между производствами двусторонних орудий и массивных скребков и производствами пластин, обнаруженными Рустом и Гэррод (Jelinek et al., 1973; Jelinek, 1982). Теперь установлено, что в поселении Табун соотношение между двусторонними орудиями и скребками значительно изменяется от одного уровня к другому и что это изменение является не случайным, а имеет циклический характер. Предполагаемая продолжительность археологической последовательности и каждого из циклов примерно соответствует климатическим изменениям, выраженным в изменениях изотопов кислорода, которые наблюдаются на морском дне (стадии 5a–d). До определенного момента эта корреляция подтверждается геологическими данными, отмеченными в пещере. Похоже, что производство массивных скребков с грубой отделкой достигло полного развития в периоды потепления климата, а производство двусторонне обработанных орудий всегда развивалось в более холодные промежутки времени. Если эта корреляция правильна, то производства пластин амудской традиции появились вслед за долгим периодом постепенного прироста количества двусторонних орудий и должны соответствовать периоду максимального похолодания во время этой части цикла (стадия 5b). Недавние раскопки подтвердили, что типичные артефакты позднего палеоли-

та с геологической точки зрения связаны с массивными скребками ябрудской культуры и двусторонними орудиями ашельской культуры. Они также подтвердили наличие некоторого количества двусторонних орудий (ашельских) и массивных скребков (ябрудских) практически на всех уровнях, датированных первой частью среднего палеолита. Следовательно, в настоящее время очевидно, что амудская техника входит в состав продолжительной тенденции изготовления более узких сколов, тенденции, которая с технической стороны является кульминацией в изготовлении тонких пластин, из которых делались амудские орудия.

Эти данные о постепенных переменах в изготовлении некоторых типов орудий наводят на мысль о том, что существовала непрерывная и поступательная культурная традиция внутри одной человеческой популяции на протяжении веков. Такая интерпретация подкрепляется фундаментальной преемственностью и однонаправленной прогрессивной эволюцией в технологии изготовления артефактов из расколотого камня. Эту непрерывную единую технологическую традицию мы предложили назвать «мугарской культурой» (от названия «Вади-Мугар») (Jelinek, 1982). Данное объяснение разнообразия производств в поселении Табун кажется более вероятным (поскольку оно самое простое), чем гипотеза, согласно которой были две отдельные популяции, относящиеся к ашельской культуре и ябрудской культуре, сохранившие свою социальную идентичность на протяжении десятков тысяч лет и лишь постепенно изменившие интенсивность совместного использования некоторых поселений. Кратковременное появление и исчезновение производств пластин амудской культуры могло бы, в действительности, подтвердить гипотезу о появлении и исчезновении отдельной популяции (как полагали Гэррод и Руст), однако некоторые основные примеры изготовления сколов, а также наличие в слоях амудского периода двусторонних орудий и скребков, типичных для ашельской и ябрудской культур, дают повод сделать предположение, что, как и два последние производства, амудская культура в поселении Табун является лишь фацией продолжавшихся технологических каменных традиций одной и той же популяции.

Трудно интерпретировать эти корреляции с помощью антропологических понятий, поскольку мы не располагаем большим количеством прямых свидетельств об использовании различных типов орудий. Мугарские местонахождения не содержат ни костных остатков животных, ни макрокопических растительных остатков. Распространение кремневых изделий в поселениях наводит на мысль, что это остатки многократного краткосрочного пребывания в данных поселениях. Вероятно, в поселении Табун у входа в пещеру имела родник или другой источник воды. Действительно, на мугарских уровнях были найдены куски кремня, отполированные водой, и сохранившиеся до сих пор перегородка под сводом пещеры – все время влажная. Следовательно, постоянный источник воды периодически мог привлекать в это поселение как людей, так и животных. Источник был особенно ценен летом в периоды потепления, поскольку климатические условия в тот период не должны были очень отличаться от тех условий, которые сегодня характерны для этого региона в сухую летнюю пору. Разумно сделать предположение, что в общем крупные скребки использовались для приготовления растительной пищи, а двусторонне обработанные орудия, у которых часто имела поперечная режущая кромка, и орудия из пластин служили для разделывания туш животных. Постепенное изменение той частоты, с которой встречаются различные типы этих инструментов, возможно, свидетельствует о приспособлении человека к изменениям ресурсов, находившихся в его распоряжении, из-за медленного изменения окружающей среды под воздействием глобальных изменений климата.

Как в поселении Табун, так и в поселениях Ябруд и Адлун очевиден контраст между началом среднего палеолита, представленным традициями мугарской культуры с наличием различных типов специализированных орудий, и ранним палеолитом, где ашельская культура оставила после себя более однородные и менее различающиеся виды производства. В длительной перспективе можно считать, что начало специализации выражает возросшее понимание группами охотников-собираателей среднего палеолита относительной ценности различных природных ресурсов и возможности использовать их.

К этим открытиям, сделанным на юге и в центре Леванта, прибавляются другие открытия на севере данного региона. В бассейне реки Эль-Ком, в центральной Сирии, были, в частности, найдены ябрудские скребки, некоторые из них объединены с двусторонне обработанными орудиями (Besançon et al., 1981). Метод датировки с помощью резонанса электронного «спина» позволяет предположить, что максимальный возраст ябрудских остатков в Эль-Коме составляет 150 тыс. лет, а минимальный – немногим менее 100 тыс. лет, т.е. их возраст больше, чем предполагала геологическая корреляция с соответствующими производствами прибрежных районов. Однако следует подчеркнуть гипотетический характер данной процедуры (Henning в издании Henning & Hours, 1982). Особый интерес к остаткам из Эль-Кома вызван тем, что они ассоциируются с осадочными породами, которые были отложены родниковыми водами, и это указывает на существование оазиса, благоприятного для жизни человека, в котором, вероятно, было легко добыть как мясную, так и растительную пищу.

Остатки ябрудской культуры в северном Леванте в основном были собраны на поверхности земли или получены в результате зондирования на небольшой глубине. Геологические данные, полученные в то же время, показывают, что эти остатки являются современниками двусторонних орудий, соответствующих ашельской культуре, в основном изготовленных с использованием леваллуазской техники. Такие производства существовали на более обширной территории, чем та, на которой была распространена ябрудская культура (Copeland & Hours, 1981). Данные об этом регионе, которыми мы располагаем, не дают возможности с уверенностью уточнить характер связей, существовавших между двумя производствами. Вполне вероятно, что они представляют собой две фации одной культуры и что ябрудская культура развивалась в тех поселениях, где растительные ресурсы были особенно обильными, а ашельская – там, где ресурсы были более разнообразными. В основном эти производства отличаются от составляющих элементов ашельской культуры, присутствующих в производствах пещер и укрытий поселений Ябруд I, Табун и Адлун, применением технологии Леваллуа.

Итак, по всему Леванту обнаруживаются следы проживания людей в течение первых фаз последнего ледникового цикла, проживания, которое совпало по времени с мугарской культурой человека из Неандерталья в Западной Европе. Происхождение различных производств каменных орудий наводит на мысль, что люди той эпохи уже достигли определенного уровня специализации в использовании окружающей среды. Неравномерное распределение различных типов орудий объясняется сосуществованием отдельных групп людей, каждая из которых на протяжении десятков тысяч лет изготавливала лишь определенные типы каменных орудий. Тем не менее если принять во внимание весь комплекс этих данных, то это объяснение покажется гораздо менее убедительным, чем гипотеза о специализированном использовании ресурсов.

Нам почти неизвестен уровень интеллектуального и биологического развития, достигнутый людьми, которые изготовили эти орудия. «Череп из Галилеи» – единственные ископаемые останки человека, которые могли быть отнесены к данному периоду и которые были обнаружены

у основания уровней мугарской культуры в поселении Зуттийе во время первых раскопок, произведенных Тюрвилль-Пэтр – имеет некоторое физическое сходство с будущими неандертальцами Западной Азии, однако этот факт оспорен другими палеонтологами. Еще не обнаружены захоронения, датированные той эпохой, а в большинстве местонахождений, содержащих следы этих производств, не обнаружены костные останки или же обнаружены только некоторые плохо сохранившиеся образцы.

Второй период среднего палеолита в Леванте известен значительно лучше, чем первый: он представлен многочисленными поселениями, разбросанными по всему региону.

ПОЗДНИЙ СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ В ЛЕВАНТЕ

Основным признаком производств этого позднего периода является применение технологии Леваллуа, следы которого обнаруживаются во всех известных нам поселениях. Именно по этой причине Гэррод дала им имя «леваллуазско-мустьерских». Тем не менее, учитывая отчетливый характер этих производств и то важное место, которое технология Леваллуа занимает в других производствах эпохи среднего палеолита в Европе и Северной Африке, сегодня предпочтительнее заменить этот слишком общий термин «леваллуазско-мустьерская культура» понятием «мустьерская культура Леванта» (или «левантское мустье») для обозначения производств данного региона. Возникновение таких производств совпадает с почти полным исчезновением двусторонне обработанных орудий и массивных тупых скребков с отделкой, которая была характерна для ябрудской культуры, и, если говорить обобщенно, с уменьшением частоты производства орудий из нуклеусов. Антропологическое значение этого глубокого преобразования производства каменных орудий еще окончательно не установлено.

Именно в двух поселениях – Табун и Ябруд I, расположенных слоями, были обнаружены самые глубокие уровни мустье Леванта. В каждом из этих поселений очень рано появились длинные треугольные остроконечники, называемые остроконечниками Леваллуа, а также пластины призматической формы с гранеными ударными плоскостями, пластины, которые, возможно, были побочным продуктом изготовления наконечников. Данное производство известно под названием «мустьерская культура фазы I» (Copeland, 1975) или «мустьерская культура типа D». Оба эти названия содержат ссылку на место производства в цикле, открытом Гэррод в поселении Табун (Garrod & Bate, 1937, pp. 76–78). Новые раскопки, проведенные в Табуне (Jelinek, 1982), показали, что это производство появилось после переходного периода, в котором произошло постепенное развитие технологии Леваллуа, тогда как двусторонние орудия и крупные скребки, характерные для предшествовавшего периода, становились все более редкими. В самом начале переходного периода наконечники Леваллуа соседствовали с широкими сколами, которые также производились по технологии Леваллуа путем отбивки по направлению к центру. Позднее такие сколы постепенно исчезали по мере того как количество наконечников увеличивалось. По-видимому, эта эволюция в поселении Табун свидетельствует о существовании некоторой преемственности между производствами первого и второго периодов среднего палеолита. Из анализа остатков, обнаруженных в поселении Хуммал, в бассейне реки Эль-Ком, следует, что фаза I мустьерской культуры Леванта явилась результатом эволюции более древней ябрудской культуры (Copeland, 1983).

В поселении Табун за фазой I мустье следовала фаза 2 («мустьерская культура слоя C» или «типа C»), в течение которой встречается множество сколов Леваллуа, широких и

тонких, полученных путем радиальной оббивки (рис. 29), но относительно мало наконечников Леваллуа. Между слоями D и C существует значительный разрыв, вызванный карстовым обвалом отложений слоя D в воронку, расположенную внутри пещеры; огромная яма со временем заполнилась, это произошло до возникновения производств слоя C. Видимо, тип C постепенно образовался из типа D в поселении Ябруд I и, возможно, в поселении Абу-Зиф в пустыне к юго-востоку от Иерусалима (Newville, 1951); однако в целом комплексе свидетельств об этой эволюции остается ограниченным.

Было сделано предположение (Copeland, 1975), что в Леванте существовала третья стадия мустьерской культуры, характеризующаяся широкими сколами Леваллуа и остроконечниками, широкими у основания и относительно короткими, также изготовленными по технологии Леваллуа (рис. 29). Самые поздние производства поселения Табун (слой В и уровень «камина») были связаны с этой фазой 3, называемой также «Табун В» или «мустьерская культура типа В» («мустье типа В»), к которой относились и другие производства, обнаруженные на побережье и на холмах центрального и южного Леванта. Следует отметить, что в поселении Табун в интервале между отложениями слоя C и слоя В резко изменился способ использования пещеры вследствие обвала ее свода во внутреннем помещении. Производство слоя C явилось следствием относительно интенсивного использования террасы, расположенной при входе в пещеру, на которой люди занимались домашними работами, в частности приготовлением пищи и изготовлением орудий (широких сколов Леваллуа). Орудия, извлеченные из слоя В и из «камина», служили для дру-

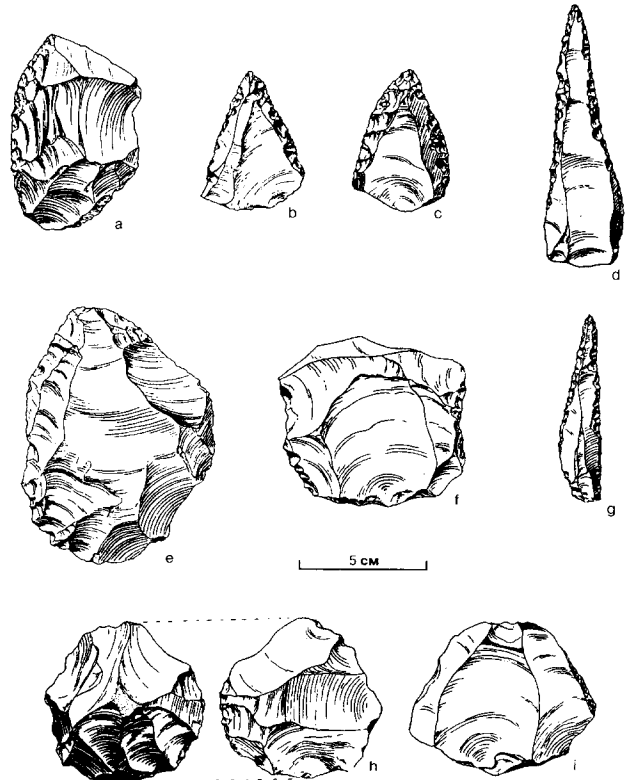

Рис. 29. Мустьерская культура Леванта (инструменты, сколы и нуклеусы Леваллуа) из пещеры Табун (Израиль): а – простой выпуклый боковой скребок из скола Леваллуа; б – короткий остроконечник Леваллуа с отделкой; d и g – удлиненные мустьерские наконечники из удлиненных сколов Леваллуа; е – крупный широкий скол Леваллуа; f, h, и i – нуклеусы Леваллуа (d и g – с уровня Garrod, слой D, фаза 1; а и е – с уровня Garrod C, фаза 2; b, c, h и i – с уровня Garrod В и «камина», фаза 3 (по Garrod & Bate, 1937)

гих видов деятельности, например для разделывания туш животных (в основном ланей), которые, похоже, попадали в естественную западную – отверстие, образовавшееся в результате обвала свода пещеры. Это изменение рода занятий является, возможно, основной причиной типологических различий, которые наблюдаются между производством слоя С и производствами слоя В. Во всяком случае, геологические данные указывают на то, что это изменение произошло очень быстро.

Географическое расположение этих трех производств мустьерской культуры Леванта, не кажется случайным. На юге и в центре данного региона производства фаз 2 и 3, характеризующиеся откалыванием широких сколов Леваллуа, по большей части ограничены морским побережьем и холмами, которые на севере и на западе тянутся вдоль обширных внутренних степей и пустынь, где преобладает мустье первой фазы. Производства широких сколов (фазы 2 и 3) более распространены на севере Леванта, в частности на террасах Евфрата и других крупных рек (*Copeland, 1981*).

Хронологические связи, существующие между тремя фазами, еще недостаточно выявлены. Самая большая часть среднего палеолита слишком древняя, для того чтобы датировка методом радиоактивного углерода и большинство «окончательных» радиоуглеродных дат, относящихся к поздней фазе среднего палеолита, могли рассматриваться в качестве пределов, устанавливающих *минимальный* возраст этой эпохи, если только не удастся доказать, что образцы были взяты в строго контролируемых условиях и исследованы в лабораториях, оснащенных специальным оборудованием для проведения анализов остатков, возраст которых превышает 40 тыс. лет. Из некоторых датировок, которые на сегодняшний день отвечают этим критериям, мы знаем, что возраст остатков, относящихся к фазе 2 и обнаруженных в поселении Табун в слое С, составляет примерно 50 тыс. лет (*Jelinek, 1982*) и что переход от фазы 1 к производствам эпохи позднего палеолита в пустыне Негев произошел примерно 40 тыс. лет назад (*Marks, 1983*). В настоящее время это те границы хронологии производств, которые установлены благодаря применению технологий абсолютной датировки.

Стратиграфия показывает, что в тех поселениях, где представлена фаза 1 и по меньшей мере одна из двух других фаз, остатки от первой фазы всегда находятся глубже. Отсутствие фаз 2 и 3 в большинстве районов степей или пустыни, в которых фаза 1 выводит непосредственно на эпоху позднего палеолита, например в поселении Бокер-Таштит (*Marks, 1983*), заставляет предполагать, что оба типа орудий, изготовленных соответственно в течение фазы 1 и фазы 2, связаны с двумя отдельными формами адаптации к окружающей среде. В общих чертах эволюция могла быть следующей: благодаря технологическому прорыву производства фазы 1 на всей территории Леванта являлись общей формой адаптации к разнообразной окружающей среде; затем производства фаз 2 и 3 стали развиваться в самых влажных регионах, где растительность была более обильной. Учитывая протяженность территории, где происходила эта эволюция, можно предположить, что мустье Леванта разделилось на две отдельные культуры, относящиеся к двум различным этническим группам.

Базовая хронология, представленная здесь для производств среднего палеолита, основывается на геологических данных предполагаемой стратиграфической корреляции с изотопными стадиями, выявленными методом определения содержания изотопов кислорода в морских отложениях, и на ассоциациях производств в Адлуне с прибрежными отложениями, которые указывают на относительно высокий уровень Средиземного моря. Общие хронологические рамки для этих производств подтверждаются абсолютными датировками поселения Эль-Ком и основного известкового туфа в поселении Зуттийе. Са-

мые ранние мустьерские производства в Леванте в поселении Табун (фаза 1) были обнаружены вместе с найденными остатками грызунов и пыльцой, типичными для холодного климата (*Jelinek et al., 1973*), что могло бы подтвердить геологическую корреляцию этих производств с изотопной стадией кислорода 4, существовавшей примерно 70 тыс. лет назад. Относящиеся ко времени около 50 тыс. лет назад датировки фазы 2 производств в Табуне, произведенные радиоуглеродным методом, в равной степени согласуются с данными климатологии и геологии, которые предполагают их корреляцию с изотопной стадией 3. Возникновение первых производств верхнего палеолита и исчезновение производств среднего палеолита можно приблизительно датировать периодом 40 тыс. лет до н. э. (абсолютная датировка для поселений в пустыне Негев).

Другая гипотеза основана на более значительном возрасте (до 90 тыс. лет до н. э.), который с помощью корреляции с упоминавшимися периодами можно было бы отнести к производствам фазы 2, обнаруженным в прибрежных поселениях Рас-Эль-Кельб и Наамех под Бейрутом, в Ливане, а также к датировкам (недостаточно обоснованным) ураново-ториевым методом морских организмов, найденных в прибрежных отложениях (*Copeland, 1981*). Еще одна гипотеза относит к периоду 70–80 тыс. лет назад производства фазы 3, остатки которых были обнаружены в пещере Кафзех под Назаретом, в Израиле (*Bar-Yosef & Vandermeersch, 1981*). Эта гипотеза, которая предполагает, что предложенная датировка производств поселения Наамех является точной, опирается на находку в пещере Кафзех остатков двух видов грызунов, сегодня исчезнувших, которые не встречаются в слое С поселения Табун, и на наличие в слое Табун С грызунов современного вида, которого не обнаружили в пещере Кафзех. Согласно той и другой гипотезе, установленные даты существования производств ранней части среднего палеолита в поселении Табун слишком скромны и производства более поздней части этого периода были не так четко выражены в их хронологическом проявлении, чем предполагалось на основании подобных последовательностей в поселениях Табун, Ябруд I и Адлун.

Вероятно, наиболее значительным нововведением в поздней части среднего палеолита в Леванте является наличие повторяющихся примеров сознательного захоронения умерших. Еще не установлена бесспорная связь между этим ритуалом и производствами фазы 1. Возможно, что захоронение в поселении Табун I сделано в течение этой фазы, однако имеющиеся на сегодняшний день данные не позволяют утверждать это с уверенностью. Захоронения, относимые к мустье Леванта, представляют исключительный интерес для изучения биологического развития человечества, поскольку в них находятся останки *человека разумного* как неандертальского типа (*человек разумный неандерталец*), так и современного типа (*человек разумный sapiens*) или промежуточного типа. Костные останки женщины из поселения Табун I (*McCown & Keith, 1939*), мужчины из поселения Амуд (*Suzuki & Takai, 1970*) (илл. 17) и недавно обнаруженные остатки скелета мужчины в поселении Кебара (*Arensburg et al., 1985*) имеют многочисленные признаки, которые напоминают неандертальцев, найденных в Европе. Находки в Амуде и Кебаре, вероятно, относятся к фазе 3, а в Табуне I – к фазе 2.

Захоронения останков *человека разумного sapiens*, подобного человеку современного вида, но сохранившего некоторые признаки архаичной морфологии, были обнаружены на террасе перед пещерой Схул в нескольких сотнях метров от поселения Табун (*McCown & Keith, 1939*), а также на нижних уровнях поселения Кафзех (гоминид 11 из Кафзеха) (*Tillier, 1984*). По-видимому, производства в обоих местах относятся к фазе 3. Наконец, некоторое количество захоронений людей совершенно современного

вида (*человека разумного*) были обнаружены в поселении Кафзех (илл. 25) вместе с остатками производства фазы 3 (Vandermeersch, 1981).

Проблемы хронологии, о которых упомянуто выше, обусловили то, что относительный возраст этих гоминидов остается спорным. Согласно гипотезе, основанной на факте постепенного уточнения датировки сколов на протяжении длительной последовательности в поселении Табун и на сравнении ее с производствами поселений Кафзех и Схул (Jelinek, 1982), неандертальцы появились раньше представителей гоминидов «смешанного» типа, а вполне современный тип появился позднее всех. С другой стороны, если будет окончательно установлено, что следы поселения Кафзех относятся ко времени 70–80 тыс. лет назад, как полагают некоторые ученые (Bar-Yosef & Vandermeersch, 1981), то это будет с очевидностью означать, что современный вид *человека разумного* присутствовал там в фазе 3 по крайней мере за 20 тыс. лет до того периода, когда неандертальцы с их производством фазы 2 появились в поселении Табун, в 30 км к западу от Кафзеа. Этот вопрос также разрешится лишь тогда, когда с помощью достоверных методов будет установлена абсолютная датировка.

Данные, которыми мы располагаем, позволяют установить факт, представляющий интерес для истории культуры: все производства, имеющие отношение к этим захоронениям, в основном принадлежат мустьерской культуре Леванта независимо от стадии эволюционного развития, достигнутого гоминидами, которых там обнаружили. По-видимому, это доказывает, что биологический потенциал анатомически современного *человека разумного* позволил сделать значительный культурный прорыв, характеризующий верхний палеолит, и проявлялся в Леванте раньше (и, возможно, намного раньше, чем об этом свидетельствуют археологические находки, связанные с этой культурной эволюцией).

Данные о переходе от среднего к верхнему палеолиту обобщил Маркс (Marks, 1983). Он отметил наличие переходных производств во многих поселениях, в частности в Ксар-Акил и Абу-Халка в Ливане, а также в Бокер-Таштит в центре пустыни Негев, указав, что этот переход, который произошел около 40 тыс. лет назад, носил в основном технологический характер. Он выражался в производстве пластин призматической формы, полученных из нуклеусов с единственной плоскостью отбивки, очевидно, без подготовки по методу Леваллуа. Согласно Марксу, типология этих производств переходного периода изменяется от одного поселения к другому. Раскопав лишь небольшой участок, Маркс отметил интересный контраст между проживанием в поселении в эпоху среднего палеолита и в эпоху верхнего палеолита: он, в частности, проявляется в разбросанности отходов от каменотесных работ, получаемых от одного нуклеуса. Гипотетически это различие можно объяснить тем, что между жителями поселения в эпоху верхнего палеолита существовало более эффективное социальное взаимодействие, чем в среднем палеолите. Значение выводов Маркса состоит в том, что они свидетельствуют о преемственности, которая связывает некоторые производства мустьерского периода с эпохой верхнего палеолита в Леванте. Отныне становится бесполезным объяснять появление культуры верхнего палеолита приходом «чужой» популяции. Сведения, полученные при изучении поселения открытого типа Бокер-Таштит, свидетельствуют о большой важности таких поселений для истолкования поведения неандертальцев и их современников в этой части света.

Согласно современным данным о среднем палеолите в Леванте, длительная и медленная эволюция, подобная той, которая характеризует палеокультурное поведение ископаемого человека в древние времена (Jelinek, 1977), привела к возникновению не только новых типов производств, но и нового подвида гоминидов, у которых име-

ются все основные биологические признаки современного человека и в поведении которого проявляется культура в широком смысле этого слова. Можно предположить, что биологическая и культурная эволюция совпали параллельно, однако мы еще не располагаем достаточным объемом данных, для того чтобы утверждать это с уверенностью. Очевидно, однако, что благодаря изучению доисторического периода истории Леванта мы располагаем очень важными свидетельствами о развитии человечества на протяжении того периода, когда появились существа, внешний вид и поведение которых были такими же, как у современного человека.

СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ В ЗАГРОСЕ

В то время как в Леванте обнаружено относительно большое количество остатков и продолжительные стратиграфические последовательности культур среднего палеолита, изучение долин и отрогов Загроса к северу и востоку от Месопотамской низменности к настоящему времени предоставило нам мало свидетельств об этом этапе развития человечества. Отчасти, вероятно, это обусловлено тем фактом, что в данном регионе проводились не столь масштабные исследования. Тем не менее следует отметить, что почти все экспедиции, которые искали следы среднего палеолита в Загросе, открывали интересные поселения.

В скоплениях, которые там обнаружили, была найдена почти однородная группа производств каменных орудий, которая значительно отличалась от всех производств среднего палеолита в Леванте. Из-за однородности и особого вида этим производствам обычно давали общее название «мустьерская культура Загроса». Изготавливаемые в них орудия откальвались от относительно небольших желваков халцедона, радиолярита и других камней подобного типа. Эти изделия, так же как нуклеусы и сколы, имели, как правило, меньший размер, чем их аналоги из производств Леванта. В то же время в большинстве производств Загроса орудия так часто подвергались обработке и отделке путем затачивания, что в конце концов их невозможно было более использовать. По этой причине для большинства поселений трудно воссоздать ту технологию, которая применялась для отбивания сколов, следовательно, этот аспект обработки камня нам еще плохо известен. Вопреки прежним предположениям на сегодняшний день установлено, что в этих производствах важное место занимала технология Леваллуа, однако многократная отделка таких нуклеусов и сколов стерла почти все следы применения этой технологии.

Лишь небольшое количество мустьерских поселений Загроса было детально исследовано, и мы не располагаем никакими сведениями о преемственности или о распространении различных производств. Описано только несколько местонахождений, что дало возможность провести их количественное сравнение. Здесь необходимо отметить предшествующую работу, проведенную Скиннером (Skinner, 1965) в пещере Шанидар (слой D) и в Хазар-Мерде в Ираке, а также в Кунджи и Бизитуне в Иране. Следует также отметить работы Аказавы (Akazava, 1975) в поселении Шанидар D, Диббла (Dibble, 1984) в Бизитуне и Бьюли (Bewley, 1984) в Хумиане (Иран). В производствах, описанных этими археологами, изготавливалось большое количество хорошо отретушированных мустьерских острокопечников, простых скребков, двусторонне обработанных скребков и других мелких изделий (рис. 30). Скиннер и Аказавы не обнаружили почти никаких следов применения технологии Леваллуа в исследованных ими производствах, из чего Скиннер сделал вывод, что это кажущееся отсутствие свойственно всем производствам мустьерской куль-

туры Загроста. Диббл отмечает, что данная технология очень часто использовалась в Бизитуне (45–60%), а Бьюли обнаружил следы этой технологии на 11% изделий, найденных в Хумиане. Работы Диббла и Бьюли позволяют считать, что технологии, применявшиеся в производствах мустьерской культуры Загроста, были более разнообразными, чем полагали ранее. Вместе с тем проведенные в последнее время исследования не поставили под сомнение типологическую однородность, признаваемую за этими производствами.

Вопрос о древности производств мустьерской культуры Загроста остается открытым. Пещера Шанидар является единственным поселением, относительно которого выявлены абсолютные даты. Датировка образцов, взятых в верхней части слоя D, радиоуглеродным методом указывает на то, что их минимальный возраст равняется примерно 50 тыс. лет. Замеры уровней отложения осадочных пород, палинология и химические анализы дали возможность определить в 50 тыс. лет общее время, в течение которого образовался данный слой толщиной более 8 м (Solecki, 1963), однако эту оценку необходимо проверить. Палинологические исследования привели Бьюли (1984, р. 32) к мнению, что средний палеолит в Хумиане, вероятно, наступил раньше, чем в Шанидаре, и что древность его можно определить в 60–70 тыс. лет. Эти ограниченные данные дают возможность предположить, что мустье Загроста было почти современником мустьерской культуры Леванга.

В Загросте известно только одно поселение, в котором следы захоронений связаны с остатками среднего палео-

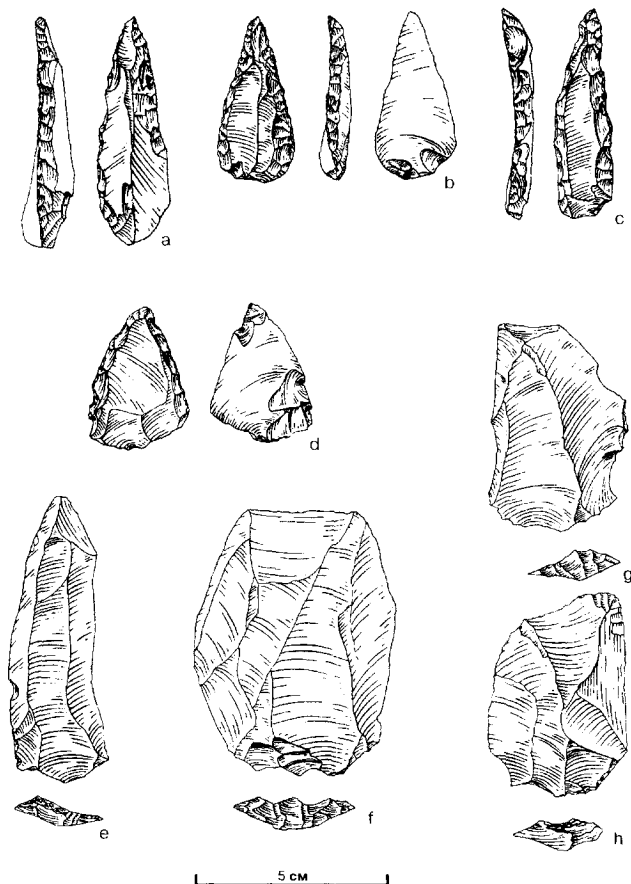

Рис. 30. Мустьерская культура Загроста (леваллуазские орудия и сколы) из пещеры Бизитун (Иран): а–d – небольшие двусторонне обработанные скребки и остроконечники мустьерского типа; е–h – сколы Леваллуа (по Dibble, 1984)

лита. В период между 1951 и 1960 гг. Солецки обнаружил в Шанидаре в верхней части слоя D две группы костных останков человека, принадлежавших в целом девяти индивидуумам (Solecki, 1971). Эти останки неандертальцев, тщательно изученные и описанные Тринкаузом (Trinkaus, 1983), представляют собой самую крупную находку остатков гоминидов данного типа, который был найден в доисторическом поселении, и, следовательно, позволяет самые смелые истолкования. Переходя от одной группы людей к другой, Тринкауз выделяет у каждой из них ту же эволюцию в строении лицевой части черепа, что и у неандертальцев Западной Европы, и это приводит его к мысли, что все народы западной части Древнего Мира в начале позднего плейстоцена прошли практически одни и те же формы естественного отбора. Костное строение неандертальцев, более массивное, чем у современных представителей вида *человек разумный sapiens*, является для него доказательством того, что им была необходима большая физическая сила для выполнения тех видов работ, которые позднее будет легче исполнять благодаря технологическим новшествам верхнего палеолита. Эта гипотеза, основанная на данных, собранных в Западной Азии, имеет большое значение для понимания развития всего человечества.

В пещере Шанидар расположены два захоронения, которые представляют особый интерес для изучения культурной эволюции в среднем палеолите. Гоминид в слое Шанидар I – это взрослый человек мужского пола, умерший в возрасте между 30 и 40 годами; на остатках его костей заметны следы многочисленных ранений, которые за несколько лет до смерти лишили его одного глаза, правой ноги и, вероятно, вызвали паралич правой руки. Маловероятно, что после подобных ранений этот человек мог продолжать играть в обществе ту роль, которая обычно отводится взрослому человеку. Тот факт, что он остался жив, по-видимому, свидетельствует о проявлении некоторой альтруистической заботы и поддержки со стороны социальной группы, которая ухаживала за ним и обеспечивала его существование. Другим захоронением, представляющим интерес, является захоронение Шанидар IV. Палинологический анализ осадочных пород, которые окружают данное захоронение, выявил наличие множества склеившихся пыльцевых зерен цветковых растений ярких и броских тонов. Появляется большой соблазн из факта склеивания пыльцевых зерен сделать вывод о том, что цветы были положены в захоронение, поэтому находка вызвала целую серию предположений об эстетических представлениях неандертальцев. Однако до настоящего времени ни в одном другом захоронении неандертальцев не обнаружены остатки цветов, что, впрочем, позволяет дать и другое объяснение присутствию пыльцы в захоронении Шанидара (Leroi-Gourhan, 1975).

Как и в случае с исследованием многих других аспектов эпохи палеолита в районе Загроста, переход от среднего палеолита к верхнему палеолиту и время появления *человека разумного* современного вида являются теми проблемами, которые еще не изучены историками культуры. «Барадостская культура» верхнего палеолита, впервые определенная на основании остатков, обнаруженных в Шанидаре (Solecki, 1956), имеет много особенностей, общих с ранней мустьерской культурой; в некоторых чертах она выглядит как миниатюрная версия этого производства. Впрочем, она располагается в той же зоне распространения, что и мустьерская культура Загроста. Их сопоставление дает возможность сделать предположение о том, что эти производства следовали одно за другим в одних и тех же поселениях. Возраст образцов костных остатков, относящихся к барадостской культуре Шанидара и датированных радиоуглеродным методом, определяется примерно в 35 тыс. лет назад. Вероятно, следует с осторожностью

воспринимать эти данные, полученные до того, как стала применяться более утонченная техника, которую используют сегодня для анализа костных образцов.

ЗНАЧЕНИЕ НАХОДОК СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЗАПАДНОЙ АЗИИ

Биологические признаки и культурная деятельность популяций среднего палеолита известна в основном благодаря костным остаткам людей и животных и остаткам производств каменных орудий, обнаруженных в защищенных поселениях у входа в пещеры и скальные укрытия. Поэтому ученые часто ошибаются, полагая, что эти поселения были излюбленным местом жительства групп людей среднего палеолита. Однако достаточно в любом регионе изучить небольшое количество следов их деятельности, оставленных в поселениях такого типа на протяжении 70 тыс. (или больше) лет, пока длился этот период, чтобы понять, что подобные поселения имели лишь ограниченное значение в жизни гоминидов того времени. Это показывает, насколько ограниченный характер имеют современные данные, нам еще предстоит многое узнать о поведении и занятиях популяций среднего палеолита.

Однако можно утверждать, что на сегодняшний день Западная Азия является одним из регионов, где лучше всего известны рассредоточение и преемственность производств среднего палеолита. Производства, схожие с производствами среднего палеолита в Западной Азии, были обнаружены и основательно изучены в Западной Европе (см. гл. 12). Несмотря на подобие орудий и технологий в обоих регионах, между ними имеются четкие и важные различия. Так, производство тех же типов артефактов, что и ябрудское производство, и в том же объеме, существовало в Европе, это мустьерская культура кинского типа. Однако данное производство появляется на уровнях поздней части среднего палеолита (и, следовательно, является современной фазе I мустьерской культуры Леванта). Окружающая среда, в которой развивалось это производство, характеризуется суровым и холодным климатом. Такие контрасты ярко демонстрируют, насколько трудно интерпретировать сведения о культурных системах, основываясь исключительно на ограниченных данных, предоставленных производствами каменных орудий. Археологические остатки, обнаруженные в Западной Азии, усиливают то впечатление, которое нам оставили руины в других частях света, т.е. то, что средний палеолит был продолжительным периодом, в котором редко появлялись новшества и в ходе которого несколько сотен поколений следовали друг за другом, не увеличивая ограниченного количества изобретенных технологий отбивания сколов и производства орудий. Этот феномен, в частности, находит свое отражение в длительных последовательностях в поселениях Табун и Ябруд I. Исследования самых древних слоев поселения Шанидар, возможно, позволит выявить существование подобной эволюции в Загросе. Тот контраст, который этот период представляет по отношению к эпохе позднего палеолита, ярко свидетельствует о глубоком отличии в поведении, которое отделяет популяции среднего палеолита от современных народов.

За пределами данной производственной системы, в основном носящей характер следов культуры прошлого, остатки, обнаруженные в Западной Азии, дают возможность сделать предположение о более сложном поведении. Захоронения в поселениях Шанидар, Табун, Схул и Кафзех позволяют, в частности, предположить, что обитатели этих поселений заботились об умерших людях. Еще представляется трудным определить характер погребальных ритуалов и сложность тех чувств, которые их вызывали. Предметы, найденные в некоторых захоронениях (например,

челюсть кабана в Схуле, большой ствол оленьих рогов в Кафзехе), свидетельствуют о вере в бесконечность жизни, в жизнь после смерти. Тем не менее, большинство этих предметов, даже знаменитые пеньки рогов коз из поселения Тешик-Таш в Узбекистане, могут рассматриваться в качестве инструментов, при помощи которых рyli яму и которые затем были оставлены в захоронении или на нем. Труднее объяснить наличие пыльцы в поселении Шанидар или любопытное захоронение оленя, обнаруженное в поселении Нахр-Ибрахим в Ливане, в слое, отнесенном к фазе 2 мустьерской культуры Леванта. Крайне заманчиво видеть в этом следы того поведения, о котором производства каменных орудий не могут ничего поведать, однако необходимо собрать другие свидетельства, прежде чем составить определенное мнение.

И наконец, захоронения в Западной Азии дали нам исключительную коллекцию окаменелостей, принадлежащих гоминидам среднего палеолита. Эти окаменелости свидетельствуют о большом разнообразии морфологии тех индивидуумов, которые изготовили орудия поздней части среднего палеолита, от неандертальцев из Шанидара и Табуна до *человека разумного sapiens* вполне современного вида, который жил в Кафзехе. Только тогда, когда мы будем располагать надежным методом абсолютной датировки, мы сможем узнать, являются ли различные виды гоминидов продуктом эволюции от неандертальца до современного человека или различными популяциями современников.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AKAZAWA, T. 1975. Preliminary Notes on the Middle Palaeolithic Assemblage from the Shanidar Cave. *Sumer* (Baghdad), Vol. 31, Nos. 1–2, pp. 3–10.
- ARENSBURG, B. et al. 1985. Une sépulture néanderthalienne dans la grotte de Kebara (Israël). *C. R. Acad. Sc. (Paris)*, Vol. 300, No. 6, pp. 227–30.
- BAR-YOSEF, O.; VANDERMEERSCH, B. 1981. Notes Concerning the Possible Age of the Mousterian Layers in Qafzeh Cave. In: CAUVIN, J.; SANLAVILLE, P. (eds), *Préhistoire du Levant*. Paris, CNRS, pp. 281–5.
- BESANÇON, J. et al. 1981. La Paléolithique d'El Kowm, rapport préliminaire. *Paléorient*, Vol. 7, No. 1, pp. 33–5.
- BEWLEY, R. H. 1984. The Cambridge University Archaeological Expedition to Iran 1969, Excavations in the Zagros Mountains: Holumian, Mir Malas and Barde Spid. Iran (London), Vol. 22, pp. 1–38.
- COPELAND, L. 1975. The Middle and Upper Palaeolithic of Lebanon and Syria in the Light of Recent Research. In: WENDOREF, MARKS, A. E. (eds), *Problems in Prehistory: North Africa and the Levant*. Dallas, pp. 317–50.
- 1981. Chronology and Distribution of the Middle Palaeolithic as Known in 1980, in Lebanon and Syria. In: CAUVIN, J.; SANLAVILLE, P. (eds), *Préhistoire du Levant*. Paris, CNRS, pp. 239–63.
- 1983. The Stone Industries. In: ROE, D. A. (ed.), *Adlun in the Stone Age: The Excavations of D. A. E. Garrod in the Lebanon, 1958–1963*. Oxford, pp. 89–365. (BAR Int. Ser., 159).
- COPELAND, L.; HOURS, F. 1981. La Fin de l'Acheuléen et l'avènement du Paléolithique Moyen en Syrie. In: CAUVIN, J.; SANLAVILLE, P. (eds), *Préhistoire du Levant*. Paris, CNRS, pp. 225–38.
- DIBBLE, H. L. 1984. The Mousterian Industry from Bisitun Cave (Iran). *Paléorient*, Vol. 10, No. 2, pp. 23–34.
- GARROD, D. A. E. 1936. A Summary of Seven Seasons' Work at the Wady el-Mughara. *Bull. Am. Sch. Prehist. Res.*, Vol. 12, pp. 125–30.
- 1956. 'Acheulé-Jabrudien' et 'Pré-Aurignacien' de la Grotte du Taboun (Mont Carmel): étude stratigraphique et chronologique. *Quaternaria* (Rome), Vol. 3, pp. 39–59.
- GARROD, D. A. E.; BATE, B. M. A. 1937. The Stone Age of Mount Carmel I. Oxford.
- GARROD, D. A. E.; KIRKBRIDE, D. 1961. Excavation of the Abri Zumoffen, a Palaeolithic Rock-Shelter near Adlun, South Lebanon, 1958. *Bull. Mus. Beyrouth*, Vol. 16, pp. 7–46.
- HENNING, G. J.; HOURS, F. 1982. Dates pour le passage entre l'Acheuléen et le Paléolithique moyen à El Kowm (Syrie). *Paléorient*, Vol. 8, No. 1, pp. 81–6.

- JELINEK, A. J. 1977. The Lower Palaeolithic: Current Evidence and Interpretations. *Annu. Rev. Anthropol.*, Vol. 6, pp. 11–32.
- 1982. The Tabun Cave and Palaeolithic Man in the Levant. *Science (Washington)*, Vol. 216, No. 4553, pp. 1369–75.
- JELINEK, A. J. et al. 1973. Excavations at the Tabun Cave, Mount Carmel, Israel. *Paléorient*, Vol. 1, No. 2, pp. 151–83.
- LEROI-GOURHAN, ARLETTE. 1975. Flowers Found with Shanidar IV, a Neanderthal Burial in Iraq. *Science (Washington)*, Vol. 190, pp. 562–4.
- MCCOWN, T. D.; KITH, A. 1939. *The Stone Age of Mount Carmel*. Oxford. Vol. 2.
- MARKS, A. E. 1983. The Middle to Upper Palaeolithic Transition in the Levant. *Adv. World Archaeol.*, Vol. 2, pp. 51–98.
- NEUVILLE, R. 1931. L'Acheuléen supérieur de la Grotte d'Oumm-Qatafa (Palestine). *Anthropologie (Paris)*, Vol. 41, No. 1, pp. 13–51, No. 2, pp. 249–63.
- 1951. Paléolithique et Mesolithique du désert de Judée. *Arch. Inst. Paléontol. Hum. (Paris)*, Vol. 24, pp. 1–271.
- RUST, A. 1950. *Die Höhlenfunde von Jabrud (Syrien)*. Neumiinster.
- SKINNER, J. 1965. *The Flake Industries of Southwest Asia: A Typological Study*. New York. (Doct. thesis, Columbia University.)
- SOLECKI, R. S. 1956. *The Baradostian Industry and the Upper Palaeolithic in the Near East*. New York. (Doct. thesis, Columbia University.)
- 1963. Prehistory in the Shanidar Valley, Northern Iraq. *Science (Washington)*, Vol. 139, No. 3551, pp. 179–93.
- 1971. *Shanidar. The First Flower People*. New York.
- SUZUKI, H.; TAKAI, F. (eds) 1970. *The Amud Man and his Cave Site*. Tokyo.
- TILLIER, A. M. 1984. L'Enfant Homo 11 de Qafzeh (Israël) et son apport à la compréhension des modalités de la croissance des squelettes moustériens. *Paléorient*, Vol. 10, No. 1, pp. 7–48.
- TRINKAUS, E. 1983. *The Shanidar Neanderthals*. New York.
- TURVILLE-PETRE, F. 1927. Researches in Prehistoric Galilee (1925–1926) and a Report on the Galilee Skull. *Bull. Br. Sch. Archaeol. Jerus. (London)*, Vol. 14, pp. 1–119.
- VANDERMEERSCH, B. 1981. *Les Hommes fossiles de Qafzeh (Israël)*. Paris, CNRS.

ЮЖНАЯ АЗИЯ

в период *Homo sapiens neanderthalensis*
(человек разумный неандертальский)
и его современники (средний палеолит)

Рамчандра В. Джоши

Те культуры, которые можно отнести к эпохе *человека разумного неандертальского*, достаточно хорошо представлены в Южной Азии, за исключением Бангладеш, Бутана, Мьянмы и Шри-Ланки. Наличие этих культур недостаточно подтверждено в Непале (в районе Тераи) и в Шри-Ланке. В Пакистане районы Соан и Пешавар стали местами новых исследований, имеющих целью определить признаки поздней соанийской культуры, которые в производствах сколов, найденных в пещерах Соан и Сангао, свидетельствуют о некотором влиянии клэктонской и леваллуазско-мустьерской техники изготовления орудий. В Афганистане также были обнаружены подобные производства, которые, скорее всего, похожи на производства прилегающих регионов Центральной Азии.

Местонахождения эпохи среднего палеолита лучше известны в Индии. Там они характеризуются наличием производств сколов, а также небольшого количества орудий из каменных желваков или нуклеусов и резе – наличием производств пластин. В некоторых скоплениях заметно родство с типичным мустье Европы, однако в целом в орудиях в большей степени проявляется родство с производством африканского среднего палеолита (среднего каменного века). Некоторые признаки показывают, что эта культура зародилась в эпоху раннего (нижнего) палеолита, который предшествовал ей, и что видна некоторая преемственность в отношении технологии и типологии с эпохой последующего позднего (верхнего) палеолита. Благоприятная окружающая среда и, возможно, демографический рост, произошедший на данной стадии культурного развития, могли обеспечить распространение этой культуры практически на всей территории Индии.

Останки гоминидов эпохи среднего палеолита были обнаружены только в Афганистане.

АФГАНИСТАН

Согласно Дэвису (Davis, 1978), из всех местонахождений, относящихся к среднему палеолиту, которые были обнаружены в Афганистане, Дара-и-Кур является единственным, которое с уверенностью можно рассматривать в качестве такового. Радиометрические датировки относят его ко времени примерно 30 тыс. лет назад. Это скальное ук-

рытие в провинции Бадахшан, где было обнаружено производство сколов, использующее технологию Леваллуа для изготовления орудий (рис. 31). Скопление сколов из базальтовых пород включает большую долю пластин, которые напоминают пластинчатые формы эпохи верхнего палеолита. Скребки встречаются редко, а двусторонне обработанные орудия отсутствуют. В поселении была также обнаружена неполная височная кость гоминида. Этот един-

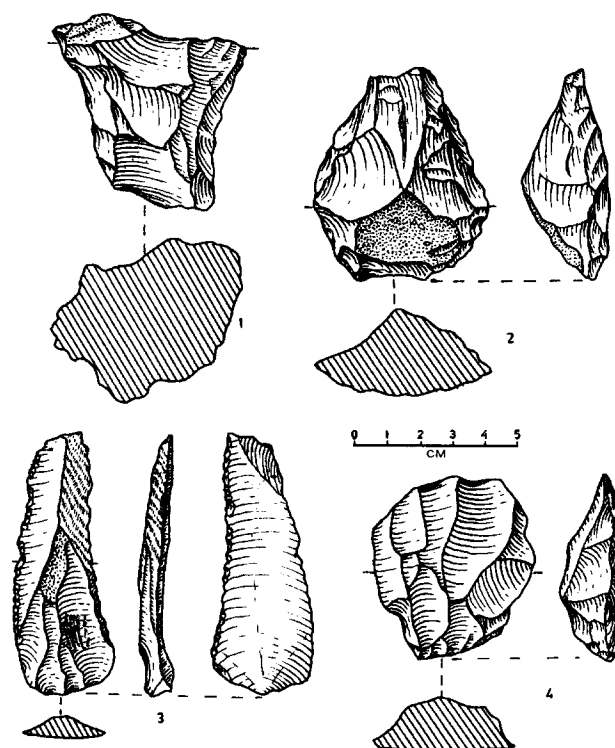

Рис. 31. Артефакты среднего палеолита из Дара-и-Кур (Афганистан): 1 – нуклеус для производства сколов; 2 – дискообразный нуклеус; 3 – ретушированная пластина; 4 – нуклеус Леваллуа (По Davis, 1978; с согласия издательства Academic Press, Орландо)

ственный материал, относящийся к гоминидам, до сих пор найденный в Афганистане, обладает некоторыми признаками неандертальцев и рядом других признаков, которые роднят ее с человеком современного вида. Определенные признаки указывают на наличие поселений эпохи палеолита в Кара-Камаре и Гхар-и-Мордех-Гусфанде, однако Дэвис полагает, что их принадлежность к среднему палеолиту не установлена достаточно достоверно. Образцы материала среднего палеолита обнаружены в Ираке и в Иране в горах Загроса, а также на территории бывшего Советского Союза. Следовательно, регион, окружавший Афганистан был заселен группами людей среднего палеолита. Хозяйство того периода основывалось на охоте; учитывая общую засушливость климата в регионе, эти группы не должны были быть многочисленными.

Производство Хазар-Сум на севере Афганистана связано с комплексом производств сколов (отщепов) Центральной и Южной Азии. Орудия состоят из клэктонских и протолеваллуазских сколов, из которых с помощью отщепки были получены скребки различных типов. Отсутствуют как двусторонние орудия, так и типичные леваллуазские сколы. Орудия высекались из темно-коричневого кремня.

ПАКИСТАН

В позднем соанском производстве проявляется некоторое влияние клэктонской и леваллуазско-мустьерской технологий получения сколов, из которых изготавливались орудия соанского типа. Раскопки, проведенные в пещере Сангао в районе Пешавара, выявили существование в Пакистане леваллуазско-мустьерской культуры (средний палеолит), которую Дани (1964) отнес к эпохе верхнего (позднего) палеолита.

Исследование Олчина (*Allchin, 1981b*) основывается на новых элементах, относящихся к местонахождениям эпохи палеолита на плато Потвара и соседним регионам; он пытался пересмотреть стратиграфию и типологию археологической последовательности палеолита, предложенные ранее Терра и Патерсоном (1939). Местонахождения располагаются на старых эродированных почвах, которые образовались над конгломератами Леи и Верхнего Сивалика. Эти конгломераты состоят из гальки, кусков кварцита и известняка. Лесс, покрывающий конгломераты Леи, был местами разъеден эрозией и открыл каменотесные мастерские эпохи палеолита. Артефакты и отходы обработки камня, которые сопутствуют им, найдены в хорошем состоянии. Орудия в основном состоят из рубил, резак и многочисленных сколов, полученных из подготовленных нуклеусов, а также из топоришков-рубил, скребков и дробил, которые свидетельствуют о ведении охотничьего хозяйства. В ходе типологических исследований этого комплекса установлено преобладание следов культуры среднего палеолита, а его возраст определен в 40 тыс. лет.

Долина Сангао представляет собой пересеченную местность, состоящую из волнистых равнин, изрезанных *kbwara* (потоками). Сильно иссеченные выступы известняковых гор образуют подобие каньонов, называемых местным населением *darra*, в которых образовалось множество естественных пещер.

В пещере Пархо-дерра обнаружены культурные отложения толщиной около 5 м, в которых было определено не менее пяти периодов. Периоды с I по III содержали каменные орудия из кварцевых пород, включающие нуклеусы, сколы и остроконечники. Согласно Дани, производство сколов из Сангао было леваллуазско-мустьерского типа (средний палеолит). Кроме того, оно отличается от поздней соанской культуры, но близко к культуре производства орудий, собранных в Афганистане и в Западной Азии.

Это производство предполагает существование хозяйства, основанного на собирательстве.

Следует отметить, что расположение местонахождений этого периода в провинции Потвара и пещер в провинции Синд указывают на большое разнообразие образа жизни, поскольку поселения в пещерах постоянно заселялись в среднем и верхнем палеолите, однако обитателями поселений открытого типа дело обстоит иначе (*Allchin, 1981a*).

ИНДИЯ

Существование культуры среднего палеолита в Индии сегодня уверенно доказано типологическими исследованиями орудий, абсолютной датировкой отложений, связанных с этими орудиями, посредством радиометрического метода и немногими стратиграфическими данными. Можно также предположить наличие связей между этой культурой и культурами нижнего (раннего) и верхнего палеолита. Однако экологическая картина остается неясной как в отношении климата, так и в отношении флоры и фауны. Из-за отсутствия ископаемых остатков, относящихся к среднему палеолиту, мы ничего не знаем о типах людей, к которым можно было бы отнести эту культуру. Ни одно из первичных местонахождений не стало предметом основательных раскопок, и, таким образом, нам не достает данных об образе жизни и жилищах людей эпохи палеолита.

Эта культура представлена в основном мелкими орудиями, среди которых обнаружены различные типы скребков (прямые, вогнутые, выпуклые, круглые и др.), остроконечников (простые, с выступом или с хвостовиком, но редко оббитые с двух сторон) и проколки, сделанные из сколов, нуклеусов или желваков. Отмечено также небольшое количество комбинированных орудий, таких как скребки-проколки и наконечники-проколки. Чаще всего сколы получались из неподготовленных нуклеусов, и лишь отдельные образцы несут на себе следы применения леваллуазской или мустьерской технологий. Края сколов слегка ретушировались для получения из них различных артефактов.

Начиная с конца нижнего палеолита происходят очевидные перемены в выборе сырья. Отныне чаще всего применяются такие материалы, как различные кремневые скальные породы (кремнистый известняк, яшма, агат, халцедон, кварц и т.д.), а эпизодически используются даже мелкозернистые скальные породы, например кварцит и базальт.

После идентификации этой культуры в 1954 г. в Неваса на р. Правара (штат Махараштра) десятки местонахождений среднего палеолита были обнаружены почти во всех районах Индии (*Sankalia, 1974*) за исключением юго-запада (штат Керала). Типичные орудия среднего палеолита встречаются как в местонахождениях ашельского типа, так и в местонахождениях верхнего палеолита или мезолита. В основном их можно обнаружить в аллювиальных осадочных породах бассейнов рек Луни (штат Раджастан), Нармада, Годавари и Кришна (штаты Махараштра, Андхра-Прадеш и Карнатака). Отмечено, что на открытых участках реки орудия обычно находятся в мелкозернистом гравии, покрывающем более крупные камни, среди которых находят орудия эпохи нижнего палеолита. Однако чаще всего встречаются местонахождения, в которых обнаруживаются каменотесные мастерские, располагавшиеся вблизи от источников сырья. Таким образом, галька из яшмы, агата и других родственных пород, содержащихся в конгломератах гор Виндхья-Каймур в Центральной Индии, и рудные жилы этих же минералов, которые были заключены в вулканических базальтовых породах штата Махараштра, привлекли первые группы людей, которые

осели в этих районах. В штате Карнатака местонахождения располагались в верхних слоях речного гравия, тогда как в штате Раджастан – в песчаных дюнах. В скальных укрытиях, которые были раскопаны (Бхимбетка и Адамгарх в штате Мадхья-Прадеш и Гудиям в штате Тамилнад), также обнаружены орудия среднего палеолита.

Разнообразие типов почв и не менее значимое разнообразие климатических зон и минеральных ресурсов объясняют региональные различия, которые наблюдаются в изделиях культур среднего палеолита в Индии. Размеры орудий значительно различаются, самые короткие имеют длину всего 3 см, а самые длинные достигают 15 см.

Если судить по фауне позвоночных животных, которая включает виды *Bos*, *Bubalus*, *Elephas maximus*, *Elephas namadicus* и *Equus namadicus*, и по наличию *Unio* и других пресноводных моллюсков, то эту культуру можно отнести к позднему плейстоцену, что подтверждено датировками радиоуглеродным методом.

Отсутствие остатков пыльцы в отложениях среднего палеолита не позволяет воссоздать флору той эпохи. Учитывая, однако, что поселения чаще всего располагаются в районах с большими лесными массивами и лугами и содержат также ископаемые останки позвоночных животных, можно допустить, что климатические условия той эпохи не настолько отличались от муссонной системы современной Индии. Мелкозернистые осадочные породы, соединенные на отдельных участках рек с этими остатками, свидетельствуют о немного более влажном климате; на это также указывает на наличие участков древней почвы среди дюн в штате Раджастан (*Allchin et al.*, 1978).

В штате Махараштра датировки радиоуглеродным методом органических остатков, перемешанных с осадочными породами, в которых содержались артефакты

среднего палеолита, показали их древность между 38 и 20 тыс. лет.

Мнения о происхождении этой культуры различны. С типологической точки зрения орудия этой культуры очень близки к орудиям производств среднего каменного века в Африке (например, орудия с р. Замбези в Зимбабве; *Joshi*, 1966), однако наличие форм мустьерского времени в некоторых местонахождениях в Индии, а также в раскопанных пещерах Сангао в Пакистане, в районе, который географически соединен с полуостровом, заставляет приблизить средний палеолит ко всему комплексу производств мустьерской культуры в Европе. Вместе с тем работы, проведенные в последнее время в Индии и, в частности, раскопки, предпринятые в скальных укрытиях Бхимбетка и в поселениях, расположенных на реках (*Joshi*, 1961), привели к тому, что определено их местное происхождение. Эти новые открытия выявили преемственность и типологическую эволюцию от нижнего к среднему палеолиту.

В более общем географическом контексте средний палеолит в Индии, в основном характеризующийся производством сколов-пластин, образует один из компонентов южноазиатской традиции их изготовления. Принадлежность индийских культур среднего палеолита к периоду верхнего плейстоцена и близость производимых ими орудий к орудиям среднего палеолита в Европе заставляют предполагать существование человека неандертальского типа в Индии.

БИБЛИОГРАФИЯ

См. библиографию к гл. 6.

КИТАЙ

в период *Homo sapiens neanderthalensis*
(человек разумный неандертальский)
и его современники

Ву Рукан и Цзя Ланто

Обычно полагают, что период неандертальцев начался примерно 250 тыс. лет назад и продлился примерно до 25 тыс. лет назад, т.е. временной промежуток превышает 200 тыс. лет. Географическое распространение неандертальцев охватывает обширную территорию от Западной Европы до Центральной Азии по обеим сторонам Средиземноморского бассейна. Поскольку ископаемые гоминиды Восточной Азии и части Африки южнее Сахары этого периода отличаются от неандертальцев некоторыми морфологическими чертами, сегодня их называют древними представителями вида *человек разумный*; их археологическая культура соответствует эпохе среднего палеолита.

В целом в Китае было обнаружено 27 местонахождений этого периода, в 9 из которых найдены ископаемые останки гоминидов. Ниже дан краткий обзор наиболее важных местонахождений.

Самым древним из них является поселение Дали. В 1978 г. в слое гравия в основании третьей террасы на р. Луо вблизи деревни Дзефан (Jiefang) народной коммуны Дали в провинции Шэньси (Shaanxi) (илл. 22), был обнаружен хорошо сохранившийся череп.

Некоторое количество каменных артефактов лежало вместе с черепом, а также с ископаемыми остатками более десяти позвоночных, и среди них останки оленя (*Megaceros pachyosteus*), древней лошади (*Equus*) и разновидности древнего слона (*Palaeoloxodon*), на основании чего можно предполагать, что поселение относится к концу периода среднего плейстоцена (Wu, 1981).

Череп хорошо развит и имеет массивные надбровные дуги; линии виска и другие следы мышц выпуклые. Морфология черепа позволяет отнести его к особи мужского пола в возрасте не менее 30 лет. Поперечная кривизна и относительно большая высота черепа указывают на то, что гоминид из Дали занимает промежуточное положение между *человеком прямоходящим из Пекина* (*Homo erectus pekinensis*) (синантроп) и архаичным видом *человека разумного* из Западной Европы. Тем не менее многочисленными деталями череп отличается от черепа европейских неандертальцев. Шов между лобной костью, носовой костью и передними выступами челюстей имеет форму дуги. Профиль носовой кости, узкой и приплюснутой, почти вертикальный. Выступ челюстей в лицевой части менее выражен, чем у неандертальцев, а боковая поверхность удлинения с лицевой стороны клиновидных костей скуловой кости более выдвинута вперед. Контур

глазницы не круглый. Все эти черты отличают череп из Дали от неандертальских (Wu X. & Wu M., 1985).

Каменные артефакты чаще всего делались из кварцита, рудного кварца и кремнезема. Большинство сколов получалось путем первичного расщепления. Орудия с отделкой изготавливались из небольших сколов и представлены скребками, остроконечниками, резцами и проколками (Qiu, 1985).

Местонахождение Сюцзяо расположено на западном берегу р. Лийику, небольшом притоке р. Санган, в 1 км на юго-запад от деревни Сюцзяо (провинция Шэньси). Согласно изотопному урановому методу, с помощью которого осуществлялась датировка местонахождения, его возраст – примерно 100 тыс. лет. Раскопки, проведенные здесь, дали более 30 тыс. орудий из камня, кости и оленьих рогов, а также фрагменты ископаемых остатков позвоночных и останки более 10 человеческих особей в песчаном слое, включенном в глинистое отложение желто-зеленого цвета на глубине около 8 м под сегодняшним уровнем земли (Jia et al., 1979).

Ископаемые останки человека представлены 11 фрагментами теменных костей, двумя затылочными костями, одним фрагментом левой части челюсти, одним фрагментом правой части нижней челюсти и двумя отдельными зубами.

Достаточно большая величина свода черепа человека из Сюцзяо соответствует этой характеристике у синантропа. Затылочное отверстие значительно менее развито и находится выше, чем у синантропа. Выступ носовой кости менее выражен. В целом, вероятно, морфология человека из Сюцзяо является промежуточной между морфологией *человека прямоходящего* и *человека разумного*.

Каменные орудия из Сюцзяо включают скребки, наконечники, резцы, наковальни, рубила и сферические изделия. Отмечается наличие скребков ногтевидной формы, которые не встречались в скоплениях более ранних поселений (рис. 32). Камни сфероидальной формы из Сюцзяо представляют особый интерес. По размерам их можно разделить на три категории. Полагают, что их использовали в качестве болы или в качестве метательных снарядов.

Ископаемые останки гоминидов, обнаруженные в районе Чаньян (провинция Хубэй), состоят из фрагмента левой челюсти, на которой сохранились первый передний коренной зуб и первый задний коренной зуб, а также второй левый передний коренной зуб нижней челюсти. Альвеолярный отдел челюсти почти прямоугольный. Носовая кость видна, хотя и слабо выражена. Передняя стенка челюстной пазухи

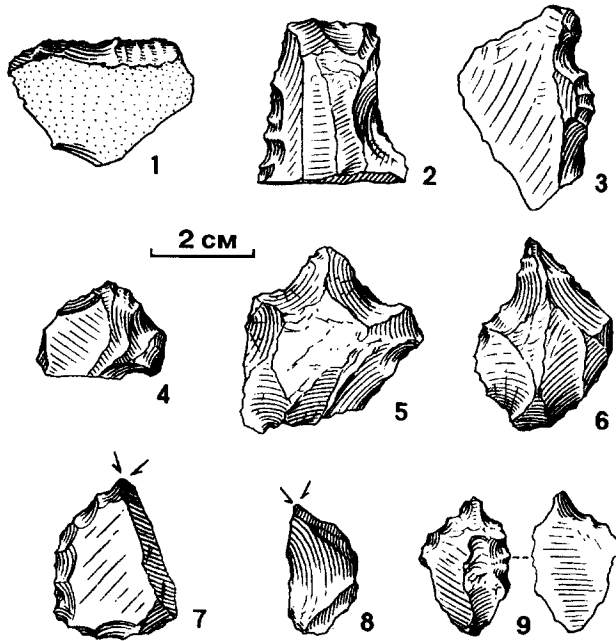

Рис. 32. Артефакты из Сюэцзяо (Китай): 1 – скребок боковой прямой; 2 – скребок двойной; 3 – скребок вогнутый; 4 – скребок ногтевидный; 5–6 – наконечники; 7–8 – резцы; 9 – бур

продлена до точки, расположенной перед первым передним коренным зубом. Эти признаки в равной мере присущи и современному виду *человека разумного*.

Образец из Чаньгяня обладает некоторыми первобытными признаками. Нижний край носовой полости достаточно широкий, а ее боковая стенка менее изогнута, чем у современных людей. Клыки явно выражены и продлены до твердого неба, и это служит доказательством того, что корни этих зубов сильно развиты. Оба зуба, первый верхний передний коренной зуб и первый верхний задний коренной зуб, имеют большие размеры, а поверхность их прикуса имеет сложную морщинистую форму.

В поселении найдено около 20 образцов ископаемых позвоночных, принадлежащих к фауне *Ailuropoda-Stegodon*. Сначала их возраст был определен эпохой среднего плейстоцена, однако находка ископаемых останков человека указывает на то, что люди могли проживать в поселении и в самом начале верхнего плейстоцена (Jia, 1957).

Ископаемые останки одного гоминида и множество окаменелостей млекопитающих были обнаружены в 1958 г. в известняковой пещере на холме Шидзи к югу от деревни Маба в районе Шаогуан (провинция Гуандун).

Речь идет о мозговом отделе черепа, имеющем обе теменные кости и лобную кость, большую часть носовой кости и правую глазницу. Стенки черепа достаточны утолщенные. Надглазничный валик выступает. Средняя часть более выдвинута вперед, чем боковые части, и также утолщена. Боковые края образуют четкий выступ ближе к теменной кости, что очень усиливает сужение за глазницами. Глазница круглая.

Несмотря на наличие некоторых морфологических признаков вида *человек прямоходящий*, в целом череп из поселения Маба принадлежит к архаичному типу вида *человек разумный* (Wu & Peng, 1959).

В двух других местонахождениях этого периода – Шилоньгу в Южном Китае и Динькун в Северном Китае – было обнаружено большое количество каменных орудий.

Местонахождение Шилоньгу (провинция Хубэй) состоит из отложений глины в пещере. В основном каменные артефакты сделаны из кварцита, за исключением небольшого количества изделий из кварца и песчаника, и состоят из нуклеусов, сколов, рубил и скребков. Большинство орудий было

получено из камня при первичном расщеплении, и они кажутся значительно менее совершенными, чем орудия культуры Динькун, описанной выше. Ископаемые останки позвоночных, находящиеся в этом скоплении, принадлежат фауне *Ailuropoda-Stegodon*. Геологический возраст его относится к периодам среднего и верхнего плейстоцена, так же, как и месторождения Чаньгян в провинции Хубэй (Li et al., 1974).

Материалы, обнаруженные в местонахождении Динькун, находились в слое песка, перекрещивающемся с лессовидным отложением. Оно расположено в районе Сяньфен (провинция Шэньси). Ископаемые останки включают три зуба, принадлежавших индивидууму в возрасте от 12 до 13 лет, и теменную кость ребенка малого возраста. В целом у находок морфологические особенности более прогрессивные, чем у образцов, найденных в Сяцзяо и Чаньгяне.

Всего в поселении обнаружено 2 тыс. каменных артефактов. Большинство из них были изготовлены из темных сланцев, а остальные изделия сделаны из кремнистого известняка, известняка, базальта и кварцита. Среди орудий из местонахождения Динькун, состоящих в основном из крупных сколов, преобладают рубила, есть также несколько небольших скребков и наконечников. Кроме того, найдены двусторонние орудия и тяжелые треугольные остроконечники. Наличие двусторонне обработанных орудий в этом периоде отмечено лишь в поселении Динькун, тогда как тяжелые треугольные наконечники встречаются также в местонахождении Кехе, относящемся к началу среднего плейстоцена, что указывает на существование определенных связей между двумя культурами.

В заключение следует сказать, что архаичный тип китайского вида *человек разумный* обладает некоторыми морфологическими признаками вида *человек прямоходящий*, например лопатообразными резцами, небольшим стреловидным гребешком в верхней части черепа, приглубленной носовой костью, выступающими скулами и др. Все эти признаки отличают архаичный тип китайского вида *человек разумный* от европейских неандертальцев. Кроме того, он не обладает такими признаками человека из Неандерталья, как широкое лицо с выступающими челюстями, отсутствие углублений для клыков, почти круглый контур глазницы и шиньонобразный затылок. Имеются четко выраженные региональные и временные вариации, поэтому китайский средний палеолит не следует рассматривать в качестве единого, как предлагалось в ранних публикациях.

БИБЛИОГРАФИЯ

- JIA LANPO (CHIA, LAN-PO). 1957. Notes on the Human and Some Other Mammalian Remains from Changyang, Hupei. *Vertebr. Palasiat.* (Beijing), Vol. 1, No. 3, pp. 247–58.
- JIA LANPO (CHIA, LAN-PO); WEI QI; LI CHAORONG. 1979. Report on the Excavation of Hsuchiayao Man Site in 1976. *Vertebr. Palasiat.* (Beijing), Vol. 17, No. 4, pp. 277–93.
- LI YANXIAN et al. 1974. Report on the Excavation of a Palaeolithic Station Known as Shilongtou at Daye, Hubei. *Vertebr. Palasiat.* (Beijing), Vol. 2, No. 2, pp. 139–57.
- QIU ZHONGLANG. 1985. The Middle Palaeolithic of China. In: WU, RUKANG; OLSEN, J. W. (eds), *Palaeoanthropology and Palaeolithic Archaeology in the People's Republic of China*. Orlando. Vol. 10, pp. 187–210.
- WU RUKANG (WOO, JU-KANG); PENG RUCE. 1959. Fossil Human Skull of Early Palaeoanthropologic Stage Found at Mapa, Shaokuan, Kwangtung Province. *Palaeovertebr. Palaeoanthropol.* (Montpellier), Vol. 1, No. 4, pp. 159–64.
- WU XINZHI. 1981. The Well-Preserved Cranium of an Early *Homo sapiens* from Dali, Shaanxi. *Sci. Sin.* (Beijing), Vol. 2, pp. 200–6.
- WU XINZHI; WU MAOLIN. 1985. Early *Homo sapiens* in China. In: WU RUKANG; OLSEN, J. W. (eds), *Palaeoanthropology and Palaeolithic Archaeology in the People's Republic of China*. Orlando. Vol. 6, pp. 91–106.

ИНДОНЕЗИЯ

в период *Homo sapiens neanderthalensis*
(человек разумный неандертальский)
и его современники

Герт-Ян Бартстра

В 1931 г. появилось сообщение, что в Нгандоне, маленькой деревушке в центральной части о. Ява, на берегу р. Соло обнаружены останки черепа гоминида. Эта новость вызвала всплеск эмоций, поскольку Ява уже привлекала внимание палеонтологов: почти за полвека до этого события на берегах той же р. Соло были открыты ископаемые останки мозгового отдела черепа и бедренной кости. Эти останки были присвоены знаменитому «человку с Явы» или *Pithecanthropus erectus* (сегодня – человек прямоходящий). Принадлежали ли останки черепа из Нгандонга одному и тому же гоминиду?

Поселение Нгандонг было открыто Тер-Хааром (*ter Haar*), горным инженером, который принимал участие в проекте, называвшемся «*Java-kaarteering*» и имевшем целью составление подробной геологической и географической карты Явы (*ter Haar*, 1934). Окрестности Нгандонга затрудняли работу на местности: это район холмов и лесов, где царит изнурительная жара и влажность. Тер-Хаар совершенно случайно обнаружил ископаемые отложения: рассказывают, что однажды вечером он неожиданно заметил окаменелость позвоночного, которая выступала из земли.

Затем стало известно имя Оппеноорта, директора проекта «*Java-kaarteering*». Именно он возглавил раскопки в Нгандонге, первый сделал описание ископаемых останков гоминидов, отрытых в этом поселении, которым дал название *Homo (Javanthropus) soloensis* – человек (яванский) реки Соло (*Oppenoorth*, 1932). Оппеноорту показалось, что существует большое сходство между этим гоминидом и европейскими неандертальцами; позднее он отказался от названия «яванский» (*Oppenoorth*, 1937).

С тех пор многие исследователи интересовались человеком р. Соло, или человеком из Нгандонга, как впоследствии его стали часто называть; здесь можно упомянуть имена Вайденрейха (*Weidenreich*) (1951) и Кёнигсвальда (*von Koenigswald*) (1958). Новый яванский гоминид был отнесен к периоду позднего плейстоцена (от 125 до 100 тыс. лет назад). Детально изучив окаменелые остатки из Нгандонга, Санта-Люка (*Santa Luca*) (1980) выдвинул идею о том, что человек р. Соло, несмотря на большую степень развития по сравнению с «человеком с Явы», принадлежит к виду человек прямоходящий. Следовательно, человек р. Соло ни в коем случае нельзя назвать неандертальцем или неандерталоидом.

ХОЛИМ НГЕБУНГ

В то время как Оппеноорт пристально следил за ходом раскопок в Нгандонге, внимание Кёнигсвальда привлек район Сангиран. Существовало определенное соперничество между двумя этими учеными, которые жаждали играть первостепенную роль в поисках ископаемых останков человека на Яве. Как директор проекта «*Java-kaarteering*» Оппеноорт обладал несомненным преимуществом: например, он мог контролировать и влиять на раскопки в Нгандонге и сначала попытался отстранить от них Кёнигсвальда. Последний, однако, отдавал себе отчет в том, что остатки человека из Нгандонга были определено моложе, чем человек прямоходящий из Тринила, и искал другие останки вида человек прямоходящий, и эти поиски привели его к открытию в Сангиране.

Сангиран расположен к западу от Нгандонга и Тринила, однако он также находится в центральной части о. Ява. Сангиран – название одновременно небольшой деревни и окружающего ее района. Это район со скучным пейзажем, где обнаженные холмы подвергаются сильной тропической эрозии. В Сангиране имеются окаменелости, но их не очень много (нет настоящих залежей окаменелостей, как в Триниле), и их нужно искать систематически. Кёнигсвальд знал, что Дюбуа, который обнаружил останки вида человек прямоходящий в Триниле, также производил раскопки в Сангиране, однако Дюбуа не верил ни в то, что этот район представляет большой интерес с точки зрения палеонтолога, ни в то, что здесь можно найти ископаемые останки гоминидов. Тем не менее Кёнигсвальд возлагал большие надежды на раскопки в Сангиране, и его поиски были вознаграждены в 1937 г. находкой черепа человека прямоходящего (*von Koenigswald*, 1938).

В действительности Кёнигсвальд начал свои раскопки в Сангиране в 1934 г. В том же году он обнаружил каменные артефакты: небольшие сколы, на которых были едва различимы следы искусственной обработки, а также несколько нуклеусов неправильной формы из кремнистого известняка и кораллитового известняка. Кёнигсвальд обнаружил эти поделки на вершине высокого холма Нгебунг, в северной части Сангирана, где они были рассеяны в слое речного гравия, который закрывал отложения кремнистого туфа. Естественно, он пытался определить возраст

этого слоя гравия; подсказка была предоставлена ему в виде находки костных остатков позвоночных в сильной стадии окаменелости.

Теперь Кёнигсвальд был в родной стихии. Действительно, он сразу сделал попытку установить хронологию ископаемых позвоночных Явы в период плиоцена и плейстоцена. Он составил схему последовательностей остатков фауны на основе известных местонахождений ископаемых позвоночных, чтобы на основании изучения этой ископаемой фауны датировать отложения неизвестных веков. Таким образом богатая коллекция позвоночных из Тринила образовала «фауну Тринила», отнесенную к периоду среднего плейстоцена. Более поздние образцы, обнаруженные в Нгандонге, составили «фауну Нгандонга» периода позднего плейстоцена. И наконец, ископаемые, найденные в поселении Жетис, в восточной части о. Ява, были названы «фауной Жетис» (ранее Джетис) и отнесены к периоду раннего плейстоцена (*von Koenigswald, 1935*).

Представляя свою хронологию, Кёнигсвальд подчеркивал, что нельзя устанавливать относительную дату отложений осадочных пород только на основании возраста ископаемых позвоночных и что необходимо одновременно применять и другие технические методы, такие, как метод процентного содержания моллюсков (метод датировки, хорошо известный на Яве в 1930-е гг.), петрографический анализ и геоморфологический анализ. Однако в отношении Нгебунга Кёнигсвальд не стал соблюдать те правила, которые сам установил, а произвел датировку россыпей гравия, содержащего окаменелости, на основании только ископаемых остатков позвоночных. Костные останки, обнаруженные в этом гравии, относились к фауне Тринила; гравий из Нгебунга и орудия, содержащиеся в нем, он также датировал средним плейстоценом.

Несмотря на удивительно большой возраст артефактов Нгебунга, Кёнигсвальд не посвятил ни одной значительной публикации этому открытию (по крайней мере в течение нескольких последующих лет). Такая скромность, вероятно, была вызвана скорее не банальным и мало характерным видом орудий из Нгебунга, а тем, что сам Кёнигсвальд не был абсолютно уверен в своем открытии, в том, были ли эти орудия «человека из Тринила» действительно орудиями *человека прямоходящего*.

Открытые двусторонних орудий в Паситане, несомненно, было для него удачей. Паситан располагается на южном побережье центральной части о. Ява, в районе известняковых холмов, среди которых течет р. Баксока. Именно на берегу в верхнем течении этой реки в 1935 г. были обнаружены доисторические орудия. Поскольку двусторонние орудия были символом палеолита, Кёнигсвальд мог с уверенностью отнести орудия из Паситана к виду *человека прямоходящий*, что он и сделал через год после их открытия (*von Koenigswald, 1936*).

Однако даже до начала второй мировой войны в Юго-Восточной Азии, которая на несколько лет приостановила раскопки, оказалось, что двусторонне обработанные каменные орудия из Паситана не были очень характерными для «паситанского» производства. Действительно, двусторонние орудия не только были многочисленными, но и указывали на совершенно другую технику изготовления, отличающуюся от той, которая известна в Европе и Африке. Оказалось также, что паситанская культура могла возникнуть значительно позднее, чем полагали. И наконец, относительно поселения Нгебунг в Сангиране геологи пришли к заключению, что гравий, содержащий доисторические предметы, нельзя датировать периодом среднего плейстоцена и что те ископаемые останки, на основании которых Кёнигсвальд осуществил датировку, вероятно, были перемещены (*Lehmann, 1936; Teilhard de Chardin, 1938; de Terra, 1943*).

Тем не менее Кёнигсвальд никогда не соглашался с последним выводом и требовал, чтобы ископаемые останки

из Нгебунга признали доказательством того, что слой гравия, расположенный на вершине холма, относился к периоду среднего плейстоцена. Наконец, в 1970-е гг. появилась детальная публикация об орудиях из Нгебунга; в ней Кёнигсвальд связал данные орудия с яванским видом *человека прямоходящего*. За этот промежуток времени он также убедился в том, что паситанская культура моложе производства Нгебунга; кроме того, на других территориях (острова Флорес, Тимор) были обнаружены орудия, которые, по его мнению, возможно, относились к среднему плейстоцену и имели большое сходство с орудиями из Нгебунга (*von Koenigswald & Ghosh, 1973; von Koenigswald, 1978*).

В геологическом отношении конфигурация стоянки Нгебунг значительно сложнее, чем отраженная в отчетах о ней. В системе холмов сложного профиля имеются выходы различных аллювиальных пород (*Bartstra, 1985*). Самыми древними из этих отложений являются речные слои кремнистых туфов и гравия, которые называют уровнями Кабуха и которые в результате проведенного радиометрического анализа отнесены в комплексе к периоду среднего плейстоцена (от 0,69 до 1,3 млн. лет). В другой части Сангирана (но не в Нгебунге) эти уровни покрыты слоем вулканической грязи (*labar*), который образовался в первый период деятельности вулкана Лаву (в конце периода среднего плейстоцена, примерно 0,13 млн. лет назад). Отсутствие слоя грязи в Нгебунге затрудняет разграничение слоев песка и округлой гальки, которые пересекаются на глубине нескольких десятков метров. Несмотря на то что верхняя часть этой последовательности Нгебунга содержит останки ископаемых позвоночных, по ряду причин петрографического и геоморфологического характера ее возникновение датировано позднее начала деятельности Лаву и, таким образом, позднее периода среднего плейстоцена. Данные окаменелости немногочисленны и имеют следы сильной речной эрозии; следовательно, можно предположить, что они взяты из более ранних слоев.

Верхняя часть последовательности Нгебунга, которая датируется периодом позднего плейстоцена, содержала артефакты. Возникает вопрос – не принадлежали ли они *человеку р. Соло*, который, по-видимому, жил в ту же эпоху. Вопрос становится очень важным, если учесть, что верхний слой гравия из Нгебунга – это, возможно, все, что осталось от древней террасы р. Соло, и что именно на развалинах одной из таких террас были найдены останки черепа и больших берцовых костей вида *Homo soloensis*.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ НГАНДОНГ

Речная терраса является частью бывшего дна долины (заливной равнины) и сегодня располагается выше по отношению к современному дну из-за того, что русло реки было прорыто. Если считать установленным тот факт, что процесс выемки грунта не происходил в заданном ритме (по причине либо тектонических движений, либо измененный уровня моря), следовательно, различные террасы сегодня расположены ступенями на склонах долины, и это можно наблюдать. Однако, по-видимому, образование террас не представляет собой систематическое явление. С другой стороны, вполне вероятно, что под воздействием стихии некогда существовавшие террасы были размывы. В результате воссоздание уровней различных террас часто становится практически невозможным, и это, бесспорно, относится к долине р. Соло, расположенной между холмами Кенденга в центральной части о. Ява, где подобная задача еще более усложняется из-за густых лесов. Если надо обнаружить останки *человека р. Соло*, то внимание следует сосредоточить именно на этих террасах. Реки имели большое значение в жизни доисторических людей; свои стоянки они устраивали на их берегах. Остатки таких стоянок скрылись на бывших заливных долинах, часть из которых

сегодня образует террасы, которые расположены ступенчато на склонах, окружающих долины.

Речные террасы господствуют, в частности, над излучиной р. Соло в районе Нгандонга, среди холмов Кенденга. В этом месте четко различаются верхняя терраса и нижняя терраса (*Lehmann*, 1936); более внимательное изучение дает возможность установить детальную стратиграфию (*de Terra*, 1943). Верхняя терраса расположена на высоте примерно 20 м над уровнем реки; осадочные породы, из которых она состоит, образуют слой толщиной приблизительно 3 м, нижняя часть слоя состоит из песка и андезитовой гальки, а верхняя часть – из мергелевых пород. Вулканическая галька показывает, что перед нами настоящая речная терраса: эта галька представляет собой древние горные породы, которые, вероятно, происходят из зоны вулканов в центральной части о. Ява, расположенной значительно дальше к югу от Нгандонга. Верхняя часть террасы состоит из местных наносных образований – известняка и мергеля, из них же полностью состоят холмы Кенденга в районе Нгандонга.

Останки позвоночных ископаемых, включая останки черепов, принадлежавших *человеку р. Соло*, были обнаружены в слое осадочных пород, который образует нижнюю террасу: по крайней мере об этом сообщается в отчетах участников раскопок Нгандонга в период между 1931 и 1933 гг. (*Oppenoorth*, 1932; *ter Haar*, 1934). К сожалению, сегодня невозможно проверить их свидетельства, потому что все ископаемые отложения Нгандонга исчезли. Что касается верхней части террасы, которая предположительно должна была сохраниться после раскопок в состоянии, пригодном для последующего изучения, то и она исчезла под воздействием эрозии, усиленной деятельностью человека (сельским хозяйством и строительством).

Очевидцы сообщали также, что в большинстве случаев костные останки животных, обнаруженные в осадочных породах террас Нгандонга, были «цельными», иначе говоря, черепа хорошо сохранились: имелись нижние челюсти, позвоночники были нетронутыми. Это свидетельствует о том, что течение реки не было столь сильным, чтобы разделить легкие и тяжелые части скелетов. Однако, по мнению Санта-Люка, останки человека, обнаруженные в Нгандонге, были совершенно в другом состоянии (*Santa Luca*, 1980). Эти окаменелости имели типичный вид остатков после волочения мощным течением реки. В Нгандонге найдены лишь самые прочные части человеческих скелетов, например большие берцовые кости, черепа, у которых недоставало костей лицевой части, и мозговые отделы черепов. Что произошло с остальными частями этих скелетов?

Тер-Хаар предложил свою версию (*ter Haar*, 1934). Действительно, при объяснении отсутствия легких частей человеческого скелета надо учитывать и тот факт, необъяснимый с точки зрения гидродинамики, что черепа, зарытые в осадочных породах террасы, были найдены в положении, в котором они оказывали наибольшее сопротивление течению древней реки: вверх смотрит вогнутое основание черепа, а не его верхняя, выпуклая часть, как было бы в том случае, если бы в самой реке происходил «естественный отбор». Тер-Хаар видит в этом вмешательство человека и делает предположение, что черепа из Нгандонга представляют собой остатки трапезы каннибалов. Кёнигсвальд согласился в этой гипотезой, которая, по его словам, подтверждается тем, что некоторые черепа были разбиты, вероятно, преднамеренно (*von Koenigswald*, 1951).

Однако Санта-Люка не верит в версию каннибализма. Он подчеркивает, что черепа были найдены не в особом месте (как можно было бы ожидать в том случае, если бы речь шла об остатках трапезы каннибалов, которая происходила на берегах р. Соло в доисторические времена), а были неравномерно разбросаны по всей стоянке (*Santa Luca*, 1980). С другой стороны, оба ученых, Тер-Хаар и

Оппеноорт, говорят об одном конкретном уровне, содержащем окаменелости, который расположен в глубине раскопанных траншей, находящихся прямо над основными скалы. Слова «неравномерное разбрасывание», приведенные Санта-Люка, не могут употребляться в отношении вертикальной плоскости, а лишь в отношении горизонтальной плоскости. В то же время следует отметить, что на остаточной террасе в Нгандонге было обнаружено 11 черепов гоминидов, т.е. гораздо больше, чем в местонахождениях Тринила и Сангирана. Совершенно очевидно, что поселение Нгандонг не является обычным, поэтому снова возникает предположение, что здесь имеются следы ритуальных действий каннибалов, или охотников за головами. Если бы эта гипотеза подтвердилась, то об общественной и культурной жизни людей палеолита, о которой до настоящего времени почти ничего неизвестно, появились бы какие-то достоверные сведения.

По мнению Санта-Люка, останки черепов и двух больших берцовых костей человека из Нгандонга могли находиться в более ранних местонахождениях, а через какой-то промежуток времени отложиться в осадочных породах террасы (*Santa Luca*, 1980). В таком случае следует предположить, что часть ископаемых животных также относится к более раннему периоду; иначе говоря, фауна Нгандонга состоит из перемещенных элементов. Однако подобную гипотезу никогда не выдвигал ни один из исследователей, изучавших данные окаменелости. Кроме того, возникает вопрос – где точно расположено место, в которых эти окаменелости отложились первоначально. В поперечной долине р. Соло (около Нгандонга, на холмах Кенденга) осадочные породы террас отложились на слое известняка и мергеля периода неогена. Только гораздо дальше на юг; за пределами Нгави, обнаруживаются наносные породы, вымытые р. Соло, которые датируются тем же периодом (средний плейстоцен), что и страты Кабуха, в Сангиране. Возможно ли, чтобы человеческие черепа и большие берцовые кости попали в Нгандонг из этих наносных пород, чтобы течение отнесло их далеко на север для того, чтобы в конце концов они отложились в Нгандонге?

Существует примечательная связь между гипотезой Санта-Люка и теми проблемами, которые возникли в связи с находкой в Триниле ископаемых остатков *человека прямоходящего* и которые все еще остаются нерешенными. Дюбуа тоже отмечает, что его раскопки в Триниле дали большое количество почти нетронутых костных остатков (черепа, у которых имелась нижняя челюсть, и др.), однако отдельные части одного скелета были найдены на расстоянии нескольких метров одна от другой. Дюбуа объясняет эти факты присутствием крокодилов, которые раздирали трупы в реке. Ему даже удалось обнаружить на отдельных костях обглоданные места (*Dubois*, 1908). Здесь следует также напомнить о некоторых замечаниях Оппеноорта и Картхауса (*Carthaus*), которые в 1907 г. приняли участие в исследовании Тринила в составе экспедиции Селенка. Эти два палеонтолога утверждали, что в основном местонахождении ископаемых в Триниле, в глубине раскопанных шахт, из которых были извлечены ископаемые останки вида *человек прямоходящий*, никогда не находили нетронутые скелеты или нетронутые части скелетов. Вместе с тем нетронутые части скелетов, состоящие из нескольких костей с суставами, обнаружены на верхних уровнях цикла. С другой стороны, ископаемые остатки, обнаруженные в основном ископаемом слое, находились в состоянии сильного окаменения, в то время как окаменелости в верхних слоях были хрупкими и плохо сохранились. Таким образом, Оппеноорт и Картхаус выделили, по крайней мере в Триниле, местонахождения ископаемых остатков (*Oppenoorth*, 1911; *Carthaus*, 1911). Такое же утверждение могло быть сделано позднее в отношении другой стоянки, находящейся на берегах р. Соло (в другом месте, а не на холмах Кенденга). Однако в Нгандонге, который

расположен на холмах Кенденга, ситуация иная: останки позвоночных были обнаружены только в осадочных породах террас, а эти осадочные породы залегают непосредственно над скальными основанием из известняка периода неогена, а не как в Триниле, т.е. над более ранними наносными породами, содержащими окаменелости. В том, что касается биоценоза ископаемых организмов, предпочтительнее придерживаться принципа *entia non sunt multiplicanda* и предполагать, что все эти окаменелости, включая останки человека, составляют один комплекс. Наличие в данном комплексе очень большого количества черепов может иметь искусственное происхождение; то состояние, в котором были обнаружены окаменелости в Нгандонге, в сочетании с повреждениями, обнаруженными на костях, делает правдоподобной гипотезу о ритуальной антропофагии каннибализма. Впрочем, сам Кёнигсвальд, который также был очевидцем раскопок в Нгандонге и в 1932 г. должен был помогать Тер-Хаару извлекать шестой череп, категорично утверждал, что состояние сохранности человеческих остатков было абсолютно таким же, как и состояние сохранности многочисленных остатков животных (*von Koenigswald, 1951*).

ЧЕЛОВЕК РЕКИ СОЛО В ИНДОНЕЗИИ

Раскопки террасы р. Соло около Нгандонга дали ископаемые останки *Homo soloensis*, а раскопки холма Нгебунг в Сангиране – то, что подразумевается под его орудиями. Естественно возникает вопрос – можно ли установить четкую связь между этими двумя поселениями. Находили ли когда-либо в районе Нгандонга доисторические орудия?

В некоторых отчетах Оппенорт упоминает орудия из кости и оленьих рогов, обнаруженные в Нгандонге (*Oppenoorth, 1936*). Однако уже установлено, что «остеодонтокератическая культура», о которой он говорит, существовала только в его воображении. Единственное орудие из кости, неоднократно упоминавшееся в трудах специалистов по доисторическому периоду, было найдено не в Нгандонге, а значительно южнее; речь идет о гарпуне из Сидореджо. Однако это не означает, что данный гарпун можно связать с осадочными породами верхней террасы. Сидореджо, находится западнее Нгави, в районе, расположенном непосредственно к югу от Кенденга, где система террас особенно сложная: самые ранние террасы могут быть погружены ниже уровня более поздних террас; с другой стороны, обстоятельства находки гарпуна все еще остаются неясными.

Сколы из халцедона, обработанные человеком, были в то же время обнаружены внутри выступающего слоя гравия на террасе р. Соло, однако и на этот раз не в самом Нгандонге, а южнее. Данные сколы, которые никогда детально не описывались, были названы «нгандонгскими» и отнесены к «производству Нгандонга» (*Movius, 1949; van Heekeren, 1972*). И здесь возникает вопрос: были ли в действительности данные орудия зарыты в остаточных породах верхней террасы или они были разбросаны на поверхности земли? Чтобы ответить на этот вопрос, специально проводились раскопки, но пока они не дали однозначных результатов. Трудность заключается в том, что искусственный характер таких небольших сколов часто едва различим не только из-за того, что они были перенесены течением реки, но и потому, что они принадлежат к одному из известных производств каменных орудий, называемых «разбивать и хватать» (*smash-and-grab*), в которых типы орудий почти никогда не дифференцируются.

Из отчетов специалистов по доисторическому периоду также следует, что каменные шары, похожие на маленькие пушечные ядра, были найдены среди наносных пород террас р. Соло. Эти андезитовые неотполированные шары в среднем имели в диаметре 10 см. Отнесенные по причи-

не их предполагаемого стратиграфического положения к *человеку р. Соло*, они рассматриваются как примитивные орудия охоты и зачастую как болы или снаряды для пращи. Кёнигсвальд даже видел в них доказательство принадлежности *человека р. Соло* к неандертальскому типу, поскольку каменные шары подобного типа были обнаружены в таких известных неандертальских поселениях, как Ла-Кина (Франция) и Тешик-Таш (Узбекистан) (*von Koenigswald, 1951*). Эти каменные шары встречаются также в районе Сангирана (некоторые из них выставлены в местном музее); однако трудно доказать, что те, которые можно обнаружить в окрестностях холма Нгебунг, не были зарыты в осадочных породах верхней террасы; напротив, их связывают с более поздними наносными породами, относящимися к периоду, последовавшему за плейстоценом (*Bartsira, 1985*). В связи с этим закономерно возникает вопрос, не происходят ли и каменные шары, обнаруженные на берегах р. Соло, из более поздних местонахождений и не использовались ли они не *человеком р. Соло*, а позднее – охотниками периода голоцена?

Если было бы возможно провести точную датировку аллювиальных террас, то было бы легче решить те проблемы, которые ставят перед нами ископаемые останки человека и артефакты, извлеченные из земли на берегах р. Соло. Большинство авторов относят их к периоду позднего плейстоцена, продлившийся, согласно абсолютной хронологии, со 125 до 10 тыс. лет назад (с начала периода обратной полярности Блейка и до даты, с которой обычно начинается отсчет периода голоцена). По-видимому, данные геоморфологии подтверждают эту датировку. Как уже отмечалось, первый период активности вулкана Лаву относится к концу среднего плейстоцена (потоки вулканической грязи и туфы, образовавшиеся за этот период, имеют еще нормальную палеомагнитную полярность, которая характерна для периода Брунса) (*Sémab, 1984*). В то время гидрографическая сеть долины центральной Явы была ориентирована на юг. Однако после первого периода активности вулкана Лаву, в начале позднего плейстоцена в связи с тектоническими движениями, вызванными понижением уровня ряда бассейнов и появлением некоторых горных цепей, эта ориентация постепенно изменилась (ныне высохшая долина р. Жиритонгтро на южном побережье центральной Явы является свидетелем этого геоморфологического периода). Воды начали течь на север, а гидрографическая сеть р. Соло приняла свою сегодняшнюю ориентацию. Именно в эту эпоху образовались самые древние аллювиальные террасы на р. Соло.

Было бы целесообразно подтвердить такое воссоздание геоморфологической истории региона, например, с помощью радиометрических данных. К сожалению, наши знания геологии Явы для этого недостаточны. Попытки датировки методом радиометрического анализа в основном относились к более древним местонахождениям (пытались, в частности, уточнить границу между периодами плейстоцена и голоцена). С другой стороны, на Яве трудно найти действительно стоящие образцы более поздних наносных пород. Специалисты делали попытки проводить датировку некоторых остатков ископаемых позвоночных, обнаруженных на террасах (как на верхней, так и на нижней) р. Соло непосредственно методом изотопов урана. Они получили обнадеживающие результаты: анализы указывают на даты от 100 до 3 тыс. лет назад, т.е. на период позднего плейстоцена и голоцена. Для точного определения возраста осадочных пород, расположенных на определенном уровне, необходимо провести анализ многих других образцов, причем после предварительного изучения перемещения ископаемых остатков, отложившихся в наносных породах р. Соло.

Если самые древние террасы (те, в которых содержались останки *человека р. Соло*) действительно датируются началом периода позднего плейстоцена, не являются

ли они современными человеку из Неандертала, который жил в Европе, и нельзя ли рассматривать *человека р. Соло* – к чему, впрочем, побуждают нас некоторые его морфологические черты – в качестве неандертальца из тропиков? Кёнигсвальд последовательно придерживался этого мнения (*von Koenigswald*, 1958); ранее его бывшие коллеги из Геологической службы Бандунга (*Oppenoorth*, 1932; *ter Haar*, 1934) также заметили это сходство. Только Оппеноорт впоследствии изменил свое мнение, отказавшись признать *человека р. Соло* одним из древнейших представителей вида *человек разумный* (*Oppenoorth*, 1937).

В 1930-е гг. «неандерталец» означал лишь то, что подразумевали под отдельным этапом эволюции человечества. Именно эту концепцию (как прошлый этап) в своих публикациях о черепе из Нгандонга отвергает Санта-Люка (*Santa Luca*, 1980). Таким образом, термин «неандертальский» нельзя применять в отношении Юго-Восточной Азии. Останки черепов и больших берцовых костей из Нгандонга, по мнению Санта-Люка, принадлежат группе поздних представителей вида *человек прямоходящий*, которым, следовательно, можно дать имя *человек прямоходящий р. Соло*. Помимо Нгандонга Самбугмакан – другая деревня на берегах р. Соло – является единственным поселением центральной Явы, где был обнаружен череп представителя вида *человек прямоходящий р. Соло* (*Jacob*, 1978; *Sartono*, 1979). Ни на всей остальной территории Индонезии, ни на Филиппинах не было обнаружено других ископаемых остатков, принадлежащих этому типу гоминидов.

Специалисты по доисторическому периоду еще не установили, смогли ли представители вида *человек прямоходящий р. Соло* адаптироваться к климату влажных тропических лесов или они случайно время от времени заходили в них (*Hutterer*, 1985; *Pope*, 1985). Важно отметить, что Санта-Люка (возражая Вайденрейху, 1951) утверждал, что морфологической связи между черепами из Нгандонга и черепами из Ваджака (*Santa Luca*, 1980) нет. Ваджак – это маленькая деревня недалеко от южного побережья центральной Явы, где были обнаружены черепа протоавстралоидов. Человек из Ваджака является самым древним представителем вида *человек разумный*, присутствие которого было обнаружено на Яве (*человек разумный ваджакский*; см.: *Shutler*, 1984).

В культурном отношении отсутствие преемственности между человеком из Нгандонга и человеком из Ваджака выражается в различии небольших сколов из Нгандонга и крупных двусторонне обработанных орудий из Паситана; по-видимому, нет никакой связи между двумя этими типами каменных орудий.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BARTSTRA, G.-J. 1985. Sangiran, the Stone Implements of Ngebung, and the Palaeolithic of Java. *Mod. Quat. Res. SEAsia*, Vol. 9, pp. 99–113.
- CARTHANUS, E. 1911. Zur Geologie von Java, insbesondere des Ausgrabungsgebietes. In: SELENKA, I. L.; BLANCKENHORN, M. (eds), Die Pithecanthropus-Schichten auf Java. Leipzig, pp. 1–33.
- DUBOIS, E. 1908. Das geologische Alter der Kendeng- oder Trinilfauna. *Tijdschr. K. Ned. Aardrijkskd. Genoot.* (Amsterdam), Vol. 25, pp. 1235–70.
- HAAR, C. TER. 1934. Homo-Soloënsis. De Ing. in Ned.-Indië, *Mijnb. Geol., de Mijnningenieur*, Vol. 1, No. 4, pp. 51–7.
- HEEKEREN, H. R. VAN. 1972. The Stone Age of Indonesia. 2nd rev. edn. (Verh. K. Inst. Taal-, Land-Volkenkd., 61.)
- HUTTERER, K. L. 1985. The Pleistocene Archaeology of South-East Asia in Regional Context. *Mod. Quat. Res. SEAsia*, Vol. 9, pp. 1–25.
- JACOB, T. 1978. The Puzzle of Solo Man. *Mod. Quat. Res. SEAsia*, Vol. 4, pp. 31–40.
- KOENIGSWALD, G. H. R. VON. 1935. Die fossilen Säugetierfaunen Javas. *Proc. K. Ned. Akad. Wet.* (Amsterdam), Vol. 38, pp. 188–98.
- 1936. Early Palaeolithic Stone Implements from Java. *Bull. Raffles Mus.* (Singapore), Vol. 1, pp. 52–60.
- 1938. Ein neuer Pithecanthropus-Schädel. *Proc. K. Ned. Akad. Wet.* (Amsterdam), Vol. 41, pp. 185–92.
- 1951. Introduction. In: WEIDENREICH, F. Morphology of Solo Man. *Anthrop. Pap. Am. Mus. Nat. Hist.* (New York), Vol. 43, pp. 211–21.
- 1958. Der Solo-Mensch von Java. Ein tropisches Neanderthaler. In: KOENIGSWALD, G. H. R. VON (ed.), Hundert Jahre Neanderthaler 1856–1956. Utrecht, pp. 21–6.
- 1978. Lithic Industries of *Pithecanthropus erectus* of Java. In: IKAWA-SMITH, F. (ed.), Early Palaeolithic in South-East Asia. The Hague, pp. 23–7.
- KOENIGSWALD, G. H. R. VON.; GHOSH, A. K. 1973. Some Implements from the Trinil Beds of Sangiran, Central Java. *Proc. K. Ned. Akad. Wet.* (Amsterdam), Vol. 76, pp. 1–34.
- LEHMANN, H. 1936. Morphologische Studien auf Java. *Geogr. Abh.* (Leipzig), Vol. 3, No. 9, pp. 1–114.
- MOVIUS, H. L. 1949. The Lower Palaeolithic Cultures of Southern and Eastern Asia. *Trans. Am. Philos. Soc.* (Philadelphia, Pa.), Vol. 38, pp. 329–420.
- OPPENORTH, W. F. F. 1911. Arbeitsbericht über die Ausgrabungen; 1. Teil: Die Arbeiten des Jahres 1907 bis August. In: SELENKA, M. L.; BLANCKENHORN, M. (eds), Die Pithecanthropus-Schichten auf Java. Leipzig, pp. XXVI–XXXVIII.
- 1932. Homo (Javanthropus) soloensis, een plio-pleistocene mensch van Java Homo soloensis-Javanthropus-a Pleistocene Hominid from Java. *Wet. med. Dienst v. d. Mijnb. Ned. Indië*, Vol. 20, pp. 49–63.
- 1936. Een prehistorisch cultuurcentrum langs de Solo-rivier [A Cultural Prehistoric Center along the Solo River]. *Tijdschr. K. Ned. Aardrijkskd. Genoot.* (Amsterdam), Vol. 53, pp. 399–411.
- 1937. The Place of *Homo soloensis* among Fossil Men. In: MACCURDY, G. G. (ed.), Early Man. Philadelphia, pp. 349–60.
- POPE, G. G. 1985. Taxonomy, Dating, and Palaeoenvironment: The Palaeoecology of the Early Far Eastern Hominids. *Mod. Quat. Res. SEAsia*, Vol. 9, pp. 65–80.
- SANTA LUCA, A. P. 1980. The Ngandong Fossil Hominids. *Yale Univ. Publ. Anthropol.* (New Haven), Vol. 78, pp. 1–175.
- SARTONO, S. 1979. The Stratigraphy of the Sambungmacan Site in Central Java. *Mod. Quat. Res. SEAsia*, Vol. 5, pp. 83–8.
- SÉMAH, F. 1984. The Sangiran Dome in the Javanese Plio- Pleistocene Chronology. *CFS, Cour. Forsch. inst. Senckenbg.* (Frankfurt/Main), Vol. 69, pp. 245–52.
- SHUTLER, R. JR., 1984. The Emergence of *Homo sapiens* in South-East Asia, and Other Aspects of Hominid Evolution in East Asia. In: ORR-WHYTE, R. (ed.), The Evolution of the East Asian Environment. Hong Kong, Vol. 2, pp. 818–21.
- TEILHARD DE CHARDIN, P. 1938. Deuxièmes notes sur la paléontologie humaine en Asie méridionale. *Anthropologie* (Paris), Vol. 48, pp. 452–6.
- TERRA, H. DE. 1943. Pleistocene Geology and Early Man in Java. *Trans. Am. Philos. Soc.*, (Philadelphia, Pa.), NS, Vol. 32, No. 3, pp. 437–64.
- WEIDENREICH, F. 1951. Morphology of Solo Man. *Anthropol. Pap. Am. Mus. Nat. Hist.* (New York), Vol. 43, pp. 205–90.

В. Период *человека разумного* современного вида
до начала производства пищи
(производящего хозяйства)

СОДЕРЖАНИЕ

18	Период <i>человека разумного</i> современного вида до начала производства пищи (производящего хозяйства): общий обзор (за исключением искусства) <i>Богуслав Клима</i>	198	27	Юго-Восточная Азия и Япония в период <i>Homo sapiens sapiens</i> (<i>человек разумный</i> современного вида) до начала производства пищи <i>Карл Л. Хуттерер</i>	286
19	Начала искусства: общий обзор <i>Ханс-Георг Банди</i>	208	28	Австралия и Новая Гвинея в период <i>Homo sapiens sapiens</i> (<i>человек разумный</i> современного вида) до примерно 5 тыс. лет назад <i>Джозефина М. Флуд</i>	300
20	Африка от появления <i>человека разумного</i> современного вида до начала производства пищи (производящего хозяйства) <i>Дж. Десмонд Кларк</i>	214	29	Появление человека в Америке <i>Хосе Л. Лоренсо</i>	315
21	Европа в период верхнего палеолита и мезолита <i>Марсель Отт</i>	231	30	Предыстория Северной Америки <i>Алан Л. Брайан</i>	322
22	Верхний палеолит на территории бывшего СССР <i>В. П. Алексеев</i>	249	31	Мексика и Центральная Америка от первых обитателей до начала производства пищи <i>Хосе Л. Лоренсо</i>	335
23	Искусство палеолита и мезолита в Европе <i>Ханс-Георг Банди</i>	258	32	Центральная Америка, Карибский бассейн, северная часть Южной Америки и Амазония: образ жизни древнейших охотников <i>Марио Саноха Обедьенте</i>	343
24	Западная Азия в конце среднего палеолита до начала производства пищи <i>Офер Бар-Йосеф</i>	265	33	Регион Южной Америки вне Андских Кордильер (Бразилия, Парагвай, Уругвай и Аргентина) в доисторическую эпоху (31–5 тыс. лет назад) <i>Освальдо Р. Эредиа</i>	354
25	Южная Азия в период <i>Homo sapiens sapiens</i> (<i>человек разумный</i> современного вида) до начала производства пищи (верхний палеолит и мезолит) <i>Рамчандра В. Джоши</i>	280	34	Экваториальные и тропические Анды от первых обитателей до начала производства пищи <i>Луис Г. Лумбрерас-Сальседо</i>	369
26	Китай в период <i>Homo sapiens sapiens</i> (<i>человек разумный</i> современного вида) до начала производства пищи <i>Цзя Ланто и Ву Рукан</i>	283	35	Западная часть Южной Америки (юг Перу, Боливия, северо-запад Аргентины, Чили) в каменный век <i>Лаутаро Нуньес Атенцио</i>	375

ПЕРИОД ЧЕЛОВЕКА РАЗУМНОГО СОВРЕМЕННОГО ВИДА ДО НАЧАЛА ПРОИЗВОДСТВА ПИЩИ (ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА): общий обзор (за исключением искусства)

Богуслав Клима

Эволюция человеческого общества происходила постепенно, но непрерывно; иногда с некоторым замедлением, а иногда, когда позволяли условия, с заметным ускорением. Об этом свидетельствуют повторяющиеся диалектические изменения, благодаря которым совершается резкий переход на качественно более высокий уровень. Ввиду их радикального характера такие изменения часто называются революциями. Распространяясь с относительной быстротой на обширные регионы, эти новшества почти сразу становятся обычными. О подобных качественных «скачках» мы можем судить прежде всего по первичной экономической сфере, т.е. по орудиям, которые дошли до нас. Свидетельства такого рода показывают, каким образом трудился доисторический человек, какими средствами труда он располагал, какие орудия он применял, однако они содержат мало информации относительно получаемого конечного продукта. Естественно, эти изменения влияют и на характер надстройки, т.е. организацию общества и его духовной жизни; однако в последней сфере периоды ускорения эволюции не могут быть так же полно выявлены.

Одно из самых важных и, возможно, самое поразительное изменение – стремительное развитие духовной жизни, стимулируемое прогрессом производства. Это явление имело далеко идущие последствия. Во-первых, оно ознаменовало начало нового исторического периода – верхнего палеолита; данный термин означает самую близкую к нам часть древнего каменного века. Некоторые авторы используют другие термины, такие как «миолит», «лептолит», «Nöheres Jägertum», в зависимости от того, какими принципами классификации они руководствуются. В любом случае это период быстрого развития, в котором доисторические общества охотников благодаря технологическому прогрессу достигли пика своей эволюции, многогранной и характеризующейся важными изменениями в духовной сфере.

В течение этого периода человек сознательно задавал себе вопросы о сущности природы; он открыл многочисленные связи и законы в явлениях природы и достиг высокого уровня мастерства в отдельных технических приемах. Справедливо считается, что, если судить по найденным ос-

таткам, некоторые виды человеческой деятельности зародились именно в эту эпоху. Тогда человек сделал множество важных открытий; он изготавливал и применял эффективные орудия, различные инструменты, которые настолько полно отвечали потребностям повседневной жизни, что их форма не изменилась вплоть до наших дней. Благодаря этим орудиям доисторические охотники могли не только удовлетворять свои потребности, но и противодействовать экологическим трудностям, создавая в то же время культурные и технологические традиции, обеспечивая техническую адаптацию к окружающей среде.

Ускоренная эволюция культуры охотников в ту эпоху, когда добыча пищи уже не была основополагающей проблемой жизни и смерти, дала возможность развивать непродуктивные виды деятельности. Одним из последствий этого стало накопление культурных изделий и одновременно зарождение функциональной и культурной специализации. Человек той эпохи достиг не только уровня абстрактного мышления – у него появилось чувство прекрасного. В результате усилий, предпринимаемых для обеспечения выживания группы, оформились первые теоретические представления и первые эмоции. Сохранившиеся предметы понятны, убедительны, технически совершенны. Следует отметить, что до конца XIX в., когда были извлечены первые остатки, никто не представлял, что человек каменного века мог создать столь совершенные художественные ценности. Признание того, что это искусство восходит к доисторической эпохе, может рассматриваться как одно из самых важных открытий нашего времени.

На научное изучение эпохи верхнего палеолита сильное влияние оказали открытия, сделанные в Западной Европе, в том числе находки во французских пещерах. Эти пещеры служили удобным укрытием для доисторического человека; кроме того, заполнившие их породы сохранили в них до наших дней остатки мест проживания человека. Сначала подобные остатки стали добычей коллекционеров, а затем и предметом серьезных исследований, в частности, были предприняты первые систематические попытки их классификации. Закономерно, что эти богатые месторождения стали определяющим фактором в изучении

первых жилищ человека не только во Франции, но и в других странах, а гипотезы и концепции, которые нашли поддержку во Франции, были признаны в других странах как вполне обоснованные.

Новые раскопки показали, что важные поселения в районах с пещерами есть и за пределами Франции; также были обнаружены стоянки на открытой местности. Кроме того, ученые заметили, что в лессы, торфяники и аллювиальные отложения образуют благоприятную среду для сохранения археологического материала. Изучение лесса, очень чувствительного к изменениям климата, привнесло новые элементы в познание феноменов отложения, а также окружающей среды и ее эволюции. Дополненные данными, предоставленными другими науками (геология, геоморфология, палеонтология, антропология и др.), эти элементы за последние годы дали возможность усовершенствовать наши знания о стратиграфических залежаниях заключительной стадии периода плейстоцена – основы хронологии рассматриваемого периода.

Эпоха верхнего палеолита была относительно длительной (с 40 до 12 тыс. лет назад). Само собой разумеется, что прогрессивный уровень развития способствовал большей дифференциации культур. Образовавшиеся в результате сообщества не занимали столь обширных территорий в Древнем Мире, как в предыдущие периоды; они оседали на меньших территориях. Следовательно, весь комплекс эпохи верхнего палеолита можно разделить на отчетливые звенья эволюции, на характер, территориальное распространение и даже продолжительность которых оказали мощное воздействие климат и географические условия. При постепенном усовершенствовании производительных сил эволюция этих сообществ (они должны пониматься только как части целого, выделяемые для целей исторической классификации) постоянно ускорялась.

Данный период соответствует заключительной стадии последнего вюрмского оледенения. В этот период происходили частые изменения климата, выделяются различные его фазы – более или менее холодные или умеренные, которые, однако, трудно отличить друг от друга. От модели промежуточных стадий и чередования ученые отказались, введя понятия климатических пульсаций и вюрмских колебаний.

Эти обстоятельства, которые являются исходными экологическими данными, оказали очень сильное воздействие на эволюцию в эпоху верхнего палеолита и на выделение в ней разделов, чаще всего называемых культурами (шательперронская, ориньякская, перигордская, граветтская, солотрейская, селетская, мадленская). Однако основные черты социальной и экономической жизни в период верхнего палеолита оставались неизменными. Эти культуры различаются лишь несущественными элементами и неярко выраженными отличиями, природа, территориальное распространение и продолжительность которых в любом случае зависят от непосредственных географических условий. Менее значительные единицы, территориально более ограниченные, рассматриваются как культурные группы производства и т.д. (гримальдийская, павловская, гамбургская, аренсбургская). Для того чтобы избежать термина «культура» в случаях, когда имеются лишь ограниченные источники информации (производство каменных орудий), некоторые авторы предпочитают говорить о «производственных комплексах», «технологических комплексах» и т.д. Последние исследования дали возможность ввести новые и более точные подразделы эпохи верхнего палеолита – раннюю, среднюю и позднюю фазы.

Климатические изменения в конце последнего оледенения и соответствующие изменения ландшафта и состава фауны стимулировали полную адаптацию человека к новой среде и, в частности, к охоте на лесных и лесостепных животных, а позднее также к специализированной рыбной

ловле. Эти изменения отразились в материальной культуре, известной ныне как культура позднего палеолита. Культуры позднего палеолита, которые существовали в период с 12 до 10 тыс. лет назад, свидетельствуют об эволюции, основанной на традициях верхнего палеолита (азильская, эпимадленская, эпиграветтская и т.д.).

В таком же порядке мезолит (средний каменный век, переход от палеолита к неолиту – около 10-го – 5-е тысячелетие до н.э. – *Прим. ред.*), который раньше считался отдельным историческим периодом, сегодня рассматривается как завершающая естественная фаза предшествующей социальной эволюции. Это отражено в предложенном термине «завершающий палеолит» (от 10 до 5 тыс. лет до н.э.). Травоядные животные оставались самой важной добычей, однако рыбная ловля приобрела определенное значение там, где были соответствующие условия окружающей среды. На обширных территориях, населенных людьми фазы завершающего палеолита, не отмечено никаких значительных изменений, указывающих на переход к производящему хозяйству. Однако в отдельных регионах (Западная Азия, Египет) первые свидетельства об оседлом образе жизни, начале животноводства и сельскохозяйственного производства можно обнаружить уже 12 тыс. лет назад. Организация различных групп охотников стабилизировалась в завершающий период эпохи палеолита; человек был способен приспособить свое хозяйство к любым обстоятельствам и выжить в них. Уровень общения и обмена информацией был довольно высоким. В области воображаемого человек умел обращаться к сверхъестественным силам, для того чтобы попросить о содействии или о благе. Охотники эпохи палеолита были близки к новой исторической эре, пройдя главную ступень своей эволюции – изобретение способов производства пищи, которое часто называют неолитической революцией (см. гл. 36, 37 и 38).

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ФИЗИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА РАЗУМНОГО СОВРЕМЕННОГО ВИДА

Культуры верхнего палеолита связывают с *человеком разумным sapiens* (или современного вида), который стал завершением длительного и сложного процесса становления биологического вида *Человек (Homo)*. Этот процесс – сфера исследования антропологов, которые пытаются найти приемлемые его объяснения. Результаты их работы зависят не только от открытий археологии, но и от развития всей современной науки. С точки зрения морфологии процесс становления человека определяется тремя функциональными комплексами. Первый включает изменения строения грудной клетки и двигательной функции верхних конечностей, которая вытекает из этого и дает возможность плечевому суставу совершать вращательные движения. Второй комплекс, на который оказал влияние образ жизни охотника, включает прямохождение и морфологические изменения таза и нижних конечностей. Третий комплекс – изменения черепа, в частности, увеличение объема мозга, смещение вперед затылочного отверстия и, следовательно, изменение общего расположения головы; в него входят также изменения зубной формулы и, что крайне важно, завершение формирования кисти руки.

Кисть руки и рука в целом изменились до такой степени, что появилась возможность бросать предметы с большой силой и точностью; это произошло благодаря подвижности туловища, поддерживаемого тазом и крепкими ногами, под непосредственным контролем глаз. Кроме того, рука стала достаточно чувствительной, чтобы изготавливать очень изящные изделия и воспроизводить ту красоту, которую человек наблюдал вокруг себя и которой он восхищался.

Возможности руки стали более совершенными и в технической сфере. Она смогла выполнять различные операции, даже самые сложные, использовать различные орудия и изменять их в зависимости от поставленной задачи. Она стала рабочим органом, занимающимся и культурной деятельностью.

Охота на животных стимулировала прогресс в развитии мозга одновременно с развитием интеллектуальной деятельности в целом. В поисках основной пищи человек по своей силе не мог равняться с животными и должен был прибегать к другим средствам, совершенствовать собственное мастерство, ставить западни, пользоваться различными приспособлениями и мощным оружием.

Первобытное поведение, основанное на рефлексах и связанное с примитивной сигнальной системой, превратилось в осознанное поведение с более сложной сигнальной системой, которая позволила делать обобщения и развить процесс мышления до абстрактного уровня. Эволюция гортани и губ, за которыми последовал язык, способствовала воспроизведению все более сложных звуков и, наконец, появлению речи – одного из самых важных признаков эволюции деятельности нервной системы. Сформированность способности к связной речи засвидетельствована и другими анатомическими особенностями черепа, например, наличием полностью оформившегося подбородка. Все эти признаки появлялись на протяжении продолжительного периода времени, не всегда одновременно и в одном темпе, скорее в зависимости от социальной и культурной эволюции.

Самые ранние представители *человека разумного* современного вида появились около 40 тыс. лет назад⁴; их иногда называют *человек разумный fossilis* (ископаемый). Однако в целом охотники эпохи верхнего палеолита по морфологии своих скелетов, по росту и строению тела соответствуют современному человеку. Если древние остатки несут, возможно, следы первобытной массивности, то самые поздние остатки свидетельствуют об уменьшении роста, которое более заметно у мужчин, чем у женщин, и, следовательно, об уменьшении полового диморфизма в том, что касается роста. Однако не зафиксировано никаких значительных различий; отклонения, отмеченные на уровне отдельных представителей или групп, не выходят за определенные рамки изменчивости. Способность руки человека к быстрому и ловкому движению совершенствуется, а большой палец руки отделяется от остальных. Эти изменения стимулировали будущую эволюцию трудовой и производственной деятельности.

Однако следует сказать, что даже современный человек с точки зрения морфологии не однороден. В различных регионах и на больших территориях континентов отмечены соматические различия, на основании которых в свое время было выделено несколько типов людей (человек из Кро-Маньона, из Комб-Кашель или из Брно) (илл. 30). Если учесть большое разнообразие типов людей и географических условий, то это представляется естественным. Однако различные наблюдаемые типы не выходят за пределы таксономических категорий подвидов. Кроме того, сегодня установлено, что те черты, которые раньше рассматривались в качестве различительных, искусственно установленных черт «рас» эпохи верхнего палеолита, теперь понимаются как результат всеобщего процесса эволюции.

И тем не менее местные эволюционные тенденции, действовавшие в основных регионах, привели к образованию географических рас, несомненно, после появления человека современного вида. Монголоидные признаки можно обнаружить уже 20 тыс. лет назад. В Африке был выделен тип человека из Боскопа, в то время как в Южной Азии существовал протоавстралоид, а в Америке – монголоидный тип, происходящий из Восточной Азии. По-видимому, самой поздней человеческой расой была негро-

идная раса, которая распространяется с начала периода голоцена, около 10 тыс. лет назад. Среди крупных человеческих рас можно обнаружить относительно существенные различия в том, что касается цвета кожи, глаз, волосяного покрова, пропорций тела и других важных признаков, как морфологических, так и физиологических. Однако в генетическом плане эти различия незначительны. Все человеческие группы взаимно скрещиваемы и принадлежат к одному виду *человек разумный sapiens*.

С точки зрения генетики можно допустить, что последующее формирование народностей явилось результатом феноменов адаптивной селекции, мутаций, случайных явлений, изолированности, кровосмесительных союзов и других генетических механизмов. Понемногу уменьшились только ширина черепа, высота лицевой части и массивность всего туловища. На эти изменения повлияли экологические факторы, проявившиеся на заключительной стадии верхнего палеолита, в частности, ориентация охоты на относительно более мелких животных, рыбная ловля, возросшая важность собирания растительной пищи и позднее животноводство.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Человек разумный современного вида проник на все континенты, поселился во всех регионах, иногда очень отличающихся друг от друга, осел там, где до него не отважился жить ни один вид животных. Этому он обязан исключительно своей способности быстро и полностью адаптироваться к новой среде. Он отказывался от поселения на новом месте лишь в том случае, когда не было абсолютно никакого шанса выжить. Однако он возвращался на те территории, которые был вынужден покинуть, как только позволяли условия окружающей среды. Поэтому в некоторых местах наблюдаются миграции народностей, которые соответствуют климатическим флуктуациям в последний ледниковый период.

В тех регионах, где люди выживали в очень трудных условиях, их группы жили почти в полной изоляции и развивались очень медленно или даже совсем не развивались. Некоторые до наших дней остались на уровне охотников-собираателей. Свидетелями тому были многие путешественники прошлых веков, бывавшие в тундре на Дальнем Востоке и на Аляске, или мореплаватели, которые достигли берегов Огненной Земли и других отдаленных мест.

Человек проникал повсюду, куда можно было пройти, даже если для этого необходимо было преодолеть огромные естественные преграды. Самой сложной из таких преград, очевидно, были океаны. Однако ледовые массы, образовавшиеся в периоды похолоданий в течение последнего оледенения, связали такой объем мировых запасов воды, что уровень моря опустился и открыл обширные перешейки между островами и континентами. Если иногда к поднявшимся из моря новым землям и не удавалось перейти вброд, то по крайней мере облегчалась переправа на неизведанные земли на простых плавательных средствах, затем на более надежных судах, которыми было легче управлять и которые в равной степени подходили для рыбной ловли. Судно представляет собой одно из самых значительных открытий последних стадий рассматриваемой эпохи.

Самое массовое заселение новых территорий началось в Восточной Сибири и дошло до Американского континента через Берингов пролив; это были группы охотников, адаптировавшихся к холодным степям и тундре. Поселенцы проникли на Аляску примерно 45 тыс. лет назад, т.е. до наступления самого холодного периода последнего оледенения, когда дорога на юг, свободная ото льдов, была еще открыта. Предки американских индейцев использовали древнюю технику обработки камня и изготавливали листо-

видные наконечники с двусторонней отделкой, аналогичные тем, что делали их современники в Восточной Азии. Эта техника обработки камня на американских землях достигла высокого уровня развития позднее.

Только после окончательного отступления ледников первые группы людей смогли проникнуть в районы Крайнего Севера и продолжили свой путь к берегам Гренландии; особый эволюционный путь, определявшийся требованиями адаптации к полярной среде, прошли эскимосы.

Человек поселился в пустынных степях и в зонах лесов в Африке, он заселил огромные пространства Азии и Новой Гвинеи, Австралии и Тасмании. Адаптация к окружающей среде не всегда была трудной. Об этом свидетельствуют сохранившиеся остатки, которые указывают, с одной стороны, на применение архаичной техники и, с другой стороны, введение новых приемов, включая полировку каменных орудий.

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Каменные орудия и оружие, изготовленные методом раскалывания отобранных камней, сохранили свое значение в период верхнего палеолита. Однако технология изготовления пластин усовершенствовалась и стала играть важную роль. Она давала возможность делать длинные и узкие сколы – пластины – из нуклеусов, специально обработанных с помощью мягкого рубила. Пластины имели правильную форму, два параллельных края и, таким образом, даже без дополнительной обработки представляли собой прекрасные ножи. Однако они рассматривались как полуфабрикаты, и дополнительная обработка и отделка с помощью инструментов из камня, кости или дерева превращала их в многочисленные орудия различных форм, прекрасно подходившие для выполнения отдельных функций.

Техника отделки пластин была различной в зависимости от функции орудия, а некоторые были даже типичными для определенной культуры или для данного региона. Метод скалывания, позволяющий получать короткие и прочные наконечники (двухугольные резцы), с помощью которого можно обрабатывать твердые материалы, получил большое распространение. Орудия похожего типа (кромочные резцы) изготавливались также методом регулировки краев. Другая технология получения инструментов со спинкой особенно характерна для граветтского культурного комплекса. Эта обработка в качестве полуфабрикатов давала многочисленные небольшие сколы или осколки, полученные в результате либо скалывания методом давления с помощью различных инструментов, либо специальной подготовки нуклеусов. Некоторые из этих сколов могли быть в дальнейшем использованы для разных целей.

Морфология орудий и изучение их рабочих поверхностей и сохранившихся следов износа позволяют сделать выводы об их широком использовании и даже иногда о некоторых конкретных функциях. Были изобретены новые виды боевого оружия, которые дали возможность охотиться на расстоянии: дротик, толкатель, лук и стрелы. Следовательно, человек эмпирическим путем открыл некоторые законы механики. Можно провести различие между охотничьим оружием (наконечники для дротиков и стрел), орудиями для разделывания туш (ножи, скребки и шаберы) и орудиями для обработки древесины (выемчатые орудия и стамики) или кости (резцы и остроконечники), а также бурями и небольшими пилами, которыми могли пользоваться для получения отверстий в декоративных изделиях. Специализация была настолько развита, что стало возможным выделить другие особые формы внутри этих категорий орудий. В то же время, что и специальные орудия, появились и универсальные орудия, которые

без всяких изменений выполняли различные функции (листовидные наконечники, усовершенствованные ножи и т.д.), а также оригинальные комбинированные орудия. Эти последние представляли собой либо сочетание нескольких однотипных инструментов (такие, как двойные концевые скребки, двойные или тройные резцы), либо комбинацию разнотипных инструментов.

Одним из значительных преимуществ технологии производства пластин по сравнению с предшествовавшими более простыми методами раскалывания камня на отщепы (сколы) и изготовления из них орудий являлось то, что она позволяла экономнее использовать сырье. Отные люди могли сделать из одной гальки или одного каменного желвака несколько орудий, т.е. значительно больше, чем в предыдущие периоды.

Морфологическая дифференциация каменных орудий произошла не только в результате установившегося единообразия (своего рода стандартизации), но и под влиянием ежедневных потребностей, вызванных рядом факторов и условий окружающей среды. Морфология и эффективность орудий напрямую зависели от имеющегося сырья и его качеств (структура, прочность, возможность раскалывания), а также от его доступности, необходимости транспортировки и условий распределения. Эти факторы объясняют множественность производств каменных орудий и побочных продуктов, а также различия в изготовлении разных орудий.

Лучшим сырьем были различные кремниевые породы, радиоларит, базанит, кварцит и кварц. Среди сырья второго сорта можно обнаружить кварцитовые песчаники, кристаллические сланцы, некоторые глинистые образования и даже известняк. Применялись также полудрагоценные камни – горный хрусталь, халцедон, обсидиан, опал, агат и яшма.

Иногда это сырье доставлялось издалека. Однако чаще сырье добывалось из вторичных месторождений: речного гравия, древних каменных террас и мореновых месторождений в форме гальки или эрагических валунов. Сырье могло также извлекаться из первичных месторождений обычно путем простого откалывания от основной скальной породы.

Вероятно, некоторые скальные породы использовались для особых целей. Действительно, мы видим, что они служили исключительно для изготовления некоторых избранных орудий и применялись только при особых обстоятельствах и в особых случаях. Это сырье, по-видимому, быстро стало предметом натурального обмена. Наличие большого количества неместного сырья, возможно, является свидетельством миграции населения или изыскательской деятельности. И наоборот, местные скальные породы выбирали для более грубых орудий, которые служили для таких тяжелых работ, как обтачивание, дробление, изготовление шаров, дисков и т.п. Вблизи источников сырья фиксируются поселения, специализировавшиеся на снабжении, жители которых собирали сырье, превращали его в заготовки и разделяли на необработанные пластины и сколы. Однако предварительная подготовка нуклеусов, позволявшая приспособить их точно к требуемой модели, чаще всего была сосредоточена в местах постоянного проживания.

Влияние традиций особенно ярко проявилось в сфере технологии. По мере того как технологические процессы становились все более совершенными, параллельно с увеличением функциональных признаков изделия и орудия приобретают эстетические и стилистические черты. Самое красноречивое проявление этого – симметричная и правильная форма орудий, характеризующаяся замечательным совершенством и точностью. Иногда орудия утончаются до такой степени, что становятся микролитами. Эта эволюция является следствием адаптации орудий к меняющейся окружающей среде и специализации охоты

ты, а также результатом прогрессивного усовершенствования обработки сырья. Поэтому тенденция к производству микролитов – «микролитизация» – наблюдается не только на протяжении позднего и завершающего палеолита – периодов, в течение которых она закономерно соответствует адаптации к охоте на мелких животных и на птиц, а также к рыбной ловле, но и в верхнем палеолите.

Типология каменных орудий верхнего палеолита основана на той функции, которую предположительно выполняли изделия и которую можно обнаружить в ходе изучения следов износа. В настоящее время исследование изделий включает трасологические анализы. Ранее производства каменных орудий оценивались исключительно методом описательной морфологии. Однако изучение и сравнение производств, проводимое только этим методом, часто приводило к субъективным выводам, выражавшимся, в частности, в произвольном отборе изучаемых изделий. Усилия, предпринятые учеными после второй мировой войны для выработки общего и объективного подхода, привели к использованию прогрессивных статистических методов. Однако эти методы предполагают существование единой предварительной классификации типов орудий, но по данному вопросу самые авторитетные исследователи не пришли к согласию. Даже усилия по созданию единообразной номенклатуры категорий орудий эпохи палеолита и по выработке нормативных принципов классификации не привели к взаимопониманию ученых разных стран в этой области.

В настоящее время ученые все чаще прибегают к технологическому методу, который состоит в изучении условий изготовления и модификации каменных орудий. Как показывают многочисленные эксперименты, применявшиеся древними людьми процессы часто были более сложными и трудоемкими, чем предполагалось. Конечный продукт зависел не только от качества сырья, но также от подготовки нуклеуса и способа применения и направленности прилагаемых усилий (давление, дробление или иное усилие). Производство пластин узкой формы и других законченных форм требовало, в частности, применения промежуточного орудия из кости или оленьих рогов вместо непосредственного дробления с помощью молотка, а сам нуклеус устанавливался на наковальню, изготавливавшуюся из различных материалов.

Каменные орудия эпохи верхнего палеолита обычно крепились к рукоятке или другой оправе таким образом, чтобы вместе они составили более совершенный функциональный комплекс. Подобные составные орудия были более сложными, чем орудия предшествовавших эпох. Они достигли своего морфологического совершенства в течение заключительной фазы палеолита, той фазы, в которой человек научился делать микролиты, чтобы создавать сплошную режущую кромку, например, при изготовлении острий для гарпунов или головок метательных снарядов.

Орудия, в основном каменные, служили не только для охоты и выполнения связанных с ней функций, но в определенной мере и для производства и приспособления других орудий, изготовленных из органических материалов. Поэтому каменные орудия можно рассматривать как базовые орудия труда. Только благодаря им стало возможным превращать в орудия различные части забитых животных: кости, рога, зубы, клыки и т.д. Такие материалы, типичные для эпохи верхнего палеолита, могли сохраниться только в местонахождениях с благоприятными для этого условиями. Несмотря на то что и в предшествующие времена в производстве использовались органические материалы, только в эпоху верхнего палеолита изделия из органических материалов стали такими же обычными орудиями, как и каменные. Эти орудия включали предметы стандартной формы – наконечники для дротиков, кинжалы, различные остроконечники, кирки, шаберы, ретушеры, булавки и игол-

ки с ушком, шилья, молотки, цилиндрические жернова, орудия в форме лопаты или ложки, палицы, просверленные рога оленей. Подобные и другие орудия делались для выполнения важных рабочих функций. Некоторые из них были составными или удлинялись с помощью рукояток.

В то время как производство каменных орудий исследованы более или менее глубоко, еще не разработаны типологическое содержание, номенклатура и терминология производств изделий из кости. То же можно сказать и о технологии обработки кости, т.е. о процессах обработки заготовок, их дальнейшего изменения способами раздавливания, дробления или разламывания, как в случае с обработкой камня, а также разрезания или обрубания при помощи уголков, скобления, просверливания и полировки. До сих пор нет удовлетворительного объяснения назначения этих орудий. Существует множество форм, которые редко встречаются, но которые стандартизованы, однако невозможно установить их функции и значение. Этнографические параллели и другие сравнительные методы, которые обычно порождают лишь гипотезы, также применимы лишь в ограниченном объеме. Зато на кости легче, чем на камне, обнаружить следы износа, и это облегчает трасологические исследования, предназначенные для определения функций сделанного из нее инструмента. Технологии обработки кости порождали различные процессы производства и даже – впервые – процессы изготовления инструментов, разнообразных в морфологическом и функциональном отношении. Эта работа иногда требовала сочетания нескольких технологий; в других случаях достаточно было подкорректировать природную форму кости легкой отделкой.

Вполне естественно, что на основании опыта, накопленного к концу верхнего палеолита, люди усложняли формы первоначально простых орудий; так появились гарпуны, наконечники с желобками для оттока крови и т.д. Некоторые из этих орудий имели столь совершенную форму (это относится, например, к иглам), что впоследствии не было необходимости улучшать их. Технологии полировки и сверления также быстро осваивались для изготовления изделий из камня, хотя предметы из полированного камня и не вошли во всеобщее употребление до начала эпохи неолита.

Появились побочные продукты производств костяных изделий – в форме различных фрагментов и осколков из кости, которые, однако, бывает трудно отличить от случайных остатков костей. Эти фрагменты могли использоваться для разных целей, если их форма соответствовала им. То же можно сказать и о некоторых необработанных костях, которые, по-видимому, иногда применялись и в исходном виде.

Мастерство каменного производства, разнообразные и усовершенствованные процессы обработки кости навоят на мысль, что и другие материалы, которые не сохранились в археологических слоях, могли обрабатываться теми же методами. Одним из самых важных материалов является древесина. Большая часть изделий каменного производства была предназначена для работы с деревом, хотя прямое их применение, вероятно, носило ограниченный характер. Они чаще использовались в составных орудиях в качестве, например, рукояток, или непосредственно в своей естественной или в немного измененной форме.

Другие материалы органического или иного происхождения, предоставляемые окружающей средой, могли обрабатываться и использоваться подобным образом. Человек был способен применять различные технологические методы, чтобы облегчить их переработку или приспособить для применения. После замачивания в воде бивни мамонтов или рога оленей становились мягче, и их можно было выпрямить; огонь изменял структуру деревянных

наконечников для копий, которые, таким образом, приобретали большую прочность. Вода и особенно огонь могли использоваться в других процессах обработки (например, скальных пород). В эпоху верхнего палеолита человек обратил внимание на то, что изделия из глины сохраняют свою форму после высыхания и особенно после обжига. В отдельных случаях это открытие позволило вылепить фигурки многих животных и людей, которые дошли до нас и признаны древними керамическими изделиями.

Люди этого периода наблюдали за различными материалами, существующими в природе, осознавали их пользу и переносили в места своего обитания, чтобы использовать в разных целях. Обычно сначала они должны были изменить их. Именно в ходе этой операции они открыли множество законов физики и химии. Не умея еще их объяснить, они на деле применяли их.

В процессе своей собирательской активности, человек сначала заметил скалы и самые необычные и любопытные минералы, происхождение которых даже мы иногда не в состоянии точно объяснить. В каком-то смысле можно считать, что первые минералогические и петрологические коллекции образовались в течение этого периода. Помимо кремней, служивших для раскалывания камня, цепились и другие скальные породы, такие как пириты, дававшие возможность добывать огонь, агат и другие мягкие породы, на которые можно было наносить рисунки и которые поддавались обработке, или, реже, уголь, помогавший поддерживать огонь. Конкреции каменных пород, имеющие впадины, служили сосудами для жира, и при наличии фитиля люди могли получать внутри укрытий и пещер тепло и свет.

В археологических комплексах жилых поселений часто обнаруживают каменные возвышения, нечто вроде рабочих столов, вместе с сырьем, орудиями и отходами от раскалывания камней. Их рассматривают в качестве мастерских. Вполне вероятно, что в них проживали специалисты, которые благодаря своей сноровке и опыту достигли мастерства в отдельных технических областях.

Функциональную эффективность и особенно техническое совершенство некоторых орудий из кости и даже камня иногда называют «искусством». Однако эти качества, проявляющиеся даже в законченной форме орудий, не имеют ничего общего с подлинным художественным выражением, т.е. с эстетическим восприятием мира (см. гл. 19 и 23).

СРЕДСТВА К СУЩЕСТВОВАНИЮ

Сведения о материальной культуре, которые можно получить из археологических данных, остаются очень ограниченными и фрагментарными. Предметы, которые дошли до нас, имеют, как правило, неорганическое происхождение, а органические материалы встречаются лишь в исключительных случаях, поскольку в большинстве своем они были разрушены. Однако обнаруженные остатки и обстоятельства их отложения отражают значительный прогресс, произошедший в развитии производительных сил и производственных отношений, т.е. общественных отношений. Они проливают свет на образ жизни их создателей.

Можно сделать вывод, что люди эпохи верхнего палеолита в основном жили за счет охоты, которой они занимались более эффективно, чем прежде. Не ранее окончания этого периода охотничий образ жизни достиг полного развития, а применяемая техника – высокого совершенства. Часто менялись специализация охоты и ее направленность на определенный тип добычи, в частности, на крупных травоядных, стада которых с относительной регулярностью передвигались в определенных районах. Такая специализированная охота связана с более разви-

той и более продуктивной техникой и первым разделением труда, которое, вполне вероятно, было основано лишь на половом признаке.

Археология может дать только общее представление о способах охоты. Очевидно, люди этого периода руководствовались своим инстинктом и опирались на опыт, приобретенный многими поколениями. Возможно, они умели использовать все те приемы, которыми владеют современные охотники. Самой распространенной и чаще всего применяемой техникой было прямое нападение с помощью различного оружия и вспомогательных средств. Это самая естественная разновидность охоты, лучше всего отвечающая насущным потребностям в пище. Способность охотников прибегать к определенным ухищрениям, чтобы обмануть животных, совершенствовалась из поколения в поколение путем наблюдений за особенностями поведения разных видов добычи, анатомия которых была хорошо известна, в частности, благодаря разделыванию туш убитых животных. Человек устраивал различные ловушки, западни, ставил силки. Он умел извлекать пользу из преимуществ, предоставляемых окружающей средой, используя огонь, чтобы загонять добычу в овраги, на скалы, в каньоны или на болотистую местность, туда, где он мог ближе к ней подойти и справиться с ней.

Географические условия также имели большое значение в выборе места жительства. Предпочтение отдавалось тем местам, где наличие дичи обеспечивало хорошие результаты охоты, например, слияния рек, бродам, проходам или водопоям. Учитывались также некоторые циклы перемещений животных, например сезонные.

Отдельные кости мелких животных и птиц превращались в дудочки и, вероятно, служили в качестве манков. Однако нет доказательств того, что на таких крупных травоядных животных, как мамонты, охотились с помощью западни. Не найдено никаких археологических подтверждений существования подобных ям, не являются доказательством и наскальные рисунки в пещерах Западной Европы, названные «знаками в форме кровли», на которых были изображены скорсжилипы, чем западни. Кроме того, трудно себе представить, что с помощью тех орудий, которыми располагали охотники, можно было вырыть достаточно большую яму, чтобы заманить мамонта и поменять ему из нее выбраться.

При открытом нападении охотник мог использовать мощные виды оружия, которые совершенствовались в течение всего периода. Доказательством этому служат длинные накопечники, полученные из бивней мамонта и его ребер, которые затачивались наподобие деревянных дротиков, концы которых заострялись и обжигались. Очевидно, дротики с костяными наконечниками играли также большую роль; одни из них были снабжены остриями, другие имели желобки для оттока крови, которые ускоряли истощение раненого животного и облегчали его захват. Древко продлевало движение руки, придавало силу броску и увеличивало дальность полета дротика. Другие функции отводились гарпунам, которые состояли из трех частей: наконечника с зубринами, центральной крепящей части и деревянной рукоятки. Для ловли быстрого животного применяли болы, бумеранг, пращи и другие виды оружия. Этот комплекс оружия и техники представляет высшую стадию развития арсенала доисторического охотника.

В таких обстоятельствах успех охоты зависел от взаимодействия всех ее участников. Вероятно, пища добывалась совместно, а затем делилась на всех. Только часть продуктов питания оставалась неиспользованной. Вся туша животного находила свое применение, а выбрасывались, особенно в период изобилия, только бесполезные кости, которые не шли ни на изготовление орудий, ни на строительство жилищ, ни на поддержание огня. Мясо съедали, вероятно, после частичного обжаривания, а некоторые внутренности – в сыром виде. Не исключено, что эти про-

дукты готовились в мешках из кожи и варились в углублениях, куда бросали раскаленные камни; возможно, что их сушили, коптили, хранили в пепле или замораживали и оставляли на будущее. Из больших костей извлекался костный мозг, а из черепов – мозги. О существовании подобных приемов добывания пищи свидетельствует наличие намеренно раздробленных костей.

Из шкур и кожи шилась одежда, головные уборы и примитивная обувь, а также изготавливались кровля для укрытий, различные приспособления, пояса и т.д.

Часто полагают, что лук появился лишь на поздних стадиях палеолита, существование лука в конце этого периода подтверждено археологическими данными. Лук служил не только для охоты на мелкую дичь, но и для рыбной ловли: иногда в жилых поселениях обнаруживают рыбы кости. Люди должны были заниматься ловлей рыбы, даже если не сохранилось ни одного крючка, сети или другой рыболовной снасти. Само собой разумеется, что технология, средства и оружие различались в зависимости от того, для охоты на каких животных они использовались, и что методы, позволяющие добывать мясо, изменялись в соответствии с климатическими условиями и особенностями фауны.

Если специализация охоты достигала высшего уровня, при котором в ней начинал преобладать один вид животного, то это означало, что взаимоотношения между охотником и его излюбленным животным стали теснее, чем обычно существующие между охотником и его добычей. Можно предположить, что между человеком и животным устанавливались более или менее постоянные связи, и попытаться найти в этом первые признаки произошедшего позднее одомашнивания животных и возникновения животноводства. Такая взаимосвязь могла установиться с одним стадом и даже с одним его представителем, которого люди кормили или помещали в загон. Этот тип взаимоотношений мог развиваться, например, с северными оленями, лошадьми в зонах с более умеренным климатом или с каменным бараном в горах. Иногда такое животное, вероятно, использовалось для приманки и обеспечения успеха на охоте.

С другой стороны, нельзя переоценивать способности и возможности охотников. Этнографические данные, собранные о современных охотниках-собираателях, свидетельствуют, что мясо не имело такого большого значения в удовлетворении потребностей группы. Значительная часть продовольствия предоставлялась растительным миром. Вполне вероятно, что начиная с верхнего палеолита увеличился сбор растительной пищи в зависимости от условий окружающей среды.

Сбор растительной пищи в зонах с относительно более умеренным климатом приобрел особое значение при потеплении климата, особенно в течение поздней и завершающей фаз палеолита. Сбор такой пищи, очевидно, сопровождался регулированием тех условий, которые требовались для размножения некоторых наиболее полезных растений. Эта деятельность усилилась после того, как люди стали сжигать леса, чтобы обеспечить больше света, благоприятно влияющего на рост растений. Вмешательство человека в жизнь природы имело революционные последствия и привело к постоянному использованию явлений природы себе во благо, т.е. к изменению основы хозяйствования.

Можно считать, что сильные постледниковые изменения умеренного климата оказали воздействие не только на флору и фауну, но и на сообщества людей, изменив их образ жизни и материальную культуру. В то время как многочисленные виды животных мигрировали или даже исчезли, человек смог адаптироваться ко всем проявлениям этих потрясений. С одной стороны, природа предлагала более широкий выбор растений и плодов, с другой стороны, сам человек изменил методы использования продовольственных ресурсов.

Человек был составной частью природы до самого конца верхнего палеолита. Он брал от природы все, что ему было нужно, не ощущая необходимости или не имея сил, возможностей и умений развивать свои потребности. Его хозяйство было пассивным, непродуктивным; он не мог еще удовлетворять свои потребности путем прямого производства пищи, т.е. путем активного воздействия на природу. Однако новые климатические условия дали ему возможность использовать накопленный опыт и наблюдения и создать более развитую хозяйственную базу. Именно таким образом произошел переход к производящему хозяйству. В этом процессе решающим фактором было, по-видимому, использование растительных ресурсов, усиление связей с фауной и, в частности, усилия по одомашниванию самого первого животного – собаки. При этом охота оставалась основным источником добычи пищи. Однако указанный переход происходил неравномерно, всегда в зависимости от условий окружающей среды. При оптимальных условиях сельскохозяйственное производство возникло достаточно рано, тогда как в северных и горных регионах отмечен переход от охоты непосредственно к пастушескому образу жизни.

ПОСЕЛЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Одним из крупных нововведений периода позднего палеолита было строительство просторных искусственных жилищ. В течение нескольких последних десятилетий археологам удалось обнаружить их почти повсюду. Первая находка подобного укрытия была сделана в Лангманнерсдорфе (Австрия), построенное жилище впервые открыто при входе в пещеру Фурно-дю-Дьябль (департамент Дордонь, Франция). Затем российские археологи обнаружили многочисленные доказательства существования древней архитектуры, относящейся к эпохе позднего палеолита, в степных районах Восточной Европы (Гагарино, Бурет, Костёнки). В ходе недавних раскопок были найдены новые остатки, включая жилища, датируемые эпохой среднего палеолита. Однако искусственные укрытия и жилища ученые обнаруживали и раньше, в частности, в пещерах Западной Европы и в поселениях открытого типа в Африке. Развалины некоторых стоянок эпохи верхнего палеолита свидетельствуют об удивительном совершенстве и продуманности конструкций и оборудования хижин и позволили воссоздать их с большой достоверностью. Поражает изобретательность в выборе места, расположении основания жилища, а также его определенная упорядоченность. На сегодняшний день количество открытых жилищ настолько велико, что их можно сравнивать и классифицировать. Новые, детальные методы исследований позволяют убедительно интерпретировать их значение.

Большинство жилищ представляют собой остатки укрытий в форме палатки, оснащенной деревянными каркасами, на которые натягивались шкуры животных. Другими строительными материалами были кости, в частности мамонта, рога оленей, древесина, земля, а также камни, которые служили для закрепления покрытия из шкур по всему периметру основания хижин. Строительство этих жилищ стало возможным благодаря опыту и технологиям, достигнутым при производстве орудий. Следы, имеющиеся на выложенных вплотную друг к другу каменных блоках или на нагроможденных плитах из сланца, показывают, что они были обработаны. Другое типичное решение состояло в том, чтобы связать вместе кости и древесину. Строительство укрытий предполагало проведение земляных работ. Иногда в землю вбивались только столбы или колонны, иногда весь земляной пол устраивался на значительной глубине. Так называемые землянки или полужемлянки строились таким способом. Сохранившиеся насыпи по периметру соору-

жений состоят из отходов строительных материалов, использованных для стен, иногда даже включают отесанные камни и черепа мамонтов даже с сохранившимися бивнями.

Жилища эпохи верхнего палеолита имели различные формы; те из них, которые встречаются чаще, имеют овальную, круглую или совершенно неправильную формы. Их размеры также различны: от относительно небольшого укрытия, которым, вероятно, пользовались зимой, до просторных строений, в которых невозможно было сделать перекрытие потолка с помощью известной тогда техники и которые, возможно, служили летними пристанищами. Отдельные изменения в строении жилищ и следы различного оборудования, по-видимому, соответствуют разным функциям, выполнявшимся некоторыми хижинами. Одни из них определено служили постоянными жилищами в поселениях, где люди жили длительное время, другие имели легкие конструкции, подобные палаткам, которые можно было легко переносить и которые служили для проживания охотников, преследующих стада. Доисторические люди, защищавшие свое жилое пространство путем постройки жилищ, одновременно защищали свое тело от внешних неблагоприятных условий, изготавливая простую одежду, головные уборы и, вероятно, обувь. Из наличия жилищ и строений для продолжительного проживания не следует делать вывод о том, что группы людей окончательно перешли на оседлый образ жизни. Действительно, это противоречило бы общепринятой до последнего времени схеме, согласно которой кочевники эпохи палеолита оставались мобильными, как того требовал образ жизни охотников. Некоторый их опыт, в частности в производственной сфере, мог передаваться только путем прямого контакта с другими группами. Таким же образом некоторые виды сырья можно было получить только путем обмена или дальних перемещений. Охотничьи угодья неоднократно покидались людьми из-за истощения и изменения состава фауны. Прямое наложение стратиграфии различных культурных слоев в поселениях указывает на то, что некоторые группы длительное время проживали на одном месте. Невозможно даже доказать, что те поселения, о которых шла речь, когда-либо покидались их обитателями. По-видимому, к концу верхнего палеолита появилась своего рода привязанность к той или иной местности, некоторое чувство «собственного дома». Эта тенденция к оседлости является одной из важнейших предпосылок дальнейшей эволюции к производящему хозяйству неолита.

Стены и укрытия сооружались не только на открытых участках местности, но также и в обычно закрытых местах, таких как входы в пещеры или скальные навесы, которые защищали их обитателей от холода и влаги. Было бесполезно рыть землю, поскольку камни имелись в изобилии и могли служить для сооружения очагов, ниш, пола.

Устройство очагов внутри жилища или за его пределами является характерной чертой строительства. Очаги часто вырывались в земле и имели округлую форму диаметром около 1 м. Иногда их обрамляли валиком из земли или из камней и даже защищали, устраивая свод. В редких случаях удается обнаружить нечто вроде канала, который обеспечивал доступ наружного воздуха к огню. Сжигали не только древесину, но и кости убитых животных. Такие очаги напоминают постоянно используемые каминные или печи; их центральная часть периодически очищалась от пепла, а огонь зажигался вновь. По соседству с этими очагами находят большие кучи пепла, которые постепенно образовывались.

Иногда можно увидеть более мелкие углубления в форме котелка, которые, возможно, служили сосудами. В отдельных случаях их содержимое и форма позволяют сделать вывод о том, что в них варили мясо, бросая раскален-

ные камни, чаще всего кварцевую гальку, в эти углубления, обложенные шкурами или кожаными мешками, заполненными пеплом или водой. В других случаях изменения, отмеченные в строении костей, позволяют предположить, что на огне очагов жарили пищу.

В окрестностях поселений, в которых постоянно проживали люди, возвышались большие горы отходов, которые представляют особый интерес, когда в них находят кости мамонтов. Они свидетельствуют о большой продуктивности охоты, а также о существовании общего хозяйства. Они предшествовали появлению широко известных в Дании *kjokkenmoddinger* (кухонных отходов), и пайденные отходы часто были представлены именно так.

Число открытых поселений постоянно росло, и археологи получили возможность изучать комплексы хижин и даже наземные планы целых палеолитических поселений, организованных по определенным правилам. Хотя и гипотетически, они дают возможность представить общую структуру этих постоянных поселений, их внутреннюю организацию и серьезные хозяйственные, социальные и особенно организационные особенности на этом уровне эволюции.

Становится очевидным, что типичное жилище охотников на мамонтов (граветийская культура) состояло из пяти–шести отдельных укрытий, которые легко разбирались и быстро восстанавливались. Они образовывали место жительства основных социальных единиц (кланов), тесно связанных между собой. Члены этих кланов (матриархальных?) составляли доисторическое сообщество. Если предположить, что каждый клан насчитывал до 20 человек, то доисторическое сообщество могло состоять из 100–120 членов. По-видимому, подобная социальная группа могла процветать в условиях той эпохи и достигнутого уровня хозяйственной эволюции. Она предоставляла возможность формировать достаточно многочисленные группы охотников, взрослых мужчин, которые могли снабжать необходимым количеством продовольствия всех обитателей поселения.

На заключительной фазе верхнего палеолита, когда методы охоты получили дальнейшее развитие, количество членов одной социальной группы уменьшилось. Под давлением быстрого демографического спада объединения распадалась, что вызвало глубокие социальные изменения. Учет этих обстоятельств может привести к мысли о всеобщем закате человеческой популяции, о чем свидетельствует и поразжающая скудость остатков материальной культуры. Однако жизнь продолжала развиваться, и лишь из-за плохой сохранности остатков той культуры мы имеем смутное представление о ее преемственности. Группы людей завершающей фазы палеолита (мезолит) устраивали свои стоянки на песчаных отложениях у берегов рек и озер, где они могли ловить мелкую дичь, птиц и рыбу, не тратя столько энергии и не испытывая таких трудностей, как во время предшествующих периодов. Таким видом охоты мог заниматься отдельный индивидуум. Исчезла необходимость в больших группах, кроме того, стрела и лук стали обычными орудиями охоты.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ

Глубокая эволюция постоянно совершенствующихся орудий, вероятно, находила отражение в концептуальной сфере, на самом высоком уровне интеллектуальной жизни, благодаря способности человека к абстрактному мышлению. Самым важным следствием этой эволюции явилось возникновение речи и других средств общения, что позволило осуществлять обмен опытом, сведениями, организовывать социальную деятельность и т.д.

Кроме отдельных линий и насечек на костях или даже на каменных предметах, отмечается появление более сложных знаков, вырезанных или нарисованных, и даже очень сложных мотивов четкой геометрической формы. В отдельных случаях очевиден декоративный замысел этих знаков. Их обнаруживают на многих прикладных изделиях, а также на инструментах и орудиях. Считается, что некоторые из них были лунными календарями, другие рассматриваются в качестве арифметических символов, появившихся вследствие использования простейшего математического «устройства» – человеческой руки с пятью пальцами. Таковыми являются более позднего изобретения письменности, на протяжении эпохи верхнего палеолита отмечается расцвет производства украшений, орнаментов и различного личного убранства. Основываясь на их формах и назначении, мы называем их подвесками, колье, брошами, обручами для головы, браслетами, кольцами и т.д. Они имели не только декоративное значение, в них был заложен более глубокий смысл. Этого нельзя утверждать с уверенностью, однако о них можно составить предварительное мнение благодаря этнографическим параллелям. Их следы обнаруживают даже в новые времена, когда эти изделия были оценены по достоинству, даже персонафицированы и связаны со сверхъестественными силами.

Кроме этих первых форм пометок, графического выражения и связи, которые по своему замыслу, несомненно, предшествовали более позднему изобретению письменности, на протяжении эпохи верхнего палеолита отмечается расцвет производства украшений, орнаментов и различного личного убранства. Основываясь на их формах и назначении, мы называем их подвесками, колье, брошами, обручами для головы, браслетами, кольцами и т.д. Они имели не только декоративное значение, в них был заложен более глубокий смысл. Этого нельзя утверждать с уверенностью, однако о них можно составить предварительное мнение благодаря этнографическим параллелям. Их следы обнаруживают даже в новые времена, когда эти изделия были оценены по достоинству, даже персонафицированы и связаны со сверхъестественными силами.

Эти предметы, вероятно, могли служить посредниками между людьми и их окружением – средой, воспринимавшейся как населенная и управляемая невидимыми силами. Такое представление происходит от того беспомощного положения, в котором находился человек перед лицом внешнего мира с его необъяснимыми законами. Исходя из этого, он попытался найти посредника, персону, способную обеспечить ему благосклонность высших сил посредством магических ритуалов и колдовства (в значении шаманства) и оказать позитивное воздействие на текущие или предстоящие события. С такой же целью он использовал красные пигменты для раскрашивания или посыпания тел умерших. Этот обычай свидетельствует о вере в продолжение жизни в потустороннем мире, а красный цвет символизирует возможные попытки вернуть в тело исчезнувшую кровь. Весьма ограниченное количество захоронений, относящихся к эпохе верхнего палеолита, заставляет считать, что с соблюдением ритуалов хоронили только важных лиц. С большинством тел умерших обращались так, что они не могли сохраняться долго. Было также отмечено, что от завершающей фазы палеолита сохранились лишь отдельные части тела, такие как нижние челюсти или черепа. С частями тел животных, особенно с головами, обращались так же, и можно сделать предположение о существовании практики жертвоприношений.

Отношения со сверхъестественными силами, кроме прочих посредников, были доверены шаману или его предшественнику. Шаман пытался оказать воздействие на различные общественные события и, вероятно, жил за счет сообщества. Чаще всего он помогал проводить ритуальные действия.

Доисторические люди изготавливали и украшали различные предметы, которым они приписывали свойства амулета и фетиша. Они должны были обеспечивать безопасность и помогать в борьбе с природными стихиями. С этой целью люди даже могли использовать обычные вещи или природные предметы, смысл которых необязательно был ясен. Если в такие предметы верили и если подтверждалось убеж-

дение в том, что они могли оказывать эффективное воздействие, то их очень ценили. Однако если по какой-либо причине они не справлялись со своей задачей или теряли свою силу, то их выбрасывали или уничтожали. Таким образом, самые древние формы религиозных верований оказали отрицательное воздействие на эволюцию общества, так как мешали или тормозили развитие собственно человеческих созидательных сил и способностей.

Некоторые сложные резные изображения имеют значение, выходящее за рамки простых пометок или сообщений, в то же время многие декоративные предметы значат больше, чем простые украшения. Помимо прочего они свидетельствуют о наличии у их создателей глубоких эстетических чувств и вызывают у наблюдателя аналогичное впечатление. Таким образом, они подпадают под категорию первобытного искусства, даже если их художественная выразительность не всегда отличается по своей форме и содержанию от других обычных предметов. В любом случае невозможно провести четкую границу между двумя сферами, так как они наслаиваются друг на друга или образуют единое целое.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Верхний палеолит можно определить как период, в течение которого *человек разумный* современного вида развивался до своего настоящего состояния, и одновременно занял свое место в природе, завершил самый длительный период социальной истории человечества. На протяжении этого периода человечество значительно развило прогрессивное хозяйство и начало создавать первые производительные отношения, используя ресурсное окружение.

Хозяйственная деятельность первых человеческих сообществ была основана на охоте и собирательстве, и невозможно доказать преобладание одного или другого способа использования природных продовольственных ресурсов. Оба они были необходимы. Трудно рассматривать образ жизни людей далекого прошлого только с точки зрения нашего современного опыта, поскольку их жизнь была подвержена многочисленным воздействиям окружающей среды, в то время как естественная эволюция продолжалась, а общественные устои еще не укрепились. Качественные различия между отдельными культурными периодами или группами были еще слабо выражены, однако они имели большое значение для будущей эволюции.

Распространение человеческого рода по всем континентам и возникновение новых климатических условий и зон в последнюю эпоху (голоцен) вынудили многочисленные группы людей лучше адаптироваться и создавать условия для более выраженной культурной, экономической и физической дифференциации. Таков отправной момент новых различных разновидностей эволюции.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Выраженные здесь точки зрения во многом устарели, возможно, за исключением того, что касается Европы. В других регионах эволюция, которая привела от вида *человек прямоходящий* к виду *человек разумный* современного вида, была более быстрой. В Восточной и Южной Африке полностью развитый *человек разумный* современного вида появился уже между 130 и 100 тыс. лет назад. (Местонахождению Кибини 2 в Эфиопии примерно 130 тыс. лет, Бордер-Кейв в провинции Натал – примерно 115 тыс. лет и Класис-Ривер-Маус недалеко от Кейптауна – около 50 тыс. лет.) В Западной Азии *человек разумный* современного вида появился уже примерно 50 тыс. лет назад (черепа в Кавзахе и Схуле в Израиле) (см. гл. 2, 9, 11 и 14). – *Прим. глав. ред. англ. издания.*

БИБЛИОГРАФИЯ

- BAYER, J. 1921. Der Mammutjägerhalt der Aurignacienzeit bei Langmannersdorf an der Perschling. *Mannus* (Würzburg), Vol. 13, pp. 76–81.
- BOHMERS, A.; WOUTERS, A.G. 1956. Statistics and Graphs in the Study of Flint Assemblages. *Palaeohistoria* (Groningen), Vol. 5, pp. 1–39.
- BORDES, F. (ed.) 1972. The Origin of Homo sapiens. Paris, UNESCO.
- CHILDE, V.G. 1948. *Man Makes Himself*. London.
- DUMOND, D.E. 1980. The Archaeology of Alaska and the Peopling of America. *Science* (Washington), Vol. 209, 29 Aug, pp. 248–80.
- LAPLACE, G. 1964. Essai de typologie systématique. *Ann. Univ. Ferrara*, Section 15, Suppl. 2, p. 1.
- LEVÊQUE, P.; VANDERMEERSCH, B. 1981. Le Néandertalien de Saint-Césaire. *Recherche* (Paris), Vol. 12, No. 119, pp. 242–4.
- MARSHACK, A. 1970. Notation dans les gravures du Paléolithique supérieur: nouvelles méthodes d'analyse. Bordeaux. (Publ. Inst. préhist. Univ. Bordx., 8.)
- MÜLLER-BECK, H. 1982. Der Mensch als Techniker. In: *Kindlers Enzyklopädie: Der Mensch*. Bonn. Vol. 2, pp. 147–200.
- NARR, K. J. (ed.) 1966–85. *Handbuch der Urgeschichte*. Bern/Munich. 2 vols.
- PEYRONY, D. 1928. Un Fond de hutte de l'époque solutréenne. In: *Institut International d'Anthropologie*. 3e session. Amsterdam, pp. 315–18.
- PEYRONY, D.; PEYRONY, E. 1932. Les Gisements préhistoriques de Bourdeilles. Paris. (Arch. Inst. Paléontol. Hum., Mém. 10.)
- SONNEVILLE-BORDES, D.; PERROT, J. 1953. Essai d'adaptation des méthodes statistiques au Paléolithique Supérieur. *Bull. Soc. préhist. fr.*, Vol. 50, pp. 323–33.

НАЧАЛА ИСКУССТВА:

общий обзор

Ханс-Георг Банди

Рассматривая начала искусства в доисторическом прошлом, следует с самого начала уточнить два момента. Во-первых, единственной областью творческой активности, которая применительно к периодам верхнего палеолита и мезолита может быть признана таковой, является изобразительное искусство. Однако это не исключает того, что в то время, а может быть и ранее, уже существовали формы литературного (например, мифы, передаваемые устным путем) или музыкального (песнопения, сопровождаемые ритуальными танцами) творчества, но археология не может представить нам доказательства этого. Во-вторых, художественная деятельность доисторических людей-охотников лишь отчасти соответствует современному пониманию искусства: когда первобытный человек, еще полностью соединенный с природой, занимался резьбой, изготовлением фигурок или рисованием, он не занимался «искусством ради искусства», как правило, он совершал действие, связанное с его пониманием сил природы, которые управляли его жизнью.

Мы не располагаем никакими данными, позволяющими с уверенностью утверждать, что *человек разумный неандертальский*, носитель культур среднего палеолита, был способен заниматься изобразительным искусством¹. Человек современного вида эпохи верхнего палеолита был первым, кто оставил в этой области неоспоримые доказательства – удивительные по количеству и впечатляющие по качеству. Искусство – декоративно-прикладное и наскальная живопись – верхнего палеолита от самых первых шагов до шедевров является важным признаком прогрессивных охотничьих культур, относящихся к окончанию ледниковой эпохи. Еще точно неизвестно, в каком месте эта высокоспециализированная цивилизация охотников-собирателей начала свое развитие, отталкиваясь от прошлой деятельности в эпоху среднего палеолита. Однако доподлинно известно, что она нигде, кроме Европы, не проявилась с такой силой, в частности, в художественной сфере. Разумеется, за пределами Европы находят образцы искусства эпохи верхнего палеолита, но они лишь свидетельствуют о параллельном существовании аналогичных тенденций в других местах, повсюду среди представителей прогрессивных охотничьих культур. В Европе отмечается ранний, особенно впечатляющий апогей этой цивилизации. Позднее и в других регионах проявилась подобная художественная деятельность, которая, вероятно, в основном развивалась независимо: после своего раннего начала в Европе изобразительное искусство расцвело у народов, образ жизни и менталитет которых были аналогичны подобным проявлениям у европейских охотников. Поскольку

цель данного обзора состоит в рассмотрении начал изобразительного искусства, внимание будет сконцентрировано на эпохе верхнего палеолита в Европе, особенно на ее западе, где, как увидим, наблюдался исключительный прогресс в этой сфере.

Из гл. 18, написанной Б. Клима, читатель уже знает о различных аспектах прогрессивных культур охотников позднего плейстоцена, представителем которых является *человек разумный sapiens*. В той среде, которая соответствует современным условиям Арктики и субарктических районов, человек должен был постоянно бороться за добычу пищи и защищаться от холода. Можно лишь восхищаться тем, до какой степени он был мастером в искусстве выживания вопреки всем природным воздействиям, которым он подвергался. В связи с этим три фактора приобретают особое значение: избирательный характер охоты, когда предпочтение отдавалось многочисленным и высокопродуктивным видам; накопление материальных благ, о чем свидетельствует богатый инвентарь, обнаруженный в многочисленных жилых поселениях эпохи верхнего палеолита; наконец, дифференциация орудий, оружия и методов охоты. Материальной базой существования человека в конце ледниковой эпохи было абсолютно приспособленное хозяйство, которое сохранило способность к дальнейшей адаптации и продолжало существовать в некоторых удаленных районах Европы, особенно на севере, у Полярного круга, а также в горных районах до 6–7 тысячелетий назад, когда популяции охотников и рыболовов эпохи мезолита, пришедшие на смену сообществам охотников верхнего палеолита, расширяли пространство, занимаемое человеком, по мере того как шло отступление материковых льдов и ледников.

На первый взгляд кажется почти невероятным, что люди, вынужденные вести постоянную суровую борьбу за выживание, находили время заниматься художественным творчеством. В связи с этим следует учитывать, что, с одной стороны, произведения искусства, дошедшие до нас, первоначально должны были служить целям, которые нам доподлинно не известны, но мы можем предполагать, что они необязательно были эстетического порядка, и что, с другой стороны, более близкие к нам народы-охотники, живущие в трудных природных условиях, например эскимосы, задолго до вступления в контакт с современной цивилизацией создали многочисленные произведения, которые мы рассматриваем как предметы искусства.

Прежде чем приступить к интерпретации произведений изобразительного искусства верхнего палеолита и мезолита, следует сказать несколько слов об их форме и

технике исполнения, содержании, распространении и хронологии. Прежде всего следует различать две крупные категории: декоративно-прикладное искусство и наскальную живопись. Декоративно-прикладное искусство включает целую серию изделий небольшого размера: собственно произведения искусства, а также орудия и декоративное оружие. Материалом для изготовления этих изделий служили камень (илл. 31), рога оленей (илл. 32), кость (илл. 33), слоновая кость или, реже, зубы. Что поражает в этих изделиях декоративно-прикладного искусства, естественность и качество которых зачастую можно признать великолепными, так это то, что они были полностью обработаны с помощью примитивных инструментов, сделанных в основном из кремнезема. Именно с помощью этих инструментов вырезались рисунки или изготавливались фигуры из материалов, которые в своем большинстве были твердыми, за исключением стеатита, который использовался редко. Резные силуэты из плоских пластинок оленьих рогов или из кости и дополненные резьбой, составляют другую определенную субкатегорию (илл. 32, 33). Некоторые изделия прикладного характера носят еще следы краски: либо они были полностью покрыты охрой или иным красителем, либо выгравированные линии были заполнены цветной пастой, либо фигуры животных были нарисованы на плоских камнях. (Мы вернемся к вопросу о красителях и технике рисунка, когда дойдем до наскальной живописи.) В декоративно-прикладном искусстве цвет, вероятно, использовался значительно шире, чем мы об этом сегодня догадываемся, однако он исчез из-за длительного пребывания изделий в земле. Наконец, мы обнаружили несколько глиняных фигурок, смешавшихся с обуглившимся пеплом из костей и слоновой кости и подвергшихся обжигу, возможно, случайному, поскольку охотники конца ледниковой эпохи не изготавливали глиняной посуды, мало соответствовавшей требованиям их кочевой жизни. Вполне вероятно, что они также использовали древесину и другие недолговечные материалы для изготовления и отделки изделий. То, что дошло до нас, составляет лишь «костяк» некогда значительно более богатого и разнообразного комплекса изделий; все остальное давно исчезло. Большинство изделий декоративно-прикладного искусства было найдено в жилых поселениях того времени.

Обратимся теперь к наскальному, или «пещерному», искусству. Термин «пещерное искусство» не вполне точен, поскольку многочисленные рисунки, особенно эпохи верхнего палеолита, были обнаружены не только в естественных образованиях – пещерах, но и в многочисленных скальных укрытиях. Что касается термина «настенное искусство», то он носит слишком ограниченный характер: рисунки наносились не только на стены, но и на потолки и даже полы пещер. В искусстве «наскальной живописи» нужно различать резные изображения, рисунки и, реже, скульптурные барельефы. Для своих творений люди эпохи палеолита часто использовали естественные формы пещер, либо оставляя их, как есть, либо немного изменяя их, для того чтобы изображения были легко различимы; то же самое относится к сталагмитам, сталактитам и другим известняковым образованиям. Кроме того, можно согласиться с гипотезой, что человек ледниковой эпохи рассматривал естественные формации, которые он изменял неизвестным нам образом, как реальные фигуры. Возможно, он дополнял их органическими материалами так, что в полумраке пещеры, освещаемой примитивными средствами, они появлялись как подлинные творения доисторических мифов. Когда сегодня мы проходим по этим пещерам, которые иногда тянутся на многие километры, то часто с удивлением замечаем в свете ламп скальные формации, которые при отсутствии видимого человеческого вмешательства напоминают животных или фантастические существа. Насколько же воображение охотников

ледовой эпохи, жизнедеятельность которых была тесно связана с фауной и сверхъестественными силами, могло вдохновляться теми формами, которые они угадывали в темноте! Для того чтобы ориентироваться в подземных лабиринтах, у них, по-видимому, были средства для освещения – масляные лампы или факелы (и здесь еще мы находимся в области предположений), однако эти люди, по-прежнему близкие к природе, несомненно, обладали острым чутьем к ориентированию.

Что касается техники, применяемой в искусстве наскальной живописи, то были обнаружены фигурки, сделанные простым нажимом пальца на мягкую глину, которая местами покрывала стены. Чаще всего встречаются фигурки, вырезанные в скале кремневым инструментом. Такая операция облегчалась тем, что, как правило, это был относительно мягкий известняк, о чем, в частности, свидетельствуют кремневые орудия, обнаруженные на полу или спрятанные поблизости в трещинах. Рядом с относительно грубыми и глубоко вырезанными изображениями удивительно видеть необыкновенно тонкие рисунки, едва различимые невооруженным глазом и трудные для «прочтения». Возникает вопрос, как и с какой целью доисторический человек сделал их, как он мог их рассмотреть в полумраке пещер? И наконец, приведем пример другой, реже применяемой техники: изображения получались с помощью каменных инструментов, которыми ударяли по каменной поверхности (а не вырезанием линий в скале).

Что касается рисунков, то применяемые красители, их изготовление, нанесение и хранение стали предметом множества гипотез. Известно, что это были минеральные вещества, и среди них, возможно, различные варианты железистой охры, гематита, марганца, красной охры, древесного угля. Поэтому цвета изменяются от светло-желтого до черного, проходя через красные и коричневые всех оттенков, однако синие и зеленые цвета отсутствуют. Проведенные опыты доказывают, что краситель измельчался в порошок и перемешивался со связующим веществом – жиром, кровью, белком яиц, соками растений или диким медом. Затем он наносился либо рукой, либо с помощью «кисточек», сделанных из пучков перьев или щетины, стебельков травы, или тампонов из кожи. Нельзя исключить случайное использование техники пастели с помощью палочек цветного пигмента (несколько таких палочек было обнаружено), которые иногда затачивались. Ученые также обсуждают сохранность рисунков. Ясно, что в этом вопросе важна роль среды. В большинстве случаев существующая внутри пещер постоянная влажность разрисованных стен благоприятно сказывалась на их сохранности или, напротив, сухой климат скальных укрытий благоприятно воздействовал на этот процесс. В любом случае главное то, что в течение тысячелетий условия оставались постоянными или немного и постепенно изменялись, а любое резкое изменение этих условий вызывалось воздействием человека, приводя почти наверняка – как и сегодня – к порче рисунков. Наслоения, образовавшиеся на стенах с росписью или резьбой, могли служить защитным слоем, но могли также полностью скрыть рисунки. В этих условиях, очевидно, многие сокровища безвозвратно утрачены, а множество других еще предстоит обнаружить. Открытия могут произойти как в области декоративно-прикладного искусства (и раскопки постоянно дают новые свидетельства), так и в области наскальной живописи по мере открытия новых пещер и скальных укрытий.

Как уже указывалось, самый значительный очаг доисторического искусства, как декоративно-прикладного, так и наскальной живописи, находился в Западной Европе. За пределами Иберийского п-ва и Франции отдельные примеры искусства наскальной живописи эпохи верхнего палеолита были обнаружены только на юге Италии, на Сицилии и на Урале. Однако декоративно-прикладное ис-

Рис. 33. Изображение пещерного медведя (длина 48 см) в пещере Комбарель, департамент Дордонь (Франция); мадленская культура (Национальный центр доисторического периода. г. Перигё)

куство широко представлено в Центральной и Восточной Европе, до оз. Байкал в Сибири. Это – один из факторов, подтверждающих мнение, согласно которому в конце ледниковой эпохи цивилизации народов-охотников, располагавшиеся на обширных территориях Древнего Мира, имели подобные черты, которые можно объяснить схожестью не только окружающей среды, но и менталитета.

Что касается содержательной стороны искусства этого периода, то в нем, несомненно, преобладали изображения животных, в первую очередь крупных млекопитающих – бизона, зубра, лошади, мамонта, шерстистого носорога, северного оленя, каменного барана, пещерного медведя (рис. 33) и бурого медведя. Эти животные имели большое значение как из-за своего мяса, так и из-за того, что из их шкур, меха, рогов, костей, бивней и сухожилий можно было изготавливать одежду, покрывала, орудия, оружие, украшения и другие предметы, необходимые в повседневной жизни.

Однако список животных, составленный на основании найденных костных остатков и их изображений декоративно-прикладного и наскального искусства, значительно длиннее указанного и включает множество других видов, менее популярных у охотников, которые не могли представлять практического интереса для повседневного жизнеобеспечения. Можно привести изображения мелких млекопитающих, на которых охотились из-за их мяса или шкуры, а также птиц, рыб, пресмыкающихся, земноводных и даже насекомых (илл. 33); они, тем не менее, представлены редко и обособленно как в декоративно-прикладном искусстве, так и в искусстве наскальной живописи. Возможно, однако, что от нас ускользают те связи, которые были очевидны в ледниковую эпоху. Встречаются также изображения групп животных (рис. 34).

Что касается изображений людей, то они встречаются крайне редко, хотя в области декоративно-прикладного искусства необходимо учитывать значительное количество фигурок, особенно женских (рис. 35). В наскальной живописи встречаются резные, а иногда и нарисованные изображения людей. Множество фигурок носят «антропоморфный» характер – полулюди, полуживот-

Рис. 34. Настенные резные изображения в пещере Трех братьев, Аржеж (Франция); слева направо: северный олень, гибрид животного с телом оленя и головой бизона, охотник, замаскировавшийся под животное с рогами на голове, с хвостом животного, играющий на «музыкальном луке». Рост человека – 30 см. Мадленская культура

ные, гибридные существа, которые, вероятно, входили в состав мифологии охотников конца ледниковой эпохи. В равной степени заслуживают упоминания так называемые силуэты рук, выполненные либо в позитивном, либо в негативном виде, которые иногда позволяют делать предположения о существовании обрядов калечения пальца. Изображения растений встречаются крайне редко, а их интерпретации остаются очень противоречивыми. Вместе с тем обнаружено множество загадочных знаков – от простых точек или групп точек до сложных орнаментов (ломано или меандр), смысл которых особенно трудно понять.

Наконец, имеются примеры фигурок, вырезанных в глине в виде рельефов или контуров, которые были обнаружены в немногих отдельных пещерах. Здесь тоже нельзя исключить предположение о том, что сохранились не все изделия: либо они разрушились на протяжении тысячелет-

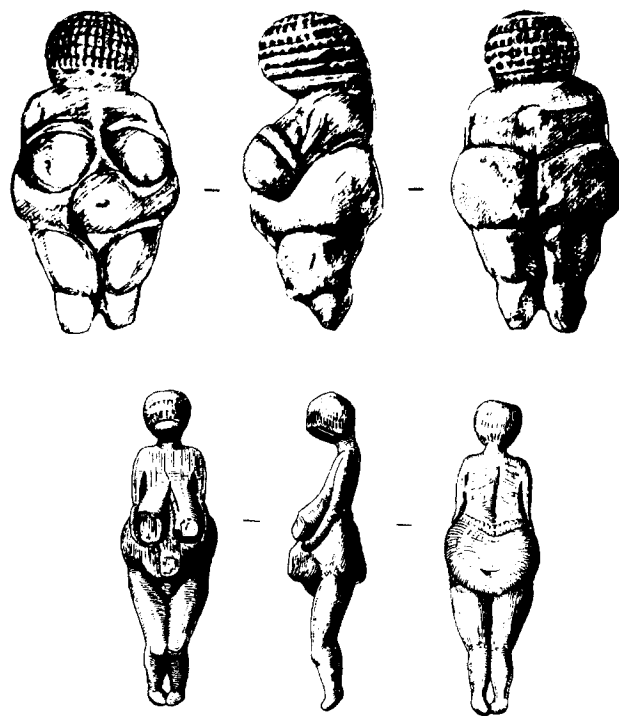

Рис. 35. «Венера» из Виллендорфа в Австрии (высота 10,5 см) и «Венера» из Костёнок (Российская Федерация) (рисунки М. Отте)

Таблица 6. Эволюция стиля в искусстве верхнего палеолита в Европе (по *Leroi-Gourhan, 1965, fig. 6; Lumley, 1984, fig. 1*)

Период	Стиль	Лошади	Фигуры людей	Знаки	Разрисованная галька	Конце искусства палеолита
Поздний мадленский 10,000	Поздний IV				Поздний IV	Поселение Азиль Тейжа
Средний мадленский 13,000	Ранний IV				Классический Ранний	Пик искусства палеолита «Три брата»
Ранний мадленский 15,000	Поздний III				Архаичный Поздний	Ляско Появление монументальной скульптуры и первых барельефов
Солотрийский 20,000	Ранний III				Ранний	«Пэр-нон-Пэр» (Pair-non-Pair)
Граветийский 25,000	II				Примитивный	Развитие искусства палеолита Лепюг
Ориньякский 30,000	I				СТИЛЬ I	«Пэр-нон-Пэр» (Pair-non-Pair)
Шатальперонский 35,000	До-изобразительный				Доизобразительный	Появление искусства Абри-Селье Неизобразительный

тий, либо были разрушены позднее посетителями пещер, преднамеренно или нет.

В отношении искусства наскальной живописи отметим, что пещеры с росписями не всегда служили жилищами: можно показать, что там, где были расположены изображения, места проживания отсутствовали. Большинство наскальных рисунков обнаружено в глубине пещер, но вполне вероятно, что вход в пещеру, часто значительно расширенный, служил жилищем, в то время как художник трудился в глубине пещеры, вдалеке от дневного света. Возможно также, что различные части пещеры поочередно использовались в качестве художественных мастерских и жилья; в связи с этим нельзя упускать из вида шкалу эпох палеолита. Что касается декоративно-прикладного искусства, то здесь не существует деления на повседневную жизнь и другие виды деятельности: изделия перемешаны с орудиями и отходами в тех местах, где охотники разбивали стоянки на более или менее продолжительный период времени. Часто это были орудия или декоративное оружие, изготовленные из органических материалов. В той мере, в какой их стиль соответствовал стилю искусства наскальной живописи, изделия декоративно-прикладного искусства помогают ученым установить более точную хронологию искусства ледниковой эпохи, данные о которой приведены ниже.

В наскальном искусстве существуют четкие различия в технике и стиле, однако они не имеют решающего зна-

чения для абсолютной хронологии, но иногда возможны относительные сопоставления, которые позволяют выделить некоторые вехи для относительной хронологии событий. Как указано в гл. 18, культуры эпохи верхнего палеолита развивались на протяжении от 40 до 12–10 тыс. лет назад. И хотя нельзя исключать возможности того, что примитивные формы художественного выражения существовали с самого начала этого периода и что у всякого искусства могут быть предшественники, все же те факты, которыми мы сегодня располагаем, указывают, что подлинное «начало искусства» восходит лишь к периоду 30 тыс. лет назад. Следовательно, искусство ледниковой эпохи существовало 20 тыс. лет. И хотя культурное развитие в тот период было замедленным (по сравнению с тем ускорением, которое характерно для него с момента перехода к производящему хозяйству периода 10–6 тыс. лет назад), все же речь идет о продолжительном периоде, достаточно долгом, для того чтобы у изобразительного искусства после его робкого начала было время для расцвета, достижения апогея, а затем для постепенного угасания. Уже в течение послеледниковой эпохи мезолита (от 10 до 6 тыс. лет назад), наскальная живопись и декоративно-прикладное искусство охотничьих сообществ ограничивались несколькими культурами и территориями и явно потеряли выразительность и оригинальность.

Согласно Леруа-Гурану (1965) (табл. 6), помимо продолжительной доизобразительной фазы 0, соответствующей

щей шательперронской культуре (между 36 и 32 тыс. лет назад), искусство ледниковой эпохи делится на четыре больших периода. Люмле (Lumley, 1984) называет два первых периода «примитивными», третий – «архаичным», а четвертый – «классическим».

Стиль I (примерно от 32 до 23 тыс. лет назад) в основном характерен для культуры так называемого ориньякского типа, которая постепенно переходила в следующую граветтскую культуру. Стиль II (от 23 до 17 тыс. лет назад) находится на стыке граветтской и солотрейской культур; стиль III переходит от солотрейской культуры к ранней мадленской культуре; наконец, стиль IV (от 13 тыс. лет назад до перехода от верхнего палеолита к мезолиту, т.е. 12–10 тыс. лет назад) соответствует стилю средней и поздней мадленской культуры. Развитие искусства ледниковой эры более детально изложено в гл. 23.

Следует также остановиться на трудном вопросе о значении и конечной цели этих первых проявлений изобразительного искусства в контексте прогрессивных культур охотников конца ледникового периода. Долгое время полагали, что эта проблема в достаточной мере решена Анри Брейлем (Breuil, 1952) и его школой. Этот исследователь внес большой вклад в наши познания об искусстве ледникового периода, и получению большого объема сведений по данному вопросу мы в значительной степени обязаны ему. Вполне естественно, что на протяжении длительного времени его интерпретация искусства верхнего палеолита считалась авторитетной, в частности, в том, что касается искусства наскальной живописи и его роли в жизни охотничьих сообществ в конце ледникового периода в Западной Европе. Несомненно, все предложенные интерпретации шли не только от Брейля. Например, до него Рейнах (Reinach, 1922) уже сформулировал свои гипотезы, а другие специалисты внесли вклад в его теорию. Однако благодаря авторитету Брейля эти гипотезы постепенно превратились в неопровержимые догмы. Как правило, они основываются на экстраполяции – иногда несколько произвольной – этнографических данных, относящихся к современным охотничьим сообществам. Согласно Брейлю, творения ледниковой эпохи, в частности, искусство наскальной живописи, выполняли магическую функцию, имеющую определяющее значение в рамках стратегии выживания охотников. Основные сюжеты изображений имели магическое содержание, охватывая магию убийств и порождения: магию убийств в том смысле, что на рисунках охотник символически убивает животных, а оружие и раны животных изображаются для того, чтобы охота была успешной; порождение в том смысле, что человек изображает спаривающихся или беременных животных, чтобы стимулировать продолжение их видов, необходимых для его собственного выживания. Под влиянием господствующей концепции Брейля все полагали, что в изображениях людей и в более редких изображениях половых символов следует видеть элементы ритуала плодovitости. Считалось даже, что то или иное антропоморфное изображение представляло собой колдуна или шамана, дух предков или дух природы, т.е. «предводителя животных», следящего за дичью, на которую охотится человек.

Объективный анализ может выявить гипотетический характер этих толкований, хотя кажется, что они учитывают все многочисленные аспекты наскальной живописи и декоративно-прикладного искусства. Как бы то ни было, их правдоподобие не доказано. Еще при жизни Брейля и особенно после его смерти в 1961 г. многие ученые пытались пересмотреть эту проблему, чтобы определить, существуют ли другие возможные объяснения. Успех сопутствовал, например, Леруа-Гурану (1965). На основании исследований своей ученицы А. Ламинг-Амперер (1962) он пришел к совершенно новым заключениям. Сначала он проанализировал искусство наскальной живописи, производя с этой целью перепись настенных рисунков в боль-

шом количестве пещер. Он пришел к основному выводу, что расположение изображений животных и людей и знаки, которые обнаруживают в пещерах, – идет ли речь о резных изображениях, рисунках, фигурах из глины или барельефах – методически подчинены одной четкой системе (рис. 36).

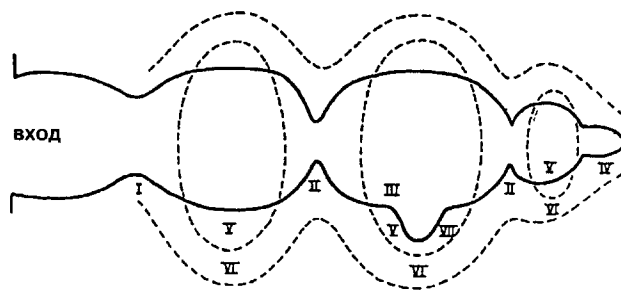

Рис. 36. Топографическое расположение изображений в пещерах: I – расположение в первом пункте (часто там, где начинается полутьма, или в последнем пункте, где виден вход, по всегда в месте сужения или поворота); II – расположение поворотов, проходов, сужений, соединяющих помещения между собой; III – расположение при входе в расщелины, тупики или ниши; IV – расположение в последнем пункте, где имеются изображения; V – расположение в центральной части украшенных стен залов или расширенных частей пещер; VI – расположение по краям центральной части; VII – расположение в расщелинах, тупиках и нишах, выходящих из залов (по Leroi-Gourhan, 1965, fig. 8)

Первой особенностью является пространственное расположение изображений в отдельных пещерах, которому соответствуют следующие семь зон: I – вход в пещеру, где обнаруживаются первые изображения; II – проходы между различными частями пещеры; III – передняя часть расщелин, выступов и ниш; IV – задняя часть, самые удаленные зоны пещеры, где имеются изображения; V – центральные расписанные части самых больших помещений; VI – крайние места зон; VII – места во внутренних частях расщелин, выступов и ниш центральной зоны. Для Леруа-Гурана распределение изображений в этих зонах имеет большое значение, так же, как и распределение загадочных знаков, среди которых он различает две категории: мужские и женские символы. Эти две категории представлены неравномерно во всех зонах: мужские символы находятся в зонах с 1 по 4 и в 6 зоне, а женские символы на 90% сосредоточены в зонах 5 и 7. Таким образом, почти все женские символы и только 1/3 мужских символов расположены в центральных зонах, тогда как большая часть мужских символов и небольшая часть женских символов находятся в удаленных зонах. Кроме того, Леруа-Гуран предложил подобным образом рассмотреть распределение изображений людей и животных. Женские изображения, которые встречаются реже изображений животных, в основном расположены в зоне 5, т.е. в центральной части, как и женские символы; мужские изображения встречаются чаще и расположены почти исключительно в удаленных частях пещеры или в крайних зонах центральных композиций.

Из результатов статистического анализа Леруа-Гуран выводит аналогичную двойственность и для изображений животных. Два вида – бизон и зубр, – как и женские изображения, встречаются почти исключительно (более 80%) в центральных частях пещеры. Они входят в группу В «женского» типа независимо от того, мужские или женские изображения этих двух видов представлены на них. Все остальные животные представляют мужское начало и образуют группу А.

Даже если осторожно сформулированная Леруа-Гураном гипотеза, согласно которой искусство ледниковой эпохи может быть основано на концепции дуализма, ос-

тавляет без ответа многие вопросы и вызывает скептическое отношение определенной группы исследователей, необходимо допустить, что без дополнительной проверки ее нельзя отбросить. Что же касается того, объясняется ли суть этого искусства лишь дихотомическим делением на мужское и женское начало или здесь действуют другие факторы, например социальные мотивы, то это совершенно другой вопрос. Кроме того, здесь пока недостаточное внимание уделено научной интерпретации символов. И наконец, из обсуждения в определенной степени выпало декоративно-прикладное искусство. А в нем содержится многое из того, что может обеспечить нам доступ к возможно высокодифференцированному концептуальному миру прогрессивных охотничьих культур конца ледовой эры, которые были напрямую связаны с окружающей средой и сверхъестественными силами. Методы исследований, разработанные Маршаком (*Marsback, 1972*), являются очень важными не только для изучения декоративно-прикладного искусства, но и наскальной живописи; они учитывают все детали и позволяют понять те связи, которые до того времени игнорировались.

Другой способ проникнуть в тайну искусства ледниковой эпохи состоит в укреплении сотрудничества, с одной стороны, между специалистами по доисторическому периоду, а с другой – между зоологами и этологами (специалистами по поведению животных в естественных условиях). Это позволило бы не только уточнить вид, пол и возраст изображенных животных, но и установить отчетливые признаки времен года и особенности того или иного стиля. Кроме того, наблюдение за поведением животных, которое осуществляется и в настоящее время (это относится и к многочисленным представителям фауны ледниковой эпохи) может поведать нам о мотивах, которые побуждали художника той эпохи изображать животных в определенных присутствующих им позах.

Сегодня имеется такое большое количество произведений декоративно-прикладного искусства и наскальной живописи конца ледниковой эпохи, особенно эпохи верхнего палеолита в Европе, что уже необходимо прибегнуть к компьютерной обработке данных. Таким образом можно будет лучше понять весь комплекс этого чарующего искусства и постепенно расшифровать действительное значение его многочисленных произведений.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Следует, однако, напомнить, что во многих поселениях эпохи среднего палеолита найдены фрагменты костей или каменные пластинки, на которых виднелись ряды линий, более или менее параллельных; скорее всего, они были нанесены сознательно. Вероятно, они представляют собой первые попытки абстрактных изображений (однако такая интерпретация не является общепризнанной среди специалистов по доисторическому периоду). Возможно также, что изобразительное искусство появляется в эпоху

среднего палеолита. Лопатка мамонта, обнаруженная в поселении мустьерского периода Молодова I (на территории бывшего СССР), покрыта перескакающими линиями, которые, по-видимому, изображают быка и женский символ. Более убедительной была недавняя находка кости, на одной из сторон которой вырезано изображение животного; оно находилось в мустьерском культурном слое поселения Пронятин, неподалеку от Тернополя на Украине (рис. 26). Эта проблема рассматривалась К. Валехом (гл. 10 и 12) и В.П. Алексеевым (гл. 13). Х.Г. Банди вкратце вернется к этому вопросу в гл. 23. – *Прим. ред. англ. издания.*

БИБЛИОГРАФИЯ

- ADAM, K. D.; KURZ, R. 1980. Eiszeitkunst im süddeutschen Raum. Stuttgart.
- L'Art des cavernes. Atlas des grottes ornées paléolithiques françaises. 1984. Paris.
- BANDI, H.-G.; MARINGER, J. 1952. L'Art préhistorique: les cavernes, le Levant espagnol, les régions antiques. Basle.
- BANDI, H.-G. et al. (eds) La Contribution de la zoologie et de l'éthologie à l'interprétation de l'art des peuples chasseurs préhistoriques. Fribourg.
- BELTRAN MARTINEZ, A. 1968. Arte rupestre levantino. Zaragoza.
- BREUIL, H. 1952. Quatre cents siècles d'art pariétal. Montignac.
- BREZILLON, M. 1980. Dictionnaire de la préhistoire. Paris.
- DAMS, L. 1984. Les Peintures rupestres du Levant espagnol. Paris.
- Dänische Vorzeit. Führer durch das Nationalmuseum. 1972. Copenhagen.
- DELPORTE, H. 1979. L'Image de la femme dans l'art préhistorique. Paris.
- GJESSING, P. 1932. Artiske Helleristninger i Nord-Norge [Arctic Rock Carvings in North Norway]. Oslo.
- GRAZIOSI, P. 1956. L'arte dell'antica età della pietra. Florence.
- HALLSTRÖM, G. 1938. Monumental Art of Northern Europe from the Stone Age. Stockholm.
- 1960. Monumental Art of Northern Sweden from the Stone Age. Stockholm.
- KOENIGSWALD, W. VON; HANN, J. 1981. Jagdtiere und Jäger der Eiszeit. Stuttgart.
- Kunst der Eiszeit in Deutschland und der Schweiz. 1985. Cologne.
- LAMING-EMPERAIRE, A. 1962. La Signification de l'art rupestre paléolithique. Paris.
- LEROI-GOURHAN, A. 1964. Les Religions de la préhistoire. 4th edn. Paris.
- 1965. Préhistoire de l'art occidental. Paris.
- LUMLEY, H. DE. (ed.) 1984. Art et civilisation des chasseurs de la préhistoire: 34.000-7000 av. J.-C. Paris.
- MARSHACK, A. 1972. The Roots of Civilisation. New York.
- MÜLLER-BECK, M. (ed.) 1983. Urgeschichte in Baden-Württemberg. Stuttgart.
- MUSÉE DE L'HOMME. 1984. Art et civilisations de chasseurs de la préhistoire. Paris.
- REINACH, S. 1922. Cultes, mythes et religions. 3rd edn. Paris. Vol. I.
- SIEVEKING, A. 1972. The Cave Artists. London.
- USKO P. J.; ROSENFELD A. 1967. Palaeolithic Cave Art. London.
- WHYNER, J. 1982. The Palaeolithic Age. London.
- ZERVOS, C. 1959. L'Art de l'époque du Renne en France. Paris.

АФРИКА

ОТ ПОЯВЛЕНИЯ *человека разумного*
 современного вида
 до начала производства пищи
 (производящего хозяйства)

Дж. Десмонд Кларк

**СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ
 И ВОЗМОЖНЫЕ АФРИКАНСКИЕ КОРНИ
 СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Некоторые данные, полученные методом радиоактивного углерода к 1972 г. (*Beaumont & Vogel, 1972*), указывают на то, что датировка технологических культур среднего палеолита в Африке была смещена во времени по отношению к соответствующей датировке культур в Евразии, поскольку полагали, что она существовала еще 15 тыс. лет назад и совпадала по времени с эпохой верхнего палеолита в Европе. С 1972 г., однако, самые ранние даты, полученные для хорошо стратифицированных последовательностей, содержащих остатки культур и фауны, которые находятся в различных частях Африканского континента, расположенных далеко друг от друга, свидетельствуют о том, что нельзя больше придерживаться этой гипотезы о смещении во времени. Отныне ясно, что существовавшая в Африке технология, отнесенная к эпохе среднего палеолита, появилась примерно 200 тыс. лет назад и просуществовала без изменений до 35 тыс. лет назад, уступив место технологиям верхнего палеолита. Следовательно, можно считать, что производство эпохи среднего палеолита в Африке были современниками производств в Евразии и просуществовали на протяжении по меньшей мере 150 тыс. лет.

Любая попытка воссоздания филогенетической эволюции на базе ископаемых остатков гоминидов почти полностью основывается на датировке этих остатков, которые, как правило, слишком древние для того, чтобы их можно было проанализировать с помощью метода радиоактивного углерода. Следовательно, нужно прибегнуть к другим менее надежным методам – радиометрическим и изотопным; однако вполне допустимо проводить датировку большинства ископаемых остатков с минимальной достоверностью, учитывая стратиграфические данные, сведения о фауне и остатках культур. Действуя подобным образом, мы можем констатировать, что с точки зрения морфологии создатели мустьерских и леваллуазско-мустьерских производств Евразии до завершающей стадии эпохи среднего палеолита принадлежат к неандертальской ветви.

Однако открытия, сделанные в Западной Азии, показывают, что у отдельных народов, относящихся к мустьерским культурам, уже присутствуют физиологические признаки современного человека (*Day, 1977*, pp. 89–100). С другой стороны, сегодня мы знаем, что в поздний ашельский период в Африке (между 700 и 200 тыс. лет назад) зафиксированы отдельные черты современного человека (*Brauer, 1984*). В последнее время эти африканские окаменелости, в которых можно различить черты современного человека, были хронологически разделены на две группы (*Brauer, 1984*): раннюю группу, называемую группой архаичного *человека разумного* и относящуюся к периоду среднего плейстоцена, и более позднюю группу, жившую в эпоху перехода от среднего плейстоцена к позднему плейстоцену и в начале последнего ледникового периода. Типологически все артефакты, найденные вместе с такими окаменелостями, относятся к среднему палеолиту. Эти открытия имеют большое значение, учитывая пробудившийся интерес к проблеме происхождения и расселения человека современного вида (*Stringer, 1974; Brauer, 1984*) и отход от гипотезы о существовании гоминида до *человека разумного*, которая приписывала современному человеку европейские корни на основании предположения, ныне отвергнутого, о наличии двух параллельных ветвей, одна из которых вела к неандертальцам, а другая – к кроманьонцам (*Vallois, 1954*).

Последние исследования, нацеленные на расшифровку следов биохимической эволюции, имеющихся в генах человека, подкрепляют тезис об африканском происхождении человека современного типа. В одном из исследований (*Wainscott et al., 1986*) были рассмотрены сходные признаки, существующие между одинаковыми небольшими участками молекулы ДНК, содержащими гены гемоглобина, у четырех современных крупных популяций, и было отмечено, что эти сходные признаки подтверждают мнение о быстром расселении современного человека из единого очага, который предположительно находился в Африке. Приведенные в другом исследовании (*Cann et al., 1987*) расчеты медленных изменений (от 2 до 4% за каждый миллион лет), произошедших в митохондрических

молекулах ДНК человека на протяжении тысячелетий и передающихся только через мать, показывают, что все представители современного вида человека происходят от одной и той же небольшой группы, жившей предположительно в Африке в период между 280 и 140 тыс. лет назад. Эти свидетельства, предоставленные молекулярной биохимией, по всей вероятности, являются спорными, но должны быть уточнены, поскольку они ясно показывают, что гипотеза, согласно которой генетическая наследственность современного человека начиналась в одном центре и быстро распространилась из него в разные стороны, является более правдоподобной, чем та, в соответствии с которой независимые архаические разновидности вида *человек разумный* расселились во всех крупных регионах Древнего Мира.

Если верно, что носитель современного генотипа сначала появился в Африке, то связанный с ним прогресс в морфологии, разуме, языке и технологии должен быть ясно виден в ископаемых остатках и археологических находках, обнаруженных на Африканском континенте. При этом следует иметь в виду, что современная техника раскопок, возможно, недостаточно точна, чтобы позволить провести их идентификацию и интерпретацию иначе, чем в общих чертах. Однако, как можно судить об этом сегодня, типологические и технологические изменения, наблюдаемые в Африке с начала периода позднего плейстоцена, также отмечены и в Евразии. На самом деле эти изменения кажутся более характерными для всей эпохи и не ограничиваются только Африканским континентом, однако не будем забывать, что многие черты, которые отличают современных людей от их далеких предков, не оставили никаких следов в археологии и должны быть реконструированы.

Как следствие, в качестве рабочей гипотезы можно допустить, что ядро вида *человек разумный* современного типа появилось где-то в южной или восточной части Африки немного позднее окончания периода среднего плейстоцена и оттуда распространилось на территории Леванта и Африки южнее Сахары. Успешное развитие этой популяции обусловлено владением полной системой речи, которая давала возможность передавать точную информацию, развивать абстрактное, идеологическое и символическое мышление, оперируя представлениями и символами, и изобретением новой более прогрессивной технологии, которая в меньшей степени повлияла на развитие производств по изготовлению пластин и составных орудий, чем на новые формы применения артефактов, благодаря которым образовавшиеся сообщества смогли расширить и повысить эффективность использования новых ресурсов, сохраняя при этом свою индивидуальность. Нет ни малейшего сомнения в том, что первые люди современного типа были несравненно лучше вооружены в плане интеллекта и поведения, чем все более древние популяции, которые поэтому быстро исчезли из всех регионов и уступили место современным людям. Все более многочисленные данные определяют расположение ядра очага их распространения в Африке, однако пока речь идет лишь о гипотезе, которая должна быть подтверждена множеством более точных наблюдений и строго научно доказана.

ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ

Технология среднего каменного века, основанная на расщеплении различных форм нуклеусов, предварительно подготовленных или нет, исчезла в Африке 35–40 тыс. лет назад, а возможно, и раньше. В некоторых частях Северо-Восточной Африки, Средиземноморского побережья и долины Нила к северу от Асьюта культуры среднего палеолита уступили место производству пластин по типу культур

верхнего палеолита, и самыми многочисленными типами орудий стали пластины со спинкой, резцы (предназначенные для получения канавок и резки) и концевые скребки. По-видимому, это производство получило относительно ограниченное распространение: в настоящее время его присутствие отмечено только в двух пещерах на Киренаике (*McBurney*, 1967, pp. 135–184) и в двух поселениях в долине Нила, в одном из которых кремнезем (кремнистый известняк) добывался открытым способом из колодцев в форме колокола (*Vermeersch et al.*, 1982). В Северной Африке неизвестны ископаемые остатки человека, относящиеся к периоду от 40 до 20 тыс. лет назад, однако в Назлет-Кхатере, поселении в верхней долине Нила, относящемся к периоду 35–30 тыс. лет назад, были обнаружены захоронения двух индивидуумов, физические характеристики которых, несмотря на массивное телосложение, во всем похожи на людей современного типа (*Vermeersch et al.*, 1984).

Можно было предположить, что если технология верхнего палеолита намного опережала традиции других культур, то она должна была быстро распространиться по всему Древнему Миру. Однако этого не произошло: она никогда не достигла, например, Китая, Юго-Восточной Азии или Австралии, она не распространилась и на остальной части Африканского континента. В африканских культурах, возникших после позднего плейстоцена, использовались то пластины, то сколы, то орудия в форме нуклеусов, хотя их изготовители были людьми современного типа в полном смысле этого слова (*Clark*, 1981). Это разнообразие, возможно, объясняется стилистическими предпочтениями в морфологии орудия и технологии изготовления в зависимости от традиционных форм поведения, связанных в конечном счете со способом существования.

Северная Африка (карта 13)

Кроме поселений в Киренаике (историческая область в Ливии. – *Прим. ред.*) и долине Нила, упомянутых выше, период между 40 и 20 тыс. лет назад в Северной Африке представлен только относительно небольшим количеством скоплений. В Магрибе это положение частично вызвано недостаточностью материала, который мог бы быть датирован. Только два магрибских местонахождения – Тамар-Хат и Тафоральг (нижний уровень) датируются от 25 до 20 тыс. лет назад – они были населены в период последнего оледенения, когда море достигло самого низкого уровня (*Saxon*, 1974). Еще одно производство пластин на Атлантическом побережье Марокко, которое пока не вошло ни в одно описание, относится к периоду примерно 27,7 тыс. лет назад (*Close*, 1986). В ту эпоху побережье находилось как минимум на 90 м ниже его современного уровня и на несколько километров севернее, и возможно, что часть жилищ этого периода располагалась в прибрежной полосе, где был более мягкий климат. Равнина восточнее Атласских гор была холодной, ветреной и засушливой; вероятно, поэтому в этом регионе не сохранилось ни одного поселения, относящегося к данному периоду, за исключением, возможно, горизонта Коллиньон в Сиди-Мансуре (*McBurney*, 1960, pp. 215–217). Местное производство каменных изделий называется иберийско-мавританским или оранским (рис. 37); оно включало изготовление пластин относительно небольших размеров со спинкой или с ретушью для крепления на рукоятках разными способами. Большинство иберийско-мавританских местонаждений и скоплений относится к окончанию периода плейстоцена, 14–10 тыс. лет назад, и почти все они рассеяны вдоль равнинного побережья на севере Магриба (*Camps*, 1974, pp. 52–99; *Smith*, 1982, pp. 377–382). Для них характерны такие каменные орудия, как небольшие пластины со спинкой, также обнаружено несколько концевых скребков, резцов и буров.

Карта 13. Основные регионы и местонахождения в Африке, указанные в тексте

Микролиты, в основном в виде сегментов, встречаются в разных пропорциях, а наличие технологии деления пластин с применением микрорезцов отмечено лишь в отдельных местах. Характерная форма ретуши получалась путем тонкого кругого скалывания с краев и, может быть, предназначалась для того, чтобы облегчить крепление пластинок с помощью мастики или путем привязывания. С этими

каменными артефактами иногда находили шилья, наконечники и резки из кости, а в одном поселении (Тафоральт) был обнаружен фрагмент, похожий на наконечник гарпуна с зубринами (рис. 37). Украшения встречаются редко, и они простые: морские раковины и камни, а также красные и желтые красители, вероятно, использовали для тела и для украшения изделий, поскольку не осталось никаких

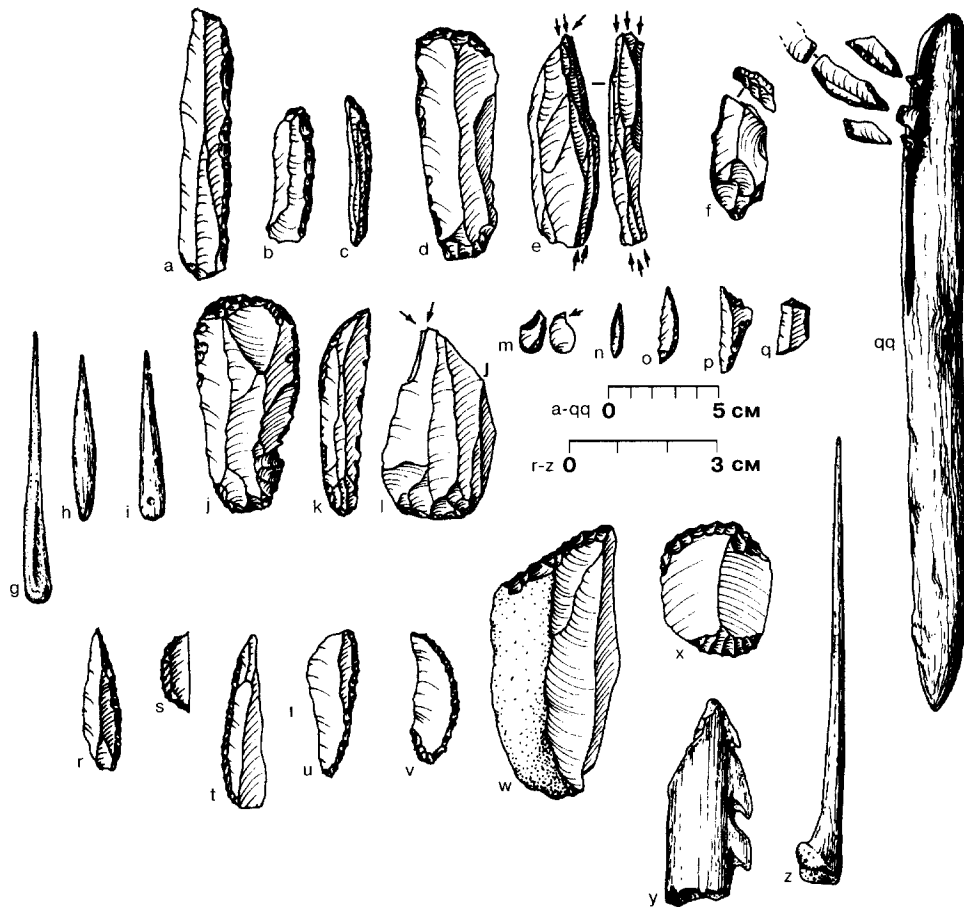

Рис. 37. Артефакты производств верхнего палеолита в Северной Африке: а-ф – артефакты даббийского производства из пещеры Хауа-Фтеах (Киренаика): а-с – пластины со спинкой, d – концевой скребок, е – резец, f – пластина со скошенной кромкой и осколок для зачачивания (по *McBurney*, 1960); g-г – артефакты из капсийского комплекса (из различных поселений в Тунисе и из восточной части Алжира): g – шило из кости, h – остроконечник из кости, i – иглолка из кости, j – концевой скребок, k – пластина со спинкой, l – резец и концевой скребок, m – микрорезец, n-п – геометрические микролиты, q – рукоятка серпа из кости с прорезью и микролитическими вставками (по *Clark*, 1978, p. 56); r-z – артефакты иберийско-мавританского (оранского) производства из пещеры Тафоральг (Марокко): r-v – пластинки со спинками, w – усеченный скол, x – двойной концевой скребок, y – фрагмент костяного гарпуна с зубуринами, z – шило (по *Camps*, 1974, p. 74)

следов искусства в виде наскальной живописи, хотя и найдено несколько камней с вырезанными на них линиями в поселении Тафоральг, которые, возможно, являются первыми пробами в искусстве. В некоторых оазисах на севере Сахары была обнаружена скорлупа страусовых яиц (которые служили сосудами для жидкостей) и их запасы, похожие на те, которые еще недавно делались некоторыми группами охотников-собираателей в регионе Калахари.

Иберийско-мавританская культура просуществовала около 10 тыс. лет, и хотя за это время не произошло значительных сдвигов в различных районах, однако, можно отметить некоторые изменения этой культуры. Пластины изготавливаются с большим мастерством, превращаясь в накопечники и режущие и колющие наконечники, крепящиеся разными способами к сложным орудиям и оружию, деревянные рукоятки которых не сохранились. Эти древние обитатели Магриба охотились на диких быков и других крупных животных, на зебру, таров (разновидность каменного барана, которого можно отнести и к козлам, и к баранам), газель, кабана, гигантского оленя, гигантского буйвола и носорога. Вполне вероятно, что они пользовались и многими другими ресурсами: с помощью плоских каменных жерновов, возможно, перемалывались желуди, сосновые шишки и фисташки, а также клубни и семена злаков и других диких растений; к копательным орудиям привязывались просверленные камни. В поселениях иногда встречаются остатки улиток, раковин, морских и пресно-

водных моллюсков, птиц, грызунов и рыб. Большинство различий, наблюдаемых между скоплениями в разных регионах, можно объяснить сезонными изменениями пищевых ресурсов, которые, по-видимому, вынуждали людей жить попеременно в нескольких пещерах, скальных укрытиях или на открытых стоянках, удобно расположенных на их территории. Эти перемещения сезонного характера зимой происходили по направлению к побережью, а весной и летом – в глубь континента, возможно, вплоть до пустынных степей, на что указывают некоторые иберийско-мавританские поселения более поздней эпохи. Однако в настоящее время мы немного знаем социально-хозяйственной организации этих групп охотников-собираателей. Их сообщества должны были быть хорошо организованными и структурированными, чтобы осуществлять регулярные сезонные миграции в пределах четко установленной территории. Открытие в нескольких пещерах больших некрополей, в одном из которых насчитывается более 200 захоронений, указывает на существование поблизости базовых лагерей, регулярно заселяемых во время периодов, благоприятных для использования местных ресурсов. Остатки охоты, обнаруженные в Тамар-Хате, являются дополнительным свидетельством этого: 90% пищевых остатков составляют кости таров, чаще всего молодых самцов и взрослых самок, что отражает определенную форму регулярного и продолжительного использования стад животных (*Saxon*, 1974, pp. 79–82).

Многочисленные остатки скелетов позволяют достаточно хорошо познакомиться с физическим обликом представителей иберийско-мавританской культуры. Этим массивных людей вполне современного типа, известных как «раса Мепгта-Афалу» по названию двух основных некрополей, сравнивали с кроманьонцами, жившими в Западной Европе в эпоху верхнего палеолита. На их костях не видно следов повреждений, однако был установлен повышенный уровень детской смертности, а иногда плохое состояние здоровья (следы карисса зубов и артрита). Кроме того, некоторые генетические признаки указывают на высокую степень кровного родства людей, следовательно, значительное число этих групп жило в относительной изоляции, что достаточно правдоподобно, поскольку демографического давления в тех местах практически не было (Camps, 1974, pp. 81–86; Smith, 1982, pp. 381–382, 401–404).

Отступление наземных ледниковых покровов в конце периода последнего оледенения, 10 тыс. лет назад, проявилось в Северной Африке в виде значительного смягчения температур; уровень моря стал таким же, как сегодня, а климат на континенте вплоть до территорий южнее Сахары стал более жарким и влажным, чем сейчас. Огненные плато Магриба и пустыня стали более благоприятными для популяций людей, и поэтому заметен значительный сдвиг основных мест поселений в начале послеледниковой фазы (Lubell et al., 1984). В Магрибе люди селились преимущественно в самых восточных частях плато (Тунис и восточная часть Алжира), тогда как в Сахаре они обустраивались на берегах рек и озер, теперь полноводных благодаря дождям, принесенным ветрами северной и тропической ветровых систем.

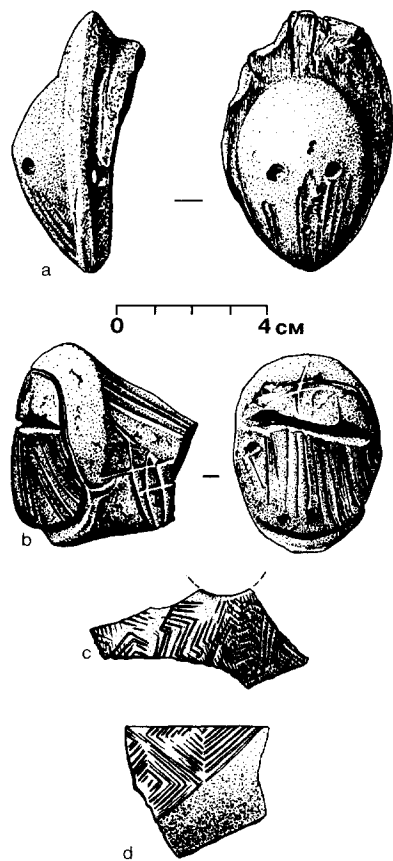

Рис. 38. Предметы искусства позднего капсийского периода (местонахождение Эль-Мекта, Тунис: антропоморфные (а) и зооморфные (b) изображения, вырезанные из мягкого известняка; с – d – скорлупа страусовых яиц с рисунками, найденная в других тунисских поселениях позднего капсийского периода)

Иберийско-мавританская культура была вытеснена новым эппалеолитическим комплексом – капсийским (рис. 37), основной центр которого находился в восточных частях внутренних плато Атласских гор (Camps, 1974, pp. 100–220; Lubell et al., 1975). Известно большое количество местонахождений, значительная плотность расположения которых, вероятно, отражает общий прирост населения и широкое использование земель, почти соответствующее оседлому образу жизни. Большинство из этих местонахождений представляет собой огромные кучи мусора под открытым небом, в которых перемешаны каменные орудия, древесный уголь и пепел, земля и остатки пищи – в основном кости и раковины *Helix* (наземные улитки), которые дали этим кучам название «склады улиток». Сегодня нам достаточно хорошо известен образ жизни капсийских групп охотников-собираателей высокогорных равнин. Для добычи пищи они охотились на антилоп, диких быков, таров, газелей, зебр, зайцев и черепах (которые они, вероятно, зажаривали в земляных печах с помощью предварительно нагретых камней). Однако, поскольку в поселениях не обнаружено большого количества костных остатков, было высказано предположение, что за антилопами велось особое наблюдение и применялись особые методы охоты на них и выборочного забоя. Улитки, по всей вероятности, являлись важным источником получения протеинов: их собирали в большом количестве, в зависимости от времени года, а затем варили в корзинах или кожаных мешках, бросая в воду нагретые камни, которых мы находим в упомянутых «складах». Растительные остатки встречаются редко, однако вполне вероятно, что капсийцы употребляли в пищу те же типы растений, что и их предшественники, представители иберийско-мавританской культуры. Некоторые применявшиеся предметы, свидетельствующие о том, что люди занимались сбором и приготовлением диких злаков, более четко показывают значение этих источников питания. Было найдено несколько костяных «серпов» с вставками (или ножей для жатвы), в некоторых из них еще сохранились вставки из микролитов; на режущей кромке других изделий из пластин был обнаружен блеск, вызванный отложением кремния. Плоские жернова и ручные пестики со множеством маленьких дырок говорят о том, что люди дробили растения, прежде чем их съесть. В группах капсийцев, вероятно, были домашние собаки; действительно, если находки, сделанные в восточной части Магриба, не являются убедительными, то на сегодня удалось идентифицировать остатки домашних собак в культурных слоях ливийско-капсийского производства (древние капсийцы и ливийцы были современниками и жили рядом в период между 10 и 7 тыс. лет назад), обнаруженного в пещере Хауа-Фтеах на Киренанке (рис. 37) (Klein & Scott, 1986).

Капсийский период делится на две фазы (типичный капсийский и поздний капсийский). Сначала полагали, что это две хронологически четкие отдельные фазы, однако затем обнаружилось, что они значительно перекрывают одна другую и, возможно, соответствуют различным видам деятельности. Сырьем служил эоценовый кремнь в виде крупных желваков, поэтому размеры многочисленных орудий капсийской культуры были крупнее размеров орудий иберийско-мавританской культуры, которые зачастую выскалывались из мелкой гальки. Орудия представлены пластинами со спинкой, коцевыми скребками, резцами и другими крупными орудиями, высеченными из красивых нуклеусов призматической формы. Пластины иногда получались методом давления. Наличие производства микролитов отмечено на протяжении всего капсийского периода, но чаще всего они изготавливались в течение поздней его фазы. Техника производства микрорезцов широко использовалась для производства микролитов геометрической формы – разносторонних треугольников, полумесяцев,

прямоугольников и трапеций. Производится все большее количество изделий из кости, а заметная полировка некоторых шильев, по-видимому, свидетельствует о работе с кожей. Страусовые яйца, по-прежнему служившие в качестве сосудов, стали украшаться геометрическими орнаментами, а иногда и рисунками. Отмечается также наличие небольших изделий декоративно-прикладного искусства: дощечки с резьбой и фигурки, вырезанные из мягкого известняка и украшенные головами людей или животных и фаллическими символами (рис. 38). Вполне вероятно и то, что некоторые из самых древних наскальных рисунков на севере Сахары, изображающих крупных животных, относятся к капсийской культуре, а большие рисунки диких быков, найденные на Киренаике и в долине Нила (Ком-Омбо), были выполнены современными ей группами людей (Smith, 1982, pp. 397–400).

Остатки скелетов, которые были найдены в кучах мусора, показывают, что капсийские люди были менее массивными, более стройными, чем люди Мепта-Афалу, хотя, бесспорно, и происходили от них. Их называют «прото-средиземноморскими» людьми. На скелетах имеется немало следов повреждений: вырванные резцы (признак, характерный для иберийско-мавританской культуры); черепа, видоизмененные после смерти – распиленные, разрезанные или просверленные, в частности, для того чтобы сделать нечто вроде маски или «трофейного черепа»; вставленный в нижнюю челюсть искусственный зуб; отсутствие малой берцовой кости человека (из которой сделан кинжал).

Иберийско-мавританская и капсийская культуры не являются единственными признаками эпохи энипалеолита (среднего каменного века, или мезолита) на северо-востоке Африки, однако эти культуры, без сомнения, были самыми важными и наиболее изученными из всех. В Марокко, куда никогда не проникала капсийская культура, существовала разнородность иберийско-мавританской культуры. Впрочем, встречаются другие разнородности, или фации, существовавшие на более ограниченных территориях (такие как керемийская, меллалийская и фация эль-Уэд), которые характеризуются изготовлением очень мелких микролитов (колоннатийская разновидность), но их связь с капсийской культурой достоверно не установлена. Большинство местонахождений не датированы и, вероятно, являются региональными вариантами капсийской культуры или представляют орудия той же эпохи, предназначенные для определенных целей.

Археологическая последовательность Магриба повторяется на Киренаике с некоторыми региональными отклонениями. В Хауа-Фтеахе даббийскую культуру, относящуюся к верхнему палеолиту, 14 тыс. лет назад заменила новая культура, называемая восточной оранской (иберийско-мавританской) культурой, среди орудий которой доминировали пластины со спинками, иногда имевшие размеры микролитов. Основным объектом охоты на прибрежной равнине был аравийский подвид тара, тогда как в другом поселении (Хагфет-Тера), расположенном на границе с пустыней, основным видом продовольственной дичи являлась газель. По всей вероятности, оба поселения были слишком удалены друг от друга (200 км), чтобы в разное время года в них могла проживать одна и та же группа людей, и, следовательно, в них могли жить две отдельные группы, адаптировавшиеся к местным условиям. Две челюсти человека, отнесенные к восточной оранской культуре Хауа-Фтеах, свидетельствуют о том, что эти люди представляли собой вполне современный тип человека (McBurney, 1967, pp. 185–228). Примерно 10 тыс. лет назад восточная оранская культура была заменена ливийско-капсийской культурой, названной так по причине родства с капсийской культурой. По-видимому, этот вид производства осуществлялся группами людей, ориентированными на проживание в пустыне и адаптировавшимися к более сухому и жар-

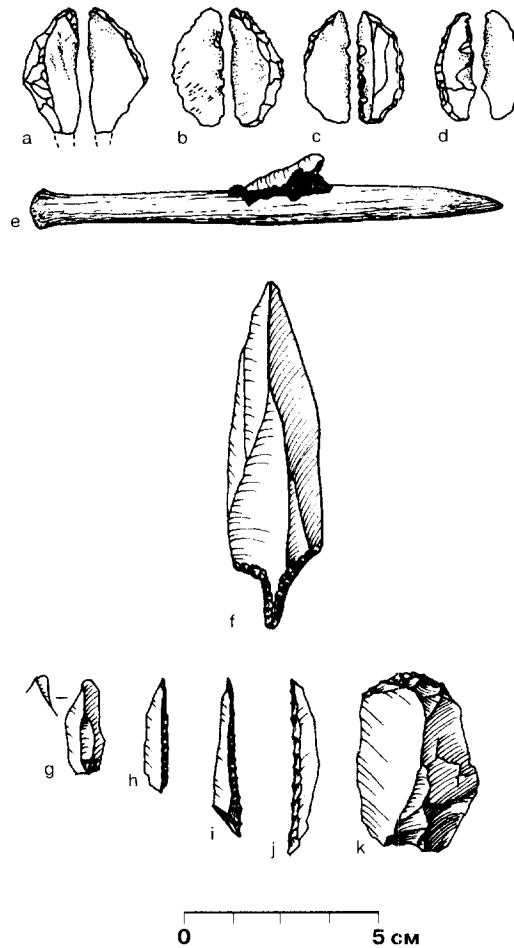

Рис. 39. Артефакты культур региона Сахары: а–д – микролиты со спинкой со следами кремниевое блеска на режущей кромке (указаны пунктирной линией; штрихи на фрагменте в указывают участки со следами мастики) (Тунка, Нубия); е – возможный способ крепления инструмента к рукоятке (по Wendorf & Schild, 1976, p. 277); ф – наконечник унанийской культуры из Центральной Сахары (по Smith, 1982, p. 395); г–к – артефакты производства энипалеолита из оазиса Уаргла (Алжир) (меллалийская культура) г – микрорезец, h–j – пластины со спинкой прямой формы, k – концевой скребок (по Camps, 1974, p. 201)

кому климату, который в то время установился в регионе. В основном они охотились на тара и на крупных быков, собирали улиток и скорее всего питались страусовыми яйцами, скорлупа которых использовалась в качестве сосудов и украшалась рисунками. Наличие перемалывающего оборудования доказывает, что они собирали и употребляли в пищу растения, в частности дикие злаки (McBurney, 1967, pp. 229–270).

Примерно 10 тыс. лет назад Сахара стала вновь заселяться крупной тропической дичью (эфиопская фауна) и людьми. Поселений, относящихся к этой эпохе, мало, и они очень разбросаны, что, возможно, является признаком ослабления демографической плотности на протяжении начальной фазы повторного заселения. Оазис Сива был вновь заселен в период между 8800 и 8400 гг. назад (Hassan, 1978), так же, как и оазисы на северо-востоке Сахары, например, меллалийское поселение в оазисе Уаргла (8600–7700 лет назад) (рис. 39) (Camps, 1974, pp. 200–203).

Выявлено наличие энипалеолитических производств (например унанийского) на севере Мали (рис. 39), а также в Адрар-Бу и на плато Аир, однако их датировка не была произведена (Clark, 1976a). Производства, расположенные в оазисах, на равнинах западной пустыни и в других районах Египта (датируемые временем между 9 и 8,3 тыс. лет

назад), в частности, в Набта-Плая и в районе Дайк к югу от г. Дахла, или в оазисе Харга, характеризуются изготовлением микролитов аналогичной формы, но в разных пропорциях, а также выпуском небольшого количества наконечников, типичных для культур Унана и Бу-Саада, которые могут представлять собой наконечники для древних прототипов стрел (*Wendorf & Schild*, 1980, pp. 103–128, 188–189). Эти местонахождения соединены с песчаными осадочными породами, которые отложились рядом с бассейнами небольших озер закрытого типа или с водотоками, или, как в Харге, с артезианскими источниками; ясно, что близость воды была самым важным критерием при выборе места поселений. Все поселения имеют небольшие размеры и могли быть стоянками охотников, несмотря на то что западная пустыня была слишком засушливой в течение этого периода, чтобы дать приют крупным млекопитающим, газелям и зайцам, составлявшим основную часть добычи охотников. Наличие многочисленных жерновов свидетельствует о значении дикорастущих зерновых в рационе питания населения пустыни и позволяет узнать о том времени года, в течение которого в этих поселениях проживали люди. Преимущественное использование материалов лучшего качества (кремнистый известняк эпохи эоцена), даже если их приходилось перевозить на значительные расстояния (*Wendorf & Schild*, 1980, pp. 257–264), показывает, что эти популяции были очень подвижными. Занимаемые поселения обеспечивали относительно благоприятные условия проживания, однако другие группы людей, о которых речь пойдет дальше, примерно 8 тыс. лет назад поселились на берегах озер в Центральной и Южной Сахаре.

Нил (карта 13)

Нил был и остается главной экосистемой Северо-Восточной Африки. На сотни километров его окружают пустынные пространства Судана и Египта. Его долина была очень удобным регионом для охотников-собирателей, которые с начала последней фазы плейстоцена питались в равной степени рыбой и моллюсками, добытыми в его водах. Существование раннего производства пластин отмечено на севере Египта до 30 тыс. лет назад, в то время как на юге, в Нубии, продолжала существовать древняя технология предварительной подготовки нуклеусов, постепенно уступавшая место производству пластин и более мелких орудий, которые станут настоящими микролитами примерно 15 тыс. лет назад. Заселение долины Нила зависело от климатического режима Экваториальной Африки, откуда текли воды этой реки. Вследствие изменения климата вода в Ниле периодически то поднималась до высокого уровня, что сопровождалось значительными отложениями ила на его заливной равнине, то опускалась до низкого уровня, когда его русло подвергалось сильной эрозии. Уэды (*vadi* по-арабск.) – сухие долины в пустынях – наполнялись водой лишь тогда, когда дожди заливали весь Египет. Пастбищ было то очень много (в основном в периоды высокого уровня воды в Ниле), то крайне мало (в периоды обмеления Нила), и людям приходилось конкурировать за них между собой.

Было идентифицировано некоторое количество скопленных (производств) каменных орудий, которые имели четко выраженные технологические и типологические признаки (*Wendorf*, 1968; *Wendorf & Schild*, 1976), однако причины такого разнообразия плохо изучены. Одни комплексы могли соответствовать одному конкретному виду деятельности, другие – специфическим образом отражать функциональные различия, связанные с различиями в способах использования сезонных ресурсов, третьи – представлять разные этнические группы, каждая из которых развивала производство орудий особого вида. Большин-

ство сведений было получено при строительстве высотной Асуанской плотины. В период между 20 и 10 тыс. лет назад культуры долины заметно эволюционировали, поскольку обитатели долины могли пользоваться относительно устойчивой экосистемой с несколькими микросредами. Кроме рыбы река давала моллюсков и речных животных (бегемотов, грызунов, крокодилов и черепах). Леса были населены дикими быками и антилопами, а из пустынных степей приходили тары и газели. Это богатое природное окружение особенно благоприятствовало проживанию в тех местах, где заливная равнина Нила была широкой. В оптимальных климатических условиях люди могли пытаться применять новую технику и жить относительно стабильно, однако когда эти условия ухудшались, как, к примеру, в конце плейстоцена, группы людей, проживавших на более удаленных территориях, должны были приспособляться к ним, что вынуждало их вступать в открытые конфликты, чтобы отстаивать свою территорию и место в долине.

Более 40 тыс. лет назад в Верхнем Египте и в Нубии жили представители развитой формы мустьерской культуры, известной под названием хормузской культуры. Климат был сухим, и люди жили недалеко от реки, охотясь на крупных наземных и водных животных и отлучая к случаю занимаясь рыбной ловлей. В период между 19 и 15 тыс. лет назад эту культуру сменила новая культура – халфийская, в которой еще применяли леваллуазскую технологию раскалывания. Сколы и пластины стали очень небольшими, а в долине появилась отделка крутой ретушью. Отмечено наличие жерновов, и это свидетельствует о том, что растительная пища занимала важное место в рационе питания, однако жернова были менее распространены, чем в поселении Вади-Куббания недалеко от Асуана в Верхнем Египте (*Wendorf et al.*, 1980). Производство Куббания связано со стоянками, располагавшимися на дюнах, которые возвышались над небольшой бухтой, образуемой водами Нила, в течение засушливого периода между 21 и 19 тыс. лет назад. Набор каменных орудий свидетельствует о существовании производства настоящих микропластин, несмотря на наличие некоторых элементов халфийской культуры и многочисленных примеров отделки крутой ретушью. Использовались разнообразные источники сырья, а само поселение, вероятно, заселялось неоднократно в течение года. Помимо ископаемых остатков крупных млекопитающих, в некоторых местах было найдено значительное количество остатков зимних перелетных птиц, а также рыб. Многочисленные, немного изношенные жернова, довольно глубокие ступки и каменные пестики свидетельствуют о важной роли диких злаков и других съедобных растений, однако на сегодняшний день доказано, что рожь и пшеница, которые, как полагают, собирались уже в эту эпоху, были принесены извне около 6 тыс. лет назад (*Wendorf et al.*, 1980; *Wendorf & Schild*, 1984, p. 61).

Начиная примерно с 18 тыс. лет назад в Нубии и Верхнем Египте стали развиваться некоторые производства (*Wendorf & Schild*, 1976, p. 61). В период между 16 и 10 тыс. лет назад между долиной (и городом) Ком-Омбо к северу от Асуана и г. Исна, в 150 км далее к северу, отмечено существование по меньшей мере 12 производств. Отдельные местонахождения относятся к обширным жилым поселениям, другие – к небольшим стоянкам, в которых периодически проживали люди, и только в части из них были найдены жернова. Некоторые производства (такие как себийийское) характеризуются изготовлением крупных трапециевидных резакров, возможно, относящихся к охотничьему снаряжению, поскольку их находят вперемешку с костями диких быков. Иногда орудия имеют форму макролитов (себекская, меншийская культуры), иногда преобладают микролиты (сильсийская культура) (*Smith*, 1976).

Остатки животных, обнаруженные в поселении с большой жилой зоной, возраст которого составляет около 15 тыс. лет, показывают, что в этом поселении люди жили круглый год, поскольку некоторые животные, вероятно, добывались только летом, другие – только зимой (*Churcher & Smith*, 1972). По-видимому, на завершающей стадии плейстоцена жители долины Нила вели более оседлый образ жизни и полнее использовали природные ресурсы – земную и речную фауну, рыб, птиц; одновременно происходило увеличение потребления растительной пищи и, в частности, дикорастущих злаков. Найденные в Тушке, в Нубии, жернова и сколы микролитов с блестящими гранями, на которых еще видны следы мастики (рис. 39), свидетельствуют об обработке диких зерновых культур и показывают возможные способы крепления орудий к рукояткам (*Wendorf*, 1968, p. 943). В другом поселении, возраст которого составляет приблизительно 12 тыс. лет, находившемся рядом с водоемом, располагавшемся между двумя дюнами на заливной равнине рядом с Исной, в Верхнем Египте, было обнаружено большое количество жерновов и пластин со спинкой, на 15% которых виднелись следы блеска, полученного в результате разрезания растений с большим содержанием кремния. Тот факт, что только часть поверхности осталась блестящей, свидетельствует о том, что пластина крепилась по косой линии с помощью мастики к деревянной ручке, и получался нож для косыбы. В данном поселении также были обнаружены остатки пыльцы ржи. Эти следы завершающей стадии плейстоцена, обнаруженные в долине Нила, являются одними из самых ранних свидетельств систематического применения в пищу пресноводных рыб и дикорастущих злаков, которые добывались обитателями этих богатых территорий.

В период между 12 и 10 тыс. лет назад сообщества, проживавшие в долине Нила, были, несомненно, организованы по территориальному признаку, о чем свидетельствуют обнаруженные в Нубии два большие некрополя (*Wendorf*, 1968, pp. 945–995; *Greene & Armelagos*, 1972), которые, как и некрополи Магриба, вероятно, относились к постоянным поселениям. Иногда делались повторные захоронения, а в большом количестве случаев рядом с остатками скелетов или непосредственно на них обнаруживали микролиты или небольшие пластинки, иногда даже вонзенные в кость, из чего следует сделать вывод, что эти лица умерли насильственной смертью. В частности, захоронения в некрополе Джебель-Сааба содержат признаки возможных коллективных сражений, которые могли бы служить одними из самых ранних свидетельств о вооруженной борьбе между различными группами. Вероятно, в этих столкновениях следует видеть влияние увеличившейся плотности населения, более интенсивного и разнообразного использования ресурсов и возросшей зависимости людей от этих ресурсов, а также воздействие более сухого климата и конкуренции, появившейся в конце периода позднего плейстоцена. С этой точки зрения особенно интересной выглядит находка в Вади-Куббания (*Wendorf et al.*, 1986) захоронения молодого мужчины, по всей вероятности, жившего между 25 и 20 тыс. лет назад и умершего в результате ранения копьем. Морфология человека этого типа свидетельствует о его родстве с другими популяциями эпохи верхнего палеолита в долине Нила (и в частности в Джебель-Сааба), что подтверждает древний возраст данного рода, деятельность которого была мало специализирована и представители которого не имели массивного телосложения (*Wendorf et al.*, 1986).

Подводя итоги, следует отметить, что в северной части Северной Африки производства, основанные на изготовлении орудий из пластин, появились в период между 40 и 30 тыс. лет назад – на побережье Средиземного моря и в долине Нижнего Нила. Затем происходило развитие определенного количества фаций, присущих данному региону или эпохе, каждая из которых свидетельствовала о

наличии постоянной тенденции к производству микролитов. В долине Верхнего Нила, в суданской части Нубии, развивались традиции эпохи среднего палеолита, постепенно обогащаясь орудиями из пластин и микролитов. Это, вероятно, было вызвано распространением на юг технологий эпохи верхнего палеолита, которое осуществляли этнические группы северной части континента, поднимавшиеся вверх по течению реки. В период между 20 и 12 тыс. лет назад в Сахаре царил крайне засушливый климат, и в ней не обнаружено ни одного жилого поселения, относящегося к данному периоду. С 12 тыс. лет назад началось быстрое повторное заселение этого региона, и в многочисленных районах пустыни и долины Нила, где была благоприятная среда обитания, вновь стало процветать хозяйство, основанное на охоте, рыбной ловле и сборе плодов и готовое перейти к производству продуктов питания, которое стало целесообразным начиная с 7 тыс. лет до н. э.

КУЛЬТУРЫ ОХОТНИКОВ-РЫБОЛОВОВ-СОБИРАТЕЛЕЙ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА В ДОЛИНЕ НИЛА И В САХАРЕ (ДЕВЯТОЕ–ШЕСТОЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НАЗАД)

Известные сначала только в долине Нила в Хартуме (*Arkel*, 1949) так называемые поселения «эпохи хартумского мезолита» представляют собой просторные сооружения, вероятно, заселяемые в определенные времена года охотниками, для которых речные богатства (в частности бегемоты, рыба и моллюски) составляли бажное дополнение к продуктам питания. Эти поселения располагаются вдоль Нила на участке примерно 200 км к северу и югу от Хартума. Их жители собирали и перемалывали съедобные дикорастущие растения, как об этом свидетельствует большое количество найденных жерновов и дробилок. Они также охотились на крупную земную живность, и вполне возможно, что их сезонные перемещения были организованы таким образом, что совпадали с миграцией животных и фазами созревания съедобных растений. Материальная культура (рис. 40) этих групп потребителей эпохи раннего голоцена характеризуется, наряду с производством микролитов, изготовлением наконечников с зубринами и других орудий из кости, а также оборудования для дробления зерен и глиняной посуды. Несомненно, искусство изготовления глиняной посуды появилось в долине верхнего Нила в эту эпоху или даже раньше, около 10 тыс. лет назад, неслучайно. Орнаменты в виде волнистых линий и волнистых пунктирных линий, которые дали гончарным изделиям соответствующие названия («волнистая керамика» и т.п.), не являются единственными керамическими изделиями, известными в эту эпоху, но они наиболее характерны для нее. Речь идет о больших, глубоких, открытых чашах, которые, по всей вероятности, служили для приготовления рыбы и крупных брюхоногих моллюсков вида *Pila*, обитавших в пресной воде. В поселениях обнаружено большое количество их остатков. Люди, по-видимому, толкли рыбу, чтобы получить из нее масло и готовить нечто вроде «лепешек» способом, близким к тому, который применяли народы, питавшиеся в основном или исключительно рыбой (они упоминаются древними авторами, например Диодором Сицилийским, как «ихтиофаги») (*Oldfather*, 1979). Сегодня этот способ используется народом бозо (сорко), живущим в дельте р. Нигер (*Ligers*, 1966, pp. 202–203).

Люди эпохи мезолита, жившие вдоль Нила, принадлежали к массивному физическому типу суданских негров, как это четко показывают захоронения (*Anderson*, 1968; *Green & Armelagos*, 1972). Они обладали некоторыми общими признаками с людьми типа Мешта-Афалу из Магриба, древний представитель которого был отнесен к атерий-

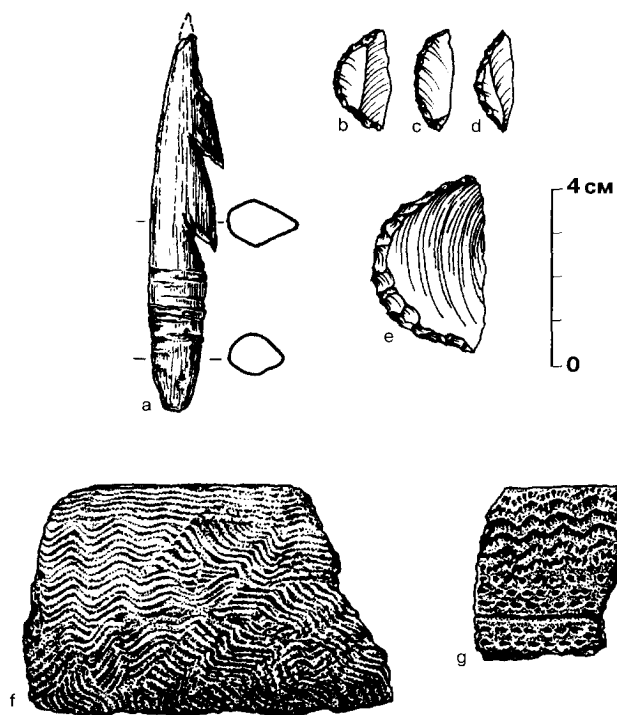

Рис. 40. Изделия эпохи мезолита из поселения «древнего Хартума» (Хартум, Судан): а – гарпун из кости; b–d – микролиты; e – большой «полумесяц»; f – черепок глиняной посуды с орнаментом «волнистая линия»; g – черепок глиняной посуды с орнаментом «пунктирная волнистая линия» (по Arkell, 1949)

ской культуре в Марокко. Таким образом, этот тип, вероятно, мог представлять относительно однородную популяцию, которая в эпоху верхнего палеолита заселяла всю Северную Африку и которая в период позднего плейстоцена путем региональной специализации и адаптации в условиях изоляции дала начало различным местным этническим группам Северной Африки.

«Хартумская традиция» быстро распространилась по Центральной и Южной Сахаре: многочисленные поселения, в которых были найдены волнистая керамика и волнистая пунктирная керамика, гарпунуны из кости и другие характерные изделия, обнаруживаются на территории от западной египетской пустыни, плато Эннеди и плоскогорья Аир до нагорья Тибести, оз. Чад и нагорья Ахаггар (Хоггар) (Clark, 1980a, pp. 562–567). Просторные сооружения на берегах озер и водотоков, в то время не пересохших в летний период, были, вероятно, базовыми стоянками, в которых в сухие сезоны охотились на бегемотов, крокодилов и занимались рыбной ловлей, в частности, ловили нильского окуня. Меньшие временные поселения в неподвижных днах служили в качестве охотничьих стоянок, используемых в период дождей, когда дичь разбегалась. По-видимому, большое значение имели обширные площади, занятые дикорастущими злаковыми травами, которые, как об этом свидетельствуют обнаруживаемые повсюду дробильные орудия, регулярно собирались; однако до настоящего времени у нас нет никаких доказательств того, что какое-либо из этих растений культивировалось.

По-видимому, в Сахаре проживало смешанное население: на севере – средиземноморского типа, а в центре и на юге – негроидного типа (Chamla, 1968). Этому не следует удивляться, так как логично, что проникновение людей в пустыню происходило одновременно с севера и с юга, когда условия проживания в ней стали благоприятными.

Эти сахарские сообщества охотников, рыболовов и собирателей иногда объединялись в единый «ранний неолитический» комплекс, называемый так из-за наличия в нем глиняной посуды и дробильных инструментов, однако данное определение не очень удачно, поскольку для многих археологов неолит связан с производством пищи, а в поселениях подобных сообществ ничто не указывает на существование домашних животных или культивируемых растений. В Центральной Сахаре первые ископаемые остатки домашнего скота появились лишь в конце седьмого тысячелетия до н.э. На севере Египта эпоха неолита в Файюме, ассоциирующаяся с ископаемыми остатками одомашненных быков и овец, приходится на период 8500–9000 гг. до н.э. На Киренаике и в Магрибе домашние овцы и козы появились 8 тысячелетий назад, тогда как для западной египетской пустыни эта дата предположительно немного более древняя (9 тыс. лет назад). Такой вывод сделан на основании находок глиняной посуды и остатков овец в культурном слое раннего неолита в Набта-Плайя, относящемся примерно к 8 тыс. лет назад. На пике развития сахарский неолит представлял собой хозяйство пастушеского типа, возникшее 7 тысячелетий назад и основанное на выращивании крупного рогатого и мелкого скота. Нет никаких доказательств того, что какое-либо из собираемых съедобных растений культивировалось. Это кочевое пастушество появилось под давлением, оказываемым на негроидные группы охотников-рыболовов-собирателей растущим опустыниванием региона, начавшимся 7 тыс. лет назад.

литический» комплекс, называемый так из-за наличия в нем глиняной посуды и дробильных инструментов, однако данное определение не очень удачно, поскольку для многих археологов неолит связан с производством пищи, а в поселениях подобных сообществ ничто не указывает на существование домашних животных или культивируемых растений. В Центральной Сахаре первые ископаемые остатки домашнего скота появились лишь в конце седьмого тысячелетия до н.э. На севере Египта эпоха неолита в Файюме, ассоциирующаяся с ископаемыми остатками одомашненных быков и овец, приходится на период 8500–9000 гг. до н.э. На Киренаике и в Магрибе домашние овцы и козы появились 8 тысячелетий назад, тогда как для западной египетской пустыни эта дата предположительно немного более древняя (9 тыс. лет назад). Такой вывод сделан на основании находок глиняной посуды и остатков овец в культурном слое раннего неолита в Набта-Плайя, относящемся примерно к 8 тыс. лет назад. На пике развития сахарский неолит представлял собой хозяйство пастушеского типа, возникшее 7 тысячелетий назад и основанное на выращивании крупного рогатого и мелкого скота. Нет никаких доказательств того, что какое-либо из собираемых съедобных растений культивировалось. Это кочевое пастушество появилось под давлением, оказываемым на негроидные группы охотников-рыболовов-собирателей растущим опустыниванием региона, начавшимся 7 тыс. лет назад.

ЗАПАДНАЯ И ЭКВАТОРИАЛЬНАЯ АФРИКА (карта 13)

Мы мало знаем о последовательности событий, происходивших в саваннах и влажных тропических лесах Западной Африки на протяжении позднего плейстоцена. Известно лишь, что в разгар утолщения материкового ледового покрова саванна с одиноко стоящими деревьями, кустарниками и луга занимали дельту Нигера и что побережье (в районе дельты) находилось значительно южнее, чем сейчас (Souwmi, 1981). Вечнозеленый тропический лес значительно отступил и сохранился в основном в Нигерии и Сьерра-Леоне. На значительной части юга Ганы, покрытой лугами и деревьями горного типа, защищенными туманным покровом большую часть года, температура упала на 2–3 °C, а тропический «дождевой» лес начал возрождаться только 9 тыс. лет назад (Talbot, 1983).

В немногих местонахождениях в Гане, Нигерии и Буркина-Фасо были обнаружены производства микролитов, обычно из кварца. Древность этих местонахождений не определена, обычно они были небольшими и характеризовались необычными изделиями с ретушью. Мало известно об их хозяйстве, поскольку костные остатки почти не сохранились. В пещере Мелжиро, в Нигерии, обнаружено производство микролитов, но там не было глиняной посуды, как и во многих других пещерах и скальных укрытиях, в частности, в Иво-Элеру, Дитсен-Конгба и Роп в Нигерии, Камабаи и Йенгема в Сьерра-Леоне и Рим в Буркина-Фасо. В неопределенное время, начиная с 5 тыс. лет назад и, вероятно, не позднее V тысячелетия до н.э., материальная культура в верхних уровнях некоторых из этих скальных укрытий включает каменные топоры и глиняную посуду, что можно считать первой попыткой культивирования растений и одомашнивания животных.

Все эти производства практиковались небольшими изолированными сообществами, жившими в саваннных лесах и на лугах и охотившимися на представителей местной фауны. Люди, вероятно, широко пользовались плодами съедобных диких растений этих регионов – *Canarium*, пальмовым маслом, маслом сального дерева и другими фруктами. Особенно важными были овощи и клубни, в частности дикий ямс. Различные зерновые травы – *Pennisetum*, *Sorghum*, *Brachiaria* и *Digitaria*, которые культивируются и в

наши дни, также составляли основу питания до возникновения сельского хозяйства в различных частях Западной Африки, где они росли в диком виде и где, по всей видимости, их впервые начали культивировать (Harlan, 1971). Предположение об использовании этих злаковых трав частично подтверждается наличием грубых резаков и орудий трапециевидной формы со следами кремниевого блеска, которые были обнаружены в нижних слоях в Иво-Элеру (Shaw, 1978, p. 49). Отсутствие в данную эпоху тяжелых орудий также указывает на существование хозяйства, приспособленного к условиям саванны, и на незаинтересованность в лесных ресурсах. Скелеты, остатки которых обнаружены в одном из захоронений в Иво-Элеру и датированы временем примерно 11 тыс. лет назад и в другом захоронении в Ропе, судя по их физическим особенностям принадлежат людям негроидного типа (Brothwell & Shaw, 1971).

Постепенное высушивание пустыни (Talbot, 1980), возможно, ускорившееся из-за слишком большой концентрации скота и неправильного использования почвы, особенно начиная с 4 тыс. лет назад, вызвало уход на юг пастухов, которые достигли Сахеля (название переходной полосы шириной до 400 км от Сахары к саваннам Западной Африки. – *Прим. ред.*) и саванн со своими быками, овцами и козами (Clark, 1980a, pp. 53–66). Однако поскольку муха цеце в значительной степени мешала их постоянному проживанию в зоне саванн, среди пастухов и земледельцев установилась такая форма сосуществования, наблюдаемого и сегодня в Западной Африке, которая предполагала взаимовыгодное сотрудничество и обмен продуктами животного и растительного происхождения. Культура кинтампо, возникшая в Гане 3400 лет назад, является ранним примером того, что, вероятно, представляло собой культивирование растений в сочетании с разведением коз и, возможно, крупного рогатого скота. Поселения данной культуры были деревнями с постоянными жилищами; можно предполагать, что в это время уже установились взаимовыгодные связи с пастухами-кочевниками (Stahl, 1985).

Использование ресурсов побережья Западной и Экваториальной Африки началось ранее четвертого тысячелетия до н.э. (Sutton, 1982, pp. 299–302). Большие скопления раковин на Атлантическом побережье Мавритании и Сенегала в сочетании со следами культур неолита свидетельствуют о том, что наряду с богатой фауной зерновые продукты стали занимать значительное место в составе продовольствия, особенно с 4 тыс. лет назад, когда особенно усилилось высушивание. Люди, по физическим параметрам сопоставимые с доисторическими гуанчами Канарских островов, устраивали погребения на кладбищах, и это показывает, что некоторые поселения были заняты постоянно или по крайней мере посезонно, поскольку в других поселениях, в глубине континента, найдены места со множеством жерновов и, следовательно, туда люди перемещались только на время сбора дикорастущих растений (Petit-Maire, 1979). На берегах Гвинейского залива встречаются скопления раковин вместе с глиняной посудой и артефактами из кварца, которые относятся к 6 и 5 тыс. лет назад в Гане и к середине третьего тысячелетия до наст. в. Кот-д'Ивуар; в Габоне были исследованы скопления, относящиеся к восьмому и пятому тысячелетиям до н.э. Скопления раковин, находящиеся в средней части побережья Анголы и относящиеся к четвертому тысячелетию до н.э., подтверждают тот факт, что морские продукты с того времени составляют регулярное дополнение к рациону питания групп людей, живущих поблизости от побережья (de Maret, 1982, 1985).

На востоке и юге континента, в глубокой впадине бассейна р. Конго (Заир) существовало совершенно особое производство каменных орудий, которое в основном включало изготовление орудий из нуклеусов, обработанных с двух сторон. Эта культура относится к переходной фазе от среднего плейстоцена к позднему плейстоцену,

когда леса начали отступать, их место на большей части бассейна р. Конго заняли саванные леса и луга. Среди артефактов, изготавливаемых популяциями, которые поселились в экологических нишах, освободившихся в результате отступления лесов в период между 40 и 12 тыс. лет назад, самыми характерными были топоры из нуклеусов и длинные двусторонние копьевидные наконечники, относящиеся к так называемому лупембийскому производственному комплексу (Clark, 1982, pp. 286–293). Следы износа на краях топоров указывают на то, что они использовались для работы с древесиной и вскапывания земли. Копьевидные наконечники, которые считаются самыми красивыми из найденных где-либо каменных орудий палеолита, могли поочередно служить наконечниками копий и мачете, подобными удлиненным копьям с широким основанием, используемым для охоты на слонов пигмеями и неграми, живущими в лесах. К сожалению, ископаемые остатки животных очень редко сохранялись в поселениях Экваториальной Африки, поэтому почти ничего не известно о тех ресурсах, которыми пользовались в ту эпоху. Вполне вероятно, что в дополнение к фруктам и клубням эти группы людей постоянно охотились на крупных животных – слонов и бегемотов – или разделявали их мертвые туши. Следы лупембийского комплекса отмечены на территории Центральноафриканской Республики, Камеруна, Габона, Республики Конго, на большей части Анголы, Руанды и Бурунди вплоть до бассейна оз. Виктория. В других местах, таких как поселение Матупи, в лесах у р. Итури на северо-востоке Республики Конго, обнаружено производство микролитов из кварца, относящееся примерно к 40 тыс. лет назад, и микролиты тонкой работы, относящиеся к 20 тыс. лет назад (Van Noten, 1977). Несмотря на то, что сегодня поселение Матупи находится в зоне влажных тропических лесов, среди фауны времен производства этих орудий преобладали животные саванны.

В период между 14 и 12 тыс. лет назад лупембийская культура уступила место читолийскому комплексу, в состав которого входили небольшие прекрасно выполненные двусторонние наконечники, наконечники с черешками (хвостовиками для насадки) и многочисленные резаки, а также усовершенствованные виды топоров в форме нуклеусов, возможно, имевшие топорища (Clark, 1963, pp. 133–170). Читолийская культура явно происходит от лупембийской культуры; эта древняя традиция изготовления орудий в форме нуклеусов просуществовала на протяжении 50 тыс. лет до появления примерно 2500 лет назад на территории современной Республики Конго популяций, производивших глиняную посуду и топоры и молоты из отшлифованного камня.

Следует отметить, что листовидные наконечники и наконечники с хвостовиками для метательных орудий в основном встречаются в поселениях, расположенных на плато, тогда как резаки больше распространены в долинах (Bequaert & Mortelmans, 1955). Эти клинообразные орудия с заточенной кромкой напоминают резцы и режущие «наконечники», используемые и сегодня такими народами, как чокве. Они служили для обработки дерева и, в частности, для вырезания некоторых видов домашней утвари, например ступок. Заостренный «наконечник» орудия мог также становиться режущей частью ударного механизма в ловушке для животных. Установленный на стержень он крепился к тяжелому бревну, которое подвешивалось к ветке дерева над звериной тропой. «Наконечник» пронизывал шейные позвонки любого животного, включая слона, которое попадало в западню, когда она была правильно устроена. Вполне возможно, что некоторые читолийские резаки использовались подобным образом.

В лугах Камеруна было обнаружено производство микролитов позднего каменного века, относящееся к девятому тысячелетию до н.э., вместе с остатками фауны; это свидетельствует о том, что изготовители данных орудий охотились

на лесных животных (обезьян и горилл). Позднее появились деревни, жители которых были знакомы с гончарным производством, шлифовкой камней и использовали орехи пальмы. Эти сообщества, вероятно, сельскохозяйственные, относятся по крайней мере к третьему тысячелетию до н.э. (*de Maret, 1985*). Возможно, что первые формы сельскохозяйственного производства начали развиваться в бассейне рек Убанги и Уйеле и вдоль нижнего течения р. Заир (Конго), однако не было обнаружено никаких ископаемых остатков растений или животных, а найдено лишь несколько местонахождений, возраст которых датирован. В поселении, расположенном на берегу р. Убанги в Баталимо, найдены гончарные изделия и шлифованный каменный топор, относящиеся к одному из каменных производств; поселение датируется IV в. н.э. (*de Bayle des Hermens, 1975*). Сельскохозяйственный комплекс «неолита» на о. Биoko с производством шлифованных каменных топоров существовал до XI в. н.э. и даже позднее, а в районе Киншасы и в других местах в бассейне нижнего течения р. Заир, по-видимому, еще 3 тыс. лет назад существовала «культура неолита» с производством глиняной посуды и орудий из отшлифованного камня, однако неизвестно, обрабатывали ли землю эти группы людей (*Van Noten, 1982, pp. 57–65*).

Вероятно, что по крайней мере две традиции каменных орудий верхнего палеолита – читолийская и производство микролитов – просуществовали в северных и западных частях Экваториальной Африки до третьего тысячелетия назад или до более раннего времени, прежде чем возникли новые культурные традиции (изготовление глиняной посуды и изделий из отшлифованного камня в сочетании с поселениями, которые могли быть настоящими деревнями). Последние, по-видимому, были связаны с определенной формой сельского хозяйства, дополнявшего или пришедшего на смену древней охоте и собирательству. В других местах Экваториальной Африки древний образ жизни, основанный на охоте и сборе плодов, возможно, просуществовал до прихода земледельцев железного века, вероятно, племени банту, примерно 2,4 тыс. лет назад. Взаимовыгодное существование, которое сегодня наблюдается в экотоне лес/саванна между пигмеями, занимающимися охотой и сбором плодов, и черными земледельцами лесов, восходит, по всей вероятности, к эпохе первых поселенцев железного века.

ЭФИОПИЯ И ВОСТОЧНАЯ АФРИКА (карта 13)

Древнейшее производство пластин, известное сегодня на Африканском роге, происходит из региона эфиопской Рифтовой системы: в поселении Булбула, в бассейне оз. Зивей, было обнаружено раннее производство пластин со спинкой из обсидиана вместе с ископаемыми остатками людей и животных, датируемое приблизительно 27 тыс. лет назад (*Gasse & Street, 1978, p. 290*). Производство пластин призматической формы возникло, очевидно, в Эфиопии 30 тыс. лет. назад, а может быть и раньше. В районе оз. Бесака, на юго-западной оконечности тектонической впадины Афар, обнаружена древняя культура по производству орудий из пластин, которая со временем развилась и в которой в основном использовался обсидиан, а иногда в других местах – кремнистый известняк (сланец) (рис. 41). Эти находки соответствуют климатической хронологии, отмеченной изменениями уровня озера, отсчет которой начался приблизительно 22 тыс. лет назад. Наличие ретушированных пластин и небольших пластинок со спинкой говорит о том, что техника изготовления микролитов была уже развита. Последующие слои полностью заполнены микролитами, а сопутствующая им фауна свидетельствует о существовании хозяйства, основанного на охоте, рыбной ловле и сборе плодов, при этом жернова встречаются редко. Ожерелья из морских раковин, найденные в захоронениях, ко-

торые относятся примерно к 7 тыс. лет назад, указывают на то, что контакты и обмен между группами людей, проживавшими в глубине континента и на побережье, расположенном в 500 км к востоку, уже были налажены. Значительные перемены, произошедшие в производстве каменных орудий на последней фазе его существования, примерно 4,5 тыс. лет назад, и относящиеся к нему ископаемые остатки животных наводят на мысль, что хозяйство пастухов заменило хозяйство охотников и рыболовов. Судя по двум захоронениям, в которых были найдены черепа с признаками субальвеолярного прогнатизма (прогнатизм – выступание вперед лицевого отдела черепа человека. – *Прим. ред.*), вполне возможно, хотя и неточно, что народы, жившие 8–7 тыс. лет назад, находились в родстве с людьми негроидного типа (*Clark & Williams, 1979; Brandt, 1982*).

Пока окончательно не установлено, в какое время производство пищи стало преобладающим признаком хозяйств на эфиопских плато, однако доисторические деревни, обнаруженные на севере страны недалеко от Агордата (*Arkeell, 1954*), имеют некоторые признаки, такие как наличие керамики, которые связывают их с фазами сельскохозяйственного производства, смешанного с традицией керамики в Атбаи на востоке Судана (ближе к 4 тыс. лет и до 3 тыс. лет назад), и позволяют предполагать существование связей с Египтом через древнюю страну Пунт (*Pount*) (*Fattovich et al., 1984*). Народы, занимавшиеся разведением скота, жили в тектонической впадине Афар 4 тыс. лет назад или ранее и приручили широкохвостых овец, вероятно, пришедших из Аравии, которых можно видеть на наскальных рисунках на склоне юго-восточного плато (*Clark, 1976b*). Однако образ жизни охотников и собирателей продолжал существовать во многих местах на плато и в рифтовой впадине; отдельные «низкие касты» или «меньшинства», такие, как вайту на оз. Тана, fuga из Сидама и минганы из Сомали, являются их последними сохранившимися до сих пор представителями.

Доисторический период истории Восточной Африки (Кения, Северная Танзания и Уганда) лучше изучен, чем доисторический период Эфиопии. В бассейнах оз. Туркана (*Batbelme, 1985; Robbins, 1974; Phillipson, 1977*) и оз. Эдуарда (*de Heinzelin, 1957*) найдены остатки сообществ охотников, рыболовов и собирателей, живших на высоком побережье в начале голоцена. Как в Сахаре и в долине Нила, самыми характерными артефактами являются костяные гарпуны с остриями. Если учесть, что все эти озера и реки входили и все еще входят в речную систему Нила, то вполне вероятно, что нильский окунь весом 45 кг и более был основным объектом ловли с помощью таких гарпунов, даже если им находилось иное применение. Состав скопленных каменных орудий различен: в бассейне оз. Туркана преобладают микролиты, в то время как характерный признак производства Ишанго – сколы любой формы с ретушью или без нее. Поселения на оз. Туркана относятся как минимум к 10 тысячелетию назад, а поселения Ишанго – к периоду между 8,5 и 8 тыс. лет назад. Следовательно, в определенной степени они являются современниками поселений в верхней долине Нила и в Сахаре, и если культура Ишанго не включала керамику, то глиняная посуда из Турканы иногда была украшена волнистыми линиями, поэтому напоминает волнистую керамику «хартумского мезолита», хотя и не идентична ей полностью. Первые скотоводы пришли в северную часть бассейна оз. Туркана примерно 4 тыс. лет назад, вероятно, из Эфиопии.

Наиболее изученным является район высокогорных плато Кении и северной части Танзании, покрытый лугами, с влажным климатом, с лесами на склонах рифтовой впадины и высокими вулканическими массивами. Именно здесь впервые Луис Лики в конце 1920-х гг. исследовал и описал производственный комплекс позднего плейстоцена, названный «ориньякской культурой Кении» (*Leakey, 1931*). Позднее это название сменили на «капсий-

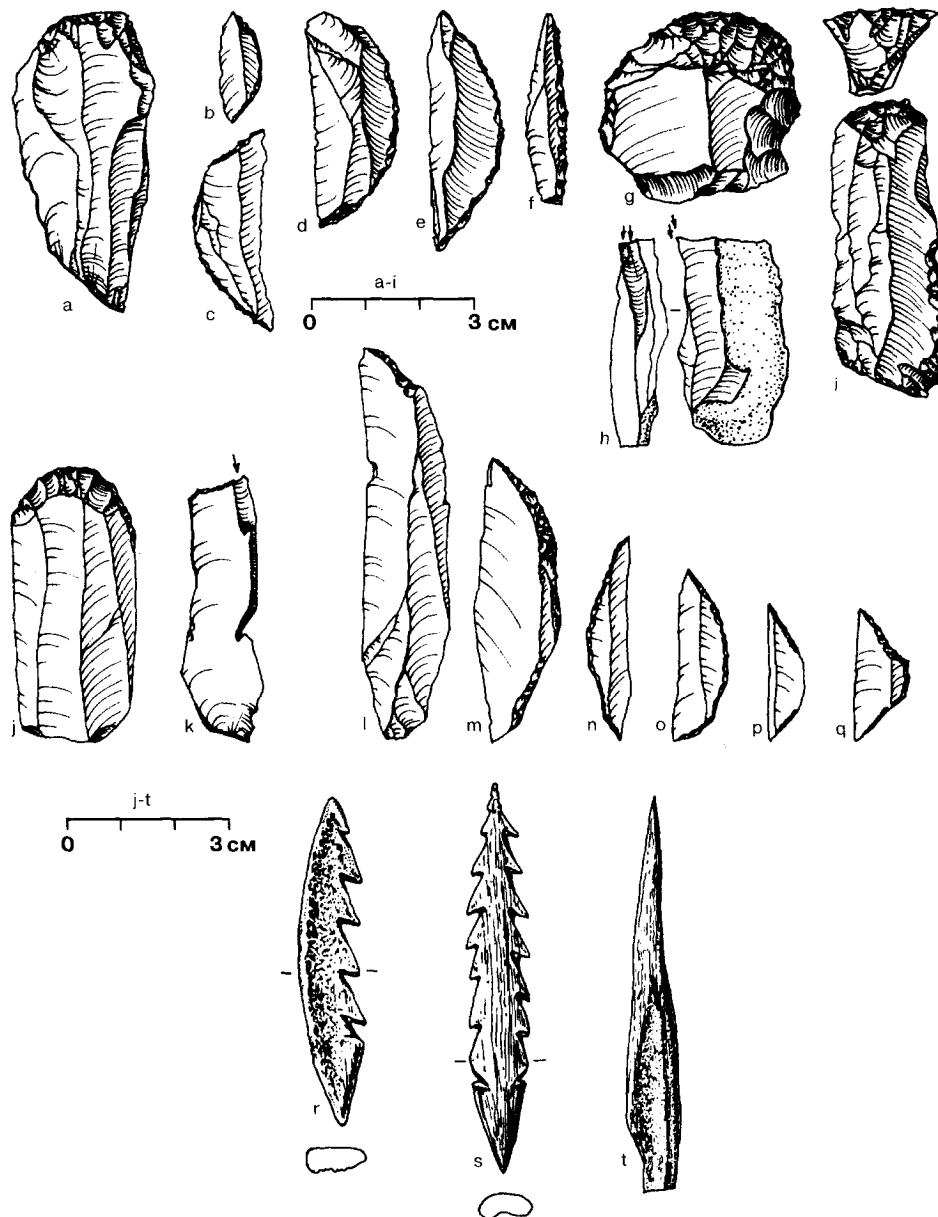

Рис. 41. Артефакты культур верхнего палеолита в Эфиопии и Восточной Африке: а–h – артефакты эфиопской культуры производства орудий из пластин с оз. Бесака: а – двухплощадочный нуклеус для производства пластин, б – микролит-полумесяц, с–f – пластины и пластинки со спинкой, g–i – концевые скребки, h – резец; j–q, t – артефакты эбурранского производственного комплекса из пещеры Гэмбл на Кенийском высокогорье: j – концевой скребок, k – резец, l – пластина с хвостовиком, m – пластина со спинкой, n–q – микролиты, t – пило из кости (по *Leakey*, 1931); r – однорядный гарпун из кости с зазубринами из Лотагама, рифт оз. Туркана (по *Robbins*, 1974); s – двухрядный гарпун из кости из Ипанго, западный Рифт (Республика Конго) (по *Heunzelin*, 1957)

скую культуру Кении» из-за сходства с традициями капсийского производства. Еще позднее данный комплекс был назван эбурранским по названию господствующих над бассейнами озер Наиваша и Накуру вулканических образований в регионе с большим количеством местонахождений (рис. 41). Производство каменных орудий известно здесь по изготовлению в равной доле пластин и пластинок достаточно большого размера со спинками, к которым можно добавить концевые скребки, резцы и боковые скребки, изготовленные из пластин, высеченных из нуклеусов призматической формы из обсидиана. Эбурранская культура, вероятно, возникла немногим ранее 12,5 тыс. лет назад. Она подразделяется на пять фаз (*Ambrose*, 1984). Пятая фаза (5–1,3 тыс. лет назад), на протяжении которой домашние животные сосуществовали с дикой фауной, совпала по времени с тем периодом, когда 3 тыс. лет назад пастушеские народы саванны пришли на высокогорные плато.

К концу эбурранского периода обсидиан часто добывали на значительном расстоянии от места проживания. Среди остатков материальной культуры можно найти шилья из кости, фрагменты гарпунов и редкую глиняную посуду. Стоянки разбивались внутри экотона или поблизости от него между саванным лесом и массивами лесов на более или менее значительной высоте в зависимости от того, насколько изменения климата способствовали наступлению или отступлению лесного покрова в горах. Поселение в пещере Гэмбл, датированное временем между 8,6 и 4 тыс. лет назад, лучше чем любое другое дает возможность понять эволюцию данной культуры (рис. 41). В течение этого периода экотон «лес–саванна» поднялся на 460 м, и жилые эбурранские поселения также переместились выше. Местонахождения, расположенные по берегам озер, в основном небольшие, по-видимому, это были стоянки для организации сбора определенных плодов, а не жилые базовые поселения. Образ жизни полуседлого на-

рода окиеков, который сегодня живет в зоне экотона, аналогичен образу жизни групп эбурранского периода: для этих людей мед является основным объектом поисков. Остатки скелетов, отнесенные к эбурранскому периоду, напоминают негроидный тип, который в наши дни характерен для Восточной Африки. И снова следует подчеркнуть, что охотничий и собирательский образ жизни продолжает существовать в некоторых местах Восточной Африки бок о бок с образом жизни населения, занимающегося пастушеством и смешанным типом сельскохозяйственного производства. Народность сандаве приобщилась к сельскому хозяйству смешанного типа совсем недавно, в течение последних 200 лет, а народность хазда из рифтовой долины у оз. Эяси продолжает заниматься охотой и сбором фруктов и клубней по сей день.

ЮЖНАЯ АФРИКА (карта 13)

Технология эпохи верхнего палеолита, которая основывалась на производстве небольших сколов и пластинок, откалываемых от пластинчатых одноплощадочных и двухплощадочных нуклеусов, существовала в Южной Африке примерно с 40 тыс. лет назад (Deacon, 1984). В поселении Бордер-Кейв начало верхнего палеолита датируется временем примерно 38 тыс. лет назад. Позднее эта техника встречается во многих поселениях в центральной и восточной части Трансвааля, в Свазиленде, на юге и востоке Капской провинции и в Лесото. На севере Замбии в культуре нашикуфу I, датируемой временем примерно с 19 тыс. лет назад, используется технология, аналогичная применявшимся в первых производствах пластинок. В Зимбабве, в чангуланском комплексе, датируемом периодом от 25 до 13 тыс. лет назад, сочетались производство артефактов из пластинок и технология эпохи среднего палеолита, что, вероятно, отражает тот факт, что применение наконечников для охоты на крупных млекопитающих в саваннных лесах тропических районов, изготовленных по этой технологии, было по-прежнему эффективно (Cooke, 1963). Следует отличать такие орудия от собственно микролитов периода позднего плейстоцена; их характерная особенность – наличие значительного количества небольших пластинок, которые редко подвергались дополнительной ретуши. К ним следует отнести небольшие, а иногда и крупные скребки, костяные наконечники, бусины из раковин и просверленные камни. Пластины, вероятно, крепились к рукояткам в качестве режущих вставок для копий или ножей. Эти скопления (известные как производство Робберга), обнаруженные в пещерах южного побережья, датируются периодом примерно от 20 до 12 тыс. лет назад, т.е. временем максимальной регрессии уровня моря в течение последнего оледенения (стадии 3 и 2 кривой изотопов кислорода). В данную эпоху обширная часть континентального шельфа выступала из воды, а линия побережья находилась в 100–200 км к югу от современного очертания. Температуры были на 3–5 °С ниже сегодняшних, а количество выпавших осадков меньше на юге и немного больше к северу, в Ботсване. Что касается ландшафта, то преобладали луга, а стада крупных наземных млекопитающих составляли основной источник питания. Кроме антилоп разных видов, квагги (древний вид африканской зебры. – Прим. ред.), бородавочника и страуса здесь обитали и некоторые другие животные, которые исчезли к окончанию плейстоцена или к началу голоцена, в частности гигантский буйвол (*Pelorovis antiquus*), гигантская капская лошадь, гигантская коровья антилопа, один вид свиней и два вида антилопы-прыгуна. Вполне вероятно, что совершенствование способов охоты ускорило исчезновение этих видов. Группы людей, по-видимому, были большими, если дичь истреблялась регулярно, а площади, занимаемые людьми, должны были быть более обширными. Неизвестно, сколь-

ко морских продуктов потреблялось в ту эпоху, поскольку пещеры, которые сегодня располагаются на побережье, в то время находились в глубине континента, а прибрежные поселения того времени сейчас все без исключения – ниже уровня моря.

В переходный период между окончанием плейстоцена и началом голоцена (от 12 до 8 тыс. лет назад) микролитическая культура к югу от р. Замбези уступила место производству, в котором сколы, отделенные от нуклеусов любой формы, были заменены пластинами, полученными из подготовленных нуклеусов, а в составе орудий преобладали крупные скребки, высеченные из нуклеусов и фрагментов скальных пород, и крупные боковые сколы. Стало производиться множество орудий из кости. В период между 14 и 12 тыс. лет назад уровень моря поднялся настолько, что к 12 тыс. лет назад береговая линия должна была проходить рядом с пещерами. К орудиям из кости добавились наконечники, лопатки, бусины из кости и камня, игла для плетения с ушком (из Помонгве), просверленные камни, привлекаемые к копалкам, и камни с режущими рисунками, обнаруженные в Зимбабве (Бамбата) и на севере Капской провинции (пещера Вондерверк), датированные временем 10 тыс. лет назад. Организованные захоронения умерших были обнаружены на южном берегу (пещера Маттес-Ривер) и в Зимбабве (Нсватуги). Некоторые крупные скребки имели вогнуто-выпуклую форму, характерную для производства, ранее называвшегося Смитфилд А по названию поселения в Оранжевой провинции, а затем это производство стали называть производством Локшока (*Lockshboek*). Используются местные региональные названия культур, таких как помонгвийская культура в Зимбабве или олбанийское производство на юге Капской провинции.

В дальнейшем в пещерах на южном побережье появилось большое количество остатков морской фауны – раковин, рыб, птиц и морских млекопитающих, в частности тюленей; анализ изотопов кислорода указывает на то, что в этих поселениях жили зимой и в начале весны. По костным остаткам земных млекопитающих видно, что крупные стадные животные начинают уступать место менее стадным и более мелким антилопам. Эта тенденция соответствует общему потеплению климата, который в начале голоцена превратил луга в лесистое пространство. С данного времени плоды в твердой скорлупе сохраняются в археологических районах. В частности, в тропических районах это относится к различным местным плодам, большинство из которых используется и сегодня, таким как *марула* (*Sclerocarya sp.*), *саговники* (*Encephalartos sp.*) и *стрихнос* (*Strychnos*); дыню нара в Намибии употребляют в пищу начиная с 11–10 тыс. лет назад.

Причины подобных перемен в производстве неизвестны: они могли стать следствием приспособления благодаря техническим новшествам к изменениям окружающей среды, произошедшим в начале голоцена. В то время лук и стрела, вероятно, уже были известны во многих регионах континента, а костяные наконечники служили оснащением для стрел. Однако такие перемены могли произойти и в результате широкого распространения предпочитаемого стиля или других, пока неизвестных факторов.

Основные залежи артефактов в последующих горизонтах голоцена указывают на возврат к микролитическим формам. В то время как в самых южных районах среди орудий преобладали миниатюрные скребки ногтевидной формы, а микролиты со спинкой встречались редко, в Зимбабве, Замбии и Малави это соотношение было обратным. Самые древние скопления обнаружены на севере Замбии (Начикуфу II), в Зимбабве (Дайенас-Воу) и Намибии (Аполло II) и отнесены ко времени от 10 до 9 тыс. лет тому назад. К 6 тыс. лет назад микролитическая технология широко распространилась в Южной Африке: по мнению некоторых ученых, толчок этому мог быть дан из тропических зон.

Однако на внутреннем плато Южной Африки поселения встречаются редко по сравнению с другими регионами, известно лишь малое количество поселений, относящихся ко времени между 9,5 и 4,5 тыс. лет назад. Причина может заключаться в том, что более сухая внутренняя часть континента во время потепления климата в эпоху среднего голоцена была менее приспособлена для освоения, чем, например, побережье и горные районы юга или Натал, и, таким образом, плотность населения на плато в течение этого периода оставалась сравнительно невысокой.

Первые характерные скопления этих микролитических орудий были обнаружены в скальном укрытии Вильтон на востоке Капской провинции (Heuvel, 1921). Впоследствии исследователи перенесли название «вильтонское производство» на местонахождения, расположенные далее к северу в Кении и на Африканском роге. Сегодня многочисленные местные названия обозначают различные региональные разновидности традиций микролитических культур среднего и позднего голоцена.

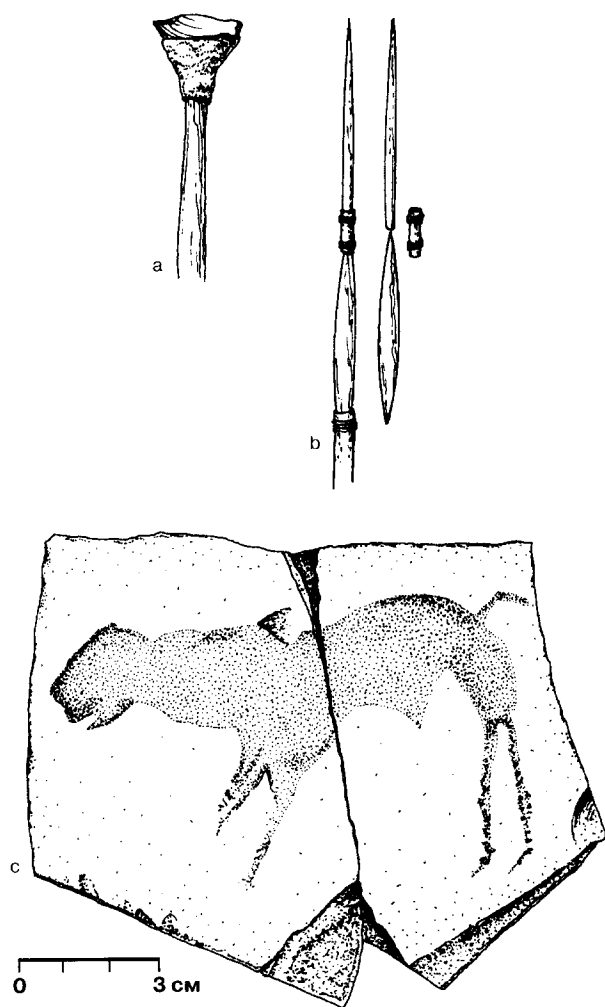

Рис. 42. Способы крепления орудий на рукоятках в период верхнего палеолита: а – один из методов насаживания на рукоятку микролитов как поперечных наконечников; б – наконечник стрелы из кости, переходная трубка из тростника и древко стрелы без демонстрации техники крепления, применявшейся доисторическими народами верхнего палеолита в Южной Африке (по Clark, 1959, pp. 195–233); в – каменная шипка из двух частей, на которой изображен представитель семейства кошачьих с антропоморфными задними лапами, обнаруженная в археологическом горизонте, датированном временем примерно 26 тыс. лет назад, в скальном укрытии Аполло II в Намибии (по Wendt, 1974, p. 27)

Никогда еще орудия не были такими разнообразными и сложными. Помимо всей гаммы микролитических форм они включали шилья или буры, топоры (толстые сколы со спинкой) для работы по дереву, просверленные камни, камни с вырезанными канавками и каменные браслеты, а также многочисленные изделия из кости, в том числе наконечники и детали для устройства рукояток, а также широкие костяные «топоры» и иголки с ушком. Среди украшений выделяются просверленные морские раковины, подвески и бусины, изготовленные из скорлупы страусовых яиц, раковин моллюсков, кости или камня. Значительно большее количество остатков изделий из недолговечных материалов сохранилось в относительно более поздних поселениях, в частности, деревянные фрагменты луков и стрел, палочки для добывания огня, кольшкы, копалки, наконечники и древки стрел. На юге Замбии, в поселении Гвишо-Хот-Спрингс, которое датируется серединой пятого тысячелетия до наст. в., было обнаружено много артефактов из дерева, которые показывают, что деревья твердых пород в тропических зонах почти повсеместно заменили кость для изготовления деталей стрел (Fagan & Van Noten, 1971). Растительные волокна служили для изготовления веревок и канатов, для производства одежды шкуры дубились и шивались с помощью сухожилий; сосуды, изготовленные из панцирей черепах или яиц страуса (в последнем случае они разрисовывались), получили широкое распространение. Кроме того, известны примеры каменных скребков, ручки к которым крепились с помощью мастики, как это делали с микролитами, служившими в качестве наконечников для стрел.

Этнографические и исторические данные сыграли решающую роль в изучении образа жизни охотников-собирателей, живших в Южной Африке в эпоху среднего голоцена. С точки зрения морфологии эти группы принадлежали к койсанской ветви, современными представителями которой являются бушмены и готтентоты и самые древние ископаемые остатки которой (в пещере Матьес-Ривер) относятся по меньшей мере к 9 тыс. лет назад. В основном такие группы оставались немногочисленными, кроме тех особых случаев, когда они объединялись для проведения церемоний, обменов и т.д. Вероятно, они занимали строго ограниченные территории, площадь которых изменялась в зависимости от распределения природных богатств. Охотники должны были пользоваться луком и стрелами (рис. 42), одним из типов которых была отравленная стрела. Они охотились на крупных и мелких антилоп, на последних, по всей вероятности, с помощью различных ловушек. Растительную пищу, которая представляла значительную часть рациона питания, собирали женщины. Корневища и луковицы геофитов (многолетних растений, у которых почки возобновления скрыты в почве (лук, спаржа, злаки и т.д. – Прим. ред.) составляли основу питания в зоне зимних дождей в Капской провинции, а также, вероятно, в глубинных районах. Отходы, которые сохранились в некоторых пещерах (Мелхоутбоом, пещера Скотта), свидетельствуют о том, что эти корневища хранились в мелких ямах покрытые листьями. Многолетние растения собирались в течение летних месяцев, тогда как сбор фруктов, ягод и съедобных листьев происходил в зимнее время; эти плоды представляли собой наиболее важный источник питания в зоне тропиков. Собирали также мед, насекомых (особенно термитов и гусениц), черепах, улиток, больших ящериц и змей. Вдоль береговой линии интенсивно использовались морские ресурсы: об этом свидетельствуют груды раковин, покрывающих побережье. Рыба занимала значительное место в рационе питания; возможно, ее вылавливали во время приливов и отливов, пользуясь садками, а также ловили на удочку или с помощью дротика. Занимались ловлей тюленей, а иногда и китов, хотя нет убедительных данных, которые позволили бы предположить, что на этих животных велась активная охота. По всей ве-

ростности, люди собирали выброшенные на берег туши умерших животных. На востоке и западе Капской провинции отмечены регулярные сезонные миграции между побережьем и глубинными районами континента (Deacon, 1976; Parkington, 1984); если поселения на южном берегу заселялись летом, то поселения на западном берегу – в зимнее время. Это видимое противоречие объясняется тем фактом, что сезон дождей в западной части Капской провинции был зимой, а в ее восточной части – летом.

Превосходные образцы натуралистического искусства наскальной живописи, которые сохранились в различных районах от центро Танзании до Капской провинции, дают много сведений о поведении доисторических людей. В таких произведениях отражены не только мифические или религиозные верования и ритуальные обряды групп этих людей; их творцы зачастую черпали вдохновение в повседневной жизни, поэтому на рисунках представлены сцены охоты, сбора растений и меда, жизни на стоянках, сражения, танцы, магические обряды для вызова дождя, церемонии и множество других деталей, которые дали возможность добиться беспрецедентного успеха в познании образа жизни в эпоху верхнего палеолита. Самый древний образец искусства на субконтиненте был найден в Намибии в скальном укрытии Аполло II (рис. 42). В промежуточном уровне между слоем, относящимся к самому концу среднего палеолита, и скоплением крупных скребков верхнего палеолита найдено несколько каменных пластинок; на них красными и черными красителями были нарисованы силуэты животных. Горизонт, в котором сделаны эти открытия, датируется примерно 26 тыс. лет назад (Wendt, 1974). Эти рисунки свидетельствуют не только о древнем возрасте искусства наскальной живописи на континенте; они относятся к самым древним образцам изобразительного искусства подобного типа в мире, которые были датированы.

Нет никаких сомнений в том, что сегодняшние народы, принадлежащие к ветви Сан, являются потомками групп людей, живших в Южной Африке в эпоху верхнего палеолита. При этом, когда мы пытаемся понять поведение людей прошлого сквозь призму поведения современных людей, необходимо проявлять все большую осторожность по мере того, как мы движемся в глубь времен. В некоторых районах Южной Африки образ жизни, основанный на охоте и сборе плодов, просуществовал без особых изменений до второй половины XIX в. В тропических районах Замбии и Зимбабве он почти повсеместно уступил место образу жизни негроидных народов начала железного века, преимущественно земледельцев народа банту. В Капской провинции остатки глиняной посуды и костей овец обнаружены в некоторых скоплениях эпохи верхнего палеолита, которые относятся к первым векам н.э.; позднее появляются остатки крупного рогатого скота. Глиняная посуда с коническим основанием хорошо сделана, некоторые изделия имеют носики и ручки. В других местах (например в Зимбабве) люди были знакомы с традициями производства глиняной посуды, которые предшествовали железному веку и остатки которых были найдены вместе с остатками овец, но такое сочетание не вполне понятно. Народы Южной Африки приравнены к народам ветви кой-коин (готтенготам) исторической эпохи, которые научились изготавливать глиняную посуду, обращаться с овцами и позднее со всем скотом и приобрели другие навыки какими-то путями, которые неизвестны до сегодняшнего дня. Тем не менее эти пастухи-кочевники продолжали по традиции собирать дикорастущие растения, как это, вполне вероятно, делали пастухи эпохи неолита в Сахаре. Примерно 2 тыс. лет назад группы охотников-собираателей всего субконтинента начали раздел саванны с народами-пастухами и земледельцами, которые где быстро, а где медленнее вытеснили их или в редких случаях установили с ними взаимовыгодные отношения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ископаемые остатки человека, найденные в Африке, выявили регулярное возрастание количества признаков современного человека начиная примерно с 500 тыс. лет назад, а первые остатки человека подлинно современного вида были обнаружены в контексте среднего палеолита в период между 100 и 50 тыс. лет назад. Если будут подтверждены данные, предоставленные молекулярной биологией, согласно которым *человек разумный* современного вида появился на Африканском континенте, то можно предположить, что небольшие группы таких людей достаточно быстро распространились на Евразийском континенте в период примерно 200–50 тыс. лет назад. Что позволило современному человеку утвердиться на всей планете? Были ли это мастерство владения речью и все сопутствующие этому интеллектуальные и технические знания? Каковы причины и механизм его миграции? Какую роль сыграли изменения климата и окружающей среды? Какие отношения современный человек поддерживал с неандертальскими и донеандертальскими народами Евразии? Если производство пластин действительно характерно для *человека разумного* современного вида, то почему некоторые ископаемые остатки современного человека ассоциируются с производствами среднего палеолита? Когда появился современный генотип, каким образом он вытеснил генотип древних гоминидов? До какой степени социальный отбор способствовал получению этого результата? Для того чтобы ответить на подобные вопросы, необходимо располагать четкой хронологической корреляцией, а также большим количеством археологических свидетельств о манере поведения, вытекающей из первых проявлений культуры в конце плейстоцена. Ясно одно: современный человек широко распространился в Африке примерно 40 тыс. лет назад, а относимые к нему археологические остатки дают множество сведений культурного характера, которые свидетельствуют о значительном прогрессе в области интеллекта и техники, достигнутом к этому времени. Новые достижения видны уже в рамках среднего палеолита, однако в Африке и в Евразии они проявились в полной мере лишь с возникновением специализированных обществ охотников-собираателей эпохи верхнего палеолита.

На Африканском континенте общества людей проявили изобретательность и успешную приспособляемость, которые дали им возможность лучше использовать условия жизни и разнообразные ресурсы, имевшиеся в тропических и субтропических саваннах. На протяжении тех 50 тыс. лет, пока длился поздний плейстоцен, народы континента физиологически непрерывно эволюционировали от одного собирательного физического типа – типа Мешта-Афалу (родственного кроманьонцам) на севере и недифференцированного койсанойдно-негроидного типа к югу от Сахары, – и к 10 тыс. лет назад сформировались (и это общепризнанный факт) типичные народы основных этнических групп континента на севере, западе, востоке и юге Африки.

В то же время, как было показано, образ жизни и материальная культура стали значительно разнообразнее, и это разнообразие позволяло удовлетворять потребности в более эффективном применении ресурсов в тех пределах, которые обеспечивал уровень технических достижений. По мере того как повоевания и новые отношения обогатили традиционное мастерство, специализированные региональные сообщества, в значительной степени изолированные, разрабатывали все более эффективные технологии для использования имеющихся и получения новых ресурсов. Африканская саванна предлагала охотникам-собираателям одну из самых богатых биомасс на планете, и когда водные ресурсы и запасы продуктов заняли важное место в некоторых экосистемах, стало возможным перейти к оседлому образу жизни, который гарантировал

большую безопасность во время неурожайных месяцев. При этом отмечалось увеличение плотности населения. Стали появляться относительно крупные поселения, в которых люди жили посезонно или постоянно. Эти уже достаточно развитые сообщества были готовы перейти в ведение производящего хозяйства в случае появления соответствующих обстоятельств.

Сахара в значительной степени была ключевым регионом в позднем плейстоцене из-за значительных перемен, вызванных колебаниями климата. В момент максимального оледенения в Сахаре господствовала крайняя засуха, и она была необитаема. В конце плейстоцена и начале голоцена условия жизни стали благоприятнее на большей части этого региона, и тогда он стал вновь заселяться с севера и юга. После возврата засухи, немногим менее 5 тыс. лет назад, новый исход народов на юг стал, вероятно, одним из основных факторов взаимодействия людей, которое развилось в Сахаре и которое позднее привело к появлению различных местных культивируемых растений на западе Африки и на Африканском роге. Там, где не было подобного взаимодействия, в частности, на большей части Африки южнее Сахары, образ жизни, основанный на охоте и сборе плодов, продолжал существовать без особых изменений, до тех пор пока в наличии имелись и использовались все те же ресурсы, т.е. до прихода производителей продуктов питания в последних веках до н.э.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AMBROSE, S. H. 1984. Holocene Environments and Human Adaptations in the Central Rift Valley, Kenya. Berkeley. (Ph. D. dissertation Department of Anthropology, University of California.)
- ANDERSON, J. E. 1968. Late Palaeolithic Skeletal Remains from Nubia. In: WENDORF, F. (ed.), *The Prehistory of Nubia*. Dallas, pp. 996–1040.
- ARKELL, A. J. 1949. *Early Khartoum*. Oxford.
- 1954. Four Occupation Sites at Agordat. *Kush (Khartoum)*, Vol. 2, pp. 33–62.
- BARTHELME, J. W. 1985. Fisher-hunters and Neolithic Pastoralists in East Turkana, Kenya. *Oxford (BAR Int. Ser., 254)*.
- BAYLE DES HERMENS, R. DE. 1975. *Recherches préhistoriques en République Centrafricaine*. Nanterre.
- BEAUMONT, P. B.; VOGEL, J. C. 1972. On a New Radiocarbon Chronology for Africa South of the Equator. *Afr. Stud. (Johannesburg)*, Vol. 31, pp. 65–89, 155–82.
- BEQUAERT, M.; MORTELMANS, G. 1955. *Le Tshitoliien dans le Bassin du Congo*. Brussels. (*Acad. R. Sci. Colon., Mém. 8, NS, 11–5.*)
- BRANDT, S. A. 1982. A Late Quaternary Cultural/Environmenta Sequence from Lake Besaka, Southern Afar, Ethiopia. Berkeley. (Ph.D. dissertation, Department of Anthropology, University of California.)
- BRAUER, G. 1984. The 'Afro-European *Sapiens Hypothesis*' and Hominid Evolution in East Asia during the Late Middle and Upper Pleistocene. *CFS, Cour. Forsch.inst. Senckenb. (Frankfurt/Main)*, Vol. 69, pp. 145–65.
- BROTHWELL, D. R.; SHAW, T. 1971. A Late Upper Pleistocene Proto-West African Negro from Nigeria. *Man (London)*, Vol. 6, pp. 221–7.
- CAMPS, G. 1974. *Les Civilisations préhistoriques de l'Afrique du nord et du Sahara*. Paris.
- CANN, R. L.; STONEKING, M.; WILSON, A. C. 1987. Mitochondrial DNA and Human Evolution. *Nature (London)*, Vol. 325, pp. 31–6.
- CHAMLA, M. C. 1968. *Les Populations anciennes du Sahara et des régions limitrophes*. Paris. *CRAPE, Mém. 9.*
- CHURCHER, C. S.; SMITH, P. E. L. 1972. Kom Ombo: Preliminary Report on the Fauna of Late Palaeolithic Sites in Upper Egypt. *Science (Washington)*, Vol. 177, pp. 259–61.
- CLARK, J. D. 1963. Prehistoric Cultures of North-East Angola and their Significance in Tropical Africa. *Lisbon. (Pub. Cult., 62, Mus. Dundo)*.
- 1976a. Epi-palaeolithic Aggregates from Greboun Wadi, Air and Adrar Bous, North-Western Tenere, Republic of Niger. In: ABEBE, B. (ed.), *Proc. 8th Afr. Cong. of Prehist. and Quat. Stud., Addis Ababa*. Addis Ababa, pp. 67–8.
- 1976b. The Domestication Process in Sub-Saharan Africa with Special Reference to Ethiopia. In: HIGGS, E. (ed.), *Origine de l'élevage et de la domestication*. Paris, pp. 56–115. (*Colloque XX, IXe Cong. UISPP, Nice.*)
- 1980a. Human Populations and Cultural Adaptations in the Sahara and Nile during Prehistoric Times. In: WILLIAMS, M. A. J.; FAURE, H. (eds), *Quaternary Environments and Prehistoric Occupation in Northern Africa*. Rotterdam, pp. 527–82.
- 1980b. Early Human Occupation of African Savanna Environments. In: HARRIS, D. R. (ed.), *Human Ecology in Savanna Environments*. London, pp. 41–71.
- 1981. New Men, Strange Faces, Other Minds: An Archaeologist's Perspective on Recent Discoveries Relating to the Origin and Spread of Modern Man. *Proc. Br. Acad. (Oxford)*, Vol. 67, pp. 163–92.
- 1982. The Cultures of the Middle Palaeolithic/Middle Stone Age. In: CLARK, J. D. (ed.), *The Cambridge History of Africa. Vol. I: From the Earliest Times to c. 500 BC*. Cambridge, pp. 248–341.
- CLARK, J. D.; WILLIAMS, M. A. J. 1979. Recent Archaeological Research in South-Eastern Ethiopia (1974–1975): Some Preliminary Results. *Ann. Ethiop. (Addis Ababa)*, Vol. 11, pp. 19–44.
- CLOSE, A. 1986. The Place of the Haua Fteah in the Late Palaeolithic of North Africa. In: BAILEY, G. N.; CALLOW, P. (eds), *Stone Age Prehistory*. Cambridge, pp. 169–80.
- COOKE, C. K. 1963. Report on Excavations at Pomongwe and Tshangula Caves, Matopos Hills, Southern Rhodesia. *S. Afr. Archaeol. Bull. (Claremont)*, Vol. 18, pp. 73–151.
- DAY, H. M. 1977. *Guide to Fossil Man: A Handbook of Human Palaeontology*. Chicago.
- DEACON, H. J. 1976. *Where Hunters Gathered: A Study of Holocene Stone Age People in the Eastern Cape*. Cape Town.
- 1984. Later Stone Age People and their Descendants in Southern Africa. In: KLEIN, R. G. (ed.), *Southern African Prehistory and Palaeoenvironments*. Rotterdam, pp. 221–328.
- FAGAN, B. M.; NOTEN, F. VAN. 1971. *The Hunter-Gatherers of Gwisho*. Tervuren.
- FATTOVICH, R.; MARKS, A. E.; MOHAMMED-ALI, A. 1984. The Archaeology of the Eastern Sahel, Sudan: Preliminary Results. *Afr. Archaeol. Rev.*, Vol. 2, pp. 172–88.
- GASSE, F.; STREET, F. A. 1978. Late Quaternary Lake Level Fluctuations and Environments of the Northern Rift Valley and Afar Region (Ethiopia and Djibouti). *Palaeogeogr. Palaeoclimatol. Palaeoecol.* Vol. 24, pp. 279–325.
- GREENE, D. L.; ARMELAGOS, G. J. 1972. *The Wadi Halfa Mesolithic Population*. University of Massachusetts.
- HARLAN, J. R. 1971. *Agricultural Origins: Centers and Non-Centers*. Science (Washington), Vol. 174, pp. 468–74.
- HASSAN, F. A. 1978. *Archaeological Explorations of the Siwa Oasis Region, Egypt*. *Curr. Anthropol.* Vol. 19, pp. 146–8.
- HEINZELIN DE BRAUCOURT, J. DE. 1957. *Les Fouilles d'Ishango*. Brussels.
- HEWITT, J. 1921. On Several Implements and Ornaments from Strandlooper Sites in the Eastern Province. *S. Afr. J. Sci. (Johannesburg)*, Vol. 18, pp. 454–67.
- KLEIN, R. G.; SCOTT, K. 1986. Re-evaluation of Faunal Assemblages from the Haua Fteah and Other Late Quaternary Sites in Cyrenaican Libya. *J. Archaeol. Sci.*, Vol. 13, pp. 515–42.
- LEAKEY, I. S. B. 1931. *The Stone Age Cultures of Kenya Colony*. Cambridge.
- LIGERS, Z. 1966. *Les Sorko (Bozo), Maîtres du Niger*. Paris. CNRS.
- LUBELL, D.; SHEPPARD, P.; JACKES, M. 1984. Continuity in the Epipalaeolithic of Northern Africa with Emphasis on the Maghreb. In: WENDORF, F.; CLOSE, A. (eds), *Advances in World Archaeology*. New York. Vol. 3, pp. 143–91.
- LUBELL, D. et al. 1975. *The Prehistoric Cultural Ecology of Capsian Escargotières*. Libyca (Paris), Vol. 23, pp. 43–121.
- MCBURNEY, C. B. M. 1960. *The Stone Age of Northern Africa*. Harmondsworth.
- 1967. *The Haua Fteah (Cyrenaica) and the Stone Age of the South-East Mediterranean*. Cambridge.
- MARET, P. DE. 1982. *New Survey of Archaeological Research and Dates for West-Central and North-Central Africa*. *J. Afr. Hist.* Vol. 23, pp. 1–15.

- 1985. Recent Archaeological Research and Dates from Central Africa. *J. Afr. Hist.*, Vol. 26, pp. 129–48.
- NOTEN, F. VAN. 1977. Excavation at Matupi Cave. *Antiquity*, Vol. 51, pp. 35–40.
- 1982. *The Archaeology of Central Africa*. Graz.
- OLDFATHER, C. H. (trans.) 1979. *Diodorus of Sicily*. 12 vols. Cambridge, Mass. Vol. 2, p. 127.
- PARKINGTON, J. 1984. Changing Views of the Later Stone Age in South Africa. In: WENDORF, F.; CLOSE, A. (eds), *Advances in World Archaeology*. New York. Vol. 3, pp. 90–142.
- PETIT-MAIRE, N. 1979. *Le Sahara atlantique à l'Holocène: peuplement et écologie*. Algiers.
- PHILLIPSON, D. W. 1977. *Lowasera*. Azania (Nairobi), Vol. 12, pp. 1–32.
- ROBBINS, L. H. 1974. *The Lothagam Site: A Late Stone Age Fishing Settlement in the Lake Rudolf Basin, Kenya*. East Lansing, Michigan State University.
- SAXON, E. C. 1974. Results of Recent Investigations at Tamar Hat. *Libyca*, Vol. 22, pp. 49–82.
- SHAW, T. 1978. *Nigeria: Its Archaeology and Early History*. London.
- SMITH, P. E. L. 1976. Stone Age Man on the Nile. *Sci. Am.*, Vol. 235, pp. 30–8.
- 1982. The Late Palaeolithic and Epi-palaeolithic of Northern Africa. In: CLARK, J. D. (ed.), *The Cambridge History of Africa*. Vol. I: From the Earliest Times to c. 500 BC. Cambridge, pp. 342–409.
- SOWUNWI, M. A. 1981. Nigerian Vegetational History from the Late Quaternary to the Present Day. *Palaeoecology of Africa and the Surrounding Islands*, Vol. 13, pp. 217–34.
- STAHL, A. B. 1985. Reinvestigation of Kintampo 6 Rock Shelter, Ghana: Implications for the Nature of Culture Change. *Afr. Archaeol. Rev.*, Vol. 3, pp. 117–50.
- STRINGER, C.B. 1974. Populationships of Later Pleistocene Hominids: A Multi-variate Study of Available Crania. *J. Archaeol. Sci.*, Vol. 1, pp. 317–42.
- SUTTON, J. E. G. 1982. Archaeology in West Africa: A Review of Recent Work and a Further List of Radiocarbon Dates. *J. Afr. Hist.*, Vol. 23, pp. 291–314.
- TALBOT, M. 1980. Environmental Responses to Climatic Change in the West African Sahel over the Past 20,000 Years. In: WILLIAMS, M. A. J.; FAURE, H. (eds), *The Sahara and the Nile*. Rotterdam, pp. 37–62.
- 1983. Lake Bosuntwi, Ghana. *Nyame Akuma (Calgary)*, Vol. 23, pp. 11 ff.
- VALLOIS, H. V. 1954. Neanderthals and Praesapiens. *J.R. Anthropol. Inst. G.B. Irel. (London)*, Vol. 84, pp. 111–30.
- VERMEERSCH, P. M.; GIJSELINGS, G.; PAULISSEN, E. 1984. Discovery of the Nazlet Khater Man, Upper Egypt. *J. Hum. Evol. (New York)*, Vol. 13, pp. 281–6.
- VERMEERSCH, P. M. et al. 1982. Blade Technology in the Egyptian Nile Valley: Some New Evidence. *Science (Washington)*, Vol. 216, pp. 626–8.
- WAINSCOTT, J. S. et al. 1986. Evolutionary Relationships of Human Populations from an Analysis of Nuclear DNA Polymorphisms. *Nature (London)*, Vol. 319, pp. 491–3.
- WENDORF, F. (ed.) 1968. *The Prehistory of Nubia*. Dallas. 2 vols.
- WENDORF, F.; SCHILD, R. 1975. *The Palaeolithic of the Lower Nile Valley*. In: WENDORF, F.; SCHILD, R. (eds), *Problems in Prehistory: North Africa and the Levant*. Dallas, pp. 127–69.
- WENDORF, F.; SCHILD, R. (eds) 1976. *Prehistory of the Nile Valley*. New York.
- 1980. *Prehistory of the Eastern Sahara*. New York.
- 1984. *The Emergence of Food-Production in the Egyptian Sahara*. In: CLARK, J. D.; BRANDT, S. A. (eds), *From Hunters to Farmers*. Berkeley, pp. 93–101.
- WENDORF, F.; SCHILD, R.; CLOSE, A. 1980. *Loaves and Fishes: The Prehistory of Wadi Kubbania*. Dallas.
- 1986. *The Wadi Kubbania Skeleton: A Late Palaeolithic Burial from Southern Egypt*. Dallas. (*The Prehistory of Wadi Kubbania*, Vol. 1)
- WENDT W. E. 1974. 'Art mobilier' aus der Apollo II – Grotte in Südwest Afrika: Die ältesten datierten Kunstwerke Afrikas. *Acta Praehist. Archaeol. (Berlin)*, Vol. 5, pp. 1–42.

ЕВРОПА

в период верхнего палеолита и мезолита

Марсель Отт

ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ ЕВРОПЫ В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА

На протяжении различных эпох похолодания Четвертичного периода и, в частности, во время самого последнего – вюрмского – оледенения значительные массы воды атмосферного или морского происхождения были сконцентрированы на континентах в виде гигантских ледовых шапок. Дефицит воды в океанах вызвал значительное понижение уровня Мирового океана и, как следствие, отступление европейского морского побережья. Особенно заметны были эти изменения в Северной Европе: уровень воды в Северном море упал, а Атлантическое побережье располагалось на границе континентальной платформы, в нескольких сотнях километров западнее его сегодняшнего положения. Образовалась обширная равнина, соединившая находящиеся по разные стороны пролива Ла-Манш Бретань, Британские о-ва, север Франции, Нидерланды, Северное море. Она простиралась до равнин Центральной Германии, Польши и Беларуси. На протяжении большей части периода оледенения эта равнина была зажата между двумя основными ледниками – южно-альпийским и тем, который на севере соединял Шотландию и Ирландию со Скандинавией и Северной Германией.

Вполне естественно, что такое географическое положение определило глубокие климатические изменения (см. ниже), а также предпочтительные пути сообщения между различными регионами Европы. Эти пути сообщения развивались в зависимости от колебаний климата, которые изменяли распределение экологических зон, привлекательных для охотников эпохи палеолита. Были созданы благоприятные условия для связей между различными частями северной равнины, в то время как средиземноморская и балканская зоны были более изолированы, чем сегодня. В свою очередь, эти факторы обусловили распределение культур групп людей, адаптированных к отдельному биотопу.

ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

Общее понижение температуры и в еще большей степени изменение ветрового режима, вызванное увеличением континентальной массы, определили климатические условия, в значительной степени отличающиеся от современных и различные в разных регионах Европы. Сильное высушивание воздушных масс атлантического происхож-

дения, движущихся с запада на восток, обусловило перераспределение экологических зон по долготе; влажная тундра находилась на западе великой равнины, в то время как холодная степь простиралась на восток.

В условиях открытой местности, богатой травами, стали быстро размножаться стада травоядных животных, которые служили основной добычей для людей неолита, живущих охотой. Степи Украины и Центральной Европы благодаря обилию солнечных дней превратились в настоящие заповедники для животных (быков, оленей, лошадей) и, как следствие, в зоны значительной концентрации людей.

В северо-западных районах в тундре сформировались лучшие условия для проживания северных оленей и животных, приспособленных к холоду, таких как мамонт, шерстистый носорог и полярная лиса. Благодаря более разнообразным и богатым биотопам в южных зонах Европы (юго-запад Франции, страны Средиземноморья) образовалась богатая фауна, адаптированная к жизни в горных условиях; ее представителями были, например, каменный баран и серна.

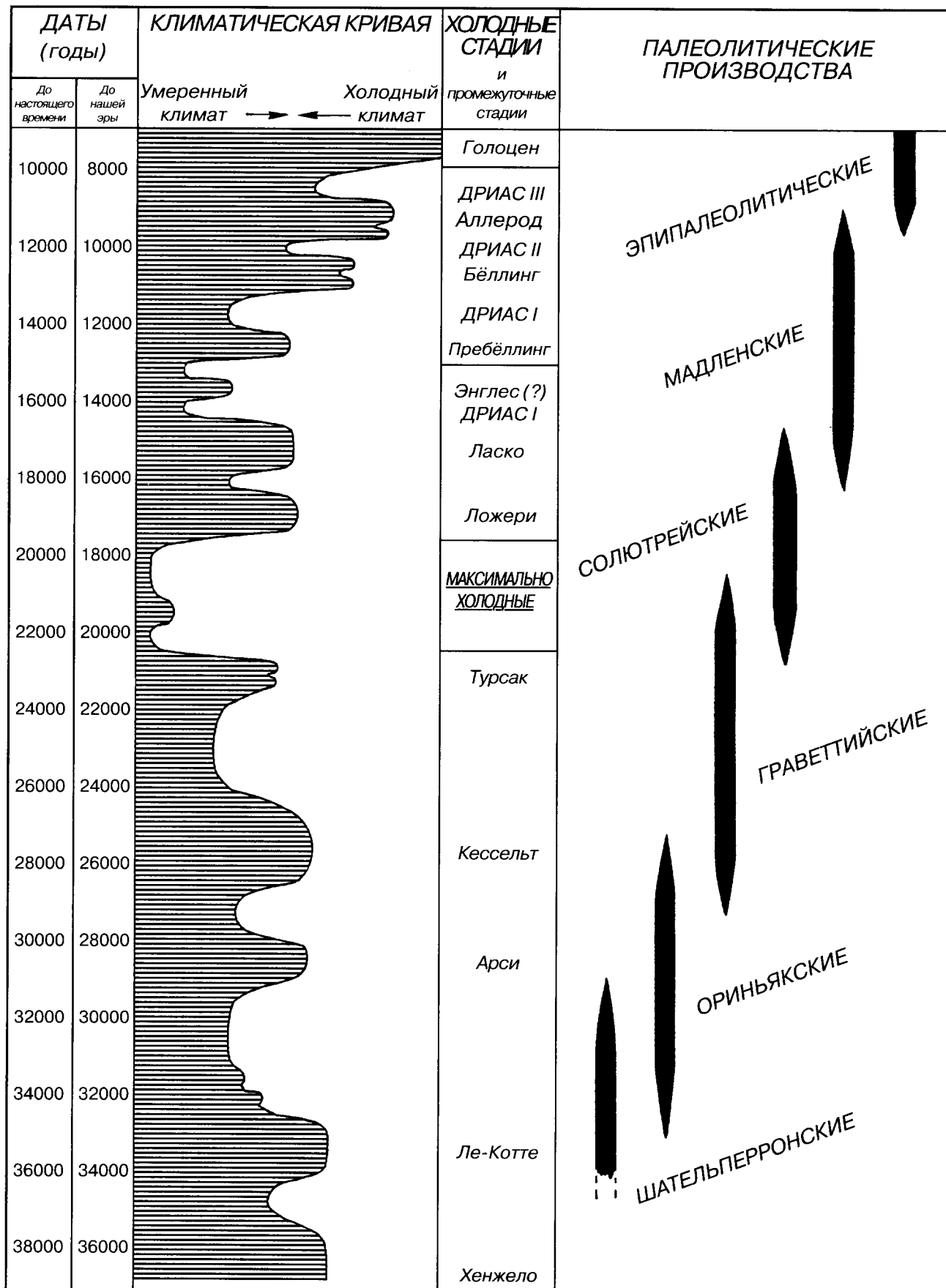
Это воссоздание климата отдаленных эпох было предпринято не только на основании изучения костных остатков животных (в частности, микрофауны, особо чувствительной к изменениям климата), исследований геологических отложений (седиментология, почвоведение), оно стало возможным особенно благодаря находкам ископаемой пыльцы, сохранившейся в осадочных породах (палинология). Таким образом, можно с большой степенью точности реконструировать эволюцию ландшафта (табл. 7).

В течение самых суровых периодов тундра, практически лишенная растительности, простиралась на большей части Европы, а когда климат смягчался, в укрытых местах, образованных крупными долинами, начинали расти галерейные леса, а лесостепи распространялись на плато.

В таких степях могли произрастать ивы, сосны и березы. При улучшении климатических условий эти виды сменялись орешником и ольхой, а когда климат был умеренным, к ним прибавлялись вязы, липы, грабы и дубы.

При определении климатических условий и реконструкции ландшафтов следует одновременно учитывать как расположение местонахождений (высота, долгота, широта), так и их датировку, поскольку в течение самого вюрмского оледенения происходили значительные изменения. Такая реконструкция является, тем не менее, важной, если мы хотим быть убеждены в том, как данное сообщество сохраняло устойчивость в конкретных условиях окружающей среды благодаря своему способу хозяйствования.

Таблица 7. Хронологическое расположение основных археологических культур верхнего палеолита в Западной Европе, увязанное с колебаниями климата в течение последнего вюрмского оледенения (по *Leroi-Gourhan*)

ХРОНОЛОГИЯ

Изменения климата, сведения о которых были получены в ходе палинологических исследований или на основании зондирования океанических глубин, формируют условия, в которых развивались производственные комплексы. С другой стороны, радиометрические датировки, все чаще проводимые для верхнего палеолита, определяют надлежащее место в точной хронологической шкале для этих изменений и для форм человеческой активности, которая отражена в них. Собранный пыльца и сообщества микрофауны характеризуют каждую из фаз таким образом, что дают возможность очертить примерное положение культурных групп эпохи палеолита.

В Европе верхний палеолит начался в период с умеренным климатом, приходящийся на 35 тыс. лет назад, т.е. на середину последней ледниковой эры. До 22 тыс. лет назад, до начала особенно холодного промежутка времени, последовала серия климатических изменений. Затем в период так называемого позднего оледенения, произошедшего примерно между 18 и 8 тыс. лет назад, наметилось медленное потепление с более или менее резкими изменениями климата.

Вслед за этим началась новая послеледниковая геологическая эпоха, продолжающаяся до сих пор и называемая голоценом. Климатические условия стали изменяться, приближаться к современному климату, умеренному и влажному. Народы эпохи палеолита, приспособившись к древесной растительности и к исчезновению степных животных, внесли изменения в свои технологии, хотя и оставались при этом охотниками. Наступил мезолит (примерно между 8 и 5 тыс. лет назад). После завершения этой фазы сформировался или был привнесён из Западной (Передней) Азии новый образ жизни: люди стали переходить к оседлой жизни, начали культивировать некоторые растения и заниматься разведением животных. Наступил неолит – период, который применительно к Европе будет рассмотрен в гл. 47 этого тома.

НАЧАЛО ЭПОХИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ЕВРОПЕ

Переход от технологий среднего палеолита к технологии верхнего палеолита проходил при разных условиях в различных регионах Европы. Параллельно происходила фундаментальная эволюция анатомии человека – переход от человека из Неандертала к человеку современного вида.

Эти технические и анатомические изменения являются лишь отражением более глубоких – и более трудных для восприятия – преобразований в системе социальных отношений, о чем свидетельствуют некоторые признаки: развитие и усложнение конструкций жилищ, систематизация способов захоронения, развитие абстрактных понятий (параллельные бороздки, насечки, регулярное нанесение насечек, обнаруженное на костных остатках или на камнях) и, наконец, нанесение рисунков, воспроизводящих фрагменты реальной жизни, которая символически отражена в них.

Часть этих нововведений имеет местное происхождение, являясь просто эволюцией основ мустьерской культуры. Другая часть происходит от моделей восточных культур, развившихся на месте или привнесённых мигрирующими народами.

По крайней мере новый вид общественных отношений, охвативший значительное количество более сложно организованных индивидумов, позволил повысить эффективность использования средств существования и соответственно обеспечить демографический рост. Новая технология, лучше адаптированная к разнообразному окружению, способствовала тому, что люди верхнего палеолита заселили почти весь Европейский континент и смогли выжить в условиях серьезных изменений климата.

ШАТЕЛЬПЕРРОНСКАЯ КУЛЬТУРА

Пещера Шательперрон, расположенная в департаменте Алье (Франция), дала имя первой культуре, свидетельствующей о переходе к верхнему палеолиту. Нововведения более всего заметны в технологии изготовления каменных орудий: наряду с расщеплением сколов, применявшемся для изготовления древних орудий (скребки, орудия с зазубринами, наконечники), появляется технология отделения удлиненных фрагментов – пластин, предназначенных для изготовления новых, более легких и эффективных орудий: резцов, ножей, стамесок. Одним из характерных изделий является «шательперронский нож», который изготавливался из пластины с одной режущей поверхностью, тогда как противоположный край был выпуклым и тупым (рис. 43).

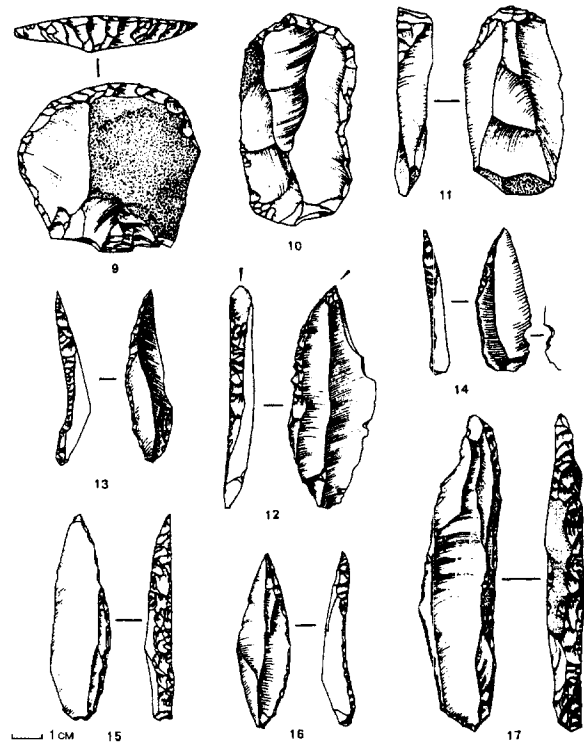

Рис. 43. Раннее шательперронское каменное производство (Франция): 9–11 – скребки; 12–17 – ножи и остроконечники с выпуклой спинкой (по Leveque)

По-видимому, многие из этих орудий были связаны с обработкой костяных изделий (шпилья, стержни, трубки), которые стали появляться, внося разнообразие в набор оружия и орудий.

Появляются первые признаки абстрактного мышления: кости с регулярными насечками, как бы предназначенные для счета; просверленные зубы, используемые в качестве подсвоек; окраска пола и инструментов красной охрой.

Благоустроенные жилища, относящиеся к этой культуре, были обнаружены в Арси-сюр-Кюр (департамент Йонна, Франция). Речь идет о круглых жилищах, построенных из скопления глыб известняка, окружавших очаги, с отверстиями от колонн (остатки каменных клиньев) или с бивнями мамонта, вбитыми в пол. Эти скромные свидетельства демонстрируют явное намерение внести изменения в жилую зону, для того чтобы приспособить ее к повседневным потребностям группы или разбить жилую зону на несколько функционально различных участков.

Многие авторы подчеркивают технологическую преемственность, которая связывает данную культуру с местными мустьерскими фазами, и вполне вероятно, что начала верхнего палеолита в Западной Европе не зависели от

современных им культур в Западной Азии. Сегодня это звучит еще в большей степени убедительно, поскольку в одном из шательперронских захоронений были найдены костные остатки неандертальца (Сен-Сесар, департамент Шаранта, Франция). Эта находка демонстрирует способность быстро исчезнувшего ископаемого вида создавать новые технологии и новый способ существования.

Шательперронская культура является чисто западноевропейской культурой, поскольку зона ее распространения ограничена территорией современной Франции, части Испании и Италии (карта 14). Хронологически она приходится на период между 35 тыс. лет (промежуточная стадия Ле-Котте, табл. 7) и 30 тыс. лет назад (окончание следующего похолодания).

Из-за ограниченности числа местонахождений, раскопанных за последнее время, хозяйственная деятельность в рамках данной культуры еще плохо изучена, однако, учитывая небольшую массу изделий из пластин и наличие изделий из кости, вполне вероятно, что дротики появились именно в этой культуре и использовались для охоты на степных животных.

ПРОИЗВОДСТВА ЛИСТОВИДНЫХ НАКОНЕЧНИКОВ

В северных регионах Европы во время верхнего палеолита появилась совершенно иная традиция (карта 14). К тому же периоду, т.е. к промежуточной стадии Ле-Котте, местные среднепалеолитические производства также перешли на технологию откалывания пластин, но использовали ее для изготовления наконечников для метательных орудий или ножей листовидной формы методом плоской двусторонней ретуши (рис. 44). Любопытно, что получаемые изделия по своей форме не отличаются от орудий предшествующих культур, однако новые технологии позволили извлечь все лучшее из имеющегося материала и, как следствие, освободиться от зависимости от источников сырья.

По-видимому, эти группы охотников хорошо адаптировались к условиям великой северной равнины (от Британии до России), растительность которой в данный промежуток времени с умеренным климатом представляла собой лесостепь и благоприятствовала проживанию крупных стад травоядных животных.

Именно в пещерах, расположенных в зоне плато, которые окаймляют южную часть этой обширной равнины, было сделано большинство открытий – в Англии, Бельгии, Центральной Германии (Тюрингии) и Польше. Центральная (селетская) культура, обнаруженная в Венгрии и Моравии, генетически связана культурой северной равнины.

Еще не определены основатели данного производства, хотя их местное происхождение побуждает считать их неандертальцами, как и в случае с шательперронской культурой. Жилища, которые были найдены в этих пещерах, раскопанные слишком рано и подвергшиеся разрушению во время последующих изменений климата, не оставили никаких следов.

Зародившись примерно 38 тыс. лет назад, данная культура распространилась на северные регионы в течение промежуточной стадии Ле-Котте, прежде чем снова отступить на юг в ходе последующего похолодания (от 34 до 32 тыс. лет назад) и сыграть свою роль в формировании комплексов граветийской культуры в Центральной Европе (см. ниже).

ОРИНЬЯКСКАЯ КУЛЬТУРА

Название этой культуры происходит от названия пещеры Ориньяк в департаменте Верхняя Гаронна (Франция), где ее следы были обнаружены впервые. Географическое распространение данной культуры выходит далеко за пре-

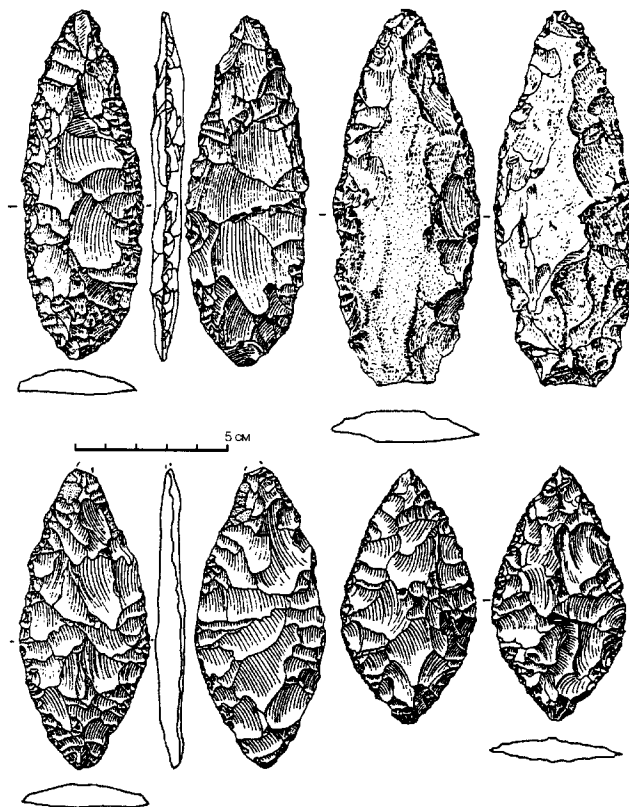
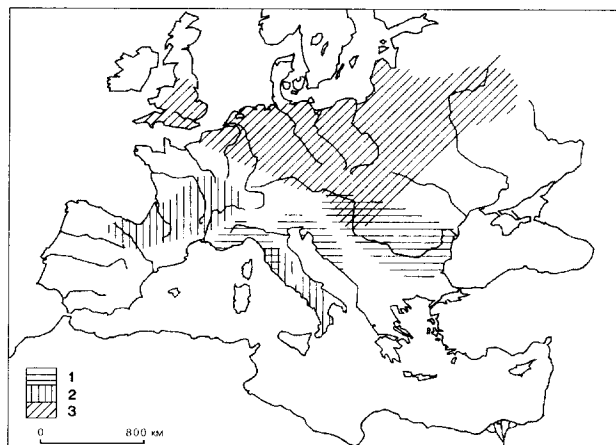

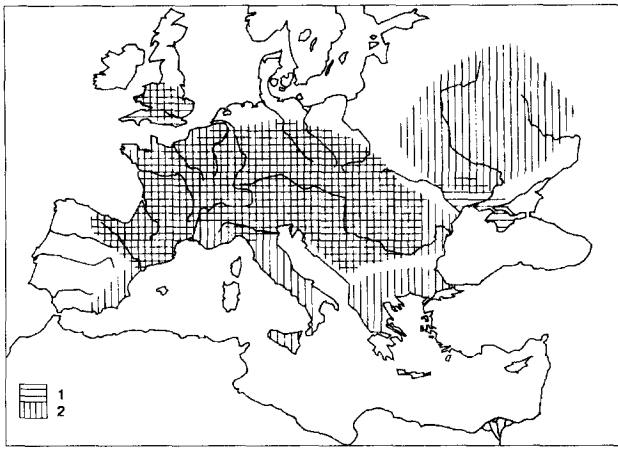
Рис. 44. Наконечники листовидной формы из Северной Европы (по Отте)

делы территории Франции, и даже возможно, что она зародилась за пределами Европы (карты 14 и 15).

Самые ранние датировки (в поселении Бачо-Киро в Болгарии) относят наличие ориньякской культуры на Балканах к 40 тыс. лет назад, т.е. к промежутку времени с холодным климатом, предшествовавшему более умеренной фазе Ле-Котте. Следы древних культур обнаружены также в Венгрии (Исталлоскё) и Моравии (Ведровице). Более того, самой правдоподобной на сегодняшний день гипотезой о происхождении этого культурного течения является его зарождение в Западной Азии, где возраст подобных технологических тенденций столь же древний.

Карта 14. Распределение основных культур начала европейского верхнего палеолита в период между 38 и 32 тыс. лет назад: 1 – ориньякская культура; 2 – шательперронская культура; 3 – культура листовидных наконечников северных регионов (по Отте)

Карта 15. Распространение двух основных культур Европы (ориньякской – 1 и граветтской – 2) между 32 и 22 тыс. лет назад. Большие территории в Центральной Европе контрастируют с единичными проявлениями этих культур в Средиземноморье и Восточной Европе (по *Olte*)

Черда древних («протоориньякских») местонахождений на европейской части побережья Средиземного моря (Италия, юго-запад Франции) указывает на другой путь распространения ориньякской культуры из того же источника.

На протяжении промежуточной фазы Ле-Котте, за которой следовала стадия с холодным климатом, и во время новой более теплой фазы Арси эта культура широко распространилась по Европе, адаптируясь к различным типам окружающей среды, но концентрируясь в основном в зонах плато Центральной Европы. На протяжении различных стадий ее эволюции, которые можно было определить, эта культура распространилась почти по всей Европе за исключением Скандинавии, в то время покрытой ледниками, и равнин России и Украины, где ее остатки мало заметны, вероятно, из-за плотности присутствия других культур (культура листовидных наконечников, затем граветтская культура).

Помимо развития самих технологических процессов, внешняя побудительная причина возникновения этой культуры связана с новой анатомической формой человека современного вида, или кроманьонца, рост которого был выше роста неандертальца, объем черепа больше, и, что особенно важно, лоб был выше, а подбородок выступал как у современных людей.

Представители ориньякской культуры путем аккумуляции (взаимовлияния культур, восприятия одним народом культуры другого народа. – *Прим. ред.*), смешения или переселения народов распространили по всей Европе каменные орудия, изготовленные из толстых пластин со ступенчатой ретушью или из каменных желваков с плоской ретушью: клювовидные резцы, килевидные скребки и концевые скребки с выступом. Эта «мода», которая всегда существовала и, вероятно, была обусловлена различиями в этнических основах, сопровождалась формированием способности изготавливать многочисленные и разнообразные орудия из кости: домашнюю утварь (гладилки, шилья, стамески) и охотничье снаряжение (наконечники, легкие дротики из слоновой кости и рога оленей ромбовидной формы с расщепленным или сплошным основанием).

Ориньякские украшения включают многочисленные подвески: бусины из слоновой кости, подвески в форме капель, кольца, просверленные зубы (рис. 45). Часто встречаются кости с насечками: полые кости с Х-образными и Y-образными насечками, костяная палка с чашеобразной парезкой, которая рассматривается иногда как «лунный календарь».

Однако самыми впечатляющими являются находки произведений пластического искусства. Группы статуэток из слоновой кости, представляющих собой превосходные зооморфные и антропоморфные фигуры, были обнаружены в пещерах Швабско-Франконской Юры (гряды на юге Германии).

В укрытиях на юго-западе Франции были открыты резные дощечки со схематическим изображением животных и знаков, которые интерпретируются как мужские и женские символы.

Наконец, в некоторых пещерах того же региона впервые обнаружены наскальные рисунки, относящиеся к ориньякской культуре (Белькер).

На этот раз в Европе образовался комплекс разработанных символических концепций. Можно предположить, что в период ориньякской культуры формировались абстрактные взгляды, которые развились в эпоху верхнего палеолита.

К ориньякскому периоду было отнесено несколько захоронений: групповое захоронение в гроте Кро-Маньон (департамент Дордонь, Франция), к сожалению, раскопанное до появления специальных методов; двойное захоронение людей в согнутом положении в Гримальди (Италия) и индивидуальное захоронение в Куэва-Морин (область Астурия, Испания).

Следы жилых строений отсутствовали из-за того, что пещеры начали раскапывать с XIX в. без применения специальных методов их разведки. Известны искривленные и вытянутые котлованы в местечке Барка в Словакии и четырехугольный котлован в Куэва-Морин (Испания).

Представители ориньякской культуры были в основном охотниками на крупную дичь и на уже исчезнувших животных: пещерных медведей, мамонтов и шерстистых носорогов, которых они забивали дротиками с ромбовидными наконечниками. Мы не располагаем никакими де-

Рис. 45. Находка из захоронения на Сунгирьской стоянке во Владимирской области (Российская Федерация): многочисленные бусины и подвески как будто сошли с одежды, на которую они были напханы в качестве украшений (по *Bader*)

тальными исследованиями, объясняющими, как происходил раздел добычи, однако ее значительная часть приносила на стоянку. Недавние исследования фауны показали, что семейная группа была большой (примерно 30 человек), а добыча делилась не на месте забоя животного.

В конце различных стадий развития и по завершении территориального распространения ориньякская культура уступила место той культуре, которая отчасти была ее современницей, – граветтской культуре.

ГРАВЕТТСКАЯ КУЛЬТУРА (карта 15)

Происхождение этой значительной технической традиции сегодня представляется полицентрическим. На западе шатльперронская культура способствовала формированию не только ориньякской культуры, но и местной фации граветтской культуры – верхней перигордской. На равнинах Северной Европы на этот процесс оказали воздействие производства листовидных наконечников, а в восточных регионах Европы малоизвестные технические группы в начале верхнего палеолита внесли серьезный вклад в формирование местной разновидности граветтской культуры.

Как бы то ни было, примерно в середине европейского верхнего палеолита возникли и быстро распространились новые технологии, которые сильно отличались от применявшихся в ориньякской культуре, но современниками которой они по большей части являлись. Эти новые технологии, очевидно, были связаны с эволюцией способов охоты, которая отныне стала более ориентирована на животных, проживающих в открытой местности, например на больших равнинах, а не на возвышенных плато. Каменными вкладышами охотничьих орудий теперь являлись тонкие пластины, заостренные путем крутой ретуши всей прямоугольной кромки («граветтские наконечники» – по названию французского поселения Ла-Граветт, где они были впервые обнаружены). Эти изделия служили для боевого оснащения стрел и крепились либо по оси древка, либо сбоку, как зубрины. В граветтский период появляется несколько других форм легкого оружия: плоские и листовидные «жала», ступенчатые наконечники в восточных регионах, остроконечники с хвостовиком на западе, пластинки с прямой спинкой в большинстве регионов.

Для производства этих легких орудий была применена новая технология подготовки нуклеусов из исходного сырья и найдены материалы, подходящие детально разработанной технологии. Установлено, что привоз высококачественных материалов из удаленных районов (стимулирующий, безусловно, контакты между группами людей) осуществлялся в больших масштабах, чем в ориньякский период, и произошло более четкое разделение мест и видов деятельности на места добычи, подготовки и хранения блоков и на жилые площади.

По-видимому, в больших поселениях Центральной Европы сложилась такая социальная организация, при которой часть сообщества могла вести оседлый образ жизни, в то время как другие члены группы заготавливали материалы и дичь (как примеры можно привести Долни Вестонице и Павлов в Чешской Республике).

В этих местонахождениях обнаружены настоящие «деревни» граветтского периода с жилищами круглой формы, устроенными в котлованах, вырытых в лессе. Наличие захоронений и мастерских по производству статуэток указывает на то, что это были поселения оседлых групп. В северных регионах (Польша) открыты поселения, сооруженные из скопления костей мамонтов. Выдвинуто предположение, что они служили временными стоянками, используемыми во время охотничьих экспедиций или походов за каменным сырьем, запасы которого в этом регионе

(Краков – Спаджиста) были значительны. В Западной Европе группы селились как в природных укрытиях, так и под открытым небом. Недавно стало известно о существовании укрытий из каменных плит, установленных по кругу, которые были обнаружены в Винь-Брэн недалеко от г. Роан во Франции. Они также свидетельствуют о строительстве крупных поселений, в которых временами проживали люди.

Оружия из кости производилось меньше, чем в ориньякской культуре, этот материал применялся для изготовления лишь длинных тонких двухконусных наконечников стрел. Напротив, резко расширилось производство домашнего инвентаря из кости, в частности, появились инструменты, очевидно, предназначенные для возведения жилищ: лопаты, кирки, мотыги из кости или из оленьих рогов. Эти изделия часто украшались тонкими резными геометрическими орнаментами: меандрами, шевронами, прямоугольным орнаментом.

Самым зрелищным аспектом граветтской культуры были, бесспорно, ее художественные изделия, однородность которых на большей части Европы подтверждает мнение об общности культур или по крайней мере о частых контактах между группами людей – мнение, которое уже было сформулировано при рассмотрении каменных орудий.

В череде граветтских поселений, расположенных от юга России до Пиренеев, были обнаружены женские фигурки, иногда называемые «венерами», с пышными и стереотипными формами (рис. 35): широкими бедрами, обвислой грудью, выступающими ягодицами. При этом голова и руки у них не проработаны или отсутствуют. Отмечается отсутствие черт лица, за исключением редких случаев, таких как знаменитая «Дама в капоре», найденная в Пиренеях (илл. 35) и лицо из Долни Вестонице. В зависимости от регионов подобные статуэтки изготавливались из разных материалов: мягкого камня, слоновой кости или даже терракоты (в Моравии). В Моравии и на Украине рядом со статуэтками иногда находили фигурки животных: носорогов, мамонтов, представителей семейства кошачьих. Единство темы и эстетического канона указывает на то, что через посредство граветтской культуры по всей Европе распространились культы и религиозные обряды, связанные с этими образами.

В период граветтской культуры на юго-западе Франции и в Кантабрийских горах продолжалась эволюция пещерного искусства. Стиль II, по определению А. Леруа-Гурана, принадлежит этому периоду и включает акцентирование линий шеи и спины, характерное для изображения животных различных видов; изображения, найденные в департаменте Жиронда и в Гаргасе (департамент Арьеж), являются важными образцами этого искусства (см. гл. 19 и 23).

В период между 27 и 22 тыс. лет до н.э. граветтские культурные традиции, которые получили особенно широкое распространение и были связаны со стабильной и развитой социально-хозяйственной структурой, подверглись сложным изменениям, детально обсуждать которые мы здесь не будем. К этим изменениям со временем добавлялись все более выраженные региональные отличия, свидетельствующие о разобщенности внутри данного обширного культурного комплекса. Намечившееся к концу периода ухудшение климата усиливало эти региональные отличия и привело к изоляции географических зон. Так в то время как Северная Европа кажется покинутой, в регионах Средиземного моря вплоть до постледникового периода продолжали существовать граветтские традиции. Таким же образом данные традиции будут поддерживаться длительное время на Балканском п-ве и в Восточной Европе, которые были отрезаны от западных регионов. Произшедшие глубокие изменения климата привели на Западе к смешению культур и технологий, и благодаря этому смешению зародились новые традиции.

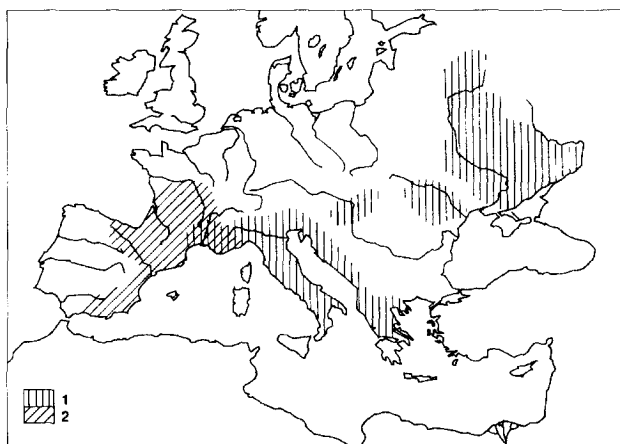
СОЛЮТРЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА (карта 16)

Отложения Солотре в Бургундии (Франция) дали название особой культуры, присущей западным регионам, которая развилась во время максимального похолодания в последний ледниковый период – примерно 20–15 тыс. лет назад. В то время как в районах Средиземноморья продолжали существовать традиции граветтской культуры, в долине Роны и в департаменте Йонна стали оформляться новые технологические процессы при изготовлении оружия и орудий из камня. Плоская ретушь, которая, очевидно, была заимствована из древних культур северных регионов и передана через некоторые фации граветтской культуры (Бельгия и Центральная Европа), возродилась в «протосолютрейской» культуре, которая отказалась от многих технологических процессов граветтской культуры, применявшихся при изготовлении оружия и состоявших в отбивании тыльной поверхности для получения наконечников и вставок. Плоская ретушь более широких и толстых оснований привела сначала к изготовлению домашних орудий: заостренных пластин или особенно правильных односторонних наконечников с плоской гранью. Затем ранняя, средняя и поздняя стадии солютрейской культуры (18–15 тыс. лет назад) были отмечены совершенствованием и разнообразием изделий и оружия, обработанных плоской ретушью. Отныне эти изделия с двусторонней плоской ретушью стали более изящными и ровными, а на поздних стадиях их иногда изготовляли методом выдавливания; так получались наконечники в виде лаврового листа, листа ивы и наконечники с зубуринами. С технической точки зрения этот период полностью соответствует апогею техники обработки камня: чувствуется, что мастера видели новые возможности выделиться своим умением и, вероятно, проявляли эстетическую утонченность (рис. 46, 47).

Снова единообразие технологических процессов, используемых на обширной территории и черты преемственности между различными стадиями указывают на существование культурных связей между обитателями различных солютрейских поселений в разные периоды.

Ареал этой культуры ограничен большей частью современной территории Франции и Испании. В Испании производились замечательные каменные наконечники с хвостовиками и оперением, которые на несколько тысяч лет предвосхитили появление наконечников для стрел эпохи неолита.

Производство изделий из кости не было развито, из нее делались только тонкие наконечники для дротиков. Имен-

Карта 16. Европа в максимально холодную стадию ледниковой эпохи (примерно между 22 и 17 тыс. лет назад, когда населенная территория сократилась до южных зон): 1 – поздняя граветтская культура; 2 – солютрейская культура

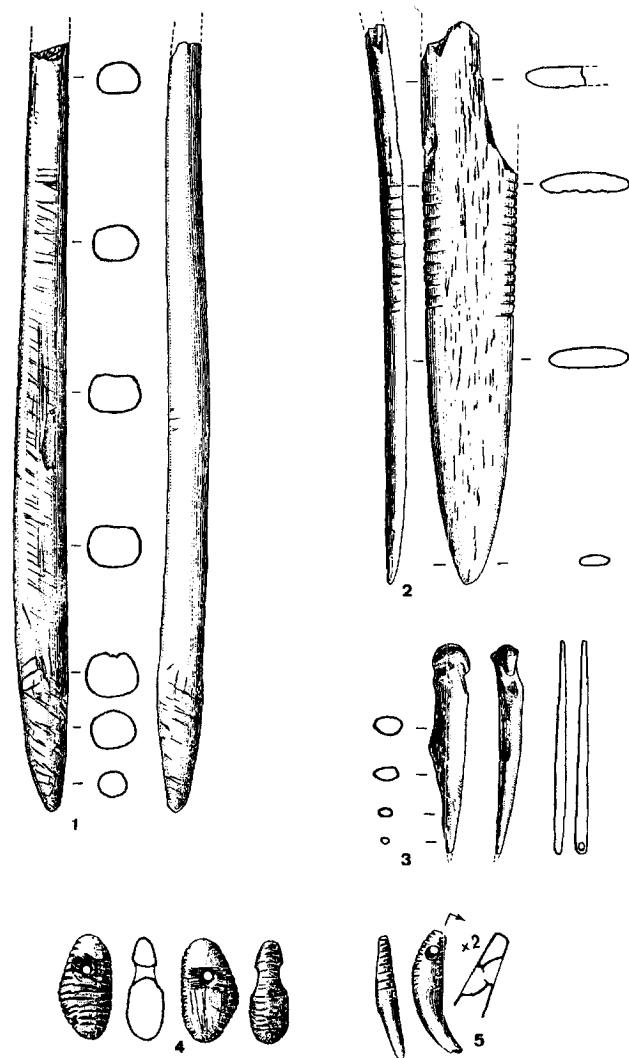

Рис. 46. Артефакты солютрейской культуры из кости: 1 – тонкая нижняя часть резного дротика из кости; 2 – гладилка с насечками; 3 – пило и иголка с ушком; 4 – резная подвеска из слоновой кости; 5 – просверленный зуб лисицы с насечками (по Smith, 1966)

но представители солютрейской культуры изобрели иголки с ушком, которые они делали из кости.

Подробное исследование образа жизни и особенностей существования людей в солютрейский период было проведено в Астурии, в Испании (Strauss & Clark, 1983). Оно выявило стремление охотников этого периода приспособиться к природным условиям. Они устраивали стоянки в различных местах в зависимости от времени года и дичи – предмета охоты, учитывая сезонные миграции каменных баранов для охоты в горах и оленей на прибрежной равнине.

Некоторые конструкции почти круглых жилищ, относящиеся к этой культуре, были найдены, в частности, в Шуфине (Испания), где круглое основание жилища, ограниченное каменной стенкой, имело в диаметре 2 м.

Солотрейское искусство представлено дощечками с резными изображениями, отражающими более реалистичные представления по сравнению с граветтской культурой; на них изображены самки оленей и лошади (Парпалло, Испания). Многие настенные рисунки и резные изображения также приписываются солютрейским художникам, например открытые в местонахождениях Шабо в департаменте Арьеж и Тэт-де-Лион в департаменте Ардеш (Франция). Однако наиболее значительным отличием этой культуры являются барельефы, вырезанные на камен-

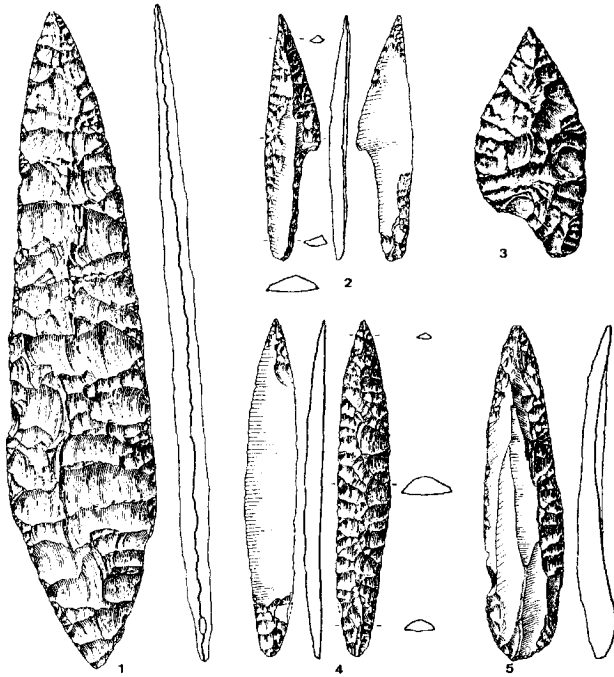

Рис. 47. Солотррейские наконечники из камня: 1 – наконечник в виде лаврового листа; 2 – наконечник с уступом; 3 – асимметричный наконечник; 4 – наконечник в виде ивового листа; 5 – односторонний наконечник (по Smith, 1966)

ных глыбах, изображающие толстобрюхих и коротконогих животных (стиль III Леруа-Гурана): такие барельефы найдены в Фурно-дио-Дьябль в Бурдей (департамент Дордонь) и Рок-де-Сер (департамент Шаранга).

После блистательного расцвета солотррейской культуры загадочным образом исчезает из доисторического периода Запада или же чахнет, оставив свои следы в позднеграветтской культуре групп людей в Южной Испании, Лангедоке и Провансе. Следы их технологий встречаются также в одной из фаций древней мадленской (бадегульской) культуры. Однако ее главным достижением было, вероятно, то, что она поддержала основы существования населения на Западе в самый суровый климатический период и передала комплекс художественных приемов и все мифы, которые они иллюстрировали, более поздним культурам верхнего палеолита.

МАДЛЕНСКАЯ КУЛЬТУРА (карта 17)

В ходе позднего ледникового периода, примерно 18 до 8 тыс. лет назад, образовалась культура, особенно хорошо адаптированная к тем условиям окружающей среды, которые в то время существовали на большей части Европы. Зародившаяся в недрах традиций граветтской культуры и впитавшая остатки солотррейской культуры, мадленская культура характеризуется высоким уровнем технических разработок, специализацией охоты, сложными структурами жилищ и множественными проявлениями утонченного эстетического восприятия.

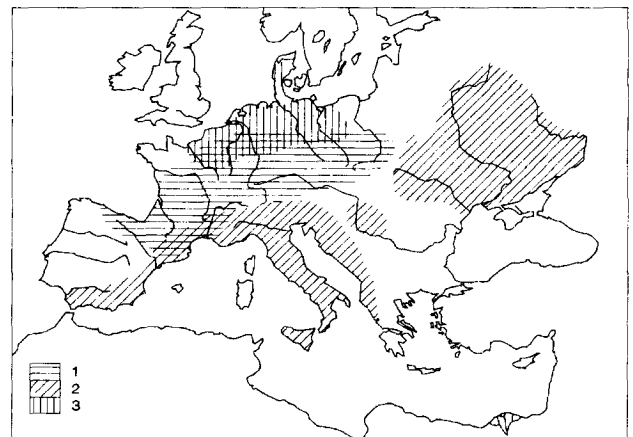
В технической сфере (рис. 48) нововведением этой культуры стало производство некоторых микролитических метательных наконечников, что, вероятно, было связано с изобретением лука. Увеличилось также количество составных орудий, объединявших различные материалы: пластинки с обухом, вставленные в костяные наконечники, которые, в свою очередь, крепились на деревянных древках и съёмных головных частях гарпунов. Была изобретена первая «машина» (толкатель), предназначен-

ная для метания дротиков, состоящая из двух элементов: короткого рогового стержня с ручкой на одном конце; при вращении стержня увеличивалась сила броска. Оснащение дротиков стало более разнообразным: применялись тонкие наконечники, наконечники с втулкой и одинарным или двойным скосом. Наконечники гарпунов с одним или двумя рядами зубрин были другим проявлением технической эволюции, связанной, очевидно, с особыми методами охоты. Мадленскую культуру можно назвать «золотым веком» костяных орудий, которые часто украшались. А. Леруа-Гуран различает предметы длительного пользования и предметы кратковременного пользования. Первые («метательные машины», просверленные стержни, лопатки) украшались изображениями животных рельефной или выпуклой формы, что, возможно, обусловлено предназначением изделия или иллюстрацией мифа (илл. 46): изображались лошади, стоящие друг против друга, каменные бараны в сложных сценах. Вторые (дротики, гарпуны) были украшены более схематичными рисунками, связанными с функцией изделия или личностью охотника.

Зародившись, по всей вероятности, в южных районах Франции, мадленская культура распространилась по большей части территории Европы в течении ранней (17–16 тыс. лет назад) и средней (16–14 тыс. лет назад) стадий. Поселение Машиска в Польше, датированное 14,5 тыс. лет назад, свидетельствует о широком распространении этого нового способа культурного выражения, затронувшего даже детали украшения костяных изделий. Идентичная культура появляется в Моравии (Пекарна), Тюрингии (Небра), Богемии (Хостим), Австрии, Германии, Бельгии и Швейцарии. Однако период самого значительного ее распространения в этих регионах соответствует поздней фазе ее эволюции (примерно от 11 до 9 тыс. лет назад).

В южной части Европы, в Италии, оставшейся под влиянием граветтской культуры, обнаружены лишь косвенные следы мадленской культуры. Вместе с тем в Испании она достигла значительных высот в своем развитии.

Кочевой образ жизни представителей мадленской культуры, соответствовавший годовичному циклу, в основном был связан с перемещениями стадных животных (северных оленей, лошадей), а кратковременные жилища охотников зачастую хорошо сохранялись. Палатки и хижины, сооружаемые ежегодно, позволяют составить

Карта 17. Европа во время позднего палеолита (примерно между 17 и 12 тыс. лет назад). В каждом регионе была своя группа охотников, адаптировавшихся к местным условиям окружающей среды. Территории у южных и северных пределов занимались эпизодически: 1 – мадленская культура; 2 – поздняя граветтская культура; 3 – северные группы с наконечниками с выступом (по Otte)

СЕВЕРНЫЕ ГРУППЫ ЛЮДЕЙ И НАКОНЕЧНИКИ С УСТУПОМ (карта 17)

В течение промежуточной климатической стадии Бёллинга с умеренным климатом (13,5–12 тыс. лет назад) охотники палеолита вновь заселили великую северную равнину, из которой отступили ледники. Это были народы, прекрасно приспособленные к жизни в тундре и холодных степях. Их специализированные хозяйства в основном ориентировались на охоту на северного оленя. Они следовали за сезонными миграциями этих животных или устраивались в тех местах, где они должны были обязательно проходить, например у бродов. Популяция таких народов оценивается в несколько сотен семей, т.е. в несколько тысяч индивидуумов, которые были разделены на группы примерно по 40 человек. Места их проживания представляли собой временные жилища, сооружаемые из легких конструкций; в этих жилищах также выделялись отдельные площади для различных видов деятельности.

Территория их расселения была очень обширной: ее площадь оценивается в 440 тыс. кв. км, она включала равнины Польши, север Германии и Франции, Нидерланды, Бельгию и Великобританию. Частично она перекрывает территорию, заселенную представителями поздней мадленской культуры, хотя обе эти культуры оставались четко разделенными между собой. С точки зрения генетики эти народы происходят от группы народов периода средней мадленской культуры в Центральной Европе (Польша, Тюрингия), которые жили в течение периода Дриас I. Возможно, что под воздействием демографических факторов они приспособили свою технологию и образ жизни к условиям северной экологической зоны; появились специализированная охота, собственная технология производства каменных орудий и кочевой образ жизни. Основные отличия от современной им мадленской культуры состояли в небольшом количестве орудий из кости в снаряжении и в развитии производства каменных наконечников с уступом. Эта технология, вероятно, связанная со способами крепления изделий, применялась для изготовления не только наконечников для стрел, но и различных домашних орудий: резцов, стамесок, сверел. Для последних применялись орудия с особым типом режущей части, приспособленной к работе с оленьими рогами: скошенные режущие кромки, известные под названием *Zinken* («зубцы»).

Кроме отдельных ступеней развития данной культуры различают еще две основные географические группы – кресвеллийскую в Бельгии и Великобритании и гамбургскую в Германии, Польше и Нидерландах (рис. 49). Распространение этих культур по великой равнине с востока на запад ярко проявилось в течение промежуточной стадии Бёллинга. К окончанию данного промежутка времени и особенно в течение стадии похолодания Дриас II эти народы мигрировали на юг в связи с возвращением холода. Установившиеся таким образом контакты с народами мадленской культуры способствовали приобщению к их культуре, которое отражено в каменных орудиях. К концу стадии Дриас II новая адаптация к жизни в лесах привела к возникновению в северных регионах культуры *Federmesser* («перочинный ножик»), развившейся в течение более теплой промежуточной стадии Аллерод.

ПОЗДНИЙ ГРАВЕТТИЙСКИЙ (карты 16 и 17) И ЭПИГРАВЕТТИЙСКИЙ ПЕРИОДЫ (карты 18 и 19)

На большей части Средиземноморья и Балканского региона в конце позднего периода оледенения и в продолжение традиций предшествующих местных культур сохранились традиции граветтийской культуры. Изделия становились все более легкими, а пластины палеолита заменялись

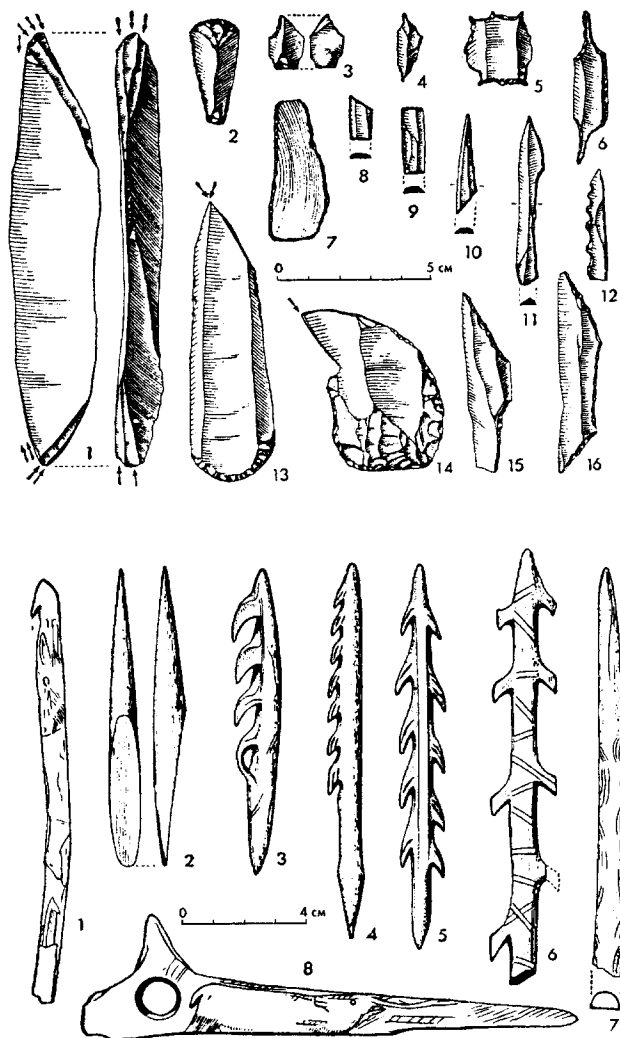

Рис. 48. Каменные и костяные артефакты мадленской культуры. Вверху – каменные артефакты: 1, 14 – резцы; 2, 13 – скребки; 4–6 – сверла; 8–12 – микролитические наконечники; 15, 16 – наконечники с прямой спинкой. Внизу – костяные артефакты: 1 – топорик, 2 – наконечник дротика; 3–6 – гарпуны; 7 – полукруглый жезл; 8 – «жезл пачальника» с отделкой (по *Sonnerville-Bordes*)

ясную картину деятельности людей в определенное время года, тогда как устройство более постоянных поселений изменялось с течением времени. Когда масса природных отложений, накладывающихся поверх этих остатков, легка (эоловые отложения или постоянные речные отложения), то расчистка их распределения после тщательного удаления покрывающего слоя позволяет воссоздать значительную часть условий проживания: известны конструкции легких палаток в Пенсеване (под Парижем), в которых явно происходило разделение домашней работы (разделка мяса, обработка камня, изготовление орудий), конструкции войлочных палаток с вертикальными стенками в Гённерсдорфе в Рейнской области, где найдены следы ритуальных действий – многочисленные украшенные дощечки.

Помимо украшения утилитарных изделий, мадленские художники изготавливали фигурки животных и особенно часто женские фигурки из камня и кости. Женские фигурки, очень стилизованные, отличаются пышными формами, присущими граветтийской культуре, и представляют собой профильные силуэты с выступающими ягодицами.

Интенсивное развитие пещерного искусства, свидетельствующего о связи с мадленской мифологией, о чем часто упоминается в литературе, рассматривается в гл. 23.

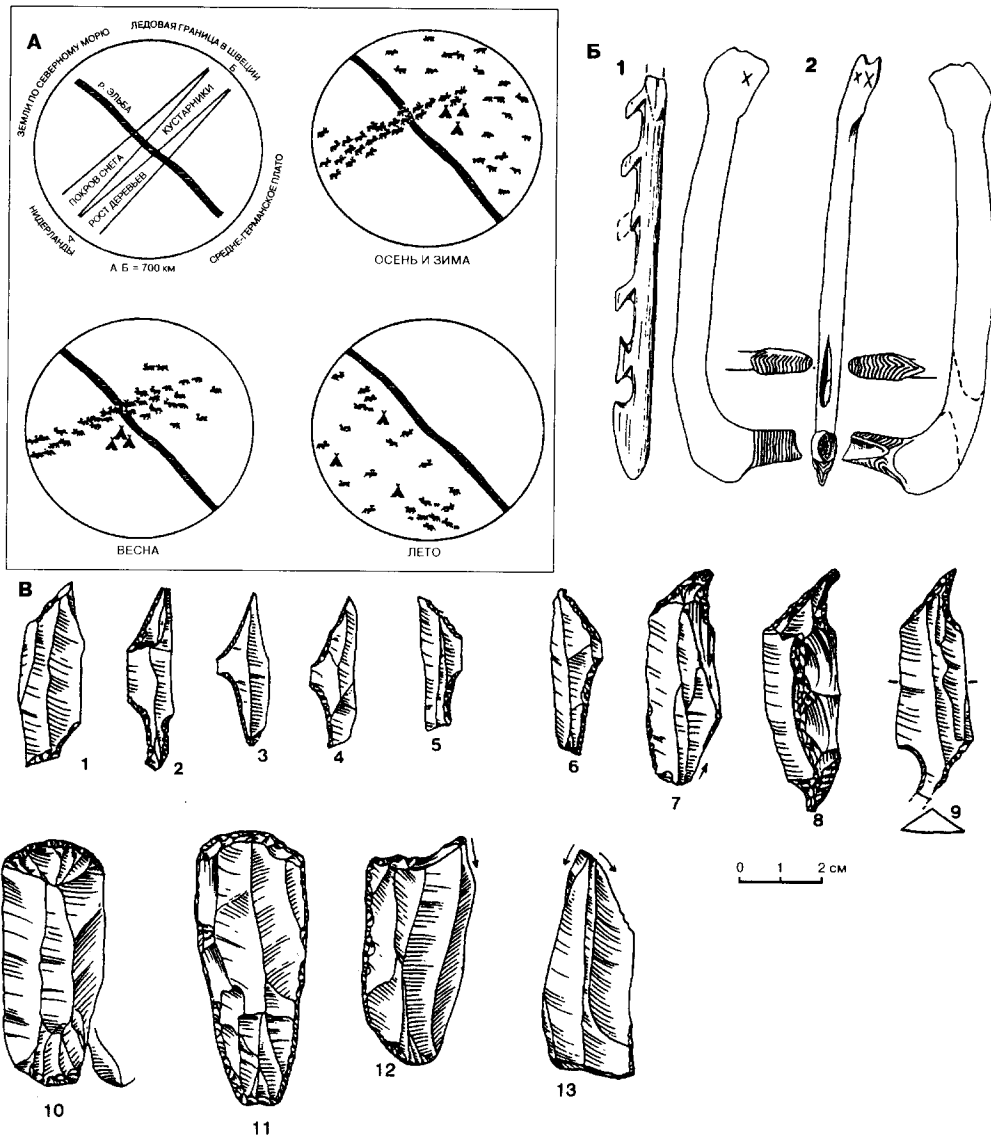

Рис. 49. Цикл миграций северного оленя и охотников гамбургской группы по северной равнине (А) (по Bokelmann); орудия северных групп (Б): 1 – гарпун, 2 – рукоятка топора; каменные артефакты северных групп (В): 1–6 – каменные наконечники с уступом, 7–9 – «зубцы» и сверла, 10–11 – скребки, 12–13 – резцы (по Clark)

тонкими пластинками. Постоянно усложнялись наконечники разных видов оружия. Различные региональные группы культур можно выделить в Провансе (аренийская, буверийская), в Италии (эпиграветтская), Венгрии (сагварская) и на Балканском п-ве (в бывшей Югославии, в Греции, Румынии – эпиграветтская и поздняя граветтская). Их система хозяйствования была разнообразной и основанной преимущественно на региональных ресурсах. Каждая из этих групп развивалась в направлении к местному раннему мезолиту. Самой полной и наиболее изученной на сегодняшний день является итальянская ветвь. Здесь ранняя фаза эпиграветтской культуры начинается с изготовления листовидных наконечников (между 19 и 18 тыс. лет назад), затем орудий с уступом (18–15 тыс. лет назад). За ним следует завершающая фаза эпиграветтской культуры, в течение которой производится многочисленных изделий с угловой спинкой (с периода Дриас I до предсеверного периода), формы которых приближаются к микролитическим: треугольники, пластинки со спинкой, наконечники со скругленной спинкой или с двумя затупленными краями.

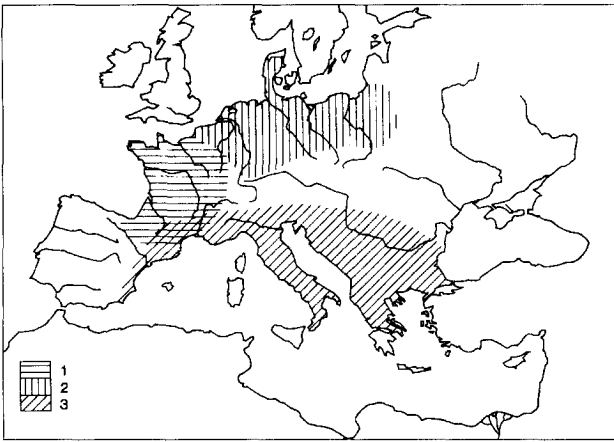
Следы мадленского влияния видны в дощечках с изображениями (геометрическими или художественными) и в некоторых изображениях на стенах пещер Адаура (илл. 37) и

Левансо. Еще сохраняются анималистические сюжеты, но уже можно говорить о появлении множества повествовательных сцен (танцев или обрядов), а также рисунков, изображающих естественное поведение животных. Здесь, как и повсюду, окончание палеолита означает завершение художественных традиций мадленских охотников, и искусство, творя свою силу, в большей степени выполняет повествовательные, нежели своего рода религиозные функции.

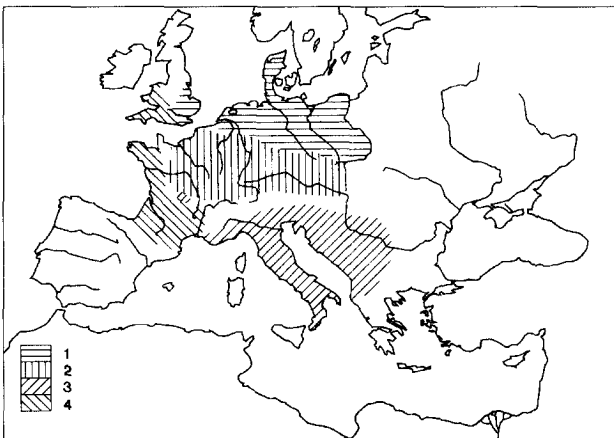
АЗИЛИЙСКАЯ КУЛЬТУРА (карта 18)

На промежуточной стадии Аллерод с умеренным климатом (11,8–10,8 тыс. лет назад), а затем холодной стадии Дриас III (10,8–10,2 тыс. лет назад) наблюдается изменение западных мадленских производств, которые дают начало новой – азилийской – культуре (по названию поселения Мас-д'Азиль в департаменте Арьеж, Франция) (рис. 50).

Уменьшаются размеры изделий каменного производства и увеличивается количество микролитических метательных наконечников. Самым характерным является наконечник с изогнутой спинкой, очевидно, предназна-

Карта 18. Распределение трех основных групп культур по главным регионам Европы в конце ледникового периода (промежуточная стадия Аллерод): 1 – азилийская группа на западе; 2 – группа культур *Федермессер* на севере; 3 – эпиграветтийская культура на юге (по *Otte*)

Карта 19. Культуры европейского мезолита: 1 – маглемозе (в Северной Европе); 2 – беронийская (в Центральной Европе); 3 – эпиграветтийская (в Средиземноморье); 4 – советтеррийская (в Западной Европе)

ченный для стрел. Домашние изделия, изготовленные из коротких пластин, включают многочисленные небольшие скребки, круглые или ногтевидные. Их появление связано, вероятно, с новым способом крепления на деревянных ручках, позволившим применять мелкие изделия и легко обновлять их рабочие детали. Значительно уменьшилось количество резцов: работа по кости, для которой они были предназначены, уступила место работе по дереву. Все это связано с изменением климатических условий в стадии Аллерод, когда леса с деревьями, имеющими твердую древесину, постепенно пришли на смену холодной степи. Увеличилось количество видов животных, живущих в зонах с умеренным климатом, таких как благородный олень, рога которого стали использоваться в качестве орудий – широких и плоских гарпунов с просверленным основанием и слегка выступающими зазубринами.

В этом рассеянном по большой территории обществе, разделенном на региональные группы (Пиренеи, долина Роны), связи групп, проживающих на значительном расстоянии друг от друга, ослабли. Одним из возможных последствий этого стало почти полное исчезновение пещерного искусства. Характер воздействия палеолитической

религии изменился, а пещерные «алтари» были заменены культовыми местами под открытым небом. Исчезновение рисунков свидетельствовало о вырождении декоративно-прикладного искусства: территория, когда-то заселенная представителями азилийской культуры, была усеяна галькой, на которую сначала наносили рисунки, а затем стали их вырезать. Рисунки представляли собой пятна, пересекающиеся и зигзагообразные линии, тогда как резные изображения состояли преимущественно из параллельных линий, расположенных в один или два ряда. В этих рисунках явно присутствует своеобразный символизм, а тщательный статистический анализ показал регулярность в количестве и расположении линий, значение которых остается загадкой: были ли они культовыми предметами или служили для запоминания чего-либо?

Распространившись на всей территории Франции и части территории Испании, данная культура, которая была логическим продолжением местных проявлений мадленской культуры, еще во многих отношениях принадлежит эпохе палеолита (по технологии производства каменных орудий, образу жизни). Адаптируясь к лесной среде, развивая производство легких насадок и деля общество на более мелкие группы, эта культура после холодной стадии Дриас III предвещает появление местных форм эпохи мезолита.

СЕВЕРНЫЕ ГРУППЫ (С НАКОНЕЧНИКАМИ ТИПА «ПЕРОЧИННЫЙ НОЖИК») (карта 18)

На северных равнинах на базе групп культур, производящих наконечники с уступом (гамбургская, кресвеллийская), наметилась сопоставимая тенденция. Промежуточная стадия Аллерод и соответствующие ей хозяйственные изменения вызвали разделение групп на небольшие региональные образования. Значительно разбросанные поселения (Меер в Бельгии и Каловине в Польше), которые менее интенсивно заселялись, стали предметом тщательного изучения с применением техники реконструкции (соединения частей одного нуклеуса) и использованием микроскопических следов применения. В поселениях отмечено разделение на зоны для различных видов деятельности: изготовления орудий из сколов и рогов оленей, уничтожения ненужных орудий. Повторная сборка блоков сырья указывает и на то, какие их части использовались одновременно и последовательно, на изменения в устройстве поселений в одном и том же месте через промежутки времени.

Эти группы появились также в стадии Аллерод и расселились по всем северным равнинам от Британии до Польши. Повсеместно уменьшались размеры каменных орудий, а в их состав входило множество коротких скребков и поперечных резцов. Среди наконечников характерной разновидностью были наконечники с выгнутой спинкой, которые дали название всей группе – *Federmesser* («перочинный ножик»). Эта группа в зависимости от географического положения подразделялась на несколько фаций: тьонжерийскую в Бельгии и Нидерландах (рис. 51), рисенскую и веленскую в Северной Германии. Как и в азилийской культуре, их предметы ограничены некоторым количеством гальки с вырезанными на ней пересекающимися и параллельными линиями.

СЕВЕРНЫЕ ГРУППЫ И НАКОНЕЧНИКИ С ХВОСТОВИКАМИ

В течение последней холодной стадии ледниковой эпохи (Дриас III) в Северной Европе возникла новая группа, очевидно, адаптировавшаяся к условиям прожи-

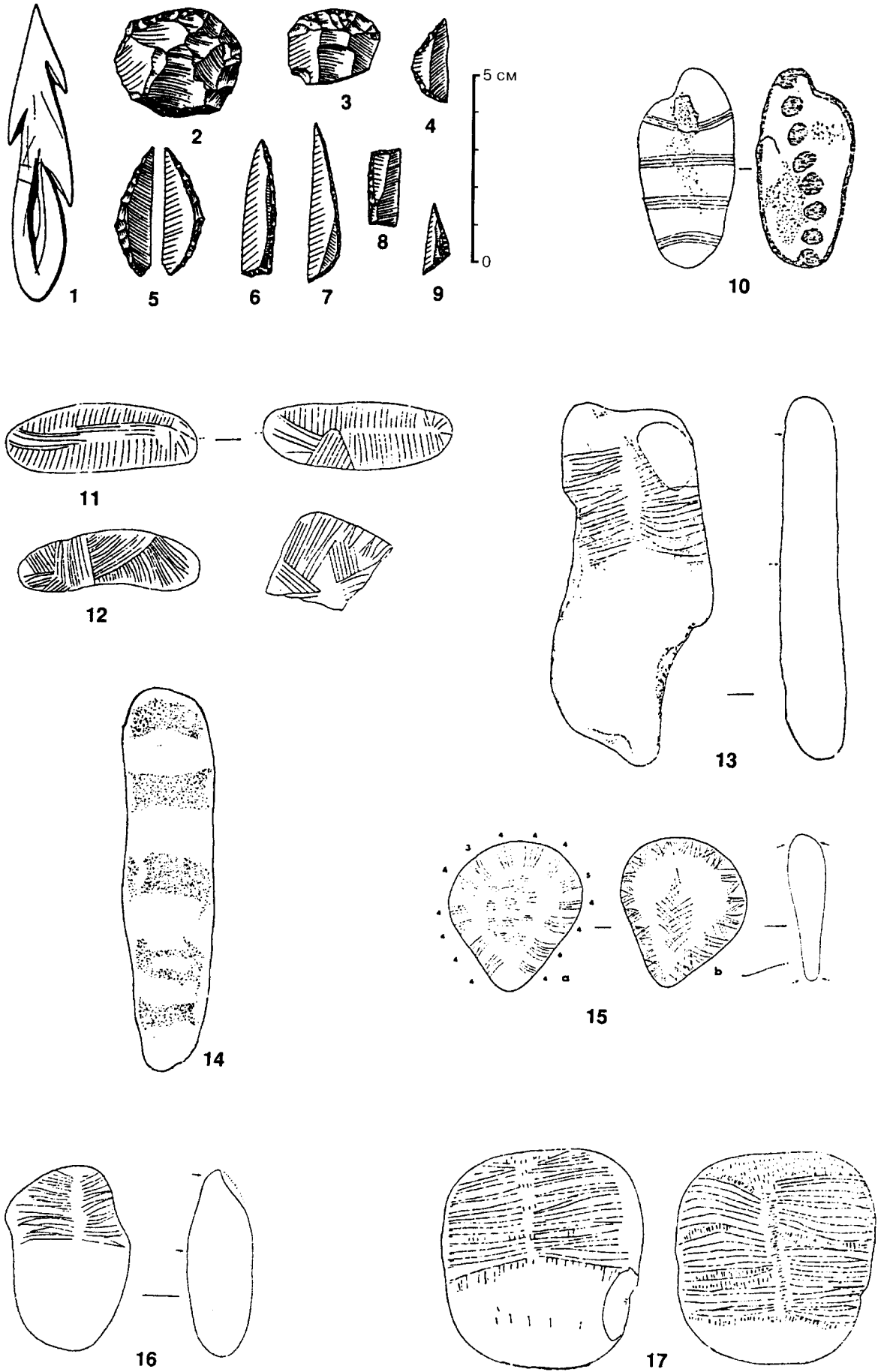

Рис. 50. Артефакты азилийской культуры: 1 – гарпун; 2–3 – скребки; 4–9 – наконечники (по *Sommeville-Bordes*); 10–17 – галька, украшенная резными и рисованными геометрическими сюжетами (по *Thevenin*)

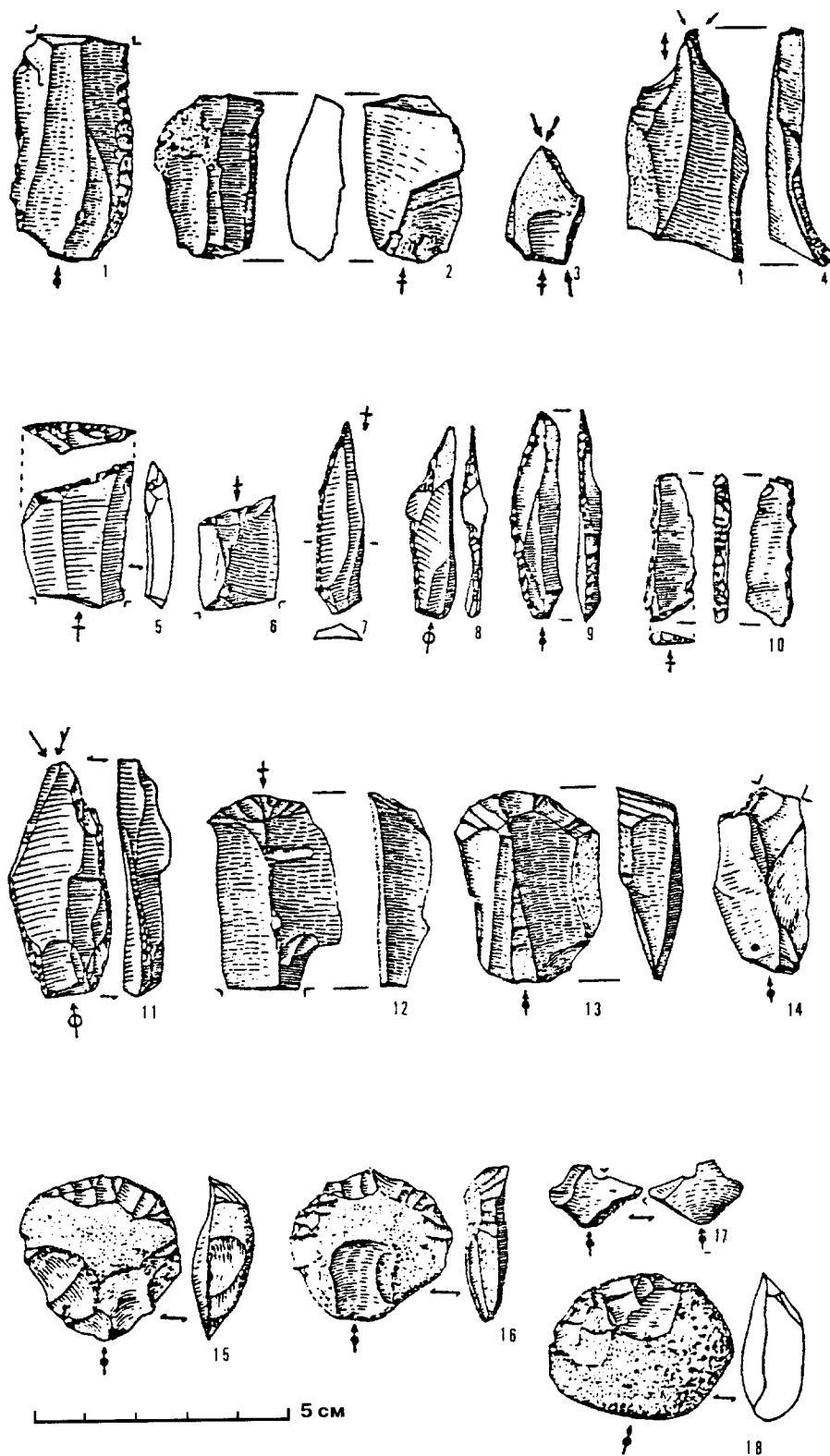

Рис. 51. Каменные орудия тьонжерийской культуры (культуры «перочинных ножей») (Бельгия, поселение Меер IV): 1–2 – пластины с ретушью; 3, 4 и 11 – резцы; 5–6 – усеченные пластины; 7–10 – наконечники со спинками; 12, 13, 15, 16 и 18 – скребки (по *Олле*)

вания в тундре. Представители этой культуры, называемой аренсбургской (по названию г. Аренсбург на севере Германии), занимались охотой на северного оленя, поголовье которого в этот период увеличилось. Для охотничьих целей они разработали технологию производства очень легких каменных изделий из пластинок (рис. 52). Эти узкие заготовки (шириной менее 12 мм) применялись для изготовления микролитических наконечников для оружия, которые отдельными авторами рассматриваются как изделия уже эпохи мезолита, тем более что в Штельмооре (Германия) найдено несколько деревянных древков стрел, в которых еще оставались каменные вставки. Основным видом наконечников стрел были наконечники с короткими хвостовиками – «аренсбургские наконечники». По-видимому, эта культура, ограниченная стадией Дриас III и распространенная

некоторые авторы рассматривают как изделия уже эпохи мезолита, тем более что в Штельмооре (Германия) найдено несколько деревянных древков стрел, в которых еще оставались каменные вставки. Основным видом наконечников стрел были наконечники с короткими хвостовиками – «аренсбургские наконечники». По-видимому, эта культура, ограниченная стадией Дриас III и распространенная

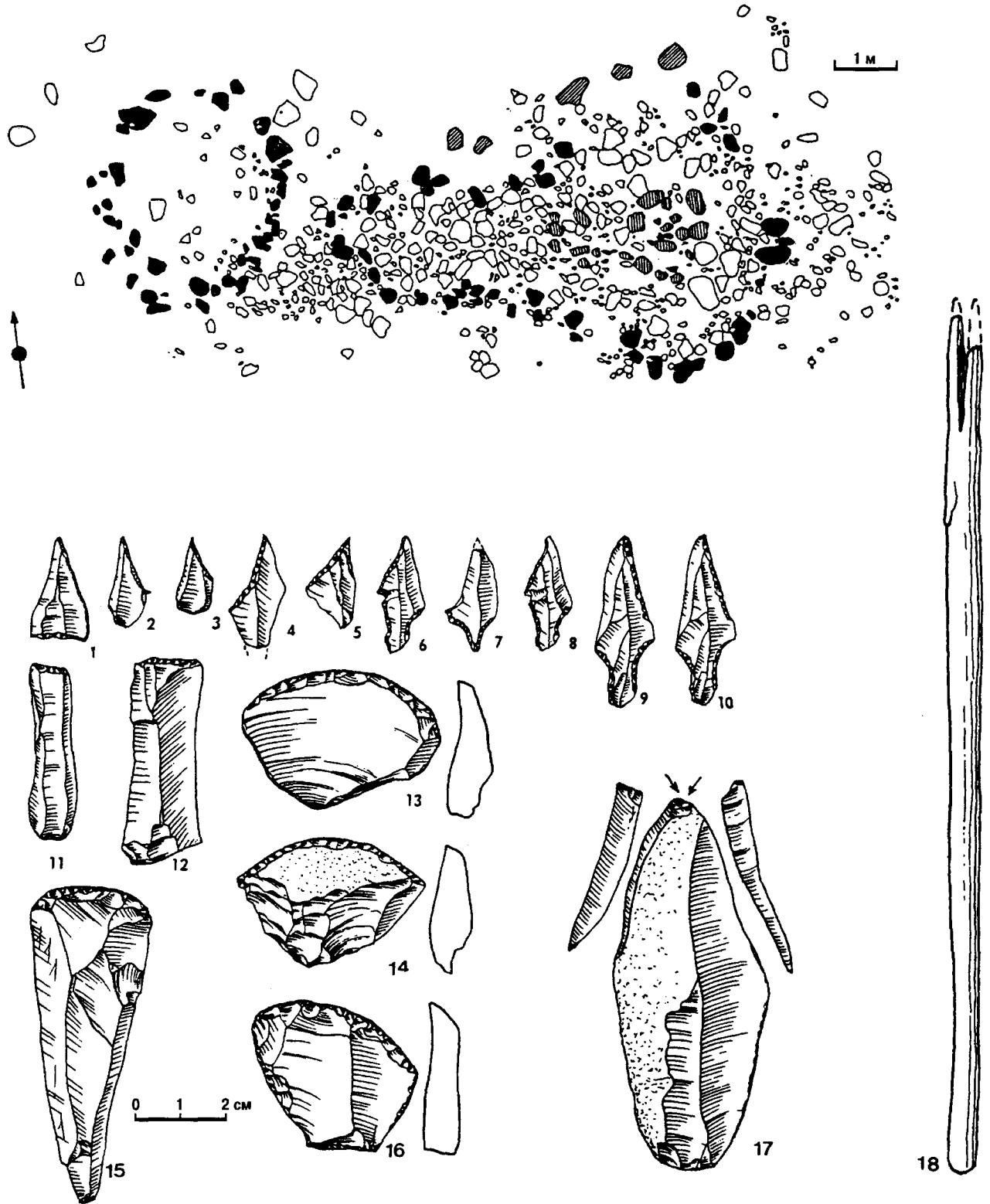

Рис. 52. Особенности аренсбургской культуры (Германия). Вверху – план жилой палатки: черные камни указывают границы разделения площади. Косая штриховка обозначает грузы для натяжной конструкции, а вертикальная штриховка – камни очага. Внизу: 1–10 – наконечники; 11–16 – скребки; 17 – резец; 18 – деревянное древко с пазом для установки наконечника (по Rust)

от севера Германии до Бельгии, в течение предполярного периода породила местную форму культуры мезолита. Напротив, изделия из кости больше напоминают предметы эпохи палеолита, например гарпуны, оснащенные одним или двумя рядами зубрин, изготовленных из оленьих рогов и имеющих утолщенное основание, к которому мог быть привязан ремень.

Очевидно, эти различные группы мигрировали на юг и, будучи лучше адаптированными к ведению хозяйства в условиях тундры, в отдельных южных регионах вытеснили группы «перочинных ножей». Различают несколько территориальных образований среди культур, производящих наконечники с хвостовиками: аренсбургское на севере Германии, в Бельгии, Нидерландах

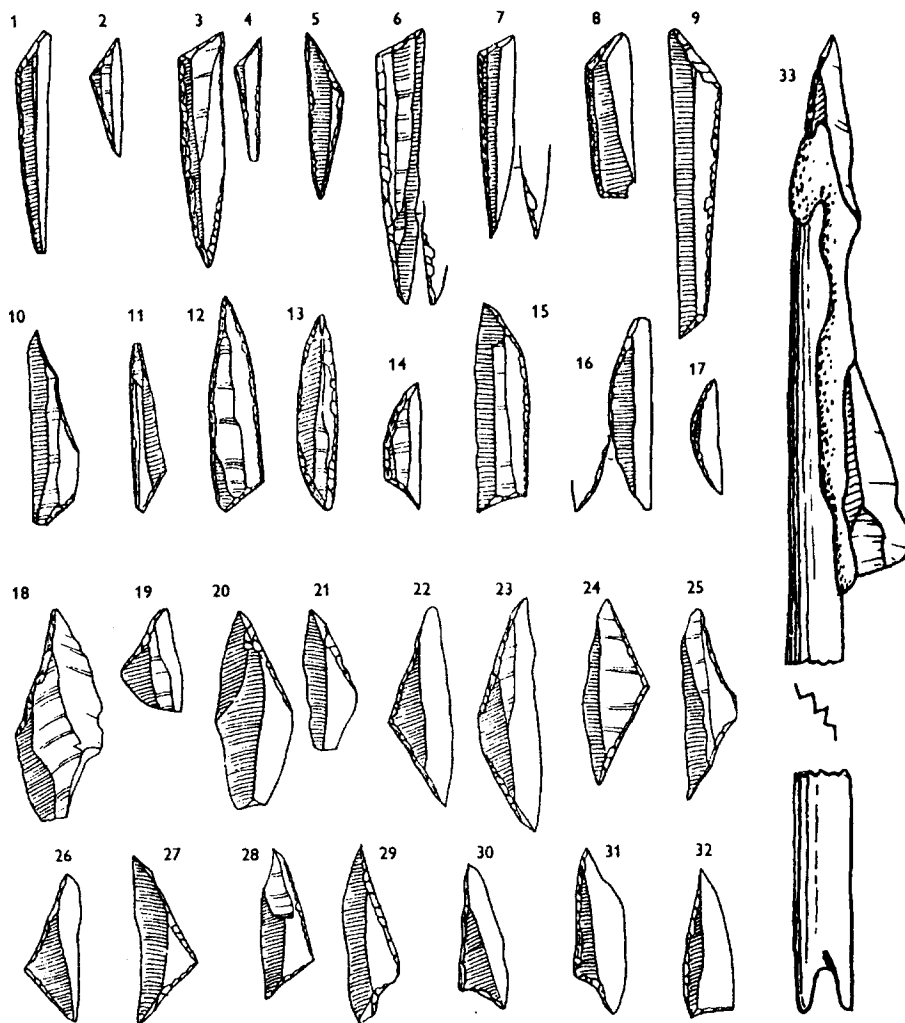

Рис. 53. Геометрически сформированные наконечники стрел и боковые острия на древках стрел, закрепляемые с помощью смолы на сосновом древке (33), относящиеся к раннему (полярному периоду) мезолиту (по Clark)

и Люксембурге; броммийское в Дании и свидерское в Польше.

Детальные исследования ареала распространения определенного каменного сырья, проведенные в Польше, показали расширение связей между различными группами людей, производившими наконечники с хвостовиками в течение стадии Дриас III. Это распределение, которое изменялось в зависимости от вида продукта (необработанная глыба или законченные орудия), четко отличается от способа распространения (на небольшие расстояния), преобладавшего в промежуточную стадию Аллерод у групп «перочинных ножей», и от появившегося в предполярный период (передача через промежуточные поселения).

РАННИЙ И СРЕДНИЙ МЕЗОЛИТ (карта 19)

В большинстве районов Европы различные региональные группы завершающего периода палеолита претерпевают глубокие изменения либо начиная со стадии Дриас III, либо в течение предполярного периода (10 тыс. лет назад). Значительное сокращение набора каменных орудий и переход от пластинчатой технологии к технологии, основанной на производстве малых пластин и их использовании в качестве заготовок, отражают более серьезные социально-экономические сдвиги (рис. 53). Лесной ландшафт, окончательно сформировавшийся в Центральной Европе,

вызвал изменение охотничьего оружия, переход к широкому применению лука и стрел, которые в лесу были эффективнее, чем дротик, при охоте на более подвижную и рассеянную по территории дичь, чем степные животные, — на оленей, косуль, кабанов. И хотя плотность населения оставалась стабильной или даже возросла, по-видимому, поселения были более разбросанными, чем в эпоху палеолита, продукты питания — разнообразнее (что обеспечивалось сбором плодов, рыбной ловлей), а численность групп — меньшей.

В Средиземноморье появляется развившаяся на основе поздней граветтийской культуры эпиграветтийская культура, для которой характерны пластины с прямой спинкой и геометрические металательные вставки (треугольные и сегментные). В Западной Европе азилийская культура способствовала возникновению советеррийской культуры, отличающейся производством наконечников с двумя криволинейными гранями и также применявшей геометрические формы. В Центральной Европе формируется беронийская культура (ранняя тарденуазская), в которой наряду с геометрическими формами (треугольниками, разносторонними треугольниками, сегментами) появляются асимметричные треугольные наконечники с обтесанным основанием («тарденуазские наконечники»). В Северной Европе (юг Скандинавии и Великобритании) формируется маглемозийская культура, производная от аренсбургской, а на севере Центральной Европы — дювензейская и коморницкая группы.

ЭПОХА ПОЗДНЕГО МЕЗОЛИТА

Восемь–семь тысячелетий назад форма насадок для орудий, применявшихся мезолитическими группами, и процесс их изготовления претерпели новые изменения. Пластинки, полученные методом давления, стали более ровными, с параллельными краями и прямыми сторонами. Они особенно подходили для изготовления трапециевидных метательных остроконечников, различные варианты которых были характерны для отдельных региональных групп: кастельновской – на юге, монбанийской – в центральных районах, эртеболле-эллербекской – в Скандинавии и на севере Германии.

В этот период оформляются первые признаки новой эры в Южной и Центральной Европе. В Средиземноморье появились первые виды домашних животных (овцы и козы), а поселения стали соответствовать оседлому образу жизни, может быть, в ответ на демографическое давление.

На атлантических берегах (Хоэдик, Тевбек) возникают настоящие деревни, а захоронения группируются в некрополи. Культ черепов, захороненных вместе, как в Оффнете в Баварии и в патуфейской культуре в Западной Азии, по-видимому, указывает на стремление показать постоянный характер места проживания, подчеркнуть наследственное владение землей.

Организация постоянных поселений и плотность населения были еще более выражены в Скандинавии, где прибрежные деревни полностью приспособились к смешанному типу хозяйства, основанному на использовании ресурсов моря и леса. Вскоре там появится техника изготовления гончарных изделий, возможно, благодаря влиянию других культур.

В Сербии большие группы людей основали на берегах Дуная деревню явно оседлого типа. Один из домов, открытый в поселении, имеющий трапециевидную форму и ка-

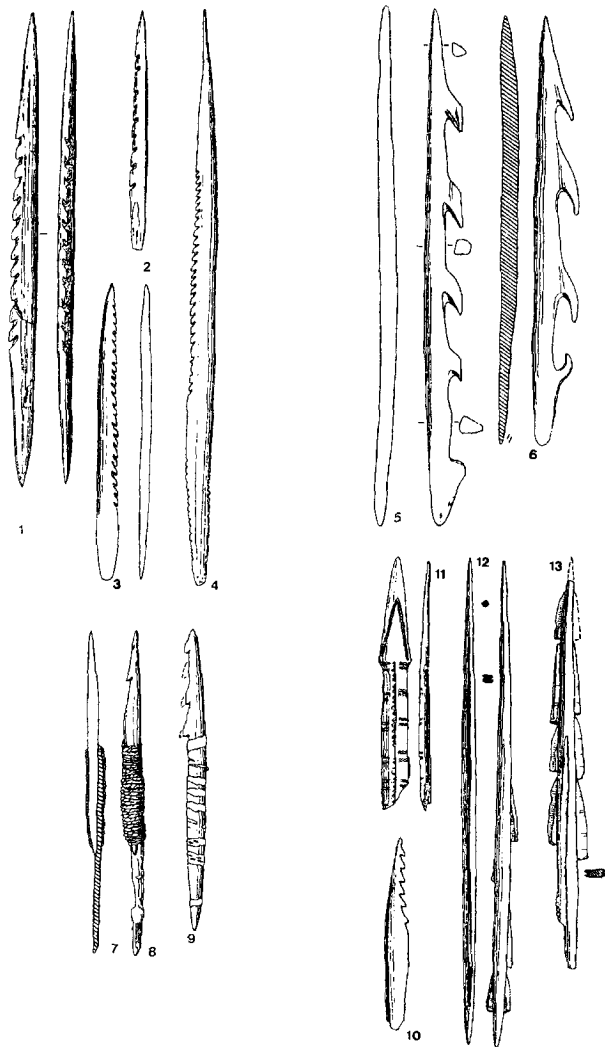

Рис. 54. Костяные и роговые наконечники северного мезолита: 1–4 – наконечники с зубринами; 5–6 – наконечники гарпунов; 7–10 – наконечники с зубринами, насаженные на дерево из орешника, со следами смолы (10); 11–13 – костяные наконечники с кремневыми пластинками, вставленными в пазы (по Clark)

От северных групп (рис. 54, 55), хорошо известных благодаря находкам в торфяниках, сохранились помимо характерных каменных орудий (топориков и лепных наконечников) значительные остатки изделий из органических материалов: наконечников с зубринами, костяных или роговых топоров, зубил, пирог, западней, сетей из растительных волокон. В этих регионах обнаружены также редкие произведения искусства того периода (рис. 56): на Балтике были найдены статуэтки животных из янтаря, покрытые тонкой геометрической резьбой, а также схематичные изображения людей и даже несколько резных настенных рисунков (см. гл. 23).

Общей особенностью для всех этих групп было применение «микрорезцов», с помощью которых делались прорезы на крупных пластинках, а по местам прорезей отбивались небольшие пластинки для последующей обработки крутой ретушью.

В сфере религии сохранялись традиционные для эпохи палеолита индивидуальные захоронения, сопровождавшиеся ритуальными действиями: посыпанием кроваво-красной охрой, укладыванием подвесок, костяных или каменных орудий.

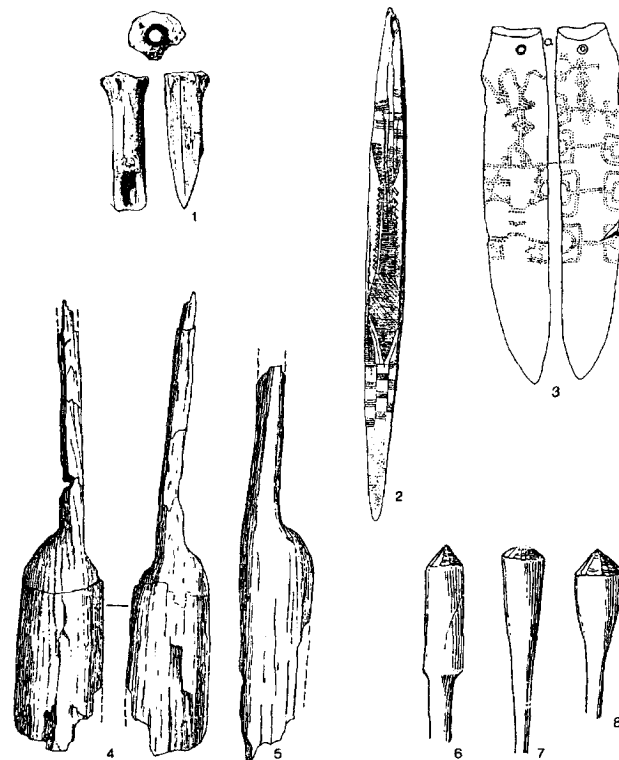

Рис. 55. Изделия скандинавского мезолита из кости и дерева: 1 – костяные резцы; 2, 3 – лопаточка и нож, украшенные геометрическими фигурами; 4, 5 – весла; 6–8 – деревянные наконечники стрел для охоты на птиц (по Clark)

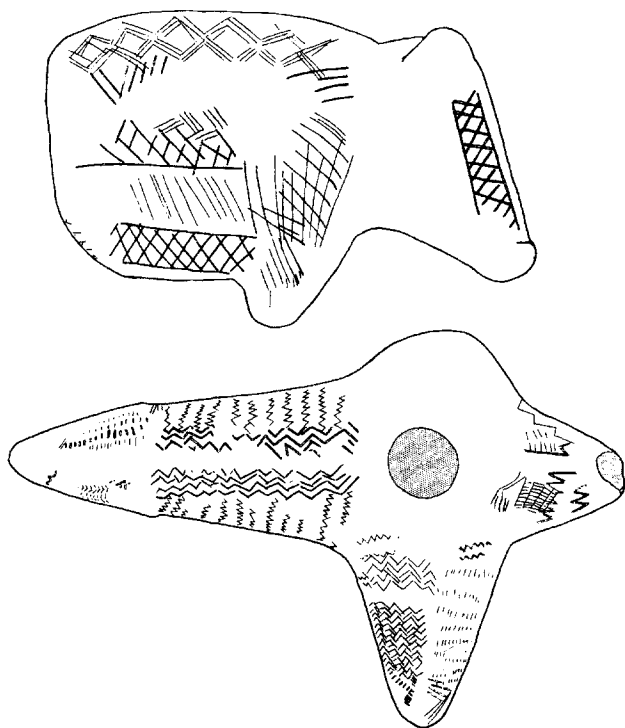

Рис. 56. Предметы искусства мезолита в Северной Европе: фигурка животного из янтра, покрытая насечками; топор из мягкого камня с тонкими резными изображениями (по *Marsback*, 1972)

менный фундамент, был окружен могилами. В этом поселении в Лепенски-Вире обнаружены также впечатляющие мезолитические скульптуры в форме яйцевидных глыб, на которых были вырезаны черты лица, обрамленные геометрическими сюжетами (меандры, шевроны).

Однако более быстрые перемены происходили в Центральной Европе: культура ленточной керамики, зародившись на Балканах, где появился восточный неолит, распространилась по всему региону вплоть до Парижского бассейна и Бельгии, принесла с мигрирующим населением новый способ существования, основанный на производстве пищи — земледелии и скотоводстве. В данной части континента прогрессивные мезолитические группы заселили регионы, непригодные для земледелия (густые леса с неплодородными почвами), в результате между двумя популяциями могли установиться мирные контакты и происходить обмен техническими достижениями. Несколько тысячелетий спустя большая часть Европы была «окультурена», т.е. приспособилась к новому неолитическому хозяйству, тогда как в самых северных районах, теперь освободившихся от скандинавских ледников, традиции народов-охотников, рыболовов и собирателей продолжались еще много веков спустя (фоснийская культура).

БИБЛИОГРАФИЯ

- BAILEY, G. (ed.) 1983. Hunter-Gatherer Economy in Prehistory: A European perspective. Cambridge.
- BARTA, J. 1974. Knickotorym Historicko-Spolovensky m otazkam peleolituna Slovensku [On Historical-Sociological Problems of the Slovakian Palaeolithic]. Slov. Archaeol. (Bratislava), Vol. 22, pp. 9–32.
- BORDES, F. 1968. Le Paléolithique dans le Monde. Paris.
- (ed.) 1968. La Préhistoire: problèmes et tendances. Paris, CNRS.
- BOSINSKI, G. (ed.) 1968–80. Der Magdalenien-Fundplatz Gönnersdorf. Wiesbaden. 5 vols.
- BREZILLON, M. 1969. Dictionnaire de la préhistoire. Paris.
- CAMPBELL, J. B. 1977. The Upper Palaeolithic of Britain: A Study of Man and Nature in the Late Ice Age. Oxford. 2 vols.
- CESNOLA, A. PALMA DI (ed.) 1983. La Position taxonomique et chronologique des industries à pointes à dos autour de la Méditerranée européenne. Siena. (Colloque International de l'UISPP, Siena.)
- CLARK, G. 1975. The Earlier Stone Age Settlement of Scandinavia. Cambridge.
- 1977. World Prehistory in New Perspective. 3rd edn. Cambridge.
- COLLOQUE INTERNATIONAL EN HOMMAGE AU PROFESSEUR ANDRÉ LEROI-GOURHAN. 1982. Actes. Roanne-Villercres. (Offprints.)
- COMBIER, J. 1967. Le Paléolithique de l'Ardèche dans son cadre paléoclimatique. Bordeaux.
- DE LAET, S. J. 1982. La Belgique d'avant les Romains Wetteren.
- DELPECH, F. 1983. Les Faunes du Paléolithique supérieur dans le sudouest de la France. Paris, CNRS. (Cah. Quat, 6.)
- DELPORTE, H. 1979. L'Image de la femme dans l'art préhistorique. Paris.
- ESCALON DE FONTON, M. 1966. Du Paléolithique supérieur au Mésolithique dans le Midi méditerranéen. Bull. Soc. préhist. fr., Vol. 63, pp. 66–180.
- FAGAN, B. M. 1970. Introductory Readings in Archaeology. Boston.
- FORTEA PEREZ, J. 1973. Los complejos microlaminares y geométricos del Epi-paleolítico mediterráneo español. Salamanca.
- FULLOLA I PERICOT, J. 1979. Las industrias líticas del paleolítico superior ibérico. Valencia.
- GABORI, M.; GABORI, V. 1957. Études archéologiques et stratigraphiques dans les stations de loess paléolithiques de Hongrie. Acta Archaeol. Acad. Sci. Hung. (Budapest), Vol. 8, pp. 3–117.
- GINTER, B. 1974. Wydobycie, Przerworstwo i dystrykcja surowcow i wyrobow krzemienych w schyłkowym plejstocenie polnocnej czesci Europy srodkowej [The Extraction, Production and Distribution of Raw Material and Flint Products during the Late Palaeolithic in the Northern Part of Central Europe]. Pr. Archeol. (Poznań), Vol. 22, pp. 5–122.
- GOB, A. 1981. Le Mésolithique dans le bassin de l'Ourthe. Liège.
- HAESAERTS, P.; HEINZELIN, J. 1979. Le Site paléolithique de Maisières-Canal. Bruges.
- HAHN, J. 1977. Aurignacien: das ältere Jungpaläolithikum in Mittel- und Ost-Europa. Cologne.
- HASSAN, F. 1981. Demographic Archaeology. New York.
- HOURS, F. 1982. Les Civilisations du paléolithique. Paris.
- JULIEN, M. 1982. Les Harpons magdaléniens. Paris.
- KLIMA, B. 1963. Dolní Věstonice, Vyzkum taboriste lovcu mamutu v leteca 1947–1952 [Dolní Vestonice, Field Research into a Mammoth Hunting Place during 1947–1952]. Prague.
- 1966. Le Peuplement paléolithique de la Tchécoslovaquie et sa chronologie. Investigations archéologiques en Tchécoslovaquie, Prague, pp. 11–20.
- KOZŁOWSKI, J. K. 1965. Studia nad zróżnicowaniem Kulturowym w plejstocenie gornym Europy srodkowej [Studies on the Cultural Differentiation in the Upper Palaeolithic of Central Europe]. Pr. Archeol., Vol. 17.
- 1969. Les Problèmes de la géochronologie du Paléolithique supérieur en Pologne. Quaternaria, Vol. 11, pp. 197–213.
- 1976. Les Industries à pointes à cran en Europe Centre-Est. In: CONGRÈS UISPP, 9, Nice. Colloque XV, Périgordien et Gravettien en Europe, pp. 121–7.
- KOZŁOWSKI, J. K.; KOZŁOWSKI, S. K. 1977. Epoke Kamienia na ziemiach Polskich [The Stone Age in Poland]. Warsaw.
- 1979. Upper Palaeolithic and Mesolithic in Europe: Taxonomy and Palaeohistory. Warsaw.
- 1981. Préhistoire de la grande plaine de l'Europe. Cracow.
- KOZŁOWSKI, S. K. (ed.) 1973. The Mesolithic in Europe. Warsaw.
- 1975. Cultural Differentiation of Europe from 10th to 5th Millennium BC. Warsaw.
- 1980. Atlas of the Mesolithic in Europe. Warsaw.
- LAVILLE, H. 1973. Climatologie et chronologie du paléolithique en Périgord: étude sédimentologique des dépôts en grottes et sous abris. Bordeaux, 3 vols.
- LEROI-GOURHAN, A. 1964. Les Religions de la préhistoire. Paris.
- 1965. Préhistoire de l'art occidental. Paris.

- LEROI-GOURHAN, A.; BREZILLON, M. 1972. Fouilles de Pincevent. Essai d'analyse ethnographique d'un habitat magdalénien. Paris, CNRS.
- LEROI-GOURHAN, A. et al. 1968. La Préhistoire. Paris.
- LUMLEY, H. DE. 1969. La France anonyme au temps des mammouths. Paris.
- (ed.) 1976. La Préhistoire française. Vol. I: Les Civilisations paléolithiques et mésolithiques de la France. Paris, CNRS. 2 vols.
- MARSHACK, A. 1972. Les Racines de la civilisation. Paris.
- MOVIUS, H. L. 1975. Excavations of the Abri Pataud, Les Eyzies (Dordogne). Cambridge, Mass.
- NOTEN, F. VAN. 1978. Les Chasseurs de Meer. Bruges. 2 vols.
- ONORATINI, G. 1982. Préhistoire, sédiments, climats du Würm III à l'Holocène dans le Sud-Est de la France. Aix/Marseille. 2 vols.
- OTTE, M. 1979. Le Paléolithique supérieur ancien en Belgique. Brussels.
- 1981. Le Gravettien en Europe centrale. Bruges. 2 vols.
- PALMER, S. 1977. Mesolithic cultures of Britain. London.
- RÉUNION DE LA 10e COMMISSION DE L'UISPP, Nice, 1976. Actes. Liège, 1984.
- Cracovie-Nitra 1980. Actes. Liège, 1982.
- Mexico 1981. Actes. Liège, 1982.
- ROZOY, J. G. 1978. Les Derniers chasseurs, l'Épipaléolithique en France et en Belgique: essai de synthèse. Charleville. 2 vols.
- SCHILD, R. 1976. The Final Palaeolithic Settlements of the European Plain. *Sci. Am.*, Vol. 234, No. 2.
- SCHMIDER, B. 1971. Les Industries lithiques du Paléolithique supérieur en Île-de-France. Paris.
- SCHWABEDISSEN, H. 1954. Die Federmesser-Gruppen der nordwest-europäischen Flachlandes. Neumünster.
- SKLENAR, K. 1976. Palaeolithic and Mesolithic Dwellings: An Essay in Classification. *Pamat. Archcol.* (Prague), Vol. 67.
- SMITH, P. 1966. Le Solutrén en France. Bordeaux.
- SONNEVILLE-BORDES, O. DE. 1960. Le Paléolithique supérieur en Périgord. Bordeaux. 2 vols.
- 1966. L'Évolution du Paléolithique supérieur en Europe et sa signification. *Bull. Soc. préhist. fr. Etud. Trav.* (Paris), Vol. 63, pp. 3–34.
- 1972. La Préhistoire moderne: l'âge de la pierre taillée. 2nd edn. Périgueux.
- 1973. The Upper Palaeolithic (c.33,000–10,000 BC). In: PIGGOTT, S.; DANIEL, G.; MCBURNEY, C. (eds), *France before the Romans*. London, pp. 30–60.
- (ed.) 1979. *La Fin des temps glaciaires en Europe: chronostratigraphie et écologie des cultures du Paléolithique final*. Paris. 2 vols (Colloques du CNRS, 271.)
- 1984. *Art et civilisations des chasseurs de la préhistoire (34,000–8,000 ans av. J.-C.)*. Paris.
- STRAUSS, L.; CLARK, G. 1983. Late Pleistocene Hunter-Gatherer Adaptation in Cantabrian Spain. Cambridge.
- TAUTE, W. 1968. Die Stielspitzen-Cruppen in nördlichen Mitteleuropa. Cologne.
- TESTART, A. 1982. Les Chasseurs cueilleurs ou l'origine des inégalités. Paris.
- TRINKAUS, E. (ed.) 1983. *The Mousterian Legacy: Human Biocultural Change in the Upper Pleistocene*. Oxford. (BAR Int. Ser., 164.)
- VALOCH, K. 1967. La Subdivision du Pléistocène récent et l'apparition du Paléolithique supérieur en Europe centrale. *Bull. Assoc. Fr. Etud. Quat.* (Paris), Vol. 4, pp. 263–9.

ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО СССР

В. П. Алексеев

В последней сводке о верхнепалеолитических памятниках европейской части СССР (Рогачев, Аникович, 1984) начало верхнепалеолитической эпохи постулируется на данной территории в 40–42 тыс. лет назад. Это явное преувеличение – реальные даты для слоев с верхнепалеолитическим производством могут быть определены не раньше 36–37 тыс. лет назад. Аналогичный возраст имеют некоторые стоянки Кавказа с позднемустьерским производством.

Это означает, что на территории бывшего СССР, как и во многих районах Западной Европы, некоторые поздние формы мустьерского производства сосуществовали с ранними формами верхнепалеолитической техники. Число открытых верхнепалеолитических памятников достаточно велико – оно превышает тысячу, но территориально они распределены, как и мустьерские, очень неравномерно. Большая их часть сосредоточена в южных районах европейской части СССР и на Кавказе (в последнем случае – преимущественно в западных районах), в Средней Азии число их незначительно, в Сибири и на Дальнем Востоке они располагаются в основном в южных районах, концентрируясь в бассейнах Енисея и Ангары. В бассейне Амура верхнепалеолитических памятников открыто мало. Особые районы составляют бассейн Алдана – правого притока Лены, где открыто несколько стоянок, и единичное местонахождение в центральном районе Камчатки.

Находки костных остатков верхнепалеолитических людей локализованы в пределах территории СССР еще более выборочно, чем верхнепалеолитические стоянки. Их перечень публиковался много раз (Дебец, 1948; Vallois & Morins, 1952; Oakley, Campbell & Molleson, 1975). Но среди них много таких, которые по своей сохранности либо совсем непригодны для какого-либо таксономического диагноза, либо дают лишь возможность отнесения их к человеку современного типа без какой-либо дальнейшей детализации. Ниже мы остановимся лишь на тех находках, которые по своей морфологической полноте позволяют рассмотреть вопросы ранней расовой дифференциации в пределах территории СССР.

Самую западную группу находок составляют погребения, обнаруженные на стоянках у сел Костёнки и Боршево на Дону. Из этих погребений происходят костные остатки двух взрослых индивидуумов и двух детей. Хронологическое соотношение погребений не очень ясно, так как стоянки, на которых они расположены, несмотря на территориальную близость, отличаются очень сложной стратиграфией, вокруг которой идут непрекращающиеся споры. Взрослые скелеты происходят из стоянок Костён-

ки II и Костёнки XIV (Маркина гора). Череп со стоянки Костёнки II, мастерски реконструированный М.М. Герасимовым, принадлежал мужчине пожилого возраста (Дебец, 1955). Низкое широкое лицо с сильно выступающим носом и удлиненная форма черепной коробки сближают его с наиболее типичным морфологическим вариантом в составе верхнепалеолитического населения Европы, классическим представителем которого является череп из КроМаньон III. Это сходство видно и на реконструкции лица по черепу, сделанной М.М. Герасимовым (1964).

Больше вопросов, которые до сих пор не нашли окончательного решения, поставила находка почти идеально сохранившегося скелета в культурном слое стоянки Костёнки XIV (Дебец, 1955). Череп столь мал, а скелет столь грацилен, что пол мог быть определен как мужской только на основании бесспорно мужского строения таза. Исключительно сильно развитый прогнатизм и огромная ширина грушевидного отверстия выделяют череп из всех других верхнепалеолитических черепов Европы и заставляют вспомнить о краниологических особенностях негроидной расы.

Реконструкция лица по черепу, опубликованная в атласе М.М. Герасимова (1964), демонстрирует внешний облик, больше всего напоминающий внешность современного папуаса. Г.Ф. Дебец так и расценил морфологический тип человека со стоянки Костёнки XIV – он рассматривал его как доказательство появления какой-то группы людей восточноафриканского происхождения на территории Восточно-Европейской равнины. Этот вывод вошел в археологическую литературу и цитируется в ней без каких-либо критических комментариев (см., например: Рогачев, Аникович, 1984).

Между тем он далеко не очевиден с морфологической точки зрения: помимо перечисленных признаков череп из Костёнок XIV имеет очень сильно выступающие носовые кости, в то время как в негроидных популяциях нос выступает чрезвычайно слабо. Именно поэтому диагноз Г.Ф. Дебеца сразу же встретил возражения в антропологической литературе (Рогинский, Левин, 1963): было указано, что сочетание таких противоположных особенностей, как прогнатизм, широконосость и сильное выступание носа, свидетельствует скорее о расовой недифференцированности в столь раннюю эпоху. Совершенно естественно, что о переселении людей из Восточной Африки на территорию Восточно-Европейской равнины в этом случае говорить не приходится.

Детские черепа происходят из погребений на стоянках Костёнки XV (Городцовская стоянка) и Костёнки XVIII

(Покровский лог). Оба черепа были обнаружены во фрагментарном состоянии и в значительной степени реставрированы. Первый из этих черепов описан В.П. Якимовым (1957), второй – Г.Ф. Дебецом (1961). При плохой сохранности лицевого отдела черепа В.П. Якимов был вынужден при таксономическом диагнозе опираться в основном на форму черепной коробки, что в принципе едва ли правомерно. Ссылаясь на очень удлиненную форму черепной коробки, он высказал предположение, что череп принадлежит субъекту (в возрасте примерно 6 лет), имевшему сходство с людьми из Пшедмости (Чешская Республика), которые выделяются многими специалистами в качестве особого восточнокроманьонского варианта в составе верхнепалеолитического населения. Если учесть единичность находки, то подобное предположение выглядит недостаточно обоснованным. Степень сохранности находки такова, что оно вообще не дает возможности отчетливой таксономической диагностики.

Череп из Костёнок XVIII принадлежал ребенку 9–11 лет. Сохранность его лучше, и с него были взяты основные размеры. И сами размеры, и их соотношения в данном случае таковы, что принадлежность субъекта к тому морфологическому типу, который был преобладающим среди верхнепалеолитического населения Европы, кажется наиболее вероятной. Попытка получить «взрослые» размеры, опираясь на шкалу возрастных изменений у современного человека, подтверждает этот вывод (Алексеев, 1978, 1981).

Вторая локальная группа верхнепалеолитических погребений, давших палеоантропологический материал, обнаружена на стоянке Сунгирь на Клязьме – одном из притоков Волги в ее верхнем течении. По-видимому, мы столкнулись в этом случае с верхнепалеолитическим могильником, так как несколько погребений было уничтожено при рытье карьера до начала раскопок (рис. 45). Стратиграфия и топографические взаимоотношения отдельных могильных ям носят довольно сложный характер, но, вероятно, всего было вскрыто две могилы, из которых происходят остатки пяти субъектов (Бадер, 1978). Три из них имеют хорошую сохранность и пригодны для углубленного антропологического анализа. Скелет взрослого мужчины был впервые описан Г.Ф. Дебецом (1967). Очень высокий рост, огромная ширина плеч и большая массивность костей сближают сунгирьского человека с людьми из пещеры Гримальди (Италия). Череп также массивный, отличается большими размерами лица, причем не только значительной шириной, но и высотой, что в целом не характерно для европейских верхнепалеолитических людей. Опираясь на этот признак, а также на некоторую уплощенность лицевого отдела черепа, Г.Ф. Дебец, положительно относившийся к идее распространения монголоидов в ранние эпохи на западе, предположил, что древнейшие монголоиды могли принять участие в формировании антропологических особенностей людей, захороненных на стоянке Сунгирь. Однако реконструкция лица по черепу, выполненная М.М. Герасимовым, дала облик человека, отличающегося вполне европеоидным лицом без какой бы то ни было монголоидной примеси.

Кроме того, оставаясь лишь в рамках морфологии черепа, трудно поддержать идею о наличии даже небольшой монголоидной примеси. Значительная высота лицевого отдела черепа может быть индивидуальной вариацией, череп из Комб-Капель (Франция) и череп из Пшедмости III (Чешская Республика) имеют аналогичную высоту лицевого отдела. Что касается вариаций горизонтального лицевого профиля, то они также не выделяются ничем особенным в верхнепалеолитической серии: череп из Оберкасселя (Германия) обладает более уплощенным лицевым скелетом. Поэтому В.В. Бунак (1973) был, по-видимому, ближе к истине, рассматривая сунгирьского человека как носителя совокупности признаков, характерных для одной из локальных популяций верхнепалеолитического на-

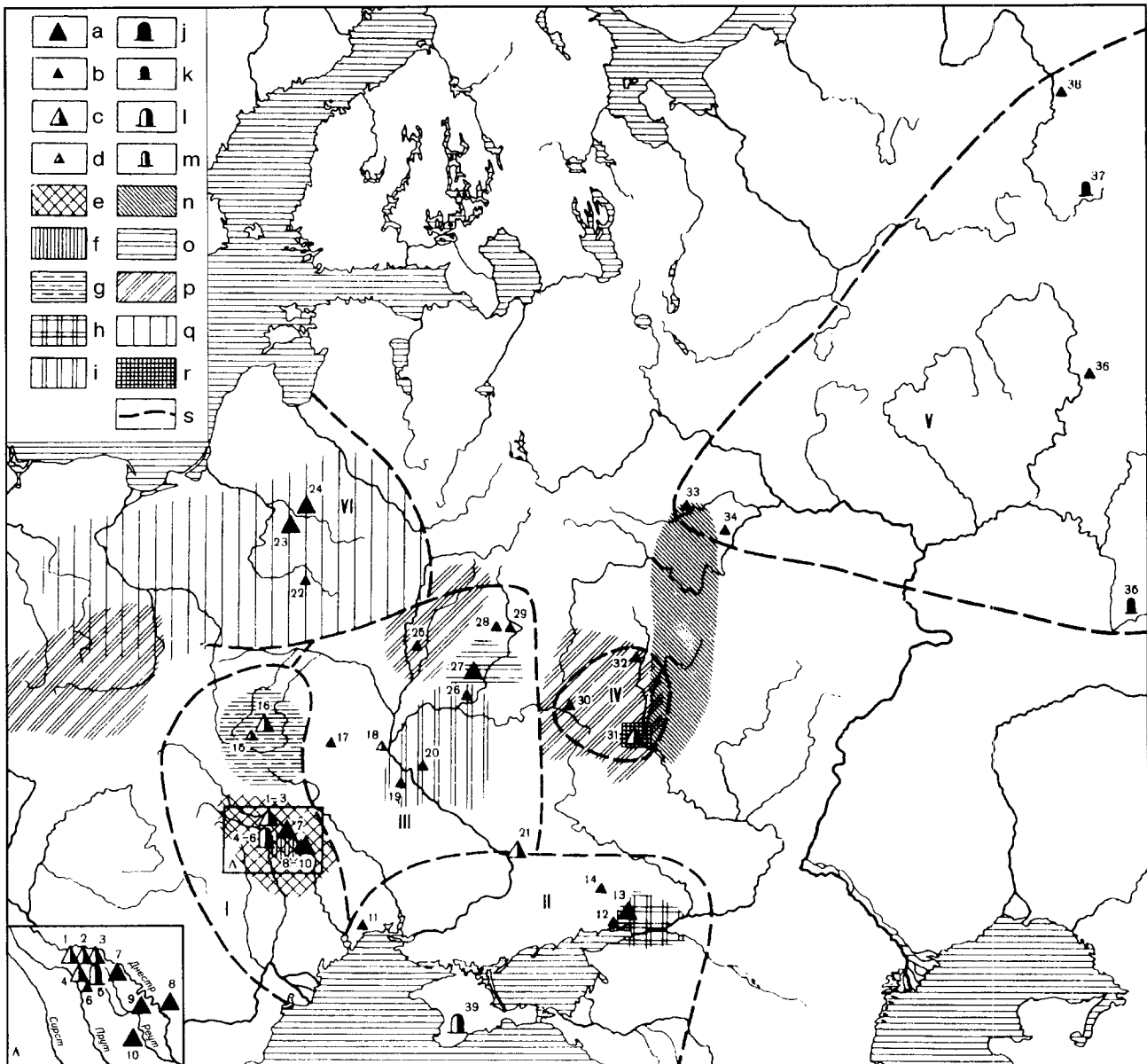
селения Европы и не обнаруживая в нем черт какого-то специфического тяготения к морфологическим комбинациям одной или нескольких современных рас. Специальное исследование скелета из Сунгири, проведенное Е.Н. Христанфовой (1980), обогатило нас знанием многих деталей строения верхнепалеолитических людей, но в целом подтвердило ранее сделанный вывод о массивности и атлетическом сложении его обладателя.

Два детских черепа хорошей сохранности были описаны позже. Реконструкции их сделаны Г.В. Лебединской и Г.С. Сурниной (1984). Мальчик умер в возрасте 12–13 лет, девочка в возрасте 7–8 лет. Пол в данном случае определен не краниологически, что в таком возрасте с уверенностью невозможно, а по сопровождающему погребению инвентарю. На черепе мальчика заметен альвеолярный прогнатизм, на черепе девочки его нет, по-видимому, это индивидуальная особенность. Что касается комплексов признаков в целом, то он в общем повторяет без серьезных модификаций то сочетание, которое характерно для взрослого черепа. Но следовало бы, конечно, получить «взрослые» размеры детских черепов с помощью шкалы возрастных изменений их размеров у современного человека: общее впечатление типологического единства популяции, захороненной на стоянке Сунгирь, можно будет подтвердить тогда статистическими сопоставлениями.

Каков общий вывод, следующий из рассмотрения морфологических особенностей верхнепалеолитического населения Восточной Европы? Как ни мало пока сделано находок костных остатков верхнепалеолитических людей, все же видно, что они не тяготеют к какой-то определенной современной расе. Ближе всего находясь к современным европеоидам, популяции эпохи верхнего палеолита на Восточно-Европейской равнине отличались от них так же, как и верхнепалеолитические популяции Западной Европы. В то же время каждая популяция или локальная группа отличалась от других, но эти различия пока еще не складывались в определенные расовые комплексы. В.В. Бунак (1959) назвал это явление краниологическим полиморфизмом и считал его типичным для расообразования именно в эпоху верхнего палеолита.

Приведенный перечень исчерпывает палеоантропологические находки, более или менее хорошо сохранившиеся. Но в целях полноты изложения нужно упомянуть еще о двух местонахождениях, давших фрагменты, пригодные для определения. Первое из них – Самаркандская стоянка в Средней Азии, памятник, расположенный в пределах города Самарканда. На ней обнаружены две нижние челюсти взрослых индивидуумов – мужчины и женщины, описанные В.В. Гинзбургом и И.И. Гохманом (1974). Исследователи сблизили, опираясь на некоторые морфологические детали, самаркандские фрагменты с чешскими находками – теми, на основании которых многими специалистами выделяется восточнокроманьонский вариант в составе верхнепалеолитического населения Западной Европы. В принципе такое сопоставление не выглядит полностью неоправданным, но морфологические доказательства в его пользу нельзя считать весомыми, так как расовые признаки на нижней челюсти выражены очень неотчетливо.

Второе местонахождение – Афонтова гора близ города Красноярска на Енисее. При осмотре разреза этой стоянки в 1937 г. участники XVII Международного геологического съезда извлекли из верхнепалеолитического культурного слоя фрагмент детского черепа, оказавшийся обломком лобной кости в области надпереносья с прилегающими к нему обломками носовых костей. Уплощенность переносья представляет собой важный признак, дифференцирующий современных европеоидов и монголоидов. Опираясь на большую уплощенность этой области в обнаруженном фрагменте, Г.Ф. Дебец (1946) убедительно показал, что фрагмент принадлежал монголоиду. Он пытался осуществить и более тонкую дифференциацию и

Карта 20. Распространение основных групп верхнепалеолитических памятников на территории Восточно-Европейской равнины и в Крыму (по А.Н. Рогачеву и М.В. Аниковичу). А – памятники Днестровско-Прутского района; а – группа стоянок открытого типа; б – одиночные стоянки открытого типа; с – группы многослойных стоянок открытого типа; д – одиночные многослойные стоянки открытого типа; е – молодовская культура; ф – бронзенская культура; г – липская культура; h – каменнобалковская культура; и – мезинская и межиричско-добраничевская культура; j – группы пещерных стоянок; k – одиночные пещерные стоянки; l – группы многослойных пещерных стоянок; m – одиночные многослойные пещерные стоянки; n – стрелецко-сунгирьская культура; o – пушкаревская культура; p – виллендорфско-костёнковская культура; q – свидерская культура; r – культуры, известные только в пределах костёнковско-боршевского района; s – приблизительные границы областей своеобразного развития верхнепалеолитической культуры; I – юго-западная область; II – юго-восточная область; III – бассейн Днестра; IV – бассейн среднего Дона; V – северо-восточная область; VI – северо-западная область

На карте номера отдельных значков соответствуют номерам в реестре памятников в работе А.Н. Рогачева и М.В. Аниковича

сблизить афонтовского человека с одним из вариантов внутри монголоидной расы, но для подобной операции нет морфологических оснований. Значение афонтовского фрагмента состоит в том, что он подтверждает, что в то время, когда формирование европеоидного комплекса признаков у верхнепалеолитического населения Восточной Европы имело место, как мы помним, в морфологических формах, отличных от современных европеоидов, такая фундаментальная отличительная особенность современных представителей монголоидной расы, как уплотненное переносе, уже сформировалась в эпоху верхнего палеолита в Северной Азии.

При упомянутом выше обилии памятников и их типологическом разнообразии нет никакой возможности давать им индивидуальные характеристики и рассматривать

отдельные стоянки. Единственный доступный способ изложения состоит в том, чтобы описать основные локальные сочетания орудийных форм, отвлекаясь от частности и пытаясь вскрыть стоящие за ними культурно-исторические общности. Последняя по времени и наиболее полная по учтенному материалу классификация принадлежит А.Н. Рогачеву и М.В. Аниковичу (1984). Она переведена в графическую форму и перенесена на карту (карта 20). Классификация эта многоступенчата и включает два уровня: авторы выделяют сначала, как они пишут, «области своеобразного развития верхнепалеолитической культуры на территории Восточной Европы», а затем внутри каждой из областей – археологические культуры в узком смысле слова. Иногда та или иная культура оказывается представлена не в одном, а в двух соседних районах. Области

выделено шесть: юго-западная, юго-восточная (степная), Поднепровье, бассейн верхнего течения Дона, северо-восточная и северо-западная. И перечень, и карта показывают, что, несмотря на значительный размах маршрутно-поисковой работы, остаются огромные пространства, в границах которых не известно ни одного памятника. Это справедливо по отношению не только к востоку или северу, но и ко многим центральным районам. Поэтому следующий далее перечень так называемых культур – групп памятников с очень сходным или даже почти тождественным инвентарем, свидетельствующим об общем генезисе и общей технологии, нужно воспринимать лишь как первое приближение к действительности.

А.Н. Рогачев и М.В. Аникович, обобщив предшествующие исследования по отдельным локальным группам памятников, выделяют десять культур с очень разными ареалами распространения – от огромных областей, охватывающих, например, юг Восточной Прибалтики и все южные прибрежные районы Балтийского моря, а также бассейн среднего течения Днепра, до крохотных микрорайонов, в пределах которых представлены единичные памятники. Совершенно очевидно, что сходство инвентаря, охватывающее памятники столь разных по площади ареалов, не может быть однородным, а значит, и все выделенные культуры представляют собою группировки разного иерархического уровня, что лишний раз свидетельствует о предварительности и условности всей классификации. Выделены следующие культуры: молодовская, бринзенская, липская, каменнобалковская, мезинская и межиричско-добраничевская (одна культура, охватывающая известные памятники с некоторыми своеобразными чертами), стрелецко-сунгирьская, пушкаревская, виллендорфско-костёнковская, свидерская группа своего рода «микрокультур», каждая из которых охарактеризована по одному-двум памятникам в границах костёнковского локуса виллендорфско-костёнковской культуры. Следует иметь в виду, что наименования культур не выдержаны в одном ключе, они названы по наиболее типичным памятникам, географическому наименованию района, названию того или иного соседнего селения.

В юго-западную область входят три культуры – бринзенская, молодовская и липская, все они названы по наименованию типичных стоянок. Бринзенская культура имеет крошечный ареал в среднем течении Днепра, но все же представлена несколькими стоянками. Характерная особенность инвентаря этих стоянок – сохранение мустьерских форм наряду с типичными верхнепалеолитическими формами – многочисленными пластинами разных размеров, резцами. Многие авторы ищут аналогии этому кругу форм в центральных районах Восточной Европы, в западных районах – на территории Центральной и даже Западной Европы, но, по-видимому, ближе к истине исследователь памятников этой культуры И.А. Борзаяк (1978).

Основным памятником молодовской культуры является та самая многослойная стоянка Молодова V, по соответствующим слоям которой была охарактеризована мустьерская культура Поднепровья. Вышележащие слои дали большое количество верхнепалеолитического инвентаря (Черныш, 1959, 1973). Характерным типом орудий верхнепалеолитической молодовской культуры являются пластины более крупных размеров, чем из других верхнепалеолитических памятников Восточно-Европейской равнины. Обнаружено также большое число резцов разных типов. Встречаются микролитические орудия, но число их невелико. Обращает на себя внимание богатство изделий из кости. Для изготовления орудий использовались бивни мамонта и рога северного оленя. Из них делались так называемые жезлы начальников, топоры типа лингби, наконечники и проколки. Найдено составное орудие: ребро мамонта с пазом для вставки кремневых вкладышей, т.е. составной вкладышевый нож. Наличие костяной индуст-

рии сближает стоянки молодовской культуры со многими центральноевропейскими и западноевропейскими памятниками. Что касается генезиса молодовской культуры в целом, имеющей, кстати сказать, гораздо более обширный ареал, чем описанная выше бринзенская культура, то вопрос этот не получил пока в литературе удовлетворительного решения. Во всяком случае отличия от мустьерских памятников той же области довольно значительны, и к ним данная культура не может быть отнесена полностью.

Липская археологическая культура получила наименование по селу Липа, рядом с которым была открыта одна из стоянок этой культуры (Островский, Григорьев, 1966; Григорьев, 1970). Ее ареал в западных областях Украины примерно равен по площади молодовской культуре в бассейне Днепра. Инвентарь липской культуры близок к набору орудий молодовской культуры, на ее стоянках также много костяных орудий, в том числе есть и составные вкладышевые ножи из ребра мамонта (Савич, 1969, 1975), широко представлены пластинчатые орудийные формы. Наиболее характерное отличие состоит в том, что разнообразные резцы являются ведущей формой инвентаря. Следует отметить, что, несмотря на различия между перечисленными культурами в наборе ведущих орудий, А.Н. Рогачев и М.В. Аникович (1984), по-видимому, правы, объединяя их в единую юго-западную область определенного историко-культурного единства, противопоставленную остальным. Будучи охотниками, как и все другие верхнепалеолитические популяции в этой области, они основным объектом охоты считали лошадь (в более позднее время она была вытеснена северным оленем), наряду с лошадью охотились иногда на благородного оленя, зубра, мамонта и шерстистого носорога. Гроты, хоть и редко, все же использовались в качестве жилищ, но на открытых стоянках жили в искусственно сооруженных жилищах, конструкция которых восстанавливалась с трудом, так как при их возведении, по-видимому, не использовались кости крупных животных. Во всяком случае жилища, построенные из костей мамонта или крупных копытных, пока не открыты.

Следующая область относительно единой культурно-исторической традиции – Поднепровье, где выделяются пушкаревская, мезинская и межиричско-добраничевская культуры. Первая стоянка, являющаяся более ранней, – Пушкари, именем которой названа культура, – одна из богатейших стоянок на территории Восточно-Европейской равнины (Борисковский, 1953). Из огромного набора орудий, найденных на этой стоянке, пожалуй, наиболее многочисленную и типичную группу составляют орудия с пригнутым краем – пластинки и остроконечники. И те и другие имеют разнообразную форму: среди последних большой процент несимметричных наконечников. Для этой культуры характерно типично длинное наземное жилище, имевшее очаги по всей своей длине.

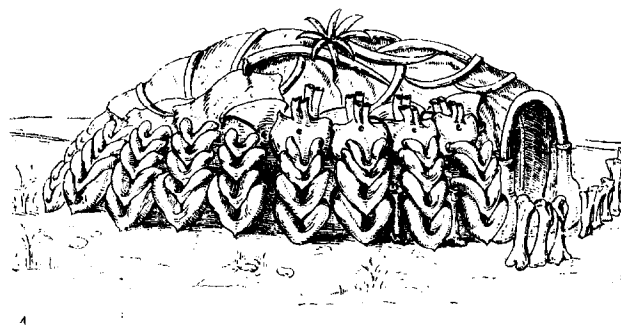

Рис. 57. Реконструкция жилища на стоянке Межиричи (по Пидопличко)

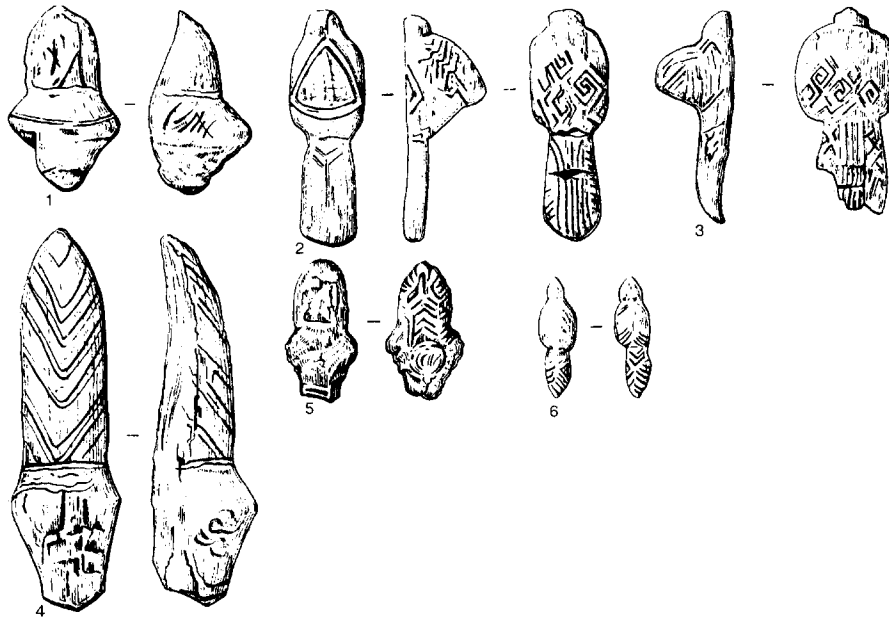

Рис. 58. Стилизованные изображения женских фигур со стоянки Мезин

Стоянка Мезин широко известна специалистам по верхнему палеолиту Европы своим богатейшим инвентарем и разнообразными вырезанными из кости предметами искусства; изображения многих из них не раз фигурировали в общих обзорах по европейской археологии. Стоянка раскапывалась начиная с 1908 г., вскрыта большая площадь и собрана коллекция каменных изделий численностью около 100 тыс. экземпляров, среди которых орудия составляют лишь около 5%. Все орудия сделаны из пластин (*Шовкопляс, 1965*). Набор их довольно разнообразен: резцы, пластины с притупленным краем, проколки. Встречаются долотовидные орудия и орудия из кости. Люди этой культуры жили в круглых жилищах, для конструкции которых использовались нижние челюсти мамонта, по-видимому, покрывавшиеся шкурами (рис. 57). Очаг располагался посередине. Женские статуэтки и другие предметы искусства были найдены внутри жилищ. В отличие от других памятников Западной и Восточной Европы женские статуэтки выполнялись не в реалистической, а в очень условной и схематической манере (рис. 58). Многие изделия из кости были покрыты орнаментом, изучение которого позволило утверждать подчинение его определенным числовым закономерностям, свидетельствующим о наличии довольно сложного счета в верхнем палеолите (*Фралов, 1974*). Несколько крупных костей мамонта, найденных вместе на полу одного из жилищ и украшенных орнаментом, нанесенным охрой, были интерпретированы как древнейшие ударные музыкальные инструменты (*Бибиков, 1981*).

Юго-восточная область представлена каменнобалковской культурой (по имени стоянки Каменная балка), в которую входят несколько стоянок с плохо сохранившимся культурным слоем (*Борисковский, Праслов, 1964*). Рядом со стоянкой у села Амвросиевка обнаружено огромное скопление костей зубров (около тысячи животных), среди которых есть кости со следами надразов каменными орудиями (*Борисковский, 1953*). Подавляющим большинством исследователей данное скопление костей рассматривается как результат облавных охот, устраиваемых верхнепалеолитическими людьми. Но высказывалась и иная точка зрения: это скопление костей представляет собой следы культового места, где постоянно осуществлялись какие-то действия магического характера. Набор орудий на стоян-

ках этой культуры беден и не образует каких-либо типовых форм. Следует отметить, что орудия на стоянках и на описанном скоплении костей не обнаруживают никаких различий.

К этой же области относится такой памятник, как пещера Сюрень I в Крыму, отличающаяся, однако, значительным своеобразием по сравнению со стоянками каменнобалковской культуры. Жившие в пещере люди охотились в основном на сайгаков и гигантских оленей. Каменный инвентарь характеризуется сочетанием большого числа микропластинок с некоторой долей архаических мустьерских форм (*Векилова, 1957*). Имелись и костяные орудия, а также украшения из кости. В определенной мере сходный, но более поздний культурный комплекс зафиксирован и в соседнем гроте Сюрень II (*Векилова, 1961*).

Хотя А.Н. Рогачев и М.В. Аникович (1984) рассматривают в качестве особой, четвертой, области единых историко-культурных традиций область верхнего течения Дона, но они сами продемонстрировали на карте близость входящих в нее культур со стрелецко-сунгирьской культурой и пересечение их ареалов. Учитывая значительное культурное сходство, связывающее памятники бассейна верхнего течения Дона, в первую очередь знаменитые стоянки у сел Костёнки и Боршево и стоянку Сунгирь на Клязьме у г. Владимира, следует расширить географические границы этой области и именовать ее центральноевропейской. Она представлена двумя культурами – виллендорфско-боршевской и стрелецко-сунгирьской, а также рядом своеобразных культурных вариантов, выделенных и охарактеризованных на основании изучения отдельных стоянок внутри костёнковско-боршевского района, вариантов, достаточно контрастных и не укладывающихся в какие-то более широкие типологические рамки. Приведенное наименование культуры стоянок, концентрирующихся в районе сел Костёнки и Боршево, подчеркивает западноевропейские аналогии этой культуры.

Более 20 обширных и богатых инвентарем стоянок в Костёнках и Боршеве не могут быть охарактеризованы по отдельности, сводка данных о них содержится в ряде монографий (*Борисковский, 1953; Рогачев и Аникович, 1984* и др.). В этом районе люди жили в течение всего верхнего палеолита, но каждый период внутри него представлен новыми стоянками, нет ни одной, которая функционировала

ла бы на протяжении верхнепалеолитической эпохи в целом. Инвентарь этих стоянок типологически очень разнообразен, есть стоянки с преобладанием ориньякских или солютрейских форм, но хронологическая последовательность их иная, чем на территории Франции. В инвентаре ранних стоянок ошугимо чувствуется архаическая традиция, восходящая к эпохе мустье. Охота велась в основном на крупных представителей степной фауны. Жили обитатели этого района в длинных наземных жилищах, очаги были расположены по всей длине, жилище окружали отдельные землянки и ямы, видимо, использовавшиеся как кладовые. Конструкции жилищ отличались на отдельных стоянках, формы инвентаря изменялись в такой степени, что они позволили выделить несколько локальных вариантов культуры или даже отдельные культуры сугубо местного значения – городцовскую, спицинскую (названных по фамилиям крупных русских археологов) и т.д. Ясно, что обитатели отдельных стоянок не были связаны друг с другом непосредственной преемственностью поколений, иначе типологический разрыв между инвентарем соседних стоянок не был бы столь сильным. Все это означает, что район Костёнок и Боршева неоднократно заселялся заново. Об известных культурных различиях свидетельствуют и погребения. В одних случаях они сопровождали инвентарем, в других – нет. Кость и мягкие породы камня использовались для изготовления украшений, женских статуэток, по типу напоминавших западноевропейские, и зооморфных изображений.

Основным памятником стрелецко-сунгирьской культуры является уже упоминавшаяся выше стоянка Сунгирь (Бадер, 1978). Имеющиеся радиоуглеродные даты по кости и древесному углю из культурного слоя этой стоянки – между 27 и 24 тыс. лет назад. Иными словами, этот памятник относится примерно к рубежу между ранней и средней порой верхнепалеолитической эпохи. Культурный слой его очень богат и дал большую коллекцию орудий типично верхнепалеолитических форм, в то же время отличающихся известным своеобразием. Обращает на себя внимание исключительное богатство поделок из кости и украшений (для их изготовления использовались и разнообразные породы камня). Особенно богатый набор орудий из кости и украшений был открыт в погребениях. Расположение украшений на скелетах позволило реконструировать и одежду, шившуюся из шкур животных (рис. 45).

Северо-восточная область единой культурной традиции выделена в высшей степени условно, так как на ее огромных просторах известны четыре памятника, разные по своей топографии и культурной характеристике. Три стоянки дали не очень богатый, но в целом обнаруживающий определенные центральноевропейские аналогии материал. Кроме каменных обнаружены костяные орудия, свидетельствующие о вкладышевой технике (Талицкий, 1940; Гвоздовер, 1952; Канивец, 1976). Гораздо более важным является четвертый памятник – Капова пещера (другое название пещеры – Шульгангаш), в которой А.В. Рюмин открыл в 1959 г. многоцветные рисунки, исследованные затем О.Н. Бадером (1965). Пещера расположена на р. Белой в пределах Южного Урала. На рисунках изображены мамонты, носороги, лошади (илл. 38). Набор изображенных животных и характер изображений (их около 40), нанесенных красной охрой, позволяют говорить о палеолитическом возрасте этой живописи, но ее более точная датировка пока невозможна. Значение открытия этих изображений в Каповой пещере трудно переоценить: это первое свидетельство существования живописной традиции в палеолите Восточной Европы, свидетельствующее о необходимости настойчивого поиска и возможности обнаружения подобных памятников далеко за пределами Франко-Кантабрийской территории.

Переходя к северо-западной области, сразу следует подчеркнуть, что она целиком совпадает с ареалом одной

археологической культуры – свидерской. В самых западных районах этой области встречаются памятники аренбургского типа, но они представляют собой крайний восточный форпост аренбургской культуры, основной ареал которой находится на западноевропейском побережье Балтийского моря. Свидерские стоянки не имеют мощного культурного слоя, не сохранились и остатки жилищ (Гурина, 1965; Римагнене, 1971; Кальцов, 1977). Палеогеографические наблюдения над топографией стоянок показывают, что свидерские памятники относятся к заключительному палеолиту, возможно, некоторые из них имеют даже мезолитический возраст. Принадлежность к поздней поре верхнепалеолитической эпохи демонстрируется и характером инвентаря: в нем преобладают микролитические формы. Наиболее типичная форма – наконечники так называемого свидерского типа (рис. 59). Предпринимались попытки расчленить свидерские памятники на три хронологических этапа именно на основании формы наконечников, но они носят предварительный характер.

Характеристика верхнего палеолита Кавказа облегчается обзором Н.О. Бадера (1984). Если говорить о географическом распространении изученных верхнепалеолитических памятников, то нужно отметить, что они распространены в основном в западных районах Северного Кавказа, на Черноморском побережье и в Западном Закавказье – в Имеретии, историко-географической области в Западной Грузии. Памятники Восточного Закавказья плохо изучены и представлены лишь единичными стоянками, расположенными к северу и западу от о. Севан. Всё это пещерные стоянки, иногда многослойные, в подавляющем большинстве случаев давшие богатый кремневый инвентарь, но ни погребений, ни значительных следов изобразительного искусства на Кавказе не найдено. Единственное исключение составляют настенные гравировки в гроте Мгвимеви V в Имеретии (Замятин, 1937). Верхнепалеолитический возраст гравировок доказывается тем, что покрывающая их сталагмитовая

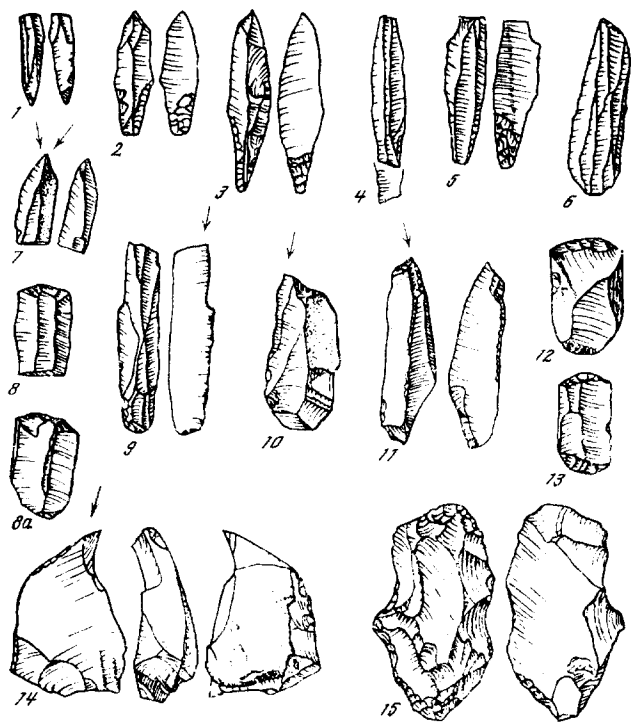

Рис. 59. Каменные артефакты свидерской мезолитической культуры

корка содержит верхнепалеолитические орудия. Рисунки нанесены на известковую стену грота и представляют собой более или менее беспорядочную сетку линий. Подобные линии были нанесены и на известняковую плитку, найденную вместе с орудиями в сталагмитовом патеке. Разумеется, находки стоянок в пещерах не означают, что на Кавказе, особенно на Северном Кавказе, и на открытых пространствах устьевой части крупных рек верхнепалеолитические люди не селились на открытых стоянках, но их еще предстоит открыть. Основным источником существования этих людей была охота на нестайных животных, что позволяет предполагать ее индивидуальный характер. Но есть и находки костей зубра и пещерного медведя, что говорит и о стадной охоте. Встречаются и раковины *Helix*, свидетельствующие о существовании собирательства.

Периодизация верхнепалеолитических памятников Кавказа разработана С.Н. Замятинным (1935, 1957). Они были разделены на три хронологических этапа; на стоянках первого этапа встречаются мустьерские формы, стоянки последнего, третьего этапа обнаруживают в своем инвентаре примесь микролитических форм. С тех пор открыто большое число памятников, значительно дополнивших старые раскопки, и Н.О. Бадер (1984) вполне справедливо указал на необходимость уточнения периодизации С.Н. Замятина, но в то же время она и сейчас сохраняет свое значение в качестве хронологического ориентира. Следует отметить, что ряд многослойных памятников существовал достаточно долго и сохранил культурные слои, относящиеся к разным хронологическим периодам внутри верхнепалеолитической эпохи.

На базе имеющихся памятников на Кавказе выделяют две археологические культуры – губская и имеретинская. Первая из них выделена и названа по наименованию типичного памятника Губский навес Н.О. Бадером (1965). Она отличается рядом своеобразных форм, наличием микролитов и вкладышей. Стоянки этой культуры относятся в основном к последней поре верхнепалеолитической культуры. Памятники имеретинской культуры рассматривались рядом исследователей, выявивших ее огромное своеобразие, не сводимое ни к каким рассмотренным выше памятникам в пределах бывшего Советского Союза. По-видимому, она существовала и развивалась на протяжении всей эпохи верхнего палеолита. Н.О. Бадер (1975, 1984) аргументировал точку зрения, согласно которой эта культура преемственно связана с барадостской (Solesky, 1957) и зарзийской (Garrod, 1930) культурами Западной Азии. Их объединяют многие сходные приемы первичной обработки и формы орудий. Н.О. Бадер справедливо пишет, что ареалы имеретинской и западноазиатских культур разделяют горные хребты, которые не могли быть непроходимыми барьерами для верхнепалеолитического человека.

В обзорной работе по палеолиту Средней Азии и Сибири С.А. Абрамова (1984) одобряет выделение Д.А. Рановым (1972) трех археологических культур, каждая из которых представлена одной стоянкой, и добавляет к ней еще одну культуру, также представленную одной стоянкой. Правда, каждая из этих стоянок имеет аналогии за пределами Средней Азии и достаточно своеобразна по инвентарю, но все же выделение самостоятельных археологических культур на столь малых основаниях вряд ли оправдано. Первый из этих памятников – Янгаджа на Краснодарском п-ве, – строго говоря, не стоянка, а мастерская, и законченных орудий на ней собрано немного (Окладников, 1966). Из оставшихся трех стоянок две приходятся на равнинные районы Узбекистана – Самаркандская стоянка (Холошкин, 1980) и Кульбулак (Касымов, 1972); третья расположена на высоте 2 тыс. м над уровнем моря в Таджикистане (Ранов, 1973). В последнем случае люди охотились на лошадей, быков или бизонов, овец или коз.

У жителей равнин выбор был больше – плейстоценовый осел, кулан, первобытный тур, верблюд Кноблока, бухарский и благородный олени, степной баран, пещерная гина, иногда слон или носорог, волк, кабан. В каждой из стоянок есть формы, отсутствующие в других: в Самаркандской стоянке – долотовидные орудия, в Кульбулаке – некоторые формы мустьерской традиции. Что касается происхождения культурных традиций верхнепалеолитического населения Средней Азии, то они, вероятно, относятся к культуре мустьерского населения, но конкретные доказательства этого положения пока не очень отчетливы.

На территории Сибири и Дальнего Востока можно выделить восемь районов, где обнаружены верхнепалеолитические памятники (см. карту: Абрамова, 1984): Алтай, верхнее течение Енисея, Прибайкалье, Забайкалье, среднее течение Амура, Южное Приморье, среднее течение Алдана – левого притока Лены, центральные районы Камчатки. Открытые стоянки охватывают всю протяженность верхнепалеолитического времени, но при разбросанности их на многие тысячи километров невозможно выявить единую специфику развития верхнепалеолитической культуры на огромной территории Северной Азии. Следует сказать лишь, что локальная специфика отдельных памятников и их групп выражена достаточно отчетливо, и поэтому приходится говорить о местных линиях развития в отдельных областях; генетические взаимоотношения между этими областями остаются пока недостаточно ясными, точно так же, как и генезис отдельных локальных групп верхнепалеолитического населения (Деревяшко, 1975).

На Алтае к описанному пещерному комплексу из Устьканского грота (Руденко, 1960) можно добавить еще несколько многослойных пещер с верхнепалеолитическими слоями, давшими богатый набор орудий и даже фрагментарные остатки человека. В бассейне верхнего Енисея на основе памятников, найденных в окрестностях Красноярска были выделены афонтовская и кокоревская культуры (Абрамова, 1979а, 1979в), но статистическое сопоставление инвентаря со стоянок данных культур не подтвердило их самостоятельности (Холошкин, 1981). К югу от ареала этих двух культур ряд стоянок открыт в Хакасии и Туве.

В Прибайкалье наиболее знамениты стоянки на Ангаре – Мальга (Герасимов, 1931, 1935, 1958, 1961; Формозов, 1976а, 1976б) и Буреть (Окладников, 1940, 1941). Часто их объединяют в одну мальгинскую или буретско-мальгинскую культуру. Первый памятник богаче и больше Бурети. В Мальге много резной кости – скульптурные изображения птичек, женские статуэтки, костяная пластинка с контурным рисунком мамонта, другая костяная пластинка, послужившая для доказательства наличия своей системы счета и календаря у жителей Мальги (Ларичев, 1984). Любопытно, что на хорошо реконструированном лице одной из женских статуэток из Мальги видны монголоидные черты (илл. 39). Скульптурные женские изображения долгое время были уникальным явлением в верхнем палеолите Сибири, и только недавно схематичное скульптурное изображение человека из глины обнаружено в культурном слое стоянки Майна на Енисее. Подобных находок пока нет ни в Забайкалье, ни в бассейне Амура, ни в Приморье (Деревяшко, 1983).

Нескольким стоянкам на Алдане приписывается возраст 35–37 тыс. лет, и они объединены в дюктайскую культуру, названную так по имени типового памятника и существовавшую, по мнению открывшего эти памятники исследователя, примерно на протяжении 25 тыс. лет (Мочанов, 1977). Собранный на стоянках инвентарь немногочисленный и не дает возможности проследить динамику дюктайской культуры во времени. Приведены веские аргументы в пользу того, что ранние даты в этом

случае завышены, и все стоянки, объединяемые в дуктайскую культуру, относятся к заключительной поре верхнего палеолита (Абрамова, 1979). По-видимому, более или менее синхронна им и группа стоянок Ушки в среднем течении р. Камчатки, открытая и исследованная Н.Н. Диковым.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АБРАМОВА С.А. 1979а. Палеолит Енисея, кокоревская культура. – Новосибирск.
- 1979б. Палеолит Енисея, афонтовская культура. – Новосибирск.
- 1979в. К вопросу о возрасте алданской культуры. – Сов. археол. – М. Т. 4. С. 5.
- 1984. Поздний палеолит азиатской части СССР. – В кн.: П.И. Борисковский (ред.). Палеолит СССР. – М. С. 302–346.
- АЛЕКСЕЕВ В.П. 1978. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. – М.
- 1981. Fossil Man on the Territory of the USSR and Related Problems. In: FEREMBACH, D. (ed.), Les Processus de l'homínisation; l'évolution humaine. Les faits. Les modalités. Paris, CNRS, p. 183. (Colloq. Internes CNRS, 599).
- БАДЕР О.Н. 1965а. Капова пещера. – М.
- 1965б. Варианты культуры Кавказа в конце верхнего палеолита – начале мезолита. – Сов. археол. – М. Т. 4. С. 3–16.
- 1975. Поздний палеолит Загра и Имеретии. – В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. – М. С. 42–49.
- 1978. Сунгирь – верхнепалеолитическая стоянка. – М.
- 1984. Поздний палеолит Кавказа. – В кн.: П.И. Борисковский (ред.). Палеолит СССР. – М. С. 272–301.
- БИБИКОВ С.Н. 1981. Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. – Киев.
- БОРЗИЯК И.А. 1978. Поздний палеолит северо-запада Молдавии. – Л.
- БОРИСКОВСКИЙ П.И. 1953. Палеолит Украины. – М.–Л. (Матер. исслед. археол. СССР, 40).
- БОРИСКОВСКИЙ П.И., ПРАСЛОВ Х.Д. 1964. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. – М.
- БУНАК В.В. 1959. Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас. – М. (Тр. Инст. этногр., № 49).
- 1973. Ископаемый человек из стоянки Сунгирь и его место среди других ископаемых позднего палеолита. – М.
- ВЕКИЛОВА Е.А. 1957. Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий. – В кн.: Палеолит и неолит СССР. – Л. Т. 3. С. 235–323 (Матер. исслед. археол. СССР, 59).
- 1961. К вопросу о свидерской культуре в Крыму (стоянка Сюрень II). – Кратк. сообщ. Инст. археол. – М. № 82. С. 143–149.
- ГВОЗДОВЕР М.Д. 1952. Вкладышевый наконечник с палеолитической стоянки Талицкое. – Уч. зап. Моск. унив. – М. № 158. С. 107–110.
- ГЕРАСИМОВ М.М. 1931. Мальга: палеолитическая стоянка. – Иркутск.
- 1935. Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальга. – В кн.: Палеолит СССР. – М.–Л. С. 78–124.
- 1958. Палеолитическая стоянка Мальга. – Сов. этногр. – М. № 3. С. 28–52.
- 1961. Круглое жилище стоянки Мальга. – Кратк. сообщ. Инст. археол. – М. № 82. С. 128–134.
- 1964. Люди каменного века. – М.
- ГИНЗБУРГ В.В., ГОХМАН И.И. 1974. Костные остатки человека из Самаркандской палеолитической стоянки. – В кн.: И.И. Гохман (ред.). Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. – Л. С. 5–11.
- ГРИГОРЬЕВ Г.П. 1970. Верхний палеолит. – В кн.: А.А. Формозов (ред.) Каменный век на территории СССР. – М. С. 43–63 (Матер. исслед. археол. СССР, 166).
- ГУРИНА Н.Н. 1985. Новые данные о каменном веке Северо-Западной Белоруссии. – В кн.: Палеолит и неолит СССР. – Л. Т. 5. С. 141–203 (Матер. исслед. археол. СССР, 131).
- ДЕБЕЦ Г.Ф. 1946. Фрагмент лобной кости человека из культурного слоя стоянки «Афонтова гора II» под Красноярском. – Бюлл. ком. по изучению четверт. периода. – М. № 8. С. 73–77.
- 1948. Палеоантропология СССР. – М.–Л. (Тр. Инст. этногр., № 4).
- 1955. Палеоантропологические находки в Костёнках. – Сов. этногр. – М. № 2. С. 43–53.
- 1961. Череп из позднепалеолитического погребения в Покровском логе (Костёнки XVIII). – Кратк. сообщ. Инст. археол. – М. № 82. С. 160–164.
- 1967. Скелет позднепалеолитического человека из погребения на Сунгирьской стоянке. – Сов. археол. – М. № 3. С. 160–164.
- ДЕРЕВЯНКО А.П. 1975. Каменный век Северной, Восточной и Центральной Азии. – Новосибирск.
- 1983. Палеолит Дальнего Востока и Кореи. – Новосибирск.
- ЖУКАКУЛОВ М.Д. и др. 1980. Самаркандская стоянка и ее место в позднем палеолите Средней Азии. – В кн.: В.Е. Ларичев (ред.). Палеолит Средней и Восточной Азии. – Новосибирск. С. 51–95.
- ЗАМЯТНИН С.Н. 1935. Новые данные по палеолиту Закавказья. – Сов. этногр. – М. Т. 2. С. 46–123.
- 1937. Пещерные навесы Мгвимеви близ Чиатуры. – Сов. археол. – М. Т. 3. С. 57–76.
- 1957. Палеолит Западного Закавказья. – Сб. Муз. антропол. этногр. – М.–Л. Т. 17. С. 57–76.
- КАНИВЕЦ В.И. 1976. Палеолит крайнего северо-востока Европы. – М.
- КАСЫМОВ М.П. 1972. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане. – В кн.: Палеолит и неолит СССР. Л. Т. 7. С. 111–119 (Матер. исслед. археол. СССР, 185).
- КОЛЬЦОВ А.В. 1977. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. – М.
- ЛАРИЧЕВ В.Е. 1984. Лунно-солнечная система верхнепалеолитического человека Сибири. – Новосибирск.
- ЛЕБЕДИНСКАЯ Г.В., СУРНИНА Т.С. 1984. Портреты детей, погребенных на стоянке Сунгирь (пластическая реконструкция). – В кн.: *Sungir: Anthropological Investigation*. – М. С. 156–161.
- МОЧАНОВ Ю.А. 1977. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск.
- ОКЛАДНИКОВ А.П. 1940. Буреть, новая палеолитическая стоянка на Ангаре. – Сов. археол. – М. Т. 5. С. 290–293.
- 1941. Палеолитическое жилище в Бурети. – Кратк. сообщ. Инст. ист. матер. культ. – М.–Л. № 10. С. 16–31.
- 1966. Палеолит и мезолит Средней Азии. – В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – М.–Л. С. 11–75.
- ОСТРОВСКИЙ М.И., ГРИГОРЬЕВ Г.П. 1966. Липская палеолитическая культура. – Сов. археол. – М. № 4. С. 2–13.
- 1982. Палеолит Костёнка-Боршевского района на Дону. – Л.
- РАНОВ Д.А. 1972. К проблеме выделения локальных палеолитических культур в Средней Азии. – В кн.: Каменный век Средней Азии и Казахстана. – Ташкент. С. 31–34.
- 1973. Сугну: многослойная палеолитическая стоянка в верховьях реки Яхсу (раскопки 1969–1970 гг.) – Археол. раб. в Таджикистане. – Душанбе. Т. 10. С. 42–61.
- РИМАНТЕНЕ П.К. 1971. Палеолит и мезолит Литвы. – Вильнюс.
- РОГАЧЕВ А.Н., АНИКОВИЧ М.В. 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма. – В кн.: П.И. Борисковский (ред.). Палеолит СССР. – М. С. 162–271.
- РОГИНСКИЙ Я.Я., ЛЕВИН М.Г. 1963. Основы антропологии. – М.
- САВИЧ В.П. 1969. Костяные изделия стоянки Липа VI. – Бюлл. ком. по изучению четверт. периода. – М. № 36. С. 136–141.
- 1975. Позднепалеолитическое население Юго-Западной Волыни. – Киев (На украинском яз.).
- ТАЛИЦКИЙ М.В. 1940. Островская палеолитическая стоянка. – Кратк. сообщ. Инст. ист. матер. культ. – М.–Л. № 3. С. 41–42.
- ФОРМОЗОВ А.А. 1976а. К характеристике палеолитического поселения Мальга. – Сов. археол. – М. № 2. С. 205–210.
- 1976б. Неопубликованные произведения искусства палеолитической стоянки Мальга. – Сов. археол. – М. № 4. С. 180–184.
- ФРОЛОВ Б.А. 1972. Числа в графике палеолита. – Новосибирск.
- ХОЛЮШКИН Ю.П. 1981. Проблемы корреляции позднепалеолитических индустрий Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск.
- ХРИСАНФОВА Е.Н. 1980. Скелет верхнепалеолитического человека из Сунгири. – Вопр. антропол. – М. Т. 64. С. 40–68.
- ЧЕРНЫШ А.П. 1959. Поздний палеолит среднего Приднестровья. – В кн.: Палеолит среднего Приднестровья. – М. С. 5–214.

- 1973. Палеолит и мезолит Приднестровья. — М.
- ШОВКОПЛЯС И.Г. 1965. Мезинская стоянка. — Киев.
- ЯКИМОВ В.П. 1957. Позднепалеолитический ребенок из погребения на Городцовской стоянке в Костёнках. — Сб. Муз. антропол. этногр. — М.—Л. Т. 17. С. 500—529.
- GARROD, D. A. 1930. Palaeolithic of Southern Kurdistan: Excavations in the Caves of Zarzi and Hazar Merd. Bull. Am. Sch. Prehist. Res. (Harvard), Vol. 6, pp. 32—76.
- MARSHAK, A. 1972. The Roots of Civilization. New York.
- OAKLEY, K.; CAMPBELL, B.; MOLLESON, T. (eds) 1975. Catalogue of Fossil Hominids. America, Asia, Australia. London. Vol. 3.
- SOLECKI, R. S. 1957. The 1956—1957 Season in Shanidar, Iran. Quaternaria, Vol. 4.
- VALLOIS, H.; MORINS H. 1952. Catalogue des hommes fossiles. In: CONGRÈS GÉOLOGIQUE INTERNATIONAL, 19e, Paris, 1952. Comptesrendus. Paris. Vol. 5, pp. 63—375.

ИСКУССТВО ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА В ЕВРОПЕ

Ханс-Георг Банди

Как и в гл. 19, мы можем говорить здесь только об изобразительном искусстве, поскольку у нас нет надежных свидетельств существования в те далекие времена поэзии или музыки. Есть, однако, археологи, которые считают, что некоторые черепа мамонтов и другие окаменелости, найденные на Мезинской стоянке (Украина), использовались как ударные инструменты. Напомним также, что охотники, занимавшиеся изобразительным искусством в верхнем палеолите, были движимы совершенно другими побуждениями, чем современные люди.

С появлением *человека разумного* современного вида на смену среднепалеолитическим культурам пришли культуры верхнего палеолита (42–37 тыс. лет назад); с этого времени можно говорить о зачатках искусства. Шательперронская культура (называемая ранее нижним перигором), датированная между 37–36 тыс. и 32–31 тыс. лет назад, практически не оставила никаких свидетельств примитивной живописи ни в малых формах (предметы искусства, украшения на орудиях или оружии), ни в наскальной живописи в пещерах и гротах. Были найдены только отдельные костяные фрагменты и несколько каменных плиток с рядами выгравированных более или менее параллельных линий. Значение линий нам неизвестно, но нанесены они, бесспорно, намеренно.

Нельзя исключить, что были и другие художественные проявления, не оставившие никаких следов в силу недолговечности используемого материала, поэтому говорят о «доизобразительной фазе», относимой некоторыми авторами либо к «нулевому стилю», либо уже к стилю I. Добавим также, что если бы подтвердилась находка кости с гравировкой на мустьерской стоянке Пронятин на Украине (рис. 26, глава 13), корни доизобразительного искусства можно было бы отнести к среднему палеолиту.

ОРИНЬЯКСКАЯ КУЛЬТУРА

Изобразительное искусство четко проявляется в типичном ориньяке – культуре, которая в большей части совпадает с шательперроном и начало которой датируется приблизительно 35 тыс. лет назад. Некоторые считают, однако, что первые проявления этой второй крупной европейской верхнепалеолитической культуры, появившейся на Балканах уже 42 тыс. лет назад, надо искать в Западной Азии. Зона ее распространения гораздо шире, чем шательперрона, четко ограниченного Западной Европой, и, насколько нам известно на сегодняшний день,

она проходит от Болгарии и Венгрии через Германию, Бельгию и Францию до Иберийского п-ва. Здесь доминирует стиль I верхнепалеолитического искусства, который длится до начала граветтской культуры и характеризуется появлением акультурных изображений. Де Люмле (*H. de Lumley*) считает «самым древним предметом изобразительного искусства во Франции» предмет в форме фаллоса, вырезанный из рога бизона или зубра, обнаруженный в укрытии Бланшар-де-Рош близ Сержака (Дордонь, Франция). По мнению Маршака (*A. Marschak*), найденный там же кусочек кости, украшенный знаками в виде точек (илл. 40), представляет собой лунный календарь. Это предположение остается спорным. Другие находки, сделанные в разное время на юге Германии, несомненно, заслуживают внимания. В пещере Фогельхерд близ Хайденхайма (земля Баден-Вюртемберг, Германия) найдена целая коллекция фигурок и один барельеф, вырезанные из бивня мамонта, – это чрезвычайно выразительное изображение дикой лошади, нескольких мамонтов, пещерного льва и схематичная фигурка человека (рис. 60). Аналогичные предметы искусства малых форм были обнаружены на соседних стоянках Гейсенкlostерль около Блаубойрена и Холенштайн-Штадель в долине Лоне.

К ориньякской культуре и, следовательно, к стилю I можно отнести и некоторые образцы наскального рисунка, хотя ни один из них не был найден на месте – в пещере или гроте. Речь идет скорее о глыбах или плитах, отколовшихся гораздо позже того времени, когда на них были начертаны фигуры или нанесены цветные пятна. Поэтому говорят о «живописи на каменных глыбах». Их принадлежность к ориньякской культуре подтверждается стратиграфическими наблюдениями, проведенными на некоторых стоянках, в частности в Ла-Феррасси около Бюг в департаменте Дордонь (Франция). Некоторые фигуры вырезаны, другие выбиты. Узнаваемы сексуальные символы – чаще изображалась вульва, реже фаллос; их ассоциируют в основном с человеческими существами, но это не всегда оправдано, так как охотники были заинтересованы и в воспроизведении образов дичи. Изображения животных схематичны, грубы и неловки, как правило, трудно точно определить, какое животное изображено, тем более что часто прорисована только голова, иногда голову продолжает линия спинного хребта, а полное изображение животного является исключением (илл. 41). То, что нам сейчас известно как об искусстве малых форм, так и об изображениях на каменных глыбах, позволяет сделать вывод о существова-

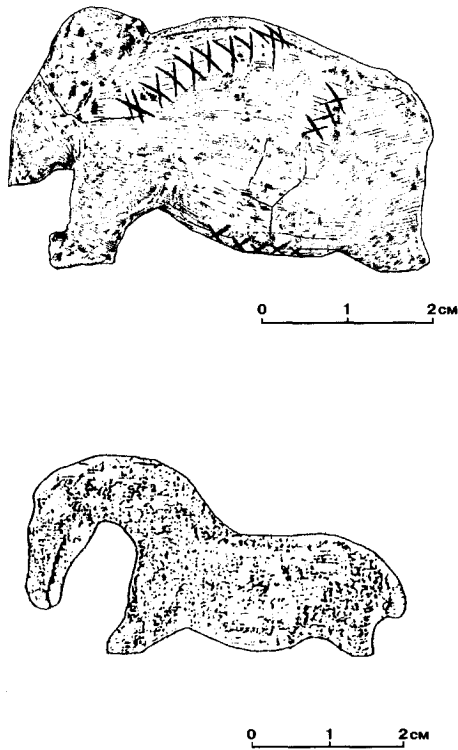

Рис. 60. Две фигурки из бивня мамонта – мамонт, лошадь из пещеры Фогельхерд (земля Баден-Вюртемберг, Германия); ориньякская культура

нии художественных стадий, предшествующих стилю I, приписываемому ориньякской культуре и началу граветтской культуры, которая, несомненно, стоит ближе к началу изобразительного искусства.

ГРАВЕТТСКАЯ КУЛЬТУРА

Произведения следующей культуры – граветтской, или верхнего перигора, уже свидетельствуют о значительном прогрессе. Начало этого периода, примерно 29 тыс. лет назад, соответствует концу типичного ориньяка, определенного в 28 тыс. лет, а его конец приходится примерно на 21/20 тыс. лет назад. Как подчеркивает А. Леруа-Гуран, зона распространения граветтской культуры соответствует зоне максимальной экспансии искусства наскальных изображений и малых форм верхнего палеолита в Европе: она включает восточную часть Испании и значительную часть Франции; к этой зоне можно отнести также ряд других стоянок, с одной стороны, на Апеннинском п-ве и, с другой стороны, за пределами Бельгии и Центральной Европы, в восточных районах вплоть до Украины. Стиль I, который мы связали, как уже было сказано, с типичным ориньяком, продолжал существовать и после начала граветтской культуры. По мнению Леруа-Гурана, стиль II начинается в уже развитой стадии этой культуры, т.е. в эпоху, когда, безо всякого сомнения, очень тесные культурные связи существовали между Западной и Восточной Европой.

Сначала в граветтской культуре еще доминирует стиль I типичного ориньяка, и нет значительных изменений в области наскального искусства или малых форм. Затем следует ряд новшеств, возмещающих об ускоренном развитии. Пещеры и гроты, украшенные наскальными рисунками, еще немногочисленны, но с начала фазы II – примерно 23 тыс. лет назад – появляются изображения,

как, например, в гроте Гаргас (Верхние Пиренеи), расположенные в самой глубине пещер, в том месте, которое Леруа-Гуран называет «святилищем». Большинство рисунков выполняются у входа в пещеру, в зоне дневного освещения или в самом начале темной зоны, но есть уже рисунки и в глубине укрытия. Особенно характерен для изображений спинной хребет животных в виде горизонтально положенной буквы S. К ней добавляются и другие элементы силуэта тела, будь то изображение бизона или зубра, каменного барана, лошади, мамонта, оленя или дикой кошки (илл. 42). Эта кривая присутствует также в женских изображениях. Уже упомянутую пещеру Гаргас, расположенную недалеко от Монрежо и Сен-Бертран-де-Комменж (Верхняя Гаронна, Франция), можно рассматривать как типичный пример подземного «святилища» граветтской культуры.

Пещера 135 м в длину, от 20 до 40 м в ширину, разделена на несколько залов; она известна своими отпечатками рук. В общей сложности их 217, большей частью это «негативы», т.е. отпечатки рук взрослых и молодых людей, оставленные на скале и увековеченные черной или красной краской, нанесенной вокруг руки (возможно, ее разбрызгивали ртом); однако есть несколько «позитивных» отпечатков, оставленных, вероятно, прижатием ладони, покрытой краской. Чаше, чем на других, на гаргасских отпечатках видны исковерканные руки – отсутствуют фаланги или даже целые пальцы.

Было много попыток объяснить данное явление в изображениях эпохи ледникового периода. По первой гипотезе, основанной на этнографических параллелях, это могли быть ритуальные ампутации. Леруа-Гуран, чье мнение об искусстве ледникового периода изложено в гл. 19, рассматривает отпечатки рук как женские символы, основываясь на их расположении в различных частях пещеры и на сочетаниях с другими знаками, которые он считает мужскими.

Отпечатки рук из пещеры Гаргас довольно трудно точно поместить в хронологическую последовательность произведений ледникового периода; они не появляются в тех же местах, что и 150 обнаруженных там же изображений животных. За редким исключением изображения животных находятся в самой глубокой части пещеры. Они выполнены в разной технике: рисунки, сделанные пальцами на глинистой поверхности, различные резные изображения, выполненные каменными инструментами, отдельные рисунки, изображающие в основном бизонов и лошадей, реже – мамонтов, зубров, оленей и каменных баранов, еще реже – хищников и птиц. Большинство этих изображений приписывают граветтской культуре. Леруа-Гуран считает, что они относятся главным образом к периоду, который он определяет как период своего стиля II. Этот период длится от 23 до 17 тыс. лет назад и, следовательно, охватывает рассматриваемый здесь граветтский и следующий за ним солютрейский период (который будет описан ниже).

Предполагается, что наскальные рисунки пещеры Гаргас, относимые к стилю II, были выполнены за довольно продолжительный период, что согласуется с наблюдениями Де Люмле, согласно которым наложение слоев позволяет различить 12 фаз, относящихся к трем большим циклам. Де Люмле считает также, что по изображениям фауны в пещере Гаргас можно проследить последовательность, в которой животные адаптировались сначала к умеренному климату, затем к сильному холоду, а затем снова к умеренному климату: в то время как дикая лошадь, обладающая большими адаптационными способностями, присутствует весь период, дикая лошадь сначала отсутствует, а мамонт и лось появляются позже и на относительно короткое время. Установление хронологии оказывается тем более сложным, что первые изображения животных сделаны в «архаичном» стиле, который медленно уступает мес-

то более развитым формам, уже встречающимся в изображении других животных.

Наблюдения, сделанные в Гаргасе, выявляют проблемы, возникающие в исследовании наскального искусства граветтской культуры. Значение пещеры в большой степени связано и с тем фактом, что ее относительно ясная стратиграфическая структура позволяет увидеть последовательность культур начиная со среднего палеолита и до граветтской культуры, проходя через шатальперрон и ориньяк. Другое важное обстоятельство: граветтские отложения содержали предметы искусства малой формы, такие как каменные плитки с зооморфными резными изображениями, стиль которых соответствует стилю части наскальных рисунков. Таким образом, как подчеркивает Де Люмле, Гаргас является определяющим местом для хронологической локализации «первых» произведений наскального искусства.

Леруа-Гуран подчеркивает, что, с одной стороны, искусство стиля II напрямую наследует традиции стиля I, а с другой стороны, через всю Европу, от востока континента до Иберийского п-ва, прослеживается замечательное единство, свидетельством которого является в основном искусство малых форм. Это особенно видно по фигуркам, называемым «венерами» (рис. 35, илл. 35). Почти все фигурки из бивней мамонта, кости или камня, особенно женские изображения (а также несколько крупных рельефов, расположенных в гротах), которые можно с уверенностью датировать, относятся к стилю II и, несмотря на их значительную географическую удаленность, демонстрируют удивительно сходство. Важное значение уделяется изображению туловища, груди, бедер, живота, в то время как лицо, руки и ноги не прорабатываются, а ступни большей частью отсутствуют вовсе. Прослеживается пышность форм, подобная той, которая наблюдается сейчас у женщин бушменских племен в Южной Африке. По мнению Леруа-Гурана, здесь проявляется широко распространенная традиционность изображений: грудь, бедра и живот образуют окружность, вписывающуюся в ромб, имеющий оконечностями голову и ноги. Фигурки в основном очень маленькие, в среднем 10 см высотой, редко достигают 23 см. Хотя их значение остается неясным (связь с символикой плодородия, изображение «повелительницы животного мира» или хранительницы дома и очага), в них красноречиво проявляется идентичность в концептуальных подходах во времена граветтской культуры.

Граветтское искусство малых форм включает, кроме того, изображения животных, выгравированные на предметах обихода, например, изображение двух мамонтов, стоящих друг против друга на «железе начальника» из оленьего рога из Ложри-От (Дордонь, Франция) (илл. 43). Следует упомянуть и многочисленные статуэтки животных, найденные в Восточной Европе. Некоторые из них сделаны из органических материалов, другие вылеплены из смеси глины и костной золы и, по всей видимости, неумышленно, обожжены в огне; самые известные происходят из Долни Вестонице в Моравии (Чешская Республика).

СОЛЮТРЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА

Около 22 тыс. лет назад начинается переход от граветтской культуры к другой культуре верхнего палеолита – солютрейской. Это особая фация, которая заходит не только на граветт, затухающий 21–20 тыс. лет назад, но также на мадленскую культуру, появление которой относится примерно к 18 тыс. лет назад (т.е. за тысячу лет до конца солютрейской культуры, окончательно исчезающей около 17 тыс. лет назад). Период, во время которого солютрейская культура представляется единственным большим вектором культурной эволюции, был относи-

тельно коротким. Надо отметить, что по сравнению как с предшествующей граветтской, так и с последующей мадленской культурами географическая зона распространения солютрейской культуры очень ограничена: она занимает районы Центральной Франции, южную часть долины Роны, восточную часть Испании и, наконец, зону от французских Пиренеев до Астурии. В некоторых аспектах эта также ориентированная исключительно на охоту культура занимает особое место: ее орудия, особенно техника обработки камня, развиваются до некоторой степени независимо, хотя ее отличительные особенности, как долгое время считалось, не являются настолько очевидными хотя бы потому, что стиль II искусства ледникового периода характерен, как уже было сказано, и для начала солютрейского периода.

В сущности, мы располагаем очень ограниченным числом предметов искусства, датируемых этой эпохой. Положение не меняется только в ходе солютрейского периода, т.е. с появлением стиля III, – события, которое Леруа-Гуран относит примерно к 21 тыс. лет назад. В произведениях этого стиля мы имеем уже значительное число замечательной красоты барельефов, выполненных либо на стенах, либо на крупных каменных глыбах, установленных в скальных укрытиях. Характерный пример – построенное из больших каменных глыб убежище Рок-де-Сер (Шаранга, Южная Франция). Там обнаружено 11 опрокинутых глыб, украшенных барельефами и в некоторых случаях резными изображениями лошадей, бизонов, каменных баранов, оленей и человеческих существ. Эти удивительные произведения искусства солютрейской культуры, которыми можно сейчас любоваться в Национальном музее античности в Сен-Жермен-ан-Лэ под Парижем, интересны еще и тем, что некоторые изображенные животные впоследствии претерпели изменения, несомненно, в результате работы рук человека: бизоны превратились в лошадей, а один из них – в кабана. По мнению Люмле, целый ряд разрисованных пещер может быть отнесен к солютрейской культуре, хотя доказать это с достоверностью можно только в редких случаях, например, в отношении рисунков пещеры Голова Льва (в департаменте Ардеш) или резных рисунков грота Шабо близ Эгеза (департамент Гар, юг Франции).

Искусство малых форм солютрейской культуры в общем незначительно. Пещера Парпалло близ Гандии (провинция Валенсия, Испания) является исключением. В очень важной верхнепалеолитической последовательности там обнаружены различные слои древнего солютрея между ранними и более молодыми слоями. Проведенные раскопки обнаружили значительное количество каменных плиток с изображениями животных, большей частью резных, но иногда нарисованных красной или черной краской. Можно узнать лошадей, диких быков, оленей и кабанов. К сожалению, как и предметы из уровней граветт и мадлен, расположенных соответственно снизу и сверху, эти предметы не обнаруживают никаких существенных признаков стилистической эволюции.

МАДЛЕНСКАЯ КУЛЬТУРА

Стиль III, утверждавшийся по мере того, как солютрейский период приближался к концу, продолжал существовать в начале мадленской культуры, примерно 18 тыс. лет назад, а затем его сменяет стиль IV. Географическая зона, охватываемая мадленской культурой, изменяется в зависимости от того, идет ли речь о ее ранней, средней или поздней фазе, но в общем она проходит от севера Испании до Польши через Францию и Центральную Европу. Если стиль III Леруа-Гуран считает еще «архаичным» периодом, то стиль IV он называет «классическим». Действительно, многие известные нам произведения наскального искус-

ства и небольшие скульптурные изделия декоративно-прикладного назначения среднего и позднего мадлена превосходят своих предшественников по красоте, разнообразию и силе воздействия. Искусство ледникового периода достигает здесь своей абсолютной вершины незадолго до затухания сначала в Западной Европе, 12–11 тыс. лет назад, а затем и восточнее.

Рассмотрим произведения декоративно-прикладного назначения. Кроме обилия прикладных предметов, вырезанных из органических материалов, особенно из оленьих рогов (наконечники дротиков, так называемые гарпуны, приспособления, используемые для усиления броска и т.п.), есть также множество произведений искусства. Одни выполнены на обычных предметах (оружии и орудиях) (рис. 61, 62; илл. 36, 43), другие являются произведениями искусства как таковыми (илл. 32). Но если сегодня мы прежде всего отмечаем их красоту, то для создателей этих предметов эстетический аспект не был, вероятно, основным. То же можно сказать о многочисленных предметах из камня, в частности, о каменных плитках, украшенных резными изображениями.

В то время как в раннем мадлене не наблюдается никаких существенных изменений по сравнению с художественным выражением солотрейской культуры, уже отмеченной стилем III, положение значительно меняется в начале средней фазы, четко ориентированной на охоту на оленей. С одной стороны, как уже отмечено, с этого момента и до конца мадленской эпохи мы имеем дело со стилем IV, и, с другой стороны, число предметов декоративно-прикладного искусства значительно увеличивается. В наскальном искусстве Леруа-Туран отмечает, напротив, явную стилистическую регрессию к концу стиля IV; по его мнению, из этого можно сделать вывод о том, что подзем-

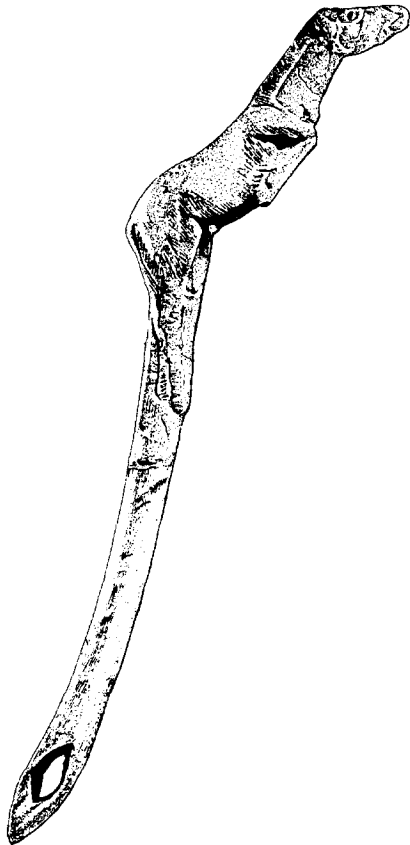

Рис. 61. Планка из оленьего рога для усиления броска с изображением прыгающей лошади (длина 28 см) из укрытия Монтастрию, Брюникель (департамент Тарн-и-Гаронна, Франция); мадленская культура (рисунок М. Otte)

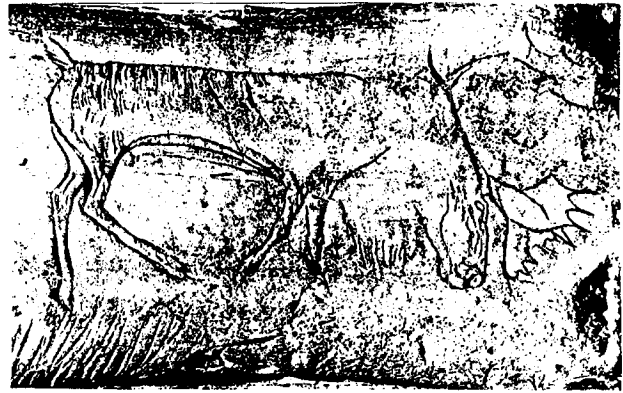

Рис. 62. Резное изображение северного оленя на пастбище (длина 6,2 см) на «желе начальника» из оленьего рога из пещеры Кеслерлох близ г. Тайнген (кантон Шаффхаузен, Швейцария); мадленская культура

ные святилища постепенно потеряли свое значение, и охотники поздней ледниковой эпохи стали придавать большее значение украшенным предметам.

Многочисленные украшения – резные изображения и скульптуры – имеют для нас только декоративное значение, хотя человек мадленской эпохи, возможно, придавал им магическую силу, либо это были амулеты. Очень часто изображаются животные, гораздо реже человек – его изображения более или менее натуралистичны, как правило, отдельные, но есть и вписанные в сценки. Изображения могут легко интерпретироваться, особенно если это животные, но иногда остаются загадками. К гравюрам и скульптурам относят также изображения животных, выполненные в стиле плоской скульптуры или в виде так называемого вырезанного контура – силуэтов, изображающих животных, вырезанных на плоской, чаще всего лопаточной кости (илл. 32).

Выгравированные, скульптурные или контурные предметы искусства раннего и позднего мадлена отличаются невероятной оригинальностью, красотой и выразительностью; конечно, они различны по качеству, но среди них есть много шедевров. Зачастую художник, умело справляясь с материалом и предназначением украшаемого предмета, очень реалистично изображает одно или реже несколько животных. Здесь представлены все виды животных, за которыми можно было охотиться, от мамонта до мелких млекопитающих (илл. 44), реже – птицы и рыбы, а иногда даже – земноводные и насекомые (илл. 33). Часто детали – глаза, морда, рога, шкура, копыта или когти – выполнены с большой точностью и тщательностью. В изображениях человека имеется или только голова или лицо, или все тело. Порой животные и люди составляют сценки. К концу мадленской эпохи наблюдается растущая тенденция к схематизации. Можно отметить, например, многочисленные резные изображения на плитках со стоянки Гённерсдорф недалеко от Кобленца и Нойвида (Рейнская область), датируемой концом XI тысячелетия до н.э.: именно там нашли очень схематичные женские изображения (рис. 63).

Если говорить о резных, рисованных или рельефных изображениях в подземных святилищах мадленской эпохи, то к самым известным из них относится пещера Альтамира в провинции Сантандер на севере Испании – это «Сикстинская капелла искусства ледниковой эпохи», обнаруженная в 1879 г., но долгое время не считавшаяся подлинной, и стоянка Ласко близ Монтиньяка (департамент Дордонь, Франция) (илл. 34, 45), которую можно считать «музеем Прадо искусства охотников ледникового перио-

Рис. 63. Сильно стилизованное изображение женщины на пластине сланца со стоянки Гёнперсдорф (близ Коблице и Нойвида, Германия); мадленская культура (рисунок М. Отте)

да» и которая была закрыта для публики несколько лет назад, так как наплыв туристов стал представлять для нее серьезную опасность (к счастью, поблизости находится прекрасная копия этой пещеры, которую можно посетить). Известны также многие другие пещеры мадленского периода, в частности, на юге Франции и на севере Испании, а также в других районах Западной Европы. В настоящее время зарегистрировано в общей сложности более 150 стоянок, украшенных большим или меньшим числом наскальных изображений.

Этот вид мадленского искусства редко появляется в гrotто, примером может служить только Кап-Блан близ Лез-Эзи в Дордони, где очень красивый фриз с лошадьми сильно напоминает рельефы предыдущего солютрейского периода. Но, в отличие от гораздо более распространенных изделий декоративно-прикладного искусства, в остальной мадленской зоне до сих пор не найдено никаких других украшенных пещер. Рисунки Каповой пещеры в южной части Урала (с изображениями мамонтов и лошадей) (илл. 38) сходны с искусством мадленской эпохи. Этот факт трудно объяснить, так как у нас нет никаких доказательств того, что мадленская культура распространялась на восток дальше Польши.

То, что мы видим во Франции и Испании, производит сильное впечатление. Часто речь идет об изображениях животных в натуральную величину, а в отдельных случаях даже крупнее. Изображались животные, на которых охотились, крупная дичь и – на отдельных предметах – мелкие млекопитающие (илл. 44), птицы и рыбы. Эти резные или нарисованные фигуры демонстрируют большую уверенность штриха у охотников-художников, выполнявших эти произведения в полумраке, тысячи лет назад. Очевидно, что они хорошо знали животный мир и поведение животных, поэтому были способны создавать очень натуралистические изображения. Нередко использовались естественные скальные образования – это наводит на мысль, что пребывание в тишине пещер будило воображение людей.

Абсолютная вершина такого искусства – полихромные фигуры животных, настолько красивые и искусно выполненные, что в XIX в. отказывались верить в их подлинность. Но затем, в самом конце мадленской эпохи, т.е. около 12 тыс. лет назад, наскальная живопись теряет свою жизненность, она сокращается количественно и снижается ее качество, что объясняется различными обстоятельствами, связанными с изменением окружающей среды в конце ледникового периода.

ЭПИГРАВЕТТИЙСКАЯ КУЛЬТУРА

В Западной Европе, в центре и на востоке Средиземноморья параллельно с мадленской культурой развивается несколько иная культура, которая, как отмечал М. Отт в гл. 21, известна на Апеннинском п-ве под названием эпиграветтийской. Эта культура позднего ледникового периода оставила отдельные предметы декоративно-прикладного искусства, кроме того, на Сицилии (илл. 37) и на маленьком о. Леванто, расположенном западнее Сицилии, есть ее образцы наскального искусства, слегка отличающиеся по своему стилю от мадленского искусства.

МЕЗОЛИТ

В гл. 21 уже отмечалось, что между 11,8 и 10,2 тыс. лет назад (промежуточные стадии Аллерод и Дриас III) мадленская культура пришла в упадок вследствие изменений окружающей среды и положила начало новой культуры в Западной Европе – азильской, которая сохранила в несколько измененном виде традиции охотников. Интересно, что наскальная живопись уже почти полностью исчезла, а «разрисованные камешки», украшенные цветными черточками и точками, – это все, что осталось от многогранного искусства мадленской культуры.

Во всех европейских мезолитических культурах наскальная живопись и малые формы искусства отсутствуют как у «эпигонов» верхнепалеолитических традиций на Западе, так и у «прогрессистов» на севере, где адаптация к новой окружающей среде после ледникового периода, около 10 тыс. лет назад, привела к появлению новой техники и новых орудий. Находясь, однако, некоторые проявления искусства в маглемозийской культуре, которая получила развитие особенно во время бореали (климата в пределах умеренного пояса с ярко выраженными сезонами года. – Прим. ред.) (8,8–7,5 тыс. лет назад) в Дании, на юге Швеции и в Англии – это предметы обихода, украшенные геометрическими рисунками антропоморфного (рис. 64) или зооморфного характера, а также отдельные, более или менее натуралистично выполненные фигуры животных, резные или скульптурные.

В эпоху мезолита, отмеченного в Европе охотничьей цивилизацией, существовало два крупных центра, давших очень интересные свидетельства наскального искусства, начало которого можно отнести к верхнему палеолиту. Один из центров находился в Северной Европе: на изрезанном многочисленными фьордами норвежском побережье, между фюльке Финнмарк к северу от Полярного круга и районом Осло на юге обнаружена группа скальных изображений, известная под названием «арктическое искусство» или «искусство охотников». Эти вертикально или горизонтально расположенные изображения, выполненные в большинстве случаев на скальных поверхностях под открытым небом, представляют, особенно в Финнмарке, натуралистическую традицию, которая с продвижением к югу уступает место возрастающей стилизации, характерной для более поздних фигур, относящихся в основном к бронзовому веку, который также наблюдался в этом районе. Их культурная принадлежность, а следовательно, и датировка еще не полностью выяснены. Очевидно, что этот комплекс наскальной живописи является продуктом в основном охотничьей цивилизации.

Натуралистические изображения Финнмарка могут быть связаны с культурой Комса; происхождение этой фации, каменные орудия которой характеризуются наконечниками особого стиля, также спорно: гипотеза о распространении верхнепалеолитических культур на запад России (к ним принадлежит Капова пещера на Южном Урале с рисунками животных ледниковой эпохи, уже упомянутыми выше в связи с мадленским искусством) (илл. 38) остается еще чисто умозрительной. Фигуры Финнмарка, иногда

Рис. 64. Стилизованные фигуры (высота – 2 см), выгравированные на кости, из стоянки Маглемозе (о. Зеландия, Дания); культура маглемозе

больше натуральных размеров, вырезаны в скалах и изображают чаще всего лосей, северных оленей, медведей, китов, тюленей и морских птиц, т.е. дичь, на которую охотники мезолита охотились на земле и воде.

А на востоке Испании, от провинции Лерида на севере до провинции Мурсия на юге, известна чрезвычайно интересная группа наскальных рисунков, определенная как испанское «левантийское искусство». Одна его часть находится в районах холмов и гор у восточного побережья Испании, а другая – еще дальше в глубине Пиренейского п-ва до провинции Теруэль. Здесь также культурная принадлежность и датировка долгое время оставались невыяснен-

ными и спорными. Сейчас кажется наиболее вероятным, что здесь мы имеем дело с продолжением эпипалеолита или мезолита в искусстве ледниковой эпохи. Это чисто охотничья культура, но постледниковая; вполне возможно, что речь идет о популяции, сохранившей охотничий образ жизни, при котором хозяйство основано на охоте, в то время как в других частях Пиренейского п-ва уже были известны скотоводство и земледелие.

Испанское левантийское искусство – это рисунки, преимущественно небольших размеров, часто не превышающих размер ладони, выполненные в открытых убежищах; есть и изображения более крупных размеров и, как исклю-

Рис. 65. Рисунок охоты на оленей, нарисованный черным (расстояние от верхней точки справа до нижней точки слева 18 см) из укрытия Мас-д'ан-Хосеп (Валторга, Испания); испанское левантийское мезолитическое искусство

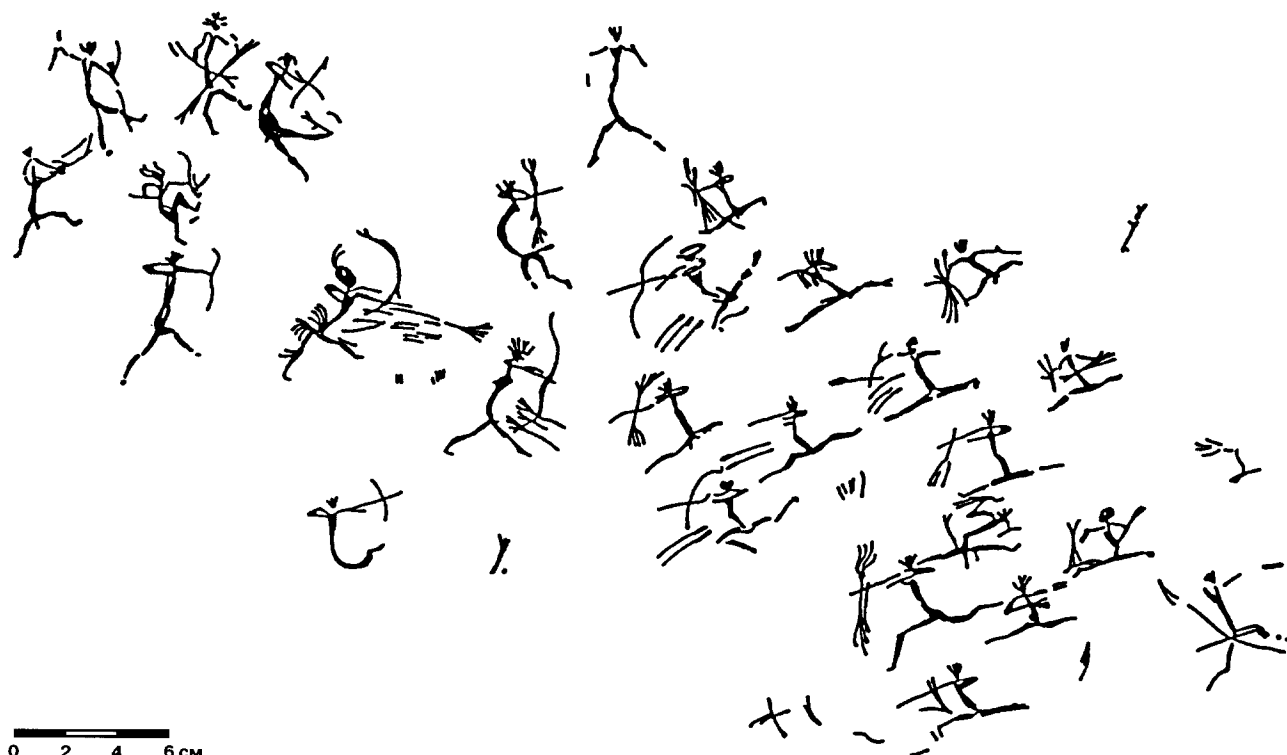

Рис. 66. Сцена битвы (ширина – 50 см), нарисованная черным из укрытия Лес-Догуэс (Газулла, Испания); испанское левантийское мезолитическое искусство

чение, в натуральную величину. Несмотря на наличие во многих местах резных линий, речь идет в основном о живописи с использованием красной, коричневой и черной красок, белый же цвет появляется только изредка. В отличие от искусства ледникового периода, отдельные фигуры здесь редки и относятся, очевидно, к ранней фазе левантийского искусства. Характерны группы, изображающие сцены охоты (рис. 65), сражения (рис. 66), танцев, а также сцены повседневной жизни народа, жившего охотой и собирательством. Это чрезвычайно живые изображения, по ним можно судить, какими были оружие, одежда, украшения и головные уборы тех, кто их рисовал или вырезал.

В то время как животные, четко отражающие фауну постледникового периода с преобладанием оленей, зубров, кабанов и каменных баранов, представлены в основном натуралистически, в изображении людей часто наблюдается более или менее явная тенденция к стилизации. Смысл произведений левантийского искусства остается неясным. Возможно, речь идет о рассказах в рисунках, но то, что эти изображения часто сконцентрированы в определенных скальных нишах, в то время как рядом также есть подходящие места для рисунков, говорит в пользу гитотезы о святилище. Данное предположение подтверждает тот факт, что в таких нишах, как Когуль (провинция Лерида), находят более поздние посвященные надписи, доказывающие, что в иберийскую и романскую эпохи эти ниши использовались как культовые места.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ADAM, K. D.; KURZ, R. 1980. Eiszeitkunst im süddeutschen Raum. Stuttgart. L'Art des cavernes. Atlas des grottes ornées paléolithiques françaises. 1984. Paris.
- BANDI, H.-G.; MARINGER, J. 1952. L'Art préhistorique: les Cavernes, le Levant espagnol, les régions antiques. Basle.
- BANDI, H.-G. et al. (eds) La Contribution de la zoologie et de l'éthologie à l'interprétation de l'art de peuples chasseurs préhistoriques. Fribourg.
- BELTRAN MARTINEZ, A. 1968. Arte rupestre levantino. Zaragoza.
- BREUIL, H. 1952. Quatre cents siècles d'art pariétal. Montignac.
- BREZILLON, M. 1980. Dictionnaire de la préhistoire. Paris.
- DAMS, L. 1984. Les Peintures rupestres du Levant espagnol. Paris.
- Dänische Vorzeit. Führer durch das Nationalmuseum. 1972. Copenhagen.
- DELPORTE, H. 1979. L'Image de la femme dans l'art préhistorique. Paris.
- GJESSING, P. 1932. Artiske Helleristninger i Nord-Norge [Arctic Rock Carvings in North Norway]. Oslo.
- GRAZIOSI, P. 1956. L'arte dell'antica età delta pietra. Florence.
- HALLSTRÖM, G. 1938. Monumental Art of Northern Europe from the Stone Age. Stockholm.
- 1960. Monumental Art of Northern Sweden from the Stone Age. Stockholm.
- KOENIGSWALD, W. VON; HANN, J. 1981. Jagdtiere und Jäger der Eiszeit. Stuttgart.
- Kunst der Eiszeit in Deutschland und der Schweiz. 1985. Cologne.
- LAMING-EMPERAIRE, A. 1962. La Signification de l'art rupestre paléolithique. Paris.
- LEROI-GOURHAN, A. 1964. Les Religions de la préhistoire. 4th edn. Paris.
1965. Préhistoire de l'art occidental. Paris.
- LUMLEY, H. DE. (ed.) 1984. Art et civilisation des chasseurs de la préhistoire: 34.000-7000 av. J.-C. Paris.
- MARSHACK, A. 1972. The Roots of Civilisation. New York.
- MÜLLER-BECK, H. (ed.) 1983. Urgeschichte in Baden-Württemberg. Stuttgart.
- MUSÉE DE L'HOMME. 1984. Art et civilisations de chasseurs de la préhistoire. Paris.
- REINACH, S. 1922. Cultes, mythes et religions. 3rd edn. Paris. Vol. I.
- SIEVEKING, A. 1972. The Cave Artists. London.
- UCKO, P. J.; ROSENFELD A. 1967. Palaeolithic Cave Art. London.
- WHYNER, J. 1982. The Palaeolithic Age. London.
- ZERVOS, C. 1959. L'Art de l'époque du Renne en France. Paris.

ЗАПАДНАЯ АЗИЯ

в конце среднего палеолита до начала производства пищи

Офер Бар-Йосеф

ДАТИРОВКА ЗАПАДНОАЗИАТСКИХ НЕАНДЕРТАЛЬЦЕВ

Произведенные раскопки в пещерах горы Кармель уже в 1930-е гг. показали присутствие людей, современных нам по своей анатомии, в археологических слоях, относящихся к мустьерской культуре Западной Азии. Потом были обнаружены и другие остатки скелетов людей в пещерах Кафзех (Израиль), Шанидар (Ирак), Амуд (Ливан), Кебара (*Trinkaus*, 1983; 1984; *Vandermeersch*, 1981; *Bar-Yosef et al.*, 1986).

Антропологические данные указывают, что в течение первой части верхнего плейстоцена существовало два типа гоминоидов. Один из этих типов часто называют «архаическим человеком разумным» или «протокроманьонцем», а другой тип известен как «неандерталец» или «развитый неандерталец» (*человек разумный неандертальский*).

Определение и датировка мустьерцев Западной Азии – это проблемы, неразрывно связанные с теми, которые возникают в Европе с неандертальцами и появлением *человека разумного* современного типа. И если многие ученые считают, что первые современные люди произошли от европейских неандертальцев в результате местной филогенетической эволюции (*Wolpoff*, 1981), то другие иначе интерпретируют археологические и палеонтологические данные и находят признаки, подтверждающие приход *человека разумного* современного типа на смену классическим неандертальцам (*Stringer et al.*, 1984). Хотя неандертальцы появились в изотопную фазу 6 (по французской терминологии – рисс III), их присутствие или биологические следы их присутствия отмечаются в Западной Азии в гораздо более позднее время.

Эта биоантропологическая проблема усложняется неуверенностью в определении возраста мустьерского отрезка в данном регионе. Однако в последние годы ситуация немного улучшилась благодаря новым раскопкам, детальной биостратиграфии и первым датировкам термолюминисцентным методом (*Jelinek*, 1981; *Bar-Yosef & Vandermeersch*, 1981; *Tchernov*, 1981; *Rià*, 1983; *Bar-Yosef et al.*, 1986).

Присутствие мустьерских скоплений на трансгрессивном побережье Ливана вместе с раковинами *Strombus bubonius* является хорошо известным фактом (*Sanlaville*,

1981). Это побережье было датировано довольно неточно как «последнее межледниковое», т.е. временем около 130–120 тыс. лет назад. Радиометрический возраст одного обнажения – около 93–90 тыс. лет, но возможно, что оно более раннее. Эти даты соответствуют датам, полученным методом изучения уранового ряда: для травертина, известкового туфа мустьерской эпохи, найденного в пещере Зуттиех (Галилея) и Эйн-Ажев (горная местность и пустыня Негев), возраст определен в 97–90 тыс. лет (*Schwarz et al.*, 1980). Предыдущая ашельско-ябрудская последовательность, которую называют также «традицией Мугарам» и которая содержала фрагменты черепа архаического *человека разумного*, вписывается в более ранний период (*Gisis & Bar-Yosef*, 1974) и может относиться к 150–140 тыс. лет назад (*Copeland & Hours*, 1983). Вероятно, мустьерский период начался около 115–110 тыс. лет назад.

Основной проблемой остается датировка различных фаз мустьерского времени, продлившегося до 40 тыс. лет назад. Хроностратиграфия микрофауны указывает, что мустьерские уровни пещеры Кафзех, в которых обнаружены захоронения людей современного типа, более ранние, чем слой C пещеры Табун, где были найдены остатки неандертальской женщины (или амудского человека). Это означает, что неандертальцы, развивавшиеся в Европе и никогда не достигавшие Северной Африки, проникли в Западную Азию в мустьерскую эпоху.

Вероятно, эта миграция (или генетический поток) была вызвана началом изотопной фазы 4 (около 75–70 тыс. лет назад) в то время, когда материковые ледники быстро распространились на юг. В результате экологического нарушения сложившегося животного мира неандертальцы были вынуждены изменить образ жизни и искать новые территории. Западная Азия с ее обширными озерами и умеренным климатом стала для них идеальным регионом. Если эта гипотеза подтверждается археологически, то появление неандертальцев в Западной Азии надо отнести к концу мустьерского периода. Естественный отбор в данном регионе проходил так, что физические характеристики этих людей ухудшались и спустя несколько тысячелетий они исчезли. Присутствие в Западной Азии современных людей около 40 тыс. лет назад явилось, вероятно, просто продолжением местной эволюции.

ПЕРЕХОД ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ

Обычно пытаются понять характер перехода от среднего палеолита к верхнему, сравнивая различные аспекты культуры. Прежде чем описать этот переход, мы тоже проведем такое сравнение.

Разница, существующая между культурными достижениями людей среднего палеолита и достижениями их потомков из верхнего палеолита в Западной Азии не так впечатляюща, как в Европе. Верхнепалеолитические культурные слои в Юго-Западной Азии не содержат большого количества произведений искусства, сравнимых с произведениями искусства франко-кантабрийского региона или декоративно-прикладного искусства Центральной и Восточной Европы. Такая бедность частично объясняется условиями, в которых сохранялись эти произведения, а также сравнительно небольшим числом раскопанных в данном регионе стоянок верхнего палеолита. Недавнее обнаружение некоторых следов искусства – резного изображения животного (лошади?), найденного в пещере Хайоним (Западная Галилея, Израиль) (*Belfer-Cohen & Bar-Yosef*, 1981), а также предметов декоративно-прикладного искусства, относящихся к натуфийской культуре (культуре позднего плейстоцена), показывает, что новые раскопки могли бы изменить общую картину.

Археологи провели раскопки только в ограниченном числе стоянок верхнего палеолита. Недавно изученные стоянки расположены большей частью в полуаридных районах пустыни Негев и Синайского п-ва или по краю арабско-сирийской пустыни (*Marks*, 1977, 1983a; *Bar-Yosef & Phillips*, 1977; *Gilead*, 1983; *Goring-Morris*, 1985; *Garrard et al.*, 1986). Скелеты хорошо сохранились только в нескольких редких случаях. Чаще всего раскопки определили только технические и типологические характеристики каменных скоплений.

Создается впечатление, что мустьерские пещерные стоянки занимали большую площадь, чем стоянки верхнего палеолита, и что в полуаридной зоне мустьерские стоянки были заселены плотнее, чем стоянки верхнего палеолита, хотя это может быть следствием разных процессов развития и упадка культур. Данное явление отражает очень мобильную стратегию использования ресурсов (*Marks*, 1981).

Многие стоянки Западной Азии содержат мустьерские захоронения, которые свидетельствуют о практике намеренного и хорошо организованного погребения, тогда как могилы верхнего палеолита редки, и только могила Нагал-Айн-Гев I в Израиле явилась предметом подробного описания (*Arensburg*, 1977). Частичные останки людей были найдены в таких пещерных поселениях, как Эль-Вад, Хайоним и Ксар-Акил, но ни на одной из этих стоянок не нашлось доказательств намеренных захоронений.

Использование красной охры наблюдается как в мустьерских, так и в верхнепалеолитических контекстах (*Wreschner*, 1983). Однако только на стоянках верхнего палеолита, в частности открытого типа, обнаруженных в почвах типа «розовая земля», были найдены костяные орудия (*Newcomer*, 1974; *Goring-Morris*, 1980; *Belfer-Cohen & Bar-Yosef*, 1981). Хотя полагают, что морскими раковинами начали пользоваться в верхнем палеолите, мустьерские слои пещер Схул и Кафзех содержали несколько раковин вида *Glycymeris*. Количество морских раковин, найденных на доисторических стоянках, значительно увеличивается с 25–20 тыс. лет назад. Если не все, то большинство этих раковин использовались для украшения, а не в пищу.

Таким образом, можно считать, что разница культур между средним и верхним палеолитом гораздо менее ощутима в Западной Азии, чем в Европе, и это впечатление под-

тверждается при изучении начала верхнего палеолита. Действительно, археологические данные свидетельствуют о непрерывной эволюции, в которой наблюдается изменение тенденций в технологии и типологии изделий.

Реальный переход от среднего к верхнему палеолиту был изучен в двух местах: Ксар-Акила (сухом русле Антелья в Ливане) и Бокер-Таштите (горной местности Негев, Израиль) (*Copeland*, 1975; *Copeland & Bergman*, in *Azoury*, 1986; *Marks*, 1983a, 1983b).

Последовательность, обнаруженная в Ксар-Акиле, может рассматриваться как репрезентативная для центрального средиземноморского Леванта. В этом районе раскалывание камней в мустьерский период было в значительной мере основано на леваллуазской технике расщепления. Из нуклеусов, часто одноплощадочных, получали отщепы, пластины и остроконечники. Верхний палеолит начинается в основном с получения из одноплощадочных нуклеусов пластин, часто с многогранным основанием. Эти заготовки для орудий превращались затем в концевые скребки или резцы – характерные орудия нового периода.

В Ксар-Акиле, в русле Антелья и в пещере Абу-Халка на стоянках, расположенных на расстоянии не менее 60 км друг от друга, самым распространенным орудием было орудие со скошенным резцовым сколом. Это была пластина или отщеп, у которых периферийный конец был удален путем поперечной оббивки от рабочей части, полученной путем боковой ретуши, или от ретушированной выемки. Поперечный рубец виден на лицевой стороне, а изношенность лезвия показывает, что орудия служили скребками (*Newcomer*, 1970). Израильские и иорданские стоянки не дали подобных орудий, но они нашлись на Киренаике в аналогичном хроностратиграфическом положении (*McBurney*, 1967).

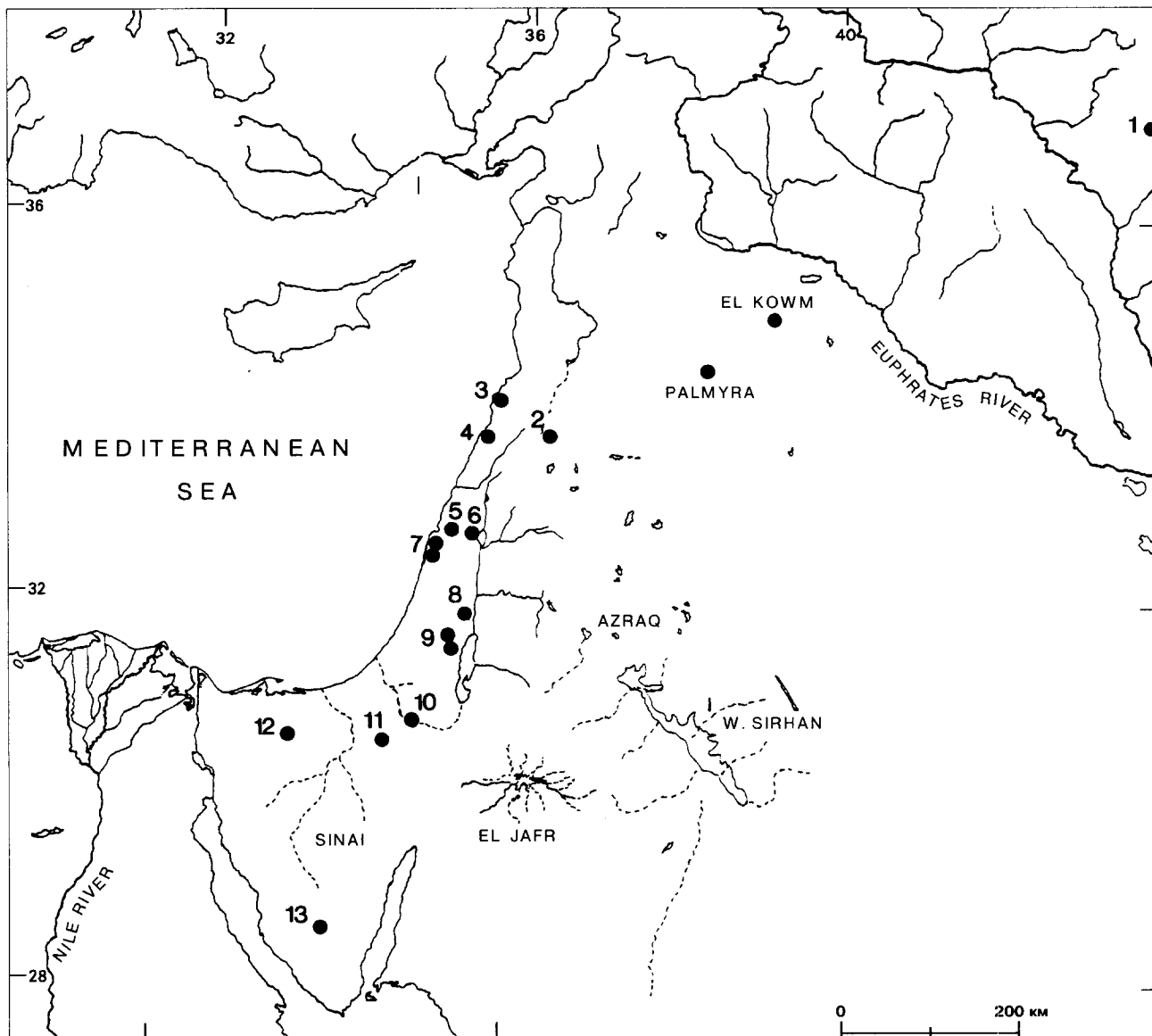
Подобная же эволюция отмечается в Бокер-Таштите на юге Леванта, но здесь нуклеусы, из которых получали леваллуазские пластины и остроконечники, – двухплощадочные. Ударная площадка в основном многогранна в нижнем уровне (1) стоянки – особенность, полностью исчезающая в верхнем уровне (*Volkman*, 1983).

Отретушированные образцы свидетельствуют о сходной эволюции. В уровне 1 леваллуазские остроконечники получены двусторонним скалыванием, а в уровне 4 – односторонним. Концевые скребки и резцы преобладают, а боковые скребки редки. Остроконечники из пещеры Эмирех, появление которых отмечает, по мнению Гэррода (*Garrod*) и Невилля (*Neuville*), начало верхнего палеолита, часто встречаются в нижних слоях, но полностью исчезают в уровне 4 (*Marks & Kaufman*, 1983; *Marks*, 1983b; *Volkman*, 1983).

После раскопок, проведенных в 1930-е гг., стало очевидно, что остроконечники типа Эмирех встречались как в скоплениях позднего мустье, так и в скоплениях верхнего палеолита, хотя их присутствие интерпретировалось как результат смешения. Хотя еще нет удовлетворительного объяснения присутствию этих остроконечников в таких мустьерских скоплениях, как пещера Шовах (Вади-Амуд), находки в Бокер-Таштите подтвердили их хронологическое положение (*Volkman & Kaufman*, 1983).

Радиометрические анализы относят стоянку Бокер-Таштит к 43–40 тыс. лет назад. Если принять без изменений радиоуглеродные даты, определенные для таких мустьерских скоплений, как Дуарах, Ксар-Акил, Гёла и др., то переход от среднего палеолита к верхнему должен был совершиться около 40 тыс. лет назад. Можно надеяться, что через несколько лет новые методы радиоуглеродного масс-спектрометрического анализа позволят установить более точное время.

Большинство других стоянок и скоплений, относящихся к переходному периоду, включая самые поздние (до 30 тыс. лет), не подвергались радиометрическим дати-

Карта 21. Расположение основных стоянок верхнего палеолита в Западной Азии: 1 – Шанидар; 2 – Ябруд; 3 – Абу-Халка; 4 – Ксар-Акил; 5 – Хайоним; 6 – Эмирех; 7 – Сефуним, Эль-Вад, Кабара; 8 – Фазаэль IX–X; 9 – Зекель-Ахмар, Эль-Хиам; 10 – Бокер-Таштит, Бокер; 11 – Кадеш-Барнеа; 12 – Гебель-Лагам; 13 – Тарфат Кидрейн

ровкам. Их хронологическое положение определяли только по стратиграфической позиции. Так, в Ксар-Акиле переходные скопления находятся на уровнях 25–21; в Абу-Халке – стои IVF и IVE; в Антелье – слои VII–V; в пещере Эмирех и Табун – слой С и в Эль-Ваде – слой F (Garrod & Bate, 1937; Newville, 1951; Copeland, 1975).

Мы не знаем точно, каковы были размеры стоянок, делились ли они, например, в зависимости от сезонной деятельности. Если в 1930-е гг. археологи стремились изучить всю площадь поверхности стоянки, то позже оставляли большую часть без раскопок. Сопоставляя число найденных предметов с массой отложений, из которых они были извлечены, можно заметить, что стоянки полуаридной зоны менее богаты, чем стоянки зон со средиземноморской растительностью. Повторные заселения одних и тех же пещер и укрытий можно в какой-то мере объяснить предпочтением этих мест или определенными топографическими факторами. В полуаридной зоне поселения могли устраиваться на широких пространствах вдоль вад – пересыхающих русел рек, но с тех пор из-за эрозии они исчезли.

ДРЕВНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ПЛАСТИН (карта 21)

Производство пластин и пластинок вышло непосредственно из переходной фазы. Археологические следы образуют непрерывную последовательность, но ее часть, предшествующая 30 тыс. лет назад, не имеет, к сожалению, точной датировки.

Этот период, который согласно радиоуглеродной датировке длился 10 тыс. лет, предшествует появлению ориньякских скоплений Леванта. Описание техники и других аспектов культуры данного периода основывается на изучении слоев 20–15/14 (Copeland, 1975; Bergman, 1981), а также слоев 13–9 в Ксар-Акиле; уровней 9–7 в Кафзехе (Ronen & Vandermeersch, 1972); слоев 7–2 в Ябруде II (Rust, 1950; Bakdach, 1982); уровней F, D в Эрк-эль-Ахмаре (Newville, 1951); слоя D в Масрак-эн-Надже (Gilead, 1981); уровня А в Бокере (Jones et al., 1983), а также стоянки Лагаман на севере Синая (Bar-Yosef & Belfer, 1977; Gilead, 1983). Зона распространения производства пластин включает также долину Нила (Vermeersch et al., 1982).

Стоянки этого периода в пустынной зоне Леванта были раскопаны лучше, чем пещеры, расположенные в средиземноморском поясе. Исследование пустынной зоны дало комплексные сведения о площади стоянок и о присутствии очагов. Площадь стоянок – в среднем от 10 до 100 кв. м; многие из них содержат очаги, по которым в отдельных случаях можно определить, что одно и то же место заселялось несколько раз.

Возможно, что все стоянки Лагаман, расположенные в одной и той же экологической нише, населялись одновременно многими семьями или группами, занимающимися определенной деятельностью (Gilead, 1983). После того как люди покидали такую лагерную стоянку, расположенную на обширной террасе, можно было ожидать, что природные факторы, такие, как дефляция (развевание) из-за ветра и речные волны, превратят все в единую «стоянку» в несколько тысяч квадратных метров.

Использование красной охры подтверждается обнаружением либо ее маленьких кусочков, либо изделий, окрашенных охрой, а иногда наличием обширных площадок с пятнами охры в границах зоны заселения. На большинстве стоянок пустынной зоны скелеты не сохранились; кроме скорлупы страусовых яиц (возможно, они служили сосудами для воды) не сохранилось и следов, доказывающих занятия собирательством.

Скопления остатков фауны, найденные в пещерах и укрытиях Ксар-Акил, Эль-Вад, Ябруд II, Кафзех и др., указывают на то, что их обитатели потребляли мясо животных. В покрытых лесами горах около Ксар-Акила обитали лани, дикие козы и каменные бараны, а в экотоне, образующем долину Кафзех, водились в основном лани, дикие быки и газели (Hooijer, 1961; Bouchud, 1974). В Эль-Ваде (гора Кармель) ланей было больше, чем газелей. В Ябруде II (восточный склон хребта Ливан) обитали лишь дикий осел и каменный баран – те животные, чьи остатки удалось идентифицировать (Garrard, 1982; Lehmann, 1970).

Кости животных иногда использовались для производства орудий (Newcomer, 1974; Newcomer & Watson, 1984); чаще всего из них делали шилья. Единственные известные отложения морских раковин – в Ксар-Акиле (Inizian & Gaillard, 1978) и на одной из стоянок северного Синая, древность которой остается неуточненной.

Стратиграфия каменных скоплений Ксар-Акила выявляет количественные изменения в этот период. Скребки из пластин встречаются еще чаще, чем резцы – за исключением уровней 13–12. Орудия со спинкой – скребки и резцы – появляются в уровне 12. Остроконечники делались из пластин, и предшественники наконечников Эль-Вада (сначала называемые наконечниками типа Фонт-Ив или Кремс) обнаруживаются в уровне 17; их называют остроконечниками Ксар-Акила. Их плоский профиль в уровнях 20–15 становится изогнутым в слоях 13–9 (Bergman, 1981).

Открытие относящихся к такой ранней дате скоплений пластин, среди которых иногда было до 40% ретушированных пластинок, стало одним из знаменательных событий 1970-х гг. До тех пор считалось, что производство пластин и пластинок предшествовало кебарскому комплексу (коонец верхнего палеолита или эпипалеолит), но теперь стало очевидно, что техника производства пластин началась в этот переходный период. Обнаружение в пещерных поселениях, отнесенных к ориньякской культуре Леванта, скоплений с преобладанием отщепов и подобных (с точки зрения техники, а не типологии) скоплений в аридной зоне привело археологов к заключению, что в Леванте в одно и то же время получили развитие две различные традиции производства орудий (Bar-Yosef, 1980; Marks, 1981; Gilead, 1981). Каждая получила свое название: традиция производства пластин и пластинок – ахмарская (по названию грота Эрк-эль-Ахмар в пустыне Иудеи), в то время как название «ориньяк» часто относят к скоплениям с преобладанием отщепов.

Надо, однако, отметить, что первоначальное определение ориньякской культуры изменилось со времен Гэррода (Garrard & Bate, 1937). В 1970-х гг. Л. Копеланд (L. Copeland) уточнил определение ориньякской левантской культуры и разделил ее на три фазы. Таким образом, в ориньяке А и ориньяке В, какими они представлены в типичной последовательности Ксар-Акила в уровнях 13–9, преобладает производство пластин и пластинок, сопровождаемых орудиями типичного ориньяка, такими как скребки со спинкой (Copeland, 1975; Copeland & Bergman, 1987). Только в уровнях 8–6 преобладают отщепы, кромкам которых ретушью придана форма спинки. Эти последние скопления сопровождаются предметами из кости и оленьих рогов, которых гораздо больше, чем в предыдущих и последующих производствах.

Одновременность двух культурных традиций явилась предметом многочисленных дискуссий в археологической литературе. Этот вопрос, несомненно, требует серьезного хронологического уточнения. Если рассматривать всю Западную Азию, то очевидно, что классический ориньяк отсутствует в южных пустынных районах. Продолжение исследований местности по краю арабо-сирийской пустыни могло бы, вероятно, определить границу, которая отделяет эту культуру от других современных ей культур. Надо, однако, объяснить присутствие ориньякской культуры Леванта в зоне средиземноморской растительности, особенно в гряде береговых холмов. Если следовать гипотезе об иммиграции, выдвинутой Гэрродом (1957), то характерные орудия, такие, как скребки со спинкой, скребки с рыльцем, ориньякские пластины или многочисленные орудия из кости и оленьих рогов, были принесены в Левант охотниками-собирающими, проникшими из Европы через Анатолию. Не отрицая возможности такого обмена между удаленными районами, можно считать, что левантский ориньяк и культуры, которые из него произошли, являются результатом «краткой» адаптации (улеродным методом определена длительность этого периода приблизительно в 5 тыс. лет) в условиях, преобладавших в гряде береговых холмов Леванта. Несмотря на небольшое число датировок этим методом, если внимательно рассмотреть ахмарскую и ориньякскую традиции, то период, в течение которого они были повсеместно одновременны, кажется действительно «коротким» по сравнению со всем верхним палеолитом, протяженность которого около 30 тыс. лет. В то время весь «ахмарский» набор пластин и пластинок использовался, вероятно, большинством охотников-собирающих Юго-Западной Азии.

ОРИНЬЯКСКАЯ КУЛЬТУРА ЛЕВАНТА (карта 21)

Для того чтобы выделить археологический феномен, который представляет собой ориньякская культура Леванта в узком смысле слова (Gilead, 1981), мы рассмотрим только скопления, обладающие следующими характеристиками (рис. 67): более 50% орудий и других продуктов расщепления камня – это сколы; присутствует очень большое количество скребков со спинкой и скребков с рыльцем; имеются ориньякские пластины и, когда костяные изделия хорошо сохраняются, много орудий из кости и оленьих рогов. Другие скопления, состоящие в основном из скребков и резцов на отщепках, могли бы считаться продолжением ориньякской традиции. Данный вопрос, однако, остается открытым, и эти коллекции из отщепов не будут здесь рассматриваться как «ориньякские».

Хроностратиграфическое распространение местонахождений вдоль оси «север – юг» свидетельствует о том, что в настоящее время ориньякская культура Леванта известна только в ограниченной зоне – в прибрежных лесах центрального Леванта. Несколько стоянок на юге Турции могут быть тоже отнесены к этой культуре, и тогда логично предположить, что она распространялась до Балкан.

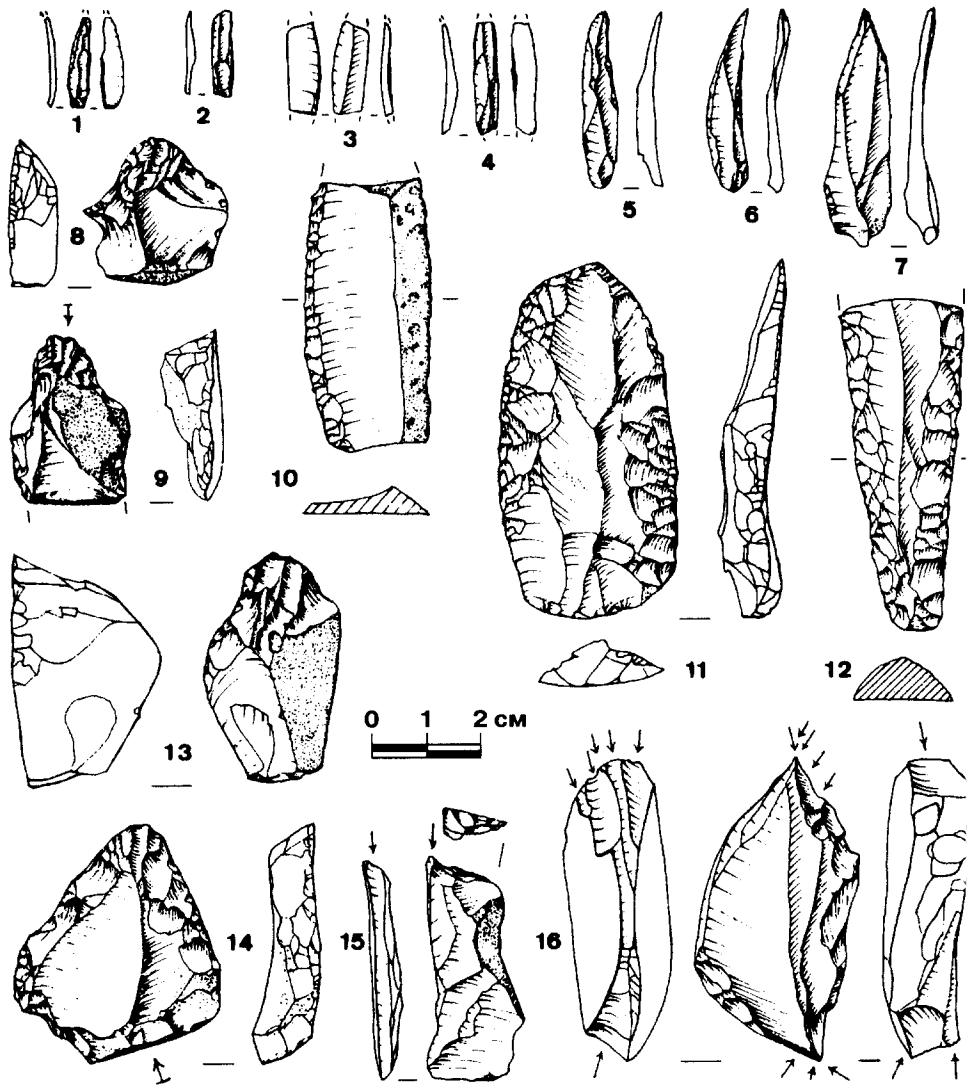

Рис. 67. Артефакты ориньякской культуры Леванта из пещеры Хайоним (Израиль): 1–7 – тонко ретушированные пластинки; 8, 9, 14 – скребки с рыльцем; 10 – пластина с ретушью; 11 – двойное скребло; 12 – разбитая ориньякская пластина; 13 – скребок со спинкой; 15 – резец вогнутого профиля; 16 – двойной двугранный резец

Большинство обнаруженных стоянок ориньякской культуры Леванта являются пещерами или скальными укрытиями. В двух стоянках – Ксар-Акиле и пещере Хайоним – найдены многочисленные орудия из кости и оленьего рога (Newcomer, 1974; Newcomer & Watson, 1984; Belfer-Cohen & Bar-Yosef, 1981). Несмотря на все усилия, археологи не обнаружили ориньякских стоянок открытого типа на прибрежной равнине Израиля; предположение, что все такие стоянки были поглощены морем во время последниковой трансгрессии, является лишь механистическим объяснением проблемы. Очень мало ориньякских скоплений обнаружено в Бекаа, в рифтовой долине р. Иордан и на сирийско-иорданских плато. На восточном склоне хребта Ливан известны только скопления в скальном укрытии Ябруд II. Ни на Синае, ни в арабско-сирийской пустыне не обнаружено никаких ориньякских скоплений.

Каменные скопления центрального Леванта свидетельствуют о сочетании двух способов раскалывания камней. Преобладающая техника – это производство толстых отщепов и толстых пластин. Большая часть этих заготовок затем превращалась в концевые скребки, скребки со спинкой и скребки с рыльцем, резцы и ориньякские пластины. Другая техника, хотя и более редко применяемая, состояла в том, чтобы отколоть тонкие пластины или пластинки, многие из которых затем ретушировались

для получения остроконечников типа Эль-Вад. Стратиграфический анализ показал, что острия Эль-Вада встречаются реже в позднюю фазу ориньякской культуры Леванта (Garrod, 1957). Эти острия, служившие, вероятно, наконечниками для дротиков или другого метательного оружия (Bergman, 1981; Bergman & Newcomer, 1983), были, по-видимому, заменены на двойные остроконечники из оленьих рогов. Скребки с рыльцем прошли ту же эволюцию, и их количество постепенно уменьшалось. Хотя этому традиционно придается культурное значение, присутствие (или отсутствие) таких орудий в различных скоплениях может также объясняться проблемами применения рукоятки. В периоды, характеризующиеся отсутствием сырья или уменьшением числа патинированных от долгого употребления орудий (Belfer-Cohen & Bar-Yosef, 1981). В горной местности Неgev, где места охоты, собирательства и проживания находились вблизи кремневых залежей, были найдены только грубые концевые скребки, без их варианта с рыльцем.

Скопления сколов, которые с точки зрения стратиграфии, находятся выше типичных следов ориньяка Леванта, часто характеризуются обилием усеченных резцов, выполненных на усеченных сколах, как показывают количественные исследования уровней Ксар-Акил 6, Наал-Айн-Гев I, Фазаэль IX, Эль-Киям 10–11 и других местонахождений (Neucomer, 1971; Goring-Morris, 1980; Ecbegaray, 1964/6). Однако датировать эти скопления сложно, иногда невозможно даже определить хронологические и культурные отношения, существующие между местонахождениями ориньяка Леванта и поздними поселениями открытого типа. Другие скопления, обнаруженные на плато Неgev, в местах, подверженных ветровой эрозии (Marks & Ferring, 1977), образуют комплекс, который иногда называют «группой Арков-Дившон» (Gilead, 1981). Были также найдены скопления в Кадеш-Барнеа и на западе Синая (Gilead, 1983).

Таким образом, типичная ориньякская культура Леванта лучше представлена в центральном Леванте. Так как большинство коллекций собраны в пещерах или скальных укрытиях, то сохранилось много предметов из кости и оленьего рога. Европейская техника «прорезей и вставок» нигде не проявилась в этом районе. Орудия, вырезанные кремневым инструментом, часто носят следы «дрезбежания инструмента» (Neucomer, 1974). Эти орудия – шилья, простые или двойные остроконечники (часто сделанные из оленьих рогов), лопатки и др.

Почти во всех скоплениях есть каменные плитки, которыми пользовались для смешивания красного и черного красителей. Две тонко выправленные плитки из известняка обнаружены в пещере Хайоним и представляют собой результаты редкостной художественной деятельности. На одной из них (лучше сохранившейся) изображено животное, похожее на лоняда (Belfer & Bar-Yosef, 1981).

Человеческие окаменелые остатки, непохожие на намеренное захоронение, найдены в Эль-Ваде, Хайониме и Кебаре. Единственная могила обнаружена в Наал-Айн-Геве I в контексте, относящемся к производству, в котором преобладали резцы. Был найден скелет женщины 30–35 лет, лежащей в согнутом положении на правом боку; в заполнителе могилы обнаружено несколько роговых стержней газелей. Физические характеристики этой женщины очень напоминают морфологию европейцев верхнего палеолита и более поздних протожителей Средиземноморского побережья Юго-Западной Азии (Arensburg, 1977).

Кости животных хорошо сохранились в пещерных поселениях и на открытых стоянках, расположенных в поясе средиземноморской растительности (Hooijer, 1961; Davis, 1982). Они, по-видимому, принадлежат тем видам животных, на которых охотились в конкретном районе. В лесистых горах района Ксар-Акил водились в основном лани, козы и каменные бараны, тогда как обитатели пещеры Хайоним охотились в основном на газелей. В районе Айн-Гев, на востоке Тивериадского озера, были лани и особенно много газелей; в местонахождении Фазаэль IX (в долине в нижнем течении р. Иордан) преобладающими видами животных были газели и лани.

Учитывая изменения окружающей среды в течение этого периода, а также незначительное число опубликованных подробных исследований, трудно определить, какие культурные факторы влияли на выбор дичи охотниками из имеющегося разнообразия. Проводимые в Израиле, Иордании и Сирии раскопки должны предоставить в будущем более убедительные данные.

ПРОИЗВОДСТВО ПЛАСТИН И ПЛАСТИНОК И ПЕРЕХОД К ЭПИПАЛЕОЛИТУ

Некоторые стратиграфические данные из Ксар-Акила, Ябруда III и других стоянок показывают, что посториньякское производство отщепов в Леванте сменилось производ-

ством пластин и пластинок, характеризующим позднюю фазу ахмарской традиции (Gilead, 1981, Marks, 1981). Хотя продолжалось производство отщепов (которое во всех каменных производствах остается одним из основных способов раскалывания камня), по большинству скоплений видно, что именно пластины были выбраны основой для вторичной отделки. Например, в разных местах на стоянке Айн-Акев (радиометрический возраст которой 17 тыс. лет) преобладает инвентарь из отщепов, но в целом наблюдается тенденция к увеличению количества орудий из пластин и пластинок.

На самых древних стоянках, отнесенных к этой фазе, еще находят острия типа Эль-Вад. Однако большинство орудий – это пластины или пластинки со спинкой, с крутой, полукруглой и тонкой ретушью. В некоторых скоплениях нуклеусы со спинкой или резцы со спинкой, от которых отделяли изогнутые пластинки, могут рассматриваться как следы ориньякской технологической традиции.

Костяные орудия редки и относятся в основном к категории остроконечников. В Ксар-Акиле было найдено особое острие с пятью рядами коротких поперечных надрезов (Tixier, 1974). Похожий предмет с резным зигзагообразным рисунком обнаружен в уровне II в Джайте II, современном комплексу Ксар-Акила (Copeland & Hours, 1977). На разных стоянках найдено много жерновов, часто с пятнами красной охры.

Распространение стоянок и их размеры не отличаются от предыдущего периода. Стоянки продолжают подразделяться на две категории: одни имеют площадь менее 100 кв. м, другие занимают сотни квадратных метров. Судя по скоплениям костей животных, охота также не изменилась.

Переход от палеолита к периоду, называемому в Юго-Западной Азии эпипалеолитом, определен на теоретической основе. Микролитические производства Северной Африки исторически считались эпипалеолитическими, до того как определили их возраст радиометрическим способом. Затем Перро (Perrot, 1968) предложил распространить данное название на микролитические производства Леванта. Это казалось логичным в то время, когда определили, что верная для Европы формула «мезолит – микролиты – постледниковый период» неприменима к Западной Азии. Кроме того, в 1960-е гг. еще не было известно, что некоторые левантские производства верхнего палеолита содержали большую долю ретушированных пластинок. Кебарское производство микролитов, которое Гэррод и Невилль описали в 1930-е гг., рассматривалось как древний эпипалеолит. И только в 1970-е гг. заметили, что кебарская культура (рис. 68) на самом деле включала два комплекса микролитов. Название «Кебара» оставили за более ранним из этих комплексов, который дал очень мало геометрических микролитов. Другой комплекс был назван «геометрическим Кебара», потому что микролиты имели в основном геометрические формы: трапеции, прямоугольники, реже треугольники или криволинейные сегменты (Bar-Yosef, 1975).

Если использовать некоторые радиоуглеродные даты, к которым относили культуру Кебара, то по этой периодизации эпипалеолит начался около 19 тыс. лет назад с культуры Кебара, на смену которой к 14–14,5 тыс. лет назад пришла геометрическая культура Кебара и современные ей производства, а закончился появлением натуфийской культуры к 12,5 тыс. лет назад (Bar-Yosef, 1975, 1981; Henry, 1983). Было предложено изменить название основных фаз на эпипалеолит I (с 19 до 12,5 тыс. лет назад) и эпипалеолит II (с 12,5 до 10,5 тыс. лет назад), или на натуфийскую и современные ей культуры (Moore, 1985). Другие считали, что эпипалеолит установился, когда произошли более четкие типологические изменения геометрической культуры Кебара (Gilead, 1983). Если оценивать социально-культурные изменения, учитывая одновременно условия обитания, площадь стоянок, хозяйственную деятельность, стратегию выживания

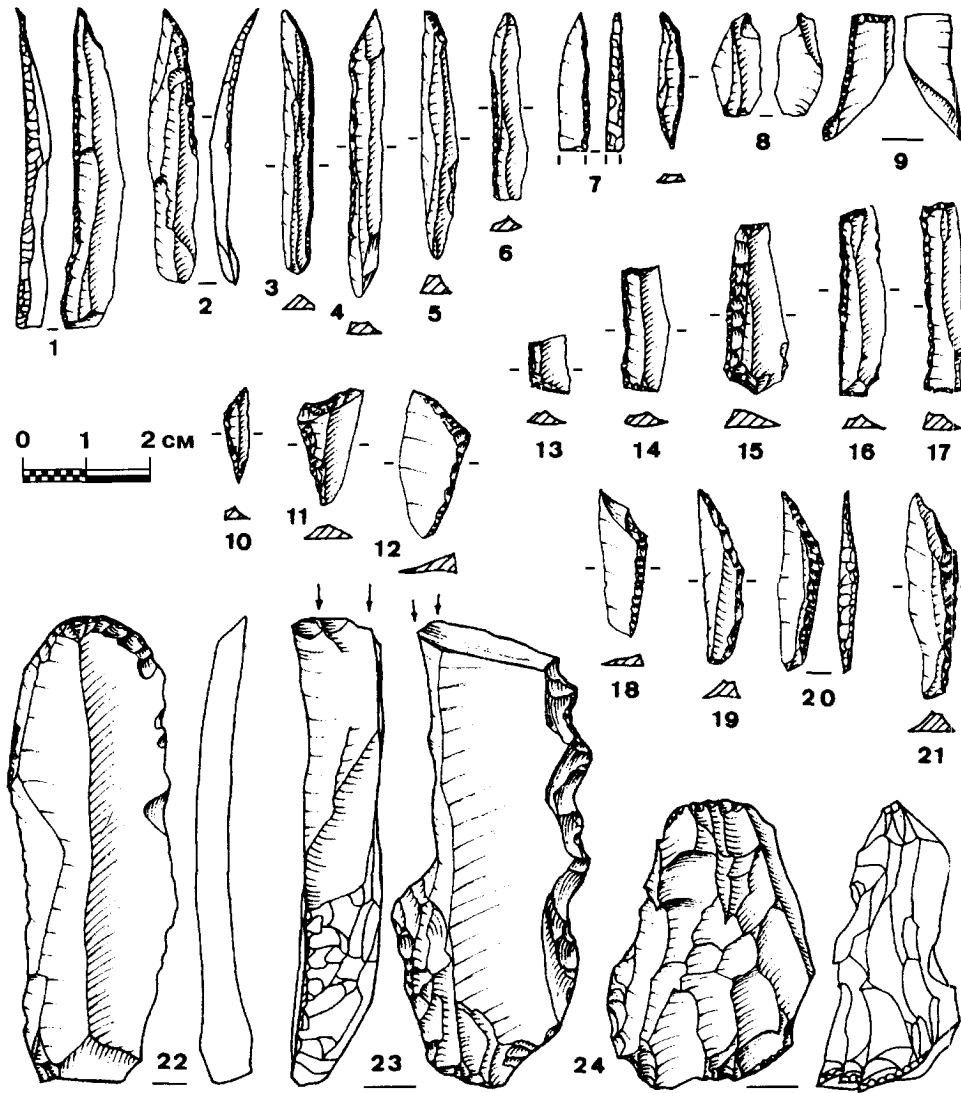

Рис. 68. Артефакты культуры Кебара, геометрической культуры Кебара и мушабийской культуры; культура Кебара: 1 – остроконечник Фалита; 2–5 – изогнутые и укороченные пластинки со спинкой (остроконечники Кебара); 6 – пластинка с изломами, частично со спинкой; 7 – острие микрограветтского типа с изломами и малый изогнутый микронаконечник; 8 – микролезвие, геометрическая культура Кебара; 9 – резец Круковского; 10–12 – треугольники; 13 – прямоугольник (с изломами); 14, 16, 17 – трапеции-прямоугольники; 15 – ассиметричная трапеция; мушабийская культура: 18 – острие Ла-Муя; 19–21 – пластинки с выгнутой спинкой; общий тип: 22 – концевой скребок на пластине; 23 – резец ретушированный зубчатый; 24 – нуклеус для производства пластинок

ния и т.п., то становится ясно, что только с началом натюфийской культуры левантийские общины действительно отходят от образа жизни, характерного для палеолита, становятся оседлыми и, возможно, начинают обрабатывать землю.

Специалисты Западной Азии продолжают применять термин «эпипалеолит» в его первоначальном значении 1960-х гг. Но преднатюфийский эпипалеолит должен приниматься во внимание при рассмотрении всей верхнепалеолитической последовательности.

КОМПЛЕКС КЕБАРА (рис. 68)

Сначала археологи определили кебарский комплекс по характеристикам его каменного производства, хроностратиграфическому положению и географическому распространению в средиземноморском Леванте.

В этом районе известны уже более 30 стоянок, включая стратифицированные, которые содержат несколько скоплений, и изолированные единичные стоянки. Деталь-

ные сведения о более чем 50 обнаруженных на этих стоянках скоплениях доступны в виде окончательных или предварительных отчетов (см., например, *Rust*, 1950; *Hours*, 1973, 1976; *Saxon et al.*, 1978).

Кебарская техника основана на том, что от нуклеусов, чаще всего одноплащадочных, отделялись пластинки, затем из этих пластинок делались различные узкие микролезвия (чаще всего шириной от 4 до 7 мм). Местные вариации данной технологии еще глубоко не исследованы. Производство пластинок на левантийском побережье было очень ограниченным. Остроконечники Фалита, сделанные часто из пластин, появляются главным образом в Сирии и Иордании, где сопровождаются другими видами пластин со спинкой.

Что касается техники обработки, то, вероятно, ретушь (лицевой и обратной стороны), сначала тонкая и полукрутая, постепенно заменялась крутой ретушью.

Наличие микролезвий в большинстве кебарских скоплений рассматривается как случайный факт. Однако на некоторых стоянках, например, в уровнях 6–5 Нагал-Хадера V, эти микролезвия являются, вероятно, свидетель-

ствами целенаправленной обработки (*Saxon et al.*, 1978), напрямую связанной с производством треугольных микролитов.

Типологические вариации, существующие внутри кебарского комплекса, еще не полностью проанализированы. Археологи разделили израильские стоянки на следующие четыре группы, определив их, соответственно, по преобладанию различных типов микролитов (*Bar-Yosef*, 1981):

- A* – микроострия узкие изогнутые, часто усеченные в основании, сопровождаемые пластинками с тонкой ретушью;
- B* – пластинки со спинкой, изогнутые и заостренные, ретушированные и иногда усеченные в основании;
- C* – узкие изогнутые микроострия и пластинки со спинкой с косым усечением;
- D* – пластинки со спинкой и косым усечением, иногда в сопровождении узких изогнутых пластинок с крутой или полукрутой ретушью.

По стратиграфическим съемкам, проведенным в Ябруде III, Джиите, в пещере Хайоним, в Нагал-Хадере V и Фазаэле III, можно предположить, что группа *D* более поздняя, чем группа *C*. Вероятно, группы *A* и *B* появились раньше; но так как местонахождения группы *A* расположены, как правило, очень близко друг к другу (максимальное расстояние – 50 км), предполагается, что группа *A* является региональным археологическим признаком отдельной группы охотников-собирателей. Эта гипотеза о местных вариациях подтверждается раскопками в Айн-Гева I и II: основная техника, используемая в данных местонахождениях, и, в частности, появление остроконечников Фалита относят их к району, расположенному восточнее долины р. Иордан. Две иорданские фации поздней кебарской эпохи получили название Калхан и ранний Хамран (*Henry*, 1983).

Кебарские стоянки дали мало костяных орудий. В основном это острия и инструменты для полировки. Одно из таких острий, найденное в скальном укрытии Джиита, замечательно тем, что оно украшено резными зигзагообразными рисунками (*Copeland & Hours*, 1977).

Исследование новых кебарских стоянок постоянно выявляет предметы из отшлифованного камня, чаще всего чаши, ступы, чашеобразные предметы, а также различного вида пестики. Эти емкости для растирания свидетельствуют о приготвлении не только охры, но и различной, еще неидентифицированной растительной пищи; ступы и чаши использовались, вероятно, чтобы толочь обжаренные бобы, зерна диких злаков или желуди. К сожалению, на стоянках, где были обнаружены эти предметы, не сохранился древесный уголь, который позволил бы их датировать.

В редких остатках морских моллюсков, найденных на кебарских стоянках, преобладают средиземноморские раковины. Кости животных, найденные на стоянках в разном количестве, дают нам сведения об окружающей среде. Так, обитатели Айн-Гева I охотились на ланей на лесистом плато Голан, на каменного барана в скалистых местах, на газелей в узкой равнине, окружающей Тиверидское озеро. Остатки птиц редки.

Обнаружено единственное захоронение в Айн-Гева I – могила женщины 30–35 лет, лежащей в полусогнутом положении (*Arensburg & Bar-Yosef*, 1973). Два других погребения были найдены около Каср-Харанеха на стоянке, которая скорее всего датируется кебарским возрастом (*Mubeisen*, 1983; *Rolston*, 1982). Один из скелетов принадлежит, видимо, взрослой особи, предположительно мужчине. В другой могиле – останки взрослого мужчины 35–45 лет, лежащего на спине, с выпянутыми вдоль тела руками; возле черепа найдены два роговых стержня газели; палеопатоло-

ги считают, что этот человек страдал различными костными заболеваниями.

Из-за небольшой площади, охватываемой раскопками, трудно определить размеры кебарских стоянок. Однако приблизительные размеры некоторых стоянок известны – либо благодаря тому, что раскопки были проведены полностью, либо благодаря тому, что заметен их контур. Площадь временных стоянок, занимаемых многократно, но каждый раз на небольшое время (например, пещеры Хайоним и Сефуним), составляет от 14 до 25 кв. м. В Айн-Гева I неглубокая яма диаметром 5–7 м использовалась многократно для установки хижины или навеса из органических материалов. С учетом окружающей ее территории, усеянной остатками, общая площадь стоянки – от 100 до 150 кв. м. В то же время считается, что занимаемая площадь в пещере Кебара и в гротах Джиита и Ксар-Акил – 200–350 кв. м, но, возможно, эти цифры завышены. Особенно трудно определить площадь стоянок открытого типа в прибрежной израильской равнине. Действительно, во многих случаях из-за эрозии в кебарскую эпоху (между периодами заселения) и после нее изменилось распределение площадей. Отсутствие всякой структуры или конструкций, например очагов, мешает с точностью идентифицировать главные зоны деятельности и, следовательно, оценить действительные размеры этих стоянок.

С географической точки зрения кебарские стоянки делятся на две категории, в зависимости от их расположения – на равнине или в горах. Большинство стоянок береговой равнины сконцентрированы вдоль сухих долин (вади), часто в нескольких сотнях метров от моря, на уровне первой гряды песчаных холмов, параллельной берегу. Так как в кебарское время (эпоха максимального похолодания в конце последнего оледенения) берег был примерно на 10–15 км западнее современного побережья, эти стоянки находились посреди прибрежной равнины, приблизительно на высоте 150–200 м над уровнем моря. В устьях некоторых вади в долине р. Иордан находят аналогичные стоянки с обширной площадью или с большой плотностью заселения, которые являются характерными для сухих долин. Все эти стоянки, сгруппированные вдоль низменных сухих долин, рассматриваются как «ключевые территории», которые можно определить как кебарские (*Bar-Yosef*, 1975).

Стоянки на возвышенности гораздо менее известны. Они располагаются на высоте от 400 до 1200 м над уровнем моря, их ограниченная площадь (25–50 кв. м) заставляет предположить, что их занимали только летом.

Общее географическое распространение кебарских стоянок показывает, что их обитатели предпочитали зону средиземноморской растительности, и подтверждает предположение, что в ту эпоху в Леванте был холодный и относительно сухой климат. Обширная разведка, проведенная в Израиле и Иордании, выявила, что пустынные регионы в то время почти не были заселены.

ГЕОМЕТРИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КЕБАРА (рис. 68)

Стратиграфические съемки, подкрепленные многочисленными датировками методом углерода-14, позволили определить возраст геометрического комплекса Кебара в 14,5–12,5 тыс. лет. Геометрические микролиты, характеризующие эту культуру, имеют форму трапеции или прямоугольника. Обнаружение большого числа треугольных и серповидных инструментов на некоторых современных стоянках (таких, как поселения средней и поздней фазы культуры Хамран в Иордании) означает либо то, что геометрический Кебара содержал разные фации (*Bar-Yosef*, 1981), либо в ту же эпоху в этом регионе были две отдельные культурные группы (*Henry*, 1983).

С технологической точки зрения кебарскому геометрическому комплексу недостает единства. Наблюдаемое разнообразие требует более тщательного изучения количественных и качественных характеристик. Первое исследование позволило различить внутри геометрического комплекса две группы производств. Одна группа характеризуется производством узких пластинок, которые продолжают традицию Кебара, а другая – более широкими пластинами и пластинками. Более узкие трапеции и прямоугольники являются отличительной чертой первой группы, более широкие – второй. Кроме того, во всем комплексе наблюдается увеличение числа концевых скребков.

В типологии можно отметить разделение скоплений на две группы: одна содержит в основном микролиты в виде трапеций и прямоугольников, но включает и другие типы микролитов; другая состоит исключительно из микролитических трапеций и прямоугольников. Последний тип скоплений часто встречается в полуаридном регионе Негев и на севере Синая (*Bar-Yosef & Phillips, 1977; Goring-Morris, 1985*).

Некоторые стоянки геометрического комплекса Кебара, расположенные в зоне средиземноморской растительности, дали различные инструменты из отшлифованного камня – пестики, ступы и чаши из известняка и базальта.

Встречаются раковины, часто с берегов Средиземного моря, что также указывает на продолжение кебарской традиции. Эти раковины были найдены в глубине материка на землях до южного Синая.

В Нев-Давиде около Хайфы обнаружено захоронение мужчины 25–30 лет, лежащего в согнутой позе на правом боку (*Kaufman, 1985*). Его могила была отмечена двумя рядами крупных камней, среди которых находились фрагменты ступы и чаши из камня; плоский точильный камень помещался между ног мужчины.

Из-за малых размеров раскопок, эрозии стоянок и плохой сохранности костных остатков в песчаных слоях мы мало знаем о хозяйственной деятельности охотников-собираателей геометрической кебарской культуры. Остатки копытных, найденные на стоянках, принадлежат в основном газелям, но были извлечены также кости ланей, кабанов и каменных баранов.

Площади местонахождений сопоставимы с площадью стоянок Кебара. Самые малые – от 15 до 25 кв. м, но некоторые достигали 100–150 кв. м. Стоянки, расположенные в лесных средиземноморских зонах, часто имели большую площадь, некоторые – до 400–800 кв. м.

Зона распространения геометрической культуры Кебара охватывает северо-восток Сирии, Ливан, восточные склоны хребта Ливан, Галилею, гору Кармель, долину р. Иордан, плато Трансиордании, прибрежную равнину, Негев и Синай. Она включает как горные районы, так и пустыни. Стоянки сконцентрированы в прибрежной равнине, в долине Иордана и в иорданских оазисах. Вырисовывающаяся картина демонстрирует в общем такое же использование ресурсов, как и в комплексе Кебара. Однако наличие стоянок геометрической культуры в аридной или полуаридной зоне может свидетельствовать об улучшении климата, которое позволило охотникам-собираателям проживать на территориях вплоть до пустынь.

В заключение можно отметить, что численный состав групп остался приблизительно таким же, как и в эпоху Кебара. Ясно видно, что кебарская традиция сохранилась несмотря на технологические новшества, характерные для геометрического периода. Географическое размещение стоянок показывает расширение их распространения, которое приписывают улучшению климатических условий, позволившему приспособить традиционные способы выживания к условиям пустыни.

КОМПЛЕКС МУШАБИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ (рис. 68)

Пустынные окраины Леванта недавно стали предметом крупных исследований в полевых и лабораторных условиях (*Marks, 1977; Bar-Yosef & Phillips, 1977; Henry, 1983; Goring-Morris, 1985; Garrard et al., 1986*). Некоторые археологические общности были выделены по их техническим и типологическим характеристикам и датированы донатуйским периодом (около 14–12,5 тыс. лет назад). Исследователи раскопали или нашли на поверхности земли в Негеве и Синае многочисленные следы одной из этих лучше всего определенных культур – мушабийской. Радиометрические анализы поместили эту культуру между 14 и 12,75 тыс. лет до настоящего времени. Каменное мушабийское производство характеризуется короткими и широкими пластинками, из которых делали вогнутые или усеченные пластинки со спинкой и остроконечники типа Ла-Муйях. Применение техники микрорезцов оставило довольно многочисленные следы. Стоянка Джебель-Магара дала два костяных орудия и фрагменты чаши, используемой для дробления и растирания. Пестик из известняка был найден на соседней стоянке, единственной из всех заселявшей несколько раз; учитывая ее топографическое положение, речь может идти о зимнем поселении. Большинство краткосрочных стоянок имели площадь от 50 до 150 кв. м; на хорошо сохранившихся стоянках можно увидеть, что в них было по одному очагу.

Производство мушабийской культуры удивительно схоже с технологиями некоторых североафриканских культур. Интенсивное применение техники микрорезцов и изготовление остроконечников типа Ла-Муйях считаются, впрочем, чертами африканского происхождения.

Поздний мушаб Негева (называемый одно время «кебарской культурой Негева») подразделяется на две фазы – Хариф и Хельван. Производство пластинок со спинкой без усечения или с косым усечением (эти последние часто имели вогнутую спинку) и интенсивное использование техники микрорезцов – общая черта для обеих фаз. Фаза Хельван отличается характерными серповидными орудиями (полученными двусторонней ретушью), что позволяет считать ее современной ранней натуйфской культуре.

Морские моллюски, обнаруженные на этих стоянках, показывают связь как с Красным, так и со Средиземным морем. Кусочки кварца, найденные на стоянках Джебель-Магара, также свидетельствуют об обмене, который происходил между этим районом и югом Синая.

Другие культуры были обнаружены в некоторых местах на юге Иордании (*Henry, 1983*). Так, микролитическое производство Калхан, где преобладали прямые и усеченные пластинки со спинкой, имела особый тип треугольных остроконечников, полученных с применением микрорезцов. Культура Хамран, в которой различают четыре фазы (ранний, средний, поздний и заключительный Хамран) прошла подобное развитие между концом Кебара и появлением Натуйф. Средний Хамран, довольно схожий с геометрической культурой Кебара, поставляет уже большое количество серповидных изделий с кругой ретушью, которые будут преобладать в производстве микролитов заключительного Хамрана.

Зона распространения мушабийских производств и сходных с ними ограничивается аридными и полуаридными зонами. Большинство поселений расположены на равнинах. Стоит отметить, что в Негеве, Синае и на юге Иордании эти стоянки, прежде чем они подверглись эрозии, имели площадь, не превышающую 150 кв. м, что явно указывает на то, что группы их обитателей были пока немногочисленными.

ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ И ЭПИПАЛЕОЛИТ В ИРАНЕ

К сожалению, мы еще мало знаем о верхнем палеолите и эпипалеолите в большинстве районов Западной Азии, кроме Леванта.

Имеющиеся в настоящее время публикации дают некоторые сведения о находках, обнаруженных в Турции и Ираке. Но большая часть информации касается района Загрос в Иране, на юго-западе Иранского нагорья, к которой добавляется и исследование стоянок иракского Загроса, где были проведены раскопки (Smith, 1986).

Обобщая палинологические исследования, можно сделать заключение, что холодный и сухой климат был в большей части этого региона до 14 тыс. лет назад – в эпоху, когда начинаются климатические изменения, отмечающие конец верхнего плейстоцена. Только в южных зонах вдоль побережья Персидского залива климат был более мягким. Исследованные стоянки в Загросе выявили археологические следы, показывающие более или менее непрерывную последовательность производств, относящихся к верхнему палеолиту и эпипалеолиту. Несмотря на глубокие исследования, проведенные на берегах Каспийского моря и на Иранском плато, там не смогли, как надеялись, обнаружить памятники, датируемые самым началом верхнего палеолита. Действительно, радиометрические анализы указывают, что самые древние образцы относятся к 40 тыс. лет назад, как и в Леванте.

Известные в настоящее время стоянки верхнего палеолита – это в основном пещеры или скальные укрытия, хотя существует несколько стоянок открытого типа. Открытые стоянки содержали скопления пластин или пластинок, которые еще не были описаны, а о раскопках в пещерах уже составлены подробные отчеты. Основная последовательность каменных скоплений была названа барадосской (Solecki, 1963). Предварительно ее разделили на раннюю фазу (между 40 и 32 тыс. лет назад) и позднюю (32–22 тыс. лет назад) (Hole & Flannery, 1967). Каменные скопления содержат в основном пластины, но отмечается также постепенное увеличение числа пластинок. Резцы являются самым распространенным типом орудий. Найдены концевые скребки, несколько орудий со спинкой, ретушированные пластинки, остроконечники типа Ардженех (сравнимые с орудиями Эль-Вада), а также кирки, рубила и жернова. На этих жерновах чаще всего есть пятна красной охры, но они могли служить и для приготовления растительной пищи. Редкие костяные орудия являются в основном наконечниками. Животные, на которых охотились, – козы, бараны, олени, дикие быки и куланы (онагры).

Накоплено мало сведений о распространении стоянок верхнего палеолита. Удивительно, но они немногочисленны, как и в Леванте. По их топографическому распространению можно предположить, что обитатели Загроса проводили лето в более высокогорных районах. Нельзя исключить, что некоторые стоянки покрылись затем отложениями, – этим можно объяснить тот факт, что их обнаружено так мало, – но очень суровый климат, господствовавший на стадии Эмилиани 2 максимального похолодания во время последнего оледенения, мог препятствовать заселению высокогорных территорий Загроса.

Относительно более многочисленны эпипалеолитические стоянки, считающиеся таковыми, поскольку они содержат микролитические скопления, но возраст которых подтвержден очень малым числом радиометрических анализов. Вероятно, эпипалеолит произвел несколько «культурных фаций», но единственная хорошо известная – зарзианская (Solecki, RL. & Solecki, RS. 1983). Эта культура развивалась между 15 и 12 тыс. лет назад, т.е. в эпоху, которая совпадает с отмеченным улучшением климата в этом регионе – с постепенным повышением температуры и увеличением количества осадков.

Раннее зарзианское производство характеризуется ретушированными пластинками со спинкой; позднее – появлением геометрических микролитов, особенно треугольных, использованием техники микрорезцов, ретушированными пластинками со спинкой, шильями, концевыми скребками и различными выемчатыми и зубчатыми орудиями (Garrod, 1930; Braidwood & Howe, 1960; Young & Smith, 1966; Wabida, 1981). Есть орудия редкой формы – остроконечники с плечиком. Надо отметить наличие жерновов, а также подвесок и бусин. Морские раковины были принесены из удаленных районов, а обсидиан появился из Восточной Анатолии.

Найденные кости животных свидетельствуют о некоторой специализации в охоте. Так, жители Зарзи охотились на коз, баранов и газелей, жители Шанидара – на коз и баранов, а обитатели Палегавра и Варваси – на куланов. В пищу шли также улитки, режа – рыба. Остатки одомашненной собаки найдены в Палегавре (Turnbull & Reed, 1974).

Стоянки Загроса встречаются на всех высотах, в скальных укрытиях и в аллювиальных долинах. Это доказывает, что для поисков пищи люди использовали весь этот район. Малочисленность следов наводит на мысль о дихотомическом делении летних и зимних поселений, как и в Леванте (Smith, 1986).

НАТУФИЙСКАЯ КУЛЬТУРА И СОВРЕМЕННЫЕ ЕЙ КУЛЬТУРЫ

Первоначально Гэррод и Невилль определили натуфийскую культуру на основе своих находок на горе Кармель и в гротах и навесах Иудейской пустыни. В 1950-е гг. были обнаружены стоянки открытого типа, а также слои этой культуры на самых нижних уровнях неолитических курганов в Иерихоне, Бейдхе, Мурейбете и Абу-Хурейре (Valla, 1975; Bar-Yosef, 1983). Следовательно, географически эта культура распространяется на зону средиземноморской растительности с некоторыми выходами в более засушливый ирано-туранский пояс. Небольшие временные стоянки, расположенные по краю Синая и сирийско-арабских пустынь, указывают на зависимость этой культуры в основном от лесистого района средиземноморского Леванта, где люди находили средства к существованию. Ранее предполагалось, что следы натуфийской культуры обнаружены также в долине Нила и в Анатолии, но эта гипотеза не нашла подтверждения.

Хронологические рамки натуфийской культуры основываются как на радиоуглеродных датировках, так и на типологических наблюдениях. Радиометрические даты показывают, что эта культура появляется 12,8–12,5 тыс. лет назад и заканчивается 10,5–10,3 тыс. лет назад (Bar-Yosef, 1983). Она была разделена учеными на ранний натуф и поздний натуф (Garrod & Bate, 1937; Henry, 1983; Valla, 1984).

Ранний натуф характеризуется наличием жилых построек, индивидуальными и коллективными захоронениями, многочисленными каменными орудиями для дробления, предметами искусства, широким производством артефактов из костей (рис. 69) и преобладанием микролитов в каменных скоплениях (часто от 40 до 80%, включая сегменты типа Хелуан) (Valla, 1984; Bar-Yosef, 1983). Что касается технологических характеристик, то преобладание коротких и широких пластинок, а также часто встречающиеся отщепы наводят на мысль, что люди эпохи натуф меньше пользовались пластинами, чем их предшественники. Использование техники микрорезца, считающееся раньше хронологическим указателем, теперь рассматривается скорее как «атрибут группы» (Bar-Yosef & Valla, 1979), который то присутствует, то отсутствует в условиях как раннего, так и позднего натуфийского периода.

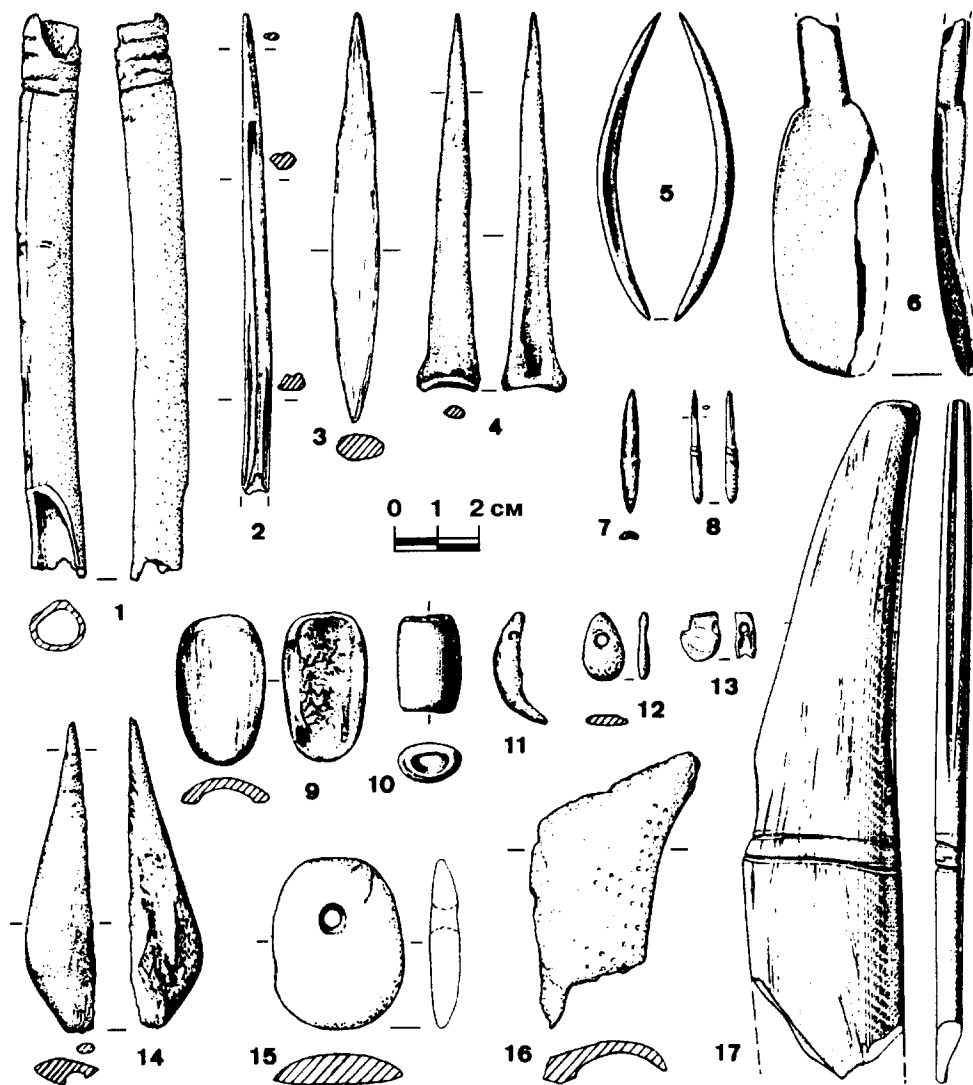

Рис. 69. Артефакты из кости, относящиеся к натufийской культуре: 1 – кость с надрезами; 2, 14 – костяные остроконечники; 3, 5 – двойные остроконечники; 4 – остроконечник из суставной части кости; 6 – костяной черпак; 7, 8 – детали ожерелья или небольшие двойные остроконечники; 9 – овальный сплошной сегмент; 10 – костяная бусина; 11, 12, 15 – подвески; 13 – подвеска из фаланги газели; 16 – кость, украшенная несквозными отверстиями; 17 – сломанная ручка серпа

Поздний натuf имеет те же характеристики в отношении жилых построек, индивидуальных захоронений, художественной продукции, но его костяное производство кажется беднее. Каменные скопления носят более стандартный характер – это микролиты и обилие сегментов (с круглой и биполярной ретушью).

Ф. Валла (Valla, 1984) предложил более детальное деление, основанное на подробном анализе сегментов и их размеров. Он делает различие между ранним, поздним и заключительным натufом и обращает внимание на уменьшение размеров сегментов.

Так как изучение натufийской культуры началось с того места, которое предположительно является ее «ключевой зоной» (Stordeur, 1981) и распространилось затем на другие районы, включая Негев, сирийско-арабские пустыни и долину Евфрата, то дополнительно обнаруживаемые стоянки относились к данной культуре по наличию сегментов. Следовательно, важно точно очертить географическую зону этой культуры. Если признавалось, что были «базовые лагеря» или зарождающиеся деревни, как, например, Эйнан или грот и терраса Хайоним, то модель поселения могла включать также сезонные или временные лагеря, расположенные на разумном расстоянии от основных. Стоянки с микролитическими комплексами, в кото-

рых преобладали сегменты и производство микрорезцов, если они располагались более чем в 20–30 км от ключевой зоны культуры, могут с вероятностью рассматриваться как современные этой культуре, но необязательно относящиеся к ней.

Очень часто натufийские базовые лагеря располагаются в промежуточном районе между средиземноморской и ирано-туранской зонами растительности (Henry, 1983; Bar-Yosef, 1983). Лучший пример такого лагеря – Эйнан (Маллаа), раскопки в котором проводились на площади более чем 400 кв. м. Там найдены основательно построенные жилища (Perrot, 1966; Valla, 1981) – дома из неотесанного камня, поставленные на склоне, частично углубленные в землю, 4–9 м в диаметре; здесь можно видеть следы применения примитивной штукатурки. В доме (илл. 46) несколько ям для столбов расположены полукругом примерно в 1 м от стены и указывают, вероятно, на способ устройства крыши (Valla, 1981). Внутри пещеры Хайоним было оборудовано несколько круглых комнат диаметром 2–3 м (Bar-Yosef & Goren, 1973). Одна из этих конструкций служила для обжига известняка. Остатки довольно большого количества пестиков, найденные в пещерах Хайоним и Эйнан, указывают, что люди натufийской культуры использовали известковую штукатурку.

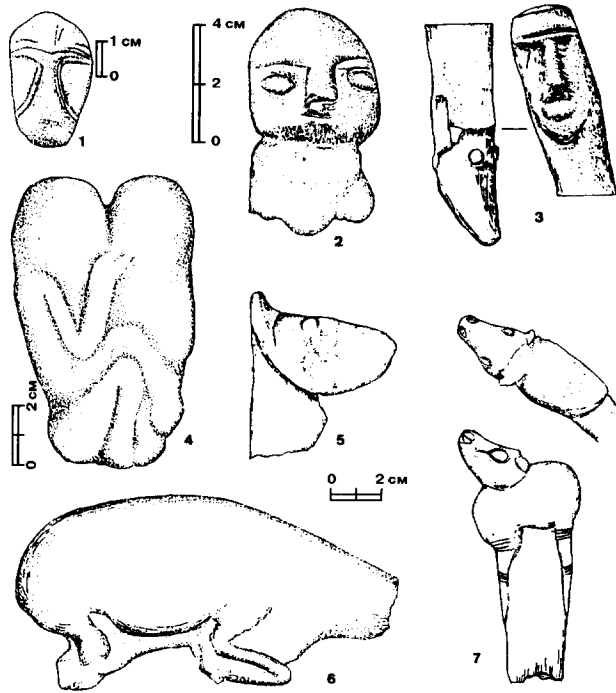

Рис. 70. Предметы натufийского искусства из Западной Азии: 1 – резное изображение лица человека на гальке (Маллаа); 2 – фигурка человека из известняка (Эль-Вад); 3 – предмет из кости с двойным изображением лица человека и морды копытного животного (Нагал-Орен); 4 – сцена соития, известняк (Айн-Сахри); 5 – голова газели, кость (Нагал-Орен); 6 – лежащая газель (?), известняк (Ум-эз-Зувейтина); 7 – костяной черенок серпа с изображением молодого копытного животного (Эль-Вад)

Фрагментарные остатки конструкций, вероятно, круговых или овальных жилищ, были найдены в Рош-Зин и Рош-Хореша на плато Негев (Henry, 1976; Marks & Larson, 1977). Можно надеяться, что раскопки натufийских стоянок в Иордании и Сирии дадут дополнительные сведения о постройках, относящихся к этой культуре.

В основных натufийских лагерях часто встречаются захоронения – это значит, что обитатели владели определенной территорией в лагере и его окрестностях. Могилы этой ранней культуры часто коллективные, вероятно, семейные; они содержат скелеты с личными украшениями. Тела лежат то на спине, то в согнутом или полусогнутом положении (Perrot, 1966; Bar-Yosef & Goren, 1973). Могилы поздней натufийской культуры часто индивидуальные, тела лежат в согнутом положении (илл. 47). В пещере Хайоним отдельные выемки в необработанной скале указывали на места захоронения. Подобные же указатели – «каменные трубки» – есть в Нагал-Орене и на террасе Хайоним (это отверстия 60–80 см глубиной, часто с разбитыми ступками). В захоронениях есть признаки социальной иерархии (Wright, 1978), что указывает на усложнение общественных отношений (Henry, 1985).

На большинстве натufийских стоянок находят скопления морских раковин, напрямую связанных с украшением тела или с предметами обихода. Преобладают раковины *Dentalium*, в изобилии встречающиеся на побережье Средиземного, реке Красного моря или как ископаемые в плиомиоценовых формациях (Bar-Yosef, 1983). На стоянках Негева также найдены некоторые виды раковин Красного моря, но количество средиземноморских раковин всегда больше. Обилие этих раковин указывает на растущий обмен внутри групп или между группами – важный механизм выживания для первых оседлых общин.

Примером обмена на дальние расстояния служат бусины из земного нефрита, которым приписывают обы-

но сирийское происхождение, найденный в верхнем слое Эйнана анатолийский обсидиан и раковины *Aspatbaria* нильского происхождения (Reese et al., 1986). Большинство этих предметов обнаружены в незначительном количестве (Valla, 1984; Bar-Yosef, 1983).

Предметы искусства (рис. 70) редки; они включают резные фигурки молодых газелей на черенках серпов, небольшие довольно схематичные фигурки людей, зооморфные фигурки или изображения животных, таких, как собака/сова из Нагал-Орена, черепаха из Эйнана, газель из Ум-эз-Зувейтина и т.п. (Perrot, 1968; Stekelis & Yizraeli, 1963; Bar-Yosef, 1983; Valla, 1975).

В костяном производстве натufийской культуры проявляется одновременно техническое и художественное мастерство. Часто использовали бычьи кости – осколки длинных костей, фаланги или роговые стержни. Из просверленных лисьих клыков делали подвески. Костяные шилья и остроконечники – частые предметы обихода, ими пользовались для проделывания отверстий в шкурах и коже и для изготовления плетеных изделий. Из кости делали также рукоятки для серпов, гарпуны и крючки (Bar-Yosef & Tchernov, 1970; Stordeur, 1981). Нет сомнения, что широкое использование кости в качестве сырья является типичной чертой натufийской культуры. Судя по небольшому хранилищу, найденному в пещере Хайоним, делались, по-видимому, запасы костей для обработки. Там нашли несколько распиленных бычьих ребер и заготовки для рукоятки серпа.

Археологические данные косвенно показывают использование лука, стрел и дротиков. Кроме очень тщательно изготовленных костяных наконечников и микролитов, найдена базальтовая галька с канавками, служившая для «правки» древков.

Кости животных и редкие растительные остатки, найденные на натufийских стоянках, указывают на то, что их обитатели жили охотой, рыболовством и собирательством. Самая частая дичь – газели, но лани и кабаны играли важную роль в Эйнане и в долине Хула (Legge, 1977; Davis, 1982). На каменных баранов и газелей охотились на холмах Негева. В большинстве случаев на стоянках находят также следы употребления в пищу мелких млекопитающих и рептилий. На оз. Хула ловили рыбу; роль рыболовства, хотя и менее важную, отмечают на таких береговых стоянках, как Эль-Вад и в пещере Хайоним.

Почти полное отсутствие растительных остатков объясняется отчасти неблагоприятными условиями для сохранения, отчасти отсутствием систематической флорации при изучении старых раскопок. Исследование костных остатков скелетов на содержание стронция и кальция (Sillen, 1984), которое свидетельствует о соотношении животной и растительной пищи, показало, что люди натufийской эпохи потребляли больше растительной пищи, чем животной; учитывая, что окультивирование ячменя и пшеницы произошло несколько позже (10 тыс. лет назад), не исключено, что некоторые обитатели натufийских поселений начали уже практиковать примитивное земледелие. На интенсивный сбор диких зерновых указывают специфические отложения на кремневых пластинах серпов, хотя в этом вопросе нет полной ясности (Anderson-Gerfaud, 1983).

Каменные предметы для дробления и размалывания напрямую связаны с приготовлением пищи. Хотя ступы, чаши, чашеобразные камни, пестики, плиты, служившие нижними жерновами, дробилки и присутствовали в более ранних культурах эпипалеолита, они чаще встречаются на стоянках натufийской культуры, чем в предыдущие эпохи. Многие предметы из базальта были перенесены на расстояние более 30 км, но пока непонятно, где они изготовлялись.

Очень мало известно о хранении продуктов питания. В Эйнане нашли несколько ям со стенками, обмазанными

штукатуркой (Perrot, 1966). Во время интенсивного сбора бобовых, зерновых и фисташек пользовались, вероятно, корзинами. Хранить продукты могли либо внутри жилищ, либо в колодцах или ямах вне самой жилой зоны; в последнем случае при ограниченных раскопках их обычно не обнаруживают. Чтобы ответить на вопрос о хранении продовольствия, необходимо провести более интенсивные раскопки.

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что натифийская культура, которая занимала лесистую и полулесистую, реже степную зону средиземноморского Леванта, играет важную роль в культурной эволюции. Оседлые обитатели натифийской эпохи, в отличие от других групп охотников-собирателей, основывали первые земледельческие поселения. Их восприятие местности выражается в том, как были расположены стоянки и захоронения в поселениях. Различные археологические следы указывают на социальное расслоение и усложнение отношений; к этим признакам относятся, например, захоронение умерших с их личными украшениями или особыми погребальными предметами, размеры жилищ, различия в техническом исполнении огня (печи для обжига известняка) и т.п.

В свою позднюю фазу натифийская культура средиземноморской зоны хорошо адаптировалась к окружающей среде, однако 11 тыс. лет назад в Негеве и северном Синае она вынуждена была приспособливаться к усиливавшимся изменениям окружающей среды, что привело к появлению адаптации нового типа. Археологический комплекс, названный харифийским (Bar-Yosef, 1975; Scott, 1977; Goring-Morris, 1985), произошел по техническим и типологическим характеристикам от натифийской традиции Негева. Большинство артефактов – микролиты, в основном сегменты и пластинки со спинкой. Использовалась техника микрорезцов как для изготовления этих сегментов и пластинок со спинкой, так и для изготовления остроконечников харифийского типа (простой наконечник метательного оружия ромбовидной формы). Географическое распространение этих остроконечников определяется площадью, которая охватывает Негев и север Синая (т.е. около 25 тыс. кв. м).

Стратегия выживания в период харифийской культуры похожа на способ существования в эпипалеолите – с зимними поселениями, рассеянными в низких районах, и летними – в более высоких зонах. Основное отличие в том, что зимние лагеря, как правило, были небольших размеров. Большая концентрация летних поселений обнаружилась на плато Хар-Хариф и в его окрестностях, на высоте 900–1000 м над уровнем моря. Эти стоянки содержат остатки круглых домов, вырытых в земле, обилие ступ, пестиков, камней, жерновов и, особенно часто, неглубоких чашеобразных камней. Можно предположить, что лето было относительно более прохладным, чем в наши дни, и что высокогорья изобиловали фисташковыми орехами, диким ячменем, бобовыми и что водилось много каменных баранов, газелей и зайцев (Goring-Morris, 1985).

Морские раковины появились в основном с Красного моря, однако средиземноморские виды представляют почти треть их общего количества. Бусины из зеленого нефрита найдены в сочетании с пестиками фаллической формы, распространенной в южном Синае к концу XI тысячелетия до н.э.

В Западной Азии очень мало известно о производствах и культурах, современных натифийской культуре. Можно предположить, что есть стоянки с микролитической культурой, отличающиеся некоторыми характеристиками от натифийской культуры. Этой эпохой можно, вероятно, датировать пещеры Бельбаси и Бельдиби в Анатолии (Турция) (Bostanci, 1965). Краткие упоминания о подобных стоянках встречаются в некоторых археологических отчетах, но без каких-либо радиоуглеродных датировок (Aurenche et al., 1981; Moore, 1985). И хотя Макбёрни (McBurney, 1968) произвел раскопки и датировку

микролитической последовательности в Али-Тепехе в районе Каспийского моря, в Западной Азии мы в основном располагаем датировками, лишь начиная с самых ранних неолитических сообществ.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ANDERSON-GERFAUD, P. 1983. A Consideration of the Uses of Certain Backed and 'Lustered' Stone Tools from Late Mesolithic and Natufian Levels of Aub Hureyra and Mureybit (Syria). In: CAUVIN, M. C. (ed.), Traces d'utilisation sur les outils néolithiques du Proche Orient. Lyons, pp. 77–106.
- ARENSBURG, B. 1977. New Upper Palaeolithic Remains from Israel. Eretz-Isr., Vol. 13, pp. 208–15.
- ARENSBURG, B.; BAR-YOSEF, O. 1973. Human Remains from Ein Gev I, Jordan Valley Israel. Paléorient, Vol. 1, pp. 201–6.
- AURENCHE, O. et al. 1981. Chronologie et organisation de l'espace dans le Proche Orient de 12,000 à 5600 av. J.-C. (14,000 and 7,600 BP). In: CAUVIN, J.; SANLAVILLE, P. (eds), Préhistoire du Levant. Paris, pp. 571–601.
- AZOURY, I. 1986. Ksar Akil, Lebanon: A Technological and Typological Analysis of the Transitional and Early Upper Palaeolithic Levels of Ksar Akil and Abu Halka. Vol. I: Levels XXV–XII. Oxford. (BAR Int. Ser., 289.)
- BAKDACH, J. 1982. Das Jungpaläolithikum von Jabrud in Syrien. Cologne. Ph.D. thesis, Universität Köln.
- BAR-YOSEF, O. 1975. The Epi-palaeolithic in Palestine and Sinai. In: WENDORF, F.; MARKS, A. E. (eds), Problems in Prehistory: North East Africa and the Levant. Dallas, pp. 363–78.
- 1980. The Prehistory of the Levant. Annu. Rev. of Anthropol., Vol. 9, pp. 101–33.
- 1981. The Epi-palaeolithic Complexes in the Southern Levant. In: CAUVIN, J.; SANLAVILLE, P. (eds), Préhistoire du Levant. Paris, pp. 389–408.
- 1983. The Natufian in the Southern Levant. In: YOUNG, C. T.; SMITH, P. E. L.; MORTENSEN, P. (eds), The Hilly Flanks and Beyond. Essays on the Prehistory of South-western Asia, Presented to R.J. Braidwood. Chicago, pp. 11–42. (Stud. Anc. Orient. Civiliz., 36.)
- BAR-YOSEF, O.; BELFER, A. 1977. The Lagaman Industry. In: BAR-YOSEF, O.; PHILLIPS, J. L. (eds), Prehistoric Investigations in Gebel Maghara, Northern Sinai. Jerusalem, pp. 42–84. (Qedem, Monogr. Inst. Archaeol. Jerus., Vol. 7.)
- BAR-YOSEF, O.; GOREN, N. 1973. Natufian Remains in Hayonim Cave. Paléorient, Vol. 1, pp. 49–68.
- BAR-YOSEF, O.; PHILLIPS, H. L. (eds) 1977. Prehistoric Investigations in Gebel Maghara, Northern Sinai. Jerusalem. (Qedem, Monogr. Inst. Archaeol. Jerus., 7.)
- BAR-YOSEF, O.; TCHERNOV, E. 1970. The Natufian Bone Industry from Hayonim Cave. Israel Explor. J., Vol. 20, pp. 141–50.
- BAR-YOSEF, O.; VALLA, F. R. 1979. Évolution du Natoufien: nouvelles suggestions. Paléorient, Vol. 5, pp. 145–52.
- BAR-YOSEF, O.; VANDERMEERSCH, B. 1981. Notes Concerning the Possible Age of the Mousterian Layers in Qafzeh Cave. In: CAUVIN, J.; SANLAVILLE, P. (eds), Préhistoire du Levant. Paris, pp. 281–6.
- BAR-YOSEF, O. et al. 1986. New Data Concerning the Origins of Modern Man in the Levant. Curr. Anthropol., Vol. 27, pp. 63–4.
- BELFER-COHEN, A.; BAR-YOSEF, O. 1981. The Aurignacian at Hayonim Cave. Paléorient, Vol. 7, No. 2, pp. 19–42.
- BERGMAN, C. A. 1981. Point Types in the Upper Palaeolithic Sequence at Ksar Akil, Lebanon. In: CAUVIN, J.; SANLAVILLE, P. (eds), Préhistoire du Levant. Paris, pp. 319–30.
- BERGMAN, C. A.; NEWCOMER, M. 1983. Flint Arrowhead Breakage: Examples from Ksar Akil, Lebanon. J. Field Archaeol., Vol. 10, pp. 238–43.
- BOSTANCI, E. 1965. The Mesolithic of Beldibi and Belbasi and the Relation with the Other Findings in Anatolia. Antropoloji (Ankara), Vol. 3, pp. 91–141.
- BOUCHUD, J. 1974. Étude préliminaire de la Faune provenant de la grotte de Djebel Qafzeh, Israël. Paléorient, Vol. 2, pp. 87–102.
- BRAIDWOOD, R. J.; HOWE, B. 1960. Prehistoric Investigations in Iraqi-Kurdistan. Chicago. (Stud. Orient. Civiliz., 31.)

- COON, C. S. 1962. *The Origin of Races*. New York.
- COPELAND, L. 1975. The Middle and Upper Palaeolithic of Lebanon and Syria in the Light of Recent Research. In: WENDORF, F.; MARKS, A. E. (eds), *Problems in Prehistory: North East Africa and the Levant*. Dallas, pp. 317–50.
- COPELAND, L.; BERGMAN, C. A. 1987. *Ksar Akil, Lebanon*. Oxford. Vol. 2. (BAR Int. Ser., 329.)
- COPELAND, L.; HOURS, F. 1977. Engraved and Plain Bone Tools from Jiita, Lebanon, and their Early Kebaran Context. *Proc. Prehist. Soc.*, Vol. 43, pp. 295–301.
- 1983. Le Yabroudien d'El-Kown (Syrie) et sa place dans le paléolithique du Levant. *Paléorient*, Vol. 9, pp. 21–37.
- DAVIS, S. J. M. 1982. Climate Change and the Advent of Domestication: The Succession of Ruminant Antidactyls in the Late Pleistocene–Holocene Period in the Israel Region. *Paléorient*, Vol. 8, pp. 5–16.
- ECHEGARAY, J. G. 1964/6. Excavaciones en la Terraza de 'El-Khiam' (Jordanía). Madrid. 2 vols.
- GARRARD, A. N. 1982. The Environmental Implications of a Reanalysis of the Large Mammal Fauna from the Wadi el-Mughara Caves, Palestine. In: BINTLIFF, J. L.; ZEIST, W. VAN (eds), *Palaeoclimates, Palaeoenvironments and Human Communities in the Eastern Mediterranean Region in Later Prehistory*. Oxford, pp. 165–87. (BAR Int. Ser., 133.)
- GARRARD, A. N.; BYRD, B.; BETTS, A. 1986. Prehistoric Environment and Settlement in the Azraq Basin: An Interim Report on the 1984 Excavation Season. *Levant* (London), Vol. 18, pp. 1–20.
- GARROD, D. 1930. The Palaeolithic of Southern Kurdistan: Excavations in the Caves of Zarzi and Hazar Merd. *Bull. Am. Sch. Prehist. Res.*, Vol. 6, pp. 9–43.
- 1957. Notes sur le Paléolithique supérieur du Moyen Orient. *Bull. Soc. Préhist. fr.*, Vol. 54, pp. 439–46.
- GARROD, D.; BATE, D. 1937. *The Stone Age of Mount Carmel*. Oxford. Vol. 1.
- GILEAD, I. 1981. Upper Palaeolithic Tool Assemblages from the Negev and Sinai. In: CAUVIN, J.; SANLAVILLE, P. (eds), *Préhistoire du Levant*. Paris, pp. 331–42.
- 1983. Upper Palaeolithic occurrences in Sinai and the Transition to the Epi-palaeolithic in the Southern Levant. *Paléorient*, Vol. 9, pp. 39–54.
- GISIS, I.; BAR-YOSEF, O. 1974. New Excavation in Zuttiyeh Cave, Wadi Amud, Israel. *Paléorient*, Vol. 2, pp. 175–80.
- GORING–MORRIS, A. N. 1980. Palaeolithic Sites from Wadi Fazael. *Paléorient*, Vol. 6, pp. 173–92.
- 1985. Terminal Pleistocene Hunter-Gatherers in the Negev and Sinai. Jerusalem. Unpublished Ph.D. thesis, The Hebrew University of Jerusalem.
- HENRY, D. O. 1976. The Excavation of Hayonim Terrace: An Interim Report. *J. Field Archaeol.*, Vol. 3, No. 4, pp. 391–406.
- 1983. Adaptive Evolution within the Epi-palaeolithic of the Near East. In: WENDORF, F.; CLOSE, A. (eds), *Advances in World Archaeology*. New York. Vol. 2, pp. 99–160.
- 1985. Preagricultural Sedentism: The Natufian Example. In: PRICE, T. D.; BROWN, J. A. (eds), *Prehistoric Hunter-Gatherers: The Emergence of Cultural Complexity*. New York. pp. 365–84.
- HOLE, F.; FLANNERY, K. V. 1967. The Prehistory of Southwestern Iran: A Preliminary Report. *Proc. Prehist. Soc.*, Vol. 33, pp. 147–206.
- HOOIJER, D. 1961. The Fossil Vertebrates of Ksar Akil, a Palaeolithic Rock Shelter in Lebanon. *Zool. Verh.*, Vol. 49, pp. 4–65.
- HOURS, F. 1973. Le Kabarien au Liban: réflexions à partir des fouilles de Jiita en 1972. *Paléorient*, Vol. 1, pp. 185–200.
- 1976. L'Épi-paléolithique au Liban: résultats acquis en 1975. In: WENDORF, F. (ed.), *Second Symposium on Terminology of the Near East*. Nice. (Acts of the 9th International Congress for Pre- and Protohistoric Sciences, Nice.)
- HOWELL, F. C. 1957. The Evolutionary Significance for Variation and Varieties of 'Neanderthal' Man. *Quarterly Rev. Biol.* (Baltimore), Vol. 32, pp. 330–47.
- HOWELLS, W. W. 1976. Explaining Modern Men: Evolutionists versus Migrationists. *J. Hum. Evol.*, Vol. 5, pp. 477–96.
- INIZIAN, M. L.; GALLARD, J. M. 1978. Coquillages de Ksar Akil: éléments de parure? *Paléorient*, Vol. 4, pp. 295–306.
- JELINEK, A. J. 1981. The Middle Palaeolithic in the Southern Levant from the Perspective of the Tabun Cave. In: CAUVIN, J.; SANLAVILLE, P. (eds), *Préhistoire u Levant*. Paris, pp. 265–80.
- JONES, M.; MARKS, A. E.; KAUFMAN, D. 1983. Boker: The Artifacts. In: MARKS, A. E. (ed.), *Prehistory and Palaeoenvironments in the Central Negev, Israel, III*. Dallas, pp. 283–332.
- KAUFMAN, D. 1985. Adaptive Changes in the Late Pleistocene of the Levant: The Evidence from Neveh David, Israel. Denver. (Paper presented at the 50th Annual Meeting of the Soc. Am. Archaeol., Denver.)
- LEGG, A. J. 1977. The Origins of Agriculture in the Near East. In: MEGAW, J. V. S. (ed.), *Hunters, Gatherers and First Farmers beyond Europe*. Leicester, pp. 51–68.
- LEHMANN, U. 1970. Die Tierreste aus den Höhlen von Jabrud (Syrien). *Frühe Menschheit und Umwelt*. Cologne. Part 1, pp. 181–6.
- LEROI-GOURHAN, ARLETTE. 1980. Les Analyses polliniques au Moyen Orient. *Paléorient*, Vol. 6, pp. 79–92.
- MCBURNEY, C.B.M. 1967. The Haua Fteah (Cyrenaica) and the Stone Age of the South-west Mediterranean. Cambridge.
- 1968. The Cave of Ali Tappeh and the Epi-palaeolithic in North-West Iran. *Proc. Prehist. Soc.*, Vol. 34, pp. 385–413.
- MARKS, A. E. (ed.) 1977. *Prehistory and Palaeoenvironments in the Central Negev, Israel: The Avdat/Agev Area*. Dallas. Vol. 2.
- 1981. The Upper Palaeolithic of the Negev. In: CAUVIN, J.; SANLAVILLE, P. (eds), *Préhistoire du Levant*. Paris, pp. 343–52.
- (ed.) 1983a. *Prehistory and Palaeoenvironments in the Central Negev, Israel: The Avdat/Agev Area*. Dallas. Vol. 3.
- 1983b. The Middle to Upper Palaeolithic Transition in the Levant. In: WENDORF, F.; CLOSE, A. (eds), *Advances in World Archaeology*. New York. Vol. 2, pp. 51–98.
- MARKS, A. E.; FERRING, R. C. 1972. Upper Palaeolithic Occupation Near Avdat, Central Negev, Israel. *Eretz–Isr.*, Vol. 13, pp. 191–207.
- MARKS, A. E.; KAUFMAN, D. 1983. Boker Tachtit: The Artifacts. In: MARKS, A. E. (ed.), *Prehistory and Palaeoenvironments in the Central Negev, Israel*. Dallas. Vol. 3, pp. 96–126.
- MARKS, A. E.; LARSON, P. A., JR. 1977. Test Excavations at the Natufian Site of Roshe Horesha. In: MARKS, A. E. (ed.), *Prehistory and Palaeoenvironments in the Central Negev, Israel*. Dallas. Vol. 3, pp. 191–232.
- MOORE, A.M.T. 1985. The Development of Neolithic Societies in the Near East. In: WENDORF, F.; CLOSE, A. (eds), *Advances in World Archaeology*. New York. Vol. 4, pp. 1–69.
- MUHEISEN, M. 1983. *La Préhistoire en Jordanie: recherches sur l'Épipaléolithique – l'exemple du gisement de Kharaneh IV*. Bordeaux. Unpublished Ph.D. thesis, Université de Bordeaux.
- NEUVILLE, R. 1951. Le Paléolithique et le mésolithique du désert de Judée. Paris. (Archives de l'Institut de Paléontologie humaine, Mémoire, 24.)
- NEWCOMER, M. H. 1970. The Chamfered Pieces from Ksar Akil. *Bull. Inst. Archaeol.* (London), Vol. 8/9, pp. 177–91.
- 1971. Un Nouveau Type de burin à Ksar Akil. *Bull. Soc. préhist. fr.*, Vol. 68, pp. 267–72.
- 1974. Study and Replication of Bone Tools from Ksar Akil. *World Archaeol.*, Vol. 6, pp. 138–53.
- NEWCOMER, M. H.; WATSON, J. 1984. Bone Artefacts from Ksar Akil (Lebanon). *Paléorient*, Vol. 10, pp. 143–8.
- PERROT, J. 1966. Le Gisement Natoufien de Mallaha (Eynan), Israel. *Anthropologie* (Paris), Vol. 70, pp. 437–84.
- 1968. La Préhistoire palestinienne. In: *Supplément au dictionnaire de la Bible*. Paris. Vol. 8, cols 286–446.
- REESE, D. S.; MIENIS, H. K.; WOODWARD, F. R. 1986. On the Trade of Shells and Fish from the Nile River. *Bull. Am. Sch. Orient. Res.*, Vol. 264, pp. 79–84.
- ROE, D. A. (ed.) 1983. *Adlun in the Stone Age: The Excavations of D. A. E. Garrod in Lebanon*. Oxford. 2 vols. (BAR Int. Ser., 159.)
- ROLSTON, S. L. 1982. Two Prehistoric Burials from Qasr Kharaneh. *Annu. Dep. Antiq. Jordan (Amman)*, Vol. 26, pp. 221–9.
- RONEN, A.; VANDERMEERSCH, B. 1972. The Upper Palaeolithic Sequence in the Cave of Qafza (Israel). *Quaternaria*, Vol. 16, pp. 189–202.
- RUST, A. 1950. Die Höhlenfunde von Jabrud (Syrien). *Neu münster*.

- SANLAVILLE, P. 1981. Stratigraphie et chronologie du quaternaire marin du Levant. In: CAUVIN, J.; SANLAVILLE, P. (eds), *Préhistoire du Levant*. Paris, pp. 21–32.
- SAXON, E. C.; MARTIN, G.; BAR-YOSEF, O. 1978. Nahal Adera V: An Open-air Site on the Israeli Littoral. *Paléorient*, Vol. 4, pp. 253–66.
- SCHWARZ, H.; GOLDBERG, P.; BLACKWELL, B. 1980. Uranium Series Dating of Archaeological Sites in Israel. *J. Earth Sc.*, Vol. 29, pp. 157–65.
- SCOTT, T. R. 1977. The Harifian of the Central Negev. In: MARKS, A. E. (ed.), *Prehistory and Palaeoenvironments in the Central Negev, Israel*. Dallas. Vol. 2, pp. 271–322.
- SILLEN, A. 1984. Dietary Variability in the Epipalaeolithic of the Levant: The Sr/Ca Evidence. *Paleorient*, Vol. 10, pp. 149–55.
- SMITH, P. E. L. 1986. *Palaeolithic Archaeology in Iran*. Philadelphia.
- SOLECKI, R. L.; SOLECKI, R. S. 1983. Late Pleistocene–Early Holocene Cultural Traditions in the Zagros and the Levant. In: YOUNG, T. C.; SMITH, P. E. L.; MORTENSEN, P. (eds), *The Hilly Flanks and Beyond: Essays on the Prehistory of Southwestern Asia, Presented to R.J. Braidwood*. Chicago, pp. 123–37.
- SOLECKI, R. S. 1963. *Prehistory of the Shanidar Valley, Northern Iraq*. Science (Washington), Vol. 139, pp. 177–93.
- STEKELIS, M.; YIZRAELI, T. 1963. Excavations at Nahal Oren: Preliminary Report. *Isr. Explor. J.*, Vol. 13, pp. 1–12.
- STORDEUR, D. 1981. La Contribution de l'Industrie de l'os à la delimitation des aires culturelles: l'exemple du Natoufien. In: CAUVIN, J.; SANLAVILLE, P. (eds), *Préhistoire du Levant*. Paris, pp. 433–8.
- STRINGER, C. B.; HUBLIN, J. J.; VANDERMEERSCH, B. 1984. The Origin of Anatomically Modern Humans in Western Europe. In: SMITH, P. E. L.; SPENCER, F. (eds), *The Origins of Modern Humans: A World Survey of the Fossil Evidence*. New York, pp. 51–135.
- TCHERNOV, E. 1981. The Biostratigraphy of the Middle East. In: CAUVIN, J.; SANLAVILLE, P. (eds), *Préhistoire du Levant*. Paris, pp. 67–98.
- TIXIER, J. 1974. Os incisé de Ksar Akil, Liban. *Paléorient*, Vol. 2, pp. 123–32.
- TRINKAUS, E. 1983. *The Shanidar Neanderthals*. New York.
- 1984. *Western Asia*. In: SMITH, P. E. L.; SPENCER, F. (eds), *The Origins of Modern Humans: A World Survey of the Fossil Evidence*. New York, pp. 251–93.
- TURNBULL, P. F.; REED, C. A. 1974. The Fauna from the Terminal Pleistocene of Palegawra Cave, a Zarzian Occupation Site in the Northeastern Iraq. Chicago. (*Fieldiana: Anthropol.*, 63.)
- VALLA, F. R. 1975. *Le Natoufien: une culture préhistorique en Palestine*. Paris. (*Cah. Rev. Biblique*, 15.)
- 1981. Les Établissements natoufiens dans le nord d'Israël. In: CAUVIN, J.; SANLAVILLE, P. (eds), *Préhistoire du Levant*. Paris.
- 1984. Les Industries du silex de Mallaha (Eynan) et du Natoufien dans le Levant. Paris. (*Mém. trav. Cent. rech. fr. Jérus.*, 3.)
- VANDERMEERSCH, B. 1981. *Les Hommes fossiles de Qafzeh (Israël)*. Paris.
- VERMEERSCH, P. M. et al. 1982. Blade Technology in the Egyptian Nile Valley: Some New Evidence. *Science (Washington)*, Vol. 216, pp. 626–8.
- VOLKMAN, P. 1983. Boker Tachtit: Core Reconstructions. In: MARKS, A. E. (ed.), *Prehistory and Palaeoenvironments in the Central Negev, Israel*. Dallas. Vol. 3, pp. 127–90.
- VOLKMAN, P.; KAUFMAN, D. 1983. A Reassessment of the Emireh Point as a Possible Type-fossil for the Technological Shift from the Middle to the Upper Palaeolithic in the Levant. In: TRINKAUS, E. (ed.), *The Mousterian Legacy: Human Biocultural Change in the Upper Pleistocene*. Oxford. (*BAR Int. Ser.*, 164.)
- WAHIDA, G. 1981. The Re-excavation of Zarzi, 1971. *Proc. Prehist. Soc.*, Vol. 47, pp. 19–40.
- WOLPOFF, M. H. 1981. *Palaeoanthropology*. New York.
- WRESCHNER, E. 1983. *Studies in Prehistoric Ochre Technology*. Jerusalem. Unpublished Ph.D. thesis, The Hebrew University of Jerusalem.
- WRIGHT, G. A. 1978. Social Differentiation in the Early Natufian. In: REDMAN, C. L. et al. (eds), *Social Archaeology, Beyond Subsistence and Dating*. London, pp. 201–33.
- YOUNG, T. S.; SMITH, P. E. L. 1966. Research in the Prehistory of Central Western Iran. *Science (Washington)*, Vol. 153, pp. 398–91.

ЮЖНАЯ АЗИЯ

в период *Homo sapiens sapiens* (человек разумный современного вида) до начала производства пицци (верхний палеолит и мезолит)

Рамчандра В. Джоши

Местонахождения верхнего палеолита были обнаружены в Афганистане, Индии и Пакистане. В настоящее время мы не обладаем никакими данными о существовании культур этой эпохи в других регионах Южной Азии. Общим для верхнепалеолитических производств является использование пластинок и пластин как основы для изготовления каменных орудий. В Индии не найдено ископаемых человеческих остатков, но мы располагаем солидными сведениями почти обо всех аспектах верхнепалеолитических культур, в частности, благодаря данным палеоэкологии, хронологии, типологии орудий и изучению распространения стоянок. Об Афганистане и Пакистане таких данных нет.

Культуры верхнего палеолита характерны переходом к производству микролитов (характеристика мезолита), в частности, в Индии, а в последующих культурных уровнях, относящихся к мезолиту, появляются уже остатки *человека разумного* современного вида. Раскопки, проведенные на мезолитических стоянках, позволили лучше узнать хронологию этого периода, а также некоторые аспекты социальной жизни и организации поселений.

В Непале, в районе Терай, найден каменный материал, который ученые не смогли идентифицировать, но отдельные его элементы носят микролитический характер.

Большой интерес представляют остатки мезолитических культур, обнаруженные в Шри-Ланке. Интересен тот факт, что они имеют возраст около 28–10 тыс. лет, хронологически совпадающий с поздним палеолитом, в то время как типология находок является определенно микролитической.

АФГАНИСТАН

Афганские местонахождения верхнего (позднего) палеолита сконцентрированы в полуаридном районе, расположенном к северу от горной системы Гиндукуш. Мы мало еще знаем о палеосреде конца позднего плейстоцена – начала голоцена, но можно предположить, что климат был более холодным и засушливым, чем современный.

Среди памятников, относимых к этому периоду, Кара-Камар – один из самых известных. В его третьем уровне (Кара-Камар III) найдены следы производства самого начала верхнего палеолита, приуроченного к лессовым отложениям, происходящим из тонких аллювиальных отложений Амударьи. С точки зрения хронологии это производство может располагаться между 32 и 25 тыс. лет назад или даже ранее. Для каменных инструментов использовался местный кремль. Орудия представляют собой пластины и пластинки, некоторые ретушированные образцы напоминают концевые скребки со спинкой, характерные для ориньякской культуры. Резцы не найдены; некоторые ретушированные пластины имеют зазубрины. Палеолитическое производство того же времени (барадстийское) было недавно найдено в Ираке и Иране в горах Загрос, но оно не имеет типологического соответствия с Кара-Камар.

Исключительно богатый афганский эпипалеолит пришел на смену культуре Кара-Камар (уровень III) примерно 15 тыс. лет спустя. В основном микролитический по своему характеру он, по-видимому, является заключительной стадией верхнего палеолита. Л. Дюпре (*L. Dupree*) обнаружил и произвел раскопки нескольких стоянок близ г. Аккупрук в провинции Балх. Довольно сложная стратиграфическая последовательность включает известняковые валуны, лессовые и аллювиальные отложения. Из-за отсутствия исследований пыльца нельзя сделать каких-либо предположений о палеоклимате.

Среди артефактов большое число микропластин, полученных из кремневых нуклеусов, но среди них нет геометрических микролитов. Поскольку эти скопления микропластин встречаются как в скальных укрытиях, так и на открытых стоянках, вероятно, эти орудия, например зубчатые остроконечники, надеты на древко охотничьего оружия, использовались не только при устройстве базовых поселений, но и для других видов деятельности.

Скопление содержит значительное количество различных видов резцов и пластин с ретушированными краями.

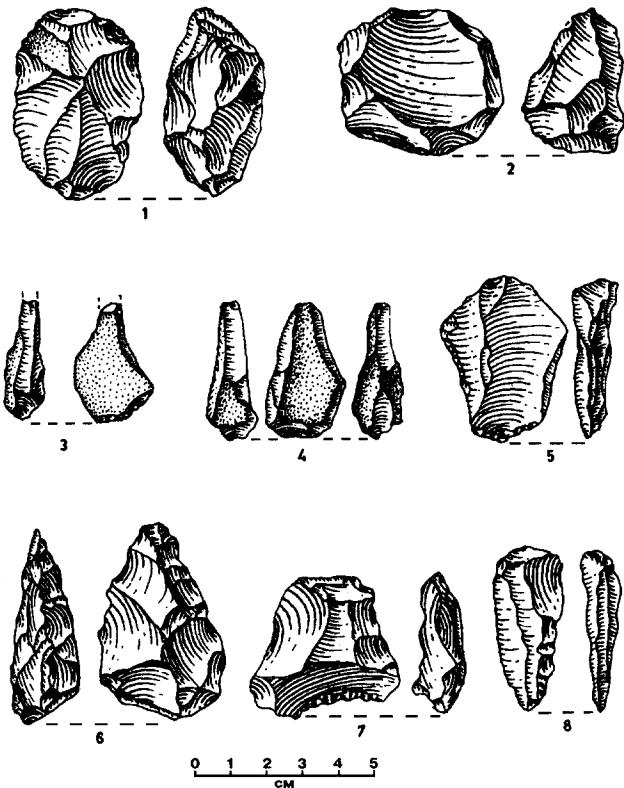

Рис. 71. Артефакты среднего и верхнего палеолита, найденные при раскопках в пещере Сангао (Пакистан): 1, 2 – нуклеусы; 3, 4 – резцы; 5 – отщеп; 6 – топор; 7 – вогнутый скребок; 8 – остроконечный отщеп (по *Allchin*, 1973, p. 53)

Остатки животных, соотнесенные с этим отложением, показывают преобладание овец и коз.

На многих стоянках, где проявляется эта культура, предметы указывают на существование региональных вариантов. В 1976 г. Дюпре и Дэвис (*R.S. Davis*) сделали интересное открытие на территории Дашт-Навар – они обнаружили два поверхностных скопления обтесанных орудий из обсидиана, которые по своей типологии относятся к эпипалеолиту.

ПАКИСТАН

В районе Соан не обнаружено стоянок, которые можно было бы безусловно отнести к верхнему палеолиту. Орудия, сделанные в период развитой культуры Соан, могли принадлежать поздней Соан *B*. Раскопки в пещере Сангао дали, однако, в различных количествах и во всех слоях скопления из пластин и кварцевых резцов (*Allchin*, 1973) (рис. 71).

ИНДИЯ

Существование верхнепалеолитических культур с уверенностью установлено в Индии лишь в 1968 г. благодаря работам, проделанным Мурти (*Murty*, 1985) на побережье южного штата Андхра-Прадеш – в регионе, в котором найдены также артефакты нижнего и среднего палеолита. До этого Каммиад (*Cammiade*) и Буркит (*Burkiit*) уже обнаружили скопления пластинчатых орудий верхнепалеолитического типа, а Фут (*Foot*) открыл костяные изделия в известняковых пещерах Курнол. Последняя фаза индийского палеолита долгое время была известна под названием поздний каменный век, с которым связывали в основном орудия мезолита. В Индии, как и в Европе, культуры верх-

него палеолита соотносят с *человеком разумным* современного типа, ископаемых остатков которого в стране, однако, не обнаружено. Но ископаемые животные, костяные предметы и датировка радиоуглеродным методом отложений, соотнесенных с каменным инвентарем этих культур, убедительно доказывают их принадлежность к периоду между концом позднего плейстоцена – началом голоцена. Стоянки обнаружены в разной окружающей среде – в пустынях, горных районах, речных долинах, скальных обнажениях, на береговых линиях, в пещерах и гротах.

Эти культуры характеризуются производством пластин (хотя отщепы и осколки ядрищ также использовались для изготовления конечных орудий): простых пластин или пластин с частичной или краевой ретушью, скребел, концевых скребков (вогнутых, выпуклых или двойных), остроконечников, шильев и резцов. Некоторые коллекции содержат также орудия мезолита: серпообразные, трапециевидные и треугольные. С точки зрения типологии в региональных скоплениях различают две традиции, относящиеся соответственно к началу и концу верхнего палеолита. Вторая традиция обладает мезолитическими чертами, подтвержденными в определенной мере известными на сегодня радиоуглеродными датировками.

Призматическая техника расщепления камней, практикуемая при изготовлении пластин, свидетельствует о прогрессивном уровне производства. Пластины среднего палеолита (например, из скальных навесов Бхимбетка в центре Индии) или даже нижнего палеолита (пластины из пещер Гудиям в южном штате Тамилнад) – более крупные, на них редко можно видеть ретушь или тщательную обработку, как на образцах верхнего палеолита.

Самые распространенные материалы – кремневые породы, такие как роговик, яшма, халцедон, но на некоторых стоянках отмечается также использование кварцита и тонкозернистого лидийского (пробирного) камня. Размеры законченного отделкой орудия зависят от исходных камней, а так как тонкозернистая кремневая порода обычно образует желваки меньшего объема, орудия верхнего палеолита в основном меньше, чем пластинчатые образцы двух предшествующих периодов, когда орудия изготавливались из таких пород, как кварцит или базальт.

Недавно проведенные в Южной Индии раскопки в известняковых пещерах Курнол дали более 1700 ископаемых костей (преимущественно кости диких быков), обработанных и обтесанных, из них около 200 орудий – скребки, шила, резцы, остроконечники с уступами: несколько заготовок из кости, фрагменты и осколки костей. По сравнению с тщательно и даже художественно оформленными предметами, найденными в Европе в скальных стоянках верхнего палеолита, это костяное производство в большинстве случаев довольно грубо.

Мурти (1985) попытался провести классификацию различных стоянок этой культуры, разделив их на три группы по типологическим и технологическим признакам: (1) группа отщепов и пластин, (2) группа пластин и (3) группа пластин и резцов (илл. 48). Эта классификация отражает региональные различия в каменных изделиях, но необязательно выявляет хронологическую последовательность или эволюционные тенденции.

Верхнепалеолитические стоянки обычно проявляются вместе с аллювиальными или коллювиальными отложениями. Везде, где можно идентифицировать стратиграфические горизонты, – в долине Белан (Уттар-Прадеш), Патна (Махараштра), на отдельных отрезках реки (территория Андхра), изделия находились в слоях отложений, покрывающих те, в которых обнаруживались среднепалеолитические артефакты. Мезолитические культурные отложения лежали поверх верхнепалеолитических горизонтов. Таких местонахождений было найдено мало в естественных пещерах и скальных укрытиях; наиболее важные пещеры – Бхимбетка, Адамгарх (Мадхья-Прадеш) и Мушатла-Шинтаману-Гави

(Андхра-Прадеш). Остатки этой культуры обнаружены недавно и в песчаных дюнах Раджастанхана.

Радиоуглеродная датировка, которая существует на сегодняшний день, помещает эту культуру приблизительно между 30 и 10 тыс. лет назад.

Ископаемая фауна пещер Курнол включает многие виды, относящиеся, в частности, к отрядам приматов, хищников, насекомоядных, непарнокопытных, парнокопытных и крокодиловых, и проливает некоторый свет на палеоэкологию того периода. Среди ископаемых, найденных в аллювиальных отложениях Гход (Махараштра), отмечается присутствие *Hexaprotodon palaeindicus*, *Equus namadicus*, *Elephas sp.*, *Bos sp.*, *Bubalus sp.* и *Cervus sp.* Такая фауна свидетельствует о травянистой расительности типа саванны, перемежаемой лесами и болотами, и о хронологическом положении между концом позднего плейстоцена и началом голоцена. Найдено также большое количество скорлупы яиц страуса в Пуне (штат Махараштра) и в некоторых местах западной части Центральной Индии.

Недавние геоморфологические и седиментологические исследования указывают на то, что комплекс пластин и резцов Раджастанхана и Гуджарата существовал в период более засушливый, чем современный (*Allchin et al.*, 1978). Отметим в связи с этим, что в позднем плейстоцене климат в Индии вообще характеризовался большей засушливостью (*Rajaguru*, 1973). Но в целом речь шла лишь о степени влияния данного фактора, по крайней мере в других географических районах страны. Присутствие в некоторых местах ископаемых остатков крокодилов, слонов, носорогов и гиппопотамов показывает, что в верхнем палеолите эти виды животных находили здесь благоприятные условия для проживания.

Лишь несколько редких предметов, подобных фигурке из кости, найденной в долине Белан (Уттар-Прадеш), и гравированные фрагменты скорлупы яиц страуса, обнаруженные в Пуне (Махараштра) и Раджоте (Мадхья-Прадеш), свидетельствуют о существовании индийского верхнепалеолитического искусства. Некоторые рисунки, украшающие скальные укрывания в Центральной Индии, датируются, вероятно, этим же периодом, но данную гипотезу необходимо подтвердить, проведя более углубленные исследования. Следы кострищ и костяные предметы с обожженными для упрочнения концами говорят об использовании огня.

Распространение индийских стоянок в разной окружающей среде, подверженной влиянию муссонов, с очевидностью показывает, что создатели каменных культур смогли адаптироваться к различному окружению. Орудия находили разбросанными как на поверхности местонахождений, так и в местах проживания в пещерах или скальных навесах. Во втором случае осадочный наполнитель пещеры довольно тонок и содержит мало культурных предметов. Вероятно, пещеры занимались на непродолжительное время.

Поселения открытого типа, отмеченные большой концентрацией артефактов, наличием крупных скальных блоков, а также предметов, предназначенных для тяжелых работ, свидетельствуют о том, что их занимали постоянно или сезонно. Некоторые раскопанные стоянки в штатах Андхра-Прадеш и Махараштра показали прогрессивную эволюцию верхнего палеолита к мезолиту. В гротах, таких, например, как Бхимбетка в Центральной Индии, средний палеолит является прообразом верхнего палеолита.

Следовательно, можно проследить эволюцию этих каменных культур. Хозяйство данного периода было основано на собирательстве и охоте, что подтверждает ископаемая фауна, найденная на пещерных стоянках.

НЕПАЛ

Г. Корвинус (1985) приступил к исследованию района горных отрогов Гималев в горах Сивалик (Предгималаи) на западе Непала. Проводимые работы касаются геологии и стратиграфии части Сивалика к югу от долины Деохури, между Непалом и Шивпури. Другой интересной зоной является долина Читван, где были обнаружены террасы на высоте 25–45 м. Ни в одной из них, однако, до сих пор не обнаружено палеолитических артефактов.

В долинах Деохури и Данг археологический материал, найденный выше и даже внутри аллювиальных наносов, состоит в основном из микролитов различной формы из кремния, кварца или кварцита. Обнаружены также более крупные орудия из отщепов и гальки; галечные орудия представляют собой различные виды односторонних рубил. Но культурные уровни, к которым принадлежат эти скопления, и их хронологическая последовательность пока еще точно не определены.

ШРИ-ЛАНКА

На юге острова, в Бандала, были проведены раскопки в четвертичных отложениях береговой полосы полуаридной зоны, представляющих собой стратифицированный гравий, покрытый песками (формация Иранамату). Следы проживания людей обнаружены как в слоях гравия, так и в лежащих выше песчаных слоях. Типы артефактов, найденных в гравии, не были определены, а артефакты из песчаных слоев несут явный микролитический характер и в основном представляют различные геометрические формы.

Органических остатков не было обнаружено, а датировка песков термомюницентным методом определяет возраст этих отложений в 28 тыс. лет. Таким образом, примерный возраст микролитической культуры (мезолита) Шри-Ланки – 28 тыс. лет. Радиоуглеродная дата геометрических микролитов из пещеры Китулгала-Белилена – между 21,5 и 10,5 тыс. лет. В Африке, в Заире и Замбии, возраст микролитов определен также в 28 тыс. лет, т.е. они являются современниками микролитов Шри-Ланки.

В полуостровной Индии возраст артефактов верхнего и среднего палеолита, найденных в отложениях конца плейстоцена, определен приблизительно в 25 тыс. лет (*Rajaguru et al.*, 1980). Микролиты из этого же района датированы временем 12 тыс. лет назад. Возможно, некоторые артефакты, обнаруженные в Шри-Ланке, хотя и относятся к микролитическому типу, могут быть гораздо более древними и принадлежать культуре верхнего палеолита.

БИБЛИОГРАФИЯ

См. библиографию к гл. 6.

КИТАЙ

в период *Homo sapiens sapiens*
(человек разумный современного вида)
до начала производства пищи

Цзя Ланно и Ву Рукан

Период с появления *Homo sapiens sapiens* (человека разумного современного вида), или позднего *Homo sapiens*, до начала производства продуктов питания занимает отрезок с 40 до 10 тыс. лет назад. Морфология *Homo sapiens sapiens* идентична морфологии современного человека. Его культура относится к позднему палеолиту, т.е. приблизительно к периоду, соответствующему в Европе периоду от шатальперрона до мадлена. В Китае археологи исследовали в общей сложности 110 стоянок, относящихся к этой эпохе, в 35 из них найдены человеческие ископаемые остатки.

Самые древние остатки были обнаружены в пещере Тоньняньянь в округе Люцзянь (Гуанси-Чжуанский автономный район). Ископаемый материал содержит хорошо сохранившийся череп, четыре последних грудных позвонка с относящимися к ним ребрами, пять спинных позвонков, крестцовую кость, подвздошную кость и два фрагмента бедренной кости.

Череп из Люцзяня имеет одновременно монголоидные и австралоидные морфологические черты. Надбровные дуги сильно развиты. В надзатылочной области есть небольшой бугорок в виде накладки, что напоминает неандертальцев Западной Европы. Череп средней высоты, челюстные впадины не очень глубокие, затылочное отверстие узкое, лицевой отдел широкий и короткий. Глазные впадины широкие и низко расположенные. Носовые отверстия тоже широкие, особенно по нижнему краю. Антеролатеральная поверхность лобного апофиза скуловых костей повернута «вперед» как у монголоидов. Верхний правый боковой резец в форме лопаты; единственный сохранившийся центральный резец слишком сточен, чтобы определить его форму. В верхней челюсти третьи коренные зубы не прорезались, что особенно интересно, так как возраст человека определяется в 40 лет (*Wu Pukang*, 1959). Остатки задней части черепа имеют некоторые австралоидные черты.

На стоянке не было обнаружено никаких культурных остатков. Ископаемые животные, найденные вместе с этим черепом, относятся к фауне *Ailuropoda-Stegodon*.

Череп из Цзяня и из Верхнего грота пещеры Чжоукоудянь – другие важные свидетельства рассматриваемого периода. Череп из Цзяня был обнаружен

во время строительства железной дороги между городами Чэнду и Чунцин в округе Цзянянь (провинция Сычуань). Сохранилась небная дуга и часть верхней челюсти, а также мелкие фрагменты костей носа, держащиеся на целой теменной кости. Череп небольшой и гладкий; все его основные морфометрические характеристики соответствуют характеристикам современного *Homo sapiens*. Надбровные дуги хорошо выражены, и их внутренние концы смыкаются над основанием носа, образуя поперечный валик.

Человек из Цзяня относится к более примитивному типу, чем люди, чьи остатки были найдены в Верхнем гроте пещеры Чжоукоудянь, о чем говорят морфологические признаки, в частности высота темени. Никакие каменные орудия не могут быть с достоверностью соотнесены с черепом из Цзяня или с элементами фауны, добытыми на этой стоянке.

В верхнем гроте в пещере Чжоукоудянь найдены костные остатки по крайней мере восьми человек, а также украшения весьма тонкой работы, костяная игла и многочисленные остатки животных верхнего плейстоцена.

Среди человеческих костных остатков в Чжоукоудяне – три почти целых черепа, фрагмент верхней челюсти, четыре нижних челюсти, фрагменты лучевой кости, бедренной кости и коленной чашечки.

Вайденрайх (1939) выдвинул идею, что первый череп (№ 101) имеет характеристики, схожие как с характеристиками западноевропейских особей, так и с монголоидами; второй череп (№ 102) был оценен как меланезоидный тип, а третий – как эскимойдный. Однако новое исследование типов черепов из Верхнего грота привело Ву Синьчжи (*Wu Xinzhi*, 1960) к заключению, что все три черепа могут принадлежать членам одной однородной популяции, в основном монголоидного типа.

В гроте было мало каменных орудий, но найдено много просверленных зубов животных, раковин, рыбных костей, каменных бусин, являвшихся, очевидно, предметами украшения, а также костяная игла, которой, по всей вероятности, шили. Эти культурные остатки очень схожи с предметами мадленской эпохи в Европе. С уверенностью можно сказать, что существовала практика намеренных погребений.

Две радиоуглеродные даты были определены для этой пещеры. Образец, взятый в нижнем помещении, датируется примерно 10,5 тыс. лет назад, тогда как образец из самой глубины пещеры датируется 18,9 тыс. лет назад. Первая из дат, вероятно, ближе ко времени захоронения.

Стоянки позднего палеолита довольно широко распространены на территории Китая. Основные – это стоянки Салаусу (Цзара-осо-гол), Шиюй, Шуйдонгу, Сяшуань и Сяонанхай; стоянка Хутоулянь датируется переходной эпохой между поздним палеолитом и неолитом. Большинство стоянок Южного Китая дали каменные орудия больших размеров и грубой обработки, свидетельствующие о еще более примитивной технике, чем у *пекинского человека*.

Расположенная в автономном районе Внутренняя Монголия возле селения Дагуван на плато Ордос стоянка Салаусу стала объектом многочисленных раскопок. Она дала исследователям более 20 остатков костей, относящихся к скелетам людей современного типа, но с некоторыми архаичными признаками. Обнаружили также несколько сотен каменных орудий и большое количество ископаемых позвоночных 46 видов. Самая характерная черта орудий – их небольшой размер. В основном это острия, шилья, скребла, скребки с рыльцем, скребки ногтевидной формы и резцы. Углеродным методом определена дата этой стоянки – около 35 тыс. лет (Huang & Wei, 1981).

Другая интересная стоянка – Шиюй близ деревни с таким же названием в округе Сусянь (север провинции Шэньси). Кроме фрагмента затылочной части черепа человека современного типа, на этой стоянке нашли более 15 тыс. каменных артефактов, графитовое отполированное украшение с просверленным отверстием, а также 16 видов ископаемых позвоночных, датируемых поздним палеолитом. Даты, полученные радиоуглеродным методом, определили возраст около 31 и 28,1 тыс. лет.

В Шиюй преобладают каменные орудия, сделанные из гальки жильного кварца, из разноцветного кварцита, агата или кремневого известняка. Большинство орудий небольших размеров, особенно много нуклеусов с биполярным отщеплением, многогранных, вытянутых пластин, полученных непрямой оббивкой. Острия, скребки и скребла свидетельствуют о более тонкой технике, чем в предшествующие эпохи. Некоторые виды скребков, ранее обнаруженные в местонахождении в Сюцзяо – двойные скребла, скребки с закругленным концом, в форме лопаточки, – найдены в Шиюй наряду с резцами классической формы (рис. 72).

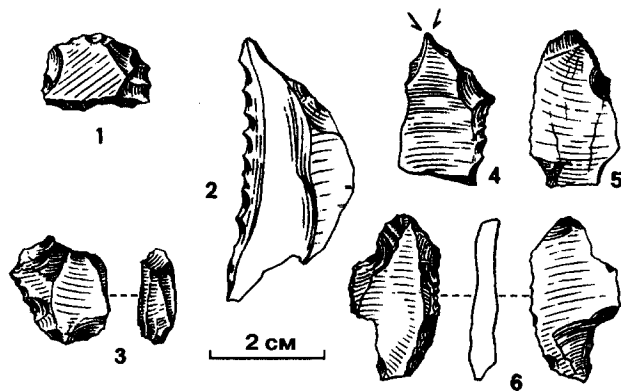

Рис. 72. Артефакты из Шиюй, провинция Шэньси (Китай): 1 – ногтеобразный скребок; 2 – вогнутый скребок; 3 – нуклеус с фигурной кромкой для получения микропластин; 4 – резец; 5 – наконечник для стрелы; 6 – нож в форме топорика

В Шиюй археологи обнаружили также нуклеусы Гоби, которые часто встречаются на микролитических стоянках Северо-Восточного Китая, Восточной Сибири и Северной Америки. Производство Шиюй соответствует микролитической традиции, характеризующей данные культурные зоны. Тонкие кремневые наконечники для стрел представляют в этом отношении особый интерес.

Верхний палеолит представлен также на севере Китая стоянкой Шуйдонгу в округе Линью (Нинся-Хуэйский автономный район). Там обнаружили большое число каменных артефактов, как правило, из кварцита, кремневого известняка и затвердевшего мергеля.

Культура Шуйдонгу, давшая преимущественно изделия крупных размеров, напоминает мустьерскую и ориньякскую культуры Западной Европы. Трехгранные наконечники Шуйдонгу в основном идентичны мустьерским, а серповидные сребла похожи на скребла ориньяка. Буль и др. (Boule et al., 1928) считают, что культура Шуйдонгу напоминает чрезвычайно развитую форму мустье, зарождающуюся форму ориньяка или сочетание этих обеих культур. Цзя и др. (Jia Lanpo et al., 1964) приходят к такому же заключению, отмечая, что культура Шуйдонгу представлена на небольшом количестве китайских стоянок. Углеродный метод датирует ее возрастом около 26,2 тыс. лет.

Самая древняя богатая микролитами стоянка – Сяшуань в округе Ойшуй (провинция Шэньси). Палеолитические следы очень распространены в речных отложениях этого района. Нуклеусы Сяшуани относятся к разным типам: нуклеусы для конических или цилиндрических микропластин, нуклеусы в форме воронки и нуклеусы Гоби. Ширина и длина каменных пластин соотносятся примерно как 1:4. Многие пластины усечены с двух концов, вероятно, для того чтобы прикреплять их поочередно как лезвие ножей к костяной рукоятке. В Сяшуани найдены также некоторые виды очень распространенных в микролитических культурах резцов. Небольшие трехгранные остроконечники с круглым или заостренным основанием служили, вероятно, заготовкой для стрел (Wang et al., 1978). В общем каменный инвентарь Сяшуани больше соответствует неолитическому инвентарю, чем микролиты, найденные на других палеолитических стоянках. Углеродные возрасты этой стоянки – около 21, 20,1 и 16 тыс. лет.

За культурой Сяшуань последовала культура Хутоулянь в бассейне Нихэван в округе Янцюань (провинция Хэбэй) (Gai & Wei, 1977). Ее каменный инвентарь похож на орудия Сяшуани. Единственная углеродная дата – около 11 тыс. лет.

Кроме того, надо отметить стоянку в пещере Сяонанхай (провинция Хэнань), также относящуюся к каменной микролитической культуре (An, 1965). Она дала более 7 тыс. каменных артефактов, из которых только малое количество было с ретушью. Возраст стоянки датирован углеродным методом около 11 тыс. лет.

Очевидно, что в настоящее время можно разделить палеолит на севере Китая на две основные системы. Одна из них характеризуется каменным материалом крупных размеров и трехгранными наконечниками, принадлежащими «линии Кэхэ-Динькун». Последовательность здесь такая: Сихоуду – Кэхэ – Динькун – Э'маокоу (древний палеолит) (Jia & You, 1973). Другая система характеризуется микролитическим инвентарем, принадлежащим «линии Чжоукоудянь, стоянка – Шиюй». При этом наблюдается последовательность: Донгутуо – Чжоукоудянь, стоянка 1 – Сяшуань – Салаусу – Шиюй – Сяонанхай. Во время среднего палеолита от этих двух систем произошли, очевидно, культуры Шуйдонгу, Сяшуань и Хутоулянь. В начале неолита они смешались с культурой Сяонанхай и образовали неолитическую культуру, распространившуюся на большей части Северного Китая.

Палеолит же Южного Китая трудно определить, возможно, он относится к какой-то третьей системе.

Технология изготовления гончарных изделий начала развиваться примерно 10 тыс. лет назад. На стоянке Хэму-ду (Хо-му-ту) в округе Юйяо (провинция Чжэцзян) найдены остатки культивированного риса и заступ, сделанный из лопатки позвоночного животного, датированные, вероятно, 7–6 тыс. лет назад. Археологи обнаружили также каменные лопаты и серпы в Э'маокоу, возможно, на самой древней стоянке. Эти находки доказывают, что земледелие зародилось гораздо раньше, чем принято считать. Если верить определению, что неолит начинается с гончарных изделий, земледелия и одомашнивания животных, то его начало надо отнести примерно к 10 тыс. лет назад.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AN ZHIMIN. 1965. [Trial excavations of the Palaeolithic cave of Xiaonanhai in Anyang, Honan.] *Acta Archaeologica Sinica*, Vol. I, pp. 1–28.
- BOULE, M. et al. 1928. *Le Paléolithique de la Chine*. Paris, Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine. Vol. 4, pp. 1–138.
- GAI PEI; WEI QI. 1977. Discovery of the Late Palaeolithic Site of Hutouliang, Hebei. *Vertebrata Palasiatica*, Vol. 15, No. 4, pp. 287–300.
- HUANG WEIWEN; WEI QI. 1981. [New Discovery of Human Bones and Stone Artifacts from Ordos.] In: 'Inner Mongolian Agriculture and Animal Husbandry.' Yikezhao League Cultural Relics Work Station Hohhot, Head Office. *E'erdusi Wenwu Kaogu Wenji*, pp. 24–32.
- JIA LANPO; YOU YUCHU. 1973. [The Remains of a Stone Workshop at Ngo-mao-kou in Huaijen County, Shensi Province.] *Acta Archaeologica Sinica*, Vol. 2, pp. 13–26.
- JIA LANPO; GAI PEI; LI YANXIAN. 1964. New Material from Shuidonggou Palaeolithic site. *Vertebrata Palasiatica*, Vol. 8, No. 1, pp. 75–83.
- WANG JAIN; WANG XIANGQIAN; CHEN ZHEYING. 1978. [Archaeological Reconnaissance in Hsia Chuan in Chin Shui County, Shansi Province.] *Acta Archaeologica Sinica*, Vol. 3, pp. 259–88.
- WEIDENREICH, F. 1939. On the Earliest Representative of Modern Mankind Recovered on the Soil of East Asia. *Bulletin of the Natural History Society of Peking*, Vol. 13, No. 3, pp. 161–74.
- WU RUKANG. 1959. Human Fossils Found in Liukiang, Kwangsi, China. *Palaeovertebrata et Palaeoanthropologia*, Vol. 1, No. 3, pp. 97–103.
- WU XINZHI. 1960. On the Racial Type of Upper Cave Man of Choukoutien. *Palaeovertebrata et Palaeoanthropologia*, Vol. 2, No. 2, pp. 141–9.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ
И ЯПОНИЯ
в период *Homo sapiens sapiens*
(человек разумный современного вида)
до начала производства пищи

Карл Л. Хуттерер

Хотя в Юго-Восточной Азии поиски археологических остатков плейстоцена начались в конце XIX в. и с тех пор велись почти непрерывно, сегодня нам по-прежнему известно очень немного о происхождении и культурной эволюции *человека разумного* современного вида в этом регионе. В территориальном плане раскопки проводились неравномерно, и археологи продолжают делать неожиданные открытия, вынуждающие их часто изменять свои гипотезы.

С другой стороны, только в 1950-е гг. в Японии начались серьезные исследования плейстоценовых культур. Ранее обычно считали, что только с началом среднего голоцена японский архипелаг стал заселяться дзёмонскими группами, которые чаще всего относили к неолитическим по особенностям их керамики и каменных орудий с шлифованными лезвиями. Существование докерамического периода было признано сообществом археологов – специалистов по Японии довольно поздно, но благодаря быстрому прогрессу научных исследований сейчас известны более 1000 докерамических местонахождений, которые уже изучены настолько полно, что удалось с достаточной точностью определить характер ряда аспектов жизни тех популяций, которые сформировались в Японии к концу верхнего плейстоцена.

Исходя из подобия форм ряда каменных орудий в различных районах и нескольких поздних гончарных изделий, некоторые ученые (*Bellwood, 1979; Maringer, 1957a, 1957b*) предположили, что Юго-Восточная Азия и Япония поддерживали между собой отношения уже в доисторическую эпоху. Априори исключить возможность подобных отношений никак нельзя, однако в настоящее время нет достаточных фактов для обоснования этой гипотезы. Действительно, культурная и социальная эволюция конца плейстоцена и начала голоцена в Юго-Восточной Азии и Японии в целом имеет немало различий. Учитывая эти различия и разброс имеющихся данных о каждом регионе, мы рассмотрим Юго-Восточную Азию и Японию в отдельных разделах.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Археология позднего плейстоцена

Для соответствующего упорядочения содержания данной главы следует повторить несколько положений, сформулированных в гл. 8 и 17. В географическом отношении обычно Юго-Восточную Азию подразделяют на материковую и островную части, однако, смотря на нынешнюю береговую линию, мы не должны забывать о том, что Азиатский континент продолжается обширным Зондским шельфом, большая часть которого в настоящее время покрыта морем. Несколько раз во время плейстоцена в результате весьма существенного понижения уровня моря значительные площади шельфа выступали наружу, в силу чего острова Суматра, Ява, Борнео и частично Палаван соединялись с материком. Именно в эти периоды популяции *человека разумного* впервые обособились в материковой области Юго-Восточной Азии и распространились до Явы.

С другой стороны, Восточная Индонезия, Сулавеси (Целебес) и главные архипелаги Филиппин, вероятнее всего, не были связаны с континентом в период плейстоцена (*Heaney, 1985*). Между тем различные каменные орудия, найденные на этих островах, датированы средним плейстоценом или началом верхнего плейстоцена (*Fox, 1978; Heeckeren, 1958; Maringer, 1970*), хотя такая датировка представляется сомнительной в свете данных стратиграфического анализа (*Hutterer, 1977*). Следует отметить, что на островах, расположенных вне континентального шельфа, ни разу не были найдены останки каких-либо других людей, кроме *человека разумного* современного вида. По этой причине (хотя мнение по данному вопросу основывается лишь на несогласии с приводимыми данными) нам представляется крайне маловероятным, что доисторические люди могли добраться до этих островов. Зато доказано, что человек здесь живет уже не менее 30 тыс. лет (*Glover I.C., 1981*). Впрочем, известно, что заселение Австралии и Новой Гвинеи произошло примерно 30 или 35 тыс. лет назад, а возможно,

даже несколько ранее (White & O'Connell, 1982), и поэтому присутствие *человека разумного* современного вида на островах океанского ареала представляется закономерным результатом большого технического прогресса, поскольку оно предполагает способность плавать в открытом море на дальние расстояния.

До настоящего времени в Юго-Восточной Азии было обнаружено сравнительно мало остатков, принадлежащих первым популяциям *человека разумного* современного вида. Найдены три группы остатков, причем все – на островах материковой области. В 1889 г. два черепа неустановленного возраста были извлечены из известнякового карьера в Важаке (Ваджаке) на Яве (Dubois, 1920–1921). Другой череп, обнаруженный в пещере Ниах в Сараваке (Борнео), был предварительно датирован радиоуглеродным методом как принадлежащий к периоду приблизительно от 41,5 до 39,6 тыс. лет (Harrison, 1970). Наконец, возраст последнего черепа в 21 тыс. лет, найденного в пещере Табон на о. Палаван на Филиппинах, был предварительно датирован тем же методом (Fox, 1970). Однако эти даты должны быть поставлены под сомнение из-за неустановленного стратиграфического положения останков. Впрочем, весьма вероятно, что все эти три группы принадлежат концу верхнего плейстоцена.

Исключительный интерес к ним состоит в том, что они проливают свет на генезис расового разнообразия, которое наблюдается в наши дни в Восточной Азии и Океании. К сожалению, из-за малочисленности и возрастной неопределенности этих останков возник целый ряд несовпадающих и часто противоречивых интерпретаций. Некоторые ученые подчеркивали их сходство с более древними останками *человека прямоходящего*, найденными в этом же районе, с останками *человека разумного* современного вида, обнаруженными в Австралии и в Верхнем гроте пещеры Чжоукоутянь в Китае, или же с характеристиками современных негритосов в Юго-Восточной Азии (Brothwell, 1960; Howells, 1973, 1976). Все эти сопоставления привели ученых к разным выводам: одни верят в долгую эволюцию в данном регионе без внешнего участия, другие считают, что более древние первоначальные популяции уступили место людям современного типа, пришедшим с севера Азии. Торн и Волпофф (Thorne & Wolpoff, 1981; Wolpoff et al., 1984) высказали мнение о совместности этих гипотез, подчеркнув, что соответствующие им процессы должны были взаимодействовать (Brace, 1978; Brace et al.; Hinton, 1981; Brace & Vitznum, 1984; Bulbeck, 1981).

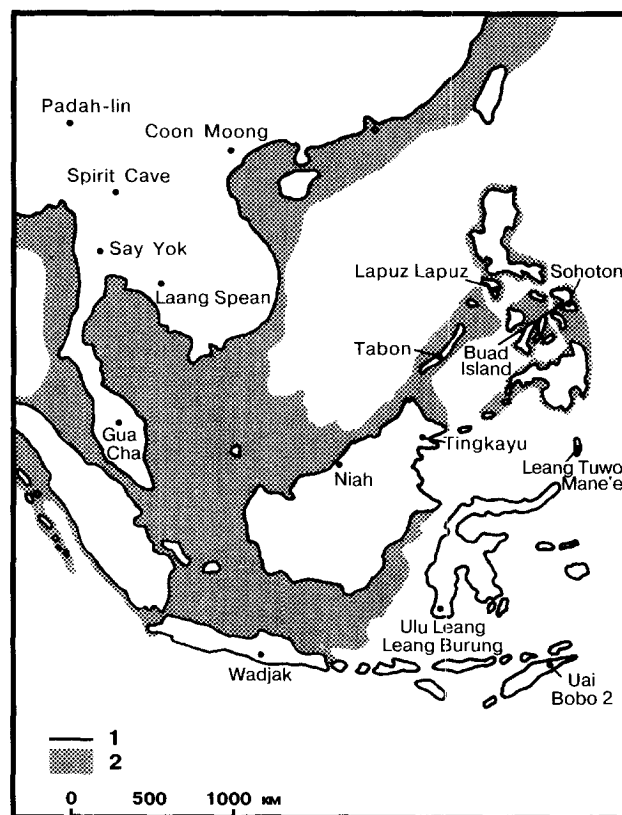
Какой могла быть среда обитания первых популяций *человека разумного* современного вида в Юго-Восточной Азии? Здесь мы располагаем в лучшем случае отрывочными сведениями. Нам известно, что в зонах с умеренным климатом и горных районах это время было отмечено последним большим оледенением эпохи плейстоцена. Можно, следовательно, предположить, что уровень моря был тогда относительно низким, хотя масштабы и изменения его понижения еще не рассчитаны с достаточной точностью. Представляется, что к концу плейстоцена средний уровень моря был, как минимум, на 120 м ниже нынешнего (Donn et al., 1962; Hopkins, 1982). Некоторые авторы называли разницу в 160 и даже в 200 м (Chappell, 1976). На карте 22 показана конфигурация материка и островов в ту эпоху, соответствующая наиболее умеренным из приведенных выше оценок.

Более проблематичным представляется умозрительное реконструирование климата и растительности. Исследования, предпринятые в разных направлениях, дают основания считать, что в экваториальной части Юго-Восточной Азии в те периоды плейстоцена, когда произошло глобальное охлаждение климата, среднегодовые могли быть на 2 °C ниже современных температур (CLMAP Project Members, 1976; Flenley, 1985). Это охлаждение, возможно, не имело прямого влияния на живые существа, однако в

связи со значительным расширением площади выступивших из моря земель оно вполне могло существенно изменить режим господствующих ветров и осадков и тем самым воздействовать на фауну и флору. К концу плейстоцена региональный и локальный климат, вероятно, был суше нынешних (Van Zeist, 1983–1984; Verstappen, 1975). Можно считать, что влажные леса с вечнозеленой растительностью занимали меньшую площадь, чем в настоящее время, и что крупные зоны этого региона были покрыты листовенными тропическими лесами, а также саваннами.

До настоящего времени археологи исследовали и опубликовали отчеты о малом числе мест, которые можно уверенно отнести к заключительному плейстоцену. Среди них имеются как пещеры, так и места на открытых участках. Наиболее известны, по-видимому, пещера Ниах в штате Саравак в Восточной Малайзии (Борнео, или Калимантан) и пещера Табон. В очень большой по размерам пещере Ниах сформировался толстый остаточный слой. Анализы углеродом-14 определили возраст первого культурного периода приблизительно в 40 тыс. лет (Harrison, 1970). Однако новые исследования пещеры свидетельствуют о необходимости пересмотра этой датировки ближе к настоящему времени (Zuraina, 1982). Археологическая последовательность Ниах продолжается до сих пор. Та часть последовательности, которая относится к плейстоцену, характеризуется каменным скоплением, состоящим главным образом из орудий, представляющих собой мало дифференцированные и почти необработанные отщепы. Обработанные камни составляют очень небольшую часть скопления (менее 2%).

В археологических пластах имеются и многочисленные кости животных и остатки пресноводных и морских раковин (сейчас эта пещера находится в 16 км от побережья), а также семена различных видов деревьев, которые давали съедобные плоды или использовались

Карта 22. Протяженность перешейков позднего плейстоцена в Юго-Восточной Азии и места археологических раскопок, упомянутые в тексте: 1 – современная береговая линия; 2 – береговая линия плейстоцена (по Hutterer)

как сырье. Даже если не все эти животные и растительные остатки были принесены в пещеру человеком, сам факт наличия того и другого позволяет предположить, что охота и собирательство были источником разнообразных ресурсов для обитателей пещеры.

Пещера Табон, которая сейчас расположена на побережье Южно-Китайского моря, вероятно, находилась на расстоянии более 30 км от моря в плейстоценовые периоды, когда уровень моря был ниже. Хотя радиоуглеродные датировки дают приблизительный возраст находок в пещере не более 30,5 тыс. лет (Fox, 1970, p. 24), можно предположить, что заселение этой пещеры началось 45 тыс. лет назад и завершилось примерно 9 тыс. лет назад. Работавшие в пещере археологи различают пять типов культурных остатков, в основном сколов (отщепов), однако следует признать, что между ними нет существенной разницы. В целом техника обработки камня, применявшаяся в Табонской пещере, во многом напоминает технику пещеры Ниах. В скоплениях обнаружены главным образом орудия из отщепов и очень немного обработанной гальки. Обращают на себя внимание, в частности, такие же выпуклые скребки с круто оббитым лезвием, которые были очень распространены в Юго-Восточной Азии и на островах Тихого океана (Peralta, 1981). Несмотря на значительные различия в видах животных, использовавшихся, судя по остаткам, обнаруженным в пещерах Ниах и Табон, в качестве пищи, между ними существует и генетическое сходство в том, что табонские остатки также свидетельствуют о большом разнообразии ресурсов.

В третьем месте – в скальном укрытии Леанг-Бурунг 2, которое расположено на юге о. Сулавеси (Heekeren, 1972; Glover I.C., 1981), радиоуглеродным методом обнаруже-

ны отложения давностью от 31 до 20 тыс. лет. Весьма вероятно, что заселение этой стоянки продолжалось в течение более длительного периода. Здесь было найдено скопление орудий из отщепов, отличающихся по ряду признаков от скоплений, обнаруженных в Ниахе и Табоне. В этом скоплении нет орудий из гальки, но имеются леваллуазские остроконечники (рис. 73, А), а также отщепы, покрытые фитолитным, или кремневым, «блеском», образовавшимся при их использовании для срезания кремне содержащих растений. В Леанг-Бурунге 2 были найдены также кости животных и осколки раковин пресноводных моллюсков и наземных улиток. Этот последний вид раковин указывает на то, что окружающая среда почти не изменилась за время пребывания людей в данном убежище (Glover E., 1981).

Известны также результаты раскопок на открытых и подскальных стоянках, расположенных на берегу бывшего высохшего озера близ Тингкаю, штат Сабах в Западной Малайзии (на о. Калимантан) (Bellwood, 1984). Открытые стоянки в этом месте, по-видимому, можно хронологически отнести к тому времени, когда поток лавы перегородил р. Тингкаю 28 тыс. лет назад, а образовавшееся озеро пересохло 17 тыс. лет назад. Стоянки Тингкаю дали каменный инвентарь, в котором помимо оббитой гальки имеются нуклеусы и отщепы неправильной формы, а также ланцетообразные остроконечники с двусторонней обработкой (рис. 73, В). Эти наконечники высокого технического уровня до настоящего времени являются единственными во всех находках, сделанных на доисторических стоянках Юго-Восточной Азии.

Следует отметить, что в расположенном неподалеку скальном укрытии Багоп-Било, заселенном 17–12 тыс. лет назад, не найдено бифасов – орудий с двусторонней обработкой. Комплект орудий этой стоянки более типичен для скоплений стоянок Юго-Восточной Азии, состоящих из орудий из отщепов, обработанной гальки, нуклеусов и скребков с круто ретушированными лезвиями.

При этом необходимо отметить наличие в данном убежище ножей в форме пластин, покрытых фитолитным блеском (Bellwood, 1984, p. 45). На открытых стоянках Тингкаю не было обнаружено органических остатков, в то время как в скальном укрытии Багоп-Било найдены следы разных животных – млекопитающих, птиц, пресмыкающихся и рыб.

Все стоянки заключительного плейстоцена, обнаруженные в материковой части Юго-Восточной Азии, находятся во Вьетнаме. Речь идет о более чем 130 пещерах и открытых стоянках, скопления каменного инвентаря в которых получили название Сон Ви, или сонвинских (Ha, 1980, 1985). Для них характерно наличие скребловидных орудий, отшлифованных с одной стороны, и отсутствие орудий хоабиньского типа, таких как «суматралиты» (см. ниже). Эти скопления не получили полного описания в опубликованных отчетах. В результате раскопок, произведенных в пещере Кон Моонг, остатки Сон Ви были отнесены к пластам, расположенным ниже хоабиньских (Pham, 1980). По датировкам углеродом-14 относительно других пещер возраст Сон Ви был определен от 18 до 13 тыс. лет (Ha, 1980, p. 118). С учетом данных имеющихся мало детализированных отчетов можно предположить, что на стоянках Сон Ви имеется большее разнообразие остатков животных, чем на позднейших хоабиньских стоянках.

Под пластом Сон Ви скального укрытия Нгуом были обнаружены производства орудий из отщепов и пластин, датированные от 30 до 18 тыс. лет назад (Ha, 1985). И хотя при этом не производились настоящие оббитые артефакты из гальки, многие орудия из отщепов сохранили часть поверхности галечных голышей, из которых они изготовлены.

Имея лишь столь фрагментарные сведения, трудно составить полное представление об обществах и культурах

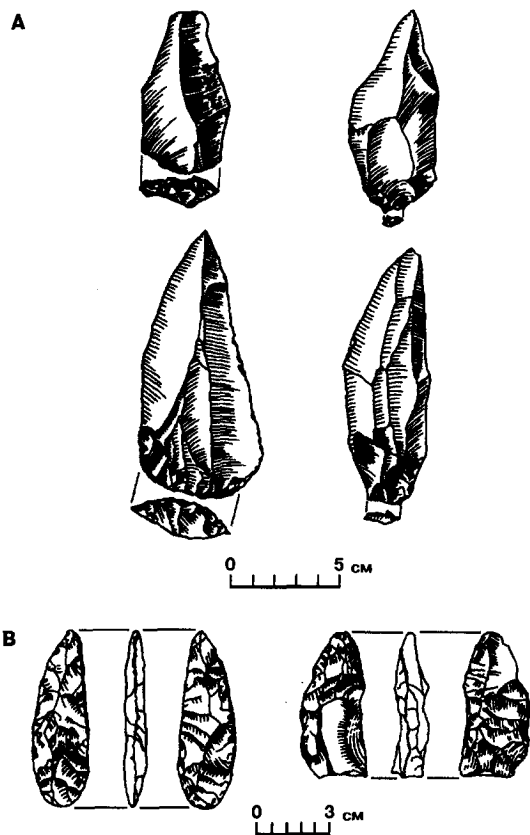

Рис. 73. Артефакты из Индонезии и с о. Борнео: А – осколки леваллуазского типа из местонахождения Леанг-Бурунг 2, о. Сулавеси (Индонезия) (по Glover I.C., 1981, p. 24); В – остроконечники ланцетообразного типа с двусторонней оббивкой отщепов из местонахождения Тингкаю, штат Сабах, Восточная Малайзия и с о. Борнео (Индонезия) (по Bellwood, 1984, p. 41)

заклучительного плейстоцена. Нам не известно, в какой степени различия между каменными орудиями нескольких стоянок отражают подлинное культурное разнообразие и адаптированность технологий к различной среде обитания, или, скорее, разницу между видами деятельности. Однако мы не слишком рискуем ошибиться, если предположим, что *человек разумный* современного вида присутствовал во всей Юго-Восточной Азии, как в ее материковой части, так и на основных островах, и что, занимаясь охотой и собирательством, он, по-видимому, использовал весьма разнообразные ресурсы, предоставляемые различными типами тропической среды обитания. И хотя технология, применявшаяся для изготовления каменных орудий, в целом была удивительно проста, это отнюдь не было результатом слабого технического мастерства, что подтверждается существованием некоторых технологий высокого уровня. Именно поэтому ряд археологов (*Hayden, 1977; Hutterer, 1977; Solheim, 1969*) выдвинули гипотезу о том, что технология изготовления орудий из камня дополнялась другими технологиями, намного более развитыми и специализированными, которые основывались на использовании органического сырья, особенно древесины.

Постплейстоценовые охотничьи культуры (приблизительно до 5 тыс. лет назад)

Вслед за последним оледенением в плейстоцене (около 10 тыс. лет назад) во всем мире произошло повышение среднегодовых температур, вызвавшее отступление льдов в умеренных зонах и повышение уровня морей. В Юго-Восточной Азии наиболее заметным последствием этих изменений стало сокращение примерно на 50% поверхности материковой части.

Можно сказать, что в эту эпоху сформировался тот режим муссонов, который известен сегодня, с соответствующими фауной и флорой (влажные леса равнин и плоскогорий, лиственные леса, изменчивость прибрежных зон и т.д.). Однако и на протяжении всего голоцена продолжались незначительные климатические изменения. По-разному проявляясь в тех или иных регионах, в целом они выражались в перепадах температур, чередовании сухих и влажных периодов и изменении уровня морей, который то повышался, то понижался на несколько метров по сравнению с нынешним (*Huang et al., 1984; Yang & Xie, 1984*).

Археологи много спорили относительно масштабов тех изменений, которые произошли в среде обитания Юго-Восточной Азии в конце плейстоцена, а также о тех усилиях по адаптации, которых эти изменения могли потребовать со стороны человеческих общин. В общем мы знаем в данном регионе достаточно много стоянок, которые были обитаемы на протяжении всего переходного периода между плейстоценом и голоценом. Обнаруженные остатки явно не указывают на наличие заметных культурных интервалов, в частности в том, что касается технологии обработки камня. Впрочем, существует много других аспектов культурной организации, о которых мы знаем пока очень мало, в то время как изменения окружающей среды могли оказать гораздо более сильное воздействие именно на них.

В 1920-е гг. французские археологи, работавшие в Индокитае, впервые идентифицировали культурный комплекс Хоабинь, относящийся к этому переходному периоду (*Colani, 1927, 1939; Patte, 1925, 1936; Matthews, 1966*). Пещерные местонахождения и прибрежные скопления морских раковин стали местом находок артефактов из оббитой гальки с односторонней ретушью, имеющих характерные и предсказуемые формы, слаботоршированных орудий из отщепов, имеющих непр-

вильные формы, точильных камней, часто сделанных из кусков гематита, а также остатков млекопитающих, пресмыкающихся, птиц и раковин.

Первые описания этого комплекса или культуры, Хоабинья подчеркивали, что данные находки содержали специфические типы обработанной гальки, в частности «суматралиты» (плоские и округлые обточенные водой голыши миндалевидной или дисковидной формы, полностью оббитые с одной стороны), «короткие топоры» (короткие массивные голыши с лезвием, обработанным с одной стороны) (рис. 74) и другие орудия.

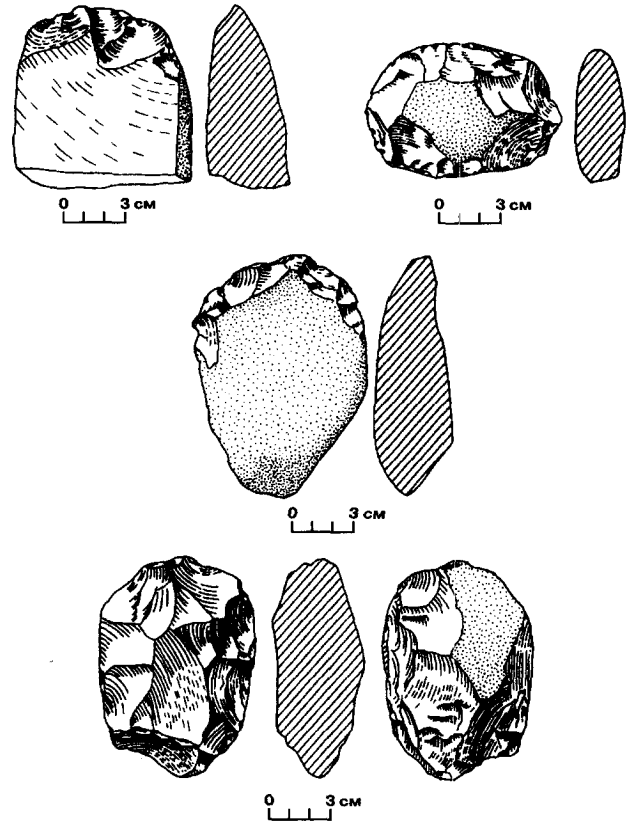

Рис. 74. Хоабиньские обработанные голыши (Вьетнам) (по *Pham, 1978*)

В верхних пластах хоабиньских отложений часто попадались голыши со сточенными лезвиями. Хоабиньские стоянки были обнаружены во Вьетнаме (*Ha, 1978, 1980; Pham, 1978*), Лаосе (*Matthews, 1966*), Камбодже (стоянка Лаанг-Спеан: *Mourer, 1977*), Таиланде (Пещера Духов: *Gorman, 1970*; Саи-Йок: *Heekeren & Knuth, 1967*), Мьянме (ранее Бирма) (Падах-лин: *Aung, 1971*), на п-ве Малакка (*Matthews, 1961*) в Гуа-Ча (*Sieeking, 1955*), на о. Суматра (*Heekeren, 1972*) и в Южном Китае (*Aigner, 1979; Jiangxi Provincial Museum, 1976; CPAM, Guangxi Province, 1976; Zhu, 1984*).

Несмотря на все проведенные исследования, хоабинь по-прежнему вызывает ряд вопросов. Некоторые специалисты по предыстории Вьетнама, основываясь на датировках методом углерода-14, относят хоабинь к периоду от 12 до 8 или 6 тыс. лет назад (*Davidson, 1975, 1979; Ha, 1980*). Другие ученые, которые рассматривают скопления орудий типа Сон Ви как относящиеся к более ранней стадии хоабинья, определяют возраст последнего примерно в 40 тыс. лет назад (*Solheim, 1972, 1980*), в то время как другие продлевают этот период для нескольких стоянок до 1,2 тыс. лет назад (*Yen, 1977*). Остается открытым и вопрос о питании членов хоабиньских общин. Остатки

наземных и водных животных и фрагменты морских раковин, найденные на многих стоянках, свидетельствуют о том, что их обитатели добывали пищу охотой и отловом самых различных животных (носорогов, оленей, кабанов, белок, птиц, рептилий, рыб). В Пещере Духов на севере Таиланда найдены остатки растений, дающие основание считать, что окультуривание и возделывание растений могло начаться в этом регионе 10 тыс. лет назад (*Gorman*, 1969, 1970, 1971; *Solheim*, 1969, 1970, 1972). Эта гипотеза, к сожалению, не подтверждена исследованиями ботаников (*Yen*, 1977). Некоторые вьетнамские археологи, тем не менее, включили растениеводство в свое определение хоабинья (*Hoang*, 1984).

Наконец, остается вопрос о географическом распространении хоабинья. Долгое время считалось, что эта культура ограничивалась материковой частью Юго-Восточной Азии и восточным побережьем о. Суматра (*Solheim*, 1974). Однако затем были найдены хоабиньские поселения на Филиппинах (*Peterson*, 1974). По-видимому, обработанная односторонней оббивкой галька, которую находили на поверхности земли по всей Индонезии, во многих случаях должна датироваться не палеолитом, как полагали ранее, а периодом перехода от плейстоцена к голоцену (*Barstra*, 1983; *Heekeren*, 1972). Если мы определяем хоабинь главным образом по обработке гальки, то можно считать, что скопления, в которых присутствуют хоабиньские элементы, встречаются во всей Юго-Восточной Азии.

В зоне островов на многих стоянках, датируемых древним или средним голоценом, имеются каменные орудия, принадлежащие к производству пластин и отщепов, которое также называют производством «аморфных отщепов». Соответствующие стоянки найдены на о. Тимор (*Glover*, 1971, 1972), о. Флорес (*Verhoeven*, 1953), о. Суматра (*Bronson & Asmar*, 1975), о. Борнео (*Bellwood*, 1985), о. Сулавеси (*Bellwood*, 1976), о. Минданао (*Solheim et al.*, 1979; *Spoehr*, 1973), о. Палаван (*Fox*, 1970), в центральной части Филиппин (*Coutts*, 1983; *Tugle & Hutterer*, 1972) и на севере о. Лусон (*Peterson*, 1974; *Ronquillo*, 1981; *Thiel*, 1980). Многие из них были заселены на протяжении, вероятно, 10 тыс. лет. Самое древнее поселение, Уай-Бобо 2, о. Тимор (*Glover*, 1972), имеет возраст приблизительно 13,5 тыс. лет, а самое «молодое» всего 4 тыс. лет (Сохотон на о. Самар, Филиппины; *Tugle & Hutterer*, 1972). В подавляющем большинстве эти стоянки находились в пещерах или в скальных укрытиях, но были и стоянки открытого типа.

Каменные орудия, найденные в этих местах, являются продуктами различных производств. В некоторых случаях создается впечатление, что нуклеусы обрабатывались или раскалывались как бы по воле случая, и орудия просто выбирались из таких самообразовавшихся отщепов. Эту технику иногда обозначают недостаточно точным английским выражением «*smash-and-grab*» («разбивай и забирай»). В других производствах нуклеус предварительно подготавливали к раскалыванию, благодаря чему получались более стандартизированные отщепы. Такие отщепы, имеющие форму удлиненных пластин, были найдены в ряде скоплений. Трудно сказать, можно ли подразделить эти производства на несколько отдельных типов или между ними существует более или менее последовательная связь. Ни в одном из скоплений не обнаружено много образцов целенаправленного ретуширования.

В некоторых скоплениях наличие фитолитных остатков на ряде отщепов, а точнее, на их режущем крае, свидетельствует о том, что их использовали для срезания или обтесывания растений, содержащих кремний. Наряду с каменным инвентарем часто обнаруживались костяные орудия, как правило, иглы и шилья. В большинстве скоплений, датируемых 5–4 тыс. лет назад, уже появляются гончарные изделия.

В целом остатки растений и животных, найденные в этих поселениях, позволяют предположить, что их оби-

татели широко применяли многие разнообразные местные ресурсы. Некоторые стоянки использовались для проживания и после появления земледелия, хотя это событие часто связано с новым образом жизни, характеризующимся более интенсивной деятельностью, а также с усовершенствованием каменных орудий, зарождением новых производств, таких как гончарное искусство, и появлением остатков костей домашнего скота. Однако даже в этих поселениях раскопки показали, что охота и собирательство продолжались. Некоторые каменные производства относительно специализированного характера, обнаруженные преимущественно в центре Индонезии и на Филиппинах, проливают свет на технологические изменения, произошедшие в период среднего голоцена, и на их вероятную взаимосвязь с возникновением земледелия. В отдельных производствах делались пластины, иногда очень маленькие, которые «извлекались» из нуклеусов конической или цилиндрической формы, как, например, в Леанг-Туво-Мане'е на о. Талауд в Индонезии (*Bellwood*, 1976) или на о. Буад на Филиппинах (*Sheans et al.*, 1970). На большинстве стоянок многие пластины, а иногда и некоторые отщепы покрыты фитолитной блестящей патиной. Представляется, что эти «пластиночные» производства предшествовали керамике, однако они продолжали существовать и некоторое время после распространения гончарных изделий. В Леанг-Туво-Мане'е орудия из пластин появились приблизительно 5,5 тыс. лет назад, но они начинают встречаться все реже в скоплениях 4,5 тыс. и менее лет; в их состав уже входят гончарные изделия (*Bellwood*, 1976, 1985).

Другие специализированные производства, следы которых пока найдены только на о-вах Сулавеси и Ява, характеризовались двусторонне обработанными микролитами и наконечниками для метательных снарядов. В производствах этой категории, обнаруженных на юге о. Сулавеси, имеются небольшие пластины, а также части более крупных пластин и отщепов треугольной и трапецевидной формы с краем, оббитым крутой ретушью («пластины со спинкой» и «геометрические микролиты») (рис. 75, А).

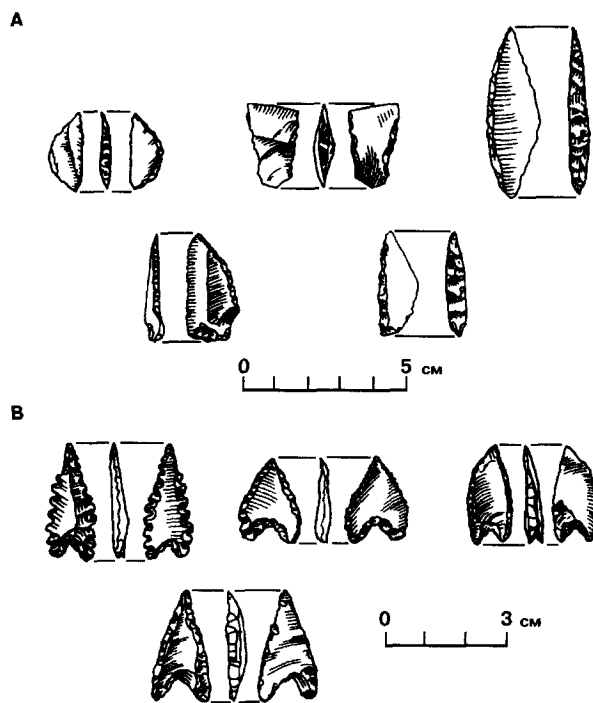

Рис. 75. Артефакты из Улу-Леанга, о. Сулавеси (Индонезия): А – пластины со спинкой и микролиты; В – остроконечники типа Марос (по *Glover & Presland*, 1985)

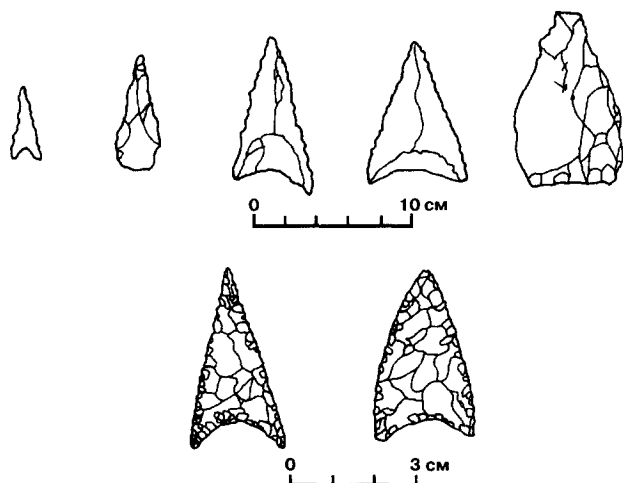

Рис. 76. Двусторонне обработанные наконечники метательных снарядов с о. Ява (Индонезия) (по Heekeren, 1972; Glover, 1973a)

Кроме того, встречаются остроконечники типа Марос – маленькие отщепы и треугольные пластинки, у которых имеется выемка у основания, причем лезвия бывают и ровные, и зубчатые в результате односторонней или двусторонней ретуши (рис. 75, В). Все это встречается в Улу-Леанг 1 на Сулавеси в Индонезии (Glover, 1976; Glover & Presland, 1985). Пластины такого типа и геометрические микролиты датируются приблизительно 7–6 тыс. лет назад, а остроконечники типа Марос – 4 тыс. лет. Эти два типа орудий, по-видимому, исчезли приблизительно 2 тыс. лет назад. Микролиты и остроконечники с двусторонней обработкой были найдены также на недатированных стоянках в центральной и западной части Явы (рис. 76) (Bandi, 1951; Heekeren, 1972).

Некоторые ученые попытались найти в других регионах более ранние следы обработки камня, получившей развитие в Юго-Восточной Азии после плейстоцена (Bellwood, 1979, 1985; Glover, 1973b; Glover & Presland, 1985), но их усилия не завершились и вряд ли когда-либо завершатся успешно. Если вместо этого ограничиться общей интерпретацией описанных выше археологических находок, можно считать, что в последние тысячелетия доисторического развития Юго-Восточной Азии население значительной части этого региона использовало различные способы жизнеобеспечения, причем хозяйства, основанные на охоте и собирательстве, продолжали существовать и после того, как появились и окрепли хозяйства, основанные на земледелии. Остатки, найденные в нескольких более поздних поселениях, показывают, что их обитатели имели связи с общинами земледельцев (Dunn, 1975; Hutterer, 1976), и весьма вероятно, что в некоторых наиболее специализированных каменных производствах отражались специализированные формы лесных работ, каким-то образом связанные и даже взаимодействовавшие с земледельческими хозяйствами.

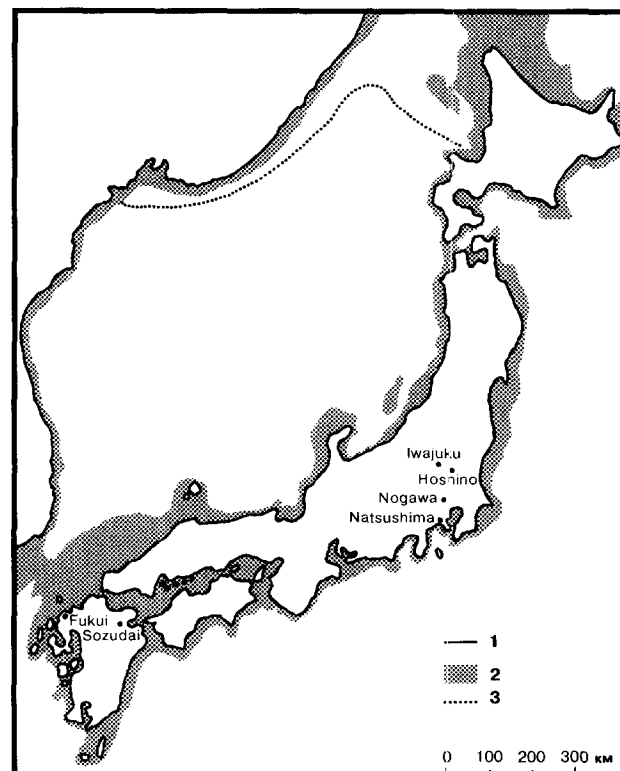
ЯПОНИЯ

Докерамические культуры

Как мы отмечали в начале этой главы, археологические изыскания, касающиеся палеолита, по-настоящему развернулись в Японии достаточно поздно. Существование докерамической культуры плейстоцена было окончательно доказано только после того, как археолог-

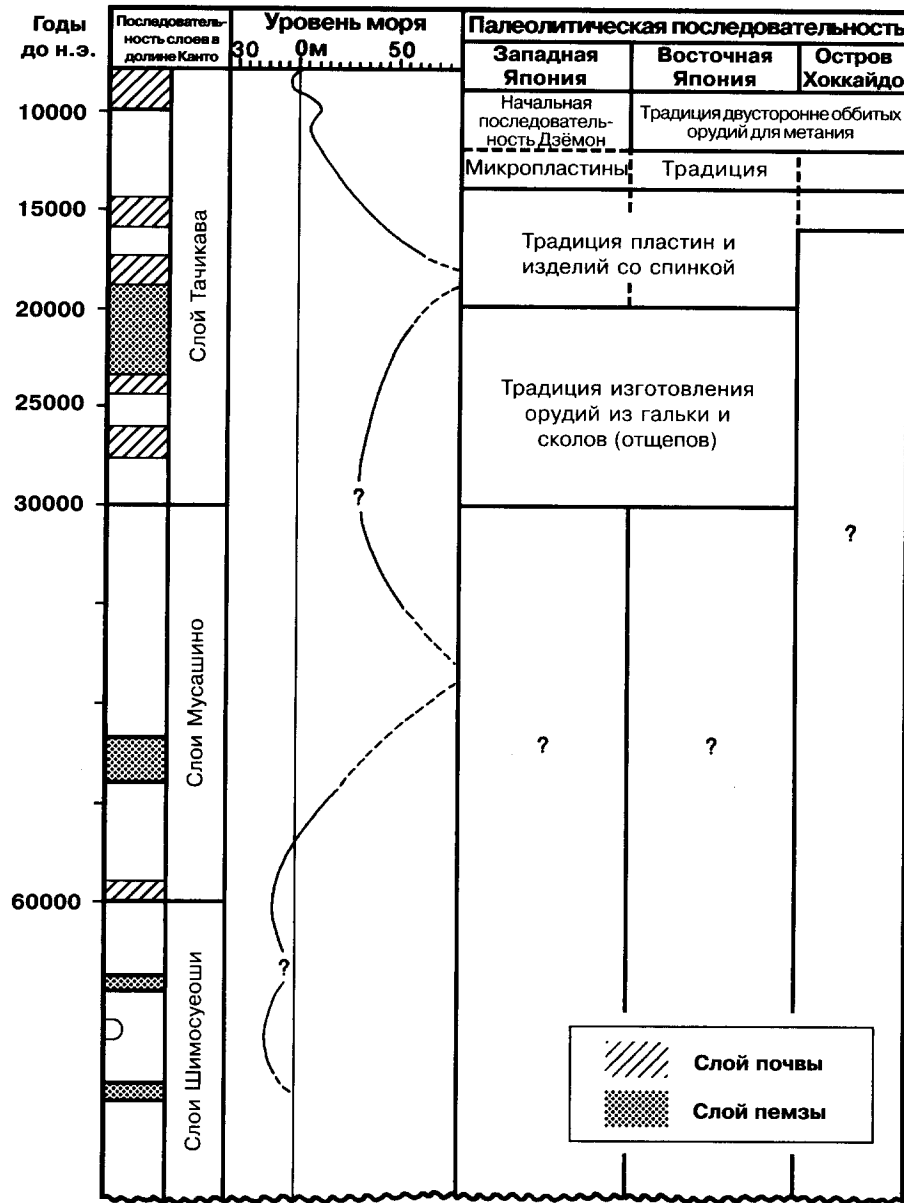
любитель А. Тадахиро нашел каменные орудия в плейстоценовом глиняном пласте в Иваджуку примерно в 90 км к северу от Токио (Ikawa, 1964). В дальнейшем раскопки, произведенные Сугихарой (Sugihara, 1956), подтвердили стратиграфическое расположение данных артефактов в плейстоценовом горизонте под отложением периода Дзёмон. После этого было обнаружено и раскопано более тысячи докерамических стоянок (Ikawa-Smith, 1978a). Археологические исследования и многочисленные разработки в смежных областях позволили – во всяком случае в некоторых отношениях – воссоздать сравнительно детальную картину японского палеолита.

Мы уже знаем, что в эпоху плейстоцена уровень моря опускался в периоды охлаждения. При этом японские острова несколько раз оказывались связанными между собой и с континентом, а их конфигурация и поверхность изменялись в зависимости от уровня моря. Вытянутая дуга, образуемая этими островами, могла быть в контакте с двумя очень разными регионами материка: с Сибирью через острова Хоккайдо и Сахалин и с равнинами Северного Китая через острова Кюсю и Корею (Kotani, 1969; Minato et al., 1965). Самые разные виды растений и животных из этих двух регионов попали таким образом в Японию. Их остатки, относящиеся к различным периодам плейстоцена, являются одним из важнейших доказательств того, что Япония была связана с континентом. По этим остаткам можно судить о том, что во время последнего оледенения Хоккайдо был, безусловно, связан с Сибирью, в то время как другие японские острова составляли сплошную территорию с севера на юг от Хоккайдо до Кореи, с которыми они на короткое время соединялись перешейками (карта 23). Япония полностью отделилась от материка 18–12 тыс. лет назад (Kotani, 1969).

Карта 23. Перешейки между континентом и Японскими островами в период позднего плейстоцена и перечисленные в тексте археологические местонахождения: 1 – современная береговая линия; 2 – береговая линия эпохи плейстоцена; 3 – южная кромка ледовой шапки (по Hutterer)

Таблица 8. Последовательность геологических горизонтов верхнего плейстоцена и палеолитических культур в Японии (по Hutterer)

В отличие от того, что произошло в расположенных на той же широте регионах континента, на японском архипелаге благодаря близости теплых течений лед покрывал только самые высокие горы даже в периоды максимального охлаждения. Во время последнего оледенения на большей части Японии вырос северный хвойный лес, что свидетельствует о гораздо более холодном климате того времени по сравнению с нынешним; возможно также, что он был и более сухим (Tsukada, 1986). В этом северном лесу было не очень много съедобных растений и дичи, хотя водились некоторые крупные животные (шерстистые мамонты, слоны Наумана, гигантские олени). Широколиственные и смешанные леса, которые давали много желудей, каштанов и орехов, произрастали только на юге и на узкой полосе вдоль Тихоокеанского побережья (Yasuda, 1978).

Климат начал теплеть приблизительно 15 тыс. лет назад, и примерно 3 тыс. лет спустя широколиственный лес начал распространяться к северу, вытесняя хвойный лес. Во время голоцена о. Хоккайдо покрылся сме-

шанным хвойно-лиственным лесом, в то время как в восточной части о. Хонсю распространялись широколиственные леса, характерные для умеренно холодного климата, а на островах Кюсю, Сикоку и в западной части о. Хонсю разрастались широколиственные вечнозеленые леса, типичные для умеренно теплого климата.

В Японии изучение палеолита тесно связано с геологическими исследованиями стратиграфии и седиментации плейстоцена. Особенно важная роль в этом принадлежит двум типам исследований: изучению глинистых отложений на равнинах, соседствующих с крупными вулканическими формациями, и изучению прибрежных морских террас. Глинистые формации образуются при выветривании вулканического пепла. Они разделены пластами пемзы, гравия, палеозолием и поверхностями эрозии и могут быть датированы радиометрическим анализом. Первые исследования этих отложений были проведены на равнине Канто (Токийской) с целью установления взаимосвязи между различными регионами. К сожалению, и в случае глинистых

отложений, и в случае морских террас определение взаимосвязи между отдельными регионами в Японии является крайне трудной задачей, так как локальные взбросы, вызванные тектонической нестабильностью, создали там сложную стратиграфическую структуру. Несмотря на это, стратиграфическая картина плейстоцена, по-видимому, в основном была достаточно хорошо воспроизведена в отношении последних 100 тыс. лет (*Ikawa-Smith, 1978b*) (табл. 8).

В подавляющем большинстве палеолитических стоянок почти не найдено органических остатков, что, безусловно, объясняется кислотностью глинистых почв вулканического происхождения. Поэтому археологам пришлось ограничиться исследованиями каменных орудий. Отметим, что вопрос о природе и возрасте самых древних остатков стал предметом оживленной дискуссии, которая в отдельных аспектах напоминает споры начала XX в. между европейскими учеными по поводу происхождения так называемых эолитов – осколков камня (в основном кремня) с режущими краями. Одним из первых японских ученых, заинтересовавшихся палеолитом своей страны, был Серизава Чосукэ (*Serizawa Chosuke*), пытавшийся добиться в Европе признания существования «древнего палеолита», начало которого он относил по крайней мере к началу верхнего плейстоцена (130–60 тыс. лет назад) и даже раньше (*Ikawa-Smith, 1978a; Serizawa, 1978*). Этот археолог несколько раз производил раскопки трех памятников, которые занимают в нынешних дебатах особенно важное место: Созудаи, Хошино и Ивадзуку. На стоянке Созудаи, расположенной на морской террасе в северо-восточной части о. Кюсю, он открыл в слое гравия предметы, названные им рубилами, режущими орудиями и протобифасами, которые он сопоставил с орудиями позднего палеолита, найденными в Китае (в пещере Чжоукоудянь) и на Яве (*Serizawa, 1965*).

На севере равнины Канто, на стоянке Хошино, Серизава выделил 11 культурных горизонтов. Если не считать двух самых молодых из них, то возраст всех остальных датируется им предположительно как минимум 30 тыс. лет, а у горизонтов 7–11 – даже 60 тыс. лет. Материал, найденный в Хошино, также был сопоставлен с материалом из пещеры Чжоукоудянь (*Serizawa, 1969, 1976*). Наконец, в 1970 г. Серизава произвел новые раскопки на стоянке Ивадзуку, которая первой из вышеупомянутых стоянок была определенно отнесена к палеолиту. Под двумя горизонтами, ранее выделенными Сугихарой, он определил нулевой горизонт давностью более 50 тыс. лет, где им найдены предметы, которые он описывает как чоплеры, заостренные отщепы, нуклеусы и резцы.

Научная общественность высказывает серьезные сомнения по поводу искусственного происхождения почти всех каменных орудий с этих трех стоянок, относимых Серизавой к раннему палеолиту (*Bleed, 1977; Ohyi, 1978*). В современной японской археологии лишь немногие специалисты признают убедительность его доводов.

Существует целый ряд других стоянок, на которых якобы обнаружены материалы нижнего палеолита, однако следует подчеркнуть, что во всех случаях либо нельзя достоверно определить возраст и стратиграфическое положение найденных предметов, либо сомнителен сам факт их изготовления человеком (*Ikawa-Smith, 1978a; Aikens & Higuchi, 1982*). Нельзя считать, что человек прямоходящий и первобытный человек разумный не могли достичь Японии, однако имеющиеся на сегодняшний день данные не содержат никаких доказательств того, что это произошло. Присутствие человеческих популяций на японском архипелаге имеет солидное обоснование начиная лишь с 30 тыс. лет назад.

Ода и Килли (*Oda & Keally, 1979*) составили исчерпывающую последовательность японского палеолита по результатам детального анализа 200 палеолитических местонахождений. Достоверность установленной ими схемы подтверждается важными стратиграфическими данными, полученными Аказавой и его сотрудниками, а также тщательным типологическим анализом инвентаря 12 крупных типичных стоянок (*Akazawa et al., 1980*).

Первая фаза, имеющая возраст примерно от 20 до 30 тыс. лет, характеризуется обработанной галькой и орудиями из отщепов. Промежуточные десять тысячелетий уже отмечены определенной эволюцией, хотя стандартизация орудий оставалась еще на низком уровне. Самые древние скопления, обнаруженные в районах Канто и Шубу, относятся к производству мелких отщепов в совокупности с грубо обработанными гольшами и крупными отщепами. Возможно, что эти орудия являются производными от подобных орудий нижнего палеолита, найденных в регионе Ордоса в Северном Китае (*Ikawa-Smith, 1982b; Jia & Huang, 1985*). К 27 тыс. лет назад перечень изделий дополняется пластинчатыми отщепами и обработанными с двух сторон овальными инструментами. 23 тыс. лет назад изделия из гальки встречаются все реже, в то время как на некоторых стоянках появляются пластинчатые отщепы с краями, оббитыми крутой ретушью (рис. 77). Фаза I представлена главным образом в центральной и западной частях о. Хонсю, на о. Сикоку и Кюсю. Только к концу этой фазы начинают встречаться стоянки уже на севере Хонсю и на юге Хоккайдо, что позволяет предположить возможность заселения этих мест группами людей из других регионов Японии, после того как эти территории стали обитаемыми благодаря потеплению климата.

Фаза II, которая начинается к 20 тыс. лет назад, характеризуется комплексом производств, различающихся в зависимости от времени и территории. Это производства пластин и пластинчатых отщепов, напоминающих иногда евразийские культуры верхнего палеолита, особенно культуры ориньяка (*Chard, 1974*). Для изготовления отщепов применялось два принципиально различных метода (*Morlan, 1971*). По первому методу – технологии Сетүши –

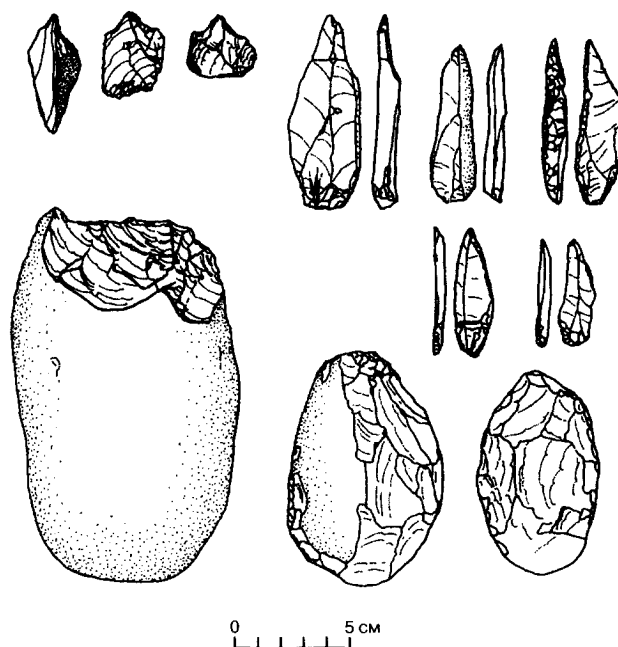

Рис. 77. Каменные орудия японского палеолита, фаза I (по *Oda & Keally, 1979*)

подготавливались плоские нуклеусы с широкой ударной площадкой, от которых откальвались отщепы – большие по ширине, чем по длине (если измерять длину от основания до противоположного края). Эти пластинчатые отщепы, получаемые боковым скалыванием, часто имели почти треугольный профиль (рис. 78, а). Благодаря специальным приемам обработки они нередко превращались в ножи. Нам известно несколько очень стандартизированных моделей ножей (например, типов Ко и Киридаши, рис. 78, б).

Второй метод заключался в подготовке нуклеусов, с узкого конца которых отбивались узкие пластины и отщепы удлиненной формы. Многие затем ретушировались для получения ножей характерного вида, например, ножей типа Моро (рис. 78, с) и ножей типа Хигашияма. Помимо этих ножей изготавливались другие орудия специфических форм и, в частности, резцы. На протяжении фазы II японские производства впервые дифференцируются по районам. Главный раздел проходил по горам центральной части о. Хонсю. Этот район и в дальнейшем оставался границей разделения культур (Aikens & Higuchi, 1982).

Фаза III начинается приблизительно 13 тыс. лет назад, проявляясь в расширении производства микролитов, существовавшего, вероятно, уже к 15 тыс. лет назад. Эта очень короткая фаза продолжалась всего одно или два тысячелетия. Теперь уже технологии четко различаются по районам: на западе (часть о. Хонсю, расположенная к югу от равнины Канто, и о. Кюсю) маленькие пластины и пластинки скалываются с конусообразных микронуклеусов, в то время как на востоке (часть о. Хонсю к северу от Канто и о. Хоккайдо) по технике Юбетсу первоначально подготавливаются клинообразные или корытцеобразные микронуклеусы. Сама эта техника также применяется различным образом. Микропластинки обычно не ретушируются, но нередко от них откальваются оба конца. Часто встречаются микрорезцы. В целом, будучи непохожими друг на друга, скопления фазы III очень однородны по своему внутреннему составу.

Приблизительно 12 тыс. лет назад совершается переход от палеолита к периоду Дзёмон, отмеченный крупными технологическими новшествами. Поэтому период от 12 до 10 тыс. лет назад был определен как заклю-

чительная фаза палеолита или как начальная фаза периода Дзёмон или классифицирован как эпипалеолит или мезолит. Этой эпохе свойственны крупные оббитые гоньлы и орудия из отщепов, остроконечники для металлы, оббитые и частично шлифованные каменные топоры, а также первые гончарные изделия. Двусторонне ретушированные наконечники сначала появляются на стоянке Ногава в Токио (Kidder et al., 1970) и затем встречаются на протяжении большей части периода Дзёмон. Каменные орудия с заточенными краями появились еще 30 тыс. лет назад, но их форма и размеры меняются, они становятся все более многочисленными (Oda & Keally, 1973; Ikawa-Smith, 1986). Изготовление частично или полностью заточенных каменных орудий будет продолжено, разумеется, в течение всей эпохи Дзёмон.

Изучение японского палеолита в определенной степени было затруднено крайней малочисленностью найденных органических остатков. Исключительно редкие человеческие костные останки (Suzuku & Hanibara, 1982) ограничивают возможности изучения расовых взаимоотношений среди населения Японских островов в эпоху палеолита. Точно так же отсутствие пищевых остатков на докерамических стоянках затрудняет изучение вопроса о жизнеобеспечении в ту эпоху.

Приходится ограничиваться самыми общими выводами, основанными на гипотезе о том, что обитатели Японии практиковали охоту и собирательство в тех зонах, окружающую среду которых мы знаем по материалам конца плейстоцена (Tsukada, 1986; Yasuda, 1978). За неимением органических остатков археологи сконцентрировали свое внимание на проблемах технологии и типологии, создав в этой области целый ряд выдающихся трудов (Akazawa et al., 1980). Кроме того, они попытались проанализировать данные о географическом распределении стоянок, а также о местоположении артефактов в границах каждой стоянки (Ikawa-Smith, 1975; Pearson, 1986b; Reynolds & Barnes, 1984).

Некоторые ученые приложили немало усилий, чтобы выявить отношения, которые могли существовать в период палеолита между культурами и технологиями Японии, Северо-Восточной Азии (Chard, 1974) и более отдаленных районов – Юго-Восточной Азии (например, Maringer, 1957a, 1957b), Австралии (например, Blundell & Bleed, 1974; Oda & Keally, 1973) и северо-запада Северной Америки (Aikens & Dumond, 1986; Hayashi, 1968; Ikawa-Smith, 1982b; Morlan, 1976). Маловероятно, что существовали тесные исторические связи между японскими производствами, в частности между производствами фаз I и III (Oda & Keally, 1979, p. 17), и производствами верхнего палеолита, оставившими материальные следы на Азиатском континенте (Shackley, 1984; Olson & Wu, 1985; Yi & Clark, 1985). Имеющиеся сходства между отдельными японскими и североамериканскими производствами, очевидно, объясняются тем, что все они происходят от одной традиции, родиной которой является континентальная Азия. Напротив, некоторые сходства с Юго-Восточной Азией и Австралией касаются главным образом отдельных типов орудий, а не производств. В данном случае сходства, вероятнее всего, являются случайными или отражают существование единого вида деятельности.

Культуры охотников-собирателей периода Дзёмон

Когда археологи начали исследовать японский палеолит, считалось, что между ним и следующим периодом, т.е. эпохой Дзёмон, произошел большой разрыв в культурном отношении. С тех пор было изучено несколько стоянок, которые заселялись в течение длительного времени, что позволило установить наличие не-

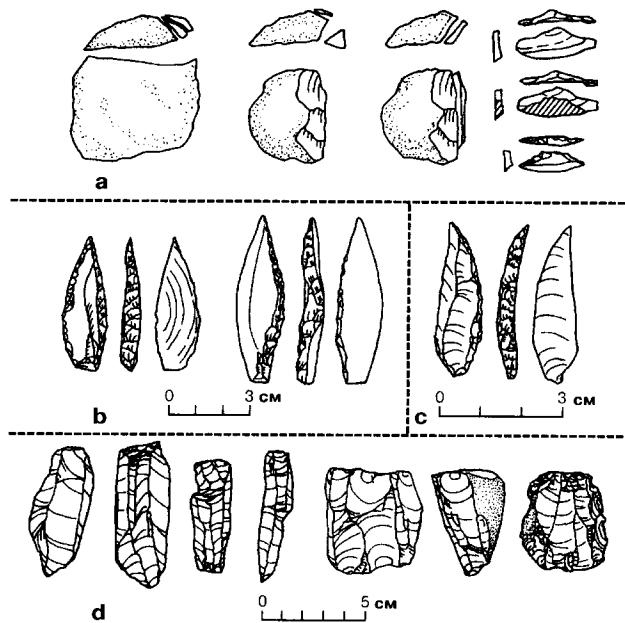

Рис. 78. Каменные инструменты японского палеолита, фаза II: а – техника Сетуши; б – ножи Киридаши; с – ножи Моро (по Akazawa et al., 1980); д – пластины, полученные концевой оббивкой (по Oda & Keally, 1979)

только долговременной непрерывной эволюции в рамках самого палеолита, но и факт постепенного перехода от этого периода к периоду, последовавшему за плейстоценом (*Ikawa*, 1964). Как мы уже видели, такая переходная фаза характеризуется присутствием в каменных скоплениях обработанных с двух сторон наконечников метательных снарядов, что явно отражает произошедшее изменение приемов охоты. Для этой фазы характерно также возникновение гончарного производства.

Самые древние гончарные изделия, обнаруженные в пещере Фукуи на о. Кюсю, имеют радиоуглеродную дату приблизительно 12,7 тыс. лет назад (*Aikens & Higuchi*, 1982; *Kamaki & Serisawa*, 1967). В отличие от более поздних гончарных изделий культуры Дзёмон, они представляют собой простые сосуды с закругленным дном, украшенные тонкой рельефной сеткой (линейчатая рельефная керамика), а несколько позднее – отпечатками, сделанными ногтем вдоль кромки сосуда. Целый ряд других стоянок, которые – все без исключения – расположены на юге Японии, дали похожие керамические изделия, датируемые той же эпохой. Очевидно, технологии этого переходного периода, как позднее и сама традиция Дзёмон, первоначально появились на юге архипелага. Естественно, археологи стали искать первоисточник подобных новшеств на континенте, предположив, что они проникли на о. Кюсю из Кореи. Позднее древние гончарные изделия были найдены в Китае: в пещере Сяньрен в провинции Цзянси (радиоуглеродный анализ определил их возраст приблизительно в 10,8 тыс. лет), в пещере Цзеньпиан в Гуанси-Чжуанском автономном округе и в нескольких других пещерах Южного Китая (*CPAM, Guangxi Province*, 1976; *Esaka*, 1986; *Jiangxi Provincial Museum*, 1976; *Zhu*, 1984). Однако датировка этих китайских памятников вызывает немало споров, и мы уже видели, что находки в них схожи скорее с хоабинскими остатками Юго-Восточной Азии, чем с остатками начала эпохи Дзёмон. Вполне вероятно, что керамика появилась в Японии без всякого континентального влияния, в процессе приспособления к условиям окружающей среды, возникшим после плейстоцена (*Ikawa-Smith*, 1980).

Основным изменением окружающей среды, вызванным потеплением климата в период голоцена, было распространение широколиственных лесов умеренно холодного и умеренно теплого климата (*Pearson*, 1977; *Tsukada*, 1986; *Yasuda*, 1978). В этих лесах водилось множество животных – диких свиней, оленей, различной мелкой дичи и птиц.

Теплые течения способствовали образованию ракушечных банок в морских затоках и на скалистых участках морского дна на мелководье, в то время как в открытом море имелись почти неистощимые пищевые резервы – морская рыба и млекопитающие. Как и повсюду в мире, климатические изменения происходили на протяжении всего голоцена, достигнув своего оптимума от 7 до 4 тыс. лет назад, при вероятном одновременном повышении уровня моря на несколько метров (*Huang et al.*, 1984; *Pearson*, 1977, 1986a; *Tsukada*, 1986; *Yang & Xie*, 1984; *Yasuda*, 1978). Усилия человека по приспособлению к изменениям окружающей среды в результате этих колебаний нашли свое отражение на протяжении большей части эпохи Дзёмон в технологиях, расположении местонахождений, конструкции жилищ и т.д. (*Ikawa-Smith*, 1986; *Yasuda*, 1980).

Название «Дзёмон» лингвистически связано с названием веревочного орнамента на керамике, характерного в этот период для множества гончарных изделий. Топологическое изучение керамики, проводимое с конца XIX в., позволило подробно воспроизвести местные и региональные последовательности. Благодаря этому представляется возможным определить следующую

общую хронологию эпохи Дзёмон (с датировкой от настоящего времени):

ПротоДзёмон	13–9,5 тыс. лет
Первичный Дзёмон	9,5–7,3 тыс. лет
Древний Дзёмон	7,3–5,6 тыс. лет
Средний Дзёмон	5,6–4,5 тыс. лет
Поздний Дзёмон	4,5–3 тыс. лет
Заключительный Дзёмон	3–2,25 тыс. лет

Следует, однако, иметь в виду, что эта общая картина не учитывает многих местных и региональных вариаций, а также некоторых различий в хронологической структуре периодов. В сочетании с обилием археологических данных эти изменения затрудняют итоговую оценку культурной эволюции эпохи Дзёмон. Поэтому мы ограничимся самыми общими соображениями о хозяйстве охотников-собираателей и о таких смежных проблемах, как технология и социальная организация.

Культура Дзёмон первоначально проявилась в двух–трех тысячах скоплений раковин на побережьях Внутреннего Японского моря и Тихого океана. Исследования этих скоплений показало, что люди эпохи Дзёмон интенсивно использовали обильные ресурсы прибрежных зон океана и моря. Тем не менее, судя по некоторым остаткам, начиная с первичного и древнего Дзёмона люди были способны удаляться от берега, чтобы пользоваться ресурсами открытого моря. Так, например, в известном ракушечном скоплении Нагүшима были обнаружены остатки рыб, обитавших в открытом море, и морских млекопитающих (дельфинов) (*Sugibara & Serizawa*, 1957). В целом это использование ресурсов моря получило на востоке Японии большее развитие, чем на западе (*Akazawa*, 1980, 1981, 1982, 1986). Со временем все отчетливее проявлялась тенденция к отбору лишь определенных видов ракушечных, возрастает роль рыболовства в открытом море и охоты на морских млекопитающих (*Pearson*, 1977).

В скоплениях раковин содержатся также костные остатки отдельных наземных млекопитающих (олений, кабанов и зайцев), кости птиц и остатки некоторых растений, в частности семена и орехи (*Pearson & Pearson*, 1978). Это доказывает, что даже в прибрежных районах люди питались дарами леса наравне с продуктами моря. Во множестве мест в глубине территории были также найдены кости диких животных и остатки некоторых видов растений, использовавшихся в пищу, например, семена и плоды в скорлупе, такие, как желуди, орехи и каштаны (*Pearson & Pearson*, 1978). В нескольких археологических и этноархеологических трудах (*Koyama*, 1981; *Matsuyama*, 1981) показано, что сбор и применение этих растений и плодов предполагает очень тесные отношения с природной окружающей средой. Такие виды деятельности могли быть, по крайней мере на западе Японии, определенной ступенью к адаптации в преддверии земледельческой деятельности (*Akazawa*, 1981, 1982; *Nishida*, 1983).

Хозяйство рыболовов-охотников-собираателей эпохи Дзёмон основывалось на развитой и весьма специализированной технологии, создавшей различные орудия из оббитого и отточенного камня для приготовления мяса, моллюсков и пищи из съедобных растений. Типы таких орудий меняются в зависимости от эпох и районов: это наконечники стрел из обработанного камня, рыболовные крючки, булавки, гарпунные наконечники из кости, а также весьма утонченная керамика (*Aikens & Higuchi*, 1982) (рис. 79).

Очевидно, в хозяйстве культуры Дзёмон керамика выполняла важные функции (*Ikawa-Smith*, 1986). Однако изящные формы керамических изделий и богатство их орнамента, в частности, в среднем Дзёмоне, свидетельствуют

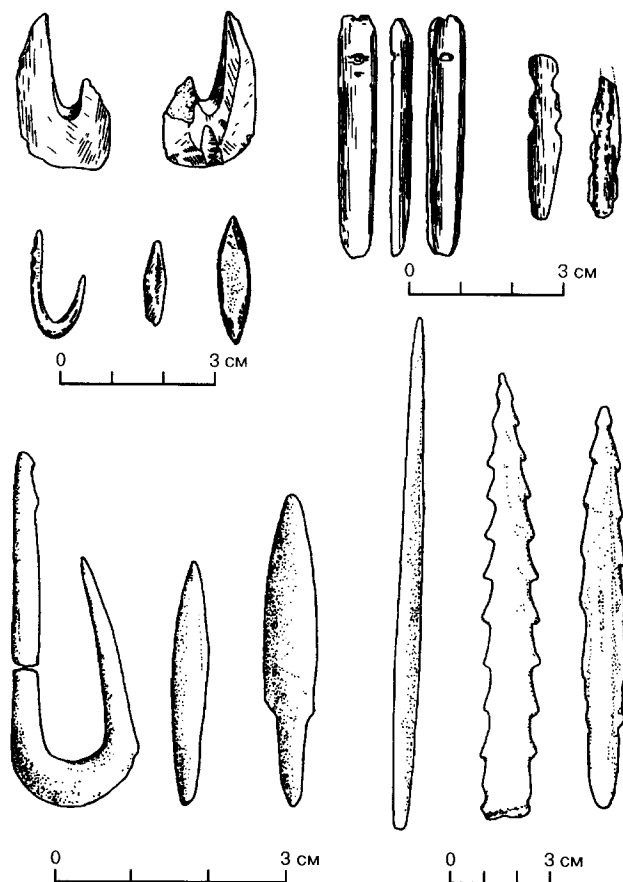

Рис. 79. Некоторые костяные артефакты культуры Дзёмон (по Aikens & Higuchi, 1982)

о том, что они, безусловно, имели также социальные и символические функции. После нескольких десятилетий типологических исследований археологи только приступают к изучению этой символики (Ueno, 1980). Они считают, в частности, что глиняные фигурки имели ритуальное значение (Nagamine, 1986) (рис. 80).

В период Дзёмон возросла численность населения, о чем свидетельствует открытие крупных поселений, где сохранились остатки примерно 100 домов. Даже если только в части обнаруженных домов жили люди в каждый период существования поселений, то и в этом случае подробный анализ выявил удивительное постоянство мест обитания. Однако многие стоянки на побережье и в глубине территории были заселены круглый год (Koike, 1980a, 1980b; Watanabe, 1986). При том, что имеется множество различий в зависимости от эпох и районов (Chard, 1974), большинство жилищ представляет собой полуподземные конструкции (ямы), круглые или квадратные в плане.

Размеры ряда стоянок, высокая стабильность заселения и утонченность ряда изделий материальной культуры (в частности керамики) привели археологов к предположению, что некоторые общины Дзёмона уже имели определенную социальную дифференциацию. Исследователи доисторического периода изучали также проблемы расположения и взаимоотношений между общинами. Подобные вопросы еще далеки от разрешения, их следует рассматривать в исследованиях, охватывающих не только Японию, но и соседние территории. И действительно, сравнительная археология выявила много общего между общинами Дзёмон и доисторическими общинами прибрежных районов Северной Америки. Это сходство касается как жилья, так и способов использования ресурсов и системы обменов между регионами (Aikens, 1981; Aikens & Dumond, 1986).

Ранее считалось очевидным, что земледелие, а точнее, возделывание риса, было привнесено в Японию очень поздно – в заключительный Дзёмон или в начале следующего за ним периода Яйои. Благодаря усовершенствованию археологической техники появились новые данные, которые заставляют специалистов пересмотреть свои взгляды на эту проблему. И хотя сохраняется уверенность, что появившееся из континентальной Азии рисоводство сначала прижилось на юге архипелага, но теперь предполагается прежде. Особенно примечательно, что сейчас мы имеем основание считать, что возникновению подлинного сельского хозяйства предшествовал длительный период локального экспериментирования с местными растениями (Akazawa, 1982, 1986; Crawford, 1983; Crawford et al., 1976; Nishida, 1983; Rowley-Conwy, 1984).

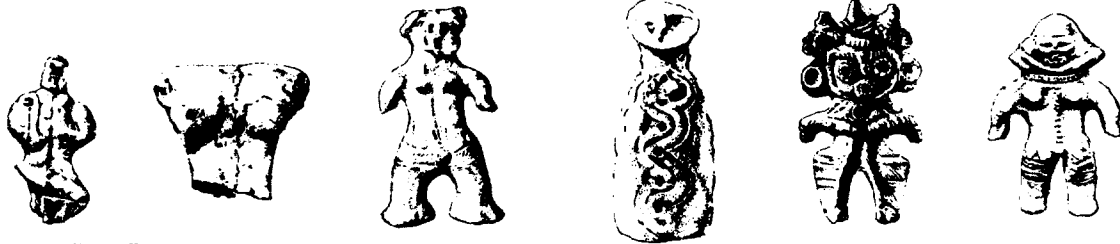
Эпоха Дзёмон предстает в общем плане японской предыстории как период адаптации к использованию достаточно богатых ресурсов, сосредоточенных на сравнительно ограниченных территориях, а также как период эволюции культурных традиций, имеющих региональные различия, но в целом сходных и взаимозависимых. И хотя хозяйственная деятельность популяций Дзёмона была основана прежде всего на рыболовстве, охоте и собирательстве, они проявляли все больший интерес к экспериментированию в растениеводстве. С другой стороны, стабильность ресурсов во многих районах архипелага могла способствовать возникновению более сложных общественных отношений внутри некоторых общин. Эта тенденция усилилась после периода Дзёмон одновременно с появлением подлинного сельского хозяйства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AIGNER, J. S. 1979. Pleistocene Ecology and Palaeolithic Assemblages in South China. *J. Hong-Kong Archaeol. Soc.*, Vol. 8, pp. 52–73.
- AIKENS, C. M. 1981. The Last 10,000 Years in Japan and Eastern North America: Parallels in Environment, Economic Adaptation, Growth of Social Complexity and the Adoption of Agriculture. In: KOYAMA, S.; THOMAS, D. H. (eds), *Affluent Foragers*, pp. 261–73. (*Senri Ethnol. Stud.*, 9.)
- AIKENS, C. M.; DUMOND, D. E. 1986. Convergence and Common Heritage: Some Parallels in the Archaeology of Japan and Western North America. In: PEARSON, R. (ed.), *Studies in Japanese Archaeology*. Ann Arbor.
- AIKENS, C. M.; HIGUCHI, T. 1982. *Prehistory of Japan*. New York.
- AKAZAWA, T. 1980. Fishing Adaptation of Prehistoric Hunter-Gatherers at the Nittano Site, Japan. *J. Archaeol. Sci.*, Vol. 7, pp. 325–44.
- 1981. Maritime Adaptation of Prehistoric Hunter-Gatherers and their Transition to Agriculture in Japan. In: KOYAMA, S.; THOMAS, D. H. (eds), *Affluent Foragers*, pp. 213–58. (*Senri Ethnol. Stud.*, 9.)
- 1982. Cultural Change in Prehistoric Japan: Receptivity to Rice Agriculture in the Japanese Archipelago. *Rec. Adv. World Archaeol.* (Orlando, Fla.), Vol. 1, pp. 151–211.
- 1986. Discriminant Function Analysis of Later Jomon Settlements. In: PEARSON, R. (ed.), *Studies in Japanese Archaeology*. Ann Arbor.
- AKAZAWA, T.; ODA, S.; YAMANAKA, I. 1980. *The Japanese Palaeolithic: A Techno-typological Study*. Tokyo.
- AUNG, T. 1971. The 'Neolithic' Culture of the Padahlin Caves. *Asian Perspect.*, Vol. 14, pp. 123–33.
- BANDI, H. G. 1951. Die Obsidianindustrie der Umgebung von Bandung in West Java. *Südsee Studien*, pp. 127–61.
- BARTSTRA, G. J. 1983. Some Remarks upon Fossil Man from Java, his Age, and his Tools. *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde* (Dordrecht), Vol. 139, pp. 421–34.
- BELL WOOD, P. 1976. Archaeological Research in Minahasa and the Talaud Islands, North-Eastern Indonesia. *Asian Perspect.*, Vol. 19, pp. 240–88.
- 1979. *Man's Conquest of the Pacific*. Oxford.
- 1984. Archaeological Research in the Madai-Baturong Region, Sabah. *Indo Pac. Prehist. Assoc. Bull.*, Vol. 5, pp. 38–54.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ДЗЁМОН: 1000–300 лет до н.э.

ПОЗДНИЙ ДЗЁМОН: 2500–1000 лет до н.э.

СРЕДНИЙ ДЗЁМОН: 3600–2500 лет до н.э.

ДРЕВНИЙ ДЗЁМОН: 5300–3600 лет до н.э.

**ДРЕВНЕЙШИЙ ДЗЁМОН:
7500–5300 лет до н.э.**

Рис. 80. Керамические фигурки периода Дзёмон (Япония) (с согласия Музея антропологии Университета Британской Колумбии, Канада)

- 1985. Holocene Flake and Blade Industries of Wallacea and their Predecessors. In: MISRA, V. N.; BELLWOOD, P. (eds), Recent Advances in Indo-Pacific Prehistory. Leiden, pp. 197–205.
- BLEED, P. 1977. Early Flakes from Sozudai, Japan: Are they Man-made? Science (Washington), Vol. 197, pp. 1357–9.
- BLUNDELL, V. M.; BLEED, P. 1974. 'Ground' Stone Artefacts from Late Pleistocene and Early Holocene Japan. Archaeol. Phys. Anthropol. Oceania, Vol. 9, pp. 203–19.
- BRACE, C. L. 1978. Tooth Reduction in the Orient. Asian Perspect., Vol. 19, pp. 203–19.
- BRACE, C. L.; HINTON, R. J. 1981. Oceanic Tooth-Size Variation as a Reflection of Biological and Cultural Mixing. Curr. Anthropol., Vol. 22, pp. 549–69.
- BRACE, C. L.; VITZNUM, V. 1984. Human Tooth Size at Mesolithic, Neolithic and Modern Levels at Niah Cave, Sarawak: Comparisons with Other Asia Populations. Sarawak Mus. J., Vol. 33, pp. 75–82.
- BRONSON, B.; ASMAR, T. 1975. Prehistoric Investigations at Tiangkou Panjang Cave, Sumatra. Asian Perspect., Vol. 18, pp. 128–44.
- BROTHWELL, D. R. 1960. Upper Pleistocene Human Skull from Niah Caves, Sarawak. Sarawak Mus. J., Vol. 9, pp. 323–49.
- BULBECK, F. D. 1981. Continuities in South-East Asian Evolution since the Late Pleistocene. Canberra. (MA thesis, Australian National University.)
- CHAPPELL, J. 1976. Aspects of Late Quaternary Palaeogeography of the Australian–East Indonesian Region. In: KIRK, R. L.; THORNE, A. B. (eds), The Origin of the Australians. Canberra, pp. 11–28.
- CHARD, C. S. 1974. North-East Asia in Prehistory. Madison.
- CLIMAP PROJECT MEMBERS. 1976. The Surface of the Ice-Age Earth. Science (Washington), Vol. 191, pp. 1131–7.
- COLANI, M. 1927. L'Âge de la pierre dans la province de Hoa-Binh, Tonkin. Mém. Sem géol. Indochine (Hanoi), Vol. 14, pp. 1–47.
- 1939. La Civilisation hoabinhienne extrême-orientale. Bull. Soc. préhist. fr., Vol. 36, pp. 170–4.
- COUTTS, P. J. F. 1983. An Archaeological Perspective of Panay Island, Philippines. Cebu City.
- CPAM, GUANGXI PROVINCE. 1976. Test Excavation of a Cave Site at Zengpiyan in Guilin, Guangxi. Kao Gu (Beijing), Vol. 20, pp. 175–9.
- CRAWFORD, G. W. 1983. Palaeoethnobotany of the Kameda Peninsula Jomon. Ann Arbor.

- CRAWFORD, G. M.; MURLEY, W. H.; MASAKAZU, Y. 1976. Implications of Plant Remains from the Early Jomon Hamanasuno Site. *Asian Perspect.*, Vol. 19, pp. 145–55.
- DAVIDSON, J. H. C. S. 1975. Recent Archaeological Activity in Vietnam. *J. Hong Kong Archaeol. Soc.*, Vol. 6, pp. 80–99.
- 1979. Archaeology in Northern Vietnam. *J. Hong Kong Archaeol. Soc.*, Vol. 10, pp. 80–99.
- DONN, W. L.; FARRAND, W. L.; EWING, M. 1962. Pleistocene Ice Volumes and Sea Level Lowering. *J. Geol.* (Chicago), Vol. 70, pp. 206–14.
- DUBOIS, E. 1920–1. De proto-Australische fossiele mensch van Wadjak. *Kon. Akad. Wetenschappen, Wis- en Natuurkundige Afdeling*, Vol. 29, pp. 88–105, 866–87.
- DUNN, F. L. 1975. Rain-Forest Collectors and Traders: A Study of Resource Utilization in Modern and Ancient Malaya. Kuala Lumpur. (Monogr. Malays. Branch, R. Asiatic Soc., 5.)
- ESAKA, T. 1986. The Origins and Characteristics of Jomon Culture. In: PEARSON, R. (ed.), *Studies in Japanese Archaeology*. Ann Arbor.
- FLENLEY, J. R. 1985. Quaternary Vegetational and Climatic History of Island South-East Asia. *Mod. Quat. Res. SEAsia*, Vol. 9, pp. 55–63.
- FOX, R. B. 1970. The Tabon Caves. Manila.
- 1978. The Philippine Palaeolithic. In: IKAWA-SMITH, F. (ed.), *Early Palaeolithic in South and East Asia*. The Hague, pp. 59–85.
- GLOVER, E. 1981. Leang Burung 2: Shell Analysis. *Mod. Quat. Res. SEAsia*, Vol. 6, pp. 45–50.
- GLOVER, I. C. 1971. Prehistoric Research in Timor. In: MULVANEY, D. J.; GOLSON, J. (eds), *Aboriginal Man and Environment in Australia* Canberra, pp. 158–81.
- 1972. Excavations in Timor. (Ph.D. dissertation, Australian National University)
- 1973a. Island South-East Asia and the Settlement of Australia. In: STRING, D. (ed.), *Archaeological Theory and Practice*. London, pp. 105–29.
- 1973b. Late Stone Age Traditions in South-East Asia. In: HAMMOND, N. (ed.), *South Asian Archaeology*. London, pp. 51–66.
- 1976. Ulu Leang Cave, Maros: A Preliminary Sequence of Post-Pleistocene Cultural Development in South Sulawesi. *Archipel* (Paris), Vol. 11, pp. 113–54.
- 1981. Leang Burung 2: An Upper Palaeolithic Rock Shelter in South Sulawesi, Indonesia. *Mod. Quat. Res. SEAsia*, Vol. 6, pp. 1–38.
- GLOVER, I. C.; PRESLAND, G. 1985. Microliths in Indonesian Flaked Stone Industries. In: MISRA, V. N.; BELLWOOD, P. (eds), *Recent Advances in Indo-Pacific Prehistory*. Leiden, pp. 185–95.
- GORMAN, C. F. 1969. Hoabinhian: A Pebble-Tool Complex with Early Plant Associations in South-East Asia. *Science* (Washington), Vol. 163, pp. 671–3.
- 1970. Excavations at Spirit Cave, North Thailand. *Asian Perspect.*, Vol. 13, pp. 79–107.
- 1971. The Hoabinhian and After: Subsistence Patterns in South-East Asia during the Late Pleistocene and Early Recent Periods. *World Archaeol.*, Vol. 2, pp. 300–20.
- HA VAN TAN. 1978. The Hoabinhian in the Context of Vietnam. *Vietnamese Stud.*, Vol. 12, No. 46, pp. 127–97.
- 1980. Nouvelles Recherches préhistoriques et protohistoriques au Vietnam. *Bull. Ec. fr. Extrême Orient (Hanoi)*, Vol. 68, pp. 115–54.
- 1985. Late Pleistocene Climate in South-East Asia: New Data from Vietnam. *Mod. Quat. Res. SEAsia*, Vol. 9, pp. 81–6.
- HARRISSON, T. 1970. The Prehistory of Borneo. *Asian Perspect.*, Vol. 13, pp. 17–46.
- HAYASHI, K. 1968. The Fukui Microblade Technology and its Relationship to North-East Asia and North America. *Arctic Anthropol.*, Vol. 5, pp. 128–90.
- HAYDEN, B. 1977. Sticks and Stones and Ground Edge Axes: The Upper Palaeolithic in South-East Asia. In: ALLEN, J.; GOLSON, J.; JONES, R. (eds), *Sunda and Sahul: Prehistoric Studies in South-East Asia, Melanesia and Australia*. London/New York, pp. 73–109.
- HEANEY, L. R. 1985. Zoogeographic Evidence for Middle and Late Pleistocene Land Bridges to the Philippine Islands. *Mod. Quat. Res. SEAsia*, Vol. 9, pp. 127–43.
- HEEKEREN, H. R. VAN. 1958. The Tjabenge Flake Industry from South Celebes. *Asian Perspect.*, Vol. 2, pp. 77–81.
- 1972. *The Stone Age of Indonesia*. 2nd edn. The Hague.
- HEEKEREN, H. R. VAN; KNUTH, C. E. 1967. Archaeological Excavations in Thailand. Copenhagen. Vol. 1.
- HOANG XUAN CHINK. 1984. Hoabinhian Culture and the Birth of Botanical Domestication in Vietnam. In: BAYARD, D. (ed.), *South-East Asian Archaeology at the XV Pacific Science Congress*. Dunedin, pp. 169–77.
- HOPKINS, D. M. 1982. Aspects of the Palaeoecology of Beringia during the Late Pleistocene. In: HOPKINS, D. M. et al. (eds), *Palaeoecology of Beringia*. New York, pp. 3–28.
- HOWELLS, W. W. 1973. *Cranial Variation in Man*. Cambridge. (Pap. Peabody Mus., Harvard Univ., 67.)
- 1976. Physical Variation and Prehistory in Melanesia and Australia. *Am. J. Phys. Anthropol.*, Vol. 45, pp. 641–50.
- HUANG, Y. et al. 1984. Holocene Sea Level Changes and Recent Crustal Movements along the Northern Coasts of the South China Sea. In: WHYTE, R. O. (ed.), *The Evolution of the East Asian Environment*. Hong Kong, pp. 269–87.
- HUTTERER, K. L. 1976. An Evolutionary Approach to the South-East Asian Cultural Sequence. *Curr. Anthropol.*, Vol. 17, pp. 221–42.
- 1977. Reinterpreting the South-East Asian Palaeolithic. In: ALLEN, J.; GOLSON, J.; JONES, R. (eds), *Sunda and Sahul: Prehistoric Studies in South-East Asia, Melanesia and Australia*. London, pp. 31–71.
- 1985. The Pleistocene Archaeology of Southeast Asia in Regional Perspective. *Mod. Quat. Res. SEAsia*, Vol. 9, pp. 1–23.
- IKAWA, F. 1964. The Continuity of Non-Ceramic to Ceramic Cultures in Japan. *Arctic Anthropol.*, Vol. 2, pp. 95–119.
- IKAWA-SMITH, F. 1975. Japanese Ancestors and Palaeolithic Archaeology. *Asian Perspect.*, Vol. 18, pp. 15–25.
- 1978a. The History of Early Palaeolithic Research in Japan. In: IKAWA-SMITH, F. (ed.), *Early Palaeolithic in South and East Asia*. The Hague, pp. 247–86.
- 1978b. Lithic Assemblages from the Early and Middle Upper Pleistocene Formations in Japan. In: BRYAN, A. L. (ed.), *Early Man in America from a Circum-Pacific Perspective*. Edmonton, University of Alberta, pp. 22–35.
- 1980. Current Issues in Japanese Archaeology. *Am. Sci.* (New Haven), Vol. 68, pp. 134–45.
- 1982a. Co-traditions in Japanese Archaeology. *World Archaeol.*, Vol. 13, pp. 296–309.
- 1982b. The Early Prehistory of the Americas as Seen from North-East Asia. In: ERICSON, J. E.; TAYLOR, R. E.; BERGER, R. (eds), *Peopling of the New World*. Los Altos, Calif. pp. 15–33.
- 1986. Late Pleistocene and Early Holocene Technologies. In: PEARSON, R. (ed.), *Windows in the Japanese Past*. Ann Arbor, pp. 199–214.
- JIA, L.; HUANG, W. 1985. The Late Palaeolithic in China. In: WU, R.; OLSON, J. W. (eds), *Palaeoanthropology and Palaeolithic Archaeology in the People's Republic of China*. Orlando, pp. 211–23.
- JIANGXI PROVINCIAL MUSEUM. 1976. Excavation (Second Season) of the Neolithic Site of Xianren at Dayuan in Wannian, Jiangxi. *Wen wu* (Beijing), Vol. 20, pp. 23–35.
- KAMAKI, Y.; SERIZAWA, C. 1967. Nagasaki-ken Fukui doketsu [Fukui Cave, Nagasaki Prefecture]. In: NIPPON KOKOGAKU KYOKAI DOLETSU ISEKI CHOSA TOKUBETSU INKAI. *Nippon no doketsu iseki* [Cave Sites in Japan]. Tokyo, pp. 256–65.
- KIDDER, J. E. et al. 1970. Pre-ceramic Chronology of the Kanto: ICU Loc. 28 C. *Zinruigaku Zasshi* [J. Anthropol. Soc. Nippon] (Tokyo), Vol. 78, pp. 140–56.
- KOIKE, H. 1980a. Seasonal Dating by Growth-Line Analysis of the Clam *Heretrix Lusoria*: Towards a Reconstruction of Prehistoric Shell-Collecting Activities in Japan. *Tokyo. (Tokyo Univ. Mus. Bull., 18.)*
- 1980b. Jomon Shell Mounds and Growth-Line Analysis of Molluscan Shells. In: PEARSON, R. (ed.), *Windows in the Japanese Past*. Ann Arbor, pp. 267–78.
- KOTANI, Y. 1969. Upper Pleistocene and Holocene Environmental Conditions in Japan. *Arctic Anthropol.*, Vol. 5, pp. 133–58.
- KOYAMA, S. 1981. A Quantitative Study of Wild Food Resources: An Example from Hida. In: KOYAMA, S.; THOMAS, D. H. (eds), *Affluent Foragers*, pp. 91–115. (Senri Ethnol. Stud., 9.)
- MARINGER, J. 1957a. A Stone Industry of Patjitanian Tradition from Central Japan. *Kokogaku Zasshi* [J. Archaeol. Soc. Nippon] (Tokyo), Vol. 42, No. 2, pp. 1–8.
- 1957b. Some Stone Tools of Early Hoabinhian Type from Central Japan. *Man* (London), Vol. 57, pp. 1–4.
- 1970. Die Steinartefakte aus der Stegodon-Fossilschicht von Mengerude auf Flores, Indonesien. *Anthropos* (Vienna), Vol. 65, pp. 229–47.

- MATSUYAMA, T. 1981. Nut Gathering and Processing Methods in Traditional Japanese Villages. In: KOYAMA, S.; THOMAS, D. H. (eds), *Affluent Foragers*, pp. 117–39. (Senri Ethnol. Stud., 9.)
- MATTHEWS, J. M. 1961. A Check-List of 'Hoabinhian' Sites Excavated in Malaya 1860–1939. Singapore.
- 1966. A Review of the 'Hoabinhian' in Indo-China. *Asian Perspect.*, Vol. 9, pp. 86–95.
- MINATO, M. et al. 1965. *The Geological Development of the Japanese Islands*. Tokyo.
- MORLAN, R. E. 1976. Technological Characteristics of Some Wedge Shaped Cores in North-Western North America and North-East Asia. *Asian Perspect.*, Vol. 19, pp. 96–106.
- MORLAN, V. J. 1971. The Preceramic Period in Japan: Honshu, Shikoku and Kyushu. *Arctic Anthropol.*, Vol. 8, pp. 136–70.
- MOURER, R. 1977. Laang Spean and the Prehistory of Cambodia. *Mod. Quat. Res. SEAsia*, Vol. 3, pp. 28–56.
- NAGAMINE, M. 1986. Clay Figurines and Jomon Society. In: PEARSON, R. (ed.), *Windows in the Japanese Past*. Ann Arbor, pp. 255–66.
- NISHIDA, M. 1983. The Emergence of Food Production in Neolithic Japan. *J. Anthropol. Archaeol.*, Vol. 2, pp. 305–22.
- ODA, S.; KEALLY, C. T. 1973. Edge-Ground Tools from the Japanese Preceramic Culture. *Busshitsu Bunka [Material Culture]*, Vol. 22, pp. 1–26.
- 1979. Japanese Paleolithic Cultural Chronology. (Paper presented at the 14th Pacific Science Congress, Khabarovsk.)
- OHYI, H. 1978. Some Comments on the Early Palaeolithic of Japan. In: IKAWA-SMITH, F. (ed.), *Early Palaeolithic in South and East Asia*. The Hague, pp. 299–301.
- OLSON, J. W.; WU, R. (eds) 1985. *Palaeoanthropology and Palaeolithic Archaeology in the People's Republic of China*. Orlando.
- PATTE, E. 1925. Le Kjökkenmodding néolithique du Bau Tro a Tam Tao près de Dong-Hoi (Annam). *Bull. Ec. fr. Extrême Orient (Hanoi)*, Vol. 24, Nos. 3–4.
- 1936. L'Indochine préhistorique. *Rev. Anthropol. (Paris)*, Vol. 46, pp. 277–314.
- PEARSON, R. 1977. *Palaeoenvironment and Human Settlement in Japan and Korea*. Science (Washington), Vol. 197, pp. 1239–46.
- 1986a. Introduction. In: PEARSON, R. (ed.), *Windows in the Japanese Past*. Ann Arbor, pp. 1–5.
- 1986b. The Palaeolithic: Introduction. In: PEARSON, R. (ed.), *Windows in the Japanese Past*. Ann Arbor, pp. 187–9.
- PEARSON, R.; PEARSON, K. 1978. Some Problems in the Study of Jomon Subsistence. *Antiquity*, Vol. 52, pp. 21–7.
- PERALTA, J. T. 1981. *The Philippine Lithic Tradition*. Manila.
- PETERSON, W. E. 1974. Summary Report of Two Archaeological Sites from North-Eastern Luzon. *Archaeol. Phys. Anthropol. Oceania*, Vol. 9, pp. 26–35.
- PHAM HUY THONG. 1978. Our Stone Age: From the Mount Do Industry to the Hoa Binh Industry. *Vietnamese Stud.*, Vol. 12, No. 46, pp. 9–49.
- 1980. Con Moong Cave. *Asian Perspect.*, Vol. 23, pp. 17–21.
- REYNOLDS, T. E. G.; BARNES, G. L. 1984. The Japanese Palaeolithic: A review. *Proc. Prehist. Soc.*, Vol. 50, pp. 49–62.
- RONQUILLO, W. P. 1981. The Technological and Functional Analyses of the Lithic Flake Tools from Rabel Cave, Northern Luzon, Philippines. Manila.
- ROWLEY-CONWAY, P. 1984. Postglacial Foraging and Early Farming Economies in Japan and Korea: A West European Perspective. *World Archaeol.*, Vol. 16, pp. 28–42.
- SCHEANS, D. J.; HUTTERER, K. L.; CHERRY, R. L. 1970. A Newly Discovered Blade Tool Industry from the Central Philippines. *Asian Perspect.*, Vol. 13, pp. 179–81.
- SERIZAWA, C. 1965. Oita-ken Sozudai ni okeru zenki kyusekki no kenkyu [A Lower Palaeolithic Industry from the Sozudai Site, Oita Prefecture]. *Tohoku Daigaku Nippon Bunka Kenkyusho Kenkyu Hokoku [Rep. Res. Inst. Japan. Culture. Tohoku Univ.]*, Vol. 1, pp. 1–119.
- 1969. Tochigi-shi Hoshino izeki - Daisan-ji hakkutsu chosa hokoku [The Hoshino Site, Tochigi City - Report of the Third Excavation]. *Tohigi*.
- 1976. The Stone Age of Japan. *Asian Perspect.*, Vol. 19, pp. 1–14.
- 1978. The Early Palaeolithic of Japan. In: IKAWA-SMITH, F. (ed.), *Early Palaeolithic in South and East Asia*. The Hague, pp. 287–97.
- SHACKLEY, M. 1984. Palaeolithic Archaeology in the Mongolian People's Republic: A Report of the State of the Art. *Proc. Prehist. Soc.*, Vol. 50, pp. 23–34.
- SIEVEKING, G. DE G. 1955. Excavations at Gua Cha, Kelantan, 1954. *Fed. Mus. J. (Kuala Lumpur)*, Vols 1–2, pp. 75–138.
- SMITH, R. B.; WATSON, W. (eds) 1939. *Early South-East Asia*. Oxford.
- SOEJONO, R. P. 1982. Trends in Prehistoric Research in Indonesia. *Mod. Quat. Res. SEAsia*, Vol. 7, pp. 25–31.
- SOLHEIM, W. G. II. 1969. *Reworking South-East Asian Prehistory*. Paideuma (Wiesbaden), Vol. 15, pp. 125–39.
- 1970. Northern Thailand, South-East Asia, and World Prehistory. *Asian Perspect.*, Vol. 13, pp. 45–57.
- 1972. An Earlier Agricultural Revolution. *Sci. Am.*, Vol. 226, No. 4, pp. 34–41.
- 1974. The Hoabinhian and Island South-East Asia. In: REGIONAL SEMINAR ON SOUTH-EAST ASIAN PREHISTORY AND ARCHAEOLOGY, 1, Manila. *Proceedings*, pp. 19–26.
- 1980. Review Article of Recent Discoveries and New Views on Some Archaeological Problems in Vietnam'. *Asian Perspect.*, Vol. 23, pp. 9–16.
- SOLHEIM, W. G., II; LEGASPI, A. M.; NERI, J. S. 1979. *Archaeological Survey in South-eastern Mindanao*. Manila.
- SPOEHR, A. 1973. *Zamboango and Sulu*. Pittsburgh.
- SUGIHARA, S. 1956. Gumma-ken Iwajuku hakken no sekki jidai bunka [The Stone Age Remains Found at Iwajuku, Summa Prefecture, Japan]. Tokyo.
- SUGIHARA, S.; SERIZAWA, C. 1957. Kanagawa-ken Natsushima ni okeru Jomon bunka shoto no kaizuka [Shell Mounds of the Earliest Jomon Culture at Natsushima, Kanagawa Prefecture]. Tokyo.
- SUZUKU, H.; HANIHARA, K. (eds) 1982. *The Minatogawa Man: The Upper Pleistocene Man from the Island of Okinawa*. Tokyo.
- THIEL, B. 1980. Excavations in the Pinacanauan Valley, Northern Luzon. *Indo Pac. Prehist. Assoc. Bull.*, Vol. 20, pp. 40–8.
- THORNE, A. G.; WOLPOFF, N. M. 1981. Regional Continuity in Australasian Pleistocene Hominid Evolution. *Am. J. Phys. Anthropol.*, Vol. 55, pp. 337–49.
- TSUKADA, M. 1986. Vegetation in Prehistory: The Last 20,000 years. In: PEARSON, R. (ed.), *Windows in the Japanese Past*. Ann Arbor, pp. 11–56.
- TUGGLE, H. D.; HUTTERER, K. L. 1972. *Archaeology of the Sohoton Area, Southwestern Sahar, Philippines*. Tacloban City. (Leyte-Samar Stud., 6(2).)
- UENO, Y. 1980. Joho no nagare toshite no Jomon-doki keishiki no dempa [Diffusion of Jomon Pottery Types as Information Flow]. *Minjokugaku Kenkyu [Ethnol. Stud.]*, Vol. 44, pp. 335–65.
- VERHOEVEN, T. 1953. *Eme Mikrolithenkultur in Mittel- und West-Flores*. *Anthropos (Vienna)*, Vol. 48, pp. 597–612.
- VERSTAPPEN, H. T. 1975. On Paleo-Climates and Landform Development in Malasia. *Mod. Quat. Res. SEAsia*, Vol. 1, pp. 33–5.
- WATANABE, H. 1986. Community Habitation and Food Gathering in Prehistoric Japan: An Ethnographic Interpretation of the Archaeological Evidence. In: PEARSON, F. (ed.), *Windows in the Japanese Past*. Ann Arbor, pp. 229–54.
- WHITE, J. P.; O'CONNELL, J. F. 1982. *A Prehistory of Australia, New Guinea and Sahul*. Sydney.
- WOLPOFF, M. N.; WU XIN ZHI; THORNE, A. B. 1984. Modern *Homo sapiens* Origins: A General Theory of Hominid Evolution Involving the Fossil Evidence from East Asia. In: SMITH, F. H.; SPENCER, F. (eds), *The Origins of Modern Humans*. New York, pp. 111–201.
- YANG HUI-JEN; XIE ZH. 1984. Sea-Level Changes in East China Over the Past 20,000 Years. In: WHYTE, R. O. (ed.), *The Evolution of the East Asian Environment*. Hong Kong, pp. 288–308.
- YASUDA, Y. 1978. *Prehistoric Environment in Japan: Palynological Approach*. Tohoku.
- 1980. Kankyo ko kogaku kotohajime: Nihon retto ni man nen [Introduction to Environmental Archaeology: The Japanese Archipelago in the Past 20,000 Years]. Tokyo.
- YEN, D. H. 1977. Hoabinhian Horticulture: The Evidence and the Questions from North-West Thailand. In: ALLEN, J.; GOLSON, J.; JONES, R. (eds), *Sunda and Sahul: Prehistoric Studies in South-East Asia, Melanesia and Australia*. London/New York, pp. 567–99.
- YI, S.; CLARK, G. 1985. The 'Dyuktai Culture' and New World Origins. *Curr. Anthropol.*, Vol. 26, pp. 1–20.
- ZEIST, W. VAN. 1983–4. The Prospects of Palynology for the Study of Prehistoric Man in South-East Asia. *Mod. Quat. Res. SEAsia*, Vol. 8, pp. 1–15.
- ZHU, F. 1984. Several Problems Related to the Archaeology of Neolithic Guangdong. In: *Archaeological Finds from Pre-Qin Sites in Guangdong*, Hong Kong, pp. 30–42.
- ZURAINA, M. 1982. *The West Mouth, Niah, in the Prehistory of South-East Asia*. Sarawak.

АВСТРАЛИЯ И НОВАЯ ГВИНЕЯ

в период *Homo sapiens sapiens* (человек разумный современного вида) до примерно 5 тыс. лет назад

Джозефина М. Флуд

НАЧАЛА

Первые следы человеческого присутствия в Австралии были найдены на стоянках, датированных 38 тыс. лет назад. Поскольку эти стоянки расположены на юге континента, археологи предположили, что первые люди прибыли в Австралию немного ранее 40 тыс. лет назад. Большинство австралийских аборигенов оспаривают эту теорию, так как убеждены, что их предки всегда населяли эту территорию со «времени Мечты», «времени создания». Существует множество устных туземных легенд, поддерживающих эту точку зрения, но есть и легенды о пришествии предков из-за моря. Вот как об этом говорит один из старейших аборигенов Ванджук Марика:

«Естественно, правда состоит в том, что мой народ – риратджингу – происходит от великого Джанкаву, который пришел с острова Баралку, далеко из-за моря. Наши души возвращаются на Баралку, когда мы умираем. Джанкаву приплыл на каноэ со своими двумя сестрами, следуя за утренней звездой, которая привела их к берегам Йелангбара на восточном побережье Арнемленда. Они пересекли значительную часть страны, следуя за облаками, которые приносят дождь. Когда они нуждались в воде, то втыкали в землю острую палку, и тогда начинала бить свежая вода. Они научили нас названиям всех земных тварей и тому, что стало нашим законом.

Но это лишь малая часть правды. Туземные народы, живущие в разных районах Австралии, имеют различное происхождение, и они сами расскажут вам свои истории о том, как появились горы и реки, и как их племена все более развивались и следовали из поколения в поколение образу жизни своих предков, которые превратились в духов.

Гиганты Ванджина, которые сотворяют гром, дождь и молнии, добрались до Австралии, перелетев через море. Их лики смотрят на нас со стен пещер на Кимберлийском плато, а копыта, которыми сражались эти гиганты, до сих пор зарыты в пески на побережье к северу от Дерби. Огромная Радужная змея вышла из глубин земли и, мощно извиваясь, проложила себе путь через долины и скалы, увлекая за собой воды больших

рек. Раскалывая горы, она создала ущелья северной Австралии. От Радужной змеи произошли многие племена, и ее память чтут по всему Арнемленду и Западной Австралии, в центре континента и даже в Новом Южном Уэльсе. Наши наскальные рисунки иллюстрируют эту правдивую историю об одном из наших предков.

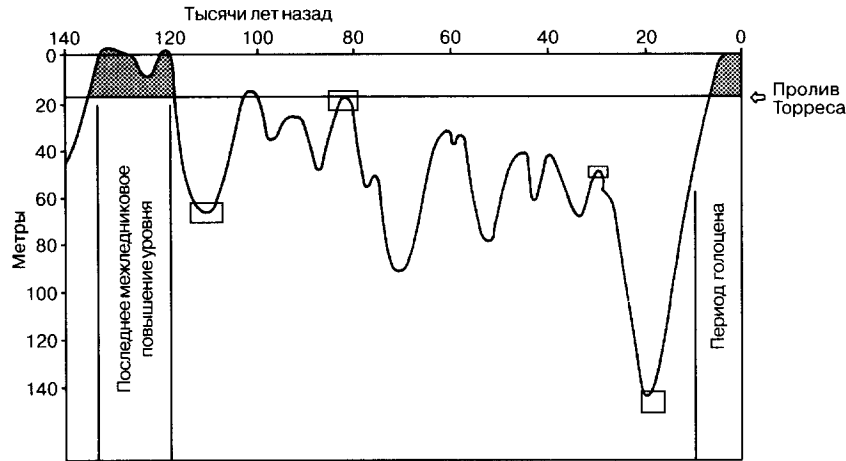
В Квинсленде получеловек-полуугорь Джирру Гуррлл вышел из воды у острова Хинчинбрук и дал название зверям, птицам и всем окружающим местам, в то время как великий Предок Чиваре Сиггал направил свое каноэ с островов Торрес к западному берегу полуострова Кемп-Йорк и до Санди Бич, где его каноэ превратилось в камень» (Isaacs, 1980, p. 5).

Каким бы ни было происхождение их героев-создателей, туземные народы считают себя исконными австралийцами, а не первыми поселенцами, прибывшими на континент извне – в том смысле, что история их расы всегда имела только одну почву – место, где они проживают сейчас (Wilmot, 1985, p. 45).

Имеются две главные причины, по которым археологи полагают, что первые представители *человека разумного* современного вида прибыли на материк Австралия из-за моря: отсутствие в Австралии остатков антропоидов и человекообразных, потомками которых они могли быть, а также тот факт, что все остатки человеческих мест обитания, найденных по сей день в Австралии, относятся к позднему плейстоцену.

Откуда пришли эти первые австралийцы? В соседней Юго-Восточной Азии люди появились более миллиона лет назад, и поэтому теоретически возможно, что Австралийский континент был колонизован на каком-то этапе этого периода. Однако за последние три миллиона лет Азия и Австралия никогда не были соединены настоящим наземным мостом, и полное отсутствие азиатских животных на австралийском континенте свидетельствует о том, что море всегда было серьезным барьером между этими двумя территориями. Единственными млекопитающими, преодолевшими этот барьер в доисторическую эпоху, кроме птиц и летучих мышей, были люди, крысы, мыши и собака динго (*Canis familiaris dingo*). Полагают, что последняя была завезена в Австралию мореплавателями примерно 4 тыс. лет назад (Gollan, 1983).

Таблица 9. Изменение уровня моря в северном регионе Австралазии за последние 140 тыс. лет по материалам исследований на п-ве Хуон (Папуа – Новая Гвинея). Заштрихованные зоны соответствуют периодам, во время которых Торресов пролив был открыт. Прямоугольники указывают возможные погрешности (по *Chappell*, 1982, fig. 1)

На протяжении всего плейстоцена морской пролив, отделяющий Австралийский континент от Азии, по-видимому, никогда не был уже 50 км. В этот период происходили очень резкие колебания уровня моря, который опускался до 140 м ниже нынешнего (см. табл. 9). Выступавшие из моря земли образовывали полуостров, связывавший Новую Гвинею с севером Австралии, а на юге с континентом соединялась Тасмания. Вся эта территория, просуществовавшая большую часть плейстоцена, была названа Большой Австралией.

В эпоху, когда уровень моря не снижался более чем на 65 м, было можно по суше пройти от Мьянмы (бывшая Бирма) до о. Бали, но Индонезия и Большая Австралия оставались разделенными широким водным пространством.

Материковый шельф, окаймляющий Азию, известен под названием Зондской платформы, а австралийский цоколь называется платформой Сауль. Юго-восточный предел распространения восточной фауны проходит по кромке Зондского шельфа, а территория распространения австралийской фауны завершается кромкой платформы Сауль. Зона островов, которые обычно называют «Уоллси» (по имени А.У. Уоллеса, географа XIX в.), расположенная между этими двумя пределами, является географически нестабильным районом, и распределение остатков наземных млекопитающих, например «слона»-пигмея *Stegodon*, на островах Тимор, Флорес, Сулавеси и Филиппины, по-видимому, указывает на то, что в какой-то период плейстоцена водные пространства, отделяющие эти острова от Зондской платформы, были гораздо меньшим препятствием, чем в наше время. До сих пор точно не установлено время первого заселения островов Уоллси (*White & O'Connell*, 1982, pp. 45–46).

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ПЛЕЙСТОЦЕНА

Первые люди, обосновавшиеся в Австралии, несомненно, прибыли туда по морю. Мы не знаем, произошло это случайно или намеренно. Не знаем также, на чем они прибыли. В Австралии пока не найдено никаких археологических доказательств существования плавучих средств в период плейстоцена, причем различные типы каноэ и плотов, существовавшие в эпоху, когда в Австралии появились европейцы, не могли быть использованы для подобного путешествия на дальние расстояния из-за недостаточной плавучести. Между тем нам известно, что в эпоху плейстоцена людям удавалось выходить в море более чем на 50 км от берега.

Самым правдоподобным, по-видимому, будет предположение о том, что они использовали бамбуковые плоты. Благодаря кремниевому слою на бамбуке эти плоты плавают очень хорошо и не портятся в воде. Бамбук, безусловно, произрастал как на индонезийских островах, так и на Сулавеси и на Калимантане, но в Австралии его не было. Этим отсутствием подходящего материала для строительства плавучих средств вполне можно объяснить то обстоятельство, что, хотя люди плейстоцена, по всей видимости, прибыли в Австралию морем, здесь они и в более позднее время не могли строить такие плавучие средства.

Огонь был, возможно, доставлен на континент в ходе сознательно предпринятого морского перехода: на судах сооружались глиняные очаги, в которых поддерживался огонь, чтобы готовить рыбу и согреваться, как обычно это делали жители Тасмании и австралийские туземцы.

Гипотеза, согласно которой более 40 тыс. лет назад совершались морские переходы на судах, обладающих хорошими мореходными качествами, представляется правдоподобной, если мы вспомним, каким высоким был уровень технологии доисторических времен, что недавно было доказано археологическими исследованиями, проведенными на Новой Гвинее, а также в Австралии (об этом см. ниже). Причины, по которым популяции в Юго-Восточной Азии стремились освоить новые территории, вероятно, были связаны с демографическим давлением, когда первоначально произошло расширение, а затем сокращение заселенных земель и изменение уровня моря. Это могло быть также связано со значительной вулканической активностью данной части «огненного пояса» Тихого океана.

Не исключено, что время от времени жители некоторых индонезийских островов в определенные периоды плейстоцена, в частности, при отступлении моря, могли заметить дым в Австралии от горевшего там по природным причинам кустарника. У свидетелей этого зрелища могло возникнуть желание совершить морской переход в Австралию.

На основании глубокого изучения возможных маршрутов таких экспедиций в периоды максимального понижения уровня моря Бердселл (*Birdsell*, 1977, pp. 113–167) пришел к выводу, что самый короткий путь через Уоллси должен был состоять из восьми этапов. Первый из наиболее вероятных маршрутов проходил на севере через Калимантан и Сулавеси до участков земли на шельфе Сауль близ крайней северо-западной конечности Новой Гвинеи, для чего следовало совершить восемь последовательных переходов, каждый из которых не превышал 70 км. Второй вариант маршрута – с юга через

острова Ява, Флорес и Тимор, он включал восемь этапов протяженностью менее 30 км, за исключением последнего, когда надо было преодолеть расстояние в 87 км между Тимором и краем шельфа Сауль. Было бы намного труднее (но вполне возможно) использовать первый или второй маршрут в другие моменты ледникового периода, когда море было на 50 м ниже своего нынешнего уровня.

Согласно имеющимся сейчас данным, наиболее вероятно, что человек впервые высадился на австралийскую землю во время отступления моря, произошедшего приблизительно 52 тыс. лет назад (когда уровень моря был примерно на 120 м ниже современного) или во время предшествующего отступления моря приблизительно 70 тыс. лет назад (*Chappell*, 1983). Примерно 18 тыс. лет назад море опустилось до наиболее низкого уровня – на 140 м ниже современного; это был самый низкий уровень за весь 120-тысячелетний последний ледниковый период. Данный период рассматривался как самый благоприятный для заселения Австралии, но более поздние археологические находки показали, что человек жил на этом континенте уже примерно 40 тыс. лет назад. Это не означает, что Австралия не могла быть заселена еще раньше, однако не найдено никаких убедительных следов человеческого присутствия ранее 40 тыс. лет назад. Впрочем, возможно, что некоторые потерпевшие кораблекрушение люди, спасаясь на бревнах или других подручных средствах, время от времени добирались до Австралийского континента в гораздо более давние времена.

Палинологические (связанные с изучением пыльцы и спор растений) исследования дали два любопытных свидетельства, говорящие в пользу более раннего появления здесь людей. В кратере Линча на Атертонском плато в северной части Квинсленда обнаружен факт резкого увеличения количества древесного угля к 45 тыс. лет от нашего времени, в тот самый период, когда влажный лес уступал здесь место эвкалиптам, лучше сопротивлявшимся огню. Если верить палинологу Кершоу (*A.P. Kershaw*), это изменение может быть объяснено только появлением человека, умевшего пользоваться палочками для добывания огня (*Singh, Kershaw & Clark*, 1981, pp. 23–24). При этом приходится допустить, что люди заселяли северный Квинсленд 45 тыс. лет назад. Еще более удивительны открытия, сделанные на берегу оз. Джордж близ Канберры, на юго-востоке континента. В палинологической последовательности, охватывающей период в 350 тыс. лет, в данном регионе выявлено значительное увеличение количества древесного угля, относящееся к последнему межледниковому периоду, т.е. приблизительно к 120 тыс. лет назад (*Singh, Opdyke & Bowler*, 1981; *Flood*, 1983, pp. 98–102). Это означает, что тогда заметно возросла частота возгораний, и произошло резкое изменение растительности в сторону более огнестойких пород, в частности эвкалипта. Сингх утверждает, что подобный переворот может быть объяснен только вмешательством нового фактора – появлением охотников-собирателей. К сожалению, пока нет археологических доказательств присутствия человека в Австралии в последний межледниковый период или вообще до 40 тыс. лет назад. Поэтому вопрос о дате первого заселения континента остается открытым.

НОВАЯ ГВИНЕЯ (карта 24)

На протяжении большей части человеческой истории о Новой Гвинее, также расположенной между Азией и Австралией, принадлежал тому же массиву суши, что и Австралийский континент. Если бы популяции, приспособленные к жизни у моря, прибыли на Новую Гвинею с островов Уоллиси, покрытых влажными лесами, то ее побережье оказалось бы для них привычной средой обитания.

Новые сенсационные находки показали, что первые человеческие поселения на Новой Гвинее имеют тот же возраст, что и древние поселения Австралии. При этом были обнаружены еще более удивительные данные относительно начала растениеводства. Все подобные находки сделаны на приподнятых меловых террасах, которые окружают побережье полуострова Хуон, к северо-востоку от г. Лаэ.

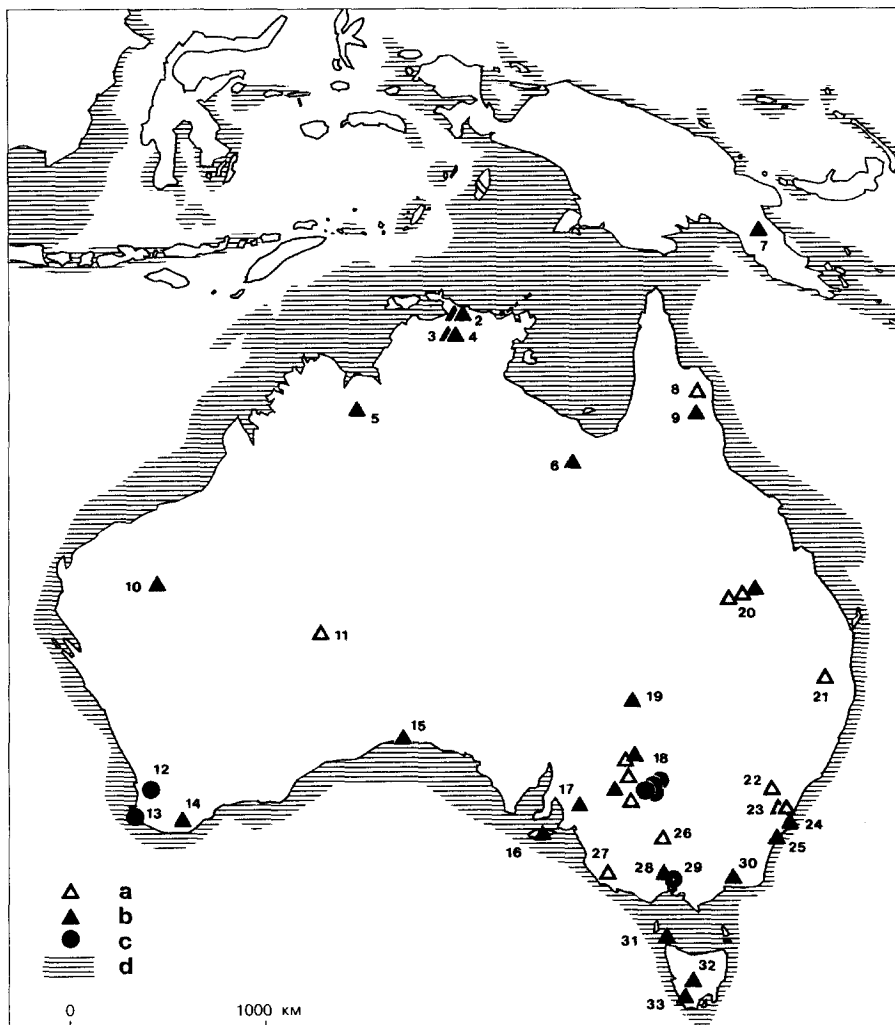
Террасы Хуона являются лучшим в мире образцом плейстоценового побережья. Они выступают как гигантская лестница, каждая ступень которой была в древности коралловым рифом, а сегодня находится довольно высоко над уровнем моря.

Полуостров Хуон опоясан подводными вулканами. Он расположен на стыке трех тектонических плит. Крупные движения почвы, землетрясения, извержения вулканов, часто происходящие на Новой Гвинее, подняли коралловые рифы, сформировавшиеся вдоль побережья 120 тыс. лет назад, на высоту 400 м, причем каждый год они поднимались на 4 мм, т.е. приблизительно на 4 м в тысячелетие. На одной из самых низких террас на высоте 80 м над уровнем моря были найдены 24 каменных топора со следами эрозии. Эти «топоры с сужением» являются тяжелыми каменными орудиями большого размера с оббитой режущей кромкой. На боковых сторонах топоров имеются выемки, которые как бы суживают орудия, придавая им контур песочных часов. Выемки должны были не только облегчать использование орудия – в некоторых случаях они отстоят слишком далеко друг от друга, чтобы даже самая большая ладонь могла обхватить инструмент, – но и, возможно, предназначались для того, чтобы крепить топор к рукоятке.

Эти топоры с сужением были найдены на террасе, сформировавшейся 45–55 тыс. лет назад. В каждый период вулканической активности слои пепла покрывали поверхность, скрывая под собой следы проживания людей. Два таких топора (илл. 49), один нуклеус и несколько отщепов были извлечены из-под пласта вулканических отложений толщиной 2 м (*Groube et al.*, 1986). Пласт, покрывающий эти предметы, имел возраст минимум 35 тыс. лет, в то время как расположенный под ним пласт таких же отложений был датирован возрастом более 37 тыс. лет. (Чеппелл (*J. Chappell*) считает, что эти датировки, определенные методом термолюминисценции в Национальном университете Австралии, вполне надежны, в чем он заверил нас лично.)

Абсолютная датировка найденных артефактов, выполненная Чеппеллом и Гроубом (*L. Groube*), позволила определить возраст этих орудий минимум в 37 тыс. лет, причем возможно, что они на несколько тысячелетий древнее. Данное открытие является одним из первых доказательств того, что заселение Новой Гвинеи человеком произошло так же давно, как и заселение Австралии. Окружающая среда стоянки на этой террасе Хуона, безусловно, мало отличалась от нынешней со средним годовым уровнем осадков более 2500 мм. Природная растительность здесь – влажный прибрежный лес, но в значительной степени он был выкорчеван, и сегодня этот район покрыт лугами, созданными человеком. 40 тыс. лет назад он, вероятно всего, был покрыт влажным лесом, возможно, с вкраплениями саговых и манговых деревьев (согласно личному сообщению Чеппелла).

В наши дни главный метод расчистки лесов такого типа состоит в выкорчевывании и выжигании растений. Возможно, что тяжелые каменные топоры, найденные новогвинейским папуасом Джо Манги, старшим преподавателем в Университете Порт-Морсби, и Л. Гроубом, использовались в примитивном растениеводстве. Журналист Рейнхардт (*Reinhardt*, 1985, p. 91) так передает свою беседу с Гроубом:

Карта 24. Карта Австралии, Тасмании и Новой Гвинеи с обозначением археологических местонахождений плейстоцена: а – стоянки давностью 10–15 тыс. лет; б – стоянки 15–30 тыс. лет; с – стоянки более 30 тыс. лет; d – уровень моря ниже 200 м по сравнению с современным: 1 – Науамоин; 2 – Малангангерр; 3 – Малакуланжа; 4 – Навабибила; 5 – Миривул; 6 – Коллес-крик; 7 – Косипе; 8 – «Древний человек»; 9 – Валкулдер-Арч; 10 – гора Ньюмен; 11 – Пунгугжарпа; 12 – Аппер-Сван-Бридж; 13 – Девилз-Лейк; 14 – Кэлган-Холл; 15 – Кооналда; 16 – Сетон; 17 – Рунка; 18 – Вилланда-Лейк; 19 – Янтара; 20 – Кенниф; 21 – Талгаи; 22 – Ноола; 23 – Кингс-Тейбл; 24 – Басс-Пойнт; 25 – Буррил-Лейк; 26 – Кау-Свамп; 27 – Уайри-Свамп; 28 – Ленсфилд; 29 – Кейлор; 30 – Клатгс; 31 – Кейв-Бей; 32 – Бегиннерс-лак; 33 – Кутикина

«Гроуб убежден, что топоры Хуона использовались для какой-то формы примитивного сельского хозяйства. Его аргументация, основанная на осторожных предположениях, в целом выглядит следующим образом.

Распашка влажных прибрежных лесов по причине их густоты должна была быть огромной проблемой для первых поселенцев, обосновавшихся на Новой Гвинее, о чем можно судить по массивности орудий, найденных в Хуоне.

Остаются неясными причины, толкавшие этих первых землепроходцев пытаться заставить лес отступить. Чего они добивались – облегчить себе загонную охоту или в этом следует видеть начало эксплуатации лесных ресурсов? – Этого мы не знаем.

Тем не менее, отмечает Гроубе, в некоторых отдаленных районах запада современной Папуа-Новой Гвинеи и в наши дни встречаются отдельные кланы, которые выращивают бананы в окружении влажных лесов, ограничиваясь расчисткой топором участков для проникновения солнечного света в объеме, достаточном для вызревания банановых гроздьев. Немыслимая несколько лет назад гипотеза, согласно которой уже в плейстоцене ресурсы влажного леса могли использоваться в виде создававшихся от слу-

чая к случаю природных садов, теперь должны рассматриваться вполне серьезно. Это заставляет нас пересмотреть свои прошлые представления о появлении систематического растениеводства.

Такие предположения подтверждаются некоторыми ботаниками, которые доказывают, что многие важные садовые растения, такие, как сахарный тростник, панданус, хлебное дерево, возможно, один из видов бананов и кокосовый орех, а может быть, и болотный таро и многие другие культуры родом из Новой Гвинеи».

Сельское хозяйство существовало на нагорьях Новой Гвинеи 9 тыс. лет назад. Доказательства тому были найдены при раскопках в долине Вахги близ Маунт-Хаген в гористой центральной части острова (Golson, 1977). К концу 1960-х гг. часовды, осушавшие болота, обнаружили палки для рыбления земли, деревянные пластины лопатообразной формы и каменные топоры. Эти артефакты находились во многих канавах для регулирования подачи воды, выкопанных, вероятно, для выращивания таро (*Colocasia esculenta*), который дает крупные клубни, богатые крахмалом. Самая древняя канава (1 м глубиной, 2 м шириной и примерно 450 м длиной) была отнесена радиоуглеродным анализом приблизительно к 9 тыс. лет назад.

И свиньи, и таро не местного происхождения, и на Новую Гвинею это растение когда-то было завезено. Другие археологические находки на острове показывают, что уже 5–6 тыс. лет назад здесь были развиты выращивание местных и других растений, распашка лесов, строительство относительно постоянно заселенных деревень и создание сложных систем водопользования.

Следы человеческой деятельности, уходящие в далекое прошлое, были найдены в других регионах Новой Гвинеи. Предметы, обнаруженные в Хуоне, в некоторых аспектах схожи с орудиями 2,6-тысячелетней давности из Косипе – местонахождения, которое до того считалось самой древней стоянкой на Новой Гвинеи (*White, Crook & Ruxton, 1970*). Открытие в Косипе остатков почвы со следами плейстоценового поселения удивило археологов, так как это место расположено на крайнем юго-востоке озера, приблизительно в 1,4 тыс. км от побережья ледникового периода, на высоте 2000 м над нынешним уровнем моря. Косипе является открытой стоянкой на южном склоне горы Альберта Эдварда высотой 3990 м, которая в заключительном плейстоцене была покрыта ледником и окружена толстым слоем льда.

Итак, представляется доказанным, что 26 тыс. лет назад, когда снежный покров находился всего лишь в 1000 м над их стоянкой, а температура должна была быть примерно на 6 °С ниже современной, люди совершали по крайней мере сезонные подъемы в горы юго-восточной части Новой Гвинеи.

ТЕХНОЛОГИИ ПЛЕЙСТОЦЕНА

Топоры Хуона характеризуются общим массивным видом, сильными следами эрозии, оббитыми краями и наличием сужения на некоторых из них. На одном топоре с явными следами потертости, датированном возрастом 37 тыс. лет, видна опоясывающая бороздка, сделанная, по-видимому, чтобы прикрепить его к рукоятке с помощью петли из тростника или виноградного стебля. Такой метод крепления рукояток к тяжелым каменным топорам применяется и в наши дни некоторыми этническими группами тропических регионов Австралии, о. Бугенвиль и других мест в регионе Новой Гвинеи.

Артефакты из Косипе соответствуют традиции орудий с террасы Хуона. Некоторые топоры, даже меньшего размера, также имеют выемки или бороздки для рукоятки. Однако в инвентаре Косипе есть и одно отличие: рабочий край орудия выполнен скошенным, как у стамески, что улучшает его режущие свойства.

У артефактов из Косипе и Хуона имеются аналоги в австралийском плейстоцене. На юге Австралии и на открытых стоянках, расположенных в горной цепи Флиндерс, а также на о. Кенгуру были найдены каменные орудия с сужением и оббитыми краями (*Lampert, 1975, 1981*). Средняя длина 24-х орудий с о. Кенгуру составляет 19 см, и только одно длиной 27 см. Столь же массивные орудия с сужением обнаружены в недатированных скоплениях в округе Маккай в штате Квинсленд.

По-прежнему неясно, для чего применялись найденные в Австралии орудия с сужением. Отмечая их сходство с пестиками для толчения саго с Новой Гвинеи, Ламперт полагает, что они, возможно, использовались для дробления какого-нибудь твердого пищевого продукта. Тиндейл (*Tindale, 1981b, pp. 1772–1773*) предположил, что ими убивали крупных животных, попадавших в западню, ссылаясь при этом на обычай, до недавнего времени сохранявшийся у аборигенов из влажных лесов Квинсленда и состоявший в том, что попавших в западню диких животных добивали большими тяжелыми топорами, на которых иногда делались бороздки для их крепления с помощью петель из стебля сахарного трост-

ника к очень длинным рукояткам из растения, называемого «слоистым тростником». Возможно, их использовали для расчистки леса – эта гипотеза представляется наиболее вероятной для Новой Гвинеи.

Орудия с сужением из Хуона являются самыми древними каменными топорами с рукоятками, известными в мире. Они свидетельствуют о том, что первые поселенцы в данном регионе имели гораздо более развитую технику, чем можно было предположить. Значительное сходство между этими орудиями с Новой Гвинеи и орудиями, обнаруженными на о. Кенгуру и в других местах Австралии, – на сегодняшний день лучшее доказательство культурного единства Большой Австралии в плейстоцене.

Параллелизм, существующий между технологиями Австралии и Новой Гвинеи, подтверждается и более поздними орудиями с заточенными режущими кромками на Новой Гвинеи и на п-ве Арнемленд на севере Австралии, которые имеют возраст от 26 до 20 тыс. лет. В плейстоценовых отложениях скальных укрытий этого района было найдено 15 топоров с заточенными краями (*White, 1967*) (рис. 81). При затачивании режущего края путем шлифования или полирования получается более эффективное орудие, чем при скалывании. На некоторых топорах также имеются канавки и выемки для удобства крепления к рукоятке. Эти канавки или выемки получали выдалбливанием с применением молотков и отбойников.

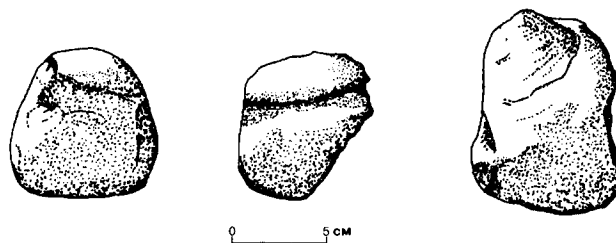

Рис. 81. Топоры плейстоцена с полированным краем с п-ва Арнемленд (Северная территория, Австралия). Орудия оббиты с обеих сторон, а их режущий край скошен и отполирован. Выемки, по-видимому, использовались для крепления к рукоятке. Слева – топор из роговика, найденный в Малангангерре, имеет бороздку только с одной стороны, возраст около 23–19 тыс. лет. В центре – топор из Науамоине, изготовленный из порфирита, с бороздкой на одной стороне и одним отбитым краем (около 21,5 тыс. лет). Справа – топор из роговика с выемками, найденный в Науамоине, отбитый с двух краев (по *White, 1967*)

Два признака орудий с полированным краем с п-ва Арнемленд свидетельствуют об их местном происхождении, т.е. о том, что они не были сюда завезены. Во-первых, в отличие от полированных орудий из Азии, австралийские орудия являются скорее топориками, чем топорами (*Dickson, 1981*). Топорики отличаются от топоров как таковых тем, что их можно держать одной рукой, они не так массивны и имеют более короткую рукоятку. Маленькие размеры и масса образцов с п-ва Арнемленд показывают, что типологически они принадлежат к категории топориков (правда, для удобства мы сохранили в тексте традиционное название «топор»). Во-вторых, обработка отбойником орудий с заточенным краем подтверждается в отношении этих древних эпох только образцами с севера Австралии.

Топоры с п-ва Арнемленд являются самыми древними в мире орудиями, изготовленными путем обработки камня отбойником. До сих пор только в Японии были найдены образцы столь древней техники полирования камня для получения лезвия, заточенного со скосом как у ножиц. Между тем в Юго-Восточной Азии, вероятно, в столь же древних пластах также обнару-

жены орудия с полированным лезвием. Следовательно, похоже, что такие важные технические новшества, как крепление на рукоятке, полирование и обработка отбойником, появились в Австралии раньше, чем в Африке, Европе и Западной Азии.

Первые поселенцы в Австралии, по-видимому, были самыми древними мореплавателями в мире или во всяком случае первыми уцелевшими после морских кораблекрушений. Вероятно, эти люди вышли на достаточно высокий технический уровень, такой, который позволял им преодолевать широкие водные пространства и приспособляться к условиям жизни на новом континенте более 40 тыс. лет назад. Эта способность адаптироваться в новой, чужой среде в столь отдаленную эпоху, бесспорно, стоит в ряду самых замечательных достижений во всемирной истории человечества. Освоение Австралии является также первым выходом человека за пределы материкового комплекса в составе Африки, Европы и Азии.

АВСТРАЛИЯ (карта 24)

Физическое и биологическое развитие

По своей морфологической специфике австралийские аборигены по сравнению с другими народами мира вполне обоснованно обозначаются отдельным термином – австралоиды. И хотя новогвинейцы отличаются от австралийцев, обе популяции, по-видимому, принадлежат общему «саульскому» началу, что подтверждается измерениями черепов представителей современного вида (Howells, 1976; Giles, 1976) и биохимическими данными (Kirk, 1976, p. 341). В целом народы Сауля образуют определенную группу, населявшую Австралию, Новую Гвинею и Тасманию.

Все обнаруженные до сих пор остатки человеческих скелетов принадлежат самой молодой ветви человеческого рода – *человеку разумному* современного вида. В Австралии найдено примерно 100 фрагментов ископаемых человеческих остатков давностью более 6 тыс. лет, причем обстоятельно изучено менее половины. Проведенный анализ выявил значительную разнородность, в частности, в том, что касается социальных признаков.

Торн установил исключительно большое разнообразие доисторических популяций, проживавших в Австралии в одну и ту же эпоху (Thorne, 1976, 1977, 1980; Thorne & Wilson, 1977; Thorne & Wolpoff, 1981). По мнению этого ученого, можно выделить две большие группы: группу массивных людей, представленную в раскопках Кау-Свамп (Thorne & Macumber, 1972), и группу грацильных людей, представленную образцами Мунго I и Мунго III (Bowler et al., 1970), а также черепом из Кейлора (Gill, 1966). Массивная группа – более древняя, у ее представителей мощный тяжелый костяк, крупные зубы и челюсти, ярко выраженные надбровные дуги. Напротив, грацильная группа характеризуется удлиненной морфологией, тонкими костями и менее плоским лбом и меньшими размерами зубов (илл. 50, рис. 82).

Сравнение ископаемых черепов с черепами современных аборигенов выявляет тот примечательный факт, что люди Кау-Свамп были крепче и выше современных аборигенов, в то время как люди Мунго-Кейлора имели слишком щуплое телосложение, чтобы их можно было причислить к современному виду. Эти различия наблюдаются независимо от половой принадлежности.

Таким образом, существуют важные археологические отличия как среди самих доисторических групп, так и между ними и современными аборигенами. Череп плейстоценовых австралийцев намного объемнее черепа аборигенов более поздних эпох, причем за последние 10 тысячелетий произошли и другие морфологические изменения, в частности, формы лба и лица.

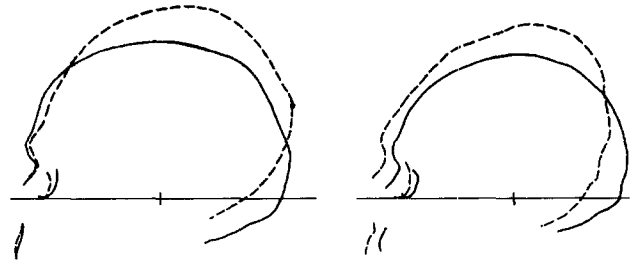

Рис. 82. Сопоставление черепных профилей Кау-Свамп V с современными недеформированными и искусственно деформированными профилями. Слева – череп из Кау-Свамп V (пунктир) и череп современного аборигена-мужчины из долины р. Муррей. Справа – искусственно деформированный мужской череп из Аравы (пунктир) и недеформированный череп мужчины с севера о. Новая Британия (по Broun, 1981)

Крепкие массивные люди Кау-Свамп и грацильные люди Мунго, чьи территории находились на расстоянии всего 300 км друг от друга, различались главным образом ростом, типом лица и массивностью костей. Все человеческие останки плейстоцена Австралии расходятся с морфологией современных аборигенов по каждому из полов, но при этом они образуют два противоположных типа, один из которых имеет более слабую конституцию, чем современные аборигены, а другой – сильнее этих последних и имеет более архаический облик.

Озеро Мунго

В ходе археологических раскопок установлено, что обе эти группы – массивная и грацильная – существовали в течение долгого времени развития доисторической Австралии. Находки, сделанные в районе оз. Мунго, дают основание считать, что 30 тыс. лет назад данные группы занимали именно эту часть внутренних земель. Ареал, известный под названием района озер Вилландра, сегодня внесен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО в связи с его большой археологической и геоморфологической значимостью (Australian Heritage Commission, 1981). Ископаемые с озер Вилландра, которые в настоящее время образуют полусухую корону вокруг центра австралийской пустыни, в период конечного плейстоцена представляли собой крупные пресноводные пространства, кишевшие рыбой и крупными моллюсками. Убежищем для стоянок служили тогда расположенные на подветренных берегах этих озер песчаные дюны в форме полумесяца, называемые также «люнетами».

Проведенное Боулером и другими археологами изучение этих озер позволило реконструировать климат и среду тех времен не только в полусухом районе Вилландра, но и во всех землях внутренней Австралии (Bowler et al., 1976). Австралия является самым сухим обитаемым континентом мира: на более чем 75% ее территории годовой объем осадков ниже потенциального годовичного испарения. Так было не всегда, но в период плейстоцена в австралийском климате произошли крупные изменения. Ареал озер Вилландра, и в частности оз. Мунго, стал тем ключевым районом, где оказалось возможным исследовать одновременно климатические изменения и первые поселения людей. Некоторые из наиболее древних свидетельств, которыми мы располагаем в настоящее время относительно заселения Австралии, были обнаружены именно в данной зоне, расположенной в юго-восточной части континента на границе с западной частью штата Новый Южный Уэльс.

Исследования, проводимые в этом древнем озерном комплексе, были сосредоточены на оз. Мунго, водная

гладь которого подверглась сильной эрозии, уменьшившей его центральную часть на 600 га и осушившей его во многих других местах. До наступления дефляции водная гладь Мунго простиралась на 25 км, а глубина озера составляла 40 м. Это озеро, видимое на расстоянии в несколько километров, окружено цепью низких холмов, сверкающих белизной на коричневатом фоне равнины. Первые отложения оз. Мунго, названные отложениями Голгола, датируются приблизительно 150–120 тыс. лет, когда озеро было полноводным. В этих отложениях не найдено никаких следов человеческого присутствия, и поэтому представляется вероятным, что люди начали жить на берегах о. Мунго только к концу периода, когда вода здесь стояла на самом высоком уровне, т.е. в период, который начался примерно 45 тыс. лет назад. Приблизительно между 45 и 26 тыс. лет назад береговой песок, передвигаясь под воздействием ветра, сформировал дюну на восточном берегу. Эта дюна известна под названием *Мунго юнит*. На протяжении десяти следующих тысячелетий озеро постепенно усыхало, и эта возрастающая сухость региона оставила след в отложениях Верхнего Мунго и Занси.

Первые следы человеческого присутствия в Австралии были обнаружены в основном в районе оз. Мунго. С помощью радиоуглеродного метода датировано несколько стоянок, содержащих каменные орудия и скопления раковин пресноводных моллюсков (*Velesunio ambiguus*), возраст которых был определен в 30 тыс. лет. Скопления раковин моллюсков, пепла и древесного угля, открытые в районе оз. Аутер Арумпо, датированы возрастом 35 тыс. лет, в то время как раковины, найденные вместе с каменными орудиями, обнажившимися под воздействием эрозии Мунго юнит, позволили определить несколько дат, наиболее давние из которых имеют возраст 32,75 тыс. лет.

Пласты Мунго юнит, датированные от 33 до 24 тыс. лет, дали несколько каменных скоплений. Мунго является точкой отсчета для «австралийской традиции», которая характеризуется изготовлением орудий в виде нуклеусов и орудий из отщепов с крутой ретушью для ручной работы, вероятно, использовавшихся для таких тяжелых работ, как обтесывание, дробление и скобление, а также для изготовления деревянных предметов, например копий и сосудов для транспортировки продуктов питания. В этих пластах содержались, кроме того, следы охры на поверхностях, стершихся от длительного пользования, очаги, а также остатки кострищ, рядом с которыми были найдены «камни» для варки пищи, сделанные из формованных комков глины, в то время как камни и гольши, до сих пор используемые австралийскими аборигенами для приготовления пищи в печах, выкопанных в земле, встречаются в районе Мунго достаточно редко.

В районе оз. Вилланда найдены костные останки более 50 гоминидов. Некоторые принадлежат массивной группе, причем наилучший образец – это гоминид-50 с озер Вилланда (по неопубликованному личному сообщению Торна; краткое описание этих останков можно найти у Флуд (*Flood*, 1983, pp. 67–68). Другие относятся к грациальной группе, представленной Мунго I и Мунго III. Мунго I – это женщина 20–25 лет, останки которой, датированные возрастом 26,25 тыс. лет, обуглены, в то время как Мунго III – это полный скелет, найденный в лежачем положении, скелет взрослого мужчины, захороненного в отложениях Мунго приблизительно 30 тыс. лет назад согласно датировке, установленной по месту этого захоронения в отложениях Мунго. С морфологической точки зрения Мунго I и Мунго III (а также крайне фрагментарные останки Мунго II, найденные рядом с Мунго I) характеризуются исключительной грациальностью, с очень тонкими черепными костями, легким костным остовом, слабо выраженными надбровными дугами и маленькими челюстями и зубами.

Кау-Свамп

В противоположность этому массивные особи из Кау-Свампа и других местонахождений, таких, как Кохуна, Талгаи, Моссгиль и Коссак (*Flood*, 1983, pp. 55–66), были большими, с крупным костяком и с плоским пологим лбом. Более 40 особей были найдены при раскопках, проведенных Торном в захоронении Кау-Свампа в долине р. Муррей, штат Виктория. Возраст остатков мужчин, женщин, подростков и детей был определен в 13–9 тыс. лет. Этот комплекс захоронений является самым крупным скоплением костных останков заключительного плейстоцена, открытых на сегодняшний день во всем мире, и поэтому он исключительно интересен для всестороннего изучения морфологической эволюции человеческого рода.

Череп из Кау-Свампа и черепа других представителей массивной группы иногда характеризуются сильным наклоном и пологостью лба. В исследовании, опубликованном Брауном (*Brown*, 1981), установлено, что некоторые из этих черепов были искусственно сплюснуты или деформированы. В исторические эпохи подобная практика была обнаружена только у трех групп австралийских аборигенов, проживавших на севере штата Виктория, на полуострове Йорк и на острове Мабуиаг в Торресовом проливе. Неизвестно, как эта деформация производилась в группах штата Виктория, но в других группах она возникала, скорее всего, в результате сдавливания головы ребенка, а не стягивания ее повязками. Один путешественник, побывавший на полуострове Йорк, отмечал в 1852 г., что «мать производит сдавливание обеими руками: одной – на лбу, а другой – на затылке, в результате чего обе эти части уплощаются, а череп становится более широким и длинным, чем он был от природы» (Macgillivray, цит. по: *Brown*, 1981, p. 165).

Сдавливание дает более разнообразные деформации, чем бинтование; в Кау-Свампе обнаружены и переходные варианты между явно деформированными черепами и черепами, не имеющими никаких следов такой процедуры. Деформации черепа подвергались представители обоих полов. Главным выводом из изучения подобных находок является то, что забота о физической красоте обоих полов восходит к плейстоцену. Эта процедура должна была порождаться лишь эстетическими причинами, потому что никакие практические соображения не оправдывают сплющивание головы ребенка.

Самым древним свидетельством данного обычая в Австралии является череп из Кау-Свампа V (рис. 82), датированный приблизительно 13 тыс. лет (радиоуглеродная датировка произведена по раковинам из захоронения).

Заселение Австралии

Как объяснить то обстоятельство, что, по всей видимости, массивная и грациальная группы могли сосуществовать в доисторическую эпоху в одном и том же регионе Австралии? Вероятно, здесь возможны три предположения. Первое состоит в том, что эти две различные группы появились на континенте в совершенно разные эпохи и в дальнейшем слились или смешались, образовав современную туземную расу. По мнению археолога Райса Джонса (*Rhys Jones*), объяснить данное явление именно постепенным смешиванием указанных групп:

«Я думаю, что здесь мы имеем дело с очевидным фактом, который состоит в том, что население Кау-Свампа – потомки первых жителей Австралии, архаическая ветвь *Homo sapiens*, которые прибыли на континент около 50 тыс. лет назад. Эти первые колонисты обосновались в хорошо орошаемых регионах и

многие их поколения продолжали здесь выживать и в течение десятков тысяч лет. Затем Австралия оказалась занятой второй группой современных *Homo sapiens*, людей из Мунго, прибывших из Юго-Восточной Азии, которые, пользуясь своим технологическим превосходством, распространились на больших пространствах континента. Обе группы в конце концов встретились друг с другом, и их «гибридизация» породила новую группу, развивавшуюся вплоть до появления современных аборигенов».

(Цит. по: Stokes, 1981)

Вторая возможность состоит в том, что обе группы (родом из различных регионов) прибыли в Австралию примерно в одну и ту же эпоху и в дальнейшем смешались, образовав современный вид.

И первая, и вторая гипотезы предполагают постепенное нивелирование отчетливых физических особенностей плейстоценовых популяций (следовательно, и исчезновение ярко выраженных различий между людьми Мунго и Кау-Свамп) в ходе смешения, породившего современное коренное население. Морфологически австралийские туземцы являются одной из наиболее разнородных популяций мира, причем вполне вероятно, что это разнообразие еще более усилилось в эпоху плейстоцена.

Наконец, последняя гипотеза предполагает, что Австралия могла быть заселена в очень древнюю эпоху, возможно, 100 тыс. лет назад единой популяцией, которая уже тогда была очень неоднородна в морфологическом отношении и в дальнейшем прошла на Австралийском континенте долгий эволюционный путь со значительной диверсификацией, в ходе которой появились типы Мунго и Кау-Свамп, а также некоторые промежуточные морфологические варианты.

Авторы многих трудов пытались обнаружить биологическое, лингвистическое и культурное родство между аборигенами Австралии и другими популяциями азиатского ареала. Однако в силу того, что со времени первого заселения Австралийского континента прошло очень много времени, сегодня невозможно установить такое родство с какой-нибудь достоверностью. Во всяком случае представляется очевидным, что первые австралийцы были одними из самых древних и характерных представителей современного человеческого рода. Нынешним аборигенам свойственен скорее крепкий, чем грацильный скелет, схожий с теми, которые представлены большинством доисторических костных остатков, найденных в Австралии. Торн (1980; Torne & Wolpoff, 1981) выступил с предположением, что массивная группа произошла от индонезийского человека с реки Соло, в то время как грацильные популяции появились позднее из Южного Китая. Однако подобные отдаленные родственные связи нуждаются в доказательствах. Труды по физической антропологии, опубликованные до сих пор, больше подчеркивают морфологические вариации у австралийцев плейстоцена, но точно так же можно было бы отметить глубинное единство и длительную преемственность туземных популяций и культуры Австралии.

Этапы заселения

В настоящее время существует большая неопределенность в том, было ли побережье Австралии заселено раньше внутренних территорий, причем заселено популяциями, хозяйственная деятельность и технологии которых были приспособлены к морской среде, как это утверждает Боудлер (Bowdler, 1977), или же, согласно гипотезе, сформулированной Бердселлом (Birdsell, 1957), истина заключается в обратном. В центре Австралии было проведено так мало археологических раскопок,

что, вероятно, было бы преждевременным пытаться сейчас воссоздать весь ход колонизации. Точно так же имеется очень мало сведений относительно демографической численности туземцев как в доисторическую эпоху, так и в начале нашего времени. Тем не менее в свете трудов Батлина (Butlin, 1983) представляется, что в момент прибытия первых европейцев в Австралию туземное население континента насчитывало не 300 тыс. человек, как это традиционно считалось, а не менее 1 млн.

Археологические раскопки, проведенные в последние десятилетия, в любом случае свидетельствуют о том, что туземцы, находившиеся там 20 тыс. лет назад, проживали в самых различных условиях окружающей среды Австралийского континента, в том числе и в пустынной зоне его центральной части. В тропических районах севера они обитали в скальных укрытиях на полуострове Арнемленд, на плато Кимберли и на плато в районе современного г. Пилбара, где водились крокодилы, пестрые гуси (*Anseranas semi-palmata*) и тасманийские «тигры» (*Thylacinus cynocephalus*); последний вид на континенте исчез.

Плейстоценовые стоянки были обнаружены в умеренной зоне, в горах, в самом центре Квинсленда (пещера Кеннифа: Mulvianey & Joyce, 1965), на побережье близ нынешнего Сиднея (скальные укрытия Буррил-Лейк: Lampert, 1971), в предгорьях юго-востока (пещера Клогтс: Flood, 1974) и в других местах (Mulvianey, 1975; Flood, 1983, pp. 24–159, 251–253).

Самое древнее поселение Австралии, датированное с полной достоверностью, находится в западной части континента в районе г. Перт. Это стоянка Аппер-Сван-Бридж, в которой по древесному углю и каменному инвентарю были определены две достоверные даты – около 39,5 и 37,1 тыс. лет назад (Pearce & Barbetti, 1981, p. 178).

На крайней оконечности юго-запада континента в известняковой пещере Девилз-Лейк были найдены ценные материалы об образе жизни групп, проживавших здесь 30 тыс. лет назад (Dortch, 1979a). Помимо каменных орудий они использовали костяные шилья, очевидно, для изготовления одежды из шкур, а также некоторые украшения, как мы увидим ниже. По-видимому, они питались моллюсками, яйцами страуса эму, птицами, летучими мышами, ящерицами, змеями, охотились на других мелких или среднего размера животных, таких, как опоссум и кенгуру-валаби, а также, вероятно, на два вида гигантских кенгуру – *Protemnodon* и *Sthenurus*, ныне исчезнувших.

Имеется много разноречивых мнений по поводу ответственности охотников за исчезновение крупной австралийской фауны (Hope, 1978). Ясно одно – на протяжении долгих тысячелетий охотники-собиратели и мегафауна сосуществовали. Хотя до сих пор не обнаружено ни одно из мест забоя животных, все более многочисленные находки показывают, что охотники вели загонную охоту на гигантских кенгуру, а также на вомбатов *Diprotodon* (из семейства млекопитающих, отряд сумчатых. – Прим. ред.) размером с носорога и на других представителей мегафауны. Однако маловероятно, что данный вид деятельности стал единственной причиной исчезновения таких животных. Считается доказанным, что в этом сыграли свою роль и некоторые климатические перемены, например, высыхание плейстоценовых озер и изменение типа жилищ и условий существования.

ТАСМАНИЯ (карта 24)

Аборигены Тасмании, жившие в XIX в., описывались антропологами как «самый примитивный народ в мире», но их самым замечательным успехом было то, что они выжили на протяжении десятка тысячелетий в ледниковой среде, а затем так же долго существовали без всяко-

го контакта с внешним миром. Более того, им удалось сохранить и развить богатые культурные традиции, привнесенные первыми мигрантами, когда они преодолели перешеек, связывавший Тасманию с континентом. Уже 20 тыс. лет спустя тасманийцы создавали резные изображения в стиле плейстоцена и производили ритуальные кремации, а также исполняли церемониальные действия, песни и танцы своих далеких предков.

Регион Южного мыса Тасмании был в период плейстоцена крайней южной точкой Австралийского континента. Понижения уровня моря на 60 м оказалось достаточно, чтобы сушей стало дно нынешнего Бассова пролива, после чего образовался перешеек площадью 15 млн. гектаров. Археологические раскопки дали доказательство того, что в пещере Кейв-Бей на одном из современных островов Хантер у северо-западного побережья Тасмании люди жили приблизительно 22,75 тыс. лет назад, т.е. лишь одно тысячелетие спустя после образования перешейка, так как приблизительно от 50 до 24 тыс. лет назад Тасмания оставалась островом. И хотя нельзя полностью исключить возможность того, что люди появились на Тасмании уже 50 тыс. лет назад, в свете собранных на сегодняшний день материалов представляется более вероятными, что миграция к югу произошла во время последнего отступления моря, т.е. примерно 24 тыс. лет назад.

Тасмания является самым южным регионом южного полушария, заселенным в эпоху плейстоцена. Ее горы были покрыты ледниками, и к ее берегам должны были доплывать некоторые айсберги, отколовшиеся от большой ледниковой шапки Антарктиды, расположенной не более 1 тыс. км к югу. Именно туда, на эту обледеневшую оконечность мира, проникли аборигены, привлеченные, возможно, желанием разведать новые свободные пространства или надеждой найти к лету лучшие охотничьи угодья.

На юго-западе Тасмании охотники проживали на равнинах внутренней территории приблизительно 18 тыс. лет назад, т.е. в кульминационный период последнего оледенения. У них существовала, по-видимому, высоко развитая специализация, о чем свидетельствуют остатки, обнаруженные в Кутикина, Дина-Рина и других известняковых пещерах, которые были обследованы в районе р. Франклин (*Kieman, Jones & Ranson, 1983*). Костные скопления, найденные в этих пещерах, демонстрируют уникальную картину технических приемов охоты плейстоценовых тасманийцев. Из наиболее примечательных открытий следует, что они охотились в основном на один-два вида и что охота велась загонным способом. Местное население питалось главным образом мясом кенгуру-валлаби и, в частности, кенгуру Беннетта, или красногрудого кенгуру (*Macropus rufogriseus*), при случае дополняя это «меню» вомбатами и ехиднами. Костные фрагменты из пещеры Кутикина, по-видимому, остались от приготовления пищи: длинные кости были раздроблены для извлечения костного мозга, почти все кости обуглены и только некоторые остались нетронутыми.

Местонахождение Кутикина представляет собой огромную пещеру, площадь которой в 100 кв. м покрыта слоем толщиной 1–2 м из осколков костей, каменных орудий, отдельных костей и остатков от очагов. Эта пещера, по-видимому, была базовым лагерем, где несколько недель в год проживало 20–30 человек. 20 тыс. лет назад долина р. Франклин была покрыта альпийскими лугами, место которых сейчас занимает влажный лес. Высокогорные долины находились под ледниками, а деревья росли только узкими полосами вдоль рек. Это сочетание лесов и лугов должно было походить на нынешнюю среду обитания кенгуру Беннетта, которые до сих пор появляются в наименее лесистых местах юго-запада Тасмании.

Такие широкие пространства лугов сравнимы с холодной и сухой северной тундрой, которая сегодня существует на Аляске, Юконе и в России. Подобно своим современникам из Северного полушария, тасманийские охотники ледниковой эпохи искали пристанище в глубоких пещерах, чтобы выжить в условиях тяжелого климата.

Пещера Кутикина является уникальной по богатству ископаемых остатков, так как в ее почве, согласно оценкам, должны находиться до 10 млн. артефактов. До сих пор был обследован только один кубический метр слоя, но и это уже дало научные материалы всемирного значения относительно климата, доисторической среды и способа адаптации людей к окружающим условиям. Будучи самыми южными местонахождениями плейстоцена в масштабе нашей планеты, пещеры юго-запада Тасмании имеют уникальную ценность для познания истории человечества. Весь этот район занесен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, и во многом благодаря научному и символическому значению Кутикина и других плейстоценовых стоянок удалось добиться успеха в проведении кампании за спасение долины р. Франклин от разрушения, угрожавшего ей при осуществлении проекта создания гидроэлектростанции. Сноровка и смелость первых жителей Тасмании, которые, презрев снега, льды и мороз, охотились у самых ледников, иллюстрируют неукротимый дух человека и служат примером для нескольких тысяч потомков аборигенов, еще живущих на острове.

С отступлением ледников климат смягчился, на месте лугов вырос влажный лес, и обитатели пещер покинули юго-запад Тасмании. Приблизительно 12 тыс. лет назад перешеек, связывающий остров с континентом, затопило водой, и тасманийцы оказались полностью отрезанными от остального мира.

Никакое другое человеческое общество никогда не жило в столь полной и длительной изоляции, как аборигены Тасмании на протяжении 12 последних тысячелетий. Бурные воды Бассова пролива исключали всякую связь с Австралией, находившейся на расстоянии 250 км, и в Тасманию не проникло ни одно из новшеств, которые появились на континенте, таких, как бумеранг и лук. Точно так же собака динго, которая распространилась по всей территории Австралии уже в историческую эпоху, была совершенно неизвестна на Тасмании, что заставляет предположить, что это животное появилось на юго-востоке Австралии после исчезновения перешейка.

Какое воздействие оказала подобная изоляция, длившаяся 12 тыс. лет, на культуру 3–4 тыс. аборигенов, заблокированных на острове площадью в 67,87 тыс. кв. км (т.е. приблизительно на такой же площади, какую занимают Шри-Ланка или Ирландия)? По этому вопросу существуют различные мнения. Некоторые археологи, в том числе Джонс (*Jones, 1977a, 1977b, 1978*), считают, что она привела к постепенной деградации в культурной и хозяйственной области, в то время как другие, подобно Вандервалю (*Vanderwall, 1978*) и Лоурандосу (*Lourandos, 1977*), отстаивают противоположную точку зрения.

В период появления европейских переселенцев традиционный инвентарь тасманийцев состоял приблизительно из двух десятков орудий. Это были деревянные копы с прокаленными на огне наконечниками, дубины для метания, палки-копалки у женщин, которые использовались также как дубины и для прополки, деревянные клинья и лопатки, корзины, сплетенные из травы или камыша, мешки из шкуры опоссума, ведра из вереска, палочки для добывания огня, некоторые каменные орудия, каноэ, плоты и шалаши, а также капюшоны из шкуры кенгуру и ожерелья из ракушек.

Джонсу кажется очень важным то обстоятельство, что народ, проживший в изоляции дольше чем любой другой народ в мире, обладал самым примитивным на-

бором орудий. Он проводит определенную аналогию с постепенным исчезновением тех видов живой фауны, которые заселяли острова, уже давно изолированные от континентов, откуда происходили эти виды. По его мнению, четыре тысячи туземцев, живших на Тасмании в отрыве от остального мира и к тому же разделенных на разные лингвистические группы, были слишком малочисленными для сохранения культуры плейстоцена и поэтому «обречены на медленное духовное угасание» (Jones, 1977a, p. 203).

В противоположность мнению о неизбежном вырождении подобной популяции Боудлер (Bowler, 1980), Вандерваль (Vanderwall, 1978) и другие ученые утверждали, что тасманийское население переживало бурный демографический рост и что это общество не только было далеко от упадка, но и за два последние тысячелетия развивалось по ряду новых направлений. Возможно, что тасманийские плавучие средства на западном побережье острова – именно там они были особенно необходимы – были созданы всего 200 лет тому назад и что по этой причине, а не из-за утраты технических навыков, в восточной части Тасмании не найдено никаких следов плавучих средств. В пользу данной теории говорит тот прогресс, который был достигнут в эту же эпоху в культурном отношении. В течение последнего тысячелетия появились некоторые новые явления в религиозной жизни, среди которых можно упомянуть ритуальные обряды с применением каменных конструкций.

Материальная культура тасманийских аборигенов доисторической эпохи, вероятно, действительно была в зачаточном состоянии, но им удалось выжить, проведя более 20 тыс. лет на скалистом острове в условиях ледяной стужи и на территории, более близкой к полюсу, чем территория любого другого народа мира, и создать при этом в Австралии самые прекрасные образцы наскальных резных изображений. Они также сохранили приемлемое равновесие между охотничьей деятельностью и местными ресурсами при такой же плотности населения, как на Австралийском континенте.

КУЛЬТУРА АВСТРАЛИЙЦЕВ ЛЕДНИКОВОЙ ЭПОХИ

Культурная жизнь

Реконструкция культурной жизни столь отдаленных эпох представляет собой гораздо более трудную задачу, чем воссоздание хозяйственной жизни, поскольку первая почти полностью скрыта от археологов. Однако считать ее совсем недоступной нельзя, поскольку сохранились немногочисленные фрагментарные остатки, позволяющие все же составить общее представление о художественных традициях и обрядах. Эти разрозненные свидетельства древней туземной культуры имеют очень большое значение для современных аборигенов Австралии, которые теперь могут привести доказательства того, что их сложные ритуалы, символика и искусство уходят корнями в ледниковую эпоху.

Долгое время предполагалось, что подобно той жизни, которую вели их потомки в период появления здесь европейцев, существование доисторических аборигенов все же не сводилось к непрерывной борьбе за выживание. Те представления, которые сложились относительно туземного общества, всегда были более или менее предвзяты. Одни утверждали, что жизнь охотников была «неприятной, скотской и короткой», другие описывали туземцев как «благородных дикарей», живших в «обществе первозданного изобилия». Новейшие археологические открытия показали, что последняя точка зрения ближе к истине. Как бы ни жили охотни-

ки-собиратели ледниковой эпохи – в «изобилии» или нет, – в любом случае сегодня установлено, что их существование не ограничивалось непрерывным поиском пищи и изготовлением нескольких необходимых орудий. Французский антрополог Леви-Стросс назвал аборигенов Австралии аристократами духа доисторического мира. Археологические документы подтверждают эту оценку.

Ритуальные обряды

Первые следы ритуальной практики были обнаружены близ оз. Мунго, в западной части штата Новый Южный Уэльс. Они относились к мужскому захоронению приблизительно 30-тысячелетнего возраста. Погребенный там высокого роста мужчина Мунго III, бесспорно, был *человеком разумным* современного вида, и это одно из самых первых захоронений современного человека, известных в мире (Bowler et al., 1970; Bowler & Thorne, 1976). Он лежал на боку со сложенными руками, тело его было покрыто толстым слоем охры, о чем свидетельствуют темно-красные пятна на костях трупа и на окружающей почве.

Этот захороненный 30 тыс. лет назад человек, покрытый охрой, интересен как свидетельство того, что в Австралии имела ритуальная практика – столь же древняя, что и в других частях мира, в частности, в средиземноморской Европе, где были найдены скелеты с кроваво-красной охрой, относящиеся к той же эпохе (пещера Гримальди в Лигурии, Италия). По существу, использование красного пигмента в Мунго III началось еще раньше, поскольку там под толстым слоем пепла от кострища давностью в 32 тыс. лет были найдены фрагменты охры и каменные артефакты (Australian Heritage Commission, 1981). В районе Мунго охра в естественном состоянии не существовала, и поэтому ее должны были привезти туда специально.

Фрагменты красящего вещества, в том числе несколько комков охры с гранями, отполированными в результате длительного пользования, были также обнаружены в слоях, датируемых ледниковым периодом, и в других местонахождениях, весьма удаленных друг от друга (в пещере Кенниф в штате Квинсленд, пещере Клоггс в штате Виктория, на стоянке Мириун в штате Западная Австралия и в нескольких скальных укрытиях на п-ве Арнемленд). В одном из укрытий – Малакунанжа II – был найден большой камень для размалывания, пропитанный красным и белым пигментом. Это доказывает, что куски красящего вещества толклись для получения красящего порошка уже 19 тыс. лет назад. Охра не имеет никаких лечебных свойств или другого практического применения. Этот пигмент используется только для раскраски скальных плоскостей, артефактов и тел танцоров во время различных церемоний, а также для украшения тел умерших людей при погребении (во всяком случае так было еще в недавнем прошлом). Использование охры в ритуальных целях доказано на сегодняшний день на материале стоянок ледникового периода, но нет сомнений в том, что тогда, как и сегодня, охра применялась и в других целях.

Найденные в Мунго кремнированные останки 26-тысячелетнего возраста дают более полную информацию о ритуальной практике тех времен. Сам факт кремации не вызывает никакого сомнения. Тело молодой женщины было сожжено на берегу озера, после чего ее кости были раздроблены и захоронены в небольшой круглой яме. Такая практика кремирования у аборигенов Австралии сохранилась до наших дней со времен оледенения. Тот факт, что этот сложный ритуал распространился на Тасманию, позволяет предположить, что он входил в

состав культуры первых переселенцев до того как Тасмания оказалась отделенной от остального мира последними изменениями, произошедшими примерно 12 тыс. лет назад.

Интересно, что сожженный труп принадлежит женщине. Хотя этот единичный пример и не позволяет сформулировать окончательные выводы, в любом случае он показывает, что 260 веков назад женщины признавались достойными сложных ритуальных обрядов. Мы никогда не узнаем, какие чувства были определяющими для ритуальной практики – любовь или уважительный страх перед потусторонним миром, однако интерес к личности покойного, о котором свидетельствует эта практика, отражают саму сущность человека.

В эпоху первых контактов с европейцами ритуальная практика аборигенов была удивительно разнообразна. Тела умерших не хоронились в могилах или курганах и не кремировались, их укладывали на настилы среди ветвей деревьев, относили в пещеры или ставили в дупла деревьев. Похороны производились сразу после смерти или с каким-то интервалом. В последнем случае тело разрезалось на части, которые раздавали присутствующим для ритуального пиршества, либо размещали в расщелинах скал, либо заворачивали в звериную шкуру или в древесную кору.

Погребальные аксессуары были найдены в Кау-Свамп Торном и Макамбером (*Thorne & Macumber, 1972*) в нескольких захоронениях, датированных 10–13 тыс. лет назад. Речь идет о комках охры, раковинах, зубах сумчатых и каменных артефактах. Одно из тел было уложено на слой раковин мидий. Как и останки Мунго 20 тыс. лет ранее, это тело было натерто порошком охры, что свидетельствует о постоянстве данного обычая.

Наличие погребального инвентаря могло означать просто то, что труп был захоронен вместе с предметами, которыми усопший пользовался в повседневной жизни. Однако некоторые элементы позволяют думать, что в могилах оставляли также подношения неутилитарного характера. Одно из тел, захороненных в Кау-Свампе 12 тыс. лет назад, имело на лбу ленты с зубами кенгуру. На зубах сохранились остатки смолы, свидетельствующие о том, что они были склеены между собой. Ленты такого же типа из растительных волокон со склеенными зубами кенгуру еще в XIX в. носили аборигены обоих полов из центральных пустынь Австралии.

Одной из наиболее впечатляющих находок подобного рода является огромное ожерелье из просверленных звериных зубов, украшавшее шею мужчины, захороненного в песчаной дюне близ ископаемого оз. Нитчи, в западной части штата Новый Южный Уэльс (*Macintosh, 1971*). В этом украшении было 178 зубов «тасманийского дьявола» (*Sarcophbilus*) – животного, которое исчезло с Австралийского континента (илл. 51). Чтобы сделать это ожерелье, надо было убить не менее 47 особей. Поскольку такие ожерелья были весьма распространены, неудивительно, что данный вид исчез. В каждом зубе было просверлено сквозное отверстие, что требовало огромной работы. Ни у современных аборигенов, ни в остатках доисторической Австралии нет ни одного другого примера подобного ожерелья.

Захоронение Нитчи имеет и другие интересные особенности. Полный скелет высокого роста мужчины был втиснут в своеобразный колодец-яму, туда же были положены шарики охры. Примечательно, что на верхней челюсти погребенного отсутствовали два центральных резца. Существует известная практика посвящения подростков, состоящая в том, что у них вырывают два верхних резца. Следовательно, вырывание зубов должно было практиковаться уже в доисторическую эпоху. Если это действительно так, то данная ритуальная практика по меньшей мере столь же древняя, как и само захоронение у оз. Нитчи, датированное 6–7 тыс. годами назад.

Украшения

Недавно было установлено, что обычай носить определенные украшения появился в незапамятные времена: недаром в Девилз-Лейр (штат Западная Австралия) в пластах, датированных 12–15 тыс. лет назад, были найдены три бусины (*Dortch, 1979a, 1979b*) (илл. 52), которые были вырезаны каменными орудиями из фрагментов малой берцовой кости кенгуру, просверлены и нанизаны на сухожилие, причём на них сохранились следы от трения с сухожильной нитью. Этот тип бусин известен у современных аборигенов.

В пещере Девилз-Лейр в пласте, датированном 14 тыс. лет, найден замечательный перфорированный фрагмент мягкого мергеля неместного происхождения (*Dortch, 1980*). Предполагается, что это была подвеска для украшения, однако имеющееся отверстие в предмете могло использоваться и для полирования деревянных копий и их наконечников, а также костяных шильев. Форма предмета напоминает силуэт птичьей головы, причём у основания шеи есть следы скола, как если бы с этого конца предмет первоначально был длиннее.

Забора о собственном украшении была очень распространена у австралийских аборигенов доисторического периода; соответствующие традиции появились в ледниковую эпоху. Использование охры как красителя началось более 30 тыс. лет назад, костяные бусы и ленты с зубами кенгуру датируются более 12 тыс. лет, длинные нити бус из зубов «тасманийского дьявола» – более 6 тыс. лет, а костяные, ракушечные и опаловые подвески – не менее 5 тыс. лет. Весьма древними могут также быть найденные на Тасмании ожерелья из сотен мельчайших ракушек, которые являются одним из самых характерных изделий местной туземной культуры.

Использование украшений доказывает, что древние обитатели Австралии обладали самосознанием и индивидуальностью и практиковали культ собственной личности. Этот факт позволяет предположить существование давних традиций в области декоративных искусств, а также наличие эстетических ценностей и религиозных систем.

Среди самых древних туземных традиций следует упомянуть отсроченные захоронения, кремацию, ритуальное умерщвление детей, удаление зубов у юношей на церемонии посвящения, ношение посвященными мужчинами лент на голове и использование таких украшений, как подвески и бусы.

Развитие искусства

Истоки туземного искусства – также в плейстоцене. Одной из самых интересных находок, сделанных когда-либо в Австралии, были произведения искусства ледникового периода в пещере Кооналда, расположенной на значительном расстоянии от сухой равнины Нулларбор в штате Южная Австралия (*Wright, 1971*). Этот погруженный в абсолютную темноту зал сформировался в пещере Кооналда, представляющей собой известковую впадину в форме кратера, которая 23–15 тыс. лет назад использовалась как кремневый карьер. Остатки очагов, древесного угля, каменных артефактов и осколков кремня были найдены в слабо освещенной камере примерно в 100 м от входа в пещеру. Далее, в 300 метрах от входа, в абсолютно темном месте, были обнаружены знаки, выскобленные на стенах пещеры. Люди выцарапывали полоски и ногти, и палками, и костями, и каменными орудиями, поскольку текстура известняка была то мягкой, то твердой (илл. 53).

Некоторые участки стены на большой площади целиком покрыты решетками из групп параллельных ли-

ний, прочерченных пальцами. На других больших плоскостях видны вертикальные линии, иногда пересекаемые горизонтальными штрихами. Рядом есть и более характерные рисунки, такие, как квадраты с клеточками и цепочки из кружков правильной формы. Есть также две группы из четырех концентрических кругов диаметром около 20 см. Самым замечательным изображением можно считать выполненный шилом из рыбьей кости рисунок длиной 120 см, состоящий из 74 диагональных прорезанных линий, над которыми находятся 37 коротких бороздок, нанесенных пальцами. Трудно объяснить простой случайностью тот факт, что первая цифра ровно вдвое больше второй. Весьма вероятно, что данный рисунок был выполнен сознательно и имеет символическое значение.

Некоторые материалы позволяют предположить, что эти «произведения искусства» имеют возраст приблизительно 20 тыс. или более лет. Радиоуглеродный анализ следов работ в карьере дает именно такие датировки, причем трудно предположить вторичное заселение пещеры в более позднее время. В том же культурном пласте, где производились данные раскопки, был найден небольшой фрагмент известняковой стены с резными изображениями, а прямо под этой панелью обнаружен древесный уголь, который также датирован 20 тыс. лет назад. Предполагается, что древесный уголь остался от факелов, которыми освещались самые дальние уголки пещеры.

Знаки, оставленные на стенах пещеры Кооналда и других пещер, например пещеры Сноуи-Ривер на востоке штата Виктория (Flood, 1983, pp. 121–140), похожи на резные изображения так называемого макаронного стиля, известные как первые образцы наскального искусства Европы. Хотя и нет связи между этими явлениями искусства, однако оба комплекса знаков отражают инстинктивное стремление человека оставить следы на чистых поверхностях. Этот хорошо известный рефлекс, свойственный всем *Homo sapiens* во всем мире, может быть, соотносится с первым шагом на пути к художественному творчеству во всех обществах. Эти знаки могли быть также символами, посвященными каким-то церемониям.

В обществах, основанных на охоте и собирательстве, большинство художественных форм связано с религиозными ритуалами. Так было и в традиционных туземных обществах, более близких к нашему времени. И сейчас недра пещер, вершины гор и другие отдаленные или труднодоступные места нередко используются аборигенами для проведения таких церемоний, как посвящение подростков, достигших возраста взрослых мужчин.

Первые произведения австралийского искусства выглядят скорее абстрактными, поскольку их самыми частыми сюжетами являются круги и следы животных и птиц. Из нескольких таких наскальных резных изображений (или петроглифов), датированных плейстоценом, самые интересные находятся в скальном укрытии Эрли-Мен на севере штата Квинсленд (Rosenfeld et al., 1981). Эти изображения были скрыты археологическими отложениями примерно 13,2 тыс. лет. Они представляют собой своеобразный длинный фриз на стене пещеры, идущий по диагонали в направлении естественного дна пещеры. На композицию фриза повлиял рельеф стены: впадины были украшены резьбой или обведены штрихами, подчеркивающими их контуры. Наиболее частыми являются рисунки в виде решетки и сделанные нажимом трех пальцев стилизованные изображения «птичьих следов», а также круги и переплетения линий, похожие на большие лабиринты (илл. 54).

Во многих частях центральной и восточной Австралии были найдены изображения аналогичного типа, датируемые по крайней мере концом плейстоцена

(Maynard, 1979). Они классифицируются в настоящее время как относящиеся к «стилю Панарамити» – по названию одного из местонахождений в Южной Австралии (Mountford & Edwards, 1963; Edwards, 1971). Наиболее распространенными признаками стоянок, где были обнаружены эти произведения, являются близость воды, свидетельства человеческого проживания, сильная эрозия, а также наличие поверхностной патины, иногда со следами «лака пустыни», применение техники отделки отбойником, преобладание остатков кенгуру и птиц, а также использование закругленных линий. Дело в том, что округлость позволяет получать множество вариантов, в том числе и некоторые рисунки, весьма напоминающие сексуальные символы.

Это дает основание считать, что живопись в Австралии имеет столь же древнюю историю, что и резные изображения, хотя убедительных свидетельств пока недостаточно. Некоторые стоянки, обнаруженные на п-ве Арнемленд и на Северной территории, располагают такими сложными и богатыми комплексами наскальной живописи, каких нет нигде в мире. Как правило, эта живопись весьма реалистична и позволяет судить о материальной культуре, образе жизни и среде проживания ее создателей.

Целый ряд признаков убедительно говорят в пользу того, что упомянутые произведения относятся к плейстоцену (Chaloupka, 1984). Наиболее примечательны комки охры с полированными гранями, найденные в пласте 19-тысячелетней давности в скальном укрытии района Наулабила; пропитанный охрой камень для размолы, находившийся в пласте, датированном 18 тыс. лет назад, из скального укрытия Малакунанжа II и рисунки, представляющие исчезнувшие в этом районе виды животных, таких, как таманийский «тигр» и длинноклювая эхидна (*Zaglossus*). Некоторые картины покрыты прозрачной кремниевой пленкой, которая, по мнению геологов, могла образоваться в кульминационный момент последнего оледенения, т.е. 18 тыс. лет назад.

Изучив, каким образом переплетаются и чередуются стили и мотивы изображений, Халупка (G. Chaloupka) предложил хронологию, выделяющую четыре стиля. Наиболее древние произведения («динамичный» стиль) относятся к периоду до постледникового наступления моря, которое произошло примерно 9–7 тыс. лет назад. Чаще всего они воспроизводят животных и людей. Одним из самых впечатляющих аспектов произведений этого стиля являются украшения персонажей – браслеты, на шейные украшения, головные уборы с кисточками и перьями (рис. 83 и 84). Была обнаружена даже роспись на

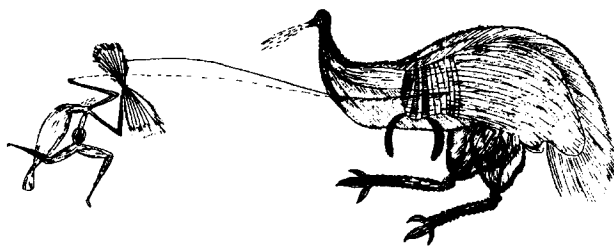

Рис. 83. Охотник, ранящий эму копьем. Рисунок в динамичном стиле из Национального парка Какаду, п-ов Арнемленд. Охотник, спрятавшийся за пучком травы, подкрадывается к эму и пронзает его копьем. На голове охотника большой колпак, на талии – волосяной пояс. Точно переданы тело, ноги и оперение эму. Изображение отражает также невидимые аспекты события. Сила, с которой было брошено копье, передается пунктирной линией, идущей от руки человека до того места туловища эму, куда воткнулось копье. Точки, изображенные перед охотником и у головы птицы, символизируют, возможно, торжествующий возглас человека и горестный крик птицы. (Рис. и интерпретация G. Chaloupka)

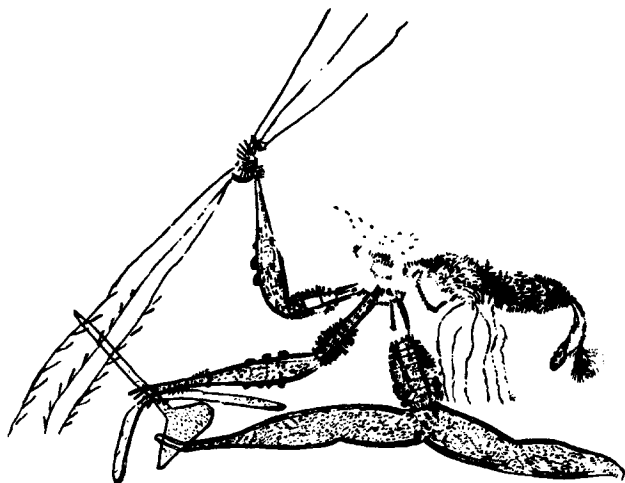

Рис. 84. Фигура мужчины, нарисованная в динамичном стиле, местонахождение Колонджорук 2, Диф-Адлер-Грик, п-ов Арнемленд. На охотнике длинный церемониальный головной убор с кисточками, в руках три зазубренных копья, бумеранг и каменный топор с рукояткой. (По Brandt, 1973, с согласия Австралийского института туземных исследований)

ожерелье из зубов типа того, которое найдено в захоронении у оз. Нитчи. Другой интересной особенностью следует считать наличие зооморфных рисунков – человеческих тел со звериной головой, некоторые из них, вероятно, изображают больших летучих мышей, живущих в жарких странах и питающихся фруктами.

Имеется множество мелких прекрасных рисунков, которые показывают людей и животных в ситуациях повседневной жизни, таких, как танцы или охота на кенгуру. На одной из таких маленьких картинок можно насчитать не менее 60 персонажей. Большая выразительность этих полных движения сцен объясняет, почему Халупка назвал данный стиль динамичным. Раньше эти изображения были известны под названием «искусство Мими» по имени духов, которые живут среди скал и которым туземцы, не знавшие подлинного происхождения изображений, приписывали их авторство.

Наскальная живопись прошла большой путь развития, приведший к появлению знаменитых разноцветных картинок, как бы «просвеченных рентгеновскими лучами», когда выступают детали внутренней анатомии персонажей, а не только их внешний вид. Повышение уровня моря постледникового эпохи, которое оказало очень сильное воздействие на прибрежные равнины северной Австралии, стало, возможно, источником мифа о Радужной змее.

Радужная змея, которую обычно описывают как пресмыкающееся, с ушами или похожими на рога отростками на голове, чаще всего связывается в северной Австралии с мифами, посвященными дождю и наводнениям. Эти темы могут иметь связь с повышением уровня моря, которое, по имеющимся оценкам, поглощало несколько сот метров суши каждые десять лет. Переход от периода до затопления к периоду затопления и появление Радужной змеи на наскальных изображениях датируются 9–7 тыс. лет. Это означает, что речь идет о мифе, являющемся самым древним в мире религиозным поверьем.

Попытка собрать очевидные доказательства пробуждения человеческого разума неизбежно связана со множеством сомнений. Древнейшие формы «искусства», открытые в Австралии, с трудом отличимы от знаков, случайно оставленных пальцами. При этом, однако, в северной Австралии эти первые робкие шаги должны были привести в конце плейстоцена к реалистичному изоб-

разительному искусству. Выполненные в динамичном стиле сцены охоты, танцев и битв, вероятно, являются наиболее древними в мире изображениями.

И хотя австралийское туземное искусство плейстоцена оставило сравнительно мало следов, разнообразие, значительное количество, выразительность, сложность и символичность более поздних картин, созданных туземцами, свидетельствуют о существовании в Австралии художественных и религиозных традиций с древнейших времен.

ТЕХНОЛОГИИ

Сейчас уже проясняется то обстоятельство, что людям плейстоцена удалось создать эффективные орудия из камня, кости и дерева, а также многочисленные другие изделия из органических веществ, от которых не сохранилось никаких следов, доступных археологам.

Несмотря на большое разнообразие используемых материалов, на всем континенте применяется одинаковый каменный инвентарь, по-видимому, относящийся к единому производству. Австралийская традиция скребков и нуклеусов характеризуется наличием галечных рубил, нуклеусов в форме лошадиных копыт, скребков с крутой ретушью, выемчатых и других орудий. Эти предметы использовались главным образом для обработки изделий, т.е. для придания им определенной формы, их заточки и ретуширования, а также для определенных операций по приготовлению мяса и растительной пищи. Технология аборигенов доисторического периода не оставалась статичной, она постепенно развивалась в направлении производства менее массивных и более эффективных и разнообразных орудий. Производство последних фаз плейстоцена отличаются уменьшенными нуклеусами, меньшими размерами скребков и большим разнообразием типов орудий. Такое совершенствование орудий свидетельствует о возрастающем умении использовать исходный материал. Скопления голоцена еще разнообразнее, в них проявляется тенденция ко все большей диверсификации.

Каменные орудия составляли сравнительно малую часть традиционного инвентаря аборигенов, причем по поводу техники обработки дерева в ледниковую эпоху мы можем судить лишь приблизительно по уникальному набору из 25 деревянных орудий, сохранившихся в пласте 10-тысячелетней давности в торфянике Уайри-Свамп в Южной Австралии (Luebbers, 1975). Найденные там предметы характерны для традиционного инвентаря аборигенов Австралии. Женщины были оснащены палками-копалками, а мужчины – копьями и бумерангами. Прочное деревянное копье с наконечником, прокаленным на огне, представляло собой высокоэффективное оружие, которое всегда использовалось континентальными аборигенами. Удивительно, что уже 10 тыс. лет назад существовало такое усовершенствованное оружие, как зазубренные копья дротикового типа, которые должны были быть очень эффективным при охоте на крупных кенгуру. Когда такое копье попадало в цель и застревало в туловище животного, оно не могло сбросить его и в конце концов погибало от потери крови.

Бумеранги Уайри-Свамп еще более совершенны, чем зазубренные копья (илл. 55). Речь, бесспорно, идет о настоящих бумерангах, возвращающихся к месту запуска. Лопастные бумеранга расположены в различных плоскостях, а их продольные прогибы придают им свойства, соответствующие законам аэродинамики. Вполне естественно, что самые древние бумеранги из тех, что известны в мире, были найдены в Австралии, в то время как в других регионах, в частности в Египте и во Флориде, найдены псевдобумеранги, по существу, простые палки,

которые после броска не могли вернуться к стартовой точке. Другое изобретение, сделанное на австралийской территории совершенно независимо, – это пропеллер, который, по-видимому, появился после последникового отступления моря, поскольку на Тасмании он неизвестен.

Подводя итоги, нужно сказать, что технологии австралийцев доисторической эпохи отнюдь не были примитивными и простыми. Конечно, их орудия не отличались разнообразием и были крайне легкими, но с их помощью они могли выживать в различных природных условиях и в тяжелом климате, который 20 тыс. лет спустя покажется слишком суровым многим европейским исследователям и земледельцам.

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД МЕЖДУ ПЛЕЙСТОЦЕНОМ И ГОЛОЦЕНОМ

Австралия является единственным континентом, где конец плейстоцена не был отмечен крупными культурными переменами, такими, как возникновение сельского хозяйства и городов. В то время как в остальном мире, включая близлежащую Папуа – Новую Гвинею, большинство обществ стали развивать земледелие, растениеводство и скотоводство, австралийцы оставались кочующими охотниками-собирающими. Многие новшества, такие, как лук и стрела, гончарное производство и обработка металла, так и не появились на Австралийском континенте в этот период.

Имеется множество причин, в силу которых австралийские аборигены не стали земледельцами или садоводами и не приручили диких животных. Одна из них состоит в том, что их адаптация к условиям жизни на континенте произошла в основном в эпоху первого заселения, а окружающая среда в очень большой степени была изменена людьми доисторического периода главным образом посредством «технологии палочек для добывания огня». Их хозяйственная организация, основанная на охоте и собирательстве, прекрасно подходила для этого самого сухого в мире континента, заселенного людьми, и она обеспечивала туземцам безбедное существование на негостеприимных землях, где европейское земледелие потерпит полный крах.

После того как аборигены хорошо приспособились к кочевому образу жизни и применению легких орудий, использование которых связано с постоянной сменой мест пребывания, они могли заняться сельским хозяйством, гончарным производством и перейти к оседлости только под воздействием крупных экологических или других потрясений. Между тем изменения, произошедшие в окружающей среде Австралии в период перехода от плейстоцена к голоцену, были относительно незначительны по сравнению с теми, которые произошли в Северном полушарии. Самой крупной переменной было затопление приблизительно 1/7 части платформы Саул (почти 2,5 млн. кв. км) водой тающих льдов.

Одним из последствий этого внушительного сокращения австралийской территории было, по-видимому, то, что оно вынудило туземцев укрыться в менее гостеприимных регионах, в которых ранее они появлялись и жили лишь эпизодически. Другие части Австралии стали более трудными для жизни в результате климатических изменений, трансформировавших их среду к концу плейстоцена. В центре Австралии потепление климата привело к пересыханию озер, из-за чего аборигены этого региона, которые ранее жили за счет водных ресурсов, питались рыбой и пресноводными моллюсками, перешли на питание, основанное на муке из диких злаков. В юго-западной Тасмании климатические изменения сопровождались появлением влажных лесов на месте аль-

пийских лугов, и тогда аборигены, жившие в пещерах типа пещеры Кутикина на р. Франклин, покинули эти места. Иными словами, трансформация климатических условий в конце плейстоцена имела в этих регионах больше отрицательных, чем положительных последствий для условий жизни охотников-собирающих.

Важные изменения окружающей среды продолжались и в начале голоцена, но на такой обширной территории, как Австралия, доисторическим людям не было никакой нужды приспосабливаться к новым местным условиям отказываясь от своих культурных традиций: было достаточно обустроиться где-то подальше. Археологические находки высветили замечательную преемственность в технологической и хозяйственной сферах на протяжении переходного периода между концом плейстоцена и началом голоцена. Это нашло свое выражение в отсутствии каких бы то ни было крупных культурных перемен. Вероятнее всего, самые большие сдвиги в доисторическом туземном обществе наблюдались позднее, к середине голоцена, т.е. 4–3 тыс. лет назад, когда появились новые, более мелкие и специализированные орудия, на континент завезли собаку динго, а также произошел явный демографический рост и усовершенствовалась техника собирательства.

Разнообразные хозяйственные системы, созданные австралийскими аборигенами в эпоху плейстоцена, были достаточно гибкими, для того чтобы позволить им не только выжить, но и добиться относительного благополучия, а также приспособиться к сокращению площади Австралийского континента и повышению сухости без крупных изменений в хозяйственной организации и образе жизни.

Доисторическое туземное общество было динамичным: с переменами на континенте изменялись и люди, постоянно приспосабливаясь к окружающей среде. Однако по сравнению с изменениями, произошедшими у народов на других континентах, это общество характеризуется фундаментальной стабильностью и преемственностью образа жизни, основанного на охоте и собирательстве и дошедшего до наших дней спустя 40 с лишним тысячелетий.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AUSTRALIAN HERITAGE COMMISSION. 1981. Nomination of the Willandra Lakes Region for Inclusion in the World Heritage List. Canberra.
- BIRDSELL, J. B. 1957. Some Population Problems Involving Pleistocene Man. Cold Spring Harbor Lab. Symp. Quant. Biol. (New York), Vol. 22, pp. 47–70.
- 1977. The Recalibration of a Paradigm for the First Peopling of Greater Australia. In: ALLEN, J.; GOLSON, J.; JONES, R. (eds), Sunda and Sahul: Prehistoric Studies in South-East Asia, Melanesia and Australia. London/New York. pp. 113–67.
- BOWDLER, S. 1977. The Coastal Colonisation of Australia. In: ALLEN, J.; GOLSON, J.; JONES, R. (eds), Sunda and Sahul: Prehistoric Studies in South-East Asia, Melanesia and Australia. London/New York. pp. 205–46.
- 1980. Fish and Culture: A Tasmanian Polemic. Mankind (Sydney), Vol. 12, pp. 334–40.
- BOWLER, J. M.; THORNE, A. G. 1976. Human Remains from Lake Mungo: Discovery and Excavation of Lake Mungo III. In: KIRK, R. L.; THORNE, A. G. (eds), The Origin of the Australians. Canberra. pp. 127–38.
- BOWLER, J. M. et al. 1970. Pleistocene Human Remains from Australia: A Living Site and Human Cremation from Lake Mungo, Western New South Wales. World Archaeol., Vol. 2, pp. 39–60.
- 1976. Late Quaternary Climates of Australia and New Guinea. Quat. Res., Vol. 6, pp. 359–94.
- BROWN, P. 1981. Artificial Cranial Deformation: A Component in the Variation in Pleistocene Australian Aboriginal Crania. Archaeol. Ocean. (Sydney), Vol. 16, pp. 156–67.
- BUTLIN, N. 1983. Our Original Aggression. Sydney.

- CHALOUPKA, G. 1984. From Palaeoart to Casual Paintings. Darwin.
- CHAPPELL, J. 1982. Sea Levels and Sediments: Some Features of the Context of Coastal Archaeological Sites in the Tropics. *Archaeol. Ocean. (Sydney)*, Vol. 17, No. 2, pp. 69–78.
- 1983. A Revised Sea-level Record for the Last 300,000 Years from Papua New Guinea. *Search (East Lansing, Mich.)*, Vol. 14, Nos. 3–4, pp. 99–101.
- DICKSON, F. P. 1981. *Australian Stone Hatchets: A Study of Design and Dynamics*. Sydney.
- DORTCH, C. 1979a. Devil's Lair: An Example of Prolonged Cave Use in South-Western Australia. *World Archaeol.*, Vol. 10, pp. 258–79.
- 1979b. Australia's Oldest Known Ornaments. *Antiquity*, Vol. 53, pp. 39–43.
- 1980. A Possible Pendant of Marl from Devil's Lair, Western Australia. *Rec. West. Aust. Mus. (Perth)*, Vol. 8, pp. 401–3.
- EDWARDS, R. 1971. Art and Aboriginal Prehistory. In: MULVANEY, D. J.; GOLSON, J. (eds), *Aboriginal Man and Environment in Australia*. Canberra, pp. 356–67.
- FLOOD, J. 1974. Pleistocene Man at Cloggs Cave: His Toolkit and Environment. *Mankind*, Vol. 9, pp. 175–88.
- 1983. *Archaeology of the Dreamtime*. Sydney.
- GILES, E. 1976. Cranial Variation in Australia and Neighbouring Areas. In: KIRK, R. L.; THORNE, A. G. (eds), *The Origin of the Australians*. Canberra, pp. 161–72.
- GILL, E. D. 1966. Provenance and Age of the Keilor Cranium: Oldest Known Human Skeletal Remains in Australia. *Curr. Anthropol.*, Vol. 7, pp. 581–4.
- GOLLAN, K. 1983. *Prehistoric Dingo in Australia*. Canberra. (Ph.D. thesis, Australian National University.)
- GOLSON, J. 1977. No Room at the Top: Agricultural Intensification in the New Guinea Highlands. In: ALLEN, J.; GOLSON, J.; JONES, R. (eds), *Sunda and Sahul: Prehistoric Studies in South-East Asia, Melanesia and Australia*. London/New York, pp. 601–38.
- GROUBE, L. et al. 1986. A 40,000 Year Old Human Occupation Site at Huon Peninsula, Papua New Guinea. *Nature (London)*, Vol. 304.
- HOPE, J. H. 1978. Pleistocene Mammal Extinctions: The Problem of Mungo and Menindee, New South Wales. *Alcheringa (Sydney)*, Vol. 2, pp. 65–82.
- HOWELLS, W. W. 1976. Metrical Analysis in the Problem of Australian Origins. In: KIRK, R. L.; THORNE, A. G. (eds), *The Origin of the Australians*. Canberra, pp. 141–60.
- ISAACS, J. (ed.) 1980. *Australian Dreaming: 40,000 Years of Aboriginal History*. Sydney.
- JONES, R. 1968. The Geographical Background to the Arrival of Man in Australia and Tasmania. *Archaeol. Phys. Anthropol. Ocean.*, Vol. 3, pp. 186–215.
- 1977a. The Tasmanian Paradox. In: WRIGHT, R. V. S. (ed.), *Stone Tools as Culture Markers: Change, Evolution, Complexity*. Canberra, pp. 189–204.
- 1977b. Man as an Element of a Continental Fauna: The Case of the Sundering of the Bassian Bridge. In: ALLEN, J.; GOLSON, J.; JONES, R. (eds), *Sunda and Sahul: Prehistoric Studies in South-East Asia, Melanesia and Australia*. London/New York, pp. 317–86.
- 1978. Why Did the Tasmanians Stop Eating Fish? In: GOULD, R. (ed.), *Explorations in Ethnoarchaeology*. Albuquerque, pp. 11–48.
- KIERNAN, M.; JONES, R.; RANSON, D. 1983. New Evidence for Glacial Age Man in South-West Tasmania. *Nature (London)*, Vol. 301, pp. 28–32.
- KIRK, R. L. 1976. Serum Protein and Enzyme Markers as Indicators of Population Affinities in Australia. In: KIRK, R. L.; THORNE, A. G. (eds), *The Origin of the Australians*. Canberra, pp. 329–46.
- LAMPERT, R. J. 1971. *Burrill Lake and Currarong*. Canberra. (Terra Austr., 1.)
- 1975. A Preliminary Report on Some Waisted Blades Found on Kangaroo Island, South Australia. *Aust. Archaeol. (Canberra)*, Vol. 2, pp. 45–7.
- 1981. *The Great Kartan Mystery*. Canberra. (Terra Austr., 5.)
- LOURANDOS, H. 1977. Aboriginal Spatial Organization and Population: South-Western Victoria Reconsidered. *Archaeol. Phys. Anthropol. Ocean.*, Vol. 12, pp. 202–25.
- LUJEBBERS, R. A. 1975. Ancient Boomerangs Discovered in South Australia. *Nature (London)*, Vol. 253, p. 39.
- MACINTOSH, N. W. G. 1971. Analysis of an Aboriginal Skeleton and a Pierced Tooth Necklace from Lake Nitchie, Australia. *Anthropologic (Brno)*, Vol. 9, pp. 49–62.
- MAYNARD, I. 1979. The Archaeology of Australian Aboriginal Art. In: MEAD, S. M. (ed.), *Exploring the Visual Art of Oceania*. Honolulu, pp. 83–110.
- MOUNTFORD, C. P.; EDWARDS, R. 1963. Rock Engravings of Panaramitee Station. *Trans. R. Soc. South Aust. (Adelaide)*, Vol. 86, pp. 131–46.
- MULVANEY, D. J. 1975. *The Prehistory of Australia*. 2nd edn. Melbourne.
- MULVANEY, D. J.; JOYCE, E. B. 1965. Archaeological and Geomorphological Investigations on Mt Moffatt Station, Queensland, Australia. *Proc. Prehist. Soc.*, Vol. 31, pp. 147–212.
- PEARCE, R. H.; BARBETTI, M. 1981. A 38,000 Year Old Archaeological Site at Upper Swan, Western Australia. *Archaeol. Ocean. (Sydney)*, Vol. 16, pp. 173–8.
- REINHARDT, D. 1985. The Cradle of Civilisation is Heading Our Way. *The Bulletin*, 18 June, pp. 88–91.
- ROSENFELD, A.; HORTON, D. R.; WINTER, J. W. 1981. Art and Archaeology in the Laura Area, North Australia. Canberra. (Terra Austr., 6.)
- SINGH, G.; KERSHAW, A. P.; CLARK, R. 1981. Quaternary Vegetation and Fire History in Australia. In: GILL, A. M.; GROVES, R. H.; NOBLE, J. R. (eds), *Fire and the Australian Biota*. Canberra, pp. 23–54.
- SINGH, G.; OPDYKE, N. D.; BOWLER, J. M. 1981. Late Cainozoic Stratigraphy, Palaeomagnetic Chronology and Vegetational History from Lake George, NSW, J. Geol. Soc. Aust. (Sydney), Vol. 28, No. 4, pp. 435–52.
- STOKES, E. 1981. Skeletons in the Sand. *Geo*, Vol. 3, No. 3, pp. 27–49.
- THORNE, A. G. 1976. Morphological Contrasts in Pleistocene Australians. In: KIRK, R. L.; THORNE, A. G. (eds), *The Origin of the Australians*. Canberra, pp. 95–112.
- 1977. Separation or Reconciliation? Biological Clues to the Development of Australian Society. In: ALLEN, J.; GOLSON, J.; JONES, R. (eds), *Sunda and Sahul: Prehistoric Studies in South-East Asia, Melanesia and Australia*. London/New York, pp. 187–204.
- 1980. The Longest Link: Human Evolution in Southeast Asia. In: FOX, J. J. et al. (eds), *Indonesia: Australian Perspectives*. Canberra, pp. 35–43.
- THORNE, A. G.; MACUMBER, P. G. 1972. Discoveries of Late Pleistocene Man at Kow Swamp, Australia. *Nature (London)*, Vol. 238, pp. 316–19.
- THORNE, A. G.; WILSON, S. R. 1977. Pleistocene and Recent Australians: A Multivariate Comparison. *J. Hum. Evol.*, Vol. 6, pp. 393–402.
- THORNE, A. G.; WOLPOFF, M. H. 1981. Regional Continuity in Australasian Pleistocene Hominid Evolution. *Am. J. Phys. Anthropol.*, Vol. 55, pp. 337–41.
- TINDALE, N. B. 1981a. The Aborigines: An Introduction. In: KEAST, A. L. (ed.), *Ecological Biogeography of Australia*. The Hague, pp. 1743–8.
- 1981b. Prehistory of the Aborigines: Some Interesting Considerations. In: KEAST, A. L. (ed.), *Ecological Biogeography in Australia*. The Hague, pp. 1761–98.
- VANDERWALL, R. L. 1978. Adaptive Technology in South-West Tasmania. *Aust. Archaeol. (Canberra)*, Vol. 8, pp. 107–26.
- WHITE, C. 1967. Early Stone Axes in Arnhem Land. *Antiquity*, Vol. 41, pp. 149–52.
- WHITE, J. P.; O'CONNELL, J. F. 1982. *A Prehistory of Australia, New Guinea and Sahul*. London.
- WHITE, J. P.; CROOK, K. A. W.; RUXTON, B. P. 1970. Kosipe: A Late Pleistocene Site in the Papuan Highlands. *Proc. Prehist. Soc.*, Vol. 36, pp. 152–70.
- WILLMOT, E. 1985. The Dragon Principle. In: MCBRYDE, I. (ed.), *Who Owns the Past?* Oxford, pp. 41–8.
- WRIGHT, R. V. S. 1971. *The Archaeology of the Callus Site, Koonalda Cave*. Canberra.

ПОЯВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В АМЕРИКЕ¹

Хосе Л. Лоренсо

ПРОБЛЕМА ТРАНСОКЕАНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ МЕЖДУ ПЕРВЫМИ ОБИТАТЕЛЯМИ АМЕРИКИ И ПОПУЛЯЦИЯМИ ДРУГИХ КОНТИНЕНТОВ

По проблеме происхождения человека в Америке написаны тысячи страниц и выполнены многие десятки – чтобы не сказать сотни – исследований. Существуют самые невероятные теории, как, например, невозможная с филогенетической точки зрения гипотеза Амегино (*Ameghino*) о происхождении коренного американского населения, или гипотеза о вмешательстве инопланетян, между которыми стоят теории о появлении здесь выходцев из других народов: финикийцев, карфагенян, греков, евреев, римлян и прочих.

При наличии множества теорий представляется целесообразным разделить проблему на две части и сначала попытаться выяснить, кем были первые обитатели Америки, откуда и когда они прибыли сюда, а затем определить, существовали ли в дальнейшем трансокеанические контакты, в какой момент и между кем они установились, и что они дали тем культурам, которые самобытно развивались на Американском континенте.

Перед тем как перейти к первому из этих двух вопросов, который будет предметом рассмотрения в настоящей главе, целесообразно вкратце остановиться на втором. Хотя и нельзя полностью исключить гипотезу о появлении здесь в более позднее время людей с других континентов в результате кораблекрушений, следует подчеркнуть, что в древнейшие эпохи отсутствовала сама возможность мореплавания на дальние расстояния, а в более поздние эпохи такая возможность могла возникать лишь как исключение. Следовательно, в первом случае дальние морские переходы были материально неосуществимы, во втором же случае им препятствовали всевозможные трудности, фактически того же порядка. Конечно, морские течения могли помочь судам из Северо-Западной Африки и Юго-Западной Европы достигнуть Антильских островов, но любой подобный переход требует многодневного пребывания в открытом море, а гипотетические суда не были оснащены должным образом, чтобы доплыть до Америки. При этом не исключено, что какая-то горстка обессиленных моряков могла после шторма или других событий пристать к американскому берегу скорее с запада, чем с востока: путешествие на «Кон-Тики» доказало возможность доплыть до тихоокеанских островов от берегов Эквадора, однако возможность осуществить в этих же широтах рейс в обратном направлении осталась неподтвержденной. Достаточно напомнить, какой долгий путь приходилось проделывать испанским кораблям от Манилы (на

Филиппинах) до порта Акапулько (в Мексике), сначала используя течение Курисио, затем его продолжение, далее Алеутское течение или Северо-Тихоокеанское течение и, наконец, Калифорнийское течение, а ведь они поднимались до 45-й параллели на крупнотоннажных судах, специально подготовленных для такой длительной экспедиции. Тем не менее среди членов экипажа и пассажиров отмечался высокий уровень смертности, не говоря уже о гибели нескольких кораблей.

Отсюда следует, что даже если трансатлантические или трансстихоокеанские контакты и имели место, то это было скорее делом случая, а не результатом реализации какой-то четко поставленной задачи, и поэтому гипотеза о существовании стабильных путей сообщения с регулярными рейсами в обоих направлениях абсолютно неприемлема.

Следовательно, мы должны отбросить «диффузионистскую» концепцию о существовании стабильной транспортно-связи в обоих направлениях и допустить маловероятную возможность случайной высадки. Но тогда возникает новая проблема: что могли дать эти уцелевшие после кораблекрушений люди местным культурам? Ведь вероятнее всего они были в основном моряками и купцами. При том уровне дифференциации культур, который существовал в условиях неолита, следует признать вероятность многих самостоятельных видов деятельности и возможность участия в путешествиях гончаров и представителей других ремесел, от работы которых не осталось археологических следов. При этом совершенно невозможно представить себе, что среди вновь прибывших могли быть священнослужители и тем более архитекторы или математики.

Но, даже признав допустимость такого варианта, надо учитывать «поглощающий потенциал» принимающих популяций, т.е. их способность ассимилировать пришельцев. Вступающие в контакт общества должны были находиться на аналогичных, либо близких друг к другу уровнях развития: в противном случае принимающее общество не смогло бы интегрировать новые элементы как слишком революционные. Рассмотрим пример металлургии. Здесь используются разные виды технической подготовки: одни, обладая опытом и знанием местности, умеют отыскивать рудные месторождения, другие умеют их разрабатывать, третьи производят плавку, четвертые – формовку. Один человек способен самостоятельно выполнять несколько таких операций, но не все в совокупности. Поэтому даже если предположить, что в составе какого-то экипажа и был человек, обладавший всеми видами необходимой в данном случае квалификации, ему, очевидно, пришлось бы затратить очень много времени для изготовления металлических орудий на новой территории, если вообще у него возникло бы подобное намерение.

Резюмируем нашу точку зрения. Если бы представители других культур могли случайно прибыть на американские берега, то их влияние во времени и пространстве было бы ограниченным. Нам не следует поддаваться примитивному соблазну пытаться объяснить формальные аналогии контактами между культурами.

В заключение отметим следующее: контакты могли иметь место, о чем говорят данные, которыми мы располагаем, но это не доказывает, что культурные элементы, внедренные вновь прибывшими, сыграли такую роль или что происходил столь массовый приток новых групп, которые в итоге были способны изменить или исказить расовые характеристики туземцев.

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ПЕРЕШЕЕК МЕЖДУ АЗИЕЙ И АМЕРИКОЙ

Геоморфология и гидрология региона древнего перешейка

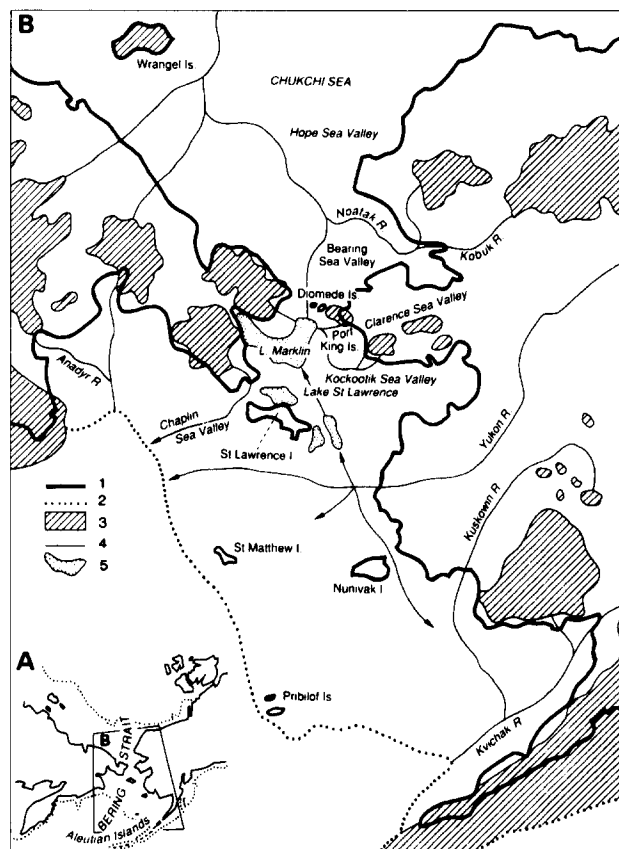
Что бы там ни было, оставим выяснение этого вопроса теоретикам, изучающим проблемы смешанного заселения и его культурные последствия, и сосредоточимся, в соответствии с ранее высказанным нами намерением, на первом аспекте проблемы, т.е. на первоначально появившихся жителях, на их эпохе и проблемах, с которыми они сталкивались.

Нашим исходным предположением является все чаще подтверждаемая гипотеза о том, что первоначальное, самое древнее население проникло на Американский континент через Берингов пролив к концу плейстоцена.

С учетом изменений уровня моря в Беринговом проливе во время последнего оледенения мы констатируем факт существования двух больших фаз, двух крупных наступлений ледников. Первое наступление, произошедшее 70–30 тыс. лет назад, сопровождалось понижением уровня моря и – в период между 63–45 тыс. лет назад – появлением перешейка между Азией и Америкой (карта 25, А). Затем, 45–35 тыс. лет назад, уровень моря слегка повысился, что могло привести к затоплению перехода по суше между двумя континентами. Наконец, следующее понижение уровня моря снова соединило континенты от 35 до 10 тыс. лет тому назад (карта 25, В).

Во время первой, относительно короткой фазы (Йорк-Кник на Аляске и Элтон в центральной части Североамериканской ледниковой шапки) льды шапки не смогли соединиться с теми ледниками, которые спускались со Скалистых гор в восточном направлении, что привело к образованию коридора между двумя ледниковыми массивами. Там сформировалось несколько ледниковых озер, поскольку естественный слив водных потоков с восточного склона Скалистых гор преграждался с западной стороны каймой шапки Лаурентидов. Несмотря на низкие температуры, преобладавшие в то время, на этих озерах должна была существовать развитая фауна птиц и рыб, не говоря уж о тех млекопитающих, которые укрывались на суше в зонах, пока еще не покрытых льдом или водой. Следовательно, в период между 63 и 45 тыс. лет назад имелись условия для продвижения человека на юг.

Рассматриваемые популяции происходили из субарктической климатической зоны крайнего северо-востока Азии. Они продвигались по выступившему из-под воды переходу, который образовался между Азией и Америкой – по земле, названной «Берингия», после того как уровень моря опустился более чем на 45 м. (Название «Берингия» здесь и далее оставлено нами в соответствии с названием в английском оригинале, несмотря на его условность. – Прим. ред.) В Америку они проникли через долину свободной ото льда р. Юкон и тем же путем добрались до истоков речной сети, откуда вышли, наконец, к коридору на юг.

Карта 25. А – Берингия при раннем плейстоцене; В – Берингия в стадию Вудфорда (от 20 до 14 тыс. лет тому назад): 1 – современная береговая линия; 2 – пределы ледникового покрытия в стадию Вудфорда; 3 – суша, подымавшаяся из воды в стадию Вудфорда; 4 – реки в стадию Вудфорда; 5 – озера в стадию Вудфорда (по Lorenzo)

То же явление повторилось между 45 и не менее 35 тыс. лет назад, во время межстадийного периода Воронцова на Аляске и межледниковой стадии Фармдейла в центре Северной Америки, поскольку, несмотря на новый подъем уровня вод, популяции, находившиеся на американской стороне, могли продолжать свою миграцию в южном направлении благодаря тому, что расширение коридора соответственно повысило возможности прохода.

Во время ледниковой фазы Минт-Ривер-Нептаун на Аляске и стадии Вудфорда в центральной части Северной Америки условия изменились из-за усилившегося оледенения: во всех исследованиях указывается, что от 35 до 10 тыс. лет назад коридор на юг перекрыли горные ледники, сомкнувшиеся с ледниковой шапкой, и проход был осуществлен только в первые и последние тысячелетия этого периода (карта 26).

Сращение льдов было неполным: и на юге, и на севере какие-то земли оставались свободными, но льды покрыли территорию протяженностью не менее 2 тыс. км, и это крайне затрудняло переходы.

Некоторые авторы поддерживают иную гипотезу – о продвижении групп людей к югу вдоль северо-западного побережья Северной Америки, т.е. вдоль нынешнего Тихоокеанского побережья Канады и северо-запада Соединенных Штатов. Согласно этой теории, несмотря на почти полное отсутствие здесь континентального шельфа, понижение уровня моря в регионе обнажило ряд свободных ото льдов земель, примыкающих к необледененным территориям, что облегчало миграцию в условиях хозяйствования, основанного на использовании прибрежных ресурсов.

Однако эта гипотеза недостаточно учитывает два фактора. Первый состоит в том, что именно на южном побережье Аляски находятся ледники, примером которых является современный ледник Маласпина. На выходе из долин, спускающихся от Скалистых гор в западном направлении, эти ледники распространяются по равнине крупными языками, и поэтому следует предположить, что в ледниковую эпоху такие языки были многочисленнее и крупнее, и что когда они смыкались друг с другом, то образовывалось сплошное или почти сплошное ледяное пространство, среди которого оставалось лишь несколько ограниченных по площади свободных ото льда зон.

Рассматриваемая гипотеза вызывает и другое серьезное возражение. Ее сторонники демонстрируют карту, на которой обозначены прибрежные зоны, свободные ото льда. В принципе с этим можно было бы согласиться, но из этой карты не видно, как можно было добраться до таких зон из центра Аляски и из Берингии, которая тогда существовала.

Между берегом залива Аляска, от которого начинается полоса выступившей из моря суши, и Берингией, или Центральной Аляской, простирались обширные зоны, покрытые ледниками, — там, где расположен Алеутский хребет. Рассматриваемая гипотеза не принимает в расчет географическое положение и размеры этих ледников. Поэтому, допуская существование в тот период берегового коридора вдоль Тихоокеанского побережья Америки, непонятно, как можно было дойти до него. Вот почему вся эта гипотетическая конструкция рушится как неправдоподобная.

Теперь о Берингии. Специалисты называют так огромную территорию, соединявшую Азию и Америку в период понижения уровня ледниковых вод. Напомним, что уровень моря падал очень медленно, пока не достиг своей самой нижней точки, на которой он продержался еще несколько тысячелетий. Во время этого длительного периода сначала растения, а затем животные заняли выступившую из моря сушу, что означало расширение территории, которая могла эксплуатироваться азиатским человеком. Таким образом, последний получил воз-

можность медленно продвигаться к востоку, вследствие чего он стал, сам того не ведая, первым обитателем континента, который позднее будет назван Америкой.

Подобный маршрут не представлял особых трудностей, поскольку речь шла о передвижении в рамках той же экосистемы, все необходимые предпосылки для эксплуатации которой были уже заложены в культурной модели исходного региона.

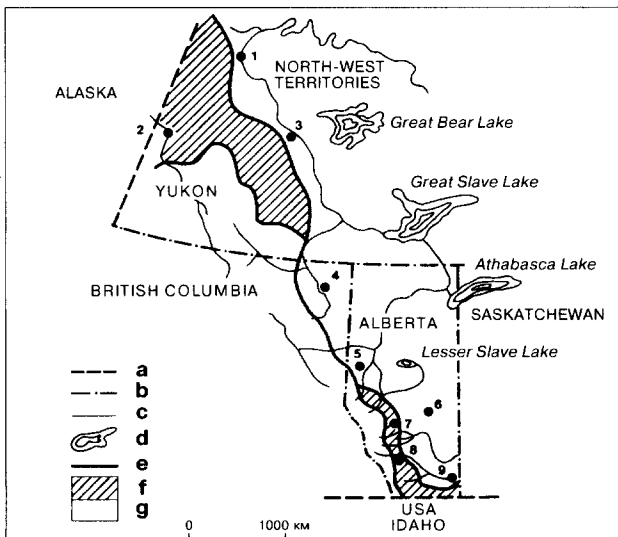
Огромное количество проб, взятых со дна Берингова моря, в северной части Тихого океана и Чукотского моря, позволило получить множество сведений, правда, не без пробелов, дающих достаточно представление о перешейке между двумя континентами в период оледенения. Очевидно, что наиболее надежные сведения относятся к ситуации, существовавшей во время последнего оледенения, т.е. 35–10 тыс. лет назад, но мы в состоянии предположить (без особого риска ошибиться), что общие условия здесь были аналогичны условиям предшествующего периода давностью 63–45 тыс. лет.

В районе Берингова пролива Азиатский и Американский континенты расположены очень близко друг к другу: крайняя восточная оконечность Сибири — мыс Дежнева на Чукотском п-ве и крайняя западная оконечность Аляски — мыс принца Уэльского — находятся всего в 90 км друг от друга, причем на полпути между ними есть два острова Диомида — Малый и Большой. Когда Берингия поднялась над морем, возник новый ландшафт, где острова Диомида, Кинг, Св. Лаврентия, Св. Матвея, Нунивак и Прибылова оказались горами. Следовательно, там образовалась не широкая равнина, а территория с пересеченными местностями и многочисленными реками и озерами. Со стороны Сибири ледники гор Колымы и Чукотки давали рождение бурным рекам, которые на уровне о. Врангеля, представлявшего собой в ту эпоху горный массив, покрытый ледниками, сливались в одну большую реку, впадавшую в Северный Ледовитый океан. В нее впадала также река, образовавшаяся от слияния рек Кобук и Ноатак, истоками которых были ледники хребта Брукс на Аляске. Они соединились с рекой, протекавшей в северном направлении вдоль нынешней подводной долины Беринга, которая на севере превращается в подводную долину Хоуп.

На юге Чукотского п-ва образовалось большое озеро Марклин, которое подпитывалось водами разного происхождения с востока через нынешние океанские долины Порт-Кларенс и о. Кинг. С запада вода шла из сожмнувшихся ледников Чукотского нагорья и, наконец, с юга — из изменившего течение аляскинского Юкона, который разошелся по руслам разного направления, — датировать возраст каждого из новых русел не удалось. Существовало также другое озеро к югу от оз. Марклин и к северу от о. Св. Лаврентия. Названное позднее по имени этого острова, оно было связано с оз. Марклин на севере подводной долиной Коокоотик.

С сибирской стороны текли менее крупные реки, которые брали начало с горных ледников Чукотки, Колымы и Корякского нагорья и впадали в реку Анадырь, пересекавшую территорию, существующую сейчас как Анадырский залив. Далее на восток протекала другая река, питавшаяся ледниками Чукотского хребта, который сейчас является подводной долиной Чаплин.

Наконец, на Аляске, помимо притоков р. Юкон в ее нижнем течении, один из которых тек к северу и образовал небольшое озеро, были две другие реки, которые текли к западу. Кроме того, была и третья река, текшая к юго-востоку, доходившая до восточного края о. Нунивак и, вероятно, сливавшаяся с продолжением р. Кускокуин. Эта последняя, соединившись ниже с р. Квичак, вытекала в открытое море к северо-востоку от современных Алеутских островов.

Карта 26. Границы ледников на северо-западе Северной Америки в эпоху максимального распространения стадии Вудфорда: а — национальные границы; б — границы провинций; в — современные реки; д — современные озера; е — границы ледников; ф — зона, свободная ото льда; г — ледовая масса; 1 — Инувик; 2 — Доусон; 3 — Норман-Уэлс; 4 — Форт-Нельсон; 5 — Форт-Сент-Джон; 6 — Эдмонтон; 7 — Гранд-Прери; 8 — Калгари; 9 — Медисин-Хат (по Rutter, 1980)

Продовольственные ресурсы Берингии

Климат был суровый, очень контрастный, сухой, с коротким, почти жарким летом и долгой зимой, очень ветреной и холодной. Во все времена года наиболее тяжелые климатические условия господствовали на севере, в районе Северного Ледовитого океана, который, как и сегодня, тогда представлял собой огромное скопление льдов. Южнее, ближе к северной части Тихого океана, климат был, вероятнее всего, более теплым и влажным, так как наземная Берингия была преградой арктическому течению, которое в наше время, проходя через Берингов пролив, направляется к югу и сталкивается с теплым течением Куросио, отклоняя его к востоку и не пропуская на север. Исчезновение арктического течения могло бы позволить теплым водам течения Куросио достигнуть южного побережья Берингии. Это не больше чем гипотеза, которой противостоит другая гипотеза о том, что под воздействием метеорологических факторов мог образоваться ледяной массив, дрейфующий между южным побережьем Берингии и горным хребтом Алеутских островов.

В таком климате сформировался степной и тундровый ландшафт арктического и субарктического типа с галереями низкорослых деревьев, произрастающих вдоль рек. В определенные сезоны эта растительность дает множество съедобных ягод, мягких почек, ростков и корнеплодов, благодаря чему в определенные месяцы года не было недостатка в растительной пище.

Что касается животного мира, имея в виду только травоядных, то следует допустить существование многочисленных стад оленей и лосей, бизонов, диких лошадей и, конечно, гигантских мамонтов, а также многих мелких видов, таких как северный заяц. Береговые зоны, особенно на юге, были богаты морскими млекопитающими, моллюсками и рыбой, в том числе рыбой лососевых пород, которых было особенно много в определенные периоды года. Обитателям этого региона должна была быть известна техника сохранения рыбы копчением, засаливанием, вялением и замораживанием, поскольку им надо было делать запасы из значительной части богатой летней добычи в преддверии долгой суровой зимы.

В некоторых районах Берингии должно было быть много древесины, идущей на изготовление определенных орудий, причем это могла быть древесина кустарника. Должны были также существовать некоторые растения волокнистой структуры и с корой, из которых можно было изготавливать веревки, идущие прямо в дело, как, например, из березы. К этому следует добавить шкуры, кожи, сухожилия и кишки животных, используемые для множества целей.

В скалах этой зоны можно было найти каменный материал, пригодный для обработки отбойником, такой, как кремний и другие микрокристаллические породы. Таким образом, если условия были и не совсем райскими, возможность выживания была вполне вероятна, о чем свидетельствует постоянное присутствие групп людей в зоне Северного полярного круга, где в условиях данной экосистемы люди создавали определенные формы симбиоза или интегрирования, которые необходимо учитывать для объяснения перемещений человеческих групп в этом регионе.

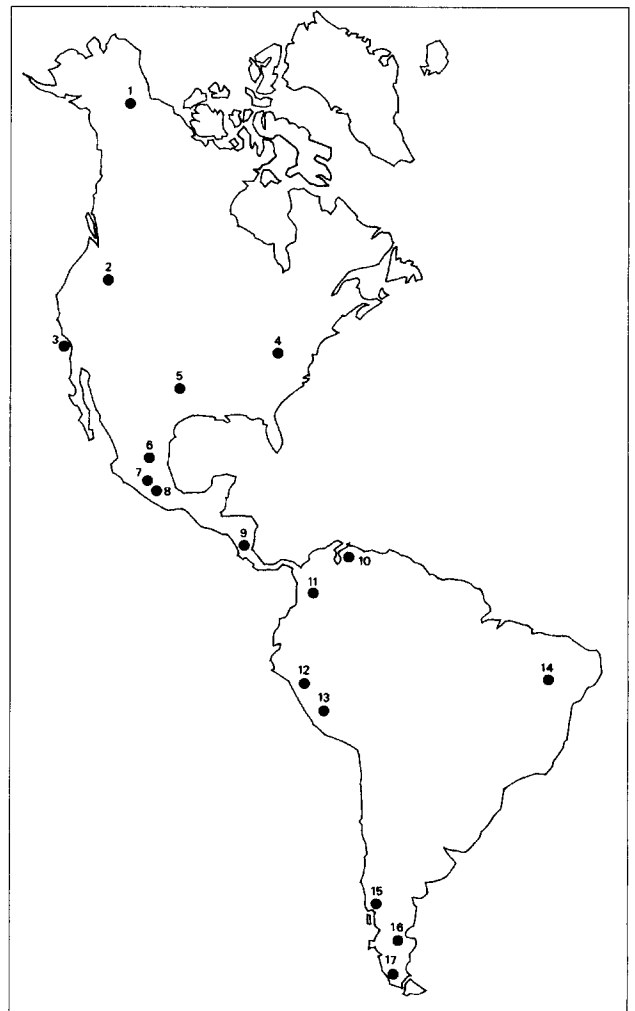
Миграции человека от Аляски до Патагонии (карта 27)

Таковы особенности территорий, которые преодолевались человеком по пути в Америку на протяжении нескольких периодов. Самый древний из них – от 65 до 45 тыс. лет назад – был наиболее легок для переходов, поскольку тогда существовал свободный ото льда коридор.

Во втором периоде, датируемом от 35 до 10 тыс. лет назад, человек мог жить, помимо Берингии, только в Центральной Аляске и в долине Юкона, причем приблизительно 15 тыс. лет назад у него должна была появиться возможность продвижения к югу.

По мнению ряда ученых, считающих первый период слишком отдаленным, его не следует брать в расчет. По их мнению, относящиеся к нему остатки недостаточно убедительны. Этих остатков действительно очень немного, хотя в некоторых местах обнаружен богатый материал. Тем не менее они четко указывают на общее перемещение с севера на юг.

Наиболее «северной» находкой является скопление обработанных костей, обнаруженное в различных пластах Олд Кроу Флетс (Канада), датируемых 40 тыс. лет; далее следуют артефакты Америкен-Фоллс (США), возраст которых превышает 40 тыс. лет; очаги давностью более 40 тыс. лет, найденные на о. Санта-Роза в Калифорнии (США); следы пребывания человека в Мидоукрофт (США) (20 тыс. лет); следы разделки туши хоботового животного, сохранившиеся на костях, найденных в Купертауне (20 тыс. лет назад); следы очагов и фрагмен-

Карта 27. Древнейшие археологические стоянки Американского континента: 1 – Олд Кроу, 40 тыс. лет; 2 – Америкен Фоллс, 43 тыс. лет; 3 – Санта-Роза, 40 тыс. лет; 4 – Мидоукрофт, 20 тыс. лет; 5 – Купертаун, 20 тыс. лет; 6 – Эль-Седраль, 31 тыс. лет; 7 – Тлапакоя, 21 тыс. лет; 8 – Каулапан, 21 тыс. лет; 9 – Эль-Боске, 20 тыс. лет; 10 – Таима-Таима, 16 тыс. лет; 11 – Эль-Абра, 12,4 тыс. лет; 12 – Гунтарреро, 12,5 тыс. лет; 13 – Пикимачай, 18 тыс. лет; 14 – Тока-ду-Бокейрао, 31 тыс. лет; 15 – Монте-Верде, 13 тыс. лет; 16 – Лос-Тольдос, 12 тыс. лет; 17 – Куева-Фелл, 11 тыс. лет

ты костей из Эль-Седраль (Мексика) (31 тыс. лет); следы очагов и скопления обугленных костей животных из Тлапакоя (Мексика) (21 тыс. лет); скребки из Каулапана (Мексика) (21 тыс. лет); несколько каменных предметов, отнесенных к плейстоценовой фауне Эль-Боске (Никарагуа) (20 тыс. лет); артефакты, отнесенные к исчезнувшей фауне Таима-Таима (Венесуэла) (16 тыс. лет); остатки поселения с артефактами и следами очагов в Эль-Абра (Колумбия) (12 тыс. лет), подобные скопления, обнаруженные в пещерах Гуитарреро (Перу) (12,5 тыс. лет); горизонты обитания, следы очага и каменное производство Тока-ду-Бокейрао (Бразилия) (31 тыс. лет); остатки поселения и артефакты из Пикимачай (Перу) (18 тыс. лет); богатые остатки от поселения в Монте-Верде (Чили) (13 тыс. лет); слой обитания с каменным производством в Лос-Тольдос (Аргентина) (12 тыс. лет); наконец, остатки поселения в пещере Фелл (Чили) (11 тыс. лет).

Общее движение с севера на юг, о котором мы говорили, отмечено некоторыми различиями в темпах продвижения, однако несомненен тот факт, что если на юге континента найдены остатки древностью 13, 12,6 и 11 тыс. лет, то это означает крушение мнения о том, что человек не мог проникнуть в Америку ранее 15 тыс. лет назад. Дело в том, что движение групп охотников-собираателей от Аляски до Патагонии неизбежно было очень долгим из-за огромного расстояния между ними. К этому добавлялась необходимость акклиматизироваться и развивать технологии, необходимые для выживания в очень разных экосистемах. Трудно объяснить – поскольку это ничем не мотивировано, – почему эти популяции продвигались на юг с той скоростью, которая вытекает из сопоставления дат: период в 15–13 тыс. лет означает, что какие-то 15 тыс. км были пройдены за 2 тыс. лет. Объяснить этот факт еще труднее, когда мы вспоминаем об изобилии пищевых ресурсов во многих регионах, что должно было стимулировать эти популяции скорее к более продолжительному пребыванию в них, чем к постоянному перемещению. К тому же невозможно предположить, что они продолжали движение под воздействием сильного демографического прессинга, поскольку, судя по скудости обнаруженных остатков, сами популяции были малочисленны и могли эксплуатировать огромные территории, не конкурируя между собой.

Что касается набора орудий, которыми располагали эти первые популяции, их найдено крайне мало, но представляется очевидным, что им не были знакомы каменные наконечники метательных снарядов. Видимо, они использовали взамен заостренные палки или остроконечники из органических материалов, так как часто встречаются предметы из кости с грубой обработкой. С помощью ретуширования их превращали в прокалывающие, режущие или скребковые орудия. Каменный инвентарь свидетельствует о преобладании техники оббивки, причем формы предметов малодифференцированы и применение ретуши минимально. Похоже, эти люди обрабатывали любые материалы для получения лезвий и скребков, а после использования орудия просто выбрасывались.

КЕМ БЫЛИ ПЕРВЫЕ ОБИТАТЕЛИ АМЕРИКИ?

Мы подходим к вопросу, который нельзя обойти. Кем были эти люди? Для начала следует констатировать, что на сегодняшний день мы не располагаем человеческими останками столь древнего возраста, как упомянутый ранее материал. По общему мнению, первоначальные американские популяции были монголоидными, хотя среди них имеются и другие типы с признаками австралоидной и меланезийской рас. Некоторые антропологи находят у них даже черты народов Кавказа.

Идти по такому сложному пути нелегко, пока нет достоверных данных для оценки. Однако, возможно, что, исходя из хронологии, отличной от той, которую признавали в свое время, следовало бы принять во внимание весьма спорную теорию, выдвинутую Бердселлом (*Birdsell*, 1951).

Согласно Бердселлу, те методы, которыми пользовались ранее для решения данной проблемы, оказались неадекватными, и поэтому следует искать новые методы. При изучении происхождения немонголоидных признаков был тщательно проанализирован американский материал, однако, по его мнению, следовало – в рамках вероятностей с широкими допусками – определить те расовые элементы, которые существовали в Азии в эпоху первых миграций через Берингов пролив. По этому поводу он приводил следующую аргументацию: 1) имеющиеся в нашем распоряжении материалы доказывают, что монголоидная раса пришла к своему нынешнему географическому расселению в результате крайне быстрой, даже взрывной экспансии; 2) хорошо известно, что наличие неолитических каменных орудий существенно изменяет схему географического расселения охотников-собираателей и оказывает большое воздействие на генетику популяций. Если иметь в виду, что земледельцы могут достигнуть относительно высокой географической плотности, то можно допустить, что становление земледелия и экспансия монголоидов в Азии представляли собой не изолированные процессы, а происходили одновременно. Именно поэтому на примере популяций, которые до сих пор живут в Азии, нельзя выстроить те доказательства, которые позволили бы решить проблему расовых корней американского человека.

Если исходить из принципа, что отдаленные регионы являются тем убежищем, где могут сохраниться первоначальные популяции, то придется констатировать, что существует два крупных региона этого типа, представляющих интерес для понимания Восточной Азии: один из них – Америка, второй – Австралия. Это может показаться странным, однако изучение заселения Австралии и Меланезии может прояснить нам расовую природу популяций, которые существовали в Азии, а затем эмигрировали в Новый Свет – в конце плейстоцена и далее в более близкие к нам эпохи.

Опираясь на свой опыт работы в Меланезии, и особенно в Австралии, Бердселл приходит к выводу, что существовали три различные популяции: негритосы Океании, которые могли быть первой волной эмигрантов, «муррейцы» – вторая волна и «карпентарианцы» – третья волна. (Муррей – самая большая река в Австралии, впадает в Индийский океан; Карпентария – залив у северных берегов Австралии. – *Прим. ред.*) *Homo sapiens* первой волны – негритосы – предпочитали влажные и лесистые тропические земли. Расселяясь, негритосы, по видимому, никогда не выходили за северную границу этой зоны. Находящиеся в Австралии «муррейцы» являются близкими родственниками айнов (айны – народ на о. Хоккайдо. – *Прим. ред.*) и, судя по остаткам, обнаруженным в Австралии, они проникли туда в период последнего оледенения. Бердселл полагает, что в районе р. Амур должна была жить популяция, близкая к айнам, которую он называет «амурцами». Речь идет о пока еще плохо идентифицированном виде протокавказоидов или палиокавказоидов, от которых, по его мнению, произошли монголоиды. Третья популяция, которая обосновалась в Австралии, названа им «карпентарианцами». Она была поздней, поскольку прибыла туда к концу последнего оледенения.

По мнению Бердселла, человеческие остатки из верхней пещеры Чжоукоудянь являются единственным ископаемым материалом, который может дать какое-то представление о расовых типах, заселивших Америку,

поскольку они относятся к популяциям, проживавшим на северо-востоке Азии в период верхнего плейстоцена и в начале голоцена. Он противопоставляет свою интерпретацию выводам Хутена (*Hooten*) и Вейденрейха (*Weidenreich*) и заявляет, что череп 101 («старик») принадлежал «муррейцу». При этом он не соглашается с рядом других специалистов, которые по некоторым признакам объявили этот череп гибридом монголоидного типа, доказывая, что те же самые признаки присутствуют и у «муррейцев». «Женщину 102», рассматриваемую как представителя меланезийской расы, он считает гибридом монголоида с удлинённым высоким черепом и амурца с продолговатым низким черепом. «Женщина 103» (рассматриваемая как «эскимойд») является монголоидом с очень удлинённым и относительно высоким черепом с чертами айнов. В итоге популяция верхнего Чжоукоудяня отмечена двумя различными расовыми составляющими: 1) архаическим кавказоидным типом, возможно, наследственным, связанным одновременно с айнами и с «муррейцами»; 2) долихоцефальной монголоидной формой².

Человеческая популяция Восточной Азии в начале последнего, четвертого оледенения при такой гипотетической реконструкции состояла бы из трех больших расовых групп: негритосов, карпентарианцев (обе эти группы жили в тропических широтах) и амурцев (муррейцев) (жили в умеренных зонах). Этот вывод подкрепляется тем фактом, что в материковой Азии не обнаружены ни негроиды, ни папуасы, ни меланезийцы, ни иные представители средиземноморской ветви кавказоидов. По мнению некоторых авторов, все эти группы представлены в палеолитической популяции Америки.

К концу плейстоцена монголоиды могли появиться в одном из регионов Северо-Восточной Азии с суровыми климатическими условиями и сухим арктическим климатом. Согласно Бердселлу, архаические кавказоиды могли быть предками монголоидов.

Расселение народов Восточной Азии и скудость археологических данных указывают на гибридное происхождение американских индейцев. Для заселения Америки в должном месте и в определенный момент оказались именно две расовые составляющие – амурцы и монголоиды. Если проникновение человека на Американский континент произошло в третий межледниковый период, то это, без всякого сомнения, были кавказоиды, т.е. чистые амурцы. Напротив, любая группа, иммигрировавшая в Америку в постледниковый период, должна была иметь гибридное происхождение, и если – в зависимости от эпохи переселения – вначале была слабой монголоидная составляющая, а более сильной – амурская, то впоследствии это соотношение стало обратным.

Гипотеза двойного происхождения никак не подкреплена американскими исследованиями из-за характера данных, имеющих на сегодняшний день, однако среди современных индейцев есть группы с амурскими чертами, такие, как кауиллы юга Калифорнии (США), помои юки Северной Калифорнии.

Так обстоит дело с теорией Бердселла.

В своем труде о происхождении и различиях человеческих рас, резюмируя итог филогенетического анализа, основанного на генетическом полиморфизме, Кавалли-Сфорца (*Cavalli-Sforza*, 1973) приходит к выводам, которые подкрепляют гипотезу Бердселла о заселении Американского континента. Он рассказывает о своем исследовании пяти групп крови и комплекта из 20 аллелей* от 15 человеческих популяций, опреде-

ленных в качестве представительных для человечества в целом. Из них он строит генеалогическое дерево, где четко выделяются три африканские и три европейские группы в составе одной из крупных филогенетических ветвей. Профиль другой ветви более разнороден, но ряд элементов позволяет установить наличие связи между группами из Австралии и Новой Гвинеи, индейцами Венесуэлы, эскимосами, индейцами Аризоны.

Через несколько лет после этой работы, опираясь на другие исследования, Кавалли-Сфорца повторил анализ на материале популяций, не охваченных первым исследованием, но также представительных для пяти континентов и с признаками четко выраженного полиморфизма.

К ранее использованным пяти группам крови (ABO, MN; Rh, Fy и Diego) были добавлены четыре индекса: Hp, Tb, PGM и AK. Полученные результаты были принципиально одинаковы, хотя разнородность, установленная в одной из частей предыдущего исследования, предстала в более ясном свете благодаря усовершенствованию определений и дифференциации. Это позволило обоснованно объединить в составе единой ветви группу популяций, населяющих азиатский Дальний Восток, Австралию, Меланезию и Американский континент.

Сходство выводов исследований Бердселла и Кавалли-Сфорца делает весьма правдоподобной теорию, согласно которой первоначальное население Америки имеет амурское происхождение, а последующие иммигранты носят все более выраженный монголоидный характер, причем и те и другие берут начало от общего ствола, откуда также произошли австралийцы и меланезийцы. Этот вывод может объяснить множество проблем, связанных с наличием в Америке расовых признаков, рассматриваемых как имеющие австралийское и меланезийское происхождение.

Многообразие обитателей Нового Света, если отвлечься от совпадения некоторых характеристик, может быть объяснено существенными генетическими «дрейфами», вызванными тысячелетней изоляцией малочисленных групп людей. Мы не собираемся становиться арбитрами в споре о доминирующих или рецессивных признаках, однако наш долг – обратить внимание на последствия, вызываемые длительной изоляцией той или иной популяции.

В заключение отметим, что теория Бердселла, подкрепленная трудами Кавалли-Сфорца, во многих отношениях адекватна американской действительности, поскольку и в Австралии часто обнаруживают группы долихоидных охотников-собирателей, живущих на окраинных территориях, которые мало или совсем не подходят для ведения сельского хозяйства. Это положение заставляет полагать, что в древности такие группы жили в более благоприятных условиях, но затем были вытеснены в окраинные регионы земледельческими популяциями.

Такая гипотеза может показаться рискованной, но одновременность заселения Америки и Австралии и появления в Европе *человека разумного* современного вида в сочетании с наследственными признаками у людей кавказоидного типа объясняет или подтверждает происходившие демографические движения; при этом географическая изоляция этих групп объясняет современные различия, поскольку, как мы уже видели, речь идет о трех коренных процессах на абсолютно разных территориях: один шел в арктической зоне, второй – в степях с умеренным климатом, третий – в тропической зоне.

Такова вкратце возможная теория о появлении человека в Америке.

* Аллели (от греч. *alleion* – друг друга, взаимно) – различные формы одного и того же гена, расположенные в одинаковых участках парных хромосом; определяют варианты развития одного и того же признака (БЭКМ. – *Прим. ред.*)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В гл. 29–35 речь идет об огромных просторах территории Американского континента от Аляски до Патагонии, а также о многих тысячелетиях, отделяющих время появления первого человека в Америке от начала производства пищевых продуктов. Координатором этих региональных глав был Хосе Л. Лоренсо.

² В гл. 2, 6, 9, 26, 28 и 30 изложены разноречивые мнения. — *Прим. ред. англ. издания.*

БИБЛИОГРАФИЯ

BIRDSELL, J. B. 1951. The Problem of the Early Peopling of the Americas as Viewed from Asia. In: LAUGHLIN, W. S. (ed.), Papers in Physical Anthropology of American 'Indians'. New York, pp. 1–68.
 BLACK, R. F.; GOLDTWAIT, R. P.; WILLMAN, H. B. 1973. The Wisconsin Stage. Boulder.
 CAVALLI-SFORZA, L. L. 1973. Origin and Differentiation of Human Races. Proc. R. Anthropol. Inst. G.B. for 1972. London, pp. 15–25.

FLADMARK, K. R. 1979. Routes: Alternate Migration Corridors for Early Man in North America. Am. Antiq., Vol. 44, No. 1, pp. 55–69.
 HOPKINS, D. M. (ed.) 1967. The Bering Land Bridge. Stanford.
 HOPKINS, D. M. et al. (eds) 1962. Palaeoecology of Beringia. New York.
 HUMPHREY, R. L.; STANFORD, D. 1979. Pre-Llano Cultures of the Americas: Paradoxes and Possibilities. Washington.
 JENNINGS, J. D. (ed.), 1978. Ancient Native Americans. San Francisco.
 LAMING-EMPERAIRE, A. 1980. Le Problème des origines américaines. Paris.
 LORENZO, J. L. 1970. Los orígenes mexicanos. In: Historia General de México (Mexico, DF), Vol. I, pp. 83–123.
 — 1974. Poblamiento del continente americano. In: Historia de México (Mexico, DF), Vol. I, pp. 27–54.
 — 1986. Los primeros americanos: la etapa lítica en México y Centroamérica. In: Historia General de América (Caracas), Vol. 1. Los orígenes americanos y los primeros pobladores (Caracas). (In press.)
 RUTTER, N. W. 1980. Late Pleistocene History of the Western Canadian Ice-Free Corridor. Can. J. Anthropol. (Edmonton), Vol. 1, No. 1, pp. 1–8.

ПРЕДЫСТОРИЯ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Алан Л. Брайан

Историческая проблема происхождения американской культуры, иными словами, проблема эпохи и обстоятельств начального заселения Америки, по-прежнему не решена, и поэтому важно уточнить хронологические рамки нашего исследования предыстории Северной Америки до примерно 5 тыс. лет назад.

Необыкновенное лингвистическое разнообразие Американского континента (где существует 12 языковых семей и гораздо большее число изолированных языковых групп), а также то обстоятельство, что ни один из языков Америки, за исключением эскимосско-алеутского, не имеет родства с языками Старого Света, дают основание считать, что возраст этой доисторической эпохи уходит корнями в глубокую древность. При том, что по некоторым генетическим признакам (таким, как самая высокая в мире распространенность группы крови 0-Rh⁺) американские индейцы составляют особую популяцию, им свойственно, тем не менее, большое биологическое разнообразие. Правда, продолжаются споры по поводу определения времени, необходимого для формирования такого разнообразия.

Существуют две модели, примирить которые, видимо, невозможно, поскольку они основаны на принципиально разных предпосылках. Преобладающая в настоящее время модель утверждает, что первые американские индейцы при их проникновении в Новый Свет должны были уже обладать прогрессивной техникой позднего палеолита или, возможно, развитого среднего палеолита (мустьерского типа), поскольку они были способны пересечь обширные субарктические территории Сибири и северо-запада Американского континента.

Другая модель исходит из того, что древние люди были изобретательными в приспособлении к климатическим условиям, поскольку они пользовались огнем и мехом животных для одежды, имели достаточное количество белка в пище, а их примитивная технология обработки камня вполне могла не выходить за рамки нижнего палеолита.

Согласно преобладающей модели, первые иммигранты прибыли в Америку в период между 13–30 тыс. лет назад с учетом того времени, которое могло им понадобиться для иммиграции с северо-востока Евразии. Сторонники противоположной модели не устанавливают априори никаких хронологических рамок, считая, что именно конкретные археологические данные должны преобладать над неподдающимися проверке гипотезами и предварительно заготовленными концепциями по поводу прибытия первых иммигрантов в Америку и составленного ими инвентаря. Было бы правильнее разработать и проверить какую-то гипотезу, с помощью которой можно объяснить имеющиеся данные.

Дебаты по этому непростому вопросу продолжались более века и в конце концов зашли в тупик. Кое-кто ставит под сомнение достоверность любой археологической находки, не укладывающейся в рамки преобладающей модели, и ссылается исключительно на материалы, относящиеся к охотникам за крупной дичью, которые использовали усложненные орудия, предполагающие применение прогрессивной техники обработки камня. Скептики утверждают, что подлинно научным может быть только тот подход, который требует применения более строгих критериев надежности ко всем местонахождениям, которые еще древнее, чем единодушно признанные научной общественностью (*Dincauze, 1984; Owen, 1984; Waters, 1985*).

Самые древние остатки, которые не вызывают дискуссии, относятся к сообществу охотников на крупную дичь Северной Америки; они были уже давно идентифицированы в нескольких местах забоя гигантских бизонов и мамонтов, обнаруженных на территории Великих равнин, с приблизительным возрастом 11,5 тыс. лет. Проживавшие там охотники сегодня известны под названием классических палеоиндейцев, и наиболее показательные орудия из камня и кости (т.е. тщательно обработанные орудия, имеющие типичную форму), характерные для их производства, относят к так называемой культуре кловиса.

Большинство американских археологов согласны с тем, что доисторические американско-индейские культуры развивались независимо от культур Старого Света. Конечно, еще до скандинавских экспедиций имели место отдельные случайные контакты через Атлантику, но они не оставили почти никаких археологических следов, позволяющих допустить, что это могло оказать какое-нибудь реальное воздействие на становление американской культуры. Точно так же ясно, что именно от туземцев идет начало окультуривания растений и одомашнивания животных в Америке. Это означает, что возникновение и развитие производств, очевидно, также никак не связано с инородным участием.

Другим примером чисто эндогенного технического прогресса можно считать керамику. В обширном районе, расположенном к западу от северной части Скалистых гор, а также вдоль побережья Тихого океана от Аляски до Южной Калифорнии, гончарные изделия были неизвестны. Керамика появилась на Аляске из Азии только 2,5 тыс. лет назад. На нескольких стоянках северной части Южной Америки первые известные нам гончарные изделия имеют давность приблизительно 5 тыс. лет. Установлено, что керамика появилась несколько позже в юго-западной части Северной Америки. Специалисты были вынуждены отказаться от гипотез, предполагав-

ших, что керамика распространялась на континенте в результате прямых трансокеанических обменов, после того, как было установлено, что предметы, казавшиеся схожими по стилю, принадлежат совершенно разным эпохам по одну и другую стороны океана. По существу, все археологические данные показывают, что доисторические американские индейцы были очень изобретательными народами, которые без всякого импульса извне сумели создать оригинальные культуры, адаптированные к чрезвычайно разнообразным типам окружающей среды американского континента. Прошлая история американской культуры может быть осмыслена как многоплановая эволюция, протекавшая путем взаимного влияния и адаптации.

В свете современных археологических данных можно считать, что эта эволюция, видимо, началась в период позднего плейстоцена. Технический уровень, достигнутый при раннем палеолите изготовителями остроконечников кловис, жившими в центральной части Северной Америки, видимо, был результатом их приспособления к наличию в данном регионе стад крупных млекопитающих. Попытки обнаружить остатки технических предшественников производства кловиса в Северо-Восточной Азии к успеху не привели.

Североамериканские археологи настойчиво стремились локализовать происхождение американской культуры в Северной Азии, так как американские индейцы биологически ближе к популяциям Северо-Восточной Азии, чем к любым другим. Отсутствие археологических остатков, которые подтверждали бы присутствие людей на любом из отдельных островов океана в период плейстоцена, позволяет считать обоснованной общепринятую гипотезу, согласно которой маршрут первоначальной миграции пролегал из Северо-Восточной Азии в Северо-Западную Америку. Первые пришельцы были, возможно, лучше приспособлены к сравнительно мягкому климату прибрежных районов северной части Тихого океана, чем к континентальному климату внутренней части материка, но совершенно маловероятно, что они обживали Новый Свет, прибывая туда на плавучих средствах через Атлантический или Тихий океаны. Впрочем, эта сомнительная гипотеза была недавно использована с целью объяснить факт существования в разных местах Южной Америки стоянок, предшествовавших появлению приблизительно 11,5 тыс. лет назад культуры кловиса в Северном полушарии. Помимо того, что эти стоянки более ранние, остатки, обнаруженные на нескольких из них, не имеют никаких признаков родства с орудиями типа кловис. Более того, между ними есть важные различия, которые позволяют предположить, что за это достаточно продолжительное время сформировался ряд независимых культур, соответствующих различным типам окружающей среды.

Подобно тому как это происходило в Северной Америке, несколько предприимчивых групп из числа потомков первых пришельцев приблизительно 13–11 тыс. лет назад развили в Южной Америке технологические традиции изготовления остроконечных бифасов для метания, что отвечало потребностям их реальной адаптации к различным экосистемам (под технологическими традициями мы имеем в виду специальные способы изготовления определенных предметов, что не следует смешивать с культурными традициями, охватывающими целый ряд специфических технологических традиций). Только начиная с этой стадии технологического развития у археологов возникает уверенность в том, что обнаруживаемые материалы являются результатами человеческой деятельности, а не воздействия определенных природных факторов. Тем не менее факт несомненного наличия в Южной Америке археологических стоянок, датированных возрастом в 12 тыс. и более лет, указывает

на то, что предки этих первых южноамериканцев должны были в более раннюю эпоху иметь стоянки в Северной Америке.

Глава 29 имела целью увязать древнюю предысторию Северной Америки с историей всего Западного полушария, без чего невозможно ее правильное осмысление. Имеющиеся у нас материалы подтверждают теорию успешной социоэкономической адаптации охотников-собирателей к различным экологическим условиям, при том что они были пользователями орудий в смысле применения ими набора примитивных, но легко переносимых орудий универсального назначения – это были многочисленные нуклеусы и резцы, в то время как орудий ограниченного назначения было мало. Материальная культура индейцев низменностей Южной Америки, в которой в основном отсутствовали производства изделий из камня, заставляет считать, что основная часть предметов из инвентаря их предков была изготовлена из органических материалов – древесины, коры, растительных волокон, кожи, жил, перьев и т.д., которые не оставили никаких видимых археологических следов, за исключением тех мест, где существовали наилучшие условия для их сохранности. Возможно, что некоторые из этих орудий соответствовали высокоразвитой технологии, однако в целом выжили и могут изучаться только предметы из камня и иногда – из кости.

Как и в обширных регионах Восточной Азии и Австралии, производство каменных орудий с односторонней обработкой имело тот общий уровень развития, который в Древнем Мире связывают скорее с поздним, чем с нижним палеолитом. По историческим причинам эта терминология не используется в применении к доисторической Америке, с тем чтобы избежать каких-либо предположений о глубочайшей древности. Необходимо также учитывать два других обстоятельства: во-первых, тот факт, что для технологии обработки камня в эпоху нижнего палеолита в западной части Древнего Мира характерно изобилие бифасов – двусторонне обработанных орудий. Эта западная традиция существенно отличается от современных ей каменных производств Восточной Азии, где в целом по скоплениям бифасы составляют меньшинство. Другое обстоятельство состоит в том, чтоaborигены Австралии и Америки прибыли не из Западной Евразии, а из Восточной Азии, т.е. из огромного региона, для которого характерны каменные производства с односторонней обработкой, хотя во время палеолита в отдельных местах там развивались и производства бифасов.

В Северной Америке первый комплекс технических традиций, признанный всеми археологами, получил наименование культуры кловиса (*Haynes*, 1980) (рис. 85). После того как в изученных археологических слоях, лежащих ниже слоя кловиса на Великих Равнинах, не были обнаружены никакие иные производства, где бы использовался метод двусторонней оббивки, то поиск предшественников этой технологии привел к предположению, что каждое типичное (т.е. отличимое и легко идентифицируемое) ископаемое орудие является как бы «фирменной маркой» определенной культурной группы. Хотя твердо установленные места типа кловис для забоя скота были найдены только на Великих Равнинах и в соседних районах, имевших в прошлом аналогичную окружающую среду, обычно считается, что те наконечники, которые по своей форме и размеру могут быть отнесены к типу кловис, были все изготовлены одной и той же культурной группой, преследовавшей стада крупных млекопитающих через весь континент от побережья до побережья. Эти допущения лежат в основе господствующей модели, согласно которой Америка сначала была заселена охотниками палеоиндейского типа, которые в процессе адаптации уступили в дальнейшем место охотникам-собираателям.

(Иначе говоря, во всей Северной Америке стадия специализированных палеоиндейских охотников предшествовала стадии, именуемой архаической, где хозяйственная организация была основана не только на охоте, но и на собирательстве.) Между тем одно из этих предположений (что все наконечники кловис изготовлены одной и той же культурой) было недавно раскритиковано и опровергнуто (*Young & Bonnicksen, 1985*). Эксперименты по реконструированию орудий показали, что популяции штатов Монтана и Мэн использовали очень разные продукты раскалывания камня, которые археологами определены как выемчатые наконечники кловиса (исходя из их формы и наличия выемок).

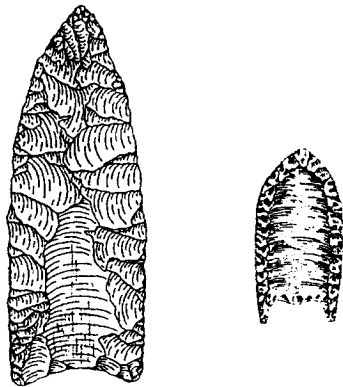

Рис. 85. Наконечники, относящиеся к древним североамериканским культурам: слева – наконечник культуры кловиса из штата Аризона; справа – наконечник культуры фолсома из Колорадо (по *Castro*)

То обстоятельство, что существует явное различие между технологиями обработки камня для изготовления выемчатых наконечников, имеющих схожую форму и размеры, безусловно, означает, что до появления наконечников кловиса в различных регионах Северной Америки существовало несколько местных производств. Очевидно и то, что распространение крупных выемчатых наконечников, которые были первыми бифасами для метания, найденными в северной части континента, больше связано с распространением идей, относящихся к стилистическим представлениям и приемам крепления к снаряду, чем с передвижениями населения. Если мы хотим прояснить культурные процессы, которые действительно происходили в некоторых зонах, нам следует предварительно идентифицировать технические традиции независимо от принятых определений, вместо того чтобы просто декларировать существование культур или культурных традиций, реальность которых не доказана.

В настоящем исследовании термин «археолитический» используется для обозначения остатков жизнедеятельности людей во многих местах Северной Америки до изобретения метательных снарядов из обработанного камня в «кайнолитическую» фазу. Существование такой археолитической фазы оспаривается большинством археологов Северной Америки. Одна из главных причин скептицизма, который они проявляют каждый раз, когда кто-то настаивает на существовании более древних остатков, состоит в том, что они цепляются за устаревшую модель, согласно которой первые обитатели Америки вели хозяйство, основанное преимущественно на охоте за крупной дичью, и что именно этот вид хозяйственной деятельности распространился во всех регионах континента. При этом предполагается, что они смогли приспособиться к местным экосистемам позже, когда исчезло большое количество видов ранее многочисленных стадных млекопитающих. Однако факт наличия остатков, свидетельствующих в пользу существования

археолитической фазы, легче понять, если согласиться с многоплановой схемой эволюции, согласно которой иммигранты с новыми подходами, проникая в какую-то экосистему, где с ними не может соперничать ни одна другая группа, могут изменять и приспособлять свои базовые технические приемы с целью эксплуатации доступных пищевых ресурсов и местных материалов.

СЕВЕРО-ЗАПАД СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Самые древние американские стоянки должны были бы находиться на Аляске и Юконе. Между тем обнаруженные по настоящее время находки в той части Восточной Берингии, где не было оледенения, могут лишь разочаровать нас. Хотя permanently промерзающая почва может превосходно сохранять органические остатки, которые не хранятся в нормальных условиях, но существующие в этом регионе вечная мерзлота и другие геологические факторы крайне затрудняют попытки найти в плейстоценовых отложениях неповрежденные археологические остатки. В сочетании с солифлюкцией, т.е. медленным передвижением почв и рыхлых грунтов под влиянием попеременного протаивания-промерзания и силы тяжести, вечная мерзлота быстро приводит к обнажению холмов и заполнению долин коллювиальными и аллювиальными отложениями. Часто также пригодные к обитанию пещеры разрушались землетрясениями.

Главная же трудность состоит в том, что некогда широкий Берингов перешеек и более узкие полосы континентального шельфа Тихого океана сегодня недоступны из-за того, что покрыты морем. Именно поэтому нет археологических данных, которые могли бы подкрепить вполне логичный тезис о ранней адаптации человека к среде морского побережья. По всей вероятности, первые иммигранты благодаря временному потеплению сначала приспособились к субарктическому климату Сибири, а затем, сами того не подозревая, проникли на нынешний Американский континент, следуя вдоль южного побережья Берингии. Недавние исследования, обобщенные Грюном (*Grubn, 1989*), свидетельствуют о том, что 60–50 тыс. лет назад климат Аляски был теплее нынешнего, а уровень моря был достаточно низким для перехода от одного континента к другому. Вероятнее всего, первые иммигранты расширяли свою территорию к востоку, на Аляску, именно во время этого теплого промежуточного периода, а не в более позднее время, когда на заключительных фазах последнего ледникового периода климат снова стал суровее.

Вполне возможно, что эти первые группы пришельцев приспособили свое существование, основанное на охоте и собирательстве, к жизни в условиях сравнительно умеренного климата северного побережья Тихого океана, богатого ресурсами, продолжая при этом вести сезонную охоту на крупных стадных млекопитающих нескольких видов (в том числе бизонов, лошадей, мамонтов и сайгаков) на внутренней территории. Со временем некоторые из них, скорее всего, прочно обосновались на этой территории, где они добывали много мяса, которое зимой быстро замораживалось, и даже могли извлекать из желудков травоядных полупереваренную растительную пищу для себя. Небольшой группе людей должно было хватать одного-двух мамонтов на всю морозную зиму. Снег и лед в изобилии давали воду тем, кто умел разжигать и поддерживать огонь и использовать навоз травоядных в качестве топлива. Было нетрудно соорудить себе убежище из костей и шкур крупных животных. Можно было также изготавливать одежду из шкур, раскраивая их заточенными отщепами и сшивая жилами с помощью примитивных шильев из окаменевших рыбьих костей. Совсем необязательно было иметь

двусторонне обработанные орудия для метания или тщательно отделанные ножи: деревянные копья, оснащенные острыми осколками костей и даже простыми каменными отщепами, не подвергшимися обработке, должны были вполне устраивать их. Эти группы смекалистых первопроходцев умели загонять животных к прибрежным скалам или к расщелинам и трещинам во льдах. Фактически животные, по неосторожности попадавшие в эти природные ловушки, также могли быть достаточным источником провианта, и поэтому иногда, вероятно, можно было обходиться и без охоты.

Эта модель, исходящая всего лишь из одного предположения (о том, что первые пришельцы быстро и подробно изучили новую экосистему и определили способы ее эксплуатации), никак не менее убедительна, чем общепринятая теория, согласно которой они не смогли бы выжить в Берингии, не обладая высокоспециализированной технологией обработки камня. Эта модель позволила бы объяснить присутствие на всем Американском континенте, включая восточную часть Берингии, многочисленных скоплений разнообразных примитивных орудий, изготовленных из долговечного материала. Даже в гораздо более поздние доисторические эпохи люди, жившие в глубине Аляски и Юкона, обладали только простейшей технологией обработки камня, но у них были очень тщательно сделанные орудия из кожи, дерева, кости и оленьего рога (*Leblanc*, 1984).

Самые древние выполненные человеком предметы, найденные в Америке, возраст которых смогли определить радиоуглеродным методом, были обнаружены в долине р. Олд-Кроу на севере территории Юкон, на крайнем северо-западе Канады. Находка в 1966 г. изделия из берцовой кости оленя-карибу – концевой скребка, вместе с окаменелыми костями мамонта и других исчезнувших видов плейстоценовых животных, вызвала интенсивные поиски других орудий в еще не нарушенных слоях, после того как апатиту, из которого извлекли скребок, определили дату в 27 тыс. лет. Позже минерализованные кости мамонта и других животных, разбитые еще в свежем состоянии около 35 тыс. лет назад, нашли на эродированной почве (сообщение *Schweger C.*, 1987). Все эти кости лежали вне первоначального местонахождения; никаких ретушированных каменных артефактов не было найдено вместе с костями, носящими следы вмешательства.

Скептики утверждали, что кости из Олд-Кроу могли быть раздроблены, разрушены, отполированы, в них получились грани и выемки естественным путем, хотя попытки воссоздать эти естественные факторы не дали по сей день никаких убедительных подтверждений. Еще один тщательный анализ находок, проведенный с учетом возможных изменений первоначальных естественных условий, привел к заключению, что невозможно ни доказать, ни опровергнуть предположение о том, что на этой древней территории жили люди. Однако коллаген, полученный из нескольких найденных на других стоянках костей, которые, казалось, были намеренно многократно разрушены или рассечены, был датирован методом каталитической масс-спектрографии между 45 и 25 тыс. лет – временем, соответствующим относительно теплой промежуточной фазе, предшествующей последнему холодному периоду (*Morlan*, 1986).

По иронии судьбы определенный недавно с помощью ускорителя частиц возраст скребка из берцовой кости, с которого начались эти продолжительные исследования, был сведен к 1350 годам тому назад (сообщение Ричарда Морлана, 1986), поэтому оказывается, что ни один из ранее датированных артефактов из кости не является специально сделанным орудием. Многие археологи сомневаются в достоверности открытий Олд-Кроу на том основании, что их нельзя отнести к какому-либо ис-

копаемому или какому-либо культурному нетронутому местонахождению. И все же датированные кости, обработанные человеком, представляют собой конкретный факт, который нельзя игнорировать.

На северо-западе Американского континента пластинки, отделенные от нуклеусов, являются единственными характерными орудиями, относящимися к технологии, происхождение которой с уверенностью относят к Северо-Восточной Азии. Данная технология, следы которой обнаружены в позднелепестчатых местонахождениях всей этой азиатской части, датируется в Восточной Сибири периодом 35–11 тыс. лет тому назад (*Mochanov*, 1978). Очевидно, она появилась в восточной части Берингии к концу плейстоцена примерно до 14 тыс. лет тому назад – до того, когда Берингов перешеек оказался окончательно затопленным. Нуклеус для изготовления пластин был обнаружен в пещере Блюфиш к югу от Олд-Кроу, в самом древнем первичном археологическом контексте восточной Берингии.

В той же зоне нашли резец, отходы от резца, отбойник и осколки кремня, а также многочисленные кости и рога горных баранов и карибу, которые кажутся обработанными (обтесанными, обструганными, рассеченными). Обработанные кости мамонта и лошади, найденные в этой же зоне, показали радиоуглеродную дату 23–15 тыс. лет тому назад, указывающую на то, что пещеру могли занимать во время последнего ледникового максимума (сообщение *Cinq-Mars J. & Morlan*, 1987). Хотя большие пластины и резцы были обнаружены в ранних местонахождениях на юге области континентальных ледников, долгое время после схода этих ледников пластинки из нуклеусов оставались там неизвестными. Показательно, что кловисские охотники никогда не использовали пластинок, поэтому можно предположить, что технология, которую они применяли, не пришла к ним непосредственно из Берингии, как это часто предполагают. Вскоре после этой последней фазы заселения степной тундры Берингии центр Аляски и Юкон вновь покрылись более влажной кустарниковой тундрой, появление которой сопровождалось быстрым упадком мегафауны позднего плейстоцена.

Не все самые древние по датам (около 11 тыс. лет) стоянки центральной Аляски содержат пластинки, но на некоторых присутствуют крупные пластины, резцы и тонкие треугольные остроконечники для метания. Но с 10,5 тыс. лет пластинки уже очень распространены. Остроконечники явно отличаются от более древних сибирских острий в форме ивового листа, и если некоторые и были угончены у основания, они лишь отдаленно похожи на настоящие выемчатые наконечники. Последние обнаружены на Аляске и Юконе, но их никогда не доставали из четко датированных слоев (*Clark*, 1981). Только один усеченный выемчатый наконечник, очень схожий со многими образцами Аляски, обнаружен в урвене, относящемся к 10,5 тыс. лет тому назад, в пещере Чарли-Лейк на северо-востоке провинции Британская Колумбия (*Fladmark et al.*, 1988). Именно такой усеченный вариант часто встречается на востоке Скалистых гор, в северо-восточной части провинций Британская Колумбия и Альберта. Вероятно, выемчатые наконечники использовались теми группами людей, которые, расширяя свою охотничью территорию на северо-запад, перешли через восточные склоны Скалистых гор и достигли центра Аляски вскоре после схода ледников с северо-восточной части Британской Колумбии и юга Юкона. Тонкие треугольные наконечники могли появиться на свободной от ледников центральной Аляске до того, как выемчатые наконечники проникли туда с юга.

Возможно, что традиция применения выемчатых наконечников распространилась с первой волной перемещения равнинных охотников на бизонов в сторону

северных районов, ранее покрытых ледниками, но более убедительные следы первого заселения этих недавно освобожженных от оледенения территорий встречаются восточнее и немного позже. Наконечники в форме ивового листа, типа тех, которые были найдены в Агатовом бассейне, появились на западе Гудзонова залива в дистриктах Маккензи и Киватин около 8 тыс. лет тому назад (*Wright, 1981*). Возможно, что первые люди, использовавшие эти наконечники, охотились на стада карибу, перемещавшиеся на северо-восток по краю отступающего ледника.

Те люди, которые около 10 тыс. лет тому назад охотились на бизонов на высоких равнинах штата Вайоминг, а некоторое время спустя оказались на юге Альберты, сменили выемчатые наконечники на наконечники Агатового бассейна и другие черешковые наконечники (эти орудия имеют общее название – остряя Плана и относятся к традиции черешковых орудий) (*Bryan, 1980*). Как мы увидим позже, в Большом Бассейне, на западе от Скалистых гор, такие остряя датируются возрастом 11 тыс. лет или больше. Конечно, это распространение на северо-восток не является результатом перемещения одного какого-либо племени охотников Большого Бассейна, отправившегося на высокие равнины, затем далее к северу; это скорее произошло от того, что среди местных групп охотников распространилась технология изготовления эффективных острий для метания, которые могли вставляться в древко.

Остроконечники с боковыми выемками, которые можно было плотнее привязать к древку, 8 тыс. лет тому назад начинали уже вытеснять остряя Плана на юге провинции Альберта. Эта технологическая традиция быстро распространилась на северо-запад, так как около 7 тыс. лет назад появилась в западных районах Аляски.

В то же время к западу от Скалистых гор можно проследить за продвижением на юг традиции микропластин, появившейся из Северо-Восточной Азии. К 6600 лет тому назад она проявилась в свободной от ледников центральной части Британской Колумбии, где микропластины будут производиться до 4 тыс. лет назад. На побережье Британской Колумбии (в Наму, возле г. Белла-Белла) присутствие пластинок обнаруживается с 9700 лет назад, что может доказывать, что эта традиция сначала укоренилась на северо-западном побережье, а затем уже распространилась на плато Британской Колумбии (*Fladmark, 1982*).

Нынешнее повсеместное распространение атапаскских (атагаскских) языков во внутренних территориях Аляски и на северо-западе Канады наводит на мысль, что первые поселенцы, которые после таяния льда вновь проникли на север Британской Колумбии, говорили на этих языках. Вполне вероятно, что они принесли туда микропластиночную технологию; нет, однако, возможности доказать наличие непосредственной связи между распространением этих языков и распространением пластинок, так как жители северо-западного побережья говорят большей частью на других языках, не являющихся родственными атапаскским. Очевидно, технология микропластин использовалась группами людей, говорящими на разных языках. Богатое производство микропластин появляется на изолированных островах архипелага Королевы Шарлотты между 7,4 и 5,5 тыс. лет назад (*Fladmark, 1982*). Эти острова были только частично покрыты льдом, который стоял большей частью к 12 тыс. лет тому назад. Из этого следует, что народ хайда, населяющий о-ва Королевы Шарлотты, образуют языковую группу, которую нельзя отнести ни к какой другой, так как они уже заселяли острова, когда большая часть Британской Колумбии еще была покрыта льдом. Простая оббитая галька и артефакты из отщепов были найдены в отложениях на побережье; их возраст определить нельзя, но они свидетельствуют об очень раннем заселении этих островов (*Fladmark, 1982*).

Микропластины привлекают наше внимание, потому что они позволяют проследить распространение характерной для Северо-Восточной Азии технологии на северо-запад Америки во время переходной фазы между плейстоценом и голоценом; однако пластинки являются только одним из элементов инвентаря, используемого различными популяциями, а не отличительной особенностью распространяющегося народа. Применение микропластинок, полученных из специальных нуклеусов, продолжалось в течение многих тысячелетий внутри субарктической зоны, от центральной Аляски до Гудзонова залива (*Clark, 1981; Wright, 1981*). Микропластины, микрорезцы и небольшие черешковые наконечники для метательного оружия были, таким образом, характерными элементами микролитической традиции Арктики, которая быстро распространилась на восток охотниками, специализировавшимися на морских млекопитающих и карибу. Эти охотники стали первыми обитателями островов канадского крайнего севера и Гренландии около 4 тыс. лет тому назад (*Hickey, 1986*). Миграция специализированных охотников служит основой предложенной учеными модели для первоначального заселения умеренной зоны Северной Америки. Расширение арктической культуры – это первый пример в Северной Америке, когда комплекс производственных традиций явно связан со специализированной культурой, которая может быть четко определена в пространстве и времени, поскольку распространялась на девственной территории в результате быстрой экспансии.

Присутствие листовидных или черешковых метательных остроконечников, относящихся к традиции наконечников Большого Бассейна, показывает, что поселенцы, вновь заселившие после таяния ледников южную часть Британской Колумбии, пришли с юга. Наконечники с черешком использовались уже 9 тыс. лет тому назад на стоянке Милликен близ Хеллс-Гейта, на линии порогов р. Фрейзер. Ножи с двусторонней ретушью, скребки, пластины, клевцы, оббитая галька и пестики были необходимыми орудиями для охоты, собирательства и рыболовства в этом исключительно богатом рыбой месте (*Fladmark, 1982*). С самого начала постледниковой эры ловля лосося стала, по-видимому, одним из сезонных занятий полуседлых групп охотников, периодически переходивших то в места рыболовства, то в места, где они могли собирать ягоды и корни. Эти популяции занимали горные районы Британской Колумбии, в то время как палеоиндейские охотники на бизонов бродили еще по Великим Равнинам, но окружающая среда предлагала им вместо ставших редкими кочующих стад другие разнообразные пищевые ресурсы. Таким образом, их хозяйственная деятельность не была слишком специализирована.

Самая древняя датированная стоянка на северо-западном побережье (Манис Мастодон) находится на полуострове Олимпес на северо-западе штата Вашингтон, где гора Олимпес возвышается над проливом Хуан-де-Фука и островом Ванкувер (*Gustafson et al., 1979*). Примерно 12 тыс. лет назад мастодонт нашел там свою смерть недалеко от ледника. Острая кость, глубоко врезавшаяся в один из позвонков животного, сначала заставила предположить, что животное было убито охотниками, но рентгенографический анализ показал, что рана зарубцевалась еще при жизни животного. На многих костях были следы надрезов, а череп был раздроблен. Тщательные поиски дали один галечный отщеп, но самым убедительным признаком человеческого присутствия на этом местонахождении стала находка двух фрагментов бивневой эмали – на одном обнаружены следы скобления и обтесывания, а на втором, подобном первому, нет никаких следов вмешательства (сообщение *C. Gustafson*). Даже если охотники напали на этого мастодонта, нет

доказательств, что они его забили, а не использовали части уже мертвого животного.

История развития знаменитой культуры северо-западного побережья, эффективной по художественному стилю и сложной по социальной иерархии, остается слабоизученной, так как обнаружено мало предметов, относящихся к периоду между 7 и 5 тыс. лет тому назад – времени, когда появляются первые скопления раковин. Маловероятно, что жившие здесь люди до той поры не пользовались таким важным пищевым ресурсом. Вероятно, сложное взаимодействие между эвстатическим повышением уровня моря и изостатическим восстановлением освобожденных от ледников земель достигло равновесия только около 5 тыс. лет назад, после чего появились отложения раковин.

Прибрежные жители всегда употребляли в пищу лососевых и других рыб, морских и наземных млекопитающих, а также имевшиеся в изобилии ягоды; есть надежда найти более ранние, чем 5 тыс. лет тому назад, археологические следы, которые могли бы показать возрастающую технологическую и социальную сложность жизни людей.

Первый очевидный показатель появления социальных классов был обнаружен в Наму и датируется 4,5 тыс. лет. Здесь около скелетов, находящихся в согнутом положении, окружающих предметов было немного, в то время как вытянутое положение трупа сопровождалось гораздо более богатым окружением артефактов. С этого времени на северо-западном побережье обнаруживаются все больше местонахождений и они становятся более обширными, что свидетельствует о быстром росте численности населения. Между 4500 и 3000 лет назад появляется много артефактов нового типа, среди них – клинья из оленьих рогов, топоры из отшлифованного камня и другие орудия для работ по дереву, а также тщательно выполненные декоративные изображения на кости и камне. В этот период по заимствованиям из разных культур видно, что, войдя в широкую сеть торгового обмена, сложившуюся в Северной Америке, эти популяции остались все же верны своим собственным культурным традициям, о чем свидетельствует развитие региональных художественных стилей (*Fladmark, 1982*).

КОЛУМБИЙСКОЕ ПЛАТО

Хотя ледниковое покрытие никогда не доходило до более открытого полуаридного Колумбийского бассейна в восточной части штата Вашингтон, все низкие земли периодически затоплялись водными потоками из ледников, которые образовали огромные озера на притоках р. Колумбия на западе штата Монтана. Последнее наводнение – около 13 тыс. лет тому назад – унесло или глубоко зарыло в землю следы первых поселений. Под этими отложениями было найдено мало артефактов, обработанных, вероятно, рукой человека. Самое древнее свидетельство нового заселения – скопление возле Уинейтчи, в котором находились кловисские остроконечники, лежащие на вулканическом пепле от извержения вулкана Глейшер-Пик, произошедшего 11,25 тыс. лет тому назад (*Mehring & Focht, 1990*). Некоторые следы нового заселения, среди них и остатки скелетов людей, обнаружены в отложениях возраста 10 тыс. лет в скальном укрытии Мармес возле слияния рек Снейк и Колумбия (*Bryan, 1980*). Обитатели этого укрытия использовали маленькие костяные иглы с ушком, а также черешковые остроконечники, похожие на найденные на стоянке Милликен в каньоне р. Фрейзер в Британской Колумбии. В Линд-Кули, в самом сердце бассейна р. Колумбия, группа людей, около 9 тысячелетий тому назад охотившаяся весной на бизонов, использовала похожие

черешковые наконечники для копий, любопытные серповидные орудия из отщепов, концевые и боковые скребки, точила и костяные зазубренные наконечники. Может быть, та же группа людей осенью была лососей с помощью гарпунов с зазубренными наконечниками из кости или оленьего рога на линии порогов р. Колумбия, в местности под названием Даллес в штате Орегон. Они применяли также шары-бола и черешковые наконечники, пластины и резцы из отщепов. Обилие гематита и костей бакланов, орлов, грифов и кондоров может свидетельствовать о ритуальном использовании красного пигмента и украшений из перьев. Возможно, что эти люди сезонно перебирались в горы, чтобы копать там корни и собирать ягоды. Эти древние люди уже имели эффективную хозяйственную организацию, основанную на годовых перемещениях; такая практика сохранилась до XX в. у индейцев плато.

В южной части штата Айдахо, к северу от р. Снейк, главного южного притока р. Колумбия, люди поселились в пещере Уилсон Бьют в конце плейстоцена. В отложениях возраста 15–14 тыс. лет (*Grubn, 1961, 1965*) нашли пластину, резец из отщепы, небольшой толстый бифас, разрубленные кости верблюда и лошади. Наконечники с черешком или в форме ивового листа встречаются в других горизонтах. Они не имеют абсолютной датировки, но относятся к более поздней эпохе, во время которой верблюды еще не исчезли. Углеродный анализ показал, что пещера Уилсон Бьют является одной из самых древних стоянок Северной Америки; в ней обнаружены самые древние орудия с двусторонней ретушью. Стоянка показала также, что к югу от материковых ледников уже были известны большие пластины и резцы, и что эти орудия не были внесены с микропластинами из Сибири во времена заключительного плейстоцена.

БОЛЬШОЙ БАССЕЙН

Традиция черешковых наконечников (рис. 86) зародилась южнее – в географической области Большой Бассейн, в настоящее время аридной. Этот регион в экологическом отношении отличается от Колумбийского плато в основном тем, что там не было регулярной и обильной миграции лосося, поэтому в этом обширном районе с внутренним стоком не находят следов зимних поселений. Различия между двумя экосистемами больше проявились в плейстоцене, когда обильные осадки создали в Бассейне многочисленные пресноводные озера, иногда обширные и глубокие, но чаще поверхностные и болотистые. Большой Бассейн был, безусловно, в ту эпоху одним из самых богатых мест проживания во всей Северной Америке: в нем изобиловала рыба, водоплавающая птица, крупные млекопитающие, а также было много съедобных семян и болотных растений. В конце плейстоцена возрастающая аридность снизила продуктивность этого района, но очень рано установилась практика, которая продлилась до XX в., – совершать сезонные перемещения от берегов рек до поселений, устроенных на высоких местах, чтобы охотиться на баранов, проходя через богатую сосновую зону.

В пещере Форт-Рок, расположенной в небольшом озерном бассейне в центре южной части штата Орегон, самый низкий горизонт был датирован 13,2 тыс. лет по материалу из очага вместе с коротким черешковым наконечником и грубым наконечником с вогнутым основанием. Эти самые древние датированные в Северной Америке орудия для метания соседствовали с 11 изделиями на отщепе нетипичной формы и пестиком, показывающим, что злаковые входили в пищевой рацион обитателей пещеры (*Bedwell, 1973*). Более высокие уровни содержали тщательнее обработанные черешковые на-

конечники. На нескольких других стоянках Бассейна были найдены относительно простые каменные и костяные орудия и кости животных исчезнувших видов, но не было мест забоя крупных млекопитающих, связанных с характерными метатальными наконечниками, как это было западнее на Великих Равнинах. Такие места могли, конечно, существовать, но эти и другие наблюдения приведут к выводу, что первые обитатели Большого Бассейна не специализировались на охоте на крупных млекопитающих, как их современники на Равнинах, и что их хозяйство основывалось скорее на разнообразной деятельности вокруг дождевых озер, а также – в некоторые сезоны – в наиболее продуктивных зонах в окружающих горах.

Конечно, остроконечники культуры Кловис с выемками присутствуют, особенно на юге Айдахо и на западе Большого Бассейна, но их тоже соотносят с озерным хозяйством, а не с местами забоя мамонтов.

Оказалось невозможным определить культурные и хронологические соотношения между остроконечниками с выемками и с черешком в Большом Бассейне – первые редко обнаруживались в контекстах, датированных углеродным методом, и находились только в местонахождениях возрастом менее 9 тыс. лет (Bryan, 1988). Когда на одной стоянке находят оба вида наконечников, как на стоянке Дьец на юго-востоке штата Орегон, они входят в отдельные комплексы, следовательно, использовались в разные эпохи и/или различными группами (сообщение Judy Willig, 1986, 1987).

Так как было установлено, что на Великих Равнинах наконечники с выемками более древние, чем наконечники с черешком, то обычно предполагают, что вторые произошли от первых, и что эта эволюция могла произойти на Равнинах. Но нельзя забывать о предположении, что черешковые наконечники получили свое развитие в Большом Бассейне, а оттуда их использование распространилось на Равнины (Bryan, 1980). Защищенная общепризнанная модель, согласно которой выемчатые наконечники повсюду самые древние, обходят молчаливым находку в гроте Форт-Рок наконечника с черешком, возраст которого определен в 13 тыс. лет, а также находки в других местонахождениях наконечников более древних, чем острия Кловис, или современных им. Присутствие черешковых наконечников в уровнях проживания во многих местах, датированных между 13 и 10 тыс. лет, – это возможность того, что данные орудия получили развитие в Большом Бассейне совершенно независимым образом как местная адаптация к богатой окружающей среде в этом районе в конце плейстоцена (Bryan, 1988).

Кроме пещеры Форт-Рок надо отметить пещеру Смит-Крик на западе Невады, которая интенсивно заселялась и дала несколько углеродных дат между 12 и 10 тыс. лет тому назад, определенных по древесине и древесному угляю из отложений, в которых нашли черешковые наконечники, скребки на отщепках и остатки парнокопытных, бизонов и шерсти верблюдов (Bryan, 1979). Так как сами верблюды или бизоны не могли войти в недоступный для них грот, остается предположить, что их шерсть осталась от обработки шкур. Некоторые ученые (например, Thompson, 1985) считают, что образцы древесины и древесного угля возраста более 11 тыс. лет должны считаться слишком старыми по многим причинам, главная из которых – то, что обитатели грота могли использовать для поддержания огня ископаемый уголь, залегающий в пустыне уже тысячи лет. Чтобы рассмотреть эту возможность, датировали образцы шерсти методом каталитической масс-спектрографии. Результаты подтвердили данные, полученные для древесины и древесного угля (Bryan, 1988).

На северо-западе Невады шерсть от быков и волосы человека были найдены в пещере Хендпринт вместе с

Рис. 86. Наконечник с квадратным основанием из пещеры Хендпринт, штат Невада (США) (по Brown)

наконечником с квадратным основанием (рис. 86). Древесный уголь был отнесен к 10,7 тыс. лет тому назад.

Все эти данные указывают, что в Большом Бассейне наконечники с черешком использовались как во время, так и до периода 11,5–10 тыс. лет тому назад, когда выемчатыми наконечниками пользовались на Великих Равнинах, а также в зонах с похожей окружающей средой к западу от линии континентального раздела, при охоте на стадных млекопитающих. Не исключено, что некоторые охотники с Равнин, изготавливавшие выемчатые наконечники, после исчезновения мамонтов переместились к Большому Бассейну, чтобы там использовать ресурсы окружающей среды с дождевыми озерами; возможно также, что туземные группы просто приняли технику крепления выемчатых острий на рукоятку, снабдив их черешком. Более тщательный анализ техники обработки мог бы в этом случае ответить на вопрос (как это было при исследовании Кловисских острий из штата Мейн и остроконечников из штата Монтана, когда определили, что они были сделаны различными культурными группами).

Культурная адаптация к влажной среде во время переходного периода от плейстоцена к голоцену известна под названием «Традиция дождевых озер Запада»; она продолжалась до высыхания озер 7 тыс. лет тому назад (Bedwell, 1973). Некоторые потомки этих популяций адаптировались к уменьшению ресурсов района, вызванному менее благоприятным пустынным климатом голоцена, в то время как другие ушли в более благоприятные для жизни места.

До изобретения наконечников для метания богатые плейстоценовые экосистемы Большого Бассейна давали человеку прекрасные условия для проживания. Хотя (к удовлетворению скептиков) существование более древних поселений не было доказано, известны многие открытые стоянки, часто по береговой линии бывших пресных озер, где на поверхности находят скопления изделий. Некоторые из этих скоплений содержат небольшие орудия с двусторонней оббивкой, на других находят только предметы с односторонней обработкой – возможно, что технологическое развитие популяций Бассейна характеризуется переходом от производства односторонних орудий к изготовлению бифасов. Большинство этих рассыпанных по поверхности местонахождений лежат на пустынной, выдуваемой ветром породе, где нет древесного угля для определения даты. Поэтому лишь очень немногие из них стали объектами экспериментальных раскопок, так как предполагается, что в основном из-за дефляции (разрушения рыхлых горных пород и почв под действием ветра. – Прим. ред.) все объекты оказались на одном уровне. Все же некоторые стоянки, те,

которые кажутся непо потревоженными со времени ухода их обитателей, могут прояснить некоторые характерные черты этой культуры.

Одна из раскопанных поверхностных стоянок – Ист-Рим – дала 18 типов обработанных с одного или двух краев орудий, служащих для работ по дереву или для выделки шкур, но в этой зоне не нашли ни наконечников для метательного оружия, ни других предметов, типичных для голоценовых скоплений. Стоянки такого рода встречаются только над 520-метровой террасой плейстоценового оз. Мейникс около г. Барстоу, в пустыне Мохаве на юге Калифорнии. Возраст берегового осадочно-го туфа – около 19,75 тыс. лет, что позволяет предположить, что группы людей, которые вели хозяйственную деятельность у оз. Мейникс, жили на его берегах около 20 тыс. лет тому назад, в самый пик оледенения. Анализ пыльцы, собранной в Ист-Рим в субповерхностных отложениях, где она находилась вместе с артефактами, подтвердил эти предположения (*Alsoszahtbei-Petbeo*, 1975). Исследованный образец содержал, в частности, пыльцу сосен и елей, росших, вероятно, на соседних холмах, пыльцу местных трав и болотных растений, а также пыльцу пустынных растений, которые только и выжили до наших дней. Эта флора плейстоцена была датирована в озерных ядрах пустыни Мохаве между 37 и 18 тыс. лет тому назад.

Вокруг североамериканской стоянки Калико над оз. Мейникс ведется много споров по поводу приписываемой ей большой древности. Это стратифицированное местонахождение, содержащее хорошо поддающиеся обработке силикаты (в основном кремь и халцедон), расположенное в древнем аллювиальном конусе, который оказался отрезанным от своего горного источника из-за сбросов в этом тектонически неустойчивом районе. Большинство каменных отщепов, идентифицированных как орудия из обработанного камня, были найдены на глубине до 10 м в отложениях, образовавшихся от грязевых и водных потоков (*Simpson et al.*, 1986). К сожалению, многие предметы, демонстрируемые на археологических конференциях, оказываются псевдоорудиями, сформировавшимися под действием природных факторов. Такие предметы встречаются на многих археологических местонахождениях: чаще всего их отбрасывают в момент раскопок или не учитывают при изучении собранного материала, поскольку есть достаточное количество предметов, бесспорно обработанных человеком, и нет смысла выяснять, были или нет сомнительные предметы подобраны и использованы доисторическими людьми.

Даже если и велась здесь какая-то другая деятельность, то стоянка Калико служила прежде всего карьером или мастерской. Недавний анализ найденных там предметов из отщепов показал, что корка, обычно покрывающая камень, была полностью снята на многих ударных отщепках с выступом (*Patterson et al.*, 1987). На многочисленных отщепках и пластинах также видны следы последовательного снятия слоев, а на нуклеусах есть рубцы именно в тех местах, где с одной ударной площадки делались отщепы. Некоторые нуклеусы были обтесаны с двух сторон, но в самых глубоких горизонтах, где находилась большая часть артефактов, самих бифасов не нашли. Большое число отщепов и нуклеусов было сконцентрировано на площади диаметром до 3 м; почти все они с острыми краями – доказательство того, что они не были перенесены издалека водой. Эти скопления похожи на набравшиеся вокруг камнетеса осколки от расщепления камня. Некоторые археологи признают, что артефакты, в частности пластины и резцы, несомненно, вышли из-под руки человека, но ученые не могут согласиться с той глубиной древностью, которую приписывают предметам. Хронологические оценки почвы из отложений, содержащих артефакты из отщепов, относят отложения между

125 и 200 тыс. лет тому назад; это подтверждается урано-ториевым исследованием известнякового покрытия предметов из отщепов, найденных у основания отложения, которое их относит к 200 тыс. лет назад (*Simpson, Patterson & Singer*, 1986; *Patterson et al.*, 1987). Эти даты кажутся слишком ранними большинству североамериканских археологов, которые считают, что либо эти предметы являются интрузивами, либо природе каким-то образом удалось создать что-то похожее на артефакты. Конечно, Калико, как и многие другие стоянки, содержит разнообразные предметы, и иногда трудно определить, созданием человека или природы они являются, но нелогично делать заключение, что только природа участвовала в создании многих предметов, несущих следы систематического расщепления, лишь по той причине, что современная теория, гласящая о прибытии человека на континент в конце плейстоцена, находит геологический контекст слишком древним.

Чтобы считать эти находки достоверными, надо подождать, пока заполнится значительный промежуток, отделяющий производство на озере Мейникс от находок Калико. Различные исследователи утверждали, что находили следы присутствия человека, приуроченные к началу последнего межледникового периода, на других стоянках на юге Калифорнии, особенно в районе Сан-Диего (*Reeves et al.*, 1986), но отсутствие отчетов о раскопках не позволяет вынести правильное суждение о достоверности таких заявлений. Юг Калифорнии действительно дал много местонахождений без наконечников-бифасов, таким образом, когда-нибудь у нас будет более полная картина доисторического периода этого района, так богато естественными ресурсами в эпоху плейстоцена.

КАЛИФОРНИЯ

Та часть Калифорнии, которая расположена западнее гор Сьерра-Невада, всегда была одним из самых богатых в природном отношении регионов Северной Америки. Люди использовали многочисленные плейстоценовые дождевые озера в центральной долине, а также на востоке от этих гор, но датировка этих поселений остается неясной. Центральная долина предоставляла людям места с изобилием ресурсов по берегам рек и на покрытых дубами холмах, где водилось много животных и птиц. Туземцы научились употреблять в пищу желуди, изобилующие в этих местах, и ко времени прибытия сюда первых европейцев этот основной продукт питания позволял коренному населению, плотность которого была наибольшей на севере центральной части Мексики, не заниматься земледелием.

Поскольку не были найдены и не датированы остатки, то еще недавно считалось, что индейцы Калифорнии научились использовать желуди и другие съедобные семена только после окончания плейстоцена. Однако обработка этого важного основного продукта питания могла происходить раньше в голоцене, чем предполагали. Очевидно, отсутствие следов имеет явные геоморфологические причины. Повышение уровня моря не только привело к поглощению всех береговых стоянок начала голоцена, но и вызвало к тому же значительное постледниковое занесение наносами центральной калифорнийской долины. Поэтому доступные археологические данные об этих местах относятся лишь к последним 4,5 тыс. лет (*Moratto*, 1984).

Раскопки, предпринятые в прибрежной гряде к западу от центральной долины, позволили обнаружить значительные местонахождения, стратифицированные по глубине, которые заполнили промежуток до позднего плейстоцена. Стоянка Мостин возле оз. Клэр к северу от залива Сан-Франциско включала много человеческих

захоронений. Коллаген костей из четырех могил позволил определить их возраст от 10,5 до 7,5 тыс. лет тому назад, по фрагменты древесного угля, с которыми их сопоставили, дали даты 7,7 и 7,5 тыс. лет, что позволяет сделать вывод, что стоянка не заселялась до 8 тысячелетия тому назад (*Frederikson, Robinson & White*, персональные сообщения, 1986). Среди артефактов, найденных на стоянке, есть массивные пятигранные острия, крупные, обработанные оббивкой бифасы из обсидиана и кремня, костяные наконечники, две прямоугольные «плитки» из отшлифованного камня, одна из которых с просверленным отверстием, а также хорошо сделанный пестик (*Moratto*, 1984). Находки в Мостине показывают, что первые обитатели охотились на животных и птиц, ловили рыбу и собирали раковины и растения гораздо раньше, чем было принято считать для центральной части Калифорнии. Другая стратифицированная стоянка около г. Санта-Клара имеет возраст от 10 до 8 тыс. лет. На ней обнаружили орудия из отшлифованного камня, среди которых пестик для измельчения съедобных растений. Присутствие бусины, сделанной из раковины *Olivella*, и обсидиана, ближайшая залежь которого находилась в 200 км на север, около оз. Клэр, указывают на то, что необходимые товары доставлялись из удаленных мест по крайней мере уже 8 тыс. лет тому назад (*Moratto*, 1984).

Самые древние с уверенностью датированные скопления с метательными наконечниками к западу от Сьерра-Невады находятся на крайнем юге, где они образуют так называемый комплекс Сан-Диегито. Многочисленные типы скребков, ножей и остроконечников для метания, относящихся к традиции остроконечников с черешком, были датированы между 9 и 8,5 тыс. лет на р. Сан-Диегито, и похожие наконечники из обработанного камня, хотя и более грубые, были найдены неподалеку в двух сборах возраста 8 тыс. лет на стоянках у побережья (*Moratto*, 1984). Вероятно, охотники решили покинуть Большой Бассейн, когда дождевые озера начали пересыхать. Над уровнями Сан-Диегито нашли жернова и другие инструменты, которые подтверждают, что представители культуры Джолла измельчали зерно, охотились на мелкую дичь и собирали раковины около 6 тыс. лет тому назад. Обычно считают, что поселившиеся на побережье древние охотники постепенно адаптировались к хозяйствованию, основанному на неспециализированном собирательстве, однако находки, сделанные в центре Калифорнии, заставляют предполагать, что такая хозяйственная организация существовала в этом районе задолго до прибытия охотников Сан-Диегито. Нырляльщики часто находили на континентальном плато жернова (многие из которых могут быть, конечно, более поздними), и это может служить подтверждением, что такого рода хозяйственная деятельность в районе Сан-Диегито тоже более древняя. Береговые стоянки возрастом более 8 тыс. лет были затоплены в результате подъема уровня моря, поэтому трудно найти доказательства ранней адаптации берегового населения к разнородному хозяйствованию.

В Калифорнии к западу от Сьерры всегда были благоприятные экосистемы, даже когда быстрое изменение климата вызвало в восточном регионе осушение дождевых озер Бассейна. Но ни в одну из эпох не было никаких экологических причин, которые бы заставили людей, живших на западе или на востоке от Сьерры, специализироваться на охоте на крупных млекопитающих; впрочем, ничто в археологическом материале не показывает определенно, что обитатели запада вели когда-либо другое существование, чем существование успешных собирателей. Благодаря обильному природному окружению первые жители центральной части Калифорнии сумели воспользоваться местными ресурсами так же давно, как и группы людей, проживавших вокруг дождевых озер Бас-

сейна. Основное различие состоит в том, что в то время как Бассейн мог выдерживать все меньшую нагрузку при высыхании дождевых озер, люди к западу от Сьерры, вероятно, могли успешно адаптироваться к окружающим их богатым природным условиям, особенно к северу от центральной Мексики, раньше, чем в остальных районах Северной Америки. Около 4,5 тыс. лет тому назад, когда уровень моря стабилизировался после оледенения, сложившаяся картина представляла богатую гамму местных культурных традиций, передаваемых через торговый обмен всем разнообразием ресурсов региона. Среди ритуальных предметов и украшений, сопровождающих захоронения, находят редкие раковины, а также предметы из оббитого и полированного камня и из отшлифованных костей, хотя утилитарные предметы, такие как черешковые наконечники для метания, служили объектами обмена. Как показатель благополучия эти древние свидетельства обменов ценными предметами доказывают, что богатая калифорнийская традиция начала развиваться задолго до того, как около 4,5 тыс. лет тому назад стала археологически полностью «видимой».

ЮГО-ЗАПАД

Юго-запад представляет собой разнообразный по природным условиям регион на востоке Калифорнии и на юге Большого Бассейна. Он включает высокое плато Колорадо, через которое одноименная река проложила глубокий каньон, северную часть пустыни Сонора на юге и горный район на востоке, где Скалистые горы переходят в пустынное высокогорное плато северной части центральной Мексики.

Древняя хозяйственная адаптация здесь происходила так же, как и в Большом Бассейне, т.е. при развитии культур охотников и собирателей. Общеизвестно, что самыми древними стоянками, даты которых точно определены (11,5–11 тыс. лет тому назад), являются места забоя Кловис на юго-востоке штата Аризона. Некоторые признаки заставляют все же предположить, что при адаптации туземные группы ориентировались на разнородное хозяйствование: об этом можно судить по использованию каменных жерновов для обработки съедобных растений и по присутствию на многих отдельных стоянках черешковых или выемчатых наконечников для охоты на крупную и мелкую дичь. Так же как и в Бассейне, здесь рано установилась практика сезонной деятельности. Появление традиции выемчатых наконечников могло совпасть по времени с проникновением на территорию группы людей, специализирующихся на охоте на крупных животных (около 11 тыс. лет тому назад), но возможно, что такие наконечники были приспособлены местными охотниками Кочиз для охоты за последними остатками стад мамонтов.

Лучшими доказательствами того, что охотники-собиратели уже жили в этом районе в то время, когда наконечники типа кловис применялись для охоты на мамонтов, стали находки на юго-западе Аризоны в пещере Вентана, где провели раскопки до изобретения радиоуглеродного метода датировки (*Haury*, 1950). Небольшой фрагмент древесного угля, исследованный после публикации заключительного отчета, показал дату 11,3 тыс. лет, указывая, что по крайней мере часть слоя вулканических отложений современна местам забоя Кловис, найденным восточнее (*Haury*, 1975). Этот слой содержит кости лошади, тапира, бизона и исчезнувшего вида антилопы. Среди приуроченных к ним орудий отмечают односторонние грубые скребки, обработанные голыши (рубилы) и струги, явно родственные изделиям из многих недатированных поверхностных скоплений, обнаруженных западнее и севернее в Большом Бассейне.

К этому надо также добавить тщательно обработанный дисковидный камень, отбойники, ножи-бифасы и два небольших остроконечника для метания, один с маленькими угловыми выемками, второй – с вогнутой основой. Найденные морские раковины показывают, что уже были установлены торговые отношения с живущими далее к западу популяциями. Нижележащий слой дал несколько артефактов и отщепов; он был датирован возрастом 12,6 тыс. лет, это говорит о «докловисском» проживании людей, что часто не учитывают археологи.

Очевидно, охотники-собиратели занимали иногда пещеру Вентана задолго до исчезновения фауны плейстоцена, и к тому же нет доказательств, что они явились главными виновниками этого исчезновения. С 10 тыс. лет тому назад юг Аризоны становится более жарким и сухим, и охотники-собиратели Кочиз все активнее начинают заниматься собирательством и используют зернова для размалывания зерен и семян. Наличие значительных скоплений обломков на открытых стоянках возраста порядка 6 тыс. лет позволяет предположить, что люди могли сознательно культивировать местные растения, включавшие амарантовые, задолго до появления окультуренных растений в Центральной Мексике.

ВЕЛИКИЕ РАВНИНЫ

Великие Равнины расположены к югу от канадских провинций, покрытых прериями, до северо-запада штата Техас и востока штата Нью-Мексико. Эти огромные покрытые травой пространства включают равнины с короткой травой, расположенные к востоку от Скалистых гор, и прерии с высокой травой – далее к востоку от 98 град. западной долготы до края лесистых земель на востоке. Прерии, которые сегодня лежат к востоку от Миссисипи в штате Миннесота, в начале голоцена тянулись гораздо дальше на восток. Слегка холмистые Великие Равнины, местами даже почти гористые, в то время могли быть покрыты лесами, тогда как прерия с более высокой травой образует рельеф почти плоский, прерываемый только лесистыми долинами рек.

Вплоть до изобретения стального плуга единственным средством существования на Великих Равнинах была охота на крупную дичь, особенно на бизона. И сегодня этот район более благоприятен для жизни скотоводов, чем земледельцев. Этой особенностью объясняется, почему за весь доисторический период почти все места забоя бизонов и мамонтов были сконцентрированы на Великих Равнинах. Следовательно, по местонахождениям забоев мамонтов, приуроченным к культуре Кловис, а позже по местонахождениям забоев бизонов с наконечниками Фолсом и наконечниками Плано, все из которых были расположены на Великих Равнинах или в соседних районах, определяют раннюю фазу появления охотников на крупную дичь (фаза палеоиндейцев), считая это характерным для всей Северной Америки до X тысячелетия до н.э. С 8 тыс. лет назад охотники на бизонов на равнинах пользуются больше острьями с боковыми выемками, чем острьями с черешком. Это изменение в технике производства наконечников для метания, хотя и не выразилось в изменении формы хозяйствования, привело к новой фазе, названной «архаичной фазой Равнин», поскольку выемчатые острья соотносены с «восточной архаичной фазой», которая всегда основывалась на специализированной охоте и собирательстве.

Между 7 и 5 тыс. лет назад засуха поразила весь район, сильно сократив стада бизонов на равнинах. Большинство местных групп были вынуждены уйти в горы и прерии на восток и на север, где они могли охотиться на более мелкую дичь, собирать растения и ловить рыбу. Примерно с V тысячелетия многие из них вернулись на

Великие Равнины и возобновили охоту на бизонов, все больше применяя способ охоты, при котором они старались загнать животных на обнесенный частоколом участок.

На юге канадских провинций Альберта и Саскачеван, где зона прерий и лесостепи переходит в бореальный лес*, после сильнейшей засухи флора и фауна начали восстанавливаться, растительный и животный мир стал богаче. С этим связано неожиданное развитие данной зоны. Около 6 тыс. лет тому назад оригинальный наконечник с боковыми выемками и вогнутой основой, образующей «уши», стал характерной чертой культуры оксбоу. Здесь уместно применить термин «культура» (а не просто технологическая традиция), так как возле Свифт-Каррент был найден некрополь, в котором одна и та же группа людей регулярно хоронила своих умерших в течение более двух тысячелетий, начиная приблизительно с 5200 лет тому назад (Miller, 1978). Большинство захоронений вторичны; тела посыпались красной охрой, заворачивались в шкуры и относились на кладбище. Наличие в могилах костей птиц и животных подтверждает, что религия уже занимала важное место в жизни этих людей. Среди предметов, относящихся к захоронениям, есть наконечники культуры оксбоу, каменные ножи, скребки и колотушки с желобками, похожие на те, которые используют для приготовления пеммикана (смесь ягод и сушеного мяса, которая может долго храниться, если ее истереть в порошок). Хотя люди оксбоу и были кочевыми охотниками, они умели уже делать запасы продовольствия.

ВОСТОЧНЫЕ ЛЕСИСТЫЕ МЕСТНОСТИ

Обширные восточные лесистые местности (лесная зона из сосен и лиственных деревьев, которая сменяется к северу менее продуктивными бореальными лесами) охватывают всю восточную часть Северной Америки к югу от канадских неплодородных земель. Ее гораздо большая однородность по сравнению с западной частью как в экологическом, так и в культурном плане позволяет считать эту зону единым целым. С геоморфологической точки зрения в ней господствуют речная сеть Миссисипи, которая впадает в Мексиканский залив, и Великие озера, которые на востоке выходят к реке Св. Лаврентия. Эта река разрезает надвое очень выветренную Лаврентийско-Аппалачскую горную систему, которая проходит вдоль Атлантического побережья. К югу от Аппалачей п-ов Флорида образует особый экологический район, который продолжается в субтропической зоне, где гидростатический уровень исключительно высок из-за подъема моря во время постледникового потепления. Со дна у полуострова Флорида было поднято много древних артефактов, в частности остроконечники типа Кловис и наконечники из отполированной кости, а также костные остатки человека, соотносимые, вероятно, с исчезнувшей фауной. Можно рассчитывать, что какая-нибудь доисторическая стоянка, поглощенная водой, будет однажды здесь найдена. Возможность такого открытия подтверждается находкой в Литл-Солт-Спрингс панциря гигантской черепахи, проткнутого, вероятно, деревянным заостренным колом; возраст панциря датирован 12 тыс. лет (MacDonald, 1983, p. 106).

Предыстория восточных лесистых земель в плейстоцене мало известна: редкие сформировавшиеся в то время слои глубоко запрятаны в отложениях русел рек, а большинство пещер и скальных укрытий обрушилось.

* Бореальный лес – лес, характерный для бореального климата, т. е. климата в пределах умеренного пояса с хорошо выраженными сезонами года. – Прим. ред.

Палеоэкологическая последовательность постледниковой эры также не уточнена, но признаки, позволяющие предположить, что климат в плейстоцене значительно отличался от сегодняшнего, не так многочисленны, как предполагали, особенно в самых отдаленных районах ледникового купола, который покрывал Канаду и север Соединенных Штатов, а затем быстро растаял около 15 тыс. лет тому назад.

Скальное укрытие Мидоукрофт на юго-западе штата Пенсильвания – лучший пример стоянки, содержащей следы пребывания, предшествующие культуре Кловис (*Carlisle & Adovasio, 1982*). Этот крупный скальный навес над небольшой рекой находился 18 тыс. лет тому назад примерно в 80 км от края ледников заключительного плейстоцена. Пятьдесятю стратиграфически согласованными датировками, полученными углеродным методом, установлена последовательность культур: от кострища, датированного близкими к нам историческими временами, до фрагментов плетеных изделий, створевших 20 тыс. лет тому назад. Хотя даты последовательности, относящейся к голоцену, кажутся разумными и никогда не подвергались сомнению, некоторые, однако, полагают, что образцы из уровней плейстоцена (возрастом не менее 12 тыс. лет) должны были бы разложиться. Почти все предметы из уровней плейстоцена – отщепы с односторонней ретушью, хотя обнаружены также несколько отщепов, заостренных с двух сторон. В более глубоких слоях нашли обожженные фрагменты вышеупомянутой плетеной корзины.

Крупных выемчатых наконечников больше в гидрографическом бассейне рек Огайо и Теннесси, чем где-либо на остальной североамериканской территории. В отличие от Великих Равнин в этом регионе никогда не находили мест забоя животных, но обнаружили кловисский наконечник и остаток мастодонта на стоянке Кимсуик возле Сент-Луиса (*MacDonald, 1983*). Очевидно, эти животные прожили в восточных лесистых землях до 8 тыс. лет до наст. в., в то время как мамонты уже давно исчезли. На костях некоторых мастодонтов есть зарубки, которые могут свидетельствовать о разделке туши (*Fischer, 1984*); вместе с другими костями были найдены разрезанные куски дерева. Может быть, отсутствие наконечников для метания, которые были бы верным доказательством того, что мастодонты убиты людьми, объясняется тем, что поскольку эти животные не мигрируют стадами, охотники не могли устраивать им засаду в заранее известных местах. Они, вероятнее, когда представлялся случай, нападали на отдельных животных. Возможно также, как это доказывает мастодонт из Мейнис, что люди только разделяли туши животных, какой бы смертью они ни умерли.

Обычно предполагают, что все выемчатые остроко-нечники предшествуют наконечникам черешковым или с боковыми прорезьями. Но во всей юго-восточной части, и особенно в Техасе, все чаще на стратифицированных стоянках обнаруживают, что эти две последние категории наконечников содержатся в слоях, находящихся ниже слоев с выемчатыми наконечниками (см. например, *Patterson & Hudgins, 1985*). Обычно о таких открытиях умалчивают или их отбрасывают, считая, что более поздние обитатели стоянки могли найти наконечники палеоиндейцев. Можно рассмотреть также и другие гипотезы. Возможно, что в некоторых местах продолжали производить выемчатые наконечники уже после появления черешковых и с боковыми прорезьями наконечников. Может быть, те же охотники для разных целей использовали различные виды наконечников. Пока эти гипотезы не могут быть проверены, правильней считать, что каждый тип наконечников соответствовал определенному способу крепления на рукоятке (т.е. специфической технологической традиции), изначально при-

способленному к лучшему использованию местных ресурсов, чем утверждать, что хронологическая серия (выемка – черешок – прорезь), установленная в одном районе (Великие Равнины), может быть экстраполирована на остальные.

Бесспорно, однако, что некоторые группы из первых обитателей континента занимались в основном охотой, хотя не оставляли рыболовства и собирательства. По всей вероятности, наблюдая за мигрирующими стадами, они изучили их поведение. Удачно охотясь на пути следования стада, они разработали для этого вида деятельности набор специализированных орудий, в частности выемчатые остроко-нечники. Очень вероятно, что эти новшества появились в травянистых прериях на восточном краю Великих Равнин. С каждым годом небольшие группы людей продвигались на запад к Равнинам, используя свой опыт в выслеживании стад мамонтов и бизонов.

На востоке технологический комплекс, находимый часто вместе с выемчатыми остроко-нечниками, включает концевые скребки с крутой ретушью, часто с поперечными уступами, боковые скребки, пластинчатые отщепы, ножи-бифасы, сверла и шилья, отщепы с противоположными сколами и характерные отщепы с выпуклой центральной частью, полученные при скалывании выемчатых остроко-нечников (*MacDonald, 1983*). Так как для изготовления этого специализированного инвентаря, приспособленного к охоте, разделыванию туш и приготовлению мяса, требовался камень хорошего качества и легкий в обработке, то искали подходящие месторождения и из породы получали оббитые с двух сторон заготовки. Существовал широкий радиус обмена этими заготовками между разными культурными группами, производящими выемчатые остроко-нечники.

Так как кости не сохраняются в кислых лесных почвах, у нас мало сведений о животных, на которых охотились эти группы охотников; возможно, что олени-карибу были их основной добычей. В пещерах любой части Северной Америки выемчатые наконечники встречаются редко, но все же одно острие с остатками карибу было найдено в небольшой пещере Датчес-Куарри на юге штата Нью-Йорк. Его приурочили к удивительно ранней дате – 12,5 тыс. лет тому назад; этот факт подтверждает гипотезу, по которой традиция выемчатых наконечников началась где-то к югу в то время перекрытых льдами Великих озер, в районе, где нашли самые большие скопления таких наконечников. Обширные местонахождения, содержащие инвентарь, типично соотносимый с этими выемчатыми наконечниками, были раскопаны в штатах Виргиния, Пенсильвания, Нью-Джерси, Коннектикут, Мэн и на п-ве Новая Шотландия. Большинство радиоуглеродных дат относит эти стоянки к возрасту 11 и 10 тыс. лет (*MacDonald, 1983*). Эти обширные местонахождения указывают, что здесь сезонно собирались многие группы ко-чующих охотников, здесь же проявлялись социальные и ритуальные стороны их жизни.

Большинство стоянок, содержащих выемчатые наконечники, – это небольшие временные лагеря. Несколько таких лагерей были устроены на юге провинции Онтарио, на берегах плейстоценового оз. Алгонкин или над ними, до того как озера Гурон и Эри приобрели современные очертания (*MacDonald, 1983*). На этих стоянках могли находиться несколько небольших групп охотников на карибу. Самые низкие террасы дали черешковые наконечники, родственные по типу западным наконечникам типа Плано. Возможно, что это позднее проявление черт Плано объясняется тем, что появилась новая техника изготовления метательных остроко-нечников, которая пришла скорее с запада, чем путем новой миграции. Такие черешковые наконечники встречаются в основном близ внутренних водных путей Великих озер и восточнее, в устье р. Св. Лаврентия. Во время короткой

фазы изостатического подъема, последовавшего за таянием ледников, охотники на карибу продолжали, по-видимому, устраивать лагеря на прежних берегах озер и рек.

Наступление леса вынудило большинство этих групп вести неспециализированное хозяйствование – заниматься охотой и собирательством. Охотились в основном на оленей, лосей и карибу. Однако гораздо дальше на северо-восток, за пределами не очень гостеприимного бореального леса, группа охотников прекрасно приспособилась, ведя на плавучих льдах у южного побережья п-ва Лабрадор охоту на морских млекопитающих, особенно тюленей. Можно не сомневаться в благополучии этих охотников, об этом свидетельствует самый древний известный в Северной Америке курган, который они возвели 7,5 тыс. лет тому назад в Анс-Амур у пролива Белл-Айл (*McGhee & Tuck, 1975*). Это захоронение подростка, рядом с ним найдены моржовый клык, несколько выемчатых наконечников, черешковые ножи, напоминающие по форме остроконечники Пано, отполированные наконечники из сланца, костяная подвеска, трубочка, вырезанная из птичьего пера, и самая древняя съемная головка гарпуна из оленьего рога с замечательной гравировкой. Яма была засыпана, и ее местонахождение отмечено двумя параллельными рядами вертикальных плит, среди которых нашли древесный уголь и несколько рыбных костей – возможно, следы ритуальной церемонии. Над могилой была груда невысоких камней, 8 м в диаметре. Съемная головка гарпуна, сделанная так, чтобы повернуться параллельно в проткнутой шкуре животного, имеет большое значение, так как это приспособление помогло охотникам приспособиться к новой экосистеме, изобилующей морскими млекопитающими и рыбой.

Тот факт, что на юге Лабрадора эти первые охотники на морских млекопитающих уже пользовались выемчатыми метательными остроконечниками, привел к тому, что их произвольно отнесли к культуре «морской архаики», а не к палеоиндейской культуре поздней стадии. Около 6,5 тыс. лет тому назад эти арктические морские охотники обнаружили на севере п-ова Лабрадор месторождение прекрасного полупрозрачного кварцита, который стали использовать и которым обменивались со всеми морскими провинциями вплоть до р. Св. Лаврентия. Эти представители «морской архаики» научились также превращать заготовки из сланца в длинные наконечники копий, кинжалы и ножи, высоко ценившиеся народом «лаврентийской архаики», жившим в регионе Великих озер, для которого это были и предметы торжественного погребения примерно с 6 тыс. лет назад. Между 10 и 4 тыс. лет назад эти группы людей все интенсивнее занимались собирательством, что отмечается как «эффективная первичная адаптация к лесу». Это результат интенсивных усилий многочисленных групп людей, которые, используя местные ресурсы, постепенно стали заниматься больше собирательством съедобных растений, чем охотой. Во время «заключительной архаики» развились ритуалы, связанные с погребением умерших, особенно в районе Великих озер и долин Огайо и Миссисипи. В этом районе установилась сложная сеть обмена, продвигавшаяся далеко на юг и запад. Эта сеть позволяла приобретать природную медь, добываемую на западе оз. Верхнее, раковины Мексиканского залива, атлантические раковины, используемые как бусы, экзотические предметы из отполированного или обтесанного камня, появившиеся из самых разных мест и оказавшиеся в могилах при погребении местной элиты. Охотники-собиратели-рыбаки архаичной фазы изготавливали также различную утварь, среди которой орудия из отшлифованного камня, предназначенные для охоты или работы по дереву; обмен всеми этими предметами проходил на довольно широком пространстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Люди, владевшие техникой обработки камня в период нижнего палеолита, перешли через Берингию во время заключительного плейстоцена. Одни группы обосновались и адаптировались на этих новых территориях, других демографическое давление вынудило расселиться по соседним регионам с иными экосистемами. Со временем это медленное продвижение на обжитые земли привело к заселению всего Американского континента.

Когда стало невозможным снижать демографическое давление заселением незанятых территорий, потребовалось лучше адаптироваться к местным условиям. В этот период поиски в области создания новой техники для добывания пищи привели к тому, что люди освоили изготовление более специализированного инвентаря. Так, в некоторых регионах появились метательные остроконечники из камня, обработанного с двух сторон, которые использовались при охоте на кочующие стада животных. В других местах столь же изобретательные люди научились охотиться, используя сети и ловушки. Некоторые научились делать жернова, что позволило им измельчать семена и корни.

Некоторые специализированные формы хозяйственной адаптации развивались в зависимости от местных пищевых ресурсов благодаря тому, что популяции постепенно лучше познавали свою экосистему. Такая адаптация, как охота на крупных животных на Великих Равнинах – только один пример изобретательности первых американцев. Некоторые самые эффективные способы адаптации, получившие развитие в определенном месте, перенимались популяциями соседних регионов. До V тысячелетия до наст. в. мы имеем мало свидетельств того, что культурные группы с эффективной адаптацией к своей окружающей среде мигрировали в другие, уже занятые районы, за исключением тех случаев, когда неблагоприятные изменения климата вынуждали их искать более гостеприимные места проживания.

В период 11–9 тыс. лет тому назад появилась технология, позволяющая приготовить и сохранить некоторые основные пищевые продукты, что сделало возможным создание сети обмена; появились также более оседлые поселения в Калифорнии, на Равнинах на юго-западе и на восточных лесистых землях. Около 5 тыс. лет тому назад в этом последнем регионе уже начали окультуривать некоторые растения.

В течение всего этого периода туземцы Северной Америки вырабатывали свои собственные местные культурные традиции без всякого постороннего влияния.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ALSOSZATHEI-PETHEO, J. A. 1975. The East Rim Site. (Unpublished Master's thesis, Eastern New Mexico University, Portales.)
- BEDWELL, S. F. 1973. Fort Rock Basin: Prehistory and Environment. Eugene, University of Oregon.
- BRYAN, A. L. 1979. Smith Creek Cave. *Anthrop. Pap. Nevada State Mus. (Carson City)*, Vol. 17, pp. 164–251.
- 1980. The Stemmed Point Tradition: An Early Technological Tradition in Western North America. In: HARTEN, L. B. et al. (eds), *Anthropological Papers in Memory of Earl H. Swanson Jr. Pocatello*. pp. 77–107.
- 1988. The Relationship of the Stemmed and Fluted Point Traditions in the Great Basin. *Anthrop. Pap. Nevada Mus. (Carson City)*, Vol. 21, pp. 53–74.
- CARLISLE, R. C.; ADOVASIO, J. M. 1982. Meadowcroft. Pittsburgh.
- CLARK, D. W. 1981. Prehistory of the Western Subarctic. In: HELM, J. (ed.), *Handbook of North American Indians*. Washington, DC. Vol. 6, pp. 107–29.

- DINCAUZE, D. F. 1984. An Archaeological Evaluation of the Case for Pre-Clovis Occupations. *Adv. World Archaeol.*, Vol. 3, pp. 275–323.
- FISCHER, D. C. 1984. Taphonomic Analysis of Late Pleistocene Mastodon Occurrences: Evidence of Butchery by North-American Paleo-Indians. *Palaeobiology* (Jacksonville), Vol. 10, No. 3, pp. 338–57.
- FLADMARK, K. 1982. An Introduction to the Prehistory of British Columbia. *Can. J. Archaeol.* (Edmonton), Vol. 6, pp. 95–156.
- FLADMARK, K.; DRIVER, J. C.; ALEXANDER, D. 1988. The Paleoindian Component at Charlie Lake Cave (HbRf39). *Am. Antiq.*, Vol. 53, No. 2, pp. 371–84.
- GRUHN, R. 1961. The Archaeology of Wilson Butte Cave, South-Central Idaho. Pocatello.
- 1965. Two Early Radiocarbon Dates from the Lower Levels of Wilson Butte Cave, South-Central Idaho. *Tebiwia* (Pocatello), Vol. 8, No. 2, p. 57.
- 1989. The Pacific Coast Route of Initial Entry: An Overview. (Paper presented in the First World Summit Conference on the Peopling of the America, Orono.)
- GUSTAFSON, C.; DAUGHERTY, R.; GILBOW, D. 1979. The Manis Mastodon Site: Early Man on the Olympic Peninsula. *Can. J. Archaeol.*, Vol. 3, pp. 157–64.
- HAURY, E. 1950. *Ventana Cave. Tucson/Albuquerque.* (2nd edn., 1975.)
- HAYNES, C. V., JR. 1980. The Clovis Culture. *Can. J. Anthropol.*, Vol. 1, pp. 115–21.
- HICKEY, C. 1986. The Archaeology of Arctic Canada. In: MORRISON, R. B.; WILSON, C. R. (eds), *Native Peoples: The Canadian Experience.* Toronto, pp. 73–97.
- LEBLANC, R. J. 1984. The Rat Indian Creek Site and the Late Prehistoric Period in the Interior Northern Yukon. Ottawa.
- MACDONALD, G. F. 1983. Eastern North America. In: SHUTTLER, R., JR (ed.), *Early Man in the New World.* Beverly Hills, pp. 97–108.
- MCGHEE, R.; TUCK, J. A. 1975. An Archaic Sequence from the Strait of Belle Isle, Labrador. Ottawa.
- MEHRINGER, P. J., JR; FOIT F. F., JR. 1990. Volcanic Ash Dating of the Clovis Cache at East Wenatchee, Washington. *Natl Geogr. Res.* (Washington), Vol. 6, pp. 495–503.
- MILLAR, J. F. V. 1978. The Gray Site: An Early Plains Burial Ground, Parks Canada. Ottawa. (Manuscript Report, 304.)
- MOCHANOV, I. A. 1978. Stratigraphy and Absolute Chronology of the Paleolithic of North-East Asia, According to the Work of 1963–1973. In: BRYAN, A. L. (ed.), *Early Man in America from a Circum-Pacific Perspective.* Edmonton. pp. 54–66.
- MORATTO, M. J. 1984. *California Archaeology.* Orlando.
- MORLAN, R. E. 1986. Pleistocene Archaeology in the Old Crow Basin: A Critical Reappraisal. In: BRYAN, A. L. (ed.), *New Evidence for the Pleistocene Peopling of the Americas.* Orono. pp. 27–48.
- OWEN, R. C. 1984. The Americas: The Case Against an Ice-Age Human Population. In: SMITH, F. H.; SPENCER, F. (eds), *The Origins of Modern Humans: A World Survey of the Fossil Evidence.* New York. pp. 517–63.
- PATTERSON, L. W.; HUDGINS, J. D. 1985. Paleo-Indian Occupations in Wharton County, Texas. *Bull. Tex. Archaeol. Soc.* (Austin), Vol. 56, pp. 155–70.
- PATTERSON, L. W. et al. 1987. Analysis of Lithic Flakes at the Calico Site, California. *J. Field Archaeol.*, Vol. 14, pp. 91–106.
- REEVES, B.; POHL, J. M. D.; SMITH, J. W. 1986. The Mission Ridge Site and the Texas Street Question. In: BRYAN, A. L. (ed.), *New Evidence for the Pleistocene Peopling of the Americas.* Orono. pp. 65–80.
- SIMPSON, R. D.; PATTERSON, L. W.; SINGER, C. A. 1986. Lithic Technology of the Calico Mountains Site, Southern California. In: BRYAN, A. L. (ed.), *New Evidence for the Pleistocene Peopling of the Americas.* Orono. pp. 89–105.
- THOMPSON, R. S. 1985. The Age and Environment of the Mount Moriah (Lake Mohave) Occupation at Smith Creek Cave, Nevada. In: MEAD, J. I.; MELTZER, D. J. (eds), *Environments and Extinctions: Man in Late Glacial North America.* Orono. pp. 111–19.
- WATERS, M. S. 1985. Early Man in the New World: An Evaluation of the Radiocarbon-dated Pre-Clovis Sites in the Americas. In: MEAD, J. I.; MELTZER, D. J. (eds), *Environments and Extinction: Man in Late Glacial North America.* Orono. pp. 125–43.
- WRIGHT, J. V. 1981. Prehistory of the Canadian Shield. In: HELM, J. (ed.), *Handbook of North American Indians.* Washington, DC. Vol. 6, pp. 86–96.
- YOUNG, D. F.; BONNICHSEN, R. 1985. Cognition, Behavior and Material Culture. In: *Stone Tool Analysis: Essays in Honor of Don E. Crabtree.* Albuquerque, pp. 91–131.

МЕКСИКА И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА

от первых обитателей до начала производства пищи

Хосе Л. Лоренсо

Мы исходим из того бесспорного положения, что первые обитатели территории, занимаемой в наше время Мексикой и Центральной Америкой, пришли сюда с севера в ходе длительного процесса переселения. Численность их была невелика, поскольку остатков от их пребывания сохранилось весьма мало.

Однако если мы хотим по-настоящему понять, как человек появился в этой части Америки, мы должны иметь представление о географии данного региона и о естественных путях доступа к нему.

Итак, взглянув на карту Мексики, мы увидим, что проникновение с севера на юг возможно вдоль п-ва Калифорния, но этот путь завершается непреодолимым тупиком. Другой путь – вдоль побережья мексиканского штата Сонора, через верхнее северное плоскогорье, расположенное между горными цепями Западная и Восточная Сьерра-Мадре, с выходом на прибрежную равнину Мексиканского залива. Мы можем считать совершенно достоверным, что группы людей, пользовавшиеся морскими ресурсами, оставили здесь следы своего пребывания, однако сейчас эти следы находятся на глубине 30 м и более от поверхности моря.

Общую конфигурацию региона можно определить как некое подобие треугольника, или точнее воронки, обращенной концом к югу. Она сужается южнее Северного тропика, следуя вдоль трансмексиканской вулканической оси, которая представляет собой обширную горную зону, идущую с востока на запад. Эта непрерывная горная гряда включает несколько вулканов высотой более 5 тыс. м, на которых до сих пор лежат ледники: Изтаччиуатль, Попокатепетль и Читлалтепетль. На склонах других вулканов (некоторые из них высотой более 4 тыс. м, а большинство – выше 3,5 тыс. м) еще сохраняются следы древних ледников. К югу от современной границы с Соединенными Штатами находятся остатки крупного комплекса плейстоценовых озер, пока еще мало изученных. В центральной части, также связанной с вулканической деятельностью, есть замкнутые долины с озерами, которые были как нельзя более благоприятны для проживания первых людей. Эта вулканическая гряда продолжается к югу сложным горным комплексом, прорезанным широкими долинами и несколькими тектоническими впадинами, доходящими до перешейка Теуантепек, по которому некоторые геологи и географы проводят границу между Северной и Центральной Америкой. Начиная от границы с США, Мексика окаймлена равнинами, которые со стороны Мексиканского залива шире, чем вдоль тихоокеанского побережья, часто ог-

раниченного отвесными скалами и подверженного очень мощным тектоническим сдвигам.

На перешейке Теуантепек прерывается идущая с севера орографическая система, соприкасаясь на юге с другой системой, которая на уровне массива Чьяпас и его центральной впадины разветвляется в Центральной Америке, доходя почти без перерыва до северной оконечности системы Анд (Андских Кордильер Южной Америки) на северо-востоке Колумбии, и даже, по мнению некоторых авторов, до Панамы.

На всей территории Центральной Америки чередуются высокие плато, прибрежные равнины, горные хребты и другие топографические особенности. Следует наконец упомянуть о п-ве Юкатан, представляющем собой равнину из морских известняков, выступивших наружу в позднее время, с карстовой гидрологической системой, сильно отличающейся от остальных.

Надо также учитывать тот факт, что по мере продвижения к югу центральноамериканский перешеек сужается, его территория подвергается возрастающему воздействию двух морских масс – Карибского моря и Тихого океана, в то время как его ширина уменьшается.

Вполне логично считать, что географическое разнообразие интересующей нас территории предполагает множественность культурных моделей, связанных с необходимостью адаптации к различным экосистемам. Иными словами, по мере своего продвижения с севера на юг – а это, конечно, был чрезвычайно медленный процесс, причем количество найденных остатков свидетельствует о малочисленности населения в ту эпоху, – группы людей должны были приспосабливаться к различным экосистемам, не говоря уже об изменениях, которые происходили из-за крупных климатических перемен в процессе их миграции к югу.

Ниже мы увидим, что первое появление людей в рассматриваемом регионе датируется более чем 30 тыс. лет назад, что означает необходимость принимать во внимание большие климатические перемены, затрагивавшие те экосистемы, в которых человек пребывал некоторое время, а затем просто проходил дальше в процессе миграции. В настоящее время Мексика и Центральная Америка отличаются большим разнообразием климатических условий, что является результатом эволюции, вызывавшей на протяжении этих 30 тыс. лет существенные изменения в ландшафте региона, повлекшие за собой изменения флоры и фауны.

В сфере палеоклиматологии собрано довольно мало достоверных данных. Наиболее полное из всех имею-

щихся на сегодняшний день исследований посвящено уровню воды и движению ледников в Центральной Мексике. При этом указывается не только на вполне предсказуемые совпадения, но и на любопытные расхождения между этими двумя группами данных и, что самое главное, подчеркивается очень четкий разрыв по времени между тропическими оледенениями и оледенениями в высокогорье.

Если сейчас мы достаточно хорошо представляем себе климатические изменения внутритропических регионов благодаря тем многочисленным трудам, которые уже давно публикуются по этому вопросу, то в отношении тропической и экваториальной зоны имеющаяся информация пока скудна. Впрочем, даже она позволяет выдвинуть общие гипотезы относительно того, что высокогорному оледенению соответствовал на более южных широтах период сухости и низких температур. В конкретном случае Мексики и Центральной Америки это могло выразиться в исчезновении или резком сокращении числа торнадо – ураганов, приносящих значительную часть летних и осенних дождевых осадков.

Чтобы осмыслить последовательность и содержание наиболее ранних этапов присутствия здесь людей, необходима система периодизации, позволяющая в самом общем виде сопоставлять результаты воздействия хронологических и культурных факторов. Между тем, речь идет сейчас о Новом Свете, даже если с антропологической точки зрения он уходит корнями в Древний Мир, точнее – в Азию. Поэтому во избежание опасной путаницы нам не следует применять в данном случае классификацию, используемую для обозначения культурных этапов европейского и азиатского миров.

Существуют различные подходы к периодизации, основанные главным образом на данных, полученных при изучении доисторических остатков, обнаруженных в Северной Америке. Из всех имеющихся систем к Мексике, Центральной и Южной Америке наиболее применима система, разработанная Уилли и Филлипсом (*Willey & Phillips*, 1958). Под обозначением «каменный период» эта система охватывает все, что называется палеолитом за пределами Америки, а также то, что в нашем конкретном случае именуется «архаическим» и «формационным» периодами.

Определение «каменный период» имеет то преимущество, что оно соотносится с конкретным материалом, в данном случае с камнем, который чаще всего встречается в обнаруженных остатках, хотя, конечно, в более ранний период во многих регионах важное место в производстве изделий занимали такие сырьевые материалы, как дерево, кость и бивни.

Со своей стороны, мы разделили каменный период на некоторое число «горизонтов», исходя из эволюции изделий и способа ведения хозяйства. До определенного предела эти горизонты отражают временную последовательность, соответствующую некоторой культурной эволюции. Термин «горизонт» здесь является в определенной степени неологизмом, ранее применявшимся в Европе, где впоследствии от него отказались, поскольку он устарел либо не был принят научной общественностью. Однако именно эти этимологические термины, на деле существующие, отвечают потребностям описания остатков рассматриваемого нами региона.

Следует обратить внимание на неоднородность процессов культурной эволюции в Новом Свете; так, например, даже в XVI в. здесь все еще встречались группы охотников-собираателей, напрямую связанные с поздней мезоамериканской культурой. Выявленные четкие различия между одновременными соседними культурами объясняются, возможно, климатическими факторами, дающими или не дающими возможность заниматься земледелием, однако какими бы ни были в данном случае причины этих различий, нереально установить сугубо

последовательные стадии эволюции, не допускающие исключений.

Поэтому предлагаемая ниже периодизация охватывает широкие хронологические рамки. Тот факт, что некоторые жизненные уклады, установившиеся в данный период, могли существовать и в дальнейшем, хотя и среди меньшинства населения и в маргинальной форме, оправдывает наш подход.

Не исключено, что на такой обширной территории, где бок о бок сосуществовали очень разные экосистемы, некоторые орудия, имея общие черты, могли получить региональную специализацию. Кроме того, если в большинстве местонахождений обнаружено мало ископаемых материалов при наличии множества находок на поверхности, то имеется гораздо меньше стоянок с большим количеством артефактов. Все это крайне затрудняет выделение региональных категорий в рамках одного и того же горизонта, если не считать остатков пользования прибрежными ресурсами, с учетом, однако, того обстоятельства, что этот вид деятельности мог быть только сезонным.

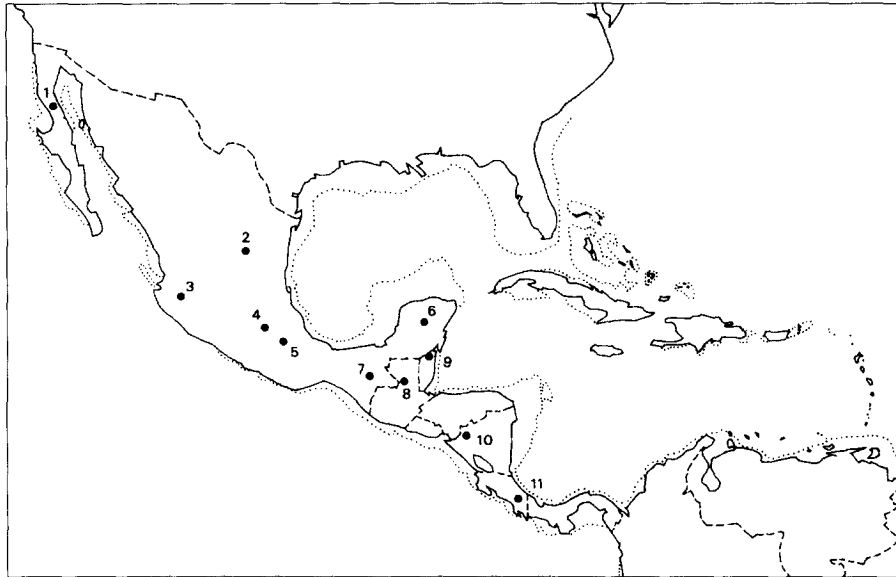
В 1947 г. Морган (*Morgan*) впервые обозначил термин «археолит» интересующий нас древнейший каменный период, который соотносится с горизонтом, датируемым возрастом от немногим более 30 тыс. лет до приблизительно 14 тыс. лет, согласно данным по этому региону, имеющимся в нашем распоряжении на настоящий день. Археолит ассоциируется с таким жизненным укладом, при котором большинство потребностей удовлетворялось собирательством различных продуктов, в то время как охота на средних и мелких животных играла вспомогательную роль.

В 1872 г. Х. Вестроп (*Hodder Westropp*) ввел в оборот неологизм «кайзолит» (*Cenolithic*) (*Daniel*, 1981) – «недавний камень». Нижняя фаза этого горизонта датируется 14–9 тыс. лет до наст. в. и характеризуется охотой, в том числе на крупных животных, наряду с собирательством. По-видимому, в этот период начиналось систематическое использование морских ресурсов, что могло быть лишь сезонной разновидностью хозяйствования. Верхний горизонт кайзолита, давностью от 9 до 7 тыс. лет, продолжив развитие предшествующего нижнего кайзолита, отмечен эволюцией, произошедшей, несомненно, из-за изменения всех климатических и биологических факторов в конце плейстоцена и начале голоцена. В этот период происходит активизация охоты на средних и мелких животных по причине почти полного исчезновения крупных животных. Имеются некоторые следы начала окультуривания ряда растений, преобладает хозяйственное использование прибрежных ресурсов, особенно в лагунах.

Горизонт «протонезолита» будет рассмотрен в гл. 57.

ПЕРИОД АРХЕОЛИТА (карта 28)

Период археолита характеризуется каменными артефактами крупных размеров, изготовленными прямой отбивкой (камнем о камень). На рабочей поверхности крупных, реже – мелких изделий видны следы двусторонней ретуши. Мелкие предметы представляют собой широкие крепкие отщепы, которые использовались в качестве боковых и концевых скребков, проколов и резцов. Встречаются также орудия с зубцами, а также довольно часто орудия с крутым сколом, типичным для клактонской техники. Отсутствуют орудия для толчения, а также метательные каменные наконечники, однако нельзя исключать предположение об использовании костяных и деревянных орудий, а также предметов из бивней (илл. 56). Встречается множество костяных предметов и орудий, изготовленных прямой отбивкой, причем некоторые из них несут следы шлифовки, возможно, в результате изношенности.

Карта 28. Мексика и Центральная Америка в эпоху археолита. Пунктиром обозначена изобата, соответствующая глубине 100 м; звездочкой (*) обозначены местонахождения с радиоуглеродной датировкой: 1 – лагуна Чапала* (штат Северная Нижняя Калифорния); 2 – Эль-Седраль* (г. Сан-Луис-Потоси); 3 – Чапала-Сакоалько (Халиско); 4 – Тлапакойя* (Мехико); 5 – Каулапан* (Пуэбла); 6 – Лолтун* (Юкатан); 7 – Теописка-Агуакатенанго* (Чьяпас); 8 – Ричмонд-Хилл (Гватемала); 9 – Рио-Ла-Пасьон (Белиз); 10 – Эль-Боске* (Никарагуа); 11 – Турриальба (Коста-Рика)

В общем плане вырисовывается крайне ограниченная типология изделий – настолько, что определить ее можно лишь крупными мазками. Видимо, мастера довольствовались изготовлением функциональных орудий, не стремясь к правильности форм: им было достаточно получить режущий или скребущий край с помощью простой ретуши. В этих предметах можно видеть неспециализированные артефакты для выполнения различных примитивных функций. Они ассоциируются со стадией собирательства в период, когда охота оставалась второстепенным видом деятельности.

Некоторые авторы считают возможным в таком контексте говорить о появлении местных производств «отщепов и нуклеусов» из Юго-Восточной Азии. Отметим в этой связи, что данный подход нереалистичен, поскольку технически не может быть отщепов без нуклеусов, как не бывает нуклеусов, из которых нельзя получить отщепы. Эта пара неразлучна, и мы встречаем ее во всех каменных производствах. Поэтому, строго говоря, дифференцированная культура «отщепов и нуклеусов» существовать не может. Мы допускаем, однако, что в некоторых культурах используется больше отщепов, в то время как в других предпочтение отдается производству артефактов из нуклеусов.

Представительные стоянки этого горизонта немногочисленны. Как правило, количество обнаруженных там артефактов невелико. Большинство из них датировано радиоуглеродным методом, а остальные предметы, менее многочисленные, отнесены к этому горизонту по типологическим признакам, хотя некоторые из них имеют более позднюю датировку. Это отнюдь не первые случаи культурного застоя или отсутствия эволюции в связи с адаптацией к определенному образу жизни.

Теперь мы приступим к описанию местонахождений, продвигаясь с севера на юг и с запада на восток, подобно тому, как в процессе письма строки заполняют одна за другой лист бумаги.

На п-ве Калифорния сохранились следы лагуны средних размеров, от которой осталось бывшее оз. Чапала, где в отдельные годы и сейчас скапливается немного воды. На террасах, соответствующих прежним колебаниям уровня воды, были найдены многочисленные ка-

менные орудия. Одна из этих террас, расположенная на 8,5 м над уровнем лагуны, имеет известняковую корку примерно 14,6-тысячелетней давности (Ritter, 1976), позволяющую предположить, что в период формирования этой корки вода находилась под данным ярусом, т.е. на уровне третьей террасы, на высоте 4,5 м. Следовательно, орудия, приуроченные ко второй террасе, датируются более ранним временем; это – крупные бифасы и отщепы, а также рубила и резцы, причем последние фактически преобладают (Arnold, 1957).

В Амапола-Ранч (Эль-Седраль, г. Сан-Луис-Потоси) найдены очаги, датируемые 30–21 тыс. лет, и дисковидный скребок в пласте приблизительно давности 33 тыс. лет. Другие костяные и каменные находки датируются 25–17 тыс. лет по возрасту пласта, в котором они были найдены (Lorenzo & Alvarez, 1979; Lorenzo & Mirambell, 1978, 1979, 1980, 1982, 1983).

Изучая материал из центрального района штата Халиско, Солорсано (Solórzano, 1976) описал 30 костяных предметов, в том числе 15 – с берегов оз. Чапала и 15 – с оз. Сакоалько. На всех есть следы обработки: их откалывали, полировали или просверливали, причем все они сильно минерализованы. Этот же автор (Solórzano, 1962) описал другие предметы и некоторые человеческие останки, подвергшиеся такой же минерализации. Человеческие останки представлены вторым нижним правым коренным зубом, принадлежавшим субъекту в возрасте не менее 50 лет, а также фрагментом правой челюстной кости с обломком второго малого коренного зуба. Оба предмета – из района оз. Чапала, они сильно минерализованы.

В Тлапакойя, близ Мехико, на плейстоценовой отмели бывшего оз. Чалько обнаружены два очага, датированные радиоуглеродным методом соответственно в 24 и 22 тыс. лет. С этими двумя очагами и третьим, недатированным очагом, прямо соотносятся скопления костных остатков, в том числе уже исчезнувших животных, три обсидиановые пластины, датированные в соответствии со степенью гидратации и радиоуглеродным анализом, а также две обработанные кости (Lorenzo, 1972; Mirambell, 1978; Lorenzo & Mirambell, 1984).

К северу от плотины Вальсекилло неподалеку от г. Пуэбла найден скребок в аллювиальном пласте ущелья Кау-

лапан, причем моллюски из этого пласта датированы возрастом в 22 тыс. лет (Szabo et al., 1969).

На высокогорных плато Чьяпас в районе Теописка-Агуакатенанго было обнаружено несколько очень примитивных каменных изделий (Lorenzo, 1977a), находка которых послужила стимулом к дальнейшему раскопкам. Изучив остатки, собранные на поверхности берегов оз. Агуакатенанго, Гевара Санчес (Guevara Sánchez, 1981) дал описание характерного производства, анализ которого был продолжен Гарсией-Барсена на основе дальнейших раскопок. Он различил два горизонта одного и того же производства с немногочисленными вариантами, причем в наиболее раннем периоде оно ассоциируется с плейстоценовой фауной – мамонтом и ископаемой лошадью (García-Barcelona, 1982).

На п-ве Юкатан в месте, называемом Гуэчил, раскопки, проведенные в пещерном комплексе Лолтун, позволили обнаружить представителей плейстоценовой фауны, в том числе *Equus conversidens* и *Bison bison*, связанных со следами многих человеческих поселений и кремневого производства. Под этой залежью расположен пласт вулканического пепла из вулкана Розо, находящегося на о. Доминика, датируемый примерно 30 тыс. лет. В остатках человеческих поселений до сих пор не удалось найти датируемые предметы (личное сообщение руководителя раскопок Н. Гонсалеса Креспо).

Производство Теописка-Агуакатенанго, видимо, распространялось на Белиз, поскольку Палстон (Puleston, 1975) на стоянке Ричмонд-Хилл обнаружил ретушированные отщепы, скребла и орудия с зубцами, все малого размера, схожие с орудиями из Теописка-Агуакатенанго. При этом он не нашел метательных наконечников. На севере Белиза Макнейш (MacNeish et al., 1980) также обнаружил аналогичное производство в числе других, более поздних производств.

Независимо от того, какую информацию мы извлечем из непосредственной датировки, если таковая окажется когда-либо возможной, можно сказать, что речь идет о таком производстве, типологические характеристики которого дают основание хотя бы гипотетически соотносить его с археолитом. Используемый критерий может показаться упрощенным, однако полученные данные вполне системны и последовательны, и никаких других критериев пока нет, впрямь до получения более богатой и достоверной информации. По нашему мнению, некоторые из этих каменных традиций могли существовать довольно долго.

Оставим теперь Мексику и перейдем к Центральной Америке. Там встречается весьма мало остатков, которые можно отнести к археолитическому горизонту. Некоторые из них сомнительны, как, например, найденные в Рио-ла-Пасьон (Петен, Гватемала) остатки ископаемых верблюдов, мастодонтов, мегатериев и глиптодонтов, а также несколько каменных отщепов (Shook, 1961). На одной из костей есть три V-образных надреза, сделанных твердым режущим предметом, каким мог быть край пластины.

В Эль-Боске (Никарагуа) было найдено небольшое скопление остатков плейстоценовой фауны, бесспорно южноамериканского характера, а также несколько каменных предметов (эолиты). Анализ костей позволил получить даты от ранее чем 32 до 23 тыс. лет (Espinoza, 1976).

Возможно, что какая-то часть каменных отложений, обнаруженных Снаркисом (Snarkis, 1979) в Турриальба (Коста-Рика), принадлежит к археолиту, но материалов для подобного вывода пока недостаточно.

Учитывая малочисленность предметов и важность их датировки, которая должна подкрепить теорию очень давнего присутствия человека в рассматриваемом регионе, мы предусмотрели определенный подход к анализу

археолитических местонахождений, отдавая себе отчет в невозможности применить этот же подход к другим горизонтам, все более многочисленным и сложным по культурному содержанию по мере того, как мы спускаемся вниз по лестнице времен.

НИЖНИЙ КАЙЗОЛИТ (карта 29)

Определение переходных фаз каменного периода всегда сложно, и гораздо легче давать характеристику горизонтам по данным кульминационного момента их развития. Тем не менее переход от археолита к нижнему кайзолиту не представляет никакой трудности, потому что тогда произошла полная перемена без какой бы то ни было эволюционной линии, идущей от одного горизонта к другому. Этот переход, видимо, состоялся как резкий разрыв, как коренное изменение.

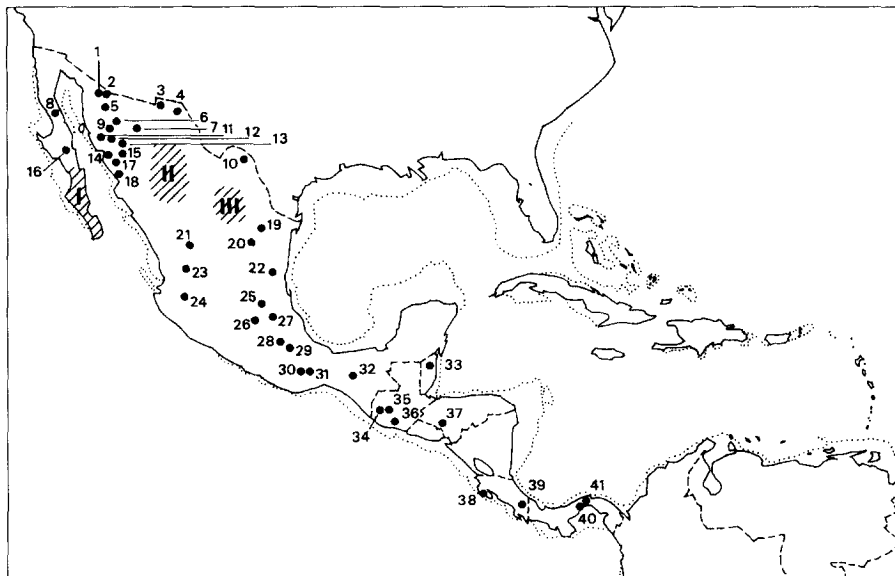
Гипотетически из этого можно было бы заключить, что речь теперь идет о различных популяциях, об одной или нескольких группах людей иного культурного происхождения, чем те, о которых мы говорили до сих пор. Эту идею нельзя отвергнуть, поскольку вслед за возможностью преодолеть Берингов пролив от 64 до 45 тыс. лет тому назад, между 35–10 тыс. лет также были такие периоды. Представители археолита могли достигнуть Америки в первый период и без очень больших трудностей направиться к югу, в то время как представители нижнего кайзолита могли добраться до Американского континента и двинуться на юг в следующий период.

Какой бы ни была причина происшедшей перемены и независимо от интереса, который вызывает предшествующая гипотеза, конкретно мы имеем дело с новым укладом жизни, который характеризуется гораздо более тщательно сделанными орудиями, чем в предшествующем горизонте. Эта эпоха, начало которой определяется в 14 тыс. лет, а конец – в 9 тыс. лет тому назад, квалифицируется также на основе имеющихся данных как «период охотников мегафауны»: в этом обозначении учтены те характеристики, которые получили наиболее полное археологическое подтверждение. И все же, если иметь в виду эффективность метательных снарядов и самих средств метания, которые были тогда в распоряжении людей, то представляется, что им не так уж часто удавалось забить мамонта или мастодонта. Это могло произойти лишь на основе коллективных действий, когда животное загонялось в болото или овраг, где оно становилось безопасным, и прикончить его было легко. Учитывая все это, мы не можем возвести такой тип охоты в ранг базовой культурной модели.

Период нижнего кайзолита характеризуется медленным улучшением климата, вызывающим постепенное отступление ледников. Его кульминация наступает в конце плейстоцена и в начале голоцена, т.е. в фазе, отмеченной рядом изменений флоры и фауны и соответственной адаптацией человека к новым формам хозяйствования и к возникновению новых укладов жизни.

Одними из основных артефактов, определяющих нижний кайзолит, являются выемчатые наконечники. Самый древний из них – наконечник клоvisa, за которым следуют наконечник фолсома и «рыбьи хвосты» (илл. 57).

К тем же горизонтам относятся менее дифференцированные метательные снаряды, имеющие на пяте угловые выемки, иногда образующие черешки. Некоторые из них имеют выемки только на одной стороне, чем напоминают солиотрейские наконечники. Встречаются также наконечники-бифасы и листовидные наконечники – эти простейшие формы наконечников могли получаться во многих вариантах с помощью легкого ретуширования.

Карта 29. Мексика и Центральная Америка в период нижнего кайзолита. Пунктиром обозначена изобата, соответствующая глубине 100 м; звездочкой (*) обозначены местонахождения, датированные радиоуглеродным методом: I – культура Лас-Пальмас (штат Южная Нижняя Калифорния); II – комплекс Касадор (штат Чиуауа); III – комплекс Сиснегас (Коауила): 1 – Эль-Пломбо (Сонора); 2 – Сасабе (Сонора); 3 – Ранчо-Колорадо (Чиуауа); 4 – Самалайкан (Чиуауа); 5 – Ла-Пайя (Сонора); 6 – Эль-Байо (Сонора); 7 – Хуасабас (Сонора); 8 – оз. Чапала (Северная Нижняя Калифорния); 9 – Посо-Вальдес (Сонора); 10 – Ла-Чупарроса (Коауила); 11 – Лос-Ханос (Сонора); 12 – Серро-Исабель (Сонора); 13 – Ранчо-Примас-Аигаме (Сонора); 14 – Тастиота (Сонора); 15 – Лас-Пенитас (Сонора); 16 – Сан-Хоакин (Южная Нижняя Калифорния); 17 – Серро-Прието (Сонора); 18 – Серро-Гуаимас (Сонора); 19 – Пунгита-Негра (Сонора); 20 – Ла-Кальсада (Нуево-Леон); 21 – Ситио-Вейкер (Дуранго); 22 – Куева-дель-Дьябло* (Тамаулипас); 23 – Сан-Себастьян-Тепонауастлан (Халиско); 24 – Сакоалько-и-Сан-Маркос (Халиско); 25 – Теколоте (Идальго); 26 – Сан-Бартоло-Атепеуакан* (Федеральный округ); 27 – Сан-Хуан-Чаусинго* (Тласкала); 28 – Эль-Риго* (Пуэбла); 29 – Кокскатлан* (Пуэбла); 30 – Куева Бланка* (Оахака); 31 – Гуила-Накуите (Оахака); 32 – Лос-Грифос* (Чьяпас); 33 – Санд-Хилл и Ледивиль (Белиз); 34 – Лос-Тапиалес, Пьедра-дель-Койот (Гватемала); 35 – Кунче (Гватемала); 36 – Сан-Рафаэль (Гватемала); 37 – Эсперанса (Гондурас); 38 – Лас-Хуакас (Коста-Рика); 39 – Турриальба (Коста-Рика); 40 – Бальбоа (Панама); 41 – оз. Мадден (Панама)

Следует отметить, что в Северной Америке найдено множество стоянок нижнего кайзолита, сравнительно богатых древним материалом. Каменное производство представлено в них скребками, пластинами, ретушированными отщепами, ножами, резцами и комбинированными орудиями, а также классическими выемчатыми и другими наконечниками. К ним добавляются костяные проколки и скребла, а также костяные наконечники и наконечники из бивня с рукояткой из того же материала. Перечисленный инвентарь очень похож на изделия ориньяка периода европейского верхнего палеолита, однако это несколько не означает, что между обеими культурами было какое-то подобие связей или контактов. Найдены человеческие захоронения, подкрашенные красной охрой.

В Мексике и Центральной Америке данный горизонт представлен в большинстве случаев находками на поверхности, которые относят к нижнему кайзолиту только по выемчатым наконечникам, так как другие отличительные признаки недостаточно определены.

В связи с этим следует напомнить, что наконечники культуры кловис из Северной Америки, датированные 11,5–10,8 тыс. лет тому назад, Гарсиа-Барсена (*García-Bárceña*, 1979, 1982) подверг детальному анализу и пришел к выводу о наличии двух фундаментальных типов наконечников – типичного кловиса и кловиса с вогнутыми краями, причем существует и пятиугольный вариант первого типа. Типичный кловис сосредоточен в центральной и западной частях Соединенных Штатов и далее распространяется до Коста-Рики (стоянка Турриальба) через высокогорные плато запада Мексики и Центральной Америки, причем наиболее высокая концентрация этих орудий отмечена на северо-западе Мексики (штаты Северная Нижняя Калифорния и Сонора).

Пятиугольный кловис из юго-западной части США распространялся дальше по тому же направлению, что и типичный кловис, за исключением того, что он выходит за пределы западной части Центральной Мексики.

Наконечники с вогнутыми краями распространены от западной части Центральной Мексики до Гватемалы.

Наконечники типа «рыбий хвост» – это наконечники с черешком, получаемым выемочной поперечной ретушью нижней трети пластины, но не у ее основания, которое само имеет слегка вогнутую форму с несколькими выемками с одной или с обеих сторон. Было время, когда эти наконечники рассматривались как вариант кловиса, однако сегодня известно, что они происходят из Южной Америки, возможно, из бассейна р. Парана. В пользу этой версии говорит обилие таких наконечников в данном районе (*Schobinger*, 1973): они распространились, должно быть, вплоть до Патагонии, где были определены датировки того же возраста, что и у наконечников кловиса из Северной Америки, т.е. примерно 11 тыс. лет, а затем, примерно 9 тыс. лет. назад, достигли Мексики (пещера Лос-Грифос, штат Чьяпас). Один из этих наконечников был датирован тем же временем, что и наконечник фолсома в штате Нью-Мексико (США) (личное сообщение д-ра Д. Станфорда).

Другой характерный выемчатый наконечник – фолсом – обычно меньше кловиса, более плоский и имеет иногда небольшой выступ над выемкой у пяты, по ее оси. Этот вариант датирован 11–9,8 тыс. лет, и он распространился в небольшом объеме до севера Мексики.

Найденные в Мексике типичные кловисы происходят со стоянок Сан-Хоакин (штат Южная Нижняя Калифорния), Серро-Гуаимас, Посо-Вальдес, Лас-Пенитас, Сан-Хосе-де-Пимас, Серро-де-Исабель, Эль-Алигаме и Серро-Прието (все – штат Сонора), Сан-Хуан Чаусинго, Тласкала, Ледивиль (на самом восточном побережье Белиза), Лос-Тапиалес и Сакапулас (Гватемала) и Турриальба (Коста-Рика).

Пятиугольный вариант типичного кловиса встречался на стоянках Тастиюта-Лос-Ханос, Эль-Байо и Хуасабас (Сонора), а также Сан-Себастьян-Тепонаустан и Сан-Маркос (штат Халиско).

Наконечники кловиса с вогнутыми краями представлены в Ситио-Вейкер (штат Дуранго), распространившись далее через Лос-Грифос (Чьяпас) до Сан-Рафаэль и Санта-Роза-Чухуб (Гватемала), Лас-Хуакас и Турриальба в Коста-Рике и оз. Мадден в Панаме.

Что касается наконечников в форме рыбьего хвоста, то они следуют обратному порядку в том смысле, что их предполагаемой родиной считается Южная Америка и что они распространялись с юга на север. Они были обнаружены в оз. Мадден и в Бальбоа (Панама), Турриальба (Коста-Рика), Эсперанса (Гондурас), Санд-Хилл и Леди-вилль (Белиз) и Лос-Грифос (Чьяпас), не говоря уже об упомянутых выше наконечниках, найденных еще раньше в Нью-Мексико (США).

Далее хронологически следуют наконечники фолсома, причем в большинстве случаев они перекрещиваются с эпохой наконечников кловиса, в то время как за пределами Северной Америки их найдено очень мало, да и те, что были обнаружены, несколько сомнительны, в то время как их присутствие очевидно и почти монополюсно на крайнем севере Мексики, в отложениях Ла-Мота-Самалайукан (Чиуауа), а самыми южными пунктами их распространения являются Ла-Чупарроса (Коауила) и Пунтита-Негра (Нуево-Леон).

Выемчатые наконечники, насколько нам известно, имеют достаточно определенную схему распространения: их находят на высокогорных плато. Это может объясняться успешной адаптацией популяций к определенным экосистемам, в ходе которой эта техника распространялась в направлении север-юг. У «рыбьих хвостов» своя собственная независимая эволюция, поскольку, как мы видели, они следовали с юга на север.

Имеются и другие стоянки этого же горизонта, но без обтекаемых наконечников. Их можно идентифицировать посредством датировки стратиграфического расположения ряда материалов и по соотносимости с плейстоценовой фауной. Речь идет об оз. Чапала (Северная Нижняя Калифорния), о культуре Лас-Пальмас (Южная Нижняя Калифорния), о комплексе Касадор (Чиуауа), о комплексах Сиенегас и Коауила (штат Коауила), Ла-Калсада (Нуево-Леон), о пещере Дель-Дьябло и о первой фазе прибрежного комплекса (Тамаулипас), пещере Эль-Теколоте (Идальго), о Сан-Бартоло Атепеуакан (Федеральный округ), Эль-Риго и Кокскатлан (Пуэбла), о пещерах Бланка и Гуила-Накуитс (Оахака), Пьедра-дель-Койот (Гватемала).

Некоторые из этих стоянок в засушливых зонах имеют множество остатков органического происхождения: фрагменты древесных пород и растительных волокон, кожа, сети, сандалии, мешки, сита, плетеные и другие изделия или просто деревянные предметы малых размеров из ветвей деревьев и кустарников. Встречаются также каменные изделия: скребки, резцы, орудия с зубцами, ретушированные отщепы, ножи двусторонней обработки. Впрочем, малочисленность таких стоянок не позволяет систематизировать зоны расположения этих культур и комплексов.

Нет сомнения, что переход от раннего к позднему кайзолиту произошел эволюционно, без разрыва. Когда будут найдены более продуктивные стоянки, четко определится некий горизонт, в котором во всевозрастающем количестве будут выявляться существенные материалы раннего кайзолита, сопоставимые с материалами позднего кайзолита.

Верхний кайзолит уже вводит нас в голоцен, хотя, по-видимому, между ними был в регионе низких пирот длительный переходный период, а перемена как таковая произошла примерно 7 тыс. лет назад.

ПОЗДНИЙ КАЙЗОЛИТ (карта 30)

Совершенно очевидно, что дифференциация художественных изображений и изделий в период позднего кайзолита, явно продолжающая развитие предшествующего горизонта, объясняется улучшением климата при переходе от плейстоцена к голоцену, оказавшим существенное воздействие на флору и фауну. В процессе этой эволюции человеку пришлось менять приемы и технику добычи продовольствия и особенно методы его переработки и использования. Тенденция к развитию хозяйства, основанного в большей степени на охоте, чем на собирательстве, которая проявилась в период раннего кайзолита, теперь, вероятно, меняется на более интенсивную эксплуатацию растительных ресурсов. Впрочем, это, возможно, связано просто с тем, что единственные для нас свидетели таких гипотетических перемен – это остатки растительных культур, в которых сохранилось больше органических веществ, чем в предшествующих горизонтах, поскольку они относятся к менее отдаленной эпохе.

Позднему кайзолиту свойственно большое разнообразие каменных орудий, изготовленных прямой оббивкой и отжимом, т.е. методами, которые, возможно, существовали с конца нижнего кайзолита. Заметна определенная забота об отделке и форме артефактов, отмечается также наличие множества метательных наконечников с черешком и выступами, что придает вероятности предположению об использовании лука и стрел (илл. 58). Отмечается также появление орудий для размолва и толчения – ступ и плоских жерновов, причем на некоторых орудиях уже имеются следы шлифовки камня. Факт технологической сложности рассматриваемого периода неоспорим и подтверждается множественностью типов орудий. Возможно, что именно в эту эпоху стали формироваться основы этнической дифференциации.

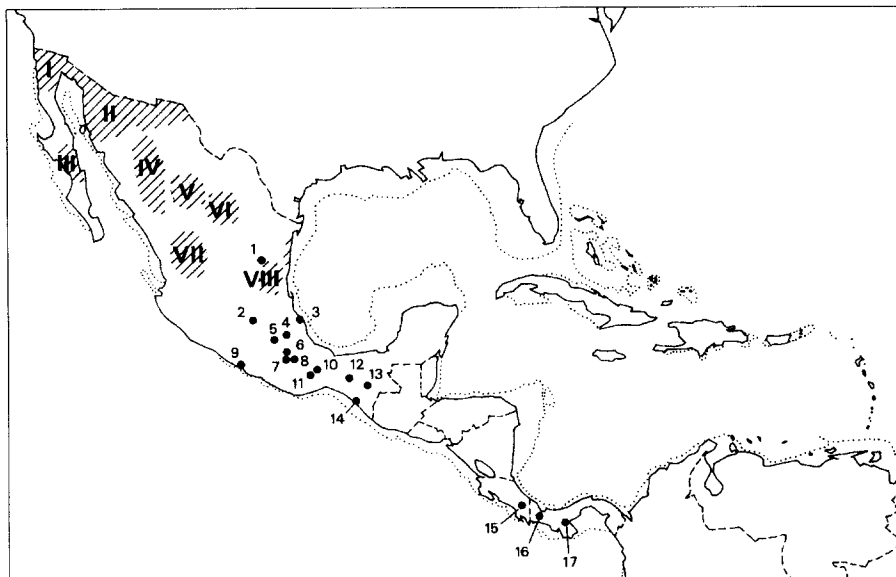
Данный период начинается с исчезновения плейстоценовой фауны, что, бесспорно, компенсируется собирательством в виде добывания улиток, пресмыкающихся, земноводных и других животных с помощью простой дубины или заостренной палки. Делаются первые шаги по окультуриванию растений: бутылочной тыквы, перца, амаранта, маиса, возможно, фасоли (см. гл. 57). Впрочем, наличие орудий для толчения не обязательно означает, что они использовались только для приготовления пищи из культурных растений, поскольку у них могли быть и другие функции.

Точно датировать переход от одного горизонта к другому трудно, потому что многие элементы предшествующей стадии остаются во вновь наступившей, но в общем можно определить начало данного горизонта приблизительно в 9 тыс., а конец – примерно в 7 тыс. лет тому назад.

Судя по числу стоянок, имеющих артефакты, характерные для этого горизонта, можно предположить либо существенный демографический рост, либо возможность более легкой идентификации скоплений остатков, что не противоречит первому предположению.

При таком изобилии материала мы упоминаем в тексте лишь несколько стоянок, а полностью все известные местонахождения нанесены нами на карту. Перечисленные выше комплексы и культуры отнюдь не имеют четких границ, что вполне понятно, поскольку регионы не имели между собой надежной связи, а их население было немногочисленным. Все это затрудняет поиски и делает их очень дорогостоящими.

Во время позднего кайзолита на севере Мексики были те же археологические культуры, что и на юге и юго-востоке Соединенных Штатов, так как север Мексики принадлежал к той же экосистеме. Этот регион остается засушливым или полусушливым на протяжении уже нескольких тысячелетий, и поэтому там часто обнаруживают, особен-

Карта 30. Мексика и Центральная Америка в период верхнего кайозолита. Пунктиром обозначена изобата, соответствующая глубине 100 м; звездочкой (*) обозначены местонахождения, датированные радиоуглеродным методом: 1 – комплекс Сан-Диегито* (Северная Нижняя Калифорния); II – комплекс Кочисе* (Северная Нижняя Калифорния, Сонора и север Чиуауа); III – культура Комоду* (Южная Нижняя Калифорния); IV – период Форраджеро* (Чиуауа); V – культура Лас-Ниевас (Чиуауа и Коауила); VI – комплексы Хора и Майран* (Коауила); VII – культуры Караколес и Лас-Чивас* (Дуранго и Сакатекас); VIII – комплексы Ногалес, Окампо и Ла-Перра* (Тамаулипас); 1 – Сан-Исидро* (Нуево-Леон); 2 – Сан-Николас (Керетаро); 3 – центр штата Веракрус*; 4 – Теколоте (Идальдо); 5 – Санта-Исабель-Истапан I и II (штат Мехико); 6 – Эль-Риего* (Пуэбла); 7 – Абехас* (Пуэбла); 8 – Кокскатлан (Пуэбла); 9 – Текпан* (Герреро); 10 – Гуила-Накуитс* (Оахака); 11 – Куева-Бланка* (Оахака); 12 – Лос-Грифос и Санта-Марта* (Чьяпас); 13 – Агуакатенанго* (Чьяпас); 14 – Чантуту* (Чьяпас); 15 – Турриальба (Коста-Рика); 16 – Чирикви* (Панама); 17 – Серро-Моготе* (Панама)

но в пещерах, остатки органических веществ, благодаря чему мы имеем больше информации о материальной культуре тех групп людей, которые в большинстве своем оставались на одной и той же ступени развития в зависимости от региона до XVI, XVII или XVIII в., т.е. до контактов с испанцами.

Таким образом, следуя с севера на юг и с запада на восток, мы встречаем сначала комплекс Сан-Диегито в фазе II (в Северной Нижней Калифорнии), который на юге контактирует с культурой комоду в Южной Нижней Калифорнии. К востоку, в направлении Соноры, простирается комплекс Кочисе, имеющий местное название «комплекс Перальта». Еще дальше на восток, в штате Чиуауа, мы знакомимся с культурой периода форраджеро, являющейся эпизодом в развитии собирателей растений. Далее к юго-востоку от Дуранго и вплоть до Коауила находится культура лас-ниевас, использующая ресурсы рыболовства. В северной части штата Чиуауа нам открывается культура лас-чивас, производная от одноименной североамериканской культуры.

Фактически во всем этом регионе имеются производные или местные варианты того, что на юго-западе Соединенных Штатов называют культурой кочисе, а также «культурами пустыни», что звучит довольно забавно, поскольку в эпоху развития этих культур данный регион был значительно менее пустынным, чем в наше время.

В штате Коауила, к востоку от зоны, о которой мы сейчас говорили, находятся поздние культурные комплексы Хора и Майран, а в штате Тамаулипас – комплексы Ногалес, Окампо и Ла-Перра, а также один их прибрежный вариант.

К этому же горизонту можно отнести стоянку Сан-Исидро в штате Нуево-Леон. Далее к югу следует большое пустое пространство – до пещеры Сан-Николас (Керетаро). В Федеральном округе есть две стоянки – Санта-Исабель Истапан I и II, которые мы относим к этому горизонту, несмотря на присутствие мамонтов.

В штате Идальго уместно упомянуть пещеру Эль-Теколоте, а в центре штата Веракрус – прибрежную стоянку, которая дала ряд предметов, похожих, но не идентичных предметам, найденным в ракушечном скоплении текпан на побережье штата Герреро.

На стоянках Текскал, Кокскатлан, Абехас и Эль-Риего в штате Пуэбла получен богатый материал, как и в пещерах Гуила-Накуитс и Бланка в штате Оахака.

Два различных типа природных условий характеризуют штат Чьяпас – высокогорные плато с поздней фазой культур лос-грифос, санта-марта и агуакатенанго и побережья, сгруппированные вокруг ракушечного скопления чантуту. Вполне вероятно, что использование прибрежных ресурсов и продуктов из соленых лагун было лишь сезонным для обитателей внутренних территорий.

Все стоянки, о которых мы сейчас говорили, расположены в Мексике. Если двигаться далее на юг и юго-запад до Центральной Америки, то следующими стоянками будут Пьедра-дель-Койот в Гватемале, Эсперанса в Гондурасе и крупная стоянка Турриальба в Коста-Рике с некоторым количеством материальных остатков. Затем – в Панаме – снова появляются два различных аспекта культур: внутренний, относящийся к высокогорной долине р. Чирики, и прибрежный – в Серро-Манготе и Монагрилло.

Таким образом, мы рассмотрели картину присутствия человека на протяжении 30 тысячелетий в регионе, который в наши дни охватывает Мексику, Белиз, Гватемалу, Гондурас, Сальвадор, Никарагуа, Коста-Рику и Панаму.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ALVÁREZ, T.; CASAMIQUELA, R.; POLACO, O. 1977. Informe de la 1er temporada de excavaciones realizadas en El Cedral, SLP. México, DF, INAH.
- ARNOLD, B. A. 1957. Late Pleistocene and Recent Changes in Land Form, Climate and Archaeology in Central Baja California. Univ. Calif. Pub. Geogr. (Berkeley), Vol. 10, No. 4, pp. 201–318.

- BANERJEE, U. C.; BARGHOORN, E. S. 1972. Fine Structure of Pollen Grain Ektextine of Maize, Teosinte and *Tripsacum*. In: Thirtieth Annual Proceedings of the Electro-Microscopy Society of America. Los Angeles, pp. 226–7.
- BARGHOORN, E. S.; WOLFE, M. K.; CLISBY, K. H. 1954. Fossil Maize from the Valley of Mexico. *Bot. Mus. Leafl., Harv. Univ. (Cambridge, Mass.)*, Vol. 16, pp. 229–40.
- BEADLE, G. W. 1977. The Origin of *Zea mays*. In: REED, C. A. (ed.), *Origins of Agriculture*. The Hague, pp. 615–35.
- 1980. The Ancestry of Corn. *Sci. Am.*, Vol. 242, pp. 96–103.
- DANIEL, G. E. 1981. *A Short History of Archaeology*. London.
- ESPINOSA ESTRADA, J. 1976. Excavaciones arqueológicas en 'El Bosque'. Managua.
- GALINAT, W. C. 1975. The Evolutionary Emergence of Maize. *Bull. Torrey Bot. Club*, Vol. 102, No. 5, pp. 313–24.
- 1977. The Origin of Corn. In: SPRAGUE, F. (ed.), *Corn and Corn Improvement*. Madison, pp. 1–47.
- GARCÍA-BÁRCENA, J. 1979. Una Punta Acanalada de la Cueva Los Grifos, Ocozocoautla, Chiapas. Mexico, DF, INAH.
- 1982. El Preclerámico de Aguacatenango, Chiapas, México. Mexico.
- GUEVARA SÁNCHEZ, A. 1981. Los Talleres líticos de Aguatenango, Chiapas. Mexico.
- LORENZO, J. L. 1972. Problèmes du peuplement de l'Amérique à la lumière des découvertes de Tlapacoya. In: UNESCO. *Proceedings of the Colloquium on the Homo sapiens Origins*. Paris, pp. 261–4.
- 1977a. Un conjunto lítico de Teopisca, Chiapas. Mexico, DF, INAH.
- 1977b. Agroecosistemas prehistóricos. In: HERNÁNDEZ XOCOLOTZI, E. (ed.), *Agrocistemas de México: contribuciones a la enseñanza, investigación y divulgación agrícola*. Chapingo, Collegio de Postgraduados.
- 1986. Conclusiones. In: LORENZO, J. L.; MIRAMBELL, L. (eds), *Treintaicinco mil años del Lago de Chalco*. Mexico, DF, INAH. pp. 225–87.
- LORENZO, J. L.; ALVAREZ, T. 1979. Presencia del Hombre en México hace más de 30,000 años. *Cienc. Desarrollo. Mexico*, Vol. 26, pp. 114–15.
- LORENZO, J. L.; MIRAMBELL, L. 1978. Informe de 2a. temporada de excavaciones realizadas en El Cedral, San Luis Potosí. Mexico.
- 1979. Informe de la 3a. temporada de excavaciones realizadas en El Cedral, San Luis Potosí. Mexico.
- 1980. Informe de la 4a. temporada de excavaciones realizadas en El Cedral, San Luis Potosí. Mexico.
- 1982. Informe de la 5a. temporada de excavaciones realizadas en El Cedral, San Luis Potosí. Mexico.
- 1983. Informe de la 6a. temporada de excavaciones realizadas en El Cedral, San Luis Potosí. Mexico.
- 1984. Informe de la 7a. temporada de excavaciones realizadas en El Cedral, San Luis Potosí. Mexico.
- MACNEISH, R. S. (ed.) 1972. *The Prehistory of the Tehuacan Valley*. 4. *Chronology and Irrigation*. Austin.
- MACNEISH, R. S.; WILKERSON, S. J.; NELKEN, A. 1980. First Annual Report on the Belize Archaeological Reconnaissance. Andover.
- MIRAMBELL, L. 1978. Tlapacoya: A Late Pleistocene Site in Central Mexico. In: BRYAN, A. L. (ed.), *Early Man in America from a Circum-Pacific Perspective*. Edmonton. pp. 221–30.
- MORGAN, J. DE. 1947. *La humanidad prehistórica*. Barcelona. (Trad. 2nd French edn.)
- OBERMAIER, H. 1925. *El hombre fósil*. 2nd edn. Madrid.
- PICKERSGILL, B. 1977. Taxonomy and the Origin and Evolution of Cultivated Plants in the New World. *Nature (London)*, Vol. 268, No. 5621, pp. 591–5.
- PULESTON, D. E. 1975. Richmond Hill, a Probable Early Man Site in the Maya Lowlands. In: *Acts XLI Congr. Intern. Americas. Mexico, DF*. Vol. 1, pp. 522–33.
- RITTER, E. W. 1976. The Antiquity of Man in the Laguna Seca Chapala Basin of Baja California. *Pacific Coast Archaeol. Soc. Quart.*, Vol. 12, No. 1, pp. 39–46.
- SCHOBINGER, J. 1973. Nuevos hallazgos de puntas 'Cola de Pescado' y consideraciones en torno al origen y dispersión de la cultura de los cazadores superiores toldense (Fell II) en Sudamérica. In: *Atti XL Congr. Intern. Americ. Rome*. Vol. 1, pp. 33–50.
- SHOOK, E. M. 1961. The Present Status of Research in the Preclassic Horizons of Guatemala. In: TAX, S. (ed.), *The Civilizations of Ancient America*. Chicago, pp. 93–100. (Selected papers XXIX Int. Congr. Americanists.)
- SNARKIS, M. J. 1979. Turrialba: A Paleoindian Quarry and Workshop Site in Eastern Costa Rica. *Amer. Antiq.*, Vol. 44, No. 1, pp. 125–38.
- SOLÓRZANO, F. A. 1962. Reporte preliminar sobre el estudio de artefactos y huesos humanos fosilizados procedentes de la zona de Chapala. Guadalajara.
- 1976. Artefactos prehistóricos de huseco del Occidente de México. Guadalajara.
- SZABO, B. J.; MALDE, H.; IRWIN-WILLIAMS, C. 1969. Dilemma Posed by Uranium Series Dates of Archaeological Significant Bones from Valsequillo, Puebla, Mexico. *Earth and Planetary Science Letters*, Amsterdam, Vol. 6, pp. 237–44.
- WEST, R. C. 1964. The Natural Regions of Middle America. In: WAUCHOPE, R. (ed.), *Handbook of Middle American Indians*. Vol. 1, pp. 363–83.
- WILKES, M. G. 1967. *Teosinte: The Closest Relative to Maize*. Cambridge.
- WILLEY, G. R.; PHILLIPS, P. 1958. *Methods and Theory in American Archaeology*. Chicago.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА, КАРИБСКИЙ БАССЕЙН, СЕВЕРНАЯ ЧАСТЬ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ И АМАЗОНИЯ:

образ жизни древнейших охотников

Марио Саноха Обедьенте

Человек достиг субконтинента Южной Америки наземным путем, через центральноамериканский перешеек. Первые популяции охотников, вероятнее всего прибывшие из Северной Америки, проникли в Южную Америку, пройдя через территорию современной Республики Колумбия. Оттуда их часть направилась к югу вдоль Анд и северо-западного побережья Южной Америки до Патагонии, а другая часть – к северо-восточным регионам Южной Америки (*Lynch*, 1978, pp. 466–467).

Как правило, материалы, оставленные этими первыми обитателями, свидетельствуют о большом разнообразии артефактов, инструментов, технологических способов и жизненных укладов, что дает основание считать, что здесь не было культурно однородного населения. Действительно, имеются следы как технологических традиций, унаследованных от Азии и от Северной Америки, так и свидетельства культурного прогресса, технологических традиций и форм деятельности, возникших уже на месте в процессе адаптации к различным географическим и климатическим условиям, характерным для Центральной Америки и северной части Южной Америки тех времен.

Сформировавшиеся таким образом формы деятельности определили специфический процесс эволюции к все более сложным системам жизнеобеспечения, что завершилось возникновением стабильных общин с хозяйством, основанным на земледелии и изготовлении гончарных изделий.

ФИЗИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРВЫХ ОБИТАТЕЛЕЙ

Немногим более века тому назад Питер У. Лунд (*Peter W. Lund*) из штата Минас-Жерайс (Бразилия) обратил в своих трудах внимание на остатки человека, найденные в пещерах Соумидоуро (район Лагоа-Санта), с предположительным возрастом не менее 10 тыс. лет (*Hurt & Blazi*, 1969). В ту пору Лунд утверждал, что эти остатки соотносятся с определенной ископаемой фауной.

Сегодня мы не в состоянии судить об этом, так как Лунд пренебрег выяснением стратиграфических данных. Более поздние раскопки установили наличие горизонта исчезнувшей четвертичной фауны в нескольких пещерах этого региона, при этом данный горизонт приурочен к крайне примитивному производству кварцевых отщепов. Антропометрический анализ черепов из Лагоа-Санта дает высотно-продольный указатель 74,56, что соответствует категории долихокефалов* (*Steward & Newman*, 1950). Эти же авторы признали также долихокефальность нескольких черепов, найденных на Огненной Земле, в Аргентине, Эквадоре, Гвиане и Парагвае.

К этим находкам добавляются данные, полученные Корреалом и Ван дер Хамменом (*Correal & Van der Hammen*, 1977) и Корреалом (1979) в раскопах жилых стоянок групп охотников-собирателей в Колумбии. В скальных укрытиях Текуендама эти авторы обнаружили в четком культурном скоплении ряд захоронений со скелетами, почти все черепа которых имеют высотно-продольный указатель менее 74,9, что означает их принадлежность к категории долихокефалов. Самые древние из этих скелетов датируются возрастом 8 тыс. лет, что соответствует возрасту долихокефального черепа, найденного Корреалом (*Correal*, 1979, p. 240) в пещере Суева, который относится к X тысячелетию до н.э. Каменное производство, обнаруженное в этих убежищах, крайне примитивно: речь идет главным образом об орудиях из отщепов, хотя есть и костяные изделия.

Эти совпадения достойны внимания, поскольку они могут служить признаком присутствия здесь группы ранних охотничьих популяций, имеющих ряд идентичных антропологических характеристик и пользовавшихся в большинстве случаев одинаковой крайне примитивной техникой обработки камня.

* От «долихокефалия» (греч.) – «длинноголовость», соотношение длины и ширины головы, при котором ширина составляет менее 0,75 длины (БЭКМ. – *Прим. ред.*).

КУЛЬТУРНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Культурные свидетельства древности присутствия человека в рассматриваемой зоне ставят в целом те же проблемы, которые возникают при анализе остатков древнейших охотничьих популяций Северной Америки. Из обсуждений этой проблемы можно выделить гипотезу относительно горизонта недифференцированного каменного инвентаря, названного Кригером (*Krieger*, 1962, pp. 130–143) «горизонтом дометательных наконечников», который должен был предшествовать периоду производства пластиночных бифасов, обычно приурочиваемых к охоте на крупную дичь.

Не обсуждая хронологические аспекты проблемы, можно допустить, что человеческие группы с недифференцированными видами деятельности и техническими традициями действительно сосуществовали с группами, овладевшими специализированным производством инвентаря, более конкретно приспособленного к той или иной системе жизнеобеспечения охотников-собирателей. В любом случае отсутствие каменных метательных наконечников еще не позволяет сделать вывод об отсутствии предметов аналогичного назначения, сделанных из других материалов. Ниже мы увидим, что в Колумбии также существуют стоянки, характерные для традиции недифференцированных производств, однако при этом их население в хронологически сравнимые периоды практиковало охоту на животных плейстоценовой мегафауны (*Correal*, 1981).

Из изложенного следует, что в интересующем нас регионе могли сосуществовать две крупные технологические традиции: первая характеризуется производством инвентаря широкого профиля, примитивного по своей фактуре и не имеющего каменных метательных наконечников, однако с вероятностью параллельного изготовления специализированных изделий из органического сырья (кость, дерево и т.д.), а вторая характеризуется каменным производством пластиночных бифасов и метательных наконечников. Фактически эти традиции соответствуют различной хозяйственной практике, основанной на разных стратегиях жизнеобеспечения, осуществляемых в рамках жизненного уклада, характерного для разных групп охотников.

ТРАДИЦИИ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ

Традиция недифференцированных каменных артефактов в Центральной Америке (табл. 10, карта 31)

Самая северная стоянка, где были обнаружены следы древнейших доисторических охотников Центральной Америки, находится в Эль-Боске, близ Пуэбло-Нуево в округе Эстели на северо-западе Никарагуа (*Espinosa*, 1986). Стратиграфическое изучение стоянки выявило наличие в нижнем горизонте множества костей крупных млекопитающих, идентифицированных Миллером и Лунделиусом (*Miller & Lundelius*, 1976) как гигантский ленивец (*Eremotherium*), ехидна (*Megalonichi*) и олень (*Odocoiledus*), а также костные остатки представителей семейства черепах (*Chelonians*) и мелких млекопитающих. Каменные артефакты, приуроченные к этой фауне, сделаны из роговика самым примитивным способом, и орудия представляют собой преимущественно плоские отщепы, обработанные с одной стороны. По мнению нескольких археологов, участвовавших в раскопках, многие «артефакты» Эль-Боске могут быть продуктами естественного механического воздействия на гальку и фрагменты породы непосредственно на месте стоянки. Другие возражают, указывая на то, что в расположении стоянки нет сырья, из которого сделаны данные «орудия»,

и что здесь не обошлось без того, что необходимый материал был доставлен людьми (*Grubn*, 1976).

Радиоуглеродный анализ фосфатов из костных скоплений, обнаруженных в Эль-Боске, позволил получить датировки от 22,6 тыс. до 3,2 тыс. лет как минимум. Эти датировки были оспорены несколькими авторами, хотя другие измерения, проведенные уже по образцам углерода, дали возраст от 10,1 тыс. до 35 тыс. лет (*Page*, 1978, pp. 252–256).

Традиция каменных артефактов с двусторонней обработкой в Центральной Америке (карта 31)

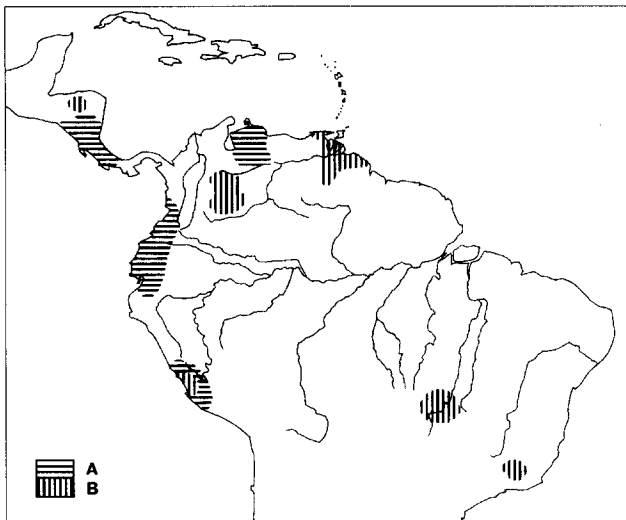
Другим важным признаком существования доисторических групп охотников-собирателей в Никарагуа являются неоднократно обнаруженные отпечатки человеческих ступней в отложениях вулканического ила в окрестностях озер Манагуа и Никарагуа, в частности на стоянке Акауалинка (*Fint*, 1885; *Manillo Vila*, 1977) близ г. Манагуа.

Раскопки, произведенные на этой стоянке в 1874 г., выявили следы ступней небольшой группы людей, состоявшей, видимо, из детей и взрослых. Наличие более глубоких и более сближенных отпечатков ног позволяет предположить, что люди, которым они принадлежат, несли на себе тяжелый груз, возможно, к берегам озера.

В других похожих отложениях человеческие следы перемежаются с отпечатками копыт бизонов и других млекопитающих, что может быть признаком охоты на животных, практиковавшейся этими группами людей.

Таблица 10. Хронологическое положение важнейших археологических стоянок древнейших обшин охотников-собирателей: курсивный шрифт – недифференцированные производства; прямой шрифт – производства пластиночных бифасов

Лет до наст. в.	Мезоамерика	Венесуэла	Колумбия	Бразилия
3000				
4000				
5000				
6000		<i>Гайана-Нью Карлос</i>		
7000		<i>Тукен</i>	<i>Чиа</i>	
8000	Кюфради Алахуэла (Мадлен) Акауалинка	Ла-Хундисон Лас-Месас		
9000			<i>Немокон Сужа</i>	<i>Танахос Лагоа-Санта Абриго-ду-Соль</i>
10000				
11000				
12000				
13000		Монтекано Манзанилло Танма-Танма	<i>Теквенсидама Эль-Абра</i>	
14000		Эль-Хобо		
18000				
20000				
28000	<i>Эль-Боске</i>			

Карта 31. Центральная Америка, север Южной Америки и Амазония: А – распределение производств пластиночных бифасов; В – недифференцированные производства

Некоторые авторы, как, например, Кроуфорд (Crawford, 1891, pp. 160–166), утверждали, что ими были найдены в Акауалинка фрагменты метательных наконечников и каменных топоров, приуроченные к пласту вулканических отложений со следами человеческих ног. К сожалению, эти предметы не сохранились, и сейчас их существование нуждается в подтверждении.

В более близкое нам время А. Брайану (Alan Bryan, 1973) удалось определить абсолютную дату пласта, обнаруженного в Акауалинка, с сохранившимися человеческими отпечатками, проведя анализ почвы, лежащей под слоем отложений. Исходя из полученной датировки, можно считать, что по пути к берегам озера через это место проходили группы охотников-собирателей приблизительно 8 тыс. лет назад (Matillo Vila, 1977, pp. 57–58), т.е. в эпоху, когда современные им популяции северной части Колумбии (речь об этом пойдет ниже) уже жили здесь в очень благоприятных климатических условиях и при изобилии дичи, которой они питались.

Несмотря на отсутствие более полной информации, представляется вполне вероятным, что к началу этой эпохи на Тихоокеанском побережье Никарагуа существовали группы охотников-собирателей, соотносимые с ископаемой фауной, и в частности, с бизоном.

Институт культурного наследия Никарагуа имеет коллекции пока не изученных каменных предметов, которые свидетельствуют о существовании на стоянке Коф-радиа на побережье Тихого океана производства кремневых бифасов: это овальные заготовки, оббитые нуклеусы, крупные отщепы (некоторые с поперечной ретушью), копьевидные наконечники-бифасы, концевые скребки с односторонней обработкой, треугольные бифасы, причем все эти предметы, как правило, изготовлены плоской ретушью отщепов. В целом это собрание предметов напоминает производство бифасов эль-хобо на северо-западе Венесуэлы как по морфологии орудий, так и по технике обработки. Данный культурный признак может оказаться очень полезным при установлении вероятной соотносимости этих популяций охотников с конкретной ископаемой фауной (например, с бизонами).

Самые древние известные остатки присутствия человека в Коста-Рике имеют возраст всего лишь 13 тыс. лет. Они были обнаружены в Турриальба (восточный склон центральной горной гряды) на стоянке, расположенной на высоте 700 м над зажатым скалами руслом р. Ревентасон.

На этой стоянке найдены 18 целых или разбитых удлиненных метательных наконечников, а также заготовки, боковые скребки, пластины и резцы. В Никарагуа и Коста-Рике обнаружены каменные артефакты, которые по своему типологическим характеристикам могут быть отнесены к более поздним периодам. Таковы предметы керамической фазы стоянки Эль-Боске, где были также найдены нетипичные орудия из кремня. Что касается метательных наконечников, как с черешком, так и треугольной формы, то они должны быть характерны для групп собирателей Панамы и для гончаров Коста-Рики (Snarkis, 1984).

Наиболее крупные скопления доисторических остатков в Панаме, связанных с ранним присутствием человека, были обнаружены в отложениях озер Алахуэла (или Мадден) (Bird & Cooke, 1977, 1978). Метательный наконечник, видимо, найденный на первоначальном месте, дает основание полагать, что его хозяин загонял свою добычу в воду или к берегу р. Чаграл. Поскольку нет никаких оснований для того, чтобы приурочить к данным отложениям какой-то отдельный вид мегафауны, принято считать, что фауна у этого озера и впадавших в него потоков состояла из обычной дичи доисторических охотников оз. Алахуэла.

Согласно Берду и Куку, наконечники типа «рыбий хвост» с оз. Мадден морфологически и технологически близки к наконечникам, найденным в Эль-Инга (Эквадор) в пещере Фелла и в Палли-Аике близ Магелланова пролива, а также к некоторым наконечникам, найденным в Бразилии, Уругвае и Перу. Если это действительно так, то следовало бы сделать вывод о наличии связи между данными популяциями охотников и традицией наконечников в форме рыбьего хвоста, которая, по мнению ряда авторов, развивалась на южной оконечности Южной Америки независимо от традиций таких далеких регионов, как Северная Америка, т.е. развивалась параллельно (Meyer-Oakes, 1974, 1981). И хотя абсолютная датировка находок с оз. Мадден не установлена, в пользу их большой давности говорит сам факт отсутствия подобных орудий на более поздних археологических стоянках внутренней части страны, соотносимых с группами собирателей.

Традиция каменных артефактов с двусторонней обработкой в северной части Южной Америки

Метательные наконечники типа «рыбий хвост» в Колумбии и Венесуэле

Присутствие в Колумбии популяций, связанных с традицией артефактов с двусторонней оббивкой, подтверждено только несколькими находками, в частности, метательных наконечников в форме «рыбьих хвостов», похожих на наконечники с оз. Мадден и из Эль-Инга, а также довольно разнообразных наконечников с черешком. Найдены относятся к нескольким местам территории, простирающейся от Эль-Дарьен на Атлантическом побережье Колумбии через долину р. Каука до Тихого океана. В 1984 г. М. Гутьеррес (Méndez Gutiérrez) описал некоторые стоянки в округе Кахибио в долине Каука, которые содержали грубо обработанные наконечники-бифасы с черешком и «рыбьими хвостами». Автор описывает также культурную последовательность, которую можно интерпретировать как период перехода к более разнообразным формам жизнеобеспечения, основанным на охоте, собирательстве и переработке растительного пищевого сырья, причем аналогичный процесс, как это уже доказано, происходил и в других регионах Южной Америки.

Что касается Венесуэлы, то сотрудники Археологического музея г. Кибора также вели раскопки у оз. Йаи в штате Лара с целью изучения групп охотников, связанных

с традицией метательных наконечников в форме «рыбьих хвостов» (Pantel, 1983).

Речь идет о местонахождении Ла-Хундиссион, которое находится на высоте 900 м в горах, окружающих долину Кибор и образующих северное предгорье венесуэльских Анд, отделенных от прибрежной горной гряды несколькими долинами и невысокими горами.

Стоянка Ла-Хундиссион расположена к западу от города Сапаре, являющегося административным центром округа Андрес-Элой-Бланко на южной широте 9°49'10" и на западной долготе 69°41'30". Она находится в небольшой впадине (разница высот примерно 6 м) у осевого берега оз. Йаи.

В целом это отложение выглядит как очень сильно эродированная впадина, в которой древние слои видны из-за действия стекавших потоков воды. Дно впадины буквально усыпано галькой, в которой и были найдены в ходе первых раскопок заготовка наконечника «рыбий хвост», скребки с односторонней обработкой, овальные скребки-бифасы и большое количество мелких отщепов.

Большинство этих орудий изготовлены из мелкозернистого песчаника. Остатки фауны были идентифицированы позднее как позвонки и крупные кости гигантского ленивца (*Eremotherium*).

В ходе второй экспедиции в дополнение к раскопкам было проведено зондирование вокруг скопления костных остатков гигантского ленивца, а также там, где каменный инвентарь находился на небольшой глубине.

Одной из самых интересных находок оказался фрагмент основания удлиненного наконечника «рыбий хвост», сделанного из мелкозернистого роговика. Это орудие, видимо, является классическим образцом того типа орудий, которые были ранее обнаружены в Эль-Инга (Эквадор) и в пещере Фелл (Чили). Были найдены также проколка и две заготовки, оббитые с двух сторон.

Из остатков фауны было найдено много ребер, что может указывать на место обитания с очагами. Многочисленные крупные осколки того же камня, из которого сделаны наконечники, свидетельствуют о том, что последние изготавливались именно на этом месте. Топографическое размещение костных скоплений и инвентаря дает основание считать, что здесь производилась и разделка туш. Абсолютная датировка этой стоянки пока не проведена, но в Смитсоновском институте в Вашингтоне (США) велось исследование костного коллагена. Другие стоянки в долине Кибор дали остатки плейстоценовой фауны и, в частности, мастодонтов и мегатериев. Они датировались по фрагментам растительного угля и имеют возраст приблизительно от 11 до 9 тыс. лет, причем очевидно, что между этими стоянками и местонахождением Ла-Хундиссион прямой связи не существует.

ОХОТНИКИ КУЛЬТУРЫ ХОБО В ВЕНЕСУЭЛЕ

В штате Фалькон на северо-западе Венесуэлы открыты самые богатые в Южной Америке скопления каменных артефактов, приуроченные к обществам доисторических охотников. Интерпретация этих скоплений вызвала много разногласий. Речь идет в первую очередь о местонахождении Эль-Хобо, по материалам которой было названо производство или традиция хобо.

Раскопки, проводившиеся с 1956 г. (Royo & Gomez, 1956) с целью проверки гипотезы о пребывании здесь доисторических охотников, позволили открыть на стоянке Муако крупные ископаемые пласты с костями многих видов животных: мастодонтов, стегомастодонтов, мегатериев (*Megatheria*), ехидн, глиптондонтов, токсодонтов (*Tobodons*), атхоктериев (*Atthocterium*), верблюдовых, волков, ягуаров, рысей, кроликов, куньих и милодонтов

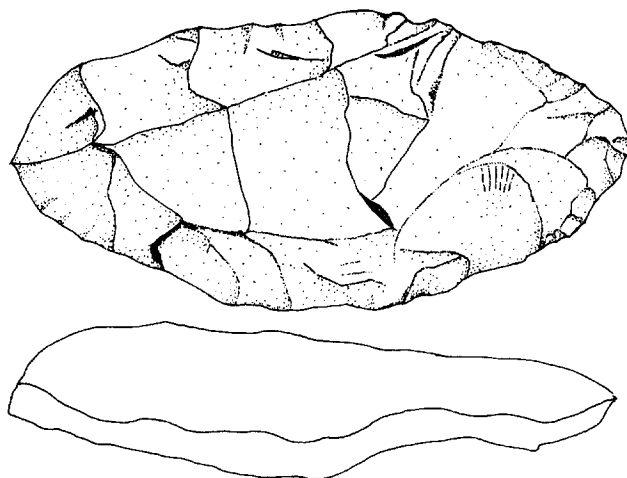

Рис. 87. Бифас из производства хобо, местонахождение Эль-Альтико, Венесуэла

(*Mylodons*). На отдельных костях есть следы огня и ударов каменных орудий. Приблизительный возраст в 16,9 тыс. лет, установленный радиоуглеродным методом, был поставлен под сомнение и признан недостаточно достоверным в связи с тем, что стратиграфическая структура местонахождения была явно нарушена процессами смещения под воздействием водных потоков (Royo & Gomez, 1960a, 1960b; Cruxent, 1961; Lynch, 1978, p. 476).

Целью первоначальных работ было установление одновременного существования каменного производства Эль-Хобо и местной ископаемой фауны. Дальнейшие исследования позволили обнаружить еще в одной залежи в этом районе, близ р. Кукуручу, фрагменты ланцетовидных метательных наконечников типа хобо, которые находились в пласте, содержащем и костные остатки *Haplomastodon guayanensis*, *Eremotherium rusconii* и *Gliptodon clavipedes* Owens, которые также были отпеснены водными потоками и отложились в слое миоцено-плиоценовой глины намного более раннего по возрасту, чем сами первые люди. Однако эти особенности не были приняты во внимание, и было заявлено, что данный пласт был покрыт слоем озерной глины, что якобы является решающим доказательством связи между каменным производством хобо и местной плейстоценовой фауной (Cruxent, 1970). Противники этой теории настаивали, в свою очередь, на том, что в этих условиях можно утверждать только то, что и кости, и метательные наконечники имеют более ранний возраст, чем слой озерной глины, но что нет никаких оснований для их взаимосвязи (Bate, 1983, p. 11).

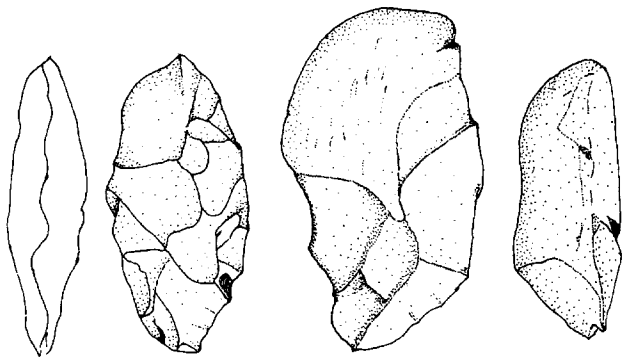

Рис. 88. Рубила из производства хобо из штата Фалькон, Венесуэла

В ходе дальнейших раскопок в Таима-Таима в этом же штате Фалькон, произведенных такими компетентными археологами, как А. Брайан (*Alan Bryan*) и Р. Грюн (*R. Grubn*) в сотрудничестве с Дж. М. Краксом (*J.M. Cruken*), был найден скелет молодого *Haplomastodon*. Скелет был частично расчленен и носил следы намеренных повреждений, нанесенных, видимо, в процессе разделки туши. В полости таза животного находились кварцитовый метательный наконечник типа хобо, а также яшмовый отщеп и заостренный булыжник. Датировка этих остатков оказалась возможной благодаря растительным побегам, поглощенным животным перед гибелью и сохранившимся вследствие специфических почвенных условий. Радиоуглеродным методом был установлен возраст в 13, 13,2 и 13,9 тыс. лет, что на 1,5 тыс. лет раньше датировки североамериканских охотников на мамонтов, пользовавшихся наконечниками клювеса (*Bryan et al., 1978*).

Изучение каменного инвентаря, приуроченного к жизненному укладу доисторических охотников штата Фалькон, имело также целью разработать модель технологической эволюции на основе анализа материалов террас у р. Педрегал, проведенного Пенгаллом (*Cruken & Rouse, 1963, p. 29; Bryan, 1973, p. 249*). Изучение нескольких групп изделий, собранных на поверхности в различных точках этих террас, и очень скурых данных о расположении этого инвентаря позволили предположить, что эти скопления артефактов представляют определенную эволюционную последовательность. Самый ранний ее период может быть представлен изделиями с очень грубой обработкой, к ним относятся бифасы стоянки Эль-Камаре (рис. 87), включающие рубила (рис. 88), а также крупные отщепы, часть из которых выглядят как скребки (рис. 90).

За этим первым периодом следует комплекс Лас-Лагунас с более мелкими бифасами. Следующий комплекс, называемый Эль-Хобо, был расположен на самых низких террасах у р. Педрегал и идентифицирован по наличию ланцетовидных бифасных наконечников, некоторые из них имеют прямую или вогнутую пятю, а иногда и зубцы на краях (рис. 89, 90). На самой низкой террасе, помимо вышеупомянутого скопления артефактов, были обнаружены также треугольные наконечники с черешком, предположительно из комплекса Лас-Каситас.

Датировка этих скоплений несколько не облегчена их поверхностным расположением, так как потоки воды смыли все органические вещества, которые могли позволить определить их точный возраст.

Некоторые ученые, например Ч. Александер (*Ch. Alexander*), занимались сбором и изучением геоморфологических данных о происхождении, численности и хронологии террас р. Педрегал. Впрочем, вся эта работа может дать только первые ориентиры тем археологам, которые стремятся определить культурные характеристики общин доисторических охотников северо-запада Венесуэлы. Дело в том, что распределение артефактов вдоль террас не может быть достаточным доказательством более раннего возраста скоплений эль-камара и лас-лагунас по отношению к инвентарю эль-хобо и лас-каситас, тем более что формирование речных террас возможно в результате тектонических движений.

Проведенное нами лично изучение материалов из различных комплексов, которые хранятся в различных музеях Соединенных Штатов, коллекций артефактов, собранных в соответствии с логичным технологическим рядом, указывает на процесс усложнения и технического усовершенствования изделий, кульминацией которого стал материал эль-хобо и лас-каситас. Но ведь при этом необходимо, чтобы технологическая логика совпала с логикой исторической. До тех пор пока такое совпадение не установлено, нельзя автоматически делать вывод о реальности технического прогресса, сравнимо-

го с эволюционной схемой производств Древнего Мира с подразделением на нижний, средний и верхний палеолит. Ведь фактически в нашем случае речь может идти об определенных стадиях производства изделий в рамках одного и того же производства, начиная с откалывания кусков кремня для заготовок и кончая изготовлением более обработанных орудий: наконечников, ножей, скребел и т.д.

Предметом критики стал также сам способ собирания образцов и материалов, обнаруженных в раскопах, поскольку многие из них, кажется, были куплены у местных крестьян без проверки их происхождения и контекстных характеристик (*Bate, 1983, pp. 1–125*).

В работах Бейта (*Bate – см. выше*), Морганти и Родригеса (*Morganti & Rodriguez, 1983, 1985*) было предложено альтернативное объяснение процесса, указанного выше. По их мнению, на этих террасах были оборудованы не только мастерские камнетесов, но и специальные места, где охотники завершали обработку заготовок наконечников и других изделий и чинили метательные снаряды, поврежденные на охоте. При такой гипотезе логично предположить, что охотники разбивали свои лагеря на берегу водоемов и рек, т.е. в центральной части долины р. Педрегал, куда животные приходили на водопой и где паслись. Это объяснило бы факт, что больше всего металлических наконечников было найдено на нижних террасах. Эту гипотезу подтверждают работы Морганти и Родригеса (1983) о стоянке Монте-Кано (на п-ове Парагуан в

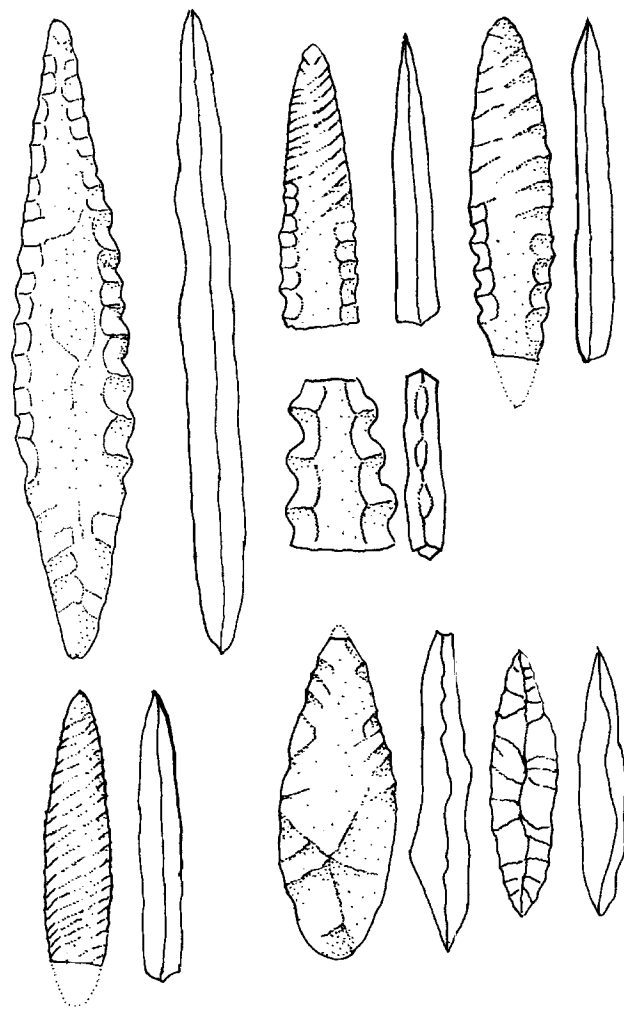

Рис. 89. Остроконечники с зубцами и ланцевидные наконечники-бифасы производства хобо, Венесуэла

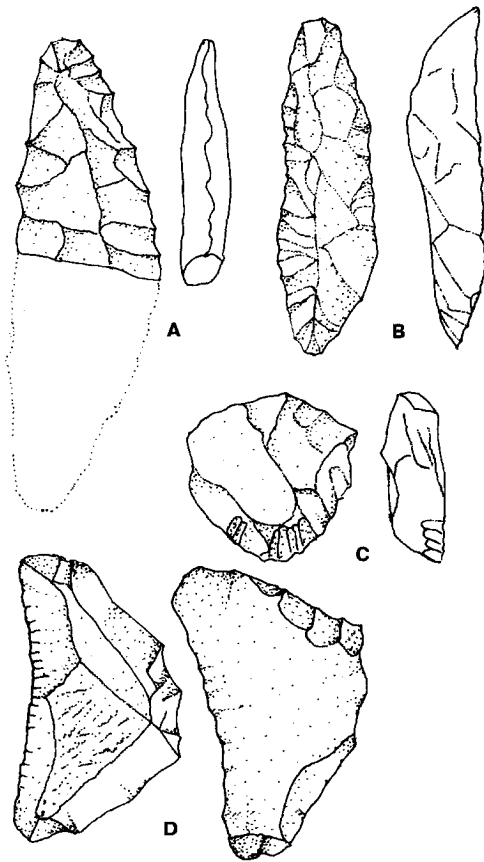

Рис. 90. Артефакты культуры производства хобо, Венесуэла: А – пластиночный бифас; В – скребок из односторонне обработанной пластины; С – дисковидное скребло с односторонней обработкой; D – скребок с двусторонней поперечной обработкой

штате Фалькон), которая характеризуется наличием каменного производства типа хобо, но только с использованием кварца в качестве сырья. Производству монте-кано свойственны также технологические характеристики, которыми отмечены, в частности, различные с морфологической и функциональной точки зрения стадии последовательности эль-камаре – лас-лагунас – эль-хобо – лас-каскас, с той разницей, что из-за природы используемого материала здесь иная техника обработки нуклеусов.

На местонахождении Монте-Кано скопления могут быть помещены между крупными бифасами типов камаре и мансанилло (это местонахождение расположено на северо-западном берегу оз. Маракайбо) и листовидными наконечниками типа хобо. Стоянка Монте-Кано характеризуется таким топографическим распределением археологического материала, которое может соответствовать различным этапам производства инструментов. Крупные бифасы локализованы в секторе D, небольшие заготовки – в секторе C, а в секторах A и B находятся почти исключительно крупные обломки от обработки камня. Наконец, в секторе E отложения сконцентрированы ножи или пластины и метательные наконечники.

Все указанное заставляет усомниться в сценарии развития местных технологий, предложенном для обоснования тезиса о том, что на террасах р. Педрегаль все более усложнявшиеся в хронологической последовательности технологии наслаивались одна на другую. Правильнее было бы говорить о сочетании здесь различных этапов обработки сырья, нежели о наборах орудий для использования природных ресурсов, формы которых постоянно изменялись с изменением социально-исторических условий (Rodriguez, 1985, pp. 47–48).

Интерпретация материалов, оставшихся от групп доисторических охотников «традиции каменных бифасов», особенно на территории штата Фалькон, затруднена из-за отсутствия глубоких исследований, выходящих за технологико-типологические рамки, которыми ограничиваются почти все публикации по этому региону. Впрочем, можно считать, что первые палеоиндейские охотники появились здесь в период влажного климата, обеспечивавшего достаточно растительного корма для питания крупных травоядных, существование которых вплоть до конца плейстоцена вполне доказано. Метательные наконечники, все еще относительно тяжелые и грубо сработанные, уже могли оснащаться рукоятками для использования их в качестве оружия на небольших расстояниях, а наконечники с черешками могли прикрепляться к стрелам и дротикам, запускаемым приспособлениями для метания. В некоторых случаях каменные инструменты хобо включают также ряд отщепов с прорезами разного диаметра, которые использовались, возможно, для изготовления деревянных рукояток, к которым крепились треугольные пластины, метательные наконечники и т.д., применявшиеся для охоты и разделки туш. Подобно этому, скребки из отщепов, также присутствующие среди каменных инструментов, предназначались, вероятно, для обработки дерева и шкур животных. Следует отметить также наличие камней, которые могли использоваться для дробления, и крупных бифасов, которые можно рассматривать либо как заготовки для более мелких орудий, либо как мотыги для выкапывания клубней и других съедобных корнеплодов, по всей вероятности, входивших в состав пищи местных охотников, как это, по-видимому, имело место в производстве сангоан и лупембан в Центральном Конго и в Западной Африке. В связи с этим подчеркнем, что результаты исследований, посвященных различным видам деятельности африканских охотников-собираателей в лесистых регионах и в саваннах, должны применяться как справочный материал для понимания комплексов с производственными бифасов в северной части Южной Америки, таких как Эль-Хобо. Как выяснилось, эти последние отражают эволюцию на местах различных комплексов артефактов, явно связанных с изменениями климата, температуры и режима осадков, произошедшими в рассматриваемом регионе приблизительно 11 тыс. лет назад (Coursey, 1976, p. 399; Sanoja, 1982b, p. 27).

В целом разнообразные инструменты, характеризующие культуру эль-хобо, отражают различные виды деятельности, начиная с обработки дерева и кончая сбором съедобных растений и развитием охотничьего промысла, о чем свидетельствуют найденные копыта с тяжелыми наконечниками, способными пробить шкуру животного на близком расстоянии, другие метательные снаряды (дротики и стрелы), а также резцы с деревянными рукоятками для разделки туш. Это означает, что охотники должны были быть способны адаптировать свой охотничий промысел к более разнообразной гамме видов окружающей среды и уметь охотиться на более мелких и более уязвимых – по сравнению с крупными травоядными – животных, благодаря чему они могли мало-помалу избавляться от зависимости природных факторов, определявших их образ жизни, переходя к более эффективным и надежным методам пользования природой.

Социальная организация и система эксплуатации пищевых ресурсов у этих популяций были, вероятно, связаны с существованием богатой мегафауны, которая, по-видимому, исчезла от 10 до 8 тыс. лет назад. Сухие береговые зоны штата Фалькон, как и полупустынные долины и северные подножья Анд в штате Лара, где были открыты почти все археологические залежи, соотносимые с этими популяциями, а также где наиболее высока концентрация палеонтологических остатков – все это могло быть по-

крыто в предыдущие эпохи растительностью, способствовавшей выживанию крупных травоядных. Эти последние могли исчезнуть из-за охотничьей и собирательской деятельности человека и/или климатических изменений, происшедших в экваториальной Америке в период голоцена.

Применяя к северо-западу Венесуэлы палеоклиматические модели, предложенные Линчем (*Lynch*, 1978, pp. 466–467) для Тихоокеанского побережья Центральной Америки и севера Южной Америки, можно предположить, что снижение уровня моря, имевшее место 15–12 тыс. лет тому назад, привело к образованию прибрежных саванн, покрытых злаковыми растениями с вкраплениями галерейных лесов вдоль рек, что способствовало концентрации фауны в этих регионах и создавало тем самым оптимальные возможности для добычи пищи популяциям охотников.

В этом отношении интересно напомнить выводы о палинологических исследованиях Сальгадо-Лабориу (*Salgado-Laboriu*, 1982, pp. 74–77) в регионе, примыкающем к центральному побережью Венесуэлы. Палинологическое изучение глубоких слоев осадочных пород оз. Валенсия показывает, что к концу плейстоцена, т.е. примерно к 13 тыс. лет назад (согласно радиоуглеродным датировкам), воды в этом озере уже не было совсем, климат был крайне сухим и весь регион характеризовался полупустынной растительностью, состоявшей преимущественно из злаковых растений и травы (*Salgado-Laboriu*, 1982, fig. 72), в то время как окружающие горы могли быть покрыты сухостойными лесами. Влажность повысилась приблизительно 10 тыс. лет назад, вслед за чем установился период более влажного климата, что привело к наполнению озера водой и одновременному появлению более богатой растительности в виде кустарников и колочих зарослей.

Климатический сценарий, видимо, соответствовал модели, предложенной Моргантом и Родригесом (1983) для объяснения концентрации каменотесных мастерских и скоплений каменных предметов на берегах р. Педрегал (штат Фалькон). Это может также объяснить расселение популяций охотников в более южных долинах штата Лара, о чем свидетельствуют находки Молины (*Molina*, 1985). На стоянке Лас-Месас, расположенной в долине Карора, этот археолог обнаружил несколько отложений, включавших комплекс инструментов, относящихся к традиции бифасов эль-хобо: листовидные наконечники с выемками или с ретушированными краями, ножи, скребки на отщеплах, большое количество осколков от обработки камня. В соседней долине Кибор Молина нашел также крупные бифасы, отбойники, скребла и призматические отщепы, а также фрагменты метательных наконечников, напоминающих наконечники со стоянки Ла-Хундиссион. Продолжается изучение нескольких стоянок, где имеются материалы, родственные культуре эль-хобо. По-видимому, они могут быть приурочены к костным остаткам ископаемой фауны, а также свидетельствовать о наличии некоторых видов сырья (в частности, кварцита), пригодного для изготовления орудий.

Другие материалы, содержащие информацию об образе жизни доисторических охотников, были найдены на стоянке Мансанилло у северо-восточного берега оз. Маракайбо (*Stuxent*, 1962). Это скопление дало артефакты из окаменевшей древесины, которые, видимо, прошли только первичную обработку, – это бифасы и односторонне ретушированные пластины, крупные отщепы и грубо обтесанные скребки, которые, вероятно, являлись заготовками, подлежащими доводке на месте применения. Если вспомнить модели, предложенные Моргантом и Родригесом (1983), эта завершающая обработка могла происходить в поселениях и в мастерских, которые сегодня, возможно, покрыты водами озера или лежат под отложениями впадающих в него рек.

ДРЕВНИЕ ОХОТНИЧЬИ СООБЩЕСТВА СЕВЕРО-ЗАПАДА ВЕНЕСУЭЛЫ

Современное географическое размещение каменных скоплений, приуроченных к первым группам охотников северо-запада Венесуэлы, свидетельствует, по-видимому, о существовании кочевых групп, передвигавшихся в пределах более или менее определенных территорий, согласно модели «ограниченных кочевых сообществ» (*Beardsley et al.*, 1955). Этот термин обозначает полукочевые группы, передвигавшиеся в пределах достаточно определенной территории, где они монополично использовали некоторые пищевые ресурсы. Перемещение внутри этих территорий могло носить случайный характер или же подчиняться сезонным циклам, соответствующим объектам охоты и собирательства с целью наилучшего использования сил людей путем передвижения их в наиболее богатые ресурсами районы.

Сообщества, практиковавшие эту форму «ограниченного кочевания», обычно были небольшими по численности – в них входило менее ста человек. Группа состояла из малых или расширенных семей, совместно кочевавших с места на место на протяжении всего года или какой-то его части.

Данные, которыми мы располагаем, не позволяют с уверенностью определить срок проживания этих охотников на определенных стоянках. Тем не менее наличие большого количества (временами – до одной тонны) накопившихся артефактов и крупных каменных осколков от обработки на некоторых больших стоянках со всей очевидностью связано с постоянным пребыванием или регулярным посещением каждой такой стоянки в течение длительного периода. Именно так обстоит дело в случае стоянок-мастерских и стоянок, которые находились в зонах, через которые обязательно проходили некоторые виды животных (*Sonoja & Vargas*, 1979, p. 94).

Учитывая образ жизни и потребности охотников, взрослые индивиды должны были, вероятно, участвовать в обучении младшего поколения всем хитростям одиночной и групповой охоты. Для этого необходимо было сохранение связей по крови и по родству, по меньшей мере до того момента, когда молодежь признается взрослой. Обучение охоте требовало длительной тренировки в овладении оружием и другими предметами, связанными с этим видом деятельности, ознакомления с повадками и поведением дичи, а также с тактикой приближения к животному и его добычи. Наконец, охотник должен был иметь некоторое представление об анатомии для успешного поражения наиболее уязвимых частей тела животных, а также для умелой разделки туш, чтобы как можно полнее использовать мясо, кости и шкуры.

ТРАДИЦИЯ КАМЕННЫХ БИФАСОВ И ДРЕВНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ АМЕРИКИ

Материалы, собранные на северо-западной части Венесуэлы, и особенно в штате Фалькон, стали поводом для различных интерпретаций в общих рамках гипотез, пытающихся объяснить древнее заселение Нового Света.

По мнению Брайана (1978), производства каменных бифасов Южной Америки, и в частности, культура эль-хобо, являются результатом независимого развития. Их далеких предшественников следует искать не в мустьерской традиции, которая могла появиться на севере Сибири в промежутке 30–10 тыс. лет тому назад, а в примитивной технологии групп людей, прибывших в Америку намного раньше, которые и были создателями первоначального производства грубых бифасов, постепенно эволюционировавшего к более специализированным

и усовершенствованным формам, включая метательные наконечники.

В подкрепление своего мнения Брайан ссылается на изделия из кости таких стоянок, как Олд-Кроу-Флэтс и на очаги в укрытии Мидоукроф в США, возраст которых должен составлять соответственно 27 и 19 тыс. лет (и даже, может быть, от 37 до 21,5 тыс. лет для второй стоянки). Эти достоверные памятники подтверждают существование 12 тыс. лет назад человеческих поселений к югу от ледниковой шапки, покрывавшей крайний северо-запад Американского континента. Такой вывод представляется совместимым с теорией Кригера о существовании горизонта «дометательных наконечников» в Новом Свете (Krieger, 1962, 1964). Впрочем, Брайан (1978) подчеркивает, что североамериканские наконечники Кловиса, для которых предусматривались вырезы на концах копьев и других метательных орудий, не могут быть технологическими предшественниками ланцетовидных наконечников-бифасов эль-хобо, для которых, скорее всего, предусматривались рукоятки с выемками на конце. Поэтому, согласно Брайану, эти две категории наконечников следует рассматривать как результат развития двух независимых изобретений в сложном эволюционном комплексе.

С другой стороны, такие авторы как Линч (Lynch, 1978) считают очевидным факт технологической преемственности между каменными производствами североамериканских охотников и технологическими приемами их южноамериканских последователей. Линч находит маловероятным, что изобретение с перерывом в несколько веков метательных наконечников-бифасов в одной и другой частях континента могло быть результатом независимых процессов, плодом чистого случая. Ему кажется невысказанным, что выемчатые наконечники Северной Америки и выемчатые наконечники типа «рыбий хвост» Южной Америки могли быть изобретены независимо друг от друга, в то время как в обоих случаях другие изделия практически идентичны, будь то пластиночные или треугольные скребла, резцы, артефакты с вырезами, двусторонние скребки и скребки из отщепов с боковой ретушью. Можно, разумеется, предположить наличие различных способов жизнеобеспечения, однако сам факт использования инвентаря одного и того же технологического горизонта всеми этими популяциями заставляет выдвинуть иное предположение – что мы имеем дело с взаимодополняющими и сосуществующими системами деятельности, и это, по нашему мнению, подтверждается раскопками Молины в долине Кибор и раскопками Пантела и Молины на предгорье вокруг нее (Pantel, 1983).

Со своей стороны, Белл (Bell, 1965, p. 30) считает, что отбечаемые наконечники «рыбий хвосты» Южной Америки представляют собой одну из многих традиций, вышедших из культурного комплекса Кловиса. Белл (1965, p. 318) предполагает также, что стратиграфические данные проливают определенный свет на происхождение наконечников «рыбий хвосты» из пещеры Фелла в том смысле, что эти орудия характерны для уровня Эль-Инга I, в то время как в уровне Эль-Инга II овальные и ланцетовидные наконечники соотносятся с наконечниками с черешком. Следовательно, Эль-Инга I представляет собой скопление изделий, схожее с тем, которое было названо Магелланы I в пещере Фелл и в Палли-Аике на юге Патагонии (Bird, 1938, 1946), в то время как в Эль-Инга II имеются такие же формы ланцетообразных наконечников, какие обнаружены на многих стоянках севера и северо-запада Южной Америки. Этот факт заставляет предположить, что данный тип наконечников развивался на основе крайне грубых односторонне обработанных изделий, которые эволюционировали в орудия-бифасы очень малых размеров (Bell, 1965, pp. 318–321).

Что касается удлиненных наконечников-«рыбьих хвостов», найденных в Ла-Хундисьоне (штат Лара, Венесуэла), то Мейер-Оукс (Meyer-Oakes) предполагает, что изделия этого типа – родом с крайнего юга Южной Америки и что данная традиция затем распространилась на север субконтинента.

Со своей стороны, Бейт (Bate, 1983, pp. 1–11, 208) связывает эти наконечники с культурой или традицией Тольдо возраста в 12,6 тыс. лет, которая развилась преимущественно на восточных равнинах и плоскогорьях крайнего юга, особенно в Патагонии. Поэтому он проводит различие между этими археологическими скоплениями и теми, которые были обнаружены севернее, такими как Эль-Инга и Папалакта, которые можно привязать к традиции Эль-Плано, рассматривая в качестве промежуточных такие стоянки, как, например, Лос-Грифос (юго-запад Мексики), оз. Мадден (Панама) и отдельные находки в Колумбии, а также, возможно, и находки из Ла-Хундисьон (северо-запад Венесуэлы). Бейт (1983, pp. 2–11, 210) считает, что примерно 6,5 тыс. лет назад культуры наконечников «рыбий хвосты» крайнего юга континента могли слиться с культурами групп региона Анд и юго-востока Бразилии в результате появления там земледельческих племен.

Рассматривая вопрос о распространении культуры эль-хобо на северо-западе Южной Америки, Паттерсон и Леннинг (Patterson & Launing, 1974) отмечают, что каменные производства Эль-Камара и Мансанилло (возраст последнего составляет приблизительно 12 тыс. лет) могут быть предшественниками андского горизонта бифасов, который мог распространиться к югу через венесуэльские и колумбийские Анды, начав вытеснять предшествующее производство с преобладанием резцов как минимум 12 тыс. лет тому назад. Это производство представлено, в частности, культурным комплексом Окендо на северном побережье Перу, в состав которого входят в основном рубила, резцы, артефакты с зазубринами и бифасы, причем – во всяком случае, на сегодняшний день – там не обнаружено ни единого метательного наконечника. По мнению Паттерсона, этот культурный комплекс вполне приурочивается к популяциям охотников-собирателей, которые научились пользоваться деревянными копьями, продолжая вести неспециализированный образ жизни. Он считает, что аналогичные комплексы, возможно, могли быть и в Северной Америке, в периоды, предшествующие культуре кловис.

ПРОИЗВОДСТВА НЕДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫХ КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ НА СЕВЕРЕ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

Систематически проводимые в Республике Колумбия раскопки последних лет дали нам новые сведения о сообществах доисторических охотников северной части Южной Америки. Мы узнали о существовании там групп людей, располагавших инвентарем, полученным в производстве, явно отличающемся от производства каменных отщепов, относительно которых нам известно, что они близки к производствам Северной Америки. Это крайне грубое производство состояло в изготовлении орудий путем прямой отбивки нуклеусов. Отобранные фрагменты и отщепы, наиболее пригодные для резания, скребления и прокалывания, ретушировались затем отбойником и использовались без дальнейшей обработки.

Первое стратиграфическое исследование поселения, принадлежащего к этой каменной традиции, было проведено на стоянке Эль-Абра на плато Боготы (Hurt et al., 1972). Там в пласте возраста 12,4 тыс. лет, установленно радиуглеродным анализом, были, в частности, обнаружены артефакты-отщепы, которые современны вене-

суэльской культуре таима-таима (Bryan et al., 1978, p. 306). Эти раскопки позволили обнаружить зону поселения с очагами и определить хронологическую последовательность, продолжавшуюся до появления первых гончарных изделий, что свидетельствует не только о длительной стабильности поселения, но и о поразительной преемственности технологии производства.

Все артефакты, изготовленные по технологии, применявшейся в Эль-Абра, характеризуются ретушированием одной из боковых кромок до получения скребков различной формы (концевых, боковых, овальных), а также проколов, которые могли использоваться для обработки шкур и древесины. При том что не было найдено каменных метательных наконечников, вышеупомянутые методы обработки камня несколько не исключают вероятности существования деревянных или костяных наконечников.

Проведенные палинологические анализы показывают, что эта культура развивалась на плато Боготы в эпоху, когда климат там был намного холоднее, чем сегодня (это был поздний период последнего оледенения и межстадийный период Гуантива, приблизительно 21,5–11 тыс. лет тому назад). Между 11 и 9,5 тыс. лет назад произошло новое похолодание климата в стадию Эль-Абра (Correal & Van der Hammen, 1977). Примерно в эту эпоху появляются новые поселения в пещерах Текендама (плато Боготы). Самая ранняя фаза этой эпохи (Текендама I) характеризуется производством предметов из рога: пластиночными бифасами, отщепами, пластиночными ножами, скребками, отбойниками; вместе с ними найдено множество гематитовых желваков.

В то же время существовало производство артефактов из костей, для которого использовались суставные концы длинных трубчатых костей оленя. Производились ножи, скребки, отбойники и заостренные лучины, которые могли использоваться в качестве проколов. Некоторые костяные изделия, классифицированные Корреалем и Ван дер Хамменом (1977) как ланцетовидные скребки, возможно, могли быть метательными наконечниками, крепление которых к древку было облегчено наличием естественной канавки на суставном конце кости. Некоторые из каменных артефактов были сделаны по более уточненной технологии и тщательно отделаны; это касается, в частности, листовидных наконечников и двугранных скребков, относящихся только к начальной фазе Текендама.

В жилых пространствах пещер, которые служили убежищем и жильем для охотников Текендама, находились, по-видимому, и мастерские по производству каменных и костяных артефактов и, возможно, для обработки шкур. Большинство таких рабочих зон располагались вблизи от очагов.

Жилое пространство использовалось и для захоронения умерших охотников плато Боготы. В некоторых могилах был найден погребальный инвентарь, вероятно, связанный с деятельностью покойника как члена общины: каменные и костяные изделия, земляные раковины, фрагменты гематита и оленьих рогов. Как правило, могилы имели форму продолговатого овала; скелеты детей, найденные в этих пещерах, лежали на дне круглых ям в скрюченном положении.

Кости в захоронениях на плато Боготы часто покрыты охрой, что соответствует практике, распространенной как в Старом, так и Новом Свете, и призванной, возможно, сохранить жизненную энергию покойника. Обнаружены также признаки вторичных захоронений, а в Суеве найдены следы кремации человеческих останков (Correal, 1979, p. 116). Наконец, человеческие скелеты в ряде изученных пещер плато Боготы часто имеют следы поражения артритом в сочленениях и костной дегенерации челюстей, что может объяс-

няться негативным воздействием грубой пищи, типичной для охотников (Correal & Van der Hammen, 1977; Correal, 1979).

Охотники плато Боготы добывали главным образом оленевых, в частности, *Odocoyleus virginianus*, а также мелких млекопитающих: кроликов, диких крыс, агути, морских свинок, причем добыча последних, видимо, вела к приручению животных. Другие стоянки, как Тибиито, датированные приблизительно 11,75 тыс. лет назад, сохранили следы забоя и разделки крупной плейстоценовой дичи – мастодонтов (*Cuvieronis hyodon*), ехидн (*Equus americanus*) и, в меньшей степени, оленевых (*Odocoyleus virginianus*). Охотники долины Боготы, располагая исключительно каменными и костяными орудиями из отщепов и не имея метательных наконечников, умели добывать и разделять очень крупных животных, хотя можно предположить, что этот вид охоты практиковался достаточно редко (Correal, 1981).

Эта традиция охотников, с недифференцированным каменным и костяным производством, распространилась, по-видимому, до долины р. Магдалена и атлантического побережья Колумбии. Нельзя исключать также, что популяции, относящиеся к этой традиции, могли добираться и до районов северо-востока Южной Америки, на что, вероятно, указывает каменное производство, приуроченное к крупным ракушечным скоплениям п-ва Пария и к скальным пещерам юга венесуэльской части Гвианского плоскогорья. Об этом же свидетельствуют и плохо изученные каменные комплексы Тупукен и Канаима в этом же регионе, и особенно – нижние уровни ракушечных залежей банвари («фаза Алака») и крайне примитивные производства рупунуни в Гайане. В некоторых случаях, таких как на атлантическом побережье Колумбии и п-ва Пария, представляется, что постепенная эволюция групп завершилась появлением первоначальных форм земледелия и производства пищи (Sanoja, 1980, 1982a, 1982b, 1984, 1985; Sanoja et al., 1982; Sanoja & Vargas, 1979, 1983; Evans & Meggers, 1960; Crucent, 1971, p. 32; Crucent & Rouse, 1963, pp. 42–43).

ОБРАЗ ЖИЗНИ ОХОТНИКОВ БРАЗИЛЬСКОЙ АМАЗОНИИ

Исходя из имеющихся на настоящее время данных, представляется, что бассейн Амазонки остался на обочине миграции популяций доисторических охотников севера Южной Америки, Центральной Америки и Карибского бассейна. Тем не менее отдельные группы людей, заселявшие восточное андское предгорье, видимо, доходили до верховья притоков р. Амазонки, например, до рек Мараньон и Напо, о чем свидетельствуют археологические стоянки Ла-Кумбре (Перу), Папалакта и Эль-Инга (Эквадор) (Schobinger, 1973; Lynch, 1978; Bate, 1983, p. 149). Такие перемещения происходили, вероятно, до появления послеледникового амазонского леса. К этой гипотезе склоняются в своих работах Ван дер Хаммен (1972, 1974, 1982) и Симпсон-Виллемье (Simpson-Vuillemier, 1971), которые предполагают, что в результате оледенения амазонский лесной покров вытеснялся растительностью сухих саванн в разные времена в эпоху плейстоцена и, в частности, в период между 21 и 12,5 тыс. лет тому назад. Подобные циклические изменения меньшего масштаба могли также иметь место в более близкие к нам периоды, например, 4000–2000 лет назад (Bigarella & Andrade, 1982; Absy, 1982). В этих условиях группы древних охотников могли найти более благоприятную окружающую среду в регионе для своего жизнеобеспечения.

Правда, в настоящее время имеется мало археологических данных, подтверждающих существование этих

охотничьих сообществ. Впрочем, в огромной массе аллювиальных отложений бассейна Амазонки скрыто, возможно, множество доказательств их переходов, если только такие следы не были уничтожены агрессивным воздействием влажной среды. Следует также учитывать то обстоятельство, что проведенные до сих пор раскопки затронули лишь ничтожную часть этого огромного региона (Meggers, 1982, pp. 485–486). Экспедиция археологов под руководством Б. Меджера (Betty Meggers) из Смитсоновского института выявила на стоянке Пронапапа ракушечный слой, образовавшийся в результате накопления остатков брюхоногих моллюсков, в верховьях р. Тапажос, где культурный слой достигает толщины 10 м. В верхней части отложения найдены остатки гончарных изделий, среди которых украшенные насечками и участками с перекрещивающимися линиями. В восьми нижних слоях керамических изделий нет, а среди найденных изделий выделены только артефакты из крупных костей мамонтов, в их числе – заостренные предметы. Обнаружено также каменное производство артефактов из грубо обработанных пластин. Это производство напоминает неспециализированные каменные производства, которые, как нам известно, были открыты в северной части Южной Америки.

Хотя пока нет абсолютной датировки, раскопки, произведенные близ Абриго-ду-Соль, также выявили примитивное каменное производство возраста приблизительно 10,4 тыс. лет, что может служить ориентиром возраста нижних слоев ракушечного скопления р. Тапажос.

При исследованиях района Пронапапа были открыты другие стоянки, где есть нечто похожее на следы огня, но не обнаружены никакие артефакты. Несмотря на их пока неясное значение, выполнены радиоуглеродные датировки на территории провинции Рондония (7,4 – 5,2 тыс. лет), в бассейне среднего течения Амазонки (4,6 тыс. лет) и Рио-Негро (4,1 тыс. лет) (Betty Meggers, личное сообщение, 1985). Если имеющиеся даты, полученные в результате выполнения проекта Пронапапа, упомянутого выше, будут подтверждены, то тезис о существовании в Амазонии древних популяций охотников-собирателей пришел бы в соответствие с уже имеющимися сведениями, полученными в штатах Мату-Гросу, Минас-Жерайс и других регионах Бразилии, где находки включали фазы Паранаиба и Серранополис (9 тыс. лет), и Лапа-Вермелья (9,6 тыс. лет тому назад).

БИБЛИОГРАФИЯ

- ABSY, M. L. 1982. Quaternary Palynological Studies in the Amazon Basin. In: PRANCE, G. T. (ed.), *Biological Diversification in the Tropics*. New York, pp. 67–73.
- ANDERSON, D. 1974. A Stone Campsite at the Gateway to America. In: ZUBROW, E. et al. (eds), *New World Archaeology: Readings from Scientific American*. San Francisco.
- AVELEYRA DE ANDA, L. 1964. The Primitive Hunters. In: WAU–CHOPE, R. (ed.), *Handbook of Middle American Indians*. Dallas, Vol. 1, pp. 384–412.
- BATE, L. P. 1983. Comunidades primitivas de cazadores recolectores en Sudamérica. In: *História General de América*. Caracas, Vol. 2–1–2–II.
- BEARDSLEY, R. et al. 1955. In: WAUCHOPE, R. (ed.), *Seminars in Archaeology: 1955*. Salt Lake City. (Mem. Soc. Am. Archaeol., No. 11, Vol. 22, No. 2, Part 2.).
- BELL, R. E. 1965. Investigaciones arqueológicas en el sitio El Inga, Ecuador. Quito.
- BIGARELLA, J. J.; ANDRADE LIMA, D. DE. 1982. The Palaeoclimate and Palaeoecology of Brazilian Amazonia. In: PRANCE, G. T. (ed.), *Biological Diversification in the Tropics*. New York, pp. 27–40.
- BIRD, J. 1938. Antiquity and Migration of the Early Inhabitants of Patagonia. *Geogr. J.* (New York), Vol. 28, pp. 250–75.
- 1946. The Cultural Sequence in the North Chilean Coast. In: *Handbook of South American Indians*. Vol. 1, pp. 17–24.
- BIRD, J.; COOKE, R. 1977. Los artefactos mas antiguos de Panamá. *Rev. Nac. Cult.* (Panama), No. 6.
- 1978. The Occurrence in Panama of Two Types of Palaeoindian Projectile Points. In: BRYAN, A. L. (ed.), *Early Man in America from a Circum–Pacific Perspective*. Edmonton.
- BRYAN, A. L. 1973. *New Light on Ancient Nicaraguan Footprints*. Archaeology (New York), Vol. 26.
- 1978. An Overview of Palaeoamerican Prehistory from a Circum–Pacific Perspective. In: BRYAN, A. L. (ed.), *Early Man in America from a Circum–Pacific Perspective*. Edmonton, pp. 306–27.
- BRYAN, A. L. et al. 1978. An 'El Jobo' Mastodon Kill Site at Taima–Taima, Northern Venezuela.
- COLLINS, M. B. 1981. The Implications of the Lithic Assemblage from Monte Verde, Chile, for Early Man Studies. In: CONGRESO DE LA UISPP, 10, Mexico. *Actas*. Mexico.
- CORREAL, G. 1979. *Investigaciones en Abrigos Rocosos de Nemocon y Sueva*. Bogota.
- 1981. Evidencias culturales y megafauna Pleistocena en Colombia. Bogota.
- CORREAL, G.; HAMMEN, T. VAN DER. 1977. *Artefactos líticos de las Abrigos Rocosos del Tequendama*. Bogota.
- COURSEY, D. G. 1976. The Origins and Domestication of Yams in Africa. In: HARLAN, J.; QET, A. M. J. DE; STEMLER, A. B. L. (eds), *Origins of African Plant Domestication*. The Hague, pp. 383–408.
- CRAWFORD, 1891. Neolithic Man in Nicaragua. *Am. Geol.* (Minneapolis), Vol. 8, pp. 160–6.
- CRUXENT, J. M. 1961. Huesos quemados en el yacimiento prehistórico de Muaco, Estade Falcon. *Inst. Venez. Invest. Cient., Dep. Antropol. Bol. Inf.* (Caracas), No. 2, pp. 20–1.
- 1962. Artifacts of Palaeoindian Type, Maracaibo, Zulia, Venezuela. *Ame. Antiq.*, Vol. 27, pp. 576–9.
- 1970. Projectile Points with Pleistocene Mammals in Venezuela. *Antiquity*, Vol. 175, pp. 223–6.
- 1971. Apuntes sobre arqueología Venezolana. In: *Arte Prehispanico de Venezuela*. Caracas.
- CRUXENT, J. M.; ROUSE, I. 1961. *Arqueología cronológica de Venezuela*. Washington, Union Panamericana.
- 1963. *Venezuelan Archaeology*. New Haven/London.
- DEREVIANKO, A. P. 1979. On the Immigration of Ancient Man from the Asian Pleistocene. In: BRYAN, A. L. (ed.), *Early Man in America from a Circum–Pacific Perspective*. Edmonton.
- DIKOV, N. N. 1978. Ancestors of Palcoindians and Proto–Eskimos Aleuts in the Palaeolithic of Kamchatka. In: BRYAN, A. L. (ed.), *Early Man in America from a Circum–Pacific Perspective*. Edmonton.
- DILLEHAY, T. 1981. Early Man in South Central Andes, Monte Verde. In: CONGRESO DE LA UISPP, 10, Mexico. *Actas*. Mexico.
- ESPINOZA, E. J. 1976. *Excavaciones en El Bosque: informe no. 1*. Managua.
- EVANS, C.; MEGGERS, B. 1960. *Archaeological Investigations in British Guiana*. Washington. (Smithson. Inst., Bull., 177.)
- FLINT, E. 1885. Human Footprints in Nicaragua. *Am. Antiq.* (Chicago), Vol. 7, pp. 112–4.
- GONZÁLES, A. R. 1952. Antiquo horizonte precerámica en las Sierras Centrales de la Argentina. *Runa* (Buenos Aires), Vol. 5, pp. 110–33.
- 1960. La Estratigrafía de la Gruta de Itihuasi (Provincia de San Luis, RA) y sus relaciones con otros sitios precerámicos de Sudamérica. *Rev. Inst. Anthropol., Univ. Nac. Cordoba*, Vol. 1.
- GRUHN, R. 1976. A Note on Excavations at El Bosque, Nicaragua, in 1975. In: BRYAN, A. L. (ed.), *Early Man in America from a Circum–Pacific Perspective*. Edmonton.
- GRUHN, R.; BRYAN, A. 1981. A Summary and Implications of the Taima–Taima Mastodon Kill Site, Northern Venezuela. In: CONGRESO DE LA UISPP, 10, Mexico. *Actas*. Mexico.
- HAMMEN, T. VAN DER. 1972. Changes in Vegetation and Climate in the Amazon Basin and Surrounding Areas during the Pleistocene. *Geol. Mijnb.* (Dordrecht), Vol. 51, pp. 641–3.
- 1974. The Pleistocene Changes of Vegetation and Climate in Tropical South America. *J. Biogeog.* (Oxford), Vol. 1, pp. 3–26.
- 1982. Palaeoecology of Tropical South America. In: PRANCE, G. T. (ed.), *Biological Differentiation in the Tropics*. New York, pp. 60–6.
- HURT, W. R.; BLASI, O. 1969. O projeto arqueológico Lagoa Santa, Minas Gerais, Brasil. *Curitiba*. (Arq. Mus. Paranaense, 4.).

- HURT, W. R.; HAMMEN, T. VAN DER; CORREAL, G. 1972. Pre-ceramic Sequences in the El Abra Rock, Colombia. *Science* (Washington), Vol. 175, pp. 1106–8.
- KRIEGER, A. 1962. The Earliest Cultures in the Western United States. *Am. Antiq.*, Vol. 28, No. 2, pp. 138–43.
- 1964. Early Man in the New World. In: JENNINGS, J.; NORBECK, E. (eds), *Prehistoric Man in the New World*. Chicago.
- LEROI-GOURHAN, A. 1946. *Archéologie du Pacifique Nord*. Paris, Musée de l'Homme.
- LYNCH, T. F. 1978. The South American Palaeoindians. In: JENNINGS, J.; FREEMAN, W. H. (eds), *Ancient Native Americans*. San Francisco.
- MATILLO, V. J. 1977. Acahualinca en el panorama arqueológico de Nicaragua. Managua.
- MEGGERS, B. J. 1982. Archaeological and Ethnographic Evidences Compatible with the Model of Forest Fragmentation. In: PRANCE, G. T. (ed.), *Biological Differentiation in the Tropics*. New York, pp. 483–96.
- MÉNDEZ GU'TÉRREZ, M. 1984. Puntas de proyectil de Cajibío, Cauca, Colombia. Popayan.
- MEYER-OAKES, W. 1974. Early Man in the Andes. In: SUBROW, E. et al. (ed.), *New World Archaeology: Theoretical and Cultural Transformation*. San Francisco.
- 1981. Early Man Projectile Points and Lithic Technology in the Ecuadorian Sierra. In: CONGRESO DE LA UISPP, 10, Mexico. *Actas Mexico*.
- MILLER, W.; LUNDELIUS, E. 1976. The Fossils from El Bosque: A Preliminary Report to Jorge Espinoza. In: ESPINOZA, E. J. *Excavaciones en El Bosque: informe no. 1*. Managua, pp. 22–9.
- MOCHANOV, Y. A. 1978. Stratigraphy and Absolute Chronology of the Palaeolithic of Northeastern Asia According to the Work of 1963–1973. In: BRYAN, A. (ed.), *Early Man in America from a Circum-Pacific Perspective*. Edmonton, pp. 54–66.
- MOLINA L. 1985. Wachakaresai: la historia que duerme bajo tierra. Caracas.
- MORGANTI, A.; RODRÍGUEZ, M. H. 1983. Cazadores recolectores de Monte Cano, Paragana, Venezuela.
- MÜLLER-BECK, H. 1966. Palaeohunters in America: Origins and Diffusion. *Science* (Washington), Vol. 52, pp. 1191–210.
- 1967. On Migrations of Hunters across the Behring Land Bridge in the Upper Pleistocene. In: HOPKINS, D. M. (ed.), *The Behring Landbridge*. Stanford, pp. 373–408.
- PAGE, W. 1978. Geology of El Bosque Archaeological Site. In: BRYAN, A. L. (ed.), *Early Man in America from a Circum-Pacific Perspective*. Edmonton.
- PANTEL, A. 1983. La Hundición, Estado Lara, Venezuela: Draft Field and Labor, Report. San Juan, MS. Fundación Arqueo. Puerto Rico.
- PATTERSON, T.; LANNING, E. P. 1974. Early Man in South America. In: ZUBROW, E. et al. (eds), *New World Archaeology: Readings from Scientific American*. San Francisco, pp. 44–50.
- RODRÍGUEZ, M. E. 1985. Grupos precerámicos del Noroccidente de Venezuela y su relación con la Cuenca del Lago de Maracaibo. *Rev. GENS*, Vol. 1, No. 2, pp. 38–53.
- ROYO Y GÓMEZ, J. 1956. El Cuaternario en Venezuela. *Bol. Geol. Publ. Espec.* No. 1, *Lexico Estratigráfico de Venezuela* (Caracas), pp. 199–204.
- 1960a. Características Paleontológicas y Geológicas del yacimiento de vertebrados de Muaco, Estado Falcon, con industria lítica humana. *Boletín de Geología Publ. Espec.* No. 3: *Memorias III. Congreso Geológico Venezolano II* (Caracas) pp. 501–5.
- 1960b. El Yacimiento de vertebrados Pleistocenos de Muaco, Estado Falcon, Venezuela, con industria humana lítica. In: INTERNATIONAL CONGRESS OF GEOLOGY, 21, Copenhagen. Report. Copenhagen. Vol. 14, pp. 154–7.
- SALGADO-LABORIU, M. L. 1982. Climatic Change at the Pleistocene Holocene Boundary. In: PRANCE, G. T. (ed.), *Biological Differentiation in the Tropics*. New York.
- SANOJA, M. 1980. Los recolectores tempranos del Golfo de Paria, Estado Sucre, Venezuela. In: CIPECAN, 8, St Kitts. *Actas*. pp. 139–51.
- 1982a. Los hombres de la yaca y del maíz. Caracas.
- 1982b. De la recolección a la agricultura. In: *Historia General de América*. Caracas. Vol. 3.
- 1984. Problemas de la Arqueología del Noreste de Venezuela. In: *Los Problemas de la Arqueología de América Latina*. (Inst. Arqueol., Acad. Cienc. URSS.)
- 1985. Pre-ceramic Sites in Eastern Venezuela. *Nat. Geogr. Res. Rep.* (Washington, DC), Vol. 18, pp. 663–8.
- SANOJA, M.; ROMERO, L.; RONDON, J. 1982. Investigaciones arqueológicas en los Concheros, Guayana, El Bajo y Las Varas, Estado Sucre, Venezuela. *Acta Cient. Venez.* (Caracas), Vol. 33, suppl.
- SANOJA, M.; VARGAS, I. 1979. Antiguas formaciones y modos de producción venezolanos. 2nd edn. Caracas.
- 1983. New Light on the Prehistory of Eastern Venezuela. In: WENDORF, F.; CLOSE, A. (eds), *Advances in World Archaeology*. New York. Vol. 2, pp. 205–44.
- SCHOBINGER, J. 1973. Nuevos hallazgos de puntas 'Cola de Pescado' y consideraciones en torno al origen y dispersión de la cultura de los cazadores superiores Toldenses (Fell I) en Sudamérica. In: CONGRESO INTERNATIONAL DEGLI AMERICANISTI, 40, Rome, Genova. *Atti*. Vol. 1, pp. 33–50.
- SIMPSON-VUILLEMIER, B. 1971. Pleistocene Changes in the Fauna and Flora of South America. *Science* (Washington), Vol. 173, pp. 771–80.
- SNARKIS, M. 1984. Central America: The Lower Caribbean. In: LANGE, F. W.; STONE, D. Z. (eds), *The Archaeology of Lower Central America*. Albuquerque.
- STEWART, T.; NEWMAN, M. 1950. Anthropometry of South American Indians. Skeletal Remains. In: STEWARD, T. (ed.), *Handbook of South American Indians*. Washington. (Smithson. Inst., Bull., 6.)
- VELOZ MAGGIOLO, M. et al. 1982. Las Técnicas Unifaciales de los yacimientos de El Jobo y sus similitudes con el Paleoarcaico Antillano. *Bol. Mus. Hombre Dominicano* (Santo Domingo), Vol. 18.
- WILLEY, G. 1966. *An Introduction to American Archaeology*. Vol. I: North and Middle America. New Jersey.
- 1971. *An Introduction to American Archaeology*. Vol. II: South America. New Jersey.
- WILSEM, E. 1964. Flake Tools in the American Arctic: Some Speculations. *Am. Antiq.*, Vol. 29, pp. 338–44.
- WORMINGTON, H. M. 1961. Prehistoric Cultural Stages of Alberta, Canada. In: *Homenajes a Pablo Martínez del Río*, 25. Aniversario de la Edición de los Orígenes. Mexico, DF. pp. 163–71.

РЕГИОН ЮЖНОЙ АМЕРИКИ ВНЕ АНДСКИХ КОРДИЛЬЕР (БРАЗИЛИЯ, ПАРАГВАЙ, УРУГВАЙ И АРГЕНТИНА)

в доисторическую эпоху (31–5 тыс. лет назад)

Освальдо Р. Эредиа

На территории Бразилии наблюдается огромное разнообразие природных условий и растительных покровов, что объясняет в определенной мере особенности популяций, проживавших там в доисторические времена. Это – густые амазонские джунгли с затопляемыми низинами (*varzeas*) на западе и севере, ксерофитовая горная растительность (*caatingas* и *cerrados*) на северо-западе и в центре, восточные леса (*florestas*), переходящие в горы Серраду-Мар на востоке, араукариевые леса в центральной части юга страны и леса, чередующиеся с прериями (*campos*) на юге. Все это составляет подлинную мозаику регионов, к которым привязаны различные народы, каждый из которых имеет свою культурную специфику. Что касается побережья, заселенного позднее, то его характеризуют открытые плоские низины, где преобладает низкорослая растительность (*restinga*), густые леса (*florestas*) на склонах прибрежных гор, а также небольшие спокойные бухты и заливы, обычно разделенные мангровыми формациями.

Археологические работы ведутся в Бразилии сравнительно недавно, и полученная информация пока детально не изучена. За это время были предприняты попытки идентифицировать многочисленные культурные подразделения в пространственном и хронологическом плане, особенно в отношении эпох, к которым относятся группы земледельцев, освоивших также изготовление гончарных изделий. Периодизация составлялась исключительно на основе наборов предметов, в частности, керамических обломков, и поэтому разграничение культурных отрезков носит чисто рабочий характер, что удобно для работы археологов, поскольку в таких случаях применяются универсальные критерии идентификации, когда специфические черты учитываются лишь в редких случаях. На этой основе бразильская археология стала пользоваться термином «традиции», которые охватывают широкую группу культурных характеристик, устанавливающих связь между географически очень отдаленными, а к тому же и разделенными тысячами лет популяциями. При этом некоторые найденные культурные объекты были датированы радиоуглеродным методом, что позволило определить длинный ряд хронологических рубежей, среди которых, однако, лишь немногие соотносятся

с важными культурными событиями, пригодными для определения культурных зон, периодов и фаз. Таким образом было выявлено, что на протяжении почти 30 тыс. лет бразильская территория была заселена исключительно охотниками-собирающими, и в рамках этих многих тысячелетий трудно определить социально важные временные различия. Судя по имеющимся материалам, этот долгий период не был отмечен ни освоением, ни изобретением технологических или хозяйственных систем.

Со своей стороны, мы считаем необоснованной такую схему культурного развития, в которой период охотников-собирающих разделен на три этапа. В этой схеме первый этап, приблизительно от 30 до 12 тыс. лет, якобы был этапом охотников на представителей плейстоценовой мегафауны, с тех пор исчезнувшей. Такое предположение кажется слишком смелым по нескольким причинам. Во-первых, до сих пор на бразильской территории не было найдено ни одного неоспоримого доказательства наличия связи между человеком и этой ископаемой фауной. Некоторые стоянки, например, Лагоа-ду-Карру (штат Пернамбуку) или Ибикуи (штат Риу-Гранди-ду-Сул) дали исследователям некоторые артефакты из идентичных геологических уровней, но при этом не установлено существование прямой связи между ними. Мощные механизмы эрозии и переноса осадочных пород пока исключают какие бы то ни было достоверные выводы. Тем не менее мы должны допустить, что в рассматриваемый период человек сосуществовал в ряде мест с мегафауной, некоторые виды которой исчезли во время голоцена, однако охота на крупных животных должна была носить случайный, несистематический характер. Охотники, видимо, использовали моменты, когда животные были особо уязвимы (болезнь, старость, увязание в болоте или в грязи у водопоя), подобно тому как прибрежные популяции забивают китов, выбрасывающихся на берег перед смертью. Во-вторых, в археологических материалах не найден ни один предмет, который мог быть достаточно эффективным оружием для такого типа охоты. Поэтому мы не можем говорить об этапе «охотников на животных плейстоценовой мегафауны», в рамках которого крупные животные были бы главным источником жиз-

необеспечения этих групп людей. Если принять гипотезу о такой деятельности, то будет затруднена правильная интерпретация рассматриваемого конкретного периода.

Представляется, что на втором этапе между 12 и 7 тыс. лет тому назад была некоторая преемственность жизненных укладов и способов выживания, несмотря на крупные изменения окружающей среды, происходившие в тот период. Однако очевидно, что развитие происходило не в форме перехода от охоты на крупных животных к хозяйству, основанному на добыче мелкой и средней дичи, а в форме изменения набора имевшихся видов животных. Не следует забывать, что ни одна из стоянок старше 12 тыс. лет не дала остатков исчезнувших видов, вероятно, потому, что регионы гор с ксерофитовой растительностью (*caatinga* и *cerrado*) были неблагоприятны для фауны плейстоцена уже за несколько тысячелетий до появления в них человека. Эта фауна сохранилась в некоторых местах, где необходимые ей условия продолжали существовать, как, например, в районе р. Ибикуи. С другой стороны, в имеющихся там палеонтологических остатках содержатся и многочисленные образцы более поздней фауны, которая должна была быть особо привлекательной для древних обитателей Бразилии.

В отличие от регионов, подвергавшихся прямому влиянию условий ледникового периода, где наступление и отступление ледников в период плейстоцена открывало или закрывало определенные территории для жизни людей, в тропических и субтропических регионах наблюдались наступления и отступления лесов и других видов растительности. Отступали леса (*forests*), а открытые пространства (*campos*) наступали; подобным же образом растительный покров *caatinga* вытеснял *cerrado*, который отступал или становился смешанным. При этом представляется, что здесь никогда не было настоящих пустынь, непригодных для любой формы жизни, в частности для человека. Именно этим, без сомнения, объясняется тот факт, что человеку не пришлось радикально менять свою технику и технологию в условиях существенного ухудшения окружающей среды.

Если считать, что каменные инструменты, обнаруженные при раскопках, должны были использоваться при обработке различного сырья с целью изготовления оружия, то мы можем предположить, что наконечники для охотничьих копий и других металлических снарядов были деревянными. Но поскольку археологи не нашли никаких остатков такого деревянного оружия, невозможно проследить их концептуальную и технологическую эволюцию в зависимости от новых потребностей. Поэтому присутствие или отсутствие металлических наконечников перестает быть главным ориентиром.

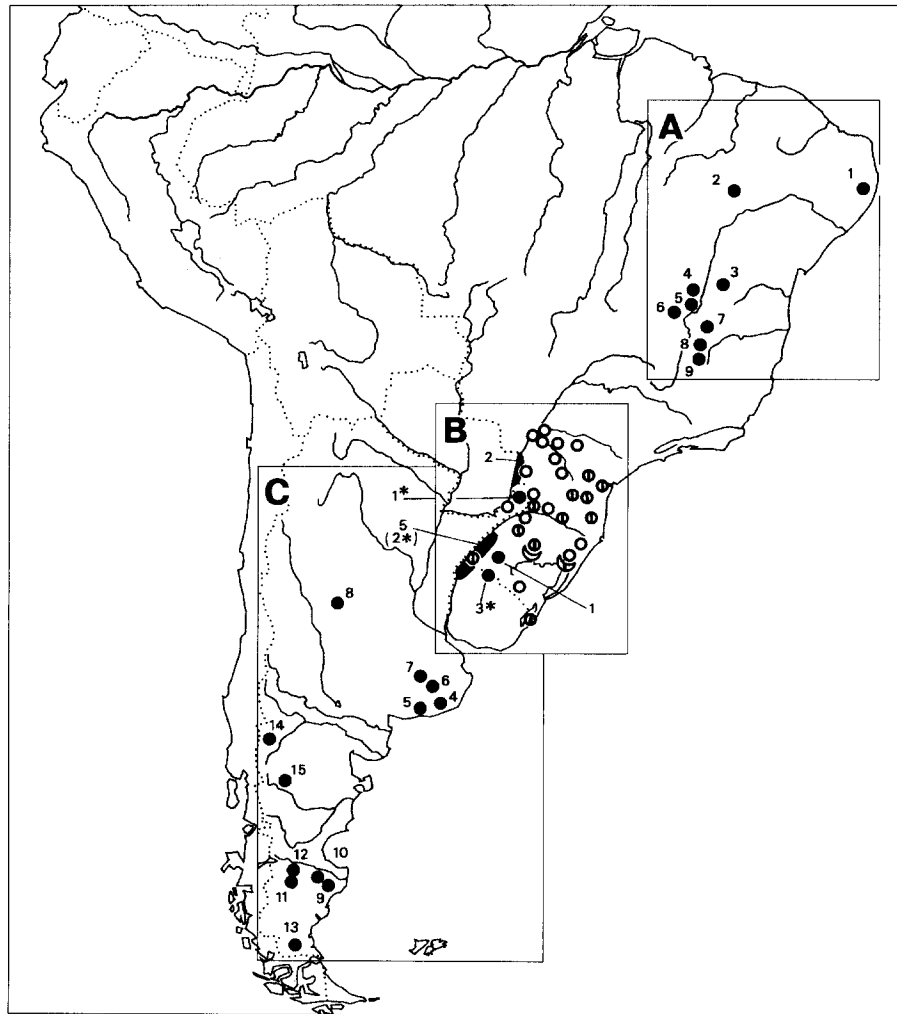
Другая крупная проблема возникает в связи с систематически выдвигаемыми предположениями о том, что в определенную эпоху был третий этап развития, когда важное место заняло собирательство растений, которое, вероятно, стало преобладать над охотой. Предполагается, что этот этап, названный «архантическим», значительно отличается от предшествующего этапа, когда в питании человека собирательство играло меньшую роль, чем охота. В то же время нет никаких конкретных доказательств спада интенсивности охоты (впрочем, вообще остатки, связанные с практикой охоты, в любом случае мало надежны), но даже если предположить, что охота оставалась стабильной, объем потребления лесных продуктов явно увеличился. Новый климат эпохи голоцена мог способствовать появлению новых видов растений, и человек научился использовать их, что расширило ассортимент известных ему продуктов, вместе с тем он продолжал охотиться по мере надобности или при наличии возможности. Иначе говоря, старые модели жизнеобеспечения не были отвергнуты, хотя численность некоторых животных сократилась при одновременном

расширении возможностей использования растений. Впрочем, эта ситуация не подтверждена каким-либо существенным технологическим изменением, которое могло бы выделить эту стадию. Согласно нашей гипотезе, древние обитатели Бразилии (всегда в большей степени зависели от собирательства (плодов, клубней и корнеплодов), чем от охоты, или же с равной интенсивностью практиковали оба вида деятельности.

В других регионах Южной Америки должны были в ряде случаев жить охотники, специализировавшиеся на добыче стадных животных; к ним можно отнести вигонь (викунию) и гуанако в пампе Хунир; гуанако в зоне Лос-Тольдос; нанду (американский страус) в пампасах. Для охоты на быстроногих животных был изобретен специальный снаряд – *boleadora* или *bola* (*boleadora*, *bola*). На протяжении тысячелетий эти охотники основывали свое жизнеобеспечение на использовании этого единственного или главного ресурса. Из-за отсутствия стад животных в тропических и субтропических регионах, во всяком случае из-за отсутствия достаточно крупных стад, такая специализация не состоялась, и соответствующий охотничий инвентарь не появился. Таким образом, противопоставление специализированного и неспециализированного охотника не может служить основанием для определения различных этапов развития интересующего нас региона. Либо все популяции были «неспециализированными», либо они были «специализированными» в условиях такой среды, которая предлагала им целый набор ресурсов (необязательно изобильных) одновременно или поочередно, в зависимости от экологических ниш и крупных изменений окружающей среды. Настоящая специализация возникнет позднее, когда человек начнет осваивать морские побережья, озера и устья рек.

При рассмотрении вопроса о доисторическом заселении тропических и субтропических зон мы предпочитаем подразделить их на регионы (например, «регион *caatinga* и *cerrado* северо-востока и центра Бразилии» или «регион *florestas* и *campos* юга Бразилии и северо-востока Аргентины») вместо того, чтобы уточнить этапы развития, которые пока трудно определить и которые имеют неточные хронологические рамки. И пусть при этом останется без внимания или не будет прояснено какое-то существенное изменение в рамках эволюции – ведь нам известно, что полученные данные не позволяют разграничить этапы в терминах существенных культурных различий. Само собой разумеется, что приблизительно за 30 тыс. лет исторического процесса должны были произойти большие перемены даже в окружающих условиях, которые могли вызвать важные изменения в технологии, но такие изменения не могут быть обнаружены ни в инструментах, ни в самой окружающей среде.

Аналогичная ситуация существовала, видимо, и в других рассматриваемых здесь регионах, хотя и там мы пока не имеем явных признаков культурных изменений. Важным, без сомнения, моментом было появление 7 тыс. лет назад в зоне пампасов Уругвая и Аргентины *bala* – каменных шаров, предназначенных для поражения быстроногих животных. Охота на нанду и некоторых оленевых требовала применения именно такого инвентаря, в связи с чем можно предположить факт состоявшейся технической адаптации к вполне определенной среде. Речь идет о больших равнинах – пампасах, где болы можно было метать очень далеко. Однако нет никаких существенных материалов, свидетельствующих о том, что этот тип оружия соответствует какой-то технологической эволюции или что благодаря его эффективности произошла эволюция жизненных укладов. Проблема «мегафауновых охотников» затрагивает также аргентинские пампасы, где 10 тыс. лет назад человек сосуществовал с той древней фауной, использование ресурсов которой и там было, без сомнения, эпизодическим.

Карта 32. Археологические культуры и местонахождения, упоминающиеся в тексте: **А** – Северо-Восточная и Центральная Бразилия: 1 – Ита-парика – Педра-ду-Кабоклу; 2 – юго-запад штата Пиауи; 3 – Иуиу; 4 – Монталуания; 5 – Жануария; 6 – Лапа-ду-Женгио-и-да-Фонсе; 7 – Лапа-Пекуена; 8 – Серра-ду-Сипу; 9 – Лагоа-Санта; **В** – Южная Бразилия: 1 – Тоуру-Пассу (Ибикуи); 2 – культура виниту; 3 – культура умбу; 4 – культура хумаита; 5 – культура уругвай; **С** – Южная Бразилия, Парагвай, Уругвай, Аргентина: 1* – Хумаита или Альтопаранансе; 2* – Уругвай или Каталаниенсе; 3* – Куарейменсе; 4 – Серро-Ла-Чина; 5 – Арройо-Секо; 6 – Тандилиенсе; 7 – Эстансиа-ла-Модерна; 8 – Интихуаси; 9 – Эль-Сейбо; 10 – Лос-Тольдос; 11 – Рио-Пинтурас; 12 – Арройо-Фео; 13 – Лас-Буитreras; 14 – Трафул; 15 – Пьедра-Парада (позиции 1*, 2*, 3* относятся к квадрату С; позиция 2* является также позицией 5 квадрата В)

Археологические данные по Патагонии указывают на существование 12 тыс. лет назад групп охотников, имевших некоторую специализацию в охоте на гуанако (Лос-Тольдос), но поскольку этот базовый охотничий ресурс существовал на протяжении тысячелетий, имеющиеся данные также не позволяют нам определить культурные рубежи, даже несмотря на выявленные изменения в наборе инвентаря. Таким образом, нам кажется, что не следует придавать особое значение тому факту, что охота на гуанако сначала велась снарядами с метательными наконечниками, а затем болами, поскольку эффективность обоих методов, очевидно, была примерно одинаковой.

РЕГИОНЫ СЕВЕРО-ВОСТОКА И ЦЕНТРА БРАЗИЛИИ (карта 32)

Первые обитатели Бразилии

Самые древние из известных нам обитателей Бразилии обосновались здесь 25–30 тыс. лет назад на юго-востоке штата Пиауи (северо-восток Бразилии), занимая последовательно различные уровни известняковых

пещер и скальных укрытий Серра-Бом-Хесус-де-Гургуея. В этих местах горная цепь поднимается на 500–800 м над уровнем моря, а прилегающие к ней районы находятся на высоте 200–500 м. В наше время климат здесь полусухой и жаркий, с летними дождями, среднегодовая температура – 25 °С, уровень среднегодовых осадков – 750 мм. В этом сухом регионе преобладает растительность кустарниковых лесов (*caatingas*), образующих местами густые заросли, а местами – редкий покров (*Emperaire*, 1983). Впрочем, эти общие признаки не относятся к специфическим зонам: долинам и плоскогорьям, где распространены такие сочные виды, как кактусовые, и травы (бромелиевые, в частности, ананас), но нет ни эпифитов (растений, не имеющих связи с почвой. – *Прим. ред.*), ни лиан. Систематические исследования палеоклимата не проводились, но, вероятно, современные климатические характеристики начали проявляться и утверждаться около 10 тыс. лет назад, вслед за более влажным периодом и соответствовавшей ему растительностью (*Ab' Säber*, 1983, цит. по *Schmitz*, 1984).

Первое поселение людей типа временной охотничьей стоянки было открыто Гуидоном (*Guidon*, 1984) в пещере Бокейрао-да-Педра-Фурада, здесь им с 1978 г. были раскопаны несколько уровней обитания. Самый ранний

из них, соответствующий слою XIX, содержал следы очагов, образцы древесного угля из которых, согласно радиоуглеродному анализу, относятся к 26,3; 26,4 и 31,5 тыс. лет назад. Среди культурных объектов нет ни одного завершённого артефакта, однако автор объясняет работой человека найденные заготовки-нуклеусы и кварцевые и кварцитовые отщепы. Во всяком случае, в рамках одного и того же периода, но на более поздних уровнях поселения найден инвентарь, достоверность которого неоспорима, в частности, скребок из кварцевого отщепы и нож из кварцита, оба с ретушью.

Приблизительно 25 тыс. лет назад каменное производство по-качеству находилось на хорошем техническом уровне, хотя модели инструментов не изменялись по типу и, судя по предполагаемому функциональному назначению различных орудий, новые потребности здесь не возникали. В пещере были найдены боковой скребок с ретушированным краем, а также множество отщепов и нуклеусов. Датировка в 17 тыс. лет, установленная в той же стратиграфической последовательности, относится к другому, более позднему, времени заселения пещеры, к которому также относятся обломки отщепов и нуклеусов.

Если присутствие человека на протяжении этих тринадцати тысячелетий, между 30–17 тыс. лет назад, уверенно подтверждается найденными материалами, то остатки, позволяющие восстановить жизненный уклад этих первых популяций, встречаются крайне редко. Пока имеется слишком мало сведений о природных ресурсах, которые они разрабатывали для пропитания, но можно предположить, что, будучи охотниками, они занимались также сбором диких плодов. Из проведенных датировок следует, что обнаруженные охотничьи стоянки относятся к плейстоцену, когда мегафауна еще не исчезла. В то же время каменные орудия здесь не были приспособлены для охоты на крупную дичь. Правда, следует отметить, что в регионе пока не проведены палеонтологические исследования, которые позволили бы утверждать, что человек действительно сосуществовал здесь с плейстоценовой мегафауной, и совсем мало данных о том, что он питался именно этой дичью. Кроме того, отнесенные к этой эпохе изделия на первый взгляд совсем не похожи на оружие, предназначенное для подобной охоты. Они скорее ассоциируются с орудиями для обработки таких материалов, как дерево и кожа, и даже для изготовления других орудий, предназначенных, например, для добывания пищи, но никаких остатков ее на стоянках не найдено. С другой стороны, в отличие от более поздних эпох, когда в качестве сырья широко использовался кремль, к этому периоду отнесены только кварцевые и кварцитовые орудия, материал для которых, видимо, просто собирали близ пещер, а не добывали в специальных карьерах.

На стенах большинства пещер и подкальных убежищ сохранились наскальные рисунки. Их сгруппировали по стилям, характерным для нескольких традиций, имеющих различные пространственные и временные характеристики. Особое значение придается пещере Бокейрао-да-Педра-Фурада, поскольку в ее отложениях найдены небольшие булыжники с пятнами красной краски. Самый древний из этих камней находился в горизонте 25,4 тыс. лет давности, а другой камень датирован возрастом в 17 тыс. лет, что явно свидетельствует об использовании охотниками самых древних эпох красящих пигментов, применявшихся, по-видимому, для наскальных рисунков.

В этой же части *caatinga* (на юго-востоке штата Пиауи) жили мелкие группы охотников, остатки от пребывания которых сохранились на нескольких местонахождениях. В пещере Кальдейрао-ду-Родригес I первые обитатели (уровень VIII) должны были появиться примерно 18,6 тыс. лет назад или раньше, поскольку осадоч-

ный слой со следами человеческой деятельности идет вглубь. Хотя эта пещера была не очень пригодна для жилья из-за малых размеров, в ней сохранились остатки очагов, некоторые из них обозначены камнями. На нижних уровнях каменный инвентарь не обнаружен, но проживание в них человека не вызывает никакого сомнения. Как слишком тесное, это убежище использовалось не постоянно, время от времени, поскольку его следующее заселение произошло 9 тыс. лет спустя (уровень VII).

Охотничьи сообщества продолжали жить в Пиауи между 15–12 тыс. лет назад. Остатки от этого периода были найдены в пещере Мейо, первые обитатели которой появились здесь 14,3 тыс. лет назад и оставили приблизительно до 12 тыс. лет; они имели однородную технологию, в основном не отличавшуюся от других, более древних технологий в этом регионе. На некоторых каменных объектах видны следы изношенности – это отщепы, нуклеусы и наковальни с выбоинами от ударов. В то же время были обнаружены полностью обработанные инструменты с ретушированными краями, в том числе боковые скребки, один из которых имеет двустороннюю ретушь. Хотя для этой стоянки характерно использование таких материалов, как роговик и кремль, наряду с кварцем и кварцитом, пока нельзя говорить о целенаправленном выборе материала, поскольку роговик скальвался со стен убежища, а кремль здесь встречается редко.

Пока нет сведений о находках здесь пищевых остатков, однако из сказанного выше следует, что на протяжении примерно 20 тысячелетий группы, проживавшие на юго-востоке штата Пиауи, поддерживали относительно стабильное равновесие с окружающей средой, где они добывали ресурсы, необходимые и достаточные для проживания. На протяжении всего периода не было технологических новаций, свидетельствующих о разработке более богатых и качественных ресурсов. Очевидно также, что имевшиеся ресурсы не вынуждали человеческие группы расселяться за пределы определенных границ, поскольку ни одна из исследованных охотничьих стоянок не имеет такой концентрации артефактов или других остатков, которая соответствовала бы возросшей численности обитателей. И хотя можно полагать, что климат предшествующих периодов был более влажный, что способствовало произрастанию густой растительности, местные ресурсы должны были быть ограниченными и должны были истощаться по мере того; как на месте пастбищ и лесов появлялись *caatingas*.

Культуры моложе 12 тыс. лет

Приблизительно 12 тыс. лет назад население Бразилии становится разнообразным, так как различные группы, занимавшие исходные территории, уходят с юго-востока штата Пиауи.

Первые охотники-собиратели, обосновавшиеся в центральном регионе Бразилии (штат Минас-Жерайс) заняли большое скальное укрытие Сантана-ду-Риачо. Над ландшафтом здесь господствуют горы Серра-ду-Сипу, которые местами достигают высоты 1100 м. У их подножия раскинулись перемежающиеся плато и долины с преобладанием известковых образований. Здесь сухой тропический климат с мягкими зимами, среднегодовой объем осадков, выпадающих почти исключительно от октября до марта, равен приблизительно 1100 мм. Здесь негустая растительность: отдельные деревья и кусты с короткими скрюченными стволами и ветвями, с плотной корой, характерной для ксерофитов. Эта растительность, которую здесь называют *ceppado* (*cerrado*), а ее более развитый тип – *ceppadao* (*cerradao*) обычно перемежается открытыми пространствами с травянистым покровом.

А. Прус (A. Prous, 1980/81) определил давность следов первых обитателей пещеры Сантана-ду-Риачо (в частности, очага примерно 2 м в диаметре) в 12 тыс. лет. В этом уровне был найден только один предмет – небольшой кварцевый отщеп и следы красителей, и не было никакой информации о пищевых продуктах. Поэтому датировка первых обитателей центрального бразильского плато пока неточна, но присутствие здесь человека на протяжении по меньшей мере уже 12 тысячелетий неоспоримо.

Свидетельства проживания людей на севере штата Минас-Жерайс в тот же период или несколько позже были открыты к западу от р. Сан-Франсиску, включая долину р. Перуасу и район г. Жануария. Среднегодовая температура здесь составляет 24 °С с крайними значениями 16 и 34 °С, годовой уровень осадков – между 850 и 950 мм. В растительном покрове сочетаются два вида растительности – *серрадо* и *каатинга*. Самые древние поселения в долине р. Перуасу были найдены на террасах, образовавшихся в результате эрозии близ реки. Эти первые обитатели жили в скальных укрытиях, а также на открытых стоянках, находившихся на расстоянии не менее 2 км от реки. Именно там, в пещере Грута-ду-Бокете были вскрыты древние уровни со следами использования в основном кремня для изготовления из крупных толстых отщепов концевых скребков и плоско-выпуклых скребел, а также других орудий из коротких отщепов (Prous, Junqueira & Malta, 1984). Были также обнаружены ретушированные отщепы с явными признаками использования их в качестве орудий, а также природные известняковые пластины, обработанные по краям. На этой стоянке уже появляются следы использования костей в качестве сырья: найдено орудие, похожее на кинжал, сделанное из длинной кости оленя, с эпифизом, сохраненным в качестве рукоятки. Обнаруженные пищевые остатки состоят главным образом из пресноводных и наземных моллюсков, однако нет сомнения, что дополнительно использовались и другие ресурсы, следы которых пока не найдены.

Производство такого же типа было открыто на нижних уровнях пещеры Грута-ду-Драгуа в районе Монталвания, где просматривается четкое разграничение в расположении мест для проведения церемоний и для жилья. Первые из них, украшенные рисунками, встречаются в скальных укрытиях, в то время как жилища размещены в пещерах, а также на склонах и на вершинах плоских холмов.

В близком к рассмотренному, но находящемуся уже в штате Баия районе Иуиу были идентифицированы остатки поселения похожего типа и, вероятно, той же давности. Природная среда в этом регионе очень напоминает районы Жануария и Монталвания, однако в растительности здесь явно преобладает *каатинга*. При этом все изученные жилые стоянки находятся на горной гряде со средней высотой 600 м, и здесь, в удаленных и влажных местах, *каатинга* сменяется более плотным покровом деревьев и трав. В нижних уровнях изученных пещер и убежищ – Тока-да-Онса и Тока-ду-Маль-Ассомбраду – найдены следы производства с теми же технологическими характеристиками, что и в местонахождениях в штате Минас-Жерайс, хотя здесь добыто очень мало неповрежденных артефактов. Однако, судя по характеристикам отщепов, нуклеусов и немногих артефактов с боковой ретушью, а также по широкому применению кремня в качестве исходного материала, их сопоставление вполне закономерно. Все эти остатки в северной части штата Минас-Жерайс и южной части штата Баия имеют типологическое сходство с остатками, сохранившимися от охотников, относящихся к культуре паранаиба, изученной Шмитцем (Schmitz, 1980), и, в частности, с уже упомянутым материалом из пещеры Грута-ду-Бокете. Здесь уместно обозначить еще один район, к ко-

торому мы вернемся далее. Речь идет о различных археологических стоянках штата Пернамбуку (северо-восток Бразилии), где скопления каменных инструментов, относящихся к производству Итапарика, совпадает по древности и типологическим признакам с культурой паранаиба.

В самых глубоких уровнях пещер, относящихся к культуре паранаиба, в частности, в укрытии GO-JA-01 в юго-западной части штата Гояс, на одном из притоков р. Паранаиба, которая образует часть бассейна р. Парана. Насколько нам известно, первые обитатели этого района жили в этих пещерах около 10,75 тыс. лет назад. Окружающий ландшафт состоит сегодня из четырех элементов: а) прерии (*campos*), покрытые травой, с редким кустарником и почти полным отсутствием пищевых ресурсов растительного происхождения; б) *cerrados* – кустарниковая саванна, находящаяся между *campos* и лесами и изобилующая разнообразными плодами; в) *matas cerrados*, где растут большие деревья с малым количеством плодов, и, наконец, г) болота и берега рек, где произрастает тростник, и хотя там мало плодов, зато много млекопитающих, рыб, пресноводных черепах и моллюсков. Ученые полагают, что эта среда 11 тыс. лет назад была в основном такой же, только тогда *campos* и *cerrados* должны были занимать более обширные площади из-за большей сухости климата, а леса – меньшие площади (Schmitz, 1980).

Древние обитатели юго-западной части штата Гояс также предпочитали оборудовать временные стоянки в скальных укрытиях. При этом они проживали в пещерах большую часть года, численность каждой группы была, без сомнения, большой, судя по множеству обнаруженных там пищевых и производственных остатков. Были идентифицированы несколько видов предметов из кварцита, имеющих в большинстве своем общие характеристики: удлиненные односторонне оббитые, как правило, симметричные скребки, изготовленные из узких толстых пластин, ретушированных по всей кромке, с односторонней ударной площадкой, на обратной стороне только удаляли бугорки, оставшиеся после скальвания. Кроме того, в местных скоплениях встречаются небольшие толстые отщепы с одним выступающим острием – они могли применяться как проколки, а также дисковидные шлифованные отбойники с насечками. Помимо камня, обитатели местных убежищ периода Паранаиба в качестве сырья использовали и кость: они изготавливали из костей метательные острия для охоты, но таких предметов найдено мало. Статистическое исследование остатков фауны, проведенное только на одном разрезе стоянки (Jacobus, 1983), показывает, что 90% дичи составляли сухопутные млекопитающие, более 8% – поровну пресмыкающиеся и птицы и менее 2% – рыбы; наземные моллюски служили пищей от случая к случаю. Среди млекопитающих преобладали олени (*Cervidae*), но встречаются также броненосцы (*Dasypodidae*), плотоядные животные, опоссумы (*Diselphidae*) и др. Среди земноводных были пресноводные черепахи (*Chelonia*), крокодилы (*Crocodyllia*) и ящерицы. Судя по обнаруженным позвонкам, максимальный вес отловленных рыб не превышал 500 г. Крайне странным является то обстоятельство, что при раскопках не обнаружено никаких следов агути (*Agouti pacca*), тапиров (*Tapirus terrestris*) и обезьян, т.е. животных тех видов, которыми изобилует этот район в наше время.

Остатков плодов на этой стоянке очень мало, в основном это пальмовые орехи и некоторые другие, пока не идентифицированные плоды.

Ни один из каменных артефактов не похож на достаточно эффективное оружие для охоты на тех животных, остатки которых обнаружены на стоянке. Костяное оружие, возможно, подходило для отдельных видов.

К тому же здесь были наиболее распространены олени, быстрые и чуткие животные, способные резко изменять направление бега, и поэтому добывать их было нелегко. Возможно, что обнаруженный каменный инвентарь использовался не только для обработки шкур с разной целью, но и для изготовления подходящего охотничьего оружия, которое в таком случае должно было быть деревянным и потому не сохранилось. Установлено, что на каменных артефактах типа скребков имеются следы износа по кромке; можно предложить их двойное назначение: ими скоблили и резали; но они не использовались для раскалывания или прокалывания, для этого служили небольшие специальные инструменты. Опять же остается просто констатировать, что каменные метательные наконечники здесь не были найдены.

Несмотря на одностороннюю обработку, данному инвентарю свойственна определенная утонченность, которая свидетельствует о достаточном знании исходных материалов для получения длинных массивных отщепов, из которых можно было сделать нужный предмет. Повторная оббивка спинки заготовок позволяла при необходимости получать желаемую симметричность форм. Снятие бугорка, образующегося при откалывании на внутренней поверхности отщепы, также указывает на определенный технический уровень. Фауна, представленная на стоянках, вся без исключения относится к голоцену. Следовательно, первые обитатели этого региона могли выживать без охоты на последних представителей мегафауны, если она еще существовала в тот период.

Появившись в штате Пернамбуку (северо-восток Бразилии) приблизительно 11 тыс. лет назад, первые обитатели обосновались в Педра-ду-Кабоклу, на плоскогорье у р. Агресте, выбрав место для стоянки в укрытии среди высоких скал, которые образовывали укрытия и небольшие пещеры. Растительность этого района является промежуточной между *caatinga* и *Floresta caducifolia*, где представлены виды растений без колючек, обычные для местного слегка холмистого рельефа. Влажность здесь выше, чем в *caatinga*, а климат может быть определен как полувлажный или полусухой с засушливым сезоном от 4 до 6 месяцев и среднегодовыми осадками 1010 мм (*Laroche*, 1970).

Установленная давность в 11 тыс. лет является конкретным ориентиром для датировки появления человека в штате Пернамбуку. При этом необходимо отметить, что в уровнях, расположенных ниже датированных этим возрастом, были обнаружены следы более древнего производства из кварца. Здесь найдены орудия, полученные прямой отбивкой без ретуширования многогранных блоков и отщепов, в некоторых случаях представляющих собой рубила. Однако по этому гипотетическому более раннему уровню обитания нет никакой другой информации, и радиоуглеродный анализ не помог установить его возраст.

Итак, 11 тыс. лет назад в данном районе возникла культура итапарика с производством артефактов, подобных тем, которые отнесены к указанной выше культуре паранаиба на юго-западе штата Гояс. Речь идет о каменных орудиях с плоско-выпуклой односторонней обработкой, где преобладают листовидные предметы, некоторые из них имеют следы параллельного отжигного ретуширования по кромке и вдоль спинки длинных массивных отщепов. Эти предметы имеют размеры от 5 до 11 см в длину и от 3 до 4,5 см в ширину. Представлены также предметы копьевидной и треугольной форм. Некоторые предметы сделаны из кварца, но большинство из кремня.

В 1969 г. Кальдерон (*Calderon*, 1969) уже обнаружил такое же производство в Грута-ду-Падре близ г. Петроландия (штат Баия). Определенная им датировка примерно в 7,6 тыс. лет свидетельствует о наличии последовательности, сохранявшейся не менее 3,5 тыс. лет.

В Лапа-да-Фойсе (на западе штата Минас-Жерайс) он обнаружил артефакты того же типа, которые использовались до 5–4 тысячелетия тому назад (*Dias*, 1980).

Группы, занимавшие Сантана-ду-Риачо приблизительно 9,5 тыс. лет назад, оставили следы производства с более четкими характеристиками, чем были у их предшественников по этой стоянке. Такова же давность и древнейших захоронений Бразилии, соотносимых с так называемой расой Лагоа-Санта. Ее представителей отличают довольно светлая кожа, стройная осанка, сравнительно небольшой рост и грацильные руки и ноги, при том что остатки мускулов нижних конечностей явно свидетельствуют о большой мышечной активности. Для них характерны также черепа среднего объема долихокефального и гипердолихокефального типа, широкий лоб и короткий широкий нос, прогнатические и мезопрогнатические лица, высокие и узкий таз, маленькие руки и ноги. Половой диморфизм выражен не ярко (*Alvim et al.*, 1977).

Захоронения Сантана-ду-Риачо представляют собой в основном примитивные круглые и овальные ямы, выкопанные в земле на глубину 20–30 см. В нескольких случаях останки тел были обложены камнями, а другие ограждены крупными каменными валунами местного происхождения. Под голову обычно подкладывался камень, многие черепа были раздроблены. Скелеты находились в согнутом положении, одна рука лежала на голове или на животе. Такое положение тел объясняется, вероятно, тем, что трупы обматывали сеткой или гамаком (соответствующие следы были найдены в более поздних пластах). Рядом со скелетами лежали скребки или кварцевые отщепы, а также костяные метательные наконечники и бусы из зерен или растительных волокон (в одном случае найден также костяной крючок для рыбной ловли). Могилы были как индивидуальные, так и общими, где похоронены несколько детей или взрослый с ребенком. Останки мужчин и женщин представлены в равном соотношении, как и число захороненных детей и взрослых, но скелетов юношей и девушек найдено мало. Средний возраст женщин – около 30 лет. Часто рядом со скелетами обнаруживали остатки красных красителей.

Полученные материалы позволяют более полно охарактеризовать данную популяцию, жившую в *cerrado*, о которой нам также известно, что в пищевой рацион ее представителей входили мякоть и ядра орехов дерева пекан (*Caryocar brasiliense*), а также *cukunupa* (*Pterodon abruptus*). Найденные на стоянке останки фауны свидетельствуют об охоте на броненосцев, мелких оленевых и различных грызунов, в том числе на агутти (*Agouti paca*). В меньшем количестве попадают остатки птиц, черепах и мелких рыб. Видимо, в пищу употреблялась также большие наземные улитки (*Strophobaeillus*), о чем свидетельствуют их обожженные остатки в золе и углях очагов.

Каменное производство на стоянке характеризуется артефактами из кварцевых отщепов и пластин, причем многие заготовки получались из прозрачного кварца, путем раскалывания многогранных нуклеусов. Обнаружены также крупные скребки со спинкой, резцы со следами изношенности двугранных углов, проколки и еще одна редко встречающаяся форма – полукруглые долота (*Prous*, 1980–1981). Отметим один незавершенный наконечник-бифас. В законченном виде такие изделия, судя по толщине кромок, по-видимому, использовались как скребки, а не как лезвия. В качестве резцов применялись, без сомнения, отщепы из прозрачного кварца, очень острые сами по себе.

В другой части пещеры, рядом с этим кварцевым инвентарем древностью приблизительно 9 тыс. лет, было выявлено производство отщепов из кварцита, который

добывался из залежи, находившейся в 3 км от пещеры. Найденные скребки с боковой ретушью напоминают орудия индустрии паранаиба штата Гояс. Помимо этого каменного инвентаря, обнаружено также несколько костяных орудий близ захоронений: небольшие наконечники из костей млекопитающих с круглым или полукруглым сечением, два из которых могли служить иглами, а третий является фрагментом крючка, что позволяет предположить, что уже в ту раннюю эпоху занимались ловлей рыбы.

Проживание людей в пещере продолжалось очень долго, и примерно до четвертого тысячелетия до наст. в. инвентарь остается в высшей степени однородным, хотя прозрачный кварц постепенно вытесняется молочным кварцем в качестве главного сырья.

Недалеко от Сантану-ду-Риачу, на стоянке Лапа-Вермельха (регион Лагоа-Санта), были исследованы горизонты проживания там людей 11,7–7,6 тыс. лет назад (*Empereira A.*, 1983). Однако здесь присутствие человека представлено каменной индустрией весьма скудно, причем найденные кварцевые артефакты с трудом поддаются определению; есть несколько очагов и редкие пищевые остатки. Первоначальная радиоуглеродная датировка свидетельствует, видимо, о давности в 25 тыс. лет, но полученные данные нуждаются в подтверждении, так как необходимо заново осмыслить местный стратиграфический состав. В любом случае достоверно установлено, что пещеры региона Лагоа-Санта сохранили остатки каменного производства, использовавшего в качестве основного сырья хрусталь и прозрачный кварц.

В отложениях (особенно на самых глубоких уровнях) стоянки Лапа-Пекуэна близ г. Монтис-Кларус, на севере штата Минас-Жерайс были найдены каменные орудия с односторонней обработкой, довольно похожие по характеристикам на орудия предшествующего производства. Их возраст составляет 8,2–7,6 тыс. лет назад. Речь идет о призматических отщепках кристаллического кварца, а также о мелких кремневых отщепках. Как и упомянутые ранее регионы, данный регион покрыт растительностью типа *cerrado*. Исследования Брайана и Грюна (*Bryan & Grubn*, 1978) этой стоянки выявили ряд существенных данных. Поражает прежде всего значительное число каменных изделий с небольшой выемкой на одной или на обеих сторонах. Бразильские археологи называют эту выемку «ореховый щелкунчик» (*quebra cocos*). Она могла использоваться для удержания орехов пальмового дерева *coquito* при раскалывании их одним ударом. Эти орудия связаны с двусторонней обработкой кварцевых отщепов, так как стоянки здесь изобилуют именно такими заготовками. Кроме того, следует отметить, что ретушированные и полностью обработанные предметы встречаются редко, и это говорит о том, что большинство отщепов могли использоваться сразу после их скалывания благодаря получавшемуся острому режущему краю. Другим показательным моментом является наличие гематитовых желваков. Проус (*Prous*, 1978–1980) считает, что они использовались для измельчения красителей. Были найдены также предметы со следами отбивки, несколько костяных метательных наконечников и скребла из раковин. О функциях этих орудий известно очень мало, так как пищевых остатков в Лапа-Пекуэна найдено совсем немного. По мнению некоторых авторов, эта, хоть и примитивная технология позволяла обитателям пещеры выживать на протяжении тысячелетий, питаясь в основном наземными моллюсками и орехами пальмового дерева *coquito*. По нашему мнению, это утверждение несколько рискованно в том смысле, что должны были существовать и другие пищевые ресурсы, даже если их остатки не сохранились. Возможно, что люди жили в пещере только в определенные периоды года, когда было удобно использовать местные ресурсы.

В Серка-Гранде в регионе Лагоа-Санта обнаружено производство из хрустала и кварцевых отщепов, изготавливались резцы и скребла примерно 9,7 тыс. лет назад. В эти каменные артефакты входили также метательные наконечники-бифасы с черешком и зубуринками – вероятно, это самые древние орудия, известные в Бразилии. С ними вместе найдены и костяные наконечники (*Hurt & Blasi*, 1969). Правда, большинство исследователей датируют эти наконечники возрастом всего 4–5 тыс. лет назад.

В пещерах и скальных укрытиях на юго-западе штата Пиауи люди проживали непрерывно, и 10 тыс. лет назад они уже умели изготавливать и использовать скребки и другие артефакты, в основном из кремня, которые типологически связаны с культурой итапарика. В штате Пернамбуку группы людей занимали также пещеру Ча-ду-Кабоклу в рамках той же самой культуры примерно до 5 тыс. лет назад. Вероятно также, что в тот же период на территориях к северу от Пернамбуку (штат Риу-Гранди-ду-Норти) проживало население, пользовавшееся производством, которое было близким к производству итапарика. К западу от Минас-Жерайс, на стоянках Ла-Лапа-да-Фойсе и Ла-Лапа-ду-Жентиу были найдены и кремневые скребки со спинкой типа итапарика давностью 8,6 тыс. лет, находившиеся в захоронениях (*Dias*, 1980).

В связи с этим имеется важная проблема, связанная с тем, что производства (особенно кремневые) тех культур, в технологическую оснастку которых входили артефакты, подобные скребкам со спинкой, были уже распространены на значительной части бразильской территории – в районах высоких плоскогорий и в районах растительности типа *cerrado* и *caatinga*. Если исключить ряд сомнительных случаев, то каменные метательные наконечники в это время еще отсутствуют. Скребки со спинкой и другие артефакты должны были использоваться скорее всего для изготовления оружия из дерева, и поэтому их следует рассматривать как виды инструментов, приспособленных именно к данной среде, в которой они и просуществовали несколько тысячелетий, почти не меняясь. Инвентарь этого типа, появившийся позже 6–5 тысячелетия, вероятно, соотносится уже с тем периодом, когда обозначившиеся изменения окружающей среды привели к появлению новых технологических потребностей. Поэтому период максимальной длительности применения этих скребков был ограничен временем от 11 до 6 тыс. лет назад. В начале этого периода плейстоценовая мегафауна полностью еще не исчезла, были найдены остатки нескольких плейстоценовых животных, увязших близ ям с водой, но, по всей видимости, эта мегафауна не играла по-настоящему важной роли в повседневной жизни людей той эпохи.

Между тем, на нескольких стоянках той же давности, что и производство итапарика, обнаружены следы популяций, имевших различные орудия из мелких отщепов и пластин из кварца и кремня. Пока не доказано обратное, можно считать, что создание этого инвентаря было ответом на местные или региональные потребности населения, которое, оставаясь в рамках культуры итапарика, в ряде случаев не нуждалось в типичных для нее скребках со спинкой. Однако нельзя не признать возможность и другой версии – о том, что эти популяции, будучи адаптированы к той же самой среде, стали развиваться как независимые группы в эволюционном направлении, которое первоначально проявилось в районе Лагоа-Санта, где с появлением мелких кварцевых и кремневых орудий начинается новый технологический этап, призванный удовлетворить другие потребности. Согласно этой теории, производство итапарика должно было возникнуть в различных местах и в разное время, а не сразу на всей территории страны.

На юго-западе штата Гояс, где хорошо идентифицирована местная последовательность культур, производство итапарика или паранаиба с его отретушированными скребками со спинкой приблизительно 7,4 тыс. лет назад уступило место другому культурному уровню под названием серранополис, каменный инвентарь которого не ограничен каким-либо определенным типом инструмента: это полукруглые долота, кирки, проколки, небольшие скребки на отщепках неправильной формы. Каменные осколки здесь гораздо крупнее и оббиты более грубо, чем в предшествующий период. Наблюдается также тенденция к большому использованию халцедона в качестве сырья вместо кварцита. Сохраняется производство предметов из кости, в том числе наконечников с крючками, что свидетельствует о специализации в использовании одного ресурса – речного рыболовства. Наиболее примечательным является широкое потребление наземных моллюсков (*Strophocheilidae*), остатки которых в изобилии встречаются в жилых горизонтах этого периода; при этом раковины использовались как скребки (Schmitz, 1980). Одновременно отмечается существенное сокращение количества остатков наземных млекопитающих; по-видимому, в это время охота в качестве средства жизнеобеспечения уступала место рыболовству и сбору плодов и моллюсков. Аналогичная ситуация проявляется в Лапа-Вермельха, Грута-да-Фойсе и Грута-да-Жентио, где наряду с распространением орехов пальмового дерева *кокиито* отмечается не очень распространенная охота на таких животных, как броненосцы, ящерицы, сухопутные черепахи и оленивые. Во всяком случае, в этот период моллюски занимают важное место в питании, и в нескольких пещерах были обнаружены большие кучи раковин. В большинстве изученных стоянок отмечается также рост потребления плодов, что является вероятным признаком усиления тенденции к питанию, основанному на растительных ресурсах, все более разнообразных. Этот этап интенсивного сбора моллюсков и растений, дополненного охотой на мелких животных и при случае на более крупную дичь, должен был начаться в период возрастания сухости климата. Моллюски тогда не исчезли, но стали появляться в темных и влажных пещерах, где они попадали прямо в руки охотников, на глазах которых заповедные территории становились все более скудными для охотничьего промысла. Те же самые условия заставляли людей разнообразить и развивать собирательство, включать те плоды, которые раньше они брали лишь от случая к случаю. Возможно также, что сокращалась численность и таких животных средних размеров, как оленивые, поскольку в новых условиях они находили меньше корма. Поэтому охота на них активизировалась и возникла необходимость создания нового оружия, такого как лук и стрелы. Видимо, в этот период, примерно 6 тыс. лет назад, появляются каменные метательные наконечники. И хотя климат стал впоследствии более влажным, возврат к старым формам жизнеобеспечения не состоялся. В конце концов начала развиваться и утверждаться новая модель хозяйствования, основанная на разнообразном собирательстве, дополненном рыболовством и охотой.

Ясно, что изменение окружающей среды, подобное тому, которое 7 или 6 тыс. лет назад переживали охотники итапарика (их образ жизни был хорошо адаптирован к условиям ландшафта с растительностью типа *caatinga* и *cerrado*, но оказался негибким), заставило некоторые группы людей уйти на более богатые продовольствием территории, в частности, в прибрежные зоны. Новые пришельцы продолжили там добывать моллюсков и занимались рыболовством, что привело 5 тыс. лет назад к полностью новому стилю их адаптации.

На северо-востоке штата Сан-Паулу и в районе, естественным продолжением которого является южная часть

штата Минас-Жерайс, обнаружены производства пока не датированных крупных артефактов, напоминающих бифасы и пластины. В дальнейшем обитатели этой территории перешли на более сложное производство скребков со спинкой и с боковой ретушью по всей внешней кромке. Обнаружены также тонко выполненные пластины с ретушью по всей поверхности (Caldarelli, 1978–1980). Южнее, в районе города Риу-Клару, были найдены скребки со спинкой и метательные наконечники с черешком, которые датируются примерно в 6 тыс. лет. Датировка 6,2 тыс. лет была определена для скопления каменных орудий на отщепках со стоянки Агуа-Ронка, а на стоянке Пау-д'Альву очаги, отнесенные к каменному инвентарю нуклеусов и отщепов, получаемых прямой отбивкой, были датированы приблизительно в 5,5 тыс. лет. В ту же эпоху произошло первое заселение района р. Паранапанема, к югу от Сан-Паулу, о чем свидетельствует довольно развитое производство бифасов и наконечников с черешком, открытое на стоянке Камаргу и датированное примерно в 4,65 тыс. лет (Pallestrini & Chiara, 1978).

ЛЕСА И РАВНИНЫ ЮЖНОЙ БРАЗИЛИИ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АРГЕНТИНЫ (карта 32)

Южный регион Бразилии

По расселению в доисторический период территория Южной Бразилии (приблизительно южнее 26 град. южной широты) несколько отличается от регионов *cerrado* и *caatinga* центра и северо-востока. Первые признаки присутствия человека появляются здесь примерно к 13 тыс. лет назад.

В целом этот регион представляет собой низкую холмистую равнину на высоте менее 400 м, которая простирается к югу до Уругвая и к западу до Аргентины. С востока она окаймлена узкой полосой низменностей, зажатых между побережьем и горной цепью Серра-ду-Мар. К северу ландшафт повышается (до 2000 м) и соединяется с южной частью Бразильского высокогорного плато, которое продолжается в северо-восточной части Аргентины.

Климат в регионе умеренный и влажный, основная часть осадков выпадает осенью и зимой, но практически дожди идут круглый год, так что годовой уровень осадков составляет 2000 мм в Серра-ду-Мар и 1250 мм – в долинах. Средняя температура равна 22 °С, но минимальные температуры достаточно низки. Растительный покров может быть разделен на три основных типа: довольно густой лес широколистных пород в долинах рек, на склонах Серра-ду-Мар и по краю высокогорного плато; менее густой субтропический лес араукарий (*Araucaria angustifolia*), который типичен для более высоких местностей, и, наконец, – открытые, покрытые травой пространства иногда с лесными вкраплениями, которые покрывают южные территории и часть высокогорного плато.

Согласно геологическим исследованиям, проведенным Бомбеном (Bomben, 1976) в Туру-Пассу (штат Риу-Гранди-ду-Сул), между 20 и 14 тыс. лет назад, т.е. в период, соответствующий последней стадии вюрмского альпийского оледенения, климат здесь был холодным и сухим из-за преобладания тихоокеанских антициклонов. Между 14–12 тыс. лет назад наступает период сезонных дождей, а затем, от 12 до 5 тыс. лет, длится период так называемого «климатического оптимума» с влажным климатом при преобладании атлантических антициклонов.

Наиболее древние остатки от присутствия человека в этом регионе относятся ко второму из этих периодов, когда некоторые представители ископаемой фауны, такие как гигантский ленивец (*Glossotherium robustum*), гигантский броненосец (*Glyptodontes*), древний гиппопо-

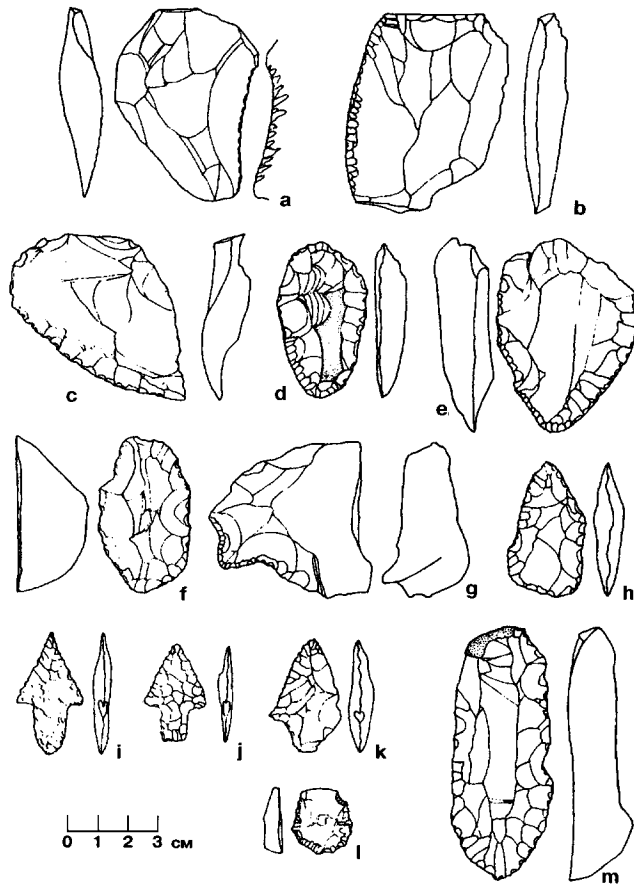

Рис. 91. Каменные артефакты фазы винику (Бразилия): а – струг; б – боковой скребок; с – концевой скребок; д – овальный скребок; е, м – остроконечные скребки; ф – плоско-выпуклый скребок; г – ключевидный скребок; h – листовидный метательный наконечник; i–k – метательные наконечники с ступом (k – незаконченный); l – скребок со скосом; m – ретушированная пластина

там (*Toxodon platensis*), большой слон (*Stegomastodon humboldtii*), лошадь (*Equus curvidens*) и верблюдовые (*Paleolama paradoxa*), сосуществовали с представителями современной фауны.

В том же горизонте, где содержались остатки каменного производства – два массивных дисковидных бифаса, два пластинчатых предмета, на краях которых остались следы их применения, и четыре отщепы с такими же следами, был найден череп гигантского ленивца (*Glossboterium robustum*). Обнаруженные орудия примитивны и неспециализированы, они получены путем отбивки и отжима из базальтовых нуклеусов и природных пластин песчаника. По пещерам, изученным в районе р. Ибикуи, это производство, приуроченное к местной ископаемой фауне, было датировано в 12,8 тыс. лет.

На нескольких стоянках, расположенных на бразильском берегу р. Уругвай на границе с Аргентиной и вплоть до границы с Уругваем, было открыто каменное производство, названное культурой уругвай, в состав которой входят ножи с отжимной ретушью, небольшие круглые скребки, боковые и концевые скребки, заготовки копьевидных бифасов и большое количество отщепов различного размера, в том числе изготовленных с применением отжимной ретуши. Эти инструменты включают несколько типов небольших и средних по размерам метательных наконечников с ножкой, с двусторонней обработкой. Это довольно узкие орудия со следами отжимной ретуши. Эти остатки принадлежали популяции, обосновавшейся у впадения нескольких мелких притоков в р. Уругвай от 10,4 до 8,6 тыс. лет назад. Такая датировка

показывает, что в данном случае речь идет о самых древних метательных наконечниках, найденных на бразильской территории. Эти стоянки не дали пищевых остатков, если не считать нескольких жженных костей и плодов.

На северо-западе этого региона, на границе между Бразилией и Парагваем, было обнаружено множество стоянок на берегах притоков р. Парана. При осуществлении радиоуглеродного анализа предполагаемый возраст стоянок определен в 9–8 тыс. лет. Инструменты этой стоянки были отнесены к культуре винику (рис. 91), они включают каменные изделия из обработанных отщепов и пластин. В состав этого инвентаря входят, прежде всего, листовидные метательные наконечники с черешками, а также скребла, ножи, бифасы, рубила и другие предметы различной формы. Среди материала, собранного на поверхности, были несколько наконечников типа «рыбий хвост», о которых известно, что они были широко распространены по всему Южно-Американскому континенту, хотя в данном случае был найден только один такой наконечник (Chmyz, 1982).

Приблизительно 7 тыс. лет назад значительную часть Южной Бразилии занимала культура умбу (рис. 92), артефакты которой, вероятно, произошли от двух более ранних культур, которые только что были рассмотрены. Открытые стоянки людей, связанных с этим производством, были расположены на границах *florestas* и *campos*,

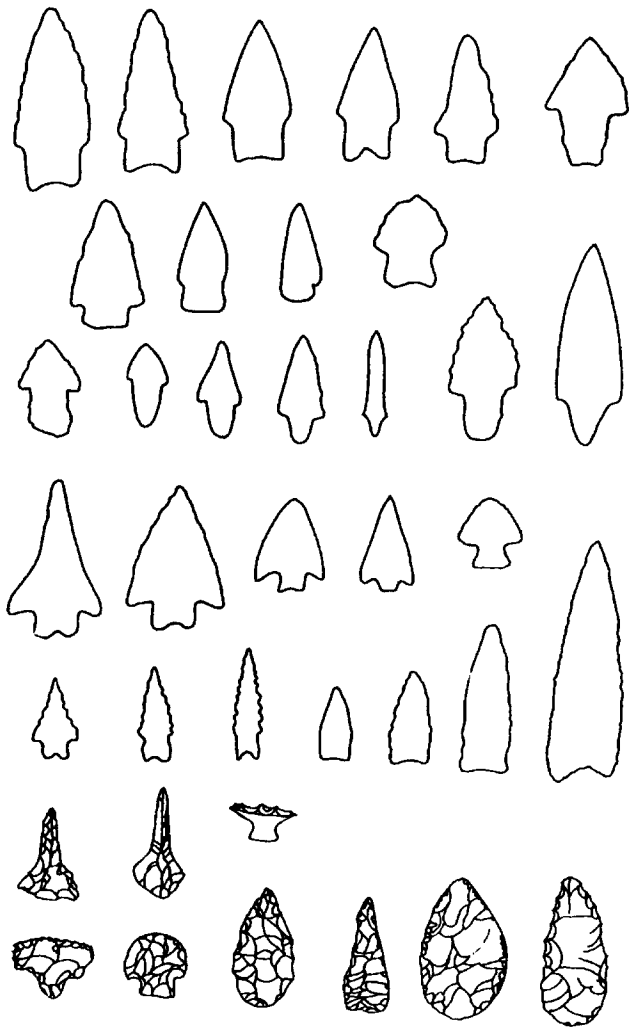

Рис. 92. Каменные артефакты культуры умбу (Бразилия): метательные наконечники, проколки, небольшие скребки с черешками, малые наконечники-бифасы листовидной формы

а также в нескольких скальных укрытиях на плоскогорье. Это значит, что одни из них были расположены выше 600 м, а другие – ниже 200 м (Kern, 1981–1982).

Для этой культуры также характерно наличие каменных наконечников с черешками, треугольными и листовидными остриями. Имеются также ножи, скребки разной формы, проколки, бифасы и т.д. Реже обнаруживаются скребки на краях пластин, резцы, рубила и большие бифасы. На некоторых стоянках были найдены метательные шары – бола с канавками и без канавок по периферии и топоры. Отметим также наличие изделий из кости – шилья, раздвоенные наконечники, лопатки, крючки, иглы, скребки и просверленные зубы животных.

По-видимому, охотники имели эффективное оружие, о чем говорят остатки дичи в ряде стоянок: тапиры (*Tapiridae*), оленивые (*Cervidae*), пекари (*Tayassuidae*), агути (*Agoutidae*), обезьяны (*Cebidae*), мелкие и средние грызуны, броненосцы (*Dasypodidae*), некоторые представители семейства кошачьих (*Felidae*), наземные черепахи (*Chelonia*), ящерицы (*Sauria*). На некоторых стоянках находили рыбы кости и раковины наземных моллюсков. Из плодов в пищу употреблялись мелкие орешки различных пальмовых деревьев и семена араукарии. Некоторые стоянки у краев лагун, видимо, использовались людьми в определенные времена года для сезонного добывания рыбы и моллюсков, но при этом они не забывали о наземной фауне. Наличие остатков морских животных на стоянках внутренней территории показывает, что их обитатели периодически приходили на прибрежные стоянки, где оставались на сезон добычи морских продуктов.

Параллельно с культурой умбу примерно 6,9 тыс. лет назад в этом же районе юга Бразилии существовала культура хумаита (рис. 93). Стоянки, относящиеся к ней, были найдены на террасах и холмах вдоль водных потоков на территории со средней высотой 200 м в тропической и субтропической зоне. Памятники этой культуры встречаются иногда в пещерах и скальных укрытиях. Как правило, она представлена на открытых местах в поверхностных пластах толщиной не более 20–30 см, что, видимо, свидетельствует о временном характере пребывания людей. Каменные инструменты изготавливались из песчаника или базальта, в зависимости от местного материала. Среди артефактов – скребки различной формы, ножи, рубила, проколки, бифасы, заостренные инструменты, изготовленные и ретушированные прямой отбивкой (Schmitz, 1984). Инструменты в основном крупные, тяжелые и примитивные. Самым характерным артефактом является выгнутый бифас, который обычно называют бумерангом из-за некоторого сходства с одноименным оружием. Необходимо также отметить почти полное отсутствие каменных метательных наконечников, которые обнаружены в очень небольшом количестве на нескольких стоянках. В ту эпоху уже были известны и некоторые полированные каменные предметы, в частности, метательные шары бола.

Очевидно, что проживание в экосистеме с пышной растительностью приводило к внешнему и функциональному разнообразию артефактов.

Культуры умбу и хумаита продолжались в своих основных чертах по крайней мере до 3 тыс. лет назад, а в некоторых местах и до более поздних времен. Следы их влияния встречаются вплоть до регионов, прилежащих к восточной части Парагвая и к северо-восточной части Аргентины. В этом последнем регионе были открыты стоянки, которые, вероятно, соотносимы с культурами уругвая и умбу, поскольку там были найдены треугольные метательные наконечники с выпуклым основанием, с черешками и зазубринами.

Описанная Менгином (*Menghin*) в 1955 г. культура верхней Параны, или Альтопаранаенсе является арген-

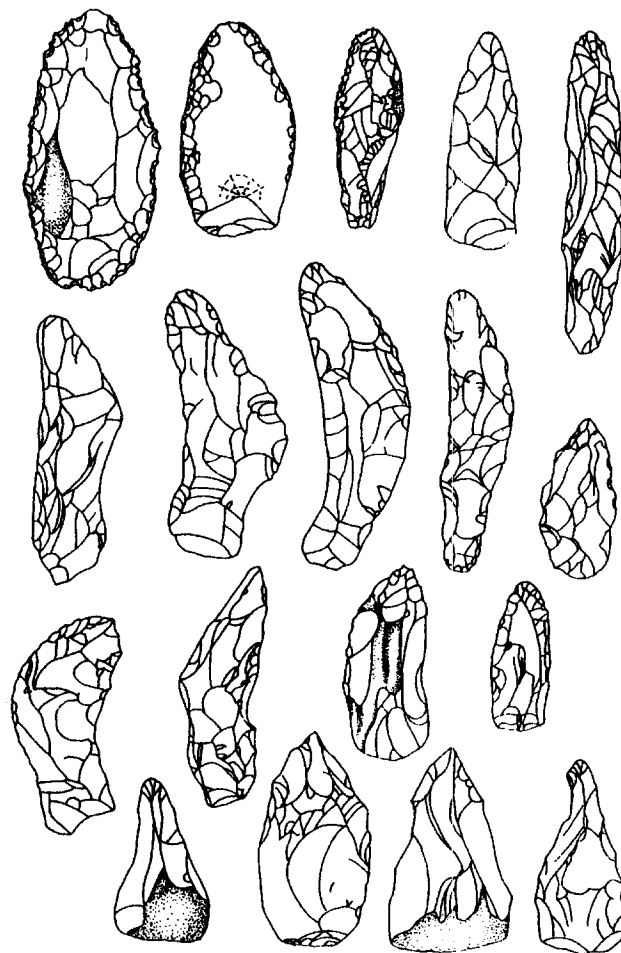

Рис.93. Типичные концевые артефакты культуры хумаита (Бразилия)

тинским эквивалентом бразильской культуры хумаита. Она просуществовала приблизительно от 10 до 4 тыс. лет назад, пройдя через различные фазы, самая ранняя из которых подтверждена только производством грубо обработанных плоско-выпуклых каменных отщепов. Следующая фаза, названная фазой Альтопаранаенсе II или классической, характеризуется появлением артефактов-бифасов, среди которых изогнутые бифасы или палицы, овальные скребки и остроконечники. В пещере Трес-де-Майо (аргентинская провинция Мисьонес) найдены остатки типичного каменного производства, представленного «бумерангами» и палицами в сочетании с остатками современной фауны с преобладанием тапиров (*Tapirus terrestris*) и оленевых (*Mazama sp.*). Обнаружено также много остатков рыб вместе с костяными крючками. Из кости изготавливались также метательные наконечники, иглы и проколки. В пищу употреблялись и наземные улитки (*Strophocheilus*), раковины которых использовались для обстругивания древесины.

Эта каменная традиция сохранилась до появления гончарных изделий и земледелия как способа выживания примерно 2 тыс. лет назад.

Пампасы Уругвая и Аргентины (карта 32)

Равнины Южной Бразилии естественно продолжают на территории Уругвая, где первые охотники-собиратели обосновались на берегах притоков р. Уругвай. Культура, которой здесь дали наименование каталаненсе, фактически является южным ответвлением

бразильской культуры уругвай, начало которой относится к 10 тыс. лет назад.

Инструменты из кремнистого песчаника включают концевые и боковые скребки и ножи различных типов с двусторонней отжимной ретушью. Метательные наконечники распределены между стоянками неравномерно и даже отсутствуют на некоторых из них (Taddei, 1980).

На нескольких стоянках на р. Куараи (на границе между Уругваем и Бразилией) открыто нечетко выраженное производство скребел, пластин и отщепов со следами изношенности, причем лишь немногие из них отделаны ударной ретушью. Орудия сделаны более грубо и имеют большие размеры, чем в культуре каталаненсе, причем каменных метательных наконечников и бола нет вообще. Можно предположить, что эта культура, названная куарейменсе (возможно, она является обедненным вариантом культуры каталаненсе), имеет давность от 7 до 8 тыс. лет.

В центральной части Уругвая обнаружены следы других охотников, отнесенные к более позднему времени. Здесь каменные инструменты состоят главным образом из наконечников-бифасов с черешком и зубринами, полученных отжимной ретушью. Встречаются также наконечники без черешка, бифасы, каменные бола и метательные камни для пращей, ступы с пестами, скребки, скребла и др. Предполагается, что эти охотники жили 5 тыс. лет назад. Их открытые стоянки рассеяны по всей территории Уругвая, а одну обнаружили на побережье. Если они вначале не были знакомы с земледелием, то впоследствии, судя по более поздним следам, появились элементы сельскохозяйственной деятельности. Бола и камни для пращей особенно были нужны на широких равнинах, где в изобилии водились американские страусы нанду (*Rhea americana*). С другой стороны, появление ступ свидетельствует о разных способах обработки имевшихся растительных ресурсов.

Первые известные поселения во влажной пампе на востоке центральной части Аргентины могли появиться, по имеющимся данным, примерно к 10,7 тыс. лет назад. В Серро-Ла-Чина были найдены культурные остатки, вероятно, соотносимые с метательными наконечниками типа «рыбий хвост», найденными поблизости, правда, вне контекста (Carditch, 1984).

Дальше к югу расположена стоянка Арройо-Секо 2 (в районе города Трес-Арройос, провинция Буэнос-Айрес), которая около 8,5 тыс. лет назад была заселена группой людей, питавшихся мясом ныне исчезнувших животных. Нижние уровни стоянки характеризуются производством артефактов с односторонней ретушью (главным образом кварцитовых и базальтовых отщепов, а также пластин). Найдены также скребки, изготовленные из кварцитовых нуклеусов. По всей видимости, здесь не было каменных наконечников. Остатки поныне существующей фауны были найдены вместе с этими артефактами; сюда входили такие виды, как гуанако, оленевые, нанду, заяц и броненосец; кроме того, обнаружены также представители ископаемых видов – *Megatherium*, *Mytilodon*, *Macrauchenia*, *Eutatus*, *Equus*, а также лошадь (*Hippidion-Onohippidium*).

Начиная с этого периода, мы обязаны констатировать наличие определенных пробелов в имеющейся у нас информации, поскольку знакомые нам под разными наименованиями культуры, являющиеся типичными для охотников пампы, проявляют себя намного позднее.

Из этих культур наиболее известна культура, названная тандилиенсе, от которой остались кварцитовые инструменты: массивные концевые скребла, отщепы с ретушированными краями, боковые скребла и клюво-

видные отщепы. В пищу шло мясо представителей типичной для пампы дикой фауны: нанду, броненосцев, оленевых и т.д., однако метательных наконечников здесь не нашли.

Относительно реального возраста этой культуры ведутся споры. Открывшие ее Менгин и Бормида (Bormida) определили его на основании геологических данных приблизительно в 7 тыс. лет. С другой стороны, Мадрасо (Madrazo) обратил внимание на присутствие артефактов культуры тандилиенсе на других стоянках, материал которых датирован периодом после испанского завоевания. Есть и другие авторы, например, Орquera (Orquera, 1980), оспаривающие это мнение и считающие правильной первоначальную датировку, во всяком случае, одной стоянки.

Наиболее типичные для этой территории охотники были оснащены метательными наконечниками и шарами, что явно свидетельствует о воздействии на них различных влияний, и появились они здесь только около 5 тыс. лет назад.

К западу от региона влажной пампы лежат горные хребты центральной части Аргентины – Свэрасс-де-Кордова, занимающие часто территории провинций Кордова и Сан-Луис. А. Гонзалес (González, 1960), который обследовал несколько различных стоянок, обнаружил в пещере Интихуази культурный слой, оставленный собирателями и охотниками на гуанако и оленевых 8 тыс. лет назад. Самым характерным их оружием были наконечники копьевидной формы для метательных снарядов. В инвентарь входили также крупные концевые и боковые скребла, плоские жернова и т.д. Это производство соответствует тому, которое обнаружено на примыкающей территории районов Анд (см. гл. 34).

ВОСТОЧНАЯ ПАТАГОНИЯ

Регион Южно-Американского континента к югу от 38-й параллели, называемый Патагонией, включает три части: западную, или чилийскую Патагонию, Патагонские Анды, или Кордильеры южных Анд, и восточную Патагонию. Последняя часть – наибольшая из трех территорий, представляет собой главным образом череду перемежающихся террас и плато, которые постепенно понижаясь спускаются к Атлантическому океану. Это обширное пространство прорезано долинами и горными каньонами с реками и без них, а также низкими долинами с лагунами. Местами ландшафт оживляют цепи невысоких гор, холмов вулканического происхождения и скалистых утесов. Климат здесь полупустынного типа, сухой и холодный, с повсеместным непрекращающимся сильным западным ветром. Ландшафт – полупустынная степь с преобладанием мелких кустарников и с редкими участками, покрытыми травой и низкорослыми кактусами. Растительный покров уплотняется в более низких районах и в каньонах, где он защищен от ветра. Самыми типичными животными района являлись гуанако (*Lama guanicoe*), маленький олень, называемый гуэмул (*Hippocamelus bisulcus*), нанду (*Pterocnemia pennata*) и пума (*Felis concolor*). Что касается побережья Патагонии, то там крутые берега перемежаются с обширными прибрежными равнинами, которые плавно спускаются в море, образуя прибрежную неглубокую и ровную отмель.

Ледники последнего плейстоценового оледенения покрывали ограниченную часть восточной Патагонии и не затрагивали самую южную оконечность региона. По имеющимся данным, примерно 19,5 тыс. лет назад произошло активное наступление ледников, сравнимое с тем, которое происходило в других регионах мира.

Приблизительно 16,2 тыс. лет назад ледовый покров стал отходить, но затем произошло новое ледовое наступление, продолжавшееся, по-видимому, от 15 до 11 тыс. лет назад. Потом ледники снова начали постепенно отступать и около 11 тыс. лет назад стабилизировались в своем нынешнем положении.

Эти хронологические рубежи важны для уяснения тех условий, при которых человек обосновался в данном регионе около 12 тыс. лет назад, а может быть, и несколько ранее. Первые группы охотников застали здесь более мягкий климат, причем температура продолжала возрастать до наступления неоледникового периода 4,5 тыс. лет назад, когда ледники продолжали то наступать, то отступать, но уже более умеренно. Впрочем, анализ пыльцы, произведенный Ауером (*Auer*), показывает, что между 11 и 10 тыс. лет назад под воздействием продвижения ледников произошло очередное похолодание, которое, правда, пока еще не подтверждено гляциологическими исследованиями.

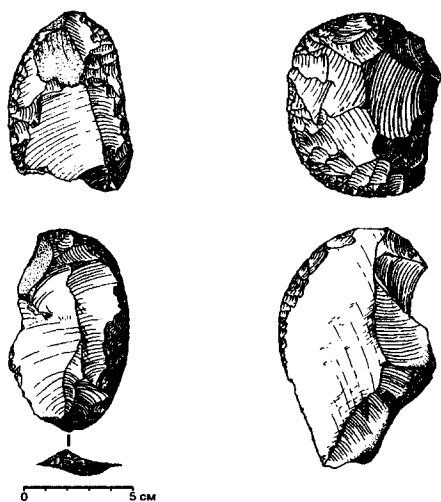

Рис. 94. Древнейшие каменные артефакты – скребки различных типов – из пещеры Эль-Сейбо, Патагония (Аргентина)

Во всяком случае, известно, что примерно 12,6 тыс. лет назад группы охотников появились в каньоне Лас-Кувас, находящемся в провинции Санта-Крус (южная часть Восточной Патагонии). Пока неизвестно, откуда пришли эти первые обитатели и каким путем они проникли сюда, поскольку установленная для этой стоянки датировка является самой древней из всех известных датировок по южной части континента. Представляется правдоподобным, что они прибыли из более северных андских и приандских районов, точно определить которые до сих пор не удалось. Известно, что они занимали нижний пласт (уровень 11) пещеры 3 комплекса Лос-Тольдос, расположенного в упомянутом каньоне Лас-Кувас, когда дно пещеры находилось приблизительно на 2 м ниже современного уровня. От этого поселения осталось каменное производство (под названием «производство уровня 11»), характеризующееся односторонней боковой ретушью, получаемой прямой оббивкой и в меньшей степени методом отжима из крупных массивных отщепов. Этими способами люди умели изготавливать ножи, скребла и терки неправильной формы. Применялась чешуйчатая ретушь, хотя встречаются и образцы параллельной и почти параллельной оббивки, а также очень редкие случаи гладкой ретуши по всей поверхности. Найдены также два каменных метательных наконечника (*Cardich*, 1984). Такое же про-

изводство было обнаружено в уровне 12 пещеры 7 в Эль-Сейбо, в 150 км к югу от Лос-Тольдос, в нижних осадочных слоях, отделенных каменными обломками от верхних пластов, где сохранились следы более поздних культур.

На основе анализа артефактов из пещеры Эль-Сейбо (рис. 94) удалось сформулировать несколько важных выводов относительно роли этой культуры и видов деятельности ее представителей. Отказавшись рассматривать зазубрины на кромке орудий как убедительное доказательство факта их использования (такие выщербины могли иметь и естественное происхождение), ученые предпочли изучить микроскопические следы, оставшиеся от контакта орудий с различными материалами: деревом, неволокнистыми растениями, непросохшими шкурами и кожей, мясом, рогами и костями, раковинами и т.д. Судя по этим следам, люди работали орудиями (которые не имели рукояток), зажимая их в руке. Большинство орудий использовалось для обработки свежих или подсушенных шкур и разделывания мяса и только некоторые – для обработки дерева. Орудия для разделывания мяса были недостаточно остры для перерезывания сухожилий и для рубки костей животных. Представляется также, что были несколько видов специализированных орудий, каждое из которых выполняло только одну функцию и работало только с одним материалом (*Mansur-Franchomme in Cardich*, 1984).

Остатки животных свидетельствуют об охотничьей деятельности обитателей этих пещер. В пещере Лос-Тольдос 3 были найдены в большом количестве кости гуанако (*Lama guanicoe*), затем следуют в количественном порядке остатки ископаемой лошади (*Onobippidium sp.*), далее другие верблюдовые животные, отличные от гуанако, по-видимому, *Lama gracilis*, которое исчезло в период верхнего плейстоцена, и пума (*Felis concolor*). Были также найдены кости мелких грызунов, которые не идентифицированы (*Cardich et al.*, 1973, *Cardich*, 1984).

Наличие двух метательных наконечников в этом скоплении позволяет предположить, что именно такое оружие использовалось для охоты на животных, обнаруженных на этой стоянке. Малочисленность самих наконечников в Лос-Тольдос, как и в Эль-Сейбо, подтверждает гипотезу о том, что эти пещеры служили не для изготовления орудий, а главным образом для обитания и что здесь же производилась обработка шкур и другая повседневная работа. Примечательно, что на месте найдено очень мало больших нуклеусов и крупных обломков от обработки камня. По-видимому, существовали мастерские, откуда наконечники поступали непосредственно в поселения охотников.

Примерно 9,3 тыс. лет назад в этом же регионе существовала культура тольденсе. После того, как она впервые была описана Менгином в 1952 г. по материалам стоянки Лос-Тольдос, характеристики этой культуры были определены с большей точностью по второму жилому уровню пещеры (*Cardich et al.*, 1973) и по нескольким другим стоянкам района Рио-Пинтурас, таким как Лас-Манос (примерно 9,3 тыс. лет) и Арройо-Фео (также 9,3 тыс. лет) (*Gradin et al.*, 1976, 1979; *Aguerre*, 1981–1982). Представители культуры тольденсе тоже охотились на гуанако, но в дополнение и на птиц, таких как тинаму (*Eudromia sp.*), маленький нанду (*Pterocnemia pennata*) и большой нанду (*Rhea americana*), которые в основном водились севернее; кроме того, время от времени на ископаемую лошадь *Parabipparion*. Каменное производство (рис. 95) состоит из обсидиановых и кремневых изделий, изготовленных из средних и крупных отщепов с боковой ретушью; это скребла, скребки, проколки и ножи. При этом самым характерным предметом является метательный наконечник треугольной формы без черешка, с прямым

или чуть выпуклым основанием, с крутой двусторонней ретушью чешуйчатого или почти параллельного типа, получаемый оббивкой или отжимом. Эта форма типична для культуры тольденсе. Обнаружено также несколько каменных бола, что свидетельствует об относительной древности этой культуры. Одновременно существовало производство костяных проколов и пластин. В нескольких уровнях, соответствующих этой культуре, обнаружены остатки наиболее древних в регионе наскальных изображений: упавшие со сводов пещер фрагменты охры и плоских камней с остатками красной краски и с другими следами (Gradin, 1974). Важно отметить здесь хронологическую и типологическую связь между охотниками культуры тольденсе и обитателями пещер Фелла (уровень III) и Палли-Аике на крайнем юге Чили, о чем свидетельствуют треугольные наконечники без черешка (см. гл. 35).

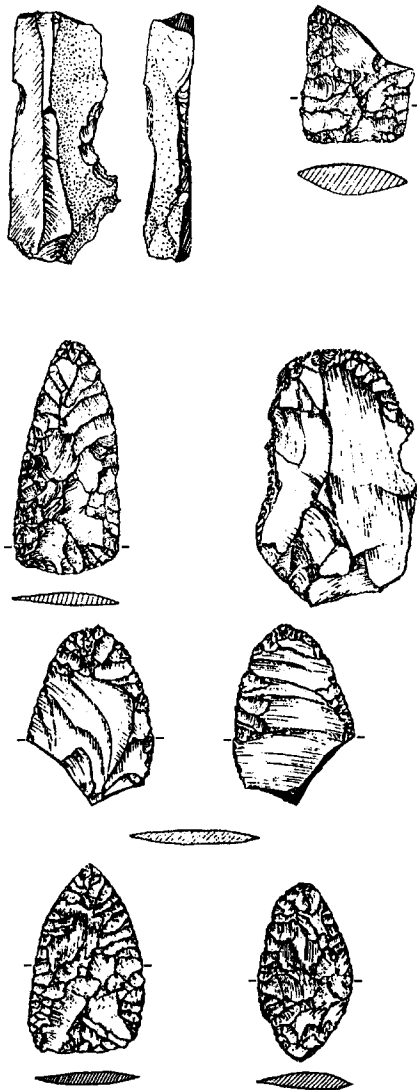

Рис. 95. Каменные артефакты (наконечники, нож, скребки) культуры лос-тольдос, Патагония (Аргентина)

Стены пещер Патагонии, донья которых состояли из пластов с остатками различных культур, описанных в этой главе, украшены бесчисленными наскальными изображениями. Эти изображения, по всей видимости, связаны с индивидуальными или коллективными ритуальными обрядами, сопровождавшими жизненный путь обитателей пещер. Абстрактные геометрические рисунки, и даже образные, не доносят до нас никакого очевидного смысла, но они должны были иметь ог-

ромное значение для их авторов и для групп, членами которых они были.

Именно в это время, в период культуры тольденсе появляются первые образцы наскальной живописи Патагонии. Следы этих изображений найдены в виде фрагментов красителей в стратиграфических пластах и других исходных материалов, как, например, кристаллический гипс. По-видимому, краски готовились одновременно с предметами, найденными в этих пластах. Что касается хронологической последовательности, то здесь мы разделяем мнение Градена (Gradin, 1984), который предлагает классифицировать наскальные изображения по трем большим группам: а) древняя живопись со сценами охоты на гуанако; охотники и оружие; «негативные» отпечатки рук, а также простые геометрические и абстрактные сюжеты (точки, круги, прямые линии); б) резные криволинейные сюжеты и изображения следов нанду, пумы, гуанако, человеческих рук и ног, силуэтов гуанако, ящериц, а также некоторые антропоморфные фигуры; в) абстрактные или геометрические рисунки, прямолинейные, расположенные уступами, иногда в сочетании с позитивным изображением человеческой руки и трех пальцев, схематические антропоморфные фигуры, миниатюрные геометрические конструкции, параллельные линии и всадники на лошади (испанской эпохи).

По мнению Градена (Gradin, 1984), можно допустить, что 12 тысячелетий тому назад группы охотников достигли территории между реками Рио-Десеадо и Санта-Крус, где оставили настенные рисунки образного типа: негативные отпечатки рук и сцены охоты. Вероятно, развитие этого искусства сопровождается эволюцией стиля, выражающейся в переходе от натуралистических к схематическим изображениям. Используемая живописная техника включает в себя черный цвет, желтую охру, красный, фиолетовый и белый цвета. Не позже начала 7 тысячелетия на многих стоянках обширной территории Патагонии развивается живопись абстрактного типа, основанная преимущественно на простых геометрических формах. Такие схематические изображения, обычно красного цвета, были обнаружены в разных местах, в частности, на южной оконечности континентальной части Чили, в аргентинской провинции Чубут и на промежуточной территории между пампой и Патагонией.

Культура тольденсе в пещере Лос-Тольдос завершилась приблизительно 8750 лет назад, но при этом она сохранилась почти до 7300 лет в районе Рио-Пинтурас, что свидетельствует об уходе местных обитателей из зоны между южной горной грядой и океаном, в то время как охотники Патагонии остались жить в этом районе на тех же хозяйственных основах, что и в предшествующий период, пользуясь инструментами, в которых легко опознать продолжение технических традиций культуры тольденсе.

На северо-западе Патагонии, в предгорьях Андских Кордильер, т.е. вдали от равнин, охотники на гуанако уже занимали приблизительно 9,3 тыс. лет назад пещеру Трафул, где они пробыли примерно до 5 тыс. лет. В их инвентарь входили тщательно обработанные метательные остроконечники треугольной формы.

Пятнадцать веков спустя, около 7250 лет тому назад, пещеру Лос-Тольдос заняли другие охотники на гуанако, намного более специализированные в этом виде охоты. Каменное производство (рис. 96) этих новых обитателей, именуемое *Касапедренсес*, не содержит каменных метательных наконечников и представлено главным образом бола, которые были тогда самым эффективным оружием. Все это дополняется пластиночными заготовками с ретушированными краями, предназначенными для производства скребков и ножей с односторонней обработкой. Встречаются также пластины с выемками по краям. Мясо гуанако было единственным источником

питания, во всяком случае, на этой стоянке. Возможно, именно здесь базировались охотники на гуанако культуры касапедренсес, привлеченные в эти края изобилием дичи. Наличие костей животных всех возрастов дает основание полагать, что эта пещера была заселена круглый год, и поскольку здесь обнаружены остатки всех частей животных, то из этого следует, что их полностью съедали на месте (Cardich, 1984).

Представители культуры касапедренсес ушли со стоянки Лос-Тольдос также внезапно. Они были, видимо, вынуждены покинуть ее из-за извержения соседних вулканов. Дно пещеры оказалось покрыто пеплом. Этот феномен мог соответствовать второму вулканическому периоду, датированному Ауером (Auer) возрастом приблизительно в 4,8 тыс. лет. Впрочем, техника изготовления пластиночных орудий, типичных для культуры касапедренсес, свойственна и более поздним культурам этого региона, имеющим давность 5–4,5 тыс. лет.

Технология касапедренсес распространилась также несколько севернее района Лос-Тольдос. В регионе Пьедра-Парада, на р. Чубут были найдены предметы с характеристиками культуры касапедренсес, имеющие, видимо, тот же возраст.

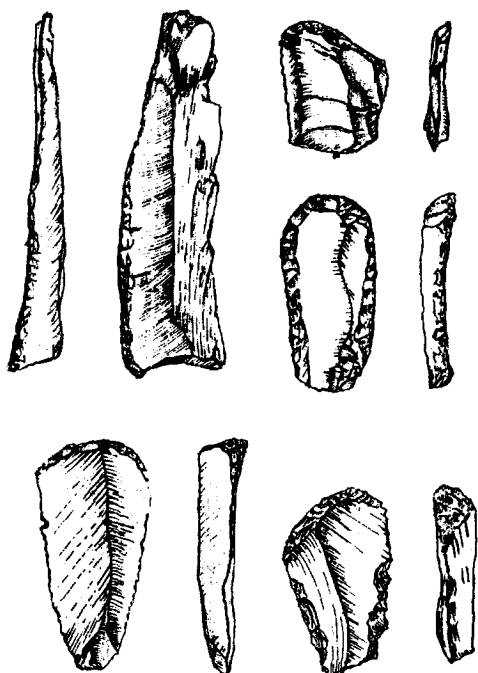

Рис.96. Каменные артефакты (ножи и скребки) культуры касапедренсес, Патагония (Аргентина)

На крайнем юге континента в пещере Лас-Буитreras, расположенной в 80 км от моря, также найдены орудия из каменных отщепов и костей, имеющие на краях следы от применения. Они отнесены к остаткам таких ископаемых животных, как *Mylodon* и *Hippidium*, и остаткам представленных в современной фауне гуанако, лис, птиц и мелких грызунов. Радиоуглеродная датировка относит нижние уровни с остатками ископаемой фауны к 10 тыс. лет назад. Найденная в Лас-Буитreras кость дельфина (*Delphinidae*) показывает, что люди из пещеры выходили и на побережье, хотя, конечно, эти вылазки были нерегулярными.

Расселение на океанском побережье является вопросом, вызывающим множество проблем хронологического порядка, особенно в связи с тем, что давность, установленная для этих первых поселений, основывается на

разнице в высоте морских террас, на которых устраивались стоянки. Приблизительные времена, определенные Ауером для этих террас, сегодня ставятся под сомнение, но никто не выдвинул иных версий (Orquera, 1980). Две считающиеся наиболее древними культуры – оливиенсе (12 тыс. лет) и соланенсе (11 тыс. лет) оспариваются Борреро и Кавилья (Borrero & Caviglia, 1978; Borrero, 1980), которые по материалам скважин, пробуренных в Баия-Солано, полагают, что группы людей, обосновавшиеся близ моря для использования его ресурсов, появились здесь только 5 тыс. лет назад. Аналогичные проблемы датировок морских террас возникают для всего побережья Патагонии. Именно поэтому мы предпочитаем считать, что эти поселения связаны с последующими периодами, рассматриваемыми во II томе данного издания.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AB'SÁBER, A. N. 1983. Mecanismos das migrações préhistóricas na América do Sul: busca de correlações paleoclimáticas. In: ENCONTRO DA SOCIEDADE BRASILEIRA PARA O PROGRESSO DA CIÊNCIA, 35, Belém. Atas.
- AGUERRE, A. M. 1981-2. The Lower Levels of Cueva Grande (Arroyo Feo) Rio Pinturas Area, Province of Santa Cruz. Buenos Aires. (Rep. Argentine Anthropol. Soc., 14, NS, No. 2.)
- ALVIM, M. et al. 1977. The Ancient Inhabitants of the Lagoa Santa Area, Minas Gerais, Brazil: Morphological Study. Belo Horizonte, UFMG. (Arch. Nat. Hist. Mus., 2.)
- BOMBIN, M. 1976. Evolutionary Palaeoecological Model for the Nequarternary of the Campanha Region, West of Rio Grande do Sul (Brazil): The Touro Passo Formation, its Fossil Content, and Postdepositional Pedogenesis. Porto Alegre, Pontificia Universidade Católica do Rio Grande do Sul.
- BORRERO, L. A. 1980. Geomorphological and Chronological Problems Relating to Archaeological Materials Attributed to the Solanense and Olivienense Industries. Buenos Aires, Archaeol. Museum Dr. O. F. A. Menghin.
- BORRERO, L. A.; CAVIGLIA, S. E. 1978. Stratigraphy of the Concheros de Bahía Solano: Campaign 1976–1977. In: CONGRESO NACIONAL DE ARQUEOLOGIA ARGENTINA, 5, San Juan.
- BRYAN, A. L.; GRUHN, R. 1978. Results of a Test Excavation at Lapa Pequena. Arq. Mus. Hist. Nat. (Belo Horizonte), Vol. 3.
- CARDERELLI, S. 1978–80. Temas de arqueologia brasileira: 2 – arcaico do interior. Anu. Divulg. Cient. Univ. Catol. Goiás (Goiânia).
- CALDERÓN, V. 1969. Preliminary Note on the Archaeology of the Central and South-western Regions of the State of Bahia. Pronapa, No. 2.
- CARDICH, A. 1984. Palaeoenvironments and the Earliest Human Presence. In: SEMINARIO SOBRE LA SITUACION DE LA INVESTIGACION DE LAS CULTURAS INDIGENAS DE LA PATAGONIA. Las culturas de América en la época del descubrimiento. Madrid. (Bibl. V Cent.)
- CARDICH, A.; CARDICH, L. A.; HAJDUK, A. 1973. Archaeological Sequence and Radiocarbon Chronology of Cave 3 of Lcs Toldos. Buenos Aires. (Rep. Argent. Anthropol. Soc., 7.)
- CHMYZ, I. 1982. Estado atual das pesquisas arqueológicas na margem esquerda do Rio Paraná. Estud. Brasil. (Curitiba), Vol. 8.
- DIAS, O. 1978-80. Temas de arqueologia brasileira: 1 – Paleo-índio [The Palaeoindian in Minas Gerais]. Anu. Divulg. Cient. Univ. Catol. Goiás (Goiânia).
- EMPERAIRE, A. 1983. La Caatinga du Sud-Est du Piauí (Brésil): étude Ethnobotanique. Paris.
- GONZALES, A. 1960. La estratigrafía de la Gruta de Intihuasi y sus relaciones con otros sitios precerámicos de Sud-América. Rev. Inst. Anthropol. Univ. nac. Córdoba, Vol. 1.
- GRADIN, C. 1984. Arqueología y arte rupestre de los cazadores de la Patagonia. In: SEMINARIO SOBRE LA SITUACION DE LA INVESTIGACION DE LAS CULTURAS INDIGENAS DE LA PATAGONIA. Las culturas de América en la época del descubrimiento. Madrid. (Bibl. V Cent.)
- GRADIN, C. J.; ASCHERO, C. A.; AGUERRE, A. M. 1976. Investigaciones arqueológicas en la Cueva de las Manos, espacia Alto Rio Pinturas, Prov. de Santa Cruz. Buenos Aires. (Rep. Argent. Anthropol. Soc., 10.)

- 1979. Arqueología del area Rio Pinturas, Prov. de Santa Cruz. Buenos Aires. (Rep. Argent. Anthropol. Soc., 13.)
- GUIDON, N. 1981. Datações pelo C.14 de sítios arqueológicos em São Raimundo Nonato, sudeste do Piauí. Clio IV, Univ. Fed. Pernambuco (Recife).
- 1984. As primeiras ocupações humanas da área arqueológica de São Raimundo Nonato, Piauí. Rev. Arqueol. (Belém), Vol. 2, No. 1.
- HURT, W. R.; BLASI, O. 1969. O projeto arqueológico de Lagoa Santa, Minas Gerais, Brasil (nota final). Arq. Mus. Paran. Arqueol. (Curitiba), No. 4.
- JACOBUS, A. L. 1983. Restos alimentares do sítio GO-JA-01, Serranópolis, Goiás. São Leopoldo, Institute Anchieta de Pesquisas, Unisinos.
- KERN, A. 1981–2. Variáveis para a definição e a caracterização das tradições pre-cerâmicas Humaitá e Umbú. Arq. Mus. Hist. Nat. (Belo Horizonte), Vol. 6–7.
- LAROCHE, A. 1970. O sítio arqueológico da Pedra do Caboclo. Recife.
- ORQUERA, L. A. 1980. Geocronología del cuaternario en Patagonia. Sapiens, Mus. Arqueol. Dr. O. F. A. Menghin (Buenos Aires), No. 4.
- PALLESTRINI, L.; CHIARA, P. 1978. Indústria lítica de 'Camargo 76', Piraju, Est. São Paulo. São Paulo. (Coleção de Estudos em Homenagem a Annette Lamming-Emperaire.)
- PROUS, A. 1978–80. Temas de arqueologia brasileira: 1 – Paleo-índio, o paleo-índio em Minas Gerais. Anu. Divulg. Cient. Univ. Catol. Goiás (Goiânia).
- 1980–1. Fouilles du Grand Abri de Santana do Riacho (MG), Brésil. Journal de la Soc. des Américanistes, Paris.
- PROUS, A.; JUNQUEIRA, P.; MALTA, I. 1984. Arqueologia do Alto Médio São Francisco, região de Januária e Maltalvânia. Rev. Arqueol. (Belém), No. 2.
- SCHMITZ, P. I. 1980. A evolução da cultura do sudoeste de Goiás. Pesqui., Antropol. (São Leopoldo), No. 31.
- 1984. Caçadores e coletores da pré-história do Brasil. São Leopoldo.
- TADDEI, A. 1980. Carácter y contenido de algunas industrias precerámicas del territorio Uruguayo. Sapiens, Mus. Arqueol. Dr. O. F. A. Menghin (Buenos Aires), No. 4.

ЭКВАТОРИАЛЬНЫЕ И ТРОПИЧЕСКИЕ АНДЫ

от первых обитателей до начала производства пищи

Луис Г. Лумбрерас-Сальседо

Территория, известная как Центральные Анды, находится на территории современного Перу. Расположенный приблизительно между 6 и 15 град. южной широты, этот район находится в центре южной тропической зоны. Севернее, между 6 град. южной широты и 4 град. северной широты лежат Северные Анды, которые находятся как раз посередине Экваториального пояса.

Такое географическое положение должно было бы предполагать наличие климатических и экологических характеристик тропического типа с постоянно влажным лесом и обильными годовыми осадками, как это на самом деле имеет место в самой обширной части тропической Америки, и в частности в огромном бассейне р. Амазонки, охватывающем значительную часть Южно-Американского континента к востоку от Анд. Однако в интересующем нас регионе свойственные данной широте климатические условия существенно иные из-за Анд, которые в нескольких точках поднимаются выше 6500 м над уровнем моря при средней высоте от 2500 до 4000 м.

Анды протянулись с севера на юг вдоль всего западного края Южно-Американского континента, однако их воздействие на климат, естественно, больше всего проявляется в тропической зоне, где наиболее ярко выступают контрасты и разнообразие ландшафта и климата. В самом деле, здесь представлены все типы климата, растительности, почв и ландшафта нашей планеты – от обширных пустынь, где господствует арктический холод, до душных влажных лесов. В то же время такому многообразию природных условий сопутствуют экологические, климатические и территориальные характеристики, заметно отличающиеся от тех, которые встречаются на других широтах.

Первым особым условием является соседство совершенно противоположных ландшафтов, так, степи и холодные высокогорные плато (*paramos*) с их особой фауной и флорой находятся вблизи от межгорных долин с умеренным климатом или окружающих их саванн. Испанские летописцы, описывавшие Перу в XVI в., прекрасно обрисовали эти географические контрасты. Достаточно одного дня верховой езды, сообщали они, чтобы из зимы перейти в лето: отправившись утром в путь под ледяным дождем, к вечеру путешественник оказывается в местах, где царит страшная жара. Точно так же одного дня хватит на то, чтобы после почти абсолютно выжженной пустыни выйти к плодородным долинам или из тундры попасть в лес.

Этот крайне контрастный ландшафт сочетается и с весьма своеобразным климатическим режимом. Известно, что в тропиках сезонная разница температур как между летом и зимой, так и между промежуточными сезонами, практически ничтожна. Главное различие состоит между сухим и влажным сезонами, оно соразмерно степени дождливости и большей или меньшей силе ветров. В горном массиве Анд эти типично тропические условия меняются в зависимости от высоты: высокогорной местности свойственны весьма существенные перепады дневных и ночных температур, и температура ночью может упасть ниже нуля, а днем превысить 29 °С, при том что сезонная разница температур не превышает 1 °С.

С экологической точки зрения уместно подчеркнуть, что здесь существует подлинная «мозаика пейзажей», которая выступает в виде биотической макросистемы эндемической природы, изолированной Андами от остального континента: действительно, Андский массив образует настоящую крепость, отрезанную как от восточной территории Южно-Американского континента, так и от «чако» (природной области – равнины высотой от 50 м на востоке до 600 м на западе. – *Прим. ред.*) и «пампасов» его южной части.

Кроме высоты, имеется много других факторов, сочетание которых вызывает различные аномалии. В этой связи надо упомянуть прежде всего два морских течения – течение Гумбольдта (Перуанское течение) и течение Эль-Ниньо (первое – холодное, второе – теплое), которые проходят вдоль берегов Эквадора и Перу. Течение Гумбольдта вызывает охлаждение западных склонов горных хребтов и соответственно тихоокеанского побережья, что полностью нарушает тот тропический режим, который в нормальных условиях должен был бы господствовать на низменностях побережья. Здесь же побережье одинаково пустынного типа, за исключением устьев рек, спадающих с гор в океан. Выносами пород в долины они образуют плодородные оазисы, вкрапленные в широкую прибрежную полосу песчаной пустыни, где водоснабжение обеспечивается исключительно искусственной ирригацией.

Таковы условия, с которыми должны были столкнуться первые охотники-собиратели, занявшие эту территорию примерно 20 тыс. лет назад, при том что ландшафт тогда явно отличался от нынешнего как своими пространственными географическими параметрами, так и экосистемой, о чем мы получаем представление при

ознакомлении с пока еще слишком малочисленными трудами, посвященными плейстоцену Анд.

Считается, что к концу плейстоцена, который здесь называют периодом Андского оледенения или оледенения Лаурикоча с его стадиями – Антакалланка, Аграпа, Магапата и Антаррага (Cardich, 1964, p. 8), перуанское побережье было намного шире, поскольку уровень моря был более чем на 100 м ниже, чем в наст. в., и к тому же климат был во всяком случае не менее сухим, чем в наше время. Долльфус (Dollfus, 1981, p. 60) утверждает, что тогда в перуанской пустыне ослабли прибрежные туманы, а также воздействие холодного течения. При этом, вероятно, продолжали выпадать редкие, но обильные дожди, связанные с усилением естественной конвекции между высокими холодными горными хребтами и жаркими равнинами. Что касается самой горной гряды, то там температуры были на 5–7°С ниже современных. Вечные снега, которые сейчас лежат лишь с 4700 м над уровнем моря, раньше начинались на несколько сот метров ниже – между 4000 и 4500 м, а в периоды, предшествовавшие стадиям Антаррага, – между 3400 и 3700 м. Совершенно очевидно, что ландшафт был существенно иным – настолько, что сухая среда пуны, которая сегодня не выходит за пределы центральной и южной частей Перу, простиралась тогда намного севернее.

Имеющиеся данные о побережье (Craig & Psuty, 1968; Lemon & Churcher, 1961) показывают, что течение Гумбольдта способствовало продвижению условий пустыни на побережье, как и сегодня. С другой стороны, нельзя, разумеется, исключить вероятность частых перемен или климатических модификаций, как это происходит и в наше время, в зависимости от приливов и отливов этого океанского течения.

К этому следует добавить, что крупные ледники с их характерным озерным окружением, в виде лесов и холодных высокогорных плато должны были создавать более плотную гидрографическую сеть, хорошо орошавшую ныне пустынные районы. Это объясняет наличие множества остатков, свидетельствующих о существовании богатой флоры и фауны на территориях, которые сейчас стали настоящей пустыней. Кардич (Cardich, 1961, p. 36) обращает внимание на то обстоятельство, что бассейн р. Чиллон был тогда намного обширнее и захватывал полностью сухую теперь долину Анкон, что подтверждают труды инженера Г. Конклинга (H. Conkling).

Вне всякого сомнения, условия того времени отличались от современных, судя в первую очередь по остаткам, указывающим на существование богатой, ныне исчезнувшей фауны, которую составляли, в частности, гигантские ленивцы (*Megetherium americanum*), мастодонты или южноамериканские слоны (*Mastodon andium*), лошади (*Parabipparion saldosi*, *Onobippidium peruanum* и *Equus curvidens*), некоторые виды оленевых (*Cervus brachyceros* и *Cervus dubius*), исчезнувшие верблюдовые типа «палеоламы» (*Macro auchenia* ?), саблезубые кошачьи (*Smylodon sp.*) и разные типы собак. Выживание этих животных, особенно травоядных, было возможно при более богатой, чем нынешняя, флоре, которая была бы достаточной лишь для частичного удовлетворения их потребностей. Более того, остатки этой фауны встречаются в полусухих районах, таких как Аякучо, где тогда должно было быть больше источников воды, регулярно подпитываемых соседними ледниками, которые с тех пор практически исчезли, а в то время должны были способствовать развитию флоры, отсутствующей в современном ландшафте.

Эти различия не означают, тем не менее, что в климате произошли какие-то драматические перемены. По мнению специалистов, можно предположить, что имеются

различия в масштабе природных особенностей, но в целом экосистемные характеристики того периода сравнимы с сегодняшними, и это означает, в частности, что рассматриваемый регион уже тогда был «мозаикой» ландшафтов, подобной современной, с сосуществованием пустынь, лесов и безводных плато, которые, возможно, тогда были иначе расположены по отношению друг к другу и имели иную площадь, но были идентичны по структуре и своему влиянию на современные условия. Что касается макрофауны, представленной ископаемыми мастодонтами, мегатериями и ехиднами, то можно думать, что шансы на выживание этих животных неизменно уменьшались по мере повсеместного потепления.

Первые люди прибыли в Анды в то время, когда ледники отступали и температура воздуха повышалась. Из исследований Райта и Бредбери (Wright & Bradbury, 1975) района Жуниин (центральная горная гряда Перу) можно заключить, что таяние основных ледников в центре Перу можно отнести примерно к 16,5 тыс. лет назад. Этот процесс завершился к тринадцатому тысячелетию, и именно тогда произошел существенный рост температур, которые достигли максимума между 8 и 5 тыс. лет назад.

Материалы известных публикаций позволяют установить присутствие людей в период отступления ледников 16–14 тыс. лет назад, но вполне вероятно, что охотники-собиратели могли прийти сюда и в предшествующий период, когда процесс оледенения проходил наиболее интенсивно, поскольку даже в самые холодные времена оставались долины и леса, где люди могли выживать. Как бы то ни было, можно полагать, что отступление ледников, изменяя взаимодействие различных экосистем, должно было способствовать ускорению миграции людей и животных в том или ином направлении в поисках пригодных для жизни территорий.

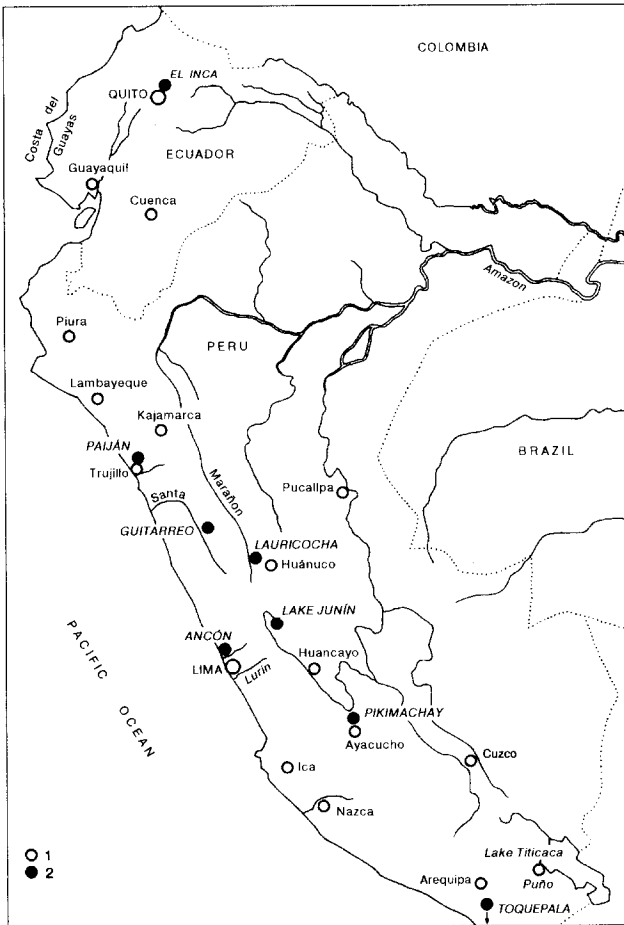
НЕСПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ СОБИРАТЕЛИ ЭПОХИ АРХЕОЛИТА (карта 33)

Имеющаяся информация о первых людях, прибывших в Анды, невелика по объему и разрозненна, как и обо всем Южно-Американском континенте. Тем не менее достоверно известно, что они пришли в конце плейстоцена, или что люди сосуществовали с вымершей ныне «мегафауной» плейстоцена. Датировка самых древних остатков пока вызывает сомнение и удовлетворяет не всех специалистов по предистории (речь идет об остатках, обнаруженных Р. С. Макнейшем (R.S. MacNeish) в пещере Пикимачай в департаменте Аякучо). Макнейш идентифицировал в этой пещере два различных уровня (или фазы) проживания человека, соотносимых с вымершими животными, которые он назвал составляющими Пакаикаса и Аякучо.

Первый из них – и он же самый древний – уровень Пакаикаса – свидетельствует о постоянном контакте обитателей пещеры с древним мегатериями, лошадьми и оленевыми и характеризуется наличием грубых изделий из нуклеусов, рубил, больших тонких отщепов, которые, очевидно, изготавливались самым примитивным способом. Как подчеркивал Макнейш, когда он впервые определял это производство, речь шла о скоплении разнородных орудий, в большинстве своем из вулканического туфа; возможно, они были просто сколоты со стен самой пещеры (MacNeish et al., 1970, p. 31). Согласно исследователю, фаза Пакаикаса началась приблизительно 23 тыс. лет назад и продолжалась примерно до 16 тыс. лет назад. Радиоуглеродная датировка подтверждает о предположение, которое вполне совместимо с самыми осторожными пред-

положениями относительно того времени, когда первый человек мог появиться в Андах. Во всяком случае, так считает Макнейш, который помещает производство Пакаикаса в рамки традиции изготовления орудий из нуклеусов, соотносимой, видимо, с первой волной заселения Америки.

Набор грубо обработанных орудий фазы Пакаикаса, явно предназначенных для приготовления пищи, обработки шкур и древесной коры, не включает метательные наконечники или другие каменные артефакты для охоты, поэтому несомненно, у охотников-собирателей были специальные средства охоты и собирательства, которые, видимо, изготавливались из недолговечных органических материалов.

Карта 33. Основные археологические стоянки охотников-собираателей региона Анд между 16 и 10 тыс. лет тому назад: 1 – современные города; 2 – археологические стоянки (по *Lumbreras*)

Конечно, сегодня мы знаем, что отсутствие каменного инвентаря необязательно свидетельствует о существовании такого «примитивного» хозяйства, при котором собирательство исключало бы все виды охотничьей деятельности. Тем не менее многие специалисты по доисторическим временам не согласны с технологическими выводами исследований Макнейша и его сотрудников: они считают, что описанные ими немногие каменные предметы не являются настоящими орудиями, а представляют собой простые осколки вулканической породы, упавшие на землю под воздействием природных факторов, и поэтому не могут служить доказательством связи между человеком и теми пластами, которые приурочены к фазе Пакаикаса. Но, признавая вероятную достоверность сделанных наблюдений и соглашаясь с

радиоуглеродной датировкой, следует допустить, что пещера Пикимачай, где найдены остатки лошадей и гигантских ленивцев, оставалась незаселенной по меньшей мере до 16 тыс. лет тому назад.

По второму уровню – Аякучо имеется только одна радиоуглеродная датировка в 14,2 тыс. лет тому назад. Согласно Макнейшу, горизонт Аякучо с его тонкими бифасами и костяным инвентарем должен свидетельствовать о появлении новой традиции в изготовлении костяных предметов и отщепов, сохраняющей, однако, определенное сходство с предшествующей фазой Пакаикаса.

Наиболее важное различие между ними связано с тем, что в горизонте Аякучо есть каменные наконечники с односторонней обработкой и треугольные наконечники из костей исчезнувших видов, однако оба эти вида появились к концу этой фазы. Односторонне обработанные наконечники использовались не только для охоты. В производстве Аякучо имелись практически все виды предметов предшествующей фазы, однако к ним добавились новые орудия, а главное – это производство использует более разнообразный набор сырьевых материалов, причем некоторые из них, видимо, доставлялись издалека. Ссылаясь на наличие определенного сходства, Макнейш (*MacNeish et al., 1970, p. 33*) утверждает, что нельзя исключить возможность того, что комплекс Пакаикаса является не чем иным как неполным и более ранним аналогом инвентаря Аякучо. Тем не менее в своих последних работах Макнейш явно склоняется к более четкому разграничению между этими двумя фациями и даже допускает существование двух отдельных традиций внеконтинентального происхождения. Если большинство специалистов по доисторической эпохе и не оспаривают подлинность остатков Аякучо, то в отношении Пакаикаса такого единодушия нет.

Производство Аякучо приурочено к костным остаткам гигантских ленивцев (виды *Scelidotherium* и *Megatherium tarijense*), лошадей (*Equus andium*) и других представителей вымерших видов, а также современных видов, таких как пума (*Felis concolor*) и другие хищники (*MacNeish, Patterson & Browman, 1975, p. 15*).

Макнейш различает в каменном производстве Аякучо пять основных категорий: орудия с односторонней обработкой (ножи, скребла и наконечники); инструменты с зубринами; оббитая галька (главным образом рубила); отщепы типа резцов и, наконец, топоры. Полнее всего представлена первая категория. Костяные инструменты почти столь же многочисленны: это несколько больших метательных наконечников треугольной формы, пробойник из оленьего рога и скрепки.

Очень мало дополнительной информации было найдено об этом периоде в исследованных слоях. Еще одна последовательность, фактически единственная, была обнаружена по результатам раскопок на побережье Перу неподалеку от Лимы, близ Анкона и долины Чуилон. В эту последовательность входят три комплекса, отнесенные к плейстоцену: Сона-Роха, Чиватерос и Окуендо. Она была восстановлена благодаря материалам двух стоянок, находящихся на вершинах холмов с выходами метавулканических скал. Сона-Роха и Чиватерос I и II стратиграфически перекрещиваются, тогда как Окуендо представляет собой изолированный комплекс другой стоянки. Однако Э. Ланнинг (*E. Laning*) и его студенты выдвинули предположение о наличии здесь непрерывной последовательности, самым ранним этапом которой является комплекс Сона-Роха, за которым следуют сначала Окуендо, а затем Чиватерос I и II. Включение Окуендо в эту последовательность основывается исключительно на типологических соображениях и не подкреплено никакими другими данными. Радиоуглеродным анализом были получены только две датировки, согласно которым фаза Чиватерос I должна иметь возраст 10,4 тыс. лет,

а две другие, предположительно предшествующие фазы, – 10,5 тыс. лет.

Хронологические данные дополняются результатами изучения артефактов, чтобы выявить различные фазы. Прежде всего, следует заметить, что изучаемые стоянки по своему происхождению это карьеры, где найдены заготовки, а не завершённые орудия. Фактически многие отщепы представляют собой осколки, получившиеся при обработке камня, поэтому не относятся к настоящему производству и тем более не могут быть отнесены к горизонту «предметельных наконечников».

К. Шоша (С. *Chauchat*, 1975) обнаружил на северном побережье ряд карьеров, имеющих большое сходство с Чиватерос и соответствующих четко определенному производству метательных наконечников с черешком, называемых «пайхан». С другой стороны, несмотря на то, что некоторые авторы ставят под сомнение соответствующие растительные остатки, датированных радиоуглеродным методом, с найденными здесь орудиями, представляется правомерным определить возраст всего комплекса с его тремя компонентами в 12–10 тыс. лет, т.е. в любом случае отнести их к периоду перехода от плейстоцена к голоцену.

Этот переходный период, отмеченный крупными изменениями фауны и ландшафтного баланса, был, видимо, также отмечен высокой подвижностью групп людей. Существующие на сегодняшний день материалы, правда немногочисленные, убедительно подтверждают факт существования явно не оседлых групп охотников.

Орудия и заготовки в прибрежной зоне Анкон-Чиллон как в комплексе Окуендо, так и в комплексе Чиватерос были изготовлены прямой отбивкой нуклеусов без их предварительной подготовки. В основном находки включают негодные выброшенные нуклеусы и нескольких полуготовых или треснувших орудий. По мнению Паттерсона (*Patterson*, 1966, p. 146), Окуендо являлось производством преимущественно резцов из отщепов от нуклеусов пирамидальной формы, на которых сохранена небольшая часть первоначальной ударной площадки у края, близкого к выступу для раскалывания. Фактически этот тип орудия, будучи несколько похож на резцы, описанные другими специалистами, отнюдь не одинаков с ними, при том что в целом изделия Окуендо по составу однороднее производства из заготовок, которые найдены в Чиватерос. Большинство идентифицированных в Окуендо орудий, включая те, которые определены как резцы разных типов, а также некоторые ассиметричные орудия с зазубринами, скребла и скребки, обработаны с одной стороны.

Из-за природных особенностей этих стоянок раскопки производились здесь очень поверхностно, и поэтому не удалось получить информацию о наличии относившейся к ним фауны и другие столь же важные сведения. Фактически мы знаем только, что здесь работали камнетесы под открытым небом, среди скал, всего лишь в нескольких километрах от моря.

На самом побережье между г. Трухильо (производство Пайхан) и г. Лимой (Лурин) были выявлены похожие, по природе и особенностям стоянки. Леннинг (*Lanning*) нашел подобные мастерские на побережье Гуаяс (Эквадор) с комплексами Экзакто и Манангиаль, во всех отношениях соответствующих комплексам Сона-Роха и Чиватерос. Подобные стоянки были обнаружены Леннингом и на севере Чили.

Другие аналогичные скопления свидетельствуют в пользу признания стадии «предметельных наконечников» у охотников, которые умели изготавливать красивые, хорошо отделанные наконечники с черешком, добывая камень в сделанных ими самими карьерах, подобно тому, что доказано К. Шоша (1975) в отношении производства Пайхан.

ПРОГРЕССИВНЫЕ ОХОТНИКИ ВЕРХНЕГО КАЙЗОЛИТА (карта 33)

Существует не менее трех комплексов с четко определенными наборами артефактов и удовлетворительными временными привязками к этой переходной эпохе: Пайхан на северном побережье, Гитарреро I в северной горной гряде и Пуенте в регионе Аякучо. К ним можно добавить четвертый комплекс, который, несмотря на некоторые пробелы в датировках, явно относится к этому же периоду и даже может рассматриваться как более ранний комплекс, чем указанные выше, и безусловно совпадающий по времени с последними тысячелетиями фазы Аякучо, – это комплекс, в котором представлены наконечники типа «рыбий хвост».

Речь идет о стоянке с этим производством, расположенной в Андах в районе экватора на территории Эквадора – о комплексе Эль-Инга 13–12 тыс. лет давности. К сожалению, датировка этой культуры остается неустойчивой, поскольку все находки были сделаны на поверхности. Радиоуглеродным методом определена максимальная давность примерно в 9 тыс. лет (*Schobinger*, 1969, p. 115), а анализ обсидиана показал возраст между 12 и 7 тыс. лет, что дает слишком широкую хронологическую вилку.

В любом случае наконечники типа «рыбий хвост» очень характерны: они не только свидетельствуют о наличии соответствующего производства у охотников, но и демонстрируют определенный стиль, позволяющий предположить наличие какого-то родства между группами, которые пользовались этим орудием. Имеются доказательства того, что наконечники этого типа изготовлялись по всей Южной Америке – от самой крайней точки на юге Патагонии и по меньшей мере до юга Мексики, т.е. до перешейка, связывающего Южную и Северную Америку. Датировки, полученные по этому специфически южноамериканскому производству на материалах раскопок в Патагонии, дают возраст между 13 и 12 тыс. лет, что соответствует концу плейстоцена.

Этот стиль подтверждается также в тропических Андах, где в пещере Пикимачай в верхней части горизонта, относящегося к фазе Аякучо, были найдены соответствующие предметы. Макнейш (*MacNeish et al.*, 1970, p. 34) попытался определить на этой основе фазу, названную им «Хуанта», но, видимо, затем он предпочел «заморозить» эту гипотезу в ожидании более полной информации. П. Осса (*Ossa P.*, 1975, p. 97) нашел наконечник «рыбий хвост» неподалеку от долины Моче, а Шоша и Севаллос (*Chauchat & Zevallos*, 1979) отыскали такой же наконечник в Пиура. Безусловно, их много и в других местах, и надо надеяться, что найденные в дальнейшем наконечники будут отнесены к более глубоким горизонтам раскопок.

В любом случае, если когда-нибудь удастся установить, что стоянки с такими артефактами относительно или строго совпадают по времени, то можно будет предположить, что изготовители таких наконечников путешествовали по всей Центральной и Южной Америке. Предполагается, что они были связаны с охотой на плейстоценовых животных. Фактически речь идет не только об одних метательных наконечниках, поскольку эти последние смешаны с другими типами и формами артефактов, в частности, с треугольными наконечниками с черешком. Типичные наконечники очень тщательно отделаны в виде рыбы, имеют достаточно широкую кромку и черешок в форме рыбьего хвоста, а в отдельных случаях, как на стоянке Эль-Инга в Эквадоре, на них выполнена небольшая канавка, как на североамериканских наконечниках типа кловис. Отметим, что некоторые археологи склонны видеть в этом производстве наконечников «рыбий хвост» южноамериканскую версию традиции кловис Северной Америки.

Намного более изученное местонахождение Пайхан, как это отмечалось К. Шоша (1975, р. 85), дало разные типы крупных метательных наконечников с черешком, бифасов, скребел и обработанных гольшей. Известно несколько стоянок, принадлежащих этой культуре, некоторые из них содержат окаменелые человеческие остатки. Речь идет не только о поселениях, но и о каменных карьерах и мастерских камнетесов с радиоуглеродной датировкой приблизительно в 10,2 тыс. лет назад, что представляется более или менее приемлемым (Chauchat & Lacombe, 1984, р. 5).

В связи с материалами стоянки Пайхан возникла проблема расовых характеристик древних американских людей. Среди одних из самых древних обнаруженных человеческих остатков Шоша и Лакомб (1984) нашли два скелета – ребенка и взрослого. Эти скелеты, по их мнению, имеют антропометрические характеристики, отличающиеся от характеристик других южноамериканских скелетов того же периода из Лаурикоча, Пунин и Лагоа-Санта, что дает основание предположить, помимо чисто культурной дифференциации между древними обитателями Америки, существование различных типов человека. Рассовое расхождение могло быть вызвано как последовательными «волнами» охотников, так и ускоренным процессом расовой диверсификации. Человек из Пайхана был высок (1,70 м) и имел брахикефальный череп, в то время как другие древние американцы были скорее долихоцефалами.

Людам из местонахождения Пайхан была свойственна также другая важная характеристика: они, конечно, были охотниками, но охотниками, тесно связанными с морем, поскольку в их инвентаре были гарпуны для добычи рыбы. Шоша и Лакомб (1984, р. 6) полагают, что человек из Пайхана практиковал собирательство, охоту на мелких сухопутных животных и рыболовство. В этом нет ничего удивительного, пока речь идет о перуанском побережье, но все же мы должны пересмотреть ряд гипотез, относящихся к первым формам использования морских ресурсов. Этим видом деятельности начали заниматься не только уже сложные оседлые общины позднего «докерамического» периода, но и – намного раньше их – небольшие кочевые группы, все еще оснащенные техникой палеолита. Культура, подобная культуре Пайхан, существовала близ побережья департамента Лима, где был обнаружен похожий комплекс Люс. С учетом современного уровня знаний можно думать, что здесь происходило освоение побережья охотниками-собирателями, которые, как можно предположить, имели стабильные связи с морем.

На внутренней территории, в горах известны местонахождения Гитарреро I и Пуэнте, расположенные на высоте около 3000 м над уровнем моря, первая – в Калехон-де-Хайлас, а вторая – в районе г. Аякучо.

Производство Гитарреро I состоит почти исключительно из орудий на отщепках, без крупных бифасов и «резцов», какие встречались на современных ему стоянках побережья. В Гитарреро найдены также скребки и несколько рубил, отбойники и пластиночные отщепы. Т. Линч (Lynch, 1980, р. 295) полагает, что это производство близко к фазе Аякучо, несмотря на наличие в последней наконечников с черешком. Радиоуглеродные датировки (Lynch, 1980, р. 32) определяют возраст Гитарреро I от 12,5 до 9 тыс. лет.

Информация, касающаяся фауны, показывает, что обитатели пещеры Гитарреро были уже связаны с представителями современных видов животных. Это означает, что в то время по крайней мере в горной гряде Хайлас характерная для плейстоцена фауна уже исчезла. Находки свидетельствуют о собирательстве и охоте

на мелких животных, однако потребление мяса андских верблюдовых было незначительным.

Фаза Пуэнте производства Аякучо, относящаяся примерно к тому же времени, что и культуры Пайхан и Гитарреро, лишь немного более поздняя, была идентифицирована в нескольких местах в центральной горной гряде. Она ассоциируется главным образом с охотой на верблюдовых (гуанако и вигонь), которые тогда были основной дичью, так же как и андские оленивые, вискача (*Langidium* sp. – грызун размером с кролика) и другие мелкие животные.

Наконец, между 10 и 8 тыс. лет назад появляются группы охотников, осваивающие практически все типы ландшафтов на побережье и на андских плато. Некоторые общие черты, такие, как тенденция к распространению метательных наконечников листовидной формы, могут отражать постоянный процесс межрегионального взаимодействия. С другой стороны, как это, видимо, происходило в Жунине (Rick, 1980), начался процесс интенсивной адаптации к специфической андской среде в форме относительной оседлости на высокогорных плато и в степях, которые изобиловали верблюдовыми, в то время как на побережье практиковалось сезонное кочевье в направлении к прибрежным лесам умеренного типа, называемым «лома» (*loma*), растительность которых максимално расцветает в течение 4–5 зимних месяцев.

Именно в эту эпоху в сьерре Хуануко люди обосновались в пещерах Лаурикоча, ставших первыми разведанными и изученными докерамическими андскими поселениями.

Возможно, что в эту же эпоху, соответствующую началу голоцена, появляются первые наскальные рисунки, наиболее известными образцами которых являются сцены охоты на верблюдов, обнаруженные на стоянках Лаурикоча (Хуануко) и южнее современного г. Токепала.

Это был также период крупных достижений, которые позднее приведут к окультуриванию растений и одомашниванию животных (см. гл. 59).

БИБЛИОГРАФИЯ

- ADOVASIO, J. M.; MASLOWSKI, R. 1980. Cordage, Basketry and Textiles. In: LYNCH, T. (ed.), Guitarrero Cave. Ann Arbor.
- BELL, R. E. 1965. Investigaciones arqueológicas en el Sitio de El Inga, Ecuador. Quito.
- CARDICH, A. 1958. Los yacimientos de Lauricocha y la nueva interpretación de la prehistoria Peruana. Stud. Praehist. (Buenos Aires), No. 1.
- 1964. Lauricocha: fundamentos para una prehistoria de los Andes Centrales. Stud. Praehist. (Buenos Aires), No. 3.
- CHAUCHAT, C. 1975. The Paijan Complex, Pampa de Cupisnique, Peru. Nawpa Pacha (Berkeley), No. 13, pp. 85–96.
- CHAUCHAT, C.; LACOMBE, J. P. 1984. El hombre de Paijan? El más antiguo Peruano? Gac. Arqueol. Andina (Lima), Vol. 11, pp. 4–6, 12.
- CHAUCHAT, C.; ZEVALLOS, J. 1979. Una punta en cola de pescado procedente de la Costa Norte del Perú. Nawpa Pacha (Berkeley), No. 17, pp. 143–6.
- COHEN, M. N. 1981. La Crisis alimentaria de la prehistoria. Madrid.
- CRAIG, A. K.; PSUTY, N. P. 1968. The Paracos Papers: Studies in Marine Desert-Ecology I. Reconnaissance Report. Boca Raton. (Dep. Geogr., Fla. Atl. Univ. Occasi. Publ., 1.)
- DOLLFUS, O. 1981. El reto del Espacio Andino. Lima.
- DONNAN, C. B. 1964. An Early House from Chilca, Peru. Am. Antiq., Vol. 30, pp. 137–44.
- ENGEL, F. 1966. Paracos: cien siglos de historia Peruana. Lima.
- 1972. New Facts about Pre-Columbian Life in the Andean Lomas. Curr. Anthropol., Vol. 14, pp. 271–80.
- FUNG, P.; CENZANO, C. E.; ZAVALA, A. 1972. El taller lítico de Chivateros, Valle de Chillón. Rev. Mus. Nac. (Lima), Vol. 38, pp. 61–72.
- HAWKES, J. G. 1967. The History of the Potato. J. R. Hort. Soc. (London), Vol. 92, pp. 207–24, 249–62, 288–302, 364–5.

- HESTER, J. J. 1973. Late Pleistocene Environments and Early Man in South America. In: GROSS, D. (ed.), *Peoples and Cultures of Native South America*. New York, pp. 4–18.
- KAPLAN, L. 1965. Archaeology and Domestication of American Phaseolus (Beans). *Econ. Bot.*, Vol. 19, pp. 358–68.
- 1980. Variation in the Cultivated Beans. In: LYNCH, T. (ed.), *Guitarrero Cave*. Ann Arbor.
- LANNING, E. P. 1963. A Pre-agricultural Occupation of the Central Coast of Peru. *Am. Antiq.*, Vol. 28, pp. 360–71.
- 1965. Early Man in Peru. *Sci. Am.*, Vol. 213, pp. 68–76.
- 1967. Peru before the Incas. New Jersey.
- 1970. Pleistocene Man in South America. *World Archaeol.*, Vol. 2, pp. 90–111.
- LANNING, E. P.; HAMMEL, E. 1961. Early Lithic Industries in Western South America. *Am. Antiq.*, Vol. 27, pp. 139–54.
- LANNING, E. P.; PATTERSON, T. C. 1967. Early Man in South America. *Sci. Am.*, Vol. 217, pp. 44–50.
- LAVALLÉE, D.; JULIAN, M. 1975. El habitat prehistórico en la zona de San Pedro de Cajas, Junín. *Rev. Mus. Nac. (Lima)*, Vol. 41, pp. 81–127.
- LEMON, R. H.; CHURCHER, C. S. 1961. Pleistocene Geology and Palaeontology of the Talara Region, North-West Peru. *Am. J. Sci. (New Haven)*, Vol. 259, pp. 410–29.
- LUMBRERAS, L. G. 1974. La evidencia etnobotánica en el tránsito de la economía recolectora a la producción de alimentos. In: *La Arqueología como Ciencia Social*. Lima, pp. 177–209.
- 1976. *The Peoples and Cultures of Ancient Peru*. Washington, DC.
- LYNCH, T. F. 1967. *The Nature of the Andean Preceramic*. Pocatello. (Idaho State Univ. Mus., Occas. Pap., 21.)
- 1970. Excavation at Quishqui Puncu in the Callejon de Huaylas, Peru. Pocatello. (Idaho State Univ. Mus., Occas. Pap., 26.)
- 1971. Preceramic Transhumance in the Callejon de Huaylas, Peru. *Am. Antiq.*, Vol. 36, pp. 139–48.
- 1974. The Antiquity of Man in South America. *Quat. Res.*, Vol. 4, pp. 356–77.
- (ed.) 1980. *Guitarrero Cave: Early Man in the Andes*. New York.
- MACNEISH, R. S. 1969. First Report of the Ayacucho Archaeological–Botanical Project. Andover.
- 1971. Early Man in the Andes. *Sri. Am.*, Vol. 224, pp. 36–46.
- 1979. The Early Man Remains from Pikimachay Cave. In: HUMPHREY, R. L.; STANFORD, D. (eds), *Pre-Ilano Cultures of the Americas*. Washington, DC.
- MACNEISH, R. S.; NELKEN–TERNER, A.; GARCIA COOK, A. 1970. Second Annual Report of the Ayacucho Archaeological Project. Andover.
- MACNEISH, R. S.; PATTERSON, T. C.; BROWMAN, D. L. 1975. *The Central Peruvian Interaction Sphere*. Andover.
- MACNEISH, R. S. et al. 1980. Prehistory of the Ayacucho Basin, Peru. *Ann Arbor*. Vol. 3.
- 1981. Prehistory of the Ayacucho Basin, Peru. *Ann Arbor*. Vol. 2.
- MATOS, M. R.; RICK, J. W. 1980. Los recursos naturales y el poblamiento precerámico de la Puna de Junín. *Rev. Mus. Nac. (Lima)*, Vol. 44, pp. 23–64.
- MAYER–OAKES, W. J. 1966. El Inga Projectile Points: Surface Collections. *Am. Antiq.*, Vol. 31, pp. 644–61.
- OSSA, P. 1975. Fluted 'Fishtail' Projectile Point from La Cumbre, Peru. *Nawpa Pacha (Berkeley)*, Vol. 13, pp. 97–8.
- OSSA, P.; MOSELEY, M. E. 1971. La Cumbre: A Preliminary Report on Research into the Early Lithic Occupation of the Moche Valley, Peru. *Nawpa Pacha (Berkeley)*, Vol. 9, pp. 1–16.
- PATTERSON, T. C. 1966. Early Cultural Remains on the Central Coast of Peru. *Nawpa Pacha (Berkeley)*, Vol. 4, pp. 145–53.
- 1971. *Central Peru: Its Population and Economy*. Archaeology (New York), Vol. 24, pp. 316–21.
- PICKERSGILL, B. 1969. The Archaeological Record of Chili Peppers (*Capsicum sp.*) and the Sequence of Plant Domestication in Peru. *Am. Antiq.*, Vol. 34, pp. 54–66.
- RICHARDSON, J. B., III. 1972. The Preceramic Sequence and the Pleistocene and Post–Pleistocene Climate of Northwest Peru. In: LATHRAP, D.; DOUGLAS, J. (eds), *Variation in Anthropology*. Urbana.
- RICK, J. W. 1980. *Prehistoric Hunters of the High Andes*. New York.
- 1983. *Cronología, clima y subsistencia en el precerámico Peruano*. Lima.
- SCHOBINGER, J. 1969. *Prehistoria de Sudamérica*. Madrid.
- SMITH, C. E. 1980. Plant Remains from Guitarrero Cave. In: LYNCH, T. H. (ed.), *Guitarrero Cave*. Ann Arbor, pp. 87–120.
- STEINMANN, H. 1930. *Geología del Perú*. Lima.
- TOSI, J. A. 1960. Zonas de vida natural en el Perú. Lima. (Inst. Interam. Cienc. Agríc., Zona Andina, Bol. Téc., 15.)
- TOWLE, M. A. 1961. *The Ethnobotany of Pre–Columbian Peru*. Chicago.
- WILLEY, G. R. 1971. *An Introduction to American Archaeology: South America*. New Jersey. Vol. 2.
- WING, E. 1977. Animal Domestication in the Andes. In: REED, C. A. (ed.), *The Origins of Agriculture*. The Hague, pp. 837–60.
- 1980. Faunal Remains. In: LYNCH, T. H. (ed.), *Guitarrero Cave*. Ann Arbor, pp. 149–71.
- WRIGHT, H. A.; BRADBURY, J. P. 1975. Historia ambiental del Cuaternario tardío en el área de la Planicie de Junín, Perú. *Rev. Mus. Nac. (Lima)*, Vol. 41, pp. 75–6.

ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ (юг Перу, Боливия, северо-запад Аргентины, Чили) в каменный век

Лаутаро Нуньес Атенсио

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ (карта 34)

Этот регион, расположенный от 17 до 55 град. южной широты между Андами и Тихим океаном, из-за разницы в высотах и географических широтах отличается исключительным разнообразием ландшафта – от пустыни до субантарктических лесов и степей. На протяжении всего каменного века происходили различные процессы адаптации, выразившиеся в разнообразных способах использования ресурсов, что приводило к формированию характерных культур и развитию широкой сети обменов между людьми из восточных лесов, с возвышенностей, долин и побережья Тихого океана.

Юг центральной территории состоит главным образом из высокогорных плато (свыше 3000 м над уровнем моря), потенциал биомассы здесь постепенно уменьшается в направлении с севера на юг, в зависимости от наличия степей, долин и озер. Адаптируясь к высоте, люди одомашнивали и окультуривали часть ресурсов (например, верблюдовых и корнеплоды), что привело к появлению земледельческо-скотоводческих общин, которые распространились по всему андскому региону – от тропического леса до Тихого океана, через долины и другие места прохода на стыке резко контрастирующих экосистем, от холодной дождливой горной гряды до раскаленных пустынь побережья (в промежутке от 17 до 36 град. южной широты).

В регион Южных Анд входит несколько крайних зон: долины на средних и низких высотах, тропические леса и почти пустынные степи Аргентины. Здесь мы остановимся главным образом на западных долинах, спускающихся к Тихому океану, и на продольной долине, идущей с севера на юг параллельно Андам и побережью (от 26 до 38 град. южной широты), которая богата природными ресурсами.

Продольная долина фактически является продолжением Анд в южном направлении (от 36 до 42 град. южной широты). Обильные дожди питают здесь весьма плотную сеть рек и озер, сочетающуюся с приандскими лесами.

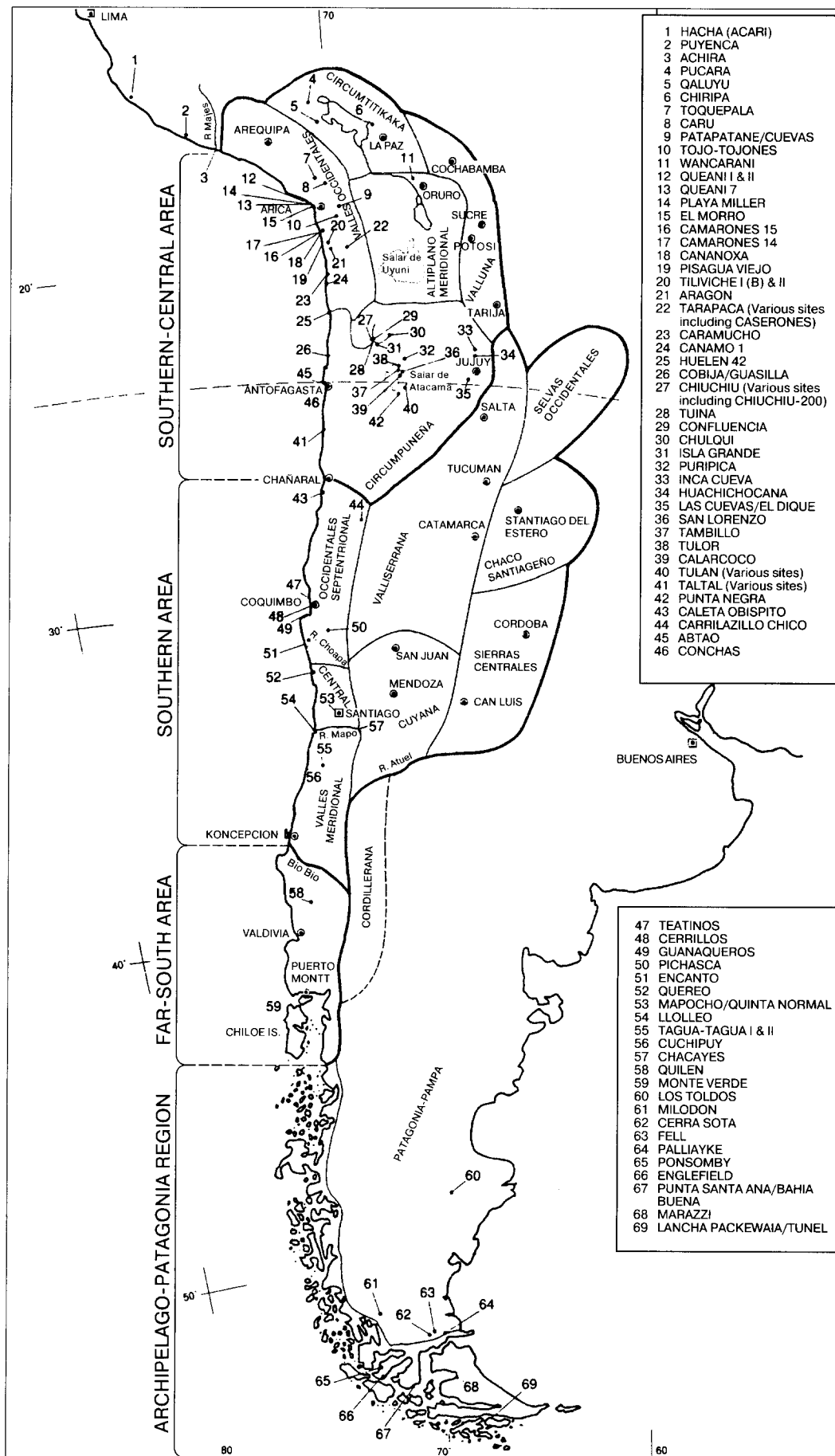
Дополняя эту панораму юго-запада континента, Патагония и южный архипелаг Чонос образуют зону с очень суровым климатом, который характеризуется обильными осадками, крайне низкими температурами и активной ледниковой эрозией. Ресурсы здесь типичны

для субантарктической среды: леса и степь с богатым травяным покровом, которая кормит многочисленную фауну, но не дает почти никакой возможности для собирательства.

В рассматриваемый регион входят, таким образом, четыре климатические зоны со своими потенциальными ресурсами: возвышенности, приандские долины, область Патагонии и Тихоокеанское побережье. Возвышенности образуют центральное южное ядро, которое продолжается к югу в форме узкой полосы суши: здесь специфические фауна и флора благоприятствовали охотничьей и собирательской деятельности, одомашниванию животных и окультуриванию растений. По мере постепенного понижения рельефа в направлении к югу (южный регион) приандские долины становятся более благоприятной средой, безводные пустынные междуречья сменяются плодородными низинами, где более разветвленная речная сеть создает условия для обильной биомассы, характерной для долин центральной части Чили. В области Патагонии преобладают леса, степи и заметно влияние океана, а богатая фауна способствовала интенсивному развитию охоты и рыболовства. Все Тихоокеанское побережье, имевшее высокий продовольственный потенциал благодаря холодным течениям, омывающим его от зоны пустынь до южного архипелага, заселялось более интенсивно и стабильно, находясь в меньшей зависимости от сезонных колебаний ресурсов, чем внутренние территории.

ПОСЕЛЕНИЯ РАННЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА (15–13 ТЫС. ЛЕТ НАЗАД) (табл. 11)

В нашем распоряжении имеется очень мало данных о наиболее древних предполагаемых поселениях. Стоянки подвергались действиям трансгрессий моря, а пустыня оставалась постоянным трудно преодолимым барьером. Тем не менее на верхних землях юга центральной территории имеются все признаки плейстоценовых степей и озер, где была сконцентрирована мегафауна и несомненно велась хозяйственная деятельность (Phillipi, 1983). Можно считать также вероятным местом прохода полупустынную степь у подножья гор Атлантического побережья (21–24 град. южной широты), которая связывает амазонский бассейн с пампой и с Патагонией,

Карта 34. Расположение основных археологических местонахождений на юге центральной, в южной и крайней южной зонах Анд, в зоне архипелага Чонос и Патагонии (по Núñez, 1985)

откуда можно достигнуть озер западной прибрежной равнины (центр и юг Чили), используя проходы в горах, и затем выйти по склонам на южную оконечность континента.

Первые обитатели появились здесь более 12 тыс. лет назад (*Bryan*, 1978), и некоторые признаки дают основание считать, что они уже были здесь даже в тринадцатом–двенадцатом тысячелетиях (*Schmitz*, 1984), вероятно, в средней стадии вюрмского оледенения (согласно европейской терминологии). Оставленные ими следы были достоверно идентифицированы только в центральной и на юге центральной территории Анд. Составлено описание недифференцированных традиций производства отщепов, рубил, резцов и бифасов, принадлежащих к горизонтам «дометательных наконечников», т.е. к периоду до одиннадцатого тысячелетия до наст. в. (*Lanning*, 1967; *Krieger*, 1964). Однако в основном все эти артефакты найдены на поверхностных стоянках и в карьерах, и они не привязаны хронологически к каким-либо стратиграфическим ориентирам. Гипотеза относительно их древности основана на палеогеографических и типолого-хронологических критериях, определенных по аналогии с палеолитом Древнего Мира (*Meltzer*, 1969). Тем не менее удалось доказать, что найденные предметы (например, бифасы) являются фактически заготовками или каменными осколками от обработки и что некоторые из них относятся к последниково-периоду и никак не могут быть отнесены к плейстоцену (*Fung et al.*, 1972; *Núñez*, 1983b).

Согласно Линчу (*Lynch*, 1985), вполне вероятно, что первая волна охотников до одиннадцатого тысячелетия обосновалась на берегах пресноводных плейстоценовых озер. Можно было бы привести в подтверждение этого мнения некоторые хронологические и стратиграфические сведения о плейстоценовых озерах юга андского региона. Так, например, в Куерео I (поз. 52 на карте 34) между озерными отложениями были обнаружены раздробленные кости и лошадиный череп с повреждением лобно-носовой области, вокруг которых находились примитивные каменные орудия. Это местонахождение было определено как место разделки туш. Здесь обнаружены остатки лошадей (*Equus*), оленей (*Antifer niemeyeri*), древних лам (*Paeolama*) и милодонтовых (*Mylodon*), современных полупустынному климату, сравнимому с сегодняшним, и приуроченных к остаткам ископаемого леса (*Dayphillum excelsum*). Эти остатки могут свидетельствовать об экосистеме, которая была идеальным местом для охотников, поскольку привлекала крупных травоядных. Анализ современных грунтовых горизонтов позволил установить для Куерео I более ранние датировки. Речь идет о действительно более древней фазе, что подтверждается дифференцированностью осадочных отложений, стратиграфическим расположением и наличием морской террасы на высоте 5–19 м над нынешним уровнем моря, что соотносится с межстадийным периодом Лауфена между 25–22-м тысячелетиями до наст. в. (*Núñez et al.*, 1983).

Феномен такого же порядка имел место в лагуне Тагуа-Тагуа (поз. 55 на карте 34), где тоже разделялись туши. Там были найдены остатки мастодонтов и оленевых (под горизонтом одиннадцатого тысячелетия), а также очаги, которые, возможно, были оставлены здесь охотниками в период, предположительно датируемый 30–21-м тысячелетиями назад (*Montané*, 1968, *Heusser*, 1983). Это явление также имело место в условиях горячего и сухого климата, когда все ресурсы были сконцентрированы в своего рода «оазисе». В Куерео I, как и в Тагуа-Тагуа (ниже уровня I), где найдены эти следы возможного «первого» заселения, затем восстановился влажный климат, что привело к значительному подъему уровня воды в озерах и к установлению климата, благоприятного для развития мегафауны и охотничьей деятельности.

В Патагонии самое древнее поселение датируется тринадцатым тысячелетием до наст. в. (*Cardich*, 1977), но не исключено, что у этих первых обитателей были предшественники, признаком чего являются следы милодонтов в древних отложениях пещер Фелл и Милодон (поз. 63 и 61 соответственно) (*Bird*, 1938; *Borrero*, 1981). На этих животных охотились в одиннадцатом тысячелетии, но есть и поврежденные человеком кости животных из пещеры Милодон, которые могут восходить к тринадцатому тысячелетию.

ОХОТНИКИ ПОЗДНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА (1300–8600 ЛЕТ НАЗАД) (табл. 11)

Нет никаких точных следов поселений на юге центральной территории Анд в этот период, хотя на поверхности были найдены остатки производства неуставленного возраста (например в Вискачани). С другой стороны, около приандских озер южной зоны и в пещерах Патагонии обнаружены охотничьи стоянки, определенно связанные с остатками ископаемой фауны.

Эти последовательные поселения охотников, сменяя друг друга с конца плейстоцена до начала последниково-периода, выявляли в различных климатических условиях благодаря ряду специализированных и общих видов деятельности, соответствующих региональным условиям. В технологических и экономических характеристиках этих популяций проявляется тенденция к однородности и синхронности.

Находки на территории Южных Анд и на крайнем юге континента

Куерео II

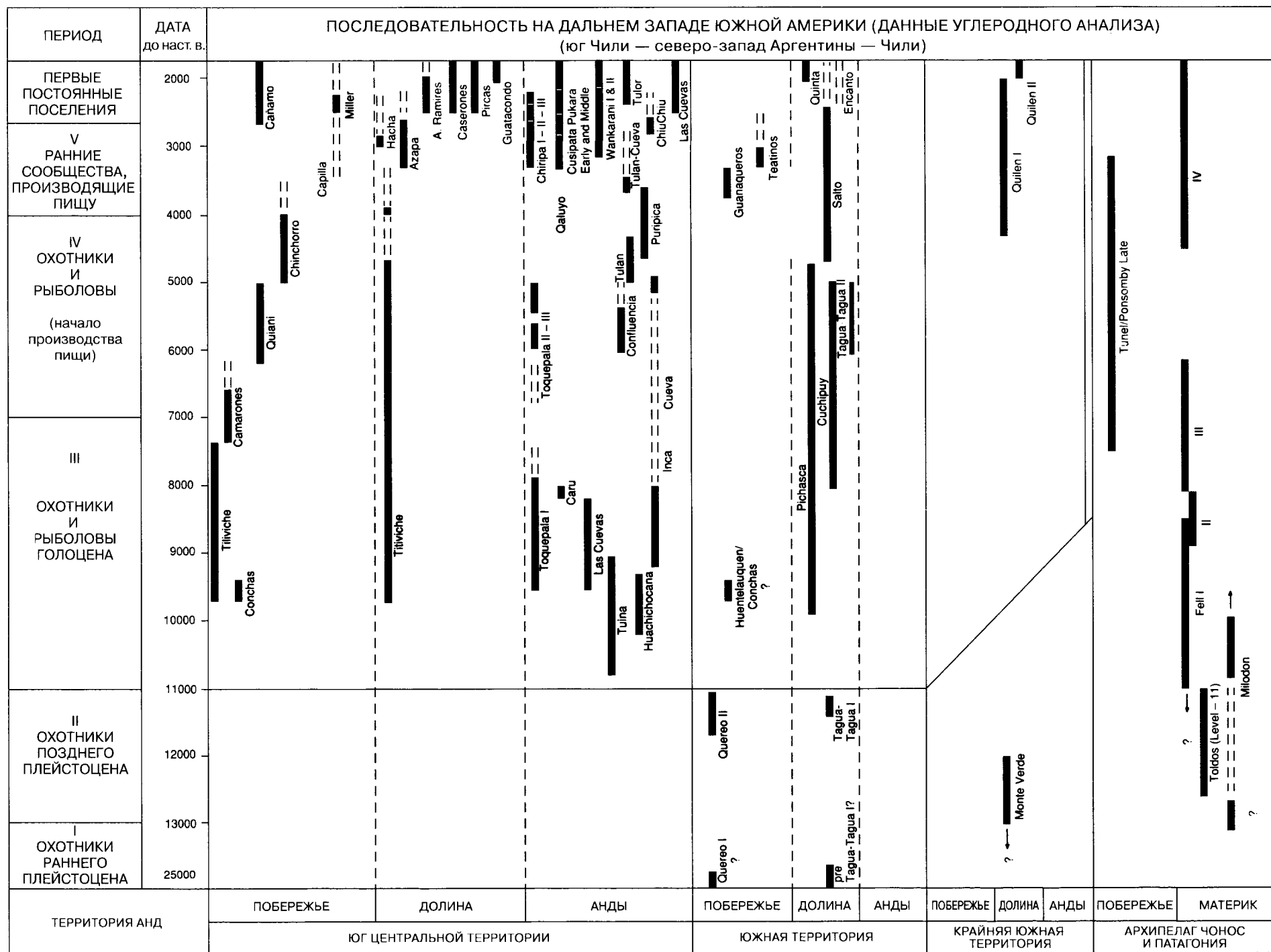
На берегу озера к югу от г. Лос-Вилос проживала группа охотников на животных мегафауны. Там находился водопой крупных травоядных: мастодонтов (*Cuvieronius*), лошадей (*Equus*), оленей (*Anitifer*), верблюдовых (*Lama*), гигантских ленивцев, *Mylodon* или *Glossotherium*. Судя по остаткам, найденным здесь в песчаном пласте, эти охотники забивали животных камнями. Все это происходило в период между 11400 и 11100 лет назад, когда лагуна превратилась в болото с песчаными берегами. Тут же были найдены две в то же время забытые лошади (*Núñez et al.*, 1983).

Менее холодный и менее влажный по сравнению с предшествующим климат (межстадийный период Аллерода) сопровождался большей засушливостью, усилением концентрации ресурсов и обеднением состава животного и растительного мира. Фактически произошло отступление степи, покрытой колючей растительностью, что остановило интенсивное развитие семейства хоботных животных. Анализ пыльцы показывает, что близ этих мест произрастали склерофиты – засухоустойчивые растения с жесткими листьями (*Litbraea*, *Escallonia*, *Maytenus*, *Azara microphylla*), а на соседних болотистых землях – осока (*Cyperaceae*) и камыш (*Typha*).

Охотники нападали на добычу в оврагах с рыхлой почвой на дне, которая позволяла подойти к животному без применения метательных наконечников. Туши разделялись режущими камнями и костяными орудиями, которые изготавливались из субпродуктов охоты. Вероятно, этим небольшим по численности группам надо было не очень много дичи. Несмотря на близость моря (200 м), найдены остатки всего лишь двух моллюсков (*Concholepas*).

Следы человеческой деятельности проявляются во фрагментах костей, поврежденных при разделе туш, или

Таблица 11. Хронологическое положение важнейших археологических стоянок западной части Южной Америки (юг Перу, Боливия, северо-запад Аргентины, Чили)

в раздробленных костях, найденными костяными артефактами, в том числе шлифованными (рис. 97, о), каменными бульжниками близ скелетов и каменными пластинами со следами изношенности (*Núñez, 1983a, 1983b*).

Тагуа-Тагуа I

Другое место разделки туш было обнаружено в одной из прибрежных долин (долина Качапоал) неподалеку от озера (*Montané, 1968*). Найденны следы исчезнувшей фауны и несколько орудий, датируемых начиная с двенадцатого тысячелетия до наст. в., вместе с остатками оленевых (*Antifer*), мастодонтов (*Cuvieronius*) и лошадей (*Equus*) (*Montané, 1968; Casamiquela et al., 1976*).

Когда озеро отступило к середине бассейна, из-за того что дожди стали выпадать очень редко (промежуточная стадия Аллерод), то туши приходилось разделять в условиях усилившейся жары. В этой части болотистой равнины с ранее многочисленными озерами охотники забили мастодонта, раздробив ему череп камнями (об этом говорит отсутствие метательных наконечников). Туша была разделана на месте, что подтверждается найденными здесь костями со следами от разделки (как в Куерео). Однако каменный инвентарь Тагуа-Тагуа I более разнообразен: в него входят обсидиановый нож-скребок с противолежащими сколами (рис. 97, n), отщепы с противоположными сколами и скребки с односторонней ретушью, похожие на орудия из Патагонии. Изредка встречаются артефакты в виде односторонне оббитых отщепов, отбойников и жерновов из гранита, проколов, а также шлифованных резцов из кости с канавками. Для затачивания применялись точила из камня, они использовались также для затачивания орудий после разделки туш, что подтверждается найденными осколками от обработки камней отжимом и оббивкой. Наличие древесного угля и жевых костей позволяет предположить, что вблизи были оборудованы очаги.

Растительный покров в этот период определялся жарким и сухим климатом оазисного типа с периодами высыхания и понижения уровня воды в озере (*Heusser, 1983*). Наряду с этим, тот факт, что (из-за повышенной влажности) здесь росло немного сложноцветных растений и трав, доказывает, что одновременно усиливалось испарение, а также была более высокая температура воздуха по сравнению с нынешними условиями. Мастодонты были вынуждены искать пищу на ограниченном пространстве, что способствовало интенсивной охоте на них.

Монте-Верде

У южной оконечности континента у самого края продольной долины начиная с тринадцатого тысячелетия до наст. в., после самого последнего продвижения ледников (*Heusser, 1960*) происходит постепенное улучшение климатических условий. С двенадцатого тысячелетия, на уровне 40 град. южной широты ледники более не выходят за пределы горных хребтов, а в начале одиннадцатого тысячелетия они, как и озера, уже занимают свое современное положение (*Mercer, 1970*).

Крупные травоядные, спустившиеся к югу в промежуточную стадию Аллерод, еще имели доступ к цепочке предгорных озер с влажными лесами и травянистыми лугами.

Неподалеку от Пуэрто-Монти была обнаружена стоянка охотников на мастодонтов, известная как самая южная стоянка Америки. Этот обследованный Диллхейем (*Dillehay, 1984*) галечный слой получил название стоянки Монте-Верде (поз. 59 на карте 34). Датированная четырнадцатым–двенадцатым тысячелетиями назад, она имеет следы прямоугольных жилищ, срубленных

деревьев и очагов. Обнаружены также остатки доставлявшихся сюда охотниками частей туш мастодонтов и палеоверблюдов, но преобладают следы круглогодичной собирательской деятельности: семена, клубни, побеги, листья, тростник для плетения (*Scirpus*) и т.д.

Каменные орудия, видимо, изготовлялись прямой отбивкой, обтесыванием и шлифовкой природных гольшей.

Обитатели стоянки изредка пользовались также отщепами-бифасами. В составе находок есть один бифас, связь которого с данным горизонтом поселения не доказана, а также два круглых камня с бороздками, которые, возможно, использовались для метания (рис. 97, m).

Данная стоянка может свидетельствовать о том, что к концу ледникового периода охотники на мастодонтов освоили собирательство в холодных и влажных субантарктических лесах благодаря более обобщенной стратегии охоты и собирательства.

Охотники региона Патагонии

В течение двенадцатого–одиннадцатого тысячелетий назад, когда первые обитатели достигли самого юга континента, ледники уже отступали и в более теплых условиях формировалась разветвленная гидрографическая сеть рек и озер. Теперь не было никаких препятствий для миграции человеческих групп, которые устремились на юг, уходя из новых засушливых мест, появившихся в постледниковую эпоху.

В одиннадцатом тысячелетии жаркий и сухой климат промежуточной стадии Аллерод способствовал преобладанию степей и концентрации людей и травоядных животных на обширном травянистом плато, где популяции охотников достигли высокого уровня специализации. В дальнейшем наступают две фазы, которые знаменуют начало процесса адаптации людей к субатлантической экосистеме.

Фаза раннего Лос-Тольдос (13000–11000 лет назад). Расположенная неподалеку от р. Десеадо (Аргентинская Патагония) пещера Лос-Тольдос 3 (уровень II) (поз. 60 на карте 34) начала заселяться с тринадцатого тысячелетия ранее весьма рассеянной популяцией охотников, приспособившихся к условиям степей Патагонии (*Menghin, 1952; Cardich, 1977; Cardich et al., 1973 и 1978*). Каменный инвентарь местонахождения состоит из массивных отщепов с односторонней ретушью, скребел, концевых скребков на пластинах, ретушированных ножей и треугольных наконечников с односторонней обработкой. Обитатели стоянки охотились на животных, позднее исчезнувших, в том числе, на ехидн (*Parabipparion*) и верблюдовых (*Lama gracilis*), а из современных видов – на гуанако (*Lama guanacoe*) и грызунов. Это поселение, просуществовавшее до конца одиннадцатого тысячелетия, может рассматриваться как технологическая основа последующей эволюции.

Другие поселения были открыты в Аргентине: пещера Арройо Фео на притоке р. Пинтурас (*Gradin et al., 1976; Silveira, 1979*), пещеры Эль-Бухо на р. Пинтурас (*Gradin et al., 1976*) и пещеры Эль-Сейбо-7 на р. Десеадо (*Cardich et al., 1981–1982*).

Фаза Фелла (11000–8600 лет тому назад) представлена стоянками на двух горных склонах, в том числе стоянкой в пещере Фелл (поз. 63 на карте 34), типичной для чилийской Патагонии.

Классическая фаза Лос-Тольдос. Пещера Лос-Тольдос 3 снова была заселена в одиннадцатом тысячелетии (уровни 9–10), о чем свидетельствуют найденные концевые скребки на пластинах, треугольные наконечники с черешком, нуклеусы-бифасы, костяные лопатки и ножи-бифасы. Наличие шлифованных дисковидных камней и фрагментов, напоминающих наконечники типа «рыбий хвост»,

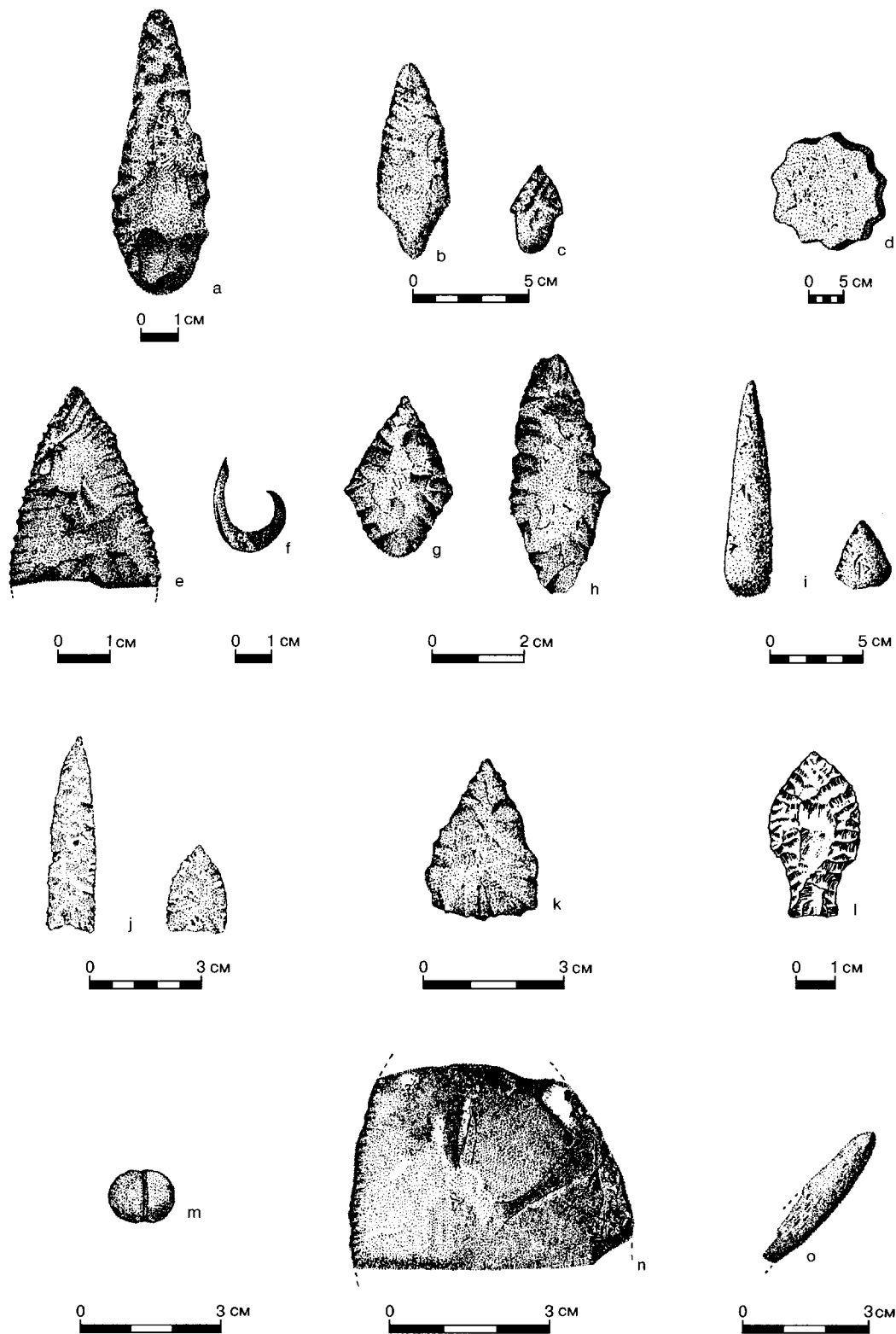

Рис. 97. Артефакты, типичные для популяций охотников плейстоцена и голоцена западного региона Южной Америки: а – листовидный наконечник-бифас, стоянка Тиливиче I-B (поз. 20 на карте 34), промежуточный стратиграфический уровень (7850–6900 лет назад) (Niñez, 1983); б–с – наконечники с черешком, стоянка Кучипуй (поз. 56), зона древних погребений (8070–5000 лет назад) (Kaltwasser et al., 1983); д – многоугольный зубчатый камень, стоянка Лас-Кончас Хуентелаукуен (поз. 46) (около 9680–9400 лет назад) (по Carevic, 1978); е – ассиметричный листовидный нож-бифас, Тиливиче I-B (поз. 20), древний стратиграфический уровень (9760–7850 лет назад) (Niñez, 1983); ф – крючок из раковины, Тиливиче I-B (поз. 20), промежуточный стратиграфический уровень (7850–6900 лет назад) (Niñez, 1983); г – пятиугольный наконечник-бифас, стоянка Патапатане (поз. 9), ранний стратиграфический уровень (около 8200 лет назад) (Santoro, MS.); h – листовидный наконечник, Патапатане (поз. 9), ранний стратиграфический уровень; i – листовидный и треугольный наконечники, стоянка Фелл (поз. 63), уровень III (8200–6400 лет назад) (Bird, 1938); j – треугольные наконечники, стоянка Пичаска (поз. 50), ранний стратиграфический уровень (9890–7050 лет назад) (Ampuero & Rivera, 1971); k – треугольный наконечник-бифас, стоянка Туина (поз. 28), ранний стратиграфический уровень (10820–9080 лет назад) (Niñez, 1983); l – наконечник-бифас типа «рыбий хвост», стоянка Фелл (поз. 63), ранний стратиграфический уровень (около 11000 лет назад) (Bird, 1938); m – камень бола, стоянка Монте-Верде (поз. 59), уровень поселения (13000–12000 лет назад) (Dillehay, 1984); n – фрагмент обсидианового ножа-бифаса, стоянка Тагуа-Тагуа (поз. 55), уровень I (11380–11000 лет назад) (Montané, 1968); o – фрагмент изделия из шлифованной кости, стоянка Куерео (поз. 52), уровень II (около 11400 лет назад) (Niñez, 1983)

позволяет приурочить это скопление к первоначальному заселению пещеры Фелла (*Cardich*, 1977). Отколовшийся от свода фрагмент породы с остатками раскраски позволяет соотносить с этим периодом сложную разновидность наскальной живописи в стиле «отпечатков рук». Обитатели пещеры продолжали охотиться на ископаемые виды лошадей (*Parabipparion*) и верблюдовых (*Lama gracilis*), гуанако (*Lama guanicoe*), птиц тинаму (*Eudromia*), маленького нанду (*Rheidae/Prerocnemeiapennata*), страусов нанду (*Rhea americana*), псовых и грызунов (*Cavidae*).

Наступившая относительная сухость вынудила людей покинуть стоянку примерно 8750 лет назад, однако с 7200 г. здесь в третий раз поселяются люди из группы Касапедренсе. Они использовали пластиночные отщепы, пластины с односторонней ретушью, каменные бола, орудия с зубцами и некоторые виды бифасов. Может быть, у них уже были собаки (*Canis familiaris*) для более эффективной охоты на гуанако.

Было бы, конечно, преувеличением говорить о строгом совпадении фаз классического тольдос и раннего фелл. Тем не менее наличие шлифованных дисковидных камней, размеры скребел и скребков, сходство между исчезнувшими и сохранившимися до нашего времени животными, на которых охотились обе группы, – все это позволяет предположить существование общей социокультурной модели, свойственной обоим фазам. Весьма вероятно, что различные условия, преобладавшие в каждой из двух фаз, определили более или менее автономный характер поселений и применявшихся технологий; во всяком случае, именно об этом, по-видимому, свидетельствуют разные типы наконечников, найденных на обеих стоянках.

Население было в этот период плотнее, чем на предыдущей стадии, и лучше приспособлено к охоте на открытом пространстве на свою самую лакомую дичь – взрослых гуанако. Люди соблюдали здесь жертвенные ритуалы, о чем свидетельствуют отпечатки рук в виде негативов (*Menghin*, 1952).

Другие убежища, обнаруженные в Лос-Тольдос 2, дали наконечники типа фелл, полированный диск и зуб ископаемой лошади (*Menghin*, 1952). Речь идет, в частности, о пещере Лас-Манос, в которой обнаружены наконечники с черешком типа классического лос-гольдос, которые на этот раз не соотносятся с исчезнувшей фауной. К наскальным изображениям стиля «отпечатки рук» здесь добавлены многоцветные сцены охоты, свидетельствующие о том, что охотники забивали дичь в глубоких оврагах каменными бола и копьями (*Gradin et al.*, 1976). Местные популяции, видимо, были многочисленны и жили более скученно из-за ограниченных размеров убежищ. Тем не менее, судя по наскальной живописи на р. Пинтурас, где изображены 54 охотника, окружающих 17 гуанако, здесь практиковалась коллективная охота, что предполагает минимальный уровень сотрудничества между различными группами.

На другой стоянке в пещере Буитreras, также в Аргентине, найдены остатки лошади (*Hippidium-Onobippidium*), гуанако (*Lama guanicoe*), лис (*Dusicyon*) и милодонтовых (*Myiodon*), приуроченные к кратковременному человеческому поселению (*Sanguinetti & Borrero*, 1977).

Что касается стоянки пещеры Фелл, находящейся на водоразделе со стороны Чили, неподалеку от р. Чико-де-Магалланес (*Bird*, 1938, 1946; *Emperaire et al.*, 1963), то здесь установлено пять периодов, первый из которых, датируемый одиннадцатым тысячелетием, подтверждается присутствием пепла от извержений первого цикла вулканической активности (*Auer*, 1970). Культурные остатки представляют собой полированные дискообразные камни, пластиночные скребки со спинкой, массивные отщепы, листовидный нож с двусторонней обработкой, двойной горизонтальный скребок из отщепы с противополож-

ными сколами, рубила, костяные проколки и точила. Характерно разнообразие дичи: гигантский ленивец (*Myiodon listai*), лошадь (*Parabipparion saldasi*), гуанако (*Lama guanicoe*), лиса, пума, птицы, грызуны. Собирались также страусовые яйца (*Bird*, 1938). Иными словами, здесь смешаны остатки исчезнувшей и современной фауны и некоторые следы собирательства, практиковавшегося в условиях отсутствия морских ресурсов. Наконечники типа фелл («рыбы хвосты»), которые можно датировать одиннадцатым и двенадцатым тысячелетиями, были найдены рядом с очагами, на которых поджаривались куски конины. Такие наконечники были широко распространены в регионе (рис. 97, 1), однако некоторые авторы полагают, что их приносили сюда с севера, где найдены наконечники схожих форм, как например, наконечники с р. Мадден в Панаме и из местонахождения Эль-Инга в Эквадоре (*Bird*, 1969). Как бы то ни было, для предлагаемых сопоставлений в масштабах всей Южной Америки не имеется точных данных ни по датировке предметов, ни по их принадлежности к плейстоцену. Было бы, в частности, интересно проверить в дальнейшем предположение о возможной миграции популяций, применявших наконечники типа фелл, вдоль атлантических склонов от водораздела (пампа – Патагония), где найдено несколько последовательных стоянок (*Bate*, 1982).

Поздний период заселения стоянки Фелл (период II) относится к девятому тысячелетию и связан с переходом групп охотников на наземных животных к более разностороннему использованию природных ресурсов, в том числе ресурсов Тихого океана.

Скальное укрытие Палли-Аике (поз. 64 на карте 34) на аргентино-чилийской границе содержит остатки исчезнувшей фауны и культурные остатки, схожие с находками из пещеры Фелл, расположенной на расстоянии в 26 км от нее (*Bird*, 1938). Сегодня считают, что обугленные человеческие скелеты, найденные в слое из золы, датированной девятым тысячелетием назад, относятся именно к этому отложению.

Временной промежуток приблизительно в два тысячелетия между стоянками Фелл и Палли-Аике соответствует продолжительному времени проживания вплоть до девятого тысячелетия, тогда как в более северных регионах охотники были уже полностью адаптированы к условиям голоцена, характеризующимся частичным исчезновением фауны. Это говорит в пользу гипотезы о более позднем исчезновении плейстоценовой фауны на южных территориях.

В скальном укрытии Серра-Сота (поз. 62) близ пещеры Фелла также были найдены обугленные кости человеческих скелетов, которые почти с полной уверенностью можно рассматривать как совпадающие по времени с периодом охоты на лошадей. Несмотря на отсутствие датировки, эти скелеты, по-видимому, самые древние в Патагонии, хотя их соотносимость с фауной плейстоцена необязательно означает их очень древний возраст, поскольку установлено, что некоторые лошади и милодонты Палли-Аике датированы более поздним временем, чем остатки этих ископаемых в других местах. Сами обугленные кости скелетов принадлежат к семейным группам вполне здоровых людей, а наличие и самых древних, и современных рассматриваемому периоду черепных характеристик свидетельствует о продолжительности чередования иммиграционных волн, доходивших до этого «тупика» Патагонии (*Munizaga*, 1976).

В скальном укрытии Марасси (поз. 68) (Исла-Гранде-де-Тьерра-дель-Фуего) имеются следы охотничьей деятельности, объектом которой были главным образом сухопутные животные, несмотря на близость побережья, где, впрочем, люди уже начали добывать дополнительные ресурсы (*Laming-Emperaire et al.*, 1972). Наконец, в пещере

Милодон (Сено-де-Ульгима Эсперанса) найдены остатки милодонта со следами разделки (Borrero, 1981). Считается, что эти ленивцы могли быть предметом охоты как в период плейстоцена, так и во времена голоцена, так как их остатки имеют разное стратиграфическое залегание. Тем не менее, поскольку в этом обширном убежище температура остается очень низкой даже летом, оно не было заселено постоянно. Мегафауна Патагонии поставляла охотникам прекрасную дичь, но помимо охоты были и другие причины постепенного исчезновения этой фауны.

Действительно, установленное по стоянке Тагуа-Тагуа сокращение площадей хвойных лесов (с породами деревьев видов *Podocarpus andinus*, *Nothofagus dombeyi* и *N. obliqua*) (Heusser, 1983) свидетельствует о том, что в начале одиннадцатого тысячелетия имела место радикальная перемена в пище травоядных (например, мастодонтов). Нельзя исключать, что между одиннадцатым и десятым тысячелетиями произошло перемещение древней мегафауны на юг, если допустить гипотезу о сохранении на крайнем юге и в Патагонии более благоприятных «плейстоценовых» условий, в то время как в северных регионах (Тагуа-Тагуа и Куерео) свирепствовала засуха. Исчезновение мегафауны обеих Америк (Martin, 1973) пытались объяснить экологическими изменениями и сверхэксплуатацией охотничьих ресурсов на сравнительно коротком отрезке времени. Этому можно противопоставить тот факт, что популяции жили здесь за счет охоты в период с 13000 по 8600 лет назад, о чем свидетельствуют следы их связей с исчезнувшей фауной, а это делает мало убедительным тезис о сверхэксплуатации на протяжении достаточно короткого периода.

Анализ помета милодонтов, произведенный Маркграфом (1985), привел к выводу, что резкое отступление травянистой степи, происшедшее в Фуэго – Патагонии к началу десятого тысячелетия назад, совпало с исчезновением крупных травоядных под прессом охотничьей деятельности. Действительно, растительный покров холодных степей (злаки и травы) постепенно отступил – между одиннадцатым и восьмым тысячелетиями – перед сухой степью пустынного типа, покрытой кустарником. Эта эволюция к современному растительному покрову, связанная с повышением температуры и уменьшением количества осадков, глубоко изменила преимущественно травяной состав корма милодонтов. Не сумев приспособиться к новым условиям голоцена, крупные травоядные уступили место гуанако, чье питание было менее специализированным, и именно гуанако стали основной дичью последующих поколений охотников на континенте.

Представляется логичным связать исчезновение мегафауны с рядом сложных причин биологического, экологического и культурного порядка (Borrero, 1977; Saxon, 1978; Massone, 1981; Bate, 1982). Не преуменьшая значение охотничьей деятельности человека, следует отметить роль первого цикла вулканической активности, которая была не менее решающей и ускорила процесс вымирания, поскольку извержения сказывались не только на растительных кормах, но и на воде для питья животных. С другой стороны, важнейшее значение имело также соперничество в борьбе за пастбища между милодонтами, лошадами и гуанако, особенно в момент, когда происходило радикальное изменение растительного покрова.

Охотники юга центрального и южного регионов, которые добывали последних плейстоценовых животных, обитающих в южном полушарии, к девятому тысячелетию назад уже начали приспосабливаться к условиям последникового эры, стремясь совместить использование верблюдовых голоцена с эксплуатацией растительных ресурсов Анд и местных долин. В эту эпоху появляются также первые рыболовы на Тихоокеанском побережье.

ОХОТНИКИ И РЫБОЛОВЫ ГОЛОЦЕНА ПЕРЕД НАЧАЛОМ ПРОИЗВОДСТВА ПИЩИ (10000–4000 ЛЕТ НАЗАД) (табл. 11)

На протяжении последникового периода охотникам-собираателям приходилось приспосабливаться к все более сухому климату голоцена с учетом того, что доступные ресурсы были сосредоточены в отдельных экологических зонах на западном склоне Анд (к началу одиннадцатого–десятого тысячелетий). Сокращение и дифференциация ресурсов из-за климатических изменений на разных высотах способствовали развитию обменов между обитателями соответствующих этим высотам зон. Изменение окружающей среды особенно затронуло пастбища и быстро привело к миграции людей и/или перемещению стад к прибрежным равнинам. Если к началу одиннадцатого тысячелетия охотники уже проживали в *пуна* (puna) и прилегающих к ней районах, то заселение Тихоокеанского побережья началось в десятом тысячелетии, а островов в районе Магелланова пролива – только в седьмом тысячелетии назад. Этот период отмечен постепенным расширением использования богатой морской биомассы, которая обеспечивала более регулярное потребление белков благодаря изобилию ресурсов и их незначительным сезонным колебаниям. Одновременно в горных районах утверждалось сезонное кочевание, что требовало большей подвижности при добывании пищи и сырья. Этот процесс шел от самых высокогорных мест (4500 м над уровнем моря) до западного и восточного склонов Анд.

В плодородной пуна в сердце Анд охотничьи стоянки были полусоседными. На высокогорных плато (*альтиплано*) и в горных западных долинах южной части центрального региона избыточные прерии способствовали развитию полукочевого образа жизни и освоению более разнообразных природных возможностей.

Мобильность особенно возрасла в районах, прилегающих к пуна, поскольку выше 3500 м очень сильны сезонные контрасты, а зима слишком сурова для людей и животных. Кроме того, и так ограниченные ресурсы этой части Анд становятся все более скудными по мере продвижения к югу. На подступах к продольной долине Чили, где континентальные ресурсы достаточно стабильны и их дополняют ресурсы Анд и побережья, успешно развивался более оседлый и менее зависимый от кочевания образ жизни. Однако ситуация складывалась совершенно иначе в условиях однообразной природы Патагонии: отсутствие возможностей для собирательства и богатство фауны в ущельях и низинных долинах благоприятствовали охотничьей деятельности, не зависящей от сезонных колебаний.

В результате, каменные производства Тихоокеанского побережья очень рано проявили тенденцию к специализации всех возможных видов деятельности вокруг базовых стоянок. Напротив, во внутренних территориях, подвергавшихся воздействию крупных экологических и сезонных изменений (вулканическая активность, засухи и т.д.) развивались менее специализированные производства и способы жизнеобеспечения. Процессы адаптации были различными в зависимости от уровней использования ресурсов, усиливались технологическая гибкость и практический подход к эксплуатации различных экосистем. Возросла численность населения, и на достаточно обширном пространстве возникли системы обменов, обеспечивавшие выживание групп людей на базовых стоянках, связанных со множеством вспомогательных лагерей.

В результате постепенно сформировалась четкая картина использования ресурсов: на высокогорьях охота продолжала играть более важную роль, чем собирательство, а в условиях спускающихся к Тихому океану долин

соотношение между ними становится обратным или же их роль уравнивается. Там все шире применяются жернова и серпы. Наиболее полное равновесие устанавливается на побережье, но и там проявлялась зависимость от более плодородных экологических зон в отдаленных районах, отрезанных от источников пресной воды.

Мобильность людей позволяла им постепенно углублять свои знания об окружающей среде: изучались повадки животных, использовались природные растительные ресурсы, обнаруживались новые виды сырья и т.д. Источники питания были наиболее разнообразны в Андах, на Тихоокеанском побережье и на равнинных землях в глубине континента в южных регионах и на крайнем юге, где благодаря крупным рекам была гарантирована стабильность ресурсов.

Фактор мобильности важен для понимания механизма формирования андской цивилизации, в которой энергия людей целенаправленно ориентировалась на оседлые виды деятельности, оказавшиеся более эффективными для удовлетворения потребностей в питании. Начало одомашнивания животных и окультуривания местных растений ознаменовало новый важнейший этап (между шестым и четвертым тысячелетиями тому назад), отмеченный успехами традиционных охотников-собирателей южной части центрального и южного регионов в приручении ламы (*Lama*), морской свинки (*Cavia*) и выращивании кукурузы (*Zea mays*), фасоли (*Phaseolus vulgaris*), квиноа (*Chenopodium quinoa*), тыквенных и др. видов (Hesse, 1982; Núñez, 1983a, 1983b; Ampuero & Rivera, 1971).

В табл. 11 указаны в хронологическом порядке последовательные фазы расселения популяций в направлении от Анд к побережью.

Андские охотники

Охотники юга центральной части региона Анд

Первые постледниковые остатки были обнаружены в зоне вокруг пуны (*circum puna*), расположенной вдоль поперечных разломов на западном и восточном склонах плато Атакама. Они датируются приблизительно одиннадцатым тысячелетием, но нельзя исключать возможность того, что берега соседних пресноводных озер были заселены еще раньше (Núñez, 1983b; Lynch, 1985).

Охотники в этой зоне жили в пещерах, находившихся на средней высоте (ниже 3500 м над уровнем моря), откуда они отправлялись на добычу на верхнюю пуну, в промежуточные долины, оазисы и влажные равнины бассейна Атакама. Эти перемещения хорошо иллюстрируются материалами археологического комплекса Калама в горном районе Туина (2800 м). В период от 10800 до 9100 лет назад здесь находилась местная популяция, члены которой жили охотой на верблюдовых и грызунов (*Lagidium viscacia*) и пользовались каменными орудиями, изготовленными в мастерских под открытым небом: треугольными обсидиановыми наконечниками (рис. 97, к), дисковидными скребками, плоскими наковальнями и концевыми скребками с утолщенной спинкой, которых найдено особенно много. Другая группа людей занимала пещеру Сан-Лоренсо (поз. 36 на карте 34) (2500 м) в долине близ Токанао – от 10400 до 10000 лет назад (Núñez, 1983b). Примерно в то же время, около 9500 лет назад, обитатели убежища Чулки (поз. 30), находившегося выше (3280 м), использовали ту же фауну, что и группа района Туина (Sinclair, неопубликованная рукопись).

На восточном склоне плато Атакама другие, также разрозненные группы, жившие в долинах, использовали различные экосистемы, находившиеся на большей высоте, в том числе ресурсы леса, что способствовало рас-

ширению диапазона их перемещений. Обитатели пещеры Хуачичокана III (на высоте 3,4 тыс. м) охотились на тех же животных, что и обитатели Туина, но их главным занятием был сбор луковиц, корешков и корнеплодов, бобовых, злаковых с помощью инструментов, включавших концевые скребки, односторонних и треугольных наконечников и небольшое количество листовидных наконечников; их поселение датируется возрастом 10200–8400 лет. Наряду со сложными ремесленными изделиями из кожи и растительных волокон обнаружены зерна такой важной культуры, как кукуруза (Fernández Distel, 1979), но в данном случае невозможно точно установить, были ли найденные кукурузные зерна выращены или принесены сюда собирателями, поскольку равнины северо-западной Аргентины изобиловали дикими растениями со съедобными плодами (Jacobaccio, 1983).

Другая стоянка такого типа, датируемая одиннадцатым тысячелетием назад, размещалась в пещере Инка-4 (поз. 33, 3600 м) в провинции Жужуй. Здесь в овраге было вырыто закрытое убежище, что характерно для первых обитателей этого региона. Помимо треугольных наконечников там обнаружены скребки для обработки кожи, а также тщательно выделанные веревки и плетеные корзины из растительных волокон. Высокому уровню ремесленного мастерства соответствуют абстрактные наскальные изображения и некоторые остатки, которые, по-видимому, свидетельствуют о начале одомашнивания ламы (Aschero, 1984).

Традиция этого региона достигла существенных результатов в окультуривании растений низин и долин с умеренным климатом. Ее представителям удалось даже одомашнить верблюдовых и освоить выращивание нескольких андских культур. Одновременно развивалась ритуальная традиция, что видно на примере соседнего скального укрытия (пещера Инка-7), где найдены сложные изделия четвертого тысячелетия, использовавшиеся для погребальных жертвоприношений, характерных для новых культурных направлений: предметы из тыквы, плетеные ткани, циновки из соломы, деревянные предметы с резьбой, трубки, флейты и галлюциноген *cebil* (*Anadenanthera macrocarpa*), который позднее получил широкое распространение (Aschero, 1984).

Вторая традиция андских охотников открыта на высокогорных западных долинах и датирована девятым и восьмым тысячелетиями тому назад. Ее трудно связать с предшествующими культурными проявлениями, однако в горной гряде Арика были найдены треугольные наконечники девятого и десятого тысячелетий. Такие остря не обнаружены и южнее, в Пичаска (южный регион) (рис. 97, j). Предметы, найденные в трех упомянутых выше скоплениях, могли происходить из верхних земель центральных Анд, где были идентифицированы треугольные остря, датированные от одиннадцатого до восьмого тысячелетия, из пещеры Гитаррерос и стоянки Пачамачай (Lynch, 1983; Rick, 1980), но пока это вызывает сомнения.

Небольшая группа людей, проживавшая в Лас-Куэвас (поз. 35, горная гряда Арика), продолжая охотиться на верблюдовых, грызунов и птиц с применением треугольных наконечников, использовала поочередно как ресурсы территории, расположенной ниже пуны (на летних стойбищах), так и ресурсы высокогорных долин (в зимний сезон). Соответственно, между 9600 и 8250 лет назад здесь существовала система поочередного заселения защищенных территорий на возвышенности и более открытых местностей *napamo* (Santoro, неопубликованная рукопись). В зонах горной гряды и высокогорных долин проживание могло быть более стабильным благодаря наличию надежной кормовой базы, почти не зависевшей от незначительных сезонных колебаний, что благоприятствовало размножению верблюдовых и

позволяло людям вести полуоседлый образ жизни. Перемещение популяций в направлении гор имело целью использование богатой биомассы верховий. С другой стороны, факт обнаружения зуба тихоокеанской акулы позволяет также допустить вероятность выходов к долинам на побережье.

Заселение Лас-Куэвас соотносится, возможно, со второй волной охотников центральных Анд, прибывших сюда через горный район южного Перу. Это может соответствовать фазе Токуепала I, при которой главным видом деятельности была охота на верблюдовых, сопровождавшаяся магическими обрядами, о чем свидетельствует оригинальная и очень реалистическая наскальная живопись. На этой стоянке найдены листовидные наконечники, ассиметричные ножи и тихоокеанские раковины, которые могут указывать на возможность миграции к побережью между 9500 и 7850 лет назад (*Ravines*, 1972). Эта миграционная волна дошла до горной гряды Арика, о чем свидетельствуют остатки из пещеры Тохо-Тохонес: кости верблюдовых, оленевых (*Hippocamelus antisienensis*) и грызунов, а также наконечники – листовидные и зазубренные (*ichuña*), датированные возрастом около 9600 лет (*Dauelsberg*, 1983). Выказывалось предположение, что эти охотники могли спускаться и на побережье, поскольку там на стоянке Ачира (поз. 3 у г. Камана) были найдены андские листовидные наконечники и скребла, датированные возрастом 8765 лет (*Ravines*, 1972). Кроме того, похожие наконечники примерно такого же возраста были обнаружены на побережье у Камаронес-Норте (поз. 16, 17, *Dauelsberg*, 1983) и в Тиливиче (поз. 20), недалеко от побережья у г. Писагуа (*Núñez*, 1983a).

Позднее группы охотников на верблюдовых появились и в горных районах Перу, о чем свидетельствуют укрытия Кару (поз. 8), где найдены ромбовидные наконечники с черешками и зазубринами, примерно 8200 лет давности (*Ravines*, 1967). Эти группы спускались также к побережью (стоянка Пуёнка, поз. 2, к северу от г. Камана). Их обсидиановое производство датируется возрастом 8100–7850 лет. Они дошли до горной гряды Арика, где в пещере Патапатане (поз. 9) обнаружены скопления костей верблюдовых и грызунов, а также пятиугольные наконечники с широкими черешками и зазубринами и листовидные каменные изделия. Все находки датированы возрастом приблизительно 8200 лет (рис. 97, g, h).

Хотя трудно определить район их первоначального появления, можно допустить наличие связи между наконечниками с черешком фазы Пуэнте-де-Аякучо (датированной приблизительно девятым тысячелетием) и наконечниками Пачачачай в пуне Жунина (*MacNeish*, 1969).

Для обитателей Патапатане (поз. 9) характерно интенсивное использование ресурсов степей, озер и болотной растительности на уровне пуны (3600 м), причем кочевья перемещались здесь с севера на юг по горным хребтам, а также в направлении к побережью, о чем свидетельствуют артефакты, изготовленные из раковин тихоокеанских моллюсков (*Choro mytilus*) (*Santoro*, неопубликованная рукопись). При росте заселенности пуны и меньшей зависимости от ресурсов низменностей, основным видом поселений становились кратковременные стоянки, а охотники не могли перейти на устойчивый оседлый образ жизни, в отличие от того, что имело место в изобильной пуне Жунина (*Rick*, 1980). При этом, в отличие от охотников зон, прилегающих к пуне, обитатели верхних западных долин могли круглый год оставаться в горах, не опасаясь превратностей климата, поскольку используемая ими для питания животная и растительная биомасса была более стабильной.

Нам не известны этапы эволюции этой модели проживания в горах и на высокогорных равнинах в условиях усложнявшихся хозяйственных систем местных по-

пуляций. Постоянно развивая охоту на верблюдовых и потребление андской растительности, они должны были, по логике, попытаться одомашнить этих животных, как это произошло в еще неустановленные сроки в окрестностях оз. Титикака и на южных высокогорных плато. Пока же мы вынуждены констатировать факт временного промежутка между имеющимися памятниками раннего заселения и началом производительного хозяйствования в андском регионе. По некоторым признакам, убежища Патапатане и Тохо-Тохонес (поз. 10) были вновь заселены примерно в 4900 и 3750 гг. до наст. в. людьми, которые умели более полно использовать ресурсы долин: занимались охотой, выращиванием клубнеплодов и одомашниванием лам (*Santoro*, неопубликованная рукопись).

После этого первого периода заселения Анд в восьмом тысячелетии до наст. в., последовал перерыв вплоть до вторичного заселения стоянки Токепала II (поз. 7, 6500–5650 лет тому назад), на которой обнаружены ромбовидные наконечники, овальные ножи и наконечники с черешками и зазубринами. Одновременно расширились обмены с побережьем, о чем свидетельствуют, например, найденные тихоокеанские раковины. Сезонные пастбища на побережье периодически обеспечивали кормами андских травоядных, что привлекло охотников в зону между р. Махес и побережьем в районе г. Арика.

Похожий «археологический провал» существует и в районах вокруг пуны от восьмого до шестого тысячелетия назад. Возможно, что длительные периоды засухи и вулканические события голоцена были таким же потрясением для андских поселений, как для обитателей боливийских высокогорных плато (*Avila*, 1978). В любом случае после этого перерыва, предположение о котором, возможно, связано пока с недостаточностью исследований, в зоне вокруг пуны появляется третий тип охотников, использующих одновременно ресурсы и рек, и пуны. По-видимому, их стоянки находились близ р. Лоа и других водных потоков, стекающих в солевую впадину, и служили базовыми лагерями для сезонного использования высокогорной пуны Атакама.

Имеются некоторые местонахождения, стоянки в виде землянок в районе Конфлюенсия (поз. 29, 5400 лет назад) и Исла-Гранде (поз. 31, 6000 лет), открытые на берегах Лоа. Обнаруженный здесь инвентарь, листовидные острия и размалывающие инструменты, соответствуют, вероятно, использованию горных районов, но найден он в основном только на плодородных землях и в бассейне среднего течения р. Лоа, хотя в периоды засухи люди часто уходили выше в горы.

Эта модель перемещения групп людей с еще большей очевидностью прослеживается между пятым и четвертым тысячелетиями в непосредственной близости к бассейну Атакама, вдоль полосы, связывающей верхнюю пуны и район солончака Атакама. В верхней части долины Тулан (поз. 40) обнаружены следы сезонного использования ресурсов высокогорной пуны (4000 м): остатки верблюдовых, водоплавающих и горных птиц, которыми питались охотники, разбиравшие свои стойбища близ лагун Меникес и Мисканти (*Niemeyer* и *Schiappacasse*, 1976). С другой стороны, в расположенной ниже, хорошо защищенной долине Тулан (2925 м) были более оседлые стоянки с группами жилищ с круглым основанием, сконцентрированных в нескольких местах, где сохранились домашние отходы и осколки от обработки камней.

Проживание в этих местах связано с наличием кормов, источников воды и каменных карьеров. Их обитатели охотились на взрослых верблюдовых и иногда – на грызунов и птиц. Многочисленность найденных пестов и ступ свидетельствует об интенсивном использовании неидентифицированных растительных ресурсов. Одна из мастерских по изготовлению пластин (Тулан-51) имеет давность 5000 лет, а базовому

лагерю Тулан-52 – 4350 лет. Их помещения типа полуземлянок с каменными стенами частично использовались как подземные склады и как каменотесные мастерские, заготовки для которых доставлялись из соседних карьеров, где обнаружено много бифасов и осколков от пластин (Тулан-Серрос). Это очень разнообразное каменное производство специализировалось на листовидных наконечниках, скреблах, скребках, микролитовых орудиях и ножах из пластин. Интенсивное применение андского обсидиана доказывает постоянный характер использования ресурсов верхней пуны, а остатки взрослых верблюдовых говорят, видимо, о том, что местные полуседлые группы регулярно занимались специализированной охотой на этих животных по дну ущелья и дополнительно – охотой на местных грызунов: горных вискачей (*Lagidium*), туко-туко (*Ctenomys*) и шиншилл (*Chinchilla*). Ниже, на откосах у нынешнего солончака Атакама (2500 лет) найдены похожие группы жилищ. Видимо, охотники Тулана временно останавливались в оазисах предгорий, равнин и мелких озер. Концентрация андских птиц и местных грызунов на влажных землях и близ лагун с солоноватой водой способствовала сезонному заселению этих мест. Поэтому возникли такие стоянки, как Тамбилло (поз. 37), где обнаружено захоронение с долихоцефальными черепами в сочетании со ступами. Похожая стоянка возраста 5100 лет была открыта в Каларкоко (поз. 39), а в долине Токонао сохранились следы близкой по типу схемы сезонных передвижений (Núñez, 1980; *Serracino & Pereyea*, 1977).

Аналогичные следы были обнаружены в ущелье р. Пурипики (поз. 32, 3200 м) на крайнем севере впадины Атакама, что свидетельствует о большой амплитуде миграционных передвижений. Здесь был открыт базовый лагерь, заселенный от 4800 до 4500 лет тому назад. Хотя каменные орудия пурипики, в том числе жернова, идентичны артефактам тулана, следует отметить немногочисленность пластин, которые здесь заменялись отщепами из местного базальта. Большое количество ножей, шильев и микролитовых орудий, видимо, связано с разделкой туш и обработкой шкур верблюдовых, в то время как отнесенная редкость листовидных наконечников доказывает, что масштабы охоты значительно сократились. В этом регионе было много викуний (вигоней), что подтверждается выводами археологов. Множество костных остатков молодых и новорожденных верблюдовых, как показал остеометрический анализ, указывает на начало производства мяса на основе одомашнивания животных. Принудительное содержание животных имело патологические последствия, объясняющие высокий уровень их ранней смертности.

Кроме того, появились новые функции каменного производства, о чем было сказано выше, а также уникальные резные изображения верблюдовых, связанных с культом домашней ламы. Этот базовый лагерь должен был использоваться главным образом летом (в период воспроизводства верблюдовых), а затем его обитатели передвигались не только вдоль р. Пурипики, но и в направлении р. Лоа. Во всяком случае, именно там были открыты стоянки комплекса Чиучиу (поз. 27, 4500–3600 лет назад). Круглые полуземлянки, ступы и песты, листовидные наконечники и микролиты повторяют модель лагеря Пурипики, расположенного на высоте 2300 м. Следовательно, можно предположить, что общины охотников-собирателей стадии пурипики/чиучиу перемещались по маршрутам, включавшим высокогорья, где они охотились на животных пуны, затем промежуточные долины и ущелья, где они одомашнивали лам и, наконец, долины р. Лоа, куда они перегоняли стада и продолжали охоту и собирательство, если соответствующие природные ресурсы не погибали в результате периодических засух.

Эта первоначальная пастушеская деятельность могла означать начало существенного усложнения регионального хозяйствования, если считать, что присутствие морских раковин в Пурипики и Чиучиу означает использование альтернативных источников пропитания с побережья (Núñez, 1980; *Hesse*, 1982; *Druss*, 1977).

Следовательно, вполне возможно, что в пятом–четвертом тысячелетиях в течение длительного периода высокогорье юга центрального плато Анд было заселено достаточно крупными популяциями, объединенными общинными интересами в использовании ресурсов. В нескольких четко обозначенных зонах проявляются элементы этнической самобытности: это верхняя часть западных долин и территории, окружающие пуно, где постепенно растениеводство и первые попытки разведения ламы начинали играть такую же роль, как и традиционные охота и собирательство. Более поздние поселения этого периода (Токепала III, Лас-Куэвас, Хуачичокана, Инка-7) и стоянки ранее упомянутой западной окрестности пуны свидетельствуют о достигнутом прогрессе в приспособлении к добычанию пищи, основанному на хорошо организованных перемещениях людей. Поселения устраивались в различных андских регионах – на умеренных высотах и в местностях, распростиравшихся к Тихому океану и к тропическим лесам. Расширившийся комплекс взаимодополняющих видов деятельности облегчил переход к порогу цивилизации и ускорение развития производительных сил, в связи с чем возникали новые, более оседлые уклады жизни с первыми опытами в сфере земледелия и скотоводства.

Охотники южной территории Анд и крайнего юга

В настоящее время мы не располагаем ни одной датой, относящейся к стоянкам западных долин на высоте свыше 2500 м. Этот регион соответствует современной полузасушливой, но плодородной части Чили, где проходят продольные долины, а у подножия узкой полосы Анд расположены типичные обширные водные бассейны. Континентальное распределение производства Каркамо, для которого характерны специфические наконечники с черешком, дает основание считать, что общины Хуэнтелаукуэн (*Huentelauquén*) весной перебирались с побережья на высотные пастбища, где сосредоточивались андские птицы. Охотники использовали горные гряды для перехода с одной высокогорной местности на другую. В районе Куйана было открыто производство Фортунa с идентичными наконечниками с черешками, датируемыми возрастом приблизительно в 8100 лет (*Gambier*, 1974); *Silva & Wiesner*, 1972–1973; *Iribarren*, 1961). По-видимому, этот способ жизнеобеспечения, основанный на применении дополнительных ресурсов, продолжал практиковаться, о чем свидетельствует распространенность трансандской культуры моррилос. Кочующие охотники использовали как ресурсы Анд (например, верблюдовых), так и ресурсы местностей, расположенных на меньшей высоте (например, древесина цератония). Они выходили также и на Тихоокеанское побережье и перенимали у тамошних обитателей опыт производства (*Gambier*, 1974). Эта фаза, датированная восьмым–четвертым тысячелетиями тому назад, современна поселениям Кучипуйи (поз. 56) и Тагуа-Тагуа II (поз. 55), где в сопоставимых контекстах были обнаружены треугольные наконечники и просверленные камни того же типа.

В районе западных долин и на крайнем юге популяции, сосредоточенные по берегам рек и вокруг озер, использовали ресурсы, изобилие которых способствовало постепенному ослаблению процесса сезонного перемещения в Анды. Редкие охотничьи лагеря,

обнаруженные в предгорьях у Сантьяго, указывают, видимо, на то, что хотя в этой зоне водилось немало верблюдовых, этот ресурс был недостаточен, чтобы решающим образом повлиять на развитие культурных процессов (Stebberg, 1984).

Андские охотники региона Патагонии

Наличие андской фауны (например, гуанако) на этом обширном континентальном плато скорее всего свидетельствует о том, что многие характеристики культур ранее упомянутых регионов распространились с западного и восточного склонов Анд до Патагонии.

Континентальные охотники межгорных водоемов и долин

Охотники южных долин центрального региона

На нижних западных долинах обнаружены стоянки с круглыми полуподземными помещениями со столбами, поддерживающими крышу. Их обитатели занимались полуоседлыми видами хозяйствования, которые дополнялись прибрежными видами деятельности. Это был особый тип хозяйствования – *прибрежно-речной*, ориентированный на жизнеобеспечение общин, проживавших на широкой полосе Тихоокеанского побережья на высоте не более 1500 м над уровнем моря.

Примером первого периода заселения является стоянка, открытая в оазисе Тиливиче (поз. 20), который выходит к побережью в Писагуа и Камаронес; здесь добывались морские продукты в дополнение к охоте и собирательству. Главным видом деятельности было каменное производство; изделия переправлялись затем на бедное сырьем побережье. Найденные листовидные наконечники, асимметричные ножи, ступы и песты, скребла, тесла, крючки из раковин (рис. 97, а, е и f), а также другие предметы свидетельствуют о параллельном заселении этих стоянок и стоянок соседнего побережья между 9750 и 7850 лет тому назад. Следующая фаза (6050–4650 лет назад) совпадает с началом выращивания кукурузы и разведения морских свинок (*Cavia*). Эта стоянка была довольно плотно заселена между десятым и четвертым тысячелетиями. В остатках были обнаружены следы продуктов и побережья, и долины, например: рыба, раковины, съедобные корнеплоды (*Scirpus*) и т.д. Это позволяет утверждать, что данный оазис был включен в систему взаимодействия с побережьем. Материалы одного из захоронений на побережье, датируемые позднее периода Чинчорро, свидетельствуют о том, что самое близкое к нашему времени поселение существовало здесь 3870 лет назад (Núñez, 1983b). Другая поздняя стоянка этого же типа со следами подобных видов деятельности открыта в устье р. Камаронес (Канонокса, поз. 18) (Niemeyer & Schiappacasse, 1963).

На стоянке Арагон (поз. 21, 8650–4500 лет назад) выделяются два уровня, соответствующих двум этапам этого продолжительного цикла, для которого характерна взаимодополняемость с побережьем. Точно так же в наиболее удаленных от побережья (80 км) стоянках в ущельях Тарапака (поз. 22) проявлялась аналогичная система взаимодействия в период от 6850 до 3900 лет назад с аналогичными каменными производствами. Расстояние позволяло доставлять сюда морские продукты в обмен на изделия, необходимые жителям побережья, и в частности, на кукурузу, ставшую новым важным дополнительным компонентом питания охотников (Núñez & Zlatar, 1976; True et al., 1970).

Охотники южных долин

Пещера Пичаска (поз. 50) расположена в центре западных долин на притоке р. Хуртадо. Там найдены остатки дичи (верблюдовые, оленевые, грызуны), дротики и снаряды для метания, а также следы собирательства, в том числе растительные волокна для плетеных изделий и много треугольных наконечников (рис. 97, j), с приблизительным возрастом 9900 лет (Ampuero & Rivera, 1971). Обитатели этих мест доходили до океана в поисках пищи и раковин (*Choro mytilus*), которые они использовали как инструменты. Эти полузасушливые долины были идеальной средой для первых попыток растениеводства на фоне охоты и рыболовства. В Пичаска выращивали кукурузу (*Zea mays*) и фасоль (*Phaseolus vulgaris*) в промежуточном и позднем периодах, т.е. между 7050 и 4700 лет назад.

Эти виды деятельности по производству пищи получили определенное развитие в укрыви Эль-Сальто, которое было заселено в среднюю и позднюю фазу Пичаска и содержало следы растениеводства в долинах в глубине от побережья. Пока у нас нет возможности определить, служили ли связи с этими долинами для поддержки общин побережья, как в случае прибрежно-речной модели хозяйствования на юге центрального района. Происхождение стоянки Пичаска остается неясным, но найденные треугольные наконечники позволяют провести аналогию с районом, окружающим пуну, а треугольные заготовки с регионом пампа – Патагония, где есть такие же треугольные наконечники и откуда, возможно, заимствован наскальный сюжет «отпечатки рук», изображенный в пещере.

Расположенная южнее, в продольной долине озерно-речная модель хозяйствования иллюстрируется захоронением Кучипуи (поз. 56) вблизи водоема Тагуа-Тагуа (поз. 55). Постепенно практика передвижений между побережьем и горной грядой привела к тому, что в этом месте, богатом стабильными озерными ресурсами, возникла стоянка с более оседлым образом жизни. Большое число захоронений в этом месте свидетельствует о существовании постоянных базовых лагерей (Kaltwasser et al., 1983). В уровне 4 давностью 8100 лет есть первые примеры захоронения тел в согнутом положении. Скелеты имеют крайне долихоцефальные черепные характеристики. К ним приурочиваются наконечники с черешками (рис. 97, b), похожие на наконечники, найденные на побережье на стоянке Хуэнтельяукуен и в Андах на стоянках Фортуна и Паратапане. В уровне 3 (древностью 7600–6150 лет назад) найдены наконечники с черешком и снаряды для метания, а в уровне 2 (5750 лет) – скелеты вместе с каменными обломками, листовидными и треугольными наконечниками, плоскими наковальнями, ступами, пестами, костяными резцами и просверленными камнями. Все большее количество обсидиановых артефактов (в уровне 2 они уже совершенно обычны), по-видимому, свидетельствует о том, что местные перемещения людей между Андами и побережьем с центром на стоянке Кучипуи образовывали обширную сферу взаимодействия, достигшую максимальной интенсивности в шестом тысячелетии тому назад.

У этого же водоема открыта гораздо более поздняя стоянка, относящаяся приблизительно к 6159–5050 годам до наст. в. (Тагуа-Тагуа II), содержащая наконечники с черешком и треугольные наконечники, шлифовальные камни, ступы и песты, отбойники, скребла и просверленные камни (Duran, 1980). Обычно считается, что местные популяции, продолжая использовать ресурсы озер и рек, поддерживали отношения с недалеким побережьем (это подтверждается найденными тихоокеанскими раковинами), а по захоронениям они соответствуют могильникам уровня 2 стоянки Кучипуи.

Охотники долин крайнего юга

Ниже скального массива Куилен (поз. 58) на прилегающей к Андам территории Араукания, была открыта стоянка возраста 4700 лет. Каменное производство в ней может свидетельствовать об охотничьей деятельности и о последних проявлениях культуры, основанной главным образом на собирательстве (Sanchez & Valdes, 1982).

Тихоокеанские рыболовы*Рыболовы юга центральной части региона Анд*

К десятому тысячелетию в западных долинах и вокруг пуны сложились две известные нам хозяйственные традиции, современные друг другу, но разного типа. Первая представлена стоянкой Тиливиче (поз. 20), и, судя по ее инвентарю и по остаткам океанских продуктов, можно с уверенностью считать, что 9800 лет назад на соседнем побережье, например, в Писагуа и Камаронес, проживали общины рыболовов.

Вторая традиция, представленная на пустынном побережье Антофагаста стоянкой Лас-Кончас 9700-летней давности, дала наконечники с черешком, наковальни, ступы, остатки тропических рыб и многоугольные или зубчатые камни (рис. 97, d) (Llagostera, 1979). Этот период соответствует самому северному рубежу продвижения популяции Хуэнтельяукуен, сосредоточенной на южном побережье. Затем в хронологии дальнейшей предпологаемого заселения прибрежной части вокруг пуны наступает провал, поскольку последующие памятники датированы шестым и пятым тысячелетиями.

Вслед за фазой Тиливиче (к десятому тысячелетию) на побережье усиливается хозяйственное использование природных зон в устьях рек. Стадия Камаронес (7000 лет назад) характеризуется теми же остатками орудий и жилищ. Продолжающееся использование этой прибрежной зоны осуществляется по всем признакам все той же популяцией андских охотников, пришедших сюда в процессе миграции и/или сезонных перемещений и постепенно освоивших прибрежные ресурсы постледниковой эры.

Во время фазы Камаронес (7000–6600 лет назад) базовые стоянки и дополнительные лагеря располагались вдоль побережья, где утвердился полуседлый образ жизни, требующий меньших затрат энергии благодаря относительной стабильности ресурсов (Schiappacase & Niemeyer, 1984). Здесь проживала биологически однородная популяция, характеризующаяся высоким уровнем рождаемости и детской смертности, что свойственно периоду социальной и экологической реадaptации. Наряду с листовидными наконечниками, ступами и пестами, а также крючками из раковин, появляется местный инвентарь, приспособленный сначала к охоте и рыболовству (низкокалорийному режиму питания), а в дальнейшем – к сбору моллюсков в качестве дополнительных продуктов. Работа распределялась с учетом возраста и пола, с равномерным разделением обязанностей, включавших походы на внутренние оазисы, такие как Тиливиче, за заготовками для каменных орудий, древесины, охоту на верблюдовых и грызунов. На стоянке Камаронес-14 (поз. 17) обнаружены первые искусственно мумифицированные человеческие тела, что свидетельствует о начале своеобразного культа мертвых, который должен был способствовать идеологической сплоченности последующих популяций.

Фаза Киани (поз. 12, 13, Арика) представлена ракушечным скоплением возраста примерно 6150 лет (Bird, 1943). Она отличается от предыдущей фазы большей специализацией. Ее особенности видны в изготовлении

рыболовных крючков из раковин и в других характеристиках, которые проявлялись с некоторыми изменениями (включая искусственную мумификацию с помощью глины, которой заполняли грудную клетку и покрывали целиком тело умершего). Практика захоронения достигла максимального развития пять тысячелетий тому назад и сохранились вплоть до четвертого тысячелетия (фаза Чинчорро), распространившись от Антофагасты на юге до Мольендо на севере, но наиболее полно она проявилась между Камаронес и Арикой.

Хронологически можно утверждать, что популяции, изготовливавшие ракушечные крючки, появились на побережье западных долин между седьмым и шестым тысячелетиями и с некоторыми перерывами постепенно продвигались по прибрежной части окрестности пуны. В шестом тысячелетии эти популяции заняли промежуточные стоянки в районах современных городов Карамучо, Кобиха, Абтао и Тальгаль; примерно в четвертом тысячелетии они достигли южного побережья в Гуанакуэрос, при этом проявлялись различные местные особенности. Этот южный предел миграции определялся в результате контакта с крупными общинами охотников-собирателей, распределившимися в продольной долине и на побережье (например, на стоянке Кучипуи), для которых характерно континентальное развитие.

Культурная фаза Чинчорро, существовавшая на побережье западных долин с конца пятого и на протяжении четвертого тысячелетия тому назад, отмечена максимальным развитием практики искусственной мумификации и изготовления крючков из кактусовых колючек. Местное население еще не вполне адаптировалось к окружающей среде, что приводило, например, к множеству случайных травм при выполнении работ; образ жизни характеризовался высокой деторождаемостью и одновременно высокой женской смертностью из-за недостатка кальция, несмотря на полуседлый образ жизни и социальную уравновешенность, подтверждаемую отсутствием жертв насилия. «Плотные» захоронения подразумевают расположение поселений вблизи одного от другого и использование похожих похоронных ритуалов, что предполагает начальное проявление этнической идентичности. Существовало и иерархическое разделение труда и определенная специализация видов деятельности, которая даже включала ныряльщиков (с хорошим слуховым аппаратом), специалистов-охотников с гарпунами и пиками и «жрецами», обеспечивавшими мумификацию, и т.д. (Standen et al., 1984; Allison, 1985).

Искусственная мумификация, традиционно практиковавшаяся здесь с седьмого по четвертое тысячелетие, видимо, является одним из первых в мире примеров применения техники сохранения тел. Предполагалось, что генетически единые группы людей мигрировали сюда из тропических лесов через высокогорные плато, что подтверждается остатками вигоней и квиноа на их пути (Rivera & Rothbamer, 1985; Núñez, 1983b). Техника мумификации была одинакова для всех: у умерших детей и взрослых снимали кожный покров, удаляли внутренности, затем полости просушивали, натирали золой и заполняли смесью из растительных волокон, пепла и глины, чтобы восстановить форму тела. Далее остов укреплялся деревянными палочками и на него снова натягивалась кожа от лодыжек до черепа. После этого с помощью глины воспроизводилось выражение лица, вылеплялись половые органы и груди, на голову накладывался парик и лицо раскрашивалось как посмертная маска. Затем мумию заворачивали в соломенную циновку, и получалось нечто вроде твердого плотного пакета, который мог восприниматься как подготовленная к церемониалу маленькая статуя. Многочисленные мумии птиц, рыб, собак и человеческих зародышей доказывают распространен-

ность этой практики, хотя найдены также и останки немумифицированных тел (Uble, 1919; Allison et al., 1984).

После фазы Чинчорро побережье заселили общины потомков предшествующих популяций (об этом свидетельствуют, в частности, похожие помертные маски). Поселения группировались вокруг старых могильников. К югу от р. Лоа плотность поселений наибольшая. Однако на побережье вокруг пуны между поселением Хуэлен-42 (поз. 42, устье р. Лоа) и Тальгаль (поз. 41), отмечается смещение береговых и андских характеристик – там встречаются жилища с круговыми ограждениями, типичными для высокогорных традиций (как, например, на стоянке Тулан-52). Найденные в Хуэлене перья кордильерского попугая (*Psilopsiagon aurifrons*) и предметы из обсидиана, а также схожесть изделий дают основание считать, что андские охотники традиции «река-пуна» могли заселять побережье в то же время, о чем свидетельствуют датировки найденных здесь предметов – от пятого до второго тысячелетий назад (Núñez, 1983b; Bittman, 1982).

Рыболовы-охотники-собиратели южной территории

Фаза Хуэнтельяукуен могла включать первые постледниковые периоды развития западных долин. Действительно, ракушечные скопления, оставленные местной популяцией, были распространены от устья р. Чоапа к югу до г. Лос-Вилос и на севере до побережья окружающей пуны (Калета-дель-Обиспито и Лас-Кончас). Стоянки Хуэнтельяукуен на южном побережье включают листовидные наконечники с черешком, ступы и песты, точила, устройства для метания, обработанную гальку и многоугольные камни. Хотя до сих пор не удалось датировать эту стоянку южного побережья, вполне вероятно, что она имеет весьма древний возраст, относящийся приблизительно к десятому тысячелетию, и может соответствовать времени появления здесь первых охотников культуры пичаска (Ampuero & Hidalgo, 1976). Предполагалось также, что эти рыбаки могли перемещаться внутрь территории, хотя все многоугольные камни, кроме одного случая, были найдены на побережье. С другой стороны, на стоянках внутренней территории встречаются наконечники с черешком, прибрежного происхождения.

После этого периода на южном побережье был временной провал, и возобновление деятельности произошло лишь пять тысячелетий назад, когда южное побережье заселили рыбаки фаз Гуанакуэрос и Театинос (поз. 49 и 47 соответственно).

К югу от р. Чоапа датировать периоды заселения побережья не удалось, однако, судя по широкому распространению ракушечных скоплений, можно определить последовательность, связанную с культурами кучипуи, хуэнтельяукуен, тагуа-тагуа-2 и даже с более поздними папудо, беллависта и гамбоа. Продвижение местных популяций к архипелагу Чонос и Патагонии не доказано, однако обитатели «Casa-Pozo» («землянка») и «Cuchillo de Concha» («нож из раковины»), плававшие на пирогах, могли заимствовать некоторые элементы культуры этого региона.

Охотники и рыболовы архипелага Чонос и Патагонии

Вслед за заселением территорий в период плейстоцена между 8200 и примерно 6400 лет тому назад (период Фелл III) появляется волна андских охотников, оснащенных небольшими скреблами, болами, а также тре-

угольными и листовидными наконечниками. Факт их распространения в районе Магелланова пролива подтверждается остатками поселений, коллективных могильников, выкопанных в земле жилищ и оригинальным наскальным искусством «отпечатков ног» страусов. Между седьмым и шестым тысячелетиями эти популяции начали специфический процесс адаптации к ресурсам Тихого океана.

Установлено, что на стадии поздней территории Тунель-Понсомби (поз. 65) возникает несколько прибрежных стоянок с тенденцией к специализации видов деятельности: Тунель-Ланча (поз. 69), поздний Понсомби, Инглфилд (поз. 66), Баия-Буена (поз. 67) и Пунта-Санта-Ана (поз. 67). На этих стоянках найдены треугольные и листовидные наконечники, характеристики которых соответствуют типичным костяным гарпунам с датировкой от 6400 до 5200 лет (Orquera et al., 1979; Ortiz-Troncoso, 1979). Таким образом, уже начиная с седьмого тысячелетия тому назад можно говорить о сосуществовании здесь двух жизненных укладов – охотников внутренней территории и прибрежных рыбаков на пирогах, которые соответственно выглядят как сухопутные и морские кочевники.

В пятом и четвертом тысячелетиях эти озерные охотники заселяют различные стоянки между Лагуна-Тимоне и Монте-Аймонд. Там обнаружены наконечники с зубринами, широкими черешками и выемками. Они охотились на гуанако и нанду с помощью крупных каменных бола. Благодаря усовершенствованию скребел улучшились обработка шкур и выделка кожи. Люди жили в укрытиях. По маршрутам их передвижения между пампой и Магеллановым проливом обнаружены следы разделки туш и множество ракушечных скоплений. Эти охотничьи традиции в дальнейшем приведут к первым этническим проявлениям культуры прототехуэлче, или аоникенк (Massone, 1981).

БИБЛИОГРАФИЯ

- ALLISON, M. 1985. La salud de las poblaciones arcaicas. In: CONGRESO NACIONAL DE ARQUEOLOGIA CHILENA, Arica. Resúmenes de Ponencias.
- ALLISON, M. J. et al. 1984. Chinchorro, momias de preparación complicada: métodos de momificación. Chungara (Arica), Vol. 13, pp.155–73.
- AMPUERO, G.; HILDALGO, J. 1976. Estructura y proceso en la prehistoria y protohistoria del Norte Chico. Chungara (Arica), Vol. 5, pp. 87–124.
- AMPUERO, G.; RIVERA, M. 1971. Secuencia arqueologica del alero de San Pedro Viejo – Puchasca. Bol. Mus. Arqueol. Serena, Vol. 14, pp. 45–69.
- ASCHERO, C. M. 1984. El sitio ICC-4: un asentamiento precerámico en la quebrada de Inca Cueva. In: SIMPOSIO DE ARQUEOLOGÍA ATACAMEÑA, San Pedro de Atacama. pp. 62–72.
- AUER, V. 1970. The Pleistocene of Fuego–Patagonia; Part V: Quaternary Problems of Southern South America. Ann. Acad. Sci. Fenn. (Helsinki), Ser. A, Vol. 3, No. 100.
- AVILA, S. W. 1978. Consideraciones sobre el vulcanismo Cenozoico en la Cordillera Occidental de Bolivia. Bol. Serv. Geol. Bol. (La Paz), Vol. 2, pp. 31–56.
- BATE, F. 1982. Orígenes de la comunidad primitiva en Patagonia. Mexico.
- BIRD, J. 1938. Antiquity and Migration of the Early Inhabitants of Patagonia. Geogr. Rev. (New York), Vol. 28, pp. 250–75.
- 1943. Excavations in Northern Chile. Anthropol. Pap. Am. Mus. Nat. Hist., Vol. 38, No. 4, pp. 171–318.
- 1946. The Archaeology of Patagonia. In: STEWARD, J. (ed.), Handbook of South American Indians. Washington, DC. pp. 17–24.
- 1951. South American Radiocarbon Dates. Mem. Soc. Am. Archaeol. (Washington), Vol. 8.
- 1969. A Comparison of South Chilean and Ecuadorian Fishtail Projectile Points. Kroeber Anthropol. Soc. Pap. (Berkeley), Vol. 40, pp. 52–71.
- BIRD, J.; COOKE, R. 1978. The Occurrence in Panama of Two Types of Palaeo-Indian Projectile Points. In: BRYAN, A. L. (ed.), Early Man in America from a Circum-Pacific Perspective. Edmonton. pp. 263–72.

- BITTMANN, B. 1982. El proyecto Cobija: investigaciones antropológicas en la costa del Desierto de Atacama. In: SIMPOSIO DE CULTURAS ATACAMEÑAS, San Pedro de Atacama, Manchester. Anales. San Pedro de Atacama. pp. 99–146.
- BORRERO, L. A. 1977. La extinción de la megafauna: su explicación por factores recurrentes: la situación en Patagonia Austral. An. Inst. Patagonia (Punta Arenas), Vol. 8, pp. 81–93.
- 1981. El poblamiento de la Patagonia Austral: revalorización de los cazadores de Mylodon. In: CONGRESO DE LA UISPP, 10, Mexico. Comisión 12. pp. 90–3.
- BRYAN, A. L. 1978. An Overview of Paleo-American Prehistory from a Circum-Pacific Perspective. In: BRYAN, A. L. (ed.), Early Man in America from a Circum-Pacific Perspective. Edmonton. pp. 306–27.
- CARDICH, A. 1977. Las cultura Pleistocénicas ó Postpleistocénicas de Los Toldos y un bosquejo de la prehistoria de Sudamérica. In: Obra del Centenario del Museo de la Plata. La Plata. Vol.2, pp. 149–72.
- CARDICH, A.; FLEGENHEIMER, N. 1978. Recent Excavation at Lauricocha (Central Andes) and Los Toldos (Patagonia). In: BRYAN, A. (ed.), Early Man in America from a Circum-Pacific Perspective. Edmonton. pp. 296–302.
- CARDICH, A.; CARDICH, L.; HAJDUK, A. 1973. Secuencia arqueológica y cronología radiocarbónica de la cueva 3 de Los Toldos. Relac. Soc. argent. Antropol. (Buenos Aires), Vol. 7, pp. 85–123.
- CARDICH, A. et al. 1981–2. Arqueología de la cuevas de El Ceibo. Relac. Soc. argent. Antropol. (Buenos Aires), Vol. 14, No.2, pp. 173–209.
- CASAMIQUELA, R.; MONTANE, J.; SANTANA, R. 1976. Convivencia del hombre con el mastodonte en Chile central: noticias sobre las investigaciones en la laguna de Tagua Tagua. Notic. Mens. (Santiago de Chile), Vol. 132, pp. 1–5.
- DAUELSBERG, P. 1983. Tojo–Tøjone: un paradero de cazadores arcaicos. Chungara (Arica), Vol. 11, pp. 11–30.
- DILLEHAY, T. D. 1984. A Late Ice-Age Settlement in Southern Chile. Sci. Am., Vol. 251, pp. 106–17.
- DRUSS, M. 1977. Computer Analysis of ChiuChiu Complex Settlement Pattern. El Dorado (Greeley), Vol. 2, No. 3, pp. 51–73.
- DURAN, E. 1980. Tagua Tagua II, Nivel de 6.130 años: descripción y relaciones. Bol. Mus. Nac. Hist. Nat. (Santiago de Chile), Vol. 37, pp. 75–86.
- EMPERAIRE, J.; LAMING–EMPERAIRE, A.; REINCHELEN, A. 1963. La grotte Fell et autres sites de la région volcanique de la Pagatonie Chilienne. J. Soc. Americanist. (Paris), Vol. 52, pp. 189–254.
- FERNÁNDEZ DISTEL, A. A. 1974. Excavaciones arqueológicas en las cuevas de Huachichocana, Dep. de Tumbaya, Prov. de Jujuy, Argentina. Relac. Soc. argent. Antropol. (Buenos Aires), Vol. 8, pp. 101–27.
- FUNG, R.; CENZANO, C.; ZAVALTA, A. 1972. El taller lítico de Chivateros, valle de Chillón. Rev. Mus. Nac. (Lima), Vol. 38, pp. 62–72.
- GAMBIER, M. 1974. Horizonte de cazadores temprano s en las Andes Centrales Argentinos–Chilenos. Rev. Huruc Huar (San Juan), Vol. 11, pp. 44–103.
- GRADÍN, C. J.; ASCHERO, C.; AGUERRE, A. M. 1976. Investigaciones arqueológicas en la cueva de las Manos Puntadas, Estancia Alto Río Pinturas. Relac. Soc. argent. Antropol. (Buenos Aires), Vol. 13.
- HESSE, B. 1982. Archaeological Evidence for Camelid Exploitation in the Chilean Andes. Säugetierkundl. Mitt. (Munich), Vol. 3, pp. 201–11.
- HEUSSER, C. J. 1960. Late Pleistocene Environment of the Laguna de San Rafael, Chile. Geogr. Rev. (New York), Vol. 1, No. 4.
- 1983. Quaternary Pollen Record from Laguna Tagua Tagua, Chile. Science (Washington), Vol. 219, pp. 1469–82.
- IRIBARREN, J. 1961. La cultura Huentelauquen y sus relaciones. Contrib. Arqueol., Mus. Arqueol. Chile (La Serena), No. 1.
- KALTWASSER, J.; MEDINA, A.; MUNIZAGA, J. 1983. Estudio de once fechas de RC–14 relacionadas con el Hombre de Cuchipuy. Bol. Prehist. Chile (Santiago de Chile), Vol. 9, pp. 9–13.
- KRIEGER, A. 1964. Early Man in the New World. In: JENNINGS, J. D.; NORBECK, E. (eds), Prehistoric Man in the New World. Chicago, pp. 28–81.
- LAMING–EMPERAIRE, A.; LAVALLEE, D.; HUMBERT, R. 1972. Le Site de Marassi en terre du feu. Objets Mondes (Paris), Vol. 12, No. 2, pp. 225–44.
- LANNING, E. P. 1967. Early Man in South America. Sci. Am., Vol. 217, pp. 44–50.
- LLAGOSTERA, A. 1979. 9700 Years of Maritime Subsistence on the Pacific: An Analysis by Means of Bioindicator in the North of Chile. American Antiquity, Vol. 44, No. 2, pp. 309–24.
- LYNCH, T. F. 1983. The Paleo–Indians. In: JENNINGS, J. D.; FREEMAN, W. F. (eds), Ancient South Americans. San Francisco, pp. 87–137.
- 1985. Un reconocimiento del salar de Punta Negra, segunda región. In: CONGRESO DE ARQUEOLOGIA CHILENA, 10, Arica. Resumen de Ponencia. Arica.
- MACNEISH, R. S. 1969. First Annual Report of the Ayacucho Archaeological–Botanical Project. Andover.
- MARKGRAF, V. 1985. Late Pleistocene Faunal Extinctions in Southern Patagonia. Science (Washington), Vol. 228, pp. 1110–12.
- MARTÍN, P. S. 1973. The Discovery of America. Science (Washington), Vol. 179, pp. 969–74.
- MASSONE, M. M. 1981. Arqueología de la región volcánica de Palli–Aike, (Patagonia Meridionale Chilena). An. Inst. Patagonia (Punta Arenas), Vol. 12, pp. 95–124.
- MENGHIN, O. 1952. Fundamentos cronológicos de la prehistoria de Patagonia. Runa (Buenos Aires), Vol. 5, pp. 1–23.
- 1957. Los estilos de arte rupestre de Patagonia. Acta Prehist. (Buenos Aires), Vol. 1.
- MELTZER, S. 1969. The Salar de Talabre, Northern Chile: A Tentative Ecological Reconstruction and Serration of Archaeological Remains, San Pedro de Atacama, Chile. In: CONFERENCE OF PLEISTOCENE MAN IN LATIN AMERICA. Acta.
- MERCER, J. 1970. Variation of some Patagonian Glaciers since the Late Glacial. Am. J. Sci. (New Haven), Vol. 269, pp. 1–25.
- MONTANÉ, J. 1968. Palaeo–Indian Remains from Laguna de Tagua Tagua, Central Chile. Science (Washington), Vol. 161, pp. 1137–8.
- MUNIZAGA, J. 1976. Paleoindio en Sudamérica: restos humanos de las cuevas de Palli Aike y Cerro Sota, Prov. De Magallanes, Chile. In: Volumen de Homenaje al Dr Gustavo Le Paige, S. J. Antofagasta, Universidad del Norte. pp. 19–30.
- NIEMEYER, H.; SCHIAPPACASSE, V. 1963. Investigaciones arqueológicas en las terrazas de Conanoxa, Valle de Camarones (Prov. Tarapaca). Rev. Univ., Univ. Catól. Chile (Santiago de Chile), Vol. 26, pp. 102–66.
- 1976. Los yacimientos arqueológicos en la Laguna de Meniques, Antofagasta. In: Volumen de Homenaje al Dr Gustavo Le Paige, S.J. Antofagasta, Universidad del Norte. pp. 31–57.
- NÚÑEZ, L. 1980. Asentamiento de cazadores–recolectores tardíos en la Puna de Atacama: hacia el sedentarismo. Chungara (Arica), Vol. 8, pp. 137–68.
- 1983a. Palaeoindian and Archaic Cultural Periods in the Arid and Semiarid Regions of Northern Chile. Adv. World Archaeol., Vol. 2, pp. 161–203.
- 1983b. Paleoindio y arcaico en Chile: diversidad, secuencia y proceso. Mexico.
- NÚÑEZ, L.; CASAMIQUELA, R.; VARELA, J. 1983. Ocupación paleoindio in Quereo: reconstrucción multidisciplinaria en el territorio semiarido de Chile. Antofagasta, Universidad del Norte.
- NÚÑEZ, P.; ZLATAR, V. 1976. Radiometría de Aragon – y su implicancia en el precerámico costero del Norte de Chile. In: CONGRESO DE ARQUEOLOGICA ARGENTINA, 4, San Rafael. Actas.
- ORQUERA, L. et al. 1979. 8.000 años de historia en el canal de Beagle. Rev. Proj. Bouchard (Buenos Aires), Vol. 1, pp. 10–23.
- ORTÍZ–TRONCOSO, O. 1979. Punta Santa Ana et Bahía Buena: deux gisements sur une ancienne ligne de rivage dans le détroit de Magellan. Soc. Mus. Homme (Paris), Vol. 67, pp. 133–204.
- PHILLIPI, R. 1983. Noticias preliminares sobre los huesos fosiles de Ulloma. An. Univ. Chile (Santiago de Chile), Vol. 82.
- RAVINES, R. 1967. El abrigo de Caru y sus relaciones con otros sitios tempranos del Sur del Perú. Nauwpa Pacha (Berkeley), Vol. 8, pp. 39–57.
- 1972. Secuencia y cambio en los artefactos líticos del Sur del Perú. Rev. Mus. Nac. (Lima), Vol. 37, pp. 133–84.
- RICK, J. W. 1980. Prehistoric Hunters of the High Andes. New York.
- RIVERA, M.; ROTHHAMER, F. 1985. Evaluación biológica cultural de poblaciones Chinchorro: nuevos elementos para la hipótesis de contactos transatlánticos. Cuenca del Amazona, Costa del Pacífico. In: CONGRESO DE ARQUEOLOGIA CHILENA, 10, Arica. Resumen. Arica.
- SÁNCHEZ, M.; VALDES, C. 1982. Excavaciones arqueológicas en Cautín: Alero Quillem I. In: CONGRESO NACIONAL DE ARQUEOLOGIA CHILENA, 9, La Serena. Resumen. La Serena.

- SANGUINETTI, A. C.; BORRERO, L. A. 1977. Los niveles con fauna excinta de la cueva de las Buitreras. *Relac. Soc. Argent. Antropol.* (Buenos Aires), Vol. 9.
- SANTORO, C.; CHACAMA, J. 1982. Secuencia cultural de las terras altas del area Centro Sur Andina. *Chungara* (Arica), Vol. 9, pp. 22–45.
- 1984. Secuencia de asentamientos precerámicos del extremo Norte de Chile. In: SIMPOSIO DE ARQUEOLOGIA ATACAMEÑA, San Pedro de Atacama. pp. 85–103.
- SAXON, E. C. 1978. La prehistoria de Fuego–Patagonia: colonización de un habitat marginal. *An. Inst. Patagonia* (Punta Arenas), Vol. 12, pp. 63–74.
- SCHIAPPACASSE, V.; NIEMEYER, H. 1984. Descripción y análisis interpretativo de un sitio arcaico temprano en la Ouebrada de Camarones, Santiago de Chili. (*Mus. Nac. Hist. Nat., Publ. Ocass.*, 41.)
- SCHMITZ, P. I. 1984. Caçadores e coletores de pré-história do Brasil. São Leopoldo.
- SERRACINO, G.; PEREYEA, F. 1977. Tumbre: sitios estacionales de la industria Tambilliense, San Pedro de Atacama. *Estud. Atacam.* (Antofagasta), No. 5, pp. 5–17.
- SILVA, J.; WIESNER, R. 1972–3. La forma de subsistencia de un grupo cazador recolector del post glacial en los valles transversales del area Meridional Andina. In: CONGRESO NACIONAL DE ARQUEOLOGIA CHILENA, 6, Santiago de Chile. *Adas.* Santiago de Chile. pp. 353–70.
- SILVEIRA, M. 1979. Análisis e interpretación de los restos faunísticos de la Cueva Grande del Arroyo Feo. *Relac. Soc. Argent. Antropol.* (Buenos Aires), Vol. 13.
- STANDEN, B.; ALLISON, M.; ARRIAZA, B. 1984. Pantologías oseas de la población Morro-1, asociada al coplejo Chinchorro, norte de Chile. *Chungara* (Arica), Vol. 13, pp. 175–85.
- STENBERG, R. 1984. Arqueología de Chile Central. *Gac. Arqueol. Andina* (Lima), Vol. 12, pp. 4–5, 15.
- TRUE, D.; NÚÑEZ, L.; NÚÑEZ, P. 1970. Archaeological Investigations in Northern Chile: Tarapaca Project, Preceramic Resource. *Am. Antiq.*, Vol. 35, pp. 170–84.
- UHLE, M. 1919. La arqueología de Arica y Tacna. *Bol. Soc. Ecuator. Estud. Hist. Am.* (Quito).
- YACOBACCIO, H. 1982. Consideraciones sobre los asentamientos de cazadores–recolectores post-pleistocénicos en zonas aridas (Provincia de Jujuy, Argentina). In: REUNION NACIONAL DE CIENCIAS DEL HOMBRE EN ZONAS ARIDAS, I, Mendoza.
- 1983. Explotación complementaria de recursos en sociedades cazadoras–recolectoras surandinas. (Manuscript.)
- 1984. Aproximación a la función de los asentamientos precerámicos en la Puna y su borde oriental (Jujuy, Argentina). In: SIMPOSIO DE LA ARQUEOLOGIA ATACAMEÑA, San Pedro de Atacama. *Ponensia.* pp. 73–84.

Часть II

ОТ НАЧАЛА ПРОИЗВОДСТВА ПИЩИ ДО ПЕРВЫХ ГОСУДАРСТВ

СОДЕРЖАНИЕ

36	От начала производства пищи до первых государств: общий обзор <i>Зигфрид Ян Де Лаат</i>	394	48	Регион Эгейского моря в эпоху неолита <i>Христос Думас</i>	531
37	Окультуривание растений: общий обзор <i>Джек Р. Хэрлэн</i>	404	49	Культуры Западного Средиземноморья в эпоху неолита <i>Жан Гилэн</i>	541
38	Одомашнивание животных от начала производства пищи до 5000 лет назад: общий обзор <i>Шандор Бёкёни</i>	416	50	Балканский полуостров и Юго-Восточная Европа в эпоху неолита <i>Миутин Гарашанин</i>	558
39	Поздняя предыстория Египта <i>Лех Кишизаняк</i>	425	51	Центральная Европа в эпоху неолита <i>Йенс Люннинг</i>	571
40	Африка (кроме Египта) от начала производства пищи до 5000 лет назад <i>Дэвид У. Филлипсон</i>	438	52	Европейская часть бывшего СССР в эпоху неолита и халколита <i>Н.Я. Мерперт</i>	588
41	Западная Азия в период неолита и халколита (около 12000–5000 лет назад) <i>Джеймс Мелларт</i>	451	53	Атлантические регионы Европы в эпоху неолита <i>Пьер-Ролан Жюи</i>	600
42	Доисторический период Аравийского полуострова <i>Абдулла Хасан Масфи, Ахмад Хасан Дани</i>	468	54	Становление неолита на Северо-Европейской низменности <i>Лили Кэлас</i>	620
43	Южная Азия в период неолита до начала бронзового века <i>Ахмад Хасан Дани</i>	473	55	Мегалитические памятники Европы <i>Лили Кэлас</i>	630
44	Центральная и Северная Азия в период неолита <i>А.П. Деревянко</i>	484	56	Горное дело в Европе в период неолита и халколита <i>Роберт Шеферд</i>	650
45	Юго-Восточная Азия и Корея от начала производства пищи до первых государств <i>Вильгельм Г. Сальхейм II</i>	496	57	Мексика и Центральная Америка: начало производства пищи <i>Хосе Л. Лоренсо</i>	662
46	Китай в эпоху неолита <i>Ань Чжиминь</i>	511	58	Центральная Америка, Карибский бассейн, северная часть Южной Америки и Амазония: начало производства пищи <i>Марио Саноха Обедьенте</i>	665
47	Европа в эпоху неолита <i>Зигфрид Ян Де Лаат</i>	520	59	Экваториальные и тропические Анды от начала производства пищи до 5000 лет до наст. в. <i>Луис Г. Лумбрерас-Сальседо</i>	669

ОТ НАЧАЛА ПРОИЗВОДСТВА ПИЩИ ДО ПЕРВЫХ ГОСУДАРСТВ:

общий обзор

Зигфрид Ян Де Лаат

Разрабатывая содержание данного тома, мы хотели сначала озаглавить его вторую часть: «От революции неолитической до революции городской».

Свыше полувека назад Гордон Вир Чайлд впервые употребил эти два термина, которые часто используются и теперь. Однако многие специалисты по доисторическому периоду выдвинули серьезные возражения против слова «революция», поскольку оно неоднозначно и может привести к искажению смысла. Действительно, и в английском, и во французском языках оно подразумевает резкое и значительное изменение. И если во времена Чайлда еще считалось, что переход к неолитическому укладу жизни, основанному на производстве пищи, совершился довольно быстро, то теперь мы знаем, что это был результат длительной эволюции, растянувшейся на многие столетия. Первые города-государства появились также в результате длительного процесса развития. Если историки продолжают употреблять термин «революция», они прежде всего имеют в виду «значительное, даже полное преобразование», не заостряя внимание на продолжительности процесса; они считают, что терминология Чайлда и сегодня полностью оправдана, так как последствия перехода сначала к земледелию и скотоводству, а затем к образованию первых цивилизованных государств были столь значительными для экономической и социальной организации человеческих сообществ, что «неолитическую революцию» и «городскую революцию» по праву можно считать двумя основными этапами в развитии цивилизации.

Полезно остановиться и на самом понятии «неолита». Уже через несколько десятилетий после того, как в 1819 г. датский археолог Томсен предложил разделить доисторический период на «три века» (см. «Введение»), увидели, что его «каменный век» охватывает очень разные уровни культурного развития. Тогда стали выделять древний период, или «век оббитого камня» (период, датируемый с плейстоцена, когда человек, современник теперь уже исчезнувшей мегафауны, жил исключительно охотой, рыболовством и собирательством), и более поздний период, или «век шлифованного камня» (период начиная с голоцена, когда существовала современная нам флора и фауна, а люди занимались земледелием и скотоводством, изготавливали глиняную посуду, занимались ткачеством и умели шлифовать каменные изделия). В 1895 г. Джон

Лаббок предложил заменить эти термины на «палеолит» и «неолит», которые очень быстро стали общепризнанными. Старые термины сочли неточными, так как оббивка камня существовала в течение всей доисторической эпохи, а в отдельных неолитических цивилизациях не было шлифованных топоров. Некоторое время считалось, что между этими двумя периодами был перерыв, но потом обнаружилось, что остатки культур, относящихся к началу голоцена, но не знавших земледелия и скотоводства. Этот переходный этап назвали мезолитом. Сейчас данный термин постепенно выходит из употребления, а так как самые древние мезолитические культуры являются лишь продолжением цивилизаций верхнего палеолита, теперь их часто относят к «заключительному (позднему) палеолиту», а более поздние культуры называют до- или прото-неолитическими (эпипалеолитическими), находя в них следы вышеупомянутого долгого процесса, приведшего к неолитическому укладу жизни.

Сейчас термин «неолит» означает ту стадию цивилизации, когда хозяйствование было основано главным образом на земледелии и скотоводстве, а металлы еще не употреблялись для изготовления орудий труда и оружия. Именно неолиту и посвящена в основном вторая часть нашей книги.

Мы хотим, однако, напомнить то, что уже было сказано во «Введении» о несинхронном развитии различных культур. Неолит не начался повсюду в одно и то же время. В Западной Азии его начало относится к 12 тыс. лет до наст. в., а в Европе первые земледельческие общины появились спустя еще три тысячелетия. Добавим также, что к 5 тыс. лет назад – конечной дате данного тома – население многих регионов еще продолжало заниматься охотой и собирательством*, в то же время в других уже производили оружие и утварь из меди, т.е. вошли в эпоху халколита, или медного века. Далее мы рассмотрим эти вопросы более подробно.

* В этой части книги мы не рассматриваем регионы, не достигшие стадии неолита 5 тыс. лет назад: выше, в первой части тома, рассказ о таких территориях доходит до этой даты. Следует также иметь в виду, что и в наше время есть племена, не вышедшие из стадии охотников и собирателей, а также те, которые находятся в стадии неолита. Об этом речь пойдет в следующих томах.

ОТ ПЛЕЙСТОЦЕНА К ГОЛОЦЕНУ: НА ЗАРЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Чтобы понять всю важность перехода к производству пищи, нужно напомнить то, что мы знаем об образе жизни людей, живших в конце последнего ледникового периода, учитывая, конечно, что наше описание может быть только очень общим и приблизительным.

К концу плейстоцена люди уже населяли большую часть территории Земли, занимая различные экологические ниши в зависимости от региона и климатических условий. В умеренных зонах Европы, Азии и Америки царствовал очень суровый, близкий к ледниковому климат с характерными для него тундрой и степью. В современных жарких зонах – субтропических, тропических и экваториальных – температура была на 5–8 °С ниже, а дожди менее обильны, поэтому там было больше саванн и меньше лесов.

В пределах возможностей, которые ему предоставляла окружающая среда, человек жил в основном охотой и рыболовством, но можно предположить, что собирательство всегда пополняло его пищевой рацион, хотя на этот счет у нас мало конкретных данных. Как животные и растения, человек везде подчинялся закону биологического равновесия. Он жил охотой еще в нижнем палеолите и благодаря владению огнем и изобретению метательного оружия мог не опасаться других хищников, поэтому у него было мало естественных врагов. Группы людей были еще слишком немногочисленны, чтобы нарушить биологическое равновесие в биоценозе.

Что касается организации сообщества, то охота на крупных и стадных животных, которой, по всей видимости, люди в основном и занимались, требовала объединения в группы, численность которых выходит за рамки обычной семьи, поэтому можно предположить, что базовая социальная ячейка состояла из нескольких семей, но определить их количество не представляется возможным. Как и все высшие животные, особенно живущие стадно, человек проявлял инстинкты территориальности и иерархии. Можно предположить, что каждая группа имела собственную территорию для охоты и своего «вождя» (или, в этнологических терминах, «доминирующего самца»). Возможно, что такое место он занимал по праву наиболее сильного или удачливого охотника. Это мог быть и умудренный опытом пожилой человек, хотя у наиболее близких человеку высших животных с потерей физических сил доминирующий самец теряет и свой ранг. К тому же палеолитический человек, вероятнее всего, не доживал до старости, редко переходя за тридцатилетие, а за сорокалетие – только в исключительных случаях. Кроме вождя был еще один важный член человеческого сообщества – «колдун», или «шаман»; считалось, что он наделен даром общения с духами и сверхъестественными силами. Своей магической властью он должен был обеспечить выживание людей, например, способствовать удачной охоте и изобилию дичи. Он же хранил и передавал священные традиции. Многие ученые считают, что пещеры с наскальной живописью были тем местом, где в определенные дни люди собирались для религиозных или культовых церемоний. Роль колдуна могла быть даже важнее роли вождя. Группы людей, объединенных общими верованиями, были связаны между собой кровными узами (или тотемизмом) и практиковали экзогамию. Как бы то ни было, в верхнем палеолите социальная и хозяйственная организация охотников-собирателей оставалась относительно простой, что позволяет говорить об их «примитивном коммунизме».

Глубокие и довольно быстрые климатические изменения конца плейстоцена – начала голоцена практически всюду привели к большим изменениям геоморфологии, фауны и флоры, коренным образом отразившимся на жизни людей. Относительно быстрое таяние северной ледни-

ковой шапки и огромных высокогорных ледников вызвало не только сильный подъем уровня морей и затопление обширных равнинных площадей, но также изостатические движения земной коры, значительно приподнявшие в некоторых местах прежнюю береговую линию. Вся поверхность Земли претерпела огромные изменения.

В Евразии и Северной Америке в околледниковых зонах последнего оледенения установился умеренный климат, леса постепенно вытесняли степь и тундру, покрывавшие более северные районы, которые освободились от арктической ледовой шапки. В более южных районах средняя температура повысилась на 5–8 °С, а обильные осадки способствовали расширению лесных пространств, потеснивших саванну. Фауна также значительно изменилась. Исчезли некоторые виды животных: мамонт, шерстистый носорог, пещерный медведь и др., игравшие важную роль в выживании людей в предыдущие эпохи, но уже вымирающие к концу плейстоцена. Другие животные, такие как северный олень, адаптировались к околледниковой среде и переместились вслед за тундрой в более северные районы. Расширение лесистой зоны в умеренных, субтропических, тропических и экваториальных районах также вызвало большие изменения фауны. Только в тех зонах, где особые естественные условия – почва, высота над уровнем моря, меньшее количество осадков – благоприятствовали растительности степи, прерии или саванны, фауна осталась такой же, как в заключительном плейстоцене. Лишь много веков спустя начнется опустынивание огромных территорий Африки и Азии.

Все эти изменения окружающей среды отразились на жизни сообществ людей, многие из которых оказались в критическом положении. Некоторые не захотели приспособиться к новым условиям, предпочли мигрировать вслед за своей излюбленной дичью – стадами северных оленей и в результате, обосновавшись на севере освободившихся от ледниковой шапки Европы, Азии и Америки, долго еще вели традиционный образ жизни охотников-собирателей – занимались рыбной ловлей и охотой на оленей, моржей и других северных животных. Эти первые жители Крайнего Севера являются предшественниками (но, вероятно, не предками) саами (лопарей), ненцев, эскимосов и других народов, населяющих сегодня данные территории.

Другие группы людей, особенно в районах умеренной зоны, покрытой теперь лесами, пережили период растерянности (это нашло свое отражение в вышеупомянутых культурах заключительного палеолита), но затем довольно быстро сумели приспособиться к новой среде. Прежде всего изменились источники существования людей. В добывании пищи охота занимала еще очень важное, но уже не основное место. Охота на стада крупных животных в степи и тундре уступает место охоте на лесных зверей, обитавших небольшими группами, или даже на отдельных особей (олений, диких коз, зубров, кабанов). Только в саваннах и прериях можно было еще охотиться на стадных животных – бизонов или газелей. В лесу труднее загонять добычу, поэтому неудивительно, что охотники все шире использовали лук и стрелы, а иногда и только их (изобретение данного вида оружия относится к верхнему палеолиту). Это подтверждается тем, что в каменных производствах таких сообществ найдено очень много микролитов, служивших заготовками для наконечников стрел. Условиями охоты можно объяснить и то, что в различных местах, значительно удаленных друг от друга, человек приручил и постепенно одомашнил волка – предка собаки, ставшего ценным помощником для обнаружения добычи среди деревьев и зарослей. Отметим, что некоторые группы людей стали разводить собак для употребления в пищу позже (см. гл. 38).

Лесная охота была, конечно, более трудной и менее эффективной, чем охота на стада оленей в предыдущую

эпоху. Может быть именно поэтому больше стали охотиться на мелкую дичь, например на водоплавающую птицу. Снижение эффективности охоты имело социальные последствия. В общинах стало меньше семей, поскольку лесная охота требует меньше числа охотников и не может прокормить большие группы. В результате возросло значение рыболовства, что подтверждают многочисленные находки: забуренные наконечники из кости или оленьего рога – части рыболовных трезубцев или гарпунов, крючки, ивовые верши, пироги, сделанные из выжженных изнутри стволов деревьев. Некоторые группы людей селились прямо на берегах рек, озер и морей, где занимались в основном рыболовством, собирали моллюсков и охотились на тюленей. Изменения окружающей среды принесли людям новые источники пищи, которыми они незамедлительно воспользовались. Они разоряли птичьи гнезда, собирали улиток и моллюсков, разнообразили свой рацион съедобными плодами, растениями и кореньями.

Таким образом, люди постепенно научились оптимально использовать возможности окружающей среды. Во многих районах на территории такой мезолитической общины находили три вида поселений: базовый лагерь, где проходила основная жизнеобеспечивающая хозяйственная деятельность и где жили относительно долго; меньшие по размеру «лагеря-спутники» для более специализированной или сезонной деятельности и, наконец, маленькие лагеря, где несколько охотников могли провести одну или две ночи. На основе этнологических параллелей можно предположить, что в пределах своей территории каждая община располагала более или менее постоянным основным стойбищем и несколькими дополнительными, таким образом максимально и рационально используя все животные и растительные ресурсы территории. В лагерях-спутниках не жили постоянно, что говорит о мобильности людей, предполагает некий регулярный, возможно годичный миграционный цикл в пределах своей территории.

Раскопки выявили очень важное обстоятельство: некоторые группы людей не только специализировались на охоте на один или два вида животных (что часто наблюдается в верхнем палеолите), но они вели выборочную охоту, убивая старых животных и молодых самцов, оставляя самок, заботясь тем самым о воспроизведении вида. Такая селективная охота предполагает хорошие знания по этологии, биологии и физиологии животных.

В некоторых общинах женщины, занятые сбором растений, делали это выборочно: отбирали растения, плоды или коренья, предпочитая одни другим потому, что считали их либо более питательными, более вкусными. Они заботились о нужных растениях и их росте – например, никогда не собирали все плоды, а оставляли некоторое количество для размножения. Такая практика, этнографические параллели с которой можно наблюдать и у современных охотников-собирателей (см. гл. 37), доказывает, что люди обладали хорошими практическими знаниями о биологических циклах растений, распространении семян, их прорастании, вызревании и др.

Если отдаленные истоки неолитического уклада жизни, основанного на земледелии и скотоводстве, относятся к переходному периоду от плейстоцена к голоцену и к изменениям, повлиявшим на хозяйственную деятельность человеческих сообществ, то прямые истоки нужно искать в самой деятельности групп в протонеолите, которые занимались выборочной охотой и/или выборочным сбором плодов съедобных растений. Поэтому в настоящее время имеется все больше оснований считать сообщество людей мезолита до- или протонеолитическими. Следует, однако, подчеркнуть, что эта неолитическая стадия в некоторых случаях могла длиться многие столетия, и что не все донеолитические общины обязательно и самостоятельно пришли к стадии производства пищи, т.е. к производящему способу хозяйствования.

ПРИЧИНЫ И СПОСОБЫ ПЕРЕХОДА К ПРОИЗВОДСТВУ ПИЩИ

Пути перехода к производству пищи подробно изложены в двух следующих главах (37 и 38).

В то время, когда Гордон В. Чайлд выдвинул свою теорию неолитической революции, считалось, что по крайней мере в Древнем Мире была единая ключевая зона первоначального возникновения земледелия и скотоводства – Западная Азия, откуда неолитический уклад пришел в Европу, Африку и другие части Азии вплоть до Китая. Теперь мы знаем, что производство пищи началось во многих районах совершенно независимым образом. Не везде проводились интенсивные и систематические раскопки, поэтому список мест, который мы дальше приводим, далеко не исчерпывающий и может пополниться после новых исследований. По той же причине данные, которыми мы располагаем о каждом регионе, не одинаково надежны и могут вызвать дискуссии и расхождения во мнениях.

Самый древний очаг формирования земледельческо-скотоводческих культур простирается в Западной Азии от Леванта на западе до гор Тавра на севере и восточных склонов хребтов Загроса. Это район, где велись интенсивные исследования неолита, давший нам наиболее надежные сведения. Производство пищи началось там примерно 12000 лет назад или немного позже. Там были обнаружены кости домашнего барана начала одиннадцатого тысячелетия, а также кости домашней козы, относящиеся к следующему тысячелетию. Свиньи обнаруживаются позже, а быков в этом районе одомашнили, по всей видимости, только к середине девятого тысячелетия. Что касается растений, то некоторые зерновые, бобовые и лен в то время уже культивировались в этих местах. Из этого центра неолитический уклад жизни распространился на Анатолию, Европу, средиземноморскую зону Африки, на Западную и Южную Азию до Индийского субконтинента.

Вероятно, второй очаг земледелия мог находиться в Верхнем Египте или юго-восточной Сахаре, до которой в то время еще не распространилось опустынивание. Действительно, кости домашних коров второй половины десятого тысячелетия (почти на тысячу лет древнее найденных в Западной Азии) были обнаружены в местах, где сейчас находится западная часть египетской пустыни. Можно предположить, что одомашнивали и зубров, так как уже в верхнем палеолите на них специально охотились в этом регионе. Здесь же в девятом тысячелетии выращивали ячмень, а дикорастущую его разновидность собирали уже между пятнадцатым и тринадцатым тысячелетиями. Позже приручили осла (примерно 6000 лет назад), хотя другие животные (овца, коза, свинья) и такие растения, как пшеница и лен попали сюда уже одомашненными из Западной Азии.

Нет ничего невозможного в том, что неолитический уклад жизни распространился из этой второй зоны земледелия, с одной стороны, к Судану, Эфиопии и Восточной Африке, а с другой – к Западной Африке, и что в каждом районе выращивали свои местные культуры (сорго, просо, африканский рис, кабачок и бутылочную тыкву, ямс и др.). Неолит начался на всех этих территориях довольно поздно, и вопрос о его распространении из Верхнего Египта и Сахары остается открытым (см. гл. 40).

В Китае тоже можно говорить о двух очагах формирования земледелия. Первый образовался в бассейне реки Хуанхэ (Желтой реки), где начало производства пищи датируется первой половиной восьмого тысячелетия: там выращивали два вида злаков (лисохвост, просо), одомашнили собаку, свинью, утку и курицу. За первыми неолитическими культурами (Пэйлиган, Цишань и Дадивань) последовала цивилизация Яншао, которая, вероятно (точно сказать нельзя), знала рис, домашних баранов и коров. Из долины реки Хуанхэ неолитический уклад жизни распространился на Внутреннюю Монголию и степи Северного Китая.

Второй очаг земледелия в Китае охватывает средний и нижний бассейны р. Янцзы (Янцзыцзян, или Голубая река). Производство пищи началось там в то же время, что и в бассейне Хуанхэ. Важно отметить, что в этом месте открыли рис, который станет основной в питании огромного региона, и стали выращивать эту культуру на затопляемых плантациях. Рис распространился из бассейна Янцзы к районам, расположенным к югу от этой реки, на запад к современной провинции Юньнань, а также в штат Ассам в Индии, а оттуда в Мьянму, Таиланд, Лаос, Камбоджу, Вьетнам и Малайзию.

Еще один район зарождения земледелия должен быть выделен в Юго-Восточной Азии (этот регион, характеризующийся неолитическим укладом жизни, охватывает холмистую часть южного Китая, Филиппины, Индонезию и Папуа). Производство растительной пищи имеет здесь свои особенности, вызванные, вероятно, субтропическим и тропическим климатом этих регионов. Здесь начали не с устройства полей (когда семена разбрасываются в большом количестве), а с садоводства, с посадки семян в небольшом количестве в специальные углубления; при этом за фруктовыми деревьями осуществляется индивидуальный уход. Первыми культивируемыми растениями были клубневые, особенно таро и ямс, а также фруктовые деревья. Такое земледелие началось между восьмым и седьмым тысячелетиями назад. Позже в Юго-Восточную Азию завезли просо (из бассейна Хуанхэ) и рис (из бассейна реки Янцзы, скорее всего через Юньнань и Ассам).

Остается еще упомянуть о двух зонах зарождения земледелия и скотоводства в Америке: одна располагалась в Мексике и Центральной Америке, другая – в регионе Анд.

Специализированным собирательством пищи в Мезоамерике занимались давно, а примерно 7 тыс. лет назад стали постепенно переходить к ограниченным формам земледелия. Период адаптации к новому укладу жизни длился относительно долго, и только около 4500 лет назад в регионе началась эпоха настоящего неолита с постоянными земледельческими культурами и постоянными деревнями (см. гл. 57).

Некоторые археологи считают, однако, что начало земледелия нужно поместить на тысячелетие раньше (см. гл. 37), т.е. по этому вопросу нет единого мнения. Первые растения не культивировались интенсивным образом и только частично удовлетворяли продовольственные потребности людей, чем и объясняется длительность периода адаптации. Среди одомашненных растений были тыква, фасоль и кукуруза (о последней см. гл. 57). В течение этого периода стали выращивать также амарант, авокадо, перец и хлопчатник. Мезоамерика не проявила большого интереса к одомашниванию животных. Собака была приручена уже в конце каменного века, к ней добавились лишь индюк и утка, одомашненные в начале пятого тысячелетия. Земледельческие знания распространились из Мексики на юго-запад Северной Америки.

О зоне Анд у нас мало надежных данных. Это объясняется тем, что доисторические раскопки сконцентрировались в прибрежной зоне, мало благоприятной для развития земледелия. Однако благодаря раскопкам в пещере Гуитарреро, в перуанской долине Анд (см. гл. 34, 59), установлено, что уже в начале восьмого тысячелетия в данном районе выращивали различные сорта фасоли. Что же касается животных, то собаку одомашнили еще до этой даты. Первые попытки приручить ламу, гуанако и вигонь можно отнести к середине восьмого тысячелетия, а в седьмом их одомашнивание уже произошло.

В предыдущих параграфах для каждого ключевого региона мы указывали общепризнанную приблизительную дату начала производства пищи. Необходимо, однако, подчеркнуть, что речь идет о самых разных датах, к которым отнесены кости животных или малейшие остатки растений, считающихся одомашненными видами. Действитель-

но, одомашнивание вызвало у животных и растений некоторые мутации; это явление будет описано более подробно в последующих двух главах (37 и 38). Здесь важно отметить, что такие мутации произошли в течение более или менее длительного времени, а вышеупомянутые исходные даты – это скорее даты *post quem*, и реальные даты начал одомашнивания более ранние.

В этом месте изложения возникают следующие вопросы, на которые, по нашему мнению, еще нельзя дать полностью удовлетворительные ответы.

1. *Первый вопрос:* почему некоторые общины в определенный момент перешли от выборочной охоты и сбора пищи к скотоводству и земледелию? Двадцать лет назад ответ на этот вопрос казался простым. Считалось, что над жизнью охотников-собираателей постоянно довлела необходимость добывать каждодневное пропитание, в то время как неолитический уклад жизни освобождал от этой заботы: зерно в амбарах и животные в стойлах должны были обеспечить им ближайшее будущее. Этнографические параллели показали, что на самом деле жизнь охотников-собираателей была гораздо легче, чем жизнь земледельцев-скотоводов, и что у последних сильнее проявлялась постоянная забота о продовольствии. Теперь полагают, что только под влиянием некоторых обстоятельств донеолитические мезолитические группы были вынуждены радикально изменить свою жизнь. Многие авторы считают, что основную роль в данном процессе сыграл демографический фактор. Это на первый взгляд соблазнительное предположение не основано на каких-либо конкретных данных. Ничто не говорит о демографическом взрыве в донеолитических общинах; напротив, этнографы отмечают, что современные племена охотников-собираателей практикуют в какой-то мере контроль над рождаемостью и что демографического взрыва можно скорее ожидать от земледельцев: дополнительная рабочая сила им всегда нужна. По другой гипотезе, выборочная охота и собирательство поддерживают очень хрупкое биологическое равновесие, а неожиданные обстоятельства могут легко его нарушить. Если это происходит, то человеческие общины могут оказаться в кризисном состоянии и вынуждены будут перейти к производству продовольствия. В настоящее время широко распространилось мнение, что донеолитические общины перешли к неолитическому укладу жизни не спонтанно, а в ответ на какую-то кризисную ситуацию.

2. *Второй вопрос:* если многие группы охотников-собираателей до неолита обладали достаточными знаниями в области ботаники и биологии животных и могли легко перейти на стадию производства пищи, то почему это сделали только некоторые из них? На данный вопрос, так же, как и на предыдущий, можно ответить приблизительно. Действительно, коль скоро люди жили в гармонии со своим естественным окружением, по разным причинам не подвергаясь давлению обстоятельств с точки зрения добычи пищи, то они предпочитали сохранять традиционный уклад жизни, даже если соседние сообщества начинали заниматься земледелием и скотоводством. Так было, например, с группами, которые жили по берегам морей, озер и рек, ловили рыбу, охотились на морских млекопитающих, собирали раковины. Они приняли неолитический образ жизни (и то частично) гораздо позже, чем их соседи, которые уже давно занимались сельским хозяйством. Другие группы охотников-собираателей поддерживали те же отношения с неолитическими земледельцами, постоянно обменивали охотничью добычу на плоды земледелия, не испытывая при этом желания заняться земледелием.

Типичным примером служат контакты, которые тысячелетиями существовали (и сейчас существуют) между аборигенами Северной Австралии и неолитическими племенами юга Новой Гвинеи, хотя они должны были преодолеть пролив Торрес, минимальная ширина которого 160 км. В Демократической Республике Конго (бывший Заир) в

районе экваториальных лесов подобный обмен до сих пор практикуется живущими охотой и собирательством пигмеями и крестьянами банту. К тому же некоторые популяции охотников-собирателей часто высевают или высаживают определенное количество продовольственных растений, о которых не заботятся до сбора урожая. Такие растения остаются дикими, никогда не играют основную роль в питании, а являются добавками. Это не земледелие, это скорее хобби. Д. Харлан (*J.R.Harlan*) находит много таких примеров у охотников-собирателей современной эпохи (см. гл. 37). Очень вероятно, что и в доисторическое время люди поступали так же. Напомним, что в ключевой зоне Мезоамерики первые растения культивировались не очень интенсивно и только частично удовлетворяли потребности в продовольствии, что объясняет, почему в этом регионе между появлением первых культурных растений и началом культуры подлинного неолита прошло два или три тысячелетия.

3. *Третий вопрос:* как передавался неолитический уклад жизни из различных ключевых зон зарождения земледелия в другие места? Так как этой проблемой главным образом занимались применительно к Европе, она будет рассмотрена более подробно в гл. 47. Однако результаты, к которым пришли в Европе, могут быть с большой вероятностью экстраполированы на другие регионы, о которых мы располагаем меньшими данными. Здесь достаточно указать, что были предложены три модели (или три категории моделей).

Первая модель принадлежит еще Гордону В. Чайлду, который считал, что неолитический уклад жизни пришел из Западной Азии с волнами иммигрантов и поселенцев, искавших новые земли для возделывания. Считалось, что коренные мезолитические популяции играли лишь отрицательную роль в становлении неолитического образа жизни в Европе. Заметим, что хотя большинство специалистов по доисторическому времени уже отказались от этой теории, но в более ограниченном, менее категоричном виде она еще сохраняет немногих приверженцев.

Вторая модель в своем крайнем проявлении утверждает почти противоположное: переселенцы (приходится допустить их существование, чтобы объяснить, каким образом животные и растения, не существующие в диком виде в Европе, были занесены уже одомашненными в эту часть мира) были немногочисленны, и их роль была менее значительна, чем роль местных мезолитических популяций.

Наконец, третья модель занимает промежуточное место между двумя предыдущими. «Неолитизация» представляется результатом окультуривания туземных популяций неолитическими поселенцами. Сначала эти поселенцы пришли из Анатолии и заняли Эгейские острова и часть Балкан, а затем уже туземцы, приобщенные к неолиту, постепенно стали распространять новый уклад жизни на новые районы. Распространение неолитического образа жизни в Европе не было непрерывным процессом, периоды наступления нового уклада перемежались периодами стабилизации, затем снова происходил прогресс. Можно предположить, что неолитический уклад жизни распространялся в этих новых районах только тогда, когда мезолитическое хозяйство их обитателей претерпевало какие-то потрясения из-за различных факторов (климатических изменений и др.), что вызывало напряжение и кризисы.

ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРЕХОДА К ПРОИЗВОДСТВУ ПИЩИ

Прежде чем перейти к рассмотрению последствий становления неолитического уклада жизни, напомним, что в определении неолита часто фигурирует не только производство пищи, но и изготовление глиняной посуды, ткачество и шлифование каменных изделий. Этой последней

характеристике одно время придавали значение, не соответствующее подлинному (даже говорили о «веке шлифованного камня») (см. выше). На самом деле речь не идет о каком-то значительном достижении, просто к камню применили технологию, отработанную на кости и известную уже в верхнем палеолите, а возможно и раньше. Кроме того, эта технология не является настоящей характеристикой неолита, так как, с одной стороны, в Японии шлифовали лезвия некоторых каменных артефактов 20000 лет назад, т.е. задолго до неолита, и, с другой стороны, в неолите шлифовали только некоторые изделия, служащие для рубки или резки, такие как топоры или тесла, а не ножи и кинжалы.

Что же касается глиняных изделий, то еще некоторые группы охотников-собирателей верхнего палеолита заметили, что глина твердеет, если попадает в огонь. Доказательством служат терракотовые фигурки, сделанные охотниками на мамонтов в Моравии. Но только в неолите стали производить глиняные сосуды. Действительно, глиняный сосуд изготовить гораздо труднее, чем фигурку в несколько сантиметров высотой. Сначала надо научиться глину очищать, смешивать с соломой, небольшими камешками или ракушечником, чтобы обезжирить, не допустить растрескивания при обжиге, надо научиться вылепить сосуд, дать ему высохнуть, прежде чем подвергнуть действию высокой температуры в обжиговой яме или в примитивной печи.

Самое древнее из известных гончарных изделий было изготовлено в Японии еще задолго до конца палеолита, 12500 лет назад. В других местах керамические изделия обнаруживаются только в неолите, но не всегда в его начале: в Анатолии, Греции и Южной Америке найдены свидетельства «некерамических» культур. До появления глиняных изделий человек использовал для хранения и переноски жидкостей выдолбленные тыквы или бурдюки из шкур, а для твердых материалов – плетеные корзины. Поэтому первые керамические сосуды часто сохраняли привычные формы и даже так же украшались.

Керамика очень важна для археолога, особенно для идентификации различных культур: их можно определить по разнообразным формам и украшениям сосудов. Как во всех традиционных популяциях, в неолитических общинах были очень сильны обычаи предков. Не исключено, что в некоторых сообществах, как показывают этнографические параллели, украшение керамических изделий имело магическое, религиозное, символическое, социальное или этническое значение. Если в какой-либо группе людей форма и украшение керамики были закреплены традицией, то они оставались неизменными, а если и менялись, то очень медленно. Поэтому керамика является одним из лучших ископаемых для идентификации определенной культуры или выяснения периода или стадии развития этой культуры. Всегда было много дискуссий о том, почему неолитические группы вдруг отказывались от своего традиционного украшения керамики или значительно его изменяли, но все подобные рассуждения оставались чисто теоретическими.

Одомашнивание коз и баранов в Древнем Мире, а также ламы, гуанако и викуньи в Андах привело к развитию ткачества, но не сразу, так как шерсть этих животных стала поддаваться прядению и ткачеству только после определенных мутаций, которые произошли в результате одомашнивания. Шерстяная одежда постепенно стала заменять одежду из кожи и шкур. Очень быстро научились использовать некоторые прядильные и льновые культуры, такие, как лен, который сначала выращивали в Западной Азии, Египте и Европе как масличную культуру, или хлопчатник, который рано начали выращивать в Индии и Мезоамерике.

Одним из первых следствий неолитического образа жизни было значительное изменение в питании людей. Если в эпоху палеолита основной пищей было мясо, то в

эпоху мезолита питание стало более разнообразным. А в неолите его основу составляли прежде всего зерновые: пшеница – в Западной Азии и Европе, рис – в Южной и Восточной Азии, сорго и просо – в Африке, кукуруза – в Америке. Из них делали каши, галеты или хлеб. Потребление мяса значительно сократилось. Но одомашнивание животных внесло совершенно новый и важный элемент в повседневный рацион – молоко и его производные (масло, сыр). Наконец, изобретение глиняной посуды дало возможность варить и жарить пищу. Надо, однако, отметить, что мясо часто жарилось и раньше и что некоторые общины варили мясо, пользуясь техникой «нагрева камнем» (кожаные бурдюки или плотно плетения корзины ставили в ямы и наполняли водой, которую доводили до кипения, бросая туда нагретые в очаге камни, и мясо варилось в этой воде).

К тому же, когда растительная пища в большой степени заменила мясо, потребовалась соль (которая очень быстро стала предметом торговли, иногда на дальние расстояния). Об этом подробнее пойдет речь в гл. 47, так как у нас больше сведений о роли соли в эпоху неолита в Европе, чем в других регионах. Эти коренные изменения в питании отразились, конечно, на обмене веществ человека, но эта область до сих пор мало исследована. То же следует сказать и о болезнях, которые могли возникнуть со сменой пищевого режима. Здесь остается большое поле деятельности для палеопатологов.

Неолитический уклад жизни имел, по всей видимости, значительные демографические последствия. Почти везде отмечается увеличение числа поселений и их площади, а также количества захоронений по сравнению с предыдущими периодами. Конечно, можно говорить только о создавшемся впечатлении, так как в нашем распоряжении нет ни надежных цифр, ни статистики по этому вопросу.

Наиболее значительные последствия появления производства пищи наблюдаются в социальной и экономической областях.

Прежде всего это переход к оседлому образу жизни. Повсюду появляются *деревни*. В верхнем палеолите и мезолите охотники-собиратели часто практиковали сезонное кочевье в пределах своей территории. Следуя за сезонной миграцией животных, на которых они охотились, оптимально используя растительные ресурсы этой территории, они осуществляли регулярный миграционный цикл, предположительно годовой. Некоторые мезолитические группы имели постоянные поселения, особенно те, кто жил по берегам морей и озер, занимаясь рыболовством, сбором моллюсков и т.д., но такие поселения были исключениями. Земледельцы же привязаны к своим полям и должны почти все время быть рядом. Оседлость приводит к строительству домов, амбаров, стойл, их строят из бревен или из самана, иногда используют сухую кладку; эти постройки гораздо долговечнее, чем простые хижинки более ранних периодов. На многих неолитических стоянках раскопки показали сложные стратиграфические залегания, иногда указывающие, что в этом месте жили практически без перерыва в течение веков.

В этих деревнях видно возрастающее деление на различные социальные категории. С одной стороны, появляется больше специализированной хозяйственной деятельности, с другой – усиливается и усложняется социальное расслоение.

Во-первых, по сравнению с прежними временами наблюдается гораздо большая специализация хозяйственной деятельности. В верхнем палеолите был только один специалист – колдун-шаман, а все остальные члены общины выполняли общие работы: изготавливали изделия, охотились, ловили рыбу и т.п. В неолитической деревне уже есть землепашцы, скотоводы или пастухи, гончары, ткачи, каменотесы, плотники, к которым в последующие столетия добавятся возчики, торговцы и первые металлурги (см. да-

лее). Справедливо утверждение, что ремесла являются прямым следствием оседлости. Вероятнее всего, существовало разделение труда между мужчинами и женщинами; некоторыми работами занимались женщины – гончарным делом, плетением корзин и, по крайней мере в начале неолита (до изобретения сохи, когда землю обрабатывали только мотыгой и быки не были одомашнены), земледелием и скотоводством. Однако изобретение сохи и одомашнивание быков превратили земледелие и скотоводство в исключительно мужской труд.

Во-вторых, социальное расслоение, еще мало проявляющееся в начале периода, постепенно становится довольно сложным. Выше было высказано предположение, что во главе общины охотников-собирателей стоял вождь – самый смелый или ловкий охотник. Его власть не была тиранической, скорее он был первым среди равных. То, что мы знаем об иерархическом инстинкте у приматов, заставляет нас думать, что в палеолите и мезолите власть вождя не была наследственной. Начиная с неолита роль вождя и колдуна радикально меняется. Вождь становится «монархом», «царем», его власть все более приобретает военный характер и наделяется религиозными чертами; эти функции становятся наследственными. Что касается колдуна, то он становится «священником», жрецом, чья религиозная власть сочетается с властью светской, экономической и политической.

Основываясь на этнографических параллелях, особенно касающихся Африки, мы можем предположить, что в группах охотников-собирателей был равный раздел добычи от охоты и собирательства. Переход к производству пищи положил конец этой солидарности и взаимопомощи, на смену которым пришло состязание за право обладать как можно большим количеством ресурсов. Здесь мы присутствуем при рождении «собственности». Вероятно, это понятие в зародышевом состоянии существовало уже у охотников-собирателей, где каждая община имела *свою* территорию для охоты. Но у земледельцев понятие собственности приобретает большее значение: у каждого из них *своя* земля, *свой* скот, *свой* дом, *свои* орудия труда.

Вместе с собственностью проявляется ее обратная сторона: появляются кражи, грабежи и войны. Община, у которой непогода погубила весь урожай, может обзавестись запасами, лежащими в амбарах более удачливых соседей, а те силой будут противостоять грабежу. Такие войны возникали, вероятно, довольно часто, на что указывает тот факт, что большинство неолитических деревень были укреплены (см. ниже).

Постепенно появляется класс профессиональных воинов, которые должны были защищать деревню, в то время как земледельцы и пастухи работали в полях и на пастбищах. Можно предположить, что сначала в случае опасности все здоровые мужчины брались за оружие, а потом за безопасность стала отвечать постоянная небольшая группа мужчин. Такая военная деятельность требовала командования, и эта функция естественно перешла к вождю деревни, чья власть приняла, как мы уже отметили, военный характер.

Неолитическая деревня с ее разнообразной хозяйственной деятельностью, проблемой отношений между земледельцами и первыми специалистами-ремесленниками, которым надо было платить за их изделия, с необходимостью выполнять большие работы сообща (например строительство укреплений) требовала соблюдения общепринятых обычаев, чтобы сохранить гармонические отношения между обитателями, и именно в написанных правилах, *mos majorum*, надо искать глубинные корни законов исторической эпохи. Ответственность за соблюдение этих правил возлагалась на вождя или жреца.

Возникает вопрос о связи между деревнями, относящимися к одной культуре. Можно предположить, что общины были технологические традиции, религия и, может

быть, язык. На сезонные праздники религиозного характера собирались жители этих нескольких деревень. Имеются некоторые свидетельства этого факта в Европе (см. гл. 47).

Новый уклад жизни оказал влияние и на религиозные верования. В разных районах эти верования отличались; здесь мы тоже рекомендуем нашим читателям главы, подробно описывающие региональные верования. Ограничимся только констатацией, что основные черты были общими для всех религий. Религиозные верования неолита – это ярко выраженный культ плодородия с дуальностью мужского (небо, солнце, дождь) и женского начала (земля, луна). В начале неолита, когда земледелие было в основном занятием женским, доминировало женское начало: почти везде находили многочисленные изображения богинь плодородия, несомненного прообраза великих матерей-богинь начала исторической эпохи. Однако с развитием земледельческой техники (применение сохи, проведение осушительных и ирригационных работ) обработка земли стала слишком трудным делом для женщин, а одомашнивание зубров сделало скотоводство слишком опасным для них. Тогда мужское начало постепенно становится главенствующим (боги солнца и небесных светил, боги быки, фаллические изображения и т.п.). Следует также подчеркнуть растущее значение религии и религиозной практики в повседневной жизни, что привело к усилению социального положения служителя культа, представителя богов на земле.

Все изобретения начала неолита указывают на то, что наблюдательность людей, сильно развитая уже в палеолите (это подтверждают их знания в области ботаники и биологии животных, которые и привели к одомашниванию), стала еще более острой и глубокой. Человек начинает задумываться о вещах, многие из которых не имеют чисто утилитарного значения. Он размышляет о причинах таинственных явлений, которые видит вокруг себя, и задается вопросами: почему надо сеять в это время года, а не в другое? почему прорастают семена? почему глина твердеет в огне? почему Луна и звезды перемещаются по небу? какая связь между расположением звезд и благоприятным моментом для той или иной земледельческой работы? влияет ли положение звезд на небе на жизнь растений? влияют ли звезды на жизнь людей? В этих вопросах и ответах (даже если ответы были пока чаще всего иррациональными) видны первые ростки научной мысли.

Мы можем сделать следующее заключение: социальная и политическая организация, наблюдательность, зачатки права и научной мысли – все это в большей или меньшей степени непосредственно связано с неолитическим укладом жизни, впрочем, как и войны, и социальное расслоение, на многие тысячелетия приведшие военную и клерикальную касты к господству. Именно в этом смысле можно говорить о «революции». Действительно, речь идет о решающем повороте в развитии человеческой цивилизации.

ОТ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕРЕВНИ ДО ПЕРВЫХ ГОРОДОВ-ГОСУДАРСТВ

Прежде чем в основных чертах описать процесс социально-экономических изменений, которые привели неолитическую деревню к первым городам-государствам, целесообразно хотя бы кратко определить, что мы понимаем под словами «деревня» и «город».

Деревня неолитической эпохи представляет собой небольшое поселение, в котором проживали люди, относящиеся к «первичному сектору», т.е. производители продовольствия – земледельцы и скотоводы. В такой деревне могли жить в небольшом количестве и те, кто относится к «вторичному сектору» – ремесленники, о которых говорилось выше, специализирующиеся в каком-либо деле.

Город был обычно больше, чем деревня, в нем было больше жителей. Но важнее то, что первые города господствовали над довольно обширными территориями, включавшими некоторое число деревень: город образовывал политический центр государства. Важны также социальные и экономические характеристики города, полностью отличные от характеристик деревни. Необходимым условием для развития городов явилось наличие глубокого социального расслоения с господствующими гражданским, военным и религиозным классами.

Надо отметить, что в первых городах гражданская и военная власть находилась обычно в руках одного господствующего класса. Этот класс осуществлял свою власть с помощью или при посредничестве людей, принадлежащих к «третьему сектору», – солдат, гражданских или религиозных чиновников. Господствующие классы, военные и религиозные начальники, происхождение которых восходит к деревенским вождям и священникам-колдунам крестьянских общин, подчинили своему господству людей первичного сектора, забрали их поля и пастбища, низвели земледельцев до уровня полусвободных людей или даже рабов, обяжали отдавать за пользование полями и пастбищами значительную часть урожая или скота. Из этого оброка правящие классы платили не только своим солдатам и чиновникам, но и большинству ремесленников, которым было выгоднее работать на правящие классы, чем на бедняков из первичного сектора.

К вышеупомянутым ремесленникам, проживавшим в неолитической деревне, – гончарам, ткачам, каменотесам, плотникам – добавились возчики и ремесленники, работающие с металлом (см. далее). К тому же к третьему сектору относились не только солдаты и чиновники, но и люди, осуществлявшие перевозки, торговцы.

Роль торговцев со временем только возрастала. Уже в начале неолита торговали на дальние расстояния некоторыми сырьевыми материалами, пользующимися большим спросом, для производства различных изделий, такими как кремень и обсидиан, а потом и другими минералами.

С течением времени правящие классы, чтобы больше отделиться от низших слоев и поднять свой престиж, стали строить роскошные дворцы и храмы, строительные материалы для которых часто привозились издалека. Как знак своего высокого ранга эти люди носили богатые одежды, украшения, драгоценные камни и другие «престижные» вещи, которые тоже зачастую доставлялись из удаленных мест.

Благодаря торговле сырьем и предметами роскоши перевозчики и торговцы очень быстро заняли привилегированное положение в обществе. Привилегированным было и положение чиновников. Действительно, для сдачи внаем земли крестьянам и сбора с них натуральной платы требовалась довольно сложная система подсчетов, а также система регистрации договоров об аренде и о произведенных выплатах. Так, для нужд бюрократии зародились и получили свое развитие математика и письменность.

Почти всюду появление письменности, которая значительно позднее будет считаться началом исторической эпохи (см. «Введение»), совпало с расцветом первых городов-государств. Отметим, однако, что в Западной Азии первые настоящие города гораздо древнее письменности и что в первых городах в районе Анд в Южной Америке пользовались не письмом, а другими мнемотехническими средствами, в частности шнурками и узелками. Что касается математики, она служила не только для административных и финансовых нужд – ее развитие связано с астрологией и астрономией, где ее начинают применять для более точных расчетов движения Солнца, Луны и звезд, предсказания затмений и составления первых календарей. Эти системы счета и письма были еще очень сложны (первая письменность насчитывала несколько сотен различных знаков) и требовали многих лет обучения. Поэтому было очень мало

культурных людей – «грамотных» (или «мандаринов» в Китае), отсюда их привилегированный социальный статус.

Зарождение города-государства, общие характеристики которого мы привели, является одновременно и началом нового этапа в научном и культурном развитии человечества (этот этап будет рассматриваться в следующих томах), и завершением длительного периода созревания и развития, приведшего от «неолитической революции» к «революции городской». Нам остается очертить основные линии такой эволюции. В нашем изложении мы опирались главным образом на то, что нам известно об этом развитии в Западной Азии и Египте – регионах, которые до сих пор являются источниками информации о рассматриваемых предметах. Та же эволюция с некоторыми вариациями параллельно проходила в Китае. В Америке переход к городам совершился позже.

Три основных фактора, которые мы постараемся проанализировать, определили в основном превращение деревни в город-государство:

1 – изобретения и технический прогресс, достигнутый на протяжении веков, которые привели к переходу к производству пищи;

2 – разрыв с натуральным хозяйством неолитической деревни;

3 – концентрация экономической и политической власти в руках класса военных и класса служителей культа.

Рассмотрим эти факторы более подробно.

Во-первых, в течение столетий, которые последовали за началом неолитического образа жизни, были одомашнены новые растения (продовольственные и прядильные) и новые виды животных. Конечно, в разных раннеземледельческих зонах это были разные растения и животные, мы не будем подробно их перечислять. Упомянем только лен, хлопок, виноград, оливки, инжир, финики и др. В животном мире за приручением собаки, овцы и козы последовало одомашнивание быка (примерно в конце девятого тысячелетия до наст. в.), осла и лошади (шестое тысячелетие), позднее – верблюда.

Очень быстро вмешательство человека привело к генетическим изменениям у растений и животных. Уже в интересующую нас эпоху человек кастрировал быков, чтобы сделать их более послушными и использовать как тяговую силу. Земледельческая техника быстро совершенствовалась. На смену мотыге и палке-копалке пришла соха, примитивный плуг без предплужника и отвала, с лемехом из оленьего рога или камня, который делал борозды, но не переворачивал землю. Большими достижениями стали орошение и дренаж. До этого земледелием занимались только в районах, где ежегодно выпадало достаточное количество осадков, что не требовало дополнительного полива. Самые древние следы ирригации восходят к концу девятого тысячелетия (Чатал-Хююк в Анатолии). Орошение пустынных или очень сухих земель, как и осушение заболоченных или слишком влажных мест, требовали проведения больших коллективных работ, в которых должна была принимать участие вся община: рыть рвы и каналы, строить запруды и т.п. Благодаря таким работам в Китае стали выращивать рис на затопляемых рисовых плантациях, а также в других регионах в долинах больших рек (Нила в Египте, Тигра и Евфрата в Западной Азии, Инда в Южной Азии, Хуанхэ и Янцзы в Китае), которые, несмотря на их плодородие, до этого не использовались для разведения культур из-за частых наводнений или заболоченности. Очень быстро они стали самыми земледельческими регионами (см. том II). Одним из наиболее важных следствий прогресса в области земледелия и скотоводства стало то, что крестьянские общины получили теперь возможность (и очень скоро это превратилось в обязанность) производить больше продовольствия, чем требовалось для их собственных нужд. Далее мы остановимся подробнее на важности этого избытка для экономического и социального развития.

Значительный прогресс был достигнут и в других областях, особенно в морском и наземном транспорте. В течение шестого тысячелетия, а возможно и раньше, было изобретено колесо. Оно применялось гончарами для изготовления сосудов правильной формы, но наиболее важным применением колеса стали повозки, в них запрягали ослов, быков или лошадей, что позволяло перевозить значительные грузы на большие расстояния. Использование колеса очень быстро распространилось по Древнему Миру, но оставалось пока неизвестным в Америке. Там иногда использовали ламу как выючное животное, но только для перевозки легких грузов: до европейской колонизации грузы в Америке переносили только люди. В это же время в Египте изобрели парус. Лодки были известны уже давно (см. выше), но силу ветра стали использовать впервые. Парус и колесо значительно облегчили перевозки и торговлю на большие расстояния. В следующие века, вплоть до XVIII в. н.э., повозки и суда не претерпят значительных изменений.

Остается сказать несколько слов еще об одном крупном достижении самого начала неолитической эпохи – металлургии. В Западной Азии на стоянках, приуроченных к «докерамическому периоду Б» (около середины девятого тысячелетия до наст. в.), уже обнаружили предметы из меди. В Восточной Анатолии найдены месторождения почти чистой самородной меди. Люди быстро поняли, что этот «камень» можно обрабатывать холодной, а еще лучше горячей ковкой. Первые полученные таким образом медные изделия были очень просты: шилья, проволока, из которой скручивали кольца и браслеты, и т.п. Следующий этап начался только в седьмом тысячелетии, когда обнаружили, что медь можно не только ковать, но и плавить при очень высокой температуре, отливать в формы и получать таким образом более крупные и сложные по форме предметы. Еще позднее научились извлекать медь из менее чистых минералов последовательным плавлением, очищая от шлаков и примесей. Тогда же начали использовать и другие металлы, такие, как золото, серебро, свинец, олово.

К концу шестого тысячелетия техникой работы с металлом совершенно самостоятельно овладели на Балканах (см. гл. 47), а приблизительно через тысячелетие, также независимо, она появилась в Италии и на Перинейском п-ве. В Восточной Азии (Китай, Таиланд) и в Америке металлургия возникла также совершенно независимо, но там ее появление выходит за хронологические рамки данного тома. Нельзя исключить, что будут открыты и другие центры, где металлургия получила автономное развитие без всякого влияния извне.

Но у меди есть довольно крупные недостатки: это относительно мягкий металл – медные лезвия быстро тупятся, чтобы они оставались острыми, их надо часто подправлять; предметы из меди легко разбиваются, к тому же медь плавится при очень высокой температуре. Поэтому в Западной Азии 6 тыс. лет назад стали искать способ соединить ее с другими металлами. Возможно, что первые сплавы получились совершенно случайно при использовании нечистых минералов, но очень скоро древние металлургии стали намеренно пробовать различные смеси, соединяя медь с мышьяком, сурьмой, другими металлами. В результате многочисленных попыток они обнаружили, что сплав меди (85–90%) с оловом (10–15%) – бронза – является гораздо более твердым, прочным и менее ломким, чем медь, а температура ее плавления значительно ниже, чем у чистой меди. Применение бронзы почти совпадает с началом возникновения городов-государств, поэтому о бронзовых технологиях речь пойдет в томе II.

Металлургия породила совершенно новую социальную группу: появились люди, которые специализировались на поисках и обнаружении новых месторождений меди, олова, золота, серебра, свинца и пр. Техника, давно уже усовершенствованная при добыче кремня, была

приспособлена к добыче руды (см. гл. 56), а изделия из бронзы, золота и серебра стали предметами доходной торговли. Главную роль в этом новом комплексе играли все же сами древние металлурги.

подавляющему большинству людей того времени металлургия казалась совершенно загадочным делом, а человек, способный творить такие чудеса алхимии, обладал в их глазах сверхъестественной властью и пользовался большим авторитетом. Этнографические параллели и фольклорные данные говорят о том, что металлурги были закрытой кастой и передавали свои секреты только посвященным. Они, безусловно, занимали особое место среди ремесленников, и правящие классы пользовались их услугами.

Во-вторых, в начале неолита каждая деревня вела свое натуральное хозяйство, и торговля, вероятно, ограничивалась незначительным обменом с соседними деревнями. Некоторые факторы способствовали изменению такого способа хозяйствования:

1 – технический прогресс в сельском хозяйстве позволил производить излишки, служившие для обмена и приобретения предметов потребления, сырья, даже предметов роскоши;

2 – прогресс транспортных средств позволил осуществлять перевозку и торговлю на дальние расстояния;

3 – все более сложное социальное расслоение, присваивание излишков производства военными и религиозными начальниками позволяли этим последним финансировать торговые экспедиции, отправлять их зачастую очень далеко за экзотическими товарами, которые они использовали для подъема своего социального престижа.

Очень скоро некоторые поселения стали процветать благодаря торговой деятельности, например, стоянка Чатал-Хююк в Анатолии (гл. 41).

В-третьих, концентрация экономической и политической власти в руках служителей культа и военачальников, о которой упоминалось выше, должна быть рассмотрена более подробно; при этом необходимо иметь в виду, что многие черты представленной здесь модели остаются чисто гипотетическими.

Выше уже говорилось о возрастающей роли жрецов и воинов в неолитических обществах. В первых городах-государствах служители культа образуют настоящий закрытый социальный класс – касту, которая использует религиозное чувство других членов общины для укрепления собственной власти. Теперь этот класс властвует над низшими классами не только в религиозной, но и в экономической и даже политической сферах. Земля была объявлена собственностью богов, что на деле означало, что она стала собственностью храмов и ею распоряжались жрецы от имени богов.

Что касается военных, то силой оружия они получили власть над своими согражданами, и их военачальники стали монархами. Более того, существовал тесный союз между ними и священниками, и монархи объявлялись не только военачальниками, но и представителями божеств на земле (или даже, как в Египте, воплощениями богов), в таком качестве они делили с храмом собственность на землю. Что касается крестьян, то им больше не принадлежали ни поля, на которых они работали, ни скот, который они пасли, их превратили в фермеров-арендаторов, обязанных платить ежегодный оброк монарху и храму (от 1/8 до 1/7 урожая).

Подчинение преобладающей массы населения небольшому меньшинству и зарождение сильной центральной власти имели следующие последствия:

1 – только сильная власть могла предпринять и организовать большие работы по орошению или осушению земель для расширения обрабатываемых площадей и повышения плодородия почвы;

2 – такие крупномасштабные работы, которые были необходимы для использования болотистых долин крупных рек (см. выше), были немислимы в неолитических сообществах без сильной центральной власти;

3 – центральная власть заставляла крестьян производить больше, чем было необходимо для их собственных нужд. Этот излишек попадал в руки правящих классов в виде арендной платы, поступающей в храмы и дворцы. Происходила концентрация богатств в руках монархов и служителей культа. Храмы стали не только местами отправления культовых обрядов, но в них, наряду с алтарями, появились амбары, склады, стойла, мастерские. Такие же хозяйственные постройки сооружались и во дворце монарха.

Некоторые ремесленники частично еще работали на людей из первичного сектора (за определенное количество зерна те могли «купить» глиняный горшок), но большинство из них обслуживали храм или дворец, так как только монархи и священники могут заплатить им за «дорогие» изделия (такие как металлические предметы, а особенно оружие, которое носят теперь солдаты). Ремесленникам платили за работу натурой: зерном или продуктами, накопленными в закромах храма или дворца.

Так была построена целая социальная пирамида. В основании ее мы видим крестьян, полусвободных фермеров или даже рабов. Выше стоят ремесленники, некоторые из них работают еще для крестьян, но большинство обслуживают храм и дворец. Среди них металлурги, златокузнецы и ювелиры занимали привилегированное положение, обслуживая правящие классы, единственных людей, способных оплачивать их дорогие услуги. На более высоком уровне – люди третьего сектора, прежде всего воины, находящиеся исключительно в услужении и на содержании у монарха, и необходимые для управления чиновники. Торговцы – единственная категория, сохранившая относительную независимость от монарха и священников.

Мы уже отмечали, что для поддержания своего престижа монархи и священники возводили храмы и дворцы, полные роскоши и удобств; они сами, их жены и придворные носили украшения из золота, серебра, слоновой кости, перламутра, яшмы, янтаря, лазурита, бирюзы, халцедона и других драгоценных и полудрагоценных материалов. Эти материалы часто приходилось завозить издалека, как и сырье, рудные минералы, а в некоторых случаях даже необходимые для строительства камень и дерево. Этим объясняется растущее значение класса торговцев.

За редкими и дорогими материалами направлялись караваны, снаряжались целые экспедиции. Надо было позаботиться не только о продовольствии для людей и фураже для вьючных и тягловых животных каравана, но и о подарках, для того чтобы беспрепятственно пройти через территории встречающихся на пути общин, а также иметь товар (очень часто – рабов) для обмена на необходимые материалы. Такие караваны сопровождался отрядом вооруженных людей, защищающих всю экспедицию от возможных грабителей или прокладывающих путь каравану по вражеской территории. Торговцы дорого брали за свои услуги, и только монарх и высшие священнослужители могли финансировать подобные мероприятия.

Выше мы обращали внимание на то, что война явилась одним из последствий неолитического образа жизни, что там же надо искать истоки возникновения класса воинов и рост его могущества. По мере того как усиливалась власть и увеличивалось богатство правящих классов, росло и их желание еще больше усилить свое могущество. Часто цари завоевывали соседние территории с целью завладеть природными богатствами или получить произведенный там излишек продуктов. Возводимые в то время постоянно усиливавшиеся и усложнявшиеся укрепления, защищавшие поселения, по крайней мере самые важные из них, в Западной Азии, Китае и Европе, свидетельствуют об общей нестабильности, царящей из-за таких конфликтов. Уже в конце этой эпохи мы видим, что некоторые городские или догородские поселения господствуют над значительными территориями. Самый яркий пример – Египет, который в прединастический период в результате многих войн стал

единым государством. Империализм, понимаемый как политика государства, направленная на политическое и экономическое подчинение других государств, зародился именно в период перехода от неолитической деревни к первым городам-государствам.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BANKS, K. N. 1984. *Climates, Cultures and Cattle: The Holocene Archaeology of the Eastern Sahara*. Dallas.
- BENDER, B. 1975 *Farming in Prehistory: From Hunter-Gatherer to Food Producer*. London.
- 1978. *Gatherer-Hunter to Farmer: A Social Perspective*. *World Archaeology*, Vol. 10, pp. 204–22.
- BLOCK, M. R. 1963. The Social Influence of Salt. *Sci. Am.*, Vol. 209, No. 1, pp. 88–96.
- BÖKÖNYI, S. 1974. *History of Domestic Mammals in Central and Eastern Europe*. Budapest.
- BRAIDWOOD, R. J. 1960. The Agricultural Revolution. *Sci. Am.*, Vol. 203, pp. 130–48.
- BRAIDWOOD, R. J.; WILLEY, G. (eds) 1962. *Courses Towards Urban Life*. Chicago.
- CHILDE, V. G. 1950. The Urban Revolution. *Town Plann. Rev.* (Liverpool), Vol. 21, No. 1, pp. 1–17.
- 1951. *Social Evolution*. London.
- 1952. *New Light on the Most Ancient East*. London.
- 1954. *What Happened in History*. Harmondsworth.
- CLARK, J. D.; BRANDT, S. A. (eds) 1984. *From Hunters to Farmers: The Causes and Consequences of Food Production in Africa*. Berkeley.
- CLARK, J. G. D. 1952. *Prehistoric Europe: The Economic Basis*. London.
- 1966. *Symbols of Excellence*. Cambridge.
- CLASON, A. T. (ed.) 1975. *Archaeozoological Studies*. Amsterdam.
- CLUTTON-BROCK, J. 1981. *Domesticated Animals from Early Times*. London.
- COHEN, M. N. 1977. *The Food Crisis in Prehistory: Overpopulation and the Origins of Agriculture*. Yale.
- COLES, S. 1959. *The Neolithic Revolution*. London. (7th edn 1970.)
- COULBORN, R. 1959. *The Origin of Civilized Societies*. Princeton.
- CURWEN, E. C.; HATT, G. 1953 *Plough and Pasture: The Early History of Farming*. New York.
- DENNELL, R. W. 1983. *European Economic Prehistory*. London/New York.
- DIRINGER, R. 1962. *Writing*. London.
- DOLUKHANOV, P. M. 1979 *Ecology and Economy in Neolithic Eastern Europe*. London.
- EPSTEIN, H. 1971. *The Origin of Domestic Animals in Africa*. New York.
- GLOB, P. V. 1951. *Ard og Plov in Nordens Oldtid* [Hoe and Plough in Nordic Prehistory]. Aarhus.
- GUILAINE, J. 1976. *Premiers bergers et paysans de l'Occident méditerranéen*. Paris.
- HARLAN, J. R.; DE WET, J. M. R.; STEMLER, A. B. L. (eds) 1976. *Origins of African Plant Domestication*. The Hague.
- HIGGS, E. (ed.) 1972. *Papers in Economic Prehistory*. Cambridge.
- (ed.) 1975. *Palaeoeconomy*. Cambridge.
- HODDER, I.; ISAAC, G. L.; HAMMOND, N. (eds) 1981. *Patterns of the Past: Studies in Memory of David Clarke*. Cambridge.
- INGOLD, T. 1980. *Hunters, Pastoralists and Ranchers*. Cambridge.
- INTERNATIONALES SYMPOSIUM IN KIEL, 1961. 1962. *Zur Domestikation und Frühgeschichte der Haustiere*. Hamburg.
- JARMAN, M. R.; BAILEY, G. N.; JARMAN, H. N. (ed.) 1982. *Early European Agriculture: Its Foundations and Developments*. Cambridge.
- KUBASIEWICZ, M. (ed.) 1978. *Archaeozoology*. Szczecin.
- MELLAART, J. 1975 *The Neolithic of the Near East*. London. (2nd edn 1981.)
- MERCER, S. A. B. 1959. *The Origin of Writing and Our Alphabet*. London.
- MÜLLER, H. H. 1984. *Bibliographie zur Archäologie und Geschichte der Haustiere (1971–1982)*. Berlin.
- MULTHAUF, R. P. 1978. *Neptune's Gift: A History of Common Salt*. Baltimore.
- MURRAY, J. 1970. *The First European Agriculture: A Study of the Osteological and Botanical Evidence until 2000 BC*. Edinburgh.
- PHILLIPS, P. 1985. *Early Farmers of West Mediterranean Europe*. London.
- PIGGOTT, S. (ed.) 1961. *The Dawn of Civilization*. London.
- 1983. *The Earliest Wheeled Transport*. London.
- PING, TI HO. 1977. The Indigenous Origins of Chinese Agriculture. In: REED, C. A. (ed.), *The Origins of Agriculture*. The Hague. pp. 413–84.
- REED, C. A. (ed.) 1977. *The Origins of Agriculture*. The Hague.
- RENFREW, C. 1972. *The Emergence of Civilization*. London.
- 1974. *Before Civilization*. London.
- 1979. *Problems in European Prehistory*. Edinburgh.
- RENFREW, J. M. 1969. The Archaeological Evidence for the Domestication of Plants: Methods and Problems. In: UCKO, P.; DIMBLEBY, G. W. (eds), *The Domestication and Exploitation of Plants and Animals*. London, pp. 149–72.
- 1983. *Palaeoethnobotany: The Prehistoric Food-Plants of the Near East and Europe*. London.
- RYDER, M. J. 1969. Changes in the Fleece Following Domestication. In: UCKO, P.; DIMBLEBY, G. W. (eds), *The Domestication and Exploitation of Plants and Animals*. London.
- SAUER, C. O. 1952. *Agricultural Origins and Dispersals*. Cambridge, Mass.
- SCHWABEDISSEN, H. (ed.) 1972–6. *Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa*. Cologne/Vienna. 4 vols.
- SHERRATT, A. G. 1981. *Plough and Pastoralism: Aspects of the Secondary Products Revolution*. In: HODDER, I.; ISAAC, G. L.; HAMMOND, N. (eds), *Patterns of the Past: Studies in Honour of David Clarke*. Cambridge, pp. 261–305.
- SINGH, P. 1971. *Neolithic Cultures of Western Asia*. London/New York.
- TRINGHAM, R. 1971. *Hunters, Fishers and Farmers of Eastern Europe, 6000–3000 BC*. London.
- UCKO, P.; DIMBLEBY, G. W. (eds) 1969. *The Domestication and Exploitation of Plants and Animals*. London.
- UCKO, P.; TRINGHAM, E.; DIMBLEBY, G. W. (eds) 1972. *Man, Settlement and Urbanism*. London.
- VAVILOV, N. I. 1951. *The Origins, Variation, Immunity and Breeding of Cultivated Plants*. Chester. (Trans. K. Starr.)
- WERTH, E. 1954. *Grabstock, Hacke und Pflug*. Ludwigsburg.
- WHITTLE, A. 1988. *Problems in Neolithic Archaeology*. Cambridge.
- ZEUNER, F. E. 1963. *A History of Domesticated Animals*. London.
- ZVELEBIL, M. (ED.) 1986. *Hunters in Transition: Mesolithic Societies of Temperate Eurasia and their Transition to Farming*. London.

ОКУЛЬТУРИВАНИЕ РАСТЕНИЙ: общий обзор*

Джек Р. Хэрлэн

Чтобы понять, как происходило культивирование растений, надо сначала отказаться от некоторых старых мифов и представлений, получивших большое распространение. Может быть, и не стоило бы в конце XX в. опровергать эти мифы, но они продолжают неблагоприятным образом сказываться на образе мыслей некоторых специалистов и широкой публики. Поэтому остановимся на этом вопросе и рассмотрим его более объективно.

Окультуривание растений – тема очень древняя, литература прошлого уделяла ей много внимания, сохранилось также много устных преданий о происхождении земледелия и культурных растений. В Средиземноморье одним из главных мифических персонажей всегда была какая-нибудь богиня (Изида – в Египте, Деметра – в Греции, Церера – в Риме), научившая людей обрабатывать землю и выращивать ячмень и пшеницу. В Месопотамии это был бог Он, человек-рыба. В Китае – бог с головой быка Шень-Нун, считавшийся потом императором, правлению которого приписывают даже определенную дату, обычно около 4800 лет назад (Christie, 1968). У ацтеков был пернатый змей Кетцалькоатль; у инков – первый Инка и его супруга царица Койа, которую ее отец Солнце послал на землю, чтобы научить людей земледелию и принести цивилизацию (Vega, 1961). Через все мифы проходит один общий мотив: бог или богиня не только приносит растения и показывают, как ими пользоваться, эти божества выступают как сила, дарующая цивилизацию, они обучают людей праву, правосудию и различным искусствам, что и делает общество цивилизованным.

Конечно, в народном фольклоре существуют и другие мифы и легенды. Очень многие похожи по содержанию. И все они внушают мысль, что искусство земледелия и культурные растения – дар богов. Без сверхъестественного вмешательства человек не мог к этому прийти. К тому же только земледелец является человеком цивилизованным, народы без земледелия – дикари, которые живут как животные, стихийно добывая у природы свое пропитание.

Эта традиционная концепция, восходящая к доисторическим временам, строится на трех основных принципах.

Во-первых, сельское хозяйство является «изобретением» или «открытием», даром богов, продуктом «идеи» или «концепции»; надо учиться засеивать землю семенами или сажать клубни. И наоборот, отсутствие земледелия – это

показатель «невежества», «недостатка ума», проявление «неспособности наблюдать и размышлять» и т.д.

Первое рассуждение автоматически приводит ко *второму*: лучше обрабатывать землю, чем не обрабатывать, земледельцы находятся на более высоком уровне развития, чем охотники-собиратели. Охотники-собиратели – это только дикари-невежды, не умеющие бросить семена в землю или посадить клубень.

Из этого положения закономерно следует *третье*: однажды появившись, земледелие оказалось настолько выше охоты и собирательства, что быстро распространилось по всему миру. Народы с радостью приняли его, потому что оно очевидно предполагало лучший образ жизни.

Все эти традиционные принципы являются полностью ложными, от них давно следовало бы отказаться. Однако они продолжают влиять на образ мыслей и современные публикации. Мы должны отбросить подобные архаические идеи, заменив их более разумным и реалистическим представлением о вещах.

Наши предрассудки вызваны преимущественно плохим знанием общества охотников-собирающих. Ведь именно они начали культивировать растения, и нельзя осознать этот процесс, не понимая, по крайней мере в определенной степени, совершающих его людей. Мы живем продуктами сельского хозяйства, мы потомки охотников-собирающих. У нас те же гены, может быть, они по-другому распределены, но нет никаких оснований считать, что мы умнее или глупее наших предков, живших много тысячелетий назад. Они обладали такой же способностью к наблюдению и рассуждению, как и мы.

Один из основных вопросов, возникающих относительно знаний охотников-собирающих в области ботаники, – действительно ли их надо было учить бросать семена в землю и сажать клубни? Этнографическое изучение сохранившихся до наших дней общин охотников-собирающих показывает, что большинство из них вполне владели этими двумя операциями.

Из девятнадцати племен, изученных Стюартом (Steward, 1934, 1941) в Большом Бассейне Северной Америки, семь высевали семена. Растения относились к дикорастущим видам. Осенью на подходящем участке земли выжидали растительность, а следующей весной это место засеивали семенами. На западной оконечности данного региона индейцы-пенути из долины р. Оуэнс

* С согласия автора, тексты, посвященные Китаю, Индии, Пакистану и Бангладеш, незначительно изменены с учетом новых данных, которые предоставили Ан Чжэмин (гл. 46) и заместитель директора А. Дани-Эд, (Прим. ред. англ. изд.)

в Калифорнии орошали обширные участки земли для получения большего урожая (Steward, 1934; Lawton et al., 1976). Орошаемые площади доходили в одном случае до 5 кв. км, в другом – до 13 кв. км. Иногда, чтобы посевы были более густыми, пенути высевали семена, полученные от урожая диких злаков, но не окультурили ни один вид. Можно, конечно, предположить, что эти индейцы имели связи с общинами земледельцев, у которых и переняли практику сева и орошения. Но мы видим, что и на другом конце земли аборигены Австралии поступают почти так же (Campbell, 1965), а эти племена никогда не контактировали с земледельцами.

В Калифорнии одиннадцать индейских племен выращивали только табак (Klimek, 1935). Так же поступали некоторые племена в штатах Орегон, Вашингтон и в Британской Колумбии (Drucker, 1963). Табак относился к местным туземным видам, в основном к *Nicotiana attenuata* и *N. bigelovii*, а не к тем, что используют сейчас.

В связи с этим заслуживает особого внимания словарь племени каруков. Каруки называли табачную плантацию местом, «куда класть семена», они устраивали ее, сжигая пни в лесу, затем в золу бросали семена. У них были различные слова для обозначения дикого табака, культивируемого табака, корня, стебля, коры, листьев, веток, ветвей с листьями, сердцевины, камеди, почки, цветка, стручка, семян, стеблей цветов, соцветий, чашелистника и чашечки цветка. Не было слова для «лепестка», но каруки называли его описательно: про табак вида *N. bigelovii* с белыми цветами они говорили, что «высовываются пять белых вещей». Про тычинки и пестик говорили, что те «стоят в центре каждого цветка, в том месте, где появятся семена». Тычинки называли «усами», «нитями» или «волосами» цветка. Пыльца была «цветочной пылью». От цветения до образования семян каруки различали девять этапов, каждый из них имел описательное название (Harrington, 1932). Как же можно вообразить, что охотники-собиратели не знали, что такое семена или как происходит размножение растений?

Хотя семена и сеянцы табака очень мелкие, каруки заметили, что прорастание происходит над землей (надземное прорастание), что первые листики (семядоля) образуют пары и что они отличаются от других листьев. Они удобряли землю золой, сеяли, удаляли ненужную траву, собирали урожай, проводили селекцию (чтобы получить сильные растения), сушили, хранили и продавали табак, но других растений не выращивали. Очевидно, что сама по себе посадка растений не несла в себе ничего революционного и не привела к производству продовольствия (Harrington, 1932).

Все, кто наблюдал жизнь аборигенов Австралии, часто бывали поражены их обширными знаниями в области ботаники. Аборигены прекрасно знали, что семена прорастают, что из них появляются растения того же вида. Сэр Джордж Грей (Gray, 1841) писал, что встречал племена, которые накладывали табу на сбор некоторых видов растений, пока не созреют их семена, чтобы позволить этим растениям размножаться. Многие наблюдатели отмечали, что, выкапывая клубни ямса, женщины сажали его верхушку в только что сделанную ямку, для того чтобы обеспечить урожай будущего года (Berndt & Berndt, 1951; McCarthy, 1957). Иногда они даже упрекали ямс в том, что он еще мал и, сажая клубни, уговаривали их сделаться побольше, когда они придут в следующий раз (Tindale, 1974). Такая практика – вновь посадить в землю верхушку ямса – наблюдалась также у охотников-собирателей Андаманских островов (в Бенгальском заливе) (Coon, 1971) и Африки (Chevalier, 1936).

Большое число полезных растений, известных охотникам-собирающим, дает нам представление об их ботанических знаниях. В работе о съедобных растениях у индейцев Северной Америки Яновский (Janovsky, 1936) дает

список 1112 растений, относящихся к 444 видам и 120 семействам. Только около 10% из них были одомашнены или ввезены, остальные просто собирались племенами охотников-собирающих.

Жарден (Jardin, 1967) составил очень полезный список потребляемых в Африке продуктов. В этом списке много местных дикорастущих растений, урожай которых собирают земледельцы, и трудно различить растения по видам. Но если отбросить культивируемые или ввозимые виды и, насколько это возможно, учесть тот факт, что некоторые растения фигурируют в списке несколько раз под разными названиями, останется еще 1400 местных видов, которые африканцы собирают в диком виде и употребляют в пищу. Этот факт, может быть как никакой другой, ясно показывает, что в земледелии нет ничего революционного. Земледелие существует уже тысячи лет, но собирательство не прекращается.

Голсон (Golson, 1971) упоминает около 277 видов растений, известных аборигенам Австралии и употребляемых ими в пищу.

Леви-Строс (Lévi-Strauss, 1950) составил список части диких растений, идущих в пищу в Южной Америке.

Еще более удивительным фактом является очень распространенная практика делать ядовитые растения нетоксичными и употреблять их в пищу. На всех континентах охотники-собиратели знали, как вымочить, профильтровать, нагреть или применить другие методы, чтобы удалить из растений яд. Некоторые процедуры требовали выщелачивания с применением древесной золы; в других случаях очень долго кипятили вредные растения в воде, меняя ее несколько раз; иногда использовали глину, ферментацию и т.п. Возможно, их знания охватывали снадобы для лечения и яды для убийства (Coon, 1971; McCarthy, 1957; Tindale, 1974; Berndt & Berndt, 1951).

Чем больше узнаешь о знаниях охотников-собирающих в области ботаники, тем больше они поражают своей глубиной и обширностью. К растениям у этих народов был и остался практический интерес экономического порядка. Они знали все о цикличности жизни растений; знали, что их можно выращивать из семян, клубней или черенков. Чтобы выращивать растения, им не нужны были никакие откровения, никакое особое обучение. Знания, необходимые для земледелия, были широко распространены, вероятно, еще с эпохи раннего плейстоцена. *Культивирование растений началось не в отсутствие знания, а на основе знания.*

Поскольку земледелие и культивирование растений не были «открытием», то старая теория, по которой они якобы быстро распространились, является также ошибочной. Можно доказать, что земледелие – это не тот образ жизни, который легко распространяется. Действительно, охотники-собиратели принимались иногда обрабатывать землю, особенно в периоды нехватки продовольствия, но верно также то, что некоторые племена бросали земледелие, чтобы заняться охотой и собирательством. Некоторые антропологи (Lévi-Strauss, 1950; Lathrap 1968) считают, что почти все племена тропической зоны Америки, не занимающиеся земледелием, практиковали когда-то этот способ существования, а потом его бросили. Развитие земледелия происходило в основном благодаря миграции земледельцев, а не путем распространения идеи.

Аборигены северной оконечности Австралии – типичный пример отсутствия такого распространения. Аборигены живут на мысе Йорк и на островах Торресова пролива и в течение тысячелетий поддерживают отношения с папуасами-земледельцами. Между этими двумя сообществами возникают родственные связи, у аборигенов наблюдаются некоторые физические характеристики меланезийцев, жители мыса Йорк заимствовали многие элементы культуры папуасов – обряд посвящения, культ героя, круглые скульптуры, некоторые виды барабанов, использование

лука и стрел, но не переняли земледелие (White, 1971; Walker, 1972; Tindale, 1974).

Аборигены северо-запада Австралии имели контакты с индонезийскими купцами еще за несколько веков до прихода европейцев. Иногда моряки-aborигены нанимались на корабль и проводили некоторое время в Индонезии, где люди занимались сельским хозяйством. Некоторые черты индонезийской культуры перешли к австралийцам (людки-пироги с балансиром и парусом, трубки для курения опиума, использование металлических предметов, особый тип площадок для церемоний, искусство изображения цветов). Ученые обнаружили даже, что австралийцы делали глиняные изделия, которыми они сами не пользовались, изготавливая их только для торговли с индонезийцами (McCarthy, 1957; Berndt & Berndt, 1951). Однако производство продуктов питания австралийцы не переняли.

Как в доисторическую, так и в современную эпоху известны многочисленные примеры того, что охотники-собиратели, живя в тесном контакте с сельскохозяйственными общинами, не переняли их способ существования; к ним относятся пигмеи, кунг, хадза, тогда, негритосы, индейцы равнин Северной Америки, европейские племена эпохи мезолита. Действительно, все дожившие до наших дней группы охотников-собираателей окружены сельскохозяйственными сообществами, оказывающими на них давление, но только некоторые стали заниматься земледелием.

У охотников-собираателей были не только обширные знания по ботанике, но и орудия труда и технологии, почти не требующие изменений. Они умели делать почти все, что делали земледельцы. Всегда существовали племена охотников-собираателей, которые готовили участки для сева, сажали семена, клубни, выжигали растительность, поливали дикорастущие растения, жили оседло в деревнях, имели собственность в виде земли, деревьев, плантаций, источников, шахт или рабов, делали глиняную посуду, устраивали церемонии первых плодов, молились о дожде, богатом урожае, поддерживали торговые связи с отдаленными районами, умели обезвреживать ядовитые растения, готовили снадобья, яды и галлюциногены. По сути, земледельцы не делают ничего такого, чего бы не делали неземледельческие народы в каком-либо месте в какое-то время.

И только когда мы точно установили, что охота и собирательство являются такими же достаточными способами существования, как и земледелие, мы можем задать вопрос: как, когда, где и почему люди стали культивировать растения? Так как охотники-собиратели были, по экономическим причинам, настоящими ботаниками с обширными знаниями об окружающей флоре, культивирование растений могло начаться где угодно, там, где для этого были благоприятные условия, почти в любое время после плейстоцена. Такова картина, которую мы себе представляем. Спор, который противопоставляет «плодоводство», основанное на вегетативном размножении, и «земледелие», основанное на выращивании растений из семян, лишен всякого смысла. Охотники-собиратели прекрасно знали оба способа выращивания: тот, кто сажал клубни, сеял также и семена, и наоборот. Это обманчивое различие восходит к традиционной теории, что «плодоводство» легче овладеть, поэтому оно *обязательно* предшествует «земледелию». Как будто «дикари» с самого начала не были способны высевать семена!

Культивирование растений произошло постепенно из тесной связи, существовавшей между человеком и растительным миром. Такие связи возникли, вероятно (здесь нам не хватает доказательств), к ранним временам палеолита. Так как зубы гоминидов не похожи на зубы плотоядных, то эта связь с растениями может быть наследством наших предков-архантропов. Как бы то ни было, отношения с растительным миром стали более тесными, когда человеку пришлось приспособиться к условиям, доминирующим в эпоху, последовавшую за плейстоценом (иногда ее называют мезолитом).

В это время существовала, по-видимому, общая тенденция к большему потреблению растительной пищи, и люди, безусловно, научились всему тому, что они должны были знать о воспроизводстве растений, чтобы заниматься земледелием, основанным как на семенном, так и на вегетативном размножении. Так как эти знания были общими, то культивирование растений могло происходить почти в любом месте в любой период, как только человек решил выращивать растения для своих продовольственных нужд, получения текстильных волокон или ритуальных и магических действий. Археологические материалы позволяют предположить, что культивирование растений действительно началось приблизительно в одно время в различных точках земного шара. Они не подтверждают гипотезу, по которой было одно или несколько «открытий», за которыми последовало распространение земледелия по всему миру. Изложение противоположного мнения можно найти у Картера (Carter, 1977).

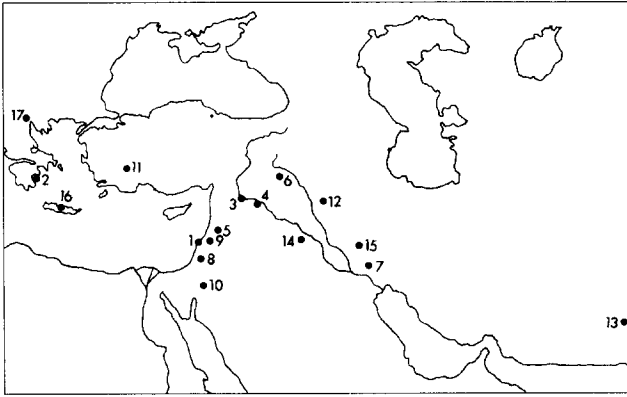
Если допустить, что охотники-собиратели были хорошими ботаниками, имели необходимые знания, чтобы выращивать съедобные растения когда хотели и где хотели, лишь бы для этого была достаточно благоприятная природная среда, то из этого следует, что *невозможно найти время и место зарождения земледелия*. Мы не в состоянии определить место его зарождения, поскольку различные опыты, которые человек проводил с растениями, проходили на огромных территориях на всех континентах. Имея дело с периодами в несколько тысяч лет, мы не можем определить время его зарождения. Нельзя даже определить, каким было земледелие до того как оно приняло свою окончательную форму.

Выращивание растений, не идущих в пищу, например табака, не оказывает видимого влияния на способ обеспечения пищей. Вырастить налетней стоянке некоторое количество растений, составляющее менее 5% продовольственных ресурсов, тоже не значит революционным образом изменить систему питания. Но именно это делали в течение многих тысячелетий индейцы древней Мексики. Они постепенно добавляли новые виды растений, становясь все более зависимыми от них. На какой стадии этой эволюции началось земледелие? Когда культурные растения обеспечивали пропитание на 15%, 20% или 50%? С некоторых пор археологи осторожнее, чем раньше, определяют границы между охотниками-собираателями и земледельцами, а многие сетуют на трудность и неуверенность в такой постановке вопроса (Bender, 1975; Bray, 1977; Hutterer, 1983; Moor, 1982). Сама суть проблемы исключает возможность действительно зафиксировать «момент», поскольку речь идет о процессах, длившихся тысячелетиями и продолжающихся сейчас.

Что же делать, если зарождение земледелия нельзя точно локализовать во времени и в пространстве? Мы можем *описать* его эволюцию, такой, какой нам ее показывают археологические свидетельства в различных частях мира, которые мы изучали. Мы можем также проанализировать характер различных процессов культивирования и сопоставить их с другими данными. Далее мы приведем некоторые примеры этой эволюции. Станет ясно, что многие вопросы, которыми мы задаемся, на самом деле лишены основания или вызваны нашим незнанием предыстории и ошибочной концепцией о происхождении земледелия. Будут сделаны также некоторые замечания по поводу культивирования растений.

ЗАПАДНАЯ АЗИЯ

В Западной Азии самые достоверные древние материалы, которыми мы располагаем, поставили такие стоянки, как Чайёноу, Рамад, Бейда, Али-Кош, Иерихон, Нагал-Орен, Хачилар, Мергар, Кан-Хасан III, Айн-Газал и др. (см. карту 35).

Карта 35. Стоянки Юго-Западной Азии и Юго-Восточной Европы, в которых найдены остатки окультуриваемых растений, датированные возрастом 8000 лет назад и ранее: 1 – Нагал-Орен; 2 – пещера Франтчи; 3 – Мурейбет; 4 – Телль-Абу-Хурейра; 5 – Телль-Асуад; 6 – Чайёно; 7 – Али-Кош; 8 – Иерихон; 9 – Рамад; 10 – Бейда; 11 – Хачилар; 12 – Джармо; 13 – Мергар; 14 – Букрас; 15 – Тепе-Туран; 16 – Кносс; 17 – Неа-Никомедия

Эти данные нам кажутся «достоверными», поскольку по крайней мере остатки некоторых растений, найденные на этих стоянках, имеют морфологию скорее окультуренных растений, чем их дикорастущих родственников. Увеличение числа обнаруженных предметов, связанных с земледелием, например жерновов или изношенных лезвий серпов, является значимым признаком, но не может служить доказательством окультуривания растений, так как этими предметами могли пользоваться для сбора и приготовления дикорастущих видов. Патология скелета и зубов также может дать необходимые сведения, поскольку развитие земледелия часто сопровождалось увеличением числа кариозных зубов, более быстрым их изнашиванием и расширением масштаба хронических заболеваний, оставивших следы на ископаемых костях и зубах. Внезапные изменения растительности, обнаруженные палинологическими исследованиями, могут быть истолкованы как показатели начала земледелия (Godwin, 1965), но маловероятно, что они когда-либо раскроют окончательную картину происхождения земледелия. Наиболее достоверными прямыми признаками являются те, которые поставлены морфология растений.

Легче всего распознать в ископаемых растениях следующие морфологические характеристики, свойственные культурным растениям.

1. Соцветия зерновых не подвержены самопроизвольному отделению зерен в период созревания.

А) Пшеница, ячмень и рожь имеют колосья; у дикорастущих видов членики на оси колоса разламываются, у окультуренных остаются нетронутыми. Ломающиеся естественным путем членики в основном гладкие, а у видов, не подверженных самопроизвольному разбрасыванию зерен, – разломы с разорванными краями.

Б) Овес, просо, лисохвост – все это метельчатые растения, колоски их метелок подвержены самопроизвольному отделению зерен у диких видов, а у культурных они отделяются не так легко. Колоски, в которых зерна отделяются естественным путем, имеют характерный след в том месте, где образовался разделительный слой. На оконечности ножки иногда имеется легко узнаваемое небольшое овальное отверстие, но отличить дикое растение от сорняка можно не всегда.

2. Величина и форма зерен.

А) У культурных растений зерна обычно большего размера, чем у дикорастущих, но не всегда, и тут надо быть очень осторожным. В некоторых случаях, например у бобов, проблем не возникает, у них зерна культурных видов можно узнать с первого взгляда.

Б) Зерна культурных видов могут быть более круглыми и наполненными или иметь другую форму, чем у дикорастущих. Когда семя обуглено – а зачастую это единственное состояние, в котором его находят, – происходит трансформация, которая может ввести в заблуждение. Во многих лабораториях специально обжигают семена, чтобы можно было их сравнить с найденными.

3. Стручки и коробочки не раскрываются.

А) Большинство диких плодов бобовых растений раскрываются в период зрелости, выбрасывая семена на некоторое расстояние от материнского растения. В этот момент стручок скручивается, так как у внутренней оболочки есть волокна, расположенные под углом к волокнам среднего и внешнего слоев, и их высыхание происходит неодновременно. Этого нет у культурных видов, где внутренняя оболочка меньше или совсем отсутствует.

Б) У растений с коробочками (леп, рапс, горчица, мак и др.) есть иногда грани или поры, которые не открываются в период созревания. Однако случается, что только часть собранных растений имеет такую особенность или она выражена не четко.

4. Иногда проявляются другие, более тонкие детали, например, надо учитывать особую морфологию некоторых культурных растений, таких как кукуруза.

Более подробно ознакомиться с этим вопросом можно благодаря специальным исследованиям (Harlan et al., 1973).

Следует также принимать во внимание географические и экологические условия. Естественная среда обитания для виноградника – районы средней влажности, и если находят виноградные косточки возле Мертвого моря или в Египте, то можно почти с уверенностью сказать, что они от окультуриванного винограда. Сикомор (*Ficus sycomorus*) не плодоносит в Египте, Леванте или Северной Африке, потому что там нет нужного особого вида ос. Все сикоморы в этих местах были высажены человеком.

В табл. 12 приведены сведения о некоторых древних стоянках с культурными растениями, а также о времени заселения этих стоянок; их местонахождения обозначены на карте 35.

Обитатели самых древних стоянок, таких как Мурейбет и Телль-Абу-Хурейра, широко пользовались плодами диких растений и, вероятно, начали окультуривать растения, которые сохраняли еще морфологию диких видов (Cauvin, 1977). Может быть, никогда не удастся правильно интерпретировать собранные данные. По тем материалам, которыми мы располагаем, представители натуфийской культуры (археологическая культура эпохи мезолита – 10–8 тыс. лет до наст. в. – в Палестине и Сирии. – Прим. ред.) не занимались земледелием, хотя их культура расцвела в эпоху, когда их соседи уже давно его применяли. Натуфийцы жили в зонах, где дикорастущие злаки давали большой урожай, и можно предположить, что у них не было необходимости специально выращивать растения (Perrot, 1966; Harlan, 1967).

Изучение более поздних стоянок указывает на значительный рост населения и распространение земледельческого комплекса в Западной Азии за пределы зоны первоначального расселения. С развитием орошения уклад жизни, свойственный деревенским земледельческим общинам, пришел на аллювиальные равнины Месопотамии, а также на берега Средиземного моря, Балканы, в долину Дуная и Рейна (Clark, 1965). 7000 лет назад он распространился на всю территорию, занимаемую сегодня пустыней Сахарой, пустил глубокие корни в Египте. Можно проследить, как земледелие прошло через Иран до Центральной Азии и долины р. Инд (Jarrige & Meadow, 1980).

Таблица 12. Стоянки Западной Азии, в которых найдены растительные остатки, датированные возрастом до 8000 лет тому назад и ранее

Периоды заселения, тыс. лет до наст. в. (данные радиоуглеродного анализа)	Стоянки	Виды растений	Ссылки (по основному автору, приведенному в библиографии)
16,8–15,8	Нагал-Орен (Кебара), Израиль	П2, в, дв, инжир, виноград	<i>Noy</i> , 1973
около 12,0	пещера Франтчи, Греция	я, о, ч, в, фисташки, миндаль	<i>Hansen</i> , 1978
около 8,0	пещера Франтчи, Греция	П2, Я, Ч, В, фистанки, миндаль	<i>Hansen</i> , 1978
11,0–10,0	Мурейбет, Сирия	п, я	<i>Van Zeist</i> , 1968
11,0–10,0	Тель-Абу-Хурейра, Сирия	п, я, ч, в, +	<i>Hillman</i> , 1975
9,8–9,0	Тель-Асуад, Сирия	П2, Я, Г, Ч	<i>Van Zeist</i> , 1979
9,5–8,5	Чайёню, Турция	п, П, п2, П2, Г, Ч, В, Л	<i>Van Zeist</i> , 1969
9,5–8,75	Али-Кош (В.М.), Иран	п, П, П2, я, Я?, Л	<i>Helbaek</i> , 1969
8,75–8,0	Али-Кош (В.М.), Иран	П2, Я, о	<i>Helbaek</i> , 1969
8,0–7,6	Али-Кош (В.М.), Иран	П2, Я, о	<i>Helbaek</i> , 1969
9,0–8,0	Иерихон, Палестина	П, П2, Я, Ч, В	<i>Hopf</i> , 1969
9,0–8,5	Рамад, Сирия	П, П2, БП, Я, Л, В, фисташки, миндаль	<i>Van Zeist</i> , 1966
9,0–8,5	Бейда, Иордания	П2, я, Я?, о, В	<i>Helbaek</i> , 1966
около 9,0	докерамический Хачилар, Турция	п, П2	<i>Helbaek</i> , 1966
8,8–8,5	Джармо, Ирак	п, П, п2, П2, Я, Г, Ч, В	<i>Helbaek</i> , 1969
8,5–8,0	Мергар, Пакистан	П, П2, БП, ююба, финики	<i>Jarrige</i> , 1980
8,5–8,0	Букрас, Сирия	П2, БП, Я, +	<i>Akkermans</i> , 1983
8,2–7,5	Тепе-Гуран, Иран	я, Я	<i>Renfrew</i> , 1969
около 8,0	Кносс (слой X), Греция	П, П2, БП, Я, Ч	<i>Evans</i> , 1968
около 8,0	Неа-Никомедия	П, П2, Я, о, В, Ч, Л, дуб, миндаль	<i>Renfrew</i> , 1979

Примечание: прописные буквы в столбце «Виды растений» обозначают культивируемые виды, строчные – дикорастущие виды; бп – безостая пшеница; в – вика; г – горох; дв – дикие виды; л – лен; о – овес; п – пшеница однозернянка; п2 – пшеница двузернянка; ч – чечевица; я – ячмень; + – сорняки, табак

Вопрос о «центре происхождения» земледелия полностью не решен. Вероятно, была очаговая зона вдоль хорошо орошаемых дубовых лесных массивов, простирающихся на средних высотах от Леванта до хребта Тавр, а затем к югу до гор Загроса. В этом районе сформировался земледельческий комплекс, который, как мы считаем, характерен для Западной Азии, откуда он и распространился. Но мы не знаем точно, как произошло его распространение. Были ли в это время у других народов иные, менее продуктивные формы земледелия? Представляется ли нам Западная Азия колыбелью земледелия просто потому, что в этом регионе сконцентрировались археологические работы? Может быть, мы снова становимся жертвами традиционной концепции, по которой земледелие – это «изобретение» или дар богов (Изиды, Деметры, Цереры)? Обязательно ли для земледелия единое место происхождения? Недавние раскопки дают нам возможность предположить, что в ту эпоху и обитатели Европы уже не довольствовались только охотой или сбором даров леса (*Renfrew*, 1970; *Bender*, 1975; *Hansen & Renfrew*, 1978).

КИТАЙ

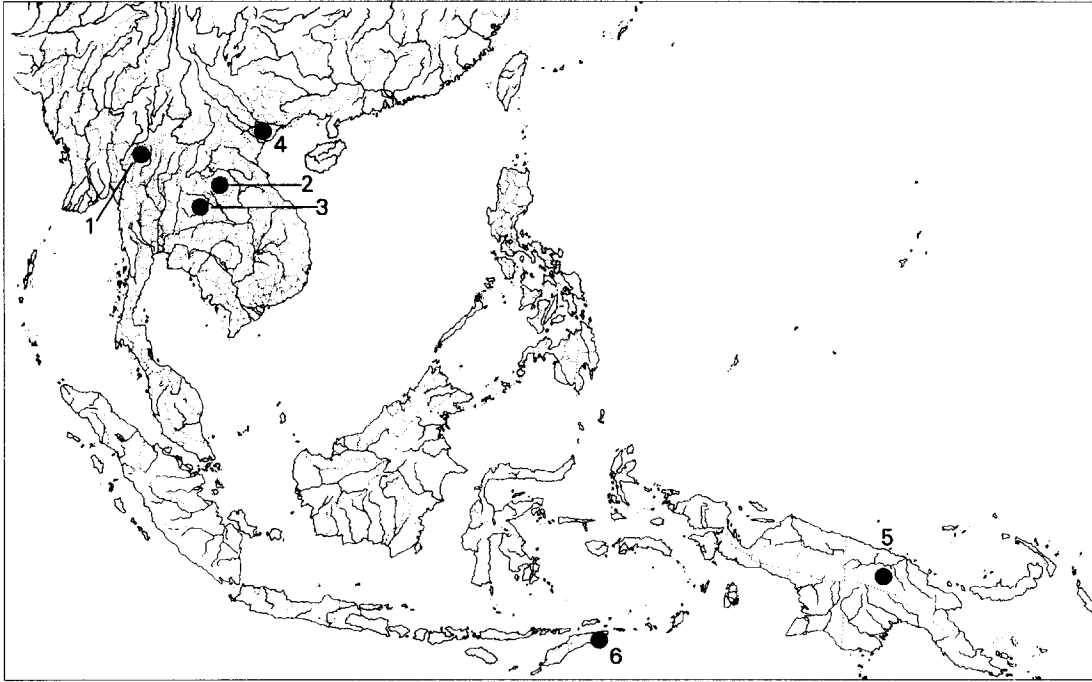
Север Китая также представляется центром распространения земледелия. Самые древние культуры эпохи неолита в Китае были недавно обнаружены в долине Хуанхэ: культура цишан (примерно 8000–7700 лет назад), культура пейлиган (8000–7500 лет) и культура дадиван (7800–7600 лет). Среди найденных свидетельств их занятий сельским хозяйством обнаружены ступы, дробилки, лопаты и серпы. В культуре цишан возделывали лисохвост (*Setaria italica*), в дадиван – просо (*Panicum miliaceum*) и рапс (*Brassica*) (см. гл. 46).

Эти три культуры являются предшественницами культуры яншао. Многочисленные деревни, относящиеся к этой культуре, были обнаружены на террасах лессовых

плато в районе, где текут р. Вэйхэ и Хуанхэ, т.е. в провинциях Шэньси, Шаньси и Хэнань. В этих деревнях хозяйство было основано на выращивании проса, а позже в некоторых из них возделывали и рис. Некоторые поселения занимали значительные площади, хорошо было развито гончарное дело. Из домашних животных разводили свиней, быков, овец, собак и кур. Насколько мы знаем, культура яншао была очень утонченной для эпохи начала земледелия. Она относится к концу VIII тысячелетия до н.э., следовательно, идет за первыми земледельческими сообществами Западной Азии (*Chang*, 1977).

Распространение земледелия из этого центра подтверждается более поздними стоянками, относящимися к культуре лоншан. Эти довольно многочисленные стоянки располагаются в прибрежных долинах в направлении к югу, вдоль побережья против о. Тайвань. Культура лоншан «проникла» через пролив и укоренилась на острове. Промежуточная культура – мяотикоу II (*Miao-ti-Kou*) пришла на смену культуре яншао и стала предшественницей культуры лоншан в районе, откуда пошло земледелие (*Chang*, 1977).

Возможно, что неолитические культуры севера Китая и получили развитие в этом районе, прежде чем распространиться дальше, но мы пока точно не знаем, каковы были способы выживания других китайских культур. Что-то происходило с одомашниванием растений и в Юго-Восточной Азии, но свидетельств тому очень мало. Культура тапъенкьен (*Ta-p'en-k'eng*) на юго-восточном побережье Китая характеризуется особой шнуровой керамикой, которая, возможно, как-то связана с хоабиньской культурой Вьетнама и Таиланда. Культура тапъенкьен считается почти современной культуре яншао, но ничто не указывает на то, что одна произошла из другой (*Chang*, 1977). История зарождения китайского земледелия безусловно окажется более сложной, чем та, которая она представляется нам сегодня. Недавно было обнаружено существование культуры хэмуту (*Ho-mu-tu*) на

Карта 36. Самые древние неолитические стоянки в Юго-Восточной Азии и южной части Тихого океана: 1 – Пещера Духов (*Spirit Cave*); 2 – Бан-Чьян; 3 – Нон-Нок-Тха; 4 – Хоабинь; 5 – Кук; 6 – пещеры Ли-Сири и Вай-Бобо (о. Тимор)

стоянке близ побережья у Чжэйянншен к югу от Шанхая, где нашли много остатков риса. Возраст стоянки примерно 7000 лет (Sun et al., 1981). В очередной раз археологические данные указывают на то, что зарождение земледелия – это явление, рассеянное во времени и пространстве.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ И ЮЖНАЯ ЧАСТЬ ТИХОГО ОКЕАНА

Основные стоянки этого региона обозначены на карте 36. Пещера Духов (*Spirit Cave*) содержала большое количество растительных остатков (Gorman, 1969). Нашли различные тропические растения, относящиеся к периоду 11500–7500 лет назад: *Aleurites*, *Canarium*, *Madhuca*, *Prunus*, *Terminalia*, *Castanopsis*, *Cucumis*, *Lagenaria*, *Trapa*, *Areca* и *Piper*. Наличие первоначально предполагавшихся средиземноморских видов *Pisum* и *Vicia* было затем опровергнуто географическими доводами и анализом адаптационных возможностей. Более поздние раскопки позволили дополнить этот список растениями, адаптированными к тропическому климату: *Celtis*, *Ricinus*, *Mamordica*, *Nelumbium*, *Trichosanthes* и *Luffa*. В соседних пещерах нашли остатки *Mangifera* и *Oryza*. Эти находки представляют особый интерес, поскольку до сих пор считалось, что растительные остатки не могли сохраниться в тропическом климате. Ничто, однако, убедительно не свидетельствует о том, что найденные остатки относятся к культурным растениям (Hutterer, 1983).

Пещеры Ли-Сири и Вай-Бобо на о. Тимор содержали остатки похожих растений, но с меньшим разнообразием видов. Остатки, датированные ранее 5000 лет, относятся к *Aleurites*, *Celtis*, *Areca*, *Piper* и *Coix*. Позже добавляются *Inocarpus*, *Bambusa*, *Lagenaria* и, может быть, *Setaria* (Glover, 1977; Hutterer, 1983). Стоянка Улу-Линг на юге о. Сулавеси содержала 6000 лет назад *Panicum*, *Ficus*, *Canarium* и *Bidens*, а также большое количество риса, но еще не определено, является ли этот рис диким или культурным (Glover, 1977).

Стоянка Хоабинь типична для стоянок, разбросанных по обширному региону; для них характерна технология, похожая на ту, которая наблюдается в Пещере Духов. Культура хоабинь основывалась на интенсивном сборе различных растений и на охоте. Очень возможно, что она дала начало неолитическим культурам, последовавшим за ней в этом регионе, – бан-чьян и нон-нок-тха. Датировка двух последних оказалась трудной, но, может быть, эта проблема решится путем сравнения со стоянкой Бан-Нади (Higham et al., 1982). Во всяком случае, имеющиеся данные совершенно не противоречат предположению об автономном развитии земледелия в Юго-Восточной Азии и на прилегающих архипелагах.

Земледелие, как предполагают, появилось очень рано в долине Кука в Новой Гвинее, где древние земельные образования со следами изменений были обнаружены под торфяными отложениями (Golson, 1984). Самые древние образования, датированные возрастом примерно 9000 лет, довольно нечетки, их трудно интерпретировать, однако в более молодых образованиях четко прослеживается форма приподнятых плато, окруженных дренажными или ирригационными рвами. Эти рвы тянутся на значительные расстояния, один из них имеет примерно 10 км в длину, 10 м в ширину и 1 м в глубину, т.е. представляет собой довольно основательное сооружение. В этом районе нашли также что-то похожее на свинарники, а так как свиньи в Новой Гвинее не являются местными животными, то, значит, они были завезены человеком. Мы не знаем, какие растения тогда возделывались, но физическая среда хорошо подходила культуре таро (*Colocasia*). Надо отметить, что австралийские аборигены, охотники-собиратели, тоже меняли, в сравнимом масштабе, древний ландшафт своей территории, вероятно, для ловли угрей (Lourandos, 1980).

В результате проведенных исследований складывается впечатление, что уже с конца плейстоцена в этом районе широко велось интенсивное экспериментирование с растительными ресурсами. Но было бы абсурдным пытаться определить, где и когда в этой части мира началось культивирование растений.

ИНДИЯ, ПАКИСТАН И БАНГЛАДЕШ

Последние данные указывают на то, что культивирование растений в Южной Азии началось в то же время, что и в Западной. На большей части Индии неолит современен харапской цивилизации (*Visbnu-Mitre*, 1977), а в некоторых южных районах он относится к более поздней эпохе (*Agrawal & Ghosh*, 1973). Однако в Белуджистане земледелие, в основном выращивание пшеницы, относится к 9000 лет назад (*Jarrige & Meadow*, 1980), а культура риса как основная в долине Белан – к 10000–9000 лет назад (*Sharma*, 1983). Кроме того, индийское происхождение имеют, конечно, баклажаны, сезам, возможно огурцы, различные виды проса, клубнеплоды, бобовые. Сахарный тростник Северной Индии может представлять собой независимый вариант окультуривания этого растения («благородные» виды сахарного тростника пришли все же из Новой Гвинеи). Но время и последовательность развития культур остаются пока неясными.

Возможно, что в Индии были народы, которые занимались земледелием и до разведения пшеницы и риса, в любом случае эти культуры в Южной Азии гораздо более древние, чем раньше считалось.

АФРИКА

Полный набор растений был одомашнен в Африке в районе южнее Сахары: зерновые, бобовые, клубнеплоды, масличные, плодовые, стручковые, прядильные культуры, лекарственные растения или используемые в ритуальных целях. Среди основных выращиваемых культур надо упомянуть сорго, просо обыкновенное и просо мелкое, земляной орех, африканский рис, африканский ямс, арбуз, орех кола, кофейное дерево и масличную пальму (*Harlan et al.*, 1976). Было опубликовано много результатов исследований ботанических и археологических данных (*Clark*, 1976; *Shaw*, 1976, 1977; *Phillipson*, 1982; *Harlan*, 1982), но, к сожалению, археология дает нам еще мало сведений об этапах культивирования растений в Африке. До сих пор земледельческие поселения, в которых проводились раскопки, были относительно поздними (*Close*, 1984), и у нас нет сведений о более древних периодах.

Самые древние остатки одомашненных растений – это зерна проса обыкновенного, обнаруженные в скальном укрытии в Эфиопии (*Phillipson*, 1977). Возраст семян точно не определен, но, по всей видимости, им 6000 лет. В целом надежные свидетельства производства растительной пищи относятся к более поздним периодам; в Южной Африке их связывают с поселениями железного века (*Phillipson*, 1982). Несомненно, дальнейшие исследования позволят выявить более древние свидетельства, но в настоящее время изучение культивирования растений в Африке опирается в основном на данные ботаники.

Все эти данные указывают на то, что выращивание растений проходило по всей ширине континента, от Атлантического океана до Индийского, к югу от Сахары и к северу от экватора. По меньшей мере три центра рассматривались как колыбель африканского земледелия: Эфиопия (*Vavilov*, 1926), излучина р. Нигер (*Murdock*, 1959) и Сахара (*Chevalier*, 1938; *Portères*, 1951). Ни одно из предположений не подкреплено фактами, хотя некоторые растительные виды культивировались в каждом из районов. Среди растений, по-видимому, эфиопского происхождения – абиссинские бананы, просо, кофейное дерево. Растения, происходящие из Западной Африки, но не всегда из центра в излучине Нигера, – рис, африканский ямс, сорго, гвинейское просо, окра, земляной

орех, масличная пальма и др. Про мелкое просо можно с уверенностью сказать, что оно было культивировано в Сахаре (*Brunken et al.*, 1977). Самая примечательная особенность культивирования растений в Африке – это отсутствие единого центра зарождения земледелия (*Harlan*, 1971; *Harlan et al.*, 1976). Привязать его к какому-либо определенному периоду времени тоже невозможно.

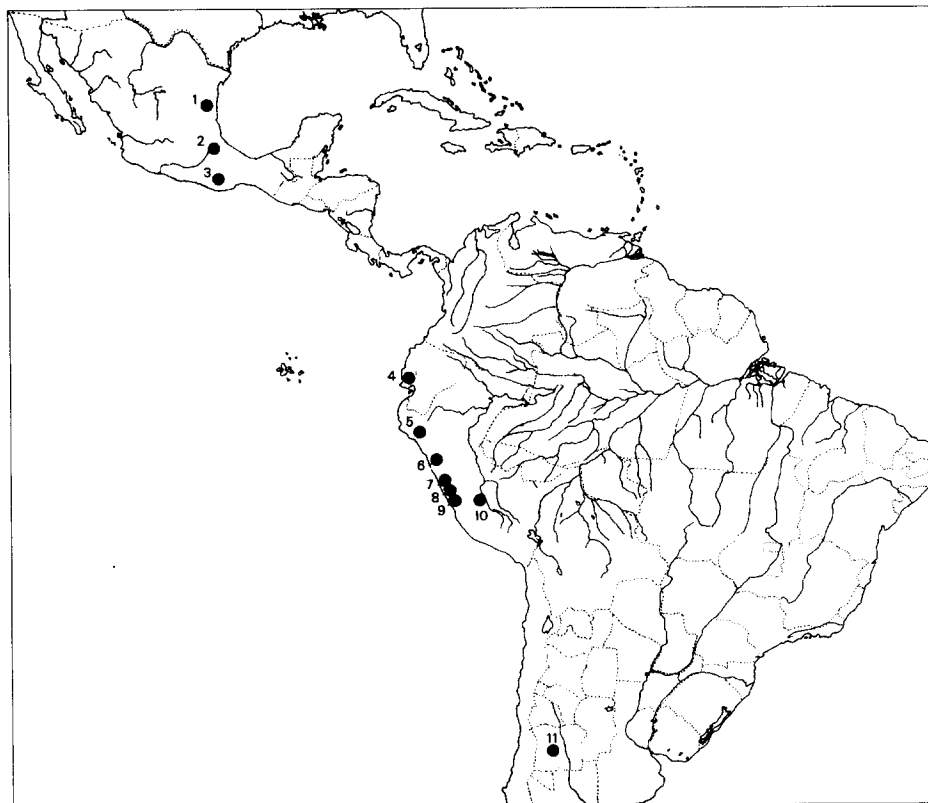
МЕЗОАМЕРИКА (карта 37, табл. 13)

Свидетельства о начале земледелия в Мезоамерике были найдены на мексиканских стоянках в штатах Тамаулипас (*MacNeish*, 1958), Пуэбла (*MacNeish*, 1967) и Оахака (*Flannery*, 1968). Брей (*Bray*, 1977) резюмирует исследования, проведенные на этих стоянках. Самые древние остатки не могли быть точно датированы, возможно, им 8000 лет в долине Теуакан, а в штате Тамаулипас они относятся к еще более ранней эпохе. Характерно, что эти археологические последовательности показывают, что в течение нескольких тысячелетий культурные растения составляли малую часть питания человека. Среди первых культивированных видов замечены разновидности *Cucurbita*, но они выращивались на небольших площадях на летних стоянках, когда дикорастущие виды давали обильные урожаи. Поэтому их разведение кажется скорее развлечением, чем необходимостью.

Незадолго до 7000 лет назад тыква, фасоль и кукуруза возделывались в долине Теуакан, но они обеспечивали лишь малую часть рациона. Если климат этого района не отличался от сегодняшнего, то маловероятно, что долина Теуакан находилась на магистральном пути развития земледелия. То же можно сказать и о долине Оахака. Земля в обеих долинах достаточно сухая, и без орошения ее трудно вводить в оборот. Растения, остатки которых нашли археологи, могли являться продуктами эволюции в более благоприятных условиях в других долинах.

Растительные остатки, собранные и идентифицированные в Теуакане, исключительно разнообразны. Около 18 видов растений, половина из которых культурные, были отнесены к фазе Коакскатлан (7000–5400 лет назад), когда сельское хозяйство начало становиться эффективным. Около 3500 лет назад, в фазу Ажалпан, к этим растениям добавились еще полдюжины культурных видов. Все три последовательных периода позволяют нам представить следующую картину: на раннем этапе население иногда выращивало несколько видов растений, которые мало влияли на их питание; затем постепенно, как бы нехотя, они принялись за другие виды растений, и только в третьей фазе земледелие получило, наконец, настоящее развитие. Первые земледельческие опыты проводились около 9000 лет назад, а по-настоящему эффективное земледелие развилось не ранее середины или конца девятого тысячелетия до наст. в. (*Bray*, 1977).

Мезоамерика проявляется также как центр земледелия, поскольку в этом относительно небольшом регионе развился сельскохозяйственный комплекс, который затем распространился за пределы региона. Но это распространение не всегда включало археологические культуры, которым одомашненные растения были совершенно неизвестны. Индейцы восточной части Северной Америки выращивали кабачки, бутылочную тыкву, табак, подсолнечник, а также, вероятно, *Iva*, *Phalaris* и *Cenopodium* еще до того как были ввезены из Мексики кукуруза и фасоль. К тому же различные культуры мезоамериканского земледельческого комплекса не распространялись одновременно. Фасоль (*Phaseolus vulgaris*) начали выращивать в долине Миссисипи после кукурузы, тогда как кабачки и тыквы там выращивали уже 6000 лет назад или даже раньше (*Stothers & Yarnell*, 1977).

Карта 37. Самые древние неолитические стоянки в Америке: 1 – пещеры Окампо, штат Тамаулипас, Мексика; 2 – долина Теуакан, Мексика; 3 – пещера Гуила Накуитс, штат Оахака, Мексика; 4 – стоянки Вальдивиа, Эквадор; 5 – Хуака-Приета, Перу; 6 – пещера Гуитарреро, Перу; 7 – стоянка Пампа, Перу; 8 – Анкон, Перу; 9 – Чилка, Перу; 10 – Аякучо, Перу; 11 – Грута-дель-Инддио, Патагония, Аргентина

ЮЖНАЯ АМЕРИКА (карта 37, табл. 13)

Начало культивирования растений в Южной Америке связывают с находкой в пещере Гуитарреро (Перу) фасоли обыкновенной (*Phaseolus vulgaris*) и лимской (*P. lunatus*), возраст которых датирован около 8000 лет (Kaplan et al., 1973). Эта пещера расположена в горной долине на западном склоне Анд, и чтобы найти дикорастущие виды, надо было добраться до средних высот на восточном склоне. Учитывая, что морфология этой ископаемой фасоли полностью совпадает

с морфологией культурного растения, и то, что она была обнаружена на большом расстоянии от своих диких видов, можно предположить, что культивирование растений началось в этом районе задолго до 8000 лет назад.

К сожалению, основные археологические исследования, проведенные до сих пор в Южной Америке, сконцентрированы лишь на побережье Тихого океана. На побережье Перу практически нет дождей, и остатки растений, тканей, предметов из перьев и человеческие останки хорошо сохраняются. Этот материал – прекрасный объект для

Таблица 13. Основные стоянки тропической Америки, в которых найдены растительные остатки, датируемые до 4000 лет до наст. в. и ранее (по Pickersgill & Heisen, 1977, с дополнением)

Период проживания, тыс. лет до наст. в.	Стоянки	Виды растений
10,7–9,8	пещера Гуила Накуитс, Оахака, Мексика	<i>Cucurbita pepo</i> (1 фрагмент зерна)
9,4–9,2	пещера Гуила Накуитс, Оахака, Мексика	<i>Cucurbita pepo</i> (зерна+черешки)
ок. 9,0	пещера Окампо, Тамаулипас, Мексика	<i>Lagenaria siceraria</i>
9,0–7,5	пещера Окампо, Тамаулипас, Мексика	<i>Phaseolus coccineus</i>
8,5–7,5	Теуакан, Пуэбла, Мексика	<i>Capsicum</i>
8,0–6,0	Перуанское побережье	<i>Lagenaria</i>
ок. 7,7	пещера Гуитарреро, Перу	<i>Phaseolus vulgaris</i> ; <i>Phaseolus lunatus</i>
ок. 7,5	Теуакан, Мексика	<i>Lagenaria</i> ; <i>Zea</i>
	Аякучо, Перу	<i>Lagenaria</i>
ок. 6,0	Тамаулипас, Теуакан, Мексика	<i>Phaseolus vulgaris</i>
ок. 5,5	Теуакан, Мексика	<i>Gossypium</i> ; <i>Amaranthus cruentus</i>
ок. 5,3	Реал-Альто (Вальдивиа), Эквадор	<i>Canna</i> ; <i>Canavalia</i> ; <i>Gossypium</i> ; <i>Zea</i>
ок. 5,3	Чилка (побережье Перу)	<i>Phaseolus lunatus</i>
ок. 5,3	Пампа (побережье Перу)	<i>Cucurbita ecuadoriense</i> ; <i>C. andreana</i> ; <i>C. ficifolia</i>
ок. 4,5	Анкон (побережье Перу)	<i>C. moschata</i>
	Хуака-Приета, Перу	<i>Phaseolus lunatus</i> ; <i>Capsicum</i> ; <i>Gossypium</i>
ок. 4,3	Хуака-Приета, Перу	<i>Canna edulis</i> ; <i>Ipomoea batatas</i>
ок. 4,0	Хуака-Приета, Перу	<i>Canavalia plagiospermum</i>

археологического изучения, в этом главная причина концентрации раскопок в данном районе. Но климат здесь слишком сухой, чтобы заниматься земледелием без орошения или увлажнения каким-либо другим способом. Побережье Тихого океана не было благоприятным местом для культивирования растений, и те, которые там обнаруживаются, – скорее результаты экспериментов, проводившихся где-то в других местах. Слишком мало стоянок было исследовано в хорошо орошаемых дождями сельскохозяйственных районах, чтобы мы могли отчетливо представить, как происходило культивирование растений в Южной Америке.

Самые древние остатки культурных растений, обнаруженные на побережье Тихого океана, происходят из поселений культуры Вальдивия в Эквадоре. Самые ранние (периода А) датированы возрастом около 5300–4300 лет назад (Damp et al., 1981; Damp, 1984). Найдены растительные остатки ачиры (*Canna*), *Canavalia*, бутылочной тыквы, хлопка, кукурузы. Если кукуруза – растение действительно мексиканского происхождения, как принято считать в настоящее время, то люди Вальдивии жили вдали от очагов зарождения земледелия в Латинской Америке. На более поздних стоянках перуанского побережья обнаружили также тыкву (*C. moschata*, *C. ficifolia*) и лимскую фасоль. Около 4000 лет назад к этому списку добавились еще чилийский перец (*Capsicum*), гуава (*Psidium*), земляной орех (*Arachis*), маниок, *Inga*, *Lucuma* и *Pachyrrhizus* (Rowe & Menzel, 1967). Более подробно об этом можно узнать в работах Хейзера (1979), который рассматривает происхождение некоторых американских растений.

Окультуривание растений происходило на большой территории Южной Америки. Земледелие высокогорных плато с преобладанием клубнеплодов было развито в Андах, от Боливии до Колумбии, но оно не было очень древним. Земляной орех (*Arachis*) возделывали, по всей видимости, в аргентинской провинции Жужуй или близ этого района. Маниок (кассава), вероятно, начали выращивать в экотоне саванна–лес. Окультуривание некоторых растений происходило также в Мезоамерике и Южной Америке. Во многих местах американского континента выращивались хлопок (два вида), чилийский перец (5), *Cucurbita* (5), *Phaseolus* (4), *Solanum* (4), *Annona* (7), *Chenopodium* (3), *Amaranthus* (3) и др. (Harlan, 1975).

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Все обнаруженные археологические последовательно-сти показывают, что земледелие развивалось медленно, и прошли многие тысячелетия между первыми попытками культивирования растений и установлением эффективной системы производства пищи. Некоторые специалисты связывают медленные темпы эволюции с генетическими признаками, присущими культивируемым видам: земледелие развивалось медленно, поскольку эти виды проходят медленную эволюцию (Bray, 1977). Недавние и проводимые в настоящее время опыты по культивированию растений и одомашниванию животных показывают, что эта гипотеза ошибочна. Действительно, в течение XX в. удалось культивировать и одомашнить многие новые виды растений и животных, и некоторые за очень короткий срок.

Размножение растений позволяет в определенных случаях провести «мгновенное культивирование». Виноград сорта «Конкорд» (*Vitis labrusca*), вот уже более ста лет очень популярный в Северной Америке, появился в 1843 г. в виде ростка на пастбище у Буля (Mr E. W. Bull) под г. Конкорд в штате Массачусетс. В результате селекции в 1849 г. он получил большое распространение (Hedrick, 1922). К 1869 г. Даунинг (A. J. Downing) насчитывал в Соединенных Штатах более 100 сортов винограда, выведенных от дикорастущих растений. Чаще всего пекан «с бумажной скорлупой» из семейства ореховых (*Carya pecan*), культивируемый в Соединенных Шта-

тах, – это просто продукт селекции на основе дикорастущих местных видов, произрастающих на низменностях южной части бассейна Миссисипи. Основную часть ежегодного урожая получают до сих пор от дикорастущих деревьев.

«Прибрежный» свиной (род многолетних трав семейства злаков. – Прим. ред.), или бермудская трава (*Cynodon dactylon*), – это простое растение, выведенное из популяции F1 гибридов, полученных скрещиванием прижившегося растения из штата Джорджия (США) и растения, ввезенного из Южной Африки. Оба исходных растения были неразвитыми дикорастущими разновидностями. Сейчас культурное растение выращивается на площадях в 4,5 млн. га. Вегетативное размножение позволило окультурить непосредственно с первого поколения некоторые декоративные виды растений: тюльпаны, ирисы, розы, клематисы, крокусы и др. Такое размножение обеспечивает получение культурных видов с первого поколения.

Каучуконосная гевея была окультурена только в начале XX в., хотя коренные американцы использовали ее уже с давних времен, может быть, даже несколько тысячелетий. На многих современных плантациях каждое дерево имеет три генотипа. Гибридный росток высокой продуктивности прививают на селекционные саженцы дикого вида, чтобы получить поверхность надреза, на которую, в свою очередь, прививают ростки, выведенные от диких деревьев, способных сопротивляться болезням. Поверхность надреза высокопродуктивного растения может дать количество латекса, во много раз превышающее то, которое получается от неселекционированных диких деревьев.

Какао, поступающее в торговлю в наше время, вырабатывается не из тех разновидностей культуры, которые когда-то выращивались индейцами Мезоамерики, а из дикорастущих какао-бобов северной части Южной Америки и Амазонии. А современный высокопродуктивный сорт клубники получен сравнительно недавно путём комбинирования диких пород из Канады, Вирджинии, Калифорнии и Чили (Wilhelm, 1974).

В период работы в Перте (Западная Австралия) проф. Гладстоунз (Gladstones, 1970, 1980) культивировал два вида люпина: *Lupinus angustifolius* и *L. consentinii*. В качестве исходного материала он взял дикие растения с самоосыпающимися при созревании колосьями. Их зерна были твердыми, темного цвета, «спящими» и содержали большое количество алкалоидов. Ему удалось вывести культурные растения, которые осыпаются сравнительно мало, имеют мягкие и «неспящие» светлые зерна с низким содержанием алкалоидов, а также растения с белыми цветами. Конечно, Гладстоунз ставил перед собой четкую задачу, знал основы генетики, имел доступ к большому количеству растений и использовал помощь своих коллег. Все это способствовало ускорению процесса развития, но тем не менее очевидно, что желаемые изменения возникают самопроизвольно и человеку необходимо лишь комбинировать их. Такие эксперименты были вполне доступны «примитивным» земледельцам, которые досконально знали выращиваемые ими растения.

Автор этой главы провел эксперимент по полукультуриванию нескольких многолетних трав, растущих на юге американских Великих Равнин. Поскольку эти травы предназначались для использования в качестве кормов, не было нужды добиваться их полного культивирования, а так как посевных семян часто не хватало, была создана лаборатория семян травы, выполнившая большой объем исследований по выращиванию и изучению характеристик семян.

При выращивании нескольких видов растений удалось получить злаков по тонне и более с гектара. Такой результат сравним с урожаем однолетних культурных хлебных злаков, который могли получать ежегодно сельскохозяйственные хозяйства, обеспечивавшие этим свое существование. Урожайность дикорастущих злаков часто недооценивается. Мы пришли к выводу, что сохраняемость семян может

быть значительно повышена при соблюдении простого условия – проведении жатвы в конце сезона, после того как большая часть семян уже осыпалась. Неосыпавшиеся колосья дали семена для следующего поколения. В случае с изученными зерновыми (ячмень, сорго, кукуруза, рис и т.д.) отсутствие осыпания семян в основном обеспечивается одним или двумя – тремя генами, любой из которых препятствует осыпанию.

Ростки из крупных семян могут пробиться с большей глубины, чем те, которые появились из мелких семян. Достаточно посадить семена на определенную глубину, чтобы сразу же избавиться от растений с очень мелкими семенами. Можно также быстро ослабить «сонливость» семян повторными засевами. Генотипы «спящих» семян не передадутся следующему поколению, в отличие от генов «неспящих» семян. Эти характеристики семян имеют наиболее важное значение для культивирования зерновых растений и подвержены, по-видимому, простому генетическому контролю или в большой мере могут наследоваться. Естественный цикл – от засева до сбора урожая – автоматически способствует селекции, выделяя типы растений для культивирования; было доказано, что этот процесс мог совершиться всего за несколько циклов (*Hiku & De Wet*, 1980; более подробно см.: *Harlan*, 1975; *Harlan et al.*, 1973).

Если способность растений к эволюции не сдерживала развитие земледелия, почему же оно так долго формировалось? Этот вопрос безусловно требует более глубокого рассмотрения, но ответ лежит скорее в поведении людей (*Bender*, 1978), чем в генетических реакциях культивируемых видов.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Процесс культивирования растений мог начаться в любом месте между 45 град. северной широты и 45 град. южной широты; на самом деле были экологические ограничения, которые задержали этот процесс более избирательным. Например, земледелие появилось позднее в травяных прериях с умеренным климатом. Несмотря на то что почвы там одни из самых плодородных в мире, слишком трудно их возделывать, пользуясь примитивными орудиями. Земледелие в прериях укоренилось лишь примерно в XIX в. В основном по тем же причинам люди избегали возделывать глинистые земли и влажные почвы умеренных регионов. Благоприятные для кочевого скотоводства полупустынные окраинные степи тоже не подходили для зарождающегося земледелия. Лишь очень немногие важные культивируемые виды растений можно отнести к таким типам окружающей среды (*Harlan*, 1981).

Тропические влажные («дождевые») леса представляют для человека трудную среду для проживания, даже сегодня в таких местах население немногочисленно. Леса с четко выраженными засушливыми и влажными сезонами, галерейные леса и экотопы «лес–саванна» намного благоприятнее для использования ресурсов и земледельческих новаций. Многие культурные виды растений тропических зон, особенно фруктовые деревья и съедобные корни, могли быть культивированы и в этой среде.

Самыми благоприятными для примитивного земледелия условиями были лесистые местности и саванны, где редко расположенные деревья и травяной покров, в основном трава, растут вместе.

Ключевая зона Западной Азии была в основном покрыта дубовыми лесами, хотя местами были кустарниковые заросли и чапараль (заросли засухоустойчивых вечнозеленых жестколистственных кустарников. – *Прим. ред.*).

Местное африканское земледелие – это земледелие саванн. Даже африканские рис и ямс, растущие сегодня в зоне влажных лесов, имели то же происхождение (*Harlan et al.*, 1976).

Специалисты не пришли к единому мнению относительно типа растительности, преобладавшей на севере Китая во время развития земледелия в период культуры яншао. Хо (*Ho*, 1977) описывает эту зону как полупустынную степь, богатую *Artemisia*, в то время как Чан (*Chang*, 1977) и др. утверждают, что она была покрыта лесами. Кажется маловероятным (если только климат с тех пор не изменился полностью), что лессовые плато были покрыты лесами, хотя, конечно, как и сегодня, по обрывистым склонам оврагов и по берегам рек росли деревья. Высокие равнины были, наверное, просто покрыты редкими лесами, но с уверенностью ответить на вопрос о растительности можно будет только на основе каких-либо новых данных. Что касается мезоамериканского земледелия, то по тем сведениям, которыми мы располагаем сегодня, сначала оно развивалось на лесистых пространствах типа саванны, но возможно, что все археологические исследования просто сосредоточились в этих районах.

Особое внимание географы уделяли берегам тропических рек. Это объясняется прежде всего влиянием работ Карла О. Сойера (*Sauer*, 1952), предположившего, что первые попытки культивирования растений были предприняты оседлыми группами рыбаков, живших в деревнях по берегам рек, в которых можно было ловить рыбу в течение всего года. Перестав кочевать и обеспечив себе пропитание, эти популяции действительно могли свободно проводить эксперименты с растениями.

Теория Сойера довольно логична, частично она основана на идее, что земледелию можно научиться или изобрести его. Сойер считал, что вегетативное размножение предшествовало выращиванию растений из семян, потому что ему было легче научиться. Еще не найдены археологические свидетельства, доказывающие, что земледелие зарождалось именно так, хотя практика, существовавшая в Новой Гвинее на болотистой местности Кук, могла подтвердить именно такой характер развития.

Но те сведения, которыми мы располагаем, позволяют предположить, что внешняя среда была настолько богата ресурсами, что земледелие развилось там позже и пришло извне. Леса умеренной зоны являются в этом отношении очень показательными, как это видно на примерах образа жизни японцев эпохи Дзёмон, индейцев западного побережья и восточной части Северной Америки, а также некоторых народов Европы эпохи мезолита. У японцев эпохи Дзёмон и индейцев побережья Тихого океана отмечался значительный демографический рост; они питались рыбой, корнями, желудями, орехами и другими продуктами, которые давала им природа, жили в деревнях и производили оригинальные предметы высокого качества, но до появления на их территории земледельческих племен продовольственные растения не выращивались. Индейцы Тихоокеанского побережья пытались, конечно, культивировать растения, выращивать местные разновидности табака, но эти оседлые рыбаки так никогда и не занялись земледелием по-настоящему.

Из общего обзора следует, что некоторые типы окружающей среды более благоприятны, чем другие, для культивирования растений и развития земледелия (*Harlan*, 1981). В местах с очень обильными ресурсами (леса умеренной зоны, некоторые саванны) у людей не было необходимости обрабатывать землю; в других местах (пустыни, степи, тайга) почвы неплодородны, а окружающая среда слишком неблагоприятна для оседлой жизни; были и такие зоны (прерии, влажные леса), в которых земледелие было бы слишком трудоемким. Самые подходящие для земледелия местности (лесистые пространства, саванны, экотопы «лес–саванна») начали использоваться примерно в одно время в различных частях света. Впечатление, что земледелие зародилось в нескольких центрах, возникает в основном из-за связи земледелия с этими экологическими условиями, а не с определенными знаниями, открытиями или их распространением.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AGRAWAL, D. P.; GHOSH, A. (eds) 1973. Radiocarbon and Indian Archaeology. Bombay.
- AKKERMANS, P. A. et al. 1983. Bouqras Revisited: Preliminary Report on a Project in Eastern Syria. Proc. Prehist. Soc., Vol. 49, pp. 335–72.
- BENDER, B. 1975. Farming in Prehistory: From Hunter-Gatherer to Food Producer. London.
- 1978. Gatherer-Hunter to Farmer: A Social Perspective. World Archaeol., Vol. 10, pp. 204–22.
- BERNDT, R. M.; BERNDT, C. H. 1951. Man, Land and Myth in Northern Australia. East Lansing.
- BRAY, W. 1977. From Foraging to Farming in Early Mexico. In: MEGAW, J. V. S. (ed.), Hunters, Gatherers and First Farmers beyond Europe. Leicester, pp. 225–50.
- BRUNKEN, J. N. DE WET, J. M. J.; HARLAN, J. R. 1977. The Morphology and Domestication of Pearl Millet. Econ. Bot. (Lancaster, Pa.), Vol. 31, pp. 163–74.
- CAMPBELL, A. H. 1965. Elementary Food Production by the Australian Aborigines. Mankind (Sydney), Vol. 6, pp. 206–11.
- CARTER, G. F. 1977. A Hypothesis Suggesting a Single Origin of Agriculture. In: REED, C. A. (ed.), Origins of Agriculture. The Hague, pp. 89–133.
- CAUVIN, J. 1977. Les Fouilles de Mureybet (1971–1974) et leur signification pour les origines de la sédentarisation au Proche-Orient. Ann. Am. Sch. Orient. Res. (Baltimore), Vol. 44, pp. 19–48.
- CHANG, K.-C. 1977. The Archaeology of Ancient China. 3rd edn rev. New Haven.
- CHEVALIER, A. 1936. Contribution à l'étude de quelques espèces africaines du genre *Discorea*. Bull. Mus. Hist. Nat. (Paris), 2nd series, Vol. 8, pp. 520–51.
- 1938. Le Sahara, centre d'origine de plantes cultivées. Soc. Biogéogr. Mém. (Paris), No. 6, pp. 307–22.
- CHRISTLE, A. 1968. Chinese Mythology. Fetham.
- CLARK, J. D. 1976. The Domestication Process in Sub-Saharan Africa with Special Reference to Ethiopia. In: HIGGS, E. (ed.), Colloque XX: origine de l'élevage et de la domestication. Nice. (IX Congrès de l'UISPP, Nice.)
- CLARK, J. G. D. 1965. Radiocarbon Dating and the Spread of Farming Economy. Antiquity, Vol. 39, pp. 45–8.
- CLOSE, A. E. 1984. Current Research and Recent Radiocarbon Dates from Northern Africa II. J. Afr. Hist., Vol. 25, pp. 1–24.
- COON, C. S. 1971. The Hunting Peoples. Boston.
- DAMP, J. E. 1984. Environmental Variation, Agriculture and Settlement Process in Coastal Ecuador (3300–1500 BC). Curr. Anthropol., Vol. 25, pp. 106–11.
- DAMP, J. E.; PEARSALL, D. M.; KAPLAN, L. T. 1981. Beans for Valdivia. Science (Washington), Vol. 212, pp. 811–12.
- DOWNING, A. J. 1869. The Fruits and Fruit Trees of America. New York.
- DRUCKER, P. 1963. Indians of the Northwest Coast. Garden City, NY.
- EVANS, J. D. 1968. Knossos Neolithic, Part II. Ann. Br. Sch. Archaeol. Athens (London), Vol. 63, pp. 239–76.
- FLANNERY, K. V. 1968. Archaeological Systems Theory and Early Mesoamerica. In: MEGGERS, B. J. (ed.), Anthropological Archaeology in the Americas. Washington, DC, pp. 67–87.
- GLADSTONES, J. S. 1970. Lupins as Crop Plants. Field Crop Abstr. (Farnham Royal), Vol. 23, pp. 123–48.
- 1980. Recent Developments in the Understanding, Improvement and Use of *Lupinus*. In: SUMMERFIELD, R. J.; BUNTING, A. H. (eds), Advances in Legume Science. Kew, pp. 603–11.
- GLOVER, I. C. 1977. The Late Stone Age in Eastern Indonesia. World Archaeol., Vol. 9, pp. 42–61.
- GODWIN, H. 1965. The Beginnings of Agriculture in Northwest Europe. In: HUTCHINSON, J. (ed.), Essays on Crop Plant Evolution, Cambridge, pp. 1–22.
- GOLSON, J. 1971. Australian Aboriginal Food Plants: Some Ecological and Culture – Historical Implications. In: MULVANEY, D. J.; GOLSON, J. (eds), Aboriginal Man and Environment in Australia. Canberra, pp. 196–238.
- 1984. New Guinea Agricultural History: A Case Study. In: DENOON, D.; SNOWDEN, G. (eds), A Time to Plant and a Time to Uproot: A History of Agriculture in Papua New Guinea. Institute of Papua New Guinea Studies, pp. 55–64.
- GORMAN, C. 1969. Hoabinhian: A Pebble–Tool Complex with Early Plant Associations in Southeast Asia. Science (Washington), Vol. 163, pp. 671–3.
- GREY, G. 1841. Journals of Two Expeditions of Discovery in Northwest and Western Australia during the Years 1837, 38 and 39. London. 2 vols.
- HANSEN, J.; RENFREW, J. M. 1978. Palaeolithic–Neolithic Seed Remains at Franchthi Cave, Greece. Nature (London), Vol. 271, pp. 349–52.
- HARLAN, J. R. 1967. A Wild Wheat Harvest in Turkey. Archaeology (New York), Vol. 20, pp. 197–201.
- 1971. Agricultural Origins: Centers and Noncenters. Science (Washington), Vol. 174, pp. 468–74.
- 1975. Crops and Man. Madison.
- 1981. Ecological Settings for the Emergence of Agriculture. In: THRESH, J. M. (ed.), Pests, Pathogens and Vegetation. London, pp. 3–22.
- 1982. The Origins of Indigenous African Agriculture. In: CLARK, J. D. (ed.), Cambridge History of Africa, Vol. I: From Earliest Times to C. 500 BC. Cambridge, pp. 624–57.
- HARLAN, J. R.; DE WET, J. M. J.; PRICE, E. G. 1973. Comparative Evolution of Cereals. Evolution, Vol. 27, pp. 311–25.
- HARLAN, J. R.; DE WET, J. M. J.; STEMLER, A. (eds) 1976. The Origins of African Plant Domestication. The Hague.
- HARRINGTON, J. P. 1932. Tobacco among the Karuk Indians of California. Bid. Smithson. Inst. Bur. Am. Ethnol. (Washington), Vol. 94, p. 284.
- HEDRICK, V. P. 1922. Cyclopedia of Hardy Fruits. New York.
- HEISER, C. B. 1979. Origins of Some Cultivated New World Plants. Annu. Rev. Ecol. Syst. (Palo Alto), Vol. 10, pp. 309–26.
- HELBAEK, H. 1966. Commentary on the Phylogenesis of *Triticum* and *Hordeum*. Econ. Bot. (Lancaster, Pa.), Vol. 20, pp. 350–60.
- 1969. Plant Collecting, Dry–Farming and Irrigation Agriculture in Prehistoric Deh Luran. In: HOLE, F.; FLANNERY, K. V.; NEELY, J. A. Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain: An Early Village Sequence from Khuzistan, Iran. Ann Arbor, pp. 383–426. (Mem. Mus. Anthropol., Univ. Mich., 1.)
- HIGHAM, C. F. W.; KIJNGAM, A.; MANLY, B. F. J. 1982. Site Location and Site Hierarchy in Prehistoric Thailand. Proc. Prehist. Soc., Vol. 48, pp. 1–27.
- HILLMAN, G. 1975. Plant Remains from Tell Abu Hureyra. Proc. Prehist. Soc., Vol. 41, pp. 80–3.
- HILU, K. W.; DE WET, J. M. J. 1980. Effect of Artificial Selection on Grain Dormancy in Eleusine (Gramineae). Syst. Bot. Monogr. (Ann Arbor), Vol. 5, pp. 54–60.
- HO, PING-TI. 1977. The Indigenous Origins of Chinese Agriculture. In: REED, C. A. (ed.), The Origins of Agriculture. The Hague, pp. 413–84.
- HOPF, M. 1969. Plant Remains and Early Farming at Jericho. In: UCKO, P. J.; DIMBLEBY, G. W. (eds), The Domestication and Exploitation of Plants and Animals. Chicago, pp. 355–60.
- HUTTERER, K. L. 1983. The Natural and Cultural History of Southeast Asian Agriculture: Ecological and Evolutionary Considerations. Anthropol., Vol. 78, pp. 169–212.
- JARDIN, C. 1967. List of Foods Used in Africa. Rome, FAO.
- JARRIGE, J. F.; MEADOW, R. H. 1980. The Antecedents of Civilization in the Indus Valley. Sci. Am., Vol. 243, No. 2, pp. 122–32.
- KAPLAN, L.; LYNCH, T. F.; SMITH, C. E., JR. 1973. Early Cultivated Beans (*Phaseolus vulgaris*) from an Intermontane Peruvian Valley. Science (Washington), Vol. 179, pp. 76–7.
- KLIMEK, S. 1935. Culture Element Distributions: I. The Structure of California Indian Culture. Am. Archaeol. Ethnol. (Berkeley), Vol. 37, pp. 1–70.
- LATHRAP, D. W. 1968. The 'Hunting' Economies of the Tropical Forest Zone of South America: An Attempt at Historical Perspective. In: LEE, R. B.; DE VORE, I. (eds), Man the Hunter. Chicago, pp. 23–9.
- LAWTON, H. W. et al. 1976. Agriculture among the Paiute of Owens Valley. J. Calif. Anthropol. (Banning, Calif.), Vol. 3, pp. 13–50.
- LEVI-STRAUSS, C. 1950. The Use of Wild Plants in Tropical South America. In: STEWARD, J. (ed.), Handbook of South American Indians. Washington, DC, Vol. 6, pp. 465–86. (Bull. Smithson. Inst. Bur. Am. Ethnol., Vol. 143.)
- LOURANDOS, H. 1980. Change or Stability? Hydraulics, Hunter–Gatherers, and Population in Temperate Australia. World Archaeol., Vol. n, pp. 245–64.

- MACNEISH, R. S. 1958. Preliminary Archaeological Investigations in the Sierra de Tamaulipas, Mexico. *Trans. Am. Phil. Soc. (Philadelphia, Pa.)*, NS, Vol. 48, No. 6.
- 1967. Summary of the Subsistence. In: BYERS, D. S. (ed.), *The Prehistory of the Tehuacan Valley*, Vol. 1: Environment and Subsistence. Austin, pp. 290–309.
- MCCARTHY, F. D. 1957. *Australia's Aborigines, Their Life and Culture*. Melbourne.
- MOORE, A. M. T. 1982. Agricultural Origins in the Near East: A Model for the 1980s. *World Archaeol.*, Vol. 14, pp. 224–36.
- MURDOCK, G. P. 1959. *Africa, Its Peoples and their Culture History*. New York.
- NOY, T.; LEGGE, A. J.; HIGGS, E. S. 1973. Recent Excavations at Nahal Oren, Israel. *Proc. Prehist. Soc.*, Vol. 39, pp. 75–99.
- PERROT, J. 1966. Le Gisement Natoufien de Mallaha (Eynan), Israel. *Anthropologie (Paris)*, Vol. 70, pp. 437–84.
- PHILLIPSON, D. W. 1977. The Excavation of Gobedra Rock–Shelter, Axum: An Early Occurrence of Cultivated Finger Millet in Northern Ethiopia. *Azania (Nairobi)*, Vol. 12, pp. 53–82.
- 1982. Early Food Production in Sub-Saharan Africa. In: CLARK, J. D. (ed.), *Cambridge History of Africa*, Vol. 1: From Earliest Times to C. 500 BC. Cambridge, pp. 770–829.
- PICKERSGILL, B.; HEISER, C. B. JR. 1977. Origins and Distribution of Plants Domesticated in the New World Tropics. In: REED, C. A. (ed.), *Origins of Agriculture*. The Hague, pp. 803–35.
- PORTÈRES, R. 1951. Géographie alimentaire, berceaux agricoles et migration des plantes cultivées en Afrique intertropicale. *C. R. Soc. Biogéogr. (Paris)*, No. 239, pp. 16–21.
- RENFREW, C. 1970. Tree-ring Calibration of Radiocarbon: An Archaeological Evaluation. *Proc. Prehist. Soc.*, ol. 36, pp. 280–311.
- RENFREW, J. M. 1969. The Archaeological Evidence for the Domestication of Plants: Methods and Problems. In: UCKO, P. J.; DIMBLEBY, G. W. (eds), *The Domestication and Exploitation of Plants and Animals*. Chicago, pp. 149–72.
- 1979. The First Farmers in South East Europe. In: KÖRBER–GROHNE, U. (ed.), *Festschrift Maria Hopf*. Cologne, pp. 243–65.
- ROWE, J. H.; MENZEL, D. 1967. *Peruvian Archaeology*. Palo Alto, Calif.
- SAUER, C. O. 1952. *Agricultural Origins and Dispersals*. Cambridge, Mass.
- SHARMA, G. R. 1983. Beginnings of Agriculture: New Light on the Transformations from Hunting and Food Gathering to the Domestication of Plants and Animals. *J. Cent. Asia (Islamabad)*, Vol. 6, No. 1, pp. 51–64.
- SHAW, T. 1976. Early Crops in Africa: A Review of the Evidence. In: HARLAN, J. R.; DE WET, J. M. J.; STEMLER, A. E. L. (eds), *Origins of African Plant Domestication*. The Hague, pp. 107–53.
- 1977. Hunters, Gatherers and First Farmers in West Africa. In: MEGAW, J. V. S. (ed.), *Hunters, Gatherers and First Farmers beyond Europe*. Leicester, pp. 69–125.
- STEWART, J. H. 1934. *Ethnography of the Owens Valley Paiute*. Am. Archaeol. and Ethnol. (Berkeley), Vol. 33, pp. 233–340.
- 1941. Culture Element Distributions: XIII Nevada Shoshoni. *Univ. Calif. Anthropol. Rec.*, Vol. 4, pp. 209–359.
- STOTHERS, D. M.; YARNELL, R. A. 1977. An Agricultural Revolution in the Lower Great Lakes. In: ROMANS, R. C. (ed.), *Geobotany*. New York, pp. 209–32.
- SUN, XIANG–JUN; DU, NAI–QIU; CHEN, MING–HONG. 1981. The Palaeovegetation and Palaeoclimate during Time of Homudu People. *Acta Bot. Sin. (Beijing)*, Vol. 23, No. 2, pp. 146–51.
- TINDALE, N. B. 1974. *Aboriginal Tribes of Australia*. Berkeley.
- VAVILOV, N. I. 1926. *Studies on the Origin of Cultivated Plants*. Leningrad, Inst. Appl. Bot. Genet. Pl. Breed.
- VEGA, G. DE LA. 1961. *The Royal Commentaries of the Inca Garcilaso de la Vega*. New York.
- VISHNU–MITTRE. 1977. Changing Economy in Ancient India. In: REED, C. A. (ed.), *Origins of Agriculture*. The Hague, pp. 569–88.
- WALKER, D. 1972. *Bridge and Barrier: The Natural and Cultural History of Torres Strait*. Canberra.
- WHITE, J. P. 1971. New Guinea and Australian Prehistory: The Neolithic Problem. In: MULVANEY, D. J.; GOLSON, J. (eds), *Aboriginal Man and Environment in Australia*. Canberra, pp. 182–85.
- WILHELM, S. 1974. The Garden Strawberry: A Study of its Origin. *Am. Sci. (New Haven)*, Vol. 62, pp. 264–71.
- YANOVSKY, E. 1936. *Food Plants of the North American Indians*. (USDA Misc. Publ., 237.).
- ZEIST, W. VAN. 1972. Palaeobotanical Results of the 1970 Season at Cayönü, Turkey. *Helinium (Wetteren)*, Vol. 12, pp. 1–19.
- 1976. On Macroscopic Traces of Food Plants in Southwestern Asia (With Some Reference to Pollen Data). *Phil. Trans. R. Soc. (London)*, B, Vol. 275, pp. 27–41.
- ZEIST, W. VAN; BAKKER–HEERES, J. A. H. 1979. Some Economic and Ecological Aspects of the Plant Husbandry of Tell Aswad. *Paléorient*, Vol. 5, pp. 161–7.
- ZEIST, W. VAN; BOTTEMA, S. 1966. Palaeobotanical Investigations at Ramad. *Ann. archéol. arab. syr.*, Vol. 16, pp. 179–80.
- ZEIST, W. VAN; CASPARIE, W. A. 1968. Wild Einkorn and Barley from Tel Mureybet in Northern Syria. *Acta Bot. Neerl. (Amsterdam)*, Vol. 17, pp. 45–55.

ОДОМАШНИВАНИЕ ЖИВОТНЫХ

от начала производства пищи до 5000 лет назад: общий обзор

Шандор Бёкёни

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОДОМАШНИВАНИЯ

Неолит характеризуется не столько переходом от оббитого камня к шлифованному или присутствием/отсутствием глиняных изделий, сколько переходом от хозяйствования, основанного на охоте, рыболовстве и собирательстве, к производству пищи и способу хозяйствования, основанному на таком производстве. Это изменение является основным в «неолитической революции» – понятии, введенном Гордоном В. Чайлдом (*Cbilde*, 1957) для обозначения количественного скачка, наблюдаемого не только в орудиях, но и в использовании творческого потенциала всего общества, т.е. в социальном производстве, хотя новая общественная форма как таковая и не появляется.

Одомашнивание животных и окультуривание диких растений – это один из решающих элементов неолитической революции, поскольку они привели к преобразованию, сущность которого заключается в переходе от охоты, рыболовства и собирательства к производству пищи (от простого использования природных возможностей к активному вмешательству в процесс воспроизводства через окультуривание растений и разведение скота).

Одомашнивание животных является процессом, при котором человек содержит и приручает некоторые особи какого-либо вида животных, проявляющих особые психологические черты, вырывает их из естественной для них среды или из первоначального стада, помещает под свое наблюдение, для собственной выгоды контролирует их размножение, обеспечивает животным питание и защиту (*Bökönyű*, 1969, p. 219).

Процесс этот длительный и сложный. Чтобы одомашнить животных, человек должен был накопить опыт и знания десятков тысяч поколений охотников в области анатомии, биологии, психологии поведения и т.п. многих видов диких животных. К тому же само одомашнивание не могло произойти за время жизни одного поколения животных, для него нужны были многие, иногда до тридцати поколений.

Рассматривая подробнее это определение, мы видим, что для одомашнивания животного человек должен был сначала его поймать. И древний, и современный опыт

показывает, что приручить можно только молодых животных, следовательно, и ловить надо было только их. На стоянках Европы и Западной Азии, где в крупных масштабах подтверждено одомашнивание многих видов, животные в этом процессе представлены почти исключительно ископаемыми остатками взрослых особей. У этого есть простое объяснение: молодых животных не забивали, а только захватывали; взрослых же особей забивали не только для того, чтобы иметь мясо, но и чтобы отнять у них детенышей.

Любое пойманное животное, если его хотели сохранить, следовало обязательно приручить, иначе его агрессивность могла стать источником опасности. Чаще всего в этом не было большой трудности – терпение и индивидуальная забота приводили к тому, что любое молодое животное, даже хищное, становилось покорным, что не обязательно означало, что впоследствии его можно было одомашнить в полном смысле этого слова.

Обязательным элементом приведенного выше определения является то, что только особи вида, обладающие некоторыми психологическими характеристиками, могут быть одомашнены. Закономерно возникает вопрос, каковы же эти характеристики, которые делают один вид более восприимчивым к одомашниванию, чем другой. Ответ на этот вопрос сложен. Прежде всего, стадный инстинкт является благоприятным, но не решающим фактором. Все те виды животных, которые сегодня одомашнены, вели стадный образ жизни, за исключением кошки, которая в силу своей склонности к одиночеству так и не была полностью приручена и частично сохранила свою независимость. Очевидно, стадные животные легче привыкают к новому стаду (например к домашнему) и даже к человеческому обществу. Однако не все стадные животные поддаются одомашниванию. Рисунки, сделанные в Древнем Египте, показывают, что попытки одомашнить некоторые виды антилоп (всегда стадных) оказались безуспешными.

Возможность одомашнивания стадных видов животных зависит не только от их места в систематизации. Так, например, зубр (дикий предок нашего домашнего быка) и бизон являются близкими видами как с точки зрения

таксономии, так и с точки зрения остеологии, однако только зубра удалось вырвать из дикой жизни. То же можно сказать о четырех разновидностях лошадей – лошадь, осел, онагр (жулан) и зебра: смогли одомашнить только двух первых. В настоящее время мы можем только сказать, что виды, поддающиеся одомашниванию, отличаются от других наличием или, наоборот, отсутствием одной (нескольких) психологических черт, природа которых неизвестна.

При одомашнивании животных человек вырывает некоторые особи из их привычной среды обитания и из их сообщества. Под средой обитания понимается та среда, которая лучше всего подходит для жизни данного вида с точки зрения почвы, климатических условий, растительности, существования видов-соперников, хищников и т.п. Человек вырывает животное из этой среды и помещает его в другое окружение, коренным образом отличное от прежнего. Происходит почти то же, что и при отделении домашних животных от их первоначальной группы, от того малого сообщества, в котором они выросли, чтобы поместить их в большое стадо, где они подвержены уже новым генетическим влияниям (посредством более или менее примитивной формы селекции – ранней кастрации, мер, препятствующих естественному отбору, и пр.). Поместив одомашненных животных под свое наблюдение и контролируя их размножение, человек радикально меняет социальную и сексуальную организацию диких животных.

Основным элементом нашего определения является однако то, что человек вмешивается в размножение пойманных животных и, следовательно, обеспечивает закрепление приобретенных поведенческих черт. В этом и состоит основное различие между приручением и одомашниванием: в первом случае речь идет только об одном поколении особей (одного вида), а во втором предполагается размножение в неволе: только при соблюдении таких условия возможно одомашнивание.

Кроме того, совершенно очевидно, что когда человек пытался одомашнить животных, он искал прежде всего свою личную выгоду, хотя в то же время кормил и охранял этих животных. Он стал одомашнивать животных не ради развлечения, а под влиянием жестких экономических причин; неудивительно, что он хотел извлечь из этого выгоду, но верно и то, что животные получили новые условия существования. Фактически, если бы не одомашнивание, некоторые виды животных просто бы исчезли. Одомашнивание проявляется, следовательно, как некий длительный симбиоз человека и некоторых видов животных. Оно дало начало скотоводству, прошедшему двухэтапную эволюцию: 1) содержание животного в неволе, 2) размножение его в неволе.

Содержание животного в неволе является начальной, зачаточной формой скотоводства, при которой еще нет осознанной селекции, а кормление скота не является качественно и количественно рациональным. Основные черты этого периода следующие: а) поголовье состоит из одной породы, очень разнообразно; б) одомашненные животные относятся к одному примитивному виду и по своим размерам значительно уступают диким сородичам. Но и на этой стадии проводится примитивная селекция: так, уже в эпоху неолита некоторые особи исключались (обычно в самом раннем возрасте) из процесса размножения – их кастрировали (быков) или забивали (баранов, козлов, кабанов). По всей видимости, в этом не было осознанной цели улучшить продуктивность (увеличить количество мяса и молока, повысить тягловую силу или скорость, получить шерсти больше или лучшего качества и т.д.), поскольку на первых этапах проследить за результатами невозможно.

Табл. 14 показывает как происходила неосознанная селекция.

Таблица 14. Распределение по возрасту и полу ископаемых остатков животных, найденных в Анзабетово – стоянке эпохи древнего и среднего неолита на территории бывшей Югославии (по Bökönyi, 1976b, p. 15) (в скобках – процент забитых особей, возраст которых определен)

Возраст особей	Самки	Самцы	Пол не определен	Всего
Молодые	0 (0)	33 (64,7)	4 (66,6)	37 (44,1)
1–2 года	22 (81,5)	14 (27,5)	1 (16,7)	37 (44,1)
Взрослые	5 (18,5)	4 (7,8)	1 (16,7)	10 (11,9)
Возраст не определен	43 (–)	19 (–)	4 (–)	66 (–)
Всего	70	70	10	150

Из табл. 14 видно, что скотоводы не убивали молодых самок, но забивали около 2/3 самцов того же возраста. Забитые самки были в большинстве в возрасте от 1 до 2 лет, поэтому потомство у них могло появиться только один раз. 1/4 самцов этой возрастной группы забивалась; менее 10% самцов и около 20% самок достигали взрослого возраста и составляли драгоценное поголовье производителей. Аналогичные наблюдения были проведены и на других неолитических стоянках.

Вторая фаза – уже собственно разведение скота – предполагается осознанный отбор и подходящее как в количественном, так и в качественном отношении кормление. Скотоводство появляется тогда, когда человек начинает заниматься отдельным одомашненным животным, а не стадом. Его основные характеристики следующие: а) существование в поголовье нескольких пород; б) увеличение размеров животных, а у некоторых видов (лошади, куры и т.п.), размеры даже больше, чем у диких сородичей; в) то же время появление карликовых видов; г) повышение продуктивности домашних животных.

Резкое сокращение поголовья диких животных в конце плейстоцена было, без сомнения, одним из основных факторов, приведших человека к одомашниванию, но нельзя с уверенностью сказать, что это произошло из-за того, что окружающая среда стала более засушливой. Одомашнивание тесно связано с оседлым образом жизни и другими аспектами неолитической революции. Но оседлость не является обязательным условием одомашнивания, которое может появиться – и действительно появлялось – и в обществах, не ведущих оседлый образ жизни, но только в крайних экологических условиях (например, кочевые племена одомашнили северного оленя), но в этом случае одомашнивание редко приводило к возникновению настоящего скотоводства, охватывающего многие виды.

Оседлость людей привела к одомашниванию животных или, наоборот, она явилась его следствием? На этот вопрос ответить с уверенностью невозможно. Впрочем, обе гипотезы не обязательно исключают одна другую. Трудно представить, как бы человек мог содержать в неволе, приручить и выращивать большое количество диких животных, не строя загонны или что-то похожее на стила, а такие постройки подразумевают закрепление, хотя бы временное, на каком-либо месте. И напротив, трудно представить, как крупная оседлая община могла бы прокормиться без домашнего скота, или хотя бы не начав контролировать стада диких животных, поддающихся одомашниванию.

Совершенно очевидно, что демографический пресс также сыграл значительную роль, явившись одним из решающих факторов перехода к производству пищи.

Увеличение численности населения требовало некоторых технологических новшеств, и одомашнивание

явилось одним из основных. Другие факторы, такие, как политическое напряжение, которое появляется, когда общество достигает более высокой стадии развития, притягательная сила имущества, которым располагают группы, уже вовлеченные в производство пищи, или просто копирование новых традиций были показателями лишь второго или даже третьего порядка значимости.

Однако невозможно объяснить, почему одна группа охотников одомашнила животных, в то время как другая, занимаясь теми же типами охоты, не сделала этого. Возможно, разница объясняется уровнем социально-культурного развития (Down, 1946, p. 42) или количеством дичи.

Одомашнивая животных, человек прежде всего старался оградить себя от превратностей охоты, поскольку с уменьшением численности диких животных вблизи поселений люди были меньше уверены в результатах охоты. С этой точки зрения первые одомашненные животные представляли собой лишь резервный запас свежей пищи, которым пользовались по мере надобности. (В то же время домашний скот был средством вложения и накопления богатств.) Доказательством этого служит то, что за дикими предками четырех из пяти одомашненных в эпоху неолита видов животных (дикий баран, безоаровый козел, дикий кабан и зубр) до одомашнивания охотились из-за их мяса и что во время неолита в пищу шло мясо всех одомашненных видов.

Одомашнивание могло, однако, служить и другим целям, в частности, поставлять жертвенных животных. Раскопки с очевидностью показали, что одомашненные быки приносились в жертву вместо диких зубров в Чатал-Хююке (Анатолия) в IX или VIII тысячелетии до н.э. (Mellaart, 1967); несколькими тысячами лет позже первые одомашненные собаки приносились в жертву на берегу Дуная в Лепенски-Вире в ущелье Железные Ворота (Srejovic, 1966, 1972; Bökönyi, 1970, p. 1703), не говоря уже о том, что собак хоронили вместе с человеком в Центральной Европе с мадленского периода (Nobis, 1981, p. 49; 1984, p. 73) и в Палестине в натуйфийскую эпоху (Davis & Valla, 1978, p. 608).

Различные бытовавшие традиции могли привести к попыткам (не всегда удачным) одомашнивания, например, очень древняя традиция, существующая и поныне, окружать себя любимыми животными, традиция индейцев Америки пасти антилоп, которые, впрочем, никогда не были по-настоящему одомашнены (Down, 1960, p. 43). Из всей охотничьей практики лишь наиболее эффективный вид охоты – на одно или несколько стад животных одного вида – приводил в большинстве случаев к одомашниванию (Pohlbausen, 1953, p. 67). Охотники следовали за стадами при их сезонной миграции, охраняли их от есте-

ственных врагов (включая другие группы охотников). По сути, они считали этих животных своей собственностью, вели что-то вроде примитивного скотоводства, занимались селекцией, которая заключалась прежде всего в том, что убивали лишних самцов. Затем они попытались ограничить сезонные перемещения стада (или стад), не вырывая животных из привычной среды обитания. И, вероятно, уже потом начали отлавливать молодых животных, чтобы их приручить, а потом и одомашнить. Есть примеры, подтверждающие эту теорию, в частности одомашнивание быка в Венгрии в среднем и позднем неолите (Bökönyi, 1959, p. 80; 1969, p. 222; 1974, p. 29) и в Иране в раннем неолите (Bökönyi, 1973a, p. 71; 1970, p. 20).

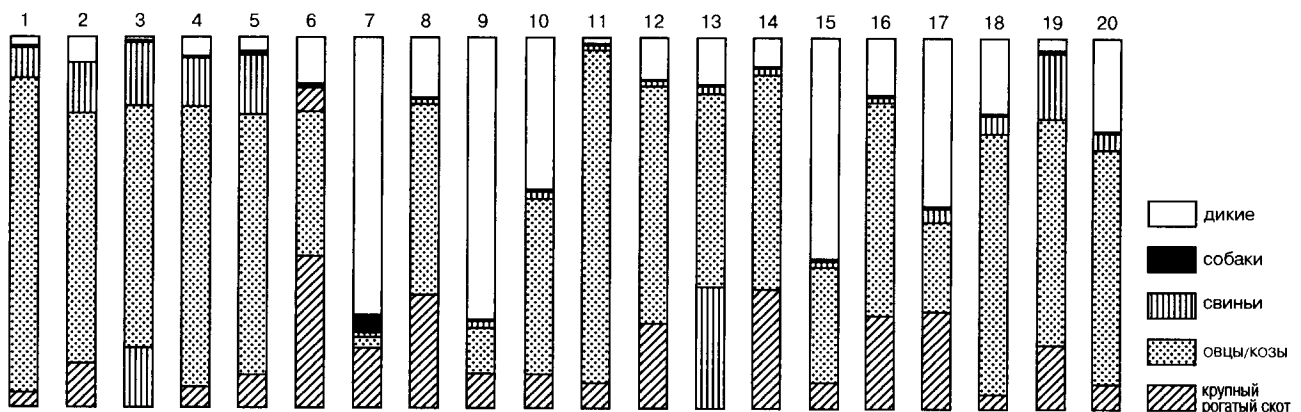
ИЗМЕНЕНИЯ, ВЫЗВАННЫЕ ОДОМАШНИВАНИЕМ

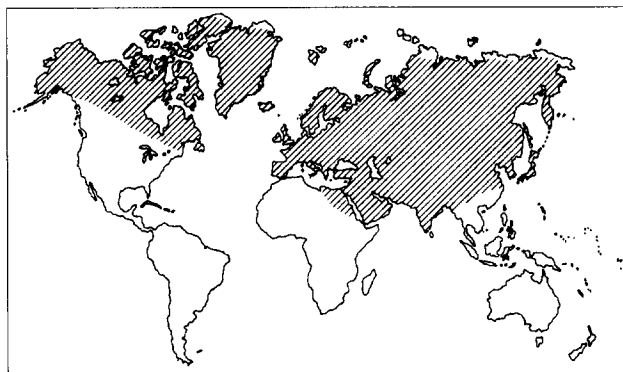
В нашем определении мы выделили то, что одомашнивание является формой особого симбиоза, благодаря которому осуществлялось взаимное влияние людей и животных. Так как влияние человека было сильнее, одомашненные животные претерпели значительные изменения. Впервые они были подробно изучены Дарвиным (Darwin, 1868), показавшим, что одомашненные виды должны были приспосабливаться к ряду новых условий, повлекших за собой существенные изменения. Фактически у этих животных нет ни одного органа или части тела, которые не отреагировали бы на новые условия.

Изменчивость одомашненных видов значительно выше, чем диких. Это явление, наблюдаемое у всех животных, лежит в основе чрезвычайного разнообразия, отмечаемого у многих домашних видов. Уже Дарвин знал более 150 разновидностей домашних голубей, сейчас насчитывают более 300 пород собак и более 500 разновидностей домашних кроликов. К тому же у одомашненных видов эволюция происходит гораздо быстрее, значит, гораздо быстрее развиваются новые разновидности. Мутации, также более частые у домашних видов, вызывают радикальные изменения или позволяют совершенно по-новому использовать животное.

Среди этих изменений, вызываемых одомашниванием, самыми интересными, безусловно, являются так называемые параллельные изменения, которые произошли если и не у всех, то по крайней мере у многих домашних видов. Отмечается уменьшение роста (на этом основании на доисторических стоянках с уверенностью можно отличить кости первых одомашненных животных от диких), изменения в пропорциях тела, укорачивание черепа (иногда

Таблица 15. Распределение видов в фауне раннего неолита в Южной Европе. Греция: 1 – Аргисса-Магула; 2 – Неа-Никомедия; 3 – Кнос; 4 – Ахилейон; бив. Югославия: 5 – Анзабегово I-III; 6 – Дивостин; 7 – Лепенски-Вир III; 8 – Михайловач-Кнейпиште; 9 – Носа-Гйёнгипарт; 10 – Лудаш-Буджак; Венгрия: 11 – Эндрёл-35; 12 – Эндрёл-39; 13 – Шарвас-8; 14 – Шарвас-23; 15 – Рёске-Лудвар; 16 – Шольнок-Шанда; 17 – Шентпештерш; Южная Италия: 18 – пещера Скалория; 19 – Рендина; Южная Франция: 20 – пещера Сен-Пьер-де-ла-Фаж

Карта 38. Территории распространения волка

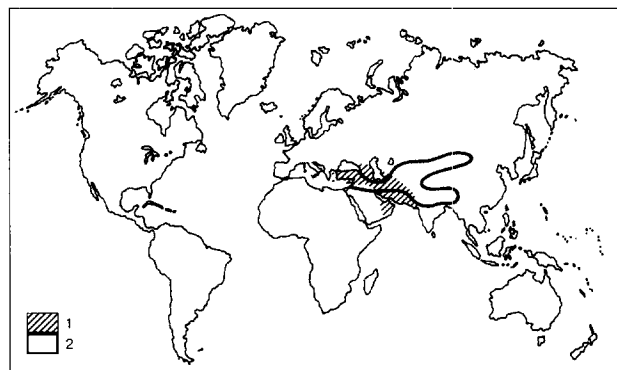
появляется вогнутый профиль), в частности частей морды, более плотное расположение малых коренных зубов (а также исчезновение первого нижнего коренного зуба и уменьшение третьего нижнего коренного зуба). К другим изменениям относятся закручивание рогов, даже их полное исчезновение, изменения формы и тонкой структуры костей, утоньшение поверхностного слоя кожи, связанное с общим или местным накоплением жира, утоньшение шерстного покрова наряду с исчезновением окраски или, напротив, появление различных ее видов. Самым важным изменением в последнем случае явилось появление длинной шерсти под воздействием внезапной мутации, что остановило ежегодные изменения волокон. Одомашнивание вызвало множество изменений внутренних органов животных, их биологии, физиологии, психологии, поведения и даже патологий (некоторые болезни связаны с одомашниванием).

ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ОДОМАШНИВАНИЯ В ЕВРОПЕ И ЮГО-ЗАПАДНОЙ АЗИИ

Сегодня становится все более очевидно, что одомашнивание не распространилось из какого-то единого центра. Везде, где люди достигали некоторого уровня хозяйственного и культурного развития, они начинали одомашнивать местных диких животных. Таким образом, можно предположить, что одновременно существовало много независимых очагов одомашнивания. Одомашнивание различных видов могло происходить внутри ареалов проживания животных в диком виде сразу в нескольких местах; очень вероятно, что поселения, которые считаются колыбелью одомашнивания того или иного вида, обязаны своей репутацией только тому, что в этих местах велись более тщательные археологические раскопки или просто благодаря случайной находке.

С появлением первых домашних животных процесс не закончился. Роль одомашнивания в увеличении поголовья скота была основной не только на протяжении всего неолита, но и в последующие доисторические эпохи, а также в средние века, особенно когда эпизоотии уменьшали или совершенно уничтожали поголовье скота в каком-либо районе. По сути дела, в некоторых частях света одомашнивание продолжается и в наши дни.

Долгое время считалось установленным, что одомашнивание животных началось на заре неолита, но затем многочисленные наблюдения показали, что оно восходит к мезолиту и даже к концу палеолита. Очевидно, однако, что если отдельные попытки приручить и заставить животных жить в неволе и имели место в эти два последних периода, это не привело к настоящему разведению домашних видов. Общим для этих попыток было то, что они были

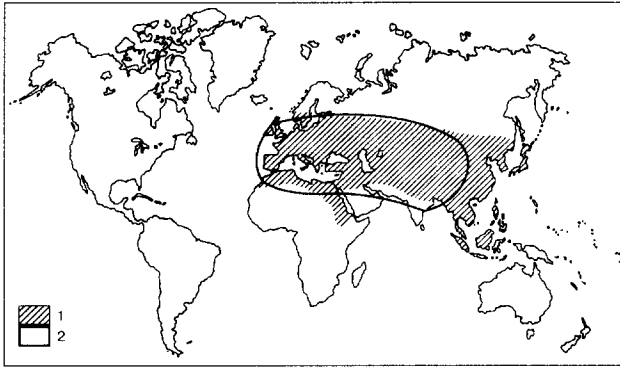

Карта 39. Территории распространения животных: 1 – безоаровый (бородатый) козел; 2 – дикий баран

направлены на одомашнивание собаки или (реже) свиньи: эти животные имеют пищевой режим, сходный с режимом человека, и могут питаться остатками с его стола (Turnbull & Reed, 1974, p. 84; Bökönyi, 1976a, p. 20; Nobis, 1984, p. 74). Но первые попытки зашли в тупик, так как одинаковые пищевые потребности человека и животного в конечном счете стали препятствием для одомашнивания этих животных в большом масштабе.

Западная Азия в древние времена была идеальным местом для развития одомашнивания. Во-первых, там в диком состоянии проживали все пять затем одомашненных в неолите видов животных. Во-вторых, присутствие в этом регионе баранов и диких коз было большим преимуществом, так как эти два вида лучше, чем другие, поддаются одомашниванию, поскольку: а) как жвачные они едят корм, богатый целлюлозой (т.е. продукты примитивного земледелия – солому и сено), следовательно, обеспечивают человека мясом, потребляя продукты, не пригодные ни для человека, ни для собаки и свиньи; б) это некрупные животные, и человек может их ловить и содержать без серьезной для себя опасности; в) на данной примитивной стадии скотоводства исключительная неприхотливость этих животных в пище могла быть большим преимуществом. В-третьих, в Западной Азии было много дикорастущих злаков, их окультуривание началось примерно в то же время, что и одомашнивание животных, и оба вида хозяйствования развивались вместе. Конечно, три из пяти одомашненных в неолите животных – собака, бык и свинья – могли быть одомашнены также и в других регионах, где водились их дикие виды, например в Европе (см. табл. 15), но ее недостаточное хозяйственное и культурное развитие в те времена привело только к попыткам одомашнить собаку.

По последним имеющимся у нас сведениям, пять одомашненных в неолите видов появились в следующем порядке: первой одомашнили собаку, ее дикого предка – волка (карта 38); самые древние остатки собаки были найдены на северо-востоке Ирака на стоянке в пещере Палегавра и датированы периодом Зарза, т.е. концом плейстоцена, около 14000 лет назад (Turnbull & Reed, 1974, p. 84). Самыми древними следами одомашнивания барана (карта 39) являются, вероятно, остатки, найденные в пещере Зави-Шеми-Шанидар в горах Загрос, тоже на северо-востоке Ирака, они относятся к началу одиннадцатого тысячелетия до наст. в. (Perkins, 1964, p. 1565), но первые костные остатки, принадлежащие, без сомнения, домашним овцам, найдены в Али-Кош, на западе Ирана, и датируются примерно 9500–8750 лет назад (Hole & Flannery, 1976, p. 171). В двух стоянках на западе Ирана – Азиаб и Ганж-Дарех в районе г. Керманшах – были найдены остатки домашней козы (карта 39), их возраст 10000 лет (Bökönyi, 1973a, p. 71; 1977, p. 19; Perkins, 1973, p. 279); остатки домашних коз,

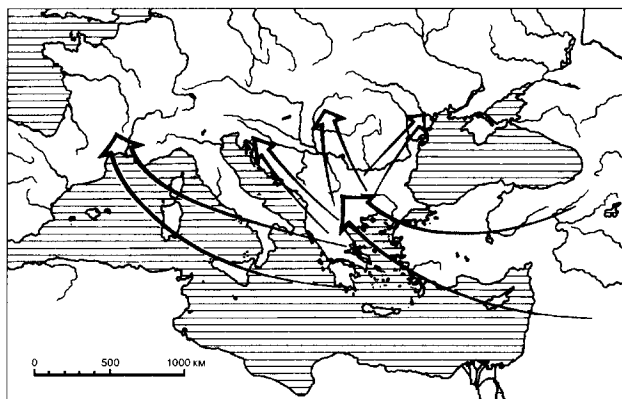

Карта 40. Территории распространения дикого кабана (1) и зубра (2)

относящиеся к тому же периоду, были найдены также под Арихой (Иерихоном) (Clutton-Brock, 1971, p. 48) и в Али-Кош (Hole & Flannery, 1976, p. 171). Для сравнения укажем, что самые древние кости домашней свиньи, которые датируются возрастом около 8750 лет (Stampfli, 1983, p. 454), были обнаружены в Калаат-Джармо на северо-востоке Ирака (карта 40), а домашний бык (карта 40) появляется впервые в Чатал-Хююк в Анатолии (Турция) около 8400 лет назад (Perkins, 1969, p. 177).

Таким образом, все пять видов домашних животных эпохи неолита в различных сочетаниях существовали уже в середине девятого тысячелетия до наст. в. Одновременное присутствие всех пяти видов подтверждается в настоящее время только примерно с восьмого тысячелетия (карта 41) (Bökönyü, 1976a, p. 22; 1978, p. 57; 1984, p. 27).

Довольно любопытно то, что эта фауна из пяти видов одомашненных в неолите животных обнаружена на юго-востоке Европы и старше указанной на 500 лет: она относится примерно к 8500 лет до наст. в. (карта 42). Это открытие кажется противоречивым, так как первые домашние животные в Европе явно появились из Западной Азии, поскольку два самых распространенных вида животных – бараны и козы – могли быть одомашнены только там. Этому есть два возможных объяснения: 1) мы ничего не знаем о домашней фауне эпохи неолита докерамического периода западной Анатолии, т.е. той части Юго-Западной Азии, чьи связи с ранним неолитом Юго-Восточной Европы были самыми тесными; 2) радиоуглеродные даты ошибочны, так

Карта 42. Направления распространения животноводства, основанного на разведении коз и овец на юге Европы в эпоху раннего неолита

как нет никакого сомнения в том, что первые западноазиатские неолитические культуры, дошедшие до стадии изготовления глиняной посуды, появились до подобных культур Юго-Восточной Европы, несмотря на более ранние датировки последних.

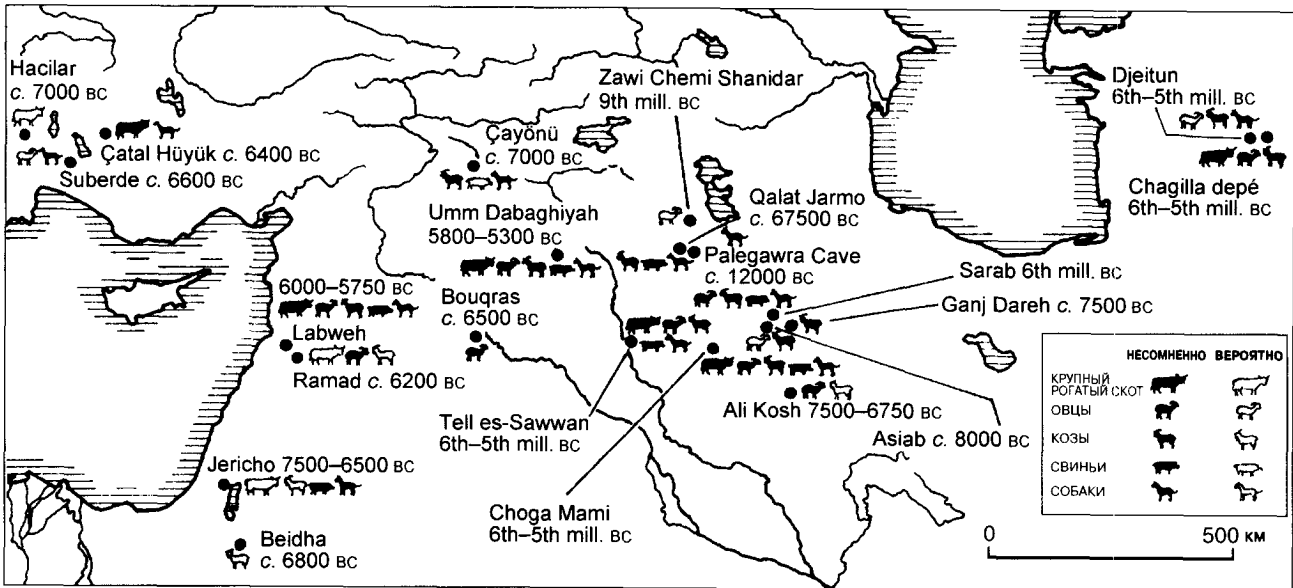
Как бы то ни было, древние скотоводы Юго-Западной Азии разводили в основном коз и овец, которые обнаруживаются на подавляющем большинстве стоянок. Это неудивительно, ведь если для коров нужны более богатые пастбища, а для свиней много воды, то козы и овцы находили здесь идеальную среду. Первое время соотношение между овцами и козами менялось в зависимости от географических условий: овцы преобладали на равнинах и холмах, а коз было больше в горных районах. Затем овцы заняли везде главенствующее место по отношению к козам, так как у них было двойное преимущество – они давали шерсть и гораздо лучше переносили жару.

Развитие этой формы скотоводства зависело от района: оно процветало в плодородных долинах, вдоль крупных рек и у подножья горных массивов; при этом человеку, чтобы обеспечить себе достаточное потребление животных белков, практически не было необходимости заниматься охотой. Сами горы представляли собой менее благоприятную для скотоводства среду: разводить скот там труднее, и охота продолжала занимать важное место. А крайне суровые условия солончаков вынуждали человека интенсивно охотиться, несмотря на наличие животных различных видов (Bökönyü, 1977).

ДРЕВНИЕ ОДОМАШНЕННЫЕ ЖИВОТНЫЕ ЕВРОПЫ (табл. 15)

Одомашненные животные, появившиеся на юге Балкан в середине девятого тысячелетия до наст. в., были очень близки к тем, которые уже существовали в Юго-Западной Азии: козы и овцы составляли иногда 75–80% всего домашнего скота, затем шли гораздо менее многочисленные свиньи и крупный рогатый скот, последней всегда была собака. С самого начала в Западной Азии такое животноводство было ориентировано в основном на коз и овец, и поскольку природные условия Греции (где эти домашние животные появились впервые) были аналогичными, то такая специализация лишь усилилась. В теплом и сухом климате животноводство смогло не только выжить, но и развиваться, в результате вскоре местное население получило достаточно животной пищи и могло больше не заниматься охотой и рыболовством. Об этом свидетельствует тот факт, что греческие стоянки раннего неолита содержат очень мало остатков диких животных и рыб (Boessneck, 1962; Higgs, 1962; Jarman & Jarman, 1968; Bökönyü, 1973a, 1974, 1983).

Животноводство, основанное на разведении овец, начало распространяться на северо-восток и на запад со второй половины девятого тысячелетия до наст. в. Этому способствовал, вероятно, «климатический оптимум», характерный для того периода: климат стал теплее в среднем на 3–4 °С, что позволило легко распространить животноводство этого типа в южные районы Центральной и Восточной Европы. Еще до конца девятого тысячелетия этот тип животноводства достиг Македонии (Bökönyü, 1976b), а в середине восьмого тысячелетия – центра бывшей Югославии (Bökönyü, 1976c) и Болгарии (Denmel, 1972). Отметим, однако, что образцы из бывшей Югославии создали некоторые проблемы, так как костей крупного рогатого скота в местонахождениях было немного больше, чем костей коз и овец. Не было возможности определить причину этого соотношения; возможно, оно могло быть связано либо с этническими и культурными факторами, либо с большей плотностью лесного покрова. Недавние раскопки и очень тщательная классификация костных остатков показали,

Карта 41. Самые древние местонахождения домашних животных в Юго-Западной Азии (все даты на карте приведены в годах до новой эры – BC)

что центральная часть бывшей Югославии ничем не отличается от соседних регионов. Тот же тип животноводства появился в Карпатах незадолго до конца восьмого тысячелетия до наст. в. (Bökönyi, 1969, 1974, 1983), достиг Молдавии, юго-восточной Украины в течение седьмого тысячелетия (Tringham, 1969). Интересно отметить, что в то время как на Балканах разведение всех видов домашних животных процветало уже в неолите, в малодоступных районах, таких как Железные Ворота на Дунае, оставались еще мезолитические группы населения, жившие охотой и собирательством, хотя и предпринимались отдельные попытки одомашнить собаку или свинью (Bökönyi, 1970, 1975, 1978; Bolomey, 1973).

К западу животноводство распространилось по югу Италии в седьмом тысячелетии до наст. в. (Bökönyi, 1977, p. 82; 1983), на юге Франции – в шестом тысячелетии (Poulain-Josien, 1975, 1978; Bökönyi, 1983) и достигло несколько позже востока Испании.

Эти регионы образуют северную границу зоны распространения животноводства, характерного в основном для Западной Азии. В части Европы, расположенные к северу и северо-западу от этих регионов, домашние животные были завезены из последних, причем очень быстро, так как все пять одомашненных в эпоху неолита видов животных появились повсюду в зоне умеренного европейского климата в течение шестого тысячелетия до наст. в.

В это же время на юге Европы в животноводстве происходили интересные изменения. Если и сегодня эта отрасль хозяйства во многом зависит от природных условий, то можно представить, насколько сильна была эта зависимость на первых порах развития отрасли. В Греции, где условия были благоприятны, изменения были небольшие. Но в зонах Европы с более умеренным климатом животноводство, основанное на разведении овец и коз, было чужеродным и не имело возможности развиваться. Препятствием служило отсутствие хороших условий разведения двух основных видов – овец и коз. На Европейском континенте не водились дикие виды этих животных, поэтому нельзя было увеличить поголовье овец и коз путем местного одомашнивания. Это стало решающей помехой, так как в примитивных условиях неолитического животноводства только естественный прирост от размножения домашних животных не позволял одновременно удовлетворять потребности растущего населения и увеличивать поголовье скота.

Следовательно, люди этого региона должны были основывать свое хозяйство прежде всего на разведении домашних животных, адаптированных к природным условиям умеренной европейской зоны и имевших местные одомашниваемые дикие формы. Крупный рогатый скот и свиньи отвечали этим требованиям, поэтому такие животные стали основными в конце раннего неолита.

С этого времени одомашнивание данных двух видов получило необычайное развитие в большинстве частей Европы. В некоторых районах, таких как Карпаты, образовались настоящие центры одомашнивания крупного рогатого скота. В результате его численность увеличилась во много раз, и такой скот стал основным домашним видом во всем поясе умеренного климата Европы. Одомашнивание свиней никогда не достигало подобных масштабов, но тоже стало весьма важным, так что стадо свиней по важности сравнялось со стадом коз и овец и даже превзошло его. Такое положение можно очень ясно наблюдать в поселениях, относящихся к культуре ленточной керамики и подобных ей группам; в этих местах крупный рогатый скот занимал основное место, а свиньи и овцы попеременно оставались на втором месте.

До конца раннего неолита домашние животные разводились только ради получения мяса (если не считать, что иногда их использовали для жертвоприношений, что они могли помогать человеку на охоте, охранять жилище или стада и т.п.). Затем человек обнаружил, что он может от них получать также молоко, шерсть, использовать их в качестве тягловой силы. Это был еще один почти «революционный шаг», который во второй половине неолита привел к «лихорадке одомашнивания», когда человек стал всеми силами и средствами пытаться увеличивать поголовье скота (Bökönyi, 1971, p. 643; 1974, p. 27; 1983, p. 32; Sherratt, 1983, p. 90). Лучшими примерами такого крупномасштабного одомашнивания в эпоху позднего неолита служат культуры Тиса, Герпали и Ленгель в Карпатах 6000 лет назад.

Человек употреблял в пищу мясо всех домашних животных, включая собаку, как на местах поселений доказывают находки вскрытых черепов (мозг был тогда уже лакомым блюдом) и костей с отбитыми концами (из них извлекался костный мозг). Фактически человек ел мясо собак до конца бронзового века, и, вероятно, запрет на это в Европе стал первым табу в отношении пищи.

На протяжении всего неолита крупный рогатый скот оставался главным поставщиком мяса даже там, где овцы и козы превышали численность его стада. Следует учитывать, что одна корова дает столько же мяса, сколько семь овец или четыре–пять свиней. Поэтому говядина составляла около 40% всего мяса домашних животных даже в тех районах, где животноводство было ориентировано на разведение коз и овец. В хозяйствах, где разводили в основном крупный рогатый скот, эта цифра могла доходить до 75–90%. В раннем неолите значительное количество мяса давали также козы и овцы, но начиная со среднего неолита второй после говядины становится свинина (*Bökönyi*, 1983, p. 14).

На этой стадии неолита заканчивается процесс развития животноводства. К этому времени оно достигло такого уровня развития, что охота и одомашнивание потеряли свое значение. Кроме того, рост народонаселения привел к расширению площадей обрабатываемых земель, что способствовало разрушению среды обитания диких животных.

Среди домашних животных появились новые виды – осел и лошадь: они были специально одомашнены для применения в качестве рабочего скота. Кроме того, первые элементы сознательной селекции животных отмечены в Месопотамии. Эта практика отразилась, конечно, и на животноводстве в Европе, и даже если она не была там полностью принята, она позволила улучшить некоторые домашние виды овец путем отбора животных улучшенной породы.

КИТАЙ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Мы знаем довольно мало о том, как начиналось одомашнивание животных и развивалось животноводство в этой части света. Из пяти первых подвергавшихся одомашниванию животных в диком состоянии в Китае водились волки, свиньи и, возможно, овцы, а в Юго-Восточной Азии – свиньи. Контакты между Китаем и Западной Азией были хорошо налажены, тогда как связи Юго-Восточной Азии с Индийским субконтинентом были значительно слабее и усилились только к началу первого века новой эры (*Higham*, 1977, p. 387).

В период самых древних неолитических культур цышан (*Cishan*), пэйлиган (*Peiligang*) и дадиван (*Dadiwan*), древность которых свыше восьми тыс. лет, в Китае уже одомашнили свинью, собаку и курицу (см. гл. 4б). В течение периодов следующих ранних неолитических культур яншао (*Yang Shao*) и лоншан (*Longshan*) к ним прибавились другие домашние животные: крупный рогатый скот, овца и коза (*Watson*, 1969, p. 392; *Ping-Ti Ho*, 1977, p. 413). Свинья становится главным домашним животным, но на некоторых стоянках находят также много костей коз и овец. Преобладание остатков свиней может объясняться тем, что это животное одомашнивали на месте, но данная гипотеза не получила еще прямого подтверждения. На одной из стоянок периода яншао нашли зуб лошади, но по нему нельзя определить, было ли это дикое или домашнее животное: зуб мог принадлежать дикой лошади Пржевальского, водившейся в данном районе.

В Юго-Восточной Азии остеологические свидетельства очень редки. Крупный рогатый скот появился там, вероятно, около 7000 лет назад, во всяком случае он и, вероятно, свинья и собака были одомашнены около 5500 лет назад (*Higham*, 1977, pp. 388, 405). Другие домашние виды животных появились позже (из Индии и/или Китая) или одомашнены на месте.

Первые домашние животные Юго-Восточной Азии и Китая также использовались для получения мяса. Обильные ресурсы влажных лесов делали одомашнивание излишним, что, может быть, и объясняет, почему оно нача-

лось в этом регионе позже и было менее значительным, чем в Юго-Западной Азии. Изучение возможностей использования вторичных продуктов, вероятно, началось не ранее конца этой начальной фазы.

ДОЛИНА ВЕРХНЕГО НИЛА И ВОСТОЧНАЯ САХАРА

Возрастающий интерес, проявляемый в наши дни археологами к Северо-Восточной Африке, позволил получить новые данные об одомашнивании животных в этом регионе. Сделанные открытия вынуждают отказаться от старой теории, согласно которой все виды домашних животных Северо-Восточной Африки произошли из Юго-Западной Азии. Это, конечно, верно для овец, козы, собаки и, может быть, свиньи, но разводить крупный рогатый скот жители Восточной Сахары начали, по всей видимости, около 9800–8000 лет назад (*Krzyzaniak*, 1981, p. 694; *Gautier*, 1984a, p. 59; p. 69; *Wendorf & Schild*, 1984, p. 420). Ископаемые кости говорят о явном изменении размеров этих животных, связанном с одомашниванием.

Ключ к решению проблемы лежит в улучшении климата в период между 12000 и 5000 лет назад, когда пояса растительности Сахель* и Судана распространились не менее чем на 4 град. к северу от их теперешних границ. Однако даже в этих условиях дикий рогатый скот не мог бы жить в пустыне и, следовательно, его одомашнивание должно было произойти где-то в долине Нила, даже если первое появление домашнего крупного рогатого скота обнаружено на берегах реки лишь в додинастический период (*Gautier*, 1984a, p. 71; *Wendorf & Schild*, 1984, p. 422). По мнению Гютье (*A. Gautier*), полностью одомашненный крупный рогатый скот мог вновь попасть в долину Нила, когда ухудшение климата вынудило пастухов крупного рогатого скота укрыться из пустыни в окраинных районах (*Hassan et al.*, 1981, p. 28). Это возможно, но нельзя исключить и того, что местное одомашнивание крупного рогатого скота началось с зубров, которые выжили в додинастическую эпоху. Во всяком случае эта часть Африки стала одним из основных центров происхождения зебу.

Вскоре после крупного скота была одомашнена собака (*Gautier*, 1984a, p. 55); на стоянках среднего неолита находят также кости коз и овец (*Krzyzaniak*, 1981, p. 694). Все пять одомашненных в эпоху неолита видов животных присутствовали в додинастическую эпоху в долине Нила, где даже для обитания свиньи были относительно благоприятные условия (*Gautier*, 1984b, p. 47), но затем животноводство концентрируется на козах и овцах, лучше приспособленных к климату этого района, становившегося все более аридным.

В конце шестого тысячелетия до наст. в. к домашним животным добавляется осел. Он происходит от дикого нубийского осла. В то время как первых домашних животных разводили в основном из-за мяса или молока (коров доили и забивали, вероятно, так же, как в наше время это делают африканские пастухи-кочевники), осла использовали как вычное животное, входящее в группу рабочих животных.

ЮЖНАЯ АМЕРИКА

Кроме собаки, которая была, по-видимому, первым домашним животным в Южной Америке, еще три вида были одомашнены в перуанских Андах: две разновидности дикой ламы (семейство верблюдовых) – гуанако (*Lama guanicoe*

* Сахель – название переходной полосы (ширина до 400 км) от пустынь Сахары к саваннам Западной Африки (БЭКМ). – *Прим. ред.*

Muller) и вигонь (*Vicugna vicugna* Mol.), а также морская свинка (*Cavia porcellus* L.). Одомашнивание и история верблюдовых исследованы наиболее полно.

Уинг (Wing, 1975, p. 302) считает, что поскольку гуанако живет на высоте свыше 3000 м, а вигонь – около вершин гор, то одомашнивание этих двух видов должно было произойти в высокогорных районах. Началось оно с того, что ламы стали охотничьей дичью вместо оленей (Wing, 1975, p. 305). В первое время, с 7500 до 4500 лет назад, на высокогорных стоянках Центральных Анд отмечено «интенсивное использование и начало контроля за стадами лам», затем, примерно 6000 лет назад (Novoa & Wheeler, 1984, p. 123) или между 4500 и 3750 лет назад (Wing, 1979, p. 212), обнаружены следы настоящего одомашнивания. Большинство одомашненных лам были отведены в долины, и в конце этого периода ламы, как и морские свинки, достигли уже центральной части побережья Перу; значит, они были перенесены в экологические зоны, где никогда не жили их дикие предки. Доказательствами их одомашнивания являются: а) появление резцов, как у альпака*; б) изменения в морфологии некоторых нижних коренных зубов; в) возрастающее количество остатков новорожденных особей (Novoa & Wheeler, 1984, p. 123).

В поселениях по-разному использовали стада одомашненных лам, это ясно видно по возрастному распределению ископаемых остатков. На тех стоянках, где кости молодых особей составляют 56%, ламы без сомнения шли на мясо; там, где это соотношение составляет только 22%, их, вероятно, использовали как вьючных животных (Wing, 1975, p. 306). Лама может переносить на спине груз до 25–30 кг и проходить неспешным шагом 15–20 км в день; лама и сегодня используется для переноса грузов на большие расстояния. Используют и ее шерсть, но только альпака дает шерсть действительно хорошего качества.

Неизвестно, когда точно началось одомашнивание морской свинки. То, что ее присутствие на перуанском побережье относится к 3750 лет назад, вовсе не означает, что она не была одомашнена раньше. Дикий вид проживал на обширной территории, границы которой проходят через восточную часть Бразилии, Парагвай, на запад до Аргентины и по Андам к северу до Колумбии. Существовало по крайней мере два очага одомашнивания: один в центре Перу около 6000 лет назад, а другой в Колумбии около 5000 лет назад (Wing, 1983, p. 34). Морских свинок разводили исключительно из-за их мяса и как жертвенных животных. Лишь после испанских завоеваний они распространились в других частях света.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BOESSNECK, J. 1962. Die Tierreste aus der Argissa-Magula vom präkeramischen Neolithikum bis zur mittleren Bronzezeit. In: MILOJICIC, V.; BOESSNECK, J.; HOPF, M. (eds), Die deutschen Ausgrabungen auf der Argissa-Magula in Thessalien. Bonn. Vol. 1, pp. 27–99.
- BÖKÖNYI, S. 1959. Die frühalluviale Wirbeltierfauna Ungarns. Acta Archaeol. Acad. Sci. Hung. (Budapest), Vol. 11, pp. 39–102.
- 1969. Archaeological Problems and Methods of Recognizing Animal Domestication. In: UCKO, P. J.; DIMBLEBY, G. W. (eds), The Domestication and Exploitation of Plants and Animals. London, pp. 219–29.
- 1970. Animal Remains of Lepenski Vir. Science (Washington), Vol. 167, No. 3926, pp. 1702–4.
- 1971. The Development and History of Domestic Animals in Hungary. Am. Anthropol. (Washington), Vol. 73, No. 2, pp. 640–74.
- 1973a. Some Problems of Animal Domestication in the Middle East. In: MATOLCSI, J. (ed.), Domestikationsforschung und Geschichte der Haustiere. Budapest, pp. 69–75. (Internationales Symposium in Budapest, 1971.)
- 1973b. Stock Breeding. In: THEOCHARIS, D. R. (ed.), Neolithic Greece. Athens, pp. 165–78.
- 1974. History of Domestic Mammals in Central and Eastern Europe. Budapest.
- 1975. Vlassac: An Early Site of Dog Domestication. In: CLASON, A. T. (ed.), Archaeozoological Studies. Amsterdam/Oxford/New York, pp. 167–78.
- 1976a. Development of Early Stock Rearing in the Near East. Nature (London), Vol. 264, No. 5581, pp. 19–23.
- 1976b. The Vertebrate Fauna from Anza. In: GIMBUTAS, M. (ed.), Neolithic Macedonia. Los Angeles. Vol. 1, pp. 313–63.
- 1976c. The Vertebrate Fauna of Obre. Wiss. Mitt. Bosn.–Herzegow. Landesmus. (Sarajevo), Vol. 4A, pp. 55–154.
- 1977. Animal Remains from the Kermanshah Valley, Iran. Oxford. (BAR Int. Ser., 34.)
- 1978. Environmental and Cultural Differences as Reflected in the Animal Bone Samples from Five Early Neolithic Sites in South–East Asia. In: MEADOW, R. H.; ZEDER, M. A. (eds), Approaches to Faunal Analysis in the Middle East. Cambridge, Mass. pp. 57–60.
- 1977–82. The Early Neolithic Fauna of Rendina. Origini. (Rome), Vol. 11, pp. 345–54.
- 1983. Domestication, Dispersal and Use of Animals in Europe. In: PEEL, L.; TRIBE, D. E. (eds), World Animal Science, Vol. A1: Domestication, Conservation and Use of Animal Resources. Amsterdam, pp. 1–20.
- BOLLOMEY, A. 1973. The Present Stage of Knowledge of Mammal Exploitation during the Epipalaeolithic in the Territory of Romania. In: MATOLCSI, J. (ed.), Domestikationsforschung und Geschichte der Haustiere. Budapest, pp. 197–203. (Internationales Symposium in Budapest, 1971.)
- CHILDE, V. G. 1957. The Dawn of European Civilization. London/New York.
- CLUTTON-BROCK, J. 1971. The Primary Food Animals of the Jericho Tell from the Proto–Neolithic to the Byzantine Period. Levant (London), Vol. 3, pp. 41–55.
- DARWIN, C. 1868. The Variation of Animals and Plants under Domestication. London. 2 vols. (2nd edn 1885.)
- DAVIS, S. J. M.; VALLA, F. R. 1978. Evidence for Domestication of the Dog 12,000 Years Ago in the Natufian of Israel. Nature (London), Vol. 276, No. 5688, pp. 608–10.
- DENNEL, R. W. 1972. Stone Age Farming in Bulgaria. Illus. Lond. News, Sept., pp. 61–2.
- DOWN, J. F. 1960. Domestication: An Examination of the Changing Social Relationships between Man and Animals. Kroeber Archaeol. Soc. (Berkeley), pp. 18–67.
- GAUTIER, A. 1984a. Archaeozoology of the Bir Kiseiba Region, Eastern Sahara. In: WENDORF, F.; SCHILD, R.; CLOSE, A. (eds), Cattle Keepers of the Eastern Sahara: The Neolithic of Bir Kiseiba. Dallas, pp. 49–72.
- 1984b. Quaternary Mammals and Archaeozoology of Egypt and the Sudan: A Survey. In: KRZYZANIAK, L.; KOBUSIEWICZ, M. (eds), Origin and Early Development of Food–Production Cultures in North–Eastern Africa. Poznan, pp. 43–56.
- HASSAN, F. A. et al. 1981. Agricultural Developments in the Nagada Region during the Ptdynastic Period. Nyama Akuma (Calgary), Vol. 17, pp. 28–33.
- HIGGS, E. S. 1962. The Fauna of the Early Neolithic Site at Nea Kilomedeia (Greek Macedonia). Proc. Prehist. Soc., Vol. 28, pp. 271–4.
- HIGHAM, C. F. W. 1977. Economic Change in Prehistoric Thailand. In: REED, C. A. (ed.), Origins of Agriculture. The Hague, pp. 385–412.
- HOLE, F.; FLANNERY, K. V. 1967. The Prehistory of South–Western Iran: A Preliminary Report. Proc. Prehist. Soc., Vol. 33, pp. 147–206.
- JARMAN, M. R.; JARMAN, J. N. 1968. The Fauna and Economy of Early Neolithic Knossos. Ann. Br. Sch. Archaeol. Athens (London), Vol. 63, pp. 241–64.
- KRZYZANIAK, L. 1981. Origin and Early Development of Food–Producing Cultures in North–Eastern Africa. Curr. Anthropol., Vol. 22, pp. 693–4.

* Альпака – домашнее парнокопытное животное рода лам; гибрид гуанако и вигони (БЭКМ). – Прим. ред.

- MELLAART, J. 1967. Çatal Hüyük, a Neolithic Town in Anatolia. London.
- MUZZOLINI, A. 1983. L'Art rupestre du Sahara Central: classification et chronologie: le boeuf dans la préhistoire africaine. Toulouse. (Ph.D. thesis, Université de Toulouse.)
- 1986. L'Art rupestre préhistorique des massifs centraux sahariens. Oxford. (BAR Int. Ser., 318.)
- NOBIS, G. 1981. Aus Bonn: das älteste Haustier des Menschen: Unterkiefer eines Hundes aus dem Magdaleniengrab von Bonn–Oberkassel. Berichte aus der Arbeit des Museums, Vol. 4, pp. 49–50.
- 1984. Die Haustiere im Neolithikum Zentraleuropas. In: NOBIS, G. (ed.), Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Norden Europas, Vol. 9: Der Beginn der Haustiererhaltung in der 'Alten Welt'. Cologne/Vienna. pp. 73–105.
- NOVOA, C.; WHEELER, J. C. 1984. Llama and Alpaca. In: MASON, I. L. (ed.), Evolution of Domesticated Animals. London/New York, pp. 116–28.
- PERKINS, D. 1964. Prehistoric Fauna from Shanidar, Iraq. Science (Washington), Vol. 144, pp. 1565–6.
- 1969. Fauna of Çatal Hüyük: Evidence for Early Cattle Domestication in Anatolia. Science (Washington), Vol. 164, pp. 177–9.
- 1973. The Beginnings of Animal Domestication in the Near East. Am. J. Archaeol. (New York), Vol. 77, pp. 179–82.
- PING-TI HO. 1977. The Indigenous Origins of Chinese Agriculture. In: REED, C. A. (ed.), Origins of Agriculture. The Hague, pp. 413–84.
- POHLKAUSEN, H. 1953. Nachweisbare Ansätze zum Wanderhirtentum in der niederdeutschen Mittelsteinzeit. Z. Ethnol. (Berlin), Vol. 78, pp. 64–82.
- POULAIN-JOSIEN, T. 1975. Les Animaux domestiques en France à l'époque néolithique. In: COLLOQUE D'ETHNOZOOLOGIE, 1, Paris. L'Homme et l'animal. Paris, pp. 409–15.
- 1978. L'Élevage ovin en France à l'époque préhistorique. Ethnozootech. (Paris), Vol. 28, pp. 95–102.
- SHERRATT, A. 1983. The Secondary Exploitation of Animals in the Old World. World Archaeol., Vol. 15, pp. 90–104.
- SREJOVIC, D. 1966. Lepenski Vir, a New Prehistoric Culture in the Danubian Region. Archaeol. Jugosl. (Beograd), Vol. 7, pp. 13–7.
- 1972. Europe's First Monumental Sculpture: New Discoveries at Lepenski Vir. London.
- STAMPFLI, H. R. 1983. The Fauna of Jarmo with Notes on Animal Bones from Matarrah, the Amuq and Karim Shahr. In: BRAID-WOOD, L. S. et al. (eds), Prehistoric Archaeology along the Zagros Flanks. Chicago, pp. 431–83.
- TRINGHAM, R. 1969. Animal Domestication in the Neolithic Cultures of the South–West Part of European USSR. In: UCKO, P.; DIMBLEBY, G. W. (eds), The Domestication and Exploitation of Plants and Animals. London, pp. 381–92.
- TURNBULL, F.; REED, C. A. 1974. The Fauna from the Terminal Pleistocene of Palegawra Cave, a Zarzian Occupation Site in North–Eastern Iraq. Fieldiana Anthropol. (Chicago), Vol. 63, pp. 81–146.
- WATSON, W. 1969. Early Animal Domestication in China. In: UCKO, P. J.; DIMBLEBY, G. W. (eds), The Domestication and Exploitation of Plants and Animals. London, pp. 393–95.
- WENDORE, D.; SCHILD, R. 1984. Conclusions. In: WENDORE, F.; SCHILD, R.; CLOSE, A. (eds), Cattle Keepers of the Eastern Sahara: The Neolithic of Bir Kiseiba. Dallas, pp. 404–28.
- WING, E. 1975. Hunting and Herding in the Peruvian Andes. In: CLASON, A. T. (ed.), Archaeozoological Studies. Amsterdam. pp. 302–8.
- 1979. Spread of the Use of South American Camels (Camelidae). In: KUBASIEWICZ, M. (ed.), Archaeozoology. Szczecin. Vol. I, pp. 201–15.
- 1983. Domestication and Use of Animals in the Americas. In: PEEL, L.; TRIBE, D. E. (eds), World Animal Science, Vol. A1: Domestication, Conservation and Use of Animal Resources. Amsterdam. Vol. I, pp. 21–39.
- ZEUNER, F. E. 1963. A History of Domesticated Animals. London.

ПОЗДНЯЯ ПРЕДЫСТОРИЯ ЕГИПТА

Лех Кимизаняк

Мало мест в мире могут сравниться с Египтом по значимости его позднего доисторического периода. Действительно, он был отмечен двумя явлениями исключительной исторической важности: появлением самого раннего в Африке (и одного из самых ранних в Древнем Мире) способа хозяйствования (неолитического), основанного на производстве пищи, и началом процесса образования одного из самых первых во всем мире общества со сложной социальной (комплексной) структурой.

Древность и особый характер этих двух революционных процессов, последствия которых будут значимы и для Египта, и для соседних регионов, делают последний доисторический период в долине Нижнего Нила особенно интересной областью исследований не только для специалистов по доисторическому времени. Египтологи, т.е. специалисты, изучающие историю и культуру Египта времен фараонов (династической эпохи), для того чтобы лучше понять истоки многих явлений последующих периодов, также часто обращаются к изменениям, происшедшим в додинастический период (который непосредственно предшествовал образованию единого египетского государства около 5100 лет назад).

Сочетание всех этих факторов позволяет считать завершающий доисторический этап особым и важным периодом в развитии древних египетских обществ. Он начинается с появления хозяйства, основанного на производстве пищи (неолитическом способе хозяйствования) около 10000 лет назад, но основа этого хозяйства – одомашнивание животных и культивирование растений – явно относится к верхнему палеолиту, т.е. примерно ко времени 20000–10000 лет назад. Конец предыстории Египта обычно связывают с политическим объединением страны и основанием Первой династии около 5100 лет назад. Именно в эту эпоху, возможно даже немного раньше, появляются первые элементы иероглифической письменности, и поэтому с данного времени мы начинаем получать все больше информации о развитии истории и культуры Египта, хотя археологические памятники, бывшие единственными до этого времени, остаются на долгое время важным источником сведений. Как и в других частях света, появление письменности в Египте означает границу между доисторической и исторической эпохами.

НАЧАЛО ОДОМАШНИВАНИЯ ЖИВОТНЫХ И ОКУЛЬТУРИВАНИЯ РАСТЕНИЙ

Самый ранний способ хозяйствования в Египте – производство пищи, – характерный для времен неолита и додинастического периода, был основан на разведении домашних животных и выращивании зерновых культур. Археологические находки показывают, что Египет был одним из немногих центров одомашнивания в Древнем Мире. Когда и с каких животных и растений оно началось в Египте?

Недавние исследования показывают, что первыми египетскими домашними животными был крупный рогатый скот, который появился там 10000 лет назад. Первым культивируемым в этом районе растением 9000 лет назад был ячмень. Но чтобы понять истоки животноводства и земледелия в Египте, надо вернуться к позднему палеолиту, который предшествовал неолиту. Вполне вероятно, что интерес к местным диким животным и растениям, проявляемый сообществами людей, живущих в то время в Египте, мог привести к интенсивному использованию этих ресурсов и в конечном счете к одомашниванию некоторых видов.

Одним из первых одомашненных и экономически наиболее важных животных Древнего Мира был крупный рогатый скот, овцы, козы и свиньи. Крупный рогатый скот мог появиться в Египте в результате одомашнивания местного зубра, свиньи – в результате одомашнивания местных диких кабанов, однако нет никаких свидетельств, что дикие овцы и козы водились в доисторическую эпоху в долине Нижнего Нила, а значит, могли быть там одомашнены.

Одним из первых одомашненных и экономически наиболее важных животных Древнего Мира был крупный рогатый скот, овцы, козы и свиньи. Крупный рогатый скот мог появиться в Египте в результате одомашнивания местного зубра, свиньи – в результате одомашнивания местных диких кабанов, однако нет никаких свидетельств, что дикие овцы и козы водились в доисторическую эпоху в долине Нижнего Нила, а значит, могли быть там одомашнены.

Как и в других частях Древнего Мира, одомашнивание крупного рогатого скота в Египте должно было являться результатом долгих и сложных взаимоотношений между социальной группой охотников и стадами зубров, включающих их использование и контроль.

Действительно, археологические находки ясно показывают, что в Египте на зубра охотились начиная со среднего палеолита и до времен Нового Царства. Что касается начала одомашнивания, то процесс использования зубров группами охотников должен был привести к решающим последствиям в эпоху верхнего палеолита, т.е. 20000–10000 лет назад. Именно в это время, как предполагают, некоторые группы людей стали специализироваться в охоте на стада зубров, в то время как другие группы охотились на многих других представителей дикой фауны.

Стоянка Вади-Куббанийя в долине Нила, в Нижней Нубии, датируемая возрастом 17000 или 18000 лет, является хорошим примером верхнепалеолитического местонахождения, содержащего многочисленные остатки зубров – добычи охотников (Wendorf et al., 1980). По мнению археозоологов, эти животные давали охотникам специализированной группы около 67% потребляемого ими мяса (Gautier et al., 1980, p. 292). Особенно интересными оказались остатки зубров, найденные на верхнепалеолитической стоянке в Тушке (стоянка 8905) в долине Нила, в Нижней Нубии (Wendorf, 1968, p. 875; Gautier, 1984, p. 71). В обнаруженном на этой стоянке захоронении, возраст

которого около 14500 лет, среди других могил были три человеческих захоронения с явно относящимися к ним крупными рогами зубров, служившими, по всей видимости, отметками для могил (*Gautier*, 1968, pp. 88–89). Предполагается (*Gautier*, 1984, p. 71), что это является доказательством того, что у социальных групп, живших в эпоху верхнего палеолита на севере Нубии, зубры были на «особом положении», по крайней мере, в погребальных обрядах. Будущие исследования, навверное, позволят определить, могла ли та важная роль, которую эти животные играли при похоронных обрядах, привести к приручению и одомашниванию зубра в Египте. Возможно, что специализированные охотники верхнего палеолита постепенно, в течение тысячелетия, изучили среду обитания, физиологию и поведение зубров, научились приручать пойманных молодых животных, что затем привело к их одомашниванию.

В настоящее время считается, что крупный рогатый скот вначале был одомашнен в Египте группами пришельцев из долины Нила, заселивших Западную пустыню около 9350 лет назад, т.е. во время установления более влажного климата в Восточной Сахаре (*Gautier*, 1984, p. 72; *Wendorf & Schild*, 1984b, p. 420; *Banks*, 1984, p. 223–229).

Этот одомашненный скот был самым первым в Африке, но вскоре он появился также в Центральной Сахаре (*Banks*, 1984, pp. 223–229).

Важно то, что остатки первого крупного рогатого скота в долине Нила оказались более поздними, чем найденные в Западной пустыне. В долине Верхнего и Среднего Нила остатки датируются не ранее седьмого тысячелетия до наст. в. (бадарийская культура); в оазисе Файюм они датируются около 7000–6800 лет (Файюм А), а в дельте Нила появляются только в первой половине седьмого тысячелетия (Меримде). По мнению авторов этой гипотезы, крупный рогатый скот попал в долину Нила с группами пастухов из Западной пустыни, пришедшими в эти места во время кратких, но интенсивных наступлений аридных периодов в эпоху голоцена.

Домашний крупный рогатый скот был известен в Западной Азии и в Восточном Средиземноморье 8000 или 9000 лет назад. В Леванте разведением скота занимались уже 8000 лет назад (*Singh*, 1974, p. 54); в Анатолии – 7700–7600 или даже 8100 лет назад (*Singh*, 1974, p. 102). Во второй половине девятого тысячелетия домашний крупный рогатый скот появился в материковой Греции (*Driesch & Boessneck*, 1985, p. 6), вскоре после этого – на острове Крит, до тех пор необитаемом; туда животные попали в эпоху неолита с поселенцами, пришедшими морем около 8000 лет назад (*Evans*, 1971, pp. 99–107). Через восточную часть Средиземного моря колонисты эпохи неолита могли легко достичь египетского берега в первой половине восьмого тысячелетия до наст. в., привезя с собой одомашненных овцу и козу, а также окультуренную пшеницу, которые, как мы знаем, не могли быть одомашнены в Египте. Мнение о том, что они были ввезены мореплавателями, кажется достоверным на основании данных, полученных на неолитической стоянке Хауа-Фтеах на Киренаике (теперешняя Ливия), датированной около 6800 лет назад (*McBurney*, 1967, p. 271, 327–328). Естественно, что эти переселенцы могли таким же образом ввезти в Египет домашний крупный рогатый скот и свиней, тоже происходивших из Юго-Западной Азии.

Началось также использование и, возможно, контроль за растениями, которые можно отнести в Египте ко временам верхнего палеолита (*Wendorf et al.*, 1980, pp. 273, 278–279). Известно, что пшеница никогда не росла в Египте в диком состоянии, однако ячмень там рос. Первыми показателями использования зерновых являются, вероятно, ножи для жатвы (протосерпы) и жернова, которые использовались в период 15000–12000 лет назад в долине Нила, в Верхнем Египте и Нижней Нубии. В остатках поселений этого периода, особенно в районе Эсны и Эль-Хрил в Верх-

нем Египте, нашли кремневые ножи, которые насаживались на рукоятку и служили для сбора урожая. Характерные блестящие поверхности лезвий этих орудий интерпретируются как результат среза стеблей и колосьев зерновых и, возможно, других трав. На этой стоянке нашли также много жерновов, их верхних и нижних частей (пестов и ступ); они служили для измельчения зерна перед дальнейшей обработкой и потреблением. Однако на этих стоянках до сих пор не было обнаружено остатков самих зерен. То, что ячмень рос на склонах нильской долины, подтверждается высоким (10–15%) содержанием пыльцы этого растения в палинологических диаграммах данного периода (*Krzyzaniak*, 1977, p. 41). Ножи для жатвы применялись в этот период и в долине Нила в Нижней Нубии (*Wendorf*, 1968, pp. 942–943) (рис. 98). До сих пор у нас нет свидетельств того, что первые египетские жнецы как-то пытались способствовать произрастанию дикого ячменя (например, пололи, защищали от вредителей или поливали, как делают земледельцы сейчас).

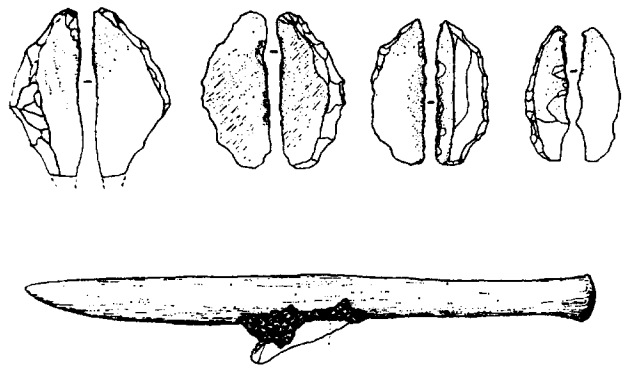

Рис. 98. Каменные пластинки с блестящими лезвиями для срезаания злаков. Восстановление одного из самых древних египетских ножей для жатвы (около 12500 лет назад) (по *Wendorf*)

Мы ничего не знаем об использовании растений в Египте 11000–9000 лет назад. Возможно, что продолжался сбор урожая дикого ячменя в дельте Нила и в сухих долинах между холмами у Красного моря, как делали общины, относящиеся к натуфийской культуре в соседней Палестине, которые в это же время специализировались на сборе дикой пшеницы и ячменя. Действительно, в данной части Египта были обнаружены изделия, похожие на те, которыми пользовались представители натуфийской культуры, но не найдено прямых или косвенных свидетельств сбора урожая дикорастущих злаков.

Первые доказательства выращивания зерновых культур в Египте были найдены в Западной пустыне, их возраст определен примерно в 8200–7900 лет (*Wendorf & Schild*, 1984b, p. 422). В дельте Нила эти зерновые – пшеница и ячмень – появились впервые на неолитической стоянке в Меримде, датированной первой половиной седьмого тысячелетия до наст. в. (*Krzyzaniak*, 1977, p. 89), в оазисе Файюм между 7000 и 6800 лет назад (Файюм А) (*Krzyzaniak*, 1977, pp. 58–59) и в долине Верхнего и Среднего Нила в Египте (бадарийская культура) во второй половине седьмого тысячелетия до наст. в. (*Krzyzaniak*, 1977, pp. 69–71). Окультуренный сорт ячменя более сложного вида – шестирядного, требующего гораздо больше влаги, чем двухрядный ячмень, начал культивироваться в Западной пустыне уже к 8200–7900 лет назад, а пшеница – примерно с восьмого тысячелетия (*Wendorf & Schild*, 1984a, pp. 7–8), т.е. позже, чем в Юго-Западной Азии, где она выращивалась с десятого тысячелетия (*Singh*, 1974, p. 208). Нельзя однако с уверенностью сказать, был ли ячмень из Западной пустыни окультурен в долине Нила, в его дельте

или на Средиземноморском побережье, прежде чем он попал в опустыненные теперь районы с первыми переселенцами эпохи голоцена, или у него иноземное происхождение и он был ввезен в Египет из Юго-Западной Азии.

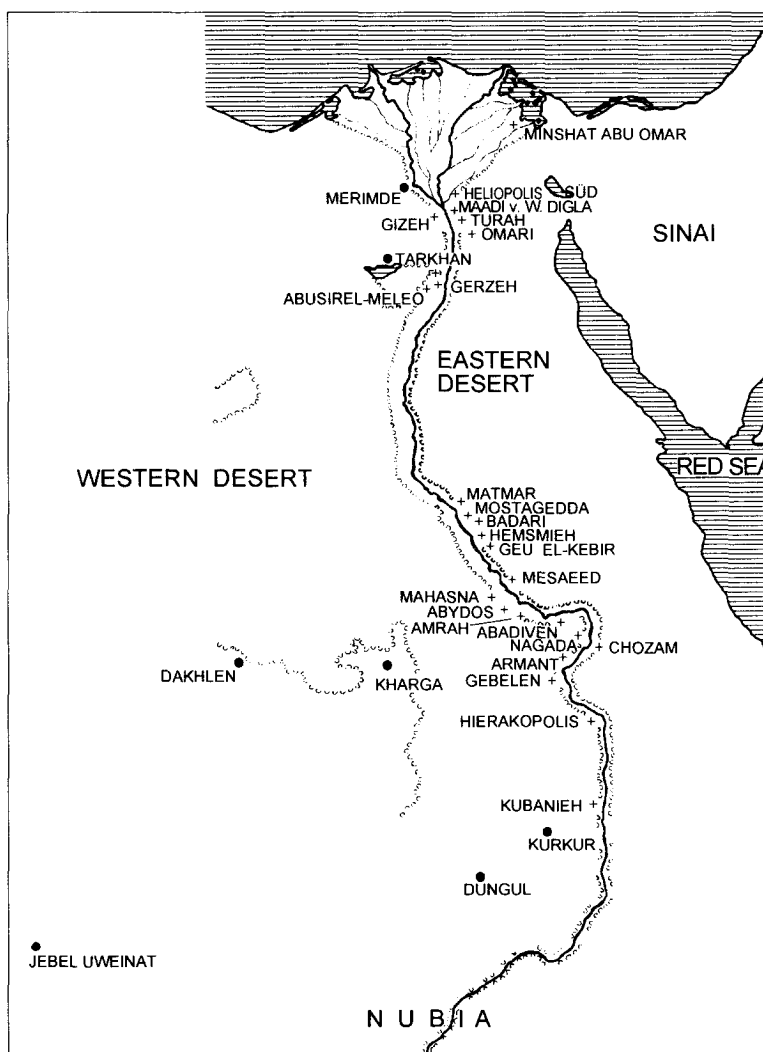
Из этого обзора следует, что, по всей видимости, крупный рогатый скот был одомашнен в самом Египте; осел мог появиться в результате одомашнивания дикого предка, который водился в Египте и Нубии. В противоположность этим видам нет подтверждений присутствия диких баранов и коз в доисторической фауне Египта, так что их одомашненные представители должны были быть ввезены извне, несомненно, из Азии, где их начали разводить 11000–10000 лет назад (*Singh*, 1974, pp. 209–211). Самые первые овцы и козы в Египте появились из Западной пустыни, их возраст – 8000 лет (*Wendorf & Schild*, 1984a, pp. 7–8). Остатки самых первых домашних свиней в Египте были найдены на неолитической стоянке Меримде и датируются первой половиной седьмого тысячелетия до наст. в. (*Driesch & Boessneck*, 1985, pp. 23–25). Дикие кабаны могли быть одомашнены в дельте Нила, где среда была особо благоприятна для их стад, но дата появления диких кабанов в доисторическом Египте не определена. Домашние свиньи могли появиться в Египте из Юго-Западной Азии, где их начали одомашнивать в первой половине девятого тысячелетия до наст. в. (*Singh*, 1974, p. 211).

Делая обзор успешных попыток одомашнивания в Египте, следует упомянуть и те бесплодные усилия, которые предпринимались в области животноводства (напри-

мер, с гиеной, буйволом, газелью, антилопой, жирафом, страусом, журавлем), так, вероятно, и в земледелии (с травянистой растительностью) (*Clark*, 1971; *Smith*, 1969).

ПЕРВЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ НЕОЛИТА (карта 43)

Последние археологические данные показывают, что самый начальный способ хозяйствования в Египте в неолите, характеризующийся производством пищи, был основан на использовании домашних животных и выращивании растений и появился в Египте в Западной пустыне в десятом–девятом тысячелетиях до наст. в. Возможно, что эти процессы были автохромными по своему происхождению и характеру. Подобная эволюция могла происходить и в Восточной пустыне, но никаких археологических данных, за исключением образцов наскальной живописи, об этом регионе не имеется. Начало производства пищи в Нижнем Египте (в дельте Нила и оазисе Файюм) в первой половине седьмого тысячелетия до наст. в. происходило, хотя бы отчасти, от практики, которая существовала в Юго-Западной Азии и в Восточном Средиземноморье. Хронология такого способа хозяйствования в долине Верхнего Нила точно не установлена; вероятно, он появился позже, чем в прилегающих пустынях. Недавнее измерение радиоуглеродным методом привело к выводу, что это могло произойти во второй половине седьмого тысячелетия до наст. в.

Карта 43. Основные неолитические и додинастические стоянки в Египте (по *Kaiser*, с изменениями, внесенными *Krzyzaniak*)

Археологическая последовательность периода голоцена в южной части Западной пустыни, соответствующая началу производства продуктов питания, делится на три периода: ранний, средний и поздний неолит (*Wendorf et al.*, 1984; *Banks*, 1984). Ранний неолит датируется между 9800 и 7900 лет назад.

Предполагается, что первые неолитические поселенцы прибыли в район озер, которые существовали здесь до того, как степь превратилась в пустыню. Они жили в небольших сезонных поселениях, устраиваемых после летних дождей на берегах озер. У этих групп были, очевидно, базовые поселения в долине Нила, где они находились летом, занимаясь рыболовством (после ежегодных паводков там было изобилие рыбы), а также зимой и весной, занимаясь охотой, когда животные подходили ближе к воде. Эти социальные группы вели кочевой образ жизни, чтобы использовать просторные степи у Западной пустыни.

Такие поселения (как Набта) были, по всей видимости, крупными деревнями, построенными по определенному плану, с рядами жилых домов (круглых жилищ, к которым на том же уровне прилегал ямы и колодцы, а также ямы, расположенные по дуге). В таких деревнях жили большую часть года.

Археологические комплексы раннего неолита классифицированы по четырем «видам» (таксономическим единицам): Аль-Адам, Эль-Кортейн, Эль-Гораб и Эль-Набта, особенности которых в основном отражают социально-экономические или пространственные различия, а не другие факторы (например этнические). Хозяйственная деятельность этих социальных групп включала использование недавно выведенных стад крупного рогатого скота, который им давал не только мясо, но иногда и молоко; они выращивали ячмень, охотились на зайцев и газелей, возможно, собирали дикое растение. Ячмень был шестирядный, с открытым зерном; данный вид для роста требовал много влаги и высевался, вероятно, по берегам озер. Эти группы людей уже изготавливали, хотя и не регулярно, гончарные изделия, первые из известных в Африке, среди которых преобладали чаши, с внешней стороны украшенные насечками или гребенчатым орнаментом. В украшениях использовали уже волнисто-штриховой сюжет.

Разработанность технологии изготовления этих керамических изделий указывает, что она скорее является продолжением более ранней традиции, чем продуктом недавно появившегося ремесла. Эти тщательно обожженные гончарные изделия относятся по своей технике и стилю к так называемой сахаро-суданской традиции керамики, наблюдаемой на обширных территориях Южной и Центральной Сахары и северной саванны.

Каменные орудия были сделаны из египетского кремня хорошего качества по развитой технологии раскалывания камня на пластинки. Кремень поступал, очевидно, из удаленного карьера, что еще раз доказывает мобильность этих групп людей. Инструменты, использовавшиеся ими, включали пластинки с заостренными краями и геометрически правильные микролиты, чаще всего треугольные. Зерно размельчали жерновами в виде большого камня – основы, часто с глубокой выемкой, и дробильного камня. Скорлупа от страусовых яиц использовалась как сосуды и для изготовления бус. Была найдена украшенная скорлупа, в которой, возможно, хранили воду; емкости украшали насечками, заполненными красной охрой. Заселение Западной пустыни в раннем неолите закончилось 7900 лет назад, когда климат в этом регионе стал слишком пустынным.

Средний неолит в Западной пустыне восходит к восьмому тысячелетию до наст. в. Через несколько веков после того как первые поселенцы покинули этот район, он снова стал заселяться группами людей, пришедшими из долины Нила в Верхнем Египте и Нижней Нубии, когда установился новый сезон дождей и появились лучшие ус-

ловия для существования. Западная пустыня в этот период во времена голоцена наиболее интенсивно и успешно заселялась. Поселения располагались по берегам озер, и по крайней мере некоторые из них заселялись сезонно по несколько раз, на что указывают многочисленные населения очагов и ям. Эти поселения были в основном гораздо крупнее, чем в предыдущий период. Одно из них – очень крупная стоянка E-75-8 была расположена на дюне на полуострове, выдававшемся в озеро, и занимала площадь в 8 га (400x200 м). Самые крупные поселения включали дома, очаги и ямы-хранилища.

По мнению археологов, производивших раскопки, крупные поселения, подобные E-75-8, заселялись большим числом членов местной социальной группы в сезон дождей, предположительно для каких-то общественных или ритуальных действий. Большое количество костей крупного рогатого скота, обнаруженных на стоянке, наводит на мысль, что животных забивали и съедали на месте, может быть, по случаю каких-то праздничных или ритуальных церемоний. Другие стоянки той же эпохи меньших или средних размеров могли быть поселениями менее многочисленных групп, по-видимому, специализирующихся на содержании скота на пастбищах после сезона дождей. Можно предположить, что зерновые выращивались только по берегам озер, вблизи самых крупных поселений.

Некоторые памятники напрямую указывают на то, что хозяйственная жизнь этого периода строилась на разведении домашнего крупного рогатого скота и, что более вероятно, овец и коз, а также на выращивании ячменя и пшеницы, хотя люди продолжали охотиться на газелей и зайцев, занимались собирательством.

В этот период отмечаются значительные изменения в технике изготовления каменных орудий, в их стиле и выборе материалов. Вместо качественного египетского кремня, подходящего для получения пластин в раннем неолите, начали применять местные камни, такие как кварц и роговик.

Преобладающей становится технология получения ретушированных отщепов, пробойников, зубчатых, режущих, а также серповидных орудий. Появляются первые двусторонне обработанные изделия – заготовки для стрел с вогнутым основанием, первые орудия из отшлифованного камня, топоры. Зерно дробили и мололи с помощью зернотерок, состоявших из большого овального камня с глубокой выемкой и круглого или овального дробильного камня.

Гончарные сосуды этого периода по своей технике и стилю относятся к сахаро-суданской традиции раннего неолита, но их внешнюю поверхность украшает теперь выдавленный плетеный орнамент. Находка раковин каури, из которых делали ожерелья, показывает, что существовали контакты с регионом Красного моря, вероятно, через посредничество людей из долины Нила, откуда иногда появлялись также и пресноводные раковины.

Поздний неолит Западной пустыни наступает к 6900–5500 лет назад, после краткого периода засухи. Эта эпоха характеризуется дальнейшим развитием производительного способа хозяйствования. Поселения подобны тем, которые были в эпоху среднего неолита, с домами разных размеров, очевидно, соответствующих различным социально-хозяйственным функциям. Помимо крупного рогатого скота разводят овец и коз, есть следы присутствия домашних собак. Наряду с животноводством и, возможно, выращиванием зерновых, люди занимались охотой, особенно на зайцев и мелких газелей. Нельзя сказать с уверенностью, являлась ли «эфиопская мегафауна» (слон, страус, дикий осел, аддакс и другие крупные антилопы, жираф), часто изображаемая в наскальной живописи высокогорных районов Западной и Восточной пустыни, существенной частью дикой фауны в степных районах.

Для производства орудий на отщепях люди позднего неолита использовали кварц и роговик. Среди этих ору-

дий преобладают рубящие и зубчатые изделия, а также ретушированные предметы; использовались изделия правильной геометрической формы – серповидные, трапециевидные и треугольные, а также двусторонние наконечники стрел и обработанные с одной стороны отщепы. Жернова и шлифованные топоры встречаются также часто, как и в среднем неолите; в это время появились первые дощечки для растирания красок.

Главное нововведение в области керамики – это техника лощения и покрытия стенок сосудов. Традиционные техники – вырезание или выдавливание – теперь использовались только для нанесения геометрических рисунков на ободах сосудов или под ними. По-видимому, украшение керамических изделий начинает отличаться от традиционного сахаро-суданского стиля.

Стоянки позднего неолита обнаружены также в других местах Западной пустыни, таких как оазисы Харга, Дахла и Файюм, но на сегодняшний день они еще мало исследованы. Тем не менее складывается впечатление, что для них характерны техника и стиль, отличающиеся от традиций в поселениях в южной части Западной пустыни.

Были обнаружены первые захоронения, оставленные группами людей, живших в Западной пустыне в эпоху голоца (*Banks*, 1984, pp. 200–201). Тела лежали в слегка согнутом положении, а в одном двойном захоронении нашли глиняный амулет.

Широкое заселение Западной пустыни закончилось в шестом и в первой половине пятого тысячелетия до наст. в., когда опустынивание этого региона привело к перемещению групп людей в крупные оазисы.

Информация, поставляемая археологическими остатками, раскопанными или найденными на поверхности в Западной пустыне, значительно обогащается найденными доисторическими наскальными изображениями, которые описывают жизнь первых производителей продовольствия в этом регионе. Наскальные рисунки встречаются в долине Нила в Верхнем Египте и в Нижней Нубии, а также в Западной и Восточной пустынях (*Winkler*, 1938–1939; *Resch*, 1967; *Noten*, 1978). Хотя эти свидетельства не всегда убедительны, все же можно связать основные стили этой живописи с тремя стадиями неолитического развития в Западной пустыне.

Самыми древними образцами наскальной живописи являются изображения животных, геометрических символов и ловушек для охоты и рыбной ловли. Этот стиль, проявившийся в основном в долине Нижней Нубии, можно датировать периодом, начавшимся около 9350 лет назад. Возможно, уже с начала неолита наряду с геометрическими сюжетами появились рисунки, сделанные на солнечных сторонах больших скал, на которых наиболее часто изображались жирафы, а также львы, антилопы, газели, гривистые бараны, птицы и крокодилы. В Восточной пустыне встречаются также изображения слонов. Эти изображения, представляющие, очевидно, ранний неолитический стиль в развитии наскальной живописи в долине Верхнего Нила в Египте и Нижней Нубии, а также в Западной и Восточной пустынях, относятся к так называемому стилю «первых охотников» (илл. 59). Странно, однако, что костей этих крупных диких животных, в большинстве своем относящихся к «эфиопской мегафауне», никогда не было найдено на неолитических стоянках в бывших степях, а теперешних пустынях или долине Нила.

На некоторых рисунках рядом с дикими животными ясно изображены люди. Эти редкие рисунки показывают или охотника, вооруженного луком, держащего на привязи собаку, или сцены, возможно, ритуального танца. Рисунки, на которых дикое животное следует за человеком, могут быть связаны с охотничьим колдовством; человек и зверь связаны линиями, которые могут означать удержание пойманного животного на привязи или попытку схватить раненое животное; может быть, линии символи-

зируют кровотечение, вызванное метательными снарядами охотника. В сценах танцев на головы охотников иногда надеты маски животных, в волосах у них перья, внизу живота – продольные чехлы.

Вторая фаза доисторической наскальной живописи в Египте характеризуется схемами (в Восточной и Западной пустынях, долине Нила) и рисунками (в Западной пустыне – горах Джебель-Увейнат), на которых скот – главная тема, хотя по-прежнему встречаются и сцены охоты. Этот стиль называется искусством «коренных обитателей гор» и относится, вероятно, к эпохе, когда хозяйство, основанное на производстве пищи, в частности животноводстве, достигло в Южном Египте высшей точки развития (средний и поздний неолит, 8000–6000 лет назад). Произведения этого стиля чаще всего изображают крупный рогатый скот с длинными, иногда деформированными рогами, меченый каленым железом, украшенный амулетами, с дисками между рогами; хорошо прорисовано вымя, это может означать, что коров доили. Следует отметить, что некоторые сцены изображают также охоту на быков с луками и стрелами или пойманных коров и быков с лассо на шее. Кроме сюжетов, которые уже встречаются на скальных гравюрах «первых охотников», в охотничьих сценах этого нового периода искусства Восточной пустыни также изображены львы, возможно, дикие кабаны и ослы, а также, вероятно, дикие быки. Похоже, что охотники использовали собак и ставили ловушки. Некоторые фигуры, в основном мужские, изображаются в виде клина.

Прекрасное искусство пастухов из Джебель-Увейнат (илл. 60) сравнимо с самыми красивыми комплексами скального искусства Сахары. Этот стиль называется «увейнатские скотоводы», в произведениях чаще всего изображены коровы с разбухшим выменем, хижины, сосуды, наполненные белым веществом, несомненно, молоком, сцены совокупления животных, часто украшенных ожерельями, амулетами, подвешенными к рогам, а также фигуры людей, пасущих скот. Интересно, что рисунки людей в шкурах животных с подвешенными коровьими хвостами (особенность, известная со времен династического искусства в Египте) также появляются в этих сценах.

Возможно, современным искусству «коренных обитателей гор» и «увейнатских скотоводов» является стиль, представленный в оазисе Дахла, – искусство «первых обитателей оазиса». Наиболее характерный элемент этого искусства – изображение сидящей женщины в длинном платье, а также сидящей или стоящей женщины с резко расширяющейся книзу фигурой. Данный стиль кажется довольно близким к художественной традиции средиземноморского неолита.

Неолитические земледельцы и скотоводы могли также жить в Восточной пустыне 10000–5000 лет назад, так как их наскальное искусство во многих отношениях очень схоже с искусством Западной пустыни (хотя наскальных рисунков там нет), но в этом районе не найдено практически никаких археологических следов.

В хронологии появления земледелия в египетской части долины Нила остается еще много вопросов. Главная причина – редкость археологических данных, относящихся к ключевому периоду этого процесса – между началом интенсивного использования диких злаков (15000–12000 лет назад) до внезапного появления весьма развитого способа производства пищи (к концу седьмого тысячелетия), представленного бадарийской культурой (см. далее).

В настоящее время считается, что ресурсы этой части долины Нила использовались только сезонно группами неолитических кочевников, которые 10000–7000 лет назад пасли стада домашних животных, выращивали растения в сезон летних дождей, приходя к реке через степи Западной и Восточной пустынь лишь с целью запасти продовольствием. По неизвестным причинам эти группы не пытались воспользоваться разливами Нила и заняться земледелием.

В отличие от Южного Египта, где земледелие и скотоводство зародились и получили свое развитие в десятом–девятом тысячелетиях до наст. в., производство пищи в Нижнем Египте появилось, по всей видимости, хотя бы частично, из Юго-Западной Азии и Восточного Средиземноморья. Действительно, уже полностью развитое и имеющее некоторые неегипетские черты производство пищи появляется в первой половине седьмого тысячелетия до наст. в. в западной части дельты Нила (Меримде) и в оазисе Файюм. По-видимому, вскоре после этого земледельческие традиции средиземноморского бассейна и Верхнего Египта соединились где-то в Среднем Египте.

На неолитической стоянке Меримде-Бени-Салам на западном краю дельты Нила были обнаружены многочисленные данные о первом способе хозяйствования в Нижнем Египте (Eiwanger, 1984; Driesch & Boessneck, 1985; Krzyzaniak, 1977, pp. 87–98). Самое раннее неолитическое поселение (уровень I) может относиться к первой половине седьмого тысячелетия до наст. в., о чем свидетельствуют предварительные радиоуглеродные измерения (Driesch & Boessneck, 1985, p. 2). Эти первые обитатели Меримде уже разводили крупный рогатый скот, овец, коз и свиней, выращивали пшеницу, ячмень и другие растения.

Овцы, козы и пшеница никогда не существовали в диком состоянии в Египте, значит, не могли быть одомашнены на месте; они должны были быть завезены в дельту либо благодаря контактам с другими группами (например, при обмене на побережье с торговцами, прибывшими морским или сухопутным путем), либо с чужеземными переселенцами-земледельцами. Поскольку поселения с полями и пастбищами располагались по краю дельты, первые обитатели Меримде должны были обладать необходимыми знаниями, чтобы использовать ежегодные разливы Нила. Рыболовство и охота также обеспечивали получение некоторого количества пищи. Люди вытачивали свои пластинчатые орудия труда из местного кремня, использовали зернотерки и отшлифованные топоры. Иногда их гончарные изделия были с плоским дном, что несвойственно Египту, а характерно для неолитической традиции Юго-Западной Азии.

Первое поселение было, по-видимому, довольно крупным, занимало несколько гектаров, но единственными дошедшими до нас следами являются очаги. Часть территории внутри поселения была отведена под захоронения. На этом кладбище обнаружено несколько десятков могил с довольно бедным оформлением. Людей хоронили в согнутом положении. Найденные антропоморфные и зооморфные фигурки имели, по всей видимости, ритуальное значение (илл. 61).

Уровень II в Меримде соответствует заселению после неопределенного по времени периода, когда место оставалось незанятым. Слои III–V, датируемые серединой седьмого тысячелетия до наст. в., содержали жилища, корзины и горшки для хранения зерна, каменные орудия на отщепках с двусторонней ретушью и другие изделия, похожие на те, которые изготавливали первые земледельцы оазиса Файюм (неолит А).

В целом можно сказать, что в культуре Меримде объединены черты, традиционно считающиеся африканскими и средиземноморскими, с теми, происхождение которых связано с Юго-Западной Азией.

Первые земледельцы в оазисе Файюм появились в начале седьмого тысячелетия до наст. в. Их поселения были обнаружены в основном на берегах существовавшего в то время обширного оз. Моэрис (сегодняшнее озеро Биркет-Карун – лишь его малая часть). Хозяйствование и другие черты материальной культуры этих земледельцев весьма схожи с ранними уровнями Меримде, и можно предположить, что первые земледельцы оазиса Файюм и земледельцы дельты Нила принадлежали к одной и той же культуре.

Археологические следы, оставленные этими первыми земледельцами, составляют то, что называется коллекцией, скоплением Файюм А (Caton-Thompson & Gardner, 1934; Said et al., 1972; Krzyzaniak, 1977, pp. 57–68). Их возраст – от седьмого до шестого тысячелетия до наст. в. На периодически затопляемых берегах озера, пополнявшегося водами Нила через ответвление реки Бахр-Юсеф, группы людей, живших в Файюме в неолите, выращивали пшеницу, три сорта ячменя и лен. Они содержали крупный рогатый скот, овец, коз, свиней и собак. Важную роль в их хозяйственной деятельности играли рыбная ловля (рыбу они могли также сушить), охота на гиппопотамов, слонов, черепах, водоплавающую дичь и крокодилов, а также сбор наземных улиток. Их каменный инструментарий состоял из орудий на отщепках с двусторонней ретушью и шлифованных. Они использовали костяные гарпуны и крючки, а также инструменты из дерева.

Среди земледельческих инструментов, характерных для неолита Файюм, отметим серпы, палки для обмолота зерна, корзины для его хранения и каменные зернотерки. Серпы представляли собой деревянные рукоятки, в которых закреплялись несколько обработанных с двух сторон кремневых зубчатых пластинок (рис. 99). Оазис Файюм дал исключительно интересные сведения о хранении зерна: вкопанные в землю сплетенные из соломы корзины могли вмещать до 400 кг зерна каждая, т.е. урожай примерно с половины гектара. Целые хранилища, состоящие из более сотни таких емкостей, своего рода хлебные амбары, были со всей очевидностью связаны с поселением; может быть, это была первая «собственность» определенной социальной группы.

Остатки оборудования для перевозки, обмолачивания, сушки и размалывания зерна были также найдены в самих хранилищах или около них; там же имелись группы широкогорлых сосудов для сушки, которые ставились в золу, серпы, нижние и верхние части зернотерок, сплетенные из соломы корзины (рис. 99), мешки из льняного полотна и палки для обмолота зерна.

Как и другие неолитические группы в Египте, фэйюмцы эпохи неолита участвовали в широком торговом обмене, который позволял им получать раковины, бирюзу и amazonит с холмов у Красного моря и Синая, из которых они делали бусы.

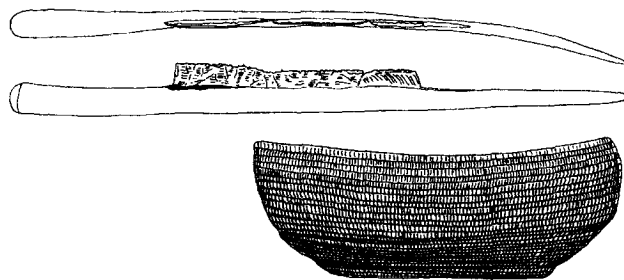

Рис. 99. Сельскохозяйственные предметы эпохи неолита: жатвенный нож и корзина из оазиса Файюм (Египет) (около 6500 лет до наст. в.) (по Caton-Thompson & Gardner)

ПОЯВЛЕНИЕ РАССЛОЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ В ДОДИНАСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Специалисты по доисторическому периоду и египтологи обычно называют «додинастическим» последний период египетской предыстории, т.е. несколько последних веков, предшествующих появлению единого государства примерно 5100 лет назад. В долине Нила эта эпоха

отмечена тремя последовательными археологическими культурами: бадарийской, амратской (Накада I) и герзейской (Накада II). Прослеживается примечательная приемственность культурных черт на протяжении всего этого периода, отмеченного быстрыми изменениями в технологии, стиле и количестве различных изделий. Виден четкий контраст с относительно медленными техническими и стилистическими изменениями, наблюдаемыми в Египте до шестого тысячелетия до наст. в.

Археологические комплексы, относящиеся к бадарийской культуре, найдены в долине Нила, в Верхнем и Среднем Египте (*Brunton & Caton-Thompson*, 1928; *Brunton*, 1939; *Krzyzaniak*, 1977, pp. 68–84); их возраст сейчас определен около 6100–5600 лет назад (*Hays*, 1984). Эти бадарийские коллекции (рис. 100) оставлены первыми вполне развитыми земледельческими культурами долины египетского Нила, возможно, потомками степных людей, которые переместились к реке в начале основного засушливого периода. Несмотря на то что открыта пока лишь малая часть поселений, известно, что эти люди выращивали два вида пшеницы и два сорта ячменя, и очень вероятно, что у них был рогатый скот, овцы и козы. Чтобы получить лучшие урожаи, эти люди, несомненно, пользовались естественным орошением земель в долине от ежегодных разливов реки. Рыболовство, охота и собирательство играли уже второстепенную роль в их жизни.

Их орудия труда большей частью были сделаны на отщепе из кремня и роговика с использованием двусторонней отделки, шлифования и полирования. Это были серпы с прямой рукояткой, в которую были вставлены кремневые пластины, жернова, крючки (чаще всего из кости), кремневые скребки, разного размера топоры, луки и стрелы с кремневыми наконечниками, копья с кремневыми наконечниками, деревянные палки для метания, буравы. Обнаруженное в захоронениях богатое сопровождение указывает на то, что бадарийцы уже знали ткачество, обработку кожи и плетение. Гончарные изделия, чаще всего чаши, указывают на начало замечательной традиции додинастической керамики. Их делали вручную из нильской глины. Одна из характерных особенностей сосудов – орнаменты, известные как «рябь», «чешуя» и «зачерненный верх». В это же время появляются и первые каменные сосуды.

Личные украшения включали связки бус (ожерелья, ножные браслеты) из камней (сердолика, яшмы, бирюзы и т.п.), глазурованного стеатита и красноморских ракушек, керамические губные украшения, перья, гребни для украшения волос, браслеты из слоновой кости. К этому же времени относятся медные бусины – самые древние изделия из меди, найденные в Египте.

Другая типичная для додинастической эпохи особенность, проявившаяся в бадарийской культуре, – применение косметических наборов, включавших плоскую каменную (обычно из сланца) дощечку, на которой растирали красители (малахит, охру, свинцовый блеск), небольшой сосуд из слоновой кости для смешивания и хранения красок и ложек из слоновой или другой кости, которыми доставали краситель из сосуда. Некоторые предметы малой пластики – вазы в виде животных или женские фигурки из слоновой кости или глины использовались, по-видимому, в ритуальных целях.

Поселения бадарийцев были относительно небольшими, как и их кладбища, содержащие не более сотни захоронений. Тела лежали на боку, в согнутом положении. Следует отметить, что среди могил людей были и специальные захоронения животных (коров, овец, свиней, собак или шакалов).

Амратские археологические скопления (Накада I) пришли на смену бадарийской культуре в додинастический период (*Petrie*, 1920; *Kaiser* 1956; *Baumgartel*, 1955, 1960; *Krzyzaniak*, 1977, pp. 101–123). Памятники располагались

в долине Нила, доходя на севере до окрестностей Каира (*Rizkana & Seeber*, 1984, p. 251). Большинство материала получено из захоронений (рис. 101). По-видимому, эти скопления относятся к временам, следующим сразу за Бадами и датируются возрастом примерно 5800–5500 лет до наст. в. (*Hoffman*, 1984, p. 237).

Хозяйственное жизнеобеспечение Амрат выглядит похожим на то, которое вели жители Бадами: они выращивали озимые зерновые и, может быть, овощи, занимались животноводством, а дополнительные ресурсы давали рыболовство, собирательство и охота (с собаками). Орудия труда не отличались от бадарийских орудий. Однако отмечается новшество в каменной технологии – появилась двусторонняя обработка давлением (ретуширование), позволившая получать острозаточенные орудия и инструменты. Среди новых инструментов надо отметить острозаточенный кремневый наконечник в виде рыбьего хвоста (возможно, кинжал) и дисковидную каменную головку палицы. Уже появилась обработка (ковка) меди и золота, из них делали в основном личные украшения, такие как бусы, и некоторые мелкие предметы (гарпуны, шила, топоры, заколки).

Гончарные изделия Амрат, найденные в захоронениях, во многом схожи с бадарийскими, но сосуды более разнообразны и, если судить по количеству сосудов, обнаруженных в захоронениях, производство было более широким, чем в предшествующий период. Чешуйчатый орнамент на поверхностях выходит из моды, но появляются погребальные сосуды, снаружи покрытые слоем красного гематита, на который нанесен белый рисунок («белолинейная» керамика) (рис. 102). Геометрические рисунки и пластические сценки охоты или ритуальных танцев наносились на поверхности сосудов. Значительно большее количество цилиндрических каменных сосудов и более разнообразных форм изготавливались во времена Амрата, чем в бадарийскую эпоху. В качестве материалов использовались гипс, базальт, мрамор и известняк. Изготовление плетеных изделий составляло по традиции важную отрасль в производстве емкостей.

Умерших в эту эпоху хоронят с гораздо большим числом личных украшений, которые по типу и по форме отличаются от бадарийских. Некоторые украшения представляют собой настоящие произведения искусства. Бусы для ожерелий, браслеты и другие украшения делают из скорлупы яиц страуса, из полудрагоценных камней (сердолика, граната, реже лазурита), глазурованного стеатита, фаянса, меди, золота или разноцветных морских раковин. Найденны браслеты из различных материалов, вырезанные из единой заготовки (например, из слоновой кости), кольца, перстни, украшения для губ и носа, заколки, а также гребни и заколки для волос, украшенные гравировкой. Традиционные косметические наборы состоят теперь из сланцевых дощечек, имеют форму ромба, какого-нибудь животного или лодки, а новые сосуды для красящего порошка часто вырезались из бивней в виде человеческой головы. Судя по глиняным статуэткам, найденным в захоронениях, женщины амратской культуры носили только льняные тканые набедренные повязки, а мужчины – чехлы.

Роспись, украшающая погребальные сосуды, показывает, что люди амратской культуры ежедневно пользовались домашними ослами и гребными лодками. Эти средства передвижения помогали им развивать торговлю и расширять контакты с другими группами людей, более удаленными, чем ранее. Места происхождения инородных материалов, таких, как малахит, морские раковины, лазурит, медь, золото, слоновая кость свидетельствуют о широкомасштабном обмене товарами в этот период.

Организация поселений указывает на экономичное использование земель на равнинах и склонах нильской долины; эти территории в основном использовались для земледелия и выпаса животных. Раскопки позволили

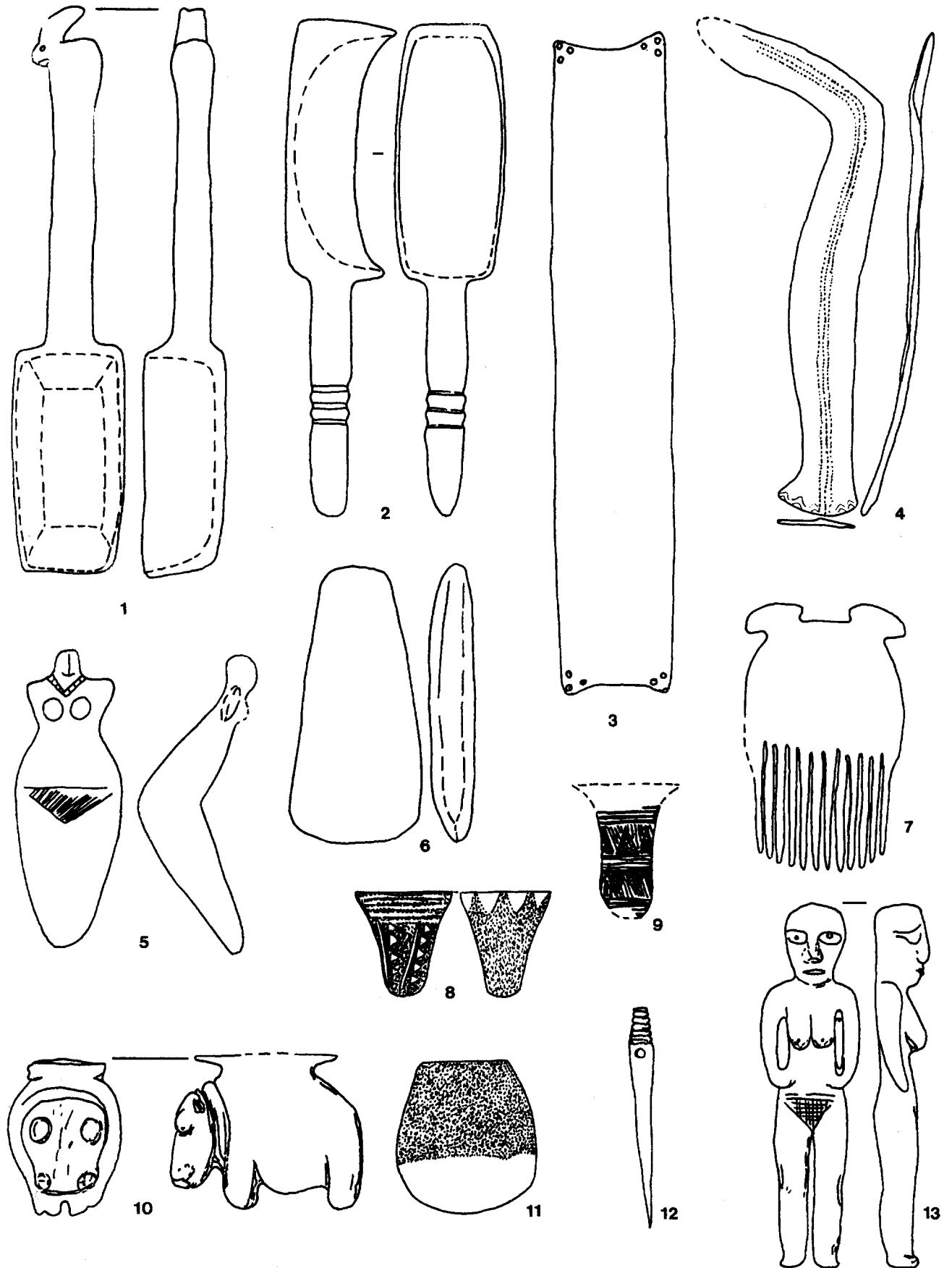

Рис. 100. Артефакты, найденные в погребальном убранстве бадарийской культуры в Египте (около 6500–6000 лет до наст. в.): 1, 2 – ложки из слоновой кости для косметики; 3 – косметическая дощечка; 4 – деревянная палка для метания; 5, 13 – антропоморфные фигурки из глины и слоновой кости; 6 – каменный топор; 7 – гребень из слоновой кости; 8, 9 – керамические чаши с орнаментом; 10 – фигурка гиппопотама из слоновой кости; 11 – керамический сосуд с зачерненным верхом; 12 – костяная игла (изображены не в масштабе) (по Krzyzaniak, 1977)

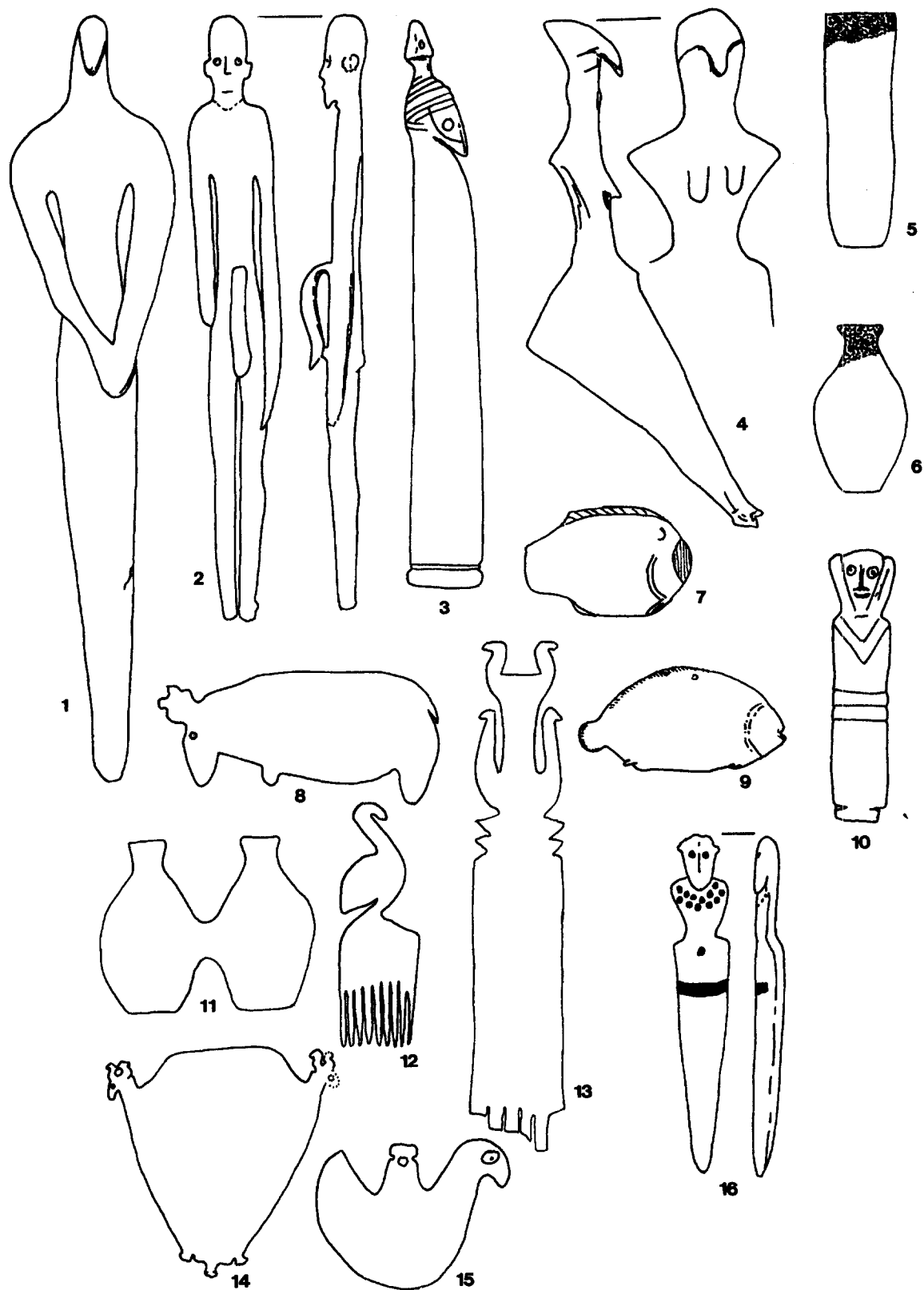

Рис. 101. Артефакты, найденные в погребальном убранстве амратской культуры в Египте (около 6000–5500 лет до наст. в.): 1, 2, 4 – антропоморфные фигурки из глины и слоновой кости; 3, 10, 16 – антропоморфные артефакты неизвестного назначения; 5, 6 – керамические сосуды с зачерненным верхом; 7, 8, 9, 14, 15 – косметические дощечки; 11 – причудливый керамический сосуд; 12, 13 – гребни из слоновой кости (изображены не в масштабе) (по Krzyzaniak, 1977)

обнаружить небольшие поселения с простыми жилищами, очагами и ямами-хранилищами. Для строительства домов использовали ветки, колья, глину, солому, лозу, камни. Делали заграждения от ветра, наборы сосудов для сушки зерна, площадки для обмолота. Некоторые археологиче-

ские признаки указывают на ритуальные обычаи амратцев. Общеизвестно, что некоторые предметы, такие как антропоморфные фигурки мужчин и женщин, использовались в культовой практике; танцевальные сцены, нарисованные на сосудах, также связаны с ней.

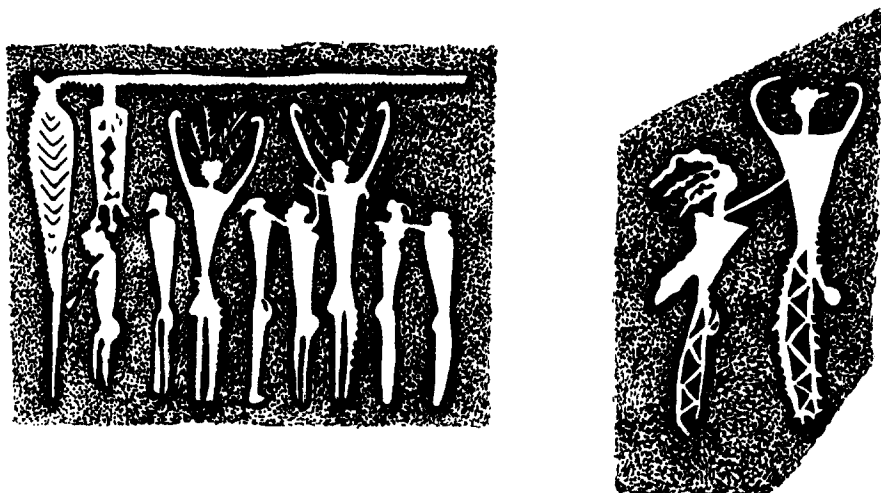

Рис. 102. Белые рисунки на гончарных сосудах амратской культуры (по Krzyzaniak, 1977)

По-видимому, начиная с эпохи Амрат, социальные группы, сформировавшиеся в Верхнем и Среднем Египте, оставались уже очень стабильными. Многими крупными некрополями, появившимися в это время, продолжали пользоваться без заметного перерыва и в начале династического периода, и в период Древнего Царства. В них продолжали хоронить людей, принадлежащих к сообществу, уже давно обосновавшемуся в этих местах. Членов данного сообщества связывали традиционные социальные и ритуальные узы, которые требовали, среди прочего, захоронений в одном месте. Следовательно, можно предположить, что люди амратской культуры были прямыми предками египтян, живших в конце додинастической и в династическую эпоху, и что они могли уже говорить на языке, не очень отличающемся от более позднего.

Как и в бадарийскую эпоху, домашних и диких животных хоронили на кладбищах.

Археологические скопления могильника Герзе (Накада II) размещаются над горизонтами Амрат (Petrie, 1920; Kaiser, 1956; Baumgartel, 1955, 1960; Krzyzaniak, 1977, pp. 138–164). Их находят по всей долине Нила, а также в его дельте (Wilding, 1984). Герзе (рис. 103), последняя культура додинастического Египта, начинается около 5500 лет назад и заканчивается во время объединения Египта в единое государство основателем первой династии; большинство исследователей сходятся сегодня в том, что это произошло около 5100 лет назад (Barta, 1979, p. 14; Hassan, 1980, p. 204). Некоторые специалисты различают также сравнительно короткий период, называемый Накада III, который начался непосредственно перед политическим объединением Египта и охватывает начало династической эпохи. Герзейская культура известна почти исключительно своими захоронениями, в которых иногда сотни и даже тысячи могил.

В основном герзейская культура является развитием культуры Амрат. Однако в этот период происходят значительные социально-экономические изменения (см. далее). Появляются также важные технические новшества. Мы считаем (Krzyzaniak, 1977, pp. 131–132), что именно в ту эпоху человек научился использовать ежегодные разливы Нила, хотя данная гипотеза и требует дополнительного подтверждения. Если это так, то сельскохозяйственное производство, его устойчивость и объем должны были значительно возрасти. Существенно ускорился в этот период и рост народонаселения. По некоторым предположениям, с 350 тыс. человек примерно шесть тысячелетий назад население Египта возросло до 870 тыс. жителей к пятому тысячелетию (Butzer, 1976, p. 83). Значительный технический прогресс в гончарном производстве, в обработке меди и

кремня позволил увеличить количество продуктов: создается впечатление, что производство погребальных сосудов стало массовым. Значительно расширяется торговля с дальними странами.

Среди лучших погребальных сосудов, характерных для периода Герзе, изделия, называемые кенскими, делались по новой технологии, требовавшей обжиговых печей, в которых температура могла достигать до 1200 °C. Обжиг расписных сосудов в печах и массовый выпуск большинства изделий на гончарном круге – все это говорит о том, что гончарное дело стало особым видом ремесла в этот период. К концу рассматриваемого периода наличие каменных сосудов разного вида, типовых и специально украшенных, показывает высокое общественное значение их производства. По некоторым признакам также видно, что предметы из меди, серебра и золота плавилась, отливались и выковывались на месте, они стали более разнообразными и более распространенными, чем в период Амрат.

Герзейские инструменты оставались, однако, в основном каменными, и они еще долго после начала династической эпохи будут играть важную роль в Египте. Каменные изделия начали изготавливаться из пластин кремня, добываемого в каменоломнях в пустыне. Главным новшеством в обработке камня было освоение техники раскалывания на пластинки, что позволяло делать в большом количестве легкие и красивые орудия. Но одновременно продолжается и изготовление традиционных орудий на отщепках, включая их двустороннюю обработку, а также шлифование и полирование камней.

Набор инструментов в ту эпоху пополнился топориками из меди и серебра, медными долотами и ножами, пилами, каменными головками палиц шаровидной или грушевидной формы, прекрасными кремневыми ножами с волнистыми краями, кинжалами с серебряными или медными лезвиями, а также бусами из меди, золота, метеоритного железа и медными браслетами. В некоторых местах начинают делать медные сосуды, они получают распространение к концу этого периода. Все еще применялись традиционные косметические наборы. В самом конце периода или в начале первой династии (Накада III) некоторые дощечки из сланца (по-видимому, церемониальные) покрывались легким рельефным рисунком.

Увеличивается количество предметов иноземного происхождения или их египетских имитаций. Очевидно, герзейцы поддерживали особенно интенсивные торговые связи с Палестиной и Нубией.

Исследования герзейских стоянок в долине Нила показали, что если захоронения традиционно располагались

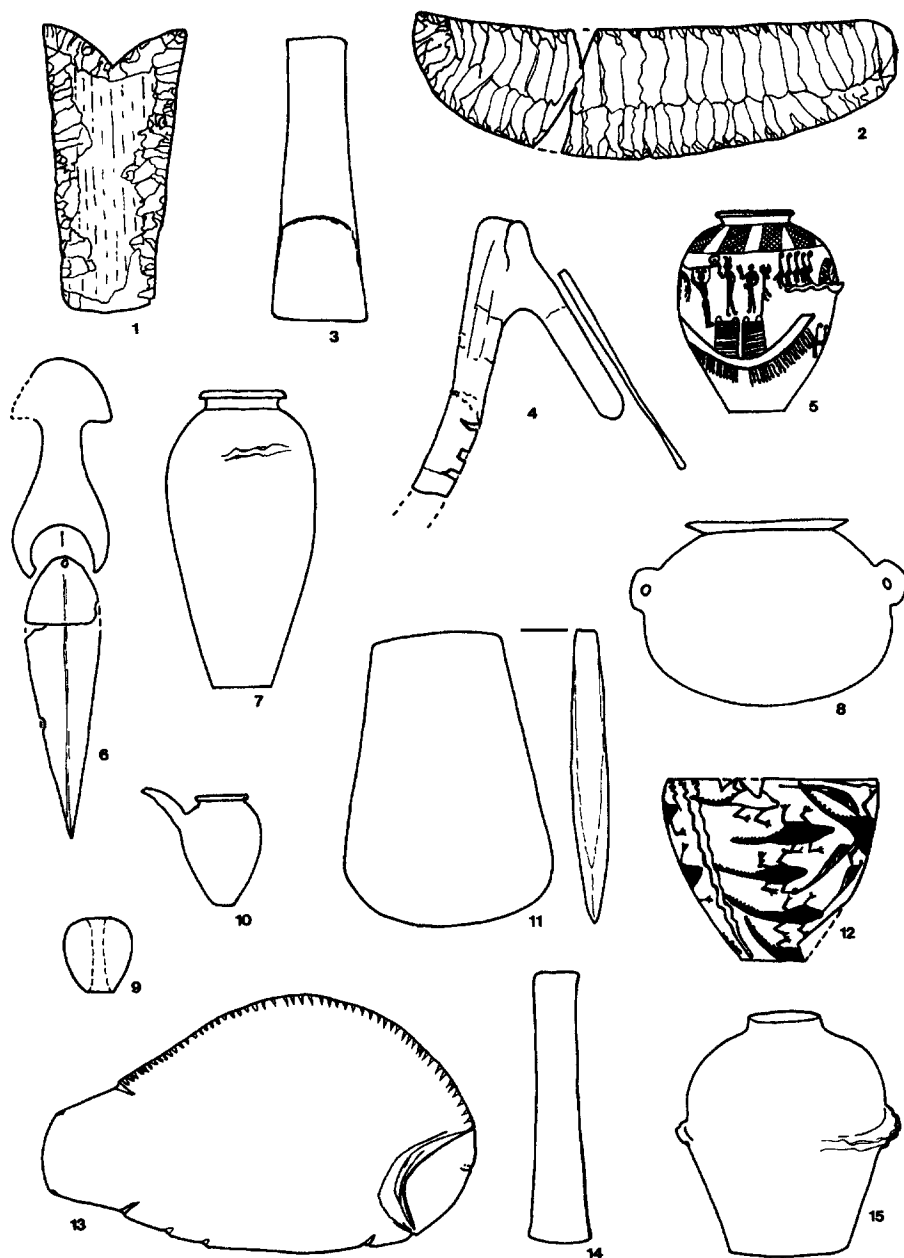

Рис. 103. Артефакты, найденные в погребальном убранстве герзейской культуры (Средний и Верхний Египет, около 5500–5100 лет до наст. в.): 1 – наконечник металлического оружия или кинжала из ретушированного и шлифованного отщепца; 2 – кремневый нож с тонкой «чешуйчатой» отделкой; 3, 11, 14 – наконечники медных тесел; 4 – деревянная мотыга с каменным лезвием; 5, 12 – расписные керамические сосуды; 6 – кинжал с лезвием из серебра; 7, 15 – керамические сосуды с волнистой ручкой; 8 – каменный сосуд; 9 – каменное навершие палицы; 10 – причудливый керамический сосуд предположительно из Палестины; 13 – каменная косметическая дощечка (изображены не в масштабе) (по Krzyzaniak, 1977)

на самых высоких террасах в долине, то постоянные поселения, места которых пока плохо определены, должны были располагаться на аллювиальных участках. Это говорит, вероятно, о том, что или уровень ежегодных разливов и высоты, на которых располагались поселения, был значительно ниже, чем в настоящее время, или герзейцы уже умели защищать от подъема воды свои жилища, расположенные, как и сегодня, на илистых холмах, строя, например, запруды. Герзейские поселения, следы которых были найдены, похожи на лагерные стоянки и напоминают поселения амратской эпохи.

Археологические данные показали исполнение в эпоху Герзе многочисленных ритуальных обрядов, подобных тем, которые наблюдаются уже в начале династической эпохи. Люди, по-видимому, занимались магией, что харак-

терно для религии Древнего Египта. Фигурки людей, которые находят в Египте с бадарийского периода, могли наделяться магическими свойствами. Роспись, украшающая погребальные глиняные сосуды Герзе, относящаяся к традиции, называемой «декорированная керамика», чаще всего воспроизводит ритуальные танцы и действия. На этих рисунках изображались мужчины и женщины, габариты которых значительно больше естественных (рис. 104). Символы, изображающие некоторых «племенных» богов, культ которых сохранился и в династическую эпоху (Хорус, Мин, Нейт и Хатор), вырезаны на дощечках или нарисованы на погребальных вазах.

Особенно часто встречающийся в герзейском искусстве сюжет – лодка (возможно погребальная), изображенная на рисунках или в виде небольших моделей (илл. 62).

Рис. 104. Изображения ритуальных танцев на погребальном керамическом сосуде герзейской культуры (по Krzyzaniak, 1977)

Многочисленные могильники, обнаруженные в долине и дельте Нила, дают богатую информацию об обрядах погребения в ту эпоху. На кладбище в Миншат-Абу-Омар, в восточной части дельты (илл. 63) найден особо полный материал об обрядах и о социальном составе позднего Герзе (Wildung, 1984).

Как и в культуре Амрат, в Герзе закапывали умерших животных на кладбище.

Наскальная живопись, относящаяся к стилю «восточных завоевателей» и найденная в долине Верхнего Нила в Египте и в Восточной пустыне (Winkler, 1938–1939; Resch, 1967), по всей видимости, современна герзейскому искусству. В ней много изображений нильских судов и батальных сцен (илл. 62).

Именно в период Герзе культурное влияние Египта начинает заметно проявляться в Нижней Нубии. Отмечено частое присутствие египетских изделий в погребальном снаряжении в этом регионе, расположенном на самом южном краю Египта (считается, что этническая Нубия начинается с Джебель-Силсила к северу от Асуана). Торговые отношения между Нубией и Египтом лежат, вероятно, в основе развития «археологической культуры группы А» (Trigger, 1976, pp. 32–46).

Считается, что именно в додинастическое время была заложена основа длительного процесса культурного развития династического периода. Долгое время большинство исследователей считали, что эта последовательность археологических культур объяснялась вторжением чужеземных народов, которые путем мирной колонизации или военных завоеваний принесли с собой новые для Египта культурные достижения и ценности (Petrie, 1920). Но с недавних пор ученые стали защищать тезис о собственной египетской культурной эволюции (Childe, 1935; Baumgartel, 1955, 1960; Hayes, 1965; Trigger, 1985; Hoffman, 1979; Vercoutter, 1981; Krzyzaniak, 1977). Сегодня кажется очевидным, что наиболее важным аспектом этой эволюции были относительно быстрые социальные изменения.

В отличие от предшествующего неолита, археологические сведения о додинастическом периоде получены в основном из могильников. Хотя эти материалы и дают относительно мало информации о таких сторонах жизни, как хозяйствование, они представляют собой ценный источник сведений об общественных событиях. Самым важным явлением в течение всего додинастического периода в Египте был, безусловно, процесс концентрации власти и богатства и, как результат, начало расслоения общества. Этот процесс выразился в появлении первой социальной элиты и в политической организации протогосударства. Первые неоспоримые признаки этих изменений относятся, скорее всего, к концу рассматриваемого периода.

Общественное развитие египетского общества в додинастическую эпоху описано М. Атцлером (Atzler, 1981). Основываясь на тщательном и систематическом анализе размеров и устройства могил и их убранства, можно определить время, когда элита выделилась из древнего племенного сообщества. Одним из основных направлений этого исследования являлась классификация нескольких тысяч додинастических могил на три категории в соответствии с их размерами, устройством и убранством. Самое раннее появление категории очень больших, сложных и богатых могил относится уже к амратским временам, но в герзейский период они встречаются постоянно; к концу этого периода выделяется небольшая группа могил, выдающихся по конструкции и богатству обстановки. Более скромные могилы двух других категорий содержали останки членов семейных общин – основных ячеек, образующих единицы общественного производства и распределения. Вожди этих общин имели более богатые захоронения. Представителей первой настоящей египетской социальной элиты хоронили в самых богатых могилах.

Образование этой элиты совпало с общим ростом производительности труда, введением новых технологий в долине Нижнего Нила, с повышением уровня общественной кооперации и организации, включая специализацию в производственной деятельности.

По-видимому, в могилах высшей категории хоронили вождей крупных социальных групп и их родственников. В конце периода Герзе (с его отрезка Накада II до Накада III) появляется небольшое количество исключительно богатых могил этой категории, но еще более выдающихся по конструкции и убранству; очевидно, происходило сосредоточение власти и богатства у отдельных людей, которые были захоронены в этих могилах. Пример такого захоронения – знаменитая могила 100 в Иераконполе, а также просторные и богатые могилы на кладбищах В и Т в Накаде, часто называемые «царскими некрополями». Полагают, что в этих могилах погребены вожди крупных территориальных образований, другими словами, властители протогосударств, со своим богатством и символическим снаряжением. Имеется лишь скудная информация о существовании таких вождей в первых письменных источниках, относящихся к династическому периоду, об их правлении до образования Первой династии. Крупные территориальные центры существовали, вероятно, в эпоху Герзе в Верхнем Египте в Иераконполе, Накаде и Тинисе (Абидосе), а также, несомненно, в дельте Нила (илл. 63).

В письменных документах династической эпохи упоминают такие центры, как Саис, Буто и Мендес (Vercoutter, 1981, pp. 717–718), но их было, конечно, гораздо больше, как указывают недавно проведенные работы в этой местности (Wildung, 1984; Krzyzaniak, 1989).

Очень богатое и сложное убранство некоторых могил конца додинастического периода указывает не только на эффективную и хорошо стратифицированную социальную и политическую организацию и на концентрацию богатств, но косвенно и на эффективность этой системы, обеспечившей экономический рост, поощрявшей, например, появление сословий специалистов – ремесленников и мастеровых, занятых производством предметов для новой элиты. Очевидно, что центры, появившиеся в конце додинастической эпохи, т.е. первые города, были местами проживания представителей новой социальной элиты, а также первых специалистов и первых профессиональных служителей культа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассматривая эволюцию египетского общества в ходе последнего доисторического периода, можно видеть, что в нем произошли удивительно быстрые изменения в культурном и экономическом развитии в те несколько веков, которые предшествовали династической эпохе. После сравнительно медленного прогресса в период неолита между десятым и восьмым тысячелетиями до наст. в., в шестом тысячелетии наблюдаются значительные экономические и социальные изменения, выражающиеся в концентрации богатства и власти. В результате появляется первое социально расслоенное общество, которое в течение нескольких следующих тысячелетий будет играть первостепенную роль в этой части Древнего Мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ATZLER, M. 1981. Untersuchungen zur Herausbildung von Herrschaftsformen in Ägypten. Hildesheim.
- BANKS, K. N. 1984. Climates, Cultures and Cattle: The Holocene Archaeology of the Eastern Sahara. Dallas.
- BARTA, W. 1979. Bemerkungen zu den Summenangaben des Turiner Königspapyrus für die Frühzeit und das Alte Reich. Mitt. Dtsch. Archäol. Inst. Abt. Kairo (Mainz), Vol. 35, pp. 11–4.
- BAUMGARTEL, E. J. 1955. The Cultures of Prehistoric Egypt, rev. edn. London/Oxford. Vol. 1.
- 1960. The Cultures of Prehistoric Egypt. London/Oxford. Vol. 2.
- BRUNTON, G. 1938. Mostagedda and the Tasian Culture. London, British School of Archaeology in Egypt.
- BRUNTON, G.; CATON–THOMPSON, C. 1928. The Badarian Civilization and the Predynastic Remains near Badari. London, British School of Archaeology in Egypt.
- BUTZER, K. W. 1976. Early Hydraulic Civilization in Egypt: A Study of Cultural Archaeology. Chicago/London.
- CATON–THOMPSON, C.; GARDNER, E. W. 1934. The Desert Fayum. London.
- CHILDE, V. G. 1935. New Light on the Most Ancient Near East: The Oriental Prelude to European Prehistory. London.
- CLARK, J. D. 1971. A Re-examination of the Evidence for Agricultural Origins in the Nile Valley. Proc. Prehist. Soc., Vol. 37, pp. 34–79.
- DRIESCH, A. VON DEN; BOESSNECK, J. 1985. Die Tierknochenfunde aus der neolithischen Siedlung von Merimde-Benisalame am westlichen Nildelta. Munich.
- EIWANGER, J. 1984. Merimde-Benisalame I – Die Funde der Urschicht. Mainz.
- EVANS, J. D. 1971. Neolithic Knossos: The Growth of a Settlement. Proc. Prehist. Soc., Vol. 37, pp. 95–117.
- GAUTIER, A. 1968. Mammalian Remains of the Northern Sudan and Southern Egypt. In: WENDORF, F. (ed.), The Prehistory of Nubia I. Dallas, pp. 80–99.
- 1984. Archaeozoology of the Bir Kiseiba Region, Eastern Sahara. In: WENDORF, F.; SCHILD, R.; CLOSE, A. E. (eds), Cattle-Keepers of the Eastern Sahara: The Neolithic of Bir Kiseiba. Dallas, pp. 49–72.
- GAUTIER, A.; BALLMANN, P.; NEER, W. VAN. 1980. Molluscs, Fish, Birds and Mammals from the Late Palaeolithic Site in Wadi Kubbania. In: WENDORF, F.; SCHILD, R.; CLOSE, A. E. (eds), Loaves and Fishes: The Prehistory of Wadi Kubbania. Dallas, pp. 281–93.
- HASSAN, F. 1980. Radiocarbon Chronology of Archaic Egypt. J. Near East. Stud. (Chicago), Vol. 39, pp. 203–7.
- HAYES, W. C. 1965. Most Ancient Egypt. (Ed. K. C. Steele.) Chicago/London.
- HAYS, T. R. 1984. Predynastic Development in Upper Egypt. In: KRZYZANIAK, L.; KOBUSIEWICZ, M. (eds), Origin and Early Development of Food-Production Cultures in North-Eastern Africa. Poznań. pp. 211–9.
- HOFFMAN, M. A. 1979. Egypt before the Pharaohs: The Prehistoric Foundations of Egyptian Civilization. New York.
- 1984. Predynastic Cultural Ecology and Patterns of Settlement in Upper Egypt as Viewed from Hierakonpolis. In: KRZYZANIAK, L.; KOBUSIEWICZ, M. (eds), Origin and Early Development of Food-Production Cultures in North-Eastern Africa. Poznań. pp. 235–45.
- KAISER, W. 1956. Stand und Probleme der ägyptischen Vorgeschichtsforschung. Z. ägypt. Sprache Altertkd. (Berlin), Vol. 81, pp. 87–109.
- KRZYZANIAK, L. 1977. Early Farming Cultures on the Lower Nile: The Predynastic Period in Egypt. Warsaw.
- 1989. Recent Archaeological Evidence on the Earliest Settlement in the Eastern Nile Delta. In: KRZYZANIAK, L.; KOBUSIEWICZ, M. (eds), Late Prehistory of the Nile Basin and the Sahara. Poznań. pp. 267–85.
- MCBURNEY, C. B. M. 1967. The Haua Fteah (Cyrenaica) and the Stone Age of the South-East Mediterranean. Cambridge.
- NOTEN, F. VAN. 1978. Rock Art of the Jebel Uweinat (Libyan Sahara). Graz.
- PETRIE, W. M. F. 1920. Prehistoric Egypt. London, British School of Archaeology in Egypt.
- RESCH, W. F. E. 1967. Die Felsbilder Nubiens: eine Dokumentation der ostägyptischen und nubischen Petroglyphen. Graz.
- RIZKANA, L.; SEEHER, J. 1984. New Light in the Relation of Maadi to the Upper Egyptian Cultural Sequence. Mitt. Dtsch. Archäol. Inst. Abt. Kairo (Mainz), Vol. 40, pp. 237–52.
- SAID, R. et al. 1972. Remarks on the Holocene Geology and Archaeozoology of the Northern Fayum Desert. Archaeol. Polona (Wroclaw), Vol. 13, pp. 7–22.
- SINGH, P. 1974. Neolithic Cultures of Western Asia. London.
- SMITH, H. 1969. Animal Domestication and Animal Cult in Dynastic Egypt. In: UCKO, P. J.; DIMBLEBY, G. W. (eds), The Domestication and Exploitation of Plants and Animals. Chicago, pp. 307–16.
- TRIGGER, G. G. 1976. Nubia under the Pharaohs. London.
- 1985. The Rise of Egyptian Civilization. In: Ancient Egypt: A Social History. Cambridge, pp. 1–70.
- VERCOUTTER, J. 1981. Discovery and Diffusion of Metals and Development of Social Systems up to the Fifth Century before Our Era. In: KI–ZERBO, J. (ed.), General History of Africa, Vol. 1: Methodology and African Prehistory. Paris, UNESCO, pp. 706–28.
- WENDORF, F. 1968. Late Palaeolithic Sites in Egyptian Nubia. In: WENDORF, F. (ed.), The Prehistory of Nubia II. Dallas, pp. 791–953.
- WENDORF, F.; SCHILD, R. 1984a. Introduction. In: WENDORF, F.; SCHILD, R.; CLOSE, A. E. (eds), Cattle-Keepers of the Eastern Sahara: The Neolithic of Bir Kiseiba. Dallas, pp. 1–18.
- 1984b. Conclusions. In: WENDORF, F.; SCHILD, R.; CLOSE, A. E. (eds), Cattle-Keepers of the Eastern Sahara: The Neolithic of Bir Kiseiba. Dallas, pp. 404–28.
- WENDORF, F.; SCHILD, R.; CLOSE, A. E. (eds) 1980. Loaves and Fishes: The Prehistory of Wadi Kubbania. Dallas.
- (eds) 1984. Cattle-Keepers of the Eastern Sahara: The Neolithic of Bir Kiseiba. Dallas.
- WILDUNG, D. 1984. Terminal Prehistory of the Nile Delta: Theses. In: KRZYZANIAK, L.; KOBUSIEWICZ, M. (eds), Origin and Early Development of Food-Production Cultures in North-Eastern Africa. Poznań. pp. 265–69.
- WINKLER, H. A. 1938–9. Rock-Drawings of Southern Upper Egypt. London. 2 vols. (Vol. 1, 1938; Vol. 2, 1939).

АФРИКА (КРОМЕ ЕГИПТА)

от начала производства пищи до 5000 лет назад

Дэвид У. Филлисон

ПРОИЗВОДЯЩЕЕ ХОЗЯЙСТВО В АФРИКЕ

По сравнению с большей частью Западной Азии и некоторыми европейскими регионами Африка с запозданием перешла к производству продуктов питания. На первый взгляд это может показаться удивительным, так как интенсивное использование природных пищевых ресурсов очень рано развилось в некоторых районах Африки, например, в долине Нила в Египте, и в меньшей степени – на прибрежных равнинах Алжира. С уверенностью можно считать, что уже 12000 лет назад в долине Нила, например в Эсне (*Wendorf & Schild, 1976*), египтяне собирали значительные урожаи диких зерновых растений, особенно ячменя, для использования в пищу. Позже участились попытки приручить диких животных, включая даже многие виды, которые так никогда и не были одомашнены, такие как жирафы, различные виды антилоп, львы, обезьяны и др. (*Smith, 1969*). В Северной Африке подобные попытки осуществлялись чаще, чем принято считать; предполагается (*Saxon, 1974*), что на алжирском побережье, например в Тамар-Хат, около 10000 лет назад охотники подходили к забоем овец выборочно, с целью поддерживать определенную численность стада.

Рассматривая эти первые примеры перехода к производству продовольствия, необходимо обратить внимание на некоторые обстоятельства, которые объясняют сущность перехода от охоты и собирательства к сельскому хозяйству и помогают понять, что в этом переходе было специфически африканским.

Прежде всего отметим, что разделительная линия между дикими растениями и животными и соответствующими им домашними видами очень нечеткая и плохо определена. И хотя эта разница интересна прежде всего с точки зрения поведения людей, определить ее могут только ботаники и зоологи на основе генетических и морфологических признаков. Мужчины и женщины всегда пытались сохранить и приумножить производительность необходимых для их существования видов животных и растений, эти попытки могли приносить им значительную экономическую выгоду на протяжении жизни многих поколений, но они не привели к заметным изменениям данных видов. Ниже в данной главе приведены примеры, полученные из окраинной зоны африканских экваториальных лесов.

Во многих частях Африки физические и химические условия, преобладающие на археологических местонахождениях, часто мешали сохранению остатков животных и особенно растений. Даже если эти остатки сохранились, специалисты испытывают значительные трудности в различении домашних и диких видов. Например, почти нет разницы между большинством ископаемых костей домашнего крупного рогатого скота и диких буйволов (*Smith, 1986*). Известно также, как трудно узнать пыльцу культурных злаков (*Higgs, 1972*). Можно с уверенностью говорить об одомашнивании какого-либо вида только тогда, когда этот процесс привел к значительному расширению области распространения этого вида. Однако многие виды съедобных растений Африки, такие как ямс или абиссинский и обыкновенный банан, почти не оставили следов на археологических стоянках, поэтому, чтобы воссоздать первые этапы окультуривания этих растений, специалисты по доисторическому периоду должны опираться на ботанические обоснования (*Harlan, 1982*).

Хотя история одомашнивания животных и окультуривания растений изучается в основном с точки зрения производства пищи, важно понять, что их дикие виды были, конечно, одомашнены не только для употребления в пищу. На домашних животных ездили и перевозили грузы, они были сторожами, помогали на охоте и в другой деятельности. Они давали людям материал для изготовления одежды, для производства других предметов. Для многих африканских общин коллективное богатство выражалось именно в животных. Что касается растений, то они давали не только пищу, но и наркотические вещества и стимуляторы, волокна и красители, а также средства медицины и магии. Но ни одна из этих функций не является единственной причиной одомашнивания.

Прежде чем рассмотреть факторы, которые могли способствовать развитию сельскохозяйственных технологий в различных частях Африки, нужно вспомнить основные виды соответствующих африканских растений и животных.

Виды животных относительно немногочисленны и их легко перечислить (*Zeuner, 1963; Epstein, 1971; Clark & Brandt, 1984*). Козы, овцы и крупный рогатый скот широко распространены во многих регионах Африки. Нам неизвестны дикие африканские прототипы, от которых могли бы произойти козы и овцы (к тому же трудно отличить их ископаемые остатки, найденные на археологических

стоянках). Следовательно, можно предположить, что они были завезены на континент в уже одомашненном виде, вероятно, из Юго-Западной Азии, где одомашнивание произошло до их появления в Африке. С крупным рогатым скотом дело обстоит сложнее. Появляется все больше указаний на то, что самые древние известные домашние виды в Африке, в Сахаре, произошли от местного дикого вида *Bos primigenius*. Последовавшему распространению этого прототипа в более южные районы Африки часто препятствовала муха це-це, переносица трипаномы, к которым очень чувствительны большинство домашних разновидностей крупного рогатого скота. Другие разновидности, такие как горбатый короткорогий зебу, появились в Африке позже, вероятно, с востока. Поэтому пока в доистории разведения африканского крупного скота не появляются новые данные, нам следует придерживаться этих предположений.

Свинья (*Sus*) появилась впервые у земледельцев Нижнего Египта, несомненно, из Юго-Западной Азии. В римскую эпоху это животное было широко распространено по всей Северной Африке, однако затем развитие ислама и христианства в Эфиопии привело к ограничению ее распространения, так как обе религии остались верны древнему семитскому запрету есть свинину. Время появления свиноводства в прибрежных районах Западной Африки остается невыясненным. Народ занде и их соседи в районе, проходящем по водоразделу бассейнов Нила и Конго, могли приручить местную разновидность – кустарниковую свинью (*Potamochoerus*). Южнее домашняя свинья была неизвестна до европейской колонизации.

Что касается других видов домашних животных, то осел обнаруживается в Египте по крайней мере в середине шестого тысячелетия до наст. в. Еще раньше, по-видимому, его изображение появляется в наскальной живописи в районе к западу до гор Атласа. На юге Нубии осла используют с 2700 лет до наст. в., а в районах Восточной Африки немного позже, под влиянием народов, говорящих на нилотских языках. Обычно считают, что верблюд попал в Северо-Восточную Африку из Аравии немногим больше 2000 лет назад; во всяком случае до этой даты он чрезвычайно редко встречался в Египте. Однако археологи недавно обнаружили следы, которые позволяют предположить присутствие этого животного в некоторых частях Африканского Рога в гораздо более ранний период (Phillipson, 1984). Кошка была приручена предположительно для помощи на охоте в Юго-Западной Азии или в Египте, или в двух этих местах сразу; египтяне во времена Нового Царства возвели ее в ранг священного животного, т.е. уже тогда, когда в остальной Африке ее еще не знали.

Лошади были завезены в Египет примерно 3600 лет назад, они использовались как тягловые и иногда ездовые животные. Их присутствие обнаруживается в Нубии 2700 лет назад и одновременно, может даже немного раньше, в большей части Северной Африки и Сахары: невозможно сказать точнее, поскольку основные свидетельства нам дают наскальные изображения, возраст которых не определен. Магрибские лошади произошли, вероятно, от той ветви, которая появилась здесь раньше арабских лошадей. В доколониальную эпоху самый южный район, где обнаруживаются лошади, – суданская саванна, куда они попали, вероятно, из Магриба в конце первого тысячелетия новой эры.

До сих пор исследователей мало занимало одомашнивание кур (*Gallus*), распространенных по всей Северной Африке в римскую эпоху. Предполагают, что к югу от Сахары они были завезены по Индийскому океану в первом тысячелетии новой эры через поселение на побережье, но эта гипотеза не имеет надежных подтверждений. Римляне в Северной Африке разводили также цесарок (*Numida meleagris*), откуда они были завезены в Европу. Эта разновидность кур африканского происхождения была очень

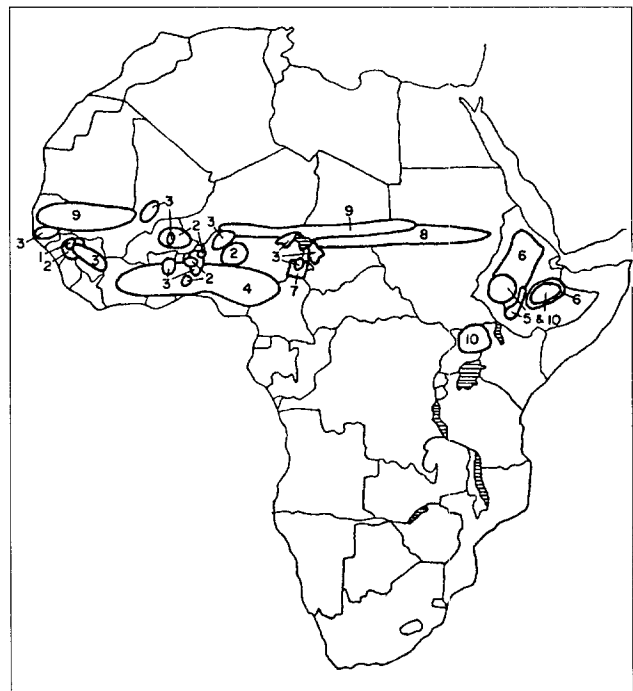
распространена, но не известно, где и когда она была одомашнена. В XVI в. португальцы ее вновь «открыли» на западном побережье Африки.

Самым обычным и наиболее широко известным из всех домашних животных была собака, она была распространена по всей Африке и, как и во многих других частях света, вероятно, была одним из первых одомашненных животных. В Египте, как и в Судане, она представлена на стоянках первых земледельцев. В Южной Африке собака изображалась на наскальных рисунках раньше, чем другие домашние животные в этом регионе.

Из приведенного обзора следует, что домашними животными (которых по зоологическим данным можно отнести к их местным африканским предкам) являются некоторые виды крупного рогатого скота, осел и цесарка (хотя нет доказательств, что в древности она была одомашнена в Африке). Другие виды животных – баран, коза, свинья, лошадь, верблюд и курица, по всей видимости, были завезены в Африку уже в одомашненном виде; от четырех первых видов со временем произошли типично африканские породы.

Если обратиться к растительному миру, то здесь разновидностей будет гораздо больше (Harlan et al., 1976) (карта 44). К ним прежде всего относятся озимые ячмень и пшеница, которые тысячелетиями культивировались в Северной Африке и Эфиопии, где были благоприятные климатические условия. Эти зерновые, как и лен, могли быть завезены в Африку из Юго-Западной Азии, где эти культуры появились гораздо раньше. Однако дикий ячмень распространен в Египте, и, может быть, будущие исследования дадут доказательства его местного окультуривания.

В настоящее время зона зимних дождей в Африке не заходит южнее 23 град. северной широты (за исключением небольшой территории в Капской провинции в Южной Африке). Вероятно, эта граница не претерпела больших изменений со времен голоцена. В районах, где дождь идет

Карта 44. Зоны распространения диких прототипов растений, выращиваемых в Африке: 1 – *Brachiaria deflexa*; 2 – *Digitaria exilis* и *Digitaria iburua*; 3 – *Oryza glaberrima*; 4 – *Dioscorea rotundata*; 5 – *Musa ensete* и *Guizotia abyssinica*; 6 – *Eragrostis tef*; 7 – *Voandzeia* и *Kerstingiella*; 8 – *Sorghum bicolor*; 9 – *Pennisetum americanum*; 10 – *Eleusine coracana* (по Harlan, 1971, fig. 5)

только летом, трудно выращивать ячмень и пшеницу без обильного полива, и за исключением некоторых видов растений, завезенных из Индонезии и Америки относительно недавно, основные культивируемые в этих районах растения местного происхождения. Их можно разделить на три категории.

В саванне южнее Сахары выращивают в основном зерновые растения: сорго, просо (*Pennisetum*), фоню и его разновидности (*Digitaria*), а также африканский рис (*Oryza glaberrima*). Наряду с ними выращиваются второстепенные культуры – земляной орех (*Voandzeia subterranea*), хлопок (*Gossypium herbaceum*), тыква (*Lagenaria*), различные виды кабачков (*Citrullus*) и орех колы (*Cola*).

Все эти виды произрастают главным образом на низменностях Сахеля и в саванне к северу от экваториального леса. На эфиопских возвышенностях к востоку от Нила встречаются совершенно другие культуры. Зерновые включают ячмень и пшеницу, а также просо (*Eleusine*), которое, возможно, происходит с возвышенностей Северо-Восточной Африки. Предпочтительным является теф (*Eragrostis tef*), который растет только в Эфиопии. Масличное растение нуг (*Guizotia abyssinica*) и наркотическое растение кат (*Catha edulis*) также широко культивируются в этом регионе. На юге Эфиопии основной продовольственной культурой является абиссинский банан (*Ensete ventricosa*), из стеблей и основания листа которого делается подобие хлеба. Все эфиопские растения, зона выращивания которых ограничена, были, без сомнения, окультурены в этих местах во времена, о которых речь пойдет ниже.

Наконец, следует упомянуть растения, выращиваемые в экваториальном лесу, особенно по его краю. В основном это растения с вегетативным размножением, а не злаки. Первое место здесь занимает африканский ямс (*Dioscorea*), второе – чина (*Vigna unguiculata*). Следует упомянуть также особую группу деревьев, среди них – масличную пальму (*Elaeis guineensis*) и масляное дерево (*Butyrospermum paradoxium*). Эти масличные деревья являются важными для получения масла, но нельзя сказать, что они окультурены, а не просто выращиваются и охраняются. Деревья видов *Canarium schweinfurthii* и *Celtis integrifolia* также растут в диком состоянии в лесу, а человек только старается их сохранить. Заботится он и о баобабе (*Adansonia digitata*), растущем в лежащей южнее саванне.

По археологическим данным трудно воссоздать историю культивирования большинства растений: либо, как у ямса, у них нет твердых частей, которые могут сохраняться, либо морфология домашних видов не отличается от дикорастущих.

Для полноты обзора упомянем основные окультуренные растения, которые были занесены в зону южнее Сахары относительно недавно, так как многие из них оказали значительное влияние на технику местного земледелия и структуру питания людей. Самыми распространенными являются два растения, появившиеся из Нового Света в начале XVI в.: это широко теперь распространенные в качестве основных растений маис и кассава (маниок). Американское происхождение имеют также табак, различные сорта фасоли и тыквы, батат, перец и папайя (дынное дерево).

Для той группы растений, которые завезены в Африку через Индийский океан, трудно определить дату появления на континенте. Самым значительным из них является банан, который сегодня является одним из основных продуктов в районе оз. Виктория. Среди других растений азиатского происхождения можно назвать кокос, сахарный тростник, азиатский рис, бетель и, вероятно, индийскую коноплю.

Из изложенного видно, что видов растений африканского происхождения гораздо больше, чем видов животных, одомашненных в Африке. Ботанические исследования окультуривания растений помещают центры, откуда распространялись новые виды, между 18 и 5 град северной

широты, т.е. между южной Сахарой и северным краем экваториального леса, в зоне, включающей географически особый район эфиопских плато на востоке континента. Дикие прототипы одомашненных видов растений и животных отсутствуют в более южных частях Африки и, видимо, появились здесь в уже одомашненном (окультуренном) виде с севера. Как мы увидим дальше, это предположение подтверждается имеющимися, хотя и весьма неполными, археологическими данными. Эти археологические открытия отражают местные особенности развития способов производства пищи в Африке к северу от экватора в период 8000–5000 лет назад. Они подтверждают также, что эти способы, как и связанные с ними виды растений и животных, распространились далее в южные части Африки. Такое явное отставание имеет свое объяснение.

Преимущества, обеспечиваемые способом хозяйствования, заключающемся в производстве пищи, часто считают само собой разумеющимися. На самом деле африканский биом настолько богат, предоставляет такое разнообразие съедобных диких растений и животных на континенте, который до недавнего времени был относительно мало заселен, что в этих условиях преимущества сельского хозяйства не представляются очевидными. Недавние исследования показали, что даже в районах с менее благоприятными условиями охота и собирательство обеспечивали лучшее питание, чем скотоводство или обработка земли, не требуя при этом больших физических и временных затрат (*Hitchcock & Ebert*, 1984). Поэтому оказывается, что в условиях Африки необходим какой-то чрезвычайный стимул, чтобы побудить человека заняться скотоводством или земледелием. Однако после первого шага трудно вернуться к прежней жизни.

Характерной чертой многих африканских общин охотников-собирателей является то, что они поровну делят все ресурсы между своими членами. В таких общинах есть внутреннее противодействие тому, чтобы хотя бы частично или временно перейти к способу хозяйствования, который может привести его сторонников к отказу от трудового цикла, построенного на взаимных обязательствах. Если цикл разрывается, а распределение заменяется конкуренцией, то это ведет к росту населения, которое быстро достигает максимально возможного уровня по отношению к ресурсам данной территории. Рассмотрим теперь роль оседлого образа жизни в этом процессе.

ОСЕДЛЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ И ДРЕВНЕЕ ПРОИЗВОДЯЩЕЕ ХОЗЯЙСТВО В АФРИКЕ

Полезно рассмотреть некоторые изменения в образе жизни людей, которые можно связать с переходом к производству продуктов питания. Мы уже отмечали, что такое производство кладет конец системе распределения продовольствия между членами общины, что может сопровождаться изменением ролей мужчин и женщин, в частности, приводит к ограничению участия женщин в добычании пищи для всей общины. Это может быть вызвано и ростом народонаселения, который, как мы видели, связан с развитием земледелия. Другим важным аспектом этой эволюции является оседлый образ жизни, который позволяет накапливать личное имущество и, следовательно, приводит некоторых членов сообщества к богатству и власти. Эти «побочные эффекты» помогают понять, почему переход от охоты и собирательства к сельскому хозяйству был часто необратимым процессом. Надо также отметить, что в сообществах земледельцев эти эффекты проявляются значительно заметнее, чем в тех, которые занимаются только скотоводством.

Таким образом, переход к производству пищи нельзя рассматривать ни как изолированное явление, ни как непременно желаемую цель. Врожденный консерватизм в

сочетании с изобилием ресурсов могли отдалять переход к сельскому хозяйству, к разведению скота или обработке земли, но не надо забывать также и о влиянии различных факторов, значение которых не так очевидно.

Переход от одного способа жизнеобеспечения к другому, а также его необратимость понять гораздо легче, если рассматривать весь комплекс культурных изменений, которые, как мы видели, сопровождали появление производящего хозяйства в существенном масштабе. Из этого следует, что когда речь идет о таком сложном явлении, несколько факторов могли действовать одновременно, и изменения нельзя связывать с какой-либо одной причиной. Если принять эту точку зрения, то археологические материалы, найденные на африканских стоянках, позволяют более полно и ясно увидеть общую картину.

Однако нельзя путать причину и следствие. Часто предполагают, что самый важный и перспективный вклад перехода к производству пищи в развитие человечества – это то, что сельское хозяйство способствовало или требовало перехода к оседлости и, следовательно, строительства постоянных домов, накопления богатств и т.д. Археологические данные, собранные в Африке, представляют особый интерес в этом отношении, поскольку показывают, что на большей части Африки преобладает обратная ситуация. Оказывается, некоторые африканские общины были оседлыми на много веков раньше, чем появляются первые следы производящего хозяйства в какой-либо форме (Sutton, 1974). Хозяйство этих общин основывалось в основном не на охоте или собирательстве съедобных растений (даже если они и занимались и тем, и другим), а на рыбной ловле. Богатое рыбой озеро являлось для окрестных обитателей надежным источником, круглый год обеспечивающим их основной пищей. В начале голоцена было много таких озер в той части Африки, которая сегодня включает южную Сахару и Сахель, простираясь на север Восточной Африки.

Археологические материалы показали, что общины рыбаков, живших по берегам этих озер, первыми в Африке, расположенной к югу от Сахары, стали разводить скот – как животных, появившихся с севера, так и постепенно одомашненные местные виды; они же первыми стали поддерживать и культивировать местные продовольственные растения. (Эти археологические данные будут приведены ниже.)

СЕВЕРНАЯ АФРИКА

В течение тысячелетий Средиземноморское побережье Северной Африки было местом встречи африканцев с жителями других частей Средиземноморья. В частности, Египет был важным узлом взаимодействия, так как связан сухопутным путем как с Юго-Западной Азией, так и с Северной Африкой и Сахарой, а Нилом – с южными регионами. Хотя поздняя доистория Египта не является темой этой главы, невозможно понять, как развивалось производство пищи в Африке, не учитывая того, как происходило развитие северо-восточной части континента.

В самом начале голоцена побережье Северной Африки было заселено охотниками-собирателями, пользовавшимися в основном микролитами – миниатюрными каменными пластинами; эта культура была классифицирована как капсийская в Магрибе и ливийско-капсийская восточнее. Охота, особенно на диких баранов, и собиранье съедобных улиток составляли, по-видимому, основу капсийского хозяйствования в местностях, где быстро исчезли дубовые и сосновые леса позднего плейстоцена (Camps, 1974; McBurney, 1967). К этому времени относятся первые свидетельства производства пищи: домашние овцы и/или козы были изображены на стенах пещеры Хауа-Фтеа на Киренаике около 7800 лет назад.

В это время не наблюдается больших изменений в производстве каменных орудий, а глиняная посуда появляется позже. Мелкий домашний скот (овцы и козы) явно не произошел от единственной местной разновидности дикого барана, который мог бы быть его предком, поэтому можно с уверенностью говорить о его ипоземном происхождении. Этот вывод подтверждается и тем фактом, что самые древние свидетельства о занятиях скотоводством на Киренаике совпадают в основном с началом сельского хозяйства в дельте Нила (см. гл. 39). В поселениях дельты уже выращивали ячмень и пшеницу, но нет доказательств, что в то время культура зерновых появилась западнее. По-видимому, в первой половине восьмого тысячелетия, после распространения в Нижнем Египте смешанной системы хозяйствования, основанной на выращивании нескольких культур – пшеницы, ячменя и льна и на разведении свиней, овец и коз, жители ливийского побережья быстро переняли способы разведения этого мелкого скота.

Западнее, за заливом Большой Сирт (Сидра), присутствие овец и коз обнаружено около 7000 лет назад, т.е. примерно в то же время, когда они появляются во многих прибрежных регионах Западного Средиземноморья (во Франции, Испании, на о. Сардиния, Италии), которые отмечены также находками гончарных изделий, украшенных характерными отпечатками раковин. Этот тип керамики обнаружен также на побережье Африки на севере Марокко, например в Эль-Хрил (Jodin, 1959), и в Алжире.

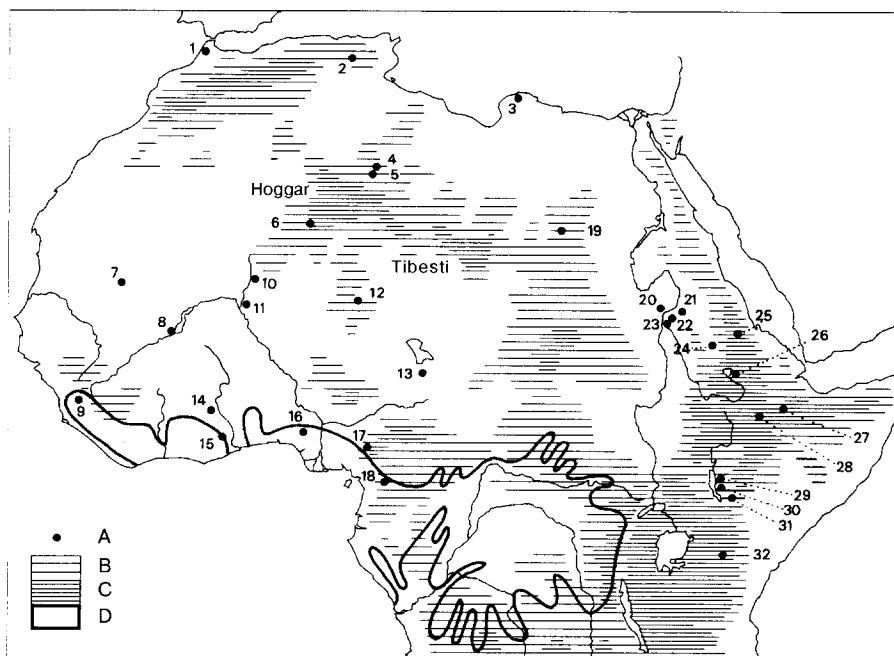
Из сказанного следует, что жители побережья Северной Африки и других прибрежных районов Центрального и Западного Средиземноморья ввозили как по земле, так и морем мелкий домашний скот, место происхождения которого Юго-Западная Азия.

Ниже будет показано, какая сложная система кочевья установилась затем в Магрибе, где к овцам и козам добавился и крупный рогатый скот. До сих пор не известно, в какое время появилось земледелие, основанное, вероятно, на выращивании ячменя и пшеницы в районах средиземноморской Африки, исключая Египет; будущие исследователи должны заняться этим важным вопросом.

САХАРА И ДОЛИНА СРЕДНЕГО СУДАНСКОГО НИЛА (карта 45)

Сахара и долина среднего суданского Нила со всей очевидностью занимают ключевое положение во всем исследовании, посвященном появлению производящего способа хозяйствования в Африке.

В течение рассматриваемого периода географическая среда в этом регионе претерпела значительные изменения, которые нам сегодня относительно хорошо известны, по крайней мере в основных чертах. В начале голоцена озера и реки образовались в Центральной и Южной Сахаре, от Мали до Западной пустыни в Египте. Появились флора и фауна, совершенно отличные от тех, которые мы наблюдаем сегодня в этой части Африки. Например, гиппопотамы и крокодилы, так же как и антилопы, которые могут жить только среди пышной растительности в хорошо орошаемых местностях, в изобилии водились в этих местах, ставших сегодня совершенно пустынными. Но представлять себе Сахару в начале голоцена надо не как сплошное хорошо орошаемое пространство, а как мозаику, в которой возвышенности с обильными осадками и равнины, орошаемые стекаемыми с них потоками, чередовались с пустынными зонами, отличавшимися от современных пустынь лишь своими размерами. В короткий период с 8200 до 6800 лет назад большие территории переживали краткие периоды засухи, а с 5700 лет назад это явление стало постепенно распространяться на всю территорию, хотя и наблюдались некоторые региональные отличия.

Карта 45. Местонахождения в Сахаре, Западной и Восточной Африке, характерные древним производительным хозяйством: **A** – археологические стоянки, упомянутые в тексте, **B** – высота территории свыше 500 м над уровнем моря, **C** – высота территории свыше 1000 м над уровнем моря, **D** – современное распространение экваториальных лесов; 1 – Эль-Хрил; 2 – Капелетти; 3 – Хауа-Фтех; 4 – Уан-Мухутиаг; 5 – Тин-Торха; 6 – Амекини; 7 – Дхар-Тишит; 8 – Дженне; 9 – Камабаи; 10 – Асселар; 11 – Каркаришинкат; 12 – Адрар-Бу; 13 – Даимх; 14 – Кинтампо; 15 – Босумпра; 16 – Иво-Элеру; 17 – Шум-Лака; 18 – Обобого; 19 – Джебель-Увейнат; 20 – Эш-Шахейнаб; 21 – Шакадуд; 22 – Кадеро; 23 – Древний Хартум; 24 – Хашм-эль-Гирба; 25 – Гобедра; 26 – пещера Лалибела; 27 – Лага-Ода; 28 – оз. Бесака; 29 – Илерег; 30 – Донгодиен; 31 – Эле-Бор; 32 – Лукения-Хилл

Чтобы понять, насколько природные условия среднего голоцена отличались от условий, существующих в настоящее время, надо учесть два важных фактора. Прежде всего, поверхностные воды занимали гораздо большие площади. Так, около 12000–7000 лет назад площадь оз. Чад достигла своего максимума в 400 тыс. кв. км, т.е. была в 15 раз больше, чем сейчас. Было много других озер, полностью высохших потом, таких как Адрар-Бу в Нигере, и вода постоянно или периодически текла в руслах, большинство из которых сегодня пересохло.

Такое изобилие поверхностных вод и, соответственно, богатая растительность приводили к повышенному испарению, увеличению содержания паров в атмосфере и местным осадкам. В совокупности с другими, еще плохо выясненными климатическими явлениями, такими как перемещение межтропических зон, это увеличение количества осадков объясняет то, что зоны растительности были гораздо ближе к Центральной Сахаре, чем сегодня. Можно привести только один пример: северная граница леса, которая проходит сегодня около водораздела рек Нила и Конго на крайнем юге Судана, во время климатического оптимума в голоцене была расположена примерно на 600 км севернее, а саванна доходила почти до южной Нубии (Mohammed-Ali, 1982).

Такое перемещение экологических зон неизбежно вызвало перемещение людей. К тому же деятельность человека, безусловно, ускоряла процесс климатических изменений, так как распашка земель или, позже, выпас стад приводили к уничтожению растительности. Ускорение процесса происходило постоянно иногда даже посезонно, например, когда пастухи из саванн перегоняли стада к Сахаре в периоды дождей и обратно на юг в период засухи (Connah, 1981).

Как мы уже видели в гл. 39, в Верхнем Египте во время позднего палеолита жители долины Нила стали интенсивно использовать некоторые дикие злаки, особенно ячмень. Однако нет уверенности, что в Западной пустыне зерновые стали предметом настоящего окультуривания ранее,

чем 8000 лет назад, а в долине Нила – до 7000 лет. Начало окультуривания зерновых растений в остальной части Северной Африки относится примерно к этому же или более позднему времени (Wendorf & Hassan, 1989; Hassan, 1985; Smith, 1984). В Египте животноводство кажется таким же древним, как и выращивание зерновых культур; в других местах оно, видимо, появлялось гораздо раньше земледелия, но нельзя забывать, что кости животных сохраняются значительно лучше, чем остатки растений, и их намного легче обнаружить на археологических стоянках.

Вверх по течению, в долине Нила в Судане, в период от 8200–7400 лет назад развился культурный комплекс, называемый древней хартумской культурой (или хартумской мезолит). Известно, что зона этой культуры распространялась на 500 км в долине Нила, с центром в Хартуме, между г. Кости на юге и в районе г. Шенди на севере. Хартумский мезолит вне долины Нила обнаружен сейчас только на стоянке Шакадуд на равнине Бутана и близ Хашм-эль-Гирба на р. Атбара (Fattovich et al., 1984; Marks et al., 1985). Местные культуры, предшествующие хартумской, неизвестны, как и современные ей культуры соседних районов. Но эта кажущаяся изолированность может объясняться просто неодинаковым распределением археологических исследований доисторического периода Судана.

Люди хартумского мезолита строили на берегах или недалеко от Нила деревни, площади которых достигали 700 кв. м, в которых, по всей видимости, жили длительное время, поскольку фрагменты глиняной штукатурки и скопления археологических остатков образуют отложения, толщина которых доходит до 2,5 м. Остатки животных, среди которых нет следов домашних видов, указывают, что рыба и другие водные обитатели были основой хозяйствования. В рыболовном инвентаре найдены костяные зазубренные острия гарпунов и камни с бороздками, предположительно грузила. Наземной дичью были животные, живущие по берегам рек в хорошо орошаемых местностях. Присутствие этих животных и различных моллюсков, а также данные геоморфологии указывают на то, что ок-

ружающая среда в районе Хартума была гораздо более влажной и лесистой, чем сегодня, так как уровень нильских вод был гораздо выше. Каменные орудия включали микролиты со спинкой, но не было инструментов с полированным лезвием. Для глиняных сосудов характерен волнистый узор, который, видимо, наносили костью по еще мягкой глине. Присутствие жерновов и зернотерок говорит о том, что люди использовали зерновые, но кроме зерен масличной пальмы не было найдено никаких остатков, свидетельствующих об использовании растительной пищи в этот период (Arkell, 1949; Moberg, 1982).

Несмотря на кажущуюся изоляцию хартумской культуры в долине суданского Нила, археологи нашли скопления примерно той же эпохи в некоторых частях Восточной Африки (см. далее) и на большой территории Центральной и Южной Сахары.

В девятом тысячелетии до наст. в. традиционный образ жизни, основанный на охоте и сборе зерновых растений, изменился во многих районах: деревни стали строить по берегам озер и других водоемов, где изобилие водной фауны, особенно рыбы, делало возможным почти постоянное проживание. Рыбу ловили с помощью гарпунов с костяными зазубренными наконечниками, которые были похожи на орудия хартумского мезолита (Sutton, 1974). На стоянках в Сахаре нашли изделия из глины, которые тоже украшены волнистым или волнистым и штриховым узорами, что характерно для стоянок долины суданского Нила того же времени. Однако это был не единственный способ украшения сахарских предметов в то время: на гончарных изделиях, датированных возрастом 8700 лет, обнаруженных на стоянке Амекни на нагорье Ахаггар (Хоггар, юго-восток Алжира), узоры иногда выполнялись в виде повторяющегося выдавленного зигзага (Camps, 1969, 1974).

Таковы были условия, в которых началось производство пищи в Сахаре и в долине суданского Нила. Для удобства рассмотрим отдельно окультуривание растений и одомашнивание животных, так как необходимо учитывать, что они не обязательно связаны между собой.

Крупный рогатый скот, овцы и козы были основными домашними животными. Так как по ископаемым костным остаткам трудно различить два последних вида, они рассматриваются здесь вместе под названием «мелкий скот». В Африке неизвестны местные дикие виды, от которых мог бы произойти мелкий домашний скот (по генетическим причинам исключено, что их предком был местный дикий баран (*Ovis ammon*)). Значит, можно предположить, как сделано выше, что в Африку мелкий скот попал из Западной Азии в уже одомашненном виде. Одно время считалось, что у африканского крупного рогатого скота тоже иноземное происхождение, но на сегодняшний день нет веских причин отрицать, что эти животные произошли от дикой разновидности сахарского быка *Bos primigenius* (Smith, 1980a). Чтобы окончательно решить этот вопрос, требуется провести более тщательные остеологические исследования.

Ниже будет отмечено, насколько скудными являются остеологические данные о домашних животных Сахары, поддающиеся датировке. К счастью, эти редкие прямые свидетельства дополняются многочисленными наскальными рисунками и резными изображениями, которые широко распространены в этом регионе, особенно на возвышенностях. Установить абсолютную хронологию изображений можно только в исключительно редких случаях. Однако было несколько попыток изучить последовательность стилей, в частности, в нагорьях Ахаггар (Хоггар), Акакус и Тибести. Сравнивая стили, изображенные сюжеты и археологические последовательности, можно получить приблизительную хронологию.

Здесь различают первую фазу, которая предположительно относится к девяти тыс. лет назад, когда изобража-

лись только дикие животные. На более поздних рисунках появляются человеческие фигуры с характерными круглыми головами (вероятно, восьмое тысячелетие до наст. в.), эти изображения частично совпадают по времени с рисунками, на которых в основном изображены пастушеские сцены. Специалисты помещают данные изображения между восьмым и четвертым тысячелетиями до наст. в. и относят к так называемому периоду быков. На более поздних произведениях появляются лошади и верблюды (Smith, 1968; Willcox, 1984).

Несмотря на неопределенность в хронологии, наскальные изображения Сахары дают значительные детали сведения о доисторическом скотоводстве в этой части Африки. На рисунках можно различить, например, особенности крупного рогатого скота; виден результат скотоводческой практики – форма рогов у этих животных искусственно изменена, как это делали еще недавно в Сахаре и в некоторых районах Восточной Африки. Эти рисунки изображают также доение коров, показывают, что животные иногда служили и для езды. Они дают нам сведения о деталях одежды, которую носили пастухи Сахары, об их домашней и общественной жизни, о существовавших ритуалах (Lbote, 1959; Mori, 1965; Stebli, 1978; Muzzolini, 1986).

Выдолбленные в горах Джебель-Увейнат на юго-востоке Ливии изображения, возраст которых неизвестен, представляют в этом отношении особый интерес. На них изображено много диких животных, особенно жирафов и страусов, привязанных или вedomых за уздечку (рис. 105) (Noten, 1978). В сочетании с различными свидетельствами, собранными в долине египетского Нила (гл. 39), эти изображения ясно показывают, что жители Северо-Восточной Африки пытались приручить разных животных помимо тех, которых они в конце концов полностью одомашнили (Clark, 1971).

Данные о культивировании растений гораздо менее определены. Местности в северной части Сахары с зимними дождями относятся, как и побережье Северной Африки, к зоне, где благодаря благоприятным местным условиям было возможно выращивать ячмень и пшеницу. Однако нет почти никаких доказательств, что эти зерновые культивировались в рассматриваемый период вне Египта и Нубии. В регионах южнее, с летними дождями, не было условий для выращивания злаковых культур, происходивших из Юго-Восточной Азии; доисторическое земледелие могло там основываться только на использовании местных растений. В этих районах находят очень много диких злаков, таких, как *Sorghum*, *Pennisetum*, *Panicum* и *Eragrostis*, но использование в питании лишь некоторых из них нашло подтверждение недавно. Некоторые злаки, особенно два первых, включают сорта, подвергшиеся окультуриванию, и уже в этом виде они обнаружены позднее в более южных районах. Отдельные предметы, в частности каменные зернотерки, вероятно, часто применялись для производства пищи из зерна, но невозможно с уверенностью сказать, из диких или из культурных растений, так как остатки этих растений не дошли до наших дней. Но даже при их наличии трудно определить, имеют ли они морфологические признаки окультуривания; как уже отмечено, невозможно с полной уверенностью отличить окультуренное растение от дикорастущего. На стоянках в Сахаре и в долине Нила находят много зернотерок, относящихся по крайней мере к девятому тысячелетию до наст. в., но ни одна стоянка раньше пятого тысячелетия не дала растительных остатков, о которых можно было бы с уверенностью сказать, что они происходят от окультуренных растений.

В некоторых местах в Центральной Сахаре имеются археологические последовательности, относящиеся к началу производства пищи, но истинная природа хозяйственного развития в эту эпоху остается в целом неясной.

Рис. 105. Два жирафа и страус на привязи. Наскальный рисунок из Джебель-Увейнат (Ливия) (по *Noten*)

Например, исследования Барича (*Barich, 1984*) в сухой долине Тин-Торха в горном массиве Тадрар-Акакус (в Ливийской пустыне) выявили две последовательные фазы заселения в период с начала до середины голоцена.

Первая фаза – около 9400–7200 лет назад – характеризуется весьма развитым каменным производством, в котором преобладали заостренные пластинки со спинкой; встречающиеся гончарные изделия можно отнести к традиции «точечной волнистой линии». Барич (*Barich, 1984, p. 648*) соотносит эти материалы с «полуоседлыми охотниками-рыбаками, широко использовавшими ресурсы окружающей среды и предпринявшими начальные попытки одомашнивания некоторых видов животных и растений».

Позднее, с восьмого до седьмого тысячелетия до наст. в., каменные инструменты стали менее специализированными, за исключением небольшого количества наконечников для стрел, но было изобилие гончарных изделий, стиль которых очевидно повторяет традицию керамики ранней фазы. По костям животных видно, что крупный скот и козы были уже одомашнены. Работы Барича подтверждают более ранние открытия Мори (*Mori, 1965*), который раскопал в Уан-Мухуяг череп домашнего короткого рога быка, относящийся к 7500 лет назад, а также остатки домашних овец и коз.

Археологическая последовательность, соответствующая этому периоду, гораздо лучше изучена в долине суданского Нила, благодаря проведенным там интенсивным поискам. Прежнее мнение, основанное на раскопках, которые были проведены Аркелем (*Arkell, 1953*) в 1953 г. в Эш-Шахейнаб на западном берегу Нила в 70 км к северу от Хартума, о том, что разведение домашних животных началось в очень малых масштабах 6000 лет назад, оказалось ошибочным. Сегодня становится ясно, что именно потомки людей хартумского мезолита, примерно между 6400 и 5700 лет назад (*Hassan, 1986*) разработали сложную систему использования сезонных ресурсов на территории, которая, в отличие от территории их предшественников, находилась на некотором расстоянии от реки.

В более ранние времена водная пища была важным ресурсом для людей хартумского неолита, особенно в сухие сезоны; однако в поселениях, удаленных от реки, люди держали большие стада крупного и мелкого скота. Из этих пастушеских поселений лучше всего изучена стоянка Кадеро в 18 км к северо-востоку от Хартума (*Krzyzaniak,*

1978). Здесь огромное количество интенсивно использованных зерноотерок явно свидетельствует о широком употреблении растительных пищевых продуктов. На гончарных изделиях много отпечатков зерен, но также нет доказательств, что это были окультуренные растения. Наличие на стоянках экзотического для этих мест сырья для изготовления каменных орудий указывает на связи с Центральной Сахарой в это время.

Дальнейшее развитие в долине среднего Нила изучено плохо, поскольку отсутствуют знания о древних обитателях Центрального Судана после 5500 лет назад. Только стоянка Шакадуд на равнине Бутана позволяет предположить, что хартумская неолитическая традиция продолжалась в более позднее время (*Marks et al., 1985*).

На севере, в суданской Нубии, пустынный климат, и всей видимости, преобладал в течение всего голоцена, и поселения устраивались на очень узкой полосе долины Нила, где обильные разливы позволяли заниматься животноводством и/или земледелием на просторных площадях. Самое древнее поселение в этом регионе, относящееся к рассматриваемому периоду, отмечено каменным производством, известным как «шамарк», типичные черты которого сходны с современным ему производством в Сахаре. Около 7800 лет назад ловля рыбы (которая уже с давних пор играла важную роль в хозяйстве Нубии) производилась с использованием гарпунов с костяными зазубренными остриями, похожими на те, которыми пользовались в хартумской мезолитической культуре (*Wendt, 1966*). Последующие производства (абкан), сменившие культуру шамарк, иногда связываемые с гончарными изделиями, стиль которых напоминает керамику хартумского неолита, означали начало производства пищи, ясно обозначенное в Нубии.

О местном хозяйствовании известно мало, но выявлены четкие его связи с Египтом между 6500 и 4900 лет назад. Соответствующие археологические материалы, обозначенные как «группа А» (*Adams, 1977*), обнаружены главным образом в захоронениях и свидетельствуют о том, что в этом регионе выращивали ячмень и пшеницу, разводили овец и коз и, в меньшей мере, крупный скот. Иначе говоря, они занимались типичным для речных долин сельским хозяйством, подобным тому, которое было распространено значительно ниже по течению в додинастическом Египте. Как и в отношении более южных районов, последую-

щий доисторический период суданской Нубии, примерно до середины пятого тысячелетия до наст. в., остается почти неизвестным.

Одним из самых изученных регионов Центральной Сахары является плато Аир в центральном Нигере; местные поселения на плоскогорье Адрар-Бу находятся всего в 600 км к юго-западу от уже упомянутого Акакуса. Здесь получило развитие производство гарпунов и гончарных изделий с орнаментом в виде точечных волнистых линий, имеющих возраст свыше 7300 лет (*Smith, 1980b*).

Около 7500 лет назад озеро сильно пересохло, и найденные остатки инструментов состоят уже в основном из охотничьего снаряжения, но обнаружены также зернотерки, служившие для обработки зерен злаков, вероятно, дикорастущих. Гончарные изделия этой эпохи часто украшала выдавленным орнаментом.

Найденный в этом районе почти полный скелет домашнего короткого рога быка показывает, что 6500 лет назад местные жители занимались скотоводством. Но они продолжали и охотиться – антилопы, бородавочники, гиппопотамы и носороги гибли от их метательных орудий с тонко заостренными каменными наконечниками, характерными для скоплений в географической области Тенере. В этих скоплениях нашли также топоры и тесла с выемкой, браслеты из слоновой кости и бусы из скорлупы страусовых яиц. Камень получали из месторождений, расположенных в 500 км на северо-запад от Тенере на нагорье Ахаггар; там же были обнаружены кости крупного скота в скоплениях, относящемся к шестому тысячелетию до наст. в. (*Camps, 1974*). Зернотерки были известны с более ранних времен; на осколке горшка из Адрар-Бу нашли отпечаток, оставленный зернышком сорго, но нет оснований считать, что это было окультуренное растение. Около 5200 лет назад усиливавшаяся засуха заставила людей покинуть Адрар-Бу.

Археологические исследования выявили совершенно другую картину в более северных частях Сахары и во внутренних территориях всего Магриба. Доисторические производства, в основном известные как «неолит капсийской традиции», были распространены по всему Магрибу, от Туниса до Марокко на западе и к югу до 28 град. северной широты.

Эта культура отличается от предшествующих ей культур не только производящим хозяйством, но и наличием гончарных изделий, которые в этом регионе могут быть отнесены к восьмому тысячелетию до наст. в. (*Camps, 1982*). Важные исследования, проведенные Рубэ (*Roubet, 1979*) в пещере Капелетти в массиве Ор (восточный Алжир), позволили установить присутствие кочевых стад мелкого скота начиная с восьмого тысячелетия до наст. в. Не похоже, чтобы жители этого поселения выращивали зерновые или чтобы крупный домашний скот занимал важное место в их хозяйстве до шестого тысячелетия.

Следует, однако, подчеркнуть, что эти выводы строятся на исследовании одной стоянки; было бы преждевременным предполагать, что способ существования, обнаруженный в данном месте, был характерен для всего Магриба. Тем не менее кажется, что первые пастушеские общины этого северо-западного региона принадлежат к технологической традиции, которая во многом отличается от традиций Центральной и Южной Сахары.

Соответствующие события в более западных регионах Сахары до настоящего времени мало изучены. Охота и, где возможно, рыбная ловля практиковались во время всего раннего голоцена, и хотя (как это часто бывает) нет точных свидетельств, резонно предположить, что люди использовали также и растительную пищу.

Большее внимание было уделено археологическому комплексу Дхар-Тишит на юге центральной Мавритании. Долгое время господствовало мнение, что в этих местах поздно и быстро, четыре тысячелетия назад, развилось производящее хозяйство (*Munson, 1976*): примерно к

4500 лет назад охотники-рыбаки жили здесь по берегам широких озер, но примерно к 3200 лет, когда эти озера высохли, жители быстро перешли к выращиванию проса (*Pennisetum*). Хотя просо и существовало здесь в диком виде, оно, по всей видимости, было изначально окультурено где-то в других местах.

Анализ материала, полученного на стоянке Дхар-Тишит, привел Холла (*Holl, 1985*) к другому выводу. Холл обратил внимание на использование контрастных природных условий в разные времена года: во время дождей занимались скотоводством и выращивали просо вокруг основных поселений; в сухой сезон устраивали временные лагеря вблизи водных источников и, наряду со скотоводством, занимались рыбной ловлей и собирательством дикорастущих съедобных растений. Если гипотеза Холла подтвердится, то можно будет объяснить, почему культура проса так внезапно появилась в Дхар-Тишит. Но чтобы проследить появление ее в других районах Африки, следует предпринять новые исследования.

В период от 5200 до 3900 лет назад способ хозяйства, основанный на производстве пищи, постепенно распространился к югу в современную зону Сахель, от Мали до Судана. Важным является то, что этот процесс по времени примерно совпадал с основным периодом опустынивания Сахары, во время которого целые заселенные районы, такие, например, как Адрар-Бу, буквально опустели. Конна (*Conna, 1981*) сравнил Сахару этого времени с мехами, которые во влажный период засасывают в себя земледельцев, а по мере наступления засухи выдувают их к югу.

Это явление ясно прослеживается в долине Тилемси, которая простирается от плато Ифорас до резкой северной излучины р. Нигер. Жители Асселара на севере этой долины разводили крупный скот 5300 лет назад, тогда как на юге, в Каркаришинкате, около слияния рек Тилемси и Нигер, этот вид скотоводства не обнаруживается до начала четвертого тысячелетия до наст. в. (*Smith, 1974*). Многие черты каменных орудий и гончарных изделий, относящихся к этим местам, напоминают особенности изделий, произведенных в более северных районах. Из изучения материалов, полученных в Западной Африке (см. далее), можно сделать обоснованный вывод, что скотоводы и их стада постепенно перемещались к югу. Теперь следует рассмотреть влияние этих процессов на начало производства пищи в Западной Африке.

ЗАПАДНАЯ АФРИКА (карта 45)

Чтобы понять, как началось производящее хозяйство, основанное на производстве пищи, в Западной Африке, надо учесть разнообразие сельскохозяйственных технологий, которые применялись в этом регионе в более поздний период.

Здесь мы сталкиваемся не только с животноводством и выращиванием зерновых культур в сухой саванне, как и в более северных районах, о которых шла речь до сих пор, но и с двумя продовольственными культурами с более ограниченной зоной распространения: африканским рисом и различными сортами ямса рода *Dioscorea*. Археологические данные, относящиеся к выращиванию этих продовольственных культур, к сожалению, очень скудные и разной надежности.

Местные продовольственные культуры, выращиваемые в Западной Африке, происходят из нескольких определенных районов. Самые распространенные зерновые в засушливых районах – сорго и просо. Как показано выше, они произошли от диких видов, произраставших в зоне между 18 и 10 град. северной широты, откуда их окультуренные виды постепенно распространились на большую часть Африки южнее Сахары. Еще одна зерновая культура засушливых регионов – фонии или *Digitaria* – имеет гораздо

меньшую зону распространения, в основном в пределах Западной Африки. По мнению ботаников, местом происхождения этой культуры является зона саванны, к западу от озера Чад, где она разводится и в настоящее время. *Digitaria deflexa* – это еще более локальная разновидность фонио, поскольку ее выращивают только на плато Фуа-Джаллон в Гвинее (Harlan, 1982). Африканский рис *Oryza glaberrima*, появившийся в результате культивирования дикого вида – *Oryza barthii*, который растет в саванне, рос на ежегодно затопляемых землях в дельте р. Нигер; вторым центром, по-видимому, был район Верхнего Нигера и долина Сенегала. Сегодня африканский рис широко распространен в Западной Африке, западнее 5 град. западной долготы; его выращивают иногда и далее к востоку вплоть до оз. Чад.

Ямс, вид растений рода *диоскорейя*, – растение леса и лесистых саванн. Огромное его разнообразие связано с высокой концентрацией населения, для которых ямс – основной продукт, как в современной восточной Нигерии. Зона ямса распространяется на западное побережье Африки, до р. Бандама в Кот-д'Ивуар, которая сегодня служит четкой границей, разделяющей население, выращивающее ямс на востоке, от тех, кто культивирует рис на западе (Miege, 1954). По краю леса растет также дикая масличная пальма (*Elaeis guineensis*); это дерево никогда не культивировали в прямом смысле слова, но его всегда оберегали от корчевания и не только не вырубали, а расчищали от других растений, и в результате масличная пальма смогла проникнуть в самую лесную зону.

Все эти факты говорят в какой-то степени о географических условиях, в которых развивалось производство пищи в истории Западной Африки. Однако они почти ничего не говорят об относительной или абсолютной хронологии этих событий. Прежде чем обратиться к очень редким прямым свидетельствам, позволяющим датировать события, нужно в общих чертах охарактеризовать археологические последовательности, соответствующие среднему голоцену в этой части Африки.

Во многих исследованных археологами районах Западной Африки производства микролитов (гл. 11) сменяли одно другое в течение всего этого периода, причем невозможно выявить их типологические различия до появления обработки металлов в третьем тысячелетии до наст. в. или позже в некоторых районах. Однако около 6200 лет назад появляются два важных новшества: гончарные изделия и шлифованные каменные орудия, похожие на топоры или мотыги. Появление этих новых изделий лучше всего проявилось и было датировано в пещере Босумпра близ Абетифи на юге Ганы, в скальном укрытии Иво-Элеру на юго-западе Нигерии и в Шум-Лака возле г. Баменда в Камеруне (Shaw, 1944, 1969; Smith, 1975; Maret, 1980). К этому времени отнесены также гончарные изделия, найденные в поселениях на побережье Ганы, где жители собирали морские продукты. Западнее это технологическое развитие, вероятно, происходило несколько позднее; следы такого развития, найденные в скальных укрытиях Ягала и Камабаи в Сьерра-Леоне, а также в поселениях внутри и на побережье Кот-д'Ивуар (Alberton, 1972; Calvocoressi & David, 1979), датируются шестым тысячелетием.

Нередко считается, что наличие гончарных изделий на этих древних стоянках означает, что их обитатели занимались каким-то видом производства пищи. Однако убедительных доказательств этого нет. Как показали вышеприведенные примеры из Сахары, появление гончарных изделий могло быть и происходило раньше, чем развилось производство пищи. Конечно, гончарные изделия – тяжелые и хрупкие емкости – редко использовались сообществами, если уклад их жизни требовал большой мобильности. Самые древние гончарные изделия Сахары, долины Нила и Восточной Африки были изготовлены народа-

ми, которые, насколько известно, не занимались производством пищи, но которые зависели от местных ресурсов, таких как рыба и другие водные обитатели, что и позволяло им вести оседлый образ жизни. Может быть, то же произошло и на берегах Западной Африки, где скопления остатков, например в Гане, Кот-д'Ивуар и Сенегале, свидетельствуют, что в какой-то степени оседлые группы использовали морские ресурсы. Из-за отсутствия точных сведений было бы неразумно утверждать, что первые гончарные изделия Западной Африки были несомненно сделаны земледельцами.

Единственная западноафриканская археологическая последовательность, свидетельствующая о начале производства пищи, находится в районе г. Кинтампо в Гане, на северной окраине леса. При раскопках, проведенных там в скальных укрытиях и на открытых стоянках, нашли окаменелости древностию 4000–3000 лет, свидетельствующие о присутствии домашних животных (мелкого и, возможно, крупного рогатого скота). Были найдены также остатки чины (*Vigna unguiculata*), вероятно, окультуренной, и орехи масличной пальмы. Первые археологи, исследовавшие эти стоянки, связали введение производства пищи в районе Кинтампо с приходом народа с севера, который 4000 лет назад сменил местных обитателей народа пунпун предыдущей фазы. Стал (Stahl, 1985, p. 117) ставит это предположение под сомнение, предлагая рассматривать производство Кинтампо как «результат слияния местных элементов с элементами северного происхождения».

Скопления Кинтампо содержат каменные орудия, похожие на терки, назначение которых не очень ясно: некоторые считают, что они служили для изготовления гончарных изделий, другие – для приготовления пищи из ямса. Последнее предположение не имеет под собой основания, однако и связь этих предметов с любым процессом производства пищи совершенно не доказана.

Тот факт, что последовательность Кинтампо является на данный момент единичной, не имеющей аналогии в прилегающих регионах, не обязательно означает, что в Западной Африке не было земледелия раньше четырех тыс. лет назад. Имеющиеся в нашем распоряжении археологические свидетельства о некоторых растениях относятся к очень поздним датам. Африканский рис, например, впервые найден в Дженне в Мали и отнесен к I в. н.э., а самые древние остатки сорго в Западной Африке, обнаруженные в Даиме на северо-востоке Нигерии, датируются примерно серединой первого тысячелетия н.э. (McIntosh & McIntosh, 1981; Connah, 1981). Но и здесь можно ожидать, что однажды обнаружатся гораздо более древние следы.

Что касается ямса – очень важной продовольственной культуры, способной прокормить многочисленное население, то о ней вообще не имеется никаких первичных археологических свидетельств. Техника культивирования ямса очень отличается от возделывания зерновых, и предположение, что, возможно, это самое древнее из окультуренных растений в Западной Африке, кажется правдоподобным. Разнообразие его сортов и та ритуальная значимость, которую этому растению придавали в некоторых регионах, только подтверждают данное предположение. Оно позволяет также правдоподобно объяснить, почему каменные топоры или мотыги с сильно сточенным лезвием на конце появляются в травяных лугах Камеруна уже 7800 лет назад (когда лес простирался гораздо дальше на север, чем сегодня), а затем и по краю леса в некоторых регионах, расположенных западнее. Крупные поселения, датируемые третьим тысячелетием до наст. в., такие как Обобога возле Яунде, показывают, что земледельческий уклад постепенно распространился в те времена в северных лесных местностях Центральной Африки (Phillipson, 1985a).

ЭФИОПИЯ (карта 45)

В Эфиопии традиционное земледелие еще недавно сохраняло свои специфические черты, но археологических данных относительно его предистории крайне мало. Эфиопские нагорья включают немногие районы присахарской Африки, где зимние дожди позволяют успешно выращивать зерновые, происходящие из Западной Азии, такие как ячмень и пшеница. Есть и местные зерновые, например теф, и некоторые из них (это можно доказать) произошли именно из Эфиопии (*Harlan, 1969*).

Предположение о том, что теф в Эфиопии предшествует появлению ячменя и пшеницы, основано на мнении, что культура с такими мелкими зёрнами никогда бы не привлекла внимания людей в то время, когда они уже выращивали более высокоурожайные растения. Но такой аргумент не учитывает устойчивость к засухе, отличающую *Eragrostis*, а также его приятный вкус и питательные свойства.

Нет достоверных свидетельств того, какое из растений было окультурено раньше. Большое количество местных разновидностей ячменя и пшеницы (некоторые из них встречаются только в Эфиопии) наводит на мысль, что эти зерновые выращивались там давно. Однако в данный момент нет возможности узнать, когда именно земледелие получило развитие в этом районе. Лингвистические исследования доказали, что народы семитской языковой ветви, присутствие которых в Эфиопии подтверждается надписями, относящимися к середине третьего тысячелетия до наст. в., заимствовали из кушитских языков местных обитателей некоторые термины, относящиеся к использованию плуга и возделыванию злаков, что позволяет предположить, что в это время в Эфиопии уже укоренилось земледелие, но пока нет сведений, в течение скольких веков или даже тысячелетий оно уже существовало (*Ebret, 1979*).

Археологические данные о производстве пищи в Эфиопии до четвертого тысячелетия назад отсутствуют. Скальное укрытие Губедра близ г. Аксум дало единственное исследованное в настоящее время местонахождение, относящееся к среднему голоцену. Гончарные изделия появляются там к шестому или пятому тысячелетию до наст. в. в отложениях микролитической культуры. Семенам проса, найденным в том же уровне (*Phillipson, 1977a*), менее тысячи лет. Известны также растительные остатки, найденные на стоянке в пещере Лалибела около юго-восточного берега оз. Тана; они соотносятся с костями домашнего крупного рогатого скота и мелкого скота, их возраст датируется не ранее середины третьего тысячелетия (*Dombrowski, 1970*). Микролитический инвентарь, обнаруженный в укрытии Лага-Ода около гор Шерше к западу от г. Харэр, содержит много орудий, по лезвию которых можно понять, что ими срезали злаки. Возможно, что обитатели этого убежища собирали урожаи зерновых, дикорастущих или окультуренных, с четвертого тысячелетия до наст. в. Именно к этому времени домашний рогатый скот появляется в Лага-Ода и на берегах оз. Бесака, примерно в 250 км к западу от первой стоянки (*Clark & Williams, 1978; Clark & Prince, 1978*). Самые древние остатки окультуренного тефа были обнаружены не в Эфиопии, а в Хаджарбин-Хумейд в Южном Йемене, в пласте, датированном третьим тысячелетием (*Beek, 1969*). Можно предположить, что зерна тефа, сначала окультуренного в Эфиопии, были завезены в Йемен через Красное море или Аденский залив.

Сведения о доисторическом производстве пищи в Эфиопии (и в Сомали) дают нам также наскальные рисунки, в частности, на севере и на востоке страны. Однако и здесь почти нет твердых хронологических указаний. В обоих местностях на большинстве рисунков быки изображены без горба, с длинными рогами, их охраняют вооруженные копьями погонщики. По тому значению, которое доисторические художники придавали изображению коровьего

вымени, можно предположить, что скот держали с целью получения молока. Горбатые быки и верблюды изображены на рисунках, которые из-за последующего выветривания и наложений отнесены к более позднему периоду. На основании предположения о том, что быки на юге Аравии были в основном с короткими рогами, считается, что древние эфиопские рисунки могли появиться раньше основных вторжений с этой территории в середине третьего тысячелетия до наст. в., но это рассуждение нам не кажется очень убедительным (*Willcox, 1984* и цитируемые им авторы).

В целом надо признать, что археологические данные о начале производства пищи в Эфиопии являются совершенно недостаточными. Исследования ботаников, экологов, этнографов и в некоторой мере лингвистов ясно показывают, что сельское хозяйство в Эфиопии хотя и занимало иноземные растительные культуры и технологии, развивалось самобытно. Но данные, которые имеются в настоящее время, не позволяют установить ни абсолютные, ни относительные даты этих процессов. Вполне вероятно, что процессы формирования сельского хозяйства в Эфиопии на несколько тысячелетий опережают тот период (третье тысячелетие до наст. в.), к которому относятся самые древние данные о сельскохозяйственной деятельности.

ВОСТОЧНАЯ АФРИКА (карта 45)

К югу от эфиопских нагорий и востоку от оз. Туркана (Рудольф) простираются аридные равнины Северной Кении. С геоморфологической точки зрения это продолжение сомалийских равнин. Далее к югу – центральная часть Рифтовой долины, соседние нагорье и район оз. Виктория представляют собой богатую и разнообразную, достаточно влажную географическую среду. Так как производство пищи получило развитие в этой части Африки, вероятно, только после того периода, которому в основном посвящена данная глава, то здесь этот регион представлен лишь кратко.

Берега оз. Туркана – это район Северной Кении, наиболее тщательно исследованный археологами. В эпоху раннего и среднего голоцена воды озера (которое сегодня не имеет стока) часто поднимались на 80 м выше их сегодняшнего уровня, при этом текли на северо-запад в долину р. Собат, доходя до Нила. На берега этого озера, тогда гораздо более обширного, приходили охотники-рыбаки, чья технология, а в начале и гончарные изделия с узором типа «волнистая линия», многими чертами напоминала традиции харгумского мезолита (*Phillipson, 1977b*). К концу пятого тысячелетия до наст. в. уровень воды в озере постоянно снижался; в частях бассейна оз. Туркана были найдены археологические свидетельства присутствия в то время в Восточной Африке самого раннего из известных производящего пищу населения.

В районе, прилегающем к Кооби-Фора, возле восточного берега озера, 4500 лет назад стоянка Донгодиен заселялась общиной, члены которой занимались производством микролитов и изготовлением гончарных изделий с искусным орнаментом, с насечками с внутренней стороны, известным как искусство Ндерит. Эта община разводила овец и коз, может быть, и крупный рогатый скот. Севернее, возле г. Илерет, на стоянке, примерно современной первой, обнаружены гончарные изделия, относящиеся к другой традиции, микролитические предметы, кости домашнего крупного рогатого скота и, вероятно, овец и коз. Особый интерес представляют несколько каменных чаш распространенного в третьем тысячелетии стиля, характерного для пастушеских стоянок на плато в Рифтовой долине, расположенных далее к югу. Пастухи Илерета ловили также рыбу в оз. Тукана (*Barthelme, 1985*).

Подобные указания на занятия скотоводством в относительно древние времена найдены также на стоянке Эле-Бор, которая представляет собой ряд скалистых обнажений, возвышающихся сегодня над пустынной местностью близ обрывистых отрогов эфиопского Рифта. Здесь многие скальные укрывающие открывают длинную археологическую последовательность, которая, по-видимому, начинается девять тыс. лет назад. Охота была, вероятно, основной местной хозяйственной деятельностью в течение всего этого периода, хотя найденные остатки животных указывают, что до 2000 лет назад климат в этом районе был более влажным, чем сейчас. Самые древние гончарные изделия найдены в урвне, ориентировочно датированном четвертым или пятым тысячелетием до наст. в., в сочетании с костями мелкого скота и, что интересно, с зубом верблюда. В то же время применялось большое количество зернотерок; хочется думать, что они связаны с обработкой зерна для питания. В этом же урвне нашли зерна растений видов *Eragrostis* и *Sporobolus*, но нет доказательств, что они относятся к окультуренным растениям; к тому же ни одно каменное орудие из Эле-Бор не подходит для применения при окультуривании. Когда климат стал более засушливым, зернотерки здесь использовать перестали, а глиняные сосуды стали встречаться гораздо реже (Phillipson, 1984).

В районе плато Восточной Африки следы скотоводства не обнаружены до самого конца четвертого тысячелетия до наст. в.; археологические данные, на которых строится это утверждение, приведены ниже. Во-первых, надо отметить, что еще недавно предполагалось, что наличие домашнего крупного рогатого скота в этом районе относится к гораздо более ранним временам (Nelson & Kimengich, 1984). Такое мнение было основано на изучении кенийских стоянок Саласун возле Наиваши и Лукениа-Хилл на востоке от Найроби. Но стратиграфические съемки, датировка остатков и остеологический анализ костей вызывают сомнения, и, по мнению автора этой главы, следует отказаться от указанной гипотезы до получения новых данных.

Надо учитывать разнообразие географической среды, используемой первыми пастушескими общинами в Восточной Африке (Ambrose, 1984). Хотя речь идет о сообществах каменного века, которые в Африке южнее Сахары наиболее интенсивно исследованы, тем не менее многие аспекты их культуры остаются невыясненными. Здесь можно выделить два варианта культурного развития. Культура Эльментейта характеризуется каменным производством, особым видом гончарных изделий, обычаями погребения и географическим распределением ее стоянок вокруг типа Мау.

Другие, более разнообразные культурные остатки обычно группируются вместе под названием «пастушеский неолит саванны». Гончарные изделия и предметы из обработанного камня этой культуры отличаются большим разнообразием, значение которого еще не выяснено.

В Эльментейте умерших кремнировали, а в пастушеском неолите хоронили под каменными насыпями. Некоторые селения были крупными, и, возможно, будущие исследователи прояснят сложную систему использования сезонных ресурсов. Во многих поселениях разводился в большом масштабе крупный и мелкий скот, жители большинства поселений занимались также охотой. Чаши, песты и блюда из камня были обнаружены в большом количестве как в поселениях, так и в местах захоронений. Точное назначение этих предметов неизвестно; предполагается, что они могли применяться для приготовления красок или растительной пищи. Согласно лингвистическим исследованиям, некоторые из этих пастушеских общин могли говорить на одном из южнокушитских языков. Лингвисты считают также, что эти племена не только разводили скот, но и обрабатывали землю, однако пока нет археологических свидетельств выращивания растений. Известно, что посе-

ления пастушеского неолита распространялись на юг по крайней мере до равнины Серенгети на севере Танзании. Возможно, что начало производства пищи относится к этой эпохе и образовалось в бассейне оз. Виктория, но достоверных доказательств пока нет. В более южных регионах Африки нет никаких свидетельств, что какая-либо форма производства пищи практиковалась здесь до появления обработки металлов примерно 2000 лет назад.

АФРИКА К ЮГУ ОТ ЭКВАТОРА

Самые ранние свидетельства о производстве пищи в регионах Африки к югу от экватора относятся ко времени, рассматриваемому не в этой главе. Отметим, однако, для полноты картины, что в течение всего периода, которому посвящена данная глава, обитатели южной части Африки продолжали вести, как и их предшественники, жизнь охотников-собираателей. За исключением прибрежных районов, подверженных влиянию значительных перепадов уровня моря, а также обычно необитаемых высокогорных районов, изменения окружающей среды в период после плейстоцена, вероятно, были здесь менее значительными, чем в северной части континента.

В Центральной Африке описанная выше эволюция продолжалась 3000 лет назад с медленным продвижением на юг, в экваториальные леса земледельческих общин, которые выращивали ямс и держали, по всей видимости, стада коз. Так как археологические данные об этом регионе очень скудны и неточны, то предварительные гипотезы в большой мере строятся на лингвистической основе.

Гораздо больше археологических исследований было проведено в саваннах Восточной и Южной Африки. В этих районах первые люди, занимавшиеся производством пищи, вели, вероятно, смешанное хозяйство и имели металлические орудия. Они быстро расселились на территории, которую раньше занимали охотники-собираатели с каменными орудиями. Многие исследователи считают, что произошло значительное перемещение населения, которое, по-видимому, говорило на языках банту (Phillipson, 1985a, 1985b). Это важное историческое событие будет подробно проанализировано в одном из следующих томов «Истории».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выше описаны три основных процесса, выявленных в древней истории производительного хозяйствования в Африке.

Вероятнее всего, некоторые элементы системы, основанной на производстве пищи, появились в Северной Африке из Юго-Западной Азии, где такое производство началось раньше. Но только разведение мелкого скота получило значительное развитие к югу от Сахары.

Почти достоверно установлено, что в Африке самое раннее производство пищи относится к началу шестого тысячелетия до наст. в. на юге Сахары и в местностях, прилегающих к долине Нила. Здесь совершенно точно выявлено присутствие домашних животных и, с меньшей точностью, окультуренных растений. Считается, что в долинах суданского Нила, а вероятно, и в других регионах была создана комплексная система использования сезонных ресурсов, которая вызывала определенные периодические перемещения людей. Нарушение климатических условий можно рассматривать как главный фактор, способствовавший распространению скотоводства к югу; оно появилось в саванне в четвертом тысячелетии до наст. в., после того как охватило север Кении. Такая модель должна предполагать перемещение населения к югу, может быть, просто под влиянием постепенного расширения периодических миг-

раций. Остается неизвестным, в какой мере выращивание незерновых культур и, может быть, риса могло развиваться в Западной Африке независимо от места в ранние времена. Неизвестно также, какая связь существовала между началом производства пищи в Эфиопии и в регионах, расположенных западнее. Однако, несмотря на региональные особенности, земледелие Африки южнее Сахары в общем должно рассматриваться как продукт независимого местного развития.

Вероятнее всего, около 3200 лет назад земледелие было широко распространено на большей части Африки южнее Сахары и севернее экватора; самыми южными представителями были пастушеские общины, жившие на нагорьях Восточной Африки. Затем в течение почти тысячелетия распространения производства пищи не происходило, по крайней мере в восточной части Африки. Когда же такое производство появилось южнее экватора, оно приняло совершенно другую форму: значительная миграция населения, которое вело смешанное хозяйство и пользовалось металлическими изделиями, привела к тому, что за небольшой отрезок времени растения и животные, одомашненные в северных частях континента, распространились до его самой южной оконечности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ADAMS, W. Y. 1977. Nubia: Corridor to Africa. London.
- AMBROSE, S. H. 1984. The Introduction of Pastoral Adaptations to the Highlands of East Africa. In: CLARK, J. D.; BRANDT, S. A. (eds), From Hunters to Farmers. Berkeley, pp. 212–39.
- ARKELL, A. J. 1949. Early Khartoum. Oxford.
- 1953. Shaheinab. Oxford.
- ATHERTON, J. H. 1972. Excavations at Kamabai and Yagala Rock Shelters, Sierra Leone. West Afr. J. Archaeol. (Ibadan), Vol. 2, pp. 39–74.
- BARICH, B. E. 1984. Fieldwork in the Tadrart Acacus and the 'Neolithic' of the Sahara. Curr. Anthropol., Vol. 25, pp. 683–6.
- BARTHELME, J. W. 1985. Fisher-Hunters and Neolithic Pastoralists in East Turkana, Kenya. Oxford. (BAR Int. Ser., 254.)
- BEEK, G. VAN. 1969. Hajar bin Humaid. Baltimore.
- CALVOCORESSI, D.; DAVID, N. 1979. A New Survey of Radiocarbon and Thermoluminescence Dates for West Africa. J. Afr. Hist., Vol. 20, pp. 1–29.
- CAMPS, G. 1969. Amekni, néolithique ancien du Hoggar. Paris. (Mem. Cent. Rech. Anthropol. Préhist. Ethnogr., 10.)
- 1974. Les Civilisations préhistoriques de l'Afrique du Nord et du Sahara. Paris.
- 1982. Beginnings of Pastoralism and Cultivation in North-West Africa and the Sahara. In: CLARK, J. D. (ed.), Cambridge History of Africa. Cambridge. Vol. I, pp. 548–623.
- CLARK, J. D. 1971. A Re-examination of the Evidence for Agricultural Origins in the Nile Valley. Proc. Prehist. Soc., Vol. 37, pp. 34–79.
- CLARK, J. D.; BRANDT, S. A. (eds) 1984. From Hunters to Farmers: The Causes and Consequences of Food Production in Africa. Berkeley.
- CLARK, D. J.; PRINCE, G. R. 1978. Use-Wear on Later Stone Age Microliths from Laga Oda, Haraghi, Ethiopia. Azania (Nairobi), Vol. 13, pp. 101–10.
- CLARK, D. J.; WILLIAMS, M. A. J. 1978. Recent Archaeological Research in South-Eastern Ethiopia, 1974–5. Ann. Ethiopie (Addis Ababa), Vol. II, pp. 19–42.
- CONNAH, G. 1981. Three Thousand Years in Africa. Cambridge.
- DOMBROWSKI, J. 1970. Preliminary Report on Excavations in Lalibela and Natchabiet Caves, Begemeder. Ann. Ethiopie (Addis Ababa), Vol. 8, pp. 21–9.
- EHRET, C. 1979. On the Antiquity of Agriculture in Ethiopia. J. Afr. Hist., Vol. 20, pp. 161–77.
- EPSTEIN, H. 1971. The Origin of the Domestic Animals of Africa. New York.
- FATTOVICH, R.; MARKS, A. E.; MOHAMMED-ALI, A. 1984. The Archaeology of the Eastern Sahel, Sudan: Preliminary Results. Afr. Archaeol. Rev., Vol. 2, pp. 173–88.
- HARLAN, J. R. 1969. Ethiopia, a Centre of Diversity. Econ. Bot. (Lancaster), Vol. 23, pp. 309–14.
- 1971. Agricultural Origins: Centers and Noncenters. Science (Washington), Vol. 174, pp. 468–74.
- 1982. The Origins of Indigenous African Agriculture. In: CLARK, J. D. (ed.), Cambridge History of Africa. Cambridge. Vol. I, pp. 624–57.
- HARLAN, J. R.; WET, J. M. J. DE; STEMLER, A. B. L. (eds) 1976. Origins of African Plant Domestication. The Hague.
- HASSAN, F. A. 1985. Radiocarbon Chronology of Neolithic and Predynastic Sites in Upper Egypt and the Delta. Afr. Archaeol. Rev., Vol. 3, pp. 95–116.
- 1986. Chronology of the Khartoum 'Mesolithic' and 'Neolithic' and Related Sites in the Sudan. Afr. Archaeol. Rev., Vol. 4, pp. 83–102.
- HIGGS, E. S. (ed.) 1972. Papers in Economic Prehistory. Cambridge.
- HITCHCOCK, R. K.; EBERT, J. I. 1984. Foraging and Food Production among Kalahari Hunter-Gatherers. In: CLARK, J. D.; BRANDT, S. A. (eds), From Hunters to Farmers. Berkeley, pp. 328–48.
- HOLL, A. 1985. Subsistence Patterns of the Dhar Tichitt Neolithic, Mauretania. Afr. Archaeol. Rev., Vol. 3, pp. 151–62.
- JODIN, A. 1959. Les Grottes d'El Khrill à Achakar, province de Tanger. Bull. archéol. maroc. (Rabat), Vol. 3, pp. 249–313.
- KRZYZANIAK, L. 1978. New Light on Early Food Production in the Central Sudan. J. Afr. Hist., Vol. 19, pp. 159–72.
- LHOTE, H. 1959. The Search for the Tassili Frescoes. London.
- MCBURNEY, C. B. M. 1967. The Haua Fteah (Cyrenaica) and the Stone Age of the Southwest Mediterranean. Cambridge.
- MCINTOSH, R. J.; MCINTOSH, S. K. 1981. The Inland Niger Delta before the Empire of Mali: Evidence from Jenné-jeno. J. Afr. Hist., Vol. 22, pp. 1–22.
- MARET, P. DE. 1980. Preliminary Report on 1980 Fieldwork in the Grassfields and Yaounde, Cameroon. Nyame Akuma (Calgari), Vol. 17, pp. 10–12.
- MARKS, A. E. et al. 1985. The Prehistory of the Central Nile Valley as Seen from its Eastern Hinterlands. J. Field Archaeol., Vol. 12, pp. 261–78.
- MIEGE, J. 1954. Les Cultures vivrières en Afrique occidentale. Cah. Outre-Mer (Bordeaux), Vol. 7, pp. 25–50.
- MOHAMMED-ALI, A. 1982. The Neolithic Period in the Sudan, C. 6000–2500 BC. Oxford. (BAR Int. Ser., 139.)
- MORI, F. 1965. Tadrart Acacus: arte rupestre e culture del Sahara preistorico. Torino.
- MUNSON, P. J. 1976. Archaeological Data on the Origins of Cultivation in the South-Western Sahara and their Implications for West Africa. In: HARLAN, J. R. et al. (eds), Origins of African Plant Domestication. The Hague, pp. 187–210.
- MUZZOLINI, A. 1986. L'Art rupestre préhistorique des massifs centraux sahariens. Oxford. (BAR Int. Ser., 318.)
- NELSON, C. M.; KIMENGICH, J. 1984. Early Phases of Pastoral Adaptation in the Central Highlands of Kenya. In: KRZYZANIAK, L.; KOBUSIEWICZ, M. (eds), Origin and Early Development of Food-Production Cultures in North-East Africa. Poznań, pp. 481–7.
- NOTEN, F. VAN. 1978. Rock Art of the Jebel Uweinat, Libyan Sahara. Graz.
- PHILLIPSON, D. W. 1977a. The Excavation of Gobedra Rock Shelter, Axum. Azania (Nairobi), Vol. 12, pp. 53–82.
- 1977b. Lowasera. Azania (Nairobi), Vol. 12, pp. 1–32.
- 1984. Aspects of Early Food Production in Northern Kenya. In: KRZYZANIAK, L.; KOBUSIEWICZ, M. (eds), Origin and Early Development of Food-Production Cultures in North-East Africa. Poznań, pp. 489–95.
- 1985a. An Archaeological Reconsideration of Bantu Expansion. Muntu (Paris), Vol. 2, pp. 69–84.
- 1985b. African Archaeology. Cambridge.
- ROUBET, C. 1979. Économie pastorale préagricole en Algérie orientale: le néolithique de tradition capsienne. Paris, CNRS.
- SAXON, E. C. 1974. Results of Recent Investigations at Tamar Hat. Libya (Paris), Vol. 22, pp. 49–91.
- SHAW, T. 1944. Report on Excavations Carried Out in the Cave Known as Bosumpra at Abetifi, Kwahu, Gold Coast Colony. Proc. Prehist. Soc., Vol. 10, pp. 1–67.
- 1969. The Late Stone Age of the Nigerian Forest. In: LEBEUF, J. (ed.), Actes 1er Colloque international d'archéologie africaine. Fort-Lamy, pp. 364–73.

- SMITH, A. B. 1974. Preliminary Report of Excavations at Karkarichinkat, Mali. *West Afr. J. Archaeol.* (Ibadan), Vol. 4, pp. 33–55.
- 1975. Radiocarbon Dates from Bosumpra Cave, Abetifi, Ghana. *Proc. Prehist. Soc.*, Vol. 41, pp. 179–82.
- 1980a. Domesticated Cattle in the Sahara and their Introduction into West Africa. In: WILLIAMS, M. A. J.; FAURE, H. (eds), *The Sahara and the Nile*. Rotterdam, pp. 489–501.
- 1980b. The Neolithic Tradition in the Sahara. In: WILLIAMS, M. A. J.; FAURE, H. (eds), *The Sahara and the Nile*. Rotterdam, pp. 451–65.
- 1984. Origins of the Neolithic in the Sahara. In: CLARK, J. D.; BRANDT, S. A. (eds), *From Hunters to Farmers*. Berkeley, pp. 84–92.
- 1986. Cattle Domestication in North Africa. *Afr. Archaeol. Rev.*, Vol. 4, pp. 197–203.
- SMITH, H. S. 1969. Animal Domestication and Animal Cult in Dynastic Egypt. In: UCKO, P. J.; DIMBLEBY, G. W. (eds), *The Domestication and Exploitation of Plants and Animals*. London, pp. 307–14.
- SMITH, P. E. L. 1968. Problems and Possibilities of the Prehistoric Rock Art of Northern Africa. *Afr. Hist. Stud.* (Boston), Vol. 1, pp. 1–39.
- STAHL, A. B. 1985. Reinvestigation of Kintampo 6 Rock Shelter, Ghana: Implications for the Nature of Culture Change. *African Archaeological Review*, Vol. 3, pp. 117–50.
- STEHLI, P. (ed.) 1978. *Sahara*. Cologne.
- SUTTON, J. E. G. 1974. The Aquatic Civilization of Middle Africa. *J. Afr. Hist.*, Vol. 15, pp. 527–46.
- WENDORF, F.; HASSAN, F. A. 1980. Holocene Ecology and Prehistory in the Egyptian Sahara. In: WILLIAMS, M. A. J.; FAURE, H. *The Sahara and the Nile*. Rotterdam, pp. 407–19.
- WENDORF, F.; SCHILD, R. (eds) 1976. *Prehistory of the Nile Valley*. New York.
- WENDT, W. E. 1966. Two Prehistoric Archaeological Sites in Egyptian Nubia. *Postilla* (New Haven, Conn.), Vol. 102, pp. 1–4.
- WILLCOX, A. R. 1984. *The Rock Art of Africa*. London.
- ZEUNER, F. 1963. *History of Domesticated Animals*. London.

ЗАПАДНАЯ АЗИЯ

в период неолита и халколита (около 12000–5000 лет назад)

Джеймс Мелларт

Археологические находки, сделанные в последние сорок лет в Западной Азии* и в прилегающих регионах, значительно изменили традиционные подходы к выделению первичных и вторичных центров, к роли первичных центров в распространении культуры, к вопросу о зарождении цивилизации, которую принято было ограничивать Египтом, Нижней Месопотамией и широкими равнинами Инда. Расширив пределы действия археологии далеко за порог цивилизации, условно помещенный между 12000 и 5000 лет до наст. в., мы имеем сегодня возможность проследить культурное развитие во всем его многообразии в течение семи предшествующих тысячелетий не только в Египте, Ираке и на Индийском субконтиненте, но и на других территориях, которые относятся к древней Западной Азии и образуют культурную совокупность.

Сотрудничество с учеными – зоологами, ботаниками и физиками очень помогло археологам в их исследованиях по определению времени начала земледелия и одомашнивания животных, для установления абсолютных дат на основании радиоуглеродных исследований и дендрохронологии. Все археологи должны теперь считаться с новой хронологией.

Открытия последних четырех десятилетий, многие из которых только частично были опубликованы, практически свели на нет основы, на которых строилась археологическая теория 1920–1940-х гг. Многие археологи не смогли принять новые идеи и продолжают отстаивать привычные концепции. Другие, менее консервативные, считают, что новые данные требуют и новой интерпретации, основанной на фактах, а не на устаревших и изживших себя концепциях, сформулированных в то время, когда знаний было мало, а предположений много. Со своей стороны, автор этой главы предпочитает опираться на факты.

Семь тысячелетий культурной эволюции, которые являются предметом рассмотрения в этой главе, полностью относятся, за исключением нескольких последних веков, к доисторическому периоду. Относительная хронология этого периода определяется изучением стратиграфиче-

ских залегающих, а его абсолютная хронология – по калиброванным датам, определенным радиоуглеродным методом. Калибровка дат пока ограничена реальным возрастом в 9200 лет (что при некалиброванной датировке соответствует 8250 годам). Поэтому более ранние «реальные» даты, т.е. ранее 9200 лет, являются ориентировочными, и это следует иметь в виду. До получения более точных дат упрощенная хронология может выглядеть так, как показано в табл. 16.

Таблица 16. Хронологическая таблица периода донеолита и неолита в Западной Азии (годы указаны до наст. в.)

Конец культуры Халаф/ начало культуры Убейт 3	ок. 7250–7000 лет
Начало культур Халаф, Хассуна, Самарра	ок. 8250 лет
Поздний ДКН**-Б, местонахождения Чатал-Хююк, Бутрас, Умм-Дабагьях	ок. 9250–8250 лет
Ранний ДКН-Б	ок. 10500–9250 лет
ДКН-А	ок. 11000–10500/10250 лет
Поздняя культура Натуф	ок. 11700–11000 лет
Ранняя культура Натуф	ок. 12750 (?) лет
Геометрическая культура Кебара	ок. 14500 (?)–12750 лет
Культура Кебара	ок. 19000–14500 лет

** ДКН – докерамический неолит

При рассмотрении этого периода легче пользоваться тысячелетиями, избегая ограничивающих терминов, способных внести путаницу, таких как «мезолит», «халколит» или «медный век», введенных для обозначения технологических этапов в изготовлении инструментов и оружия в различных культурах. Эти термины при появлении новых открытий оказались устаревшими. К тому же, некоторые западноазиатские культуры длились тысячу лет или даже больше, так что, например, ссылка на «восьмое тысячелетие тому назад» имеет универсальное значение. Конечно, при этом труднее определять время отдельных явлений в той или иной культуре, но археологи уже давно научились справляться с такими трудностями.

Решающее значение семи тысячелетий (примерно с 12000–5000 лет назад) в Западной Азии заключается в том, что именно там верхнепалеолитические народы обнаружили, что, кроме традиционного использования природных

* Западная Азия (Передняя Азия) – часть Азии, охватывающая полуостров Малая Азия, Армянское и большую часть Иранского нагорья, Аравийский полуостров, Месопотамскую низменность и области, примыкающие с востока к Средиземному морю (включая о. Кипр) (БЭКМ.– *Прим. ред.*)

ресурсов (охота на животных и птиц, рыболовство, собирательство), чем они занимались всегда, имеется возможность самим производить продукты питания. Осознание того, что из семян зерновых и бобовых растений можно получать новое зерно и хранить полученный урожай, а также то, что некоторые животные, если их одомашнить, могут представлять собой живые запасы пищи, открыло путь к появлению смешанного хозяйства, ставшего экономической основой развития культуры и цивилизаций. Известный палеоэтноботаник Ханс Хелбек (*Hans Helbaek*) писал: «Зерно является самым ценным артефактом человека». Гордон Чайлд говорил в этой связи о «неолитической революции», поместив это событие в бассейны Нила (Египет), Тигра и Евфрата (Месопотамия) и Инда (в Пакистане) – туда, где много позже возникли три великие речные цивилизации, рассматривая его как результат постепенного обезвоживания в конце ледникового периода (это так называемая «теория оазисов»).

Еще очень распространена гипотеза, по которой рост народонаселения привел к продовольственному кризису, который мог быть разрешен только появлением новых продовольственных ресурсов, которые могли спасти людей, но имеющиеся данные эту гипотезу не подтверждают. Трудно понять, как окончание ледникового периода на значительно более северных широтах могло являться причиной событий, которые начались задолго до него. Действительно, это климатическое изменение произошло позже окончания периода натufийской культуры в Леванте, около 11000 лет назад, в эпоху, когда жители поселения Мурейбет на Евфрате, к востоку от Алеппо, уже занимались земледелием! Теория оазисов была забыта, а идея «неолитической революции» сегодня тоже кажется наивной, так как произошедшие изменения не были ни внезапными, ни «неолитическими». Напротив, речь идет об очень длительном эволюционном процессе, который, как свидетельствуют результаты раскопок в Айн-Гев (местонахождения, судя по радиоуглеродной датировке, относятся ко времени 15700 лет назад), начинается в позднем периоде Кебара, ускоряется в период Натуф (около 12750–11000 лет назад) и приводит к полному окультуриванию пшеницы и двухрядного ячменя в Иерихоне в период докерамического неолита А около 11000 лет назад. Эта эволюция занимает, таким образом, период порядка пяти тысячелетий.

Народы, которые делали первые шаги в земледелии, не были первоходцами, наделенными особым талантом; это были потомки охотников-собирателей верхнего палеолита. Другими словами, земледелие развивалось в этих местах. Внимательные наблюдатели за газелями и козами (которые в основном обеспечивали их мясом), эти охотники могли предпринять первые шаги к одомашниванию животных в период поздней культуры Кебара, начав пасти стада и наблюдать за повадками животных. Внимательно изучая привычки животных в еде, они могли понять, что зерновые растения могут представлять питательную ценность и для людей.

Рано или поздно группы охотников должны были осознать, что выпас скота может решить их некоторые продовольственные проблемы, а остальные можно решить, высевая пшеницу или ячмень – растения, которые росли в диком состоянии в округе и до тех пор шли только на корм скоту, но могли также кормить и людей, если они обзаведутся необходимыми предметами для их обработки: ступами и пестиками, чтобы отделять зерно от шелухи; зернотерками, чтобы превращать зерна в муку; ямами с глиняными стенками для хранения зерна и чтобы оберегать его от сырости, от которой оно может прорасти и стать несъедобным. Другим способом отделения зерна от шелухи стало его прожаривание, сначала в ямах, а потом в печах. Огонь способствовал сохранению обугленных остатков, которые нашли в поселениях Мурейбет

и Абу-Хурейра. Эти остатки могут относиться к началу постнатufийского периода, к традиции докерамического неолита А, происходящему из Натуфа. В натufийских стоянках остатков зерна не найдено, тем не менее можно почти с уверенностью полагать, что его обнаружат. Там уже найдено оборудование, о котором мы говорили: ступы, песты, зернотерки, зерновые ямы; у многих скелетов из Айн-Малаха (Эйнана) зубы стертые от потребления зерна, засоренного песком; на натufийских стоянках обнаруживаются животные-«сожители» человека – крысы и мыши; наконец, в отличие от того, что наблюдается в предшествующий период, натufийские поселения располагались в это время вблизи зарослей дубов и фисташек – деревьев, под которыми росли дикая полба, пшеница и двухрядный ячмень. Все это ясно указывает, что, как и некоторые кебарийцы в более раннюю эпоху (Айн-Гев), натufийцы интересовались дикорастущими зерновыми, они изготавливали оборудование для их обработки, умели их хранить и употреблять в пищу. Не известно лишь, собирали ли они только дикие растения или уже высевали семена возле своих поселений, занимаясь, таким образом, земледелием, что, по определению, относилось уже к периоду неолита.

Очевидно, что оседлость много значила для людей натufийской культуры. Постоянные поселения сформировались в позднем натufийском периоде, и Мурейбет – одно из самых древних. Однако ни одна из натufийских стоянок не заселялась надолго. Даже различная подпериоды, совершенно невероятно, чтобы все три напластованных уровня построек в Айн-Маллаха были поочередно заселены в течение более 1500 лет. Ни одна из этих стоянок не была большой: похоже, что в Айн-Маллаха было всего 50 круглых домов, в которых могли проживать самое большее несколько сот человек. Есть менее постоянные натufийские поселения, они использовались как летние или зимние стоянки, в которых жили во время охотничьих походов или собирательства. В них не было утвари, необходимой для приготовления растительной пищи и, что показательнее, не нашли захоронений. Можно предположить, что тела тех, кто умирал вдали от дома, оставались или временно погребались, а затем уже переносились на постоянное место захоронения к родственникам в основные поселения. Этим объясняется существование двух различных видов захоронений: первичных и вторичных, часто неполных.

Красная охра, имитирующая кровь, очень часто использовалась при захоронениях как в Европе верхнего палеолита, так и в Чатал-Хююк (Анатолия) девять тысячелетий назад, а также, может быть, в Хачиларе I и в докерамическом неолите в Мергархе (Пакистан). В отличие от кебарийских охотников, полуседлые натufийцы хоронили мертвых внутри своих домов; видимо, идея *дома* была сильно развита. Кажется установленным, что натufийцы клали в могилы погребальные дары; отмечается применение раковин со Средиземного или Красного морей – ими расшивали головные уборы, из них делали украшения (браслеты, ножные кольца, ожерелья и т.п.). Вероятно, такие же украшения носили и при жизни. При раскопках могил нашли также бусины фаллической формы и бусины, сделанные из копыт газели, а также «жатвенные ножи» из камня или кости, художественно вырезанные в виде газели (использование их как серпов остается под вопросом). Найдены и антропоморфные фигурки, но их очень мало. Нет неоспоримых доказательств существования помещений для отправления культа, хотя в одном из домов в Айн-Маллаха стены покрыты красной краской и есть перила, а другой круглый дом украшен деревянными столбами, расположенными по кругу. Сырцовый кирпич еще не использовался, нет еще и гончарных изделий, хотя уже появились фигурки

из обожженной глины. Одежду делали из кож и шкур животных, возможно из войлока. Не исключено, что газель была уже приручена, но окончательно натуфийцы не одомашнили еще ни одно животное, может быть, только собаку.

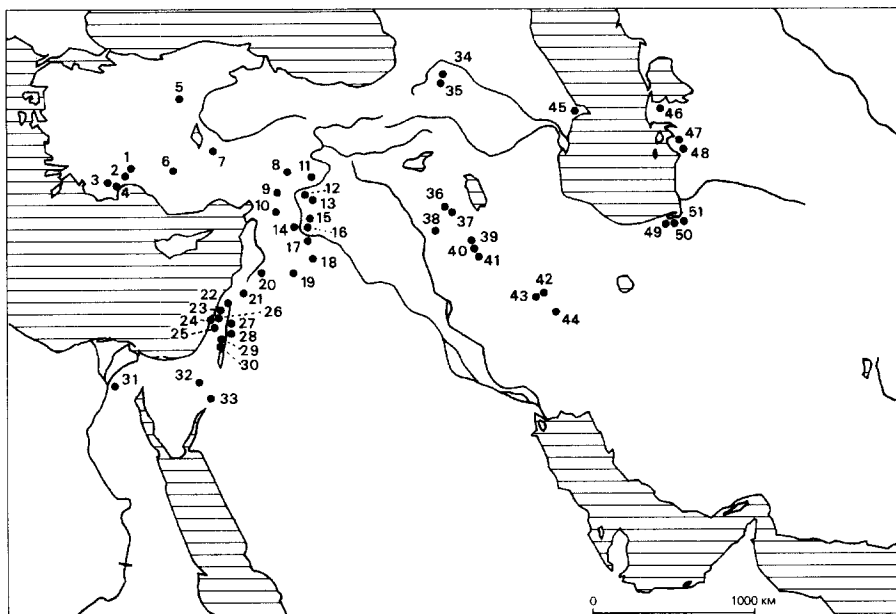
Натуфийская культура прекрасно иллюстрирует последнюю фазу верхнего палеолита, стоящего у порога новой эры (земледельческого неолита) или соответствующего переходу через этот порог. Смешанное натуфийское хозяйство включало охоту на животных и птиц, рыбную ловлю и собирательство с первыми попытками разведения зерновых там, где были для этого благоприятные условия, где пшеница, ячмень и полба произрастали в диком виде. В других местах, где таких условий не было, натуфийцы и наследники древней кебарийской культуры продолжали заниматься традиционной охотой и собирательством.

Распространение натуфийской культуры (или, другими словами, типичные для нее кремневые орудия и оружие) не ограничивается Палестиной, а продолжается с севера Сирии до пустыни Негев. Отдельные ее следы обнаружены в Хелуане и в Файюме в Нижнем Египте. Остатки, похожие на натуфийские, были найдены в районе Анталы на южном побережье Анатолии, где культура Бельдиби сменила более раннюю культуру Бельбаши, так же как культура Натуф пришла на смену культуре Кебара. Так как на других стоянках такие связи относятся даже к нижнему палеолиту, возможно, что в давние времена единый культурный комплекс распространился по всей восточной части Средиземного моря. Возможно, Сирия и Палестина могли служить местом спасения для жителей Анатолии во время самых холодных фаз ледникового периода. Вместе с установлением более теплого климата анатолийцы могли вернуться на свои первоначальные территории, сохранив, как будет показано, тесные связи с Левантом.

ДОКЕРАМИЧЕСКИЙ НЕОЛИТ-А (ДКН-А) В ЛЕВАНТЕ (ОКОЛО 11000–10500/10250 ЛЕТ НАЗАД) (карта 46)

Эта докерамическая культура происходит, совершенно явно, от натуфийской; в ней продолжают традиции обработки камня, постройки круглых хижин, индивидуальных или коллективных погребений (хоронили в согнутом положении, использовали красную охру, особое значение придавали черепам), предпочтения мяса газели (иногда лис и коз). Охота продолжает поставлять основную часть пищи. Появляются наконечники для стрел (хиамского типа), а также кремневые топоры, топоры из нефрита и долота для обработки дерева. Процветает производство изделий из кости. Найдены несколько каменных сосудов и некоторые емкости из недолговечных материалов – дерева, шкур, кожи, а также плетеные изделия, покрытые защитным слоем гипса или асфальта (битума). В Мурейбете III (около 10000 лет назад) были найдены несколько высушенных на солнце сосудов, обожженных огнем пожара, разрушившего дом. В Иерихоне и Телль-Асуаде на оз. Атейбе в качестве строительного материала использовали высушенный на солнце кирпич плоско-выгнутой формы; из него делали настилы, связывающие углубленные в землю жилища. Каркас этих домов делался из самана типа «зафир». Подобные постройки характерны для ранней фазы этого периода (иерихонского протонеолита). Позже их заменяют круглыми домами из сырцового кирпича, возможно, с куполообразными крышами.

Такие постройки, круглые или овальные в плане, с каменным фундаментом, характерны для докерамического неолита А [Иерихон (рис. 106В), Нетиф-Хагдуди, Нагал-Орен (Вади-Фаллах)] и происходят от натуфийских прототипов. Таких постоянных поселений становится все больше, появляются более сложные черты у

Карта 46. Основные местонахождения в Западной Азии от 11000/10500 до 10250 лет назад: 1 – Окюзлю-Ин; 2 – Кара-Ин; 3 – Бельбаши; 4 – пещеры Бельдиби; 5 – Макун-Чай; 6 – Чатал-Хююк; 7 – Тепеси-Чифтлик; 8 – пещера Дирекли; 9 – пещера Шаркли; 10 – Карамель; 11 – пещеры Паланли; 12 – Сёгюттарласи; 13 – Бириш-Хезаллижи; 14 – Нахр-Хомр; 15 – Шейх-Хасан; 16 – Мурейбет; 17 – Телль-Абу-Хурейра; 18 – Эль-Коум; 19 – стоянки Пальмира; 20 – Ябруд; 21 – Телль-Асуад; 22 – Айн-Малаха; 23 – Хайоним; 24 – Эль-Уад; 25 – Кебара; 26 – Нагал-Орен; 27 – Айнгей; 28 – Вади-Хаммех; 29 – Иерихон; 30 – Гилгал, Нетиф-Хагдуд; 31 – Хелуан; 32 – Кошзин; 33 – Бейда; 34 – Джермух; 35 – Эдзани; 36 – Зави-Шеми; 37 – пещера Шанидар; 38 – М'Лефаат; 39 – пещера Зарзи; 40 – пещера Палегавра; 41 – Каримшахир; 42 – Ганждарех; 43 – Тепе-Асиаб; 44 – пещера Па-Сангар; 45 – Кобистан; 46 – пещера Каилу; 47 – пещера Джебель; 48 – пещера Дамдам-Чешме; 49 – Али Тапе; 50 – пещера Хоту; 51 – пещера Бельг

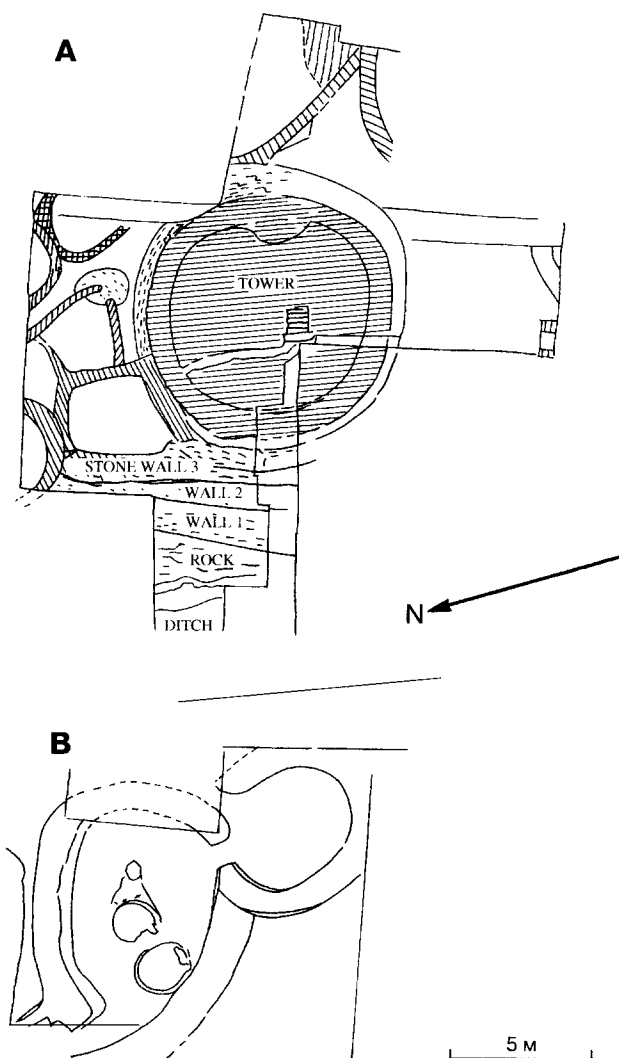

Рис. 106. Иерихон (докерамический период неолита А): А – башня (план на уровне земли); В – круглые дома (план на уровне земли) (по Кенйон, 1980)

построек. Так, дома в Мурейбете II штукатурят красной глиной, а полы мостят камнями. В Мурейбете III стены одного «храма» украшены горизонтальными шевронными линиями, черными на желтом фоне; в этом святилище было захоронение, в котором нашли кинжал из обсидиана. Жители Мурейбета III разделяли внутреннее пространство своих круглых домов поднятыми площадками и перегородками (рис. 107). К тому же времени в Мурейбете и в Шейх-Хасане появляются прямоугольные постройки из камня и кирпича, куда, по всей вероятности, проникали через крышу; может быть, это были общественные хранилища для сельскохозяйственных продуктов.

В Нагал-Орене дома строились на террасах с каменными опорами. Но чудом этой эпохи был укрепленный город Иерихон, со рвом, проделанным в скале, с каменной стеной, которая дважды передельвалась, пока не достигла 5-метровой высоты. За стеной была башня (рис. 106 А), которая, возможно, служила как дозорная вышка. На башню поднимались по внутренней лестнице. К башне примыкали помещения из сырцового кирпича, в одном из помещений были найдены зерна древних окультуренных ячменя и пшеницы. К. Кенион (Kenyon К.) считал, что в докерамическом неолите А в Иерихоне жили примерно 2000 человек. В Мурейбете, тоже крупном для того времени поселении, было около 200 домов,

в то время как в Нагал-Орене обнаружено всего 13 уцелевших домов.

Рост народонаселения и распространение оседлого образа жизни легко объясняются началом ведения сельского хозяйства, характерного для этого периода. На трех стоянках, на которых найдены растительные остатки (в Мурейбете II и III с окультуренными ячменем, чечевицей, горохом, миндалем, фисташками и инжиром; в Иерихоне докерамического неолита А с окультуренными полбой, ячменем, чечевицей и инжиром), было достаточное количество воды благодаря близости Евфрата, оз. Атейбе и крупному подземному источнику (Айн-ес-Султан) в Иерихоне.

Забота иерихонцев об укреплении своего города говорит о том, что их окружали завистливые соседи. Попытки рассмотреть Иерихон как крупный центр торговли солью, серой и битумом находят слабую поддержку, так как соответствующих находок не обнаружено. Что действительно приходило с севера – это обсидиан, добываемый на месторождении Чифтлик в центральной Анатолии, который доставлялся в Палестину с самого начала этого периода, 11000 лет назад, через Сирию, где этот материал иногда появляется, начиная с кебарийского периода (Нахр-Хомр). Основным экспортным товаром Иерихона могли быть семена и опыт своей земледельческой технологии, что тогда было намного ценнее любого богатства.

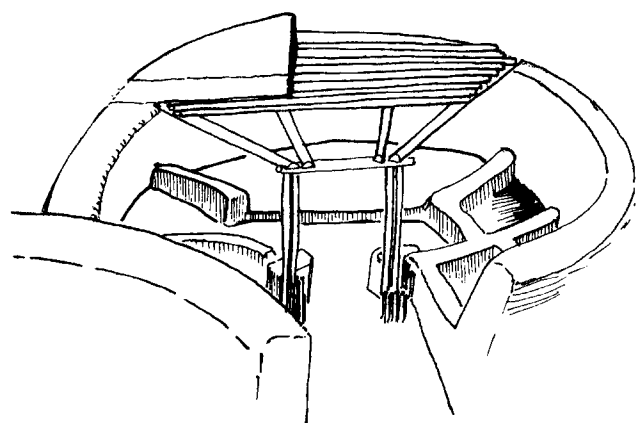
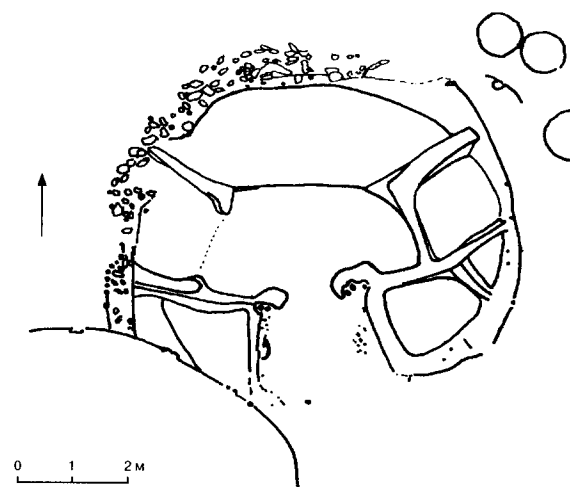

Рис. 107. Круглый дом – план и реконструкция – со стоянки Мурейбет III (Сирия) (по Cauvin, 1977)

Остатки докерамического неолита *А* слишком редки, для того чтобы можно было лучше узнать об искусстве, религии и общественном устройстве этого решающего периода. Но и эта малая часть оказывается замечательной. Ни один археолог теоретически не мог предвидеть открытие докерамического неолита *А*. Однако не следует усматривать в этом открытии, как это делают некоторые, какое-то необычайное явление. Исключительные памятники, такие как Иерихон, являются археологической ценностью, они напоминают, что нам еще предстоит многое узнать.

РЕГИОН ЗАГРОСА ОТ 12000 ДО 9500 ЛЕТ НАЗАД

Прежде чем говорить о впечатляющих достижениях, которые наблюдаются на обширных территориях в конце десятого и в девятом тысячелетиях назад, кратко проследим культурное развитие, сходное с эволюцией эпохи Натуф и докерамического неолита *А*, происходившее к востоку от Леванта в районе Загроста*. В этом жизненно важном регионе на границе Ирака и Ирана до сих пор проводилось мало масштабных исследований. Отсутствие промежуточных стоянок делает невозможным узнать, поддерживали ли представители натуфийской традиции на западе связи с культурой Зави-Шеми-Шанидар в Загросте на востоке. Было бы странным, если бы таких связей не существовало, но доказательств их наличия пока нет. Последовательность культур Загроста начинается с культуры Зарзи (около 22000–10600 лет назад), микролитический комплекс которой похож на комплекс кебарийской и натуфийской культур. Большая часть предметов была обнаружена в пещерах и скальных укрытиях. У пещеры Шанидар обнаружено открытое местонахождение (стоянка Зави-Шеми), радиоуглеродный возраст которой около 11000 лет. Там можно с трудом различить следы криволинейных построек и ям-хранилищ, и нет следов сырцового кирпича. Орудия труда сравнимы, в основном, с найденными западнее. Под полами жилищ были обнаружены захоронения. Никаких следов растительной пищи не найдено, но нашли предметы, служащие для обработки зерновых, а зубы у скелетов из Зави-Шеми сточены так же, как и в Айн-Маллаха. Можно определить также, что люди страдали от малярии разновидности *falciparum*. Охота (на коз, оленей, газелей, куланов, диких быков и других животных) давала основную пищу, но уже начали приручать овец. Домашняя собака, обнаруженная в этом районе, относится к 15000–14000 лет назад (пещера Палегавра). Крылья крупных птиц, найденные в одном из помещений Зави-Шеми, имели, вероятно, ритуальное значение. Домашние козы обнаружены около кремневой каменоломни Тепе-Асиаб, где они были уже около 10000 лет назад. Находки в Шанидаре принесли доказательства существования обмена товарами: был обнаружен обсидиан из района оз. Ван и бусина, возможно, из природной меди (?) из Эргани-Маден близ современного г. Диярбакыр. Глиняные фигурки появляются в поселении Каримшахир, где к тому же использовали известняк для изготовления браслетов.

Найденные здесь замечательные предметы еще немногочисленны, но показывают важную эволюцию, происходившую около 9500 лет назад.

О географическом распространении загросской культуры известно мало; она прослеживается на большой территории от северо-восточного Ирака до современной иранской провинции (остана) Фарс. Предполагается, что она была связана с культурой эпилеолита («мезолита»)

* Загрост – система параллельных хребтов в Иране, на юго-западе Иранского нагорья. – *Прим. ред.*

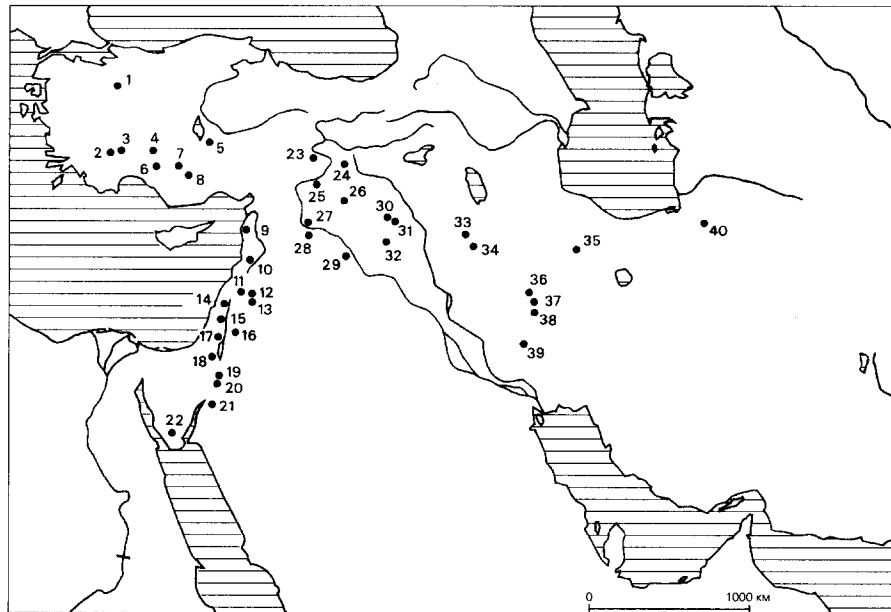
на побережье Каспийского моря и с Закавказьем, где возле Баку находится стоянка Кобистан с прекрасными наскальными изображениями. Последующее развитие сельскохозяйственных общин в этих районах в эпоху неолита четко показывает, что эти культуры являются не столько результатом распространения внешних тенденций, сколько результатом местного развития эпилеолитических (мезолитических) культур, о которых мы еще слишком мало знаем, чтобы определить их место в культурной мозаике той эпохи.

ДОКЕРАМИЧЕСКИЙ НЕОЛИТ *Б* (ДКН-*Б*) В ЛЕВАНТЕ (ОКОЛО 10500–8250 ЛЕТ НАЗАД) (карта 47)

Этот период, длившийся два тысячелетия или больше, имел фундаментальное значение для Западной Азии. Кроме окультуривания растений, к концу этого периода были одомашнены (хотя и не везде) пять видов животных: собака, коза, овца, крупный рогатый скот и свинья. В этот период появляются пакущество и ткачество. Во всех видах ткачества применяют разнообразные материалы – как волокна растительного происхождения (тростник, лоза, лен), так и шерсть. Широко распространены и становятся более сложными каменные сосуды; их модели воспроизводятся также в «белой посуде», изготавливаемой из смеси мергеля и золы и подвергаемой обжигу, как это делалось с более древними гончарными изделиями; часть посуды расписывается. На некоторых стоянках находят настенные изображения. Умение работать с глиной приводит со временем к производству многочисленных фигурок, статуэток, гипсовых барельефов, скульптур в половину человеческого роста; находят также человеческие черепа с восстановленными раскрашенными гипсом лицами. Характерные для этого периода окрашенные красным и тщательно отполированные полы иногда заменяют более долговечной каменной мозаикой (*terrazzo*). Помещения, по всей видимости предназначенные для ритуальных церемоний, украшаются черепами животных. Появляются первые безделушки из металла (медь, свинец), производятся в большом количестве бусы из разных материалов. Процветает торговля и обмен. Привозной обсидиан и разные виды кремня служат для производства разнообразных инструментов и оружия. Счеты из обожженной глины различной формы позволяют думать, что люди умели считать и вели элементарную бухгалтерию.

Теперь чаще строятся прямоугольные жилища с большими и малыми комнатами, очагами, печами, дымоходами, лестницами, шкапами или нишами; в некоторых домах есть плоские возвышения; столбы или опоры служили, вероятно, для поддержания плоской кровли или верхнего этажа. Нередко можно видеть террасы с опорами, но укрепления очень редки. Поселения различны по занимаемой площади – от крупных центров с тысячами жителей до мастерских каменотесов, торговых пунктов и поселений ремесленников. Если еще не существует, то уже начинает проявляться иерархия различных типов поселений.

Географически культура Леванта докерамического неолита *Б* занимает гораздо более обширную зону, чем предыдущая культура: эта зона проходит от юга Синайского полуострова через ущелья Евфрата в горах Тавр и далее на восток до оазисов вглубь Иордании и Сирии до степей северной Месопотамии. Это проникновение культуры вглубь Сирии и в северную Месопотамию осуществилось, очевидно, из зоны докерамической культуры *А* Мурейбета и Алеппо. Принято считать, что многие новшества, характерные для докерамической культуры *Б*, скорее «сирийского», чем «палестинского»

Карта 47. Основные местонахождения в Западной Азии от 10500 до 8250 лет до наст. в. 1 – Демирчи-Хююк; 2 – Хачилар; 3 – Куручай; 4 – Эрабаба; 5 – Ашикли-Хююк; 6 – Субердс; 7 – Чатал-Хююк; 8 – Кан-Хасан; 9 – Рас-Шамра; 10 – Лабве; 11 – Тель-Рамад; 12 – Горанфе; 13 – Тель-Асуад; 14 – Бейсамун; 15 – Мунхата; 16 – Айн-Гассуль; 17 – Иерихон; 18 – Нагал-Хемар; 19 – Баства; 20 – Бейда; 21 – Вади-Рум; 22 – Тбейк; 23 – Кафер; 24 – Чайёню Тепеси; 25 – Невалачори; 26 – Тель-Асуад; 27 – Мурейбет; 28 – Тель-Абу-Хурейра; 29 – Букрас; 30 – Тель-Магзльях; 31 – Тель-Сого; 32 – Тель-Этгалатхат-Умм-Дабагьях; 33 – Тель-Шимшара; 34 – Джармо; 35 – Загхе; 36 – Ганждарех; 37 – Тепе-Абдул-Хосейн; 38 – Тепе-Гуран; 39 – Али-Кош (Буз-Мордех); 40 – Тепе-нг-и-Шакуах

происхождения. Постепенное продвижение культур к северу некоторые связывают с ухудшением климата, другие – с появлением больших возможностей, которые равнины Сирии и северной Месопотамии открывали для земледелия и скотоводства. В действительности сочетание обоих подходов может объяснить происходившее развитие.

Открытие этих обширных территорий позволило установить более тесные связи с окружающими регионами – южной Анатолией, Закавказьем, иракским и иранским регионами Загроса со всеми преимуществами такого сближения – с доступом к источникам сырья и, самое главное, человеческими контактами. Взаимное культурное обогащение началось, видимо, в этот период; оно ускорило в его второй половине, примерно 9250–8250 лет назад, затем с такой же интенсивностью продолжилось в третьей фазе, которую мы рассматриваем, называемой ранним халколитом (8250–7000 лет назад) – классическим веком культуры расписной керамики – результатом этой эволюции.

По сравнению с докерамическим неолитом А, в неолите В проявляется большая утонченность: характерные элементы старой культуры, такие как микролиты, кирпич плосковыпуклой формы и круглые постройки, за исключением на юге Палестины (Бейда и Синай). Ямы, в которых прожаривали зерно, и общественные склады для его хранения сменяются печами и ларями, находящимися теперь в собственных домах. Эти дома при переделках часто оказывались на том же месте, что может указывать на существование частной собственности, распространяющейся, возможно, на поля, виноградники и сады. В последующие периоды здания будут отличаться по размерам в зависимости от их назначения, но сначала такое различие наблюдается редко; разница есть в украшении домов (головами животных, барельефами) и в их обстановке; есть более богатые захоронения, чем найденные в обычных жилищах. Можно предположить, что если уже и существовала граница между мирским и религиозным, то она была еще очень зыбкой.

Докерамический неолит В делится на две фазы: ранний – примерно до 9250 лет назад и поздний – после этой даты. Во время второй фазы на севере Сирии и в степях Месопотамии появляются гончарные изделия, но не проявились ни в Палестине, ни в южной Сирии. Белая посуда из гипса, типичная для второй фазы, появится в Палестине (Айн-Гассуаль, Мунхата) из долины Бекаа на севере (Ливан) и местонахождения Тель-Рамад II возле Дамаска.

Для докерамического неолита В характерно использование гипса. Им покрывают стены и галечные настилы полов в домах. Его оставляли былым или, прежде чем отполировать, красили в красный, бежевый, коричневый, черный цвета; на стенах оставляли его неполированным или наносили на него рисунки. Из гипса делали различные сосуды, им покрывали глиняные рельефы, статуи или черепа, иногда добавляя красители. В сущности, ненадолго – примерно на полтысячелетия – применение гипса опередило глину, гончарные изделия и терракоту. Но гипс мягок и хрупок, а значит, недолговечен.

До изобретения обожженных гончарных изделий пользовались каменной утварью, начиная с натуйфской эпохи. Распространение керамических изделий привело к отказу от «белой посуды» и гипсовые полы вскоре вышли из моды; настенные рисунки и барельефы из гипса уступили место расписным и лепным гончарным изделиям и тканям. Каменные сосуды, особенно из полудрагоценных камней или красивых горных пород с прожилками, никогда не выходили из моды, но, в отличие от деревянной посуды и плетеных изделий, стали теперь предметами роскоши.

При появлении ровных плоских полов стали делать первые гончарные и плетеные изделия с плоским дном. Обычно встречаются сосуды тяжелые, плохо обожженные, тускло-желтого цвета или пятнистые, часто отполированные. Их использовали для производства пищи, для хранения твердых, а особенно жидких продуктов, т.е. они выполняли чисто практическую функцию. Украшения на них редки: простая раскраска красным, несколько пятен или полос, нанесенных краской; иногда покрытия из

красной глины (ангоб) или вовсе без украшений; однако самые красивые образцы отполированы; на самых пестрых сосудах выполнены узорными насечками или выдавливанием лепные изображения – голов, фигур животных и людей, бугорчатые узоры. Расписные узоры встречаются реже всего. Форма изделий повторяет форму предметов из других материалов: чаш из камня или дерева, плетеных корзин, сосудов из коры или кожи. Искусство изготовления посуды развилось задолго перед докерамическим неолитом *Б*, но тогда ее еще не обжигали, поэтому до нас дошли только те изделия, которые случайно попали в огонь.

Такое же разнообразие мы наблюдаем и в изготовлении фигурок. Большинство из них – изображения женщин, но много и фигурок рогатого скота, иногда собак. Эти фигурки сделаны из обожженной или сырой глины, из гипса или мела; самые тонкие из них – чаще всего из камня или кости. Распространение техники обжига вело к началам металлургии. Только рассматривая различные артефакты в комплексе, а не отдельно, можно прийти к правильным выводам и лучшему пониманию.

Особенно интересные следы докерамического неолита *Б* были обнаружены у южной оконечности Мертвого моря в пещере Нагал-Хемар, вероятно, культовой. Сухой климат способствовал сохранению здесь многих предметов из недолговечных материалов, а также человеческих черепов, реконструированных с применением глины или украшенных нанесенной на них битумной сеткой. Здесь же найдены раскрашенные маски из известняка; статуя человека из гипса с нарисованными глазами; маленькие раскрашенные человеческие головки из кости; фигурки животных из камня. В пещере было много инструментов из кости и дерева, служивших, видимо, для плетения, ткачества, выделки кожи и пр. Красивая костяная пряжка для пояса похожа на те, что найдены в Анатолии в Ашикли и Чатал-Хююк. Прямой нож с двусторонним лезвием для жатвы имеет два ряда кремневых пластин, закрепленных на рукоятке смолой. Кремневые пластины имеют прорезы для крепления на костяной рукоятке. На инструментах видны следы битума, и можно предположить, что ими пользовались для обмазывания этим материалом различных емкостей.

В этой же пещере найдены деревянные наконечники для стрел, некоторые инструменты со следами малахитовой пыли; орудия, похожие на метательные, и др. Особенно многочисленны остатки корзин из тростника и лозы, скрученных, сплетенных, с плетением разной плотности. На этих корзинах найдены разные по цвету орнаментальные полосы и клетчатые узоры. Найдены также толстые диночки и веревочные емкости, обмазанные асфальтом, веревки, сети с узлами и без узлов, вязаные мешки с нашивками раковинами или зелеными бусинами, плетеная салфетка и много фрагментов тканей, иногда окрашенных в голубое, из льна или других выращенных растений, вытканых на станке. Археологи считают, что эти первые ткани были скорее ритуального, чем практического назначения. Несколькими веками позже жители Чатал-Хююк VI в Анатолии носили одежду из льна (и шерсти), в которой их и хоронили.

Бусины из глины и дерева, окрашенные в красный или зеленый цвета и нанизанные на шнурки, а также многочисленные раковины, в частности каури, найденные в Нагал-Хемаре, показывают, что существовали связи этого поселения с очень удаленными районами. Были красноморские и средиземноморские раковины, бусины из нефрита, завезенные, вероятно, из Иордании, Каира или с севера Сирии или Анатолии. В Иерихоне докерамического неолита *Б* нашли бирюзу, возможно, из Синая. Интересно присутствие в Нагал-Хемаре деревянных бусин: археологи слишком часто сообщают о могилах без погребальных приношений. Возможно, необходимо добавлять слово «не-

разрушающийся» применительно к материалу, из которого они изготовлены, так как невозможно себе представить, что кого-то хоронили без погребального сопровождения, если только это не была могила врага.

Отметим также, что технического качество предметов из недолговечного материала, найденных в Нагал-Хемаре, может указывать на то, что они относятся к гораздо более древней культуре, о которой мы ничего не знаем. Неудивительно, если бы мы нашли подобные материалы вместе с натufigийским или даже кебарийским кремнем! При оценке времени какого-либо явления большинство ученых склонны ошибаться, они предполагают более поздний возраст, что ясно показал радиоуглеродный метод датировки. Продолжают недооценивать творческие возможности людей палеолита, как когда-то геологи недооценивали продолжительность и значимость докембрийского периода. Очевидно, что когда нет возможности научным способом определить возраст, тогда специалисты, изучающие доисторический период, не могут точно определить и длительность конкретного явления, что приводит к «наползанию» отрезков времени.

Различным хозяйственным системам докерамического неолита *Б* соответствовала различная организация поселений, от лагерей охотников и ловушек, обнаруженных в заиорданской пустыне, до зимних и летних поселений кочевников Синая, состоявших из круглых (в плане) домов и ям в форме колокола. В этих поселениях найдены каменные орудия, подобные тем, которые были найдены в постоянных сельскохозяйственных поселениях оседлых земледельцев Бейды близ Петры, жители которых, как и их соседи, занимались изготовлением и торговлей бусами, браслетами, предметами из кости и т.п. В Бейде были просторные дома, мастерские и некоторые специальные постройки, вероятно, для ритуальных обрядов, поселение было огорожено стеной. Это поселение, относящееся к позднему докерамическому неолиту *Б*, отличается уникальной последовательностью перехода от круглых жилищ к просторным прямоугольным постройкам. В Иерихоне прекрасные прямоугольные постройки из сырцового кирпича сменяли друг друга на более чем двадцати уровнях заселения за время всего докерамического неолита *Б*, но слишком ограниченные раскопки не позволили воссоздать план этого крупного поселения.

Исследование стоянки Айн-Гассуль обещает быть плодотворным. Прекрасные статуи, найденные в яме, говорят о наличии святилища. Дома в Мунхата меньше и проще по планировке, чем в Иерихоне; в верхнем уровне есть круглая постройка (подобных нет в других поселениях, относящихся к докерамическому неолиту *Б*) с комнатами, расположенными вокруг центрального двора.

В районе Дамаска на стоянках Тель-Рамад и Ёбрайфе найдены красивые фигурки и некоторые хозяйственные детали, но построек не обнаружено, так как люди жили в хижинах из тростника, однако более поздняя стоянка Тель-Рамад, относящаяся к позднему докерамическому неолиту *Б*, которая тоже начиналась с подобных жилищ, затем стала представлять собой прямоугольные комнаты с покрытым гипсом полом и крытыми переходами.

Поселение Бейсамун, расположенное немного южнее, было, по всей видимости, очень крупным и похожим на Рамад.

В Рамаде, Газале, Иерихоне и Нагал-Хемаре нашли покрытые гипсом черепа.

Планы многих селений пока не опубликованы. Прямоугольные дома с гипсовыми полами встречаются также в Лабве (долина Бекаа), в Тель-Сукас и Рас-Шамра (на сирийском побережье), в Мурейбет IV в оазисе Эль-Кови и значительно севернее – в Гритилле вблизи Самсата; в Тель-Абу-Хурейра и в оазисе Эль-Ком были откопаны группы домов.

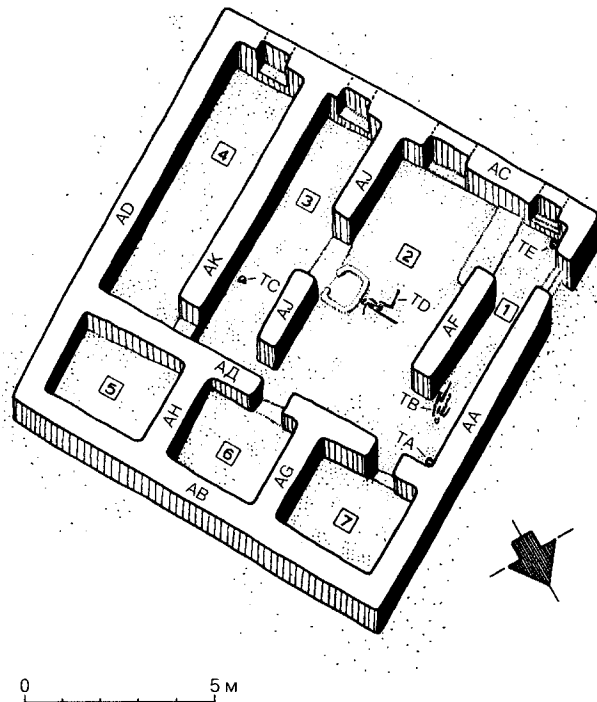

Рис. 108. Квадратное (в плане) строение («Дом 12») со стоянки Букрас (Сирия) (по Akkermans et al., 1983, p. 367)

Самый богатый с архитектурной точки зрения «урожай» был собран, однако, на таких удаленных стоянках, как Букрас у слияния р. Хабур и Евфрат (Сирия) (рис. 108), Умм-Дабагьях в степи южнее Джебель-Синжар (Ирак) и в Чайёню у подножья гор Тавр около Эргани (Турция).

Чайёню относится к раннему докерамическому неолиту *Б*; там выращивали полбу, введенный сорт пшеницы, лен, чечевицу, горох, вику, виноград, но не было ячменя; к этому добавлялись сбор желудей и охота, особенно на кабанов и диких быков, в охоте помогала одомашненная собака. Домашние козы и овцы были завезены из других мест и появляются только в верхнем уровне проживания.

Букрас и Умм-Дабагьях относятся к позднему докерамическому неолиту *Б*. На этих стоянках земледелие имело малое хозяйственное значение, но и там выращивали полбу, пшеницу, ячмень, горох и чечевицу; эти растения, завезенные в Умм-Дабагьях из более северных мест, культивировались, вероятно, и в окрестностях Букраса.

Есть большой соблазн приписать этому району открытие орошаемого земледелия, но на этот счет нет доказательств. Однако Букрас с площадью в 2,75 га и населением примерно в 850 жителей процветал, по крайней мере, на протяжении шести столетий. Раскопки позволили обнаружить печи, лари для зерна, жернова и другие орудия для обработки зерна, но очень мало серпов. Возможно также, что все обнаруженные там растения были ввезены.

В Букрасе, как и в Умм-Дабагьях, выращивался полный ряд одомашненных животных: преобладали овцы, количество которых в четыре раза превышало поголовье коз, были также коровы, свиньи и собаки. Скотоводство в Букрасе основывалось на разведении овец (в этом районе водились также дикие бараны).

Обитатели Умм-Дабагьях жили охотой на куланов, мясо и шкуры которых они обменивали на растительные продукты, поставляемые жителями Джебель-Синжар. Таким же образом селение Букрас было, вероятно, связано с поселением Телль-Абу-Хурейра.

Между поселениями начинают возникать иерархические отношения; вокруг основных центров появляются города и деревни-спутники и, хотя это определить труднее, лагеря охотников, поселения каменотесов и т.д. Обмен и

торговля занимали важное место в хозяйствовании. Букрас был удачно расположен для торговли обсидианом, который из района оз. Ван переправлялся к р. Хабур. Умм-Дабагьях и по крайней мере еще шесть соседних поселений находились на южном краю района Джебель-Синжар, где было поселение Телль-Сотто и, немного восточнее, обычные сельскохозяйственные стоянки Телул и Талатхат. Имеются косвенные доказательства, что похожая система существовала в треугольнике Хабур и в долине Балих.

Двенадцать уровней проживания в Умм-Дабагьях дали много глиняной посуды и гипсовых белых сосудов. В Букрасе по крайней мере в десяти верхних уровнях также нашли глиняные изделия, белую посуду и миниатюрные каменные сосуды, все эти три вида изделий найдены рядом и не могут быть разделены хронологически. Глиняная посуда не кажется такой же древней, как изделия Телль-Асуада в долине Балих, которые имеют возраст около 9000 лет. Некоторые керамические изделия, отполированные или с красным покрытием, явно относятся к типу Амурк и происходят из западной Сирии (Амурк-Кувейт-Джаббул); но большинство из них, грубые и плохо обожженные, были сделаны на месте и служили сосудами для хранения продуктов. Самые красивые раскрашены красным на желтоватом фоне или – в более высоких археологических уровнях – украшены насечками. В Умм-Дабагьях и в меньшей степени в Букрасе на некоторых изделиях есть накладной орнамент с изображениями животных, голов животных и человеческих фигур; этот новый тип гончарных изделий явно предшествует культуре расписной керамики следующего периода. В сравнении с Палестиной и южной Сирией поздний докерамический неолит *Б* в более северных регионах уже нельзя больше называть «докерамическим» периодом, скорее его можно назвать полностью керамическим примерно с 9000 лет или вскоре после этого. Раскопки в Иране и южной Анатолии показывают, что подобная эволюция произошла и в этих районах. В изобретении гончарных изделий не было ничего действительно революционного, они просто облегчили производство и хранение пищи, защищали ее от мышей, их можно было улучшать, и в результате они могли соперничать с традиционными емкостями из камня, дерева, кожи или плетенными изделиями.

Эволюция жилища тоже была заметной. Первые обитатели Чайёню (рис. 109) в начале докерамического периода *Б* жили в хижинах, врытых в землю, почти прямоугольных в плане (возможно, этот следы традиции, унаследованной от культуры Мурейбет докерамического неолита *А*). В последовательности, состоящей примерно из 6 фаз (период 3), эти хижины заменяются прямоугольными отдельно стоящими домами («решетчатое» расположение), включающими по несколько комнат с перегородками из легкого материала; гипсовый пол поднят на параллельные каменные основания для предохранения его от сырости. В свою очередь эти дома заменены постройками следующих 5–6 фаз (период 2 и «клеточное» расположение), затем, в последнем уровне заселения (уровень 1), появляются постройки из сырцового кирпича.

Наряду с жилищами с «решетчатым» и «клеточным» расположением в плане возводили сооружения более монументальные: «каменный дом», пол в котором выкладывался камнями, а потолок поддерживался двумя большими камнями (период 3); «дом черепов» со стенами, облицованными красным гипсом, названным так из-за того, что в нем нашли склад из 40 черепов; «дом с мозаичным полом», где пол был из полированной гальки розового цвета с белыми полосами (период 2) и внутренние опоры. Эти здания выполняли, вероятно, особые функции. Был также двор с рядами камней.

Эта культура характеризуется захоронением мертвых под полами домов, достаточно сложным каменным инвентарем, первыми попытками изготавливать гончарные изделия и самым древним известным нам использованием

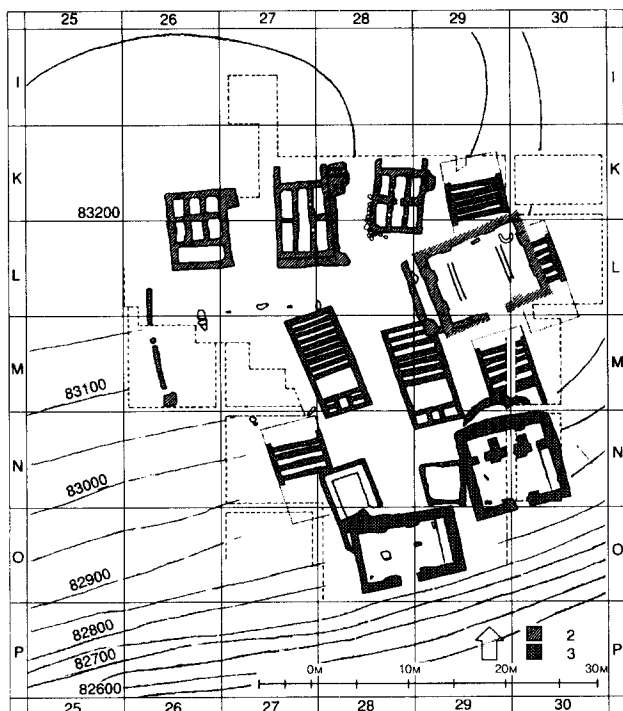

Рис. 109. План построек 2-го и 3-го уровней из восточной части раскопок в Чайёну Тепеси (Турция) (Cambel & Braidwood, 1983)

меди. Эта культура распространялась от района Малатья (Чафер-Хююк) через Хабур и Джебель-Синджар (Тель-Магзальях с укреплениями) к Тель-Шимшара на реке Заб в хребтах Загроста. Культура в основном являлась равнинной, но она поддерживала торговые отношения с районом оз. Ван, откуда поступал обсидиан и другие камни, а также с южным Средиземноморьем, откуда шли раковины, каменные сосуды, белая посуда и т.п.

Букрас – самое большое поселение позднего докерамического неолита на севере. В нем были разные здания: просторные частные дома со стенами и фундаментами из сырцового кирпича, оштукатуренного белым, а иногда красным гипсом; иногда со стенами, украшенными изображениями страусов и журавлей или барельефов в виде человеческих голов с глазами из обсидиана. У многих домов были широкие дворы с печью в одном углу и очагом напротив широкого дверного проема, через который проходили в жилую комнату, еще один очаг находился сзади; к дому примыкали склады или мастерские. Двери были такие узкие и низкие, что в дом можно было только вползть. Захоронения делались под полом жилищ. Некоторые постройки состоят из трех-четырех рядов складов с «клеточным» расположением, как в Чайёну. Другие, с цепью коридоров, напоминают «решетчатое» расположение. Все дома такие же просторные, как и в Чайёну: длиной 10 м и более, иногда даже до 20 м. Они принадлежали, вероятно, наиболее зажиточным гражданам. Храм или святилище не были найдены. Все устройство поселения следовало, без сомнения, определенному плану. Когда дом отстраивали заново, то для новой постройки использовали стены и фундамент старого дома. Следов укрепления не обнаружено, но дома стояли очень близко друг к другу, поэтому стены были почти непрерывными; так как у домов были очень низкие двери (около 70 см), это затрудняло вход непрошенных гостей.

Расположенное в пустынной степи поселение Умм-Дабагях имело свои особенности. Его центральное здание состояло из маленьких комнат-складов, в которые проникали через крышу. Дома были небольшими, но в них было несколько комнат с арками, а также встроенная печь; на крышу вели ступеньки или очень узкие выбоины. Обычными

строительными материалами были кирпич-сырец и гипс. Были ниши, шкафы, лари, очаги, скамьи; полы были покрыты красным гипсом; снова на стенах были многочисленные рисунки, сделанные красной охрой, изображавшие сцены охоты на куланов, рисунки, вероятно, пауков, птиц, а также человеческие фигуры в виде палочек; были и геометрические рисунки. Наличие таких достаточно сложных особенностей в специализированных охотничьих поселениях является хорошим стимулом для исследования более крупных местонахождений, от которых зависели такие поселения, как Умм-Дабагях. Сегодня совершенно ясно, что «теория холмов», согласно которой люди не спустились на аллювиальные равнины до окончания периода Джармо, сильно недооценивала их сообразительность.

Находка на сирийско-месопотамской аллювиальной равнине поселений, относящихся к одиннадцатому тысячелетию назад (тогда как ранее считалось, что на равнине не жили до восьмого тысячелетия), позволяет отказаться от мнения о позднем развитии и является стимулом для продолжения исследований в этом районе, считавшемся до сих пор незаселенным просто на основании теории! Вместе с тем «теория холмов» оказалась неверной, как до того и «теория оазисов», но ее положительное значение в том, что она направила поиски к неисследованным до того горам и плато Ирана и Анатолии.

ИРАН

Раскопки в центре горного массива Заргос как на иранском плато, так и вне его, указывают на эволюцию, подобную той, которая происходила примерно в те же времена в раннем и позднем докерамическом неолите Б. Поселения Ганж-Дарех (D-A) и Бу-Мордех были основаны примерно 9500 лет назад, первое расположено в межгорной долине около Биситуна, второе – в аллювиальной равнине близ Дех-Лурана; другие докерамические поселения были обнаружены на равнине Хузестана. Во второй половине этого периода, с 9000 лет до наст. в., появляются поселения Джармо, Тепе-Туран, Тепе-Сараб, Тепе-Абдул-Хусейн, фаза Али-Кош, сменившая фазу Бу-Мордех и культуры Загхе и Санг-и Чахмак на севере центральной и восточной частей Иранского нагорья – предшественники культур Сиалк и Джейтун. Столь древние поселения не были найдены на юге Ирана – ни в Фарсе, ни в Кермане, ни в Систане или в Белуджистане; но открытие поселения Мергарх у подножья Боланского перевала и нижних слоев Кили-Гул-Мохаммад возле Куэта, относящихся, по крайней мере, к девятому тысячелетию до наст. в., позволяет предположить, что будущие раскопки восполнят пробел.

Так как зона докерамического неолита распространяется далеко за Загрост, то неправильно применять термины «Большая Месопотамия» или «Сирийская Силиция».

По-видимому, каменное производство в поселениях Ганж-Дарех и Бу-Мордех происходит из более раннего комплекса Зави-Шеми-Шанидар и Карим-Шахир. Домашние козы и овцы обнаружены в Бу-Мордех, а в Ганж-Дарех – только козы (как раньше на соседней стоянке Асиаб); баран, как и другие животные, был пока только объектом охоты. Как и в более западных районах, здесь найдены в разных количествах и сочетаниях разновидности пшеницы, ячменя, гороха, чечевицы и др. Следовательно, можно говорить об успешном одомашнивании животных и растений. Однако на этих стоянках не обязательно жили круглый год. Похоже, что в фазу Бу-Мордех поселение Али-Кош использовалось только зимой; там жила группа, которая пользовалась богатыми пастбищами на равнинах Хузестана, а ее летние, еще не обнаруженные стойбища, находились где-то в высокогорной долине Загроста.

Этот период характеризуется прямоугольными (в плане) домами из сырцового кирпича с гипсовым полом,

с несколькими комнатами, дворами и переходами (как в Бу-Мордех). В более компактном поселении Ганж-Дарех были двухуровневые (двухэтажные) дома: на нижнем уровне (подвальном этаже) было много небольших комнат – складов и (возможно) культовых помещений, а на верхнем уровне – жилые помещения. В Ганж-Дарех нашли в нише две головы диких баранов, расположенные одна над другой. Маловероятно, что эти головы, напоминающие находки в Мурейбет, Загхе, Чатал-Хююке и Телль-Асуаде, – просто охотничьи трофеи: это скорее предметы культа, и данную гипотезу подтверждают рельефы голов, украшающие некоторые сосуды из Умм-Дабагьях, культуру Шулавери, Хачилар, Кан-Хасан и Кёск.

В сторевшем, но хорошо сохранившемся поселении Ганж-Дарех *D* найдена одна из самых древних в Западной Азии гончарная утварь, намного более старая, чем предметы из Телль-Асуада, Букраса и Умм-Дабагьяха. Она служила в основном для хранения продуктов. Интересно отметить, что изготовление гончарных изделий не распространялось подобно «дикому пламени», как это можно было бы предположить: некоторые общины с успехом применяли новую технологию, другие отказались после некоторых попыток, а позже заимствовали ее. Отсутствие или присутствие керамики не может быть полезным критерием для установления хронологической последовательности; здесь теория вновь вступает в противоречие с фактами. В течение этого периода в зоне Загроса нет белой посуды, а каменные сосуды попадаются редко.

Все меняется в следующей, более изученной фазе, в которой, например, в поселении Тепе-Гуран появились прекрасные гончарные изделия элегантных форм, с расписным узором, может быть, происходящие из Ганж-Дарех. В то же время в Джармо делали красивые каменные сосуды и фигурки из обожженной глины, лучше которых были только фигурки из Тепе-Сараб. Ничего подобного нет в поселении Али-Кош, расположенном на равнине со знойным климатом. В этот период каждое поселение развивается по-своему, ни одно из них не может рассматриваться как типичное для всего комплекса.

Очень ограниченные исследования в Гуране, Сарабе, Али-Коше и Джармо дали мало сведений об архитектуре этих поселений. Особенно разочаровали работы в Джармо, небольшом поселении примерно со 150 жителями и неизвестным количеством домов (к тому же поврежденных). Более обнадеживающие результаты (в данный момент опубликована только часть из них) получены в поселениях Загхе и Санг-и-Чакмак (западный курган), на равнинах Казвин и Шахруд, где были весьма благоприятные условия для земледелия. В Загхе на уровнях 17–5 нет керамики, но уровни 4–2 содержат первые образцы архаичной грубой посуды, иногда расписной, медеплавильни в производственном комплексе, храм (уровень 4) и интересные дома из кирпича-сырца и глиняной массы (*chineb*) (уровень 2). Типичными являются прямоугольные (в плане) постройки длиной до 10 м, дворы окружены стенами; под одной крышей были три помещения: жилая комната, комната-склад и кухня с печью для выпечки хлеба. Воду хранили в глиняном кувшине, вкопанном в землю во дворе; многочисленные площадки для работы иногда облицованы красным гипсом; полы над могилами посыпались красной охрой. Пока нет детальных сведений о хозяйственной деятельности жителей, но очевидно, что это – поселение земледельцев. Храм был построен по тому же плану, что и дома, но на прилегающем крытом дворе был огромный очаг, вероятно, для ритуальных церемоний. В этом храме найдено много женских фигурок, но самая впечатляющая находка – это убранство центральной комнаты, где на стенах висели черепа и рога восемнадцати горных баранов, а сама стена была украшена черно-белым меандровым орнаментом на красном фоне. Здесь, как и в Букрасе, сохранились неповрежденными высокие и низкие двери. Возраст храма определен приблизительно в 8700 лет.

В Санг-и-Чакмак западный курган (вторая половина девятого тысячелетия до наст. в.) включает пять уровней заселения. Аккуратные дома имеют стандартную планировку основных сообщающихся между собой комнат. Пол центральной комнаты приподнят и обычно опшукатурен окрашенной красным известью; пол в кухне земляной, в ней есть печь для выпекания хлеба; часть дома, расположенная на нижнем уровне, служила, вероятно, спальней. Альковы, лари и скамьи дополняют интерьер дома. Эти детали расположены группами, разделенными свободным пространством. Гончарные изделия редки, нашли лишь глиняные женские фигурки. Отмечено производство лезвий, нуклеусов и шильев из кремня, но не найдены микролитические элементы. Как и в загросских поселениях того времени, найден ввезенный обсидиан. Захоронений пока не найдено. Этим ранним культурам на северном иранском плато соответствуют столь же древние культуры южной Анатолии (Турция).

АНАТОЛИЯ

Имеется пробел между культурами скальных убежищ Бельбаш и Бельдиби, относящимися к кебарийской и натифийской культурам на южном побережье, и появлением постоянных поселений на анатолийском плато примерно к началу докерамического неолита *B* около 9600–9500 лет до наст. в. Другими словами, еще не обнаружены примеры докерамического неолита *A*, хотя установлено, что в этот период обсидиан из Чифглика экспортировался в Левант. Можно надеяться, что когда-нибудь этот пробел заполнится.

Представители поселений раннего докерамического неолита *B*, сменявшие друг друга на анатолийском плато – Ашикли-Хююк, несколько позднее – докерамический Хачилар и, наконец, после девяти тыс. лет до наст. в., – докерамические Кан-Хасан, Сюберб (пока без гончарных изделий) и докерамический Чатал-Хююк XIII-О.

До тех пор пока не будут проведены раскопки в Ашикли-Хююк – главной стоянке самой древней фазы, – нельзя получить какие-либо существенные данные о том, что это было большое поселение с домами из сырцового кирпича и полами, покрытыми слоем красного гипса, с захоронениями под ними. В Ашикли-Хююк изготавливали предметы из собственного обсидиана, но микролитов не было. Возможно, что некоторые растения были окультурены, но найденные кости животных не относятся к домашним видам. Возраст этой стоянки приблизительно тот же, что и Чайёно и, возможно, от нее пошла культура Чатал-Хююк.

Имеются некоторые сведения о других докерамических стоянках: в Хачиларе занимались несорошаемым земледелием, была одомашнена собака, а может быть, и баран, и коза; так же обстоят дела и в Сюберб, но в Кан-Хасан III, кроме того, занимались орошаемым земледелием, выращивая ячмень и пшеницу, занимались сбором фруктов, грецких орехов. Дома в Кан-Хасан III, как и в Хачиларе и Чатал-Хююке, имели прямоугольную архитектуру с входом через крышу, с земляным или гипсовым полом, часто красного цвета, со следами росписи на стенах. В отличие от Ашикли и Чатал-Хююк, в Кан-Хасане III и в Хачиларе под полом не было захоронений, но в докерамическом Хачиларе нашли человеческие черепа, размещенные в ритуальном порядке. Каменное производство тоже отличалось от Ашикли и Чатал-Хююк; похоже, что в Кан-Хасан и Сюберб были обнаружены микролитические изделия. Имеющиеся данные недостаточны, чтобы можно было сделать общие выводы.

Наконец, в очень важном поселении Чатал-Хююк, занимающем площадь 15 га, есть неолитические отложения толщиной не менее 25 м. Только 1/30 часть стоянки была раскопана, а нижние уровни не были затронуты вообще. Четырнадцать уровней проживания отнесены радиоуглеродным методом ко времени 8700–8100 лет назад. Во всех

уровнях есть гончарные изделия, дома из сырцового кирпича с гипсовыми белыми (иногда окрашенными в красный цвет) полами, настенные рисунки. Если предположить, что половина площади поселения была не занята постройками и в каждом доме жили 5–7 человек, то получится город с 5–7 тыс. жителей.

Хозяйство основывалось на примитивном ирригационном земледелии и на разведении домашнего крупного рогатого скота (найденные кости коз и баранов принадлежат диким животным). Содержались домашние собаки, но охота, видимо, потеряла свою важность и, как и рыболовство и охота на дичь, известна нам больше из рисунков на стенах, которые не всегда отражают повседневную жизнь, но могут рассказывать о жизни предков веками раньше. Подобно этому, по остаткам пищи, найденным в элитарном квартале, нельзя судить о том, как питались остальные жители города, поэтому нельзя считать, что в Чатал-Хююк говядина входила в рацион каждого жителя.

В Чатал-Хююк найдено много произведений искусства и ремесел, но все они – в виде готовых изделий, найденных также в богатом квартале; пока еще не найдены мастерские, где они изготовлялись, вероятно, их надо искать в других частях поселения. Большинство сырья было привозным, за исключением глины, гипса.

Культура Чатал-Хююк занимала большую территорию, включавшую большую часть Южной Анатолии. Поселение Чатал-Хююк поддерживало тесные связи с Силисией и Северной Сирией, в частности, оттуда ввозили пластинчатый сирийский кремнь, белую посуду, небольшие каменные сосуды, похожие на найденные в Букрасе, раковины каури с Красного моря (их вставляли в глазницы черепов) и, возможно, льняную одежду, которая вместе с шерстяными покрывалами служила для захоронения умерших. Не редкостью были раковины (морской зуб, нуксин, кардиум) со Средиземного моря; обсидиан и пемза привозились из местности Асигель (к востоку от современного города Аксарай); сталактиты, медь и свинец, вероятно, привозились с хребта Тавр; мрамор и похожий на бирюзу голубой апатит, из которого делали бусы, добывались из вулканических или метаморфических пород в районе современного г. Нигде; из этого же района или из Сизмы (к северу от Конии) получали киноварь; соль и серу – с берегов соленого оз. Туз и т.д. Нет сомнения, что обмен и торговля, также как и ремесла, во многом способствовали процветанию и социальному развитию Чатал-Хююк.

Есть основания полагать, что существовала частная собственность; что было неодинаковое распределение богатств в захоронениях; что существовала система мер; что люди проявляли заботу о планировании поселений, правилах и формах и, что важнее всего, о соблюдении религиозных обрядов. Искусство и символизм были развиты в такой степени, которая никогда не встречалась ни на одной стоянке этого периода.

Задолго до возникновения письменности в Чатал-Хююк неолитический человек красноречиво выражал свои мысли в рельефах и настенных рисунках. К грубым фигуркам, присутствующим во всех культурах, о которых упоминалось выше, добавились каменные статуэтки, часто групповые, в сочетании со сталактитами, подобные рождественским персонажам; те же сюжеты повторяются в гипсовых барельефах монументальных размеров. Имелись также сложные настенные росписи, на которых изображались божества, каждое со своими символами, выстроенные как на византийских иконостасах. Многие составляющие элементы этого искусства были известны ранее, но здесь они более выразительны, подчеркнуты и объединены так, что образуют сложные композиции из камня, гипса, глины, красок и, возможно, ткани. Прежде чем захоронить умерших, жители Чатал-Хююк ждали, чтобы хищники оставили от тел только скелеты, затем заворачивали кости в ткань или циновку, или клали в корзину. Об

этом рассказывают оставленные людьми настенные рисунки. Захоронения в Чатал-Хююк засыпали красной охрой, череп раскрашивали голубой и зеленой краской, чтобы подчеркнуть его особенности.

Исследование многих сотен скелетов позволило определить состав населения: свыше половины состояло из длинноголовых евроафриканцев (подобных натуфийцам – потомкам представителей верхнепалеолитической расы); менее четверти населения принадлежало к грацильным длинноголовым жителям Средиземноморья (похожим на жителей поселения Тель-Рамад в Сирии); остальные состояли из короткоголовых людей альпийского типа. Это было удачное смешение, биологический ключ к успеху общества.

РАСЦВЕТ КУЛЬТУР РАСПИСНОЙ КЕРАМИКИ – ПЕРВАЯ ФАЗА (ОКОЛО 8000 ЛЕТ ДО НАСТ. В.) (карта 48)

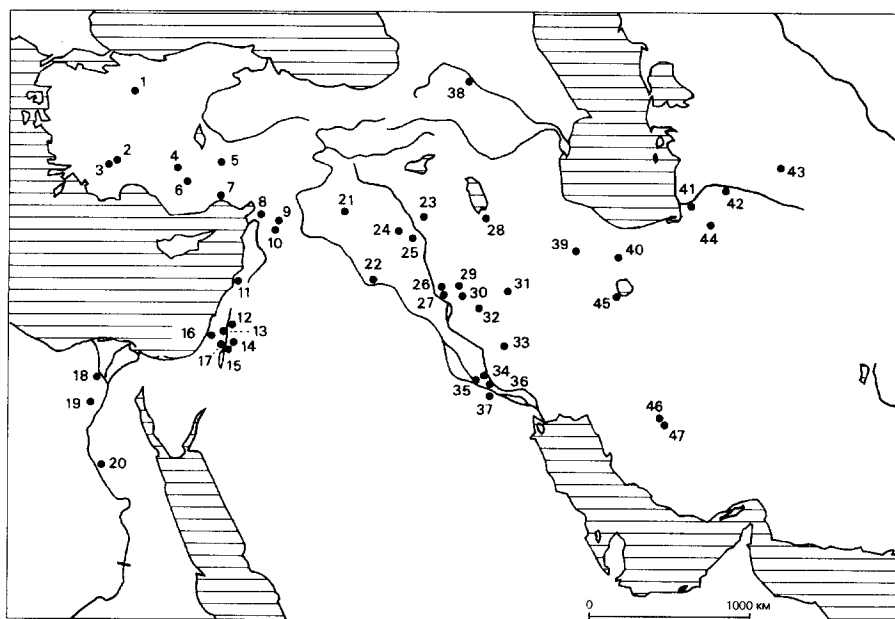
Самая примечательная особенность этого периода – изобилие расписных гончарных изделий на большей части Западной Азии.

В экономическом плане процессы одомашнивания животных и окультуривания в конце предыдущего периода вполне установились; земледелие с примитивным орошением позволило освоить непригодные до тех пор районы, такие как средняя и нижняя Месопотамия, район Солдуз в бассейне оз. Урмия, области у подножия Копетдага на краю пустыни Каракумы и, наконец, Египет. Первые оседлые культуры появляются в Закавказье, вдоль восточного склона центрального массива Загроса и в современной провинции Фарс. Культурные механизмы этого расширения остаются неизвестными. Успехи земледелия могли побудить население, жившее до сих пор охотой, собирательством или скотоводством, начать оседлый образ жизни; в других случаях поселения могли появиться на старых торговых местах; обезвоживание самых аридных районов Западной Азии около 8000 лет назад могло толкнуть население на поиски более плодородных земель и т.д. Можно предположить разные причины, но нельзя доказать, что причиной явилось перенаселение или повсеместное изменение климата.

В отличие от поселений девятого тысячелетия до наст. в., многие поселения этого периода продолжали заселяться непрерывно на протяжении многих тысяч лет, что значительно усложнило археологические исследования. Действительно, археологи в основном сосредоточили внимание на небольших легкодоступных поселениях, которые не были заняты в последующие периоды, или довольствовались глубинным зондированием. Поэтому найденные архитектурные остатки в большинстве случаев разочаровывают.

Надо исправить широко распространенное мнение, что в исследуемый период встречаются скорее «деревни», чем «города». В этот период, как и в предыдущий, образуются крупные населенные пункты, доступные или недоступные исследователям, в которых до сих пор не проводились раскопки. И пока это положение сохраняется, трудно судить о действительном состоянии, и мы склонны недооценивать достижения этого и следующего, охватывающего седьмое тысячелетие, периода. Сравнение – главная задача археологии. Поскольку уже в десятом и девятом тысячелетиях назад бок о бок с хижинами и лагерями существовали (в большинстве случаев) большие и малые поселения и даже города (в более поздний период), надо ожидать и большое разнообразие хозяйственного и, особенно, культурного развития.

Старое выражение «от пещеры к империи», слишком часто предполагающее эволюцию как непрерывный прогресс, на самом деле не подтверждается археологическими и историческими фактами. Культурный прогресс был беспорядочным, и в том же восьмом тысячелетии до наст. в. многие культуры характеризуются изготовлением

Карта 48. Основные местонахождения в Западной Азии в течение восьмого тысячелетия до наст. в.: 1 – Демирчи-Хююк; 2 – Куручай; 3 – Хачилар; 4 – Чатал-Хююк; 5 – Кёск; 6 – Кан-Хасан; 7 – Мерсин; 8 – Амур; 9 – Кувейк; 10 – Тель-Берне; 11 – Библос; 12 – Ша'ар-Ха-Голан; 13 – Мунхата; 14 – Айн-Гассуль; 15 – Грубба; 16 – Вади-Рабах; 17 – Иерихон; 18 – Меримде; 19 – Файюм «А»; 20 – Бадари; 21 – Тель-Халаф; 22 – Багуз; 23 – Тель-Арлашьях; 24 – Ярим-Тепе; 25 – Тель-Хассуна; 26 – Самарра; 27 – Тель-эс-Савван; 28 – Хаджи-Фирюз; 29 – Тель-Сонгор; 30 – Абада; 31 – Махидант (J.); 32 – Шогха-Мами; 33 – Шогха-Сефк; 34 – Хаджи-Мухаммад; 35 – Урук; 36 – Тель-Уэли; 37 – Эриду; 38 – Шулавери; 39 – Загхе; 40 – Чешмех-Али; 41 – Туренг-Тепе; 42 – Ярим-Тепе; 43 – Джейтун; 44 – Санг-и-Чакмах; 45 – Тепе-Сиалк (I-II); 46 – Тель-Мушки; 47 – Тель-Джарри «В»

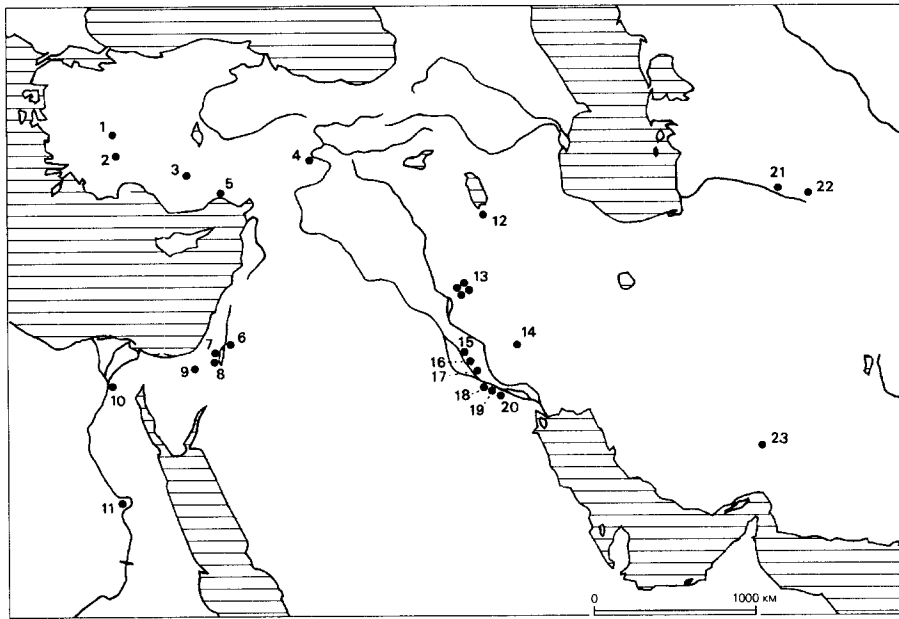
прекрасных расписных гончарных изделий, но были и окраинные районы, где роспись не прижилась, может быть, по технологическим причинам (не умели делать светлые предметы, на которые только и можно наносить роспись), а, может, из-за консерватизма или недоверия к новшествам. В культурах Шулавери в Закавказье и на территории Кебан в Восточной Турции пренебрегали росписью, как и в культурах докерамического неолита *В* на побережье Сирии, Ливана и Палестины, а также в культурах Файюм *А* и Меримде в Нижнем Египте и в бадарийской культуре Верхнего Египта. Старое и новое почти всегда идут вместе; в той или иной форме их можно найти на протяжении всего восьмого тысячелетия тому назад. Становится совершенно ясно, что меняющаяся мода этого периода на самом деле является местным или региональным продолжением культур предшествующего периода. Последовательность и изменчивость являются основой.

Следствием широкого распространения земледелия и скотоводства было явное снижение интереса к охоте, которая была характерна для каменного производства. Исчезают микролитические изделия; на смену металлическим снарядам с наконечниками (копьям, дротикам, стрелам) постепенно приходят булавы (дубинки) и пращи. Вместо жатвенного ножа появляется серп; широкое распространение получили мотыги для рыхания земли; прокладываются ирригационные каналы. С распространением гончарных изделий в печах не только прожаривают зерно, но и выполняют более сложные действия по производству пищи. Гончарные печи позволяют производить качественный обжиг глины. Из обожженной глины делают различные предметы, например, веретена и другие приспособления для ткачества. Из меди делают теперь не украшения, а простые инструменты – булавы, спицы, резцы и даже топоры. Металлических предметов находят мало, так как чаще всего металл использовали для чего-либо повторно. Все еще в ходу глиняные счеты, используемые примерно с десятого тысячелетия до наст. в.; теперь в ходу небольшие глиняные печати, которыми помечают свою собственность, опечатывают дома и склады. С распространением

глиняной утвари исчезает белая посуда, а каменные сосуды становятся предметом роскоши. Гончарные изделия и терракотовые фигурки заменили гипсовые рельефы и стенную роспись и стали для исследователей единственным средством узнать о религиозных верованиях. Продолжаются захоронения под полами жилищ, но тела больше не выставляются диким животным и могилы не засыпаются красной охрой; появляется и новый вид захоронения – на кладбищах, расположенных вне самого поселения, с приложением погребальных даров. Прекращается культ человеческих черепов.

Конечно, на каждое такое утверждение находят исключения, но общая картина и основные тенденции именно таковы. Так как стенная роспись является ценным источником информации, исследования большего числа сооружений могли бы, вероятно, внести некоторые уточнения. Ни одно общество в Западной Азии не оставалось без религии. С захоронением вне стен дома уменьшается, конечно, возможность найти в могилах предметы из недолговечных материалов. К тому же переход от стенных росписей и рельефов, характерных для девятого тысячелетия, к гораздо меньшей по размерам расписной керамике, лишает нас многих важных сведений. С другой стороны, широкое распространение расписных гончарных изделий, рисунки на которых часто повторяли орнамент на войлоке и тканях, показывает, какое значение и распространение имело текстильное производство в те времена. Примерно с 8000 лет до наст. в., и даже раньше одежда из ткани заменяет одежду из шкур животных. Ткачество становится одним из главных занятий народов Западной Азии и, наряду с керамикой, основной и значительной сферой производства.

Если развитие архитектуры этого периода и кажется нам ничем не замечательным, то это может быть потому, что археологи, как отмечалось выше, больше занимались раскопками «деревенских», а не «городских» поселений. Прямоугольная планировка построек преобладает теперь везде, кроме культуры Шулавери в Закавказье, где дома в плане круглые, гончарные изделия монохромные с наклад-

Карта 49. Основные местонахождения в Западной Азии от 7250 или 7000 до 6000 лет до наст. в.: 1 – Бейсесултан; 2 – Куручай; 3 – Кан-Хасан I, 4 – Дегирмен-Тепе; 5 – Мерсин; 6 – Тель-Гассуль; 7 – Энжеди; 8 – Нагал-Мишмар; 9 – поселение Безр-Шева; 10 – Эль-Омари; 11 – Негаде I; 12 – Далма; 13 – поселение в районе Хамрин: Абада, Мадхур, Сонгор, Кейт-Касим; 14 – Тепе-Сабз-Гхогха-Сефк (Хазинех, Мехме, Байат); 15 – Хаджи-Мухаммад; 16 – Урук; 17 – Тель-Уэли; 18 – Эриду; 19 – Убейт; 20 – Ур; 21 – Анауйя; 22 – Намазга; 23 – Тепе-Яхья

ным узором, как в Умм-Дабагьях, и много красивых фигурок. Самые древние слои культуры Халаф на севере Сирии и Месопотамии содержат круглые дома, к которым позже добавляются прямоугольные комнаты, дворы и склады, как в Ярм-Тепе. Керамика Халаф, обнаруженная в долине Курвейк к северу от Алеппо, с очевидностью делалась на месте и происходит от керамики Амука А и Б, девятого тысячелетия до наст. в. На культуру росписи керамики в селении Умм-Дабаджьях на севере Ирака, возможно, оказала влияние техника древнего керамического производства Халаф, в то время как его архитектура повлияла на архитектуру культуры Хассуна (поселение Ярм-Тепе I).

Причина возврата к строительству круглых домов остается невыясненной, так как не удалось определить достаточно образом их появление. Раскопки в Восточной Анатолии не дали с этой точки зрения ничего нового; против ожидания, там нашли мало халафских гончарных изделий.

Халафская культура с самого начала была распространена очень широко, а не появлялась постепенно – именно это показали исследования стоянок в Арпашийях. В культурах Хачилар VI и I, на юго-западе Анатолии, в районе Кебан, у современного города Малатья, даже в долинах рек Аракса и Куры, встречаются изделия, вывезенные из Халафа. Они достигли Ливана, Палестины (Вади-Рабах) и Махи-Дашт около Керманшаха («керамика J»).

Таким образом, культура Халаф появляется как наследница докерамического неолита B в зонах неорошаемого земледелия. На юге с ней соседствует культура Самарра (вблизи от современного Багдада), больше известная как культура, в которой использовалось орошение. Ее представляет в основном Тель-эс-Савван, но встречаются и такие ее названия, как Бахз и Чогха-Мами.

Сложная архитектура домов Самарры, Т-образных в плане, напоминает архитектуру Букрас, влияние которой обнаруживается также в самых древних самаррских каменных сосудах, но не в статуетках. Расписные гончарные изделия Самарры по Евфрату перевозились до Сирии и оказали влияние на хассунскую керамику. В районе Хамрин, на стыке культур Халаф и Самарра, были открыты поселения Эриду и Хаджи-Мухаммад (Убейт 1 и 2). Они являются типичными древними поселениями, основанными 7500 лет назад на аллювиальной равнине Нижней Месопотамии.

В них было организовано орошение, разводили крупный рогатый скот и овец, выращивали финиковые пальмы, занимались рыболовством; из этих поселений произошли шумерская и аккадская культуры, может быть, и Сузы (Элам)*.

Эти две большие культуры (Халаф и Самарра), а также их ответвления, господствовали в самом центре региона – в Сирии и Месопотамии, тогда как народы, жившие в соседних горных массивах, вели собственный образ жизни и поставляли на равнины сырье: обсидиан, медь и различные полудрагоценные камни, из которых делались печати, бусы, амулеты и небольшие каменные сосуды. В Палестине, на смену позднему докерамическому неолиту B пришли представители других культур; они явились родоначальниками неолитических культур Библоса. Расписная керамика распространилась по югу Анатолии и захватила Хачилар, Западный Чатал, Кан-Хасан, Мерсин, Кёск. На стоянке Кёск, однако, гончарные изделия чаще украшены рельефом, чем расписаны. Все эти анатолийские культуры вышли из комплекса Чатал-Хююк. В Иране наблюдается похожая картина: культуры Чешме-Али и Сиалк I–II продолжают культуру Загхе; культура Джейтун развилась из Санг-и-Чахмак; культура Хаджи-Фирюз напоминает культуру Хассуна; культуры Таль-и-Мушки и Таль-и-Джарри «B», происхождение которых пока неизвестно, сменяют друг друга в Фарсе.

ОТ РАСПИСНОЙ КЕРАМИКИ К МОНОХРОМНЫМ ИЗДЕЛИЯМ (ОКОЛО 7250/7000 ДО 5000 ЛЕТ ДО НАСТ. В.) (карта 49)

В южной Анатолии изменения произошли, начиная примерно с 7500 лет до наст. в.: полированная посуда позднего халколита заменила расписные гончарные изделия (местонахождения Куручай, Бейсесултан, Кан-Хасан I) или, как в Мерсине XVII–XVI, объем ее производства возрос. За Евфратом находят мало изменившуюся традиционную темную полированную посуду. В северной Сирии прежняя

* Элам – древнее государство в юго-западной части Иранского нагорья. Центр – Сузы (совр. Шупи). (БЭКМ). – *Прим. ред.*

единая культура Халаф распадается, поскольку поздняя ее фаза («Амук» D) характеризуется, как и в Мерсине, преобладанием полированной посуды над расписной. Кажется, поздний Халаф очень редок к западу от Джебель-Синджара. Эта великолепная культура исчезает около 7000 лет назад при довольно загадочных обстоятельствах. Ее керамика заменяется изделиями либо чистого стиля Убейт 3 (раньше его называли ранний Убейт), либо, чаще, изделиями стиля Убейт 3 с матовой, как на юге, росписью, но с местными особенностями и узорами в стиле Халаф. Обычно считают, что жители Убейта, с юга Месопотамии захватили север, и их культура сменила культуру Халаф. Подобные изменения произошли в то же время на отрогах Загроса: Хазинех (близ Хаджи-Мухаммада) уступает место Мехмех и Байят, которые в общих чертах похожи на Убейт 3 и 4. Эти события отражаются на культурах Махи-Дашт и Сиалк, где новая фаза (Сиалк III) отличается изделиями стиля Убейт. В Туркменистане Намазга I приходит на смену Анау IА, новая керамика продолжает керамику Сиалка II. Очевидно, наступило время перемен, и красивые многоцветные или двухцветные гончарные изделия времен Халафа заменяются более простыми предметами с матовой поверхностью, с черным или коричневым узором на тускло-желтом фоне.

Трудно поверить, что эти изменения вызваны территориальной экспансией из южной Месопотамии. Скорее это изменение вкуса и моды, привнесенной шумерскими и эламскими торговцами, которые искали сырье и могли предлагать взамен украшенную узорами одежду.

В этот период развивается торговля, появляются технические усовершенствования, такие как гончарный крут, распространяются штампы и печати, становится больше инструментов и украшений из металла. Изделия северной культуры Убейт, возможно, делают жителями культуры Халаф, а не народами, пришедшими с юга. Эти изделия северного типа в свою очередь проникали на сирийское побережье (Рас-Шамра), в Силицию (Мерсин) и в район хребтов Антитавра (районы Эльбистана и Малатьи), – все они были под влиянием культуры Халаф. Торговля распространилась также в район Персидского залива; гончарные изделия культуры Убейт найдены в двух десятках стоянок на побережье Саудовской Аравии и Бахрейна; был найден один черепок из Тепе-Яхья в районе г. Керман. Керамика культуры Далма с севера Загроса была обнаружена в Хамрине в Убейт 3. Все эти следы являются убедительным доказательством расширения контактов, уже существовавших между Тепе-Гийан в виде культуры Хаджи-Мухаммад (Убейт 2). В районе Урмии на смену культуре Хаджи-Фирюз приходит культура Далма.

Развитие торговли в Западной Азии сопровождалось, по всей видимости, образованием торговых центров и послужило большему, чем в предыдущие периоды, сближению и ассимиляции различных культур. Анатолийское нагорье, Закавказье, часть Ирана, расположенная за Загросом, Ливан, Палестина и, конечно, Египет оставались в стороне от этого развития. Они развивались своими путями, и в конце периода Убейт, и даже раньше, в них появились центры металлургического производства. Их появление привело к даже еще более интенсивной фазе торговой деятельности в период Урук в шестом тысячелетии до наст. в.

Характерными для архитектуры периода Убейт являются постройки из трех частей, включающие центральный зал с прилегающим к нему с каждой стороны рядом небольших комнат. Такая планировка свойственна как храмам (Эриду, Варка, Тепе-Гавра), так и домам (Тель-Уэли-Авайли, Тель-Абада (рис. 110), Хейт-Казим, Тель-Мадхур, Тель-Сонгор и Дегирмен-Тепе); торцы построек часто Т-образной формы. Дома такие же большие и такой же сложной архитектуры, как и храмы, и те, и другие укреплены, где это необходимо, опорами. Некоторые сооруже-

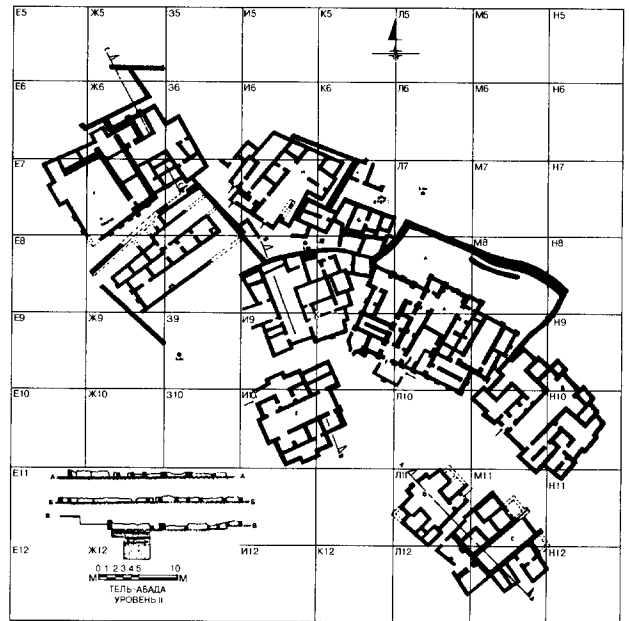

Рис. 110. План района в поселении Тель-Абада (по Jasim, 1984)

ния похожи на склады (Тель-Уэли). Найдены фрагменты стеной росписи. Для периода Убейт 4 характерно (но только на юге Месопотамии) наличие глиняных фигурок, изображающих женщин или мужчин с головами ящериц. Погребальные традиции различные, захоронения находятся то внутри, то вне поселения. Металлические предметы чрезвычайно редки; богатые захоронения и другие признаки социальной иерархии почти отсутствуют. Не найдены также ни укрепления, ни оружие, за исключением нескольких булав. Может быть, жители культур Халаф и Убейт уже поняли, что успешная торговля зависит от развития мирных отношений.

Палестинская (и, возможно, синайская) культура Гассуль, сильно конкурирует с культурой Убейт. Культура Гассуль является наследницей культуры Вади-Рабах, которая последовала за сирийской культурой Халаф в позднем неолите. Культура Гассуль характеризуется поливным земледелием и одомашниванием ослов, крупными поселениями (например, Тель-Гассуль), в которых группы домов стояли глухими стенами наружу, чтобы защититься от врагов. Внушительные храмы были обнаружены в Эйн-Геди и в Мегиддо. Керамика обычная, но обнаружены прекрасные настенные росписи. Найдены также каменные сосуды, имевшие ритуальное назначения. Погребальные ритуалы были различны, например, следуя одному из них, вместе с умершими клали сосуд или урну в виде дома для хранения костей при вторичных захоронениях. Но прежде всего культуру Гассуль характеризуют прекрасно сделанные резные фигурки из слоновой кости, изображающие, как и в Египте в эту эпоху, мужские и женские божества, а также очень сложные предметы из арсенала меди, найденные в Наха-Мишмар; последние могут быть сокровищами храма Эйн-Геди, возможно, перенесенные с целью безопасности в другое место; их возраст около шести тыс. лет, т.е. они отнесены к концу периода Гассуль. Скипетры, жезлы, боевые топоры, короны, медные сосуды и сотни наконечников булав различных видов (некоторые похожи на египетские) – всё это доказательства богатства и развитой технологии (например, технологии литья по выплавляемым моделям). В основе этих достижений может быть предыдущий большой опыт в разведке и добыче металла в Синае, деятельности, о зарождении которой ничего не известно.

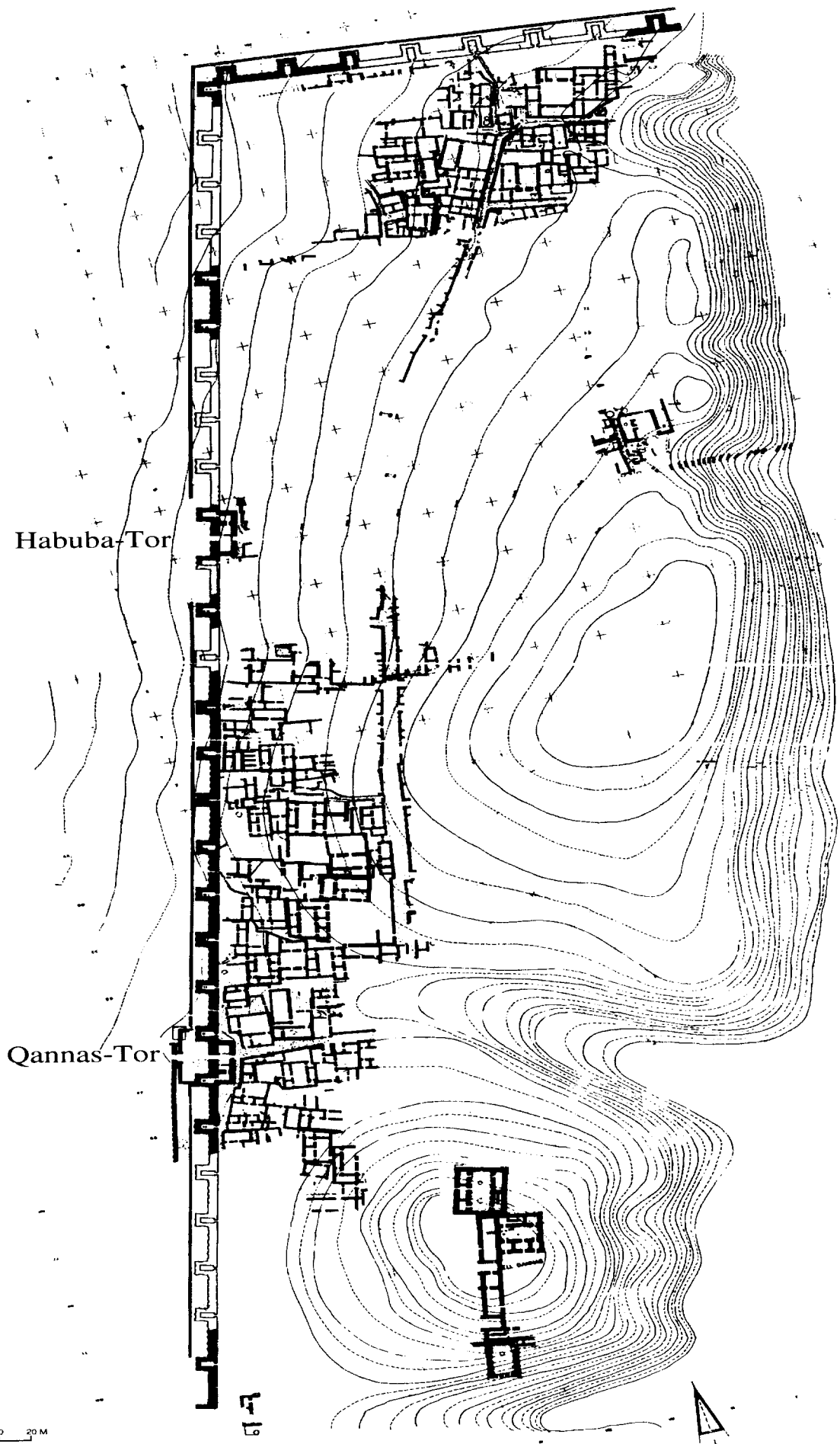
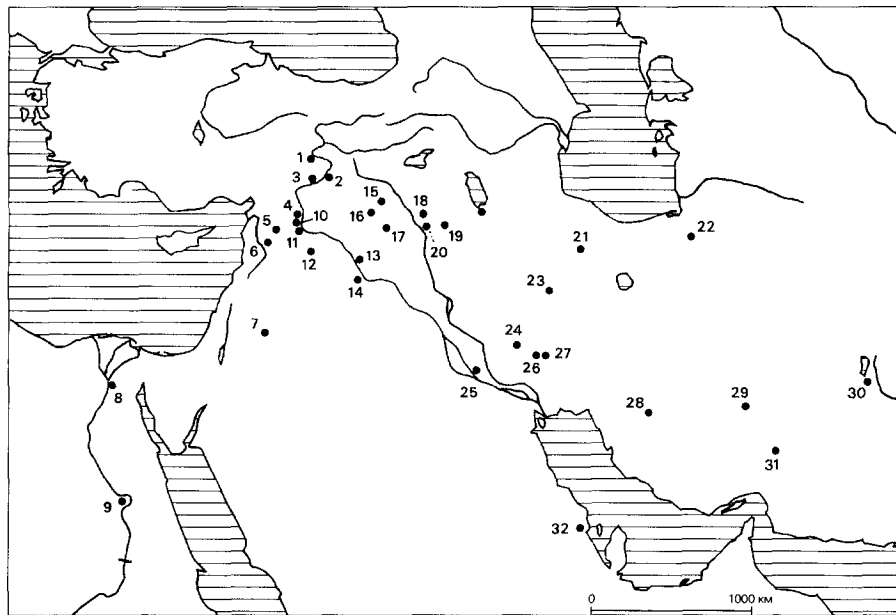

Рис. 111. План раскопанной части поселения Хабуба-Кебира (по *Strommenger*, 1980)

Карта 50. Основные местонахождения в Западной Азии в течение шестого тысячелетия до наст. в.: 1 – Арслан-Тепе; 2 – Хассек; 3 – Самсат; 4 – Аруда; 5 – Тель-Берне; 6 – Хама; 7 – Тель-Йава; 8 – Ма’ади; 9 – Негале II; 10 – Хабуба-Кебира; 11 – Тель-Каннас; 12 – Эль-Ком; 13 – Тель-Крайя; 14 – Мари; 15 – Тель-Лейлан; 16 – Тель-Брак; 17 – Грай-Реш; 18 – Тепе-Гавра; 19 – Калинж-Агха; 20 – Нинив; 21 – Габрестан; 22 – Тепе-Хисар; 23 – Гордин VI; 24 – Фарухабад; 25 – Урук; 26 – Сузы; 27 – Чогха-Миш; 28 – Тель-Малиан; 29 – Тель-и-Иблис; 30 – Шахр-и-Сохта; 31 – Тепе-Яхья; 32 – Дахран

ПОСЕЛЕНИЕ УРУК В ШЕСТОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО НАСТ. В. (карта 50)

Именно в шестом тысячелетии до наст. в. в Египте и южной Месопотамии отмечается высший уровень технологического развития в доисторическую эпоху, после чего этот период заканчивается появлением письменности и первых документов, т.е. тем, что принято называть «историей». На самом деле исторических документов, за исключением имен царей, катастрофически мало в Египте, а в Месопотамии таких документов нет вообще. Период Урук, следовавший за культурой Убейт, отмечен упадком расписной керамики и заметным увеличением количества грубых глиняных изделий с желтоватым или розовым покрытием (ангобом), которые сначала делали вручную. Но найдены и несколько красивых экземпляров с красным и серым покрытием. Примечательным новшеством стали сосуды с носиком; они появились даже в Египте в начале эпохи Негале II, а также в Палестине. В Сирии первая фаза, называемая «Амук F», особенно известна своими полосатыми изделиями и красивыми выпуклыми печатями (около 5500 лет назад). Примерно в течение столетия шумерской колонизации «средняя» или «классическая» культура Урук укореняется в Сирии на берегах Евфрата, между ущельями Тавра и тем регионом на широте Алеппо, где река поворачивает на восток. Среди других колоний можно упомянуть Тель-Брак, Тель-Лейлан, Грай-Реш, Нинив и Калинж-Агха на территории местных культур Гавра; культуру Крайя, возле Мари в среднем течении Евфрата, тоже произошедшую из Убейт; культура Урук распространилась до Суз и Чогха-Миш; Фарухабада (Ден-Луран); ее торговые пункты были в самом центре Ирана (Гордин-Тепе, Габрестан и, может быть, Таль-и-Иблис в Кермане). Чаши с гранеными ободами служат указателями мест распространения, являются руководящими артефактами шумерской цивилизации.

Торговая активность Урука, охватывающая весь «плодородный Полумесяц», служила катализатором для многих соседних районов, которые начали устанавливать тесные связи с шумерскими и эламскими торговцами. Счетные дощечки и глиняные шары, скрепленные печатью с особыми символами (один из таких шаров предположительно из Дахрана в Саудовской Аравии), свидетельствуют о том,

что зерно, масло, шерсть, полотно и лазурит меняли на лесоматериалы и различные металлы. Письменности еще не знали, но пользовались цилиндрическими печатями. Местные культуры предпочитали, однако, печати-штампы, оставшиеся еще от периода Убейт.

Развалины Хабуба-Кебира, Аруда, Самсат, Тель-Хассек и Тель-Брак производят большое впечатление.

Поселение Хабуба (рис. 111), протянувшееся на километр по берегу Евфрата, было защищено укреплениями со стороны берега. Его административный центр (Тель-Каннас) доминировал над хорошо спланированным городом. Город

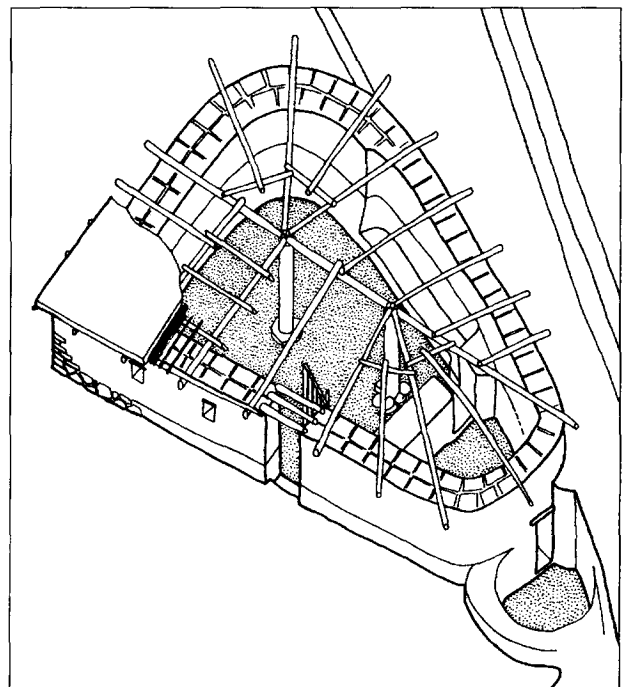

Рис. 112. Реконструкция дома в секторе F (фаза 3) в поселении Тель-Йава (по Helms, 1981)

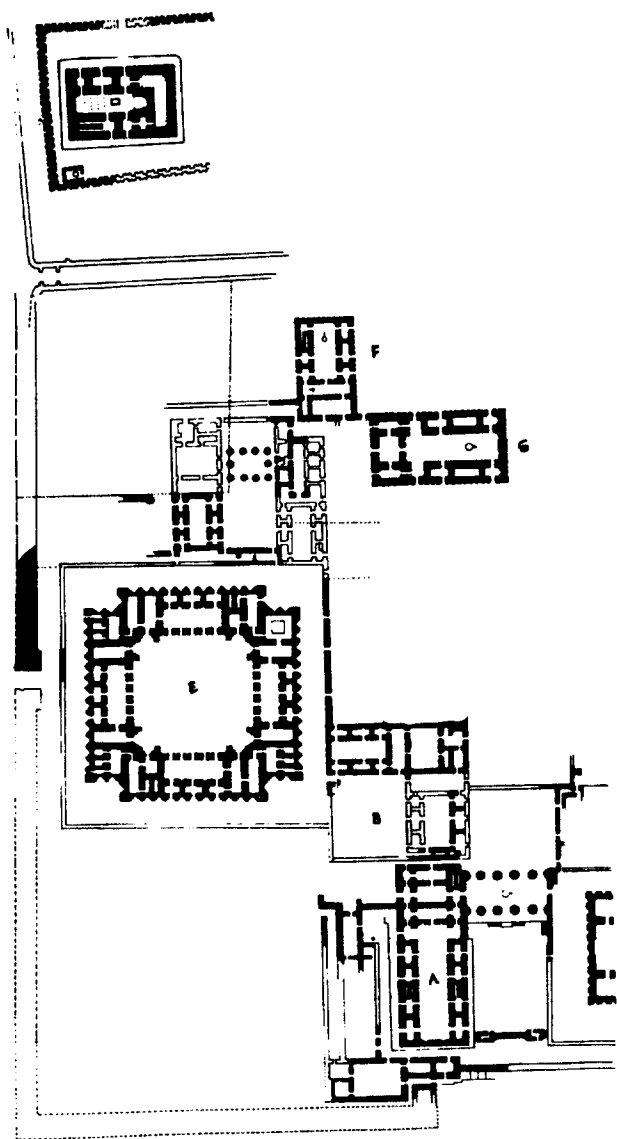

Рис. 113. План уровня IV В в комплексе Эанна культуры Урук, местонахождение Варка (Ирак) (по Mellaart, 1979)

имел прямоугольную планировку, состоял из групп трехчастных домов разной площади. Аруда – похожий город, в нем были небольшие храмы, построенные по тому же плану, что и в южной Месопотамии. В Браке был храм с каменными рельефами, золочеными лепными каменными розетками и т.п.; все это свидетельствует о большом богатстве. В других поселениях (Каннас, Самсат, Хассек) нашли коническую мозаику, характерную для культуры Урук. Канализация, каменные своды, кирпичи «римчен» и другие детали показывают, что здесь обосновались колонисты из южной Месопотамии. Точная хронологическая связь с самой культурой Урук пока не доказана; Белый храм на зиккурате Ану и здания, над которыми он возвышался, относятся, вероятно, к этой культуре, так же как и храм с каменной мозаикой Эанна VI и другие более старые постройки. Архитектура раннего Урука фактически неизвестна и в более позднюю (постколониальную) фазу (Эанна V–III), в поздний период Урук (не в период Джемдет-Наср), примерно 5400–5100 или 5000 лет до наст. в., развилась монументальная архитектура (рис. 112 и 113) с хорошо известной последовательностью: на смену «известняковому храму» уровня V пришли, в частности в уровне IV А, мозаичный зал, большой зал и т.д., а также административное здание, неправильно названное Красным храмом, в котором нашли первые дощечки с письменами. Основные зда-

ния уровня Урук III еще не раскопаны или остаются под открытым уровнем зиккурата Ану. Надписи на дощечках времени Урук III сделаны частично на одном из шумерских языков; на дощечках уровня IV А надписи на том же языке.

Распространение шумерских и эламских идей до Первой династии в Египте относится к последней фазе культуры Урук; то влияние на Египет, которое приписывают этой недолго длившейся культуре, по-видимому, сильно преувеличено. Освобождение Элама (или скорее Сузианы) от господства Урука произошло в протоэламский период. Торговые связи в этот период охватили большую часть Ирана (Сиалк IV, Тепе-Хисар на севере; Таль-Малиан, Тепе-Яхья IV С и даже Шахр-и-Сохта I на юге); во всех этих поселениях найдены протоэламские дощечки с надписями – красноречивые свидетельства торговой экспансии, достигшей побережья Персидского залива и богатого медью района Оман. Этот подъем протоэламского Ирана произошел в ущерб шумерской культуре. Цивилизация Урук исчезает; следующий период, период Раннего царства I, будет однообразным и ничем не примечательным. Только в Диала и Хамрине – поселениях, близких к Эламу и подчиненных ему, еще сохранится художественный дух как результат иранского влияния. Южная Месопотамия сможет вновь подняться только в периоды Ранней династии II и, особенно, Ранней династии III.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AKKERMANS, P. et al. 1983. Bouqras Revisited. Proc. Prehist. Soc., Vol. 49, pp. 335–72.
- BAR-ADON, B. 1980. The Cave of the Treasure: Finds from the Caves in the Nahal Mishmar. Jerusalem.
- BAR-YOSEF, O. 1985. A Cave in the Desert: Nahal Hemar. Jerusalem.
- ÇAMBEL, H.; BRAIDWOOD, R. J. 1983. Çayönü Tepesi. In: BOEHMER, R. M.; HAUPTMANN, H. (ed.), Festschrift für Kurt Bittel. Mainz, pp. 155–77.
- CAMERON, D. O. 1981. The Ghassulian Wall Paintings. London.
- CAUVIN, J. 1977. Les Fouilles de Mureybet, 1971–1974 et leur signification pour les origines de la sédentarisation au Proche-Orient. Annu. Amer. Sch. Orient. Res. (Cambridge, Mass.), Vol. 44, pp. 19–48.
- CONTENSON, H. DE. 1983. Early Agricultural in Western Syria. In: The Hilly Flanks and Beyond. Chicago.
- DRIEL, G. VAN DEN. 1978. Jebel Aruda. Akkadica (Brussels), Vol. 12, pp. 2–28.
- HEINRICH, E. 1982. Die Tempel und Heiligtümer im alten Mesopotamien. Berlin.
- HELMS, S. W. 1981. Jawa: Lost City of the Black Desert. London.
- HIJJARA, I. 1978. Three New Graves at Arpachiyah. World Archaeol., Vol. 10, pp. 125–8.
- JASIM, A. 1984. Tell Abada. Oxford. (BAR Int. Ser.)
- 1985. The Ubaid Period in Iraq. Oxford. (BAR Int. Ser., 267.)
- KENYON, K. M. 1980. Jericho III. London.
- KOHL, P. L. 1984. Central Asia: Palaeolithic Beginnings to the Iron Age. Paris.
- MELLAART, J. 1967. Çatal Hüyük, a Neolithic Town in Anatolia. London.
- 1970. Excavations at Haçilar. Edinburgh.
- 1975. The Neolithic of the Near East. London. (2nd edn 1981.)
- 1979. Early Urban Communities in the Near East. In: The Origins of Civilization. Oxford.
- 1981. In: MATTHEWS, J. (ed.) The River Quweiq. Oxford. Part 1, pp. 131 ff. (BAR Int. Ser., 98.)
- MOORE, A. M. T. 1979. A Pre-Neolithic Farmers Village on the Euphrates. Sci. Am., Vol. 241, pp. 50–8.
- NEGABHAN, E. O. 1979. The Painted Building at Zaghe. Palaeorient, Vol. 5, pp. 239–50.
- ROLLEFSON, G. O. 1985. The 1983 Season at the Early Neolithic Site of Ain Ghazal. Natl. Geogr. Res. (Washington), Vol. 1, pp. 44–62.
- SAFAR, F. et al. 1981. Eridu. Baghdad.
- SCHIRMER, W. 1983. Drei Bauten des Çayönü Tepesi. In: BITTEL, K. (ed.), Beiträge zur Altertumskunde Kleinasien. Mainz, pp. 463–76.
- STROMMINGER, E. 1980. Habuba Kebira. Mainz.
- VOIGT, M. 1983. Hajji Firuz Tepe: The Neolithic Settlement. Philadelphia.
- 1985. The Ubaid Period in Iraq. Oxford. (BAR Int. Ser., 267.)

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД АРАВИЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

*Абдулла Хасан Масри
в сотрудничестве с Ахмадом Хасаном Дани*

Изучение доисторического периода Аравийского п-ва пока находится в начальной стадии. Во всех странах полуострова ведутся исследования, накапливается материал, полученный в результате его изучения, и продолжают-ся раскопки. Исследования ведутся в двух определенных направлениях: первое связано с изучением процесса распространения пустыни в этом регионе и последующей адаптацией человека к изменяющимся окружающим условиям; второе – изучение процесса культурного развития в этом регионе под влиянием высокоразвитых соседних культур, существовавших в долинах Тигра–Евфрата и Нила и в более отдаленной долине Инда. В этой второй фазе культурного развития, которая относится к периоду появления городов и расширения торговых связей с дальними странами, ведущую роль играли прибрежные регионы восточного и юго-восточного побережья, но и другие части полуострова не оставались безжизненными. В настоящее время предпринимаются попытки понять, какими были отношения обитателей этих мест с жителями прибрежных поселений. Следы местного культурного развития уже обнаружены в двух зонах: на юге и на северо-западе Йемена.

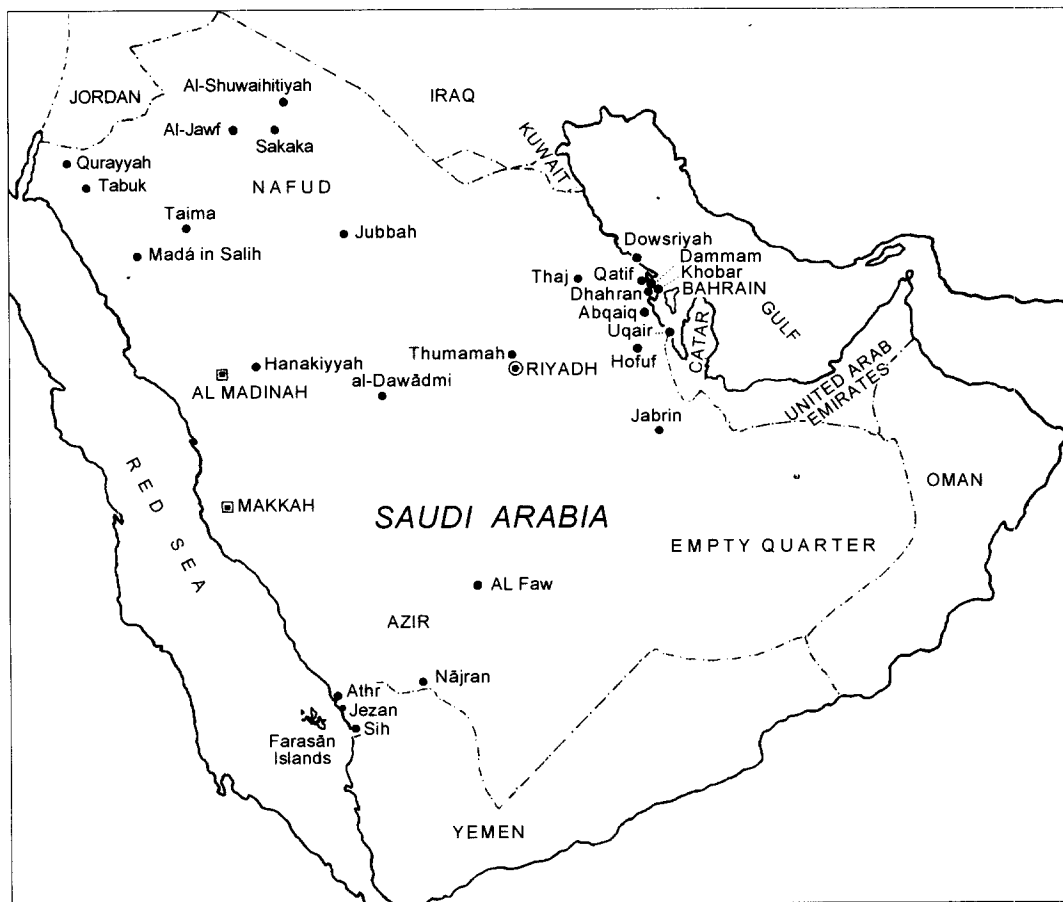
На карте 51 представлена археологическая картина полуострова и состояние поисковой работы на настоящее

время. Было бы слишком трудно категорически судить об определенных хронологических параметрах первых находок, поскольку они были сделаны на поверхности. В табл. 17 приведены результаты лабораторных исследований, которые позволяют увидеть появление древнего человека в Аравии и его культурное развитие в геологические периоды. Табл. 17 представляет предварительный анализ археологического развития на полуострове; даны названия типичных и крупных поселений. Эти поселения указаны на карте 51 вместе с названиями других местонахождений, упоминаемых в настоящей главе. Для обеспечения последовательности изложения делается попытка представить современное состояние научных разработок, однако приходится обязательно коснуться деталей недавней истории исследований, особенно в вопросе о классификации каменных изделий.

Классификация каменных остатков по нескольким группам была предложена Капелем по результатам находок в Катаре (Kapel, 1967) и в окрестностях Тхаджа (Kapel, 1973), где он обнаружил ашельские топоры эпохи нижнего палеолита. Этот материал был выделен в группу А, которая, по мнению Капеля, сходна с мустьерскими изделиями. Эта группа отличается от групп С и D, предположительно одинаковой давности, и более поздней

Таблица 17. Первые обитатели Аравии и их культуры в геологическом контексте

Геологическая эпоха	Культура	Приблизительные даты (лет до наст. в.)	Примеры	Примечания
Миоцен		17–15 млн.	Дриопитеки Саррары, северо-восток Аравии	
Плиоцен				
Плейстоцен	Нижний палеолит	500 – 70 тыс.	Джабрин, Даудми, Вали-Татлитх, Шувайхития	Бифасы и др.; калий-аргонная датировка Даудми – ок. 280 тыс. лет
	Средний палеолит	70–30 тыс.	Бир-Хима, Абу-Ариш, Увайрид	Ср. Шанидар
	Верхний палеолит	30–12 тыс.	Афиф, Мувахи, Бир-Хима	Дисковидные нуклеусы, небольшие бифасы и др.
Голоцен	Докерамический неолит	12–8 тыс.	Руб-эль-Хали (местонахождение), Сулайиль, Айн Каннас	Наконечники стрел, древнейшие постройки
	Неолит	8–4 тыс.	Абу-Хамис, Доусарьях, Айн-Каннас, Сихи, Ржажил, Джубба, Тумамах	Множество радиоуглеродных датировок

Карта 51. Расположение основных доисторических поселений на территории Аравийского полуострова

группы В. К последней отнесены пластинчатые изделия, включающие модифицированные металлические наконечники и другие предметы, похожие по отделке на орудия докерамического неолита. По предметам, найденным в Восточной провинции (в Айн-Каннас) Саудовской Аравии, группа В была отнесена к около 7000 лет до наст. в. (Masry, 1974, pp. 222–224) и сопоставлена с некоторыми культурами докерамического неолита Палестины и Сирии. Классификация, предложенная Капелем, различает определенные технологические периоды, однако их датировка затруднена, поскольку во многих периодах в смешанных культурных горизонтах сосуществовали различные технологии. Поэтому новейшие исследования привели к существенным изменениям этой классификации. Ж. Тиксье (Tixier, 1980) предложил причислить материалы группы А к неолиту Убейта. Это связано с результатами более ранней работы в Катаре (Smith G.H., 1978, p. 36) и, в частности, с результатами радиоуглеродного анализа материалов топоров, найденных в поселении Кхор-Рури (Катар), отнесенного к седьмому тысячелетию до наст. в. (Inizan, 1980, p. 51).

Некоторые проблемы изучения древнейших каменных материалов могут быть рассмотрены на основе обширных результатов, полученных в Саудовской Аравии. Археологи причислили к ашельскому периоду 110 стоянок, причем в нескольких случаях удалось установить различие между ранней и поздней фазами. Отличающимися от них и отнесенными к мустьерскому периоду были 195 других поселений, и к ним следует прибавить несколько стоянок, фигурирующих в рубрике среднего палеолита. Одно поселение явно отличается от остальных, оно условно отнесено к олдувайской культуре (к этому мы вернемся ниже). К мустьерскому периоду

отнесены также девять леваллуазских стоянок и еще одна определена как относящаяся к культуре Кебара. Итак, налицо целый спектр разнообразных поселений и материалов палеолита. Статистика показывает, что в хронологическом отношении найдено гораздо меньше остатков, явно принадлежащих к позднему палеолиту, мезолиту и к периоду, который непосредственно предшествовал неолиту. Пока невозможно предложить решение этой проблемы, но она настолько сложна, что необходимо рассматривать многие факторы, включая проблему применения специальных методов идентификации ископаемых остатков или изменений в группах населения. Решению этой проблемы поможет только более подробный анализ уже собранного материала. Важность этого анализа показана выше в примере отхода от классификации Капеля в связи с интерпретацией материала группы А. Вот почему осторожность требует сохранять как можно более четкое разграничение между культурными и технологическими выводами, основанными на изучении поселений, и хронологическими, основанными на классическом подходе к эволюции.

Понимая указанное выше, работавшие в Саудовской Аравии археологи часто подчеркивали необходимость при малейшей возможности использовать методы абсолютной физической датировки. Так, на важной ашельской стоянке Саффаках-Дауадми был применен калий-аргонный анализ и были подтверждены датировки, установленные технологическим анализом.

В заключение статистического обзора поселений отметим, что 117 стоянок были отнесены к неолиту и 66 – к халколиту. Дальнейший подсчет поселений в Саудовской Аравии подводит к историческому периоду, не относящемуся к рассматриваемым рамкам. Однако, прежде

чем перейти к деталям, необходимо упомянуть о южной части Аравийского п-ва, которая входит в состав рассматриваемого региона, и о состоянии исследований на сегодняшний день.

В Йемене основное внимание традиционно уделялось классической городской цивилизации, зародившейся по краям вади – сухих долин, которые заполняются водой обычно после сильных ливней; такие долины окружают пустынные центральные районы. Работа нескольких важных экспедиций и ряд разнообразных находок дали некоторое представление об этом регионе, но оставили много невыясненных важных вопросов, касающихся как хронологии первых фаз городской цивилизации, так и предшествующей доисторической эволюции. Между тем, как показал Масри (*Masri*, 1983), эти вопросы имеют решающее значение для понимания основ преистории Аравии. В Йемене первые систематические раскопки были произведены у г. Эль-Хурайда в провинции Хадрамаут (*Caton-Obompton*, 1944).

В статье Беека (*van Beek*, 1968) удачно обобщены открытия, сделанные экспедицией Американского фонда по изучению человека (*American Foundation for the Study of Man*), в которой участвовали У. Филипс (*W. Phillips*), У.Ф. и Ф.П. Олбрайт (*W.F. Albright, F.P. Albright*) и Р. Ле Барон Боуэн (*R. Le Baron Bowen*). Эти археологи проводили исследования в Вади-Байхане, Сохаре и Марибе. Раскопки в Тимне и Хаджар-Бин-Хумаиде выявили 16 уровней заселения и дали возможность установить хронологию. В районе к востоку от центральной йеменской пустыни (Сайхад) до Омана найдены поселения с кремневыми орудиями (*Pullar*, 1974), а в йеменской провинции Хадрамаут – свыше 100 камнетесных мастерских (*van Beek*, 1968). В самом Омани похожий материал, соотносимый с характерными могилами в форме улья, был обнаружен в местонахождениях Кубур-Джуххал, Амлах и Мидсин (*de Cardi*, 1976). Очевидно, что все эти находки, несмотря на их большой разброс и неоднородность, имеют исключительное значение для археологии всей доисторической Аравии. Представляется возможным применить к ним термин «протогородская» фаза и попытаться определить содержательные аспекты этого термина.

В Бахрейне и других государствах Персидского залива первые раскопки были в основном произведены датской археологической экспедицией, работа которой детально описана Бибби (*Bibby*, 1969/70), а затем Райсом (*Rice*, 1985), который учел более поздние исследования. Еще раньше, во второй половине XIX и в начале XX в. специалисты по шумерской цивилизации сосредоточивали внимание на острове Бахрейн: они пытались отыскать там руины древнего Дилмуна – «Райской земли» шумеров (*Cornwall*, 1946).

Датские археологи сначала сосредоточились на местонахождении Рас-эль-Калках и могильных холмах. Им удалось обнаружить несколько последовательностей, сопоставимых с известными иракскими последовательностями, аналоги которых были открыты ими на побережье Саудовской Аравии. Затем они продолжили работу в Омани и сделали там крайне важные открытия в Умм-Эль-Наре, Хафите и Эль-Бурайми (*Kuml*, vols 1962, 1965–1970, а также *Journal of Oman Studies*). Что касается Объединенных Арабских Эмиратов, то следует упомянуть работы Такрити (*H. Takriti*) и открытия Клизиу (*S. Cleazion*) в Хилях, вблизи эль-Эйна. Остатки периода Убейт были обнаружены в Катаре (эль-Дааса, Рас-Абарук, Кхор) (*Oates*, 1978, с. 39; *Inizan*, 1980) и в эль-Мархе в Бахрейне (*Roaf*, 1974, 1976). В целом месопотамские ранние протодинастические периоды I–III широко представлены в районе Персидского залива. В этот период возникает характерная культура Восточной Аравии и Персидского залива, хотя и позднее, в период варварства, в культуре Бахрейна оставались родственные черты с культурами восточного побережья Аравийского п-ва

(местонахождения Тарут и Умм-эль-Нусси, могильник Дхаран, скопления Хобара).

Возвращаясь теперь к рассмотрению самых ранних периодов преистории, можно утверждать, что найденные свидетельства действительного присутствия самых древних человеческих типов в Аравии, имеют преимущественно не палеонтологический, а культурный характер. Тем не менее в Восточной Аравии, вблизи Саррара, были обнаружены остатки ископаемых человекообразных приматов, отнесенных к богатой фауне той эпохи, когда произошло разделение африканского и азиатского континентов (в период раннего миоцена, от 17 до 15 млн. лет назад). Эти остатки включают фрагменты ископаемых человекообразных обезьян дриопитеков (*Andrews et al.*, 1978; *Hamilton et al.*, 1978). По поводу этих ископаемых можно отметить лишь то, что похожие остатки найдены по обе стороны Аравийского п-ва. Большой интерес представляют важные остатки, относящиеся к гораздо более позднему периоду Убейт, а также могильные холмы в Восточной Аравии и странах Персидского залива. Эти курганы – а их достаточно много для статистики и часто они в хорошей сохранности – обеспечивают широкие возможности для изучения костных человеческих скоплений и установления динамики народонаселения в районе Персидского залива, что позволит провести сравнение с соответствующими данными, полученными в Нижней Месопотамии и Западном Иране (древние Элам и Персия).

Культурная экология и археология плейстоцена также могут быть очень перспективными областями будущих исследований. Интересным является пример местонахождений № 216–218 у г. Кахма на южном побережье Красного моря в Саудовской Аравии. В этом поселении на коралловой террасе, возвышающейся примерно на 2 м над нынешним уровнем моря, были найдены мустьерские изделия. Этот феномен объясняется наличием здесь сложной системы окаймляющих коралловых рифов, а также хорошо известными колебаниями уровня моря под воздействием последовательных оледенений. Нечто подобное наблюдается и на островах Фарасан. Ларсен (*Larsen*, 1983) первый, кто занимался геологией Бахрейна, ссылается, в свою очередь, на материалы, относящиеся к восточному побережью Аравии. И хотя основа исследований Ларсена неизбежно включает геологические или геофизические проблемы, которые пока не вполне понятны, такие, как колебания уровня моря (эвстатические колебания), тем не менее плодотворность таких исследований не вызывает сомнений. В этой связи мы должны упомянуть важное исследование Дайтона об исторических последствиях даже малых изменений, в котором автор дает обзор трудов по этой важной проблеме (*Dayton*, 1975; см. также статью этого автора о гидрологии плотины Мариб в Йемене: *Dayton*, 1979).

После этого анализа культурной фазы палеолита необходимо также упомянуть о доисторическом наскальном искусстве, широко распространенном в Аравии. Образцами этого искусства служат резные изображения в технике рельефа и высокого рельефа (горельефа), а также рисунки. Самые древние художественные памятники открыты в Килуа и рядом с римско-набатейским поселением Рауафа. На них изображены каменные бараны, дикие буйволы, а также неопознанные животные (илл. 64). На одном из рельефов показан бегущий взъерошенный человек с оружием в обеих руках (илл. 65). Возможно, что образцы этого искусства отражают новую организацию хозяйственной жизни, включающей взаимодействие различных хозяйственных систем, таких, как охота, собирательство и скотоводство.

Будет интересно выяснить, каким образом эти кочевники, общались с купцами из городских поселений на берегах рек, которые искали сырье и места промежуточных стоянок для отдыха и восстановления сил перед дальней-

шим передвижением. Вавилонские тексты, в которых упоминаются Дилмун, Маган и Мелухха, представляют в этом отношении большой интерес. В сфере археологии эти культурные связи подтверждены найденными по всей территории региона гончарными изделиями типа Убейт (рис. 114). Самый ранний период представлен крупными местонахождениями Курайат и Тайма, в которых найдены расписные гончарные изделия, сопоставимые с керамикой палестинских поселений. Другие находки сделаны на местонахождениях Тхаж в восточной Аравии, Нажран и Карият-эль-Фау на юго-западе, Думат-эль-Джандаль на севере и эль-Хижр и Курайат на западе Аравии.

Рис. 114. Пять керамических сосудов типа Убейт, Саудовская Аравия

Период Убейт уверенно идентифицирован в Катаре и в эль-Мархе (Бахрейн). Это был период, в котором появилась особая культура восточного побережья Персидского залива (Бахрейн). В Саудовской Аравии открыто примерно сорок стоянок культуры Убейт (Masry, 1974), родственных поселениям в Бахрейне и Катаре. В этой культуре определенно проявились две разновидности гончарных изделий: одни расписаны черной краской на зеленоватом покрытии; другие, изготовленные вручную из глины с примесью измельченной соломы, окрашены в красный цвет. Изделия первой группы похожи на изделия из Месопотамии. Для этого культурного комплекса характерны также зернотерки, побелка стен, одомашнивание крупного рогатого скота и коз, культивирование зерновых растений, а также набор наконечников с зубринами для стрел и скребла со следами тонкой обработки. Но на некоторых стоянках керамические изделия вообще не встречаются.

В целом количество стоянок и их распределение по территории показывают, что эта культура утвердилась в Восточной Аравии и имела тесные контакты с шумерскими и эламскими купцами. Было найдено много табличек, включая одну из Дахрана в Саудовской Аравии, что подтверждает факт торговли предметами быта, драгоценными камнями, лесоматериалами и металлами. Тем не менее

не все стоянки относятся к какой-то единой однородной культуре и к одному хронологическому периоду. Неолитическая стоянка Туммамах в Центральной Аравии четко выделяется прогрессивной техникой обработки камня, соотносимой с круглыми в плане жилищами, а также с зернотерками. На стоянках Сихи и Мувассан вблизи современного порта и рыболовного центра Джизан в Юго-Западной провинции были найдены гончарные изделия особого типа из полуобожженной глиняной массы, имеющие отогнутые вовне ободы, круглые днища и носики (Zarins et al., 1981). Эта керамика была найдена в ракушечных скоплениях.

В Йемене первые систематические раскопки были произведены в Эль-Хурайде, провинция Хадрамаут (Caton-Thompson, 1944). Затем были предприняты раскопки (van Beek, 1968) в Вади-Байхане, Сохаре и Марибе. Целью этих раскопок был сбор материалов, предшествующих городской фазе Йемена, связанной с большой плотной у г. Мариб. Были идентифицированы 16 уровней поселения в Тимне и Хаджар-бин-Хумаиде и более ста каменотесных мастерских в самой провинции Хадрамаут. В Омане аналогичный материал, соотносимый с характерными могилами типа «пчелиные улья», был обнаружен в Кубур-Джуххале, Амлахе и Мидсине (de Cardi, 1976). Эти открытия подтолкнули М. Този (M. Tosi) организовать интенсивные раскопки в Омане, принесшие бесспорные доказательства связей жителей этих мест с населением долины Инда. Печати индийского типа были найдены также на нескольких поселениях в Бахрейне, а в Индии, в приморском поселении Лотхал, была обнаружена печать из Бахрейна, что является признаком существования активного морского сообщения между двумя побережьями Аравийского моря. В Бахрейне имеется много могильных холмов различных периодов и остатков не менее многочисленных городских поселений. Недавние раскопки открыли новые перспективные возможности доказать существование тесных связей между странами, омываемыми Аравийским морем.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ATLAL. Journal of Saudi Arabian Archaeology (1977; Riyadh).
Journal of Oman Studies (Muscat).
Proceedings of the Seminar for Arabian Studies (1970; London).
RYDAN. Journal of Ancient Yemeni Antiquities and Epigraphy (1978).
- ANDREWS, P.; HAMILTON, W. R.; WHYBROW, R. J. 1978. Dryopithecine from the Miocene of Saudi Arabia. Nature (London). Vol. 224, pp. 249–51.
- ANSARI, A. 1982. Qaryat al-Faw: A Portrait of Pre-Islamic Civilization in Saudi Arabia. Riyadh.
- BAHRAIN EDUCATION DEPARTMENT. ANTIQUITIES DIVISION. 1971. Antiquities of Bahrain. Manamah.
- BEEK, G. W. VAN. 1968. Hajar bin Humaid. Baltimore.
- BIBBY, T. G. 1969–70. Looking for Dilmun. New York/London.
- BRAIDWOOD, R. J.; HOWE, B. 1960. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan. Chicago.
- CARDI, B. DE. 1976. Ras al-Khaimah: Further Archaeological Discoveries. Antiquity, Vol. 50, pp. 216–22.
- CATON THOMPSON, G. 1944. Tombs and Moon Temple of Hureidha (Hadramawt). Oxford.
- CLEZIOU, S. 1980. Three Seasons at Hili. Proc. Semin. Arab. Stud., Vol. 10, pp. 19–32.
- CORNWALL, P. B. 1946. Ancient Arabia: Explorations in Hasa 1940–41. Geogr. J., Vol. 107, pp. 28–50.
- DAYTON, J. E. 1975. The Problems of Climatic Change in the Arabian Peninsula. Proc. Semin. Arab. Stud., Vol. 5, pp. 33–7
— 1979. A Discussion of the Hydrology of Marib. Proc. Semin. Arab. Stud., Vol. 9, pp. 124–9.

- FATCHRY, J. 1948. *Les Antiquités du Yemen*. Muséon (Leuven), Vol. 61, pp. 215–26.
- FATCHRY, A.; RYCKMANS, G. 1952. *An Archaeological Journey to the Yemen*. Cairo, Service des Antiquités de l'Égypte. 3 vols.
- FIELD, H. 1971. *Contributions to the Anthropology of Saudi Arabia*. Miami, Fl. (Field Res. Proj.).
- FRÖHLICH, B.; MUGHANNAN, A. 1985. Excavations of the Dhahran Burial Mounds. *Atlatl* (Riyadh), Vol. 9, pp. 9–40.
- HAMILTON, W. R.; WHYBROW, R. J.; MCCLURE, H. A. 1978. *Fauna of Fossil Mammals from the Miocene of Saudi Arabia*. Nature (London), Vol. 274, pp. 248–9.
- INIZAN, M. L. 1980. *Premiers Résultats des fouilles préhistoriques de la région de Khor*. In: TIXIER, J.(ed.), *Mission archéologique française à Qatar*. Qatar. Vol. 1.
- KAPEL, J. 1967. *Atlas of the Stone Age Cultures of Qatar*. Aarhus. (Publ. Jutl. Archaeol. Soc., 6.)
- 1973. *Stone Age Survey*. In: BIBBY, G. (ed.), *Preliminary Survey in East Arabia*, 1968. Aarhus.
- KING SAUD UNIVERSITY. 1979. *Sources for the History of Arabia*. Studies in the History of Arabia. Riyadh. Vol. 1.
- 1984. *Pre-Islamic Arabia*. Studies in the History of Arabia. Riyadh. Vol. 2.
- LARSEN, C. E. 1983. *Life and Land of the Bahrain Islands*. Chicago.
- MCCLURE, H. A. 1971. *The Arabian Peninsula and Prehistoric Populations*. Coconut Grove. (Field Res. Publ.)
- MASRY, A. H. 1973. *Factors of Growth of Southwestern Arabia: An Ethno-Ecological Approach*. Bull. Fac. Arts, Univ. Riyadh, Vol. 3, pp. 41–65.
- 1974. *Prehistory of Northeastern Arabia: The Problem of Inter-regional Interaction*. Miami.
- 1976. *Introduction*. *Atlatl* (Riyadh), Vol. 1.
- 1983. *Introduction*. *Atlatl* (Riyadh), Vol. 7.
- OATES, J. 1978. *Ubaid Mesopotamia and its Relations to Gulf Countries*. In: CARDI, B. DE (ed.), *Qatar Archaeological Reports, Excavations 1973*. Oxford, pp. 39–52.
- PARR, P. J. 1970. *Preliminary Survey in Northeastern Arabia*, 1968. Bull. Inst. Archaeol. (London), Vol. 8/9, pp. 193–242.
- 1972. *Preliminary Survey in Northeastern Arabia*, 1968. Bull. Inst. Archaeol. (London), Vol. 10, pp. 23–61.
- PARR, P. J.; GAZDER, M. 1980. *A Report of the Soundings at Zubaydah (Al-Amarah) in the Al-Qasim Region*. *Atlatl* (Riyadh), Vol. 4, pp. 107–17.
- POTTS, D. 1983. *Thaj in the Light of Recent Research*. *Atlatl* (Riyadh), Vol. 7, pp. 86–101.
- PULLAR, J. 1974. *Harvard Archaeological Society in Oman*, 1973. Proc. Semin. Arab. Stud. (London), Vol. 4, pp. 33–48.
- RICE, M. 1985. *Dilmun Discovered*. London/New York.
- ROAF, M. 1974. *Excavations at Al Markh, Bahrain: A Fish Midden of the Fourth Millennium BC*. *Paléorient*, Vol. 2, pp. 499–501.
- 1976. *Excavations at Al-Markh, Bahrain*. Proc. Semin. Arab. Stud. (London), Vol. 6, pp. 144–60.
- SMITH, G. H. 1978. *The Stone Industries of Qatar*. In: CARDI, B. DE (ed.), *Qatar Archaeological Reports*. Oxford, pp. 36–8, 53–75 (Da'ara), 80–106 (Ras Abaruk).
- TIXIER, J.(ed.), 1980. *Mission archéologique française à Qatar*. Qatar. Vol. 1.
- WHALEN, N. et al. 1983. *Excavations of Acheulean Sites near Saffaqah in al-Dawadmi (1402/1982)*. *Atlatl* (Riyadh), Vol. 7, pp. 9–21.
- ZARINS, J. et al. 1981. *Comprehensive Archaeological Survey Program on the Southwestern Province*. *Atlatl* (Riyadh), Vol. 5, pp. 9–42.
1982. *Preliminary Report on the Archaeological Survey of the Riyadh Area*. *Atlatl* (Riyadh), Vol. 6, pp. 25–38.

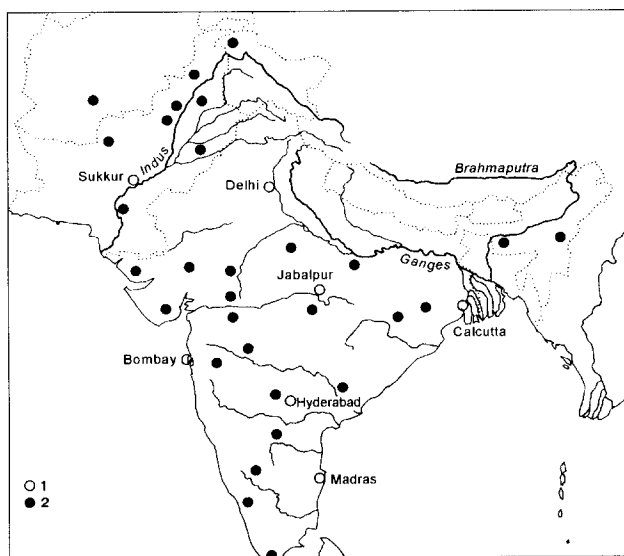
ЮЖНАЯ АЗИЯ

в период неолита до начала бронзового века

Ахмад Хасан Дани

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ (карта 52)

Простираясь от обширных пустынь Ирана на западе до густых лесистых возвышенностей Ассам на востоке и от высочайших вершин Гималаев, Каракорума и Гиндукуша на севере до Индийского океана на юге, эти огромные территории Южной Азии являют широкую гамму географических контрастов, где холмы и долины, пустыни, равнины и плато п-ва Индостан как бы соперничают друг с другом в надежде распределить солнечный климат сухих зимних муссонов Индии и зимних средиземноморских дождей, приходящих с запада. В этом обширном регионе, защищенном с севера величественными Гималаями, достигли расцвета жизненные уклады, отличавшиеся от жизненных укладов Центральной и Северной Азии, но участвовавшие в развитии человеческих культур, создававшихся в Азии с самых ранних времен, на заре истории. Такая причастность к общему культурному достоянию полностью подтверждается памятниками культур неолита и раннего бронзового века, которые обнаруживаются в наше время при исследовании и раскопках археологических стоянок и пещер.

Карта 52. Расположение неолитических стоянок в Южной Азии: 1 – современные города; 2 – неолитические стоянки (по Дани)

Связи между жителями различных регионов континента были очень тесными, и уже первые исследователи считали, что неолитическая культура Индии происходит от культур Южного Китая и Юго-Восточной Азии (Worman, 1949, p. 181–200; Wheeler, 1947, p. 295, fig. 51). Подобно этому считалось, что неолитическая культура Кашмира происходит и поддерживается культурами Северного Китая (Dikshii, 1982, p. 30–36). С другой стороны, считалось, что первые общины, освоившие производство пицци, и обитатели поселений раннего бронзового века в долине Инда заимствовали свои технические знания у народов Западной Азии (Fairservis, 1975). Однако в наши дни уже невозможно игнорировать взаимодействие с Центральной Азией, особенно с культурой Гиссара (Ranou, 1982, p. 63–71) в Таджикистане и с культурами Туркменистана (Masson & Sarianidi, 1972). Учитывая все эти взаимодействия, можно лучше понять, как достижения в неолите и в раннем бронзовом веке во всей этой зоне соотносятся с географическим положением. Археологические исследования углубили наши знания о возможностях человека и о его стремлении воспользоваться природными ресурсами конкретного региона приспособить к ним свой образ жизни.

С этой точки зрения Южную Азию можно подразделить на менее крупные географические регионы, с тем чтобы лучше понять процессы культурного развития. При таком разделении нельзя полагать, что будет единая хронология для всех регионов. Имеются существенные различия в культурах даже в неолите, и они усиливаются при переходе к бронзовому веку. Группы людей, использовавшие примитивные формы производственного хозяйствования, на холмистых или на отдаленных территориях, сохраняли свой жизненный уклад на протяжении длительного времени даже после того, как обитатели равнин начали организовываться в городские общины и небольшие царства. Мы последовательно рассмотрим развитие Восточной, Центральной и Южной Индии, а затем и самые западные ее регионы.

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРОВОСТОЧНОЙ ИНДИИ

В этом регионе большое внимание было уделено территории, которая некогда определялась как единый географический комплекс под названием Ассам и включала долины р. Брахмапутра и соседних высокогорных плато, граничила с Мьянмой (бывшая Бирма) на юге, с провинцией Юньнань в Южном Китае. Ранее собранный на

поверхности материал был изучен с учетом географических данных, и была сделана попытка понять традиции обработки камня в этом регионе на фоне данных, полученных в Юго-Восточной Азии и в Индии (Dani, 1960). Это исследование решительно опровергло мнение Уормена (E.C. Worman), согласно которому «типология и схема распространения индийских изделий из полированного камня «неолитического» типа указывают, по-видимому, на их восточное происхождение». Некоторые типы изделий действительно происходят из Юго-Восточной Азии, но пока нет никаких оснований утверждать, что все «индийские изделия из полированного камня» появились с востока.

Раскопки, произведенные в бывшем Ассаме, позволяют составить более точное представление о культуре неолита этого региона. В частности, раскопки были проведены в Сельбагири, в холмистой местности Гаро (*Indian Archaeology: A Review*, 1976–1978, p. 8). Самый ранний из двух определенных там уровней содержал исключительно микролиты, а верхний уровень – только два типа инструментов, а также простые гончарные изделия ручной работы. Инструменты, найденные на холмах Гаро, – это пластины для мотыг и топоры с заплечиками, причем все эти предметы изготовлены из долерита – магматической горной породы, разновидности базальта (Sharma, 1977, p. 42). К сожалению, не ясно, как происходил в этом регионе переход от микролитической культуры к неолиту и каким образом местное население обрабатывало древесину. Возможно, будущие раскопки могут дать материал, который позволит лучше понять переход от стадии микролитов к неолиту. Оба типа орудий из полированного камня, известные нам сейчас, связаны с традицией Юго-Восточной Азии.

Вторая зона раскопок находится на холмах Северного Качара и в районе Камрупа, а точнее – на стоянках Даоджали-Хейдинг и Сарутару. На первой стоянке только в среднем уровне содержался археологический материал, включавший гончарные изделия и каменные орудия. Из более 600 керамических черепков 595 отнесены к изделиям с шнуровым орнаментом, 19 – к матово-красной керамике с тисненными узорами и 11 – к изделиям кирпично-красного цвета. Изделия последнего типа могли быть изготовлены в китайской провинции Сычуань. Вручную вылепленная керамика с шнуровым орнаментом может происходить из Юго-Восточной Азии – из Таиланда или Мьянмы (Surin Pookajorn, 1984, pp. 16–19 – о Мьянме, pp. 23–25 – о Таиланде), однако вторая разновидность представляет изделия, изготовленные на гончарном круге. В каменный инвентарь входят изделия с полированной кромкой, полированные целиком, ножи с закругленным лезвием, шлифовальные камни, корыта, а также рубила из кварцита и инструменты из ископаемой древесины. Некоторые орудия из полированного камня имеют заплечики. Обращают на себя внимание топоры и четырехугольные тесла. На стоянке Даоджали-Хейдинг найдено зубило со шлифованными кромками из окаменевшей древесины. На поверхности найдены элегантные поделки из жадеита, которые, скорее всего, были привезены из Китая. Все эти предметы наводят на мысль о заимствованиях из Южного Китая и Юго-Восточной Азии. На стоянке Сарутару (Rao, 1977, pp. 39–41) найдены девять топоров, из них семь – с заплечиками и два – с закругленной пятой; вместе с ними обнаружены многочисленные керамические черепки от изготовленных вручную гончарных изделий коричневого и серого цвета с шнуровым орнаментом.

В других регионах Ассамы, например, на холмах Нага и Кхаси, а также в окрестностях г. Сибсагар, орудия до сих пор находили только на поверхности. Орудия с холмов Нага сделаны из камня зеленого цвета, сланца и жадеита, причем последний явно привезен из Китая (Sharma, 1997, p. 48). Высказывалось предположение о том, что такая твердая порода, как жадеит, должна была обрабатываться путем точечной оббивки, однако возможно, что предме-

ты из жадеита были сюда привезены. Следовательно, можно считать достоверными лишь два вида обработки – скалывание отщепов и полирование, причем полировались как края, так и весь предмет.

В инвентарь входят обычные типы орудий: топоры с пятой или с заплечиками, четырехугольные тесла, зубила. Особо следует отметить наличие топоров с острой пятой – тип, очень распространенный на полуострове Индостан как основной инструмент неолитического инвентаря. Упоминания заслуживают также два типа орудий: это топорик (*cleaver* – «рассекатель»), который отнесли к хоабиньской культуре, и четырехугольный инструмент, хорошо известный в Китае. Таким образом, в комплексе предметов с холмов Нага сочетаются предметы нескольких типов и примененных технологий, заимствованных из других районов Индии, а также из Китая и Юго-Восточной Азии. То же самое можно сказать об остальных районах Ассамы, где типология орудий почти идентична. Один новый тип изделия – отбойник с бороздками, хорошо известный в Китае, найден в округе Даранг. В целом в неолитической культуре Ассамы четко прослеживаются тесные контакты с соседними районами Китая и Юго-Восточной Азии. Связи с другими частями Индии были затруднены обширной дельтой рек Ганг и Брахмапутра. И все же Шарма делает следующий вывод:

«Влияние Восточной Азии на неолитическую культуру Ассамы не должно, однако, закрывать от нас то обстоятельство, что Ассам входит в состав Индийского субконтинента и что в этом качестве он во все времена участвовал в культурной жизни субконтинента. Тот факт, что в нескольких местах на северо-востоке Индии обнаружены следы производства топориков-бифасов и изготовление предметов на отщепах и пластиках, относящихся к периоду, предшествующему неолиту, ясно показывает связи Индии с западными традициями и дает возможность утверждать, что Ассам не оставался в полной изоляции от Индии в эпоху неолита».

(Sharma, 1977, p. 48)

Следовательно, можно считать, что неолитическая материальная культура Ассамы, характеризующаяся разнообразием благодаря добавлению культурных черт Китая и Юго-Восточной Азии, связана в целом с развитием Индии в период неолита.

БЕНГАЛИЯ, БИХАР И ОРИССА

Этот регион охватывает в основном долину в нижнем течении Ганга, включает равнину Западной Бенгалии и Бенгальскую дельту (Dani, 1960; *Krishnaswami*, 1960, pp. 55–59). На севере этот регион доходит до предгорий и Гималаев и включает низкую часть гималайской системы, где находится округ Дарджилинг, имеющий культурные связи с Бенгалией и Бихаром. Второй регион соответствует долине р. Маханади, т.е. исторической Ориссе. Эти два субрегиона постепенно смыкаются в зоне плато Чхота-Нагпур в южной части штата Бихар.

К востоку от Бенгальской дельты расположена зона Читтагонг, которая в культурном отношении принадлежит региону Ассам, что доказала находка нескольких ограниченных инструментов. На террасах и склонах верхних районов Дарджилинга найдены разнообразные изделия, среди которых преобладают инструменты с гранями, топоры с закругленной пятой, а также зубила и отбойники. На равнинах Бихара и Ориссы находки более определенные: здесь найдены разнообразные инструменты и другие культурные признаки. Неолитические культуры представлены орудиями из полированного камня, гончарными издели-

ями и остатками злаковых культур. Старое мнение Гордона (*Gordon*, 1950, р 83), что этот инвентарь представляет «халколитическую культуру, подобную культурам Маски и Брахмагири», не выглядит теперь справедливым. Раскопки, произведенные в Панду-Раджар-Дхиби (*Dasgupta*, 1964) в Западной Бенгалии, позволили открыть поселение, обитатели которого занимались выращиванием риса, рыболовством, ловлей моллюсков и употребляли в пищу также свинину, баранину, говядину и оленину. В первых двух ранних пластах найдены остатки доисторической культуры. В слое I найдены керамические изделия ручной лепки серовато-коричневого или густо-серого цвета, сохранившие оттиски рисовой шелухи. В этом слое I найдено мало инструментов, но в слое II их гораздо больше; они включают пластины с гребешками, скребки, отщепы и нуклеусы. В слое III впервые появляются топоры из полированного камня.

Находки в Ориссе подтверждают наблюдения из Панду-Раджар-Дхиби. В результате раскопок в Кучаи (*Sankalia*, 1974, pp. 312–313) обнаружен типичный комплекс с гончарными изделиями, выкрашенными в серо-черный и коричнево-красный цвета, а также полированные каменные изделия из филлита, некоторые из них с зашлепками, а другие, которых особенно много, – с закругленной пятой. В долине Санджай в состав глиняной массы для гончарных изделий добавлялась шелуха от зерен. На возвышенностях над затопляемой частью долины обнаружено местонахождение, в котором найдены топоры. Аллювиальные отложения на этих возвышенностях свидетельствуют о проживании людей неолита на поверхности самого старого из этих пластов. В инвентарь входят топоры, колуны, зубила, камни с отверстиями и отбойники или песты. Для изготовления этих орудий раздельно или в разных сочетаниях использовались три вида техники: откальвание, точечная оббивка (дробление) и шлифование. В Лохардаге близ Ранчи найдены также миниатюрные граненые орудия из жадеита, которые явно были привезены из Китая.

Раскопки, произведенные в Чиранде (*Verma*, 1970–1971, pp. 19–23) в округе Саран (Бихар), недалеко от места слияния рек Гхагхра и Ганг, выявили подлинно неолитическое поселение из костяных орудий. Самый верхний уровень неолита датирован радиоуглеродным методом примерно в 3650 лет до наст. в., а самый ранний имеет давность приблизительно в 3750 лет, так что возраст самого глубокого отложения должен составлять около 4500 лет.

Раскопки не выявили полных планов жилищ, но полы домов были вымощены камнем, а стены были сделаны из глины или земли, которые намазывались на бамбуковый экран с двух сторон. В поздней фазе найдены круглые в плане полы диаметром 4 м. В этой фазе хижина в плане имела форму полуокружности, в ней были несколько печей удлиненной формы; сохранились также ямы от столбов. Отпечатки рисовой шелухи показывают, что эта производительная культура была уже известна обитателям стоянки. Найдены также обугленные зерна риса, пшеницы, моонга (*moong*), масоора (*masoor*) и ячменя. Среди остатков животных встречаются кости слонов, носорогов, буйволов, крупного рогатого скота и оленей, а также кости птиц и рыб, скопления рыбьей чешуи, раковин и улиток. Древности включают орудия из кости и оленьих рогов: разные типы топоров, скребел, зубил, молотков, игл, наконечников, проколов, шильев, копательных инструментов, приспособлений для выпрямления древков, шпилек, книжалов, наконечников стрел (с черешком или с выемкой), а также множество незаконченных предметов, в том числе один – из лопаточной кости быка. К этому добавляются костяные украшения: подвески, кольца для ушей, браслеты, диски и гребни. Каменные предметы изготовлены из кварцита, базальта и гранита.

Производство микролитов было составной частью неолитической культуры Чиранда. Микролиты включали

миниатюрные пластины с параллельными сторонами, скребла, наконечники для стрел, зубчатые наконечники, пластины с выемками, остря, пластины в форме полумесяца, проколки и т.д. Были найдены в небольшом количестве и геометрические микролиты. Для изготовления этих предметов использовались халцедон, роговик, агат и яшма. Полностью отсутствуют пластины с зубцами. Местные умельцы делали также бусины – продолговатые и в форме трубочек, короткие и выпуклые, цилиндрические, треугольные, дисковидные из халцедона, агата, яшмы, мрамора, стеатита (жировика) и фаянса. Есть и предметы из терракоты: фигурки зебу, птиц и божественных змеев под названием «*нага*», браслеты, бусины, шары и другие предметы, которые просверливались и украшались орнаментом, прямоугольные подвески, предмет в форме колеса без отверстия, диски с центральным отверстием (возможно, для прядения). Из всех этих предметов особое значение имеют фигурки «*нага*», поскольку они указывают на то, что в Бихаре существовал культ змеи.

Санкалия замечает по поводу местного костяного производства:

«Впервые в Индии на стоянке каменного века добыты костяные орудия столь разнообразных типов. Это позволяет нам легко представить себе, какой была жизнь людей в неолитическом Бихаре. В отличие от многих почти современных им групп, в Ассаме и Мегхала на востоке, Кашмире на севере, Андхра-Продиш и Карнатаке на юге и юго-западе, в Белуджистане на западе и северо-западе, проживавших на плоскогорьях или в холмистых местностях, здешние группы обосновались на больших аллювиальных равнинах Ганга. Единственным сравнимым поселением может считаться Нарасипур на р. Кавери. Для своих многочисленных повседневных нужд, для охоты, свежевания туш животных, ткачества, шитья, обработки земли они использовали длинные кости и рога животных, забитых на охоте или попавших в западню, туши которых они затем разделяли на стоянке. Они вынуждены были действовать именно так за неимением сырья, пригодного для изготовления более крупных каменных орудий».

(*Sankalia*, 1974, p. 305)

Заслуживают изучения и гончарные изделия. Весьма распространены изготовленные вручную сосуды, но некоторые, по-видимому, были сделаны на гончарном круге. Преобладает красная керамика, но использовались и серые, черные и черно-красные изделия. Этим людям была известна техника обратного обжига. Формы изделий черно-красного цвета, найденные здесь, отличаются от черно-красных изделий периода халколита. Наружные поверхности некоторых изделий отполированы. Типы сосудов были различными: сосуды с широким ободком и узким горлом, вазы с носиком, чаши, кубки, чаши с отверстиями, с ножками, овальные чаши с широким ободком, чаши на подставках, чаши с ручками, кубки с ножками, сосуды для разлива жидкости, миниатюрные горшочки, ложки и половники, изделия с горизонтальной ручкой. На одном из обломков сохранились отпечатки соломенной циновки. После обжига гончарные изделия часто раскрашивались охрой в серый, редко – в красный цвет. Среди узоров можно отметить пересекющиеся пучки из пяти линий, концентрические полуокружности и волнистые линии.

Материал, собранный в Чиранде, позволил впервые привязать коллекции предметов, ранее собранных на поверхности в Бихаре и на плато Чхота-Нагпур, к их подлинному культурному контексту и показать, что этот неолитический комплекс продолжал существовать в четвертом тысячелетии до наст. в., в то время как в других частях Индии уже применялась технология обработки металлов.

РЕГИОН СРЕДНЕЗАПАДНОЙ ДОЛИНЫ ГАНГА

Территория среднезападной долины Ганга стал первым в Индии регионом, в котором удалось установить непрерывную последовательность перехода от форм присваивающего хозяйства, основанного на собирательстве пищевых продуктов и выборочной охоте, к интенсивному производству пищи и затем – к появлению оседлых поселений. Раскопки, произведенные Шармой (*Sharma G.R.*, 1983, pp. 51–64) в Чопани-Мандо, Колдихаве и Махагаре в долине Белан и на плато Виндхья, выявили первенство неолитической культуры в этом регионе, особенно на протяжении рассматриваемого периода (9000–7000 лет тому назад).

Поселение Чопани-Мандо расположено на левом берегу старого русла р. Белан в 77 км к юго-востоку от Илахабада. Там три культурные фазы; первые две характеризуются оригинальными типами инвентаря: пластинами, микролитами геометрических и неправильных форм и постепенно уменьшающихся размеров, причем материал – роговик – заменяется халцедоном и сердоликом. В последней фазе развитого мезолита культурный инвентарь включал ножи, каменные полированные орудия, такие как отбойники, жернова, песты, каменные кольца и, что еще важнее, гончарные изделия ручной работы красного и серо-коричневого цвета, иногда украшенные тисненными узорами. Особый интерес вызывают обнаруженные фундаменты жилищ и очаги. Были откопаны 13 жилищ периода развитого мезолита. Все они круглые или овальные в плане с диаметром от 5,7 до 3,5 м. Жилища тесно соприкасались друг с другом, как ячейки улья. На полах жилищ найдено множество микролитов, наковален, отбойников, шаров для пращей, дробильных камней, зернотерок, фрагментов обожженной глины, костей животных, черепков посуды. Эти находки показывают, что местное население жило охотой и собирательством. Нет никаких признаков одомашнивания животных и культивирования растений. Тем не менее наличие дробильных камней и жерновов принимается как доказательство зарождения земледелия.

Найдены также остатки зерен дикого риса (обугленных или в комках обожженной глины), а также кости диких быков, коз или овец. Этот неолитический период относится к одиннадцатому-десятому тысячелетиям до наст. в.

Как продолжение этого культурного комплекса может рассматриваться поселение Колдихава, расположенное на левом берегу р. Белан лишь в 3 км от поселения Чопани-Мандо. На этой стоянке выявлены три культурные фазы, отнесенные к неолиту, халколиту и железному веку. Неолитическая фаза характеризуется полированными каменными орудиями, в том числе топорами и микролитами, а также тремя разновидностями гончарных изделий ручного производства: с шнуровыми узорами, с шероховатой поверхностью и полированные. Палеоботанические исследования дали примечательную информацию: рисовая шелуха в составе керамической массы для изготовления гончарных изделий принадлежит окультуренному виду риса. Ее возраст в 9000–7000 лет был определен радиоуглеродным методом. Это самый древний культивируемый рис, известный до сих пор в Южной Азии.

Третья стоянка – Махагара – находится на правом берегу р. Белан, напротив поселения Колдихава. Она была заселена только в один период, в рамках которого установлены шесть структурных подфаз. Раскопки выявили там 20 построек, от которых сохранились полы и ямы для столбов. 18 построек, отнесены к последней структурной подфазе, имели плетеные и оштукатуренные перегородки, о чем свидетельствуют их обгорелые фрагменты с отпечатками камыша и бамбука. Эти постройки представляли собой восемь жилищ, объединенных и расположенных по

кругу. На их полах найдены неолитические пластины и микролиты, гончарные изделия, жернова, дробильные камни, шары для пращей, топоры, костяные наконечники для стрел, терракотовые бусы и кости животных. Интересным открытием оказался загон для скота в форме неправильного прямоугольника площадью 12,5x7,5 кв. м, с длинной стороной, направленной с севера на юг. Загон был окаймлен двадцатью столбами, на что указывают ямы в земле.

Там не найдено никаких гончарных изделий, но остались отпечатки копыт крупного рогатого скота разного возраста. Вблизи поселения, но вне загона, были обнаружены отпечатки копыт овец и коз.

Неолитическая керамика стоянки включала изделия четырех видов.

Жители занимались одновременно и охотой, что ясно подтверждается следами дикого рогатого скота и лошадей и одомашненного крупного рогатого скота, овец и коз, а также наличием остатков риса (*Thapar*, 1984, pp. 195–197). По поводу возделывания риса Шарма отмечает, что он был найден в виде рисовой шелухи и обугленных зерен и был определен как культурная разновидность *Oriza sativa*. «Открытие дикого риса в мезолите (в Чопани-Мандо) и культурного риса в неолите (в Колдихаре) полностью подтвердило теорию Вавилова, который считал Индию первоначальным центром культуры *Oriza sativa*». В более общем плане Тхапар обоснованно замечает:

«Что касается схожих черт в неолитической культуре долины Белана и в других региональных и межрегиональных культурах неолита, то представляется, что одна только керамика со шнуровым узором дает хорошие основания для сопоставления. Подобная керамика обнаружена на северо-востоке Индии, на неолитической стоянке в Даоджали-Хейдинг. Но по своей внешней окраске и набору декоративных мотивов изделия из двух регионов различаются. Более того, неолитическая культура северо-восточного региона не только моложе культур Виндхья, но и отличается полным отсутствием каменного производства, являющегося составной частью неолита Виндхья. За пределами субконтинента керамика со шнуровым узором обнаружена в неолитических слоях на обширных территориях Восточной и Юго-Восточной Азии».

(*Thapar*, 1984)

КОМПЛЕКС ЮЖНОЙ ЧАСТИ ПОЛУОСТРОВА ИНДОСТАН

Этот регион не является однородным, за исключением самой южной его части, лежащей вне Индо-Гангской равнины, к югу от гор Виндхья, которые отделяют Северную Индию от Южной. Вся полуостровная Индия может быть разделена на три части: трапповая зона плоскогорья Декан в штате Махараштра и береговой пояс штата Гуджарат и п-ва Катхиявара; холмистые местности штатов Андхра-Прадеш и Карнатака; крайняя южная часть Индии.

Штат Гуджарат, п-ов Катхиявар, долины рек Нармада и Банас

В этой части Индии проведено больше всего археологических исследований (*Sankalia*, 1974, pp. 259–512). Материалы, полученные здесь, изучались с точки зрения того влияния, которое оказывали культуры бронзового века долины Инда в начале пятого тысячелетия тому назад. Помимо предметов из бронзы, там обнаружены раскрашенные гончарные изделия, каменные удлиненные пластины с параллельными плоскостями и сопутствующий материал, который, видимо, представляет собой смесь с более ран-

ними микролитическими изделиями, типичными для этого района.

Большой интерес представляет стоянка Лангхнаж, где найдены не только изделия микролитической культуры, широко распространенной в северной и центральной частях штата Гуджарат, но и остатки культур, последовательно сменявших друг друга с раннего мезолита до новой появившейся стадии сельскохозяйственного производства, при которой хозяйство, основанное на охоте, преобразовалось в хозяйство с зачатками производства пищи благодаря освоению сельскохозяйственных технологий, изготовлению полированных камней и гончарных изделий. К сожалению, этих остатков недостаточно, чтобы сделать окончательные выводы и понять, как произошла эта перемена. Тем не менее ясно, что население этого региона, владевшее производством микролитических изделий, использовало технические и социальные трансформации в шестом тысячелетии до наст. в. Эти преобразования оказали влияние на всю зону Гуджарата и Махараштры.

В настоящее время пока еще трудно установить, каким образом местное население осваивало новый процесс производства пищи. Материалы, найденные в Лангхнаже, можно сопоставить с археологическими остатками, найденными в пещерах и скальных убежищах в песчаных образованиях, расположенных над долиной р. Нармада. Самое крупное скальное убежище – Адамгарх в округе Хошангабад, в нем найдены микролитические изделия и скопления костей животных. Санкалия (*Sankalia*, 1974, p. 259) пишет: «С точки зрения как производства, так и фауны микролитическая культура Адамгарха представляется более развитой, чем культура Лангхнажа. Ее можно охарактеризовать как культуру, приближавшуюся к освоению производства пищи, или к неолиту». Третья сравниваемая стоянка – Багор – в долине р. Банас, в непосредственной близости к хребту Аравали. Археологи определили там три фазы, самая ранняя из которых датируется приблизительно в 7000–4800 лет до наст. в. Она характеризуется производством микролитов и остатками животных, что предполагает существование смешанного хозяйства, включавшего охоту, собирательство и скотоводство. Вторая фаза датируется примерно в 4800–2600 лет до наст. в. Здесь количество микролитов уменьшается, уже появились медные изделия и гончарные изделия ручного изготовления. Эта керамика имеет определенное сходство с предметами культуры Ахар в Меваре.

Штаты Андхра-Прадеш и Карнатака

В регионе штатов Андхра-Прадеш и Карнатака (Андхра-Карнатака) получен разнообразный материал, относящийся к производству пластин микролитического периода на ранней стадии и к более позднему скотоводческо-земледельческому хозяйству. В некоторых местах этой второй фазы встречаются предметы из меди и раскрашенные гончарные изделия, изготовление которых, возможно, было освоено благодаря контактам с зонами современных штатов Махараштра и Гуджарат. Тем не менее можно рассматривать регион Андхра-Карнатака как один из первоначальных и основных очагов распространения неолитического культурного комплекса на всем полуострове.

Крайняя южная зона

Далее к югу, на территории с языками малайялам и тамильским, раннее производство отщепов, по-видимому, сочеталось с неолитическим производством топоров с острой пятой, которые обнаружены на стоянках Паямпалли и Нарасипур на р. Кавери. Этот культурный комплекс продолжался до тех пор, пока не интегрировался в культу-

ру мегалита, уже применявшую изделия из железа. При этом представляются вполне обоснованными наблюдения, сформулированные Кришнасами:

«Другое большое скопление полированных топоров было обнаружено южнее, в холмистой местности Шеврой (округ Салем), где, как и в Беллари, найдены длинные базальтовые рвы, из которых добывалось сырье. Несколько топоров были найдены также за пределами Салема. Полное отсутствие топоров южнее р. Кавери объясняется, видимо, тем, что в этом районе базальтовые скопления встречаются крайне редко. Плоский топор, схожий с топором со стоянки Брахмагири IA, обнаруженный Футом на холмах Шеврой, может свидетельствовать о распространении халколита до Салема на юге».

(*Krishnaswami*, 1960, p. 51)

Андхра-Карнатака

Наиболее разнообразный стратифицированный материал, позволяющий составить достаточно полное представление о неолитической культуре Южной Индии, обнаружен в основном в центральной части региона Андхра-Карнатака. Радиоуглеродные датировки неоспоримо доказали, что среди множества гранитных холмов скотоводческо-земледельческое хозяйство утвердилось не четыре тыс. лет тому назад, как думали первоначально, а по меньшей мере на 500 лет раньше, и не исключено, что в дальнейшем эта дата отодвинется в глубь веков. Раскопки в Брахмагири (*Wheeler*, 1947), Маски (*Thapar*, 1957, pp. 4–142) и Пикихале (*Allchin*, 1960) дали некоторые признаки неолитической культуры, однако последующие исследования в Теккалакоте (*Nagaraja Rao*, 1965), Санганакаллу (*Subba Rao*, 1948) и Халлуре (*Nagaraja Rao*, 1971) позволили уточнить наши представления о планировке жилищ и организации поселений. Новые раскопки показали наличие на стоянках куч золы и остатков скелетов и дали много материалов о жилищах, искусстве и ремеслах, о привычках в питании, о похоронных ритуалах и позволили уточнить хронологию.

На гранитных холмах к юго-западу от Теккалакота были произведены раскопки девятнадцати неолитических стоянок. Они выявили три типа жилищ: (1) круглое в плане, отдельно стоящее жилище, построенное на красном *муррум*; нижние части стен были плетеными, с обмазкой, а верхние части, включая конусообразные крыши, были покрыты соломой; (2) круглый в плане дом, возведенный на выложенных по кругу природных валунах; (3) квадратное или прямоугольное в плане жилище, опирающееся на валуны или построенное на них. Жилище, построенное в Санганакаллу, также было возведено на основании типа *муррум*; его стены были выполнены из расщепленного бамбука, обмазаны глиной и поддерживались поставленными на разных расстояниях друг от друга 13-ю деревянными столбами. В одном из домов Теккалакота были найдены четыре погребения. В одном был захоронен взрослый, а в трех других – дети; один ребенок был погребен под полом дома, а два других – снаружи дома. Могила взрослого человека находилась под скалой на северной стороне.

По материалам, собранным в Теккалакоте и Кодекале, можно заключить, что пол в домах покрывался циновками, сплетенными из узких полос бамбука или листьев финиковой пальмы. Здесь были выделены два основных периода: фаза I – неолит-халколит и фаза II – мегалит (железный век). В планировке жилищ и в строительных материалах не было обнаружено различий.

Такие же два культурных периода были отмечены и на других стоянках. Гончарные изделия фазы I изготавливались вручную, но в некоторых случаях отмечено использование

гончарного круга. В самых ранних пластах в Брахмагири, Пиклихале и Маски лишь небольшая доля гончарных изделий относится к окрашенной керамике.

Вторым компонентом этой культуры является производство полированного каменного инвентаря. Теперь уже ясно, что с самого начала неолита обитатели этих мест знали, как делать гончарные изделия, орудия из полированного камня, а также каменные пластины. Материал, собранный в Теккалакоте, показывает, что пластины изготавливались каждой семьей, независимо от поселения или жилища. Были найдены также валики-подушки из терракоты. Среди обнаруженных украшений – разнообразные бусы из раковин, магнетита или стеатита (жировика), агата и сердолика, терракоты, меди и золота.

Что касается погребальных обычаев, то выявлено, что тела умерших взрослых в вытянутом положении укладывали в вырытые ямы с небольшим количеством гончарных сосудов и иногда с камешными пластинками и полированными топорами. В фазе III взрослых хоронили в ямах вместе с красно-черными гончарными изделиями. Детей хоронили под полами в домах, обычно в одной или двух урнах.

Что касается искусства, то следует отметить, что эти неолитические обитатели холмов оставили наскальные рисунки, рельеф, гравюры. Домашнее искусство представлено раскраской гончарных изделий и украшением их выпуклым орнаментом. В Теккалакоте сохранилось великолепное наскальное изображение быка и человеческой ладони. Наскальные рисунки в Пиклихале выполнены в красном цвете на белом фоне, а иногда просто белой или целиком красной краской. На рисунках изображены быки, самбуры (индийские лоси), олени, газели, овцы и козы, лошади, стилизованные фигуры людей и изредка деревья и цветы. На нескольких стоянках найдены предметы из костей и раковин.

Из наблюдений, сделанных в Теккалакоте, следует также, что неолитические общины предпочитали жить на холмистой местности, а не на вершинах плоских холмов. Они осваивали обрабатываемые участки у их подножий, а склоны холмов выполняли роль природных укреплений. Для обустройства территории первые обитатели выкорчевывали растительность на участках и готовили площадки для жилищ. Дома строились с хранилищами, которые из санитарных соображений устанавливались на стойках. Самая ранняя радиоуглеродная датировка показала возраст Теккалакоты примерно в 3800 лет до наст. в. (*Agrawal*, 1947, p. 66).

Другое примечательное археологическое наблюдение касается скопления золы, часто встречающихся на севере штатов Андхра-Прадеш и Карнатака. Они относятся к периоду между 4000 и 2700 лет назад. Были попытки рассматривать эту золу как материал, оставшийся от выплавки золота и железа, но эта гипотеза не имеет археологического подтверждения. Другие полагали, что зола осталась от сгоревших загонов для скота. Раскопки на стоянке Купгал близ Беллари в штате Карнатака доказали, что «эти скопления золы появились из-за сжигания коровьего навоза неолитическими пастухами... Костры разводились явно не в связи с производством, а скорее всего имели отношение к ритуальной практике» (*Majumdar & Rajaguru*, 1966, p. 47).

РЕГИОН В СЕВЕРНОМ ТЕЧЕНИИ ИНДА, ВКЛЮЧАЯ ОБЛАСТЬ КАШМИР, СВАТ И ПЛАТО ПОТВАР

Регион северного течения р. Инд включает долины рек Гилгит, Балтистан, Сват, штаты Джамму и Кашмир, Пенджаб, занимает долины верхнего и среднего течения Инда в Гималаях и их предгорьях. Весь этот регион имеет следы оледенения. Морены спускаются на плато Потвар в штате

Пенджаб, а грязевые потоки и эоловые отложения плейстоцена определяют многие особенности ландшафта.

Исследования в этом регионе производились неравномерно и не позволили выявить полную археологическую последовательность, и поэтому переход от мезолита к полностью развитому неолиту изучен не полностью. Однако в долине Таксила, расположенной в округе Равалпинди, обнаружена микролитическая пещерная стоянка, названная пещерой Ханпур, характеризующаяся производством отщепов и пластин. Точно не известно, каким образом произошел переход от этой культуры Ханпура к ранне-неолитическим культурам, обнаруженным в этой же долине на стоянке Сарай-Хола. Регион Гилгита и Балтистана в трансгималайской зоне изучен еще меньше. Там найдены лишь наскальные изображения (*Dani*, 1983, ch. II). При этом точно установлена их связь с транспамирским регионом Киргизии (*Mu Shunling*, 1984, pp. 55–72) и с регионом Транс-Кулулум в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая.

Эта культура кочевых охотников-собирателей могла появиться шесть тыс. лет назад. Но только для последующих ступеней развития установлены такие черты культуры, как одомашнивание животных, например собак и крупного рогатого скота, использование плотов для переправы через реки, проживание малыми семьями или общинами, установка изгородей, использование звериных шкур в качестве одежды, поклонение культовым скалам, символам и даже отпечатки ладоней и ступней. Главным оружием продолжали быть луки и стрелы с наконечниками в виде микролитов. При этом некоторые изображения людей относятся, по-видимому, к 4000 лет до наст. в., т. е. к бронзовому веку.

Материал, собранный в районе Дира и Свата, свидетельствует о непрерывном развитии культуры позднего каменного века, что подтверждается находками на ранних уровнях пещеры Гхалигай (*Stacul*, 1969, pp. 44–91). Обитатели этой пещеры использовали инструмент из оббитой гальки и вначале не имели гончарной посуды. Однако позднее они изготавливали вручную полированные гончарные изделия серого цвета. На днищах некоторых этих сосудов имеются отпечатки циновки, а некоторые своими формами напоминают туркменскую керамику эпохи халколита. Все каменные инструменты были изготовлены из гальки. Для их изготовления использовались также кости животных, особенно рога оленей и клыки кабанов. Местная керамика очень близка к керамике Кашмира и стоянки Сарай-Хола. Радиоуглеродная датировка позволила определить возраст приблизительно в 5000 лет. Похожая керамика и полированные каменные орудия были найдены в глубоких ямах, в Дамкоте близ Чакарда в районе Дира. Подобные ямы найдены также в районе Свата на стоянке Лоебанр III. По Г. Стакулу,

«...в самой глубокой впадине находился фундамент хижины с большим очагом, и там же обнаружены обширные остатки полов. Собранные здесь многочисленные изделия и фрагменты костей животных являются основным свидетельством деятельной оседлой жизни. Большое количество кусков глиняной обмазки осталось, по всей видимости, от покрытий деревянных крыш (на некоторых кусках с одной стороны видны отпечатки тростника и столбов)».

(*Stacul G.*, 1977, p. 250)

Гончарные изделия, найденные здесь, относятся к тому же типу, что и обнаруженные на уже описанных стоянках. Особенно интересны найденные человеческие фигурки из терракоты, предметы из полированной кости, зеленого жадеита и лазурита. Раскопки в Биркоте показали, что эта неолитическая фаза современна периоду, в котором цивилизация бронзового века долины Инда достигла своей

зрелости. Предполагают, что предметы из жадеита и жилища в ямах свидетельствуют о связях с Китаем.

В главной долине Кашмира неолитическая культура представлена тремя стоянками (Thapar, 1964; *Khazanabi*, 1977; *Sharma*, 1982, pp. 19–25). Все они расположены на равнине на возвышенности Каревас над озером и водными потоками.

Систематические раскопки были произведены на двух стоянках – Бурзахом и Гуфкрал, находящегося соответственно в 16 км к северо-востоку и 41 км к юго-востоку от г. Сринагар. На обеих стоянках под более поздними наложениями были обнаружены три фазы неолитической культуры. Фаза *IA* – докерамическая, она характеризуется образцами жилищ, устроенных в больших и малых ямах, которые вырыты в лессовых отложениях, покрывающих возвышенность Каревас. Ямы в плане – круглые или овальные. Вокруг них были расположены ямы-кладовые и очаги. Вокруг этих больших ям сохранились ямы от столбов. Полы жилищ были окрашены красной охрой. В лессовой почве выкапывались также прямоугольные и квадратные ямы или комнаты с крышами на столбах, расположенных по углам. Подземные ямы-жилища с комнатами большой площадью и обновленными полами продолжали использоваться и в следующей фазе *IB*. В Бурзахоме откопано по меньшей мере 37 круглых и 45 прямоугольных ям. Самые большие круглые ямы глубиной 3,95 м имели ступеньки. В некоторых комнатах-ямах вдоль всех стен были сделаны углубления, а в центре находились ямы-кладовые и очаги. В последней фазе неолитической культуры (*IC*) происходит переход от подземных ям-жилищ и камер к наземным постройкам из глины или необожженного кирпича. Наличие ям от столбов (в Бурзахоме в одном случае их насчитывается 49) доказывает, что эти жилища имели деревянный каркас. Их утрамбованные земляные полы окрашивались красной охрой.

Жизнеобеспечение местного населения было основано на специализированном собирательстве и выращивании зерновых культур, а также на скотоводстве. На стоянке Гуфкрал найдены скопления костей как диких животных (каменных баранов, медведей, овец, коз, диких быков и коров, волков и кашмирских оленей), так и домашнего скота (овец и коз), а также зерна пшеницы, ячменя и чечевицы. Костяные изделия в фазе *IA* включают наконечники, иглы, скребки, а каменные – топоры, буры, кирки, песты, зернотерки и головки палиц. Некоторые орудия изготавливались также из оленьих рогов. В следующей фазе (*IB*) появляются дополнительно одомашненные животные – крупный рогатый скот и собаки, а из растений – горох.

Однако самым важным новшеством этой фазы было гончарное производство. Применялись разные способы ручного изготовления изделий. Один из них заключался в получении готовых изделий из заготовок (в виде колец), а поверхности готовых сосудов полировались ветками или пучками травы. Основными видами изделий были кувшины и чаны с круглыми днищами, часто на них видны отпечатки циновки, что доказывает, без сомнения, умение обитателей стоянки ткать их и плести корзины. Изделия из серой глины сравнительно тонкие. Их ободки украшены отгисками ногтей. Изготавливались также изделия из грубой гончарной смеси – кувшины, высокие чаши и миски.

В последней фазе происходят радикальные перемены, поскольку жилища стали строиться на поверхности земли. Постепенно изменяется и система жизнеобеспечения, вероятно, под воздействием контактов с соседними культурами. Улучшается отделка изделий, появляются новые типы, в том числе длинные костяные иглы с ушком и без ушка, костяные острия небольших размеров, кирки, заостренные с двух концов, веретена, ножи в форме прямоугольника или полумесяца, применявшиеся для жатвы, схожие с серпами, широко распространенными в китайской культуре яншао. Набор керамических изделий этой фазы

обогащается такими предметами, как отполированные серые кувшины сферической формы с длинным горлом, глубокая посуда, подставки с треугольными отверстиями, чаши и миски. Тонкие серые изделия и полированная серая керамика составляют основную часть гончарных изделий в этой фазе.

Похоронные обычаи того времени можно представить по шести захоронениям, в том числе по двум перезахоронениям на стоянке Бурзахом. Могильные ямы овальной формы выкапывали либо внутри жилищ, либо в пределах поселений, их стенки покрывали известью. В более древних захоронениях были найдены два тела в согнутом положении, тело взрослого человека в вытянутом виде и тело ребенка в положении зародыша. Только в трех могилах найден погребальный инвентарь: маленькая стекловидная бусина в виде бочонка, кости животных, череп и части рогов оленя, круглый диск из талька и пять сердоликовых бочкообразных бусин. Человеческие скелеты и кости животных были присыпаны красной охрой. На одном из человеческих черепов видны 11 особых площадок: шесть сквозных круглых отверстий и пять неглубоких вмятин. В результате антропологического анализа было сделано предположение об этническом сходстве этих черепов с черепами людей развитой харапской цивилизации. В одной из могил находились и принесенные в жертву собаки, а также два рога оленя.

Что касается контактов культуры ямочных жилищ с другими культурами, то использование серпов в форме полумесяца и полированных гончарных изделий с отпечатками циновки указывает на возможность их сравнения с изделиями культуры китайского неолита.

Однако в самых нижних слоях стоянки Бурзахом найдено такое замечательное изделие, как сосуд, изготовленный на гончарном круге, с оранжевым покрытием, на котором черной краской нарисована фигура с рогами. Судя по форме и росписи сосуда, нет никакого сомнения, что это – памятник культуры Кот-Диджи, доставленный сюда подобно тем предметам, которые были обнаружены на стоянке Сараи-Хола близ современного г. Таксила. В верхних уровнях стоянки Бурзахом найден также изготовленный на круге красный глиняный сосуд с 950 заготовками и сердоликовыми бусинами; он также привезен с долин Инда. Несколько медных наконечников стрел, фрагменты круглого браслета и шпилька, найденные в фазе *IC* Бурзахом, а также шпилька со стоянки Гуфкрал, по-видимому, – не местного происхождения.

Особую важность имеют две найденные каменные плиты с гравировкой, прикрепленные к прямоугольной стенке более позднего хранилища. На одной из пластин изображена охотничья сцена: олень, пронзенный сзади длинным копьем и раненый стрелой, выпущенной двумя охотниками, которые стоят впереди. В верхней части пластины изображены два солнечных символа и собака. Вторая пластина украшена выгравированным изображением некоего подобия крыши. Обе пластины напоминают выгравированные наскальные изображения, встречающиеся по ту сторону Гималаев в районе Гилгита и Балтистана.

Радиоуглеродная датировка показала, что самое раннее проявление фазы *IB* Бурзахом относится к 4760–4600 лет, а самая поздние остатки фазы *IC* – к 4100 лет назад.

В третьем важном географическом комплексе на плато Потвар характерным поселением является Сараи-Хола (*Halim*, 1970–1971, pp. 23–89; 1972, pp. 1–112) на южном берегу небольшой речки Кала в 3 км к юго-западу от холма Бхир близ г. Таксила. В самом раннем уровне заселения, расположенном под горизонтом, соответствующем культуре Кот-Диджи, найдены остатки, бесспорно относящиеся к неолитической культуре. В нем обнаружены изделия, включающие полированные каменные топоры, каменные пластины, костяные орудия и полированные гончарные сосуды с отпечатками циновки на днищах. Эта простая

керамика красно-коричневого цвета изготавливалась либо вручную, либо с помощью примитивного гончарного круга. Под современным покровом прилегающих к стоянке участков земли, несомненно, находились поля неолитических земледельцев. Именно на этой важной стоянке были впервые найдены предметы неолитической культуры, предшествовавшей культуре бронзового века в долине верхнего Инда. Наличие керамики с отпечатками циновки, пластиночного производства, орудий из полированного камня и жилищ в ямах связывает эту культуру с комплексом Бурзахом и Свата. Судя по имеющимся данным, эта связь, вероятно, возникла в период, когда в этом регионе уже ощущалось влияние цивилизаций бронзового века, что не исключает и более ранних культурных контактов. Что касается происхождения культуры неолита в этом регионе, то археологи, отмечая признаки схожести ее с китайской культурой яншао, выдвинули гипотезу о проникновении китайского влияния с юга. Хотя возможность заимствования элементов китайских культур путем торговли нельзя исключать, все же образцы неолитической культуры этого региона имеют явно выраженный местный характер; эта культура уходит своими корнями в природные условия Гималайской зоны. Судя по наскальным изображениям, эти культурные корни не уходят за пределы транс-памирской зоны.

ЮЖНАЯ ДОЛИНА ИНДА, ВКЛЮЧАЯ БЕЛУДЖИСТАН И ДОЛИНУ ГОМАЛЬ

Южная часть долины Инда охватывает аллювиальную равнину южного Пенджаба, долину рек Гомаль и Банну в Северо-западной провинции Пакистана, равнину Каччи в Белуджистане за Боланским перевалом и плато Белуджистан, для которого характерны небольшие долины с полосами пустынь, и, наконец, на севере – хорошо орошаемый регион рек Зхоб и Лоралаи. В долине Кветта на Белуджистанском плато У.А. Фейрсервис (*Walter A. Fairervis*, 1956) открыл культурный комплекс Кили-Гул-Мохаммад со следами поселений в двух горизонтах ниже самого первого появления бронзового материала. В одном из очагов верхних горизонтов были взяты образцы, по которым была проведена радиоуглеродная датировка, установившая возраст стоянки примерно в 6400 и 6100 лет.

Первые обитатели-кочевники этой стоянки уже имели домашних овец, коз и быков, но не знали керамики. К концу периода они начали строить глинобитные дома и жилища из необожженных кирпичей. Они использовали пластины из рога, яшмы и халцедона, каменные точила и жернова, а также костяные шилья и острия. Эта первая фаза была, очевидно, докерамической. Только в периоде II вместе с первыми домами появляются грубые гончарные изделия ручной лепки с отпечатками циновки. Период III дал керамику, изготовленную на гончарном круге и украшенную простыми геометрическими узорами.

Эта докерамическая кочевая культура соотносится с докерамическим производством на отщепках и пластинах, открытым в заполненных золой ямах Гумлы (*Dani*, 1972) в долине р. Гомаль. В то же время в Джалилпуре (*Mughal*, 1972, pp. 117–124), в 65 км к юго-западу от Харалпы, в обитаемых уровнях неолитического периода I были обнаружены многочисленные остатки построек из необожженного кирпича с глинобитными полами, а также керамика ручной работы из ярко-красной глины с отпечатками циновки, прямоугольная бусина из сусального золота, терракотовые грузила для раболовных сетей, пластины из рога, костяные острия и большое количество костей быков, коров, баранов, коз и газелей.

В последние годы была открыта крупнейшая стоянка в Мехргархе (*Jarrige & Meadon*, 1980, pp. 123–133; *Jarrige & Lechevallier*, 1979, pp. 463–535), расположенном в конце до-

лины Каччи у входа в Боланское ущелье, примерно в 150 км от Кветта, в переходной зоне между возвышенностями Белуджистана и Ирана и южными равнинами дельты Инда. При раскопках были найдены древнейшие следы оседлого земледелия Южной Азии, датированные радиоуглеродным анализом в 10000–9000 лет до наст. в. На стоянке идентифицированы семь стратиграфических уровней, в том числе четыре на верхних землях и три – на равнине. У северного края стоянки был раскопан план самого позднего из сельскохозяйственных поселений.

В докерамическом периоде I поселение состояло из жилищ почти пятиугольной формы, построенных из глинобитного кирпича и отделенных друг от друга свободным пространством, где найдены многочисленные захоронения. Обнаружены и квадратные постройки небольших размеров, которые, видимо, служили кладовками.

Артефакты включают кремневые зернотерки и небольшие пластины с характерным глянцем из-за износа. На кусках самана сохранились отпечатки различных злаковых: двурядного ячменя (*Hordeum districhum*), шестирядного ячменя (*H. vulgare* и *H. vulgare* var. *nudum*), однозернянки (*Triticum monococcum*), полбы (*T. dicocum*) и пшеницы (*T. durum* или *T. aestivum*). В этих же отложениях периода I сохранились обгорелые семена ююбы (*Ziziphus*) и финиковые косточки (*Phoenix dact. lifera*), что доказывает присутствие этих двух плодов в рационе питания.

В двух верхних метрах неолитического пласта содержится материал, свидетельствующий о крупных изменениях в составе фауны, представленной в самых ранних слоях – это кости таких диких животных, как газель (*Gazella dercas*), баран (*Ovis orientalis*), коза (*Capra aegagrus*), олень (*Cervus duvauceli*), большая антилопа (*Boselaphus tragocamelus*) и бык (*Bos*, возможно принадлежавший к виду *nomadicus*), в то время как в более нижних пластах есть остатки домашнего скота: быков (*Bos*, возможно принадлежавших к виду *indicus*) и коз (*Capra hircus*). Конец периода представлен несколькими скоплениями костей газелей, диких свиней и ослов, но подавляющее большинство остатков животных принадлежит домашним быкам, козам и баранам. По-видимому, люди неолита сами одомашнили местные дикие виды. Следовательно, все указывает на то, что скотоводство в Мехргархе развивалось в ту же эпоху, что и в Западной Азии. За пределами Восточного Китая были найдены также кости водяного буйвола (*Bubalus bubalis*). Следует отметить, что, по-видимому, в Мехргархе первыми были одомашнены крупные рогатые животные, а не овцы и козы, как это произошло в Западной Азии.

В двух группах могил периода I обнаружены человеческие скелеты в согнутом и вытянутом положении, покрытые красной охрой. В погребальный инвентарь входят бусы, ножные браслеты-перевязи и пояса.

Наиболее распространены в этот период были кремневые орудия на пластинах: их найдено около 15 тыс. Нуклеусы небольших размеров имеют плоский или конический верх. Большинство пластин оббито разными видами ретуши. Есть пластины с выемками и с усеченным краем, несколько концевых скребков, но очень мало резцов. Наиболее характерны проколки и геометрические микролиты трех разных форм: полумесяца, треугольника и трапеции. Имеется несколько пластин-серпов. В целом обнаруженный на сегодняшний день материал дает основание считать, что производство кремневых микролитов соотносится с производством первых поселений Загроса и с эпипалеолитическими производствами западной части Центральной Азии, несмотря на наличие некоторых общих черт с поздним каменным веком Индии.

Период II Мехргарха является продолжением предшествующего периода. Самые ранние его уровни дали несколько осколков грубой ручной керамики, но в более поздних уровнях найдено большое количество керамиче-

ских изделий, в том числе много окрашенных. На некоторых сохранились отпечатки циновки, а мотивы раскраски напоминают предметы из Мундигака I и Кили-Гхула-Мохаммад I. Найдено 10 пластиночных серпов, укрепленных на рукоятке битумом. Найденные раковины и предметы из бирюзы свидетельствуют о существовании торговых обменов с отдаленными регионами. Есть бусины из лазурита, а также фигурка из необожженной глины, изображающая мужской торс.

Период III дал богатый урожай керамики. Сюжеты росписи, особенно последних фаз, которые можно было бы датировать первой половиной шестого тысячелетия до наст. в., напоминают роспись керамики Кили-Гхул-Мохаммад II и III, Мундигака и Тогау А. В этих уровнях имеются бусины из лазурита, бирюзы и других полудрагоценных камней, а также фрагменты раковин. Существует почти идеальная соотносимость между последовательностью заселения Мехргарха со времени начала одомашнивания животных и растениеводства и хронологией неолита Западной Азии (см. гл. 41, табл. 16).

ИРАН И АФГАНИСТАН

В Афганистане идентифицированы две разные культуры – одна на севере, другая на юге (*Dupree*, 1972). На севере отроги Гиндукуша постепенно переходят в Бактрийскую равнину. В Каракамаре и Аккупруке в нескольких пещерах, гротах и скальных укрытиях сохранились следы промежуточной фазы между хозяйством специализированных охотников и началом одомашнивания животных. В пластах одиннадцатого тысячелетия в Каракамаре обнаружены кремневые отщепы и множество костей диких животных – баранов, газелей, лис, а также пернатых. Эти находки дают основание считать, что мезолитические группы Загроса распространились в направлении Гиндукуша. В датированном около 8700 лет до наст. в. инвентаре уровня А пещеры Гхар-и-Мар у г. Аккупрук содержатся пластиночные серпы, скребла, проколки и ножницы. Имеются также костяные шилья и ложила. В этом уровне найдены и кости домашних овец и коз. Более поздний слой В дал каменные мотыги, зернотерки и сосуды из стеатита и камня. Схожий инвентарь с датировкой около 10200 лет до наст. в. обнаружен в пещере Гхар-и-Асп. Эти предметы подтверждают существование оседлых земледельческих общин.

Одновременно с нововведениями продолжалась охотничья деятельность, о чем свидетельствуют найденные кости диких оленей элафов, газелей и баранов. В этих двух пещерах обнаружены также более поздние фазы примерно 4500 лет давности, характеризуемые керамикой, такими кремневыми орудиями, как пластиночные серпы, отщепы, скребла, ножницы, а также костяными предметами – шильями, иглами, проколками и ложилами. В одном из уровней найдены мотыги, зернотерки, ступы и топоры из аспидного сланца, а также осколки сосудов из стеатита. Особо отметим изделия из керамической массы, обезжиренной с помощью соломы.

Наряду с домашними овцами и козами найдены остатки разных диких животных: ослов, газелей и быков. В пещере Дара-и-Кур в Бадахшане в неолитическом уровне обнаружены пластиночные серпы, полированные топоры, нож и скребла из аспидного сланца, базальтовый молоток, обработанные гольши и фрагменты медных сосудов, к которым следует добавить черную и красную керамику, украшенную зигзагами, шевронами, треугольниками и отпечатками пальцев. В трех ямах кости коз соседствовали с детскими скелетами. Радиоуглеродный анализ дал датировку около 5900 лет до наст. в. На юге Афганистана, в самых глубоких пластах стоянок Мундигака (*Casal*, 1961) и Саид-Калла обнаружены следы прогрессивного сельско-

го хозяйства. В Мундигаке I самый ранний период характеризуется постройками из кирпича, керамикой, изготовленной на гончарном круге, и даже медной посудой.

На северо-востоке Ирана открыто несколько пещер и скальных укрытий (*McBurney*, 1969). Неолитический горизонт Гхар-е-Камарбанд дал кремневые орудия геометрической формы, некоторые из них использовались как наконечники стрел или дротиков, а также скопления костей газелей и быков. Одно из захоронений содержало останки девушки, покрытые красной охрой. Из украшений отметим подвески из полированного камня, просверленные зубы животных и раковины. Найдены также глиняные конусы. В самом позднем слое содержались кости домашних овец и коз.

В Туранг-Тепе I открыт культурный комплекс, близкий к джейтунской культуре Туркменистана. Типичный для этой же культуры инвентарь обнаружен на стоянке Ярим-Тепе в долине р. Горган, и это позволяет предположить, что здесь существовало неолитическое производственное хозяйство.

Раскопки, произведенные в Санг-и-Чакмак, позволили выявить два типа строений с тщательно отделанным полом. В одном из них сохранились продолговатые фигурки богинь-прародительниц и статуэтки животных. Найдены три керамических обломка, а также кремневые отщепы, микролиты и обсидиановые пластины. В кургане, расположенном чуть восточнее, обнаружены глиняные строения и три могильника с захоронениями женщин и малолетних детей, а также большое количество гончарных изделий, в том числе крашенных. Керамика верхнего пласта иногда украшена зооморфными мотивами. Постепенный переход к производству пищи может быть прослежен в его последовательности по материалам уровней западного и восточного курганов долины р. Горган.

Самый ранний инвентарь бронзового века представлен предметами стоянки Тепе-Гиссар. Стоянка Шир-е-Шайн дала керамику ручной лепки, украшенную зигзагообразными линиями, напоминающими более ранние орнаменты Джейтуна. Пещеры и подскальные убежища долины р. Горган практически подтверждают факт проживания охотников мезолита на равнинах и постепенный переход к производственному хозяйству, на основе которого позднее возникнут стоянки Тепе-Гиссар и Сиалк.

НАСТУПЛЕНИЕ ВЕКА МЕТАЛЛОВ

Благодаря Мехргарху мы сегодня располагаем завершенной последовательностью, где наблюдаются все этапы эволюции от неолита к раннему бронзовому веку в регионе Инда. Если быть более точным, именно благодаря трем стоянкам – Мехргарх, Ноушери и Пирак (включая Сиби), взятым вместе, весь этот период реконструируется без перерыва от десятого тысячелетия до наст. в. до начала исторического времени. Материалы, найденные в Пираке, относятся к самому близкому периоду, материалы Ноушери – к цивилизации Инда, а материалы Мехргарха – к периоду, который предшествовал ее расцвету. Только с наступлением периода II Мехргарха охота и собирательство были почти полностью вытеснены скотоводством и выращиванием зерновых культур.

Находка кольца и медной бусины в пласте этого периода побудили археологов назвать его халколитическим (он датируется седьмым тысячелетием). Среди остатков пожара здесь обнаружено несколько сот обожженных зерен разных видов пшеницы, ячменя, а также хлопчатника – это самые древние остатки культуры хлопка в этом регионе. Окрашенная керамика, изготовленная на гончарном круге (илл. 66), имеет сходство с некоторыми предметами из Кили-Гхул-Мохаммад долины Кветта и из Мундигака (период 1.2). Имеются также каменные чаши. Все это

указывает на то, что к концу седьмого тысячелетия и началу шестого тысячелетия до наст. в. вдоль оси, связывающей равнину Каччи, долину Кветта и равнину Кандахар, где расположен Мундигак, через Боланский и Ходжакский перевалы действительно проходила обширная зона взаимодействия различных культур.

В периоде III Мехргарха уже существует серийное производство гончарных изделий. Геометрические орнаменты и присутствие окрашенных браслетов подтверждают преемственность с предшествующим периодом. Впервые появляются фигуры животных – на глиняных сосудах изображены козы и птицы в сочетании с различными геометрическими сюжетами. Археологи, проводившие раскопки на этой стоянке, усматривают в этих орнаментах первоисточник некоторых рисунков, обнаруженных в районе Сураб в Белуджистане, в связи с чем они пытаются поместить эту стоянку в более широкий контекст:

«Внезапное появление красочных изображений животных на глиняных изделиях тех самых стоянок, которые ранее давали лишь обломки, украшенные простыми геометрическими мотивами, было зафиксировано в Иране в горизонтах Сиалк III и Гиссар I B и I C, на юге Туркмении в начале фазы II Намазга и в Белуджистане в периоде III Мехргарха и в фазе A района Сураб».

(Jarrige & Lechevallier, 1979, p. 485)

В периоде IV стоянки Мехргарх появляются первые человеческие фигурки из терракоты (илл. 67). Это статуэтки сидящих женщин без кистей рук, с вытянутой головой, суженным носом, массивными бедрами и сомкнутыми ногами, которые сужаются к низу. Этот период, начало которого отнесено к 5500 лет назад, дал гончарные изделия, замечательные по тонкости обработки и прочности, однако в их орнаменте уже нет коз и птиц периода II. Деликатные и хрупкие кружки зеленого цвета, продолговатые кувшины средних размеров в стиле поливной керамики соседствовали с большими мисками и множеством чанов коричневато-зеленого цвета. Мотивы росписи очень разнообразны, и среди них есть рисунки, которые бесосновательно считали характерными лишь для некоторых районов Белуджистана: это опровергает мнение тех, кто пытался подразделить Белуджистан на несколько замкнутых культурных зон. По найденным рисункам можно предположить наличие контактов и взаимного влияния между несколькими центрами керамического производства.

Период V в Мехргархе начинается около 5200 лет назад, что позволяет правильно выстроить порядок культур, которые на протяжении длительного периода раннего бронзового века развивались и достигли расцвета в Белуджистане, Пенджабе, Синде, а также в западных районах Индии, сегодня включенных в штаты Пенджаб, Раджастхан и Гуджарат. Джерридж и Мидоу (Jarrige & Meadow, 1980) справедливо замечают:

«Фактически до ознакомления с самыми древними культурными фазами Мехргарха считалось, что действительное начало развития сельского хозяйства в Южной Азии приходится на конец четвертого тысячелетия до н.э. Полагали, что импульс изменениям в Белуджистане был получен от стоянок Центральной Азии, связанных с той фазой культурного развития, которая получила название Намазга III через промежуточные стоянки Шахр-и-Сохта в Иране и Мундигак в Афганистане. Между тем теперь ясно, что туземные группы, в том числе обитатели Мехргарха, играли скорее активную, чем пассивную роль в преобразовании этой части Азии в первую половину четвертого тысячелетия до н.э.»

В этот период происходит расширение обменов, о чем свидетельствует определенное стилистическое сходство артефактов, в частности, клейм и некоторых сложных сюжетов в орнаментах гончарных изделий.

Период VI датирован между 5000 и 4700 лет до наст. в. По нему имеются планы жилищ и дворов с центральным очагом и с множеством емкостей для провизии и кормов, в целостности сохранившиеся горшки, зернотерки, ступы и песты. Обнаружены также круглые печи. Далее упомянем листовидные наконечники для стрел, терракотовые клейма, каменные клейма и булавку из меди и бронзы, увенчанную двойной спиралью. Впервые найдены бусы из лазурита и несколько бирюзовых бусин. Довольно много человеческих фигурок из терракоты, выполненных на высоком техническом уровне. Характерный местный стиль отличает их от грубых статуэток из Шахр-и-Сохта и Мундигака.

Период VII непосредственно предшествует появлению цивилизации Инда. Он состоит из двух фаз. В первой обнаружена массивная платформа из кирпича-сырца, окаймленная пилястрами, во второй – сложные постройки, в которых находились емкости для провизии и в целостности сохранившиеся сосуды. В одной из могил были найдены две тарелки и ожерелье из бусин из белого обожженного каолина, а также несколько бусин из карналлита и лазурита. Бытовые сосуды, изящные кружки в форме тюльпанов, «коньячные» бокалы, тарелки, емкости для провизии с орнаментальными ободками и чаны типа харапской культуры теперь изготавливались в массовом объеме. Некоторые окрашенные гончарные изделия декорированы сюжетом в виде листьев. Поражает красотой ваза серого цвета с черной росписью с зооморфными растительными и геометрическими мотивами изумительного качества и фантазии.

Такая раскрашенная серая керамика встречается и в другой зоне, которая простирается от Бампура до Белуджистана, захватывая Тепе-Яхья и Шахр-и-Сохта в Иране. Более реалистичны антропоморфные фигурки из терракоты – у них изящные руки, выпуклые глаза и лента на шее. К концу периода этим статуэткам придают совершенно застывшие позы, и они начинают походить на знаменитых богинь-прародительниц из долины р. Эхоб. Традицию предшествующего периода продолжают плоские терракотовые клейма с двумя отверстиями для подвешивания. Одно из клейм орнаментировано свастикой. Несколько клейм округлой и квадратной формы украшены крестообразными сюжетами. Один из предметов уникален своим рисунком, изображающим бегущего животного, безусловно – зебу.

Каменное производство свидетельствует о сохранении до середины третьего тысячелетия ранних традиций орудий на отщепях. Материалы периода VII Мехргарха превосходят харапскую культуру стоянки Ноушеро. Хотя за исключением сосудов с отверстиями, найденных на поверхности, в Мехргархе не обнаружено никаких предметов, характерных для развитой стадии харапской культуры, самые поздние уровни дали сосуды, украшенные ободками с росписью в стиле Кот-Диджи.

Типичная стоянка Кот-Диджи (Khan, 1965, pp. 11–85) находится рядом с национальной автомобильной магистралью, в 24 км к югу от г. Каирпур, у стен средневекового форта Диджи, выходящего южной стороной на скалистый обрыв. Материал, обнаруженный на этой стоянке, был воспринят как предшественник цивилизации Инда, в связи с чем некоторые археологи объявили принадлежность этого комплекса к древней культуре Инда. Эта культура проявляется в материалах двух стоянок в Таксиле, нескольких стоянок в Пенджабе, важных стоянках в Гумле и Рахман-Дхери к западу от Инда, стоянки Калибанган в индийском штате Раджастхан и множества стоянок в индийском штате Пенджаб. Нет сомнения, что там реализовались первые

крупные проявления бронзового века, причем в масштабах огромного региона, хотя существуют и некоторые местные варианты. Что касается достаточно существенных признаков, характерных для цивилизации Инда в период апогея, то никаких предшественников в этом регионе у них нет. Главными неизвестными здесь остаются происхождение системы письменности цивилизации Инда, квадратный план поселений, их развитые санитарные сооружения, а также некая фундаментальная идея божества, подтверждаемая клеймами с его изображениями. Речь, бесспорно, идет о более ранней культуре, которая должна рассматриваться как предшественница цивилизации Инда с точки зрения антропоморфической и культурной эволюции. Раскопки, произведенные Джерриджем, выявили несколько других культурных фаз – предшественников этой цивилизации, благодаря чему теперь можно выстроить в хронологическом порядке все циклы оседлых культур Бельуджистана, установленные Фейрсервисом (*Fairervis*, 1975). Новые находки позволяют переосмыслить весь собранный материал; подробно этот вопрос рассматривается в следующем томе.

ШРИ-ЛАНКА

Предыстория Шри-Ланки начинается с открытия каменных артефактов в красных прибрежных дюнах с местным названием «*терис*». Эти артефакты использовались группами охотников, сохранявших свой образ жизни довольно длительное время в период голоцена. Культурные элементы неолита появились в общинах острова, когда они всё еще оставались мезолитическими, причем это произошло исключительно в результате культурного воздействия со стороны Индийского п-ва: обычно считают, что в четвертом или пятом тысячелетии до наст. в. из Индии в Шри-Ланку переселились группы земледельцев и скотоводов. Переход от мезолита к неолиту пока не определен с достаточной ясностью, и в нашем распоряжении есть только несколько найденных на поверхности разрозненных полированных топоров. Дальнейшее развитие оседлых общин соотносится с появлением мегалитических могильников, однако эта культурная фаза связана с развитием железного века, как и в случае Южной Индии (*Allchin & Allchin*, 1982).

БИБЛИОГРАФИЯ

- AGRAWAL, D. P. 1947. Prehistoric Chronology and Radio-Carbon Dating in India. New Delhi.
- ALLCHIN, B.; ALLCHIN, R. 1982. The Rise of Civilization in India and Pakistan. London.
- ALLCHIN, F. R. 1960. Piktihal Excavations. Hyderabad.
- CASAL, J. M. 1961. Fouilles de Mundigak. Paris.
- DANI, A. H. 1960. Prehistory and Protohistory of Eastern India. Calcutta.
- 1972. Excavations in the Gomal Valley. Anc. Pakist. (Peshawar), Vol. 5, pp. 1–177. (Special number.)
- 1983. Chilas, the City of Nanga Parvat. Islamabad.
- DASGUPTA, P. C. 1964. The Excavations at Pandu Rajardhibi. Calcutta.
- DIKSHIT, K. N. 1982. The Neolithic Cultural Frontiers of Kashmir. Man Environ. (New Delhi), Vol. 6, pp. 30–6.
- DUPREE, I. 1972. Prehistoric Research in Afghanistan. Philadelphia. (Trans. Am. Philos. Soc., Vol. 62, No. 2.)
- FAIRSERVIS, W. A. 1956. Excavations in the Quetta Valley. New York.
- 1975. The Roots of Ancient India. Chicago.
- GORDON, D. H. 1950. The Stone Industries of the Holocene in India and Pakistan. Anc. India, Vol. 6, pp. 64–90.
- HALIM, M. A. 1970–1. Excavations at Saraikhola. Pakist. Archaeol. (Karachi), Vol. 7, pp. 23–89.
- 1972. Excavations at Saraikhola. Pakist. Archaeol. (Karachi), Vol. 8, pp. 1–112.
- JARRIGE, J. F.; LECHEVALLIER, M. 1979. Excavations at Mehrgahr: Their Significance in the Prehistorical Context of the Indo-Pakistan Borderlands. In: TADDEI, M. (ed.), South Asian Archaeology. Napoli. pp. 463–535.
- JARRIGE, J. F.; MEADOW, R. 1980. The Antecedents of Civilization in the Indus Valley. Sci. Am., Vol. 243, pp. 122–33.
- KHAN, F. A. 1965. Excavations at Kot Diji. Pakist. Archaeol. (Karachi), Vol. 2, pp. 11–85.
- KHAZANEHI, T. N. 1977. North-Western Neolithic Cultures of India. Indian Inst. Adv. Stud. Newsl. (Simla), Nos. 7–8.
- KRISHNASWAMI, V. D. 1960. The Neolithic Pattern of India. Anc. India, Vol. 16, pp. 25–64.
- MCBURNEY, C. B. M. 1969. The Cave of Ali Tappeh and the Epi-Palaeolithic in North-Eastern Iran. Proc. Prehist. Soc., Vol. 34, pp. 385–413.
- MAJUMDAR, G. G.; RAJAGURU, S. N. 1966. Ashmound Excavations at Kupgal. Poona.
- MASSON, V. M.; SARIANIDI, V. I. 1972. Central Asia. New York.
- MU SHUNYING. 1984. Development and Achievement of Archaeology in Sinjiang since the Founding of New China. J. Cent. Asia (Islamabad), Vol. 7, pp. 55–72.
- MUGHAL, M. R. 1972. Excavations at Jalilpur. Pakist. Archaeol. (Karachi), Vol. 8, pp. 117–24.
- NAGARAJA RAO, M. S. 1965. The Stone Age Hill Dwellers of Tekkalakota. Poona.
- 1971. Protohistoric Cultures of the Tungabhadra Valley: A Report of Halbur Excavations. Bangalore.
- RANOV, V. A. 1982. The Hissar Neolithic Culture of Soviet Central Asia. Man Environ. (New Delhi), Vol. 6, pp. 63–71.
- RAO, S. N. 1977. Excavations at Sarutaru: A Neolithic Site in Assam. Man Environ. (New Delhi), Vol. 1, pp. 39–41.
- SANKALIA, H. D. 1974. Prehistory and Protohistory of India and Pakistan. 2nd edn. Poona.
- SHARMA, A. K. 1982. Excavations at Crufkal, 1981. Puratattva (New Delhi), No. 11, pp. 19–25.
- SHARMA, G. R. 1983. Beginnings of Agriculture: New Light on Transformation from Hunting and Food Gathering to the Domestication of Plants and Animals – India Primary and Nuclear Centre. J. Cent. Asia (Islamabad), Vol. 6, pp. 51–64.
- SHARMA, T. C. 1977. The Neolithic Pattern of North-East India. In: MAHDU (ed.), Recent Researches in Indian Archaeology and Art History. Delhi.
- STACUL, G. 1969. Excavations near Ghaligai (1968) and Chronological Sequence of Protohistoric Cultures in the Swat Valley. East West (Rome), Vol. 19, pp. 44–91.
- 1977. Dwelling and Storage Pits at Loebanr III. East West (Rome), Vol. 26, pp. 227–54.
- SUBBA RAO, B. 1948. Stone Age Cultures of Bellary. Poona.
- SURIN POOKAJORN. 1984. The Hoabinhian Mainland South East Asia: New Data from the Recent Thai Excavations in the Van Kao Area. Bangkok.
- THAPAR, B. K. 1957. Maski–1954: A Chalcolithic Site in the Southern Deccan. Anc. India, Vol. 13, pp. 4–142.
- 1964. Neolithic Problems in India. In: MISRA, V. N.; MATE, M. S. (eds), Indian Prehistory. Poona.
- 1984. Fresh Light on the Neolithic Cultures of India. J. Cent. Asia (Islamabad), Vol. 7, pp. 195–7.
- VERMA, B. S. 1970–1. Excavations at Chirand: New Light on the Indian Neolithic Culture Complex. Puratattva (New Delhi), Vol. 4, pp. 19–23.
- WHEELER, R. E. M. 1947. Brahmagiri and Chandravalli 1947: Megalithic and Other Cultures in Mysore. Anc. India, Vol. 4, pp. 295 ff.
- WORMAN, E. C. 1949. The Neolithic Problem in the Prehistory of India. J. Wash. Acad. Sc., Vol. 39, No. 6, pp. 181–200.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И СЕВЕРНАЯ АЗИЯ в период неолита

А.П. Деревянко

На обширной территории региона Центральной и Северной Азии, составляющей около 20 млн. кв. км, можно выделить несколько крупных районов, где наблюдается своеобразие в формировании неолитических культур (карта 53): Монголия, Южная Сибирь (Тува и Хакасия), Западная Сибирь, северо-восток Азии с Якутией, юг российского Дальнего Востока. Внутри каждой из названных областей можно выделить последовательно сменяющиеся культуры и отдельные локальные районы, где наблюдаются свои отличительные закономерности в развитии древних комплексов.

Формирование неолитических культур этого обширного региона происходило в условиях, когда преобладающее значение уже получили современные комплексы фауны и флоры. Эта огромная территория имела разные ландшафты и природные условия, и не случайно, что уже в неолите наблюдается большая мозаичность культур. В то же время неолитические племена, оставаясь на большой территории в основном охотниками и рыбаками, вели подвижный образ жизни и вследствие этого наряду с большим своеобразием в развитии культур здесь прослеживается немало общих элементов как в материальной, так и в духовной культуре.

МОНГОЛИЯ

Восточная и Центральная Монголия

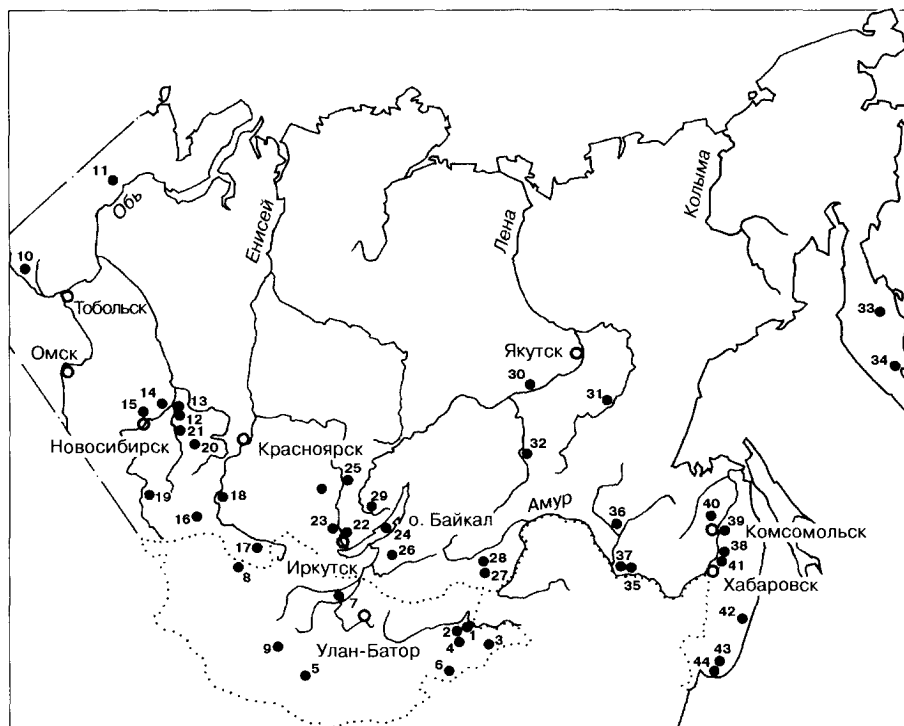
Неолит Монголии генетически связан с предшествующим мезолитическим периодом. На формирование памятников раннего неолита большое влияние оказала хереульская мезолитическая культура, которая знаменует начало пластинчатой техники (Деревянко и Окладников, 1969; Дорж и Деревянко, 1970; Окладников и Деревянко, 1970; Дорж, 1971).

К наиболее ранним неолитическим памятникам на этой территории относятся памятники типа поселений у оз. Ямат-Нуур на востоке Монголии, которые можно выделить в ямат-нуурскую культуру. Находки имеют хорошо выраженные специфические черты. Нуклеусы в основном пластинчатые для снятия микро- и макропластин. Среди них большинство призматические и подпризматические, а также клиновидные нуклеусы. Значительную часть находок составляют пластинчатые отщепы и пластины. Из готовых орудий труда необходимо отметить концевые скребки, вкладные лезвия, резцы. Особую группу составляют свое-

образные инструменты типа тесла. В сечении они имеют треугольную форму. Одна сторона у них обрабатывалась по всей поверхности широкими сколами. Здесь ярко проявляются многие архаичные черты: нуклеусы-скребки, резцы, комбинированные орудия находят аналоги в памятниках хереульской культуры. К раннему времени относятся также инструменты типа скребков и тесел. Памятники этого типа относятся к седьмому и началу шестого тысячелетия до наст. в. Распространены они в основном в Восточной и Центральной Монголии.

Рис. 115. Типичные неолитические остатки (Монголия): 1 – скопление костей животных и украшения из жилища поселения Тамцаг-Булак; 2 – бусина из кости (Тамцаг-Булак); 3–8 и 12–15 – каменный инвентарь неолитических поселений Монголии; 9 – каменное шило; 10 – погребение из Тамцаг-Булак; 11 – рисунки на горе Чандмань

Карта 53. Распределение наиболее важных неолитических стоянок в Центральной и Северной Азии: 1 – Ямат-Нуур; 2 – Овоот; 3 – Тамцаг-Булак; 4 – Хуйтын-Булак; 5 – Шабарик-усу; 6 – Дариганга; 7 – Аршан-Хад; 8 – Чандмань; 9 – Ульдзит; 10 – Андреевское; 11 – Чэс-тый-яг; 12 – Самусьский могильник; 13 – Томский могильник; 14 – Александровское; 15 – Завьялово; 16 – Усть-Хемчик; 17 – Тооро-Хем; 18 – Хадыных; 19 – Куюм; 20 – Васьевский могильник; 21 – Томские петроглифы; 22 – падь Ленковка; 23 – пади Частая и Хиньская; 24 – Ольхон; 25 – Каменные острова; 26 – Мухинское; 27 – Чиндан; 28 – Будулан; 29 – Шишкино; 30 – Куллаты; 31 – Белькачи; 32 – Крестях; 33 – Ушковское; 34 – Тарья; 35 – Новопетровка; 36 – Громатуха; 37 – Осиное; 38 – Малышево; 39 – Вознесенówka; 40 – Лондон; 41 – Сакачи-Алян; 42 – Рудная; 43 – Зайсоновка; 44 – Кировское

К несколько более позднему времени относятся памятники, в которых встречается керамика с отпечатками шнура («шнуровая керамика»). Этот вид орнамента широко распространен в Восточной и Северной Азии и имеет, безусловно, свои варианты, но важно, что он присутствует и в Монголии. К концу шестого – началу пятого тысячелетия тому назад в Восточной и Центральной Монголии относятся поселения на горе Овоот, поселение Тамцаг-Булак и некоторые другие, отнесенные к тамцаг-булакской культуре. Наибольший интерес представляет поселение, открытое в 7 км на восток от поселка Тамцаг-Булак. Оно расположено на высокой (10–12 м) надпойменной террасе, у подножья которой вытекает ключ с холодной и прозрачной водой.

Поселение состояло из нескольких десятков жилищ. Участниками российско-монгольской экспедиции вскрыты остатки нескольких больших полуподземных жилищ площадью до 40 кв. м и более. Входили и выходили из него, по-видимому, через дымовое отверстие по специально изготовленному бревну с зарубками. Подобная система входа наблюдалась археологами в неолитических и более поздних поселениях Севера и Востока Азии.

Каменный инвентарь, обнаруженный при раскопках в Тамцаг-Булаке, характеризует достаточно четко определенный этап в истории древних племен Восточной Монголии. Наиболее типичными для поселения являлись клиновидные и призматические в сечении нуклеусы с одним и двумя площадями скалывания пластин. При раскопках жилищ собрано много орудий труда, изготовленных на ножевидных пластинах: резцы, ножи, вкладыши для ножей, проколки, скребки. В процентном отношении орудия из ножевидных пластин составляют абсолютное большинство. На поселении найдено много ретушированных пластин, служивших лезвиями для составных ножей и кинжалов. В жилищах найдены зернотерки, ступы,

утяжелители для палок-копалок. Широко использовалась в поселении кость. Из нее делали наконечники стрел, основы для составных ножей и кинжалов, а также украшения.

Найдено сравнительно немного керамики. Все фрагменты толстостенные, слабо профилированные. Большинство из них украшено параллельными, глубоко прочерченными линиями. Исходный материал – тесто с примесью мелкозернистого песка и раковин, хорошо уплотненное, в изломе светло-желтого и темно-серого цвета.

К третьему этапу (между пятым и началом четвертого тысячелетия тому назад) на территории Восточной и Центральной Монголии относятся памятники, в которых пластинчатая техника вытесняется двусторонне ретушированными изделиями. Часть памятников этого типа относится уже к ранней бронзе, о чем свидетельствуют находки на оз. Хуйтын-Булак в 130 км от г. Чойбалсан.

ЮЖНАЯ МОНГОЛИЯ И ПУСТЫНЯ ГОБИ

Следующий обширный район Центральной Азии, где наблюдается своеобразие в развитии неолитических культур, – южные районы Монголии и пустыня Гоби; здесь человек вынужден был приспособливаться к своеобразным природным и ландшафтным условиям. В этом районе также можно выделить три основных этапа в развитии неолитических культур.

Наиболее ранние комплексы относятся к боиндзакской культуре и датированы поздним мезолитом и ранним неолитом. Они характеризуются наличием развитой техники изготовления пластин и большим количеством изделий из ножевидных пластин. Наиболее известными стоянками, открытыми в 1920-е гг. участниками американской центральноазиатской экспедиции под

руководством Эндрюса (*Andrews R.C.*), являются стоянки в районе Баиндзака или Шабарик-усу в Центральной Гоби (*Berkey & Nelson, 1926; Maringer, 1950*). Ранние комплексы в этом районе связаны с грядой дюн, заполняющих дно огромной древней котловины. Культурный слой выступает на поверхность в тех местах, где дюны развеяны ветром. Находки располагались скоплениями, концентрируясь около очагов, и отдельными небольшими группами. Удалось выявить два горизонта, каждый из которых свидетельствовал об определенном этапе в развитии неолитических культур в этом регионе.

Для нижнего горизонта характерно распространение клиновидных нуклеусов, которые по находкам в Баиндзаке получили наименование гобийских. С этих и других форм нуклеусов (призматических, конических и других) скальвали ножевидные пластины, которые широко использовались для изготовления самых различных орудий труда: скребков, резцов, ножей, изделий многофункционального назначения. В слое с этими находками встречались маленькие дисковидные бусины, сделанные из скорлупы яиц страуса.

Для верхнего горизонта характерны нуклеусы и орудия на пластинах, по форме и технике изготовления во многом повторяющие более древние варианты. О больших изменениях в культуре свидетельствует появление глиняной посуды. Сосуды имели полуяйцевидную форму с заостренным дном. Наружная поверхность у них покрыта текстильными оттисками, в том числе типичными для керамики Прибайкалья и Забайкалья оттисками сетки-плетенки.

Не менее сложным представляется и следующий этап неолита Южной Монголии. Культурные горизонты этого этапа залегают непосредственно в толще дюнных отложений и связаны с довольно мощными погребенными почвами, перекрытыми песками. Изделия из ножевидных пластин в это время продолжали встречаться, но их в значительной мере уже заменили двусторонне ретушированные изделия. Совершенно иной облик имеет и керамика: сосуды тонкостенные, хорошо профилированные, с плоским дном. Появляется в это время и расписная керамика. Наружная поверхность сосудов часто окрашивалась красной краской. Встречались и фрагменты сосудов, имеющие настоящую орнаментальную роспись, выполненную черной краской по красному фону. На некоторых поселениях темная краска наносилась по желтому фону. Расписная керамика довольно часто встречается в неолитических памятниках южной части Гоби.

Важные изменения в это время происходят и в хозяйстве. На поселениях в большом количестве встречались зернотерки, ступы и песты. Как уже отмечалось, культурные остатки этого времени находились в основном в погребенных почвах. Особенно хорошо это было прослежено в районе поселка Дариганга – в юго-восточной части Гоби. Здесь обнаружено много неолитических комплексов. Стратиграфически и хронологически их очень трудно расчленить. Керамика, обнаруженная на поселениях, трех типов: шнуровая; гладкостенная, с плавным отогнутым, имеющим небольшое утолщение венчиком; тонкостенные сосуды, украшенные горизонтально прочерченными линиями и налепным валиком. Каменный инвентарь характеризовался как изделиями из ножевидных пластин, так и двусторонне обработанными орудиями труда.

Для заключительного этапа (конец пятого – начало четвертого тысячелетия до наст. в.) было характерно иссушение климата. Исчезали почти полностью орудия на пластинах. Их заменили двусторонне обработанные изделия. Для племен в это время характерен кочевой образ жизни. Долговременные жилища отсутствовали. Происходило становление особого уклада, характерного для кочевников.

Религия и искусство Монголии эпохи неолита

Исследования неолитических памятников в Монголии позволили ответить на некоторые вопросы, связанные с верованиями и искусством древнего населения. Все погребения, найденные в Восточной Монголии, свидетельствуют о единстве погребальных обрядов на обширной территории, а следовательно, – и определенном этническом единстве населения. Умершие находятся в сидячем положении, лицом на запад или на восток. Могильная яма небольших размеров, настолько узкая, что в ней сидя мог поместиться только один человек. Преимущественно погребения были очень бедными, и только одно погребение в Тамцаг-Булаке содержало украшения и костяные кинжалы с вкладными лезвиями.

В период неолита у племен Монголии прослеживается культ животных. Так, в Тамцаг-Булаке открыто скопление, состоящее из черепа какого-то небольшого животного и бус из орнаментированной кости и клыков марала. Еще одно скопление костей крупного животного, собранных и уложенных в специальное углубление, видимо, было погребением, связанным с культом животного. Нескольким ритуальным захоронениям костей диких животных открыто на стоянках в бассейне р. Керулен.

К неолитическому времени в Монголии относится часть рисунков огромной галереи каменного века в Аршанхаде в долине р. Онон, на горе Чандмань, в котловине больших озер, у поселка Ульдзит в центральной части Гоби и другие (*Новгородова, 1984*). На отшлифованных песками и покрытых скальным «загаром» плоскостях сланца здесь выбиты десятки изображений животных и людей. Многие рисунки покрыты таким же густым «загаром», как и скалы, на которых они выполнены. Наиболее древние сюжеты связаны с изображением дикой лошади с подчеркнуто угрированным признаком пола. Эти изображения, несомненно, отражают древнюю идею плодородия зверей – основного источника существования охотничьих племен далекого прошлого.

Хозяйство у неолитических племен Монголии в раннем неолите было присваивающим, они были в основном охотниками и рыболовами. В среднем неолите (конец шестого – середина пятого тысячелетия тому назад) появились поселки с полуподземными жилищами, земледельческие орудия труда. В Гоби с такими поселениями связаны мощные погребенные почвы. Земледелием занимались в Монголии не повсеместно, какая-то часть племен занималась собирательством. В конце неолита зародилось скотоводство и начался процесс формирования кочевого образа жизни.

СИБИРЬ

Западная Сибирь (рис. 116)

Неолитические племена, жившие в регионах Западной Сибири, граничащих с Уралом и Казахстаном, имели много общих черт с культурами сопредельных территорий. На наиболее ранней неолитической стоянке у оз. Андреевского вблизи Тюмени обнаружены вкладные лезвия, ножи, концевые скребки, наконечники стрел (*Окладников, 1968; Чернецов, 1953*). Все эти изделия имеют большое сходство с подобного типа изделиями Туркмении в кельтеминарской культуре (название по каналу Кельтемихар. – *Прим. ред.*).

Эпоха развитого неолита в этом районе известна по находкам на том же оз. Андреевском, на стоянках Козлова перейма и других. Для этого этапа характерны глиняные сосуды с округлым и острым дном, полуяйцевидные и параболоидные в вертикальном сечении. Украшались они преимущественно гребенчатым и полулунногребенчатым штампом, которым выполнялись различные орнаментальные композиции. Острое дно сосуда также часто украша-

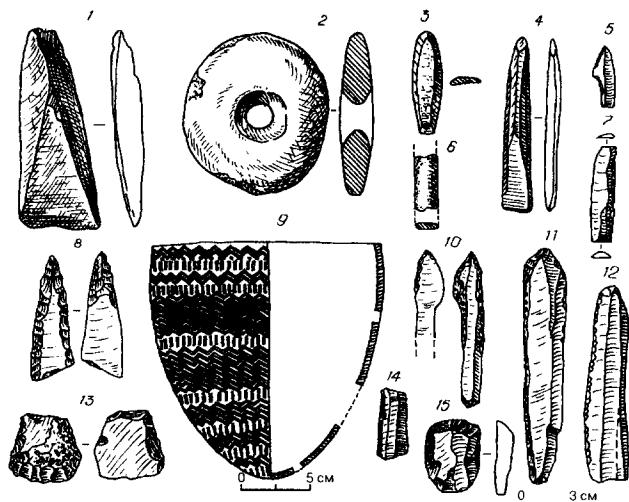

Рис. 116. Типичные неолитические остатки (Западная Сибирь). Северная Сосьва: 1, 4 – тесло; 2 – дисковидное орудие; 3 – наконечник стрелы; 6 – бусина; Чэс-тый-яг: 9 – керамический сосуд; Андреевское оз.: 5, 8, 10 – наконечники стрел; 7, 14 – вкладыши; 11, 12 – ретушированные пластины; 13, 15 – скребки

лось радиальными, расположенными от центра в стороны узкими полосами узора. Ножевидные пластины продолжали широко использоваться для изготовления орудий труда, но одновременно появилось значительное количество отщепов и специальных заготовок.

На севере р. Обь открыто и исследовано интересное поселение, расположенное на мысу острова, называемого Чэс-тый-яг. Поселение находится среди болотистой пойменной террасы левого берега р. Ляпин, впадающей в Обь. В юго-западной части островка открыто поселение, состоящее из остатков семнадцати землянок, расположенных очень близко одна от другой. В большинстве случаев это четырехугольные, приближающиеся к квадрату в плане жилища размерами от 9х9 до 20х20 м. Некоторые жилища имеют площадь более 600 кв. м. Глубина ям достигает 3–4 м. Это были большие по размерам полуподземные жилища.

При раскопках обнаружены тесла, долота, ножи из нефрита, тщательно отшлифованные. Наконечники стрел также шлифованные. Помимо шлифованных орудий найдены и двусторонне обработанные изделия.

На поселении обнаружено много керамики. Размеры сосудов различны. Они имели параболическую или чаще яйцевидную форму. Орнамент покрывает всю поверхность сосудов. В подавляющем большинстве орнамент наносился гребенчатым штампом. На поселении найдены соответствующие штампы из камня. Материал, близкий к найденному на стоянке Чэс-тый-яг, известен и из других местонахождений по Северной Сосьве. На этих стоянках также широко использовался нефрит для изготовления орудий труда.

Неолитические памятники низовьев Оби совершенно выпадают из общего контекста неолитических культур Западной Сибири. Они характеризуют своеобразную культуру, в основе которой, видимо, лежало рыболовство, а охота играла вспомогательную роль. Свидетельством этого служат большие поселения с полуподземными жилищами типа землянок. Только рыболовство здесь могло дать надежные источники питания, позволяющие жить на одном месте в течение длительного времени.

На юге Западной Сибири, в верховьях Оби, была распространена верхнеобская неолитическая культура, памятники которой известны на всей территории лесостепного и части лесного Приобья, от верхней Оби и Томи до села Александровского на Оби (Молодин, 1977). Всего извест-

но около 100 памятников. Это могильники, стоянки и отдельные местонахождения неолитических предметов. Верхнеобская культура датируется шестым–пятым тысячелетиями до наст. в. Поздний этап этой культуры представлен Самусьским, Томским и другими могильниками и стоянками.

Для этой культуры характерны миндалевидные скребла, скребки, ножи, наконечники стрел, каменные стерженьки с насечками по концам, которые служили частью составных рыболовных крючков.

Хоронили люди своих соплеменников в групповых могилах, которые первоначально, видимо, имели деревянные перекрытия. Самая яркая черта – наличие трупосожжения и труположения в одном могильнике. На месте погребения после похорон иногда устраивалась тризна и производилось очищение огнем. В могилах встречались сосуды, орудия труда и оружие. Сосуды плоскодонные, венчик выделяется только горизонтальным рядом ямок. Орнамент заполняет обычно всю боковую поверхность сосуда и состоит чаще всего из рядов, выполненных путем тиснения палочкой.

В погребениях самусьского могильника увеличивается число шлифованных орудий. Наряду с большими асимметричными с выпуклым рабочим лезвием ножами и миндалевидными ножами на отщепах появились и хорошо отшлифованные ножи с вогнутым лезвием. Вместе с древними наконечниками копий в форме лаврового листа обнаружены и новые узкие наконечники, ромбические в сечении. В могилах найдены рубящие орудия: тесла и топоры. Сосуды были круглодонные и остродонные. Орнаментировались они сложными рядами мелких оттисков с помощью гребенчатого штампа.

Тува и Алтай (рис. 117)

Наиболее ранний этап неолита Тувы связан с памятниками, характеризующимися микролитическим инвентарем, широко распространенными в степях и межгорных котловинах Центральной Азии. Наиболее изученной является стоянка Усть-Хемчик 3, расположенная на правом берегу Енисея, напротив р. Хемчик (Кызласов, 1982). Эта стоянка характеризуется микролитическим производством и полным отсутствием керамики и шлифовальных орудий. При раскопках было найдено большое количество

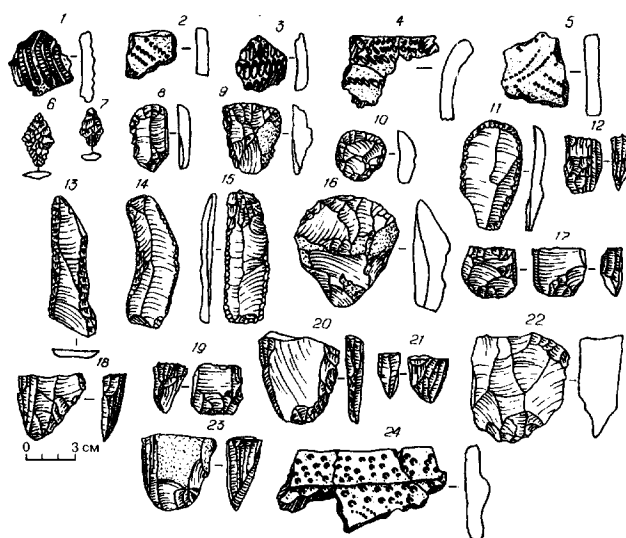

Рис. 117. Типичные неолитические остатки (Тува). Стоянка Хадынных I: 1–5, 24 – керамические черепки; стоянка Тооро-Хем (Вторая поляна): 6, 7 – наконечники стрел; 8–11, 16 – скребки; 12, 17–23 – пуклеусы; 13–15 – ножевидные пластины

микропластин, часть из которых имела краевую ретушь и использовалась для изготовления вкладышевых орудий, ножей, дротиков, копий. Наконечники стрел – двусторонние ретушированные с асимметричными выемками в основании близки по форме к исаковским изделиям Прибайкалья. Вероятно, Усть-Хемчик 3 являлся стоянкой небольшой группы охотников на сибирского козерога, челюсти которого были обнаружены в культурном слое. Эта стоянка на основании радиоуглеродного метода датирована серединой седьмого тысячелетия до наст. в. Однако хронологические рамки существования микролитов в этом районе могут быть расширены до конца шестого тысячелетия до наст. в.

Охотничьи общины с микролитическим инвентарем, по-видимому, были широко расселены в Центрально-Тувинской котловине, в предгорьях Танну-Ола, в долине р. Хемчик. В этнокультурном плане племена, расселившиеся в Туве в это время, имели много общих черт с охотниками и рыбаками сопредельных районов Монголии и Алтая.

Следующий этап неолита Тувы известен по раскопкам в Тодже и Тооро-Хеме (рис. 117). К этому времени уже была известна керамика. Найдены на поселениях фрагменты круглодонных сосудов, орнаментированных «гусеничным» штампом с помощью лопаточки, скобчатым и мелкозубчатым штампом. Каменный инвентарь сохраняет преемственность с предшествующим этапом. Нуклеусы, с которых скалывались микропластины, выполнялись коническими и карандашевидными. Наконечники стрел имели выемку в основании.

Своеобразная группа памятников изучена в Саянском каньоне Енисея. Наиболее интересная из них – стоянка на правом берегу Енисея в 1,5 км ниже устья ручья Хадьных. Стоянка оставлена, видимо, группой кочующих охотников и скотоводов. Обнаруженные в культурном слое кости животных принадлежат козерогу, маралу, косуле, козе, овце, лошади и корове. Важно отметить, что наряду с дикими животными на стоянке найдены кости и домашних животных. Вероятно, вся жизнь обитателей этой временной стоянки была сконцентрирована на небольшой площадке вокруг четырех очагов, обложенных камнями.

Сосуды изготавливались из хорошо отмоченной глины. Форма венчиков и орнаментация сосудов разнообразны. Наиболее характерной является орнаментация оттисками трубчатой кости. Орнамент сплошь покрывал стенки сосудов и край венчика. Здесь же найден и штамп для орнаментации сосудов – треугольная сланцевая плитка с девятью разновеликими зубчиками.

Если для большинства стоянок и поселений Тувы характерен микролитический инвентарь, то на этой стоянке найдены грубые, похожие на колуны нуклеусы, с которых скалывали массивные отщепы. Они и служили исходным материалом для изготовления орудий труда и вооружения. Из таких отщепов выделялись наконечники стрел, ножи, скребки, вкладыши.

Развитие неолитических культур на Алтае имело много общего с Тувой. Раскопки многослойной стоянки в урочище Куюм позволили проследить, как постепенно менялась техника обработки камня и формы орудий труда, начиная с конца плейстоцена и до раннего голоцена, в сторону микролитизации. Уже в верхних слоях в Куюме появились двусторонне обработанные черешковые и близкие к листовидным наконечники стрел, что свидетельствует о переходе племен Южной Сибири уже в начале голоцена к использованию лука и стрел.

Одной из наиболее характерных черт неолитических племен Западной Сибири является ярко выраженное оригинальное искусство, известное костяной и каменной пластикой, наскальными изображениями. Интересные фигурки медведей и головка лося обнаружены в неолитическом могильнике у с. Васьковского Кемеровской области (рис. 118). Одно изображение медведя дано в движении. Морда у него вытянута, грузное тело напряжено.

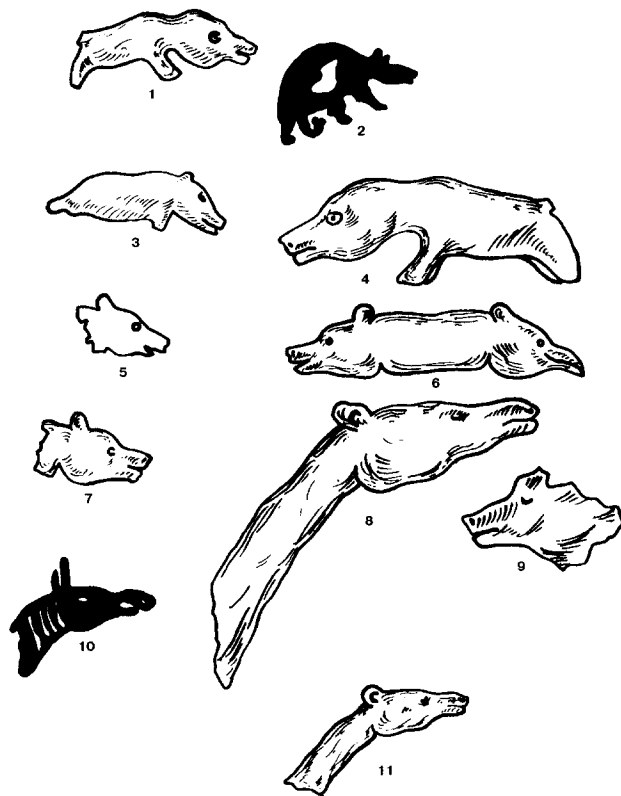

Рис. 118. Изображения медведя и лося в искусстве неолитических племен Западной Сибири: 1, 4–9, 11 – Васьковский могильник; 2, 10 – Томская писаница (пертоглиф); 3 – Старое мусульманское кладбище

В Васьковском могильнике обнаружено также более 200 подвесок из резцов и клыков животных. Оригинальное ожерелье из тонких костяных полированных подвесок найдено в погребении на скелете девочки возрастом 10–12 лет. Ожерелье обнаружено в районе головы и на груди.

Интересный и выразительный материал для характеристики искусства неолитических племен Южной Сибири дала также замечательная «картинная галерея» на р. Томе у дер. Писаной (Окладников и Мартынов, 1972). Больше всего на Томских писаницах изображений животных. Все писаницы представляют собой как бы окаменевший обломок древнего звериного эпоса, целую поэму о зверях. Главное место среди рисунков занимает изображение лося – главного объекта охоты в неолите. Лося изображены в движении. У них короткое массивное туловище с мощным горбом и узкий сухой круп. Морды животных очерчены лаконично и вместе с тем очень живо, с пластической глубиной рельефа. Кроме лосей имеются также изображения медведей и птиц.

Томские писаницы, а также другие скульптурные изображения животных и птиц с большой выразительностью раскрывают мысли и чаяния человека неолитической эпохи, жизнь которого была связана с охотой. Нет сомнения в том, что в основе этих изображений лежит первобытная охотничья магия, стремление завладеть зверем.

Тайга, бассейн Ангары и Лены, район Байкала

Другой отличавшийся от Западной Сибири мир таежных охотников и рыбаков в неолите прослежен в бассейне рек Ангары и Лены, где 6000 или 7000 лет назад происходило формирование оригинального комплекса охотников и рыбаков, отличного от мира оседлых рыбаков и земледельцев Дальнего Востока, ко-

чевников лесостепной и степной зоны Западной и Южной Сибири.

Наиболее полно исторический процесс развития культуры неолитического населения прослеживается в Прибайкалье. В неолите верхней Лены, в долине Ангары – от Иркутска до Братска, а также вокруг Байкала выделены несколько этапов (Окладников, 1950, 1965). Первый этап – переходный от палеолита к неолиту – представлен многослойными поселениями в устье р. Белой, в пади Ленковка и погребениями в падах Частая и Хиньская на Ангаре. Вероятно, к этому переходному этапу относятся некоторые слабо изученные еще поселения на о. Ольхон и на соседнем берегу Байкала. Здесь еще нет керамики. Но, судя по находкам в устье Белой, появились зачатки шлифования камня как приема для изготовления каменных рубящих орудий, в том числе из нефрита. Появились и первые наконечники стрел, изготовленные архаичной техникой из ножевидных пластин, лишь слегка подправленных ретушью по краю. Такие типичные мезолитические наконечники обнаружены в падах Частой и Хиньской.

В последующее, исаковское время, в шестом тысячелетии до наст. в., сложился вполне зрелый культурный комплекс прибайкальского неолита (рис. 119). Появились явно выраженные локальные формы шлифованных тесел, треугольных и трапециевидных в поперечнике; сосуды параболические в вертикальном сечении, покрытые сизури отпечатками сетки-плетенки; двусторонне ретуши-

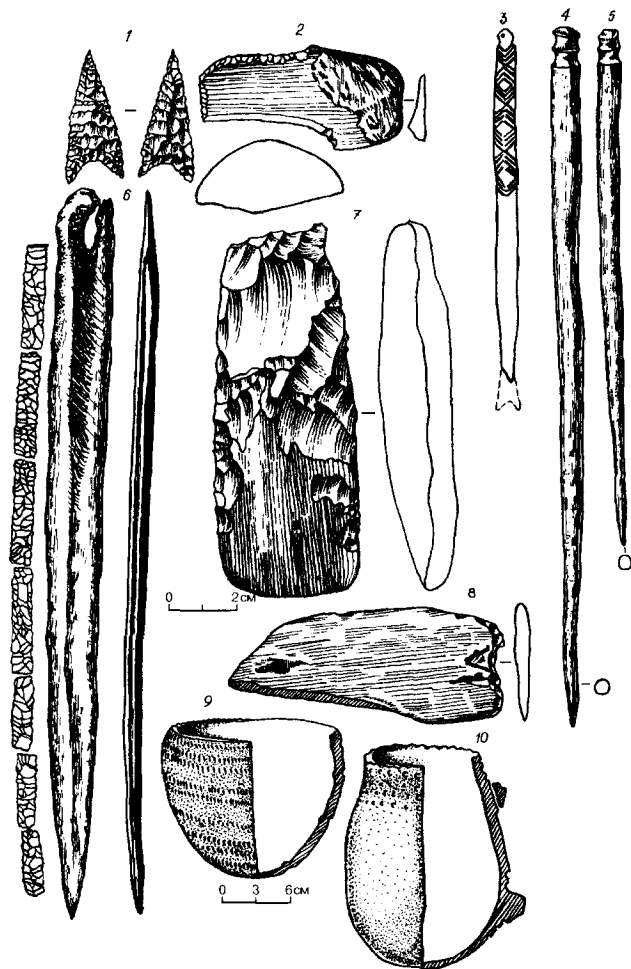

Рис. 119. Артефакты с территории у оз. Байкал. Исаковская культура: 1 – наконечники стрел; 2 – нож из сланца; 3 – изделия из кости; 4, 5 – остроконечники из кости; 7 – топор; 8 – нож из нефрита; серовская культура: 6 – костяной кинжал с вкладышами; 9, 10 – керамические сосуды

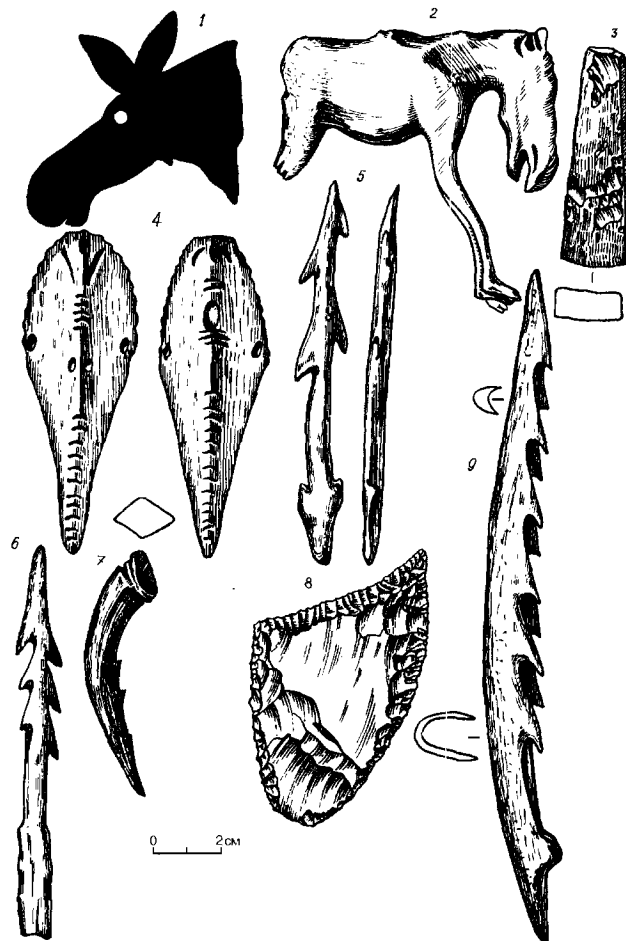

Рис. 120. Изделия из Прибайкалья. Серовская культура: 1 – изображение лося (Шишкино); 2 – изображение лося из кости (Базилиха на Енисее); 3 – тесло; 4 – изображение рыбы; 5, 9 – гарпуны; 8 – нож; китойская культура: 6 – гарпун; 7 – рыболовный крючок

рованные наконечники стрел с асимметричными жальцами и основанием в виде хвоста ласточки. Такие элементы этого комплекса, как крупные полудлунные скребла, большие вкладышевые наконечники и ножи, а также явная любовь к мамонтовой кости как материалу для изготовления охотничьего вооружения свидетельствует о сильных палеолитических традициях. Наряду с серым кремнистым сланцем все более широко использовался зеленый саянский нефрит. В инвентаре погребений обычными стали скульптурные изображения рыб-приманок из камня и кости.

Дальнейшим развитием той же в основе культуры отмечен следующий, серовский этап, относящийся к первой половине пятого тысячелетия до наст. в. (рис. 119 и 120). Формы сосудов стали более профилированными, появились шейка и венчик, обогатился орнамент. Вместо простого горизонтального пояса из ямок под венчиком сосуды украшались поясами из параллельных линий, выполненных гребенчато-пунктирным штампом или зигзагообразным пояском.

У серовцев значительно совершенствуется лук усиленного типа. Во многих погребениях обнаружены костяные обкладки для лука. Размах серовских луков, судя по сохранившимся остаткам, достигал более 1,5 м. Вместе с луками в могилах встречаются скопления наконечников стрел, насчитывающие несколько десятков. В качестве оружия продолжали широко применяться кинжалы и наконечники копий. Все они имеют совершенную ювелирную обработку. В могилах обнаружены превосходно

сохранившиеся составные ножи и кинжалы. Вкладыши имели тщательную обработку с двух сторон и хорошо подгонялись в костяную основу.

Серовцы были не только охотниками, но и рыболовами. Рыбу они вылавливали разнообразной снастью, в том числе крючками, изготовленными из кости и дерева. На позднем этапе серовцы широко стали использовать составные крючки из сланцевых или альгамалитовых стержней, к которым привязывали костяное или деревянное жальце-острие. Для ловли рыбы использовались также гарпуны и приманки в виде изображения рыб. Такие рыбы-приманки изготовлялись из кости или камня. О применении серовцами сетей свидетельствуют многочисленные грузила.

Китайский этап отмечен распространением погребений без каменных кладок, с обильной засыпкой останков охрой, символизирующей жизненное начало, «кровь мертвых». Руководящей типологической формой китайских захоронений являются оригинальные стерженьки для рыболовных крючков с полуданными выступами на обоих концах. В инвентаре широко распространились нефритовые тесла, линзовидные в сечении, треугольные ножи-острия из нефрита, плоские ножи из плиток аргиллита, поверхность которых уплощена широкими диагональными фасетками отжимной ретуши, а также песчаниковые «выпрямители» древков стрел – лощила, круглые каменные плитки-палетки и другие характерные вещи (рис. 120). Среди украшений выделяются каменные кольца, изготовленные из белого мрамора.

Продолжает развиваться реалистическое искусство, анималистическое в основе. В китайских захоронениях найдены изображения рыб, в том числе плоские костяные, вероятно, служившие шаманскими амулетами. Имеются и изображения лосиных головок, видимо, представлявшие собой верхушки шаманских жезлов-тростей типа бурятских шаманских конных тростей. Но появляются и антропоморфные скульптуры, предшественницы скульптур человека, характерных для эпохи металла.

Наиболее ярко и полно искусство неолитического периода представлено на Ангаре, на знаменитых Каменных островах. На всех трех островах сотни прекрасных рисунков. Одни выбиты, другие прорисованы краской. Рядом с изображениями животных видны как бы эскизные наброски части изображений, по какой-то причине так и оставшиеся незаконченными. Возможно, древнему художнику достаточно было нанести часть рисунка, чтобы мысленно представить всю композицию.

На скалах Каменных островов много рисунков, своеобразно стилизованных антропоморфных фигур, изображений рыб, загадочных фантастических знаков. На многие десятки метров тянется эта удивительная картинная галерея каменного века. Нередко одни рисунки накладываются на другие. Десятки поколений древних людей сменялись у этих скал и оставляли своим потомкам все новые рисунки.

Район Забайкалья

Забайкалье в эпоху неолита образует другой, отличный от Прибайкалья, этнокультурный район. В неолите на этой территории выделяется несколько культур как в Западном, так и в Восточном Забайкалье, которые хорошо коррелируют друг с другом.

В раннем неолите (конец седьмого–начало шестого тысячелетия до наст. в.) в Западном Забайкалье выделена мухинская культура, в Восточном – чинданская, которые по существу являются единым этнокультурным комплексом (Окладников и Кириллов, 1980). Генетически ранний неолит связан с мезолитом этого района.

Нуклеусы, характерные для раннего неолита, имели клиновидные, торцовые, призматические формы, с них снимали ножевидные пластины и микропластины. Орудия труда в значительной мере изготавливались на пластинах. Характерной чертой является широкое распространение концевых скребков, скребков-проколов, разнообразных проколовидных инструментов, наконечников стрел на пластинах и двусторонне обработанных с насадом и асимметричными жальцами.

На этом этапе многочисленными стали тесловидные и скребловидные изделия, оформленные крупными сколами с двух сторон, и только по лезвию у них наносилась мелкая ретушь. Эти изделия находят самые близкие аналогии в громатухинской культуре Среднего Амура. Тесловидно-скребловидные инструменты являются столь же характерными, как нефритовые шлифованные топоры и тесла для прибайкальского неолита.

Сосуды имели простую форму, близкую к яйцевидной. Днища сосудов приостренные. Венчик прямой, невыраженный и уплощенный. Помимо технического декора на стенках сосудов, в основном в верхней части, наносился орнамент в виде округлых вдавлений, узкогребенчатого или другого штампа.

Развитый неолит (между шестым и серединой пятого тысячелетия тому назад) известен по памятникам нижнеберезовской культуры – в Западном и будуланской – в Восточном Забайкалье. В своей основе он сохраняет преемственность с предшествующим этапом.

На развитый неолит попадает расцвет техники в обработке каменных орудий. Это имеет отношение и к пластинчатому производству. Большое число призматических, торцовых нуклеусов (с которых скальзывались ножевидные пластины), составляющих значительную долю среди находок, равно как и орудия труда на пластинах – наиболее характерная черта неолитических стоянок и поселений развитого неолита Забайкалья. Среди орудий труда типичны вкладные лезвия для составных изделий, резцы различных типов на пластинах, концевые скребки, проколки, пилки. Продолжалась традиция двусторонне обработанных тесловидно-скребловидных инструментов.

Вместе с тем на неолитических памятниках этого этапа появились новые элементы культуры. Показательным является наличие на данном этапе шлифованных изделий: топоров и тесел, украшений. На многих памятниках при раскопках обнаружены песты, лощила, прямоугольные и округлые в плане зернотерки для растирания злаков, округлые диски с биконическими отверстиями в центре – утяжелители для палок-копалок, каменные и костяные мотыги.

Широко и выразительно представлены костяные изделия: иглы и шилья, проколки, орнаментальные штампы, основы для ножей и кинжалов, гарпуны, наконечники стрел. Особую группу изделий из кости и раковин составляют украшения, подвески из клыков кабана и зубов марала, кольца, бусы.

На заключительном этапе неолита Забайкалья (амагонская культура, конец пятого тысячелетия тому назад) произошло дальнейшее развитие тенденций, наметившихся в предшествующее время. Резко сократилось число изделий на пластинах, но увеличилось количество орудий труда из отщепов: микроскребки, проколки с клювовидным острием, наконечники стрел, двусторонне обработанные, с асимметричными и симметричными жальцами, прямым основанием, с черешком. Появляются вкладные лезвия прямоугольной формы, миндалевидные и в сечении треугольные ножи, обработанные ретушью с двух сторон. Немногочисленны, но выразительны изделия из кости и раковин. Большая часть их связана с захоронениями; вкладные ножи и кинжалы, гарпуны, иглы, подвески из зубов марала и клыков кабана, пуговицы в виде полушарий из раковин, перламутровые бусы.

Хозяйство племен Забайкалья в неолитическое время претерпело значительные изменения. В раннем неолите племена вели подвижный образ жизни охотников и собирателей. Охотились на степную косулю, лошадь, кулана, дзерена, зубра, сайгака, оленя и лося. В развитом неолите в Забайкалье произошли существенные изменения в хозяйстве, связанные с развитием земледелия и скотоводства. На поселениях часты находки земледельческих орудий труда: мотыги, утяжелители для палок-копалок, песты, ступы, зернотерки. Среди находок остатков фауны помимо собаки найдены кости свиньи, овцы, лошади и коровы. В позднем неолите, судя по спорово-пыльцевым анализам, произошли климатические изменения в сторону аридизации. Наличие в материале большинства стоянок орудий труда, связанных с обработкой земли, свидетельствует о дальнейшем развитии земледелия и повышении его роли в хозяйстве неолитических племен. Существенное развитие получило и скотоводство. Охота и рыболовство также продолжали занимать в хозяйстве определенную роль.

Среди памятников развитого и позднего неолита известны могильники, когда умершего хоронили в каменных ящиках в положении сидя. В могилах обнаружены сосуды, украшения, орудия труда и вооружения.

ЯКУТИЯ

В Якутии к раннему неолиту относится сылахская культура (Мочанов, 1979). Памятники этой культуры известны на обширной территории по Лене, Алдану, Вилюю. Они распространяются и за Полярный круг. Хронологически она относится к шестому тысячелетию до наст. в.

Для каменного инвентаря раннего неолита Якутии характерно широкое распространение пластинчатой техники. Наиболее типичными являются призматические нуклеусы. Среди каменного инвентаря выделяются концевые скребки, скребки на отщепках (некоторые из них имеют у лезвия небольшие выступы-ушки), скребла с односторонне обработанными лезвиями, наконечники стрел на пластинах и треугольные в поперечном сечении. На заключительном этапе появляются двусторонне ретушированные листовидные наконечники стрел. Некоторые из них имеют в основании черешок. Разнообразны рубящие орудия: долотовидные двусторонне обработанные, прямоугольные шлифованные тесла и топоры. Большое распространение получили резцы различной формы: боковые, угловые, срединные, многофасеточные.

Из костяных орудий широко распространены многозубчатые односторонние наконечники гарпунов с плоским насадом. У некоторых в основании имеются отверстия для лямки. Встречаются костяные наконечники копий с продольными прорезями для кремневых вкладышей, острия, шилья, иглы.

Сосуды сылахской культуры – яйцевидной формы. На внешней стороне всех сосудов имеются отпечатки сетки-плетенки, с помощью которой они изготавливались. Орнаментированы они рядом сквозных округлых отверстий, сделанных над самым венчиком.

К среднему неолиту в Якутии (начало пятого–начало четвертого тысячелетия до наст. в.) относится белькачинская культура, генетически связанная с сылахской. Для каменного инвентаря по-прежнему характерна пластинчатая техника. Около 65% всех орудий труда сделано на пластинах, но в то же время наблюдается тенденция увеличения числа изделий из отщепов. Для белькачинской культуры характерны пластины-вкладыши, проколки на пластинах, пластины со скошенным краем, концевые скребки на узких пластинах, угловые и боковые резцы на пластинах, резцы с нуклеидными рукоятками, долотовидные орудия

на отщепках, концевые скребки, рыболовные грузила из галек, шлифованные костяные иглы, шилья, основы для вкладышевых орудий.

Сосуды белькачинской культуры имеют яйцевидную форму, округлое дно и прямой венчик, под которым расположен ряд сквозных отверстий. По форме и орнаментации они близки к сосудам сылахской культуры. Новый элемент в орнаментации – зубчатый штамп на венчике в сочетании с отпечатками витого шнура на самих сосудах.

Быт неолитических племен Якутии определялся их хозяйственным укладом. Долговременных жилищ типа землянок при раскопках памятников не обнаружено. Поселения иногда ставились как долговременные. Люди жили в жилищах типа чума. Очень часто люди в течение сравнительно короткого времени возвращались на одно и то же место, что приводило к образованию насыщенного находками культурного слоя. В основе этой относительной оседлости лежали охота и рыболовство.

О мировоззрении человека в эпоху неолита интересные сведения содержат наскальные изображения и погребения. В Уолбинском могильнике, относящемся к раннему неолиту, обнаружено два погребения: взрослое и детское. Погребенные лежали в групповых могилах на спине, головой на северо-восток. Они были засыпаны при захоронении красной охрой – символом жизни по представлению древних людей.

На позднем этапе умерших также хоронили в групповых могильниках, не имеющих наземных и внутримогильных сооружений. В одной могиле иногда находилось до пяти погребенных. Скелеты лежали на спине, кисти рук находились в нижней части живота. На уровне костей ног между двумя взрослыми в ряде погребений лежал ребенок. Вместе с погребенными в могилу клали инвентарь: орудия труда, лук, стрелы, керамику – все необходимое для жизни человека в другом мире.

Неолитические наскальные изображения в Якутии известны в бассейне рек Олекмы и Алдана, где в устье р. Крестях на скальных карнизах найдены изображения лосей и антропоморфные фигурки. Лоси нарисованы светлой красной охрой. Древний художник очень точно передал горбоносую голову животного и массивное туловище. Антропоморфные изображения вытянутые. На голове нарисованы рога, руки опущены, ноги расставлены, указан фаллос. Неолитические рисунки на Алдане – это в основном изображения лося и оленя, выполненные в реалистической манере. Мастерски передана вся мощь и сила этих зверей.

Камчатка

Много общих элементов с Якутией прослеживается в неолите Камчатки и Чукотки. В основу периодизации неолитических культур северо-востока Азии были положены материалы раскопок на Ушковском оз., где выделено две культуры (Диков, 1979).

К раннему неолиту им отнесена первая ушковская культура. Для нее характерны различного рода призматические и конусовидные нуклеусы. Значительное число орудий труда изготавливалось из ножевидных пластин, в том числе боковые и срединные резцы, вкладыши, ножи и другие изделия. Развивались и дифференцировались скребки, наконечники стрел в основном двух типов: с черешком и листовидные. Керамики в памятниках этой культуры не обнаружено. Хронологически она относится к шестому–пятому тысячелетию тому назад.

Вторая ушковская культура очень тесно связана с предшествующей. Каменный инвентарь по типу орудий труда и техники изготовления во многом очень близок к предшествующему этапу.

Российский Дальний Восток

Особым районом, где формировались оригинальные культуры в эпоху неолита, был юг российского Дальнего Востока. В неолите здесь можно выделить три локальных района – средний Амур, нижний Амур, Приморье, в которых развитие неолитических культур шло своеобразными путями.

Средний Амур

На Среднем Амуре в неолите выделено три культуры: новопетровская, гromатухинская, осиноозерская.

Каменный инвентарь новопетровской культуры представляет своеобразный и четко выраженный целостный культурный комплекс (Деревянко, 1970). Большинство каменных изделий изготавливались из ножевидных пластин: наконечники стрел, дротики, скребки, резцы, ножи (рис. 121). Из орудий, связанных с обработкой камня, представлены отбойники, отжимники, наковаленки. Из рубящих орудий обнаружены прямоугольные в поперечном сечении тесла, а также мотыжки, применявшиеся, по-видимому, при рытье котлованов для жилищ. На поселении найдено большое количество каменных грузил. Керамика новопетровской культуры пластин украшалась орнаментом из налепных рассеченных валиков. Сосуды были плоскодонные.

Племена новопетровской культуры жили оседло, занимались охотой и рыболовством. Жилища у новопетровцев полуподземные, прямоугольные в плане, с несколько округленными углами. Входом и выходом из жилища служило дымовое отверстие. Новопетровская культура – одна из наиболее древних на Дальнем Востоке. Она относится к восьми–семи тысячам лет тому назад.

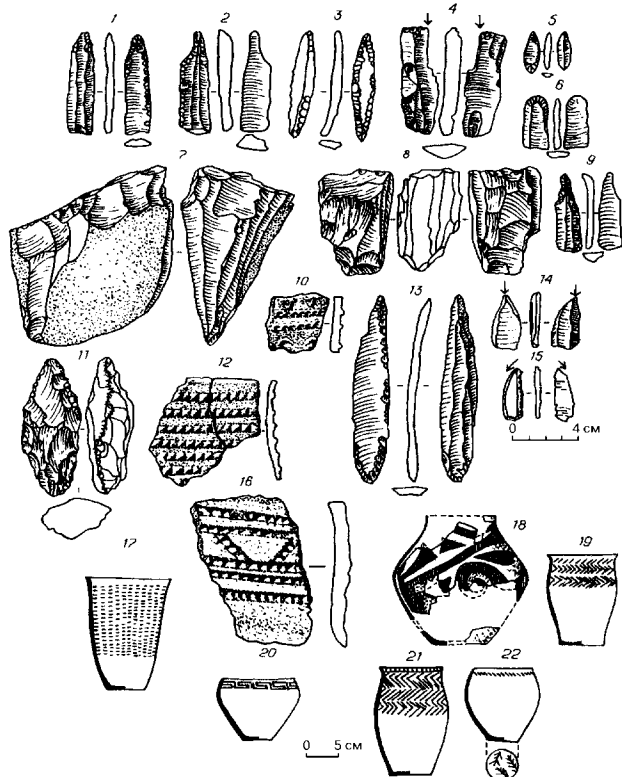

Рис. 121. Новопетровская неолитическая культура: 1, 3, 5 – наконечники стрел; 2, 9 – клиновидные скребки; 4, 14, 15 – резцы; 6 – концевой скребок; 7, 8 – нуклеусы; 10, 12, 16 – керамические сосуды; 13 – нож; 11 – ретушер; Приморье: 17–22 – неолитические керамические сосуды

В гromатухинской культуре (седьмое–шестое тысячелетия назад) проявилось значительно больше двусторонне обработанных изделий. Нуклеусы, предназначенные для отделения ножевидных пластин, представлены на поселениях этой культуры клиновидными, почти призматическими и призматическими формами. В большом количестве встречались и желваки, которые не имели специальной обработки и служили для снятия массивных отщепов. На поселениях гromатухинской культуры преобладали орудия крупных размеров из гальки. Это своеобразные теслоподобно-скреблоподобные инструменты. Одна сторона их тщательно обрабатывалась сколами, а по краю – мелкой ретушью, другая оставалась необработанной.

Вторая группа каменных орудий состояла из ножей-клинков и наконечников копий или дротиков. Обе стороны их тщательно обрабатывались мелкими сколами, лезвия ретушировались. Наконечники копий и дротиков листовидной формы несколько удлинены у насада. Размеры их изменяются от 4 до 15 см. Из ножевидных пластин изготавливались также наконечники стрел, имевшие формы ивового листа, проколки, вкладные лезвия для составных ножей – кинжалов, концевые скребки, резцы. Значительную часть среди орудий труда составляют комбинированные орудия: резцы-ножи, скребки-проколки, скребки-резцы.

Керамика на поселениях и стоянках гromатухинской культуры сравнительно немного, но она характеризуется разнообразием приемов орнаментации. Наиболее распространены два вида орнамента: нанесенный колотушкой, обмотанной травой или грубой тканью, и орнамент из различных ромбических, прямоугольных и округлых вдавлений, расположенных рядами, опоясывающими сосуды. Встречается гребенчато-пунктирный орнамент, нанесенный подвижным зубчатым колесиком, налепной рассеченный валик, различного рода комбинации из прочерченных линий.

К развитому неолиту (конец шестого–середина пятого тысячелетия назад) относится осиноозерская культура. Каменный инвентарь, найденный при раскопках поселений этой культуры, был сравнительно немногочисленным. Здесь не найдены нуклеусы каких-либо устойчивых и определенных форм, а встречались желваки кремня и халцедона со следами скалывания с них отщепов, причем скалывание велось без какой-либо четко выраженной системы и дополнительной подправки нуклеусов. Из отщепов, скалываемых с таких нуклеусов, изготавливали наконечники стрел, вкладыши, скребки, проколки.

У осиноозерцев продолжала совершенствоваться техника обработки камня. Все орудия труда, обнаруженные на поселениях этой культуры, обрабатывались тонкой ретушью, преимущественно с двух сторон. В это время в неолите Среднего Амура совершенно исчезли ножевидные пластины и изготовленные из них орудия труда. Наконечники стрел, ножи и другие изделия обрабатывались с двух сторон. На поселениях найдены земледельческие орудия труда: песты, струны, жернова, утяжелители для палок-копалок. Племена жили оседло в полуподвальных жилищах.

Нижний Амур

На Нижнем Амуре выделено три культуры: малышевская, кондонская и вознесенская (Окладников и Деревянко, 1973).

К наиболее раннему времени относится малышевская культура (седьмое–середина шестого тысячелетия назад). Для этой культуры характерно наличие древних приемов в обработке камня: на поселениях при раскопках встречаются почти призматические и призматические нуклеусы, изредка – клиновидные, пластинчатые наконечники стрел, изделия из ножевидных пластин. В то же время происхо-

дит и развитие техники двусторонней обработки. Вкладыши для ножей, ножи, скребла, скребки делались уже из специальных заготовок. Много на поселениях этого типа обнаружено односторонне-выпуклых и овальных в поперечном сечении топоров и тесел, что было связано, вероятно, со строительством жилищ, а также с различного рода работами: постройка заколов и других приспособлений для ловли рыбы, а возможно, и изготовление лодок-долбленок.

Для этого этапа характерна керамика двух типов. К первому относятся профилированные сосуды, богато орнаментированные штамповым узором в виде вписанных друг в друга треугольников. Некоторые сосуды покрыты орнаментом в виде отпечатков колотушки, обмотанной шнуром. Отдельные сосуды покрыты красной краской. Ко второму типу относятся слабо профилированные сосуды, нередко – усеченно-конической формы. Основным орнаментальным мотивом на этих сосудах являются горизонтальные пояса в виде гребенчатого штампа. Радиоуглеродным анализом нижний слой многослойного поселения у села Вознесенка датируется возрастом приблизительно 5200 лет.

Кондонская культура генетически связана с предшествующей. При раскопках поселений обнаружены наконечники в форме листа ивы для стрел, изделия из ножевидных пластин, призматические нуклеусы. Но количество орудий труда, изготовленных из ножевидных пластин, небольшое по сравнению с двусторонне ретушированными изделиями. Наконечники стрел, вкладыши для ножей, скребла и другие орудия труда производились из специальных заготовок и обработаны тонкой ретушью.

Весьма разнообразна керамика, характерная для этого этапа. Особенно выделяются толстостенные ситулообразные* сосуды с широким венчиком, украшенные спиральным орнаментом и плетенкой в различных сочетаниях. Очень часто орнамент в виде «амурской плетенки» наносился на сетчатый фон внешней поверхности сосудов. Встречается на сосудах также и геометрический орнамент типа меандр** (рис. 122). Неолитическое поселение этой культуры в с. Кондон датировано временем около 4500 лет назад. В целом эта культура относится, видимо, к концу шестого–первой половине пятого тысячелетия до наст. в.

На заключительном этапе в неолите нижнего Амура (середина–конец пятого тысячелетия назад) распространяется очень оригинальная вознесенская культура. Для нее характерно полное исчезновение пластинчатой техники, на смену которой приходит техника двусторонней ретуши. Наконечники стрел, вкладыши лезвия для ножей, скребла, ножи и другие орудия труда выделялись из специальных заготовок и были обработаны тщательной ретушью с двух сторон.

На этом этапе в неолите нижнего Амура начинает широко внедряться техника шлифования. На поселениях позднего неолита встречаются в большом количестве не только шлифовальные тесла, но и наконечники стрел, ножи, а на заключительном этапе – кинжалы.

Особый интерес представляет керамика финального этапа неолита нижнего Амура. Среди сосудов большинство слабо профилированных. Поверхность многих из них покрывалась пышным разнообразным орнаментом: зигзаг, сетчатый штамп и т.д. Среди сосудов выделяются емкости, предназначенные, по-видимому, для ритуальных целей. Стенки таких сосудов тщательно полировались и

* Ситула – металлический, обычно бронзовый, сосуд в форме ведра, иногда богато украшенный (БЭКМ). Характерен для некоторых культур раннего железного века, поэтому сравнение представляется условным. – *Прим. ред.*

** Меандр – геометрический орнамент из непрерывной кривой или ломаной под прямым углом линии, образующей ряд спиралей. Разработан в искусстве Древней Греции (БЭКМ). Сравнение здесь следует рассматривать как условное. – *Прим. ред.*

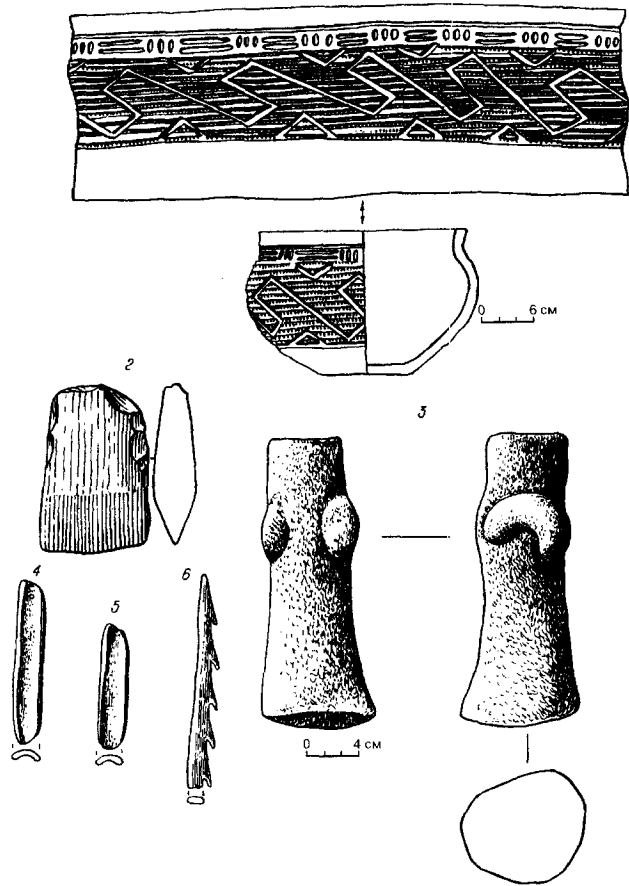

Рис. 122. Кондонская культура: 1 – сосуд с разверткой орнамента; 2 – тесло; 4, 5 – блесны; вознесенская культура: 3 – пест; 6 – гарпун

покрывались красной краской. По сырой глине до обжига наносился самый разнообразный орнамент, в том числе и изображения в виде масок-личиц (илл. 68). Такие маски-личицы имеют непосредственное сходство с личинами нижнеамурских петроглифов. В это время на нижнем Амуре образовывался мощный этнический центр, который оказывал большое влияние на формирование древних культур соседних территорий. В конце пятого тысячелетия до наст. в. часть племен с нижнего Амура продвинулась вверх по Амуре почти до верхнего Амура.

Таким образом, племена нижнего Амура на заключительном этапе неолита со временем распространились в нижнее и среднее течения р. Уссури и вверх на средний Амур. Интересно, что в то же время на нижнем Амуре наблюдается и распространение земледельческих орудий, а вместе с ними должно быть и земледелие. Племена нижнеамурской культуры – эти ихтиофаги каменного века, встретившись с земледельцами среднего Амура и Уссури, видимо, восприняли от них новый вид хозяйства и в скором времени сами перешли к земледелию.

Неолитические племена Приамурья, за исключением племен гromатухинской культуры, жили оседло в больших поселках, состоящих из полуподземных домов. Раскопки на нижнем и среднем Амуре показали, что архитектура жилищ у неолитических племен этих территорий была очень сходной между собой. Это были полуподземные жилища с выходом через дымовое отверстие.

Хозяйственную основу оседлого образа жизни племен в раннем и развитом неолите, обитавших в бассейне среднего и нижнего Амура, составило рыболовство. Многочисленные малые и крупные реки, впадающие в Амур, и озера были богаты рыбой. Именно в Приамурье изобретена

первая в мире блесна. Особенно большое значение для хозяйства народов имел массовый ход рыбы во время нереста лососевых.

В неолите у племен Амура выявлено яркое и самобытное искусство. Оно проявилось не только в пышных и оригинальных орнаментах на сосудах, но и в изображениях на камнях. Известно несколько «картинных галерей» каменного века, среди которых особое место по выразительности и красочности рисунков занимают петроглифы у нанайского поселка Сакачи-Алян, на берегах р. Кие, Уссури и в других местах. Наиболее многочисленны рисунки открыты на отдельных камнях вверх от поселка Сакачи-Алян по берегу Амура, в 80 км от города Хабаровска (рис. 123).

Центральное место среди древнейших изображений, а их сотни, занимают стилизованные антропоморфные маски-личины. Имеются также изображения птиц, зверей, змей, сцены охоты. Изображения змей, которые обнаруживаются на камнях в сочетании между собой и с другими изображениями, входят составными элементами и в комплексные антропоморфные личины.

Сходна их трактовка: маски-личины имеют овальные очертания и ореол из коротких, торчащих в стороны линий. Еще одну общую черту представляет головной убор – пучок коротких линий. Личины оформлены характерным образом: на лбу выбиты поперечные полосы, часто в виде двойных или простых дуг. Глаза показаны одинаково – кружками, а иногда изображен и рот, переданный овалом или кружком. Изображения масок-личин на сосудах несколько отличаются от петроглифов, но они составляли единое целое в мировоззрении древнего человека.

Особое место среди рисунков занимают изображения лодок. В Сакачи-Аляне лодки входят в большую композицию, выбитую на одном крупном валуне. В центре находится личина. Выше – спираль, вероятно, изображающая змею. По бокам выбиты дугообразные лодки с изображе-

ниями людей. Очень выразительная серия лодок обнаружена у поселка Шереметьево на р. Уссури.

Древнейшее искусство Амура пронизано духом орнаментализма. Все подчинено в нем игре кривых линий и бесконечно разветвляющейся спирали. Амурским петроглифом чужда динамика. Они статичны. Неподвижны не только маски-личины, но даже и оленьи фигуры.

Лоси на скалах Ангары и Лены поражают своим динамизмом. Они идут друг за другом, бегут и скачут, широко разбрасывая длинные ноги, а нередко, раскрыв пасть и вытянув вперед шею, как будто кричат, одержимые страстью и мукой. Лоси амурского бассейна абсолютно неподвижны. Анализ амурских изображений позволяет полнее понять социальную обстановку, а также психологию авторов петроглифов.

Специфическая особенность амурско-уссурийских петроглифов заключается в наличии особых антропоморфных личин, которые, скорее всего, представляют собой изображения масок, широко распространенных у многих народов в прошлом. Они использовались как средство перевоплощения человека в духа и были непременной принадлежностью обрядов и культовых действий. Маски занимали важное место в социальной жизни первобытных общин. Достаточно вспомнить их роль в деятельности тайных мужских союзов, где они служили средством запугивания и орудием власти организаторов таких союзов.

Приморье

Много общих элементов с нижнеамурским неолитом прослеживается у неолитических племен Приморья, где начиная с раннего неолита племена ведут оседлый образ жизни, строят большие полуподземные жилища. О жизни и быте племен этой территории могут дать представление результаты раскопок поселений руднинской культуры. Самый характерный элемент этой древней культуры – керамика. Сосуды выделялись способом ленточного налепа. Они имели плоское, очень узкое, а иногда и острое дно. Вдоль венчика шел орнаментальный поясик в виде плетенки из жгутов.

Обитатели поселений выделяли крупные каменные орудия, оббивая галечные гольши, иногда применяя точечную ретушь, а затем шлифовали их сначала на грубых, а потом на тонкозернистых плитках песчаника. Мелкие изделия из вулканического туфа и кремнистых сланцев выделялись отжимной ретушью, достигавшей нередко почти ювелирного совершенства. Шлифованные тесла, выпуклые с одной стороны и плоские с другой, были найдены в сопровождении двусторонне ретушированных ножей и наконечников, которые по своим формам сближаются с наиболее ранними – прибайкальскими. Среди каменных изделий имелись скребки и тщательно обработанные ретушью удлиненно-прямоугольные пластины, служившие вкладными лезвиями для деревянных или костяных кинжалов и ножей.

На самом древнем руднинском поселении при раскопках найдены образцы искусства: тщательно сделанное из кремня отжимной ретушью схематическое изображение птицы и человеческая фигура из халцедона. Руднинская культура относится к концу седьмого – середине шестого тысячелетия назад. Сменяет ее зайсоновская культура, памятники которой лучше всего изучены на юге Приморья. Племена этой культуры также жили в полуподземных жилищах, составлявших поселки из 10–20 построек. Характерными элементами является появление каменных орудий из сланца, мелких орудий из обсидиана и керамики с орнаментом в виде параллельных зигзагов, выполненных гребенчатым штампом и прочерчиванием. Интерес представляют изображения человека, черепахи, животных, вылеплен-

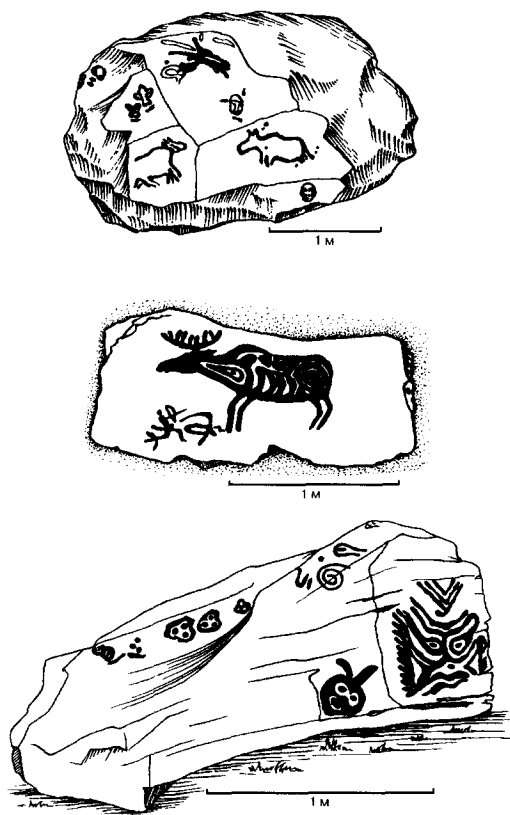

Рис. 123. Наскальные изображения из Сакачи-Алян

ные из глины. Изделия из камня представлены рубящими орудиями, наконечниками стрел, ножами, скребками, скреблами, вкладными лезвиями.

В середине пятого тысячелетия назад зайсоновскую культуру сменяет кировская, которая имеет много общих элементов с предшествующей. На поселениях найдены рубящие орудия, наконечники стрел, ножи, скребки. На этом этапе велика доля шлифованных изделий: наконечники стрел, ножи, копья. Сосуды украшались орнаментом в виде вертикального зигзага, спирали, меандра, встречаются сосуды, покрытые красной краской. На поселениях найдены глиняные пряслица.

В раннем неолите племена Приморья занимались охотой, рыболовством и собирательством. На побережье большую роль играло собирательство морепродуктов: моллюсков, водорослей, трепангов, крабов. В развитом и позднем неолите прослеживаются зачатки земледелия.

Важные сведения, полученные при раскопках, позволяют сделать некоторые выводы о социальной организации племен. На поселении в устье р. Рудной выявлены жилища, где протекала хозяйственная жизнь, о чем свидетельствуют самые различные находки, необходимые для повседневной жизни, а также ямы-хранилища, очаги для производства пищи и т.д. В центре поселка раскопано особое строение, которое значительно больше обычных жилищ и напоминает по своему устройству так называемые мужские дома, или дома для собраний, хорошо изученные этнографами у различных племен Северной Азии и Америки в XVII–XIX вв. н.э.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги краткому рассмотрению неолитических культур Центральной и Северной Азии, следует отметить, что на этой огромной территории в течение нескольких тысяч лет развивались самобытные культуры. В Монголии, например, в хозяйстве и быту в раннем неолите наблюдается подвижный образ жизни, затем переход к оседлому, а в начале раннего мегалитического века, в связи с развитием скотоводства, происходит формирование особого кочевого уклада, который оставался почти неизменным вплоть до недавнего времени.

В Северной Азии также наблюдается много своеобразных и отличительных черт в материальной и духовной культуре. На протяжении неолита племена оставались в основном охотниками и рыболовами и вели подвижный образ жизни. Но в тех местах, где рыболовство давало постоянный и надежный источник пищи, как в низовьях Оби,

на Тихоокеанском побережье, неолитические племена вели оседлый образ жизни. В отдельных районах Центральной и Северной Азии в развитом неолите происходит становление производящего хозяйства.

Общим для всех неолитических племен Центральной и Северной Азии является развитие своеобразного и оригинального искусства. Это проявилось в украшениях сосудов, кости и особенно в петроглифах.

Изучение неолита этого обширного региона по-прежнему находится еще в начальной стадии. И будущим исследователям ждет много нового, порой неожиданного.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ДЕРЕВЯНКО А.П. 1970. Новопетровская культура среднего Амура. – Новосибирск.
- ДЕРЕВЯНКО А.П., ОКЛАДНИКОВ А.П. 1969. Древние культуры восточных районов Монголии. – *Сов. археол.* – М. Т. 4. С. 141–151.
- ДИКОВ Н.Н. 1974. Древние культуры северо-востока Азии. – М.
- ДОРЖ Д. 1971. Неолит Восточной Монголии. – Улан-Батор.
- ДОРЖ Д., ДЕРЕВЯНКО А.П. 1970. Новое в изучении неолита Восточной Монголии. – *Vest. (Bull.) Mongol. Acad. Sci.* (Улан-Батор). С. 43–56.
- КЫЗЛАСОВ Л.П. 1982. Древняя Тува. – М.
- МОЛОДИН В.И. 1977. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск.
- МОЧАНОВ Ю.А. 1978. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск.
- НОВГОРОСОВА Е.А. 1984. Петроглифы Монголии. – М.
- ОКЛАДНИКОВ А.П. 1950. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.-Л. (Матер. исслед. археол. СССР, 18).
- 1965. Петроглифы Ангары. – М. – Л.
- (ред.). 1968. История Сибири. I. Древняя Сибирь. – Л.
- ОКЛАДНИКОВ А.П., ДЕРЕВЯНКО А.П. 1970. Тамцаг-Булак – неолитическая культура Восточной Монголии. – Матер. истор. филол. Центр. Азии (Улан-Удэ). Т. 5. С. 3–20.
- 1973. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. – Владивосток.
- ОКЛАДНИКОВ А.П., КИРИЛЛОВ И.И. 1980. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск.
- ОКЛАДНИКОВ А.П., МАРТЫНОВ А.И. 1972. Сокровища томской писаницы. – М.
- ЧЕРНЕЦОВ В.Н. 1953. Древняя история нижнего Приобья. – М. С. 25–28.
- BERKELEY, C. P.; NELSON, N. C. 1926. Geology and Prehistoric Archaeology of the Gobi Desert. *Am. Mus. Novit.* (New York), Vol. 222, pp. 3–18.
- MARINGER, I. 1950. Contribution to the Prehistory of Mongolia. Stockholm.

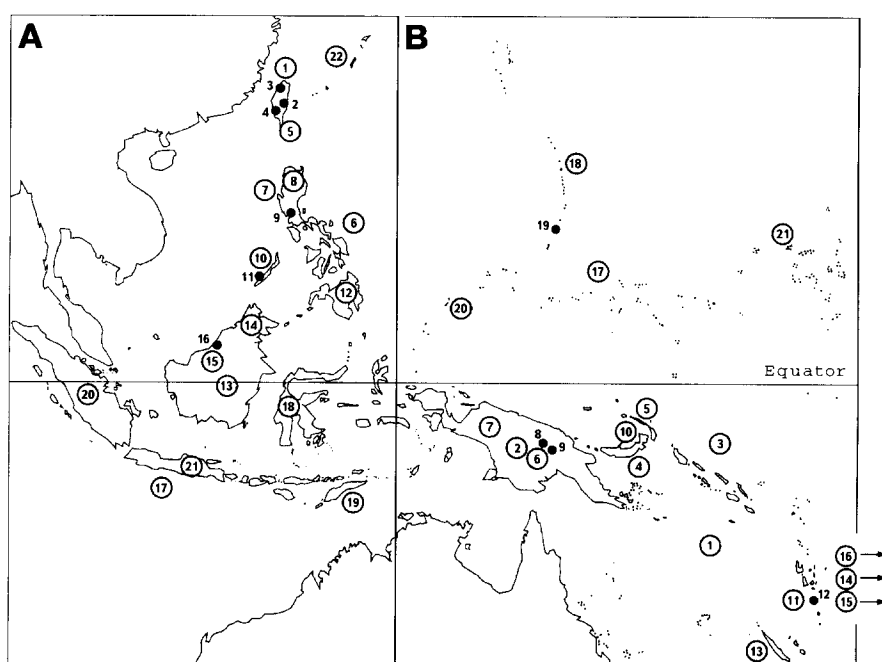
ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ И КОРЕЯ с начала производства пищи до первых государств

Вильгельм Г. Сольхейм II

Культурный регион, который мы здесь называем Юго-Восточной Азией, не полностью соответствует тому, что под этим понимается сегодня, и с течением времени его границы значительно изменились. Территория культурного региона Юго-Восточной Азии должна включать в себя материковую часть, объединяющую Мьянму, Лаос, Таиланд, Камбоджу, Вьетнам, Западную Малайзию, некоторые районы Ассама и Бангладеш, Южный Китай (начиная от северных границ бассейна р. Янцзы к югу) и островную часть, включающую в себя Андаманские и Никобарские острова, Индонезию, Восточную Малайзию (штаты Саравак и Сабах), Бруней, Филиппины и Тайвань (карта 54).

Значение и качество проведенных археологических исследований значительно изменяется в зависимости от стран и регионов.

Вплоть до 1950 г. исследования в области доисторической археологии, проводимые в Юго-Восточной Азии, были относительно немногочисленными. Доисторический период Мьянмы, Лаоса, Камбоджи, Андаманских и Никобарских островов еще мало исследован. Зато уже перед второй мировой войной в некоторых районах Вьетнама, Индонезии и Западной Малайзии были проведены значительные работы, которые по современным нормам осуществлялись на невысоком уровне. За последние 15 лет положе-

Карта 54. Островная часть Юго-Восточной Азии, Меланезия и Микронезия с размещением географических названий, указанных в тексте. Цифры в кружке – страны, регионы или острова; цифры без кружка – города или археологические местонахождения. **А.** Островная часть Юго-Восточной Азии: 1 – Тайвань; 2 – пещерные поселения Чанпинь; 3 – Таленкент; 4 – Фенлиту; 5 – парк О-Луан-Ли; 6 – Филиппины; 7 – Лусон; 8 – долина Кагаян; 9 – Манила; 10 – Палаван; 11 – пещерное поселение Табон; 12 – Минданао; 13 – Борнео; 14 – Сабах; 15 – Саравак; 16 – пещеры Ниа; 17 – Индонезия; 18 – Сулавеси; 19 – Тимор; 20 – Суматра; 21 – Ява; 22 – Рюкю. **В.** Меланезия и Микронезия: 1 – Меланезия; 2 – Новая Гвинея; 3 – островная Меланезия; 4 – Новая Британия; 5 – Новая Ирландия; 6 – Папуа-Новая Гвинея; 7 – провинция Ирианджая; 8 – Ванлек; 9 – Кук-Свампы; 10 – архипелаг Бисмарка; 11 – Новые Гебриды; 12 – Мангасси; 13 – Новая Каледония; 14 – Фиджи; 15 – Тонга; 16 – Самоа; 17 – Микронезия; 18 – Марианские о-ва; 19 – Гуам; 20 – о-ва Палау; 21 – атолл Бикини

ние с исследованиями в Таиланде, Индонезии, Вьетнаме и на Филиппинах резко изменилось как с точки зрения количества, так и качества, однако в результате этих исследований появились лишь редкие публикации, за исключением Таиланда и Филиппин, по которым имеется документация на английском и французском языках. Работы, проведенные в Брунее и Сабахе, были очень скромными по масштабам, а в Сараваке они были более значительными.

ПРОИЗВОДСТВО ПИЩИ

Начало производства пищи

Появление производящего хозяйствования на рассматриваемой территории является проблемой, затрудненной противоречиями или полным отсутствием данных. К эпохе неолита были отнесены культуры, которые применяли шлифовку каменных орудий и производили и/или использовали гончарные изделия. При этом никто не пытался узнать, были ли эти изделия связаны с одной из форм производства пищи. Для того чтобы мы в определенной степени могли придерживаться общей структуры настоящего тома, за отправную точку нашей главы мы возьмем появление шлифованных каменных орудий и глиняной посуды.

Согласно мнению многих специалистов по археологии Юго-Восточной Азии, деление на последовательные фазы, традиционно признанное и применяемое для Европы, Африки и Западной Азии, вряд ли применимо к данному региону (*Solheim*, 1969), в частности, из-за того, что эволюция, которая там последовала за производящим хозяйством, в корне отличалась от эволюции указанных регионов.

Термин «земледелие» обозначает технологии, направленные на выращивание культивируемых растений на полях, где в большом количестве выссеиваются зерна (сотнями или тысячами). Эта форма использования земли начала распространяться в Юго-Восточной Азии только примерно от 25 до 35 лет назад. До той поры садоводство оставалось основной технологией эффективного использования растительных ресурсов. Посев производился путем непосредственного помещения от двух до четырех зерен в ямку, вырытую в земле. Фруктовые и ореховые деревья, возможно, были первыми культивируемыми растениями, или, по крайней мере, теми, за которыми ухаживал человек. Клубни не высаживались как зерна. В общем, за растениями ухаживали по отдельности, как в саду. Что касается культуры посевного риса, то сначала зерна высаживали на небольших площадях, затем вручную, пучками по два или три растения, их пересаживали на большие поля. Экологические условия в этих тропических регионах сильно отличались от условий в зонах с умеренным климатом; таким образом, производство пищи, которая вначале была как растительного, так и животного происхождения, ставило перед людьми различные проблемы и развивалось своими путями.

Производство продовольственных культур

Окультуривание растений

Долгое время полагали, что окультуривание растений было обязательным предварительным условием для выращивания продовольственных культур. Археологи были склонны рассматривать окультуривание как быстро протекающий процесс. Общась с ботаниками, они поняли, что речь шла не о внезапной перемене, а о длительном процессе, растянувшимся на многие годы. Кроме того, от этнографов они узнали, что люди могли высаживать дикие растения и ухаживать за ними для удовлетворения продовольственных нужд, или же оставлять их без ухода, если

перебирались на другие места, возвращаясь лишь тогда, когда можно было собирать урожай. Если растения хорошо развивались, то давали прибавку к питанию, но неурожай не приводил к большим лишениям.

Полевое земледелие

И в наши дни земледельцы Юго-Восточной Азии используют два типа полей: сухие и заливные. Заливные поля, покрытые водой лишь часть года, ограждены откосами и наполняются водой либо во время дождей, либо путем орошения. Когда они наполнены водой, то служат для выращивания риса; когда они осушены, их можно использовать для выращивания других культур. Сухие поля, расположенные на склонах гор или холмов, служат для ведения земледелия на выгоревших участках (такое земледелие часто называется подсечно-огневым; оно часто практикуется и сегодня под названием кочевого земледелия). Так как коммерческое земледелие становится в наши дни широко распространенным, то сухие поля на равных участках являются обычными. Использование сухих или заливных полей, расположенных на склонах гор, восходит к очень древней доисторической эпохе, однако не было обнаружено никаких следов этих полей, и поэтому разделяются мнения относительно того, сухое или поливное земледелие появилось первым. Исследования генетики риса показывают, что биологические разновидности риса, выращиваемые на сухой почве, более развиты и, следовательно, появились позднее (*Chang T.*, 1984–1985).

На сухих полях, расположенных на склонах холмов, выращивалось множество различных культур, которые высаживались вместе, а собирались в разные периоды. Они входили в состав экосистемы, которая, как и окружающие их природные тропические леса, характеризовалась богатой флорой. Основная проблема при археологической идентификации подобных полей заключалась в том, что они распахивались внутри лесов, выжигались и расчищались, а затем засаживались и, в отличие от зон с умеренным климатом (как в Европе), использовались в течение всего лишь одного или двух лет, затем их забрасывали, и они снова превращались в леса. Конечно, это всего лишь схематичное описание кочевого земледелия. Этот метод чередующегося земледелия в тропических зонах рассмотрен в многочисленных статьях (см., например, *Conklin*, 1957; *Freeman*, 1955; *Harris*, 1972a; *Spencer*, 1966).

Растения

С давних времен ботаники и географы полагают, что вегетативное размножение растений предшествовало их выращиванию из семян. Для Юго-Восточной Азии это должно означать, что клубни стали выращивать раньше риса или проса. Двумя основными клубневыми культурами в этом регионе являются таро и ямс. Следуя последовательности появления растений, предложенной Харрисом (*Harris*, 1972b), лишь слегка изменив ее, можно предположить, что развитие земледелия прошло следующие этапы: использование сначала клубневых растений, фруктовых и ореховых деревьев, затем добавление риса с заливных полей и проса с сухих полей, появление кочевого земледелия с выращиванием проса, клубневых и кустарниковых культур, и, наконец, появление сухого рисоводства. Само собой разумеется, что нигде эта эволюция не происходила точно в этом порядке. Две большие разновидности ямса (с большими и маленькими клубнями) появились впервые где-то на материковой части Юго-Восточной Азии и в северной части этого региона, тогда как таро мог появиться в любой части Юго-Восточной Азии. Некоторые авторы (*Alexander & Coursey*, 1969, pp. 415–416) выдвинули гипотезу о том, что

окультуривание ямса во всем регионе произошло позднее (после четвертого тысячелетия тому назад). Более поздние данные свидетельствуют, что дело обстоит иначе.

Основные разновидности проса, выращиваемые в Юго-Восточной Азии, предположительно были выведены в Северном Китае (Harris, 1972b, p. 190). Считают, что дикий предок риса появился у юго-восточных подножий Гималаев в Ассаме и в западной Юньнани, после чего в своих диких видах распространился на восток через северную часть Мьянмы, Таиланд, Лаос, Вьетнам и Южный Китай значительно южнее реки Янцзы, вплоть до южного побережья Китая. После этого произошло одомашнивание его где-то в этом регионе. Согласно Т. Чангу (Chang T, 1984–1985), заливной рис, выращиваемый на Тайване и на террасовых полях на севере о. Лусон, принадлежит к разновидности *Javonica*, который был выведен на Яве и Бали из разновидностей *Indica*, происходящих из района Ассамы. К другим ранним окультуренным растениям относится сахарный тростник, который, вероятно, был культивирован в Новой Гвинее (Yen, 1984, p. 319).

По экологическим причинам посевное земледелие на выгоревших участках распространяется легче, чем при вегетативном размножении. Такое размножение дает человеку лишь небольшое количество протеинов, и для обеспечения сбалансированного питания он должен был дополнять его животными протеинами и жирами и, следовательно, продолжать заниматься охотой и рыбной ловлей в районах, особенно богатых дичью и рыбой. Порождая меньшую зависимость от протеинов животного происхождения, посевные культуры могли выращиваться в тех районах, в которых было меньше дичи и рыбы, и поэтому распространились более широко (Harris, 1972b, p. 188).

Ни одно археологическое свидетельство не подтверждает предложенную здесь последовательность развития пищевых культур.

«Однако образцы пыльцы, собранные в хоабиньских культурных отложениях во Вьетнаме, а также в Таиланде, явно свидетельствуют о наличии клубневых растений, тогда как рис (*Oryza sativa*) там отсутствует. Кроме того, известняковые горы, холмы и курганы, характерные для местности около Хоабиня, весьма благоприятны для выращивания клубневых культур. В горах, которые окружают поселения хоабиньского периода во Вьетнаме, сегодня произрастает множество дикорастущих видов таких овощных и клубневых культур, как фасоль *Dioscorea alata*, *Dioscorea persimilis* (ямс), таро и другие».

(Chimb, 1984, p. 171)

Мы не знаем, когда рис начал выращиваться во Вьетнаме; начало его культивирования может совпадать с быстрым распространением тесла с выступом, которое примерно 5500 лет назад использовали в качестве мотыги. В результате лингвистических исследований Дуонг (Duong, 1982) предположил, что большинство терминов во вьетнамском языке, относящихся к культуре риса, могло придти из тайских языков. Возможно, что группы людей, говорящие на тайских языках, проживали в эту эпоху на самом севере Вьетнама, в Лаосе и в сопредельных районах Южного Китая, т.е. в зоне, соответствующей той, в которой, по мнению специалистов, началось культивирование риса.

Одомашнивание животных

В том, что касается одомашнивания животных, то наши познания еще более расплывчатые, чем в сфере окультуривания растений. Лишь 20 лет назад мы начали изучать костные остатки животных, обнаруженные в результате раскопок, для того чтобы узнать, принадлежали ли они к

одомашненному виду, или для того, чтобы попытаться определить пол, возраст и количество обнаруженных особей. И эти исследования начались только в Таиланде.

В этом случае этнографические сведения снова явились исключительно полезными. Еще недавно во многих районах, расположенных вдали от городских поселений, хряков не сохраняли для репродукции, для этого использовали диких кабанов. То же практиковалось и в отношении кур, поскольку генетически дикие петухи были достаточно близки к домашним курам. Однако в Юго-Восточной Азии домашние петухи используются в основном для петушиных боев, поэтому подходящие для этого «спорта» боевые петухи всегда, и сегодня тоже, специально выращивались, и о них особенно заботились.

Наиболее распространенными видами одомашненных животных в Юго-Восточной Азии были собаки, свиньи, куры и утки; полагают, что все они также были приручены на месте (Sauer, 1969, p. 28). Даже быки и буйволы в Юго-Восточной Азии, которые на воле иногда собирались в небольшие стада, находились в расположении отдельных субъектов или семей, так что их скорее можно отнести к домашним, чем к диким стадным животным. Тропические и субтропические районы Юго-Восточной Азии, которые были лишены обширных лугов или природных пастбищ, не могли служить экологической нишей для стадных животных.

Из этнографических источников известно, что охотники Юго-Восточной Азии имели обычай поджигать участки леса и пастбищ незадолго до начала сезона дождей, с тем чтобы трава и другие растения росли обильнее и привлекали большое количество травоядных животных, которые, собираясь вместе, становились легкой добычей. Вначале, вероятно, в отдаленную эпоху плейстоцена, целью таких действий было получение чистых участков вокруг и внутри тропических лесов. От дикого крупного рогатого скота, который находил в этом случае идеальную окружающую среду, появился домашний крупный рогатый скот Юго-Восточной Азии (Wharton, 1968), возможно, задолго до самых ранних дат появления домашнего скота на северо-востоке Таиланда.

Предполагают, что одомашнивание более мелких животных осуществлялось путем отлова молодняка и выращивания его в поселениях (Sauer, 1969, pp. 30–32). В тех регионах, где население не исповедовало буддизм, ислам или христианство, большинство домашних животных приносилось в жертву при ритуальных церемониях, проводимых для вызова духа предков или местных духов и для общения с ними. До пришествия этих великих религий подобные церемонии проводились по всей Юго-Восточной Азии, и предполагают, что этих животных выращивали в большом количестве, чтобы всегда иметь для необходимых ритуалов. После того как животное приносилось в жертву, а его печень или другие жизненно важные органы были изучены с целью гаданий, его мясо за жарилось и подносило духам и предкам. Когда те «насыщались» духом животного, мясо разрезалось на части и предлагалось служителям культа и участникам церемонии, чтобы съесть его здесь же или позднее.

Вывод

С течением времени границы Юго-Восточной Азии как культурного региона значительно изменялись. Начало производства пищи в зависимости от регионов поэтому может колебаться там с разрывом до 8000 лет. На севере континентальной части производство пищи появилось, вероятно, на заключительной стадии позднего плейстоцена. Некоторые культурные группы в Юго-Восточной Азии остались охотниками-собираателями до наших дней, хотя всегда жили вместе с соседями – земледельцами или торговцами. Количество и качество данных, дающих возмож-

ность воссоздать доисторический период этих регионов, разительно варьируются.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ В 10000–5000 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Изменения климата и береговых линий

Существует значительное хронологическое наложение между данным разделом этой главы и главой 27. Тем не менее, поскольку акцент сделан на разных аспектах культуры этой эпохи, было решено сохранить эти наложения.

Рассматриваемый здесь период начинается вскоре после окончания плейстоцена и заканчивается примерно к концу двух-трехтысячелетнего периода, в течение которого климат был немного более теплым, чем теперь. В отличие от зон с умеренным климатом, климат и температура на большей части Юго-Восточной Азии в эпоху плейстоцена не отличались коренным образом от эпохи голоцена. Средняя температура в самый холодный период плейстоцена могла быть на 6 °C ниже, чем в голоцене, однако наиболее важным отличием этого времени с точки зрения экологии было относительно меньшее количество осадков. Так как появилась значительно большая земная площадь, включая шельф Сунда, из-за понижения уровня океана, то ветра обдували большие поверхности земли и принесли меньше влаги. Ископаемые остатки, свидетельствующие о наличии фауны саванн на значительных площадях шельфа Сунда, показывают, что относительно открытые зоны, поросшие травой, существовали в то время вместо тропических лесов.

В эпоху позднего плейстоцена береговая линия шельфа Сунда была, вероятно, значительно менее протяженной, чем она стала в эпоху голоцена, когда почти половина всей земельной массы региона разделилась на множество островов (карта 54). Вполне вероятно, что в эпоху позднего плейстоцена различные типы *человека разумного* прожигали во многих местах на побережье, где моллюски составляли основную часть их пищи. При резком повышении уровня моря в эпоху позднего плейстоцена побережья обширных шельфов Сунда и Сауль отступали со скоростью нескольких сотен метров за десятилетие (*Chappel & Thom*, 1977, p. 283). Последствия этих резких перемен – и относительно постоянных, и эпизодических – должны были оказать важное воздействие на местных обитателей. Поскольку те районы, в которых по нашим предположениям они проживали, сегодня находятся на глубине до 150 м под водой, мы не можем с достоверностью ни определить местонахождение и начать исследование поселений, которые могли в них находиться, ни изучить проживавшие в них группы людей и их культуры.

Данные антропологии и их интерпретация

Во время прибытия первых европейцев население Юго-Восточной Азии состояло в основном из трех ярко выраженных физических типов людей: меланезийцы, негритосы (название нескольких низкорослых негроидных этнических групп Юго-Восточной Азии. – *Прим. пер.*) и южные монголоиды. Меланезийцы населяли Новую Гвинею и восточную Индонезию; несколько небольших групп негритосов жили на Андаманских островах, на п-ове Малакка и на неопределенном расстоянии к северу в известняковых горах, являющихся продолжением гор полуострова, а также на разбросанных островах Филиппин. Южные монголоиды в основном проживали почти по всей Юго-Восточной Азии (*Jacob*, 1967, p. 903; *Howells*, 1973, pp. 171–179; *Glinka*, 1981, pp. 90, 106, 108–110; *Bulbeck*, 1982).

Негритосы

Негритосы являются самыми маленькими по росту людьми, к тому же самыми малочисленными, а их происхождение вызывает горячие споры. Ранее полагали, что они были первыми людьми, пришедшими в Юго-Восточную Азию, и у всех из них были общие корни. Однако сегодня кажется вероятным, что они распространились недавно и имеют австрало-меланезийское происхождение. Никто и никогда не находил ископаемых остатков негритосов ни в Индонезии, ни в одной из доисторических стоянок в Юго-Восточной Азии (*Jacob*, 1967, p. 903; *Howells*, 1973, pp. 174–176; *Glinka*, 1981, pp. 99–103; *Solheim*, 1980a, p. 69). По всей вероятности, небольшие группы негритосов или людей близкого к ним типа жили в Юго-Восточной Азии на протяжении рассматриваемого здесь периода, занимаясь охотой и собирательством на краях равнин, тропических лесов вблизи побережья и вдоль рек. Возможно также, что на протяжении последних 1000–2000 лет этого периода они обменивались лесными продуктами с соседними земледельческими народами.

Австрало-меланезийцы и южные монголоиды

Согласно последней гипотезе, разделение людей на типы, наблюдаемое сегодня, могло явиться результатом местной эволюции на базе общих предков, имевших некоторые генетические особенности. Самые древние остатки трех представителей *человека разумного* в Юго-Восточной Азии были обнаружены в пещере Табон (о. Палаван, Филиппины), в Большой пещере в Ниак (Саравак, Восточная Малайзия) и Ваяк (Восточная Ява, Индонезия). Они относятся примерно к 40000 лет тому назад (*Kennedy*, 1977; *Solheim*, 1977, p. 39; 1983, pp. 43–44). Якоб (*Jacob*, 1979, pp. 8–9) объединил эти остатки под названием «человек из Ваяка» (см. также *Bulbeck*, 1982, p. 17), который в результате местной микроэволюции стал предком соответственно малайско-индонезийского и австрало-меланезийского народов.

Определяя начало этой эволюции более ранним временем, Сольхейм (1980a, с. 69–70) предположил, что группы людей хоабиньской культуры и родственные им народы островной части Юго-Восточной Азии произошли от немногочисленной народности, которая, однако, широко распространилась от Шри-Ланки через восточную Индию до Южного Китая и земель Сунда, и которая около 50000 лет назад располагала общими, но разнообразным генетическим фондом. Предки папуасов и австралийцев из этого центра эволюции распределились по соответствующим регионам. Таким образом, уже 50000 лет назад или еще раньше все эти народы должны были произойти от одного общего предка.

По поводу народа ли, который населяет о. Хайнань, расположенный к востоку от северной части Вьетнама, Чжанг С. и Чжанг Ц. (*Zhang Xbenbiao & Zhang Jianjun*, 1982, p. 71) пишут: «Из результатов сравнения... следует, что ли наиболее близки к народностям хан, живущим в Гуанси, Гуандуне и Фуцзянь, а также довольно близки к племенам атайл, ами и пейпу, живущим в провинции Тайвань (три последние группы говорят на австронезийских языках)». В результате генетических исследований групп крови людей, проживающих на о. Хайнань, уже сделан вывод: «Обнаруженная частота появления гена *M* позволяет предположить, что может быть близкое расовое родство между народностями Южного Китая и Южной Азии» (*Хи*, 1982, p. 79). Сравнительный анализ зубных формул показал, что зубная морфология северных монголоидов (и, вероятно, сами они) образовалась из формулы южных монголоидов, и что они, следовательно, происходят от южных монголоидов.

Лингвистические данные

В течение последнего десятилетия стало обычным при изучении проблем Юго-Восточной Азии и Тихого океана применять новые методы лингвистического анализа в сочетании с археологическими данными, чтобы выдвигать гипотезы о происхождении различных языковых групп и носителей языков.

Языки, на которых сегодня говорят этнические группы, исконно проживающие в Юго-Восточной Азии, относятся к трем крупным семействам. Полагают, что бирманский язык появился на севере Мьянмы немногим более одного тысячелетия назад. Этот язык является ветвью тибето-бирманских языков, которые, в свою очередь, принадлежат сино-тибетской семье языков. В настоящее время признано, что бирманскому языку родственен язык пиу – основной язык, на котором говорили представители культуры центральной части Мьянмы до появления бирманского языка. В виде опыта можно было бы перенести культуру пиу в Мьянме в период до 2000 лет назад, однако не известно, была ли эта культура местного происхождения. Следовательно, австроазиатские и австронезийские языки (АН) являются двумя семействами языков, которые, вероятно, сформировались в рассматриваемый период.

Ранее предполагалось, что австронезийские и австроазиатские языки являются двумя ветвями одного архаичного корня – «австрического» языка (*Schmidt*, 1906). Не находя подтверждения у лингвистов, эта идея была практически оставлена, однако к ней недавно вновь обратились на основании новых данных (*Reid*, 1984). К австроазиатским языкам относятся языки мон и кхмер; на первом говорили на юге Мьянмы и, возможно, на большей части Таиланда, на втором – в Камбодже. На родственных языках говорили несколько групп – оранг асли в Западной Малайзии, кхаси на северо-востоке Индии и мунда в восточной части Центральной Индии. На австронезийских языках говорят на островной части Юго-Восточной Азии, на западе Мадагаскара, Полинезии в Микронезии, и на некоторых о. Меланезии, а также на побережье Новой Гвинеи. На некоторых родственных языках, в частности, на языке чам (*cham*), говорят во Вьетнаме.

Исследования в области австроазиатских языков были менее многочисленными, чем исследования австронезийских языков. Два типа исследований представляют особый интерес для понимания доисторического периода: те, которые пытаются установить «генетическое» родство между языками и те, которые, воссоздавая прототипы языков, предоставляют сведения о культуре народов, говоривших на этих языках. Два исследования, входящие во вторую категорию, были недавно посвящены прототипу австронезийского языка (ПАН). Группы людей, говоривших на этом языке, жили в тропическом или субтропическом регионе Юго-Восточной Азии примерно 7000 лет назад.

Поули и Грин (*Pooley & Green*, 1975, p. 36) так пишут о культуре этих групп:

«[Они] вели смешанное хозяйство, основанное на земледелии и рыбной ловле, которое иногда дополнялось охотой и разведением деревьев и кустарников. Они, в частности, выращивали таро, ямс, бананы, сахарный тростник, хлебное дерево, кокосовые пальмы, два вида аронниковых культур (*Cyrtosperma* и алоказию), саговую пальму и (вероятно) рис. Они разводили свиней и, возможно, собак и кур, а также изготавливали гончарные изделия. Они использовали ресурсы окружающей их морской среды, собирая моллюсков и ловя рыбу разными способами и используя различные снасти: сети, верши, крючки и особый яд (*Derris poison*). Для

плавания они использовали пироги с балансиром. Их орудия изготавливались из камня, дерева и раковин; слова, относящиеся к выплавке цветных металлов, были недостаточно распространены, чтобы их можно было с уверенностью отнести к прототипам австронезийских языков».

Р. Бласт (*Blust*, 1976, p. 36) воссоздает прошлое следующим образом:

«Историю культуры австронезийских языков можно вкратце изложить в следующих строках: говорящие на прототипах австронезийских языков жили в оседлых деревнях, состоявших как из жилых строений... так и своего рода общественных зданий... Жилища были явно построены на сваях... в них поднимались по лестнице (возможно, это был ствол дерева, на котором были сделаны зарубки)... Крыша (которая была островерхой) имела коньковую балку... на которой крепилось защитное сооружение от дождя в виде переворачиваемого щита из стволов деревьев или бамбука... и, вероятно, покрывалась настилом из листьев саговой пальмы... Над очагом, устроенным на полу (возможно, в одном углу)... устанавливались одна или несколько полок для сосудов, дрова и т.д. Для сна жители домов использовали подушку или деревянную подставку... У них были свиньи, птицы, собаки, однако они также занимались охотой... Они изготавливали глиняную посуду... возможно, плели маты и корзины... и умели также ткать настоящие ткани (вероятно, с помощью простых ручных станков)... Они жевали бетель и явно употребляли пьянящий напиток... Им было знакомо железо, но неизвестно, как они его использовали. Кроме того, вполне возможно, что у них была создана оригинальная система письменности, знаки которой они наносили на недолговечные материалы...

Некоторые данные наводят на мысль, что люди говорившие на прототипах австронезийских языков, знали очень развитые способы прибрежного рыболовства... выращивали разные типы клубневых культур и кустарников... рис... и, возможно, просо... Зерна злаковых культур перемалывались в деревянных ступах».

В более поздней публикации Бласт (1984–1985) привел данные, которые заставляют предположить, что места первоначального проживания австронезийцев лишь в крайних случаях располагались в тропиках. Подобный климат соответствовал либо Тайваню, либо прилегающим к нему районам континентального Китая.

На сегодня самая приемлемая версия происхождения австронезийцев состоит в том, что они появились либо на Тайване, либо в Южном Китае; во втором случае местом их первого перемещения был этот остров. Затем с Тайваня они достигли Филиппин, потом, примерно 5000 лет назад, они, начиная с юга о. Минданао, переместились на юго-восток и на юго-запад, расселяясь в Индонезии и в западной части Тихого океана (*Sbutler & Marck*, 1975; *Blust*, 1984–1985).

Иной вариант воссоздания иерархии языков региона был предложен Сольхеймом (1975, p. 152), который учел археологические данные, по-своему интерпретировав их. Этот переход дополнительно модифицируется здесь. Предполагается, что в период позднего плейстоцена на австронезийских языках говорили во всей Юго-Восточной Азии, включая шельф Сунда. С повышением уровня мирового океана и превращением Земли Сунд в современные острова восточная треть Юго-Восточной Азии отделилась от остальных двух третей в виде западных и восточных частей, изолировав таким образом народности восточной части от народностей западной и северной частей. Эта изоляция привела к развитию прототипа австроазиатских

языков на континентальных землях и на Суматре, а прототипа австронезийских языков – на Яве и на восточных островах. Культуры народностей, живших в западной части, на материке и на Суматре, приняли более континентальный характер по сравнению с культурами групп восточной части, которые приспособились к своему морскому окружению и к разделению своей территории на множество островов, которые между собой часто находились в пределах видимости.

Археологические находки наводят на мысль, что прототип австронезийского языка первоначально сформировался на Минданао и на северо-востоке Индонезии (Solbeim, 1976a, pp. 36–37; 1976b, p. 138), после чего стал распространяться на север прибрежным населением через Филиппинский архипелаг до Тайваня и через южный Китай вдоль китайского побережья на север и на юг. Прототип австронезийского языка развился на севере о. Лусон, на Тайване и на побережье Южного Китая. Затем австронезийский язык, который вначале служил языком торговли, сам стал языком населения северных Филиппин, Тайваня и прибрежных районов Южного Китая. Перемещаясь с населением прибрежной зоны, эти мореплаватели основали отдельную группу населения на западном побережье Южно-Китайского моря, где можно было безопасно причалить, встать на якорь и запасть пресной водой. Язык, которым они пользовались вначале, заимствовал слова как на юге (на островах), так и на севере (на материке), в частности, слова, обозначающие растения (например, рис). Однако вскоре Тайвань стал относительно изолированным, и развитие местных австронезийских языков стало происходить независимо от внешних воздействий. В то же время носители австронезийских языков, распространившихся на остальной части субрегиона, сохранили контакты между собой благодаря мореплаванию, и различия в их языках возникали медленнее. Эта гипотеза совместима с предыдущей теорией в той части, которая допускает, что австронезийские языки и их носители расселились на восток и на запад с о. Минданао и из северо-восточной Индонезии, начиная примерно с 5400 лет назад, после того как эти народы установили контакты с населением Борнео и южной части Филиппин, отправляясь от центральной части побережья Вьетнама. Кроме того, эта гипотеза предполагает существование в северной части региона торговых потоков между побережьем Южного Китая, югом Кореи и о. Кюсю (Япония).

Археологические и этноархеологические данные

Десять тыс. лет тому назад два крупных технологических комплекса существовали в Юго-Восточной Азии в тех же районах, где они появились задолго до этого. Первым на континенте был комплекс Хоабинь, который раньше рассматривали как пример примитивной культуры, существовавшей длительное время. Хоабиньские поселения встречаются в горах и (значительно реже) на побережье от Мьянмы (и западнее до Ассамы) до Южного Китая; их находят в Лаосе, Вьетнаме, Таиланде, Камбодже и Западной Малайзии. Регионами на материке, где они не известны, являются южная треть Западной Малайзии, Восточная Камбоджа и Южный Вьетнам. Было также обнаружено несколько прибрежных хоабиньских поселений на северо-востоке Суматры. Второй комплекс был обнаружен на островной части Юго-Восточной Азии и на южной половине Суматры. Представители того и другого комплекса, вероятно, внесли определенный вклад в окультуривание растений и одомашнивание животных, однако они прежде всего были охотниками и собирателями, пользовавшимися плодами весьма разнообразных растений и результатами охоты на местных животных.

Хоабиньский комплекс

Первые хоабиньские поселения были обнаружены на севере Вьетнама (Colani, 1927, 1929). Немного позднее аналогичные поселения были обнаружены в Малайе (Mattheus, 1961) и в Лаосе (Fromaget, 1940; Sairin, 1966). С 1950 г. хоабиньские поселения стали находить на западе Камбоджи (Mourer & Mourer, 1970, 1971), в Таиланде (Heekeren & Knuth, 1967; Gorman, 1969, 1970), Мьянме (Thaw, 1971) и Южном Китае (Aigner, 1981); появились сообщения о находках на Суматре (Heekeren, 1972, pp. 85–91; Brandt, 1976). Другие многочисленные поселения стали объектом раскопок на севере Вьетнама (Boriskovskii, 1970; Chinh, 1979; Solbeim, 1980b, pp. 10–11; Tan, 1980, pp. 117–119). Были сделаны четыре обзора хоабиньских находок, три из которых посвящены всему региону (Gorman, 1971; Solbeim, 1974; Bellwood, 1979, pp. 64–71) и одно Вьетнаму (Mattheus, 1966).

Культуре хоабиня присущи следующие основные признаки (Gorman, 1970, p. 82) (рис. 124):

- 1) традиция производства односторонних каменных орудий, высеченных в большинстве случаев из гальки, отшлифованной водой, или из крупных отщепов, отбитых от этой гальки;
- 2) орудия из нуклеусов («суматралиты»), полученные из гальки, полностью обработанной с одной стороны, и жернова, также полученные из закругленной гальки;
- 3) большая доля использованных отщепов;

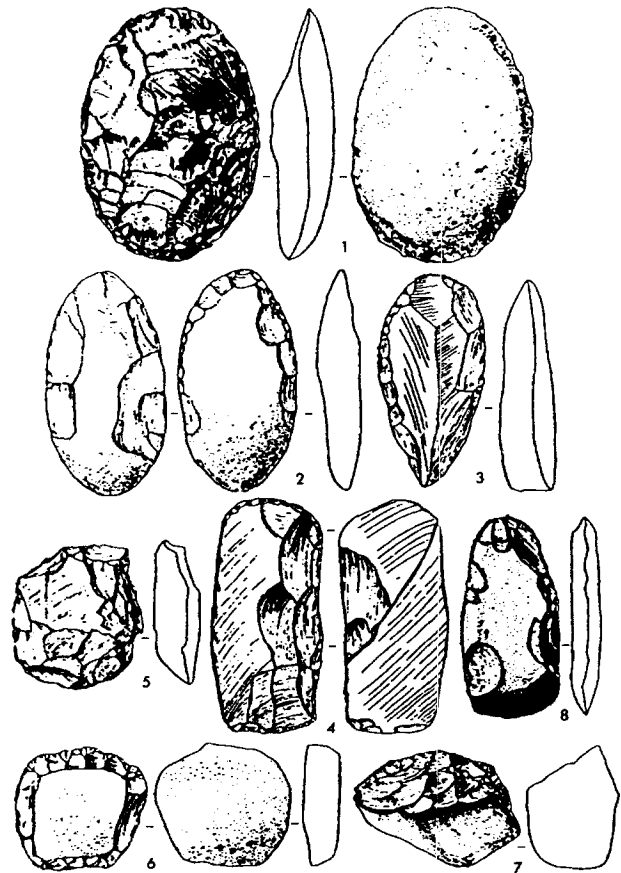

Рис. 124. Основные типы каменных изделий хоабиньской культуры: 1 – топор (Суматра, пещера Солт); 2 – топор суматранского типа, частично обработанный с двух сторон (Ланг-Ван); 3 – обработанная галька яйцевидной заостренной формы (пещера Солт); 4 – топор или кайло удлиненной формы (Ханг-тунг); 5 – «короткий топор» (Муонг-Кхам); 6 – дискообразный скребок с лезвием по всему краю (Пхи-вэ); 7 – боковой скребок (пещера Солт); 8 – топор типа Баксон (Ланг-Куом) (по Boriskovskii, 1970)

4) остатки достаточно характерной пищи, включающие отходы от морских моллюсков, рыб и животных небольшого и среднего размеров;

5) культурная и экологическая ориентация на проживание в скальных укрытиях, располагавшихся обычно вблизи водотока на карстовых возвышенностях (однако груды раковин свидетельствуют о существовании по меньшей мере еще одного направления использования ресурсов окружающей среды);

6) наличие изделий с отшлифованной режущей кромкой и шнуровой керамики, находящихся по отдельности или группами в верхних слоях хоабинских отложений.

Некоторые исследователи полагали, что керамические изделия, обнаруженные в верхних слоях большого числа хоабинских поселений, попали туда случайно, что они не могли быть изготовлены людьми, пользующимися такими примитивными каменными орудиями. Однако нам не известно ни одно современное им поселение, в котором было бы представлено иное производство, к которому можно было бы отнести эту керамику. Данн (*Dunn*, 1964, pp. 100–113, 119–122) выстроил местную эволюцию этой керамики в поселении Гуа-Кечиль в Западной Малайзии, основываясь на особенностях изделий, находившихся в культурных слоях вместе с типично хоабинскими каменными орудиями. Больше не вызывает сомнения тот факт, что глиняная посуда была изобретена независимо от всякого влияния в одном или нескольких поселениях хоабинской культуры.

Хоабинская керамика обычно украшалась отрисками веревки или реде сетей, полученными во время ее изготовления (*Gorman*, 1970, pp. 96–97). Вполне вероятно, что веревки и сети использовались также для других целей, возможно, для охоты и рыбной ловли (*Solheim*, 1969, p. 132).

Использование древних каменных орудий, оббитых с одной стороны и редко тщательно обработанных (ретушированных), явилось основной причиной, которая позволила рассматривать культуру хоабинцев как примитивную. Была высказана гипотеза о том, что многие элементы этих каменных орудий служили для изготовления деревянных изделий, и все усилия по совершенствованию технологии были направлены именно на эти орудия (*Solheim*, 1970, p. 153). Выполненные измерения износа режущих кромок с помощью микроанализа (*Gorman*, 1970) достаточно убедительно ее подтвердили.

Раскопки, предпринятые в Спирит-кейв на северо-западе Таиланда, были первой попыткой найти растительные остатки хоабинской культуры (*Gorman*, 1970, pp. 80, 92) и проверить гипотезу Зауэра (*Sauer*) относительно происхождения земледелия. Они позволили обнаружить остатки различных зерен, скорлупы и плодов деревьев и растений, которые и в наши дни выращиваются или за которыми ухаживают в этом регионе (*Gorman*, 1970, p. 100; *Yen*, 1977), однако среди них не было обнаружено следов клубнеплодов. «Весь комплекс растений, употреблявшихся в пищу, включающий бутылочную тыкву (*Lagenaria*), разновидности огурца (*Cucumis*), водяного китайского ореха (*Trapa*) и фасоли, наводит на мысль, что использование растений выходило за пределы простого сбора плодов» (*Gorman*, 1970, p. 102). В двух других хоабинских поселениях, раскопанных Горманом, были найдены другие растительные остатки. Изучение их не дало ничего нового, что бы подтвердило уже опубликованные гипотезы, касающиеся примитивного растениеводства (*Yen*, 1977, p. 594). Анализы пыльцы, обнаруженной во Вьетнаме в слоях отложений в поселении Сон-Ви и в хоабинских поселениях, выявили изменения флоры при переходе от культуры Сон-Ви к хоабинской культуре. Была высказана гипотеза о том, что окультуривание растений в этих поселениях началось в течение периода хоабинь (*Chingh*, 1984, pp. 170–171).

Хоабинские поселения Юго-Восточной Азии дали возможности произвести значительное количество датировок с помощью радиоуглеродного анализа. Наиболее полная последовательность установлена в Спирит-кейв: найденный там древесный уголь дал возможность составить связную серию из тринадцати дат. Следы докерамического периода относятся ко времени от 11350 до 8500 лет назад, а слои, включающие керамику, – от 8550 до 7400 лет назад (*Gorman*, 1972, tabl. 2). Большинство дат, полученных во Вьетнаме, относятся к периоду между 11350 и 7600 лет до наст. в. (*Kohl & Quitta*, 1978, pp. 389–391; *Bayard*, 1984, p. 308; *Chinh*, 1979; *Solheim*, 1980b, p. 10).

Культура, отличие которой от хоабинской состоит лишь в большей доле каменных орудий со шлифованными режущими кромками, названа баксонийской. Некоторые авторы (*Chinh*, 1979) видят в ней позднюю и более специализированную форму хоабинской культуры, другие считают, что речь идет об особой культуре, которая развилась на основе хоабиня. Даты, полученные в баксонийских поселениях, мало отличаются от дат хоабинских поселений: они относятся примерно к 10300 и 7900 гг. до наст. в. (*Kohl & Quitta*, 1978, p. 391).

На востоке Мьянмы в хоабинских уровнях пещеры Падах-лин были обнаружены два образца древесного угля, которые относятся ко времени примерно от 7750 до 6600 лет назад (*Thaw*, 1971, p. 133). Примерное время перехода от культуры хоабиня к эпохе раннего малайзийского неолита было определено в Гуа-Кечиле около 4800 лет назад (*Dunn*, 1966, p. 351). В результате изучения керамики удалось установить возраст расположенной на западе Камбоджи пещеры Лаанг-Спеан примерно в 6250 лет до наст. в. (*Mourer*, 1977, p. 32). Не установлены даты поселений на Суматре, однако многие из них содержат скопления раковин, расположенных вдоль прежнего морского побережья, которые сегодня находятся в 10–15 км от берега моря вглубь континента (*Brandt*, 1976, p. 50). Это, возможно, означает, что найденные скопления относятся к эпохе с оптимальным климатом и высоким уровнем моря (*Chappel & Thom*, 1977, p. 282) и в определенной степени являются современниками поселения Да-Бут, которое располагалось на побережье и заселялось примерно 6000 лет назад (*Kohl & Quitta*, 1978, p. 392; *Jamieson*, 1981, p. 190).

Вьетнамцы полагают, что хоабинская культура в их стране происходит непосредственно от культуры Сон-Ви позднего плейстоцена и дала начало вьетнамским культурам последующих эпох (*Tan*, 1980, pp. 117–120). В отношении остальной части Юго-Восточной Азии полагают, что, как и в случае с Вьетнамом до обнаружения культуры Сон-Ви, здесь ранняя хоабинская культура появилась примерно 42000 лет назад и произошла непосредственно от древних традиций производства односторонних и двусторонних рубил (*Solheim*, 1969, pp. 129; 1970, pp. 149–150).

По-видимому, все последующие культуры материковой части Юго-Восточной Азии развивались на основе хоабинского технологического комплекса. Если ни одно из хоабинских поселений Вьетнама не датировано после 7500 лет назад, то многие из них возникли позднее в других регионах континента. Пещера Баньян-Вэли на северо-западе Таиланда позволила произвести датировки, которые расположились между 5500 и 1250 лет тому назад (*Yen*, 1977, p. 591). Основываясь на предметах торговли, найденных в поселениях позднего хоабиня, выяснили, что хоабинский образ жизни продолжался при тесных взаимоотношениях с образом жизни народов, полностью перешедших к занятиям сельским хозяйством, вплоть до первого тысячелетия н.э.

Островная традиция производства орудий из отщепов в Юго-Восточной Азии

Традиция производства орудий из отщепов, сложившаяся в Юго-Восточной Азии, включает в себя два региональных варианта, однако не ясно, следует ли рассматривать их как один или как два отдельных технологических комплекса. Восточная разновидность произошла от единственной общей для всего региона традиции, обобщенной, вероятно, за счет внешних воздействий.

Четыре определенных зоны на островах Юго-Восточной Азии имеют достоверные хронологические последовательности, которые восходят к позднему плейстоцену. Во всех этих зонах отщепы были преобладающими каменными орудиями. Самая длительная последовательность обнаружена в Великой пещере Ниак (малазийский штат Саравак на о. Калимантан), в которой первый датированный уровень относится примерно к 40000 лет назад и где были обнаружены изделия в слоях, расположенных гораздо ниже этого датированного уровня (Harrison T, 1970, p. 40; Solheim, 1958, pp. 84–86). В пещере Табон, расположенной на западном побережье о. Палаван (Филиппины), была определена вторая последовательность, к которой Фокс (Fox, 1970, pp. 22–37) отнес пять отдельных скопления из отщепов, самое позднее из которых относится к 9000 лет назад. Третья последовательность, найденная на востоке штата Сабах (о. Калимантан), датируется примерно 17000 лет назад (Bellwood, 1984, pp. 40–45). И, наконец, четвертая последовательность, обнаруженная на северном побережье Восточного Тимора (Индонезия), начинается с 14000 лет тому назад (Glover, 1977, p. 34). Другие поселения, также характеризующиеся преобладанием отщепов, датированы не так точно или их возраст совсем неизвестен, но похоже, что они относятся к позднему плейстоцену. Не подлежит сомнению тот факт, что в эпоху позднего плейстоцена на всей островной части Юго-Восточной Азии, за исключением, возможно, Суматры, существовала традиция производства орудий из отщепов, с небольшим количеством орудий-нуклеусов, подобных рубилам и различным инструментам на материке. Кроме того, на центральных островах Индонезии обнаружены пластинчатые отщепы. Большинство этих культур продолжали существовать на протяжении части голоцена.

Четыре хронологические последовательности, описанные выше, достовернее всего могут быть отнесены к периоду между 10000 и 5000 лет тому назад.

Существуют подробные данные о захоронениях в Великой пещере Ниак (Harrison B, 1967, 1968; Brooks et al., 1977; Solheim, 1983, p. 44). Харриссон (Harrison B, 1967, p. 88) сделал следующий вывод из изучения этих захоронений: «К периоду «мезолита» относятся три типа захоронений: в согнутом положении (18), в положении сидя (4), с нанесением ритуальных увечий (17). Материал, сопровождающий их, включает каменные орудия (рубила, голыши с отшлифованной кромкой, огнива), костяные орудия и ритуальные раковины (*Cyrena*). Остатки скелетов и погребальные предметы посыпаны порошком гематита (красного железняка), особенно в случаях захоронения в согнутом положении».

Датировки «мезолитических» захоронений начинаются с 11400 лет назад (Brooks et al., p. 28). Разумно предположить, что та культура, которую они представляют, сохранила религиозные верования, в частности, веру в загробную жизнь; она включала похоронные ритуалы, состоявшие из подготовки тела перед его захоронением в предельно согнутом положении, посылку его порошком гематита и, возможно, обработку тела огнем без настоящей кремации.

Пища этих людей включала различных наземных или живущих на деревьях крупных (орангутанг среди них был обычным видом) или мелких млекопитающих; самыми

привычными видами были свинья и обезьяна; в пищу шли также летучие мыши, птицы, черепахи, земноводные и рыбы, пресноводные и морские моллюски. Поскольку в этих местах не было мелкозернистых скальных пород, то наличие небольшого количества орудий, высеченных из местного материала, приводит к мысли, что либо эти люди перемещались на достаточно большие расстояния, либо эти скальные породы служили объектом торговли. Ничто не указывает на то, проживали ли люди в этой пещере постоянно, сезонно или от случая к случаю. Сегодня это поселение находится в районе болотистой низменности в нескольких километрах от морского побережья, но до него можно было добраться на судне в ту эпоху, когда уровень моря был немного выше.

Жизнь в пещерах Табона на о. Палаван в начале голоцена не отличалась от жизни в них в эпоху позднего плейстоцена. Продолжалось производство орудий из отщепов, как и в последнюю фазу плейстоцена, и оно полностью сохранялось в этой пещере после 9250 лет назад, т.е. после даты, установленной радиоуглеродным методом (Fox, 1970, pp. 24–26). Первым заметным изменением было внезапное появление скопления морских раковин в период после 9000 лет и до 7000 лет тому назад в пещере Дуйонг (Fox, 1970, p. 54), и эта находка указывает, что море достигло приблизительно современного уровня намного ниже пещер между 9000 и 8000 лет назад.

В первом уровне заселения другой пещеры в Табоне были обнаружены скопление раковин и производство орудий из отщепов, похожее на такое же производство в основной пещере Табона, за исключением того, что в ее верхних слоях отсутствовали некоторые орудия из пластин и нуклеусы для их изготовления (Fox, 1970, p. 48).

Производство орудий из сколов и небольших пластинок появилось в пещере Дуйонг около 7000 лет назад, оно принадлежало к традиции, которая отличалась от традиций, сложившихся в других пещерах Табона и в более древних пещерах, где изготавливались орудия для удержания в руке, тогда как орудия из Дуйонга и из множества других более поздних пещер имели рукоятки (Fox, 1970, pp. 48–50).

Костные остатки животных, которые были найдены в поселениях, где сохранились отщепы и пластины, были значительно менее многочисленными, чем остатки, обнаруженные в пещере Табона, где существовало производство орудий из отщепов (Fox, 1970, pp. 56–59), следовательно, моллюски и съедобные растения составляли самую большую часть в рационе питания. На протяжении некоторого времени эти производства существовали вместе. Фокс (1970, p. 50) придерживается мнения, что вторая традиция была привнесена в регион вновь прибывшими людьми.

Существование производств орудий из отщепов и пластин отмечено также и в других районах Филиппин.

Немного позднее в пещере Дуйонга возникла культура, которую Фокс (1970, pp. 60–64) назвал «неолитической». Древесный уголь из одного очага позволил датировать ее периодом примерно 5700 лет тому назад. В этом разбросанном и тонком «неолитическом» горизонте были обнаружены изделия, изготовленные из раковин *Tridacna*, диски из раковин, которые могли быть ушными подвесками, и площадки, которые могли быть площадками для очагов. Захоронение из этого уровня относится примерно к 4600 лет до наст. в., и в нем содержались большой топор-тесло из шлифованного камня, четыре других топора-тесла, высеченных из раковин *Tridacna*, два диска из раковин с центральным отверстием (один диск находился с правой стороны черепа, что, возможно, говорит о том, что это были ушные украшения, какие и сегодня носят на северо-востоке Лусона), раковина с отверстием, похожая на подвеску, и шесть целых раковин *Arca*, лежащих в ногах у умершего, одна из которых, имеющая круглое отверстие у вершины

и заполненная известью, очень напоминает привычку жителей Юго-Восточной Азии жевать бетель. Умерший был захоронен в согнутом положении лицом к земле (*Evangelista*, 1963, pl. Ia). Это был мускулистый мужчина, рост которого, равный 1,79 м, намного превышал рост негритосов (*Fox*, 1970, pp. 60–63). Представители двух первых культур, к которым относятся производства из отщепов и пластин, использовали эти пещеры в качестве жилищ, тогда как люди, которые изготавливали топоры-тесла из камня или раковин, похоже, использовали пещеры как временные укрытия и места для захоронений, но в них не жили (*Fox*, 1970, pp. 62–64).

Археологическая культура, следы которой были обнаружены в пещерах на востоке штата Сабах (Малайзия), пришла на смену более ранней культуре, характеризующейся производством орудий из отщепов. Датированная от 11000 до 7000 лет назад, эта культура отличается от предшествующей лишь отсутствием пластин и большой долей обработанной гальки, которая до тех пор была неизвестна. На режущей кромке многочисленных использованных отщепов видны следы типичного налета, образовавшегося при срезании стеблей трав, ротанговой пальмы или бамбука, богатых кремнием. Найдены также каменные молотки, наковальня и жернова, некоторые из них покрыты гематитом. Остатки пищи в основном те же самые, но к прежней пище, включавшей пресноводных моллюсков, добавились двусторчатые моллюски, живущие в манговых зарослях на приливно-отливной полосе, а более крупные млекопитающие – орангутаны, рогатый скот и два вида носорогов дополнили перечень животных, приведенный выше. Костяные орудия редко встречаются в обеих культурах (*Bellwood*, 1984, pp. 45–48).

Сабахская последовательность совпадает с другой, обнаруженной на восточной косе п-ова Минахаса (Сулавеси) и на островах Талауд к северо-востоку от этого п-ова (*Bellwood*, 1976). В скоплении раковин были найдены отщепы обсидиана (пластин не было), орудия из кости, кости животных и гематит. У отщепов часто были большие углы, полученные при переламывании желваков обсидиана, они отбирались по этому признаку. Костяные орудия служили, вероятно, в качестве шильев и игл (*Bellwood*, 1976, pp. 243–254). В скальном укрытии на одном из островов Талауд был обнаружен культурный слой докерамического периода, в котором были найдены следы изготовления отщепов и пластин из кремнистого известняка. Раковины дали возможность датировать эти следы возрастом примерно 5000 лет (*Bellwood*, 1976, pp. 255–267).

Последовательность в пещере на востоке о. Тимор характеризуется малыми изменениями. То же относится к внутренним районам и прибрежным поселениям. Для этих мест характерным является скребок с вогнутой кромкой. Отщепы и (редко) пластины из кремня или известняка часто имеют следы шлифования кромки (*Glover*, 1971, 1977). Среди фауны преобладали несколько видов ныне вымерших гигантских крыс, летучие мыши, питавшиеся фруктами, змеи, пресмыкающиеся, а на побережье – рыбы и ракообразные. Среди растительных остатков найдены зерна, бетель, полинезийские каштаны (*Inocarpus*) и бамбук (*Glover*, 1977, p. 43). Эти поселения относятся примерно к 7300 лет тому назад, их заселение продолжалось в период, выходящий за рамки данного тома (*Glover*, 1971, pp. 167–168).

О Тайване того времени имеется мало данных. На восточном побережье в пещерах Восьми бессмертных была обнаружена культура чаньпиньян. Радиоуглеродная датировка последнего заселения этих пещер позволило определить четыре возраста этой культуры примерно 5500–4800 лет назад. Возраст более ранних поселений относится к позднему плейстоцену. Наиболее распространенными орудиями были отщепы, но без пластин. В более древ-

них пещерах чаще встречались орудия из нуклеусов. Было также обнаружено некоторое количество костяных орудий, судя по их типам, охота и рыболовство играли важную роль (*Chang*, 1969, pp. 134–135).

Культура шнуровой керамики на Тайване отнесена к 5500 годам до наст. в. Чанг (*Chang et al.*, 1974, p. 49) определил ее возраст периодом между 8000 и 5000 лет назад. Следы культуры были обнаружены у северо-восточных, юго-западных и юго-восточных берегов о. Тайвань. В поселениях были найдены керамические изделия с отпечатками шнуров, края и верхняя часть сосудов были часто украшены насечками; появилась обработанная галька, которую, возможно, использовали в качестве грузила для сетей; прямоугольные тесла из шлифованного камня и небольшие треугольные наконечники из сланца, но не было обнаружено ни отщепов, ни пластин. Чанг (*Chang et al.*, 1969, pp. 248–249) полагает, что общины этой культуры состояли из охотников, рыбаков и садоводов, появившихся на Тайване из районов Юго-Западного Китая и ориентировочно отнесенных к хоабиньскому комплексу.

Опубликованы сведения о двух пещерах из долины р. Кагаян на о. Лусон (Филиппины). Их возраст определен между 12000 и 5000 лет до наст. в. В одном из этих поселений среди 273 использованных отщепов найдены четыре отщепы пластинчатой формы. «Износ режущих кромок орудий показывает, что они использовались в качестве скребков для обработки дерева, бамбука и, возможно, кожи в качестве ножей для обстругивания дерева, бамбука и кости; для рубки мяса; в качестве сверл или шильев для проделывания отверстий в дереве, кости и, возможно, в кожах; для пиления бамбука и костей» (*Thiel*, 1980a, p. 44). В этом уровне, относящемся к периоду до 5000 лет тому назад, были также обнаружены кости людей, глиняная посуда, костяные наконечники, серьги из терракоты и раковин каури. Поселение, вероятно, служило временным укрытием для охотников и собирателей раковин. Наличие раковин каури может свидетельствовать о торговых обменах (*Thiel*, 1980a, pp. 43–47).

Во второй пещере люди жили, начиная примерно с 5500 лет назад. Найденные в ней каменные орудия состояли из «...использованных отщепов, забракованных отщепов, отходов от обтесывания, нуклеусов, орудий из гальки и каменных молотков» (*Ronquillo*, 1981, p. 6). Отмечается полное отсутствие пластин. Функциональный анализ показал, что большинство отщепов служили для разделывания туш животных, а остальные для обработки дерева. Они, вероятно, были без рукояток. Значительное количество костных остатков и зубов птиц, летучих мышей, обезьян и свиней находилось вместе с этими сколами. В пещере найдены глиняные изделия и раковины речных моллюсков (*Ronquillo*, 1981, pp. 10–11, 13).

Наличие в долине р. Кагаян специально изготовленных пластин кажется маловероятным: не было найдено ни одного подготовленного нуклеуса.

В центральной части о. Лусон не было обнаружено ни одного археологического поселения, относящегося к интересующему нас периоду. Бейер (*Beyer*) описал многочисленные поселения этого региона, где существовало производство орудий из отщепов, но ни в одном из них не обнаружено пластин (*Fox*, 1970, p. 59). Было найдено множество орудий с отшлифованными кромками; они собраны на поверхности земли (*Beyer*, 1948, pp. 17–19). В одном из поселений в окрестностях Манилы были найдены использованные отщепы; самые распространенные орудия были небольших размеров со шлифованными кромками. К ним следует добавить каменный топор, также имевший шлифованную режущую кромку. Отверстия в земле под столбы наводят на мысль о жилище. Многочисленные зерна, обуглившиеся или частично окаменевшие, чаще всего находили вблизи очагов. Некоторые из них могли быть

семенами питательных или лекарственных растений. Поселение вполне могло относиться к началу голоцена (*Peterson*, 1979, pp. 127–134).

Съемки и раскопки, произведенные на центральных островах Филиппин, позволили обнаружить отщепы и пластины в естественной среде или на поверхности земли. На о. Самар отщепы использовались в качестве орудий, начиная с 10500 лет до наст. в. (*Tuggle & Hutterer*, 1972, p. 11). Орудия из пластин, отколотых от подготовленных нуклеусов, были найдены в двух поселениях, которые, как полагают, относились к более позднему периоду (*Hutterer*, 1969, pp. 49–50; *Scheans et al.*, 1970). Пластины, высеченные из камня или из раковин устриц, были обнаружены к югу от г. Себу (*Tenazas*, 1985, pp. 208–209).

В двух поселениях, расположенных на крайнем юге Филиппин, были найдены использованные отщепы. Используя раковины, которые могли окаменеть и поэтому стать непригодными для проведения датировок, в скальном укрытии Санга-Санг (*Spoehr*, 1973, pp. 106–111) радиоуглеродным методом были определены две даты: около 8000 и 6500 лет назад (*Solheim et al.*, 1979, p. 117). Вероятно, однако, что эти даты недалеки от истинных. Там было найдено множество использованных отщепов, но не обнаружено ни одной пластины. Были также обнаружены многочисленные тесла и другие орудия, высеченные из раковин и частично отшлифованные, а весь комплекс орудий был признан аналогичным комплексу, обнаруженному в пещере Дийонг на Палаване (*Spoehr*, 1973, pp. 255–266). Кроме того, в поселении найдены черепки обычных глиняных изделий коричневого тона и довольно редкая керамика, покрытая красной глиной и украшенная орнаментами из тисненых кругов, которая, возможно, относилась к более поздней эпохе (*Spoehr*, 1973, pp. 184–191). Комплекс включает также обработанные кости.

Пещера Камуанан, находящаяся на о. Таликод, к юго-востоку от о. Минданао, еще менее изучена. В этом поселении найдены несколько небольших использованных каменных отщепов, а также использованные отщепы и пластины из раковин (*Solheim et al.*, 1979, p. 111, plates 28, 29). Две даты, полученные радиоуглеродным анализом раковин из тех же образцов, относятся к 4000 лет до наст. в., однако значительное количество изделий из нижележащих слоев не было подвергнуто никакой датировке.

Археологические исследования на Суматре были очень ограниченными. Несколько известных комплексов каменных орудий, не относящихся к хоабиньской культуре, обнаружены в поселениях на юге острова (*Bronson & Asmar*, 1975, p. 131; *Heekeren*, 1972, pp. 137–139) и относятся к 9500 лет назад. Основными артефактами являются использованные отщепы из обсидиана и несколько черепков глиняной посуды, относящихся к значительно более позднему периоду, но связанных с теми же материалами. На большинстве черепков были отпечатки, сделанные с помощью гибкого материала, например соломы, на некоторые были нанесены отпечатки шнуров. Идентифицированы остатки крупных оленей или молодых быков, летучих мышей, черепах, птиц, рептилий, рыб, грызунов и, возможно, лягушек, а также большое количество раковин пресноводных моллюсков. Отсутствие любых орудий для обработки пищевых растений доказывает, что эти группы людей жили за счет охоты, рыбной ловли и сбора плодов (*Bronson & Asmar*, 1975, pp. 136–142).

Многочисленные отщепы из обсидиана и несколько редких пластин были найдены в наземных поселениях рядом с Бандунгом, на западе Явы (*Heekeren*, 1972, pp. 135–137; *Subagus*, 1979). Располагавшееся в восточной части острова «производство орудий из кости в Сампанге характеризуется большим содержанием орудий различных типов, вырезанных из кости, оленьих рогов и раковин, а также наличием пестов и ступ, отщепов и пластин (использован-

ных, но без отделки), каменных наконечников для метательных снарядов с закругленным основанием, украшений из раковин, захоронений в согнутом положении, посыпанных красным порошком, и нескольких черепков шнуровой керамики» (*Heekeren*, 1972, p. 92).

Было обнаружено девятнадцать подобных поселений. Самыми характерными артефактами из рогов были лопатки и кинжалы. Тщательно обработанные наконечники метательных снарядов имели закругленные или вогнутые основания и походили на те, которые были найдены в юго-западной части Сулавеси. Изделия из кости включают пилюля и рыболовные крючки (рис. 125). Раковины использовались для изготовления скребков и украшений. Ископаемые остатки человека, обнаруженные в этих поселениях, в основном носят черты меланезийского типа и включают некоторые признаки австралоидов. Найдены также различные виды крупных и мелких животных, и среди них копытные, приматы, хищники и грызуны (*Heekeren*, 1972, pp. 92–106).

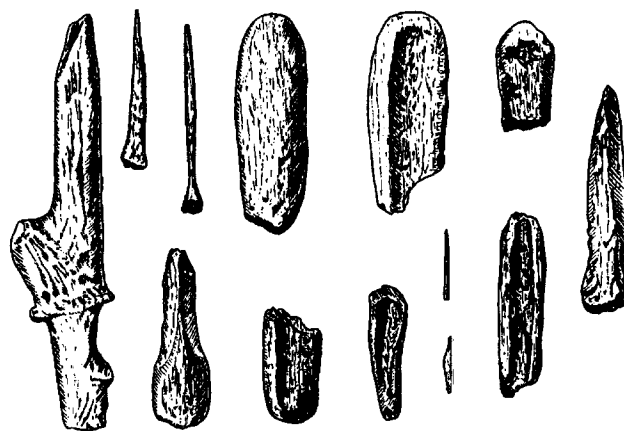

Рис. 125. Костяные орудия из Сампанга (Ява, Индонезия) (по *Heekeren*, 1972)

В юго-западной части Сулавеси была обнаружена очень важная последовательность. Все поселения, которые вначале упоминались под именем тоаленских, располагаются в известняковых пещерах, и в них найдены различные типы орудий из отщепов (*Heekeren*, 1972, pp. 106–125). Три поселения составляют последовательность от 31000 лет (*Glover*, 1981, p. 16) до примерно 3000 лет до наст. в., при этом существует разрыв между 19500 и 11000 лет тому назад. Используемые отщепы входят в состав каменных орудий с самого начала, а изделия из пластин появляются в конце плейстоцена (*Glover*, 1977), хотя не существовало истинной традиции производства орудий из пластин (*Glover & Presland*, 1985, p. 193). Средние уровни трех пещер и другие поселения на юго-западе Сулавеси являются единственными залежами настоящих микролитов, известными в Юго-Восточной Азии. Эти изделия впервые появились примерно 6500 лет назад. Разные по форме (рис. 126), они иногда очень близки к австралийским микролитам. Зарегистрировано четыре разновидности наконечников с вогнутым основанием (наконечники Марос) и среди них наконечники с зазубренными краями (*Glover & Presland*, 1985, pp. 190–193). Эти насадки получают распространение лишь после 4500 лет назад. Вопрос о том, появилось ли это локальное микролитическое производство независимо, или же оно пришло из Японии, где очень близкие формы (однако изготовленные по иной технологии) существовали в более раннюю эпоху, остается спорным.

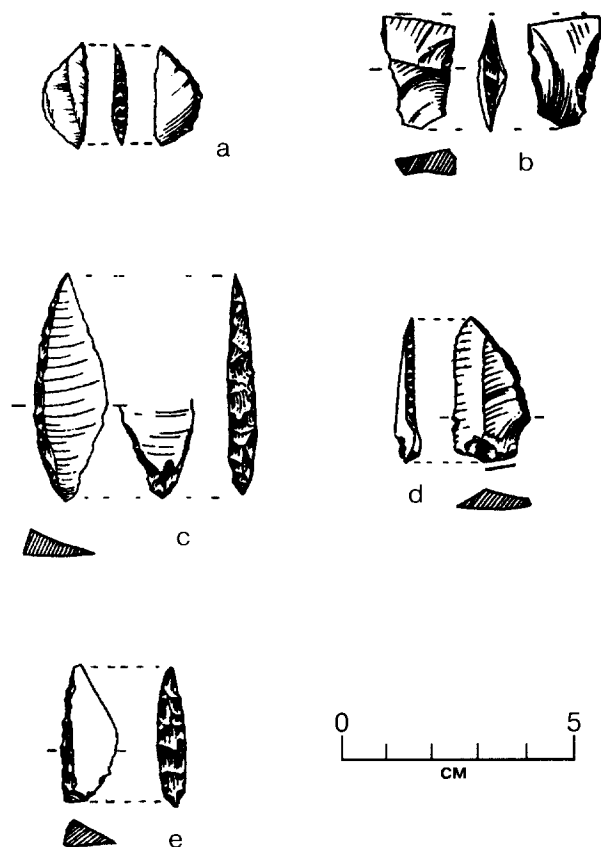

Рис. 126. Микролиты из Улу-Леанг (Индонезия): а – геометрический; б – резак; в – удлиненный наконечник; д – скошенный наконечник; е – отщеп с прямоугольной спинкой (по Glover & Prestland, 1985)

Все поселения содержат скопления раковин пресноводных моллюсков. «Наиболее важными продовольственными животными, были свинья... за ней следовала карликовая порода рогатого скота (аноа), а обезьяны, змеи, летучие мыши, грызуны, кускусы (род млекопитающих семейства лазающих сумчатых. – Прим. ред.), ящерицы и белки были представлены в незначительном количестве. Птицы и рыбы встречаются на удивление редко» (Glover, 1977, p. 51). Предварительные ботанические анализы растительных остатков выявили существование собирания некоторых пищевых и, возможно, лекарственных растений.

Очень мало археологических исследований было проведено в восточной части Сулавеси, на Молуккских и других мелких островах Восточной Индонезии и в провинции Ирианджая (в индонезийской части Новой Гвинеи). Была описана находка использованных отщепов и пластин в поверхностных залежах (Glover & Ellen, 1975, 1977). Здесь найдено лишь небольшое количество пластин. Отщепы и пластины были также обнаружены в самом глубоком культурном уровне в пещере, расположенной на острове в заливе Берау (Ирианджая). В промежуточном слое были найдены черепки красной керамики и несколько сотщепов и пластин, у некоторых из них ударная поверхность была граненой (Heekeren, 1972, p. 133). Можно предположить, что по меньшей мере часть нижнего слоя относится к рассматриваемому нами периоду.

Многочисленные наскальные рисунки, которые также могли относиться к этому периоду, были найдены в тех же пещерах в Ирианджеа. Аналогичные рисунки были найдены на островах Серам и Кеи. Они включают натуралистические изображения рыб и ящериц, танцующих людей и, похоже, фигур в масках, на других видны отпечатки рук или геометрические рисунки разных типов (рис. 127) (Heekeren, 1972, pp. 127–133).

Адаптация в период позднего плейстоцена к окружающим условиям, идентичным тем, которые характерны для ранней хоабиньской культуры, указывает на материковое происхождение всего технологического комплекса. Сольheim (Solheim, 1974, pp. 23–25) предположил, что эта традиция происходит от ранней хоабиньской культуры Южного Китая, где преобладали орудия из отщепов, тогда как в хоабиньской культуре более южных или западных регионов континента чаще использовались орудия из нуклеусов. На востоке Индонезии было развито производство орудий из пластин, а в некоторых районах – изготовление настоящих пластин. Использование пластин в производстве из отщепов распространилось на север вплоть до Филиппин примерно 7000 лет назад, однако не достигло Тайваня или севера Лусона. Этот основной комплекс орудий из отщепов использовался охотниками, собирателями, рыбаками и сборщиками моллюсков, которые, вероятно, стали выращивать растения, как и их хоабиньские родственники на материке. Нам известно, что растениеводство начало развиваться в Папуа–Новой Гвинее в ту же эпоху (см. главу 28) и там, по-видимому, уже были одомашнены свиньи. Как далеко на запад и на север распространилось это примитивное растениеводство?

Постхоабиньские культуры материковой части Юго-Восточной Азии

Хоабиньские культуры продолжали существовать в горных районах внутренней части Западной Малайзии, Камбодже и Таиланде еще долго после 5000 лет до наст. в., но еще до этого времени в некоторых регионах уже появились новые культуры. В расположенном в штате Паханг в Западной Малайзии поселении Гуа-Кечиль были найдены свидетельства перехода от раннего хоабиня к так называемому малайскому неолиту; часть этого нового материала с помощью радиоуглеродного анализа была отнесена к периоду около 6500 лет назад (Dunn, 1966). Данные о средней фазе этого перехода показывают, что существовали контакты между представителями хоабиньской культуры и группами людей эпохи малайского неолита, тогда как в третьей фазе произошло смешение людей и слияние двух культур, что привело к появлению новой, третьей культуры (оранг-асли) (Solheim, 1980a). Вполне вероятно, что контакты между народами исходных двух культур появились благодаря торговым связям. Данн (Dunn, 1975, p. 132) отмечает, что наличие морских моллюсков во всех уровнях пещер внутренних районов указывает на несомненное существование торговли раковинами. Мы не знаем цели торговли, однако можем предположить, что смола, кора, гематит и изделия из ротанговой пальмы (*Catamus rotan*) играли определенную роль в этой торговле.

В результате раскопок, проведенных в Банчианге на северо-западе Таиланда, появилось предположение, что изделия из бронзы находились в захоронении из глубокого слоя, датированного возрастом 6000 лет (Gorman &

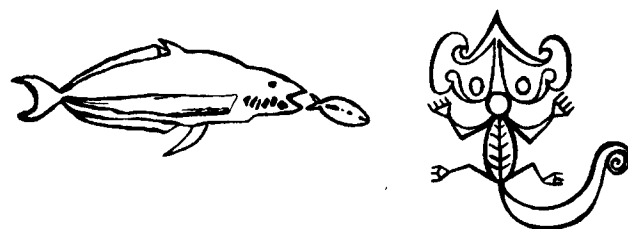

Рис. 127. Графические изображения: рыба, ящерица (о. Аргунь, Индонезия)

Charoenwongsa, 1976, pp. 17–20). Однако анализ керамики показал, что это захоронение принадлежит более позднему слою, и что первые бронзовые изделия Банчианга относятся ко времени 4000 лет назад (*White*, 1982, p. 77).

В самых ранних захоронениях Банчианга тела обычно укладывались на спину или, реже, в согнутое положение. В изголовье или в ногах умершего стояли одна или две вазы со шнуровым орнаментом или полированные вазы, часто с круглым дном, а иногда также украшения или орудия. Среди декоративных сюжетов встречаются криволинейные завитки и угловые меандры.

Со времени первого заселения отмечено появление риса – его разновидности, промежуточной между дикорастущим рисом и рисом, вероятно, выращенным на заливно-ном поле (*Yen*, 1982, pp. 62–63). В наши дни никакая разновидность риса без полива не культивируется в этом регионе, который вообще не подходит для выращивания этих видов. Клубневые культуры, среди них дикий и культивированный ямс, а также овощные культуры занимали, вероятно, важное место в рационе питания (*White*, 1984, pp. 28–33). Даже 30 лет назад дикие растения и животные еще составляли значительную часть продовольствия, а некоторые продукты, полученные на охоте или при сборе плодов, даже продавались на городских рынках. Идентифицированные остатки животных свидетельствуют, что ловля дичи капканами, охота и собирательство давали очень разнообразную дичь. К домашним видам относились свиньи, собаки, куры и, возможно, крупный рогатый скот (*Higham & Kijngam*, 1985, pp. 419–423).

Несмотря на то что культура баксан относится примерно к тому же периоду, что и хоабиньская культура, в большинстве обзорных публикаций о доисторическом периоде Вьетнама она отделена от хоабиньской культуры и рассматривается как первая подлинная культура эпохи неолита (*Davidson*, 1975, p. 84; *Hao*, 1979, pp. 21–22; *Long*, 1975, pp. 36–41; *Tan*, 1980, pp. 119–120). В баксанских скоплениях содержится гораздо меньше керамических изделий, чем в пластах позднего хоабиньского периода. Поселения баксонского типа были обнаружены на северо-востоке Вьетнама, на побережье океана и на соседних известняковых островах (*Hao*, 1979, p. 22).

Другой комплекс поселений рассматривается некоторыми авторами как представитель поздней баксонской культуры. Самым древним из них является поселение Да-Бут к югу от Ханоя. Хотя в наши дни оно находится на некотором расстоянии от океана, в эпоху своего заселения оно находилось вблизи от побережья (*Jamieson*, 1981, pp. 188, 190). Залежи в поселении Да-Бут представляют собой открытые скопления раковин. Сегодня они тем ближе к современному побережью, чем позднее они появились (*Davidson*, 1975, p. 84; *Hao*, 1979, pp. 23–24; *Tan*, 1980, pp. 119–120).

Следы третьей культуры, культуры куинхван, которая пришла на смену культуре баксан, обнаружены в многочисленных поселениях к югу от Да-Бут. Она четко отличается от других материальных культур Вьетнама той эпохи двумя особенностями: каменные орудия изготавливались из базальтовых пород путем скалывания, а не шлифовки, а ее гончарные изделия имели совершенно оригинальную форму. Основная часть самых древних керамических изделий имела цилиндрическую форму, у них не было обода, а дно было заостренной формы, тогда как керамические изделия всех других культур и самых поздних поселений культуры куинхван имели закругленное дно и короткие ободья. Вероятно, их отделека производилась с помощью штамповочного инструмента с насечками, который оставлял параллельные бороздки и канавки (*Hao*, 1979, p. 24). Местонахождения представляют собой обширные скопления раковин под открытым небом. Захоронения, находящиеся в этих скоплениях, похожи на захоронения в поселении Да-Бут

(*Tan*, 1980, p. 120). Радиоуглеродным анализом скопления отнесены к 6500 г. до наст. в., но этот возраст является спорным. Некоторые полагают, что он слишком поздний.

Культура баутро пришла на смену культуре куинхван в тех же местах. Несмотря на отсутствие датировок, можно предположить, что она относится к периоду между 5500 и 4500 г. до наст. в. Ее основным отличием было появление тесла с выступом, которое, как полагают, использовалось в качестве мотыги, что предполагает возросшее значение земледелия. Тесло с выступом встречается и дальше к северу, а также на западе вплоть до Ассамы. Оно встречается на различных этапах развития региона на всей территории Южного Китая и на севере континентальной части Юго-Восточной Азии. На краях этих орудий часто видны следы неравномерного износа, и это подтверждает предположение о том, что они служили для перепахивания земли (*Roy*, 1981, pp. 203–215). Другим новым явлением в этой культуре, а также в других современных ей культурах Вьетнама и Таиланда, является то, что керамические изделия и орнаменты на них принимали все более разнообразные формы (*Hao*, 1979, pp. 25–26; *Tan*, 1980, pp. 121–123), которые повторялись на протяжении более 3000 лет, распространяясь по всей Юго-Восточной Азии и западным регионам Тихого океана.

Развитие морских культур Юго-Восточной Азии

Мало исследований было посвящено морским культурам Юго-Восточной Азии, относящимся к поздним эпохам доисторического периода или к нашему времени. Имеются некоторые сведения о морских кочевниках Западной Малайзии и Северо-Западной Индонезии, а также Филиппин, Борнео и Восточной Индонезии (*Sopher*, 1977). Мы знакомы с историей первых торговых империй, таких как Шривиджая и Маджапахит, однако нам почти ничего не известно о морской стороне этих «империй». Из недавних исследований стало известно об оживленной морской торговле в Юго-Восточной Азии в течение третьего тысячелетия до наст. в. (*Loofs-Wissowa*, 1980–1981; *Solheim*, 1982–1983). Было высказано предположение, что морские культуры, основанные на торговле, появились примерно 7000 лет назад (*Solheim*, 1979, pp. 195–197).

Археологические находки 1960–1980-х гг. вызывают многочисленные споры, и лишь дальнейшие глубокие исследования во всех областях, связанных с доисторическим периодом, позволят устранить противоречия.

Корея

Археология в Корее пока находится на начальной стадии накопления данных, и еще не выявлены с достоверностью археологические последовательности и не установлена связь между различными регионами. Традиционные теории, касающиеся происхождения культур и их взаимосвязей, ставятся под сомнение. Ясно лишь то, что 3000 лет тому назад или немного ранее культура выращивания риса стала проникать в Корею, а затем в Японию из Юго-Восточной Азии. Этим отмечено начало очень тесных культурных связей между Южной Кореей и о. Кюсю в Японии, связей, которые продолжались более тысячи лет.

Тонгсамдонг является единственным известным нам корейским поселением, в отношении которого в публикациях на английском языке указаны даты, соответствующие хронологическим рамкам настоящей главы. В одной из этих публикаций упоминаются еще три поселения, одно из которых расположено в Северной Корее.

Местонахождение Тонгсамдонг представляет собой скопление раковин на небольшом острове в заливе Пусан.

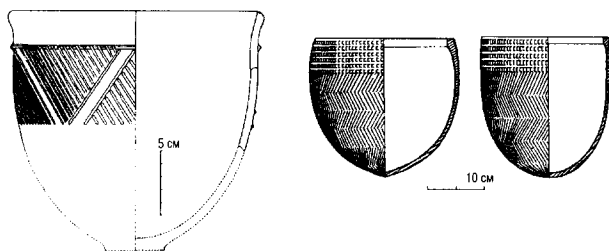

Рис. 128. Три керамические вазы из местонахождения Тонгсамдонг (Республика Корея) (по Kim Won-Yong, 1983)

Здесь, как и в Японии, самые древние гончарные изделия (рис. 128) украшены лепными орнаментами в виде треугольников или зигзагов. В Тонгсамдонге они были найдены в нижнем слое (уровень 4) рядом с гладкостенной керамикой и гончарными изделиями с гребенчатым орнаментом (так называемого геометрического типа), количество которых возрастало по мере приближения к верхним слоям, тогда как гончарные изделия с лепными орнаментами становились все более редкими и полностью отсутствовали в верхнем слое. Подобные изделия, относящиеся к 7000 лет до наст. в., были обнаружены в местонахождении к северу от г. Пусан. В уровне 4 были найдены керамические изделия ранней японской культуры дзёмон в стиле, называемом *токороки*, который относится ко второй половине седьмого тысячелетия до наст. в. В этом же слое находился обсидиан, привезенный из карьеров на северо-западе о. Кюсю. «Эти люди занимались интенсивной рыбной ловлей как в открытом море, так и в водах залива... Они ловили также морских львов, а когда представлялся случай, то и выброшенных на берег китов... Они также охотились на таких земных млекопитающих, как речной олень и кабан» (Kim W.-Y., 1983, p. 15).

Уровень 3 поселения Тонгсамдонг датирован возрастом примерно 5000 лет до наст. в. В нем были найдены керамические изделия ранней дзёмонской культуры, называемые *собата*, которые в Японии датируются второй половиной шестого тысячелетия до наст. в. Керамика *собата* встречается в северо-восточном прибрежном районе о. Кюсю. В уровне 3 были также найдены костяные рыболовные крючки, наконечники для метательных снарядов, гарпуны и другие орудия, а также раковина морского гребешка с тремя отверстиями, напоминающая форму лица (рис. 129), похожая на раковины, найденные на о. Кюсю (Kim, 1983, pp. 11–19).

Рис. 129. Маска, выполненная из раковины морского гребешка, из местонахождения Тонгсамдонг (Республика Корея) (по Kim Won-Yong, 1983)

В одном поселении на западном побережье Северной Кореи были обнаружены типичные гончарные изделия с геометрическим орнаментом, относящиеся примерно к 6000 лет до наст. в. (Kim Jeong-Hak, 1978, pp. 26–30).

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Выражаю признательность профессору Э. Канеко (Erika Kaneko) за советы относительно разделов, посвященных Японии, Корею и Тайваню, а также Ф. Хеллингер (Freda Hellinger) за помощь в подготовке окончательного текста. Ошибки и упущения на ответственности автора.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AIGNER, J. 1981. The Hoabinhian in China. In: GOSH, A. K.; SOLHEIM, W. G., II (eds), Festschrift in Honor of Hallam Movius Jr. Calcutta.
- ALEXANDER, S.; COURSEY, D. G. 1969. The Origins of Yam Cultivation. In: USCO, P.; DIMBLEBY, G. W. (eds), The Domestication and Exploitation of Plants and Animals. Chicago, pp. 404–25.
- BAYARD, D. 1984. A Checklist of Vietnamese Radiocarbon dates. In: BAYARD, D. (ed.), Southeast Asian Archaeology at the XV Pacific Science Congress. Dunedin. pp. 305–32.
- BELLWOOD, P. 1976. Archaeological Research in Minahasa and the Talud Islands, Northeastern Indonesia. Asian Perspect., Vol. 19, pp. 240–88.
- 1979. Man's Conquest of the Pacific: The Prehistory of Southeast Asia and Oceania. Oxford.
- 1984. Archaeological Research in the Madai-Baturong Region, Sabah. Indo Pac. Prehist. Assoc. Bull., Vol. 5, pp. 38–54.
- BEYER, H. O. 1948. Philippine and East Asian Archaeology and its Relation to the Pacific Islands Population. Quezon.
- BLUST, R. 1976. Austronesian Culture History: Some Linguistic Inferences and their Relation to the Archaeological Record. World Archaeol., Vol. 8, pp. 19–43.
- 1984–5. Austronesian Homeland: A Linguistic Perspective. Asian Perspect., Vol. 26, pp. 45–67.
- BORISKOVSII, P. I. 1970. Vietnam in Primeval Times. Part IV: The Mesolithic. The Hoa-Binhian Culture. Sov. Anthropol. Archaeol. (New York), Vol. 8, No. 3, pp. 214–57.
- BRANDT, R. W. 1976. The Hoabinhian of Sumatra: Some Remarks. Mod. Quat. Res. SEAsia, Vol. 2, pp. 49–52.
- BRONSON, B.; ASMAR, T. 1975. Prehistoric Investigations at Tianko Panjang Cave, Sumatra. Asian Perspect., Vol. 18, pp. 128–45.
- BROOKS, S. T.; HEGLAR, R.; BROOKS, R. H. 1977. Radiocarbon Dating and Palaeoserology of a Selected Burial Series from the Great Cave of Niah, Sarawak, Malaysia. Asian Perspect., Vol. 20, pp. 21–31.
- BULBECK, D. 1982. A Re-evaluation of Possible Evolutionary Processes in Southeast Asia since the Late Pleistocene. Indo Pac. Prehist. Assoc. Bull., Vol. 3, pp. 1–21.
- CHANG KWANG-CHIH. 1969. Review Article of SUNG Wen-hsun, Changpinian: A Newly Discovered Pre-ceramic Culture from the Agglomerate Caves on the East Coast of Taiwan (Preliminary Report). Asian Perspect., Vol. 12, pp. 133–6.
- CHANG KWANG-CHIH et al. 1969. Fengpitou, Tapenkeng and the Prehistory of Taiwan. New Haven. (Yale Univ. Publ. Anthropol., 73.)
- 1974. Man in the Chosui and Tatu River Valleys in Central Taiwan: Preliminary Report of an Interdisciplinary Project, 1972–1973 Season. Asian Perspect., Vol. 17, pp. 36–55.
- CHANG TE-TZU. 1984–5. The Ethnobotany of Rice in Island Southeast Asia. Asian Perspect., Vol. 26, No. 1, pp. 69–76.
- CHAPPELL, J.; THOM, B. G. 1977. Sea Levels and Coasts. In: ALIEN, J.; GOLSON, J.; JONES, R. (eds), Sunda and Sahul: Prehistoric Studies in Southeast Asia, Melanesia and Australia. London, pp. 275–91.
- CHINH HOANG XUAN. 1979. A Few Remarks on Hoabinh Cultures Basing on New Documents. In: Recent Discoveries and New Views on Some Archaeological Problems in Vietnam. Hanoi, pp. 9–13.
- 1984. Hoabinhian Culture and the Birth of Botanical Domestication in Viet Nam. In: BAYARD, D. (ed.), Southeast Asian Archaeology at the XV Pacific Science Congress. Dunedin, pp. 169–72.

- COLANI, M. 1927. L'Âge de la pierre dans la province de Hoa Binh (Tonkin). *Mém. Serv. Géol. Indoch. (Hanoi)*, Vol. 41, pp. 1–86.
- 1929. Quelques stations Hoabinhiennes: Note préliminaire. *Bull. éc. fr. Extrême Orient*, Vol. 29, pp. 261–72.
- CONKLIN, H. C. 1957. Hanunoo Agriculture in the Philippines. Rome, FAO.
- DAVIDSON, J. H. C. S. 1975. Recent Archaeological Activity in Vietnam. *J. Hong Kong Archaeol. Soc.*, Vol. 6, pp. 80–99.
- DUNN, F. L. 1964. Excavations at Gua Kechil, Pahang, J. Malays. Branch R. Asiat. Soc. (Kuala Lumpur), Vol. 37, pp. 87–124.
- 1966. Radiocarbon Dating of the Malayan Neolithic. *Proc. Prehist. Soc.*, Vol. 32, pp. 352–3.
- 1975. Rain-forest Collectors and Traders: A Study of Resource Utilization in Modern and Ancient Malaya. Kuala Lumpur. (Monogr. Malays. Branch R. Asiat. Soc., 5.)
- DUONG PHAM DUG. 1982. The Origin of Wet Rice Socio-Cultural Model of the Viets through Linguistic Data. In: *Studies in History and Culture of Southeast Asia Environment and Human Life*. Hanoi, pp. 10–31.
- EVANGELISTA, A. E. 1963. Philippines. *Asian Perspect.*, Vol. 7, pp. 52–6.
- FOX, R. B. 1970. The Tabon Caves. Manila.
- FREEMAN, D. 1955. Iban Agriculture: A Report on the Shifting Cultivation of Hill Rice by the Iban of Sarawak. London.
- FROMAGET, J. 1940. La Stratigraphie des dépôts pré-historiques de Tarn-Hang (Chaîne Annamitique septentrionale) et ses difficultés. In: CHASEN, F. N.; TWEEDE, M. W. F. (eds), *Proceedings of the Third Congress of Prehistorians of the Far East*. Singapore, pp. 60–70.
- GLINKA, J. 1981. Racial History of Indonesia. In: SCHWIDENTZKY, I. (ed.), *Rassengeschichte der Menschheit, 8. Lieferung Asien I: Japan, Indonesien, Ozeanien*. Munich, pp. 79–113.
- GLOVER, I. C. 1971. Prehistoric Research in Timor. In: MULVANEY, D. J.; GOLSON, J. (eds), *Aboriginal Man and Environment in Australia*. Canberra, pp. 158–81.
- 1977. The Late Stone Age in Eastern Indonesia. *World Archaeol.*, Vol. 9, pp. 42–61.
1981. Leang Burung 2: An Upper Palaeolithic Rock Shelter in Sulawesi, Indonesia. *Mod. Quat. Res. SEAsia*, Vol. 6, pp. 1–38.
- GLOVER, I. C.; ELLEN, R. F. 1975. Ethnographic and Archaeological Aspects of a Flaked Stone Collection from Seram, Eastern Indonesia. *Asian Perspect.*, Vol. 18, pp. 51–60.
- 1977. A Further Note on Flaked Stone Material from Seram, Eastern Indonesia. *Asian Perspect.*, Vol. 20, pp. 236–40.
- GLOVER, I. C.; PRESLAND, G. 1985. Microliths in Indonesian Flaked Stone Industries. In: MISRA, V. M.; BELLWOOD, P. (eds), *Recent Advances in Indo-Pacific Prehistory*. New Delhi, pp. 185–205.
- GORMAN, C. 1969. Hoabinhian: A Pebble-Tool Complex with Early Plant Associations in Southeast Asia. *Science (Washington)*, Vol. 163, No. 3868, pp. 671–3.
- 1970. Excavations at Spirit Cave, North Thailand: Some Interim Interpretations. *Asian Perspect.*, Vol. 13, pp. 79–107.
1971. The Hoabinhian and After: Subsistence Patterns in South-East Asia during the Late Pleistocene and Early Recent Periods. *World Archaeol.*, Vol. 2, pp. 300–20.
- GORMAN, C.; CHAROENWONGSA, P. 1976. Ban Chiang: A Mosaic of Impressions from the First Two Years. Expedition, Univ. Pa. Mus. (Philadelphia, Pa.), Vol. 18, pp. 14–26.
- HAO NGUYEN VAN. 1979. Neolithic Age in Vietnam and its Evolution. In: *Recent Discoveries and New Views on Some Archaeological Problems in Vietnam*. Hanoi, pp. 21–5.
- HARRIS, D. R. 1972a. Swidden Systems and Settlement. In: UCKO, P.; TRINGHAM, R.; DIMBLEBY, G. W. (eds), *Man, Settlements and Urbanism*. London, pp. 245–62.
- 1972b. The Origins of Agriculture in the Tropics. *Am. Sci. (New Haven)*, Vol. 60, pp. 180–93.
- HARRISSON, B. 1967. A Classification of Stone Age Burials from Niah Great Cave, Sarawak. *Sarawak Mus. J. (Kuching)*, NS, Vol. 15, No. 30–1, pp. 126–200.
- 1968. A Niah Stone-Age Burial C¹⁴ Dated. *Sarawak Mus. J. (Kuching)*, NS, Vol. 15, pp. 64–6.
- HARRISSON, T. 1970. The Prehistory of Borneo. *Asian Perspect.*, Vol. 13, pp. 17–45.
- HARRISSON, T.; MEDWAY, LORD. 1962. A First Classification of Prehistoric Bone and Tooth Artifacts Based on Material from Niah Great Cave. *Asian Perspect.*, Vol. 6, pp. 219–29.
- HEEKEREN, H. R. VAN. 1972. *The Stone Age of Indonesia*. The Hague.
- HEEKEREN, H. R. VAN; KNUTH, E. 1967. *Archaeological Excavations in Thailand*. I. Sai Yok. Copenhagen.
- HIGHAM, C. F. W.; KIJNGAM, A. 1985. New Evidence for Agriculture and Stockraising in Monsoonal Southeast Asia. In: MISRA, V. N.; BELLWOOD, P. (eds), *Recent Advances in Indo-Pacific Prehistory*. New Delhi, pp. 419–23.
- HOWELLS, W. 1973. *The Pacific Islanders*. London.
- HUTTERER, K. 1969. Preliminary Report on Archaeological Fieldwork in Southwestern Samar. *Leyte-Samar Stud. (Tacloban City)*, Vol. 3, pp. 37–56.
- JACOB, T. 1967. Racial Identification of the Bronze Age Human Dentitions from Bali, Indonesia. *J. Dent. Res. (Houston)*, Vol. 46, No. 5, pp. 903–10.
- 1974. Studies on Human Variation in Indonesia. *J. Natl. Med. Assoc. (East Norwalk)*, Vol. 66, No. 5, pp. 389–99.
- 1979. Hominine Evolution in South East Asia. *Archaeol. Phys. Anthropol. Ocean. (Sydney)*, Vol. 14, pp. 1–10.
- JAMIESON, N. 1981. A Perspective of Vietnamese Prehistory Based upon the Relationship between Geological and Archaeological Data: Summary of an Earlier Article by Nguyen Due Tarn. *Asian Perspect.*, Vol. 24, pp. 187–92.
- KENNEDY, K. A. R. 1977. The Deep Skull of Niah: An Assessment of Twenty Years of Speculation Concerning its Evolutionary Significance. *Asian Perspect.*, Vol. 20, pp. 32–50.
- KIM JEONG-HAK. 1978. *The Prehistory of Korea*. Honolulu.
- KIM WON-YONG. 1983. *Recent Archaeological Discoveries in the Republic of Korea*. Paris/Tokyo.
- KOHL, G.; QUITTA, H. 1978. Berlin Radiocarbon Dates V. Radiocarbon (New Haven), Vol. 20, No. 2, pp. 386–97.
- LONG NGUYEN PHUC. 1975. Les Nouvelles Recherches archéologiques au Vietnam. *Arts Asiat. (Paris)*, Vol. 31, p. 294.
- LOOFS-WISSOWA, H. H. E. 1980–1. Prehistoric and Protohistoric Links between the Indochinese Peninsula and the Philippines, as Exemplified by Two Types of Ear-ornaments. *J. Hong Kong Archaeol. Soc.*, Vol. 9, pp. 57–76.
- MAJID, Z. 1982. The West Mouth, Niah, in the Prehistory of Southeast Asia. *Sarawak Mus. J. (Kuching)*, Vol. 31, No. 52, pp. 1–200.
- MATTHEWS, J. M. 1961. A Check-List of 'Hoabinhian' Sites Excavated in Malaya 1860–1939. Kuala Lumpur.
- 1966. A Review of the 'Hoabinhian' in Indo-China. *Asian Perspect.*, Vol. 9, pp. 86–95.
- MOURER, C.; MOURER, R. 1970. The Prehistoric Industry of Laung Spean, Province of Battambang, Cambodia. *Archaeol. Phys. Anthropol. Ocean. (Sydney)*, Vol. 5, No. 2, pp. 128–46.
- 1971. Prehistoric Research in Cambodia during the Last Ten Years. *Asia Perspect.*, Vol. 14, pp. 35–42.
- MOURER, R. 1977. Laung Spean and the Prehistory of Cambodia. *Mod. Quat. Res. SEAsia*, Vol. 3, pp. 29–56.
- PAWLEY, A. K.; GREEN, R. C. 1975. Dating the Dispersal of the Oceanic Languages. *Ocean. Linguist. (Honolulu)*, Vol. 21, pp. 1–67.
- PETERSON, W. 1979. Archaeological Research in the Noviliches Watershed, Philippines. *Asian Perspect.*, Vol. 22, pp. 120–39.
- REID, L. A. 1984–5. Benedict's Austro-Thai Hypothesis – an Evaluation. *Asian Perspect.*, Vol. 26, pp. 19–34.
- RONQUILLO, W. P. 1981. The Technological and Functional Analysis of the Lithic Flake Tools from Rabel Cave, Northern Luzon, Philippines. Manila.
- ROY, S. K. 1981. Aspects of Neolithic Agriculture and Shifting Cultivation, Garo Hills, Meghalaya. *Asian Perspect.*, Vol. 24, pp. 193–321.
- SAUER, C. O. 1969. *Agricultural Origins and Dispersals*. Cambridge, Mass./London.
- SAURIN, E. 1966. Le Mobilier préhistorique de l'abri-sous-roche de Tarn Pong (Haut Laos). *Bull. Soc. Etud. indoch. (Saigon)*, Vol. 41, pp. 106–18.
- SCHEANS, D. J.; HUTTERER, K. L.; CHERRY, R. L. 1970. A Newly Discovered Blade Tool Industry from the Central Philippines. *Asian Perspect.*, Vol. 13, pp. 179–81.

- SCHMIDT, W. 1906. Die Mon-Khmer-Völker, ein Bindeglied zwischen Völkern Zentralasiens und Austronesiens. Arch. Anthropol. (Braunschweig), Vol. 33, pp. 59–109.
- SHUTLER, R.; MARCK, J. C. 1975. On the Dispersal of the Austronesian Horticulturalists. Archaeol. Phys. Anthropol. Ocean., Vol. 10, pp. 81–113.
- SOLHEIM, W. G., II. 1958. The Present Status of the 'Palaeolithic' in Borneo. Asian Perspect., Vol. 2, pp. 83–90.
- 1969. Reworking Southeast Asian Prehistory. Paideuma (Wiesbaden), Vol. 15, pp. 125–39.
- 1970. Northern Thailand, Southeast Asia and World Prehistory. Asian Perspect., Vol. 13, pp. 145–62.
- 1974. The Hoabinhian and Island Southeast Asia. In: TANTOCO, R. B. (ed.), Proceedings of the First Regional Seminar on Southeast Asian Prehistory and Archaeology. Manila, pp. 19–26.
- 1975. Reflections on the New Data of Southeast Asian Prehistory: Austronesian Origins and Consequence. Asian Perspect., Vol. 18, pp. 146–60.
- 1976a. Coastal Irian Jaya and the Origin of the Nusantao (Austronesian Speaking People). In: SEROZAWA, C. (ed.), Colloque 18: le premier peuplement de l'archipel nippon et des Îles du Pacifique: chronologie, paléogéographie, industries. Nice, pp. 32–42. (9th International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences.)
- 1976b. Prehistory of Southeast Asia with Reference to Oceania. In: GARANGER, J. (ed.), Colloque 9: la préhistoire océanienne. Nice, pp. 135–51. (9th International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences.)
- 1977. The Niah Research Program. J. Malays. Branch R. Asiat. Soc. (Kuala Lumpur), Vol. 50, pp. 28–40.
- 1979. A Look at 'L'Art Prébouddhique de la Chine et de l'Asie du Sud-Est et son influence en Océanie' Forty Years After. Asian Perspect., Vol. 22, pp. 165–205.
- 1980a. Searching for the Origins of the Orang Asli. Fed. Mus. J. (Kuala Lumpur), Vol. 15, pp. 61–75.
- 1980b. Review Article: Recent Discoveries and New Views on Some Archaeological Problems in Vietnam. Asian Perspect., Vol. 23, pp. 9–16.
- 1982–3. Remarks on the Lingling-o and Biècephalous Ornaments. J. Hong Kong Archaeol. Soc., Vol. 10, pp. 107–11.
- 1983. Archaeological Research in Sarawak, Past and Future. Sarawak Mus. J. (Kuching), NS, Vol. 23, No. 53, pp. 35–58.
- 1985a. 'Southeast Asia': What's in a Name?, Another Point of View. J. SEAsian Stud. (Singapore), Vol. 16, pp. 141–7.
- 1985b. Nusantao Traders beyond Southeast Asia. (Paper presented at Research Conference on Early Southeast Asia, Thailand, April, 1985.)
- SOLHEIM, W. G., II; LEGASPI, A. M.; NERI, J. S. 1979. Archaeological Survey in Southeastern Mindanao. Manila.
- SOPHER, D. E. 1977. The Sea Nomads: A Study of the Maritime Boat People of Southeast Asia. Singapore.
- SPENCER, J. E. 1966. Shifting Cultivation in Southeastern Asia. Univ. Calif. Publ. Geogr. (Berkeley/Los Angeles), Vol. 19, pp. 110–122.
- SPOEHR, A. 1973. Zamboanga and Sulu: An Archaeological Approach to Ethnic Diversity. Pittsburgh.
- SUBAGUS, N. A. 1979. Obsidian Industry in Leles, West Java. Preliminary Report. Mod. Quat. Res. SEAsia, Vol. 5, pp. 35–41.
- SUZUKI, H. 1981. Racial History of the Japanese. In: SCHWIDENTZKY, I. (ed.), Rassengeschichte der Menschheit 8. Lieferung Asien I: Japan, Indonesien, Ozeanien. Munich, pp. 7–69.
- 1983. Pleistocene Man in Japan. Recent Prog. Nat. Sci. Jpn., Vol. 8, pp. 13–17.
- TAN HA VAN. 1980. Nouvelles Recherches préhistoriques et protohistoriques au Vietnam. Bull. éc. fr. Extrême Orient (Paris), Vol. 68, pp. 115–43.
- TENAZAS, R. 1985. A Note on Stone and Shell Instruments from Late Palaeolithic and Neolithic Sites in Carcar, Cebu, Philippines. In: MISRA, V. N.; BELLWOOD, P. (ed.), Recent Advances in Indo-Pacific Prehistory. New Delhi, pp. 207–9.
- THAWAUNG. 1971. The 'Neolithic' Culture in the Padah-lin Caves. Asian Perspect., Vol. 14, pp. 123–33.
- THIEL, B. 1980a. Excavations in the Pinacanauan Valley, Northern Luzon. Indo Pac. Prehist. Assoc. Bull., Vol. 2, pp. 40–8.
- 1980b. Subsistence Change and Continuity in Southeast Asian Prehistory. Urbana-Champaign. (Ph.D. thesis, University of Illinois.)
- TUGGLE, H. D.; HUTTERER, K. L. 1972. Introduction. In: Archaeology of the Sohotan Area, Southwestern Samar, Philippines. Leyte-Samar Stud. (Tacloban City), Vol. 6, No. 2, pp. 5–12.
- WHARTON, C. H. 1968. Man, Fire and Wild Cattle in Southeast Asia. In: TALL TIMBERS FIRE ECOLOGY CONFERENCE, 8. Tallahassee. Proceedings Annual, pp. 107–67.
- WHITE, J. C. 1982. Ban Chiang: Discovery of a Lost Bronze Age. Philadelphia, University of Pennsylvania Museum.
- 1984. Origins of Plant Domestication in Southeast Asia: Ethnoecological Contribution from Ban Chiang. In: BAYARD, D. (ed.), Southeast Asian Archaeology at the XV Pacific Science Congress. Dunedin, pp. 26–35.
- XU WENLONG. 1982. A Genetic Survey of ABO, MN Blood Groups of the Inhabitants in Hainan Island, Guangdong Province. Acta Anthropol. Sin. (Beijing), Vol. 1, No. 1, p. 79.
- YAMAGUCHI, B. 1983. Microevolutionary Change of the Japanese. Recent Prog. Nat. Sci. Jpn., Vol. 8, pp. 19–23.
- YEN, D. E. 1977. Hoabinhian Horticulture? The Evidence and the Questions from Northwest Thailand. In: ALLEN, J.; GOLSON, J.; JONES, R. (eds), Sunda and Sahul: Prehistoric Studies in Southeast Asia, Melanesia and Australia. London/New York, pp. 567–99.
- 1982. Ban Chiang Pottery and Rice. Expedition, Univ. Pa. Mus. (Philadelphia), Vol. 24, No. 4, pp. 51–64.
- 1984. Wild Plants and Domestication in Pacific Islands. In: MISRA, V. N.; BELLWOOD, P. (eds), Recent Advances in Indo-Pacific Prehistory. New Delhi, pp. 315–26.
- ZHANG XHENBIAO; ZHANG JIANJUN. 1982. Anthropological Studies on Li Nationality in Hainan Island, China. Acta Anthropol. Sin. (Beijing), Vol. 1, No. 1, pp. 70–1.

КИТАЙ

В ЭПОХУ НЕОЛИТА

Ань Чжиминь

Китай занимает общую площадь около 9,6 млн. кв. км на востоке Азии. На этой обширной территории расположены высокие горные системы, плато, крупные водоемы, большие равнины, многочисленные реки и озера, а ее морское побережье имеет значительную протяженность. Климат различается в зависимости от районов: от тропического на юге, до умеренного на севере, температура поднимается от прибрежных районов юго-востока к континентальным землям на северо-западе. Количество осадков постепенно сокращается в направлении с юга на север, и в зависимости от этого появляются различные типы ландшафта – леса, степи или пустыни. Эти различия ландшафта, климата и растительности в известной мере определили экономическое и культурное развитие доисторического Китая.

Следы человеческой деятельности, относящиеся к эпохе неолита, рассеяны по всему Китаю. В зависимости от типов экологического и географического окружения и стадий экономического и культурного развития представляется возможным выделить в общих чертах четыре больших региона: долину р. Хуанхэ (Желтая р.), северную степь, среднее течение и долину р. Чанцзян (Янцзы), горную местность на юге. Долина р. Хуанхэ, где наиболее плотно расположены поселения эпохи неолита, является колыбелью земледелия и цивилизации Китая, однако и в других регионах страны существовали древние культуры и давние традиции. Все эти регионы обладают относительно сложными культурными признаками, которые явились результатом длительного становления и взаимного влияния.

ДОЛИНА РЕКИ ХУАНХЭ

Река Хуанхэ является самой крупной водной артерией Северного Китая. Ее бассейн занимает площадь примерно 750 тыс. кв. км, включает лессовые плато на западе, аллювиальную равнину на востоке и холмы Шаньдунского п-ва. Теплый климат и умеренное количество осадков (400–800 мм в год) дали возможность развиваться в этих регионах примитивное земледелие: выращивать могар и просо. В бассейне Хуанхэ были обнаружены многочисленные местонахождения эпохи мезолита, характерной чертой которых было наличие в них микролитических изделий. Что касается зарождения неолита, то, несмотря на недостающие звенья, возникновение к 8000–7000 лет назад развитых земледельческих поселений показывает, что появление земледелия может быть отнесено к более раннему пе-

риоду. Именно в этом регионе можно с наибольшей ясностью наблюдать преемственность эпохи китайского неолита и его тесные связи с историческими временами.

На протяжении нескольких десятилетий знания об эпохе неолита в долине р. Хуанхэ в основном базировались на изучении культур яншао (Yangshao) и лоншан (Longshan), однако недавняя находка некоторого количества более древних остатков обеспечила значительный прорыв в этих знаниях. Найденные новые остатки принадлежат культурам сишан (Cishan), пейлиган (Peiligang) и дядиван (Dadiwan), следы которых были открыты соответственно в 1976, 1977 и 1979 гг., а позднее идентифицированы как общества, которые развивались параллельно на лессовом плато и на северной равнине. Эти культуры обладают многими общими признаками, что свидетельствует об их взаимодействии.

Поселения разбросаны вдоль малых и средних рек обычно на 30–40 м выше их современного русла, а иногда непосредственно на берегах старых речных русел. Площадь каждого поселения составляет более одного гектара, а обнаруженные в них фундаменты жилищ, хранилища, печи для обжига глиняной посуды, захоронения и другие следы свидетельствуют о существовании постоянно заселенных деревень в эпоху неолита.

Еще не установлено устройство этих деревень. К настоящему времени обнаружено лишь небольшое количество жилищ. В основном речь идет о полуподземных сооружениях – землянках, имеющих в плане круглую или квадратную форму, у которых по фасаду имеется узкий вход, а вдоль бывших стен – отверстия в земле для деревянных столбов, которые составляли несущую структуру жилища. Хранилища чаще всего имели круглую форму, были большими в диаметре и по глубине, однако некоторые хранилища сишанской культуры были прямоугольными, глубиной до 5 м и заполнены зернами могара, которые не оставляли никакого сомнения в их назначении.

В местонахождении Пейлиган открыты развалины горизонтальной гончарной печи – самой древней из известных на сегодняшний день. В захоронениях, обнаруженных в этом же поселении, были найдены следы погребальных ритуалов. Более сотни могил были объединены на общем кладбище, расположенном вблизи деревни. Эти могилы обычно содержали одно захоронение, двойные захоронения были редкими. В большинстве из них рядом с умершим лежали погребальные приношения из керамики или камня. Среди таких изделий выделяются два отдельно лежавших набора изделий из камня: один включал ступу и

цилиндрический пест, другой – лопату и серп, которые, за исключением двойных захоронений, никогда не попадались вместе. Похоже, что они предназначались соответственно женщинам и мужчинам, однако, к сожалению, скелеты находились в таком плохом состоянии, что их было невозможно идентифицировать. Небольшое количество могил было также обнаружено в поселениях культур сишан и дадиван, но они более разбросаны, а содержащиеся в них предметы не такие разнообразные и характерные, как предметы, найденные в захоронениях культуры пейлиган.

Найдены поразительные свидетельства существования сельского хозяйства. Такие каменные изделия, как тщательно отполированная ступка на ножке, цилиндрический пест, узкая и тонкая лопата с двойной режущей кромкой закругленной формы и серп с зубринами, были типичными сельскохозяйственными орудиями в культурах пейлиган и сишан. В сишанской культуре полировка этих орудий была несколько грубой, а немногочисленные серпы не имели зубрин. Культура дадиван характеризуется другими сельскохозяйственными орудиями: найденные к настоящему времени изделия из камня представляют собой грубо обработанные лопаты и ножи. В некоторых местах были также раскопаны артефакты типа ножей или серпов с зубринами из раковин.

Некоторые виды зерновых культур были точно определены. В поселении Сишан найдены разложившиеся зерна могары (*Setaria italica*), а в поселении Дадиван – остатки проса (*Panicum miliaceum*) и семена рапса (*Brassica*). Эти находки доказывают, что могар и просо, способные выдерживать засуху и расти на лессовых землях, были очень рано окультурены и стали традиционными зерновыми культурами Северного Китая на протяжении длительного времени. Что касается животноводства, то кости свиней и вылепленная из терракоты голова свиньи, которые были найдены в Пейлигане, а также многочисленные скелеты свиней, собак и даже кур, обнаруженные в поселении Сишан, и челюсти свиней из могил поселения Дадиван указывают на то, что в то время собака и свинья были основными домашними животными.

Из этого описания можно сделать вывод, что сельскохозяйственное производство было основным способом выживания людей в те времена. Вместе с тем грецкие орехи (*Juglans regia*), лесные орехи (*Corylus heterophylla*), плоды каменного дерева (*Celtis bungeana*) и многочисленные остатки рыбы и дичи, обнаруженные в некоторых местах, свидетельствуют о том, что собирательство, рыбная ловля и охота играли определенную роль в их хозяйственной жизни.

Рассматривая производство каменных орудий в ту эпоху, следует отметить, что изделия, относящиеся к пейлиганской культуре, в большинстве своем были отполированы и тщательно отретушированы (рис. 130), тогда как изделия сишанской и дадиванской культур были получены преимущественно путем раскалывания камней и представ-

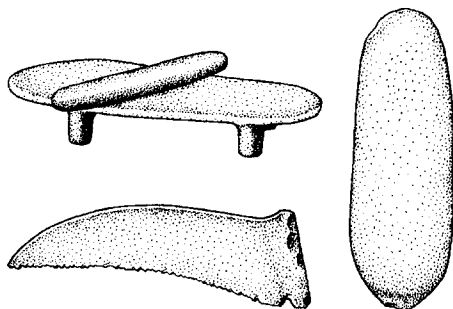

Рис. 130. Каменные изделия пейлиганской культуры (Китай)

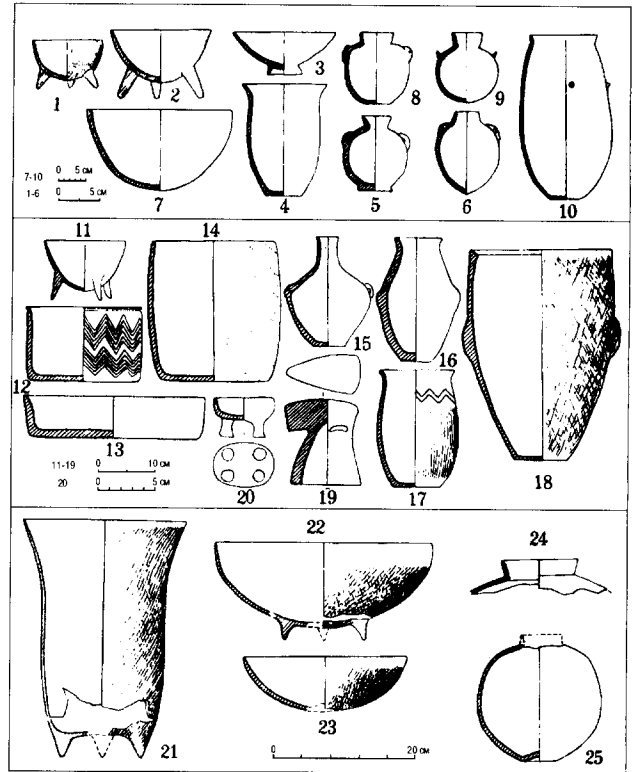

Рис. 131. Гончарные изделия ранних неолитических культур Северного Китая: 1–10 – пейлиганская культура; 11–20 – сишанская культура; 21–25 – дадиванская культура

лены рубилами, скребками, орудиями в форме топора и т.д., имевшими достаточно грубую полировку. Примечательно, что в культурах пейлиган и дадиван были обнаружены небольшие каменные пластины и скребки с тонкой отделкой, показывающие, что традиции микролитического производства продолжали существовать в эту эпоху.

Гончарные изделия (рис. 131) были достаточно простыми, изготавливались вручную, их стенки были неравной толщины. Температура обжига 900–960 °С в пейлигане и 700–930 °С в сишане была немного ниже той, которая позднее применялась при изготовлении керамических изделий культуры яншао. Гончарная печь пейлиганской культуры походила на печи культуры яншао, и это показывает, что заложенная в то время техническая база гончарного производства передавалась и совершенствовалась в последующие эпохи.

Типология сосудов позволяет выявить некоторое сходство между гончарными производствами различных регионов. Так, чаши на трех ножках с закругленным дном (*бо*) и широкогорлые глиняные кувшины (*гуан*) были найдены в поселениях, относящихся ко всем трем культурам, и имеют в основном одинаковые формы. Тем не менее у каждой культуры есть и собственные признаки. Так, по форме сосуды пейлиганской культуры представляют собой кувшины (*гу*) с круглым дном и с двумя ручками в форме полумесяца, а также вазы на трех ножках (*динг*). Для сишанской культуры характерны сосуды (*юо*) с вертикальными стенками и широким горлом, основаниями в форме сапожка и кувшины с двумя ручками (*зу*), которые в отличие от кувшины пейлиганской культуры имели узкую горловину и плоское дно. Дадиванская культура характеризуется глубокими кувшинами на трех ножках (*гуан*) с широким горлом и кувшинами (*зу*) с узким горлом и круглым дном, к которому часто приделывалось основание в форме кольца.

В составах глиняной массы также можно обнаружить некоторое различие. В культурах пейлиган и сишан преобладала красная грубая песчаная керамика, также найдено некоторое количество гончарных изделий из красной глины. В поселениях дадиванской культуры основную часть находок составляла грубая красная глиняная посуда из спеченного мелкого песка и немного изделий из красной глины. Из-за того, что изделия не были обожжены при необходимой температуре, их стенки в разломе часто имеют серо-коричневый цвет, их поверхности также имеют неровную окраску, а иногда на них видны серовато-черные пятна.

В различных культурах наблюдаются поразительные отличия в отделке и орнаментах. Так, гончарные изделия пейлиганской культуры имеют простые формы без орнаментов; большинство глиняных изделий отполированы, и самые красивые из них не уступают изделиям культуры яншао; черепок с простым рисунком черного цвета свидетельствует о существовании расписной керамики; кроме того, на изделиях этой культуры иногда встречаются следы гребенчатого орнамента, насечки и выступы. Гончарные изделия сишанской культуры в основном также имеют простые формы, а иногда украшены гребенчатым орнаментом, насечками и выступами. Вместе с тем они часто украшались оттисками шнуров (шнуровая керамика); на одном из черепков обнаружены параллельные зигзагообразные линии красного цвета. Дадиванская керамика обычно украшалась оттисками шнуров в виде пересекающихся линий, образующих решетку. И только кувшины (*zu*) с круглым дном и небольшое количество других изделий были гладко обработаны. Отпечатки шнуров, нанесенные на горловины трехногих чаш (*bo*), часто заполнялись красной краской. Из этого описания следует, что различия между тремя типами гончарных изделий значительно более существенны, чем сходные признаки, и эти находки следует отнести к различным культурным системам.

Стратиграфическое залегание и радиоуглеродный анализ доказывают, что все три культуры принадлежат относительно древней эпохе. В некоторых поселениях уровни, соответствующие культурам пейлиган и сишан, расположены под уровнями культуры яншао. Эти выводы подтверждены дополнительными радиоуглеродными датировками, которые относят пейлиганскую культуру к 8000–7500 лет до наст. в., сишанскую культуру – 8000–7700 лет до наст. в., и дадиванскую культуру – к 7800–7600 лет до наст. в. Эти три культуры предшествовали культуре яншао, и их в определенной степени можно считать современницами.

Возникнув в долине р. Хуанхэ относительно рано, культуры пейлиган, сишан и дадиван имеют тесные связи с культурой яншао. Об этом свидетельствуют сходства в размещении жилищ, их устройства, в установке гончарных печей, устройстве могил и в очевидной преемственности каменных орудий, гончарных изделий и других культурных признаков. Все это указывает на то, что культура яншао является наследницей трех первых культур.

Название культуры яншао происходит от названия одноименной деревни в уезде Мианчи провинции Хенань, где в 1921 г. были обнаружены ее первые следы. На протяжении длительного периода представление об этой культуре было расплывчатым. Она была названа лишь по одному признаку «культурой расписной керамики» в результате того, что перепуталось большое количество остатков, которые, несмотря на наличие среди них расписных гончарных изделий, принадлежали к различным культурам, и тем самым были утеряны основные признаки самой культуры. Хронологически эту культуру отнесли к слишком поздней эпохе, приняв ее за культуру позднего неолита. Большое количество широких и интенсивных археологических исследований, которые были проведены в последние десятилетия, позволили дополнить представления о культуре яншао. Стало ясно, что она возникла на лессовом

плато и в эпоху неолита распространилась по обоим сторонам среднего течения Хуанхэ. Датировки, проведенные радиоуглеродным методом, показывают, что она существовала в период примерно между 7100 и 4900 лет назад, т.е. на протяжении более двух тысячелетий. Кроме того, стали хорошо известны ее культурные признаки, а также происхождение и последующее развитие.

Обычно культуру яншао подразделяют на несколько отдельных комплексов, чтобы учесть все ее разновидности, обусловленные широким географическим распространением и длительной эволюцией. Так, на лессовом плато различают четыре фазы этой культуры: бейшоулин (*Beishouling*), банпо (*Banpo – Pan-p'o*), миаодигу (*Miaodigou – Miao-ti-kou*) и сиванкун (*Xiawangcun*), а на Северной равнине Китая – фазы миаодигу и дахэкун (*Dabecun*), или хоуган (*Hougang*) и дасиконгкун (*Dasikongcun*). Комплексный анализ стратиграфических залеганий, культурных признаков и радиоуглеродных датировок дает возможность установить хронологические последовательности и корреляцию между типами этой культуры.

Группы людей, живших в ту эпоху, вели оседлый образ жизни. Образовались крупные поселения, занимавшие площадь от 1 до 10 га и более. В ходе исследований, проведенных в Цзяньхае (*Jiangzhai*) в уезде Линтонг провинции Шэньси, была почти полностью раскопана деревня площадью более 5 га. Окруженная оборонительным рвом, эта деревня включала открытое пространство, полого спускающееся к центру и окруженное близко друг к другу установленными жилищами. Дома поселения можно разделить на пять комплексов, каждый из которых включал главное крупное сооружение и от десяти до двадцати небольших или средних жилищ, а также группу хранилищ. К востоку от рва были обнаружены три кладбища, они состояли из 175 тесно расположенных могил взрослых людей. Головы похороненных людей обычно были обращены к западу, реже к северо-западу. В могилах найдены погребальные предметы: гончарные изделия, каменные орудия и другие бытовые предметы. Детей хоронили в урнах; этих урн насчитывается не менее 190, некоторые из них находятся в разных частях кладбища, однако большинство – вблизи жилищ. Открытие этой деревни позволяет очень живо представить повседневную жизнь народа культуры яншао.

Жилища представляли собой или построенные на поверхности или деревянные полуподземные сооружения. Относительно хорошо сохранились только фундаменты. Полуподземные дома более распространены; в плане они были квадратными, прямоугольными или круглыми и занимали площадь около 20 кв. м. Жилище большого размера обнаружено в местонахождении Банпо, неподалеку от г. Ксиань в провинции Шэньси; оно занимало площадь более 100 кв. м и должно было служить общественным заведением, в котором обычно собирались члены общины.

Наземные жилища в плане были либо круглыми, либо прямоугольными. Круглые жилища, вероятно, имели крышу конической формы, как это показывают откопанные макеты из обожженной глины. Примером жилища прямоугольной площади служат руины дома, обнаруженные в Дахэкуне поблизости от Чженьчжоу в провинции Хенань. Дом площадью более 70 кв. м включал три смежных комнаты, самая большая из них была разделена перегородкой. Все это доказывает, что в культуре яншао был достигнут высокий уровень техники строительства жилищ.

Было развито сельскохозяйственное хозяйство. Во многих поселениях найдены остатки зерновых засухоустойчивых культур, таких как просо и могар, и семена овощей. Некоторые, редко попадавшиеся экземпляры, определены как остатки риса, но они требуют дополнительной идентификации. Были также обнаружены простые сельскохозяйственные орудия: каменные лопаты для копания земли и серпы для

Рис. 132. Расписные гончарные изделия культуры яншао (Китай)

жатвы из камня или обожженной глины. Распространенные прежде каменные зернотерки постепенно исчезают. Найденные в большом количестве каменные топоры и тесла могли служить для рубки деревьев и распахивания земель и должны были использоваться в соответствии с определенными видами земледельческой деятельности. Скотоводство было на еще более низком уровне, основными домашними животными были свиньи и собаки. Точно неизвестно, принадлежали ли к домашним видам овцы и крупный рогатый скот, остатки которых были обнаружены в отдельных местах. Часто находили наконечники для стрел, гарпуны и рыболовные крючки из кости и остатки диких животных и дикорастущих растений, указывающие, что охота, рыбная ловля и сбор плодов, возможно, все еще играли значительную роль в хозяйственной жизни. Однако размеры поселений, следы продолжительной оседлой жизни и частые находки зерновых культур и земледельческих орудий указывают на то, что земледелие было более развито, чем в прежние времена.

Культура яншао отмечена значительным прогрессом в изготовлении гончарных изделий (рис. 132). Все найденные до настоящего времени гончарные печи строились рядом с деревьями, но в отдалении от жилищ, вероятно, во избежание пожаров. Горизонтальные или вертикальные

печи обычно небольшого размера имели простое строение с отверстиями в верхней части для регулирования температуры горения и содержания кислорода. Технический уровень этих печей, в которых можно было получать прочную красную керамику при температуре от 900 до 1050°C, был достаточно высоким.

Глиняную посуду еще изготавливали вручную, затем производили обработку обода посуды на медленно вращающемся круге для придания ей правильной формы. Гончарный круг еще не появился. Форма и украшение этой глиняной посуды поражают своей оригинальностью. Она состояла из чаш (*ван*) с плоским дном или с дном в виде кольца, чаш с закругленным дном, кувшинов с узким горлом (*шэ*) и кувшинов с широким горлом (*гуан*), ваз с тремя ножками (*динг*) и амфор (*тинг*) с узким горлом и острым дном.

Самым характерным украшением были красные и черные орнаменты, наносимые на полированную поверхность. Их объем и стиль изменялись в зависимости от региона и времени. Так, на лессовом плато в самую древнюю фазу бейшоулин не было обнаружено практически ни одного раскрашенного изделия из керамики, за исключением нескольких чаш с закругленным дном, ободы которых были расписаны. В фазу банпо обнаружено большее количество раскрашенных керамических изделий, которые

часто украшены различными рисунками треугольной формы или удивительно правдоподобными масками людей, а также зооморфными орнаментами с изображениями рыб, птиц и лягушек. В фазу миаодигу эти изделия встречаются чаще, они украшены круглыми пятнами, орнаментами в виде завитков или дуг и характеризуют замечательный стиль. Некоторые сосуды украшались лепными фигурками лягушек и птиц; красные и черные орнаменты иногда наносились на первый слой белой глазурной краски, которая подчеркивала художественность изделий. В позднюю фазу сиванкун были обнаружены признаки заката расписной керамики, которая стала встречаться реже и отделка которой становилась менее богатой. Рассмотренные нами различные признаки отражают основные фазы производства расписной керамики в культуре яншао.

Культура яншао в долине р. Хуанхэ появилась очень рано и просуществовала в течение длительного времени, она послужила связующим звеном между культурами, которые предшествовали ей, и культурами, которые следовали за ней. С одной стороны, она следовала за ранней ступенью, представленной культурой пейлиган; с другой стороны, она предвосхитила расцвет культуры лоншан. Кроме того, она оказала большое воздействие на соседние регионы. Так, культура мажияо (*Majiyao*) в бассейне верхнего течения р. Хуанхэ, и культура давенку (*Davenkou*), обнаруженная в нижнем течении этой реки, представляют собой две разновидности культуры яншао. Культура хонгшар (*Hongsbar*) во Внутренней Монголии и культуры дакси (*Daxi*) и кудзялин (*Qujialing*) в среднем течении р. Янцзы также связаны с культурой яншао, если судить по их расписной керамике. Все это указывает на важную роль, которую культура яншао сыграла в истории культурного развития Китая.

СЕВЕРНАЯ СТЕПЬ

Обширное северное нагорье от северо-востока Китая через Внутреннюю Монголию Синьцзян-Уйгурского автономного района до соседних регионов, включая Цинхай – Тибетское нагорье, в основном представляет собой пустынную степь, за исключением небольшого участка на северо-востоке. На большей части этой территории годовое количество осадков меньше 100 мм. Столь неблагоприятная среда непосредственно влияла на экономическое и культурное развитие ее обитателей. Эпоха неолита представлена здесь в основном традициями производства микролитов.

Микролитическая традиция была характерным производством, развившимся из производств верхнего палеолита в Северном Китае; она представлена здесь микропластинами, заготовками для их получения и составными орудиями, сделанными из таких пластин. Микролитическая традиция в долине Хуанхэ исчезла с появлением земледелия, но продолжала существовать в зоне степей на протяжении всей эпохи неолита и даже в более поздний период.

Как результат разнообразия природных условий и различных видов хозяйственной деятельности традиции микролитического производства в северной степи проявились в двух видах. Один из них основывался на рыбной ловле, охоте и кочевом образе жизни. Группы людей, принадлежавших к этой культуре, постоянно меняли место жительства, устраивая в разных местах свои кратковременные или сезонные стоянки и оставляя после себя небольшие поселения и слабо выраженные следы материальной культуры. Представители второй культуры перешли к земледелию и вели оседлый образ жизни в деревнях. Несмотря на то что обе эти группы занимались однотипным производством, в культурном плане они значительно различались.

Следы, оставленные представителями первой культуры, дошли до нас в виде таких поселений, как Цидзяоцзин (*Qijiaojing*) в уезде Хами (Синьцзян-Уйгурский автономный район), Шуанху (*Shuanghu*) на Тибете, Лайихай (*Laiyibai*) поблизости от Гуийяня (провинция Цинхай) и Сонгшан (*Songsban*) у г. Хайлар (Внутренняя Монголия). Эти поселения в основном характеризуются обилием микролитов, редкими изделиями из обтесанного камня и отсутствием полированных каменных орудий и гончарных изделий. С хозяйственной точки зрения их можно отнести к эпохе мезолита, однако хронологически они принадлежат к более позднему периоду, чем обычные мезолитические местонахождения. Например, согласно радиоуглеродному анализу, поселение Лайихай относится примерно к 7000 лет до наст. в. Из этого можно сделать вывод, что в ту эпоху, когда в долине р. Хуанхэ развивалось земледелие, другие регионы все еще оставались на более примитивной стадии кочевого хозяйства, охоты и рыболовства. Небольшое количество полированных каменных орудий и сосудов из обожженной глины было обнаружено в ряде поселений, относящихся к несколько более позднему периоду, однако среди раскопанных в них изделий преобладают микролиты.

Второй тип культуры характеризуется поселениями, в которых основным средством существования было занятие сельским хозяйством и в которых в определенной степени сохранялись традиции микролитического производства. Эти поселения, как правило, расположены в восточной части Внутренней Монголии и западной части провинции Ляонин. Группы людей, относящихся к культуре синьлонгва (*Xinglongwa*), с восьмого тысячелетия до наст. в. жили в окруженных рвами поселениях в полуподземных жилищах, расположенных тесными рядами. Эта культура близка к культуре яншао долины р. Хуанхэ как по планам своих поселений, так и по устройству жилищ. Каменные орудия в основном обтесывались, однако значительная их часть полировалась, а микролиты встречаются редко. Зона распространения этой культуры и соседние к ней районы длительное время характеризовались производством гончарных изделий с гребенчатым орнаментом (рис. 133). Наличие поселений и характер производственных орудий показывает, что основу хозяйства составляло земледелие, хотя охота, рыбная ловля и собирательство обеспечивали значительную долю пропитания. Более поздние культуры синле (*Xinle*) и хоншан (*Hongsban*) характеризуются теми же признаками; во второй культуре даже появилась расписная керамика, что свидетельствует о ее тесных связях с культурой яншао.

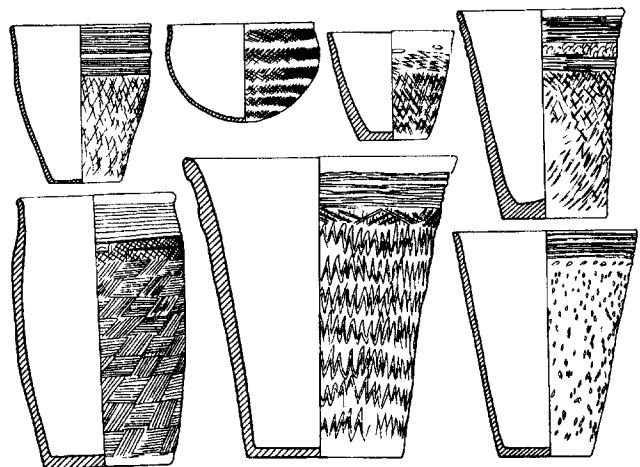

Рис. 133. Гончарные изделия культуры синьлонгва (Китай)

Под все более возрастающим влиянием земледельческих общин, появившихся в долине Хуанхэ, народы, проживавшие в Северной степи, в конце концов перешли к оседлому образу жизни и земледелию. В то же время начался закат традиций микролитического производства. Тем не менее оно сохранило свою главенствующую позицию в некоторых неземледельческих регионах.

СРЕДНЕЕ И НИЖНЕЕ ТЕЧЕНИЕ РЕКИ ЯНЦЗЫ

Янцзы – самая длинная река в Китае. Начинаясь на Цинхай-Тибетском нагорье, она пересекает провинцию Сычуань, а затем, миновав три ущелья, течет по аллювиальным равнинам, образуя обширный гидрографический комплекс, состоящий из основного речного русла, многочисленных притоков, озер и болот, и впадает в Восточно-Китайское море. Площадь бассейна реки в ее среднем и нижнем течении составляет примерно 800 тыс. кв. км. Годовое количество осадков здесь достигает 800–1600 мм, а климат теплый и влажный. Подобная среда благоприятствовала возникновению рисоводства в этом регионе.

Самые древние следы эпохи неолита в данном районе были обнаружены в уезде Линли (провинция Хунань) и в уезде Цзыги (провинция Хубэй). По времени существования эти следы являются современниками периода пэйлиганской культуры в долине Хуанхэ. Малое количество найденных остатков не позволяет оценить их культурные аспекты. В противоположность этому культура хемуду (*Hemudu*) в нижнем течении р. Янцзы была четко определена как типичный региональный комплекс.

Первые следы культуры хемуду обнаружены в 1973 г. Они были рассеяны вдоль залива Ханчжоувань и в прилегающем районе. Эта культура представлена нижними слоями поселения Хемуду в уезде Юйао (провинция Чжэцзян) и по результатам радиоуглеродного анализа была отнесена к периоду примерно между 7000 и 6000 лет до наст. в. Верхние слои в поселении принадлежали культурам майябан (*Majiabang*) и сонгзэ (*Songze*), которые моложе культуры хемуду и явно отличаются от нее.

В поселении Хемуду обнаружено большое количество остатков деревянных сооружений, и среди них сваи, доски, балки, колонны и другие элементы конструкций. На этих остатках видны четкие следы обработки каменными топорами и теслами. Многочисленные детали имеют элементы креплений в виде шипов и пазов, которые обеспечивали их плотное соединение, что свидетельствует о большом мастерстве строителей деревянных сооружений. Судя по расположению найденных деталей, постройки должны были быть свайного типа, сооруженные на некотором расстоянии от поверхности земли. В целом, однако, трудно воссоздать формы построек из-за их плохой сохранности. Одно из зданий было прямоугольным в плане и должно было опираться на сваи, установленные плотно в ряды. На месте было обнаружено 200 свай, они были забиты в четыре ряда, обозначив площадку размерами 23х7 м, на которой возвышалось просторное жилище площадью примерно 160 кв. м. Свайные постройки являлись одним из основных архитектурных типов жилищ, существовавших в эпоху неолита и в начале исторической эпохи вдоль р. Янцзы и к югу от нее.

Остатки поселения Хемуду являются самыми древними из известных на сегодняшний день. Трудность воссоздания их первоначального вида частично компенсируется некоторыми находками, относящимися к более позднему периоду. Так, модель из керамики, обнаруженная в Юнпанли (*Yingpanli*) в уезде Цинцзян (провинция Цзянси), и бронзовые макеты, найденные в Шичжайшан (*Shizhaishan*) в уезде Цзинин (провинция Юньнань), изображают жилища, построенные над землей и покрытые крышей, конек которой длиннее свесов; таким примерно должен был быть внешний вид свайных жилищ в Хемуду.

В поселении было обнаружено 27 могил. Скелеты сохранились в плохом состоянии; захоронения в основном индивидуальные, за исключением трех. Погребальные предметы, как правило, включают глиняную посуду и костяные изделия, иногда дополнявшиеся каменными зубилами, а также украшения из нефрита в форме спиралей, полуколоц или резаных колец, однако примерно в половине могил не было ни одного погребального предмета. В некоторых захоронениях кости скелетов были разъединены, в некоторых не хватало черепов и костей ног, что может свидетельствовать о необычных ритуалах захоронения.

Каменные орудия, найденные в Хемуду, очень простые. Они, как правило, грубо отшлифованы и часто имеют следы ударов. Самыми характерными изделиями являются топоры трапециевидной формы с асимметричными режущими кромками и тяжелые тесла с выгнутым обухом; последние могли быть прототипами каменного тесла с плечом. Кроме того, встречаются изогнутые рукоятки из оленьих рогов или из древесины, на толстом конце которых был вырезан шип, позволяющий прикреплять орудия к рукоятке. Эти изделия, вероятно, были среди основных инструментов для работы по дереву.

В поселении было также обнаружено большое количество предметов из кости, и среди них лопатообразный инструмент (*си*) для рытья земли. Это важное земледельческое орудие особенно характерно для культуры хемуду (рис. 134). Оно сделано из лопаточной кости буйвола или оленя, суставная часть которой была разрезана, а вдоль ее оси была выскоблена неглубокая бороздка и по бокам сделаны два отверстия, очевидно, для крепления деревянной рукоятки. Действительно, одно из этих орудий обнаружено вместе с рукояткой, привязанной к лопатке лианой ротанга, которая была пропущена по бороздке и через отверстия. Чтобы орудие было удобнее держать в руке, конец рукоятки вырезался в виде буквы Т или треугольника, как можно видеть на этом образце и на подобных ему. Среди других изделий из кости (рис. 135) следует отметить наконечники стрел, гарпуны, шилья, иглы, заколки для волос, ложки и т.д. Особенно много наконечников для стрел; они использовались для охоты и, возможно, для рыбной ловли, что свидетельствует об определенной важности этих видов хозяйственной деятельности. Кроме того, найдены костяные предметы, на которые были нанесены изображения плетеных изделий или птичьих пар, а также некоторое количество ложек в форме птиц и небольшие чашки из слоновой кости, украшенные ажурными орнаментами. Все эти изделия отличаются высоким художественным уровнем.

В поселении были найдены различные предметы из дерева, среди них лопаты, песты, молотки, копыя, весла, а также ткацкие орудия, такие как трепало, сделанное из дере-

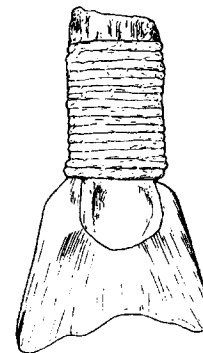

Рис. 134. Лопатообразный инструмент из кости для земляных работ культуры хемуду (Китай)

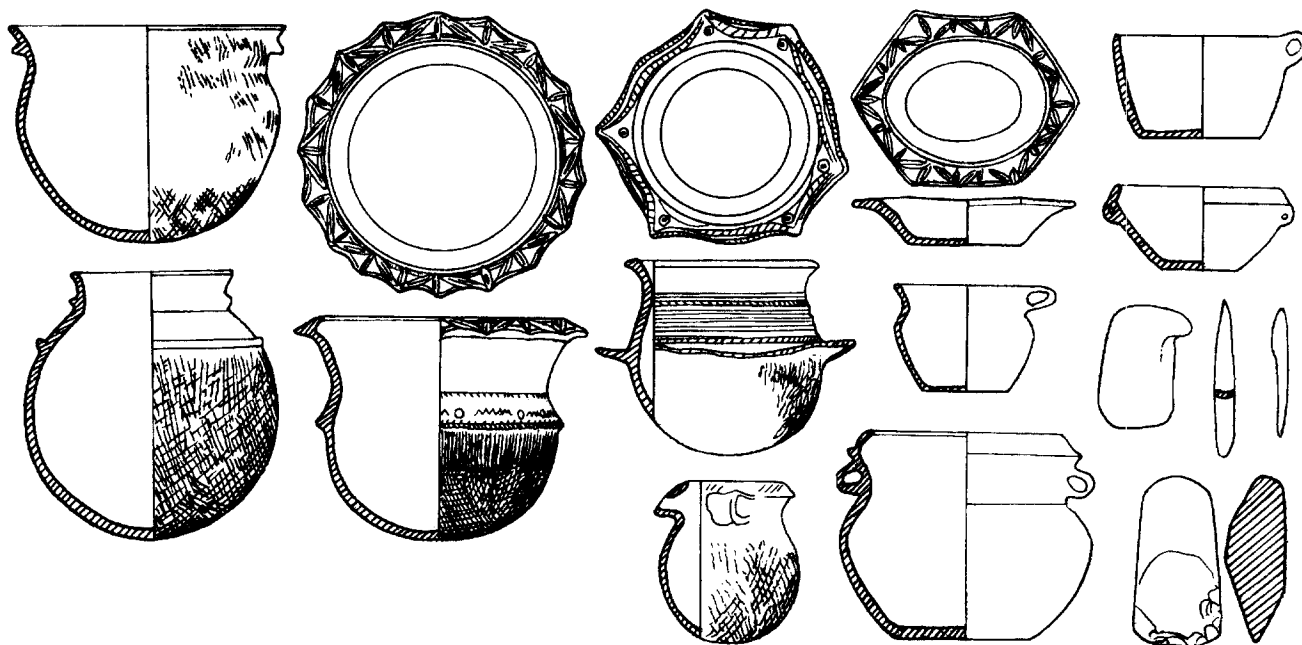

Рис. 135. Гончарная посуда, артефакты из кости и камня культуры хемуду (Китай)

вянной дощечки (*вейдао*), и вальцы для тканья полотна. Обращает на себя внимание деревянная чаша с тонким красным покрытием, которое, несмотря на плохое состояние изделия, местами сохранило свой блеск. Химический и спектроскопический анализы показали, что это был сырой лак. Следовательно, данная чаша является самым древним лакированным предметом.

Гончарные изделия (рис. 135) поразительно оригинальны, среди них преобладают окрашенные в угольно-черный цвет. Глину обычно смешивали с большим количеством рисовой шелухи, с перемолотыми стеблями и листьями риса, эта масса коковалась при пониженном давлении во время обжига. В результате глиняная посуда получалась хрупкой по структуре, легкой по весу и пористой. Процесс обжига происходил при низкой температуре, обычно при 800–850 °С. Возможно, что вазы обжигались на больших кострах, а не в печах, которые, вероятно, еще не были известны. Формы гончарных изделий были простыми: котлы (*фу*), кувшины, чаши, блюда, миски, подставки для ваз и т.д. Котел с подставкой был самой характерной кухонной утварью культуры хемуду. Гончарные изделия в основном украшались шнуровым орнаментом, насечками, геометрическими фигурами, составленными из точек и полосок, а также в редких случаях реалистическими изображениями колосев риса, водорослей или свиней. Интересно, что три найденные черепка украшены расписными орнаментами. Черепки – это фрагменты сосудов угольно-черных тонов, на которых были выдавлены отпечатки шнуров, с гладкими поверхностями, с полосками, покрытыми белой глиной, на которые наносились геометрические узоры красно-коричневых и черных тонов. Эти не очень характерные для культуры хемуду находки свидетельствуют о некоторых ее связях с культурой яншао в долине р. Хуанхэ.

Другим типичным признаком культуры хемуду является появление в ней украшений из нефрита с тонкой полировкой: серег в форме разрезанного кольца, подвесок в форме полукольца, трубок и бусинок. Следует отметить, что впервые такие серьги появились именно в культуре хемуду. Эти серьги в комплекте с подвесками в форме полукольца, которые часто использовали как шейное украшение, были широко распространены в долине среднего

и нижнего течения р. Янцзы и в соседних регионах. Однако в долине р. Хуанхэ подобные украшения станут известны позднее. Поэтому можно считать, что местом их появления является бассейн среднего и нижнего течения р. Янцзы.

Веда оседлый образ жизни на равнинных землях и строя деревянные дома свайного типа вблизи источников воды, общины представителей культуры хемуду превратили рисоводство в основной вид своей производственной деятельности. Помимо большого количества земледельческих орудий из кости, дерева и камня на жилых площадях поселений были обнаружены отложения в виде смеси из зерен, шелухи, стеблей и листьев риса; толщина таких отложений иногда была более одного метра. Идентифицированы две разновидности риса: длиннозернистый неклеяковинный рис (типа *indica*) и круглозернистый неклеяковинный рис (типа *japonica*). Очень редко в других культурных отложениях можно встретить большое количество хорошо сохранившегося риса.

Имеются сведения об окружающей среде в период культуры хемуду, такие как открытые торфяные отложения у озер и на болотах неподалеку от поселения, или водяные орехи, пыльца водных растений, костные остатки водоплавающих птиц и животных, живших на тростниковых болотах, которые были обнаружены в культурных слоях поселения. Эти находки могут означать, что в ту эпоху рисовые поля располагались поблизости от болот.

Культура хемуду и культура майябан, которая пришла ей на смену, обнаруживают явно выраженный региональный характер неолитических культур в нижнем течении р. Янцзы. Развившаяся здесь культура выращивания риса, методы строительства домов на сваях, гончарное искусство и производство каменных орудий оказали большое влияние на другие регионы вдоль течения р. Янцзы и к югу от нее. Вместе с тем появление в этих культурах расписной керамики и ваз на трех ножках свидетельствует о существовании контактов с поселениями в долине р. Хуанхэ. В связи с этим отмечается, что культура дакси, существовавшая в среднем течении р. Янцзы, заимствовала большое количество элементов культуры яншао и, следовательно, должна относиться главным образом к долине р. Хуанхэ.

ХОЛМИСТЫЕ ЗЕМЛИ НА ЮГЕ КИТАЯ

Юго-восточные прибрежные районы Китая включают провинции Фуцзянь, Тайвань, Гуандун и Гуанси, т.е. территорию площадью 400 тыс. кв. км. Эти районы характеризуются высокой температурой окружающего воздуха, большим количеством атмосферных осадков (1600 мм в год) и наличием густых и влажных тропических лесов. Такое окружение задержало появление земледелия.

Достижения периода раннего неолита здесь представлены пещерными жилищами, скоплениями раковин и террасными поселениями. Жилые зоны в основном занимали небольшую площадь, и пока мало известно о поселениях. Учитывая большую разбросанность найденных остатков, их можно относить к различным типам культур. К их общим признакам могут быть отнесены многочисленные орудия из каменных отщепов, соседствующих с орудиями из полированного камня, очень распространенные грубые гончарные изделия простых форм, украшенные шнуровым орнаментом, занятия собирательством, рыбной ловлей и охотой, игравшие основную роль в хозяйственной жизни. При этом скотоводство настолько слабо представлено, что о нем практически нечего сказать. Все это свидетельствует о существовании крайне примитивной культуры, что объясняется не ее древностью, а особенностями окружающей среды и экосистемы, в которой жили люди.

Орудия из каменных отщепов составляют основную часть найденных изделий, а в некоторых редких поселениях все орудия такого типа. Основными видами орудий являются рубила, скребки, наконечники и диски. Орудий из полированного камня мало, среди них – проколки, шилья, топоры, тесла и ножи. Не всегда существует связь между процентным содержанием орудий из каменных отщепов и орудий из полированного камня и временем существования местонахождения.

Все гончарные изделия были сделаны из грубой красной глины с песком, которая не имела чистого цвета и обжигалась при низкой температуре (черепки из местонахождения Цзенпиян, расположенного недалеко от г. Гуйлинь в провинции Гуанси, и местонахождения Кигтан, недалеко от г. Инда в провинции Гуандун, были получены путем обжига при температуре 680 °С). Гончарная печь была еще не известна. Поверхности глиняных изделий украшались оттисками шнуров, а также насечками, гребенчатыми штампами и плетеными узорами. Некоторые, возможно, более поздние изделия частично раскрашивались в красный цвет или покрывались слоем белой глины. Найдено лишь небольшое количество сосудов, а состояние обнаруженных черепков не дает возможности воссоздать их полную форму.

Группы людей, относящихся к этим культурам, жили вблизи от рек или на морском побережье и занимались в основном собирательством, рыболовством и охотой, о чем свидетельствуют многочисленные скопления раковин в пещерных поселениях, а также кучи остатков морских и пресноводных моллюсков, костей диких животных и приспособлений для рыбной ловли и охоты: костяные наконечники для стрел, гарпуны, каменные грузила и т.п.

Нет никаких свидетельств о занятиях земледелием или скотоводством. Не исключено, что уже выращивались клубнеплоды типа таро и ямса, однако не было ни одной даже самой примитивной злаковой культуры.

Пышная растительность тропического и субтропического климата обеспечивала изобилие плодов для обществ, живших собирательством, рыбной ловлей и охотой, а примитивные и грубые каменные орудия того времени не позволяли осваивать густые леса. Такие природные условия неизбежно тормозили развитие примитив-

ного земледелия в эпоху неолита. Оно не было включено в сельскохозяйственное производство вплоть до того времени, когда началось разведение риса, распространившееся на этот регион из долин среднего и нижнего течения р. Янцзы.

Радиоуглеродные датировки образцов, найденных в известняковых областях Южного Китая, часто допускают значительные погрешности. Обычно возраст большинства остатков материальных культур относят к 10000 лет назад и даже ранее. Образцы различных предметов, взятые даже из одного слоя, иногда оказываются разделенными продолжительным временем. Основная причина состоит в том, что в этом известняковом районе древние соли угольной кислоты (карбонаты) в бывших водотоках практически не содержат углерода-14. Недавние лабораторные анализы показали, что образцы современных водных растений и животных из этого региона также давали их возраст, завышенный на одну–две тысячи лет. Таким образом, этот известняковый регион Китая является необычным (как, впрочем, и вся Юго-Восточная Азия), и радиоуглеродные анализы дают заведомо более древние даты, чем истинные, и поэтому им нельзя слишком доверять. Трудности с датировками могут быть преодолены, если учитывать, что темпы развития различных областей не были одинаковыми: это видно на примере некоторых поселений, которые относятся к поздним периодам, несмотря на определенную культурную отсталость. Хорошим примером является скальное поселение Басяньдон (*Baxiandong*) недалеко от г. Тайдун (на о. Тайвань), в котором все каменные орудия производились методом откалывания, но которое согласно датировке радиоактивным методом было отнесено ко времени не ранее 5000 лет до наст. в.

Культурная отсталость и отсутствие земледелия, которые были характерны для Южного Китая в эпоху раннего неолита, объясняются скорее медленным и застойным характером их развития, чем древним возрастом. Многочисленные поселения, рассеянные в этом обширном регионе, могут принадлежать различным культурам. И хотя каждая из этих культур развивалась своим путем, модели их развития были очень сходными, поскольку окружающая природная среда, экосистема и хозяйственная организация были идентичными. Вопрос об их происхождении и последующем развитии может быть решен только с помощью новых раскопок. Сейчас мы можем лишь отметить, что незначительное количество культурных признаков предполагает существование связей долинами рек Хуанхэ и Янцзы. Так, оттиски шнуров или гребенчатые отпечатки и орнаменты, нанесенные красной краской на поверхности гончарных изделий, возможно, являются отражением контактов и связей между данными регионами. Кроме того, возникновение и распространение рисоводства в Южном Китае должны служить еще более конкретным примером, доказывающим этот факт.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из-за своей географической протяженности, разнообразия окружающей среды и большого количества культур, которые в нем развивались, Китай эпохи неолита представляет собой довольно сложный образ: разделение на четыре крупных региональных комплекса, принятое выше, дает общее представление об основных условиях развития в период до 5000 лет до наст. в. В том, что касается происхождения культур в Китае в эпоху неолита, следует отметить, что, несмотря на отсутствие ряда звеньев, не вызывает сомнений тот факт, что эти культуры имеют местные корни и что они развивались на базе достижений именно в Китае эпохи палеолита и мезолита.

В наших знаниях остаются некоторые пробелы относительно зарождения земледелия в Китае. Тем не менее можно утверждать, что Китай был одним из центров, где появилось и развилось земледелие, и что его технологии не были привнесены извне. Мы видели, что такие засухоустойчивые зерновые культуры, как могоар и посевное просо, уже выращивались в районе лессового плато 8000 лет назад, и они долгое время составляли основу питания народов Северного Китая. Рисоводство возникло 7000 лет назад, и с тех пор им постоянно занимаются. В северных степях и в холмистых южных районах земледелие появилось значительно позже и было непосредственно связано с культурами земледелия в долинах рек Хуанхэ и Янцзы.

Культуры эпохи неолита в Китае развивались с очевидной последовательностью, что особенно явно выражено в долине р. Хуанхэ. Первые комплексы, представленные культурами пейлиган, сишан и дадиван, тесно связаны с последующей культурой яншао, которая передала их культуре лоншан, что уже в исторические времена привело к расцвету цивилизации ранних государств Шан (Инь)

и Чжоу. Эту непрерывную линию с самых древних времен можно четко проследить. Естественно, что взаимное влияние и связи с другими регионами, в свою очередь, внесли действенный вклад в зарождение и развитие древней китайской культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AN ZHIMIN. 1982. *Essays on Neolithic China*. Beijing, Wen Wu Press. (In Chinese.)
- ANDERSSON, J. G. 1943. *Researches into the Prehistory of the Chinese*. Stockholm. (Bull., Mus. Far Eastern Antiq., 15.)
- CHANG KWANG-CHIH. 1977. *The Archaeology of Ancient China*. 3rd edn. New Haven.
- XIA NAI (ed.) 1984*a*. *Archaeological Discoveries and Researches in New China*. Beijing, Wen Wu Press. (In Chinese.)
- (ed.) 1984*b*. *Recent Archaeological Discoveries in the People's Republic of China*. Paris/Tokyo, UNESCO.

ЕВРОПА

В ЭПОХУ НЕОЛИТА

Зигфрид Ян Де Лаат

ЗНАЧЕНИЕ ЭПОХИ НЕОЛИТА В ЕВРОПЕ

Европа не входит в число тех исходных центров («зародышевых зон»), где зародилось человечество и в которых человек самостоятельно и без воздействия извне начал заниматься животноводством и земледелием (см. гл. 36, 37, 38). Действительно, неолитический образ жизни был привнесён в Европу, а самые древние земледельческие общины, с которыми мы встретились, появились в Малой Азии. Поэтому может возникнуть вопрос, почему в подобных обстоятельствах эпохе неолита в Европе уделяется большее внимание, чем тому же периоду в других частях света, не входящих в состав «зародышевых зон». Это обусловлено рядом причин.

1. Исследования эпохи неолита начались в Европе значительно раньше, чем в других странах, и сегодня эти исследования интенсивно продолжаются, так что те свидетельства о культурах европейского неолита, которыми мы располагаем, не имеют себе равных по разнообразию и богатству содержания.

2. Во многих регионах Африки, Азии, Америки и Океании период неолита начался после того времени, которым завершается данный том, следовательно, эпоха неолита в этих регионах будет рассматриваться в томе II.

3. Многочисленные вопросы методологии и интерпретации, касающиеся неолита, вначале были поставлены в Европе, и некоторые из них продолжают оставаться объектами острых дискуссий.

4. Европейский неолит имеет в различных областях (например, в сооружении мегалитов, добыче полезных ископаемых, металлургии) особые отличия, которые мы рассмотрим более подробно в гл. 55, 56.

ПОСТЕПЕННОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В ЕВРОПЕ

Окончание плейстоцена и начальный период голоцена внесли глубокие изменения в геоморфологию Европы и образ жизни ее обитателей. Достаточно вспомнить об относительно быстром таянии материковых льдов и ледников, покрывавших высокие горы, о значительном подъёме уровня морей и затоплении обширных низин, о появлении пролива Па-де-Кале и южной части Северного моря, о значительных изменениях того региона, который стал Балтийским морем, об отделении Ирландии и Великобритании от континента, об изменении приледникового климата и появлении вместо него умеренного климата, о лесах, сменивших тундру и степи.

Человек был вынужден приспособляться к новой окружающей среде. Одни группы людей постепенно заселяли северные зоны, освободившиеся от льдов. Другие, оставшись на месте, должны были изменить свой родовой образ жизни. Охота на крупную дичь, стада которой бродили в степях и в тундре, уступила место охоте на крупную лесную дичь, которую было труднее загонять (даже приручение собаки связывают с применениями новых способов охоты). В то же время возросло значение рыбной ловли, сбора яиц и особенно – съедобных корнеплодов, растений и фруктов.

Ранее (см. гл. 21) мы подробно обсуждали эти перемены, и здесь мы на них не будем останавливаться. Тем не менее следует отметить, что в конце мезолита в Южной Европе встречались общины охотников-собирателей, которые занимались избирательной охотой и систематически собирали урожай некоторых дикорастущих растений (например овощных).

Итак, как указывалось раньше (см. гл. 36), это именно те признаки, которые часто встречаются в культурах, достигших преднеолитической стадии. Не исключено, что культуры Южной Европы могли достичь стадии неолита без внешних побудительных воздействий. Но это явно неверная гипотеза, поскольку, как мы знаем, неолитический образ жизни был привнесён в Европу выходцами из Малой Азии. Тем не менее надо напомнить, что во времена этой иммиграции в Европе уже существовали общины, подготовленные к принятию нового образа жизни.

В то время как в Юго-Западной Азии появление неолита (в частности, неолита докерамического периода А – НДП-А) относится примерно к 11000 лет назад (см. гл. 41), самые ранние признаки производства пищи появляются в Европе лишь спустя два тысячелетия, прежде всего в Греции (Крит, Пелопоннес, Фессалия). Согласно датировкам радиоуглеродным методом, появление самых ранних неолитических поселений в Европе относится примерно к 9100–9000 лет до наст. в., т.е. к эпохе неолита докерамического периода В (НДП-В) в Анатолии. По всей вероятности, именно из этого региона вышли переселенцы, захватившие с собой культурные растения и домашних животных, которые мы находили в самых древних поселениях Греции эпохи неолита (подобные растения и животные не встречались там в диком состоянии).

От Эгейского моря неолитический образ жизни различными морскими путями (см. далее) распространился до центральных и западных районов Средиземноморья. Его следы встречаются на Сицилии с конца девятого тысячелетия до наст. в., с начала восьмого тысячелетия до наст. в. –

на Сардинии и на Корсике, в том же тысячелетии – на Адриатическом побережье Италии, на рубеже восьмого и седьмого тысячелетий – в Северной Италии. И наконец, в первой половине восьмого тысячелетия до наст. в. возникла франко-иберийская культура, следы которой мы встречаем на юге Франции, в Испании, Португалии, а также в прибрежных районах Магриба.

К концу девятого тысячелетия до наст. в. выходцы из Анатолии, которые пересекли проливы Дарданеллы и Босфор, принесли с собой культуры неолита на Балканы. Отсюда новый образ жизни распространился до Карпатских гор (первая половина восьмого тысячелетия до наст. в.), однако он перешел этот барьер лишь во второй половине или в конце восьмого тысячелетия до наст. в. Также во второй половине восьмого тысячелетия до наст. в. неолит появился на Украине. На Атлантическом побережье Европы земледелие и животноводство появилось значительно позднее: в западных районах Франции это произошло в середине или во второй половине восьмого тысячелетия до наст. в., в Ирландии и Великобритании еще позднее – в седьмом тысячелетии до наст. в. Замыкает этот переход Северная Европа: там производство пищи началось только на рубеже седьмого и шестого тысячелетий до наст. в.

Это медленное продвижение неолитического образа жизни с юго-востока Европы на запад и на север заняло более трех тысячелетий. Еще сравнительно недавно (см., например, работу *Ammerman & Cavalli-Sforza*, 1971) считалось, что распространение этого образа жизни происходило постепенно и в определенном ритме, что объяснялось медленным передвижением полукочевых масс первых земледельцев на новые земли после истощения полей спустя несколько лет. Теперь нам известно, что эти переселения были весьма нерегулярными по времени, включали периоды быстрого и широкого территориального распространения, чередующиеся периодами зстоя, которые иногда длились веками.

Многие факторы влияли на этот феномен. В гл. 3б мы упомянули гипотезу о том, что мезолитические сообщества, хорошо приспособленные к жизни в природной среде, приняли сельскохозяйственный образ жизни лишь под давлением определенных непредсказуемых обстоятельств, приведших их к кризисному состоянию. В Европе подобные кризисные ситуации могли возникнуть в результате изменений климата (которых было довольно много на протяжении голоцена: от предполярного климата к полярному, затем к атлантическому с многочисленными местными вариациями) (*Barker*, 1985). Следует учитывать и другие факторы, которые могли бы объяснить, хотя бы частично, медленный и неравномерный характер этого распространения, например, тот факт, что первые культивируемые растения были адаптированы к средиземноморскому климату и, следовательно, должны были испытывать определенные мутации, прежде чем акклиматизироваться в регионах с более суровым климатом. Состав почвы также сыграл свою роль, поскольку довольно примитивная земледельческая техника не позволяла осваивать мало плодородные или слишком тяжелые почвы. Однако мнения по этому вопросу значительно расходятся (см. следующие главы).

Археологи различных школ придерживаются во многом различных взглядов на способы распространения неолитического образа жизни. Поэтому читатель не должен удивляться, обнаружив в следующих главах некоторые расхождения в интерпретации фактов. На протяжении многих лет модель распространения, предложенная Гордоном В. Чайлдом, имела большой успех: полагали, что любое исключительно важное культурное новшество и все достижения в технике брали свое начало в Западной Азии и распространялись далее на запад последовательными волнами мигрирующих народов. Эта модель, у которой и сегодня есть сторонники, с самого начала вызывала возражения.

Однако реакция некоторых противников модели распространения подчас была слишком радикальной: они доходили до того, что выдвигали теорию, прямо противоположную модели Чайлда, утверждая, что почти каждое нововведение имело полностью местное происхождение. Вероятно, истина должна находиться где-то посередине между двумя этими крайностями.

Нам трудно отрицать, например, тот факт, что занятия земледелием и животноводством появились в Юго-Восточной Европе с двумя последовательными волнами выходцев из Анатолии: первая из них достигла Греции через Эгейское море и, вероятно, через пролив Дарданеллы, а вторая достигла Балканского п-ва через проливы Дарданеллы и Босфор несколько веков спустя после первой и принесла с собой не только земледелие и скотоводство, но и производство гончарных изделий. Однако остается нерешенным вопрос о том, возникали ли впоследствии другие волны миграции населения из Анатолии и насколько они были значительны.

Другой спорный вопрос: являлось ли распространение неолитического образа жизни из Греции и с Балкан далее на запад и на север следствием миграций народов, уже перешедших к неолитическому образу жизни (например, демографическим путем), или же оно осуществлялось путем ассимиляции местного мезолитического населения. Невозможно в категорической форме ответить на этот вопрос: мы полагаем, что ответ должен меняться от случая к случаю, каждый из которых должен рассматриваться особо.

Некоторые авторы преуменьшают значение контактов между первыми земледельческими общинами и людьми эпохи мезолита, они полагают, что люди мезолита постепенно отгеснялись к окраинным районам, мало благоприятным для земледелия. Другие авторы, напротив, выделяют роль местных групп людей в развитии неолита. Так, например, происходило на Украине, где отмечена четкая преемственность между культурами мезолита и раннего неолита: появление земледелия и животноводства там было следствием контактов с неолитическими народами Балкан, с одной стороны, и Западной Азии (за пределами Кавказа) – с другой.

Процесс становления неолита в Северной Европе дает нам иной пример: его появление могло быть результатом контактов между представителями мезолитической культуры эртебёлле-эллербек (*Ertebølle-Ellerbek*) и представителями рёссенской (*Rössen*) культуры, проживавших в сопредельных регионах.

Другим примером большого расхождения мнений является происхождение дунайских культур в Центральной Европе. Некоторые их следы могут быть объяснены колонизацией этого региона группами, относящимися к комплексу Старчево-Кёрёс (*Starčevo-Körös*), а другие рассматривают дунайские культуры как «вторичные неолитические» культуры, возникшие в результате окультуривания местных мезолитических групп.

В пользу каждого из этих предположений можно привести убедительные аргументы. В любом случае было бы ошибочным принижать вклад мезолитического населения в процесс становления неолита в Европе. Влияние местной среды могло бы также служить основанием для разделения некоторых культур (и среди них – дунайских), которые вначале представляли единое целое на весьма обширных просторах, на некоторое количество отдельных региональных культурных групп, располагавшихся на меньших территориях.

Последнее замечание, относящееся к распространению неолита в Европе во времени, касается периодизации эпохи в этой части света. На больших культурных и географических территориях различают ранний неолит, средний неолит, поздний неолит и, в конце концов, халколит (медный век). Очевидно, что эта периодизация основывается на культурной эволюции каждой территории.

Из этого следует, что средний неолит, существовавший в определенном регионе, ни по хронологии, ни по культуре не соответствует среднему неолиту в другом регионе. Поскольку невозможно установить для всей Европы единую синхронную периодизацию, которая соответствовала бы также определенной культурной стадии, с общего согласия авторов отдельных глав было решено сохранить для всех регионов традиционную периодизацию, предупредив читателя, что такие термины, как «ранний неолит», в абсолютной хронологии имеют лишь строго региональное значение.

И наконец, мы должны подтвердить завершающую дату для этой главы. Завершающая дата, выбранная для настоящего тома, соответствует появлению первых государств в Египте и Западной Азии (примерно 5000 лет до наст. в.), однако она на несколько веков предшествует окончанию эпохи неолита в Европе. Поэтому было принято решение довести настоящую главу не до завершения неолита в Европе, а лишь до археологического горизонта около 5000 лет назад, т.е. до появления на больших частях Восточной, Центральной, Северной и Западной Европы комплекса культур, характеризующихся производством чаш, боевых топоров и индивидуальными захоронениями. Появление этого комплекса ориентировочно относится (по датам, полученным радиоуглеродным анализом) ко второй половине шестого тысячелетия до наст. в. Однако рассмотрение этого комплекса культур будет сделано лишь во II томе.

СРЕДСТВА СУЩЕСТВОВАНИЯ И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ В ЕВРОПЕ В ЭПОХУ НЕОЛИТА

Нет необходимости напоминать о том, что неолит прежде всего характеризуется производством пищи со всеми вытекающими из этого последствиями (см. гл. 36). На протяжении примерно пяти тысячелетий, пока в Европе существовал неолит, земледелие и животноводство претерпели определенную эволюцию. Кроме того, охота, рыбная ловля, сбор раковин, яиц, дикорастущих растений продолжали играть определенную роль в хозяйственной деятельности многих материальных культур. Рассмотрим кратко основные данные, относящиеся к земледелию, животноводству и другим источникам существования.

Земледелие

Первые растения, которые стали культивироваться в Европе, были вывезены из Малой Азии в уже одомашненном состоянии. Речь идет о таких видах злаков (которые не произрастают в Европе в дикорастущем виде), как пшеница-однозернянка (*Triticum monococcum*), пшеница-двухзернянка (*Triticum dicoccum*), карликовая пшеница (*Triticum compactum*), мягкий сорт пшеницы (*Triticum aestivum*), твердый сорт пшеницы (*Triticum durum*), пшеница обыкновенная (*Triticum vulgare*), ячмень (*Hordeum vulgare*), а также об овощных культурах (горох, бобы, чечевица). При этом не исключено, что некоторые овоцные культуры, систематически собираемые группами людей эпохи мезолита на юге Европы в дикорастущем виде (см. выше), могли быть затем культивированы в Европе. Набор культивируемых растений постепенно расширялся, включая в себя масличные культуры (леп, маковые культуры), фисташки, инжир, миндаль и виноград, однако распространение большинства из этих новых растений ограничилось регионом Средиземного моря.

При изучении развития земледельческой техники возникает ряд проблем. В начале эпохи эта техника была развита слабо. Так, до появления сохи земледельческие общины были вынуждены селиться только на плодород-

ных и легко обрабатываемых землях, таких как лессовые или мергельные почвы. Поэтому почти все без исключения племена Центральной Европы, относящиеся к культуре линейно-ленточной керамики (*Linearbandkeramik*), прожигали на лессовых почвах. По той же причине в некоторых регионах Северной Европы, где подобных земель было мало, а земледелие не могло удовлетворять жизненные потребности людей, рыбная ловля, охота и сбор раковин продолжали обеспечивать значительную часть их потребностей (см. гл. 54). Почти все хорошие земли, пригодные для пахоты, были покрыты лесами с мелкой порослью кустов и кустарников. Следовательно, было необходимо выкорчевывать лес в тех местах, которые люди хотели отвести под поля и пастбища. Деревья вырубались кремневыми топорами или орудиями в форме ножи («теслами»^{*} из твердых скальных пород), а кустарники выжигались.

После применения такого подсеčno-огневого метода почва была готова для вскапывания мотыгой (в качестве которой, вероятно, использовались тесла) или лопатой (в Дании были обнаружены деревянные заступы эпохи неолита). Для посева иногда использовались палку-копалку, на одном из концов которой для равновесия прикрепляли просверленный каменный шар. Однако, как свидетельствуют некоторые этнографические исследования, не исключено, что первые посевы, которые делались непосредственно за выжиганием, производились прямо в пепел без предварительной подготовки почвы. Сбор зерновых, который вначале, возможно, ограничивался сбором колосьев вручную, обычно производился с помощью ножей для жатвы или серпов с деревянной или костяной рукояткой, на которые (вероятно, смолой) крепились небольшие кремневые пластинки.

В 1941 г. Иверсен (*J. Iversen*), основываясь на анализах пыльцы, выдвинул модель «культивирования новых земель» (*landnam*), которая применялась на протяжении длительного времени, особенно для Центральной и Северной Европы. Эта модель предполагала, что поля, образовавшиеся после очистки леса методом выжигания, могли быть использованы лишь в течение немногих лет, поскольку при отсутствии удобрений и севооборота они довольно быстро истощались. Земледельцы были вынуждены осваивать новые участки земли, что приводило к полукочевому образу жизни. В настоящее время эта модель подвергается серьезной критике. Недавние раскопки предоставили свидетельства того, что севооборот был известен; кроме того, при смешанном хозяйстве первых земледельцев невозможно, чтобы не проводилось удобрение земель путем внесения навоза. Следовательно, кочевой образ жизни, предполагавшийся в модели Иверсена, не был необходимым (*Rowley-Conwy*, 1981), однако он в определенной степени существовал; так, Б. Судски (*B. Saudsky*) выявил, что поселение Билани (Bylany) дунайской культуры ленточной керамики в Чешской Республике оставлялось его жителями несколько раз, но они возвращались туда спустя несколько лет после того, как в результате процесса естественной регенерации почва снова становилась плодородной. Возможно, однако, что исследователи в недостаточной мере учитывали постепенное зарастание полей сорняками, образующими густой покров, от которого невозможно было избавиться с помощью тех орудий, которые имелись в ту эпоху. Не исключено также, что перемещения земледельческих народов могли объясняться причинами психологического порядка, иррациональным стремлением идти все дальше для завоевания новых земель – стремлением, которое можно сравнить с желани-

* Тесло (*adze*) – инструмент для очистки деревянных поверхностей, похожий на топор с выгнутой по дуге режущей поверхностью под прямыми углами к рукоятке (*The Concise Oxford Dictionary*, Fifth ed.). – *Прим. ред.*

ем пионеров Северной Америки XIX в. двигаться на Запад. Это же психологическое обоснование может быть полезным для объяснения того, почему небольшие группы земледельцев рискнули пересечь Северное море, чтобы поселиться в Ирландии и Великобритании.

Огромный прогресс был достигнут с появлением сохи (см. гл. 36). Ее применение постепенно распространилось с юго-востока Европы на запад и север. Соха уже дошла до Дании в период появления так называемой культуры воронковидных кубков (*Funnel-Beaker culture*) в течение шестого тысячелетия до наст. в., и, возможно, еще раньше соха появилась в Великобритании. Действительно, в этих регионах были обнаружены следы ископаемых борозд, оставленных сохой, которые датированы стратиграфическим методом. Применение сохи, конечно, облегчило освоение малоплодородных почв (таких как песчано-илистые). В результате расширение площадей обрабатываемых земель в течение эпохи неолита было отмечено во многих краях. Обработка тяжелых почв (например, тяжелых глинистых осадочных почв) могла быть освоена лишь много веков спустя, после появления тяжелого плуга с лемехом, колесами, сошником и отвалом. Другая возможная причина освоения менее плодородных земель в эпоху неолита – демографическая экспансия, которая почти всегда была неизбежным следствием неолитического образа жизни (см. гл. 36).

Животноводство

Ранее уже упоминалось о приручении собаки в эпоху мезолита, вероятнее всего, лесными охотниками. Начиная с эпохи неолита, собака приобрела свою традиционную роль пастуха и сторожа. Маловероятно, что собак выращивали для еды, по крайней мере в Европе.

Первыми домашними животными, которые встречаются в самых ранних неолитических поселениях Европы, были овцы и козы. Они, несомненно, были привезены в эпоху неолита первыми выходцами из Малой Азии, поскольку естественный ареал проживания этих животных не включал в себя Европу (см. гл. 38). Свинья и крупный рогатый скот появились немного позднее. В Фессалии домашний крупный рогатый скот появился примерно в то же время, что и в Анатолии (Чатал-Хююк), и не исключено, что зубр, дикий предок домашнего скота, был приручен в обоих регионах одновременно и независимо друг от друга (*Higgs, 1975*). Отметим, что лошадь, вероятно, не была приручена до шестого тысячелетия до наст. в. в зоне евразийских степей вокруг Черного, Каспийского и Аральского морей. Она попала в Европу во времена культур кубков, ее следы были обнаружены в Венгрии, Франции, Нидерландах и Ирландии вместе с остатками культуры колоколовидных кубков. Культурное значение приручения лошади (которое, например, привело к появлению кочевого скотоводческого образа жизни) будет показано во II томе.

Первой задачей животноводства было производство мяса. Однако разведение животных имело много других целей. Нельзя, в частности, забывать о выращивании жертвенных животных для религиозных обрядов. Очень скоро молоко овец, коз, коров стало играть важную роль в рационе питания крестьянских общин, так же, как и сливки, масло и сыр. Быки, ослы и лошади использовались в качестве тягловой силы для сохи и повозок. Навоз животных стал разбрасываться по полям в качестве удобрения. Кости и рога были хорошим сырьем для изготовления многих инструментов. Из шкур крупного рогатого скота изготавливали кожу. И наконец, шерсть овец и коз шла на производство шерстяных тканей. По времени это произошло несколько позднее, поскольку шерсть диких овец и коз была непригодной для пряде-

ния и ткачества, и потребовалась мутация, прежде чем она стала подходящей.

Нам известно мало подробностей о методах выращивания животных: что касается возраста и пола забиваемых животных, то об этом уже говорилось в гл. 38. Имеются данные о сезонных перегонах скота на горные пастбища в Западной Азии. В Европе подобная практика, возможно, не исключена. Однако точных данных не имеется. Одной из проблем, с которыми сталкивались животноводы, было обеспечение скота фуражом на зиму, особенно в тех районах, где климат в это время года требовал стойлового содержания скота. Похоже, что каждую осень забивали некоторое количество животных, особенно тех, которые стали ненужными для сохранения породы и прироста стада и сохранение которых не было оправдано с хозяйственной точки зрения (старые самки, ставшие бесплодными, лишние самцы и т.д.). Их мясо, заготовленное путем вяления, копчения и соления, шло на зиму.

Не однажды выдвигалось предположение о том, что окруженные рвами площадки, которые встречаются во многих регионах на западе и северо-западе Европы (например в Англии, Франции и Дании), использовались в определенные дни как *краали* – места для выпаса и забоя животных и как площадки для ярмарок и праздников, на которых совершались религиозные обряды, предшествовавшие забою скота. В качестве зимнего фуража скотоводы, возможно, использовали листву некоторых деревьев. Значительное сокращение количества пыльцы вязов (*Ulmus*) в общем составе пыльцы с конца периода атлантического климата повсюду в Западной и Северо-Западной Европе Трөөлс-Смит (*Troels-Smith, 1960*) связал с широким использованием неолитическими племенами листьев вяза в качестве корма для скота. Однако эта теория не была единодушно принята.

Занимались ли крестьяне эпохи неолита (конечно, опытным путем) некоторыми генетическими работами? Похоже, что они занимались этим, например, для селекции животных, для выведения пород, дающих больше удои молока или больше шерсти. Была также высказана гипотеза, но без точных доказательств, что пастухи иногда вводили в свои стада диких животных, например, зубров или кабанов, чтобы избежать вырождения одомашненных животных.

Палеонтологические исследования показали, что проводилась кастрация быков. Эта операция была необходима, для того чтобы животные стали менее агрессивными и более послушными, чтобы их можно было использовать в качестве тягловой силы и запрягать в повозки (появившиеся в Европе в течение неолита – см. далее) и в соху. В наскальных рисунках на юге Скандинавии и в Валь-Камонике, которые были сделаны немного позднее рассматриваемого периода, часто изображали пару быков, запряженных в соху. Остеологические исследования показывают, что у некоторых животных имелись деформации костей, вызванные их использованием как тягловой силы.

Другие источники существования

За исключением групп охотников-собирателей, которые по мере таяния ледового покрова постепенно перебирались на север и которые, поселившись в предникозовых зонах Скандинавии, Финляндии и России, сохранили образ жизни охотников-рыболовов эпохи мезолита (см. гл. 21), население всей Европы на протяжении рассматриваемого периода постепенно перешло к неолитическому образу жизни. Однако некоторые племена, особенно те, которые поселились на берегах рек и в их дельтах, приняли лишь некоторые стороны неолитического образа жизни, такие, как ограниченные формы земледелия, разведение малочисленных стад животных, изготов-

ление гончарных изделий. Вместе с тем они сохранили образ жизни своих предков и черпали свои основные пищевые ресурсы из моря, занимаясь рыбной ловлей, охотой на тюленей и морских птиц, сборанием моллюсков. Из-за изостатических перемещений, вызванных таянием арктических ледовой «шапки», прибрежные поселения сегодня находятся в глубине континента. Эти процессы особенно заметны в Скандинавии. В других регионах многие прибрежные поселения исчезли в результате трансгрессий моря. Раскопки в Свифтербанге, в районе дельты «Великих рек» в Нидерландах дали много сведений о культуре племён, которые продолжали в течение многих веков добывать основные ресурсы для своего существования в реках и в море.

С переходом на неолитический образ жизни значение охоты значительно уменьшилось: кости, обнаруженные в неолитических поселениях, даже самых древних, более чем на 90% принадлежат домашним видам животных. Если люди все еще изредка занимались охотой, то это происходило в основном с целью получения сырья, необходимого для изготовления предметов, а не для добычи дополнительного количества мясной пищи. Оленьи рога часто использовались для изготовления некоторых орудий: топоров, футляров для них, рукояток для инструментов, резцов и зубил, кирок, гребенок для чесания шерсти и т.д. Однако в шестом тысячелетии до наст. в. в некоторых культурах (например, в поселениях у предгорий Альп и в культуре Сены-Уазы-Марны) отмечается значительное увеличение костных остатков диких животных (от 50 до 90%). Мы разделяем точку зрения Люнинга (*J. Lüning*, гл. 51), согласно которой речь не идет о частичном возврате к образу жизни охотников-собираателей эпох палеолита и мезолита. Объяснение этому скорее следует искать в интенсификации земледелия за счет свертывания животноводства и в климатических условиях, которые вызвали прореживание лесов. Эти факторы привели к быстрому размножению дичи, что вынудило крестьян заняться интенсивной охотой для защиты своих полей от уничтожения посевов дикими животными.

И наконец, повторяющиеся вырубки леса и использование брошенных полей в качестве пастбищ для скота часто приводит к зарастанию лесных опушек колючими кустарниками (терновником, шелковицей, шиповником и т.д.), т.е. барьером, который мешал лесу вновь вырасти на некогда вырубленных участках. Таким образом, между лесом и распаханной участками образовались полустественные колючие преграды, способные оградить поля от незваных гостей и служить загонном для скота. Кроме того, фрукты и ягоды, которые с них можно было собирать (тутовые ягоды, малина, земляника, дикие яблоки), разнообразили пищу людей неолита.

ДРУГИЕ АСПЕКТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

По-видимому, в отношении производства пищи хозяйственная система подавляющего большинства неолитических общин Европы носила замкнутый (автарктический) характер. Однако из этого общего правила были отдельные исключения. Подобная замкнутость относилась скорее к сфере получения сырья для производства орудий, оружия и украшений, некоторых строительных материалов и определенных «престижных» изделий. Там, где это было возможно, племена неолита пополняли запасы необходимого сырья вблизи от своих поселений, однако некоторые виды сырья и изделий доставлялись из относительно удаленных регионов. Это почти всегда происходило путем натурального обмена, главным образом на продукты питания. Вполне вероятно, что некоторые «престижные» изделия приносились в качестве подарков или в знак дружбы и союза.

Транспортные средства

Плавательные средства

Еще в верхнем палеолите человеку были знакомы плоты и небольшие суда, иначе как бы он смог достигнуть Австралии? В эпоху мезолита уже пользовались челноком, выдолбленным из ствола дерева, по крайней мере для плавания по озерам и рекам. Однако были ли эти челноки достаточно надежным средством для таких морских плаваний, которые совершались в Эгейском море в эпоху мезолита в начале торговли обсидианом для его перевозки с о. Милос? Вполне возможно, что при миграции первых неолитических людей из Малой Азии на Пелопоннес через Эгейское море с перевозкой не только людей, но и домашних животных (в количестве, достаточном для их репродукции), требовались более совершенные суда. Было высказано предположение, что это могли быть небольшие суда, сделанные из шкур или полос коры, натянутых на деревянные каркасы, однако это всего лишь гипотеза, поскольку не осталось никаких остатков таких судов или их изображений. Та же транспортная проблема возникает и в связи со становлением культур неолита в центральных и западных районах Средиземноморья (в которых большое количество островов, расположенных иногда на значительном расстоянии от континента, заселялось впервые), в Великобритании и Ирландии. Но даже при наличии не таких примитивных судов плавание по морям могло совершаться только в спокойные сезоны, всегда оставалось опасным и зависимым от случая.

Повозки

Самые древние колесные повозки появились в Западной Азии 6000 лет назад. В Европе (в баденской культуре, названной по находкам у г. Баден, Австрия. — *Прим. ред.*), известно о существовании небольших повозок (возможно, культовых); в Нидерландах был обнаружен десяток дисковых колес, которые относились к первой половине пятого тысячелетия до наст. в. Таким образом, потребовалось всего несколько веков, чтобы использование повозок распространилось от Месопотамии до северо-запада Европы. Однако нельзя утверждать, что повозки были уже известны в Европе в течение периода, рассматриваемого в настоящем томе, за исключением, может быть, самого конца этого периода.

Вполне вероятно, что на протяжении большей части эпохи неолита в Европе тяжелые материалы перемещались на спинах людей или быков.

Сырьевые материалы

Сырье, используемое людьми неолита для изготовления различных изделий, можно разделить на две категории в зависимости от того, являлись ли эти изделия предметом обмена на достаточно больших расстояниях или не являлись.

Вторая из этих категорий сырья в основном включает древесину, кости, оленьи рога, глину, меха и кожи, а также тканые изделия.

Древесина сохранилась только в исключительных случаях (например, в альпийских свайных строениях или в торфяниках), однако, по всей видимости, она была самым распространенным сырьем. Во время раскопок были найдены деревянные заступы, сохи, колеса для повозок, луки, древки стрел и копий, рукоятки орудий, миски и другие сосуда, челноки, весла. Вполне вероятно, что изготавливались также некоторые предметы мебели (не сохранившиеся, но которые должны были походить на мебель, сделан-

ную из больших каменных пластин, обнаруженную на Оркнейских островах в таких неолитических деревнях, как Скара-Брае и Ринио). Позднее мы вернемся к древесине как строительному материалу.

Кость сохраняется немного лучше древесины, однако на нее оказывают пагубное воздействие кислые почвы. Было найдено костяное оружие (например, наконечники для стрел), инструменты (в частности, зубила, гончарные приспособления, шилья и долота), пластины, дощечки, пуговицы, ложки, подвески. Отметим, что начиная с эпохи палеолита, кость обрабатывалась шлифованием, и эта технология была позднее принята для обработки камня.

Оленьи рога использовались во многих случаях, что частично объясняет сохранение занятия охотой. Этот материал был необходим для изготовления некоторых инструментов (в частности, кирок, тысячи образцов которых были найдены в кремневых шахтах).

Глина по результатам анализов, чаще всего была местного происхождения – для изготовления керамических изделий (см. гл. 36 о важности и значении керамики, начиная с эпохи неолита).

Меха и кожа всегда служили сырьем для производства одежды. С появлением тканых изделий они постепенно потеряли свое значение. Кожа шла также на изготовление бурдюков, которые до появления керамических сосудов широко использовались как емкости.

Тканые изделия появляются только в эпоху неолита. Самыми древними следами прядения и ткачества, кроме веретен, являются оттиски тканей на керамических изделиях, относящихся примерно к периоду 7000 лет до наст. в., которые были обнаружены в Ситагрои в Греции. Самый древний кусок ткани в Европе был обнаружен в Тибринг-Виге, на о. Фюн (Дания) и относится примерно к 6200 лет до наст. в. Напомним, что шерсть овец и коз в период их одомашнивания не годилась для прядения и ткачества, и эти животные вначале должны были подвергнуться мутации. Вместе с тем для изготовления одежды шерсть довольно быстро заменила кожу и мех: в бронзовом веке она применялась повсеместно. Что касается льна, который поначалу выращивался в качестве культуры для получения масла, то он скоро стал использоваться в текстильном производстве, как на это указывают находки фрагментов льняных тканей в свайных озерных поселениях в Швейцарии.

Другая категория сырья, служившего предметом обмена, в основном включает кремь, обсидиан, разные сорта твердых скальных пород, янтарь, соль и на протяжении всего периода медь и золото.

Кремь. Наряду с древесиной являлся самым главным сырьем, которое использовал доисторический человек. Кремня много повсюду, особенно в аллювиальных отложениях рек и в тех местах, где меловые слои, включающие кремневые желваки, выходят на поверхность. В эпоху неолита потребности в высококачественном кремне значительно возросли. Кроме того, во многих регионах Европы – в Англии, Франции, Бельгии, Нидерландах, Дании, Польше и в ряде других – небольшие общины, вероятно, ведущие свое происхождение от местных обитателей эпохи мезолита, начали специализироваться на добыче кремня, сначала в открытых коях, а вскоре также и в подземных шахтах (см. гл. 56).

Эти шахтерские общины, вероятно, не занимались ни земледелием, ни скотоводством, а обменивали кремь, подаваемый на поверхность либо в виде неотделанных желваков, либо полуфабрикатов, на продукты питания, одежду и т.д. За кремнем высокого качества приезжали издалека; например, кремь из Спьенн (Бельгия) был обнаружен в поселениях михельсбергской культуры вблизи Франкфурта-на-Майне, находящегося от Спьенн в 350 км; кремь из шахт, расположенных в Кшемионках Опатовских (Польша), был найден в Моравии и Германии;

кремь из местечка Гран-Прессиньи (недалеко от г. Тур во Франции) вывозился в районы устьев рек Везер и Эльба.

Обсидиан – разновидность вулканической стекловидной лавы. Имеет некоторые преимущества перед кремнем, например, его крошки получаются более острыми. В тех местах, где находили обсидиан, его собирали и вывозили с незапамятных времен. Уже упоминалось о торговле обсидианом на о. Милос, еще 10000 лет назад он вывозился на Пелопоннес и в Анатолию. Месторождения на Эоловых островах разрабатываются с начала неолита, а обсидиан с Липарских о-вов был обнаружен в многочисленных поселениях Апеннинского п-ва. Венгерский обсидиан вывозился в Польшу.

Твердые скальные породы, зачастую вулканического происхождения (базальт, амфиболит, тефрит, трахит, фтанит, псаммиты, аркозы, песчаники, сланцы), применялись во многих культурах неолита для изготовления различных изделий: зернотерок, топоров, тесел и т.п. Часто эти породы привозились издалека. Так, подсчитано, что 85% тесел из культуры ленточной керамики в центральной части Бельгии были изготовлены из скальных пород, привезенных из массива Эйфел (Западная часть Рейнских Сланцевых гор на западе Германии. – *Прим. ред.*). Отметим, что предметы из твердых скальных пород (за исключением мельничных жерновов) были отшлифованы абразивным методом, заимствованным у мастеров по кости, и что шлифование скальных пород предшествовало обработке кремня.

В конце рассматриваемого периода во многих регионах (Франция, западное побережье Великобритании, Бельгия, Нидерланды, Рейнская область, Вестфалия, Нижняя Саксония и т.д.) делались «выставочные топоры» большого размера, изготовленные из твердых скальных пород зеленого цвета (жадеита, хлоромеланита, долерита, нефрита). Долгое время считалось, что такие топоры производились в Бретани, однако некоторое их количество происходило из Рейнской области. Эти топоры были своего рода первыми «престижными изделиями» (см. далее).

Янтарь – прозрачная ископаемая смола. Имел важное значение из-за своего цвета и электромагнитных свойств. На протяжении доисторического периода использовался только северный янтарь с побережья п-ва Ютландия и Балтийского моря. Вывоз северного янтара начался в эпоху неолита. Он использовался для изготовления бус и предметов магического или религиозного характера.

Соль начиная с эпохи неолита играла значительную роль в хозяйстве. Соль абсолютно необходима для жизни человека. Однако когда люди оставались охотниками-собирающими в эпохи палеолита и мезолита, питавшимися в основном мясом, они не нуждались в дополнительной соли. В противоположность этому в эпоху неолита, когда пища стала содержать значительно большее количество углеводов, дополнительное количество соли стало крайне необходимым. Очень скоро жители неолита стали пользоваться солью для консервирования мяса и рыбы методом соления или погружения в рассол. Археологи нашли очень мало следов соли, особенно относящихся к неолиту. Этим следов будет больше начиная с отложений, относящихся к бронзовому и железному векам, на протяжении которых будет значительно усовершенствована технология солеварения. Однако мы располагаем некоторыми данными, согласно которым соленые источники в Галле (Германия) и соляные копи в Галлияне и Галльштате (Австрия) использовались уже в эпоху неолита.

Медь. В гл. 36 подчеркивалось, что одним из самых значительных последствий уточнения дат, ранее полученных радиоуглеродным методом, другим методом – дендрохронологической калибровки, было доказательство того, что способы обработки меди появились в Европе не из Западной Азии, как это полагали до 1970 г., а были независимо открыты на Балканах на рубеже восьмого и седьмого

тысячелетий до наст. в., т.е. задолго до появления эгейской металлургии (конец шестого тысячелетия до наст. в.) (Renfrew, 1979). На Балканах очень рано приступили к разработке нескольких медных шахт, таких как Рудна-Глава (в бывшей Югославии) и Айбунар (Болгария) (характеристики халколита, который развивался в бывшей Югославии, Болгарии, Румынии и Венгрии, указаны в гл. 50). С той эпохи на Балканах возникли интенсивные перевозки не только медной руды, но также оружия и орудий, сделанных из меди. С конца седьмого и на протяжении всего шестого тысячелетия до наст. в. в Центральном и Западном Средиземноморье (Италия и Испания) стали возникать другие центры обработки меди без влияния культур Юго-Восточной Европы и побережья Эгейского моря.

Золото. Выплавка золота развивалась на Балканах одновременно с производством меди. Начиная со второй половины седьмого тысячелетия до наст. в. наблюдался большой подъем в производстве золотых изделий, которого в это время не было ни в одном другом регионе. Одним из свидетельств тому служит обилие украшений и престижных изделий из золота, обнаруженных в некрополе Варны (Болгария).

Строительные материалы

Поскольку далее мы будем описывать жилища, религиозные памятники и погребальные сооружения, здесь мы ограничимся рассмотрением строительных материалов и некоторых технических проблем, которые вызваны их применением.

Необожженный кирпич. Применение высушенного на солнце кирпича было заимствовано из Западной Азии и ограничено лишь частью Эгейского мира.

Древесина и саманный кирпич. Дерево и саманный кирпич применялись во многих культурах неолита в качестве строительных материалов. Во время раскопок в основном можно определить лишь план этих строений, однако некоторые найденные небольшие глиняные модели могут дать представление об их полных конструкциях. Можно только удивляться передовым для того времени уровням технических знаний, которыми обладали строители этих сооружений, несмотря на имевшиеся у них относительно примитивные орудия. Некоторые дома (например, относящиеся к культуре ленточной керамики) должны были иметь тяжелые горизонтальные балки; несмотря на отсутствие гвоздей и штифтов, строители той эпохи применяли горизонтальные балки, иногда длиной 8–9 м, и закрепляли их при помощи связей, природа которых еще точно не известна. Строителям свайных сооружений в озерных районах Альп приходилось решать еще более трудные задачи при сооружении свайных деревьев на берегах озер, торфяников). Строители применяли забивку длинных свай сквозь озерную тину или болотистую почву до твердого грунта, строили прочные настилы из лагов, досок и глины, которые приходилось часто заменять, так как они постоянно пропитывались водой.

Делая попытки воссоздать такие дома, экспериментальная археология продемонстрировала исключительное мастерство древних плотников в преодолении этих технических трудностей. Даже сегодня не найдено решение ряда проблем, связанных со строительством.

В строительстве жилищ *камень* обычно использовался реже, за исключением времени окончания рассматриваемого периода. Известны дома с каменными фундаментами и полами, а сами постройки были выполнены из дерева и саманного кирпича (хорошие примеры можно найти в деревне Хирокития на Кипре). Уже упоминались деревни Скара-Брае и Ринио на Оркнейских о-вах, где из-за нехватки леса стены домов были полностью возведены из

плоских камней, тщательно уложенных друг на друга; предметы мебели (столы, полки и т.д.) также были полностью изготовлены из больших плоских плит. В большей степени сухая каменная кладка использовалась при возведении защитных стен. Они иногда воздвигались из камней столь огромных размеров, что их можно назвать циклопическими.

Мегалитические памятники (захоронения, святилища, менгиры*) служат самыми яркими примерами использования камня в качестве строительного материала. Проблемы, возникавшие при перевозках иногда на большие расстояния гигантских каменных глыб весом в несколько тонн, как и при сооружении этих монументов, рассмотрены в гл. 49, 53, 55. Радиоуглеродный анализ показал, что эти внушительные монументы старше великих сооружений Египта и Месопотамии, хотя ранее и полагали, что они произошли от этих памятников. В конце периода, к концу шестого тысячелетия до наст. в., появляется новый тип зданий-гробниц – *толос (фалос)*, круглых в плане, с могилами, расположенными подобно ячейкам улья, стенки которых были выложены сухой каменной кладкой или из вертикально стоящих мегалитических плит (см. гл. 49, 53, 54).

«Престижные» изделия

«Престижные» изделия можно разделить на две категории.

С одной стороны, к ним относятся изделия, которым, вероятно, приписывали сверхъестественную, магическую или волшебную, силу; это были, в частности, «драгоценности» или «украшения» – браслеты, бусы, подвески и т.д., выполненные из различных скальных пород, раковин, кости, а также из таких ценных материалов, как металлы, янтарь, привезенные издалека. К ним можно добавить раковины *Spondylus gaederopus*, привезенные с берегов Эгейского моря и обнаруженные в многочисленных стоянках Балканского п-ва и Центральной Европы.

С другой стороны, существует категория изделий из редких материалов, которые представлялись престижными для их обладателей и которые являлись символами их положения в обществе. «Бретонские» топоры из зеленой скальной породы по своим размерам не могли иметь практического применения в качестве топоров, но они, по всей видимости, принадлежали исключительно гражданским или военным правителям. Подобная же гипотеза была высказана в отношении боевых топоров из твердых скальных пород, относящихся к завершающему периоду неолита: проделанные в них отверстия для крепления рукоятки часто были настолько узкими, что в них можно было вставлять лишь очень тонкую рукоятку, которая, если даже была сделана из твердых пород дерева, непременно ломалась бы при малейшем ударе. Они, вероятно, также относились к символам власти. Что касается изделий из золота, то, очевидно, они предназначались для людей высокого общественного положения. Отметим, что среди золотых изделий, найденных в Варне, фигурирует «скипетр».

Остается нерешенной проблема, связанная с характерными особенностями сосудов, типичных для определенной культуры и найденных среди остатков другой культуры. Согласно мнению некоторых специалистов, эти сосуды сами по себе не представляли никакой ценности, однако служили для перевозки либо продуктов, которые имели большую торговую ценность (возможно, это была соль), либо веществ, наделенных сверхъестественными, магическими свойствами (вода из источника, обладающе-

* Менгир – мегалитическое сооружение, вертикально врытый в землю камень (4–5 м и более). Известны в Западной Европе, Северной Африке, Индии, Сибири и на Кавказе (БЭКМ). – *Прим. ред.*

го лечебными свойствами, или целебная мазь). Следовательно, эти сосуды относятся к первой категории. Однако другие специалисты считают, что эти сосуды, и в особенности колоколовидные сосуды, обнаруженные вне местонахождений соответствующих культур, были сами по себе престижными изделиями.

ЖИЛЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Жилые поселения эпохи неолита весьма разнообразны как по внутренней планировке, так и по архитектуре. Однако следует подчеркнуть, что очень мало поселений раскопано полностью, поэтому заключения, которые делаются по результатам этих раскопок, являются по большей части довольно спорными. Возможно ли, несмотря на это, попытаться определить основные направления их эволюции? Мы рискуем лишь сделать предположения о некоторых тенденциях, основанных на правилах, из которых существует множество исключений.

В самых древних поселениях насчитывалось мало построек, иногда сгруппированных на небольшой площади; иногда поселения состояли из нескольких ферм, располагавшихся на удалении друг от друга, так что общая площадь поселения могла занимать несколько гектаров (как в самой ранней фазе ленточной культуры). На протяжении неолита появлялось все большее число крупных поселений, что, возможно, отражало явный прирост населения.

Затем, еще в очень древние времена, в поселениях одно здание начинает отличаться от других своими более крупными размерами (а иногда также и своей особой архитектурой, как, например, *мегарон* в Греции), и обычно оно занимало центральное положение в поселении. Может быть, это был дом деревенского головы? Это – наиболее приемлемое предположение, но иногда считают, что такое здание могло служить культовым сооружением или (если основываться на этнографических параллелях) «общинным домом», предназначенным для взрослых мужчин или для членов какого-либо «братства».

В более поздний период эти дома все больше изолируются от других жилых зданий: они сооружаются либо на самом возвышенном месте, на акрополе (как в Сескло и Димини в Фессалии (Греция) и во многих других местах), либо в центре обширного открытого пространства, вокруг которого располагались остальные дома (иногда по кругу, подобно спицам в колесе, как в Коломийщине на Украине). Иногда это здание отделялось стеной от остальной части поселения.

Самые древние поселения в основном не были защищены, но очень скоро их стали окружать одним или несколькими рвами и/или стеной, построенной или в виде земляной насыпи с изгородью наверху, или из валунов при сухой кладке.

Сами деревни все чаще строились на высоких местах, окруженных отвесными насыпями, с проходом в деревню только с одной стороны. Доступ к этому поселению преграждался рвом и земляным валом и защитной стеной. На последних фазах неолита такая стена иногда укреплялась полукруглыми бастиями, как, например, в Лос-Милларесе (Испания). Все эти оборонительные сооружения указывают на то, что неолит не был слишком спокойным периодом.

К концу неолита некоторые поселения, такие как Сескло и Димини, были не только защищены одной или двумя толстыми стенами, но, кроме того, сам акрополь (где одиноко стояло главное здание) также был окружен толстой стеной.

Заключительная стадия этого развития представлена искусно сработанными укреплениями некоторых португальских поселений, таких как Вила-Нова-ди-Сан-Педро и

Замбухаль, в которых многочисленные толстые заградительные стены с полукруглыми бастиями окружают небольшую центральную площадь. Датировки методом радиоуглеродного анализа заставили отказаться от старой гипотезы, согласно которой эти поселения были торговыми пунктами эгейских искателей, прибывшими на Пиренейский п-ов в поисках руд для нужд собственного металлургического производства. Кажется более достоверным, что укрепленные резиденции принадлежали вождям или военачальникам, обогатившимся, вероятно, за счет продуктов иберийской металлургии (известно, что ее расцвет относится к той же эпохе), ставшим могущественными и полностью отделившимися от нижних слоев населения. Это является заключительной стадией длительной социальной эволюции (см. далее).

РЕЛИГИЯ – ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ И ПОСТРОЙКИ

На протяжении всего доисторического периода и в более позднее время погребальные обычаи и религия были тесно связаны. Мы не будем детально перечислять погребальные обычаи разных культур. Они, видимо, отражают эсхатологические верования неолитических народов, однако нет возможности дать их точную оценку. Самое большее, что можно сделать, – на основании археологических остатков сделать заключение о том, что эти люди верили в жизнь после смерти, и что культ мертвых в той или иной форме играл важную роль в их общинах.

На протяжении всего неолита захоронение в могилы было наиболее распространенной формой, однако ритуал кремации был также известен. В некоторых культурах, таких как культура ленточной керамики, оба ритуала существовали вместе, и они встречаются в одних и тех же могильниках.

Многим культурам присуще наличие индивидуальных захоронений различного типа. Впрочем, существовал и обычай коллективного захоронения. Коллективные могилы можно разделить на три категории: оссуарии, подземные гробницы, сделанные в скале (некоторые из них имели тщательно разработанную планировку, как, например, на Сардинии и Мальте) и, наконец, мегалитические захоронения (см. гл. 55). Важно подчеркнуть, что эти мегалитические захоронения (за исключением крытых галерей культуры Сена-Уаза-Марна) были предназначены для ограниченного числа привилегированных лиц; благодаря авторитету, которым они пользовались при жизни, они занимали место в рядах тех предков, которым поклонялись. Склепы, обнаруженные в Дании в связи с мегалитическими захоронениями, и обрядовое поселение в Алвастре в Швеции, также тесно связанное с мегалитическими захоронениями, свидетельствуют о существовании ритуалов, которые сопровождали каждое новое захоронение в этих мегалитах.

В начале неолита погребальные предметы во всех захоронениях были совершенно одинаковыми, однако по мере усиления социальных различий соответствующее расхождение общества стало отражаться и в погребальных подношениях. В конце периода, когда правители стали богаче и могущественнее, появляются чрезвычайно богатые захоронения, подобные некрополю в Варне или двойному захоронению в подземной гробнице в Понте-Сан-Пьетро (культура ринальдоне в Италии).

Многочисленные фигурки, культовые предметы, приношения по обету, ритуальные места и памятники позволяют узнать и о религиозных обычаях неолитических людей. Обычаи в регионах различаются, и представить их полный перечень невозможно.

Во-первых, культ плодородия, родственной тому, который мы в различных формах встречаем в Западной Азии,

оставил многочисленные следы в Греции и на Балканах, и его ответвления ведут, с одной стороны, в Центральное и Западное Средиземноморье, а также в Центральную Европу. Речь идет в основном о многочисленных статуэтках, иногда достаточно реалистичных, но чаще всего стилизованных, представляющих женщину, часто тучную или беременную, с ярко выраженными половыми признаками, иногда сидящую и кормящую грудью ребенка. Обычно считают, что эти фигурки изображают богиню плодородия. Такое толкование иногда оспаривается, по нашему мнению напрасно (см. гл. 48). Эти фигурки часто находят среди домашних предметов, это может означать, что культ носил пока частный характер, по крайней мере поначалу. Такое мнение появилось, вероятно, после раскопок в поселении Зелениково (бывшая Югославия), где дома состояли из двух комнат, в одной из которых располагался очаг и большой алтарь. В отличие от этого в поселении Неа-Никомедия (Греция), относящемся к началу неолита, в здании, превышающем по размерам все дома, было обнаружено множество таких статуэток. Это здание было отнесено к культовым сооружениям. Однако вполне возможно, что это был дом главы поселения, который исполнял также обязанности жреца. Величественные мальтийские храмы (см. гл. 49) могли быть также посвящены богине плодородия.

Во-вторых, культ умерших, выражаемый в различных формах, имел не меньшее значение, чем культ плодородия, с которым, по-видимому, он был достаточно тесно связан. По своему призванию боги и богини плодородия довольно часто покровительствовали умершим (гл. 36). Поэтому бог-бык, истинное божество плодородия, оставил свои следы защитника умерших в подземных гробницах на Сардинии (*De Laet*, 1981), а статуэтки богини плодородия были найдены в подземных гробницах и на Сардинии, и на Мальте.

Мы уже говорили о культе умерших в связи с устройством захоронений. Напомним, что мегалитические захоронения предназначались для небольшого числа умерших; было высказано предположение, что это привилегированное меньшинство имело задачей сохранить свою общину на века. «Дома умерших» и культовые места, раскопанные в Скандинавии, предоставили некоторые сведения о церемониях, проходивших при каждом новом захоронении и, возможно, в определенные периоды по случаю больших общинных собраний. Подобная же гипотеза была выдвинута по поводу монументальных подземных гробниц на Сардинии и Мальте, мальтийских храмов и некоторых крупных святилищ и мегалитических захоронений на Атлантическом побережье Европы.

В-третьих, следы религий эпохи неолита на Атлантическом побережье Европы встречаются, однако их значение остается невыясненными. В начале периода в Испании встречаются схематичные женские статуэтки, которые позднее были заменены каменными цилиндрическими идолами и костями с резьбой. Здесь также появился мотив «двух глаз», распространенный по всему Атлантическому побережью Европы вплоть до южных районов Скандинавии (где он обнаружен на ритуальных сосудах). Это бесполой символ, и даже неизвестно, представляет ли он в действительности два глаза или же это астральный символ. Дощечки из сланца с геометрическим или антропоморфным орнаментом (без указания пола) из Португалии трудно поддаются интерпретации. Для Западной Франции, Великобритании и Ирландии эпохи неолита характерны большие культовые объекты на открытых местах. Огромные памятники, среди которых наиболее представительными являются расположенные в Эйвбери и (особенно впечатляющий) в Стонхендже, и круговые ограды из каменных глыб пришли на смену сооружениям, построенным на насыпях. Они служили, как и эти сооружения, во-первых, местами общинных собраний и, во-вторых, культовыми местами. Как явно свидетельствуют

святилище в Стонхендже и впечатляющее мегалитическое захоронение в Ньюгрэндже (Ирландия), неоспорима роль Солнца в проводившихся там церемониях. Культ Солнца стал приобретать важное значение, особенно в бронзовом веке.

Остается упомянуть, что в некоторых европейских поселениях эпохи неолита, казалось, обнаружены следы каннибализма, однако эти предположения никогда не были вполне убедительными. Раскопки, проведенные недавно в пещере Фонбрегуа на юго-востоке Франции, предоставили более убедительные данные (*Villa et al.*, 1986). Этнографические параллели наводят на мысль о том, что людоедство редко имело продовольственное значение, а почти всегда представляло собой магический обряд.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

В эпоху неолита в Европе основной социальной единицей, несомненно, являлась семейная ячейка (супружеская пара и ее дети), как на это указывают размеры жилищ. Иногда ученые считали, что обнаружили следы существования «большой» семьи (в значении латинского слова *familia* – семейство) в некоторых культурах, однако выдвинутые аргументы были слабыми, а находки легко могли быть интерпретированы иначе.

Первые деревни строились по равноправному принципу: ни планы жилищ, ни погребальные предметы в захоронениях не указывали на большие социальные различия. Вероятно, в каждой деревне был ее глава, пользовавшийся определенным личным авторитетом и принимавший решения о проведении тех работ, которые должны были выполняться сообща, таких, как строительство домов, благоустройство деревни в соответствии с определенным планом, строительство защитных сооружений. Было высказано предположение, что в первых деревнях существовало определенное разделение труда по половому признаку: женщины, которые в эпоху мезолита занимались сбором диких злаков, в то время как мужчины ходили на охоту, продолжали заниматься земледелием до появления сохи. Начиная с этого времени обработка полей стала для них слишком тяжелым трудом, и они начали заниматься домашней работой: прядением, ткачеством и, вероятно, изготовлением глиняной посуды.

Эта теория должна обязательно приниматься с оговорками. Несомненно, в первых деревнях существовал определенный тип специализации: наряду с земледельцами и скотоводами имелся специалист по изготовлению каменных орудий, гончар, плотник, под руководством которого возводились тяжелые дома из дерева или свайные постройки, и, наконец, торговцы, которым поручалось разыскивать сырьевые материалы, иногда очень далеко от поселений. Среди сырья особое место занимал кремль высокого качества, поскольку его добыча была основой для ведения неолитического хозяйства. Следовательно, общины, добывавшие кремль, занимали привилегированное положение, которое, однако, могло легко изменяться. Так, местом добычи кремня общинами михельсбергской культуры из Рейнской области среди прочих было месторождение Спённ в Бельгии. Похоже, что богатые рудные запасы этого региона послужили причиной иммиграции в Бельгию в шестом тысячелетии до наст. в. общин михельсбергской культуры. Группа этих иммигрантов поселилась непосредственно в Спённе и, по существу, обратила местных жителей, добывавших кремль, в рабов.

Уже в эту эпоху произошло усиление социального расслоения деревенских общин, о чем свидетельствуют различные признаки, упоминавшиеся выше, и, в частности, тот факт, что лишь отдельные лица, пользовавшиеся большим авторитетом, имели право быть захороненными в

мегалитических могилах и иметь дома в центре поселений, отделенные иногда стеной от других жилищ.

Прежде чем приступить к рассмотрению заключительной стадии этого развития, нужно остановиться на политической структуре неолитических деревень. В начале рассматриваемого периода связи между различными деревнями, относившимися к одной культуре, были, вероятно, основаны на общих технологических традициях, общем языке и общей религии. С определенной вероятностью было сделано предположение, что на сезонные церемонии религиозного характера жители нескольких поселений собирались в таких местах проведения общинных собраний, как места, обустроенные на насыпях, мегалитических сооружениях в виде концентрических кругов или в таких огромных святилищах, какие были найдены на Мальте или в Стоунхендже. Вероятно, туда приходили поклоняться общим мифическим предкам, и такие церемонии со всей очевидностью укрепляли общность интересов этих поселений. Постепенно появились более широкие политические объединения – «племена», в которых собирались под единой властью несколько поселений. В эпоху халколита на Украине отмечается объединение нескольких небольших деревень вокруг одного более крупного поселения, вероятно, центра территории племени. Подобное явление в Западной Азии уже отмечалось ранее (см. гл. 41).

Решающим фактором этого социально-политического развития было изобретение металлургии сначала на юго-востоке Европы, а затем в Западном Средиземноморье (Испания, Италия). Главам деревень или вождям племен, вероятно, удалось завладеть для собственных целей медными и золотыми рудниками и, таким образом, приумножить свое богатство, повысить авторитет и усилить власть. Многие факты подтверждают эту гипотезу: возникновение укрепленных поселений, таких как Вила-Нова-ди-Сан-Педро и Замбухаль; увеличение количества «престижных изделий», выполненных из редких или драгоценных материалов; появление неслыханно богатых захоронений, например некрополей в Варне и Понте-Сан-Пьетро. В эпоху неолита не только усилилась власть вождей племен, но и влияние священнослужителей. Сооружение внушительных религиозных монументов (напомним о храмах на Мальте, о Стоунхендже и Эйвбери, об огромных мегалитических захоронениях, менгирах, рядах из менгиров) явно свидетельствует о глубоком влиянии религии и об авторитете священников.

И наконец, развитие торговли на значительные расстояния и увеличение количества «престижных» изделий указывают на привилегированное положение торговцев и некоторых ремесленников, таких как металлурги и ювелиры.

Следовательно, социально-политическая эволюция в Европе проходила по той же модели, что и в Западной Азии, но с некоторым отставанием во времени. Однако это развитие не привело в Европе к «урбанистической революции»: оно было прервано немногим ранее 5000 лет до наст. в. приходом племен, культура которых включала изготовление кубков, топоров, а также индивидуальные захоронения. Некоторые лингвисты рассматривали эти племена как первых индоевропейцев, но эта теория не была единодушно принята.

Дальнейшее развитие происходило по другим направлениям, однако только на Крите в следующие века и только после прихода новых популяций была достигнута урбанистическая стадия.

ИСКУССТВО И НАУЧНЫЕ ЗНАНИЯ

В зависимости от регионов европейское искусство неолита обладает чрезвычайно разнообразными чертами. Однако в целом оно носит более схематичный и абстрактный характер, чем искусство палеолита. Основными художе-

ственными памятниками новой эпохи были наскальные рисунки в субарктических регионах, мегалитическое искусство, терракотовые и каменные фигурки и статуэтки, украшенные прекрасной росписью, резьбой или насечками гончарные изделия, антропоморфные стелы в Швейцарии и Северной Италии и т. д. (см. региональные главы).

Что касается научных знаний, то они приобретались методом проб и ошибок. Прежде всего и в основном к ним следует отнести некоторые познания в астрономии. Благодаря им мегалитический памятник в Ньюгрэндже был построен так, что в период зимнего солнцестояния лучи восходящего Солнца попадают на могилу через небольшую щель над входом в коридор в нескольких метрах от могилы. В Стоунхендже линия, проведенная из центра сооружения в направлении камня, стоящего вертикально примерно в 30 м от входа в комплекс, указывает точку горизонта, в которой Солнце встает во время летнего солнцестояния.

За последние годы было высказано несколько достаточно смелых теорий относительно познаний в астрономии у создателей мегалитов, и предпринимались даже попытки рассматривать сооружение в Стоунхендже как обсерваторию, с помощью которой можно было предсказывать затмения Солнца и другие небесные явления. Однако в этом вопросе необходимо соблюдать большую осторожность (см. гл. 55).

Для того чтобы определить очертания некоторых сооружений овальной формы, необходимо было иметь элементарные познания в геометрии, однако и здесь объем знаний слишком преувеличен.

Перемещение и установка тяжелых камней при строительстве мегалитических сооружений также подразумевала знакомство с некоторыми законами механики.

В совершенно другой области, в медицине, которая в эту эпоху была тесно связана с магией, следует отметить проведение смелых хирургических операций. Действительно, в могилах, относящихся к культуре Сена-Уза-Марна, и в захоронениях той же эпохи в центральной Германии было обнаружено множество трепанированных черепов. Эта крайне болезненная операция проводилась на живом организме крайне примитивными каменными инструментами той эпохи, и лишь в очень немногих случаях пациент выживал. Вероятно, операция имела магическое значение – изгнать злых духов, которые мучили пациента. Затем вырезанные из черепа кружочки кости просверливались и носились в качестве амулетов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Примечание: чтобы ознакомиться с большим количеством трудов по эпохе неолита, читателю предлагается обратиться к библиографии к гл. 43.

- AMMERMAN, A. J.; CAVALLI-SFORZA, L. L. 1971. Measuring the Rate of Spread of Early Farming in Europe. *Man* (London), Vol. 6, No. 1, pp. 674–88.
- BARKER, G. 1985. Prehistoric Farming in Europe. Cambridge.
- BLOCH, M. R. 1963. The Social Influence of Salt. *Sci. Am.*, Vol. 209, No. 1, pp. 88–96.
- BOGUCKI, P. I. 1988. Forest Farmers and Stock-herders. Early Agriculture and its Consequences in North-Central Europe. Cambridge.
- BÖCKÖNYI, S. 1974. History of Domestic Mammals in Central and Eastern Europe. Budapest.
- CASE, H. J. 1969. Neolithic Explanations. *Antiquity*, Vol. 43, pp. 176–86.
- 1976. Acculturation and the Earlier Neolithic in Western Europe. In: DE LAET, S. J. (ed.), *Acculturation and Continuity in Atlantic Europe*. Bruges, pp. 45–58.
- CHERNYSH, E. N. 1979. Aibunar, a Balkan Copper Mine of the Fourth Millennium BC. *Proc. Prehist. Soc.*, Vol. 44, pp. 203–17.

- CHILDE, V. G. 1929. *The Danube in Prehistory*. Oxford.
- 1957. *The Dawn of European Civilization*. 6th edn. London.
- 1958. *Prehistory of the European Society*. Harmondsworth.
- CLARK, J. G. D. 1952. *Prehistoric Europe. The Economic Basis*. London.
- 1965*a*. Radiocarbon Datings and the Spread of Farming Economy. *Antiquity*, Vol. 39, pp. 45–8.
- 1965*b*. Radiocarbon Dating and the Expansion of Farming from the Near East over Europe. *Proc. Prehist. Soc.*, Vol. 21, pp. 58–73.
- DELAET, S. J. (ed.) 1976. *Acculturation and Continuity in Atlantic Europe*. Bruges.
- 1981. Man and the Bull. *Diogenes (Fiesole)*, No. 115, pp. 104–34.
- DENNELL, R. 1983. *European Economic Prehistory*. London/New York.
- DOLUKHANOV, P. 1989. *Ecology and Economy in Neolithic Eastern Europe*. London.
- GIMBUTAS, M. 1974. *The Gods and Goddesses of Old Europe, 6500–3500 BC*. London.
- GLOB, P. V. 1951. *Ard og plov i Nordens Oldtid [Hoe and Plough in Nordic Prehistory]*. Aarhus.
- GUILAINE, J. 1976. *Premiers Bergers et pay sans de l'Occident méditerranéen*. Paris.
- HIGGS, E. (ed.) 1975. *Palaeoeconomy*. Cambridge.
- HOWELL, J. M. 1983. *Settlement and Economy in Neolithic Northern France*. Oxford.
- IVANOV, I. S. 1978. Les Fouilles archéologiques de la nécropole chalcolithique à Varna (1972–1978). *Studio, Praehist. (Sofia)*, Vol. 1–2, pp. 13–26.
- 1989. La Nécropole chalcolithique de Varna et les cités lacustres voisines. In: MOHEN, J.-P. (ed.), *Le Premier Or de l'humanité en Bulgarie – 5e millénaire*. Saint-Germain-en-Laye. pp. 49–56. (Catalogue d'exposition, 17 janvier – 30 avril 1989.)
- IVERSEN, J. 1941. *Land Occupation in Denmark's Stone Age*. *Dan. Geol. Unders. (Copenhagen)*, Vol. 2, pp. 1–68.
- 1973. The Development of Denmark's Nature since the Last Glacial. *Dan. Geol. Unders. (Copenhagen)*, Vol. 5, pp. 7–126.
- JARMAN, H. N.; BAY-PETERSEN, J. L. 1976. *Agriculture in Prehistoric Europe. The Lowlands*. *Phil. Trans. R. Soc. Lond., Ser. B*, Vol. 175, pp. 175–86.
- JARMAN, M. R.; BAILEY, G. N.; JARMAN, H. N. 1982. *Early European Agriculture: Its Foundations and Developments*. Cambridge.
- JAVANOVIC, C.; OTTOWAY, B. S. 1976. Copper Mining and Metallurgy in the Vinca Group. *Antiquity*, Vol. 198, pp. 104–13.
- KATINCAROV, R. 1989. Le Développement des cultures néolithiques et chalcolithiques et l'apparition de la métallurgie sur les terres bulgares. In: MOHEN, J.-P. (ed.), *Le Premier Or de l'humanité en Bulgarie – 5e millénaire*. Saint-Germain-en-Laye. pp. 16–18. (Catalogue d'exposition, 17 janvier – 30 avril 1989.)
- MERCER, R. (ed.) 1981. *Farming Practices in British Prehistory*. Edinburgh.
- MOHEN, J.-P. (ed.) 1989. *Le Premier Or de l'humanité en Bulgarie – 5e millénaire*. Saint-Germain-en-Laye. (Catalogue d'exposition, 17 janvier – 30 avril 1989.)
- MULTHAUF, R. P. 1978. *Neptune's Gift: A History of Common Salt*. Baltimore.
- MURRAY, J. 1970. *The First European Agriculture, a Study of the Osteological and Botanical Evidence until 2000 BC*. Edinburgh.
- NENQUIN, J. A. E. 1961. *Salt: A Study in Economic Prehistory*. Bruges.
- PHILLIPS, P. 1975. *Early Farmers of West Mediterranean Europe*. London.
- RENFREW, C. 1979. *Problems in European Prehistory*. Edinburgh.
- 1989. Varna et le contexte social de la première métallurgie. In: MOHEN, J.-P. (ed.), *Le Premier Or de l'humanité en Bulgarie – 5e millénaire*. Saint-Germain-en-Laye. (Catalogue d'exposition, 17 janvier – 30 avril 1989.)
- ROWLEY-CONWY, P. 1981. *Slash and Burn in the Temperate European Neolithic*. In: MARCER, R. (ed.), *Farming Practices in British Prehistory*. Edinburgh, pp. 86–96.
- SCARRE, C. (ed.) 1983. *Ancient France: Neolithic Societies and their Landscapes, 6000–2000 BC*. Edinburgh.
- SCHWABEDISSEN, H. (ed.) 1972–6. *Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa*. Cologne/Vienna. 4 vols.
- TRINGHAM, E. 1971. *Hunters, Fishers and Farmers of Eastern Europe, 6000–3000 BC*. London.
- TROELS-SMITH, J. 1960. Ivy, Mistletoe and Elm: Climate Indicators–Fodder Plants. *Dan. Geol. Unders. (Copenhagen)*, Vol. 4, pp. 1–32.
- VELDE, P. VAN DE. 1979. On Bandkeramik Social Structure: An Analysis of Pot Decoration and Hut Distribution from the Central European Neolithic Communities of Elsloo and Hienheim. *Leiden. (Analecta Praest. Leidensia)*, 12.)
- VILLA, P. et al. 1986. Cannibalism in the Neolithic. *Science (Washington)*, Vol. 233, pp. 431–7.
- WAALS, J. D. VAN DER. 1964. *Prehistoric Disc Wheels in the Netherlands*. Groningen.
- WHITTLE, A. W. R. 1985. *Neolithic Europe: A Survey*. Cambridge.
- WILLMS, C. 1985. Neolithischer Spondylusschmuck. *Germania*, Vol. 63, pp. 331–43.
- ZVELEBIL, M. (ed.) 1986. *Hunters in Transition: Mesolithic Societies of Temperate Eurasia and their Transition to Farming*. London.

РЕГИОН ЭГЕЙСКОГО МОРЯ В ЭПОХУ НЕОЛИТА

Христос Думас

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА

Во все времена морфология региона Эгейского моря оказывала сильное воздействие на его культурное развитие. Усеянное бесконечными островами, большими и малыми, Эгейское море, которое одновременно разделяет и соединяет самую южную оконечность Восточной Европы, Грецию и Малую Азию, представляло собой ту окружающую среду, которая благоприятствовала развитию особых видов деятельности, таких как торговля и мореплавание. Северная часть Греции через обширные равнины Македонии и Фракии была напрямую связана с центральной и восточной частями Балканского п-ова вдоль долин р. Аксий (Вардар), Стримон (Струма), Нестос и Гебр (Марица). Центральная Греция разделена в продольном направлении горной цепью Пинд на восточную часть, примыкающую к Эгейскому морю, и западную часть, выходящую на Ионическое и Адриатическое моря. И наконец, Крит и другие о-ва Эгейского моря образуют особый, но не менее важный регион. Водный барьер одновременно изолировал островитян и защищал их от нашествий. Однако как только они научились мореплаванию, море стало каналом для внешних влияний. В таком географическом окружении развилась по существу однородная неолитическая культура, но она также характеризовалась некоторыми региональными отличиями.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Раскопки поселений раннего бронзового века, принятые Х. Тсунтасом (*Christos Tsountas*) на островах архипелага Киклады в последнем десятилетии XIX в., явились первым систематическим исследованием доисторического периода Эгейского мира. В течение первого десятилетия XX в. (1908) этот неутомимый ученый совместно с В. Стаисом (*Valerios Stais*) начал раскопки двух знаменитых поселений Фессалии – Сескло и Димини, в которых были обнаружены первые сведения о регионе Эгейского мира в эпоху неолита. Примерно в это же время английский археолог сэр А. Дж. Эванс обнаружил первые неолитические остатки в Кноссе на Крите (*Evans*, 1921–1935). Раскопками в Фессалии и на Крите, а также предпринятыми Сотериадисом в Фокиде (*Soteriadis*, 1912) ограничиваются исследования эпохи неолита в данном регионе до начала первой мировой войны. Интерес к нему возрос в конце 1920–1930-х гг., когда исследованиями была охвачена значительно более обширная территория.

Македония оказалась в фокусе научного интереса благодаря работам Г. Милонаса в Олинфе (*Mylonas*, 1928) в материковой Греции и исследованиям Э. Кунце в Орхомене (*Kunze*, 1931). Афинский Акрополь был изучен Д. Леви (*Levi*, 1930–1931); на п-ве и исторической области Пелопоннес провел серию исследований К. Блеген – в Немее (*Blegen*, 1927), Гонии (1930) и в Просимне (1937); Н. Вальмин провел раскопки в Мессении (*Valmin*, 1938). На других островах, кроме Крита, были обнаружены предметы неолита. Острова Эгина (*Welter*, 1937) и Самос (*Heidenreich*, 1935–1936) были также исследованы в 1930-е гг. Исследования эпохи неолита в Эгейском регионе стали проводиться более интенсивно сразу после окончания второй мировой войны, а начиная с 1960-х гг. они проводились еще более масштабно. Невозможно привести здесь имена всех ученых, которые работали в этой области, однако, следует упомянуть двух специалистов по доисторическому периоду, которые после окончания войны внесли неоценимый вклад в исследования эгейского неолита – покойного В. Милойчича (*V. Milošić*) и Д. Теохариса (*D. Theocharis*).

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ НЕОЛИТА В МАТЕРИКОВОЙ ГРЕЦИИ И НА ОСТРОВАХ (ВОСЬМОЕ, СЕДЬМОЕ И ШЕСТОЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО НАСТ. В.)

Несмотря на то что стратиграфически существование периода мезолита не было установлено, на эллинской территории повсюду имеется достаточное количество косвенных доказательств существования этой переходной фазы от хозяйства, характеризующегося сбориением продуктов питания, к их производству; это ясно видно в районе Боиб в Фессалии и в Сидари на северо-западе о. Керкира (Корфу) (*Theocharis*, 1981, p. 27). Неопровержимые стратиграфические доказательства существования мезолитического периода были обнаружены в пещере Франтчи, рядом с древним греческим городом Гермисоном на п-ве Пелопоннес (*Jacobsen*, 1981, pp. 303–319). В четвертом культурном слое этого поселения, который хронологически соответствует девятому тысячелетию до наст. в., были обнаружены разнообразные пищевые запасы и следы их интенсивного использования, а также значительное увеличение количества микролитических орудий, высеченных из обсидиана с о. Милос, что свидетельствует об установлении морских коммуникаций в Эгейском море (*Jacobsen*, 1981, p. 307).

Землепашество и животноводство появились до конца девятого тысячелетия до наст. в., что подтверждается находками не только в пещере Франтчи, но и в поселении Аргисса, Сескло и Суфли-Магула в Фессалии (*Theocharis*, 1981, p. 37) и в поселении Кносс на Крите (*Evans*, 1964, p. 136).

Зерновые и овощные культуры были первыми окультуренными растениями (*Renfrew*, 1973, p. 161); овцы и козы также первыми появились в одомашненном виде (*Bökönyi*, 1973, pp. 166–168).

Эту фазу можно рассматривать как самую раннюю фазу неолитического периода, и в указанных выше поселениях она характеризуется полным отсутствием гончарных изделий (докерамический этап неолита) и редко, но все же встречающимися архитектурными остатками (*Theocharis*, 1981, p. 37). Начиная с этого докерамического этапа и до его окончания в ходе развития неолитического периода в регионе Эгейского моря можно определить следующие фазы:

1. Ранний неолит, который хронологически соответствует всему восьмому тысячелетию до наст. в.

2. Средний неолит, который охватывает первую половину седьмого тысячелетия до наст. в.

3. Поздний неолит, который длился с середины седьмого тысячелетия до конца шестого тысячелетия до наст. в.

Часто последние фазы позднего неолита объединяют под названием «завершающие стадии позднего неолита».

Исследования пока далеки от завершения, так, на островах они едва начались, но изучение собранного материала явно показывает постепенное распространение неолитического образа жизни на весь бассейн Эгейского моря. На протяжении 3500 лет этот новый образ жизни, несмотря на региональные различия, заложил основы и создал условия для перехода к урбанистическим формам организации Эгейского мира в начале бронзового века.

ПОСЕЛЕНИЯ И АРХИТЕКТУРА

Докерамический неолит

Известно, что постоянные поселения существовали еще на докерамической стадии неолита. И хотя при имеющейся базе данных трудно оценить размеры этих ранних поселений, все же поселение Сескло в Фессалии показывает, что они были достаточно крупными, поскольку архитектурные фрагменты обнаружены как внутри, так и снаружи акрополя (*Theocharis*, 1981, p. 54). Общие особенности всех этих поселений свидетельствуют о том, что предпочтение при их устройстве отдавалось местностям, расположенным на морском побережье, на берегах рек или, возможно, озер (*Jacobsen*, 1981, p. 312). Необычно большое количество деревень докерамического периода в Фессалии по сравнению с другими районами Греции, возможно, объясняется местной окружающей средой: равнина Фессалии была самой благоприятной для развития новой системы хозяйствования.

Помимо Сескло, в других поселениях Фессалии были обнаружены слои докерамического периода: в Ахиллейоне, Гендики, Суфли-Магуле и Аргиссе (*Theocharis*, 1981, p. 37). Вне Фессалии следы докерамического неолита обнаружены в Кноссе на о. Крит (*Evans*, 1964, p. 142) и в Франтчи в Арголиде (*Jacobsen*, 1981), а также, вероятно, в Маруле на Китносе – одном из островов архипелага Киклады (*Honea*, 1975). Во Франтчи архитектурные фрагменты были обнаружены как внутри пещеры, так и вне ее и включали остатки стен и следы устройства уступов (террас) на территории (*Jacobsen*, 1981, p. 309).

Именно в Фессалии можно представить себе наиболее точную картину жизни неолитических людей на докерамической стадии. Там были обнаружены развалины хижин овальной в плане формы, сооруженных из деревянных

кольев и саманного кирпича, пол в которых был устроен в земле и покрыт слоем гальки или утрамбованной земли; были видны остатки очага (*Theocharis*, 1981, p. 37). Похоже, что остатки сооружений, обнаруженных к настоящему времени, свидетельствуют об определенных региональных различиях между постройками на севере и юге, также объясняемых различиями в окружающих условиях. Фессалийские жилища были построены из лесоматериалов – относительно недолговечных, в то время как жилища в Франтчи были сооружены из камня.

Ранний неолит

Несмотря на то что на всем эллинском пространстве не было обнаружено архитектурных фрагментов жилищ эпохи раннего неолита, не вызывает сомнения их широкое географическое распространение. К началу раннего неолита группы жилищ или деревушки докерамического периода превращаются в довольно большие деревни.

Поселение Сескло в Фессалии является одним из наиболее изученных. В этом фессалийском поселении архитектурные фрагменты были разбросаны на площади около одного гектара (*Theocharis*, 1981, p. 54), в то время как расположенная в Македонии деревня Неа-Никомеда раскинулась приблизительно на площади 2,4 га (*Rodden*, 1962, p. 268). Следовательно, похоже, что деревни Балканского п-ва были тех же размеров, что и поселения в Западной Азии, которые обычно занимали от 1 до 4 га (*Jacobsen*, 1981, p. 313). Если предположить, что плотность населения составляла 100 человек на один гектар, то в неолитических деревнях должны были проживать от 100 до 400 человек.

Примечательно, что как поселения Сескло и Ахиллейон в Фессалии, так и поселения Неа-Макри в Аттике и Палаия-Коринф на Пелопоннесе были расположены на естественных геологических террасах, тогда как поселение Неа-Никомеда в Македонии располагалось на вершине холма (*Theocharis*, 1981, p. 55; *Nandris*, 1970, pp. 194–195).

Архитектура раннего неолита характеризуется разнообразием форм, строительных материалов и явным сосуществованием старых традиций и новых концепций и практических подходов. Так, кроме овальных сооружений появляются прямоугольные или квадратные (в плане) строения (*Theocharis*, 1981, p. 58). Что касается строительных материалов, то некоторые жилища были сооружены из сырой глины по технологии, применявшейся для глинобитных построек, другие возводились на каменных основаниях, а жилища в Неа-Никомеда имели каркас из деревянных столбов, вбитых в плотный грунт. Интересна одна особенность глинобитных построек: в них устанавливались вертикальные каменные плиты вокруг фундаментов для защиты домов от воды (*Theocharis*, 1981, p. 58). Эти сооружения были относительно просторными: в Неа-Никомеда некоторые из них имели размеры 8x11 м. В этом же поселении раскопки показали, что одно из строений могло быть святилищем (*Rodden*, 1964, p. 114).

Средний неолит

В период среднего неолита существовали значительные различия между Северной и Южной Грецией. В Македонии такие различия не отмечены, что, возможно, указывает на застой или на запоздалое развитие этого региона, и в результате период среднего неолита здесь почти ничем не отличается от раннего неолита. В противоположность этому развитие раннего неолита в Южной Греции было достаточно быстрым. В Северной Греции период среднего неолита представлен процветающей культурой Сескло в Фессалии (*Theocharis*, 1981, pp. 80, 113).

Так называемая культура кайроная (*Chaironeia*) распространилась к югу по всей восточной части континентальной Греции (*Theocharis*, 1981, p. 13). Южнее, на Пелопоннесе эволюция происходила иначе. Все эти региональные особенности четко определены и отражены в различных стилях и технологиях изготовления гончарных изделий (*Theocharis*, 1981, pp. 113–117).

В целом период среднего неолита был отмечен ускорением развития в южных регионах, и в результате Фессалия перестала быть центром эволюции (*Theocharis*, 1981, p. 118).

По-видимому, укрепление новой формы хозяйствования и образа жизни, наметившееся в ходе раннего неолита, вызвало заметный рост населения. Это нашло отражение не только в появлении новых поселений, таких как Тсангли, Зерелия и Тзани-Магула в Фессалии, но и расширение тех, которые уже существовали в период раннего неолита (*Theocharis*, 1981, p. 88). Полагают, например, что в средне-неолитическом поселении Сескло было 500–800 зданий и проживало до 3 тыс. человек (*Theocharis*, 1981, p. 94).

На протяжении этой части среднего неолита происходили многочисленные изменения в поселениях, но ни одно из них не было внезапным, а скорее являлось результатом процесса, начавшегося на предыдущей стадии. Что касается поселений в целом, то в среднем неолите появились два основных новшества: расположение строений согласно примитивному «градостроительному плану» и (в Фессалии) строительство многочисленных поясов ограждений по периметру поселений (*Theocharis*, 1981, p. 81). Эти ограждения, которые известны со средне-неолитического поселения Сескло и, возможно, с поселения Магула-Чацимиссиотики, а также с поселения Димини, относящегося к позднему неолиту, первоначально рассматривались как оборонительные стены (*Theocharis*, 1973, pp. 65–66), а территории, ограниченные ими, считались местами для акрополя. Это предположение недавно было поставлено под сомнение Хурмузиадисом (*Chourmouziadis*, 1979, p. 92) в отношении, по меньшей мере, стен в Димини, которые, по его мнению, были связаны с различными видами производственной деятельности. Это утверждение кажется очень убедительным, особенно после того как найдена рва в форме буквы V вокруг деревни Суфли-Магула укрепила мнение о защитной функции ограждений. Это поселение, лежащее на равнине, без всяких естественных защитных средств, где камни редки, могла быть защищена лишь рвом, который мог быть наполнен водой (*Theocharis*, 1973, p. 66; 1981, p. 95). Подобные оборонительные рвы встречались и в других поселениях, например в Сервии (*Theocharis*, 1973, p. 66). Какова бы ни была цель этих укреплений, не вызывает сомнения тот факт, что они явились результатом коллективных и согласованных усилий, которые должны были мобилизовать достаточное количество рабочей силы и требовали определенной координации действий.

План поселения Сескло показывает существование внутри акрополя примитивной сети узких улиц. Небольшие дома строились и перестраивались на одном и том же месте и при постоянной ориентации. Жилища в поселении Отсаки-Магула были расположены вплотную друг к другу и всегда на одном участке, поэтому создается впечатление, что расположение домов было заранее определено. Перед зданием, расположенным в центре акрополя в Сескло, находился вымощенный двор, а вокруг в беспорядке были разбросаны небольшие «скверы». За пределами акрополя здания более крупных размеров строились на расстоянии друг от друга и, хотя стояли свободно, были выстроены в одну линию и в одном направлении. Такой порядок застройки был, вероятно, результатом предварительной планировки (*Theocharis*, 1981, pp. 94–95).

Архитектура среднего неолита в основном характеризуется появлением каменных площадок, служивших основаниями для домов, и стандартизированной формой зданий: вытянутое здание типа *мегарон* или квадратное

(в плане) здание с внутренними выступами, сокращавшими расстояние между противоположными стенами и облегчавшими применение перекрытий. Другими техническими новшествами были побелка внутренних стен жилищ и применение деревянных колонн в открытых портиках. Распространился обычай облицовки наружных сторон фундаментных платформ каменными плитами.

Различные типы жилищ в эллинском регионе имели более ранних предшественников и являлись скорее результатом развития местных традиций, чем новшествами, появившимися извне (*Theocharis*, 1981, p. 102). Примитивный вариант квадратного (в плане) дома с внутренними выступами и центральным рядом деревянных колонн, который является обычным в Сескло, Тсангли и Отзаки-Магула известен еще с раннего неолита в поселении Неа-Нико-медиа (*Theocharis*, 1981, pp. 98–102). Мегарон также имел предшественника в виде ранне-неолитического дома из одной комнаты. Этот тип зданий, вероятно, явился результатом продления двускатной крыши перед фасадом и за тыльной частью здания для защиты проемов (дверей и окон) от дождя некоторым подобием навесов (*Theocharis*, 1981, p. 102). О существовании наклонной кровли свидетельствуют отпечатки балок на глине, а также глиняные модели домов, найденные в поселениях (илл. 69) (*Theocharis*, 1973, p. 66; 1981, p. 97).

Поздний неолит

Во многих районах Фессалии окончание среднего неолита отмечено общими и географически широко распространенными разрушениями из-за сильных пожаров; об этом свидетельствуют находки в Сескло, Тсангли и Сервии (*Theocharis*, 1981, p. 121). За этим опустошением последовал короткий переходный период. Большинство поселений были вновь заселены, за исключением Сескло, который оставался опустошенным на протяжении почти 500 лет, после чего был заселен лишь акрополь (*Theocharis*, 1981, p. 120). Появление здесь чужеземных традиций и применение новых технологий рассматривались как признаки появления в регионе новых народов из других стран. По-видимому, эти новые пришельцы сосуществовали с местными жителями среднего неолита, которые пережили разрушения (*Theocharis*, 1981, p. 123).

Что касается архитектурных черт, то первые фазы позднего неолита характеризуются отсутствием стандартных подходов, а в южных районах даже отмечено предпочтительное проживание в пещерах. Подобные пещерные поселения были обнаружены в Аттике (пещера Пан около Марфона, пещера Китсос в окрестностях Лавриона), на Пелопоннесе (Алепотрипа в горах Мани), на юго-западе материковой Греции (пещера Агиос-Николаос около Астакоса) и на о. Лефкас (*Nandris*, 1970, pp. 194–195; *Theocharis*, 1981, p. 157). По всей видимости, численность населения продолжала расти, поскольку были заселены не только те поселения, которые остались от эпохи среднего неолита, но и другие территории, в которых до того времени не было замечено признаков деловой активности и которые стали играть важную роль. Это относится, в частности, к восточной части Македонии, к фракийскому побережью Эгейского моря (Ситагрой, Дикили-Таш, Парадими) (*Bakalakis & Sakellariou*, 1981) и к некоторым удаленным островам (таким как Салиагос в архипелаге Киклады) (*Evans & Renfrew*, 1968). Географическое распределение этих новых поселений показывает, что люди предпочитали селиться у побережья, отдавая предпочтение южным территориям.

Среди характерных морфологических признаков поселений эпохи позднего неолита следует отметить защитные стены, окружавшие акрополи в Сескло и Димини в Фессалии, а также обнаруженные на острове Салиагос

недалеко от Антипароса (*Theocharis*, 1973, p. 110; 1981, p. 158), которые, возможно, являются примером самых древних стен позднего неолита. Внушительные здания – мегароны – возвышались в центрах фессалийских поселений (Сескло, Димини и Магула-Висвики недалеко от Велестино).

Мегарон в Магула-Висвики достигал монументальных размеров – его длина составляла 30 м; мегароны в Сескло и Димини были практически единственными зданиями, возведенными внутри ограждения акрополя и окруженными обширными открытыми пространствами. Недавно Хурмузиадис (*Chourmouziadis*, 1979, p. 101) доказал, что мегарон в Димини был перестроен в раннем бронзовом веке.

Кроме всего прочего, оба последних поселения имеют еще одну особенность – крытые галереи по внутреннему фасаду центрального ограждения. Считается, что эти впечатляющие здания, мегароны, служили в качестве общественных или общественных зданий или были резиденцией местного правителя.

ТЕХНОЛОГИЯ

Гончарные изделия

Гончарная печь, вероятно, считается одним из самых важных изобретений, которые были сделаны после перехода от кочевого к оседлому образу жизни. Маленькие схематичные фигурки из глины, которые были найдены в Фессалии в культурных слоях докерамического периода неолита, превосходили те достижения, которые затем последовали (*Nandris*, 1970, p. 198; *Weinberg*, 1965, p. 16). После открытия способа обжига глиняных сосудов прогресс в технологии их изготовления стал удивительно быстрым, как в выборе и подготовке глины, так и в оснащении собственно процесса обжига, о чем свидетельствует специальная окраска в красный цвет поверхностей сосудов.

В первых керамических изделиях проявляется желание имитировать форму естественных сосудов (например бутылочных тыков) или сосудов, изготовленных из других материалов и с применением других технологий. Это желание проявляется в украшении поверхностей сосудов; при этом используются приемы резьбы по дереву, плетения, изготовления ткани и т.д. (*Theocharis*, 1981, p. 51). Монохромный тип керамики был самым древним на всем эллинском п-ве (*Theocharis*, 1981, p. 51; *Wenberg*, 1965, p. 27).

При всем однообразии в отдельных регионах гончарные изделия достигли совершенства, которое можно оценить лишь как достижения высококвалифицированных и опытных мастеров, работавших в специальных производственных центрах. Такие центры были обнаружены в Сескло в Фессалии, где делались «полностью белые» вазы, выглядевшие как сделанные из фарфора, а также в Коринфе на северо-западе Пелопоннеса, где изготавливали «радужные» или «разноцветные» гончарные изделия (илл. 70) (*Theocharis*, 1981, p. 52). Кроме монохромных изделий, изготавливали другие гончарные изделия, известные с эпохи раннего неолита. К ним относились вазы с расписными, лепными, тисненными или резными орнаментами. Все они появились несколько позднее. В число этих керамических изделий входили главным образом различные типы чаш с широким горлом, обычно на круглом основании (*Theocharis*, 1981, p. 66; *Wenberg*, 1965, p. 27).

Расписные гончарные изделия преобладали в эгейской части Фессалии (илл. 71) и в материковой Греции, а также на островах Эгейского моря (Халинисос, Скирос); считалось, что они следуют восточным традициям, так как их находят также в Малой Азии на берегах Эгейского моря (*Theocharis*, 1981, p. 71). Основными декоративными эле-

ментами служили либо строгие линейные композиции, либо сплошные случайные сюжеты. Уже появились изображения людей и животных, но они встречаются крайне редко (*Wenberg*, 1965, p. 28).

Гончарные изделия с орнаментами, вероятно, следуют западным традициям, поскольку такая технология не была известна на Эгейском побережье Турции, но была очень широко распространена вдоль побережья Адриатического моря и в Западном Средиземноморье (*Theocharis*, 1981, p. 70; *Wenberg*, 1965, p. 29). Гончарные изделия с тисненными орнаментами были обнаружены в Эпире, на острове Кефалиния, в центральной Македонии и западной Фессалии. На северо-востоке Фессалии они появляются лишь к концу раннего неолита в результате контактов с ранее упомянутыми западными регионами. Гончарные изделия раннего неолита с Пелопоннеса похожи на изделия восточнофессалийской культуры (*Wenberg*, 1965, p. 30).

По-видимому, в Аттике, в поселении Неа-Марки (*Theocharis*, 1956), было место встреч различных традиций и технологий, о чем свидетельствуют находки монохромных гончарных изделий, напоминающих изделия из Фессалии и ее «разноцветные» вазы или вазы «с черным верхом», которые показывают их родство с предметами из северо-восточных районов Пелопоннеса. В этом поселении также были найдены интересные гончарные изделия особого вида с необычным тисненым орнаментом, совершенно отличающимся от обычной техники тиснения, с заполнением оттисков белой массой (*Theocharis*, 1981, p. 54; *Wenberg*, 1965, p. 30). Другая группа гончарных изделий, характерных для раннего неолита, относится к категории ваз с лепными орнаментами, форма которых представляет фигуры людей или животных, а также к антропоморфным вазам (*Theocharis*, 1981, p. 54).

В эпоху среднего неолита технология изготовления гончарных изделий, особенно технология обжига, значительно усовершенствовалась. Отмечается также заметный рост числа расписных изделий и прогресс в нанесении орнаментов. Как и в раннем неолите, были обнаружены производственные центры, из которых сосуды вывозились в другие места. Это означает, что умелые и опытные изготовители производили гончарные предметы не только для нужд их поселения, но и для внешнего рынка (*Theocharis*, 1981, p. 104).

Гончарные изделия среднего неолита делятся на две основные категории: грубые изделия, представленные в основном глиняными кувшинами из Сескло для хранения продуктов и более тонкие изделия, которые были изучены весьма детально и поэтому лучше известны. Гончары среднего неолита продолжили традиции своих предшественников, однако они усовершенствовали их приемы до такой степени, что толщина стенок некоторых монохромных ваз не превышала 2 мм. В свою очередь расписные гончарные изделия делятся также на две группы: изделия первой группы – те, которые выполнены по известным, но усовершенствованным технологиям в традиционном стиле, и изделия второй группы, характеризующиеся новшествами как в стиле, так и в способах изготовления. Расписная керамика фессалийской культуры Сескло, возможно, является самым замечательным художественным творением своего времени, а ее отделка и по сей день остается самым блестящим достижением доисторических гончаров (*Theocharis*, 1981, p. 105). Она включает в основном красные орнаменты на беловатом грунте. Другие, более редкие изделия были украшены белым орнаментом на темном или красном фоне. В орнаменте в целом отмечается тенденция к спиральному расположению декоративных элементов на поверхности вазы (*Theocharis*, 1981, p. 104). В культуре Сескло можно различить три основных орнаментальных стиля гончарных изделий: «сплошной», «линейный» и «скребковый».

«Сплошной» стиль (илл. 72)

Этот стиль характеризуется сплошными угловыми орнаментами: наносимые линии имеют ступенчатый или пилообразный вид. Такой орнамент легко нанести на другие материалы и иными способами – при плетении корзин, ткачестве, вышивании, и эти приемы, видимо, использовались при изготовлении гончарных изделий. Центром производства, вероятно, была Западная Фессалия (Тзани-Магула и Мегало-Мазараки), откуда такие изделия распространялись в различные части Греции (*Theocharis*, 1981, p. 104). Предполагается, что гончарные изделия «сплошного» стиля на Неа-Никомеда связаны с расписной керамикой из Анзабегово на территории болгарской Македонии (*Nandris*, 1970, p. 207).

«Линейный» стиль

В этом стиле орнамент представлял собой параллельные линии в различных сочетаниях, группы загогообразных линий, выгравированные треугольники и ромбы и т.п. По-видимому, этот стиль развился из «сплошного» стиля, в котором сплошная линия сначала лишь намечалась (*Theocharis*, 1981, p. 104).

«Скребковый» стиль

Этот стиль характерен для конца среднего неолита. Линейные орнаменты в нем выполнялись путем соскабливания краски с поверхности сосуда. И хотя эти гончарные изделия встречаются повсюду в Фессалии, технология их изготовления, по всей вероятности, имеет южное происхождение, поскольку самые прекрасные образцы были найдены в Лианоклади (*Theocharis*, 1981, p. 105).

В южной части материковой Греции преобладают гончарные изделия из Кайронея. Эти изделия являлись современниками изделий из Фессалии и часто походили на них, однако были украшены простым геометрическим орнаментом, выполненным в более строгой манере (*Theocharis*, 1981, p. 113). И наконец, центр производства в эпоху среднего неолита, находившийся на северо-востоке Пелопоннеса, дал нам еще один класс гончарных изделий, известных как неолитическая керамика *Urfimis*. По-видимому, эта технология распространилась на север до Фокиды, однако она не достигла сферы влияния культур Сескло и Кайронея (*Theocharis*, 1981, p. 114). Эту керамику пытались представить в качестве доказательства влияния новых групп людей с Востока, однако подобное предположение трудно обосновать, учитывая отсутствие в этой керамике рисованных сюжетов, которые преобладали на гончарных изделиях халафской культуры, с которыми ее сравнивают (*Weinberg*, 1965, p. 39), а также типично эллинскую форму ваз (*Theocharis*, 1981, pp. 117–118).

Переходная фаза между средним и поздним неолитом (вторая половина седьмого тысячелетия до наст. в.) отмечена постепенными изменениями в гончарных изделиях. Гончарные изделия «скребкового» стиля постепенно меняют красные тона на серые в некоторых поселениях, таких, как Тсангли, Сербия и Магула Тсапоха; были найдены также двухцветные керамические изделия с черным орнаментом, нарисованном на тех частях сосуда, с которых удалена красная краска. Такая керамика была распространена в последующую эпоху (*Theocharis*, 1981, pp. 121–122).

Поздний неолит характеризуется преобладанием керамических изделий с темным фоном, на котором вырезались или рисовались матовым красителем линейные орнаменты. В Фессалии многоцветная керамика преобладает примерно с 6300 до 5800 лет до наст. в. (*Milojčić & Hauptman*, 1969), но была также заметная доля монохромных изделий темных цветов, украшенных резным или нарисованным орнаментом.

Несмотря на плохое качество внутренней отделки изделий, их орнаменты выполнены с большим мастерством и свидетельствуют о большой строгости в ее выполнении (*Theocharis*, 1981, p. 126).

На протяжении этих первых фаз позднего неолита в Фессалии отмечается заметная ориентация на южные регионы, и знаменательно, что гончарные изделия, покрытые матовым красителем, пахотят далеко на юге, в районе Аленотрипа в горах Мани (Пелопоннес) (*Theocharis*, 1981, p. 128).

В это же время умножаются контакты между Балканами и эгейскими частями Македонии и Фракии. Такие поселения, как Ситагрой, Дикили-Таш и Парадими указывают на родство с поселениями Винча (Тордос) и Веселиново (Караново III) (*Theocharis*, 1981, pp. 127–128; *Bakalakis & Sakellariou*, 1981, p. 25; *Alexander*, 1972, p. 43).

Гончарные изделия культуры Димини (илл. 73) обладают особыми признаками, географическая зона их распространения довольно ограничена (восточная часть Фессалии); они имеют смешанные черты предшествующих форм и различных влияний извне. Вероятно, в их отделке встречаются заимствования некоторых орнаментов у керамики из Сескло (клетчатые орнаменты, ломаные линии и т.д.), однако здесь они представлены необычным образом, с явным намерением выделить различные части сосуда. Другое новшество состояло в отделке гончарных изделий полосками разных, часто контрастных цветов (*Theocharis*, 1981, p. 144). Еще одной особенностью гончарных изделий является предпочтительное применение орнаментов в виде спиралей и меандров, которые, вероятно, произошли от разных орнаментов (илл. 74) и, возможно, от резьбы по дереву (*Theocharis*, 1981, p. 148).

Как было указано выше, отличительной чертой эпохи позднего неолита на юге было преобладание керамических изделий, покрытых матовым красителем (*Weinberg*, 1965, pp. 45–46). Многоцветные керамические изделия типа изделий из Гонии и Просимны (Пелопоннес), возможно, подобны керамическим изделиям из Фессалии (*Theocharis*, 1981, p. 133).

На о. Салиагос (расположенном недалеко от о. Андипарос), входящем в архипелаг Киклады, были найдены керамические изделия темного цвета, которые, несмотря на некоторое сходство с керамическими изделиями материковой Греции и Пелопоннеса, образуют отдельную группу, в которой преобладают орнаменты белого цвета (*Evans & Renfrew*, 1968, p. 36; *Theocharis*, 1981, p. 158).

Завершающие фазы этой эпохи, или заключительный (финальный) неолит, представлены в Фессалии культурами Ларисы и Рахмани (*Theocharis*, 1981, p. 133; *Weinberg*, 1965, p. 50). Керамические изделия Ларисы принимали различные формы, у них не было ручек и выраженного основания, они были широко распространены от Западной Македонии до Аттики и о. Эвбея в Эгейском море. Это – керамические изделия черного или темного цветов, украшенные белыми линейными орнаментами, или полированные с резными орнаментами. Изделия из Рахмани относятся, скорее всего, к культурам халколита (медного века); они в основном были распространены на побережье Фессалии и имели некоторые черты, похожие на изделия из Восточной Македонии. Керамические изделия из Рахмани формально напоминают изделия из Ларисы, однако отличаются от них применением технологии нанесения покрытия сюжетами орнаментов, включающих упрощенные спирали и витые конструкции, к которым добавляются линейные орнаменты. Поскольку эти технология и тип орнаментов были характерны для Балкан, можно предположить, что они зародились в северных районах (*Theocharis*, 1981, p. 133; *Weinberg*, 1965, p. 50). Однако подобные керамические изделия с покрытием были также обнаружены в некоторых южных районах, например на Пелопоннесе (Лерна), Крите (Кносс) и Кикладах (Салиагос) (*Theocharis*, 1981, p. 152). По-видимому, эти декоративные

сюжеты продолжали традиции Димини, однако в способах их нанесения проявляется северный характер (*Theocharis*, 1981, p. 152). Родство с северными регионами (Балканы) угадывается в другом типе керамики, выполненной из графита, которая характерна для эгейской Македонии и Фракии и может рассматриваться как керамика периода халколита (*Bakalakis & Sakellariou*, 1981, pp. 26–28).

Производство изделий из камня и кости

Каменные орудия докерамического периода неолита продолжают традиции эпохи мезолита и связаны с производством микролитов из кремня и обсидиана. Обсидиан как исходный материал был более распространен в южных регионах и на островах, расположенных поблизости от места добычи – о. Милос в архипелаге Киклады.

Пластины – наиболее типичные неолитические орудия – появились в эпоху раннего неолита. Из-за отсутствия каких-либо опубликованных специальных и детальных материалов о неолитических каменных орудиях и инструментах иногда бывает трудно наметить морфологическую и типологическую эволюцию этих орудий на протяжении рассматриваемого периода. Тем не менее, по-видимому, микролитическое производство постепенно сократилось до такой степени, что эти орудия практически исчезли в период среднего неолита. В то же время в Фессалии наблюдается расширение применения обсидиана, сопровождавшееся расширением производства пластин. Встречается также большое разнообразие отщепов из обсидиана, обработанных с одной или с двух сторон, различных типов наконечников (для гарпунов, стрел и т.д.), изделий овальной формы и т.д.

Орудия из шлифованного камня включают песты, зубила, молотки, топоры, головки для булав, грузила и т.д. Среди других каменных артефактов отмечают крышки, ступы, мельничные жернова и даже гнезда для дверных петель. Типология неолитических костяных изделий включает широкий ряд наконечников, совков, игловок, шильев, лопаток и стамесок (*Elster*, 1977, pp. 45–47).

Плетеные изделия и циновки

Имеются лишь косвенные свидетельства наличия плетеных изделий, полученные на основании форм и рисованных орнаментов некоторых сосудов, выполненных в виде корзин. Это относится к открытым чашам с прямыми стенками, которые, возможно, имитировали форму плетеных корзинок, и вполне вероятно, что некоторые сюжеты из орнаментального ряда и та манера, в которой они выполнены, просто копируют геометрические рисунки, характерные для веревочных и плетеных корзин, изготавливаемых из разноцветных волокон. Такие рисунки явственно видны на большинстве расписных керамических изделий из Фессалии и, в частности, на изделиях из Сескю. Действительно, все угловые орнаменты (ступенчатые, пилообразные, зубчатые, зигзагообразные, клетчатые и т.п.) были заимствованы из производства корзин или циновок (*Theocharis*, 1981, pp. 78–79, figs. 30–34).

Что касается циновок, то имеются более прямые признаки их наличия: отпечатки плетеных циновок были обнаружены на днищах ваз, найденных во многих поселениях как на юге (Неа-Никомедия), так и на севере (Салиагос).

Прядение и ткачество

Хотя технология плетения явно применялась для изготовления циновок и корзин, о ее использовании для изготовления текстильных изделий имелись лишь косвенные свидетельства, пока не были найдены отпечатки тканей в

ранних слоях поселения Ситагрой (*Renfrew*, 1973, p. 189). Эти следы, относящиеся примерно к 7000 лет до наст. в., являются самым ранним прямым свидетельством изготовления тканей в Европе. Другой отпечаток материала, обнаруженный на стоянке Кефала на о. Кея из архипелага Киклады, относится к более позднему периоду (5500 лет назад).

Информация о производстве текстильных тканей дополняется косвенными доказательствами – орнаментами на расписных гончарных изделиях, которые, похоже, копируют или отражают другие технологии. Многие мотивы росписей ваз из поселения Агиос-Петрос на о. Северные Спорады (*Efstratiou*, 1985) и из Сескю были явно навеяны сюжетами тканых материалов.

Прямое доказательство существования прядения и ткачества было получено в виде некоторых деталей, связанных с этими технологиями: катушек для веретен и грузов для ткацких станков, сделанных из камня или глины, которые обнаружены во многих поселениях по всей Греции. Эти предметы были особенно распространены в течение последних фаз неолита (около 5500 лет назад), что подтверждают находки в поселениях, расположенных как на севере (Ситагрой), так и на юге (Кносс). Катушки для веретен иногда имели то коническую форму, специально созданную для выполнения этой работы, то делались из дисков черепков глиняных изделий с центральным отверстием. Иногда, как в поселении Ситагрой, они украшались резными рисунками (*Theocharis*, 1973, fig. 116). В Кноссе были обнаружены изделия раннего неолита, которые непосредственно относились к ткачеству. Одна из групп таких изделий состоит из плоских, почти квадратных глиняных пластин с 2–4 отверстиями, которые были определены как грузы для ткацких станков. Вторая группа состояла из продолговатых предметов, выполненных также из глины, которые были описаны археологами, проводившими раскопки, как «челноки» (*Evans*, 1964, pp. 233–234).

Итак, существуют доказательства того, что еще до конца раннего неолита производилось оборудование, специально предназначенное для прядения и ткачества, и что, следовательно, эти производства были уже известны.

Резьба по дереву

В слоях неолита не было обнаружено следов изделий из дерева, что, конечно, объясняется недолговечным характером данного материала. Поскольку на протяжении всей этой эпохи лесоматериалы в большей или меньшей степени использовались как строительные, то плотницкое искусство входило в число ремесел, освоенных людьми эпохи неолита (*Efstratiou*, 1985, p. 52), и, таким образом, можно считать, что это искусство проявлялось в более художественной форме – в резьбе по дереву, как это было в Анатолии (в Чатал-Хююке).

Дерево является мягким материалом, его легче обрабатывать, чем камень, и, возможно, деревянные сосуды делались до изобретения глиняной посуды; действительно, некоторые неолитические сосуды с резными орнаментами могут рассматриваться как имитация деревянных прототипов. Например, два сосуда из Кносса – цилиндрическая ваза, украшенная резьбой в виде зигзагов и треугольников и оттисками в виде пунктирных линий, а также цилиндрическая коробочка с резным треугольным орнаментом – могут иметь деревянные прототипы (*Theocharis*, 1973, figs. 69, 74).

ИСКУССТВО (илл. 75–78)

Доисторические люди в Европе уже освоили искусство живописи и скульптуры в эпоху верхнего палеолита, как об этом свидетельствуют великолепные произведения ис-

куства, которые они оставили. К сожалению, ничего не известно о рисунках эпохи неолита в Эгейском мире, за исключением рисунков на гончарных изделиях, а скульптура представлена лишь фигурками, изготовленными из глины, камня, кости и раковин.

Антропоморфные глиняные статуэтки были обнаружены даже в поселениях докерамического неолита, что заставило некоторых специалистов отказаться от определения этого периода как «некерамического» (*Nandris*, 1970, p. 193). Схематичные фигурки соседствуют с более реалистическими, и обе формы существовали параллельно на протяжении всего неолита. Хотя трудно воссоздать стилистическую эволюцию этих изделий, однако можно установить хронологическую классификацию, в частности, по отношению к фигуркам из глины, связав ее с технологическим развитием гончарного производства (*Chourmouziadis*, 1974; *Ucko*, 1968).

По-видимому, одна категория глиняных статуэток, у которых головы сделаны из другого материала, относится к первым фазам неолита. Среди антропоморфных фигурок из глины или из других материалов самыми распространенными являются те, которые имеют так называемую форму скрипки. Другие имеют крестообразную или более абстрактную формы. Более реалистичные статуэтки представляют мужские и женские персонажи в различных позах: стоящих, сидящих, присевших на корточки или лежащих. При этом женские фигурки составляют большинство. Они имеют пышные формы, особенно выделяются груди и ягодицы. Некоторые персонажи изображены за особыми занятиями, как, например, сидящая женщина, кормящая ребенка. Эта фигурка была найдена в Сескло в слое позднего неолита (*Theocharis*, 1973, fig. 56; 1981, p. 148, fig. 98). Самая большая статуэтка, известная на сегодня (высотой 50 см), обнаружена в Фессалии, в районе Ларисы, и относится к заключительному неолиту. Она изображает сидящего мужчину, левая рука которого лежит на левом колене, а голова опирается на правую руку (*Theocharis*, 1973, fig. 55).

В многочисленных публикациях были сделаны попытки разъяснить назначение этих статуэток, в частности тех, которые изображают женские фигуры, однако слои, в которых они были найдены, не дали достаточно данных, чтобы можно было точно определить их назначение (*Ucko*, 1968, pp. 409–427, *Chourmouziadis*, 1974, pp. 149–206). Кроме того, не все неолитические статуэтки являются антропоморфными: животных также изображали, пользуясь глиной или реже камнем и даже другими материалами. В поселениях Фессалии (Продомос, Платикампос, Нессонис) и Македонии (Дикили-Таш, Ситагроей) было обнаружено некоторое количество зооморфных фигурок из глины, сохранившихся лишь частично, а в Неа-Никомедия найдена фигурка лягушки, вырезанная из зеленой скальной породы. Это разнообразие форм изделий и их археологическое окружение привели Хурмузиадиса (*Chourmouziadis*, 1982, p. 78) к мысли о том, что такие фигурки эпохи неолита представляли собой средства коммуникации, нечто вроде «протописьменности».

Рассматривая искусство, следует упомянуть о костяной трубке, найденной в слое среднего неолита в Сескло, в которой специалисты увидели флейту (*Theocharis*, 1973, fig. 210). Если эта интерпретация верна, то мы имеем существенное доказательство того, что человек эпохи неолита был знаком с музыкой, может быть, он даже танцевал!

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Хозяйственную деятельность людей региона Эгейского моря в эпоху неолита можно разделить на две категории: обеспечение существования и торговля.

Обеспечение существования

Считается, что следы неолитической культуры встречаются каждый раз, когда находятся признаки примитивных форм сельского хозяйства. Это могут быть ботанические или зоологические признаки, другими словами, речь может идти о зернах окультуренных растений или о костных остатках одомашненных животных. Зерна, найденные в различных районах Греции, свидетельствуют о том, что пшеница, ячмень, просо, овес, горох, чечевица, фисташки и сливы были окультурены уже во времена раннего неолита (*Renfrew*, 1973).

В эпоху среднего неолита земледелие развивалось довольно быстрыми темпами, и были окультурены другие растения, включая виноградную лозу; все этапы развития земледелия можно проследить в последовательных культурных слоях в Ситагрое, в Восточной Македонии. Прирост населения, о котором свидетельствуют расширение и быстрый рост поселений в эпоху среднего неолита, явился прямым следствием усовершенствования земледелия и развития производства продуктов питания. Возможно, что большие глиняные кувшины, обнаруженные в жилищах среднего неолита, служили для хранения излишков сельскохозяйственных продуктов. В эпоху позднего неолита перечень культурных растений еще более расширился, в него вошли фиговое и миндальное деревья.

Плотность расположения поселений в этот период говорит о том, что население продолжало расти и, следовательно, продолжалась интенсификация земледелия. Палеоэтноботанический анализ зерен, обнаруженных в различных поселениях позднего неолита, выявил региональные различия в выращивании зерновых культур: в Фессалии в основном выращивалась пшеница, а на равнине Драма (восточная часть Македонии) – пшеница и шестирядный ячмень, тогда как на Кикладах основным был ячмень. Аналогичные региональные предпочтения были выявлены в отношении овощных и бобовых культур: видимо, горох преобладал на Фессалийской равнине, вика и чечевица – на востоке Македонии, дикий горох – на Кикладах. Среди фруктов, следы которых обнаружены, самым распространенным был инжир: семена фигового дерева найдены в Фессалии (Сескло, Димини, Рахмани), восточной Македонии (Олинф, Дикили-Таш) и на Пелопоннесе (Лерна). На протяжении всей эпохи неолита в эгейском регионе параллельно с пахотным земледелием продолжалось собирание диких плодов: винограда, груш, миндаля, фисташек, желудей и плодов земляничного дерева. Действительно, многие виды растений, собиравшиеся в эпоху неолита, появились затем в раннем бронзовом веке в культивируемом виде.

Скотоводство появилось в эгейском регионе примерно в то же время, что и пахотное земледелие (*Bökönyü*, 1973). В поселении Франтчи в культурных слоях раннего неолита обнаружены костные остатки домашних овец и коз, однако среди них не было следов их диких предков. Видимо, овцы и козы появились здесь в уже одомашненном виде из Юго-Западной Азии через острова Эгейского моря. В Фессалии (в Агриссе) обнаружены остатки домашних быков, которые были современниками быков из Чатал-Хююка в Анатолии и даже могли быть старше их. К середине девятого тысячелетия до наст. в. Фессалия и Македония, очевидно, являлись важными центрами выращивания быков на северо-востоке Средиземноморья. Вероятно, эти животные были выведены в результате селекции вида бизонов, естественной средой обитания которых были лесные равнины этого региона. Ни один из двух других одомашненных видов животных – собака и свинья, которые в эпоху неолита водились на территории эгейского региона, не были одомашнены в материковой Греции. Вероятно, оба эти вида были привезены из Юго-Западной Азии, возможно, вместе с овцами и козами.

Одомашненные животные служили источником питания, сырья, а быки – также в качестве рабочей силы. Продолжалась охота на диких животных, однако масштабы ее указывают на то, что добыча диких животных не была основным источником пропитания. В прибрежных и островных поселениях отмечается постепенное расширение потребления рыбы и моллюсков, что свидетельствует о возрастающем значении видов деятельности, связанных с морем.

Торговля

Находки отдельных предметов и/или сырьевых материалов в местах, удаленных от центров их изготовления или добычи, в известной степени свидетельствуют о существовании системы распределения, по всей вероятности, предполагающей проведение сделок, другими словами, существование некоторой формы торговли. Археологические находки могут предоставить лишь частичные сведения о торговле долговечными продуктами; о природе сделок, сетях обмена и скоропортящихся продуктах при этом можно лишь догадываться, однако вполне вероятно, что эти торговые отношения в первую очередь служили для расширения представлений о мире у человека эпохи неолита и обогащения его материальной культуры.

Как было указано в разделе, посвященном гончарным изделиям, центры их производства находились в Фессалии, а их специфическая продукция поставлялась в окружающие поселения, разбросанные на значительной территории. Следовательно, перевозки продукции осуществлялись в основном наземным путем между деревнями. Однако море не являлось для человека эпохи неолита непреодолимым препятствием: как и его мезолитические предки, он поддерживал контакты с островами Эгейского моря, которые были одновременно источником драгоценного сырья и побудительным мотивом для морских странствий.

Неоспоримым доказательством существования морской торговли служит обсидиан – стекловидная вулканическая горная порода, – который находят в культурных слоях мезолита во Фрагитчи (возраст около 10000 лет) и в слоях докерамического неолита в Македонии (Неа-Никомедия), Фессалии (Аргисса, Суфли-Магула) и на Крите (Кнос). Лабораторные анализы показывают, что этот обсидиан доставлен с о. Милос на Кикладах, где находились две каменоломни – Нихия и Демпегачи, которые снабжали обсидианом весь эгейский регион в доисторические времена (Renfrew, 1973). Разработка этих месторождений началась к одиннадцатому тысячелетию до наст. в.

Наличие обсидиана в местностях, далеких от этих мест добычи, свидетельствует также о раннем развитии мореходства, а находки обсидиана во Фрагитчи вместе с костями тунца – глубоководной рыбы – может означать, что обсидиан ввозился рыбаками Пелопоннеса, которые достигали о. Милос. На каком типе судов они ходили в море и каковы были сети обмена для последующего распределения обсидиана – обо всем этом можно только догадываться. Однако, судя по тем представлениям, которыми мы располагаем относительно судов раннего бронзового века на Кикладах (пятое тысячелетие до наст. в.), есть все основания предполагать, что по крайней мере с конца позднего неолита эгейские суда были гребными, как и в дальнейшем в раннем бронзовом веке.

Было высказано предположение, что обсидиан вывозился в форме желваков, от которых затем по мере надобности отбивались отщепы, наконечники и пластины (Renfrew, 1973, p. 186). Вероятно, то же происходило в раннем и среднем неолите, однако в поселениях тех времен не было обнаружено мастерских или отходов, которые свидетельствовали бы об обработке обсидиана. В противоположность этому редкость и тонкость древних нахо-

док, изготовление которых, несомненно, требовало большого мастерства, могли бы свидетельствовать о торговле готовыми изделиями, по-видимому, с о. Милос, хотя и в этом отношении на сегодня нет доказательств того, что данный остров был обитаем в эпоху раннего или среднего неолита. Возможно также, что в эпоху раннего неолита обсидиан обрабатывался где-то вне Милоса, а затем оттуда вывозились изделия из обсидиана. Это, вероятно, могло происходить во времена позднего неолита, когда торговля обсидианом велась в большом масштабе. Остров Салиагос, расположенный недалеко от о. Антипарос архипелага Киклады, вероятно, был одним из таких центров производства (Evans & Renfrew, 1968), поскольку на нем обнаружили 24 тыс. предметов – орудий и отходов из обсидиана на небольшом пространстве, где проводились раскопки.

Среди прочих сырьевых материалов, которые явно служили предметами торговли в эгейском регионе в период неолита, следует упомянуть твердые скальные породы, применявшиеся для изготовления орудий и сосудов. Камни вулканического происхождения использовались для изготовления мельничных жерновов, зернотерок, точил и ступок – необходимой утвари, часто находимой в неолитических поселениях (Lambert, 1981, p. 170). Кроме того, применялся мрамор, возможно, с островов Киклады, для изготовления чаш и даже статуэток. Для отделки этих изделий требовался абразивный материал; идеальным средством служил наждак – обычный материал на островах Наксос и Парос. Топоры и другие изделия, обработанные наждаком с этих островов, были обнаружены на о. Салиагос и, возможно, петрографический анализ подобных изделий, найденных в других местах, мог бы доказать, что наждак был еще одним сырьевым материалом, который продавался вдалеке от места добычи.

Продукты, которые завозились на острова (поскольку сделки, несомненно, были взаимными), включали, вероятно, все же, недолговечные товары и продукты, такие, как лесоматериалы для строительства судов, зерновые продукты, которые в тех местах не культивировались, и т.д.

Большая концентрация поселений на фессалийском побережье в эпоху позднего неолита, несомненно, отражает расцвет морской торговли, который, вероятно, был столь же заметным и в южных районах. Вместе с тем обнаружены доказательства контактов с Восточной Македонией и Фракией в период позднего неолита, что также предполагает существование морских коммуникаций.

Помимо этой «коммерческой» активности в Эгейском мире неолитические племена, по-видимому, вели торговлю с народами, жившими дальше к северу (Renfrew, 1973, p. 187). Бусы и браслеты, изготовленные из раковин спондиллюса (разновидность морских двустворчатых моллюсков. – *Прим. ред.*), были обнаружены в поселениях позднего неолита в Болгарии и Румынии, а также дальше к северу в Богемии, Моравии, Словакии и Германии. Изотопный кислородный анализ этих раковин показал их происхождение из эгейского региона, и они могли оказаться в таких отдаленных местах лишь благодаря обменам. Действительно, в поселении Ситагрой, в долине р. Драма (Восточная Македония) было обнаружено значительное количество колец и браслетов из раковин спондиллюса. Это означает, что северное побережье Эгейского моря было главным центром их вывоза, и его расцвет приходится примерно на период около 6500 лет назад, на что указывает основная концентрация этих раковин в соответствующих стратиграфических залежаниях.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

Выдвинуто множество гипотез, касающихся религиозных верований людей неолитического периода в Эгейском мире. Подавляющее большинство их основано на том, что во многих поселениях этого периода были найдены

антропоморфные фигурки, которые, как правило, представляли собой тучные и широкобедрые женские персонажи. В них предполагали предмет культа богини-матери; в эгейском неолите явные черты некоторых из этих статуэток, такие, как изображение беременности, округлых ягодиц или рук, сложенных под грудью, истолковывались как признаки материнства, свидетельствующие о культе плодородия. Кроме того, места находок этих статуэток рассматривались как святилища или храмы; так, в Неа-Никомедии подобные фигурки были найдены внутри здания необычайно больших размеров, относящегося к эпохе раннего неолита, которое занимало центральное положение в поселении. Тем не менее археолог, который вел раскопки, не утверждает категорически, что это здание – храм, и даже предположил, что оно могло быть резиденцией главы общины.

Несмотря на широкие трактовки, теории о религиозном значении этих фигурок в большинстве основываются на методологически ошибочном подходе: статуэтки изучались отдельно от их археологического окружения. В этом отношении исследования, проведенные Уко (Ucko, 1968) и Хурмузиадисом (*Chourmouziadis*, 1974), имеют исключительную важность. Они выполнили классификацию, провели систематическое исследование этих предметов и выяснили, что лишь незначительное их количество было обнаружено в захоронениях и что практически ни один артефакт не может иметь ритуальный или культовый характер. Напротив, эти фигурки были открыты в слоях, соответствующих домашним постройкам, часто их находили в ямах или в грудях отходов, где они в большинстве случаев находились рядом с теми предметами, которые не могли иметь ритуального значения (каменные орудия, пищевые отходы и т.д.). Поэтому более правдоподобным представляется мнение, отстаиваемое обоими учеными, согласно которому статуэтки были игрушками, куклами для обрядов посвящения, для заклинания, даже символами общины.

Имеются несколько более твердые основания для изучения погребальных обычаев людей эпохи неолита, но все-таки любые предположения, даже самые осторожные, о ритуалах и верованиях в лучшем случае – только умозрительные построения, поскольку материальные свидетельства могут дать лишь ограниченное проникновение в процессы человеческого познания.

Имеется незначительное количество доказательств существования погребальных ритуалов в неолитической Греции: их едва насчитывается около 300, однако такое положение, возможно, вызвано случайностями, и будущие исследования могут изменить картину (*Chourmouziadis*, 1973). Изучение этих данных показало, что нет каких-либо норм обращения с умершим и что их хоронили в землю, однако для этих целей не выделялось специально устроенной площади или кладбища, по крайней мере в эпоху раннего и среднего неолита.

Различают два типа захоронений: первичные и вторичные. Первые были явно наиболее распространенными: на протяжении ранних фаз неолита они находились в пределах огражденной территории – или в домах, или в пещерах, однако отмечены случаи захоронения в простых неглубоких ямах, часто окруженных камешными плитами, и даже в глиняных емкостях (*pitbos*). Последний тип захоронений, скорее всего, предназначался для новорожденных и маленьких детей, а не для взрослых. Не отмечено какого-либо постоянства в расположении тел, в их ориентации или в положении рук и ног, однако преобладают захоронения в согнутом или сжатом положении. Вторичные захоронения обычны для взрослых, и иногда встречаются следы кремации, как, например, в поселениях Магула-Зарку и Суфли-Магула (*Weinberg*, 1965, p. 49; *Gallis*, 1980, pp. 29–100).

Погребальные подношения крайне немногочисленны и чаще всего являются предметами повседневного обихода (орудия, вазы и т.п.). Ритуальные предметы или украшения,

которые могли бы указывать на социальное положение или символизировать власть, встречаются очень редко. Такие атрибуты, как охра, бисер, подвески или амулеты, а также фигурки чаще всего обнаруживаются в слоях жилых отложений. По-видимому, погребальные подношения являлись личным имуществом, а не предметами религиозного значения. И наконец, нет никаких свидетельств, что место расположения неолитических могил было как-то отмечено, например, возведением каких-либо памятников. С течением времени установились некоторые обычаи: увеличилось количество вторичных захоронений, кремаций, появились погребальные подношения, специальная обработка черепов, организовались кладбища. Все эти ритуалы без сомнения отражают верования и особое отношение к смерти, однако, вероятно, мы никогда не узнаем, в чем они состояли.

Макет дома, выполненный из глины, который был обнаружен в Фессалии под полом неолитического жилого дома (*Gallis*, 1985), может также быть связан с некоторыми религиозными верованиями, если предположить, что это – подношение при закладке дома.

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Безусловно, исключительно трудно составить ясное представление о неолитическом обществе на основании лишь косвенных свидетельств, которыми являются остатки материальной культуры.

За исключением довольно небольших построек на акрополях в средненеолитических поселениях Сескю и Димини неолитические жилые дома были обычно просторными, о чем свидетельствуют здания раннего неолита в поселении Неа-Никомедия, и они могли предоставлять кров многочисленным домохозяйствам. Нет оснований считать, что все обитатели этих домов были членами одной семьи, а если были, то неясно, была ли это семья типа ячеек, т.е. родители и их дети, или семья расширенного типа. Обычаи захоронения не проясняют этого вопроса.

Безусловно, что производственный цикл, который определял ритм оседлого образа жизни, требовал некоторой кооперации в труде на уровне семьи. Однако производство высококачественных гончарных изделий, обработка обсидиана, работа по превращению твердых раковин в украшения, как и производство каменных сосудов и статуэток, требовали опыта и мастерства, а также разделения труда и даже специализации ремесла (*Renfrew*, 1973, pp. 187–190). Однако трудно определить, были ли эти мастера профессиональными ремесленниками или они одновременно были земледельцами. Те же сомнения относятся и к торговцам.

То, что дома неоднократно перестраивались на одном и том же участке земли, может свидетельствовать о существовании частной собственности, однако это всего лишь предположение. Тем не менее можно рассматривать погребальные предметы как доказательство существования индивидуальной частной собственности, поскольку предметы общественного или повседневного домашнего пользования среди них отсутствуют. Из изучения погребальных обрядов можно сделать лишь заключение об отсутствии социального расслоения. Тем не менее в некоторых поселениях имеется некоторое различие между теми, кто проживал в пределах акрополя или его защитного ограждения, и теми, кто жил вне стен. Эти различия становятся более выраженными в позднем неолите с появлением мегарона в центре акрополя.

Некоторые работы, такие, как строительство крепостных стен, рвов или даже мощение площадей и улиц в неолитическом поселении, следует рассматривать как «общественные работы», поскольку они требовали коллективных усилий и координации. В связи с этим логично сделать предположение о существовании политической власти, однако природа этой власти нам не известна.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ALEXANDER, J. 1972. Yugoslavia before the Roman Conquest. London.
- BAKALAKIS, G.; SAKELLARIOU, A. 1981. Paradimi. Mainz.
- BLEGEN, C. W. 1927. Excavations at Nemea. *Am. J. Archaeol.* (New York), Vol. 31, pp. 427–40.
- 1930. Gonia. New York.
- 1937. Prosymna: The Helladic Settlement Preceding the Argive Heraeum. Cambridge. 2 vols.
- BÖKÖNYI, S. 1973. Stock Raising. In: THEOCHARIS, D. R. (ed.), *Neolithic Greece*. Athens.
- CHOURMOUZIADIS, G. 1973. Burial Customs. In: THEOCHARIS, D. R. (ed.), *Neolithic Greece*. Athens.
- 1974. Ta Neolithika Eidolia tes Thessalias [The Neolithic Figurines of Thessaly]. Athens.
- 1979. To neolithiko Dimini [Neolithic Dimini]. Volos.
- 1982. Ancient Magnesia. Athens.
- EFSTRATIOU, N. 1985. Agios Petros: A Neolithic Site in the Northern Sporades. Oxford. (BAR, Int. Ser., 241.)
- ELSTER, E. 1977. Neolithic Technology. Los Angeles. (Unpublished Ph.D. thesis, University of California.)
- EVANS, A. 1921–35. The Palace of Minos at Knossos. London. 4 vols.
- EVANS, J. D. 1964. Excavations in the Neolithic Settlement of Knossos 1957–1960. Part I. *Annu. Br. Sch. Athens* (London), Vol. 59, pp. 132 ff.
- EVANS, J. D.; RENFREW, C. 1968. Excavations at Saliagos near Antiparo. London. (Br. Sch. Athens, Suppl., 5.)
- GALLIS, K. J. 1980. Kausseis Nekron apo ten archaiotere neolithiké epoché ste Thessalia [Cremations from the Early Neolithic Period in Thessaly]. Athens.
- 1985. A Late Neolithic Foundation Offering from Thessaly. *Antiquity*, Vol. 59, pp. 20–4.
- HEIDENREICH, R. 1935–6. Vorgeschichtliches in der Stadt Samos. Die Funde. *Athen. Mitt.*, Vol. 60/61.
- HONEA, K. 1975. Prehistoric Remains on the Island of Kythnos. *Am. J. Archaeol.* (New York), Vol. 79.
- JACOBSEN, T. W. 1981. Franchthi Cave and the Beginning of Settled Village Life in Greece. *Hesperia* (Princeton), Vol. 50.
- KUNZE, E. 1931. Orchomenos. II, Die neolithische Keramik. Munich.
- LAMBERT, N. 1981. La Grotte préhistorique de Kitsos (Attique): missions 1968–1978. Paris, École Française d'Athènes. 2 vols.
- LEVI, D. 1930–1. Abitazioni preistoriche sulle pendici meridionali dell' Acropoli. *Annu. R. Scuola Archeol. Atene* (Rome), Vol. 13/14.
- MILOJČIĆ, V.; HAUPTMAN, H. 1969. Die Funde der frühen Diminizeit aus der Arapi–Magula, Thessalien. Bonn.
- MYLONAS, G. 1928. I neolithiké Epoché en Elladi [The Neolithic Period in Greece]. Athens.
- NANDRIS, J. 1970. The Development and Relationships of the Earlier Greek Neolithic. *Man* (London), Vol. 5, No. 2.
- PAPATHANASOPOULOS, G. 1971. Spelaia Derou (1971): ek ton anaskaphon tes Alepotrypas (Diros Caves (1971): from the Excavations of Alepotrypa). *Ann. Archaeol.* (Athens), Vol. 4.
- RENFREW, C. 1973. Trade and Craft Specialization. In: THEOCHARIS, D. R. (ed.), *Neolithic Greece*. Athens.
- RENFREW, J. 1973. Farming. In: THEOCHARIS, D. R. (ed.), *Neolithic Greece*. Athens.
- RODDEN, R. J. 1962. Excavations of the Early Neolithic Site at Nea Nikomedeia, Greek Macedonia (1961 Season). *Proc. Prehist. Soc.*, Vol. 28.
- 1964. Recent Discoveries from Prehistoric Macedonia: An Interim Report. *Balkan Stud.* (Thessaloniki), Vol. 5.
- SOTERIADIS, G. 1912. Fouilles Préhistoriques en Phocide. *Rev. Étud. grecques* (Paris), Vol. 25.
- THEOCHARIS, D. R. 1956. Nea Makri. Eine grosse neolithische Siedlung in der Nähe von Marathon. *Athen. Mitt.*, Vol. 71.
- (ed.) 1973. *Neolithic Greece*. Athens.
- 1981. *Neolithikos Politismos* [Neolithic Civilization]. Athens.
- TSOUNTAS, C. 1908. Ai Proistorikai akropoleis Diminiou kai Sesklou [The Prehistoric Acropolises of Dimini and Sesklo]. Athens.
- UCKO, P. J. 1968. Anthropomorphic Figurines of Predynastic Egypt and Neolithic Crete with Comparative Material from the Prehistoric Near East and Mainland Greece. London.
- VALMIN, N. 1938. The Swedish Messenia Expedition. Lund.
- WEINBERG, S. S. 1965. The Stone Age in the Aegean. In: *The Cambridge Ancient History*. Rev. edn. Vols 1–2, fasc. 36.
- WELTER, G. 1937. Aiginetische Keramik. *Arcähdol. Anz.* (Berlin).

КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В ЭПОХУ НЕОЛИТА

Жан Гилэн

Истинная степень зависимости стран Центрального и Западного Средиземноморья от Юго-Западной Азии и Восточного Средиземноморья в их приобщении к земледельческому хозяйству продолжает оставаться предметом споров и порождать различные теории: о повсеместном распространении комплекса неолитических культур, о заимствовании технических достижений и, наконец, теорию автохтонной модели, основанной на предыдущих достижениях докерамических культур. Мы ограничимся здесь некоторыми предварительными замечаниями.

Что касается земледелия, то отсутствие местных злаковых культур предполагает, что пшеница и ячмень должны были быть завезены с востока; кроме того, следует отказаться от мысли, что сюда систематически ввозились овощи: чечевица, горох и фасоль росли в диком виде в поселении Аберадор на юге Франции в течение и после одиннадцатого и десятого тысячелетий до наст. в. и их урожаи, как и урожаи других дикорастущих растений и фруктов, регулярно собирались.

Что касается животноводства, то его появление в Западном Средиземноморье палеонтологи рассматривают как результат завоза в одомашненном виде овец, коз, крупного рогатого скота, свиней. В течение более позднего периода вполне возможно выращивание местных одомашненных животных (бизона, кабана) для увеличения поголовья и улучшения качества скота. Остается нерешенным вопрос о происхождении домашней овцы в Северной Африке из-за недостатка данных.

Значит ли это, что неолит достиг Запада в результате простого распространения? Это сложный вопрос. Так, изучение стилей гончарных изделий показывает, что не существовало единства в орнаментах и морфологии при возникновении первых керамических культур. Культура тисненой керамики неолита в Юго-Восточной Италии, аналогичная той, которая была найдена в Далмации, заметно отличается от первых неолитических культур Фессалии или Пелопоннеса, где производилась керамика без декоров. В первых сельскохозяйственных общинах Центральной и Северной Италии и островов Тирренского моря производились керамические изделия, которые по своей форме, способам изготовления и видам орнаментов отличались от тех изделий, которые производились в Апулии. И наконец, адриатические изделия с тисненым декором нельзя типологически соединить с франко-иберийской «сердцевидной» керамикой.

Здесь с самого начала появляется некоторая культурная разобщенность. Более того, датировки, проведенные радиоуглеродным методом, показывают явное хронологическое расхождение между востоком и западом.

Почему же на определенной стадии своей эволюции народы, населявшие западные прибрежные районы Средиземноморья, стали заниматься земледелием? Чтобы ответить на вопрос, следует уточнить, какие связи существовали между народами эпипалеолита и окружающей их средой. При этом мы обнаружили, что скорее всего проблема сводится к постепенному приспособлению человеком окружающей среды к своим нуждам (сбор местных растений, их использование и сохранение продукции), а не к переходу к земледелию, которое может рассматриваться как высшая и завершающая стадия процесса, корни которого уходят в давние времена.

Появление в отдельных местах домашней овцы незадолго до начала производства гончарных изделий или, напротив, запоздалое (в течение среднего неолита) одомашнивание свиньи являются примерами региональных различий. Нерегулярность появления элементов неолитического комплекса – оседлого образа жизни, постоянных жилых поселений, одомашненных животных, гончарных изделий, злаковых культур – пока не дает возможности составить стандартную модель становления неолита в Западном Средиземноморье. Необходимы еще более глубокие исследования.

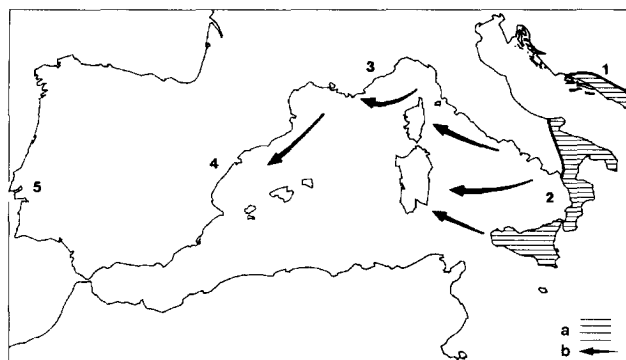
КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАННЕГО НЕОЛИТА В ЗАПАДНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ (карта 55)

Ранний неолит на территории Италии

Юго-Восточная Италия

Первым регионом на Апеннинском п-ве, где в полном объеме возникла неолитическая культура, была Юго-Восточная Италия. Из-за недостатка сведений о последних охотниках-собираателях этого региона нет возможности знать, были ли местные мезолитические племена готовы к образу жизни, связанному с производством продуктов питания. Когда в течение девятого тысячелетия до наст. в. возникли первые сельские общины, они уже обладали всеми

признаками развитого неолита (домашние животные, культивируемые злаки, гончарные изделия), и вскоре после этого они стали оседать в жилых поселениях, окруженных рвами. Малореальным кажется мнение, что образ жизни, основанный исключительно на охоте, рыбной ловле и собирательстве, мог сохраняться в течение некоторого времени после появления керамических изделий. Курган в Коппа-Невигата недалеко от Манфредонии, в котором керамические изделия были найдены вместе с тонкими кремневыми предметами, приспособленными для открывания многочисленных раковин, оставленных в поселении, представляет собой не что иное как поселение мастеров по использованию прибрежных ресурсов, и относится к тому же времени, когда появились земледельческие поселения.

Карта 55. Западное Средиземноморье в период неолита (8500–8000 лет тому назад): **a** – первые группы культуры тисненой керамики в Далмации, на юго-востоке Италии и на Сицилии; **b** – направления распространения на запад неолитического образа жизни: 1 – ранне-неолитическая культура в Црвена-Стиена в Далмации; 2 – группы раннего неолита на юго-востоке Италии и на Сицилии; 3 – Прованс, мезолитическая культура в Кастельнона; 4 – Каталония, мезолитическая культура в Косина; 5 – Португалия, мезолитическая культура в Муже

Вероятно, что виды животных и культивируемых растений, а также методы их разведения происходят из региона Эгейского моря. Но по своим стилям гончарные изделия уже значительно отличаются от изделий Пелопоннеса, Эпира и от подобных изделий раннего неолита в Фессалии.

Самыми распространенными видами гончарных изделий на юге Италии были кувшины с плоским дном, бутылки с плоским основанием и чаши на тонких ножках, украшенные тиснеными орнаментами, распределенными беспорядочно по всей поверхности сосудов. Орнаменты включали изображения раковин, бороздок, грубых оттисков (ранняя или так называемая фаза Коппа-Невигата или Сап-Домино-де Тремити). В следующей фазе (Гуадоне) орнамент керамических изделий более упорядочен, более совершенен, а в течение третьей фазы к традиционной местной традиции керамики с тиснеными орнаментами прибавляется расписная керамика высокого качества (например, фазы Ланьяно-да-Пьеде и Массерия-Ла-Керсия в районе Тавольере).

Южная Италия действительно была регионом, в котором появилась первая западная средиземноморская тисненая керамика. Такое понятие часто может быть обманчивым, так как этот обширный комплекс простирается от Адриатики до Атлантики и полон культурного разнообразия и к тому же различен в хронологии. По-видимому, рано появившиеся вокруг поселений рвы круглой или овальной формы были культурным признаком, присущим этому южному району Италии, и эта особенность была там широко распространена. Самые ранние поселения, в основном на побережье (около Бриндизи, Бари и Саленто), не были укреплены, но вскоре несколько сотен укрепленных неолитических поселений появилось в Апулии; они просуществовали, начиная с фазы Гуадоне, до конца среднего неолита. Вопрос о предназначении этих рвов остается открытым: делались ли они для целей обороны? для обозначения жилой зоны, а, возможно, и зоны выращивания растений? были ли это загоны для скота? системы сохранения или дренажа ливневых вод? Элементы системы ирригации и мелиорации земель? или это были внешние границы территории? Не исключается, что они выполняли несколько из этих функций. Внутри ограниченной рвами площади выкапывались один или несколько рвов меньших размеров, открытых с одной стороны (так называемые С-образные рвы). Возможно, что внутри этих зон возводились жилые семейные постройки. Вероятно, к окончанию раннего неолита и к началу среднего неолита защищенные рвами поселения были очень небольших площадей (менее 2 га), причем некоторые представляли собой лишь одну букву С. Некоторые авторы рассматривают это расположение как свидетельство того, что в каждом таком поселении, как на ферме, укрывались не более чем одна-две семьи. И лишь с восьмого тысячелетия до наст. в. начинают появляться более просторные и более благоустроенные жилища.

Имеется мало сведений о планировке домов. В местечке Рендина-ди-Мельфи в долине р. Офанто обнаружено жилище, относящееся к самой ранней фазе неолита, оно имело в длину 12 м, в ширину – 4 м, было почти прямоугольным в плане, хотя его северная сторона заканчивалась небольшой апсидой. Столбы поддерживали деревянную раму, служившую основой для решетки из веток и для вставок из саманного кирпича. Вполне вероятно, что этот дом имел две комнаты. О явно выраженном земледельческом характере этой ранней фазы неолита свидетельствует находка запасов пшеницы и ячменя в поселении Торре-Сабба в Галлиполи. К тому же животноводство, по-видимому, уже играло важную роль. Р. Бёкёни (*S. Bökönyű*) полагает, что 97% фауны (крупный рогатый скот, овцы, козы, свиньи, собаки) в Рендине приходилось на домашних животных. В Торре-Сабба преобладал крупный рогатый скот, овцы и козы.

Несколько печатей из глины, остатки рогатого «идола» и сосуд в виде ритона, найденные в Рендине, похожи на находки на Балканах.

Адриатическое побережье Италии

По-видимому, распространение неолитических технологий к северу от района Тавольере происходило позднее, чем на территориях, расположенных на остальных юго-восточных частях Италии. Первые сельские общины, которые появились в регионе между районом Тавольере и устьем р. По, были более поздними, чем открытые в Апулии. Ни одна из радиоуглеродных датировок, проведенная здесь, не относится к периоду до 7000 лет назад. Однако на ранний неолит оказывалось сильное влияние с юга, и основные культурные признаки первых неолитических культур в областях Абруцци, Марке и Романья появились с юга. Сосуды здесь представлены горшками для цветов с плоскими или слегка выступающими основаниями вместе с подставками для яиц и бутылками. Орнаменты, полученные тиснением или резьбой, иногда свободно распределялись по всей наружной поверхности сосуда, иногда только по центральной части. Наряду с изделиями с тисненой керамикой были обнаружены сосуды более высокого качества, которые изредка украшены орнаментами (открытые суживающиеся сверху чаши с горловиной). Встречаются также плоские сосуды из очищенной глины (*figulina*). Самыми значительными поселениями открытого типа являются Леопарди в Пенна-ди-Пескара, Капод'Акуа в области Абруцци, Рипабанка-ди-Монтерато и

Маддалена-ди-Муччия в области Марке, Римола в Романье. Эти поселения относятся к седьмому тысячелетию до наст. в. В них найдены остатки домашних животных (крупного рогатого скота, свиней, овец, коз и собак в Леопарди) и следы сельскохозяйственной деятельности.

Северная Италия

Оригинальность становления неолита в Северной Италии определялась активностью последних групп охотников-собирателей, на которых оказывали влияние внешние факторы неолита. Действительно, если исключить Лигурию, испытывавшую влияние районов Тирренского моря, то на основной территории Северной Италии (долина р. По и соседние районы) можно различить особые черты культуры. Здесь можно выделить несколько культурных общностей, каждая из которых имела небольшую территорию: Фаньигола в Венеции, Габан в Трентино, Во в районе Кремона – Мантуя, Исолино в Варесе. Эти группы владели каменными орудиями, многие из которых сохраняли характерные признаки мезолита; формы гончарных изделий включали заимствованные из Южной Италии формы изделий из тисненой керамики (как, например, вазы на основании), однако были изделия и своего собственного стиля (фляги, сосуды с орнаментами в виде шевронов или треугольников). Их хозяйство лишь частично включало производство пищи. Культура Фьорано, известная своими поселениями открытого типа или скальными укрытиями, покрывала район от Венеции до севера области Тоскана – более обширный, чем ранее упомянутые культуры. В этой культуре все еще сказывается сильное влияние эпипалеолита на производство орудий (пластины со спинкой, резцы типа Рипабьянка). Гончарные изделия (рис. 136) содержали оригинальные элементы (суживающиеся кверху чаши с ручками, орнаменты с бороздками в форме шевронов, ромбов или кривых линий). Радиоуглеродный анализ позволил отнести этот горизонт к концу восьмого или к первой половине седьмого тысячелетия до наст. в.

Лигурия

Если эпоха раннего неолита вдоль побережья Тирренского моря Апеннинского п-ва (области Лацио, Тоскана) еще плохо изучена, то значительно больше информации имеется об области Лигурия, где в нескольких пещерах были обнаружены следы этой фазы: в Арма-ди-Стефанин, Арма-ди-Насино, пещера дель'Акуа, Поллера и др., но, прежде всего, в пещере Арене-Кандиде у г. Финале-Лигуре, где впервые было установлено хронологическое расположение неолитических культур в Западном Средиземноморье.

В стилях гончарных изделий заметны тирренский (чаши с плоским основанием) или западный (вазы с горловиной, лепные шнуровые орнаменты) стили; существуют также местные варианты орнаментов (орнаменты с тиснеными бороздками), которые повторяются в поселениях на Лазурном берегу (Кокад), на Корсике и вплоть до Лангедока (Портирань). Отмечены занятия животноводством (разводился крупный рогатый скот, овцы, козы, свиньи) и земледелием, однако продолжают занятия охотой и сбор моллюсков.

По оси от долины р. По, через Лигурию и до долины р. Рона процесс становления неолита распространился на Западных Альп. Постепенно хозяйство, основанное на производстве пищи, появляется в горных районах: домашние животные появились в поселении Бальм-де-Тюи в департаменте Верхняя Савойя к концу восьмого тысячелетия, а в Сьон-Планта в Швейцарии – в седьмом тысячелетии до наст. в.

Островные территории

Сообщества, занимавшиеся производством пищи, появились на Сицилии в девятом тысячелетии до наст. в. Их следы обнаружены в основном в пещерах (Уццо, Сан-Калоджеро, Сперлинга); гончарные изделия с тисненым орнаментом, найденные вместе с остатками домашних овец, крупного рогатого скота и свиней; в это же время выращиваются пшеница и чечевица.

К концу девятого тысячелетия до наст. в. началась новая фаза, связанная со становлением новой культуры в поселении Стентинелло на востоке Сицилии, связанной с укоренением земледелия. Появляются деревни, окруженные рвами; они состояли из четырехугольных в плане домов, как, например, в том же поселении Стентинелло. Гончарные изделия разнообразных форм украшались глубокими тиснеными и резными орнаментами. В восточной части острова также существовала подобная культура – так называемая фация Кронио.

Обсидиан, добываемый на Липарских о-вах, стал предметом интенсивных перевозок и основным объектом примитивных обменов. Группы культуры Стентинелло поселились на п-ве Калабрия (Аккония), на Мальте (Скорба) и на Пелагских о-вах (Кала-Пизана на о. Лампедуза).

На Сардинии и Корсике к началу восьмого тысячелетия до наст. в. неолит впервые появился в деятельности групп, которые применяли технологию изготовления тисненых гончарных изделий; здесь была идентифицирована тирренская фация, обнаруженная также в Тоскане

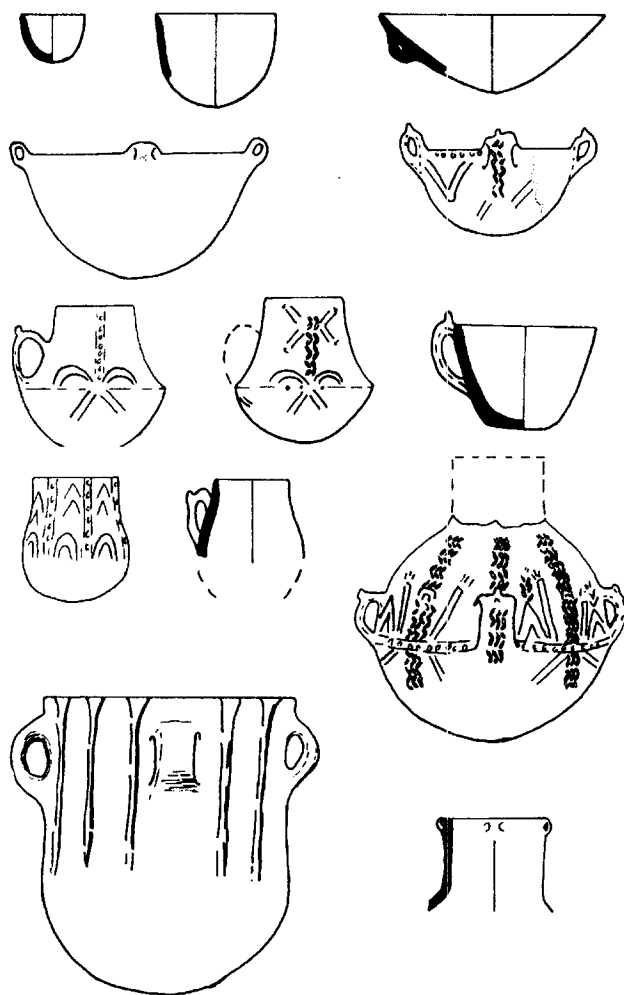

Рис. 136. Образцы керамических стилей культурной общности Фьорано, седьмое тысячелетие до наст. в. (Северная Италия) (по Barfield, 1971)

(Пьенца). Многие известные поселения представляют собой скальные укрытия (Су-Карроппу-ди-Сирри, Кальяри) пещеры (Филиестру, Сассари) и даже поселения открытого типа (Баси в Серра-ди-Ферро, Л'Иль-Рус на Корсике). Появление домашних животных, в частности овец и свиней, могло привести к появлению одичавших видов животных, таких как островной баран или кабан.

Почти в то же время впервые отмечается присутствие человека на Балеарских о-вах (пещера Ла-Мулета на о. Мальорка). Отсутствие керамики и хозяйство, ограниченное охотой на местный вид газели (*Myotragus balearicus*), который в конце концов исчез, свидетельствуют о хищническом образе жизни охотников. Подлинное развитие земледелия здесь началось лишь в шестом тысячелетии до наст. в.

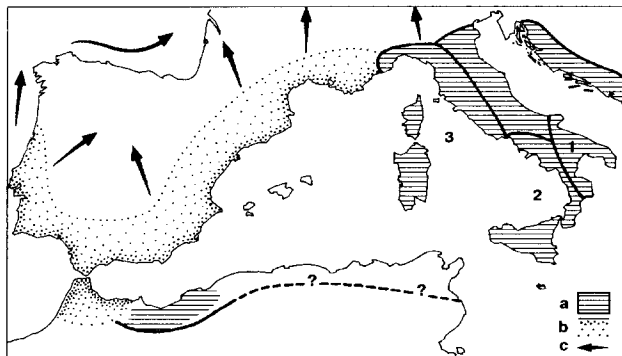
«Сердцевидные» изделия

«Сердцевидная» культура (карта 56)

Под термином «сердцевидная культура» или «франко-иберийская сердцевидная культура» обозначаются группы людей эпохи раннего неолита, обитавшие на территории от Прованса до Марокко и Португалии. Общей чертой у этих общин было их пристрастие к украшению гончарных изделий отпечатками раковины моллюска-сердцевика (*cardium edule*). Разумеется, эта технология не является оригинальной технологией этого региона, однако здесь она стала основой искусно выполненных сюжетов: тщательно выполненные горизонтальные или вертикальные полосы, наложенные на поверхности без орнамента, богатство вариантов дают такое тематическое изобилие, которое присуще лишь Западнему Средиземноморью. В стремлении к этому изобилию орнамент с оттиском раковины редко бывает одним: он сопровождается отгисками гребней, растений или пальцев, бороздками или желобками, гладкими или выпуклыми шнуровыми орнаментами и т.д.

Однако на ранних стадиях преобладали сюжеты с отпечатками раковин. Постепенно их количество уменьшалось по мере увеличения сюжетов с бороздками, которые в конце концов вытеснят их. Гончарные изделия продолжали делаться в виде сферических сосудов, с венчиком или без него. Дно делалось выпуклое или иногда коническое, особенно в развитых иберийских фазах; плоское дно встречается крайне редко.

Этой культуре мы обязаны появлением в Западном Средиземноморье зернового земледелия и развитием живот-

Карта 56. Неолит в Западном Средиземноморье 7800–7500 лет тому назад: **a** – группы тисненой керамики: 1 – группы Массерия-Ла-Керчия и Матера; 2 – группа Стентинелло; 3 – тирренские группы; **b** – наибольшее распространение «сердцевидной» культуры от Лигурии до Португалии и Марокко; **c** – частичное распространение неолита в более континентальных регионах (Аквитания, Кастильское плоскогорье в Испании и др.)

новодства (в основном разведением овец и коз, которые в большинстве поселений составляли половину или более всех животных). Некоторые авторы считают возникновение «сердцевидной» культуры результатом миграции, однако это трудно доказать, учитывая, что на востоке от Тирренской части Средиземного моря стили керамических изделий, относящихся к самому раннему периоду неолита, в корне отличаются от изделий, произведенных на западе. Альтернативное предположение о независимом появлении этой культуры на основе местных культур эпохи мезолита больше не поддерживается.

В действительности «сердцевидная» культура возникла скорее всего как продукт аккультурации, взаимного культурного влияния местных племен; в частности, они заимствовали способы обжига глины из регионов, которые уже вели неолитический образ жизни (Южная Италия, район Тирренского моря), чтобы производить изделия, совершенно отличающиеся от изделий итальянских районов. Эти же контакты дали возможность перейти к зерновому земледелию и получить некоторых домашних животных. Мореплавание должно было сыграть основную роль в распространении этих процессов: это доказывает географию «сердцевидной» культуры – по существу прибрежного и островного явления.

Быстрые перемены в системе хозяйствования (хотя еще во многих местах охота продолжала играть весомую роль), вероятно, привели к изменению технологий: появлению сельскохозяйственных орудий (шлифованных топоров, приспособлений для копания, серпов) в малом или в большом количестве, в зависимости от ситуации; к открытию новых путей распространения каменных материалов; к стремлению стандартизации лезвий-пластин. Эти быстрые изменения делают искусственным всякое сравнение с местными производствами эпохи мезолита, так что спор на тему «преемственность или разрыв», который долгое время стоял на повестке дня, является надуманным.

С этого времени хронология развития тисненой керамики эпохи раннего неолита на юге Франции и на Пиренейском п-ве может быть точно установлена благодаря необычно большому количеству данных. Вероятно, необходимо сохранять некоторую долю скептицизма по отношению к датировкам, относящимся к окончанию десятого (или девятого) тысячелетия до наст. в., поскольку эти датировки, которые превращают Западное Средиземноморье в центр производства гончарных изделий и одомашнивания тех видов животных, которых не было в этих регионах в естественном виде, противоречат большинству датировок всего комплекса Средиземноморья. Большой прогресс «сердцевидной» культуры неолита приходится на первую половину восьмого тысячелетия или между 8000 и 7300 лет до наст. в. Затем она быстро уступает место более развитым культурам эпохи раннего неолита («послесердцевидная» культура, «культура пещер»), которые выжили до первых веков седьмого тысячелетия, а в ряде мест – даже до 6300 лет тому назад. Долгое существование этих культур привело к тому, что некоторые авторы (и, в частности, испанские) относят этот эписердцевидный и постсердцевидный неолит к среднему неолиту, но это всего лишь вопрос терминологии. Далее рассмотрим некоторые культурные провинции этого неолита.

Юг Франции

Эпоха раннего средиземноморского неолита в основном известна по раскопкам пещер и укрытий. Однако специалисты все чаще признают существование поселений открытого типа: прибрежных поселений, иногда затопленных (например, Лёкат-Корреж в департаменте Од) или расположенных в глубине континента (Куртезон в депар-

таменте Воклюз). Укореняется земледелие, а в животноводстве преимущественно занимаются разведением овец и коз и в меньшей степени – крупного рогатого скота. Разведением свиней не занимались до тех пор, пока не сократилось охота на кабанов. Пещеры, возможно, использовались в качестве овчарен. Различные стратиграфические исследования пещер (Шатонёф в департаменте Буш-дю-Рон; Фонбрегуа в департаменте Вар; Газель в департаменте Од) позволяют оценить общее развитие этой культуры и преобразование «сердцевидной» культуры в производные от нее фации с более интенсивными формами земледелия. Быстрое развитие производственных технологий на при-средиземноморских территориях (Косс, Аквитания, Пиренеи) вызвало появление сообществ, которые в культурном отношении отличались от групп «сердцевидной» культуры, хотя и были современными им. Керамические изделия, которые зачастую были невысокого качества и либо без орнамента, либо с бедным орнаментом, характерны для этих культур (укрытие Жан-Кро в департаменте Од; укрытие Пужад в департаменте Аверон; пещера Рукадур в департаменте Ло).

Район Каталонии и Валенсии

Каталония и Валенсия занимают территорию с самым большим количеством следов «сердцевидной» культуры, которая была распространена главным образом в прибрежных районах или вблизи от них, особенно в горных массивах, находящихся недалеко от моря (илл. 79). Пока еще мало известно о поселениях открытого типа (например, таких, как Гихерес-де-Вилови в Пенедесе). Основная часть материалов получена в пещерах, которые, несомненно использовались в качестве жилищ (Ла-Сарса, Л'Ор), если судить по количеству найденных здесь сельскохозяйственных орудий (части серпов); вполне возможно также использование этих пещер в качестве овчарен. Четыре вида пшеницы и два вида ячменя были найдены в Кова-де-Л'Ор. Начиная с 7000 лет тому назад, когда непрерывно расширялись занятия сельским хозяйством, «сердцевидная» культура начала уступать место «послердцевидным» фациям, которые были достоверно идентифицированы в пещерах Ле-Сандр и Фоска. Начиная с 6800 лет назад до наст. в. в Южной Каталонии начинает развиваться оригинальная культура (Эль-Молино). Становление неолита на центральных плато Пиренейского п-ва еще мало изучено. Поселения, в которых найдены тисненые гончарные изделия, располагались вплоть до верхнего Арагона (Чавес) и Северной Месеты (Ла-Вакера).

Андалусия

Здесь следы «сердцевидной» культуры обнаружены в глубоких слоях пещеры Каригуэла недалеко от Гранады и в нескольких пещерах в провинциях Гранада, Альмерия, Малага на юго-востоке. В Западной Андалусии ранние фазы неолита известны главным образом по находкам гончарных изделий с гребенчатым орнаментом. Эта неолитическая культура должна была появиться примерно 8000 лет назад (некоторые датировки, относившие ее к девятому тысячелетию, требуют подтверждения). Овцы и козы с самого начала стали иметь определяющее значение в хозяйстве. На более развитой фазе этой ранней неолитической культуры керамические изделия приняли более оригинальные формы (амфоры с острым дном, сосуды с носиком, ручки, украшенные гребнем) и виды отделки, включавшие бороздки и роспись стенок охрой. В то же время расширилось производство и распространение престижных изделий (браслеты из мрамора). Пещеры

оставались наиболее распространенным типом жилищ (Нерха в Малаге, Ла-Дехессила и Парралехо в Аркос-де-ла-Фронтера, Мурсиелагос-де-Сухерос в Кордове). В последнем из упомянутых скоплений удалось установить множество дат, которые помещают развитую фазу раннего неолита ко времени между концом восьмого и началом седьмого тысячелетия до наст. в. Здесь же найдены следы интенсивной сельскохозяйственной деятельности (пшеница разных видов, ячмень).

Португалия

О раннем неолите в Португалии известно главным образом по прибрежным поселениям открытого типа (районы у городов Синеш и Фигейра-да-Фош). Сердцевидные орнаменты встречаются редко. В нескольких пещерах и укрьтиях (Бокаш, Алькобака, Лапо-ду-Фумо, Фурнинья) были обнаружены следы более развитой фазы, характерной особенностью которой было производство мешкообразных сосудов с ручками, которые были украшены тисненными или резными сюжетами в «елочку».

Культурные общности, применявшие гончарные изделия с тисненными орнаментами, встречаются вплоть до Аквитании (Лед-дю-Гюрп) на юго-западе Франции и даже в поселениях, расположенных между реками Гаронна и Луара, – дальних ответвлениях быстрого и активного развития прибрежного неолита, на которые, возможно, влияли также регионы Средиземноморья.

Магриб

Имеется лишь небольшое количество информации о первых неолитических общинах на значительной части побережья Северной Африки (Тунис, Восточный Алжир), но значительно больше о Западном Магрибе. Здесь гончарные изделия на прибрежных территориях (восток Алжира, север Марокко) являются родственными средиземноморской тисненой керамике. Известно, что отдельная группа «сердцевидной» культуры жила на севере Марокко (Кар-Гахаль, Каф-Тхат-эль-Гар, Ашакар) и была, вероятно, связана с иберийским регионом. В Восточном Алжире гончарные изделия раннего неолита представлены сосудами с коническим основанием и тисненными, резными или налепными орнаментами. Стороны хозяйственной деятельности раннего неолита в западном Магрибе нуждаются в дальнейшем изучении.

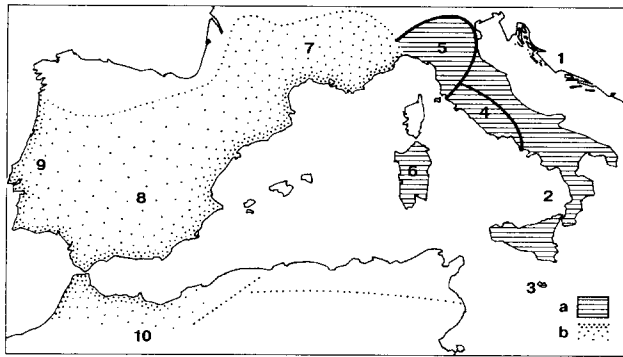
УКОРЕНЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В СРЕДНЕМ И ПОЗДНЕМ НЕОЛИТЕ: СЕДЬМОЕ И ШЕСТОЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО НАСТ. В. (карты 57 и 58)

На всей рассматриваемой территории средний и поздний неолит характеризуется укоренением тех явлений, которые определяют оседлый образ жизни. Однако наши знания и оценка культурных особенностей значительно изменяются от региона к региону.

Италия и ее окружение

Апеннинский полуостров

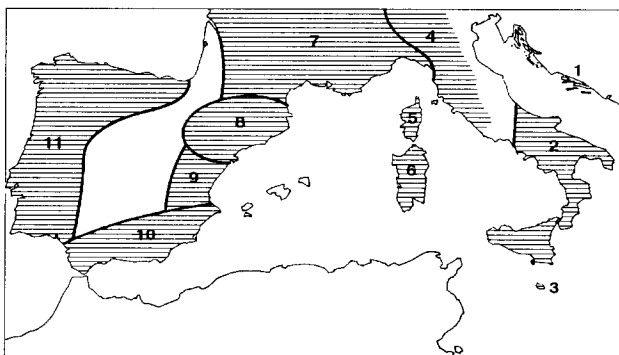
Вслед за группами культур тисненой керамики в период между 7800 и 7600 лет до наст. в. появляются археологические горизонты, содержащие расписную или резную керамику. С тех пор на юго-востоке Италии отмечается заметное культурное разнообразие, отражающееся в разви-

Карта 57. Неолит в Западном Средиземноморье около 7000 лет назад: **a** – средненеолитические группы в Далмации и Италии: 1 – культура Данилю в Далмации; 2 – группы расписной керамики; 3 – группа Грей-Скорба на Мальте; 4 – культура Сассо; 5 – культура Фьорано; 6 – культура Бону-Игину на Сардинии; **b** – культуры среднего неолита в Южной Франции, на Пиренейском п-ве и в Магрибе: 7 – «последсердцевидные» культуры; 8 – культура Лас-Куэвас; 9 – культура Фурниньи; 10 – капсийская традиция в магрибском неолите

тии многочисленных местных фаций: «графита» (*grafita*) (гончарные изделия с тонкой резьбой) из Матерано; расписная керамика с геометрическими сюжетами из Тавольер – Ланьяна-да-Пьеде – Мессерия – Ла-Керчия. Немного позднее появились керамические изделия с красными полосами, нанесенными на светлый фон, которые распространились на большой территории: от области Абруцци (Катиньяно) до юго-восточных районов Италии, пройдя через Тавольер (Пассо-ди-Корво). Трехцветные расписные гончарные изделия появились на несколько более поздней стадии: Риполи (в основной области Абруцци), Скалория (в Тавольере), Капри (в области Кампания), Серра-д'Альто (илл. 80) (по всему югу). Особо выделяется техническое качество изделий из Серра-д'Альто с ее зооморфными ручками и рисованными сюжетами в виде ромбов, меандров, спиралей и т.д.

Большие разногласия вызвало предположение о внешнем происхождении этих форм при сравнении их с расписной керамикой из Северной Греции или Пелопоннеса. В действительности, однако, следует иметь в виду, что богатое земледелие в Южной Италии, весьма заметное с девятого тысячелетия тому назад, привело к появлению местных специалистов, мастерскому использованию техники обжига и быстрому совершенствованию гончарного искусства.

Карта 58. Неолит в Западном Средиземноморье 6000–5500 лет назад: 1 – культура Хвар (Далмация); 2 – культура Диана; 3 – культура Зеббуг (Мальта); 4 – культура Лагоцца; 5 – группа Бази; 6 – группа Озьеры; 7 – шассейская культура; 8 – культура Сепулькрос-де-Фоса; 9 – валенсианская группа с культурой резной керамики; 10 – культура Альмерия; 11 – португальские мегалитические группы

При рассмотрении раннего неолита уже упоминались рвы, иногда концентрические, вырытые вокруг поселений. Их продолжали строить на протяжении всего среднего неолита различные сообщества, культура которых характеризовалась изготовлением расписной или резной керамики. Некоторые из них жили в укрепленных лагерьх, занимавших несколько гектаров. Известны стоянки, расположенные в окрестностях г. Матера (Мурджия-Тимонс, Тирлеккия, Мурджеккия, Серра-д'Альто); особенно великолепные примеры были найдены в Тавольере, где самая крупная стоянка – Пассо-ди-Корво занимает площадь в 40 га и имеет сотню С-образных рвов. Рвы встречаются также в Средней Италии, в поселении Риполи в области Абруцци, а также на Сицилии среди предметов культуры Стентинелло, примечательной своими более совершенными тиснеными изделиями.

Мы больше знаем о домах тех времен. Хижина площадью 6х3 кв. м, расположенная в Монте-Аквилоне, в плане примерно трапециевидная, была ограждена каменной стеной. Расположенные в Касоне, недалеко от Сан-Северо одна или две длинные (около 14 м) хижины стояли за С-образным рвом. Дом в Пассо-ди-Корво на каменном фундаменте имел апсидный выступ. Хижины прямоугольной площади или имеющие выступ в виде апсиды характерны для неолитической культуры в поселении Мурджия-Тимонс. Похожие жилища с апсидными выступами появляются также в Катиньяно в области Абруцци. Эти дома, огражденные неглубокими траншеями, имели в длину от 12 до 16 м и в ширину от 6 до 8 м. Рвы разных размеров, стенки которых были укреплены глиной или стеблями растений, служили хранилищами продовольствия.

Известно мало мест захоронений. В основном это захоронения во рвах, подобных тем, которые найдены в могильнике Мольфетта. Их относят к культуре Серра-д'Альто. Примерно в это время появляются первые коллективные захоронения (подземные гробницы).

Огненные прочно укоренились земледелие и животноводство.

К концу неолита, в течение шестого тысячелетия до наст. в. происходила замена расписной керамики одноцветными сосудами типа тех, которые характерны для культуры Диана. Примечательна однородность этого горизонта, распространенного во всей Южной Италии (Липарские о-ва, Сицилия, Калабрия, Апулия, Абруцци, Умбрия и даже Романья). На Мальте установилась близкая культура («*Red Skorba*»). «Торговая» обсидианом расширяется и играет важную роль в распространении культуры Диана. На побережье Тирренского моря культура Сассо, охватывающая области Лацио и Тоскана, в основном известна по раскопкам в пещерах Фабрици и Орсо. На Сардинии культура Бону-Игину, а вслед за ней и культура Озьеры характерны для множества поселений, которые, однако не были раскопаны, однако изучены относящиеся к ним многочисленные захоронения в подземных гробницах (см. ниже).

Северная Италия

В период седьмого тысячелетия до наст. в. в Северной Италии, в долинах рек По и Адидже (области Венеция, Трентино, Эмилия, Ломбардия) и даже в Лигурии (фация Финале) развивалась культура производства гончарных изделий с квадратным горлышком. Гончарные изделия часто имели характерные квадратные или четырехдольчатые черты. В целом можно отметить эволюцию в украшении изделий: вначале приоритет отдавался резным орнаментам линейного геометрического типа (полосы, крестики, треугольники); затем преобладали сюжеты в виде меандров или спиралей, которые либо вырезались на изделиях, либо выполнялись отдельно и затем лепились к изде-

лиям; наконец, затем орнаменты вырезались или выдавливались. Каменные изделия включали концевые скребки из пластин, ромбовидные насадки и тонкие наконечники типа Лагоцца для стрел). Часто встречаются печати из обожженной глины (*pintaderas*). Эта культура окончательно утвердила неолитическую систему хозяйствования в Северной Италии, одновременно способствуя окончанию занятий охотой.

Имелось множество типов поселений: пещер, как в Лигурии; укрытий; жилищ, расположенных на равнинах или холмах, как в Рокка-ди-Риволи-Веронезе; деревень в болотистых местностях, как в Фимон-Молино-Касаротто. Умерших хоронили в ямах (Кьюцца), гробницах (Вела-ди-Тренто, Арене-Кацциде) или могилах, обложенных по кругу камнями (Вела-ди-Тренто).

Около шести тыс. лет тому назад на большей части Северной Италии культура Лагоцца вытеснила культуру сосудов с квадратным горлышком. Нам она известна по одноименному свайному поселению. Шлифованные топоры, пластинчатые орудия, гладкие гончарные изделия (рис. 137) с небольшим количеством украшений (шаровидные сосуды с выпуклым дном, горшки для цветов в форме усеченного конуса с плоским дном, тарелки с широкими ободами, крышки и, кроме всего, фигурные чаши) позволяют отнести эту культуру к широкому комплексу культур «западной» керамики (Шассэ – Кортайо – Сепулькрос-де-Фоса). В Лагоцце выращивались различные виды пшеницы и ячменя, а также чечевица.

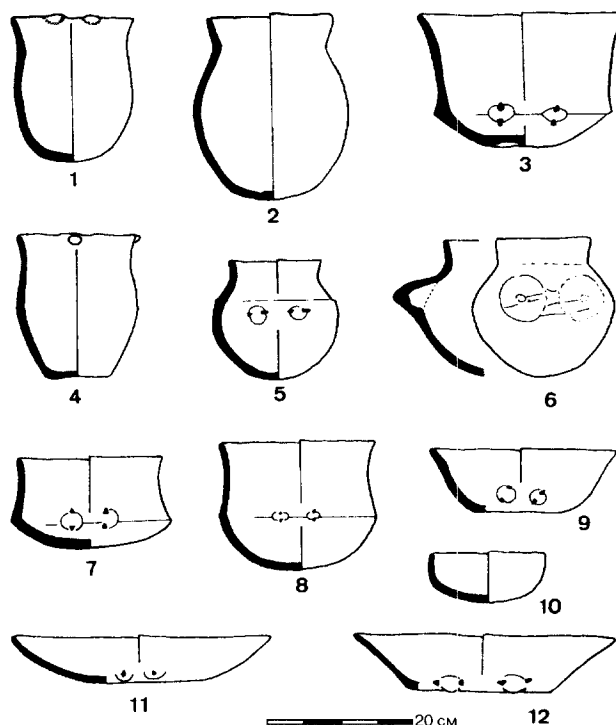

Рис. 138. Стили гончарных изделий культуры Кортайо, шестое тысячелетие до наст. в.: 1–3, 5–7, 10, 12 – Сент-Обен; 4, 8, 9, 11 – Оншан (по Sauter & Gallery, 1969)

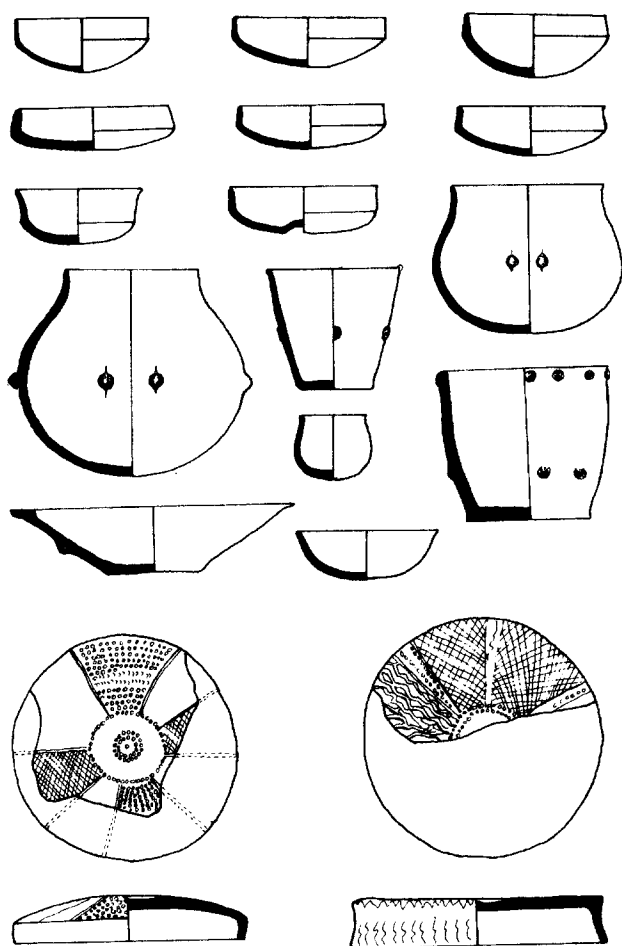

Рис. 137. Стили гончарных изделий из поселения Лагоцца-ди-Беснате (Варесе, Северная Италия), шестое тысячелетие до наст. в. (по Guerreschi, 1977)

Альпийские регионы

Присутствие в восточной Франции (Юра) и западной Швейцарии культурных сообществ, производивших керамические изделия без украшений и отвечающих некоторым морфологическим критериям, дают возможность отнести эту зону к культурной сфере Средиземноморья. В среднем неолите (около 6500–6000 лет тому назад) развивается культура Протокортайо, характерными изделиями которой были мешкообразные вазы, полученные выдавливанием орнамента, сосуды с горловинами и широкогорлые чаши. Раскопки, проведенные в Овернье-Порт и в Тванне, в Швейцарии, позволили полностью пересмотреть эволюцию культуры Кортайо (около 6500–5200 лет тому назад), отмеченную постепенным отходом от обтекаемых форм к прямым и высоким сосудам (рис. 138).

Вслед за этим на завершающий период неолита в Швейцарии оказало воздействие появление культуры Хорген (группа Лушец на берегах озер Невпательского, Бильско-го и Муртензе, затем группа Овернь, горизонты, иногда объединяемые с комплексом Рона-Сона, известным во французских Альпах и вдоль ронской оси). Не являясь чем-то особенным, жилища, расположенные здесь на берегах озер, привлекли наибольшее внимание по причине разнообразия и качества информации, полученной благодаря сохранению остатков вместе с гончарными изделиями. Этим объясняется «историческая роль», которую сыграли неолитические озерные постройки в изучении первых европейских сельскохозяйственных сообществ. До наших дней ученые, занимающиеся дендрохронологией, продолжают считать, что эти постройки обеспечивают богатые находки. Здесь широко представлено оборудование для земледелия (топоры, палки-копалки для прокладки борозд, мотыги, серпы), рыбной ловли (лодки, сети, поплавки, грузила) и охоты (луки, гарпуны, копыя и т.д.), не говоря уже о домашних инструментах. Здесь хорошо сохранились остатки съедобных растений: пшеницы, ячменя, гороха, мака, а также многочисленных диких фруктов и растений, вы-

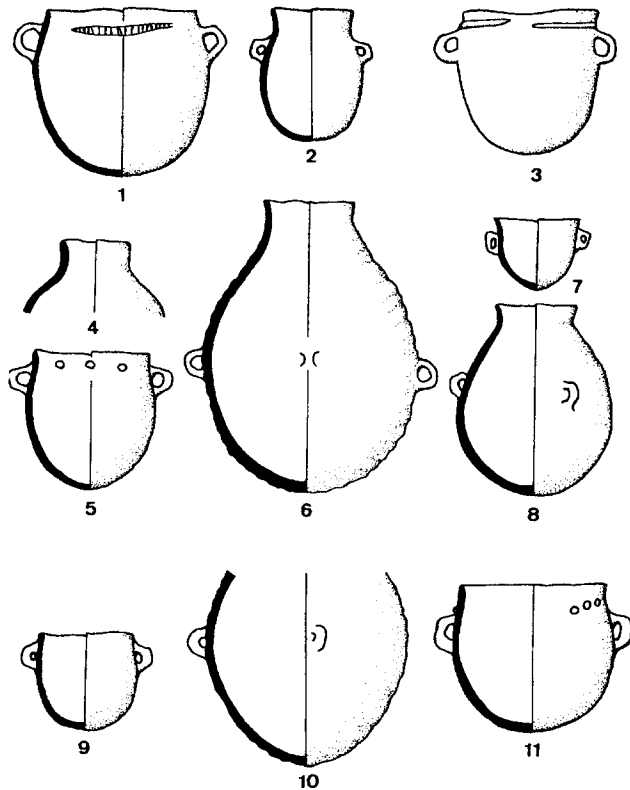

Рис. 139. Стили гончарных изделий культуры Эгольцвилль (Швейцария), седьмое тысячелетие до наст. в.: 1–3, 5–8 – Эгольцвилль–3; 4, 9–11 – Шёцц (по Sauter & Gallay, 1969)

рациваемых для изготовления тканей (лен). Деревня в Эгольцвилле-5 (рис. 139) состояла из нескольких домов площадью 9х3,7 кв. м, расположенных вдоль берега и огражденных со стороны суши. Деревня в Тванне перестраивалась 8–10 раз на одном и том же месте у берега. В конце неолита дома в Клерво стали меньше (6–8х3–4 кв. м). Они были построены на сваях, имели основу из трех продольных рядов столбов, а каркас стен, покрытых глиной, состоял из жердей и палок.

От юга Франции до Португалии

Французское Средиземноморье

Переход от последних культур тисненой керамики к культурам изготовления сосудов без украшений происходил во Франции в несколько этапов. Однако лишь культура Шассе (шассейская) благодаря своему динамизму привела к культурному объединению территории от восточной половины Пиренеев до Лигурии и даже до Тосканы. Шассейская культура, перемешавшись с местными культурами, через долину Роны и Центральный массив распространилась по крайней мере до Северной Франции. В средиземноморской зоне эта культура преимущественно идентифицируется по производству орудий из пластин (зубила, скребки, пластины с хвостовиками, буры, наконечники для стрел), находящихся вместе с тяжелыми инструментами (шлифованные топоры, пестики, зернотерки, галька со сколами, ножи с рукоятками и алебарды, как в долине Гаронны). Наряду с изделиями обычных форм гончарные изделия (рис. 140) отличаются некоторыми характерными элементами (чашки с бороздками на внутренней стороне, тарелки с украшенными краями, «блюдца», фигурные сосуды, ручки для «патронтапа»).

Важная сеть распространения каменных материалов, несомненно, способствовала поддержанию прочных связей в шассейской культуре посредством постоянных обменов светлым кремнем, часть которого добывалась в нижнем течении р. Рона; доставкой скальных пород из южных Альп в отдаленные регионы, например, Прованс и Лангедок для производства шлифованных топоров; доставкой туфа из Аверона в районы Тулузы, Керси, Гасконь, Од.

В период шассейской культуры на юге Франции появляются первые крупные сельские поселения. Иногда это были очень крупные поселения: Сен-Женэ (департамент Тарн и Гаронна) занимало 30 га; Вильнёв-Толосан (департамент Верхняя Гаронна) – 28 га; Сен-Мишель-дю-Туш (департамент Верхняя Гаронна) – 20 га. Все они располагались вблизи от участков плодородных земель и часто скрывались за насыпями и изгородями (поселения в районе Тулузы). В этих жилых помещениях было обнаружено множество сооружений (ямы для хранения, мощные участки, колодцы); в некоторых поселениях были обнаружены сотни очагов, заполненных обожженными камнями; размеры их достигали 11х2 кв. м, но назначение их не выяснено.

Средиземноморская Испания

В Каталонии исследования не настолько продвинуты, как на юге Франции. Известно, что культура Сепулькрос-де-Фоса очень близка к шассейской культуре по своим каменным изделиям и по керамическим предметам (рис. 141), однако до настоящего времени жилые поселения, относящиеся к ней, не изучены (известно только, что

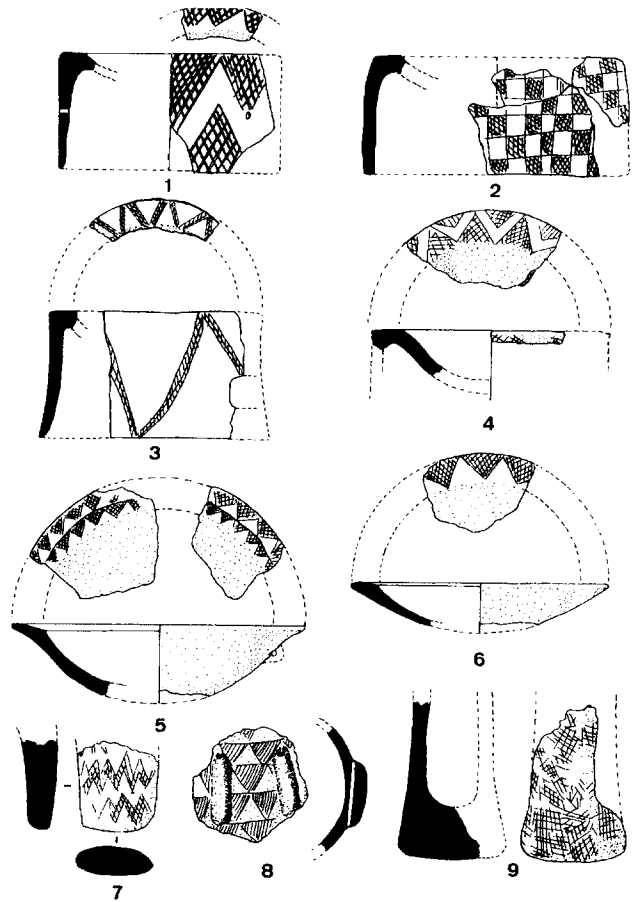

Рис. 140. Керамические изделия шестого тысячелетия до наст. в. со стоянки Шассе: 1–4 – «подставки для ваз»; 5, 6 – тарелки; 7 – ручка; 8 – часть корпуса вазы; 9 – ручка для подвешивания (по Thévenot, 1969)

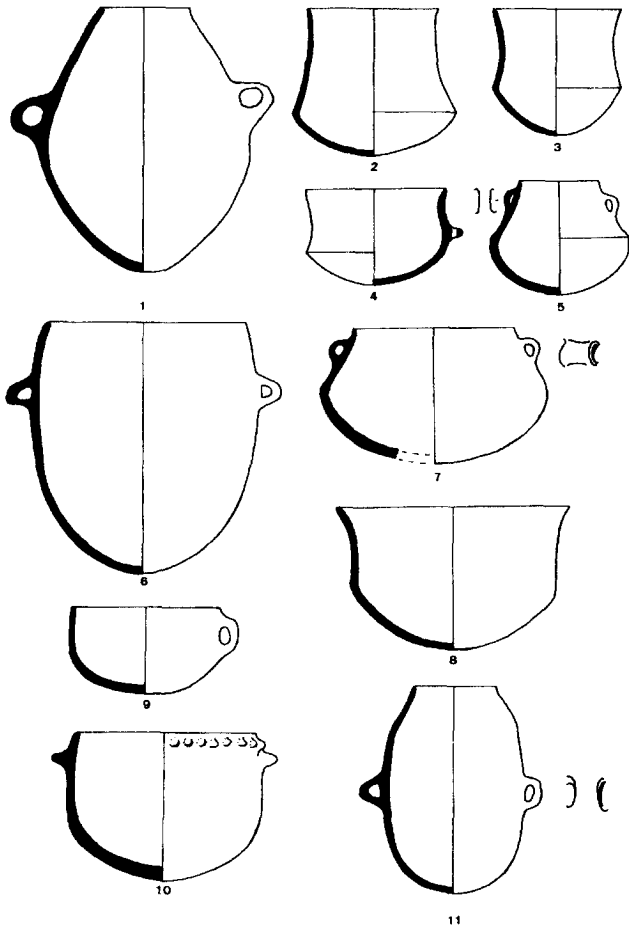

Рис. 141. Стили гончарных изделий культуры Сепулькрос-де-Фоса (Каталония, Испания) шестого тысячелетия до наст. в.: 1, 5 – Агиллар-де-Сегарра; 2–4 – Сабассона; 6 – Мас д'ен Боиксас; 7 – Кастеллоли; 8 – Масия-Нова; 9 – Бовила-Бельсола; 10 – Бовила-Фустерет; 11 – Сан-Женис-де-Вилассар (по *Mitöz*, 1965)

поселение Бовила-Мадурель представляет собой окруженную насыпью площадь. Но в отличие от юга Франции в этом регионе обнаружены многочисленные места захоронений умерших в согнутом положении либо в ямах (в районе Барселоны), либо в каменных гробницах (в районе Сольсоны). Рядом с умершими лежали погребальные приношения, в частности бусы из варисцита – минерала зеленого цвета, состоящего из гидроокиси алюминия. Начиная со среднего неолита, этот материал интенсивно добывался, особенно в Кан-Тинторе около г. Гава, где недавно обнаружены многочисленные штольни, самые крупные из которых имели длину до 50 м. Подобные сооружения имели промышленный характер и предполагали наличие хорошо структурированной социальной организации, а также широкого «рынка».

В регионе Валенсии культуры, возникшие позднее культур расписной керамики, выражены слабо. Недавно благодаря археологическим материалам из различных пещер стало возможным выявить культуру резной керамики. В последнюю фазу неолита для средиземноморской Испании была характерна гладкая керамика (ранняя фаза традиции Эрета-дель-Педрегаль).

Андалусия и Португалия

В течение седьмого тысячелетия до наст. в. на юге Пиренейского п-ва появилась традиция изготовления гладкой керамики. Подобное происходило и в Португалии в

то время, когда здесь появились первые мегалитические захоронения. На юго-востоке полуострова именно места захоронений предоставили самую существенную информацию об этой развитой неолитической фазе. Изучение поселений открытого типа, относящихся к альмерийской культуре неолита, недостаточно продвинулось, и только при переходе к следующей стадии, т.е. к медному веку (халколиту), большее внимание уделялось анализу отдельных местонахождений. Кроме того, поскольку переход к медному веку происходил постепенно, то разграничение стадий заключительного неолита и подлинного халколита (с настоящей металлургией) часто является очень тонким вопросом.

На земле Альмерии поселения часто устраивались на вершинах холмов. Поселение Эль-Гарсель несомненно относится к той фазе неолита, которая выразилась в производстве яйцеобразных глиняных кувшинов с острым дном, сосудов с горловиной, двухконусных кубков, чаш с плоским или круглым дном. Найденные вместе с этими предметами каменные изделия включают архаические орудия из пластин: трапециевидные, треугольные, небольшие зубила, кремневые или кварцевые ножи. Поселение было ограждено стеной.

В поселении Трес-Кабесос была обнаружена многоугольная в плане хижина, имеющая в диаметре 8 м. В Велес-Бланко (Серро-де-лас-Кантарас) небольшие хижины крупного или овального плана разделялись на две половины. Овальные в плане хижины были также обнаружены в нижних культурных слоях поселения Альмизарак, в долине Агуас, хотя там строились и прямоугольные жилища.

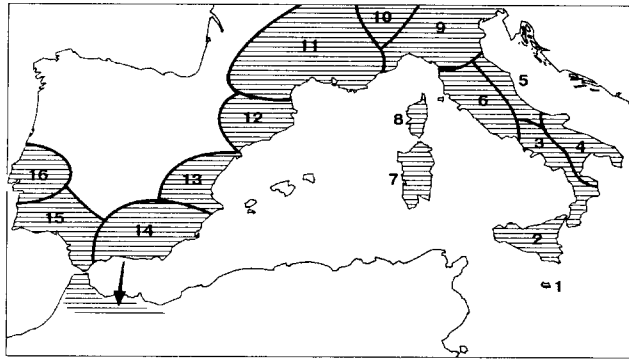
Интересными оказались раскопки, проведенные в поселении Пенья-де-лос-Гитанос у г. Монтефрио, недалеко от Гренады. Речь идет о поселении, расположенном на нескольких уровнях, в котором сначала жило племя, относящееся к традиции тисненной керамики, затем неолитическое группы культур гладкостенной керамики альмерийского стиля (обтекаемые вазы, сосуды с горловиной). Металлургия появилась тут же на еще более поздней стадии, тогда как гончарные изделия приобретают открытые формы (большие блюда) и становятся известными по всей Андалусии и в Альгарве; наконец, в последней фазе оно заселяется народами той культуры, которой были свойственны колоколовидные кубки. Таким образом, Монтефрио является примером поселения открытого типа, в котором жили люди на протяжении двух тысячелетий.

Заселение г. Табернас также началось в неолите и продолжалось в последующие периоды.

В Португалии поселения открытого типа, относящиеся к периоду гладкостенной керамики среднего и позднего неолита, исследованы в районе г. Синиш, и в итоге была выявлена региональная преемственность культур. В результате поисков в Алентежу было обнаружено много жилых поселений, однако в них не проводились раскопки. И здесь основные усилия были направлены на изучение поселений медного века.

К НОВЫМ ОБЩЕСТВАМ (ШЕСТОЕ–НАЧАЛО ПЯТОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО НАСТ. В.) (карты 58 и 59)

Общества Западного Средиземноморья второй половины неолита характеризуются некоторыми оригинальными культурными признаками: увеличением количества коллективных захоронений, сооруженных на поверхности (мегалитические гробницы) или вырезанных в скале (подземные гробницы); появлением культовых мест; важной ролью камня в строительстве; наконец, началом выплавки металлов. Эти различные проявления происходили необязательно одновременно: они возникали в различные времена в разных регионах даже в пределах одной

Карта 59. Неолит в Западном Средиземноморье в период 5000–4500 лет тому назад: 1 – Тарксийская культура (Мальта); 2 – группы Коццо и Пиано-Контге; 3 – культура Гаудо; 4 – культура Латерца; 5 – культура Конелья; 6 – культура Ринальдоне; 7 – культура Абеалаци-Филигоса; 8 – культура Террина; 9 – культура ремесделло; 10 – культура Сона-Рона; 11 – ранний халколит на юге Франции; 12 – культура Вераса; 13 – культура Эрега-дель-Педрегаль; 14 – культура Лос-милларес; 15 – культура Альгарве; 16 – культура вила-нова-ди-сан-исдро

культурной зоны. Более того, по крайней мере в начале своего развития они часто появлялись как продукт неолитических культур, и означали новые этапы развития в них. Так, в седьмом тысячелетии до наст. в., т.е. в середине периода среднего неолита, в Португалии появились мегалитические захоронения. В Западном Средиземноморье новые черты проявлялись в основном в течение заключительного неолита и халколита. В Центральном Средиземноморье первые подземные гробницы были построены в седьмом тысячелетии до наст. в. (Сардиния, Южная Италия). Едва возникнув в неолитическом окружении (вазы с квадратными горлышками, культуры Диана, Альмерия, Кортайо, Лагоцца), выплавка металлов не получила развития до конца шестого тысячелетия до наст. в., когда появились итальянские (Гаудо, Ринальдоне, Ремеделло) или иберийские (Лос-Милларес, Виля-Нова-ди-Сан-Педро) культуры халколита. В других местностях обработка меди началась немного позднее.

Мегалитические гробницы в шестом-четвертом тысячелетиях до наст. в.

Мегалитические монументы в Западном Средиземноморье принимали различные архитектурные формы. Они особенно распространены на островной части региона (Мальта, Сардиния, Корсика, Балеарские о-ва), на юге Франции, Пиренейском п-ве и в Северной Африке. Типологическое разнообразие сосуществует с заметными временными различиями. Прежде всего внимание должно быть обращено на Пиренейский п-ов. На всей его западной части (Португалия, Галисия, Страна басков) не отмечено примеров сооружения мегалитов, как во всем Средиземноморье, но эта часть была непосредственно связана с атлантической традицией сооружения дольменов, по крайней мере на ее ранних стадиях.

Западная часть Пиренейского полуострова

Атлантическая сторона Пиренейского п-ва была первоначальным центром, где началось строительство мегалитов. Важное скопление мегалитических построек обнаружено в Алентежу. Здесь, как и в Альгарве, небольшие прямоугольные емкости, зарытые в землю (в Мончике), могли служить прототипами первых мегалитических гробниц-дольменов. Самые древние памятники в Аленте-

жу и Бейраше представляли собой многогранные или круглые комнаты с массивными колоннами и с небольшим проходом спереди (Анта-1 в Посо-де-Гатейра, Анта-2 в Горгиноше, датированные термолюминисцентным методом серединой седьмого тысячелетия до наст. в.). В дальнейшем комнаты оставались многогранными, а проход становился значительно шире (дольмены типа Павия); изменялось и погребальное оборудование. Окончание мегалитического цикла в южной Португалии отмечено появлением захоронений в виде толоса (Алькалар, Монте-де-Утэйро, Барро).

Второй географический центр, важный по численности находок, включает в себя провинции северной Португалии (Миньо, Дору, Трап-ош-Монтеш), испанскую Галисию и Астурию. Самыми распространенными мегалитическими памятниками являются многоугольные камеры, закрытые или открытые, перед которыми иногда имелись слабо выраженные короткие проходы. Четырехугольные камеры появились здесь немного позднее. Во всем этом регионе появилось также множество курганов без четко выраженных внутренних помещений. На северо-востоке Пиренейского п-ва некоторые колонны дольменов были украшены рисунками, сделанными красной или коричневой краской и представляющими собой геометрические сюжеты или стилизованные изображения фигур. В исианской провинции Алава известно несколько дольменов с проходами. В Стране басков в изобилии встречаются мегалитические или близкие к ним захоронения: простые, открытые или закрытые, иногда вытянутые комнаты. Вытянутые прямоугольные сооружения известны в провинции Наварра (Артагона).

Юго-восточная и южная части Пиренейского п-ва

В Восточной Андалусии сооружение мегалитических памятников частично берет начало от захоронений в Альмерии в круглых рвах, их стенки иногда выкладывались из камня или плит. Переход от этих рвов к коллективным могилам круглой или многоугольной в плане формы, сооруженным из каменных плит, происходил в ходе развития альмерийской неолитической культуры. Все там же, на юго-востоке, прямоугольные или квадратные гробницы в районах Табернас, Антас или Нигар понемногу уступают место сооружениям, которые одновременно были более массивны, сооружались над землей и имели четырехугольные или многоугольные камеры, к которым вскоре стали пристраивать вестибюли. Небольшие мегалиты с короткими проходами или вестибюлями сотнями усеяли провинции Гренада и Кордова. В районе Гора строились трапезиевидные сооружения (Лос-Кастеллонес), у которых часто имелся небольшой вестибюль и двери, выдолбленные из плиты. В самых совершенных сооружениях камера и проход составляли одно целое, и получались вытянутые прямоугольные или трапезиевидные сооружения с низким входом (Ла-Касилла и Ла-Каньяда-дель-Караскаль в Гандуле, Куэва-де-Менга в Антекерра). Для эпохи халколита характерны толосы, круглые камеры, стены которых были выложены сухой каменной кладкой, или из стен с опорами, с крышей в форме купола, с разделенными проходами и круглыми курганами (Куэва-де-ла-Пастора, Севилья; Куэва-дель-Ромераль в Антекерра, Лос-Милларес).

Восточные Пиренеи

Скопления мегалитических могил здесь могли находиться вблизи от моря (Ампурдан, Альбер), однако они чаще всего встречаются в горных районах Каталонии и гор Корбьер (французская часть Пиренеев на юге департамен-

та Од. – *Прим. ред.*). Похоже, что группа захоронений с многогранными камерами, перед которыми имелся проход или вестибюль (Фон-дель-Рур в Эсполла, Ла-Клап 8 в Ларок-де-Фа), была достаточно древней (возможно, относящейся к шестому тысячелетию до наст. в.). Часто встречаются прямоугольные сооружения с низким, а иногда и узким входом. Некоторые из них по своим размерам являются совершенно уникальными (Пепьё, Сент-Эжен в департаменте Од; Кова-д'ен-Дайна в Романья-де-ла-Сельва; Ланера; Пуиг-сес-Лосес в Фольгаролесе). Сооружения, состоящие лишь из одной четырехугольной камеры, являются наиболее многочисленными и во многих случаях появились позднее других.

От Центрального массива Пиренеев до Прованса

Здесь находится одно из самых больших скопления мегалитических могил в Европе. Типичными являются дольмены из Западного Лангедока, встроенные в круглый курган и содержащие одну четырехугольную камеру из плит, перед которой имелся прямой проход (коридор). В некоторых были прихожие (Ламалу в Руэ, департамент Эро) (илл. 81). Их относят к культуре Ферьер (заключительный неолит). Часть сооружений отличаются своими продольными стенами, которые полностью выложены сухой кладкой: это дольмены нижнего течения Роны, встречающиеся от района Минервуа до Лазурного берега. От департамента Ардеш до Керси на известняковых плато встречается множество простых сооружений, каждое из которых состоит из прямоугольной камеры, перед которой иногда имелся прямой или изогнутый проход. Многие из этих сооружений очень малы, хотя есть несколько памятников внушительных размеров (Ганиль в Гралу, Пуэнш-Гро в Родель, департамент Аверон). Этот тип мегалитических захоронений в основном относится к шестому тысячелетию до наст. в. (период заключительного неолита и халколита).

Сардиния, Корсика и Балеарские острова

На Сардинии и Корсике самые древние формы мегалитических захоронений представлены вариантами, близкими к мегалитам: речь идет о зарытых ящиках (цистах), которые иногда были обложены каменными кругами. Их, в частности, можно встретить на севере Сардинии (Арцакена) и на юге Корсики (район Порто-Веккьо). Этот тип захоронений просуществовал на обоих островах до веков металлов (медного, бронзового, железного. – *Прим. пер.*). Подлинные мегалитические могилы, надземные и больших размеров, имеют различные модификации: прямоугольные камеры, сооруженные из плит большого размера (илл. 82) (Морес, Сардиния; Каурия, Корсика), многоугольные камеры с проходом (Моторра в Доргали, Сардиния), вытянутые и узкие галереи (Педр-Лунга-де-Аустис, Сардиния). Эти сооружения относятся примерно к концу шестого и пятому тысячелетиям до наст. в. Более поздними и относящимися к бронзовому веку являются «могилы гигантов» на Сардинии. Могильные проходы – узкие с изогнутым фасадом, со сводчатым проходом. Самые ранние сооружения выполнены в мегалитической традиции, т.е. сложены из плит. Начиная со среднего бронзового века, плиты стали заменяться на «циклопические» блоки.

На Балеарских островах насчитывается не больше десятка мегалитических могил: оригинальность мегалитов на этих островах выражена прежде всего сооружениями в форме «челюка» на о. Менорка – памятниками с фасадами из крупных каменных блоков, содержащими внутри вытянутую камеру. По-видимому, они относятся к концу пятого и четвертому тысячелетиям до наст. в.

Южная Италия и Мальта

Италия в основном была невосприимчива к тенденциям в сооружении мегалитов. Известны несколько памятников в Западных Альпах и в Швейцарии (сооружения в Аосте и в Сьоне), но единственная значительная группа сооружений находится на юго-востоке части полуострова. В окрестностях г. Бари и Таранто обнаружены четырехугольные камеры, и довольно часто встречаются более впечатляющие вытянутые сооружения (Бишелье, Корато, Джовинаццо). Их оснащение относится не далее чем к бронзовому веку. Плоские каменные плиты, положенные на низкие стены или на каменные глыбы, которые можно видеть в окрестностях Джурдиньяно и на Мальте, возможно, относятся к тому же периоду, однако ничто не указывает на то, что это были захоронения.

Северная Африка

Традиция возведения мегалитов особенно хорошо представлена в средиземноморской Африке: самые большие скопления этих сооружений находятся на востоке Алжира и на западе Туниса, где известны могильники, состоящие из нескольких сотен захоронений (Бу-Нуара, Рокния). Часто это лишь небольшие могилы, надгробная плита которых опирается на вертикальные опоры или стены, сложенные из камней. Круглое в плане основание, опоясанное иногда каменной оградой, окружает памятник. Эти могилы относятся к допуническому периоду и могут датироваться четвертым тысячелетием до наст. в.

Подземные гробницы

В течение длительного времени считали, что вырезанные человеком в пещерах погребальные склепы (или подземные гробницы), особенно широко распространенные в Центральном и Западном Средиземноморье, делались по восточным или эгейским прототипам. Однако последние исследования показали, что почти везде сооружение подземных гробниц было результатом внутреннего развития первых земледельческих общин, причем этот вывод относится к мегалитической традиции в целом. Большое типологическое разнообразие этих захоронений – часто даже в одном регионе – и их широкие хронологические рамки – все это свидетельствует об их автохтонном развитии, даже если местами и появляются внешние влияния.

Прототипы подземных гробниц

Среди самых древних форм следует отметить захоронения в Су-Кукурру-С'Арриу на Сардинии, которые представляют собой небольшие камеры 1,5 м длиной, к которым вел вертикальный колодец. Они содержали только одно захоронение в согнутом положении. А принадлежащая к культуре Бону-Игину, которая методом радиоуглеродного анализа была отнесена к концу седьмого или к первой половине шестого тысячелетия до наст. в. Захоронения в склепах, вырезанных в известняковых полостях, доступ к которым также был через колодцы, существовали и на Мальте (Та-Тралпа) на протяжении первых веков шестого тысячелетия до наст. в. (горизонт Зеббуг). В Южной Италии рано появились могилы *a forno* (*forno* – печь). И наконец, нельзя исключать того, что захоронения культуры Сепулькрос-де-Фоса в районе Барселоны, относящиеся к развитой фазе этой культуры, также являются подземными гробницами.

Подземные гробницы неолита

После указанных первых опытов происходило более или менее быстрое расширение строительства крупных сооружений, их характерные признаки были типичными для ряда культурных регионов.

В седьмом тысячелетии до наст. в. в Южной Италии стали вырезать ряды склепов. Так происходило, например, в Апулии в поселениях Манфреди-де-Санта-Барбара или Кала-Коломбо (культура Серра-д'Альто и Диана, около 6300–5500 лет до наст. в.). Параллельно существовали могилы *a forno*, предназначенные для захоронения только одного тела (например, в Арчесано, Лечче). На Мальте оригинальность подземных гробниц подчеркивается их многослойным планом (Ксемксия). Однако самым великолепным сооружением, несомненно, является подземная гробница Хал-Сафлисна – лабиринт с очень сложным планом, который одновременно служил местом захоронения и культовым сооружением. Здесь скульптуры на стенах и на потолках повторяют современные им росписи мальтийских храмов (шестое тысячелетие до наст. в.). В период культуры Озера (расцвет которой относится к 6300–5000 лет назад) на Сардинии было вырыто несколько сотен подземных гробниц, различных в плане. Наряду с могилами, доступ к которым вел через колодцы (Сан-Веро-Милис), сооружались склепы с небольшими круглыми крытыми входами и горизонтальными входами (Сан-Бердетто в Иг-

лесиасе), монументы с Т-образными проходами, с многочисленными ячейками (Ангелу-Ружу) и, наконец, с коридорами, ведущими в погребальную камеру гробницы, прихажими и ячейками, окруженными крытыми входами, резными дверями, перегородками; иногда несущими опоры (Сан-Андреа-Приу, Саггу-Педру).

На Пиренейском п-ве, в его южных районах и в Португалии, имеется множество подземных гробниц. Многие из них, видимо, не старше медного века, однако термолюминесцентная датировка подземной гробницы в Каренке 2 (Португалия) (около 6000 лет до наст. в.) свидетельствует о древности одной из разновидностей сооружений, имеющих одну камеру и горизонтальный проход, и о ее одновременности с мегалитическими культурами.

На юге Франции гончарные изделия культуры Ферьер (рис. 142) (заключительный неолит, конец шестого тысячелетия до наст. в.) были обнаружены в одной из подземных гробниц Арля, которые представляли собой выгнутые захоронения с входной лестницей, покрытые мегалитической плитой. К тому же времени относят подземные гробницы в Восточном Лангедоке (Серр-де-Бернон в Лодене) и в департаменте Воклюз (Роэк).

Подземные гробницы медного века

Становление культур, занимающихся выплавкой меди, не только не ставит точку на рытье или на использовании подземных гробниц, но зачастую даже усиливает эту тенденцию. Могилы с колодцами или вестибюлями, найденные в Кампании (Гаудо) или Апулии (Латерца), в Лацио или Тоскане (Ринальдоне) играют решающую роль на всей южной половине Апеннинского п-ва. На Сицилии сооружение подземных гробниц появляется во времена, соответствующие культурному горизонту Сан-Коно-Пьяно-Нотаре, и в дальнейшем дало прекрасные сооружения (Калафорно), став стойкой традицией, которая просуществует до железного века. На Сардинии в пятом тысячелетии до наст. в. появились могилы удлинённого профиля (Филигоза) и захоронения с колодцами и крытыми входами (Монте-Кларо). Несколько подземных гробниц на юге Франции следует отнести к культуре Фонбуис. Самые красивые подземные гробницы Пиренейского п-ва относятся к заключительному неолиту или к халколиту Андалусии (Алькаид) и в Португалии (Алапрая, Палмела).

Развитие каменной архитектуры

За исключением отдельных мест, камень не играл основную роль в строительстве неолитических жилищ в Западном Средиземноморье, где главным образом использовались дерево и глина. Это замечание нужно будет непременно смягчить, когда будут проведены более детальные исследования отдельных местностей. В шестом тысячелетии до наст. в. одновременно с возведением мегалитических монументов появились также другие постройки религиозного или гражданского назначения, в конструкциях которых основное место занимает камень.

Среди ранних из этих зданий – храмы на Мальте, построенные на опорах и имевшие циклопический внешний вид. У этих сооружений имелся выгнутый фасад, в котором был вход в небольшие комнаты; на ранних стадиях сооружения в основном имели в плане форму трилистника (Мгарр). Не исключено, что вначале эти мальтийские храмы повторяли на земле форму подземных гробниц, о которых говорилось выше, и что сначала они служили мегалитическими захоронениями, прежде чем превратиться в святилища. Позднее здания становились более сложными, они могли иметь пять, а иногда – до семи помещений. Несколько храмов могли быть объединены в один

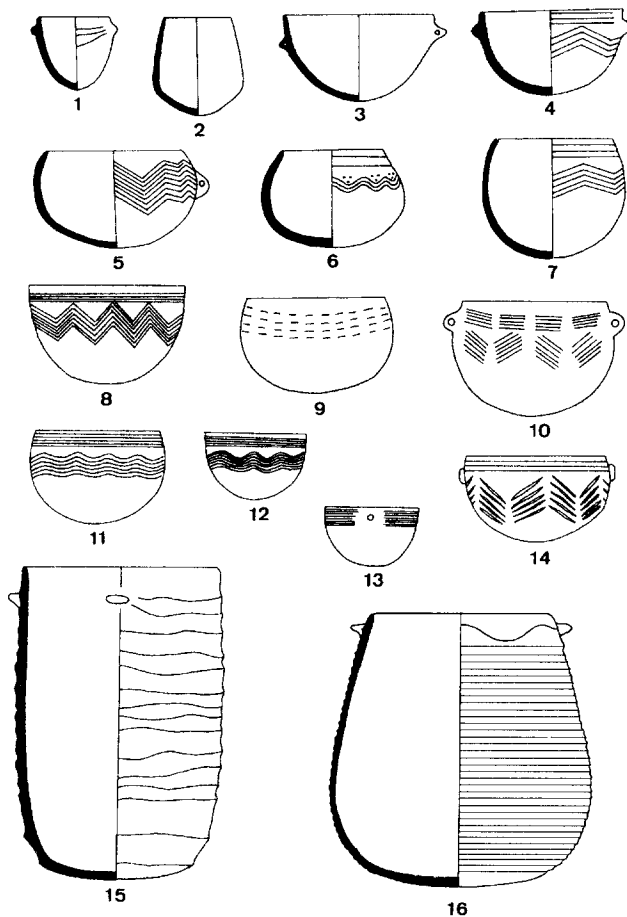

Рис. 142. Стили гончарных изделий из местонахождения Ферьер (Восточный Лангедок, Франция), шестое тысячелетие до наст. в.: 1–3 – из каменной гробницы в Ферьер (департамент Эро); 4, 7 – из стоянки Буа-Мартен (департамент Эро); 5, 6 – из пещеры Лабей (Эро); 8, 12, 13 – из Босман (департамент Арденн); 9, 10 – из пещеры Бомель (департамент Гар); 11 – из Юд (департамент Арденн); 14–16 – из Гроит-де-Пэн (департамент Гар) (по *Annales*, 1976)

Рис. 143. Резные и нарисованные на кости идолы из Альмизарака, культура лос-милларес (Испания), конец шестого–пятое тысячелетия до наст. в. (по Leisner & Leisner, 1949–1950)

комплекс (Гжантия, Тарксиен) (илл. 83). Такие сооружения появились в шестом тысячелетии до наст. в. и использовались в пятом тысячелетии, а затем они были покинуты.

Использование камня в строительстве домов и стен, которые зачастую защищали их, резко расширилось в шестом тысячелетии до наст. в. Это развитие обычно приписывали влиянию эгейской культуры, главным образом из-за некоторого сходства в архитектуре построек (например, укрепление стен полукруглыми бастionsами). Однако в районах Центрального Средиземноморья недостает промежуточных географических звеньев, хронология этих сооружений на протяжении с востока на запад региона совершенно не совпадает и, наконец, культурные слои не похожи друг на друга. Следовательно, лучше говорить о совпадении. Кроме того, наблюдается недостаток данных о развитии на Апеннинском п-ве, где халколит проявляется в основном в захоронениях и пещерных жилищах. Распространенной остается защита поселений рвами (Конель). Камень мог использоваться в строительстве домов (Коломбаре под Вероной в археологическом контексте ремеделло).

Видимо, на полуостровной части Средиземноморья все больше использовали камень в качестве строительного материала. Если на Сицилии укрепленное поселение Петраро-ди-Мелилли было построено не раньше бронзового века, то на Сардинии каменные дома или ограды относятся к более раннему периоду. Некоторые из них могут относиться к раннему халколиту (например, хижина «Стрегоне» в Монте-д'Аккоди, Сассари, или ограждение поселения Сан-Джузеппе-де-Падрия в Макомере, которые можно отнести к культурам Абеальцу и Филигоса).

Начиная с развитого халколита (культура Монте-Кларо), камень становится распространенным строительным материалом (ограждение в Монте-Оссони, хижины в Бириаи, *протонурага* (нурага – каменное укрепленное жилище в виде башни на Сардинии. – Прим. ред.) в Монте-Барантга).

Вполне вероятно, что на Корсике отдельные части поселений, обычно относимые к бронзовому веку, восходят к заключительному неолиту или к медному веку (Таппа, Пин-Канале), поскольку камень начал использоваться прежде всего здесь.

На юге Франции каменные стены появляются, начиная с заключительного неолита (Миувен, Ла-Курон, Вовенарг). В медном веке ограждения, укрепленные по бокам круглыми хижинами (Ле-Лебу, Буссарг), и поселки, состоящие из нескольких вытянутых хижин, имевших иногда выступ в виде апсиды (Камбу), были характерными для культуры Фонбуис.

Начиная с 5300 лет до наст. в., на юго-востоке Пиренейского п-ва возводились на холмах поселения, окруженные несколькими стенами, иногда усиленными бастionsами и имевшими систему изогнутых входов (Лос-Милларес) (илл. 84). Иногда по периметру основного поселения строились небольшие форты, обеспечивавшие дополнительную защиту. В тот же период в Португалии укрепленные поселения – *castors*, в которых люди проживали длительное время, имели центральный «форт» с башнями и несколько защитных стен (Замбухаль).

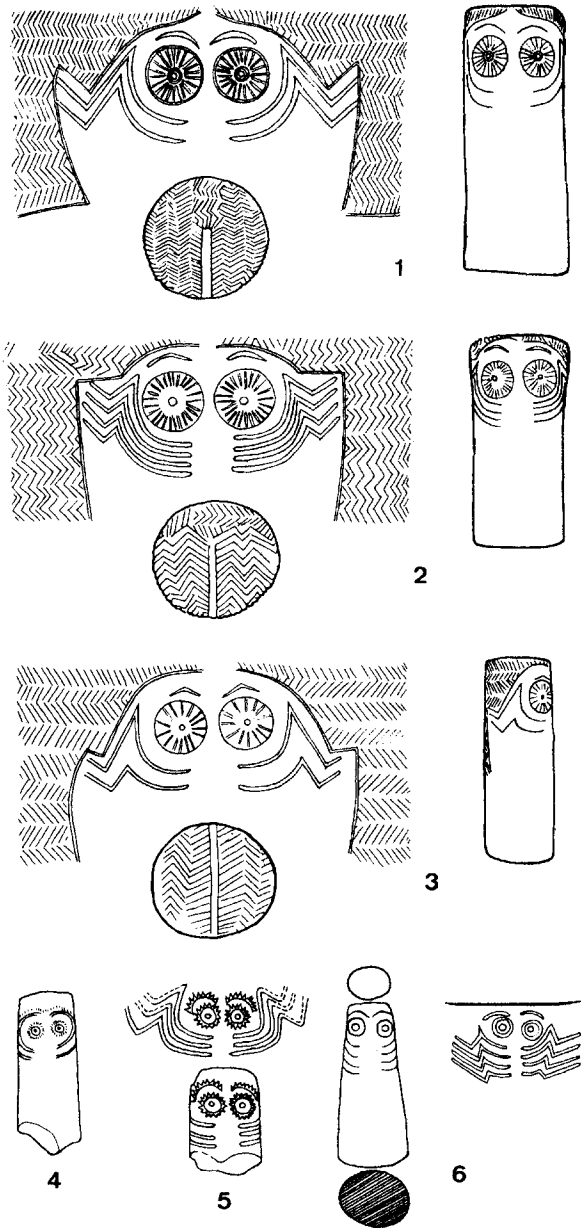

Рис. 144. Каменные идолы периода халколита, конец шестого тысячелетия до наст. в.: с юга Пиренейского п-ва: 1–3 – Сьерра-де-Морон (Севиля, Испания); 4 – происхождение неизвестно; 5 – Ольхао (Альгарве, Португалия); 6 – Музей Севильи (Испания) (по *Leisner & Leisner*, 1943–1950)

Предметы искусства, скульптуры и украшения

В культурах Западного Средиземноморья конца неолита и в медном веке отмечается заметное развитие производства украшений (браслеты, бусы, подвески, безделушки) из разнообразных камней – мрамора, кальцита, стеатита, арагонита и т.д., или из раковин, кости, металла и других материалов. Статуэтки были особенно распространены в некоторых районах. На Мальте, где эти статуэтки выполнялись из обожженной глины или камня, они имели пышные формы (например, «Спящая женщина»). На Сардинии начиная с седьмого тысячелетия до наст. в. долгое время существовала традиция (культура Бону-Игину) изготовления тучных статуэток из камня. В шестом тысячелетии на смену ей приходит культура Озеры, характерная даже более схематическими изображениями.

В медном веке в Испании крестовидные статуэтки эпохи позднего неолита уступают место резным цилиндрическим идолам из камня или кости, с подчеркнутым изображением глаз (рис. 143 и 144). Пластины сланца с резными геометрическими или антропоморфными композициями были известны в Португалии в связи с мегалитическими постройками. Важная коллекция изваяний, которые в весьма схематичной форме представляют, вероятно, богов, богинь или героев, появились на юге Франции (Прованс, Лангедок и др.) в период с позднего неолита (илл. 85). Стелы в Сьопе и Аосте в Альпах, украшенные геометрическими или изобразительными сюжетами (кинжалы, подвески) являются более старыми, чем горизонты с колоколовидными сосудами. Видимо, часть стел из округа Луниджана в Северной Италии, с дугообразной верхней частью и украшениями в виде кинжалов, относятся к началу медного века (культура ремеделло).

Появление металлургии

До сих пор вызывают удивление условия, в которых культуры, обрабатывавшие медь и в меньшей степени золото, серебро и свинец, могли процветать в Западном Средиземноморье. Раннее, к концу седьмого тысячелетия до наст. в., появление металлургических технологий повсюду в Юго-Восточной Европе, по-видимому, не ускорило распространение этого мастерства в Западное Средиземноморье. В Эгейском мире расцвет технологий обработки металлов также становится очевидным лишь к концу шестого тысячелетия до наст. в. в период раннего бронзового века.

Долгое время появление халколитических культур в Западном Средиземноморье фактически объясняли новыми связями, которые были установлены с Эгейским миром. Однако в действительности этот вопрос является более сложным. Несмотря на то что период бронзового века в Эгейском мире и медный век в Центральном и Западном Средиземноморье относятся примерно к одному времени, некоторые признаки разделяют эти две культурные зоны: сплавы на основе олова оставались некоторое время неизвестными на западе; типы металлических изделий из Эгейского региона отличались от оружия и орудий в Италии, которые, в свою очередь, отличались от иберийских изделий; почти повсеместно использовались местные сырьевые ресурсы. Кроме того, первые попытки выплавки металла на западе, например, в Италии, были более ранними, чем это предполагали.

Итак, можно ли утверждать, что это был ряд независимых местных изобретений? Вряд ли это возможно, если нам известна роль мореплавания в Средиземном море. Однако факт мореплавания не обязательно означает автоматическую передачу технологий в те зоны, где технико-экономические условия не способствуют их быстро-

му принятию и широкому применению. Долгое время считалось, что все крупные культурные и технические перемены в Западном Средиземноморье в течение пятого тысячелетия до наст. в. происходили благодаря Эгейскому миру, однако в последние годы в результате археологических исследований взгляды коренным образом изменились – мало что осталось от роли эгейского «импорта» на западе, который так часто описывался в литературе. В наше время региональные признаки ранней итальянской металлургии, хотя и напоминают о ее развитии на Пиренейском п-ве, не относятся больше к одному направлению.

К концу седьмого тысячелетия до наст. в. отнесены некоторые следы архаичной технологии обработки металлов в Италии в контекстах культуры Диана (например, в акрополе на о. Липари или в поселениях Санта-Мария у Сельвы и в Фоссачесии) или культуры гончарных изделий с квадратным горлом (у г. Риволи). Однако истинный медный век проявляется здесь только в шестом тысячелетии до наст. в. Самыми примечательными территориями области были Кампания (Гаудо), Лацио, Тоскана (Ринальдоне), Эмилия и долина р. По (Ремеделло (рис. 145), Спильамберто).

В других регионах, например, на юго-востоке, на побережье Адриатики, в Калабрии или на Сицилии, встречается мало орудий из меди (Латерца, «халколитические» культуры Сицилии). В географическом отношении один лишь этот факт доказывает слабое воздействие предполагаемых связей с Эгейским миром.

В период халколита в Италии появились кинжалы с треугольными лезвиями с насечками и стержень квадратного или трапецидального сечения (Буччино, Ремеделло); лезвие могло иметь «рога» (Спильамберто). Другие кинжалы с остроугольным или трапецидальным стержнем и четырьмя-пятью заклепками, принадлежали тосканской культуре (Гуардистелло, Понте-Сан-Пьетро). Плоские топоры найдены в культурных слоях Ринальдоне, Ремеделло и Конелле-Ортуккио. Более оригинальными были некоторые серебряные заковки с поперечной головкой (Ремеделло); известны их копии, сделанные из кости. Странные искривленные кинжалы были найдены в местечке Латерца, на юго-востоке, на Сицилии (Кьюсацца) и вплоть до Тосканы (Монте-Брадони).

На Мальте обработка металла по-настоящему началась в раннем бронзовом веке – во второй половине пятого тысячелетия до наст. в. Почти то же самое относится к Балеарским островам. В отличие от этого на Корсике следы местного производства медных изделий датируются шестым тысячелетием до наст. в., как это было недавно определено по раскопкам в Террина у поселка Альма. На Сардинии также появилось подобное производство примерно в то же время, однако в блестящей культуре Озьеви, по-видимому, металлургии никогда не отводилось важное место. Это продолжалось до конца шестого тысячелетия до наст. в. до появления культур Абсальцу и Филигоса, которые отмечены началом распространения обработки меди. Это производство имело явные корни культуры Монте-Кларо (около 4500 лет тому назад).

На Пиренейском п-ве обработка меди могла возникнуть в неолитических контекстах (Эль-Гарсель). Но здесь она по-настоящему не установилась до примерно 5300 лет до наст. в. в культурах лос-милларес и вила-нова-ди-сан-педро. Эта технология в основном проявилась на юго-востоке (Альмерия), в Андалусии, Альгарве и в средней части Португалии. Здесь была явная связь между местными источниками сырья и появлением первых металлических изделий. Были изучены ранние горные работы в этом регионе (Рио, Тинто, Уэльва). Несмотря на типологические расхождения в деталях, изделия на всем юге Пиренейского п-ва очень похожи: кинжалы с насечками (Алькалар, Лос-Милларес), ладьевидные топоры, долота, зубила, пилы

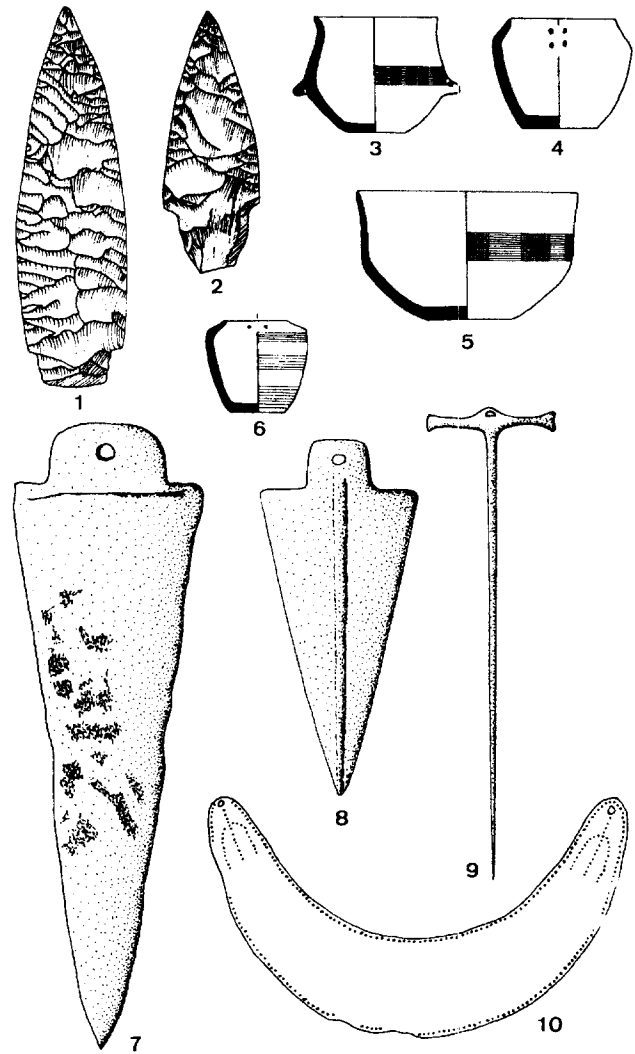

Рис. 145. Типичные изделия культуры ремеделло (Северная Италия), шестое тысячелетие до наст. в.: 1, 2 – насадки для стрел; 3–6 – гончарные изделия; 7, 8 – медные кинжалы; 9 – серебряная заковка; 10 – серебряный нагрудник. (1–4, 6–9 – Ремеделло; 5 – Коломбаре-де-Неггар; 10 – Виллафранка)

(Вила-Нова-де-Сан-Педро), двухконечные шилья. На остальной части Пиренейского п-ва выплавка металлов началась немного позднее, и здесь редко встречаются изолированные контексты.

Необходимо отметить недавнюю находку в поселении Кельф-эль-Баруд в Марокко нескольких медных изделий в слое, относящемся к первой половине шестого тысячелетия до наст. в. Можно было бы говорить о том, что эти изделия были привезены с Пиренейского п-ва, однако обработка металла в Андалусии началась позднее.

Наконец, в Южной Франции укоренение обработки металлов происходило медленнее. Правда, следы первых работ с металлами обнаружены в отложениях заключительного неолита в нижней долине р. Эро (Кабрисер, Рокмангард) или в отдельных местах гор Севенны и плато. Это были топоры, шилья, кинжалы, бусы. Однако металлургия окончательно закрепилась лишь примерно 4600 лет до наст. в. в восточном Лангедоке (Фонбуис), в регионе провинций Од-Гаронна и в меньшей степени в Провансе.

Примерно в это же время культура колоколовидных кубков, широко представленная от Сицилии до Португалии и Марокко, т.е. во всем рассматриваемом в главе регионе, окончательно сделала обработку металлов преобладающим видом производственного хозяйствования.

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ

Специалистам по доисторическому периоду, не имеющим письменных источников и располагающим лишь остатками материальной культуры Западного Средиземноморья девять–пять тысячелетий до наст. в., при изучении социальной структуры в этом регионе не остается ничего иного как предлагать гипотезы, основанные на анализе мест захоронений (их расположения, плана и содержания) и специфических черт некоторых памятников. Почти для всех стало привычным полагать, что первые неолитические культурные общности, относящиеся к культуре тисненой керамики или «сердцевидной» традиции, были эгалитарными, в которых слабо проявлялась социальная иерархия. В действительности имеется лишь незначительное количество захоронений, которые совершенно точно можно отнести к раннему неолиту (в противоположность тем большим скоплениям, которые датированы несколько более ранними периодами, как, например, мезолитическое скопление Мюж в Португалии). Недостаток литературных источников не дает возможности сделать убедительные выводы. Редкие захоронения, относящиеся к рассматриваемому периоду, часто являются индивидуальными могилами либо под открытым небом, как в Рендине, в Южной Италии, либо в укрытии, либо в пещерах (укрытие Каstellар, департамент Приморские Альпы, пещера Газель, департамент Од). Погребальные приношения в этих захоронениях (керамика, редко встречающиеся личные украшения) мало говорят о социальном статусе похороненного. К этому периоду можно отнести также групповые захоронения в специальных местах в некоторых пещерах. Эти захоронения не следует рассматривать как подлинные коллективные кладбища, скорее всего, они появились в результате обдуманного выбора площади для захоронений, на которых разные могилы выкапывались близко друг к другу (примеры – захоронения в Ла-Бом-Бурбон, департамент Гар; захоронения Монгольбо в пещере Белеста, Каталония). Впрочем, использование пещер для индивидуальных захоронений продолжалось и в эпоху среднего неолита (например, в пещере Суэ в Монганье, департамент Эна).

Возможно, в связи с развитием оседлого образа жизни и появлением более крупных земледельческих общин в культурах шестого тысячелетия до наст. в. появились небольшие «города мертвых». В них, однако, имелось ограниченное количество могил, которое несопоставимо с размерами известных в ту пору поселений. Захоронения производились либо в полах на ящики сооружений (цистах), сделанных из каменных плит (как в регионе Од-Русийон и Сольсоне и в Шамбланд в Швейцарии), либо в выкопанных могилах (Спулькрос-де-Фоса в районе Барселоны и более сложные захоронения в Альмерии), в которых хоронили по одному или реже по два тела. И здесь предметы, содержащиеся в захоронениях (ножи или наконечники для стрел, гончарные изделия, шилья или другие изделия из кости, личные украшения, такие как прекрасное кольцо из Каталонии), можно с трудом отнести к признакам социальной иерархии. Тем не менее некоторые виды коллективных работ, такие как рытье больших рвов вокруг многих деревень в Южной Италии (Пассо-ди-Корво в Тавольере или Муржия-Тимоне в Лукании), безусловно, требовали участия большого числа людей. Из этого можно заключить, что были руководители, отвечавшие за планирование и проведение работ и обеспечивавшие сотрудничество при этом.

Именно в этих общностях эпохи среднего неолита впервые появились коллективные захоронения: подземные гробницы культуры Серра-д'Альго в Апулии, первые захоронения, имевшие проходы, в Португалии (6500 лет до наст. в.), подземные гробницы культуры Озьеры на Сардинии (6200–6000 лет до наст. в.).

Каково истинное значение этих могил? Прежде всего, их сосредоточение в могильниках (как, например, в подземном комплексе Озьеры) отражает рост народонаселения. Монуменальность и украшения некоторых крупных захоронений (в Ал-Сафлиени, Сан-Андреа-Приу) укрепляют представление о том, что некоторые из них использовались и как святилища, вероятно, связанные с культом предков, и указывают на долговременное проживание общины на этой территории. Сооружение на Мальте в эпоху неолита (шестое и пятое тысячелетия до наст. в.) впечатляющих мегалитических храмов с круглыми фасадами и передними дворами дало возможность предположить, что это были места паломничества, в которых периодически собирались члены нескольких родственных общин под руководством жрецов или колдунов. Большие захоронения в Озьеры производят то же впечатление. Неизвестно, обладала ли эта религиозная элита политической властью, хотя, по-видимому, главы комплекса храмов в Тарсиане на Мальте уже олицетворяли и духовную, и светскую власть.

Тем не менее, за исключением Мальты и некоторых основных погребальных сооружений Западного Средиземноморья, на современной стадии исследований имеется мало данных о неолитической социальной иерархии. Захоронение множества тел в одной коллективной могиле использовалось как аргумент в пользу того, что в средиземноморских общинах позднего неолита социальная иерархия отсутствовала. Из изученных погребальных приношений, разбросанных среди костей, невозможно, например, выделить престижные предметы отдельных лиц, и потому трудно отнести их точно к определенному субъекту, установить социальные различия. С другой стороны, нам не известно, что в точности представляет собой антропологическое содержание каждой могилы: были ли там похоронены люди из одной семьи или из одного клана? Выбиралась ли те, кого хоронили в общей могиле (подземная гробница или мегалитическая могила), на основании их социального положения? Эти вопросы, имеющие основополагающее значение, остаются без ответа.

Примечательно, что в гробнице в Ринальдоне из Понте-Сан-Пьетро был похоронен вождь вместе с большим количеством ритуального материала. Врядом с ним была положена его супруга (или рабыня) с проломанным черепом, как будто смерть «хозяина» заставила его спутницу последовать за ним в загробный мир.

Другой переплетенный вопрос относится к поселениям, которые были окружены несколькими рядами укреплений, к которым относятся, например, Лос-Милларес в Испании и Замбухаль в Португалии. Как они управлялись? Давали ли эти поселения убежище первым мастерам по обработке металлов именно в ту эпоху, когда изделия из меди и золота предположительно приобретали возрастающее социальное значение? Такая гипотеза была высказана. Возможно, эти местности, защищенные тщательно построенными оборонительными сооружениями, пахотились под защитой могущественных вождей, чья власть распространялась на земледельческий и/или рудный регион. Однако, во всяком случае, социальная иерархия, которая, несомненно, была возможной в пятом тысячелетии до наст. в., конечно, скорее предполагается, чем является доказанной.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ALMAGRO, M.; ARRIBAS, A. 1963. El poblado y la necrópolis megalíticas de Los Millares (Santa Fé de Mondújar, Almería). Madrid.
 ALMAGRO GORBEA, M. J. 1973. Los ídolos del Bronce I hispano. Madrid.
 ARNAL, G. B. 1976. La Céramique néolithique dans le Haut-Languedoc. Lodève.
 ARRIBAS, A.; MOLINA, F. 1978. El poblado de 'Los Castillejos' en Las Penas de los Gitanos (Montefrío, Granada). Granada.
 ATZENI, E. 1978. La Dea-Madre nelle culture prenuragiche. Sassari.

- BAGOLINI, B. 1980. Introduzione al Neolithico dell'Italia settentrionale. Porderonc.
- BAILLOUD, G.; MIEG DE BOOFZHEIM, P. 1955. Les Civilisations néolithiques de la France dans leur contexte européen. Paris.
- BALOUT, L. 1955. Préhistoire de l'Afrique du Nord: essai de chronologie. Paris.
- BARFIELD, L. 1971. Northern Italy before Rome. London.
- BATOVIC, S. 1966. Stariji neolit u Dalmaciji. Zadar.
- BENAC, A. 1973. Obre. Sarajevo, Bosnisch-Herzegowinisches Landesmuseum.
- BERNABO BREA, L. 1946-56. Gli scavi nella caverna delle Arene Candide. Bordighera. 2 vols.
- 1960. Sicily before the Greeks. London.
- BERNABO BREA, L.; CAVALIER, M. 1960. Meligunis Lipara I. Palermo.
- BLANCE, B. 1971. Die Anfänge der Metallurgie auf der Iberischen Halbinsel. Mainz.
- BOSCH-GIMPERA, P. 1932. Etnología de la península Ibérica. Barcelona.
- CAMPS, G. 1974. Les Civilisations préhistoriques de l'Afrique du Nord et du Sahara. Paris.
- CAMPS-FABRER, H. 1966. Matière et art mobilier dans la préhistoire nordafricaine et saharienne. Paris.
- COLLOQUE DE NARBONNE. 1980. Actes. Le Groupe de Vereza et la fin des temps néolithiques dans le Sud de la France et la Catalogne. Paris, CNRS. 2 June 1977.
- COLLOQUIO DI PREISTORIA E PROTOSTORIA DELLA DAUNIA. 1975. Atti. Civiltà preistoriche e protostoriche della Daunia. Florence. Foggia, 1973.
- COLOMINAS, J. 1925. Prehistoria de Montserrat. Montserrat.
- COURTIN, J. 1974. Le Néolithique de la Provence. Paris.
- CREMONESI, G. 1976. La grotta dei Piccioni di Bolognano nel quadro del neolitico all'età del bronzo in Abruzzo. Pisa.
- DEMOULE, J.-P.; GUILAINE, J. (eds) 1986. Le Néolithique de la France. Hommage à G. Bailloud. Paris.
- ESCALON DE FONTON, M. 1956. Préhistoire de la Basse-Provence. Paris. ('Préhistoire', Vol. 12.)
- EVANS, J. D. 1971. The Prehistoric Antiquities of the Maltese Islands. London.
- FORTEA PEREZ, J. 1973. Los complejos microlaminares y geométricos del Epipalaeolítico mediterráneo español. Salamanca.
- FURGER, A. R. et al. 1981. Die neolithischen Ufersiedlungen von Twann. Bern. 2 vols.
- GALLAY, A. 1977. Le Néolithique moyen du Jura et des plaines de la Saône. Basle.
- GEDDES, D. 1980. De la chasse au troupeau en Méditerranée occidentale: les débuts de l'élevage dans le bassin de l'Aude. Arch. Ecol. préhist. (Toulouse), Vol. 5.
- GUERRESCHI, G. 1967. La Lagozza di Besnate e il neolitico superiore padano. Como.
- 1976-7. La stratigrafia dell'Isolino di Varese dedotta dall'analisi della ceramica. Sibirium.
- GUIDO, M. 1963. Sardinia. London.
- GUILAINE, J. 1976. Premiers Bergers et paysans de l'Occident méditerranéen. Paris/La Haye.
- 1980. La France d'avant la France. Du Néolithique à l'Âge du Fer. Paris.
- GUILAINE, J. et al. 1974. La Balma de Montbolo et le Néolithique de l'Occident méditerranéen. Toulouse.
- 1979. L'Abri Jean Cros. Essai d'approche d'un groupe humain du Néolithique ancien dans son environnement. Toulouse.
- ITTEN, M. 1970. Die Horgener Kultur. Basle.
- KOROSEC, J. 1958-9. Neolitiska Naseobina u Dani.u-Bitinju. Zagreb. 2 vols.
- LANFRANCHI, F. DE; WEISS, M.-C. 1973. La Civilisation des Corses. Ajaccio.
- LEISNER, G.; LEISNER, V. 1943-59. Die Megalithgräber der Iberischen Halbinsel. Berlin. 2 vols.
- LILLIU, G. 1967. La civiltà dei Sardi dal neolitico all'età dei nuraghi. Torino.
- LORIA, R.; TRUMP, D. 1978. Le scoperte a Sa'Ucca de Su Tintirriolu e il Neolitico sardo. Rome.
- MANFREDINI, A. 1972. Il villaggio trincerato di Monte Aquilone nel quadro del Neolitico dell'Italia meridionale. Rome.
- MARTI OLIVER, B. et al. 1977-80. Cova de l'Or (Beniarrès, Alicante). Valencia. 2 vols.
- MESA REDONDA. 1979. Actas. O Neolítico e o calcolítico em Portugal. Oporto.
- MUÑOZ, A. M. 1965. La cultura neolítica catalana de los sepulcros de fosa. Barcelona.
- NAVARETE ENCISO, M. S. 1976. La cultura de la cuevas con cerámica decorada en Andalucía oriental. Granada. 2 vols.
- PELLICER CATALAN, M. 1964. El Neolítico y el Bronce de la cueva de la Carigüela de Pinar (Granada). Madrid.
- PERICOT, L. 1972. The Balearic Islands. London.
- PERICOT GARCIA, L. 1950. Los sepulcros megalíticos catalanes y la cultura pirenaica. Barcelona.
- PETREQUIN, P. 1984. Gens de l'eau, gens de la terre. Paris.
- PHILLIPS, P. 1975. Early Farmers of West Mediterranean Europe. London.
- RADMILLI, A. M. 1962. Piccola guida della preistoria italiana. Florence.
- RIDLEY, M. 1976. The Megalithic Art of the Maltese Islands. London.
- RIPOLL PERELLO, E.; LLONGUERAS, M. 1963. La cultura neolítica de los sepulcros de fosa en Cataluña. Barcelona.
- RIUNIONE SCIENTIFICA. 1974. Atti. Florence. 16, Liguria, 3-5 Nov. 1973.
- ROUBET, C. 1979. Économie pastorale préagricole en Algérie orientale: le néolithique de tradition capsienne. Paris, CNRS.
- ROUDIL, J.-L.; ROUDIL, O.; SOULIER, M. 1979. La Grotte de l'Aigle à Méjannes le Clap (Card) et le Néolithique ancien du Languedoc oriental. (Mém. Soc. languedoc. Préhist., 1.)
- SAN VALERO APARISI, J. 1950. La cueva de la Sarsa (Bocairente, Valencia). Valencia.
- SAUTER, M.-R.; GALLEY, R. 1969. Les Premières Cultures d'origine méditerranéenne. In: W. DRACK (ed.), Ur- und frugeschichtliche Archäologie der Schweiz. Vol. 11: Die jüngere Steinzeit. pp. 47-66. Basle.
- SCHWABEDISSEN, H. (ed.) 1971. Fundamenta. Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa. Cologne. T. 6.
- THIÉVENOT, J.-P. 1969. Elements chasséens de la céramique de Chassey. Revue archéologique de l'Est et du Centre-Est, Vol. XX, pp. 7-95.
- TINE, S. 1983. Passo di Corvo e la civiltà neolitica del Tavoliere. Genova.
- TRUMP, D. 1966a. Central and Southern Italy before Rome. London.
- 1966b. Skorba. Oxford, Society of Antiquaries of London.
- 1983. La grotti di Filiesthu a bonu Ighinu, Mara (Sassari). Sassari.
- TUSA, S. 1983. La Sicilia nella preistoria. Palermo.
- WALDREN, W. 1982. Balearic Prehistoric Ecology and Culture. Oxford. 3 vols. (BAR Int. Ser., 149.)

БАЛКАНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

В ЭПОХУ НЕОЛИТА

Милутин Гарашанин

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

В период неолита историческое и культурное развитие на Балканском п-ве и в смежных регионах – южной Паннонии и в странах, расположенных в нижнем течении Дуная, было довольно неравномерным, прежде всего по географическим причинам. Так, центральный район Балкан, который более или менее соответствует бассейнам р. Вардар (Аксиос) и Морава, всегда был переходной зоной и зоной смешения культур благодаря той важной роли, которую играли долины этих рек как природные пути сообщения. Очень похожую ситуацию можно наблюдать в восточной части полуострова: во Фракии к югу от Стара-Планины (Хемус), в долине нижнего Дуная и в зоне, расположенной между ней и Карпатами, – в регионе, тесно связанном с Восточным Средиземноморьем через долины р. Марица (Эброс), Неста (Нестос) и Струма (Стримон) и ее притока Струмица. В западной части полуострова условия несколько отличаются от условий в его восточной части. За исключением прибрежной Адриатики, которая дает доступ к районам Западного Средиземноморья, эта часть представляет собой горную и часто негостеприимную территорию Динарского нагорья, которая является чем-то вроде культурного заповедника, всегда хорошо сохранявшемся. Следует иметь в виду этот факт при обзоре эпохи неолита и его продолжения – энеолита (медного века – переходного периода от каменного к бронзовому веку) в этих регионах.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

В истории исследований можно выделить три основных этапа.

1. Начальный этап, который включает первые исследования научными методами, доступными в то время. Этот этап приходится на последние десятилетия XIX в. и продолжался до первой мировой войны.

2. Этап систематических исследований и первых обобщений. Он приходится на период между двумя мировыми войнами.

3. Этап интенсивных систематических изучений и первых междисциплинарных исследований.

Уже в начале первого этапа разрабатывался проект, который стал эпохой в изучении доисторического периода

Европы: раскопки в Бутмире в Боснии, проведенные В. Радимски (*W. Radimsky*) и Ф. Фиалой (*F. Fiala*) (*Hörnes & Radimsky*, 1895; *Hörnes & Fiala*, 1898). Большинство исследований, проведенных в эту эпоху на территории бывшей Австро-Венгрии (Венгрия, западная Румыния-Трансильвания и Югославия: Босния-Герцеговина, Хорватия, Словения и автономный край Воеводина), были выполнены энтузиастами, связанными с несколькими крупными музеями, такими как музеи в Будапеште, Клуже (Колошвар), Сараево и Загребе. Достаточно упомянуть имена Ф. Миллекера (*F. Milleker*), основателя музея во Вршаце, Ж. Торма (*Zs. Torma*) – первого ученого предпринявшего раскопки важного поселения Турдаш (Тордос), Ф. Мора (*F. Mora*), организовавшего раскопки в районе города Сегед, и археолога из Трансильвании М. Роска (*M. Roska*). Между тем в юго-восточных странах, которые к этому времени обрели независимость (Болгария, Румыния, Сербия), первые раскопки стали проводиться профессиональными археологами. В это время (1902) сербский археолог М.М. Васич начал работу в Винче, в поселении, с которым навсегда будет связано его имя и раскопки которого будут продолжаться с некоторыми перерывами с 1908 по 1934 г. (*Vasić*, 1932–1936). Васич был также первым специалистом по доисторическому периоду, который на основании веских аргументов опроверг старые теории, бывшие в то время модными в европейской исторической науке, и воссоздал доисторический период Балканского п-ва на строгой научной основе (*Vasić*, 1907–1908). Примерно в то же время в Болгарии начались исследования телей (тель – холм из остатков древних строений и напластований культурного слоя. – *Прим. ред.*), в основном осуществляемые Р. Поповым и Г. Казаровым. В Румынии под руководством немецкого ученого Х. Шмидта были проведены ширококомасштабные раскопки в Кукутени (*Schmidt*, 1932).

Второй этап отмечен прежде всего серией раскопок, часто небольших, но давших возможность составить первые культурные и хронологические классификации культур неолита и энеолита. Основываясь на результатах этих исследований, венгерские ученые Томпа (*Tómpa*, 1935–1936) и Баннер (*Banner*, 1942) смогли заложить основы хронологической и культурной системы этих периодов. Серия работ, проведенных румынскими учеными – Думитреску (*H. Dumitrescu*), Христеску (*V. Christescu*), Нестор (*I. Nestor*), Стефан (*G. Stefan*), Вульпе (*R. Vulpe*) и немного позднее Берчиу (*D. Berciu*) – в многочисленных поселениях в своей

стране (Боян, Гумельница, Кешиоареле, Извоаре и др.), позволила И. Нестору составить великолепное обобщение данных о доисторическом периоде Румынии (*Nestor*, 1933), за которым вскоре последовал обзор, выполненный Д. Берчиу, посвященный доисторическому периоду Олтения (*Berchiu*, 1939). В Болгарии были проведены многочисленные исследования телей, прежде всего В. Миковым, который впервые провел инвентаризацию доисторических поселений в этой стране (*Mikov*, 1933). Первое обобщение данных об эпохе неолита в Болгарии было основано на этой работе (*Gaul*, 1948). Некоторые раскопки, проведенные М. Грбичем в бывшей Югославии, в особенности в Сербии и Воеводине (в Ботоше, Сремски-Карловци, Плючнике и др.), позволили составить первую хронологическую систему для этих регионов (*Vulić & Grbić*, 1938). Исследования А. Орсиц-Славетица в Бунаже служат основой наших знаний о периоде энеолита в Центральном Балканах (*Orsić-Slavetić*, 1940). В то время югославо-американской группой был осуществлен крупный исследовательский проект в Сербии и Македонии (*Fewkes*, 1936). Вместе с тем крупномасштабные раскопки немногочисленны; они включают, кроме продолжающихся раскопок в Винче, раскопки в Старчево (*Fewkes et al.*, 1933), а также в пещере Грабак на о. Хвар и в Вучедоле в Хорватии (*Novak*, 1955; *Schmidt*, 1945).

Третий этап отличается быстрым расширением исследований во всей Юго-Восточной Европе, иногда широко масштабных, проводившихся в многочисленных поселениях эпохи неолита и энеолита. Систематические исследования начались также в Албании. Эти исследования, которые проводились современными и часто междисциплинарными методами, внесли значительный вклад в расширение знаний, а в некоторых случаях и полностью изменили наши представления о доисторическом периоде некоторых регионов. Были открыты неизвестные до настоящего времени культуры и их региональные варианты; среди них культуры Анзабегово-Вршник, Породин, Обре I, Смитич, Данило, Каканж, Бунаж-Хум в бывшей Югославии; Гура Бачулуи, Хаманжия, Прекукутени, Чернавода-Петрешти в Румынии; стратиграфическая последовательность Караново I–V с многочисленными региональными культурами в Болгарии. Хронологические рамки, которые до того времени основывались исключительно на исторической шкале, были уточнены в основном благодаря применению метода радиоуглеродной датировки. Результаты этих исследований, посвященных отдельным культурам, были опубликованы (см. библиографию).

ПЕРИОД МЕЗОЛИТА (ЛЕПЕНСКИ-ВИР – СХЕЛА-КЛАДОВЕЙ) (карта 60)

О начале эпохи неолита в Юго-Восточной Европе известно немного: нет данных о возможных связях между неолитом и предшествующим ему мезолитом. Существование докерамического неолита в континентальной части Греции (Фессалия), связанного с культурами Западной Азии, но одновременно и с местными традициями, вызвало появление гипотезы о существовании аналогичного этапа в зоне Карпат, от которой вскоре отказались. Особый случай был отмечен в районе дунайских Железных Ворот, где в период между тринадцатым и девятым тысячелетиями до наст. в. мезолитическая культура постепенно переросла в мезолитическую культуру Лепенски-Вир – Схела-Кладовой (*Srejović et al.*, 1969; *Srejović & Letica*, 1979; *Boronani*, 1970).

Хозяйственная жизнь этой группы основывалась на собирательстве, рыбной ловле и охоте (последняя была выборочной: 50% кабанов в Схела-Кладовой, 53,88% оленей во Власаке). Жилые оседлые поселения (часть из них были базовыми стоянками) состояли из рядов домов, тра-

пециальных в плане. Производство изделий из расколотых камней, в основном из кварца из соседних месторождений, и производство костяных изделий, связанное с франко-кантабрийским комплексом, были очень развиты. Могилы, сооружаемые в жилищах или под ними, в которых проводились захоронения тел в вытянутом положении, а также захоронения отдельных частей тела, чаще всего черепов, свидетельствуют о существовании вполне установившихся погребальных обрядов. Сенсацию во время первых раскопок вызвала находка статуй с головами рыб или людей, сделанных из речной гальки и валунов, иногда в уменьшенном масштабе, а иногда их размеры превышали натуральные (илл. 86). Эта культура явно относится к мезолиту. Некоторые изделия из оленьих рогов, которые часто принимают за лемех плуга, могли использоваться для выкапывания съедобных кореньев. Следы злаковых растений, «имеющих тенденцию превратиться в зерновые культуры» (Курчумару (*Curciumar*), цит. по: *Srejović & Letica*, 1979), обнаруженные в результате анализа копролитов, не являются достаточными доказательствами появления ранних форм земледелия, приручения собаки или скотоводства. Культура Лепенски-Вир – Схела-Кладовой действительно проложила путь для появления неолита, не дожив, однако, до него. И лишь благодаря влиянию извне неолит развился в этих регионах.

Большинство специалистов по доисторическому периоду Юго-Восточной Европы выделяют три больших основных фазы неолита: ранний, средний неолиты, которые охватывают все восьмое и начало седьмого тысячелетия до наст. в., и поздний неолит в седьмом и частично в шестом тысячелетии до наст. в. За исключением Фракии, средний неолит последовал за ранним неолитом в процессе непрерывного развития при даже более тесных контактах между населением различных регионов. Кроме того, мезолитическая культура, появившаяся на востоке полуострова в шестом тысячелетии до наст. в., развилась благодаря появлению горнодобывающих работ и производству первых изделий из меди. Этот процесс развивался параллельно с прогрессивными фазами позднего неолита в соседних регионах.

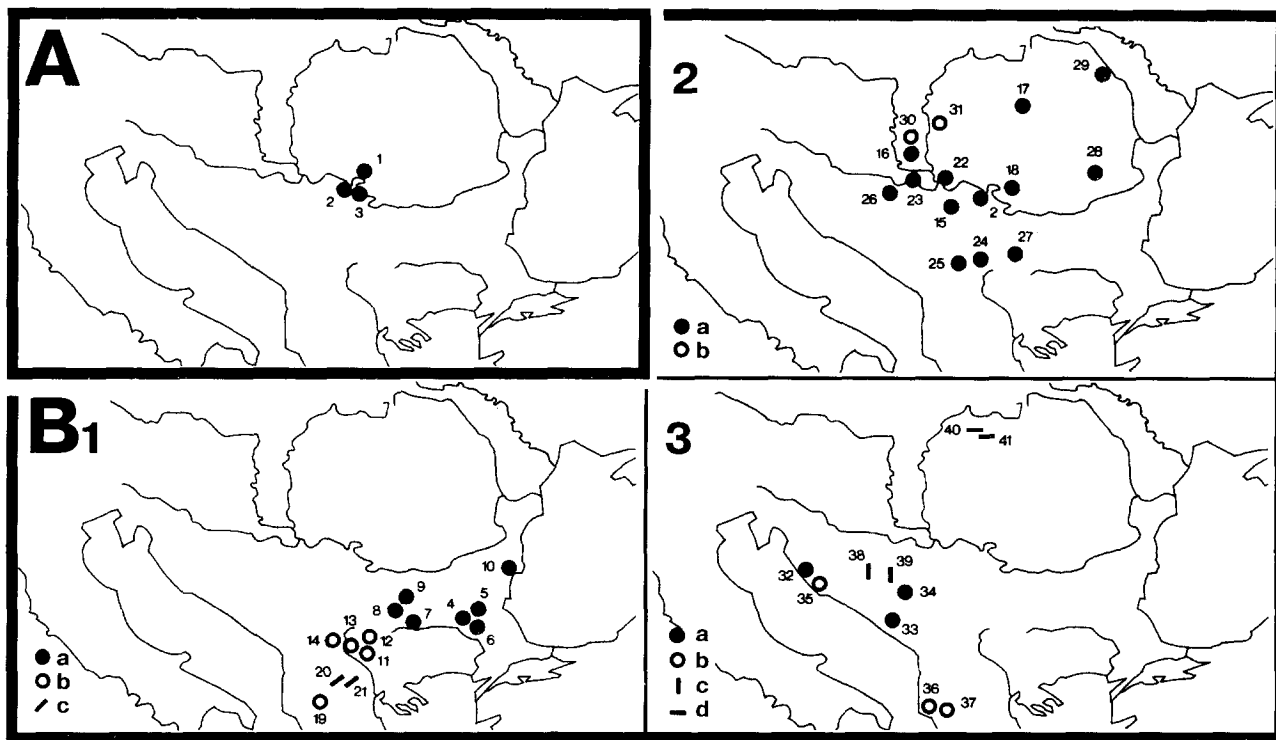
РАННИЙ И СРЕДНИЙ НЕОЛИТ (карта 60)

Ранний неолит Юго-Восточной Европы включает три крупных комплекса культур, каждый из которых имеет строго определенную зону географического распространения и множество региональных разновидностей (*Garašanin*, 1980).

Балкано-анатолийский комплекс (Анзабегово-Вршник, Караново I; Велушина-Породин)

Балкано-анатолийский комплекс, имеющий прочные корни в Анатолии (Чатал-Хююк и частично Хачилар), развитие которого непрерывно продолжалось в среднем неолите, включал кроме Фессалии (культуры протосескло и пресескло) весь юг восточной и центральной части полуострова с культурами Караново I во Фракии (примерно 7300–6500 лет до наст. в.) и их местными разновидностями; культуру Анзабегово-Вршник (7300–6800 лет назад) и несколько более поздние культуры Велушина-Породин в Пелагонии и Вештеми-Подгория в Албании (*Garašanin*, 1979; *Gimbutas et al.*, 1976; *Prendi*, 1982). Этот комплекс распространялся также на север с анклавами в Болгарии, Центральной Сербии, Южной Паннонии и Западной Румынии (*Dumitrescu et al.*, 1983, p. 66).

Хозяйство комплекса основывалось прежде всего на земледелии с выращиванием пшеницы (*Triticum dicoccum* – пшеница двузернянка, *Triticum monococcum* – пшеница однозер-

Карта 60. Местонахождения поселений и культур мезолита, раннего и среднего неолита на Балканах. **A** – мезолит: культура Лепенски-Вир – Схела-Кладовей (1 – Схела-Кладовей; 2 – Лепенски-Вир; 3 – Власак); **B₁** – балкано-анатолийский комплекс; **a** – культура Караново I–II (и региональные разновидности) (4 – Караново; 5 – Азмак; 6 – Веселиново; 7 – Бабыяга; 8 – Чавдар; 9 – Градепница; 10 – Коневе); **b** – культура Анзабегово-Вршник (11 – Анзабегово; 12 – Вршник; 13 – Зелениково; 14 – Маджаре; 15 – Дивостин; 16 – Донья-Браньевина; 17 – Гура-Басиулуи; 18 – Чирчеа, Лепенски-Вир (2); 19 – Подгорье); **c** – культура Велушина-Породин (20 – Велушина; 21 – Породин); **2** – балкано-карпатский комплекс: **a** – культура Старчево (Крип) (22 – Старчево; 23 – Вишковице; 24 – Павловац; 25 – Гладница; 26 – Гория-Тузла; 27 – Кремимовице; 28 – Леп; 29 – Валеа-Лулулуи, Лепенски-Вир (2); Дивостин (15); Донья-Браньевина (16); Гура-Басиулуи (17); Чирчеа (18); **b** – группа Кёрс (30 – Носа; 31 – Ходмезь-Васархели); **3** – комплекс Западного Средиземноморья: **a** – культура тиспенной керамики (32 – Смильчи; 33 – Црвена-Стена; 34 – Одмут); **b** – культура Данило (35 – Данило; 36 – Какран; 37 – Дунавци); **c** – смешанные культуры (культуры Обре I и Каканж) (38 – Обре I; 39 – Каканж); **d** – культура Сзатмар (Чумешпи) (40 – Надьсчед-Петерцут; 41 – Чумешпи)

пшеница, ячменя (*Hordeum vulgare*), чечевицы и овощных культур. Отмечалось явное преобладание скотоводства (разведение овец и коз) (*Garašanin*, 1980). В Анзабегово, например, домашние животные составляли 96,16% всех видов животных и распределялись следующим образом: овцы и козы – 78,3%, крупный рогатый скот – 9,6%, свиньи – 8,26% (см. также гл. 38, табл. 14).

Типы поселений для постоянного проживания изменялись в зависимости от региона: землянки (тели) на равнинах Фракии и Пелагонии; многоуровневые поселения на террасах вдоль рек и на склонах холмов в других регионах. Наземные жилища в Караново I имели деревянные стены, глинобитный пол и в основном по две комнаты, в одной из которых находился очаг. Дома, относящиеся к культуре Велушина-Породин, более просторные и более прочные.

Производство орудий из расколотых камней и шлифованных (несколько типов топоров), было очень простым. Серпы с вставными микролитическими и костяными пластинками найдены в Караново I.

Керамические изделия прежде всего были представлены сферическими и полусферическими сосудами с некоторыми местными разновидностями (сосуды в форме тюльпанов из Караново I (илл. 87), сосуды на нескольких ножках из Анзабегово-Вршник I). Эти изделия могут быть отнесены к светлоокрашенным монохромным. Они часто имели рисованные орнаменты белого, реже красного цвета, основным элементом которых служили треугольники. В Анзабегово найдены и цветочные орнаменты (илл. 88).

Начиная с этого периода отмечается появление спиральных орнаментов в культуре Караново I. Скульптура в основном представлена статуэтками стоящих или сидя-

щих женщин, а иногда зооморфными сосудами (илл. 89), типы которых также найдены в соседних комплексах раннего неолита. Они свидетельствуют о существовании культа плодородия.

Более сложные ритуальные предметы относятся к культуре Велушина-Породин. Это глиняные макеты домов, на крышах которых иногда имелся цилиндрический выступ, украшенный головой человека, – несомненно, амулет, отвращающий беду (илл. 90). Найдены миниатюрные алтари, украшенные по углам головами змей. Погребальные ритуалы известны недостаточно. Установлено существование могил; некоторые были семейными гробницами со скелетами в согнутом положении, находившимися в жилой зоне. В Анзабегово захоронение новорожденного ребенка было в сосуде.

На Балканах *Triticum dicoccum* (пшеница двузернянка), *Triticum monococcum* (пшеница однозернянка) не росли в диком виде, не водились в диком состоянии овцы и козы, родиной которых следует считать Западную Азию. Монохромная, ярко выкрашенная керамика должна быть связана с Анатолией. Новые формы хозяйствования также были привнесены в эту часть полуострова из Западной Азии. Отсутствие каких-либо связей между этими и местными мезолитическими культурами указывает на то, что группы людей пришли сюда извне. Однако мы не можем исключить возможность окультуривания более древних народов, особенно в анклаве Гура-Басиулуи (Румыния). Здесь монохромная посуда значительно более низкого качества, орнаменты включают поздние сюжеты из культуры Анзабегово-Вршник I. Слабо представлена керамика типовых форм и грубая керамика. Кроме того, необходимо упомянуть, что доля крупного рогатого скота, особенно отдель-

ных его видов, здесь значительно выше, чем доля овец и коз, более мелкие размеры которых указывают на то, что осуществлялся ввоз уже одомашненных животных. В Лепенски-Вир Ша (культура Гура-Басиулуи) охота еще преобладала: 74,5% остатков животных приходится на дичь, в то время как на долю крупного рогатого скота – 15,83%, а на долю овец и коз – еще меньше. Что касается остального, то эти и соседние комплексы поддерживали тесные контакты, о чем свидетельствует повсеместное (хотя и разбросанное) наличие грубой керамики, украшенной отпечатками пальцев или ногтей.

Развитие балкано-азиатского комплекса продолжалось и в среднем неолите, особенно в тех районах, которые были свидетелями подъема культуры Анзабегово-Вршник I (она теперь называется Анзабегово-Вршник II–IV и датируется временем 6800–6200 лет до наст. в.). Это развитие характеризуется постепенным увеличением количества грубых и монохромных сосудов темных тонов. Орнаменты рисовались на темном фоне; это были геометрические сюжеты и древняя фаза спиральных линий, что объясняется тесными контактами с соседней культурой Старчево и с зоной Адриатики. Вероятно, эти контакты были сложными, многогранными и включали натуральный обмен, соблюдение экзогамии, сезонные перегоны животных на пастбища (*Garašanin, 1982*).

Следует упомянуть о нескольких поселениях заключительной стадии Анзабегово-Вршник IV, особенно о поселениях Зелениково и Маджаре, расположенных на равнине Скопье. Эти поселения были построены по тщательно разработанному плану, дома располагались параллельными рядами, что облегчало внутренние связи. Дома имели по две комнаты, в одной из которых обычно располагался очаг и большой алтарь, часто богато украшенный.

Балкано-карпатский комплекс (Старчево, Криш, Кёрёс)

Балкано-карпатский комплекс включает в себя все центральные районы Балканского п-ва и значительную часть региона нижнего Дуная к северу от гор Стара-Планина. Он охватывает также северную часть Паннонии с группой культур Кёрёс. Этот комплекс состоит из культуры Старчево, известной в Румынии под названием Криш, или Старчево-Криш (которую не следует путать с группой Кёрёс), и ее местных разновидностей, расположенных на Софийской равнине и в Албании (*Arandjelović & Garašanin, 1954; Garašanin, 1982; Dumitrescu et al., 1983; Prendi, 1982*). Она относится к периоду примерно от 6800 до 6200 лет тому назад.

Хозяйственная основа незначительно отличается от хозяйств предыдущего комплекса. Выращивались те же растения, в скотоводстве доля крупного рогатого скота приблизительно равнялась доле овец и коз. В поселении Носа (Воеводина) остатки диких животных составляют 78,4% от общего числа всех остатков животных, тогда как среди домашних животных доли крупного и мелкого скота одинаковы (по 9,8%). Вместе с тем в Леце (культура Криш) доля овец и коз достигает 80%. Поселения хотя и являлись постоянными, однако они лишь изредка занимали более чем один археологический уровень. В поселении Носа (группа Кёрёс) наземные жилища и зернохранилища имели стены, покрытые слоем озерной глины (*Garašanin, 1961*). Все это предполагает существование хозяйства скорее сезонного и подвижного типа в рамках строго определенной территории, которое располагало базовыми стоянками и временными постройками и, следовательно, отличалось от хозяйств культур, входящих в балкано-азиатский комплекс.

Орудия из камня (шлифованные топоры, иногда микролиты) и кости встречаются относительно редко. Фор-

мы керамических изделий похожи на формы гончарных изделий предыдущего комплекса, однако распределение по категориям значительно отличается: в Старчево было найдено 73% изделий грубой керамики, 15,9% типовых изделий и 11,3% тонкой керамики. Согласно мнению Аранджеловича и Гарашанина (1954), расписная керамика появилась лишь на стадии Старчево Па. Рисунок часто наносился темной краской, а иногда двумя цветами. Сюжеты и их хронологическое распределение соответствуют сюжетам культуры Анзабегово. В культуре Старчево преобладали орнаменты из налепной глиняной массы, тогда как тисненые сюжеты больше присущи культуре Кёрёс (*Garašanin, 1980*). Антропоморфные статуэтки встречаются редко и имеют отношение к статуэткам предыдущего комплекса.

Захоронения людей в согнутом положении были обнаружены внутри поселений. В поселении Винча доступ к коллективной могиле вел через коридор (*дромос*). Похожие виды захоронений были описаны в поселении Златица (Воеводина); они отнесены к стадии Старчево IIb–III (*Garašanin, 1984*).

Общие признаки этой культуры свидетельствуют о существовании тесных связей между балкано-карпатским и балкано-азиатским комплексами. Однако различия в системах хозяйствования и в условиях жизни, не меньше чем в распределении различных керамических изделий по категориям, указывают на то, что эта связь явилась результатом окультуривания посредством контактов, пришедших с юга. В рамках этих контактов в Венгрии развивалась культура Сзатмар, представляющая собой слияние балкано-карпатского комплекса и культуры ленточной керамики Центральной Европы (*Kalicz & Makky, 1977, p. 18*). Кроме того, ленточная керамика достигла Молдавии и Западной Украины, но в более поздние времена (примерно 6250 лет назад) (*Dumitrescu et al., 1983, p. 95*).

Комплекс Западного Средиземноморья (тисненая керамика, Данило, Какран-Дунаец)

Комплекс Западного Средиземноморья находился вдоль Адриатического побережья и на островах Адриатики (*Garašanin, 1982; Batović, 1979*). Изредка он распространялся на внутренние районы, в частности Далмацию и Черногорию (Данило, Црвена-Стиена, Одмут). Ранний неолит здесь представлен культурой тисненой керамики. Хозяйственная жизнь этого комплекса вначале основывалась исключительно на охоте, собирательстве, рыбной ловле и сборе моллюсков. Скотоводство, особенно разведение овец и коз, появилось только в раннем неолите, а земледелие еще позднее. Пшеница двузернянка (*Triticum dicoccum*), пшеница однозернянка (*Triticum monococcum*) были найдены в слоях среднего неолита культуры Данило.

Оседлые поселения представлены пещерами, подобными пещере Маркова-Шпиля на о. Хвар, Црвена-Стиена и Одмут в Черногории, а также сборами на поверхности в поселениях Смильич и Брибир, расположенных в глубине Далмации. Эти поселения могли быть защищены рвами, вдоль которых по внутреннему периметру стояли жилища; центральная часть деревни оставалась свободной и была, вероятно, предназначена для собраний общины или для укрытия скота.

Как известно по поселению Црвена-Стиена, производство каменных орудий сначала основывалось на расщеплении камней, относящихся к традициям мезолита. Керамические изделия, формы которых напоминают изделия соседних комплексов, в основном представлены типовыми и грубыми изделиями. Орнаменты тисненого типа обычно наносились на сырую массу при помощи костяного инструмента или раковин моллюска сердцевидки. Антропоморфные статуэтки практически неизвестны.

В нескольких случаях были найдены захоронения тел в согнутом положении и черепов.

Характер хозяйствования, каменные орудия, типы и орнаменты керамических изделий свидетельствуют о местном происхождении комплекса. Однако неоспорим тот факт, что земледелие, скотоводство и гончарное дело появились в комплексе путем восприятия культурных достижений соседних комплексов.

Эта культура продолжалась в среднем неолите: появилась культура Данило в Далмации и ее разновидность – культура Какран-Дунавец в прибрежной зоне Албании вплоть до равнины в области Корча (*Batović, 1979; Prendi, 1982*). Принципы хозяйствования оставались такими же, как и в предыдущую эпоху: орудия, типы жилищ и поселений, а также погребальные ритуалы сохранились без изменений. В основном эти культуры характеризовались керамическими изделиями с резными (и иногда лепными) орнаментами, покрытыми глазурью, с очень разнообразными сюжетами, выполненными красной или белой краской (треугольники, ромбы и т.д., но прежде всего спирали – предшественники «бутмирской спирали»). В культуре Данило были также сосуды с росписью на белом фоне, похожие на керамические сосуды, обнаруженные в Риполи на Адриатическом побережье Италии. Специальные предметы ритуального назначения – ритоны на нескольких ножках, часто украшенные и имеющие боковое отверстие, были обнаружены в культурах Данило и Какран-Дунавец, но они были известны также в Греции (Элatea, Коринф) и представляют дополнительное свидетельство о существовании в эпоху неолита большой духовной общности, своего рода общего языка (койне), которая нашла свое отражение в антропоморфных идолах.

Все эти данные доказывают местное происхождение данных культур и их дальнейшее развитие, частично вызванное наличием тесных контактов с соседними культурами, а также натуральным обменом: украшения из раковин *spondylus* ввозились во внутренние районы, а присутствие расписной керамики из Риполи подтверждает существование тесных связей с апенинским побережьем, расположенным по другую сторону Адриатики.

Смешанные культуры (Обре I, Каканж и другие)

Смешанная культура, которая появилась в западной части Балкан в среднем неолите, была изучена, в частности, в поселении Обре I в Боснии (*Benac, 1979; Gimbutas et al., 1974*). Она датируется 6800–6150 годами до наст. в. и возникла в результате слияния поздних элементов культуры раннего адриатического неолита (культура тисенной керамики) и культуры Старчево. Это слияние отражает некоторый хронологический сдвиг в переходе от раннего к среднему неолиту в адриатической зоне, с одной стороны, и в центральных зонах Балканского п-ва, с другой стороны. В Боснии эта смешанная культура развивалась в местную культуру Каканж, которая известна по типу ритонов, характерных для культур Данило и Какран. Система хозяйствования в Обре I идентична культуре Старчево.

Тесные контакты между различными комплексами и культурами существовали также в пределах регионов. Так было на севере Албании и в Косово, где, поднявшись вверх по течению реки Дрин, элементы поздней культуры Данило соединились с культурой Винча. Группа элементов из Адриатики достигла также Пелагонии, наиболее вероятно, вдоль реки Деволи (*Benac, 1979*). На юге Албании была обнаружена очень поздняя культура, которую албанские археологи даже отнесли к позднему неолиту. Ее расписная керамика представляет в основном классическую и позднюю фазы культуры Димини (Maliq I: *Prendi, 1976*).

ПОЗДНИЙ НЕОЛИТ (карта 61)

Появление позднего неолита в восточной и центральной частях Балканского п-ва отмечено многочисленными радикальными новшествами, которые нельзя объяснить стихийным развитием более ранних форм. Новая фаза отразилась не только в некоторых хозяйственных структурах, но также в производстве тонкой керамики темных тонов, в ее разнообразных формах (двухконусные сосуды, чаши, амфоры). Орнаменты (канавки, резные или точечные рисунки), которые быстро распространились, полностью отличаются от изделий распростававших периодов. То же самое относится и к антропоморфным или зооморфным статуэткам и к другим предметам ритуального характера.

Балкано-анатолийский комплекс позднего неолита (Винча, Караново III–IV и другие региональные группы культур)

Большая часть этих новшеств была отнесена автором данной главы к новому комплексу балкано-анатолийских культур эпохи позднего неолита (*Garašanin, 1982*; противоположное мнение: *Chapman, 1981*). Этот комплекс включает целую серию культур, в частности в Болгарии – культуру Караново II и ее поздние фазы Караново III–IV (*Georgiev, 1961; Todorova, 1979*), а в Сербии, в Южной Паннонии, в Северной Боснии, в Румынии-Трансильвании, в Олтении и в Банате (Банат – историческая область в Юго-Восточной Европе между Трансильванскими Альпами на востоке, реками Тиса на западе, Муреш на севере, Дунаем на юге. – *Прим. ред.*) – культуру Винча, которая сама состоит из нескольких фаз (Винча A–D, согласно Милойичичу (*Milojčić, 1949*); Винча-Турдас I–II, промежуточная фаза Градац, затем Винча-Плочник I–II, согласно М. Гарашанину), и ее многочисленные региональные разновидности в Сербии, Северной Паннонии, Северной Боснии, Румынии-Трансильвании, Олтении, Банате (*Garašanin, 1979; Lazarović, 1980*). Некоторые другие культуры были ограничены более узкими географическими рамками: приморская Фракия, Валахия, Юго-Западная Паннония (*Bakalakis & Sakellariou, 1981; Comşa, 1971; Dimitrijević, 1979d*). Начальная фаза культуры Боян в Мунтении (Мунтения – название восточной части Валахии, расположенной к востоку от р. Олт. – *Прим. ред.*) и в соседних районах Румынии также связана с этим комплексом, однако на ее поздние фазы более глубокое влияние оказали энеолитические культуры южнотрансильванских районов. В долине р. Тиса в Венгрии, в румынском Банате и в югославской части Баната параллельно с культурой Винча сформировалась смешанная культура Шакалхат, объединившая элементы поздней культуры шнуровой керамики Центральной Европы и элементы культуры Винча (*Comşa, 1973; Kalicz & Makkay, 1977*).

Согласно мнению некоторых специалистов, культуры *Triticum dicoccon* (пшеницы двузернянки), *Triticum monococcon* (пшеницы однозернянки) и *Hordeum vulgare* (ячменя) были, по-видимому, завезены по отдельности (*Hopf, 1974*). На большей части комплекса можно отметить определенные изменения в скотоводстве, выразившиеся в постепенном уменьшении поголовья крупного рогатого скота и колеблющемся поголовье свиней, стабильной доле овец и коз. Так, в Дивостине (культура Винча) отмечены следующие пропорции: крупный рогатый скот – 60%, овцы и козы – 17% и свиньи – 9%. Позднее в Расте (вариант Олтении) были определены следующие цифры: крупный рогатый скот – 43,2%, овцы и козы – 36,28%, свиньи – 2,28%. Кроме того, в Вадастре отмечено резкое уменьшение физического роста крупного рогатого скота, вызванное, вероятно, его использованием в качестве вьючных живот-

ных. В культуре Винча доказано занятие охотой и рыбной ловлей, так как были найдены крючки и гарпуны. Оседлые поселения представлены либо землянками (Караново II–IV, Сопот, развитые фазы Боян), либо поселениями на нескольких археологических уровнях на террасах рек или склонах холмов (особенно часто – в культуре Винча). Жилые здания, как правило, имели несколько комнат; в них были глинобитные полы (изредка с деревянными основами) и очаги. Они часто располагались в ряд согласно определенному плану.

В культуре Винча были детально изучены орудия из расщепленных камней: сначала 70% изделий делались из обсидиана карпатского происхождения, в следующих фазах преобладало местное сырье. Наконец, на завершающей стадии (Винча-Плочник II) производится лишь незначительное количество предметов из камня, что объясняется, несомненно, развитием производства меди. Орудия из шлифованного камня в основном представляли собой подковообразные тоесла и трапециевидные топоры. Но технически и типологически унифицированная керамика представлена богатым разнообразием форм и орнаментов, особенно в культуре Винча. То же справедливо и по отношению к статуэткам, большинство из которых представляют собой антропоморфных идолов; более тысячи подобных фигур найдено в Винче в ходе раскопок, проводившихся в 1927–1934 гг. (илл. 91) (Vasić, 1936, III–IV). Их количество и разнообразие объясняются использованием в разных ритуалах и церемониях, связанных с культом плодородия, которое основывалось на преклонении перед женским божеством и его мужским спутником (*paredros*). В культуре Винча отмечается также наличие прозопоморфных (прозопомея – олицетворение, вид метафоры, перенесение свойств одушевленных предметов на неодушевленные. – *Прим. ред.*) крышек, которые, похоже, играли роль магических предметов, отвращающих беду (Garašanin, 1968; Srejšević, 1984, p. 42).

Сначала этот комплекс появился на юго-востоке полуострова, частично в среднем неолите (Караново II), а затем распространился на север. Таким образом, начальный период культуры Винча совпадает с завершающим этапом культуры Караново III. Этот процесс может быть объяснен очень сложной формой окультуривания, корни которого, видимо, были в Анатолии (возможно, в культуре Кан-Хасан, которая, к сожалению, недостаточно изучена). Это изменение, конечно, должно было вовлечь группы людей в поиски новых пахотных земель, так как численность населения возрастала, к тому же они вступали в контакты при проведении торговых операций (ввоз обсидиана из района Карпат, украшений из морских раковин и т.д.), из-за экзотами, сезонных перегонов скота (о чем свидетельствует пример культуры Винча) и, наконец, при использовании общих культовых мест. Поселение Валач в Косово (завершающая фаза культуры Винча) может служить хорошим примером подобного культового места благодаря обилию антропоморфных статуэток при относительно бедных других культурных остатках. В Кашиоареле в Мунтении также было раскопано святилище, которое относится к завершающей фазе (Спантов) культуры Боян; стены и две колонны в нем украшены росписью (Dumitrescu et al., 1983, p. 78).

Дошечки из Тартарии

Находка глиняных дошечек в Тартарии, в Трансильвании, стала сенсацией: знаки, которые на них были вырезаны, подходили на шумерскую письменность (Vlassa, 1970). Несмотря на сомнения, которые были высказаны некоторыми археологами, например В. Думитреску (Dumitrescu et al., 1983, p. 88), эти дошечки должны быть отнесены к культуре Винча (Винча-Турдас). Тщательный анализ дошечек (Masson, 1984)

показал, что это могло быть первым шагом к созданию примитивной рукописи, что кажется вполне вероятным для такой процветающей культуры, как культура Винча. В подобных случаях обманчивые сходства могут проявляться независимо в различных географических и культурных зонах. Равным образом это относится и к вырезанным знакам, которые находили во многих поселениях Фракии, относящихся к периоду энеолита. Действительно, радиоуглеродные датировки относят балкано-анатолийский позднеэнеолитический комплекс к концу седьмого и началу шестого тысячелетий до наст. в. (Караново II относят к 6400–6100 годам, а культуру Винча – к 6500–5250 годам до наст. в.).

Культура Хаманджия

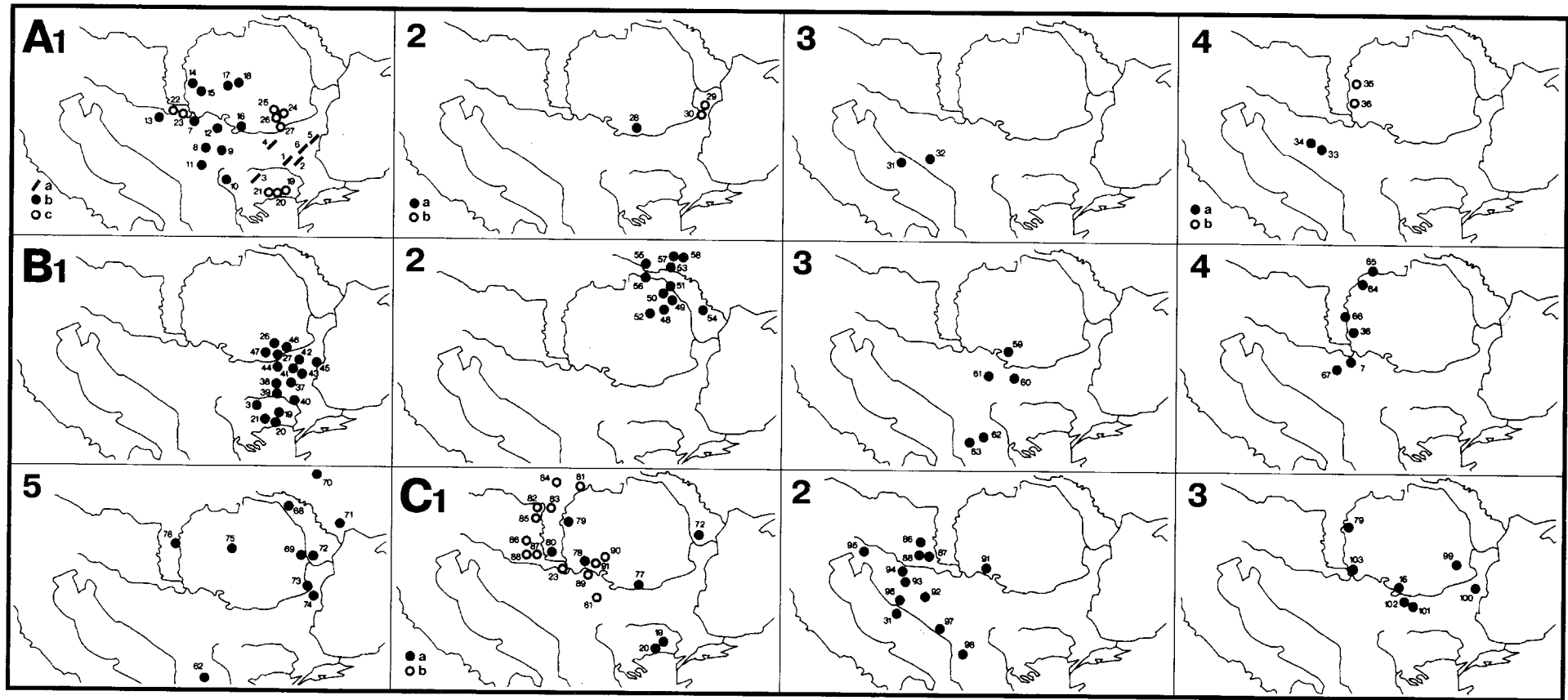
В позднем неолите специальное место должно быть уделено культуре Хаманджия в Добрудже (6500–6000 лет назад). Она характеризуется тонкой керамикой с точечными орнаментами и антропоморфными идолами, самым известным из которых является «Мыслитель» из поселения Хаманджия (илл. 92); происхождение этой культуры неясно. Эпоха неолита в данном регионе начинается именно с этой культуры. Такое опоздание объясняется геологическими условиями, сложившимися здесь к седьмому тысячелетию до наст. в., а именно трансгрессией Черного моря и существованием вследствие этого морского залива на месте современного устья Дуная (Berciu, 1966; Dumitrescu et al., 1983, pp. 97, 140).

Зона Адриатики (Лисичичи-Хвар)

В зоне Адриатики поздний неолит представлен культурой Лисичичи-Хвар (Batović, 1979; Novak, 1955) в прибрежной зоне, на островах (пещера Храбак на о. Хвар) и во внутренних районах (Лисичичи на р. Неретва). Корни этой культуры уходят в средний неолит, от которого она не отличается ни своей хозяйственной структурой, ни устройством поселений, ни похоронными ритуалами. Керамика, типология которой бедна, украшена резными или рисованными орнаментами (прежде всего в пещере Храбак) с геометрическими сюжетами (волнистые линии, треугольники, ромбы), спиралями или лунными символами. Происхождение этих орнаментов, по-видимому, следует искать, хотя бы частично, в контактах с районами Западного Средиземноморья.

Смешанная культура Обре II – Бутмир

Снова, как и в предшествующей фазе, образовалась смешанная культура в горных районах на западе полуострова. Речь идет о культуре Бутмир, которая детально рассматривалась в поселении Обре II и была отнесена ко времени между 6200–5800 лет до наст. в. Это была одна из первых неолитических культур, обнаруженных в Европе (Hörnes & Radimsky, 1895; Hörnes & Fiala, 1898; Benac, 1979; Gimbutas et al., 1974; Garašanin, 1982). Большинство орнаментов и особенно восхитительные спиральные сюжеты (илл. 93) берут начало в среднем адриатическом неолите (культура Данило). С другой стороны, монохромная керамика темных тонов, накладные орнаменты и резные ленточные украшения и, прежде всего, многочисленные разнообразные антропоморфные статуэтки, а также хозяйственные структуры относят культуру Обре II – Бутмир к балкано-анатолийскому комплексу. Так, в культуре Обре II скотоводство преобладало над охотой: 85% обнаруженных костных остатков принадлежат домашним животным, из которых более 50% относятся к крупному рогатому скоту; след за ними в убывающем порядке следуют овцы, козы и свиньи (Bökönyű, цит. по: Gimbutas et al., 1974).

Карта 61. Поздний неолит и энеолит на Балканах. **A** – ПОЗДНИЙ НЕОЛИТ. **A₁** – Балкано-анатолийский комплекс: **a** – культура Караново III–IV (и ее региональные варианты) (1 – Караново; 2 – Весслиново; 3 – Яса-Тепе; 4 – Хотиница; 5 – Сава; 6 – Урсое); **b** – культура Винча (7 – Винча; 8 – Плючник; 9 – Градац; 10 – Анзабегово; 11 – Предионица; 12 – Рудна-Глава (горнодобывающий центр); 13 – Горня-Тузла; 14 – О-Сзент-Иван VIII; 15 – Парта; 16 – Раст; 17 – Турдас; 18 – Тартария); **c** – другие региональные группы балкано-анатолийского комплекса (19 – Парадими (культура); 20 – Дикили-Таш (культура Парадими); 21 – Ситагрой (культура Парадими); 22 – Сопот (культура Сопот); 23 – Гомолава (культура Сопот); 24 – Болингинеану (культура Боян); 25 – Гиуленги (культура Боян); 26 – Видра (культура Боян); 27 – Кашиоареле (культура Боян); **A₂** – другие региональные культуры: **a** – культура Вадастра (28 – Вадастра); **b** – культура Хаманджия (29 – Хаманджия; 30 – Хирсова). **A₃** – культура адриатической зоны (культура Лисичичи-Хвар) (31 – Гранчева Шпиля; 32 – Лисичичи). **A₄** – смешанные культуры: **a** – культура Бутмир (33 – Бутмир; 34 – Обре II); **b** – культура Шакалхат (35 – Шакалхат; 36 – Црна-Бара). **B** – РАННИЙ ЭНЕОЛИТ. **B₁** – комплекс Коджа-Дермен-Гумельница-Караново VI (с вводной фазой Марица) (37 – Айбунар (горнодобывающий центр); 38 – Кирилметодиево; 39 – Мечкур; 40 – Марица; 41 – Поляница; 42 – Овчарово; 43 – Голямо-Делчево; 44 – Русс; 45 – Варна; 46 – Гумельница; 47 – Петру-Рарес; Яса-Тепе (3); Видра (26); Кашиоареле (27); Парадими (19); Дикили-Таш (20); Ситагрой (21). **B₂** – комплекс Кукутени-Триполье (и комплекс предкутени) (48 – Извоаре; 49 – Хабапепти; 50 – Кукутени; 51 – Трушешти; 52 – Фрумушница; 53 – Лука-Врублевешка; 54 – Карбуна; 55 – Бильче-Золоте; 56 – Шипешчи; 57 – Триполье; 58 – Веремие. **B₃** – комплекс Салкутя-Криводол-Бунаж (59 – Салкутя; 60 – Криводол; 61 – Бунаж; 62 – Шуплесец; 63 – Малик). **B₄** – культуры Тисаполгар и Бодрокерештур (64 – Тисаполгар; 65 – Бодрокерештур; 66 – Деск; 67 – Висешава; Винча (7); Црна-Бара (36). **B₅** – Понтийские проникновения и влияния: 68 – Хородиптеа; 69 – Фольешти; 70 – Гордск; 71 – Усагово; 72 – Чернавода (культура Чернавода I); 73 – Касимчеа (скипетр); 74 – Ресово (скипетр); 75 – Дечиа-Мурешулуи (некрополь); 76 – Чонград (некрополь); Шуллесец (скипетр) (62). **C** – ПОЗДНИЙ ЭНЕОЛИТ. **C₁** – комплекс Баден: **a** – культура Чернавода III (77 – Челеи; 78 – Ковиц; 79 – Кетегхаза; 80 – Оджачи; Чернавода (72), Парадими (19), Дикили-Таш (20); **b** – культура Баден и родственные группы (81 – Вис; 82 – Уни; 83 – Шецель; 84 – Сентер; 85 – Будакалаш; 86 – Жок; 87 – Сарвас; 88 – Вучедол; 89 – Костолац (группа культур Костолац); 90 – Котофени (группа Котофени); 91 – Молдова-Вече (группа Котофени); Гомолава (23); Бунаж (61) (культура Котофени – Бунаж-Хум II); Дикили-Таш (20); Ситагрой (21) (культура Котофени – Бунаж-Хум II); **C₂** – комплекс Вучедол (культура Вучедол и региональные разновидности); 92 – Дебело-Брдо; 93 – Хрустовага; 94 – Зсковы; 95 – Люблянско-Барье; 96 – источники Сетина; 97 – Тиват; 98 – Пажок; Вучедол (88); Сарваш (87); Гранчсва-Шпиля (31); Молдова-Вече (91); Жок (86). **C₃** – захоронения в могильных холмах с охрой (99 – Смейени; 100 – Плачидол; 101 – Кнеза; 102 – Трнава; 103 – Войловица; Раст (16); Кетегхаза (79)

ЭНЕОЛИТ (карта 61)

Фундаментальные хозяйственные перемены, произошедшие в шестом тысячелетии до наст. в. в жизни племен, населявших восточную часть Балканского п-ва и равнины Нижнего Дуная, привели к новому этапу исторической эволюции – энеолиту (медному веку – по терминологии венгерских ученых (*Garašanin, 1982a, 1983*)).

Прежде всего этот переход означал добычу и изготовление первых изделий из меди, которые сначала имели лишь небольшое значение и были небольших размеров, но очень скоро появились более тяжелые предметы, особенно топоры различных типов, самыми значительными из которых были топоры-молотки и тесла-молотки разнообразных модификаций, зоны распространения и хронология которых различались (*Schubert & Schubert, 1965*). Исследования последних десятилетий в Айбунаре во Фракии и в Рудна-Глава в рудном бассейне Бор (Восточная Сербия) подтверждают местное происхождение разработок месторождений меди (*Черныш, 1978; Jovanović, 1982*).

В результате этой деятельности неолитический мир, до того времени относительно стабильный, пришел в слегка неуравновешенное состояние. В частности, неравномерное распределение рудных месторождений привело к вражде и конфронтации. Кроме того, появление новых специализированных видов деятельности (добыча руды, обработка металлов) наряду с растущими опасностями произвело глубокий переворот в древних социальных и хозяйственных структурах и привело к появлению нового общественного класса, класса воинов, который постепенно занял главенствующее положение в родовом обществе.

Однако следует отметить, что некоторые процветающие культуры некоторое время продолжали держаться в стороне от такой социальной эволюции. Это, в частности, относится к культуре Винча, которая, особенно на своей основной территории в Сербии, сохранила неолитический облик в ту эпоху, когда в других регионах уже появились первые культуры энеолита (переходная стадия Винча-Плочки = Винча В₁).

В других случаях распад неолитического мира привел к появлению новых энеолитических обществ. Это произошло в юго-западной Паннонии, в соседних альпийских районах и на Балканском п-ве при образовании культуры Ласинья-Балатон в результате слияния элементов культур Винча и Ленгиль (*Đimićević, 1979b*).

В карпатских районах, и особенно вдоль течения Тисы на венгерской равнине, возникла культура Тисаполгар из элементов культуры позднего неолита, которая в эпоху энеолита превратилась в культуру Бодрогкерештур (*Bognar-Kutzian, 1972, p. 212*). Кроме того, в Трансильвании развитие культуры Винча было прервано появлением культуры Петрешти. Кажущееся сходство культур Петрешти и Старчево в действительности обманчиво, слишком велики хронологические различия между ними (завершение культуры Старчево относится примерно к 6200 г., а начало культуры Петрешти – к 5900 г. до наст. в.). Образование культуры Петрешти может быть объяснено влияниями с юга и со стороны побережья Эгейского моря; эти влияния лежат также в основе энеолитических комплексов расписной керамики (*Paul, 1981*).

Начиная с конца шестого тысячелетия до наст. в. вслед за преобразованиями, которые произошли в районе нижнего течения Дуная при становлении энеолита, начались миграции кочевых или полукочевых народов из зон степей и лесостепей в северную часть Причерноморья и даже в более отдаленные районы («переходный период», согласно мнению румынских ученых). В свою очередь, это привело к многочисленным перемещениям народов на Балканах и в Центральной Европе. В результате произошла перегруппировка более древних культур, распад древних групп и появление новых культур.

Комплексы Коджа-Дермен-Караново VI-Гумельница и Кукутени-Триполье

Эпоху энеолита в нижнем течении Дуная следует рассматривать прежде всего как часть крупного комплекса культур, характеризующихся производством керамики с росписью графитом (илл. 94) (*Garašanin, 1982a*). Этот комплекс образовался с появлением культуры Марица-Караново V во Фракии (около 5850 лет назад) и ее разновидностей на севере Болгарии.

Эта культура оказала воздействие на формирование развитых фаз культуры Боян. Ее развитие продолжалось в течение фазы Коджа-Дермен-Караново VI-Гумельница (около 5800–5000 лет назад), самыми важными элементами которой были культуры Гумельница и Караново VI к северу и югу от поселения Стара-Планина. В свою очередь, у этих культур имелись местные разновидности, самой значительной из которых, несомненно, была культура Варна в Болгарии на берегу Черного моря (*Тодорова, 1978, 1979; Dumitrescu et al., 1983, p. 101; Ivanov, 1975*).

Дальше к востоку, в Молдавии и на Украине, мы встречаемся с крупным комплексом Кукутени-Триполье, с его начальной стадией прекукутени-Триполье А (*Marinescu-Bilcu, 1974*) и с его последующими стадиями Кукутени А = Триполье В1, Кукутени А-В = Триполье В11 и Кукутени В = Триполье С1. Их возраст составляет примерно от 5500 лет (прекукутени) или 5500–5450 лет (Кукутени А – Триполье В) до примерно 4900 лет до наст. в. (Триполье С1). В отличие от российских ученых, по мнению которых этот комплекс сформировался в районах Днепра и Буга, а затем распространился на запад, румынские археологи полагают, что центр формирования культуры Кукутени располагался в Молдавии, и основывалась она на более древних культурах (поздний этап ленточной керамики и культура Боян). Позднее те же импульсы с юга, которые привели к образованию комплекса культур керамики с графитовой росписью, в Молдавии и на Украине вызвали появление великолепной расписной керамики Кукутени-Триполье (илл. 95) (*Dumitrescu et al., 1983, p. 108; Черныш, 1982, с. 166–252*).

Начало добычи руд во Фракии (Айбунар) совпало по времени с культурой Марица. Она характеризовалась не только горными разработками и производством первых изделий из меди, но и другими важными хозяйственными признаками. Земледелие было представлено выращиванием пшеницы двузернянки (*Triticum dicoccum*), пшеницы однозернянки (*Triticum monococcum*), ячменя (*Hordeum vulgare*), а также чечевицы и других злаков, выращиваемых отдельно, возможно даже методом селекции. В поселении Голямо-Делчево (север Болгарии) зерновые культуры составили 86,02% от всех выращиваемых растений, и их основная часть приходилась на пшеницу однозернянку. Скотоводство преобладало над охотой, 63,84% всех костных остатков принадлежали домашним животным, однако эта доля была меньше, чем в эпоху неолита. Здесь также отмечается преобладание крупного рогатого скота. Примерно такое же положение сложилось и в комплексе Кукутени-Триполье, однако на протяжении фазы Триполье В1 были отмечены значительные колебания доли охотничьей дичи (от 15–19% до 44% и даже до 50%), что указывало на большее разнообразие имевшихся ресурсов. Среди домашних животных преобладали быки, за ними следовали свиньи, в то время как поголовье овец и коз было незначительным. Достоверно не известно, была ли в эту эпоху уже приручена лошадь.

Изменения типов жилищ, относящихся к культурам керамики с росписью графитом, отражают явные перемены в общественной организации. Так, начиная с эпохи энеолита в Полянице (рис. 146) мы видим появление поселений протогородского типа. Защищенное тремя рядами рвов, оно имело четырехугольную форму с четырьмя

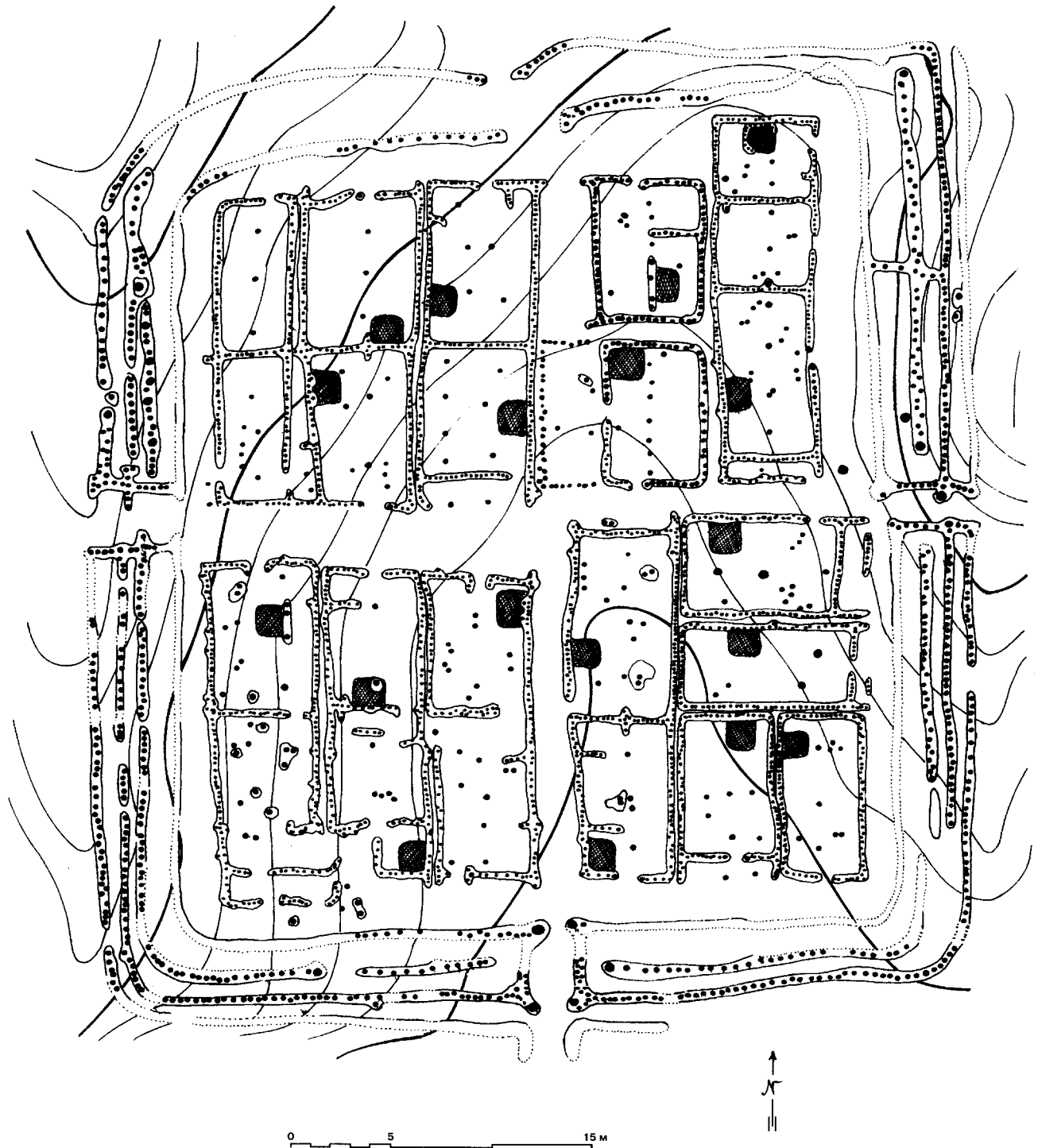

Рис. 146. План неолитического поселения протогородского типа в Поляннице (Болгария) (по *Todorova*, 1979)

входами – по одному с каждой стороны; дома были выстроены по периметру улочек.

Похожие поселения, относящиеся к той же эпохе, обнаружены в Гольямо-Делчево (*Todorova et al.*, 1976) и в Овчарово (*Todorova et al.*, 1976).

В рамках культуры Гумельница хорошо известны укрепленные жилища, сооруженные на речных террасах и защищенные рвами со стороны доступа к ним. В Кашиареле дома были разбросаны внутри поселения достаточно неравномерно. Зато в комплексе Кукутени-Триполье они часто строились с большей заботой (в виде «площадок» – домов на платформе) и по более разработанному плану. В поселении Хабашешти (*Dumitrescu et al.*, 1954),

которое относится к периоду Кукутени А и которое было защищено двойным рвом, дома были выстроены более или менее правильными рядами. В Коломишине (Украина) они были построены по радиусу вокруг центрального здания, где проживал вождь, или которое было местом для собраний членов общины. На Украине отмечено наличие небольших деревень, собранных вокруг большого поселения, которое, по всей вероятности, было центром родовой территории. Там же обнаруживаются огромные поселения, дома в которых располагались концентрическими кругами, что можно объяснить лишь определенными правилами племенной организации (*Черныш*, 1982).

Изменение социальных структур четко отражено в некрополе Варны, для которого характерны захоронения людей в согнутом положении и в меньшей степени кенотафы (могилы, не содержащие погребения). Некоторые могилы, в которых было найдено множество золотых изделий (скипетры, украшения, подвески, некоторые из них были зооморфными) (илл. 96), следует считать захоронениями лиц, имевших высокий социальный статус. Существование натурального обмена подтверждается анализом золотых изделий из некрополя Варны: около 50% этого металла, очевидно, получено с Кавказа или из Армении (Hartmann, 1978).

Несмотря на упоминавшееся выше расширение обработки меди, каменные изделия на протяжении фазы Коджа-Дермен-Гумельница-Караново VI все еще изготавливались в виде топоров из расколотого камня с четырехугольным сечением. Керамические изделия отличались прежде всего богатыми и разнообразными орнаментами, расписанными графитом, с роскошными и сложными сюжетами. Этот тип предметов уже существовал в рамках культуры Марица (илл. 94), и его развитие продолжалось в следующей фазе, вплоть до начала упадка. Связи между этим типом декора и некоторыми видами керамики, относящимися к позднему неолиту во Фракии и приморской Македонии (Акропотамо, Галепсос), которые представляют собой поздние варианты расписной керамики из Фессалии (Димини), четко подтверждают наличие влияний с юга.

Антропоморфные статуэтки представлены не только фигурками из обожженной глины и вазами, но и плоскими костяными идолами (илл. 97), которые в основном относятся к фазе Коджа-Дермен-Гумельница-Караново VI (Dumitrescu, 1972; Radunčeva, 1976). В комплексе Кукутени-Триполье эти же южные влияния вызвали настоящий бум в искусстве керамики. Полихромная роспись фазы Кукутени А с пышными орнаментами (в основном спиральными) на последующих фазах была заменена на рисованные геометрические сюжеты и изображения животных.

Помимо идолов, чаще всего женских, в алтаре поселения Трушешти (илл. 98), по всей вероятности, также представлено женское божество и его мужской спутник. Подставка для вазы из Фрумушици с изображением хоровода свидетельствует о существовании ритуалов, связанных с культом плодородия, детали которого, к сожалению, пока скрыты от нас (Dumitrescu, 1972).

Важной является находка в поселении Карбуна на Украине значительного скопления металлических предметов, являющихся современниками ранней фазы комплекса Кукутени-Триполье. Найденные 852 предмета, из них 444 медных, свидетельствуют не только о дальних торговых связях, но также и о стремлении к накоплению ценных предметов – тенденции, игравшей важную роль в преобразовании социальных структур и формировании классов (Черныш, 1982, с. 235).

Вторжение понтийцев

К концу шестого тысячелетия до наст. в. проявилось новое влияние понтийской культуры, как и ранее в фазе Кукутени АВ, выразившееся во внедрении очень примитивных форм керамических изделий с гребенчатым орнаментом (это керамика Кукутени С, согласно Schmidt, 1932), и, возможно, немного позднее – в появлении в нижнем течении Дуная культуры Чернавода I (радиоуглеродная датировка относит ее к 4500–4250 гг. до наст. в., однако эти даты считаются слишком поздними), корни которой по праву искали в более или менее современной ей культуре Средний Стог II, существовавшей в районе между Днепром и Доном (Roman, 1983; Мерперт, 1982, с. 332). Она характеризовалась производством примитивной керамики, расширением охоты на крупную дичь (олени, кабаны), одо-

машиванием лошади и преобладанием среди домашних животных (крупный рогатый скот, козы, овцы, свиньи) крупных особей. Эти признаки отражают систему хозяйствования преимущественно скотоводческого типа, независимую от хозяйств эпохи неолита на юго-востоке Европы.

Такой же процесс вторжения чужеземных групп и их смешения с местным населением объясняет возникновение на территории старого комплекса Кукутени-Триполье нескольких близких к нему культур: культуры Хородиштеа-Фолтешти в Молдавии и Городск-Усатово на Украине. Они отличались прежде всего производством грубой керамики из глины, смешанной с размельченными раковинами сердцевидки. В этом отношении они похожи на грубую керамику культур Кукутени С и Чернавода. Расписная керамика, характерная для предшествующего периода, представлена незначительно (5–11% в Городске, 21% в Усатово). Скотоводство, значение которого возросло в культуре Кукутени-Триполье, стало преобладать. В культуре Усатово доля домашних животных достигла 90% в отличие от того, что наблюдалось в комплексе Кукутени-Триполье, где преобладание овец и коз (50%) обусловлено влиянием степного скотоводства, и было небольшое стадо свиней (Dumitrescu et al., 1983, p. 183; Черныш, 1982, с. 213; Мерперт, 1982, с. 322). Эти культуры отнесены примерно к 4600–4300 гг. до наст. в.

Комплекс Салкутя-Криводол-Бунанж

Постепенное продвижение на запад культуры Чернавода I вызвало серию других перемещений частично автохтонных культурных групп. Это, в частности, относится к группе Салкутя в Олтении – разновидности культуры Гумельница, носители которой, вынужденные пересечь западный Дунай, образовали несколько региональных групп в Болгарии, Центральной Сербии и даже в Пелагонии и Албании. В целом эти группы сформировали комплекс Салкутя-Криводол-Бунанж (Garašanin, 1982; Berciu, 1960; Prendi, 1982). В Центральной Сербии группа Бунанж-Хум Ia сменила последнюю фазу культуры Винча (Винча-Плочник IIa = Винча D). Эти события относятся ко времени 5650–5600 лет до наст. в.

В Трансильвании, Банате и на востоке Венгрии давление со стороны культуры Чернавода I вызвало разрушение прежнего единства местных народов и привело к образованию новых культурных групп, оказавших влияние на развитие центральной части Балкан (Бунанж Ib). Группы культуры Чернавода I были не единственными новыми группами, которые в тот же период переместились из районов Причерноморья в районы нижнего течения Дуная и юго-востока Европы.

Некрополь в Дечиа-Мурешулуи и похожие находки

Тот факт, что мы знаем очень мало о других пришельцах, так как находки здесь встречаются редко и разбросаны на большой территории, указывает, несомненно, на то, что эти пришельцы были скотоводами-кочевниками. Примером этой традиции является некрополь Дечиа-Мурешулуи (Марош-Дече) в Трансильвании, где совершались погребальные ритуалы и были найдены наборы орудий (каменные палицы, крупные кремневые пластины), весьма напоминающие находки в Мариуполе на Азовском море. То же самое относится и к захоронению, покрытому охрой, в Касимчеа в Добрудже, где был найден скипетр из камня в виде головы лошади. Скипетры такого типа – знак отличия вождя кочевого племени – известны благодаря серии находок в степях от Калмыкии до Фракии (Ресово) и Пелагонии (Шуплевец). То же относится и к определению истоков

шнуровой керамики, следы которой были обнаружены во многих культурах (Кукутени, Хородиштеа-Фолтешти, Чернавода I, Шуплевец) (*Garašanin, 1982a; Roman, 1983; Ecsedy, 1983*).

Комплексы Баден и Вучедол (илл. 99 и карта 61)

Этот первый этап столкновения и ассимиляции элементов различных культур, пришлых и автохтонных, привел к их дальнейшим миграциям и слиянию на протяжении пятого тысячелетия до наст. в., что, в свою очередь, вызвало появление новых культур. Так, в Румынии (Мунтения, Добруджа, Олтения и даже Банат) на базе поздней фазы культуры Чернавода I образовалась культура Чернавода III, которая почти идентична культуре Болераз в Словакии. Эта последняя привела к появлению крупнейшего комплекса Баден в Паннонии. В ней различают несколько фаз, и она распространилась вплоть до Альп, Сербии и западных частей Балканского п-ва (*Dimitrijević, 1979a; Banner, 1956; Roman & Nemeti, 1978*).

Существование множества региональных вариантов объясняется тем, что различные автохтонные элементы были вовлечены в процесс формирования этого комплекса. Культура Котофени (в Олтении) и культура Костолац (на юге Паннонии и в придунайской Сербии) тесно связаны с ним (*Roman, 1976; Tasić, 1979c*). Несмотря на динамичное развитие, в этом комплексе имелись постоянные поселения в горных районах, которые часто располагались на доминирующих высотах или на мысах.

Два здания с закругленными выступами, которые возвышались над поселением Вучедол, видимо, были резиденциями вождей (*Schmidt, 1945*), такими же, как и мегароны (см. гл. 48), которые позднее в культуре Вучедол заменили эти первоначальные здания и были построены на тех же местах.

Применение повозок и одомашнивание лошади, а также захоронения в могилах, известных как «катакомбы», свидетельствуют о понтийском влиянии на культуру Вучедол. С другой стороны, должны были существовать некоторые контакты с Эгейским миром, на что указывают, в частности, антропоморфные вазы, найденные в Сентере, в Венгрии, которые похожи на вазы ранней троянской культуры, бывшей отчасти современницей комплекса Вучедол (*Kalicz, 1965*).

Комплекс Вучедол, который в последние века пятого тысячелетия сменил комплекс Баден в тех же районах и имел многочисленные разновидности, раскинувшиеся вплоть до Альп (культура Любляна) и побережья Адриатики, отличался в основном своей керамикой с налепными или инкрустированными орнаментами, имитирующими резьбу по дереву (*Dimitrijević, 1979a; Schmidt, 1945*). Здесь также типы могил, некоторые сосуды («кадила»), а также кинжалы, известные благодаря литейным формам, найденным в Сарвасе, свидетельствуют о наличии элементов культур из северных районов Причерноморья (*Garašanin, 1982a, I, Ch. 3*).

Степные скотоводы

Набег групп степных скотоводов оставили следы на Балканском п-ве вплоть до северного побережья Эгейского моря (Дикили-Таш, Ситагрой, Парадими), Фессалии и даже в некрополе ранней элладской культуры II в Хагиос-Космасе в Аттике (*Garašanin, 1984b*). Эти набеги были, по сути, последними волнами миграции скотоводов из степей. Являясь носителями очень примитивной культуры, но с сильной патриархальной организацией, они к середине пятого тысячелетия до наст. в. (примерно 4285 лет назад) наводнили районы в нижнем течении Дуная между Карпатами и Стара-Планиной, вплоть до Паннонии и ворот Бел-

града (*Zirra, 1960; Jovanović, 1979b; Panajotov & Dergamčou, 1984*). Их приход ознаменовался появлением могильных холмов (курганов) и могил в земле с деревянными каркасами, в которых были найдены скелеты людей, припудренные охрой, и над которыми иногда возвышались очень примитивные памятные статуи.

Несомненно, такая миграция проходила в несколько этапов, не все детали которых нам известны. Эти перемещения снова привели к смешению с местными народами, что нашло отражение, в частности, в курганах Тарнавы и Кнежи в Болгарии. Захоронение под курганами распространилось в Юго-Восточной и Центральной Европе и сохранилось на протяжении бронзового века.

Многие ученые, включая автора настоящей главы, рассматривают этот процесс смешения и слияния культур, в котором ведущую роль играли элементы из Северного Причерноморья между Нижним Дунаем и Кавказом, как первый шаг в формировании индоевропейской семьи народов (*Garašanin, 1960–1961; Gimbutas, 1970*; иное мнение: *Ecsedy, 1983*).

БИБЛИОГРАФИЯ

- ЗИРРА В. 1960. Культура погребений в закарпатских областях. В кн.: Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики. – Кишинев. С. 97–128.
- МЕРПЕРТ Н.Я. 1982. Энеолит СССР, часть IV. В кн.: В.И. МАССОН, Н.Я. МЕРПЕРТ (ред.). Энеолит СССР. – М. С. 321–332.
- ПАСЕКЕ Т.С. 1949. Периодизация трипольских поселений. – М. (Мат. исслед. археол. СССР).
- 1961. Раннеземледельческие племена Поднепровья. – М. (Мат. исслед. археол. СССР).
- ЧЕРНЫШ Е.К. 1978. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. – София.
- 1982. Энеолит СССР, часть III. В кн.: В.И. МАССОН, Н.Я. МЕРПЕРТ (ред.). Энеолит СССР. – М. С. 165–320.
- ARANDJELOVIĆ–GARAŠANIN, D. 1954. Starčevačka Kultura [Starčevo Culture]. Ljubljana.
- BAKALAKIS, G.; SAKELLARIOU, A. 1981. Paradimi. Mainz.
- BANNER, J. 1942. Das Tisza-Naros-Körös Gebiet bis zur Entwicklung der frühen Bronzezeit. Szeged/Leipzig.
- 1956. Die Peceler Kultur. Budapest. (Archaeol. hung., 35.)
- BATOVIĆ, Š. 1966. Stariji neolit u Dalmaciji [The Early Neolithic in Dalmatia]. Zadar.
- 1979. Jadranska zona. In: BENAC, A. (ed.), Praistorija jugoslovenskih zemalja. Sarajevo, t. 2, pp. 473–634.
- BENAC, A. 1958. Neolitsko naselje u Lisičićima. Sarajevo.
- 1961. Studien zur Stein- und Kupferzeit im Nordwestbalkan. Ber. Röm.-Ger. Komm. (Frankfurt/Main), Vol.42, pp. 1–170.
- 1973a. Obre I. A Neolithic Settlement of the Starčevo–Impresso and Kakanj Culture at Raskrsce. Wiss. Mitt. Bosn. – herzegow. Landesmus. Sarajevo. t. 3A, pp. 327–430.
- 1973b. Obre II. A Neolithic Settlement of the Butmir Group at Gornje Polje. Wiss. Mitt. Bosn.–herzegow. Landesmus. Sarajevo. t.3A, pp. 1–191.
- 1979. Prečazna zona. In: BENAC, A. (ed.), Praistorija jugoslovenskih zemalja. Sarajevo, t. 2, pp. 363–470.
- BERCIU, D. 1939. Archeologia preistorica Olteniei [Prehistoric Archaeology of Oltenia]. Craiova.
- 1960. Contribuții la problemele neoliticului în România în lumina noilor cercetări [Contribution to the Problems of the Neolithic in Romania in the light of recent research]. Bucharest.
- 1966. Cultura Hamangia [The Hamangia Culture]. Bucharest.
- BOGNAR–KUTZIAN, I. 1966. Das Neolithikum in Ungarn. Archacol. Austriaca (Vienna), Vol. 60, pp. 249–80.
- 1972. The Early Copper Age Tiszapolgar Culture in the Carpathian Basin. Budapest.
- BÖHM, J.; DE LAET, S. J. (eds) 1962. L'Europe à la fin de l'Age de la Pierre. Actes du Symposium consacré aux problèmes du Néolithique européen, Prague. 1961. Prague.

- BÖKÖNYI, S. 1974. History of Domestic Mammals in Central and Eastern Europe. Budapest.
- BORONANT, V. 1970. La Période épipaléolithique sur la rive roumaine du Danube. *Prähist. Z.* (Berlin), Vol. 40, pp. 2–25.
- BRUKNER, B.; JOVANOVIĆ, B.; TASIĆ, N. 1974. Praistorija Vojvodine [The Prehistory of the Voivodina]. In: GEORGIEV, V. (ed.), *Historia na Bulgaria*. Novi Sad, pp. 54–86.
- CHAPMAN, J. 1981. The Vinča Culture of South–East Europe. Oxford. (BAR Int. Ser., 119.)
- CHILDE, V. G. 1957. The Dawn of European Civilization. 6th edn. London.
- COMȘA, E. 1971. Données sur la civilisation de Dudești. *Prähist. Z.* (Berlin), Vol. 46, pp. 195–249.
- 1974. *Istoria comunităților culturii Boian*. Bucharest.
- DAICOVICIU, C. (ed.) 1960. *Istoria României, I* [History of Romania, I]. Bucharest.
- DESHAYES, J. 1970. Les Fouilles de Dikili Tash et la recherche yougoslave. *Zb. Narod. Muz.* (Beograd), Vol. 6, pp. 21–43.
- DIMITRIJEVIĆ, S. 1971. Sopotsko lengyelska kultura. Zagreb.
- 1979a. Badenska kultura [The Baden Culture]. In: BENAC, A. (ed.), *Praistorija jugoslovenskih zemalja*. Sarajevo, t. 3, pp. 183–234.
- 1979b. Lasinjska kultura. In: BENAC, A. (ed.), *Praistorija jugoslovenskih zemalja*. Sarajevo, t. 3, pp. 137–82.
- 1979c. Problem eneolita na istočnojadranskoj obali. In: BENAC, A. (ed.), *Praistorija jugoslovenskih zemalja*. Sarajevo, t. 3, pp. 367–80.
- 1979d. Sjeverna zona. In: BENAC, A. (ed.), *Praistorija jugoslovenskih zemalja*. Sarajevo, t. 2, pp. 229–360.
- 1979e. Vučedolska kultura [The Vučedol Culture]. In: BENAC, A. (ed.), *Praistorija jugoslovenskih zemalja*. Sarajevo, t. 3, pp. 267–342.
- DUMITRESCU, V. 1959. La Civilisation de Cucuteni. *Ber. Rijksd. Oudheidkd. Bodemonderz.* (Amersfoort), Vol. 9, pp. 6–48.
- 1972. *Arte preistorica in Romania*. Florence.
- 1980. The Neolithic Settlement at Rast, South–West Oltenia, Romania. Oxford. (BAR Int. Ser., 72.)
- 1982. The Prehistory of Romania. In: Cambridge Ancient History. 2nd edn. Cambridge. Vol. 3, pp. 1–74.
- DUMITRESCU, V.; BOLOMAY, M.; MOGOȘANU, P. 1983. *Esquisse d'une préhistoire de la Roumanie*. Bucharest.
- DUMITRESCU, V. et al. 1954. *Habașești*. Bucharest.
- ECSEDI, I. 1983. Steppeneinflüsse und kulturelle Veränderungen in der Kupferzeit. *God. Centra Balk. Ispit.* (Sarajevo), Vol. 21, pp. 135–64.
- ECSEDI, I. et al. 1979. The People of the Pit Grave Kurgans in Eastern Hungary. Budapest.
- FEWKES, V. J. 1936. Neolithic Sites in the Danubian–Balkan Area. *Bull. Am. Sch. Prehist. Res.*, Vol. 12, pp. 1–8.
- FEWKES, V. J.; GOLDMAN, H.; EHRICH, R. 1933. Excavations at Starčevo in the Yugoslav Part of the Danubian–Balkan Area. *Bull. Am. Prehist. Res.*, Vol. 9, pp. 33–52.
- GARAŠANIN, D. 1961. Die Siedlung der Starčevo–Kultur in Nosa bei Subotica und das Problem der neolithischen Lehmscheunen. In *INTERNATIONALER KONGRESS FÜR VOR- U. FRÜHGESCHICHTE*, 5, Hamburg, 1958, pp. 303–7.
- 1968. Religija i kult neolitskog čoveka na Centralnom Balkanu, Neolit Centralnog Balkana. *Nar. Muz.* (Beograd), pp. 241–64.
- 1984. Starčevo–culture. In: SREJOVIĆ, D. (ed.), *Vinča*. Beograd, pp. 13–21, 191–4. (Catalogue of an exhibition in Beograd.)
- GARAŠANIN, D.; GARAŠANIN, M. 1979. *Supska–Stublina, praistorijsko naselje vinčanske grupe*. Beograd. (With German translation.)
- GARAŠANIN, M. 1950. Die Theisskultur im jugoslawischen Banat. *Ber. Röm.–Ger. Komm.* (Frankfurt/Main), Vol. 33, pp. 125–32.
- 1951. *Hronologija vinčanske grupe*. Ljubljana.
- 1958. Neolithikum und Bronzezeit in Serbien und Makedonien. *Ber. Röm.–Ger. Komm.* (Frankfurt/Main), Vol. 39, pp. 1–130.
- 1960–1. Pontski i stepski uticaji u Donjem Podunavlju i na Balkanu, na prelazi iz neolita u metalno doba. *Glas. Zemaljskog mezeja* (Sarajevo), Vol. 15/16, pp. 5–26.
- 1973. *Pramstorija ma tlo SR Srije*. Beograd.
- 1978. Zur chronologischen und kulturellen Wertung der Bunbanj–Funde. *Jahrb. Röm.–Ger. Zent.mus.* (Mainz), Vol. 26, pp. 153–66.
- 1979. Centralnobalkanska regija. In: BENAC, A. (ed.), *Praistorija jugoslovenskih zemalja*. Sarajevo, t. 2, pp. 79–212.
- 1980. Les Origines du néolithique dans le bassin de la Méditerranée et dans le Sud–Est européen. Problèmes de la néolithisation dans certaines régions de l'Europe. *Pr. Kom. Archeol.* (Cracow), pp. 57–72.
- 1982a. The Neolithic Period in the Central Balkan Area. In: *Cambridge Ancient History*. 2nd edn. Cambridge. Vol. 3, No. 1, pp. 136–62.
- 1982b. The Stone Age in the Central Balkan Area. In: *Cambridge Ancient History*. 2nd edn. Cambridge. Vol. 2, No. 1, pp. 75–135.
- 1983. Considérations sur la transition du néolithique à l'âge du bronze dans les régions centrales de la Péninsule Balkanique. *God. Cent. Balk. Ispit.* (Sarajevo), Vol. 21, pp. 21–6.
- 1984a. *Vinča–culture*. In: SREJOVIĆ, D. (ed.) *Vinča*. Beograd, pp. 57–65, 207–11. (Catalogue of an exhibition in Beograd.)
- 1984b. Zur chronologischen und historischen Wertung südthracisch–ostmakedonischer Wohnhügelfunde. *Prähist. Z.* (Berlin), Vol. 59, pp. 1–15.
- GARAŠANIN, M.; SIMOSKA, D. 1976. Kontrolik iskonuvaia na chouprieviej K ničkoj proliemi na tupata chtuprieviej–karavioi gunno. *Maced. Acta Archaeol.* (Prilep), Vol. 2, pp. 9–42.
- GARAŠANIN, M.; SPASOVSKA, G. 1976. Iova Iskopuvania vo Iellieniskvo kai skonie. *Maced. Acta Archaeol.* (Prilep), Vol. 2, pp. 85–118.
- GAUL, J. H. 1948. The Neolithic Period in Bulgaria. *Bull. Am. Sch. Prehist. Res.*, Vol. 16.
- GEORGIEV, G. 1961. Kulturgruppen der Jungsteinzeit und der Kupferzeit in der Ebene von Thraken. In: BÖHM, J.; DE LAET, S. J. (eds), *L'Europe à la fin de l'Age de la Pierre*. Prague, pp. 41–106.
- 1967. Beiträge zur Erforschung des Neolithikums und der Bronzezeit in Südbulgarien. *Archaeol. Austriaca* (Vienna), Vol. 42, pp. 155–70.
- 1973. Die neolithische Kultur in Čavdar und ihre Stellung im Balkanneolithikum. In: *CONGRES DE L'UISPP*, 8, Belgrade, 1971. *Actes*. Beograd, pp. 263–71.
- 1975. Stratigrafia i Karakter na kulturata na Praistoriceskoto celiste U.S. kriemikobtcmi Arhaeologija. *Sofia*.
- (ed.) 1974. *Historia na Bulgaria* [The History of Bulgaria]. Novi Sad.
- GEORGIEV, G. et al. 1979. *Elierc, Ranmobrchezvete – cica Vtche*. Sofia.
- GIMBUTAS, M. 1970. The Kugan–culture Dating from the Fifth, Fourth and Third Millennia. *Indoeuropeans and Indoeuropean*. Philadelphia.
- GIMBUTAS, M. et al. 1974. Obre I and Obre II. *Wiss. Mitt. Bon. – Herzegow. Landesmus.* (Sarajevo), Vol. 4.
- 1976. Neolithic Macedonia as Reflected by Excavations at Anza. *Los Angeles*.
- GRBIC, M. et al. 1960. *Porodin, eine spätneolithische Tumba bei Bitolj*. Bitolj.
- HARTMANN, A. 1978. Ergebnisse spektralanalytischer Untersuchungen aeneolithischer Goldfunde aus Bulgarien. *Studi. Prachist.* (Sofia), Vol. 1–2, pp. 27–45.
- HOPF, M. 1974. Pflanzenrest aus Siedlungen der Vinča–Kultur in Jugoslawien. *Jahrb. Röm.–Ger. Zent.mus.* (Mainz), Vol. 21, pp. 1–11.
- HÖRNES, M.; FIALA, F. 1898. Die neolithische Station von Butmir bei Sarajevo in Bosnien. Vienna.
- HÖRNES, M.; RADIMSKY, W. 1895. Die neolithische Station von Butmir bei Sarajevo in Bosnien. Vienna.
- IVANOV, I. S. 1975. Raskopki na Varnenskija eneoliten nekropol prez 1972 g. *Izvest. Narod. Muz. Varna* (Varna), Vol. 11, pp. 1–16.
- JOVANOVIĆ, B. 1979a. Rudarstvo i metalurgija eneolitskog perioda Jugoslavije. In: BENAC, A. (ed.), *Praistorija jugoslovenskih zemalja*. Sarajevo, t. 3, pp. 27–54.
- 1979b. Stepska kultura u eneolitskom periodu Jugoslavije. In: BENAC, A. (ed.), *Praistorija jugoslovenskih zemalja*. Sarajevo, t. 3, pp. 381–95.
- 1982. *Rudan Glava*. Beograd.
- KALICZ, N. 1965. Die Peceler (Badener) Kultur und Anatolien. Budapest.
- 1980. The Balaton–Lasinja Culture Groups in Western Hungary, Austria and Northwestern Yugoslavia, Concerning their Distribution and Origin. *J. Indo–Eur. Stud.* (Washington), Vol. 8, pp. 245–71.
- KALICZ, N.; MAKKAY, J. 1977. Die Linienbandkeramik in der grossen Ungarischen Tiefebene. Budapest.
- KOROŠEĆ, J. 1958/9. *Neolitska naselba u Danilu–Bitinju*. 2 vols. Zagreb.
- KUTZIAN, I. 1947. *The Körös Culture*. Budapest.

- LAZAROVICI, G. 1980. Neolithic Banatului. Cluj-Napoca.
- 1983. Die Vinča-Kultur und ihre Beziehungen zur Linienbandkeramik. *Nachr. Niedersachs. Urgesch. (Hildesheim)*, Vol. 53, pp. 131–76.
- LEKOVIĆ, V. 1985. The Mortuary Starčevo Practice. *God. Cent. Balkanol. Ispit. (Sarajevo)*, Vol. 23, pp. 157–82.
- MARINESCU-BÎLCU, S. 1974. Culture Precucuteni pe teritoriul României [The Precucuteni Culture in the Territory of Romania]. Bucharest.
- MASSON, E. 1984. L'Écriture dans les civilisations danubiennes néolithiques. *Kadmos (Berlin)*, Vol. 23, pp. 90–123.
- MIKOV, V. 1933. Predistoričeski Selišta i raskopki v Bulgaria [Prehistorical Settlements and Excavations in Bulgaria]. Sofia.
- MILOJČIĆ, V. 1949. Chronologie der jüngeren Steinzeit Mittel- und Südosteuropas. Berlin.
- MORINTZ, S.; ROMAN, P. 1968. Aspekte des Ausgangs des Aeneolithikums und der Übergangszeit zur Bronzezeit im Raum der Niederdonau. *Dacia (Bucharest)*, NS, Vol. 12, pp. 45–128.
- NESTOR, I. 1933. Der Stand der Vorgeschichtsforschung in Rumänien. *Ber. Röm.-Ger. Komm. (Frankfurt/Main)*, Vol. 22, pp. 11–181.
- NESTOR, I.; ZAHARIA, E. 1968. Sur la période de transition du néolithique à l'âge du bronze dans l'aire des civilisations de Cucuteni et de Gumelnitsa. *Dacia (Bucharest)*, NS, Vol. 12, pp. 17–44.
- NICA, M. 1977. Nouvelles Données sur le néolithique ancien d'Olténie. *Dacia (Bucharest)*, NS, Vol. 21, pp. 13–54.
- NOVAK, G. 1955. Prehistorijski Hvar (Hvar Prehistory). Zagreb.
- ORSIĆ-SLAVETIĆ, A. 1940. Bujanj, eine prähistorische Ansiedlung bei Nis. *Mitt. Prähist. Komm. Akad. Wiss. (Vienna)*, Vol. 4, No. 1/2, pp. 1–46.
- PANAJOTOV, I.; DERGAČOV, V. 1984. Die Ockergrabkultur in Bulgarien (Darstellung des Problems). *Stud. Præhist. (Sofia)*, Vol. 7, pp. 99–116.
- PAUL, I. 1981. Die gegenwärtige Forschung zur Petresti-Kultur. *Prähist. Z. (Berlin)*, Vol. 66, pp. 197–324.
- PAUNESCU, A. 1970. Evoluția uneltelor și armelor de piatră cioplite descoperite pe teritoriul României. Bucharest.
- PAVUK, J.; ČORBADŽIEV, M. 1984. Neolithische Teilsiedlung bei Galabnik in Westbulgarien. *Slov. Archeol. (Nitra)*, Vol. 32, pp. 195–228.
- PRENDI, F. 1976. Neolithi dhe eneolithi në Shqipëri. *Iliria (Tirana)*, Vol. 6, pp. 21–101.
- 1982. The Prehistory of Albania. In: *Cambridge Ancient History*. 3rd edn. Cambridge. Vol. 3, pp. 187–237.
- RADUNČEVA, A. 1976. Prehistoric Art in Bulgaria. Oxford. (BAR Int. Ser., 13.)
- RENFREW, C. 1970. The Place of the Vinča-Culture in European Prehistory. *Zb. Narod. Muz. (Beograd)*, Vol. 6, pp. 45–57.
- ROMAN, P. 1974. Das Problem der 'schnurverzierten' Keramik in Siebenbürgen. *Jahrb. Mitteldtsch. Vorgesch. (Halle)*, Vol. 58, pp. 157–74.
- 1976. Cultura Cotofeni (Cotofeni Culture). Bucharest.
- 1983. Der Übergang vom Neolithikum zur Bronzezeit auf dem Gebiet Rumäniens. *God. Cent. balkanol. Ispit. (Sarajevo)*, Vol. 21, pp. 115–34.
- ROMAN, P.; NEMETI, J. 1978. Cultura Baden in România [The Baden Culture in Romania]. Bucharest.
- ROSKA, M. 1941. A Torma Zsófia-Gyűjtémény az Erdélyi Nemzeti Múzeum érem és régiségtarabán. *Köszvar. (With German translation)*.
- SANEV, V. 1975. Neolithička nazielia rumania kaj c gorubinii. *Ietiernik čhtinskist Nargdien Mus. (Stip)*, Vol. 4–5, pp. 203–22.
- SCHMIDT, H. 1932. Cucuteni in der Oberen-Moldau, Rumdänien. Berlin/Leipzig.
- SCHMIDT, R. R. 1945. Die Burg Vučedol. Zagreb.
- SCHUBERT, F.; SCHUBERT, E. 1965. Zu den osteuropäischen Kupferäxten. *Germania (Frankfurt/Main)*, Vol. 23, pp. 274–95.
- SEFERIADIS, A. 1983. Introduction à la préhistoire de la Macédoine orientale. *Bull. Corresp. hell. (Paris)*, Vol. 107, pp. 635–77.
- SIMOSKA, D.; SANEV, V. 1975. Neolithička Naselba Vieluska Tumba kaj Vitona. *Maced. Acta Archaeol. (Prilep)*, Vol. 1, pp. 25–88.
- SREJOVIĆ, D. 1979. Protoneolitske kulture [Protoncolithic Culture]. In: BENAC, A. (ed.), *Praistorija jugoslovenskih zemalja*. Sarajevo, t. 2, pp. 33–76.
- (ed.) 1984. *Vinča*. Beograd. (Catalogue of an exhibition in Beograd.)
- SREJOVIĆ, D.; LETICA, Z. 1979. *Vlasci I–II*. Beograd.
- SREJOVIĆ, D. et al. 1969. *Lepenski Vir*. Beograd.
- STALIO, B. 1984. Houses and Settlements. In: SREJOVIĆ, D. (ed.), *Vinča*. Beograd. pp. 34–41, 199–203. (Catalogue of an exhibition in Beograd.)
- TASIĆ, N. 1979a. Bujanj-Salcuta-Krivodol kompleks [The Bujanj-Salcuta-Krivodol Complex]. In: BENAC, A. (ed.), *Praistorija jugoslovenskih zemalja*. Sarajevo, t. 3, pp. 87–114.
- 1979b. Cotofeni kultura [Cotofeni Culture]. In: BENAC, A. (ed.), *Praistorija jugoslovenskih zemalja*. Sarajevo, t. 3, pp. 115–28.
- 1979c. Kostolacka kultura [Kostolac Culture]. In: BENAC, A. (ed.), *Praistorija jugoslovenskih zemalja*. Sarajevo, t. 3, pp. 235–66.
- THEOCHARIS, D. et al. 1973. *Neolithic Greece*. Athens.
- TODOROVA, H. 1976. *Sostarovo*. Sofia.
- 1978. *The Eneolithic Period in Bulgaria*. Oxford. (BAR Int. Ser., 49.)
- 1979. *Eneolit Bulgarii [The Eneolithic in Bulgaria]*. Sofia.
- TODOROVA, H. et al. 1976. *Selistnata mogila pri golmio Diezvevo*. Raskopki i Porucvanija V. Sofia.
- TOMPA, F. 1935–6. Fünfundzwanzig Jahre Urgeschichtsforschung in Ungarn. *Ber. Röm.-Ger. Komm. (Frankfurt/Main)*, Vol. 14/15, pp. 27–128.
- THRINGHAM, R. 1971. *Hunters, Fishers and Farmers in Eastern Europe, 6000–3000 BC*. London.
- VAJSOVA, H. 1966. Der Stand der Jungsteinzeitforschung in Bulgarien. *Slov. Archeol. (Bratislava)*, Vol. 14, pp. 5–48.
- VASIĆ, M. M. 1907–8. South-Eastern Elements in the Prehistoric Culture of Serbia. *Ann. Br. Sch. Athens (London)*, pp. 319–42.
- 1932. *Preistorijska Vinča I [Prehistoric Vinča I]*. Beograd.
- 1936. *Preistorijska Vinča II–IV [Prehistoric Vinča II–IV]*. Beograd.
- VLASSA, N. 1970. Kulturelle Beziehungen des Neolithikums Siebenbürgens zum Vorderen Orient. *Acta Mus. Napocensis (Cluj)*, Vol. 8, pp. 3–39.
- 1972. Eine frühneolithische Kultur mit bemalter Keramik der Vor-Starčevo-Körös-Zeit in Cluj-Gura Baciului. *Prähist. Z. (Berlin)*, Vol. 47, pp. 174–97.
- VULIĆ, N.; GRBIĆ, M. 1938. *Corpus Vasorum Antiquorum. Yougoslavie*. Beograd, Musée du Prince Paul. Fasc. 3.
- VULPE, R. 1957. *Izvoare, sapaturile din 1936–1949*. Bucharest.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА

В ЭПОХУ НЕОЛИТА

Йенс Люнинг

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Современные научные исследования культур неолита в Центральной Европе начались после впечатляющего открытия Ф. Келлером (*F. Keller*) в 1853–1854 гг. швейцарских «озерных домов» (*Müller-Karpe*, 1968, pp. 1–17; 1979, pp. 188–265; *Jażdżewski*, 1984, pp. 13–44). Это открытие внезапно сделало очевидным тот факт, что на данной территории когда-то в каменном веке жил народ, знакомый с земледелием, скотоводством и строительством. Не менее важным фактом явилось то, что с самого начала специалисты в области естественных наук, в частности зоологи и ботаники, играли важную роль в изучении этих озерных поселений и их прекрасно сохранившихся органических остатков (*Kimmig*, 1981; *Smolla*, 1981). С тех пор продолжалось сотрудничество между археологами и специалистами в области естественных наук, ставшее одним из наиболее важных особенностей исследований эпохи неолита в Центральной Европе. Кроме хозяйственных аспектов основное внимание уделялось воссозданию неолитического окружения: климата, почвы, флоры и фауны.

Во второй половине XIX в. значительно увеличился объем находок. Озерные поселения были обнаружены во всем регионе Альп, в частности, в Швейцарии (*Willvonseder*, 1968). Среди самых важных регионов в Центральной Европе, в которых были сделаны находки, т.е. покрытых лесовыми отложениями долин и бассейнов рек в высокогорьях, следует упомянуть местность с захоронениями Хинкельштайн недалеко от Вормса (Германия), обнаруженное в 1866 г., которое дало имя одной из культур (*Meier-Arendt*, 1975).

В конце XIX в. пришло время систематизировать полученные знания, и вначале были определены все основные группы культур эпохи неолита в Центральной Европе (культуры ленточной керамики, гросгартахская, рёссенская, михельбергская, шнуровой керамики, колоколовидных кубков). Понадобилось еще около 30 лет и множество ожесточенных споров между специалистами, для того чтобы установить точный хронологический порядок этих культур и групп культур. И сегодня продолжается работа по уточнению их классификации.

В период между двумя мировыми войнами специалистами интересовались в основном археологией поселений. С начала XX в. было известно, что люди неолита выполняли огромные земляные работы по сооружению рвов, валов и изгородей (*Lebner*, 1910). Однако лишь позднее были обнаружены основы домов и даже целых поселений в Айхбюль (Германия) (*Schmidt*, 1937), Кёльн-Линденталь (Гер-

мания) (*Buttler & Haberey*, 1936) и Бржещ-Куявски (Польша) (*Jażdżewski*, 1938). После окончания второй мировой войны археология развивалась весьма энергично, и к ней добавились исследования систем хозяйствования и окружающей среды. Особенно широко масштабные раскопки были проведены в Билани в Чешской Республике (*Soudský*, 1966; *Pavůl*, 1982), на юге Нидерландов (*Modderman*, 1970; *Bakels*, 1978), на плато Альденховеи в Германии (*Lüning*, 1982a) и в долине р. Эна во Франции (*Ilett et al.*, 1982).

В последние годы появился новый методологический подход в исследованиях. Благодаря широкому размаху раскопок интерес исследователей расширился от изучения отдельных поселений до исследования групп поселений и даже микрорегионов, а также конструкций жилищ, окружающей среды, хозяйственных функций и общественной организации в их систематическом взаимодействии и в этих ограниченных географических зонах (*Kruk*, 1980; *Bakels*, 1982; *Lüning*, 1982b; *Milisauskas & Kruk*, 1984).

Начиная с XIX в. с различной интенсивностью продолжается изучение озерных поселений в северных регионах Альп. Сравнительно недавно были начаты раскопки с применением современных средств, в частности, в Швейцарии (*Stöckli*, 1981) и в районе г. Констанц в Южной Германии (*Schlichtberle*, 1985). Благодаря многочисленным исследованиям стратиграфических залегающих и замечательной сохранности органических материалов представление об этих неолитических культурах изменялось быстро темпами. Дендрохронологические находки были особенно важны для проведения абсолютных датировок (*Ruoff*, 1978).

Другие аспекты неолитической культуры изучались менее интенсивно. Еще в 1950-е гг. Фишер разработал новые методы анализа могил и мест захоронений (*Fischer*, 1956), а Хойслер предложил блестящие толкования результатов (*Häusler*, 1966). С тех пор, однако, количество материала увеличивалось очень медленно, и только в 1970-е гг. были обнаружены новые важные места захоронений (*Pavůl*, 1972).

Период неолита по-разному подразделяется в различных европейских странах. Его самая поздняя часть в Венгрии называется «медным веком», в бывшей Чехословакии – «энеолитом», а на юге Германии – «поздним неолитом»; терминология, относящаяся к более ранним периодам, также различается (*Bebrens*, 1973, p. 15, fig. 2). Эти различия объясняются тем, что использование меди началось на Балканах и распространялось в Центральной Европе, а в самой Центральной Европе оно было более широким на востоке, чем на западе. В данной главе исполь-

зуются нейтральные термины – ранний, средний и поздний неолит (*Driebeaus*, 1960, pp. 1–11). Археологические культуры и группы неолита определены по их керамическим изделиям и прежде всего представляют пространственно-временную схему стилей гончарных изделий. Такой подход обеспечивает удобные рамки для датировок всех других неолитических культурных явлений (*Eggert*, 1978; *Klejn*, 1982).

Абсолютная датировка получена из традиционной «краткой» хронологии, согласно которой весь период неолита охватывает лишь тысячу лет до современной «долгой» хронологии. На основании радиоуглеродного анализа и калибровки данных полагают, что от начала культуры ленточной керамики до начала культуры колоколовидных кубков прошло примерно 3000 лет (табл. 18), однако эта «долгая» хронология стала общепринятой лишь несколько лет назад, и ее значение для истории культуры полностью не оценено (*Neustupnyj*; 1969; *Quitta*, 1971).

Таблица 18. Хронология наиболее важных культур неолита в Центральной Европе: *BP* – лет до наст. в. (калиброванные данные); *в.р.* – датировка радиоуглеродным методом до наст. в. (некалиброванные данные)

<i>BP</i>	Период неолита	Культуры			<i>в.р.</i>
		Запад	Центр	Восток	
4900		Хоргенская Чамская	Ривначская	Баденская	4300
	Поздний	Михельсбергская	Культура воронковидных кубков	Ленгисельская (керамика без росписи)	
6400		Бишхаймская	Ленточно-точечная	Ленгисельская (расписная керамика)	5500
	Средний	Рёссенская			
		Гросгартахская			
6800			Культура ленточно-линейной керамики		6000
	Ранний				
7800					7000

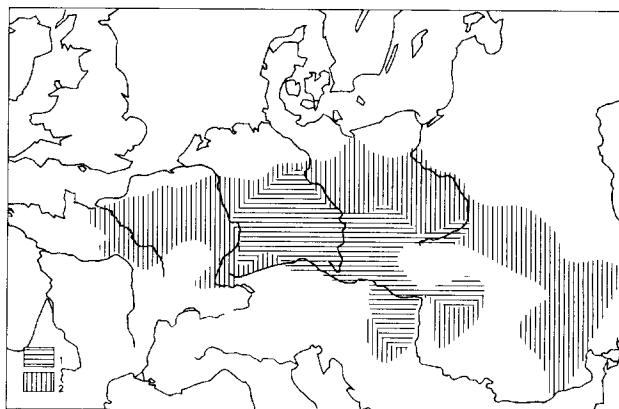
ПРОИСХОЖДЕНИЕ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

Период неолита в Центральной Европе начался примерно 7800 лет назад и с самого начала характеризовался полностью развитым сельским хозяйством, основанным на земледелии и скотоводстве. Эти первые крестьяне вели оседлый образ жизни и были первыми в Центральной Европе людьми, которые начали строить просторные и постоянные деревянные дома. Они начали также изготавливать гончарные изделия, называемые ленточными из-за орнаментов в виде лент (*Müller-Karpe*, 1968, pp. 113–139).

Оседлый образ жизни для этих людей был необходим и возможен: землю надо было постоянно обрабатывать, чтобы получать приемлемые урожаи. Вероятно, зерновые культуры были самым важным источником растительной пищи, поэтому относительно большое количество зерна необходимо было сохранять каждый год для потребления

и посевов. Зимний корм для скота также занимал громоздкий объем, и его было невозможно перевозить, что также способствовало установлению оседлого образа жизни.

Из всех культур эпохи неолита в Центральной Европе самое большое распространение получила культура ленточной керамики. В своей ранней фазе она была распространена от востока Венгрии до запада Германии на расстоянии более 1 тыс. км. В заключительной фазе она распространилась на 2 тыс. км от Нормандии до Украины (карта 62). Предпочтительные места для этой культуры – лучшие пахотные земли Европы, т.е. лессовые земли, и поэтому она, как и лесс, распространилась от Альп до северного края возвышенной части Европы. В районе северных европейских низин она укоренилась лишь на участках лессовых или аналогичных почв, иначе говоря, в низменных долинах Одера и Вислы.

Карта 62. Распространение культуры ленточной керамики: 1 – самая ранняя фаза (от 7800 до 7300 лет назад); 2 – более позднее распространение (от 7300 до 6800 лет назад)

Ленточная керамика впервые появилась в средний Атлантический период с мягким океанским климатом, отличающимся относительно высоким уровнем влажности (*Frenzel*, 1977, p. 308). Средняя температура была, возможно, на 2 °C выше, чем сегодня, а климат более влажным (*Bakels*, 1978, pp. 11–17). Вся территория была покрыта лесами. Анализ пыльцы показывает, что это были лиственные леса из дубов, лип, ясеней, кленов, вязов. На западе, более подверженном океанскому влиянию, преобладали липы; леса были густыми с небольшим подростом, редким травяным покровом и небольшим количеством дичи (*Bakels*, 1978, pp. 28–43). В восточной части Центральной Европы, где климат был более континентальным, росло больше сосен и других хвойных деревьев, особенно на умеренных высотах в горных местностях (*Firbach*, 1949).

Преобладающее мнение современных историков состоит в том, что крестьяне, относящиеся к культуре ленточной керамики, пришли в Центральную Европу извне. Их животные, включая коз и овец, должны были придти вместе с ними, потому что в регионе не было местных видов этих животных, и их одомашнили до прихода на новые земли. То же относится к растениям, особенно к злакам. Поскольку самые первые гончарные изделия (рис. 147) весьма похожи на керамику культуры Старчево-Кёрёс из региона Карпат, то вполне вероятно, что весь комплекс культур эпохи раннего неолита появился под влиянием культур Юго-Восточной Европы (*Quitta*, 1964). Учитывая количество привнесенных элементов, можно полагать, что иммиграция играла определяющую роль в процессе формирования культур в этом регионе. Однако мнения антропологов различны, и с недавнего времени существует тенденция высоко оценивать вклад, сделанный коренным населением.

Действительно, неолит начался в Юго-Восточной Европе в более ранние времена (*Quitta*, 1960; *Pavúk*, 1980; *Kalicz*, 1983).

Однако с самого начала культура ленточной керамики четко отличалась от керамики культуры Старчево-Кёрёс, в особенности присущими только ей резными орнаментами. Это предполагает, что самая ранняя культура ленточной керамики могла возникнуть при непосредственном контакте с культурой Старчево-Кёрёс, но за пределами ее географической зоны, на западе и севере Венгрии, в Словакии и на востоке Австрии. Вероятно, именно там родились и развивались система хозяйствования и технологии новой земледельческой культуры, адаптированной к климату и почвам Центральной Европы. Одной из особенностей было появление домов нового типа, учитывавших большое количество осадков в Центральной Европе и потому защищенных стенами и кровлей; дома более просторными, чем небольшие неолитические жилища Юго-Восточной Европы. Этот новый тип просторных жилищ оказался таким удачным, что быстро был принят почти повсюду, он справедливо рассматривается в качестве одного из основных признаков культуры ленточной керамики.

Становление неолита в Центральной Европе должно, следовательно, исследоваться как процесс колонизации, при котором после первой волны иммигрантов, пришедших извне, прирост населения происходил внутри самой культуры ленточной керамики (*Quitta*, 1964). При этом устанавливались контакты между пришлыми земледельцами и местным населением, занимавшимся охотой и собирательством. В исторических ситуациях, подобной этой, отношения между двумя сторонами часто приводили к враждебности, заканчивавшейся изгнанием охотников-сбирателей; видимо, ассимиляция была исключением (*Venc*, 1982). К сожалению, из-за недостатка информации о поселениях и местах захоронения конца мезолита можно сказать очень немного об обстоятельствах, относящихся к этой проблеме (*Taute*, 1980). К тому же нет никаких указаний на контакты с местным населением в поселениях культуры ленточной керамики.

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ВО ВРЕМЕНИ И В ПРОСТРАНСТВЕ

Ранний неолит

С середины раннего неолита однородная культура ленточной керамики раскололась на крупные региональные блоки. В восточной части появилась культура ленточной керамики (*Notenkopfskeramik*), в которой с увеличивающейся частотой ямки вдавливались на линии самого орнамента, напоминая музыкальные ноты (рис. 147), тогда как на западе это были вдавленные полосы, заполненные краской и выступающие над поверхностью. Таким образом, сформировались две основные области со своими стилями, граница между которыми проходила примерно между Богемией и Моравией (*Tichy*, 1962; *Pavúk & Šiška*, 1971, p. 360; *Pavúk*, 1978).

Примерно 6800 лет назад эта регионализация еще более развилась. На востоке Венгрии образовались поздние группы линейно-ленточной керамики Алфельд (*Alföld Linienbandkeramik*), которые нельзя поместить в общий контекст культуры ленточной керамики (*Kalicz & Makka*, 1977). На западе Словакии был центр группы Желизовце (*Pavúk*, 1969). В Богемии и центре Германии появились первые следы культуры ленточно-точечной керамики (*Stichbandkeramik*) (*Steklá*, 1959; *Zápotocká*, 1967). В регионе Рейна развилось несколько стилей орнаментов с различными местными разновидностями (*Meier–Arendt*, 1972). Здесь группы самой поздней ленточной керамики,

например, хинкельштайнская и герингская (*Meier–Arendt*, 1975; *Dobrn–Ibmig*, 1974), распространились в средней неолите. То же относится к группам культуры ленточной керамики на западе Бельгии (*De Laet*, 1972) и севере Франции (*Bailloud*, 1976). Здесь, как и на востоке Венгрии, материалы, найденные на западной периферии – в Нормандии, лишь отдаленно связаны с традициями ленточной керамики.

Расширяющаяся регионализация явным образом объясняется ослаблением контактов между основными населенными центрами в Центральной Европе. Этот процесс, который наблюдался в самый ранний период неолита (фаза I), стал затухать. Пока продолжалось перемещение границ земледелия к западу в ходе колонизации, прирост населения, который требовался при этом перемещении, покрывался, вероятно, переселенцами из глубинных районов, и в результате этих многочисленных контактов образовалась огромная и однородная культурная зона (карта 62). Но даже при установлении новой культуры в фазе II (фаза керамических стилей из Фломборн и Аккови) должна была, видимо, продолжаться интенсивная внутренняя миграция, поскольку сохранился единый стиль керамики.

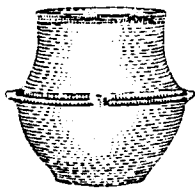
Как показывают исследования, проведенные в Рейнской области (*Dobrn–Ibmig*, 1979, p. 297; *Lüning*, 1982a, p. 23) и на территории между реками Рейн и Майн (*Sielmann*, 1972, pp. 46–51), плотность населения в эпоху средней и поздней культуры ленточной керамики значительно возросла, а затем резко уменьшилась. В этом росте видят основную причину регионализации. Земледелие привело к образованию «материнских» и «дочерних» поселений, которые имели тесные связи и общие традиции. Когда ресурсы стали истощаться, пужно было приступить к их равномерному перераспределению в рамках надрегиональной организации. Возможно, что развивавшиеся между материнскими и дочерними поселениями «социальные» отношения способствовали объединению малых и больших поселений, а это объединение, в свою очередь, привело к возникновению региональных традиций. Археологические подтверждения такого процесса до сих пор находят лишь в особенностях стилей керамики, однако можно найти и другие доказательства, например, в более интенсивном использовании региональных ресурсов сырья (в частности камня). Со своей стороны, специалисты-антропологи уже выявили региональные отличия между разными группами населения, относящимися к культуре ленточной керамики (*Bernbard*, 1978).

Средний неолит

В период между 6800 и 6300 лет назад возникли три большие области, характеризовавшиеся разными стилями керамических изделий. Их центры находились в бассейнах рек Дунай, Эльба и Рейн (карта 63). Являясь повсюду культурной и этнической основой, культура ленточной керамики, тем не менее, претерпела в каждом регионе глубокие преобразования. Самое показательное из них произошло на востоке, где в районе между западом Венгрии и Моравией возникла ленгисельская культура с богатой расписной керамикой (фаза I и II) (*Pavúk*, 1981). В ней, без сомнения, усматривается влияние балканских культур. В процессе своего развития ленгисельская культура быстро распространялась на север и запад и влияла на соседние культуры (карта 63).

Вдоль среднего течения Эльбы, т.е. в Богемии, Саксонии и Тюрингии, образовалась культура ленточно-точечной керамики (*Steklá*, 1959; *Kaufmann*, 1976), которая распространилась до Нижней Баварии, севера Моравии и Силезии. Поздняя ленгисельская культура, заключительные фазы которой (III и IV) с керамикой без росписи относят-

Верхний неолит

Чамская культура

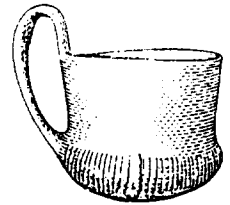
Бернбургская культура

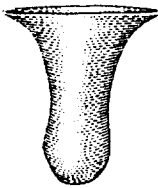
Ривначская культура

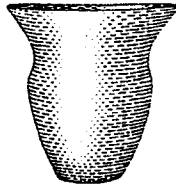
Баденская культура

Михельсбергская культура

Культура воронковидных кубков

Ленгиельская культура (керамика без росписи)

Средний неолит

Рёссенская культура

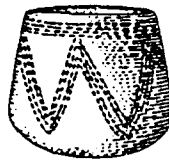

Ленгиельская культура (расписная керамика)

Гросгартахская культура

Культура ленточно-точечной керамики

Ранний неолит

Культура ленточной керамики

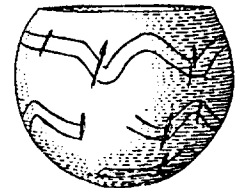
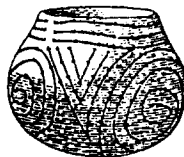
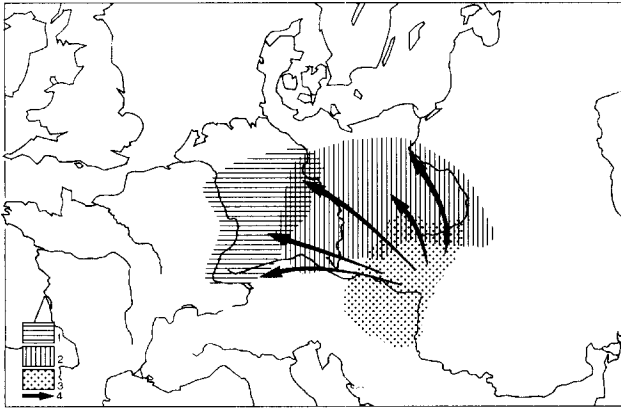

Рис. 147. Некоторые основные типы керамики неолитических культур в Центральной Европе

ся уже к позднему неолиту (рис. 147), стала распространяться вместо ленточно-точечной керамики, вытеснив ее сначала по окраинам, затем в центре, пока, наконец, не заменила ее полностью самыми поздними ленгильскими группами (Айхбюль, Мюнхшёфен, Гатерслебен, Колин, Оттиц, Модлинка-Злотники-Висиазе, Йордансмюль-Йорданув, Бжечь-Куявски) (Lining, 1971; Lichardus, 1976a).

Карта 63. Три основные культуры среднего неолита с центрами на Рейне, Эльбе и Среднем Дунае: 1 – рёссенская культура; 2 – культура ленточно-точечной керамики; 3 – ленгильская культура; 4 – направления распространения ленгильской культуры

В то же время в Рейнской области на основе средне-неолитической хинкельштейнской культуры развилась гросгартахская культура, за которой последовала рёссенская культура (Meier–Arendt, 1969). С появлением гончарных изделий, относящихся к рёссенской культуре, на западе вновь на короткое время образовался обширный стилистический комплекс, располагавшийся от предгорий Альп до нижнего течения Рейна и Центральной Германии. Под влиянием распространившейся поздней ленгильской культуры, рёссенская культура раздробилась на множество небольших региональных групп. Среди самых значительных, получивших дальнейшее развитие, упомянем группу бишхайм в долине Рейна, группу швайбердингер в районе реки Неккар и группу ваувиль на востоке Швейцарии (Lining, 1971). В течение всего этого времени на западе, «экранированном» культурой ленточно-точечной керамики, проникновение ленгильской культуры происходило в незначительном объеме, поскольку местные традиции оставались весьма живучими.

Исследования среднего неолита в регионе между Рейном и Сенной являются недостаточными. Здесь на основе поздней фазы ленточной керамики возникла группа Серни, развивавшаяся в среднем неолите, однако пока об этой культуре известно слишком мало (Bailloud, 1976). Сравнительно недавно открытая группа культур Бликки также относится к этому периоду (Constantin, 1985).

В долине р. Эна, к северо-востоку от Парижа, были обнаружены предметы, относящиеся к бишхаймской культуре (Demoule & Ilett, 1978; Duboulez et al., 1984). Вместе с материалами, обнаруженными ранее на западе Бельгии (Moisin & Jorisá, 1972), эта находка показывает, что общий культурный горизонт поздней фазы среднего неолита охватывал территорию между Рейном и Сенной. Это свидетельствует о том, что, как и в поздней фазе ленточной керамики, сильный культурный импульс снова из Рейнской области распространился на запад.

Первые исследователи считали, что традиционные связи между культурой ленточной керамики и средним неолитом были настолько сильными, что даже применительно к ней использовали термин «дунайская область» (Childe, 1929; Buttler, 1938). С тех пор стало ясно, что традиции ленточ-

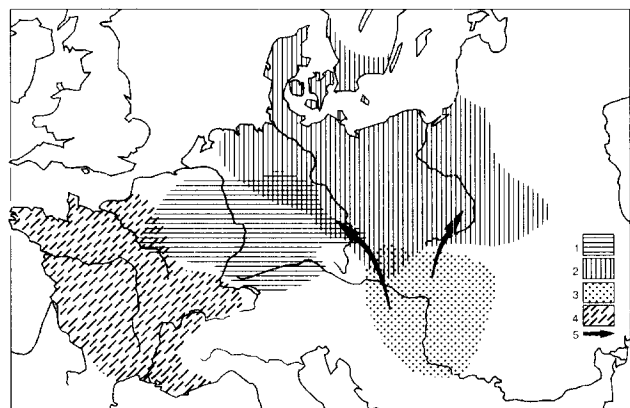
ной керамики в Центральной Европе передавались по-разному в зависимости от региона. Самые сильные сдвиги зафиксированы на востоке, где ленгильская культура керамики представляла собой принципиально новое начало и постепенно в конце концов преобразовала и ленточно-точечную керамику; влияние новой культуры проявилось вплоть до берегов Рейна. Таким образом, можно с уверенностью говорить о волне нововведений, которая ослабевала при распространении с востока на запад, поэтому на западе традиции ленточной керамики сохранялись дольше всего.

Поздний неолит

Начало позднего неолита

В то время когда ленгильская культура распространялась на запад (фазы III и IV), появились два новых фактора в культурном развитии Центральной Европы: культура воронковидных кубков (Funnel-Beaker) на севере и западный неолит (карта 64). Прежде всего неолитическая сельскохозяйственная культура на долгое время остановилась у северных границ лессовых земель, которые до определенной степени совпадали с северной границей возвышенностей. В поздней фазе среднего неолита рёссенская культура и ленточная культура начали перемещаться к низменностям Северной Европы (Kulczycka-Leciejeviczowa, 1970; Schwabedissen, 1979). В балтийском регионе представители этих культур столкнулись с охотниками-собираателями – носителями нетронутой культуры эртебёлле-эллербек и установили с ними активное взаимодействие на территории вплоть до юга Скандинавии. В результате на северных возвышенностях, низменностях и на юге Скандинавии появилась новая неолитическая культура, известная как культура воронковидных кубков. Далее рассматривается только ее южная часть, где эта культура совпадает с частью заселенной в период раннего неолита территории (гл. 54).

Самая ранняя фаза культуры воронковидных кубков известна под названием «керамика А/В» (Becker, 1947, 1954; Steinmetz, 1982). Материал такого типа был найден на черноземных землях Куявии в нижнем течении реки Висла – территории, которая была заселена, начиная с эпохи ленточной керамики (Сарново: Kowalszyk, 1970, p. 167), а также в Богемии (Божице: Lichardus, 1976b) и в Рейнской долине. Здесь первые очаги культуры воронковидных кубков появляются среди нескольких групп поздней рёссенской

Карта 64. Самые значительные культуры позднего неолита в Центральной, Западной и Северной Европе: 1 – михельсбергская культура; 2 – культура воронковидных кубков; 3 – поздняя ленгильская и баденская культура; 4 – шассейская культура; 5 – направления распространения баденской культуры

культуры (Бишхайм, Страсбург, Швайбердинген) и соответствуют началу культурного развития в эпоху позднего неолита (Lüning, 1971).

На этой основе там возникла михельсбергская культура – наиболее важный результат северных влияний в районе Рейна (Lüning, 1968). В более старой литературе ее отнесли к «западной культурной территории» (Buttler, 1938), и не без причины, поскольку именно в это время западный неолит впервые появляется как независимый фактор на равном основании с дунайской центрально-европейской культурной традицией. Несомненно, неолит начался значительно раньше на юге Франции, но в начальных фазах он ограничивался именно этим регионом (см. гл. 49). Западноевропейская культурная область распространилась до севера Франции – бывшей территории ленточной керамики, предгорий Швейцарских Альп (Sauter & Galley, 1969; Winiger, 1981) и далее Рейна в конце среднего неолита. Это явилось началом позднего неолита, который стал играть активную роль в культурном развитии Центральной Европы.

Лучшим свидетельством тому является михельсбергская культура, в гончарных изделиях которой с самого начала проявились западные черты (Lüning, 1969; Eckert, 1979). Ее независимость от северной культуры воронковидных кубков основывалась не только на местных традициях, но прежде всего на этих западноевропейских влияниях. Следы ранней михельсбергской культуры были найдены в Парижском бассейне (Mordant & Mordant, 1978; Le Bolloch, 1984). Эти находки расширили территорию распространения михельсбергской культуры, как с очевидностью следовало уже из находок бишхаймской культуры, до широкой зоны между Рейном и Сенной, что впервые сделало понятным суть западного влияния.

Эти влияния шли от шассейской культуры, которая была напрямую связана с михельсбергской культурой в Парижском бассейне (Bailloud, 1976; Mordant, 1980). Вместе с культурой Кортайо (Западная Швейцария) шассейская культура образовала восточный край западного неолита (см. гл. 49).

На востоке Швейцарии преобладавшая культура пфин (Pfin), родственная михельсбергской культуре, служила границей центральноевропейской культурной зоны (Winiger, 1981; Kustermann, 1984). Она имела отношение ко многим региональным группам, которые Драйхаус объединил под общим названием «североальпийская область» (Driehaus, 1960, p. 209). Эти группы включали алыхаймскую культуру в Нижней Баварии, баальбергскую культуру в центре Германии (Preuss, 1966), богемскую и моравскую подгруппы культуры воронковидных кубков (Houšková, 1960). С ними были тесно связаны четыре другие группы гончарных изделий с орнаментами: шуссенрид в Вюртемберге (Lüning, 1971, p. 41), мондзее в Верхней Австрии (Ruttka, 1981, 1983), балатон в западной Венгрии (Kalicz, 1973) и культура йордансмоль-йорданув в Силезии, Богемии и Моравии (Lüning, 1976).

В этом комплексе культур трудно воссоздать пространственную структуру среднего неолита. Михельсбергская культура (через культуру бишхайм) и группа шуссенрид (через культуру швайбердинген) были прямыми наследниками рёссенской культуры. Группа пфин должна была развиваться из поздней культуры группы рёссен – культуры ваувиль. Более того, обе группы являются важным этапом в истории заселения – они определяют начальное становление культур неолита в альпийском выступе. В этот процесс была вовлечена также культура мондзее (Верхняя Австрия), у которой не было региональных предшественников. Как установлено, она располагалась на окраине «североальпийской области», сформировавшаяся в основном на территории, ранее занятой ленточно-точечной керамикой и поздней ленгильской культурой, которая, как показано выше, окончательно вытеснила культуру ленточно-то-

чечной керамики. Таким образом, алыхаймская культура пришла на смену группе мюнхсхёфен ленгильской культуры из Нижней Баварии. Далее к северо-востоку южные группы культуры воронковидных кубков сменили поздние культуры ленгильских групп Саксонии, Тюрингии, Богемии, Моравии и в некоторой степени Нижней Австрии.

На востоке наследницей ленгильской культуры была культура воронковидных кубков (восточная группа), которая развивалась в Силезии, в Большой и Малой Польше (Kowalszyk, 1970). К северо-западу от карпатского региона из нее вышла балатонская группа, декоративная керамика которой близка другим аналогичным группам.

В целом в этот период Центральная Европа была очень тесно связана с североевропейской культурой воронковидных кубков, основные признаки которой найдены на всей территории от Альп до юга Скандинавии. Среднеолитические элементы более заметно проявляются в разбросанных группах культуры декоративной керамики. На западном краю Центральной Европы чувствуется влияние западного неолита; на восточном – влияние культур медного века из региона Карпат. В этом отношении восточная часть Венгрии играет особенно важную роль. Именно там в рамках культур тисаполгар, а затем бодрогкерештур интенсивно развивалось производство и обработка меди (Bognár-Kutzián, 1969, 1972). Возможно, именно отсюда исходили те импульсы, которые привели к независимому производству меди в Центральной Европе (см. ниже).

Окончание позднего неолита

На этой последней фазе центральноевропейского неолита, до появления археологических культур кубков, которые вновь объединяют всю территорию, Центральная Европа представляла собой неоднородную смесь культур. Самое сильное влияние исходило от баденской культуры – нового мощного культурного центра в восточной части Центральной Европы (Neustupný, 1973). Территория, где она появилась, лежит между северо-западным регионом Карпат и Моравией, т.е. именно там, где в свое время родилась ленгильская культура. Фактически баденская культура проявила очень похожие тенденции при своем распространении, однако ее общее влияние было не столь сильным (карта 64). Вместе с побочными группами она достигла Богемии и Малой Польши, сменила культуру воронковидных кубков. Ее влияние распространилось также на Нижнюю Австрию и всю область Карпат (Petrasch, 1984).

Более поздние группы культуры воронковидных кубков развивались к северу от зоны баденской культуры (Большая Польша, Центральная Германия). На западе положение остается неясным. Несмотря на то что можно установить преемников культур на территории Северных Альп (на юге Германии такими преемниками были Вартберг и Гольдберг III (Schwellnus, 1979; Spennemann, 1984), в Нижней Баварии – группа хамер (Vriezen, 1977; Uenze, 1987), на востоке Швейцарии – хоргенская культура (Itten, 1970), недостает данных о территории, на которой распространилась михельсбергская культура, по крайней мере в Рейнской долине (Pape, 1978). И только в Парижском бассейне и в Бельгии стал известен преемник михельсбергской культуры – культура сена-уаза-марна (Bailloud, 1976).

Таким образом, Центральная Европа в эти времена являлась полем напряженных отношений между баденской культурой на востоке, культурой воронковидных кубков на севере и культурой сена-уаза-марна на западе. Продолжает существовать созвездие культур, которое образовалось в начале позднего неолита. Центральная Европа не была однородным и замкнутым культурным пространством, а представляла собой мозаику из небольших культурных территорий, открытых для разнообразных внешних влияний.

ХОЗЯЙСТВО И ТЕХНИКА

Сельское хозяйство

Культура ленточной керамики с самого начала была основана на вполне развитой, ориентированной на сельское хозяйство системе, которая включала земледелие и скотоводство. Эти составляющие оставались тесно связанными на протяжении всего неолита. Какой-либо специализации в скотоводстве (как в кочевом хозяйстве), например, в Центральной Европе, в этот период не было. Естественно, должны были быть вариации в относительной важности этих двух хозяйственных составляющих; например, отдельные поселения, которые располагались в горах и в более влажном климате, лучше подходили для занятий скотоводством (Sielmann, 1971a, 1971b).

Культура ленточной керамики располагалась на лессовых землях в Центральной Европе. Во многих регионах, в частности в Рейнской области, почти все поселения располагались на лессовых почвах (Dobrn-Ihmig, 1979, p. 215). Однако во всех других местах это правило было неприменимо: в Богемии, например, только около половины поселений устраивались на лессовых землях (Rulf, 1982, p. 251). Зильманн (Sielmann, B., 1972, p. 35) тщательно изучил это распределение в западной части Центральной Европы. Он выделил «экологическую зону А», в которой, несмотря на то что земля была менее плодородной, климат был более благоприятным, чем в «экологической зоне Б».

Происходили изменения во времени и в пространстве. Поселения ленточной керамики постепенно появлялись в окраинных районах с неблагоприятными почвенными и климатическими условиями; их жители не обращали внимания на более плодородные земли, занятые первыми поселенцами, до последней фазы этой культуры (Sielmann, 1971a, p. 102; Dobrn-Ihmig, 1979, p. 227). Поскольку эта эволюция сопровождалась сначала приростом, а затем сокращением народонаселения, то демографический фактор должен был быть основной причиной этого явления. Более поздние изменения в положении средне- и поздненеолитических центров могли иметь другие причины, во всяком случае должны были привести к большой дифференциации сельскохозяйственного производства.

В общем поселения ленточной культуры и более поздние поселения располагались на границе двух биотопов: между заливными долинами рек и высокими террасами. Это происходило, возможно, потому, что сельскохозяйственные поселения следовало строить как можно ближе к воде, но в то же время защищать их от паводков. Кроме того, общепризнано, что заливные долины являются хорошими пастбищами для крупного рогатого скота. Однако из-за своей сравнительно небольшой площади они имели лишь ограниченное значение для скотоводства; в густонаселенных лессовых зонах даже леса, располагавшиеся на возвышенностях между руслами рек, не давали достаточных лесных пастбищ (Bakels, 1982, p. 38).

Значимость животноводства, видимо, в основном возросла на протяжении трех тысяч лет неолита. Для западной части Центральной Европы, например, об этом свидетельствует рост количества костных остатков животных, обнаруженных в слоях позднего неолита, по сравнению с ранним неолитом (Sielmann, 1971b). Кроме того, во всей Центральной Европе в эпоху среднего, а особенно позднего неолита увеличивается количество поселений, которые по своей топографии и окружению (высота, количество осадков, качество почвы и т.д.) лучше подходили для занятия скотоводством, чем земледелием.

Начиная с раннего неолита домашние животные включали крупный рогатый скот, свиней, коз и овец, были также собаки, однако, как правило, преобладал крупный рогатый скот. Отметим, что в эпоху позднего неолита в предгорьях Альп были поселения, относящиеся к хоргенской

и подобной ей культурам, в которых, по-видимому, преобладало выращивание свиней (Murrey, 1970; Bökönyi, 1974). Неизвестно, была ли в эпоху позднего неолита уже одомашнена лошадь, хотя отдельные следы ее присутствия встречаются начиная с периода ленточной керамики, но вполне определенно к концу неолита лошадь была приручена (Boessneck, 1958; Lichardus, 1980).

Предпочтение, которое отдавалось лессовым землям населением Центральной Европы в неолите, указывает, что земледелие играло большую роль. В основном выращивали зерновые культуры (пшеницу, ячмень, просо), овощные культуры (горох, чечевицу, фасоль), лен и мак. Самыми древними видами зерновых культур были пшеница однозернянка, пшеница двузернянка и ячмень с открытыми зернами (*Hordeum vulgare* или *nudum*). Позднее добавились другие типы зерновых культур, в частности рожь (*Secale cereale*) и мягкая пшеница (*Triticum sativum*) (Klicbouska, 1976; Heitz et al., 1981). По мере продвижения на восток и усиления континентальности климата состав выращиваемых видов изменялся, как было показано (Willerding, 1980) в отношении раннего неолита.

Очевидно, зерновые культуры составляли основу растительной пищи. Если иметь в виду длительный процесс работы от посева до использования продукта (Hillman, 1984) и тот факт, что начиная с периода ленточной керамики существовал разнообразный арсенал орудий и инструментов для выращивания и обработки зерновых культур (серпы, зернотерки, печи и т.д.), следует предположить, что зерновые культуры выращивались интенсивно и довольно широко (Behm-Blanke, 1962–1963; Soudskyj, 1966). Первое появление примитивных плуга и сохи относятся к позднему неолиту, и некоторые авторы видят в этом доказательство революционного преобразования земледелия (Sberratt, 1981). Однако курганы, под которыми сохранились следы плуга, появились лишь в позднем неолите, так что, учитывая возможную интенсивность выращивания зерновых культур, плуги могли широко использоваться со времен ленточной керамики (Lüning, 1979–1980). Доказательством этого может служить распространенность кастрации быков, начавшейся как раз в данное время (Miller, 1964). При отсутствии доказательств мы, тем не менее, можем допустить, что в эпоху раннего и среднего неолита земля обрабатывалась с помощью мотыги и заступа.

Охота и собирательство

Охотой на диких животных занимались на протяжении всего неолита, но ее доля в раннем неолите была менее 10%. В позднем неолите в некоторых регионах, в частности, в предгорьях Альп, она возросла до 50–90% (Boessneck et al., 1963). Это следует истолковывать не как возврат к донеолитическому хозяйствованию, а напротив, как показатель ведения интенсивного земледелия. С одной стороны, малая доля домашних животных свидетельствует о том, что скотоводство было второстепенным занятием по сравнению с земледелием, а с другой стороны, о том, что в эпоху позднего неолита леса были уже менее проходными, что позволяло диким животным выживать и воспроизводить свое поголовье. Следовательно, для защиты полей неолитические крестьяне должны были больше охотиться (Uerpman, 1977).

Мало известно о значении рыбной ловли, прежде всего из-за отсутствия следов скоропортящихся рыбных костей, а также из-за отсутствия соответствующей технологии раскопок. Однако недавно было найдено множество остатков рыбы в Льеже (Бельгия) в поселении, относящемся к поздней ленточной культуре (Desse, 1984). Культура ленточной керамики представлена также на рыболовецкой стоянке в Лаутерахе, в верхнем течении Дуная, которой

продолжали пользоваться в среднем и позднем неолите (Tautz, 1967). Следовательно, нельзя недооценивать рыбную ловлю как средство добывания пищи. Также достаточно часто встречаются следы пресноводных моллюсков и черепашек. Сбором лесных орехов, диких фруктов (яблок и груш) и диких ягод (ежевика, малины) люди занимались на протяжении всего неолита, однако понятно, что из-за природных условий Центральной Европы эта деятельность могла дать лишь незначительное дополнение к пище.

Сырье, транспорт, технологии

По крайней мере начиная со времен позднего неолита люди пользовались четырехколесными повозками, запряженными быками (Haußler, 1985). Нет никаких следов дорог и мостов, которые существовали бы до окончания неолита, а повозки, вероятно, в основном использовались для местных перевозок. Действительно, неолитические поселения жили, как правило, обособленно и добывали пищу, строительные и другие материалы в ближайшем окружении (Bakels, 1978).

Тяжелые грузы могли перевозиться на большие расстояния речными судами (челноками) (Deichmüller, 1965). Морские раковины, служившие украшениями, являются бесспорным свидетельством хозяйственных связей даже в раннем неолите: их находят на всем Европейском континенте (Willms, 1985), как и амфиболитовые камни, которые использовались для изготовления топоров и тесел (Schwarz-Mackenzen & Schneider, 1983). Кремень, который имелся лишь в некоторых районах и должен был перевозиться на дальние расстояния (до 200 км), еще со времен ленточной керамики был особенно важным материалом. В позднем неолите копи, где добывали кремень, ставили в местах, находившихся на расстоянии от 400 до 600 км (Willms, 1982) (см. ил. 56).

Многие копи в конце позднего неолита специализировались на производстве определенных типов изделий, например головок топоров (в частности, в Лусберге, недалеко от Ахсна). Головки затем отделялись, т.е. обтачивались и наживались на ручки (эти операции занимали по меньшей мере столько же времени, что и добыча и изготовление заготовок), вне копей. Следовательно, можно предположить, что и распределение отдельных инструментов осуществлялось специалистами – «торговцами», хотя и неизвестно, основывалась ли эта торговля на бартере или существовало некое подобие денег (Pittioni, 1985). Большая доля обменов имела, возможно, ритуальные и социальные аспекты, однако некоторыми товарами, имевшимися в большом количестве, могли торговать на хозяйственной основе.

Специальные знания и умения были, несомненно, необходимы для обработки медных изделий. Применение меди для украшений началось в конце среднего неолита (Lüning, 1981, p. 141) под влиянием с Карпат (Ottavay, 1973). В течение позднего неолита орудия и оружие, а также топоры и кинжалы изготавливались главным образом в северной части Карпатского бассейна (Bognár-Kutzián, 1972; Pleslová-Šticková, 1977).

Эти примеры ясно показывают, что в неолитических хозяйствах производились разнообразные изделия и вещи и зачастую в большом количестве. Следовательно, начиная с позднего неолита должны были работать специализированные ремесленники. Их техническое оборудование было, конечно, относительно простым, поскольку не было обнаружено никаких следов сложных «машин». Следует, однако, предположить наличие некоторой рационализации рабочего процесса, другими словами, простых машин, таких как приспособления для сверления отверстий при изготовлении бус (Aujouerd-Bui, 1977).

ЖИЛИЩА, ПОСЕЛЕНИЯ И ТЕРРИТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЙ

Ранний неолит

Дома

Может показаться странным, что к настоящему времени лучше всего известны дома, относящиеся к истории поселений самого раннего периода неолита в Центральной Европе. Это объясняется, во-первых, тем, что раскопки проводились во многих странах на обширных территориях, на которых была распространена ленточная керамика, поэтому имеется информация о более чем 1000 наземных планах жилищ того периода. Во-вторых, постройки раннего неолита были особенно большими и прочно построенными и, кроме всего прочего, были поставлены на глубоко зарытых столбах, поэтому наземные планы особенно хорошо сохранились.

Вместе с тем следует учитывать масштабы того, что было разрушено (Modderman, 1976). Во всяком случае поселения культуры ленточной керамики располагались на лучших пахотных землях, которые – часто непрерывно – возделывались на протяжении восьми тыс. лет. Это объясняет, почему не сохранились основания домов в любой части Центральной Европы и в результате не осталось никаких прямых свидетельств, касающихся внутреннего устройства домов (очагов, рабочих зон, перегородок). Обычно раскопки проводились на уровне, расположенном на один метр ниже, чем неолитическая поверхность, поэтому остались лишь отверстия для столбов и следы от стен, которые лежали глубже всего; глубина таких следов составляет от 20 до 40 см. Следовательно, эти столбы и стены первоначально были погружены на глубину примерно 1,5 м; но в действительности обнаружено только немного хорошо сохранившихся построек, уходящих на такую глубину.

Дома периода ранней культуры ленточной керамики также имели наиболее сложный наземный план (рис. 148). В них ясно различимы четыре продольных комнаты и шесть поперечных «нефов» (Paulß, 1982; Lüning & Modderman, 1982). В центре постройки было большое пространство, относительно свободное от столбов, отведенное, вероятно, для жилья и домашних работ. В северо-западной стороне была другая комната с особенно усиленными стенами, по-видимому, спальня и хранилище.

К юго-востоку от центральной комнаты располагалась часть дома с двумя рядами столбов, один ряд, вероятно, поддерживал крышу, а другой – чердак хранилища. Можно предположить, что в этой части здания хранили запасы, для которых требовались особенно большие площади, например зерно, зимние запасы корма для животных или, возможно, солому. Эта обращенная к югу часть была последней в постройках средней и поздней культуры ленточной керамики; здание самых ранних фаз этой культуры имело еще дополнительную переднюю.

В поперечном разрезе между стенами жилища ленточной керамики имели опоры из трех столбов, поддерживающих крышу, так что образовывались четыре нефа. Центральный ряд, возможно, поддерживал конек двускатной крыши. В постройках культуры ленточной керамики крыша опускалась по сторонам почти до уровня земли, образуя, таким образом, дополнительные хранилища для провизии и даже для фуража и дров. В ту эпоху это был единственный тип жилища – единое здание, без вспомогательных построек, поэтому все функции сельскохозяйственной жизни должны были выполняться под одной крышей. Следовательно, эти здания должны были быть адаптированы к влажному климату и долгим зимам Центральной Европы. Параллельно продольным стенам проходили узкие каналы, очевидно, служившие для отвода

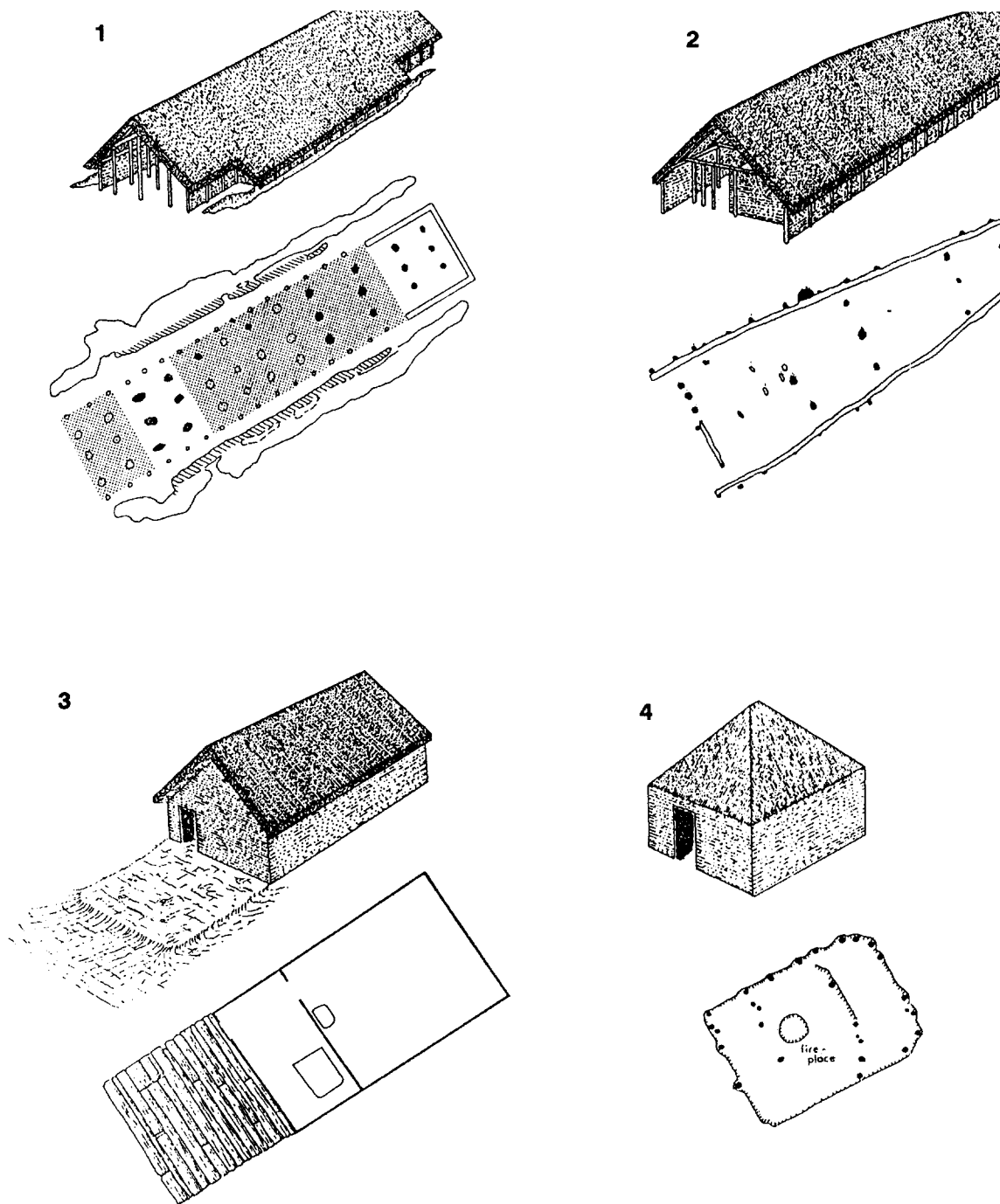

Рис. 148. Развитие типов жилищ в Центральной Европе (в Германии) в эпоху неолита: 1 – ранний неолит, Шванфельд; 2 – средний неолит, Инден I; 3 – начало позднего неолита, Эрэнштайн; 4 – заключительный поздний неолит, Гольдбургхаузен (Гольберг) (по Bersu, Kuper, Lüning, Zürn)

дождевой воды, стекавшей с крыши. Из этого следует, как важно было для первых крестьян иметь большое сухое пространство. В отличие от Южной Европы и Средиземноморья здесь жизнь явно протекала в основном внутри жилищ, а не вне их.

Учитывая внушительные размеры этих жилищ (длиной 20–30 м), некоторые ученые предположили (например, Soudský, 1969), что в них одновременно проживали от 20 до 40 человек – фактически целый род. Однако если судить по типовому распределению внутреннего пространства, то становится очевидно, что в подобном здании разные помещения имели специальное назначение, поэтому можно допустить, что в нем могла жить и работать семейная ячейка из 5–7 человек.

Разделение помещения на северо-западную, центральную и юго-восточную части просуществовало в течение всего периода ленточной керамики. Нужно отметить, что в середине и конце этого периода встречаются дома меньших размеров, состоявшие только из северо-западной и центральной частей, и даже еще меньшие дома из одной центральной части. Во-первых, из этого следует, что центральная часть дома была самой важной и должна была, без сомнения, служить жилым помещением. Во-вторых, выявляется дифференциация земледельческого населения. Действительно, на примере поселения на Альденховенском плато в Рейнской области видно, что меньшие здания без хранилищ, несомненно, служили для использования и обработки зерна, однако в таких домах зерно не молотили

и не веяли. В противоположность этому в домах с юго-восточной частью, предназначенной для хранилища, было обнаружено большое количество отходов от очистки зерна (Boelicke, 1982). Следовательно, можно сделать вывод о существовании различий между производителями и потребителями зерна.

В ходе раннего неолита наземная планировка жилища заметно изменяется (Modderman, 1970). В самом начале периода ленточной керамики в центральном пространстве практически отсутствуют столбы. На следующей стадии (Фломборн) в нем появляются Y-образные столбы (по крайней мере в западных частях территории ленточной керамики), функции которых нам не известны. И наконец, на поздней стадии ленточной керамики Y-образные столбы сменяются двумя связками по три столба в каждой.

Поселения и территории заселения

Из-за больших площадей, занятых любым поселением, на которых находили многочисленные основания домов и ямы, одно время была тенденция считать такие поселения «деревнями» культуры ленточной керамики, однако тщательный анализ показал, что лишь некоторые из этих жилищ относятся к одному времени и что поселения часто имели долгую и более или менее непрерывную историю. Это относится, например, к Билани в Богемии (Pavlů, 1977, 1982) и к Эльслоо в Нидерландах (Velde, 1979).

Самое крупное из известных до сих пор поселений культуры ленточной керамики состояло из одиннадцати домов (Лангвайлер 8, фаза VI, Рейнская область). Они отстояли друг от друга на расстоянии в среднем 74 м, а весь комплекс занимал 7 га; ни один из домов практически не отличался от других. В Рейнской области были также обнаружены небольшие поселения с двумя или тремя домами и, наконец, несколько отдельно стоящих домов (Lüning, 1982b). Такое распределение можно назвать системой свободно и разрозненно стоящих поселений, включающей малые и средние поселения. Из-за отсутствия следов центральных и общинных сооружений нельзя говорить об организованных деревнях. Скорее всего, речь идет о независимых и в принципе равноправных сельскохозяйственных хозяйствах – фермах.

В большинстве случаев эти фермы выстраивались вдоль небольших водных потоков и редко удалялись больше чем на 200–400 м от источников воды. На этом пути они образовывали узкие заселенные зоны (коридоры), удаленные друг от друга максимум на 3 км. Однако и внутри таких зон были разрывы, поэтому даже при самом плотном заселении каждая ферма располагала как минимум 15 га земли для выращивания растений и скотоводства.

Как показали крупномасштабные раскопки, проведенные в районе Рейн-Майн (Stelmann, 1972) и на Нижнем Рейне (Dobrn-Ibmig, 1979), плотность населения в период ленточной керамики поначалу была относительно небольшой. Затем она резко возросла, а затем снова сильно сократилась. Этот процесс подтверждался на примере поселения Лангвайлер 8, хронологическая последовательность которого составлена очень детально (Lüning, 1982a). Полагают, что во время наивысшего расцвета ленточной керамики в западном регионе на 1 кв. км приходилось 1,45 жителя. Если же вести расчет только относительно интенсивно заселяемых территорий с лессовыми почвами, то плотность достигает 16,7 человека на 1 кв. км (Lüning, 1982a, p. 26).

В более поздней культуре западной ленточной керамики между Рейнской областью и южной Баварией были построены земляные укрепления овальной или трапециевидной формы. Они в основном состояли из рвов V-об-

разного сечения и временами включали валы; доступ внутрь осуществлялся через несколько проходов (Dobrn-Ibmig, 1971; Höckmann, 1975; Schuellnus, 1983, fig. 15). Недавние исследования показали, что некоторые из этих мест были пустыми, без домов (Лангвайлер 9, Рейнская область: Lüning, 1982a, p. 18–21). В одном случае достоверно доказано, что четыре связанных с подобной территорией дома были расположены за пределами системы рвов (Лангвайлер 8, Рейнская область: Lüning, 1982b, fig. 15) (рис. 149). Некоторые ученые полагают, что это были кульговые места (Lüning, 1983–1984), однако чаще считают, что это скорее всего были загоны для скота.

Таким образом, культура ленточной керамики заняла лессовые территории Центральной Европы. Высокогорья оставались необитаемыми, но, несомненно, были пересечены путями сообщений и, возможно, служили также пастбищами для скота, по крайней мере их окраинные зоны (Müller, 1985). В глубине основных регионов были более мелкие зоны заселения, которые, как, например, в Богемии, можно определить достаточно точно (Pavlů & Zápotocká, 1979). Сами эти зоны состояли из еще более мелких географических образований – «ядер» заселения, в которых обнаруженные поселения группировались, образуя небольшие скопления (Kruk, 1980).

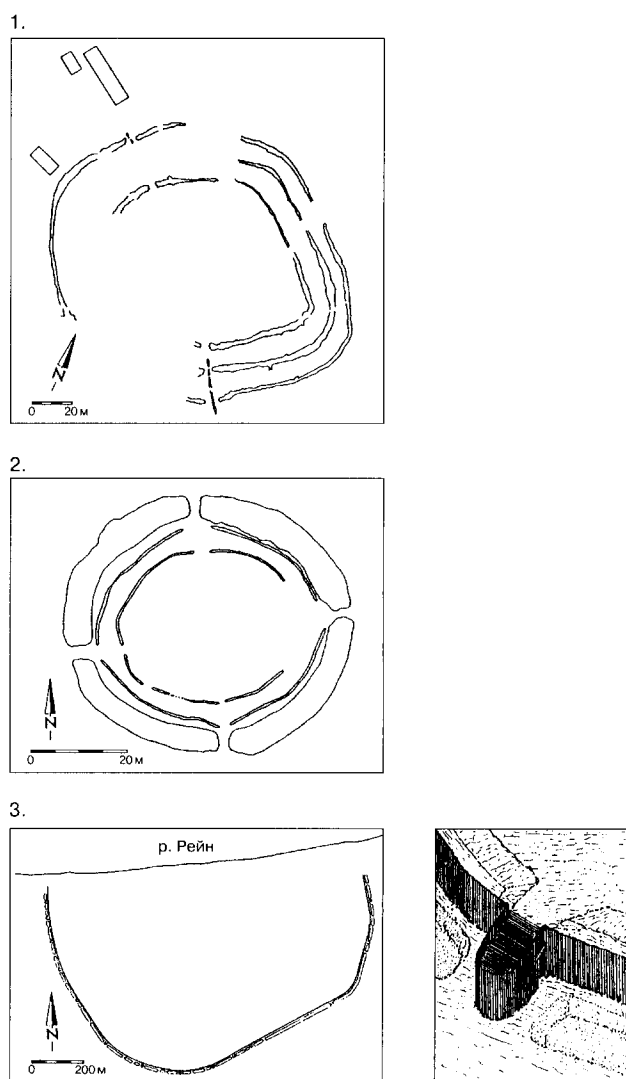

Рис. 149. Развитие земляных сооружений в Центральной Европе в период неолита: 1 – ранний неолит, Лангвайлер 8, Германия; 2 – средний неолит, Тесетиче-Кийовиче, бывшая Чехословакия; 3 – поздний неолит, Урмиц, Германия (с укрепленным входом)

Средний неолит

Дома

В среднем неолите различают два крупных региональных типа домов. В зоне гротартахской культуры, которая, возможно, еще входила в состав комплекса ленточно-точечной керамики, у домов были выгнутые стены, как борта у корабля (Günther, 1973). В период рёссенской культуры распространились трапецидальные в плане дома (рис. 148) от Парижского региона до Богемии и юго-востока Польши (Soudek, 1969). Таким образом, один и тот же тип жилища строился во всей Центральной Европе, по крайней мере в трех археологических культурах (рёссенской, ленточно-точечной керамики и северной ленгигельской).

Дома трапецидальной формы относятся еще к ленточной керамике, но отражают изменения в социальных условиях. Некоторые из домов были небольшими (только 12 м в длину), другие – очень большие (до 56 м). Часто они имели пристройку и открытую переднюю. На собственно жилой площади порой можно видеть следы перегородок, однако ее общий план оставался неизменным. Из этого можно сделать вывод, что все такие комнаты использовались как жилые. В зависимости от размеров дом вмещал от одной до четырех «семей». Часть запасов продовольствия хранилась в пристройке (Lüning, 1982b).

К югу от зоны, занятой трапецидальными домами, была площадь с домами прямоугольной в плане формы, которые состояли из двух комнат. Об их происхождении, относящемся ко времени более старой ленгигельской культуры (с расписной керамикой), еще мало известно (Podborský, 1984). В поздней ленгигельской культуре во многих местах основания строений уходили примерно на 1 м в землю, поэтому устройство внутреннего пространства с его очагами, печами, жилами и рабочими зонами сохранилось в прекрасном состоянии (Vladar & Lichardus, 1968; Lüning, 1981). Две комнаты предназначались для разных целей. В первой комнате, где часто находилась печь, люди работали, а во второй, где был очаг, они жили и спали. Воссоздание этих домов в значительной степени облегчалось находкой нескольких глиняных макетов. Этот тип жилища распространился далеко на север и на запад и в конце концов вытеснил дома трапецидального плана. По сравнению с крупными «многосемейными» сооружениями начала среднего неолита эти дома значительно меньше и, вероятно, были «односемейными».

Поселения и территории заселения

Поселения, которые были раскопаны полностью, и особенно те, которые относятся к началу среднего неолита, встречаются очень редко. Лучшим примером служит поселение в Инден (рёссенская культура) в округе Дюрен Рейнской области (Kuper, 1975). Здесь сначала было четыре фермы, т.е. дома с пристройками, располагавшимися на площади 2,5 га. В середине поселения имелось свободное пространство для размещения особой группы зданий, и все поселение было окружено забором. Позднее поселение вытянулось к северу, и занимаемая им площадь практически удвоилась (Lüning, 1982a). Это фактически была одна из первых деревень с общинными строениями (центральными зданиями и изгородями). Деревни состояли из независимых фермерских хозяйств, которые не были разбросаны по территории, как в эпоху ленточной керамики, а группировались, образуя компактные поселения. Следовательно, произошла концентрация населения и зданий в небольших деревнях, где люди жили на протяжении нескольких поколений. Центральные строения были такими же фермерскими хозяйствами, как и остальные здания, однако в них кроме обычных помещений имелся большой прямоугольный зал.

По всей Центральной Европе в поселениях периода ленточной керамики люди продолжали жить и в эпоху среднего неолита, однако в то же время множилось количество деревень на ранее необитаемых территориях, более удаленных от источников воды, например, на высоких плато между бассейнами рек, как в Малой Польше (Kruk, 1980), Богемии (Rulf, 1983) и в Рейнской области (Lüning, 1982b). Однако в общем количество поселений уменьшалось, как, например, в Центральной Германии (Starling, 1983); в южной Богемии целые районы были покинуты (Zápotocká, 1982). Это явилось результатом указанного процесса концентрации.

В начале среднего неолита появились первые поселения несомненно культового назначения. Они состояли из систем рвов, располагавшихся по кругу диаметром от 50 до 100 м, входы в них часто соответствовали главным точкам горизонта (рис. 149). Были также квадратные в плане поселения. Именно их четко выраженные геометрические формы наводят на мысль, что это были общественно-культовые центры. Они были широко распространены в трех основных культурах среднего неолита – гротартахско-рёссенской, культуре ленточно-точечной керамики и ленгигельской. Неизвестно, делались ли также земляные заграждения для нерелигиозных целей, за исключением поселений ленгигельской культуры, в которых они существовали.

Поздний неолит

Дома

По-видимому, в этот период произошли радикальные изменения в технике строительства: отказ от вертикальных опорных столбов и переход к стропилам и балкам. Поддерживающие столбы и стены больше не забивались в землю, а опираются на горизонтальные балки на уровне земли. Только этим можно объяснить тот факт, что в старых поселениях, относящихся к шассейской и михельбергской культурам и до баденской культуры до нас практически не дошли никакие следы домов.

И только в предгорьях Альп в новых поселениях позднего неолита сохранилась техника строительства домов с применением опорных столбов. Здесь остатки таких строений прекрасно сохранились в болотистых местностях и под поверхностью воды на берегах озер, часто с деревянными полами и нижними частями стен. Благодаря этим находкам мы хорошо информированы о плотницких приемах того времени, о том, что было известно соединение «в шпунт» (Billamboz & Schlichtherle, 1985). Эти приемы позволяли делать сложные соединения верхних частей зданий, опирающихся на грунт. Начиная с XIX в. эти деревянные дома стали называться «домами на сваях», и до сих пор применяется это название, хотя было доказано, что многие из таких зданий вначале были построены на сухой почве, а позднее были затоплены водой или поглощены болотами (Strahm, 1983).

В своей планировке дома в предгорьях Альп сохраняли традиции поздней фазы среднего неолита. Они состояли из одной или двух комнат с очагом и печью, их размеры – 4,5–9 м в длину и от 4,5–5 м в ширину, как видно на примере домов из поселений Шуссенрид в Эренштайне неподалеку от Ульма на юге Германии (Zürm, 1965, p. 52) (рис. 148).

В лессовых зонах Центральной Европы не было обнаружено ни одного основания дома, который бы относился к эпохе, предшествовавшей заключительной фазе позднего неолита. Следы осевших в землю строений квадратной или прямоугольной формы со стенами длиной от 3 до 7 м были обнаружены в Гольдберге на юге Германии (Bersu, 1937), в ривначской культуре в Богемии (Ebrich & Pleslová-Šticková, 1968, p. 47), а также в бернбургской культуре в Центральной Германии (Behrens & Schröter, 1980, p. 35).

Стены этих строений состояли из рядов столбов. Между стенами были столбы, поддерживавшие крышу и очаги (рис. 148).

Одно- и двухкомнатные дома начала позднего неолита и затопленные дома конца этого же периода имели довольно небольшую площадь, которая была занята семейной ячейкой, насчитывавшей не более 5–7 человек.

Поселения и зоны заселения

Типичными для Центральной Европы в позднем неолите были относительно небольшие деревни с плотно поставленными друг к другу домами. Они часто были окружены оградями и заборами, которые, не будучи сложными укреплениями, все же явно служили для защиты жителей. Их расположение подчинялось определенному плану, поскольку строения выстраивались в ряд вдоль улиц и узких проездов. Этот тип поселения появился в конце среднего неолита в хорошо известной деревне Айхбюль на юге Германии (*Schmidt*, 1930–1937). К настоящему времени это единственная найденная деревня с открытым пространством в центре, на котором стояло большое общинное здание. От других поселений до нас дошли только частичные планы расположения зданий; исключение составляет небольшое приозерное поселение Эгольцвилль 5 в Швейцарии, в котором не было центрального здания (*Wjss*, 1976). Семьи жили и работали в относительно небольших домах, и довольно странно, что в них не было помещений для сельскохозяйственных работ и хранения. Однако были свободные пространства между зданиями, где могли содержаться козы и овцы; недавно эти пространства были описаны как конюшни, и кроме того, есть мнение, что это были стойла для быков (*Guyan*, 1976).

Описанные поселения располагались в болотистых районах у предгорий Альп. Как уже упоминалось, не было найдено никаких домов и, следовательно, никаких планов поселений на лессовых землях Центральной Европы. Только поселение Гомолка в Центральной Богемии (ринначская культура), дома в котором осели в землю, указывает на то, что тип деревень с плотной застройкой был известен далеко к северу и, вероятно, очень распространен (*Ebrich & Pleslová-Šticková*, 1968).

Однако здесь, возможно, существовали более крупные поселения, поскольку уже давно были обнаружены крупные валы и рвы, относящиеся к позднему неолиту. Эти сооружения достигали особенно внушительных размеров в михельсбергской культуре (*Boelicke*, 1977). Так, в Урмице, в Рейнской области, одно полукруглое сооружение на берегу Рейна имело в диаметре 1,2 км. Его укрепленные входы очень напоминают укрепленные «города», однако слишком мало известно, для чего предназначалось внутреннее пространство в этом поселении (рис. 149) (*Müller-Karpe*, 1974; *Boelicke*, 1979).

Вершины европейских возвышенностей в это время впервые систематически стали заселяться и зачастую укрепляться. Таким образом, заселение возвышенностей завершило уже описанную тенденцию к переходу к неолитической системе хозяйствования и строительству поселений, и эта тенденция, следовательно, распространилась на все регионы за исключением Альп.

Подводя итоги, можно утверждать, что стиль устройства неолитических поселений за три тысячелетия претерпел радикальные изменения. Во время культуры ленточной керамики дома представляли собой автономные фермы, независимые от своих соседей, поэтому стояли изолированно и были широко разбросаны на местности. В среднем неолите формируются деревни с общинными строениями, однако, несмотря на это объединение, индивидуальные фермы сохраняют свою хозяйственную независимость. И лишь в позднем неолите дома и деревни те-

ряют свой «земледельческий» облик. На узких улицах не оставалось места для садов и для фермерских подворий. Тип поселения, в основном предназначенного для жизни, работы и хранения сельскохозяйственного оборудования, должен был быть принят повсюду. В тесном расположении домов в поселениях явно усматривается забота о безопасности. Это ясно следует из планов поселения позднего неолита на высокогорьях. В то же самое время территории, занятые неолитическими культурами, постоянно расширяются, поэтому в целом можно предположить, что происходит относительно непрерывный рост населения.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ И ВЕРОВАНИЯ

Часто полагают, что погребальные обычаи являются особенно консервативным разделом человеческой культуры, однако исследования неолита, проведенные Фишером, свидетельствуют об обратном (*Fischer*, 1956, p. 254). Устройство могил, погребальные подношения, положение тела умершего, различия по полу и общественному положению свидетельствуют о необычайном разнообразии обычаев. Многие культуры имеют собственные, индивидуальные особенности (*Häusler*, 1971).

В большинстве случаев в неолите обнаруживаются могилы, и это, вероятнее всего, свидетельствует о том, что захоронение тела было правилом. Но в то же время были обнаружены следы кремации, начинающейся с эпохи ленточной керамики. Поскольку могилы с кремированными телами были неглубокими, то они часто разрушались плугами. На некоторых кладбищах захоронения тел и кремированных останков соседствуют. Следовательно, можно предположить, что первоначально в эпоху ленточной керамики кремация проводилась гораздо чаще, чем кажется сегодня и, возможно, она даже была наиболее распространенной. То же самое относится и к другим периодам неолита, потому что частичная или преобладающая практика кремации достаточно полно доказана. В целом было найдено очень небольшое количество могил, относящихся к неолиту, следовательно, нужно допустить существование других обрядов, например, захоронение на уровне земли или под уровнем земли, которые не оставляли следов на земле.

Вполне развитые и характерные похоронные обряды существовали уже в раннем неолите. В культурах ленточной керамики умерших хоронили на кладбищах, расположенных в нескольких сотнях метров от поселений (*Modderman*, 1970). Это были плоские могилы, большинство из них ориентировано по оси «восток – запад». Тела помещались в них на боку, в положении спящего человека; похоже, что направление тела не имело значения. Соуды, орудия и оружие, которые хоронились вместе с умершим, обнаруживаются в изголовье и верхней части тела. Могилы женщин часто можно было узнать по наличию украшений и зернотерок, тогда как в могилах мужчин в основном лежало оружие (каменные топоры, наконечники для стрел). Социальные различия при этом не проявляются. На кладбище в Нитре (Словакия) и на многих других кладбищах могилы мужчин богаче могил женщин (*Pavúk*, 1972, p. 73). В Эльслоо (Нидерланды) частое соединение одной мужской и одной женской могил, вероятно, свидетельствует о моногамии (*Velde*, 1979, p. 111).

В среднем неолите продолжают существовать погребальные обряды ленточной керамики, однако все чаще проявляются региональные особенности. На юге Рейнской области умерших обычно хоронили лежащими на спине (*Meier-Arendt*, 1975, p. 69). На кладбище Рёссен (Центральная Германия) сохранились традиционные захоронения в согнутом положении, причем применялись определенные правила, поскольку все скелеты были найдены лежа-

щими на правом боку (*Fischer*, 1956, p. 32). В поселении Бжечь-Куявски на Висле (Польша) преобладает расположение скелетов в согнутом положении и в направлении с севера на юг, однако мужчины лежат на правом боку, а женщины – на левом (*Jażdżewski*, 1938).

Более радикальные изменения происходили в эпоху позднего неолита. На востоке традиции захоронений продолжают, как, например, в Венгрии в рамках бодрогкештурской и баденской культур (*Banner*, 1956, p. 184; *Patay*, 1973), однако на западе возникли культуры, в которых могилы практически отсутствуют, например, михельсбергская и шассейская культуры.

Влияние северной культуры воронковидных кубков проявилось в междуречье Эльбы и Зале с устройством первых больших коллективных могил. Иногда это были монументальные мегалитические могилы, которые свидетельствуют о том, что в глазах живых выросло значение могил и погребальных ритуалов. Коллективные захоронения подчеркивали преемственность поколений в семьях, что подтверждается также антропологическими исследованиями (*Ulrich*, 1965, 1969). Память об отдельном человеке также сохранялась: впервые были обнаружены индивидуальные могилы внутри монументальных надмогильных курганов, сооруженных в рамках баальбергской и зальцмюндской культур (*Fischer*, 1956, p. 48–55; *Preuss*, 1966, p. 34).

Мюллер–Карпе детально описал религиозные верования эпохи неолита (*Müller–Karpe*, 1968, p. 333; 1979, p. 605). По его мнению, в раннем и среднем неолите отношение к умершим свидетельствует о вере в любовь живых и мертвых в загробной жизни, и о выживании общины, но в то время еще не существовало веры в продолжение жизни человека в другом мире после смерти. Эта идея впервые появилась в позднем неолите, когда начали верить, как об этом свидетельствуют большие могильные курганы, в вечную жизнь после смерти. К данному периоду относятся первые свидетельства о существовании погребального культа, соединяющего мир живых с загробным миром.

С другой стороны, начиная с раннего неолита были известны религиозные ритуалы и жертвоприношения, которые устанавливали связи с силами потустороннего мира. Очень широко известна пещера Юнгферн в Тифенеллерне, на юге Германии, которая, начиная со времен ленточной керамики, была местом жертвоприношений (*Kunkel*, 1955). Одна группа остатков от этих обрядов состояла из человеческих скелетов или частей скелетов, которые найдены в мусорных ямах в поселениях. Некоторые из этих находок были справедливо отнесены к остаткам захоронений, однако большинство их, вероятно, являются остатками жертв религиозных обычаев и магических ритуалов. В раннем и среднем неолите находки такого рода редки и разбросаны, но в позднем неолите обнаружены ямы (*bothzoi*), содержащие скелеты людей и животных, во многих культурах, таких, как михельсбергская культура (*Lüning*, 1968, p. 125), баальбергская и зальцмюндская культуры (*Fischer*, 1956, p. 53–63) и баденская культура (*Makkay*, 1975, 1978). В связи с рассматриваемой в этом разделе проблемой следует также упомянуть о захоронениях животных (*Behrens*, 1964) и остатков жертвоприношений под основаниями домов (*Soudsky*, 1969).

И наконец, земляные сооружения геометрических форм в среднем неолите свидетельствуют о культовых ритуалах, которые, вероятно, должны были собирать население из нескольких поселений. Традиция массовых ритуальных церемоний, которая должна была быть связана с циклом сезонных земледельческих работ, оставалась неизменной и в позднем неолите. Возможно, большинство земляных сооружений этого периода имели культовое значение, а решающее значение культов в неолите отражено во впечатляющих монументах той эпохи (*Maier*, 1962).

СОЦИАЛЬНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Захоронения и жилища раннего неолита выявляют существование эгалитарного общества без социального расслоения и установленного правления. Этнографические параллели наводят на мысль, что родственные связи и происхождение служили основой внутренней организации. Семья как самая малая общественная единица явно имела очень большое хозяйственное значение – на это указывает система индивидуальных фермерских поселений культуры ленточной керамики. С другой стороны, наличие кладбищ свидетельствует также о существовании крупных общностей, объединяющих, вероятно, несколько поселений. Однако нет возможности узнать, насколько велика была территория, принадлежавшая таким «племенам».

В среднем неолите явно возрастает значение понятий территории и региона. Отдельная семья отдает часть своей хозяйственной независимости в пользу деревни. Появляются общинные организации вместе с деревенским «высшим эшелонам». Однако общество остается «демократическим», насколько можно судить по захоронениям, не позволяющим выявить какие-либо политические или социальные различия. В поселениях центральные здания должны были предназначаться для общинных целей.

В раннем и среднем неолите не обнаружено следов специализации ремесленного труда отдельных людей и семей. Следы хозяйственных различий между производителями и потребителями ограничиваются некоторыми редкими исходными материалами, такими, как раковины, кремь и топоры из амфиболита. Пока не известно, как были организованы производство и распределение.

Поздний неолит принес заметные перемены. В новом типе поселения – огражденной деревне с системой улиц – общинный элемент приобрел большее значение, и, вероятно, образовался правящий класс. Согласно мнению Фишера (*Fischer*, *U.*, 1956, p. 54–67), могильные курганы, относящиеся к культуре воронковидных кубков в Центральной Германии (баальбергская, зальцмюндская культуры), могли свидетельствовать о существовании высшего общественного слоя, однако в архитектуре поселений подтверждений этому нет. Возможно, что специализация ремесленников в конце позднего неолита также была связана с политической дифференциацией.

ИСКУССТВО И НАУКА

Постройки и изделия домашних умельцев являются почти единственными дошедшими до нас предметами искусства неолита в Центральной Европе. Почетное место здесь отводится пластическим фигуркам, изображающим идолов – тому жанру, который получал широкое развитие в некоторые периоды, в частности в начале периода ленточной культуры. От той же культуры до нас дошли высококачественные гончарные изделия, украшенные расписными геометрическими орнаментами необычайно разнообразных форм. Различная художественная деятельность проявлялась также и в других областях, особенно в орнаментах гончарных изделий.

Вряд ли можно употреблять термин «архитектура» применительно к преимущественно функциональным постройкам и рабочим помещениям. Тем не менее, земляные сооружения, их рвы, стены, изгороди и бастионы часто имели вид монументальных сооружений.

Деревянные и текстильные изделия, которые, вероятно, существовали в изобилии, почти все утеряны. По сравнению с другими регионами Европы искусство неолита в Центральной Европе достаточно бедно.

Нельзя представить существование «научной мысли» в эпоху неолита в ее современном понимании, хотя бы из-за

возможного засилья культа верований. Тем не менее совершенно очевидно, что жизнь людей основывалась на комплексе рациональных представлений и обычаев. Лучшее доказательство тому – мастерство, которое могло быть результатом длительной практики и которое проявлялось, например, в изготовлении гончарных изделий и изделий из меди, а также в повседневных занятиях сельским хозяйством и строительством. Необходимо было знать основы геометрии, чтобы выполнять измерения при планировке и тем более при возведении зданий земляных сооружений в среднем неолите с их совершенно круглыми или прямоугольными формами. Поскольку эти сооружения были часто ориентированы по определенным направлениям, то были необходимы знания в другой области – в астрономии, и должны были проводиться систематические наблюдения и съемки. Предельные отклонения в ориентации могил не превышали 5%. А ведь самый простой инструмент, который позволяет добиваться такой точности, – «индийский круг» – предполагает хотя бы частичное знание геометрии круга и понимание значения прямого угла (Schlosser et al., 1981). Для астрономии и земледелия необходим календарь, однако данных о нем не имеется.

Подводя итоги, можно сказать, что дошедшие до нас сведения об искусстве и науке неолита Центральной Европы свидетельствуют об относительно умеренном периоде, отмеченном функциональным сельскохозяйственным мышлением и сельской религиозностью.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AUJOURD'HUI, R. D. 1977. Bedeutung und Funktion der Dickenbännlispitzen. Mikroskopische Untersuchungen zur Funktionsdeutung von Silexgeräten. *Verh. nat.forsch. Ges. Basel*, Vol. 86, pp. 237–56.
- BAILLOUD, G. 1976. Les Civilisations néolithiques du Bassin Parisien et du Nord de la France. In: GUILAINE, J. (ed.), *La Préhistoire française*. Paris. Vol. 2, pp. 375–86.
- BAKELS, C.C. 1978. Four Linearbandkeramik Settlements and their Environment: A Palaeoecological Study of Sittard, Stein, Elsloo and Hienheim. *Leiden. (Analecta Praehist. Leidensia, 11.)*
- 1982. The Settlement System of the Dutch Linearbandkeramik. In: *Prehistoric Settlement Patterns around the North Sea*. Leiden, pp. 31–44. (Analecta Praehist. Leidensia, 15.)
- BANNER, J. 1956. *The Peccler Kultur*. Budapest. (Archaeol. Hung., 35.)
- BECKER, C. J. 1947. Mosefunde Lerkar fra yngre Stenalder [Neolithic Pottery in Danish Bogs]. *Aarb. nord. Oldkynd. hist.* (Copenhagen), pp. 1–318.
- 1954. Stenalderbebyggelsen ved Store Valby i Vestsjælland [Stone Age Settlements at Store Valby in Western Sjælland]. *Aarb. nord. Oldkynd. hist.* (Copenhagen), pp. 127–97.
- BEHM-BLANKE, G. 1962–3. Bandkeramische Erntegeräte. Zur Typologie der ältesten Sichel und Erntemesser. *Alt-Thüring.* (Weimar), Vol. 6, pp. 104–75.
- BEHRENS, H. 1964. Die neolithisch-frühmetallzeitlichen Tierskelettfunde der Alten Welt. Berlin. (Veröff. Landesmus. Vorgesch. Halle, 19.)
- 1973. Die Jungsteinzeit im Mittelbebe-Saale-Gebiet. Berlin. (Veröff. Landesmus. Vorgesch. Halle, 27.)
- BEHRENS, H.; SCHRÖTER, E. 1980. Siedlungen und Gräber der Trichterbecherkultur und Schnurkeramik bei Halle (Saale). Berlin. (Veröffentlichungen des Landesmuseums für Vorgeschichte in Halle, 34.)
- BERNHARD, W. 1978. Anthropologie der Bandkeramik. In: SCHWABEDISSEN, H. (ed.), *Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa*; Anthropologie. Cologne/Vienna. pp. 128–63. (Fundamenta Reihe B, Vol. 3, p. VIIIb.)
- BERSU, G. 1937. Altheimer Wohnhäuser von Goldberg, OA. Neresheim, Württemberg. *Germania* (Berlin), Vol. 21, pp. 149–58.
- BILLAMOZ, A.; SCHLICHTERLE, H. 1985. Pfahlbauten – Häuser in Seen und Mooren. In: *Der Keltenfürst von Hochdorf. Methoden und Ergebnisse der Landesarchäologie. Katalog zur Ausstellung 1985*. Stuttgart, pp. 249–66.
- BOELICKE, U. 1977. Das neolithische Erdwerk Urmitz. *Acta Praehist. Archaeol.* (Berlin), Vol. 7/8, pp. 21–34.
- 1979. Überlegungen zur Rekonstruktion der Umfassungsanlage des Erdwerks Urmitz. *Köln. Jahrb. Vor- Frühgesch.* (Berlin), Vol. 16, pp. 21–34.
- 1982. Gruben und Häuser: Untersuchungen zur Struktur bandkeramische Hofplätze. In: *INTERNATIONALES KOLLOQUIUM NOVE VOZOKANY, 1981. Siedlungen der Kultur mit Linearkeramik in Europa*. Nitra. pp. 17–28.
- BOESSNECK, J. 1958. Studien an vor- und frühgeschichtlichen Tierresten Bayerns. Munich.
- BOESSNECK, J.; JEQUIER, J.-P.; STAMPFLI, H. R. 1963. Seeberg, Burgaschise–Süd. *Die Tierreste*. Bern. (Acta Bernens., Vol. II, t.3.)
- BOGNAR-KUTZIAN, I. 1969. Probleme der mittleren Kupferzeit im Karpathenbecken. In: *SYMPOSIUM ÜBER DEN LENGYEL-KOMPLEX UND BENACHBARTÉ KULTUREN*, Nitra, 1967. [Materialien.]
- 1972. The Early Copper Age Tiszapolgar Culture in the Capathian Basin. Budapest. (Archaeol. Hung., 48.)
- BÖKÖNYI, S. 1974. History of Domestic Mammals in Central and Eastern Europe. Budapest.
- BUTTLER, W. 1938. Der donauländische und der westliche Kulturkreis der jüngeren Steinzeit. Berlin/Leipzig. (Handb. Urgesch. Dtschl., 2.)
- BUTTLER, W.; HABEREY, W. 1936. Die bandkeramische Ansiedlung bei Köln-Lindenthal. Berlin/Leipzig. (Römi.-Ger. Forsch., II.)
- CHILDE, V. G. 1929. *The Danube in Prehistory*. London.
- CLARK, J. G. R. 1952. *Prehistoric Europe: The Economic Basis*. London.
- CONSTANTIN, C. 1985. Fin du Rubané, céramique du Limbourg et Post-Rubané: le néolithique le plus ancien en Bassin Parisien et en Hainaut. Oxford. (BAR Int. Ser., 273.)
- DEICHMÜLLER, J. 1965. Die neolithische Moorsiedlung Hüde I am Dümmer, Kreis Grafschaft Diepholz. *Neue Ausgrab. Forsch. Niedersachs.* (Hildesheim), Vol. 2, pp. 1–18.
- DE LAET, S. J. 1972. Das ältere und mittlere Neolithikum in Belgien (von etwa 4300 bis etwa 2000 v.d.Z.). In: SCHWABEDISSEN, H. (ed.), *Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa*. Cologne, pp. 185–230. (Fundamenta Reihe A3, p. Va.)
- DEMOULE, J.-P.; ILETT, M. 1978. Le site de Berry-au-Bac: La Croix Maigret. In: *UNIVERSITÉ DE PARIS I. Centre de Recherches Protohistoriques. Les Fouilles protohistoriques dans la vallée de l'Aisne, 6, Rapport d'Activité: Campagne de fouille 1978*. Paris, pp. 51–77.
- DESSE, J. 1984. Les Restes de poissons dans les fosses omaliennes. In: OTTE, M. (ed.), *Les Fouilles de la Place Saint-Lambert à Liège*. Liège. Vol. 1, pp. 239–40.
- DOHRN-IHMIG, M. 1971. Ein bandkeramischer Graben mit Einbau bei Langweiler, Kr. Jülich, und die zeitliche Stellung bandkeramischer Gräben im westlichen Verbreitungsgebiet. *Archäol. Korresp. bl.* (Mainz), Vol. 1, pp. 23–30.
- 1974. Die Geringer Gruppe der späten Linienbandkeramik im Mittelrheintal. *Archäol. Korresp. bl.* (Mainz), Vol. 4, pp. 301–6.
- 1979. Bandkeramik an Mittel- und Niederrhein. In: *Beiträge zur Urgeschichte des Rheinlandes*. Cologne/Bonn. Vol. 3, pp. 191–362. (Rhein. Ausgrab., 19.)
- DRIEHAUS, J. 1960. Die Altheimer Gruppe und das Jungneolithikum in Mitteleuropa. Bonn.
- DUBOULEZ, J.; LASSERRE, M.; LE BOLLOCK, M. A. 1984. Eléments pour une chronologie relative des ensembles Roessen, Post-Roessen, Michelsberg et Chasséen dans la vallée de l'Aisne, le Bassin Parisien. *Rev. Archéol. Picardie (Amiens)*, Vol. 1/2, pp. 11–23.
- ECKERT, J. 1979. Koslar 10. Untersuchungen zur neolithischen Besiedlung der Aldenhovener Platte VIII. *Bonn. Jahrb. Rhein. Landesmus. (Bonn)*, Vol. 179, pp. 313–21.
- EGGERT, M. K. H. 1978. Zum Kulturkonzept in der prähistorischen Archäologie. *Bonn. Jahrb. Rhein. Landesmus. (Bonn)*, Vol. 178, pp. 1–20.
- EHRICH, R. W.; PLESLOVÁ-ŠTICKOVÁ, E. 1968. Homolka, an Eneolithic Site in Bohemia. Prague/Cambridge, Mass.

- FIRBACH, F. 1949. Spät- und nacheisenzeitliche Waldgeschichte Mitteleuropas nördlich der Alpen. Allgemeine Waldgeschichte I. Jena, 2 vols.
- FISCHER, U. 1956. Die Gräber der Steinzeit im Saalgebiet. Berlin.
- FRENZEL, U. 1977. Postglaziale Klimaschwankungen im südwestlichen Mitteleuropa. In: FRENZEL, B. (ed.), Dendrochronologie und postglaziale Klimaschwankungen in Europa. Wiesbaden, pp. 297–322.
- GÜNTHER, K. 1973. Eine neue Variante des mittelneolithischen Trapezhauses. *Germania* (Mainz), Vol. 51, pp. 41–53.
- GUYAN, W. U. 1976. Jungsteinzeitliche Urwald-Wirtschaft am Einzelbeispiel von Thaygen 'Weier'. *Jahrb. Schweiz. Ges. Ur-Frühgesch.* (Frauenfeld), Vol. 59, pp. 93–117.
- HÄUSLER, A. 1966. Zur Verhältnis von Männern, Frauen und Kindern in Gräbern der Steinzeit. *Arb.-Forsch. her. sächs. Bodendenkmalpfl.* (Dresden), Vol. 14/15, pp. 25–73.
- 1971. Die Bestattungssitten des Früh- und Mittelneolithikums und ihre Interpretation. In: SCHLETTE, F. (ed.), *Evolution und Revolution im Alten Orient und in Europa*. Berlin, pp. 101–19.
- 1985. Die Anfänge von Rad und Wagen in der Kulturgeschichte Europas. In: HORST, F.; KRÜGER, B. (eds), *Produktivkräfte und Produktionsverhältnisse in ur- und frühgeschichtlicher Zeit*. Berlin, pp. 121–33.
- HEITZ, A.; JACOMET, S.; ZOLLER, H. 1981. Vegetation, Sammelwirtschaft und Ackerbau im Zürichseegebiet zur Zeit der neolithischen und spätbronzezeitlichen Übersiedlungen. *Helvetica archaeol.* (Basle), Vol. 12, pp. 139–52.
- HILLMAN, G. 1984. Traditional Husbandry and Processing of Archaic Cereals in Recent Times: The Operations, Products and Equipment which might Feature in Sumerian Texts. *Bull. Sumer. Agric.* (Cambridge), Vol. 1, pp. 114–52.
- HÖCKMANN, O. 1975. Wehranlagen der jüngeren Steinzeit. In: BÖHME, H. W. (ed.), *Ausgrabungen in Deutschland*. Mainz, Vol. 3, pp. 277–96.
- HOUŠTOVÁ, A. 1960. Kultura nalevkových poharu na Morave [The Funnel-Beaker Culture in Moravia]. *Prague. (Font. Archaeol. Prag, 3.)*
- ILETT, M. et al. 1982. The Late Bandkeramik of the Aisne Valley: Environment and Spatial Organisation. In: *Prehistoric Settlement Patterns around the Southern North Sea*. Leiden, pp. 45–61. (*Analecta Praehist. Leidensia*, 15.)
- ITTEN, M. 1970. Die Horgener Kultur. Basle.
- JAŹDŹEWSKI, K. 1938. Cmentarzyska kultury ceramiki wstegowej i związane z nimi ślady osadnictwa w Brzesciu Kujawskim [Gravefields of the Bandkeramik Culture and the Related Settlements in Bresc Kujawski]. *Wiad. Arched.* (Warsaw), Vol. 15, pp. 1–105.
- 1984. Urgeschichte Mitteleuropas. Wrocław.
- KALICZ, N. 1973. Über die chronologische Stellung der Balaton-Gruppe in Ungarn. In: *SYMPOSIUM ÜBER DIE ENTSTEHUNG UNO CHRONOLOGIE DER BADENER KULTUR*, Male Vozokany, 1969. [Materialien]. Bratislava, pp. 131–65.
- 1983. Die Körös-Starčevo-Kulturen und ihre Beziehungen zur Linearbandkeramik. *Nachr. Niedersachs. Urgesch.* (Hildesheim), Vol. 52, pp. 91–130.
- KALICZ, N.; MAKAY, J. 1977. Die Linienbandkeramik in der grossen ungarischen Tiefebene. Budapest.
- KAUFMANN, D. 1976. Wirtschaft und Kultur der Stichbandkeramiker in Saalegebiet. (Veröff. Landesmus. Vorgesch. Halle, 30.)
- KIMMIG, W. 1981. Feuchtbodensiedlungen in Mitteleuropa. *Archäol. Korresp. bl.* (Mainz), Vol. 11, pp. 1–14.
- KLEJN, I. S. 1982. *Archaeological Typology*. Oxford. (BAR, Int. Ser., 153.)
- KLICHOVSKA, M. 1976. Aus paläoethnobotanische Studie über Pflanzenfunde aus dem Neolithikum und der Bronzezeit auf polnischem Boden. *Archaeol. Polona* (Wrocław), Vol. 17, pp. 27–67.
- KOWALCZYK, J. 1970. The Funnel Beaker Culture. In: WISLANSKI, T. (ed.), *The Neolithic in Poland*. Warsaw, pp. 144–77.
- KRUK, J. 1980. *The Neolithic Settlement of Southern Poland*. Oxford. (BAR Int. Ser., 93.)
- KULCZYCKA-LECIEJEWICZOWA, A. 1970. The Linear and Stroked Pottery Cultures. In: WISLANSKI, T. (ed.), *The Neolithic in Poland*. Warsaw, pp. 14–75.
- KUNKEL, O. 1955. Die Jungfernhöhle bei Tiefenellern, eine neolithische Kultstätte auf dem Fränkischen Jura bei Bamberg. Munich.
- KUPER, R. 1975. Die rössener Siedlung Inden I. In: BÖHME, H. W. (ed.), *Ausgrabungen in Deutschland*. Mainz.
- KUSTERMANN, A.–C. 1984. Die jungneolithische Pfyrrergruppe im unteren Zürichsee-Becken. *Zür. Stud. Archäol.* (Zurich), Vol. 2, pp. 9–92.
- LE BOLLOCH, M. 1984. La Culture de Michelsberg dans la vallée de l'Aisne. *Rev. Archéol. Picardie* (Amiens), Vol. 1/2, pp. 133–45.
- LEHNER, H. 1910. Der Festungsbau der jüngeren Steinzeit. *Prähist. Z.* (Berlin), Vol. 2, pp. 1–23.
- LICHARDUS, J. 1976a. Rössen-Gatersleben-Baalberge. Ein Beitrag zur Chronologie des mitteldeutschen Neolithikums and zur Entstehung der Trichter Becher-Kulturen. Bonn. (Saarbr. Beitr. Altertumskd.)
- 1976b. Das Keramikdepot von Bozice und seine chronologische Stellung innerhalb des frühen Äneolithikums in Mitteleuropa. *Jahresschr. mitteldtsch. Vorgesch.* (Halle), Vol. 60, pp. 161–74.
- 1980. Zur Funktion der Geweihspitzen des Types Ostorf. Überlegungen zu einer vorbronzezeitlichen Pferdeschirring. *Germania* (Mainz), Vol. 57, pp. 1–24.
- LÜNING, J. 1968. Die Michelsberger Kultur. Ihre Funde in zeitlicher und räumlicher Gliederung. *Ber. Röm.-Ger. Komm.* (Mainz), Vol. 48, pp. 1–350.
- 1971. Die Entwicklung der Keramik beim Übergang vom Mittel- zum Jungneolithikum im süddeutschen Raum. *Ber. Röm.-Ger. Komm.* (Mainz), Vol. 50, pp. 1–95.
- 1976. Schussenried und Jordansmühl. In: SCHWABEDISSEN, H. (ed.), *Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa*. Cologne/Vienna, pp. 122–87. (*Fundamenta*, Reihe A, Vol. 3, p.Vb.)
- 1979–80. Bandkeramische Pflüge? *Fundber. Hess.* (Bonn), Vol. 19/20, pp. 55–68.
- 1981. Eine Siedlung der mittelneolithischen Gruppe Bischheim in Schernau, Ldkr. Kitzingen. *Kallmünz.* (Mater. hefte Bayer. Vorgesch., 44.)
- 1982a. Research into the Bandkeramik Settlement of the Aldenhovener Platte in the Rhineland. In: *Prehistoric Settlement Patterns around the South North Sea*. Leiden. (*Analecta Praehist. Leidensia*, 15.)
- 1982b. Siedlung und Siedlungslandschaft in bandkeramischer und rössener Zeit. *Offa* (Neurmünster), Vol. 39, pp. 9–33.
- 1983–4. Mittelneolithische Grabenanlagen im Rheinland und in Westfalen. *Mitt. österr. Arb. gem. Ur-Frühgesch.* (Bern), Vol. 33/34, pp. 9–25.
- LÜNING, J.; MODDERMAN, P. J. R. 1982. Hausgrundrisse der ältesten Bandkeramik aus Schwanfeld, Landkreis Schweinfurt, Unterfranken. In: CHRISTLEIN, R. (ed.), *Das archäologische Jahr in Bayern*. Stuttgart, p. 66.
- MAIER, R. A. 1962. Fragen zu neolithischen Erdwerken Südbayerns. *Jahresber. bayer. Bodendenkmalpfl.* (Munich), pp. 5–21.
- MAKKAY, J. 1975. Über neolithische Opferformen. In: ANATI, E. (ed.), *Valcamonica Symposium 72. Les Religions de la préhistoire*. Capo di Ponte, pp. 161–73.
- 1978. Mahlstein und das rituale Mahlen in den prähistorischen Opferzeremonien. *Acta Archaeol. Acad. Sci. Hung.* (Budapest), Vol. 30, pp. 13–36.
- MEIER-ARENDT, W. 1969. Zur relativen Chronologie der Gruppen Hinkelstein und Grossgartach sowie der Rössener Kultur. *Köln. Jahrb. Vor-Frühgesch.* (Berlin), Vol. 10, pp. 24–36.
- 1972. Zur Frage der jüngerlinienbandkeramischen Gruppenbildung: Omalien, 'Plaidter', 'Kölner', 'Wetterauer' und 'Wormser' Typ; Hinkelstein. In: SCHWABEDISSEN, H. (ed.), *Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa*. Cologne/Vienna, pp. 85–152. (*Fundamenta* Reihe A, Vol. 3, p. Va.)
- 1975. Die Hinkelstein-Gruppe. Der Übergang vom Früh- zum Mittelneolithikum in Südwestdeutschland. Berlin. (Röm.-Ger. Forsch., 3.)
- MILISAUSKAS, S.; KRUK, J. 1984. Settlement Organisation and the Appearance of Low Level Hierarchical Societies during the Neolithic in the Bronocice Microregion, Southeastern Poland. *Germania* (Mainz), Vol. 62, pp. 1–30.
- MODDERMAN, P. J. R. 1970. Linearbandkeramik aus Elsloo und Stein. 's-Gravenhage. (*Analecta Praehist. Leidensia*, 3.)

- 1976. Abschwemmung und neolithische Siedlungsplätze in Niederbayern. *Archäol. Korresp.bl. (Mainz)*, Vol. 6, pp. 105–8.
- MOISIN, P. H.; JORIS, J. 1972. Rössener Einflüsse in der Gegend von Mons (Hennegau, Belgien) und die C14–Datierung aus Givry (GrN 6021). *Archäol. Korresp.bl. (Mainz)*, Vol. 2, pp. 243–8.
- MORDANT, C.; MORDANT, D. 1978. Les Sépultures néolithiques de Noyen-sur-Seine (Seine-et-Marne). *Bull. Soc. préhist. Fr. (Paris)*, Vol. 75, pp. 559–78.
- MORDANT, D. 1980. Noyen et les encintes de La Bassée. In: COLLOQUE DE SENS, 1980. Approche des questions culturelles. Le Néolithique dans l'Est de la France, pp. 119–27.
- MÜLLER, D. W. 1985. Besiedlung und wirtschaftliche Nutzung von Mittelgebirgsregionen in neolithischer und nachneolithischer Zeit. In: HORST, F.; KRÜGER, B. (eds), Produktivkräfte und Produktionsverhältnisse in ur- und frühgeschichtlicher Zeit. Berlin, pp. 51–61.
- MÜLLER, H.–H. 1964. Die Haustiere der mitteldeutschen Bandkeramik. Berlin.
- MÜLLER–KARPE, H. 1968. *Handbuch der Vorgeschichte. Jungsteinzeit*. Munich. Vol. 2.
- 1974. Zur kupferzeitlichen Kultur in Hessen. *Fundber. Hess. (Bonn)*, Vol. 14, pp. 215–226.
- 1979. *Handbuch der Vorgeschichte, Vol. 3: Kupferzeit*. Munich.
- MURRAY, J. 1970. *The First European Agriculture, a Study of the Osteological and Botanical Evidence until 2000 BC*. Edinburgh.
- NEUSTUPNÝ, E. 1969. Absolute Chronology of the Neolithic and Aeneolithic Periods in Central and South–East Europe. *Archeol. rozhl. (Prague)*, Vol. 21, pp. 783–809.
- 1973. Die Badener Kultur. In: SYMPOSIUM ÜBER DIE ENTSTEHUNG UND CHRONOLOGIE DER BADENER KULTUR, Male Vozokany, 1969. (Materialien) Bratislava, pp. 317–52.
- 1978. Prehistoric Migrations by Infiltration. *Archeol. rozhl. (Prague)*, Vol. 34, pp. 278–93.
- OTTAWAY, B. 1973. The Earliest Copper Ornaments in Northern Europe. *Proc. Prehist. Soc.*, Vol. 39, pp. 294–331.
- PAPE, W. 1978. Bemerkungen zur relativen Chronologie des Endneolithikums am Beispiel Südwestdeutschlands und der Schweiz. *Tübingen. (Tüb. Monogr. Urgesch., 3)*
- PATAY, P. 1973. Probleme der Beziehungen der Bodrogkeresztúr und der Badener Kultur. In: SYMPOSIUM ÜBER DIE ENTSTEHUNG UND CHRONOLOGIE DER BADENER KULTUR, Male Vozokany, 1969. (Materialien) Bratislava, pp. 353–65.
- PAVLŮ, I. 1977. To the Methods of Linear Pottery Settlements Analysis. *Pamat. archaeol. (Prague)*, Vol. 68, pp. 5–55.
- 1978. Das linienbandkeramische Ornament und seine Westausbreitung. *Arbeits–Forsch. Sächs. Bodendenkmalpfl. (Dresden)*, Vol. 22, pp. 205–18.
- 1981. Altneolithische Häuser in Böhmen. *Archeol. rozhl. (Prague)*, Vol. 33, pp. 534–43.
- 1982. Die Entwicklung des Siedlungsareals Bylany I. In: INTERNATIONALES KOLLOQUIUM, Nové Vozokany, 1981. Siedlungen der Kultur mit Linearkeramik in Europa. Nitra, pp. 193–206.
- PAVLŮ, I.; ZÁPOTOCKÁ, M. 1979. The Current State and Future Aims of the Study of the Bohemian Neolithic Cultures. *Pamat. Archaeol. (Prague)*, Vol. 70, pp. 281–318.
- PAVŮK, J. 1969. Chronologie der Želiezovce–Gruppe. *Slov. Archaeol. (Bratislava)*, Vol. 17, pp. 265–367.
- 1972. Neolithisches Gräberfeld in Nitra. *Slov. Archaeol. (Bratislava)*, Vol. 20, pp. 5–105.
- 1980. Ältere Linearkeramik in der Slowakei. *Slov. Archaeol. (Bratislava)*, Vol. 28, pp. 7–90.
- 1981. Sucasny stav studia Lengyelскеj kultury na Slovensku [The Present State of Knowledge of the Lengyel Culture in Slovakia]. *Pamat. Archaeol. (Prague)*, Vol. 72, pp. 255–99.
- PAVŮK, J.; ŠIŠKA, S. 1971. Neolitické a eneolitické osídlenie Slovenska [The Neolithic and Aeneolithic Settlement of Slovakia]. *Slov. Archaeol. (Bratislava)*, Vol. 19, pp. 319–64.
- PETRASCH, J. 1984. Die absolute Datierung der Badener Kultur aus der Sicht des süddeutschen Jungeneolithikums. *Germania (Mainz)*, Vol. 62, pp. 269–87.
- PITTONI, R. 1985. Über Handel im Neolithikum und der Bronzezeit Europas. In: DÜVEL, K. et al. (eds), *Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa*. Göttingen, pp. 127–80.
- PLESLOVÁ–ŠTICKOVÁ, E. 1977. Die Entstehung der Metallurgie auf dem Balkan, im Karpathenbecken und in Mitteleuropa, unter besonderer Berücksichtigung der Kupferproduktion im ostalpenländischen Zentrum. *Pamat. Archaeol. (Prague)*, Vol. 68, pp. 56–73.
- PODBORSKY, V. 1984. Domy lidu s Moravskou Malovanou Keramikou [Houses with Moravian Ceramic Painting]. *Sb. pr. filoz. fak. Brnenske Univ. (Brno)*, Vol. 33, pp. 25–66.
- PREUSS, J. 1966. Die Baalberger Gruppe in Mitteldeutschland. Berlin. (Veröff. Landesmus. Vorgesch. Halle, 21.)
- QUITTA, H. 1960. Zur Frage der ältesten Bandkeramik in Mitteleuropa. *Prähist. Z. (Berlin)*, Vol. 38, pp. 153–88.
- 1964. Zur Herkunft des frühen Neolithikums in Mitteleuropa. In: GRIMM, P. (ed.), *Varia Archaeologica*. Berlin, pp. 14 ff.
- 1971. Der Balkan als Mittler zwischen Vorderem Orient und Europa. In: SCHLETTIE, F. (ed.), *Evolution und Revolution im Alten Orient und in Europa*. Berlin, pp. 38–76.
- RULE, J. 1982. Die Linienbandkeramik in Böhmen und die geographische Umwelt. In: INTERNATIONALES KOLLOQUIUM, Nové Vozokany, 1981. Siedlungen der Kultur mit Linearkeramik in Europa. Nitra, pp. 247–60.
- 1983. Prirodni prostředí a kultury českého neolitu a eneolitu [Environment and Cultures of Bohemian Neolithic and Aeneolithic]. *Pamat. Archaeol. (Prague)*, Vol. 54, pp. 35–95.
- RUOFF, U. 1978. Die schnurkeramischen Räder von Zürich–'Pressehaus'. *Archäol. Korresp. bl. (Mainz)*, Vol. 8, pp. 275–83.
- 1981. Alterbestimmung mit Hilfe der Dendrochronologie. *Helvetica Archaeol. (Basle)*, Vol. 12, pp. 89–97.
- RŮTKAY, E. 1981. Typologie und Chronologie der Mondsee–Gruppe. In: *Das Mondseeland. Geschichte und Kultur. Katalog zur Ausstellung des Landes Oberösterreich in Mondsee 1981*. Linz, pp. 269–94.
- 1983. *Das Neolithikum in Niederösterreich*. Vienna. (Forsch. ber. Ur–Frühgesch., 12.)
- SAUTER, M.–R. AND GALLAY, A. 1969. Les Premières Cultures d'origine méditerranéenne. In: DRACK, W. (ed.), *Ur- und frühgeschichtliche Archäologie der Schweiz*, Vol. 2: Die jüngere Steinzeit. Basle, pp. 47–66.
- SCHLICHOTHERLE, H. 1985. Prähistorische Ufersiedlungen am Bodensee. Eine Einführung in naturräumliche Gegebenheiten und archäologische Quellen. In: BECKER, B. et al. (eds), *Bericht zu Ufer- und Moorsiedlungen Südwestdeutschlands*. Stuttgart. Vol. 2, pp. 9–42. (Mater. h. Vor–Frühgesch. Baden–Württemberg, 4.)
- SCHLOSSER, W.; CIERNY, J.; MILDENBERGER, G. 1981. Astronomische Ausrichtungen im Neolithikum II. Bochum.
- SCHMIDT, R. R. 1930–7. *Jungsteinzeit–Siedlungen im Federseemoor*. Stuttgart, 3 vols (Vol. 1, 1930; Vol. 2, 1936; Vol. 3, 1937.)
- SCHWABEDISSEN, H. 1979. Der Beginn des Neolithikums im nordwestlichen Deutschland. In: SCHIRNIG, H. (ed.), *Grossteingräber in Niedersachsen*. Hildesheim, pp. 203–22. (Veröff. urgesch. Samml. Landesmus. Hannover, 24.)
- SCHWARZ–MACKENSEN, G.; SCHNEIDER, W. 1983. Wo liegen die Hauptliefergebiete für das Rohmaterial donauländischer Stein–beile und –äxte in Mitteleuropa? *Archäol. Korresp. bl. (Mainz)*, Vol. 13, pp. 305–14.
- SCHWELLNUS, W. 1979. Wartburg–Gruppe und hessische Megalithik. Wiesbaden. (Mater. Vor–Frühgesch. Hesse, 4.)
- 1983. Archäologische Untersuchungen im rheinischen Braunkohlegebiet. In: *Archäologie in den Rheinischen Lössbörden*. Cologne/Bonn, pp. 1–31. (Reinische Ausgrab., 24.)
- SHERRATT, A. 1981. Plough and Pastoralism: Aspects of the Secondary Products Revolution. In: HODDER, I.; ISAAC, G.; HAMMOND, N. (eds), *Pattern of the Past: Studies in Honour of David Clarke*. Cambridge, pp. 261–305.
- SIELMANN, B. 1971a. Der Einfluss der Umwelt auf die neolithische Besiedlung Südwestdeutschlands unter besonderer Berücksichtigung der Verhältnisse am nördlichen Oberrhein. *Acta Praehist. Archaeol. (Berlin)*, Vol. 2, pp. 65–197.

- 1971b. Zum Verhältnis von Ackerbau und Viehzucht im Neolithikum Südwestdeutschlands. *Archäologisches Korresp. bl. (Mainz)*, Vol. 1, pp. 65–77.
- 1972. Die frühneolithische Besiedlung Mitteleuropas. In: SCHWABEDISSEN, H. (ed.), *Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa*. Cologne/Vienna, pp. 1–65. (Fundamenta, Reihe A, Vol. 3, p.Va.)
- SMOLLA, G. 1981. Umweltprobleme der 'Pfahlbauforschung'. *Archäol. Korresp. bl. (Mainz)*, Vol. 11, pp. 15–19.
- SOUDESKÝ, B. 1966. *Bylany*. Prague.
- 1969. Étude de la maison néolithique. *Slov. Archaeol. (Bratislava)*, Vol. 17, pp. 5–96.
- SPENNEMANN, D. R. 1984. *Burgerroth. Eine spätneolithische Höhensiedlung in Unterfranken*. Oxford. (BAR Int. Ser., 219.)
- STARLING, N. J. 1983. Neolithic Settlement Patterns in Central Germany. *Oxf. J. Archaeol.*, Vol. 2, pp. 1–11.
- STEINMETZ, W.–D. 1982. Anmerkungen zum Nordischen Frühneolithikum. *Neue Ausgrab. Forsch. Niedersachs. (Hildesheim)*, Vol. 15, pp. 13–52.
- STEKLÁ, M. 1959. *Třidění vypichané keramiky*. *Archeol. rozhl. (Prague)*, Vol. 11, pp. 211–60.
- STÖCKLI, W. E. 1981. *Die Keramik der Cortaillod-Schichten*. Bern. (Die neolithische Ufersiedlung von Twann, 20.)
- STRAHM, C. 1983. Das Pfahlbauproblem. Eine wissenschaftliche Kontroverse als Folge falscher Fragestellung. *Germania (Mainz)*, Vol. 61, pp. 353–60.
- TAUTE, W. 1967. *Das Felsdach Lauterneck, eine mesolithisch–neolithisch–bronzezeitliche Stratigraphie an den Oberen Donau*. *Palaeohist. (Groningen)*, Vol. 12, pp. 483–504.
- 1980. *Mesolithikum in Süddeutschland. 2: Naturwissenschaftliche Untersuchungen*. Tübingen. (Tübing. Monog. Urgesch., 5/2.)
- TICHY, R. 1962. *Osídlení s volutovou keralikou na Morave*. *Pamat. Archeol. (Prague)*, Vol. 53, pp. 245–301.
- UENZE, H.–P. 1987. Die endneolithische befestigte Siedlung von Dobl, Ldkr. Rosenheim. *Bayer. Vorgesch.bl. (Munich)*, Vol. 46, pp. 1–36.
- UERPMMANN, H.–P. 1977. Betrachtungen zur Wirtschaftsform neolithischer Gruppen in Südwestdeutschland. *Fundber. Baden–Württemberg. (Stuttgart)*, Vol. 3, pp. 144–61.
- ULLRICH, H. 1965. Zur Anthropologie der Walternienburger Bevölkerung. *Alt–Thüring. (Weimar)*, Vol. 7, pp. 130–202.
- 1969. Interpretation morphologisch–metrischer Ähnlichkeiten an ur – und frühgeschichtlichen Skeletten in verwandtschaftlicher Hinsicht. *Z. Archäol. (Berlin)*, Vol. 3, pp. 48–88.
- VELDE, P. VAN DE. 1979. *On Bandkeramik Social Structure: An Analysis of Pot Decoration and Hut Distribution from the Central European Neolithic Communities of Elsloo and Hildesheim*. Leiden. (Analecta Praehist. Leidensia, 12.)
- VENCL, S. 1982. *K otazce zaniku sberačko–loveckých kultur*. *Archeol. rozhl. (Prague)*, Vol. 34, pp. 648–94.
- VLADAR, J.; LICHARDUS, J. 1968. Erforschung der frühneolithischen Siedlungen in Branc. *Slov. Archaeol. (Bratislava)*, Vol. 16, pp. 263–52.
- VRIEZEN, K. J. H. 1977. Die Gefäße der Chamer Gruppe. In: MODDERMAN, P. J. R. (ed.), *Die neolithische Besiedlung bei Hienheim, Ldkr. Kellheim*. Leiden. (Analecta Archaeol. Leidensia, 10.)
- WILLERDING, U. 1980. Zum Ackerbau der Bandkeramiker. In: *Beiträge zur Archäologie Nordwestdeutschlands und Mitteleuropas*. Festschrift K. Radatz. Hildesheim. pp. 421–56. (Mater. hefte Ur–Frühgesch. Niedersachs., 16.)
- WILLMS, C. 1982. Zwei Fundplätze der Michelsberger Kultur aus dem westlichen Münsterland, gleichzeitig ein Beitrag zum neolithischen Silexhandel in Mitteleuropa. *Hildesheim. (Münst. Beit. Ur–Frühgesch., 12.)*
- 1985. Neolithischer Spondylusschmuck. *Germania (Mainz)*, Vol. 63, pp. 331–43.
- WILLVONSEDER, K. 1968. *Die jungsteinzeitlichen und bronzezeitlichen Pfahlbauten des Attersees in Oberösterreich*. Graz/Vienna. (Mitt. Prähist. Komm. österr. Akad. Wiss., 11/12.)
- WINIGER, J. 1981. *Das Neolithikum der Schweiz*. Basle.
- WYSS, R. 1976. *Das jungsteinzeitliche Jäger–Bauerndorf von Egolzwil 5 im Wauwilermoos*. Zurich.
- ZÁPOTOCKÁ, M. 1967. Das Skelettgrab von Praha–Dejvice. Beitrag zum chronologischen Verhältnis der Stichbandkeramik zu der Lengyelkultur. *Archeol. rozhl. (Prague)*, Vol. 19, pp. 64–87.
- 1982. Zur Auswahl der Siedlungsregionen der Stichbandkeramik. In: *INTERNATIONALES KOLLOQUIUM, Nové Vozokany, 1981. Siedlungen der Kultur mit Linearkeramik in Europa*. Nitra. pp. 305–17.
- ZÜRN, H. 1965. *Das jungsteinzeitliche Dorf Ehrenstein (Kreis Ulm). Teil A: Die Baugeschichte*. Stuttgart. (Veröff. Staatl. Amt. Denkmalpf. Stuttgart, 10/1.)

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЧАСТЬ БЫВШЕГО СССР В ЭПОХУ НЕОЛИТА И ХАЛКОЛИТА

Н. Я. Мерперт

ПЕРИОД НЕОЛИТА

При всем бескрайнем многообразии природных и исторических условий развития различных областей территории бывшего СССР для большей ее части наиболее приемлемым и общим признаком начала неолита является появление керамики. Признак этот охватывает всю населенную часть бывшего СССР в период неолита вне зависимости от хозяйственных систем, от наличия или отсутствия шлифованных и сверленных орудий. Он в равной мере знаменует начало неолита и в древнейших для рассматриваемой территории южных очагах земледельческо-скотоводческих культур, и в слабо еще заселенных степях, где только начинался переход к скотоводству, и в обширных лесных и приполярных областях, где полностью еще сохранилось господство присваивающих форм хозяйствования. И везде он указывает на весьма существенные изменения в жизни людей, и прежде всего в их питании.

Вместе с тем следует отметить, что в некоторых районах древнейших очагов производящего хозяйства юга бывшего СССР нижние слои оседлых поселений, отмеченные уже свидетельствами зачатков скотоводства и земледелия, еще не содержали керамики. Одни авторы относят такие памятники к заключительному мезолиту, другие считают возможным говорить о докерамическом неолите (Маркевич, 1974).

В силу неравномерности развития конкретных групп населения в различных районах, прежде всего в различных ландшафтно-климатических зонах бывшего СССР, хронологические границы неолита в них резко отличаются. На юге Средней Азии, на Кавказе, в Крыму и Северном Причерноморье неолит развивается с восьмого (возможно, и с конца девятого) тысячелетия тому назад до первых веков шестого тысячелетия тому назад, тогда как культуры этого хронологического периода в лесной зоне носят еще чисто мезолитический характер. Они сменяются специфическими культурами лесного неолита лишь в конце шестого – в пятом тысячелетии назад, причем культуры эти сосуществуют с развитым халколитом и ранним бронзовым веком указанных южных областей. В целом начало неолита на территории страны изменяется от восьмого (или конца девятого) до конца шестого тысячелетия тому назад, а конец неолита – от начала шестого до начала четвертого тысячелетия назад, в ряде же лесных и приполярных регионов неолитические культуры известны и для более позднего времени.

К концу мезолита территория бывшего СССР была уже достаточно густо заселена. Это касается прежде всего

европейской части страны, где многочисленные и многообразные по своему характеру мезолитические памятники известны ныне от Кавказа на юге до п-ва Рыбачий и бассейна Печоры на севере, от Днестра и Немана на западе до Урала на востоке. Естественно, значительнейшим фактором в формировании древнейших неолитических культур явилось внутреннее развитие мезолитического населения и его потомков. Оно документируется многочисленными, ныне достаточно четко стратифицированными стоянками, нижние слои которых носят чисто мезолитический характер и предшествуют появлению как керамики, так и зачатков производящего хозяйства, верхние же слои дают оба последних признака неолита при полном сохранении и дальнейшем развитии прочих традиций предшествующего периода, прежде всего в кремневом и каменном инвентаре. Такие стоянки известны в Поднестровье (Сороки I и II: Маркевич, 1974), на Южном Буге (Базьков Остров, Митьков Остров, Сокольцы: Даниленко, 1969) и в Приазовье, и на Северском Донце (Каменная Могила и др.: Даниленко, 1969, 1974; Телегин, 1968), в Крыму (Таш-Аир I, Замиль-Коба II и др.: Крайнов, 1960) и на Кавказе (Каменноостская пещера в Прикубанье, Самелёкде в Имеретии и др. – Формозов, 1977, с. 46–47). На отмеченных и многих других стоянках непосредственно прослеживается перерастание мезолита в неолит (Формозов, 1977, с. 63).

Но помимо несомненной преемственности должен быть учтен и второй важнейший фактор образования неолитических культур на территории страны – резко усилившиеся ходом хозяйственного и культурного развития связи и влияния со стороны смежных областей, прежде всего со стороны древнейших очагов производящего хозяйства Западной и Центральной Азии и Балкано-Дунайского региона. Влияния в значительной мере определили формирование на территории бывшего СССР первых собственных неолитических центров производящего хозяйствования. Естественно, такие центры возникли прежде всего в южных областях страны, обладавших соответствующими природными возможностями и находившихся в непосредственном контакте с указанными очагами. Такими областями явились Северо-Западное Причерноморье, Кавказ и юг Средней Азии. Здесь переход к неолиту связан с зачатками, а далее и преобладанием земледельческо-животноводческого хозяйства. Несколько позже обе отрасли этого хозяйства, и прежде всего животноводство, появляются и севернее – в степях и лесостепи, хотя охота и рыболовство в неолите этих областей сохраняют еще господствующее положение в системе хозяйства. Севернее же – в лес-

ной зоне, в иных экологических условиях, вдали от земледельческо-животноводческих очагов Юга и их решающих влияний, неолитические культуры формировались на базе традиционных форм присваивающего хозяйства, которое полностью доминировало там вплоть до конца неолита, а в ряде областей и значительно позже. Но и здесь начало неолита ознаменовано рядом прогрессивных сдвигов как в производстве кремневых и каменных орудий, так и в степени развития отмеченных форм хозяйства, в их продуктивности, в масштабах, характере и прочности связей в процессе формирования этнокультурных общностей (Иурин, 1970, с. 134). Черты безусловной преемственности между мезолитическими и неолитическими культурами сочетаются с рядом серьезных изменений, обусловленных как внутренним развитием, так и факторами внешнего порядка – переселениями, обменами, проникновениями культурных достижений и т.п.

В целом картина развития неолита в Европейской части бывшего СССР, в Средней Азии и на Кавказе чрезвычайно сложна и многообразна. Лишь весьма схематично здесь могут быть намечены две зоны – северная и южная, своеобразиие природных и исторических условий которых определяло особенности развивавшихся в их пределах неолитических культур. Такое деление документируется наличием в пределах каждой из зон некоторых специфических черт, объединяющих неолитические культуры данной зоны. К северной зоне в пределах Европейской части бывшего СССР отнесены неолитические культуры Карелии, Урала, бассейна Оки и Верхней Волги, Белоруссии, Прибалтики и севера Украины; к южной – культуры большей части Украины, Молдавии, Крыма, Кавказа (Формозов, 1977, с. 73–74). К последней же должны быть отнесены и культуры каспийско-черноморских степей и южной части лесостепи: эти территории составляли переходную полосу между двумя основными зонами и испытывали воздействия со стороны каждой из них, но определяющими были воздействия южной зоны.

В данном кратком очерке неолитические культуры будут рассмотрены в соответствующей указанному делению последовательности, начиная с южной зоны, и прежде всего с древнейших для территории страны центров производящего хозяйства.

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ, ПРИАЗОВЬЕ И ПОВОЛЖЬЕ В ПЕРИОД НЕОЛИТА (рис. 150)

Бугско-Днестровское междуречье и Закарпатье

Территория Северо-Западного Причерноморья, и прежде всего междуречья Днестра и Буга, непосредственно граничила с Балкано-Дунайским регионом. Это сыграло значительную роль в формировании специфических культур неолита на указанной территории, прежде всего в распространении здесь зачатков производящих форм хозяйства. Соответствующие влияния прослеживаются здесь начиная с весьма раннего периода, представленного на Балканах и вдоль Дуная комплексом древнейших для этого района (да и для всей Европы) земледельческих культур – Старчево-Криш-Кёрёш. Как уже отмечалось, на Днестре и Буге эти влияния сочетались с прямым продолжением местных мезолитических традиций, свидетельствующим об определенной преемственности развития. К началу неолита это развитие достигло достаточно высокого уровня, что и обусловило формирование местных культур, которые восприняли первоначальные навыки земледелия и скотоводства.

Хронологически наиболее ранней является здесь бугско-днестровская культура, развивавшаяся во второй половине восьмого – седьмом тысячелетии до наст. в. на границе лесостепной и степной зон междуречья Днестра и Южного Буга, прежде всего в бассейнах самих этих рек. Здесь открыто свыше 60 поселений, ряд их подвергнут раскопкам широкого масштаба. Стратиграфические и

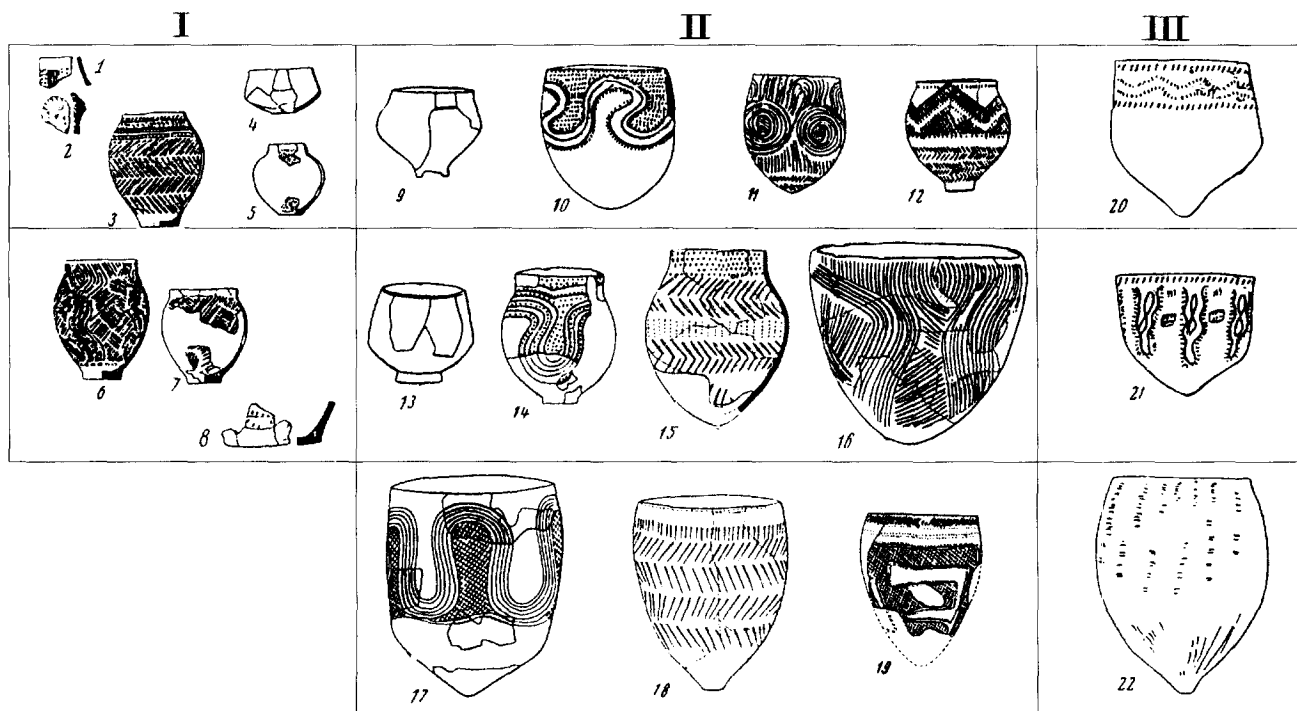

Рис. 150. Сравнительная таблица глиняных сосудов неолитических культур Северного Причерноморья: I – бугско-днестровская культура – днестровский вариант: 1–5 – Сороки I; 6–8 – Сороки II (Маркевич, 1974); II – бугско-днестровская культура – южнобугский вариант: 9 – Глинское; 10 – Гайворон; 11 – Шимановское; 12 – Занковцы; 13–16 – Соколыц II; 17–18 – Базьков Остров; 19 – Митьков Остров; III – днепродонецкая культура: 20 – Грини; 21 – Заваловка; 22 – Штрумель (Пасек, 1949, 1961)

планиграфические наблюдения, а также сопоставление основных категорий находок позволили выделить ряд фаз развития культуры (Даниленко, 1969; Маркевич, 1974).

Древнейшая фаза представлена остатками оседлых поселений с жилищами в виде овальных в плане полуземлянок или легких наземных конструкций. Керамики еще нет. Кремневые изделия весьма архаичны и в значительной мере сохраняют мезолитические традиции. Особенно характерен микrolитический характер инвентаря, представленного многообразными изделиями из ножевидных пластин. Наряду с формами, хорошо известными в мезолите, – трапециями, резцами, концевыми скребками, сверлами, появляются единичные вкладыши для серпов с характерной продольной полировкой. Среди многочисленных изделий из кости и рога вместе с наконечниками стрел, проколами и ретушерами найдены наконечники копалок и мотыги с продольным лезвием. В хозяйстве поселений основную роль играли охота и рыболовство, но отдельные остеологические находки свидетельствуют о наличии домашних животных – свиньи (*Sus scrofa domestica*), крупного рогатого скота (*Bos Taurus* L.) и собаки (*Canis familiaris* L.), а указанные находки характерных орудий позволяют предполагать наличие и зачатков земледелия. Наиболее четко древнейшая фаза представлена на Южном Буге (Сороки, поселения 1 и 2). Имеются две радиоуглеродные даты образцов с этих поселений: около 7500 и 7400 лет до наст. в. (при корректировке дат они отодвигаются к концу девятого или началу восьмого тысячелетия). Ранняя фаза бугско-днестровской культуры содержит древнейшие свидетельства производящего хозяйства на юго-западе Европейской части страны и определяет начало неолита на этой территории.

В следующей фазе появляется керамика при сохранении прежних традиций как в домостроительстве, так и в производстве орудий из кремня и кости. Древнейшие сосуды – глубокие прямостенные горшки с круглым или острым дном и орнаментом в виде проглаженных лент, образующих сложные волотно-фестонные композиции, зубчатого штампа, резной сетки, зашипов пальцами. На третьей фазе, наряду с круглодонными, были распространены овальные сосуды с плоским дном и орнаментом в виде прямых или волнистых проглаженных лент, обрамленных наколами. Охота и рыболовство продолжают доминировать в хозяйстве, но кости свиньи, крупного рогатого скота и собаки становятся многочисленнее, а в третьей фазе появляются прямые свидетельства земледелия – отпечатки зерен пшеницы однозернянки и пшеницы двузернянки. Вторая и третья фазы датируются концом восьмого – началом седьмого тысячелетия до наст. в., что подтверждается появлением хронологически соответствующих образцов керамики типа Старчево-Криш.

На последующих трех фазах, длившихся вплоть до начала шестого тысячелетия до наст. в., бугско-днестровская культура продолжала развиваться и совершенствоваться, сохраняя вместе с тем единство традиций в основных отраслях хозяйственной деятельности. Господствующей формой жилища становится прямоугольный в плане наземный дом с каменным основанием и обмазанным глиной каркасом стен из кольев и плетня. Число микrolитических форм сокращается, распространяются шлифованные орудия и четырехугольные зернотерки, а в костяном инвентаре – мотыги с поперечным лезвием. В керамике кришский элемент то затухает, то возрождается вновь, для последней фазы характерны плоскодонные сосуды с углубленным волнистым и прямолинейным орнаментом. Охота и рыболовство сохраняют свои позиции, но и производящие виды хозяйства продолжают развиваться: к отмеченным ранее свидетельствам земледелия добавляются отпечатки зерен ячменя.

Важно отметить, что в технике обработки кремня и в керамике в последней фазе появляются черты, получившие развитие в последующей, уже энеолитической триполь-

ской культуре, один из компонентов которой следует видеть в бугско-днестровском неолите. Еще раз подчеркнем, что последний сложился в основном на местной мезолитической основе, но испытывал в процессе своего развития значительные, а в хозяйстве и решающие воздействия балканского раннеземледельческого центра.

Вместе с тем есть свидетельства и прямого продвижения в Северо-Западное Причерноморье центральноевропейских раннеземледельческих культур, местных корней не имеющих. К первой половине седьмого тысячелетия до наст. в. на территории Закарпатья относятся памятники, связанные с упоминавшимся уже комплексом культур Старчево-Криш-Кёрёш, близкие выделенной в Венгрии группе поселений типа Мехтелек (*Потушняк*, 1978; *Титов*, 1980). Для этих памятников характерны землянки с печами и открытыми очагами, кремневые изделия из ножевидных пластин, каменные шлифованные орудия, разнообразные сосуды (в том числе на пожах и поддонах) с резными и штампованными орнаментами, а иногда и черной, линейной и геометрической росписью, глиняные женские статуэтки и модели жилищ. Земледелие документировано зернами пшеницы однозернянки, пшеницы двузернянки, ячменя и проса, скотоводство – костями домашнего рогатого скота, свиньи, козы и овцы. В третьей четверти седьмого тысячелетия до наст. в. в Закарпатье продвинулись из северо-восточной части Венгрии племена бюккской (буковогорской) культуры, что способствовало формированию здесь специфической дьяковской группы расписной керамики – одной из ряда групп, выделившихся из большого массива родственными культурами альфельдской расписной керамики (*Титов*, 1980). Здесь земледелие и скотоводство составляли уже основу хозяйства при значительной еще роли охоты, рыболовства и собирательства.

К тому же периоду – концу седьмого тысячелетия тому назад – в долинах верхнего Днестра и Прута относятся памятники средневропейской культуры линейно-ленточной керамики, распространившейся сюда на среднем этапе своего развития. Открыто около 30 поселений, наиболее исследованы Флорешты и Незвиско.

Жилища – землянки и полуземлянки, реже наземные дома. Для керамики наиболее характерны сферические плоскодонные сосуды, украшенные различными сочетаниями прорисованных линий и ямок («плотный орнамент»). Среди кремневых, каменных и костяных изделий много орудий, связанных с земледелием, – мотыг, лезвий серпов, зернотерок. Земледельческо-скотоводческий характер поселков документирован и прямыми показателями: находками зерен (в том числе в сосудах) мягкой пшеницы (*Triticum aestivum* L.), твердой пшеницы (*Triticum durum* Desf.), полбы (*Triticum dicocuum* Schrank), семян гороха (*Pisum arvense* L.), костей домашних животных – коров, свиней, коз и овец. Для погребального обряда культуры характерно трупоположение, хотя на позднем этапе труп кремнировался.

Все отмеченные культуры, как развивавшиеся на месте, так и продвигнувшиеся из Юго-Восточной и Центральной Европы, сыграли решающую роль в формировании северопричерноморского центра производящего хозяйства, достигшего блестящего расцвета в последующую эпоху халколита. Но и в неолите этот центр оказал заметное воздействие на развитие огромных территорий к востоку и к северу от него, на неолитизацию всей зоны черноморско-каспийских степей и лесостепи.

Степная полоса и юг лесостепи

Степные районы к востоку от Бугско-Днестровского междуречья были заселены еще крайне неравномерно. Население концентрировалось главным образом в речных долинах. Заселение открытой степи лишь начиналось, что

было обусловлено первым проникновением в степь производящих форм хозяйства и прежде всего скотоводства, которое и определило особый путь развития неолита в этой зоне. Вопрос об основных импульсах этого процесса дискусионен. Одни ученые связывают появление в степи домашнего скота с воздействием балкано-дунайского очага производящего хозяйства (Формозов, 1977), другие – с импульсом из более восточных территорий – вплоть до Закаспия (Даниленко, 1969). Впоследствии, уже в период халколита, были выработаны специфические подвижные формы скотоводства, столь характерные для всей дальнейшей истории евразийских степей. К неолиту же относятся лишь первые свидетельства скотоводства. Появляются они весьма рано.

В порожистой части нижнего течения Днепра с конца восьмого до середины шестого тысячелетия до наст. в. развивалась сурско-днепровская культура, представленная рядом небольших поселков с легкими наземными конструкциями (шалашами). Некоторые из них стратифицированы, что позволило выделить ряд этапов развития культуры. На наиболее раннем из них керамики еще нет, распространены каменные остродонные сосуды, инвентарь характерен для охотничье-рыболовецкого хозяйства, кремневые изделия сохраняют мезолитические формы (в частности, геометрические микролиты). Но наряду с многочисленными костями диких животных найдены уже единичные кости домашнего крупного рогатого скота и свиньи. На последующих этапах число их заметно возрастает, достигая половины скотного материала. Роговые мотыги и кремневые лезвия жатвенных ножей позволяют предполагать наличие зачатков земледелия. Со второго этапа появляются остро- или шиподонные глиняные сосуды с S-образным профилем и изредка с орнаментами в виде проглаженных линий (линейно-геометрические схемы), а на заключительном этапе – и плоскодонные сосуды. Культура явилась одним из компонентов специфически степных культурных общностей халколита и раннего бронзового века, хозяйство которых базировалось прежде всего на скотоводстве.

К тому же периоду – с конца восьмого до начала шестого тысячелетия до наст. в. – относятся и неолитические памятники Крыма, где также известны весьма ранние свидетельства скотоводства. Уже в мезолитических слоях, предшествовавших появлению керамики, найдены кости домашней свиньи (Фатьма-Коба, Таш-Аир, слои VIII и VI; Крайнов, 1960; Столяр, 1959). В неолитических слоях к ним прибавляются кости крупного рогатого скота, козы и овцы. Глиняные сосуды вначале толстостенные, остродонные, слабопрофилированные, позже наряду с ними появляются тонкостенные плоскодонные горшки с поверхностью, сглаженной гребенчатым инструментом и орнаментированной линейно-ямочными композициями. В кремневом инвентаре на раннем этапе сохраняются мезолитические формы геометрических микролитов, на втором этапе особое распространение получают сегменты с вершиной, обработанной плоской ретушью, и трапеции со струганой спинкой, а также лезвия жатвенных орудий, позволяющие и здесь предполагать наличие собирательства диких злаков или зачатки земледелия.

В Приазовье кости домашнего крупного рогатого скота, овец и свиней найдены в весьма раннем неолитическом слое поселения Каменная Могила на р. Молочной, наряду с архаичными шиподонными неорнаментированными сосудами и микролитическим кремневым инвентарем. Слой этот подстилается мезолитическим слоем. В этой связи следует отметить, что здесь же в Приазовье, на р. Миус, исследовано поселение Матвеев курган (Крижевская, 1973а), в слое которого типичное мезолитическое кремневое производство (микролиты специфических форм) сочетается с типичной уже для неолита техникой обработки каменных орудий (шлифованные топо-

ры и тесла). Этот переходный слой датируется второй половиной восьмого тысячелетия до наст. в.

На Нижнем Дону открыто интереснейшее многослойное поселение Ракушечный Яр (Белановская, 1973). Из шести его слоев (общей толщиной более 5 м) четыре нижних отнесены к неолиту. Разрывы в жизни поселения связаны, очевидно, с разливами реки. Характерны значительные (до 60 см в толщину) скопления раковин, имеющие, очевидно, искусственное происхождение. В них, как и в прочих слоях, найдены остатки прямоугольных в плане жилищ с плетеным каркасом стен и глиняной обмазкой. Генетическая преемственность между слоями несомненна. 6–4-й слои отнесены к раннему неолиту. В них сохраняются микролитические традиции в кремневом инвентаре и каменные сосуды, наряду с которыми появляются и глиняные – толстостенные, остродонные и плоскодонные, последние в дальнейшем преобладают; появляется прочерченный и выдавленный орнамент. Особого развития он достигает в третьем позднеолитическом слое, где исчезают микролитические традиции и распространяются орудия из крупных пластин. Хозяйство поселения основывалось на охоте и рыболовстве при определенной роли скотоводства (крупный рогатый скот, овца, свинья, собака). Нижние слои его датируются седьмым (верхний – началом шестого) тысячелетием тому назад.

Севернее, в лесостепной полосе междуречья Днепра и Дона и смежных с ним районах сформировалась значительная и сложная днепровско-донецкая культура, развитие которой охватило как неолитический период, так и начало халколита (Телегин, 1968). Для нее характерны существование микролитической, макролитической и шлифовальной технологии производства орудий, а также специфические толстостенные глиняные сосуды с гребенчато-накольчатými орнаментами – остродонные и слабо профилированные на раннем этапе, плоскодонные и четко профилированные на позднем. Ныне известно до 150 поселений этой культуры. Жилища наземные, примитивной конструкции, из дерева, камыша и глины, иногда несколько углубленные в землю. Значительную долю хозяйства составляли охота и рыболовство, но определенную, заметно нарастающую роль в нем играло и скотоводство: кости крупного рогатого скота и свиньи найдены уже в поселениях раннего этапа развития культуры (Игрень 8, Бузьки), на позднем же кости домашних животных составляют уже 80% остеологического материала (Собачки, Средний Стог I). Отпечатки зерен ячменя позволяют предполагать наличие и примитивного земледелия. Развиваясь с конца седьмого до середины пятого тысячелетия до наст. в. (когда в ней появляются уже медные изделия), днепродонецкая культура сыграла значительную роль в распространении неолита как в самых южных районах лесостепи, так и в обширных смежных с ними более северных территориях – вплоть до Прибалтики и центра России.

Особую проблему составляют погребальные памятники степной и лесостепной зон в междуречье Днепра и Дона – так называемые могильники мариупольского типа (Телегин, 1968; Столяр, 1953). Их около 20, в них исследовано свыше 700 погребений, совершенных в больших коллективных ямах или траншеях, отмеченных на поверхности деревянными конструкциями. Погребенные лежат в вытянутом положении на спине и засыпаны красной охрой. В некоторых могильниках встречены скопления черепов. Керамика в могильниках либо отсутствует, либо располагается над погребениями и связана с тризной. Прочий инвентарь многообразен и включает каменные орудия (клиновидные топоры, ножи из пластин) и оружие (полированные булавы), многочисленные украшения из камня, кости, зубов животных и рыб, раковины (бусы, подвески, браслеты, зооморфные фигурки), палец, меди и золота (подвески), особенно же характерны пластины из клыков кабана. Антропологически погребенные относятся к

позднекриманьонскому типу (высокорослые широколицые долихокефалы). Большинство таких могильников найдено в степном Поднепровье (Лысогорский, Никольский, Вильнянский и др.), отдельные – на Северском Донце и в Приазовье (Деревка, Александрия, Мариуполь и др.). Но важно подчеркнуть, что подобные могильники открыты также в нижнем течении Дона (на р. Чир) и в Крыму (с. Долинка), а своеобразные, но близкие по обряду и инвентарю памятники – и на более восточных и южных территориях. Замечательный могильник с коллективными вытянутыми засыпанными охрой погребениями с богатым инвентарем, включавшим подвески из клыков кабана, костяные фигурки животных и многочисленные украшения мариупольского типа, найден у села Съезжее в левобережье Средней Волги (Васильев, Матвеева, 1979). Керамика этого могильника находит аналогии как в Поволжье, так и в Северном Прикаспии (Васильев, 1981).

Указанные факты свидетельствуют о том, что уже в неолите культурное развитие ряда групп на огромных пространствах черноморско-каспийских степей было отмечено определенными общими чертами, в том числе и в таком важном этнографическом признаке, как погребальный ритуал. Общность эта была обусловлена как единичными путями развития в близких экологических условиях, так и реальными связями и расселением культурно близких групп. Связи эти простираются значительно дальше на восток: в пустынной зоне южного Приаралья, в нижнем течении Амударьи открыт могильник Тумек-Кичиджик, также по ряду признаков ритуала и инвентаря (вплоть до пластин из клыков кабана) весьма близкий описанным выше (Виноградов, 1981).

На юге же важнейшим аналогом им является могильник в г. Нальчике (Круглов и др., 1941). Особенно симптоматична здесь близость инвентаря (те же пластины из клыков кабана, бусы из особого вида камня (гешира), подвески из раковин и зубов животных), тем более что ряд изделий (булавы, металлические украшения) в могильниках мариупольского типа имеют кавказское происхождение. Это определенные показатели взаимодействия неолитических культур степи и Кавказа – второго на территории бывшего СССР неолитического очага производящего хозяйства.

КАВКАЗ В ПЕРИОД НЕОЛИТА

Соприкасаясь с древнейшими культурными очагами Центральной и Западной Азии, Кавказ активно взаимодействовал с ними, воспринимал их достижения и обуславливал распространение их на огромных пространствах Евразии. Но, наряду с этим, он и сам был местом крупнейших экономических сдвигов и формирования высокоразвитых и оригинальных культур. Этому способствовало особое богатство и многообразие его природных условий, что прежде всего касается биологического фона, необходимого для возникновения и развития производящего хозяйства. Здесь зафиксированы значительное сорговое многообразие диких злаков (прежде всего пшеницы и ячменя) и наличие ряда видов одомашненных впоследствии животных (тур, дикие баран, коза и свинья). Поэтому вполне закономерно формирование здесь одного из древнейших центров производящего хозяйства, хотя вопрос о характере этого процесса – местном или обусловленном западно-азиатскими воздействиями – пока остается дискуссионным.

Безусловна генетическая связь кавказского неолита с местными мезолитическими культурами. Наиболее ранние неолитические памятники свидетельствуют о сохраняющемся господстве присваивающих форм хозяйствования – прежде всего охоты и собирательства. Но уже в восьмом тысячелетии тому назад по всему Закавказью распространились стационарные и чрезвычайно долговременные поселения с полностью сложившимся земледельческо-скотоводческим хозяйством.

Создатели их открыли пять видов пшеницы, четыре вида ячменя, просо, рожь, горох, чечевицу и виноград при весьма вероятном местном окультуривании злаков (Лисицына, Прищепенко, 1977) и знали все виды домашних животных, кроме лошади (Мунчаев, 1982).

Первые звенья процесса формирования этой культуры (или ряда родственных культур) еще не открыты.

Большая часть периода развития поселений, продолжавшегося до середины четвертого тысячелетия до наст. в., относится к халколиту (на Кавказе, как и на Ближнем Востоке, отдельные металлические изделия появились чрезвычайно рано). Но наиболее ранние из них возникли по меньшей мере в позднем неолите (Мунчаев, 1982). Здесь достаточно характерны нижние (IX–IV) строительные горизонты поселения Шулаверисгора квемо-картлийской группы поселений в Грузии (Кугурадзе, 1976). Дома этих горизонтов круглые в плане, купольные или цилиндрические, однокомнатные, с дверными и оконными проемами и вкопанными в землю очагами. Построены они из сырцового кирпича плоско-выпуклой формы. Кремневые и обсидиановые изделия многочисленны и разнообразны. Господствует пластичная техника. Наряду с ножами, резцами, скребками, сверлами и единичными микролитами найдена значительная серия лезвий жатвенных ножей примитивной прямой формы. К безусловно земледельческим орудиям должны быть отнесены овальные просверленные камни – утяжелители для палок-копалок, зернотерки, мотыги из оленьего рога. Керамика грубая и слабо обожженная. Сосуды плоскодонные, яйцевидные, на массивном поддоне, орнамент ограничивается единичными или парными налестками вдоль края сосуда. В палеоботаническом материале представлены зерна мягкой пшеницы (*Triticum aestivum* L.), однозернянки (*Triticum monococcum* L.), двузернянки (*Triticum dicoccum* Schrank), карликовой пшеницы (*Triticum compactum* Host.), спельты (*Triticum spelta* – один из видов полбы), двурядного ячменя, проса и др. (Лисицына, Прищепенко, 1977). В остеологическом материале преобладают кости домашних животных – крупного рогатого скота, овцы, козы и свиньи. Таким образом, земледельческо-скотоводческий характер неолитических поселений квемо-картлийской группы безусловен. Радиоуглеродные даты образцов из Шулаверисгора колеблются от рубежа восьмого и седьмого тысячелетий до седьмого и шестого тысячелетий до наст. в.; при калибровании они будут ограничивать период от середины восьмого до середины седьмого тысячелетия до наст. в.

Чрезвычайно важно открытие безусловно неолитических памятников со свидетельствами производящего хозяйства и по другую сторону Кавказского хребта, в Дагестане, отличающемся особым богатством ботанических ресурсов. Это прежде всего многослойное Чохское поселение, расположенное на высоте 1700–1800 м (Амирханов, 1983). Нижние слои его относятся к верхнему палеолиту, верхний – к неолиту. В последнем найдены остатки пристроенных к скале полукруглых жилищ с входами в виде широких коридоров. Основания стен сложены из необработанных глыб известняка, верхняя часть надстраивалась из дерева и глины. Это свой особый путь формирования жилой архитектуры, заметно отличной от закавказской. Кремневый и каменный инвентарь, наряду с сохранением мезолитических и даже верхнепалеолитических традиций (геометрические микролиты, скребки, резцы, ножи из пластин и отщепов), представлен рядом новых форм, прежде всего зернотерками и лезвиями серпов или жатвенных ножей, костяные основы которых найдены на поселении. Появившаяся уже керамика крайне примитивна: плоскодонные котлы и чаши толстостенны, слабо обожжены, орнамент ограничивается отдельными налестками – конусами. Зерна ряда видов окультуренной пшеницы и ячменя

свидетельствуют о складывающемся уже земледелии, причем в весьма специфичной – террасной форме, заметно отличающейся от долинного земледелия Закавказья и Ближнего Востока. Датируется поселение первой половиной восьмого тысячелетия тому назад.

Чохское поселение позволяет заметно расширить раннеземледельческую населенную человеком территорию Кавказа, включившую самостоятельные равнинные и высокогорные центры и оказавшую решающее влияние на обширные смежные области.

Так, в западной и причерноморской частях Кавказа в ранненеолитических поселениях (Анасеули I, Верхняя Лемса и др.) свидетельств земледелия и скотоводства нет, а в инвентаре мезолитические формы господствуют, сочетаясь со шлифованными орудиями и единичными находками керамики (Формозов, 1962; Мунчаев, 1975; Ниберидзе, 1972). На позднем же этапе число поселений заметно возрастает (Самеле-Куде, Анасеули II, Одиши, Нижняя Шиловка, Кистрик и др.), при продолжении микролитических традиций увеличивается количество шлифованных топоров, молотов, тесел, появляются лезвия жатвенных ножей, зернотерки, мотыги, позволяющие предполагать уже определенную, хотя и не основную, долю земледелия в хозяйстве. То же следует сказать и о скотоводстве, документированном остеологическим материалом из Каменномостской пещеры в Прикубанье. Керамика уже многочисленна и представлена плоскодонными баночными сосудами, иногда с резным и рельефным декором.

В развитии неолитических культур Западного Кавказа, протекавшем с конца восьмого до начала шестого тысячелетия до наст. в., отмечается определенная связь как с отмеченной собственно кавказской раннеземледельческой населенной территорией, так и с более западными районами – Крымом и причерноморской степью, в неолитизации которых Кавказ сыграл определенную роль.

Несколько групп неолитических памятников известно в Восточном Закавказье. Это прежде всего стоянки в Кобустане, в непосредственной близости от большой группы наскальных изображений, среди которых контурные изображения людей и животных могут быть отнесены к неолиту (Формозов, 1969). На стоянках сохраняется мезолитический комплекс с предельной микролитичностью изделий, сочетающийся с грубыми галечными орудиями, каменными мисками и остродонными глиняными горшками. Прямых свидетельств земледелия нет, возможно появление скотоводства. Время – конец восьмого тысячелетия до наст. в. Имеются доказательства связей с Северным Прикаспием и через него – с более восточными районами степной полосы. Еще раз подчеркнем, что взаимодействие с последней сыграло значительную роль в распространении неолита и во всем дальнейшем развитии как непосредственно смежных с Кавказом, так и более отдаленных от него обширных территорий Евразии.

ЛЕСНАЯ ЗОНА И СЕВЕР ЛЕСОСТЕПИ В ПЕРИОД НЕОЛИТА (рис. 151)

В суровых климатических условиях северной половины Европейской части бывшего СССР развитие неолитического населения заметно отличалось от рассмотренной выше южной зоны. Здесь переход к производящим формам хозяйствования не может быть отнесен к признакам неолита и обусловившим его явлениям. Необходимые экологические условия и предпосылки такого перехода здесь отсутствовали. Южные очаги производящего хозяйства были достаточно удалены от указанной области, влияния их доходили сюда редко и в заметно ослабленном виде (Формозов, 1977, с. 101). Присваивающие формы хозяйства господствовали здесь вплоть до начала эры металлов, а на ряде территорий и далее.

Но и здесь неолит отмечен прогрессом во всех областях человеческой жизни, начиная с совершенствования орудий и их разнообразия, что расширило производственные возможности человека, позволило ему перейти к более продуктивным формам охоты, рыболовства и собирательства. Этому способствовали и климатические условия голоцена: неолит северной зоны развивался в условиях сравнительно теплого влажного Атлантического периода (с восьмого до пятого тысячелетия назад) и частично близкого к Северному периоду (с пятого до четвертого тысячелетия назад) (Гурина, 1970), растительный и животный мир которых был богаче современного. Значительно полнее стали использоваться ресурсы сырья для производства орудий труда и оружия: к неолиту относится появление древнейших штолен и шахт для добычи высококачественных сортов камня (Гурина, 1976). Прогресс охоты и рыболовства был обусловлен совершенствованием соответствующих орудий (лука, копий, дротиков, кинжалов, гарпунов, рыболовных крючков и сетей) и методов (от индивидуальных до массовых – загонных), а также появлением важнейших транспортных средств – саней, лыж, многообразных по размерам и типам лодок.

В свою очередь прогрессивные сдвиги в присваивающем хозяйстве обусловили в отдельных районах, прежде всего прибрежных, относительную оседлость, в обширных же областях леса и лесостепи – достаточно регулярный характер заселенности и создание больших культурных общностей. Археологическими свидетельствами их являются прежде всего многочисленные поселения и временные стоянки, а также значительно уступающие им по численности могильники и немногочисленные, но чрезвычайно важные петроглифы.

В процессе формирования и развития неолитических культурных общностей северной зоны прежде всего прослеживается связь с конкретными группами местного мезолита. В ряде случаев удается выделить переходные пласты, связующие звенья между этими двумя эпохами. Вместе с тем фиксируются и проявляющиеся в различных формах влияния смежных лесостепных общностей, прежде всего упоминавшейся уже днепродонецкой культуры.

Так, в Прибалтике грани мезолита и неолита соответствуют поселения типа Кунда с богатым костяным и каменным охотничьим и рыболовецким инвентарём. Представленная ими культура развивалась с десятого до начала восьмого тысячелетия до наст. в. Сформировавшийся на последней ее фазе микро-макролитический комплекс лег в основу формирования древнейшего керамического неолита этого района. Керамика же последнего, представленная круглодонными сосудами с накольчатым орнаментом, близка керамике днепродонецкой культуры (Римантене, 1975; Формозов, 1977, с. 99). Это позволяет говорить о взаимной ассимиляции потомков местного мезолитического населения с продвинувшимися сюда южными группами. В результате сложились родственные ранненеолитические нарвская и неманская культуры, охватившие всю Прибалтику, южное Приладожье и северную Белоруссию (Гурина, 1961, 1973; Янитс, 1973; Ванкшиа и др., 1973; Исаенко, Чернявский, 1970). Для обеих культур (при ряде местных различий) характерны круглые полумялники, обилие и многообразие рогового и костяного инвентаря при сравнительно немногочисленных кремневых изделиях, остродонные горшки, украшенные гребенчатым, резным, ямочным орнаментом. В западных районах распространены янтарные украшения, в том числе фигурки людей и животных. Серия радиоуглеродных дат позволяет относить эти культуры к шестому и началу пятого тысячелетия назад (Долуханов, Тимофеев, 1972, с. 59).

В конце первой половины пятого тысячелетия до наст. в. по всей отмеченной территории происходят заметные изменения, связанные с продвижением из Волго-Окского района и Приладожья групп населения с иными культур-

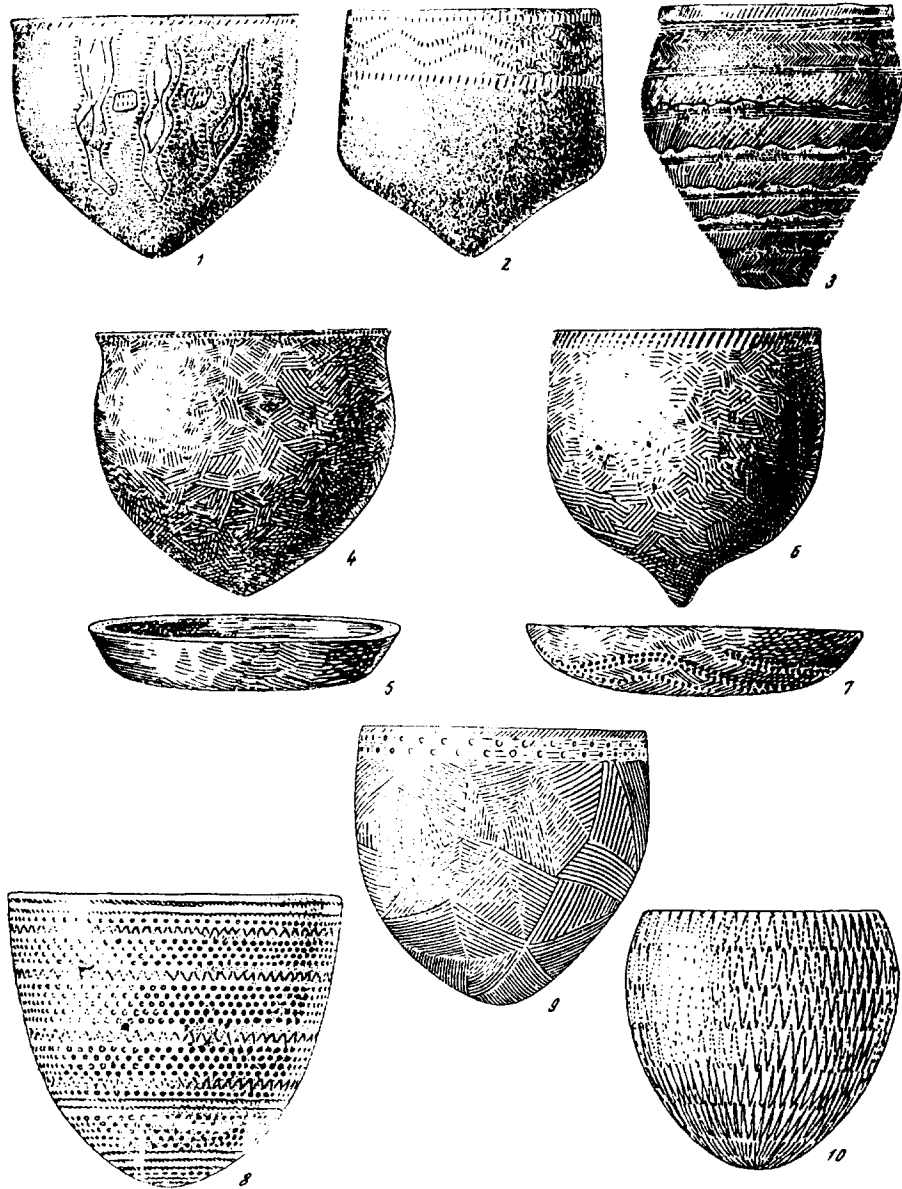

Рис. 151. Типы неолитических глиняных сосудов (из бывшего СССР): 1–3 – днепродонецкая культура; 4, 5 – западный вариант нарвской культуры; 6, 7 – восточный вариант нарвской культуры; 8 – льяловская культура; 9 – культура сперрингс; 10 – волго-камская культура (Бурта, 1970)

ными традициями. Последние выражены прежде всего в керамике с характерными ямочно-гребенчатыми орнаментами. Новый цикл взаимодействия местного и пришлого населения обусловил формирование прибалтийской культуры среднего и позднего неолита (вторая половина пятого тысячелетия до наст. в.). Для нее характерно сохранение прежних традиций изготовления костяных и каменных изделий в сочетании с распространением коллообразных сосудов, орнаментированных гребенчатым штампом, наколами, ямками. В конце пятого тысячелетия до наст. в. в Прибалтику продвигаются новые группы населения с культурой шнуровой керамики и ладьевидных топоров. И в этом случае происходит процесс взаимной ассимиляции местной и привнесенной культур (Лозе, 1979). В позднем неолите в Прибалтике распространяются уже производящие виды хозяйствования.

Во многом аналогичен ход развития неолита в Карелии и Западном Приладожье. Параллельно нарвской и неманской культурам там развивалась культура сперрингс (Sperrings) (Панкрусев, 1964, 1973). В ее поселениях

открыты наземные или несколько углубленные в землю бревенчатые дома. Известны и могильники с засыпанными охрой телами, многообразным каменным и костяным инвентарем (в том числе скульптурными антропоморфными и зооморфными изображениями) (илл. 100 и 101) и редкой керамикой.

Каменные и костяные изделия культуры сперрингс близки прибалтийским. Керамика представлена кругло- и остродонными сосудами с оригинальными прочерченными, накольчатými и вдавленными орнаментами. Продвижение волго-окских групп с ямочно-гребенчатой орнаментацией керамики приводит к заметным изменениям и формированию гибридной карельской поздненеолитической культуры (вторая половина пятого тысячелетия до наст. в.) с сосудами, покрытыми ямочным, гребенчатым и резным орнаментом, кремневыми и глиняными фигурками людей и животных и замечательными петроглифами (илл. 102 и 103), сочетающими изображения культовых церемоний со сценами охоты и рыбной ловли, изображениями животных, птиц, рыб, лодок, лыж, кашканов,

копий, луков, гарпунов и пр. (*Равдоникас*, 1936, 1938; *Савватеев*, 1966; *Формозов*, 1969). Безусловна преемственность между карельской культурой и дальнейшим развитием этого региона, где с середины четвертого тысячелетия до наст. в. появляется металл.

Весьма интересна картина развития неолита в центральной части северной зоны – в междуречье Оки и Волги. Древнейшей здесь является верхневолжская неолитическая культура, охватившая значительную часть этого региона (*Крайнов* и др., 1973). Она развивалась во второй половине седьмого – первой половине шестого тысячелетия до наст. в. и представлена поселениями, в том числе многослойными. В кремневом инвентаре на раннем этапе сохраняются еще мезолитические формы пластинчатых орудий, а в орнаментации круглодонных сосудов преобладает накол. На среднем этапе возрастает число орудий из отщепов, а наряду с накольчатой появляется гребенчатая орнаментация. На позднем этапе орудия мезолитического типа оказываются уже в меньшинстве, гребенчатая орнаментация резко преобладает над накольчатой, а наряду с круглыми появляются и уплощенные днища сосудов. В целом керамика верхневолжской культуры отмечена западными днепродонскими традициями.

Иная традиция в развитии керамики представлена в льяловской культуре – древнейшей из культур обширной культурно-исторической области ямочно-гребенчатой керамики. Вместе с тем льяловская культура возникла на единой мезолитической основе с верхневолжской и в процессе своего формирования испытывала определенные воздействия со стороны последней.

Льяловская культура занимала обширную территорию от верховьев Волги до Дона на юге и от Оки до верховьев Днепра на западе. Ее многочисленные поселения и временные стоянки позволяют определить как общие признаки, так и этапы развития культуры (*Раушенбах*, 1973). Последних выделено три. Общие их хронологические рамки – начало шестого–середина пятого тысячелетия тому назад (*Долуханов* и др., 1973). Для керамики характерны круглодонные сосуды с орнаментом из расположенных в шахматном порядке конических ямок, зоны которых разделены линиями отрисков гребенчатого штампа. Элементы последнего на раннем этапе представлены скупо, на среднем число их возрастает, а орнамент в целом усложняется, на позднем орнамент становится небрежным. В кремневом инвентаре на раннем этапе преобладают изделия из пластин, на среднем они сочетаются с орудиями из отщепов, на позднем преобладание переходит к последним. На последних двух этапах резко возрастает и число шлифованных каменных орудий.

Верхневолжская и льяловская культуры оказали решающее воздействие на развитие неолита как самого Волго-Окского междуречья, так и обширных смежных районов. На самой отмеченной уже выше территории льяловской культуры традиции ее легли в основу формирования в пятом тысячелетии тому назад ряда локальных позднеолитических культур – балахнинской, рязанской, белёвской, деснинско-сожской (*Гурина*, 1970; *Цветкова*, 1973; *Третьяков*, 1972). Все они входили в указанную область ямочно-гребенчатой керамики. Особенности же каждой из них – как в кремневом инвентаре, так и в керамике – обусловлены спецификой локального развития в конкретных районах и взаимодействием с неолитическими культурами смежных областей. Особое место занимает здесь волосовская культура, знаменующая уже заключительный неолит и переход к эре металлов: в ней представлен ряд новых элементов, связанных с более восточными – волго-камскими областями, но наряду с ними в формировании ее определенную роль играли и льяловские традиции. Последние проявляются и севернее, в Вологодской области, где в пятом тысячелетии назад сложилась каргопольская неолитическая культура. Воздействия же верхневолжской

культуры (наряду с днепродонской) в значительной мере определили характер неолита Валдайской возвышенности с его кругло- и остродонными сосудами, покрытыми гребенчатыми, резными, накольчатыми орнаментами (*Гурина*, 1973а).

К востоку от Волго-Окского междуречья в неолите сформировалась волго-камская культурно-историческая область (*Бадер*, 1973; *Халиков*, 1973). Она распространилась от Средней Волги до Урала на востоке и Печоры на севере. Культуры ее развивались с конца шестого до конца пятого тысячелетия тому назад. Памятники их многообразны. Это поселения с прямоугольными полуземлянками, наземную часть которых составляли столбовые или срубные конструкции, временные стоянки с легкими постройками, наконец, отдельные погребения на местах поселков, в которых умерших клали на спину в вытянутом положении, с обилием охры и редкими каменными орудиями и украшениями. Для кремневого инвентаря характерны орудия как из пластин, так и из отщепов, в том числе крупные двусторонне обработанные наконечники копий, дротиков и стрел. Распространены шлифованные каменные топоры и тесла. Сосуды полуяйцевидные с острым, круглым, а иногда и уплощенным дном. Орнамент, покрывавший всю их поверхность, состоял из отрисков гребенчатого штампа, дополненных наколами и образующих геометрические фигуры (ромбы, треугольники, зигзаг и пр.). Особенно характерно непрерывное перемещение отрисков под определенным углом, так называемая «шагающая гребенка».

При решении вопроса о формировании неолитических культур Волго-Камского региона должны учитываться как преемственность в кремневом инвентаре с местным мезолитом, так и заимствование керамики из более западных и южных областей (в том числе из кельтеминарской культуры Средней Азии).

Рассмотренные культурно-исторические области сыграли значительную роль в распространении неолита и на более северные районы Европейской части бывшего СССР – бассейн р. Вычегды, низовья Печоры, полянное Приморье, Кольский полуостров. Ныне доказано заселение их уже в девятом–восьмом тысячелетиях до наст. в. и создание там гибридных культур с элементами волго-окского, волго-камского и карельского неолита (*Хлобыстин*, 1973; *Гурина*, 1970, 1973б).

Восточные пределы неолитических культур рассматриваемых зон связаны с Уралом (*Бадер*, 1970; *Крижевская*, 1968). Одна из культурно-исторических областей этого обширного и весьма многообразного по природным и историческим условиям региона – волго-камская – рассмотрена выше. Вторая – восточно-уральская, доходившая до бассейнов Оби, Иртыша и Тобола, близка первой и развивалась с конца восьмого по пятое тысячелетие тому назад в тесном взаимодействии с ней, испытывая также заметные воздействия из районов Южного и Восточного Прикаспия, что и обусловило появление в восточно-уральской области керамики (характерных яйцевидных сосудов со штампованным, прочерченным, рельефным орнаментом). Поразительного развития достигает деревообработка: в знаменитых Горбуновском торфянике и на стоянке Стрелка под Нижним Тагилом найдены деревянные идолы, весла, полозья саней, лыжи, ковши с головками птиц на ручках, сосуды в виде фигур лося и др. (*Эдинг*, 1940). К концу неолита относятся и наскальные изображения в этой области со схематическими, прежде всего солнечными знаками и фигурами животных. Третья неолитическая область – южно-уральская – уходила к юго-востоку до границ Северного Казахстана (*Крижевская*, 1973а). В ней, как и в предшествующей, четко проявляются уже характерные черты неолита Азии, что и закономерно: обе области выходят далеко за восточные пределы Европейской части СССР.

ПЕРИОД ХАЛКОЛИТА

Одной из наиболее важных характеристик периода халколита (медного века) является увеличение по сравнению с неолитом производительности хозяйственной деятельности. Культуры халколита распространились на значительной территории Восточной Европы, заняв всю южную часть и часть северной территории; эти культуры заняли не только центры развитой культуры южных областей, но и весь этот регион. Развитие производства вызвало появление на исторической сцене новых масс населения и способствовало их концентрации, контактам, сотрудничеству и культурной интеграции.

Наряду с развитием производящего хозяйства огромную роль в этих процессах играло появление в Восточной Европе металлургии и обработки металлов. Эти новые и весьма важные аспекты человеческой деятельности стали одними из решающих факторов в техническом, хозяйственном и культурном развитии, а также в поддержании и развитии контактов и организации производства и всей структуры общества. С появлением металлургии значительно расширились не только производственные возможности людей, но и их знания, позволявшие им использовать богатые природные ресурсы, которые до этого оставались недоступными. Это были новые знания как о природе, так и о свойствах новых материалов, которые начали использоваться, а также о связанных с ними химических, физических и технологических процессах.

Образование центров добычи полезных ископаемых и обработки металлов оказало заметное влияние на общий уровень и темп развития этих регионов и на характер отношений между ними. С одной стороны, это усугубило неравенство в общественном развитии, а с другой – резко увеличило значение и возможности многих территорий, вызвав своеобразное «перераспределение» их исторических ролей. Это также привело к значительным изменениям исторической географии и общего развития Восточной Европы в начале эпох металлов.

Эти перемены не были внезапными. Традиционные центры производящего хозяйствования Балкано-Дунайской области на Кавказе, которые появились еще в неолите, сохранили свое важное значение и на этой ранней стадии становления металлургии в халколите в Восточной Европе, где они были первыми металлургическими центрами. В то же время сохранялись и традиционные сферы влияния и связи. Только позже (в бронзовом веке, см. том II) были разведаны новые месторождения металлов и появились новые центры металлургии, а обработка металлов распространилась на больших территориях, что способствовало значительным изменениям в системе связи и характере взаимодействия между регионами.

ХАЛКОЛИТ В БАЛКАНО-КАРПАТСКОМ РЕГИОНЕ

В Восточной Европе первая стадия ранней эпохи металлов относится в основном к шестому тысячелетию до наст. в. и характеризуется возникновением двух центров металлургии – балкано-карпатского на западе и кавказского на востоке. С точки зрения развития металлургии, вся эта стадия относится к халколиту. Ее отличительной чертой является использование исключительно природной «чистой» или металлургической меди без применения добавок, позволяющих получать сплавы. При обработке металлов ковку стали сочетать со все более сложными технологиями литья, вплоть до литья с применением составных литейных форм.

В халколите отдельные группы населения Балкан и Центральной Европы, принадлежавшие ранним сельскохозяйственным культурам, таким как культуры Гумельница, Тисаполгар, Ленгилье, культуры керамики воронковид-

ных кубков и других культур, распространялись в северо-западную часть Причерноморья и на юго-запад Европейской части бывшего СССР. Однако в период халколита главным явлением в сфере сельскохозяйственного производства на этой территории была культура Кукутени-Триполье. Она возникла в конце седьмого тысячелетия тому назад в результате проникновения на территорию современной Молдовы и в Трансильванию племен культуры Боян (на стадии Джуешти), которые начали взаимодействовать с племенами поздней культуры ленточной керамики; при этом проявилось также влияние культур Криш и Винча-Тордос, а также некоторых местных культур (*Dumitrescu, 1963a, 1973; Marinescu-Bilcu, 1974; Zbenovich, 1982, 1985*). Культура Кукутени-Триполье развивалась с конца седьмого – начала шестого тысячелетия до трех четвертей пятого тысячелетия тому назад. Этот хронологический период можно разделить на три части (*Лассек, 1949, 1961, 1962; Dumitrescu, 1963a*).

Ранний период: Триполье А (пред-Кукутени II–III)

Этот период охватывает время около 6000–5500 лет тому назад. Племена этой культуры населяли территорию современной Молдовы и местности между реками Прут и Днестр, вплоть до Южного Буга. Поселения этого периода были небольшими (1–2 га). Жилищами служили глинобитные дома прямоугольной формы или овальные землянки. При этом не было обнаружено кладбищ. Были широко распространены медные украшения, мелкие инструменты, а также изделия из кремня. Металл поступал из месторождений с севера Балкан (*Черныш, 1978*). Сосуды украшали резными, ямочными, накладными орнаментами. Встречается множество глиняных статуэток, выполненных в виде женских фигур.

Период Триполье Б

Во второй половине шестого тысячелетия тому назад эта культура распространилась на восток до среднего течения Днепра и на север до верховий Днестра. Размер поселений увеличился до 50–100 га, а общая площадь под зданиями – до 200 кв. м. Появились крупные медные инструменты, вроде долот, зубил и топоров. Широко распространилась одноцветная и многоцветная декоративная отделка сосудов, в которой присутствовали геометрические узоры и изображения животных и людей. Появились также статуэтки в форме мужских и женских фигур. Стали формироваться и своеобразные местные разновидности этой культуры.

Период Триполье В

Этот период занимает первые три четверти пятого тысячелетия до наст. в.

Территория этой культуры расширилась до Волыни и левобережья Днепра; различия между местными группами стали более резкими. Местами начали встречаться очень большие поселения (до 200 га). Они размещались на труднодоступных возвышенностях и часто были укреплены. Обнаружены кладбища с индивидуальными захоронениями умерших в согнутых позах. Для сосудов характерна одноцветная декоративная отделка. Типичными являются черные глазурованные сосуды с резным и шнуровым орнаментом, отделкой из проволоки и штамповкой. Начали появляться медные кинжалы. Статуэтки приобретают стилизованные черты. Эта стадия соответствует переходу к раннему бронзовому веку. Внутренние центрбежные

явления и усиление влияния степных скотоводов, относящихся к культуре шахт и камер с востока, и племен культур шаровидных амфор и шнуровой керамики с запада привели к исчезновению культуры Триполье. Тем не менее эта культура оказала решающее влияние на распространение производящего хозяйства и металлургии на европейской части бывшего СССР.

ХАЛКОЛИТ НА КАВКАЗЕ

Другим наиболее важным центром халколита был Кавказ. В этом районе, и прежде всего в южных и северо-западных частях Кавказа, продолжалось начавшееся еще во времена неолита развитие сельскохозяйственных культур.

На южном Кавказе основным типом остатков были постоянные, многослойные поселения с культурными слоями толщиной 8–9 м. Их можно разделить на две группы (Мунчаев, 1982). Первая группа относится к центральной части Закавказья, прежде всего к среднему течению Куры. Наиболее значительные находки были обнаружены в Шулаверисгоре, Храмис-Дидигоре, Шомутепе и Акухлю. Вторая группа относится к Южному Закавказью (Кююльпе I в Нахичевани, Техут и др.).

Основной период развития этих культур относится к седьмому и началу шестого тысячелетия до наст. в. В обеих группах поселений строения в основном были круглыми в плане, с крышей в форме купола или цилиндрические дома, состоявшие из одной комнаты, сделанные из высушенных на солнце кирпичей или, реже, камня. Глиняные полы и стены были украшены декоративной отделкой.

Захоронения находились на территории самих поселений (тела умерших лежали на спине или на боку в согнутом положении).

Большинство найденных инструментов были сделаны из обсидиана, кремня и камня (серповидные лезвия, скребки, мотыги, жернова, булавки и т.п.), но встречаются и изделия из меди и сплава меди с мышьяком (подвески, бусы, ножи, шилья и т.д.). Глиняная посуда была грубой и простой по форме с выдавленным или резным орнаментом по краю. Но наряду с этим в южной группе поселений были найдены завезенные изделия халafsкой культуры, а также местные изделия с отделкой, воспроизводившей месопотамские и североиранские мотивы (Мунчаев, 1982, с. 111–112, 116–122). В целом эта культура явно относится к раннему типу сельскохозяйственных культур.

То же можно сказать и о многочисленных находках на северо-востоке Кавказа. Наиболее интересным является поселение Джинчин в Дагестане. Оно окружено каменной стеной, а стены прямоугольных и круглых домов также, по-видимому, были сделаны из камня (Мунчаев, 1982, с. 124–126). Наряду с грубой местной керамикой встречаются сосуды, похожие на закавказские и североиранские образцы. Каменные изделия также имеют вид, характерный для Закавказья, хотя у них есть и свои особые черты (Гаджиев, 1978). В то же время существуют и неопровержимые доказательства знакомства носителей этой культуры с металлом. Уже в период халколита здесь были заложены основы мощного центра металлургии, который развивался в дальнейшем.

ХАЛКОЛИТ В РЕГИОНАХ СТЕПИ И ЮЖНОЙ ЧАСТИ ЛЕСОСТЕПИ

Центры культур халколита на северо-западе Черного моря и Кавказа оказали решающее влияние на примыкающие к ним степные области у Черного моря и Каспия и более северные территории. В этих местах халколит также характеризовался распространением продуктивного хозяйствования в значительно более широком масштабе, чем во времена неолита. Эти места были менее пригодны для

развития раннего земледелия, так как оно было возможно только в изолированных долинах рек, а необъятные степи, наоборот, могли прокормить практически неограниченный стада скота. Однако для использования этих потенциальных ресурсов открытых степей были необходимы особые формы кочевого скотоводства. С халколитом были связаны самые ранние стадии этого длительного и сложного процесса, который завершился к концу бронзового века с появлением «традиционного» кочевого образа жизни. Именно благодаря кочевому скотоводству (прежде всего – овцеводству и коневодству) по дикой степи распространялись технические и культурные достижения южных центров культуры, особенно – металлургия и обработка металлов.

Уже в шестом тысячелетии до наст. в. медь была широко распространена и в лесостепных районах Восточной Европы, где она представлена многочисленными сложными и крупными изделиями. Химический анализ показал, что этот металл происходил из степного района, простиравшегося от Волги на востоке до Балкано-Карпатской области на западе, где залежи меди имелись главным образом на территории Северной Фракии, которая снабжала медью весь этот обширный регион (Черныш, 1978, с. 119, 263). В процессе распространения производящего хозяйства наибольшее влияние на развитие общей культуры и обработки металлов на территории степи в этот период оказывали балкано-дунайские центры и их главный северо-восточный форпост – район культуры Триполье.

Однако довольно быстро эти влияния стали двухсторонними. Начиная со среднего периода культуры Триполье, к востоку от территории этой культуры на границе между лесостепью и степью появилось множество культур, в хозяйственной деятельности которых всевозрастающая роль отводилась скотоводству, наряду с традиционными охотой и рыболовством. И эти культуры все больше проникали на территорию открытой степи (Метнерт, 1980). В то же время носители этих культур активно перемещались на территорию культуры Кукутени-Триполье вплоть до Балкано-Дунайского региона, оказывая чрезвычайно сильное влияние на раннюю сельскохозяйственную культуру населения этих мест (Мовша, 1981, Коско, 1985).

Таким образом, с середины шестого и до первой четверти пятого тысячелетия тому назад в зоне лесостепи и отчасти в степной зоне Днестра и левобережной Украины, вплоть до левобережья среднего и нижнего течения Дона, сформировалась среднестоговская культура II (Телегин, 1972–1973, 1985), с которой связан один из наиболее древних центров одомашнивания лошади (Цалкин, 1970).

В степных районах на территории между Днестром и Доном были найдены многочисленные археологические объекты неолитического типа (Телегин, 1985, с. 318), датированные временем, начиная с шестого тысячелетия до наст. в. Находки включают каменные могилы, захоронения умерших в согнутом положении, лежа на спине, с украшением их охрой и наличием погребальной утвари; в состав этой утвари входили медные украшения – так называемые балкано-дунайские предметы; типично степные предметы из кремня и, возможно, кавказских изделий из керамики. Далее к востоку, в среднем течении Дона, была обнаружена халколитическая репинская культура, а в районе Волги и на территории между Волгой и Уралом были найдены следы выразительной хвалынской культуры с явными признаками скотоводческого хозяйства и захоронением украшенных охрой умерших в согнутом положении, лежа на спине. Здесь найдены многочисленные изделия из камня (лезвия ножей, наконечники стрел, топоры, скипетр и браслеты), меди (спиральные браслеты и др.), а также типичная степная керамика, которую нашли позднее и на территориях культуры шахт и камер (Васильев, 1981, Малов, 1982, Пестрикова, 1987). Металл, найденный здесь, также имеет северо-балканское происхождение (Черныш, 1980, с. 323).

Недавно очень похожие предметы были обнаружены в Северокаспийском регионе (Васильев и др., 1986).

В целом в степной зоне и на юге лесостепи можно видеть свидетельства взаимодействия множества культур халколита, которые были независимы, но очень похожи друг на друга. Это было связано со сходством природных условий и способов приспособления к ним; со связями между культурами во многих направлениях, которые были особенно активными на территориях открытых степей; с взаимной ассимиляцией и распространением производственных навыков и культурных традиций.

Наращение интеграционных тенденций вело к формированию в этих степях гигантских культурных сообществ, проявивших себя в последующих стадиях бронзового века.

Однако лишь отдельные области севера лесостепи и лесной зоны были затронуты распространением халколитических культур. Большие территории оставались на стадии неолита и, как правило, не достигали халколита.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АМИРХАНОВ КА. 1983. Начало земледелия в Дагестане. – Природа. (М.). Т. 2.
- БАДЕР О.Н. 1970. Уральский неолит. – В: Каменный век на территории СССР. – М.
- 1973. Волго-Камская этнокультурная область эпохи неолита. – Л. (Матер. исслед. археол. СССР, 172).
- БЕЛАНОВСКАЯ Т.Д. 1973. Хозяйство обитателей неолитического поселения Ракушечный Яр. – В: Археологические раскопки на Дону. – Ростов-на-Дону.
- ВАНКИНА И.В., ЗАГОРСКИС Ф.А., ЛОЗЕ И.А. 1973. Неолитические поселения Латвии. – Л. (Матер. исслед. археол. СССР, 172).
- ВАСИЛЬЕВ И.В. 1981. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. – Куйбышев.
- ВАСИЛЬЕВ И.В., МАТВЕЕВА Г.И. 1979. Могильнику села Съезжее на реке Самаре. – Сов. археол. (М.). Т. 4.
- ВАСИЛЬЕВ И.В., ВЫБОРНОВ А.А., КОЗИН Е.В. 1986. Поздненеолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии. – В: Древние культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев.
- ВИНОГРАДОВ А.В. 1981. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – М.
- ГАДЖИЕВ М.Г. 1978. К выделению северовостокавказского очага каменной индустрии. – В: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. – Махачкала.
- ГУРИНА Н.Н. 1995. Оленостровский могильник. – Л. (Матер. исслед. археол. СССР, 47).
- 1961. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. – М. (Матер. исслед. археол. СССР, 87).
- 1970. Неолит лесной и лесостепной зон Европейской части СССР. – В: Каменный век на территории СССР. – М.
- 1973а. Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР. – Л. (Матер. исслед. археол. СССР, 172).
- 1973б. Неолитические племена Валдайской возвышенности. – Л. (Матер. исслед. археол. СССР, 172).
- 1973в. Древние памятники Кольского полуострова. – Л. (Матер. исслед. археол. СССР, 172).
- 1976. Древние камнедобывающие шахты. – Л.
- ДАНИЛЕНКО В.Н. 1969. Неолит Украины. – Киев.
- 1974. Энеолит Украины. – Киев.
- ДОЛУХАНОВ П.М., ТИМОФЕЕВ В. И. 1972. Абсолютная хронология неолита Евразии. – В: Проблемы абсолютного датирования в археологии. – М.
- ДОЛУХАНОВ П.М., РОМАНОВА В.Н., СЕМЕНЦОВ А.А. 1973. Абсолютная хронология европейского неолита. – Л. (Матер. исслед. археол. СССР, 172).
- ЗБЕНОВИЧ В.Г. 1982. Сложение трипольской культуры на территории СССР. – *Thracia Praeist. Suppl. Polpudeva* (София). Т. 3.
- 1985. Раннетрипольские племена на территории Украины. – Киев.
- ИСАЕНКО В.Ф., ЧЕРНЯВСКИЙ М.М. 1970. Неолит. – В: Очерки по археологии Белоруссии. – Минск.
- КИГУРАДЗЕ Т.В. 1976. Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. – Тбилиси. (На грузинском яз. с резюме на русском яз.).
- КРАЙНОВ Д.А. 1960. Пещерная стоянка Так-Аир как основа для периодизации постпалеолитических культур Крыма. – М. (Матер. исслед. археол. СССР, 91).
- КРАЙНОВ Д.А. и др. 1973. Древнейшая неолитическая культура Верхнего Поволжья. – Вест. Акад. наук СССР. (М.). Т. 5.
- КРИЖЕВСКАЯ Л.Ю. 1968. Неолит Южного Урала. – Л. (Матер. исслед. археол. СССР, 141).
- 1973а. К вопросу о неолите Северо-Восточного Прикаспия. – М. (Матер. исслед. археол. СССР, 185).
- 1973б. Неолитические племена Южного Приуралья. – Л. (Матер. исслед. археол. СССР, 172).
- КРУГЛОВ А.П., ПИОТРОВСКИЙ В.В., ПОДГАЕТСКИЙ Г.В. 1941. Могильник в городе Нальчике. – М.–Л. (Матер. исслед. археол. СССР, 3).
- ЛИНЕВСКИЙ А.М. 1949. Петроглифы Карелии. – Петрозаводск.
- ЛИСИЦИНА Г.Н., ПРИЩЕПЕНКО Л.В. 1977. Палеозоотнотанические находки Кавказа и Ближнего Востока. – М.
- ЛОЗЕ И.А. 1979. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской долины. – Рига.
- МАЛОВ Н.М. 1982. Слоповский могильник и его место в энеолите Поволжья. – В: Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев.
- МАРКЕВИЧ В.И. 1974. Буго-Днестровская культура на территории Молдавии. – Кишинев.
- МЕРПЕРТ Н.Я. 1980. Проблемы энеолита степи и лесостепной зоны Восточной Европы. – В: Энеолит Восточной Европы. – М.
- МОВША Т.Г. 1981. Проблемы связей Триполья-Кукутени с племенами культур степного ареала. – *Studia Praehist.* (София). Т. 5/6.
- МУНЧАЕВ Р.М. 1975. Кавказ на заре бронзового века. – М.
- 1982. Энеолит Кавказа. – В: Энеолит СССР. – М.
- НИБИЕРИДЗЕ Л.Д. 1972. Неолит Западного Закавказья. – Тбилиси. (На грузинском яз.).
- ПАНКРУШЕВ Г.А. 1964. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. – М.
- 1973. Неолитические племена Карелии. – Л. (Матер. исслед. археол. СССР, 172).
- ПАССЕК Т.С. 1949. Периодизация трипольских поселений. – М. (Матер. исслед. археол. СССР, 10).
- 1961. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. – М. (Матер. исслед. археол. СССР, 84).
- 1962. Relations entre l'Europe occidentale et l'Europe orientale à l'époque néolithique. In: CONGRÈS INTERNATIONAL DES SCIENCES PRÉHISTORIQUES ET PROTOHISTORIQUES, 6e, Moscow. Les Rapports et les informations des archéologues de l'URSS. Moscow.
- ПЕСТРИКОВА В.И. 1987. Свалинский энеолитический могильник как исторический источник. – М.
- ПОТУШНЯК М.Ф. 1978. Результаты исследования памятников неолита-энеолита в Закарпатье. – В: Археологические исследования на Украине в 1976–1978 гг. – Ужгород.
- РАВДОНИКАС В.И. 1936. Наскальные изображения Онежского озера. – М.–Л.
- 1938. Наскальные изображения Белого моря. – М.–Л.
- РАУШЕНБАХ В.М. Неолитические племена бассейна Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья. – Л. (Матер. исслед. археол. СССР, 172).
- РИМАНТЕНЕ Р.К. 1973. Неолит Литвы и Калининградской области. – Л. (Матер. исслед. археол. СССР, 172).
- САВВАТЕЕВ Ю.А. 1966. Некоторые вопросы изучения наскальных изображений Карелии. – В: Новые памятники истории древней Карелии. – М.–Л.
- СТОЛЯР А.Д. 1953. Мариупольский могильник как исторический источник. – Л.

- 1959. Об одном центре одомашнивания свиней. — Сов. археол. (М.). № 3.
- ТЕЛЕГИН Д.Я. 1968. Днепродонецкая культура. — Киев. (На украинском яз.).
- 1972–1973. Среднестоговская культура эпохи меди. — Киев. (На украинском яз.).
- 1985. Среднестоговская культура и памятники новоданиловского типа в Поднепровье и степном левобережье Украины. — Археол. Украин. (Киев). Т. 1.
- ТИТОВ В.С. 1980. Неолит. — В: Археология Венгрии. — М.
- ТРЕТЬЯКОВ В.П. 1972. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. — Л.
- ФОРМОЗОВ А.А. 1962. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. — М. (Матер. исслед. археол. СССР, 102).
- 1969. Очерки по первобытному искусству. — М.
- 1977. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. — М.
- ХАЛИКОВ А.К. 1973. Неолитические племена Среднего Поволжья. — Л. Наука, (Матер. исслед. археол. СССР, 172).
- ХЛОБЫСТИН Л.П. 1973. Крайний Северо-Восток Европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы. — Л. (Матер. исслед. археол. СССР, 172).
- ЦАЛКИН В.И. 1970. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. — М.
- ЦВЕТКОВА И.К. 1973. Неолитические племена рязанского течения реки Оки. — Л. (Матер. исслед. археол. СССР, 172).
- ЧЕРНЫШ Е.Н. 1978. Metallurgical provinces and periodization of the early metal age on the territory of the USSR. — Сов. археол. (М.). Т. 4.
- 1980. Metallurgical Provinces of the 5th–2nd Millennia BC in Eastern Europe in Relation to the Process of Indo-Europeanization. *J. Indo-Eur. Stud.* (Washington), Vol. 8, No. 3/4. (на английском яз.).
- ЭДИНГ Д.Н. 1940. Резная скульптура Урала. — М. (Ир. Гос. истор. муз., 10).
- ЯНИЦС Л.Ю. 1973. Неолит Эстонии. — Л. (Матер. исслед. археол. СССР, 172).
- DUMITRESCU, V. 1963a. Originea si evolutia culturii Cucuteni–Tripolie. *SVIV*, No. 1.
- 1963b. The Date of the Earliest Western Expansion of the Kurgan Tribes. *Dacia*, NS, Vol. 7.
- 1973. À propos d'une nouvelle synthèse concernant l'époque néo-énéolithique du Sud-Est et Centre-Est de l'Europe. *Dacia*, NS, Vol. 17.
- KÓSKO, A. 1985. Influence of the 'Pre-Yamnaya' (Pre-Pitgarve) Communities from the Black Sea Steppe Area in Western European Cultures. In: *L'Énéolithique et le début de l'âge du bronze dans certaines régions de l'Europe*. Cracow.
- MARINESCU–BILCU, S. 1974. Cultura Precucuteni pe teritoriul României. Bucharest.

АТЛАНТИЧЕСКИЕ РЕГИОНЫ ЕВРОПЫ

В ЭПОХУ НЕОЛИТА

Пьер-Ролан Жио

АТЛАНТИЧЕСКИЕ РАЙОНЫ ФРАНЦИИ В ЭПОХУ НЕОЛИТА

В этом разделе рассматривается ранний и средний неолит в регионе Франции, расположенном к западу от Центрального массива и Парижского бассейна, т.е. на Армориканской возвышенности и окружающих ее зонах с осадочными почвами от Нормандии до Пуату, а также в северных районах Аквитании (Армориканская возвышенность – на северо-западе Франции, в Нормандии и на п-ве Бретань; Пуату – историческая область в западной части Франции, включает департаменты Вандея, Вьенна, частично Дё-Севр; Аквитания – историческая область на юго-западе Франции. – *Прим. ред.*). Чтобы дать сбалансированное представление, обсуждение особенностей позднего неолита будет распространено на весь Парижский бассейн, а обзор неолитической культуры будет охватывать такие отдаленные места, как Бельгия и Швейцария.

Большая часть рассматриваемых территорий представляет собой равнины или невысокие плато в среднем ниже 200 м, с океаническим климатом или во всяком случае с серьезным влиянием океана. Эти регионы отличает не только их близость или удаленность от Атлантики или пролива Ла-Манш, но и их расположение на древней геологической платформе Армориканского плато, тогда как другие регионы располагаются на осадочных впадинах постпалеозойской эры. На местном уровне природные условия и в особенности почвы очень разнообразны, однако слой плейстоценовых наносных образований покрывает все прибрежные районы у пролива Ла-Манш. Очевидно, что в послеледниковый период уровень моря поднимался и достиг приблизительно современного уровня в так называемый Атлантический период сразу после установления наиболее благоприятного климата.

В этой части Западной Европы сходятся два крупных направления неолитической культуры: средиземноморская культура (тисненая, «сердцевидная») и следующая за ней керамика) и поздняя форма (культуры ленточной керамики). Эти направления появились либо благодаря приросту мигрирующего населения или, более вероятно, главным образом из-за постепенного проникновения различных технологий и способов работы, относящихся к новому образу жизни.

Следует определить, какое из этих двух направлений первым проявилось в атлантической Франции, каков был результат их встречи и последующего взаимодействия не только в раннем, но и в среднем неолите. Средиземноморский неолит проявился в направлении с юга на север, с вос-

точной границы Франции вдоль коридора между реками Рона и Соны до западного побережья и вдоль него.

Кроме региональных культурных различий могли быть различия, вызванные степенью влияния каждого направления. Были неудачные попытки придать этим разновидностям индивидуальные ярлыки. Кроме того, следует быть осторожными с хронологическим уподоблением, основанным исключительно на типологических и стилистических сходствах (*Bailloud*, 1973; 1974, 1985; *Guilaine*, 1976, 1980; *Scarre*, 1983; *Giot*, 1983; *Burnez*, 1976; *Joussaume*, 1981; *Giot et al.*, 1979; *Verron*, 1980; *Whittle*, 1985).

Ранний неолит

Южный тип раннего неолита

Ранний неолит с тисненой керамикой «послесердцевидного» типа хорошо известен в Аквитании вплоть до исторической области Гиень, где во внутренних районах (Рукадур) он принял необычный вид. Далее к северу находки нерегулярные и незначительные. В пещере Бельфон (департамент Вьенна) был открыт слой, расположенный над чисто мезолитическим уровнем, в котором черепки гончарных изделий лежали вместе с микролитами; орнаменты на этих изделиях были родственными и культуре лепточной керамики, и послесердцевидной культуре, что выявило сложность изучаемой проблемы. Кроме того, в Гуйо, на о. Ре (департамент Приморская Шаранга) в канаве был найден черепок с отпечатком раковины вместе с группой других фрагментов; эти находки радиоуглеродным методом были отнесены к 6800 лет до наст. в.

В департаменте Вандея есть несколько мест, главным образом на косе Груэн-дю-Ку в местечке Ла-Транш-сюр-Мэр, где обнаружены целые группы небольших фрагментов круглодонных сосудов с другими – более толстыми, более грубыми черепками с орнаментами в виде отпечатков пальцев (*Joussaume*, 1981). Возраст самых древних из них – 7400 лет.

Почти во всех поселениях, за исключением поселения Груэн-дю-Ку, рядом с этими самыми первыми гончарными изделиями было найдено множество костей домашних животных (небольших быков, овец и коз, свиней) вместе с костями диких животных, а также жернова (в поселении Диссиньяк в Сен-Назере, на севере департамента Луара, найдены обугленные зерна пшеницы и вики) и микролитическое производство, характерное для завершающей стадии мезолита на этой территории. Стоянки у

Бретани, относящиеся к завершающей стадии мезолита, свидетельствуют об оседлом, хотя бы в природные сезоны, образе жизни и об обычае устраивать семейные и коллективные захоронения (в Тевьек и Оэдик), даже с возведением небольшой каменной насыпи над коллективным захоронением. В этих поселениях в сопоставимые сроки образовались также скопления раковин и некоторого количества костей домашних животных, но преобладают кости диких животных (в Тевьек, Оэдик и Ла-Торш).

И наконец, существует множество данных, для того чтобы предположить, что различие «мезолитического» и «неолитического» образов жизни является до некоторой степени искусственным, хотя и невозможно сказать, вызвано ли это контактами между соседними народностями, образ жизни которых сначала различался: одна – народность местная, другая – появившаяся из других мест, или постепенным преобразованием уклада жизни местного населения путем аккультурации.

Палинологические данные показывают, что в период мезолита началось сведение лесов.

Культура ленточной керамики в раннем неолите

Являясь процветающей культурой в Парижском бассейне, ленточная керамика в ее поздних формах оказывала свое влияние на территории вдоль течения Луары до Анжу (найлены черепки группы Ожи-Сент-Палле в местечке Ла-Бажульер) и вдоль берега пролива Ла-Манш до Нижней Нормандии и Нормандских островов (черепки послеленточной керамики группы культур Черни найдены под могильным холмом Ла-Огетт в местечке Фонтене-ле-Мармион, в Кальвадосе; эти же черепки могут быть отнесены и к первой фазе раскопок удлиненного земляного кургана Фуаяж на острове Гернси). Несколько черепков, возможно родственных между собой, были обнаружены в Кариаке в длинных грядках камней (Caillaud & Lagnel, 1972; Kimmes, 1982).

Эти находки свидетельствуют о древности курганов, часто имевших трапециевидную форму, которые, вероятно, были связаны с традициями культур северо-восточной Европы (распространенных, например, в Польше); для этих курганов были характерны внутренние сооружения из дерева, напоминающие дома. Эти хрупкие строения являются формой мегалитической архитектуры, началом последовательности памятников, которые появились в различных местных формах на протяжении всего неолита в Западной Франции и которыми стремятся пренебречь. Возможно, из-за сравнительно плохой сохранности этих сооружений и отсутствия в них обстановки остается без внимания основной элемент этих культур. Такие памятники сделаны из небольших камней, а не из земли, и мегалитические каменные пирамиды могут содержать небольшие ячейки и камеры, не всегда предназначенные для захоронений. Могильные курганы на юге Бретани (департаменты Атлантическая Луара, Иль-и-Вилан, Морбиан) по своей топографии часто ассоциируются с рядами менгиров, которым иногда они предшествовали. В других курганах содержатся ячейки-цисты с индивидуальными могилами, которые связаны с захоронениями бронзового века.

Средний неолит

Мегалитические памятники

Самые древние мегалитические пирамиды. Примечательно, что из всех памятников, известных как «мегалитические могилы» – так они называются из-за отсутствия лучшего термина, который учитывал бы все их особенности, – самые древние, до сих пор открытые в Европе, находятся на Армориканской возвышенности и на ее

краях, относящихся к юрскому периоду в Пуату и в Нижней Нормандии (в которых известняковая природа строительных материалов лучше способствует сохранению костей). В этих трех районах крайние даты одинаковы: для таких памятников, как сооружения Бугон-Фо (департамент Дё-Севр) (илл. 104), Барнене G, Генно ШС и Рок-Авель (департамент Финистер) эти крайние даты составляют от 7200 до 6400 лет до наст. в., а для таких поселений, как Карн (рис. 152), Сен-Туа 2 N (Финистер) и Ла-Огетт VI (департамент Кальвадос) (рис. 153) пределы составляют от 6700 до 5900 лет до наст. в. Примечательно также, что эти памятники не самые простые из известных нам, а были детально разработанными сооружениями, объединенными в престижные группы, представлявшие собой либо кладбище, либо внутренние пространства больших каменных пирамид или курганов разнообразных форм, которые часто свидетельствуют об их сложной истории с большим количеством перестроек и постепенных добавлений (*L'Helgouach*, 1965, 1971, 1973, 1976; *Giot*, 1982; *Moben*, 1984).

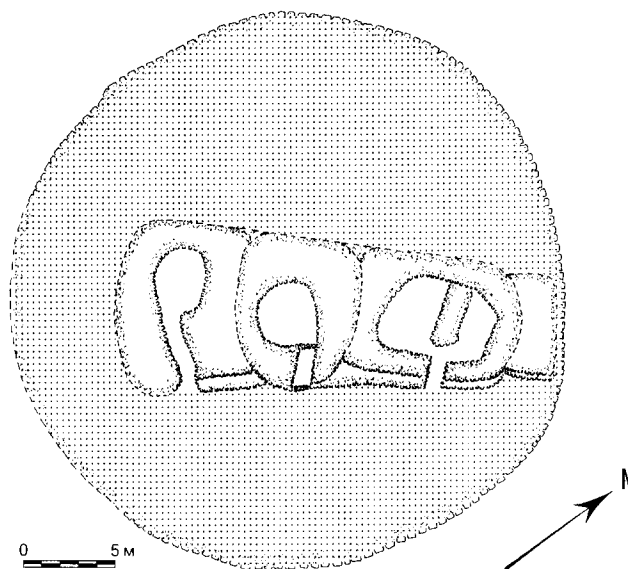

Рис. 152. План каменной пирамиды в Плудальмезо (департамент Финистер, Франция). Более темным контуром обозначена первичная пирамида – клиновидная в плане, состоящая из трех помещений и проходов к захоронениям со стенами, поставленными способом сухой каменной кладки. Центральное захоронение имеет стены, закрывающие вход в него и в проход. Более светлыми точками обозначена вторичная пирамида – очень большой круглый холм, который не дает возможности использовать могилы в дальнейшем. Первичная пирамида относится к среднему неолиту, вторичная – к заключительному неолиту (документы *Giot*)

Базовые (первичные) памятники были, по существу, могилами с проходом для доступа и выполнялись во многих вариантах, выбор которых обуславливался местными строительными материалами и соответствующими традициями; так, способы строительства с применением известняковых плит не могли использоваться при строительстве из гнейсовых глыб или плит или из бесформенных гранитных валунов. В результате появилось множество местных стилей, которые не поддаются описанию. Самые старые сооружения имели могильные камеры, круглые в плане, со стенами сухой каменной кладки и нависающими сводами, но могилы выполнялись из вертикальных плит; в любом случае камеры накрывались мегалитическими плитами. Когда эти захоронения стояли отдельно, они закрывались прямоугольными, а иногда круглыми в плане пирамидами с низкими облицованными стенками. Когда к

первоначальным сооружениям добавлялись новые, все они покрывались большими пирамидами, и проходы в них значительно удлинялись, как это видно в поселении Барнене в Плуэ (департамент Финистер). Форма этих пирамид в плане изменялась от почти трапециевидной или прямоугольной (когда могилы располагались бок о бок) до круглой (когда захоронения располагались по радиусу от середины, как, например, в пирамидах в Нормандии). Низкие концентрично устанавливаемые стенки располагались ярусами, в некоторых случаях было несколько таких ярусов. По своим планам эти погребальные камеры походили одновременно на пещеры и на деревянные дома. В каменных пирамидах можно найти также черты склепов из других культур.

В известняковых захоронениях, в которых костные остатки относительно хорошо сохранились (в Пуату и Нормандии), были найдены до пятнадцати тел, лежащих в согнутом положении на боку.

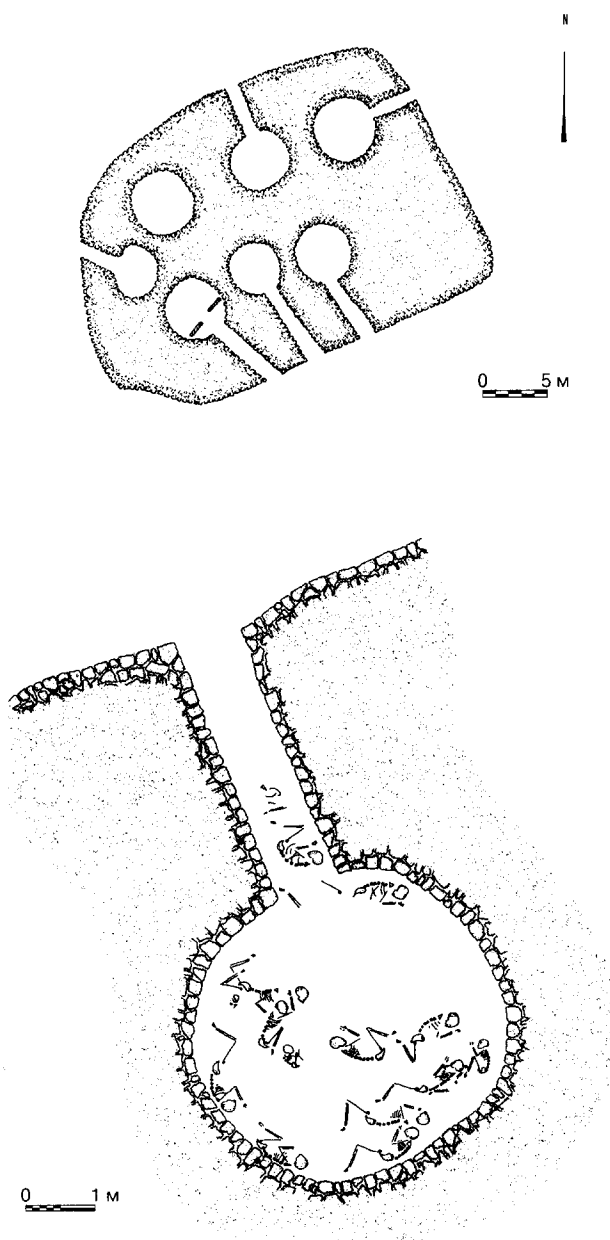

Рис. 153. План пирамиды Ла-Огетт в Фонтеней-ле-Мармион (департамент Кальвадос, Франция) и детальный план захоронения I с положением скелетов. Эта пирамида из известняка относится к среднему неолиту (по Caillaud & Lagnel, 1972)

Развитие захоронений с проходами («долменом») (рис. 154). В некоторых географических зонах сохранялась традиция постройки многогранных камер, тогда как в других зонах применялись собственные варианты. Так, на западе Центральной Франции строились сооружения так называемого ангумуазского типа с прямоугольной камерой, а положение прохода вместе с камерой в плане имеет форму букв «P», «q» или «T». На юге Бретани, от Луары до Морбиана, за камерами с боковыми ячейками последовали камеры в виде поперечных нефов, тогда как на юге департамента Финистер преимущественно строились камеры, разделенные на отсеки перегородками. На Нормандских островах чаще всего строились прямоугольные камеры, вокруг которых устраивались ячейки или отсеки. Сооружения Ла-Уг-Би и Фальдудэ на острове Джерси имели даже форму креста (илл.105).

Современные раскопки снова подтверждают, что крупные памятники, особенно если они сгруппированы вместе, носят следы перестройки. Некоторые захоронения служили недолго, а затем были засыпаны и заблокированы, тогда как другие использовались неоднократно на протяжении длительного времени, иногда в течение двух тысячелетий, как свидетельствуют погребальные приношения, в частности, гончарные изделия. То, что захоронение продолжало использоваться, не означает, впрочем, что в нем по-прежнему хоронили умерших, поскольку, очевидно, социально-религиозные функции этих памятников были значительно более сложными и всеобъемлющими, чем только культ умерших.

Очень любопытное явление представляют собой большие, а иногда и гигантские курганы. В Пуату имеются обширные развалины немегалитических курганов без ясной внутренней структуры. Кроме того, в районе залива Морбиан – в Арзоне, Локмариакере и Карнаке – была обнаружена целая серия памятников, которые несколько напоминают отдельные курганы некрополя в Бугоне (Пуату). Ни одно из этих сооружений не похоже на другое. Общим у них было то, что почти все они начинались с захоронений, имеющих камеру и проход, который служил и для входа, и для выхода (например, Пти-Мон, Мане-Лю и Мустуар). В других этот проход был заглушен при возведении более позднего кургана (как, например, в Сен-Мишель). Развалины кургана содержат одну или несколько заглушенных камер или ячеек, которые могли служить индивидуальными захоронениями. В других случаях (Тюмиак и Мане-эр-Розк) курган был приблизительно круглым, и, видимо, имел одну закрытую камеру. Эти камеры являются мегалитическими постройками, стены которых выполнены из плит и стен сухой каменной кладки.

В этих, предположительно индивидуальных, могилах, которые были обнаружены во время раскопок, проведенных в середине XIX в., и которые были использованы лишь однажды, во время сооружения, обнаружены великолепные погребальные и церемониальные предметы. Самым необычным является сооружение в Мане-эр-Розк, где было найдено 106 шлифованных топоров из редких материалов (фибrolит и жадеит), 49 бусин и подвесок из варисцита и плоского кольца из серпентина. Иногда в таких захоронениях с проходами находят множество бусин и подвесок из варисцита.

Некоторые курганы строились из насыпного камня, а некоторые – из земли; иногда видны следы постепенного сочетания этих материалов.

Менгиры и стелы с орнаментом. Одной из самых примечательных особенностей атлантических районов Франции является обилие вертикально стоящих на земле длинных камней, или «менгиров» (илл. 106). Даже если не брать в расчет менгиры, выстроенные в ряд, то все равно можно найти обилие отдельно или небольшими

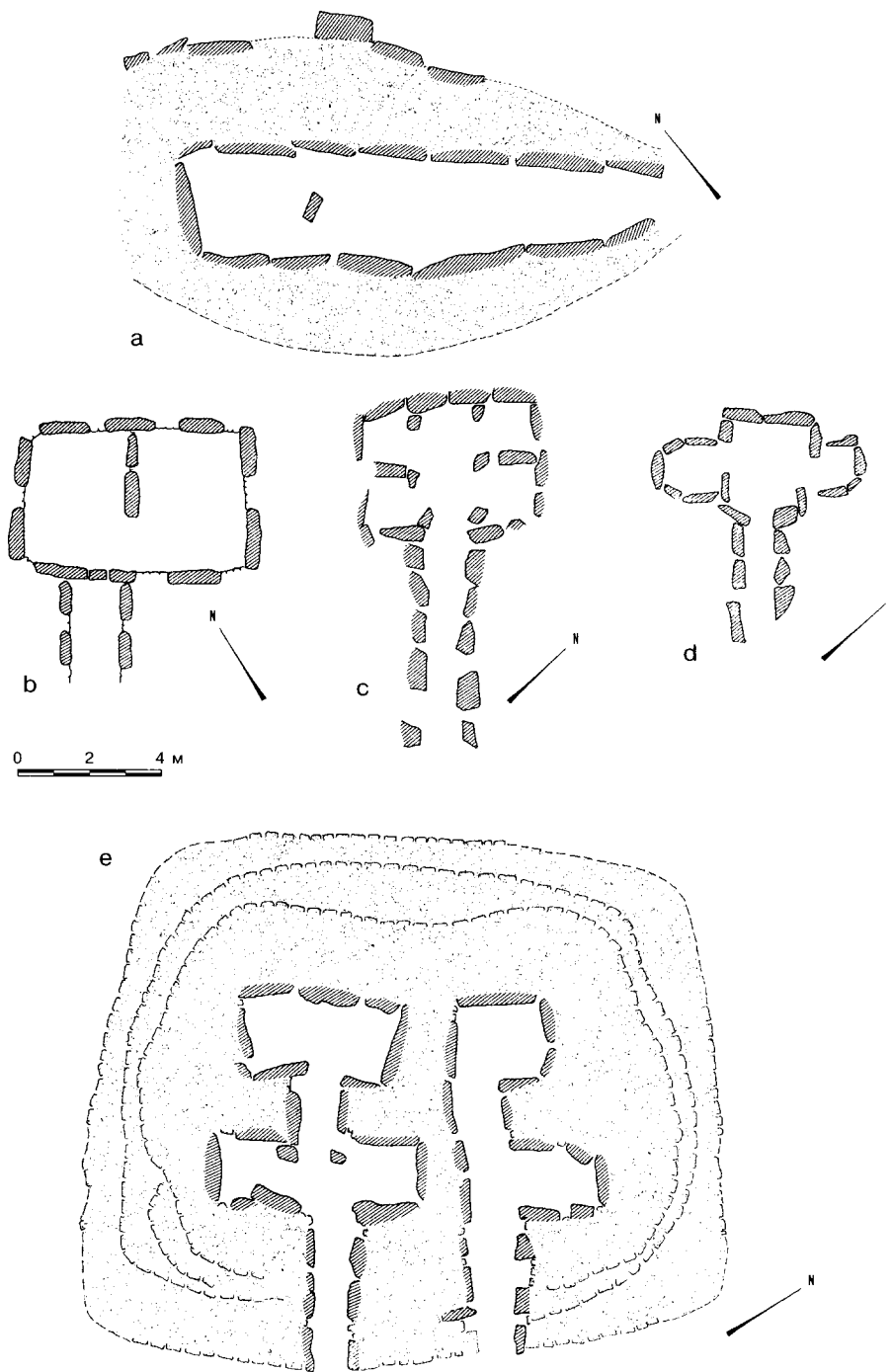

Рис. 154. Планы развитых захоронений с камерами и проходами конца среднего неолита (Франция): **a** – V-образная камерная могила в поселении Ти-ар-Будиже в Бреннилизе (департамент Финистер) с курганом овальной формы и остатками облицовочной мегалитической стенки (по *L'Helgouach*, 1965); **b** – могила «ангумуазского» типа из кургана А, которая размещена в круглой пирамиде в Бугоне (Дё-Севр) (по *Moben*, 1973); **c** – могила с разделенной камерой под удлиненным курганом Мане-Гро в Эрдевене (департамент Морбиан) (по *L'Helgouach*, 1965); **d** – могила с боковыми камерами, открытыми со стороны квадратной камеры, из поселения Локельгас в Локоаль-Мендоне (департамент Морбиан) (по *L'Helgouach*, 1965); **e** – пирамида Ле-Муссо в Порнике (департамент Атлантическая Луара) с двумя могилами в виде поперечных нефов и concentрическими облицовочными стенками (по *L'Helgouach & Poulain*, 1984)

группами стоящих камней. Большинство из них относится к позднему неолиту, по крайней мере таково преобладающее мнение, но датировано относительно небольшое количество этих камней. Раскопки, проведенные в XX в., которые, хотя зачастую полностью повредили кладку, все же позволили определить по объектам, лежащим в основаниях менгиров вместе с камнями, служившими их основой, что памятники этого типа относятся к неолиту.

Существуют также менгиры, украшенные декоративными сюжетами, резными или, чаще, выполненными в

виде барельефов. Эти украшения были обнаружены на плитах захоронений с проходом; наиболее часто встречаются изображения посохов и топоров с рукоятками. В результате эрозии и выветривания камней оказались стерты многие из этих изображений, которые, как установлено, были выполнены лишь на части сооружений. Наиболее выдающийся пример – менгир в Сен-Самсон-сюр-Ранс (департамент Кот-дю-Нор) высотой 7 м, передняя поверхность которого полностью покрыта изображениями, а на две боковые поверхности также нанесены рисунки.

Недавние открытия позволяют утверждать, что большие менгиры или стелы с орнаментами (рис. 155) появились в начале среднего неолита в Локмариакере и что впоследствии эти сооружения были намеренно снесены и разбиты, а фрагменты некоторых из них служили плитами перекрытий для камер самых престижных мегалитических захоронений в регионе. Куски разбитого Большого Менгира из Локмариакера, длина которого составляла 20,5 м, остались на месте; несмотря на эрозию, на них можно различить изображение топора с рукояткой. По соседству должна была стоять стела с орнаментом, фрагменты которой пошли на устройство перекрытия «дольмена» «Стол Торговцев», захоронения Эр-Винле, находившегося рядом, а также камеры престижного захоронения на о. Гавринис. Следовательно, имеются точные хронологические данные, и изображения на нижней поверхности «Стола Торговцев» прекрасно подходят к верхней части плиты перекрытия на о. Гавринис: полное изображение включает двух четвероногих существ с торчащими рогами между двух топоров с рукоятками разных размеров и несколько посохов (L'Helgouach, 1983; Le Roux, 1984b).

Это означает, что в период среднего неолита здесь не только уже стояли менгиры, но самые массивные из них были воздвигнуты очень рано и дали начало типичным захоронениям в виде камер с проходом.

Технология возведения мегалитов. Большинство самых эффектных достижений технической мысли, будь то пирамиды или менгиры, тоже относятся к наиболее ранним. Раскопки в Бугоне дали возможность понять, как добывались известняковые плиты. Были обнаружены много-

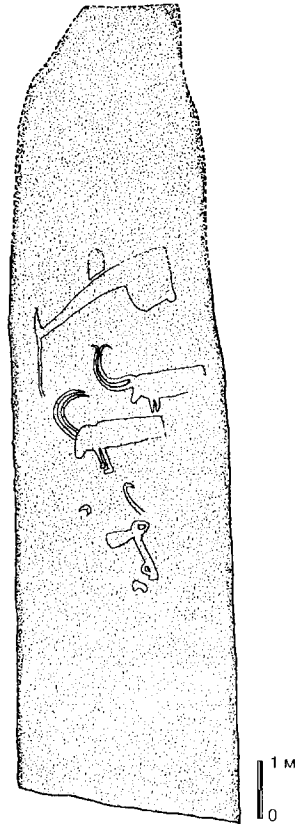

Рис. 155. Большая стела с изображениями из Локмариакера (Франция). Нижняя часть поверхности с изображениями в действительности находится под перекрытием дольмена «Стол Торговцев» в Локмариакере. Верхняя часть украшенной поверхности обнаружена наверху перекрытия дольмена в Гавринисе (реконструкция) (по Le Roux, 1984)

численные следы откалывания естественных гранитных глыб. В дополнение к сравнительному изучению этнографических данных и древней технологии методы экспериментальной археологии подтвердили наиболее вероятные способы транспортировки и установки сооружений. В Бретани геологическое происхождение материалов показало, что была совершенно обычной перевозка камней на расстояние 4 км. Большой менгир из Плуарзеля (департамент Финистер) высотой 10 м и весом примерно 150 т должен был быть перевезен не менее чем на 2,5 км с места, расположенного на 100 м ниже места его установки. Если подобные операции требовали большого количества рук, то многие другие выполнялись небольшими группами, но в течение более долгого времени. На основании множества примеров установлено, что для возведения «мегалитической могилы» средних размеров требовалась работа нескольких сотен человек на протяжении нескольких месяцев.

Эти огромные монументы, предназначенные бросить вызов времени, в противовес жилым домам строились, как правило, в течение значительного периода времени, часто перестраивались и ремонтировались, причем из материалов предыдущих строений; они должны были рассматриваться как построенные с учетом дальнейшей перспективы.

Мегалитическое искусство. Мегалитическая архитектура отличалась тем, что, несмотря на грубое исполнение некоторых монументов, контрастирующее с тщательной отделкой других сооружений, ее принципы учитывались при расположении в трехмерном пространстве и при организации ансамблей. Украшения стен в зависимости от материала выполнялись чаще выдалбливанием, чем гравированием. Они включали довольно узкий набор геометрических сюжетов, которые видны на некоторых гончарных изделиях той эпохи, в частности, сюжеты в виде щитов, на которых могли стилизованно изображаться антропоморфные идолы, U-образные линии, змеи и зигзаги, расположенные либо беспорядочно, либо в очень организованном порядке, как на Гавринисе. Самым ранним из узнаваемых на изображениях предметов является топор и его разновидности – либо без топорика, либо с ним; топор, видимо, являлся или объектом почитания, или знаком и символом власти (Shee Twohig, 1981; Paquart et al., 1927).

Можно выделить региональные разновидности мегалитов: в Пуату известняковым плитам придавали форму и соединяли между собой для вырезания пазов, изготовления монолитных дверей, как в Сент-Солине; в Бретани усматривается тенденция к наделению человеческими свойствами некоторых плит, служащих опорами или вертикальными стелами, что выражено в контурах камня.

Общество эпохи среднего неолита

Общественная организация. Точных сведений о жилых помещениях в этих регионах недостаточно, в частности, потому, что эрозия почвы стерла их следы. Скопления кремневых и шлифованных топоров на пахотной земле иногда позволяют догадаться, где были поселения. Встречается мало ям-хранилищ: либо потому, что для хранения использовались укрытия, либо потому, что было трудно рыть ямы. Дома должны были строиться из дерева, однако обнаруженное малое количество ям от столбов не дает сведений об их размерах и устройстве. Несколько очагов вросли в старый прибрежный грунт:

Это значит, что сведения о распределении населения могут быть получены только косвенным путем – на основании расположения обнаруженных предметов, мегалитических захоронений и других сооружений. Но в целом нет убедительных оснований для выдвижения соответствующих гипотез.

Что касается общества, то все выводы, которые мы можем сделать, основываются на изучении мест захоронений и определении относительной важности различных типов памятников. Сейчас очевидно, что для их возведения требовалось слишком много рабочей силы по сравнению со слишком малым числом тел умерших и их костных остатков в могилах. Следовательно, существовал некоторый отбор, критериев которого мы не знаем; однако можно считать, что в тех поселениях, в которых сохранились остатки, принципы этого отбора не предполагали исключений ни по полу, ни по возрасту, он распространялся даже на маленьких детей. Захоронения, индивидуальные или коллективные, которые, конечно, содержали престижные изделия, орудия или утонченные украшения и имели большие размеры, могут лишь навести на мысль о существовании иерархии и значительных различий в относительном «богатстве».

Необходимо отметить, что погребальные подношения из захоронений на севере Бретани кажутся более простыми и менее роскошными, чем подношения из более южных регионов, и что шлифованный топор в качестве изделия появился в более позднюю фазу среднего неолита, т.е. несколько веков спустя после появления поселений, возраст которых определен.

Земледельческое хозяйство. Палинологические последовательности торфяных слоев указывают на очень рано проявившееся (около 7 тыс. лет назад) воздействие человека на флору. В Диссинье были идентифицированы сожженные зерна гексаплоидной пшеницы, что подтверждают свидетельства, полученные на основании широко распространенной пыльцы. Происходил также сбор вики. Однако об этих регионах недостаточно данных, для того чтобы судить об относительной важности знаковых культур.

Обычные домашние животные в то время остались прежними – это был крупный рогатый скот и овцы; однако охота продолжала еще играть значительную роль.

Добыча полезных ископаемых. Добыча кремня в открытых карьерах должна была начаться довольно рано, когда не было пород, выходящих на поверхность. В Нормандии, на Канской равнине, добыча ископаемых в рудниках и штольнях могла начаться в конце среднего неолита. Отсутствие кремня в древних горных массивах, за исключением небольшого количества в виде прибрежной гальки, подтолкнуло к поиску заменителей, особенно для изготовления каменных топоров.

Половина шлифованных топоров Бретани сделана из особого долерита из Плюсюльена (департамент Кот-дю-Нор), где карьеры и мастерские по обработке камня занимали большую территорию вокруг одной скалы. Камень добывался путем обжигания скал огнем до их растрескивания, после чего осколки обрабатывались для получения нужной формы. Самое раннее установленное время существования мастерской – примерно шесть тысячелетий назад – соответствует среднему неолиту, однако добыча продолжалась до окончания неолита. Изготовленные топоры в больших количествах вывозились за пределы Армориканской возвышенности от Нормандии до Пуату, их можно было встретить почти по всей Франции и даже в Англии и Бельгии.

Использование природных глыб фибролита, который можно обрабатывать распилкой и шлифовкой, началось раньше: он был обнаружен в нескольких местах возвышенности; здесь же добывался эколит, но самые лучшие топоры из жадеита могли появиться из района Альп в результате длинной цепи обменов.

Происхождение украшений из варисцита (*callais*) длительное время было загадкой. Известно, что варисцит был найден в неолитических шахтах, но отложение этого ми-

нерала располагалось также на юго-востоке Бретани, так что возможно местное происхождение украшений.

Следовательно, очень рано в зависимости от особых потребностей началось использование всех минеральных ресурсов региона.

Развитие гончарных изделий и их стили. Гончарные изделия, развитие которых в то время было очень быстрым и в которых легко делить региональные стили, являются очень полезными инструментами для распознавания культурных групп, хотя составление их номенклатуры и типологии слишком часто затрудняется чрезмерной индивидуальностью изделий.

Если оставить в стороне влияния поздней послерессенской культуры, которые ощущались вплоть до Нормандских островов, то региональная керамика среднего неолита характеризуется очень простыми формами с круглым дном и однородной гладкой поверхностью. Существуют некоторые очень тщательно выполненные изделия, временами удивляющие своей правильностью, сопоставимые с наилучшими изделиями карнского стиля в Бретани, несмотря на недостаточный еще обжиг. Эти формы настолько простые и распространенные, что в них можно легко найти сходство с культурами обоих направлений развития неолитической культуры, поэтому в конечном счете вопрос о сходстве становится бессмысленным. Существуют менее удачные изделия: это часто зависело от качества глины и состава смеси.

На более поздней ступени среднего неолита проблемы усложняются. С одной стороны, существовали более развитые формы различных местных стилей, в которых появились усиливающие элементы, ручки и выпуклые детали для подвешивания, а иногда и орнаменты. С другой стороны, происходило проникновение вплоть до Атлантического побережья великой традиции производства керамики из южных и центральных регионов Франции, что вызвало к жизни так называемую атлантическую пассейскую культуру, и взаимодействие с ней заметно в местных изделиях. Самой типичной формой в новой культуре были чаши на подставке, полые цилиндры или трубки с чашками над ними, которые использовались как крышки, украшенные резными или выдолбленными геометрическими сюжетами, например треугольниками. Особый вид армориканских изделий – вазы на полной подставке, гладкостенные или с орнаментами, вероятно, использовались для возлияний; их часто находили перед фасадами больших мегалитических захоронений, именно в тех местах, где, видимо, проходили особые церемонии.

В Пуату, на изолированном отроге Шатель-дю-Вьей-Озэ (Вандея) было обнаружено скопление гончарных изделий атлантической пассейской культуры, имеющих разнообразных формы и свидетельствующих о появлении защищенных поселений. В Бретани, на острове Эр-Ланник в заливе Морбиан, было обнаружено большое количество чаш на подставке в стиле местной керамики странного типа и других разнообразных изделий, указывающих на то, что это место считалось мистическим, поскольку там соприкасаются два полукруглых менгира (*L'Helgouach*, 1971).

Поздний неолит

Начиная примерно с шестого тысячелетия до наст. в. наблюдается множество нововведений и постепенных культурных изменений. Некоторые из них имеют чисто местный характер, другие распространились за границы рассматриваемого нами региона. Именно по этой причине мы должны сделать обзор более обширной зоны, охватывающей весь север Франции и выходящей за ее пределы.

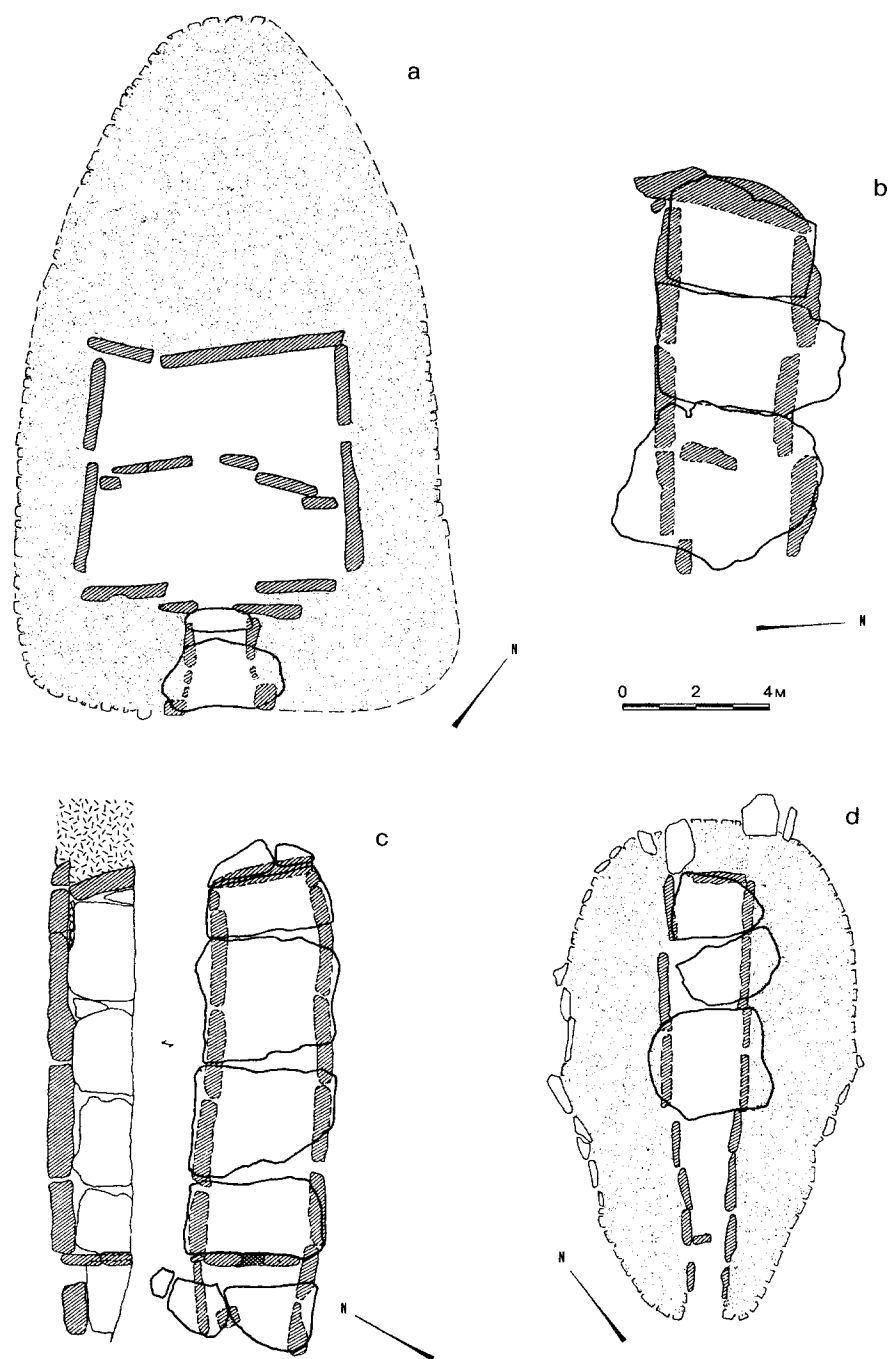

Рис. 156. Планы мегалитических могил позднего неолита (Франция): **a** – анжейское захоронение с плитой над входом в местечке Ла-Бажульер в Сен-Реми-ла-Варен (департамент Мен и Луара), находящееся под каменной пирамидой клинообразной формы (по Gruet, 1967); **b** – «Пещера Фей» (или дольмен Метрэ) в Сент-Ангуан-дю-Роше (департамент Эндр и Луара) – другой анжейский дольмен с плитой над входом (по Cordier, 1963); **c** – «Турецкий камень» – могила в виде крытой галереи, наполовину находящаяся в земле, в Сен-Мартен-дю-Тертр (департамент Валь-д’Уаз) (по Peek, 1985); **d** – V-образная могила в поселении Лискуи I в Ланискате (департамент Кот-дю-Нор) – могила промежуточной формы перед появлением могил галерейного типа; курган над ней намечен несколькими небольшими вертикально стоящими плитами (по Le Roux, 1984a)

Захоронения

Поздние типы мегалитических захоронений (рис. 156). Формы могил с камерами и проходом продолжают варьироваться. Очень распространенным типом стал дольмен из Анже с накрытым плитой входом; такие сооружения можно встретить по обеим сторонам долины в среднем течении Луары и на территории вплоть до востока Бретани (Ла-Реш-о-Фэ-д’Эссе), Пуату и Вандеи. Некоторые из этих сооружений имеют значительные размеры, а их камеры разделены на отсеки. Покрывающие их пирамида или курган имеют форму трапеции.

Могилы изогнутой формы или построенные под прямым углом найдены только на южном побережье Бретани; тупой или прямой угол обозначает место соединения прохода и удлиненной камеры, которая могла быть разделена на отсеки. Раскопанная могила в Гавре примечательна своей большой плитой, которая служила «дверью» между камерой и проходом. В таких угловых могилах, как в Гавре и в Люффан-ан-Крак (илл. 107), видны настенные росписи определенного стиля, который отличается изобра-

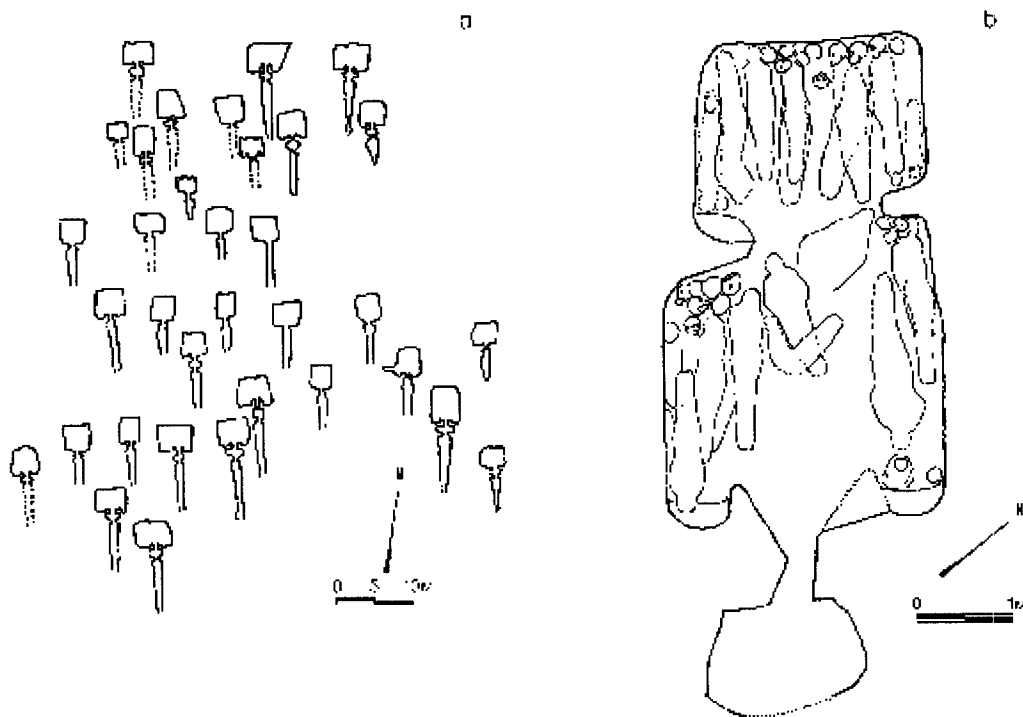

Рис. 157. Подземные могилы на р. Марне (Франция): а – общий план могильника Разэ в Кузарде (по Bailloud, 1974); б – план подземной могилы Мурнуар в Месниль-сюр-Ожэ с расположением последних захоронений в камере и прихожей (по Lerot-Gourban et al., 1962)

жением рамок или щитов, заполненных росписями (L'Helgouach, 1970; Le Roux, 1984a).

Другая категория памятников, разбросанных по Бретани и Нормандским островам, свидетельствует об утрате различий между камерой и проходом, о тенденции к образованию длинной клинообразной камеры. Представляет интерес возраст сооружения из Лисклоу I в Ланнискате (департамент Кот-дю-Нор), поскольку он по времени соответствует рядом расположенной (в Плюсюльене) мастерской по обработке долерита – примерно шесть тыс. лет назад.

Не следует забывать, что за исключением закрытых и больше не открывавшихся захоронений в эпоху среднего неолита часто продолжалось применение одних и тех же могил для погребения и погребальных приношений. Некоторые могилы были окончательно закрыты массивными ограждениями в позднем неолите; примерами являются о. острова Карн и Гавринис.

Немегалитические захоронения. В длинных курганах находят дополнительные ячейки или большие ящики (цисты) с более поздним содержимым; то же справедливо и применительно к курганам, окружающим некоторые мегалитические могилы. В Бретани было также возведено несколько земляных круглых курганов, которые не имели четкой внутренней структуры и, по-видимому, закрывали центральные могилы. Курган в Пенвенане (департамент Кот-дю-Нор) был устроен на овальном кольце, составленном из вертикальных камней, почти соединенных между собой. Вершину кургана в Гиделе (департамент Морбиан), по-видимому, венчала женская статуя-менгир, несколько фрагментов которой были обнаружены (Briard & Giot, 1968). Статуи-менгиры найдены также в Бретани (Ле-Треву, департамент Финистер) и на о. Гернси; их головы редуцированы до конуса, а грудь была хорошо выделана.

Галерейные захоронения и подземные гробницы (рис. 157). Самым распространенным мегалитическим захоронением позднего неолита была традиционная «гале-

рейная могила». На этой стадии строилась лишь вытянутая камера, однако в противоположном от входа конце изолированно от камеры могла быть ячейка (*cella*).

В противоположность галерейным могилам в этом случае не было никаких различий между проходом и самой камерой, хотя к такому устройству приходили разными путями. На Армориканской возвышенности этот переход, видимо, происходил главным образом путем удлинения клинообразных могил; внутри эти захоронения вымощены. Захоронения покрывались длинным могильным курганом и украшались небольшими вертикальными плитами, образующими прямоугольный пояс; эти курганы очень похожи на вытянутые земляные курганы, относящиеся к мегалитическим сооружениям.

Другой армориканской разновидностью были захоронения с боковым входом, которые могли получаться из Т-образных могил. Последние очень похожи на некоторые дольмены с вытянутой камерой, находящейся перпендикулярно к короткому проходу; такие сооружения были обнаружены на севере Германии и в Скандинавии. Эти монументы часто имели круглые окна и две зубчатые плиты между камерой и входом (L'Helgouach, 1965).

Вполне вероятно, что захоронения с портиком, потеряв свое прежнее значение, дали начало укороченным галереям. Вероятно, все стили упрощенных захоронений от внутренних районов Франции до Центрального массива произошли от галерейных могил.

Как правило, галерейные могилы в Парижском бассейне выполнялись в виде траншей, а не на поверхности земли, как большинство мегалитических могил. Поскольку условия зачастую благоприятствовали сохранению костей, то было выяснено, что эти захоронения, часто используемые как оссуарии в подлинном смысле, могли содержать останки нескольких сотен людей. Тщательные раскопки галерейной могилы в Ла-Шоссе-Тиранкуре (департамент Сомма), в которой находились останки 350 человек, показали, что первые захоронения были распределены между отделениями, отгороженными камнями или дощатыми

планками; последующие захоронения сдвинули большинство из них. Сначала тела укладывались на боку в согнутом положении, а затем стали хоронить в положении на спине (Masset, 1972; Bailoud, 1974; Masset & Lerclerc, 1979).

На юго-западе Бельгии известны пять сооружений, близких к галерейным могилам. Аналогичные сооружения в Западной Германии (*Steinkisten*), особенно в землях Гессен и Вестфалия, поразительно похожи на галерейные могилы Парижского бассейна, а захоронение в Этгелне выполнено под курганом, опоясанным камнями, как в армориканских сооружениях. Однако погребальные предметы относятся к культурам Центральной Европы.

В меловых районах Шампани, особенно на Марне, и вплоть до известняков Уазы встречаются могилы, выдолбленные в скалах. Это заменили могилы, так как не было строительных материалов. Траншея вела в прямоугольную камеру с узким входом, часто через переднее помещение. Такое расположение явилось результатом переноса домашней архитектуры (той, что характерна для деревень позднего неолита в Центральной Европе) на царство умерших. Тщательные раскопки в поселении Ле-Мурнуар показали, что в них последовательно были захоронены около шестидесяти тел, зашитых в мешки, и при последующих захоронениях кости первых погребенных отодвигались к стенам (Leroi-Gourhan et al., 1962).

Там, где вместо армориканских вырезанных плит встречаются «двери», мы находим окна-«иллюминаторы», как в галерейных могилах Парижского бассейна, – своего рода люки между вестибюлем и собственно камерой, очень похожие на узкие входы в подземные гробницы.

Возведение и использование этих сооружений продолжалось за рамками позднего неолита и занимает весь период халколита. Другие мегалитические памятники были найдены на среднем Рейне, в Баварии, Швейцарии и Франк-Конте (историческая область и современный экономический район на востоке Франции. – *Прим. ред.*). Начавшись с квадратных камер с плитами, имевшими круглые окна, и с очень низких пирамид, серия этих сооружений закончилась камерами и прихожими, очень похожими на деревянные дома той эпохи, которые строились на длинных поднятых над землей площадках (подиумах), окруженных плоскими плитами, поставленными на бок, или низкими стенами (Petrequin, 1985).

Среди других проявлений мегалитических захоронений следует отметить соорудившиеся в разных местах и в различных формах простые псевдодольмены, которые не очень отличались от больших ящиков.

Искусство настенной живописи в галерейных захоронениях армориканского и парижского типа и подземных гробницах в основном состояло из изображений женского идола, который часто был стилизован в виде груди в барельефе, иногда с изображением украшения в виде «кольца». Именно здесь, а не в «бесполом искусстве» захоронений с камерой и проходом, проявились верования в великую богиню смерти.

Менгиры и ряды менгиров. Наряду с изолированно стоящими менгирами были найдены очень сложные памятники, представлявшие собой ряды менгиров, поставленных более или менее равномерно параллельными линиями, отдельными линиями и включающие ограждение. Так как обычно трудно найти эти памятники полностью сохранившимися, поскольку они были выполнены из недолговечных материалов, то нам мало известно об их первоначальном полном виде. Надо полагать, что небольшие ряды менгиров, которые обнаруживаются повсюду на западе Франции, самыми распространенным типом памятников, и что большие поля менгиров в Бретани (которые, впрочем, были найдены не только в районе Карнака) (илл. 108) более специфическими сооружениями. Принципиальной особенностью последних являются много-

численные небольшие промежуточные ряды менгиров, параллельные основным рядам, и ограждения почти круглой или овальной в плане формы (часто неправильно называемые кромлехами). На протяжении последних ста лет высказано множество предположений о значении этих ансамблей, в частности, об их археологическом и астрономическом значении, однако специалисты не пришли к убедительному заключению (Giot, 1979).

Общество эпохи позднего неолита

Демография. То, что в коллективных захоронениях находят много погребенных тел, не означает, что они были доступны для всего населения. На протяжении веков обычаи и ритуалы должны были изменяться так же, как и архитектура мегалитов, и различными путями в разных регионах. Общей чертой для могил и поселений было значительное увеличение количества предметов, которые можно считать оружием. Действительно, на костях имеются следы повреждений, которые могут рассматриваться как раны, нанесенные наконечниками стрел; это, в свою очередь, заставляет предполагать, что жизнь населения была нестабильной и противоречивой, возможно, потому, что оно стало более многочисленным.

Начиная именно с этой эпохи появляются свидетельства о таких хирургических операциях, требующих мастерства, как трепанация черепа.

Поселения и укрепленные поселки. Во многих регионах обжитые места до сих пор мало изучены. Можно отметить стремление селиться в междуречьях или на прибрежных мысах (которые в последующие периоды были часто укреплены), по крайней мере на Армориканской возвышенности, в отличие от Парижского бассейна, где была заметная разбросанность поселений. На сегодняшний день в центральных и западных районах Франции, в департаменте Шаранга и прилегающих районах известно около 60 укрепленных поселений, расположенных на известняковых пластах, соседствующих с низкими и болотистыми территориями. Они были окружены рвами и имели сначала единственный проем для прохода, а более поздние поселения имели вход в виде «клетки краба», защищенный снаружи небольшой пристройкой. Такое поселение могло иметь до трех концентрических рвов. В поселении Шан-Дюран в Ниэль-сюр-Отиз (департамент Вандея) (рис. 158) можно видеть, что проходы, соответствующие разрывам рвов, всегда были защищены толстыми стенами сухой каменной кладки и даже имели башни для защиты внутренних проходов. Следовательно, в этом поселении уже существовали детально разработанные укрепления. Захоронения обнаружены в нишах, вырытых в стенах. Во рвах было много следов проживания людей (Joussaume, 1981).

Открытие поселения Машкуль вблизи от р. Луара (Атлантическая Луара), окруженного рвами с проходами, позволило обнаружить следы оборонительного ограждения из двух валов и трех рвов. Само поселение состояло из больших деревянных домов.

Хозяйство. Палинологические последовательности и широкий разброс отдельных изделий свидетельствуют о расширении очищенных территорий под пашню. Остатки фауны, обнаруженные, например, во рвах поселка Машкуль, показывают, что наряду с пахотным земледелием охота еще играла важную роль в обеспечении пищей. В большинстве регионов значительно развилось производство изделий из оленьих рогов – побочных продуктов охоты.

Поздний неолит – это эпоха значительного развития добычи кремня: в данном регионе каменистыми оказались в Нормандии, а более масштабная разработка кремневых месторождений осуществлялась в других регионах,

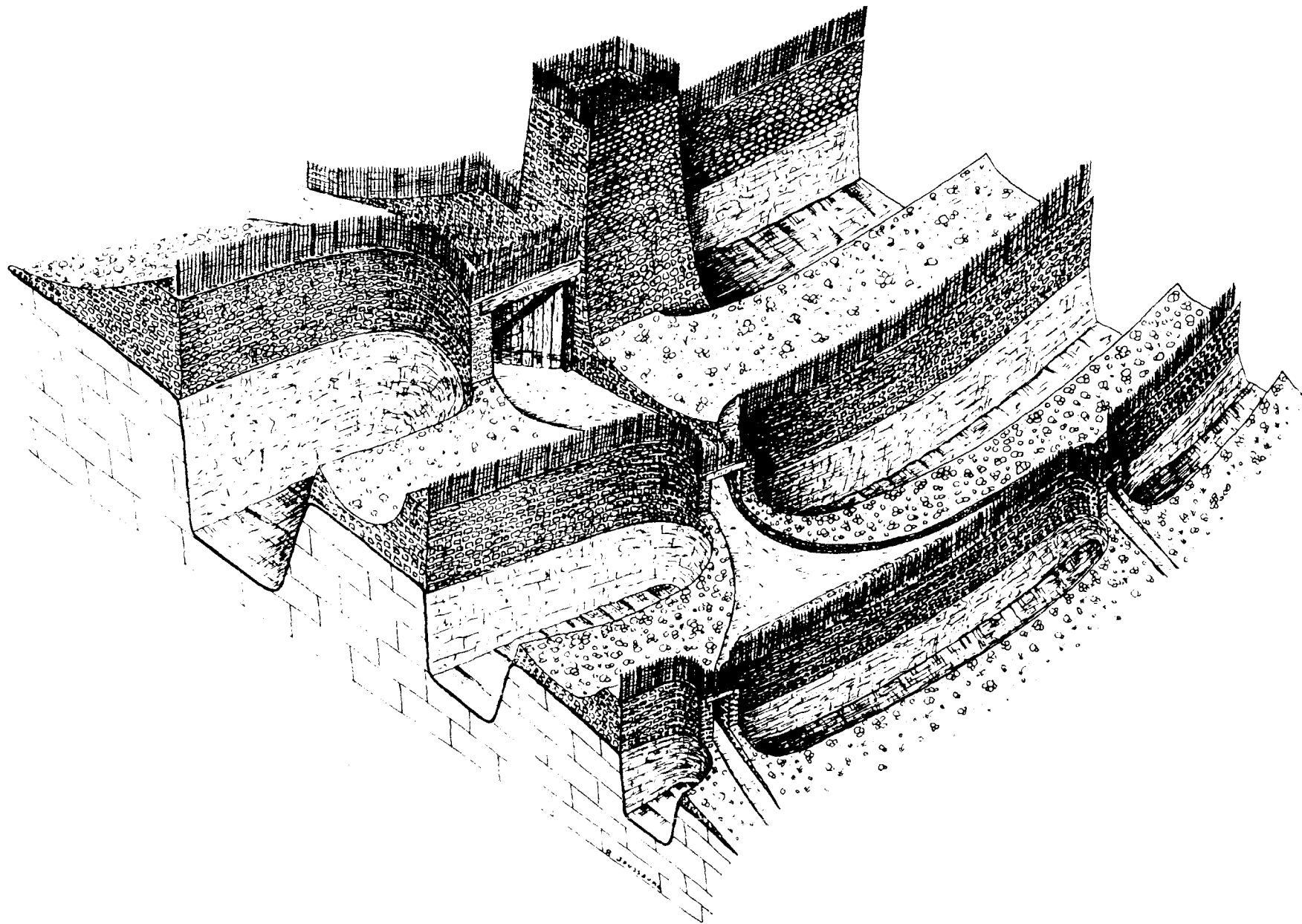

Рис. 158. Проходы в деревне Шан-Дюран в Ниэль-сюр-Отиз (департамент Вагдея, Франция) – насыпное сооружение позднего неолита (теоретическая реконструкция) (по Jousaume, 1981)

например, добыча светлого кремня – в Гран-Прессиньи в Турени, полосатого кремня – в Тайебуре, в департаменте Шаранта. Для обрезки кремня появились большие мастерские. В это время достигла апогея добыча долерита в Плюсюльене. Вся эта продукция в необработанном или обработанном виде доставлялась в места, значительно удаленные от мест добычи, независимо от того, существовали ли системы обмена. Лабораторные исследования сырья позволили многое уточнить в этом вопросе. Мастерские, добившиеся большого успеха, которые использовали самое лучшее сырье, процветали еще в халколите. Так, например, изделия из роговой обманки, выполненные в небольшом месторождении в местечке Плевен (департамент Финистер), – исключительно боевые топоры, были широко распространены в долинах рек Луара, Сена и Сомма.

Стили керамических изделий позднего неолита и региональные культуры. Если не рассматривать региональные разновидности, то можно отметить стремление к изготовлению утилитарных изделий из грубой глины без оговорок заботы о совершенстве форм, а также распространенность плоскодонных ваз. Археологи, специализирующиеся на типологии, различают множество вариантов и стилей и стремятся утвердить их как определяющие остатки культур, которые они распознают благодаря их связи с другими культурными признаками. Отметим, что в северной части Аквитании, вплоть до Пуату, можно встретить стили керамических изделий, в которых видно влияние Южной Франции, с пластическими орнаментами в стиле Матиньон, а также пышно украшенными резными или гравированными орнаментами в стиле Пё-Ришар. В Бретани встречаются значительно более простые гончарные изделия, среди которых за круглодонными сосудами следовали первые плоскодонные миски, в то время как на юге, от поселка Машкуль до департамента Финистер, в гончарных изделиях проявляется стиль Керюгу в виде орнаментов с вертикальными рельефными выступами, идущими от края до верха основной части сосуда.

В 1926 г. была определена культура Сена-Уаза-Марна (СУМ), отнесенная к комплексу культур, объединяющему галерейные могилы Парижского бассейна, подземные гробницы и стиль керамики, самой примечательной особенностью которого является грубо изготовленная ваза в виде «цветочного горшка» (*Bailloud, 1974*).

Этот стиль проявился во всех соседних регионах от Нормандии до Бретании, где он соединился со стилем производства таких же грубо изготовленных бутылок с ободком, который, возможно, был связан со стилем производства бутылей с ободом, относящимся к культуре воронковидных кубков Северной Европы. В восточном и юго-восточном направлении этот стиль керамики распространился до Швейцарии, где он нашел отражение в так называемой хоргенской культуре. Благодаря прекрасным условиям для сохранения в зоне озер, изделия из керамики, камня и кости были найдены в сочетании со всем богатством деревянных предметов. Последние достижения дендрохронологии позволяют установить предельные даты хоргенской культуры по фазам вырубки дуба в девяти деревьях у озер Невшатель, Биен и Морат. Был установлен подлинный абсолютный возраст в 3391 и 2958 лет до н.э. (*Lichardus & Lichardus-Itten, 1985*).

Подобная точность в датировках может вызвать зависть у специалистов по доисторическому периоду, которые располагают в лучшем случае лишь широкими временными пределами, выявляемыми радиоуглеродным анализом. По мере того как устанавливается соответствие между хоргенской культурой и культурой СУМ, а также между последней и культурой армориканских галерейных захоронений, эти датировки могут быть применены и к атлантическому региону. После этого эпизода, зрелая фаза

которого была относительно короткой, появилась возможность перехода к сона-ронской культуре на востоке, культуре шнуровой керамики Парижского бассейна и артенакской культуре в Аквитании и Пуату. То, что происходило на Армориканской возвышенности, значительно хуже поддается обобщению.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ИРЛАНДИЯ В ЭПОХУ НЕОЛИТА

Перешеек, соединявший Британию с континентом, был окончательно затоплен в период мезолита, примерно 8500–9000 лет назад. Развитие региональных мезолитических культур на островах продолжалось в направлении создания обществ с отдельными территориями, однако на юго-востоке Британии производство микролитов, видимо, стало исчезать около 7 тыс. лет назад, тогда как неолит был неизвестен там до 6 тыс. лет назад, несмотря на то что скалы по сторонам пролива Па-де-Кале (Дуврского пролива) были ясно видны.

Однако эти островные и в значительной мере прибрежные мезолитические популяции, видимо, должны были развивать свои способности к мореплаванию, постоянно покоряя моря на хрупких судах, отплывая и возвращаясь; море стало для них скорее связующим звеном, чем преградой. Классической схеме процесса колонизации островов иммигрантами с континента, которые стали доминировать среди населения, была противопоставлена схема конвергенции и окультуривания, поскольку обмена ограничивались перевозками зерна и животных небольшими группами членов независимых и равноправных обществ. Дикие предки растений и животных, которые вырщивались в неолитической Британии, не водились на этих островах, и, следовательно, были туда завезены; различные элементы материальной культуры имели много общего с элементами культур, найденными от Бретани до Дании. Ни одна континентальная система хозяйствования и культурная система не была внедрена в своей полноте, а различные грани британского неолита проявились из разных источников в различное время и в различных социально-культурных рамках, произведя эклектические смеси. Это в такой же мере, как и изолированность, объясняет особые черты культур на островах.

Самые ранние радиоуглеродные датировки неолитических поселений, как и соответствующие палеоботанические свидетельства, получены в основном в Ирландии и относятся примерно к 6700 лет до наст. в.; примерно к тому же времени относятся свидетельства о сведении лесов на юге Англии. Ввоз даже небольшого числа домашних животных требовал коротких морских маршрутов в летние месяцы на небольших судах, построенных из шкур или коры, укрепленных на деревянном каркасе, которыми было легче управлять, чем плотами. Сначала лишь небольшое количество переселенцев прибыло на поиск плодородных целинных земель, и этот процесс, видимо, не очень отличался от распространения нового образа жизни на континенте (*Piggot, 1954; Smith, 1974; Megaw & Simpson, 1979; Whittle, 1977; Bradley, 1978, 1984*).

Средний неолит

Начала неолитического образа жизни

Таким образом, неолитический образ жизни достиг этих островов позднее, чем он появился на всем континенте – в среднем неолите, если следовать традиционной хронологической схеме. Меловые почвы, покрывавшие значительную часть Англии, а также легкие грунты, которые было легко обрабатывать с помощью примитивных ору-

дий, хотя в то время и были еще широко покрыты дубовыми рощами, позволили в наше время получить богатую информацию, так как благоприятствовали сохранности костей и проведению археологических раскопок. Всеми среднему неолиту на юге и юго-востоке Англии было дано название «культура Холма ветряных мельниц» (культура уиндмилл-хилл). Как в случае с шассейской культурой во Франции, этот термин становится довольно неадекватным и вводит в заблуждение, как только мы покидаем район, где он появился, типичный для этой культуры.

Поселения, защищенные лагеря, стены и ограды

Остатки самой характерной жилой постройки включали огороженное стенами или овальными оградами пространство. Примерами таких построек были найденные остатки в Уиндмилл-Хилл (рис. 159) в Уилтшире: каждое сооружение занимало площадь от 1 до 70 га. Оно было окружено валами и рвами, из которых бралась земля для сооружения валов. В нескольких местах рвы прерывались для организации проходов. Поселения могли быть окружены единственным рвом, но могло быть и до пяти концентрических круглых рвов. В некоторых поселениях остались следы изгородей, множество костей животных и различных изделий. Внутри этих огороженных площадей редко встречаются какие-либо идентифицируемые структуры, за исключением ям для отходов. Расположение поселений чаще на склонах холмов, чем на террасах, не имело специального оборонительного значения. Можно представить, что это были краали (загоны для скота), в которых содержались животные перед празднествами, или, возможно, места для проведения самих праздничных церемоний, включавших приношение в жертву и захоронение целых туш животных.

Реже встречаются защитные сооружения – ворота, валы, облицованные камнями, и изгороди. Большинство из них обнаружены в поселениях, расположенных к запа-

ду и к северо-западу от меловых земель. Самой яркой находкой может служить поселение Хэмблдон-Хилл (Дорсет) с двумя огороженными площадками. Первая, вероятно, служила местом для удаления мягких тканей с тел умерших, а кости в небольшом количестве отбирались для захоронения в двух поблизости расположенных длинных курганах, остальные кости хоронились во рвах вместе с большим количеством погребальных приношений: качественных гончарных изделий и каменных топоров, часто привезенных издалека. На второй меньшей по размерам площадке располагались дома, окружающий их ров был заполнен отходами от домашней деятельности (кремь и осколки оленьих рогов) и пищевыми отбросами. И наконец, вся система холмов, окружавших эти сооружения, – площадью в целом 60 га – была серьезно укреплена, при этом старые ограждения сносились. На одной из сторон холма должны были располагаться три защитных вала, с прерывистыми рвами перед каждым из них, второй и третий валы должны были быть укреплены дубовыми балками; внутренний вал должен был содержать до 10 тыс. дубовых балок. Три прохода имели двухстворчатые ворота, створки опирались на центральный столб. Вероятно, поселение было покинуто после нападения, за которым последовал пожар, а многих умерших похоронили во рвах (Mercer, 1980; Keiller, 1965).

Этот пример показывает, насколько осторожно надо подходить к интерпретации таких площадей, окруженных прерывистыми рвами, назначение которых могло сильно изменяться с течением времени.

В Крикли-Хилл (графство Глостершир) оборонительные сооружения включали каменные стены и изгороди, и, как и в Хэмблдон-Хилле, рядом с воротами было обнаружено большое количество кремневых наконечников для стрел; внутри ограждений были дома. И наконец, в Карн-Бри в Корнуолле, т.е. за пределами зоны культуры уиндмилл-хилл, вершина скалистого холма была защищена массивными каменными парапетами; сотни листовидных наконечников для стрел свидетельствуют о нападении.

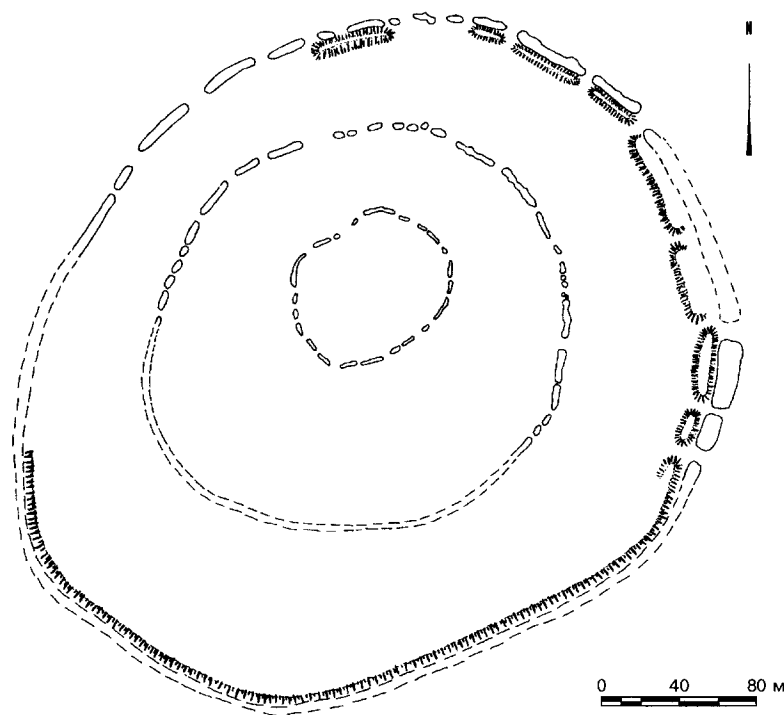

Рис. 159. План насыпной стоянки Уиндмилл-Хилл в Уинтерборн-Монктоне (Уилтшир, Великобритания) (по Keiller, 1965)

Внутри ограждения на платформах располагались деревянные хижины, а в поселении было найдено много гончарных изделий.

Однако не все поселения были укреплены или построены на приметных местах. На западе и севере Британии были найдены небольшие прямоугольные в плане дома с разрушенными камнями вокруг столбов или с двумя рядами отверстий для столбов по четыре в каждом ряду. В Северной Ирландии, в Баллинаджилли (графство Тайрон) здание, почти квадратное в плане, имело стены, построенные из досок, вбитых в траншеи и закрепленных каменными клиньями. Неподалеку были обнаружены следы обработанных полей, окруженных стенами сухой каменной кладки. В Баллиглэсе (графство Майо) было определено по траншеям и отверстиям от столбов большое двухкомнатное прямоугольное здание. Во всех этих домах были очаги, но эти дома были еще далеки до намного больших домов Центральной Европы (Apsimon, 1976).

Погребальные памятники

Читатель должен был заметить, что погребальные сооружения часто были связаны с большими огражденными участками. Существуют тесные связи между жилищами живых и сооружениями для умерших.

Длинные курганы (рис. 160). В рамках культуры уиндмилл-хилл нам известны 200 длинных земляных курганов, большинство из которых расположено в древнем королевстве Уэссекс, несколько в Восточной и Юго-Восточной Англии и около тридцати – в Линкольншире и Йоркшире. Это удлиненные курганы трапециевидной или прямоугольной формы (последние только на юге), с расположенными по бокам продольными рвами, почва из которых использовалась для возведения самого кургана. Такие курганы могли быть связаны с огороженными прямоугольными участками, иногда без всяких

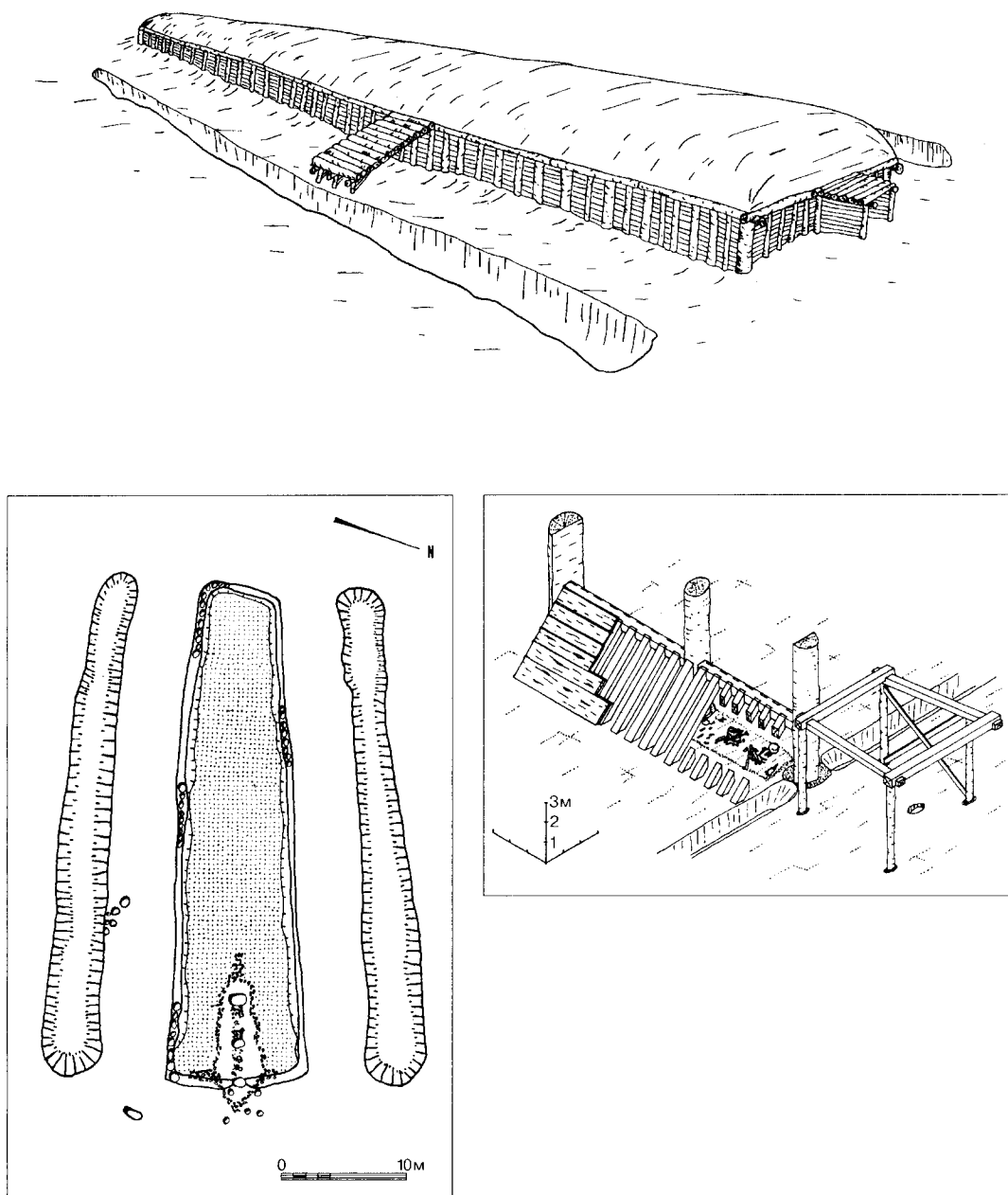

Рис. 160. Длинный курган Фасселс-Лодж в Кларендон Парк (Уилтшир, Великобритания): рвы и земляные насыпи, поддерживаемые деревянными конструкциями (план и реконструкция общего вида; упрощенная схема по Ashbee, 1984)

построек. Средняя длина кургана составляет от 30 до 60 м. Холмы могли обкладываться деревом или камнями для удержания земли (или мела); некоторые сооружались из скрытого дерна; изредка их торцовые стороны делались из дерева. Раскопки выявили существование деревянных «склепов» – больших погребальных комнат, которые имели либо форму палатки с двумя столбами, подпирающими коньковую жердь, либо прямоугольную форму; второй тип мог быть построен из деревянных кольев или из дерна.

Захоронению подвергались либо полные скелеты в согнутом положении, либо расчлененные скелеты, либо применялись оба эти варианта. Некоторые курганы, особенно в Йоркшире, содержат также обугленные кости, в основном расчлененные, возможно, в результате пожара в склепе. Погребальные приношения (гончарные изделия, кости животных) могли находиться в склепах, однако их находки редки: этот материал чаще всего разбрасывался во время земляных работ по устройству рвов.

Строительство этих коллективных могил и их внутренних структур подразумевает существование общественной организации, подобной той, которая была связана со строителями мегалитических памятников. Все удлиненные курганы в Северной Европе, от Польши до Северного моря, имеют явное сходство, однако это не означает, что все они являлись идентичными ответами на похожие требования. По своему внешнему виду они были похожи на длинные, прямоугольные или трапециевидные в плане дома культур ленточной керамики, однако их назначение и способ использования скорее в качестве хранилищ реликвий, чем могил, видимо, не отличается от функций больших каменных монументов (Ashbee, 1984).

Мегалитические могилы типа Котсуолдс-Севери (илл. 109). Эти могилы не отличаются существенно от длинных курганов, за исключением того, что в них дерево замкнуто на камень. Почти 200 таких сооружений найдены на западе Центральной Англии и на юге Уэльса. Внутри этих курганов или пирамид трапециевидной формы находятся простые концевые камеры, поперечные камеры (в форме крестообразного нефа) или продольные камеры. С каждой их стороны видны продольные рвы, из которых брался строительный материал. Стены камер могли быть чисто мегалитическими или выполненными в виде сочетания каменных плит и сухой каменной кладки. В сооружениях с несколькими камерами явно видно, что они были построены в несколько этапов. Некоторые курганы имеют глухие фасады, без доступа к камерам. Это коллективные могилы, в которых захоронено от 3 до 50 человек; некоторые кости в них могли быть обожжены в ритуальных целях. Наиболее изученным из этих монументов является сооружение в Уэст-Кеннете. Мы смогли убедиться, что кости изымались из камер и только некоторые были возвращены на место. Это заставляет предполагать, что определенные кости использовались в ритуальных целях где-нибудь в другом месте (Piggott, 1962).

Дольмены с порталами в северной части Уэльса образуют небольшую группу могил, состоящих из одной камеры, которая сооружена из четырех плит, поддерживающих наклоненную назад камеру, в то время как две передние плиты выступают вперед и обрамляют вход или «портик», иногда имевший фасад. Дольмен с порталом из Диффрин-Арлюдвис состоит из двух сооружений, построенных друг перед другом внутри прямоугольной пирамиды. Дольмены с порталами из Корнуолла и многочисленные дольмены из Ирландии (их 160, в основном они расположены на северо-востоке) обычно считаются поздними, однако в ирландских дольменах с порталами содержатся погребальные приношения, идентичные тем, которые находят в коротких могилах.

Грунта на р. Клайд. На юго-западе Шотландии было найдено 80–100 каменных пирамид, называемых группой на реке Клайд, – курганы трапециевидной, прямоугольной или овальной формы, содержащие прямоугольную камеру, которая могла быть разделена перегородками из плит. Монументы с несколькими камерами строились в несколько этапов. Сооружение в Локхилле сначала имело одну структуру, в которой сочетались деревянный каркас с предварительно обожженным галечником; эта конструкция встраивалась в длинную трапециевидную пирамиду с наружной мегалитической прямоугольной камерой. Иногда делаются различия между удлиненными курганами, длинными пирамидами и шотландскими мегалитическими камерами (Henshall, 1963, 1972).

«Дворовые пирамиды» или «дворовые могилы» (рис. 161), расположенные в центре Северной Ирландии (их примерно 330), представляют собой пирамиды трапециевидной формы с мегалитическими камерами внутри, иногда разделенные, выходящие на просторный передний двор полукруглой формы. Попадаются сооружения, в которых это строение похоже на настоящий двор с проходом к фасаду. Многие из этих сложных монументов явно были построены в несколько этапов, при этом начальное сооружение, возможно, было деревянным. Кремация, видимо, была установившимся ритуалом (Herity & Eogan, 1977).

Хозяйство и технология

Кости домашних животных, найденные во рвах огороженных участков, свидетельствуют о важном значении скотоводства. Обугленные зерна также были найдены в некоторых ямах, которые совершенно определенно служили вырытыми хранилищами. Применение примитивного плуга доказано обнаружением перекрестных борозд, оставленных в меловом грунте, под удлиненным курганом в Уилтшире (Piggott, 1981).

В это время добывали кремень, особенно в Норфолке и Суссексе, и это показывает, насколько параллельно развивалась хозяйственная деятельность на островах и на континенте (см. гл. 56). В Суссексе только некоторые рудники были глубокими, тогда как знаменитые шахты с многочисленными горизонтальными галереями в Граймс-Грэйвс

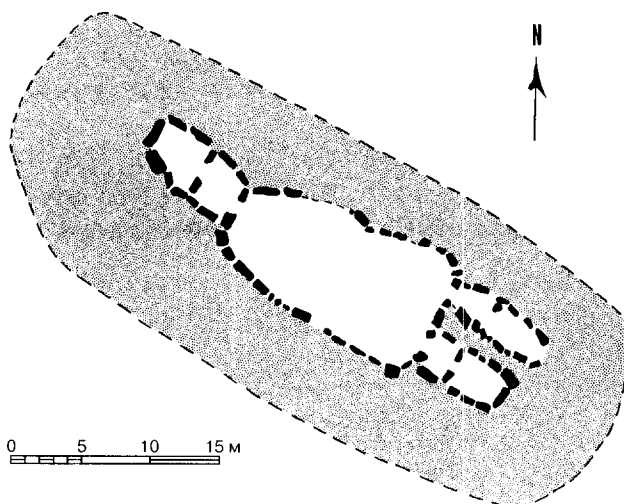

Рис. 161. План дворовой пирамиды в Дирпарке (графство Слайго, Ирландия). Центральный двор не имеет выхода наружу (по Непт, 1931)

в Норфолке (*Mercer*, 1981) уходили в глубину до 15 м; в них были обнаружены следы деревянных лестниц. Вокруг мест добычи располагались мастерские по обработке кремня. Побочным продуктом кремневых шахт были меловые ритуальные скульптурные изделия, изображающие в основном тучных женщин и фаллосы – два символа плодородия. Кремень перевозился на большие расстояния. Не входя в детали типологии, следует обратить особое внимание на британское пристрастие к листовидным наконечникам для стрел.

В производстве шлифованных топоров конкуренцию кремню составляли изделия из кристаллических пород, самыми древними из которых являются изделия из Корнуолла. Однако крупные мастерские – Грейг-Ллвид в Гвинедде (Уэльсе), Грейг-Лэнгдейл в Камбрии (Англия) и Тивбальг в графстве Энтрим (Северная Ирландия), каждая из которых имела свои петрографические особенности, распространяя свою продукцию преимущественно среди ближайших соседей, возможно, обеспечивали ею всю Британию (*Clough & Cummins*, 1979). Кроме практического применения эти топоры могли также служить ритуальными предметами или быть символом общественного статуса. Именно этим можно объяснить доставку с континента некоторых бретонских топоров, сделанных из фибролита или долерита, прежде всего – около сотни обрядовых топоров из альпийского жадеита, большая часть которых имела характерные континентальные формы и которые получили распространение вдоль долины Рейна.

Условия хранения изделий из кости являются определяющим фактором в их идентификации; кроме мотыг, используемых для рытья рвов и шахтных колодцев, известны украшения, гребни и заколки из оленьих рогов. Недавние раскопки на влажных землях в Сомерсет-Левелс открыли множество деревянных изделий: инструменты, рукоятки, луки, посохи. Проходы через торфяные болота, выложенные из бревен, показывают сохранившееся пристрастие к охоте на птиц и животных, к рыбной ловле и сбору отдельных растений (*Coles*, 1975).

Тонкие гончарные изделия из Девона, известные как керамика в стиле Хембери, неизменно изготавливались из глины, полученной в местах выхода скальной породы габбро на п-ве Лизард-Хед в Корнуолле, и развозились на расстояние до 300 км.

Основные варианты стилей гончарных изделий этого периода сводятся к традиции прекрасно выполненных сосудов с круглым основанием, обтекаемых или напоминавших мешок. В Юго-Восточной Англии и в Шотландии эта традиция дополнена сосудами, богато украшенными резными и точечными орнаментами по горловине и ободу.

Поздний неолит на Британских островах

Хозяйственные и технологические достижения первой стадии неолита значительно совершенствовались и разнообразились: прежде всего появилось множество новых культурных или религиозных типично островных достижений, несомненно, связанных с преобразованием социально-политических структур. Британские археологи полагают, что это произошло из-за ослабления связей с континентом, а не из-за «великолепной изоляции». В любом случае рейнская разновидность колоколовидных кубков и сопутствующие изделия действительно появились в Британии именно на развитой стадии позднего неолита.

Постройки

В Южной и Восточной Англии археологи не обнаружили никаких следов проживания человека, за исключением рвов и силосных ям, нескольких окруженных круг-

лыми или почти прямоугольными рвами участков и нескольких отверстий в земле от столбов. Возможно, что некоторые группы людей вели менее оседлый образ жизни, чем другие, и меньше заботились о жилищах.

В противоположность этому в западных и северных районах Англии были обнаружены дома. В Уэльсе и на о. Мэн найдены отдельно стоящие небольшие дома, прямоугольные в плане, с каменными фундаментами; наличие следов от столбов предполагает, что дома имели деревянный каркас.

В северной части Шотландии на Оркнейских островах песчаные дюны скрывали изумительные поселения или деревни, построенные из тонких плит песчаника (самые древние поселения – Нэп-оф-Хауэр на о. Папа-Уэстрэй, Скара-Брэ (илл. 110) на о. Мейнленд Оркнейского архипелага, Линкс-оф-Нолтленд на о. Уэстрэй и Риньо на о. Раузи). Каждый дом имел почти прямоугольную форму и был связан с другими домами переходами, стены которых были такими же, как и в комнатах. Обычно в центре большинства домов располагался очаг, стояли каменные скамьи, две кровати с каменными «бортами», «кухонный шкаф» и «шкафы», встроенные в стены (рис. 162). Между домом и переходом была устроена земляная перегородка (содержащая, в частности, кости овец и морских млекопитающих). Примечателен комфорт, обеспечивавшийся в этих строениях, однако применение дерева в других местностях, несомненно, позволяло создавать такие же удобства (*Renfrew*, 1985).

Далее к северу, на Шетлендских островах, также обнаружены доисторические дома, самые древние из которых относятся к заключительному неолиту. Они были связаны с полями ячменя, огороженными низкими стенками сухой каменной кладки.

Мегалитические захоронения

Мегалитические захоронения с камерой и проходом. По сравнению с континентальной Европой этот тип планировки мегалитических могил на Британских островах появился очень поздно, настолько, что можно говорить о независимом повторном изобретении. Группы таких захоронений встречаются в Западной Шотландии, на Гебридских и Оркнейских островах; поздние группы могил обнаруживаются и на удаленных Шетлендских островах. В Северо-Восточной Шотландии существует также группа Клава. Каждая региональная группа имеет собственный наземный план, способ постройки и форму пирамиды. На Оркнейских о-вах обнаружено 60 могил типа Оркней-Кромарти, таких же, как могилы недавно раскопанной группы Ибсистер; во всех них имелись поперечные плиты, разделяющие длинные камеры на отсеки. Найдено также 10 могил из группы Маес-Хов, которая является самой необычной из-за исключительных свойств камня, из которого она построена. Камера в Маес-Хов, одно из самых великолепных сооружений в Европе, построена в плане в виде креста: квадратная с нависающим перекрытием, она имеет три небольшие ячейки. Раскопанная недавно могила в Кантернессе имеет Т-образную камеру с шестью ячейками. Сооружение Холм на о. Папа-Уэстрэй включает удлиненную камеру, разделенную на отсеки (*Henshall*, 1963, 1972; *Hedges*, 1984; *Renfrew*, 1979, 1985).

В Ирландии существуют четыре крупные группы захоронений с камерой и проходом: в долине р. Бойн, в Лафкру, Кэрроукиль и Кэрроумор (*Herity*, 1974; *Herity & Eogan*, 1977; *O'Kelly*, 1982; *Eogan*, 1984; *Burenbult*, 1980; *Shee Twobig*, 1981). Последняя из указанных групп, которая в XIX в. насчитывала около 100 могил, позволила недавно установить радиоуглеродным методом ранние даты двух очень простых могил, даты, которые большинство специалистов по доисторическому периоду пред-

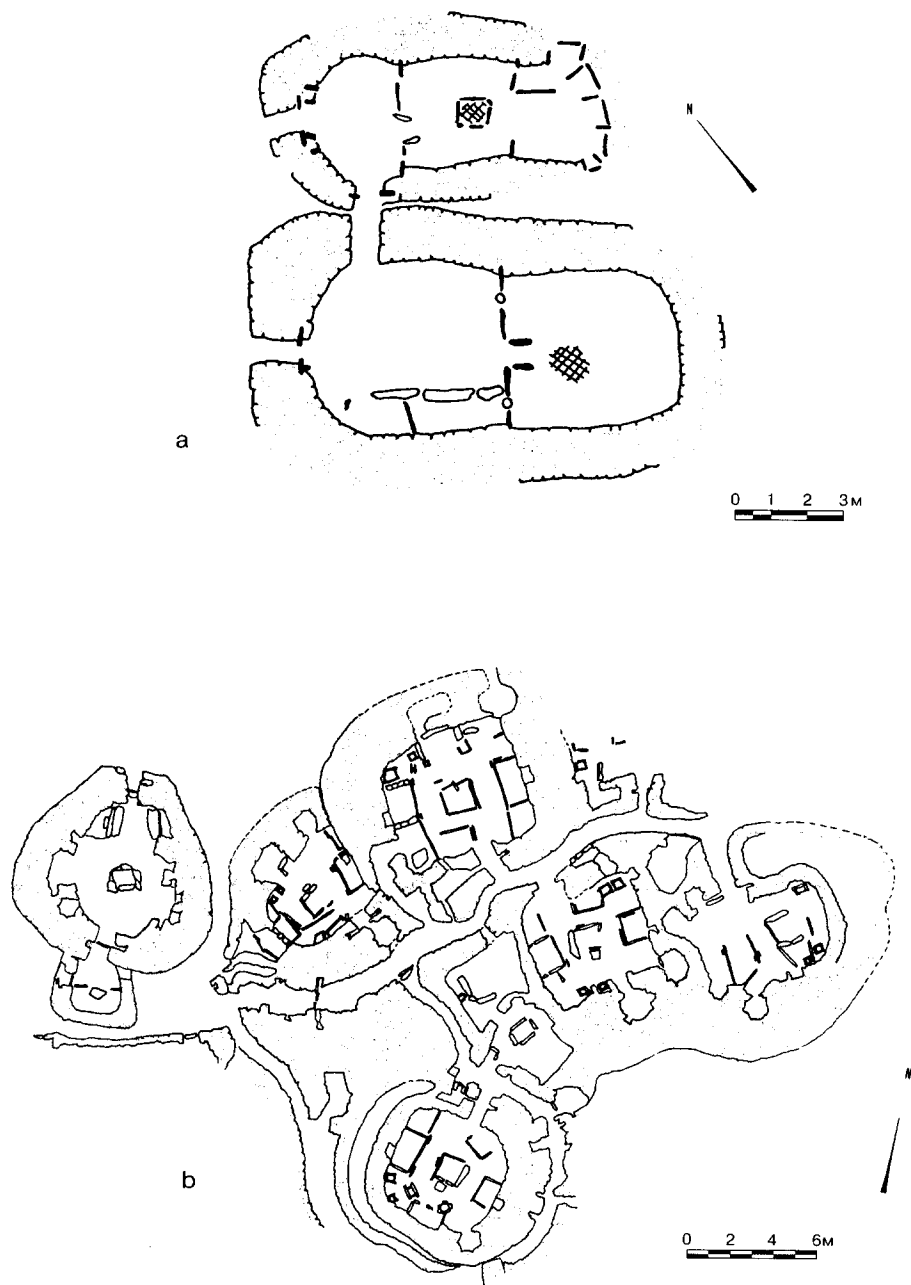

Рис. 162. Дома, построенные из небольших каменных плит на Оркнейских островах (Соединенное Королевство): а – дома самого раннего типа в Неп-оф-Хауэр на о. Папа-Уэстрэй; можно отметить расположение очагов в центре комнат (по *Ritchie*, 1984); б – деревня Скара-Брэ на о. Мейленд более прогрессивного типа; увеличилось количество предметов домашней обстановки (по *Childe*, 1931; *Clarke*, 1976)

почитают относить к мезолитическому и предмегалитическому основанию, а не к самим могилам. Эти монументы построены из каменных валунов неправильной формы и, как и сооружения в Кэрроукиле, не украшены орнаментами; однако памятники в Кэрроукиле построены из известняковых плит и имеют самую характерную планировку ирландских захоронений с камерами в форме креста и длинным проходом. Многие могильные холмы внизу обложены бордюром.

Некоторые из великолепных сооружений в долине р. Бойн стали объектом повторных раскопок. Особенно полно восстановлен Ньюгрэндж (рис. 163); время его строительства отнесено радиоуглердным методом примерно к 5200 лет до наст. в. Средний диаметр пирамиды равен почти 80 м; она вмещает только одно большое крестообразное захоронение. В сооружении Даут скрыты две могилы: одна – в форме креста, со странной при-

стройкой, другая – в форме многогранной камеры с небольшой продольной нишей; все это расположено под курганом диаметром 85 м. В монументе Ноут обнаружены две большие противоположные могилы. Одна представляет собой крестообразную камеру, другая – камеру трапецидальной в плане формы, протянувшуюся с востока на запад; обе могилы лежат под курганом диаметром также 85 м. Тела умерших кремировались здесь, а большие каменные сосуды предназначались для хранения костей. Орнаменты на опорах так же, как и на наружной поверхности бордюрного камня пирамиды, были великолепными; они вырезались или выбивались. Основными мотивами украшений являлись зигзаги, ромбы и спирали.

Главные кладбища окружались небольшими пирамидами-спутниками. Например, вокруг Ноута располагалось 18 пирамид с простыми камерами и проходами.

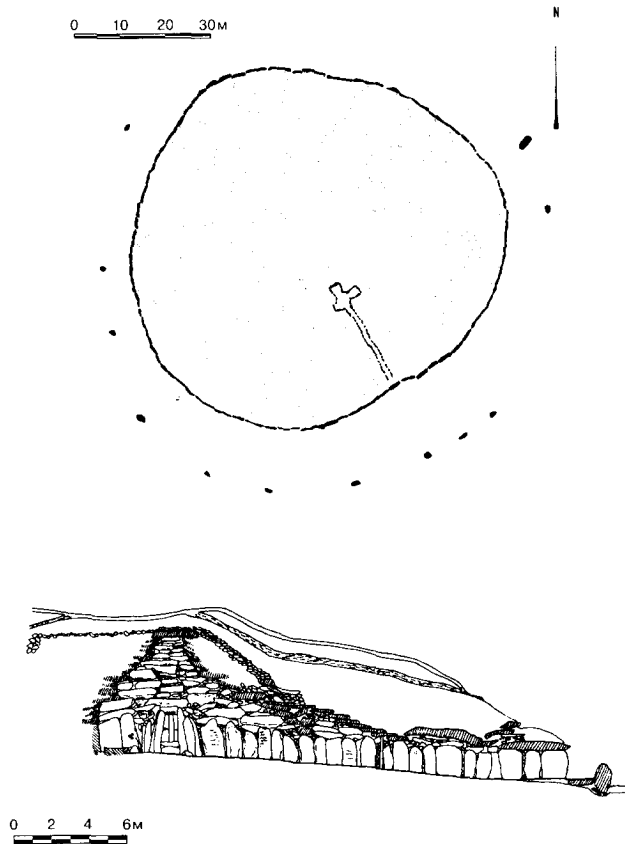

Рис. 163. Ньюгрэндж – большая мегалитическая пирамида в долине р. Бойн (графство Мит, Ирландия). На плане (вверху) показаны плиты, окружающие основание пирамиды и камни, расположенные снаружи по кругу. Камера имеет форму креста и нависающую крышу, которая видна на вертикальном разрезе (внизу); на нем же виден проход, поднимающийся по направлению к северо-востоку. Верхнюю массу пирамиды составляют несвязанные камни, покрытые сверху дерном. Камни, окружающие пирамиду, украшены орнаментами в виде ромбов и спиралей, типичными для искусства Ньюгрэнджа (по O'Kelly, 1982)

Клинообразные захоронения. В Ирландии, чаще в ее западной части, встречается другой, еще более поздний тип мегалитических могил под трапецидальными пирамидами. Это так называемые клинообразные могилы. Они состоят только из одной удлиненной камеры, которые ирландские археологи сравнивают с континентальными могилами с проходом, что представляется спорным. Насчитывается от 400 до 500 таких могил, однако лишь немногие из них раскопаны. В них в основном были найдены изделия колоколовидной формы.

Ритуальные монументы

Культовые постройки типа хендж (henge) (рис. 164). Британские острова отличаются тем, что на них имеются несколько типов круглых памятников, не встречающихся нигде больше. Все они похожи друг на друга и иногда расположены вместе. Эти сооружения – хендж – представляют собой круглые площадки, часто содержащие расположенные по кругу вертикально стоящие камни или деревянные столбы. Эти сооружения использовались на протяжении всего заключительного неолита вплоть до среднего бронзового века, т.е. в течение более тысячи лет. Здесь мы рассмотрим только самые древние формы и фазы (Burl, 1976, 1979a, 1979b, 1981).

Как правило, хендж были окружены внутренним рвом, а земляной вал находился снаружи (в противоположность

тому, как делались земляные валы в укрепленных поселениях).

В самых старинных сооружениях (класс I), которых было около 40, имелся один вход, их средний диаметр составлял 70 м. Большинство из них располагались у долин.

Сооружения класса II имеют большие размеры (средний диаметр 140 м), к ним относятся самые знаменитые монументы в Уэссексе: Стонхендж I (илл. 111), Эвбери, Вудхендж, Даррингтон-Уоллс, Марден и Маунт-Плезант. Большинство из них имеют следы внутренних несущих деревянных конструкций, которые очень различаются в разных местах.

Если идти снаружи внутрь сооружения Стонхендж I, то основными его частями являются ров, вал (это несвойственно хендж, где вал обычно расположен за рвом) и круг с 36 отверстиями (отверстия Обри), несомненно, для деревянных столбов; наконец, в 30 м к северо-востоку от входа, ориентированного на восход Солнца в период зимнего солнцестояния, располагается единственный вертикально стоящий камень – Heel Stone. Следовательно, в эпоху неолита прообраз этого знаменитого сооружения не имел монументальных каменных структур, которые сегодня поражают воображение посетителей.

В отличие от Стонхенджа Эвбери в большей степени соответствовал своему современному облику, если не учитывать повреждения. Внутри этого сооружения диаметром 450 м располагалась деревянная конструкция, в ней было четыре прохода, пересекающих вал и ров, затем кольцо из вертикально стоящих камней внушительных размеров; внутри располагались менгиры двумя кольцами диаметром примерно 80 и 100 м. Однако до сих пор там не проводились раскопки для обнаружения деревянных конструкций.

Вудхендж обязан своим именем раскопкам. Его наружный диаметр – 80 м, он состоит из вала, рва и внутренней площадки, полностью занятой круглым деревянным зданием с шестью концентрическими кольцами деревянных столбов. Все сооружение имело единственный вход.

Маунт-Плезант является менее упорядоченным сооружением (Wainwright, 1979; Wainwright & Longworth, 1971). Его диаметр – около 350 м; в направлении снаружи внутрь располагались вал, ров (с четырьмя разрывами для проходов) и траншея с изгородью. На внутренней территории за рвом с единственным проходом стояло круглое диаметром почти 50 м сооружение с четырьмя концентрическими кольцами круглых следов от столбов.

Внутри сооружения Даррингтон-Уоллс диаметром более 450 м, с валом и рвом с двумя напротив расположенными проходами, которое было раскопано лишь частично, находились два сооружения круглой формы с концентрично расположенными деревянными столбами; основное сооружение имело в диаметре примерно 35 м и шесть концентрических колец со столбами; однако там было достаточно места для других строений подобного типа (Wainwright & Longworth, 1971).

Все оборудование, связанное с фазами строительства культовых построек типа хендж, относится к заключительному неолиту.

Кольца из вертикально стоящих камней. Кольца из вертикально стоящих камней (каменные круги) особенно распространены в северных и западных частях Великобритании, а также в Ирландии, в тех регионах, где грунт трудно копать. Там, где найдены эти кольца, валы и рвы имеют умеренные размеры и скромный вид. Их осталось более одной тысячи; их средний диаметр – от 20 до 30 м; каменное кольцо в Эвбери диаметром 400 м связано с культовой постройкой типа хендж. Размеры камней, количество которых было пропорционально размеру сооружения, изменялись от самых маленьких до огромных, например, один менгир имел высоту 5–6 м. В одном районе Шотландии встречаются расположенные кольцами лежащие

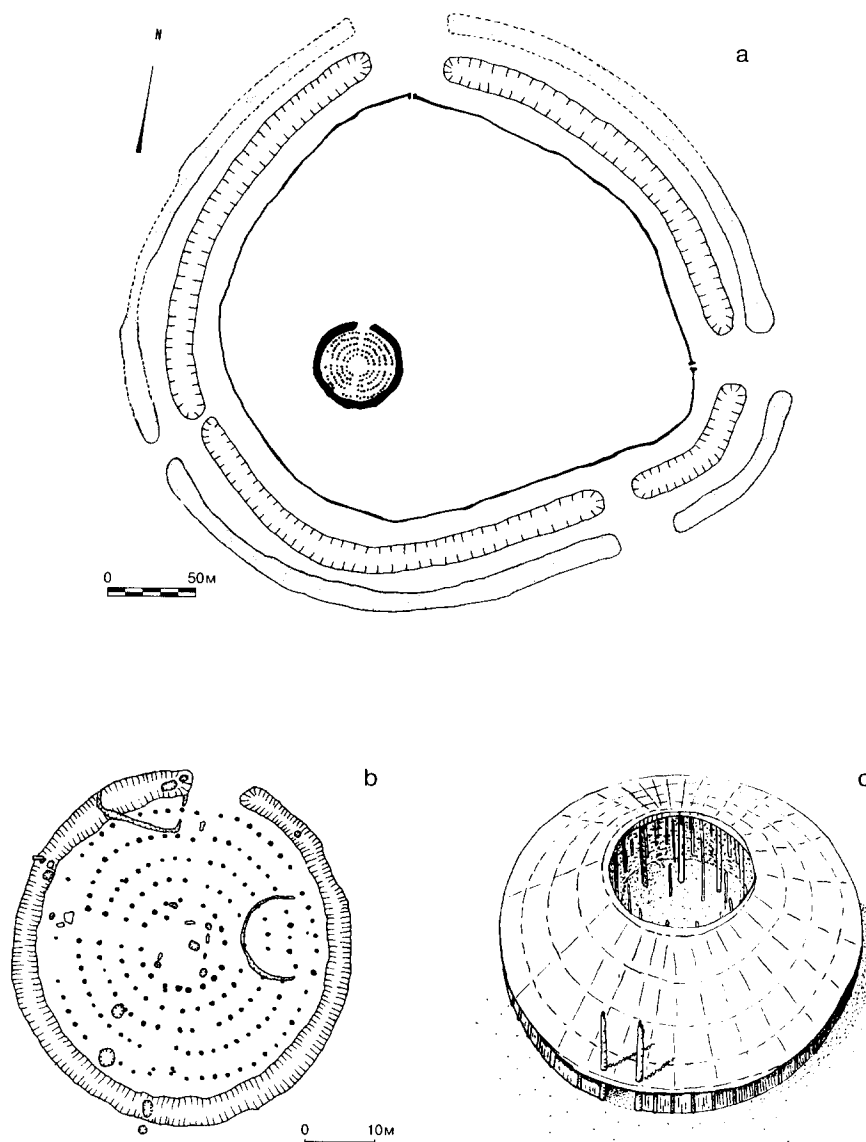

Рис. 164. Культовые памятники типа хендж в Южной Англии: а, б – Маунт-Плезант, Дорсет: а – общий план, указывающий (по направлению от наружной к внутренней части) вал и ров с четырьмя проходами, ров оградой и круглое строение; б – детальный план строения; оно сделано из дерева и состоит из пяти concentрических окружностей с расположенными по ним столбами, окружено ровом и покрывает ранее сделанные рвы и небольшие ямы (по Wainwright, 1979); с – круглое деревянное здание (реконструкция) в Даррингтон-Уоллс, Уилтшир (по Wainwright & Longworth, 1971)

камни. Часто в центре сооружения помещалась дополнительная могила, как правило, относящаяся к периоду колоколовидной керамики. В любом случае большая часть этих сооружений появилась после неолита.

Эти культовые постройки часто были связаны дорогами, которые представляли собой либо двойной, либо (реже) одинарный ряд вертикальных камней, либо, в случае хендж, двойные валы, каждый со своим ровом. И наконец, следует отметить наличие отдельно стоящих камней, например, в Йоркшире, где самый большой достигает в высоту 8 м, хотя британские археологи мало занимались изучением этих памятников.

Функция и значение. Теории, пытавшиеся объяснить эти довольно разнообразные группы часто очень выразительных структур, выдвигались в течение более трех веков. Определение их функций и значения является, вероятно, неблагодарной задачей. Проблема их расположения, которое в некоторых случаях, очевидно, служит для обозначения солнечных, лунных или звездных событий, вызвала

появление потока публикаций, которые трудно обобщить и оценить, поскольку во многих из них под видом научных рассуждений высказано много поспешных мнений и ложных заключений; то же относится и к сфере метрологии. Вероятно, древние строители использовали единицы измерения, однако мнения математиков об обоснованности методов, применяемых для их поиска, сильно различаются. В конечном счете можно предположить, что, вероятно, существует связь между движением звезд и этими культовыми постройками, следовательно, они могли иметь функции календаря. Однако предположения о том, что строители таких мегалитов обладали весьма развитым багажом знаний, как это часто делается, относятся скорее к области мифологии, чем к реальности. Следует ограничиться тем, что это были опытные наблюдатели, передаваемые из поколения в поколение (Thom, 1967, 1971; Thom & Thom, 1978; Heggie, 1981).

Во всяком случае, касается ли это строительства, украшения и совершенствования каменных монументов (которые несколько искусственно отнесли к мегалитическим

и парамегалитическим захоронениям) или перемещения больших масс земли, большого количества бревен и крупных каменных плит для возведения других сооружений (которые, вероятно, не столько связаны с погребальными обрядами, сколько с общинным культом), народы Британии и Ирландии оставили нам одно из самых примечательных достижений европейского неолита.

Хозяйство и технология

В сельском хозяйстве Британии и Ирландии в течение заключительного неолита не появилось ничего принципиально нового.

Расширилась добыча кремня и других скальных пород для производства шлифованных топоров, а также товарный обмен.

Гончарные изделия разделились на две группы. Первая – так называемый стиль Питерборо – ограничивалась южными районами Британии; она продолжала предшествующие традиции декоративной керамики и имела несколько почти следующих друг за другом вариантов. Орнаменты наносились тиснением (ногтями или шнурами) или вырезались; ободы усложнялись, а дно оставалось круглым. Другая группа гончарных изделий, так называемые желобчатые (*grooved*) изделия (хотя на самом деле желобков на них не было), было открыта сравнительно недавно; изделия этой группы более новаторские и однородные. Основной формой сосудов была форма ведра с плоским дном; самые распространенные орнаменты – выдолбленные или резные шевроны или ромбы; некоторые сосуды украшались также лепными орнаментами в виде шнуров или круглых ручек. Существовало несколько региональных стилей.

В Ирландии основная часть сосудов выполнялась с круглым дном; было множество разновидностей форм и орнаментов. Особого упоминания заслуживает стиль Кэрроукиль, гончарные изделия которого украшены эффектными орнаментами; их обнаружили в захоронениях с камерой и проходом.

Отмечается тенденция к изготовлению чисто декоративных или престижных изделий, многие из которых были найдены в могилах вместе с украшениями одежды, а также в поселениях и культовых местах. Их сюжеты использовались на гончарных изделиях или были представлены на мегалитических плитах и блоках.

Так, мел служил для изготовления моделей шлифованных топоров (Стонхендж и Вудхендж) и прежде всего трех знаменитых цилиндров из Фолктона в Йоркшире, с вырезанными в четком порядке кривыми линиями и геометрическими фигурами, а также со стилизованными изображениями человеческого лица с бровями, нависающими над глазами, и носа в виде вертикальной черты. В некоторых ирландских могилах находят меловые шары; захоронения, связанные с крупными каменными бассейнами у р. Бойн, содержат великолепные отшлифованные шары из серпангина, мрамора и других твердых пород диаметром от 6 до 8 см. В Шотландии было найдено около 400 каменных шаров, украшенных резными орнаментами в виде спиралей или концентрических кругов; некоторые найдены в деревне Скара-Брэ на Оркнейских о-вах. Изготовление этих эффектных предметов продолжалось до бронзового века. В Скара-Брэ также обнаружены на вершинах каменного жезла с двумя выступами, украшенными резными геометрическими сюжетами. Менее эффектные жезлы из камня, а иногда из оленьих рогов, были очень распространенными. В западном захоронении в Ноуте (Ирландия) было найдено великолепное кремневое навершие жезла с отверстиями, украшенное спиральными изображениями. Это изделие относится к группе яйцевидных наверший жезлов (или палиц) периода зак-

лючительного британского неолита, выполненных из кремня или из твердых скальных пород в мастерских по производству шлифованных каменных топоров в Грейт-Луиде и Грейт-Лэнгдейле. Более сотни этих изделий найдены на большой территории между Южной Англией и самыми северными островами Шотландии.

По сравнению с этими предметами маленькие каменные подвески и костяные закладки, относящиеся к тому же времени, являются скромными побрякушками. Необходимо подчеркнуть, что в Британии и Ирландии престижные изделия или символы общественного положения рассматривались как значительно более важные, чем на континенте (Clarke et al., 1985).

БИБЛИОГРАФИЯ

- APSIMON, A. M. 1976. Ballynagilly and the Beginning and End of the Irish Neolithic. In: DE LAET, S. J. (ed.), *Acculturation and Continuity in Atlantic Europe*. Bruges, pp. 15–30.
- ASHBEE, P. 1984. *The Earthen Long Barrow in Britain*. 2nd edn. Norwich.
- BAILLOUD, G. 1973. *The First Agriculturalists: 4000–1800 BC*. In: PIGGOTT, S.; DANIEL, G.; MCBURNEY, C. (eds), *France before the Romans*. London, pp. 102–30.
- 1974. *Le Néolithique dans le Bassin Parisien*. 2nd edn. Paris.
- 1985. *Le Néolithique et le Chalcolithique en France*. In: LICHARDUS, J.; LICHARDUS-ITTEN, M. (eds), *La Protohistoire de l'Europe; Le Néolithique et le Chalcolithique*. Paris, pp. 516–68.
- BRADLEY, R. 1978. *The Prehistoric Settlement of Britain*. London.
- 1984. *The Social Foundations of Prehistoric Britain*. London.
- BRIARD, J.; GIOT, P.-R. 1968. *Le Tumulus de Tossem-Keler en Penvenan*. *Anthropologie* (Paris), Vol. 72, pp. 5–40.
- BURENHULT, G. 1980. *The Archaeological Excavations at Carrowmore*. Stockholm.
- BURL, A. 1976. *The Stone Circles of the British Isles*. London.
- 1979a. *Prehistoric Avebury*. London.
- 1979b. *Rings of Stone*. London.
- 1981. *Rites of the Gods*. London.
- BURNEZ, C. 1976. *Le Néolithique et le Chalcolithique dans le Centre-Quest de la France*. Paris.
- CAILLAUD, R.; LAGNEL, S. 1972. *Le Cairn et le crématoire néolithiques de La Hoguette à Fontenay-le-Marmion (Calvados)*. *Gallia, Préhist.* (Paris), Vol. 15, pp. 137–97.
- CHILDE, V. G. 1931. *Skara Brae*. London.
- CLARKE, D. V.; COWIE, T. G.; FOXON, A. (eds) 1985. *Symbols of Power at the Time of Stonehenge*. Edinburgh.
- CLOUGH, T.H.M.; CUMMINS, W. A. (eds) 1979. *Stone Axe Studies*. London.
- COLES, J. M. (ed.) 1975 ff. *Somerset Lev. Pap.* (Cambridge), No. 1 ff.
- CORDIER, G. 1963. *Inventaire des mégalithes de la France, Vol. 1: Indre et Loire*. Paris.
- EOGAN, G. 1984. *Excavations at Knowth, 1*. Dublin.
- GIOT, P.-R. 1979. *La Vie spirituelle au Néolithique*. In: GIOT, P.-R.; LHELGOUACH, J.; MONNIER, J. L. *La Préhistoire de la Bretagne*. Rennes, pp. 375–440.
- 1982. *Barnenez, un grand cairn mégalithique*. Châteaulin.
- 1983. *The Megaliths of France*. In: RENFREW, C. (ed.), *The Megalithic Monuments of Western Europe*. London, pp. 18–29.
- GIOT, P.-R.; LHELGOUACH, J.; MONNIER, J. L. 1979. *La Préhistoire de la Bretagne*. Rennes.
- GRUET, M. 1967. *Inventaire des mégalithes de la France, Vol. II: Maine et Loire*. Paris.
- GUILLAINE, J. (ed.), 1976. *La Préhistoire française. Vol. II: Les Civilisations néolithiques et protohistoriques*. Paris.
- 1980. *La France d'avant la France*. Paris.
- HEDGES, J. W. 1984. *Tomb of the Eagles, a Window on Stone Age Tribal Britain*. London.
- HEGGIE, D. C. 1981. *Megalithic Science*. London.
- HENSHALL, A. S. 1963. *The Chambered Tombs of Scotland*. Edinburgh. Vol. I.
- 1972. *The Chambered Tombs of Scotland*. Edinburgh. Vol. 2.

- HERITY, M. 1974. Irish Passage Graves. Dublin.
- HERITY, M.; EOGAN, G. 1977. Ireland in Prehistory. London.
- JOUSSAUME, R. 1981. Le Néolithique de l'Aunis et du Poitou occidental, dans son cadre atlantique. Rennes.
- 1985. Des dolmens pour les morts. Les mégalithes à travers le monde. Paris.
- KEILLER, A. 1965. Windmill Hill and Avebury. Oxford.
- 1985. Des dolmens pour les morts. Les Mégalithes à travers le monde. Paris.
- KINNES, I. 1982. Les Fouillages and Megalithic Origins. *Antiquity*, Vol. 56, pp. 24–30.
- LEROI-GOURHAN, A.; BAILLOUD, G.; BREZILLON, M. 1962. L'Hypogée II des Mournouards, Mesnil-sur-Oger, Marne. *Gallia, Préhist.* (Paris), Vol. 5, pp. 23–133.
- LE ROUX, C. T. 1984. L'implantation néolithique en Bretagne centrale. *Rev. archéol. Quest* (Rennes), Vol. I, pp. 33–54.
- 1984. À propos des Fouilles de Gavrinis (Morbihan): nouvelles données sur l'art mégalithique armoricain. *Bull. Soc. préhist. fr.* (Paris), Vol. 81, pp. 240–5.
- L'HELGOUACH, J. 1965. Les Sépultures mégalithiques en Armorique; dolmens à couloir et allées couvertes. Rennes.
- 1970. Le Monument mégalithique du Goëren à Gâvres, Morbihan. *Gallia, Préhist.* (Paris), Vol. 13, pp. 217–61.
- 1971. Les Débuts du Néolithique en Armorique. *Fundamenta, A* (Cologne/Vienna), Vol. 3, pp. 178–200.
- 1973. Les Mégalithes de l'Ouest de la France. In: DANIEL, G.; KJAERUM, P. (eds), *Megalithic Graves and Ritual*. Aarhus, pp. 203–19. (*Jutland Archaeol. Soc.*, n.)
- 1976. Les Tumulus de Dissignac à St-Nazaire, Loire-Atlantique. In: DE LAET, S. J. (ed.), *Acculturation and Continuity in Atlantic Europe*. Bruges, pp. 142–9.
- 1983. Les Idoles qu'on abat... (ou les vicissitudes des grandes stèles de Locmariaquer). *Bull. Soc. Polymath. Morbihan* (Vannes), Vol. 110, pp. 57–68.
- L'HELGOUACH, J.; POULAIN, M. 1984. Le Cairn des Mousseaux à Pornic et les tombes mégalithiques transeptées de l'estuaire de la Loire. *Rev. Archéol. Quest* (Rennes), Vol. 1, pp. 15–32.
- LICHARDUS, J.; LICHARDUS-ITTEN, M. 1985. La Protohistoire de l'Europe, le Néolithique et le Chalcolithique. Paris.
- MASSET, C. 1972. The Megalithic Tomb of La Chaussée-Tirancourt. *Antiquity*, Vol. 47, pp. 297–300.
- MASSET, C.; LECLERC, J. 1979. Construction, remaniements et condamnation d'une sépulture collective néolithique: La Chaussée-Tirancourt, Somme. *Bull. Soc. préhist. fr.* (Paris), Vol. 77, pp. 57–64.
- MEGAW, J. V. S.; SIMPSON, D. D. A. 1979– Introduction to British Prehistory. Leicester.
- MERCER, R. 1980. Hambledon Hill, a Neolithic Landscape. Edinburgh.
- 1981. Grimes Graves, Norfolk, Excavations. London.
- MOHEN, J. P. 1973, 1977. Les Tumulus de Bougon. *Bull. Soc. hist. et scien. des Deux-Sèvres*, 1973, Nos. 2–3, 55 pp.; 1977, Nos. 2–3, 42 pp.
- 1984. Les Architectures mégalithiques. *Recherche* (Paris), Vol. 15, No. 161, pp. 1528–38.
- O'KELLY, M. J. 1982. Newgrange, Archaeology, Art and Legend. London.
- PEEK, J. 1985. Inventaire de mégalithes de la France. Vol. IV: Région parisienne. Paris.
- PEQUART, M.; PEQUART, S. J.; LE ROUZIC, Z. 1927. Corpus des signes gravés des monuments mégalithiques du Morbihan. Paris.
- PETREQUIN, P. 1985. Les Sépultures collectives de la fin du Néolithique en Haute-Saône. *Rev. archéol. Est Cent.-Est* (Dijon), Vol. 36, pp. 13–32.
- PIGGOTT, S. 1954. *Neolithic Cultures of the British Isles*. Cambridge.
- 1962. The West Kennet Long Barrow: Excavations 1955–56. London.
- (ed.) 1981. Prehistory. In: *The Agrarian History of England and Wales*. Cambridge. Vol. I.
- POWELL, T. G. E. (ed.) 1969. *Megalithic Enquiries in the West of Britain*. Liverpool.
- RENFREW, C. 1979. *Investigations in Orkney*. London. (ed.)
- 1983. *The Megalithic Monuments of Western Europe*. London.
- (ed.) 1985. *The Prehistory of Orkney*. Edinburgh.
- SCARRE, C. (ed.) 1983. *Ancient France, Neolithic Societies and their Landscapes*. Edinburgh.
- SHEE TWOHIG, E. 1981. *The Megalithic Art of Western Europe*. Oxford.
- SMITH, I. F. 1974. The Neolithic. In: RENFREW, C. (ed.) *British Prehistory, a New Outline*. London, pp. 100–36.
- THOM, A. 1967. *Megalithic Sites in Britain*. Oxford.
- 1971. *Megalithic Lunar Observatories*. Oxford.
- THOM, A.; THOM, A. S. 1978. *Megalithic Remains in Britain and Brittany*. Oxford.
- VERRON, G. (ed.) 1980. *Préhistoire de la Normandie*. Caen.
- WAINWRIGHT, G. J. 1979. Mount Pleasant, Dorset: Excavations 1970–1971. London.
- WAINWRIGHT, G. J.; LONGWORTH, I. H. 1971. Durrington Walls: Excavations 1966–1968. London.
- WHITTLE, A. W. R. 1977. *The Earlier Neolithic of Southern England and its Continental Background*. Oxford.
- 1985. *Neolithic Europe, a Survey*. Cambridge.

СТАНОВЛЕНИЕ НЕОЛИТА НА СЕВЕРО-ЕВРОПЕЙСКОЙ НИЗМЕННОСТИ

Лили Кэлас

ЛАНДШАФТ

Первые следы выращивания зерновых культур и скотоводства на Северо-Европейской низменности относятся к концу седьмого тысячелетия до наст. в. Знание этих технологий пришло из зоны лессовых почв Центральной Европы, где их развитие происходило в географическом окружении, которое полностью отличалось от окружающей среды Северной Европы. Поэтому будет полезным дать краткий обзор особенностей североевропейских ландшафтов.

Северо-Европейская низменность занимает территорию к югу от Северного и Балтийского морей от Нидерландов до Польши и далее до севера Дании, юга Швеции и юга Норвегии. Эта территория не повсюду ровная, иногда она прерывается невысокими массивами и волнистыми ландшафтами. Около 12000 лет тому назад основная часть этой территории была покрыта льдом, как сегодня Гренландия.

Тяжелый ледяной покров привел к эрозии почвы и изменению ландшафта. Тиллиты (валунная глина, тип почвы, который образуется под слоем льда) были унесены движущимся льдом и отложились в долинах и низинах Скандинавии и даже в северных районах Польши и Германии, где образовали моренный ландшафт, называемый Балтийской моренной грядой.

Земная кора была сжата под тяжестью ледяного покрова настолько, что большая часть современной суши в то время находилась ниже уровня моря. Потоки талой воды увлекли за собой в море самые тонкие отложения глины и ила, которые осели в море в виде глинистого слоя. Массы более грубых фракций отложились ближе к устью этих потоков, например, в дельтах, где они образовали флювиогляциальные гребни из песка и гравия.

После таяния льдов земная кора поднялась в результате изостатического восстановления. Но позднее снова опустилась, и спустя несколько тысяч лет некоторые территории оказались вновь покрытыми морем. Это явление продолжается и сегодня: в Скандинавии происходит медленный подъем земной коры, а в Дании в районах к югу от Балтийского моря и в Нидерландах земная поверхность еще захвачена морем.

Результатом действий ледяного покрова стал специфический северный ландшафт, в котором голые и неплодородные горные участки, долины и равнины, покрытые легким слоем песка, чередуются с участками, покрытыми тяжелой морской глиной. Этот ландшафт пересекается мо-

ренами, озерами и реками. В результате Финляндия не без причины называется «страной тысячи озер». На юге *Фенноскандии* (природная страна на севере Европы, на территории Скандинавского п-ва, Кольского п-ва, Финляндии и России. – *Прим. ред.*) впечатляющие тектонические впадины заняты такими большими озерами, как Ладожское (Россия), Меларен, Венерн и Веттерн (Швеция); однако наиболее характерной особенностью ледового ландшафта является множество небольших озер и болот. Сразу за Балтийской моренной грядой к югу, например, между средним течением Эльбы и Зале, начинается другой ландшафт – с черноземом и природными условиями, которые напоминают зоны лессовых земель.

Сложность ландшафтной истории делает необходимым тесное сотрудничество между археологами и геологами. Хорошо известна система датировки с помощью анализа сезонной слоистости ила. Этот метод заключается в изучении периода таяния ледяного покрова путем измерения ежегодных различий в толщине слоев глинистых отложений. Летом эти отложения толще и состоят из более грубых фракций, чем зимой. С другой стороны, растительные остатки, обнаруженные на торфяниках, послужили для определения изменений послеледникового климата. Кроме того, использовались данные палинологии и дендрохронологии для изучения изменений окружающей среды. И, наконец, результаты проведенного за последние десятилетия бурения в Гренландии ледяной шапки толщиной примерно 1400 м дали возможность определить изменения климата в Северном полушарии за последние 8300 лет. Все эти исследования позволяют лучше понять историю северного ландшафта, в частности Скандинавии, Дании и соседних с ними территорий.

Голландский тип арктического климата, преобладавший в период таяния слоя льда, на протяжении нескольких тысячелетий изменился и стал климатом атлантического типа, т.е. теплым и влажным. Около 6000 лет тому назад этот климат был почти таким же, как современный климат на юго-западе Франции: средние летние температуры были на 2–3 °C выше, чем сейчас. Современные хвойные деревья преобладают в лесах Северной Европы, но в рассматриваемый период в основном здесь были лиственные леса, преимущественно дубовые, липовые, вязовые и ясеновые, которые достигали таких северных территорий, как Центральная Швеция, Южная Норвегия и Финляндия. О мягком характере этого климата свидетельствует обычное произрастание каменного дуба (*Ilex*), а также остролиста,

плюща (*Hedera*) и орешника (*Corylus avellana*) на юге Скандинавии. Однако широколиственные растения были несколько более распространенными в континентальных лесах.

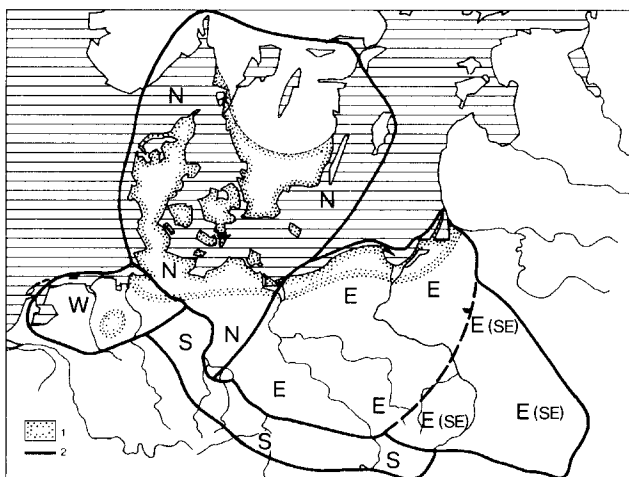
Северное море, северная Атлантика, а также соседний пролив Зунд и Балтийское море входят в число самых богатых рыбой. Море, озера, реки и ручьи изобиловали рыбой, ракообразными, пресноводными моллюсками. Некоторые реки Скандинавии до сих пор остаются самыми богатыми семгой в мире, а, например, осетры водились в этих реках до средневековья. В лесах было изобилие дичи. Сотни видов съедобных растений росли как на побережьях, так и в глубинных районах. Следовательно, это была идеальная территория для рыболовства, охоты и собирательства. Несколько мезолитических культур процветали на северных европейских морских берегах, на берегах озер и в устьях рек. Несмотря на это, регион был еще мало заселен.

Учитывая технически ограниченный уровень неолита, лишь несколько небольших областей Северной Европы подходили для занятия земледелием. Обширные регионы с тяжелой морской глиной, которые в настоящее время являются наиболее плодородными, не могли быть освоены до появления современных стальных плугов.

НАЧАЛА НОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Переход от мезолита к неолиту (карта 65)

Переход мезолитических присваивающих общностей на Северо-Европейской равнине к производству пищи путем земледелия и скотоводства всегда вызывал интерес ученых. В частности, они пытались решить проблему, каким образом новые технологии, включая выращивание зерновых культур и скота неместного происхождения, попали в Северную Европу и как были переданы соответствующие знания и умения. Следует подчеркнуть, что в ранних исследованиях всегда исходили из того, что во всех отношениях земледельческий образ жизни превосходил образ жизни собирателей пищи, и этот взгляд является продуктом наших традиционных представлений об эволюции. Однако последние опыты дали результаты, которые до некоторой степени противоречат этой точке зрения.

Карта 65. Окультуривание Северо-Европейской низменности в эпоху неолита: 1 – зона распространения поселений, относящихся к культуре эртебёлле-эллербек со следами начавшегося производства пищи; 2 – зона распространения культуры воронковидных кубков; N – северная область; W – западная область; E – восточная область; E (SE) – юго-восточная часть восточной области; S – южная область

За неимением опытных данных дискуссия всегда велась в чисто теоретическом плане, и существует большое расхождение во мнениях между археологами, принадлежащими к разным школам. Сначала преобладала такая точка зрения, что технологические идеи привнесены бродячими этническими группами, пришедшими откуда-то из юго-восточных районов Центральной Европы. Эти люди заняли участки земли, пригодные для ведения нового хозяйства, и основали поселения вблизи мест проживания общин раннего мезолита. Последние, как считалось, постепенно переняли новые методы производства продуктов питания. Эта гипотеза основывалась на аналогии с миграциями народов в Средние века, которые, как полагали раньше, представляли собой перемещения целых племен, однако эта аналогия является спорной.

Согласно другой теории, небольшие группы выходцев из Центральной Европы проникали на север континента сами по себе. Другими словами, эта теория предполагает существование индивидуальных миграций современного типа, т.е. поведения, вряд ли присущего древним обществам.

Согласно третьей теории, ставшей общепринятой с начала 1970-х гг., переход к новому образу жизни был вызван ростом численности населения, который в свою очередь проявился при переходе культурных общностей позднего мезолита к оседлому образу жизни. Одновременно (из-за роста населения) продовольственные ресурсы вокруг оседлых поселений стали сокращаться. Это вынудило людей принять более трудоемкий способ производства, т.е. выращивать растения и заниматься скотоводством. Эта теория основана на аналогиях, выведенных датским социологом Босерупом (*Boserup*, 1965), который изучал действительные процессы в развивающихся странах. Однако слабым местом в этой теории является то, что она не объясняет процессы принятия решений доисторическими общностями. По-видимому, она основывается на законах, пригодных в сфере естественных наук, которые нельзя применять к человеческим обществам, или же, возможно, на модели применения новых «ноу-хау» в современном обществе путем решений предпринимчивых людей.

В эволюционной схеме мезолитические общности обычно рассматриваются как эгалитарные общества, жившие группами (см. гл. 55). Однако французский антрополог Тестар (*Testar*, 1983) попытался показать, что оседлые общины эпохи позднего мезолита занимались хранением продовольствия и были распределительными, а потому и иерархическими обществами. В соответствии с этой концепцией в эпоху мезолита только общины кочевников могли быть эгалитарными. Тестар хорошо осознает, что археологическое исследование общностей позднего мезолита, например, общин культуры эртебёлле-эллербек (в Дании и в Шлезвиг-Гольштейне, в Германии), на которое он ссылается, дает лишь смутные указания на социальную иерархию, возможно, из-за недостатка археологических наблюдений над свидетельствами подобного рода. Эта теория основывается главным образом на антропологических наблюдениях, которые указывают на связь между хозяйством, практиковавшим хранение продуктов, и перераспределением, которое предполагает иерархию.

Переход перераспределяющего общества, располагающего централизованными ресурсами, к более трудозатратной системе производства пищи и производительным процессам легче объяснить, чем представить себе переход от группового общества к такой системе. Иерархическая система с использованием подарков и натурального обмена между элитами общин и приобретением рабов является более открытым обществом, чем общество, состоящее из групп. По такой теории легче объяснить те различия, которые проявились в восприятии новых идей соседними общностями. Кроме того, сами сообщавшиеся между собой элиты способствовали передаче новых идей от со-

общества к сообществу путем обмена продовольствием и рабами, что может объяснить динамичные процессы принятия необходимых решений.

Самые ранние следы зерновых культур – отпечатки зерен на гончарных изделиях и пыльца с зерновых культур из прилежащих торфяников, а также кости домашних животных были найдены в Северной Европе в верхних уровнях поселений культуры эртебелле-эллербек в Дании, в Шлезвиг-Гольштейне, иногда в самой южной части Швеции. Определили, что развитие фазы оседлости этой мезолитической культуры происходило между серединой седьмого и началом шестого тысячелетия до наст. в. Жилые поселения располагались вдоль морского побережья, на берегах озер и рядом с устьями рек. В Дании эти стоянки характеризуются громадными скоплениями раковин устриц и мидий и других пищевых отходов, которые в археологической литературе часто обозначаются датским словом *kjøkkenmøddinger* («кухонные отходы»). В этих грудах отходов часто находят инструменты и изделия из рога, кости и дерева. Находки показывают, что эти сообщества жили за счет рыбной ловли, охоты на тюленей, а также на диких животных, особенно мелких, обитавших в соседних лесах. Собирание в зависимости от сезона съедобных растений, корней, ягод, личинок и т.д. способствовало более полноценному питанию.

В поздний период культуры эртебелле-эллербек в Северной Европе появилась важная новинка: керамика, представленная различными грубыми сосудами с коническим дном (илл. 112) и жировыми светильниками плоской или овальной формы. Поскольку хрупкие гончарные изделия были совершенно непрактичными в кочевой жизни, их наличие в поселении обычно рассматривается как доказательство более оседлого образа жизни. В горшках хранились пищевые продукты, например, тюлений жир, они рассматривались как оборудование, необходимое в накопительном хозяйстве. Большие прибрежные поселения культуры эртебелле-эллербек были расположены вблизи обильных источников пищи. Типичной особенностью рыбного промысла является ее сезонный характер, следовательно, необходимы способы хранения рыбных продуктов. Поэтому специалисты видят в этом еще одно свидетельство постоянного характера этих жилых поселений. Кроме основных поселений были обнаружены временные стоянки для небольших групп людей, которые уходили из базового поселения для сезонной ловли лосося или охоты на определенный вид дичи.

Гончарные изделия и Т-образные топоры из оленьих рогов, найденные в жилых поселениях культуры эртебелле-эллербек, рассматриваются как свидетельство существования контактов с современной ей рёссенской культурой с лесовых земель северо-запада Германии (см. гл. 51).

Обнаруженные небольшие кладбища культуры Эртебелле-Эллербек также свидетельствуют о влиянии внешних идей. Тела умерших часто хоронились вместе с многими предметами (украшениями и орудиями). Некоторые могилы были раскрашены охрой и другими минеральными красителями (илл. 113). Хотя различия в убранстве могил были незначительными, в них все же можно усмотреть свидетельство о существовании иерархической системы в обществе. Однако для доказательства этой гипотезы необходимы новые исследования.

Остатки зерновых культур и костей домашних животных, хотя и скудные, указывают на усвоение новой технологии. Эту позднюю стадию культуры эртебелле-эллербек часто называют «классическим эртебелле», а ее способ хозяйствования рассматривают как полужемледельческий. Ее начало (по методу радиоуглеродного анализа) относят к концу седьмого тысячелетия до наст. в.

Представляется вероятным, что эти группы людей позднего мезолита, жившие в благоприятной природной среде, развили накопительное хозяйство и, возможно,

иерархическую структуру – оба эти признака характерны для общества перераспределения, и в очень ограниченной степени восприняли выращивание зерновых культур и скотоводство – только как вид производства излишней продукции, имевшей малое значение для обеспечения ежедневной потребности в калориях. Эта новая черта была результатом контактов с соседними сельскохозяйственными общностями, жившими в нижнем течении Эльбы.

Культура воронковидных кубков

На территориях у южной части Балтийского моря и пролива Зунд обнаружены относящиеся к началу шестого тысячелетия до наст. в. следы археологических комплексов нового типа, в которых преобладают шлифованные кремневые топоры с острой режущей кромкой (илл. 114). Они служили как для обработки дерева, так и для рубки деревьев. Появились изящные гончарные изделия с тонкими стенками (илл. 115), выполненные из глины путем обжига при более высоких температурах (до 600 °С), чем те, которые применялись при изготовлении керамики в культурах эртебелле-эллербек.

Палинологические анализы показали, что леса в окрестностях поселений стали более прореженными. Диаграммы указывают и на расширение количества пыльцы зерновых культур. Вероятно, члены общин начали расчищать лес для занятия подсечно-огневым земледелием.

Расположение поселений оставалось во многом таким же, как и поселений, относящихся к культурам эртебелле-эллербек, т.е. они располагались вблизи от морского побережья, берегов озер и вдоль рек. Рыбная ловля все еще была основным способом добычи пищи, однако имеются вполне обоснованные доказательства начала производства продуктов питания путем скотоводства и земледелия, т.е. типично неолитической системы производства. Другими характерными признаками являются новые формы гончарных изделий, среди которых – сосуды с горловиной в форме воронки, которые дали название этой культуре воронковидных кубков. Появилась новая форма приношений: горшки, наполненные пищей, и топоры клялись в потоки воды и болота. Наборы гончарных изделий, шлифованные кремневые топоры и приношения характеризуют эту культуру иначе, чем культуры эртебелле-эллербек. Однако многие из форм орудий сохранились и в новой культуре. Культура воронковидных кубков получила широкое распространение в Северной и Центральной Европе.

До изобретения радиоуглеродного анализа для датировки гончарные предметы были наиболее важным типом изделий для установления хронологии и изучения регионального сходства и различия. С той поры формы и стили украшений гончарных изделий давали собственные имена целым системам производства, как и социальным системам. В тех случаях, когда датировки, установленные радиоуглеродным анализом, отсутствовали, стили гончарных изделий все еще играли важную роль в археологической систематизации и таксономии. Именно в результате изучения гончарных изделий, найденных в торфяниках, датский ученый Беккер (*Becker*, 1947) описал хронологию и происхождение культуры воронковидных кубков, в частности в Дании.

Основываясь на стилях керамических изделий, Беккер значительно расширил территорию этой культуры в Центральной Европе по сравнению с той, которую определил польский специалист в доисторическом периоде Язджевский (*Jazdzeński*, 1936), первым собравший под названием «культура воронковидных кубков» различные группы культур Северо-Европейской равнины. Беккер полагал, что в состав этой культуры можно включить груп-

пы из района рек Зале и средней Эльбы (например, баальбергские группы). В объяснении появления неолита на этой обширной территории Беккер выбрал теорию иммиграции. Вначале (в раннем неолите, согласно северо-европейской хронологии) культура имела почти одинаковый облик на всей Северо-Европейской низменности. Однако как только переселившиеся группы осели на новых местах, их культура в различных регионах приобрела различные формы. В частности, в Дании появились две волны иммиграции: первые переселенцы прибыли, имея опыт выращивания зерновых культур, вторые представляли собой скотоводческие группы, и их основным занятием было скотоводство. Согласно Беккеру, «родиной» этих групп была Юго-Восточная Европа, Украина или более дальние территории, на которых развилась их культура.

Один из первых противников теорий Беккера – Троэльс-Смит (*Troels-Smith*, 1953, 1982), основываясь на палеоботанических исследованиях торфяников Аасмосена (о. Зеландия), рассматривал раннюю фазу культуры воронковидных сосудов как составную часть поздней культуры эртебелле-эллербек, поскольку черепки глиняных изделий, типичные для обеих культур, были найдены вместе в самых верхних слоях поселений Эртебелле-Эллербек (*Schwabedissen*, 1968, 1982). Эти наблюдения были сделаны только в западных эртебелльских поселениях (в Ютландии в Дании и в Шлезвиг-Гольштейне в Германии), а не в восточных поселениях (например, в Мекленбурге и Рюгене в Германии). Однако Троэльс-Смит допускал, что скотоводство появилось вместе с группами переселенцев из неустановленного региона на южной части Центральной Европы, которые жили в позднюю фазу культуры эртебелле-эллербек.

Хронологическая система раннего неолита, предложенная Беккером, широко использовалась в 1970-х гг., но его теория происхождения культуры воронковидных кубков была поставлена под сомнение учеными нового поколения, такими как Скааруп (*Skaarup*, 1973), Т. Мадсен (*Madsen*, 1982), Йенсен (*Jensen*, 1982) и Преусс (*Preuss*, 1966, 1980). Они отвергли теорию появления культуры воронковидных кубков, а также роль групп, которые Беккер называл скотоводческими группами. Вместо этого они утверждали, что новая культура была основана на культуре местного поздненеолитического населения (эртебелле-эллербек); культура этого народа постепенно изменялась из-за сильного влияния континентальных земледельческих групп, с которыми у них были установлены контакты. В результате этого появилась новая система производства и новый вид культур.

Современные исследования ранней культуры воронковидных кубков в Центральной Европе – баальбергской культуры идут в том же направлении. Считается, что местная мезолитическая общность, которая развила эту новую культуру под сильным воздействием с юго-востока, в частности, из Моравии (Чешская Республика), где неолитический образ жизни был уже давно принят (*Preuss*, 1966, 1980) (илл. 116, 117). То же справедливо и для групп из Богемии (Чешская Республика) и Саксонии (Германия) – групп из Вальтерниенбурга (илл. 118) и Зальцмюнде. Становление неолитических культур в зоне баальбергских групп по времени примерно совпадает со становлением северной культуры воронковидных кубков, хотя и, возможно, является немного более ранним.

Таким образом, распространение неолитической культуры в северных мезолитических сообществах происходило в результате влияния с двух различных направлений: одно шло вдоль нижнего течения Эльбы и достигло Шлезвиг-Гольштейна, Дании и Скании (Швеция); другое – вдоль Одера до Балтийского региона (включая долину Мелар в Швеции).

Несмотря на последние исследования и критические выступления, Беккер несколько раз возвращался к этой

проблеме. Он продолжал отстаивать свою хронологическую схему раннего неолита и свою теорию иммиграции в появлении культуры воронковидных кубков. Следуя этому, он не согласен с отнесением культурных слоев в западных поселениях поздней стадии культуры эртебелле-эллербек к периоду до появления культуры воронковидных кубков; он полагает, что эти культуры существовали одновременно. Находки следов более поздней культуры интерпретируются как свидетельства контактов между двумя различными этническими группами.

При рассмотрении гипотез, выдвинутых разными учеными и относящихся к становлению неолита на Северо-Европейской низменности, может возникнуть вопрос, почему так много расходящихся по смыслу теорий появилось (а здесь рассмотрены только некоторые из них) на базе одинаковых археологических данных. Причина заключается в том, что хронология все еще основывается на стилях гончарных изделий и не была подтверждена датировками, полученными радиоуглеродным методом для всей территории распространения культуры воронковидных кубков.

С тех пор как радиоуглеродная датировка и даты, определенные другими естественнонаучными методами, стали основой для составления хронологии, интерес ученых изменился: вместо изучения элементов стиля керамических изделий они стали исследовать поселения и их связь с окружающей средой, проблемы геоморфологии, географии и экологии. Эти исследования показали, что одинаковыми характерными признаками культуры воронковидной керамики на всей территории ее распространения, особенно в начальной стадии, были не только определенные типы гончарных изделий или приношения, найденные в торфяниках, но и тип поселений. Кроме уже упоминавшейся традиции устраивать поселения на берегах морей или рек, выявлено, что основные поселения строились чаще всего на сухих и лесчаных местах или гребнях холмов при влажной в целом окружающей среде. Кроме этих основных, главных поселений во многих регионах делались сезонные стоянки для охоты и ловли дичи капканами – тех видов занятий, которые играли важную роль в системе жизнеобеспечения. Это особенно справедливо в отношении обширных территорий к северу от Балтийской моренной гряды, которые некогда были покрыты людьми.

Не все данные, собранные в различных местонахождениях обширной территории распространения воронковидных кубков, имеют одинаковую ценность. В некоторых регионах, например, на юге Скандинавии и на территории, примыкающей к этой зоне с юга, было обнаружено много различных материалов как в поселениях, так и в торфяниках (илл. 120); этот материал часто сопровождался информацией и данными об окружающей среде. Он был получен благодаря сотрудничеству представителей различных научных дисциплин в ходе раскопок на местах, благоприятных для такого сотрудничества. Однако другие регионы представляют более ограниченный интерес; в них находки обнаружены в основном в захоронениях.

Раскопки, проведенные в поселениях, позволяют более точно воссоздать природную среду, в которой жили люди эпохи культуры воронковидных кубков. Вместе с тем остатки их домов встречаются довольно редко и они трудно различимы. Похоже, что некоторые имели прямоугольное основание и различную длину; другие напоминают традиционные жилища Центральной Европы (рис. 165). Однако в некоторых поселениях обнаруживают остатки оснований строений в виде подковы, видимо, жилищ хижин. Еще труднее установить, сколько домов одновременно было в поселении. Для решения этих и сопутствующих проблем необходимо провести дополнительные поисковые работы и новые раскопки с использованием более совершенных методов.

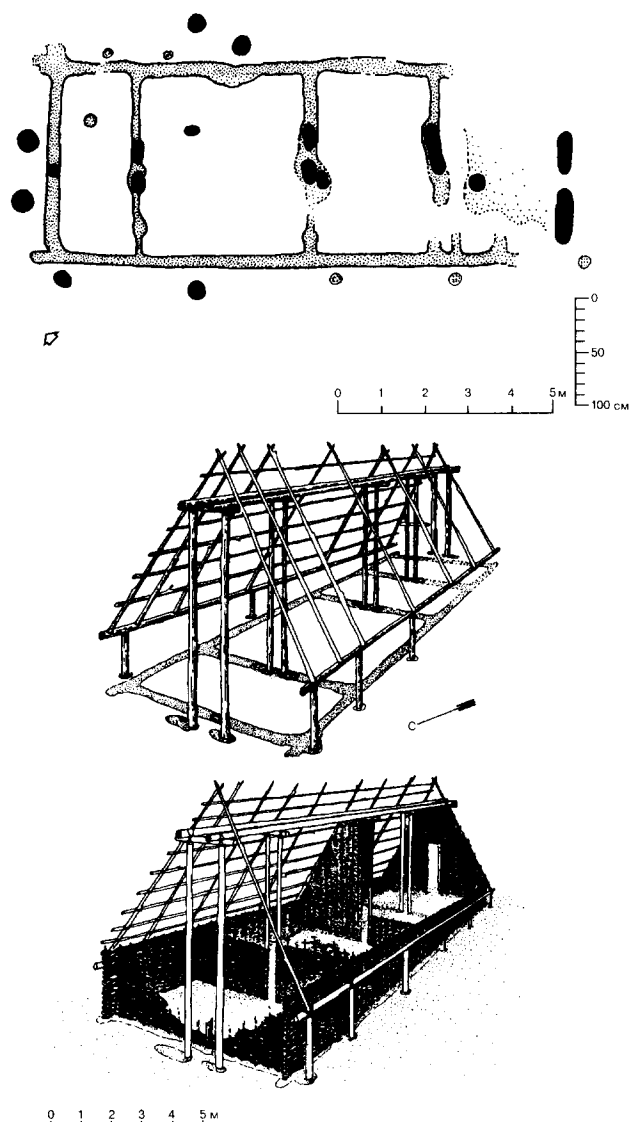

Рис. 165. План и реконструкция дома, относящегося к культуре воронковидных кубков (Флэгелн-Эйхельтен, Германия)

Региональные группы культуры воронковидных кубков

Неолитические группы, распространившиеся на обширном пространстве Северо-Европейской низменности, имеют столь много общих признаков, что каждая из этих групп может рассматриваться как часть единой культуры – культуры воронковидных кубков. Это предполагает возможность связи между сообществами на всей территории. Однако необходимо подчеркнуть, что с течением времени проявлялись местные и региональные различия, которые становились всё более явными. Эти региональные различия в стилях гончарных изделий (илл. 121), каменных орудиях и т.д. зависят от контактов с другими культурами в соседних регионах. Основываясь на этих различиях, Язджевский (*Jazdzevski*, 1936) разделил широкую территорию распространения культуры воронковидных кубков на четыре «области»: северную, западную, южную и восточную (карта 65).

В этих областях стали постепенно различаться, например, обычаи захоронений. В течение раннего неолита тела умерших хоронили в простых земляных могилах, однако в конечной фазе раннего неолита отмечается появление различий в условиях захоронения. В северной и западной областях начинается строительство мегалитических захо-

ронений, что свидетельствует о связях с атлантическим побережьем, берегами пролива Па-де-Кале и Северного моря (см. гл. 55). В восточной области, в Куявии (Польша), характерными монументальными захоронениями являлись длинные курганы, окруженные валунами, но без каменных камер. Наконец, в южной области преобладающим типом захоронения являлись скромные цисты, однако к концу раннего неолита на территориях между р. Зале и средней Эльбой появились круглые курганы для избранных, возвышавшиеся над окружающим ландшафтом.

В течение этого периода на всей территории наряду с возведением приметных захоронений сохраняется обычай хоронить тела умерших в простых могилах. Эти могилы сложно обнаружить, так как они делались ниже уровня земли. На некоторых территориях умерших хоронили в земляных могилах на боку с согнутыми коленями и в строго определенном направлении (например, в группе балбергской культуры между реками Зале и Эльба). В других регионах было много разновидностей могил; но о некоторых регионах данных очень мало, так что невозможно сделать общее заключение. Вариации отмечены даже в пределах ограниченных географических территорий.

Орнаменты керамических изделий также свидетельствуют о влиянии других культурных регионов. В западной и северной областях распространения культуры воронковидных кубков отдельные элементы орнаментов – сюжеты в виде глаза или Солнца (илл. 123), другие сюжеты, напоминающие человеческое лицо или изображения диких животных (возможно, оленей), могли появиться с Пиренейского п-ва (см. гл. 55). Некоторые аналогии в орнаментах и сюжетах свидетельствуют о контактах с Центральной Европой, а с течением времени также – о влиянии развитых северных сообществ на группы культуры воронковидной керамики в Центральной Европе.

Характерной общей особенностью для всей территории, на которой была распространена культура воронковидных кубков, являются центральные или региональные культовые места, которые указывают на существование региональной координации. В переходный период между ранним и средним неолитом так называемые «лагеря за насыпями» (*causewayed camps*) строились в середине обжитых территорий. Эти сооружения состояли из центральной площадки, окруженной рвом и деревянной изгородью (от них в земле сохранились лишь некоторые следы) с узким проходом на территорию. Раскопки показали, что эти «лагеря» не были местами для установки жилищ или загонами для скота, как это полагали вначале, а служили для обрядовых целей. Вероятно, это были места, где проводились праздники, на которые собирались вместе жители достаточно обширного района, т.е. места для выражения культурного и социального единства людей. Однако подобные места известны и в других неолитических культурах, например, в долине Рейна, во Франции и в Англии.

Некоторые из этих лагерей, окруженных насыпями, были больших размеров. В Сарупе (Дания) в разные периоды были два лагеря; второй был построен на месте первого, относящегося ко времени перехода от раннего к среднему неолиту (вторая половина шестого тысячелетия до наст. в.); тогда его площадь составляла 90 тыс. кв. м. Последний лагерь немного более поздний, его площадь – 30 тыс. кв. м. В районе Сарупа известны три поселения и 108 мегалитических захоронений (дольменов), которые, как показали оценки, относятся к временам существования первого, раннего лагеря. Ко времени основания второго лагеря относятся 5 поселений и 12 могил с проходом. Однако многие дольмены первого периода вновь использовались на протяжении второго периода.

Представление о том, как выглядело центральное культовое место, можно получить из подробного описания поселения Альвастра, расположенного около оз. Веттерн (Швеция). Ранее считалось, что это было озерное или свай-

ное поселение, поскольку оно располагалось в центре болота. Затем в нем были проведены новые раскопки, которые выявили неизвестные до того времени данные. Сооружение состояло примерно из тысячи вертикальных свай, на которые был положен настил из бревен; узкие мостики или насыпи соединяли поселение с сушей. Позднее над первым настилом был сооружен второй. На этих настилах было обнаружено около 100 очагов из известняка, вокруг которых лежали кости диких и домашних животных. Большинство мозговых костей было разбито. Другие пищевые продукты включали большее количество обугленных зерен, орехов, диких яблок и т.д. Среди найденных изделий особый интерес представляют изделия из кремня; они были рассортированы по видам и разложены по небольшим кучкам. Было также найдено множество боевых топоров (большинство в виде заготовок) и их миниатюрных копий из янтаря и кости. Следует также подчеркнуть, что отходы кремня, которые обычно находятся во всех жилых поселениях, здесь практически отсутствовали. Гончарных изделий и орудий было значительно меньше, чем обычно находилось в жилых поселениях.

На верхнем настиле было разбросано много человеческих костей, однако никаких следов каннибализма не было обнаружено.

Дендрохронологический анализ дубовых столбов позволил определить время, затраченное на строительство поселения. Согласно предварительному отчету, первая фаза строительства (установка свай) длилась 17 лет, затем был перерыв в 22 года, после чего началась вторая фаза строительства, которая продлилась от двух до трех лет. Согласно датировке радиоуглеродным методом, сооружение относится ко второй половине шестого тысячелетия до наст. в. Обнаруженные находки указывают, что первое использование поселения должно быть отнесено к культуре воронковидных кубков. В более поздние времена в поселении жили группы, принадлежавшие к другой культуре – культуре ямочной керамики (характерной своими гончарными изделиями с ямочным орнаментом).

Примерно в 2 км от поселения Альвастра была найдена ранее неизвестная мегалитическая могила – остатки дольмена или могилы с проходами. Вполне возможно, что поблизости могли находиться и другие мегалитические захоронения, и все это указывает на возможность существования поселения в этом регионе. Следует также упомянуть, что на другой стороне оз. Веттерн, на расстоянии 60 км по прямой, было обнаружено самое большое скопление захоронений с проходом (была составлена опись примерно 300 сооружений) на всем юге Скандинавии.

Хозяйство, обеспечивавшее существование

Во многих поселениях, относящихся к поздней культуре эртебелле-эллербек в Дании и в соседних регионах (Шлезвиг-Гольштейн, крайний юг Швеции), были обнаружены следы – правда, немногочисленные – земледелия и скотоводства. Другие исследования, как указано выше, показали, что эти общности были оседлыми, и что их существование в основном обеспечивалось рыбной ловлей, сбором плодов и охотой. Сельскохозяйственная продукция была второстепенной, даже, возможно, излишней. Занятия земледелием и скотоводством начались в результате контактов с земледельческими соседями из района в нижнем течении Эльбы. Вначале семена и домашние животные «импортировались». Считается, что общины в низовьях Эльбы постоянно занимались земледелием на небольших участках земли, содержали крупный рогатый скот в основном в хлеву и кормили его листьями растений. Полагают, что общности культуры эртебелле-эллербек занимались земледелием такого же типа (Troels-Smith, 1982).

Не известно, какую технику использовали эти общины для обработки земли на небольших участках, однако, согласно современным взглядам, можно считать, что они занимались садоводством. Были найдены заступы (или орудия, напоминающие заступы) из ясеня, относящиеся к этому раннему периоду. Следует, однако, отметить, что «садоводство» не было известно эртебелльским общинам, жившим к югу от Балтийского моря, например, в Мекленбурге.

Первыми разновидностями выращиваемых зерновых культур в этом «садоводстве» были два вида пшеницы – двузернянка (*Triticum dicoccum*) и однозернянка (*Triticum monococcum*), а также ячмень (*Hordeum vulgare*). Из домашних животных содержались крупный рогатый скот, свиньи, овцы и козы.

Домашние животные рассматривались как мясной резерв. Кроме того, овцы, козы и коровы давали новый пищевой продукт – молоко. Хотя производство молока оставалось незначительным, вскоре его стали использовать для изготовления сыра. Овцы давали шерсть, и вполне вероятно, что прядение шерсти для производства одежды началось в то же время, что и скотоводство.

По-видимому, в общинах культуры эртебелле-эллербек наряду с «садоводством» появилось и земледелие, которое распространилось по всей Северо-Европейской низменности в форме подсечно-огневого земледелия. В начальный период, примерно шесть тыс. лет тому назад, оно распространилось среди мезолитических групп этого региона вместе с одомашниванием животных и окультуриванием растений от районов лесовых земель до юга Центральной Европы, где оно установилось задолго до этого. Такой процесс, видимо, лучше изучен в Дании, чем в других регионах распространения культуры воронковидных кубков, где было сложно обнаружить поселения, которые поэтому не были глубоко исследованы. Для занятия подсечно-огневым земледелием необходимо было иметь не только огонь, но и топоры для вырубki лесов и последующего устройства пастбищ и полей. Понимание важности кремневого топора следует из того факта, что с самого возникновения этой культуры топор являлся составной частью приношений (или 114). Возможно, что основные усилия, прилагаемые для выведения леса, были необходимы для устройства пастбищ для скота. Однако в течение первого или второго года после вырубki и выжигания леса производилось высевание семян зерновых культур.

Для определения урожайности зерновых, выращиваемых методом подсечно-огневого земледелия, в современной Дании были проведены практические опыты в лиственном лесу, очень похожем на лес раннего неолита. В опытах использовались исключительно те методы и орудия, которыми предположительно владели люди доисторической эпохи. В среднем в первый год поле дало в три раза больше зерна, чем было посеяно; однако если учесть, что климат в неолите был лучше, чем сегодня, то урожайность в ту эпоху была еще выше. Но во второй год масса собранного зерна оказалась меньше, чем масса семян (Steensberg, 1980). Подобные опыты свидетельствуют о том, что зерновые культуры могли играть лишь вспомогательную роль в питании людей.

Остатки зерновых культур, найденные в виде обжаренных зерен в довольно больших количествах в различных поселениях (подчас более одного кг в одном месте), и анализы пыльцы позволили установить, что виды зерновых трав, окультуренных в общинах Эртебелле-Эллербек, продолжали выращиваться представителями новой культуры. Не известно, какой сорт пшеницы предпочитался – двузернянка или однозернянка, но в целом можно утверждать, что пшеница была основной зерновой культурой.

Помимо экстенсивного подсечно-огневого способа ведения сельского хозяйства на поздней фазе культуры воронковидных кубков (средний неолит) появилось земледелие, основанное на применении плуга. Только в Дании

известен десяток местонахождений со следами борозд, оставленных плугами, под захоронениями, относящимися к культуре воронковидных кубков (самое древнее из этих местонахождений относится к концу шестого тысячелетия тому назад). Однако легкий плуг мог быть пригоден лишь для обработки легких земель, тогда как подсечно-огневое земледелие, при котором, строго говоря, семена сеялись в золу, можно было применять для обработки более тяжелых почв. Эксперименты с обработкой плугом выявили ряд отрицательных явлений, которые неизбежно приводили к истощению почвы. Эти недостатки могут быть преодолены лишь после введения навозного удобрения почвы.

Из двух ветвей сельского хозяйства – выращивания зерновых культур и скотоводства, безусловно, скотоводство играло более важную роль. Поэтому возможность повышения продуктивности зависела от роста поголовья стад. Тем не менее, если учесть объем трудовых затрат, необходимых для производства единичного количества пищи, то окажется, что продуктивность рыбной ловли и охоты значительно выше, чем продуктивность сельского хозяйства, поэтому неудивительно, что в поселениях было обнаружено среди остатков большое количество костей диких животных и рыб. Например, мяса одного взрослого лоса или ста тупешек трески было достаточно, чтобы обеспечить пищей в течение недели группу из 25 человек (три–четыре семьи, каждая из которых состоит из двух взрослых, двух детей в возрасте 10–12 лет и двух детей 5–8 лет). Следовательно, новый способ производства пищи играл подчиненную роль в ежедневном обеспечении питанием. Значение сельского хозяйства находится на другом уровне в истории производства пищи. Оно предполагает длительное вложение труда более высокой интенсивности, которого не требуют ни рыбная ловля, ни охота, а также другой тип организации работы.

Существует достаточное количество оснований полагать, что подсечно-огневое земледелие привело к уничтожению лесов, так как поля и пастбища использовались лишь на протяжении короткого периода, а затем бросались. Практика выжигания лесов в некоторых частях Северной Европы подтверждается разрушением и эрозией почв. Расширение равнин, покрытых вереском, например, в Ютландии, относится к этой эпохе. Однако следует отметить, что этим древним видом земледелия занимались лишь в небольших масштабах, как об этом свидетельствуют многочисленные анализы пыльцы, проведенные в разных регионах. Поэтому общее воздействие на первобытные леса было ограниченным.

Кроме того, полагают, что земледельцы, практиковавшие подсечно-огневой метод, регулярно меняли места. Когда расстояние между их жилищами и новыми полями и пастбищами становилось слишком большим, земледельцы перемещались на новые места. Практически неизвестно, происходило ли это перемещение полей и мест проживания в рамках одной определенной территории, или на какую-то другую территорию с течением времени. Немного позднее мегалитические памятники в некоторых регионах, которые были постоянными символами отдельных обществ, стали обозначать территории поселений.

Исследования в регионах, некогда покрытых льдами, показали, что для строительства жилищ предпочитались площадки, расположенные на высоких местах, хорошо дренируемые песчаные участки или низкие холмистые гребни. Среди них предпочтение отдавалось местам, в которых песчаные почвы сочетались с влажной или болотистой местностью. Такой выбор наблюдается на всей территории, которую занимала культура воронковидных кубков.

Что касается северных областей, то следует отметить, что поселения разных сообществ часто располагались в регионах, напоминавших архипелаг. Повсюду места расположения поселений выбирались с учетом экологии.

Зоны, находившиеся между лесами и водными артериями, особенно берега морей, были наиболее продуктивными территориями, состоявшими из множества биологических зон, благоприятных для рыбной ловли, охоты и собирательства. Такой подход к выбору мест для поселений подчеркивается расположением мегалитических захоронений в прибрежных районах, богатых морскими и водными ресурсами. Даже поселения, относящиеся к культуре воронковидных кубков и располагавшиеся на территориях с черноземом между реками Зале и Эльба, в основном устраивались во влажной окружающей среде.

Леса на песчаных почвах состояли из дубов, лип и ясеней, а подлески – из орешника и травяного покрова, типичного для легких земель. Они давали желуди, папоротники, лесные орехи, яблоки и травы. Такая окружающая среда подходила для скотоводства. Свиньи адаптировались к лесному окружению, где они питались желудями; для их выращивания не требовалось вырубать лес. Но даже еще более важным было то, что в этих лесах водились дикие кабаны, являвшиеся источником продовольствия, как об этом свидетельствует большое количество их костей, найденных в культурных слоях поселения. В редких лесах, где было много травы, скот находил достаточное количество корма, и огневая очистка леса была не нужна. Такие условия были во многих регионах Нидерландов и на северо-западе Германии, как об этом свидетельствуют анализы пыльцы. Эти примеры показывают, что имелись местные особенности и изменения на всей Северо-Европейской низменности с течением времени и что поэтому состав стад зависел от природных условий.

Специальные виды производства

Значительные ресурсы кремня и янтаря придали особую важность территориям вокруг пролива Зунд и Балтийского моря. Эти источники сырья давали указанным регионам изделия, очень ценившиеся при натуральном обмене, и стимулировали развитие производства кремня, изделий из него, янтаря и янтарных изделий.

Кремень был важным материалом для изготовления режущих орудий, но высококачественный кремень встречался не везде. Он добывался лишь в некоторых местах в Северной Европе: на о. Рюген (Германия), на севере п-ва Ютландия, на востоке о. Зеландия (Дания), в Скании (Швеция) и на территории к северо-востоку от Кракова (Польша), где были открыты или связанные слои кремня. В некоторых частях этих местностей, для которых была характерна культура воронковидных кубков, добыча кремня была развита уже в раннем неолите. Наиболее исследованные рудники находятся в холмистой местности на севере п-ва Ютландия. Там выходит близко к поверхности известняк мелового периода и вместе с ним сенонский кремень. Многочисленные кремневые рудники, расположенные в этом районе к северу от Тистеда, эксплуатировались в эпоху неолита. Вертикальные шахты напоминали по форме перевернутый конус диаметром 4–5 м у поверхности земли. Кремень находился в виде горизонтальных слоев в известняке на глубине 3–4 м. Добыча производилась в галереях длиной 3–5 м, которые вырубались, начиная со дна шахты, с помощью кирки из оленьего рога. Когда рудник истощался, шахты заполняли мелом, доставленным с соседней работавшей шахты. Между стволами шахт были места для дробления камня, где только что добытому кремню придавалась начальная форма, после чего полуфабрикаты переправлялись в другие места для окончательной обработки. Насколько известно, единственными кремневыми орудиями, которые изготавливались крупными партиями, были топоры с узким обухом (см. илл. 114). По меньшей мере два рудника в районе Тистеда могут быть отнесены к

концу раннего неолита, т.е. ко второй половине шестого тысячелетия тому назад. Ни одного постоянного поселения не было найдено вблизи этих рудников. Это означает, что добыча кремня производилась партиями рабочих, живших сезонно у рудников и пользовавшихся инструментами и запасами продуктов, полученными от тех людей, которые посылали их работать.

В виде сырья или конечных продуктов кремнь был очень распространен на северных территориях и в некоторой степени за их пределами. На больших территориях, например, вплоть до о. Готланд (в Балтийском море) были обнаружены специальные престижные изделия из кремня, такие как громадные обрядовые топоры с узким обухом длиной почти 50 см, которые бросались в качестве приношений по одному или по несколько сразу в болота и реки. Изделия подобного размера могли быть вырублены лишь из недавно добытого кремня, и обычно делались в открытых карьерах. Следовательно, кремнь имел не только практическое значение для производства орудий, но и применялся для изготовления культовых и престижных изделий.

В восточной области, где жили представители культуры воронковидных кубков, наиболее полно исследованные рудники находились рядом с поселением Кшемьонки (округ Опатув, воеводство Кельце, Польша). Типичные пластины кремня, имеющие характерный вид и легко узнаваемые, добывались почти в тех же месторождениях, как и в Дании, и распространялись по Центральной Европе.

Янтарь (см. илл. 120) служил своего рода «золотом» для Северной Европы. Местами его добычи были и остаются до сих пор побережье Северного моря в Ютландии и берега Балтийского моря в Латвии, Литве и Польше. Янтарь собирался и продавался прежде всего из-за предполагаемого символического значения и защитных, магических свойств (на самом деле – из-за его электромагнитных свойств, которые были известны в доисторические времена, но, конечно, не могли быть поняты). Поэтому янтарь был очень дорогостоящим материалом. Из-за своей красоты он использовался как материал для таких украшений, как бусы и подвески. В могилах и подношениях находят не только янтарные бусы, но и подвески в форме маленьких топоров. Эти миниатюрные топоры и близкие по форме предметы были типичными украшениями эпохи среднего неолита; они служили очень ценными подарками или предметами обмена, по крайней мере, для богатых общин, которые строили большие мегалитические захоронения с камерами, предназначавшиеся для людей особых категорий.

В зоне культуры воронковидных кубков Ютландия служила основным источником сырья. В течение раннего неолита (первая половина шестого тысячелетия до наст. в.) янтарь чаще всего находили на территории вблизи богатых природных источников на западе Дании. Начиная со второй половины шестого тысячелетия до наст. в. большое количество янтаря в основном находилось на востоке Дании, в том районе, в котором мегалитические памятники и поселения указывают на наличие крупных общин. Видимо, перенесение центра находок янтаря в восточную часть Дании было связано с периодом строительства дольменов с проходом.

Однако находки янтаря характерны также для территорий, на которых расположены мегалитические захоронения, – юг Швеции и северо-запад Германии и др. Часто янтарь находили в могилах в плохом состоянии (в виде небольших фрагментов, похожих на мелкий гравий); в результате при первых раскопках бусы и другие предметы были не опознаны. Первоначально в могилах находилось значительно больше янтаря, чем предполагали. Тем не менее это не меняет общей картины: янтарь чаще всего встречается в захоронениях, расположенных в северных регионах с процветающим хозяйством.

Однако янтарь находили и в Центральной Европе. Уникальная находка – отложения от 4 до 400 кг необработанного янтаря – была сделана в Роспонде (ранее – Харлиб) около Вроцлава, в Польше. В этом обычно усматривали доказательство оборота янтаря на территории культуры воронковидных кубков. Однако поскольку обычно место происхождения янтаря можно выявить только по типу изделий, то невозможно определить, из какого источника появились эти отложения.

В определенной степени изготовление погребальной керамики также может рассматриваться как специализированное производство. Изучение погребальных гончарных изделий (илл. 124), в частности из мегалитических захоронений, выявило такое большое сходство между кубками и чашами различных видов в отношении их формы, отделки, орнаментов и техники нанесения изображений, что кажется вполне вероятным, что все они были изготовлены в одной мастерской. Похоронные гончарные изделия свидетельствуют о законченном мастерстве, а также об остром чувстве форм и декоративных эффектов их изготовителей. Орнаменты на изделиях формировались путем глубокой нарезки, при этом заполнялись массой белого цвета, которая к настоящему времени сохранилась лишь частично. Часто полагали, что изготовление гончарных изделий было чисто женским делом, но это всего лишь предположение. Антропология народов шашей эпохи, не имеющих письменности, показывает, что существуют гончары обоих полов, тогда как торговля гончарными изделиями является чисто мужским занятием.

На какие изделия обменивали кремнь, кремневые орудия и янтарь? Остается неизвестным, что давали в обмен на прекрасные кремневые «датские» топоры общины культуры воронковидных кубков, проживавшие в регионах, где не было кремня или, по меньшей мере, кремня хорошего качества. Вероятно, это были скоропортящиеся товары, но, может быть, меха, а также рабы, которых заставляли работать в рудниках. Единственными сохранившимися изделиями, которые могли служить обменным товаром за кремнь и янтарь, являются высококачественные погребальные гончарные изделия и медные предметы. Медные украшения, оружие, лезвия топоров, прутки в форме спиралей и катушек были обнаружены в захоронениях лиц высокого ранга и в погребальных приношениях. Изучения типов и форм этих медных изделий, а также анализ мегалита позволили определить их происхождение. Часто формы изделий сходны с формами изделий из культур Центральной Европы, такими как группы Йорданув и Бжешь в Польше и Хабашешти в Румынии. Из этих мест изделия, вероятно, доставлялись в Ютландию вдоль р. Одер, а на северо-запад Германии – вдоль рек Зале и Эльба. Обстоятельства находок медных изделий и их связи с предметами культуры воронковидных кубков показали, что обмен медными изделиями начался уже в конце раннего неолита и расширился в течение среднего неолита. С этого времени медные изделия рассматривались как предметы роскоши и престижа, доступные лишь немногим общинам северной и западной территорий культуры воронковидных кубков.

По сравнению с медными изделиями золото в этот древний период на Северо-Европейской низменности было редкостью: было найдено только одно изделие из золота – браслет. Он был обнаружен в земляном захоронении вблизи г. Штаде в устье Эльбы вместе с кремневым топором с узким обухом и типичной керамической бутылкой раннего неолита. Этот браслет мог появиться здесь из Юго-Восточной Европы (Трансильвании) или из Ирландии.

Не известно, как было организовано перемещение предметов. Это мог быть обмен по цепи между общинами в виде натурального обмена или в виде подарков, которыми обменивались представители элит, натурального обме-

на. Находки предметов роскоши или престижа свидетельствуют о том, что подобные контакты связывали общины в нескольких направлениях. Вначале эти обмены происходили в основном по направлению к южным и юго-восточным регионам Центральной Европы, а затем они постепенно стали ориентироваться на запад. Кажется очевидным, что связи и перевозка изделий осуществлялись на лодках и плотах вдоль берегов морей или по рекам.

Общество

Воссоздание социальной организации доисторических обществ является одной из самых трудных задач. Отношения между людьми оставляют меньше следов, чем производство орудий и пищи. Чтобы представить себе, как могли функционировать неолитические общества, археологи изучают общественную организацию современных племен, не имеющих письменности, которые все еще живут на уровне каменного века. Такие общины существуют, например, в тропиках в Папуа-Новой Гвинее или на Соломоновых островах – в южной части Тихого океана. Если оказывается возможным обнаружить связь между социальной системой и различными типами захоронений, изделий и престижных предметов в этих обществах, то это даст возможность истолковывать подобные археологические находки. Наблюдения показывают, что имеются предметы, которые свидетельствуют о наличии иерархии в обществе тех времен. Но исследования показывают также, насколько сложны эти системы и как трудно проводить аналогии.

Что касается эпохи становления неолитических культур, то проблема состоит в том, являлись ли оседлые мезолитические общины эгалитарными или иерархическими. Выше была кратко рассмотрена гипотеза Тестарта, согласно которой уже общество поздней (или классической) культуры эртебёлле-эллербек было иерархическим.

В культуре воронковидных кубков приметы иерархии являются более очевидными, чем в культуре эртебёлле-эллербек. На начальной стадии было мало хорошо отделанных захоронений, однако вскоре положение изменилось. В конце раннего неолита началось возведение монументальных могильных курганов для малой части населения. Некоторые из них были огромных размеров. Курганы были различных типов в разных регионах: камеры из камня на одних территориях, с земляными могилами и деревянным каркасом – на других (см. выше). Параллельно с этими впечатляющими монументальными захоронениями применялись простые захоронения в земле, которые были найдены случайно.

Другими знаками социального расслоения общества являлись региональные культовые места больших размеров, занимавшие центральное положение на заселенных территориях. Все эти крупные сооружения, а также разработка кремневых месторождений предполагают наличие значительно большего количества работавших, чем те, останки которых были обнаружены в монументальных захоронениях. К концу шестого тысячелетия до наст. в. общества имели возможность расширения производства неутилитарных предметов, таких как огромные кремневые топоры, – в качестве подношений, янтарь и изделия из него – как подношения или погребальные приношения. Даже зерновые культуры, производящиеся в небольших количествах и с большими затратами труда, укладывались в жертвенные сосуды. Семена были священными. Растущая сложность церемониальных видов деятельности приводила к сокращению рабочей силы, занятой производством пищи.

Все эти факторы предполагают существование сложной структуры иерархического общества с разделением его на рабочих и на немногочисленную элиту и свидетельствуют о способности такого общества организовать большие силы для широкомасштабного строительства и других неутилитарных видов деятельности.

В течение последних десятилетий археологи проявили живой интерес к проблеме определения территорий, которые были заняты разными общностями, в результате изучения размещения могил, поселений и региональных культовых мест, чтобы на этом основании выявить принципы территориального разделения. Было предложено много гипотез, но все они, естественно, носят предположительный характер. Тем не менее кажется очевидным, что из наличия культовых мест можно сделать вывод, что существовали региональные места для общин и сборов и региональные власти, действовавшие в общих интересах разрозненных групп.

На территориях вокруг крупных залежей кремня и янтаря находки орудий, предметов роскоши и других изделий были более многочисленными, чем на удалении от них. Это различие можно отчасти объяснить неодинаковой интенсивностью исследований на разных территориях, однако оно явно свидетельствует о концентрации находок вокруг источников сырья. Эта тенденция подразумевает, как и ожидалось, что обилие сырья, имевшего исключительную важность для изготовления оборудования того времени, а также изобилие янтаря для изготовления предметов роскоши, было фактором, способствовавшим обогащению некоторых регионов. Повидимому, территории вдоль южного побережья Балтийского моря и вокруг проливов были центрами богатства и роскоши в мире культуры воронковидных кубков. Следовательно, уже в этой древней культуре можно определить взаимоотношения типа центр – периферия, т.е. явление, которое историки наблюдали во многих последующих культурах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Так как рыболовство, охота и собирательство продолжали оставаться стержнем хозяйственной деятельности в культуре воронковидных кубков на Северо-Европейской низменности, то можно сделать вывод, что сельскохозяйственный способ производства пищи не произвел революции в обеспечении пропитанием, как это предполагал Гордон Вир Чайлд. Произошли изменения в хозяйственной и социальной сферах, однако они не были резкими и продолжительными. Неолитическое «культуривание» было одним из таких процессов. Лишь спустя несколько тысячелетий земледельческое хозяйство стало главным способом производства пищи. Следовательно, становление неолита на Северо-Европейской низменности не имело немедленных драматических последствий, но его последствия в перспективе оказали длительное воздействие: неолит ознаменовал начало новой эры.

В пятом тысячелетии до наст. в., во время конечной фазы культуры воронковидных кубков, на этой территории стали применяться новые изделия и новые типы топоров (в частности, боевые топоры), формы гончарных изделий и новые технологии их изготовления, а также новые типы захоронений.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AABY, S. 1974. Cykliske klimavariationer i de sidste 7,500 år ved undersøgelse af højmoser og marine transgressioner [Cyclic Climate Variations During the Last 7,500 Years]. *Dan. Geol. Unders. (Årbøg)*, pp. 91–107.
- BARKER, J. A.; VOGEL, J. C.; WISLANSKI, T. 1969. TRB and other C¹⁴ Dates from Poland. *Helinium (Wetteren)*, Vol. 9, pp. 3–27, 209–38.
- BECK, B. C. J. 1947. Mosefuner Lerkar fra yngre Stenalder [Neolithic Pottery in Danish Bogs]. *Aarb. Nord. Olddynd. hist. (Copenhagen)*, pp. 1–318.

- 1955. The Introduction of Farming into Northern Europe. *J. World Hist.* (Honolulu), Vol. 2, No. 4, pp. 749–66.
- 1984. Dänemark, III: Archäologisches. In: HOOPS, J. (ed.), *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*. 2nd edn. Berlin/New York. Vol. 5, pp. 155–74.
- BEHRENS, H. 1973. Die Jungsteinzeit im Mittelbe-Saale-Gebiet. Halle. (Veröff. Landesmus. Vorgesch. Halle, 27.)
- BOGUCKI, P. J. 1981. Early Neolithic Subsistence and Settlement in the Polish Lowlands. Oxford. (BAR Int. Ser., 150.)
- BRÖNDSTED, J. 1960. Nordische Vorzeit I. Steinzeit. Neumünster.
- CHILDE, V. G. 1957. *The Dawn of European Civilization*. 6th edn. London.
- GRAMSCH, B. 1971. Zum Problem des Übergangs vom Mesolithikum zum Neolithikum im Flachland zwischen Elbe und Oder. In: SCHLETTE, F. (ed.), *Evolution und Revolution im Alten Orient und in Europa*. Berlin, pp. 127–44.
- 1973. Das Mesolithikum im Flachland zwischen Elbe und Oder. Potsdam. (Veröff. Mus. Ur-Frühgesch. Potsdam, 7.)
- HERRMANN, J. (ed.) 1986. Ralswiek und Rugen. Landschaftsentwicklung und Siedlungsgeschichte der Ostseeinsel I, Die Landschaftsgeschichte der Insel Rügen seit dem Spätglazial. Berlin.
- JAŹDŹEWSKI, K. 1936. Kultura Pucharow Lejkowstych w Polsce. Die Trichterbecherkultur in West- und Mittelpolen. Poznań.
- 1961. Kultura Pucharow Lejkowstych [The Funnel-Beaker Culture. Notes on its Origin and Systematization]. *Pr. Mater. Mus. Archaeol. Etnogr. Łódzi (Łódź)*, Vol. 6, pp. 73–100.
- JENSEN, J. 1982. *The Prehistory of Denmark*. London.
- LICHARDUS, J. 1976. Rössen-Gatersleben-Baalberge. Ein Beitrag zur Chronologie des mitteldeutschen Neolithikums und zur Entstehung der Trichterbecher Kulturen. Bonn. (Saarbr. Beitr. Altertumskd., 17.)
- MADSEN, T. 1982. Settlement Systems of Early Agricultural Societies in East Jutland, Denmark. A Regional Study of Change. *J. Anthropol. Archaeol.* (San Diego), Vol. 1, pp. 197–236.
- MALMER, M. P. 1986. Aspects of Neolithic Ritual Sites. In: STEINSLAND, G. (ed.), *Words and Objects. Towards a Dialogue between Archaeology and History of Religion*. Oslo. pp. 91–110.
- MEURERS-BALKE, J. 1983. Siggeneben-Süd. Ein Fundplatz der frühen Trichterbecherkultur an der holsteinischen Ostseeküste. Neumünster. (Offa-Bücher, 50.)
- PREUSS, J. 1966. Die Baalberger Gruppe in Mitteldeutschland. Berlin. (Veröff. Landesmus. Vorgesch. Halle, 21.)
- 1980. Die altmärkische Gruppe der Tiefstichkeramik. Berlin. (Veröff. Landesmus. Vorgesch. Halle, 33.)
- SCHWABEDISSEN, H. 1967. Ein horizontierter Breitkeil aus Sarup und die mannigfachen Kulturbeziehungen des beginnenden Neolithikums im Norden und Nordwesten. *Palaeohistoria* (Groningen), Vol. 12, pp. 409–68.
- 1968. Übergang vom Mesolithikum zur Neolithikum in Schleswig-Holstein. Schleswig. (Führer zu vor-frühgesch. Denkmälern, 9.)
- 1982. Vom Jäger zum Bauern der Steinzeit. Neumünster. (Schlesw.-Holst. Landesmus. Wegweiser, 10.)
- SJØVOLD, T. (ed.), 1982. *Introduksjonen av Jordbruk in Norden [Introduction of Agriculture to Northern Europe]*. Oslo/Bergen/Trondheim. (With English summaries.)
- SKAARUP, J. 1973. Hesselø-Sølager. Jagdstationen der südskandinavischen Trichterbecherkultur. Copenhagen.
- STEENBERG, A. 1980. *Draved: An Experiment in Stone Age Agriculture; Burning, Sowing and Harvesting*. Copenhagen.
- TESTART, A. 1983. *Les Chasseurs-cueilleurs ou l'origine des inégalités*. Paris.
- TROELS-SMITH, J. 1953. Ertebøllekultur-Bondekultur [Ertebølle Culture-Peasant Culture]. *Aarb. nord. olkynd. hist.* (Copenhagen), pp. 15–62.
- 1967. The Ertebølle Culture and its Background. *Palaeohistoria* (Groningen), Vol. 12, pp. 505–28.
- 1982. Vegetationshistoriske vidnesbyrd om skovrydninger, plantecavl og husdyrhold i Europa, specielt Skandinavien [Forest Clearing, Plant Cultivation and Animal Husbandry in Europe as Shown by Evidence from Vegetation History, with Special Reference to Scandinavia]. In: SJØVELD, T. (ed.), *Introduksjonen av Jordbruk in Norden*. Oslo/Bergen/Trondheim. pp. 39–62.
- WISLANSKI, T. (ed.), 1970. *The Neolithic in Poland*. Wrocław/Warsaw/Cracow.
- WITTELL, A. 1985. *Neolithic Europe: A Survey*. Cambridge.

МЕГАЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЕВРОПЫ

Лили Кэлас

В трудах европейских археологов термин «мегалит» (от греческого *mega* – большой и *lithos* – камень) применяется к ограниченному количеству особых типов доисторических сооружений¹, распределенных на обширных просторах атлантических регионов Европы от Западного Средиземноморья до Скандинавии. Этот термин подходит потому, что он подчеркивает наиболее поразительную особенность таких памятников – применение для их сооружения больших каменных глыб, обычно необработанных или грубо обтесанных. Эти глыбы могли быть поставлены вертикально на узкие основания, иногда поодиночке, рядами или кольцами, а иногда образовывали стены и крыши камер. Мегалиты были установлены в период между седьмым и четвертым тысячелетиями до наст. в. В настоящее время в Европе насчитывается около 50 тыс. памятников всех видов. Под термином «сооружение мегалитов» подразумевают архитектурный стиль и технику строительства, которые характерны для каменного или бронзового веков. Этот термин не применяют к более поздним европейским памятникам из крупных камней, например к тем, которые относятся к железному веку.

Значительные размеры этих сооружений, несмотря на то что многие из них на протяжении веков пострадали от разрушений, вызывают восхищение достижениями доисторических людей, которых иногда считают примитивными. Многие из этих памятников занимают господствующие позиции на территории и привлекают тысячи посетителей. Другие сооружения, ранее возвышавшиеся посреди открытых пастбищ, сегодня скрыты кустарниками и деревьями в результате применения современных методов выращивания скота, позволивших сократить площади пастбищ.

Из-за размеров каменных глыб мегалиты часто описываются в фольклорных произведениях как творения великанов или дьявола. Это отражено и в их народных названиях: «могила великанов», «замок великанов», «постель великана» (применительно к курганам), «камни дьявола» и т.д.

Слова «мегалит» и «мегалитический» являются научными терминами. Прилагательное впервые было применено в 1830 г. Гербертом (*R.A. Herbert*), деканом Мертонского колледжа в Оксфорде, в его статье о памятниках в Англии и Бретани (Франция). Существительное «мегалит» в 1853 г. применил д-р Лукис (*F.C. Lukis*) с о. Гернси. Затем термин был принят Международным конгрессом по доисторической антропологии и археологии, который проходил в Париже в 1867 г., и с тех пор он стал общепотребительным по отношению к доисторическим памятникам, построенным из крупных каменных глыб.

Памятники из крупных камней, которые впервые были научно исследованы в Европе, находят по всему миру. Кроме Европы сооружения из крупных глыб встречаются

в Африке (в основном на севере, в Эфиопии и Центральной Африке), на Аравийском п-ве и на Мадагаскаре. Есть мегалиты в Западной Азии, на Кавказе, в Индии, Индонезии (на о. Суматра) и даже в Меланезии (о. Маликула в архипелаге Новые Гебриды) и в Южной Америке (Колумбия). В пределах этих огромных территорий типы, формы и возраст мегалитов сильно различаются. Самые недавние из них были возведены на пороге нашей эры, однако терминологически спорно, можно ли рассматривать эти поздние сооружения как мегалиты.

Настоящая глава посвящена исключительно мегалитам Европы. Чтобы обеспечить приемлемую научную классификацию, мегалиты обычно делятся на следующие типы:

1. Могилы с камерами, стены и крыши которых строились из мегалитических камней, и мегалиты со сводчатыми крышами.

2. Постройки апсидного типа, которые назывались «храмами», на Мальте (и о. Гозо). Из-за ограниченного регионального распространения в этой главе они не рассматриваются (см. гл. 49).

3. Отдельные вертикально стоящие камни, или «менгирь» (бретонск. *men* – камень и *hir* – длинный).

4. Группы в виде рядов вертикально стоящих камней, самыми известными из которых являются называемые в археологической литературе аллеи или линии; примером служит комплекс мегалитов Карнак в южной Бретани (Франция).

5. Установленные по кругу вертикально стоящие огромные глыбы, расположенные через равные промежутки или являющиеся составной частью монументального ансамбля с валами и рвами, например, хорошо известный Стоунхендж недалеко от Солсбери в Южной Англии.

Такая классификация, основанная на выделении типов европейских мегалитов, содержит, как и любая классификация, элемент упрощения, однако имеет практическое значение для научных дискуссий. Основные типы мегалитов представлены на иллюстрациях и рисунках к этой главе, показывающих специально отобранные примеры хорошо известных и легко доступных памятников, расположенных в разных регионах.

Можно оценить лишь приблизительно число таких памятников. Современные обзоры, стремящиеся за регистрировать все мегалиты или их следы, выполнены не для всех территорий.

Современные полные оценки количеств захоронений по странам распределяются следующим образом: в Дании – от 5,5 до 6 тыс.; в Швеции – от 700 до 800; в Норвегии – небольшое количество; в Германии – от 1,3 до 1,4 тыс.; в Нидерландах – 55 (к ним следует добавить 30 разрушенных сооружений); несколько могил – в Бельгии и Швейцарии; во Франции – от 6 до 6,5 тыс.; в Ирландии – от 1,2 до 1,5 тыс.; в Вели-

кобритании, включая о-ва, расположенные в проливе Ла-Манш, – от 1,5 до 2 тыс.; на Пиренейском п-ве (Португалия, Испания и Балеарские острова) – от 6 до 7 тыс.; в Италии и на о-вах Западного Средиземноморья – около 1 тыс.

Цифры, касающиеся других категорий сооружений, – отдельно стоящих вертикально врытых камней (менгиров), рядов (линий) из камней и кольцевых памятников (открытых колец различных форм, окруженных валами и рвами), – еще более расплывчатые, чем данные о захоронениях. Только в Центральной Европе (в Германии, Швейцарии и бывшей Чехословакии) известно точное количество менгиров (Kirchner, 1955) – около 80 сохранившихся менгиров (к которым следует добавить 30 уже исчезнувших). В более ранних источниках упоминается о еще 40 возможных дополнительных сооружениях, так что в сумме имеется информация о 150 менгирах. 10 из них находятся в Швейцарии и 3 – в Богемии (Чешская Республика). В Центральной Европе есть несколько рядов, но ни одного кольцевого сооружения.

В атлантических регионах Европы число менгиров, аллей из менгиров и колец из камней достигает нескольких тысяч. Только в Бретани (Франция) насчитывается более 100 аллей менгиров, состоящих из более чем 3 тыс. вертикально врытых камней; при этом число сохранившихся менгиров – от 1 тыс. до 1,2 тыс., и из них 180 вошли в перечень сооружений, охраняемых Законом о памятниках. Однако аллей менгиров встречаются также и в других частях Франции, а менгиры имеются почти во всех департаментах. В Бельгии известно около 15 менгиров. По оценкам, в Португалии существует 150 менгиров, а в Испании гораздо больше; в обеих этих странах постоянно находят новые менгиры. Насколько известно, кольцевые сооружения из камней здесь редки. Встречаются и аллей менгиров, но их количество в публикациях не указано.

Особенно большое количество колец из вертикально врытых камней и *хенджес* (*henges*) (см. гл. 53) встречается в Великобритании и Ирландии, однако имеющиеся цифры относятся лишь к некоторым территориям. В графствах Корк и Керри на юго-востоке Ирландии и на севере центральной части Ольстера имеется замечательное скопление свободно стоящих памятников. По информации, полученной от ирландского ученого О'Нуэллена (*O'Nuallain*), там более 600 менгиров, около 150 рядов из 2–6 менгиров и почти 100 колец из камней (из них лишь несколько *henges*). В Британии имеется множество подобных сооружений, их общее количество составляет около 1 тыс. (из них примерно 800 колец из камней и 80–90 *henges*). Менгиры и аллей менгиров часто встречаются в южных и западных частях страны, а кольца из камней – в западной и северной частях (с концентрацией колец на северо-западе Шотландии, на Гебридских (внутренних) островах, в национальном парке Лейк-Дистрикт и на п-ве Корнуолл). *Henges* можно увидеть повсюду в Британии, но чаще всего – в зоне восточной низменности. В Северной Европе, богатой мегалитическими захоронениями, нет ни одного свободно стоящего памятника, принадлежащего к какому-либо из упомянутых типов. Кольцевые сооружения из вертикально стоящих камней относятся к более позднему времени (позднему бронзовому веку и железному веку), и они не считаются мегалитами.

Внутри различных регионов мегалитические сооружения распределяются неравномерно. Можно выделить центральные зоны с большой концентрацией сооружений и окраинные зоны с немногими памятниками. Дает ли подобная картина представление о доисторическом периоде? Это один из вопросов, с которым сталкиваются археологи, когда пытаются воссоздать историю поселений, основываясь на доисторических развалинах. Три примера могут проиллюстрировать эту общую проблему. В земле Юльзен (*Ulzen*) на севере Германии сохранились остатки 13 мегалитических захоронений. В середине XIX в. там

было зарегистрировано 250 таких могил. В 1938 г. на о. Рюген в Балтийском море было 38 захоронений, а в 1827 г. – 229. Из 5 тыс. мегалитических захоронений, описанных в Дании, сохранились лишь 1,8 тыс. (чаще всего в лесных зонах). Это типичные примеры, они показывают, что имеющиеся в настоящее время цифры не позволяют сделать достоверный вывод о первоначальном распределении мегалитических памятников в доисторические времена.

Исчезновение сооружений во многих местах является следствием разрушения окружающей среды, частично в результате земельных реформ XIX в. В XX в. многие территории, на которых находились мегалиты, были опустошены не только из-за механизации сельского хозяйства, но также из-за карьерных разработок, строительства домов, прокладки дорог и т.д. В некоторых урбанизированных регионах, плотно населенных с давних пор, сегодня можно найти лишь несколько разбросанных мегалитов, но в доисторические времена в них могло быть не меньше сооружений, чем сегодня в не так плотно населенных местах. Это следует из детального исследования топонимики некоторых территорий, на которых существовавшие ранее мегалиты дали названия деревням и полям. Так, во Франции известно как минимум 14 населенных пунктов, названия которых – *Pierrefitte* (пьерфит – от латинского *petra ficta* – сделанный из камня) напоминают о том, что здесь ранее находился менгир. Недалеко от Магдебурга (Германия) есть деревня, известная с 1223 г., которая носит имя Лангенштайн в память о менгире, которого сегодня нет. Этих примеров достаточно, чтобы показать, каким образом сотрудничество между специалистами различных наук может помочь обнаружить следы некоторых мегалитов.

Внутри захоронений или поблизости от них часто находили различные предметы (гончарные изделия, орудия, фигурки идолов, украшения). Они играли важную роль при определении возраста памятников, особенно до изобретения метода радиоуглеродного анализа. Проблемы, касающиеся этих изделий, не будут рассматриваться в данной главе. Есть, несомненно, проблемы, связанные с взаимоотношениями между мегалитическими сооружениями и сопутствующим археологическим материалом. Даже если мегалитические сооружения в двух разных местах имеют одинаковые признаки, то найденные вблизи от них предметы могут быть очень разными. Если, например, сравнить предметы из скандинавской зоны с находками, связанными с мегалитами в Испании, Португалии или во Франции, то окажется, что эти предметы совершенно различные, даже если могилы устроены по одному и тому же принципу.

Археологи обычно отдают себе отчет в том, что, изучая изолированно один тип культурных остатков и не рассматривая весь комплекс, частью которого эти предметы являются, они рискуют ошибиться. Тем не менее мегалиты представляют для них особые проблемы. Как и римские церкви, мегалиты можно изучать сами по себе в качестве архитектурных творений, культовых мест и престижных символов.

Естественно, при исследовании национальных и региональных мегалитических памятников рассматриваются все типы сооружений, имеющихся в пределах данной территории. Но в настоящем обзоре, который охватывает всю Европу, мы должны ограничиться описанием основных принципов строительства сооружений и тех их особенностей, которые являются общими для различных регионов. Необходимо, однако, добавить, что вследствие большого разнообразия памятников, особенно видов захоронений, существует возможность выделить мегалитические области, имеющие свои особые характеристики (см. гл. 53). Учитывая это, все сооружения можно отнести к основному, широко распространенному типу, даже если сооружения географически удалены одно от другого.

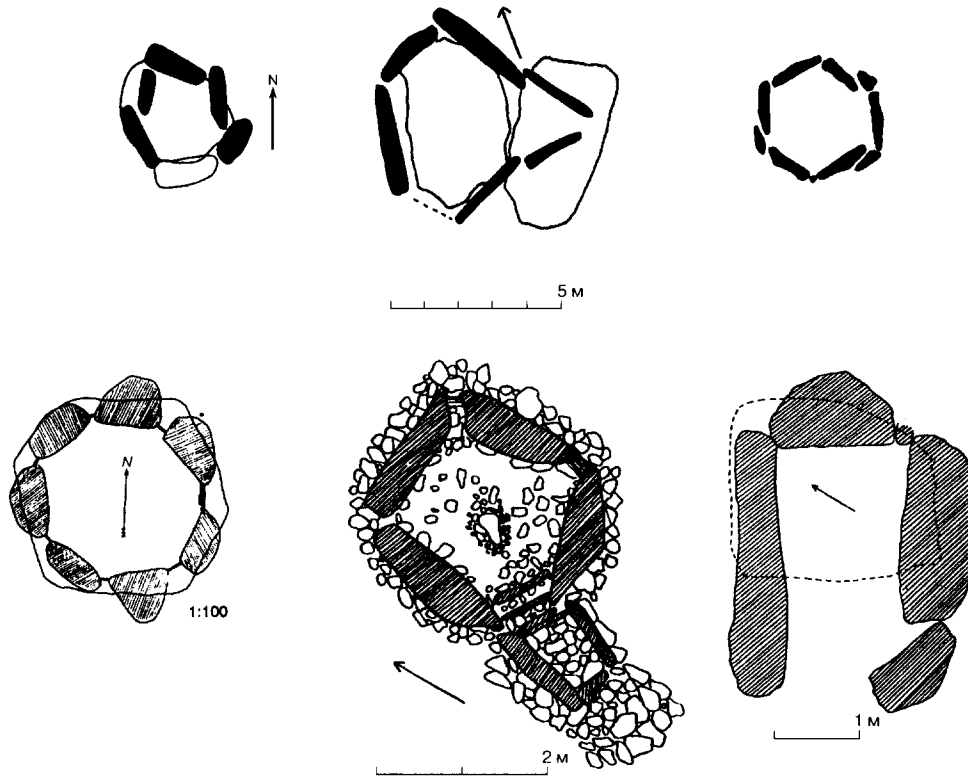

Рис. 166. Типы мегалитических захоронений с камерами (дольменов) в Европе

МЕГАЛИТИЧЕСКИЕ СООРУЖЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ ТИПЫ, АРХИТЕКТУРА, ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ СТРОИТЕЛЬСТВА

Захоронения

Типология

Среди мегалитов могилы с камерами являются самыми многочисленными и наиболее полно изученными. После опубликования работ ведущего шведского археолога Оскара Монтелиуса (*O. Montelius*, 1843–1921) вошло в правило классифицировать эти мегалитические захоронения по трем типам: дольмены (рис. 166), могилы с проходами (рис. 167) и галерейные могилы (рис. 168).

Согласно теории Монтелиуса, который принял эволюционную теорию естественной истории и применил ее методы к изучению археологических материалов с целью разработки хронологической системы, процесс развития шел от самых простейших до более сложных форм и конструкций. Предложенная Монтелиусом классификация захоронений подразумевала эволюционную последовательность и позволяла установить хронологический ряд. Труды Монтелиуса были переведены на другие языки, его идеи широко распространились и одно время были приняты международным научным сообществом. От его теории, согласно которой три типа захоронений развивались последовательно, так, что второй тип появился из первого, третий – из второго, сегодня отказались, однако составленная им классификация по трем типам в основном остается актуальной, и мы ей далее следуем.

Как было указано, памятники отличаются от региона к региону. Кроме местных особенностей развития, различия возникали из-за использования местных пород камней различных типов. Сооружение, для возведения которого были использованы эрратические валуны (перенесенные

ледниками на большие расстояния и состоящие из пород, отсутствующих в местах их нахождения), отличается от сооружения, построенного из плит песчаника или известняка. Эти разновидности могут вызвать путаницу, и поэтому классификация не всегда оказывается простой. Тем не менее классификация остается таксономически удобной при рассмотрении многоплановой действительности. Когда нужно составить общую картину, упрощения необходимы.

Чтобы сделать обсуждение феномена появления мегалитов в Европе более понятным, дадим краткое описание могил трех категорий, следуя классификации Монтелиуса. Это описание будет касаться только самых распространенных типов. Читатели, которые интересуются описанием местных разновидностей, смогут обратиться к региональным исследованиям, указанным в списке литературы.

Дольмены (рис. 166, карта 66)

Термин «дольмен» (по-французски «*dolmen simple*» – простой дольмен) происходит от бретонских слов *dol* (камень) и *men* (стол) (если смотреть на эти сооружения с некоторого расстояния, то они действительно напоминают каменные столы).

Дольмены встречаются от Пиренейского п-ва (илл. 125) до Скандинавии, главным образом в прибрежных районах, а во внутренних районах – вблизи озер и рек.

Дольмены представляют собой закрытые каменные камеры умеренной высоты (до 2 м), в плане многоугольные (илл. 126) (включая квадратные) или прямоугольные, покрытые одной или двумя плитами, часто выступающими над стенами, как крышка стола. Сами стены сделаны из каменных глыб, поставленных на ребро (их археологи называют «ортостатами» – вертикальными опорными камнями) и углубленных в траншеи. Промежутки между дву-

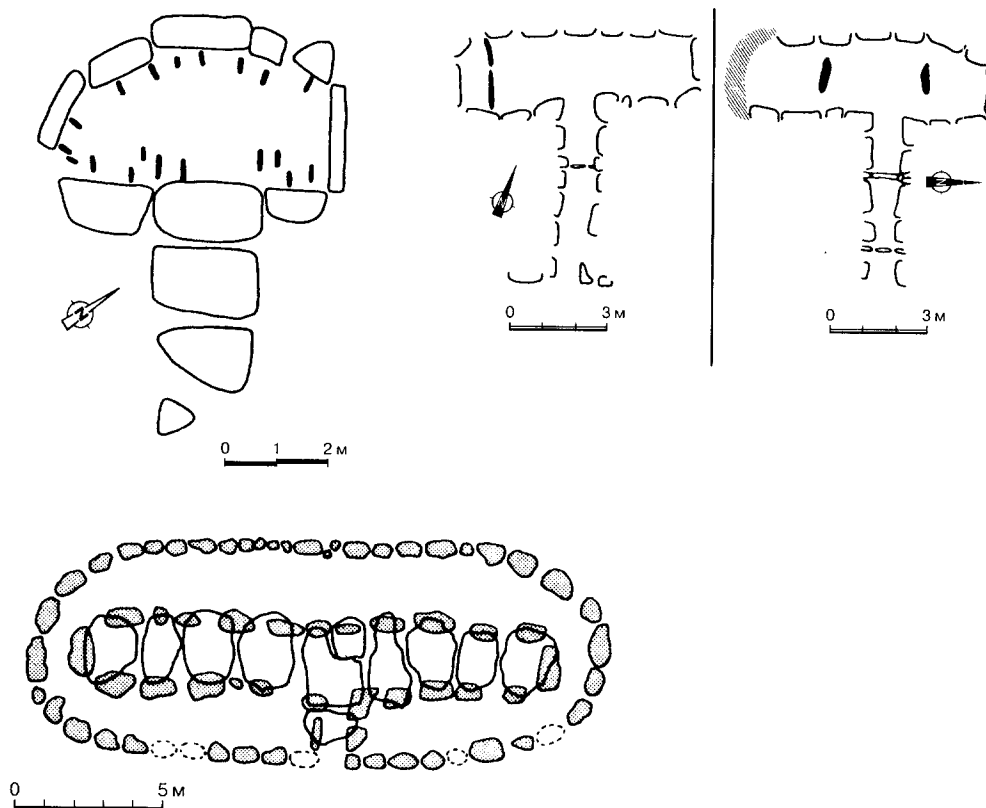

Рис. 167. Типы мегалитических могил с проходом в Европе

мя глыбами иногда заполнялись мелкими камнями или плитками способом сухой кладки.

Внутренние размеры небольших погребальных камер составляли примерно 0,8 м на 1,5–1,8 м или от 1,5–2 м в диаметре и 0,8–2 м в высоту. В этих могилах находилось лишь одно захоронение. Размеры больших дольменов примерно в два раза больше указанных (за исключением высоты, которая в этих случаях составляет 1,5–2 м), такое пространство позволяло хоронить несколько тел. Если имелся специальный вход в камеру, то он мог обозначаться одной или двумя парами камней, которые обычно были ниже, чем каменные глыбы стен. В большинстве своем дольмены стоят изолированно, однако иногда составляют группы или входят на кладбищах среди могил с проходами.

В наши дни большая часть дольменов представляет собой «голые» каменные сооружения на местности. Романтический вид этих глыб привлекает внимание туристов, художников и фотографов. Но на самом деле доисторические люди так видеть дольмены никогда не могли, разве что во время строительства. Они были покрыты курганами (земляными насыпями или пирамидами из камней), так что была видна только верхняя часть плиты перекрытия. Найденные или различимые курганы были в плане круглыми или продолговатыми (более или менее прямоугольные или трапециевидные) (илл. 127). Последняя форма преобладала в Дании, однако за пределами северной территории круглые курганы и пирамиды были самыми многочисленными.

Наиболее впечатляющим из двух типов курганов является продолговатый курган. Его обычные размеры составляли 20–30 м на 6–8 м, но длина многих достигала более 100 м, а ширина – 10 м. Самый вытянутый курган в Дании имеет длину 170 м. Их высота была довольно умеренной. Монументальность курганов подчеркивалась окружающими холм бордюрами из каменных глыб, обычно более высокими вдоль коротких сторон. В круглых

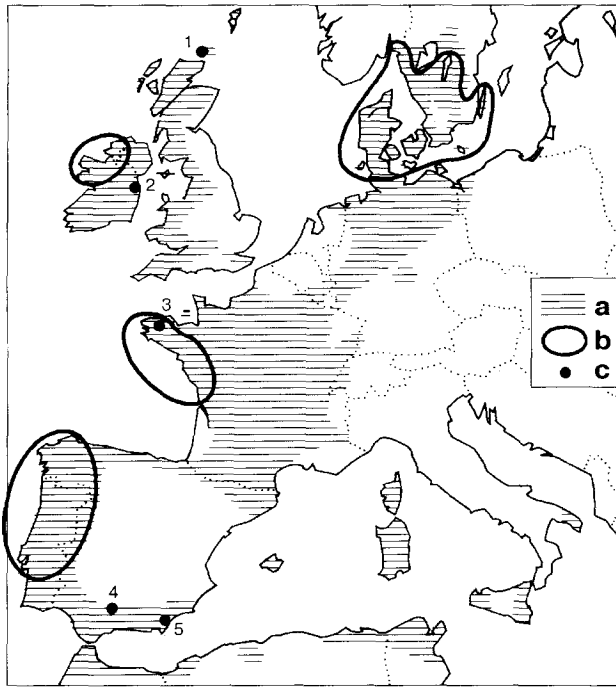
курганах обычно находился один дольмен, в продолговатых – более одного (иногда до пяти).

Размеры курганов превышали размеры самих каменных камер во много раз, в особых случаях были, возможно, в тысячу раз больше, как можно видеть в том случае, если курган сохранился. С точки зрения архитектоники эти сооружения представляли собой большие укрытия со спрятанными внутри, тщательно построенными мегалитическими камерами – домами для умерших людей.

Могилы с проходами (рис. 167, карта 66)

Термин «могила с проходом» (по-французски «*dolmen à couloir*») применяется для обозначения каменных камер, в которые можно было войти через проход – длиной от 3 до 10 м, а иногда и более, ориентированный обычно в направлении с юга на восток. В большинстве эти сооружения располагались в тех же местах, что и дольмены, т.е. на берегах морей или у рек и озер (илл. 128, 129).

Могилы с проходами представляют собой прочные и тяжелые мегалитические сооружения и, подобно простым дольменам, построены так, чтобы выдерживать давление курганов, которые их закрывают. Преобладают курганы круглой формы, однако в некоторых местах встречаются курганы более или менее прямоугольной формы. Круглые курганы, как правило, содержат лишь одну могилу, размещенную не в середине. Прямоугольные курганы имеют в основном две или более могил, а в Нормандии и Бретани – до двенадцати могил. Камеры были многоугольные или квадратные, овальные или прямоугольные в плане с явно выраженным проходом (илл. 130 и 131). Если камера была продолговатой, то проход выполнялся либо посередине длинной стороны, либо рядом с одной из боковых сторон, и тогда все сооружение получалось Т-, Р- или q-образным. Были также могилы с проходом совершенно другого типа: в них каме-

Карта 66. Распределение мегалитических захоронений в Европе: а – мегалитические могилы; б – зоны с многоугольными дольменами и могилами с проходом, одинаковыми по планам и строению; с – основные местонахождения: 1 – Маэс-Хоув; 2 – Нью-грэндж, Наут и Даут; 3 – Барнез; 4 – Антекуэра; 5 – Лос-Милларес

ра получалась при постепенном расширении прохода без четкого разграничения двух этих частей и напоминала по форме букву V. Все эти разновидности широко распространены на территории от Пиренейского п-ва до Скандинавии.

Площади в основании могил с проходом обычно были больше, чем в дольменах. Самые малые многоугольные камеры имели в диаметре 1,5–2,5 м, продолговатые камеры – 3–4 м в длину и 2 м в ширину, однако имеется множество значительно больших камер. На юго-западе Германии и в Нидерландах прямоугольная камера может быть весьма длинной – до 40 м в длину, но ее ширина – всего около 2 м, а проход – короткий. Как правило, высота камер в дольменах с проходом не превышала 2,2 м.

Тот факт, что общины, сооружавшие могилы с проходом, применяли различные типы и формы могил, часто в одном регионе, ставил перед археологами множество вопросов. Устраивались ли могилы разных типов в одно и то же время или последовательно один за другим во времени? Строители изменяли базовые типы разными способами. В некоторых местах они делили камеры поперечными стенами на секции или отсеки, иногда с разными полами (илл. 132). В других местах они пристраивали боковые камеры или ячейки к основной камере или к проходу – подобно тому, как много позднее строители средневековых церквей пристраивали приделы или боковые часовни к нефу. В результате получались захоронения с проходом, имеющие в плане форму креста или даже двойного креста, которые были найдены на территории от запада Пиренейского п-ва до Франции, востока Ирландии и юго-запада Британии.

Проблема проникновения массы земли в камеру под действием силы тяжести земляного слоя была решена путем сухой кладки камней в промежутках между каменными глыбами. Точно так же строились дольмены. В могилах с проходом с установленными над ними пирамидами стены иногда ставились в виде системы опорных террас, при этом преследовалась не только функциональная цель,

но и достигалась архитектурная выразительность и престижность.

Крыши-перекрытия камер и проходов делались по-разному. Иногда они покрывались большими каменными плитами, просто укладывавшимися на ортостаты. Когда ортостаты поддерживались стенками сухой кладки, камни-крыши лежали на этих стенах, которые были выше ортостатов. Крыша могла также быть сделана в виде примитивного свода: более или менее плоские камни размещались один над другим так, что каждая следующая плита лишь частично перекрывала нижнюю, а верхнее отверстие закрывалось одним камнем.

В наши дни можно легко войти в камеру через проход. Однако изначально, после того как камера и проход закрывались плотно подогнанными камнями-дверьми и покрывались курганом, доступ в камеру был практически невозможен без разрушения входа. Та сторона кургана,

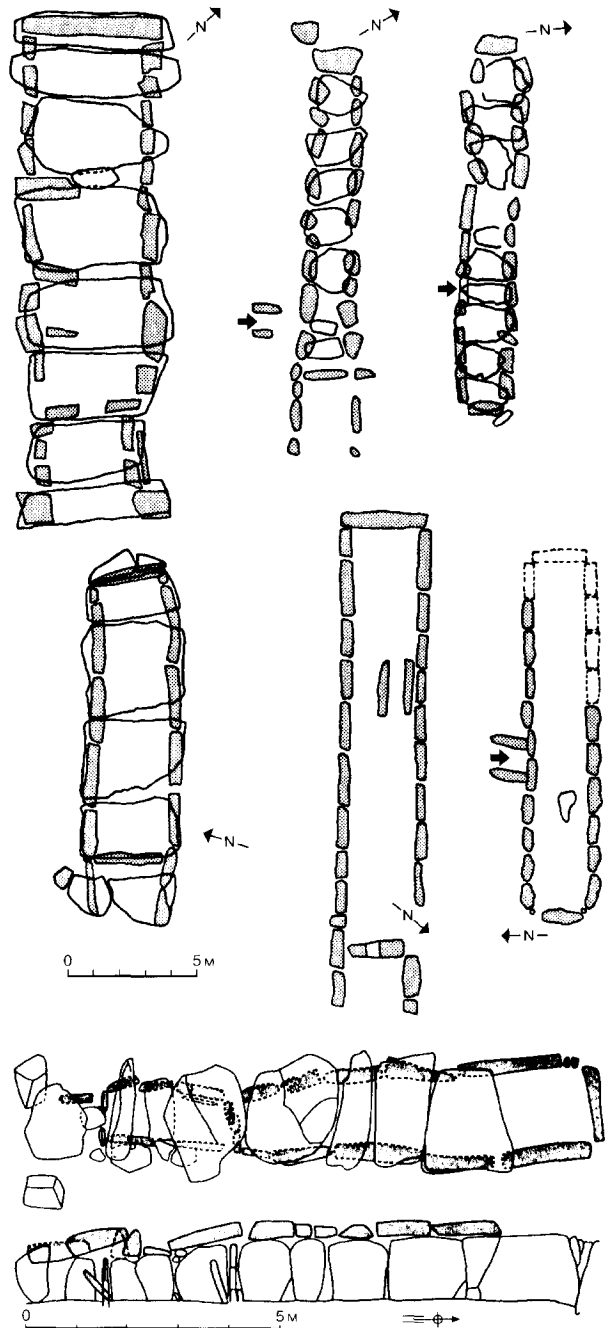

Рис. 168. Типы мегалитических галерейных могил в Европе

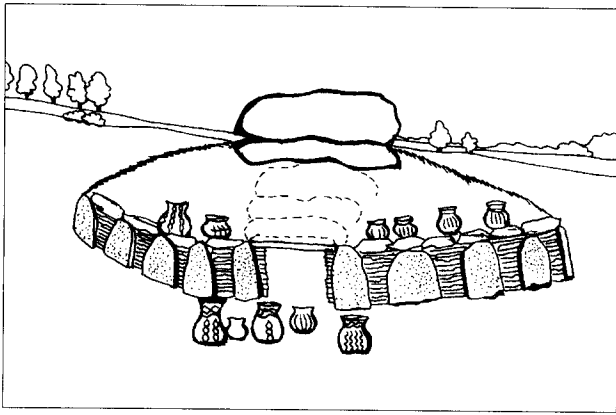

Рис. 169. Восстановленное мегалитическое захоронение (Скандинавия) с вазами-принищениями перед входом

где находился вход, была всегда тщательно оформлена. Находки со стороны входа показывают, что в этом месте происходили культовые церемонии (рис. 169). Иногда в Западной Европе курганы над могилами с проходами, как и окружавшие их каменные бордюры, служившие для удержания курганов, опоясывались свободно стоящими большими камнями, образуя перистилли. Самым великолепным примером может служить сооружение в Ньюгрэндже (Ирландия) (рис. 163; илл. 133, 134).

В этом описании могил с проходом основное внимание обращено на конструкцию камер и проходов; именно их изучением и таксономией занимаются археологи. Однако по архитектурному замыслу основными элементами являются курган или каменная пирамида как символы престижа и общественного статуса.

Эти курганы, внушавшие уважение, могли расширяться и увеличиваться в объеме путем достройки новых камер, подобно средневековым храмам, которые расширялись и никогда полностью не завершались. В некоторых регионах могилы с проходом были разбросаны по территории, в других они концентрировались в могильниках.

Чтобы дать представление о крупнейших памятниках, которые еще существуют в достаточно большом количестве, опишем два различных типа. Первым является внушительная пирамида из камней в Барнезезе, которая сегодня тщательно реставрирована. Она находится на самом высоком месте на п-ве Кернелен, в Бретани (департамент Финистер), длина ее – 75 м, ширина – от 20–25 м, высота – 6–8 м. Она опоясана несколькими стенами, расположенными уступами. В пирамиде находятся 11 могил с длинными боковыми, расположенными бок о бок, причем каждая могила немного отличается от следующей за ней. Девять камер построены способом сухой кладки каменных стен и накрыты «куполом» с уступами, который местами опирается на подпорки.

Стены проходов в эти камеры выполнены из плоских каменных плит или выложены из камней сухой кладкой, но всегда накрыты сверху плитами. Два других прохода имеют иную конструкцию. Один построен полностью из плоских камней. Другой проход перед камерой заканчивается прихожей, камера и проход построены из плит, а прихожая имеет крышу, выполненную уступами и опирающуюся на подпорки. Эта камера является самой крупной в пирамиде; ее стены украшены линиями в виде зигзагов, изображениями топоров, луков и т.д.

Пирамида служит примером двухступенчатого строительства, о котором говорилось в гл. 53: она строилась в два приема на протяжении 200–300 лет. Кроме того, она показывает, что две технологии строительства – возведе-

ние стен из мегалитических глыб и сухая кладка каменных стен – применялись одновременно.

Вторым великолепным мегалитическим памятником является захоронение с проходом в Ньюгрэндже в долине р. Бойн (Восточная Ирландия), которое возвышается над могильником и над долиной. Ньюгрэндж является одним из высших достижений доисторической Европы (рис. 163; илл. 133, 134).

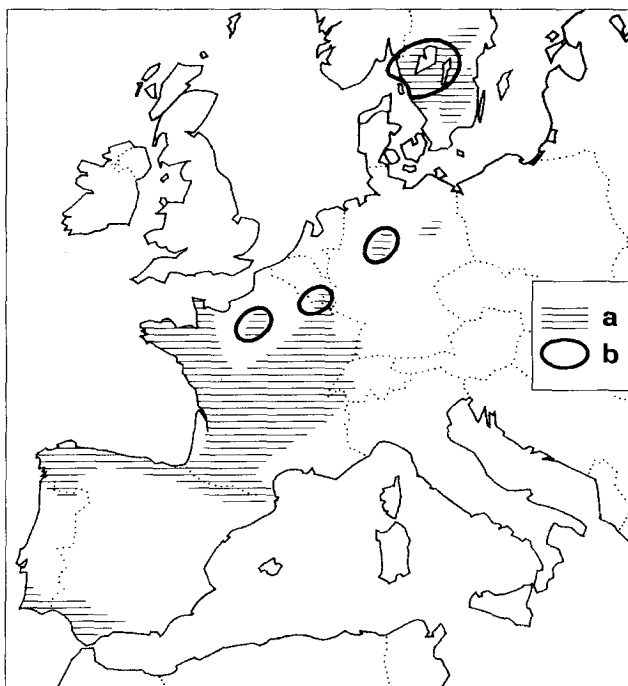
Памятник состоит из круглой пирамиды диаметром от 78 до 85 м и высотой 11–13 м. Основание пирамиды окружено бордюрами из ортостатов, многие из которых украшены различными изображениями и рисунками (илл. 134). Между этим бордюром и собственно пирамидой стоит опорная стена, первоначальная высота которой по некоторым оценкам была на 3 м выше, чем бордюр. Пирамида закрывает захоронение с проходом, имеющее в плане форму креста, построенное из ортостатов. Основная камера достигает 6 м в высоту и имеет ступенчатый (в виде уступов) свод, который сверху закрывается одной каменной плитой. Проход открыт в направлении на юго-восток. Над перекрытием входа устроена ниша или ящик, обращенная в направлении восхода Солнца в период зимнего солнцестояния. На плитах, составляющих крышу, вырезаны канавки, чтобы дождевая вода, проникающая в пирамиду, могла вытекать за пределы прохода. Памятник богато украшен внутри. Пирамида опоясана по окружности диаметром 104 м вертикально врытыми в землю камнями; площадь всего круга составляет примерно 1 га.

Галерейные могилы (рис. 168, карта 67)

Галерейные могилы представляют собой прямоугольные мегалитические камеры с прямыми параллельными стенами, которые образуют узкие прямоугольные комнаты (галереи). Камеры имеют размеры от 3 до 30 м в длину, от 1,5 до 5 м в ширину и до 2 м в высоту. По сравнению с могилами с проходом галерейные могилы более однородны по своему устройству. Но они представляют абсолютно иную «архитектурную» идею. В дольменах и могилах с проходом ведущим элементом являлся курган, который часто располагался на командной высоте в окрестности, и камеры были полностью скрыты под курганом. Однако курган над галерейными могилами, имевший продолговатое или круглое основание, являлся лишь легким «покрытием», добавленным к камере.

Как следствие, эти курганы не доминировали над окрестностями. Легкий курган не вызывал тех проблем при строительстве камеры, что тяжелый курган. Следовательно, стены камеры можно было строить из относительно тонких плит. Имеются даже галерейные могилы, относительно которых нельзя уверенно считать, что они были закрыты в курганах. Это особенно справедливо в отношении галерейных могил в районе Сомюра и Анжу (Франция) – мегалитов так называемого анжуйского типа (известных также в археологической литературе как «галерейные могилы луарского типа»). Среди этих памятников имеются такие, которые относятся к самым впечатляющим мегалитическим камерам во Франции. Например, галерейная могила в Банье, недалеко от Сомюра, имеет 17 м в длину и 4–5 м в ширину, что примерно соответствует внутренней площади 85 кв. м, т.е. размерам современной 3–4 комнатной квартиры. Другим замечательным сооружением является «Скала фэй» (Ла-Рош-о-Фэ) в Эссе, к юго-востоку от г. Ренн; площадь внутри камеры – 14х4 кв. м, ее высота – более 2 м.

Камера в галерейных могилах часто разделялась поперечными плитами на две или три части. Вход, как правило, устраивался с одной из коротких сторон, перед ним располагалась прихожая или портик, обычно уже и ниже, чем «галерея». В галерейных могилах некоторых групп делались круглые или квадратные окошки («иллюминато-

Карта 67. Мегалитические могилы-галереи в Европе: а – территории с местонахождениями могил-галерей; б – местонахождения могил-галерей типа Сена-Уаза-Марна

ры») в поперечной плите, разделяющей портик и камеру, а иногда в поперечных плитах, разделяющих камеру на части. Такие окошки встречаются и в могилах с камерами, относящихся к другим категориям.

В Северной Франции, в долинах Сены, Уазы и Марны (парижский регион) жили сообщества, которые обычно выкапывали галерейные могилы в земле, часто на склонах холмов. Удивительно, что захоронения этого типа существуют также в двух других удаленных районах: в землях Северная Вестфалия и Гессен (на западе Германии) и на юго-западе Швеции (скопление галерейных могил находится на территории между оз. Венерн и Веттерн). Однако, как правило, шведские галерейные могилы короче (в основном 4–8 м), чем в Западной Европе. Мнения ученых о возможных связях между этими различными географическими зонами весьма различаются.

Кроме уже описанных типов, существовали также галерейные могилы, состоящие только из одной камеры, доступ в которую открывался либо с боковой стороны (между каменных глыб, образующих стену), либо с короткой стороны. Они появились в тех же природных условиях, что и большинство более сложных сооружений.

Галерейные могилы встречаются как на побережье, так и в глубине территорий, но в противоположность дольменам и могилам с проходами они более часто встречаются вдали от морских побережий – обычно вблизи рек. В основном они располагаются на Пиренейском п-ве, во Франции, Германии и Западной Швеции; их мало в Бельгии и Швейцарии.

Оси галерейных могил, как правило, располагались по направлению с юга на север, однако в некоторых регионах практически все они располагались с востока на запад. Это могло бы свидетельствовать о новых космологических концепциях у тех, кто принимал решение об ориентации захоронений.

Галерейные могилы явились новшеством как в архитектурном отношении, так и по технологии их возведения, следовательно, переход к ним от традиций строительства простых дольменов и могил с проходами был прерывистым, а не «эволюционным», как считал Монтелиус.

Другие типы древних захоронений

Встречаются также вытянутые курганы, внешне похожие на те, которые покрывают дольмены, но без каменных камер внутри. Такие курганы тоже часто рассматриваются как мегалитические памятники из-за бордюров из крупных глыб, которыми опоясаны их основания.

Во Франции и в других частях Западного Средиземноморья встречаются захоронения типа искусственных пещер (подземелий), вырубленных в мягких скальных породах. Многие ученые считают их также мегалитическими сооружениями, однако их строительство не требовало обработки крупных каменных блоков, и потому сооружения этого типа здесь не рассматриваются (о них см. гл. 49, 53).

Какова древность захоронений?

Как и все захоронения, мегалитические могилы могут быть датированы либо путем изучения предметов, которые были в них обнаружены, либо радиоуглеродным анализом образцов, относящихся к конструкциям самих могил. Первые радиоуглеродные датировки, опубликованные в конце 1950-х гг., вызвали настоящую сенсацию, поскольку неожиданно обнаружилось, что могилы на тысячу лет старше, чем полагали ранее.

В настоящее время имеется много радиоуглеродных датировок мегалитов. Однако эти даты неодинаково распределены по всем «мегалитическим областям». На сегодняшний день во Франции имеется больше сведений о датах, чем где-либо. В соответствии с датировками выявлено, что самыми древними сооружениями являются простые дольмены и могилы с проходами и с многоугольными камерами; памятники этой категории широко распространены в прибрежных зонах. Такие памятники возводились во Франции уже 7 тыс. лет назад.

Такие древние мегалиты возводились на территории от Нормандии до департамента Шаранга. Оба типа захоронений закрывались пирамидами, содержащими одну или несколько камер. Однако во времени возведения не существует хронологического различия между первыми дольменами и первыми могилами с проходами. Это опровергает старую идею Монтелиуса о развитии могил с проходами из дольменов.

Расцвет мегалитического строительства приходится на конец седьмого и шестое тысячелетие до наст. в., т.е. он продолжался примерно 1000 лет. В течение этого периода повсюду были воздвигнуты могилы с проходами, имевшие прямоугольные и квадратные камеры, а также их разновидности с боковыми камерами или ячейками. Строительство могил с проходами продолжалось и в пятом тысячелетии до наст. в.

В Ирландии сделано немного радиоуглеродных датировок мегалитических могил. Самыми древними могилами здесь являются простые сооружения на кладбище Кэрроумор на западном побережье около г. Слайго. Согласно датировке радиоуглеродным методом, одна камера (код № 7) с остатками прохода может быть отнесена к началу шестого тысячелетия до наст. в. и, следовательно, была сооружена позднее, чем самые ранние мегалиты во Франции. Несколько веков спустя появились более сложные формы, например, крестообразные (в плане) могилы. Одна из них – великолепное сооружение в Ньюгрэндже (илл. 133, 134; рис. 163) относится ко второй половине шестого тысячелетия до наст. в. Тем не менее одновременно с этими постройками сложных форм продолжалось строительство простых могил с проходом. Об этом, в частности, свидетельствуют могилы на кладбище в долине р. Бойн, где недавно были открыты захоронения в Ньюгрэндже и Ноуте. Таким образом, существовала, очевидно, иерархия между типами могил в этих местах.

Некоторые радиоуглеродные датировки могил с проходом в Великобритании вполне соответствуют данным, полученным в Ирландии.

Согласно радиоуглеродным анализам, в Испании и Португалии дольмены и могилы с проходами появились почти на тысячу лет позже, чем во Франции. Согласно опубликованным данным, самыми древними захоронениями на п-ве являются захоронения в Бейра-Альга на севере Португалии (местонахождение Орка-душ-Кастенайруш, Карапиту I, Орка-де-Сеиксас), которые были построены к концу седьмого тысячелетия до наст. в. Немногие датировки мегалитов в Испании соответствуют данным, полученным в Португалии. Однако эти датировки пиренейских сооружений были оспорены (Kalb, 1981); согласно традиционным археологическим датировкам, основанным на сравнении обнаруженных артефактов и образцов наскальных изображений, выясняется, что могилы в Испании и Португалии являются, видимо, современными французским памятникам. То же подтверждают и последние, хотя и немногочисленные радиоуглеродные датировки в Португалии.

Какова ситуация в Северной Европе? Все радиоуглеродные датировки дольменов и могил с проходами свидетельствуют о том, что эти сооружения появились позднее, чем самые древние мегалитические захоронения во Франции. Датировки мегалитических захоронений в Мекленбурге (Германия) показывают, что их начали возводить с конца шестого тысячелетия до наст. в. По-видимому, в Скандинавии, для которой имеется очень мало радиоуглеродных датировок, самые древние дольмены появились немного раньше, чем в Мекленбурге, т.е. некоторое время после середины шестого тысячелетия до наст. в. В Северной Европе первые дольмены старше самых древних могил с проходами. Последние появились в начале северного среднего неолита (около 5000 лет тому назад). Тем не менее некоторое время дольмены и могилы с проходом продолжали сооружаться одновременно. В Скандинавии не удалось установить различий во времени сооружения могил с проходами, выполненных в наземном плане в виде букв T, P, q или V. Здесь находки, связанные с могилами, показывают, что различия между этими типами заключается скорее в их географическом распространении, чем во времени сооружения.

Датировки с помощью радиоуглеродного анализа не дают возможности определить, как долго продолжали строить могилы с проходами в Северной Европе. Если судить по находкам в захоронениях, то этот период длился примерно два века. Повторное использование мегалитических могил, включая дольмены, продолжалось здесь, как и в других регионах, далеко за пределами неолита.

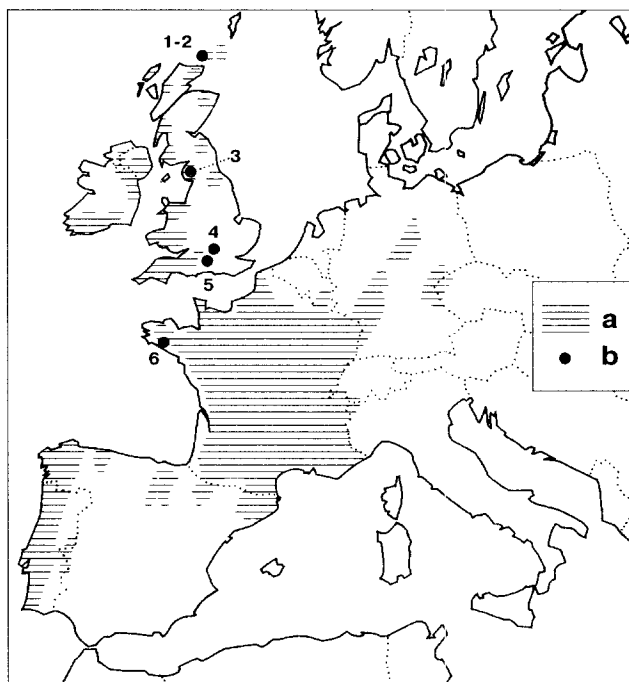
Галерейные могилы появились позднее, чем дольмены и могилы с проходами и в культурном отношении они принадлежат позднему неолиту. Это подтверждено радиоуглеродными датировками, хотя прямые доказательства относятся только к Франции. На западе Франции галерейные могилы в Лискюисе (у Ланиската) и Кериваэлене (недалеко от Плеллоффа) в Бретани датированы первой половиной пятого тысячелетия до наст. в. Галерейные могилы на севере были датированы только по связанным с ними скоплениям предметов; они могли быть построены примерно 3800–3500 лет назад, т.е. во времена позднего северного неолита. Таким образом, они строились одновременно с группой галерейных могил подобного типа в районе Сена-Уаза-Марна во Франции (вырытых в земле и имевших поперечную плиту с отверстием). Последние, однако, не были датированы радиоуглеродным методом, но в них были найдены артефакты, похожие на те, что обнаружены в скальном захоронении Мениль-сюр-Оже, которая с помощью радиоуглеродного анализа отнесена к началу четвертого тысячелетия до наст. в.

Возникает вопрос, прекратилось ли строительство могил с проходами в Западной Европе до появления галерейных могил или оба типа захоронений строились одновременно? Радиоуглеродные датировки не позволяют сделать заключение об этом. Похоже, однако, что в Западной Европе данные процессы по времени частично совпали. Было высказано предположение, что во Франции строились галерейные могилы, моделью которых являлись V-образные могилы с проходом (см. гл. 53). Однако археологические данные о Скандинавии явно указывают на перерыв во времени между периодом возведения могил с проходами и появлением галерейных могил. Культурные характеристики среднего и позднего неолита в Северной Европе совершенно различные.

Из приведенного анализа следует, что мегалитические способы строительства захоронений и культовых сооружений в Европе применялись удивительно долго – примерно 2500–3000 лет. Продолжительность этого периода не была одинаковой во всех регионах, однако архитектурная последовательность в типах могил везде идентична. Объяснений этому по-прежнему нет. В бронзовом веке в большинстве регионов мегалитические сооружения были заменены индивидуальными могилами под курганами.

Отдельно стоящие памятники (карта 68)

Отдельно стоящие памятники – менгиры, ряды (аллеи) менгиров, каменные кольца и *хенджес* (*henges*) встречаются в большом количестве, как уже упоминалось, главным образом на западе Европы – во Франции, Португалии, Испании, Ирландии и Британии. Много менгиров и несколько аллей из менгиров известны в Центральной Европе. Из-за отсутствия детальных исследований (за исключением некоторых регионов) нам плохо известны характеристи-

Карта 68. Мегалитические памятники в Европе: а – территории с местонахождениями менгиров и рядами (аллеями) менгиров; б – так как кольца камней и памятники типа *хенджес* встречаются в основном в Британии и Ирландии, то указали только несколько их важных местонахождений: 1 – кольцо Бродгара, 2 – камни из Стеннеса, 3 – Каслриг в Кесвики, 4 – Эвбери, 5 – Стоунхендж, 6 – большие аллеи менгиров в Карнаке

ки этих сооружений и те цели, для которых они ставились. Поскольку свободно стоящие памятники находятся под открытым небом, то их часто использовали как источники для добычи камня. Вследствие разрушений, древних и современных, сохранилась только малая часть этих сооружений, которые изначально, вероятно, были сложными комплексами. Поскольку все они представляют собой изолированно стоящие мегалитические объекты, их рассмотрение даю в одном разделе главы.

Менгиры (илл. 106)

Как уже было указано, менгиры часто встречаются в Бретани, и археологи с конца XVIII в. используют это бретонское слово для их обозначения. Некоторые ученые под этим термином подразумевают как отдельно стоящие вертикальные каменные монолиты, так и ансамбли свободно стоящих камней, образующих ряды, пересекающиеся ряды или другие конфигурации, но здесь мы будем его применять исключительно для обозначения отдельно стоящих вертикально врытых камней. Следует, однако, обратить внимание на то, что менгир может быть единственным, оставшимся от некогда существовавшего ансамбля, как это неоднократно выявлялось при раскопках. Кроме того, многочисленные наблюдения указывают на то, что менгиры ставились в определенной связи с другими мегалитическими памятниками, например галерейными могилами или кольцами камней.

Для получения менгиров использовались как природные каменные глыбы, так и блоки, вырубленные из скальных пород. Во втором случае можно видеть сравнительно свежие щели в блоках. Большинство менгиров кажутся необработанными или только слегка обтесанными. Высота и масса этих монолитов крайне разнообразны: их высота может быть от 1 до 12 м, масса до 100 т. Как правило, менгиры закопаны в землю примерно на одну пятую часть их высоты. Уникальный (ныне расколотый) менгир из Локмариакера в Бретани достигал в высоту 20 м и имел массу 350 т.

Можно упомянуть также о некоторых примечательных и легко доступных менгирах: о широко известном камне из местечка Керлоаса, расположенного в общине Плуарзель (департамент Финистер), и о камне из местечка Шап-Долап около г. Доль (департамент Иль и Вилан) (илл. 106).

Как правило, менгиры были сделаны из местного камня, однако геологические анализы показали, что некоторые камни могли быть перевезены на расстояние до 1 км. Большие усилия, которые требовались для добычи, перевозки и установки этих глыб, свидетельствуют о важном значении, которое им придавали. Они являются также частью «мегалитизма» – культурных амбиций, выраженных в возведении огромных каменных блоков. Они встречаются в тех же частях атлантической и Центральной Европы, где находятся мегалитические захоронения, за исключением Северной Европы. Но они распространены шире, чем эти захоронения, и их чаще всего находят в местах, где нет могил с камерами. Таким образом, распределение менгиров дает основание считать, что по своей природе менгиры явно отличались от захоронений, даже если иногда в Бретани имели отношение к галерейным могилам. Здесь они, видимо, служили указателями захоронений. Чаще всего их устанавливали на пологих склонах, а не на холмах или в ложбинах.

Поскольку функции менгиров остаются неизвестными, о них можно лишь догадываться. Были ли они погребальными монументами или мемориалами? Или они были связаны с культом плодородия? (Отдельные ученые усматривают в некоторых обработанных камнях фаллические символы.) Или они обозначают центр территории общины?

Предметы, найденные при раскопках менгиров, не включали каких-либо престижных изделий. Это были лишь предметы повседневной жизни, по своим характеристикам связанные с культурными общностями, относящимися к неолиту или к началу бронзового века. Впрочем, связь этих предметов с памятниками не всегда бесспорна, т.к. менгиры могли быть установлены на месте покинутого более древнего жилого помещения.

Аллеи менгиров (илл. 108)

В археологической литературе «аллеями менгиров» называются памятники, состоящие из рядов вертикально поставленных камней, – одного, двух, трех или более рядов, рядов, расположенных параллельно или под прямыми углами, или даже более сложные сочетания рядов, например, при всерном расположении.

Сохранившиеся аллеи менгиров различны по длине, которая, в частности, зависит от степени их разрушения. Обычно невозможно определить начальную длину ряда, не проводя раскопки. Высота камней изменяется от небольшой (0,5–1 м) до соответствующей мегалитическим масштабам (2–4 м). Направление аллей менгиров также бывает различным. То, что было сказано о происхождении каменных глыб для менгиров, применимо также и к аллеям менгиров. В результате раскопок было выявлено, что кроме камней для этих памятников использовали также деревянные столбы. Трудно оценить значение различного числа рядов в этих памятниках, так как функции аллей менгиров неизвестны. Возможным объяснением является то, что аллея менгиров, состоящая из одного ряда, была возведена за один прием, тогда как те, которые состоят из двух, трех и т.д. рядов, строились поэтапно, а число рядов и их длина указывают на продолжительность деятельности каждого поселения. При разнообразии конфигураций общим признаком всех аллей менгиров является то, что их ряды – всегда прямые.

Недостаток детальных исследований географических групп, за исключением некоторых территорий, делает почти невозможным рассмотрение сохранившихся до настоящего времени региональных признаков, включая выбор места и его связи с другими «ритуальными» сооружениями.

В целом можно видеть, что аллеи менгиров встречаются во всех местах, где есть менгиры. Как и менгиры, аллеи из них сооружались на различных типах местности. Однако следует подчеркнуть, что особенно в Ирландии и Британии аллеи менгиров часто находятся на низкой болотистой местности, даже сегодня покрытой торфом.

В некоторых местах аллеи менгиров определенно являлись частью многофазных комплексов, воздвигнутых в несколько этапов, и были связаны с другими «ритуальными» сооружениями, например с кольцами из камней и *хенджес* в Карнаке (Бретань) и Эвбери (Уилтшир), тогда как в других местах такая связь не всегда прослеживается. Аллеи менгиров у Карнака (илл. 108), в Бретани, являются одними из самых выдающихся и привлекательных для широкой публики. Аллея менгиров в Менеке, сохранившаяся лучше всех, состоит из 1169 камней, из которых 1099 камней выстроены в 12 рядов, занимающих 100 м в ширину и 1167 м в длину. Эти ряды ведут к овальному сооружению из вертикально поставленных плотно друг к другу камней (это сооружение ошибочно называется *кромлеком*; слово заимствовано из бретонского языка).

В Кермарио 1029 камней собрано в 10 линий, ширина которых в сумме примерно равна ширине аллей менгиров в Менеке; их длина – 1120 м. Здесь «кромлек» исчез, однако пустая площадка указывает на его положение. В Керлескене из 594 сохранившихся камней 555 выстроены в 13 рядов длиной 880 м, а остальные 39 образуют овал. Эти три

поля с аллеями менгиров чередуются с интервалом около 250 и 400 м, но их направление меняется. Но все же большинство аллей менгиров состоят из коротких рядов камней.

Наиболее изученными аллеями менгиров в Великобритании являются аллеи в Дартмуре (графство Девон). Из многих аллей менгиров в форме «весра» в Шотландии одной из самых известных является аллея в Мид-Клайте, которая часто рассматривается в археологической и астрономической литературе.

Хенджес и кольца из валунов

Английское слово *benge* (*хендж*) является производным от названия *Stonehenge* – крупного мегалитического памятника, известного во всем мире и расположенного недалеко от г. Солсбери (Уилтшир). Археологи используют этот термин для обозначения круга из вертикально стоящих камней, окруженного снаружи кольцевым рвом и земляным валом (рис. 164). Тот же термин применяется для обозначения крупных земляных кольцевых сооружений, состоящих из рва и наружного земляного вала, но без камней. Вместо камней во многих местах для устройства кольцевых сооружений использовались деревянные столбы, о чем свидетельствуют ямы, обнаруженные при раскопках в Британии и в Центральной Европе. Основным и наиболее изученным регионом с *хенджес* является Британия.

Среди всех подобных комплексов Стоунхендж (илл. 111) занимает наиболее выдающееся место. Как об этом уже упоминал П.-Р. Жю (гл. 53), первый период его постройки относится к середине пятого тысячелетия до наст. в. Тогда он состоял из внешнего рва (диаметром примерно 115 м), вала, кольца с 36 отверстиями в земле (весьма возможно, для установки деревянных столбов) и, наконец, одного вертикально стоящего камня, «*Heel Stone*», расположенного в 30 м к северо-востоку от входа, ориентированного на восход Солнца в период зимнего солнцестояния. Позднее, в бронзовом веке, началось сооружение двух концентрических колец из вертикально стоящих камней («*bluestones*» – «голубых камней»), однако эта работа не была завершена, поскольку началось возведение внушительного памятника, представляющего собой внешнее кольцо (диаметром 31 м), составленное из 30 реликтовых песчаниковых глыб высотой около 4 м, связанных между собой перемычками; это кольцо окружало еще более впечатляющий комплекс из пяти блоков, каждый из которых состоял из трех вертикально стоящих камней. Все камни были тщательно обтесаны и соединены посредством пазов-выступов и шипов-гнезд. Расположение «голубых камней» было изменено, они были поставлены свободно по кругу между кольцом реликтовых песчаниковых глыб и «тройными камнями». Дополнительные «голубые камни», поставленные в виде подковы, опоясывали «алтарный камень», помещенный в центре сооружения. Этот «алтарный камень» и «*Heel Stone*» продолжали использоваться для отметки восхода Солнца в период зимнего солнцестояния.

Памятные сооружения, состоящие только из расположенных по кругу вертикально стоящих валунов, встречаются часто, главным образом на западе Франции, в Ирландии и Британии. Как и аллеи менгиров, они имеют множество разновидностей (круглые или овальные кольца, вертикально стоящие или наклоненные камни). Большинство из них состоит из нечетного количества камней. Кольца среднего размера насчитывают от 9 до 19 камней и имеют в диаметре от 20 до 30 м, тогда как самые большие кольца могут достигать в диаметре более 100 м и состоять из глыб высотой от 5 до 6 м, как например, в графстве Камбрия (Англия) и, в особенности, в национальном парке Лейк-Дистрикт, где существует поразительное скопление этих каменных колец. Одним из самых прекрасных является Каслриг в Кесвике.

Древность менгиров, аллей менгиров, хенджес и колец из валунов

Следует подчеркнуть, что время начала строительства менгиров, аллей менгиров, *хенджес* и колец из камней определить трудно. Раскопки современными методами проводились редко.

По находкам во Франции можно определить, что некоторые менгиры относятся к достаточно ранней стадии строительства могил с проходами; об этом свидетельствует находка трех могил, для верхних перекрытий (столов) которых были использованы части одного менгира (см. гл. 53). Тем не менее предметы, найденные у оснований некоторых менгиров, показывают, что часть этих сооружений относится к позднему неолиту или к началу бронзового века.

Эти оценки применимы и к некоторым аллеям менгиров. Недавние раскопки в г. Любри (Швейцария) показали, что одно из этих сооружений точно относится к началу бронзового века, а найденные в этом поселении гончарные изделия данного периода, бесспорно, связаны с памятниками.

Некоторые памятники типа *хенджес* в Британии были воздвигнуты в течение позднего неолита или раннего бронзового века. Например, комплекс в Стоунхендже приобрел современный вид в результате двух основных строительных периодов: в позднем неолите, примерно 4500 лет назад, и в начале бронзового века. Вторая оценка основывается на изображении на одной из каменных глыб резных изображений 30 бронзовых топоров и кинжала, типичных для бронзового века.

Некоторые кольца из валунов, раскопанные в графстве Корк (Ирландия), также дали немногочисленные предметы, относящиеся к позднему неолиту и началу бронзового века. Они показали, что некоторые кольца из валунов были связаны с захоронениями после кремирования. Кольца из валунов на северо-западе Шотландии тоже содержат захоронения кремированных тел, однако в западных и южных районах Англии (за исключением национального парка Дартмур), как правило, такой связи не было. Что касается больших колец камней в графстве Камбрия, то полагают, что они являются одними из древнейших сооружений этого типа в Британии и Ирландии и могут иметь возраст примерно 5500 лет.

На многих территориях отмечено совпадение в географическом распространении колец камней и аллей менгиров, которые иногда образуют комплексы с пирамидами или курганами, менгирами и захоронениями.

Выводы

Можно выделить две крупные категории мегалитических памятников: с одной стороны, каменные камеры (так называемые могилы), с другой стороны, отдельно стоящие памятники – менгиры, аллеи менгиров и т.д. Наблюдаются большие различия в распространении этих двух категорий.

Могилы в камерах соответствующих форм строились на территории от Пиренейского п-ва вдоль берегов Атлантики, Северного моря и южного побережья Балтийского моря на север вплоть до Скандинавского п-ва. Однако свободно стоящие монументы не строились севернее Центральной Европы; это – явление, присущее только Западной Европе.

Такое распределение вызывает вопросы. Почему идеи и технология строительства могил в камерах распространялись до Северной Европы, а отдельно стоящие монументы не получили такого распространения? Этот вопрос остается без ответа. Неясно, связана ли эта проблема с датировкой или с различными социальными и обрядовыми традициями?

Организация работ и строительства

Как уже отмечалось, мегалитические сооружения вызывают удивление, если учитывать те усилия, которые пришлось приложить для сбора и установки этих огромных каменных глыб. Вероятно, что большинство камней, использованных для строительства этих сооружений, было обнаружено на местах. Многочисленные сооружения сделаны из найденных неподалеку эрратических валунов ледникового периода, по крайней мере на большой Балтийской равнине, включая Скандинавию. Другие были вырублены из местных скальных пород, выходящих на поверхность вблизи от места, которое было выбрано для возведения монумента. Строители мегалитов умели успешно отделять глыбы и плиты от массивных скальных пород; очень большие плиты незначительной толщины, которые часто использовали для строительства галерейных могил, требовали особенно хороших знаний свойств скального материала и технологии его добычи.

Однако не всегда камни имелись на месте. Некоторые камни перемещали на короткие расстояния, не превышающие 1–4 км, другие привозились издалека. Иногда камни на месте приходилось поднимать в гору. Несколько примеров дают представление о возникавших трудностях. Глыбы, составляющие могильную камеру в Мулене, рядом с Шатору в центре Франции, были перевезены на расстояние около 30 км.

Наиболее примечательным достижением в перевозке камней до сих пор остается Стонхендж. Здесь строители использовали различные виды камней: «голубые камни», из которых было составлено малое кольцо и малая подкова, находящиеся внутри сооружения, были вырублены из скал на восточной оконечности гор Пресли в Дайфед (Уэльс) на расстоянии 225 км по прямой от Стонхенджа. «Алтарный камень» был привезен или из района Глеморгана, или из Милфорд-Хэвена, расположенных примерно на таком же расстоянии, тогда как другие глыбы (включая самые большие) найдены ближе, в северном Уилтшире.

Каким бы ни был избранный маршрут, транспортировка этих камней представляла собой замечательное достижение. Независимо от расстояния, используемые транспортные средства были одинаковыми: наклонные плоскости, рычаги, расколотые стволы деревьев, используемые в качестве дорожного покрытия, веревки из шкур и, вероятно, тягловые животные (быки). В некоторых районах мира такая техника продолжала использоваться вплоть до наших дней в тех частях мира, где монументы из больших камней строились без применения современных средств, например в Азии и Африке. Опыты подтвердили, что такое перемещение возможно, если используется только человеческий труд.

Другие вопросы, которые приходилось разрешать: как строители ставили стены камер из вертикальных камней? каким образом клялась верхняя плита на стены из камней? сколько должно было быть рабочих и сколько времени занимало строительство памятника?

В 1979 г. в Бугоне (департамент Дё-Севр, Франция) был снят фильм об эксперименте по перемещению бетонной копии верхней плиты массой 32 т. За два дня монолит был обвязан льняной вшивкой, его гладкая сторона повернута вниз, к нему привязали четыре веревки длиной 100 м каждая. Плиту волокли по направляющим из стволов деревьев 200 человек: 170 человек тянули камень, 30 человек управляли рычагами. За один день мегалит был перемещен на 40 м. По оценкам, чтобы переместить подобный камень на 4 км, требовалось полтора месяца (см. гл. 53). Если освободить транспортных рабочих от таких необходимых дел, как обеспечение питанием и т.п. работ, которые выполнялись во французском эксперименте, требовалось в общем

от 2 до 3 тыс. человек, включая детей. Эти цифры примерно соответствуют численности населения средневекового города. Следовательно, для возведения самых крупных памятников необходимо было привлечь многие группы населения, рассеянные по большой территории, и объединять их для постройки сооружения, важного для всех как предмет поклонения.

Однако сооружения больших размеров состоят из множества больших глыб. Например, большие аллеи менгиров в Карнаке (илл. 108) состоят примерно из 3000 стоящих камней. Бордюр сооружения в Ньюгрэндже состоит из 97 плит, каждая из которых весит не меньше 1 т, а многие значительно тяжелее. Конструкция самой могилы включает 450 валунов – ортостатов и элементов свода. Ни один из этих камней не добыт в карьере: их поверхности имеют следы геологического выветривания, кроме тех мест, где они были специально оббиты. Видимо, эти камни были найдены там, где они лежали с конца ледникового периода. Они были собраны вблизи или на удалении от места расположения могил. Эти камни были подняты высоко, так как памятник находится на гребне холма. Кроме того, камни для пирамиды, общая масса которых по подсчетам составляла около 200 тыс. т, также должны были быть собраны и перевезены на ту же высоту (O'Kelly, 1982). Какими бы ни были расчеты, ясно, что для обеспечения строительства и его организации один лишь сбор каменного материала требовал колоссальных затрат труда, что предполагало наличие значительных людских ресурсов.

В условиях нынешней всесторонней механизации труда, легкой доступности бульдозеров, подъемных кранов, лесов и другого современного оборудования трудно представить себе строительство мегалитических монументов и подъем громадных валунов без подобных технических средств. Археологи, однако, провели множество экспериментов по подобному строительству, особенно в последние годы, применяя методы и технику, доступную доисторическим людям. Такой подход оказался наиболее плодотворным для понимания доисторических практических способностей и умений.

В Швеции в 1983 г. был проведен и заснят на пленку эксперимент по восстановлению открытого при раскопках дольмена в парке музея. Монумент имел средние размеры, и перед началом работ все составляющие его камни были собраны на расстоянии 50 м от их нового места. Камера, состоявшая из шести камней, образующих ее стены, каждый из которых массой от 3 до 5 т, и верхней плиты массой 5–8 т, была закрыта прямоугольным курганом, обрешеченным 26 блоками высотой 1–1,3 м и массой 1,7–3 т каждая. В основании кургана лежал слой камней объемом около 50 куб. м; объем земли в кургане составлял примерно 170 куб. м. Вся работа проводилась с использованием исключительно труда людей и потребовала около 620 человеко-часов без сооружения кургана, который не восстанавливался. При этом работали 10 человек. Полагают, что работа такого масштаба могла быть выполнена общиной из 15–25 взрослых людей.

Мегалиты умеренных размеров могли быть построены за один сезон, однако очевидно, что более значительные сооружения требовали больше рабочей силы и что работа выполнялась поэтапно в течение более длительного времени.

Помимо значительного количества рабочей силы, необходимой для строительства, возведение мегалитов бесспорно, требовало серьезных практических способностей и умений, а также координации работ, заранее спланированных. Для этого был необходим и некоторый общий технический уровень. В каждом обществе любая ветвь технического ноу-хау является лишь составной частью сложного комплекса знаний и технического опыта.

МЕГАЛИТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

Под мегалитическим искусством понимают орнаменты, выдолбленные, вырезанные или нарисованные на камнях мегалитических захоронений и на менгирах. Эти орнаменты рассматриваются не просто как эстетство, а как выражение духовной жизни неолитических людей.

Лишь небольшая часть из многих тысяч известных мегалитов имеет орнаменты. Такие мегалиты известны: 50 мест – Пиренейский п-ов (север Португалии и северо-запад Испании), 62 – Бретань, 19 – центр и запад Франции, Парижский бассейн и Нормандские о-ва, 6 – Британия, 81 – восток Ирландии и небольшое количество – центр Германии (только галерейные могилы). Кроме того, несколько рисунков в красных и черных тонах сохранились в Португалии (округ Визеу, Беира-Алта). Некоторые следы рисунков были также обнаружены в склепах, вырезанных в скалах, в Парижском бассейне; они являются современниками галерейных могил. Украшения не встречаются в мегалитах к северу от Центральной Европы.

Несмотря на небольшое количество мегалитических сооружений с орнаментами, они часто привлекали внимание археологов и историков религии. Основная часть предметов этого искусства была обнаружена и в небольших, и в крупных могилах с проходами. Как правило, крупные памятники были украшены намного богаче. Вопрос, важный с социологической точки зрения, о соотношении числа захоронений с орнаментами и без украшений, находящихся в определенном месте, еще не рассматривался. Предназначались ли украшенные захоронения определенному культу или особым лицам либо избранным членам общины? Оба предположения допустимы.

Виды украшений можно объединить в две большие группы: с абстрактными (или геометрическими) сюжетами и изобразительными сюжетами. Геометрические орнаменты состоят из кругов (простых или точечных), зигзагов, ромбов, спиралей, дуг, U-образных знаков, лучей и т.д., расположенных отдельно или группами. Эти абстрактные сюжеты появляются на всей территории Атлантики, но особенно характерны для погребального искусства Ирландии, а также Уэльса, о. Англиси и Оркнейских островов. Выбор сюжетов для каждой могилы разный; по-видимому, у каждой могилы был собственный мастер по обработке камня. Шедевры геометрического искусства представлены в могилах с проходами в Ньюгрэндже (илл. 134), Ноуте (илл. 135), Дауте (илл. 136) и на о. Гавринис (у южного побережья Бретани).

Изобразительные сюжеты являются особенной чертой мегалитического искусства на Пиренейском п-ве и во Франции. Типичными сюжетами в искусстве Пиренейского п-ва являются стилизованные человеческие лица (изображения в виде глаза или напоминающие голову совы). Изображение глаза распространено также на юге Франции; дважды оно встречается в восточной Ирландии и один раз – на Оркнейских о-вах (о. Папа-Уэстрей). На юге Испании те же изображения глаза имеются на гончарных изделиях и на переносных изделиях (рис. 143, 144), найденных в захоронениях с камерами, но в этом регионе нет изображений на стенах. Тот же сюжет появляется на гончарных изделиях, относящихся к культуре воронковидных кубков, обнаруженных в могилах с проходами в Нидерландах, на северо-западе Германии и на юге Скандинавии (илл. 123). На стенах этих захоронений также отсутствуют орнаменты.

В Западной Франции могилы с проходами, украшенные орнаментами, встречаются от Бретани до Шаранты, но особенно богатой ими является южная часть департамента Морбиан; основной элемент изобразительного мегалитического искусства здесь – стилизованное изображение человеческих фигур, часто изображается голова в форме горшка с торчащими волосами и ушами в форме ручек сосудов.

В галерейных могилах стены тоже украшались орнаментами, но они относятся к художественной «школе», отличающейся от традиционной для могил с проходами: за редким исключением она является полностью изобразительной. Ее самая поразительная черта – изображение явно женских признаков, что контрастирует с прежним «бесполом» искусством. Центральным сюжетом является очень стилизованное изображение женской груди в виде рельефа. Груды изображались иногда в виде одной пары, в виде двух архитектурных завитков, в каждый из которых были включены по две пары грудей, или же они повторялись на трех камнях, образующих стену и стоящих рядом, или, наконец, в виде девяти пар, расположенных рядом. Иногда встречается выгравированное изображение ожерелья под грудью. Имеются также изображения оружия, металлических кинжалов или топоров, прямоугольных щитов (илл. 107) и горшков. Все эти сюжеты типичны для галерейных могил Бретани и Парижского бассейна.

Весьма похожие произведения встречаются в галерейных могилах в германских землях Вестфалия и Гессен, однако дополнительно встречаются зооморфные сюжеты (быки, быки, запряженные в двухколесную повозку) и геометрические мотивы (линии в форме зигзага).

Выше уже было показано, что галерейные могилы представляли собой новую архитектурную концепцию по сравнению с дольменами и могилами с проходами. Даже искусство стало новым с его сексуальными и зооморфными символами. Недавно было высказано предположение (Dehn, 1980), что влияния с Западного Кавказа послужили причиной появления галерейных могил и зооморфных изображений в Центральной Европе. Это означает, что культурные идеи, пришедшие со юго-востока, повлияли на концепции западных архитекторов, строителей и каменщиков. Эта идея противоречит традиционной теории, согласно которой галерейные могилы имеют западное происхождение. Хотя свидетельства о восточном влиянии представляются довольно расплывчатыми, они заслуживают дальнейшего изучения.

Среди ученых ведутся оживленные дебаты о значении, которое имели эти орнаменты. Все украшения являются средством коммуникации, имеют идеологическое или иное значение. Были ли эти украшения только сигналами, обращенными к живущим людям и обществу, или они являлись средством общения с умершими или с магическими силами, будучи, например, колдоескими знаками? В ходе раскопок, в частности в Ньюгрэндже, было выявлено, что боковые поверхности камней украшались орнаментами, невидимыми в собранном сооружении, что, безусловно, свидетельствует в пользу идеи о магических знаках.

В некоторых могилах с проходами были также обнаружены невидимые снаружи резные рисунки, которые, очевидно, изначально не принадлежат построенному памятнику. Например, одна такая резная гравюра была обнаружена на плите, перекрывающей сверху могилу с проходом на о. Гавринис (департамент Морбиан), при восстановлении памятника. На верхней поверхности верхней плиты, закрытой пирамидой, было изображение двух длинноногих быков. Часть резного изображения отсутствовала и была найдена на верхней плите другой могилы с проходом и камерой, называемой «Стол Торговцев», в Локмариакере, департамент Морбиан, в 4 км от первого захоронения. Оказалось, что две огромные плиты были фрагментами одного менгира, начальная высота которого была оценена в 14 м и который был (возможно, преднамеренно) разбит по крайней мере на три части (третий фрагмент покрывал могилу в местечке Эр-Вингле, в непосредственной близости от «Стола Торговцев») (илл. 155). Этот и другие примеры свидетельствуют о том, что не все невидимые резные изображения были спрятаны умышленно и что некоторые из них ранее украшали разрушенные

памятники, камни из которых были повторно использованы. Это – новый аспект, который необходимо учитывать при изучении так называемого мегалитического искусства.

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ И АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ

Некоторая соразмерность в мегалитических постройках и их ориентация по отношению к странам света вызвали многочисленные научные споры в течение последних ста лет относительно возможных знаний строителей мегалитов в метрологии, геометрии и астрономии. Обнаружение общей ориентации входов в могилы с проходами между югом и востоком привело к возникновению дискуссии о ритуальном значении, которое придавалось восходу Солнца, особенно во время зимнего солнцестояния.

Что касается метрологии, то А. Том (*Alexander Thom*), который измерил очень много колец из камней в Шотландии и Англии, попытался показать, что диаметры колец всегда были кратными единице измерения, равной 2,72 фута (т.е. 0,829 м), – единице, которую он назвал «мегалитическим ярдом». В результате своих энергичных исследований он сделал вывод, что «мегалитический ярд» служил стандартной мерой не только в Британии, но и в Карнаке при возведении больших аллей менгиров.

Другие специалисты подвергли основательной критике его теорию. Не вызывает никакого сомнения, что точные единицы измерений были использованы для расположения колец из камней, *хендженс* и аллей менгиров. Однако статистические исследования показывают, что эти единицы измерений были различными в разных регионах. Вполне вероятно, что для измерения брали размеры человеческого тела, строя расчеты, например, на основе длины шага, роста человека и т.д. Возможно, единицей измерения, равной 2,72 фута, пользовались в Шотландии, где А. Том впервые выполнил измерения. Тот факт, что единицы измерений были разными в разных регионах, больше соответствует историческому опыту, который свидетельствует, что системы мер сохранились различными даже до наших дней в разных странах.

Идея о том, что строители мегалитов стремились к точности, получила, однако, новый стимул после сенсационного наблюдения, сделанного в 1969 г. в Ньюгрэндже Майклом О'Келли (*O'Kelly*, 1982). В окрестностях этого большого памятника, который в ирландском фольклоре считается жилищем бога, существовало традиционное верование, что восходящее Солнце в давние времена освещало камень, украшенный тремя резными спиральями и находящийся в основной камере. Однако ни один рассказчик не был сам свидетелем этого явления. О'Келли решил изучить ориентацию прохода в могиле по отношению к восходу Солнца в момент зимнего солнцестояния. И действительно, к своему большому удивлению, 21 декабря 1969 г. он записал, что лучи восходящего солнца на 17 минут проникли непосредственно в проход через щель (0,9 м высотой, 1 м шириной и 1,2 м длиной), специально устроенную под креплением, которое было расположено над входом, соединяющим проход с камерой. До того времени О'Келли считал это устройство нишей, не понимая его назначения. Тонкий луч Солнца расширялся, превращался в пучок шириной 17 см и скользил по полу камеры, при этом могила и две боковых камеры ярко освещались. С тех пор повторные наблюдения подтвердили, что прямой солнечный свет проникал прямо в камеру на протяжении примерно одной недели до и одной недели после момента зимнего солнцестояния. Было бесспорно доказано, что могила намеренно ориентирована на положение зимнего солнцестояния. Однако точное значение этого располо-

жения остается неизвестным. Конечно, Солнце занимало выдающееся место в космологии строителей мегалитов, о чем, вероятно, свидетельствуют различные другие признаки.

Возникает вопрос, каким образом строители могилы могли определить эту ориентацию. Насколько можно судить, им не требовались никакие особые научные знания. О'Келли полагает, что достаточно было провести некоторые наблюдения перед началом строительства. Один или несколько наблюдателей должны были расположиться на предполагаемом для строительства месте за некоторое время до солнцестояния, чтобы определить, в какой точке местного горизонта встает Солнце, и отметить его перемещение к югу до той точки, когда оно снова начнет удаляться от него. Определив таким образом самую южную точку солнцестояния, наблюдатели должны были выстроить на земле ряд камней, чтобы обозначить ось будущего прохода и камеры.

Начиная с 1960-х гг. было издано множество книг и статей на астрономические темы; среди них серьезные работы (например, *Heggie*, 1981) соседствуют со спорными публикациями, в которых научные наблюдения соседствуют с фантастическими теориями. Все теории исходят из того, что люди эпохи неолита должны были иметь и имели знания по геодезии и астрономии, необходимые для того, чтобы определять ориентацию сооружений и вести наблюдения. Такие идеи кажутся вполне разумными современному ученому. Тем не менее этнографические наблюдения показывают, что подобные проблемы могут быть решены без логических научных теорий.

По одной из теорий, без энтузиазма встреченной археологами, аллей менгиров в Бретани были ориентированы по отношению к Солнцу, Луне и звездам. К сожалению, мало известно об изначальном расположении камней. Записи, выполненные в течение последнего века, указывают на то, что большое количество камней в этих сооружениях оказывалось лежащими на земле, и многие монументы были восстановлены грубо.

Следовательно, основа для предположений о сложной математике, уравнениях и астрономической ориентации оказывается слабой. Данные пиком образом не доказывают, что строители мегалитов использовали астрономическую теорию. Аргументы, выдвигаемые до настоящего времени так называемыми археоастрономами, не дали ключи к объяснению расположения камней как астрономического фактора. Подобные теории, выстроенные в отношении памятника Стоунхендж, в результате привели к тому, что он был возведен в ранг астрономической обсерватории. Согласно взглядам археологов, эти сооружения являлись обрядовыми монументами, построенными на основе наблюдений, а не теоретических знаний.

МЕГАЛИТИЧЕСКИЕ СООРУЖЕНИЯ И ОБЩЕСТВО

Использование могил и погребальных обрядов

Основываясь на устройстве могил и на находках, сделанных в них, археологи попытались понять идеи мегалитических погребальных обрядов и на этой основе получить более общее представление о религиозных и идеологических концепциях соответствующих культур.

Сначала рассмотрим некоторые заключения, относящиеся к погребальным обрядам. Поскольку основная цель обзора состоит в том, чтобы выделить черты, общие для всей Западной Европы, включая Скандинавию, здесь не будут рассматриваться региональные и местные различия (различия вполне естественные, поскольку сообщение между разными регионами было менее интенсивным, чем в последующие времена).

В течение длительного времени археологи рассматривали дольмены, могилы с проходом и галерейные могилы как могилы в европейском понимании этого слова. Поэтому вполне естественно, что на взгляды археологов в отношении мегалитов оказали воздействие погребальные обряды современной эпохи. Камеры мегалитических сооружений рассматривались как склепы или гробницы, в которые помещали тела умерших. Объектом дискуссий часто являлось то положение, в котором тела умерших помещались в камеру: на спине (как в наше время в гробу), сидя на корточках или в согнутом положении.

Как мы уже видели, из-за ограниченного пространства внутри камер небольших дольменов предполагалось, что в них хоронились лишь один умерший, но это наблюдалось лишь в немногих случаях. Как правило, остатки скелетов, которые были найдены как в дольменах, так и в могилах с проходом, принадлежат нескольким индивидуумам.

Кости, найденные в камерах, как правило, не были обожженными. Следы кремации тел встречаются редко, за исключением Ирландии и Шотландии, где она была общепринятой.

Проблема, которая вызвала множество дискуссий, основывается на наблюдении, сделанном во время раскопок, что скелеты (главным образом их фрагменты) находились в камерах в большом беспорядке, как попало. Только черепа иногда были собраны и положены отдельно. Эта картина наблюдалась даже в хорошо сохранившихся сооружениях, но подвергавшихся нападению охотников за сокровищами. Другими словами, беспорядок внутри погребальных камер – это нормальное явление, которое резко контрастирует с той тщательностью, с которой планировался и строился памятник.

Беспорядок, в котором находились костные остатки, можно объяснить двумя способами. Согласно одной из теорий, могилы были использованы для нескольких последовательных погребений обществами, которые возводили эти памятники. При этом останки предыдущих захоронений убирались, чтобы освободить место для новых тел. Именно поэтому в могиле с проходом, находящейся в Лос-Милларесе на юге Испании, было найдено 20 сложенных в кучу черепов (довольно часто наблюдаемое явление во многих регионах), и это рассматривалось как доказательство последовательных захоронений. Такое предположение подкреплялось находкой перед проходом, ведущим в камеру, черепков глиняной посуды, которые, как полагали, были удалены из камеры.

Согласно второй теории, выдвинутой уже более века назад, в могилы никогда не помещались тела умерших, а только скелеты, после того как тела полностью разложились. Вероятно, сначала трупы временно помещались либо в убежища, либо на открытых площадках или сжигались. Большое количество наблюдений, часть из которых была сделана в ходе недавних раскопок, показывает, что скелеты в могилах никогда не были целыми, а были разобраны по частям, когда их клали в могилу. Следовательно, это, вероятно, подтверждает вторую теорию о том, что могилы на самом деле являлись склепами.

Остается ответить на вопрос: были ли найденные кости положены в камеры при одном захоронении или они появились в результате нескольких последовательных захоронений. Использование погребальных камер для нескольких последовательных захоронений оспаривалось из-за трудностей проникновения в камеры, после того как захоронение было закрыто и накрыто курганом. В разных регионах известно множество примеров, показывающих, что захоронения все же были одноразовыми.

Ньюгрэндж является одним из тех памятников, который никогда не открывался, после того как в первый раз был закрыт. В этой могиле были найдены обожженные и необожженные человеческие кости и костные остатки жи-

вотных (включая кости собак). Среди человеческих костей преобладали необожженные костные остатки. Их изучение показало, что они могли принадлежать двум неполным скелетам (не хватало крупных частей), разбитым на мелкие части. Сожженные костные остатки могли принадлежать по меньшей мере трем индивидуумам. Наибольшая часть остатков человеческих скелетов, перемешанных с остатками представителей фауны, была разбросана по всей основной камере и трем боковым камерам. Даже в пирамиде не было обнаружено никаких следов последующих вмешательств (O'Kelly, 1982). Следовательно, весь набор костных остатков был положен одновременно.

В ходе раскопок камеры одной из могил в Форноксе (Восточная Ирландия, недалеко от Ньюгрэнджа), крестообразной могилы с проходом, в трех ее боковых камерах обнаружены кости 24 человек, трупы которых были в большинстве кремированы. Обстоятельства, при которых они были найдены, наводят на мысль, что в каждой из трех камер были три различных коллективных могилы, и после захоронения каждая из них была закрыта сверху плитой. После этого доступ в камеры стал невозможен, поскольку после третьего захоронения крыша обрушилась, закрыв доступ (O'Kelly, 1982).

Однако в Ноуте, в долине р. Бойн, неподалеку от Ньюгрэнджа, где гигантский курган окружен 17 более мелкими холмами, было выявлено, что под некоторыми из последних были проведены по несколько последовательных захоронений, а в других имелось лишь одно (Eogan, 1984).

Как упоминалось ранее, в некоторых регионах площадь пола камеры в могиле с проходом иногда делилась на несколько секций или отсеков, от 6 до 10 в одной могиле, а в исключительных случаях – до 20 секций (или 132). Такие отсеки часто встречаются в Северной Европе, особенно в Швеции и в Мекленбурге (Германия), однако известны и во многих других местах. Секции образованы низкими вертикальными плитами или небольшими камнями. Их размеры бывают различными: иногда соразмерными с ростом человека, иногда – совсем небольшими в виде ниш размерами 0,5x0,5 м. В Северной Европе такое деление на секции встречается также в больших дольменах.

Согласно старым работам скандинавских и немецких ученых, тело умершего помещалось в отсек в положении сидя или на корточках. Находки груд костей с черепом, аккуратно положенным на них сверху, обнаруженные при современных раскопках, подтвердили старые толкования. Однако наблюдения, сделанные в Мекленбурге в 1960-е гг., когда шло изучение многочисленных находок из более чем 100 дольменов и могил с проходами, показали, что в эти секции никогда не помещали тела целиком в положении лежа или на корточках. Действительно, кости частей скелетов в такой секции часто принадлежали нескольким лицам (но никогда более чем двадцати). Иногда в секции находилась грудка костей с черепом наверху, причем это были кости одного или нескольких индивидуумов, что заставляет предполагать, что с самого начала костные остатки были положены в секцию именно так. Большое количество наблюдений в Мекленбурге, в том числе изучений очень большого числа петронутых могил, составляет солидную статистическую базу, для того чтобы рассматривать такие сооружения в качестве склепов. Этот вывод подтверждает мнение о том, что дольмены и могилы с проходами даже в Северной Европе использовались в качестве склепов, которые временно оставались открытыми для последующих захоронений, как, например, это было определено в Ноуте.

Когда наступало время закрывать камеру, она также заполнялась. После этого к ней больше не было доступа, за исключением того случая, когда ее ломали, что также иногда случалось, как свидетельствуют находки погребений, относящихся к другим культурным группам.

Что происходило с телами умерших, прежде чем скелеты помещали в эти склепы? Как уже упоминалось, в некоторых регионах тела сжигались; в других местах они разлагались под действиями погоды и ветра, птиц и насекомых. Конечно, должны были быть места, где собирались и хранились костные остатки перед их помещением в могилы, однако об этом мы не знаем ничего. Тем не менее на п-ве Ютландия найдены семь похоронных домов (склепов) вблизи или недалеко от дольменов и могил с проходами. По крайней мере в одном из этих стросней, в Туструппе, был обнаружен ящик – циста (илл. 137) длиной, равной росту взрослого человека, но он был пуст. Самые древние из этих склепов относятся к началу строительства могил с проходами. Ни в одном из них не были найдены остатки скелетов людей, однако в них обнаружен особый тип гончарных изделий ритуального назначения (илл. 124). Кроме того, в Вруз-Хеде, Ютландия, перед могилой с проходом обнаружены следы странных сооружений, относящихся к северному среднему неолиту, возможно, служивших хранилищами.

Дольмены и могилы с проходами были не только склепами, но и хранилищами предметов культа, местами поклонения и настоящими алтарями, как указывают находки гончарных изделий (часто высокого качества) перед входом в захоронения, на большой территории – от Пиренейского п-ва до Скандинавии. Хотя некоторые из этих находок могли попасть туда при очистке камеры, большинство из них являлись приношениями, оставленными перед входом. Горшки с приношениями ставились на полки из каменных плит, которые помещались на бордюрных камнях и на земле перед входом.

В регионах, где добывался кремь, обычно можно было обнаружить за пределами захоронения в качестве приношений довольно значительное количество кремня (необработанный материал, пластины и даже обожженный кремь, который также часто покрывал пол в камере). Следы обжига кремня могут свидетельствовать и о некоторых ритуальных действиях.

Таким образом, помещение костных остатков в могильную камеру было не похоронами, а перенесением мошей. В общем использование могил следовало одной и той же базовой модели во всей зоне Атлантики, что свидетельствует о существовании дальних сообщений даже в начале периода строительства мегалитов.

Однако в галерейных могилах встречаются следы непосредственных захоронений. Уже было показано, что такие галерейные могилы соответствуют разительному изменению в подходах к строительству, украшению и искусству по отношению к могилам с проходами. Они отличаются от последних и в отношении похоронных обычаев и ритуалов. Перед порталом галерейных могил обычного типа не было обнаружено следов культурной деятельности. Наблюдения, сделанные в ходе раскопок, наводят на мысль, хотя и туманную, что крытые галереи использовались для последовательных захоронений. Число захороненных лиц в каждой галерейной могиле различается и может достигать более ста. Тщательные раскопки галерейных могил в Ла-Шоссэ-Тиранкур (департамент Сомма, Франция) выявили, что в ней содержались останки 350 человек. Однако трудно определить, принадлежали ли все эти останки той общине, которая возвела этот памятник. Если учитывать площадь пола в сооружении, то подобные цифры по крайней мере подразумевают, что скелеты должны были быть отодвинуты к заднему краю камеры, кроме того, нельзя отвергать предположение, что в определенный момент захоронение было «расчищено». В старых отчетах не очень точно указывается количество захороненных людей. Следует провести новое исследование этого скелетного материала.

Погребальное искусство в галерейных могилах следует теории о восточном влиянии на искусство и образ жизни. В любом случае очевидно, что появились новые идеи и что старая традиция установки священных курганов, укрававших могилы с проходами, исчезла или была на грани исчезновения.

Мегалитический феномен

Происхождение захоронений с камерами

Вопрос о происхождении мегалитической идеи обсуждался археологами на протяжении более ста лет. В первое время, когда аксиомой считалось появление мегалитических технологий от некоторой начальной конструкции, споры касались того, в каком регионе или стране появилось это новшество. В настоящее время теоретические споры касаются вопроса о том, имелся ли в Европе единственный источник его происхождения или оно имело каких-то предшественников.

В 1899 г. О. Монтелиус предположил, что появление дольменов и могил с проходами было результатом восточных влияний. Такое предположение соответствовало общей тенденции, преобладавшей в то время среди специалистов по европейскому доисторическому периоду, которые объясняли культурные изменения влияниями более развитых культур Западной Азии на менее развитые культуры Европы – «*ex oriente lux*» («свет с Востока»). Согласно этой теории, Пиренейский п-в служил проходом из мира Средиземноморья к атлантической Европе, и поэтому именно Пиренейский п-в вызывал большой интерес при мегалитических исследованиях.

Но начиная уже с 1920-х гг. некоторые археологи, работавшие на Пиренейском п-ве, оставили идею о восточном происхождении и решили, что мегалитические памятники имели местное происхождение. Согласно одной точке зрения, все иберийские мегалиты произошли от дольменов Галисии (Испания) и Северной Португалии и с течением времени развились в могилы с проходами, а затем в могилы с проходами и выступающими сводами. Согласно другой теории (1940–1950-е гг.), могилы с проходами и выступающими сводами произошли на юго-востоке Испании от круглых дольменов, в то время как мегалитические могилы с проходами, построенные из больших каменных глыб, имеют корни в виде каменной могилы (цисты), которые часто встречались на северо-западе и в центре Испании (Leisner & Leisner, 1943, 1956). Идея об иберийском происхождении обычая строить мегалиты получила новую поддержку в конце 1950-х гг., когда были проведены датировки радиоуглеродным методом, которые показали, что мегалитические сооружения на западе Европы старше, чем их предполагаемые восточные предки.

Предполагали, что мегалитические захоронения появились во Франции вместе с переселенцами с Пиренейского п-ва, которые принесли с собой знание техники строительства гробниц способом сухой кладки с выступающими сводами и мегалитических форм (Daniel, 1960). То же происхождение приписывают ирландским и британским памятникам. Что касается мегалитических строений в Скандинавии, Германии и Нидерландах, то предполагалось, что способы их постройки появились с запада. Следовательно, считалось, что корни мегалитических сооружений находились на Пиренейском п-ве, откуда они распространились по всем атлантическим регионам Европы.

В то же время утверждалось и независимое происхождение северных мегалитов. Но лишь в 1947 г. датский ученый Беккер (Becker, 1947) выдвинул теорию, согласно которой прямоугольные дольмены размером в рост человека, найденные в Дании, были местным использованием идеи каменных цист в создании мегалитических форм.

Этот тезис был положительно встречен научным сообществом. Беккер аргументировал свою идею тем, что цисты, т.е. небольшие индивидуальные дольмены, распространились со своей «родины» в другие районы Дании, в соседние районы современной Швеции и даже до Центральной Европы. Этот тезис основывался на изучении стиглей гончарных изделий, но 40 лет спустя был поставлен под сомнение из-за неуверенности в отношении хронологии стиглей гончарных изделий (гл. 54). С другой стороны, скандинавские ученые (включая Беккера) всегда считали, что дольмены с многоугольными камерами и могилы с проходами появились в результате западноевропейских влияний. Этот взгляд подкреплялся анализом зон распространения дольменов с многоугольными камерами, которые отличаются от дольменов с прямоугольными камерами.

Была выдвинута также новая гипотеза, вероятно, инспирированная теорией Беккера. Она исходила из того, что мегалитические захоронения не имеют единого происхождения. При этом предполагалось, что они были изобретены в нескольких регионах более или менее одновременно. Эту идею предложил британский археолог Даниел (*Daniel*, 1960) при обсуждении влияния радиоуглеродного метода датировки на всю предысторию в связи с изменением прежде полученных дат. Эта идея была развита другим британским ученым Ренфру (*Renfrew*, 1976), который изучал структуру мегалитического общества. Эти и другие авторы в различных работах делали акцент на том, что очень спорно на основании предметов повседневной жизни предполагать наличие коммуникаций между мегалитическими областями. Опыт антропологии также показывает, что формальное сходство черт не обязательно подразумевает наличие общих корней. Природа человека и его потребности достаточны для появления повторных изобретений.

Со временем сформировалась оппозиция «диффузионной» точке зрения. Обе теории – диффузионизма и «изоляция» (о множественности корней) – касаются вопросов, которые не были решены опытным путем. Многие аргументы исходят из логики аналогий или гипотетических представлений. В действительности теории о происхождении мегалитов являются частью ширококомасштабных антропологических теорий.

При конструировании мегалитических сооружений в разных регионах не только технические проблемы получали подобные, даже одинаковые решения, но для них характерны также очень похожие архитектурные и художественные элементы. Эти архитектурные формы связаны с такими культовыми обрядами, как приношения, например, перед входом в захоронения, которые существовали от Пиренейского п-ва до Скандинавии. Возведение могильного памятника было не только технической и архитектурной проблемой; оно вписывалось в систему проявлений культуры, погребальных обычаев и особых культов. Это была проблема плавного развития систем, того, что называют «долгой продолжительностью» (*«longue durée»*). Не так просто доказать опытным путем, что подобные культурные феномены могли появляться в разных регионах, между которыми не существовало связи. Изменения архитектурных форм нельзя объяснить только техническим развитием.

С другой стороны, трудность для сторонников диффузионизма состоит в том, как объяснить, каким образом идеи и исполнение архитектурных замыслов, принятых для строительства некоторых культовых сооружений, могли передаваться из региона, где был создан соответствующий образец, в регионы, которые приняли их, без одновременной передачи предметов повседневного пользования, таких, как гончарные изделия, топоры и другие артефакты.

Гипотеза, в свое время высказанная Гордоном В. Чайлдом, согласно которой распространение мегалитов было

делом активных миссионерских усилий мощной религии, основана на слишком туманной аналогии. Допустимым объяснением могло быть то, что в ту эпоху в Европе уже существовала общественная структура с социальным расчленением (имеются некоторые доказательства этого) и с культурной элитой, которая могла перенять идеологию и умение возводить такие престижные сооружения, как курганы с каменными камерами, и осуществить подобное строительство; при этом основная масса населения продолжала производить продукты, строить жилища, изготавливать различные изделия традиционными методами. Подобное явление наблюдалось в Средневековье, когда романский стиль в архитектуре церквей распространился в Европе от Средиземного моря до Скандинавии, тогда как в повседневной утвари, используемой широкими массами населения, сохранились различные местные признаки.

Внушительные курганы с каменными камерами были воздвигнуты для меньшинства членов общества, которые, вероятно, как правило, умерших хоронили в земляных могилах. Следовательно, была диспропорция между значительным количеством работавших на сооружении этих памятников и ограниченным числом лиц, которые были захоронены в могилах с камерами. Для доказательства такого расслоения необходимы дальнейшие исследования.

Мегалитическая архитектура – это атлантическое явление, поскольку большинство сооружений расположено в местности, обращенных к Атлантическому океану и Северному морю, проливу Зунд и западной части Балтийского моря. Система хозяйствования в этих местах в большой степени зависела от морских перевозок, и морские суда были очень важными средствами и в системе производства пищи, и в системе коммуникаций. Эта морская активность способствовала распространению знаний о строительстве каменных камер вдалеке западного и северного побережья Европы, а также обмену каменщиками и строителями для обслуживания культурной элиты. В отношении Северной Европы мы должны быть вполне уверены в том, что такое распространение шло с юга на север, а не наоборот.

Сторонники теории диффузионизма рассматривают Пиренейский п-в как колыбель «мегалитизма». Однако, как недавно выяснено, датировки радиоуглеродным методом вызвали некоторые проблемы, поскольку даты, полученные на полуострове, оказались ближе к современности, чем даты французских сооружений. Однако, как мы упоминали, тот способ, которым были получены образцы в Испании и Португалии, вызывает критику, и поэтому необходимо ждать результатов новых датировок.

Большая часть указанных дискуссий относилась к дольменам и могилам с проходами. Происхождение и распределение галерейных могил также вызывают споры. Как известно, эти памятники строились общинами, жившими вблизи рек. Следовательно, суда там также были нужны для перевозок, однако рыболовство не являлось основным источником добычи пищи.

Кроме того, архитектура галерейных могил, искусство и ритуалы, которые были характерны для периода крытых галерей, свидетельствуют о разрыве с традицией мегалитических захоронений с камерой и под курганом.

Согласно мнению, которое еще недавно было общепринятым, а сегодня от него отказались, галерейные могилы классического типа в парижском регионе появились под влиянием идей, местом происхождения которых является Средиземноморье, откуда они распространились через долину Роны до Парижского бассейна. Отсюда новая архитектура распространилась в Вестфалию и Гессен (*Sprockhoff*, 1938).

Однако позднее было установлено, что галерейные могилы в районах Вестфалия–Гессен старше, чем могилы

такого же типа в парижском регионе. Основываясь на этой хронологической ситуации, бельгийский ученый Де Лаат (1976b, 1981) сделал заключение, что галерейные могилы появились в Вестфалии–Гессене независимо от других регионов. Он счел это явление результатом эволюционного развития местных небольших захоронений к длинным галереям, вырытым в земле, и от них – к галереям классического типа с поперечной плитой с отверстием, которая разделяла могилу на саму погребальную камеру и прихожую. И именно из районов Вестфалии–Гессена этот новый тип захоронения распространился через Бельгию вплоть до региона Сены-Уазы-Марны и далее на юго-запад до Бретани, реки Шаранта, а с другой стороны, по долинам рек Мёз (Маас) и Сена, далее по Рейну до Швейцарии.

Что касается эволюции различных типов захоронений в самих районах Вестфалии–Гессена, то следует заметить, что невозможно указать точную временную разницу между тремя типами захоронений, которые могли строиться одновременно. Соответственно, различные типы могил могут указывать скорее на социальный уровень, чем на эволюцию во времени.

Недавно для обсуждения была выдвинута новая теория (Debn, 1980), согласно которой очаг возникновения новых идей следует искать на Кавказе. Эта точка зрения имеет некоторые основания в сфере мегалитического искусства могил, но кажется достаточно слабой, если рассматривать характеристики самих могил.

Каким образом новые идеи передавались из региона в регион? Ни в Центральной Европе, ни в Парижском бассейне не обнаружены археологические свидетельства, которые послужили бы доказательствами существования процессов эмиграции или иммиграции. Археологические остатки указывают на возможные контакты другого вида. В данном контексте надо вспомнить, что характерные для Парижского бассейна галерейные могилы были построены также в позднем неолите (согласно северной хронологии) общинами, проживавшими на западе Швеции. Существовали ли связи по водным путям с Парижским бассейном, были ли контакты с общинами Центральной Европы? Эти вопросы пока остаются без ответа. Однако было бы неверно допускать местное происхождение галерейных могил в Западной Швеции. Насколько известно, шведские галерейные могилы относятся к началу четвертого тысячелетия до н.э. Следовательно, с хронологической точки зрения они близки к французским типам галерейных могил, однако этот критерий не является решающим. Строительство таких могил в Центральной Европе продолжалось в то же время.

Мегалитические памятники и общество

Мегалитические памятники отражают возможности создавших их обществ. Для их строительства, особенно для возведения крупных памятников, требовалась значительная рабочая сила, однако ее затраты были непродуктивны. Каковы же были экономические предпосылки для возведения этих монументов? Одним из условий для осуществления подобных работ, связанных к тому же с проведением церемоний, требующих времени, было наличие дополнительных продовольственных запасов для прокорма работавших людей. Каковы были средства для обеспечения пропитания?

Мегалиты, как и захоронения последующих периодов, указывают на размещение поселений. Там, где поселения были обнаружены, они располагались на расстоянии 1–5 км от захоронений. Самые древние категории мегалитических захоронений – дольмены и могилы с проходами, – находятся в прибрежных районах. Типичным примером такого местонахождения являются *kokkenmoddinger* (ставший между-

народным датский термин) – большие скопления «кухонных отходов», в основном состоящих из раковин устриц и мидий, на берегах залива Слайго на северо-западе Ирландии. Хозяйственные отходы, очаги и кости животных свидетельствуют о продолжительном использовании морских пищевых ресурсов. На небольшом расстоянии отсюда, в центре п-ва Нокнария, существует скопление дольменов и могил с проходами. Датировки радиоуглеродным анализом показали, что эти мегалиты появились раньше, чем был принят сельскохозяйственный способ производства пищи в этом регионе, и, следовательно, они связаны с обществом, для которого были характерны присваивающие формы хозяйствования.

Если дольмены и могилы с проходами располагались во внутренних районах, то они возводились вблизи рек, озер и болот. Это в равной степени типично и для галерейных могил. Рассматривая такое расположение, следует учитывать, что в доисторической окружающей среде всегда было значительно больше воды, чем в наши дни. Сельское хозяйство и урбанизация почти повсюду уничтожили большое количество источников и ручьев.

Устья рек, находящиеся в прибрежных зонах Атлантики, подверженных морским приливам и отливам (Португалия, запад Франции, Ирландия, Британия), являются очень продуктивными природными зонами. Расположение дольменов и могил с проходами у побережья и устьев рек явно указывает на то, что богатые ресурсы (изобилие рыбы, моллюсков, водоплавающих птиц и яиц) были решающим фактором для размещения поселений мегалитических общин. Для некоторых регионов рыболовство должно рассматриваться как причина распространения мегалитических захоронений вдоль побережья. Во внутренних долинах территорий, вдоль рек и их притоков рыбная ловля, охота и сбор съедобных растений, несомненно, оставались важным источником пропитания еще долгое время после появления скотоводства и земледелия. Общество, основанное главным образом на сельском хозяйстве, которое требовало больших затрат труда, вряд ли могло располагать резервами рабочей силы, достаточными для возведения огромных памятников. Обществам, жившим в ритме сезонов обильной ловли рыбы и богатой охоты, было легче выбирать рабочие периоды для строительства мегалитов.

В основном большинство мегалитических поселений были небольшими образованиями, т.е. деревнями или фермами, и иногда группировались на одной местности. Только на юге Испании были более значительные поселения, почти города, как, например, Лос-Милларес.

По одной из теорий, могилы с проходами определялись как клановые или семейные групповые могилы, в которых хоронили членов этих сообществ. Такие небольшие образования считались координируемыми частями эгалитарного разделенного (сегментарного) общества, в котором не удалось обнаружить каких-либо иерархических признаков. В разделенном обществе базовой единицей является семья или деревня, которая составляет автаркическое образование, осуществляющее контроль над своими производственными ресурсами. Согласно общему антропологическому определению, части сегментарного общества не подчиняются более эффективной и более крупной политической или экономической единице, иерархический контроль со стороны которой мог уменьшить автономию составляющих ее частей. Далее было высказано предположение, что курган являлся вехой, обозначающей территорию одного из этих небольших образований. Используя карты, на которых было отмечено расположение курганов, некоторые археологи попытались отметить границы территорий кругами или многоугольниками (так называемые многоугольники Тиссена), но, естественно, в результате получилось лишь теоретическое изображение таких сегментарных обществ (см., например, Renfrew, 1976).

Слабым местом этой теории было то, что нам не известно, соответствует ли объем костей, найденных в камере одного мегалита, числу членов в поселении. Необходимо также знать, не были ли другие члены поселения захоронены в простых могилах, вырытых в земле, – могилах, которые трудно обнаружить.

Согласно другой точке зрения, могилы с проходами должны были рассматриваться как места захоронения элиты расщепившегося общества. Эта точка зрения основана на изучении внушительных мегалитических могил, подобных трем могилам с проходами в Антекуэра (Испания), на о. Гавриис, в Бугоне, Барненезе (последняя имела уложенные способом сухой кладки стены из плит и находилась внутри пирамиды) и в Ньюгрэндже. Подсчет объема работ, который был необходим для транспортировки и постройки подобных сооружений, включая курган, показывает, что эти работы должны были выполняться достаточно многочисленными и уже расщепившимися сообществами. При возникновении социального расслоения появилась необходимость в престижных символах, чтобы обозначить иерархию в этих общностях. Кроме того, имеются комплексы сооружений, в которых намеренно монументальность одного памятника по сравнению с более простым окружением отражает наличие расслоения в обществе. Это, в частности, относится к сооружениям в Маэс-Хоув на о. Мейнленд в составе Оркнейских о-вов, в Доуте, Ньюгрэндже и Ноуте: везде большой курган окружен меньшими курганами. Огромные курганы в этих местах занимают доминирующее положение над местностью. Действительно, сооружение в Ньюгрэндже господствует над всей долиной р. Бойн (сооружения в Ноуте и Доуте уступают Ньюгрэнджу в этом отношении); сооружение в Маэс-Хоув доминирует над всем о. Мейнленд. Эти большие памятники имели важное ритуальное значение. Они играли значительную роль в общественной жизни населения, жившего не в ближайших окрестностях. Огромный памятник в Маэс-Хоув имел роль центра всего архипелага Оркнейских островов, а Ньюгрэндж – территории далеко за пределами долины р. Бойн.

Поселение Бугон (департамент Дё-Севр, Франция) представляет собой другой тип культового места. На территории диаметром 10 км, ограниченной долиной с севера и юга, в центре расположено кладбище из 6 больших курганов с 8 мегалитическими могилами. Следы жилых поселений, современников этих сооружений, были обнаружены на данной территории. На ее периферии было множество могил с камерами, как бы «огораживающих» ее и в основном изолированных. Раскопки и исследования комплекса, проведенные Моэном (*J.P. Mobern*), указывают, что эта площадь использовалась с седьмого до конца пятого тысячелетия до наст. в., т.е. на протяжении примерно 2500 лет, со среднего неолита до раннего бронзового века. Были найдены замурованные остатки скелетов и изделия, относящиеся к обществу, строившему памятник. В каждой могиле было похоронено примерно по 10 умерших, в целом – около 100 человек в шести курганах. Это – небольшое число по сравнению с впечатляющими размерами курганов, и можно предположить, что могилы были зарезервированы для захоронения в будущем останков лишь избранных членов общины, которые пользовались особым положением и составляли меньшинство по сравнению с теми, кто приходил сюда на поклонение. Открытия, сделанные вне могил, поддерживают мнение о том, что курганы служили кульговыми местами для окрестных общин. Не все памятники были сооружены одновременно, между ними существует некоторое расхождение во времени. Это может означать, что они строились последующими поколениями людей. Могилы использовались и в дальнейшем – в позднем неолите и в начале бронзового века, примерно в период между 4500 и 4000 лет назад, но ритуалы и культовые обычаи изменялись.

Тем не менее это место сохраняло роль культового места для 80 поколений.

Бугон является не единственным местом, которым пользовались так долго. Повторное использование мегалитических захоронений продолжалось практически повсюду последовательными группами культур. Это могло бы свидетельствовать о некоторой непрерывности в использовании поселений, что необязательно подразумевает постоянное проживание в одном и том же поселении на протяжении веков. Случались перемещения поселений, но внутри территории, «узаконенной» монументами.

Приведенные примеры являются наглядным изображением тех обществ, в развитии которых дольмены и могилы с проходами сыграли определенную роль. Это действительно такие сооружения, строительство которых подразумевает существование своего рода центрального руководства, необходимого для координации широкомащтабных работ и для накопления пищевых ресурсов для людей, которые были заняты непроизводительным трудом. Это должно быть некоторое иерархическое общество, в котором роль святилищ состояла в обеспечении социального созидательного консенсуса, может быть, они были чем-то вроде религиозного центра. Иерархический ранг монументов, по-видимому, был отмечен и наличием (или отсутствием) произведений настенного искусства внутри этих сооружений.

В Северной Европе также известны внушительные памятники, различные в некоторых местах, но ни один из них нельзя сравнить по размерам с теми выдающимися сооружениями, которые описаны выше. Тем не менее и здесь существует явное отличие, особенно восточной Ютландии и южных датских островов, которые были довольно плотно заселены, от центров строительства мегалитических сооружений. Однако в Северной Европе имеется и другой тип культовых мест, расположенных рядом или на небольшом расстоянии от мегалитических захоронений; эти места предназначались для общего сбора более крупных групп, чем те, которые жили поблизости (см. гл. 54).

В общинах, строивших галерейные могилы, иерархическое положение могил прежде всего различается по их украшениям. Существующие в некоторых случаях различия в размерах могил не так четко выражены, как показано выше.

Не исключено, что менгиры, аллеи менгиров и монументальные кольца из валунов, которые были почти современниками галерейных могил, отражали расслоение общества. Крупные памятники этих типов свидетельствуют не только об изменениях в обрядовых системах. Концентрация аллей менгиров на производящих глубокое впечатление полях, например в Карнаке, и сооружение монументов типа Стонхенджа показывают, где располагались важные центры власти. Они являются также местами праздничных сборов, на которых собирались люди для участия в церемониях, отличавшихся от церемоний поминания усопших, вероятно, для проявления лояльности по отношению к власти жрецов или других правителей.

Из изложенного выше можно сделать вывод, что мегалитические памятники предназначались для некоторых избранных лиц, людей, которые каким-то образом выделялись среди остальных; однако у нас нет возможности определить, в чем именно состоял этот особый признак. Исследования поселений не дали сведений об этом. Однако мегалитические памятники показывают, что общества развивались в направлении установления иерархии. Похоже, что власть и религия сосуществовали, а функции вождя и жреца исполнялись одним лицом. Иерархия была связана с контролем над обычаями. Появление центральных культовых мест также свидетельствует об эволюции в направлении возрастания социального неравенства в самых богатых обществах, живших в западных регионах у Атлантического побережья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мегалиты являются образцами самой древней монументальной архитектуры в Европе. По сравнению с другими сооружениями тех же времен, следы которых были обнаружены, многочисленные захоронения и свободно стоящие монументы воплощают всё подавляющие объемы и могущество. Понять их конструкцию и то значение, которое они оказывали на своих современников, можно лишь связав их с физическим окружением в виде небольших хрупких жилищ, в которых проходила повседневная жизнь, и поместив их в тот тип общественного устройства и идеологической среды, в которых они были сооружены.

Для того чтобы получить более конкретные ответы на вопросы, поставленные в настоящей главе, следует провести множество исследований во всех регионах, где были обнаружены мегалитические памятники. Безусловно, желательнее провести тщательные раскопки хорошо сохранившихся сооружений, но важно также повторно изучить ранее раскопанные мегалиты, поскольку старые отчеты, сохранившиеся в археологической литературе, часто могут вводить в заблуждение. Однако в настоящее время необходимо сосредоточить исследования на изучении жилых поселений и территорий обитания, а также природного окружения мегалитических сооружений. Это, несомненно, предполагает тесное сотрудничество ученых в разных областях, таких как география и остеология. И наконец, только обстоятельные макростатистические данные позволят провести сравнительные исследования различных мегалитических регионов. Тем не менее определение проблем, которые должны быть изучены, все больше будет зависеть не только от археологических концепций, но и от основных целей и методов социальных наук.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Мегалитические памятники являются одной из самых характерных особенностей периода неолита в обширных частях Южной, Западной, Центральной и Северной Европы, и проблемы, которые возникают при их изучении, могут рассматриваться только в общеевропейских рамках. Поэтому было принято решение посвятить этому вопросу отдельную главу. Однако некоторые мегалиты уже были упомянуты в предыдущих региональных главах (например, в гл. 49 и 53), поэтому неизбежно появились некоторые повторы и расхождения в их интерпретации. Каждый автор, несомненно, имел полную свободу в защите своих собственных идей. Поскольку мегалитические сооружения продолжали использоваться и возводиться даже в раннем бронзовом веке, мы просили д-ра Кэллас рассмотреть предмет во всей полноте и, следовательно, затронуть хронологический период, которому посвящен том II. — *Прим. ред. англ. издания.*

БИБЛИОГРАФИЯ

- ALMAGRO, M; ARRIBAS, A. 1963. El poblado y las necrópolis megalíticas de los Millares (Santa Fe de Mondújar, Almería). Madrid.
- BECKER, C. J. 1947. Mosefundelærker fra yngre stenalder [Neolithic Pottery in Danish Bogs]. Aarb. nord. oldkynd. hist. (Copenhagen), pp. 1–138.
- BURL, A. 1976. The Stone Circles of the British Isles. London.
- CLARK, D. V.; COWIE, T. G.; FOXON, A. 1985. Symbols of Power in the Time of Stonehenge. Edinburgh.
- DANIEL, G. E. 1958. The Megalith Builders of Western Europe. London.
- 1960. The Prehistoric Chamber Tombs of France: A Geographical, Morphological and Chronological Survey. London.
- DANIEL, G. E.; KJAERUM, P. (eds) 1973–. Megalithic Graves and Ritual. Aarhus. (Papers presented at the 3rd Atlantic Colloquium, Moesgaard, 1969.)
- DEHN, W. 1980. Hessische Steinkisten und frühes Metall. Fundber. Hess., Vol. 19/20, pp. 162–76.
- DE LAET, S. J. (ed.) 1976a. Acculturation and Continuity in Atlantic Europe, Mainly during the Neolithic and the Bronze Age. Bruges.
- 1976b. L'Explication des changements culturels: modèles théoriques et applications concrètes. Le cas du S. O. M. In: DE LAET, S. J. (ed.), Acculturation and Continuity in Atlantic Europe, Mainly during the Neolithic and the Bronze Age. Bruges, pp. 67–76.
- 1981. Megalithic Graves in Belgium. A Status Quaestionis. In: EVANS, J. D.; CUNLIFFE, B.; RENFREW, C. (eds), Antiquity and Man. Essays in Honour of Glyn Daniel. London, pp. 155–60. (Reprint in: RENFREW, C. (ed.), 1983, The Megalithic Monuments of Western Europe. London, pp. 91–6.)
- EMMETT, D. D. 1979. Stone Rows: The Traditional View Reconsidered. Devon Archaeol. Soc., pp. 94–114.
- EOGAN, G. 1984. Excavations at Knowth. Dublin.
- EVANS, J. D.; CUNLIFFE, B.; RENFREW, C. (eds) 1981. Antiquity and Man. Essays in Honour of Glyn Daniel. London.
- GIOT, P.-R.; L'HELGOUACH, J.; MONNIER, J. L. 1987. Préhistoire de la Bretagne. 3rd edn. Rennes.
- GUILAINE, J. 1976. Premiers Bergers et paysans de l'Quest méditerranéen. Paris.
- HEGGIE, D. C. 1981. Megalithic Science. London.
- HENSHALL, A. S. 1963–1972. The Chambered Tombs of Scotland. Edinburgh. 2 vols.
- HERITY, M. 1974. Irish Passage Graves. Dublin.
- JOUSSEAUME, R. 1988. Dolmens for the Dead. Megalithic Building throughout the World. London.
- KAELAS, L. 1955. Wann sind die ersten Megalithgräber in Holland entstanden? Palaeohistoria (Groningen), Vol. 4, pp. 47–79.
- 1956. Dolmen und Ganggräber in Schweden. Offa, Vol. 15, pp. 5–24.
- 1966–7. The Megalithic Tombs in South Scandinavia. Migration of Cultural Influence? Palaeohistoria (Groningen), Vol. 12, pp. 287–321.
- 1981. Megaliths of the Funnel Beaker Culture in Germany and Scandinavia. In: EVANS, J. D.; CUNLIFFE, B.; RENFREW, C. (eds), Antiquity and Man. Essays in Honour of Glyn Daniel. London, pp. 77–91. (Reprint in: RENFREW, C. (ed.), 1983, The Megalithic Monuments of Western Europe. London, pp. 77–91.)
- KALB, P. 1981. Zur relativen Chronologie portugiesischer Megalithgräber. Madrider Mitt., Vol. 22, pp. 56–77.
- KIRCHNER, H. 1955. Die Menhire in Mitteleuropa und der Menhirdedanke. Wiesbaden.
- LEISNER, G.; LEISNER, V. 1943. Die Megalithgräber der Iberischen Halbinsel. Der Süden. Berlin. (Reprint 1959.)
- 1956–65. Die Megalithgräber der Iberischen Halbinsel. Der Westen. Berlin. 2 vols.
- L'HELGOUACH, J. 1968. Les Sépultures mégalithiques en Armorique: dolmens à couloir et allées couvertes. Rennes.
- MACKIE, E. 1977. The Megalith Builders. Oxford.
- MARCOTIC, V. (ed.) 1977. Ancient Europe and the Mediterranean. Warminster.
- MEGAW, J. V. S.; SIMPSON, D. D. A. 1979. Introduction to British Prehistory. Leicester.
- MOHEN, J. P. 1973. Les Tumulus de Bougon. Bull. Soc. hist. sci. Deux-Sèvres, No.2/3.
- 1977. Les Tumulus de Bougon. Bull. Soc. hist. sci. Deux-Sèvres, No. 2.
- MONTELIUS, O. 1899. Das Orient und Europa. Stockholm.
- NORDMAN, C. A. 1935. The Megalithic Culture of Northern Europe. Fin. Fornm.fören. Tidskr., Vol. 39, pp. 1–137.
- O'KELLY, M. 1982. Newgrange. London.
- O'NUALLAIN, S. 1984. A Survey of Stone Circles in Cork and Kerry. Proc. R. Irish Acad., Vol. 84 C No. 1, pp. 1–77.
- PIGGOTT, S. 1962. The West Kennet Long Barrow. London.
- POWELL, T. G. E. (ed.) 1969. Megalithic Enquiries in the West of Britain. Liverpool.
- RANDSBORG, K. 1975. Social Dimensions of Early Neolithic. Proc. Prehist. Soc., Vol. 45.

- RENFREW, C. (ed.) 1973. *The Explanation of Culture Change: Models in Prehistory*. London.
- 1976. *Megaliths, Territories and Populations*. In: DE LAET, S. J. (ed.), *Acculturation and Continuity in Atlantic Europe, Mainly during the Neolithic and Bronze Age*. Bruges, pp. 128–220.
- 1979. *Investigations in Orkney*. London.
- 1981. Introduction: *The Megalith Builders of Western Europe*. In: EVANS, J. D.; CUNLIFFE, B.; RENFREW, C. (eds), *Antiquity and Man. Essays in Honour of Glyn Daniel*. London, pp. 72–81. (Reprint in: RENFREW, C. (ed.), 1983, *The Megalithic Monuments of Western Europe*. London, pp. 8–17.)
- (ed.) 1983. *The Megalithic Monuments of Western Europe*. London.
- SCHIRNIG, H. (ed.) 1979. *Grosssteingräber in Niedersachsen*. Hildesheim.
- SCHULDT, E. 1972. *Die mecklenburgischen Megalithgräber*. Berlin.
- SHEE TWOHIG, E. 1981. *The Megalithic Art of Western Europe*. Oxford.
- SPROCKHOFF, E. 1938. *Die Nordische Megalithkultur*. Berlin.
- 1966–75. *Atlas der Megalithgräber Deutschlands*. Bonn. 3 vols.
- STRÖMBERG, M. 1971. *Die Megalithgräber von Hagestad*. Lund/Bonn.
- VALERA, R. DE; O'NUALLAIN, S. 1961–72. *Survey of the Megalithic Tombs of Ireland*. Dublin. 3 vols.
- WAALS, J. D. VAN DER (ed.) 1966–7. *Neolithic Studies in Atlantic Europe*. Groningen. (*Palaeohistoria*, 12.)

ГОРНОЕ ДЕЛО В ЕВРОПЕ

в период неолита и халколита

Роберт Шеферд

В настоящей главе, посвященной горному делу в период неолита, следует прежде всего уточнить, что под ним подразумевается, так как установление даты начала этой деятельности во многом зависит от термина. Если горное дело – это отрасль промышленности, занимающаяся добычей минералов и горных пород из земной коры, то к ней можно отнести как сбор камней из отложений, так и разработку россыпей, шахт, открытых разрезов, котлованов, а также каменоломни и подземную разработку. Если же рассматривать горное дело как только подземную разработку с применением штролен и штреков, то придется признать, что никаких доказательств существования такого способа добычи до неолита нет. Другие формы поверхностной разработки были известны задолго до неолита и применялись еще в палеолите. Такие определения позволяют установить время появления горнорудной промышленности.

Следует признать, что горное дело является очень древним промыслом, несмотря на распространенное мнение о более раннем появлении земледелия. Это последнее предположение основано на том, что именно развитие земледелия потребовало добычи лучшего сырья для изготовления орудий лучшего качества, чтобы обрабатывать землю. В то же время установление оседлого образа жизни также привело к необходимости иметь хорошее оружие для защиты и более совершенные земледельческие орудия.

В течение многих тысячелетий до неолита основными предметами, используемыми людьми, были орудия охоты, рыболовные снасти и охотничье вооружение. Сначала инструменты и орудия делались из дерева, затем из камня, кости и кремня. Обломки скальных пород, образовавшиеся в результате выветривания, кремень, обсидиан и т.п. собирались на поверхности или в очень мелких месторождениях. Отступление ледового покрова в северном направлении, исчезновение сухопутного моста, связывавшего Британию с континентом, привели к потеплению климата и появлению новых поселенцев с юга, приведшему к зарождению сельского хозяйства. Обломки камней и кремня не могли больше удовлетворять новые потребности людей, и вскоре обнаружилось, что кремень и роговик, добытые на глубине, более прочные, а работа с их помощью более эффективна. Именно тогда впервые были вырыты настоящие подземные шахты.

В предыдущих главах достаточно подробно описаны основные разделы и подразделы доисторического периода, но применительно к развитию горного дела целесообразно кратко напомнить это деление. В Европе найдено мало донеолитических стоянок со следами горных разработок, но все же можно привести пример вероятного существо-

вания в палеолите кремневого карьера в Файндсбери (Кент, Южная Англия) и мезолитических шахт в горах Святого Креста в Польше.

Ленточно-линейная культура – ее фаза, называемая Чайлдом «дунайская I» (*Childe*, 1957, pp. 105–119), распространилась в период примерно 7300–6900 лет до наст. в. из Центральной Европы в Польшу, долину Рейна, Нидерланды, Бельгию и на север Франции. Мы мало знаем о горнодобывающей деятельности этих народов, хотя часто район Ольшаницы в Польше рассматривается как место горной добычи в период ленточной керамики. Разработка базальтовых карьеров в Майене (на западе Германии) относилась, вероятно, к тому же времени, а продукты обработки продавались в отдаленных районах и шли, в частности, на изготовление жерновов. Шахты в Клейнкемсе в долине Рейна, Германия, вырытые в гряде юрского известняка в Иштайнер-Клотц, содержали яшму; ими могли пользоваться либо в период ленточной керамики, либо в более позднюю эпоху неолита, но соответствующих радиоуглеродных дат нет. Когда миграционные потоки достигли Северной Европы, то они рассеялись по территории и появились новые региональные культуры: ленгильская культура в Австрии, культура воронковидных кубков в Скандинавии, михельсбергская культура в долине Рейна и в Бельгии, культура уиндмилл-хилл на юге Англии. К ленгильской культуре относятся место добычи роговика в Мауэре в Австрии (около 6100 лет назад) и стоянка Саспов в Польше (около 5500 лет назад). В Кварнби, в Швеции, шахты и карьеры для добычи кремня Галлеруп и Туллсторп имеют возраст приблизительно 5100 лет и связаны с культурой воронковидных кубков. Карьеры долерита в Селедене на севере Франции разрабатывались представителями шассейской культуры 5800–4500 лет назад. В Швейцарии шахты для добычи роговика в Лёвенберге использовались племенами культуры кортайо около 5300 лет тому назад (*Schmid*, 1975, pp. 78–80). Представители михельсбергской культурной общности разрабатывали много кремневых шахт в Бельгии, Нидерландах и на севере Франции, примерно 6100–5500 лет назад, и эти шахты будут описаны далее наряду с шахтами культуры уиндмилл-хилл в Британии. Вполне вероятно, что культура уиндмилл-хилл появилась в результате миграции народов михельсбергской культуры через Ла-Манш, так как технология добычи кремня, применявшаяся в шахтах поздней михельсбергской культуры в Северной Европе, очень напоминает ту, которая применялась в английских графствах Суссекс, Уилтшир, Хэмпшир, Суррей и Норфолк.

ТИПЫ МАТЕРИАЛОВ, ПРИМЕНЯВШИХСЯ В ПЕРИОД НЕОЛИТА

До более позднего использования природной меди и добытой медной руды племена культур предбронзового века для изготовления оружия и инструментов применяли скальные породы, кремь, роговик, яшму и обсидиан. Из этих материалов легче всего добывать скальные породы, но даже самые подходящие из них были более низкого качества по сравнению, например, с обсидианом. До появления подземной добычи кремня и роговика применялись преимущественно скальные породы, и даже позднее они все еще добывались в тех местах, которые были далеки от выходов меловых отложений, которые обычно содержали пласты или отложения кремня, который подавался обработке.

Наоборот, артефакты из кремня, роговика, яшмы и обсидиана часто находили далеко от мест их добычи, что указывает на существование некоторых видов торговых потоков в доисторические времена.

На поверхности имеется мало следов добычи скальных пород вулканического происхождения, вероятно, потому, что каменоломни были позднее разрушены. Топоры, высеченные из вулканических пород разных видов, таких, как зеленокаменные породы, вулканический туф или долерит, и крупнозернистого песчаника были найдены по всей Европе. Петрографический анализ скальных пород, из которых сделаны артефакты, и сравнение результатов с результатами такого же анализа скальных пород из известных залежей в существующих карьерах, скалах и осыпях позволили предположить возможное происхождение некоторых изделий (Keiller et al., 1941).

Кремь – материал с высоким (до 98%) содержанием чистого кремня является, следовательно, очень абразивным, но и хрупким материалом. В природном состоянии кремь обычно черного цвета, но в зависимости от условий, в которых произошло отложение, он может быть розовым, желтым, синим или различных оттенков красного. Кремь обычно покрыт белой коркой. Одно из свойств кремня – при раскалывании получается раковистый излом, и эта особенность делает его привлекательным при отделке топоров, наконечников копий и стрел и других предметов, особенно если изделия потом шлифуются. Кремь находят обычно в виде узловатых кусков в осадочных скальных породах, меловой породе, где он бывает либо в россыпи, либо в массиве, но чаще всего в виде очень плотных перемежающихся пластов, состоящих из плотно лежащих кусков толщиной до 30 см.

Не все авторы согласны с использованием терминов «кремь», «роговик» и «яшма». Немецкие ученые часто употребляют общий термин «кремь» (*silex*) для обозначения всех этих пород: *feuerstein*, *hornstein* и *jaspis*. Во французском языке, по мнению Юнга (Jung, 1963, pp. 126, 319), слово *silex* (кремь) часто соответствует английскому *flint*. Часто роговиком называют разновидность кремня, содержащую примеси, тогда как в Америке и Австралии под кремнем (*flint*) понимают разновидность роговика. Основное различие состоит в том, что кремь находится в меловых отложениях, а роговик – в известняке и песчанике. Кремь и роговик очень похожи и могут встречаться вместе в осыпях, которые получились из-за выветривания двух или трех разновидностей скальных пород.

Яшма – это другой материал с высоким содержанием кремня, он часто встречается в юрских скальных породах в Центральной Европе. Из-за окисления она имеет красный цвет.

Обсидиан содержит более 66% кремня и является продуктом вулканической лавы. Он имеет стеклянный блеск и раковистый излом. Obsидиан широко использовали для изготовления многих декоративных предметов, таких как

кувшины или ларцы, а также топоров и наконечников для стрел. В доисторические времена он служил предметом торговли и перевозился на большие расстояния.

МЕТОДЫ ДОБЫЧИ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ

Методы извлечения минералов

На рис. 170 показаны различные методы извлечения из земли основных материалов, используемые веками в Северной Европе.

Как уже указывалось, древние методы добычи полезных минералов были примитивными и применялись ко всем видам извлекаемых материалов. Извлечение материалов заключалось в основном в том, что собирали куски скальных пород с поверхности земли, из осыпей и со склонов скал, часто в виде крупных камней и гальки, которыми иногда пользовались в необработанном состоянии как молотками, чтобы отделить другие куски породы или грубо обработать их. Собранный таким образом материал использовали как примитивный ручной инструмент и метательное оружие при охоте на животных, которое сначала бросали руками, а позже с помощью катапульты или пращи; камни могли служить также грубым режущим орудием для обработки пищи. Узловатые куски кремня собирались таким же образом, но часто в результате выветривания, от мороза или других погодных явлений они не годились для изготовления точных или искусных орудий и потому использовались в своем первоначальном состоянии.

От этих зачаточных методов извлечения материалов развилась форма карьерной добычи. Когда какое-либо обнажение на склоне привлекало внимание, то простыми каменными орудиями начинали отбивать скальную породу. Сначала разрабатывали, насколько возможно, только обнажения породы, не пытаясь идти глубже. Также обстояло дело с выходами кремня и роговика, куски которых можно было относительно легко выбить из основного слоя мела, известняка или мягкого песчаника, где они находились в качестве включений. Иногда работы не ограничивались одним уровнем: в массивных выходах вулканических пород, таких как долерит или базальт, из выветрившихся скал материал выбирался уступами. Как только скальная порода оказывалась недостаточно расслоенной, чтобы ее можно было легко отбивать, то образовывался уступ или ступень, и принимались за разработку участка скалы, находящегося выше. Один из древнейших примеров такой ступенчатой технологии можно наблюдать в Селедене в Северной Франции, где добывали долерит еще 5800 лет назад. Подобным образом разрабатывались многие месторождения выветрившихся пород кремня и в других районах.

В противоположность этому в местах, где выходы кремня или роговика обнаруживались на уровне земли или на немного поднятом уровне, а почва или подпочва отсутствовала, то вырывали ряд примитивных колодцев глубиной не более метра вдоль всего обнажения породы. Позднее стало ясно, что с данной площади можно получить больше материала, если прорыть вдоль обнажения траншею, которая вначале была глубиной не более метра. Там, где пласт кремня имел очень небольшой уклон или шел относительно горизонтально, делалась параллельно первой другая длинная траншея на расстоянии примерно 1 м. По мере того как траншеи становились глубже, следуя за увеличивающейся глубиной пласта, их соединяли штреками или туннелями небольших размеров, чтобы извлечь максимально возможное количество кремня. Примеры траншейного метода выработки можно наблюдать в Обурге (De Munck, 1986–1987) и Стрепи в Бельгии (Martens, 1952, p. 87, fig. 86), а также в Даррингтон-Уоллс в Англии (Antiquaries Journal, 1975, p. 6).

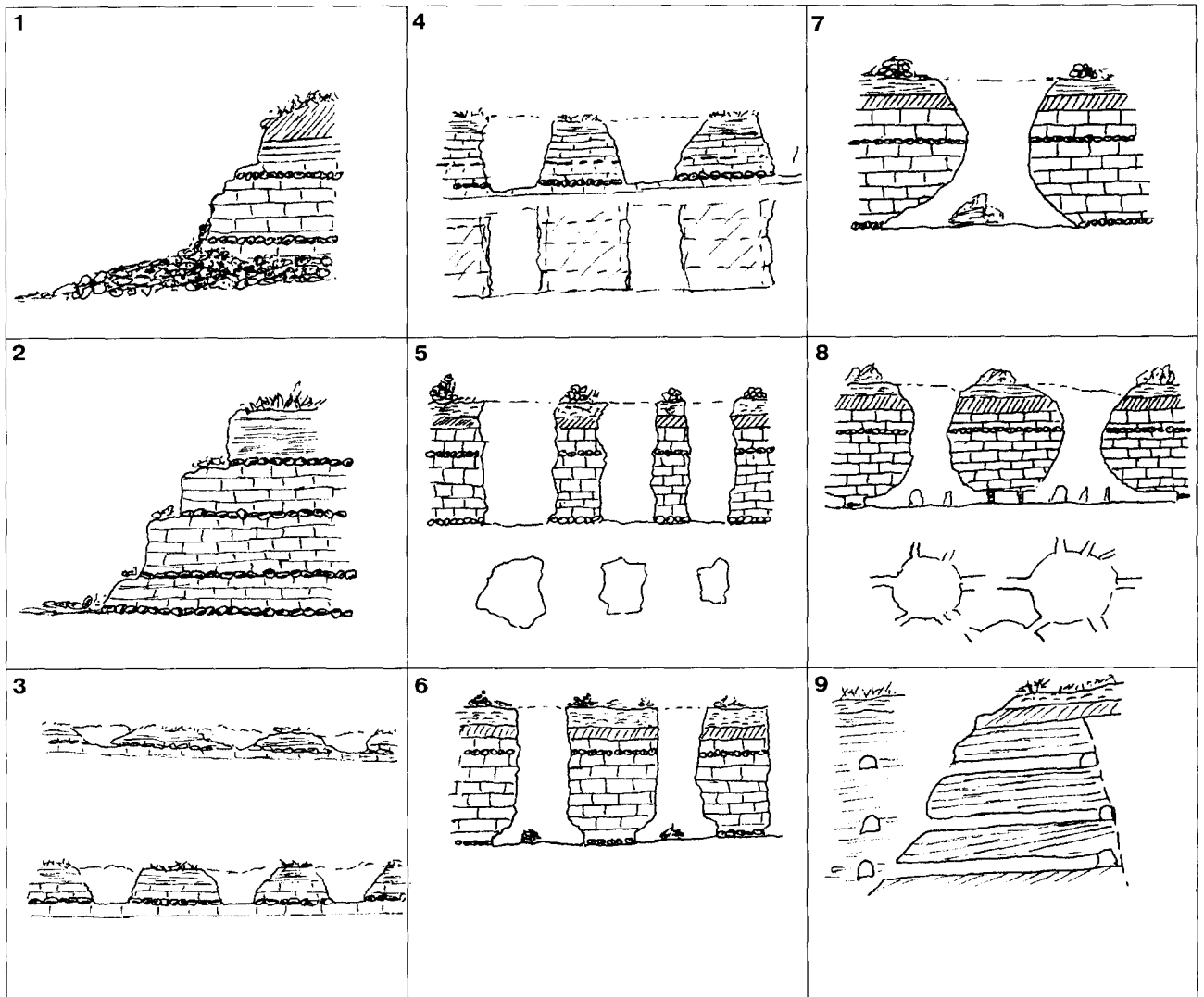

Рис. 170. Способы извлечения кремня в доисторическую эпоху. 1 – палсолит: сбор камней, кремня, роговика у подножья скал и осыпей; 2 – палсолит и ранний неолит: сбор обломков скальных пород кремня, роговика на уступах (террасах); 3 – палсолит и ранний неолит: рытье неглубоких ям, затем неглубоких каналов для сбора кремня, роговика, возможно также угля; 4 – неолит: глубокие каналы (со штреками) для извлечения кремня и роговика; 5 – неолит: вертикальные шахты для извлечения кремня и роговика; 6 – неолит: шахты, расширенные у дна, для извлечения кремня и роговика; 7 – неолит: колодцы колоколовидной формы для извлечения кремня и роговика (позже – железной руды и угля); 8 – неолит: шахты и штреки для извлечения кремня и роговика; 9 – энеолит, бронзовый век и более поздние периоды: галерси для извлечения меди, золота, свинца, соли

Стаких примитивных методов начинались первые ступени прогресса в развитии горного дела – процесса, который продолжался во все последующие века. Некоторые авторы, не являющиеся специалистами в горном деле, называли эти методы добычи, пришедшие на смену простому сбору отделившихся камней, «открытыми выработками». Однако в действительности это была добыча в открытых копаниях: настоящие открытые выработки заключаются в полном извлечении пластов материала из последующих залегающих все глубже и глубже, до тех пор пока глубина выработки не становится настолько большой, что добыча становится неэкономичной. Уже отработанные объемы заполняются пустой породой, появляется новая площадь для разработки, и работы продолжают. Такой способ добычи был совершенно невозможен до тех пор пока в течение примерно последних ста лет н. э. не было разработано соответствующее оборудование.

Вскоре было обнаружено, что с увеличением глубины разработок качество кремня улучшается. Во многих местах доисторической добычи кремня имеются шахты-колодцы, прорытые через несколько пластов кремня, и только один нижний пласт был разработан. После испытания

образцов из верхних пластов древние шахтеры могли решить копать глубже, чтобы проверить, нет ли там отложения лучшего качества. Вырывая в земле ямы, траншеи и т.п., доисторический шахтер попутно осваивал некоторые основные элементы геологии осадочных пород. Прежде всего они заметили, что скальные породы и каменные пласты залегают слоями и что пласты кремня залегают последовательно, более или менее параллельными слоями. Древние люди, естественно, не осознавали, что самые старые залежи являются самыми низкими в этих последовательных слоях и, наоборот, что каждый пласт моложе, чем тот, который лежит непосредственно под ним (если, конечно, не было нарушений нормальной последовательности слоев). Эти закономерности были установлены только в XIX в. Сами по себе эти знания не являлись необходимыми для доисторического шахтера, но ему стало понятно, что если пласт уходит слишком глубоко для разработки, то надо немедленно начинать разработку нижнего пласта на уровне его выхода на поверхность. Понимание того, что пласты лучшего качества залегают глубже, было очень важным для шахтеров неолита, так как земледельческим общинам требовались простые орудия при

тяжелых земледельческих работах, включающих возделывание земли, и при обработке исходного каменного материала.

Все эти наблюдения привели шахтеров к тому, что они стали вырывать или делать самые первые шахты для извлечения кремня. Сначала эти шахты были неглубокими и небольшого диаметра. Большинство шахт-колодцев были круглыми, так как эта форма обеспечивает большую прочность, чем другие формы и не требует, особенно в однородных пластах, поддержки стенок, в отличие от колодцев прямоугольного сечения, которые позже также широко применялись в рудниках при добыче металлических руд. Этот выбор объяснялся и другими причинами, но все же удивительно, что первые шахтеры поняли преимущества круглой формы и приняли именно ее.

Самые первые колодцы просто доходили до ближайшего к поверхности пласта или до пластов, из которых должен был добываться кремень. Доисторический шахтер мог определить, на какой глубине должен находиться пласт, так как он, возможно, уже добывал материал с достаточной для него глубины, пользуясь траншеями или открытыми канавами. Самые первые шахты были на самом деле просто более сложными вариантами открытых канав или траншей, но сначала вертикальные шахты не были связаны штреками, несмотря на то что вырывались в линию на одну глубину и следовали за пластами. При рытье шахтер извлекал только кремень. Следующим этапом была подрезка у дна колодца до безопасных пределов, чтобы выбрать большее количество кремня. Эта операция была возможна только при обеспечении определенной безопасности, например, когда мел был достаточно крепок и не мог обрушиться.

Расширение основания шахты позволяло увеличить объем добычи на единицу выемки, особенно когда пласт кремня был мощным. Этот метод при дальнейшем расширении объема подрезанной породы привел к появлению нового типа шахты, которая к концу разработки приобретала форму колокола, узкого в середине и расширяющегося у земли и в основании. Много позже такой метод получил широкое распространение при разработке толстых пластов железной руды и угля, но им пользовались и в доисторические времена, особенно при добыче кремня, до распространения горных выработок со штреками. Процесс состоял в извлечении кремня через расширенное основание шахты, но, в отличие от метода подрезки, применяемого ранее, мел также удалялся вместе с кременем. Когда становилось явно невозможным поддерживать нависающий пласт мела, шахту оставляли и рыли новую. При таком способе добычи несчастные случаи должны были происходить гораздо чаще, чем при использовании простых ям или канав в земле.

Окончательной логической ступенью развития способов добычи кремня стали настоящие подземные шахты. Это был способ, который давал наибольший выход в виде массы кремня, полученного на единицу пустой породы, т.е. на массу меловой выемки. В основном способ состоял в том, что вырывали колодец до пласта, который намеревались разрабатывать, затем от основания колодца по радиусам прокладывали штреки. Таким образом, кремень добывался на уровне дна шахты. Конечно, имеется много примеров, когда кремень выбирали из пластов на других горизонтах, т.е. на середине сечения пласта или даже на вершине шахты. Преимущество извлечения кремня на уровне дна шахты состояло в том, что это позволяло легче определить залегание кремня, прежде чем приступить к разработке пласта, и обеспечить получение более чистого материала. Когда штреки приблизительно квадратного сечения – около 1 м высотой и 1 м шириной – становились слишком длинными для доставки материала к основанию шахты, то вырывали другой колодец, и все повторялось. Между колодцами, находившимися на расстоянии до 10 м

друг от друга, часто делались штреки. Выработанные шахты обычно заполнялись отвалами мела из роющихся соседних шахт. Тщательная планировка позволяла поддерживать непрерывную добычу, так как в разработке находились несколько шахт, в то время как другие вырывались или засыпались выработанной породой. В некоторых сохранившихся и исследованных основных местонахождениях неолитических центров добычи, таких как Греймс-Грейвс (илл. 138 и 139), обнаружены следы более 600 шахт в виде местных впадин в земле. Подобные провалы на меловых участках могут указывать на существование древних кремневых шахт, хотя и не обязательно развитого типа с подземными штреками.

Древние кремневые местонахождения интенсивно изучались, но многого еще предстоит сделать и многое оставлено для потомков. Поражает идентичность способов добычи, применяемых в доисторические времена, даже если шахты отстояли друг от друга на сотни километров. Изучение таких доисторических разработок выявило, что система планирования могла быть упрощена, так как для всех разработок применялся общий базовый план. Типичным примером может служить план разработок в Сиссебери (рис. 171). Обычно штреки расходились радиально от основания колодца, диаметр которого в Британии достигал 10 м, а глубина редко превышала 10–15 м. Вероятно, чтобы избежать обрушений, верхняя часть и дно колодца были часто расширены, но это расширение было значительно меньше, чем в шахтах колоколовидной формы. Обычно делалось от 6 до 8 штреков, это число зависело от прочности меловых слоев. Дно шахты формировалось на нижнем основании кремневого пласта. Мел между штреками чаще всего не выбирался; его оставляли, и он обеспечивал опоры не только для штреков, но и для самой шахты. Иногда входы в штреки были узкими, сами штреки расширялись по мере выполнения работ. Кремень отбивали в штреках; несмотря на то что были попытки следовать основной схеме построения шахты, это удавалось редко. Причины, по которым приходилось изменять эту схему, рассмотрены ниже.

Горные орудия

Самыми древними орудиями горных работ были топоры, кайла, клинья и молотки, примитивно высеченные из кусков вулканической скальной породы. Парадоксально, но кремневые орудия применялись очень редко, только для разработки самых твердых пластов мела и известняка, например, в Спиенне в Бельгии и в Рийхольте в Нидерландах. Позже кремневые топоры стали прикреплять к оленьим рогам или к деревянным рукояткам с помощью ремней из шкур. В Британии, как и на многих кремневых шахтах континентальной Европы, основные инструменты различных видов делали из оленьих рогов, при этом старались экономно использовать их части. Обычно удалялись все отростки, кроме одного, служившего рабочей частью инструмента. Удаленные отростки обрабатывались и использовались как буравы, клинья, долота и т.п. Самым распространенным типом инструментов было кайло, но обычно им пользовались не для того, чтобы вырубать выемки в твердой скальной породе или удалять мел. В действительности такой инструмент был неэффективен для получения щелей в массивной породе; его использовали скорее как своего рода рычаг, чтобы отделять куски растрескавшихся блоков мела и облегчать добычу кремневых кусков. Сандерс (*Sanders*, 1910, pp. 101–124) отмечает, что, отделив верхнюю часть рога, затем второй и третий отростки от рогового ствола, получали рукоятку, а оставляя лобную кость, добывали прочный инструмент в самом слабом месте – на пересечении рукоятки и лопасти; при этом обеспечивалась большая сила удара при

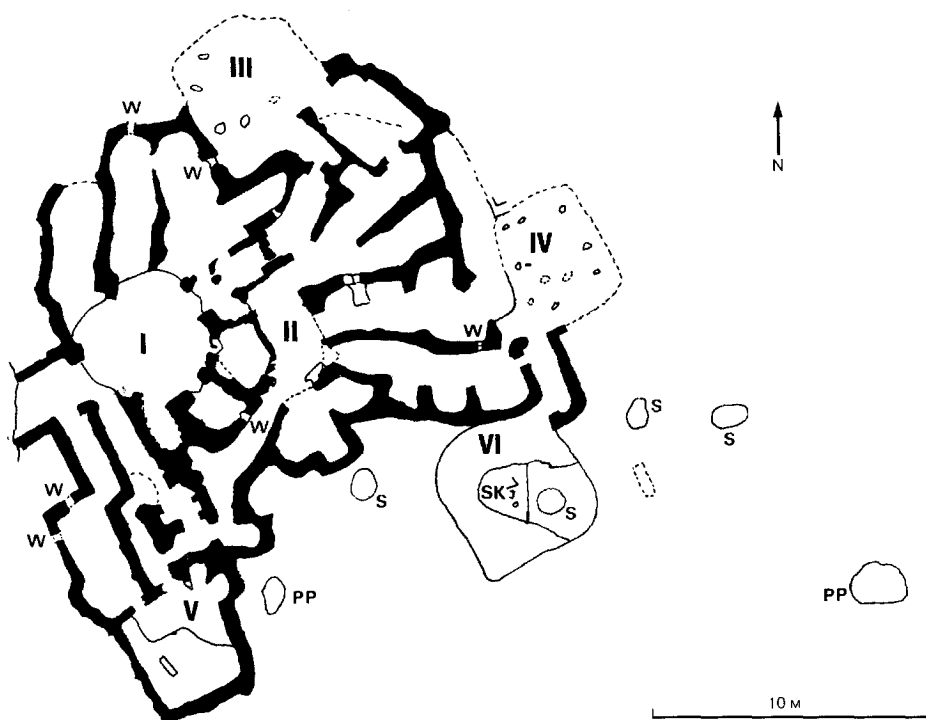

Рис. 171. Схема кремневых разработок в Сиссбери (Великобритания): шахты I–VI (раскопки 1876 и 1877 гг.); W – окна; S – небольшие овалыные ямы; SK – находки скелетов; PP – находки черепков глиняной посуды (по Harrison, 1878)

забивании инструмента в отверстие, которое было сделано, или в щель в самом слое. Такую щель получали с помощью острого клина, вбиваемого молотком; оба этих инструмента делали из оленьего рога. Клин или молоток иногда насаживали на ручку из рога или дерева. Нашли также несколько орудий из оленьего рога с двумя лопастями, которые, видимо, использовали в основном как грабли, хотя Андре (Andree, 1922, pp. 1–72) считал, что это кайло. В кремневых шахтах было найдено большое количество таких инструментов из оленьих рогов, радиоуглеродным методом можно было определить их возраст. На илл. 140 показана часть рога, применявшегося как опора перекрытия в Граймс-Грейвс.

В местах расположения доисторических шахт найдены также лопаты, сделанные из бычьей лопаточной кости. Испытания показали, что такой тип орудия был неэффективным для поднятия тяжелых кусков породы, особенно блоков мела и кусков кремня. Такими орудиями можно было только перемещать объемы материалов, превращенных в крошку.

В доисторических шахтах применялся способ добычи, известный как огневая осадка, в тех случаях, когда надо было разбить очень твердую скальную породу, не поддающуюся отбивке описанными выше инструментами (Collins, 1893, pp. 83–92). Этот метод был широко распространен в Европе вплоть до появления взрывчатых веществ. Нет доказательств, что огневой осадкой пользовались в кремневых шахтах Британии, но следы его возможного использования найдены в Мюр-де-Баррез во Франции и в Кляйнкемсе в Германии, а также на доисторических разработках долерита в Селедене на севере Франции. Способ огневой осадки состоит в том, что у скальной стены, которую надо разбить, разводили огонь из легковоспламеняющихся материалов, таких как хворост и бревна, а затем, когда скала достаточно сильно нагревалась, на нее лили воду, отчего в ней при успешной попытке получались трещины, после чего камень можно было отбивать ручными инструментами. Этот метод основан на том принципе, что материалы, входя-

щие в состав скальной породы, имеют различные свойства при расширении и усадке. Нагретая скальная порода при резком охлаждении с шумом трескается или разрушается.

У этого способа есть некоторые серьезные недостатки, из них самым важным является то, что при этих последовательных операциях появляются жар, дым и пар, и в целях безопасности шахтеры должны работать с той стороны, с которой поступает воздух, и вентиляция должна быть достаточной, чтобы удалить продукты горения и охлаждения. В плохо проветриваемых или тупиковых разработках применение такого способа создаст непреодолимые трудности. Естественно, огонь, если его применять правильно, улучшает вентиляцию, так как нагретый менее плотный воздух создает разрежение и способствует притоку свежего воздуха. Вода также создает трудности, особенно в меловых пластах, поэтому, если есть такая возможность, ее следует отводить в заброшенные разработки. Огневая осадка очень успешно применялась в позднем бронзовом веке при добыче сульфида меди на шахтах в Миттерберге в австрийском Тироле, где разработки были специально спланированы (Pittioni, 1950, pp. 23–24).

Крепи

Неолитические кремневые разработки располагались неглубоко, поэтому они не испытывали сильного давления верхних слоев, возникающего в относительно глубоких более современных шахтах. Основной задачей в отношении крепи было предотвращение падения кусков мела со сводов штреков, когда они были слишком широкими, а также в местах пересечения плоских поверхностей. При современных раскопках часто находили скелеты доисторических шахтеров, убитых или засыпанных при таких обвалах.

В кремневых шахтах не находят признаков, позволяющих заключить, что для укрепления слоев мела использовались деревянные опоры; однако в Спиеinne применялись

подпорки в тех местах, где первые наклонные шахты проходили через самые молодые скальные слои третичного периода и плейстоцена. При правильной форме штрека и не слишком большой ширине прохода мел является достаточно прочной породой. Удивительно однако, что при обилии лесов во времена неолита дерево для крепежа, видимо, не использовалось, о чем свидетельствуют проведенные раскопки. В некоторых кремневых шахтах обнаружены углубления для поставленных по хорде или по диагонали подпорки, как, например, в Граймс-Грейвс в Англии, но эти углубления могут служить также как места крепления лесов или лестниц для доступа в шахту. Во многих местах шахтеры удаляли поддерживающие опоры, что облегчало выемку кремня, но часто приводило к катастрофическим последствиям. Когда разработки становились слишком широкими, их укрепляли пустой меловой породой. Заброшенные разработки, как правило, заполнялись утрамбованной пустой породой, удаление которой при раскопках порой приводило к обрушению.

Перевозка материалов

После того как кремень был отбит от пласта и отделен от мела, он, вероятно, клался в кожаные мешки или корзины, которые относились на дно шахты, откуда их поднимали на поверхность с помощью ремней из шкур. Не исключено, что наверху поперек отверстия колодца помещали ствол дерева, положенный или на рогатины, чтобы его можно было вращать, или просто на землю. Во втором случае веревки должны были привязываться к мешку или к корзине, перекидываться через бревно и опускаться вниз в руки шахтера, стоявшего на дне колодца, который, натягивая веревки, поднимал груз на поверхность. Если бревно могло вращаться, то подъем груженых и спуск пустых мешков мог осуществляться помощником, стоящим наверху. Обломки мела тоже надо было удалять, но там, где было необходимо, их использовали для засыпки старых заброшенных штреков и для укрепления готовых обрушившихся пластов. В этом случае до некоторой степени облегчалась тяжелая работа по подъему наверх пустой породы, хотя перемещать куски мела даже на небольшие расстояния, особенно в очень тесном пространстве, было трудно, и применения граблей было недостаточно для расчистки. Способ, вероятно, состоял в том, что каждая новая шахта связывалась с уже существующими разработками и старые объемы заполнялись новой пустой породой.

Освещение

Рытье неглубоких колодцев могло происходить без какого-либо искусственного освещения, и вряд ли работы продолжались в темное время суток. Однако при проходке штреков для освещения применялись лампы, сделанные из кусков мела, в которых жгли животный жир или масло; такие светильники были еще за тысячи лет до наступления палеолита. Существуют противоречивые мнения о том, для чего нужны были обнаруженные в некоторых шахтах небольшие отверстия, сделанные в меловых столбах. Некоторые авторы считают, что таким образом шахтеры измеряли ширину столба (*Harrison, 1878, илл. X*), но это объяснение вряд ли правдоподобно, так как штреки имели небольшую длину. Кроме того, даже если в то время и не проводились, как теперь, топографические исследования, древние шахтеры должны были иметь что-то вроде путевода, который позволял им строить шахту. Отверстия, однако, могли делаться для того, чтобы обеспечивать как можно больший доступ света ко дну колодца.

Проветривание

Не было особых проблем в обеспечении подачи достаточного количества воздуха для вентиляции доисторических кремневых шахт, особенно в очень мелких разработках и при близко расположенных друг к другу колодцах. В тех местах, где колодцы были на некотором расстоянии друг от друга, а соединительные штреки были поэтому длинными, возникала определенная опасность в недостатке кислорода в светильниках. Эти причины могли привести к избытку в атмосфере шахты диоксида углерода, даже угарного газа. На практике, однако, были сделаны, как упоминалось, многочисленные проходы между штреками, чтобы выбрать максимум кремня. Для создания движения воздуха можно было разгонять его выделанными шкурами, хотя это нецелесообразный способ. Там, где шахты были связаны штреками, обеспечивалась естественная вентиляция, особенно если основания колодцев находились хотя бы на немного разной высоте: теплый воздух стремится вверх, создавая таким образом движение более теплого и менее плотного воздуха в одном колодце.

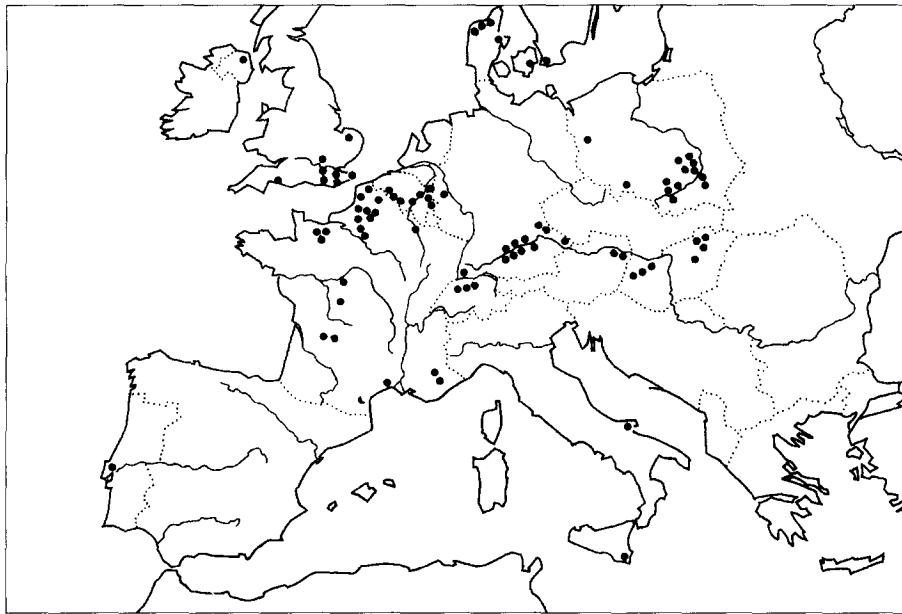
Вентиляцию можно было обеспечивать и методом теплового проветривания, при котором разжигали огонь на дне уже заброшенной шахты. Некоторые авторы видят доказательство применения такого способа в следах сажки, найденных на сводах штреков в некоторых шахтах, например, в Шампиньоле и Мюр-де-Баррезе во Франции; однако эти следы могут означать то, что шахтеры разводили огонь, чтобы просто согреться или приготовить пищу. Тем не менее когда галереи образуют открытую систему, костры могут улучшить вентиляцию, но в тупиковых концах штреков появлялась при этом новая опасность.

Вода

Одна из наиболее серьезных опасностей в горных работах – возможное проникновение воды в разработки. Вода может появиться в результате прорыва из заброшенных разработок, где она постепенно накопилась, из рек, озер, моря в неглубокие шахты, или шахта может быть залита дождевой водой. На меловых участках основной проблемой является медленное, но постоянное растворение породы водой, что увеличивает опасность обрушения колодцев. В любом случае работать в меловой шахте в период дождей было очень непросто, так как дно колодцев и штреков покрывалось толстым слоем беловатой грязи, что затрудняло добычу и транспортировку кремня. В кремневых шахтах нельзя, разумеется, обнаружить следов затопления, но они были вполне возможны.

Обработка кремня

Добытые куски кремня редко оббивались или дробились для получения необходимой формы и затем шлифовались внутри самой шахты. Обычно их доставляли в мастерскую, расположенную либо в основании колодца, либо на поверхности недалеко от входа в шахту. Если колодцев было много, то у шахты часто была одна центральная мастерская или пункт сбора материала. Там производилась только грубая оббивка кремня, после чего продукт доставлялся в деревенскую мастерскую для окончательной отделки. Такой способ позволял уменьшить массу материала, предназначенного для перевозки. Обработка кремня требовала умения, и возможно, что в поселениях были опытные специалисты, занятые изготовлением топоров, зубил, ножей, наконечников для стрел и т.п. На шахтах было обнаружено много площадок для предварительной грубой обработки кремня, но большая их часть располагалась на поверхности.

Карта 69. Распределение основных шахт для добычи кремня в Европе

ТИПИЧНЫЕ ДОИСТОРИЧЕСКИЕ МЕСТА ГОРНЫХ РАЗРАБОТОК (карта 69)

Приблизительное географическое расположение доисторических шахт в Европе показано на карте 69. Самые известные из них – это Сиссбери и Граймс-Грейвс в Британии, Спиеинн в Бельгии, Шампиньоль во Франции, Рийкхольг в Нидерландах, Хов в Дании, Кляйнкемс в Германии, Монте-Табуто на Сицилии, Кжемьонки-Опатовски в Польше и Мауэр в Австрии, но это только небольшая часть многочисленных обнаруженных разработок. В рамках настоящей главы мы попытаемся рассмотреть основные особенности только некоторых из них (Shepherd, 1980, pp. 23–107).

До XIX в. многие стоянки, упомянутые выше, не считались местами добычи кремня, и вызывает удивление, что исследования начались так поздно. Многие шахты были обнаружены случайно, когда выполнялись новые земляные работы, при разработке карьеров, прокладке железнодорожных путей или строительстве домов. Некоторым открывавшимся холмикам и впадинам приписывали сначала культовое значение, считали, что это места захоронений или ямы-хранилища, и часто связывали их с близлежащими более поздними строениями, например оборонительными формами железного века или остатками зданий и некрополей римской эпохи. Многие известные места, в частности, в Британии, были определены как доисторические стоянки только благодаря археологам-любителям и их отчетам о раскопках, которые они потом опубликовали. Граймс-Грейвс и Херроу-Хилл в Британии – типичные тому примеры. Хотя профессиональные археологи, проводившие значительно более поздние раскопки, часто критиковали методы, которыми пользовались их предшественники, тем не менее большинство оригинальных находок сомнению не подвергались. Можно лишь выразить сожаление, что проведенные наспех первые раскопки, возможно, разрушили полезные детали, которые могли бы дать неоценимые хронологические сведения и прояснить различные аспекты доисторического горного дела. В оправдание археологов-любителей надо, однако, сказать, что в те времена не существовало еще многих научных методов, таких, как методы датировки, анализа пыльцы, идентификации костных остатков и т.п.

Британия

Большинство основных известных в Британии шахт находятся на южных холмах на западе Суссекса и в Уилтшире. Гряда меловых холмов протянулась отсюда к северу через Чилтернс до Норфолка, где находятся знаменитые крупный кремневый комплекс Граймс-Грейвс. На севере Уортинга, в районе Финдона, находятся Сиссбери (Lane Fox, 1876, pp. 357–390), Херроу-Хилл (Curwen & Curwen, 1924, pp. 102–138), Блэкпатч (Pull, 1932), Чёрч-Хилл (Lau, 1927, pp. 222–241), Боу-Хилл, Сток-Даун (Wade, 1922, pp. 82–91) и Лавант-Кейвз (Allcroft, 1916, pp. 68–74).

Сиссбери, расположенный в 6,5 км к северу от Уортинга, знаменит своим укрепленным холмом железного века. На периферии этого крупного земляного сооружения найдены древние кремневые разработки, насчитывающие более 200 старых шахт (рис. 171). Одна из раскопанных шахт была глубиной 13 м и пересекала шесть пластов кремня, из которых разрабатывался только самый нижний. Здесь также доисторические шахтеры понимали, очевидно, что на большей глубине они могут добыть кремнь лучшего качества. Но, в отличие от многих мест на Европейском континенте, шахтеры в Британии не умели разрабатывать выходы кремня так, чтобы легче добывать кремнь лучшего качества. Одна из самых последних радиоуглеродных датировок определяет возраст Сиссбери примерно в 5500 лет. Таким образом, подтвердилось первоначальное предположение о том, что это местонахождение относится ко временам неолита, – предположение, основанное на находке глиняного черепка, характерного для неолита.

На кремневой шахте Херроу-Хилл проводились большие раскопки в 1924 и 1925 гг.

Примерно в 12 км к северо-западу от Тетфорда, в Норфолке, найдены доисторические кремневые шахты Граймс-Грейвс (илл. 138, 139, 140). Там насчитали 366 колодцев на площади около 14 га. Но только с 1870 г. эта стоянка стала рассматриваться как обширное место добычи кремня, а не раннее средневековое поселение, как считали до тех пор. Такой вывод был сделан в результате раскопок колодца глубиной 12 м и диаметром 8,5 м – «колодца Гринвелла», по имени археолога-любителя Гринвелла, сделавшего это открытие. После расчистки колодца обнаружили три пласта кремня: в первом пласте на глубине 3 м

кремень был среднего качества; во втором кремень, названный «стенным камнем», был лучше, но все же не годился для изготовления инструментов; третий пласт – «донный камень» в основании колодца разрабатывался. Со дна колодца по радиусам расходились штреки шириной в среднем 1,75 м и высотой приблизительно 1,25 м. Расчистив один из штреков, Гринвелл нашел кайла из оленьих рогов, на которых сохранились меловые отпечатки рук шахтеров. В общей сложности откопали 79 подобных кайл и базальтовый молоток. С тех пор расчистили от обломков и другие колодцы; один из них был открыт для публики. При последних раскопках на стенках одного колодца обнаружили выемки в боковых стенах, предназначенные, очевидно, для крепления лестниц или лесов, по которым спускались в шахту и поднимались на поверхность.

Весь комплекс разработок состоял из неглубоких ям сечением 2x1 м, глубиной 3–4 м, средних колодцев глубиной 6 м и глубоких шахт свыше 12 м глубиной, от которых отходили штреки. Радиоуглеродным анализом определено время этих разработок – от 5000 до 3600 лет назад.

Радиоуглеродные датировки, произведенные в группе кремневых шахт Финдона в Граймс-Грейвс, а также на севере графства Суссекс, показывают, что самые древние кремневые шахты появились на юге страны, а более новые шахты, такие как Граймс-Грейвс, находились севернее и начали разрабатываться значительно позднее. Это стало ясным после нескольких новых датировок, показавших тенденцию к перемещению на север общин, занимавшихся добычей кремня.

Бельгия

Кремневые шахты, обнаруженные в Бельгии, находятся на плато мелового периода, пояс которых вытянут с северо-востока на юго-запад по центральной части страны, севернее реки Мёз (Маас), от Льежа до Монса. У Монса находятся стоянки Спиенн, Фленю, Обург и Стрепи, а северо-восточнее – Орп-ле-Гран, Мееф, Авенн, Латинн, Вансен и Жацдрен-Жандретуй к северу от р. Маас и Руулен-Ба к югу от нее (Hubert, 1980, pp. 412–433).

Высказаны обоснованные предположения, что бельгийские кремневые шахты разрабатывались не только в период михельсбергской культуры, хотя с этой культурой есть тесная связь. В 1982 г. Де Лаат пересмотрел датировки этих шахт и заявил: «Несколько лет назад разработку кремневых шахт в Бельгии связывали с группами михельсбергской культуры, но теперь становится все более очевидным, что первые люди, занимавшиеся добычей кремня были окультуренными потомками мезолитического населения» (De Laet, 1982, p. 246).

Местный кремень был предметом активной торговли: об этом свидетельствуют предметы из бельгийского кремня, найденные на расстоянии более 270 км от мест его разработок.

Крупные и важные доисторические шахты в Спиенне вырыты в меловых плато, покрытых лессом, на юге и западе омываемых р. Труй. Залежи кремня хорошего качества, выходящие на поверхность на восточных и западных склонах речной долины, разрабатывались в течение долгого времени – примерно с 6100 до 4100 лет до наст. в. Самые ранние разработки велись в неглубоких отложениях на восточной стороне; кремень добывался в открытых ямах, а позднее – в вертикальных колодцах. Самые первые известные шахты проходили через несколько пластов кремня низкого качества, прежде чем доходили на глубине 5–6 м до материала, пригодного для разработок. В отличие от британских шахт, эти шахты делались с небольшим сечением, что было связано с тем, что скальная порода в Спиенне тверже, чем соответствующий материал в кремневых шахтах Британии. Одна из раскопанных шахт имела на по-

верхности 2,4 м в диаметре, но на глубине 1,7 м сечение становилось эллиптическим с размерами 1,3x1,1 м. У дна шахта расширялась до 3 м в диаметре. Еще одно отличие от британских шахт: кремень отбивался сверху штрека, а не на уровне дна.

По мере продвижения разработок через массив плато на запад они становились глубже. С 1886 г. здесь с некоторыми перерывами проводились широкие исследования, но шахты нашли только в 1928 г. Одна из них была глубиной 16 м и диаметром 1 м, она расширялась у дна и у поверхности. Эти самые глубокие колодцы пересекали не менее 12 пластов кремня и находились на расстоянии 12–15 м друг от друга. От основания прорывались штреки; когда разработка шахты заканчивалась, то ее засыпали осколками мела из новых закладываемых шахт. Для поддержания сводов штреков оставляли на месте меловые столбы. Несмотря на возраст этих шахт – около 6 тыс. лет, – видно, что они были проложены по определенному плану. Применялся примитивный способ частичного извлечения камня, подобный разработке с помощью камер и столбов, которая использовалась при добыче угля в более поздние времена. Искусственные крепи – распорки и деревянные стойки – использовались только, как уже было сказано, во входных галереях или наклонных штреках. Выемки, которые можно наблюдать в стенах вертикальных колодцев, вероятно, служили для установки поперечных брусов, поддерживающих лестницы, используемые шахтерами. Как уже указывалось, мел – твердая порода, и хотя кайла из оленьих рогов применялись для отделки штреков и шахт, все же основные работы выполнялись кремневыми кирками, посаженными на деревянные рукоятки. На меловых кусках часто находили следы работы подобными орудиями.

Франция

В стране обнаружили и изучили 49 шахт и карьеров для добычи кремня и роговика, рассеянных по большой территории (*Deutsches Bergbaumuseum*, 1980, pp. 474–508). Девятнадцать из них, в том числе в Шампиньоле, расположены в треугольнике к северу от Парижа, между реками Сена и Уаза. Остальные находятся в разных местах; три из них – близ Кана, Ла-Петит-Гароин и Ле-Мартен, на востоке в центральной части района к югу от Лиможа. Знаменитый карьер кремня и роговика Ле-Гран-Прессини расположен сравнительно изолированно в 50 км к югу от Тура, так же, как и Мюр-де-Баррез в Центральном массиве, который находится в некотором удалении от остальных стоянок. Шахты были обнаружены также в Провансе, на территории к юго-западу, югу и юго-востоку от Парижа, и включают Пети-Мартен и другие доисторические центры добычи камня. Южнее, в долинах в верхних течениях Йонны и Сены, находятся соответственно Портонвиль и Докмонт. Известны, кроме того, две стоянки примерно в 40 км на юго-запад от Меца и еще две в районе Па-де-Кале.

Шампиньоль – одна из самых известных доисторических кремневых шахт Франции (Sanders, 1910, pp. 101–124), расположенная возле Серифонтен (департамент Уаза). Были открыты 11 шахт с радиальными штреками; разработки обнаружены вместе со старыми выработками в самом нижнем из трех пластов. Колодцы были глубиной 4 м, расширялись в форме бутылки, имели диаметр несколько больше 1 м на поверхности и 1,5 м – на дне.

Один из немногих доисторических карьеров роговика находится у г. Ле-Гран-Прессини в департаменте Эндра и Луара. Его активно разрабатывали начиная с палеолита до бронзового века, но самым продуктивным был период между пятым и четвертым тысячелетиями до наст. в. Добываемый в этом месте материал золотисто-коричневого

цвета залегают в песчанике. Следует отметить, что роговик, добываемый здесь, продавался в очень отдаленных местах – во Франции, Бельгии, Швейцарии и даже на о. Джерси (*Jahn*, 1956, pp. 5–40).

В 1880-е гг. во время разработки известнякового карьера обнаружены также шахты близ Мюр-де-Баррез (департамент Аверон): был открыт старый шахтный ствол и прилегающий штрек. Позднее открыли еще 10 колодцев. Они были диаметром 80 см и глубиной 3–6 м.

Германия

Два значительных доисторических горнорудных центра обнаружены в окрестностях Аахена и в Кляйнкемсе в земле Баден-Вюртемберг. Кроме того, в долине Дуная и к северу от нее, на территории протяженностью более 200 км, нашли 23 предмета из кремня и роговика на разных стадиях изготовления, что указывает на наличие в этом районе пока не открытой горнодобывающей стоянки.

Орудия из кремня вместе с оленьими рогами начали находить с 1808 г. у Лусберга близ Аахена – на территории, с давних времен хорошо известной благодаря ее геологическим особенностям. С 1978 по 1980 гг. проводились интенсивные раскопки, при которых не только обнаружили следы каменотесных мастерских, но и шахтные колодцы. Нашли и костяные орудия. Кремь из Лусберга также вывозился на отдаленные территории.

Доисторическая шахта по добыче яшмы была обнаружена близ Кляйнкемса в юрских известняках Ишпайнер-Клюц на крайнем юго-западе страны, недалеко от границы со Швейцарией. Ее обнаружили более 125 лет назад, когда прокладывали железную дорогу. Четыре пласта яшмы этого месторождения были обнаружены во время строительства цементного завода. К сожалению, в настоящее время большую часть стоянки закрыли новыми постройками. Несмотря на то что известняк – очень твердый материал, он добывался с помощью кайла из оленьих рогов и орудий из кремня. Предполагается, что здесь применяли способ огневой осадки, на это указывают обожженный известняк и древесный уголь. По мнению Шмидта (*Schmid*, 1969, pp. 4–13), стоянка относилась по крайней мере к четвертому тысячелетию до наст. в.

Нидерланды

Две горнодобывающие стоянки были обнаружены на юге и юго-востоке страны возле Маастрихта. Стоянку Рийкхольв сначала, в 1881 г., определили как стоянку по обработке кремня, затем, в 1910 г., как шахту. До 1964 г. на ней проводились различные исследования, однако систематическое изучение подземных выработок предприняли не так давно (*Engelen*, 1969, pp. 15–22), а закончили только в 1970 г. Прокладка исследовательских туннелей через всю стоянку позволила обнаружить 66 шахт диаметром 1–1,4 м и глубиной 6–16 м. Радиоуглеродная датировка показала, что разработки начались не позднее 5800 лет назад. Отличительной чертой этих разработок является то, что основная порода – мел – здесь намного тверже, чем во многих других кремневых шахтах, и орудия из оленьих рогов не подходили. Вместо них использовались кремневые орудия, что подтверждается почти 7 тыс. найденных инструментов на разной стадии изготовления и использования.

Дания

Пять мест добычи и обработки кремня были обнаружены в Ютландии: Хов, Бьерр, Аалборг, Хиллерслев и Форнес, а шестое – Стевес-Клингт – на о. Зеландия. Самыми из-

вестными являются Хов и Аалборг. В Хове шахты прорыты к кремневым пластам в глубину на 7 м, но разрабатывался и пласт на глубине 4 м. Шахты были диаметром 4,5 м, от них отходили штреки длиной до 4 м. Согласно Беккеру (*Becker*, 1959, pp. 87–92; 1976, pp. 3–12), шахты датируются около 5200 лет назад. Тридцать шесть шахт были найдены в 1957 г., но их изучение началось только в 1967 г. Разработки в Аалборге обнаружены в 1950–1952 гг., они включают шахты глубиной от 1 до 4,7 м, диаметром от 1 до 1,5 м, расширяющиеся у основания, но без штреков. Разработки отнесены примерно к середине четвертого тысячелетия до наст. в.

Швеция

Единственные известные в Швеции кремневые шахты расположены близ Мальмё на крайнем юге страны. Долгое время считалось, что это – простые меловые карьеры, но проводимые с 1951 г. раскопки подтвердили, что приблизительно в конце шестого тысячелетия до наст. в. здесь с помощью кайл из оленьих рогов разрабатывали залегающий на глубине кремневый пласт.

Другие территории

К другим значительным местонахождениям доисторических кремневых карьеров, заслуживающим упоминания, относятся Лёвенбург в Швейцарии, Мауэр в Австрии, Сумаг в Венгрии, Кжемьонки-Опатовски в Польше и Монте-Табуто на Сицилии. По-видимому, самый крупный комплекс кремневых шахт в Европе находился в Польше, где обнаружено 19 мест. Согласно Язджевскому (*Jazdzewski*), в Польше были найдены самые старые кремневые шахты, относящиеся к периоду мезолита. Большинство этих карьеров сосредоточено в двух районах: один на юго-востоке близ Радома, а другой – к северу и югу от Кракова. Самые крупные доисторические разработки кремня обнаружены в Кжемьонки-Опатовски на восточном склоне горы Лиса. На этой большой территории, где насчитывалось более 1 тыс. шахт глубиной 9–11 м, добывали качественный роговик или яшму, представлявшие собой хорошее сырье для изготовления топоров. Принято считать, что разработки в Кжемьонки-Опатовски проводились примерно 6200–5200 лет назад (см. например, *Deutsches Bergbaumuseum*, 1980, pp. 474–508). Здесь нет возможности описать, хотя бы кратко, примерно 150 других мест в Европе, известных исследователям.

Из описания некоторых стоянок видно, что были различные способы расположения шахт и извлечения камня, в основном преобладали общие черты: узкие и неглубокие колодцы пробивались до выбранного пласта, от основания колодца расходилось несколько штреков. Были найдены орудия из оленьих рогов, широко использовавшиеся в разработках, часто отстоящих друг от друга на сотни километров, а там, где мел или известняк были твердыми, применяли кремневые кайла и иногда даже огневую осадку.

Кроме добычи кремня и роговика, есть много других примеров разработки карьеров вулканических пород: в Селедене во Франции, известные базальтовые карьеры Майена в районе Эйфеля в Германии. Последние разрабатывались с неолита и до римских времен. Жернова для размалывания зерна делались в основном из базальта и вывозились во многие регионы.

Благодаря современным методам идентификации и датировки материала, найденного при раскопках, можно довольно точно определить время, когда разрабатывались доисторические карьеры. До применения радиоуглеродного анализа единственным способом определения воз-

возраста было исследование обнаруженных фрагментов гончарных изделий. Но с гончарными изделиями, как и с монетами, найденными в более поздних, но все же древних шахтах, возникают трудности. Глиняные изделия, например, могли попасть в старые колодцы или траншеи вместе с обломками породы гораздо позже, поэтому в лучшем случае можно лишь приблизительно определить время разработок с точностью до многих сотен лет. Такие же трудности могут возникать даже при радиоуглеродной датировке – этот анализ применить нельзя, если не найдены фрагменты дерева, орудий из оленьих рогов, древесного угля и других материалов, к которым можно применить этот метод.

Некоторые авторы обратили внимание на различные отметины и выбоины на меловых стенках во многих доисторических кремневых шахтах. Эти отметины невозможно датировать и расшифровать, поэтому на них мало обращали внимания. Насколько известно, многие шахты, где были обнаружены такие следы, засыпались сразу же после того как разработки прекращались; сразу же рыли колодцы, а выработанные шахты оставались нетронутыми. Если это именно так, то отметины не могли появиться в более современные эпохи. Некоторые отметины представляют собой прямые линии, расположенные в шахматном порядке, другие имели вид угловых линий и кругов. Это могли быть зарубки или даже надписи, которыми пользовались для учета добытого в шахте кремня. Основные особенности многих шахт указывают на то, что для разметки направленных штреков по радиусу и туннелей между шахтами нужна была хотя бы примитивная топологическая схема. Некоторые отметины могли быть сделаны шахтерами при составлении такой схемы. Практически невозможно с уверенностью сделать заключение о значении этих символов.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Рассматриваемый период часто называют неолитической революцией. Если иметь в виду достигнутый в эту эру прогресс, то это время по сравнению с предшествующими и последующими культурными эпохами, безусловно, явилось революционным и революция была столь же, если не более значительной, как промышленная революция XIX в. Изменения, произошедшие в эру неолита, имели основополагающее значение, тогда как события, происшедшие несколько веков ранее нашего времени, состояли главным образом в использовании движущей силы в уже вошедшей в обиход технике. Неолитическая революция является, таким образом, настоящим переворотом, отмеченным переходом к новым условиям проживания и питания, а также появлением сельского хозяйства и производства сырья. Как уже указывалось, горное дело существовало в самой примитивной форме и до неолита, но появление в различных районах в результате больших миграционных процессов оседлых земледельческих общин привело к развитию более сложных средств производства – новых инструментов и орудий, необходимых для существования производящего хозяйства.

Одна из примечательных черт неолита – появление значительного количества кремневых шахт в Европе. Возможно, что еще большее число шахт, чем уже обнаружены, ждут своей очереди – их раскопают и исследуют. Массовое производство кремневых орудий, изготовленных в неолите, указывает на то, что общности людей расширялись и хорошо развивались и, следовательно, народонаселение было многочисленным. Объем производства был настолько большим, что торговля каменными материалами и кремневыми орудиями велась в широком масштабе. Вполне вероятно, что эти изделия служили предметами об-

мена: нет никаких оснований отрицать это. Нередко предметы, сделанные из кремня или вулканических пород, найдены за сотни километров от предполагаемого места их происхождения; примерами служат, например, материалы из карьеров в национальном парке в Лейк-Дистрикт в Англии или из Ле-Гран-Прессиньи во Франции, Спиеенны в Бельгии, гор Святой Крест в Польше, Майена в Германии и из других мест.

Чайлд (*Childe*, 1954, p. 66) считает, что неолитические деревни и некрупные поселения располагались на площади от 0,5 до 2,5 га, объединяя небольшие общины в 25–35 семей. Если такие поселения находились недалеко от меловых месторождений, то они разрабатывались, но трудно ответить на вопрос, кто на самом деле добывал кремнь: сами ли земледельцы или работники, специализирующиеся только на этом, шахтеры. Или древние крестьяне работали на земле летом, а добывали кремнь зимой, т.е. существовала организация сезонной деятельности? Чайлд предполагает, что шахтеры были умелыми специалистами, и в таком случае горное дело тогда уже должно было быть высокоспециализированной деятельностью, которой занимались круглый год.

Если снова обратиться к обычной планировке кремневой шахты, то нельзя не отметить профессиональные умения доисторических шахтеров. Они следовали основной схеме и рано поняли, что качество кремня обычно улучшается с глубиной залегания пластов. Конечно, они не углублялись ниже 15–20 м, но в этом и не было необходимости. Пласты кремня располагаются обычно горизонтально или с небольшим уклоном, поэтому можно было вести разработки на большой территории, не увеличивая значительно глубину. Были и некоторые исключения, например, когда кремнь выходил на поверхность на склонах плато. Как мы уже видели, так было в Спиеенне, но до сих пор таких шахт обнаружено мало. Если пласты сильно наклонены, то доисторическим шахтерам, безусловно, приходилось рыть глубже, чтобы добывать качественный кремнь. Они могли следовать за наклонным пластом, делая штреки или галереи на склоне холма, как это делалось позднее, в бронзовом веке шахтерами на медных рудниках в Миттерберге в австрийском Тироле. Шахтеры могли делать и постоянные шахты, но в этом не было необходимости. Если бы медь, бронза и позднее железо не пришли на смену кремню как основному сырью, разработки распространились бы на еще большие территории и в конце концов стали бы значительно глубже.

Нельзя упрекнуть доисторических шахтеров за их методы разработок, что часто делается теперь. Они быстро заметили, что когда ствол шахты доходил до подходящего для разработки пласта, то лучше было прорывать штрек, чем выбирать наугад породу, расположенную вокруг основания шахты. Они научились предотвращать обрушения шахт, расчетливо располагая штреки, случайно поняли значение столба, подпирающего штрек. Там, где порода была разрушена, они оставляли меловые опоры или закладывали выработанное пространство пустой породой, поэтому ее не надо было вынимать из шахты. Все это указывает на высокий профессионализм шахтеров и дает достаточные основания для подтверждения гипотезы Чайлда.

Другие аспекты мастерства шахтеров – использование способа огневой осадки при палиции скальных пород большой твердости, а также применение клиньев, кайл, ломов и лопат, их понимание основ обработки кремня.

Как объяснить тогда тот факт, что в отдалении от шахт, судя по их планам, сделанным современными исследователями, разработки кремня велись хаотично? Планы показывают значительные оседания и наличие штреков, которые никуда не вели и заканчивались тупиком. Это противоречит предположению о том, что разработки велись относи-

тельно компетентными специалистами. Известно, что окончательная обработка кусков кремня редко производилась на месте, их только слегка оббивали, а чистовая отделка заготовки производилась позже в самом поселении. Таким образом значительно сокращалась масса материала, который надо было перевозить. Во многих местах среди найденных инструментов законченными были только те, которыми, очевидно, пользовались для приготовления пищи. Весьма вероятно, что жители деревни приходили к шахте, расположенной поблизости, и брали столько кремня, сколько могли унести в деревню, где превращали заготовки в инструменты и изделия, которые либо использовались на месте, либо служили предметами торговли с жителями других, иногда весьма удаленных поселений. Кажется вполне вероятным, что после того как ствол шахты был вырыт и были сделаны входы в штреки (эту работу выполняли специалисты-шахтеры), шахта оставалась открытой и в нее на свой страх и риск мог спуститься каждый, кто хотел достать себе кремень. Это, разумеется, только предположение, но оно в определенной степени может объяснить хаотичное развитие при отсутствии значительных смещений и нарушений.

В Обурге был найден скелет шахтера с кайлом из оленьего рога в руке в позе человека, прорубающего штрек. Штрек проходил от заброшенной траншеи, прорытой для разработки кремневого пласта, находящегося под старой, заложеной породой галереей. Похоже, что человек погиб под обвалом свода, в то время как он отбивал мел, поддерживающий эту старую выработку. Данная находка подтверждает предположение, согласно которому неопытные люди спускались в действующую шахту поодиночке и забирали столько кремня, сколько могли отбить от поверхности штрека. Возможно, что жители деревни не знали, что этот человек находится в шахте, и сочли его пропавшим. Люди неолита хоронили своих мертвых, но, возможно, увидев, что один из них отказался засыпанным в шахте, они решили, что это подходящая могила, и оставили там тело. Конечно, можно по-разному интерпретировать такую находку, но в любом случае трудно предположить, что в те времена была группа опытных специалистов, знающих проблемы добычи на опасных участках.

Ничего не известно об образе жизни неолитических шахтеров, в частности, об их верованиях, одежде, языке, могут быть получены лишь некоторые достоверные сведения об их питании благодаря находкам, собранным на месте их проживания. Работали ли шахтеры обнаженными или нет – скорее всего мы этого никогда не узнаем.

Возможно, у них был свой культ и религиозные символы. В одном из колодцев Граймс-Грейвс была найдена меловая статуэтка, вероятно, изображающая богиню. Ее обнаружили на уровне пласта кремня, который не разрабатывался. Рядом со статуэткой находился своего рода «алтарь», выложенный из камней, и предмет фаллической формы. Эта культовая статуэтка могла быть положена на место в любое время, например, между 3500 лет назад и вплоть до XIX в., когда шахта была открыта для каких-то целей. Всегда можно дать правдоподобное толкование таких находок, и одно из предположений – что статуэтка была положена в том месте, где шахтеры обнаружили, что кремень в пласте был низкого качества, с надеждой, что богиня поможет им глубже найти пласт лучшего кремня.

Таким образом, обзор доисторического горного дела в неолитическую эру выявляет важную революцию и в этой области, которая произошла в результате изменений в социальной жизни и в условиях существования. Эта революция означает рождение подземной горнодобывающей промышленности, как это ясно сегодня. В то время как около шестого тысячелетия до наст. в. эта деятельность развивалась в Западной и Центральной Европе, другие изменения происходили значительно позже – на Балканах и в Средиземноморье: начинался век металла. Бессернистые медные руды, например, разрабатывались

в примитивных шахтах в эпоху энеолита (иначе называемого халколитом) – в переходную фазу между неолитом и бронзовым веком. В бывшей Югославии и Болгарии известны примеры таких разработок, как соответственно Рудна-Глава и Айбунар.

Способ добычи медной руды в Рудной-Главе шахтерами культуры Винча несколько отличался от способа, применяемого шахтерами неолита. Причина этого может быть в том, что выходящие на поверхность жилы руды, состоящей из магнетита (магнитного железняка) и халькопирита (медного колчедана), залегают отвесно и имели различные углы падения. Глубинной рудой был малахит. Вырывались примитивные шахты, они следовали за жилой в глубину на 2–25 м (Renfrew, 1973, p. 209). Насколько известно, представители первых культур, которые осуществляли эти горнорудные работы, не имели никакого опыта в обработке пиритных (сульфидных) руд. Йованович и Оттауэй (Jovanovic & Ottaway, 1976, p. 107) указывают, однако, на действие окисления до глубины 20–25 м, которое приводит к скоплению богатых концентраций карбонатов меди в виде малахита. Эти шахты датированы около шестого тысячелетия до наст. в. на основе богатых находок гончарных изделий, относящихся к культуре Винча. Черныш (Chernysh, 1978, pp. 203–217) описывает исследования, предпринятые на стоянке Айбунар в Болгарии, современной Рудной-Главе. Там изучены 11 старых шахтных выработок, состоящих из открытых ям и одной небольшой шахты. Длина этих выработок – от 10 до 15 м, средняя ширина – от 3 до 10 м, глубина – от 1 до 20 м.

Вполне вероятно, что в Западной Европе и в других местах еще предстоит открыть много неолитических кремневых шахт. Кремень в наше время не имеет экономического значения и не ценится как сырье для изготовления предметов труда и оружия, но его использование в древности дало дорогу применению бронзы, а позднее железа и стали. Металлы добываются непрерывно уже веками, и существует большая вероятность обнаружить древние кремневые разработки, чем древние шахты для добычи металлов, поскольку следы этих последних большей частью уничтожались последующими разработками, в частности, во времена римлян и их преемников.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ALLCROFT, A. H. 1916. Some Earthworks of East Sussex, Lavant Caves. *Sussex Archaeol. Collect. (Sussex)*, Vol. 56, pp. 68–74.
- ANDREE, J. 1922. *Bergbau in der Vorzeit*. Leipzig.
- BECKER, C. J. 1959. Flint Mining in Neolithic Denmark. *Antiquity*, Vol. 33, pp. 87–92.
- 1976. Flint Mining in Neolithic Denmark. In: *Festschrift für Richard Pittioni zum siebzigsten Geburtstag*. Vienna, pp. 3–12.
- CHERNYSH, E. N. 1978. Aibunar, a Balkan Copper Mine of the Fourth Millennium BC. *Proc. Prehist. Soc.*, Vol. 44, pp. 203–7.
- CHILDE, V. G. 1954. *What Happened in History*. London.
- 1957. *The Dawn of European Civilization*. London.
- COLLINS, A. L. 1893. Fire-setting. *Trans. Inst. Min. Engin. (London)*, Vol. 3, pp. 83–92.
- CURWEN, E.; CURWEN, E. C. 1924. Harrow Flint Mining Excavation. *Sussex Archaeol. Collect. (Sussex)*, Vol. 67, pp. 102–38.
- DE LAET, S. J. 1982. *La Belgique d'avant les Romains*. Wetteren.
- DE MÜNCK, E. 1986–87. Exposé des principales découvertes archéologiques faites à Obourg. *Bull. Soc. Anthropol. Brux.*, Vol. 59, pp. 298–300.
- DEUTSCHES BERGBAUMUSEUM. 1980. *5000 Jahre Feuersteinbergbau*. Bochum.
- ENGELN, F. 1969. *5000 Jahre Feuersteinbergbau in den Niederlanden*. *Der Anschnitt (Bochum)*, Vol. 21, pp. 15–22.
- HARRISON, J. P. 1878. Additional Discoveries at Cissbury. *J. R. Anthropol. Inst. G.B. Irel. (London)*, Vol. 7.

- HUBERT, F. 1980. Silexabbau und -gewinnung in Belgien. In: DEUTSCHES BERGBAUMUSEUM. 5000 Jahre Feuersteinbergbau. Bochum. pp. 412–33.
- JAHN, M. 1956. Gab es in der vorgeschichtlichen Zeit bereits einen Handel? Abh. säcks. Akad. Wiss. Leipz., Vol. 48, pp. 5–40.
- JOVANOVIĆ, B.; OTTAWAY, B. S. 1976. Copper Mining and Metallurgy in the Vinča Group. *Antiquity*, Vol. 50, pp. 107 ff.
- JUNG, J. 1963. *Précis de Pétrographie*. Paris.
- KEILLER, A.; PIGGOTT, S.; WALLIS, F. S. 1941. First Report of the Subcommittee of the South Western Group of Museums and Art Galleries on the Petrological Identification of Stone Axes. *Proc. Prehist. Soc.*, Vol. 7, pp. 50–72.
- LANE FOX, A. J. 1876. Excavations in Cissbury Camp, Sussex. *J. R. Anthropol. Inst. G.B. Irel.* (London), Vol. 5, pp. 357–90.
- LAW, W. 1927. Flint Mines on Church Hill, Findon. *Sussex Notes Queries* (Sussex), Vol. 1, pp. 222–4.
- MARIEN, M. E. 1952. *Oud-België (Ancient Belgium)*. Antwerpen.
- PITTIONI, R. 1950. Prehistoric Copper Mining in Austria, Problems and Facts. *Annu. Rep. Inst. Archaeol.* (London), pp. 23–4.
- PULL, J. R. 1932. *Flint Mines of Black Patch*. London.
- RENFREW, C. 1973. *Before Civilization*. Harmondsworth.
- SANDERS, H. W. 1910. The Deer Horn Pick in the Mining of the Ancients. *Archaeologia* (London), Vol. 62, pp. 101–24.
- SCHMID, E. 1969. Jungsteinzeitliches Jasper-Bergwerk am Istainer Klotz. *Der Anschnitt* (Bochum), Vol. 21, pp. 4–13.
- 1975. Der Silex Abbau der Löwenberg im Schweizer Jura. *Staringia* (Sittard), No. 3, pp. 78–80. (2nd International Symposium on Flint, Maastricht, 1975.)
- SHEPHERD, R. 1980. *Prehistoric Mining and Allied Industries*. London.
- WADE, A. G. 1922. Ancient Flint Mines at Stoke Down, Sussex. *Proc. Prehist. Soc.*, Vol. 4, pp. 82–91.

МЕКСИКА И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА: начало производства пищи

Хосе Л. Лоренсо

Почти забытый термин – протонеолит* – прекрасно подходит к интересующему нас здесь периоду, т.е. к последней фазе каменного века, который в Мексике и Центральной Америке продолжался примерно с 7000 до 4500 лет до наст. в. (карта 70). Этот период должен рассматриваться как очень значимый, так как знаменует начало земледелия, а следовательно, оседлой жизни; на смену селективному собирательству пришло разведение некоторых растений, дающих хороший урожай благодаря постоянно совершенствующимся процессам и методам. В некоторых районах и в некоторых случаях на этом этапе начинается новый способ производства, ставший основой для более совершенных форм культурного проявления в Центральной Америке; однако по разным причинам в других регионах можно говорить только о последней фазе, и соответствующий этой фазе уклад жизни продлится там до контактов с европейской цивилизацией.

Примечательной чертой каменного века было общее уменьшение размеров орудий труда и большее внимание к процессам окончательной их отделки. Тенденция к улучшению форм проявилась не только по отношению к изделиям из обломков камней, но также к предметам из шлифованного камня. Появилось стремление к улучшению функциональности предметов, их внешнего вида и пропорций. Бусины для ожерелий и браслетов, трубки, топоры, топора, ступы и жернова – все они делаются тщательно и тонко обрабатываются. Многочисленность каменных предметов различного назначения свидетельствует о разнообразии задач, для выполнения которых они были предназначены. Отмечено большое разнообразие веревок, сетей, корзин и текстильных изделий, различных мешков и корзин из растительного материала; иногда ткани окрашивались растительными красителями. Находят также предметы из дерева, среди которых рамы для сумок, части ткацких станков. Обнаруживаются и различные предметы из рога, в том числе оленьего, и из раковин, что предполагает развитие производства украшений – предметов, не имеющих практического значения.

Обнаружены первичные и вторичные захоронения, в которых тела находятся в различных позах; погребальные дары, свидетельствующие о существовании определенной идеологии, относящейся к смерти. Есть также некоторые

свидетельства людоедства, но невозможно определить, связаны ли они с ритуальной практикой или это было следствием голода.

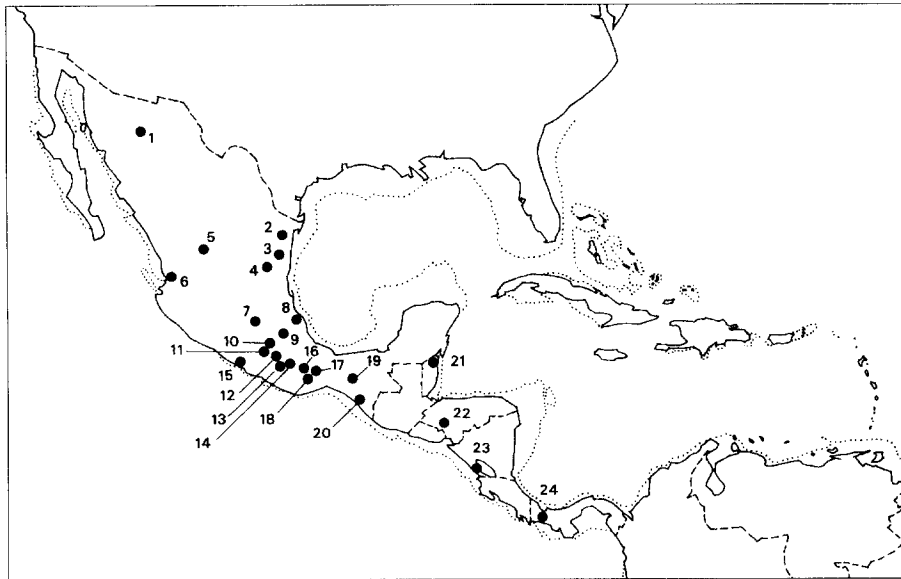
Протонеолит отмечен установлением практики выращивания кукурузы, фасоли и тыквы – растений, которые начали собирать раньше и которым отдавали предпочтение перед другими съедобными видами. Начинают выращивать и другие растения, которые, правда, не стали основными продуктами питания, как упомянутые выше, а некоторые со временем даже потеряли свое первоначально важное значение. Однако начинающееся земледелие оставалось ограниченным по масштабам, и питание обеспечивалось в основном собирательством и охотой. Тем не менее необходимость ухаживать за засеянными полями, чтобы обеспечить рост растений, по крайней мере в течение нескольких месяцев, должна была приводить к закреплению поселений на одном месте, формированию группы построек и небольших деревень, в который проживали в течение всего года, поскольку надо было не только получать урожай, но и сохранять его часть для будущего посева. При этом часть общины могла быть свободной от этих обязанностей и перебираться в периферийные и временные лагеря, откуда к тем, кто оставался в поселении, поступало продовольствие, необходимое для выживания в период между двумя урожаями.

Имеется также очень интересный пример небольшого поселения, состоявшего из полупещерных и построенного по овальному плану в Чилаке в долине Теуакан (Мексика, штат Пуэбла) (*MacNeish*, 1972).

Конец протонеолита характеризуется установлением полной оседлости, постоянным занятием земледелием, выращиванием фруктовых деревьев и одомашниванием индюка; приручение собаки, по-видимому, произошло в предыдущий период. Возможно, что именно в этот период зарождается землевладение, может быть, владение землей, занимаемой племенем, или по крайней мере землей, непосредственно прилегающей к поселениям.

Наличие гончарных изделий отсчитывает начало следующей фазы, а поскольку этот признак лучше, чем другие, обеспечивает идентификацию, то именно он служит критерием, определяющим действительное начало новой фазы. Примитивной керамики, относящейся к рассматриваемому здесь периоду, обнаружено не было, а самые древние из известных образцов свидетельствуют об их значительных технических и эстетических качествах. Можно предположить, что после того как люди овладели физико-химическим процессом превращения глины в керамику,

* Протонеолит (более часто называемый мезолитом, иногда – эпипалеолитом) – средний каменный век, переход от древнего к новому каменному веку (около 12–7 тыс. лет тому назад). – *Прим. ред.*

Карта 70. Мексика и Центральная Америка в протонеолите (пунктиром обозначена изобата, соответствующая глубине 100 м; звездочкой отмечены стоянки, возраст которых определен радиоуглеродным методом): 1 – Куэва-де-Ла-Голондрина (штат Чиуауа); 2 – комплекс Репело* (Тамаулипас); 3 – комплекс Ногалес* (Тамаулипас); 4 – комплекс Ла-Перра* (Тамаулипас); 5 – Гуадиана* (Дуранго); 6 – Матанхель* (Наярит); 7 – Сан-Никола (Керетаро); 8 – центр Веракрус* (Веракрус); 9 – Эль-Теколот (Идальго); 10 – Чиколапан (Мехико); 11 – Тлапакоя II, IV и XVIII* (Мехико); 12 – Текскаль* (Пуэбла); 13 – Кокскатлан* (штат Пуэбла); 14 – Дбехас* (Пуэбла); 15 – Текпан* (Герреро); 16 – Януитлан* (Оахака); 17 – Куэва-Бланка* (Оахака); 18 – Гила-Накитт* (Оахака); 19 – Санта Марта* (Чьяпас); 20 – Чапгудо* (Чьяпас); 21 – северный Белиз; 22 – Ла-Эсперанса (Гондурас); 23 – Акауаликан* (Никарагуа); 24 – Чирики* (Панама)

обилие сырья и дров, а также податливость этого материала способствовали быстрому прогрессу в изготовлении керамических изделий.

Следует, кроме того, обратить особое внимание на виды культивируемых в то время растений и их происхождение. Согласно Пикерсгилу (Pickersgill, 1977), Америка может быть разделена на четыре зоны окультуривания растений: Центральная Америка, зона Анд, восточная часть Северной Америки и низменные влажные тропические территории. Среди них выделяются две зоны – Центральная Америка и зона Анд; две другие являются второстепенными (учитывая цели данной главы). Мы ограничимся рассмотрением только Центральной Америки и оставим другим авторам возможность описать зону Анд.

В Центральной Америке *Phaseolus coccineus* (вид фасоли) использовался человеком почти с 11000 лет, однако его окультуривание произошло, если говорить об этом с уверенностью, всего примерно 2200 лет назад. *Cucurbita pepo* (вид тыквы) употребляли в пищу уже 10000 лет и выращивали 7000 лет. Следы *Setaria* (вид проса) были отнесены к 9000 лет, но окультуренным растением оно считается только с 5000 лет до наст. в. *Persea americana* (авокадо) известно с 9000 лет, но трудно установить точно, когда это растение начали культивировать, потому что величина плодов, служащая критерием, не позволяет отличить дикорастущие плоды от окультуренных.

Что касается фруктовых деревьев, то, видимо, начиная с периода полной оседлости общин, можно с уверенностью говорить об их действительном культивировании.

Lagenaria siceraria (бутылочная тыква) использовалась 9000 лет, но нет видимых признаков ее культивирования. С уверенностью можно считать, что в Центральной Америке выращивались такие виды, как *Phaseolus acutifolius* (разновидность фасоли), растения семейства амарантовых и *Capsicum annuum* (сладкий перец) начиная с 6000 лет до наст. в., а *Phaseolus vulgaris* (фасоль обыкновенная), *Cucurbita mixta* (разновидность тыквы) и *Gossypium hirsutum* (хлопчатник) – с 5 тыс. лет (Lorenzo, 1977b).

Несмотря на то что никакие точные дат определить нельзя, анализ человеческих фекалий, найденных в сухих

местах, в частности в долине Теуакан, показывает, что *Setaria* и *Amaranthus leucocarpus*, которые использовались до начала колониального периода и затем были запрещены по религиозным соображениям, начали употребляться с очень древних времен, намного раньше, чем большинство других растений. Кроме того, в Мексике в изобилии растет дикий вид картофеля – *Solanum cardyophyllum*, который всегда собирали и продавали на местном рынке вместе с плодами *Brosimum alicastrum* (родственник хлебного дерева), употребляемыми в пищу в периоды голода.

В отношении важности кукурузы (*Zea mays*) имеется более сложная проблема. Были собраны признаки, если не доказательства, существования кукурузы с древних времен, между 80 и 40 тыс. лет назад (Barghoorn et al., 1954), но затем было показано (Banerjee & Barghoorn, 1972), что размеры и характеристики пыльцы кукурузы и теосинтля настолько похожи, что их практически невозможно различить.

Некоторое время Бидл (Beadle, 1977, 1980) утверждал, что существует очень тесная связь между кукурузой и теосинтлем, однако Галинат (Galinat, 1975, 1977) считал, что необходимы археологические доказательства эволюции теосинтля к кукурузе, помимо экспериментов Бидла (1977, 1980), подтвердивших мнение о том, что кукуруза является мутантом теосинтля.

В настоящее время считается, что кукуруза и теосинтль, бесспорно, имеют наследственную связь и что некоторые мутанты теосинтля (самой древней и исходной его разновидности) могли использоваться человеком, который посчитал его съедобным, собирал, сохранял и выращивал, а в процессе селекции получил ту кукурузу, какую мы знаем и выращиваем сегодня.

Следует отметить, что теосинтль встречается только на относительно небольшой территории Центральной Америки, от юго-запада штата Чиуауа до юга Гондураса, проходя через западную и центральную части Мексики, западную и восточную части Гватемалы, на высоте 650–2350 м над уровнем моря в климатических зонах, изменяющихся от саванны до зон с умеренным климатом (Wilkes, 1967). (Отметим, кроме того, что в публикациях на английском

языке употребляют неправильный термин «*teosinte*». Это слово в действительности происходит от слов на языке науатл *teotl* («божество» или «бог») и *centli* («маис»), следовательно, означает «божественный маис» или «маис богов».)

Крупных стоянок, которые можно отнести к протонеолиту, не так много. Некоторые из них являются типичными для более ранних или поздних периодов, но есть такие, которые требуют тщательного изучения большого количества материалов, найденных там. К ним относятся пещера Куэва-де-Ла-Голондрина в мексиканском штате Чиуауа, комплексы Ногалес, Ла-Перра и Окампо в штате Тамаулипас, долина Гуадиана в штате Дуранго, побережье в Матанхель (штат Наярит), пещера Сан-Никола в штате Керетаро, пещера Эль-Теколот в штате Идальго, стоянка Чиколопан в штате Мехико, стоянки Тлапакойя II, IV (Сохапилко) и XVIII, центр Веракрус, стоянки Текскаль, Кокскатлиан и Абехас в штате Пуэбла, побережье в Текпан в штате Герреро, стоянка Януитлан в штате Оахака, некоторые отложения ракушечника на побережье штата Чьяпас, пещера Санта-Марта и некоторые стоянки на севере Белиза.

Вне Мексики можно упомянуть местонахождения Ла-Эсперанса в Гондурасе и Акауаликан в Никарагуа, где единственные остатки – отпечатки ног человека в слое золы, а также стоянки у залива Чирики в Панаме. В Панаме обнаружили зерна кукурузы в результате палинологических исследований, но никакой хронологии не установлено.

Мы закончим эту главу, упомянув несколько мест, где рано обнаружили очень древнюю керамику. Прежде всего надо отметить особый случай Тлапакойя IV (Сохапилко) в штате Мехико, где в слое почвы, датированном радиоуглеродным методом приблизительно 4250 лет назад, нашли терракотовую статуэтку, изображающую женскую фигуру. Никаких других следов керамики в этом слое найдено не было. В Януитлане (штат Оахака) обнаружено два гончарных черепка, отнесенных к жилищу, который датирован примерно 4000 лет до наст. в. В Пуэрто-Маркес около Акапулько (штат Герреро) нашли тип гончарных изделий, который был назван «Покс», возраст изделий – около 4200 лет, а в пещере Пуррон (штат Пуэбла) обнаружены два вида гончарных изделий, относящихся к 3400 годам назад. Начинаясь новая эра.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ALVÁREZ, T.; CASAMIQUELA, R.; POLACO, O. 1977. Informe de la 1er temporada de excavaciones realizadas en El Cedral, SLP. México, DF, INAH.
- ARNOLD, B. A. 1957. Late Pleistocene and Recent Changes in Land Form, Climate and Archaeology in Central Baja California. Univ. Calif. Pub. Geogr. (Berkeley), Vol. 10, No. 4, pp. 201–318.
- BANERJEE, U. C.; BARGHOORN, E. S. 1972. Fine Structure of Pollen Grain Ektextine of Maize, Teosinte and Tripsacum. In: Thirtieth Annual Proceedings of the Electro-Microscopy Society of America. Los Angeles, pp. 226–7.
- BARGHOORN, E. S.; WOLFE, M. K.; CLISBY, K. H. 1954. Fossil Maize from the Valley of Mexico. Bot. Mus. Leafl., Harv Univ. (Cambridge, Mass.), Vol. 16, pp. 229–40.
- BEADLE, G. W. 1977. The Origin of *Zea mays*. In: REED, C. A. (ed.), Origins of Agriculture. The Hague, pp. 615–35.
- 1980. The Ancestry of Corn. Sci. Am., Vol. 242, pp. 96–103.
- DANIEL, G. E. 1981. A Short History of Archaeology. London.
- ESPINOSA ESTRADA, J. 1976. Excavaciones arqueológicas en 'El Bosque'. Managua.
- GALINAT, W. C. 1975. The Evolutionary Emergence of Maize. Bull. Torrey Bot. Club, Vol. 102, No. 5, pp. 313–24.
- 1977. The Origin of Corn. In: SPRAGUE, F. (ed.), Corn and Corn Improvement. Madison, pp. 1–47.
- GARCÍA-BÁRCENA, J. 1979. Una Punta Acanalada de la Cueva Los Grifos, Ocozocoautla, Chiapas. México, DF, INAH.
- 1982. El Prececerámico de Aguacatenango, Chiapas, México. México.
- GUEVARA SÁNCHEZ, A. 1981. Los Talleres líticos de Aguacatenango, Chiapas. México.
- LORENZO, J. L. 1972. Problèmes du peuplement de l'Amérique à la lumière des découvertes de Tlapacoya. In: UNESCO. Proceedings of the Colloquium on the *Homo sapiens* Origins. Paris, pp. 261–4.
- 1977a. Un conjunto lítico de Teopisca, Chiapas. México, DF, INAH.
- 1977b. Agroecosistemas prehistóricos. In: HERNÁNDEZ XOCOLOTZI, E. (ed.), Agroecosistemas de México: contribuciones a la enseñanza, investigación y divulgación agrícola. Chapingo, Colegio de Postgraduados.
- 1986. Conclusiones. In: LORENZO, J. L.; MIRAMBELL, L. (eds), Treintaicinco mil años del Lago de Chalco. México, DF, INAH. pp. 225–87.
- LORENZO, J. L.; ALVAREZ, T. 1979. Presencia del Hombre en México hace mas de 30,000 años. Cienc. Desarrollo. México, Vol. 26, pp. 114–15.
- LORENZO, J. L.; MIRAMBELL, L. 1978. Informe de 2a. temporada de excavaciones realizadas en El Cedral, San Luis Potosí. México.
- 1979. Informe de la 3a. temporada de excavaciones realizadas en El Cedral, San Luis Potosí. México.
- 1980. Informe de la 4a. temporada de excavaciones realizadas en El Cedral, San Luis Potosí. México.
- 1982. Informe de la 5a. temporada de excavaciones realizadas en El Cedral, San Luis Potosí. México.
- 1983. Informe de la 6a. temporada de excavaciones realizadas en El Cedral, San Luis Potosí. México.
- 1984. Informe de la 7a. temporada de excavaciones realizadas en El Cedral, San Luis Potosí. México.
- MACNEISH, R. S. (ed.) 1972. The Prehistory of the Tehuacan Valley. 4. Chronology and Irrigation. Austin.
- MACNEISH, R. S.; WILKERSON, S. J.; NELKEN, A. 1980. First Annual Report on the Belize Archaeological Reconnaissance. Andover.
- MIRAMBELL, L. 1978. Tlapacoya: A Late Pleistocene Site in Central Mexico. In: BRYAN, A. L. (ed.), Early Man in America from a Circum-Pacific Perspective. Edmonton. pp. 221–30.
- MORGAN, J. DE. 1947. La humanidad prehistórica. Barcelona. (Trad. 2nd French edn.)
- OBERMAIER, H. 1925. El hombre fósil. 2nd edn. Madrid.
- PICKERSGILL, A. 1977. Taxonomy and the Origin and Evolution of Cultivated Plants in the New World. Nature (London), Vol. 268, No. 5621, pp. 591–5.
- PULESTON, D. E. 1975. Richmond Hill, a Probable Early Man Site in the Maya Lowlands. In: Acts XLI Congr. Intern. Americas. México, DF. Vol. 1, pp. 522–33.
- RITTER, E. W. 1976. The Antiquity of Man in the Laguna Seca Chapala Basin of Baja California. Pacific Coast Archaeol. Soc. Quart., Vol. 12, No. 1, pp. 39–46.
- SCHOBINGER, J. 1973. Nuevos hallazgos de puntas 'Cola de Pescado' ó consideraciones en torno al origen y dispersión de la cultura de los cazadores superiores toldense (Fell II) en Sudamérica. In: Atti XL Congr. Intern. Americ. Rome. Vol. 1, pp. 33–50.
- SHOOK, E. M. 1961. The Present Status of Research in the Preclassic Horizons of Guatemala. In: TAX, S. (ed.), The Civilizations of Ancient America. Chicago, pp. 93–100. (Selected papers XXIX Int. Congr. Americanists.)
- SNARKIS, M. J. 1979. Turrialba: A Palaeoindian Quarry and Workshop Site in Eastern Costa Rica. Amer. Antiq., Vol. 44, No. 1, pp. 125–38.
- SOLÓRZANO, F. A. 1962. Reporte preliminar sobre el estudio de artefactos y huesos humanos fosilizados procedentes de la zona de Chapala. Guadalajara.
1976. Artefactos prehistóricos de huseco del Occidente de México. Guadalajara.
- SZABO, A. J.; MALDE, H.; IRWIN-WILLIAMS, C. 1969. Dilemma Posed by Uranium Series Dates of Archaeological Significant Bones from Valsequillo, Puebla, Mexico. Earth and Planetary Science Letters, Amsterdam, Vol. 6, pp. 237–44.
- WEST, R. C. 1964. The Natural Regions of Middle America. In: WAUCHOPE, R. (ed.), Handbook of Middle American Indians. Vol. 1, pp. 363–83.
- WILKES, M. G. 1967. Teosinte: The Closest Relative to Maize. Cambridge.
- WILLEY, G. R.; PHILLIPS, P. 1958. Methods and Theory in American Archaeology. Chicago.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА, КАРИБСКИЙ БАССЕЙН, СЕВЕРНАЯ ЧАСТЬ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ И АМАЗОНИЯ: начало производства пищи

Марио Саноха Обедьенте

По мнению Корреала и Ван дер Хаммена, проводивших исследования в Колумбии (*Correal & Hammen, 1977*), расселение общностей охотников-собирателей, чьи следы были найдены в различных небольших пещерах саванны Боготы (*Correal, 1979*), видимо, шло в направлении нижних земель Западной Колумбии, особенно по межгорным долинам, таким как долины между реками Магдалена и Каука, с конечным выходом на побережье Карибского моря. Эта экспансия групп, связанных с охотой и собирательством, стимулировалась и ускорялась наступлением сухого периода примерно 5300 лет назад. Вполне вероятно, что количественное и качественное ухудшение охотничьей добычи в общинах на плато Анд могло вынуждать охотников отправляться на поиски более надежных источников пищи. Некоторые из них находили такие ресурсы на территориях, граничащих с устьем Магдалены, где разные общины собирателей, рыбаков, морских и прибрежных охотников, которые развивались в то же время, начали изготавливать мотыги и топоры из раковин морской улитки *Strombus gigas*, а также каменные песты и зернотерки, глиняные горшки и посуду для выпекания пищи из муки кассавы* и керамические сосуды, украшенные широким орнаментом из волнистых линий, налепленным или резным. О таких изделиях свидетельствуют находки на стоянках Монсу, Пуэрто-Ормига и Ротине.

Изменения климатических условий, особенно наступление сухого и жаркого климата, характерные для этого периода истории, побудили охотников-собирателей-рыболовов перестроить свою хозяйственную деятельность. Когда они пришли в места у устья Магдалены, то нашли там в изобилии произраставшие два вида сладкой и горькой (ядовитой) кассавы (*Manibot esculenta*) (*Sanoja, 1982b*). Последняя после обработки теряет свою токсичность. Имеются признаки того, что такая обработка действительно производилась, и поэтому кассаву можно было включить в перечень съедобных растений, потреблявшихся общностями охотников-собирателей-рыболовов, поселившихся в приморских и прилегающих к ним

районах, а также вблизи устья р. Магдалена. Даже не имея пока прямых доказательств столь древнего использования этого растения, по некоторым признакам представляется вероятным, что этот регион Колумбии мог быть изначальным центром окультуривания маниоки вида *Manibot esculenta*, причем неядовитый вид возделывался к западу от р. Магдалена, а обе разновидности – сладкая и горькая – к востоку. Другие авторы, например Саноха (*Sanoja, 1982b*), также считают, что северо-запад Колумбии мог быть одним из центров начала окультуривания тропических растений. Эта точка зрения подтверждается находкой в Мансу двух типов мотыг: первый тип – это большая тяжелая мотыга с толстым ободом и со следами износа – сколами – по кромке, применявшаяся, возможно, для вспашки почвы; второй тип – более легкое и узкое орудие с вытянутой лопастью, которое могло использоваться для работы с деревом.

Все эти данные позволяют предположить, что стоянки в нижнем течении р. Магдалена могут рассматриваться как один из первых примеров перехода к неолитическому образу жизни, отмеченного постепенным исчезновением общностей охотников и собирателей и возникновением племенного общества в северной части Южной Америки. Данный процесс, видимо, достиг своего пика около 3100 лет назад, когда произошли очень важные количественные и качественные изменения в способах получения средств к существованию у местных общностей. Эти изменения выразились в том, что данные общности освоили и распространили способ обработки ядовитой разновидности кассавы. Такие изменения, вероятно, были результатом последовательного накопления земледельческого опыта после первых попыток, предпринятых около 5000 лет назад на стоянках Монсу и Ротине. Именно в Ротине найдены осколки керамических сковородок – артефактов, которые затем стали широко применяться в Маламбо.

Новая технология удивительно быстро начинает оказывать большое влияние на коренные сообщества в северной части Южной Америки. С одной стороны, сладкая разновидность кассавы теперь могла готовиться на огне и потребляться почти без риска, тогда как для безопасного употребления горькой кассавы необходимо было подвергнуть ее технологической обработке, состоявшей из

* Кассава – съедобное растение рода маниок, которое возделывают для получения из корней муки и пищевого продукта – тапиоки (БЭКМ). – *Прим. ред.*

нескольких процессов. Правда, урожайность ее была выше, чем сладкой кассавы. С другой стороны, если возделывание кассавы было компромиссом между собирательством и типом земледелия, при котором «запасы» ее естественным образом оставались в земле до того момента, когда примитивный крестьянин решил вырвать растение из почвы, то с изобретением методов обработки ядовитой кассавы он мог держать свои продовольственные запасы в форме муки или тапиоки в собственном доме. Это освобождало крестьянина от ежедневной зависимости от «огорода», где он до этого получал необходимое количество углеводов. Такие запасы (или добытый трудом излишек) были своего рода капиталовложением, которое могло передаваться или обмениваться для получения других продуктов или материалов, эквивалентных по ценности. Представляется, что именно этот механизм привел к существенному изменению социальных отношений как внутри общины, так и между общинами, стимулировал процессы обмена между группами населения и их мобильность. Этим объясняется тот факт, что методы обработки горькой кассавы очень быстро распространились по всему северу Южной Америки, в Центральной Америке и в Вест-Индии, став основным способом производства пищи первых земледельцев, чьи деревни появились в этом обширном регионе очень рано (*Sanoja, 1982a, 1982b*).

Как уже показано, развитие земледелия в различных регионах Южной Америки, по-видимому, положило начало переходу к оседлому и неолитическому образу жизни общностей, ранее связанных с охотой и собирательством на внутренних территориях и побережье. Уточним, однако, что скорее всего этот процесс был не единообразной эволюцией, а сочетанием нескольких процессов местного развития, приводящих к увеличению производства пищи. Вполне вероятно, что именно таким было развитие стоянки Лас-Варас на северо-западе Венесуэлы и также, возможно, общин прибрежных охотников и собирателей, которые с древнейших времен жили на побережье штата Пара (Бразилия) на территории солончаков, известной под названием Салагадо и простирающейся от бухты Маражо в устье Амазонки до устья р. Гурупипи.

Радиоуглеродный анализ нескольких очищенных керамических черепков позволил определить возраст этой стоянки от 5000 до 3600 лет. Археологические остатки свидетельствуют о том, что жизнеобеспечение основывалось здесь на собирании морских моллюсков, охоте в глубине территории и потреблении съедобных растений (возможно, их зерен, корнеплодов и фруктов), для приготовления пищи из которых использовались каменные ступы и пестики, каменные молотки, скребки и ножи.

Гончарные изделия этого археологического периода, получившего название «Мина», тщательно очищались острыми краями морских раковин и окрашивались в красный цвет с нанесением цветного или резного орнамента; по стилю эти изделия похожи на предметы из Пуэрто-Ормига, Вальдивии и Мачалы на северо-западе Южной Америки (*Sanoja, 1982b*).

При этом, однако, остается открытым вопрос о том, как появилось земледелие и сельский образ жизни на северном побережье Бразилии: в результате местного автономного развития или, напротив, под воздействием общностей, мигрировавших из западной Амазонии, где уже с 4000 лет назад существовали культуры периода Гразинг, располагавшиеся на восточных склонах Эквадорских Анд, и культуры ранней фазы периода Тутискайно, которые существовали на восточном склоне Перуанских Анд и стили которых связаны с культурой котош, датируемой возрастом 3800–3000 лет. В обоих местонахождениях основой земледелия было выращивание растений.

Земледелием занимались и освоившие керамику общины, жившие в низовье Амазонки: от них сохранились каменные зернотерки и раковины морских моллюсков.

Все эти виды деятельности, характерные для фазы Ананатуба, продолжались здесь до начала третьего тысячелетия до наст. в.

В Панаме, в районе р. Чирики, найдены остатки поселения лесных охотников-собирателей, живших здесь, вероятно, в фазу Таламанка, от 7000 до 5000 лет до наст. в. Вплоть до этой последней даты их способ выживания основывался, по-видимому, на собирании диких плодов и, возможно, примитивной форме растениеводства с применением выкорчевывания и выжигания участков леса. Об этом свидетельствуют найденные полированные топоры и каменный инвентарь на отщепках (зубила, ножи, проколки, шилья, скребла), который мог служить для обработки дерева.

Этот период, именуемый фазой Бокете, характеризуется началом постепенного становления стабильного производства пищи и достигает максимального развития к 4000 лет до наст. в., времени появления гончарных изделий и более разнообразных форм хозяйствования, включающих примитивное земледелие и, возможно, выращивание кукурузы (маиса). Не исключено, что в этот период освоения различных форм производства пищи группы охотников-собирателей Панамы научились извлекать выгоду из исключительно благоприятных возможностей одновременного использования прибрежной экосистемы и экосистем рек и лесов своего перешейка, узкой полосы суши между Карибским морем на востоке и Тихим океаном на западе.

Обобщая исторические и культурные сведения о регионе в рассматриваемый период, следует отметить, что с восьмого тысячелетия до наст. в. здесь, как и на континенте в целом, начинается закат первобытного охотничьего уклада. Причин тому было много: это и цикл последовательных климатических изменений, подорвавших данную форму существования, столь зависимую от тех возможностей, которые предоставляла окружающая среда, и постепенное исчезновение мегафауны, и колебания уровня моря, и изменения температуры, и общее изменение доступной фауны и флоры, и т.д.

Изменения окружающей среды, очевидно, должны были повлиять на основы существования и социальную структуру этих групп людей. Отказ от присваивающих форм хозяйства и поиск более богатых и стабильных пищевых ресурсов приводят к постепенной территориальной стабилизации населения, все более заинтересованного в обнаружении и потреблении растительной пищи, в изготовлении или освоении комплекса технологических приемов и изделий для специализированного собирательства и первых шагов к культивированию некоторых растений.

В большинстве работ, опубликованных к настоящему времени и касающихся общин охотников-собирателей прибрежных территорий и внутренних земель континента, допускается существование переходного этапа (мезолитического, архайческого, мезоиндейского, палеоиндейского и т.д.), который заполняет промежуток между древними общинами охотников (в палеолите, каменном веке, палеоиндейском периоде и т.д.) и первыми земледельческими обществами (неолитический, формативный, неоиндейский и тому подобные периоды). Ученые рассматривают этот этап либо как продолжение палеолита (эпипалеолит), либо как прообраз неолита (прото-неолит). Впрочем, из материалов современных исследований следует, что присваивающие, или переходные, общества в различных областях производства пищи и в социальной организации достигли таких успехов, которые сыграли решающую роль в дальнейшем развитии и распространении земледельческого уклада. Именно тогда формируется основная масса знаний, которые, возможно, затем воплотятся в господствующий сельскохозяйственный образ жизни земледельцев и гончаров.

Представляется маловероятным, что земледелие могло появиться в результате какого-либо внезапного и оригинального открытия, сделанного отдельным сообществом. Можно считать, что оно, напротив, является логическим следствием процессов интенсификации отношений между человеком и растительной средой во многих регионах всех континентов.

Появление гончарного производства не было случайным. Оно появилось именно в то время, когда культурные растения начали преобладать над собираемыми дикими видами. К этому можно добавить, что изготовление глиняных сосудов как рабочих емкостей – следствие развития производительных сил, которые начали проявляться еще в обществах при присваивающем хозяйствовании. Это отражает восприятие почвы не как объекта, но как среды для приложения человеческого труда; это означало переход к новой модели социальной организации, обеспечивавшей радикальные изменения, совершенно необходимые для консолидации нового сельскохозяйственного племенного общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ABSY, M. L. 1982. Quaternary Palynological Studies in the Amazon Basin. In: PRANCE, G. T. (ed.), *Biological Diversification in the Tropics*. New York. pp. 67–73.
- ANDERSON, D. 1974. A Stone Campsite at the Gateway to America. In: ZUBROW, E. et al. (eds), *New World Archaeology: Readings from Scientific American*. San Francisco.
- AVELEYRA DE ANDA, L. 1964. The Primitive Hunters. In: WAUCHOPE, R. (ed.), *Handbook of Middle American Indians*. Dallas. Vol. 1, pp. 384–412.
- BATE, L. P. 1983. Comunidades primitivas de cazadores recolectores en Sudamérica. In: *História General de América*. Caracas. Vol. 2–1–2–II.
- BEARDSLEY, R. et al. 1955. In: WAUCHOPE, R. (ed.), *Seminars in Archaeology: 1955*. Salt Lake City. (Mem. Soc. Am. Archaeol., No. 11. Vol. 22, No. 2, Part 2.)
- BELL, R. E. 1965. Investigaciones arqueológicas en el sitio El Inga, Ecuador. Quito.
- BIGARELLA, J. J.; ANDRADE LIMA, D. DE. 1982. The Palaeoclimate and Palaeoecology of Brazilian Amazonia. In: PRANCE, G. T. (ed.), *Biological Diversification in the Tropics*. New York. pp. 27–40.
- BIRD, J. 1938. Antiquity and Migration of the Early Inhabitants of Patagonia. *Geogr. J.* (New York), Vol. 28, pp. 250–75.
- 1946. The Cultural Sequence in the North Chilean Coast. In: *Handbook of South American Indians*. Vol. 1, pp. 17–24.
- BIRD, J.; COOKE, R. 1977. Los artefactos mas antiguos de Panamá. *Rev. Nac. Cult.* (Panama), No. 6.
- 1978. The Occurrence in Panama of Two Types of Palaeoindian Projectile Points. In: BRYAN, A. L. (ed.), *Early Man in America from a Circum-Pacific Perspective*. Edmonton.
- BRYAN, A. L. 1973. New Light on Ancient Nicaraguan Footprints. *Archaeology* (New York), Vol. 26.
- 1978. An Overview of Palaeoamerican Prehistory from a Circum-Pacific Perspective. In: BRYAN, A. L. (ed.), *Early Man in America from a Circum-Pacific Perspective*. Edmonton. pp. 306–27.
- BRYAN, A. L. et al. 1978. An 'El Jobo' Mastodon Kill Site at Taima-Taima, Northern Venezuela.
- COLLINS, M. B. 1981. The Implications of the Lithic Assemblage from Monte Verde, Chile, for Early Man Studies. In: CONGRESO DE LA UISPP, 10, Mexico. *Actas Mexico*.
- CORREAL, G. 1979. Investigaciones en Abrigos Rocosos de Nemocon ó Sueva. Bogota.
- 1981. Evidencias culturales y megafauna Pleistocénica en Colombia. Bogota.
- CORREAL, G.; HAMMEN, T. VAN DER. 1977. Artefactos líticos de las Abrigos Rocosos del Tequendama. Bogota.
- COURSEY, D. G. 1976. The Origins and Domestication of Yams in Africa. In: HARLAN, J.; QET, A. M. J. DE; STEMMLER, A. B. L. (eds), *Origins of African Plant Domestication*. The Hague, pp. 383–408.
- CRAWFORD, 1891. Neolithic Man in Nicaragua. *Am. Geol.* (Minneapolis), Vol. 8, pp. 160–6.
- CRUXENT, J. M. 1961. Huesos quemados en el yacimiento prehistórico de Muaco, Estade Falcon. *Inst. Venez. Invest. Cient., Dep. Antropol. Bol. Inf.* (Caracas), No. 2, pp. 20–1.
- 1962. Artifacts of Palaeoindian Type, Maracaibo, Zulia, Venezuela. *Am. Antiq.*, Vol. 27, pp. 576–9.
- 1970. Projectile Points with Pleistocene Mammals in Venezuela. *Antiquity*, Vol. 175, pp. 223–6.
- 1971. Apuntes sobre arqueología Venezolana. In: *Arte Prehispanico de Venezuela*. Caracas.
- CRUXENT, J. M.; ROUSE, I. 1961. *Arqueología cronológica de Venezuela*. Washington, Unión Panamericana.
- 1963. *Venezuelan Archaeology*. New Haven/London.
- DEREVIANKO, A. P. 1979. On the Immigration of Ancient Man from the Asian Pleistocene. In: BRYAN, A. L. (ed.), *Early Man in America from a Circum-Pacific Perspective*. Edmonton.
- DIKOV, N. N. 1978. Ancestors of Palaeoindians and Proto-Eskimos Aleuts in the Palaeolithic of Kamchatka. In: BRYAN, A. L. (ed.), *Early Man in America from a Circum-Pacific Perspective*. Edmonton.
- DILLEHAY, T. 1981. Early Man in South Central Andes, Monte Verde. In: CONGRESO DE LA UISPP, 10, Mexico. *Actas Mexico*.
- ESPINOZA, E. J. 1976. Excavaciones en El Bosque: informe no. I. Managua.
- EVANS, C.; MEGGERS, B. 1960. *Archaeological Investigations in British Guiana*. Washington. (Smithson. Inst., Bull., 177.)
- FLINT, E. 1885. Human Footprints in Nicaragua. *Am. Antiq.* (Chicago), Vol. 7, pp. 112–4.
- GONZÁLES, A. R. 1952. Antiguo horizonte precerámica en las Sierras Centrales de la Argentina. *Runa* (Buenos Aires), Vol. 5, pp. 110–33.
- 1960. La Estratigrafía de la Gruta de Itihuasi (Provincia de San Luis, RA) y sus relaciones con otros sitios precerámicos de Sudamérica. *Rev. Inst. Anthropol., Univ. Nac. Córdoba*, Vol. 1.
- GRUHN, R. 1976. A Note on Excavations at El Bosque, Nicaragua, in 1975. In: BRYAN, A. L. (ed.), *Early Man in America from a Circum-Pacific Perspective*. Edmonton.
- GRUHN, R.; BRYAN, A. 1981. A Summary and Implications of the Taima-Taima Mastodon Kill Site, Northern Venezuela. In: CONGRESO DE LA UISPP, 10, Mexico. *Actas Mexico*.
- HAMMEN, T. VAN DER. 1972. Changes in Vegetation and Climate in the Amazon Basin and Surrounding Areas during the Pleistocene. *Geol. Mijnb.* (Dordrecht), Vol. 51, pp. 641–3.
- 1974. The Pleistocene Changes of Vegetation and Climate in Tropical South America. *J. Biogeog.* (Oxford), Vol. 1, pp. 3–26.
- 1982. Palaeoecology of Tropical South America. In: PRANCE, G. T. (ed.), *Biological Differentiation in the Tropics*. New York. pp. 60–6.
- HURT, W. R.; BLASI, O. 1969. O projeto arqueológico Lagoa Santa, Minas Gerais, Brasil. Curitiba. (Arq. Mus. Paranaense, 4.)
- HURT, W. R.; HAMMEN, T. VAN DER; CORREAL, G. 1972. Pre-ceramic Sequences in the El Abra Rock, Colombia. *Science* (Washington), Vol. 175, pp. 1106–8.
- KRIEGER, A. 1962. The Earliest Cultures in the Western United States. *Am. Antiq.*, Vol. 28, No. 2, pp. 138–43.
- 1964. Early Man in the New World. In: JENNINGS, J.; NORBECK, E. (eds), *Prehistoric Man in the New World*. Chicago.
- LEROI-GOURHAN, A. 1946. *Archéologie du Pacifique Nord*. Paris, Musée de l'Homme.
- LYNCH, T. 1978. The South American Palaeoindians. In: JENNINGS, J.; FREEMAN, W. H. (eds), *Ancient Native Americans*. San Francisco.
- MATILLO, V. J. 1977. Acahualinca en el panorama arqueológico de Nicaragua. Managua.
- MEGERS, B. J. 1982. Archaeological and Ethnographic Evidences Compatible with the Model of Forest Fragmentation. In: PRANCE, G. T. (ed.), *Biological Differentiation in the Tropics*. New York. pp. 483–96.
- MÉNDEZ GUTIÉRREZ, M. 1984. Puntas de proyectil de Cajibío, Cauca, Colombia. Popayan.
- MEYER-OAKES, W. 1974. Early Man in the Andes. In: SUBROW, E. et al. (ed.), *New World Archaeology: Theoretical and Cultural Transformation*. San Francisco.
- 1981. Early Man Projectile Points and Lithic Technology in the Ecuadorian Sierra. In: CONGRESO DE LA UISPP, 10, Mexico. *Actas Mexico*.

- MILLER, W.; LUNDELIUS, E. 1976. The Fossils from El Bosque: A Preliminary Report to Jorge Espinoza. In: ESPINOZA, E. J. Excavaciones en El Bosque: informe no. 1. Managua, pp. 22-9.
- MOCHANOV, Y. A. 1978. Stratigraphy and Absolute Chronology of the Palaeolithic of Northeastern Asia According to the Work of 1963-1973. In: BRYAN, A. (ed.), Early Man in America from a Circum-Pacific Perspective. Edmonton, pp. 54-66.
- MOLINA, L. 1985. Wachakaresai: la historia que duerme bajo tierra. Caracas.
- MORGANTI, A.; RODRÍGUEZ, M. H. 1983. Cazadores recolectores de Monte Cano, Paraguana, Venezuela.
- MÜLLER-BECK, Í. 1966. Palaeohunters in America: Origins and Diffusion. Science (Washington), Vol. 52, pp. 1191-210.
1967. On Migrations of Hunters across the Behring Land Bridge in the Upper Pleistocene. In: HOPKINS, D. M. (ed.), The Behring Landbridge. Stanford, pp. 373-408.
- PAGE, W. 1978. Geology of El Bosque Archaeological Site. In: BRYAN, A. L. (ed.), Early Man in America from a Circum-Pacific Perspective. Edmonton.
- PANTEL, A. 1983. La Hundición, Estado Lara, Venezuela: Draft Field and Labor, Report. San Juan, MS. Fundación Arqueo. Puerto Rico.
- PATTERSON, T.; LANNING, E. P. 1974. Early Man in South America. In: ZUBROW, E. et al. (eds), New World Archaeology: Readings from Scientific American. San Francisco, pp. 44-50.
- RODRÍGUEZ, M. E. 1985. Grupos precerámicos del Noroccidente de Venezuela y su relación con la Cuenca del Lago de Maracaibo. Rev. GENS, Vol. 1, No. 2, pp. 38-53.
- ROYO Y GÓMEZ, J. 1956. El Cuaternario en Venezuela. Bol. Geol. Publ. Espec. No. 1, Lexico Estratigráfico de Venezuela (Caracas), pp. 199-204.
- 1960a. Características Palaeontológicas ó Geológicas del yacimiento de vertebrados de Muaco, Estado Falcon, con industria lítica humana. Boletín de Geología Publ. Espec. No. 3: Memórias III. Congreso Geológico Venezolano II (Caracas) pp. 01-5.
- 1960b. El Yacimiento de vertebrados Pleistocenos de Muaco, Estado Falcon, Venezuela, con industria humana lítica. In: INTERNATIONAL CONGRESS OF GEOLOGY, 21, Copenhagen. Report. Copenhagen. Vol. 14, pp. 154-7.
- SALGADO-LABORIU, M. L. 1982. Climatic Change at the Pleistocene Holocene Boundary. In: PRANCE, G. T. (ed.), Biological Differentiation in the Tropics. New York.
- SANOJA, M. 1980. Los recolectores tempranos del Golfo de Paria, Estado Sucre, Venezuela. In: CIPECAN, 8, St Kitts. Actas. pp. 139-51.
- 1982a. Los hombres de la yaca y del maíz. Caracas.
- 1982b. De la recolección a la agricultura. In: Historia General de América. Caracas. Vol. 3.
- 1984. Problemas de la Arqueología del Noreste de Venezuela. In: Los Problemas de la Arqueología de América Latina. (Inst. Arqueol. Acad. Cienc. URSS.)
- 1985. Preceramic Sites in Eastern Venezuela. Nat. Geogr. Res. Rep. (Washington, DC), Vol. 18, pp. 663-8.
- SANOJA, M.; ROMERO, L.; RONDON, J. 1982. Investigaciones arqueológicas en los Concheros, Guayana, El Bajo ó Las Varas, Estado Sucre, Venezuela. Acta Cient. Venez. (Caracas), Vol. 33, suppl.
- SANOJA, M.; VARGAS, I. 1979. Antiguas formaciones y modos de producción venezolanos. 2nd edn. Caracas.
- 1983. New Light on the Prehistory of Eastern Venezuela. In: WENDORF, F.; CLOSE, A. (eds), Advances in World Archaeology. New York. Vol. 2, pp. 205-44.
- SCHOBINGER, J. 1973. Nuevos hallazgos de puntas 'Cola de Pescado' y consideraciones en torno al origen y dispersión de la cultura de los cazadores superiores Toldenses (Fell I) en Sudamérica. In: CONGRESSO INTERNATIONAL DEGLI AMERICANISTI, 40, Rome, Geneva. Atti. Vol. 1, pp. 33-50.
- SIMPSON-VUILLEMIER, B. 1971. Pleistocene Changes in the Fauna and Flora of South-America. Science (Washington), Vol. 173, pp. 771-80.
- SNARKIS, M. 1984. Central America: The Lower Caribbean. In: LANGE, F. W.; STONE, D. Z. (eds), The Archaeology of Lower Central America. Albuquerque.
- STEWART, T.; NEWMAN, M. 1950. Anthropometry of South-american Indians: Skeletal Remains. In: STEWARD, T. (ed.), Handbook of South American Indians. Washington. (Smithson. Inst., Bull., 6).
- VELOZ MAGGIOLO, M. et al. 1982. Las Técnicas Unifaciales de los yacimientos de El Jobo y sus similitudes con el Palaeoarcaico Antillano. Bol. Mus. Hombre Dominicano (Santo Domingo), Vol. 18.
- WILLEY, G. 1966. An Introduction to American Archaeology. Vol. I: North and Middle America. New Jersey.
- 1971. An Introduction to American Archaeology. Vol. II: South America. New Jersey.
- WILSEM, E. 1964. Flake Tools in the American Arctic: Some Speculations. Am. Antiq., Vol. 29, pp. 338-44.
- WORMINGTON, H. M. 1961. Prehistoric Cultural Stages of Alberta, Canada. In: Homenajes a Pablo Martínez del Río; 25. Aniversario de la Edición de los Orígenes. Mexico, DF. pp. 163-71.

ЭКВАТОРИАЛЬНЫЕ И ТРОПИЧЕСКИЕ АНДЫ от начала производства пищи до 5000 лет до наст. в.

Луис Г. Лумбрерас-Сальседо

Два тысячелетия – от девяти до семи тыс. лет до наст. в. – отмечены существенными климатическими изменениями: постепенным повышением температуры окружающей среды и появлением условий, преобладающих на всех территориях, относящихся к региону Анд.

Предполагается, что к седьмому тысячелетию температура достигла наивысшего уровня, когда климат был жарким и влажным, но затем она стала понижаться, установившись на современном уровне около 5000 лет назад.

Следует, однако, отметить, что все эти основные обобщения применимы к региону Анд только при самом общем подходе, так как он крайне неоднороден. В действительности каждая микросреда региона по-своему реагировала на изменения климата; более того, факторы, определяющие климат в Андах – горные цепи и течения в океане, – по-разному воздействуют на различные географические местности, и климат в каждой из них зависит больше от местных факторов, чем от крупных перемен общего характера.

Андская горная цепь, идущая с севера на юг вдоль всей западной части Южной Америки, пересекает поочередно географический экватор и тропик Козерога и постепенно сглаживается по мере приближения к Антарктике. По существу, горная гряда начинается в Карибском бассейне на островах Вест-Индии и в южной части Центральной Америки. Ее структура повсюду в этой зоне, до Нудо-де-Пасто на юге Колумбии, напоминает своей разбросанностью и беспорядочностью некий архипелаг, причем в Колумбии вся горная система Анд разделяется на три главных массива, разделенных реками Магдалена, Каука и Патия. В данном регионе горы еще относительно низки. Лишь немногие вершины достигают 3200 м, поэтому эффект горных хребтов проявляется несущественно, и природные условия во многом похожи на тропические, с густым растительным покровом, горными лесами и очень влажными бесплодными высокогорными плато.

Регион экваториальных Анд, расположенный между 4 град. северной широты (колумбийский массив) и 5 град. южной широты (пустыни Пиура в Перу) относится в основном к территории Республики Эквадор. Горы расположены здесь намного компактнее и идут относительно узким хребтом (шириной 150–200 км). На севере территория представляет собой долины между вулканическими массивами высотой более 5000 м, к которым примыкают влажные плато с кустарниковым покровом. Далее к югу, наоборот, долины становятся суше, и просматривается различие между влажным тропическим восточным склоном и сухим, все более напоминающим пустыню западным склоном – именно эти признаки характерны для тропических Анд к югу от 5 град. южной широты. Горная цепь оказывает заметное, но не определяющее влияние на физические особенности ре-

гиона, поэтому вдоль узкой полосы гор соседствуют саванна, пустынное плато, тундра и вечные снега. На западе до океана простираются вечнозеленые леса, а на самом побережье появляются даже густые мангровые заросли.

Сильное влияние высоты Анд в сочетании с воздействием очень холодного океанического течения вдоль побережья Перу начинает сказываться к югу от 5 град. южной широты в Центральных Андах и еще южнее, в тропической зоне вплоть до Южного тропика. В Центральных Андах в пределах Перу горная цепь шире, а отдельные вершины достигают 5000 и даже 6000 м. Восточная часть лесиста и влажна, а западная совершенно пустынна. Вся гидрографическая сеть системы хребтов питает огромный бассейн Амазонки. Система хребтов состоит из множества геологических структур, меняющихся в зависимости от высоты и долготы их расположения. В западной части хребта берут начало реки, которые текут к морю, пересекая пустыню. На своем пути они оставляют плодородные наносные образования, которые обновляются каждый год. Это сочетание земельных форм включает новый тип сухих пустынных плато, получивших название *пуна*; они наиболее характерны для южной части Центральных Анд в южной части тропического пояса. Здесь горная цепь достигает наибольшей ширины (до 500 км), а обширную территорию занимает высокогорное плато, мелководные реки с очень небольшими бассейнами и водные потоки, которые углубляются по мере течения к океану, но здесь аллювиальные выносы не образуются, поскольку хребет круто обрывается к океану. Преобладающие ландшафты – пуна и пустыни, хотя есть и много плодородных оазисов, рассеянных по всей территории, отличающейся обилием пастбищ, а ее наиболее характерные обитатели – дикие и домашние андские верблюдовые.

К югу от Южного тропика горная цепь Анд снова суживается, оставаясь сухим регионом. Некоторые горные пики достигают большой высоты – около 7000 м, как например Аконкагуа (6960 м.). Но сам хребет в этом регионе совсем безлюден, и только его западные (в Чили) и восточные (в Аргентине) склоны представляют какой-то интерес для людей, в остальном же горы становятся для них лишь препятствием, которое необходимо преодолевать. Далее к югу Анды постепенно разделяются и исчезают в океане на крайнем юге континента.

Таковы характеристики окружающей среды, к которым человеку в процессе развития пришлось приспособливаться в Андах с их огромным многообразием условий. В столкновениях с ними формировались крупнейшие цивилизации экваториальных и тропических Анд, достигшие апогея в государстве инков (или Тауантинсуйу). Развитие андской цивилизации является результатом взаимопроникновения

идей и обмена опытом между общностями экваториальных и тропических территорий, которые служили сценой исторических событий начиная с открытия земледелия и до появления урбанизированного общества.

К концу плейстоцена, около 9000 лет назад, «волна» охотников распространилась по всему андскому региону. Они известны как умелые мастера, изготавливавшие листовидные метательные наконечники, а также успешно использовавшие многие ресурсы исключительно разнообразной территории Анд.

В самом общем виде можно выделить по крайней мере три основных типа хозяйственной организации этих охотников в нижнем голоцене. К первому относятся андские охотники на верблюдовых. Они жили на пустынных плато и пунах, где водились гуанако (*Lama guanicoe*) и вигони (*Visugna vicugna*). Вторая форма хозяйственной организации связана с кочевыми охотниками-собираателями, которые бродили по негустым межгорным лесам, долинам, ущельям и кустарниковым зарослям в поисках плодов и мелкой дичи, включая оленевых, вискачей (*Lagidium* sp.) и других грызунов, а также птиц. Третий тип представляют прибрежные жители, специализировавшиеся на рыболовстве, добыче моллюсков и сборе растений на территории неподалеку от берега.

Изучая охотников пуны, Рик (Rick, 1980, 1983) показал возможность образования общин оседлых охотников в районе пуны Хуни в центре перуанского нагорья, где, по его мнению (Rick, 1983, p. 192), были условия, весьма благоприятные для формирования оседлых общин охотников. Там один из основных ресурсов пуны – верблюдовые – могли стать предметом охоты круглый год, их стада были достаточно многочисленными, поэтому не было необходимости часто переселяться на новые места. Рик также отмечал, что оседлый образ жизни в пунах не обязательно должен был привести к быстрому усложнению организационных форм жизни охотников и росту их численности. Фактически их оседлость была связана со стабильным равновесием между наличием животных ресурсов, доступных для охоты, и потребностями групп охотников, живших в пещерах и скальных убежищах на высокогорных плато Анд.

Вероятно, именно в этих условиях стало возможным одомашнивание верблюдовых. Благодаря исследованиям Лавалле и Жулиана (Lavallée & Julian, 1975), изучавших регион Хуни, стало известно, что этот вид был одомашнен, примерно 6000 лет назад. В пещере Телармачай они нашли долговременную последовательность культурных слоев, начало которых радиоуглеродным методом датировано 9000 лет до наст. в. и которые продолжались до периодов изготовления гончарных изделий нашей эры; здесь выявлено постепенное убывание количества остатков явно диких животных типа оленевых и увеличение количества остатков верблюдовых. Одновременно начиная с фазы V этой последовательности было отмечено увеличение количества остатков молодых верблюдовых и изменение в морфологии зубов этих животных в тот же период, вплоть до появления форм резцов, характерных для альпаки (*Lama pacos*), которая вместе с ламой (*Lama glama*) является одним из домашних верблюдовых. Было обнаружено также значительное количество молодых особей в пещере; эта находка может означать, что животные содержались в пещере и что в условиях заточения новорожденные верблюдовые быстро погибали.

Между девятым и седьмым тысячелетиями до наст. в. во всех пунах и на многих высокогорных плато обосновались группы охотников, которые хорошо знали повадки верблюдовых и оленевых андских высокогорий. Многие из них, вероятно, жили в постоянных поселениях.

В долинах и оврагах, поросших кустарниками, промыслили охотники, которые пользовались листовидными метательными наконечниками и освоили другие виды ресурсов. В 1981 г. Линч и Поллок обследовали пещеру

Чобши в Южном Эквадоре. Там, на средней высоте горной гряды (около 2400 м над уровнем моря), они открыли последовательность, начало которой отнесено приблизительно к 8700 лет назад. Основной дичью здесь были олени, хотя в пещере найдены остатки кроликов, куропадок и других мелких животных. В Чобши, главным образом из-за трудностей обследования пещеры, не удалось получить информацию о том, что могло происходить в то время в экваториальных Андах, но возможно, что в этом регионе были сделаны некоторые важные открытия, приведшие к окультуриванию ряда тропических растений макротермальных зон. Однако в ходе раскопок Линча (Lynch, 1980) в пещере Гитарреро, расположенной на высоте 2580 м в ущелье Уаилас, обнаружено, что примерно 8000 лет назад охотники с листовидными метательными наконечниками в этой части Анд уже занимались окультуриванием растений. Отметим, что определение «листовидные метательные наконечники» не означает, что данные группы применяли только эту форму метательных орудий; на самом деле традиция добавления черенка или ствола к метательному наконечнику существовала во многих регионах, и в каждом из них найдены различные формы и стили орудий, а также разные материалы для их изготовления.

Значительные события произошли в пещере Гитарреро после фазы I, т.е. примерно между 10000 и 8000 лет назад. В комплексе II была проведена серия радиоуглеродных анализов, которые позволили все найденные остатки отнести к двум фазам: первая продолжалась от 10500 до 9500 лет до наст. в., вторая, начавшаяся с комплекса IIC, – от 9000 до 7000 лет назад. Все изменения, которые произошли в этот период, связаны исключительно с вмешательством человека, так как, по имеющимся данным, с того времени на этой территории в природных условиях не было никаких значительных изменений. Обитатели Гитарреро активно занимались собирательством: имеются свидетельства, что они широко потребляли такие клубни и корни, как кислицу (*Oxalis* sp.) и улююку (*Ullucus tuberosus*), а также выращивали бобовые растения, фасоль обыкновенную (*Phaseolus vulgaris*) и лимскую (*Phaseolus lunatus*), начиная примерно с 9400 лет назад, согласно датам, указанным Линчем (Lynch, 1980), Смитом (Smith, 1980) и Капланом (Kaplan, 1980). Среди других растений шли в пищу также чилийский перец (*Capsicum chilense*), тыква, баклажаны (*Pouteria lucuma*) и др.

Кроме того, как выяснила Уинг (Wing, 1977, 1980), костные остатки животных свидетельствуют о процессе одомашнивания, сходном с тем, который происходил в пещерах пуны, но при большой количественной разнице. При раскопках на самых низких уровнях среди крупных животных преобладали оленевые; кости верблюдовых стали появляться в значительном количестве только с начала фазы II, но они никогда не проявлялись столь значительно, как в более высокогорных районах. Практика одомашнивания верблюдовых как бы постепенно «спускалась» с пуны в ущелья и долины. С другой стороны, потребление мяса кроликов (*Sylvilagus brasiliense*) и вискачей (*Lagidium peruvianum*) было здесь намного выше, так как эта зона находится на границе географического распространения грызунов – южного предела для кроликов и северного предела для вискачей.

Находки в Гитарреро более информативны, так как они включают хорошо сохранившиеся изделия из дерева и кости: ножи, проколки и даже обгоревшие щепы для разжигания огня. Наконец, в этой пещере уцелели остатки веревки, корзин и тканей, дающих представление об эволюции различных технологий от по крайней мере 10500 лет назад и до перехода к их активному использованию: в начале фазы II появляются веревки из растительных волокон; затем в этой же фазе II одновременно с началом земледелия орудия усложняются. Следы использования хлопка не найдены нигде – он появится в этом регионе намного позднее. Чем лужнее оказывались веревки, тем активнее развивалась техника их плетения.

Ткани из пещеры Гитарреро, несомненно, самые древние из всех, найденных в Америке. В начале фазы II появляются и гибкая, и жесткая техника плетения, которая предшествует изготовлению тканей и корзин. Если учесть, что для найденных остатков тканей применялась самая примитивная форма плетения, то можно предположить, что их изготовление представляет определенную ступень в технологическом развитии. Как отмечают Адовазо и Масловски (*Adovasio & Maslowski*, 1980, p. 288), «тканые изделия комплекса II Гитарреро в целом намного проще и представляют собой более примитивную стадию технологического развития, чем все ткани, найденные на других докерамических стоянках». При этом среди остатков Гитарреро II найдены и некоторые прообразы будущих изделий, в частности нечто похожее на приспособление для изготовления петель и другие технологические детали. Отметим, что куски ткани, найденные на стоянке, использовались для изготовления корзин и мешков, видимо, одежду из нее не шили. Энджел (*Engles*, 1966, p. 31) предположил, что аналогичная ситуация должна была сложиться на побережье центральной части Перу, где еще до появления хлопка сетки и мешки изготавливали из растительных волокон, а в качестве одежды использовали шкуры верблюдовых, о чем свидетельствуют могилы охотников, которые, вероятно, были современниками Гитарреро II, т.е. жили примерно 9600 лет назад.

Из открытий Линча и его сотрудников следует, что процесс окультуривания растений начался в тропических Андах очень рано, вскоре после произошедших в плейстоцене климатических потрясений и в связи с общим повышением температуры. Стоянка Гитарреро доказывает, что это был независимый процесс, в котором участвовали охотники начала нового температурного периода. Им удалось приспособиться к окружающим условиям высокогорных андских межгорных плато, и они, как предполагает Линч, вели кочевой образ жизни между несколькими экологическими зонами, что стимулировало их к более разнообразному использованию растительных и животных ресурсов.

Данные об этом регионе показывают, что люди того времени имели форму общественной организации, полностью соответствующую кочевому типу групп, живших в пещерах, убежищах и небольших сезонных лагерях, и ничто не подтверждает существования деревень или земледельческих поселений. Более того, земледелие не вошло в повсеместную практику, хотя наличие ступ и террас на ряде стоянок того периода, расположенных как на побережье, так и в горах (Ареналь, Кикче и т.п.), может свидетельствовать об использовании технологически разных процессов сбора и обработки растений.

Установлено, что между 10500 и 7000 лет назад преобладающим видом деятельности была охота, дополняемая собирательством и селективным использованием или выращиванием клубневых растений, корнеплодов, бобовых и фруктов, что обеспечивало довольно хорошо сбалансированный комплекс протеинов и углеводов. В эту же эпоху на большей высоте, т.е. в тундре и на холодных плато, одомашнивание животных и первые шаги к развитию пастушеского хозяйства являлись характерными чертами эпохи. К сожалению, имеется слишком скудная информация об одомашнивании морской свинки (*Cavia porcellus*) и еще меньше сведений об утке (*Cairina moschata*), которые были также одомашнены; по-видимому, свинку одомашнили незадолго до начала четвертого тысячелетия до н.э. Собака (*Canis familiaris*) появилась здесь, вероятно, с охотниками-мигрантами плейстоцена, хотя конкретного подтверждения этому пока нет.

В свете таких открытий необходимо пересмотреть взгляды на происхождение андского земледелия в тропических лесах. Ущелье Уайлас, где расположена стоянка Гитарреро, находится в центре плодородной долины с умеренным климатом в окружении очень высоких гор, у подножья покрытой шапкой вечных снегов горы Уаскаран

(6768 м). Это очень благоприятная территория для использования ресурсов всех экологических уровней, расположенных неподалеку. Она находится на пути, соединяющем пустынное побережье и тропический лес Амазонии немного ближе к последнему. Было нетрудно установить и поддерживать контакты с покрытыми лесами Восточными Андами, находившимися не более чем в двух-трех днях пешего перехода, и с побережьем, которое было примерно на таком же расстоянии. Близость к Андам и положение промежуточного поста всегда характеризовали ущелье Уайлас, которое и сегодня является лучшим пунктом переезда отправление в тропический лес. Бобовые растения вида фасоль (*Phaseolus*), уже окультуренные либо находившиеся на стадии окультуривания, не требовали особых температурных условий и отлично прижились в умеренном климате, однако это не означает, что они не могли быть первыми найдены в лесной среде. Во всяком случае раскопки в Гитарреро показывают, что этот вид был окультурен уже примерно 8000 лет назад.

С другой стороны, такие корнеплоды и клубневые растения, как кислица (*Oxalis tuberosa*) и улюкко (*Ullucus tuberosus*) вполне могут происходить из горных районов, хотя есть мнение, что происхождение их из леса с жарким климатом более вероятно. Вполне возможно, что то же произошло где-то в другом месте с основным андским продуктом – картофелем (*Solanum tuberosum*), другим горным корнеплодом, который еще лучше адаптируется к различным экосистемам. В Аякучо не найдено доказательств выращивания картофеля до 5000 лет назад, хотя представляется вероятным, что, начиная с фазы Хайва (6500–5000 лет назад) там происходили события, подобные процессам развития в Гитарреро. На стоянке Трес-Вентанас (*Engel*, 1972) были найдены другие клубни, меньшие, по оценкам, возраст 10000 лет, однако большинство специалистов сомневаются относительно связи предметов, найденных при раскопках, а также в их идентификации, которая выполнена случайно. Хоукс (*Haukes*, 1967) и другие исследователи полагают, что окультуривание картофеля и других высокогорных андских растений, таких как квиноа (*Chenopodium quinoa*) и кашива (*Chenopodium pellidicaule*), должно было произойти южнее, в районе оз. Титикака между Боливией и Перу. Что касается квиноа, то следы его зерен, отнесенные к фазе Пики (7000–5000 лет назад), были обнаружены МакНейшем (*MacNeish*) в Аякучо.

Во всяком случае теперь очевидно, что начало одомашнивания растений и животных в тропических Андах, особенно в их центральном регионе, относится к 10000–8000 лет назад, причем открытие этих возможностей не вызвало существенных изменений в общественной жизни, хотя можно предположить, что привело к росту народонаселения и в результате к активному заселению территории охотниками-собирателями, объединенными в группы различного типа.

Эти группы включали тех, кто был связан с морем. Недалеко от них обитали другие кочевывшие охотники-собиратели, в основном на территориях с типичной для пустыни растительностью. Такие места здесь называются *ламас*; они покрываются растительностью зимой (с июня по октябрь) и превращаются в пустыню весной. Временные обитатели ламас участвовали в цикле сезонных перемещений, имея базу на побережье, о чем свидетельствует множество раковин, приуроченных к их останкам (*Engel*, 1972). Возможно также, что некоторые из них могли спускаться сюда из долин и ущелий западных склонов Анд, где зимой почти нет осадков, и у них могли быть трудности в добычании пищи.

Прибрежные общины, жившие в пещерах и укрытых на взморье, питались главным образом рыбой и моллюсками, хотя имеются данные, что к ним добавляли растительные продукты из ламас или с долин, оазисов и пустыни. Следует отметить, что большая часть наиболее древних прибрежных поселений сейчас находится под водой, поскольку со времен

плейстоцена уровень моря поднялся на несколько метров и многие прибрежные территории были затоплены.

Таким образом, на рубеже седьмого тысячелетия до наст. в., обитатели региона Анд были уже вполне приспособлены к окружающей среде и широко использовали различные экологические системы и их продовольственные ресурсы. Все эти процессы проходили в технологических, демографических и социально-организационных условиях, которые мало отличались от тех, в которых жили предшественники этих общностей в каменном веке, хотя отдельные сообщества уже выращивали растения и умели изготавливать веревки, корзины и мешки из ткани, что было шагом вперед на пути к более сложному жизненному укладу.

Между седьмым и пятым тысячелетиями до наст. в. этот образ жизни утвердился и стал общим; кроме того, произошли заметные изменения в семейной организации: семьи стали жить в постоянных сельских поселениях и деревнях с более многочисленным населением, что должно означать переход от базовой единицы – рода или семьи, составившей «группу», к более сложным или просто более многочисленным общественным формам типа «клана» или «племени». Если давать название этой эпохе, то наиболее приемлемым было бы «период неолитизации».

Большая часть сведений о регионе относится к побережью, где основой земледелия оставалось выращивание бобовых и, в частности, лимской фасоли (*Phaseolus lunatus*), дополняемое сбором плодов и, естественно, добычей моллюсков и рыбы. Рыбаки и собиратели моллюсков обогащали свою пищу углеводами, получаемыми от урожая, выращиваемого в долинах, расположенных вблизи их хозяйств и деревень. Несколько поселений того периода обнаружены в районах Анкон (фаза Энканто) и Чилка.

Комплекс Энканто севернее Лимы представляет собой группу из 13 стоянок, изученных археологами Эдвардом Леннингом (*Lanning*, 1967) и его группой. Леннинг утверждал, что жители этих поселений питались в основном продуктами, полученными в ломас, с добавлением рыбы, вылавливаемой сетями и на крючки, сделанные из раковин или шипов кактуса. Жители Энканто охотились также на тюленей (*Otaria* sp.) и некоторых наземных животных. Очевидно, что охота и собирательство оставались главными видами хозяйственной деятельности. В скоплениях, открытых при изучении комплекса, обнаружено множество остатков кабачков и тыкв (*Lagenaria siceraria* и *Cucurbita moschata*), которые были уже хорошо известны в экваториальных Андах (они найдены в фазе Сичес в Пиуре) вплоть до юга Перу.

Обитатели стоянки Чилка жили в небольших землянках круглой (в плане) формы, вырытых в кучах мусора. В деревне Чилка могло проживать до 100 семей. А в Энканто размеры жилищ по сравнению с домами предшествующих групп охотников были большие, стоянки рассеяной общины оставались сезонными.

Энджел (*Engel*, 1966) упоминает о другом месте, расположенном в 400 км к югу от Чилки на берегу р. Рио-Гранде-де-Наска; там на склоне холма были построены дома из столбов, сделанных из стволов ив и акаций, подпирающих крыши из того же материала.

Этот же тип жилищ существовал и в Чилке, но там их делали из камыша, обвязанного тростниковыми веревками. Здесь найдено около 20 домов. Доннан (*Donnan*, 1964) дал описание одного из них (№ 12), возраст его определен радиоуглеродным методом в 5400 лет. Эта конусообразная хижина диаметром 2,4 м построена над круглой ямой глубиной около 35 см. Она сделана в основном из перилетенного тростника (*Symerium sagitarum*) и соединенных сверху между собой столбов. Хижина целиком покрыта волокнами тростника (*Cyperus* sp.). Внутри нее было несколько могил; размеры жилища указывают на то, что это дом для отдельной семьи. Хотя оценки размеров поселения, сделанные Энджелом, кажутся несколько преувеличен-

ными, все же поселение, несомненно, было большим, что подтверждает гипотезу о существовании здесь в рассматриваемый период поселений и домов деревенского типа.

На несколько более поздней стоянке Рио-Гранде-де-Наска обнаружены небольшие низкие стены из гальки, скрепленной илом, и, очевидно, покрытые землей.

Другое примечательное изменение могло касаться отношения к умершим. Хотя способ захоронения в могилы был сравнительно простым, но убранство могил стало совершенно иным: в нем появились циновки из тростника, а иногда и сети, отделанные широкой бахромой и узлами на концах. Можно предположить, что кучи костей, найденные в Чилке, в которых беспорядочно перемешаны частички обожженные кости людей и морских млекопитающих, покрытые слоем золы, также относятся к какому-то особому погребальному обряду. Это необязательно связано с людоедством, хотя его и нельзя исключить. В Рио-Гранде археологами в песчаных рвах найдены захоронения умерших людей в одежде и вместе с предметами бытовой утвари. Тот же тип захоронения обнаружен у Паракаса на стоянке Кабеса-Ларга; датируемое тем же возрастом, оно должно соответствовать тому же уровню развития.

Убранство могил является надежным показателем развития технологии ткачества. Для получения штенных тканей использовались растительные волокна, особенно тростник, и при этом не требовались ткацкие станки. Для изготовления ткани брали два подвижных волокна и навивали их, перекрещивая на одну или две фиксированные (пассивные) нити (основы). На этой ступени развития уже умели изготавливать ткани для ношения на теле, вероятно, параллельно с использованием шкур. В этой же технике изготавливались корзинки, сумки и другие подобные изделия. В Кабеса-Ларга археологи нашли короткую тростниковую юбку, которая, по-видимому, была прямой предшественницей последующих подобных предметов одежды, известных у андских народов как «варас».

Изготовление одежды путем комбинирования волокон датируется примерно 10000 лет назад, и с этого времени впервые началось «штение» волокон; с тех пор предпочтение отдается таким материалам, как тростник (*Juncus* sp.), агавы (*Foucruea andina*) и камыш (*Typha angustifolia*).

Находки из Чилки дают некоторую информацию о вероятных демографических последствиях новой формы смешанного хозяйствования (земледелие-собирательство-охота). По мнению Энджела (1966), один человек из взрослых, похороненных в Чилке, смог достичь зрелого возраста (примерно 50–60 лет); большинство людей умирало в возрасте от 20 до 30 лет, а многие – в раннем детстве. Условия жизни в предшествующие периоды были, вероятно, еще более суровыми, а средняя продолжительность жизни – короче. Именно этим можно объяснить установленный факт роста населения в период от 7000 до 5000 лет до наст. в. по сравнению с предшествующим периодом.

В горных районах найдено немного остатков, и даже в пещере Гитарреро, в фазе III, их недостаточно. Изменения в пуне и в высокогорьях вообще представляются незначительными, хотя там и произошел, вероятно, определенный демографический рост, связанный, скорее всего, со скотоводством. МакНейш (1969) отмечает, что в Аякучо критический период, представленный фазой Пики и соответствующий этой эре, характеризовался тем, что предшествующие кочевые навыки не были забыты. Здесь охотники пуны по-прежнему добывали верблюдовых, тогда как в ущельях и долинах, расположенных на средних высотах, таких как ущелье Пикимачай с пещерами, обнаружены, по-видимому, остатки одомашненных морских свинок (*Cavia* sp.) и птиц, а также очень немного остатков оленевых и следы тыкв и кабачков. По мнению МакНейша, это означает, что данное сообщество, жившее в более низких местах, собирало растения и ловило мелких животных (грызунов и птиц), выращивало немногие растения и изредка

охотилось, в то время как такой же народ в пуне занимался в основном охотой.

Следует предположить, что нечто подобное происходило повсюду в Северных и Центральных Андах, где система хозяйствования включала активные обмены между охотниками. Только этим можно объяснить одновременное распространение сельского хозяйства, основанного на выращивании бобовых и тыквенных культур, в горах и на побережье, хотя некоторые горные растения, например кислица и улююко, не росли на побережье.

В начале пятого тысячелетия до наст. в. эта территория была занята главным образом неолитическими общинами, в разной степени освоившими земледелие и скотоводство. Столь важные растения, как хлопчатник и кукуруза, еще не были окультурены или только начинали окультуриваться в регионе Анд. Лишь недавно было установлено: они появились примерно 5000 лет назад или несколько позже. Эти продукты наряду с обмениваемыми плодами теплолюбивых растений – арахиса (*Arachis hypogaea*), сладкого картофеля (*Ipomea batatas*), горькой кассавы (*Manihot utilissima*) и т.д., а также растениями из более холодных районов (картофелем, квиноа, кислицей и др.) и из зон с умеренным климатом (обыкновенной и лимской фасолью), были частью довольно богатого рациона людей неолита, что привело к значительным социальным преобразованиям между пятым и четвертым тысячелетиями до наст. в.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ADOVASIO, J. M.; MASLOWSKI, R. 1980. Cordage, Basketry and Textiles. In: LYNCH, T. (ed.), Guitarrero Cave. Ann Arbor.
- BELL, R. E. 1965. Investigaciones arqueológicas en el Sitio de El Inga, Ecuador. Quito.
- CARDICH, A. 1958. Los yacimientos de Lauricocha y la nueva interpretación de la prehistoria Peruana. Stud. Praehist. (Buenos Aires), No. 1.
- 1964. Lauricocha: fundamentos para una prehistoria de los Andes Centrales. Stud. Praehist. (Buenos Aires), No. 3.
- CHAUCHAT, C. 1975. The Paijan Complex, Pampa de Cupisnique, Peru. Nawpa Pacha (Berkeley), No. 13, pp. 85–96.
- CHAUCHAT, C.; LACOMBE, J. P. 1984. El hombre de Paijan? El más antiguo Peruano? Gac. Arqueol. Andina (Lima), Vol. 11, pp. 4–6, 12.
- CHAUCHAT, C.; ZEVALLOS, J. 1979. Una punta en cola de pescado procedente de la Costa Norte del Perú. Nawpa Pacha (Berkeley), No. 17, pp. 143–6.
- COHEN, M. N. 1981. La Crisis alimentaria de la prehistoria. Madrid.
- CRAIG, A. K.; PSUTY, N. P. 1968. The Paracos Papers: Studies in Marine Desert–Ecology I, Reconnaissance Report. Boca Raton. (Dep. Geogr., Fla. Atl. Univ., Occasi. Publ. I.)
- DOLLFUS, O. 1981. El reto del Espacio Andino. Lima.
- DONNAN, C. B. 1964. An Early House from Chilca, Peru. Am. Antiq., Vol. 30, pp. 137–44.
- ENGEL, F. 1966. Paracos: cien siglos de historia Peruana. Lima.
- 1972. New Facts about Pre-Columbian Life in the Andean Lomas. Curr. Anthropol., Vol. 14, pp. 271–80.
- FUNG, P.; CENZANO, C. F.; ZAVALA, A. 1972. El taller lítico de Chivateros, Valle de Chillón. Rev. Mus. Nac. (Lima), Vol. 38, pp. 61–72.
- HAWKES, J. G. 1967. The History of the Potato. J. R. Hort. Soc. (London), Vol. 92, pp. 207–24, 249–62, 288–302, 364–5.
- HESTER, J. J. 1973. Late Pleistocene Environments and Early Man in South America. In: GROSS, D. (ed.), Peoples and Cultures of Native South America. New York, pp. 4–18.
- KAPLAN, L. 1965. Archaeology and Domestication of American Phaseolus (Beans). Econ. Bot., Vol. 19, pp. 358–68.
- 1980. Variation in the Cultivated Beans. In: LYNCH, T. (ed.), Guitarrero Cave. Ann Arbor.
- LANNING, E. P. 1963. A Pre-agricultural Occupation of the Central Coast of Peru. Am. Antiq., Vol. 28, pp. 360–71.
- 1965. Early Man in Peru. Sci. Am., Vol. 213, pp. 68–76.
- 1967. Peru before the Incas. New Jersey.
- 1970. Pleistocene Man in South America. World Archaeol., Vol. 2, pp. 90–111.
- LANNING, E. P.; HAMMEL, E. 1961. Early Lithic Industries in Western South America. Am. Antiq., Vol. 27, pp. 139–54.
- LANNING, E. P.; PATTERSON, T. C. 1967. Early Man in South America. Sci. Am., Vol. 217, pp. 44–50.
- LAVALLÉE, D.; JULIAN, M. 1975. El habitat prehistórico en la zona de San Pedro de Cajas, Junín. Rev. Mus. Nac. (Lima), Vol. 41, pp. 81–127.
- LEMON, R. H.; CHURCHER, C. S. 1961. Pleistocene Geology and Palaeontology of the Talara Region, North West Peru. Am. J. Sci. (New Haven), Vol. 259, pp. 410–29.
- LUMBRERAS, I. G. 1974. La evidencia etnobotánica en el tránsito de la economía recolectora a la producción de alimentos. In: La Arqueología como Ciencia Social. Lima, pp. 177–209.
- 1976. The Peoples and Cultures of Ancient Peru. Washington, DC.
- LYNCH, T. F. 1967. The Nature of the Andean Pre-ceramic. Pocatello. (Idaho State Univ. Mus., Occas. Pap., 21.)
- 1970. Excavation at Quishqui Puncu in the Callejon de Huaylas, Peru. Pocatello. (Idaho State Univ. Mus., Occas. Pap., 26.)
- 1971. Pre-ceramic Transhumance in the Callejon de Huaylas, Peru. Am. Antiq., Vol. 36, pp. 139–48.
- 1974. The Antiquity of Man in South America. Quat. Res., Vol. 4, pp. 356–77.
- (ed.) 1980. Guitarrero Cave: Early Man in the Andes. New York.
- MACNEISH, R. S. 1969. First Report of the Ayacucho Archaeological-Botanical Project. Andover.
- 1971. Early Man in the Andes. Sci. Am., Vol. 224, pp. 36–46.
- 1979. The Early Man Remains from Pikimachay Cave. In: HUMPHREY, R. L.; STANFORD, D. (eds), Pre-Illano Cultures of the Americas. Washington, DC.
- MACNEISH, R. S.; NELKEN–TERNER, A.; GARCIA COOK, A. 1970. Second Annual Report of the Ayacucho Archaeological Project. Andover.
- MACNEISH, R. S.; PATTERSON, T. C.; BROWMAN, D. L. 1975. The Central Peruvian Interaction Sphere. Andover.
- MACNEISH, R. S. et al. 1980. Prehistory of the Ayacucho Basin, Peru. Ann Arbor, Vol. 3.
- 1981. Prehistory of the Ayacucho Basin, Peru. Ann Arbor, Vol. 2.
- MATOS, M. R.; RICK, J. W. 1980. Los recursos naturales y el poblamiento pre-cerámico de la Puna de Junín. Rev. Mus. Nac. (Lima), Vol. 44, pp. 23–64.
- MAYER–OAKES, W. J. 1966. El Inga Projectile Points: Surface Collections. Am. Antiq., Vol. 31, pp. 644–61.
- OSSA, P. 1975. Fluted 'Fishtail' Projectile Point from La Cumbre, Peru. Nawpa Pacha (Berkeley), Vol. 13, pp. 97–8.
- OSSA, P.; MOSELEY, M. E. 1971. La Cumbre: A Preliminary Report on Research into the Early Lithic Occupation of the Moche Valley, Peru. Nawpa Pacha (Berkeley), Vol. 9, pp. 1–16.
- PATTERSON, T. C. 1966. Early Cultural Remains on the Central Coast of Peru. Nawpa Pacha (Berkeley), Vol. 4, pp. 145–53.
- 1971. Central Peru: Its Population and Economy. Archaeology (New York), Vol. 24, pp. 316–21.
- PICKERSGILL, B. 1969. The Archaeological Record of Chili Peppers (*Capsicum sp.*) and the Sequence of Plant Domestication in Peru. Am. Antiq., Vol. 34, pp. 54–66.
- RICHARDSON, J. B., III. 1972. The Pre-ceramic Sequence and the Pleistocene and Post-Pleistocene Climate of Northwest Peru. In: LATHRAP, D.; DOUGLAS, J. (eds), Variation in Anthropology. Urbana.
- RICK, J. W. 1980. Prehistoric Hunters of the High Andes. New York.
- 1983. Cronología, clima y subsistencia en el pre-cerámico Peruano. Lima.
- SCHOBINGER, J. 1969. Prehistoria de Sudamérica. Madrid.
- SMITH, C. E. 1980. Plant Remains from Guitarrero Cave. In: LYNCH, T. H. (ed.), Guitarrero Cave. Ann Arbor, pp. 87–120.
- STEINMANN, H. 1930. Geología del Perú. Lima.
- TOSI, J. A. 1960. Zonas de vida natural en el Perú. Lima. (Inst. Interam. Cienc. Agríc., Zona Andina, Bol. Téc., 15.)
- TOWLE, M. A. 1961. The Ethnobotany of Pre-Columbian Peru. Chicago.
- WILLEY, G. R. 1971. An Introduction to American Archaeology: South America. New Jersey, Vol. 2.
- WING, E. 1977. Animal Domestication in the Andes. In: REED, C. A. (ed.), The Origins of Agriculture. The Hague, pp. 837–60.
- 1980. Faunal Remains. In: LYNCH, T. H. (ed.), Guitarrero Cave. Ann Arbor, pp. 149–71.
- WRIGHT, H. A.; BRADBURY, J. P. 1975. Historia ambiental del Cuaternario tardío en el área de la Planicie de Junín, Perú. Rev. Mus. Nac. (Lima), Vol. 41, pp. 75–6.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Зигфрид Ян Де Лаат

Том I «Истории человечества» сначала ознакомил читателя с периодом антропогенеза, когда какие-то 2–2,5 млн. лет назад в отряде приматов появилось первое существо, которое по развитости черепных характеристик и по умению изготавливать орудия следует рассматривать в качестве первого представителя рода *Homo*. Затем повествование было доведено до появления первых городов-государств и изобретения письменности примерно 5 тыс. лет назад. Следовательно, этот том по продолжительности охватывает более 99,5% истории человечества. Между тем этот огромный период был фактически скрыт от нас до конца XVIII – начала XIX в., а немногие впервые найденные остатки датировались и интерпретировались с изрядной долей фантазии (см. Введение).

Такое незнание древнейшего прошлого человечества может на первый взгляд показаться достаточно странным, поскольку все люди, от самых обездоленных до самых образованных, испытывают врожденное желание снять покров не только с индивидуального, но в еще большей степени со своего коллективного прошлого, больше узнать о корнях группы, к которой они принадлежат, будь то их клан, их сельская община, их племя, город, этническая группа, народ или нация – ведь именно в этом коллективном прошлом формировались их обычаи, традиции, верования. Сегодня, когда письменной грамоте практически обучены все, память о прошлом хранится в текстах, книгах по истории. Однако письменность изобретена сравнительно недавно – в самых «удачливых» регионах это произошло примерно 5 тыс. лет назад, в других же еще позднее.

Дописьменные популяции сохраняли коллективную память через устные традиции, передаваемые из поколения в поколение особыми рассказчиками, которые были своего рода хранителями группового прошлого. Запоминание их повествований часто происходило с помощью мнемотехнических средств, т.е. в песенной и стихотворной форме. Достаточно вспомнить об аэдах (певцах) античной Греции, гриотах (сказителях) Черной Африки и кельтских бардах. Сегодня признается частичная историческая достоверность тех устных традиций, которым не более 400–500 лет. За этим пределом их надежность уменьшается – в рассказы невольно добавлялись анахронизмы и особенно всевозможные преувеличения, легендарное, сверхъестественные и мифические элементы: участниками излагаемых событий становятся чудовища, сверхъестественные создания и даже боги в причудливом смещении чудесного, религиозного и земного. Религиозную основу имеют многие повествования тех времен, проникнутые теогонией, мифологией, фантастическими представлениями о сотворении мира и человека.

С появлением письменности многие устные традиции вскоре обрели письменную форму. К устным традициям восходят самые древние книги Библии, «Илиада», «Одиссея», «Махабхарата», кельтские героические мифы, скандинавские саги, легенда о Сингиате основателе империи Мали и другие повествования. Повторим мысль о том, что устные традиции почти всегда частично достоверны; они

породили не только эпосы и легенды, но и священные книги многих религий и исторические описания.

Но даже абстрагируясь от элементов сверхъестественности в содержании этих повествований, историк отмечает как слабое место устных традиций то обстоятельство, что в них отсутствует хронологическая перспектива. Чем отдаленнее во времени описываемые события, тем туманнее и неопределеннее характеризуется современное им прошлое, определяемое стереотипными выражениями типа «давным-давно» или «это скрыто во тьме веков». Лишь в исключительных случаях некоторые традиции позволяют получить, на первый взгляд, более точную хронологию, которая, впрочем, при строгом критическом подходе оказывается несостоятельной.

Яркий пример тому дает Библия. Многие места в ней создают впечатление, что с их помощью можно установить точную хронологию. Самое раннее хронологическое указание в Библии относится к III в. н.э. Ребби Ханина воспроизводит его в Вавилонском талмуде. Речь идет о втором разрушении иерусалимского Храма (70 г. н.э.), которое якобы датируется 3828 г. от сотворения мира (последнее тогда должно датироваться 3758 г. до н.э.). В начале IV в. н.э. историк Евсевий Кесарийский (Евсений Памфил) произвел подобные расчеты. Затем его библейская хронология была пересмотрена и слегка изменена Иеронимом, одним из учителей Западной церкви и автором «Вульгаты» (первого латинского перевода Библии), а также переводов трудов Евсевия. Согласно этой хронологии, сотворение мира произошло примерно за 4 тыс. лет до рождения Иисуса. Поскольку Иероним был учителем церкви, его библейская хронология стала почти что догмой и пользовалась всеобщим признанием в христианском мире (с несколькими незначительными изменениями) до конца XIX в.

Отсутствие хронологической и исторической перспективы подтверждается и тем фактом, что хотя во многих устных традициях бронзовые орудия и оружие упоминаются как предшественники их железных аналогов, в них нег ни слова о каменном веке. Единственное замечательное исключение – это строки из устного предания, приводимые римским поэтом Лукрецием (I век до н.э.) в его поэме «*De natura rerum*» («О природе вещей»), где он пишет:

«Первым оружием были руки, ногти и зубы,
а еще камни и ветви, отломанные от деревьев,
затем же пламя и огонь, как только они стали известны.
Позже были открыты свойства железа и бронзы,
пользоваться которой стали раньше железа».

Это сохранившееся предание особенно значимо тем, что покорение огня в нем следует за началом применения камня, но предшествует бронзовому веку. Во многих же других устных традициях до этого последнего существовали мифический Золотой век и период земного рая.

Добавим к этому, что во множестве подобных традиций человек с момента его создания рассматривается как

производитель пищи. Согласно «Книге Бытия», из двух сыновей Адама Каин был пахарем, а Авель – пастухом. Другой пример образа первых людей как землепашцев мы находим в мифологии майя, согласно которой боги создали человека из кукурузного початка – ведь окультуренный маис сразу же стал основным продуктом питания жителей Центральной Америки.

Почти во всех космогониях человек был создан одним или несколькими богами. Однако божественное вмешательство не ограничилось сотворением мира. И если в устных традициях каменный век практически отсутствует, то в коллективной памяти сохранились некоторые важнейшие этапы прогресса человечества как результат благорасположения одного или нескольких божеств. Приведем только два примера: покорение огня и начало земледельческого образа жизни. Среди наиболее известных мифов Древней Греции фигурирует миф о титане Прометее, который не только создал людей (во всяком случае, по некоторым версиям мифа), но и добыл для них огонь, украденный им у богов Олимпа. Что касается земледелия, то его появлению люди также обязаны доброму божеству, о котором рассказывают предания Египта, Месопотамии, Греции, Рима, а также Китая, атцеков, инков и т.д. (см. гл. 37).

Резюмируем: устные традиции могут дать ценные сведения о нескольких веках, предшествующих их записи, если нам удастся очистить их от анахронизмов, преувеличений и вкрапившихся ошибок, а также от мифических и религиозных элементов. Хорошим примером тому служит живое описание общества и цивилизации Микен в «Илиаде» и «Одиссее». Увы, в них крайне скудно отражено более раннее прошлое. Из коллективной памяти улетучился весь огромный период (рассматриваемый в первой части настоящего тома), который был пройден человечеством вплоть до великого культурного прорыва, ознаменованного началом производства пищи. Даже от неолита в этой памяти осталось совсем немного следов.

Такое почти полное неведение доисторического времени длилось до конца XVIII в., и не только среди широкой публики, но и в ученом мире. Однако в последние годы XVIII в. и особенно в первую половину XIX в., благодаря успехам геологии и палеонтологии, покров над тьмой дописанных времен стал приподниматься. В борьбе и ожесточенных спорах с бесчисленными предрассудками, догмами и предвзятыми идеями только к 1859 г. доисторические исследования, особенно в области самых ранних периодов, получили право гражданства среди научных дисциплин. Более подробный рассказ о развитии доисторических наук содержится во Введении к настоящему тому. Надо однако напомнить, что дискуссии и споры о доисторическом человеке ограничивались миром ученых и исследователей и что широкие круги образованной общественности начали интересоваться «примитивными временами» только к концу XIX в., о чем свидетельствует франкоязычная и англоязычная литература.

Картина прошлого, раскрытая в этом томе, резко контрастирует с почти полным незнанием происхождения и первых достижений человечества, в котором мы пребывали до тех пор, пока источником наших представлений в этой области оставались устные традиции. Она очень отличается также от того видения давних времен, к которому пришли геологи и палеонтологи первой половины XIX в. Сегодня накопилось столько данных разного порядка, что ни один отдельно взятый ученый не может освоить их во всей совокупности. К тому же мы убеждены, что увлекательная экспедиция по поиску и исследованию наших самых глубоких корней только начинается, поскольку каждый год приносит новые открытия, непрерывно меняющиеся или дополняющие наши знания об этом далеком прошлом. И вполне возможно, что за то время, которое пройдет между написанием этого послесловия и выходом кни-

ги в свет, некоторые ее страницы успеют устареть из-за появления новых данных.

В этом контексте нелишне подчеркнуть два важных момента, которые могли несколько затеряться среди многочисленных тематических и региональных глав данного тома. Речь идет о ряде радикальных перемен в состоянии наших знаний, но также и об остающихся пробелах и неясностях, которые дают повод к сомнениям и вызывают расхождения и даже противоречия в интерпретациях. С другой стороны, чтобы деревья не заслоняли леса, следует также напомнить об основных этапах (в нашем понимании) долгого пути человека от анимальной стадии к цивилизации.

Одна из крупнейших перемен связана с происшедшим несколько лет назад подключением генетики и молекулярной биохимии к наукам, исследующим доисторический период. Именно изучение модификаций ДНК (дезоксирибонуклеиновых кислот, находящихся в клеточных ядрах и являющихся носителями генетических признаков) показало, что разделение между ветвью крупных африканских обезьян или панидов (*Panidae* – шимпанзе и гориллы) и ветвью гоминидов (*Australopithecus* и *Homo*) произошло только 5–6 млн. лет назад, а не 14–15 млн., как полагали раньше, а также что дифференциация между шимпанзе и гориллами состоялась всего лишь 3 млн. лет назад.

Некоторые биогеетики выдвинули другую теорию, основанную на клеточной биохимии, а конкретнее на изучении ДНК митохондрий. Вокруг этой теории до сих пор не утихают споры, поскольку ее трудно совместить с данными палеонтологии. В то время как все ученые признают, что современный человек (*Homo sapiens sapiens*) является потомком *Homo erectus* по различным, но параллельным генетическим линиям, новая теория выстраивает для человека единую генетическую линию. Дело в том, что одни и те же сегменты ядерных ДНК генов гемоглобина β схожи у всех четырех главных популяций современности, что может соответствовать факту быстрого распространения современного человека из единого очага, предположительно находившегося в Африке. Кроме того, медленные изменения (2–4 % за 1 млн. лет), происходившие в ДНК человеческих митохондрий в течение тысячелетий и передающиеся только по материнской линии, наводят на мысль о том, что все современные люди происходят от единственного общего предка женского пола (или от одной маленькой группы), жившего от 280–140 тыс. лет назад, вероятно, в Африке (указанные даты основаны на темпе изменений в ДНК, а не на радиометрическом или ином анализе) (Clark, гл. 20). Понятно, что эта теория «черной Евы» вызывает много сомнений среди палеонтологов и археологов.

Ждет своего решения и другая важнейшая проблема. Сегодня мы знаем, как шла эволюция живых организмов от появления примерно 3 млрд. лет тому назад (наша планета уже просуществовала к этому времени 2–3 млрд. лет) первых живых организмов («синие-зеленых водорослей») до рождения рода *Homo*: она происходила под воздействием бесчисленных мутаций и дихотомий, – но нам практически ничего не известно о глубинных причинах этой эволюции. Конечно, определенную роль сыграли изменения в климате и окружающей среде, а также геоморфологические потрясения, но они не объясняют, почему в более или менее постоянном ритме происходит сама трансформация ДНК (некоторые биогеетики говорят по этому поводу о «молекулярных часах»).

Кратко перечислим еще несколько вопросов, которые пока ждут удовлетворительного решения, как, например, вопросы о филогенетической преемственности между протоавстралопитеками и сменившими их австралопитеками и людьми или о родстве между *Australopithecus africanus* (некогда называвшимися *Australopithecus gracilis*),

Australopithecus robustus (или *Australopithecus boisei*) и *Homo habilis*. Были выдвинуты и подкреплены более или менее убедительными аргументами по меньшей мере шесть или семь моделей человеческого филогенеза, но каждая новая находка костных остатков человекообразных вносит поправки в эти модели генеалогического древа человеческой семьи.

Другая проблема, тесно связанная с предыдущей, касается вероятности производства орудий австралопитеками.

Еще две проблемы больше связаны с археологией – речь идет о переходе от нижнего палеолита к среднему и от среднего к верхнему палеолиту. Несколькими десятилетиями ранее этих проблем как бы не было и возникли они, когда было установлено, что крупные технологические изменения в изготовлении каменного инвентаря – в противоположность предшествующим представлениям – не стыкуются с морфологической эволюцией человека. Уравнения «неандертальцы = мустьерцы» и «*Homo sapiens sapiens* = культуры с производством пластин» оказались несостоятельными. Этим хотя бы частично объясняется то обстоятельство, вряд ли незамеченное внимательным читателем, что между главами, посвященными неандертальцам и их современникам, есть своего рода «пересечения» и даже противоречия.

Что касается среднего и верхнего палеолита, то настало время отбросить традиционную филогенетическую схему каменных производств. Эта схема, созданная более полувека назад и подвергшаяся нескольким корректировкам, первоначально была разработана применительно к юго-западу Франции, но позднее ее распространили на всю Западную и Центральную Европу. Сегодня ее критикуют всё больше и больше за ошибочные положения и внутренние противоречия и неспособность дать вразумительные ответы на вопросы, возникающие в связи с огромным разнообразием в типологии обнаруживаемых скоплений. Для выхода из нынешнего тупика необходима радикальная ревизия. Это замечание относится, впрочем, ко всем регионам (в том числе за пределами Европы), где были найдены остатки вышеупомянутых эпох.

По поводу неолита следует отметить следующее: несмотря на активизацию исследований в последние годы, остаются неясными многие вопросы, связанные с одомашниванием растений и животных, а также с условиями перехода от системы хозяйствования, основанной на охоте, рыболовстве и собирательстве, к земледельческому хозяйству. Кроме того, во многих местах исследования в этой области только начинаются.

Поскольку проблемы, относящиеся к периоду от начала производства пищи до начала цивилизованной городской жизни уже проанализированы (см. гл. 36), то достаточно напомнить, что выстроенная нами модель основывается на данных исследований, проведенных в Западной Азии и Египте. Из-за неполноты этих данных все более ощущается потребность в проведении тщательных комплексных раскопок на одной или нескольких стоянках, заселенных на протяжении всей рассматриваемой эпохи. Напомним, что в Турции, на одной из важных стоянок – Чатал-Хююк, раскопан лишь небольшой участок комплекса, и ее самые ранние уровни обитания пока не изучены. А в Египте, где «историческая» эпоха началась на век раньше, чем в Западной Азии, о начале городской жизни собраны весьма скудные данные – по той причине, что систематические раскопки не были проведены ни на одной протогородской стоянке додинастической эпохи.

Перечислив ряд важных проблем, ожидающих своего решения, попытаемся набросать самую общую картину физического и культурного развития человечества на протяжении огромного периода времени, охватываемого данным томом.

Первое человеческое существо в момент своего появления было физически относительно слабым, не имело ни

клыков, ни когтей для нападения на жертву, ни шерсти на теле для защиты от холода. В отличие от него у большинства животных в ходе эволюции сложились телесные (физические) характеристики, связывавшие их с определенными типами климата, среды и образа жизни: полярный медведь или мамонт не могли бы существовать в тропиках, а слон без растительной пищи и т.д. И напротив, человек, именно потому, что он не имел никаких специфических физических характеристик, обязательно связывающих его с тем или иным районом, климатом или питанием, сумел довольно быстро адаптироваться к жизни почти в любых условиях (кроме полярных регионов) и к добычанию самых разнообразных пищевых ресурсов. Наряду с этой высокой адаптационной гибкостью он имел и другие козыри. Здесь уместно напомнить основные этапы, пройденные предком человека, которого британский зоолог Десмонд Моррис (*Desmond Morris*) в книге, имевшей большой успех, назвал «голой обезьяной» («The Naked Ape»).

Первые вехи эволюции, приведшей к появлению *Homo*, обозначились в те 60 млн. лет, на протяжении которых наши предки оставались в отряде приматов. Некоторые приматы приобретали характеристики, проявившиеся позднее у человека. Так, более 50 млн. лет назад у некоторых адапиформов (*adapiformes*) большой палец уже противостоял другим пальцам, что давало возможность передвигаться по деревьям. Так было положено начало формированию руки. Глазные орбиты ханлоринов (*haplorhines*), которые пришли на смену адапиформам, были расположены в фронтальной плоскости, что указывает на приобретение стереоскопического зрения. Примерно 35 млн. лет назад у некоторых катарринов (*catarrhines*) (симвьны в Древнем Мире) набор зубов уже был схож с нашим, а трансформированный головной мозг фэйюмского примата *Aegiptopithecus* занимает место между катарринами и гоминоидами.

Следующий этап – культурного порядка: в ходе раскопок в Фор-Тернани (Кения) в 1960 г. Луис Лики обнаружил на так называемой «стоянке кениапитека» (примат-гоминоид), датированной 14 млн. лет, природные камни с оббитыми кромками и раздробленные длинные кости. Лики предположил, что такими камнями кениапитек раскалывал орехи и дробил кости для извлечения костного мозга. Шимпанзе до сих пор применяют этот способ в тех же целях. Видимо, речь идет в данном случае о самых древних из всех известных орудий, но орудий грубых, не специально изготовленных. Следовательно, кениапитек – один из первых пользователей орудиями, но не их изготовителей. Производство орудий является одной из характеристик человека, и только его.

Через какой-то недолгий отрезок времени приматы-гоминоиды разделились на две семьи: человекообразных (куда входит предок орангутана *Ramapithecus/Sivapithecus*) и гоминидов (куда входят предки больших африканских обезьян – гориллы и шимпанзе и предки гоминидов).

Наконец, согласно недавно полученным биогенетическим данным (о чем уже говорилось), ветвь гоминидов 5–6 млн. лет назад в свою очередь разделилась на две ветви – ветвь панид (от которых произошли горилла и шимпанзе) и гоминидов (*Australopithecus* – австралопитека и *Homo* – человек). По вопросу о причинах последнего разделения мнения ученых не совпадают. Наиболее соблазнительной представляется эколого-географическая гипотеза Ива Коппана, согласно которой после образования Африканско-Аравийской рифтовой системы, в результате которого произошло отделение Восточной и Южной Африки от Центральной и Западной Африки, и возникла эта дихотомия. Западная и Центральная Африка остались влажной зоной с дождевыми тропическими лесами, где продолжали жить паниды, а их потомки – гориллы и шимпанзе – и сейчас обитают там. Зато восточная и южная части стали регионом с преобладанием открытых про-

странств, и это вынуждало гоминидов (остатки которых находят только в этом регионе) приспосабливаться к новой среде.

Представляется в высшей степени вероятным, что примерно 3,5–4 млн. лет назад именно в результате приспособления к прериям и саваннам произошел переход гоминидов к прямохождению, самыми древними следами которого являются знаменитые «отпечатки шагов» в Лаэтоли.

Это был один из важнейших этапов процесса очеловечения. Вертикальное положение тела оказало сильнейшее воздействие на анатомию наших предков (см. гл. 2). Нога, большой палец которой утрачивает свою противопоставляемость, становится главным органом отталкивания при движении, а освобожденная от этой работы рука полностью посвящается хватательной функции и становится все более проворной, чему способствует развитие мозга. Совершенствование руки является необходимым условием начала изготовления орудий. Благодаря существенным изменениям черепа и, в частности, перемещению его затылочного отверстия, увеличился объем мозга. Если у *Australopithecus afarensis* он составлял примерно 400 куб. см и примерно 500 куб. см у *Australopithecus africanus* (или *Australopithecus gracilis*), *Australopithecus robustus*, то у *Homo habilis* (человека умелого) он уже достигал около 700 куб. см, затем 900–1100 куб. см – у *Homo erectus* (человека прямоходящего) и, наконец, от 1250 до 1450 куб. см у *Homo sapiens* (человека разумного).

От 3,5 до 1,5 млн. лет назад произошло разделение между австралопитеками и *Homo*, но, как уже отмечалось, по этому периоду остается много нерешенных проблем, и поскольку в последние десятилетия раскопки приносят почти каждый год свежий материал, порождающий новые вопросы и новые прения, мы должны ограничиться здесь только тем, что подчеркнем следующее: в вопросе о филогенетической преемственности между различными родами высших приматов более никто уже не поддерживает тезис прямолинейного развития и что все большей поддержкой пользуется идея сложного разветвления, где *Homo habilis* выступает лишь как одна из ветвей.

Мы можем вспомнить здесь о сенсации, вызванной открытием в 1974 г. в Хадаре древнейшего скелета гоминида (на 40% неповрежденного), названного «Люси», возраст которого 3 млн. лет. Годом позднее также в Хадаре и на той же стоянке (333) были обнаружены кости по крайней мере тринадцати разных *Australopithecus afarensis*, которые были старше «Люси», живших вместе («Первая семья») и погибших, вероятно, в одно время. Это первое свидетельство группового проживания гоминидов, подтверждающее предварительный вывод этнографов по поводу общественного поведения горилл и шимпанзе. Подобная организация в иерархические группы под началом «главарей» возникла, вероятно, задолго до гоминидов, может быть, даже в эпоху приматов-гоминидов.

Итак, мы подошли к *Homo*, самым первым известным нам представителям которого является *Homo habilis* (человек умелый). Древнейшие опознанные на сегодняшний день костные остатки этого предка датируются как минимум двумя млн. лет, а возраст его самых ранних культурных следов должен составлять примерно 2,6 млн. лет: речь идет о небольших кварцитовых отщепках, найденных Ж. Шавайоном (*Chauvaillon*) в долине р. Омо, которые могут подтверждать, что *Homo* существовал в то время (поскольку кажется установленным факт, что только люди могли делать инструменты).

По сравнению с австралопитеками мозг *Homo habilis* не только объемнее, но и более развит. Следы мозгового вещества на внутренней стороне черепной коробки свидетельствуют о существенном развитии эндокраниальной морфологии. Довольно хорошо развитая область Брока (центр речи) указывает на то, что *Homo erectus* обладал интеллектуальной способностью к развитию некоторой фор-

мы сложной речи, хотя узость ротоглотки не позволяла ему четко артикулировать звуки. Членораздельная речь, сыгравшая важнейшую роль в культурном развитии человечества (например, в передаче индивидуального опыта другим членам группы или в воспитании детей), будет освоена уже *Homo erectus*.

Homo habilis был первым изготовителем орудий. Его каменное производство (олдувайская культура) было основано на обработке гальки, на получении рубил и резцов, но он, очевидно, изготавливал также деревянные и костяные орудия, хотя в грунте они не сохранились.

В отличие от панид, наряду с временными стоянками на несколько дней, человек оборудовал более или менее постоянные «базовые лагеря», что позволяло осуществлять разделение труда между членами группы и не забирать с собой больных, немощных и детей в ежедневные походы. Некоторые такие лагеря состоят из легких строений, о чем свидетельствует круг из крупных валунов на стоянке DK 1 в Олдувае или насыпь на стоянке Гомборе I в Мелка-Кунтуре. В отличие от австралопитеков, *Homo habilis* был всеядным и не ограничивался растительной пищей. Судя по остаткам костей на стоянках, он потреблял довольно много мяса мелких животных, но он был слишком слаб и плохо вооружен для добычи крупных животных. Остатки крупных животных на стоянках, видимо, принадлежат животным, ставшим жертвой других хищников и затем оставленным ими.

Преемственность между *Homo habilis* и *Homo erectus* не ставится под сомнение, но недостаточность ископаемого материала не позволяет детально воссоздать ход эволюции от первого ко второму. *Homo erectus* появился в Африке около 1,6 млн. лет назад. Он выше и тяжелее *Homo habilis*, у него более широкие кости и больше объем мозга. Если *Homo habilis* и все его прямые предки не выходили за пределы Восточной и Южной Африки, то *Homo erectus* по неясным для нас причинам постепенно заселил множество новых территорий. Остатки *Homo erectus* найдены не только в Восточной и Южной Африке, но также и в Магрибе (Тернифин, Алжир) около 700 тыс. лет назад; Сале (Марокко) около 350 тыс. лет назад. В Западной Азии он появился почти 1 млн. лет назад. Человеческие остатки, найденные только в Зугтихе в сочетании с изделиями ябрудской культуры, принадлежат развитому *Homo erectus*, иногда именуемому пред-*sapiens*, который жил около 150 тыс. лет назад. Возможно, отсюда *Homo erectus* пришел в Европу через Дарданеллы и Босфор. Его древнейшая стоянка в Солейяке во Франции датируется от 970 до 900 тыс. лет назад. Все самые ранние стоянки находятся в Южной Европе в зоне средиземноморского климата, но около 500 тыс. лет назад *Homo erectus* занял в Европе зону умеренного климата (до 51–54 град. северной широты). Следы его обнаружены и в странах Южной Азии – в Индии (череп из Нармады), в Китае (где нижний уровень пещеры Чжоукоудянь датирован около 700 тыс. лет назад) и, наконец, на Яве, где он мог появиться после 700 тыс. лет назад. Длительность периода *Homo erectus*, огромные размеры занятой им территории, которая покрывает большую часть трех континентов, а также отсутствие связи между различными региональными группами стали причиной большого морфологического разнообразия. Так, китайский *Homo erectus* (*Sinanthropus* – синантроп, или *Homo pekinensis*) уже имеет некоторые монголоидные черты, которые перейдут к первым *Homo sapiens* этого региона. У яванского *Homo erectus* (первоначально называвшегося *Pithecanthropus*) есть австралопидные черты, которые передадутся аборигенам через позднего *Homo erectus* из Нгацдонга, *Homo sapiens* из Вайяка (Ява) и Коу-Свамп (Австралия). В Восточной и Южной Африке *Homo erectus* предшествовал *Homo sapiens* этих регионов. Наконец, в Европе *Homo erectus*, видимо, был предком – через донеандертальцев – *Homo sapiens neandertalensis*, однако последняя ветвь исчезла, не оставив

потомков. Данные биологической антропологии должны поэтому указывать, что после ухода из Африки *Homo erectus*, вероятно, породил ряд региональных родословных, каждая из которых имела особые черты, проявляющиеся в чертах современных популяций в ряде основных регионов. Эта в основном принятая теория вызывает возражения некоторых современных генетиков, по мнению которых все современные люди являются потомками африканского *Homo sapiens*.

Каменные орудия *Homo erectus* происходят от орудий *Homo habilis*. В Африке удалось воспроизвести эволюцию орудий от олдувайской культуры к ашельской. Такие древние предметы, как орудия из оббитой гальки и рубила, были найдены там, а из более новых орудий – бифасы, топорики, многогранники и каменные шары – бола. Установлено, что постепенно эти орудия принимали все более привычные повторяющиеся формы.

Большие региональные отличия выявлены за пределами Африки. В Китае особенно долго использовались рубила. Преобладание бифасов обычно считают характерной чертой ашельской культуры, но само ашельское производство достаточно неоднородно, что объясняется самыми разными причинами – временным фактором, различиями в окружающей среде и в видах деятельности, нашедших свое отражение в найденных скоплениях. Производства, связанные с деревом и костью, оставили мало следов, но должны были иметь важное значение. Развитие жилищных структур, судя по остаткам стоянок, получило развитие, однако интерпретации этих остатков совершенно различные. Отдельные участки стоянок могли отводиться под те или иные виды деятельности, например под обработку камня. Первые обитаемые пещеры найдены в Европе и в Китае (например, пещеры Чжоукоудянь).

Общественная организация, по-видимому, оставалась похожей на организацию жизни *Homo habilis*. *Homo erectus* продолжал пользоваться остатками больших животных, оставленными крупными хищниками, все больше развивая при этом собственную охоту, что подтверждается, в частности, обилием остатков оленевых в пещере Чжоукоудянь. Отмечено начало охоты на представителей мегафауны – главным образом с использованием природных ловушек; так, в Ла-Котт-де-Сен-Брелод, на о. Джерси, в овраге под скальным навесом были обнаружены многочисленные костные остатки нескольких разделанных на месте мамонтов и носорогов.

Самым важным вкладом *Homo erectus* в культурное развитие человечества было, несомненно, покорение огня. В Африке следы огня, связанные с *Homo erectus*, являются редкостью, и некоторые из них могли остаться просто от загораний кустарника. С другой стороны, в Европе и Китае найдены самые достоверные остатки очагов. В средиземноморской зоне Европы их мало, но с 500 тыс. лет тому назад число найденных очагов возрастает, особенно в умеренной несредиземноморской зоне, куда в это время начинает проникать *Homo erectus*. Без покорения огня его продвижение на север было бы невозможным из-за зимних холодов. С этим же фактором связано возрастание числа пещерных жилищ. Именно в это время, защищаясь от холода, человек начинает носить одежду из меха. Кроме того, огонь был нужен также для защиты лагерей под открытым небом и пещер от нападения хищников. Вероятно, огонь использовался и для прокалывания деревянных охотничьих рогатин и для жарки мяса.

Мы уже затрагивали вопрос о переходе от нижнего к среднему палеолиту. Просуществовав около 1,5 млн. лет, *Homo erectus* постепенно эволюционировал до *Homo sapiens* (человека разумного). Время появления последнего варьируется в зависимости от регионов. Переход происходил по разным филогенетическим ветвям, из-за чего появление *Homo sapiens* отмечено региональными отличиями. Тем не менее все *Homo sapiens* характеризуются

прежде всего объемом мозга, среднее значение которого достигает 1450 куб. см. Первые *Homo sapiens* (появившиеся до *Homo sapiens sapiens*) теперь именуются палеоантропами, а *Homo sapiens sapiens* – «современными» людьми (людьми современного типа).

В Восточной Африке переход от *Homo erectus* к *Homo sapiens* подтверждается находками нескольких черепов, в частности из Брокен-Хилл в Замбии (около 130 тыс. лет назад) и Нгалоба в Танзании. Эволюция в этом регионе продолжалась быстрыми темпами; здесь архаического *Homo sapiens* того типа, что был найден в Бодо (Эфиопия) и на о. Эяси (Танзания), вскоре заменил человек современного вида. К его представителям отнесены находки в Киббиш 2 в долине Оио (Эфиопия) древностью около 130 тыс. лет, в Бордер-Кейв (провинция Натал; около 115 тыс. лет) и в Клейсис-Ривер-Маус (недалеко от Кейптауна; около 100 тыс. лет). Судя по отдельным характеристикам, эти древние люди могли быть предками некоторых нынешних популяций региона.

В Магрибе развивалась другая ветвь. От первых *Homo erectus* этого региона (Тернифин, Сале) она проходит через архаических *Homo sapiens* (Рабат, Сиди-Абдерхаман) и более поздних *Homo sapiens* (Хауа-Фтич, Мугарет-эль-Алиа, Джебель-Ирхуд), еще недавно ошибочно считавшихся неандертальцами, и завершается современными людьми (Дар-эс-Солтан).

В Китае эволюция следует от синантропа к человеку из Дали (конец среднего плейстоцена) и человеку из Сюйчжоу, который около 100 тыс. лет назад находился между *Homo erectus* и *Homo sapiens*, и затем завершается человеком-палеоантропом из Маба. Эта ветвь ведет к монголоидным популяциям.

На Яве другая ветвь идет от питекантропа к *Homo erectus Soloensis* из Нгандонга (125–100 тыс. лет назад) и к *Homo sapiens* из Вайяка (Ява) и Коу-Свамп (Австралия). Этот последний датируется приблизительно 20 тыс. лет назад и имеет четко выраженные австралоидные черты.

В Западной Азии ситуация менее ясна, и нам не известно, было ли потомство у развитого *Homo erectus* из Зуттиеха. Неандертальцы, пришедшие сюда из Европы около 100 тыс. лет назад (по мнению Вандермерша (*Vandermersch*, гл. 9), или около 75 тыс. лет назад (по мнению Бар-Йозефа (*Bar-Yosef*, гл. 24), сосуществовали здесь на протяжении тысячелетий с современными людьми не установленного – африканского? – происхождения, дата прибытия которых является неопределенной (около 100–90 тыс. лет назад – согласно некоторым палеонтологам, около 50 тыс. лет назад – согласно другим). Эти древние современные люди из Кафзеха и Схула походят на предков кроманьонцев европейского ориньяка. Именно они – эти неандертальцы и люди современного типа создали мустьерскую культуру.

Наконец, в Европе *Homo erectus* дали происхождение донеандертальцам, самые древние из которых (Тотавель, Петралона) очень близки к *Homo erectus* (350–250 тыс. лет назад). Из первых палеоантропов упомянем тех, кто назван по таким стоянкам, как Биаш-Сен-Вааст, Сванскомб, Ла-Шэз, Зальциггер-Лебенспгедт, Эрингсдорф, Саккопасторе. Далее идут «классические» неандертальцы (между 100 и 35 тыс. лет назад), которые около 100 тыс. лет назад не только заселили Европу, но и распространились в Западную Азию (см. выше) и в Центральную Азию (Тешик-Таш в Узбекистане). В Западной Азии они жили вместе (по крайней мере с 50 тыс. лет назад) с *Homo sapiens* современного типа. Полное возможно, что сосуществование между неандертальцами и современными людьми в Западной Азии было мирным. Некоторые антропологи считают даже, что между этими двумя подвидами происходило определенное смешение. Неандертальская линия исчезла, не оставив продолжения. Неизвестно, были ли они истреблены *Homo sapiens* современного типа, жившими в эпоху верхнего

палеолита в Европе. Находка черепа в Сен-Сезере, в шатальперронских отложениях, показала, что несколько тысяч лет неандертальцы и первые европейские *Homo sapiens* современного типа (относящиеся к ориньякской культуре и появившиеся, вероятно, из Западной Азии) жили бок о бок в Европе. Как бы то ни было, неандертальцы полностью исчезли около 35 тыс. лет назад.

Несмотря на множество антропологических различий, неандертальцы и их современники во всем Древнем Мире имеют много общих культурных признаков, соответствующих определенному этапу в развитии цивилизации. Археологические стоянки, относимые к палеоантропам, более многочисленны, чем стоянки *Homo erectus*, что, возможно, указывает на увеличение плотности человеческой популяции. Зона обитания человека расширилась, и к этому времени в нее вошли несколько северных предледниковых зон. В области материальной культуры заметен прогресс нескольких производств, которые изготавливают предметы из камня, дерева и кости все более стандартизированной формы. Напомним, что сегодня к Европе и Западной Азии уже не применяют уравнивание «неандертальцы = мустьерцы», поскольку установлено, что палеоантропы присутствовали в двух последних фазах ашельской культуры и в первых фазах верхнего палеолита. Кроме того, такие крупные комплексы, как мустьерский, африканский средний каменный век и другие, весьма многолики: видимому, в них входили довольно разные культуры (см. выше).

Изменился и жизненный уклад. Продолжая подбедать остатки жертв хищников, первые палеоантропы все активнее охотятся на малоопасных животных и даже на представителей мегафауны. Кроме того, и в Европе, и в Африке важным пищевым подспорьем становятся морские ресурсы (рыба, тюлени, выброшенные на берег киты и т.д.). Многие жилища устроены в пещерах, но немало и открытых стоянок, где обычные семьи живут в шалашах или палатках. Впрочем, на ряде стоянок, как, например, Молодова I на Днестре и Ришиени-Извор (Румыния), найдены остатки более крупных жилищ (10x7 кв. м). Они представляли собой каркас из дерева и костей мамонта, на который натягивались шкуры. Теоретически это может означать, что наряду с «обычной» семьей как основной ячейкой существовали и более широкие общественные образования из 25–30 индивидов.

В поисках сырья (камня и красителей) люди иногда уходили за 100 км. В Африке известны две древнейшие стоянки с горнорудной деятельностью: скважина для добычи роговиковой гальки в Кене в Верхнем Египте (средний палеолит) и место добычи железного блеска (использовался как краситель) в Пещере Льва в Свазиленде. В этом можно видеть не только начала горного дела, но и зачатки примитивной бартерной системы.

Итак, средний палеолит отмечен большими успехами в области материальной культуры, но его главное значение состоит в том, что впервые появляются четкие следы духовной цивилизации. Хотя, по всей видимости, *Homo habilis* и *Homo erectus*, как, впрочем, и человекообразные приматы, не заботились о телах умерших соплеменников, от палеоантропов остались следы осмысленного подхода к погребению. В некоторых случаях применялся определенный ритуал: рядом с телами клали орудия, а иногда (как в Шанидаре) цветы. Нам неизвестно, все ли усопшие имели право на такие ритуальные почести, однако факт остается фактом: в Европе, в Западной Азии и в Южной Африке у палеоантропов уже были определенные мысли о загробной жизни. Они обладали также способностью создавать абстрактные понятия. Так, найдены кости и камни с рядами параллельных насечек – согласно некоторым предположениям, они означают либо начало счетной системы, либо наметки календаря. Использование красящих веществ (охра, гематит, железный блеск) для захороне-

ний, раскраски тела и украшения предметов из дерева, кости, камня и шкур определенно имело символический или магический смысл. Неандертальский череп из Монте Чирчео (Италия) со специально расширенным затылочным отверстием (может быть, для извлечения костного мозга) мог бы быть свидетельством каннибализма (вероятно, с магическим значением). Продолжаются оживленные дискуссии по поводу культа медведя у неандертальцев (К. Валох в гл. 10 выступает против этой теории, но В.П. Алексеев в гл. 13 поддерживает ее). Наконец, во Франции, в Чешской Республике и в бывшем Советском Союзе на нескольких неандертальских стоянках конца палеолита найдены костяные и каменные предметы с выгравированным абстрактным орнаментом, и даже (в одном случае) со стилизованным изображением животного. Поэтому вполне вероятно, что начало искусства восходит не к верхнему палеолиту, как думали еще совсем недавно, а к эпохе неандертальцев. Следовательно, неандертальцы, которых долгое время считали слишком примитивными для обретения духовной культуры, были по меньшей мере столь же развитыми, как и их современники в Африке и Западной Азии.

Выше мы упомянули о нескольких проблемах, связанных с переходом от среднего палеолита к верхнему палеолиту. Пока исследования предистории были сосредоточены на Европе, эти два периода четко противопоставлялись друг другу как с точки зрения антропологии (появление *Homo sapiens sapiens* и исчезновение неандертальцев), так и с точки зрения археологии (возникновение производств каменных пластин, начала духовной жизни). Между тем сейчас известно, что человек современного вида жил в Южной Африке уже более 100 тыс. лет тому назад и что в средний каменный век им было создано древнее производство изделий из пластин; что в Западной Азии он сосуществовал с неандертальцем по меньшей мере с 50 тыс. лет назад; что в Европе неандертальцы жили бок о бок с *Homo sapiens* современного типа в начале палеолита, пока не исчезли примерно 35 тыс. лет тому назад; что неандерталец отнюдь не был той дремучей скотиной, какой его считали раньше, и что им была создана некая духовная цивилизация, содержащая в зародыше все грани той цивилизации, которой предстояло расцвести в верхнем палеолите. Поэтому переход от одного периода к другому – во всяком случае в Европе – происходил в высшей степени последовательно.

Примерно 40 тыс. лет тому назад человек существенно расширил территорию своего проживания. Австралоидные популяции (возможно, дальние потомки явского питекантропа) заселили Новую Гвинею, Австралию и Тасманию, что было бы невозможно, если бы они не располагали некоторыми плавучими средствами (плотами или пирогами – см. гл. 28). С другой стороны, монголоидные популяции (может быть, потомки синантропа) заняли Японию и пройдя через Берингию, тогда еще не покрытую морем, появились на Аляске и постепенно заселили весь американский континент вплоть до Огненной Земли. Таким образом, с этого времени человек занимает большую часть земной суши, за исключением земной поверхности, покрытой ледяными шапками (северной и южной), и большинства тихоокеанских островов, в том числе самого важного из них – Новой Гвинеи, т.е. тех территорий, которые будут заселены гораздо позднее.

Верхний палеолит полностью совпал с последним оледенением, когда крупные части Европы, Азии и Северной Америки были покрыты приледниковыми тундрами и степями, а в более южных зонах, где было жарче и выпадало больше дождей, огромные пространства были заняты саваннами. Мужчины занимались главным образом охотой, а женщины собирали съедобные растения и плоды.

Значительно возросла эффективность орудий и оружия. Это произошло под воздействием нескольких факто-

ров: усовершенствования техники обработки камня, использования более разнообразного сырья (кость, бивни, олени рога), изобретения новых видов оружия, особенно метательного, что предполагает эмпирическое постижение некоторых законов механики. На смену тяжелым колям пришли более удобные дротики, вошли в обиход метательные устройства, гарпуны и – особенно к концу периода – луки и стрелы. Все эти средства позволяли поражать дичь на расстоянии. Часто практиковалась загонная охота, когда под громкие крики и полыхание факелов животных отгоняли к болотам или к крутым скалам.

Главным объектом охоты были стадные животные. Это требовало взаимодействия большего числа охотников, чем их было в маленьких семейных ячейках, – так предположительно складывалась базовая общественная структура в составе нескольких семей. Возможно также, что каждая группа имела собственную охотничью территорию и своего «вождя».

Уже в предшествующую эпоху у палеоантропов существовали и развивались верования в сверхъестественное. Со временем эти верования, магические и религиозные обряды приобрели огромное значение, о чем свидетельствуют погребальные обряды, антропоморфные и зооморфные статуэтки, наскальная живопись и художественное украшение бытовых предметов.

Наряду с «вождем» в социальной группе предводительствует другое лицо – «колдун», или «шаман», которому приписывается способность вступать в связь с «духами». Своими магическими действиями он должен был обеспечивать выживание группы, например, благодаря успешной охоте. Тогда же зарождаются мифы, передаваемые колдунами из поколения в поколение. Напомним гипотезу, согласно которой в пещерах, украшенных наскальной живописью, находились общинные святилища, где для участия в магических церемониях собирались группы людей, вероятно, связанных кровными или экзогамными узами. При этом социальная организация охотников верхнего палеолита оставалась относительно простой.

Уже в эту эпоху многие группы практиковали специализированную охоту предпочтительно на какой-то один вид: на мамонтов (в Моравии), диких лошадей (например, в Солютрё), оленей (популяции р. Магдалена в современной Колумбии и на территории вокруг г. Гамбурга), зубров (Египет). Женщины собирали съедобные растения уже с разбором, предпочитают самые питательные и приятные на вкус, что предполагает начало эмпирического постижения биологии растений и животных. Эти знания будут играть особо важную роль с конца ледникового периода.

Здесь мы не станем возвращаться к вопросу о тех последствиях, которые возникли для охотников-собирателей конца верхнего палеолита в связи с завершением ледникового периода и соответствующими изменениями в климате и окружающей среде (см. гл. 36). После какого-то периода растерянности и кризиса человек постепенно адаптировался к новым условиям жизни: он освоил новые методы эффективной охоты на лесную дичь, расширил добычу и потребление морских ресурсов, которые стали играть все большую роль в его питании. У значительной части этих эпипалеолитических и преднеолитических групп просматривается рациональная эксплуатация собственного биотопа с целью получения оптимальной отдачи.

В практике селективной охоты и селективного собирательства съедобных растений содержатся предпосылки главных элементов перехода к неолитическому образу жизни, основанному на производстве пищи средствами земледелия и скотоводства. Мы не будем возвращаться к причинам, которые побудили те или иные общины заняться приручением и разведением ряда животных и окультуриванием определенных растений, а также к особенностям феномена, который – в какой-то степени ошибочно – был на-

зван «неолитической революцией», поскольку эти вопросы были рассмотрены в основном тексте (гл. 36–38). Мы не будем более говорить и о том, каким образом из нескольких «зародышевых» центров (Западная Азия, Верхний Египет, Китай, Юго-Восточная Азия, Центральная Америка, высокогорные андские плато) шло постепенное распространение неолитического образа жизни. С другой стороны, небесполезно кратко напомнить о последствиях перехода к производству пищи, так как это касается одного из важнейших этапов истории человечества.

В технической области началось изготовление керамических сосудов и тканей. Неолитический образ жизни привел к глубоким изменениям в питании – если в верхнем палеолите оно было в основном мясным, а в мезолите стало более разнообразным, то отныне его основой становятся злаки (пшеница – в Западной Азии и в Европе, рис – в Южной и Восточной Азии, сорго и просо – в Африке, кукуруза – в Америке). Кроме того, животноводство привнесло совершенно новый компонент в повседневный пищевой рацион – молоко и его производные (масло и сыр).

Наконец, создание гончарного производства способствовало повсеместному распространению жареной и вареной пищи. Ощутимая замена мяса растительной пищей создала потребность в соли, что со временем приведет к возникновению ремесленных производств по добыче и вывариванию соли. Неолитический образ жизни сопровождался беспрецедентным демографическим ростом.

Однако наиболее заметные последствия перехода к производству пищи проявились в социальной и экономической области. Привязанные к своим полям, первые земледельцы становятся оседлыми и живут в деревнях, возводя прочные постройки (жилища, амбары, стойла) из бревен и самана, а иногда и из каменного материала, которые сменяют недавние пещерные укрытия и примитивные шалаши. В этих деревнях происходит все большее разделение на социальные категории: с одной стороны, усиливается специализация по типам деятельности (земледельцы, скотоводы, гончары, ткачи, каменотесы, плотники); с другой стороны, усложняется социальное расслоение. Уже в верхнем палеолите были «вожди» и «колдуны», но в неолите их роли видоизменяются: «вождь» становится «царем», чья власть приобретает все более военный характер и становится наследственной. Что касается «колдуна», то постепенно его духовная власть дополняется мирскими полномочиями – хозяйственными и политическими. В то время как в группах охотников-собирателей прошлых эпох все трофеи, вероятно, делились поровну, переход к производству пищи положил конец этому принципу солидарности и взаимности, вместо которого утверждается эгоистическая конкуренция в погоне за как можно большим количеством индивидуальных ресурсов. Появляется «собственность» с ее оборотной стороной: воровством, грабежом, войной. Укрепления, возведенные вокруг подавляющего большинства неолитических поселений, свидетельствуют о частых войнах с целью овладения имуществом соседних общин.

Неолитическая деревня с ее крайне разнообразной деятельностью, с проблемой взаимоотношений между земледельцами и первыми специализированными ремесленниками, труд которых приходилось оплачивать в натуральной форме, с необходимостью производить сообща некоторые капитальные работы (например, строительство укреплений), нуждалась в стабильных общепризнанных правилах для гармоничного регулирования отношений между всеми жителями, и именно в эти правила, в эти неписанные законы уходят самые глубокие корни законов последующей исторической эпохи.

Религиозные верования также испытали на себе влияние нового жизненного уклада. Эти верования, отражающиеся в частности в ритуальных обрядах, сильно разнятся

ся от региона к региону, но есть у них и некоторые важные общие черты. Неолитические верования совершенно определенно выступают как культы плодородия, в двуединстве его противостоящих и взаимодополняющих начал – женского (китайские силы инь), представленного Землей, Луной, подземными и лунными богинями плодородия, и мужского (ян), представленного Солнцем, небом, дождем, солнечными богами, богами-быками, фаллическими изображениями. В начале периода, когда земледелие и разведение мелкого скота было преимущественно женской заботой, преобладало женское начало, но после одомашнивания зубра и изобретения сохи работа в поле становится слишком тяжелой для женщин, и тогда начинает расти влияние мужского начала. Усиление роли верований и культовых обрядов в повседневной жизни углубило социальные различия жрецов, последователей недавних шаманов, представивших божества на земле.

Судя по всем тем изобретениям, которыми отмечено начало неолита, к этому времени у человека сильно развилось чувство наблюдательности. Он начинает задавать себе вопросы о происходящих вокруг него явлениях, и хотя ответы, которые он дает на них, часто еще иррациональны, в них можно видеть первые ростки зарождающегося научного подхода.

Резюмируя то, что было сказано в гл. 36, отметим, что социальные и политические институты, первые элементы права, дух наблюдательности, зачатки научного мышления прямо связаны с утверждением неолитического образа жизни, равно как и войны и социальное расслоение, которое отныне характеризуется – и так будет на протяжении тысячелетий – господством военных и клерикальных каст. Наконец, если раньше человек был рабом тех возможностей и требований, которые предлагались и предъявлялись ему окружающей средой, то теперь он сам предпринимает действия с целью изменить окружающую среду и адаптировать ее к своим потребностям. Но тем самым он подрывает биологическое равновесие, и с течением времени делает это все грубее и напористее, а мы только сейчас начинаем понимать, насколько грозны последствия этого явления.

И, наконец, следует отметить, что с утверждением неолитического образа жизни начинается процесс непрерывного наращивания и ускорения материального прогресса человечества. От начала человечества до современной эпохи минуло более двух млн. лет, однако от первых земледельческих общин до первых городов-государств прошло всего восемь тысячелетий, а от последних нас отделяют только пять тысячелетий.

Теперь остается подытожить эволюцию цивилизации за эти восемь тысячелетий, которые прошли между первыми земледельческими поселениями и первыми цивилизованными государствами. Мы применяем в данном случае модель, основанную на материалах Западной Азии, Египта и Китая. В других регионах переход к городской жизни состоялся позднее, за пределами хронологических рамок настоящего тома.

В этой эволюции определяющую роль сыграли три фактора.

Во-первых, надо учесть ряд изобретений и технических достижений как в области скотоводства (одомашнивание собаки, затем последовательно козы, барана, свиньи и быка – от 9 тыс. до 8 тыс. лет назад, после чего – от 6 тыс. до 5 тыс. лет – были одомашнены осел и лошадь), так и в области окультуривания новых съедобных, а также прядильных культур. Следует упомянуть изобретение сохи и особенно ирригации и осушения почвы, благодаря чему примерно 9–8 тыс. лет до наст. в. стало возможным использовать и слишком сухие, и переувлажненные земли. Так возникла необходимость в проведении масштабных общественных работ по прокладке оросительных каналов и строительству плотин. Заболоченные долины Нила, Тигра,

Евфрата, Инда, Хуанхэ и Янцзы становятся плодороднейшими регионами, где зарождаются первые городские цивилизации. Эти сельскохозяйственные достижения позволяли производить излишки продовольствия, что стало хозяйственной основой расцвета первых городов.

Изобретение колеса привело к созданию телеги, а паруса – к выходу судов в открытое море: появилась возможность преодолевать большие расстояния. Последнее крупнейшее открытие этой эпохи – металлургия. Первые следы работы с металлом, датированные девятым–восьмым тысячелетиями до наст. в., были обнаружены в Западной Азии, но независимо от этого 7 тыс. лет назад или несколько раньше металлургия была разработана на Балканах, а тысячу лет спустя в Италии и на Пиренейском полуострове.

Во-вторых, хозяйственная жизнь неолитических поселений была замкнутой, но постепенно эта автаркия подталкивалась охарактеризованными выше открытиями: избыточная сельскохозяйственная продукция стала основой развития обменов между общинами, которые получали таким образом предметы потребления и сырье, к которым вскоре добавились предметы роскоши и престижа. Излишки находились в полном распоряжении военных и религиозных властителей, которые использовали их для организации и финансирования торговых экспедиций, приобретавших, часто в очень далеких краях, некоторые виды сырья и предметы роскоши, служившие укреплению авторитета господствующей верхушки. Активизация торговых связей очень характерна для рассматриваемого периода. Некоторые из тогдашних поселений были обязаны своим процветанием именно подъему торговли.

В-третьих, значительно усилилось социальное расслоение, намечавшееся еще в начале неолита. Обладая политической и религиозной властью, правители и жрецы, объединенные в тесный союз, сосредоточили в своих руках всю экономическую и политическую власть. У крестьян силой отбирали землю и скот, нередко объявляемые собственностью богов. Подобное злоупотребление властью прикрывалось мифами о том, что земледелие было ниспослано людям неким благорасположенным божеством через жрецов как посредников между людьми и богами и правителей, считавшихся представителями богов на земле, или, как в Египте, их земным воплощением.

Крестьяне были низведены в ранг простых арендаторов, обязанных ежегодно отдавать дворцам и храмам часть урожая и скота. Подчинение огромной массы населения крошечному меньшинству и создание сильной централизованной власти имели далеко идущие последствия. Только сильная власть могла организовать крупномасштабные работы по ирригации, осушению, фортификации, а также сооружению «престижных» памятников (храмов, дворцов, монументальных надгробий), не приносящие прямой экономической пользы. Именно центральная власть заставила крестьян производить избыточную продукцию, объемы которой все более возрастали благодаря освоению новых земель путем орошения или осушения. С помощью системы аренды весь производимый излишек переходил в руки правящих классов.

Подавляющее большинство ремесленников отныне начали работать на эти классы, поскольку только им были доступны ценные изделия, особенно металлические. Ремесленники получали вознаграждение за свой труд в натуральной форме. По социальному положению они стояли выше крестьян. Самыми привилегированными среди них были мастера по работе с металлом и ювелиры.

На еще более высокой степени находились воины – они состояли на содержании у правителя и служили только ему, а также чиновники как обязательный компонент администрации (для сбора налогов, составления договоров аренды и пр.). Потребности бюрократии предопределили развитие систем счета и письменности.

Только одной социальной категории удалось сохранить некоторую автономию – это были торговцы, необходимые правящим классам для ввоза не только ценного сырья, но и предметов роскоши и престижа.

Мы уже подчеркивали, что одним из негативных последствий неолитического образа жизни была война. Это объясняет возникновение класса воинов и их могущество. По мере того как возрастала военная мощь правителей, они стремились ко все большему приумножению своего богатства и власти. Нередко они посягали на соседние территории, чтобы захватить производимые там излишки продуктов и природные богатства. Самым ярким примером подобного империализма является захватническая война, результатом которой стало воссоединение Египта в конце додинастического периода.

Это воссоединение Египта стало также хронологической вехой, завершающей первый том *«Истории человечества»*. К тому времени лишь немногие регионы достигли порога так называемого «исторического» периода. Другие продолжали активно продвигаться по пути к урбанистической стадии, достигнуть которую им предстояло через несколько веков. Некоторые регионы еще только вступали в неолит, причем в ряде случаев под воздействием различных обстоятельств их дальнейшая эволюция будет прервана или заторможена. Наконец, обширные пространства были по-прежнему заселены группами охотников-собирателей, так хорошо адаптированных к своему природному биотопу, что они не ощущали потребности в переходе к неолитическому образу жизни. В следующих томах мы, конечно, будем учитывать это асинхронное развитие цивилизаций.

Остается поделить последнее соображением. Часто считают, что период зарождения первых городов обозначает не только наступление «исторического» периода, но и «начало цивилизации». Так озаглавлена, в частности, вторая часть I тома первого издания *«Истории человечества»*, опубликованного под эгидой ЮНЕСКО более четверти века назад, в период, когда для большинства историков сама история была немыслима без письменных источников и многие из них высокомерно игнорировали вклад археологии и антропологии в изучение дописьменных периодов.

Поэтому неудивительно, что эти «традиционные» историки, зная, что начало письменности совпадает с появ-

лением великолепных цивилизаций Египта и Западной Азии, углядели в этом причинно-следственную связь.

Было бы, конечно, неправильно принижать значение изобретения письменности, но ведь она является только одной из тех граней, которые характеризуют эти цивилизации, причем другие грани не менее, а может быть, и более важны в этом плане, чем первые письменные тексты. Так вот, в большинстве своем эти грани уходят корнями в те восемь тысячелетий, которые отделяют начало производства пищи от начала династической эпохи в Египте и от первых царств Месопотамии.

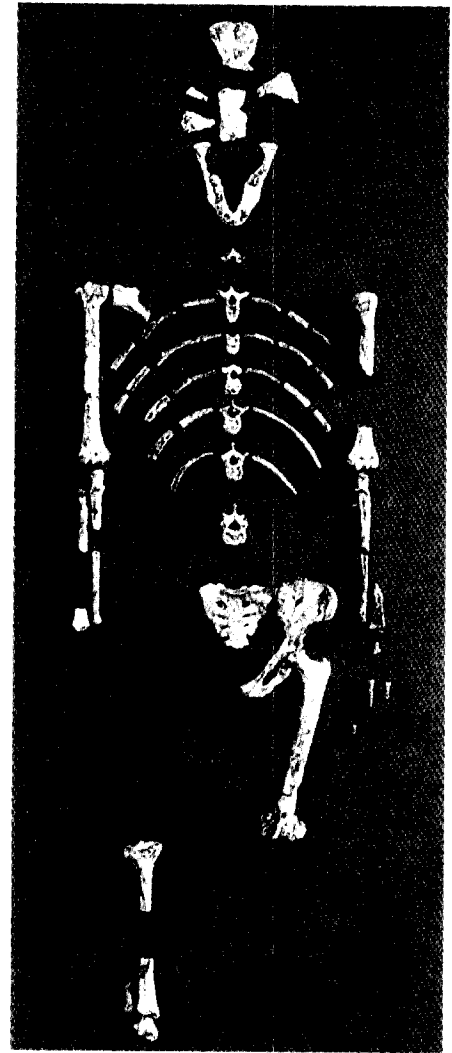
Не имея намерения касаться проблем, связанных с тем или иным определением понятия «цивилизация», мы ограничимся главным образом материальными, социальными и экономическими аспектами цивилизации, выявленными археологией доисторического периода. Речь идет о достижениях в области земледелия и, в частности, о методах орошения и осушения почвы, которые позволили окультивировать широкие речные долины, где на этой основе развились «первые цивилизации». Строительство храмов Мальги и крупных мегалитических памятников потребовало разрешения огромных технических и транспортных проблем, без чего было бы невозможно возвести величественные пирамиды, зиккураты и храмы Египта и Месопотамии. Общественная и экономическая организация первых государств зарождалась и развивалась в предшествующие тысячелетия. Созданные тогда замечательные произведения пластического искусства, как изобразительные, так и абстрактные, гораздо древнее художественного наследия долин Нила, Тигра и Евфрата.

Объективности ради мы должны отметить, что «первые цивилизации» имели и негативные аспекты, особенно в области «этической цивилизации», и что эти аспекты восходят к неолиту и предурбанистическому периоду. «Империалистическая» политика почти непрерывного развязывания войн и вооруженных конфликтов изобретена не первыми государствами – это наследие доисторической эпохи.

Итак, в любом случае начало цивилизации никак не совпадает с изобретением письменности и почти во всех своих аспектах уходит корнями в последние тысячелетия доисторического периода.

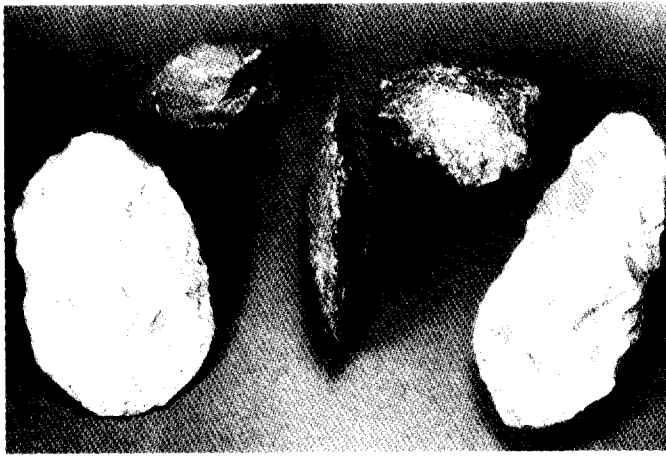
Илл. 1. Окаменелый отпечаток скелета ореопитека (*Oreopithecus*) на буром угле, Баччинелло, провинция Гроссетто, Италия (с согласия Музея человека, Париж, Франция)

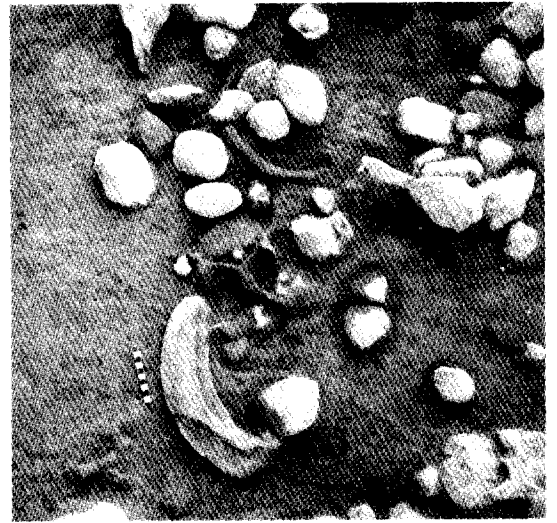
Илл. 2. Скелет австралопитека афаренсиса (*Australopithecus afarensis*) («Люси»), около 3 млн. лет назад; обнаружен в 1974 г. в Хадаре, в Афарской низине, Эфиопия (Национальный музей, Аддис-Абеба)

Илл. 3. Череп австралопитека бойсея (*Australopithecus boisei*), или робустуса (*Australopithecus robustus*) – слева; череп австралопитека африканского (*Australopithecus africanus*), или грацильного (*gracilis*) – справа (фото D. Geraads)

Илл. 4. Простейшие орудия труда человека прямоходящего (*Homo erectus*) (фото D. Geraads)

Илл. 5. Мелка-Кунгуре. Местонахождение развитой олдувайской культуры Гомборе I (1,6 млн. лет назад). Фрагмент жилой площадки с примитивными каменными изделиями, зубом гиппопотама и костями других животных (фото J. Chanaillon)

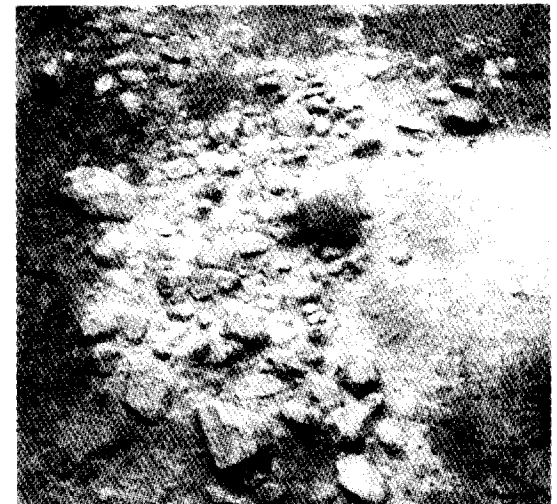
Илл. 6. Мелка-Кунгуре. Местонахождение развитой олдувайской культуры Гарба IV (1,4 млн. лет назад). Фрагмент жилой площадки с камнями, на которых обрабатывались рубила; также видны тазовые кости слона и ребра гиппопотама (фото J. Chanaillon)

Илл. 7. Мелка-Кунгуре. Местонахождение развитой ашельской культуры Гарба I (около 500 тыс. лет назад). Топорик и бифасы (фото J. Chanaillon)

Илл. 8. Мелка-Кунгуре. Местонахождение развитой олдувайской культуры Гарба I. Топорик (масштаб в см) (фото J. Chanaillon)

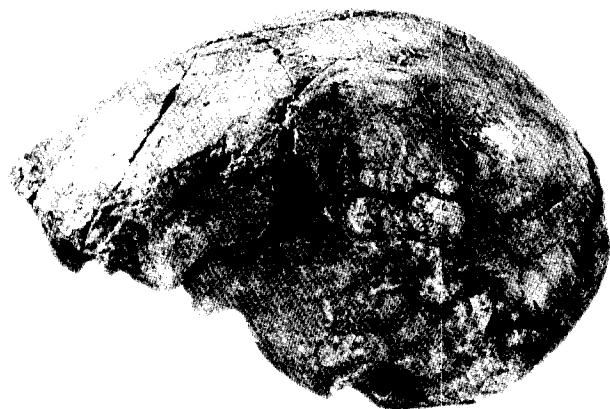
Илл. 9. Мелка-Кунгуре. Местонахождение ранней ашельской культуры Гарба XII. Видны контуры строения (построенное укрытие?) (фото J. Chanaillon)

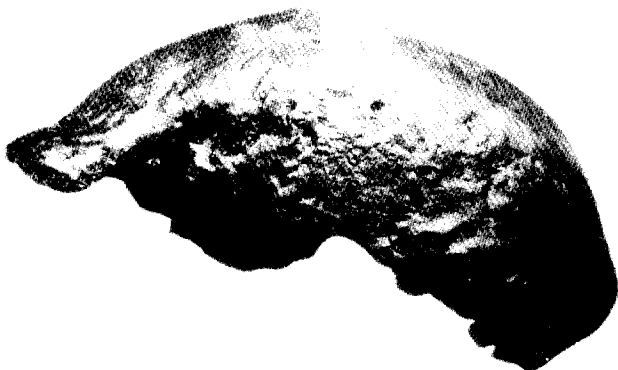
Илл. 10. Кастель ди Гидо, Италия. Костяное двустороннее орудие (бифас) (фото АМ. Radmilli)

Илл. 11. Частично реконструированный череп человека пекинского, или синантропа (*Sinanthropus, Homo erectus*). Исходные передние и задние части черепа были найдены в пещере Чжоукоудянь, на участке Н, Китай в 1966 г. (фото Ву Рухан)

Илл. 12. Черепная крышка (вид сбоку) от черепа человека прямоходящего, найденная в районе Хэсянь провинции Аньхой, Китай, 1980 г. (фото Ву Рухан)

Илл. 13. Черепная крышка яванского питекантропа (*Homo erectus javensis*), обнаруженная Э. Дюбуа у деревни Тришил, на Яве, Индонезия, 1891 г. (Национальный музей естественной истории, Лейден, Нидерланды)

Илл. 14. Черепная коробка неандертальца, Германия, – впервые обнаруженные в 1856 г. остатки неандертальского человека (с согласия Музея человека, Париж, Франция)

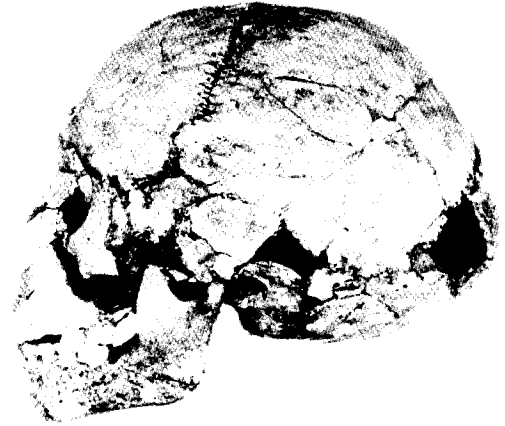
Илл. 15. Череп неандертальца из Ла-Шапель-о-Сен, Франция. Скелет неандертальца в этом месте нахождения был открыт в 1909 г. На основе этого скелета впервые были описаны характерные признаки неандертальского человека: низкий черепной свод, отсутствие подбородочного выступа (как правило), выступающие надбровные валики, мощный лицевой отдел и т.д. Несмотря на специфические особенности физического строения, в настоящее время неандертальцев (*Homo sapiens neanderthalensis*) относят к тому же виду, что и современных людей (с согласия Музея человека, Париж, Франция)

Илл. 16. Череп из Монте-Чирчео, Италия (с согласия *Bouvier Verlag*, Бонн, Германия)

Илл. 17. Череп неандертальца из пещеры Амуд, Израиль. Скелет из Амуда является наглядным примером, позволяющим представить неандертальцев Западной Азии. По сравнению с черепом неандертальца из Ла-Шапель (см. илл. 15), этот череп имеет более высокий свод, а также более закругленный затылок и не такой массивный лицевой отдел. Свойственные всем неандертальцам признаки у азиатских неандертальцев выражены не столь ярко, как у европейских (Управление древностей Израиля, Иерусалим)

Илл. 18. Череп из Тешик-Таша, Узбекистан, принадлежавший мальчику-неандертальцу в возрасте примерно 9 лет. По мнению некоторых антропологов, в черепе заметны отдельные прогрессивные изменения, но эта точка зрения не стала общепринятой (Институт археологии Российской академии наук, Москва)

Илл. 19. Череп из пещеры Араго, Тотавель, Франция, древностью более 300 тыс. лет. Несмотря на все еще архаическую морфологию, череп имеет некоторые неандерталоидные признаки, которые и позволяют отнести его обладателя к этой линии развития. Морфологическая дифференциация среди европейских неандертальцев началась между 400 и 300 тыс. лет назад (с согласия Музея человека, Париж, Франция)

Илл. 20. Затылочная часть черепа из Сванскомба, Великобритания. Затылок черепа указывает на принадлежность его обладателя к самым первым представителям линии неандертальцев, однако затылочная кость уже приобрела характерную для неандертальцев форму (Национальный музей истории, Лондон, Великобритания)

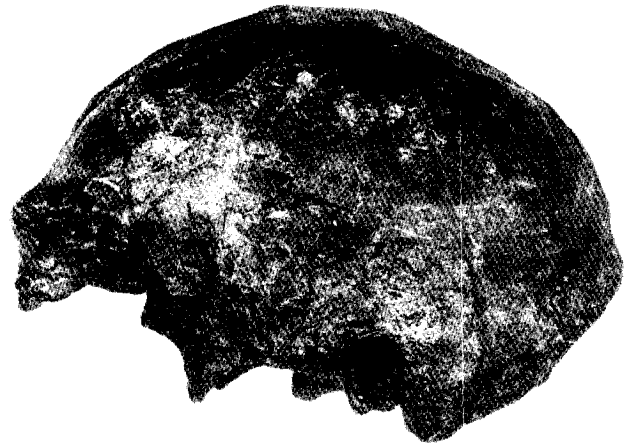
Илл. 21. Череп из Сен-Сезар, Франция, – последний череп неандертальца из известных на сегодняшний день. Череп был найден в верхнем слое позднего палеолита (Шательперрон). Обладатель черепа жил одновременно с первыми европейскими современными людьми. Древность черепа приблизительно 32 тыс. лет (фото *B. Vandermeersch*)

Илл. 22. Череп одного из первых современных людей (*Homo sapiens*), найденный в уезде Дали, провинция Шэньси, Китай, в 1978 г. (фото *Ву Рукан*, Институт палеонтологии позвоночных и палеоантропологии, Пекин)

Илл. 23. Череп одного из первых людей современного физического типа (*Homo sapiens*). Найден в селении Маба, уезд Шаогуан, провинция Гуандун, Китай, 1958 г. (фото *Ву Рукан*)

Илл. 24. Крышка черепа №6 из Нгандонга, Ява, Индонезия. В 1931 г. в Нгандонге, селении, расположенном на р. Соло в центральной части Явы, были найдены 11 черепных коробок. Они принадлежат *Homo soloensis*, который имеет более развитое строение, чем яванский *Homo erectus* (см. илл. 13), но все еще относится к виду *Homo erectus* (Музей и Исследовательский институт Зенкенберга, Франкфурт-на-Майне, Германия)

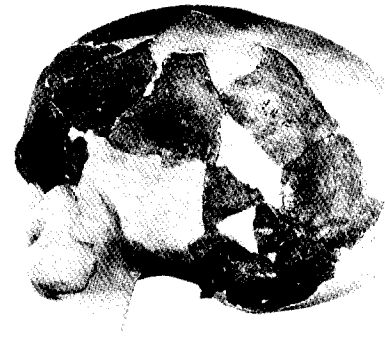
Илл. 25. Череп из Кафзеха 9, Израиль. Несмотря на то, что его обладатель жил в одно время с неандертальцами, черепу свойственны многие черты, сходные с черепами кроманьонцев. Поэтому его причисляют к людям современного физического типа (*Homo sapiens*) (фото *B. Vandermeersch*)

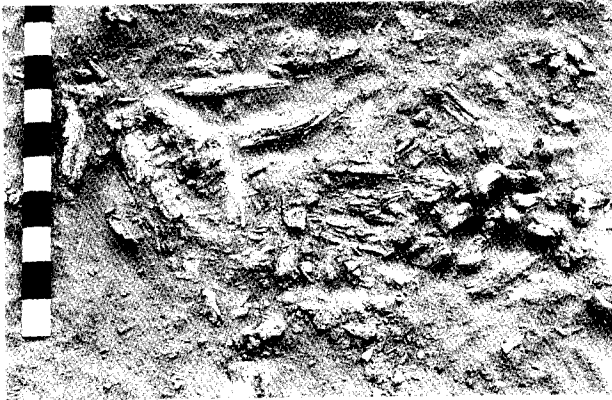
Илл. 26. Череп из Кабве, стоянка Брокен-Хилл древностью, возможно, более 130 тыс. лет. Череп сохраняет многие черты вида *Homo erectus*, однако по объему мозгового отдела и некоторым другим признакам он вполне сопоставим с современным человеком. Полагают, что череп из Брокен-Хилла принадлежит архаическому *Homo sapiens* (Национальный музей истории, Лондон, Великобритания)

Илл. 27. Череп № 1 формации Кибиш из долины р. Омо, Эфиопия («череп Омо-1»). Древность – около 100 тыс. лет. Принадлежит африканскому подвиду *человек разумный* (Национальный музей истории, Лондон, Великобритания)

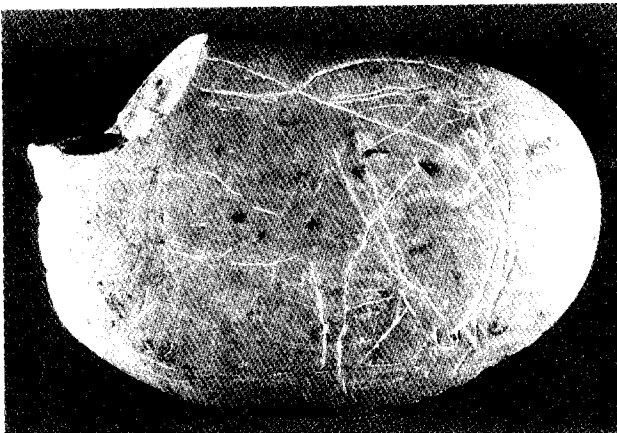
Илл. 28. Череп из пещеры Борлер, провинция Натал, Южная Африка. Древность более 60 тыс. лет. Принадлежит африканскому подвиду *человек разумный* (фото V. Vandermeersch)

Илл. 29. Плотное скопление костей газелей на месте забоя в местонахождении 14 в Бир-Тарфави (Wendorf & Schild, 1980)

Илл. 30. Череп человека современного вида (*Homo sapiens sapiens*) из Кро-Маньона, Франция (фото Y. Coppens)

Илл. 31. Резное изображение лошади на гальке (длина 12 см), пещера Коломбьер, департамент Эн, Франция; мадленская культура (Музей Бру, Бур-ан-Бресс, Франция)

Илл. 32. Резная фигурка бизона из оленьего рога (длина 10,2 см), пещера Ла-Мадлен, департамент Дордонь, Франция; мадленская культура (Музей национальных древностей, Сен-Жермен-ан-Лэ, Франция)

Илл.33. Гравированное на кости изображение кузнечика (длина 3 см) из пещеры «Три брата», департамент Арьеж, Франция; мадленская культура (Музей человека, Париж, Франция)

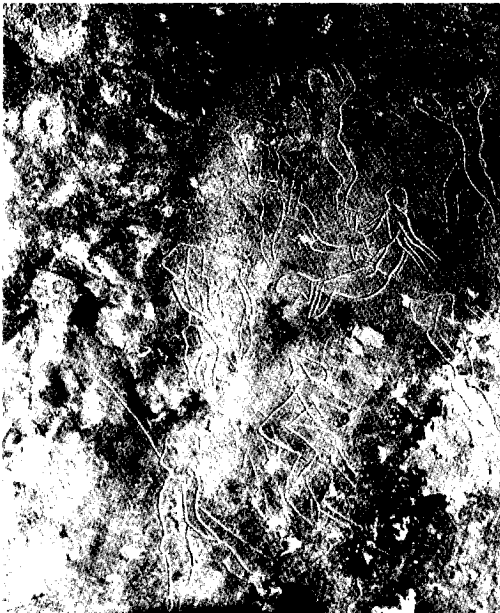
Илл. 34. Рисунки лошадей и зубров в пещере Ласко, департамент Дордонь, Франция (фото N. Aujoulat, Национальный центр доисторической эпохи, Перижё, Франция)

Илл.35. Головка «Венеры» из кости мамонта (длина 3,65 см) из пещеры Папы, Брассемиун, департамент Ланды, Франция, относящаяся к граветтийской культуре (с согласия Музея национальных древностей, Сен-Жермен-ан-Лэ, Франция)

Илл.36. Фрагмент «жезла начальника», украшенный головой бизона, из пещеры Истуриц, Нижние Пиренеи, Франция, относится к мадленской культуре (с согласия Музея национальных древностей, Сен-Жермен-ан-Лэ, Франция)

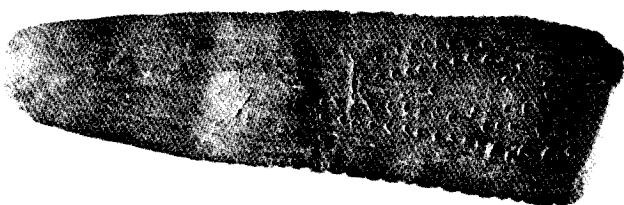
Илл. 37. Резное изображение группы танцующих (?) фигур из пещеры Аддаура, Палермо, Сицилия, Италия; эпиграветтийская культура (с согласия Археологического музея в Палермо, Италия)

Илл. 38. Наскальные фигуры в Каповой пещере, Южный Урал, Российская Федерация (Институт археологии Российской академии наук, Москва)

Илл. 39. Женская статуэтка со стоянки Мальта, Сибирь, Российская Федерация (Институт археологии Российской академии наук, Москва)

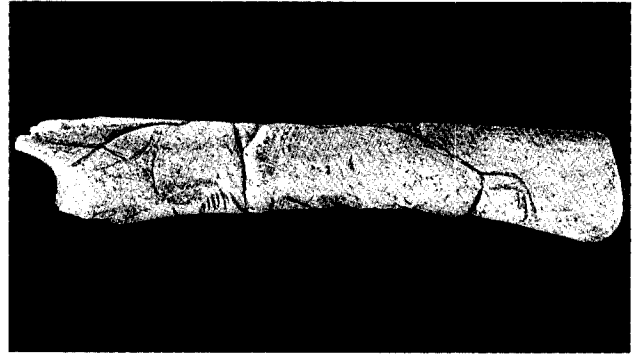
Илл. 40. Украшенный фрагмент кости (длина 11 см) из пещеры Бланшар-де-Рош, департамент Дордонь, Франция; ориньякская культура. Пунктирные линии с правой стороны иногда интерпретируются как знаки лунного календаря (с согласия Музея национальных древностей, Сен-Жермен-ан-Лэ, Франция)

Илл. 41. Большая плита с резным изображением животного из пещеры Ренн, Белькер, департамент Дордонь, Франция; ориньякская культура (Национальный музей доисторической эпохи, Лез-Эйзи-де-Тэя, Франция)

Илл. 42. Резное изображение бизона (длина 60 см) в пещере Грез, департамент Дордонь, Франция; граветтийская культура (фото *N. Aujoalat*, Национальный центр доисторической эпохи, Перижё, Франция)

Илл. 43. Фрагмент «жезла начальника» из оленьего рога с изображением двух мамонтов, стоящих напротив друг друга. Из пещеры Ложери-От, департамент Дордонь, Франция; граветтийская или солотрейская культура (Национальный музей доисторической эпохи, Лез-Эйзи-де-Тэя, Франция)

Илл. 44. Резное изображение зайца (длина 23 см) из пещеры Габийю, департамент Дордонь, Франция; мадленская культура (фото *N. Aujoalat*, Национальный центр доисторической эпохи, Перижё, Франция)

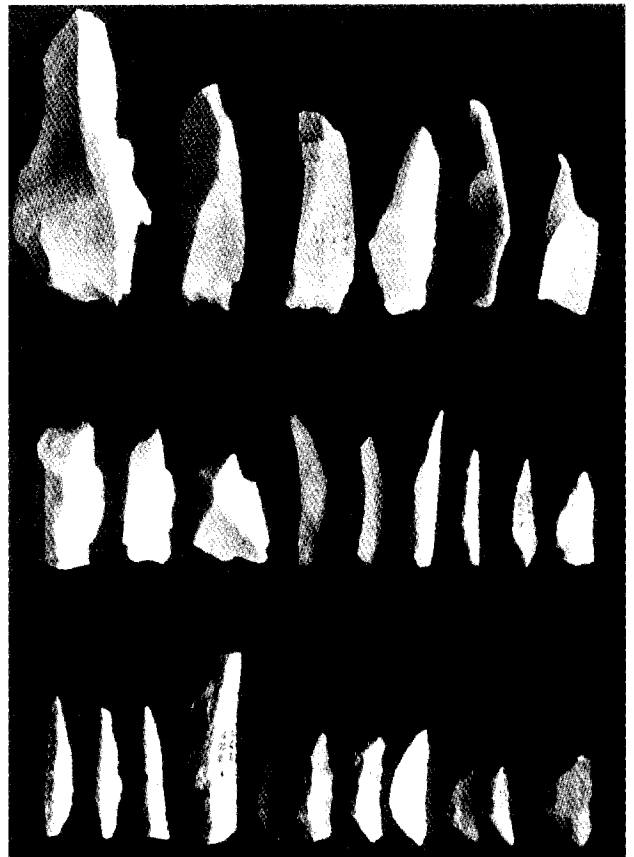
Илл. 45. Рисунок быка (длина 3 м), выполненный черной краской поверх более ранних рисунков, в пещере Ласко, департамент Дордонь, Франция; мадленская культура (фото *N. Aujoalat*, Национальный центр доисторической эпохи, Перижё, Франция)

Илл. 46. Большая жилая постройка в Эйншане, Маллаа. Видны ямы под столбы (фото *О. Бар-Йосефа*)

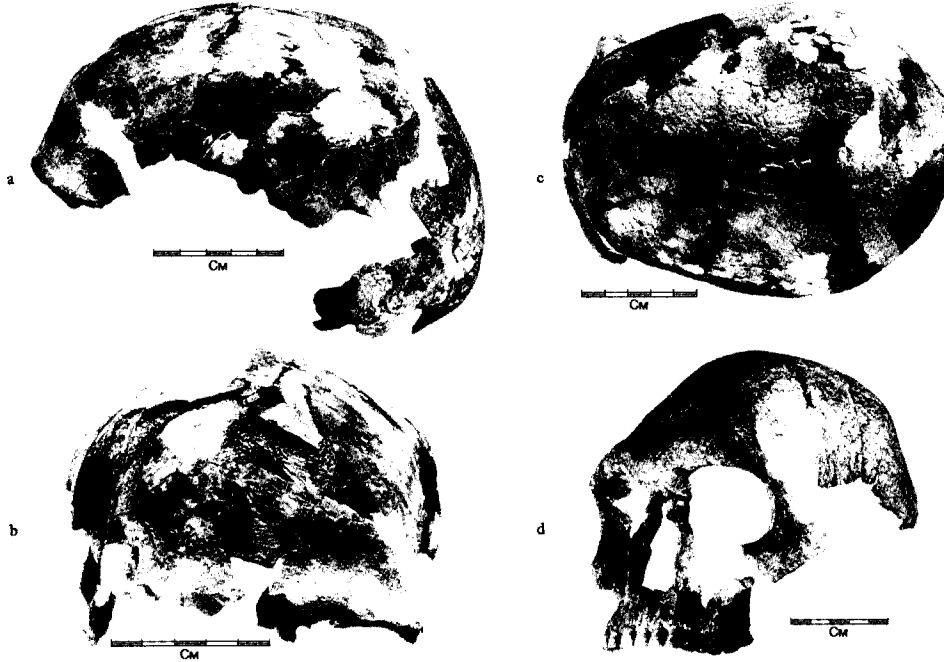

Илл. 47. Захоронение женщины со щенком в Эйншане, Маллаа (фото *О. Бар-Йосефа*)

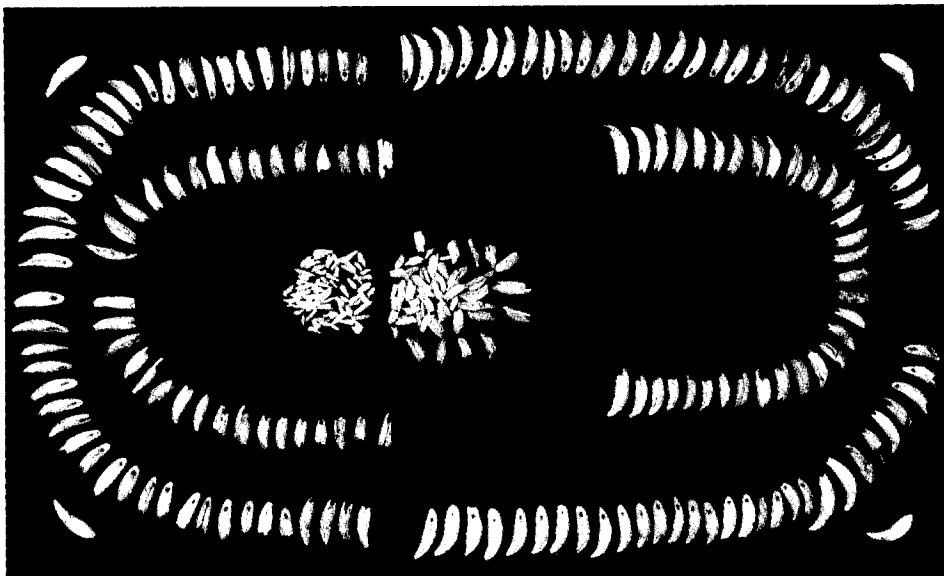

Илл. 48. Артефакты верхнего палеолита из Ренигунга (Южная Индия) – резцы и ретушированные пластины (с согласия *М.К. Митру*)

Илл. 49. Каменный топор с сужением, Папуа – Новая Гвинея; минимальный возраст – 37 тыс. лет. Между боковыми выемками камень частично стерся: это объясняется тем, что топор привязывался к рукоятке (с согласия *I. Groube*)

Илл. 50. Грацильный череп с оз. Мунго, Новый Южный Уэльс, в сравнении с черепом Кау-Свамп I. Череп с оз. Манго показан в трех ракурсах: а – левая боковая сторона; б – вид спереди; с – вид сверху. Череп Кау-Свамп I – д. Череп Манго I отличается тонкой костью, закругленным лбом и отсутствием надбровных валиков. Это характерные признаки ранних грацильных австралийцев (фото *D. Markovic*, из работы *Thorne & Macumber, 1972*)

Илл. 51. Ожерелье из погребения у оз. Нитчи, штат Новый Южный Уэльс, Австралия. Человек с оз. Нитчи носил уникальное ожерелье, изготовленное из 178 зубов «тасманийского дьявола». Зубы принадлежали по меньшей мере 47 особям животным. В каждом зубе было просверлено отверстие (Австралийский музей)

Илл. 52. Костяные бусины, датируемые 15 тыс. лет назад, обнаруженные в пещере Дэвилз-Лейр, штат Западная Австралия. Бусина справа длиной 21 мм (с согласия *C. Dortch*)

Илл. 53. Знаки, выцарапанные на стене в пещере Кооналда, штат Южная Австралия (с согласия *R. Edwards*)

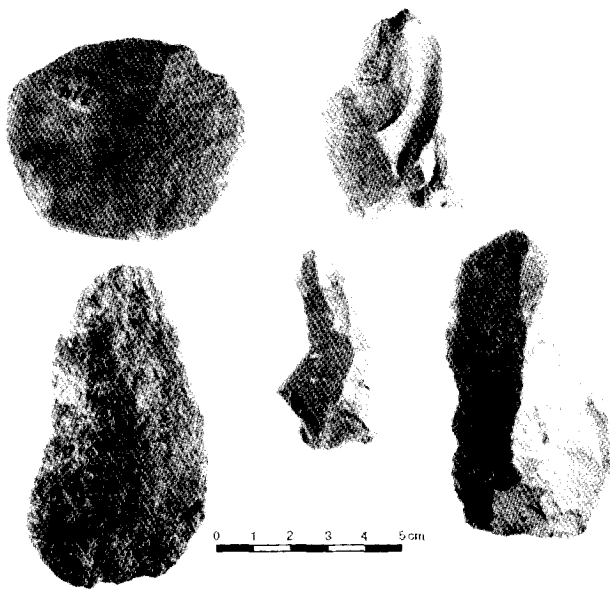

Илл. 54. Доисторические выдолбленные изображения следов эму, птицы и кенгуру в Мутвинге, на западе штата Новый Южный Уэльс (с согласия *R. Edwards*)

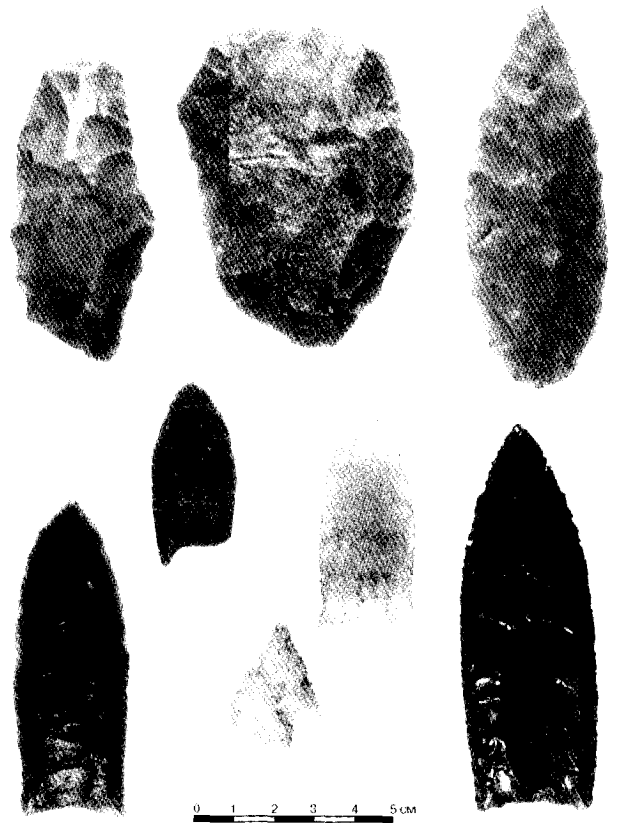

Илл. 55. Бумеранг, датируемый 10 тыс. лет назад, найден в результате раскопок в Уайри-Свамп, штат Южная Австралия (с согласия *R. Liebbers*)

Илл. 56. Артефакты периода археолита (фото INAH, Мексика)

Илл. 57. Артефакты нижнего кайзолита (фото INAH, Мексика)

Илл. 58. Наконечники позднего кайзолита (фото INAH, Мексика)

Илл. 59. Наскальные рисунки, изображающие сцены охоты времен неолита, из Западной пустыни, Египет; стиль «первые охотники» (Археологический музей в Познани, Польша)

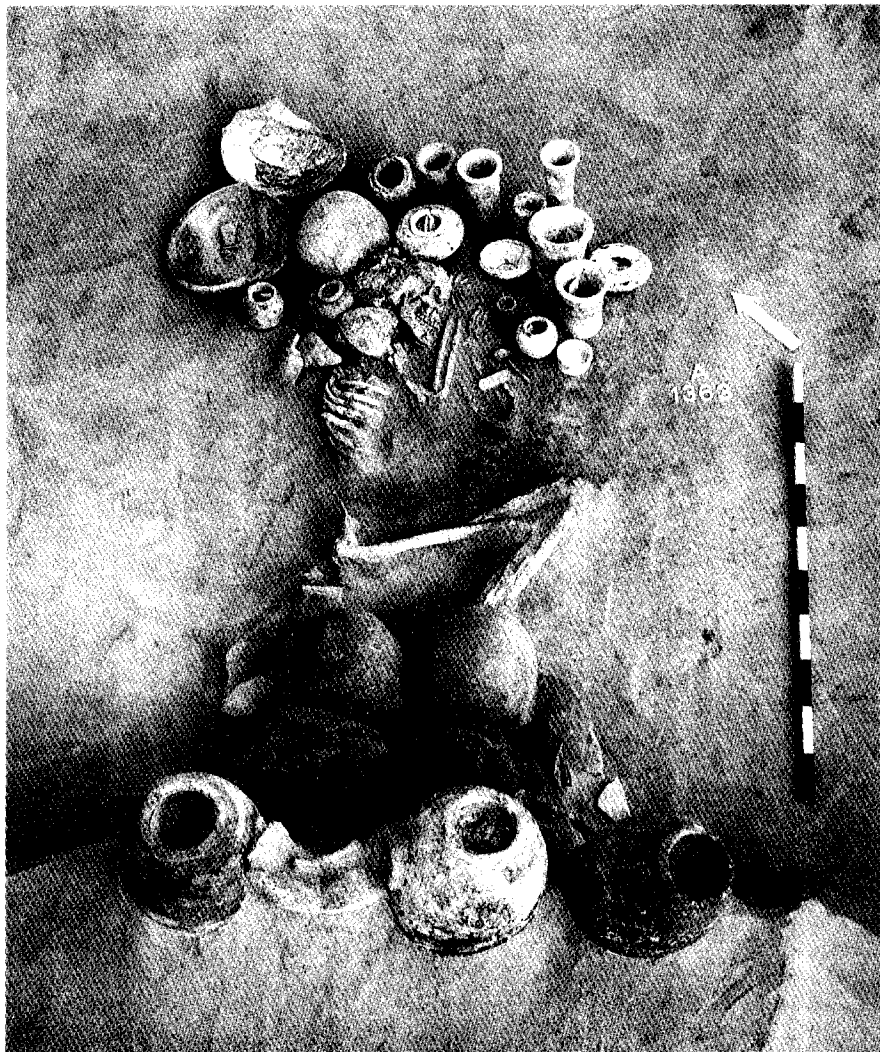
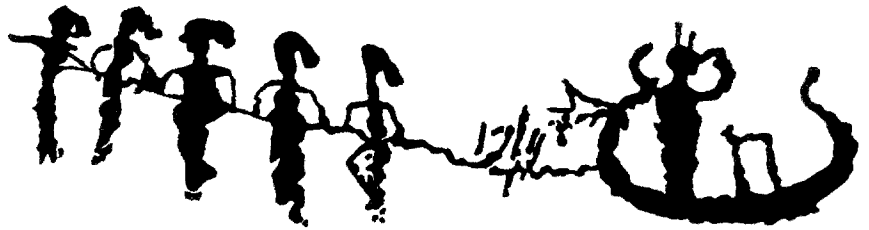

Илл. 60. Наскальные изображения домашних животных, неолит, Джебель-Увейнат, Ливия; стиль «увейнатские скотоводы» (фото *F. van Nolen*)

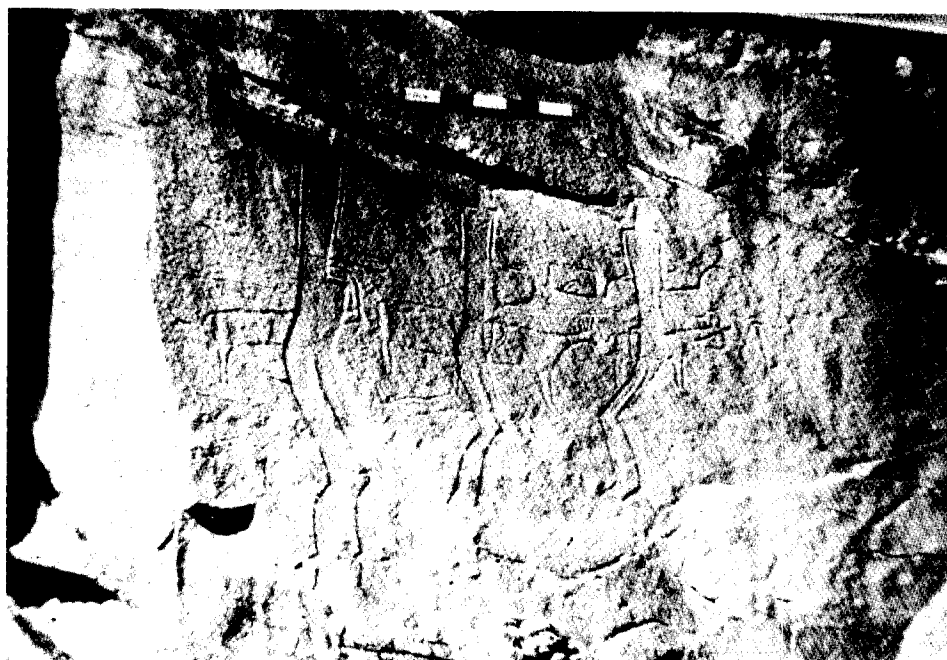

Илл. 61. Неолитическая антропоморфная фигурка из Меримде, Египет (с согласия Каирского отделения Германского археологического института)

Илл. 62. Наскальное изображение с «ритуальной лодкой»; герзейская культура, Египет (с согласия Археологического музея в Познани, Польша)

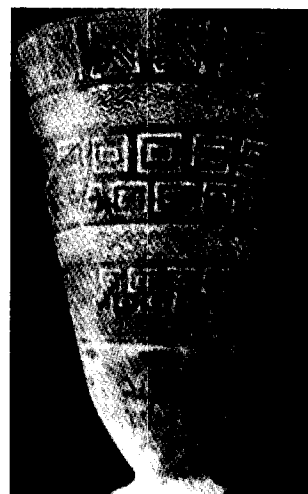
Илл. 63. Погребальный инвентарь из Миншат-Абу-Омара, восточная часть дельты Нила, Египет (фото *D. Wildung*)

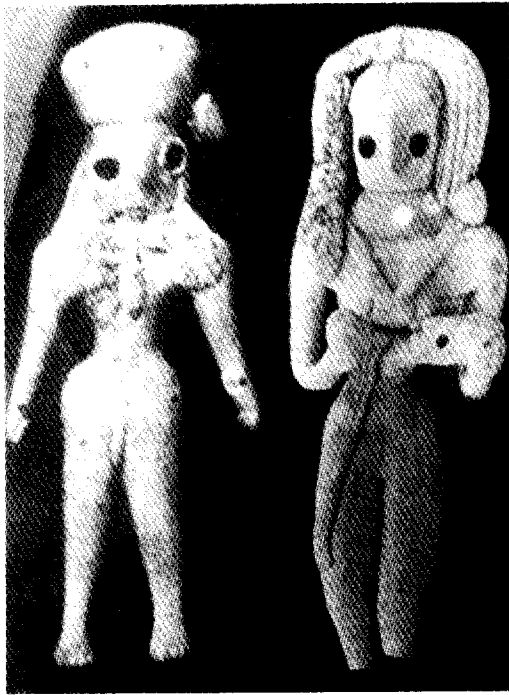
Илл. 64. Изображения фигур людей и животных на барельефе из Джуббы, Саудовская Аравия, - типично неолитическое наскальное искусство (фото Департамента древностей и музеев, Эр-Риад, Саудовская Аравия)

Илл. 65. Изображение фигуры человека с длинными волосами и кинжалом из Бир-Хима, Саудовская Аравия; поздний халколит или ранний бронзовый век (фото Департамента древностей и музеев, Эр-Риад, Саудовская Аравия)

Илл. 66. Полихромная ваза из Мехргарха, Пакистан (Департамент археологии, Пакистан)

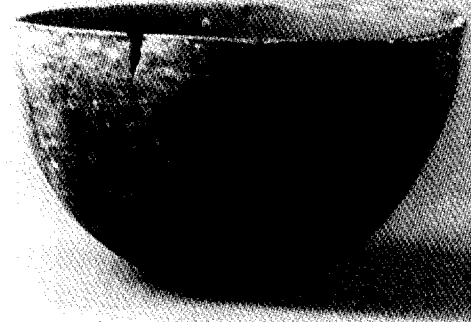
Илл. 67. Антропоморфные статуэтки из Мехргарха, Пакистан (Департамент археологии, Пакистан)

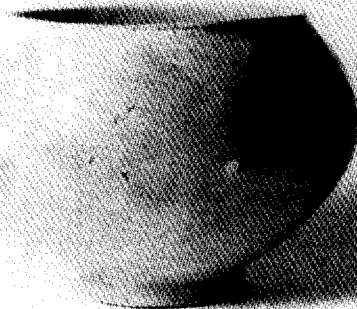
Илл. 68. Обломки двух погребальных урн с изображением человеческих лиц (финальный неолит); вознесенская культура, нижнее течение р. Амур, Российская Федерация (Институт истории, филологии и философии, Новосибирск, Российская Федерация)

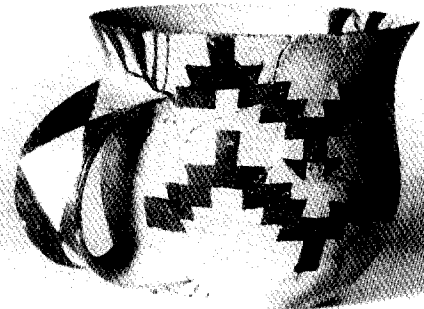
Илл. 69. Глиняная модель жилища человека времен среднего неолита из Краннона, Фессалия, Греция (с согласия музея в Волоесе, Греция)

Илл. 70. Ранненеолитическое одноцветное керамическое изделие из Коринфа, Греция (с согласия Коринфского музея, Греция)

Илл. 71. Ранненеолитическое керамическое изделие из Сескло, Фессалия, Греция, с так называемой ранней росписью (с согласия Музея в Волоесе, Греция)

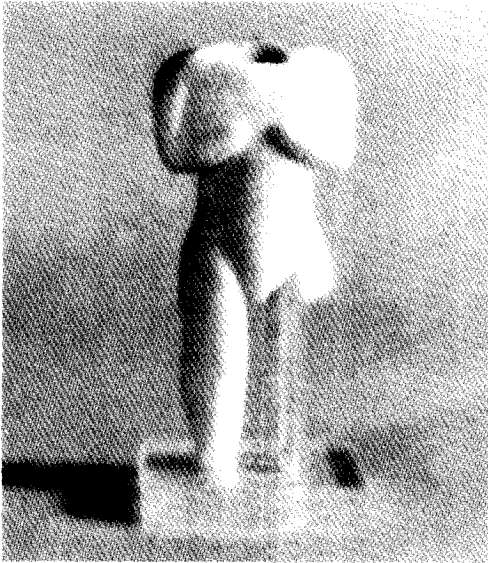
Илл. 72. Средненеолитическая чашка, расписанная в «сплошном стиле» из Тзани-Магула, Фессалия, Греция (с согласия Музея в Волоесе, Греция)

Илл. 73. Поздненеолитическое полихромное керамическое изделие из Димини, Фессалия, Греция (с согласия Национального археологического музея, Афины, Греция)

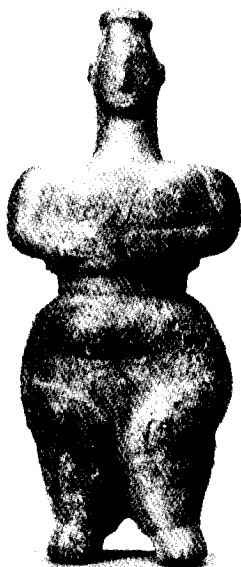
Илл. 74. Поздненеолитический сосуд с линейно-легточным орнаментом из Димини, Фессалия, Греция (с согласия Национального археологического музея, Афины, Греция)

Илл. 75. Ранненеолитическая мраморная статуэтка из Кносса, о. Крит, Греция (с согласия Музея Ираклиона, о. Крит, Греция)

Илл. 76. Фигура согнувшегося человека, вырезанная на плоской гальке, Карамурлал-Магула, Фессалия, Греция (с согласия Музея в Волосе, Греция)

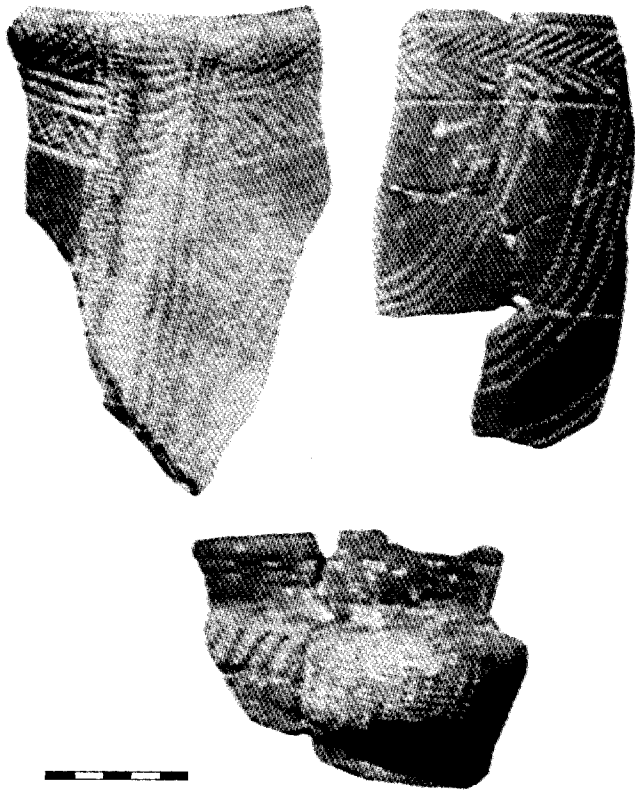

392a

Илл. 77. Ранненеолитическая женская статуэтка из мрамора из Спарги, Греция (с согласия Национального археологического музея, Афины, Греция)

Илл. 78. Средненеолитическая глиняная фигурка сидящей женщины из района г. Фарсала, Фессалия, Греция (с согласия Музея в Волосе, Греция)

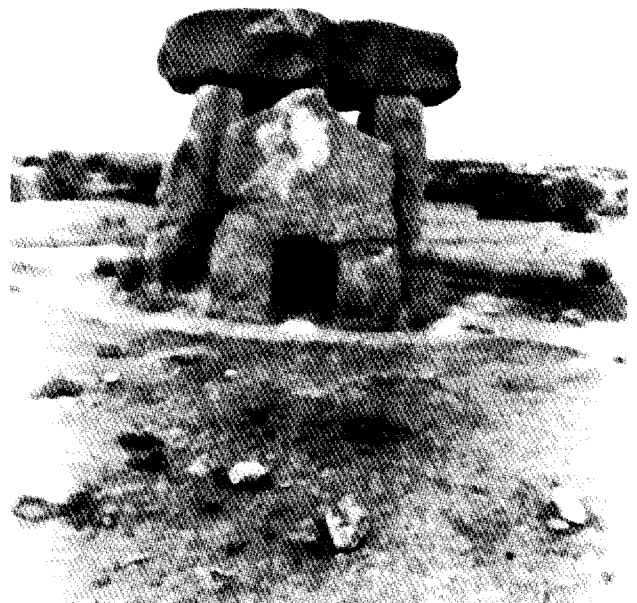
Илл. 79. Черепки гончарных изделий, относящихся к «сердцевидной» керамической традиции, из Монгсerrата, Каталония, Испания (с согласия Монгсerrатского аббатства, Испания)

Илл. 80. Ваза из Серра-д'Альто с ручкой в форме стилизованной головы быка из Сетте-Понти, Матера, Италия (с согласия Музея Д. Ридолы, Матера, Испания)

Илл. 81. Гробница с проходом (коридором) Ламалу в Руэ, департамент Эро, Франция (с согласия А. Колонера)

Илл. 82. Камерная гробница Са-Ковеччада с входом в виде двери и прямоугольной камерой, Сардиния, Италия (фото J. Guilaime)

Илл. 83. Храмы Тарксиен: общий вид архитектурного комплекса, Мальта (фото J. Guilaine)

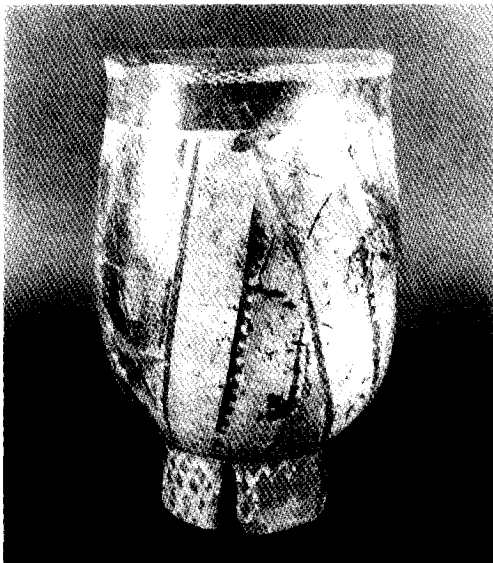
Илл. 84. Стены и барбакан (навесная башня) комплекса Лос-Милларес, Санга-Фе-де-Мондухар, Испания (фото J. Guilaine)

Илл. 85. «Статуя-менгир» (высота 122 см) из Россейрона, департамент Гар, Франция (фото *J. Guilaine*)

Илл. 86. Резное изображение головы из речной гальки (известна под названием «Данубий»), Лепенски-Вир, Сербия (с согласия Музея в Лепенски-Вир, Сербия)

Илл. 87. Ваза в форме тюльпана из Азмазукской Могилы, область Стара-Загора, Болгария; культура Караново I. По красному фону нанесена белая геометрическая роспись (высота 16,5 см) (с согласия Регионального исторического музея в Стара-Загора, Болгария)

Илл. 88. Ваза, украшенная цветочным рисунком из Анзабегово (с согласия Македонского музея, Скопье)

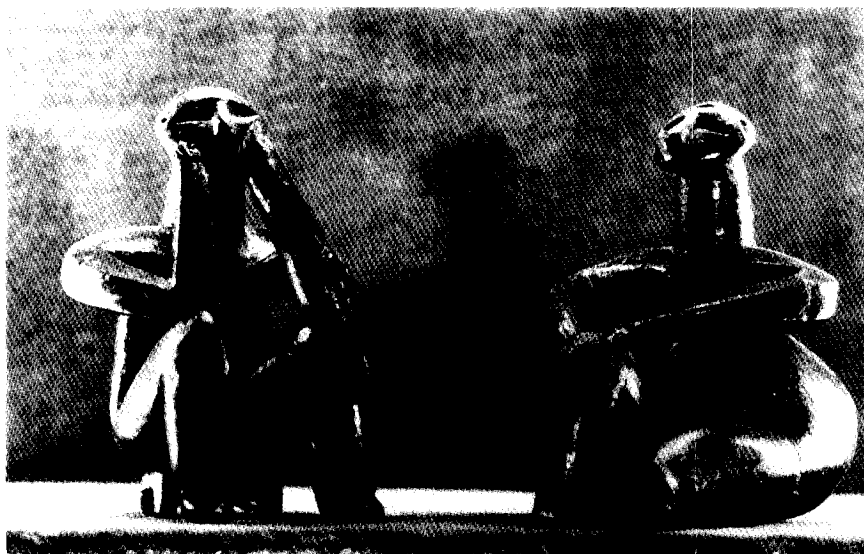
Илл. 89. Ваза в форме животного из Мулдавы, район г. Пловдива, Болгария (с согласия Археологического музея в Пловдиве, Болгария)

Илл. 90. Модель дома из Породина (с согласия Национального музея, Битола)

Илл. 91. Статуэтка, известная под названием «Видовчанка», Винча, Сербия (с согласия Белградского Национального музея, Сербия)

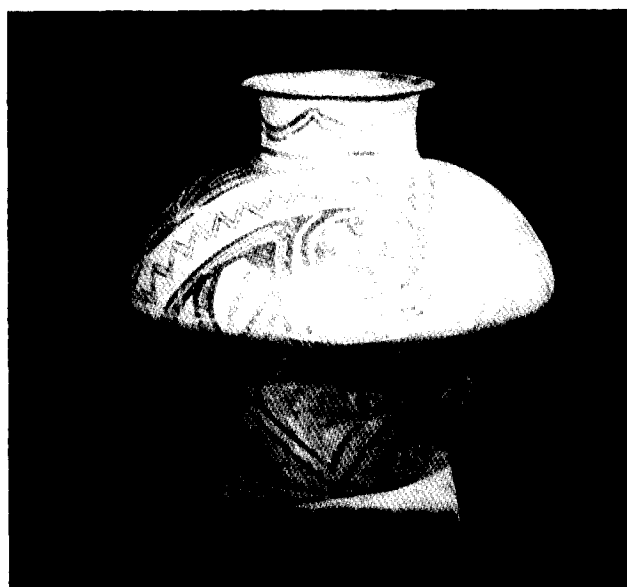
Илл. 92. Антропоморфные фигурки культуры Хаманджия: статуэтки мужчины («Мыслитель») и женщины, Хаманджия, Румыния (с согласия Археологического музея в Бухаресте, Румыния)

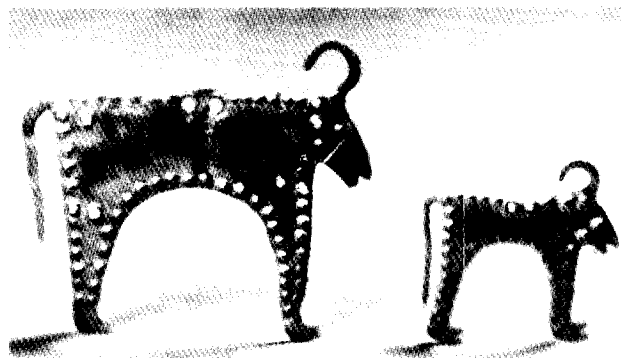
Илл. 93. Ваза со спиральным меандром из Бутмира, Босния (с согласия Национального музея, Сараево, Босния)

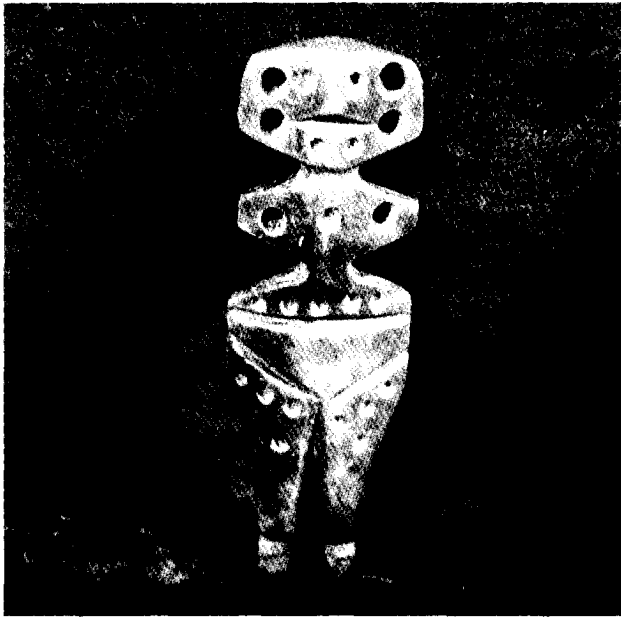
Илл. 94. Сосуд, расписанный графитом, из Азмазукской Могилы, область Стара-Загора, Болгария; культура Марица (с согласия Регионального исторического музея в Стара-Загора, Болгария)

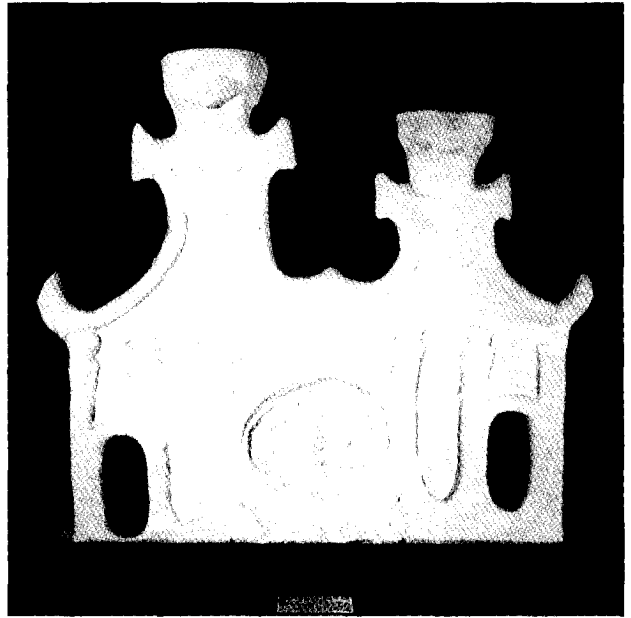
Илл. 95. Ваза культуры Кукутени-А, Кукутени, Румыния (с согласия Археологического музея в Бухаресте, Румыния)

Илл. 96. Зооморфные золотые подвески из Варненского некрополя, Варна, Болгария (с согласия Исторического музея в Варне, Болгария)

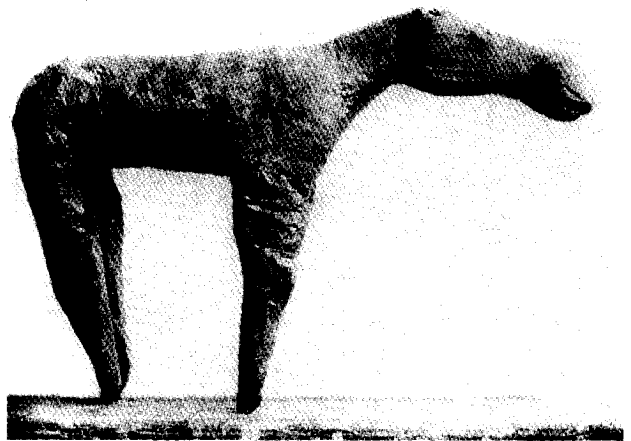
Илл. 97. Костяной идол из Касциоареле, Румыния (с согласия Археологического музея в Бухаресте, Румыния)

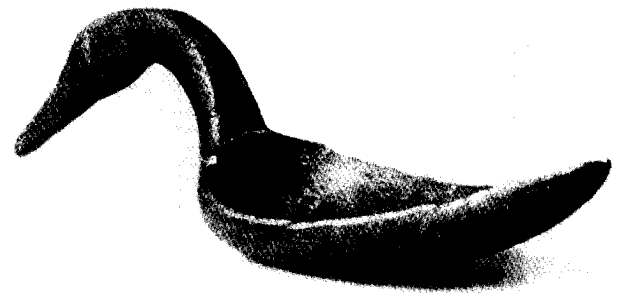
Илл. 98. Алтарь из Труспенги, Румыния (с согласия Археологического музея в Бухаресте, Румыния)

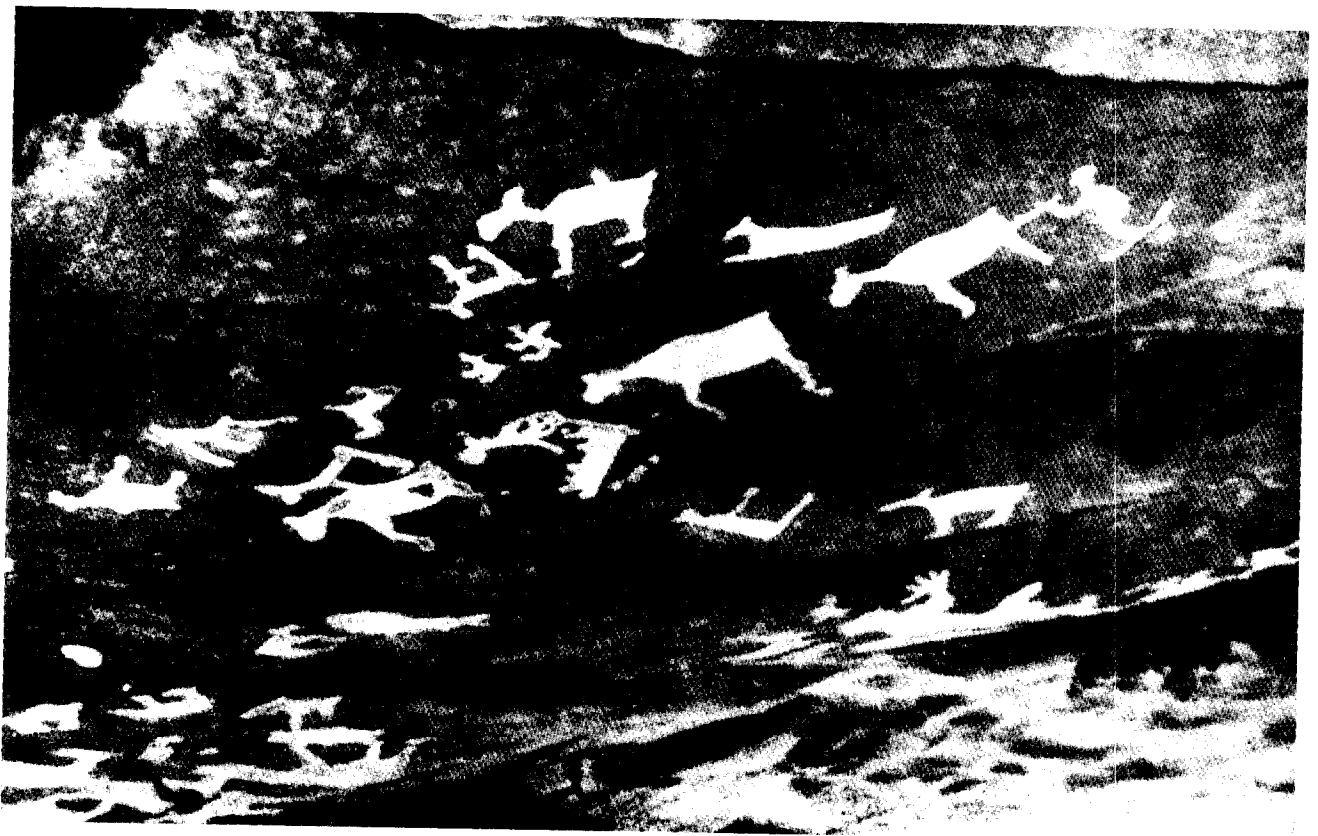
Илл. 99. Ваза в форме птицы из Вучедола, Хорватия (с согласия Археологического музея в Загребе, Хорватия)

Илл. 100. Фигурка лося, культура сперрингс, Карелия, Российская Федерация (фото *Н. Мертерта*)

Илл. 101. Ложка в виде гуся, культура сперрингс, Карелия, Российская Федерация (фото *Н. Мертерта*)

Илл. 102. Петроглифы позднего неолитической карельской культуры, Российская Федерация (по В. Равдоникасу, 1936–1938 гг.)

Илл. 103. Петроглифы позднего неолитической карельской культуры, Российская Федерация (по В. Равдоникасу, 1936–1938 гг.)

Илл. 104. Мегалитическая пирамида из камней (средний неолит) в Бугон-Фо, департамент Дё-Севр, Франция (Музей национальных древностей, Сен-Жермен-ан-Лэ, Франция)

Илл. 105. Захоронение крестообразной формы с проходом в Фальдуэ, о. Джерси, Великобритания (служба Музея в Джерси, о. Джерси, Нормандские о-ва, Великобритания)

Илл. 106. Менгир в Шам-Долан, Доль-де-Бретань, Иль-э-Вилен, Франция (фото *Jos le Doaré*)

Илл. 107. Камень с орнаментом из мегалитической угловой могилы позднего неолита из Люффан-ан-Крак, департамент Морбиан, Франция (фото *Jos le Doaré*)

Илл. 108. Аллеи менгиров в Менеке, комплекс мегалитов Карнак, департамент Морбиан, Франция (фото *Jos le Doaré*)

Илл. 109. Мегалитическое захоронение крестообразной в плане формы типа Котсуолдс-Северн, сооруженное под длинным курганом (вид сбоку) в Уэйландс-Смити, графство Беркшир, Великобритания (фото *Richard Muir*)

Илл. 110. Поздненеолитическое поселение Скара-Брэ, на о. Мейллед Оркнейского архипелага, Великобритания (фото *Richard Muir*)

Илл. 111. Стоунхендж, Уилтшир, Великобритания, вид с воздуха (Кембриджский университет, коллекция фотографий, сделанных с воздуха, Великобритания)

Илл. 112. Горшок культуры Эртебёлле-Эллербек (Национальный музей, Копенгаген, Дания)

Илл. 113. Типичное для раннего неолита захоронение в Эсбьерге, Дания (Национальный музей, Копенгаген, Дания)

Илл. 114. Кремневый топор с узким обухом и рукояткой
(Национальный музей, Копенгаген, Дания)

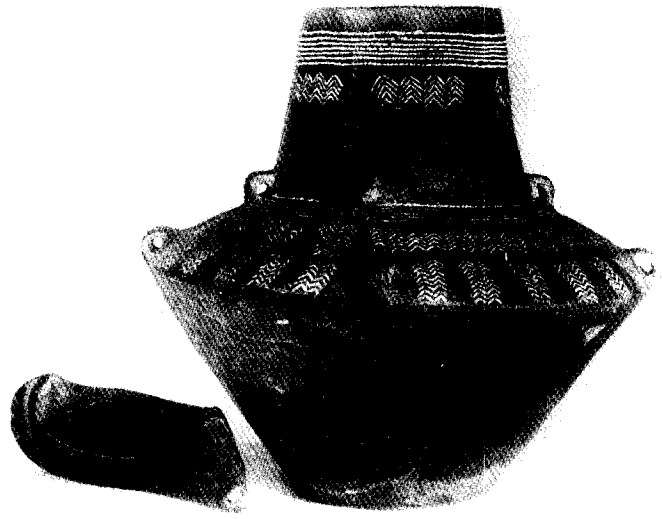
Илл. 115. Ваза культуры воронковидных кубков из Асмаса, округ Сёвде, Фэрс-Хэрад, Швеция (с согласия Исторического музея Лундского университета, Швеция)

Илл. 116. Гончарные изделия баальбергской группы культур воронковидных кубков, Дёлауэр Хайде, Германия (с согласия Музея Галле, Германия)

Илл. 117. Гончарное изделие среднего неолита баальбергской группы культур воронковидных кубков, Дёлауэр Хайде, Германия (с согласия Музея Галле, Германия)

Илл. 118. Керамическое изделие и боевой топор вальтерниенбургской группы культуры воронковидных кубков, Германия (с согласия Музея Галле, Германия)

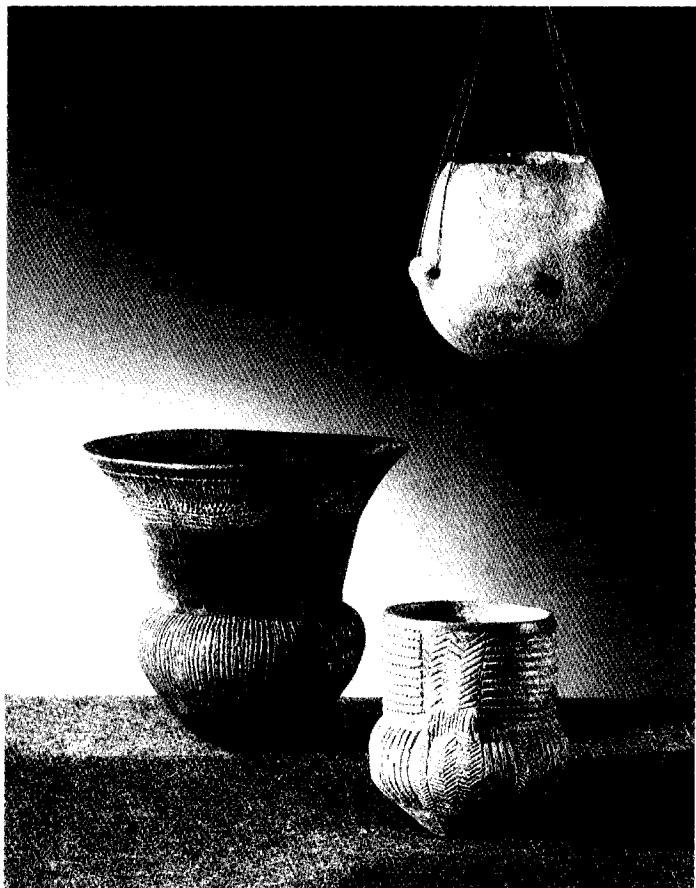

Илл. 119. Гончарное изделие зальцмюндской группы культур воронковидных кубков, Рёссен, Крайс-Мерсебург, Германия (с согласия Музея Галле, Германия)

Илл. 120. Ваза с янтарными бусами, найденная в торфянике Сортекэр-Рингкёбинг, Дания (Национальный музей, Копенгаген, Дания)

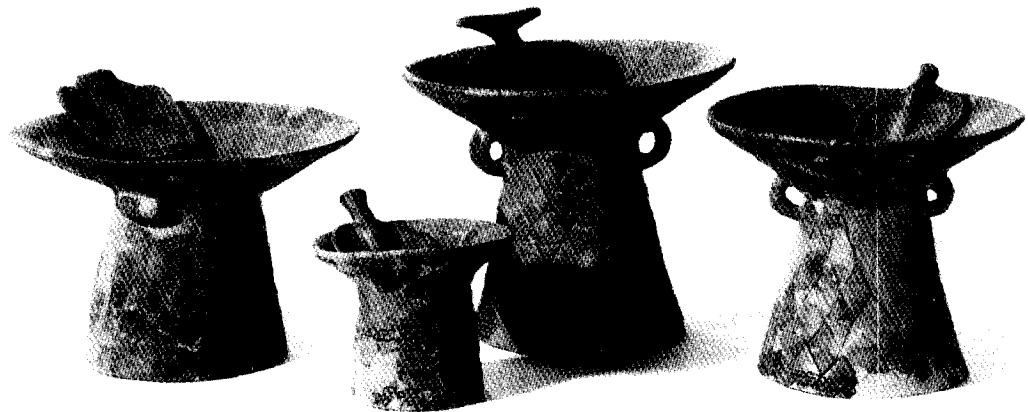

Илл. 121. Гончарные изделия среднего неолита из Хейбьерга, Дания (Национальный музей, Копенгаген, Дания)

Илл. 122. Одиночная могила в Цайэне, провинция Дрент, Нидерланды; культура воронковидных кубков (Институт биологии и археологии, Гронинген, Нидерланды)

Илл. 123. Ваза с изображением глаза или солнца из Свинё, Дания (Национальный музей, Копенгаген, Дания)

Илл. 124. Ритуальные плоскодонные гончарные изделия и глиняные ковши из погребения в Туструпе, п-ов Ютландия, Дания (с согласия *Poul Kjaerum*, Музей доисторической эпохи в Мозгарде, Хейбьерг, Дания)

Илл. 125. Камерная гробница Анта-Гранде-да-Коменда-да-Игрежа, Монтемор-о-Ново, Эвора, Португалия (с согласия Лиссабонского филиала Германского археологического института, Португалия)

Илл. 126. Многоугольный дольмен, Хага, округ Стала, о. Оруст, Швеция (фото *Arvid Engvist*. Археологический музей, Гётеборг, Швеция)

Илл. 127. Прямоугольные и круговые курганы в Напендорфе, Эверсторфер-Форст, земля Мекленбург-Передняя Померания, Германия (с согласия Археологического музея в Шверине, Германия)

Илл. 128. Восстановленная могила с проходом из Хьюльберга, Дания (с согласия Музея на о. Лангеланн, Дания)

Илл. 129. Могила с проходом из Мейлс, г. Варде, п-ов Ютландия, Дания (Национальный музей, Копенгаген, Дания)

Илл. 130. Камера в могиле с проходом, Барсебэк, Швеция (Архив древностей и топографии, Стокгольм, Швеция)

Илл. 131. Внутренняя часть могилы с проходом, Фрейлев, о. Лолланн, Дания (Национальный музей, Копенгаген, Дания)

Илл. 132. Погребальная камера с нишами, Карслёген, Лёдеруп, Скания, Швеция (с согласия Исторического музея Лундского университета, Швеция)

Илл. 133. Ньюгрэндж, Ирландия. Вид на внутреннюю часть камеры (с согласия *Commissioners of Public Works*, Ирландия)

Илл. 134. Камень у входа в Ньюгрэндж, Ирландия (с согласия *Commissioners of Public Works*, Ирландия)

Илл. 135. Бассейн в восточной погребальной камере в Ноуге, Ирландия (с согласия *Commissioners of Public Works*, Ирландия)

Илл. 136. Бордюрный камень из Доуга, Ирландия (с согласия *Commissioners of Public Works*, Ирландия)

Илл. 137. Основание «морга» («кульгового дома») в Туструп, Ютландия, Дания (фото *Poul Kjærum*, Музей доисторической эпохи в Моэсгарде, Хейльберг, Дания)

Илл. 138. Вход в шахту в Граймс-Грэйвс, Норфолк, Великобритания (с согласия Британского музея, Лондон, Великобритания)

Илл. 139. Основание шахты № 1, от которого расходятся штреки, в Граймс-Грэйвс, Норфолк, Великобритания (Английское Наследие, Лондон, Великобритания)

Илл. 140. Часть оленьего рога, использованная для крепления свода штрека, Граймс-Грэйвс, Норфолк, Великобритания (с согласия Британского музея, Лондон, Великобритания)